Евразийский юридический журнал

№ 4 (215) 2026

Редакционный совет журнала

Председатель

НЕЧЕВИН Дмитрий Константинович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

Заместитель председателя редакционного совета

ДУЙСЕНОВ Еркин Эрманович, д.ю.н., профессор, советник ректора (Казахский национальный университет им. аль-Фараби)

Члены редакционного совета

АБАШИДЗЕ Аслан Хусейнович, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)
АЗНАГУЛОВА Гузель Мухамметовна, д.ю.н., профессор (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ)
АНТОНЯН Елена Александровна, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)
БАКЛАНОВ Игорь Спартакович, д.ф.н., профессор (ФГАОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (Национальный исследовательский университет))»
БАТХИЕВ Рашид Хусейнович, к.ю.н., судья верховного суда Российской Федерации в отставке
БЕГИЧЕВ Александр Валерьевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)
БЕКЯШЕВ Дамир Камильевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный институт международных отношений (Университет) – МГИМО)
БИРЮКОВ Павел Николаевич, д.ю.н., профессор (Воронежский государственный университет)
БОНДАРЕНКО Виктор Николаевич, д.ф.н., профессор (Башкирский государственный педагогический университет)
БУРЕНИНА Ирина Валерьевна, д.э.н., профессор (Уфимский государственный нефтяной технический университет)
ВАЛЕЕВ Револь Миргалимович, д.ю.н., профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет – КФУ)
ГРАЧЕВА Елена Юрьевна, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)
ГУСЕЙНОВ Абдусалам Абдулкеримович, д.ф.н., академик РАН (Институт философии РАН, Вице-президент Российского философского общества)
ЗОЛОТОВ Александр Владимирович, д.э.н., профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского – ННГУ)
ИСМАИЛОВ Шавкат Махмудович, д.ю.н., профессор, государственный советник юстиции Республики Таджикистан
КРИВЕНЬКИЙ Александр Иванович, д.и.н., профессор (Московский городской педагогический университет)
КОЧАРЯН Виген Владимирович, к.ю.н., доцент (Ереванский государственный университет)
ЛЕШКЕВИЧ Татьяна Геннадьевна, д.ф.н., профессор (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону)
ЛУКОВ Валерий Андреевич, д.ф.н., профессор (Московский гуманитарный университет – МосГУ)
МАКАР Светлана Владимировна, д.э.н., ведущий научный сотрудник (Финансовый университет при Правительстве РФ)
МИШАЛЬЧЕНКО Юрий Владимирович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)
НИГМАТУЛЛИН Ришат Вахидович, д.ю.н., профессор (Уфимский университет науки и технологий)
ПАНЧЕНКО Владислав Юрьевич, д.ю.н., профессор (Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России))
РАГУЛИН Андрей Викторович, д.ю.н., доцент, главный редактор журнала «Евразийская адвокатура»
РОМАНОВСКАЯ Вера Борисовна, д.ю.н., профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского – ННГУ)
РАСТОРОПОВ Сергей Владимирович, д.ю.н., профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации)
РУСАКОВА Екатерина Петровна, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)
САЛИХОВ ГАФУР ГУБАЕВИЧ, д.ф.н., профессор (Уфимский университет науки и технологий)
СЕВАЛЬНИКОВ Андрей Юрьевич, д.ф.н., главный научный сотрудник (Институт философии РАН)
СИНЕЛЬНИКОВА Валентина Николаевна – д.ю.н., профессор (Высшая школа экономики)
СИНЮКОВ Владимир Николаевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)
СМИРНОВ Андрей Вадимович, д.ф.н., академик РАН (Институт философии РАН, Президент Российского философского общества)
ТИТОВ Вадим Александрович, д.ф.н., профессор (Российская экономическая академия им. Г.В. Плеханова – РЭА)
ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н. (Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва), Председатель редакционной коллегии (Главный редактор)
ФАХРУТДИНОВА Елена Валерьевна, д.э.н., профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет – КФУ)
ФРОЛОВА Евгения Евгеньевна, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)
ХАЙКИН Марк Михайлович, д.э.н., профессор (Национальный минерально-сырьевой университет «Горный», г. Санкт-Петербург)
ХАРЛАМОВ Андрей Викторович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный экономический университет)
ЦХАДАДЗЕ Нелли Викторовна, д.э.н., профессор (Финансовый университет при Правительстве РФ)
ЧИБИНЕВ Анатолий Михайлович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет)
ЧУМАКОВ Александр Николаевич, д.ф.н., профессор (Финансовый университет при Правительстве РФ)
ЯРАШЕВА Азиза Викторовна, д.э.н., профессор (Институт социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН)
ШУВАНОВ Станислав Александрович, Председатель МОД Российской службы мира, ветеран Дипломатической службы России
ЯСТРЕБОВ Олег Александрович, д.ю.н., д.э.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)

Издается при содействии Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Международный научный и научно-практический юридический журнал. Свободная трибуна по обмену мнениями по теории и практике права в Российской Федерации, странах Содружества Независимых Государств (СНГ) и дальнего зарубежья.

«Евразийский юридический журнал» включен в перечень журналов Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации

Издается с октября 2007 г.
Выходит ежемесячно с января 2009 г.

Все права защищены и охраняются законодательством Российской Федерации об авторском праве.
Ни одна из частей настоящего издания и весь журнал в целом не могут быть воспроизведены, переведены на другой язык, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации без предварительного согласования и письменного разрешения редакции. Ссылки на настоящее издание обязательны.

За содержание опубликованной рекламы редакция ответственности не несет. Точка зрения авторов статей, иных материалов, опубликованных в “Евразийском юридическом журнале”, может не совпадать с точкой зрения редакции.

Идея проекта и его осуществление принадлежат Фархутдинову И.З. с 2007 года.

© Евразийский юридический журнал, 2026

Подписано в печать 28.05.2026
Формат 62x84 1/8. Усл. печ. л. 21,11.
Тираж 1500 экз.
Руководитель интернет-проектов – Дряхлов С. П.
Компьютерная верстка – Брылев С. О.
Адрес редакции: 119034, г. Москва, ул. Пречистенка, д. 10.
тел.: (499) 766-91-92,
+7 (917) 40-10-889
email: eurasialaw@mail.ru,
eurasianoffice@yandex.ru
https://eurasialaw-journal.ru/

Eurasian Law Journal

№ 4 (215) 2026

Editorial council

Chairman

NECHEVIN Dmitriy Constantinovich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)

Deputy Chairman of the Editorial Board

DUISENOV Erkin Ermanovich, Ph.D. in Law, Professor, Advisor to the Rector (Al-Farabi Kazakh National University)

Editorial council members

ABASHIDZE Aslan Huseynovich, Ph.D. in Law, Professor (People's Friendship University of Russia - PFUR)
ANTONYAN Elena Aleksandrovna, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University – MSAL)
AZNAGULOVA Guzel Mukhammetovna, Ph.D. in Law, Professor (Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation)
BAKLANOV Igor Spartakovich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Bauman Moscow State Technical University (National Research University))
BATKHIEV Rashid Huseynovich, Ph.D. in Law, ex-judge of the Supreme Court of the Russian Federation
BEGICHEV Alexander Valeryevich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)
BEKYASHEV Damir Kamilevich, Ph.D. in Law, Professor (Moscow State Institute of International Relations (University) - MGIMO)
BIRYUKOV Pavel Nikolaevich, Ph.D. in Law, Professor (Voronezh State University)
BONDARENKO Victor Nikolaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Bashkir State Pedagogical University)
BURENINA Irina Valerjevna, Ph.D. in Economics, Professor (Ufa State Petroleum Technological University)
CHIBINEV Anatoliy Mikhailovich, Ph.D. in Economics, Professor (Sankt-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering)
CHUMAKOV Alexandr Nikolaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Financial University under the Government of the Russian Federation).
FAKHRUTDINOVA Elena Valerjevna, Ph.D. in Economics, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)
FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Ph.D. in Law (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow), Chairman of the Editorial Board (Editor-in-Chief)
FROLOVA Evgeniya Evgenjevna, Ph.D. in Law, Professor (People's Friendship University of Russia - PFUR)
GRACHEVA Elena Yurjevna, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)
GUSEINOV Abdusalam Abdulkerimovich, Ph.D. in Philosophy, Academician of the RAS (Institute of Philosophy of the RAS, Vice-President of the Russian Philosophical Society)
ISMAILOV Shaukat Makhmudovich, Ph.D. in Law, Professor, State Counselor of Justice of the Republic of Tajikistan
KHARLAMOV Andrey Victorovich, Ph.D. in Economics, Professor (Sankt-Petersburg State Economical University)
KHAYKIN Mark Mikhaylovich, Ph.D. in Economics, Professor (National Mineral Resources (University of Mines, Saint-Petersburg)
KOCHARYAN Vigen Vladimirovich, Ph.D. in Law, Associate professor (Yerevan State University)
KRIVENKIY Alexander Ivanovich, Ph.D. in History, Professor (Moscow City Pedagogical University)
LESHKEVICH Tatjana Gennadjevna, Ph.D. in Philosophy, Professor (South Federal University, Rostov-on-Don)
LUKOV Valery Andreevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Moscow University for the Humanities)
MAKAR Svetlana Vladimirovna, Ph.D. in Economics, Leading Researcher (Financial University under the Government of the Russian Federation)
MISHALCHENKO Yuriy Vladimirovich, Ph.D. in Economics, Professor (Saint-Petersburg State University)
NIGMATULLIN Rishat Vakhidovich, Ph.D., Professor (Ufa University of Science and Technology)
PANCHENKO Vladislav Yurievich, Ph.D. in Law, Professor (All-Russian State University of Justice (Russian Ministry of Justice))
RAGULIN Andrey Viktorovich, Ph.D. in Law, associate professor, Editor-in-chief of the journal "Eurasian Advocacy"
RASTOROPOV Sergey Vladimirovich, Ph.D. in Law, Professor (University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation)
ROMANOVSKAYA Vera Borisovna, Ph.D. in Law, Professor (N.I. Lobachevsky Nizhniy Novgorod State University)
RUSAKOVA Ekaterina Petrovna, Ph.D. in Law, Professor (Peoples' Friendship University of Russia - PFUR)
SALIKHOV Gafur Gubaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Ufa University of Science and Technology)
SEVALNIKOV Andrey Yurievich, Ph.D. in Philosophy, chief researcher (Institute of Philosophy of the RAS)
SHUVANOV Stanislav Aleksandrovich, Chairman of the Russian Peace Service, a veteran of the Diplomatic Service of Russia
SINELNIKOVA Valentina Nikolaevna – Ph.D. in Law, Professor (Higher School of Economics)
SINYUKOV Vladimir Nikolaevich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)
SMIRNOV Andrey Vadimovich, Ph.D. in Philosophy, Academician of the RAS (Institute of Philosophy of the RAS, President of the Russian Philosophical Society)
TITOV Vadim Aleksandrovich, Ph.D. in Philosophy, Professor (G.V. Plekhanov Russian Economic Academy (REA))
TSKHADADZE Nelly Viktorovna, Ph.D. in Economics, Professor (Financial University under the Government of the Russian Federation)
VALEEV Revol Mirgalimovich, Ph.D. in Law, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)
YARASHEVA Aziza Viktorovna, Ph.D. in Economics, Professor (Institute of Socio-Economic Problems of Population of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences)
YASTREBOV Oleg Aleksandrovich, Ph.D. in Law, Ph.D. in Economics, Professor (People's Friendship University of Russia - PFUR)
ZOLOTOV Alexandr Vladimirovich, Ph.D. in Economics, Professor (N.I. Lobachevsky Nizhniy Novgorod State University)

Journalis published withsupport of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). International scientific and practical law journal. A free forum for exchange of views on the theory and practice of law in Russia, the Commonwealth of Independent States (CIS) and other countries.

"Eurasian Legal Journal" is included in the list of journals of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

Published since October 2007.
Monthly Law Journal since January 2009.

All rights reserved and protected by copyright legislation of the Russian Federation.
No part of this publication and the entire journal as a whole may be reproduced in any form, translated, stored in a retrieval system, or transmitted in any way or by any means of electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise without prior consent and written permission of the publisher. References to this edition are required.

Editorial Board is not responsible for the content of the advertisements. The opinions of the members of the Editorial Board may not coincide with the opinions of the authors of the articles and other materials published in the "Eurasian Law Journal".

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z. since 2007

© Eurasian law journal, 2026

Signed for printing 28.05.2026
Format 62x84 1/8.
Conv. print. sh. 21,11.
Issue 1500 copies.
Head of the Internet projects – Dryakhlov S. P.
Desktop publishing – Brylev S. O.

Address of the Editor's Office:
10, Prechistenka Str., Moscow, 119034
Phone: (499) 766-91-92,
+7 (917) 40-10-889
e-mail: eurasialaw@mail.ru,
eurasianoffice@yandex.ru
https://eurasialaw-journal.ru/

ЕВРАЗИЙСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
EURASIAN LAW JOURNAL

Редакционная коллегия

Главный редактор

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н.
(Институт государства и права Российской академии наук)

Члены редакционной коллегии

заместитель главного редактора:
СОЛНЦЕВ Александр Михайлович, к.ю.н., доцент
(Российский университет дружбы народов – РУДН)

заместитель главного редактора:
БОНДАРЕНКО Александр Викторович, к.ф.н., доцент
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

ответственный редактор:
ЛУКИЯНОВ Михаил Юрьевич, к.п.н.
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

помощник главного редактора:
АБАНИНА Елена Николаевна, д.ю.н., доцент
(Саратовская государственная юридическая академия)

научный редактор:
ЕРМОЛИНА Марина Анатольевна, к.ю.н., доцент
(Санкт-Петербургский государственный университет)

редактор английского текста:
ФАРХУТДИНОВ Линар Илшатович, к.ф.н.

АЗАРХИН Алексей Владимирович, к.ю.н., доцент
АСАДУЛЛИН Мурад Ринатович, к.ю.н.
БУРЬЯНОВ Сергей Анатольевич, к.ю.н., доцент
ВАСЬКЕВИЧ Владимир Петрович, д.ю.н., доцент
ГАБДРАХМАНОВ Фарит Вадутович, к.ю.н., доцент
ГОЛОВАСТОВА Юлия Александровна, д.ю.н., доцент
ГУЛИЕВ Игбал Адиль оглы, д.э.н.
ДЕМИЕВА Айнур Габдульбаровна, д.ю.н., доцент
ЖУРАВЛЕНКО Николай Иванович, к.ю.н., доцент
ИВАНОВА Светлана Владимировна, к.п.н., доцент
МЕХДИЕВ Эльнур Таджаддинович, к.и.н.
ОСТАПОВИЧ Игорь Юрьевич, д.ю.н., доцент
САФРОНОВ Константин Юрьевич
СОДИКОВ Шарбатулло Джаборович, к.ю.н.
ТАКМАКОВА Елена Валерьевна, д.э.н., доцент
ЧАТТАЕВ Азамат Русланович, к.ю.н.

руководитель интернет-проектов:
ДРЯХЛОВ Сергей Павлович

Editorial board

Editor-in-Chief

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Doctor of Law
(Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences)

Editorial board members

deputy Editor-in-Chief:
SOLNTSEV Aleksandr Mikhaylovich, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Peoples Friendship University of Russia – PFUR)

deputy Editor-in-Chief:
BONDARENKO Aleksandr Viktorovich, Ph.D. in Philosophy, Associate Professor
(Ufa State Petroleum Technological University)

executive editor:
LUKIYANOV Mikhail Yurevich, Ph.D. in Political Science
(Ufa State Petroleum Technological University)

assistant Editor-in-Chief:
ABANINA Elena Nikolaevna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saratov State Law Academy)

scientific editor:
ERMOLINA Marina Anatolyevna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saint-Petersburg State University)

english text editor:
FARKHUTDINOV Linar Ilshatovich, Ph.D. in Philosophy

AZARKHIN Alexey Vladimirovich, Ph.D. in Law, Associate Professor
ASADULLIN Murad Rinatovich, Ph.D. in Law
BURYANOV Sergey Anatolyevich, Ph.D. in Law, Associate Professor
VASKEVICH Vladimir Petrovich, Ph.D. in Law, Associate Professor
GABDRAHMANOV Farit Vadutovich, Ph.D. in Law, Associate Professor
GOLOVASTOVA Yuliya Aleksandrovna, Ph.D. in Law, Associate Professor
GULIYEV Igbal Adil ogly, Ph.D. in Economics
DEMIEVA Ainur Gabdulbarovna, Ph.D. in Law, Associate Professor
ZHURAVLENKO Nikolay Ivanovich, Ph.D. in Law
IVANOVA Svetlana Vladimirovna, Ph.D. in Psychological Sciences, Associate Professor
MEHDIEV Elnur Tadzhaddinovich, Ph.D. in History
OSTAPOVICH Igor Yuryevich, Ph.D. in Law, Associate Professor
SAFRONOV Konstantin Yuryevich
SODIKOV Sharbatullo Jaborovich, Ph.D. in Law
TAKMAKOVA Elena Valerjevna, Ph.D. in Economics, Associate Professor
CHATTAEV Azamat Ruslanovich, Ph.D. in Law

head of the internet-projects:
DRYAKHLOV Sergey Pavlovich

Идея проекта и его осуществление принадлежат Фархутдинову И.З.

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z.

Учредитель:

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович
(Свидетельство ПИ № ФС77-46472 от 2.10.2011 г.)

Founder:

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich
(Certificate PI № FS77-46472 of 2.10.2011)

СОДЕРЖАНИЕ

PERSONA GRATA
Ш. А. Саймова:
Международный медиационный хаб как институт дипломатии XXI века
Интервью с Шолпан Алтынбековной Саймовой, доктором юридических наук (Ph.D), руководителем Центра публичного законодательства и государственного управления Института парламентаризма при Управлении делами Президента Республики Казахстан, научным руководителем проекта МНВО РК ... **14**

ЛУКАШУКСКИЕ ЧТЕНИЯ - 2026
Творческий конкурс молодых ученых к столетию профессора И. И. Лукашука ... **19**
Бурьянов С. А., Бурьянов М. С.
Глобализация мирового порядка и право силы. О необходимости принятия глобальных декларации и конвенции о праве на свободу мировоззренческого выбора и принципе мировоззренческого нейтралитета субъектов международного публичного права в аналоговой и цифровой среде ... **20**
Итоги третьего творческого конкурса молодых учёных «Лукашукские чтения – 2026» ... **25**

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО
Долженкова Е., Булгаева А. А.
Международно-правовые механизмы «зеленых коридоров» во внешнеторговых отношениях Российской Федерации со стратегическими партнерами ... **27**
Голубева М. В.
Латиноамериканская ассоциация интеграции, как крупнейшая интеграционная организация в Латинской Америке ... **29**
Мэн Гаочжэн
О вкладе Китая в международное право прав человека ... **34**

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО
Долженкова Е., Булгаева А. А.
«Зеленые коридоры» как инструмент упрощения таможенных процедур: теоретико-правовые основы и модели реализации ... **36**
Ван Цзэнань
Инвестиционная деятельность как важнейшая область экономического сотрудничества между государствами-членами ШОС ... **38**

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРАВО
Тао Лунцзе
Взаимодействие принципа справедливости и взаимной выгоды в международном экономическом праве с конкурирующими нормами международного экономического права ... **42**

ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ
Мохоров Д. А., Абросимов И. С., Балабкин Д. А.
Сравнительный анализ законодательства Республики Польши в сфере противодействия коррупции и противодействия экстремизму и терроризму ... **49**

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО
Хайруллин Р. А., Панина М. К.
Правовые конструкции ограниченной вменяемости в России и Китае: компаративистский анализ подходов к уголовной ответственности лиц с психическими расстройствами ... **51**

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
Переплетчикова А. И.
Критерии законодательного баланса ... **55**
Самойлова Ж. В.
Гражданская позиция в контексте развития правовой культуры личности ... **59**
Скударнов А. С.
Современные тенденции развития естественно-правовых доктрин ... **61**
Улаева Н. Л.
Континуальная теория права ... **65**
Шаповалов А. В., Шамоян Т. М., Рассказов Е. О.
Цифровизация общества и трансформация правового регулирования ... **67**
Воронин Н. А.
Современные вызовы в условиях трансформации правосознания в цифровую эпоху ... **70**
Гиринович К. Е., Журавлев К. А.
Системный анализ и теоретико-правовое осмысление цифровой трансформации государственного управления в контексте теории объектов цифровых правоотношений ... **73**
Московец А. Е.
Сверхимперативные нормы в российском законодательстве в контексте антисанкционного регулирования ... **76**
У Жунжуй
Гендерное неравенство в характеристиках обычного права традиционных обществ ... **78**
Черемисинов А. О.
Проблемы правового закрепления статуса специальных субъектов права в России ... **84**
Чертыковцев Ю. В.
Проблемы глобальной цифровой безопасности и их влияние на суверенитет государств ... **87**

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
Арсеньева Г. В., Датцкая Т. С.
Становление института советской милиции: эволюция правовых основ от добровольческих дружин к централизованному органу (1917-1920 гг.) ... **90**
Ильина О. М., Мясникова Л. В.
Историко-правовой анализ формирования и перспективы развития специального образования в России ... **92**
Михайлик А. А., Шамоян Т. М., Пигида К. В.
Право «мертвой руки» в Средневековой Европе: юридические ограничения владения церковной собственностью ... **95**
Павлисова Т. Е., Мищенко О. А., Сторчак Э. Д.
Реформа уголовного законодательства 1958-1961 гг.: поиск баланса между гуманизмом и борьбой с тунеядством ... **98**
Абдужалилов Т. Ф., Спиридонов В. В.
Концепция «живого права» Евгения (Ойгена) Эрлиха в системе социолого-юридических идейных течений ... **102**
Гусельников И. И.
Трансформация основных начал национального избирательного права в 1905-1918 годы в России ... **105**
Кузьмин Р. Ю.
Основополагающие принципы права недропользования в колониях Британской империи в конце XIX в. – начале XX в. ... **109**
Лотц А. Т.
Правовой статус Галиции как российского генерал-губернаторства в 1914-1915 гг. ... **114**
Михайлик А. А., Стамова А. А., Акопян А. А.
Развитие международного права в Европе в XIX веке ... **117**

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО
Загидуллин Р. И.
Вопросы правовых основ преобразования местного самоуправления в деятельности временного правительства ... **120**
Сулейманова З. И.
Конституционно-правовое содержание института присяжных заседателей: доктринальные подходы и проблемы реализации ... **125**

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО
Беззатеева В. С.
Правовое регулирование алгоритмических рисков для несовершеннолетних в цифровой среде ... **128**
Бондарчук А. В., Анчаков С. А.
Административно-правовые механизмы профилактики терроризма в деятельности патрульно-постовой службы полиции на новых территориях Российской Федерации ... **131**
Лхамсурэн О.
Теоретические подходы к определению картеля в конкурентном праве и опыт Монголии ... **135**
Савочкина Д. О.
Пути совершенствования работы участковых уполномоченных полиции по профилактике правонарушений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных систем ... **146**

Гурбанов Г. А.
Административно-правовая защита наиболее уязвимых категорий граждан (пенсионеры, лица с ограниченными возможностями) от рисков мошенничества с использованием электронных паспортных данных **149**
Магунов Д. А.
Риск-ориентированный подход как основа построения административной ответственности за правонарушения, связанные с использованием искусственного интеллекта **152**

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС
Аблякимова Э. Э., Доросинская А. М.
Особенности исполнения судебных решений о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок и исполнение судебного акта в разумный срок в порядке КАС Российской Федерации **155**

МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО
Петров А. П.
Нормативно-правовое регулирование в сфере государственного управления физической культуры и спорта **157**

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО
Войкова Н. А., Вологдин А. А.
Гражданско-правовые проблемы защиты прав инвесторов и пути гармонизации законодательства в трансграничном обороте цифровых финансовых активов **159**
Гасанова А. М.
Граждане, злостно уклонявшиеся от выполнения обязанностей по содержанию наследодателя, как недостойные наследники **165**
Груздев В. В., Кирова Я. А., Фесенко Е. А.
Зачет как разновидность прекращения обязательств **170**
Журавлева О. В., Бычко М. А., Разумов П. В.
Проблемы защиты прав на промышленный образец после окончания срока действия исключительного права **174**
Круглова И. А., Бродский М. Н., Щербаковский Г. З.
Электронные сделки: частноправовые риски и способы их минимизации **177**
Мусаков С. В.
Оговорка о сохранении права собственности и её влияние на формирование конкурсной массы **180**
Павлов В. П.
Перспективы государственной поддержки креативных индустрий на технологическое развитие РФ в условиях современного мирового рынка **183**
Телибекова И. М.
Соотношение страхового случая, страхового риска и страховой услуги в договоре образовательного накопительного страхования **187**
Шпанагель Ф. Ф.
Проблемы государственного регулирования правового положения самозанятых в Российской Федерации **190**
Чаттаев А. Р., Глухов Е. Р.
Консолидация корпоративного законодательства и законодательства о несостоятельности (банкротстве): понятие, пределы и место в системе систематизации права **192**
Алтынбаева Д. Р.
Бремя и стандарты доказывания в гражданском процессе Китая **194**
Гайнанов Б. С.
Правовая природа безналичных денег: реформы ст. 128 ГК РФ и проблема способов защиты **197**
Джалилов Ф. И.
Статья 174.1 ГК РФ как дифференцированный режим последствий нарушения запрета распоряжения имуществом **201**
Журавлева О. В., Буслов Р. И., Ходаковский П. М.
К вопросу о возможности совершения исполнительских действий в отношении цифровых финансовых активов **205**
Ключков А. В.
Цифровая трансформация методов получения информации арбитражным управляющим в процедурах несостоятельности (банкротства) граждан **208**
Кожин М. Ю.
К вопросу о моменте возникновения товарищества кредиторов и должника в делах о банкротстве **210**
Корнилов В. В.
Единственный автомобиль многодетной семьи в деле о банкротстве гражданина: пределы, риски злоупотребления и перспективы правового регулирования **212**
Коротич А. В.
Применение принципа исчерпания к сделкам по отчуждению виртуальных объектов **215**
Кушнер И. Д.
Полагание на заверения и гарантии в праве Англии и США **218**
Мамин М. А.
Информационная безопасность как элемент надлежащего качества физкультурно-оздоровительной услуги **222**
Манучарян А. А.
Понятие и признаки имущества, составляющего конкурсную массу в процедурах банкротства **226**
Поеров С. В.
Телеология оспаривания в банкротстве: от сделки (ст. 153 ГК РФ) к действию, влияющему на конкурсную массу **229**
Стыслович А. П.
Общее и особенное в осуществлении цифровизации гражданского правосудия в странах БРИКС **234**
Тужилкина С. С.
Проблема использования иностранных слов в информации для потребителей в сети интернет в условиях действия закона о защите русского языка **236**
Шадров А. С.
Сравнительно-правовой анализ моделей страхования ответственности директоров и должностных лиц в России и странах общего права **238**
Шатохин И. В.
Место общеизвестных обстоятельств в системе оснований для освобождения от доказывания **242**
Чаттаев А. Р., Глухов Е. Р.
Проблемы консолидации корпоративного законодательства и законодательства о несостоятельности (банкротстве) в России: направления совершенствования и сравнительно-правовые ориентиры **246**
Джалилов Ф. И.
Соотношение реституции и виндикации при нарушении запрета распоряжения имуществом **248**
Фокин А. Ю.
Охрана объектов культурного наследия религиозного назначения в Испании **251**

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС
Штумак Р. А., Федоренко Н. В.
К вопросу об изменении внутреннего содержания института процессуальной добросовестности при судебной защите прав потребителей финансовых услуг в условиях цифровизации гражданского процесса **255**
Бурнос Е. Н.
К вопросу о внепроцессуальных основаниях для «обездвиживания» иска в арбитражном процессе **258**
Авраменко М. А.
Цели и задачи, обеспечиваемые привлечением к разбирательству лиц, не подписавших арбитражную оговорку **262**

ЖИЛИЩНОЕ ПРАВО
Секретарёв Р. В., Белова Д. И.
Комплексный метод правового регулирования жилищных отношений: теоретико-правовой анализ **265**

НАСЛЕДСТВЕННОЕ ПРАВО
Комаревцева И. А., Гамидова Д. И.
Нарушение норм семейного права как детерминанта правового положения наследника **268**

АВТОРСКОЕ ПРАВО
Помазкова С. И., Джаниев В. Б.
Проблема формирования основы правового регулирования сферы интеллектуальной собственности на международном уровне **271**
Сапрыкин М. И.
Проблемы и правовые пробелы кумулятивной охраны объектов интеллектуальной собственности **275**

ТРУДОВОЕ ПРАВО
Кучина Ю. А.
Социальные детерминанты качества трудовой жизни российских граждан ... **279**

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО
Кирсанова Н. Б., Пугач П. А.
Правовое положение залогового кредитора в процессе банкротства: баланс интересов и проблемные аспекты распределения конкурсной массы ... **282**
Перепечкина Е. Г.
Оценка эффективности деятельности государственных органов в противодействии легализации преступных доходов и финансированию терроризма ... **286**
Рождественская Т. Э., Гузнов А. Г.
Особенности банковского регулирования в Объединенных Арабских Эмиратах ... **290**
Белоус А. М.
Правовая природа криптовалюты ... **293**
Кротова Д. М.
Особенности квалификации арбитражными судами нецелевого использования бюджетных средств ... **296**
Ло Цзюньяо
Устранение двойного налогообложения трансграничных доходов в РФ и КНР: сравнительно-правовой анализ ... **301**
Макаров Д. Р.
К вопросу об электронном СМАРТ-контроллинге в финансово-бюджетной сфере: теоретико-правовой аспект ... **305**
Кротова Д. М.
Субсидии: проблемы дуализма в бюджетном праве Российской Федерации ... **308**

НАЛОГОВОЕ ПРАВО
Фарикова Е. А., Опрышко Е. Л.
Налоговое правонарушение как основание юридической ответственности ... **310**
Вербовой Г. С.
Налоговый мониторинг как этап эволюции администрирования крупнейших налогоплательщиков ... **314**

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО
Зенкин С. Д.
Мировое соглашение как универсальное правовое средство реабилитации бизнеса: эволюция практики верховного суда РФ ... **318**
Кудряшов А. А.
Параллельный импорт: подходы к квалификации понятия и признаков явления ... **322**
Перевалов Ф. Ф.
Актуальные проблемы правового режима посреднической деятельности в современных условиях оборота недвижимого имущества ... **325**
Шпанагель Ф. Ф.
Крестьянские (фермерские) хозяйства как субъекты индивидуального предпринимательства: правовая природа и вопросы классификации ... **327**
Ван Бода
Закон КНР «О ценных бумагах» в редакции 2019 г.: основные тенденции ... **329**
Кудряшов А. А.
Параллельный импорт в России как правовое явление: генезис правового регулирования и правоприменения ... **333**
Трусова Е. Д., Изроилов М. С.
Анализ влияния микрофинансовых организаций на предпринимательство на территории Республики Хакасия ... **337**

ТОРГОВОЕ ПРАВО
Железнов Р. В.
Санкции как основание освобождения от ответственности по внешнеторговому контракту: сравнительно-правовой анализ ... **340**

КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО
Блинов Д. А.
Восстановление выбывшего участника в обществе в случае отсутствия у общества права выплачивать действительную стоимость доли ... **342**
Щербакова Д. В.
«Ожидающий участник» как субъект корпоративных отношений: правовое положение наследника в период оформления наследственных прав ... **346**
Ширяев Р.
Квазикорпоративные организационно-правовые формы объединения капиталов в зарубежном праве: проблемы классификации и правовой природы ... **349**

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО
Колиева А. Э., Максимов Р. В., Никулин С. Ю.
Адаптация сельского хозяйства к изменениям климата: тенденции правового регулирования ... **352**
Петров А. М.
Проблема трансграничного воздействия на окружающую среду: правовой аспект ... **354**

УГОЛОВНОЕ ПРАВО
Дмитриева А. А., Петров П. К.
Проблемные вопросы квалификации злоупотребления должностными полномочиями ... **357**
Латыпова Д. М.
Проблемные аспекты законодательной регламентации уголовной ответственности несовершеннолетних ... **360**
Манна А. А. К., Омар Б. К. О.
Сравнительно-правовой анализ наказаний за преступления против собственности по законодательству Ирака, Египта и Саудовской Аравии ... **362**
Мохоров Д. А., Абросимов И. С., Балабкин Д. А.
Проблема квалификации экологического терроризма на объектах энергетики России с коррупционным аспектом ... **364**
Нигматуллин Р. В.
Проблемы совершенствования противодействия терроризму ... **367**
Чубукина А. Е.
Особенности преступности несовершеннолетних в советский период ... **371**
Чигрина Е. В.
Разглашение тайны усыновления (удочерения): к вопросу об объекте и объективной стороне преступления ... **375**
Хмелев С. А.
Сравнительно-правовой анализ российского и зарубежного законодательства, регламентирующего уголовную ответственность за ятрогенные преступления ... **378**
Щелконогова И. С.
О международном опыте борьбы с коррупцией ... **380**
Юшина Ю. В., Мошкина Н. В.
Побои: проблемные вопросы толкования отдельных элементов преступления ... **383**
Яковлев-Чернышев В. А.
О некоторых проблемах противодействия незаконной миграции: уголовно-правовой и международно-правовой аспекты ... **385**
Пуя А. Д.
Альтернативы уголовному преследованию детей и подростков в иранском уголовном процессе ... **389**
Сергеев А. А.
Социальная обусловленность уголовно-правовой охраны общественных отношений в сфере государственных и муниципальных закупок ... **391**
Юндина М. А.
Толкование критерия поведения осужденного при условно-досрочном освобождении в судебной практике и его оценка в современных условиях ... **393**

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС
Андреева Е. Ю., Захарова Е. Е.
Участие адвоката-защитника в следственных действиях ... **396**
Дунаева М. С.
Обеспечение баланса публичных интересов правосудия и права на неприкосновенность персональных данных в уголовном судопроизводстве России в условиях цифровизации ... **399**

Литвинцева Н. Ю.
Право отказаться от дачи свидетельских показаний в уголовном судопроизводстве **402**
Медведева А. А., Прокофьева С. М., Часовникова О. Г.
К вопросу реализации права хранить молчание в современных реалиях уголовного судопроизводства..... **405**
Сафронов Д. М.
Формирование системы мер принуждения в особых условиях требует учёта условий реализации специальных правовых режимов **407**
Страхова С. В.
Конфискация имущества как мера уголовно-правового характера: проблемы практики применения..... **410**
Чураков Д. С.
Обеспечение законности уголовно-процессуальной деятельности в условиях цифровизации: постановка проблемы..... **414**
Холевчук А. Г.
Использование стеганографии в криминалистике и уголовном процессе: возможности и перспективные направления..... **416**
Шавкарова Е. Е.
К вопросу о допустимости изъятия объектов в ходе проверки показаний на месте..... **421**
Прокофьева С. М., Медведева А. А., Часовникова О. Г.
Теоретико-правовые основы использования цифровых доказательств в уголовном процессе..... **423**

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО
Игошин В. Г., Егоров С. С.
Пути и способы доставки запрещенных предметов и веществ в исправительные учреждения **425**
Манна А. А. К., Аль-Масафир Д. М. Х.
Эволюция практик лишения свободы в исламском уголовном праве в условиях современных вызовов..... **427**
Игошин В. Г., Бородин А. Е.
Взаимодействие отделов и служб при возникновении чрезвычайных обстоятельств в исправительных учреждениях..... **431**

КРИМИНАЛИСТИКА
Винниченко А. С., Грабовец Е. Е., Гринченко С. В.
Методические аспекты отдельных элементов криминалистической характеристики изнасилований **433**
Мкртычев М. Г.
Проблемы определения предмета преступного посягательства на земли сельскохозяйственного назначения в уголовном праве России как обязательного элемента криминалистической характеристики..... **437**
Швецов Р. Е.
Зарубежные модели регулирования частной детективной деятельности: информационные ограничения и механизмы ответственности..... **439**

КРИМИНОЛОГИЯ
Баиров А. С.
Динамика и структура организованной наркопреступности в Республике Бурятия в 2000-2010-ые гг. **443**
Мугинова З. Р., Орехова Н. А., Ковган Е. Ю.
Криминологическая характеристика преступлений, совершаемых в общественных местах и роль ППСП в их нейтрализации **446**
Кошкин А. В.
Криминологические детерминанты мошенничества с использованием высоких технологий..... **449**
Рошка М. Я.
Преступления против собственности как индикатор социально-экономического благополучия: структурно-криминологический анализ..... **453**
Черепненко Е. А.
Личность преступника: психологические концепции и механизмы криминального поведения **456**

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ
Баранова С. А.
Внештатное сотрудничество с полицией: опыт России и зарубежных стран..... **460**
Капустин В. В.
Проблемы правовой регламентации применения полицией огнестрельного оружия для принудительной остановки транспортных средств..... **463**
Хорольский В. В., Давлетов В. И., Савчук Н. А.
Правовая и тактическая готовность сотрудников полиции к применению огнестрельного оружия в особых условиях службы..... **467**
Хорольский В. В., Семенов С. Г., Черноусов М. В.
Формирование комплексной компетенции безопасного применения огнестрельного оружия сотрудниками ОВД в условиях тактического многообразия оперативно-служебных ситуаций..... **470**

БЕЗОПАСНОСТЬ И ПРАВО
Грищенко Л. Л., Опалева А. А.
Гибридная прокси-террористическая война против России: экономические детерминанты, технологические средства и правовые аспекты противодействия **472**

ПЕДАГОГИКА И ПРАВО
Бойцов А. С., Матвеева Ю. Г.
Конфликт интересов и этика педагога: противодействие коррупции в образовательной сфере **475**
Жабкин А. С., Халилуллин Ф. Ф., Гусак В. В.
Формирование стрессоустойчивости у обучающихся в образовательном процессе юридического вуза **479**
Четверикова А. И., Матвеева Р. Р., Соломко В. А.
Современные методы преподавания административного права в юридических вузах: проблемы и перспективы **481**

ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО
Пилипенко Н. А., Соловьева А. В.
Контент-анализ в исследовании динамики профессионального самосознания будущих юристов **483**

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО
Андрюхина И. Ю., Рак Е. А., Рак В. Е.
К вопросу о единых подходах в сфере управления персоналом в органах государственной власти и местного самоуправления..... **487**
Калимуллина И. Р., Арсланов А. Ш.
Особенности развития медиаправа в условиях цифровой трансформации **489**
Маяцкая О. Б., Бармов Е. А.
Трансформация «мягкой силы» в эпоху гибридных конфликтов: от привлечения к принуждению **492**
Мирзаев З. М., Магомедов Ш. Г.
Институциональные механизмы реализации правовой политики в современной России: тенденции и региональный аспект (на примере Республики Дагестан) **494**
Овчинников О. А.
Методологические основы исследования современных угроз общественной безопасности в Российской Федерации..... **496**
Попова С. С., Николаев А. И.
Принципы и критерии оценки эффективности антикоррупционных мер **499**
Агафонов Д. Л.
Антикоррупционная кадровая политика в системе государственной службы в Российской Федерации..... **501**
Давлетов Р. Р.
Эволюция правовой основы противодействия коррупции в современной Российской Федерации..... **503**
Занкин Д. А.
Антикоррупционная политика современного российского государства: вопросы реализации и пути совершенствования..... **505**
Попова С. С., Николаев А. И.
Повышение эффективности механизмов урегулирования конфликта интересов на государственной службе..... **507**
Хильчевский А. Ю.
Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом»: от союзного министерства к публичному субъекту частного права..... **509**

ПОЛИТИКА И ПРАВО
Маяцкая. Б., Ковров В. Ф., Егамедиева А. Ж.
Роль государственных программ в поддержке молодёжного предпринимательства: оценка эффективности мер **513**

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА
Доржеева В. В., Слепцова О. Ю.
Тенденции развития законодательства в сфере традиционной хозяйственной деятельности и традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока **516**
Шафикова Г. Р., Ефимова В. Н.
Сравнительный анализ социальных ролей в профессионально-правовой сфере Китая и Японии **520**
Байдарова М. А., Фомин В. В.
Правозащитная деятельность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации: теоретико-правовой и практический аспекты **523**
Косенко О. А., Сафаров В. Р., Аминева С. Ф.
Прокурорский надзор за соблюдением прав участников СВО и членов их семей: новые вызовы и практика **526**

ЭКОНОМИКА. ПРАВО. СОЦИУМ
Власова Е. Л., Игнатьева И. В.
Использование социальных сетей в стратегиях рекламы и связей с общественностью: преимущества и риски **528**
Захарин Г. Е., Бирюкова В. В.
Теоретические основы и особенности методических подходов к планированию развития розничных сетей АЗС: факторы выбора местоположения и конфигурации объектов **533**
Медведева Л. Б., Данильченко М. А.
Инновационные решения предпринимателей в условиях цифровой экономики **537**
Спасская Н. В., Кузнецова К. В., Афанасьева Е. Е.
Функциональные возможности цифровых инструментов продвижения в бизнесе **539**
Чекрыжов А. В., Максимова Е. В.
Сценарный анализ экономического сотрудничества Российской Федерации и Турецкой Республики в условиях геоэкономической трансформации **542**
Паршин Е. А.
Параллельный импорт в условиях регионализации международной торговли **545**

ФИЛОСОФИЯ. ПРАВО. СОЦИУМ
Абрарова З. Ф., Ольхов Н. С., Идиятуллин Ф. Ф.
Цифровое бессмертие: философский анализ концепции загрузки сознания **548**
Баянов К. Р.
Концептуальные основы семиотики: вопросы методологии **551**
Жамбаев Б. Ц., Жамбаева У. Б.
Ламаизм – поиск альтернативных оснований в бытии духовного **558**
Золотухин А. А., Головина М. В.
Кризис легитимности правоохранительных институтов в цифровом обществе: культурфилософский анализ **561**
Зубков С. А.
Экофильная философия в буддийской мысли **563**
Капсаргина С. А., Шмелева Ж. Н.
Иноязычная подготовка студентов неязыкового вуза как фактор профессиональной социализации в цифровом обществе **565**
Кокорин А. Н., Минеев В. В.
Профессиональная идентичность в структуре профессионального развития: социально-философский аспект **568**
Колышкин В. Г.
Проблемы и перспективы исследования цифровой трансформации современного общества **571**
Лаптева А. В.
Антропологические границы искусственного интеллекта в воспитательном процессе: социально-философский анализ **573**
Мучинский Д. О.
Информационный контроль и его влияние на волю **576**
Пржиленский И. В.
Идейно-ценностные трансформации в дореволюционной России как большой цивилизационный вызов **579**
Тарасов А. Н., Ким А. Д.
Антропогенные рубежи культуры как результат социокультурных трансформаций: культурфилософский анализ **582**
Фролова Н. А.
Принцип целостности в русской культуре: философский анализ **584**
Шарипкулов А. В.
Соборность как социокультурное основание современной российской этноидеологии: социально-философский анализ **586**
Шматько А. А., Джавад О. В., Волченкова А. В.
Анализ формирования человекоцентричной парадигмы в условиях цифровизации **589**
Горчакова А. В.
Динамика трансформации общественного мнения в условиях информатизации социального пространства **592**
Ивлев В. А.
Свобода человека в контексте философской интерпретации проблемы социальной ценности человеческой жизни **595**
Корниенко К. А.
Онтология искусственного интеллекта в горизонте социальной коммуникации **598**
Москвитина А. М.
Проблема объективности языка науки в условиях алгоритмической медиации **600**
Мучинский Д. О.
Государство как инструмент власти: историко-философский анализ **605**
Тарасов А. Н., Куликова А. А.
Трансмодерн как возможное завершение постмодернистской стадии социокультурной трансформации **608**
Шматько А. А., Джавад О. В., Огнева А. А.
Децентрация субъекта: философский анализ трансформации субъектности в эпоху цифровых медиа **610**

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ **613**

CONTENTS

PERSONA GRATA

Sh. A. Saimova:
The international mediation hub as an institution of diplomacy of the 21st century
Interview with Sholpan Altynbekovna Saimova, Ph.D. in Law, Head of the Center for Public Legislation and Public Administration at the Institute of Parliamentarism under the Office of the President of the Republic of Kazakhstan, Scientific director of the project of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan **14**

THE LUKASHUK READINGS – 2026

Creative competition of young scientists dedicated to the centenary of Professor I. I. Lukashuk **19**
Buryanov S. A., Buryanov M. S.
Globalization of world order and the law of force. on the need for adopting a global declaration and convention on the right to liberty of worldview choice and the principle of worldview neutrality of subjects of public international law in analog and digital environments **20**
The results of the third creative competition of young scientists «Lukashuk Readings – 2026» **25**

INTERNATIONAL LAW

Dolzhenkova E., Bulgaeva A. A.
International legal mechanisms of «green corridors» in the foreign trade relations of the Russian Federation with strategic partners **27**
Golubeva M. V.
The Latin American Integration Association, as the largest integration association in Latin America **29**
Meng Gaozheng
On China's contribution to international human rights law **34**

INTERNATIONAL PRIVATE LAW

Dolzhenkova E., Bulgaeva A. A.
«Green coridors» as a tool for simplifying customs procedures: theoretical and legal foundations and implementation models **36**
Wang Zenan
Investment activity as the most important area of economic cooperation among the SCO member states **38**

INTERNATIONAL ECONOMICAL LAW

Tao Longjie
Interaction of the principle of equity and mutual benefit in international economic law with competing norms of international economic law **42**

LAW OF THE FOREIGN COUNTRIES

Mokhorov D. A., Abrosimov I. S., Balabkin D. A.
Comparative analysis of the legislation of the Republic of Poland on combating corruption and combating extremism and terrorism **49**

COMPARATIVE LAW

Khayrullin R. A., Panina M. K.
Legal constructs of diminished responsibility in Russia and China: a comparative analysis of approaches to criminal liability of persons with mental disorders **51**

THEORY OF STATE AND LAW

Perepletchikova A. I.
Criteria for legislative balance **55**
Samoylova Z. V.
The civic position in the context of the development of an individual's legal culture **59**
Skudarnov A. S.
Modern trends in the development of natural law doctrines **61**
Ulaeva N. L.
The continuum theory of law **65**
Shapovalov A. V., Shamoyan T. M., Raskazov E. O.
Digitalization of society and the transformation of legal regulation **67**
Voronin N. A.
Modern challenges in the context of the transformation of legal awareness in the digital age *70*
Girinovich K. E., Zhuravlev K. A.
System analysis and theoretical and legal understanding of the digital transformation of public administration in the context of the theory of objects of digital legal relations **73**
Moskovets A. E.
Supermandatory norms in Russian legislation in the context of anti-sanction regulation **76**
Wu Rongrui
Gender inequality in the characteristics of customary law in traditional societies **78**
Cheremisinov A. O.
Problems of legal consolidation of the status of special subjects of law in Russia **84**
Chertikovtsev Yu. V.
Problems of global digital security and their impact on the sovereignty of States **87**

HISTORY OF STATE AND LAW

Arsenjeva G. V., Datskaya T. S.
The formation of the Soviet militia: evolution of legal frameworks from volunteer squads to a centralized authority (1917-1920) **90**
Iljina O. M., Myasnikova L. V.
A historical and legal analysis of the formation and development prospects of special education in Russia **92**
Mikhailik A. A., Shamoyan T. M., Pigida K. V.
The right of the dead hand in Medieval Europe: legal restrictions on the ownership of church property **95**
Pavlisova T. E., Mishchenko O. A., Storchak E. D.
Criminal law reform 1958-1961: finding a balance between humanism and the fight against parasitism **98**
Abduzhalilov T. F., Spiridonov V. V.
The concept of «living law» by Eugene (Eugen) Ehrlich in the system of socio-legal ideological trends **102**
Guselnikov I. I.
Transformation of the basic national principles of suffrage in Russia in 1917-1918 ..... **105**
Kuzmin R. Yu.
Fundamental principles of mining law in the colonies of the British Empire in the late 19th and early 20th centuries **109**
Lotz A. T.
Legal status of Galicia as a Russian Governorate-General in 1914-1915 ..... **114**
Mikhailik A. A., Stamova A. A., Akopyan A. A.
The development of international law in Europe in the 19th century **117**

CONSTITUTIONAL LAW

Zagidullin R. I.
Issues of the legal basis for the transformation of local self-government in the activities of the provisional government **120**
Suleimanova Z. I.
The constitutional and legal content of the institution of jurors: doctrinal approaches and problems of implementation **125**

ADMINISTRATIVE LAW

Bezzateeva V. S.
Legal regulation of algorithmic risks for minors in the digital environment **128**
Bondarchuk A. V., Anchakov S. A.
Administrative and legal mechanisms for preventing terrorism in the patrol and watch service of the police in the new territories of the Russian Federation **131**
Lkhamsuren O.
Theoretical approaches to the definition of a cartel in competition law and the experience of Mongolia **135**
Savochkina D. O.
Ways to improve the work of district police commissioners in preventing offenses committed using information and telecommunication systems **146**

Gurbanov G. A.
Administrative and legal protection of the most vulnerable categories of citizens (retirees, persons with disabilities) from the risks of fraud using electronic passport data ... **149**
Magunov D. A.
A risk-based approach as a basis for constructing administrative liability for offenses related to the use of artificial intelligence ... **152**

ADMINISTRATIVE PROCESS
Ablyakimova E. E., Dorosinskaya A. M.
Features of enforcement of court decisions awarding compensation for violation of the right to legal proceedings within a reasonable time and enforcement of a court decision within a reasonable time under the Administrative Procedure Code of the Russian Federation ... **155**

MUNICIPAL LAW
Petrov A. P.
Public administration in the field of inclusive sports ... **157**

CIVIL LAW
Voykova N. A., Vologdin A. A.
Civil law issues of investor rights protection and ways to harmonize legislation in the cross-border circulation of digital financial assets ... **159**
Gasanova A. M.
Citizens who maliciously evaded the responsibilities of maintaining the testator as unworthy heirs ... **165**
Gruzdev V. V., Kirova Ya. A., Fesenko E. A.
Offsetting as a type of termination of obligations ... **170**
Zhuravleva O. V., Bychko M. A., Razumov P. V.
Problems of protection of industrial design rights after the expiration of the exclusive right ... **174**
Kruglova I. A., Brodsky M. N., Shcherbakovsky G. Z.
Electronic transactions: private law risks and mitigation strategies ... **177**
Musakov S. V.
Retention of title clause and its impact on the formation of the bankruptcy estate ... **180**
Pavlov V. P.
Prospects for state support of creative industries for technological development of the Russian Federation in the context of the modern world market ... **183**
Telibekova I. M.
The ratio of the insured event, insurance risk and insurance service in the educational cumulative insurance contract ... **187**
Shpanagel F. F.
Problems of state regulation of the legal status of the self-employed in the Russian Federation ... **190**
Chattaev A. R., Glukhov E. R.
Consolidation of corporate legislation and insolvency (bankruptcy) legislation: concept, limits and place in the system of legal systematization ... **192**
Altynbaeva D. R.
Burden and standard of proof in civil litigation in China ... **194**
Gainanov B. S.
The legal nature of cashless money: reforms of Art. 128 of the civil code of the Russian Federation and the problem of absolute remedies ... **197**
Dzhalilov F. I.
Article 174.1 of the Civil Code of the Russian Federation as a differentiated regime of consequences of violating a prohibition on disposal of property ... **201**
Zhuravleva O. V., Buslov R. L., Khodakovsky P. M.
On the issue of the possibility of performing enforcement actions in relation to digital financial assets ... **205**
Klyuchkov A. V.
Digital transformation of the methods of obtaining information by the arbitration administrator in the insolvency (bankruptcy) procedures of citizens ... **208**
Kozhin M. Yu.
On the moment of emergence of the partnership of creditors and the debtor in insolvency proceedings ... **210**
Kornilov V. V.
The sole automobile of a large family in personal bankruptcy proceedings: limits, risks of abuse, and prospects for legal regulation ... **212**
Korotich A. V.
Application of the principle of exhaustion to transactions involving the alienation of virtual objects ... **215**
Kushner I. D.
Reliance on representations and warranties in English and US law ... **218**
Mamin M. A.
Information security as an element of the proper quality of a physical culture and health-improvement service ... **222**
Manucharyan A. A.
The concept and characteristics of property constituting the bankruptcy estate in bankruptcy proceedings ... **226**
Poerov S. V.
Teleology of contesting bankruptcy: from a transaction (Article 153 of the Civil Code of the Russian Federation) to an action affecting the bankruptcy estate ... **229**
Styslovich A. P.
Common and specific aspects of the implementation of digitalization of civil justice in the BRICS countries ... **234**
Tuzhilkina S. S.
The problem of using foreign words in online consumer information under the Russian language protection law ... **236**
Shadrov A. S.
Comparative legal analysis of directors' and officers' liability insurance models in Russia and common law countries ... **238**
Shatokhin I. V.
The place of well-known circumstances in the system of grounds for exemption from evidence ... **242**
Chattaev A. R., Glukhov E. R.
Problems of consolidation of corporate legislation and insolvency (bankruptcy) legislation in Russia: directions for improvement and comparative legal benchmarks ... **246**
Dzhalilov F. I.
The relationship between restitution and vindication in violations of a prohibition on disposal of property ... **248**
Fokin A. Yu.
Protection of cultural heritage sites for religious purposes in Spain ... **251**

CIVIL PROCESS
Stumak R. A., Fedorenko N. V.
On the issue of changing the internal content of the institution of procedural integrity in the judicial protection of the rights of consumers of financial services in the context of digitalization of the civil process ... **255**
Burnos E. N.
On the issue of non-procedural grounds for «freezing» a claim in arbitration proceedings ... **258**
Avramenko M. A.
Goals and objectives of joinder of non-signatories to arbitral proceedings ... **262**

HOUSING LAW
Sekretaryov R. V., Belova D. I.
A comprehensive method of legal regulation of housing relations: theoretical and legal analysis ... **265**

INHERITANCE LAW
Komarevtseva I. A., Gamidova D. I.
Violation of family law norms as a determinant of the legal status of the heir ... **268**

COPYRIGHT LAW
Pomazkova S. I., Dzhaniev V. B.
The problem of forming the basis of legal regulation of intellectual property at the international level ... **271**

Saprykin M. I.
Problems and legal gaps in cumulative protection of intellectual property ... **275**

LABOUR LAW
Kuchina Yu. A.
Social determinants of the quality of working life of Russian citizens ... **279**

FINANCIAL LAW
Kirsanova N. B., Pugach P. A.
The legal status of a secured creditor in bankruptcy proceedings: balancing interests and problematic aspects of bankruptcy estate distribution ... **282**
Perepechkina E. G.
Assessment of the effectiveness of state bodies in countering the legalization of criminal proceeds and the financing of terrorism ... **286**
Rozhdestvenskaya T. E., Guznov A. G.
Features of banking regulation in the United Arab Emirates ... **290**
Belous A. M.
The legal nature of cryptocurrency ... **293**
Krotova D. M.
Peculiarities of qualification by Arbitration Courts of misuse of budgetary funds ... **296**
Luo Junyao
Elimination of double taxation of cross-border income in the Russian Federation and China: comparative legal analysis ... **301**
Makarov D. R.
On the issue of electronic SMART controlling in the financial and budgetary sphere: theoretical and legal aspect ... **305**
Krotova D. M.
Subsidies: problems of dualism in the Russian Federation's fiscal law ... **308**

TAX LAW
Farikova E. A., Oprishko E. L.
Tax offense as a basis for legal liability ... **310**
Verbovoy G. S.
Tax monitoring as a stage in the evolution of the administration of largest taxpayers ... **314**

ENTREPRENEURIAL LAW
Zenkin S. D.
Settlement agreement as a universal legal means of business rehabilitation: evolution of the practice of the supreme court of the Russian Federation ... **318**
Kudryashov A. A.
Parallel import: approaches to the qualification of the concept and signs of a phenomenon ... **322**
Perevalov F. F.
Actual problems of the legal regime of intermediary activity in the current conditions of real estate turnover ... **325**
Shpanagel F. F.
Peasant (farm) farms as subjects of individual entrepreneurship: legal nature and classification issues ... **327**
Wang Boda
The 2019 Revision of the PRC securities law: main trends ... **329**
Kudryashov A. A.
Parallel imports in Russia as a legal phenomenon: the genesis of legal regulation and law enforcement ... **333**
Trusova E. D., Izroilov M. S.
Analysis of the impact of microfinance organizations on entrepreneurship in the Republic of Khakassia ... **337**

TRADE LAW
Zheleznov R. V.
Sanctions as grounds for exemption from liability under a foreign trade contract: a comparative legal analysis ... **340**

CORPORATE LAW
Blinov D. A.
Reinstatement of a withdrawn participant in a company where the company has no right to pay the fair value of the share ... **342**
Shcherbakova D. V.
The «Expecting participant» as a subject of corporate relations: the legal status of an heir during the period of formalization of inheritance rights ... **346**
Shiryaev R.
Quasi-corporate organizational and legal forms of capital pooling in foreign law: problems of classification and legal nature ... **349**

ECOLOGICAL LAW
Kolieva A. E., Maximov R. V., Nikulin S. Yu.
Adaptation of agriculture to climate change: trends in legal regulation ... **352**
Petrov A. M.
The problem of transboundary environmental impact: legal aspect ... **354**

CRIMINAL LAW
Dmitrieva A. A., Petrov P. K.
Problem issues in the qualification of abuse of official powers ... **357**
Latypova D. M.
Problematic aspects of legislative regulation of minors' criminal liability ... **360**
Manna A. A. K., Omar B. K. O.
Comparative legal analysis of punishments for crimes against property under the legislation of Iraq, Egypt and Saudi Arabia ... **362**
Mokhorov D. A., Abrosimov I. S., Balabkin D. A.
The problem of qualifying environmental terrorism at Russian energy facilities, with a corruption aspect ... **364**
Nigmatullin R. V.
Challenges in improving counter-terrorism efforts ... **367**
Chubukina A. E.
Features of juvenile delinquency in the Soviet period ... **371**
Chigrina E. V.
Disclosure of the secret of adoption: on the issue of the object and the objective side of the crime ... **375**
Khmelev S. A.
Comparative legal analysis of Russian and foreign legislation regulating criminal liability for iatrogenic crimes ... **378**
Shchelkonogova I. S.
On the international experience of fighting corruption ... **380**
Yushina Yu. V., Moshkina N. V.
Battery: problematic issues of interpreting certain elements of the crime ... **383**
Yakovlev-Chernyshev V. A.
On some problems of combating illegal migration: criminal law and international legal aspects ... **385**
Poya A. J.
Alternatives to juvenile criminal procedure in Iranian criminal procedure law ... **389**
Sergeev A. A.
Social conditionality of criminal law protection of public relations in the field of state and municipal procurement ... **391**
Yundina M. A.
Interpretation of the criterion of the convict's behavior in parole cases in judicial practice and its assessment in modern conditions ... **393**

CRIMINAL PROCESS
Andreeva E. Yu., Zakharova E. E.
Participation of a defense lawyer in investigative actions ... **396**
Dunaeva M. S.
Balancing public interests of justice and the right to personal data privacy in criminal proceedings of Russia under digitalization ... **399**
Litvintseva N. Yu.
The right to refuse to testify in criminal proceedings ... **402**
Medvedeva A. A., Prokofjeva S. M., Chasovnikova O. S.
On the issue of implementing the right to remain silent in the modern realities of criminal proceedings ... **405**
Safronov D. M.
The formation of a system of coercive measures in special conditions requires taking into account the conditions for the implementation of special legal regimes ... **407**

Strakhova S. V.
Confiscation of property as a criminal law measure: issues of practical application **410**
Churakov D. S.
Ensuring the legality of criminal proceedings in the context of digitalization: problem statement **414**
Kholevchuk A. G.
The use of steganography in criminology and criminal procedure: opportunities and promising directions **416**
Shavkarova E. E.
On the issue of the admissibility of the seizure of objects during the on-site verification of testimony **421**
Prokofjeva S. M., Medvedeva A. A., Chasovnikova O. S.
Theoretical and legal foundations for the use of digital evidence in criminal proceedings **423**

CRIMINAL-EXECUTIVE LAW
Igoshin V. G., Egorov S. S.
Ways and means of bringing prohibited items and substances into prisons **425**
Manna A. A. K., Al-Masafir D. M. H.
The evolution of practices of deprivation of liberty in Islamic criminal law amid contemporary challenges **427**
Igoshin V. G., Borodin A. E.
Interaction between departments and services in case of emergencies in correctional facilities **431**

CRIMINALISTICS
Vinnichenko A. S., Grabovets E. E., Grinchenko S. V.
Methodological aspects of individual elements of the criminalistics characteristics of rapes **433**
Mkrtychev M. G.
Problems of determining the subject of criminal encroachment on agricultural lands in Russian criminal law as a mandatory element of forensic characteristics **437**
Shvetsov R. E.
Foreign models of regulation of private detective activity: information restrictions and liability mechanisms **439**

CRIMINOLOGY
Bairov A. S.
Dynamics and structure of organized drug crime in the Republic of Buryatia in the 2000-2010s **443**
Muginova Z. R., Orekhova N. A., Kovgan E. Yu.
Criminological characteristics of crimes committed in public places and the role of CPR in their neutralization **446**
Koshkin A. V.
Criminological determinants of high-tech fraud **449**
Roshka M. Ya.
Crimes against property as an indicator of socio-economic well-being: a criminological analysis **453**
Cherepnenko E. A.
The criminal's personality: psychological concepts and mechanisms of criminal behavior **456**

LAW ENFORCEMENT AGENCIES
Baranova S. A.
Freelance cooperation with the police: the experience of Russia and foreign countries **460**
Kapustin V. V.
Problems of legal regulation of the use of firearms by police officers to stop vehicles **463**
Khorolsky V. V., Davletov V. I., Savchuk N. A.
Legal and tactical readiness of police officers to use firearms in special conditions of service **467**
Khorolsky V. V., Semenov S. G., Chernousov M. V.
Formation of comprehensive competence for the safe use of firearms by police officers in the context of a tactical variety of operational and service situations **470**

SECURITY AND LAW
Grishchenko L. L., Opaleva A. A.
Hybrid proxy terrorist war against Russia: economic determinants, technological means and legal aspects of counteraction **472**

PEDAGOGY AND LAW
Boytsov A. S., Matveeva Yu. G.
Conflict of interest and ethics of teachers: combating corruption in education **475**
Zhabkin A. S., Khalilullin F. F., Gusak V. V.
Formation of stress tolerance among students in the educational process of a law school **479**
Chetverikova A. I., Matveeva R. R., Solomko V. A.
Modern methods of teaching administrative law in law schools: problems and prospects **481**
PSYCHOLOGY AND LAW
Pilipenko N.A., Solovyova A.V.
Content analysis in the study of the dynamics of professional self-awareness among future lawyers **483**

STATE AND LAW
Andryukhina I. Yu., Rak E. A., Rak V. E.
On the issue of common approaches in the field of personnel management in public authorities and local governments **487**
Kalimullina I. R., Arslanov A. Sh.
Features of media law development in the context of digital transformation **489**
Mayatskaya O. B., Barmov E. A.
The transformation of «soft power» in the era of hybrid conflicts: from attraction to coercion **492**
Mirzaev Z. M., Magomedov Sh. G.
Institutional mechanisms for implementing legal policy in modern Russia: trends and regional aspect (on the example of the Republic of Dagestan) **494**
Ovchinnikov O. A.
Methodological foundations of the study of modern threats to public security in the Russian Federation **496**
Popova S. S., Nikolaev A. I.
Principles and criteria for evaluating the effectiveness of anti-corruption measures **499**
Agafonov D. L.
Anti-corruption personnel policy in the civil service system in the Russian Federation **501**
Davletov R. R.
Evolution of the legal framework for combating corruption in the modern Russian Federation **503**
Zankin D. A.
The anti-corruption policy of the modern Russian state: implementation issues and ways to improve **505**
Popova S. S., Nikolaev A. I.
Improving the effectiveness of mechanisms for resolving conflicts of interest in the civil service **507**
Khilchevskiy A. Yu.
State Atomic Energy Corporation «Rosatom»: from a union ministry to a public subject of private law **509**

POLICY AND LAW
Mayatskaya O. B., Kovrov V. F., Egamedieva A. Z.
The role of government programs in supporting youth entrepreneurship: assessment of the effectiveness of measures **513**

HUMAN RIGHTS
Dorzheeva V. V., Sleptsova O. Yu.
Trends in the development of legislation in the sphere of traditional economic activity and traditional nature management of indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East **516**
Shafikova G. R., Efimova V. N.
A comparative analysis of social roles in the professional-legal sphere of China and Japan **520**
Baydarova M. A., Fomin V. V.
Human rights activities of the Human rights commissioner in the Russian Federation: theoretical, legal, and practical aspects **523**
Kosenko O. A., Safarov V. R., Amineva S. F.
Prosecutorial supervision of the rights of participants and their family members: new challenges and practices **526**

ECONOMY. LAW. SOCIETY
Vlasova E. L., Ignatjeva I. V.
Using social media in advertising and public relations strategies: advantages and risks ... **528**
Zakharin G. E., Biryukova V. V.
Theoretical foundations and features of methodological approaches to planning the development of retail gas station chains: factors of location and configuration selection ... **533**
Medvedeva L. B., Danilchenko M. A.
Innovative solutions for entrepreneurs in the digital economy ... **537**
Spasskaya N. V., Kuznetsova K. V., Afanasjeva E. E.
Functionality of digital business promotion tools ... **539**
Chekryzhov A. V., Maximova E. V.
Scenario analysis of economic cooperation between the Russian Federation and the Republic of Turkey in the context of geoeconomic transformation ... **542**
Parshin E. A.
Parallel imports in the context of international trade regionalization ... **545**

PHILOSOPHY. LAW. SOCIETY
Abrarova Z. F., Olkhov N. S., Idiyatullin F. F.
Digital immortality: a philosophical analysis of the concept of consciousness uploading ... **548**
Bayanov K. R.
Conceptual foundations of semiotics: questions of methodology ... **551**
Zhambaev B. T., Zhambaeva U. B.
Lamaism is the search for alternative foundations in the existence of the spiritual ... **558**
Zolotukhin A. A., Golovina M. V.
The legitimacy crisis of law enforcement institutions in a digital society: a cultural-philosophical analysis ... **561**
Zubkov S. A.
Ecophilic philosophy in Buddhist thought ... **563**
Kapsargina S. A., Shmeleva Z. N.
Foreign language training for students at non-language universities as a factor in professional socialization in the digital society ... **565**
Kokorin A. N., Mineev V. V.
Professional identity in the structure of professional development: socio-philosophical facets ... **568**
Kolyshkin V. G.
Problems and prospects of research on the digital transformation of modern society ... **571**
Lapteva A. V.
Anthropological limits of artificial intelligence in upbringing: A socio-philosophical analysis ... **573**
Muchinskiy D. O.
Information control and its influence on the will ... **576**
Przhilenskiy I. V.
Ideological and value transformations in pre-revolutionary Russia as a major civilizational challenge ... **579**
Tarasov A. N., Kim A. D.
Anthropogenic boundaries of culture as a result of sociocultural transformations: a cultural-philosophical analysis ... **582**
Frolova N. A.
The principle of integrity in Russian culture: a philosophical analysis ... **584**
Sharipkulov A. V.
Sobornost as a sociocultural foundation of contemporary Russian ethno-ideology: a socio-philosophical analysis ... **586**
Shmatko A. A., Dzhavad O. V., Volchenkova A. V.
Analysis of a human-centric paradigm formation in the context of digitalization ... **589**
Gorchakova A. V.
The dynamics of public opinion transformation in the context of the informatization of social space ... **592**
Ivlev V. A.
Human freedom in the context of the philosophical interpretation of the problem of the social value of human life ... **595**
Kornienko K. A.
The ontology of artificial intelligence in the horizon of social communication ... **598**
Moskvitina A. M.
The problem of objectivity of the language of science under conditions of algorithmic mediation ... **600**
Muchinskiy D. O.
The state as an instrument of power: a historical and philosophical analysis ... **605**
Tarasov A. N., Kulikova A. A.
Transmodern as a possible completion of the postmodern stage of sociocultural transformation ... **608**
Shmatko A. A., Dzhavad O. V., Ogneva A. A.
Decentering the subject: philosophically mapping the reconfiguration of subjectivation in the age of digital mediation ... **610**

INFORMATION FOR AUTHORS ... **613**

Ш. А. САЙМОВА: МЕЖДУНАРОДНЫЙ МЕДИАЦИОННЫЙ ХАБ КАК ИНСТИТУТ ДИПЛОМАТИИ XXI ВЕКА

Интервью с Шолпан Алтынбековной Саймовой, доктором юридических наук (Ph.D), руководителем Центра публичного законодательства и государственного управления Института парламентаризма при Управлении делами Президента Республики Казахстан, научным руководителем проекта МНВО РК.

SH. A. SAIMOVA: THE INTERNATIONAL MEDIATION HUB AS AN INSTITUTION OF DIPLOMACY OF THE 21ST CENTURY

Interview with Sholpan Altynbekovna Saimova, Ph.D. in Law, Head of the Center for Public Legislation and Public Administration at the Institute of Parliamentarism under the Office of the President of the Republic of Kazakhstan, Scientific director of the project of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan.

Саймова Ш. А.

– Современный мир переживает кризис международных институтов. Почему именно сейчас возникает потребность в создании Международного медиационного хаба и как Казахстан может оказаться в центре этой инициативы?

– Прежде всего хотела бы отметить, что для Казахстана 2026 год стал по-настоящему этапным. В марте на всенародном референдуме была принята новая Конституция Республики Казахстан, закрепившая человекоцентричную парадигму развития, а также особую роль науки, образования и интеллектуального потенциала страны.

Сегодня государство уделяет серьезное внимание научным исследованиям, ориентированным не только на теоретическое осмысление глобальных процессов, но и на выработку практических решений для системы государственного управления и международного сотрудничества.

Именно в рамках такой исследовательской парадигмы уже второй год реализуется наш научный проект, посвященный изучению международного медиационного хаба как инструмента мирного урегулирования конфликтов и укрепления глобальной безопасности.

И это особенно актуально именно сейчас, поскольку современная международная система переживает глубокую трансформацию. Мир становится более полицентричным, менее предсказуемым, возрастает число гибридных и региональных конфликтов, усиливаются киберугрозы, информационное воздействие и иные транснациональные риски. В этих условиях международный запрос на новые механизмы доверия, диалога и превентивной дипломатии объективно возрастает.

Эта динамика сопровождается, как отмечает Президент Республики Казахстан Касым-Жомарт Токаев, выступая на Общих дебатах в рамках 77-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, углублением кризиса доверия в международной системе и ростом конфликтности глобальной среды, где «с пугающей скоростью растет взаимное недоверие между мировыми державами», а «мир пал жертвой нового витка военных конфликтов», при этом «впервые за два поколения мы столкнулись с опасностью применения ядерного оружия, причем не в качестве крайней меры».

В этих условиях особое значение приобретают все средства мирного урегулирования споров, среди которых следует выделить медиацию/посредничество, которая может выступать как самостоятельный инструмент предупреждения конфликтов, кризисного реагирования и постконфликтного урегулирования. В отличие от классической дипломатии, основанной преимущественно на представлении и продвижении национальных интересов государств, медиация ориентирована на создание нейтральной переговорной среды, содействие диалогу и поиск взаимоприемлемых решений. Ее гибкость, неформализованный характер и способность учитывать политическую чувствительность конфликтующих сторон делают медиацию особенно востребованной в ситуациях, когда традиционные дипломатические каналы оказываются недостаточно эффективными или сталкиваются с ограничениями. В результате медиация все чаще выступает не вспомогательным, а самостоятельным механизмом урегулирования сложных международных конфликтов. Вместе с тем, несмотря на наличие посреднических практик в международных отношениях, на сегодняшний день международная система не обладает специализированным постоянно действующим институтом, целенаправленно институционализированным именно для осуществления межгосударственной медиации. Вместе с тем наблюдается зарождение новой тенденции к формированию подобных структур, так, в частности, в Китае в прошлом году был создан соответствующий институт, отражающий усиливающийся интерес государств к институционализации посреднических механизмов.

Теперь о казахстанском измерении данной инициативы. Казахстан обладает уникальным международно-политическим опытом, сформировавшим основу его участия в вопросах международной безопасности, дипломатии и урегулирования конфликтов. Ключевое значение в этом контексте имеет добровольный отказ страны от одного из крупнейших в мире ядерных арсеналов после обретения независимости – решение, не имеющее полноценных аналогов в современной международной практике. Именно этот шаг обеспечил Казахстану значительный политико-дипломатический и моральный капитал в сфере международной безопасности, разоружения и нераспространения.

Данный внешнеполитический курс последовательно развивается и в современной дипломатической стратегии государства. Президент Республики Казахстан Касым-Жомарт Токаев в своих выступлениях на международных площадках неоднократно подчеркивал приверженность Казахстана верховенству международного права, многостороннему сотруд-

ничеству, диалогу и дипломатическим средствам разрешения конфликтов. Эти подходы находят отражение не только на уровне внешнеполитического курса, но и в практической деятельности страны, например, в участии в создании и поддержке переговорной площадки по сирийскому урегулированию, продвижении повестки ядерного нераспространения, развитии платформ межцивилизационного и межрелигиозного диалога, а также укреплении репутации Казахстана как площадки для дипломатического диалога.

В этой логике создание международного медиационного хаба представляется не отдельной инициативой, а закономерным этапом институционального развития уже сложившегося внешнеполитического позиционирования Казахстана. Если ранее страна выступала площадкой для переговоров, посреднических контактов и дипломатического взаимодействия, то хаб способен придать этому направлению устойчивое организационное оформление, превратив накопленный политико-дипломатический опыт в специализированный международный институт.

– На каких внешнеполитических инициативах Казахстана основывается применение медиации и насколько они отражают формирование соответствующей практики?

– Во внешнеполитической практике Казахстана прослеживаются элементы медиативно-посреднического подхода, выражающиеся в комплексе конкретных инициатив, в рамках которых страна выступает не стороной конфликта, а нейтральной переговорной площадкой, обеспечивающей возможность диалога между государствами с противоположными интересами. Последовательность и устойчивость данного подхода во многом связаны с внешнеполитической линией Президента Республики Казахстан Касым-Жомарта Токаева, который в своих выступлениях на международных площадках подчеркивал, что Казахстан неизменно выступает за дипломатию вместо эскалации и за диалог вместо силы», а основополагающие принципы суверенитета, территориальной целостности и мирного урегулирования споров должны соблюдаться неукоснительно, без каких-либо исключений.

Наиболее показательным примером практической реализации этой линии является Астанинский процесс по Сирии, в рамках которого с 2017 года Казахстан предоставляет постоянную площадку для переговоров между Россией, Турцией и Ираном – государствами, занимающими существенно различающиеся позиции в сирийском конфликте. Существенным аспектом данного процесса является именно нейтральность казахстанской площадки, позволившая участникам вести диалог в условиях отсутствия взаимного доверия и невозможности проведения подобных переговоров на территории одной из вовлеченных сторон без риска обвинений в предвзятости.

Другим значимым направлением выступает деятельность Казахстана в рамках Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (далее - СВМДА), инициированного и последовательно развиваемого страной как инструмент превентивной дипломатии. СВМДА функционирует как многосторонняя платформа выстраивания мер доверия между странами, которые не всегда имеют устойчивые дипломатические связи или находятся в состоянии скрытой конкуренции, что подчеркивает роль Казахстана как организатора и фасилитатора диалога вне блоковой логики.

Дополнительное подтверждение данной линии внешнеполитической практики связано с периодом членства Казахстана в Совете Безопасности ООН в 2017-2018 годах страна активно участвовала в продвижении афганского направления, содействовала политическому диалогу между сторонами афганского конфликта и участвовала в согласовании гуманитарных резолюций по Сирии и Йемену.

Таким образом, совокупность этих и других примеров демонстрирует, что в данных процессах присутствуют элементы в том числе медиации, выражающиеся в устойчивом наборе дипломатических действий, направленных на создание, поддержание и организационное сопровождение переговорных пространств между конфликтующими сторонами.

– Как идея медиационного хаба соотносится с политическим курсом действующего Президента Казахстана?

– Данная связь носит принципиальный характер. Президент Республики Казахстан Касым-Жомарт Токаев последовательно продвигает в своей внешнеполитической риторике и практической деятельности идеи диалога, многостороннего сотрудничества и превентивной дипломатии. В его выступлениях на международных площадках неоднократно подчеркивается ориентация Казахстана на мирное урегулирование международных споров и конфликтов посредством переговоров и диалога, что формирует политико-идеологическую основу соответствующих внешнеполитических инициатив. Так, в своем выступлении Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев на общих дебатах 80-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, четко обозначил позицию: «Казахстан продолжит выступать в роли посредника и миротворца. Наш выбор – баланс, а не доминирование, сотрудничество, а не конфронтация, мир, а не война».

В этом контексте казахстанская дипломатия последних лет демонстрирует развитие посреднических элементов, поддержку международной стабильности и поиск компромиссных решений в условиях возрастающей геополитической поляризации. В рамках данной логики в рассматриваемых процессах формируются элементы медиативно-посреднического подхода, а проект медиационного хаба может рассматриваться как институциональное развитие этих практик, предполагающее переход от отдельных дипломатических инициатив к формированию постоянного международного механизма посредничества.

– В чем принципиальное отличие медиационного хаба от уже существующих международных организаций - ООН, ОБСЕ, Международного суда?

– Если сопоставить предлагаемый медиационный хаб с существующими международными механизмами посредничества, включая систему Организации Объединенных Наций, становится очевидно, что речь не может идти о функциональном дублировании. В рамках ООН уже сформирован комплекс инструментов медиативного характера - «добрые услуги» Генерального секретаря, деятельность специальных посланников, политических и миротворческих структур, а также поддержка неформальных треков диалога. Однако эти механизмы встроены в более широкую политико-институциональную архитектуру, зависят от мандатных решений и применяются, как правило, ситуативно - под конкретные кризисы и конфликты.

Именно здесь проявляется принципиальное различие - медиационный хаб не претендует на замещение или дублирование функций ООН либо иных международных организаций, а формируется как специализированная инфраструктура международного посредничества. Его задача заключается не в принятии политических решений и не в институциональном представлении сторон, а в обеспечении устойчивой операционной среды для медиации как процесса.

В отличие от универсальных международных организаций, хаб может быть ориентирован на непрерывную профессионализацию посреднической деятельности, формирование пула подготовленных медиаторов, разработку методологических стандартов, а также организационно-аналитическое сопровождение переговорных процессов. Особое значение приобретает его роль в раннем предупреждении конфликтов и поддержке гибких форматов взаимодействия, включая трек-2 и трек-1.5 дипломатию, которые часто остаются вне формализованных межгосударственных механизмов.

Таким образом, потенциальный медиационный хаб следует рассматривать не как альтернативу существующей архитектуре международного урегулирования, а как ее функ-

циональное дополнение. Его ценность заключается именно в восполнении инфраструктурного дефицита в сфере профессиональной медиации, обеспечивая более устойчивую, технологически и методологически организованную основу для посреднических усилий, в том числе в координации с механизмами ООН и другими международными структурами.

– Каков функциональный профиль медиационного хаба? Что конкретно он должен делать?

– В настоящее время в рамках научного проекта проводится комплексное и глубокое исследование международных моделей медиации, механизмов мирного урегулирования конфликтов, а также институциональных подходов, применяемых в сфере глобальной безопасности и ядерного разоружения. Мы исходим из того, что современный медиационный хаб это уже не просто переговорная площадка в классическом понимании. Речь идет о формировании полноценной многоуровневой институциональной архитектуры, способной объединить экспертный, дипломатический, правовой и аналитический потенциал для предупреждения и мирного разрешения международных противоречий. На наш взгляд, функциональный профиль такого медиационного хаба должен включать как минимум пять ключевых направлений деятельности.

Первое – формирование специализированной площадки для диалога по вопросам ядерного разоружения и нераспространения, что является отдельным стратегическим направлением проекта. В этом контексте хаб может выступать как пространство для продвижения инициатив по снижению ядерных рисков и укреплению глобального режима нераспространения, опираясь на международный опыт и историческую роль Казахстана в данной сфере.

Второе – экспертно-аналитическая деятельность в сфере международной безопасности, ядерного разоружения и нераспространения, включая прикладные исследования и экспертное сопровождение дипломатических процессов.

Третье – международное посредничество и сопровождение переговорных процессов между государствами, включая «замороженные» конфликты и трансграничные споры, где требуется нейтральная и профессионально организованная переговорная среда.

Четвертое – подготовка профессиональных медиаторов и переговорщиков, поскольку современная медиация представляет собой не только форму дипломатической практики, но и самостоятельную профессиональную сферу, требующую междисциплинарных компетенций в области международного права, конфликтологии, психологии, регионоведения и переговорных технологий.

Пятое – развитие цифровой дипломатии и инновационных медиационных технологий, включая использование цифровых платформ для переговорных процессов, аналитических инструментов и новых форм дистанционного посредничества, повышающих оперативность и гибкость урегулирования конфликтов.

Реализация указанных направлений предполагает институционально-технологическую интеграцию соответствующих сервисов и инструментов, что обусловливает необходимость создания медиационного хаба как цифровой платформы, функционирующей по принципу «единого окна» доступа ко всем медиационным услугам, включая организацию и сопровождение процедур в электронном формате. В данном контексте хаб выступает не просто как переговорная площадка, а как системная инфраструктура, объединяющая экспертные, институциональные и цифровые компоненты посреднической деятельности. Иными словами, речь идет о формировании полноценной международной экосистемы мирного урегулирования.

При этом данная экосистема хаба не может быть ограничена исключительно международным уровнем и предполагает формирование внутреннего институционального контура, обеспечивающего ее устойчивость и функциональную воспроизводимость. Такой контур ориентирован на развитие кадрового, экспертного и методологического потенциала медиативной деятельности, не дублируя существующие механизмы альтернативного разрешения споров, а формируя инфраструктурную базу для их качественного развития. Его ключевая функция заключается в подготовке профессиональных медиаторов и переговорщиков, апробации процедурных решений, развитии методологии медиации и обеспечении устойчивой «внутренней подпитки» международного компонента хаба.

Логическим продолжением формирования такого внутреннего контура становится его нормативно-правовое оформление, поскольку его институционализация требует закрепления правового статуса, функций и механизмов реализации на уровне специального законодательного акта. В этой связи в рамках проекта экспертами был подготовлен законопроект, который направлен на создание медиационного хаба как цифровой платформы с определением его правовой природы, функциональных направлений и базовых принципов деятельности. Законопроект также закрепляет правовые основы функционирования и интеграцию оказания медиационных услуг в единой цифровой инфраструктуре хаба.

– Вы упомянули законопроект. Расскажите подробнее: какую нормативную базу создает ваша исследовательская группа?

– Это принципиально важная часть нашей работы. Наш проект не ограничивается разработкой концептуальной модели - в его рамках подготовлен законопроект о внесении изменений и дополнений в законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования международной медиации.

Законопроект выстроен по многоуровневому принципу правового регулирования. На уровне Гражданского кодекса предлагается закрепить норму о приостановлении течения срока исковой давности на период действия соглашения о медиации, что устраняет один из правовых барьеров, сдерживающих обращение сторон к медиационным процедурам, связанный с риском утраты права на судебную защиту. В Гражданском процессуальном кодексе предусматривается корректировка порядка возврата государственной пошлины при достижении примирения в суде, направленная на создание стимулирующего, а не нейтрального режима правового регулирования медиации.

На уровне специального законодательства о медиации предлагается институционализация понятия «медиационный хаб» как цифровой инфраструктуры посредничества, а также закрепление механизмов признания иностранных сертификатов медиаторов, введение электронного формата проведения процедур, регламентация использования аудио- и видеофиксации медиационных процессов и формирование специальных норм, регулирующих международную медиацию, включая вопросы исполнения трансграничных медиативных соглашений. Данные положения в значительной степени корреспондируют нормы закона с подходами, заложенными в Сингапурской конвенции ООН о международных мировых соглашениях 2019 года, и направлены на их имплементацию в национальную правовую систему.

Таким образом, речь идет не только о концептуальном осмыслении института международной медиации, но и о формировании целостной правовой инфраструктуры его функционирования, что отличает данный проект от сугубо теоретических разработок и переводит его в плоскость практической правовой реализации.

– Расскажите о международной исследовательской составляющей проекта. В какие зарубежные центры и институты в сфере дипломатии и международной безопасности были осуществлены визиты в рамках исследования?

– Проект изначально задумывался не только как теоретическое исследование, но и как практико-ориентированная научная работа с выраженной международной составля-

ющей. Буквально на днях мы с членами исследовательской группы вернулись из Вены и Стокгольма — признанных мировых центров дипломатии, международной безопасности и миротворчества, где провели ряд исследовательских встреч и приняли участие в экспертных мероприятиях.

Вена является одним из ключевых центров многосторонней дипломатии, где расположены штаб-квартиры ведущих международных организаций, работающих в сфере ядерной безопасности, разоружения и международного сотрудничества. В ходе визита был изучен опыт Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), играющего важную роль в обеспечении режимов ядерного нераспространения и мирного использования атомной энергии. Особое внимание было уделено механизмам международного контроля в сфере ядерного нераспространения, взаимодействию международных организаций с государствами, а также инструментам урегулирования вопросов, связанных с ядерной деятельностью и выполнением международных обязательств.

Важной частью программы стало обсуждение концептуальных положений Международного медиационного хаба в Vienna Center for Disarmament and Non-Proliferation (VCDNP) - Венском центре по вопросам разоружения и нераспространения, который является одним из ведущих международных экспертно-аналитических центров в области контроля над вооружениями, ядерного нераспространения и международной безопасности.

Кроме того, в рамках исследовательской программы состоялись рабочие встречи в Венском университете. Также представилась возможность принять участие в международном экспертном мероприятии «Beyond the RevCon: Leveraging Nuclear-Weapon-Free Zones for Risk Reduction», организованном Open Nuclear Network и Global Neighbours в партнерстве с Vienna School of International Studies. В центре обсуждения находились современные механизмы снижения ядерных рисков, роль зон, свободных от ядерного оружия, в укреплении международной безопасности, а также новые подходы к развитию многостороннего сотрудничества в сфере разоружения и нераспространения. Для Казахстана, внесшего значительный вклад в развитие международной повестки в области ядерного разоружения и создания Центральноазиатской зоны, свободной от ядерного оружия, подобные дискуссии имеют особую практическую значимость.

Вторым важным направлением исследования стал Стокгольм - один из ведущих мировых центров исследований мира, предотвращения конфликтов и международной безопасности. Основное внимание было уделено изучению деятельности Стокгольмского международного института исследования проблем мира (SIPRI), который на протяжении многих десятилетий остается одним из наиболее авторитетных аналитических центров в сфере контроля над вооружениями, военных расходов и глобальной безопасности. В фокусе исследования находились современные методы конфликтного мониторинга, аналитического сопровождения процессов разоружения и оценки международных рисков.

Также представилась возможность принять участие в мероприятиях Alva Myrdal Centre for Nuclear Disarmament при Уппсальском университете — одном из ведущих европейских научно-исследовательских центров, специализирующихся на вопросах ядерного разоружения, международной безопасности и мирного урегулирования конфликтов. Особый интерес представляли исследования, посвященные снижению ядерных рисков, укреплению режимов нераспространения и развитию международного диалога в условиях возрастающей геополитической напряженности.

Материалы, собранные в ходе данных визитов, а также результаты профессионального взаимодействия с представителями международных организаций, аналитических центров и академического сообщества имеют прикладное научно-исследовательское значение. Они существенно расширили эмпирическую базу проекта и создали дополнительные возможности для дальнейшего изучения международного опыта в сфере посредничества, мирного урегулирования конфликтов и укрепления международной безопасности. Накопленные материалы будут использованы на последующих этапах исследования при разработке концептуальных подходов и организационной модели Международного медиационного хаба.

– Каков должен быть международно-правовой статус хаба? Это международная организация, специализированный центр или нечто иное?

– Это действительно ключевой вопрос, от ответа на который напрямую зависит операционная и институциональная жизнеспособность всего проекта.

В рамках разработки рассматривается несколько возможных моделей институционального оформления хаба. **Первая модель** предполагает его создание в качестве самостоятельной международной организации, учреждаемой на основе многостороннего договора и обладающей ограниченной международной правосубъектностью, включая возможность заключения международных соглашений, формирования органов управления и обеспечения функциональных иммунитетов. **Вторая модель** предусматривает размещение хаба в формате специализированного центра при уже существующей международной организации, что позволяет опираться на ее институциональную инфраструктуру и правосубъектность. **Третья модель** основана на формате региональной договорной инициативы группы государств без создания полноценной международной организации, но с координационными и экспертными механизмами взаимодействия.

Каждый из указанных вариантов обладает собственными преимуществами и ограничениями, связанными с уровнем автономии, политической легитимности и институциональной устойчивости. В этой связи оптимальная архитектура хаба может включать многоуровневую систему управления, где стратегическую функцию выполняет международный совет, операционную - секретариат, географическое присутствие обеспечивается через сеть региональных офисов, а научно-аналитическое сопровождение осуществляется через экспертные платформы.

При этом принципиально важно, чтобы независимо от выбранной институциональной модели хаб функционировал по логике полного цикла посредничества - от раннего предупреждения и аналитического сопровождения конфликтов до организации переговорного процесса и последующего мониторинга реализации достигнутых договоренностей.

– Какую роль играет медиационный хаб в продвижении ядерного разоружения и нераспространения в условиях замедления глобального прогресса в этой сфере?

– Вопросы ядерного разоружения и нераспространения остаются одной из наиболее чувствительных и одновременно системообразующих сфер международной безопасности, поскольку затрагивают базовые параметры стратегической стабильности и уровень взаимного доверия между государствами. Несмотря на наличие развитой договорно-правовой архитектуры, включая Договор о нераспространении ядерного оружия и Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, современная динамика в данной области демонстрирует признаки замедления и остановки данного процесса. Одновременно сохраняется тенденция к модернизации ядерных арсеналов, а также усиливается влияние новых факторов стратегической нестабильности, связанных с развитием кибер- и космических технологий. В совокупности это усиливает дефицит доверия между ядерными и неядерными государствами, который становится ключевым ограничителем эффективности существующих международных механизмов.

В этих условиях особое значение приобретает позиция и исторический опыт Казахстана, который занимает уникальное место в глобальной ядерной повестке. Государство

стало первым в мире, добровольно закрывшим ядерный испытательный полигон и отказавшимся от четвертого по величине ядерного арсенала, что сформировало устойчивый морально-политический авторитет страны в вопросах разоружения и укрепления международной безопасности. Как подчеркнул Президент Республики Казахстан Касым-Жомарт Токаев, выступая на общих дебатах 80-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, «Казахстан готов принять новый диалог по ядерному разоружению и нераспространению. Мы можем сосредоточиться на неформальных всеобъемлющих дискуссиях, которые укрепят Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и обеспечат прогресс в реализации Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ)»

Именно на этой основе формируется предложение о включении ядерного разоружения и нераспространения в число базовых функциональных направлений медиационного хаба. В предлагаемой модели хаб выступает не только как площадка посредничества в межгосударственных конфликтах, но и как постоянный институциональный механизм диалога между ядерными и неядерными государствами, разработки экспертных подходов к снижению стратегических рисков и продвижения мер укрепления доверия. Таким образом, данное направление становится встроенным элементом архитектуры хаба, определяющим его международную значимость и содержательную специфику.

– Каков следующий практический шаг в развитии Вашего проекта? Что необходимо сделать, чтобы хаб из концепции превратился в действующий институт?

– На мой взгляд, дальнейшее развитие проекта может осуществляться по нескольким параллельным направлениям.

Одним из следующих шагов может стать дальнейшая проработка подготовленного законопроекта, направленного на формирование правовой инфраструктуры международной медиации в Казахстане и имплементацию ключевых международных инструментов, включая Сингапурскую конвенцию ООН о международных мировых соглашениях, с последующим его экспертным и институциональным обсуждением.

Параллельно будет рассматриваться возможность развития экспертного взаимодействия и установления контактов с уполномоченными органами. В этом контексте усилия будут направлены на продвижение идеи хаба и ее понимание, как нейтральной инфраструктуры, ориентированной на обеспечение международного диалога и посредничества.

Одновременно продолжается научно-исследовательская работа, включающая сравнительно-правовой анализ, изучение международного опыта, в том числе формирующихся институтов медиации, таких как IOMed, а также разработку методологических оснований функционирования предлагаемой модели хаба.

Отдельно следует отметить, что разработанные предложения и рекомендации были направлены в Парламент Республики Казахстан и Министерство иностранных дел для рассмотрения в установленном порядке; в настоящее время их дальнейшее рассмотрение осуществляется в рамках предусмотренных процедур, а возможные решения и обратная связь со стороны компетентных органов будут зависеть от результатов соответствующей экспертной оценки.

Таким образом, в долгосрочной перспективе данная работа может способствовать формированию устойчивой концептуальной и практической основы для развития международной медиационной инфраструктуры и укрепления роли посредничества как инструмента урегулирования конфликтов.

– В заключение, какие ключевые риски и ограничения Вы видите при реализации проекта международного медиационного хаба?

– Это действительно важный вопрос, поскольку он позволяет перейти от концептуального уровня к оценке практической реализуемости проекта.

Одним из ключевых рисков является высокая зависимость подобных инициатив от политической воли государств-участников и их готовности рассматривать медиацию как приоритетный инструмент урегулирования конфликтов. Международная система сегодня характеризуется значительным уровнем геополитической конкуренции, что может ограничивать готовность отдельных акторов участвовать в нейтральных посреднических форматах, особенно если они воспринимаются как потенциально влияющие на баланс интересов.

Второй существенный блок ограничений связан с институциональной конкуренцией и перегруженностью существующей архитектуры международных организаций. Несмотря на наличие широкого спектра механизмов посредничества, координация между ними остается фрагментированной, а новые инициативы неизбежно сталкиваются с вопросом их ценности и встроенности в уже существующую систему.

Третий риск касается доверия к самому институту посредничества. Эффективность медиации в значительной степени определяется восприятием нейтральности, профессиональной компетентности и институциональной устойчивости площадки. Формирование такого доверия требует времени и устойчивой практики, а на начальных этапах любые новые структуры неизбежно проходят период институциональной верификации.

Наконец, отдельным ограничением выступает необходимость обеспечения устойчивой экспертной и кадровой базы. Медиация как профессиональная сфера требует высокой степени специализации, междисциплинарных компетенций и международного опыта, что предполагает длительный процесс подготовки кадров и формирования профессионального сообщества.

При этом важно подчеркнуть, что в целом данные ограничения не носят блокирующего характера, а скорее определяют условия постепенной и поэтапной реализации проекта.

В завершение можно отметить, что медиационный хаб в предлагаемой концепции рассматривается не как одномоментный институциональный проект, а как долгосрочная эволюционная модель развития международной посреднической инфраструктуры. Его основная ценность заключается в попытке систематизировать и институционализировать уже существующие практики посредничества, придав им более устойчивую, профессиональную и технологически организованную форму. Именно в этом смысле проект следует рассматривать как вклад в более широкую трансформацию подходов к международному урегулированию конфликтов - от эпизодических и фрагментарных решений к более структурированным и предсказуемым механизмам диалога и посредничества.

– Благодарим Вас за содержательный и обстоятельный разговор, за глубокое раскрытие концепции международного медиационного хаба и представление его ключевых идей и направлений. Желаем успехов в дальнейшей исследовательской работе, реализации проекта, новых научных и практических достижений, а также расширения международного сотрудничества в сфере посредничества, диалога и мирного урегулирования конфликтов.

Беседу провел редакционный отдел.

Материал подготовлен в рамках научного проекта AP26100031 «Международный медиационный хаб как инструмент мирного разрешения конфликтов и ядерного разоружения: опыт Казахстана и зарубежных стран».

Источник финансирования – Комитет науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

ТВОРЧЕСКИЙ КОНКУРС МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ К СТОЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА И. И. ЛУКАШУКА

В связи с празднованием 100-летия со дня рождения всемирно известного советского и российского ученого юриста-международника, профессора, доктора юридических наук, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, лауреата Государственной премии России Игоря Ивановича Лукашука редакция Евразийского юридического журнала продолжает публикацию серии статей, посвященных перспективам прогрессивного развития международного права в условиях противоречивого развития глобальных процессов и обострения геополитического противостояния. 1 июня 2026 года Игорю Ивановичу Лукашуку исполнилось бы 100 лет. Но, к сожалению, сердце этого замечательного человека и ученого перестало биться 27 января 2007 года. Среди научных трудов И. И. Лукашука следует выделить новаторские исследования международно-правовых аспектов глобализации, которые без преувеличения являлись настоящим прорывом в правовом сознании и мышлении. Время подтвердило актуальность и достоверность подходов Игоря Ивановича, которые и сегодня являются добротной основой для развития международного права как науки, совокупности учебных дисциплин, системы принципов и норм

БУРЬЯНОВ Сергей Анатольевич
кандидат юридических наук, доцент, научный руководитель Global Law Forum

БУРЬЯНОВ Максим Сергеевич
магистр юриспруденции, аспирант, Институт экономики, управления и права, Московский городской педагогический университет; эксперт Молодежного совета при Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации

Бурьянов С. А.

Бурьянов М. С.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ МИРОВОГО ПОРЯДКА И ПРАВО СИЛЫ. О НЕОБХОДИМОСТИ ПРИНЯТИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ ДЕКЛАРАЦИИ И КОНВЕНЦИИ О ПРАВЕ НА СВОБОДУ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОГО ВЫБОРА И ПРИНЦИПЕ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОГО НЕЙТРАЛИТЕТА СУБЪЕКТОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЧНОГО ПРАВА В АНАЛОГОВОЙ И ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

В статье в качестве ключевого средства преодоления силового геополитического противостояния и перехода к человекоориентированному развитию обосновывается необходимость разработки и принятия на универсальном уровне в рамках Организации Объединнных Наций Глобальной декларации и Глобальной конвенции о праве на свободу мировоззренческого выбора и принципе мировоззренческого нейтралитета субъектов международного публичного права в аналоговой и цифровой среде. Показано, что международно-правовое закрепление свободы мысли, совести, религии или убеждений сохраняет фундаментальное значение, однако в условиях цифровой глобализации 4.0 нуждается в дальнейшем развитии, правовом уточнении и институциональном усилении. Обосновывается переход от преимущественно охранительного понимания свободы совести к концепции ее реализации как свободы мировоззренческого выбора каждого человека без дискриминации, принуждения и скрытого технологического воздействия. Особое внимание уделяется публично-правовому мировоззренческому нейтралитету государства, международных организаций и иных носителей публичной власти. Исследование объединяет подходы международного права прав человека, правовой определенности, оценки цифровых рисков, алгоритмического аудита и договорной кодификации. Принятие Декларации и Конвенции станет ключевым цивилизационным шагом к сохранению внутренней свободы человека и преодолению геополитического тупика, поскольку эти документы позволяют нейтрализовать мировоззренческую вражду, защитить сознание от алгоритмического манипулирования и заложить основу для мирного сосуществования государств и их перехода к устойчивому человекоориентированному развитию.

Ключевые слова. Свобода мировоззренческого выбора; публично-правовой мировоззренческий нейтралитет; цифровая глобализация 4.0; искусственный интеллект; алгоритмический нейтралитет; цифровой суверенитет личности; права человека; международное право; устойчивое развитие.

BURYANOV Sergey Anatoljevich
Ph.D. in Law, associate professor, scientific director of the Global Law Forum

BURYANOV Maxim Sergeevich
master of law, postgraduate student, Institute of Economics, Management and Law, Moscow City Pedagogical University; expert of the Youth Council under the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation

GLOBALIZATION OF WORLD ORDER AND THE LAW OF FORCE. ON THE NEED FOR ADOPTING A GLOBAL DECLARATION AND CONVENTION ON THE RIGHT TO LIBERTY OF WORLDVIEW CHOICE AND THE PRINCIPLE OF WORLDVIEW NEUTRALITY OF SUBJECTS OF PUBLIC INTERNATIONAL LAW IN ANALOG AND DIGITAL ENVIRONMENTS

The article substantiates the need to develop and adopt at the universal level within the United Nations a Global Declaration and Global Convention on the Right to Liberty of Worldview and the Principle of Worldview Neutrality of Subjects of Public International Law applicable in both analog and digital environments. It is shown that the international legal recognition of freedom of thought, conscience, religion or belief remains of fundamental importance, but in the context of digital globalization 4.0 it requires further development, legal clarification and institutional strengthening. The paper substantiates the transition from a predominantly protective understanding of liberty of conscience to the concept of its implementation as the liberty of worldview choice of each person without discrimination, coercion, and hidden technological influence. Particular attention is paid to the public-law worldview neutrality of the state, international organizations and other holders of public authority. The study integrates approaches from international human rights law, legal certainty, digital risk assessment, algorithmic audit, and contractual codification. The adoption of the Declaration and Convention will be a key civilizational step toward preserving human freedom and overcoming the geopolitical impasse, as these documents help neutralize ideological hostility, protect consciousness from algorithmic manipulation, and lay the foundation for the peaceful coexistence of states and their transition to sustainable, human-centered development.

Keywords. Liberty of worldview choice; public law worldview neutrality; digital globalization 4.0; artificial intelligence; algorithmic neutrality; digital sovereignty of the individual; human rights; international law; sustainable development.

«Глобализация открывает перед человечеством невиданные возможности процветания и одновременно таит в себе колоссальные опасности, ставящие под угрозу само существование нашей цивилизации».

Лукашук И. И. Глобализация и государство // Журнал российского права. – 2001. – №4. –С. 64.

Современный глобализирующийся мир [11, 12, 30] переживает эпоху турбулентности и существенных сдвигов в политической, экономической, социальной, технологической и духовно-нравственной сферах [36]. Различные акторы, включая государства и цифровые платформы, все глубже погружаются в сеть глобальных взаимозависимых отношений в самых разных областях - от мировых финансов до проектов в сфере искусственного интеллекта и освоения космоса [2]. При этом глубокая технологическая связность мира не обеспечивает мирного развития, так как сегодня геополитическое противостояние все чаще берет верх над принципами международного права и Устава ООН [8, 9, 10, 27].

Обострение силового геополитического противостояния представляется закономерным итогом доминирования права силы и несовершенства действующих международно-правовых механизмов [1, 3]. Однако, его корни следует искать в глубине религиозной политики и отношений государств с мировоззренческой сферой. В условиях, когда государство сакрализирует свою идеологию, геополитика превращается в войну веры, где компромисс невозможен, а оппонент дегуманизируется [7]. Это нередко превращает внешнюю политику в иррациональную идеологическую экспансию, где отсутствие уважения к чужой свободе и восприятие других стран как экзистенциальной угрозы заменяет международное право правом силы [28, 29, 36]. Соответственно любая попытка диалога разбивается о нежелание сторон признавать право оппонента на иную ценностную модель.

Преодоление разрыва между стремительным расширением инструментов цифрового контроля и отставанием международно-правовых гарантий свободы личности требует утверждения мировоззренческого нейтралитета как основы перехода международных отношений от логики экспансии к принципам прагматичного права. В этом контексте международное право становится не просто инструментом ограничения произвола и достижения доверия, но и фундаментом нового мирового порядка, в соответствии с тезисом И. И. Лукашука, необходимого для обеспечения глобального прогресса в эпоху технологических трансформаций [16, 17, 18].

Ситуация в мировоззренческой сфере в значительной мере предопределяет геополитическое противостояние, вооруженные конфликты и напрямую ускоряет угрозу утраты человеческой субъектности. Мировое давление на свободу убеждений достигло исторического максимума, затронув, по данным Pew Research Center, 186 стран и более 75% населения планеты. Open Doors фиксирует дискриминацию 388 млн христиан, а Humanists International указывает на уголовное наказание за «богохульство» в 87 государствах и преследования нерелигиозных людей в 186 странах. В условиях, когда большинство населения планеты живет под жестким контролем, а религиозные доктрины нередко ставятся выше международных договоров, технологии ИИ и социального скоринга превращаются из инструментов развития в средства «мировоззренческой дрессировки» в интересах малой части общества. Отсутствие нейтралитета приводит к тому, что цифровые алгоритмы, особенно в авторитарных и клерикальных режимах, программируются на выявление «неправильных» мыслей, что делает невозможным сохранение личной автономии.

Нарастающее международное влияние конфессионально-политического лобби, опирающегося на закрытые финансовые инструменты, создает риск усиления деформации международного права. В отсутствие четких рамок мировоззренческого нейтралитета, сакральный статус институтов веры становится инструментом получения необоснованных привилегий. Это требует принятия норм, которые уравняют в правах и обязанностях всех субъектов публичного пространства, исключив возможность политического манипулирования через идентичность. В указанных контекстах международное коррупционное влияние структур, принадлежащих крупным религиозным организациям, требует отдельного исследования.

Под цифровой глобализацией 4.0 нами понимается совокупность макромасштабных и внутренне противоречивых интеграционных процессов направленных на формирование единой планетарной системы на базе технологий четвертой промышленной революции [12]. Данные процессы открывают значительные возможности для улучшения жизни людей, но также одновременно порождают глобальные негативные последствия в виде цифровых милитаризации и слежки, неравенства и дискриминации, нетерпимости, вражды и манипулирования сознанием [2, 4, 35].

Особое место среди данных угроз занимает воздействие на мировоззренческую сферу человека. Если в XX веке основными формами вмешательства в свободу совести и убеждений выступали государственное принуждение, идеологическая монополия, религиозная нетерпимость, дискриминация и прямые ограничения выражения взглядов, то в XXI веке к ним добавились алгоритмическое ранжирование информации, персонализированное информационное окружение, скрытое понижение охвата, цифровая модерация, поведенческое профилирование, биометрический анализ, распознавание эмоций и нейротехнологическое воздействие. Именно поэтому назрела необходимость прогрессивного развития международного права в части закрепления права на свободу мировоззренческого выбора и принципа мировоззренческого нейтралитета субъектов международного публичного права в аналоговой и цифровой среде.

Международно-правовая система защиты прав человека исторически закрепила свободу мысли, совести и религии как одно из фундаментальных прав личности. Всеобщая декларация прав человека (1948), Международный пакт о гражданских и политических правах (1966) и иные универсальные и региональные акты исходят из признания внутренней свободы человека, его права иметь убеждения, исповедовать религию или придерживаться иных взглядов, а также выражать их индивидуально или совместно с другими [4].

Однако традиционный понятийный аппарат все чаще оказывается недостаточным для описания современного многообразия мировоззренческого самоопределения. На практике свобода совести нередко сводится к свободе вероисповедания, то есть к защите религиозных убеждений и религиозных объединений. Такой подход имеет историческое объяснение, поскольку значительная часть правовых гарантий формировалась в контексте защиты религиозных меньшинств, преодоления конфессиональных конфликтов и ограничения вмешательства государства в религиозную жизнь.

Но человек XXI века осуществляет свое мировоззренческое самоопределение не только в религиозных формах. Его картина мира может включать философские, этические, научные, гуманистические, агностические, атеистические, экологические, культурные, духовные, политико-правовые и иные установки. Он может верить, сомневаться, искать, изменять свою позицию, не принадлежать ни к одной устойчивой системе убеждений, формировать новую мировоззренческую систему, отказываться от публичной идентификации или сохранять внутреннюю мировоззренческую неопределенность. Все это является проявлением человеческого достоинства и внутренней свободы.

В связи с этим представляется обоснованным переход от узкого и нередко конфессионально окрашенного понимания свободы совести к более широкой категории свободы мировоззренческого выбора без привязки к юридически неопределяемой религии и без разделения на верующих и неверующих. Данная категория позволяет охватить все формы самоопределения, не противопоставляя их друг другу и не создавая искусственной иерархии между различными способами понимания человеком мира, себя и своего места в мире.

Таким образом, право на свободу мировоззренческого выбора означает принадлежащие каждому человеку возможности свободно формировать, иметь, сохранять, выражать, пересматривать, изменять или отвергать убеждения, ценности, представления о мире, религиозные, нерелигиозные, философские, этические и иные мировоззренческие установки [4]. Его содержание также включает возможности: искать информацию, необходимую для их формирования; не раскрывать свои убеждения и менять их; не быть принуждаемым к мировоззренческой идентификации; доступа

к многообразию идей; защиты от дискриминации, манипулирования и скрытого воздействия [5, 6, 7].

Проблема правовой определенности ключевых и смежных определений, предопределяющих произвольное применение правовых норм, оказывает существенное влияние на реализацию свободы мировоззренческого выбора.

В рассматриваемом контексте предметом правового риска становится не только внешне выраженное поведение лица, но и сама сфера его мировоззренческого самоопределения. При отсутствии в законе четкого разграничения между противоправным деянием и мировоззренческой позицией возникает опасность подмены юридической ответственности за конкретный вред ответственностью за образ мыслей, систему ценностей или принадлежность к определенной интеллектуальной, мировоззренческой либо политико-философской традиции.

В связи с этим предлагаемые Декларация и Конвенция должны исходить из принципиального различения убеждений как внутренней и внешне выражаемой формы мировоззренческой свободы, с одной стороны, и противоправных действий, причиняющих либо создающих реальную угрозу причинения вреда охраняемым законом благам, с другой стороны. Предметом уголовно-правового, административно-правового или иного публично-правового реагирования может выступать только конкретное деяние, обладающее признаками противоправности, общественной вредности и юридической определенности. Само по себе следование религиозной, философской, этической, политической или иной системе взглядов не может рассматриваться как достаточное основание для ограничения прав, привлечения к ответственности либо применения иных мер государственного принуждения.

Многие российские и зарубежные авторы в своих работах говорят о зависимости реализации свободы совести от соблюдения принципа светскости государства [4, 5, 6, 7, 13, 23, 24, 25]. Например, Ф. М. Рудинский отмечал необходимость разграничения религии и государственных институтов [26, С. 36]. Т. П. Минченко [19, 20] и С. А. Мозговой [21, 22] указывают на необходимость нейтралитета государств по отношению к любому мировоззрению. С. В. Иванеев пишет о важности мировоззренческого нейтралитета для обеспечения безопасности личности, общества, государства [14, 15]. Это значит, что в современном звучании свобода мировоззренческого выбора не может быть полноценно реализована без принципа мировоззренческого нейтралитета публичной власти. Если государство, международная организация или иной носитель публичных функций отождествляет себя с определенным мировоззрением, религией, идеологией или системой ценностей как общеобязательной, то свобода личности оказывается поставленной в зависимость от степени соответствия этому официально одобряемому образцу.

Мировоззренческий нейтралитет означает обязанность государства и иных носителей публичной власти воздерживаться от установления, навязывания, привилегирования или дискриминационного ограничения какого-либо мировоззрения, идеологии или религии и обеспечивать равные правовые условия для свободного мировоззренческого выбора каждого. Данный принцип не означает ценностной пустоты государства, равнодушия к правам человека или отказа от защиты общественного порядка. Напротив, он означает, что публичная власть должна быть привержена универсальным правам человека, достоинству, равноправию, справедливости и правовой определенности, но не вправе превращать одну мировоззренческую систему в обязательную норму для всех.

Содержание мировоззренческого нейтралитета включает неидентификацию публичной власти с каким-либо мировоззрением и запрет дискриминации по мотивам мировоззренческой принадлежности. Оно также предполагает юридическое равенство мировоззренческих и иных общественных объединений наряду с отказом от специальных привилегий или ограничений по этому признаку. Кроме того, данный принцип исключает правовое закрепление общеобязательности любого мировоззрения и обеспечивает каждому реальные гарантии свободного мировоззренческого выбора.

Данный принцип должен распространяться на все публично-правовые сферы: законодательную, исполнительную и судебную власть, местное самоуправление, государственную и муниципальную систему образования, вооруженные силы, правоохранительные органы, пенитенциарную систему, государственные и муниципальные средства массовой информации, цифровые государственные сервисы и иные институты, осуществляющие публичные функции. Его практическая значимость, связана с тем, что он переводит внутреннюю свободу человека из области абстрактного признания в область институциональной организации публичной власти.

Цифровая глобализация 4.0 радикально меняет условия реализации свободы мировоззренческого выбора. В аналоговую эпоху государственное или общественное давление на убеждения человека чаще всего проявлялось в относительно видимых формах: запретах, цензуре, преследовании, административном принуждении, ограничении деятельности объединений, дискриминации в образовании, труде или публичной сфере. В цифровую эпоху значительная часть воздействия становится скрытой, персонализированной и инфраструктурной [2].

Сьюзи Алегре исследует угрозы свободе мысли в цифровую эпоху, в частности, рассматривая риски, связанные с алгоритмическим профилированием, эмоциональным мониторингом и сбором биометрических данных. Автор показывает, как технологии распознавания эмоций и рекомендательные алгоритмы ограничивают интеллектуальную автономию человека, формируя информационные пузыри и позволяя манипулировать сознанием. В качестве решения Алегре предлагает усилить защиту ментальной приватности, законодательно ограничить использование технологий анализа эмоций и обновить концепцию прав человека с учетом вызовов цифровой эпохи [31].

Современный человек формирует свое представление о мире через поисковые системы, социальные сети, рекомендательные алгоритмы, платформы коротких видео, новостные агрегаторы, мессенджеры, цифровые образовательные сервисы, виртуальные среды и системы искусственного интеллекта. Доступ к идеям все чаще зависит не только от формального отсутствия запрета, но и от того, что именно алгоритм покажет, скроет, усилит, понизит, маркирует, заблокирует или представит как социально приемлемое.

В результате свобода мировоззренческого выбора может нарушаться без прямой цензуры. Человек формально сохраняет право искать информацию, но его информационная среда может быть так спроектирована, что одни идеи получают системное преимущество, а другие становятся невидимыми. Он формально сохраняет право выражать мнение, но его контент может подвергаться скрытому понижению охвата, демонетизации, маркировке, ограничению распространения или блокированию по мировоззренческому признаку. Он формально сохраняет право на самостоятельное мышление, но его внимание, эмоции и поведение могут систематически направляться через персонализированные механизмы воздействия.

Работа Л. Флориди закладывает философский фундамент информационной этики и онтологии, обосновывая необходимость концептуального переосмысления человеческого опыта и моральных норм в условиях тотальной цифровизации общества [34].

Книга В. Барфилда и У. Пагалло представляет собой комплексное исследование правовых вызовов искусственного интеллекта, обосновывающее необходимость глубокой трансформации традиционных юридических институтов и создания новых регуляторных рамок для контроля над алгоритмическими системами [32].

Следует согласиться с авторами книги «Human Rights in the Digital Domain: Core Questions» под редакцией Т. Паюсте обосновывающими необходимость глубокой адаптации правовых механизмов через междисциплинарный подход для предотвращения новых форм дискриминации и эффективного регулирования технологий в условиях тотальной цифровизации [35].

На международном уровне уже формируется нормативная реакция на данные вызовы. Рекомендация ЮНЕСКО

об этике искусственного интеллекта (Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence) (2021) закрепила человекоориентированный и правозащитный подход к ИИ. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 78/265 (Seizing the opportunities of safe, secure and trustworthy artificial intelligence systems for sustainable development) (2024) подтвердила необходимость соблюдения международного права и прав человека при развитии безопасных, защищенных и заслуживающих доверия систем ИИ. Глобальный цифровой договор (Global Digital Compact, GDC) (2024) обозначил рамку цифрового сотрудничества и управления искусственным интеллектом. Рамочная конвенция Совета Европы об искусственном интеллекте, правах человека, демократии и верховенстве права (Council of Europe Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law) (2024) стала первым международным юридически обязательным договором в данной сфере. Регламент Европейского союза об искусственном интеллекте 2024/1689 ((Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act)) (2024) закрепил риск-ориентированный подход и отнес ряд практик, включая распознавание эмоций на рабочих местах и в образовательных учреждениях, к запрещенным.

Однако упомянутые выше акты не в полной мере успевают за стремительными изменениями и не обеспечивают защиту мировоззренческой сферы человека в условиях цифровой трансформации. В частности, остается недостаточно урегулированным вопрос о гарантиях свободы формирования убеждений в цифровой среде, доступе к многообразию идей, защите от алгоритмического замыкания, недопустимости мировоззренческой дискриминации и обеспечении нейтралитета публичной власти при использовании цифровых технологий. В качестве решения проект Декларации и Конвенции вводит категорию алгоритмического нейтралитета, запрещающего использование государственных алгоритмов, систем искусственного интеллекта, автоматизированных рекомендательных механизмов, инструментов профилирования и прогнозирования для скрытого воздействия на сознание, навязывания определенной идеологии, ограничения мировоззренческого плюрализма либо подавления политических, религиозных, философских, этических и иных убеждений. Практическая реализация данного подхода предполагает проведение независимого аудита, обеспечение объяснимости юридически значимых автоматизированных решений, наличие процедур обжалования, запрет скрытого ограничения доступа к мировоззренчески значимой информации, а также недопустимость превращения государственных цифровых сервисов в средство идеологической селекции, сегрегации или управляемого информационного воздействия.

Кроме того, предлагается введение понятия цифрового суверенитета личности в мировоззренческой сфере, как возможности человека самостоятельно определять степень открытости своей информационной среды, получать сведения о существенных механизмах алгоритмического влияния.

Современная цивилизация вступила в период, когда вопрос о свободе человека больше не может рассматриваться только в традиционных политико-правовых координатах. Цифровая глобализация 4.0, искусственный интеллект, алгоритмические системы, нейротехнологии, биометрическое профилирование и платформенная власть создают новые возможности, но одновременно формируют новые угрозы для внутреннего мира личности. В этих условиях международное право должно своевременно ответить на вызов технологического воздействия на сознание, убеждения, эмоции, внимание и мировоззренческое самоопределение человека.

Предлагаемые Глобальная декларация и Глобальная конвенция о праве на свободу мировоззренческого выбора и принципе мировоззренческого нейтралитета субъектов международного публичного права в аналоговой и цифровой среде направлены на такое прогрессивное развитие международного права. Они исходят из того, что классическое право на свободу мысли, совести, религии или убеждений сохраняет фундаментальное значение, но нуждается в расширении, уточнении и институциональном усилении применительно к условиям XXI века.

Свобода мировоззренческого выбора позволяет более точно выразить универсальную природу внутренней свободы человека, охватывая религиозные, нерелигиозные, философские, этические и иные формы самоопределения. Принцип мировоззренческого нейтралитета публичной власти выступает необходимой гарантией этой свободы, препятствуя установлению обязательных, привилегированных или дискриминационно ограничиваемых мировоззрений. Алгоритмический нейтралитет, цифровой суверенитет личности, право на цифровой поиск, запрет дискриминационной модерации, алгоритмическая прозрачность и защита от технологий эмоционального и когнитивного контроля адаптируют данные гарантии к цифровой среде.

Принятие Декларации могло бы стать первым шагом к формированию универсального политико-нормативного консенсуса. Принятие Конвенции позволило бы перевести этот консенсус в плоскость юридически обязательных норм, создать систему международного мониторинга, обеспечить гармонизацию национального законодательства и сформировать новый норматив реализации внутренней свободы человека в аналоговой и цифровой среде. Также в указанном контексте представляются крайне актуальными фундаментальные предложения о разработке и правовом закреплении в системе форм международного и внутригосударственного права цифровых прав человека, что будет способствовать реализации свободы мировоззренческого выбора в условиях внедрения цифровых технологий [33].

Реализация права человека на свободное формирование картины мира в условиях нейтралитета публичной власти и цифровых систем является не просто развитием отдельной правовой нормы, а необходимой цивилизационной основой для сохранения человечества от разрушения. Мир, в котором государство и технологии сохраняют нейтралитет, правовую определенность и уважение к достоинству личности, получает шанс на устойчивое, мирное и человекоориентированное развитие.

По мнению И. И. Лукашука, права человека перестали быть внутренним делом государств, а международный контроль перестал быть вмешательством во внутренние дела. Это связано с тем, что уважение этих прав лежит в основе всеобщего мира и требует превращения международного права в человекоцентричное, то есть ориентированное на человека и придающее принципам и нормам о правах человека статус императивных норм [18, с. 12].

Это также значит, что переход к устойчивому развитию требует человекоориентированной трансформации миропорядка. В этой связи назрела необходимость разработки под эгидой ООН Глобальных декларации и конвенции о свободе мировоззренческого выбора и мировоззренческом нейтралитете субъектов международного права в аналоговой и цифровой среде. Принятие данных актов позволит защитить когнитивную свободу личности от алгоритмических манипуляций, нивелировать этноконфессиональные противоречия и сформировать пространство многостороннего сотрудничества, базирующееся на взаимном доверии и универсальных правах человека.

В итоге, закрепление принципов мировоззренческой свободы и нейтралитета публичной власти становится базисным императивом глобальной безопасности. Именно эти правовые режимы создают необходимые условия для реализации человекоориентированной модели устойчивого развития в масштабах всей цивилизации [3, 8, 11, 12].

Пристатейный библиографический список

1. Бирюков П. Н., Бурьянов С. А. Инсур Фархутдинов: Обеспечение мира и безопасности в Евразии (Международно-правовая оценка событий в Сирии): интервью с доктором юридических наук, главным редактором «Евразийского юридического журнала» Инсуром Забировичем Фархутдиновым // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 10 (89). – С. 8-15.
2. Бурьянов М. С. Цифровые права человека в условиях глобальных процессов: теория и практика реали-

зации: монография / под науч. ред. С. А. Бурьянова. — М.: Русайнс, 2024. — 148 с.
3. Бурьянов С. А. Будущее международного права в условиях глобализации общественных отношений через призму творческого наследия Игоря Ивановича Лукашука // Евразийский юридический журнал. — 2016. — № 7 (98). — С. 77-81.
4. Бурьянов С. А. Международное признание права на свободу совести и проблемы его имплементации в Российской Федерации в условиях современных глобальных процессов. – М., 2020. – 624 с.
5. Бурьянов С. А. Универсальные международно-правовые документы о свободе совести и защите от нетерпимости и дискриминации: проблемы и перспективы развития // Международная защита прав человека и государственный суверенитет. Материалы международной научно-практической конференции. под общей редакцией Т. А. Сошниковой. – М., 2015. – С. 120-125.
6. Бурьянов С. А. Ксенофобия, нетерпимость и дискриминация по мотивам религии или убеждений в субъектах Российской Федерации. – М., 2007. – 240 с.
7. Бурьянов С. А. Религия на выборах в России. Фактор отношений государства с религиозными объединениями в федеральном избирательном цикле 2003–2004 года. – М., 2005. – 196 с.
8. Бурьянов С. А., Бурьянов М. С. В поисках адекватного миропорядка. Будущее верховенства права в эпоху цифровой глобализации 4.0 // Век глобализации. — 2024. — № 2 (50). — С. 127-140. — DOI 10.30884/vglob/2024.02.10.
9. Бурьянов С. А., Бурьянов М. С. Глобализация мирового порядка и право силы. Что привело к обострению силового геополитического противостояния в современном мире и есть ли перспектива эволюционировать к устойчивому человекоориентированному развитию? Часть 1 // Евразийский юридический журнал. — 2025. — № 5 (204). — С. 23-27.
10. Бурьянов С. А., Бурьянов М. С. Глобализация мирового порядка и право силы. Что привело к обострению силового геополитического противостояния в современном мире и есть ли перспектива эволюционировать к устойчивому человекоориентированному развитию? Часть 2 // Евразийский юридический журнал. — 2025. — № 7 (206). — С. 18-22.
11. Бурьянов С. А., Бурьянов М. С. Права человека как ключевой фактор достижения устойчивого управляемого развития // Век глобализации. — 2022. — № 4 (44). — С. 97-110. — DOI 10.30884/vglob/2022.04.07.
12. Бурьянов С. А., Бурьянов М. С. Проблемы и перспективы развития глобалистики в условиях нового этапа цифровой глобализации // Век глобализации. — 2026. — № 1. — С. 117-127. DOI: 10.30884/vglob/2026.01.11
13. Бурьянов С. А., Бурьянов М. С., Никитаев Д. М. Право на свободу совести в условиях глобальных процессов: теория и практика реализации в Российской Федерации: монография (Магистратура) / под науч. ред. С. А. Бурьянова. — М.: Русайнс, 2020. — 236 с.
14. Иванеев С. В. Противоречия введения института капелланов концепции воспитания военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации // Военно-юридический журнал. – 2011. – № 9. – С. 6-9.
15. Иванеев С. В. Рационально-этические ориентиры в правовом воспитании военнослужащих // Военное право. – 2017. – № 5 (45). – С. 138- 142.
16. Лукашук И. И. Глобализация, государство, право, XXI век. — М.: Спарк, 2000. — 279 с.
17. Лукашук И. И. Международное право. Общая часть: учебник для студентов юридических факультетов и вузов. Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 415 с.
18. Лукашук И. И. Международное право: особенная часть: учебник для студентов юридических факультетов и вузов. — М.: Волтерс Клувер, 2005. — 517 с.
19. Минченко Т. П. Европейская концепция религиозной свободы и свободы совести: идеологические источники и законодательное закрепление // Вестник Томского государственного университета. — 2010. — № 333. — С. 36-43.
20. Минченко Т. П. Проблема свободы совести в эпоху постсекулярности (истоки и перспективы): автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук: 09.00.13; Нац. исслед. Том. политехн. ун-т. — Томск, 2011. — 46 с.
21. Мозговой С. А. Некоторые вопросы правового регулирования взаимоотношений вооружённых сил с русской православной церковью (1992 г. - настоящее время) // Военно-юридический журнал. — 2011. — № 3. — С. 27-32.
22. Мозговой С. А. «Основы православной культуры» в российской светской школе: социально-правовой анализ // Вопросы образования. — 2006. — № 4. — С. 274-294.
23. Никитаев Д. М., Бурьянов С. А. Проблемы реализации свободы совести в современных России и мире / под науч. ред. С. А. Бурьянова. — М.: Русайнс, 2020. — 145 с.
24. Проблемы реализации свободы совести и тенденции в отношениях государства с религиозными объединениями в России: Информационно-аналитический отчет Института свободы совести 2001 - сентябрь 2004 гг. / С. А. Бурьянов, С. А. Мозговой. 1-е издание. — М., 2004. — 421 с.
25. Рудинский Ф. М. Наука прав человека и проблемы конституционного права (труды разных лет). — М., 2006. — 1234 с.
26. Рудинский Ф. М. Закон, религия, правонарушения. — Волгоград, 1971. — 143 с.
27. Фархутдинов И. З. Американская доктрина о превентивном военном ударе от Монро до Трампа: международно-правовые аспекты: монография. — М., 2017. — 282 с.
28. Фархутдинов И. З. Международное право в условиях глобализации // Право и политика. — 2003. — №8. — С. 141-149.
29. Фархутдинов И. З. Международно-правовое регулирование инвестиционных отношений: теория и практика: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.10; Институт государства и права РАН. — М., 2006. — 390 с.
30. Чумаков А. Н., Краснов А. С., Гринин Л. Е. и др. Философские проблемы современной глобализации (материалы круглого стола) // Век глобализации. — 2025. — № 3. — С. 25-44. DOI: 10.30884/vglob/2025.03.03.
31. Alegre S. Freedom to Think: The Long Struggle to Liberate Our Minds. — London: Atlantic Books, 2023. — 400 p.
32. Barfield W., Pagallo U. Advanced Introduction to Law and Artificial Intelligence // Elgar Advanced Introductions. — Cheltenham, UK; Northampton, MA: Edward Elgar Publishing, 2020. — 208 p.
33. Burianov M. Global Digital Human Rights in the Implementation of the Global Digital Compact: The Toolkit for Human-Centered Tech, AI and Global Governance. — United Humans Press, 2025. — 380 p.
34. Floridi L. The Blackwell Guide to the Philosophy of Computing and Information. — Oxford, 2003. — 388 p.
35. Human Rights in the Digital Domain: Core Questions / ed. by Tiina Pajuste. — UK: Cambridge University Press, 2025. — 492 p.
36. Farkhutdinov I. The Mysterious and Obvious in American Diplomacy: From Monroe to Trump. – Cambridge Scholars Publishing. 2020. – 533 p.

ИТОГИ ТРЕТЬЕГО ТВОРЧЕСКОГО КОНКУРСА МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ «ЛУКАШУКСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2026»

Редакция Евразийского юридического журнала объявляет итоги третьего творческого конкурса молодых учёных до 35 лет «Лукашукские чтения» на лучшие статьи по проблемам, тенденциям и перспективам современного международного права.

Лукашука И. И.

Конкурс приурочен к 100-летию со дня рождения всемирно известного советского и российского учёного-юриста-международника, профессора, доктора юридических наук, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, лауреата Государственной премии России **Игоря Ивановича Лукашука**.

Первый конкурс «Лукашукские чтения» прошел в 2011 году и был приурочен к 85-летию со дня рождения выдающегося юриста-международника И. И. Лукашука. Второй конкурс состоялся в 2016 году, собрав молодых ученых для обсуждения международного права в контексте современных глобальных вызовов. Оба мероприятия организованы редакцией «Евразийского юридического журнала» для поддержки талантливых исследователей и популяризации научного наследия профессора.

1 июня 2026 года международная юридическая общественность будет отмечать столетие со дня рождения Игоря Ивановича Лукашука. Его научное наследие занимает особое место в развитии отечественной и мировой науки международного права.

И. И. Лукашук был главным научным сотрудником Института государства и права Российской академии наук, членом Комиссии международного права ООН, преподавал международное право в ведущих вузах страны, читал лекции в 17 зарубежных университетах и в Гаагской академии международного права. Он участвовал в сессиях Генеральной Ассамблеи ООН, межгосударственных конференциях, возглавлял делегации в международных органах и воспитал целую плеяду учеников, кандидатов и докторов юридических наук.

Научное наследие Игоря Ивановича Лукашука включает около 400 научных публикаций, а также девять учебников, подготовленных им лично или в соавторстве. Особое значение имеют его новаторские исследования международно-правовых аспектов глобализации, которые стали важным вкладом в развитие правового сознания и мышления.

В современных условиях противоречивого развития глобальных процессов, цифровизации 4.0, трансформации международных отношений и обострения геополитического противостояния идеи И. И. Лукашука сохраняют высокую научную и практическую актуальность. Они являются прочной основой для дальнейшего прогрессивного развития международного права как науки, совокупности учебных дисциплин, системы принципов и норм.

В рамках конкурса молодым исследователям было предложено представить статьи по актуальным проблемам современного международного права, включая вопросы международного мира и безопасности, роли ООН, международной ответственности, международного экологического права, взаимодействия международного и внутригосударственного права, цифровизации 4.0, искусственного интеллекта, цифровой трансформации государств, прав человека в условиях глобальных цифровых процессов и иных направлений, связанных с развитием международного правопорядка.

По итогам рассмотрения поступивших работ жюри конкурса определило победителей, статьи которых будут опубликованы в **Евразийском юридическом журнале**.

ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСА МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ «ЛУКАШУКСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2026»

Бурьянов Максим Сергеевич

аспирант Института экономики, управления и права Московского городского педагогического университета, эксперт Молодёжного совета при Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации

Тема статьи: «Перспективы цифровых прав человека в условиях нового этапа искусственного интеллекта через призму научного наследия Игоря Ивановича Лукашука»

Ермолин Даниил Михайлович

магистрант юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета

Тема статьи: «Эволюция международно-правовых стандартов защиты права на неприкосновенность частной жизни в условиях глобальной цифровизации»

Огородников Алексей Алексеевич

магистрант Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

Тема статьи: «Права человека в условиях глобальных процессов цифровизации 4.0: международно-правовой аспект»

Сафронов Константин Юрьевич

Тема статьи: «Роль международного права в урегулировании вызовов международному миру и безопасности: доктринальное наследие И. И. Лукашука и современные трансформации международного правопорядка»

Члены жюри конкурса и редакция Евразийского юридического журнала поздравляют победителей конкурса и благодарит всех участников за проявленный научный интерес, глубокое обращение к наследию Игоря Ивановича Лукашука и вклад в осмысление современных проблем международного права.

Проведение «Лукашукских чтений» подтверждает особую значимость научной преемственности, развития молодых исследователей и обращения к фундаментальным идеям международного права в условиях новых глобальных вызовов.

Идеи Игоря Ивановича Лукашука о роли международного права в регулировании глобальных процессов приобретают сегодня новое звучание. Они позволяют по-новому осмыслить перспективы международного правопорядка в эпоху цифровизации, искусственного интеллекта, глобальной взаимозависимости и необходимости сохранения гуманистического измерения права.

Председатель оргкомитета конкурса:

Фархутдинов Инсур Забирович, доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института государства и права (сектор международно-правовых исследований) РАН, главный редактор Евразийского юридического журнала

Заместитель председателя оргкомитета конкурса:

Бурьянов Сергей Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент, научный руководитель Global Law Forum

Члены оргкомитета конкурса:

Бахтиев Рашид Хусейнович, кандидат юридических наук, Судья Верховного суда Российской Федерации в отставке;

Бекяшев Дамир Камильевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права МГИМО МИД России;

Гусейнов Тургай Имамгулу оглы, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой прав человека и информационного права ЮНЕСКО юридического факультета Бакинского государственного университета;

Карташкин Владимир Алексеевич, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, Заслуженный юрист Российской Федерации;

Кодолова Алена Владимировна, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Санкт-Петербургский Федеральный исследовательский центр Российской академии наук»;

Мишальченко Юрий Владимирович, доктор экономических наук, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры европейских исследований Санкт-Петербургского государственного университета;

Чумаков Александр Николаевич, доктор философских наук, профессор, профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, член Президиума Российской экологической академии, главный редактор журнала «Век глобализации», член Редсовета Евразийского юридического журнала.

ДОЛЖЕНКОВА Екатерина
кандидат политических наук, доцент Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы, Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет им. Петра Великого

БУЛГАЕВА Анна Александровна
независимый исследователь, г. Санкт-Петербург

Долженкова Е.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ «ЗЕЛЕНЫХ КОРИДОРОВ» ВО ВНЕШНЕТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ СО СТРАТЕГИЧЕСКИМИ ПАРТНЕРАМИ

В статье исследуются международно-правовые основания и практика реализации механизма «зеленых коридоров» в торговых отношениях России с Китаем, Индией и Турцией. При помощи формально-юридического и сравнительно правовых методов ключевые международные документы в данной сфере анализируются на наличие положений, учреждающих «зеленые коридоры», а также выделяются и сопоставляются основные модели реализации механизма. По результатам проведенного сравнительного анализа моделей регулирования «зеленых коридоров» выявляются системные пробелы в правовом регулировании, препятствующие эффективной работе механизма. Для их устранения предлагаются направления совершенствования нормативного регулирования с учетом универсальных международных стандартов. Реализация предложенных мер позволит повысить эффективность функционирования проекта «зеленого коридора» как инструмента упрощения мировой торговли и обеспечения прозрачности таможенных процедур.

Ключевые слова: упрощение таможенных процедур, уполномоченный экономический оператор, взаимное признание, управление рисками, Всемирная таможенная организация.

DOLZHENKOVA Ekaterina
Ph.D. in political sciences, associate professor of the Higher School of Law and Forensic Science, Humanities Institute, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

BULGAEVA Anna Alexandrovna
independent researcher, St. Petersburg

Булгаева А. А.

INTERNATIONAL LEGAL MECHANISMS OF «GREEN CORRIDORS» IN THE FOREIGN TRADE RELATIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION WITH STRATEGIC PARTNERS

The article examines the international legal foundations and practice of implementing the "green corridors" mechanism in Russia's trade relations with China, India and Turkey. Using formal legal and comparative legal methods, key international documents in this area are analyzed for the presence of provisions establishing "green corridors", and the main models for the implementation of the mechanism are identified and compared. Based on the results of a comparative analysis of the regulatory models of the "green corridors", systemic gaps in legal regulation are identified that hinder the effective operation of the mechanism. To eliminate them, the directions of improving regulatory regulation are proposed, taking into account universal international standards. The implementation of the proposed measures will improve the efficiency of the Green Corridor project as a tool for simplifying world trade and ensuring transparency of customs procedures.

Keywords: simplification of customs procedures, authorized economic operator, mutual recognition, risk management, World Customs Organization.

Объемы международного товарооборота напрямую зависят от эффективности функционирования механизмов упрощения таможенных процедур, к которым относятся «зеленые коридоры». В условиях современных геополитических вызовов и санкционного давления в отношении Российской Федерации механизм «зеленых коридоров» приобретает особую значимость, так как он направлен на повышение предсказуемости торговых операций, расширение географии торговых сотрудничеств, а также поддержание стабильности товаропотоков. Однако в настоящее время реализация данного проекта затрудняется в связи с наличием существующих правовых и административных барьеров.

В основу настоящего исследования легли Меморандум о взаимопонимании между Федеральной таможенной службой Российской Федерации (далее – ФТС России) и Главным таможенным управлением Китайской Народной Республики (далее – ГТУ КНР)[1], Меморандум между ФТС России и Центральным советом по косвенным налогам и таможне Индии[2], Меморандум между ФТС России и Министерством торговли Турции[3], положения Таможенного кодекса Евра-

1 Меморандум о взаимопонимании между Федеральной таможенной службой Российской Федерации и Главным таможенным управлением Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области упрощения таможенных процедур в рамках сопряжения Евразийского экономического союза и инициативы «Один пояс — один путь» от 8 мая 2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.customs.gov.ru/international/agreements (дата обращения: 26.04.2026).

2 Меморандум о взаимопонимании между Федеральной таможенной службой Российской Федерации и Центральным советом по косвенным налогам и таможне Республики Индия о сотрудничестве и взаимной административной помощи в таможенных делах от 1 июня 2017 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.customs.gov.ru/international/agreements (дата обращения: 26.04.2026).

3 Меморандум о взаимопонимании между Федеральной таможенной службой Российской Федерации и Министерством торговли Турецкой Республики о сотрудничестве в таможенной сфере от 7 апреля 2019 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.customs.gov.ru/international/agreements (дата обращения: 26.04.2026).

зийского экономического союза (далее – ТК ЕАЭС)[4], а также статистические данные ФТС России.

С помощью формально-юридического метода данные документы анализируются на предмет наличия положений, регулирующих учреждение «зеленых коридоров». Используя сравнительно-правовой метод, сопоставляются модели реализации указанных механизмов со стратегическими партнерами России.

Механизм «зеленого коридора» в двусторонних отношениях России со стратегическими партнерами реализуется через принципиально различные правовые конструкции. Можно выделить три модели: межведомственную протокольную, договорно-программную и институциональную.

Российско-китайское направление представляет наиболее развитую договорную базу. Соглашение между ФТС России и ГТУ КНР о сотрудничестве и взаимной помощи в таможенных делах 1994 года заложило общую рамочную конструкцию, однако практический механизм «зеленого коридора» был оформлен значительно позже Меморандумом о взаимопонимании между ФТС России и ГТУ КНР 2015 года в рамках сопряжения ЕАЭС и инициативы «Один пояс – один путь». По данным ФТС России, в 2025 году товарооборот с Китаем достиг 190,3 млрд. долларов, при этом доля деклараций, поданных в упрощенном порядке уполномоченными экономическими операторами (далее – УЭО), на российской стороне составила около 37 % от общего числа[5]. Существенным этапом развития механизма послужило заключение странами Протокола о взаимном признании статуса УЭО, способствующего развитию торговых отношений, установлению преференций для добросовестных участников внешнеэкономической деятельности (далее – ВЭД) и привлечению новых торговых операторов [2].

Российско-индийское направление демонстрирует переходную модель развития механизма «зеленого коридора». Меморандум ФТС России и Центрального совета по косвенным налогам и таможне Индии 2017 года декларирует намерение сторон развивать упрощенные процедуры, однако не содержит конкретных критериев отбора участников, сроков имплементации, механизма разрешения споров. На фоне роста двустороннего товарооборота до 44,7 млрд. долларов в 2024-2025 финансовом году[6] это расхождение между договорной риторикой и операционным содержанием приобретает практическое значение. Вместе с тем, в мае 2024 года между странами было заключено Соглашение о взаимном признании институтов УЭО. Практическая реализация соглашения направлена на повышение эффективности механизма «зеленого коридора», путем формирования дополнительных упрощений для УЭО, а также снижением административной нагрузки [3].

Российско-турецкое направление реализует третью модель – через двусторонний режим свободной торговли с элементами таможенного упрощения, интегрированный в более широкую переговорную повестку. Меморандум ФТС России и Министерства торговли Турции 2019 года предусматривает «создание условий для ускоренного таможенного оформления» для отдельных категорий товаров, однако критерии ускорения не формализованы. Турецкая сторона связывает продвижение «зеленого коридора» с переговорами о режиме свободной торговли между ЕАЭС и Турцией, начатыми в 2015 году и не завершенными до настоящего времени. Товарооборот двух стран в 2025 году составил 62,3 млрд. долларов[7], однако задержки на таможне Новороссийска и Дербента при досмотре турецких грузов фиксируются как системная проблема [1].

Сравнительный анализ трех моделей позволяет идентифицировать взаимосвязанные пробелы в правовом регулировании «зеленых коридоров». Их наличие приводит к возникновению издержек участников ВЭД, а также препятствует эффективному созданию и функционированию механизма.

Во-первых, несовершенство правового регулирования проявляется в отсутствии операционных критериев в двусторонних актах. Меморандумы и соглашения используют формулировки типа «стремятся к упрощению», «рассматривают возможность», тогда как стандарт 3.32 Специального приложения J к Киотской конвенции требует закрепления конкретных измеримых условий предоставления упрощений[8].

Во-вторых, наблюдается институциональный разрыв между наднациональным уровнем правового регулирования ЕАЭС и двусторонними международно-правовыми соглашениями. Статья 399 ТК ЕАЭС допускает взаимное признание УЭО третьих стран, однако относит механизм его реализации к компетенции Евразийской экономической комиссии (далее – ЕЭК). При этом двусторонние меморандумы ФТС России заключаются без обязательного согласования с ЕЭК, что создает риск коллизии между союзным и национальным регулированием – особенно применительно к тем видам упрощений, которые затрагивают категории товаров, регулируемые наднациональными техническими регламентами ЕАЭС.

В связи с этим полагаем необходимым внести изменения в Порядок заключения международных договоров ЕЭК, обязав национальные таможенные службы государств-членов ЕАЭС согласовывать с Комиссией проекты двусторонних соглашений о взаимном признании УЭО до их подписания. Это устранит риск коллизии, не ограничивая суверенного права государств на развитие двустороннего таможенного сотрудничества.

В-третьих, применительно к российско-турецкому проекту «зеленого коридора» приоритетной мерой является завершение процедуры взаимного признания УЭО с заключением обязывающего двустороннего соглашения на уровне Правительств, а не межведомственных меморандумов. Опыт заключения подобных соглашений другими странами демонстрирует, что такой документ должен содержать: перечень взаимно признаваемых привилегий, механизм постмониторинга, процедуру приостановления признания при выявлении нарушений.

Анализ «зеленых коридоров» в отношениях России со стратегическими партнерами показал существующий разрыв между объемами товарооборота и степенью правовой проработанности механизмов упрощения, который создает измеримые транзакционные издержки. Преодоление этого разрыва требует повышения эффективности функционирования уже существующих механизмов с ключевыми партнерами России, которое включает уточнение операционных критериев в существующих двусторонних актах, устранение институциональных несоответствий действующих документов актам ЕАЭС, а также заключение Соглашений о взаимном признании статуса УЭО со странами-партнерами, с которыми они до сих пор отсутствуют.

Пристатейный библиографический список

1. Молдован А. А. Проблемы развития экономического сотрудничества между Турцией и Россией // Дневник науки. – 2023. – № 12 (84).
2. Степанова В. С., Сун В.Международное таможенное сотрудничество России и Китая // Актуальные проблемы теории и практики таможенного дела: сборник докладов VIII Всероссийской студенческой научно-практической конференции, Хабаровск, 15-16 мая 2025 года. – Хабаровск: Дальневосточный государственный университет путей сообщения, 2025. – С. 157-162.
3. Худжатов М. Б. Институт Уполномоченного экономического оператора как современный инструмент взаимодействия таможни и бизнеса // Маркетинг и логистика. – 2024. – № 5 (55). – С. 37-44.

4 Таможенный кодекс Евразийского экономического союза: Приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/tam_sotr/dep_tam_reg/Pages/TK_EAEU.aspx (дата обращения: 18.03.2026).

5 Данные ФТС России // Официальный сайт ФТС России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://customs.gov.ru/index.php?id. (дата обращения: 26.04.2026).

6 Данные ФТС России // Официальный сайт ФТС России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://customs.gov.ru/index.php?id. (дата обращения: 26.04.2026).

7 Там же.

8 Международная конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур (Киотская конвенция) от 18 мая 1973 г. в редакции Протокола о внесении изменений от 26 июня 1999 г. Специальное приложение J, стандарт 3.32. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wcoomd.org/en/topics/facilitation/instrument-and-tools/conventions/pf_revised_kyoto_conv.aspx (дата обращения: 26.04.2026).

ГОЛУБЕВА Марина Владимировна
аспирант кафедры международного права, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития РФ

Голубева М. В.

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ИНТЕГРАЦИИ, КАК КРУПНЕЙШАЯ ИНТЕГРАЦИОННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

В статье рассматривается история создания, содержание интеграционной политики, нормативно-правовая и институциональная основа функционирования Латиноамериканской Ассоциации интеграции (далее ЛАИ). ЛАИ является межправительственной организацией с конечной целью учреждения общего латиноамериканского рынка на основании заключения соглашений о зонах тарифных преференций, соглашений частичного и общего регионального объема в различных областях, как прямо предусмотренных, так и не предусмотренных в учредительном Договоре Монтевидео 1980 г. Результатами работы стали выводы об особом характере ЛАИ, которую можно определить не только, как самую обширную интеграционную организацию в рамках географического охвата, но и как рамочный механизм, направленный на всестороннее развитие и углубление интеграционных процессов в Латинской Америке.

Ключевые слова: Латиноамериканская Ассоциация интеграции, Латиноамериканская Ассоциация свободной торговли, Договор Монтевидео, экономическая интеграция, интеграционная политика, руководящие органы ЛАИ, нормативно-правовая основа ЛАИ.

GOLUBEVA Marina Vladimirovna
postgraduate student of International law sub-faculty, Russian Foreign Trade Academy of the Ministry for Economic Development of the Russian Federation

THE LATIN AMERICAN INTEGRATION ASSOCIATION, AS THE LARGEST INTEGRATION ASSOCIATION IN LATIN AMERICA

This article examines the history of the establishment, the content of integration policy, and the regulatory and institutional framework for the functioning of the Latin American Integration Association (hereinafter referred to as LAIA). LAIA is an intergovernmental organization with the ultimate goal of establishing a common Latin American market based on the conclusion of agreements on tariff preference zones, partial and general regional agreements in various areas, both expressly stated and not stated in the founding Treaty of Montevideo dated 1980. The results of the work led to conclusions about the special nature of LAIA, which can be defined not only as the most extensive integration organization in terms of geographic coverage, but also as a framework mechanism aimed at the comprehensive development and deepening of integration processes in Latin America.

Keywords: Latin American Integration Association, Latin American Free Trade Association, Montevideo Treaty, economic integration, integration policy, LAIA governing bodies, LAIA regulatory framework.

Латиноамериканская Ассоциация Интеграции (ЛАИ) является самым крупным интеграционным объединением в Латинской Америке. В состав ЛАИ входят тринадцать стран-членов: Аргентина, Боливия, Бразилия, Венесуэла, Колумбия, Куба, Мексика, Панама, Парагвай, Перу, Чили, Уругвай, Эквадор, общая площадь которых составляет 20 миллионов км2 с населением, превышающим 510 миллионов жителей. ЛАИ представляет собой эволюцию процесса интеграции стран, первоначально входивших в состав Латиноамериканской Ассоциации свободной торговли (ЛАСТ), и продолжает ее путь.

ЛАИ является межправительственной организацией, которая содействует расширению интеграционных процессов на латиноамериканском континенте, тем самым способствуя его экономическому и социальному развитию с конечной целью создания общего латиноамериканского рынка1.

История становления ЛАИ

В результате обширного исследования методов экономического регулирования в Латинской Америке под эгидой Экономической комиссии ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна (далее ЭКЛАК) была разработана идея создания организации экономической интеграции на латиноамериканском континенте. В 1959 г. ЭКЛАК издала документ под названием «Рекомендации о структуре и нормах Общего латиноамериканского рынка»[2], который послужил основанием для учреждения Латиноамериканской Ассоциации свободной торговли (ЛАСТ), предшественницы Латиноамериканской Ассоциации интеграции (ЛАИ). ЛАСТ была основана 18 февраля 1960 г. посредством подписания Договора Монтевидео при участии одиннадцати стран региона с целью создания зоны свободной торговли в течение двенадцати лет и с последующей долгосрочной целью формирования латиноамериканского общего рынка. Однако через девять лет в 1969 г. в г. Каракас на 9-й конференции ЛАСТ был принят Протокол изменений к Договору Монтевидео 1960, в ст. 2 которого был изменен срок создания латиноамериканской зоны свободной торговли с продлением его до 31 декабря 1980 г.[3] Странами, подписавшими Договор Монтевидео 1960 г., стали 7 государств: Аргентина, Бразилия, Мексика, Параг-

1 ALADI. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.aladi.org (дата обращения: 12.04.2026).

2 Recomendaciones acerca de la estructura y normas del Mercado Común Latinoamericano. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.cepal.org/es/publicaciones/18695-recomendaciones-acerca-la-estructura-normas-mercado-comun-latinoamericano (дата обращения: 12.04.2026).

3 Protocolo de Caracas (1969). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.dipublico.org/104812/protocolo-de-caracas-modi-

вай, Перу, Уругвай, Чили. Позднее к ЛАСТ присоединились Колумбия и Эквадор в 1961 г., Венесуэла в 1966 г. и Боливия в 1967 г. Целями образования данной интеграционной организации должно было стать содействие импортозамещению, стимулирование национальной промышленности, расширение национальных рынков [1, с. 178].

ЛАСТ являлась межправительственной организацией, наделенной правосубъектностью в рамках международного права, основанной на принципе взаимности и признании клаузулы о режиме наибольшего благоприятствования. Инструменты интеграционной политики ЛАСТ включали общую программу либерализации тарифов (национальные и общие списки); соглашения об экономической взаимодополняемости; дифференциальные меры в пользу Эквадора, Боливии, Парагвая и Уругвая (последнего-временно), в рамках которых предусматривались удлиненные сроки устранения торговых барьеров; предоставление технической поддержки; систему многостороннего возмещения остатков [2, с. 119].

Вопросы, указанные в договоре Монтевидео 1960 г., включали режим наиболее благоприятствуемой нации; гарантии и демпинг; развитие сельского хозяйства; меры, принимаемые в пользу стран наименьшего экономического развития; дипломатические иммунитеты и привилегии; происхождение товаров, упрощение и унификацию процедур, тарифную номенклатуру; реэкспорт; запрет на субсидии и др. [3, с. 44].

Несмотря на далеко идущие планы и позитивные первоначальные результаты деятельности, ЛАСТ не смогла противостоять внутренним проблемам, таким как, например, значительная разница в уровнях экономического развития стран-членов. К основным причинам неудачи ЛАСТ можно также отнести различие в интерпретации целей данной организации со стороны государств-участников, отсутствие единой политико-экономической программы, нецелесообразность переговоров, проводимых в рамках так называемых общих и национальных списков. Как подчеркивает Wagner Menezes, вследствие националистического, протекционистского профиля политики правительств стран-участниц ЛАСТ, за которыми последовал застой многосторонних переговоров, в дополнение к чему случился нефтяной кризис, а также продолжала расти внешняя задолженность стран региона, ЛАСТ прекратила функционирование, и на ее месте была учреждена новая международная интеграционная организация [4, с. 178-179].

Латиноамериканская ассоциация интеграции (ЛАИ), созданная 08 декабря 1980 г., стала правопреемницей ЛАСТ с вызовом перенять положительное историческое наследие последней, а также разрешить проблемы, которые привели к отсутствию успеха интеграции в связи с несоответствием применяемой интеграционной политики современным реалиями стран региона.

Основной целью ЛАИ стала либерализация всего объема торговли между государствами-членами, но в отличие от раннее действующей ЛАСТ, в рамках ЛАИ были приняты менее жесткие механизмы для ее достижения. Договор Монтевидео 1980 г., учредивший ЛАИ, внес ряд изменений в политику интеграции, ранее проводимой ЛАСТ, на основе создания многосторонней программы либерализации торговли, расширения целевых сфер взаимодействия, выходящих за рамки коммерческих интересов, а также признания категории наименее экономически развитых стран. Став преемницей ЛАСТ, ЛАИ сохранила некоторые ее черты, такие как штаб-квартира в г. Монтевидео и состав стран-участниц, к которым позднее присоединились другие государства.

Фундаментальные цели ЛАИ включают возобновление процесса латиноамериканской интеграции, укрепление дружбы и солидарности между народами, сокращение и постепенное устранение препятствий во взаимной торговле стран-членов, применение региональной экономической интеграции в качестве инструмента для ускорения процесса экономического и социального развития региона Латинской Америки, установление особого режима для наименее экономически развитых стран, формирование зоны экономических преференций с конечной целью создания общего латиноамериканского рынка. Деятельность ЛАИ основывается на принципах солидарности, сотрудничества и других принципах международного права.

Необходимо отметить, что ЛАСТ и ЛАИ были созданы в периоды старого и нового регионализма, что соответственно также отразилось в самой институциональной структуре обеих интеграционных организаций. Несмотря на то, что главной целью данных интеграционных блоков было укрепление общего регионального рынка, в них были задействованы разные стратегии для ее осуществления. ЛАСТ представляла собой закрытую интеграционную организацию с очень высоким внешним тарифом, в то время как ЛАИ в рамках своей стратегии стала опираться на введение относительно низкого внешнего тарифа [5, с. 227].

Помимо гибкости новых инструментов интеграционной политики, факторами, способствующими реализации латиноамериканской интеграции в рамках ЛАИ, стали произошедшая почти на всем континенте демократизация правительств, а также растущая диверсификация производственных секторов, в особенности, в самых крупных государствах. В данных условиях заключаемые субрегиональные соглашения явились основной движущей силой для развития ЛАИ. В этот период Бразилия и Аргентина начали переговоры о взаимном сокращении таможенных пошлин в рамках нормативно-правовой базы ЛАИ. В 1986 г. был ратифицирован Договор об экономическом сотрудничестве,[4] цель которого заключалась в расширении торговли в стратегически важных для экономики двух стран секторах, особенно в сфере капитала, технологий, пшеницы и автомобилей. В 1988 г. Бразилия и Аргентина подписали Договор об интеграции[5], который предусматривал формирование общего рынка между двумя странами, принятие единого внешнего тарифа и координацию макроэкономической политики. В 1991 г. был принят Асунсьонский договор, в котором также приняли участие Уругвай и Парагвай, учредивший Меркосур[6]. Целью данного договора являлось построение общего рынка до конца 1994 г. Как подчеркивает Soto Acosta, W. A., таким образом, под эгидой ЛАИ процессы интеграции на латиноамериканском континенте стали получать все более интенсивное развитие [6, с. 105-106].

Состав членов и наблюдателей ЛАИ

Изначальными странами-участницами ЛАИ, которые подписали Договор Монтевидео 1980 г., являлись Аргентина, Боливия, Бразилия, Венесуэла, Колумбия, Мексика, Парагвай, Перу, Уругвай, Чили, Эквадор. Позднее, в 1999 г. к ЛАИ присоединилась Куба, а также в 2012 г. Панама. В 2011 г. на

ficatorio-del-tratado-de-montevideo-suscripto-en-la-ciudad-de-caracas-el-12-de-diciembre-de-1969/ (дата обращения: 12.04.2026).

4 Acta de Buenos Aires: Programa de Integración Económica Argentina-Brasil (1986). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.dipublico.org/3999/acta-de-buenos-aires-programa-de-integracion-y-cooperacion-economica-entre-la-republica-argentina-y-la-republica-federativa-del-brasil-29-de-julio-de-1986/ (дата обращения: 12.04.2026).

5 Tratado de Integración Argentino-Brasileño de 1988. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.dipublico.org/4002/tratado-de-integracion-entre-la-republica-argentina-y-el-gobierno-de-la-republica-federativa-del-brasil-1988/ (дата обращения: 12.04.2026).

6 Tratado de Asunción (1991). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.parlamentomercosur.org/innovaportal/file/15511/1/tratado_de_asuncion.pdf (дата обращения: 12.04.2026).

Собрании Совета Министров ЛАИ было принято решение о присоединении к ЛАИ Республики Никарагуа, которая в настоящее время находится на стадии завершения реализации установленных условий для того, чтобы стать страной-членом ЛАИ.

Государства-члены ЛАИ были разделены в соответствии с уровнем их экономического развития на три категории: 1) наименее развитые страны – Боливия, Эквадор и Парагвай; 2) страны промежуточного развития– Чили, Колумбия, Перу, Куба, Уругвай и Венесуэла; и 3) наиболее развитые страны – Аргентина, Бразилия и Мексика. Последнюю группу стран также иногда именуют «остальные страны» или «Abramex».

Т.к. ЛАИ открыта для присоединения для любой латиноамериканской страны, стать ее членами могут латиноамериканские страны, подавшие соответствующую заявку, и которые будут приняты в ее состав после прохождения предварительных переговоров со странами-членами организации на основании установленной процедуры. Принятие в состав ЛАИ находится в рамках компетенции Совета Министров ЛАИ на основании проведения процедуры голосования, где будет получено более двух третьих положительных голосов стран-членов в отсутствие хотя бы одного отрицательного голоса[7]. Комитет Представителей, в свою очередь, один из трех руководящих органов ЛАИ, может предоставлять государствам и международным организациям статус наблюдателя в случае подачи соответствующего запроса. Страны и организации, имеющие статус наблюдателя, могут принимать участие в публичных сессиях Комитета Представителей и имеют доступ к документам ЛАИ, если они не носят закрытого характера.

В соответствии со ст. 63 Договора Монтевидео 1980 г. для государств-членов предусмотрена возможность выхода из состава ЛАИ. Согласно данной статье, государство может выйти из состава организации через год после сообщения своей воли о выходе Комитету представителей ЛАИ посредством предоставления официального документа в указанный орган. Права и обязанности, относящиеся к статусу страны-члена автоматически прекращаются после вступления в силу в силу указанного волеизъявления о выходе. Права и обязанности, касающиеся региональных тарифных преференций, будут оставаться в силе в течение пяти лет с момента вступления в силу решения о выходе, если государства-члены не договорятся об ином на момент волеизъявления. В отношении прав и обязательств, вытекающих из соглашений частичного и общего регионального объема, решение для каждого государства, выражающего волеизъявление о выходе, принимается в соответствие с существующим соглашением, а при отсутствии такого соглашения применяется общее правило, установленное в Договоре Монтевидео 1980 г.

Содержание интеграционной политики ЛАИ

Создание зоны тарифных преференций представляет собой первую ступень развития интеграционных процессов в соответствии с общепринятой в мировой практике классификацией. Целью ЛАИ является постепенное формирование общего рынка, но механизмы, предусмотренные в рамках ЛАИ, позволяют достичь лишь начальной стадии интеграции, то есть зоны тарифных преференций.

Как подчеркивает Hurtado, C. Jaime R., в учредительном Договоре Монтевидео 1980 г. ЛАИ установлена цель создания общего латиноамериканского рынка, однако в нем не определены ни конкретный временной срок, ни условия для ее достижения. Финальная цель учредительного договора носит амбициозный характер, однако ее реализация ограничена положениями ст. 2 указанного договора, в которой перечислены функции ЛАИ, а именно, продвижение и регулирование взаимной торговли, обеспечение экономической взаимодополняемости, стимулирование совместных действий, способствующих расширению рынков [7, с. 292]

На основании учредительного договора установлены следующие основополагающие принципы функционирования ЛАИ: плюрализм в политических и экономических сферах, конвергенция, гибкость, дифференцированный подход для стран-членов в зависимости от уровня их экономического развития, множественность форм заключаемых торговых договоров. Принцип плюрализма означает готовность стран-членов к интеграции независимо от разницы в их политическом и экономическом устройстве. Принцип конвергенции означает увеличение количества соглашений частичного регионального объема и их гармонизации с целью создания общего латиноамериканского рынка. Принцип гибкости означает предоставление возможности развития интеграционных процессов различного скоростного измерения, которое выражается в заключении соглашений частичного регионального объема для обеспечения достижения целей учредительного договора ЛАИ на основании принципа конвергенции. Принцип дифференцированного подхода означает установление конкретных условий в каждом конкретном случае на основе трех категорий стран с учетом их экономических и структурных характеристик, который в ограниченной степени применяется к странам среднего уровня экономического развития и наиболее широко к наименее экономически развитым странам. Принцип многообразия означает возможность заключения различных форм соглашений между странами-членами в соответствии с целями и функциями интеграционного процесса на основании всех возможных инструментов, способствующих развитию и расширению рынков на региональном уровне[8].

Необходимо отметить, что данные принципы ЛАИ отличаются от жестких рамок, ранее регулировавших деятельность ЛАСТ, в основе которой лежала единая программа либерализации торговли на базе принципов взаимности и многосторонности, что было усложнено значительными различиями в экономическом и политическом устройстве стран-участниц.

Для исполнения функций ЛАИ и создания зоны экономических преференций в латиноамериканском регионе с конечной целью образования общего латиноамериканского установлены три механизма:

– предоставление региональных таможенных тарифных преференций для товаров, произведенных на территории стран-членов, отличных от действующих тарифов, применяемых к третьим странам;

– заключение соглашений регионального объема, в котором участвуют все страны-члены;

– заключение соглашений частичного регионального объема, в котором участвуют две и более страны. В качестве примера соглашения частичного регионального объема можно привести МЕРКОСУР.

Предоставление экономических преференций представляет собой процентное снижение тарифов, применяемых к импорту из третьих стран, которое страны-члены ЛАИ предоставляют друг другу на импорт продукции, происходящей с их территории. Положения, регулирующие предоставление преференций, содержатся в ст. 5 Договора Монтевидео 1980 г. и также в Соглашении регионального объема № 4 (AR.PAR № 4)[9].

7 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.aladi.org/sitioaladi/paises-miembros/ (дата обращения: 14.04. 2026).

8 Serie Fichas ALADI. El Tratado de Montevideo (TM80). Sus principios y mecanismos. Montevideo 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www2.aladi.org/biblioteca/Publicaciones/ALADI/Secretaria_General/Fichas_ALADI/01_TM80.pdf (дата обращения: 15.04.2026).

9 Acuerdo de Alcance Regional No 4 (AR.PAR No 4). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www2.aladi.org/SitioALADI/

Как соглашения полного, так и частичного регионального объема могут заключаться в различных областях, включая устранение тарифных барьеров и содействие развитию торговли, экономическую взаимодополняемость, торговлю сельскохозяйственными товарами, сотрудничество в финансовой, судебной, таможенной сферах, здравоохранения, защиты окружающей среды, научно-технического сотрудничества, развития туризма, технических норм и многих других сфер, как прямо указанных, так и не указанных в Договоре Монтевидео 1980 г.

Странам, квалифицируемым, как наименее экономически развитые (Боливия, Эквадор и Парагвай), предоставляется система преференций. Посредством гарантирования льготных условий для входа на рынок; осуществления специальных программ сотрудничества в сфере инвестиций, финансирования, технической поддержка и др.; предоставления компенсационных мер осуществляется содействие всестороннему участию наименее экономически развитых стран в процессах интеграции ЛАИ.[10]

ЛАИ открыта для сотрудничества посредством заключения многосторонних и двусторонних соглашений с другими странами и интеграционными организациями в рамках латиноамериканского континента. Двусторонние и многосторонние соглашения наслаиваются на режим зоны экономических преференций ЛАИ. Также ЛАИ осуществляет горизонтальное сотрудничество с другими интеграционными организациями мира и заключает соглашения с третьими странами в рамках развития соответствующих областей интеграции.

Таким образом, являясь самой крупной по географическому охвату латиноамериканской интеграционной организацией, а также благодаря рамочному характеру положений учредительного договора, ЛАИ представляет собой основу для создания других региональных интеграционных объединений. В рамках ЛАИ функционируют различные интеграционные организациям, которые в свою очередь способствуют осуществлению поставленных ЛАИ задач. В частности, среди целей Андского сообщества указано содействие участию стран-членов в процессе региональной интеграции с целью постепенного формирования Латиноамериканского общего рынка[11].

Институциональная структура ЛАИ

Институциональная структура ЛАИ состоит из трех руководящих органов: Совета Министров иностранных дел, Конференции по оценке и соответствию, Комитета Представителей, и также одного технического органа – Генерального Секретариата.

Совет Министров является высшим органом ЛАИ и обладает полномочиями принимать решения, которые определяют основные направления политики управления интеграционными процессами. В его состав входят министры иностранных дел стран-членов, однако, если в определенной стране полномочия участия в выработке интеграционной политики предоставляются другому отраслевому министру или секретарю, в таком случае страны-члены в Совете Министров ЛАИ могут быть представлены указанными должностными лицами. Совет Министров созывается Комитетом Представителей, проводит сессии и принимает решения при условии присутствия представителей всех стран-членов.

Конференция по оценке и соответствию в рамках своей компетенции, включая также другие полномочия, имеет право проводить оценку всех аспектов процессов интеграции, содействовать гармонизации договоров частичного регионального объема, способствуя расширению количества участвующих стран-участниц в интеграционных процессах, и также содействовать экономической интеграции в рамках всего региона. В состав Конференции входят уполномоченные представители от каждой страны-члена ЛАИ.

Комитет Представителей ЛАИ является постоянным политическим органом и площадкой для проведения переговоров, где обсуждаются и принимаются решения, необходимые для достижения целей, обозначенных в Договоре Монтевидео 1980 г. В его состав входят по одному постоянному представителю от каждой страны-члена, которому предоставляется право одного голоса, и также по одному временному заместителю. Заседания Комитета Представителей проводятся регулярно каждые 15 дней. Резолюции Комитета Представителей принимаются при наличии двух третей положительных голосов государств-членов. Комитет Представителей возглавляется Президентом и двумя Вице-президентами, которые заменяют Президента в случае его отсутствия или отставки.

В рамках институциональной структуры ЛАИ действуют также вспомогательные совещательные, консультационные органы, технической поддержки, а также рабочие группы в различных отраслях.

Генеральный Секретариат является техническим органом ЛАИ, обладает полномочиями выдвижения предложений, проведения оценки, исследований и административного управления в рамках содействия достижению целей ЛАИ. Он состоит из технического и административного персонала и возглавляется Генеральным Секретарем и двух заместителей, избираемых на трехлетний срок.

Нормативно-правовая основа ЛАИ

Нормативно-правовая база ЛАИ состоит из учредительных норм ЛАИ и норм, издаваемых ее органами. Совет Министров издает Резолюции и Декларации, Комитет Представителей издает Резолюции и Соглашения, Конференция по оценке и соответствию издает Резолюции.

Договор Монтевидео 1980 г. является учредительным договором ЛАИ, регулирующим механизмы ее деятельности. Данный договор представляет собой многосторонний международный договор с необходимостью ратификации парламентом каждой из стран-участниц. Договор Монтевидео 1980 г. основан на традиционных методах заключения международных договоров, механизмах пересмотра положений, вступления в силу. Для реализации конечной цели установления общего латиноамериканского рынка в учредительном договоре ЛАИ в качестве переходного этапа была предусмотрена начальная ступень интеграции в форме создания зоны тарифных преференций. В нем излагаются лишь основные цели, основные принципы и основные механизмы интеграционного процесса, однако в договоре не содержатся положения о детальном регулировании и конкретных мерах, соответствующих основным целям и принципам. Эта задача в значительной степени возложена на институты, которые создаются в рамках ЛАИ. В качестве такого примера можно привести механизм урегулирования споров и транспортной политики, которые никоим образом не рассматриваются в договоре. Таким образом, учредительный договор ЛАИ определяет лишь общие рамки интеграционного процесса, которые должны быть дополнены при необходимости его органами или институтами, адаптированы к новым условиям с помощью других правовых норм [8, с. 293].

В состав нормативно-правовой базы ЛАИ входят 9 Резолюций Совета Министров иностранных дел соответствующих стран-участниц ранее действующего договора ЛАСТ,

documentos/FichasDescriptivasAcuerdos/FD_AR.PAR_4_Regional_Preferencia_Arancelaria.pdf (дата обращения: 15.04.2026).

10 ALADI. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.aladi.org/sitioaladi/quienes-somos/ (дата обращения: 14.04.2026).

11 Comunidad Andina. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.comunidadandina.org/quienes-somos/ (дата обращения: 16.04.2026).

которые стали частью правопорядка ЛАИ после вступления в силу Договора Монтевидео 1980 г. Данные Резолюции были приняты в следующих сферах: 1) Обзор обязательств, вытекающих из программы либерализации Договора Монтевидео; 2) Соглашения о частичном региональном объеме; 3) Открытие рынков для наименее экономически развитых стран; 4) Специальные программы сотрудничества в интересах наименее экономически развитых стран и обеспечения единства экономического развития; 5) Базовые нормы региональных тарифных преференций; 6) Категории стран; 7) Нормативно-институциональная структура, возникающая в результате вступления в силу нового договора; 8) Руководящие принципы для Рабочих программ на 1980 и 1981 гг., организационная структура Секретариата и бюджет расходов Ассоциации на 1981 г.; 9) Назначение исполнительного секретаря Постоянного исполнительного комитета[12].

Договор Монтевидео устанавливает основные принципы функционирования ЛАИ, определяет ее институциональную структуру. Помимо этого, в договоре затрагиваются другие вопросы, включающие такие, как режим наибольшего благоприятствования; национальный режим; нетарифные ограничения; режим происхождения; предоставление гарантий; режимы стимулирования экспорта; дипломатические иммунитеты и привилегии и др.

Механизм разрешения споров в ЛАИ

В рамках проведения интеграционной политики ЛАИ для достижения цели содействия сбалансированному экономическому и социальному развитию в регионе, формирования общего латиноамериканского рынка в долгосрочной перспективе, необходимо существование правовых гарантий для соблюдения прав и обязанностей, взятых на себя странами-членами.

Следует отметить, что за время существования ЛАСТ и ЛАИ страны-члены этих международных организаций неохотно использовали существующие региональные механизмы для разрешения своих разногласий.

В рамках ЛАСТ действовал Протокол о разрешении споров, который предполагал наличие арбитражного суда. Относительно механизма разрешения споров в рамках ЛАИ не предусмотрено создание постоянной судебной инстанции. Согласно ст. 35 Договора Монтевидео 1980 г., обязанность предложения решений для урегулирования возможных разногласий между государствами-членами возложена на Комитет представителей ЛАИ. [9, с. 123].

Выводы

Являясь самой масштабной интеграционной организацией в Латинской Америке, ЛАИ отметила свой 45-летний юбилей в 2025 г. Став правопреемницей ЛАСТ в реализации цели либерализации торговли в латиноамериканском регионе, ЛАИ включила более гибкие механизмы интеграционной политики. ЛАИ содержит в рамках своей правовой структуры региональные многосторонние и двусторонние соглашения между странами латиноамериканского континента, количество которых продолжает увеличиваться.

Рамочный характер условий учредительного договора ЛАИ позволил различным субрегиональным интеграционным организациям, таким как МЕРКОСУР, Тихоокеанский альянс, Андское сообщество и др. не только сосуществовать в рамках своей сферы действия, но и, в свою очередь, способствовать принятию мер, направленных на выполнение поставленных ЛАИ задач. Посредством подписания соглашений об экономической взаимодополняемости, договоров в сфере либерализации внутрирегиональной торговли, разработки практических инструментов для развития интеграции при учете потребностей и потенциала каждого из государств-членов, включая наименее экономически развитые страны, выполняются шаги для достижения основных целей ЛАИ. Обширная нормативная база ЛАИ состоит из более чем 50 преференциальных соглашений, вследствие чего около 90 % товарооборота в рамках ЛАИ не облагается пошлинами, что оказывает значительное влияние на развитие внутрирегиональной торговли.

Таким образом, ЛАИ является институциональной и нормативной рамочной базой для региональной интеграции в Латинской Америке. На основания множества заключенных двусторонних, многосторонних соглашений внутри латиноамериканского региона ЛАИ содействует сотрудничеству государств и региональных экономических организаций на пути к созданию единого латиноамериканского рынка. Соглашения в рамках ЛАИ охватывают множество экономических вопросов, которые все больше отвечают вызовам настоящего времени, например, регулирование сферы цифровых сертификатов происхождения. Для многих латиноамериканских стран ЛАИ является ключевой организацией, через которую заключаются торговые соглашения, и имеет высокую практическую эффективность. ЛАИ ежегодно проводит форум Expo Aladi в одной из стран-участниц, который позволяет предпринимателям продемонстрировать свою продукцию, обменятся опытом и получить новые связи, возможности для создания бизнеса[13].

Пристатейный библиографический список

1. Menezes W. Derecho internacional en América Latina. Brasília: FUNAG, 2010. P. 368.
2. Ortega J. E. Integración latinoamericana: experiencias / José Emilio Ortega; Jacquelina Erica Brizzio; Santiago Martín Espósito. 1a ed. Córdoba: Editorial de la UNC, 2018. P. 268.
3. Gallardo L., Roberto C. Toledo Mazariegos, Alma Delia. La nueva configuración del derecho de la integración económica en Américahacia la conformación de la unión Americana. Letras jurídicas: revista electrónica de derecho. № 23. 2017. P. 74.
4. Menezes W. Derecho internacional en América Latina. Brasília: FUNAG, 2010. P. 368.
5. Villarreal J. F, Portugal Jesus L. H., Carrion Loyola A. A., Quispe Robles J. L. Una revisión a la integración latinoamericana: de la ALALC a la ALADI. Apuntes CENES Volumen 42. Número 76, I. P. 227-256.
6. Soto Acosta, Willy A. Política Internacional e Integración Regional Comparada en América Latina / 1ª. ed. San José, C.R.: FLACSO, 2014. Pp. 323.
7. Hurtado C., Jaime R. Análisis sobre la Asociación Latinoamericana de Integración. Universidad de Guayaquil // República del Ecuador Universidad y Sociedad. № 10 (4). 2018. P. 291-297.
8. Hurtado C., Jaime R. Análisis sobre la Asociación Latinoamericana de Integración. Universidad de Guayaquil // República del Ecuador Universidad y Sociedad. № 10 (4). 2018. P. 293.
9. Pereira Vecino, Magdalena. Solución de controversias Asociación Latinoamericana de Integración (ALADI) // Revista de derecho. № 18. 2010. Universidad de Montevideo. P. 123-147.

12 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.aladi.org/sitioaladi/normativa-institucional/resoluciones-del-consejo-de-ministros-de-la-alalc-1980/ (дата обращения: 14.04.2026)

13 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gestion.pe/economia/aladi-un-balance-de-la-asociacion-que-impulsa-el-comercio-latinoamericano-hace-40-anos-integracion-apertura-comercial-noticia/?ref=gesr (дата обращения: 14.04.2026).

DOI 10.46320/2073-4506-2026-4-215-34-35

МЭН Гаочжэн
аспирант кафедры международного права, Юридический институт, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

О ВКЛАДЕ КИТАЯ В МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

В данной статье рассматривается вклад Китая в международное право прав человека. Показано, что для решения многочисленных проблем, стоящих перед развивающимися странами, таких как несбалансированное экономическое развитие и возобновление бедности, необходимо отказаться от конфронтации и конфликтов в сфере прав человека и всесторонне содействовать реализации всех видов прав человека, а также взаимному обучению и сосуществованию различных цивилизаций. Автор также обосновывает необходимость развития и изучения китайского пути развития прав человека, который, опираясь на превосходную традиционную культуру Китая и сочетаясь со специфическими реалиями страны, способствовал продвижению прав человека и развитию как в Китае, так и во всем мире.

Ключевые слова: вклад Китая, международное право прав человека, глобальное управление правами человека.

MENG Gaozheng
postgraduate student of International law sub-faculty, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

ON CHINA'S CONTRIBUTION TO INTERNATIONAL HUMAN RIGHTS LAW

This article discusses China's contribution to international human rights law. It shows that, in order to address the multiple challenges faced by developing countries, such as unbalanced economic development and the resurgence of poverty, we should abandon human rights confrontation and conflict, and comprehensively promote the realization of all types of human rights as well as the mutual learning and coexistence of diverse civilizations. The author also substantiates the need to develop and learn from China's path of human rights development, which, based on China's excellent traditional culture and combined with China's specific realities, has contributed to promoting human rights and development in China and globally.

Keywords: China's contribution, international human rights law, global human rights governance.

Introduction

Regard the right to development enjoyed by the people as a challenge to individual human rights, label proposals that differ from mainstream Western human rights views as violating universal values, and regard any discourse or practice biased towards development as an erosion of the existing human rights system. This perspective aligns with the goals and spirit of the United Nations, namely, the preamble to the UN Charter's aim to "promote social progress and better livelihoods in a free and open manner." This demonstrates that promoting development, improving people's livelihoods, and upholding economic and social rights, including the right to development, should not be considered marginalized or subordinate to civil and political rights. The "Chinese-style human rights" perspective reflects China's excellent cultural foundation of inclusiveness and mutual learning , integrating its development experience accumulated based on its national conditions. It is not a challenge to the existing UN and its human rights system, nor is it an assimilation of other countries' human rights concepts and paths; rather, it is an expression of the demands of diverse civilizations and developing countries. This diversity is precisely what the healthy development of the global human rights cause requires.

The "Chinese-style human rights" perspective conveys the following core concepts: First, it affirms that the right to development, with individuals and people as the main actors, is interdependent and inseparable from other types of human rights and should be given equal importance. Second,there is no single, universally applicable model for human rights development that suits all civilizations and peoples. These concepts will further enrich the human rights and development agenda, enabling developing countries and their people to achieve full autonomy and become equal participants and beneficiaries of global development.

Background

The Formation of International "Human Rights and Development" Issues. The understanding of development has also shifted from "economic development" to a broader and more comprehensive understanding, namely, " sustainable development for humanity." In response to the human rights mainstreaming initiative, the United Nations Development Programme (UNDP) proposed integrating human rights into sustainable development in 1998 [2, c. 17], and its Human Development Report 2000 is considered a significant turning point in the UN agencies' integration of human rights and development and a shift in discourse. This report points out that both human rights and development aim to safeguard human freedom, well-being, and dignity.

Limitations of existing international "human rights and development" issues. In some areas, progress has even regressed, exacerbating the North-South gap and development imbalances globally. The plight and demands of developing countries have not been properly addressed, and they are often placed in a passive position where they can only accept human rights exports before pursuing development.

Although UN documents such as the 2030 Agenda for Sustainable Development emphasize the inseparable and positive interaction between human rights and development, the ideas and practices of some Western countries or organizations are clearly politically motivated or stem entirely from inherent human rights biases and preferences. In essence, it still separates or opposes human rights and development, emphasizing aid based on the human rights obligations of recipient countries.

The main focus of the chapter

While the general public enjoys the progress of human rights, the needs of specific groups have also been given attention. China has established a comprehensive legal system to protect the rights and interests of women and children, including more than 100 laws and regulations. Significant achievements have been made in protecting the human rights of people with disabilities. During the 13th Five-Year Plan period, 1.808 million people with disabilities were newly employed in urban and rural areas; the coverage rate of basic rehabilitation services and the fitting rate of assistive devices for people with disabilities both exceeded 80% [6, c. 12]. The mechanism for protecting the rights and interests of the elderly has been gradually improved, with basic medical insurance covering 1.36 billion people and the participation rate remaining stable at over 95%; the total number of elderly care service institutions and facilities nationwide has reached 360,000 [7, c. 10].

Prioritizing the rights to survival and development as primary human rights, breaking through the debate over the universality and particularity of human rights. The right to

survival is a concept proposed based on China's historical experience and national conditions, reflecting China's own needs both internationally and domestically. The right to development embodies China's continuous efforts to maximize social development and human rights progress. Scholars point out that the right to equal development should provide special protection for those with lower levels of development, fewer development opportunities, and weaker development capabilities, focusing on the poor, farmers and migrant workers, people with disabilities, ethnic minorities, women, and children. Whether it's ensuring people's right to vote and participate in political life through promoting whole-process democracy, or promoting people's right to an appropriate standard of living by strengthening infrastructure and industrial development in impoverished areas, these actions demonstrate China's serious approach to all human rights and its response to the actual needs of the people and the ever-changing human rights challenges.

Promote the essence of traditional Chinese culture with an inclusive attitude and break through the debate over the superiority or inferiority of human rights and civilization. Any choice of path to human rights and any interpretation of rights cannot be separated from specific cultural, historical, religious, and social contexts. Most civilizations develop and integrate through interaction, sharing commonalities in respect and care for human beings.

Solutions and recommendations

Establish a world model for the positive interaction between human rights and development.

After the reform and opening up, China focused on economic development and adopted a series of policies and measures to liberate and develop productive forces. To solve the problem of food and clothing for people in some of the most impoverished areas, the State Council launched the "Three Wests" agricultural development poverty alleviation project, covering the Hexi Corridor and Dingxi regions of Gansu and the Xihai Gu region of Ningxia. In 1994, to help more people escape poverty, the State Council issued the "National 87 Poverty Alleviation Plan," striving to "basically solve the problem of food and clothing for the current 80 million impoverished people in rural areas across the country" within seven years. This was the first poverty alleviation and development action plan in the history of New China with clear goals, target groups, measures, and timelines. The term "poverty alleviation" also appeared in the 1995 white paper "Progress in China's Human Rights Cause." Since then, the discourse on poverty alleviation has occupied a significant portion of the annual white papers. It is evident that China is constantly adjusting and innovating in various aspects, including policies, practices, and discourse, to explore the best path for promoting human rights and development.

Actively contribute to global governance in the fields of human rights and development

Over the past decade, this concept has been continuously enriched and improved, demonstrating the breadth and vision of a major power's "Chinese-style human rights" perspective. The overall layout of the "Five Worlds" not only points the way for global economic development but also provides answers for the development of all humanity, offering the possibility of transcending the confrontation of human rights viewpoints and achieving win-win cooperation among all parties through development. The development advocated by China is not the development of a few countries and people, but the development of all countries and people. It requires not only a more equitable and just environment but also a spirit of equality and mutual trust, and an inclusive and open mind—which is also the original vision of human rights and development issues.

This initiative transcends countries with different regions, cultures, religions, social systems, and levels of development, replacing confrontation and competition with cooperation and assistance without any political conditions or human rights judgments, and replacing the theories of "civilizational superiority" and "clash of civilizations" with mutual learning and equal treatment. The "Belt and Road" projects for improving people's livelihoods, whether it's bridge construction in the Maldives, water supply projects in Mauritania, or hospital construction, maintenance, and technical training in South Sudan, have all effectively improved the well-being of people in participating countries, sharing a model of development promoting human rights and achieving development through human rights with countries in need.

On July 12, 2021, the Human Rights Council adopted a resolution of the same name, calling on all countries to achieve people-centered development and promote equal access to development opportunities. The resolution called for the organization of seminars on this theme in the five major geographical regions of the world, providing a platform for all parties to participate in discussions and share experiences. Representatives from Venezuela, Pakistan, Cuba, Cameroon, and other countries appreciated China's submission of this important draft resolution, thanked China for its leading role, and emphasized that development is crucial for all countries, especially developing countries. On July 14, 2023, the Human Rights Council adopted a resolution of the same name for the fourth time, with the support of 30 of its 47 member states. This resolution called on all countries to promote sustainable development to better enjoy human rights and requested that relevant UN human rights mechanisms and procedures incorporate a development perspective into their respective work.

In terms of international cooperation, China promotes exchanges and cooperation among developing countries, thus building synergy for a global development community and providing a platform for discussing and resolving the demands of developing countries.

Conclusion

The world today is undergoing profound changes unseen in a century. Developing countries face multiple challenges, including uneven economic development, a widening North-South divide, and the risk of people falling back into poverty. Existing human rights and development issues, as well as global human rights governance, urgently need to break through the limitations of Western liberal-dominated human rights discourse and approaches, and explore new perspectives, ideas , and pathways. China's path of human rights development, grounded in its excellent traditional culture and combined with its specific realities, possesses a unique "Chinese-style human rights" approach that transcends human rights confrontation and conflict, comprehensively promoting the realization of all types of human rights and the mutual learning and coexistence of diverse civilizations.

References

1. See UN Doc. A /59/2005, In Larger Freedom: Towards Development, Security and Human Rights for All, 21 March, 2005, para. 16, 144.
2. See United Nations Development Programme. "Integrating Human Rights with Sustainable Human Development: A UNDP Policy Document", UNDP, 1998, pp. 17-18.
3. See H.-O. Sano. "Development and Human Rights: The Necessary, but Partial Integration of Human Rights and Development", Human Rights Quarterly, No. 3, (2000), p. 743.
4. See Mo Jihong. "The Core Human Rights Concepts in Xi Jinping's Discourse on the State's Respect for and Protection of Human Rights", Qiushi Journal, No. 2, 2022, p. 19.
5. See Liu Xiaonan. "New Concepts and Mechanisms for the Protection of Women's Human Rights in China", China Women's News, November 23, 2022, A5.
6. See China Disabled Persons' Federation: "A Vivid Demonstration of the Comprehensive Development and Progress of my country's Human Rights Cause", Qiushi.cn, source: Qiushi, No. 12, June 16, 2022. [Electronic resource]. – Access mode: http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2022-06/16/c_1128739268.htm.
7. "The total number of elderly care service institutions and facilities nationwide has reached 360,000", published on the website of the Chinese government, source: Xinhua News Agency, September 20, 2022. [Electronic resource]. – Access mode: http://www.gov.cn/xinwen/2022-09/20/content_5710806.htm.

ДОЛЖЕНКОВА Екатерина
кандидат политических наук, доцент, Высшая школа юриспруденции и судебно-технической экспертизы, Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

БУЛГАЕВА Анна Александровна
независимый исследователь, г. Санкт-Петербург

Долженкова Е.

Булгаева А. А.

«ЗЕЛЕНЫЕ КОРИДОРЫ» КАК ИНСТРУМЕНТ УПРОЩЕНИЯ ТАМОЖЕННЫХ ПРОЦЕДУР: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И МОДЕЛИ РЕАЛИЗАЦИИ

Статья посвящена анализу правового механизма «зеленых коридоров» в системе международного таможенного администрирования. На основе данных Всемирной торговой организации, Всемирной таможенной организации и региональных торговых актов исследуются теоретические основания дифференцированного таможенного контроля, классификация моделей реализации, критерии отбора участников и проблемы правовой унификации. В ходе работы выявляются системные противоречия между принципом полноты таможенного контроля и принципом содействия торговле. Устанавливается отсутствие унифицированного определения термина «зеленый коридор», что влечет терминологическую и правоприменительную несогласованность регулирования механизма. По результатам анализа предлагаются пути преодоления выявленных недостатков через совершенствование нормативной базы на международном и региональном уровнях.

Ключевые слова: упрощенный таможенный коридор, упрощение таможенных процедур, уполномоченный экономический оператор, управление рисками, содействие торговле, таможенный контроль.

DOLZHENKOVA Ekaterina
Ph.D. in Political Sciences, associate professor, Higher School of Law and Forensic Science, Humanities Institute, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

BULGAEVA Anna Alexandrovna
independent researcher, St. Petersburg

«GREEN CORIDORS» AS A TOOL FOR SIMPLIFYING CUSTOMS PROCEDURES: THEORETICAL AND LEGAL FOUNDATIONS AND IMPLEMENTATION MODELS

The article is devoted to the analysis of the legal mechanism of "green corridors" in the system of international customs administration. Based on data from the World Trade Organization, the World Customs Organization, and regional trade agreements, the theoretical foundations of differentiated customs control, the classification of implementation models, the criteria for selecting participants, and the problems of legal unification are being investigated. In the course of the work, systemic contradictions are revealed between the principle of completeness of customs control and the principle of trade facilitation. The absence of a unified definition of the term "green corridor" is established, which entails terminological and law enforcement inconsistencies in the regulation of the mechanism. Based on the results of the analysis, ways are proposed to overcome the identified shortcomings through the improvement of the regulatory framework at the international and regional levels.

Keywords: simplified customs corridor, simplification of customs procedures, authorized economic operator, risk management, trade facilitation, customs control.

Современная международная торговля генерирует объемы грузопотоков, принципиально несовместимые с тотальным документарным и физическим контролем на таможенной границе. По данным Всемирной торговой организации (далее – ВТО), в 2025 году стоимость мирового товарного экспорта составила 24,9 трлн. долларов, а число таможенных деклараций, обрабатываемых ежегодно только в государствах-членах ВТО, исчисляется сотнями миллионов[1].

В этих условиях концепция «зеленого коридора» (green lane, green channel) превратилась из локального административного приема в системообразующий элемент международной таможенной архитектуры. Вместе с тем в доктрине таможенного права понятие, правовая природа и критерии разграничения моделей «зеленого коридора» остаются дискуссионными. Часть исследователей рассматривает его исключительно как технический механизм распределения потоков [1], другие – как самостоятельный правовой институт, требующий специального нормативного закрепления [2].

В настоящем исследовании проводится анализ основополагающих международных актов, регулирующих создание и функционирование «зеленых коридоров»: Таможенный кодекс Европейского Союза (далее – ЕС)[2], Международная конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур[3], Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (далее – ВПТТП)[4], Рамоч-

1 Данные Всемирной торговой организации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://stats.wto.org/ (дата обращения: 26.04.2026).

2 Регламент (ЕС) № 952/2013 Европейского парламента и Совета от 9 октября 2013 г., устанавливающий Таможенный кодекс Союза. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32013R0952 (дата обращения: 26.04.2026).

3 Международная конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур от 1999 г. (с изменениями 2008 г.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wcoomd.org/en/topics/facilitation/instrument-and-tools/conventions/pf_revised_kyoto_conv.aspx (дата обращения: 26.04.2026).

4 Всестороннее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве от 8 марта 2018 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mfat.govt.nz/en/trade/free-trade-agreements/free-trade-agreements-in-force/cptpp/cptpp-text-and-resources/ (дата обращения: 26.04.2026).

ные стандарты безопасности и упрощения процедур мировой торговли[5].

Указанные акты при помощи формально-юридического метода анализируются на предмет закрепления в них норм, регулирующих учреждение «зеленых коридоров». Сравнительно-правовой метод используется для сопоставления подходов к определению правовой природы «зеленых коридоров» и моделей реализации механизма.

В доктрине права существуют четыре основных подхода к квалификации правовой природы «зеленого коридора». Первый подход рассматривает «зеленый коридор» как специальный административный регламент, определяющий упрощенный порядок совершения таможенных операций. В рамках этого подхода «зеленый коридор» является разновидностью административного акта с ограниченным кругом адресатов. Данную позицию отстаивает, в частности, М. Люкс, анализируя таможенное законодательство ЕС [3].

Второй подход трактует «зеленый коридор» как результат публично-правового соглашения между таможенным органом и участником внешнеэкономической деятельности, что сближает его с концессионными конструкциями. Именно в этой логике выстроена конструкция «уполномоченного экономического оператора» (далее – УЭО) в праве ЕС: статья 38 Таможенного кодекса Союза предусматривает, что статус УЭО предоставляется на основании заявления и порождает специфические права.

Третий подход квалифицирует «зеленый коридор» как операциональный вывод из процедуры оценки рисков, не имеющий самостоятельного нормативного содержания. Иными словами, «зеленый коридор» – это не правовой режим, а результат применения алгоритма управления рисками. Этот подход преобладает в документах ВТамО.

Четвертый подход рассматривает «зеленый коридор» как самостоятельный правовой институт в системе таможенного права, имеющий собственные принципы, субъектный состав, основания возникновения и прекращения прав. Этот подход представляется наиболее перспективным с точки зрения системной юриспруденции. Настоящая статья исходит из четвертого подхода, поскольку именно он позволяет выявить структурные элементы анализируемого явления и провести его содержательную классификацию.

Сравнительно-правовой анализ национального законодательства и международных соглашений позволяет выделить четыре основные модели реализации «зеленого коридора». Каждая модель различается по субъектному составу, критериям отбора, объему предоставляемых льгот и нормативной базе.

1. Модель управления рисками (risk-based channel assignment)

Данная модель является наиболее распространенной и представляет собой технологическую дифференциацию потоков исключительно на основе автоматизированной оценки рисков применительно к конкретной декларации. Наиболее развитые примеры реализации этой модели – «Автоматизированная система целевого отслеживания» (Automated Targeting System) в США, разработанная Управлением таможенного и пограничного контроля после 2001 года, и система «Австралийкай пограничная сила» (SELECT) в Австралии. Правовую основу модели на международном уровне составляет Стандарт 6.4 Генерального приложения к Киотской конвенции, обязывающий таможенные органы применять анализ рисков для выбора лиц и товаров, подлежащих проверке.

2. Модель уполномоченного экономического оператора (AEO model)

Модель УЭО, введенная в международный оборот Рамочными стандартами ВТамО 2005 года, создает постоянный правовой статус для организаций, удовлетворяющих установленным критериям надежности, и предоставляет им систематические привилегии при прохождении таможенного контроля, включая приоритетный выпуск товаров. Наиболее детально разработанная реализация – программа УЭО в праве ЕС. Статья 38(2) Таможенного кодекса ЕС предусматривает два вида сертификата УЭО: предоставляющий право на применение таможенных упрощений (AEOC) и подтверждающий соответствие требованиям безопасности и защиты (AEOS). Критерии присвоения статуса УЭО в ЕС включают: отсутствие серьезных нарушений таможенного и налогового законодательства; наличие системы управления коммерческими и транспортными записями; платежеспособность; соответствие стандартам безопасности.

3. Модель двусторонних «зеленых коридоров» в рамках торговых соглашений

Эта модель предполагает создание привилегированных режимов выпуска товаров на основе двусторонних или многосторонних торговых соглашений, охватывающих конкретные товарные позиции или страны происхождения. Наиболее разработанным примером является Глава 7 («Таможенное администрирование и упрощение торговли») ВПТТП, предусматривающий совокупность обязательств по ускоренному выпуску с конкретными временными стандартами: статья 7.4 акта обязывает стороны обеспечивать выпуск товаров в течение 48 часов с момента прибытия, а для ускоренных грузоотправителей – в течение 6 часов.

4. Модель секторальных «зеленых коридоров»

Данная модель предполагает создание ускоренных режимов выпуска для специфических категорий товаров вне зависимости от статуса декларанта. Фармацевтические коридоры получили широкое распространение в период пандемии COVID-19. В марте 2020 года ВТамО опубликовала Руководство по управлению таможней в условиях COVID-19[6], рекомендовавшее создание специальных ускоренных каналов для медицинского оборудования и средств защиты. Ряд государств-членов ВТО формализовал эти режимы на законодательном уровне; в частности, в ЕС предоставил временное освобождение от импортных пошлин и НДС для медицинских товаров, связанных с COVID-19.

Важно отметить, что ни один действующий международный договор не содержит унифицированного определения «зеленого коридора». Киотская конвенция использует понятие «упрощения», не конкретизируя технологию их осуществления. Рамочные стандарты ВТамО содержат термин «green lane», однако лишь в описательном, а не нормативном значении. Это влечет терминологическую несогласованность: разные государства вкладывают различное содержание в понятие «зеленый коридор», что затрудняет взаимное признание режимов и сравнительно-правовой анализ.

В целях решения данной проблематики полагаем необходимым закрепить в обязывающем международно-правовом документе (дополнительном протоколе к Соглашению об упрощении процедур торговли или самостоятельной конвенции под эгидой ВТамО/ВТО) унифицированное определение «зеленого коридора» как правового режима, включающего три обязательных элемента: отказ от физической проверки товара или существенное ее сокращение; сокращенные сроки документарного оформления; контроль после выпуска товаров в замещение предварительного.

Пристатейный библиографический список

1. Петрушина О. М. Актуальные вопросы международного сотрудничества // Russian Economic Bulletin. – 2019. – Т. 2. № 6. – С. 79-83.
2. Фукс Е. Н. Перспективы развития информационного взаимодействия между таможенными службами России и Китая // Вестник Российской таможенной академии. – 2023. – № 4 (65). – С. 112-122.
3. Lux M. Guide to Community Customs Legislation. – Brussels: Bruylant, 2002. – P. 125-131.

5 Рамочные стандарты безопасности и упрощения мировой торговли (SAFE Framework of Standards) (в ред. от 2021 г.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wcoomd.org/-/media/wco/public/global/pdf/topics/facilitation/instruments-and-tools/tools/safe-package/safe-framework-of-standards.pdf (дата обращения: 26.04.2026).

6 Меры, принимаемые таможенными органами для смягчения последствий пандемии COVID-19: Секретариатская записка ВТамО. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wcoomd.org/-/media/wco/public/global/pdf/topics/facilitation/activities-and-programmes/natural-disaster/covid_19/covid_19-categorization-of-member-input_may-29-2020_edition-4_en.pdf (дата обращения: 26.04.2026).

ВАН Цзэнань
аспирант кафедры международного права, Юридический институт, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

Ван Цзэнань

ИНВЕСТИЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ВАЖНЕЙШАЯ ОБЛАСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ ГОСУДАРСТВАМИ-ЧЛЕНАМИ ШОС

В статье проводится комплексный анализ инвестиционной деятельности как системообразующего направления экономического сотрудничества государств-членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Рассматриваются институциональные и правовые предпосылки формирования инвестиционного взаимодействия, динамика взаимных прямых иностранных инвестиций (ПИИ), структура отраслевой специализации капиталовложений, а также влияние геополитических факторов на трансформацию инвестиционных потоков в Евразийском пространстве. На основе данных международных организаций (UNCTAD, World Bank, EDB, IMF) за 2015–2024 гг. выявлены количественные тенденции инвестиционной кооперации между Китаем, Россией, Индией, Пакистаном и государствами Центральной Азии. Особое внимание уделено правовым механизмам защиты инвестиций и перспективам институционализации инвестиционного режима в рамках ШОС. Делается вывод о том, что инвестиционная деятельность трансформируется в ключевой инструмент формирования многополярной экономической архитектуры и требует дальнейшей правовой гармонизации и создания специализированных механизмов разрешения споров.

Ключевые слова: ШОС, инвестиционная деятельность, международное экономическое право, евразийская интеграция, прямые иностранные инвестиции, экономическое сотрудничество.

WANG Zenan
postgraduate student of International law sub-faculty, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

INVESTMENT ACTIVITY AS THE MOST IMPORTANT AREA OF ECONOMIC COOPERATION AMONG THE SCO MEMBER STATES

The article provides a comprehensive analysis of investment activity as a system-forming dimension of economic cooperation among the member states of the Shanghai Cooperation Organisation (SCO). It examines institutional and legal foundations of investment cooperation, the dynamics of intra-regional foreign direct investment (FDI), sectoral distribution of capital flows, and geopolitical factors affecting investment transformation in the Eurasian space. Based on statistical data from United Nations Conference on Trade and Development. UNCTAD, the World Bank, the Eurasian Development Bank and the International Monetary Fund (IMF) (2015–2024), the study identifies quantitative trends in investment interaction between China, Russia, India, Pakistan and Central Asian states. Particular attention is given to legal protection mechanisms and prospects for institutionalisation of an SCO investment regime. The article concludes that investment activity is becoming a key instrument in shaping multipolar economic architecture and requires further legal harmonisation and dispute settlement mechanisms.

Keywords: SCO, investment activity, international economic law, Eurasian integration, foreign direct investment, economic cooperation.

The Shanghai Cooperation Organisation (SCO), established in 2001, predominantly focused on regional security issues during the first decade of its existence. However, the gradual expansion of its membership and the deepening of interaction among member states drove a transformation of its agenda toward economic cooperation. The economic dimension of this partnership was institutionalized through the Program of Multilateral Trade and Economic Cooperation of the SCO Member States in 2003, and was subsequently advanced within the framework of the SCO Development Strategy until 2025.

The aggregate economic potential of the organization dictates an objective need to intensify investment cooperation. According to World Bank data, in 2024, the combined GDP of the SCO member states at purchasing power parity (PPP) exceeded USD 56 trillion, accounting for more than 30 % of global GDP[1]. The population of the member states exceeds 3.4 billion. These figures attest to the emergence of one of the largest economic spaces in the contemporary world. Investment activity within the SCO framework serves not merely as a mechanism for attracting capital, but also as an instrument for the structural transformation of economies, as well as the development of transport connectivity, energy infrastructure, and value-added production chains. Unlike trade, investments foster stable, long-term ties between economic entities and establish the material foundation for integration.

According to the UNCTAD World Investment Report 2024, foreign direct investment (FDI) inflows in 2023 amounted to USD 163 billion in China, USD 71 billion in India, USD 10.3 billion in Kazakhstan, USD 8 billion in Russia, USD 2.6 billion in Uzbekistan, USD 1.7 billion in Pakistan, and USD 1.5 billion in Iran[2].

1 World Bank. World Development Indicators 2024. – Washington, 2024.

2 UNCTAD. World Investment Report 2024. – Geneva: United Nations, 2024.

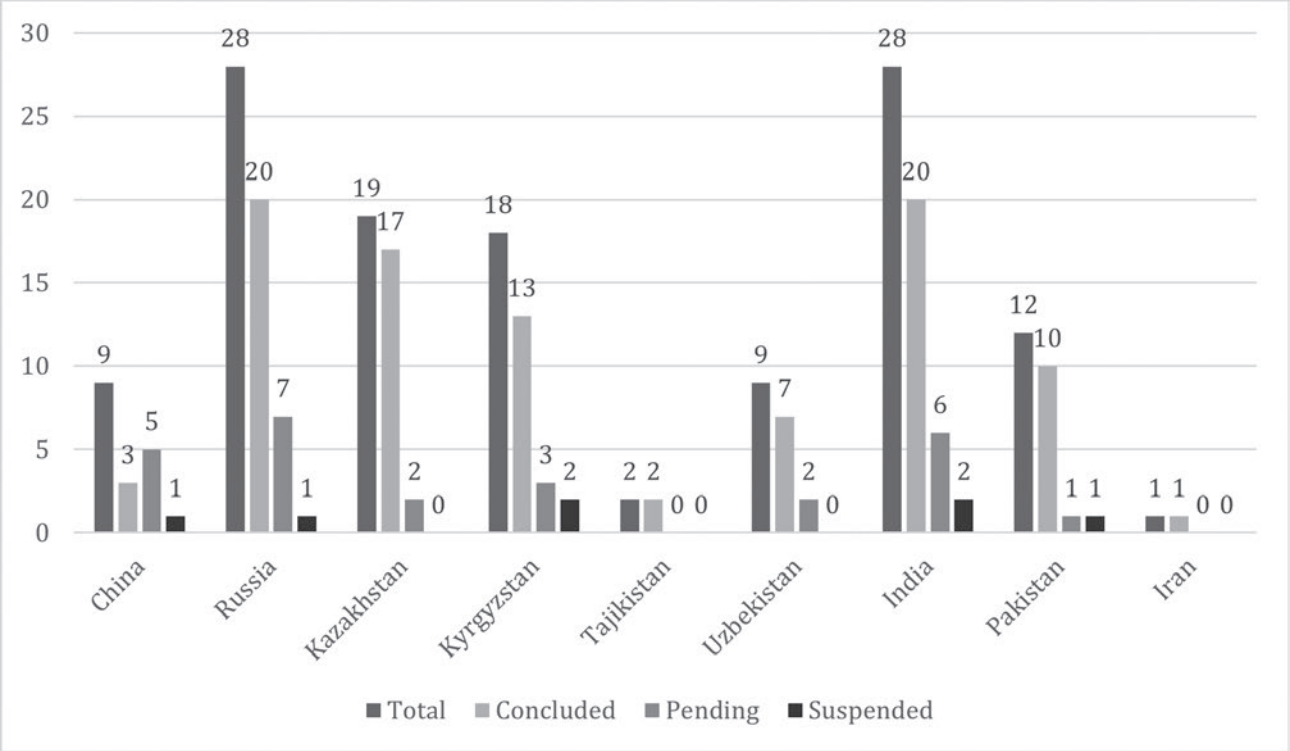

Figure 1. Number of cases where SCO member states act as respondents

Thus, aggregate FDI inflows into the SCO member states exceeded USD 260 billion, accounting for approximately one-fifth of the global investment volume. In this context, China and India serve as the primary destinations for capital, whereas the states of Central Asia demonstrate steady growth in investment inflows, particularly in the infrastructure and energy sectors.

According to the Eurasian Development Bank, the cumulative volume of mutual investments across the Eurasian space reached USD 320 billion by 2024, with approximately USD 140 billion attributed to bilateral investment cooperation between Russia and China[3].

It should be noted that between 2022 and 2024, a notable transformation of investment flows occurred as a result of shifts in the global geoeconomic landscape. Sanctions imposed on the Russian Federation prompted a reorientation of investment cooperation toward Asian partners. According to the Central Bank of the Russian Federation, trade turnover between Russia and China reached USD 240 billion in 2023 and exceeded USD 250 billion in 2024, which was accompanied by an increase in mutual industrial investments[4].

Investment flows within the SCO exhibit a high degree of concentration in strategic economic sectors. The energy and extractive industries account for approximately 45 % of mutual investment. Energy cooperation encompasses the construction of pipeline infrastructure, the modernization of oil refining capacities, and the advancement of the electric power sector.

The transport and logistics sector accumulates roughly 25 % of investment. Within the framework of aligning the Belt and Road Initiative with Eurasian integration projects, international transport corridors are being developed, ensuring connectivity between Europe and Asia. According to Asian Development Bank data, the volume of Chinese investment in the transport infrastructure of Central Asia exceeded USD 65 billion by 2024[5].

Industrial production and the manufacturing sector account for approximately 15 % of mutual investments. This sector is witnessing the establishment of joint ventures in the automotive, metallurgical, and chemical industries.

The digital economy is demonstrating notable growth. Cooperation is expanding in the fields of telecommunications, e-commerce, and financial technology (fintech), which aligns with the global trend of the digitalization of international economic relations.

One of the most extensive investment projects implemented with the participation of SCO states is the China-Pakistan Economic Corridor (CPEC). Between 2015 and 2024, the aggregate investment volume exceeded USD 62 billion.

The project entails the construction of power facilities with a capacity of over 13 GW, the creation of transport routes spanning over 3,000 km, and the development of the Gwadar port infrastructure. According to Asian Development Bank estimates, the project's implementation secured an annual increase in Pakistan's GDP of 1.8-2 % during the active construction phase[6].

CPEC demonstrates that investments can serve the function of not only economic but also geopolitical rapprochement between states, fostering sustainable infrastructural interdependence.

Investment cooperation among SCO member states is conducted predominantly on the basis of bilateral investment treaties (BITs). These agreements enshrine the principles of fair and equitable treatment (FET), national treatment (NT), protection against expropriation, and dispute settlement mechanisms. The international legal nature of investment protection is underpinned by the general principles of international economic law, including the principles of good faith and pacta sunt servanda[7].

At the same time, a unified multilateral investment regime is absent within the SCO framework. The organization lacks supranational authority, which distinguishes it from the

3 Eurasian Development Bank. Monitoring Mutual Investments 2024. – Moscow, 2024.

4 Bank of Russia. Annual Report 2023. – Moscow, 2024.

5 Asian Development Bank. Asian Development Outlook 2023. – Manila, 2023.

6 Asian Development Bank. Asian Economic Outlook 2023. – Manila, 2023.

7 International Law: Textbook for Universities / Ed. A. N. Vylegzhanin. – 4th edition, revised and enlarged. – Moscow: Yurait Publishing House, 2024. – P. 312.

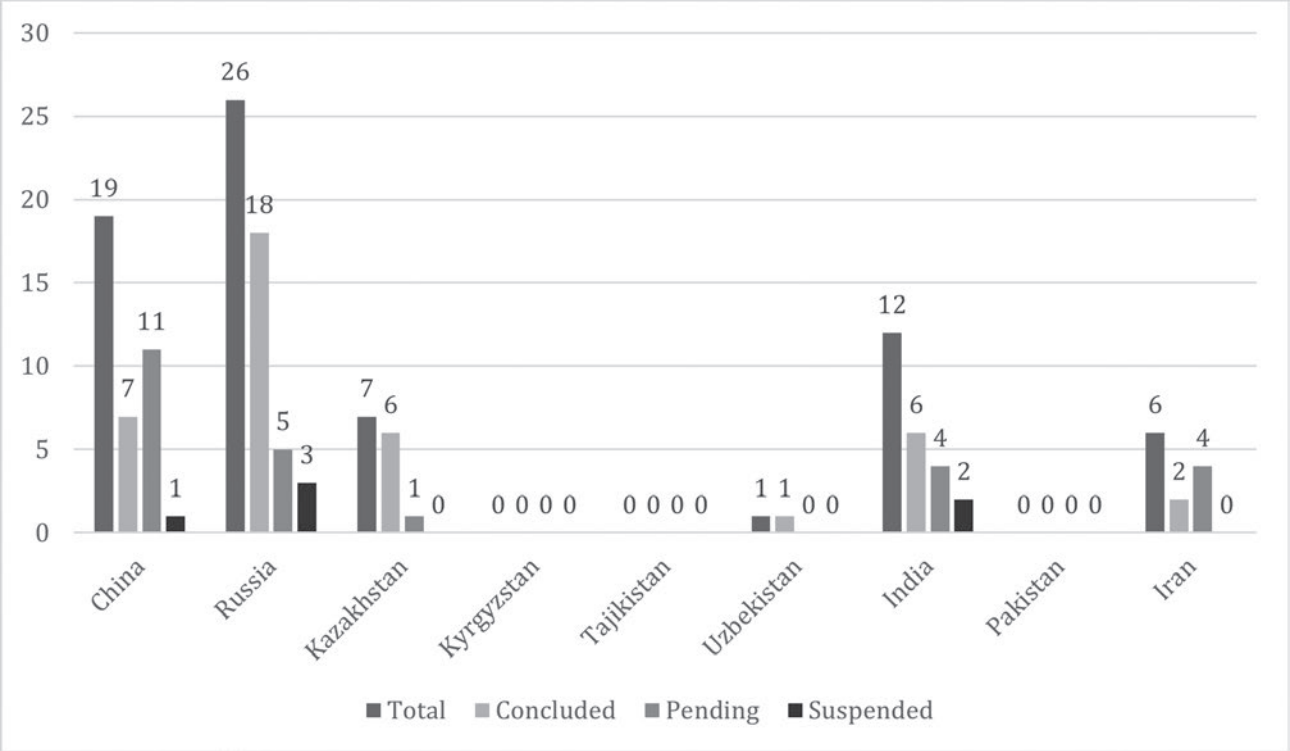

Figure 2. Number of cases where SCO member states act as claimants

European Union, where an advanced system of legal regulation for the internal market and investment freedoms is in place[8].

The absence of a unified regulatory framework reduces the predictability of law enforcement and complicates the formation of a single investment space. Investment activity within the SCO framework is subject to the influence of several external factors:

– sanctions-related restrictions;
– volatility of foreign exchange markets;
– disparities in national investment regimes;
– limited coordination among financial institutions.

According to the International Monetary Fund, in 2023, investment activity in Asia and the Middle East expanded at a faster pace than in Europe, reflecting a shift in the global center of economic gravity[9].

To strengthen investment cooperation, it is deemed advisable to:

– develop an SCO model agreement on investment protection;
– establish a consultative or arbitral dispute settlement mechanism;
– harmonize information disclosure standards;
– enhance coordination among national development banks.

A comparative analysis of the ASEAN experience demonstrates that the formation of a regional investment regime is possible without a rigid supranational system, based on the principles of coordination and mutual recognition of standards.

Investment activity is assuming a system-forming role in the development of the Eurasian economic space. It ensures:

– the advancement of transport connectivity;
– energy security;
– the industrialization of emerging economies;
– the diversification of trade flows;
– increased resilience to external shocks.

Current trends indicate the gradual emergence of an independent center of investment integration within the SCO framework. The growth of mutual capital investments, the increasing number of joint ventures, and the expansion of infrastructure projects create the prerequisites for long-term economic interdependence.

An analysis of quantitative indicators and legal mechanisms of investment cooperation suggests that investment activity is a key driver of economic integration among SCO member states. Despite disparities in national legal systems and external geopolitical constraints, there is a steady upward trend in mutual capital investments, particularly in strategic sectors.

The further development of the investment regime requires institutional strengthening and legal harmonization, which will enhance regulatory predictability and bolster the SCO's role in shaping a multipolar global economy.

The advancement of investment activity within the SCO is unattainable without the formation of a resilient financial infrastructure that ensures the accumulation, allocation, and insurance of capital investments. At the current stage, this infrastructure remains fragmented, represented by national development institutions and interstate banks.

The Eurasian Development Bank (EDB) plays a pivotal role in Eurasian investment interaction. As of 2024, the Bank's investment portfolio reached USD 16.5 billion, with over 60 % of projects concentrated in transport infrastructure and energy. In 2023, the EDB financed 23 new projects with a total value of USD 4.5 billion[10].

The Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB), whose authorized capital includes contributions from China, India, and a number of Central Asian states, also holds significant importance. As of the end of 2024, the AIIB's approved project portfolio exceeded USD 44 billion, a substantial portion of which was allocated to the development of transport and energy infrastructure within the Eurasian region.

It should be noted that the World Bank estimates the aggregate infrastructure investment requirements of Central Asian countries at 2-3 % of GDP annually through 2030, which

8 Kashkin S. Yu. Law of the European Union: a textbook for universities / S. Yu. Kashkin et al. – 5th ed. – M.: Yurait Publishing House, 2024. – P. 61.

9 International Monetary Fund. Regional Economic Outlook 2024. – Washington, 2024.

10 Eurasian Development Bank. Annual Report 2024. – Moscow, 2024.

is equivalent to approximately USD 25-30 billion in annual investment[11]. This corroborates the objective demand for expanding investment cooperation. Despite the existence of individual financial instruments, the SCO lacks a dedicated investment fund or an internal development bank. Discussions regarding the establishment of an SCO Development Bank have been underway since the 2010s; however, a consensus among member states has yet to be reached. The absence of such an institution constrains the coordination of strategic investment projects.

Current investment dynamics within the SCO are characterized by a gradual increase in the proportion of settlements conducted in national currencies. According to Bank of Russia data, in 2023, over 85 % of bilateral settlements between Russia and China were carried out in national currencies, whereas in 2018, this figure did not exceed 25 % [9].

The wider use of national currencies mitigates exchange rate risks and reduces reliance on US dollar liquidity. Nevertheless, structural constraints persist, including disparities in currency convertibility, exchange rate volatility, and the insufficient depth of financial markets in certain states. In its Regional Economic Outlook (2024) report, the International Monetary Fund notes that Asian economies exhibit more resilient reserve dynamics and a declining share of the dollar in international settlements, reflecting a trend toward the emergence of regional financial hubs[12].

Thus, currency diversification emerges as an additional tool for bolstering the investment autonomy of SCO member states. The qualitative parameters of investment cooperation are significantly shaped by the state of national investment regimes. According to World Bank data and relevant investment attractiveness rankings for 2023-2024, SCO member states exhibit marked differentiation in their business environments.

Kazakhstan and China are characterized by higher levels of institutional stability and infrastructure development. In 2023, the share of private investment in China's GDP amounted to approximately 20 %, while the total volume of fixed asset investment (FAI) exceeded USD 6 trillion. India demonstrates steady growth in direct investment within the manufacturing sector. In 2023, FDI inflows into the Indian manufacturing industry increased by 15 % year-on-year, reaching USD 15 billion[13].

Central Asian states continue to overhaul their investment legal frameworks. Between 2022 and 2024, Uzbekistan adopted a series of regulatory acts aimed at streamlining foreign investors' access to infrastructure projects and establishing special economic zones (SEZs).

At the same time, structural challenges persist:

– reliance on commodity exports;

– limited depth of domestic financial markets;

– disparities in tax regulation;

– inadequacies in judicial protection mechanisms for investors.

Investment activity within the SCO framework significantly correlates with the implementation of China's Belt and Road Initiative (BRI). According to expert estimates, the total volume of announced Chinese investments under the initiative has exceeded USD 1 trillion, a substantial portion of which is directed toward SCO member states.

The alignment of infrastructure projects with the integration mechanisms of the Eurasian Economic Union (EAEU) facilitates the formation of a unified logistics space. In 2023, the volume of rail freight along China–Europe routes passing through Central Asian states exceeded 1.7 million containers, representing a 6 % increase over the 2022 figure.

The development of transport corridors reduces transaction costs and enhances the investment attractiveness of transit states. Consequently, investment projects generate a multiplier effect, stimulating growth in trade, industry, and the services sector.

Investment exerts a direct influence on the macroeconomic indicators of SCO member states. In Kazakhstan, projects involving foreign participation facilitated the creation of over 50,000 jobs between 2015 and 2023. In Uzbekistan, the share of enterprises with foreign capital in industrial production rose from 18 % to 26 % over the same period.

According to World Bank estimates, a 1 % increase in infrastructure investment as a share of GDP can generate an additional 0.5-0.7 % of economic growth in the medium term[14].

Thus, investment cooperation within the SCO framework possesses not only economic but also social significance, facilitating the reduction of unemployment and the development of human capital.

The strengthening of investment cooperation necessitates the institutionalization of dispute settlement mechanisms and the coordination of investment policies. Prospective avenues for development include:

1. Developing an SCO framework agreement on the promotion and protection of investments.

2. Establishing an advisory council on investment policy.

3. Creating an information exchange system concerning national investment regimes.

4. Promoting project financing through joint funds.

The preservation of the principle of sovereign equality of states, enshrined in international law, must be reconciled with the requirement for predictability in the investment regime[15].

The establishment of a specialized mechanism will bolster investor confidence and provide additional safeguards for the protection of capital investments.

References

1. Asian Development Bank. Asian Development Outlook 2023. – Manila: Asian Development Bank, 2023. – 482 p.
2. Bank of Russia. Annual Report 2023. – Moscow: Central Bank of the Russian Federation, 2024. – 356 p.
3. Eurasian Development Bank. Mutual Investment Monitoring 2024. – Moscow: Eurasian Development Bank, 2024. – 148 p.
4. Kashkin S. Yu. European Union Law: a textbook for universities / S. Yu. Kashkin, P. A. Kalinichenko, A. O. Chetverikov; edited by S. Yu. Kashkin. 5th ed., rev. and exp. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2024. – 368 p.
5. Vylegzhanin A. N., et al. International Law: a textbook for universities / edited by A. N. Vylegzhanin. 4th ed., rev. and exp. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2024. – 664 p.
6. International Monetary Fund. Regional Economic Outlook: Asia and Pacific. – Washington: IMF, 2024. – 198 p.
7. UNCTAD. World Investment Report 2024. – Geneva: United Nations, 2024. – 322 p.
8. World Bank. World Development Indicators 2024. – Washington: The World Bank, 2024. – 412 p.
9. Bank of Russia. Analytical Materials on International Settlements. – Moscow, 2024.

11 World Bank. Global Infrastructure Outlook, 2023.

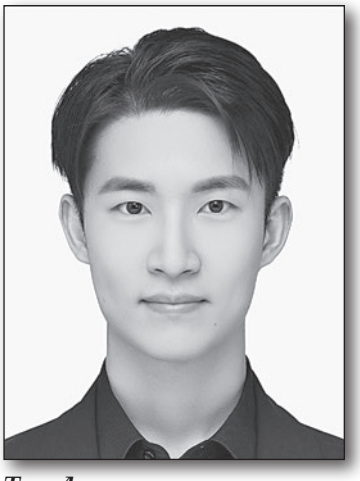
12 International Monetary Fund. Regional Economic Outlook 2024. – Washington, 2024.

13 UNCTAD. World Investment Report 2024.

14 World Bank. World Development Indicators 2024.

15 International Law: Textbook for Universities / Ed. A. N. Vylegzhanin. – Moscow: Yurait, 2024. – P. 312.

ТАО Лунцзе
аспирант, Юридический институт, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

Тао Лунцзе

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ И ВЗАИМНОЙ ВЫГОДЫ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРАВЕ С КОНКУРИРУЮЩИМИ НОРМАМИ МЕЖДУНАРОДНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРАВА

В статье рассматривается сложный механизм взаимодействия принципа справедливости и взаимной выгоды с другими, часто конкурирующими, нормами современного международного экономического права (МЭП). Актуальность исследования обусловлена глубокой трансформацией глобального экономического правового порядка, системным кризисом многосторонних торговых институтов и возрастающей необходимостью установления нового баланса между правом и политической целесообразностью. Материалами исследования служат доктринальные источники, а также практика заключения двусторонних инвестиционных договоров (в частности, между США и КНР). В ходе анализа выявлены основные зоны нормативных столкновений: противоречия между материальной справедливостью и формальным равенством (принципом недопустимости дискриминации), а также конфликт между взаимной выгодой и нормами, охраняющими национальные экономические интересы. Особое внимание уделено выявлению правовых механизмов, способных гармонизировать систему международного экономического права в период перехода к многополярной экономике.

Ключевые слова: международное экономическое право, принцип справедливости, взаимная выгода, нормативное столкновение, глобальный экономический правовой порядок, материальная справедливость, инвестиционные договоры, развивающиеся страны.

TAO Longjie
postgraduate student, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

INTERACTION OF THE PRINCIPLE OF EQUITY AND MUTUAL BENEFIT IN INTERNATIONAL ECONOMIC LAW WITH COMPETING NORMS OF INTERNATIONAL ECONOMIC LAW

This article examines the complex mechanism of interaction between the principle of equity and mutual benefit and other, often competing, norms of contemporary International Economic Law (IEL). The relevance of this study is driven by the profound transformation of the global economic legal order, the systemic crisis of multilateral trade institutions, and the growing necessity to establish a new balance between law and political expediency. The research material includes doctrinal sources as well as the practice of concluding bilateral investment treaties (specifically between the US and the PRC). The analysis identifies primary zones of normative collision: contradictions between substantive equity and formal equality (the principle of non-discrimination), as well as the conflict between mutual benefit and norms safeguarding national economic interests. Particular attention is paid to identifying legal mechanisms capable of harmonizing the IEL system during the transition toward a multipolar economy.

Keywords: international economic law, principle of equity, mutual benefit, normative collision, international economic legal order, substantive equity, investment agreements, developing countries.

Introduction

The architecture of contemporary International Economic Law (IEL) is undergoing a period of profound conceptual transformation. For a long duration, the foundation of international economic relations rested upon the doctrine of the exclusively formal equality of sovereign states. However, the legal practice of recent decades vividly demonstrates that the formal legal equality of economically unequal subjects often leads to substantive injustice and the deepening of disparities within the global economy. Consequently, there is a legitimate transition within both doctrine and practice toward the necessity of ensuring substantive (factual) equity.

At the heart of this transitional process is the principle of equity and mutual benefit, which is gradually evolving from a declaratory norm into a functional regulator of international relations. Nevertheless, its implementation faces a serious conceptual challenge: the growing objective contradiction between the global community's aspiration for universal mutual benefit and the strictly egocentric economic interests of individual actors. In protecting their national sovereignty and domestic markets, states frequently initiate legal regimes that enter into direct collision with the ideals of mutual gain, necessitating a fundamental reassessment of the mechanisms through which the core principles of IEL interact.

The chosen research trajectory is particularly relevant in light of several interconnected factors shaping the contemporary world order.

First, there is a manifest systemic crisis within traditional multilateral institutions. The paralysis of the World Trade Organization (WTO) Appellate Body and the unprecedented surge of protectionist tendencies in global trade indicate that former mechanisms of universal regulation are failing. Under these conditions, the principle of mutual benefit is frequently sacrificed to sanctions pressure and trade wars.

Second, a clear gap persists in academic discourse: there is insufficient theoretical development regarding the mechanisms for resolving collisions between the imperative principles of IEL and the body of "soft law" norms, as well as overtly politically motivated state decisions. To date, no unified approach has been established to determine which norm should take precedence when the economic advantage of one party is secured at the expense of the sovereign rights of another.

Third, beyond its theoretical importance, the issue carries significant practical weight. The formulation of clear legal criteria for equity is critically essential for modern arbitration practice and negotiation processes. This issue is particularly acute in the construction of contemporary bilateral investment treaties (BITs)

and free trade agreements (FTAs), where the balance between the interests of the investor and the host state must be calibrated with surgical precision.

Based on the identified contradictions and the current state of scholarly discourse, the goal of this study is to reveal the specific nature of legal collisions and define the clear boundaries of interaction between the principle of equity and mutual benefit and other competing institutions and norms of international economic law (IEL).

To achieve this goal, the article addresses the following set of research objectives:

1. To uncover the profound doctrinal content and evolution of the concepts of "equity" and "mutual benefit" within the context of the contemporary stage of international law development.

2. To systematize the key norms, regimes, and principles (including the principle of non-discrimination and the protection of national interests) that enter into direct or latent competition with the principle under study.

3. To analyze current law enforcement, judicial, and treaty practices regarding the mechanisms employed to resolve such collisions.

4. To formulate and propose a scientifically grounded theoretical model for the harmonization of conflicting norms, adapted to the realities of a multipolar economy.

Operational mechanisms of contemporary IEL. A fundamental prerequisite for understanding the operational mechanisms of contemporary IEL is a profound theoretical comprehension of its core definitions. Russian legal doctrine, particularly relying on the seminal works of V.M. Shumilov [2; 3], views IEL principles not as a fragmented set of declarations but as an integrated, interconnected system where each element performs its own regulatory function. In this context, the principle of mutual benefit acts as a kind of economic imperative for cooperation. As convincingly demonstrated in the research of A.S. Purtov, mutual benefit is not merely a political slogan but a distinct legal principle with specific content and functions aimed at ensuring the equivalence of exchange in interstate relations [7], [8].

However, the most acute scientific discussion today revolves around the interpretation of the concept of "equity." A highly pragmatic and timely perspective on this issue is offered by the contemporary Chinese school of international law, which responds keenly to the transforming role of developing countries in the global economy. For instance, researchers such as Tao L. [10] and Qiang Qiang [11] maintain a strict distinction between the concepts of formal equality and substantive (material) equity. While the traditional understanding of IEL assumed that all states are equal before the law regardless of their economic weight (which often entrenched the hegemony of developed nations), substantive equity demands a differentiated approach. It necessitates the creation of legal regimes that mitigate factual economic inequality and ensure real, rather than illusory, mutual benefit for all parties to an agreement.

Theoretical Context. Theoretical reflection on this issue is impossible without considering the specific nature of the international economic law system itself. The modern legal order in this field is characterized by unprecedented structural complexity and a hierarchical, multi-layered nature. The traditional triad of sources (international treaties, custom, and general principles of law) is now supplemented by a massive body of acts from international organizations and "soft law" norms.

A consequence of this diversity is the increasing fragmentation of international law – an objective process that generates unavoidable collisions between various legal regimes (for example, between WTO norms and regional trade agreements). In conditions where strictly peremptory norms (jus cogens) are objectively few in the economic sphere, the treaty obligations of states move to the forefront. It is here that the principle of equity and mutual benefit acquires critical importance. It begins to function as a "universal balancer" – a legal yardstick that allows courts and tribunals to find a compromise between the rigid norms of formal law and the necessity of accounting for the legitimate interests of the parties, thereby preventing treaty obligations from being transformed into instruments of economic suppression.

Any doctrinal analysis of international economic norms risks being detached from reality without accounting for their inherent politicization. Legal application in International Economic Law (IEL) never exists in a "distilled" or pure form. Examining this phenomenon, A.N. Medushevsky correctly highlights the complex search for balance between law and politics in modern international justice [6].

This politico-legal dualism becomes particularly evident when interpreting "equity." Every sovereign state, possessing an inalienable right to protect its national interests, tends to interpret equity and benefit through the prism of its own economic security. Consequently, a paradoxical situation arises: measures introduced by one state for the sake of "fair competition" (such as protectionist duties or sanctions) are perceived by another state as a direct violation of the principle of mutual benefit. Thus, state sovereignty serves simultaneously as a guarantor of compliance with international law and as the primary factor complicating the development of unified, universally recognized criteria for economic equity.

Materials Overview. The reliability, representativeness, and validity of the conclusions of any doctrinal study in international law are directly determined by the quality of its source base. The empirical and normative foundation of this article was formed at multiple levels, covering both universal and particular legal regimes:

– primary framework. Fundamental international legal acts forming the backbone of the global economic legal order. This primarily includes the package of basic agreements within the World Trade Organization (WTO) system, which establish the general frameworks for non-discrimination and formal equality;

– bilateral focus. Intensive analysis of Bilateral Investment Treaties (BITs). The current experience of negotiation processes and agreements between the USA and the PRC was utilized as the most representative example illustrating the sharp competition between principles of substantive equity and national economic egoism;

– jurisprudential data. Acts of international judicial and arbitral practice (including decisions of the WTO Dispute Settlement Body and investment arbitrations), which allowed for tracing the evolution of real law enforcement approaches;

– theoretical base. Specialized scientific literature combining classical works of the domestic school of international law and the latest foreign doctrinal developments.

Research Methods. The specific nature of the object of this study – the complex, often latent interaction of competing international legal norms – required a rejection of linear approaches in favor of a comprehensive methodological toolkit:

1. Formal-Legal (Dogmatic) Method. Served as the primary tool for the initial processing of international conventions and treaties. Its application allowed for a strict grammatical, logical, and systematic interpretation of legal prescriptions, isolating the normative core of the principles of equity and mutual benefit.

2. Comparative-Legal Method. Used to conduct a critical comparison of the concept of substantive (factual) equity with the

Table 1. Comparative characteristics of approaches to equality of trading partners in the iel system

Criteria for Comparison	Concept of Formal Equality (Basis: MFN and National Treatment)	Concept of Substantive (Material) Equity (Basis: Preferential Regimes)
Legal-Philosophical Framework	Classical Liberalism: Creating a "level playing field" for all participants.	Distributive Justice: The necessity of compensating for objective historical and structural disparities.
Approach to Economic Potential	Ignored. Rules are universal for all, regardless of GDP, technological level, or market share.	Regarded as a key factor. Requires an asymmetrical distribution of rights and obligations.
Evaluation of "Mutual Benefit"	Benefit is presumed from the very fact of free trade and the absence of artificial barriers.	Benefit is viewed not as a presumption, but as a goal requiring deliberate legal construction.
Typical Legal Mechanism	GATT Articles I and III (strict prohibition of all forms of favoritism).	Waivers, Generalized System of Preferences (GSP), special protective measures for developing countries.

traditional IEL principle of strict formal equality. This perspective enabled the conceptualization of internal contradictions between declared universal "rules of the game" and the real disparity in the economic potential of developed and developing states.

3. Teleological (Purpose-Oriented) Approach. Played a decisive role in resolving collision situations. Given the unavoidable vagueness of certain formulations in international economic agreements, this method allowed for going beyond "dry" textology to reconstruct the "object and purpose" of the parties at the time of treaty conclusion.

4. Systemic Analysis. Ensured the perception of international economic law not as a mechanical conglomerate of isolated branches, but as a single, albeit deeply contradictory, organism. This integration allowed collisions between the principle of equity and protectionist norms to be viewed as a logical result of balancing various institutions within an evolving world order.

1. Competition with the Principle of Non-Discrimination (MFN and National Treatment). Applying a systemic analysis to the architecture of contemporary International Economic Law (IEL), we inevitably encounter the fact that IEL functions as an intricate, internally contradictory organism in which universal principles frequently conflict with one another. This normative competition is most vividly manifested in the clash between the principle of equity and mutual benefit and the fundamental cornerstones of the GATT/WTO system – the principle of non-discrimination, which is operationalized through Most-Favored-Nation (MFN) treatment and National Treatment.

From the perspective of the formal-legal method, the essence of the non-discrimination principle, enshrined in Article I of the General Agreement on Tariffs and Trade (GATT 1947), lies in an unconditional requirement: any advantage, favor, privilege, or immunity granted by a contracting party to any product originating in any other country shall be accorded immediately and unconditionally to the like product originating in the territories of all other contracting parties. In other words, the law demands an absolute indifference to a partner's status – a formal equality of all before the law [2], [3].

However, as rightly noted by Chinese researchers Tao L. [10] and Qiang Qiang [11], the absolutization of formal equality under conditions of total factual (economic, technological, and infrastructural) disparity among states engenders systemic inequity. The interaction between a transnational corporation from a post-industrial power and a local enterprise from a developing nation under "equal" tariff conditions inevitably leads to the economic marginalization of the latter. In such a paradigm, the principle of mutual benefit – extensively explored in the works of A. S. Purtov [7], [8] – is devalued, transforming into a unilateral benefit: the "benefit of the strong".

This creates a fundamental legal collision: how can mechanisms for supporting developing economies be integrated (in the name of global equity and long-term mutual benefit) without dismantling the core principle of non-discrimination upon which the entire multilateral trading system rests? De jure, granting any exclusive preference to an economically weak nation constitutes discrimination against all other trading partners, which is a direct violation of MFN.

To provide a deeper understanding of this collision, the comparative-legal method allows us to contrast the two competing paradigms within IEL, as illustrated in Table 1.

The presented matrix demonstrates more than just a difference in legal technique; it reveals a profound ideological divide in IEL doctrine. While the first paradigm protects the status quo of developed economies, the second articulates the interests of the Global South. The competition between these norms cannot be resolved by the simple absorption of one norm by the other. It necessitated the creation of a unique legal compromise – a mechanism that legalizes a departure from the general rule without its total abolition.

Resolving this conceptual deadlock required the international community to develop fundamentally new legal constructs. Utilizing a teleological approach to analyze the evolution of IEL, one can state that the true intent of states during the 1970s GATT reforms was not the destruction of the trading system, but its salvation from a crisis of legitimacy. The objective was to legally justify the inequality of obligations in the name of achieving factual equality of opportunity.

The primary tool for overcoming this collision became the mechanism of institutional waivers and the subsequent formation of the Generalized System of Preferences (GSP). A historical breakthrough occurred in 1971 when the GATT contracting parties adopted a waiver allowing developed countries to unilaterally grant preferential tariff treatment to products from developing countries without extending these benefits to other developed nations.

However, a temporary waiver could not provide a durable legal foundation. The institutionalization of the substantive equity principle culminated in the adoption of the 1979 "Enabling Clause" – the Decision on Differential and More Favorable Treatment, Reciprocity and Fuller Participation of Developing Countries.

Based on evaluations of the effectiveness of legal regulation [4], the Enabling Clause must be recognized as a brilliant legal compromise. It created a permanent legal mechanism to bypass the rigid requirements of GATT Article I. From a dogmatic legal perspective, the GSP does not abolish the MFN principle; rather, it establishes a legitimate, purposeful exception to it.

An analysis of law enforcement practice within the WTO explicates a crucial transformation: the principle of mutual benefit [7] is no longer interpreted solely as immediate "reciprocity of concessions." The unilateral granting of tariff preferences to developing countries (the absence of immediate counter-benefit for developed nations) is now viewed as deferred mutual benefit. Developed nations invest in the growth of developing economies

Table 2. Evolution of the Balance of Interests in Bilateral Investment Treaties (BITs)

Evaluation Criteria	First-generation BITs (1960-1990s)	New-generation BITs (post-2010s)
Goal-setting (preamble)	Exclusive protection and promotion of foreign investment.	Sustainable development, investment protection while maintaining the right to regulate.
Interpretation of the FET standard	Broad (autonomous standard including any legitimate expectations).	Restrictive (linked to the minimum standard of treatment under customary international law).
Indirect expropriation	Any state action reducing business profitability can be recognized as expropriation.	Clear exception for non-discriminatory regulatory measures (environment, health, safety).
Concept of equity	Formal (priority of contract immutability – pacta sunt servanda).	Substantive (balance between investor rights and state obligations).

to secure, in the long term, solvent export markets and stable trading partners.

Thus, the collision between non-discrimination and substantive equity is resolved through a sophisticated system of checks and balances. Waivers act as a "safety valve" that allows for the release of tension between economic poles while preserving the overall architecture of the international economic legal order [2]. This mechanism proves that IEL norms are not static; under the pressure of the necessity to ensure genuine (rather than merely declaratory) equity, they are capable of flexible adaptation, forming new legal regimes that meet the challenges of a transforming global economy.

2. Collision with the Principle of Permanent Sovereignty over Natural Resources and Investment Protection. Legal Nature of the Collision: Host State Sovereignty vs. Legitimate Expectations of the Investor. Transitioning from the multilateral trading system to the level of bilateral investment relations, a systemic analysis of modern international economic law (IEL) reveals another, perhaps the most acute, area of normative competition. This involves a fundamental clash between the principle of permanent sovereignty of the state over its natural resources and economic policy on the one hand, and international legal standards for the protection of foreign investment on the other. It is at this point that a complex dichotomy arises: how to ensure the principle of mutual benefit [7] if the exercise of a state's sovereign right to change domestic legislation is interpreted by foreign capital as a violation of its legitimate expectations?

Historically, classic bilateral investment treaties (BITs) were constructed through the prism of rigid investor protection. Using the formal-legal method, it can be stated that the cornerstone of such agreements is the "Fair and Equitable Treatment" (FET) standard. However, the paradox lies in the fact that, in the traditional interpretation, this standard provided exclusively formal equity for the capital exporter, completely ignoring substantive equity for the host state. A situation arose where any attempt by a developing state to tighten environmental standards, increase taxes, or reform labor legislation (i.e., to perform its sovereign functions in the public interest) encountered claims in international investment arbitration demanding multibillion-dollar compensation for so-called "indirect expropriation."

Here, we observe an obvious deficit in the substantive equity mechanism. The politico-legal dualism mentioned by A. N. Medushevsky [6] manifests in the fact that international justice often prioritizes private law contracts over the public law goals of the state. Mutual benefit in such conditions becomes a fiction: the investor extracts super-profits, being protected by "umbrella clauses" and stabilization clauses, while the host state is deprived of "regulatory space" necessary to respond to internal and external crises.

For a visual representation of the evolution of approaches to resolving this collision, we apply the comparative-legal method and systematize the data in Table 2.

The presented matrix demonstrates a paradigmatic shift in the architecture of international investment relations. Old agreements formed an asymmetrical model beneficial exclusively to capital-exporting countries. Analysis shows that the resolution of the collision between sovereignty and investment protection today is shifting toward substantive equity. Modern practice legalizes the state's right to change "the rules of the game" if these changes are dictated by the protection of fundamental public goods, removing such actions from the definition of expropriation. This is an attempt to restore the principle of mutual benefit, where the investor's gain cannot be achieved at the cost of the host party's social development stagnation.

The most representative testing ground for studying the interaction of these competing norms is the practice and negotiation process for concluding investment agreements between the US and the PRC. Applying the teleological approach allows us to uncover the true motives of the parties: the US traditionally seeks maximum market opening (pre-establishment national treatment) and absolute protection of intellectual property, while China, despite its status as a global power, has long appealed to the need to protect national economic sectors and maintain sovereign control over strategic sectors.

In this context, the research of Wei Lingwei, dedicated to applying the principle of substantive equity to the US-China investment agreement [13], acquires fundamental importance. The author convincingly proves that the mechanical transfer of the principle of formal equality (National Treatment) to bilateral relations between countries with fundamentally different economic structures and political systems leads to normative entropy.

The American BIT model historically insists on the "negative list" concept (everything not explicitly prohibited is open). However, for the Chinese side, whose economic model is based on state planning and control (in accordance with the internal understanding of sovereignty), such formal equality would mean losing control over key macroeconomic processes. The collision is evident: the US demand for free market access is justified by the principle of free trade and equality, while China's refusal is based on the sovereign's right to ensure national economic security [3].

As Wei Lingwei notes [13], overcoming this deadlock is possible exclusively through the tools of substantive equity. This means recognizing that the principle of mutual benefit [8] is not identical to the symmetry of obligations. Substantive equity in this case requires the implementation of flexible transition periods, recognition of the host state's right to technology transfer (within reasonable limits), and the legitimization of security exceptions, which should not be subject to private arbitration.

To visualize the complex mechanism for reaching a compromise between competing norms, let us turn to the structural diagram (Fig. 1).

The presented structural model illustrates the architecture of a modern legal compromise, where the principle of equity

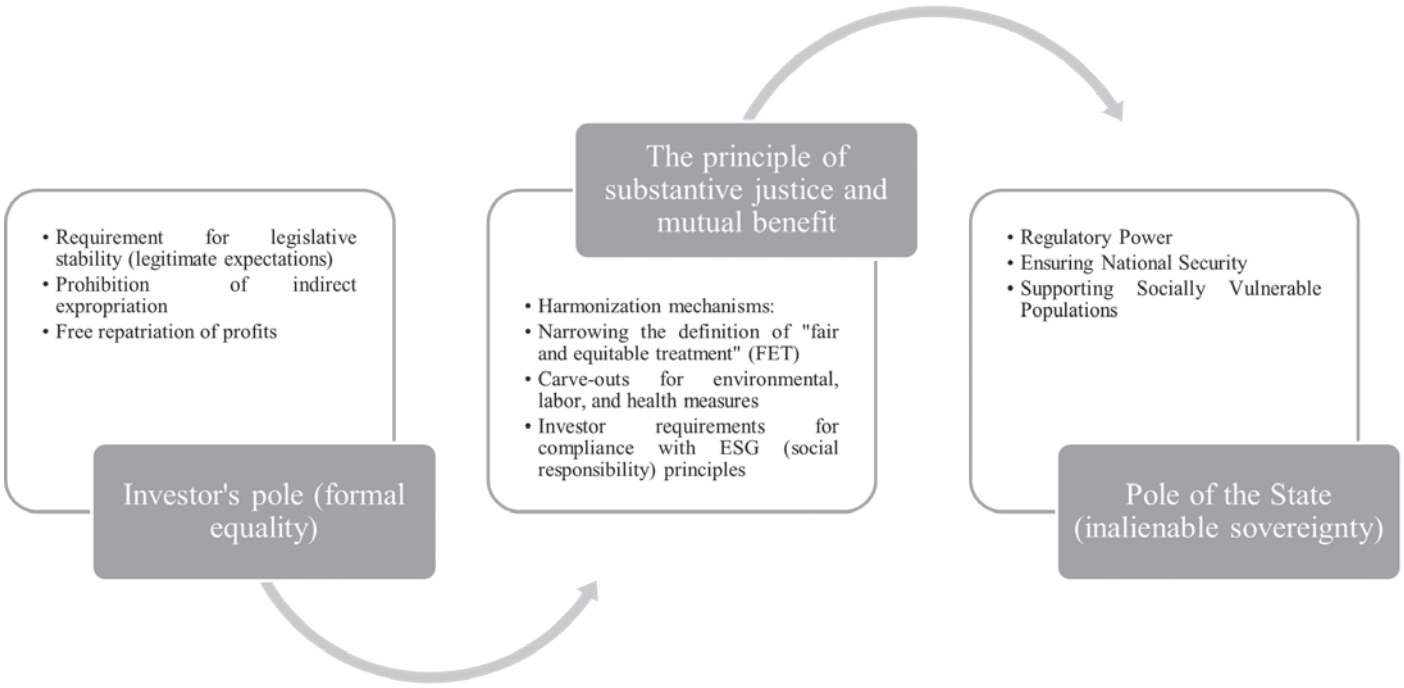

Figure 1. Conceptual model of balancing norms in modern bilateral investment treaties

acts not as an abstract philosophical category, but as a functional operational unit (a mediator).

A clear causal link is evident from the model: without the Mediator Block, the system inevitably slides into either investment arbitrariness or economic isolationism. Substantive equity transforms a bilateral treaty from an instrument of capital protection into an instrument of mutual development. The legitimate expectations of the investor must now be balanced against the legitimate expectations of the host state's society.

Summarizing the analysis of this case, it should be concluded that in the sphere of international investment law, the principle of mutual benefit and equity is undergoing a period of profound doctrinal and practical reassessment. Law enforcement practice, particularly the example of complex negotiations between the world's largest economies (the PRC and the USA), testifies to the collapse of illusions regarding formal equality. The resolution of collisions between investment protection and state sovereignty in modern IEL is achieved not through the hierarchical suppression of one norm by another, but through the fine-tuned calibration of treaty obligations, where the right to regulate in the public interest is recognized as an inherent element of substantive equity.

3. Balance with norms ensuring national security and political interests. While in the sphere of investment law we observed a clash between the economic interests of private capital and the sovereign, at the macroeconomic level, a systemic analysis of modern international economic law (IEL) reveals a far more destructive collision. This concerns the fundamental contradiction between the principle of equity and mutual benefit, on the one hand, and the norms legalizing the protection of "essential national security interests," on the other. Under conditions of global geopolitical turbulence, this clash takes on the character of an existential challenge to the entire architecture of the international economic legal order, described in detail in the works of V. M. Shumilov [2], [3].

The core of the legal problem lies in the fact that the concept of national security inherently possesses a high degree of abstraction. Applying a teleological approach, we can observe that during the drafting of Article XXI of the General Agreement on Tariffs and Trade (GATT), which establishes security exceptions, the founding states intended to create a narrow "safety valve" exclusively for cases of war or emergency circumstances in international relations. However, in modern practice, we observe a massive extrapolation of this norm. A substitution of concepts is occurring: unilateral economic measures (sanctions, embargos, trade blockades), dictated purely by political expediency or a desire for unfair competition, are masked as the protection of national security.

From the perspective of the doctrine substantiated by A. S. Purtov [7], [8], the principle of mutual benefit implies the solidarity of participants in international economic relations and a focus on joint development. The use of sanction mechanisms bypassing the UN Security Council represents a direct negation of this principle. As A. N. Medushevsky [6] correctly notes while exploring the search for balance between law and politics, in such situations, the legal toolkit is devalued, giving way to the "right of the strong." The state initiating sanctions, possessing a dominant economic position, destroys the fabric of multilateral treaties by citing political motives, making the achievement of substantive (material) equity impossible.

For a deeper understanding of this normative dichotomy, we turn to the comparative-legal method, the results of which are systematized in Table 3.

This matrix vividly illustrates that the legal regimes under study exist in parallel, mutually exclusive paradigms. The introduction of elements of the second regime into the fabric of the first inevitably leads to institutional conflict. The conducted comparative analysis proves that unilateral sanctions cannot be considered a legitimate instrument of IEL within the framework of the equity paradigm. Their application undermines the predictability of world trade. The collision between the right to security and the obligation to observe economic agreements requires an external arbiter, as self-regulation in this sphere is impossible due to the egocentric nature of state sovereignty.

In a situation where the political interests of states enter into a sharp clash with the principles of mutual benefit and equity, international justice institutions act as the only legitimate mechanism to prevent the system from collapsing. Relying on the fundamental research of A. Kh. Abashidze and A. M. Solntsev [1], it must be emphasized that the peaceful resolution of disputes

Table 3. Doctrinal comparison of economic interaction regimes and unilateral coercive measures in IEL

Criteria for Comparison	Regime of economic solidarity and mutual benefit	Regime of unilateral economic measures (sanctions)
Normative base	Basic WTO agreements, UN Charter principles, BITs.	National legislation (extraterritorial application), GATT Art. XXI.
Teleology (purpose)	Reduction of barriers, growth of prosperity, substantive equity.	Political coercion, economic isolation, infliction of damage.
Nature of legal relations	Consensual, horizontal (sovereign equality).	Hierarchical, vertical (dictate of the initiating state's jurisdiction).
Impact on IEL	Consolidation and harmonization of the legal space.	Fragmentation, crisis of trust, degradation of treaty obligations.

in modern international law has transformed from an optional choice into a strict imperative (jus cogens).

By applying the formal-legal method to the analysis of quasi-judicial practice (in particular, the decisions of WTO Dispute Settlement Body panels), a major doctrinal shift can be recorded. For a long time, it was believed that security exceptions were "self-judging" in nature. That is, it was sufficient for a sovereign state to simply declare that its actions were dictated by security issues to remove them from the jurisdiction of international courts.

However, the modern paradigm of substantive equity dictates different rules. As recent arbitration precedents show, international bodies are beginning to apply a "good faith" test. Judicial bodies, while not disputing a state's right to define its security interests, nevertheless reserve the right to verify whether the introduced economic restrictions (embargoes, tariff increases) are objectively linked to the declared threat, or are instead hidden protectionism or an instrument of economic suppression of a competitor.

To effectively overcome politico-economic collisions and depoliticize disputes, a clear legal algorithm is required, capable of transforming abstract political statements into an object of strict legal evaluation.

In practice, this legal filter mechanism is triggered when one state introduces unilateral economic restrictions, overtly violating the principle of mutual benefit, and then attempts to legitimize its actions by citing political motives and Article XXI of the GATT (security exceptions). In such a situation, as follows from the approaches of A. Kh. Abashidze [1], a critical step is the activation of a jurisdictional filter – an imperative transfer of the conflict from the plane of political pressure to the channel of mandatory peaceful (arbitral or judicial) settlement.

The central element of such a proceeding is a comprehensive test for substantive equity, which, in the context of A. N. Medushevsky's doctrine [6], requires the judicial instance to consistently evaluate three key criteria: the objective existence of an emergency situation, the proportionality of the measures introduced, and their genuine good faith – that is, the absence of signs of hidden protectionism. If the contested measure fails this test, it is declared illegal, and the system of international economic law mandates the restoration of the status quo and compensation for damages to return to a balance of interests.

Thus, international justice takes on the role of a vital institutional buffer. Without this multi-stage "good faith filter," the principle of equity and mutual benefit would remain completely defenseless against state voluntarism. It is strict judicial control that deprives states of the opportunity to abuse political exceptions with impunity for the sake of extracting non-competitive economic advantages.

Summing up the analysis of this interaction of norms, it should be emphasized: the balance between political security and economic equity does not arise spontaneously. It is the result of the complex, continuous work of dispute resolution institutions [1]. Only through the strengthening of independent international justice, capable of objectively separating genuine security threats from aggressive economic egoism, is it possible to preserve the viability of the principle of mutual benefit in today's deeply fragmented world order.

Results and Discussion. The comprehensive doctrinal and practical analysis conducted within this study allows for the observation of a quite alarming yet objective trend in the evolution of contemporary International Economic Law (IEL). Despite the conceptual entrenchment of the principle of equity and mutual benefit in fundamental international acts and its profound theoretical development (particularly in the works of A. S. Purtov [7], [8]), this postulate is currently undergoing a manifest crisis in actual legal enforcement. It is becoming evident that, amidst growing global geoeconomic instability, universal ideals of solidarity regularly yield to the imperative of protecting narrow national interests.

Powerful economies, possessing a disproportionately greater resource of political and sanctions pressure, often utilize the principle of formal equality as a tool to consolidate their hegemony, while masterfully exploiting legal loopholes (such as national security exceptions) to legitimize overtly protectionist measures. Consequently, the principle of mutual benefit is de facto hollowed out, transforming from an imperative rule of conduct into an optional declaration invoked only when it does not contradict the egocentric goals of key global actors.

Against the backdrop of the identified collisions, the following conclusion appears scientifically grounded: the long-term viability and institutional resilience of any international economic agreements in the 21st century are directly dependent on the degree to which they integrate mechanisms of specifically substantive (material, factual) rather than purely declaratory equity. As shown by the critical review of bilateral investment treaties (using the example of US-China relations [13]) and the analysis of WTO preferential regimes, the mechanical transposition of formal equality templates onto economically diverse subjects leads to normative entropy.

If an international treaty lacks built-in adaptive mechanisms – such as asymmetric concessions, technology transfer, transition periods, and guarantees for preserving regulatory sovereignty for the economically weaker party – it inevitably takes on the characteristics of a neo-colonial instrument. As a result, the absence of real mutual benefit sooner or later provokes the sabotage of obligations, withdrawal from agreements, or outright trade wars. Consequently, substantive equity – actively championed by contemporary Chinese scholars (Tao L. [10], Qiang Qiang [11]) – serves today not merely as an abstract ethical category but as a strict pragmatic condition for the survival of the international economic legal order itself [2].

Turning to the evaluation of the effectiveness of existing dispute resolution instruments, one cannot overlook their high

degree of vulnerability in the face of global political conditions. Our research shows that in situations where legal norms enter into a severe deadlock with national political interests (as in cases of extraterritorial sanctions or embargoes), traditional mechanisms for the peaceful settlement of disputes [1] demonstrate significant institutional failures.

Institutions of international justice, whose activities have been studied by A. N. Medushevsky [6], find themselves squeezed between the need to impartially follow the letter of the treaty and the colossal risk of non-compliance with their decisions by sovereign states. The paralysis of the WTO Appellate Body and the rising skepticism regarding the transparency of investment arbitration (ISDS) indicate that purely formal-legal methods have exhausted their potential for deterrence. In cases where the "right of might" dominates, judicial instances often avoid rendering decisions on the merits, citing a lack of jurisdiction, which leaves the principle of mutual benefit without effective procedural protection. This dictates an urgent need for the systemic reform of the IEL architecture toward the creation of more flexible, conciliation-based procedures capable of balancing law and politics without compromising the sovereignty of the contracting parties.

Conclusion

In summarizing the study, it must be stated that the architecture of contemporary international economic law (IEL) has reached a historical bifurcation point. The conducted analysis of the conflictual interaction of norms convincingly proves that the principle of equity and mutual benefit has finally shed its original, purely declaratory and optional character. Amidst increasing global macroeconomic asymmetry, it has conceptually evolved, transforming into a critically important legal balancer. Its primary functional purpose today lies in mitigating the destructive rigidity of formal IEL institutions.

As vividly demonstrated through the examples of bilateral investment treaties and preferential trade regimes, the mechanical absolutization of the non-discrimination principle or unconditional capital protection standards – without considering the objective factual inequality of the contracting parties – inevitably leads to legal entropy and latent economic exploitation. Only the implementation of substantive (material) equity mechanisms, which legalize a state's right to protect public interests and apply asymmetric preferences, can overcome these contradictions. It is precisely this approach that forms the only viable foundation for long-term interstate cooperation, precluding the dictate of powerful economies.

At the same time, the profound institutional crisis of universal platforms documented in this work (most notably the paralysis of the WTO dispute settlement mechanisms and the unprecedented politicization of economic sanctions) dictates the necessity of seeking new vectors for normative development. In outlining the primary prospects for further scientific inquiry and practical norm-setting, one must emphasize the pressing and urgent need to codify clear, legally binding criteria for economic equity.

A symmetrical and effective response to the stagnation of traditional Western-centric institutions should be the formation of an updated legal framework within dynamically developing macro-regional associations of a new type, such as BRICS and the SCO. It is these integration formats, originally built on the paradigm of multipolarity and unconditional respect for economic sovereignty, that possess the historical potential to crystallize and enshrine mechanisms of genuine mutual benefit within their constituent acts. The transition from fragmented arbitral precedents to the systematic codification of substantive equity within the associations of the Global South and East is capable of laying a solid normative basis for the formation of a qualitatively new, more sustainable, inclusive, and depoliticized international economic legal order.

References

1. Abashidze A. Kh., Solntsev A. M. International Law. Peaceful Settlement of Disputes. – 3rd ed. – Moscow: Yurayt, 2023. – 221 p.
2. International Legal Problems of the Contemporary International Economic Legal Order / ed. by V. M. Shumilov. – Moscow: VAVT, 2024. – 176 p.
3. International Economic Law / ed. by V. M. Shumilov. – 7th ed. – Moscow: Yurayt, 2019. – 545 p.
4. Effectiveness of Legal Regulation and Law Enforcement: International and National Levels. Collective monograph / Ed. by A. A. Dorskaia, V. A. Kosovskaia. – St. Petersburg: Asterion, 2025. – 260 p.
5. Govshakova Dzh. Principles of International Economic Law // Simvol nauki (Symbol of Science). – 2024. – Pp. 112-120.
6. Medushevsky A. N. International Justice in Search of Balance between Law and Politics (Part 2) // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki (Issues of Theoretical Economics). – 2025. – Pp. 97-105. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnoe-pravosudie-v-poiskah-ravnovesiya-mezhdu-pravom-i-politikoy-chast-2.
7. Purtov A. S. The Principle of Mutual Benefit in International Economic Law. Author's abstract of the PhD thesis in Law. – Moscow, 2010. – 24 p.
8. Purtov A. S. The Principle of Mutual Benefit in the System of Principles of Modern International Law: Content and Functions // Sovremennoe pravo (Modern Law). – 2009. – № 8. – Pp. 121-123.
9. Romashev Yu. S., Postnikova E. V. Principles in International Law // Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki (Law. Journal of the Higher School of Economics). – 2023. – Pp. 73-80.
10. Tao L. Analysis and Interpretation of the Principle of Equity and Mutual Benefit in International Economic Law // Evraziyskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava (Eurasian Journal of International Law). – 2024. – Vol. 11 (3). – Pp. 52-60. – DOI: https://doi.org/10.32523/2791-0954-2024-11-3-52-60.
11. Qiang Qiang. The principle of fairness and mutual benefit: the choice of the basic principle of international economic law – comparison with the principle of equality and mutual benefit // Journal of Yibin College. – 2014. – Vol. 14 (11).
12. Sui Koyi. Try to discuss the real necessity of the principle of equity and mutual benefit in international economic law // Legal Expo. – 2016. – № (2). – P. 47.
13. Wei Lingwei. On the Application of the Principle of Substantive Fairness to the US-China Investment Agreement // China market. – 2016. – № (13). – P. 41-51.

DOI 10.46320/2073-4506-2026-4-215-49-50

МОХОРОВ Дмитрий Анатольевич
кандидат юридических наук, доктор педагогических наук, директор Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы, Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

АБРОСИМОВ Илья Сергеевич
независимый исследователь, г. Санкт-Петербург

БАЛАБКИН Дмитрий Алексеевич
независимый исследователь, г. Санкт-Петербург

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ ПОЛЬШИ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ

Правовая система Республики Польши является интересным объектом для сравнительного исследования, её специфическая история и особенности делают польское право интересным. Особенности исторического развития Польши, её географическое положение делает польский подход к противодействию коррупции и терроризму актуальным объектом исследования. Польская правовая система вбирает в себя достижения нескольких национальных правовых систем. Уровень коррупции в стране существенно снизился со времен советского периода, однако все еще находится на значительном уровне. Снижаемый уровень коррупции в государстве может быть причиной не только изменений в подходах к противодействию коррупции, но и повышения уровня жизни польских граждан.

Ключевые слова: противодействие коррупции в Польше, противодействие экстремизму и терроризму в Польше, уникальные методы противодействия, сравнительно-правовой метод, национальная правовая система Польши, исторический генезис.

MOKHOROV Dmitry Anatoljevich
Ph.D. in Law, Ph.D. in pedagogical sciences, Director of the Higher School of Jurisprudence and Forensic Expertise, Humanities Institute, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

ABROSIMOV Ilya Sergeevich
independent researcher, St. Petersburg

BALABKIN Dmitry Alexeevich
independent researcher, St. Petersburg

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF POLAND ON COMBATING CORRUPTION AND COMBATING EXTREMISM AND TERRORISM

The legal system of the Republic of Poland is an interesting object for comparative research, and its specific history and features make Polish law an interesting subject. The historical development of Poland and its geographical location make the Polish approach to combating corruption and terrorism a relevant subject of research. The Polish legal system incorporates the achievements of several national legal systems. The level of corruption in Poland has decreased significantly since the Soviet era, but remains significant. The declining level of corruption in Poland may be the reason not only for changes in approaches to combating corruption but also for an improvement in the standard of living of Polish citizens.

Keywords: Combating corruption in Poland, combating extremism and terrorism in Poland, unique methods of counteraction, comparative legal method, national legal system of Poland, historical genesis.

Сравнительное право существует для целенаправленного исследования правовых систем различных государств, с целью выделения их особенностей и общностей. Однако главной задачей сравнительного правоведения была и остается задача по использованию полученного после сравнения материала для развития национальных систем права. Поэтому значимость сравнительного исследования трудно переоценить.

Исследование правовой системы Польши следует начать с краткой исторической справки, так как история самого государства, его экономические, религиозные и культурные факторы оказывают преимущественное влияние на право государства.

Первые государственные формирования на территории современной Польши возникали и развивались в период с VIII века по X век, данный период, в российской науке, называется периодом племенных княжеств, а в польской – племенных государств, что уже отражает наличие особенностей и отличий. Первым польским государствам стало Гнезненское княжество, основателем его был князь Мешко I, уже при нем польский народ обратился в католическое христианство, что стало ключевым моментом для дальнейшего развития Польши.

Стоит отметить, что для России выбор веры также окажет огромное влияние. Однако влияние церкви в Польше, будет значительно выше, нежели чем в России, и на определенном этапе, именно церковь станет одним из важнейших органов государства в Польше [3, с. 123]. Следующим серьезным событием польской истории является создание Речи Посполитой путем объединения Польского и Литовского княжеств. При этом государство обладало уникальной формой правления-шляхетской республикой, которая заключается в наличии высшего органа власти, состоящего из главных самых богатых шляхов государства. Обращаясь к отечественной терминологии, шляхами можно назвать бояр, то есть знатных особ, причем аналогом отечественной истории является Новгородская республика, в которой основную власть имело народное вече, единственное отличие в том, что в вече входили представители разных сословий.

С 1572 года государственное формирование приходит в упадок, и с XVIII века, и до развала Российской Империи, Польша не будет обладать суверенитетом, а будет зависима от разных империй. Данный факт отразится на Польше спорным образом, с одной стороны, она будет перенимать основные правовые и государственные институты более развитых стран, с другой стороны, будет терять самобытность.

После Первой мировой войны, Польша вновь вернется на карты мира, как самостоятельное государство, однако, уже в 1939 году, вновь будет стерта с этих карт [4, с. 69]. Особенно сильно, на польское право повлиял социализм и коммунизм, до самого распада СССР, Польша входила в состав Варшавского Договора, негосударственного военного формирования, однако оказывавшего влияние на политический и государственный строй. Право Польши этого периода было очень похоже на советское, однако Польше удалось сохранять свои особенности, и в отличие от СССР, в стране сохранялось право на частную собственность [5, с. 347].

Польша не раз захватывалась и присоединялась к различным империям, что обязывало польские власти принимать её

законы, однако самобытность норм и обычаев у Польши сохранялись. Точку в этом историческом заимствовании поставила Польская конституция 1997 года, которой ознаменовался этап создания абсолютно новой правовой системы.

Современная правовая система Польши делится на частное и публичное, что полностью характерно для романо-германской правовой семьи, к которой Польша и относится. Конституционное право Польши выражено прежде всего конституцией, как основным актом. При этом особенностью конституционного права, является наличие возможности превратить любой акт, в конституционный, то есть обычный закон или акт правительства затрагивающие конституционные общественные отношения, относится к конституционному праву.

Конституция Польши может не изменяться, а дополняться поправками.

Особенностью правовой системы в Польше является выделение избирательного права в отдельную отрасль, в стране существует также отдельный Избирательный кодекс; отечественная система, в этом плане отстает, хотя, с другой стороны, избирательная система России более гибка и позволяет изменять положения различных видов выборов без влияния на другие [5, с. 345].

Вхождение в состав Европейского союза обязало польского законодателя расширить права мигрантов, в частности, долгое время президент Польши не подписывал современный Закон о гражданстве по причине того, что последний предоставлял возможность воеводам (лидерам субъектов унитарного государства) для принятия в гражданство.

Стоит отметить, что когда позиция польского Президента выиграла, то от данной нормы отказались.

Реформы в связи с вхождением в Евросоюз затронули и административное право Польши. Самые сильные изменения произошли в области антикоррупционного законодательства и таможенного законодательства.

Государственная служба в государстве, точнее её регулирование, очень напоминает российское, при этом в Польше отсутствует четкая иерархия актов, как это имеет место в российском праве.

Уголовное право Республики Польша до сих пор не кодифицировано полностью. Для нас это кажется архаичным, однако в стране до сих пор существуют отдельные законы о привлечении к уголовной ответственности, однако существует так называемое малое уголовное право, которое основано на «Кодекс о Проступках», по сути, являющийся аналогом российского КоАП РФ. Также одной из развитых правовых отраслей является экологическое право, его быстрое и скоротечное развитие обусловлено все тем же вступлением Польши в Европейский союз, так как Европейское сообщество, предъявляет определенные требования к экологическим нормам его членов.

Частное право в Польше уже более похоже на российское.

Гражданский кодекс делится на 4 части, как и в России, также существует множество отдельных законов, регулирующих различные отдельные гражданские отношения. Особенностью является, что в иностранцы в Польше, не могут становится абсолютными собственниками недвижимости в отечественном праве, и такое ограничение распространяется только на земельные участки и недра.

Интеллектуальное право в Польше не кодифицировано, похоже на раннее российское право, состоит из нескольких законов [1, с. 324].

Противодействие коррупциогенным факторам в польской правовой мысли стало особенно актуальным перед вступлением страны в Европейский Союз. Ведь, одним из критериев пропуска государства в европейское содружество является приведение законодательства страны в области противодействия коррупции к единому уровню.

Первым этапом развития антикоррупционного законодательства в Польше стал этап ратификации международных соглашений в сфере противодействия с коррупцией. К таким актам относятся:

1. Конвенция Организации экономического содружества и развития (ОЭСР) в борьбе с подкупом иностранных должностных лиц 20 декабря 2000 г.;

2. Конвенция Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию 11 сентября 2002 г.;

3. Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию 11 декабря 2002 г.;

4. Конвенция Европейского Союза о борьбе с коррупцией, затрагивающая должностных лиц Европейского сообщества или должностных лиц государств - членов ЕС 25 января 2005 г.;

5. Конвенция ООН против коррупции 15 сентября 2006 г.

Даты, указанные в перечне, являются датами ратификации актов, а не их опубликования на международном уровне. Как видно, польское правительство постепенно принимает акты международного права в сфере противодействия коррупции, причем сначала принимаются акты Европейского сообщества, а уже потом общемировые конвенции.

Схожий подход, основанный на оценке рисков и градации объектов по степени потенциальной угрозы, прослеживается в правовом регулировании безопасности топливно-энергетического комплекса. В российском законодательстве, в частности, применяется категорирование объектов ТЭК в зависимости от возможных социально-экономических и экологических последствий актов незаконного вмешательства, что позволяет устанавливать соразмерные требования к их физической и антитеррористической защищённости. Этот механизм методологически близок к системам анализа коррупционных рисков, где приоритет также отдаётся дифференцированной оценке вероятности и масштаба негативных последствий[1].

Далее польское государство разрабатывает отдельные органы противодействия коррупции. К примеру, Центральное антикоррупционное бюро (ЦАБ). Отличительным признаком европейского подходя является наличие самостоятельных органов в противодействии коррупции. Российское правительство создает отделы по противодействию коррупции в уже имеющихся органах.

Вопрос же об эффективности подходов остается открытым, так как оппозиция Польши считает, что ЦАБ стало политическим инструментов, так как прямо подотчетно действующим лидерам государства. Поэтому в настоящее время данный орган находится в процессе ликвидации [4, с.336].

Стоит отметить, что страна также внедряет в противодействие коррупции правовую культуру. Польский подход в противодействии коррупции основан, прежде всего, на перенятии международного опыта в противодействии коррупции, а также проведении институциональных изменений таких как внедрение новых органов. Тем не менее, польская правовая система все еще страдает от нехватки антикоррупционных норм и методов, в чем её бесспорно опережает Россия. Уровень коррупции в стране существенно снизился со времен Советского периода, однако все еще находится на значительном уровне. Очевидно, что снижаемый уровень коррупции в стране может быть причиной не только изменений в подходах к противодействию коррупции, но и повышения уровня жизни граждан.

Пристатейный библиографический список

1. Бардах Ю., Леснодорский Б., Пиетрчак М. История государства и права Польши. – М., 1980. – 439 с.
2. Зигель Ф. Ф. История славянских законодательств: курс лекций, читанных в Императорском Варшавском университете в 1915-1916 академическом году: Ч. I: История чешского права: Ч. II: История польского права. – Ростов-на-Дону, 1916. – 130 с.
3. Камышанский Дмитрий Юрьевич зарубежный опыт борьбы с коррупцией (на примере Республики Польша) // Образование и право. – 2018. – № 9. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-borby-s-korruptsiey-na-primere-respubliki-polsha (дата обращения: 26.04.2026).
4. Правовые системы стран мира: Энцикл. справ. / отв. ред. А. Я. Сухарев. — 3. изд., перераб. и доп. – М., НОРМА, 2003.
5. Сравнительное правоведение: национальные правовые системы. Т.1. Правовые системы Восточной Европы / под ред. В. И. Лафитского. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; Юридическая фирма «Контракт», 2012. – 528 с.

1 Федеральный закон от 21 июля 2011 г. № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» // СР РФ. – 2011. – № 30 (ч. 1). – Ст. 4604.

ХАЙРУЛЛИН Рамиль Ахатевич
кандидат юридических наук, доцент, Казанский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)

ПАНИНА Майя Константиновна
студент, Казанский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России); Пекинский университет языка и культуры

ПРАВОВЫЕ КОНСТРУКЦИИ ОГРАНИЧЕННОЙ ВМЕНЯЕМОСТИ В РОССИИ И КИТАЕ: КОМПАРАТИВИСТСКИЙ АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЦ С ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ

В статье проводится сравнительное исследование института ограниченной вменяемости в уголовном праве России и Китая. Актуальность статьи обусловлена необходимостью совершенствования механизмов дифференциации уголовной ответственности лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, и отсутствием единообразных подходов в судебной практике обеих стран. Цель исследования – выявить сходства и различия в правовом регулировании и правоприменительной практике институтов ограниченной вменяемости в России и Китае, а также определить возможные направления совершенствования законодательства на основе сравнительного анализа. Методологическую основу исследования составили формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод и метод анализа правоприменительной практики. Теоретической базой послужили труды российских ученых С. В. Бородина, Г. В. Назаренко, Н. Г. Иванова, а также китайских исследователей – труды китайской школы уголовного права, включая подходы к ограничению возможности привлечения к уголовной ответственности «限制刑事责任能力» (limitation of criminal responsibility capacity), изложенные в комментариях к Уголовному кодексу КНР и публикациях по судебной психиатрии. В результате исследования установлено, что и российское, и китайское законодательство используют трехчленную классификацию психических состояний, влияющих на ответственность, однако подходы к смягчению наказания имеют принципиальные различия: в Китае ограниченная ответственность рассматривается как факультативное основание смягчения наказания («может быть смягчено»), тогда, как в России закон предписывает обязательный учет расстройства при назначении наказания, но без четких пределов смягчения. Кроме того, в Китае действует система формализованных коэффициентов снижения наказания (30-60% от базовой меры), отсутствующая в российском законодательстве. Выявлены общие проблемы правоприменения: сложность разграничения юридической и экспертной компетенции, отсутствие единообразных подходов к оценке пограничных состояний. На основе сравнительного анализа сформулированы предложения по совершенствованию российского законодательства, включая формализацию пределов смягчения наказания для ограниченно вменяемых лиц. Результаты исследования могут быть использованы в правотворческой деятельности и в учебном процессе при преподавании уголовного права и сравнительного правоведения.

Ключевые слова: ограниченная вменяемость, уменьшенная вменяемость, уголовное право России, уголовное право Китая, психическое расстройство, субъект преступления, уголовная ответственность, сравнительно-правовой анализ, судебная практика, судебно-психиатрическая экспертиза.

KHAYRULLIN Ramil Akhatevich
Ph.D. in Law, Associate Professor, Kazan Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

PANINA Maiya Konstantinovna
student, Kazan Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia); student, Beijing Language and Culture University

LEGAL CONSTRUCTS OF DIMINISHED RESPONSIBILITY IN RUSSIA AND CHINA: A COMPARATIVE ANALYSIS OF APPROACHES TO CRIMINAL LIABILITY OF PERSONS WITH MENTAL DISORDERS

The article presents a comparative study of the institution of diminished responsibility in the criminal law of Russia and China. The relevance of the work is due to the need to improve the mechanisms for differentiating criminal liability of persons with mental disorders not excluding sanity, and the lack of uniform approaches in judicial practice in both countries. The aim of the study is to identify similarities and differences in the legal regulation and law enforcement practice of the institutions of diminished responsibility in Russia and China, as well as to determine possible directions for improving legislation based on comparative analysis. The methodological basis of the research includes the formal legal method, the comparative legal method and the method of analysis of law enforcement practice. The theoretical basis is the works of Russian scholars S.V. Borodin, G.V. Nazarenko, N.G. Ivanov, as well as Chinese researchers — the works of the Chinese school of criminal law, including approaches to "限制刑事责任能力" (limitation of criminal responsibility capacity), set out in commentaries to the Criminal Code of the People's Republic of China and publications on forensic psychiatry. The study found that both Russian and Chinese legislation use a three-part classification of mental conditions affecting responsibility, but approaches to mitigation of punishment have fundamental differences: in China, diminished responsibility is considered a facultative basis for mitigation of punishment ("may be mitigated"), while in Russia the law prescribes mandatory consideration of the disorder in sentencing, but without clear limits of mitigation. In addition, China has a system of formalized reduction coefficients (30-60% of the basic measure), absent in Russian legislation. Common law enforcement problems have been identified: the difficulty of distinguishing between legal and expert competence, the lack of uniform approaches to the assessment of borderline conditions. Based on the comparative analysis, proposals are formulated for improving Russian legislation, including the formalization of the limits of mitigation of punishment for persons with diminished responsibility. The results of the study can be used in law-making activities and in the educational process in teaching criminal law and comparative jurisprudence.

Keywords: diminished responsibility, reduced responsibility, Russian criminal law, Chinese criminal law, mental disorder, subject of crime, criminal liability, comparative legal analysis, judicial practice, forensic psychiatric examination.

Введение (теоретический анализ, постановка проблемы)

Правильное установление психического состояния лица, совершившего общественно опасное деяние, является одним из ключевых условий реализации принципа справедливости в уголовном праве. Психические расстройства, не достигающие степени невменяемости, но существенно ограничивающие способность лица к осознанно-волевому поведению, требуют особого подхода при решении вопроса об уголовной ответственности. Институт ограниченной вменяемости (diminished responsibility) призван обеспечить такой дифференцированный подход.

Актуальность сравнительного исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, и российская, и китайская правовые системы исторически заимствовали элементы романо-германского права, что создает благоприятную основу для сравнительного анализа. Во-вторых, в обеих странах сохраняются дискуссии о юридической природе ограниченной вменяемости и отсутствуют единообразные подходы в судебной практике. В-третьих, опыт Китая, который ввел формализованные коэффициенты снижения наказания для ограниченно вменяемых лиц, может представлять интерес для совершенствования российского законодательства.

Как обоснованно отмечается в международном сравнительном исследовании, охватывающем 18 стран романо-германского права, в разных юрисдикциях существуют значительные различия в подходах к признанию уменьшенной ответственности, степени снижения наказания и возможности назначения принудительного лечения[1]. Китай и Россия включены в данное исследование как представители восточной и евразийской правовых традиций, что подчеркивает важность их сравнительного анализа.

Научная разработанность темы в России представлена трудами С. В. Бородина, Г. В. Назаренко, Н. Г. Иванова, Р. И. Михеева. Китайская наука уголовного права, в свою очередь, разрабатывает концепцию «限制刑事责任能力» (ограниченной уголовной ответственности) в контексте ст. 18 Уголовного кодекса КНР. Однако сравнительных исследований институтов ограниченной вменяемости России и Китая в доступной литературе практически нет, что определяет научную новизну настоящей статьи.

Цель исследования

Выявить сходства и различия в правовом регулировании и правоприменительной практике институтов ограниченной вменяемости в России и Китае, а также определить возможные направления совершенствования законодательства на основе сравнительного анализа.

Задачи исследования: 1) проанализировать нормативное регулирование ограниченной вменяемости в уголовном праве России и Китая; 2) сопоставить критерии и правовые последствия установления данного состояния; 3) выявить общие проблемы правоприменения; 4) сформулировать предложения по совершенствованию законодательства.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в связи с привлечением к уголовной ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии ограниченной вменяемости в России и Китае. Предметом исследования выступают нормы уголовного законодательства Российской Федерации и Китайской Народной Республики, регулирующие институт ограниченной вменяемости, теоретические положения науки уголовного права и судебной психиатрии, а также обобщенные данные правоприменительной практики.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический метод (для анализа содержания правовых норм), сравнительно-правовой метод (для сопоставления российского и китайского подходов) и метод анализа правоприменительной практики (для выявления системных проблем).

Теоретическую базу исследования составили труды российских ученых С. В. Бородина [1], Н. Г. Иванова [2], Г. В. Назаренко [6], а также положения Уголовного кодекса РФ, комментарии к Уголовному кодексу КНР[2], публикации по судебной психиатрии[3] и международное сравнительное исследование[4]. Эмпирическую базу образовали обобщенные данные правоприменительной практики, опубликованные в научных источниках.

Результаты и их обсуждения

Нормативное регулирование ограниченной вменяемости в России

Российское уголовное законодательство закрепляет институт ограниченной вменяемости в статье 22 Уголовного кодекса РФ. Важно отметить, что сам термин «ограниченная вменяемость» в тексте закона отсутствует – используется описательная конструкция «психическое расстройство, не исключающее вменяемости». Часть 1 статьи 22 УК РФ устанавливает, что вменяемое лицо, которое во время совершения преступления в силу психического расстройства не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, подлежит уголовной ответственности. Часть 2 данной статьи предусматривает, что такое психическое расстройство учитывается судом при назначении наказания и может служить основанием для назначения принудительных мер медицинского характера[5].

Как указывают Н. Иванов и И. Брыка, психическое расстройство, не исключающее вменяемости, в отличие от расстройства, характерного для невменяемых, не носит патологического характера, т.е. не является болезнью в строгом смысле слова [3]. Для установления ограниченной вменяемости достаточно наличия одного из двух признаков юридического критерия – интеллектуального (невозможность в полной мере осознавать характер и опасность своих действий) либо волевого (невозможность в полной мере руководить своими действиями), что прямо вытекает из альтернативного союза «либо» в формулировке закона [2].

Российское законодательство, как и законодательство иных стран романо-германского права, исходит из концепции градуированной ответственности. Согласно международному исследованию, Россия относится к числу стран, где уголовная ответственность рассматривается как градуированное понятие, а ограниченная вменяемость признается по всем категориям преступлений[6].

Нормативное регулирование ограниченной уголовной ответственности в Китае

Уголовный кодекс Китайской Народной Республики, принятый в 1979 году и существенно пересмотренный в 1997 году, содержит положения о психических расстройствах и

1 Reinhart M. L. Diminished criminal responsibility: A multinational comparative review // International Journal of Law and Psychiatry. – 2023. – № 90. – P. 1-18. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0160252723000626 (дата обращения: 20.04.2026).

2 Criminal Law of the People's Republic of China (Amended in 2017) // Lexiscn. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.lexiscn.com (дата обращения: 20.04.2026).

3 Hu Jinian. Principles, Methods and Judging Rules for Determining Criminal Responsibility of Persons with Mental Disorders] // Лекция в Ганьсуйском университете политики и права. – 2024 (29 июня). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gsupl.edu.cn (дата обращения: 20.04.2026).

4 Reinhart M. L. Diminished criminal responsibility: A multinational comparative review // International Journal of Law and Psychiatry. – 2023. – № 90. – P. 1-18. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0160252723000626 (дата обращения: 20.04.2026).

5 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.10.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

6 Reinhart M.L. Diminished criminal responsibility: A multinational comparative review // International Journal of Law and Psychiatry. – 2023. – № 90. – P. 1-18. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0160252723000626 (дата обращения: 20.04.2026).

ответственности в статье 18. Данная норма закрепляет трехчленную классификацию психических состояний, влияющих на уголовную ответственность.

Во-первых, часть 1 ст. 18 УК КНР устанавливает: «Психически больные, которые в момент причинения вреда не могут распознавать или контролировать свое поведение, по результатам鉴定 (юридической экспертизы), проведенной в установленном законом порядке, не несут уголовной ответственности, однако необходимо предписать их семьям или опекунам осуществлять строгий надзор и лечение; в случае необходимости они могут быть направлены на принудительное лечение государством»[7].

Во-вторых, часть 2 ст. 18 УК КНР гласит: «Интермиттирующие психически больные, совершающие преступления в нормальном психическом состоянии, подлежат уголовной ответственности»[8].

В-третьих, часть 3 ст. 18 УК КНР – ключевая для настоящего исследования – предусматривает: «Психически больные, которые еще не полностью утратили способность распознавать или контролировать свое поведение, совершившие преступление, подлежат уголовной ответственности, однако наказание может быть смягчено или снижено». Именно эта норма является аналогом российского института ограниченной вменяемости и по-китайски именуется «限制刑事责任能力» или «限定刑事责任能力» (оба термина употребляются, как синонимы и означают – «ограниченная уголовная ответственность»)[9].

Важной особенностью китайского подхода является то, что ограниченная ответственность рассматривается как самостоятельная категория между полной ответственностью и полной безответственностью. Как отмечается в китайской правовой литературе, ограниченная ответственность представляет собой «промежуточное состояние» между полной вменяемостью и невменяемостью, тогда как в российской доктрине традиционно подчеркивается, что ограниченная вменяемость является разновидностью вменяемости, а не промежуточным состоянием [1, с. 142][10].

Сравнительный анализ двух подходов

Проведенное исследование позволяет выделить следующие сходства и различия между российским и китайским подходами к ограниченной вменяемости.

Сходства:

1. Обе правовые системы используют трехчленную классификацию: полная вменяемость ◎ ограниченная вменяемости / ограниченная уголовная ответственность ◎ невменяемость. В Китае эта классификация прямо закреплена в ст. 18 УК КНР[11], в России – в ст. 21-22 УК РФ[12].

2. В обеих странах установление ограниченной вменяемости требует обязательного проведения судебно-психиатрической экспертизы, при этом заключение эксперта не является окончательным – юридическую оценку дает суд. В Китае, как и в России, разграничиваются медицинский и юридический критерии: эксперты устанавливают наличие психического расстройства и степень его влияния, а суд принимает решение о мере уголовной ответственности[13].

3. В обеих странах признается, что ограниченная вменяемость не исключает уголовной ответственности, но служит основанием для ее смягчения[14].

Различия:

1. Юридическая природа. В российской доктрине подчеркивается, что ограниченная вменяемость является не промежуточным состоянием между вменяемостью и невменяемостью, а разновидностью вменяемости [1, с. 142]. В китайской науке уголовного права ограниченная уголовная ответственность традиционно рассматривается как промежуточное состояние (между полной ответственностью и безответственностью).

2. Характер смягчения наказания. В России закон (ч. 2 ст. 22 УК РФ) предписывает, что психическое расстройство «учитывается судом при назначении наказания». Однако это является обязанностью, а не правом суда, и характер смягчения законодательно не формализован. В Китае формулировка «может быть смягчено или снижено» («可以从轻或者减轻处罚») указывает на факультативный характер смягчения – у суда есть право, но не обязанность смягчать наказание[15].

3. Пределы снижения наказания. В Китае существует практика формализованного снижения наказания с применением коэффициентов. Согласно судебным разъяснениям, наказание ограниченно ответственному лицу не может превышать 60 % максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного санкцией статьи, и не может быть ниже 30 %[16].

4. Подход к принудительным мерам. В России принудительные меры медицинского характера назначаются дополнительно к наказанию при установлении нуждаемости лица в лечении. В Китае ст. 18 УК КНР предусматривает возможность применения принудительного медицинского наблюдения и лечения, но эта мера не является обязательной и применяется по усмотрению суда[17].

Правоприменительная практика и общие проблемы

В обеих странах существуют общие проблемы правоприменения, связанные с реализацией института ограниченной вменяемости.

Во-первых, это проблема разграничения юридической и экспертной компетенции. Как в России, так и в Китае суды нередко перекладывают на экспертов решение юридических вопросов. Судьи, не имея специальных медицинских знаний, склонны воспринимать заключение экспертизы как окончательное решение о наличии или отсутствии ограниченной вменяемости, хотя эксперты устанавливают лишь медицинский критерий (наличие расстройства и степень его влияния), а юридическую оценку должен давать суд[18].

7 Сборник законодательных актов Китайской Народной Республики. – Пекин: Издательство правовой литературы, 2014. – 1184 с.

8 Criminal Law of the People's Republic of China (Amended in 2017) // Lexiscn. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.lexiscn.com (дата обращения: 20.04.2026).

9 Zang Desheng. Determination of Criminal Responsibility and Application of Law for Persons with Mental and Physical Disabilities] // Бэйцзинский университет. – 2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://article.chinalawinfo.com (дата обращения: 20.04.2026).

10 Criminal Law of the People's Republic of China (Amended in 2017) // Lexiscn. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.lexiscn.com (дата обращения: 20.04.2026).

11 Сборник законодательных актов Китайской Народной Республики. – Пекин: Издательство правовой литературы, 2014. – 1184 с.

12 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.10.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

13 Li Hong. Judgment of Criminal Responsibility of Persons with Mental Disorders] // Электронный ресурс. – 2026. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.aisixiang.com (дата обращения: 20.04.2026).

14 Reinhart M. L. Diminished criminal responsibility: A multinational comparative review // International Journal of Law and Psychiatry. – 2023. – № 90. – P. 1-18. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0160252723000626 (дата обращения: 20.04.2026).

15 Criminal Law of the People's Republic of China (Amended in 2017) // Lexiscn. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.lexiscn.com (дата обращения: 20.04.2026).

16 Hu Jinian. Principles, Methods and Judging Rules for Determining Criminal Responsibility of Persons with Mental Disorders] // Лекция в Ганьсуйском университете политики и права. – 2024 (29 июня). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gsupl.edu.cn (дата обращения: 20.04.2026).

17 Criminal Law of the People's Republic of China (Amended in 2017) // Lexiscn. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.lexiscn.com (дата обращения: 20.04.2026).

18 Li Hong. Judgment of Criminal Responsibility of Persons with Mental Disorders] // Электронный ресурс. – 2026. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.aisixiang.com (дата обращения: 20.04.2026).

Во-вторых, это проблема отсутствия единообразия в судебной практике. Как отмечают исследователи, в обеих странах суды при сходных обстоятельствах могут принимать различные решения о применении института ограниченной вменяемости и степени смягчения наказания[19]. Российские суды часто ограничиваются формальной констатацией наличия расстройства без реального влияния на наказание, а китайские суды, имея формализованные критерии, сталкиваются со сложностями их применения на практике из-за отсутствия единых подходов к определению степени «ограниченности» ответственности[20].

В-третьих, это проблема пограничных состояний. И в России, и в Китае сохраняется неопределенность в отношении психических расстройств, не достигающих уровня психоза, но существенно влияющих на поведение лица. К таким состояниям относятся расстройства личности, легкие степени умственной отсталости, органические поражения головного мозга с негрубой симптоматикой. В обеих странах эксперты и суды испытывают трудности при оценке того, в какой именно степени такие расстройства ограничивают способность лица к осознанно-волевому поведению[21].

В-четвертых, это проблема соотношения ограниченной вменяемости и состояния опьянения. И в российском, и в китайском законодательстве опьянение не рассматривается как основание для смягчения ответственности. В Китае практика разграничения физиологического и патологического опьянения, а также оценки сочетания опьянения и психического расстройства также представляет сложность для правоприменителей[22].

Заключение (выводы)

Проведенное сравнительно-правовое исследование институтов ограниченной вменяемости в России и Китае позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Сходство структурных подходов. Российское и китайское уголовное законодательство используют трехчленную классификацию психических состояний, влияющих на уголовную ответственность (полная вменяемость ◎ ограниченная вменяемость ◎ невменяемость). В обеих странах установление ограниченной вменяемости требует обязательного проведения судебно-психиатрической экспертизы, при этом юридическая оценка осуществляется судом. Оба правопорядка признают, что ограниченная вменяемость не исключает уголовной ответственности, но служит основанием для ее смягчения.

2. Принципиальные различия. Во-первых, российское законодательство предписывает обязательный учет психического расстройства при назначении наказания, тогда как в Китае смягчение наказания носит факультативный характер (формулировка «может быть смягчено»). Во-вторых, в Китае действуют формализованные пределы снижения наказания (от 30 % до 60 % от максимального срока наиболее строгого вида наказания), отсутствующие в российском законодательстве. В-третьих, различается доктринальное понимание юридической природы: в России ограниченная вменяемость рассматривается как разновидность вменяемости, а не как промежуточное состояние, в Китае такой подход не является доминирующим.

3. Общие проблемы правоприменения. Выявлены следующие системные проблемы: 1) трудности разграничения юридической и экспертной компетенции, ведущие к подмене судейского усмотрения экспертным мнением; 2) отсутствие единообразия в судебной практике при сходных обстоятельствах; 3) сложности оценки пограничных психических состояний, не достигающих психотического уровня; 4) проблематика соотношения ограниченной вменяемости и состояния опьянения.

4. Предложения по совершенствованию российского законодательства. На основе сравнительного анализа с Китаем представляется целесообразным: 1) внести изменения в ст. 22 УК РФ, формализовав пределы снижения наказания для ограниченно вменяемых лиц (предлагается установить, что срок наказания не может превышать трех четвертей максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного санкцией статьи); 2) дополнить УК РФ разъяснением, что установление ограниченной вменяемости не освобождает суд от обязанности дать самостоятельную юридическую оценку всем обстоятельствам дела, а не только экспертному заключению; 3) унифицировать подходы к оценке пограничных состояний на уровне постановления Пленума Верховного Суда РФ.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования выводов для совершенствования российского уголовного законодательства и правоприменительной практики, а также в учебном процессе при преподавании уголовного права и сравнительного правоведения.

Пристатейный библиографический список

1. Бородин С. В. Ответственность за убийство: квалификация и наказание по российскому праву. – М.: Юристъ, 1994. – 216 с.
2. Иванов Н. Г. Аномальный субъект преступления: проблемы уголовной ответственности. – М.: Закон и право, ЮНИТИ, 1998. – 224 с.
3. Иванов Н., Брыка И. Ограниченная вменяемость // Российская юстиция. – 1998. – № 10. – С. 9-11.
4. Кондратюк С. В. Актуальные проблемы применения ст. 22 УК РФ в судебной практике // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – № 3. – С. 221-228.
5. Михеев Р. И. Проблемы вменяемости и невменяемости в советском уголовном праве. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1983. – 300 с.
6. Назаренко Г. В. Уголовно-релевантные психические состояния лиц, совершивших преступления и общественно опасные деяния. – М.: Юрлитинформ, 2001. – 208 с.
7. Руководство по судебной психиатрии / под ред. Т. Б. Дмитриевой. – М.: Медицина, 2004. – 592 с.

19 Reinhart M. L. Diminished criminal responsibility: A multinational comparative review // International Journal of Law and Psychiatry. – 2023. – № 90. – P. 1-18. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0160252723000626 (дата обращения: 20.04.2026).

20 Hu Jinian. Principles, Methods and Judging Rules for Determining Criminal Responsibility of Persons with Mental Disorders] // Лекция в Ганьсуйском университете политики и права. – 2024 (29 июня). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gsupl.edu.cn (дата обращения: 20.04.2026).

21 Hu Jinian. Principles, Methods and Judging Rules for Determining Criminal Responsibility of Persons with Mental Disorders] // Лекция в Ганьсуйском университете политики и права. – 2024 (29 июня). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gsupl.edu.cn (дата обращения: 20.04.2026).

22 Criminal Law of the People's Republic of China (Amended in 2017) // Lexiscn. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.lexiscn.com (дата обращения: 20.04.2026).

DOI 10.46320/2073-4506-2026-4-215-55-58

ПЕРЕПЛЕТЧИКОВА Анастасия Игоревна
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права, Саратовская государственная юридическая академия

КРИТЕРИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО БАЛАНСА

Эффективная реализация законодательных актов невозможна без их системности и согласованности, которые являются элементами законодательного баланса. В этой связи изучение его различных сторон и свойств не теряет своей актуальности. В статье рассматриваются критерии (индикаторы), с помощью которых можно оценить уровень сбалансированности законодательства. Отмечается тесная корреляция данных критериев друг с другом. Сделан вывод о необходимости их комплексного и строгого соблюдения для установления и поддержания законодательного баланса.

Ключевые слова: законодательный баланс, принципы права, юридическая техника, юридическая практика, критерии законодательного баланса.

PEREPLETCHIKOVA Anastasiya Igorevna
Ph.D. in Law, associate professor of Theory of state and law sub-faculty, Saratov State Law Academy

CRITERIA FOR LEGISLATIVE BALANCE

Effective realization of legislative acts is impossible without their consistency and coherence. They are elements of the legislative balance. That is why the study of its various aspects and features does not lose its relevance. The criteria (indicators) that can be used to assess the level of legislative balance are analyzed in the article. There is a close correlation of these criteria with each other. It is concluded that their comprehensive and strict observance is necessary to establish and maintain a legislative balance.

Keywords: Legislative balance, principles of law, legal technique, legal practice, criteria of legislative balance.

Категория «законодательный баланс» имеет дискуссионный характер. Действительно, с эмпирической точки зрения использовать термин «баланс» применительно к законодательству на первый взгляд может показаться нецелесообразным. Возникает ряд закономерных вопросов: что есть законодательный баланс и возможно ли его достичь? Если да, то, как определить его наличие либо отсутствие, и насколько это действие необходимо с практической точки зрения? Нельзя не отметить, что многие идеи, изначально казавшиеся нереалистичными или бесполезными, впоследствии стали фундаментом для дальнейших теоретических исследований. Характерный пример – модель гелиоцентрической системы мира.

Очевидно, что рассмотреть все аспекты такого феномена как законодательный баланс в рамках одной научной статьи не получится. Вместе с тем получить целостное представление о явлении можно, изучив различные его стороны. Так, сущность законодательного баланса может быть раскрыта более полно благодаря формулированию его критериев.

В общеупотребительном смысле «критерий» означает признак, на основании которого производится оценка, определение, классификация чего-либо, мерило [7, с. 255]. Критерии законодательного баланса могут быть определены как признаки законодательства, на основании оценки которых можно сделать вывод об уровне сбалансированности законодательства, и о том, достигнут ли законодательный баланс. В свою очередь согласно словарю сбалансированность представляет собой соотношение взаимно обусловленных частей, элементов, обеспечивающее нормальное существование, функционирование, работу чего-либо [4, с. 1151]. Что касается понятия законодательного баланса, то, например, С. А. Белоусов обозначает им феномен равновесного состояния системы нормативных правовых актов [1, с. 49]. Можно прийти к выводу, что баланс – состояние, а сбалансированность – одно из свойств, обеспечивающих состояние баланса, формирующих его. В таком случае как определить уровень сбалансированности законодательства?

В юридической литературе отмечается отсутствие в правовой действительности четких количественных и качественных единиц измерения баланса и баланса интересов [6, с. 89]. Этому можно найти разумное объяснение. Для различных величин используются неодинаковые стандарты. Представление о требованиях к последним также отличается. Термин «единицы измерения» применительно к законодательному балансу носит условный характер. Измерить его «величину» с помощью специального прибора вряд ли получится. Вместе с тем установить уровень сбалансированности видится осуществимым. Для этого необходимы критерии. Представляется, что к ним можно отнести:

– равновесие между диалектически противоположными свойствами законодательства;

– следование принципам права при принятии, изменении, отмене законодательных актов;

– соблюдение правил и требований правотворческой техники;

– соответствие между целью нормативного правового акта и средствами, используемыми для ее достижения;

– тесная связь законодательства с юридической практикой.

Несомненно, данный перечень в дальнейшем может быть дополнен новыми критериями. Как социальные отношения, так и научное познание не статичны. Это обусловливает необходимость правового регулирования новых отношений, объективно нуждающихся в таковом и формулирования новых теоретических идей и концепций.

В рамках данной статьи первый критерий будет рассмотрен более подробно, другие критерии – более кратко.

Равновесие между диалектически противоположными свойствами законодательства предполагает оптимальное соотношение между его абстрактностью и конкретностью, ста-

тичностью и динамичностью, формальной определенностью и гибкостью, множественностью и единичностью, специализированностью и унифицированностью. Равновесие между множественностью и единичностью нормативных правовых актов является его количественным показателем. Остальные упомянутые группы свойств целесообразно отнести к качественным характеристикам. Количественные и качественные критерии законодательного баланса взаимодополняют друг друга. Так, число издаваемых нормативных правовых актов должно быть оптимальным. В свою очередь, оптимальность определяется исходя из того, какое количество актов необходимо для достижения равновесия между качественными показателями законодательства. Так, наличие единственного акта, регламентирующего общие вопросы в рамках одной узкоспециализированной сферы общественной жизни, с большой вероятностью создаст «перекос» в сторону чрезмерной абстрактности нормативной правовой базы. С другой стороны, избыточное число казуистичных актов в конкретной сфере правового регулирования способно привести к излишней конкретности, избыточности законодательства. Нормативный правовой материал должен обладать определенной долей абстрактности, чтобы распространять свое действие на серию типичных ситуаций, а не только на одну из них. Чрезмерно абстрактное законодательство становится неопределенным, пробельным. Не достигается цель правового регулирования, стирается четкая грань между нормативными правовыми и правоприменительными актами. Помимо абстрактности и конкретности в процессе нормотворчества важно соотносить и другие качественные характеристики законодательства. Без необходимой динамичности законодательство отстает от жизни. Напротив, если необоснованно часто вносить изменения в законодательство, оно становится нестабильным. Излишне формализованный нормативный правовой материал похож на инструкцию с четким алгоритмом действий. С одной стороны, это удобно для субъектов правореализации. С другой стороны, не позволяет учесть всего многообразия жизненных случаев, индивидуализировать правовую норму под конкретную ситуацию. При чрезмерной гибкости законодательства возрастает риск злоупотреблений со стороны правоприменителя, например, коррупции. Так, Методика проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утвержденная Постановлением Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96 (далее – Методика) устанавливает две группы коррупциогенных факторов:

– устанавливающих для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил;

– содержащих неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям[1].

Такая законодательная фиксация является препятствием для дисбаланса как в сторону чрезмерной формализованности, так и в сторону излишней гибкости. Представляется, что примерами коррупциогенных факторов, свидетельствующих о чрезмерной гибкости законодательных актов, являются: широта дискреционных полномочий; определение компетенции по формуле «вправе»; выборочное изменение объема прав; чрезмерная свобода подзаконного нормотворчества; отсутствие или неполнота административных процедур; нормативные коллизии; наличие завышенных требований к лицу, предъявляемых для реализации принадлежащего ему права; злоупотребление правом заявителя государственными органами, органами местного самоуправления или организациями (их должностными лицами); юридико-лингвистическая неопределенность. В свою очередь, принятие нормативного правового акта за пределами компетенции; заполнение законодательных пробелов при помощи подзаконных актов в отсутствие законодательной делегации соответствующих полномочий; отказ от конкурсных (аукционных) процедур можно отнести к коррупциогенным факторам, наличие которых показывает излишнюю формальную определенность законодательных актов. Данный вывод основан на закрепленных в Методике характеристиках каждого фактора[2]. Кроме того, Методика способствует установлению и поддержанию баланса не только между формальной определенностью и гибкостью, но и между абстрактностью и конкретностью нормативного правового материала. Практически все коррупциогенные факторы, которые ранее были отнесены к создающим излишнюю гибкость, могут говорить и о чрезмерной абстрактности законодательства. Приведем конкретный пример. По результатам антикоррупционной экспертизы Приказа Министерства регионального развития Республики Алтай от 24 апреля 2024 г. № П-07-01/0097 (далее – Приказ) и установленного им Порядка размещения службой заказа легкого такси сведений о платных услугах, оказываемых перевозчикам, об их стоимости, о правилах таких услуг в случае, если служба заказа легкового такси не осуществляет свою деятельность с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет (далее – Порядок) был обнаружен коррупциогенный фактор[3]. В наименовании, п. 1 Приказа, а также в наименовании, пунктах 1 и 3 Порядка после слов «о правилах» отсутствует слово «оплаты», вследствие чего в указанных структурных единицах данного нормативного правового акта утрачена смысловая нагрузка.

В соответствии с абз. «н» подп. 37.1 п. 3.1 Положения о Министерстве регионального развития Республики Алтай, утвержденного Постановлением Правительства Республики Алтай от 18 мая 2006 г. № 99 (далее – Положение) Министерство в области перевозок пассажиров и багажа легковым такси на территории Республики Алтай устанавливает порядок размещения службой заказа легкового такси сведений о платных услугах, оказываемых перевозчикам, об их стоимости, о правилах оплаты таких услуг в случае, если служба

1 См.: Постановление Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96 (в ред. от 20 апреля 2024 г.) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (вместе с «Правилами проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», «Методикой проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов») // СЗ РФ. - 2010. - № 10. - Ст. 1084; Постановление Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96 (в ред. от 20 апреля 2024 г.) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (вместе с «Правилами проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», «Методикой проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов») // СЗ РФ. - 2024. - № 18. - Ст. 2433.

2 См.: там же.

3 См.: Управление Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Алтай. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://to02.minjust.gov.ru/ru/activity/directions/14/konkretnye-primery-korrupciogennyh-faktorov-vyyavlennyh-porezultatam-antikorrupcionnoj-ekspertizy17102024/ (дата обращения: 29.04.2026).

заказа легкового такси не осуществляет свою деятельность с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Отсутствие после слов «о правилах» слова «оплаты» в наименовании, в п. 1 Приказа, а также в наименовании и пунктах 1 и 3 Порядка является коррупциогенным фактором, предусмотренным подп. «в» п. 4 Методики, а именно юридико-лингвистической неопределенностью. Устранить ее возможно путем изложения наименования, п. 1 Приказа, а также наименования, пунктов 1 и 3 Порядка в соответствии абз. «н» подп. 37 п. 3.1 Положения[4]. По причине отсутствия слова «оплаты» после слов «о правилах» норма приобретает чрезмерно абстрактный характер, т.к. неясно, о каких именно правилах идет речь, оплаты или не только ее. Уровень формальной определенности акта, напротив, снижается. Соответственно, количество случаев, на которые распространяется норма, больше, чем могло быть при наличии слова «оплаты». Приведенный пример коррупциогенного фактора показывает смещение равновесия между абстрактностью и конкретностью законодательного акта в сторону абстрактности, а также между формальной определенностью и гибкостью в сторону гибкости.

Важно отметить, что для установления оптимального соотношения свойств нормативных правовых актов необходимо учитывать уровень законодательства. Для статьи подзаконного акта на внутригосударственном уровне может быть свойственна большая степень конкретности в сравнении со статьей международного договора. Это вполне закономерно. Международный договор, как правило, рассчитан на более широкий круг общественных отношений. Важно учитывать и соотношение других упомянутых ранее свойств законодательства. Равновесия между одной парой качеств, например, статичностью и динамичностью, недостаточно для законодательного баланса. Право – многомерная, во многом самоорганизующая система. Каждая из перечисленных групп свойств законодательства находится в своей плоскости. Задача по формированию и поддержанию законодательного баланса заключается во многом в том, чтобы установить диапазон возможного отклонения от точки идеального равновесия в каждой паре качеств. Как было показано в приведенном примере с коррупциогенным фактором, нарушение баланса в одной паре свойств может одновременно говорить о дисбалансе в соотношении между другими характеристиками.

Представляется, что критерии законодательного баланса должны быть основаны на определенных принципах. Речь идет, прежде всего, о принципах права. Среди них законность, справедливость, гуманизм, демократизм, равноправие и некоторые другие. Они отражены в Конституции РФ. С целью проверки проектов законодательных актов на соответствие действующему законодательству, в первую очередь Основному Закону, проводится их правовая экспертиза[5]. Если одно законодательное положение нарушает принципы права, это влечет дисбаланс как минимум на микроуровне – статьи нормативного правового акта. Кроме микроуровня можно выделить также мезоуровень, макроуровень и мегауровень законодательного баланса [5, с. 89]. Равновесие внутри каждого из них во многом обеспечивается благодаря балансу на законодательных уровнях меньшего масштаба. Приведенный ранее пример юридико-лингвистической неопределенности иллюстрирует нарушение не только равновесия между диалектически противоположными свойствами законодательства, но и некоторых принципов права, например, принципа законности. Согласно Методике юридико-лингвистическая неопределенность относится к коррупциогенным факторам. Логично, что если положение нормативного правового акта содержит коррупциогенный фактор, то оно противоречит законодательству. В первую очередь Федеральному закону от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»[6]. Юридико-лингвистическая неопределенность относится к коррупциогенным факторам, содержащим неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям. Используемые в этой характеристике прилагательные свидетельствуют о нарушении принципов права в юридических нормах, содержащих такие коррупциогенные факторы. Очевидно, что трудновыполнимые и (или) обременительные требования противоречат принципу гуманизма. Если в силу неопределенности законодательных формулировок у субъекта отсутствует четкое понимание, какие требования он должен выполнить, то они автоматически становятся трудными, как для восприятия, так и для исполнения. Следовательно, неопределенные требования также нарушают принцип гуманизма.

Ранее в качестве критерия законодательного баланса упоминалось соблюдение требований правотворческой юридической техники. В числе таковых можно назвать ясность, определенность, полноту, своевременное обновление, стабильность, компактность, согласованность нормативных правовых актов. Количество законодательных дефектов при этом должно быть минимальным. Абсолютное их отсутствие вряд ли возможно, по меньшей мере, в силу динамизма и многообразия общественных отношений. Следует отметить, что критерии законодательного баланса тесно связаны друг с другом. Так, нарушение требований правотворческой техники может повлечь дефекты законодательных актов. В свою очередь, наличие дефектов говорит о смещении равновесия в сторону того или иного свойства законодательства. Например, пробелы могут сигнализировать как о чрезмерной абстрактности и унифицированности как качественных показателях, так и о необоснованной единичности как количественном индикаторе. В то же время они являются следствием нарушения таких требований правотворческой техники как конкретность, ясность и полнота законодательного материала.

Критерием законодательного баланса выступает также целесообразное соотношение цели принятия, изменения, отмены законодательного акта и средств, используемых для достижения поставленной цели. Подразумеваются различные средства: экономические, политические, правовые, юридико-технические. Очевидно, что в любом случае необходимо тщательно и всесторонне подходить к разработке законодательных актов. Так, Постановление Правительства РФ от 02 августа 2001 г. № 576 устанавливает основные требования к концепции и разработке проектов федеральных законов. Указано, что в концепции, в числе прочего, должны быть определены рациональные и наиболее эффективные

4 См.: там же.

5 См.: Постановление ГД ФС РФ от 22 января 1998 г. № 2134-II ГД (в ред. от 14 апреля 2026 г.) «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // СЗ РФ. - 1998. - № 7. - Ст. 801; Постановление ГД ФС РФ от 22 января 1998 г. № 2134-II ГД (в ред. от 14 апреля 2026 г.) «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // СЗ РФ. - 2026. - № 16. - Ст. 2009.

6 См.: СЗ РФ. - 2008. - № 52 (ч. 1). - Ст. 6228; СЗ РФ. - 2025. - № 52 (часть I). - Ст. 8292.

способы устранения имеющихся недостатков правового регулирования[7].

Кроме того, критерием законодательного баланса является тесная связь между законодательством и юридической практикой. Существует большое количество оснований классификации и типов юридической практики. Так, в зависимости от характера, способов юридического преобразования общественных отношений различают правотворческую, правореализующую, интерпретационную и правосистематизирующую практики [3, с. 19]. Каждый из упомянутых видов важен для законодательного баланса. Если исключить влияние хотя бы одного из них это может привести к законодательному дисбалансу.

Корреляция законодательства и правотворческой юридической практики очевидна, поскольку законодательство создается в процессе правотворчества. Значимость правореализующей юридической практики для законодательства не менее значима. Она служит ориентиром для его развития и совершенствования. Именно в процессе разрешения конкретных дел обнаруживается практическая потребность в совершенствовании законодательных актов: устранении пробелов, коллизий и других дефектов, и, следовательно, обеспечении законодательного баланса. Так, в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации функционирует Центр судебного права, одним из направлений, деятельности которого является определение потребностей и пределов имплементации судебных решений в российское законодательство[8].

Интерпретационная юридическая практика способствует более ясному пониманию смысла и содержания законодательства. Акты официального толкования не являются законодательными актами. Тем не менее, правотолкующие положения впоследствии могут быть учтены законодателем при создании, изменении, отмене нормативных правовых актов. Следовательно, они играют важную роль в формировании законодательного баланса. Так, Д. С. Владимирова отмечает, что совокупность правоположений, содержащихся в актах официального толкования, служит механизмом обратной связи о реальном действии законодательства. Автор приводит пример создания нормы права, на основе ранее существовавшего правоположения: п. 5 ст. 393 ГК РФ [2, с. 15].

Правосистематизирующая практика играет не менее важную роль. Системность, согласованность нормативных правовых актов выступают неотъемлемыми составляющими законодательного баланса. Соответственно, в процессе систематизации нормативные правовые акты приводятся в определенную систему. В них устраняются несовершенства, устаревшие юридические нормы, вследствие чего поддерживается законодательный баланс, повышается эффективность правового регулирования.

Таким образом, критериями законодательного баланса являются: равновесие между диалектически противоположными свойствами законодательства; следование принципам права при принятии, изменении, отмене законодательных актов; соблюдение правил и требований правотворческой техники; соответствие между целью нормативного правового акта и средствами, используемыми для ее достижения; тесная связь законодательства с юридической практикой. Приведенные критерии тесно связаны друг с другом. Например, для субъекта реализации права может быть непонятно, как воплотить в жизнь чрезмерно абстрактное законодательное положение. Следовательно, нарушается не только требование юридической техники, но и критерий тесной связи с юридической практикой. Ее потребности не учитываются в полной мере. Кроме того, если изучение практики свидетельствует о том, что нормативное правовое установление в силу неясности реализуется не так как, было задумано законодателем, это говорит одновременно о несоответствии целей и средств законодательного регулирования. Неясность нормы права создает препятствия для воплощения ее в жизнь, например, в виде затягивания сроков. Тем самым могут быть нарушены права и свободы, как конкретного человека, так и многих людей. В подобном случае при формулировании законодательного положения не соблюдаются и принципы права, например, принцип справедливости. С другой стороны, соответствие одному из индикаторов создает необходимую предпосылку для соблюдения остальных. В свою очередь комплексное выполнение всех рассмотренных критериев формирует основу для законодательного баланса.

Пристатейный библиографический список

1. Белоусов С. А. Законодательный дисбаланс (доктрина, теория, практика): дис. … докт. юрид. наук. – Саратов, 2015. – 501 с.
2. Владимирова Д. С. Правоположения в механизме правового регулирования // Вестник Академии права и управления. – 2021. – № 4 (65). – С. 13-18.
3. Карташов В. Н. Юридическая практика как объект (предмет) правовой науки // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2010. – № 1 (12). – С. 13-23.
4. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка / составитель и главный редактор С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург: Норинт. 2004. – 1534 с.
5. Переплетчикова А. И. Уровни законодательного баланса // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2025. – № 4. – С. 81-89.
6. Репьева П. В. К проблеме исследования юридической природы категории баланса // МНИЖ. – 2015. – № 9-1 (40). – С. 88-91.
7. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. – М.: Аделант, 2013. – 799 с.

7 См.: Постановление Правительства РФ от 02 августа 2001 г. № 576 (в ред. от 13 марта 2015 г.) «Об утверждении Основных требований к концепции и разработке проектов федеральных законов» // СЗ РФ. - 2015. - № 12. - Ст. 1758.

8 См.: Центр судебного права. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://izak.ru/institute/about/structure/nauchnye-tsentry-i-otdely/tsentra-sudebnogo-prava/?code=tsentr-sudebnogo-prava-osnovnye-napravleniya-nauchnoy-deyatelnosti (дата обращения: 07.04.2026).

САМОЙЛОВА Жанна Владимировна
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Байкальский государственный университет, г. Иркутск

Самойлова Ж. В.

ГРАЖДАНСКАЯ ПОЗИЦИЯ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ

В статье рассматривается гражданская позиция как ключевой элемент правовой культуры личности. Анализируются теоретико-правовые подходы к определению правовой культуры и правосознания, выявляется их взаимосвязь с формированием активной гражданской позиции. Особое внимание уделяется современным факторам трансформации правовой культуры, включая цифровизацию, трансформацию образовательной среды, изменение социальных институтов. Делается вывод о том, что развитие гражданской позиции невозможно без системного формирования правовой культуры и правосознания личности. Дается теоретико-правовая характеристика гражданской позиции, анализируются современные факторы формирования правовой культуры, правосознания и гражданской позиции.

Ключевые слова: гражданская позиция, правовая культура, правосознание, правовое государство, личность, правовое поведение.

SAMOYLOVA Zhanna Vladimirovna
Ph.D. in Law, associate professor of Theory and history of state and law sub-faculty, Baikal State University, Irkutsk

THE CIVIC POSITION IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF AN INDIVIDUAL'S LEGAL CULTURE

The article examines civic position as a key element of an individual's legal culture. It analyzes theoretical and legal approaches to the definition of legal culture and legal consciousness, and identifies their relationship with the formation of an active civic position. Special attention is given to modern factors of the transformation of legal culture, including digitalization, transformation of the educational environment, and changes in social institutions. The article concludes that the development of a civic position is impossible without the systematic formation of an individual's legal culture and legal consciousness. It provides a theoretical and legal characterization of civic position and analyzes modern factors of the formation of legal culture, legal consciousness, and civic position.

Keywords: civic position, legal culture, legal consciousness, legal state, personality, legal behavior.

Современное правовое государство невозможно без активного участия граждан в общественно-политической и правовой жизни. В этой связи особую значимость приобретает проблема формирования гражданской позиции личности, которая выступает не только показателем социальной зрелости индивида, но и важным условием устойчивого развития общества.

Гражданская позиция тесно связана с уровнем правовой культуры личности, поскольку именно через усвоение правовых ценностей, норм и установок формируется отношение человека к праву, государству и обществу в целом. В условиях трансформации общественных отношений, цифровизации и изменения форм социальной коммуникации возникает необходимость переосмысления механизмов формирования правовой культуры и, как следствие, гражданской позиции.

Целью настоящего исследования является выявление сущности гражданской позиции и её взаимосвязи с развитием правовой культуры личности.

Гражданская позиция представляет собой устойчивую систему взглядов, убеждений и установок личности, определяющих её отношение к государству, праву и общественным процессам, а также проявляющихся в социально значимом поведении.

С теоретико-правовой точки зрения гражданская позиция включает следующие элементы:

– когнитивный (заключается в знании правовых норм и принципов); – ценностный (включает признание значимости права и законности);

– поведенческий (иллюстрирует готовность к активному участию в правовой жизни общества).

Гражданская позиция не является врождённой характеристикой личности – она формируется в процессе социализации под воздействием различных факторов: семьи, уровня образования, правовой системы, средств массовой информации.

Правовая культура личности традиционно рассматривается как часть общей культуры, отражающая уровень правового развития индивида, его знания о праве, отношение к нему и практику правового поведения.

В структуре правовой культуры выделяются:

– правовые знания;

– правовые ценности;

– правовые установки;

– навыки правомерного поведения.

Правовая культура выполняет ряд функций:

– регулятивную, которая определяет поведение личности;

– оценочную, которая способствует формированию отношения к правовым явлениям;

– воспитательную, назначение которой является усвоение правовых норм.

Таким образом, правовая культура выступает основой формирования правосознания и определяет характер взаимодействия личности с правовой системой.

Гражданская позиция и правовая культура находятся в тесной взаимосвязи и взаимозависимости. Правовая культура формирует ценностные ориентиры личности, которые лежат в основе её гражданской позиции.

Правовая культура выступает не только как совокупность правовых знаний, но и как внутренний регулятор поведения личности, определяющий её готовность к социально-активным действиям в правовой сфере. С. Ю. Суменков в этой связи справедливо отмечает, что «сам механизм формирования правосознания связан с чувственным восприятием действительности. Все это позволяет участнику правоотношений трансформировать свои установки применительно к праву» [1, с. 121].

Это позволяет рассматривать гражданскую позицию как практическое выражение сформированной правовой культуры.

Высокий уровень правовой культуры способствует: осознанию значимости прав и обязанностей; формированию уважения к закону; готовности к защите своих прав и прав других лиц; активному участию в общественной жизни.

В свою очередь, сформированная гражданская позиция способствует дальнейшему развитию правовой культуры, поскольку активное участие в правовой жизни общества требует постоянного повышения уровня правовых знаний и компетенций.

Особую роль в данном процессе играет правосознание, которое выступает связующим звеном между правовой культурой и гражданской позицией. Именно через правосознание происходит усвоение правовых норм и их трансформация в реальные модели поведения.

В условиях современного общества формирование правовой культуры и гражданской позиции происходит под влиянием новых факторов:

Цифровизация. «Последние годы характеризуются активным внедрением информационно-коммуникационных технологий во всех сферах жизни государства и общества. Это вовсе не дань моде, а продиктованное научно-техническим развитием веление времени», отмечает С. Д. Князев [2, с. 517].

Развитие цифровых технологий существенно изменяет формы правовой коммуникации. Интернет и социальные сети становятся важнейшими каналами правовой социализации, однако одновременно создают риски распространения правового нигилизма и дезинформации. Вместе с тем цифровая среда способна формировать искажённые модели правового поведения, особенно у молодёжи. Следовательно, важно осваивать цифровые инструменты и развивать цифровые навыки. Так, П. М. Дашкевич отмечает, что «для реализации возможностей цифрового пространства в обеспечении общего пространственного развития страны необходимо существенно повысить уровень цифровой грамотности населения» [3, с. 195].

Трансформация образовательной среды. Современное образование играет ключевую роль в формировании правовой культуры. Однако наблюдается необходимость перехода от формального усвоения правовых знаний к развитию критического мышления и правовой ответственности.

Социальные изменения. Изменение социальных институтов и ценностей влияет на восприятие права и государства, что отражается на уровне гражданской активности населения.

На сегодняшний день можно сформулировать несколько проблемных аспектов формирования правовой культуры населения:

– недостаточно высокий уровень правовой грамотности;

– все большее распространение признаков правового нигилизма;

– невовлечённость граждан в общественную жизнь.

Думается, первоочередными мерами решения указанных проблем следует назвать совершенствование правового образования; развитие институтов гражданского общества; повышение доступности правовой информации; формирование доверия к государственным институтам.

Гражданская позиция является важнейшим элементом правовой системы общества и напрямую зависит от уровня правовой культуры личности. Формирование активной гражданской позиции возможно только при условии системного развития правового сознания, усвоения правовых ценностей и формирования навыков правомерного поведения.

В современных условиях особую актуальность приобретает комплексный подход к формированию правовой культуры, учитывающий влияние цифровой среды, образовательных институтов и социальных трансформаций. Только при таком подходе возможно формирование личности, способной к осознанному и ответственному участию в правовой жизни общества.

Пристатейный библиографический список

1. Суменков С. Ю. Правосознание субъектов, наделенных специальным статусом: особенности и формы проявления // Академический юридический журнал. – 2022. – Т. 23. № 2. – С. 117-124
2. Князев С. Д. Активное избирательное право в контексте цифровизации электорального процесса // Академический юридический журнал. – 2024. – Т. 25. № 3. – С. 517-521.
3. Дашкевич П. М. Особенности цифрового пространства Российской Федерации в контексте возможностей пространственного развития // Baikal Research Journal. – 2026.– № 1.– С. 189-198.

СКУДАРНОВ Алексей Сергеевич
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Юридический институт, Красноярский государственный аграрный университет

Скударнов А. С.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЕСТЕСТВЕННО-ПРАВОВЫХ ДОКТРИН

Исследование посвящено анализу эволюции естественно-правовых доктрин в условиях трансформаций права и общества. Рассматриваются ключевые тенденции, определяющие актуальность естественного права в XXI веке, его влияние на формирование новых правовых парадигм, а также критическое переосмысление его методологических оснований. Особое внимание уделяется диалектике естественного и позитивного права, роли естественно-правовых принципов в международном праве и защите прав человека, а также потенциалу доктрины в контексте глобальных вызовов (экологические проблемы, цифровизация, мультикультурализм).

Ключевые слова: естественное право, позитивное право, права человека, справедливость, правовые доктрины.

SKUDARNOV Alexey Sergeevich
Ph.D. in Law, associate professor of Theory and history of state and law sub-faculty, Institute of Law, Krasnoyarsk State Agrarian University

MODERN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF NATURAL LAW DOCTRINES

The study is devoted to the analysis of the evolution of natural law doctrines in the context of transformations of law and society. The key trends that determine the relevance of natural law in the 21st century, its influence on the formation of new legal paradigms, as well as the critical rethinking of its methodological foundations, are considered. Special attention is paid to the dialectics of natural and positive law, the role of natural law principles in international law and the protection of human rights, as well as the potential of the doctrine in the context of global challenges (environmental issues, digitalization, and multiculturalism).

Keywords: natural law, positive law, human rights, justice, legal doctrines.

Юснатурализм был и остается одним из наиболее фундаментальных течений в юриспруденции, истоки которого восходят к античным философам и развивались на протяжении веков в трудах мыслителей Средневековья, эпохи Просвещения и Нового времени. Поиск универсальных принципов справедливости, морали и разумного мироустройства, стоящих над позитивно установленными законами, всегда являлся неотъемлемой частью философско-правовой мысли.

Вместе с тем, развитие данного направления не всегда проходило равномерно.

Серьезное влияние на естественно-правовые убеждения ученых в начале XIX в. оказали итоги французской буржуазной революции (конец XVII в.).

«Декларация прав человека и гражданина, полная свобода совести, печати, собраний, союзов, уничтожение всякого неравенства, попытки отмены смертной казни (предложения Сан-Фаржо и Кондорсы) и т.д. – все это было и во Французской революции. И – как скоро все пошло насмарку. Шаг за шагом появлялись ограничения, росли, множились, и в итоге, свободу, как основу порядка, заменили принуждением; неограниченные конституционные гарантии превратились в весьма скромную и в весьма стеснительную свободу слова, печати, союзов, собраний и т.д. Снисхождение и прощение заменили террором. Бездейственную власть – диктатурой. В меньшем и не столь резко, но то же происходило почти при всех революциях» [8, с. 307]. Новая государственно-политическая действительность (террор якобинской диктатуры) привел к разочарованию в естественно-правовых идеалах. Вера в неограниченные возможности человеческого разума, в действенную силу идеальных метафизических конструкций (классических естественно-правовых идей о верховенстве и неотъемлемости прав и свобод человека) оказалась подорвана.

Историко-политические события XX в. и наметившийся в связи с этим кризис этатического позитивизма возродили интерес к «классическим» естественно-правовым доктринам, с которыми были связаны надежды на оздоровление правовой системы. Причин этому несколько.

Во-первых, Первая и Вторая мировые войны привели к гибели миллионов человек, поэтому в основу нового формирующегося правопорядка был поставлен факт рождения человека и бесценность его жизни. Такие универсальные идеи и ценности являлись необходимыми для легитимации деятельности международных трибуналов, привлекавших к уголовно-правовой ответственности должностных лиц фашистской Германии, Японии, Италии и др. стран, в том числе, и за действия по исполнению законных, с точки зрения позитивного права, приказов вышестоящих должностных лиц.

Во-вторых, принятие ряда международно-правовых актов (Всеобщая декларация прав человека, принятая в 1948 г.; Международный пакт о гражданских и политических правах, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, вступившие в юридическую силу в 1976 г.; Конвенция о правах ребенка, принятая в 1989 г., и др.), усиление роли наднациональных организаций требовали формирования новой идеологической основы, позволяющей сблизить различные правовые культуры. Такой основой по-

служили нравственные ценности и ориентиры «классического» естественного права.

Однако, несмотря на приведенные положения, современный ренессанс естественного права не означает простого возвращения к классическим концепциям. Он характеризуется глубокой методологической переработкой и теоретическим переосмыслением основополагающих идей. На смену порой догматическим и метафизическим построениям прошлого приходят более гибкие, динамичные и междисциплинарные подходы, стремящиеся интегрировать достижения современной философии, социологии и этики.

Естественно-правовые концепции прошлого, будь то античная школа стоиков, средневековая философия Фомы Аквинского или рационалистические теории Просвещения, часто опирались на представления о неких универсальных, неизменных и, зачастую, трансцендентных источниках права – Божественном разуме, природе вещей или врожденных рациональных принципах. Эти источники рассматривались как самоочевидные и общеобязательные, формируя некий «свод» естественных законов.

Современное неоклассическое естественное право большей частью отходит от жестких метафизических и теологических постулатов в их традиционном понимании. Вместо этого акцент смещается на поиск рациональных, этических и антропологических оснований права.

Так, например, Э. Гуссерль обращает внимание на опыт и интуицию при познании сущности каких-либо явлений [5, с. 254]. Исходя из приведенного положения, следует, что такие ценности как «справедливость», «равенство», «добро» существуют не сами по себе, вне сознания человека как априорная абстракция, а открываются ему через жизненный опыт и практическую деятельности.

Представитель герменевтики Х. Г. Гадамер подчеркивает процессуальный характер понимания – понимающий идет к пониманию через диалог с «Другим». Основой понимания является «искусство слушать», базирующееся, в свою очередь на «искусстве вопрошать» [4, с. 241]. С позиций герменевтики познание сущности естественного права, возможно, через диалог между различными индивидами или сообществами о справедливости, равенстве и т. п. В этом случае юснатурализм становится более адаптивным к конкретным историческим, культурным, социальным условиям, в которых ведется диалог.

Другие исследователи, например, Дж. Финнис, стремятся вывести универсальные «базовые блага» – жизнь, знание, игра, эстетический опыт, дружба, практическая разумность, религия – которые являются самоценными и представляют собой фундаментальные аспекты человеческого процветания [9, с. 180]. Такие блага обнаруживаются в ходе практической деятельности человека и становятся основой для формирования соответствующих юридических норм. Это позволяет избежать догматизма при изучении права и сохранить универсальность естественно-правовых доктрин.

Л. Фуллер, в своей работе «Мораль права», сформулировал требования внутренней моральности права, утверждая, что нарушение даже одного из них «означает не просто плохую правовую систему, а ведет к тому, что вообще нельзя назвать правовой системой» [10, с. 53]. Автор формулирует эти требования как «восемь способов потерпеть неудачу в попытке создания закона»: 1) неспособность установить общую норму; 2) недоступность для ознакомления заинтересованной стороной; 3) злоупотребление законами, имеющими обратную силу; 4) неспособность сделать законы понятными; 5) принятие противоречивых законов; 6) законодательное закрепление требований, превышающих пределы возможного; 7) слишком частое внесение изменений в законы, препятствующее их исполнению; 8) несоответствие между писаными законами и их фактическим применением [10, с. 53].

Сторонник юридического позитивизма Дж. Раз указывает, что понимание права как системы защищенных исключающих оснований для действий содержит в себе скрытые доводы в пользу моральной ценности права. По его мнению, право претендует на авторитет, а власть, лежащая в основе правовой системы, должна быть легитимной [2, с. 213]. Верховенство права зависит от его легитимности, и чем больше у субъектов рациональных доводов выбрать право среди других альтернатив, тем право в большей степени может претендовать на авторитет. Поэтому эффективное право, гарантирующее и охраняющее фундаментальные ценности справедливости, равенства и гуманизма, в большей степени нормативно [2, с. 214-218].

В условиях глобализации и возрастающего мультикультурализма перед естественно-правовой доктриной остро стоит проблема универсальности. Если классическое естественное право часто стремилось к построению единой, универсальной системы ценностей, то современные реалии вынуждают признать существование множества культурных, религиозных и философских традиций, каждая из которых по-своему артикулирует представления о добре, справедливости и должном.

Это привело к появлению концепций «релятивизированного» или «плюралистического» естественного права. Такие подходы не отвергают полностью идею универсальных принципов, но стремятся осмыслить их в контексте культурного разнообразия. Они признают, что базовые ценности могут проявляться по-разному в различных культурных контекстах, и что их интерпретация и применение должны учитывать специфику локальных традиций.

Одновременно с этим существует стремление к поиску «пересекающегося консенсуса» (overlapping consensus) Джона Ролза, т.е. набора принципов, которые могли бы быть приняты людьми с различными мировоззрениями и доктринами [7, с. 331]. Это не уход от универсальности, а попытка найти ее в общем знаменателе различных мировоззренческих позиций, сфокусироваться на тех ценностях (например, достоинство человека, справедливость, минимальные права), которые разделяются большинством культурных и религиозных традиций, пусть и на разных концептуальных основаниях.

Стремительное развитие технологий и обострение экологических проблем ставят перед юриспруденцией вопросы, ответы на которые невозможно найти исключительно в рамках позитивного права. Естественно-правовая мысль активно ищет основания для формирования новых отраслей права – экологического права и биоэтики.

В частности, концепции «прав природы», «права будущих поколений», «экологического долга» опираются на идею о внутренней ценности природы и необходимости ее защиты не только в интересах человека, но и ради ее самой. Это выход за рамки антропоцентрического взгляда на право, который доминировал в классических естественно-правовых доктринах. Естественное право в этом контексте вдохновляет на создание норм, признающих юридическую субъектность природных объектов или экосистем, а также на утверждение принципов устойчивого развития.

В сфере биоэтики (генная инженерия, клонирование, суррогатное материнство, эвтаназия) естественно-правовые принципы выступают в качестве морального компаса. Вопросы о достоинстве человеческой жизни, границах вмешательства в человеческую природу, этике исследования на эмбрионах требуют обращения к фундаментальным этическим категориям. Естественное право здесь помогает сформулировать универсальные этические стандарты и принципы, которые должны лежать в основе законодательства в этих чувствительных областях, обеспечивая защиту человеческой идентичности и достоинства перед лицом технологических возможностей.

Цифровая революция породила совершенно новые правовые вызовы, связанные с искусственным интеллектом (далее по тексту – ИИ), большими данными, робототехникой, виртуальной реальностью. В отсутствие устоявшихся норм позитивного права, естественно-правовые подходы предлагают основу для создания «цифровой этики» и «цифрового права».

Вопросы «цифрового достоинства», конфиденциальности данных, ответственности ИИ, алгоритмической предвзятости, цифровой идентичности требуют глубокого этического осмысления. Естественно-правовая доктрина может помочь в формулировании основных положений, таких как:

– право на объяснимость (требование прозрачности работы алгоритмов ИИ, понимания причин принимаемых ими решений);

– право на автономность (защита человеческой свободной воли и автономии от манипуляций или полного замещения со стороны ИИ);

– принцип недискриминации (гарантия того, что алгоритмы не будут воспроизводить или усиливать социальные предрассудки);

– принцип ответственности: определение круга субъектов, несущих ответственность за действия автономных систем.

В современном мире технологический прогресс существенно опережает развитие позитивного права. По вполне объективным причинам законодатель не успевает придавать правовой характер всем вновь возникающим отношениям, которые нуждаются в правовом регулировании. В таких условиях естественно-правовые доктрины становятся важным инструментом определения границ поведения человека, государства и выступают основой при конструировании будущих правовых норм. Данное обстоятельство подтверждает способность юснатурализма приспосабливаться к актуальным и сложным вызовам.

Одна из ключевых тенденций развития естественно-правовых доктрин в настоящее время заключается в переосмыслении взаимоотношений между естественным и позитивным правом. Современные исследователи стремятся не к противопоставлению указанных выше направлений, а к поиску консенсуса между ними. Их взаимодействие может, проявляется в следующем.

1. Переоценка позитивизма с помощью естественно-правовой методологии.

Здесь в наибольшей степени раскрывается потенциал естественного права. Так как принципы и ценности юснатурализма предполагаются наилучшими, нормы позитивного права, чтобы оставаться легитимными и эффективными, должны опираться на определенные моральные и этические основания, имеющие естественно-правовую природу. Аморальные по своему содержанию нормы будут отклоняться, как не соответствующие естественно-правовому регулированию.

2. Позитивизм может выступать в качестве формы выражения естественного права.

Позитивное право – это система общеобязательных, формально-определенных нормативно-регулятивных средств, содержащихся в официальных источниках права, обеспеченных обществом и государством. Именно через систему таких средств абстрактные идеи естественного права приобретают внутреннюю и внешнюю форму выражения, становятся обязательными и способными к реальному регулированию общественных отношений. Без опосредования позитивным правом юснатурализм остается системой неких моральных ценностей, неспособных действенно влиять на поведение субъектов права.

3. Естественное право может влиять на толкование и правоприменение в конкретном юридическом деле.

Пересмотр юридической нормы, не отвечающей общественным интересам (либо отвечающей, но не в полной мере) достаточно длительный и трудоемкий процесс. В то же время, естественное право позволяет интерпретировать соответствующие положения адекватно сложившимся ценностям в обществе, не обременяя законодателя процедурами отмены или пересмотра нормы права.

Практика применения естественно-правовых доктрин для расширительного или ограничительного толкования позитивных норм для целей правоприменения в конкретных делах достаточно развита.

Так, например, в постановлении Федерального конституционного суда ФРГ 1973 г. указано, что «с писаными законами государственной власти при определенных обстоятельствах может существовать иное право, которое имеет свой источник в конституционном правопорядке в качестве смыслового целого и по отношению к писаному закону не может действовать как средство исправления или улучшения» [3, с. 9].

Другой пример. В деле «Кеннеди против Луизианы» (2008 г.) Верховный Суд США, сославшись на концепцию «эволюционирующих стандартов гуманности», расширительно истолковал VIII поправку Конституции США, запретив штатам применять смертную казнь за изнасилование ребёнка, если преступление не привело, и не было направлено на причинение смерти жертвы [1].

Вопрос о «неправовом праве» – то есть о таком позитивном законе, который настолько несправедлив, что теряет право называться «правом» – остается одной из самых острых тем в современной юриспруденции. Этот вопрос остро встал после Нюрнбергских процессов и до сих пор актуален.

Естественно-правовая доктрина в своем радикальном прочтении предлагает критерий для морально-юридической оценки таких систем. Она утверждает, что существуют пределы государственной власти и законодательной компетенции, за которыми законы теряют свою обязывающую силу для граждан и могут, и даже должны быть, отвергнуты. Это не призыв к анархии, а утверждение о примате человеческого достоинства и универсальных принципов справедливости над волей законодателя.

В наши дни эта концепция актуализируется в спорах о легитимности законов, ограничивающих права человека под предлогом национальной безопасности, о праве на сопротивление гнету, о необходимости международного вмешательства в случаях геноцида или массовых нарушений прав человека.

Несмотря на то, что сегодня «возрожденное» естественное право адаптируется к современным вызовам и реалиям, оно по-прежнему остается объектом критики: в юриспруденции активно обсуждаются методологические основы, универсальность, практическая значимость юснатурализма. Основными аргументами такой критики являются:

1. Излишняя абстрактность и метафизичность естественно-правовых ценностей и идей. Если естественное право существует, то, как его распознать? Различные естественно-правовые школы предлагают разные источники и методы познания (Божественное Откровение, разум, природа, интуиция), что приводит к отсутствию единства и объективности в формулировании его принципов. Позитивисты указывают на отсутствие единого, общепризнанного «кодекса» естественного права, что делает его неопределенным и произвольным.

2. Отсутствие универсальности. В условиях культурного и ценностного плюрализма попытки вывести универсальные естественно-правовые принципы часто сталкиваются с обвинениями в европоцентризме или культурной гегемонии. Что является «естественным» и «справедливым» для одной культуры, может быть неприемлемым для другой. Сторонники юридического позитивизма сомневаются в возможности существования набора моральных принципов, которые были бы одинаково валидны для всех времен и народов.

Кроме того, некоторые исследователи, например, Ж. Деррида, сомневаются в идеи о существовании единой для всех «человеческой природы», которой обусловлено наличие универсальных принципов естественного права. Автор указывает, что все естественно-правовые доктрины являются продуктом конкретного культурного, исторического и социального контекста [6, с. 213].

3. Классическая позитивистская критика (например, Дэвида Юма) указывает на невозможность логического перехода от констатации фактов («бытия») к моральным предписаниям («долженствованию»). Естественное право часто выводит нормы из некой «природы» (человека, общества, мира), что с логической точки зрения является ошибкой.

4. Естественно-правовые идеалы создают угрозу правовой определенности. Так, апелляция к «высшему праву» может подорвать авторитет позитивного законодательства и привести к правовой неопределенности, когда каждый может толковать естественное право по-своему, ставя под сомнение действующие нормы.

Не отвергая необходимость моральной оценки действующего права, представители юридического позитивизма настаивают на разделении права и морали. По их мнению, отнесение правила поведения к числу юридических норм должно зависеть от источника его создания и формы выражения, а не от соответствия его нравственным принципам.

5. Избыточная фрагментация и плюрализм естественно-правовых доктрин. Критиками подчеркивается доминирование фрагментации, множественности дискурсов, субъективных истин. В этом контексте попытки построить единую естественно-правовую систему рассматриваются как авторитарные и репрессивные, подавляющие различия и индивидуальные голоса.

6. Некоторые авторы рассматривают любые утверждения о «высших истинах» как потенциальный инструмент власти и контроля. Естественное право, провозглашающее себя источником абсолютных норм, может быть использовано для легитимации несправедливых порядков.

Вместе с тем, несмотря на обозначенную выше критику, юснатурализм продолжает оставаться одним из основных направлений в юриспруденции, развиваясь с учетом современных реалий.

Основные тенденции развития юснатурализма заключаются в следующем.

1. Закрепление единого предмета естественно-правового изучения. Поиск различными теориями абсолютного явления дополнен общим поиском абсолютных свойств, присущих многим явлениям. Различные подходы могут отличаться друг от друга в понимании абсолюта (Бог, человек, природа), но во всех этих случаях их объединяет стремление к наилучшему и наиболее фундаментальному. Наличие единого дискурса, основанного на формальном критерии, побуждает искать в первую очередь формальные признаки, присущие праву.

2. Универсализация правового статуса человека. Признание общего предмета естественно-правового познания сопровождает торжество концепции универсализма. Обоснование данного от рождения правового статуса человека в современной естественно-правовой доктрине воспринимается как уже разрешенная проблема.

3. Сочетание изучения моральных идеалов с позитивными подходами. Современными сторонниками естественно-правового подхода допускается определенная независимость систем естественного и позитивного права. Система естественных норм и принципов может либо нейтрально восприниматься позитивным правом (когда предметом его регулирования являются сугубо процедурные вопросы вне морали), либо дает позитивному праву возможность остаться в рамках юридического дискурса, используя минимум морали. В современной юриспруденции доминирует идея дополнения права моралью, влекущая выгоду, как государству, так и обществу в целом.

Таким образом, юснатурализм продолжает демонстрировать свою актуальность и востребованность. Он формирует необходимое философское обоснование для фундаментальных прав и свобод, служит компасом в постоянно меняющемся мире, предлагая этические ориентиры для создания справедливого, гуманного и устойчивого правопорядка.

Пристатейный библиографический список

1. Kennedy v. Louisiana, 554 U.S. 407 (2008).
2. Raz J. The Authority of Law: Essays on Law and Morality. – Oxford: Oxford University Press, 1979.
3. Алекси Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму). – М., 2011.
4. Гадамер Г.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1988.
5. Гуссерль Э. Избранные работы / сост. В. В, Анашвили и др. – М.: Территория будущего, 2005.
6. Деррида Ж. О грамматологии / пер. с фр. Н. Автисовой. – М.: Ad Marginem, 2000.
7. Ролз Дж. Политический либерализм / пер. с англ. О. Руденко. – М.: Едиториал УРСС, 2000.
8. Сорокин П. А. Трагедия революции // Сорокин П. А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. – М., 1994.
9. Финнис Дж. Естественное право и естественные права / пер. с англ. В. Погосяна, А. Пацвера. – М.: Мысль, 2012.
10. Фуллер Л. Мораль права / пер. с англ. и предисловие С. А. Комарова. – СПб.: Алеф-Пресс, 2014.

DOI 10.46320/2073-4506-2026-4-215-65-66

Улаева Н. Л.

УЛАЕВА Наталия Львовна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства, Краснодарский университет МВД России

КОНТИНУАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА

В статье раскрываются общетеоретические аспекты континуальной теории права. Обосновывается сущность континуальной теории в целом и в праве, что становится возможным посредством анализа понятия «континуума», берущего свое начало еще в античной философской мысли и детально исследованного в средневековой схоластике в силу своей философской направленности. В статье обосновывается континуальная теория права через призму трех основных самостоятельных направлений ее содержательной части: континуальности как противоположности дискретному; континуальной теории правопреемства и континуального понимания права как системы.

В статье делается вывод о том, что континуальная теория права получила самостоятельное направление и является концепцией, предполагающей непрерывность, преемственность и взаимосвязь правовых явлений, процессов или систем. Особо подчеркивается, что континуальная теория права акцентирует внимание на единстве и непрерывности правового пространства, взаимосвязи различных общественных отношений и их правового обеспечения. Обращается внимание на специфику, значение и отдельные проблемные моменты современной континуальной теории права.

Ключевые слова: континуальная теория, континуум, юридический континуум, право, континуальность, дискретность, правопонимание, бытие-долженствование, бытие-воспроизводство, правовые явления, правовые процессы, правовые системы, правовое пространство, правовая оценка, преемственность, правопреемственность, правовое регулирование, континуальный подход.

ULAEVA Nataliya Lvovna
Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Theory and history of law and state sub-faculty, Krasnodar University of the MIA of Russia

THE CONTINUUM THEORY OF LAW

The article reveals the general theoretical aspects of the continuum theory of law. The essence of continuum theory in general and in law is substantiated, which becomes possible through the analysis of the concept of "continuum", which originates in ancient philosophical thought and was studied in detail in medieval scholasticism due to its philosophical orientation. The article substantiates the continuum theory of law through the prism of three main independent directions of its substantive part: continuity as opposed to discrete; the continuum theory of succession and the continuum understanding of law as a system. The article concludes that the continuum theory of law has received an independent direction and is a concept that presupposes continuity, continuity and interrelation of legal phenomena, processes or systems. It is emphasized that the continuum theory of law focuses on the unity and continuity of the legal space, the interrelationship of various social relations and their legal support. Attention is drawn to the specifics, significance and individual problematic aspects of the modern continuum theory of law.

Keywords: continuum theory, continuum, legal continuum, law, continuality, discreteness, legal understanding, being-due, being-reproduction, legal phenomena, legal processes, legal systems, legal space, legal assessment, continuity, succession, legal regulation, continuum approach.

Континуальная теория в общей теории права предполагает некий компромисс между дискуссионными спорами, имеющими место быть и в настоящее время в рамках классического и неклассического подходов правопонимания в целом. В контексте классического подхода право – континуальное бытие-долженствование его идеальной сущности, в неклассике – дискретное бытие-воспроизводство права как сущего [7, с. 251-256].

Сегодня континуальная теория права – это не единая «классическая школа» вроде позитивизма или естественно-правовой теории, а скорее методологический подход, в котором право рассматривается как непрерывная, связанная система, а не как набор изолированных норм, фактов или правоотношений. Континуальная теория и присущая ей методология дает возможность рассматривать все правовые явления в непрерывной совокупности и взаимосвязи как некого, не путанного и связанного множества, рассматриваемого в единстве.

Формирование континуальной теории имеет длительную историю и не сразу была связана непосредственно с юридической наукой, поскольку изначально затрагивала в большей степени точные науки, имея при этом базовые философские основы обоснования. В силу своей философской фундаментальности категория континуума начинает подробно обсуждаться еще в античной философской мысли, а в средневековой схоластике подвергается детальному исследованию.

В общем виде, континуум – это непрерывная совокупность, длительность или последовательность. Понятие континуума широко используется в математике, философии, естествознании. В этих областях знаний термином «континуум» обозначают несколько различных, но тесно связанных друг с другом понятий, выражающих свойство непрерывности [4, с. 2-6].

В философии понятие континуума выражает одну из категорий непрерывности и прерывности. Так, прерывность (дискретность) подразумевает определённую структурность объекта, его внутреннюю «сложность», а непрерывность – целостный характер объекта, взаимосвязь и однородность его частей (элементов) и состояний [8, с. 2-4]. В силу этого

категории непрерывности и прерывности являются взаимодополняющими при любом исчерпывающем описании объекта. Важную роль категории непрерывности и прерывности играют также при описании развития, при котором конкретный мир переходит из одного состояния в другое внезапно через «скачок», либо постепенно – через преемственность [5, с. 2].

Однако, по утверждению М. М. Шумило, применение философских понятий и методов, с одной стороны, является традиционным и простым, но с другой стороны, требует высокого уровня абстрагирования и обобщения общественных явлений» [11, с. 37-41]. В связи с чем, континуум в праве часто в целях универсальности связывают с идеей непрерывности правового пространства, преемственностью в развитии права, а также концепциями, предполагающими гибкость и адаптивность правового регулирования.

Континуальную теорию права сегодня можно рассматривать в трех значениях, исходя из встречающихся в научной литературе характеристик методологического характера:

1. Континуальность как противоположность дискретному. Например, А. В. Витушко в своих исследованиях формирует основные положения новой континуальной теории гражданского права и определяет континуальность гражданского права как неразрывную взаимосвязь всех общественных отношений в рамках гражданских правоотношений [3, с. 29-61].

2. Континуальная теория правопреемства, суть которой состоит в том, что при правопреемстве происходит именно переход права или обязанности от одного субъекта к другому. Таким образом, право не исчезает и не создаётся заново, а сохраняет тождество, меняется лишь субъект.

Правопреемственность наиболее исследована в рамках международного и гражданского права, и континуальный подход здесь играет весьма существенную роль. Так, в международно-правовой доктрине теория континуитета (от лат. continuitas – непрерывность и преемственность) позволяет рассматривать правосубъектность государства как идентичную и непрерывную вне зависимости от любых внутренних изменений при условии сохранения той же территории и населения, а сама идентичность связана с непрерывным действием международных договоров [1, с. 338].

Вопросу правопреемственности на протяжении десятилетий уделялось значительное внимание как с теоретической, так и практической точек зрения. Например, в советский период определенный анализ был представлен в научных исследованиях Г. В. Швекова, В. К. Бабаева [10, с. 37-46], [2]. Однако сегодня отдельные авторы, в частности, К. В. Пичужкин, подчеркивают, что до настоящего времени вопрос о взаимосвязи преемственности права и правопреемства так и остается недостаточно разработанным в юридической науке [6, с. 72-82].

Практический смысл континуальной теории правопреемственности в рамках гражданского права состоит в защите идеи неизменности переходящего права, т.к. правопреемник получает не больше и не меньше, чем имел правопредшественник, если закон прямо не устанавливает иное. В исследовании А. А. Ягельницкого эта проблема вынесена в отдельный параграф «Дискретная и континуальная теории правопреемства», а сама категория правопреемства связывается с наследованием, реорганизацией юридических лиц, передачей вещных, обязательственных, корпоративных и иных прав [12, с. 4-21].

Континуальное понимание права как системы. В более широком теоретико-правовом смысле континуальный подход рассматривает право как процесс, а не только как совокупность норм. Право существует в определенной связке и постоянно действует во времени, т.е. создаётся, толкуется, применяется, нарушается, защищается и меняется. Так, А. И. Хорошильцев описывает юридический континуум как целостное функционирование права и власти, вводит и обосновывает понятие «юридический континуум свободы» [9, с. 12-19].

Таким образом, получившая свое самостоятельное направление, континуальная теория права является концепцией, предполагающей непрерывность, преемственность и взаимосвязь правовых явлений, процессов или систем. Согласно данной концепции, право представляет собой не что иное, как непрерывное и неразрывное явление, в котором все элементы системы взаимосвязаны, образуя единую сложную цепь взаимообусловленных элементов. Континуальная теория права акцентирует внимание на единстве и непрерывности правового пространства, взаимосвязи различных общественных отношений и их правового обеспечения.

Значение континуальной теории права нельзя недооценивать, поскольку она имеет важнейшее методологическое значение. В первую очередь континуальная теория права способствует нейтрализации негативизма и скачкообразных представлений о развитии права, а также позволяет осуществить анализ основных проблем, возникающих в процессе функционирования права в целом или его части. Так или иначе, континуальность в праве проявляется как дискретность правовой оценки прав и обязанностей участников любых правоотношений с учетом конкретных обстоятельств. Поэтому ее дальнейшие исследования с учетом анализа по отраслевому признаку и комбинирования с другими методами, присущих иным теориям, подходам или концепциям, т.е. использование континуально-комбинаторного метода, позволит избежать абсолютизации континуальности, которая может повлечь размытие границ правовых понятий, норм, институтов и их индивидуальных особенностей.

Пристатейный библиографический список

1. Большой юридический словарь. 3-е изд., доп и перераб. / под ред. проф. А. Я. Сухарева. – М.: ИНФРА-М, 2008. – С. 338.
2. Бабаев В. К. О преемственности между социалистическими и прошлыми типами права // Государство и право. – 1975. – № 12.
3. Витушко В. А. Континуальная теория гражданского права // Актуальные проблемы гражданского права. – 2018. – № 1 (11). – С. 29-61.
4. Катасонов В. Н., Бернштейн В. О. Континуум / Гуманитарный портал: концепты // Центр гуманитарных технологий. Глав. ред.: Агеев А. В. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gtmarket/ru/concepts/7044. – С. 2-6 (дата обращения: 01.05.2026).
5. Огурцов А. П., Вайнберг. Изменение / Гуманитарный портал: концепты // Центр гуманитарных технологий. Глав. ред.: Агеев А. В. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https: // gtmarket/ru/concepts/7384. – С. 2 (дата обращения: 01.05.2026).
6. Пичужкин К. В. Преемственность права как критерий идентификации государственного континуитета и публичного правопреемства // Право и политика. – 2026. – № 3. – С. 72-82.
7. Стовба А. В. Классическая и неклассическая теория права // Вестник Томского гос. ун-та. – 2021. – № 463. – С. 251-256.
8. Степин В. С., Юдин Э. Г., Бернштейн В. О., Эдельман В. А. Философия / Гуманитарный портал: концепты // Центр гуманитарных технологий. Глав. ред.: Агеев А. В. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gtmarket/ru/concepts/6862. – С. 2-4 (дата обращения: 01.05.2026).
9. Хорошильцев А. И. Юридический континуум свободы: понятие и общая характеристика // История, теория, практика российского права. – 2011. – № 8. – С. 12-19.
10. Швеков Г. В. Прогресс и преемственность в праве // Советское государство и право. – 1983. – № 1. – С. 37-46.
11. Шумило М. М. Аксиоматический метод и правовые аксиомы при исследовании проблем социального обеспечения // Трудовое право в России и за рубежом. – 2011. – № 2. – С. 37-41.
12. Ягельницкий А. А. Категория правопреемства в российском гражданском праве: Автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.03. – М.: Моск. Гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2011. – 23 с.

ШАПОВАЛОВ Анатолий Вячеславович
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина, г. Краснодар

ШАМОЯН Тэя Мартиновна
студент 1-го курса, Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина, г. Краснодар, независимый исследователь

РАССКАЗОВ Егор Олегович
студент 1-го курса, Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина, г. Краснодар, независимый исследователь

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА И ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье рассматривается влияние цифровизации общества на современное правовое регулирование в условиях расширения платформенных, информационных и алгоритмизируемых общественных отношений. Анализируется не только общее воздействие цифровых технологий на право, но и конкретные изменения, связанные с оборотом данных, использованием автоматизированных систем, цифровизацией публичного управления и усилением требований к защите личности в цифровой среде. Научная новизна исследования заключается в систематизации и уточнении трех векторов современной трансформации правового регулирования (датацентричность, гибридные режимы, превентивные гарантии) применительно к российскому законодательству 2024-2025 гг. (Указ Президента № 309, Федеральный закон № 41-ФЗ), а также в предложении двухуровневой конструкции ответственности за вред, причиненный алгоритмическими системами. Делается вывод о том, что дальнейшее развитие права в цифровую эпоху должно быть связано не только с обновлением отдельных норм, но и с выработкой более целостной модели юридического воздействия, способной учитывать технологическую динамику без снижения уровня правовой защиты личности.

Ключевые слова: цифровизация, правовое регулирование, цифровая среда, персональные данные, искусственный интеллект, государственное управление, цифровые платформы, алгоритмические решения, информационное право, цифровые права.

SHAPOVALOV Anatoly Vyacheslavovich
Ph.D. in Law, associate professor of Theory and history of state and law sub-faculty, I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar

SHAMOYAN Teya Martinovna
student of the 1st course, I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar, independent researcher

RASKAZOV Egor Olegovich
student of the 1st course, I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar, independent researcher

DIGITALIZATION OF SOCIETY AND THE TRANSFORMATION OF LEGAL REGULATION

The article examines the impact of the digitalization of society on contemporary legal regulation in the context of expanding platform-based, informational and algorithm-driven social relations. It addresses not only the general influence of digital technologies on law, but also specific changes related to data circulation, automated systems, digital public administration and stronger legal protection of the individual in the digital environment. The scientific novelty of the research lies in the systematization and refinement of three vectors of modern transformation in legal regulation (data-centricity, hybrid regimes, and preventive guarantees) as applied to Russian legislation of 2024-2025 (Presidential Decree No. 309, Federal Law No. 41-FZ), as well as in the proposal of a two-tiered structure of liability for harm caused by algorithmic systems. It is concluded that the further development of law in the digital era should be associated not only with the renewal of particular norms, but also with the development of a more integral model of legal influence capable of taking technological dynamics into account without reducing the level of protection of individual rights.

Keywords: digitalization, legal regulation, digital environment, personal data, artificial intelligence, public administration, digital platforms, algorithmic decision-making, information law, digital rights.

Шаповалов А. В.

Шамоян Т. М.

Рассказов Е. О.

Введение

Вопрос о влиянии цифровизации на право сегодня уже невозможно рассматривать как частную тему, ограниченную рамками информационного права, поскольку цифровая среда затрагивает государственное управление, гражданский оборот, сферу труда, финансовые сервисы, образование, медицину, идентификацию личности и механизмы реализации конституционных прав. Именно поэтому меняется не только предмет правового регулирования, но и сама логика юридического воздействия на общественные отношения. В стратегических документах государства цифровая трансформация прямо закреплена как одно из приоритетных направлений развития, а в национальных целях до 2030 года и на перспективу до 2036 года она включена в число значимых ориентиров преобразования публичного управления, экономики и социальной сферы [1].

Цифровая реальность диктует новые вызовы для права. Трансграничность и анонимность осложняют юрисдикцию. Смарт-контракты и алгоритмические решения создают риски, для которых в законе нет готовых ответов, что ставит под

угрозу конституционные права граждан. Технологии развиваются быстрее законодательства. Алгоритмы могут воспроизводить дискриминацию (например, система для отбора резюме может неосознанно дискриминировать женщин или людей определенной национальности). Массовый сбор данных создает риски для частной жизни граждан. В связи с этим требуется комплексное обновление правового регулирования, включающее как защиту персональных данных, так и антидискриминационные механизмы. Право «цифрового забвения» предусматривает возможность удалить свои данные из виртуальной сети. Однако эффективность его реализации остается дискуссионной, а предусмотренные законом механизмы нуждаются в дальнейшем совершенствовании. В этих условиях точечных поправок недостаточно, так как требуется системная трансформация правового регулирования. Ее эффективность зависит не только от качества нормативных актов, но также от уровня правовой культуры, цифровой грамотности населения и готовности институтов публичной власти.

Методологическая основа

Исследование выполнено с использованием формально-юридического метода, системного анализа, а также элементов сравнительно-правового метода и правового моделирования при разработке авторской конструкции ответственности.

В отличие от работ, где три вектора трансформации рассматриваются изолированно, в статье они систематизированы применительно к новейшим изменениям российского законодательства (2024-2025 гг.).

Цифровизация как переход к датацентричной модели регулирования. Традиционная правовая модель в значительной степени строилась вокруг документа, процедуры и формально выраженного волеизъявления. Однако современная цифровая среда все заметнее выдвигает на первый план данные как самостоятельный объект правового внимания. Это видно не только на уровне научных дискуссий о комплексном регулировании цифровых отношений, но и в новейших нормативных решениях, связанных с формированием составов обезличенных персональных данных и предоставлением доступа к ним по специальным правилам [2]. В этой связи представляется, что право в цифровую эпоху регулирует уже не только отношения между субъектами, но и режимы обращения данных между различными участниками цифровой экосистемы. Такой сдвиг имеет принципиальное значение, поскольку именно в нем проявляется одно из главных отличий современной правовой трансформации от прежних этапов технологической модернизации. В центре регулирования оказывается не единичное действие, а непрерывный оборот информации, способный порождать юридические последствия на каждом этапе ее сбора, обработки, анализа, передачи и повторного использования.

Из этого вытекает необходимость более точно разграничивать правомерную обработку, допустимое обезличивание, функционально оправданный доступ и недопустимое вторичное использование данных вне целей, ради которых они были собраны. В современных условиях такой подход имеет уже не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку именно через данные выстраивается значительная часть цифрового управления, платформенного взаимодействия и административного контроля [3].

Изменение методов правового регулирования и рост значения гибридных режимов. Не менее важно и то, что цифровизация меняет не только предмет регулирования, но и его методы. Если классическое законодательство в основном опиралось на относительно устойчивые правила поведения, рассчитанные на более или менее предсказуемую социальную среду, то цифровые отношения развиваются настолько быстро, что чрезмерно жесткое регулирование нередко устаревает раньше, чем складывается единообразная практика его применения. Именно поэтому в современной правовой политике усиливается значение гибридных режимов, сочетающих обязательные требования, стратегические ориентиры, специальные правовые режимы и экспериментальные механизмы апробации цифровых решений [4].

Показательно, что современные подходы к регулированию искусственного интеллекта все чаще строятся вокруг риск-ориентированной логики. OECD AI Principles в обновленной редакции 2024 года сохраняют акцент на человекоориентированности, прозрачности, подотчетности и управлении рисками, а AI Act Европейского союза, вступивший в силу 1 августа 2024 года, закрепляет многоуровневую модель регулирования ИИ в зависимости от степени риска соответствующей системы [5]. Для российской правовой системы эти документы важны не как образец механического заимствования, а как подтверждение общего тренда: право постепенно отходит от исключительно бинарной схемы, основанной только на дозволении или запрете, и переходит к более сложной модели, учитывающей вероятность вреда, контекст применения технологии и необходимость последующего контроля.

В этом и проявляется одна из ключевых тенденций современной правовой трансформации: право не уходит из цифровой среды, а, напротив, становится более многослойным, соединяя стратегическое планирование, базовые запреты, процедурные гарантии, оценку рисков и механизмы контролируемого эксперимента. Такой вывод позволяет уйти от слишком общего тезиса о необходимости обновления законодательства и показать более точный вектор происходящих изменений.

Защита личности в цифровой среде как центральный критерий качества регулирования. В условиях цифровизации особое значение приобретает вопрос о том, сохраняет ли право, способность реально защищать человека, если существенная часть юридически значимых решений формируется в цифровой инфраструктуре. Речь идет не только о классической защите частной жизни и персональных данных, но и о защите от цифрового профилирования, автоматизированной дискриминации, непрозрачных отказов в предоставлении услуги, а также от чрезмерной концентрации информации о личности у публичных и частных операторов. Современные научные публикации по этой теме обращают внимание именно на необходимость обновления гарантий в сфере персональных данных и усиления прав субъекта при автоматизированной обработке информации.

В российском праве это направление развивается не только через общие положения законодательства о персональных данных, но и через новые подзаконные акты, посвященные обезличенным составам данных, а также через более широкую повестку цифровой безопасности.

Существенным является Федеральный закон от 1 апреля 2025 г. № 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ», предусматривающий создание государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий [6]. Появление такого закона свидетельствует о том, что государство рассматривает цифровую среду не только как канал совершения правонарушений, но и самостоятельное пространство риска, требующее создания специальной инфраструктуры публичной защиты. Однако усиление охранительного начала само по себе не решает проблему. Если цифровое регулирование будет развиваться только в сторону накопления данных и расширения контрольных полномочий, это способно породить обратный эффект, выражающийся в снижении доверия к цифровым сервисам и в фактическом сужении автономии

личности. Поэтому главным критерием качества правового регулирования в цифровую эпоху должна выступать не только эффективность цифрового управления, но и степень встроенности в него гарантий оспоримости, прозрачности и минимизации вмешательства в частную сферу.

Алгоритмические решения и трансформация юридической ответственности. Одной из наиболее сложных проблем современной цифровизации выступает вопрос о юридической ответственности в тех случаях, когда неблагоприятные последствия порождаются не единичным человеческим действием, а сложной системой автоматизированной обработки информации. Классическая модель ответственности, основанная на прямой связи между деянием и субъектом, в цифровой среде начинает испытывать серьезное напряжение, поскольку вред может быть результатом совокупности действий разработчика, владельца платформы, оператора данных, администратора системы и конечного пользователя.

В связи с этим ответственность за вред, причиненный в цифровой среде с использованием интеллектуальных и полуавтономных систем, целесообразно рассматривать как двухуровневую конструкцию. Первый уровень связан с технологической обязанностью, обеспечить правомерность устройства системы, корректность данных, возможность аудита и предсказуемость условий применения алгоритма. Второй уровень связан с обязанностью субъекта, использующего такую систему, не подменять цифровым инструментом собственную юридически значимую оценку в тех случаях, когда решение затрагивает права, свободы и законные интересы человека. Подобная конструкция не отменяет традиционных подходов к вине и причинной связи, но позволяет точнее распределить юридические риски между участниками цифрового процесса. Кроме того, она позволяет уйти от чрезмерно упрощенного вопроса о том, должен ли отвечать сам искусственный интеллект, и сосредоточиться на реальных обязанностях субъектов, которые формируют и используют цифровую систему.

Цифровизация публичной власти и пределы технологизации государства. Отдельного внимания заслуживает цифровая трансформация публичной власти. Современное государство уже не ограничивается ролью законодателя и контролера, а одновременно становится оператором данных, создателем цифровой инфраструктуры, поставщиком платформенных услуг и субъектом, использующим автоматизированные решения в административной практике. Стратегическое направление цифровой трансформации государственного управления прямо подтверждает, что речь идет о системном процессе, затрагивающем архитектуру публичного управления, а не о наборе разрозненных технологических новаций.

Поэтому цифровизация государства не должна описываться только как процесс повышения эффективности. Намного точнее рассматривать ее как процесс изменения формы публичной власти, при котором право обязано регулировать уже не только содержание управленческих полномочий, но и архитектуру цифровых процедур, условия межведомственного обмена данными, требования к алгоритмам сортировки и проверки информации, а также гарантии, исключающие превращение цифрового сервиса в непрозрачный инструмент административного воздействия. Этот подход поддерживается и в современной литературе, где цифровая трансформация органов публичной власти связывается с проблемами доверия, процедурной проверяемости и юридической легитимности решений.

Иначе говоря, в цифровом государстве право должно охранять человека не только от незаконного решения, но и от такой технологической конструкции процедуры, которая изначально делает эффективную защиту прав затруднительной. Именно здесь особенно отчетливо проявляется современная трансформация правового регулирования, поскольку юридическое значение приобретает не только текст нормы, но и сама логика цифровой процедуры, через которую эта норма реализуется.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что цифровизация общества обусловила не частичное обновление законодательства, а более глубокую перестройку правового регулирования, затрагивающую его предмет, методы и функциональную направленность. Расширение цифровых платформ, усложнение оборота данных, внедрение алгоритмических систем и цифровизация публичного управления приводят к тому, что право вынуждено регулировать не только действия субъектов, но и технологические среды, внутри которых эти действия совершаются. Рассмотренная в статье трехвекторная модель (датацентризация, гибридные режимы, превентивные гарантии) позволяет рассматривать цифровизацию не просто как фон законодательных изменений, а как фактор перестройки самой правовой формы общественных отношений. Предложенная двухуровневая логика распределения обязанностей (между устройством системы и ее использованием субъектом) задает направление для дальнейшей конкретизации критериев ответственности в законодательстве и на практике. Следовательно, дальнейшее развитие российского права в цифровую эпоху должно быть связано не только с накоплением специальных норм, посвященных отдельным технологиям, но и с выработкой более целостной правовой модели, в рамках которой эффективность цифровой трансформации будет сочетаться с правовой определенностью, подотчетностью алгоритмических решений и реальной защитой конституционного статуса личности.

Пристатейный библиографический список

1. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 20. – Ст. 2584. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=606911096 (дата обращения: 30.04.2026).
2. Sidorenko E. L., Von Arx P. Transformation of law in the context of digitalization: defining the correct priorities // Digital Law Journal. – 2020. – Vol. 1. № 1. – P. 24-38.
3. Степанова М. Н. Регулирование правоотношений в эпоху цифровой трансформации // Правопорядок: история, теория, практика. – 2025. – № 1 (44). – С. 44-49.
4. Тихомиров Ю. А., Кичигин Н. В., Цомартова Ф. В., Бальхаева С. Б. Право и цифровая трансформация // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – № 2. – С. 4-23.
5. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 on Artificial Intelligence (AI Act) [Текст]: Official Journal of the European Union. – 2024. – L 177. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32024R1689 (дата обращения: 30.04.2026).
6. О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 1 апреля 2025 г. № 41-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2025. – № 14. – Ст. 1574. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/.

ВОРОНИН Никита Александрович
аспирант 3-го курса, Юридический институт, Костромской государственный университет им. Ю. П. Новицкого

Воронин Н. А.

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВОСОЗНАНИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

В статье исследуются качественные изменения структуры и содержания правосознания, обусловленные повсеместной цифровизацией общественных отношений. Автор анализирует двойственный характер воздействия цифровой среды на обыденный и профессиональный уровни правосознания, выявляя такие негативные тенденции, как «цифровой нигилизм», «клипизация» правового мышления и девальвация юридической логики в пользу эмоциональной оценки. Особое внимание уделяется новым формам правосознания, порождаемым цифровой реальностью, включая алгоритмическое правосознание и Legaltech-сознание. Обосновывается необходимость обновления методологического инструментария юридической науки. В статье предлагается синтез междисциплинарного, аксиологического, прагма-семантического, институционально-функционального и когнитивно-правового подходов для адекватного осмысления происходящих трансформаций. Сформулированы стратегические ориентиры государственной политики по минимизации деструктивных последствий и формированию культуры цифровой правовой гигиены.

Ключевые слова: правосознание, цифровая эпоха, трансформация права, цифровой нигилизм, правовая психология, правовая идеология, алгоритмическое правосознание, Legaltech, клиповое мышление, методология юридической науки, цифровая гигиена.

VORONIN Nikita Alexandrovich
postgraduate student of the 3rd course, Institute of Law, Yu. P. Novitsky Kostroma State University

MODERN CHALLENGES IN THE CONTEXT OF THE TRANSFORMATION OF LEGAL AWARENESS IN THE DIGITAL AGE

The article examines the qualitative changes in the structure and content of legal awareness caused by the widespread digitalization of public relations. The author analyzes the dual nature of the impact of the digital environment on everyday and professional levels of legal awareness, identifying such negative trends as "digital nihilism", "clipization" of legal thinking and the devaluation of legal logic in favor of emotional assessment. Special attention is paid to new forms of legal awareness generated by digital reality, including algorithmic legal awareness and Legaltech consciousness. The necessity of updating the methodological tools of legal science is substantiated. The paper proposes a synthesis of interdisciplinary, axiological, pragmatic-semantic, institutional-functional and cognitive-legal approaches for an adequate understanding of the ongoing transformations. The strategic guidelines of the state policy on minimizing destructive consequences and the formation of a culture of digital legal hygiene are formulated.

Keywords: legal awareness, digital age, transformation of law, digital nihilism, legal psychology, legal ideology, algorithmic legal awareness, Legaltech, clip thinking, methodology of legal science, digital hygiene.

Правосознание, понимаемое как совокупность представлений, чувств, оценок и установок индивидов и социальных групп по отношению к праву в целом и его конкретным предписаниям[1], традиционно рассматривается в юридической науке как фундаментальный фактор генезиса, функционирования и развития правовой системы [5]. Однако динамика социотехнологических изменений, связанных с цифровой революцией, ставит перед теорией права новую масштабную задачу: осмысление качественной модификации самого субъекта права – носителя правосознания.

Нарастающий разрыв между скоростью технологических изменений и инерционностью правовых регуляторов, что в значительной степени коренится в задержках трансформации массового и профессионального правосознания, обуславливает актуальность выбранной тематики. Соответственно, чтобы проследить указанные изменения, следует проанализировать характер и направленность трансформации правосознания под воздействием цифровых технологий.

Для начала следует отметить деформацию традиционных уровней правосознания в цифровой среде. Это связано с тем, что цифровая среда трансформирует правосознание на двух уровнях, – обыденном и профессиональном, выступая одновременно усилителем существующих процессов и искажителем правовой реальности.

Уровень обыденного правосознания отражает повседневные представления людей о праве, их чувства и настроения [7]. Цифровизация в данном случае ускоряет распространение правовых знаний и упрощает взаимодействие граждан с государством (через госуслуги, онлайн-приемные). Скорость реакции общества на несправедливость кратно возрастает за счет сетевой солидарности. При этом в противовес, возникает эффект «цифрового нигилизма». Анонимность и иллюзия безнаказанности создают ощущение, что в сети законы не действуют. Социальные сети формируют «эхо-камеры», где правовые заблуждения тиражируются, искажая реальное понимание норм.

На уровне профессионального правосознания, который включает деятельность юристов, судей и законодателей, цифровые технологии радикально повышают эффективность работы с данными, автоматизируют рутину и минимизируют

1 Большой юридический словарь онлайн. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://jurisprudence.academic.ru/5011/правосознание (дата обращения: 18.03.2026).

технические ошибки. Это позволяет глубже анализировать правоприменительную практику. Однако происходит дегуманизация права. Это связано с тем, что алгоритмизация решений может вытеснить правовую этику и заменить ценности калькуляцией. Возникает риск «технократического фетишизма», когда формальная правильность цифровой процедуры ставится выше справедливости и прав человека.

Если говорить глубже, к примеру, об уровне правовой психологии, то, мы наблюдаем в существе своем фрагментацию и «клипизацию». Под этим подразумеваем информационное потребление в формате коротких сообщений (посты, сторис, рилсы), что ведет к формированию мозаичного, лишенного системности образа права. Правовые нормы воспринимаются как изолированные, часто сенсационно поданные кейсы. К тому же, в сети доминирует эмоциональная оценка над рациональной. Это, своего рода антропологический сдвиг, который происходит в правосознании под влиянием цифровой среды. Развивая предложенную мысль, отметим и девальвацию юридической логики. Как мы знаем, в классическом понимании право – это «система общеобязательных норм, установленных или санкционированных государством» [4]. В этой системе существует общая, особенная части, есть иерархия норм. В то время как в «клиповом» сознании право превращается в набор разрозненных «лайфхаков» или, наоборот, «страшилок». В результате этого в социум сильнее проникает правовой нигилизм, исчезает понимание того, почему норма именно такова, и как она соотносится с другими.

Поскольку соцсети алгоритмически продвигают контент, вызывающий сильный эмоциональный отклик, правовые вопросы обсуждаются не в терминах «законно» или «незаконно», а в категориях «справедливо» и «не справедливо, подло» или «бесит», «нравится». К примеру, короткий ролик о несправедливом, как может казаться человеку, судебном решении стандартно вызывает волну негатива. При этом, зритель не вникает в существо рассмотренного дела, не читает мотивировочную часть на 20 страницах, – он формирует отношение к институту права на основе 15-секундного эмоционального триггера. Такой феномен можно обозначить как «феномен эмоциональной юстиции», где правосудие в публичном поле часто сводится к моментальному эмоциональному вердикту. В таком случае процедурные гарантии и презумпция невиновности теряют свою ценность в глазах цифрового сообщества. Ко всему этому, в условиях относительной анонимности и дистанционности снижается эффективность механизмов внутреннего (в частности, стыд) и внешнего (такого как осуждение референтной группы) контроля, что также порождает правовой нигилизм в киберпространстве.

Отметим, что правовая психология традиционно опирается на устойчивые установки [2]. «Клипизация» делает эти установки текучими. Например, в 2019 году было модно защищать экологию, активно создавались «зеленые» движения, и, как следствие, потреблялись посты в социальных сетях об этом. Соответственно, право воспринималось через призму эко-активизма. Сегодня фокус сместился на цифровые активы – и право осознается только через них. На основании этого, подчеркнем, что в социальной сфере происходит девальвация правовой определенности. Стабильная система норм переходит к ситуативному регулированию, становясь переменчивым фоном в ленте новостей.

Уровень правовой идеологии, который включает рациональные, систематизированные представления, также трансформируется. Традиционные толкователи правовых смыслов, в частности, государство, юридическое сообщество, академическая наука, сталкиваются с множеством альтернативных интерпретаторов, таких как блогеры, инфлюенсеры, администраторы различных каналов в социальных сетях. При этом трактовки права вторых зачастую более популярны и доступны. Соответственно, сложность и объем современного законодательства, противоречивость ведомственных разъяснений, доступных онлайн, приводят к тому, что гражданин чаще взаимодействует не с первичным правовым актом, а с его упрощенной, часто искаженной, интернет-версией.

Таким образом, цифровая среда делает право более доступным и быстрым, но одновременно размывает границы ответственности и усложняет этическую оценку правовых действий.

Неизбежно цифровая среда не только деформирует старое, но и порождает новые устойчивые формы правосознания.

Ввиду того, что поведение пользователя в социальных сетях все чаще опосредовано алгоритмами рекомендательных систем, – именно они формируют его информационное поле, включая представления о справедливости, законности, успешных стратегиях защиты прав. Право начинает восприниматься как функция от «лайков» и рейтингов. В научной литературе уместно обозначают подобные явления, где идеологическими субъектами являются цифровые платформы, – «алгоритмическим популизмом» [6]. Считаем целесообразным, охарактеризовать по аналогии такое правосознание алгоритмическим.

Также, развитие юридических технологий формирует инструментальный, потребительский взгляд на право. Правовые системы воспринимаются как цифровые сервисы для решения конкретных задач, к примеру, регистрация бизнеса, составление иска и иные [1]. Это может сужать понимание права как комплексного социального института, привнося тем самым понимание права в качестве «сервиса», обуславливая Legaltech-сознание. Присутствует и транснациональное сетевое правосознание. Характеризуется это тем, что участники глобальных цифровых сообществ (например, геймеры, разработчики open-source, криптоэнтузиасты) часто апеллируют к нормам, выработанным внутри этих сообществ, ставя их выше национального законодательства. К таким нормам относятся нетикет, правила платформ, «кодексы чести».

В связи с вышеизложенным, мы пришли к выводу, что изучение цифрового правосознания требует модернизации методологического аппарата. Представляется целесообразным выделить несколько взаимодополняющих подходов.

1. Междисциплинарный синтез. Исследование правосознания в цифровую эпоху не может ограничиваться рамками одной только юриспруденции. Необходимо активно привлекать методы социологии, психологии, когнитивистики, теории информации и компьютерных наук. Это позволит, например, изучить влияние нейросетей на когнитивные процессы при принятии правовых решений или оценить эффекты алгоритмической фильтрации на формирование правовых убеждений.

2. Аксиологический подход. В условиях размывания ценностных оснований права особое значение приобретает аксиологический метод, позволяющий выявить и обосновать иерархию правовых ценностей, которые должны быть защищены от негативного воздействия цифровизации. Этот подход должен стать основой для формирования цифровой правовой идеологии.

3. Прагма-семантический подход. Данный подход, предложенный для анализа смысловых трансформаций в цифровых коммуникациях [3], может быть успешно применен и к правовому дискурсу. Он позволяет выявить дивергенцию смысловых картин мира у различных субъектов правового общения и предложить механизмы их сближения.

4. Институционально-функциональный анализ. Цифровизация ведет к появлению новых правовых институтов и трансформации функций существующих. Например, принятый в 2025 году Федеральный закон «О платформенной

экономике»[2] закрепляет принципы правового регулирования деятельности цифровых платформ. Анализ того, как эти новые институты воспринимаются и оцениваются гражданами, является важной задачей для понимания динамики правосознания.

5. Когнитивно-правовое моделирование. Развитие этого подхода предполагает изучение того, как правовые нормы и конструкции «усваиваются» индивидом в условиях информационной перегрузки и воздействия цифровых раздражителей. Это требует интеграции знаний из области нейронаук и психологии принятия решений.

Поскольку трансформация правосознания в цифровую эпоху является объективным и необратимым процессом, задача юридической науки и практики состоит не в том, чтобы ему противодействовать, а в том, чтобы направить его в конструктивное русло, минимизировав негативные последствия. В связи с этим можно сформулировать несколько следующих стратегических ориентиров.

Во-первых, формирование культуры «цифровой гигиены» и критического правового мышления. Необходима масштабная просветительская работа, направленная на обучение граждан навыкам верификации правовой информации, распознавания фейков и манипуляций, а также пониманию принципов работы алгоритмов.

Во-вторых, разработка государственной концепции развития правосознания в цифровую эпоху. Такой документ должен определить цели, принципы и механизмы государственной политики в этой сфере, включая обновление программ правового воспитания и образования.

В-третьих, развитие «цифрового права» как отрасли законодательства и научной дисциплины. Это предполагает не только регулирование общественных отношений в цифровой среде (как в случае с платформенной экономикой), но и формирование соответствующей правовой идеологии, основанной на балансе технологического развития и защиты прав человека.

В-четвертых, укрепление аксиологического ядра правосознания. В условиях цифрового релятивизма важно сохранить и укрепить базовые правовые ценности, такие как справедливость, равенство, гуманизм, законность, которые должны оставаться незыблемыми ориентирами при любых технологических изменениях.

Таким образом, цифровая трансформация правосознания носит системный и бесповоротный характер. В данном контексте обеспечивается не просто техническое воспроизведение традиционных представлений, а содержательный пересмотр их сущности. Перед правовой системой и юридическим сообществом встает стратегическая задача управления этой трансформацией. Ключевым направлением должна стать целенаправленная цифровая правовая социализация, которая включает в себя создание новых, адекватных конструкций цифровой реальности, каналов и форматов диалога между государством, правом и гражданином. Это требует от юридической науки не только фиксации изменений, но и активного участия в проектировании будущего правовой коммуникации, где право остается понятным, уважаемым и эффективным инструментом организации сложного цифрового общества.

Пристатейный библиографический список

1. Дорофеева М. А., Самусенко Т. М., Гонгорова Д. В. Новое будущее для юридической профессии: вызовы и возможности LegalTech // Правовая политика и правовая жизнь. - 2024. - № 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/novoe-buduschee-dlya-yuridicheskoy-professii-vyzovy-i-vozmozhnosti-legaltech (дата обращения: 21.03.2026).
2. Колесов В. И. Формирование правосознания в деятельности личности через психолого-педагогические качества в юридических учреждениях // Инновационный потенциал развития науки в современном мире: достижения и инновации: сборник научных статей по материалам III Международной научно-практической конференции, Уфа, 09 июня 2020 года. - Уфа: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр «Вестник науки», 2020. - С. 243-249.
3. Малахова В. Л. Основные этапы формирования прагма-семантического смысла и методы его анализа // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. - 2021. - № 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-etapy-formirovaniya-pragma-semanticheskogo-smysla-i-metody-ego-analiza (дата обращения: 24.03.2026).
4. Мамедов Р. Ф. Понятие и признаки права // Молодой ученый. - 2025. - № 15 (566). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://moluch.ru/archive/566/124055 (дата обращения: 18.03.2026).
5. Палеха Р. Р. Правосознание как элемент содержания правового воздействия // Право и государство: теория и практика. - 2020. - № 4 (184). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/pravosoznanie-kak-element-soderzhaniya-pravovogo-vozdeystviya (дата обращения: 19.03.2026).
6. Челбаев Д. В., Пугина О. А. Цифровые технологии как стимулирующий фактор трансформации правовой идеологии современного российского государства // Право: история и современность. - 2025. - № 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-tehnologii-kak-stimuliruyuschiy-faktor-transformatsii-pravovoy-ideologii-sovremennogo-rossiyskogo-gosudarstva (дата обращения: 21.03.2026).
7. Ямалетдинова Н. В., Латыпова Н. С., Тулупова Е. О. Динамизм обыденного правосознания населения // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. - 2021. - № 5 (55). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/dinamizm-obydennogo-pravosoznaniya-naseleniya (дата обращения: 19.03.2026).

2 Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 2025. - № 31. - Ст. 4643.

ГИРИНОВИЧ Ксения Евгеньевна
аспирант 3-го курса, Юридический институт им. Ю. П. Новицкого, Костромской государственный университет

ЖУРАВЛЕВ Кирилл Андреевич
аспирант 3-го курса, Юридический институт им. Ю. П. Новицкого, Костромской государственный университет

СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ И ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ОБЪЕКТОВ ЦИФРОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Объективная оценка преимуществ цифровой трансформации государственного управления невозможна без всестороннего анализа сопутствующих рисков, ограничений и негативных последствий. Вместе с тем, корректный анализ таких рисков требует предварительного уяснения теоретико-правовых оснований цифровых преобразований. Это связано, прежде всего, с определением системы объектов цифровых правоотношений в публичной сфере. В статье выделены и охарактеризованы основные группы указанных объектов. На данной теоретической базе проводится системный анализ ключевых угроз цифровизации государственного управления. На основе эмпирических данных, теоретических разработок обосновывается система принципов управления рисками и соответствующих институциональных механизмов. Особое внимание уделено сохранению баланса между технологической эффективностью и защитой прав граждан, между инновациями и гуманистическими ценностями.

Ключевые слова: цифровая трансформация, государственное управление, объекты цифровых правоотношений, цифровые права, информация, электронные документы, алгоритмы, риски, цифровое неравенство, безопасность персональных данных, дегуманизация, алгоритмическая предвзятость, клиентоцентричность, правовое регулирование, управление рисками.

GIRINOVICH Kseniya Evgenjevna
postgraduate student of the 3rd course, Yu. P. Novitsky Institute Law, Kostroma State University

ZHURAVLEV Kirill Andreevich
postgraduate student of the 3rd course, Yu. P. Novitsky Institute Law, Kostroma State University

SYSTEM ANALYSIS AND THEORETICAL AND LEGAL UNDERSTANDING OF THE DIGITAL TRANSFORMATION OF PUBLIC ADMINISTRATION IN THE CONTEXT OF THE THEORY OF OBJECTS OF DIGITAL LEGAL RELATIONS

An objective assessment of the benefits of the digital transformation of public administration is impossible without a comprehensive analysis of the associated risks, limitations and negative consequences. At the same time, a correct analysis of such risks requires a preliminary understanding of the theoretical and legal foundations of digital transformation. This is primarily due to the definition of a system of objects of digital legal relations in the public sphere. The article highlights and characterizes the main groups of these objects. Based on this theoretical framework, a systematic analysis of the key threats to the digitalization of public administration is carried out. Based on empirical data, theoretical developments and practical cases from 2023-2025, a system of risk management principles and related institutional mechanisms is substantiated. Special attention is paid to maintaining a balance between technological efficiency and the protection of citizens' rights, between innovation and humanistic values.

Keywords: digital transformation, public administration, objects of digital legal relations, digital rights, information, electronic documents, algorithms, risks, digital inequality, personal data security, dehumanization, algorithmic bias, client-centricity, legal regulation, risk management.

Прежде чем приступить к системному анализу рисков и ограничений цифровой трансформации, необходимо определить базовые теоретико-правовые конструкции. Это связано с тем, что они лежат в основе рассматриваемых процессов. Цифровизация государственного управления порождает новую реальность публичных правоотношений, в которых трансформируется не только субъектный состав, содержание, но и, что особенно значимо, в контексте указанных правоотношений меняется объектный состав. В классической теории права под объектом правоотношения понимается то, по поводу чего возникает и осуществляется деятельность субъектов [4, с. 18]. В условиях цифровизации эта категория приобретает новое, более сложное и многослойное наполнение.

Объекты цифровых правоотношений в сфере публичного управления представляют собой сложную структуру материальных и нематериальных благ, а также процессов и результатов деятельности, возникающих, существующих и реализуемых в цифровой среде либо с использованием информационно-коммуникационных технологий при осуществлении властных полномочий и предоставлении государственных услуг. К основным группам таких объектов отнесем следующие:

Первичным и наиболее объемным объектом по содержанию является информация и данные. Это следует из того, что в государственных информационных системах циркулируют колоссальные массивы сведений, в том числе, персональные данные граждан, служебная информация ограниченного доступа, данные государственной статистики, пространственные данные, сведения реестров и регистров. Важно подчеркнуть, что информация как объект правоотношений в цифровую эпоху приобретает двойственную правовую природу. С одной стороны, она остается нематериальным благом (статья 128 Гражданского кодекса Российской Федерации)[1], с другой – ее фиксация в электронной форме

1 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законода-

на материальном носителе придает ей свойства, сближающие с вещными объектами в части возможности владения, пользования и распоряжения. Правовой режим государственных информационных ресурсов как объектов правоотношений детерминирован их особым статусом, который, как отмечает И. Л. Бачило, «предполагает сочетание публично-правовых и частноправовых начал регулирования» [1].

Во-вторых, цифровые сервисы и платформы. В процессе цифровой трансформации публичного управления объектом правоотношений становятся не только конечные результаты (например, выданное электронное разрешение), но и сами технологические средства их предоставления. Единый портал государственных услуг, ведомственные информационные системы, цифровые платформы обратной связи – все эти инструменты выступают самостоятельными объектами правоотношений по их созданию, эксплуатации, модернизации, а также по обеспечению доступа к ним. Правоотношения по поводу данных объектов носят преимущественно организационно-управленческий и технико-регулятивный характер. Однако их юридическое значение крайне высоко, поскольку от их бесперебойного и безопасного функционирования зависит реализация субъективных прав граждан.

В-третьих, цифровые права и электронные документы. С введением в гражданское законодательство понятия «цифровые права» (статья 141.1 ГК РФ) произошла легализация особого класса объектов, существующих исключительно в цифровой среде. Применительно к публичному управлению речь идет не столько о частноправовых цифровых активах, сколько о таких публичных цифровых правах как право на доступ к государственным информационным ресурсам, право на электронное взаимодействие с органами власти, право на получение услуг в цифровом формате. Кроме того, самостоятельным объектом правоотношений выступают юридически значимые электронные документы и электронные дубликаты (заверенные электронной подписью копии) документов на бумажном носителе. Их правовой режим установлен Федеральным законом от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[2]. В условиях цифровой трансформации именно электронный документ становится основным объектом, по поводу которого возникают, изменяются и прекращаются административные процедуры.

Особое место в системе объектов цифровых правоотношений занимают алгоритмы принятия управленческих решений и программный код государственных информационных систем. В отличие от традиционных объектов, они не только опосредуют взаимодействие субъектов, но и активно формируют содержание самих правоотношений, задавая возможные варианты правового поведения и предопределяя юридические последствия. Теоретическое осмысление объектов цифровых правоотношений имеет не только доктринальное, но и сугубо практическое значение. Во-первых, точная идентификация объекта необходима для правильной квалификации возникающих отношений и выбора применимых правовых норм. Во-вторых, специфика объектов диктует необходимость адаптации существующих правовых механизмов защиты и ответственности. В-третьих, расширение круга объектов цифровых правоотношений в публичной сфере порождает новые категории рисков, – от нарушения безопасности персональных данных до алгоритмической дискриминации и дегуманизации управления.

Тем самым, мы переходим непосредственно к исследованию и анализу рисков. Цифровое неравенство как системный барьер представляет собой многомерный феномен. В современной научной традиции принято выделять несколько уровней цифрового неравенства. Первый уровень связан с физическим доступом к инфраструктуре – наличием широкополосного Интернета, компьютеров, мобильных устройств. Второй уровень охватывает различия в цифровых компетенциях и навыках использования технологий. Третий, все чаще обсуждаемый в литературе, касается способности извлекать ощутимые выгоды и преимущества информационных систем для гражданина и юридических лиц – получать более качественные услуги, экономить время, реализовывать свои права.

В контексте государственного управления цифровое неравенство приобретает особую остроту, поскольку оно напрямую влияет на доступ граждан и юридических лиц к публичным услугам и реализации своих конституционных прав. Как отмечается в научной литературе, «скорость Интернета в Москве может превышать 100 Мбит/с, в то время как в Республике Тыва едва достигает 10 Мбит/с» [8]. Также, «суровые климатические условия в Сибири и на Дальнем Востоке затрудняют прокладку кабельных сетей и функционирование наземных базовых станций, что создает объективные препятствия для повсеместной цифровизации» [2].

Последствия географического неравенства для доступа к государственным услугам очевидны. Только 55% средних школ в России имеют современное компьютерное оборудование и стабильный доступ в Интернет, а в сельской местности этот показатель снижается до 30%. Уровень проникновения электронных государственных услуг в Москве превышает 80 %, в то время как в некоторых регионах Дальнего Востока этот показатель не достигает 40% [8]. Согласимся с тем, что «преодоление цифрового неравенства требует системных мер, объединяющих инфраструктурные, образовательные и институциональные решения» [6].

Следующим аспектом выступают риски безопасности и приватности как основные факторы уязвимости цифровой инфраструктуры. Как отмечается в исследовании проблем цифровой трансформации государственных и муниципальных услуг, «недостаточная защищенность персональных данных входит в число ключевых проблем на пути цифровизации. По результатам исследований РАНХиГС в 2023 году, 72,4% респондентов оценили риски утечки персональных данных и мошенничества как высокие» [3].

Подчеркнем, что «киберугрозы входят в число ключевых вызовов цифровой трансформации наряду с высокими затратами на внедрение и технологическим устареванием» [5]. Применительно к государственному сектору эти риски усугубляются масштабом потенциального ущерба: успешная атака на критическую информационную инфраструктуру может парализовать оказание массовых социально значимых услуг. Проблема обеспечения безопасности усложняется многообразием потенциальных уязвимостей. Как отмечается в литературе, «интеграция цифровых технологий в процессы риск-менеджмента способствует не только минимизации угроз, но и улучшению операционной и стратегической эффективности организаций. В исследованиях социальных аспектов цифровой трансформации, подчеркивается

тельства Российской Федерации. - 1994. - № 32. - Ст. 3301.

2 Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. - 2006. - № 31 (ч. 1). - Ст. 3448.

важность анализа проблем адаптации человека к вызовам цифровой эпохи [7]. Цифровизация, будучи инструментально эффективной, не должна подменять собой человеческое участие, эмпатию, индивидуальный подход в тех ситуациях, где они необходимы. Сохранение человеческого измерения в условиях цифровизации требует осознанной политики, направленной на поиск баланса между эффективностью и гуманистическими ценностями, основанными принципах дополнительности, клиентоцентричности и инклюзивности.

Проведенный анализ позволяет увидеть, что выделенные категории рисков не существуют изолированно, образуя при этом сложную систему взаимосвязей. Цифровое неравенство усиливает уязвимость определенных групп перед алгоритмической предвзятостью. Риски безопасности и приватности усугубляются недостаточной цифровой грамотностью населения.

Несмотря на попытки выделить единую группу факторов, стоящих за распространением рисков, научное поле остается сильно фрагментированным. Разные риски требуют различных методов выявления, измерения и минимизации. Управление рисками цифровой трансформации должно основываться на ряде фундаментальных принципов: превентивности, пропорциональности, участия и прозрачности. Подчеркнем, что эффективная минимизация рисков цифровой трансформации требует создания соответствующих институциональных механизмов на уровнях стратегического планирования, нормативного регулирования и организационного обеспечения.

Таким образом, цифровая трансформация государственного управления, будучи объективно необходимым и в целом позитивным процессом, сопряжена с серьезными рисками и ограничениями, которые не могут игнорироваться. Цифровое неравенство создает угрозу исключения из новых форматов взаимодействия ряда категорий граждан – пожилых людей, жителей отдаленных территорий, малообеспеченных слоев населения. Риски безопасности и приватности обостряются по мере концентрации персональных данных в государственных информационных системах. Алгоритмическая предвзятость может приводить к дискриминационным решениям, невидимым для традиционных механизмов контроля. Риск дегуманизации ставит под угрозу сохранение человеческого измерения в сферах социальной защиты, здравоохранения, образования. Осознание этих рисков не должно вести к отказу от цифровой трансформации или неоправданному торможению технологического развития. Напротив, оно должно стимулировать выработку взвешенных, научно обоснованных подходов к управлению цифровым развитием, обеспечивающих баланс между эффективностью и безопасностью, между инновациями и защитой прав граждан.

Пристатейный библиографический список

1. Бачило И. Л. Информационное право: учебник для вузов / 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2026 // Образовательная платформа Юрайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://urait.ru/bcode/598381 (дата обращения: 21.03.2026).
2. Гурлев И. В. Проблемы и перспективы обеспечения связью добывающих предприятий на Крайнем Севере // Вестник Евразийской науки. – 2020. – № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://esj.today/PDF/22ECVN220.pdf (дата обращения: 28.03.2026).
3. Кургаева Ж. Ю. Цифровизация государственного управления и гражданского участия: индикаторы оценки уровня развития, вызовы и перспективы // Вестник евразийской науки. – 2025. – Т. 17. № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://esj.today/PDF/46ECVN225.pdf (дата обращения: 12.04.2026).
4. Митина С. И., Попов В. А., Серова О. А. Правоотношения и их классификации. – Псков: Псковский государственный университет, 2020. – 64 с.
5. Синица С. А. Киберугрозы цифровой экономики России // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2023. – № 11-3 (105). – С. 65-70.
6. Троян И. А., Кравченко Л. А., Гиндес Е. Г. Цифровое неравенство и направления его преодоления в контексте развития человеческого капитала // Народонаселение. – 2023. – Т. 26. № 2. – С. 114-126.
7. Цифровая трансформация: эффекты и риски в новых условиях / Рук. авт. колл. П. Б. Рудник, Т. С. Зинина; под ред. И. Р. Агамирзяна, Л. М. Гохберга, Т. С. Зининой, П. Б. Рудника; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. – 156 с.
8. Шомполов А. Д. Цифровое неравенство регионов России: причины и последствия // Научный Лидер. – 2025. – № 19 (220). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://scilead.ru/article/8719-tsifrovoe-neravenstvo-regionov-rossii-prichin (дата обращения: 28.03.2026).

DOI 10.46320/2073-4506-2026-4-215-76-77

Московец А. Е.

МОСКОВЕЦ Андрей Евгеньевич
соискатель на ученую степень кандидата юридических наук; руководитель направления, Банк России

СВЕРХИМПЕРАТИВНЫЕ НОРМЫ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ В КОНТЕКСТЕ АНТИСАНКЦИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Статья посвящена анализу антисанкционного регулирования в Российской Федерации, его приоритета над «обычным» законодательством и вопросам существования ограничений такого приоритета. Антисанкционное законодательство устанавливает, что антисанкционные нормы превалируют над иными нормативными актами при введении соответствующих мер. При анализе действующего законодательства возникает вопрос: всегда ли антисанкционные нормы имеют приоритет и могут ли существовать нормы «обычного» законодательства, которые не подлежат отмене даже в условиях антисанкционного регулирования? Для ответа целесообразно обратиться к концепции сверхимперативных норм. По аналогии предлагается выделить в российском праве нормы, сохраняющие силу независимо от антисанкционных мер.

Ключевые слова: антисанкционное регулирование, сверхимперативные нормы.

Moskovets Andrey Evgenjevich
competitor for the degree of Ph.D. in Law; Head of Department, Bank of Russia

SUPERMANDATORY NORMS IN RUSSIAN LEGISLATION IN THE CONTEXT OF ANTI-SANCTION REGULATION

This article analyzes anti-sanction regulation in the Russian Federation, its priority over «ordinary» legislation, and the existence of limitations on this priority. Anti-sanction legislation stipulates that anti-sanction norms prevail over other regulations when implementing relevant measures. When analyzing current legislation, the question arises: do anti-sanction norms always take precedence, and can there be norms of «ordinary» legislation that cannot be repealed even under anti-sanction regulation? To answer this question, it is appropriate to turn to the concept of supermandatory norms. By analogy, it is proposed to identify norms in Russian law that remain in force regardless of anti-sanction measures.

Keywords: anti-sanction regulation, supererogatory norms.

Одним из основных законодательных актов, устанавливающих особенности применения антисанкционного регулирования в России, является Федеральный закон от 04.06.2018 № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств» (далее – Закон № 127-ФЗ). Данный закон закрепляет перечень основных антисанкционных мер, а также компетенцию органов государственной власти на принятие таких мер.

Статьей 4.2 Закона № 127-ФЗ установлено, что положения законодательных актов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации в случае введения мер воздействия (противодействия), направленных на обеспечение экономического суверенитета и экономической безопасности Российской Федерации, применяются с учетом ограничений и изъятий, предусмотренных актами Президента Российской Федерации, устанавливающими указанные меры воздействия (противодействия), и принятыми в соответствии с ними актами Правительства Российской Федерации и Центрального банка Российской Федерации.

Указанное положение фактически закрепляет превалирование антисанкционного регулирования над «обычным».

Антисанкционное законодательство начиная с 2022 года изобилует конкретными примерами такого превалирования. Например, Указ Президента Российской Федерации от 05.03.2022 № 95 «О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми иностранными кредиторами» (далее – Указ № 95) устанавливает, что денежные обязательства по кредитам, займам и финансовым инструментам исполняются на специальные банковские счета типа «С». Указанное положение идет вразрез с общими нормами, например, гражданского законодательства в части исполнения обязательств, а также с нормами законодательства о рынке ценных бумаг. Однако, в силу приведенной выше статьи 4.2 Закона № 127-ФЗ противоречия не возникает, так как в указанных случаях применению подлежат нормы антисанкционного законодательства. В данном случае положения Указа № 95 превалируют над положениями Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) и Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (далее – Закон № 39-ФЗ).

Аналогичный пример – Указ Президента Российской Федерации от 01.03.2022 № 81 «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации» (далее – Указ № 81), который установил разрешительный порядок совершения сделок, влекущих переход права собственности на ценные бумаги. По общему правилу, исходя из положений ГК РФ и Закона № 39-ФЗ, разрешения на подобные сделки не требуется, однако в силу примата норм антисанкционного регулирования применяется Указ № 81.

Закрепленное статьей 4.2 Закона № 127-ФЗ положение фактически закрепляет возможность существования парал-

лельной антисанкционной правовой системы, которая в соотношении с нормами «обычного» регулирования имеет приоритет. Указанное вызывает некоторые вопросы: всегда ли нормы антисанкционного регулирования превалируют над нормами «обычного» регулирования? А также, над любыми ли нормативными актами превалирует антисанкционное регуирование?

Российскому праву знакома конструкция сверхимперативных норм (статья 1192 ГК РФ). Сверхимперативность в данном случае означает, что соответствующие нормы применяются даже в том случае, если исходя из сложившихся правоотношений применению подлежат нормы иностранного права. Характер таких норм определяется исходя из их особого значения, в том числе для обеспечения прав и охраняемых законом интересов участников гражданского оборота.

Указанные нормы существуют контексте коллизионного права (глава 66 ГК РФ), однако соответствующий подход может быть применим и в отношении рассматриваемого нами вопроса о примате антисанкционного регулирования над «обычным». Существуют ли в российском законодательстве нормы, которые ни в коем случае не могут отменяться действием антисанкционных норм?

На первый взгляд, как уже отмечалось, статья 4.2 Закона № 127-ФЗ не ограничивает круг нормативных актов, в отношении которых соблюдается приоритет антисанкционного регулирования. Представляется очевидным, например, что антисанкционные положения не могут противоречить Конституции Российской Федерации.

Указ № 81, упоминавшийся выше, закрепляет необходимость получения разрешений на сделки с ценными бумагами, влекущими переход права собственности. При этом переход права собственности в том числе может быть обусловлен в том числе, например, судебным решением. Банком России позднее было разъяснено, что на сделки, совершаемые на основании судебных актов, разрешения не требуется[1]. При этом в указанном разъяснении было установлено, что разрешения в соответствии с Указом № 81 не требуется в случае, если переход права собственности на основании судебного решения не связан с переводом денежных средств. Например, в случае если на основании судебного решения осуществляется реституция, в рамках которой будет осуществлен перевод денежных средств и ценных бумаг, то такая реституция будет требовать разрешения органа государственной власти в соответствии с Указом № 81. Это означает, что судебное решение должно быть провалидировано разрешением исполнительного органа власти. Указанный подход, на первый взгляд, противоречит положениям Конституции Российской Федерации, устанавливающим независимость судебной власти. Соответственно, в указанной части положения антисанкционного законодательства фактически превалируют над нормами Конституции Российской Федерации.

Должны ли в рамках антисанкционного законодательства существовать некие «сверхимперативные» нормы «обычного» законодательства, которые даже в условиях превалирования антисанкционных норм не подлежат отмене? Представляется, что на указанный вопрос следует ответить положительно. В качестве основы допустимо взять определение, предложенное в рамках статьи 1192 ГК РФ: сверхимперативность норм в данном случае также может определяться исходя из их особого значения, в том числе для обеспечения прав и охраняемых законом интересов участников гражданского оборота.

Например, положения о независимости судебной власти (как и любые другие конституционные положения), на наш взгляд, не должны отменяться нормами антисанкционного регулирования.

Отдельные положения федерального законодательства также в силу особой важности регулируемых правоотношений должны соблюдаться вне зависимости от норм антисанкционного регулирования. К таковым положениям понашему мнению могут быть отнесены, например, положения о свободе договора (статьи 1, 421 ГК РФ). Свобода договора является основополагающим принципом частного права, на котором основываются все гражданско-правовые отношения, а также принцип автономии воли.

В частности, антисанкционные нормы не должны понуждать к заключению договора, а также произвольным образом подменять условия договора, определенных сторонами на основании автономии воли. Если стороны заключили возмездный договор купли-продажи, антисанкционное регулирование не должно предоставлять право какому-либо органу определять соответствующие правоотношения как безвозмездные. Например, уполномоченный орган, рассматривающий вопрос о выдаче разрешения на сделку с ценными бумагами в соответствии с Указом № 81, не может разрешить передачу ценных бумаг, но не разрешить их оплату, так как в данном случае будет изменен возмездный характер правоотношений.

Аналогичным образом в сфере обращения ценных бумаг к сверхимперативным нормам следуют относить права, предоставляемые ценными бумагами. Исходя из статьи 1 Закона № 39-ФЗ под акцией понимается эмиссионная ценная бумага, закрепляющая права ее владельца на получение части прибыли акционерного общества в виде дивидендов, на участие в управлении акционерным обществом и на часть имущества, остающегося после его ликвидации. Отсутствие тех или иных основополагающих признаков ценной бумаги может привести к тому, что объект гражданского права перестает быть ценной бумагой.

Соответственно, антисанкционное регулирование не должно лишать ценную бумагу ее неотъемлемых признаков. В противном случае акция как ценная бумага утрачивает часть своих субстантивных признаков и фактически не может считаться ценной бумагой. В свою очередь, статьей 5 Федерального закона от 16.04.2022 № 114-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» учтенные на счетах депо депозитарных программ акции российских эмитентов не предоставляют права голоса и не учитываются при подсчете голосов. В данной части указанный закон исключает из существа акции часть прав, предоставляемых ею.

Сверхимперативные нормы в российском законодательстве в контексте антисанкционного регулирования не определены. В настоящий момент, как мы видим из вышеуказанных примерах, отдельные основополагающие положения российского законодательства могут игнорироваться нормами антисанкционного регулирования в силу статьи 4.2 Закона № 127-ФЗ. Мы полагаем, что российское право, по аналогии с коллизионными нормами, должно также исходить из существования основополагающих норм, которые не могут быть «отменены» положениями антисанкционного законодательства.

1 Официальное разъяснение Банка России от 18.03.2022 № 2-ОР.

У Жунжуй
аспирант кафедры теории права и государства, Юридический институт, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

ГЕНДЕРНОЕ НЕРАВЕНСТВО В ХАРАКТЕРИСТИКАХ ОБЫЧНОГО ПРАВА ТРАДИЦИОННЫХ ОБЩЕСТВ

В данной статье проводится углубленное исследование сущностных характеристик гендерного неравенства в системе традиционного обычного права. Исследование показывает, что гендерная асимметрия не является случайным побочным продуктом социального развития, а выступает в качестве стержневого элемента, поддерживающего экономическую структуру, организационные формы и политические отношения традиционного общества. Основные результаты исследования подтверждают, что разделение гендерных ролей и ограничение прав женщин в традиционном обычном праве, по сути, представляют собой стратегический механизм обеспечения стабильности выживания коллектива. Поддержание данного гендерного порядка опирается на исключительность прав собственности по мужской линии (патрилинейности), институционализацию патриархальной иерархической власти и ритуализацию повседневной жизни. Особого внимания заслуживает культ предков как идеологическая основа гендерного неравенства, который определяет мужскую власть как единственную священную связь, соединяющую кровные узы поколений. Тем не менее, без обладания властью в частной сфере мужчина не может обрести полноценную социальную субъектность. Таким образом, гендерное неравенство проявляется не только как акт угнетения, но и становится необходимым условием функционирования всей социальной системы в целом.

Ключевые слова: гендерное неравенство, обычное право, традиционное общество, гендерная асимметрия, правовая субъектность.

WU Rongrui
postgraduate student of Theory of law and state sub-faculty, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

GENDER INEQUALITY IN THE CHARACTERISTICS OF CUSTOMARY LAW IN TRADITIONAL SOCIETIES

This article provides an in-depth study of the essential characteristics of gender inequality within the system of traditional customary law. The research demonstrates that gender asymmetry is not an accidental byproduct of social development but rather serves as a pivotal element supporting the economic structure, organizational forms, and political relations of traditional society. The main findings of the study confirm that the segregation of gender roles and the restriction of women's rights in traditional customary law essentially constitute a strategic mechanism for ensuring the stability and survival of the collective. The maintenance of this gender order relies on the exclusivity of property rights along the male line (patrilineality), the institutionalization of patriarchal hierarchical power, and the ritualization of everyday life. Particular attention is given to the cult of ancestors as the ideological foundation of gender inequality, which defines male authority as the sole sacred link connecting the blood ties of generations. Nevertheless, without possessing power in the private sphere, a man cannot achieve full social subjectivity. Thus, gender inequality manifests not only as an act of oppression but also becomes a necessary condition for the functioning of the social system as a whole.

Keywords: gender inequality, customary law, traditional society, gender asymmetry, legal subjectivity.

Введение

Для понимания того, как культурные традиции ограничивают правовую субъектность женщин через неформальные институты, порождая гендерное неравенство, нам необходимо обратить внимание на историк-культурные аспекты проблемы правового статуса женщин, в частности на регулирование вопросов гендера обычным правом традиционного общества. Традиционное общество представляет собой не просто исторический этап, а форму социальной организации, ядром которой являются механизмы кланового коллективизма и патриархата. В такой конфигурации обычное право, выступая в качестве неформального института, укоренено в длительной коллективной практике и культурной идентичности; его ключевая логика заключается в поддержании выживания и стабильности кланового коллектива – общины. Гендерное неравенство является институционализированным продуктом этой логики построения социального организма – оно не является случайным отклонением или проявлением индивидуальных предпочтений, а носит выраженный структурный характер.

Более того, в традиционном обществе обычное право (как динамичная и преимущественно неписаная норма) глубоко вплетено в культурную идентичность, систему родства и мировоззрение, в силу чего оно обладает мощным потенциалом к сопротивлению внешним преобразованиям. Необходимо подчеркнуть, что даже в современную эпоху в тех обществах, где хотя бы частично сохранились общинные структуры, обычное право, будучи «живым правом», по-прежнему демонстрирует поразительную жизнеспособность.

Целью статьи является доказать, что гендерное неравенство, нашедшее свое закрепление в обычном праве, являлось системообразующим ядром для построения экономических систем, социальной организации и политических отношений традиционных обществ.

Дискуссия

Идея матриархата является продуктом науки XIX века. В системном виде она была представлена и обоснована Л. Г. Морганом в его работе «Древнее общество» 1877 года. Материнский род, согласно его точке зрения, доминировал на начальной стадии развития человечества – основанное на нем социальное устройство лишь позже приобрело патриархальные черты. Идея матриархата нашла поддержку и стала доминировать в трудах марксистов, а впоследствии, в работах советских и российских ученых: «Когда-то на заре человеческой истории мужчины добились превосходства над другой половиной человечества и теперь живут в постоянном беспокойстве и боязни, как бы женщина не взяла реванш в борьбе за господствующее положение в обществе» [13, с. 417-431]. В современном мире мужское доминирование характеризует почти все общества. Представительницы женского пола, вне зависимости от того, как организован брак в обществе и как выстраиваются отношения родства, занимают второстепенное положение как в экономических, так и в политических отношениях – социальная роль женщины (сестра, жена, мать

и т.д.) в подавляющем большинстве случаев предполагает сравнительно меньший объем публично-властных полномочий и привилегий, чем у мужчин. То есть такое положение дел свидетельствует в общем об универсальности описанной модели социального устройства.

Культурно-исторические предпосылки гендерного неравенства.

Неравенство между полами можно попытаться объяснить с историко-культурных позиций. Определяющими его факторами являются:

1) исходные природные психофизические различия между мужчинами и женщинами;

2) производная от этих различий разница в социальных функциях мужчины и женщины и шире – разделение труда по половому признаку [1, с. 391-397];

3) длительный период взросления человеческого существа, также оказавшее существенное влияние на разделение труда – неравенство между мужчинами и женщинами – это явление, возникающее после определённого исторического периода развития общества, и глубинные причины эксплуатации и угнетения женщин тесно связаны с возникновением и развитием общественного разделения труда. На ранних этапах развития человеческого общества, в различных семейных структурах, предшествовавших патриархальной семье, первой моделью разделения труда было естественное разделение труда, основанное на природных различиях между людьми. Это разделение труда происходило естественным образом на основе биологических факторов, таких как пол и возраст, при этом мужчины и женщины отвечали за свои собственные сферы деятельности;

4) динамика изменения физического состояния мужчины и женщины – рождение детей приводит к изменениям женской фигуры в тазовой области, что влечет за собой снижение выносливости и скорости – это заставляет мужчин брать на себя задачу их защиты [9, с. 44-46]. «Кросскультурный анализ, проведенный на материале 185 обществ, также позволил сделать вывод о том, что именно большая физическая сила мужчин и несовместимость ряда форм трудовой деятельности с уходом за детьми обусловили первоначальное разделение труда между полами у людей: мужчины должны защищать слабый пол и потомство, обеспечивать их пищей, женщины же заботиться о малолетних детях и заниматься работой по дому» [2, с. 243-244], [22, p. 203-225]. Как отмечал Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства»: «Мужчина – в лесу, женщина – в доме, каждый является собственником изготовленных и употребляемых им орудий.» [14, с. 72].

5) длительное исключение женщины из разных форм деятельности социальной группы – уход за ребенком и выполнение домашних обязанностей делали невозможным активное участие женщины в охоте, позже – производств [12, с. 391-397]. Роль добытчика постепенно монополизируется мужчиной, которые приобретают господствующее положение в общественном производстве. По мере появления все большего количества прибавочного продукта мужчины получали абсолютное преимущество в разделении труда, а женщины были сведены к орудиям воспроизводства и бесплатной рабочей силе для семьи, что привело к качественному изменению статуса женщин.

6) гендерное неравенство в ранних обществах возникает как реакция на необходимость выживания при агрессии извне и на особенности межличностных отношений, в которые вступают мужчины и женщины соответственно. Так, межличностные отношения женщин преимущественно сводятся малому коллективу внутри общины – семье, а межличностные отношения мужчин реализуются в различных объединениях [21], в том числе и во взаимодействии с внешними по отношению к общине индивидами и их группами. Такая специфика межличностных отношений мужчин постепенно закрепляет за ними политические функции в обществе, содержание которых продиктовано необходимостью завоевания территорий, противостояния внешним врагам и т.д. Женщины же преимущественно отвечают за биосоциальное воспроизводство и взаимодействие с другими семьями внутри общины – например, при вступлении в общественные отношения обменного характера, объединение усилий с другими женщинами в уходе за детьми или в выполнении какой-либо хозяйственной функции.

7) специфика межличностных связей женщин и мужчин позволила последним обособить и монополизировать военные, управленческие функции (организация и координация ведения общих дел). К ним добавляются религиозная функция и функция разрешения социальных конфликтов.

8) Осуществляя управленческую функцию и функцию по разрешению социальных конфликтов, мужчины постепенно установили правила взаимодействия как внутри общины, так и с теми лицами, кто не является членами общины. Эти правила взаимодействия стали первой формой будущего права в его современном понимании. Их создание и эволюция также воспринимают разницу в межличностных связях, характерных для женщин и мужчин, отражают детерминированную ими модель гендерных ожиданий и требований. Поскольку правила взаимодействия, постепенно устанавливаемые мужчинами на основе потребностей, вырастающих из специфических общественных отношений, в которых они участвуют, интересы женщин в социальном регулировании отходят на второй план и часто выражаются через представителей интересов семьи в целом, общины в целом, т. е. мужчин. Первоначальное отношение закона к гендеру, в котором доминировали мужчины, в свою очередь привело к форматированию и нормативному закреплению разделения труда между мужчинами и женщинами. Таким образом, первоначальное естественное разделение труда между мужчинами и женщинами и сформировавшаяся на его основе модель гендерного неравенства были одобрены законом и, соответственно, превратились в устойчивую нормативную структуру публичной и частной сфер жизни общества. «Если мужчины обеспечивают развитие за счет внеобщинного взаимодействия, то женщины – за счет внутриобщиного… одно способствует успешной реализации другого и одно без другого не может функционировать в принципе» [8, с. 382-390].

9) Ряд ученых [4, с. 376-385;], [5, с. 657-668], [8, с. 382-390], [6, с. 105-113], [7, с. 99] считают, что гендерное неравенство имеет психобиологическое объяснение: «Женский пол более ориентирован на удержание и воспроизводство выработанной видом информации, тогда как мужской пол менее устойчив, но более способен к выработке новых свойств, более реагирует на изменение внешней среды, способствуя тем самым накоплению (изменению) признаков в виде» [8, с. 382-390].

10) Наконец, исторически сложилось так, что выводы о гендерном устройстве общества формулировали представители мужского пола, выражая в своей логике характеристики патриархальной культуры и используя, главным образом, аргументы биологического содержания для поддержки гендерных иерархий. В матрилинейном обществе, где производство самого человека играет важную роль в общественном развитии и в продлении рода, а также где производство самого человека играет доминирующую роль в общественном строе, статус женщин, отвечающих за продление рода, идеологически обосновывался как высокий – женщины отвечают не только за воспроизводство и выполнение другой общественной работы, но и играют решающую роль в прогрессе и развитии общества. В иных случаях статус женщины может получить совсем иную интерпретацию – мужчины осуществляют свою деятельность в публичной сфере, а женщины остаются в частной сфере, в центре которой находится семья, вне политики, в качестве политических помощников «мужской власти». Женщины здесь исключаются из политической общественной сферы как де-факто, так и де-юре, как лица, которые не могут быть независимыми [19, с. 17]. Мужчины, кроме всего, являются организующей силой для частной сферы, в которой функционируют женщины. Женщины являются лишь частью вспомогательной структуры политически организованного общества, в то время как мужчины – суть «политические» граждане. Ограничение пределов самовыражения женщин частной сферой является основным идеологическим средством исключения женщин из публичной сферы

Асимметрия и баланс гендерных ролей в обычноправовых системах

Анализ предпосылок возникновения гендерного неравенства, изложенный выше, показывает, что оно укорене-

но в биологических и социальных основах воспроизводства человеческого общества и постоянно подкрепляется через внутренние механизмы общественного развития. В процессе эволюции от первобытного общества к традиционному эти основополагающие факторы были интегрированы в нормы обычного права, сформировав специфическую для этой правовой системы асимметрию гендерных ролей, которая стала стержневым элементом построения социального порядка. Характерная для системы обычного права асимметрия гендерных ролей обладает универсальными чертами и в той или иной степени проявляется в любой традиционной культуре.

В логике построения системы обычного права первоочередная черта гендерного неравенства проявляется в строгом разграничении (дифференциации) мужских и женских ролей. Данная граница представляет собой не просто элементарное физиологическое разделение труда, обусловленное примитивными производительными силами, а является институционализированным и сакрализованным в рамках обычного права механизмом пространственной и функциональной сегрегации мужчин и женщин.

В традиционном обществе мужская роль характеризуется более высоким социальным престижем, поскольку мужчина обеспечивает жизнеспособность семьи и общины, частью которой она является. Престиж существенно ограничивает спектр ролевых моделей поведения мужчин [20] – они не могут заниматься в общине «немужским» трудом, который подрывает их авторитет [3, с. 124].

Как отмечалось выше, разделение труда между мужчинами и женщинами в традиционном обществе основывается на том, что мужская сфера («внешнее») соотносится с публичной сферой, такой как политика, правосудие и религиозные ритуалы. С точки зрения обычного права, мужчина является единственным публичным субъектом. В противовес этому, границы деятельности женщины строго ограничены рамками семьи, то есть вышеупомянутой «внутренней», частной сферой. Это не просто разделение труда – такая модель общественного взаимодействия предопределяет различия в правах мужчины и женщины и их правоспособности в целом: права и интересы женщины должны реализовываться через посредничество мужчины — «главы семьи» (отца, мужа или сына). Ярким доказательством можно считать требования древнекитайского этикета: «Мужчина не должен говорить о внутреннем домашнем, женщина — о внешнем общественном».

Такие виды мужской деятельности, как земледелие, скотоводство или ведение войн, рассматриваются как непосредственная движущая сила, обеспечивающая существование и сохранение общины. И формирование межличностных связей в рамках мужских инструментальных объединений обеспечивало и повышало эффективность мужского труда во внешнем пространстве, тем самым в определённой степени способствуя повышению стабильности всего общества, развитию общества. Таким образом, логика обычного права естественным образом подводит к выводу о том, что право на распределение и право распоряжения ресурсами должно принадлежать мужчине как носителю рисков.

Труд, характерный для женщин (уход за детьми, выполнение бытовых обязанностей и т.д.), во-первых, был консервативным по своему содержанию, во-вторых, не характеризовался какой-либо динамикой своих функциональных характеристик, в-третьих, в системе обычного права понимался как «естественная обязанность», а не как социальный вклад. Несмотря на то, что биосоциальное воспроизводство имеет решающее значение для продолжения рода, обычное право зачастую низводит домашний труд до уровня безвозмездного зависимого обслуживания в рамках патриархальной системы общественных отношений. Такое закрепление в обычном праве функциональных границ жизнедеятельности женщин и мужчин приводит к тому, что ценность женского труда систематически исключается из модели учета общественного богатства, что на самом базовом правовом уровне лишает женщин оснований для предъявления претензий на равные с мужчинами права как минимум в экономической сфере, а как максимум – и во всех остальных сферах жизни общества.

С точки зрения динамики развития коллектива, общины, роль мужчины как воина и охотника определяет предел внешней экспансии, миграции и противостояния внешним конфликтам. Эта сфера, в которой доминируют мужчины, обеспечивает коллективу жизненное пространство и гарантии безопасности. С другой стороны, с точки зрения стабильности коллектива, функции воспроизводства, возложенные на женщину, являются ядром устойчивости внутренней структуры общины. Женщины осуществляют смену поколений через деторождение и поддерживают повседневный порядок внутри рода через ведение домашнего хозяйства. Эта стабилизирующая сила, поддерживаемая женщинами, гарантирует, что коллектив не распадется в условиях нестабильной внешней среды.

Обычное право, основываясь именно на этой потребности в гармоничной пропорции «мужского» и «женского», выработало уникальный механизм ее обеспечения в различных социальных условиях. Так, например, когда доля мужского населения в традиционном обществе становится чрезмерно высокой, что провоцирует социальную напряжённость между мужчинами в борьбе за женщину, обычное право зачастую смягчает внутреннее конкурентное давление через сложные системы брачных компенсаций (выкупа за невесту) или четкие правила экзогамии. При дисбалансе доли или статуса женщин коллектив сталкивается с риском прерывания воспроизводства – обычное право в таких условиях часто закрепляет привилегированное положение женщины-продолжательницы рода. Таким образом, гендерное неравенство проявляется в обычном праве как специфическое «искусство баланса»: с одной стороны, обычное право лишает женщин независимости и комплекса прав, чтобы гарантировать их неизменное нахождение на «траектории воспроизводства», обеспечивая тем самым стабильность коллектива, – подобная «гармония пропорций», основанная на гендерном разделении труда, по сути, приносит индивидуальные права женщин в жертву ради обретения всем первобытным коллективом потенциала выживания в условиях жестокой природной конкуренции. С другой стороны, при необходимости обычное право обеспечивает сбалансированный статус женщины в кризисные периоды, когда имеет место угроза нарушения механизма биосоциального воспроизводства общины.

Иерархическое господство мужчин в социальной организации и его экономическая основа

Строгое пространственное и функциональное разграничение мужских и женских ролей направлено не только на достижение сбалансированной взаимодополняемости статусов мужчиныи женщины, но и на создание естественных нормативных и институциональных гарантий доминирования и иерархического господства мужчин в социальной организации. Такими гарантиями стали 1) монополизация мужчинами права на распределение ресурсов; 2) лишение женщин возможности играть сколь-нибудь значительную роль в публичной сфере; 3) закрепление авторитета и привилегий мужчин общины в обычном праве.

Разделение функций между мужчинами и женщинами – это лишь первый шаг в конструировании гендерного порядка обычным правом; для обеспечения долгосрочной стабильности этой структуры необходимо опираться на институционализированное иерархическое господство и социальные нормы – доминирующее положение мужчин закрепляется через систему сложных и обязательных традиционных ритуалов. Устанавливая дифференцированные требования к ритуалам во время жертвоприношений, собраний и в повседневном общении, обычное право трансформирует абстрактную иерархию власти в поведенческие нормы повседневной жизни. Тем самым оно успешно интериоризирует идею превосходства мужчин над женщинами, превращая её в неоспоримую культурную привычку. Это знаменует собой трансформацию гендерного неравенства как явления от простой предпосылки разделения труда к глубинному принципу социальной организации.

Таким образом, если строгое разграничение мужских и женских ролей заложило саму структуру традиционного общества, то иерархическое господство мужчин в сочетании с соответствующими нормами обычного права обеспечили этой структуре динамику функционирования и легитимность.

Иерархическое господство мужчин прежде всего проявляется в абсолютном авторитете патриарха или главы семьи над членами семьи и клана. В системе обычного права распределение власти, как правило, следует двойному стандарту – по признакам пола и возраста, где на вершине властной пирамиды находятся старшие мужчины. Женщины в этой иерархии не только стоят после мужчин своего возраста, но и по своему правовому статусу зачастую оказываются ниже несовершеннолетних наследников мужского пола. Более того, в условиях бесписьменного обычного права право на толкование норм и право на историческое повествование обычно сосредоточено в руках старейшин-мужчин. Традиционный ритуал, наделяя мужчин привилегией проводить обряды, излагать родословную и объяснять табу, реализует господство над общественным познанием. Женщины же лишены возможности участия в этой символической деятельности.

Нормы обычного права обеспечены мощными социальными санкциями, среди которых публичное унижение, социальная изоляция, трудности, связанные с возможностью вступить в брак и т.д., а также существенно долей морального содержания обычно-правовых норм. Примером может служить древнекитайский принцип «троякой покорности»: женщина не самостоятельна, она следует за отцом до замужества, за мужем – после, за сынов – в случае, когда она становится вдовой. С одной стороны, это требование обычного права с моральным м=содержанием. С другой стороны, эт требование получало существенную поддержку в обычно-правовых нормах, регулировавших имущественные, уголовные и брачно-семейные отношения с соответствующими ограничениями прав женщин. Другим примером является то, что в древнем Китае женщинам запрещалось покидать дом до свадьбы, и они подвергались бинтованию ног, а также специальной ритуальной тренировке походки, тембра голоса и характера взгляда. Такая ритуальная пространственная изоляция ограничивала социальные контакты женщин, а физический контроль лишал их права на собственное тело. Можно сказать, что описанные правила в символичной форме провозглашают превосходство, доминирование мужчин, а их конечной целью является превращение женщины в объект, соответствующий эстетическим потребностям и требованиям господства мужчин в традиционном обществе.

В данном контексте в центре внимания находится не наделение женщины универсальными правами как «человека», а предписание ей специфических обязанностей как «дочери», «жены» или «матери». Соблюдение этих обязанностей является обязательным условием для получения защиты со стороны мужчины. В случае «отклонения от нормы» правовая защита ослабевает или вовсе аннулируется – примером могут служить суровые наказания женщин за нарушение принципов целомудрия.

Обычное право часто лишает женщин возможности защищать свои права. Так, в Древнем Китае женщины, как правило, не могли самостоятельно подавать иски или выступать свидетелями в суде. Это лишало женщину возможности сформировать независимую «юридическую волю», а её личность поглощалась личностью семьи или мужчины. Аналогично, в раннем Древнем Риме женщины находились под «пожизненной опекой» мужчины.

Когда обычное право наделяет патриарха или мужа абсолютным авторитетом, этот авторитет неизбежно включает в себя право на применение наказаний к непокорным. Во многих традиционных системах обычного права телесное наказание жены мужем рассматривается как необходимое средство поддержания внутреннего порядка в семье и выполнения защитных функций. Такое насилие лишается своей сути как деликта (правонарушения) и вместо этого определяется как проявление власти мужчины внутри семьи. Таким образом, обычное право превращает насилие в институциональное устрашение, гарантирующее, что женщина всегда будет занимать подчиненное положение в иерархической структуре, тем самым закрепляя фундамент мужского господства.

Существование и сохранение такого насилия коренятся в гендерных двойных стандартах, которые обычное право применяет при определении юридической ответственности. При совершении акта насилия фокус правовой оценки зачастую смещается с самого факта причинения вреда на то, соответствует ли поведение жертвы традиционным нормам морали и этикета. Например, при рассмотрении дел о насилии в отношении женщины обычное право первым делом проверяет, не нарушила ли она строгие ролевые границы и не нарушила ли клановые табу. Такая логика перекладывает ответственность за насилие на саму жертву, предоставляя агрессору естественное оправдание. Это не только снижает возможность обращения женщин за правовой защитой, но и формирует на социально-психологическом уровне презумпцию легитимности такого насилия. В тех случаях, когда закрепленные в обычном праве моральные ограничения оказываются неспособными предотвратить нарушение женщиной установленных границ ее поведения, обычное право санкционирует применение в отношении нее открытого и ритуализированного насилия.

В качестве примера можно привести вышеупомянутую обязанность соблюдения целомудрия женщинами в древнем Китае. В делах о сексуальном насилии в древнем Китае основным объектом правовой охраны зачастую выступала не телесная автономия и личное достоинство женщины, а «имущество» семьи или мужа, то есть целомудрие жены и честь самого мужчины. Изнасилование женщины рассматривалось как посягательство на права отца или мужа; сама же женщина, напротив, могла стать объектом наказания или социального отторжения из-за «потери целомудрия». Здесь во всей полноте проявляется феномен виктимблейминга (обвинения жертвы). Другим примером может служить Кормчие книги, применявшиеся в церковных судах у славян и закреплявшие схожие с древнекитайскими модели описания женщины как объекта прав мужчин.

Поскольку экономическим гарантом господства мужчин является исключительный контроль над средствами производства, в экономической структуре традиционного общества право собственности на такие средства производства, как земля и приусадебные участки (например, в Древнем Китае – чжайцзиди), зачастую носит строго патрилинейный характер. Через систему сложных правил наследования и оборота обычное право гарантирует, что материальная база, поддерживающая выживание коллектива, всегда остается «запертой» внутри патрилинейной родственной группы. В имущественно-правовых отношениях женщины обычно лишены независимого права наследования и распоряжения; их роль сводится к статусу временных пользователей или транзитных посредников при передаче имущества.

Например, система примогенитуры (первородства) по линии старшего сына от законной жены в древнем Китае напрямую исключала женщин из очереди наследования семейного имущества. Более того, при выходе замуж дочь обычно получала приданое, однако после заключения брака эти активы переходили в семью мужа и не считались её личной собственностью. В то же время семья невесты получала от семьи жениха брачный выкуп (калым), который, разумеется, также не принадлежал самой женщине. Такие ограничения предотвращали «утечку» семейного имущества в чужие кланы через брачные союзы. Женщина здесь овеществляется, выступая в роли канала для циркуляции имущества, а не субъекта владения им. Действительно, в древнем Китае замужние женщины лишались независимых имущественных прав, что, в свою очередь, лишало их экономической базы для самостоятельного заключения договоров, ведения судебных тяжб и принятия на себя долговых обязательств. Иными словами, правосубъектность женщины подвергалась тотальному ограничению через форму экономической депривации.

Такие характеристики правосубъектности женщин в различных обычно-правовых системах подтверждаются многочисленными научными исследованиями. Так, А. Брайант отмечает, что у зулусов женщины «вообще не имели права что-либо наследовать... а сами представляли собой не более, как имущество, переходившее по наследству» [3, с. 258-259]. Российский исследователь У. А. Тюгашев что в традиционных обществах народов Русского Севера «женщина... не имеет права на хозяйство, землю, имущество, на независимую жизнь» [17]. В африканских традиционных обществах, как отмечает российский исследователь И. Е. Синицына, женщины были ограничены волей и согласием мужчин даже в своих возможностях распоряжаться личным имуществом [16, с. 223].

Выявленные особенности правосубъектности представительниц женского пола в традиционном обществе показывают, что экономическая безопасность женщины полностью зависит от её статуса в патрилинейной структуре: будь то роль дочери, жены или матери, уровень её материальной жизни определяется мужчинами, с которыми она связана. Эта глубокая экономическая зависимость распространяет логику гендерного неравенства на самый базовый уровень выживания, лишая женщину каких-либо возможностей для сопротивления перед лицом иерархического господства и институционализированного насилия мужчин в традиционном обществе.

Психологический и идеологический фундамент гендерного неравенства в системе обычного права

Долгосрочное существование и стабильное функционирование гендерного неравенства в системе обычного права опираются не только на изложенные выше ритуальные нормы, насилие и экономическую депривацию, но и на глубокий идеологический и психологический фундамент. Этот фундамент, путем переосмысления природного порядка, сакральных верований и моральных представлений, трансформирует внешнее институциональное угнетение во внутреннее психологическое самосознание.

Первым уровнем идеологического фундамента гендерного неравенства в системе обычного права является интерпретация социально сконструированных гендерных ролей как неизменных законов природы. Система обычного права зачастую использует физиологические различия между мужчиной и женщиной для констатации различий в их интеллекте, характере и социальных способностях, легитимизируя их и заставляя членов традиционного общества воспринимать из как справедливые: «Наши мужчины поступают по закону отцов! Они воины. Их дело более тяжелое, чем наше. Плох тот воин, который доит коров, печет хлеб и нянчит детей» [10, с. 200]. В рамках этой логики господствующее положение мужчины описывается как символ силы и рациональности, в то время как подчиненное положение женщины выражается в образах нежности и покорности. Такое распределение образов и ролей через постоянное повторение в повседневной речи и обычаях заставляет членов традиционного общества верить, что гендерная стратификация является результатом следования природному порядку. Это ведет к психологическому растворению самой воли женщин к сопротивлению системе гендерного неравенства.

Вторым уровнем идеологического фундамента гендерного неравенства в системе обычного права является культ предков. Он появляется на ранних этапах существования человеческого общества и глубоко укореняется в сознании людей [1, с. 360-376]. Причем под предками понимаются именно умершие мужчины рода, которым приписываются трансцендентальные возможности влиять на судьбу рода в целом и своих потомков в частности. Потомки должны были относиться к предкам с почтением, угождать им, соблюдать предписанные в общении с предками ритуалы и обряды, которые призваны обеспечить предку спокойное пребывание на том свете. В свою очередь, предки защищали род и обеспечивали его благополучие: «Человек мог быть прощен за пренебрежение всеми общественными обязанностями, но он осуждался на вечные времена, если упускал исполнение погребального шествия по своим родителям и не приносил им должных жертв. Эти представления включались в древнейшие юридические своды. В них с мельчайшими подробностями излагались правила принесения жертв предкам» [11, с. 42-43].

Культ предков охватывает по обычному праву и отношения брака – незаконнорожденные дети оказываются вне покровительства предков конкретного рода, кровнородственные связи без присоединения женщины-матери ребенка к культу рода сами по себе не давали привилегии (например, в форме возможности участвовать в обрядах и ритуалах рода). По этой же логике девочка не могла продолжить культ предков, поскольку, выйдя замуж, она присоединялась к культу семьи мужа [18, с. 49-50].

Ярким примером, иллюстрирующим значение культа предков для определения гендерной асимметрии в обществе, может служить упомянутая выше древнекитайская «система наследования старшим сыном официальной жены». Разграничение между законнорожденными и побочными детьми полностью определяется «статусом» матери. Сын, рожденный законной женой (главной матерью), является законным наследником, в то время как сын наложницы (второстепенной матери) – сыном младшей (второстепенной) жены. Статус матери в системе брака непосредственно определяет политический и патриархальный статус сына. Это свидетельствует об овеществлении и иерархизации женщины, чья ценность в значительной степени определяется способностью произвести на свет «надлежащего наследника» для клана. Среди всех сыновей только старший сын от законной жены обладает исключительным правом наследования. Это устанавливает жесткую внутримужскую иерархию, основанную на порядке рождения и статусе матери. Здесь гендерная асимметрия (различие между женой и наложницей) служит механизмом отбора для культа предков, определяя легитимного преемника. В свою очередь, острая потребность культа предков в «легитимности» и «преемственности» сакрализирует и закрепляет дискриминацию по признаку пола и очередности рождения. Эти два элемента взаимно обеспечивают друг другу легитимность. Роль женщины здесь носит функциональный характер: законная жена – это инструмент для производства «субъекта легитимного культа» (старшего сына), а её ценность зависит от того, отвечает ли результат её деторождения ключевым потребностям продолжения рода. Наложницы же становятся инструментами для удовлетворения мужских желаний и расширения потомства, однако их потомки навсегда понижаются в статусе с точки зрения легитимности.

Из этого примера также следует признать тот факт, что в традиционном обществе субъектный статус мужчины в значительной степени зависит от существования и «дополняющей» роли женщины. То есть без женщины в качестве ориентира и опоры мужчина, в принципе, не может стать полноценным социальным субъектом. Мужчина получает полный набор социальных прав не просто в силу своей гендерной идентичности; окончательное утверждение его статуса зачастую должно быть реализовано через такое ключевое условие, как брак. Только через брак мужчина обретает целостный социальный статус и может утвердиться как во внутренней, так и во внешней среде, то есть, в частной и общественной сферах. Во внутренней среде (частной сфере) репродуктивная роль и ведение домашнего хозяйства, обеспечиваемые женщиной, являются факторами, позволяющими мужчине освободиться от бремени быта и посвятить себя общественным делам. Во внешней же среде (публичной сфере) брак рассматривается как доказательство вступления мужчины в ряды зрелых и ответственных членов общества. Неженатый мужчина во многих системах обычного права часто воспринимается как «неполноценный» индивид и даже исключается из узкого круга принятия ключевых решений.

Интересным примером могут служить браки взрослых и даже пожилых членов традиционного общества с молодыми девушками – цель таких браков выражалась в своего рода «социальном омоложении» мужчины, в укреплении его социального статуса.

Господство мужчины над женщиной в традиционном обществе направлено на эксплуатацию её репродуктивных способностей, домашнего труда с последующей их конвертацией в личные активы мужчины. Это делается для того, чтобы в обмен на данные активы получить более высокий уровень доверия и власти внутри общины или клана. В этом процессе женщина овеществляется, превращаясь в своего рода стратегический ресурс, способный наделить мужчину «целостностью», социальным статусом.

Это не только объясняет, почему обычное право придает исключительное значение институту брака, но и раскрывает, как гендерный порядок через эту глубокую взаимозависимость жестко ограничивает обе стороны брачно-семейных отношений их соответствующими функциональными рамками, обеспечивая тем самым долгосрочную стабильность организационной структуры традиционного общества.

Ввиду потенциальной значимости брака возникло представление о неразрывности супругов, идея о том, что судьба

жены следует за судьбой мужа. Отсюда – умерщвление вдовы при погребении мужа в ряде африканских обществ [3, с. 320], рассмотрение вдовы как «тени» мужа в китайской культуре и ее обязанность совершить самоубийство в соответствии с особым ритуалом. Другим примером, иллюстрирующим неразрывность супругов может служить древнекитайская традиция проведения церемонии бракосочетания девушки с поминальной доской мужчины, с которым она была помолвлена в детстве и который умер до заключения брака между ними. Такая девушка в момент церемонии бракосочетания приобретала статус вдовы и не могла повторно выйти замуж [17].

Другим проявлением идеи о неразрывности мужчин и женщин является традиция обмена женщинами между общинами для формирования политических союзов. Например, в древнем Китае наиболее известным историческим прецедентом такого рода является история «Чжаоцзюнь покидает пределы Родины». В рамках патриархально-клановой системы династии Хань император Юань-ди, выступая в качестве высшего «патриархального представителя», передал Ван Чжаоцзюнь хуннскому шаньюю. По сути, это представляло собой обмен политическими ресурсами, где медиатором выступало женское тело.

Развитие общества и обычного права привело к тому, что статус мужчины и всего рода стал зависеть не только от факта брака с женщиной, но и от социальной принадлежности самой женщины. Примером может служить тибетско-бирманская народность качины – где обмен женщин знатного рода на денежную компенсацию повышал значимость менее высокопоставленного рода за счет вхождения в него таких женщин [15, с. 107].

Заключение

Гендерное неравенство в системе обычного права традиционного общества не является исторической случайностью. Институционализация этого неравенства, по сути, представляет собой стратегию распределения ресурсов, выработанную обществом для преодоления угроз выживанию общества. Через строгое разграничение гендерных ролей и разделение функций общество обеспечило стабильность двух важнейших сфер: материального производства и биосоциального воспроизводства. Хотя такое разделение произошло ценой лишения женщин независимости и комплекса прав, оно объективно поддерживало порядок внутри коллектива, балансируя между изменчивостью и устойчивостью социального сообщества через функциональное гендерное соответствие.

Устойчивость этого гендерного порядка обусловлена многоуровневой сферой влияния обычного права – оно реализуется и в институционализации общественных структур и поведенческих моделей, и в экономическом развитии общества, и на уровне общественной, групповой и индивидуальной психологии.

От иерархической монополии мужчин на публичную власть и на распределение ресурсов строго внутри мужской кровнородственной линии до интериоризации идей о доминировании мужчин в обществе через ритуальные нормы и насильственный контроль – гендерное неравенство проявляется в каждой характеристике традиционного общества. Это превращает гендерное неравенство в универсальную социальную парадигму, что позволяет говорить о его категориальном значении для характеристики общества и динамики его развития.

Мужчина, будучи единственным законным обладателем крови, монополизирует сакральную власть общения с предками. Женщина в этой системе позиционируется как «чужак» или помощница, несмотря на признаваемую за ней репродуктивную ценность, что еще больше закрепляет её объектный статус в реальных правовых отношениях традиционного общества, нашедших свое отражение в обычном праве. Однако в логике обычного права полноценная социальная идентичность мужчины должна строиться на господстве над женщиной и на его связи с ней. Ибо только через контроль над репродуктивной способностью женщины мужчина может гарантировать чистоту крови и непрерывность жертвоприношений. Субъектность мужчины не самодостаточна; она требует присвоения женщины для выполнения обязательств перед предками и обеспечения связи с будущим.

Подводя итог, можно сказать, что гендерное неравенство, укорененное в обычном праве, является краеугольным камнем логики организации традиционного общества – понимание этого не только помогает осознать механизмы его функционирования, но и создает методологическую основу для исследования вопросов гендерного равенства в процессах последующих социальных трансформаций – как минимум в части психологических и идеологических характеристик человеческого сознания, скрытых в глубинах эпохи обычного права и перерождающихся в новых формах и содержании в праве современной эпохи.

Пристатейный библиографический список

1. Бочаров В. В. Истоки власти // Антропология власти: Хрестоматия по политической антропологии. Т. 1. – СПбГУ., 2006.
2. Бочаров В. В. Неписанный закон: Антропология права. Научное исследование. – СПб.: Издательство АИК, 2013.
3. Брайант А. Зулусский народ до прихода европейцев. – М., 1953.
4. Геодакян В. А. Дифференциальная смертность и норма реакции мужского и женского пола: Онтогенетическая и филогенетическая пластичность // Журнал общей биологии. – 1974. – Т. 35. № 3.
5. Геодакян В. А. Половой диморфизм и «отцовский эффект» // Журнал общей биологии. – 1981. – Т. 42. № 6.
6. Геодакян В. А. Роль пола в передаче и преобразовании генетической информации // ППИ. – 1965. – Т. 1. №1.
7. Геодакян В.А. Эволюционная роль разделения на два пола с точки зрения кибернетики // Наука и жизнь. – 1966. – № 3.
8. Гиренко Н. М. К диалектике пола в структуре первичного социума // Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии. Т. 1. – СПбГУ., 2006.
9. Дольник В. Вышли мы все из природы: беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей. – М.: Linka Press, 1998.
10. Карпов Ю. Ю. Женский лик Кавказа // Антропология власти: Хрестоматия по политической антропологии. Т. 1. – СПбГУ., 2006.
11. Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон. Т. 2. – СПб., 1886.
12. Крадин Н. Н. Половое неравенство // Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии. Т. 1. – СПбГУ., 2006.
13. Ксенофонтова Н. А. Женщина как действующее лицо африканской истории. Взгляд сквозь пространство и время // Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии. Т. 1. – СПбГУ., 2006.
14. Маркс К., Энгельс Ф.; Избранные произведения. В 3-х т. Т. 3. – М.: Политиздат, 1986. – Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 21.
15. Рулан Н. Юридическая антропология. – М.: Норма, 1999.
16. Синицына И. Е. Человек и семья в Африке. По материалам обычного права. – М.: Наука, 1989.
17. Тюгашев У. А. Семьеведение. – Новосибирск, 2006.
18. Фюстель де Куланж. Гражданская община древнего мира. – СПб., 1906.
19. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества. С предисловием к переизданию 1990 года. – М.: Весь Мир, 2016.
20. Шведова Н. А. Гендерное равенство и устойчивое развитие: новые тенденции // Женщина в российском обществе. – 2006. – № 4.
21. Miller David. Principles of Social Justice. – Cambridge: Harvard University Press, 1999.
22. Murdock G., Provost C. Factors in the division of labor by sex // Ethnology. – 1973. – Vol. 12.

ЧЕРЕМИСИНОВ Алексей Олегович
аспирант, Пензенский государственный университет

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ СТАТУСА СПЕЦИАЛЬНЫХ СУБЪЕКТОВ ПРАВА В РОССИИ

Черемисинов А. О.

В статье рассматриваются проблемы правового закрепления статуса специальных субъектов права в России. Ключевым проблемным аспектом в работе выделено отсутствие единого подхода к определению специального субъекта и закреплению его правового статуса. Показано, что в разных отраслях права специальный статус определяется через различные основания. Обосновывается необходимость закрепления общего критерия специального субъекта права и более четкого определения структуры его статуса в отраслевом законодательстве с учетом особенностей отраслевого регулирования и правоприменительной практики. Отдельное внимание уделяется последствиям приобретения такого статуса.

Ключевые слова: специальный субъект права, специальный правовой статус, правосубъектность, признаки специального субъекта, полномочия, должностное лицо.

CHEREMISINOV Alexey Olegovich
postgraduate student, Penza State University

PROBLEMS OF LEGAL CONSOLIDATION OF THE STATUS OF SPECIAL SUBJECTS OF LAW IN RUSSIA

The article examines the problems of legal consolidation of the status of special subjects of law in Russia. The key problematic aspect identified in the study is the lack of a unified approach to defining a special subject and consolidating its legal status. It is shown that in different branches of law special status is determined through various grounds. The need to establish a general criterion for a special subject of law and to define the structure of its status more clearly in branch legislation, taking into account the specific features of branch regulation and law enforcement practice, is substantiated. Special attention is paid to the consequences of acquiring such status.

Keywords: special subject of law, special legal status, legal personality, characteristics of a special subject, powers, official.

Закрепленное в России равенство всех субъектов права перед законом не устраняет различия в их правовом положении. В отдельных случаях законодатель учитывает статус, полномочия или характер участия лица в правоотношениях, в связи с чем в российском праве существуют специальные субъекты.

Специальный субъект права представляет собой одну из сложных категорий российской правовой системы, поскольку его статус формируется не только через общий объем правосубъектности, но и через дополнительные юридически значимые признаки, которыми являются возраст, должность, особый порядок привлечения к ответственности, доступ к охраняемой информации либо нахождение лица в уязвимом положении и тд. В отличие от общего субъекта права, специальный субъект участвует в правоотношениях не только как носитель общих прав и обязанностей, но и как лицо, положение которого предусматривает дополнительную правовую регламентацию.

В общей теории права категория «специальный субъект права» распространена слабо. Вместе с тем она используется в ряде отраслей права, прежде всего в уголовном, административном, трудовом праве и др.

Н. В. Витрук обращает внимание на то, что «в противовес логике специальный субъект права как правовое явление раскрывается или упоминается не как самостоятельный феномен, а в связи с изучением таких явлений, как специальная правосубъектность или специальный правовой статус» [1, с. 187].

Несмотря на использование категории специального субъекта в различных отраслях российского права, в общей теории права отсутствует единая модель его признаков. Такая ситуация усложняет определение содержания специального статуса, поскольку правоприменитель обращается не к единой конструкции, а к разрозненным нормативным массивам. Таким образом, признаки специального субъекта устанавливаются через отраслевое регулирование и зависят от конкретной сферы правоотношений.

А. А. Стремоухов под специальным субъектом права понимает «лицо, которое способно обладать и пользоваться правами, а также иметь обязанности в рамках отдельных институтов отраслей права (межотраслевых институтов) и участвовать в конкретных отношениях» [6, с. 65]. По логике автора человек сам по себе общий субъект права, но специальным субъектом он становится не автоматически, а при наступлении конкретного юридического факта: назначение на должность, регистрация как предпринимателя, достижение возраста, получение статуса, заключение брака, получение допуска, зачисление на службу и т.д.

Таким образом, у Стремоухова специальный субъект раскрывается через разные формы участия лица в праве (предприниматель в гражданском праве, пенсионер в праве социального обеспечения, эксперт в процессуальном праве, должностное лицо, несовершеннолетний и военнослужащий как комплексные специальные субъекты).

А. А. Стремоухов справедливо указывает, что «специальный субъект права как категория и правовое явление в теории и на практике служит расширению или ограничению содержания общего субъекта» [6, с. 67].

А. В. Шмидт обоснованно исходит из того, что специальный правовой статус представляет собой закрепленную через правовые исключения систему дополнительных прав, обязанностей и мер правовой защиты субъекта. Важно отметить, что признание такого статуса в социальной и юридической плоскости обусловлено объективной потребностью в особом правовом режиме для отдельных субъектов [9, с. 199]. Если дополнительный правовой режим не имеет функционального основания, он может создавать риск преимуществ либо чрезмерных ограничений.

Можно согласиться с позицией автора в той части, что, действительно, смысл специального статуса состоит в юри-

дически оправданной дифференциации. Поэтому при закреплении специального субъекта законодатель должен показывать не только сам факт отличия лица от других участников правоотношений, но и функциональную причину такого отличия.

В. В. Устименко рассматривает специального субъекта через сочетание общих и дополнительных признаков. В научной литературе представлена его позиция, согласно которой специальный субъект понимается как вменяемое лицо, достигшее установленного возраста уголовной ответственности и характеризующееся дополнительными признаками, прямо предусмотренными уголовным законом либо определяемыми посредством его толкования [8, с. 24].

В статье 19 Конституции Российской Федерации закреплено, что все лица равны перед законом и судом[1]. В связи с этим, можно указать, что любое специальное правовое положение должно иметь понятное основание.

Показательным примером публично-правового специального субъекта является сотрудник правоохранительных органов. В научной литературе правоохранительные органы определяются как государственные органы, основной функцией которых выступает охрана законности, правопорядка, защита прав и свобод человека, а также борьба с преступностью [7, с. 63]. Статус таких лиц формируется специальными нормативными актами, где наряду с правами и обязанностями закрепляются ограничения, запреты, полномочия, гарантии, льготы и специальные меры ответственности. Н. С. Нижник и М. В. Савельева рассматривают правоохранительную систему через дифференциацию ее структурно-функциональных элементов [5, с. 34].

При этом в научной литературе сохраняется спор о том, какие органы следует относить к правоохранительным, что свидетельтсвует о наличии существенной проблемы отсутствия единой модели закрепления специальных субъектов. Каждая отрасль использует свои основания для такого выделения.

В уголовном праве специальный субъект проявляется наиболее жестко, поскольку дополнительный признак лица может влиять на наличие состава преступления. В статье 19 Уголовного кодекса Российской Федерации отмечается, что уголовной ответственности подлежит только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного настоящим Кодексом. В статьях 20 и 21 УК РФ определены общие юридические критерии субъекта преступления, которыми являются достижение возраста уголовной ответственности и состояние вменяемости лица[2].

Д. М. Зурабова и И. А. Фаргиев подчеркивают, что субъект преступления входит в систему обязательных элементов состава преступления. В действующем уголовном законодательстве его характеристика строится на базовых признаках (физической природе лица, установленном возрасте уголовной ответственности и вменяемости) [2, с. 351]. Важно отметить, что в уголовном праве специальный субъект формируется на основе общего субъекта и включает дополнительные признаки. Поэтому должность, профессия, родственная связь либо иная характеристика лица получают значение только при условии, что лицо обладает общими признаками субъекта преступления и может нести уголовную ответственность.

В статье 285 УК РФ раскрывается один из наиболее значимых специальных субъектов уголовного права, должностное лицо. В примечании содержится положение о том, что должностными лицами «признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции»[3].

Однако даже в уголовном праве не всегда достигается такая степень определенности. Специальный субъект может обозначаться через профессию, семейно-правовую роль, воинский статус, обязанность заботы, служебное положение или участие в определенной процедуре. Сложность возникает тогда, когда норма называет специального субъекта, но не раскрывает, какая обязанность или какое полномочие придает этому признаку юридическое значение. В такой ситуации правоприменитель вынужден обращаться к отраслевому законодательству, должностным документам, локальным актам и фактическим обстоятельствам дела.

В административном праве специальный субъект проявляется иначе. В Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях закрепляются общие положения о лицах, подлежащих административной ответственности, при этом специальные признаки субъекта часто связаны с должностным положением, статусом юридического лица, обязанностями законных представителей, должностных лиц организаций и иных участников регулируемых отношений[4]. В отличие от уголовного права, здесь специальный субъект определяется характером возложенной на него управленческой, контрольной либо организационной функции.

К примеру, в статье 2.3 КоАП РФ содержится возрастной критерий административной ответственности. Так, закреплено, что лицо подлежит административной ответственности при достижении шестнадцати лет к моменту совершения административного правонарушения[5]. Здесь специальный признак выражается через возраст, то есть через способность лица понимать административно-правовое значение своего поведения и отвечать за него.

Иная модель закреплена в статье 2.4 КоАП РФ. В ней речь идет об административной ответственности должностных лиц. Административная ответственность должностного лица связывается с совершением правонарушения при неисполнении либо ненадлежащем исполнении служебных обязанностей[6]. Специальный статус здесь формируется через разные юридические основания. При этом уровень нормативной конкретизации таких обязанностей в нормах права различается.

Стоит отметить, что в гражданском праве также выделяется особая специфика правового статуса лица. В статье 23 Гражданского кодекса Российской Федерации закреплено, что гражданин вправе вести предпринимательскую деятельность без образования юридического лица с момента прохождения государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя[7]. То есть, гражданин уже обладает общей гражданской правоспособностью, но специальным субъектом предпринимательской деятельности становится только после наступления юридического факта, то есть государственной регистрации. Поэтому в гражданском праве специальный субъект закрепляется через юридический факт и особый объем правовых возможностей.

---

1 Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pravo.gov.ru/constitution/ (дата обращения: 04.05.2026)

2 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954; Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102041891 (дата обращения: 04.05.2026)

3 Там же.

4 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1. – Ст. 1; Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102074277 (дата обращения: 05.05.2026)

5 Там же.

6 Там же.

7 Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102033239 (дата обращения: 06.05.2026)

Индивидуальный предприниматель действует в гражданском обороте от собственного имени, но его положение отличается от положения обычного гражданина, поскольку предпринимательская деятельность предполагает самостоятельность, риск, профессиональный характер участия в обороте и применение специальных правил.

Наиболее показательной публично-правовой конструкцией остается статус судьи. В Конституции Российской Федерации содержатся требования к судьям, положения об их независимости, несменяемости и неприкосновенности. В статье 122 Конституции РФ предусматривается неприкосновенность судей[8].

В Законе Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» закрепляется, что судебная власть самостоятельна и действует независимо от законодательной и исполнительной властей[9]. Судья как специальный субъект права несет особую ответственность за соблюдение требований к судебной власти.

На практике сложность заключается в том, что статус специальных субъектов часто формируется несколькими нормативными актами. Статус судьи формируется с учетом Конституции РФ, Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации», федеральных конституционных законов о судебной системе и судах, процессуального законодательства и актов органов судейского сообщества. А.О. Корниенко справедливо подчеркивает, что на современном этапе развития судебной власти в российском обществе среди ключевых проблем правового регулирования статуса судьи как специального субъекта права выделяются избыточность, нестабильность и непоследовательность законодательных и иных нормативно-правовых актов о статусе судьи [3, с. 78].

Здесь стоит отметить, что чем больше нормативных уровней участвует в закреплении специального положения, тем выше риск неясности при применении соответствующих норм [4, с. 48].

На основании вышеизложенного проблемы правового закрепления статуса специальных субъектов права в России можно систематизировать следующим образом:

– отсутствует единая общетеоретическая модель специального субъекта права;

– разные отрасли права используют разные основания для выделения специального статуса;

– не определен универсальный юридический признак, позволяющий отличить специального субъекта от общего субъекта права;

– недостаточно последовательно раскрываются правовые последствия приобретения специального статуса;

– статус отдельных специальных субъектов формируется несколькими нормативными актами, что усложняет его реализацию на практике.

Таким образом, можно сделать вывод, что главная проблема правового закрепления статуса специальных субъектов права в России состоит в недостаточной согласованности общего и отраслевого регулирования. В российском законодательстве содержатся разные модели специального статуса, однако их применение во многом зависит от отраслевых норм и правоприменительного толкования.

В связи с этим, основным направлением совершенствования должно стать закрепление правила, по которому специальный субъект определяется по дополнительному юридически значимому признаку, влияющему на объем его прав, обязанностей и гарантий.

Важно указать, что в Уголовный кодекс Российской Федерации целесообразно включить самостоятельную статью 19.1 «Специальный субъект преступления» в следующей редакции: «Специальным субъектом преступления признается вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности и наряду с общими признаками субъекта преступления обладающее дополнительным юридически значимым признаком, который прямо предусмотрен статьей Особенной части настоящего Кодекса либо следует из ее содержания. Дополнительный признак специального субъекта подлежит установлению и доказыванию наряду с иными признаками состава преступления». Реконструкция нормы позволит устранить пробел Общей части УК РФ, где общий субъект преступления закреплен, но специальный субъект, активно используемый в Особенной части, общего определения не имеет.

В специальных законах о публично-правовых субъектах стоит закрепить структуру специального статуса в единой логике. Так, статью 1 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» целесообразно дополнить положением: «Специальный правовой статус судьи включает основание его приобретения, объем полномочий по осуществлению правосудия, гарантии независимости, установленные ограничения и запреты, а также особый порядок привлечения к ответственности». Аналогичная юридическая конструкция должна использоваться и в законах о сотрудниках правоохранительных органов, военнослужащих и иных специальных субъектах.

Таким образом, проблемы правового закрепления статуса специальных субъектов права в России выражаются прежде всего в отсутствии единого подхода к определению их специального положения. В разных отраслях права такой статус закрепляется через разные основания. Из-за этого не всегда становится понятно, какой именно признак делает лицо специальным субъектом и какие правовые последствия он влечет.

В целях совершенствования законодательства предлагается закрепить общее понятие специального субъекта преступления в статье 19.1 УК РФ. Также следует дополнить специальные законы о публично-правовых субъектах положениями о структуре специального статуса.

Пристатейный библиографический список

1. Витрук Н. В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. – М., 1979.
2. Зурабова Д. М., Фаргиев И. А. Специальный субъект преступления в уголовном праве России // Синергия Наук. – 2019. – № 35.
3. Корниенко А. О. Статус судьи как специального субъекта права в современном российском обществе // Инновации. Наука. Образование. – 2020. – № 22.
4. Минаева А. И. Правосубъектность индивидуальных субъектов права в условиях развития цифровых технологий // Юридическая наука. – 2022. – № 8.
5. Нижник Н. С., Савельева М. В. Юридическая наука в России: особенности современного состояния и перспективы развития // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 1 (101).
6. Стремоухов А. А. Юридический статус специального субъекта права (теоретико-правовой аспект): автореф. дис. … канд. юрид. наук. – СПб., 2002.
7. Тетерятников Н. Ю., Железняк Н. С. Правоохранительные органы как правовая категория // Общество и право. – 2024. – № 2 (88).
8. Устименко В. В. Специальный субъект преступления: монография. – Харьков: Вища шк., 1989.
9. Шмидт А. В. Полномочия как элемент специального правового статуса // Правовая политика и правовая жизнь. – 2024. – № 1.

8 Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pravo.gov.ru/constitution/ (дата обращения: 06.05.2026)

9 О статусе судей в Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 26.06.1992 № 3132-1 // Российская газета. – 1992. – 29 июля; Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102017065 (дата обращения: 06.05.2026)

DOI 10.46320/2073-4506-2026-4-215-87-89

ЧЕРТЫКОВЦЕВ Юрий Владимирович
аспирант, Самарский государственный экономический университет

Чертыковцев Ю. В.

ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛЬНОЙ ЦИФРОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА СУВЕРЕНИТЕТ ГОСУДАРСТВ

В статье проводиться анализ взаимодействия между современными глобальными проблемами цифровой безопасности и их прямым или косвенным влиянием на институт государственного суверенитета. Для раскрытия темы статьи проведен анализ таких явлений современного мира как кибершпионаж, атаки на критическую инфраструктуру, ситуации, связанные с потерей управления, негативные последствия цифрового неоколониализма. Предложена авторская классификация, согласно которой проблемы глобальной цифровой безопасности разделяются на две категории в зависимости от метода и объекта негативного воздействия. Обосновывается необходимость защиты суверенитета в цифровую эпоху.

Ключевые слова: государства, суверенитет, независимость, угроза, безопасность, цифровизация, компьютерные технологии, система, киберпространство, кибератака, проблемы, экономика, глобализация.

CHERTIKOVTSEV Yuriy Vladimirovich
postgraduate student, Samara State University of Economics

PROBLEMS OF GLOBAL DIGITAL SECURITY AND THEIR IMPACT ON THE SOVEREIGNTY OF STATES

This article analyses the interplay between contemporary global digital security challenges and their direct or indirect impact on the institution of state sovereignty. To explore this topic, the article examines such phenomena of the modern world as cyber espionage, attacks on critical infrastructure, situations involving loss of control, and the negative consequences of digital neocolonialism. The author proposes a classification according to which global digital security issues are divided into two categories depending on the method and target of the negative impact. The necessity of protecting sovereignty in the digital age is substantiated.

В настоящее время невозможно представить жизнь обычных граждан, существование обществ и государств без повсеместного применения цифровых технологий. Данное внедрение значительно ускоряет процессы, от которых зависит экономика, правоприменение и прочие важные аспекты. Новые технологии помимо своих благ несут нам и новые проблемы, наиболее важной из которых стала цифровая безопасность и ее влияние на суверенитет государства и личности.

Данная тема находится в центре внимания ученых, как из гуманитарных, так и из технических областей наук. Исследователи международного права, юристы теоретики и практики предлагают различные подходы к решению существующих проблем, а также пытаться предугадать будущие специфические аспекты.

В современных государствах, где декларируется свобода слова и получения информации особенно важно подготовить правовую базу, которая сможет качественно и своевременно отвечать на возникающие проблемы. В силу высокой скорости возникновения новых общественных отношений для законодателя становится важным успевать отвечать на возникающие угрозы без применения излишнего давления на существующие свободы. Рост законодательный инициативы в данной области присущ всем передовым государствам.

Глобальные проблемы затрагивают каждого гражданина и страны в совокупности и отдельно. К сожалению, стоить отметить, что перечень таких «затруднений» постоянно пополняется и эпоха цифровизации внесла свои отличительные черты. Предлагаем классифицировать современные проблемы на 2 группы. Для разделения наиболее важным является метод и объект противоправного воздействия. Среди способов наиболее частыми являются различные виды хакерских атак и давление на возможность создания и поддержания работоспособности компьютерных инфраструктур. Объекты же могут представлять собой цифровые сервисы, программы и базы данных. Следуя предложенным критериям можно выделяются 2 группы. Первая включает в себя обеспечение цифровой безопасности в сфере защиты от цифровых атак материального компьютерного оборудования и программного обеспечения. Вторая группа связана с различными видами экономического и политического воздействия на возможность развития потенциала государства в самостоятельном производстве передовых технологий.

Далее предлагаем подробно разобрать киберугрозы, которые стали наиболее частыми за период с 2020 по 2026 годы.

Атаки на критическую информационную инфраструктуру (КИИ) представляют собой наиболее предсказуемую, но при этом крайне деструктивную угрозу. В соответствии с Распоряжением Правительства РФ от 26.02.2026 № 360-р «Об утверждении перечня типовых отраслевых объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»[1] к КИИ относятся: информационные системы, сети электросвязи, автоматизированные системы управления, центры хранения и обработки данных т.п. Упомянутые выше системы применяются в обширных областях государственной деятельности от здравоохранения и до химической, атомной и банковской промышленности.

Механизм влияния на суверенитет государства в упомянутой выше категории цифровых атак заключается в том, что спланированное воздействие с целью нарушения или невозможности дальнейшего стабильного функционирования КИИ ведет к частичной или полной утрате управляемость страной, компаниями и жизнью каждого отдельного индивида. Дестабилизация привычных «сценариев» работы экономики, судебной, банковской или налоговой системы ведет к понижению уровня независимости государства как внутри пределах одной страны, так и на международной аре-

1 См. Распоряжение Правительства РФ от 26.02.2026 № 360-р <Об утверждении перечня типовых отраслевых объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации>.

не. В данной категории глобальных проблем цифровой безопасности можно выделить негативные тенденции развития. Главная опасность заключается в существенном росте уровня профессиональной подготовки и организованности злоумышленников, а также вовлечения ряда государств в данную деятельность. Процент узконаправленных атак показывает устойчивый рост в 4 раза за период с 2023 по 2024 годы. В 2025 году компания RED Security SOG выявила 42 тысячи кибератак, что составляет практически половину от всех инцидентов в отрасли информационных технологий и превышает аналогичные показатели 2024 года на 73 % в Российской Федерации[2]. Стоит отметить и высокий уровень успешных негативных воздействий на государственные органы РФ, который составляет 21 %. Приведенные выше статистические данные позволяют сделать вывод о постоянном росте как количества, так качества атак на КИИ. Суммарный экономический ущерб по предварительным подсчётам представителей банковских организацией составляет примерно 1,5 триллиона рублей. Защита и совершенствование безопасности критической информационной инфраструктуры становится важным аспектом по защите суверенитета государства в период политической нестабильности в мире.

Следующий обширный вид глобальных проблем цифровой безопасности можно охарактеризовать как атаки на целостность и функциональность массивов данных. Данный вид деятельности активно исследуется в западном научном сообществе, и получил название Data Disaster (катастрофическое обрушение данных) [7]. Подобные атаки относятся к первой группе цифровых угроз, поскольку объектом влияния выступают базы данных, а метод воздействия представляет собой распространение вредоносного ПО или поиск уязвимостей защите. Ярчайший пример подобного вида атак произошел в 2022 году в Коста-Рике с использованием программы «Conti». В результате действий злоумышленников были подвергнуты заражению примерно 27 правительственных органов и организаций, в перечень которых вошли: Министерство финансов, Пенсионный фонд, страховые компании и правоохранительные органы. Последствия вмешательства по средствам программы «Conti» стали остановки процессов по обеспечению государством своих внутренних обязательств перед гражданами, перестали выплачиваться пенсии, оказываться медицинская помощь и остановился сбор налогов и пошлин.

В западной научной литературе ситуация в Коста-Рике получила название «Denial of governance», что дословно является утратой контроля. Угрозой суверенитета государства в анализируемой выше ситуации является полное или частичное уничтожение институтов власти, а именно тех цифровых и электронных инструментов, которыми сейчас и осуществляется их деятельность. Так в своей повседневной работе государственными гражданскими служащими в России используется обширный перечень программ и проведение подобного «заражения» на базы данных Правительства, ФНС или правоохранительных органов может привести к сбою функционирования и доступности государственных услуг и невозможности защитить свои права. Стоит отметить, что смежная ситуация произошла и Российской Федерации, когда в октябре 2024 года злоумышленники устроили масштабную хакерскую атаку на сайты судов общей юрисдикции и систему ГАС «Правосудие». В силу важности судебной власти для внутреннего суверенитета страны, данный инцидент является прямым агрессивным актом, направленным на независимость государства.

Третий вид глобальных проблем цифровой безопасности, которые оказывают влияние на суверенитет государства, имеет под своей основой и экономический предпосылки – кибершпионаж и планируемые утечки конфиденциальных данных. По данным термином характеризуется деятельность, которая применяется в цифровом пространстве или с его смежным использованием, целью которой выступает получение незаконного доступа к охраняемым данным для занимания лидирующей позиции в экономике, политике или военной отрасли. Кибершпионаж применяется на объекты воздействия, среди которых государственные структуры, крупные мировые предприятия, корпорации и частные лица. Методами выступают различные способы получения информации, среди которых главный это распространение вредоносного ПО. Их перечень крайне обширен и возможности, которые они открывают для злоумышленников от записи нажатий на клавиши, совершать снимки экранов, дублирование пакетов трафика, подключение и запись с устройств ввода графической и аудиоинформации. Указанные ранее критерии позволяют отмести угрозу кибершпионажа к первой группе. Стоит отметить, что, не смотря на выраженность экономического характера данной угрозы, современные цифровые корпорации по производству передовых процессоров, видеокарт и прочих высокотехнологичных продуктов крепко вплетены в государства и могут напрямую диктовать свои условия, поэтому защита передовых разработок отечественного производителя становиться важной задачей для правительств и правоохранительных органов, поскольку их похищение снижает уровень технологического преимущества перед другими странами. Тенденцию преобладающие в области кибершпионажа свидетельствую о росте вовлеченности государств в данные процессы, так Китай ведет постоянные и систематические цифровые атаки, и физические попытки по внедрению своих агентов в передовые Американские компании. Также помимо производителей материальных продуктов страдают и компании, деятельность которых связанных с хранение массивов данных и их обработкой. Распространение конфиденциальных данных о передовых разработках или планов по дальнейшему развитию наносит колоссальный ущерб в экономической, политической и военной отрасли, что ведет к понижению текущего уровня суверенитета государства и долгой невозможности повысить степень своей независимости, ведь на поиски источника утечек могут уйти годы и значительные суммы.

Новейшие изобретения всегда направленны на упрощение жизни человека и ускорение различных трудовых и творческих процессов, но инновации могут также нести опасность, искусственный интеллект не стал исключением. Так упомянутый ранее цифровой инструмент позволяет значительно упростить необходимый уровень навыков, которые актуальны для совершения посягательств, как на личность, так и на государство с обществом. В 2026 году для создания вредоносного ПО необязательно разбираться в языках программирования и уметь искать уязвимости в операционных системах, поскольку простейший вредоносный сценарий можно скопировать из ответов ИИ [5]. Данные обстоятельства на напрямую влияют на динамику роста сложных для раскрытия преступлений, что ставит в граждан в беспомощное положение перед злоумышленниками. Государственная власть неспособная организовать или изменить свои институты под современные глобальные проблемы цифровой безопасности теряет доверие населения, что приводит к постепенному снижению внутреннего и внешнего суверенитета.

В период роста глобальной напряженности и возникновения новых конфликтов, создание фото и видеоматериалов с целью распространения паники в пределах одного государства представляет реальную опасность для его суверенитета. Толпа, ведомая лишь страхом, который проистекает из сгенерированного «машиной» файла, слаба, отдает себе отчет о дальнейших последствиях своих действий. В современных вооруженных конфликтах противостоящие стороны активно используют «нейро-контент» для подрыва внутренней стабильности оппонента и внесения смятения в ряды вооруженных сил. Стоит отметить, что продукции генерации ИИ используются для политического влияния и в мирное время. Так современный инструмент становить методом атаки на суверенитет государств.

В данной части можно упомянуть смежную с ИИ проблему из будущего – квантовые вычисления. Массовое рас-

2 См. Цифровая артиллерия: как кибератаки влияют на экономический суверенитет // Ведомости. – 2026 (28 января). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2026/01/28/tsifrovaya-artilleriya-kak-kiberataki--vliyayut-na-ekonomicheskii-suverenitet (дата обращения: 17.03.2026).

пространение данной технологии положит конец всем имеющимся на данный момент способам и методам шифрования данных и паролей, сделав всю конфиденциальную информацию доступной, что моментально негативно скажется на глобальной экономике и уровне жизни населения.

Глобальные проблемы мировой безопасности не оканчивается атаках на КИИ, повреждении баз данных, применений искусственного интеллекта для распространения ложной информации. Наибольшую опасность для суверенитета государства представляют риски из второй категории, которые направленны на возможность организации полного цикла производства современных технологий.

Сложившееся система отношений, в которых отсутствует равенство, представляется выгодной для наиболее технологически развитых стран и транснациональных корпораций, которые могу лоббировать свои интересы и устанавливать контроль в отрасли информационных технологий и цифрового пространства в отношении менее развитых государств, что позволяет получить политические и экономические выгоды без проведений активной агрессии. Описанные ранее положение в международных отношениях получило название – цифровой неоколониализм [6]. Процесс по заключению развивающихся стран в ловушку технологической зависимости не является уникальным для нашей эпохи, а систематически возникает в различные периоды существования человечества. Исключительной особенностью цифрового неоколониализма выступает его скрытый характер, когда в погоне за текущей выгодой в виде ускоренного и дешёвого роста цифровой индустрии, государства откладывают необходимость развития собственных производств, что делает их зависимыми в случае возникновения экономических и политических проблем. Невозможность обеспечить внутренние потребности в производстве высокотехнологичных продуктов ведет к прямой утрате суверенитета в международных отношениях и росту подчинения интересам более развитых государств.

Современная технологическая зависимость как одна из угрозы глобальной цифровой безопасности является наиболее обширной, поскольку затрагивает большинство государств. Сложившееся ситуация является следствие роста глобализации экономических процессов, когда компании выгодно добывать полезные ископаемые в странах Африки, производство разместить в странах Азии, а основным рынком сбыта будет выступать США или Страны Европы. Данная схема является адаптацией старых методов контроля более слабых стран, но в текущее время.

В период с 2020 по 2026 годы существует целый ряд прецедентов, которые могут оказать серьезное влияние на возможность обеспечения потребностей государства в цифровых продуктах [2]. С целью роста своих возможностей по производству высокотехнологичных продуктов многие страны уходят из-под влияния США и их экономических партнеров и попадают в «область» интересов Китая. Для обеспечения появившегося спроса среди стран Африки и Азии в КНР развиваются новые инфраструктурные проекты, которые получили название «Цифровой Шёлковый путь» [3]. В данной ситуации стоит согласиться с мнение Г. Р. Суфияновой, что данный вектор развития взаимодействия государств дает новые зависимости от китайских инвестиций и стандартов [4]. Можно констатировать факт о практической невозможности для отстающих стран обойти цифровых гигантов, но полное игнорирование современных технологий ведет к утрате суверенитета в будущем и попадание в экономическую, политическую и культурную зависимость.

Цифровой неоколониализм как одна из глобальных проблем цифровой безопасности влияющих на суверенитет государств представляет собой комплексное явление, можно утверждать о его системности, а не уникальности для каждого субъекта.

Стоит отметить глубокую взаимосвязь все упомянутых ранее кризисных проявлений в цифровой и экономической среде для самых развитых и остальных стран. Кибератаки, обрушение баз данных, утеря управления и невозможность обеспечить свои потребности в сфере компьютерных технологий наступают одновременно или же с небольшой разницей во времени. Решение таких проблем является важнейшей задачей для стран, которые заинтересованы в сохранении своего положения сейчас и в будущем. Остается крайне сложным соблюдать баланс между встраиванием в глобальные процессы и построением свой собственной цифровой политики, но, только прикладывая постоянные усилия можно гарантировать дальнейшее суверенное существование государства и его возможность устоять под давлением существующих глобальных проблем цифровой безопасности.

Пристатейный библиографический список

1. Карев Д. А. К вопросу о сохранении суверенитета в эпоху цифровизации // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 1 (217). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sohranenii-suvereniteta-v-epohu-tsifrovizatsii (дата обращения: 04.05.2026).
2. Карев Д. А., Чертыковцев Ю. В. Цифровой суверенитет // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-suverenitet (дата обращения: 22.03.2026).
3. Соломатина А. Р. Цифровой шёлковый путь, как составляющая инициативы «Один пояс – один путь» // Постсоветские исследования. – 2021. – № 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-shyolkovyy-put-kak-sostavlyayuschaya-initsiativy-odin-poyas-odin-put (дата обращения: 22.03.2026).
4. Суфиянова Г. Р. Цифровой суверенитет африканских стран: угрозы и способы защиты // Азия и Африка сегодня. – 2025. – № 2. – С. 14-22. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://asafras.ru/s2782238925020023-1/?version_id=106029. – DOI: 10.7868/S2782238925020023.
5. Eslam H., Tiwari G. (2025). Cyberspace: Reimagining Cybersecurity and Its Impact on State Sovereignty. In: Chawki, M., Abraham, A. (eds) Cybercrime Unveiled: Technologies for Analysing Legal Complexity. Studies in Computational Intelligence, vol 1181. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-80557-8_4.
6. Holotă A. and Jebeli-Bakht-Ara H. Globalization and Digitalization: A New Form of Colonialism? Digital Economic Dependence in the Global South. Proceedings of the International Conference on Business Excellence // Bucharest University of Economic Studies. – 2025. – Vol. 19. Issue 1. – P. 432-443.
7. Tomer Simon, Ben Haklai, Data Disaster – A new threat for sovereignty // International Journal of Disaster Risk Reduction. – 2025. – Vol. 125 (105538). – ISSN 2212-4209, https://doi.org/10.1016/j.ijdrr.2025.105538. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2212420925003620.

АРСЕНЬЕВА Галина Витальевна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин и международного права, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева

ДАТЦКАЯ Татьяна Сергеевна
старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин и международного права, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева

СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА СОВЕТСКОЙ МИЛИЦИИ: ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВЫХ ОСНОВ ОТ ДОБРОВОЛЬЧЕСКИХ ДРУЖИН К ЦЕНТРАЛИЗОВАННОМУ ОРГАНУ (1917-1920 ГГ.)

Статья посвящена анализу процесса становления института советской милиции в первые годы после Октябрьской революции 1917 года. Исследуется эволюция правовых основ формирования милиции как централизованного органа охраны общественного порядка, прошедшего путь от добровольческих отрядов трудящихся до профессиональной штатной структуры. В работе рассматриваются ключевые нормативные правовые акты, особое внимание уделяется классовому принципу комплектования, требованиям к личному составу, разграничению общих и специальных функций, а также созданию специализированных подразделений на железнодорожном и водном транспорте. Авторы приходят к выводу, что за четыре года большевикам удалось сформировать строго централизованную правоохранительную систему, архитектура которой сохранялась практически без изменений на протяжении трёх четвертей века.

Ключевые слова: советская милиция, железнодорожная милиция, водная милиция, советская власть, декрет, инструкция, положение, охрана общественного порядка.

ARSENJEVA Galina Vitaljevna
Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of State and legal disciplines and international law sub-faculty, V. N. Tatishchev Astrakhan State University

DATSKAYA Tatyana Sergeevna
senior lecturer of State and legal disciplines and international law sub-faculty, V. N. Tatishchev Astrakhan State University

THE FORMATION OF THE SOVIET MILITIA: EVOLUTION OF LEGAL FRAMEWORKS FROM VOLUNTEER SQUADS TO A CENTRALIZED AUTHORITY (1917-1920)

The article analyzes the process of establishing the Soviet militia in the first years after the October Revolution of 1917. It explores the evolution of the legal framework for the formation of the militia as a centralized public order enforcement agency, which evolved from volunteer labor units to a professional staff structure. The article examines key legal acts and focuses on the class-based recruitment principle, personnel requirements, the distinction between general and special functions, and the establishment of specialized units in rail and water transport. The authors conclude that in four years, the Bolsheviks managed to establish a strictly centralized law enforcement system, the architecture of which remained virtually unchanged for three-quarters of a century.

Keywords: Soviet police, railway police, water police, Soviet government, decree, instruction, regulation, public order protection.

Формирование правовых основ советской милиции в первые годы после Октября 1917 года стало уникальным примером законотворческого форсажа, когда в условиях тотального распада имперских институтов и стремительной криминализации общества государству потребовалось в кратчайшие сроки создать не просто карательный орган, а принципиально новый инструмент охраны порядка, основанный на классовом принципе и при этом сохраняющий преемственность отдельных полицейских функций. Первые постреволюционные годы определили вектор развития страны на много десятилетий.

После Октября 1917 г. нестабильность проявлялась во всех сферах – политической, экономической, социальной, возрастала вероятность утраты большевиками власти. Новая идеология обусловливала необходимость ликвидации буржуазных институтов и формирования новых, служащих интересам революционных масс. Сложившаяся ситуация требовала укрепления власти как военным путем, так и путем формирования новых государственных институтов, способных поддержать власть. Одной из таких опор стала советская милиция, правовым фундаментом формирования которой выступили следующие нормативные правовые акты:

– Постановление НКВД РСФСР «О рабочей милиции» 1917 г.[1];

– Инструкция НКВД и НКЮ РСФСР «Об организации Советской Рабоче-Крестьянской милиции» 1918 г.[2];

– Декрет ВЦИК «Об организации железнодорожной милиции и железнодорожной охраны» 1919 г.[3];

– Декрет ВЦИК «О речной советской рабоче-крестьянской милиции» 1919 г.[4];

1 Положение Народного комиссариата по внутренним делам РСФСР «О рабочей милиции» от 10 ноября 1917 г. (документ утратил силу) // Собрание узаконений РСФСР. - 1917. - № 1. - Ст. 15.

2 Инструкция НКВД и НКЮ РСФСР от 12 октября 1918 «Об организации Советской Рабоче-Крестьянской милиции» (документ утратил силу) // Собрание узаконений РСФСР. - 1918. - № 75. - Ст. 813.

3 Декрет ВЦИК «Об организации железнодорожной милиции и железнодорожной охраны» от 21 февраля 1919 г. (документ утратил силу) // Собрание узаконений РСФСР. - 1919. - № 13. - Ст. 133.

4 Декрет ВЦИК «О речной советской рабоче-крестьянской милиции» от 23 апреля 1919 г. (документ утратил силу) // Собрание узаконений РСФСР. - 1919. - № 18. - Ст. 213.

– Положение о Рабоче-Крестьянской милиции 1920 г.[5]

Постановление 1917 г. не содержало уточнения о том, в какой форме создавалась милиция — в виде особой (милицейской) повинности для граждан нового государства или в виде корпуса наемных служащих, законодатель также не выдвинул никаких требований к личному составу. Постановление лаконично, состояло всего из четырёх пунктов: п. 1 – учреждение милиции; п. 2 – фиксация подчинения милиции Совету Рабочих и Солдатских депутатов; п. 3 – закрепление обязанности органов гражданской и военной власти содействовать её вооружению, а также техническому оснащению, вплоть до предоставления казенного оружия; п. 4 – распространение действия постановления на всю территорию страны (по телеграфу).

На конституционном уровне (первая российская Конституция была принята в 1918 г.[6]) непосредственно статус милиции не закреплялся. Конституция содержала положения, относящиеся ко всей правоохранительной системе: фиксация идеологического фактора — работа в системе правоохраны была доступна только представителям трудового населения молодого советского государства. Население страны градировалось на категории – обладающие избирательными правами и не обладающие таковыми, следовательно, вопрос об отношении к трудящемуся народу решался однозначно.

Инструкция 1918 г. предусматривала создание милиции, функционирующей на постоянной основе, закрепляла единые для всей территории государства организационные формы, конкретизировала положения Конституции 1918 г. в области требований к соискателям работы в милиции: ст. 18 – служить в милицейских органах могли только советские граждане, на которых распространялось активное и пассивное избирательное право; ст. 19 – правом служить в милицейских органах не обладали лица, использующие наемный труд для получения прибыли, лица, имеющие нетрудовые доходы, бывшие служащие жандармерии и полиции, члены бывшей императорской семьи, представители различных религиозных культов.

Декреты 1919 г. ознаменовали переход от общегражданской милиции общего профиля к созданию специализированных отраслевых подразделений и положили начало формированию единой централизованной системы охраны правопорядка на транспорте. Создание специализированных подразделений было продиктовано острой необходимостью охраны грузов, борьбы с бандитизмом и спекуляцией на транспорте в условиях Гражданской войны и разрухи. История этих подразделений была непростой – преодолев длительный путь реформ и временное упразднение, транспортная милиция обрела второе рождение в конце 1930-х годов, став с тех пор несокрушимым щитом на магистралях страны.

Положение 1920 г. регулировало достаточно широкий спектр вопросов: организацию и управление городской милицией (во главе находилось Управление городской милиции), организацию и управление железнодорожной милицией (возглавлял структуру Железнодорожный отдел Главного управления милиции), организацию и управление водной милиции – как речной, так и морской (возглавлял структуру Отдел водной милиции при Главном управлении милиции).

Документ был структурирован тремя разделами, посвящёнными городской, железнодорожной и водной милиции, однако, в соответствии со ст. 2, в структуру органов милиции также входили: милиция уездная, милиция промышленная, милиция розыскная.

Отметим, что функционал городской, железнодорожной и водной милиции регламентировался достаточно подробно. Функции подразделялись на общие и специальные. Общими функциями выступали охрана общественного порядка, просветительские мероприятия с населением, противодействие преступности. В качестве примера специальных функций приведём функционал железнодорожной милиции, закреплённый в ст. 47 рассматриваемого нормативного акта (для водной милиции предусматривались аналогичные функции): противодействие кражам в пути следования железнодорожного транспорта и на всех станциях; противодействие хищению имущества железной дороги; противодействие спекуляции на железной дороге; охрана порядка на станциях, вокзалах, поездах; надзор за соблюдением санитарных предписаний на железнодорожных путях, в поездах, в зданиях, принадлежащих железной дороге; оказание незамедлительной помощи в случаях крушений поездов, а также в случаях длительных вынужденных остановок; организация местного населения в целях ремонта путей (при необходимости: крушения, наводнения, снежные заносы, разбор путей и т.д.); препровождение арестованных; вызов военных сил (случаи строго регламентированы особыми инструкциями).

Статья 2 Положения 1920 г. установила требования к работникам милиции, охватывающие широкий спектр цензов (для России революционным требованием являлась обязательная грамотность), в частности: возраст – 21 год и более; наличие избирательных прав; грамотность; пригодность к службе по состоянию здоровья; отсутствие обвинений в совершении преступлений (соискатель не должен состоять под судом или следствием).

Ключевой причиной стремительного развития законодательства о милиции стала критическая ситуация с преступностью и общим правопорядком. Временное правительство, пришедшее к власти после Февральской революции 1917 года, издало декреты о расформировании царской полиции и объявило амнистию уголовным преступникам. Формирование новых народных дружин затянулось из-за бесконечных споров в парламенте, что привело к катастрофическим последствиям. После Октябрьской революции большевики столкнулись с тем, что их идеалистическая модель общества, в котором функции охраны порядка будут выполнять сами вооружённые трудящиеся, не работает. Страна буквально захлебывалась в волне произвола, мародерства и бандитизма. Уже первые недели новой власти показали, что отряды добровольцев не способны справиться с криминалом, и государству срочно потребовался профессиональный, штатный орган для охраны общественного порядка.

Эволюция нормативно-правовой базы советской милиции в период 1917-1920 гг. демонстрирует стремительный переход от доктринального отрицания профессиональной полиции к созданию строго централизованного, классового по своей природе органа, законодательная регламентация которого заложила архитектуру правоохранительной системы, просуществовавшую в неизменном виде почти три четверти века.

Пристатейный библиографический список

1. Положение Народного комиссариата по внутренним делам РСФСР «О рабочей милиции» от 10 ноября 1917 г. (документ утратил силу) // Собрание узаконений РСФСР. – 1917. – № 1. – Ст. 15.
2. Конституция РСФСР 1918 г. (документ утратил силу) // Собрание узаконений РСФСР. -1918. – № 51. – Ст. 582.
3. Инструкция НКВД и НКЮ РСФСР от 12 октября 1918 «Об организации Советской Рабоче-Крестьянской милиции» (документ утратил силу) // Собрание узаконений РСФСР. – 1918. – № 75. – Ст. 813.
4. Декрет ВЦИК «Об организации железнодорожной милиции и железнодорожной охраны» от 21 февраля 1919 г. (документ утратил силу) // Собрание узаконений РСФСР. – 1919. – № 13. – Ст. 133.
5. Декрет ВЦИК «О речной советской рабоче-крестьянской милиции» от 23 апреля 1919 г. (документ утратил силу) // Собрание узаконений РСФСР. – 1919. – № 18. – Ст. 213.
6. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 10 июня 1920 г. «О Рабоче-Крестьянской Милиции (Положение)» (документ утратил силу) // Собрание узаконений РСФСР. – 1920. – № 79. – Ст. 371.

5 Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 10 июня 1920 г. «О Рабоче-Крестьянской Милиции (Положение)» (документ утратил силу) // Собрание узаконений РСФСР. - 1920. - № 79. -Ст. 371.

6 Конституция РСФСР 1918 г. (документ утратил силу) // Собрание узаконений РСФСР. -1918. - № 51. - Ст. 582.

ИЛЬИНА Оксана Михайловна
кандидат юридических наук, доцент кафедры истории и права, Саратовская государственная юридическая академия

МЯСНИКОВА Людмила Владимировна
кандидат педагогических наук, доцент кафедры коррекционной педагогики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ФОРМИРОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

В статье представлен историко-правовой анализ формирования системы специального образования в России — от дореволюционных инициатив до советского периода (коррекционные школы, нормативно-правовая база 1920-1980-х гг.) и постсоветских реформ (ФЗ «Об образовании» 1992 г., переход к инклюзии). Авторы опираются на архивные документы, федеральные законы и ключевые постановления, выявляя эволюцию от сегрегации к инклюзивной модели. Особое внимание уделено современным вызовам: дефициту квалифицированных кадров, адаптации программ для детей с ограниченными возможностями здоровья, цифровизации и региональным диспропорциям.

Ключевые слова: специальное образование, историко-правовой анализ, дети с ограниченными возможностями здоровья, инклюзия, федеральные адаптированные основные общеобразовательные программы, федеральные государственные образовательные стандарты.

ILJINA Oksana Mikhailovna
Ph.D. in Law, associate professor of History and law sub-faculty, Saratov State Law Academy

MYASNIKOVA Lyudmila Vladimirovna
Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of Correctional pedagogy sub-faculty, N. G. Chernyshevsky Saratov National Research State University

A HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT PROSPECTS OF SPECIAL EDUCATION IN RUSSIA

This article presents a historical and legal analysis of the development of the special education system in Russia, from pre-revolutionary initiatives to the Soviet period (special schools, the legal framework of the 1920s–1980s) and post-Soviet reforms (the 1992 Federal Law "On Education," the transition to inclusion). The authors draw on archival documents, federal laws, and key regulations to identify the evolution from segregation to an inclusive model. Particular attention is paid to contemporary challenges: a shortage of qualified personnel, the adaptation of programs for children with disabilities, digitalization, and regional disparities.

Keywords: special education, historical and legal analysis, children with disabilities, inclusion, federal adapted basic general educational programs, federal state educational standards.

Специальное образование, являясь частью системы российского образования, способствует получению знаний, умений, навыков детьми-инвалидами и детьми с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) посредством создания специальных условий. Закон РФ «Об образовании»[1] дает определение терминам как «система образования», так и «специальные условия».

Сравнивая развитие специального образования и его законодательное оформления в разных исторических контекстах можно сделать предположение: законодательство в сфере специального образования отражает образовательную концепцию государства того или иного исторического периода (дореволюционного, советского, современного).

Руководствуясь данным тезисом и опираясь на сравнительно-правовой метод, который подразумевает сопоставление исследуемых предметов, в данном случае правовых актов Российской империи, советской нормативно-правовой базы и современного законодательства выявим общие черты и различия, так как перспективы дальнейшего развития специального образования невозможны без учета негативного и позитивного опыта в ходе исторического генезиса.

Рассмотрим отношение государства к образованию вообще и к образованию детей-инвалидов в различные исторические периоды.

Конец XIX – начало XX века.

Развитие капиталистических отношений и потребность государства в квалифицированном рабочем труде привело к увеличению образовательных учреждений в стране. По данным обследования, проведенного в 1894 году Комитетом Грамотности, начальных училищ и школ грамотности в то время было — 60 592 с 2 970 066 учащимися.

К концу 1914 года в Российской империи количество начальных учебных заведений увеличилось и насчитывало 123 745 школ. Охват начальной школой детей в возрасте от 8 до 11 лет к 1914 г. составлял в целом по Российской империи 30,1 % (в городах – 46,6 %, в сельской местности – 28,3 %)[2].

1 Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ: ред. от 29.09.2025 // «Консультант-Плюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://consultant. ru/ document/cons_doc_LAW_52144 (дата обращения: 12.09.2025).

2 Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. Архивная копия от 12 июня 2019 года на Wayback Machine. - СПб: Российская Академия Наук Институт Российской истории, 1995 г.; XIV. Просвещение. Образование. Наука. Печать; 1. Начальное, среднее и специальное образование.

Несмотря на увеличение образовательных учреждений, начальное образование не было общим, не было и закона о всеобщем обязательном обучении. Вопрос неуспеваемости являлся проблемой образования этого исторического периода. Для его решения государством были созданы классы малоспособных детей, «повторительные классы». В 1910 году Московской городской управой создается Комиссия по вопросу об организации вспомогательных классов при начальных училищах. По результатам исследования 1912 года 20 % учащихся начальных школ Москвы являлись неуспевающими, кандидатами во вспомогательные школы было признано 14 % из них [1].

Однако Министерство народного просвещения не видело в этом проблемы. Разработки и выводы Комиссии не были использованы для формирования норм специального образования, хотя образовательные учреждения для детей с отклонениями начинают появляться во второй половине 19 века. И связано это было не с государственной политикой в сфере образования, а с появлением земств. Государство не было заинтересовано в обучении детей-инвалидов, именно этим можно объяснить отсутствие процесса формирования норм специального образования.

Следующий этап в развитии специального образования и его законодательное оформление можно отнести к советскому периоду.

Конституция РСФСР 1918 года провозгласила задачей государства предоставление полного, всестороннего и бесплатно образования[3].

Образовательная политика в отношении детей-инвалидов становится частью государственной политики. В 1926 году принимаются два определяющих политику советского государства нормативных акта: Постановление «О мероприятиях по введению всеобщего начального обучения»[4] и декрет СНК РСФСР от 23 ноября 1926 года, в котором были определены виды учреждений, создаваемых для обучения глухонемых, слепых и умственно-отсталых детей и подростков – детские дома для школьного возраста, школы живущих и приходящих для детей школьного возраста[5]. Основным типом образовательного учреждения для детей-инвалидов становятся интернаты.

Характерной особенностью формирования специального образования в Советском Союзе было то, что нормативные акты по всеобучу (всеобщему обязательному обучению) не предусматривало отдельных образовательных норм для детей-инвалидов, поэтому на них распространялись общие стандарты и нормативы.

Таким образом, к 1930-м годам сложилась специфическая система специального образования (интернатного типа с общим государственным стандартом).

В 1970-х годах продолжается формирование специального образования. Так, в 1973 году принимается Закон СССР «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании»[6], где нормативно закрепляется организация специальных школ для детей-инвалидов, а в 1974 году Закон РСФСР «О народном образовании»[7], определяющий виды школ.

В результате в Советском Союзе к концу 1980-х годов сложилась несхожая с европейской специальной школой, законодательно оформленная система специального образования.

Система советского специального образования имела свои недостатки, но именно в этот исторический период была сформирована не только законодательная база специального образования, но и передовая дефектологическая наука, разработавшая теоретические основы, педагогические технологии, способствующие получению цензового образования.

Дальнейшее законодательное оформление специального образования связано, прежде всего, с социально-экономическими изменениями в стране и принятием ряда международных актов, таких как «Конвенция о правах ребенка»[8], «Декларация о правах умственно отсталых лиц», Саламанкская декларация и др. В нормах международного законодательства была отражена концепция инклюзивной школы. Содержание инклюзивного образования включает в себя создание условий (материально-технических, учебных и кадровых) для совместного обучения лиц с ОВЗ с другими обучающимися.

Конституция 1993 года закрепила право каждого на образование. Однако в законе РФ «Об образовании» 1992 года[9] отсутствовал правовой механизм регулирования инклюзивного образования, а попытка перенести модель инклюзивного образования из одной системы в другую столкнулись с трудностями методологического, профессионального, организационного характера.

Инклюзивные тенденции закрепились в отечественном образовании и приобрели статус официальной государственной политики, что отражено в ФЗ от 29 декабря 2012 г. № 273 «Об образовании в Российской Федерации»[10]. Нормы законодательства содержат в себе принципы, которые способствуют успешной реализации данного процесса. Это, прежде всего, общеправовой принцип – принцип гуманизма. Отраслевые принципы: обеспечение права каждого человека на образование, недопустимость дискриминации в сфере образования, обе-

3 Конституция (основной закон) РСФСР. Принята V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918 // Собрание Узаконений и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. - 1918. - № 51. - Ст. 582.

4 Постановление ВЦИК РСФСР «О мероприятиях по введению всеобщего начального обучения» от 19.11.1926 // Собрание Узаконений и Распоряжений Рабоче-крестьянского Правительства РСФСР. - 1926. - № 90. - Ст. 658.

5 Декрет СНК РСФСР «Об учреждениях для глухонемых, слепых и умственно-отсталых детей и подростков» от 23.11.1926 // Собрание Узаконений и Распоряжений Рабоче-крестьянского Правительства РСФСР. - 1926. - № 83. - № 613.

6 Закон СССР «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании» от 19.07.1973 № 4536-VIII // Ведомости Верховного Совета СССР. - 1973. - № 30. - Ст. 392.

7 Закон РСФСР «О народном образовании» от 02.08.1974 // Свод законов РСФСР. – 1988. - Т. 3. - С. 245. - М.: Советская Россия, 1986.

8 Конвенция о правах ребенка (принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН) от 20.11.1989 г. // Сборник международных договоров СССР. - 1993. - Вып. XLVI.

9 Закон РФ «Об образовании» от 10.06.1992 г.// СЗ РФ. - 1992. - № 30.

10 Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ: ред. от 29.09.2025 // «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://consultant. ru/ document/cons_doc_LAW_52144 (дата обращения: 12.09.2025).

спечение права на образование в соответствии с потребностями личности, адаптивность системы образования к уровню подготовки, особенностям развития, принцип дальнейшего совершенствования инклюзивного образования, его поэтапность.

В законе «Об образовании в Российской Федерации» даны юридические определения терминов: инклюзивное образование, специальные условия, дети с ограниченными возможностями здоровья, адаптивные образовательные программы. В нормативно-правовую базу, обеспечивающую получение специального образования детьми-инвалидами, легли юридические понятия: федеральные адаптированные основные общеобразовательные программы, федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС), различные положения о координации деятельности ведомств. В данный момент сформирована и систематизирована нормативно-правовая база специального образования и государственная поддержка очевидна: она формирует характер и перспективы развития специального образования.

Однако, солидаризируясь с положением о том, что каждый ребенок имеет право на образование, нельзя не отметить ряд дискуссионных вопросов, без решения которых существует опасность механического внедрения инклюзивного образования.

Имея особый правовой статус в сфере образования, дети-инвалиды и дети с ОВЗ обеспечены дополнительными гарантиями реализации права на образования для получения качественного образования. И если специальные коррекционные образовательные учреждения созданы для обучения, воспитания, коррекции и социальной адаптации детей-инвалидов, имеют соответственную материально-техническую базу, педагогический состав, то инклюзивная школа в настоящий момент испытывает острый дефицит не только квалифицированных специалистов в области коррекционной педагогики, но и нуждается в финансовом, информационном и материально-техническом обеспечении.

Проблемой также является негативное отношение к инклюзии части родителей нормотипичных детей. Общество еще не преодолело отрицательные установки по отношению к детям с особенностями развития. Часто родители здоровых школьников не желают, чтобы их дети обучались вместе с инвалидами, опасаются, что такая форма образования повлечет за собой снижение качества знаний. Для изменения этих стереотипов необходимо проводить просветительскую работу с населением.

Современные вызовы специального образования включают также дефицит квалифицированных кадров, что снижает качество индивидуальной поддержки детей с ОВЗ.

Цифровая трансформация требует новых инструментов, таких, как ассистивные технологии и дистанционное обучение, но педагоги часто не готовы к их внедрению. Вместе с тем цифровые технологии играют ключевую роль в решении вызовов специального образования, обеспечивая индивидуализацию обучения, повышение доступности и вовлечённости детей с ОВЗ. Они помогают преодолевать кадровые и ресурсные ограничения через создание персонализированных программ и дистанционных инструментов. Цифровые платформы адаптируют материалы под нужды каждого ребёнка, позволяя работать в своём темпе и повторять сложные темы.

Перспективы развития специального образования в России связаны с дальнейшей интеграцией инклюзивных и коррекционных подходов, сохранением специальных учреждений как ресурсных центров и внедрением цифровых технологий. Ключевую роль играет Стратегия развития образования детей с ОВЗ до 2030 года, ориентированная на раннюю помощь, ресурсный подход и командное взаимодействие специалистов с семьями.

В заключение отметим, что гуманизация общества и дальнейшее развитие специального образования требуют системных, продуманных изменений в образовательной системе. Необходимым условием их реализации является совершенствование нормативно-правовой базы в области специального образования, поскольку не все вопросы, связанные с получением образования в специальных коррекционных школах и инклюзивных классах школы ещё решены. При этом дальнейшее нормативное регулирование образования должно учитывать социально-экономические, культурные, исторические и национальные особенности.

Пристатейный библиографический список

1. Замский Х. С. Умственно отсталые дети. История их изучения, воспитания и обучения с древних времен до середины XX века. – М.: Образование, 1995. – С. 275-277.

МИХАЙЛИК Анна Александровна
доцент кафедры теории и истории права, Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина, г. Краснодар

ШАМОЯН Тэя Мартиновна
студент 1-го курса, Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина, г. Краснодар, независимый исследователь

ПИГИДА Кирилл Вадимович
студент 1-го курса, Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина, г. Краснодар, независимый исследователь

Михайлик А. А.

Шамоян Т. М.

Пигида К. В.

ПРАВО «МЕРТВОЙ РУКИ» В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕ: ЮРИДИЧЕСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ВЛАДЕНИЯ ЦЕРКОВНОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ

Актуальность темы данной статьи обусловлена тем, что институт права «мертвой руки» отражает важнейшие особенности средневекового правопорядка. Основными характеристиками такого порядка является сословная структура общества, тесная связь права с землевладением и стремление светской власти ограничить имущественное положение церкви. Изучение данного явления позволяет лучше понять механизмы регулирования собственности в феодальной Европе, а также установить особенности взаимодействия церкви и государства. Право «мертвой руки» представляет собой особый правовой режим, при котором имущество, которым владела церковь, не могло свободно отчуждаться, наследоваться или переходить к иным субъектам на общих основаниях. Само выражение связано с представлением о том, что церковь – это особая организация. Она не умирает, а потому имущество как бы остается в «мертвой руке», то есть за пределами обычного оборота. В системе средневекового феодального права данный институт занимал особое место, поскольку выступал в качестве ограничения имущественной независимости церкви. Одновременно он рассматривается как способ охраны феодальных интересов знати. Право «мертвой руки» сочетало в себе нормы вещного, наследственного и канонического права. Наличие такого института указывает на особый статус церковной собственности в правовой системе Средневековья.

Ключевые слова: собственность церкви, право собственности, право «мертвой руки», Европа.

MIKHAILIK Anna Alexandrovna
associate professor of Theory and history of law sub-faculty, I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar

SHAMOYAN Teya Martinovna
student of the 1st course, I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar, independent researcher

PIGIDA Kirill Vadimovich
student of the 1st course, I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar, independent researcher

THE RIGHT OF THE DEAD HAND IN MEDIEVAL EUROPE: LEGAL RESTRICTIONS ON THE OWNERSHIP OF CHURCH PROPERTY

The relevance of the topic of this article is due to the fact that the institution of the law of the dead hand reflects the most important features of medieval law and order. The main characteristics of this order are the class structure of society, the close relationship of law with land ownership, and the desire of secular authorities to limit the property status of the church. The study of this phenomenon makes it possible to better understand the mechanisms of property regulation in feudal Europe, as well as to establish the specifics of the interaction between church and state. The right of the dead hand is a special legal regime under which the property owned by the church could not be freely alienated, inherited or transferred to other entities on general grounds. The expression itself is connected with the idea that the church is a special organization. She does not die, and therefore the property remains in the "dead hand", that is, outside the usual turnover. In the system of medieval feudal law, this institution occupied a special place, since it acted as a restriction on the property independence of the church. At the same time, it is considered as a way to protect the feudal interests of the nobility. The law of the "dead hand" combined the norms of property, inheritance and canon law. The existence of such an institution indicates the special status of church property in the legal system of the Middle Ages.

Keywords: ownership of the church, the right of ownership, the right of the "dead hand", Europe.

Сущность права «мертвой руки» в средневековой Европе следует устанавливать, прежде всего, путем рассмотрения церковной собственности как имущества, которым обладает не частное лицо, а устойчивая корпорация. Существование права собственности не прекращается в связи со смертью одного конкретного человека. Сам термин «мертвая рука» связан с представлением о том, что имущество, находящееся у церкви, не относится к обычному обороту, поскольку не переходит по наследству. В юридическом отношении это выражение отражало не физическую смерть субъекта, а его особую правоспособность. Церковь рассматривалась как особый институт, который не прекращают своего существования после наступления смерти отдельных священнослужителей. Именно поэтому принадлежащее церкви имущество сохранялось за ней вне зависимости от смены служителей церкви. В таком понимании право «мертвой руки» представляло собой не просто ограничение оборота, а специальный правовой режим имущества [1].

Особый правовой режим имущества, которое принадлежало церкви, предусматривал, что земли, строения, движимое имущество, доходы и иные ценности не были личной собственностью отдельных священнослужителей. Данное имущество не принадлежало физическому лицу. Им обладала церковная организация. Из этого следовало, что при смене священнослужителей, имущество не подлежало разделу или передаче наследникам, а оставалось за церковью. Тем самым, право «мертвой руки» закрепляло изъятие церковных владений из сферы свободного гражданского оборота. Кроме того, оно обеспечивало сохранность имущественного положения церкви. В средневековой правовой культуре право «мертвой руки» рассматривалось по-разному. С одной стороны, церковь получала гарантии имущественной стабильности, с другой стороны, светская власть, и знать сталкивалась с нарушением баланса феодальных интересов.

Основные признаки института права «мертвой руки» связаны, прежде всего, с тем, что субъектом владения выступала не личность, а учреждение. Неподвижность имущества, то есть закрепление за определенной церковью на длительный срок, без возможности перехода к новым собственникам. Право «мертвой руки» ограничивало оборотоспособность имущества. Кроме того, оно не могло быть включено в наследственную массу, поскольку смерть конкретного держателя имущества не предусматривала, что право собственности переходит к наследникам. Речь могла идти только о замене должностного лица, которое таким имуществом управляет. Право «мертвой руки» выполняло охранительную функцию, т.е. сохраняло церковное имущество от отчуждения, частноправовых сделок [2].

Особое значение имеет соотношение права «мертвой руки» с таким институтами частного права как дарение, наследование. Применительно к наследованию специфика права «мертвой руки» проявлялась наиболее отчетливо. В классическом наследственном праве смерть собственника или держателя имущества служит юридическим фактом для перехода имущества к наследникам. Однако в случае права «мертвой руки» такой механизм не действовал. Имущество не становилось наследственной массой, не делилось между преемниками и не переходило к родственникам в порядке универсального правопреемства, поскольку его носителем выступала не личность, а корпорация - церковь. Следовательно, наследственное право здесь отступало перед церковной природой имущества. Это не означало полного отсутствия наследственных элементов в средневековой практике вообще, но предусматривало, что по отношению к церковным владениям наследование было существенно ограничено либо исключено [3].

Что касается дарения, то здесь право «мертвой руки» также выполняло функцию ограничения. С одной стороны, именно посредством дарения церковь исторически накапливала значительные земельные и имущественные ресурсы. Феодалы, мелкие землевладельцы передавали земли, ценные вещи ради спасения души, политического покровительства. С другой стороны, как только имущество оказывалось у церкви, в отношении него начинал действовать особый режим, оно больше не являлось обычным объектом. Из этого следует, что дарение служило способом поступления имущества, но не способом его дальнейшего свободного обращения. Именно в этом состояло одно из ключевых противоречий института. Приобретение имущества было связано с добровольной передачей, а затем возможность отчуждения существенно ограничивалась.

Аналогичным образом право «мертвой руки» влияло и на иные формы отчуждения имущества, включая куплю-продажу, мену, залог и иные сделки. В классическом частном праве отчуждение предполагает возможность собственника свободно распоряжаться вещью по своему усмотрению. Для церковной собственности такой свободы не существовало, либо она была существенно урезана. Отчуждение допускалось только при соблюдении специальных условий, например, разрешение духовной или светской власти [4].

Оно не только защищало целостность церковных владений, но и одновременно свидетельствовало о попытках светской власти контролировать экономическое влияние церкви. В результате данный институт занял заметное место в правовой системе средневековой Европы, став механизмом регулирования собственности, который предусматривал, что корпоративный статус субъекта позволяет установить особый порядок владения, пользования и распоряжения имуществом.

Правовое регулирование церковной собственности в средневековой Европе представляло собой особый комплекс правовых норм. В нем сочетались канонические представления о сакральном назначении имущества и феодальные принципы контроля. Церковная собственность не рассматривалась как обычная частная собственность, она выступала в качестве средства содержания духовенства, монастырского хозяйства, благотворительности. Поэтому на нее распространялся специальный режим, направленный одновременно на сохранение имущества и на ограничение его бесконтрольного накопления [5].

Установление ограничения на приобретение и удержание имущества церковью были связаны с тем, что церковные учреждения, характеризующиеся устойчивостью существования, могли накапливать имущество гораздо успешнее, чем частные лица, а затем длительно удерживать без перераспределения. Данное свойство сделало церковную собственность объектом пристального внимания со стороны монархов, феодалов и городских властей. Во многих случаях приобретение имущества церковью допускалось, но, при этом, сопровождалось ограничениями. Например, требовалось соблюдение установленной формы передачи, получение согласия соответствующих властей, учет интересов светских держателей земли или подтверждение сделки со стороны верховной власти. Со временем такие меры приобретали все более жесткий характер, поскольку рост церковных владений воспринимался как уменьшение объема земель, доступных для феодального оборота. Постепенно возникали прямые запреты на покупку новых земель церковными учреждениями, на принятие их в залог или в качестве «поминовения души», а имущество, приобретенное с нарушением запрета, подлежало изъятию или обращению в пользу казны [6].

Запреты и контроль со стороны светских сеньоров постепенно стал элементом правового режима церковной собственности. Светская власть не только согласовывала приобретение нового имущества, но и могла ограничивать права церкви на приобретение недвижимости. Это объяснялось тем, что земельные владения церкви обычно рассматривались не как абсолютно автономные, а как часть феодальной

собственности. Право собственности сочеталось с обязанностями по службе, повинностями. Поэтому светский сюзерен стремился не допустить того, чтобы церковные владения стали недоступны для распределения.

С одной стороны, земельное владение признавалось и охранялось государством, с другой стороны, его оборотоспособность была ограничена требованиями канонического и светского права. Для средневекового правопорядка было характерно также то, что церковь освобождалась от части повинностей [7].

В странах средневековой Европы институт права «мертвой руки» проявлялся не одинаково. Однако общей тенденцией стало ограничение имущественной независимости церкви. Сходство проявлялось в наличие общей цели - удержать имущество от свободного перехода и ослабить накопление земель в руках «неумирающих» корпораций.

В Англии право «мертвой руки» получило законодательное оформление. Уже в XIII в. королевская власть стремилась ограничить переход земли в распоряжение церкви, поскольку он уменьшал доходы феодалов. Ключевое значение имел статут 1279 г., изданный при Эдуарде I, известный как статут «О мертвой руке или о церковных людях». Он запрещал духовным лицам и церкви вступать во владение землей, а владельцам земли запрещал отчуждать ее в пользу церкви без согласия власти. Таким образом, английская модель была ориентирована не только на ограничение церковного землевладения как такового, но и на защиту прав собственников земли. Здесь право «мертвой руки» стало инструментом охраны феодального порядка и одновременно средством запрета на исключение земель из системы военной и вассальной службы [8].

Во Франции правовое регулирование носило более сложный и менее унифицированный характер. В Италии церковь была одним из крупнейших землевладельцев, обладала политическими правами, что усиливало раскол между духовной и светской властью. Это было обусловлено тем, что церковные земли нередко становились основой для установления территориальной власти епископов и аббатов. В таких условиях право «мертвой руки» имело большую антиклерикальную направленность, стало проявлением секуляризации [9].

Сравнительный анализ показывает, что общим стремлением светской власти стало подчинение церковной собственности специальному правовому режиму, а также ограничение свободного обращения.

Право «мертвой руки» позволяло сохранить имущество за церковной корпорацией, а также препятствовало включению в систему перераспределения. Это означало, что земельный фонд церкви не переходит от одного собственника к другому. В итоге это приводило к ограничению возможности светских лиц распоряжаться земельными ресурсами по своему усмотрению.

Интересы феодалов и монархической власти во многом совпадали. Феодалы были заинтересованы в том, чтобы земельные владения не уходили в церковный фонд. Такая передача сокращала объем земель, которые распределялись между феодалами. Светская власть была заинтересована в том, чтобы сохранить контроль над земельным фондом, поскольку именно земля служила экономической основой власти. Чем больше земель отходило церкви, тем меньше оставалось владений, которые могли быть использованы в интересах короны, пожалованы верным вассалам или обложены налогами. Кроме того, укрепление имущественного положения церкви могло привести к тому, что она стала бы конкурировать с королевской властью политически [10].

Изменение правового положения церкви в позднем Средневековье было связано, прежде всего, с изменением модели политической власти. Феодальная раздробленность постепенно уступала место процессам централизации. Монархия стремилась подчинить себе не только светское, но и церковное имущество. Если ранее церковь могла пользоваться значительными иммунитетами и хозяйственной самостоятельностью, то впоследствии государственная власть стала ограничивать эти привилегии. Кроме того, в обществе росла потребность в более гибком обороте земель и имущества. Развитие товарно-денежных отношений требовало большей подвижности. Переход к новым формам регулирования имущественных отношений также был связан с изменениями европейского права. Усиливалось значение письменного права, королевского законодательства и административного контроля. В данной связи собственность рассматривается не как привилегия, но как объект более права. Прежние ограничения, характерные для права «мертвой руки», постепенно уступали место институтам, основанным на учете публичных интересов, налоговых обязанностей, обороте имущества.

Упадок права «мертвой руки» следует рассматривать не только как исчезновение частного института, но и как признак глубоких исторических изменений. Средневековая модель постепенно уступала место системе, где земля и иное имущество становились предметом правового регулирования. Церковь, сохраняя духовное и культурное значение, теряла исключительное положение как собственник.

Пристатейный библиографический список

1. Петров Е. В. Средневековая Европа: основные общественные процессы, управление, власть: учебное пособие. - Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. гуманит. ун-та, 2008.
2. Удальцова З. В. История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма: в 3 т. - М.: Наука, 1985.
3. Новикова Д. Е., Фадеев Д. А., Ермолаева Е. В. Роль католической церкви в средневековой Европе // БМИК. - 2015. - № 12.
4. Кондратенко С. Е. Католицизм и государство: истоки двухполюсной модели общества // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. - 2010. - № 1.
5. Борсуковская Г. В., Ефимов А. Б. «Религиозно-политическая» модель католической миссии и принципы священноапостольства в колониальной политике Западной Европы эпохи Позднего Средневековья // Гуманитарное пространство. - 2023. - № 6.
6. Сухорукова С. Л., Рудалева М. А. Специфика взаимодействия духовной и светской властей в средневековой Западной Европе // Манускрипт. - 2021. - № 4.
7. Маркарян Д. А. Отношение к собственности в монашеской традиции Запада и Востока в средние века // ИСОМ. - 2018. - № 2-1.
8. Якупов З. С. О взаимоотношениях государства и церкви в сфере налогообложения // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. - 2014. - № 8-1.
9. Алексеева Н. И. Правовой режим имущества религиозного назначения: канонический аспект // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. - 2014. - № 9.
10. Кулагин М. А. Изменения в законодательстве о передаче имущества религиозным организациям // Актуальные проблемы российского права. - 2011. - № 3.

ПАВЛИСОВА Татьяна Евгеньевна
кандидат юридических наук, доцент, Кубанский государственный аграрный университет, им. И. Т. Трубилина, г. Краснодар

МИЩЕНКО Ольга Александровна
Кубанский государственный аграрный университет, им. И. Т. Трубилина, г. Краснодар, научный исследователь

СТОРЧАК Эмилия Дмитриевна
Кубанский государственный аграрный университет, им. И. Т. Трубилина, г. Краснодар, научный исследователь

РЕФОРМА УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА 1958-1961 ГГ.: ПОИСК БАЛАНСА МЕЖДУ ГУМАНИЗМОМ И БОРЬБОЙ С ТУНЕЯДСТВОМ

В статье исследуется реформа уголовного законодательства 1958-1961 годов как один из наиболее противоречивых этапов развития советской уголовно-правовой политики. Рассматриваются нормативные и идеологические основания обновления уголовного законодательства, связанного с укреплением законности, ограничением избыточной репрессии, уточнением оснований уголовной ответственности и усилением принципов дифференциации наказания. Особое внимание уделяется внутреннему противоречию реформы, выразившемуся в одновременном провозглашении гуманистических начал уголовного права и усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими паразитический образ жизни.

Ключевые слова: реформа уголовного законодательства, советское уголовное право, Уголовный кодекс РСФСР 1960 года, Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года, гуманизация уголовной политики.

PAVLISOVA Tatyana Evgenjevna
Ph.D. in Law, associate professor, I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar

MISHCHENKO Olga Alexandrovna
I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar, independent researcher

STORCHAK Emiliyya Dmitrievna
I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar, independent researcher

CRIMINAL LAW REFORM 1958-1961: FINDING A BALANCE BETWEEN HUMANISM AND THE FIGHT AGAINST PARASITISM

This article examines the criminal law reform of 1958–1961 as one of the most controversial stages in the development of Soviet criminal law policy. It examines the normative and ideological foundations for updating criminal law, which sought to strengthen the rule of law, limit excessive repression, clarify the grounds for criminal liability, and strengthen the principles of differentiated punishment. Particular attention is given to the internal contradiction of the reform, which manifested itself in the simultaneous proclamation of the humanistic principles of criminal law and the intensification of the fight against individuals evading socially useful labor and leading a parasitic lifestyle.

Keywords: criminal law reform, Soviet criminal law, Criminal Code of the RSFSR of 1960, Fundamentals of Criminal Legislation of 1958, humanization of criminal policy.

Актуальность исследования. Реформа уголовного законодательства 1958-1961 годов занимает особое место в истории отечественной правовой системы, поскольку именно в этот период советское государство предприняло попытку переосмыслить пределы уголовно-правового принуждения после длительного этапа жесткой репрессивной практики. Принятие 25 декабря 1958 года Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик стало рубежным событием, обозначившим курс на обновление принципов советского уголовного права, усиление законности, более точное определение оснований уголовной ответственности и ограничение чрезмерного применения наиболее суровых мер наказания. Одновременно уже к 1961 году в правовой политике отчетливо проявилась противоположная тенденция, которая была связана с усилением борьбы против лиц, объявленных уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими, так называемый паразитический образ жизни. В РСФСР эта линия получила нормативное выражение в Указе Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1961 года, направленном на усиление борьбы. Тем самым в пределах сравнительно короткого исторического промежутка произошло наложение двух разнонаправленных процессов: гуманизации уголовного закона и расширения криминального контроля над социально неодобряемым поведением. Именно это внутреннее противоречие делает исследование реформы 1958-1961 годов научно значимым и методологически продуктивным. Оно позволяет рассматривать советское уголовное право не как статичную систему предписаний, а как подвижный механизм, в котором идеи законности, воспитательной функции наказания, социальной дисциплины и идеологического контроля сосуществовали в сложном и нередко конфликтном единстве. Актуальность темы усиливается и тем обстоятельством, что современная российская юридическая наука все чаще обращается к историческому опыту реформирования уголовной политики для оценки пределов гуманизации, допустимости криминализации социального отклонения и соотношения правовых и внеправовых инструментов государственного воздействия. Историко-правовой анализ реформы 1958-1961 годов позволяет глубже понять природу тех моделей уголовно-правового регулирования, в

которых декларируемый гуманизм может сочетаться с расширением контроля над личностью и с переносом в сферу правового принуждения вопросов, имеющих, прежде всего социальную и трудовую природу. Эти особенности подтверждаются как текстом Основ 1958 года, закрепивших обновленные начала советского уголовного законодательства, так и последующими актами о борьбе с тунеядством, свидетельствующими о сохранении высокой роли государства в дисциплинировании повседневной жизни граждан.

Цель исследования состоит в том, чтобы выявить сущность и противоречивую направленность реформы уголовного законодательства 1958-1961 годов через анализ поиска нормативного и идеологического баланса между принципом гуманизма, провозглашенным в ходе послесталинского обновления уголовно-правовой системы, и задачей усиления государственного воздействия на лиц, уклоняющихся от трудовой обязанности.

Научная проблема исследования заключается в необходимости объяснить, почему реформа, традиционно связываемая с либерализацией и укреплением социалистической законности, одновременно породила или, по меньшей мере, не предотвратила усиление репрессивных механизмов в отношении так называемого тунеядства. Внешне реформа 1958-1961 годов выглядела как отход от практик чрезвычайного уголовного регулирования предшествующей эпохи: законодатель стремился к большей системности, к унификации общих начал уголовной ответственности, к более четкой формулировке задач наказания и к ограничению произвольного усмотрения.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что обращение к реформе уголовного законодательства 1958-1961 годов способствует более глубокому пониманию закономерностей развития отечественного уголовного права в переходные периоды.

Практическая значимость исследования состоит в том, что данные выводы могут быть использованы при дальнейшем осмыслении исторического опыта реформирования уголовной политики в России, при преподавании истории государства и права, истории отечественного уголовного законодательства, теории криминализации и декриминализации, а также специальных курсов по проблемам правового регулирования девиантного поведения.

Степень разработанности темы следует оценивать как существенную, но не исчерпывающую. В отечественной юридической и историко-правовой науке накоплен заметный массив исследований, посвященных как общей характеристике советской уголовной политики периода десталинизации, так и отдельным аспектам реформы 1958-1961 годов. Вместе с тем проблема соотношения гуманистических начал реформы и усиления борьбы с тунеядством нередко рассматривалась фрагментарно: либо через призму истории уголовного законодательства и кодификации, либо в контексте исследований маргинальности, социальной дисциплины, милицейской практики и девиантного поведения. В результате до сих пор сохраняется потребность в комплексном анализе, который объединял бы нормативный, идеологический и правоприменительный уровни изучения реформы.

Тема реформы уголовного законодательства 1958-1961 годов требует сразу одного важного уточнения: в строгом историко-юридическом смысле речь идет не о праве Российской Федерации, а о союзном и республиканском законодательстве Союза Советских Социалистических Республик. По этой причине анализ должен исходить из двух нормативных актов: во-первых, из Основ уголовного законодательства Союза Советских Социалистических Республик и союзных республик от 25 декабря 1958 года, во-вторых, из Уголовного кодекса РСФСР от 27 октября 1960 года, действовавшего с 1 января 1961 года. Уже сама эта последовательность показывает, что реформа была не локальной корректировкой отдельных норм, а полномасштабной кодификационной перестройкой, которая была призвана определить понятие преступления, уголовной ответственности, цели наказания и место республиканских кодексов в общей системе советского права. Уголовной ответственности подлежит только виновное лицо, общественно опасным признается именно деяние, предусмотренное уголовным законом, в научной литературе это обоснованно рассматривается как один из наиболее заметных шагов к отходу от предшествующей модели, допускавшей более широкое, политико-идеологически окрашенное усмотрение. Либерализация конца пятидесятых годов не устранила полностью приоритет охраны советского строя и социалистического порядка, а лишь придала этим задачам более системную и кодифицированную форму.

Содержательное ядро реформы действительно имело выраженный гуманизирующий потенциал. В доктрине и в самом законодательстве усилилась ориентация на вину как обязательное основание ответственности, на большую определенность состава преступления, на снижение роли чрезвычайных и внесистемных механизмов репрессии, на расширение возможностей условно-досрочного освобождения, условного осуждения и освобождения от ответственности с применением мер общественного воздействия. Существенно и то, что в новых кодексах и Основах развивалась идея дифференциации уголовно-правового воздействия: государство стремилось показать, что не каждое социально вредное деяние должно автоматически влечь максимально жесткую репрессию, а исправление может достигаться не только тюремной изоляцией, но и поручительством коллектива, общественным воздействием, передачей на поруки. Уголовный кодекс РСФСР прямо предусматривал возможность освобождения лица с передачей на поруки общественной организации или трудовому коллективу, а в Основах сохранялась формула смертной казни как исключительной меры, что в логике реформы означало не отказ от суровых санкций вообще, а попытку сузить их место в иерархии наказаний. В этом проявилась одна из ключевых особенностей периода: гуманизация понималась советским законодателем не как безусловный приоритет личной автономии, а как рационализация и упорядочение репрессии.

Однако именно на этом фоне особенно отчетливо выступает главное внутреннее противоречие реформы. В тот момент, когда уголовное право стало более формально определенным и внешне более законным, государство не отказалось от стремления дисциплинировать образ жизни граждан. Наиболее ярким выражением этой тенденции стал Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1961 года «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни». Смысл указа выходил за рамки борьбы с безработицей в современном понимании[1]. Струк-

1 Президиум Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1961 года «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1961. - №18. - Ст. 273.

тура указа состояла в том, что трудоспособный совершеннолетний гражданин обязан честно трудиться, уклонение от полезного труда в сочетании с «нетрудовыми доходами» или иными антиобщественными поступками образует основание для принудительного вмешательства государства. К лицу могли быть применены выселение в специально отведенные места на срок от двух до пяти лет, конфискация имущества, нажитого нетрудовым путем, и обязательное привлечение к труду по месту поселения. По существу, речь шла не просто о борьбе с преступностью, а о правовом оформлении дисциплинарной модели, в которой государство наказывало не только общественно опасное деяние, но и отклонение от идеала обязательной трудовой включенности [2, с. 503].

Борьба с тунеядством в 1961 году была институционально встроена не столько в классическую уголовно-правовую логику, сколько в пограничную зону между уголовным, административным, судебным и идеологическим регулированием. Это особенно важно, потому что в первоначальной редакции статья 209 Уголовного кодекса РСФСР 1960 года затрагивала систематического занятия бродяжничеством или попрошайничеством. Статья 209.1 УК РСФСР о злостном уклонении от выполнения решения о трудоустройстве и прекращении паразитического существования появилась только в 1970 году. Следовательно, в 1958-1961 годах государство использовало иной механизм: не столько обычный состав преступления, сколько специальный судебно-репрессивный порядок, оформленный отдельным указом. Из этого следует важный вывод: реформа конца пятидесятых годов не просто сочетала гуманизм и репрессивность, а распределяла их по разным каналам. Гуманизация концентрировалась в области общих начал, конструкции вины, индивидуализации наказания и общественного воздействия, тогда как социальный контроль над «неработающими» выносился в особый режим, где оценочные понятия оставались чрезвычайно широкими.

Именно оценочность категорий «общественно полезный труд», «антиобщественный паразитический образ жизни» и «нетрудовые доходы» стала одной из наиболее острых проблем правоприменения. Внешне законодатель пытался связать вмешательство государства с трудовой обязанностью, закрепленной советской конституционной моделью, однако на практике данные формулы создавали огромный простор для усмотрения. Паразитическим образом жизни могли квалифицироваться весьма неоднородные явления: длительное отсутствие формального трудоустройства, проживание на случайные заработки, частная подработка вне официального сектора, бытовая маргинальность, алкоголизация, бродяжничество, попрошайничество, а в отдельных случаях и культурная, творческая или идейная неинтегрированность в официальную систему. Поэтому борьба с тунеядством быстро приобрела двойной характер. С одной стороны, она действительно служила инструментом воздействия на социально запущенные формы поведения, сопряженные с пьянством, асоциальностью, паразитированием на родственниках или мелкими противоправными практиками. С другой стороны, расплывчатость конструкции позволяла превращать ее в средство селективного давления на лиц, образ жизни которых не укладывался в стандартную советскую трудовую биографию. Не случайно исследователи тунеядства как юридического и социального феномена рассматривают его не только как институт уголовной политики, но и как особый механизм моральной классификации населения.

Практика подтвердила эту двойственность особенно наглядно. Наиболее известным примером стал процесс по делу Иосифа Бродского, которого преследовали по Указу 1961 года как лицо, систематически не занимающееся общественно полезным трудом и ведущее паразитический образ жизни. Архивные документы и современные публикации по делу показывают, что в обоснование обвинения использовались выписки из трудовой книжки, оценка нерегулярности занятости и само представление о литературном труде вне советских институциональных рамок как о недостаточно легитимной форме социального существования. По оценке, приведенной в материале «Право.ру» со ссылкой на исторические данные, всего через три года после принятия указа по нему были сосланы около тридцати семи тысяч человек, что свидетельствует не о единичном или символическом, а о массовом характере применения этой меры. Аналогичным образом преследование по логике «тунеядства» затрагивало и других лиц, в том числе Андрея Амальрика, что показывает: «инструмент был пригоден не только для борьбы с бытовой асоциальностью, но и для дисциплинирования творческих и инакомыслящих субъектов, чья трудовая траектория выпадала из административно признанных форм занятости». Такой опыт позволяет сделать важный историко-правовой вывод: чем менее формализовано понятие социальной полезности, тем легче оно превращается в средство идеологически окрашенного преследования [3, с. 142].

При этом было бы методологически неверно сводить всю кампанию против тунеядства только к политическим делам против известных фигур. Глубокий анализ требует признать, что в массовом правоприменении Указ 1961 года был связан и с реальными социальными трудностями позднехрущевской модернизации. Переход от послевоенной мобилизационной модели к более стабильной городской повседневности сопровождался миграцией, ростом скрытой городской бедности, бытовой дезорганизацией, пьянством, семейным распадом, неустойчивой занятостью и появлением слоев населения, которые не вписывались в официальную модель «рабочего, колхозника, служащего». Государство отвечало на эту проблему не развитием социальных сервисов, не адресной поддержкой и не программами ресоциализации, а прежде всего, репрессивно-нормативным путем. Тем самым тунеядство конструировалось как правовое отклонение там, где значительная часть причин имела социальную, экономическую и культурную природу. В этом смысле борьба с тунеядством стала типичным примером избыточной криминализации социальной проблемы: право подменяло собой социальную политику. Даже статистика судимости и регистрационной преступности начала шестидесятых годов, которую криминологи оценивают с оговорками из-за изменения методик учета, показывает, что на фоне общей реформы и изменения порядка регистрации преступлений государство стремилось не только смягчать отдельные институты, но и перенаправлять контроль в новые зоны повседневного поведения.

Если обратиться к проблемам реформы с позиции современной теории уголовной политики, то можно выделить несколько системных дефектов. Во-первых, произошло опасное смешение уголовно-правовых и социально-моральных критериев: наказуемым становилось не только конкретное общественно опасное деяние, но и отрицательная оценка образа жизни. Во-вторых, использовались чрезмерно широкие оценочные понятия, не обеспечивавшие должной правовой определенности. В-третьих, сохранялся выраженный перекос в сторону коллективистского понимания общественной пользы, при котором интересы государства и трудового коллектива явно доминировали над индивидуальной свободой

выбора жизненной стратегии. В-четвертых, правоприменение опиралось на формальную трудовую встроенность как на критерий лояльности и нормальности, что объективно создавало риск преследования творческого труда, сезонной занятости, нестабильных форм заработка и иных моделей поведения, которые не были тождественны общественной опасности [4, с. 99]. В-пятых, сама борьба с тунеядством продемонстрировала ограниченность репрессивного ответа на социальную дезадаптацию: принудительное выселение и трудовое поселение могли изолировать проблему, но не устраняли ее причин. Эти выводы особенно значимы для современной российской юридической науки, поскольку напоминают: уголовный закон должен охранять общество от деяний, а не навязывать единственно допустимую модель биографии.

Пути решения, если рассматривать тему в ретроспективно-аналитическом и одновременно современном измерении, вытекают из этих исторических уроков вполне определенно. Во-первых, при оценке социально неблагополучного поведения необходим жесткий приоритет принципа правовой определенности: основанием ответственности может быть лишь конкретное деяние, четко описанное в законе, а не размытая характеристика образа жизни. Во-вторых, социальные проблемы, связанные с безработицей, бродяжничеством, зависимостями, бедностью и маргинальностью, должны решаться через трудовое, социальное, медицинское и муниципальное регулирование, а не через расширение уголовного принуждения. В-третьих, государство должно различать добровольную незанятость, нестандартную занятость, временную потерю работы и действительно опасные формы поведения, сопряженные с иными противоправными деяниями [5, с. 243]. В-четвертых, любые правовые решения в сфере занятости должны исходить из современных конституционных стандартов: в Российской Федерации труд свободен, принудительный труд запрещен, а государственная политика в сфере занятости строится на гарантиях содействия трудоустройству, а не на криминализации отсутствия работы. Эта логика закреплена в статье 37 Конституции Российской Федерации, в статье 4 Трудового кодекса Российской Федерации и в законодательстве о занятости населения. Следовательно, главный урок реформы 1958-1961 годов для современного права России состоит в том, что баланс между гуманизмом и общественным порядком возможен только при отказе от криминализации «неправильного» образа жизни и при строгом разграничении уголовной ответственности и социальной политики [6, с. 79].

В итоговом научном выводе следует подчеркнуть, что реформа уголовного законодательства 1958-1961 годов была одним из наиболее сложных и противоречивых этапов в истории отечественного уголовного права. Ее гуманистическое значение бесспорно в той части, где она укрепила принцип законности, вины, более четкой кодификации и индивидуализации наказания. Но столь же бесспорно и другое: борьба с тунеядством показала пределы этой гуманизации. Советский законодатель оказался готов смягчать уголовное право, как систему юридических конструкций, но не был готов отказаться от использования права как инструмента дисциплинирования личности и навязывания обязательной трудовой модели. Именно поэтому реформа 1958-1961 годов должна рассматриваться не как завершенный поворот к гуманизму, а как попытка найти компромисс между правовой рационализацией репрессии и сохранением идеологически мотивированного контроля над социальным поведением. В этом и состоит ее главное историко-правовое значение для современной науки.

Пристатейный библиографический список

1. Богданчикова Е. С. Описание явления тунеядства в советской юридической литературе 1960-х гг. // Ноябрьские чтения-2019: сб. статей по итогам XI Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – Санкт-Петербург: Скифия-принт, 2021. – С. 430-440.
2. Богданчикова Е. С. Советская общественность Ленинграда в борьбе с проявлениями паразитического образа жизни в первой половине 1960-х гг. / Е. С. Богданчикова // Ноябрьские чтения-2021: сб. статей по итогам XIII Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – Санкт-Петербург: Скифия-принт, 2022. – С. 503-508.
3. Богданчикова Е. С. Социальный паразитизм в сатирической печати «оттепели» (на примере журнала «Крокодил») // Историческая наука завтрашнего дня. – Москва: ЛЕНАНД, 2021. – 371 с.
4. Шеслер А. В. Идеологические основы уголовного законодательства советского периода о преступлении и наказании // Вестник Кузбасского института. – 2021. – № 1 (46). – С. 99-111.
5. Упоров И. В. Реформирование судоустройства СССР в период «оттепели» // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2024. – № 9-2 (96). – С. 243-248.
6. Урусов З. Х. Советский период развития уголовного законодательства // Лучшая научная статья 2021: сб. статей XLI Международного научно-исследовательского конкурса. – Пенза, 2021. – С. 78-81.

DOI 10.46320/2073-4506-2026-4-215-102-104

АБДУЖАЛИЛОВ Тимур Фарходович
аспирант Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы, Санкт-Петербургский политехнический университета им. Петра Великого

СПИРИДОНОВ Вячеслав Валентинович
магистр Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы, Санкт-Петербургский политехнический университет им. Петра Великого

КОНЦЕПЦИЯ «ЖИВОГО ПРАВА» ЕВГЕНИЯ (ОЙГЕНА) ЭРЛИХА В СИСТЕМЕ СОЦИОЛОГО-ЮРИДИЧЕСКИХ ИДЕЙНЫХ ТЕЧЕНИЙ

В статье приводится сравнительная характеристика системы социолого-юридических концепций. Среди таковых выделяется концепция «живого права», наибольший вклад в которую внёс австрийский юрист и социолог Евгений Эрлих, благодаря трудам которого получил своё развитие межинституциональный научный синтез социологических и юридических достижений. С помощью сравнительного метода и общенаучных логических приёмов определяются особенности социолого-правовых идей Евгения Эрлиха, выявляются их концептуальные различия с идеями других правоведов в истории и современности. Применяется также историко-хронологический метод для осмысления предпосылок и исходных детерминант, под влиянием которых формировалась и развивалась исследуемая теория. С применением юридической герменевтики анализируется не только текст из источников, описывающих концепцию, но и исторический, географический и культурный контекст, исследование которого также важно для исчерпывающего описания концептуальной модели учёного. Исследование является комплексным, аккумулирующим последние достижения многих гуманитарных наук. В качестве результата исследования представляется тезисное описание основных положений концепции «живого права» Евгения Эрлиха, подводится итог, резюмирующий значение концепции, её актуальность, причины возникновения и причины дальнейшего изменения вектора развития социолого-юридического осмысления государственно-правовых феноменов. Данные, полученные в результате проведения исследования, носят преимущественно теоретический характер, при этом, могут быть применены для будущего системного развития теоретических и практических юридических и иных гуманитарных изысканий.

Ключевые слова: научные парадигмы, живое право, социология права, философские концепции, теория права, философия права, теория государства, теория юриспруденции, история социологии, развития юридической мысли, правовое регулирование, научное сообщество, европейская юридическая мысль, гуманитарные науки.

ABDUZHALILOV Timur Farkhodovich
postgraduate student of the Graduate School of Law and Forensic Science, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

SPIRIDONOV Vyacheslav Valentinovich
master of the Higher School of Jurisprudence and Forensic Engineering Expertise, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

THE CONCEPT OF «LIVING LAW» BY EUGENE (EUGEN) EHRLICH IN THE SYSTEM OF SOCIO-LEGAL IDEOLOGICAL TRENDS

The article provides a comparative description of the system of socio-legal concepts. Among these, the concept of «living law» stands out, the greatest contribution to which was made by the Austrian lawyer and sociologist Eugene Ehrlich, thanks to whose work the interinstitutional scientific synthesis of sociological and legal achievements was developed. Using the comparative method and general scientific logical techniques, the features of Evgeny Ehrlich's sociological and legal ideas are determined, and their conceptual differences with the ideas of other jurists in history and modernity are revealed. The historical and chronological method is also used to understand the prerequisites and initial determinants, under the influence of which the theory under study was formed and developed. Using legal hermeneutics, not only the text from the sources describing the concept is analyzed, but also the historical, geographical and cultural context, the study of which is also important for an exhaustive description of the conceptual model of the scientist. The research is comprehensive, accumulating the latest achievements of many humanities. As a result of the research, a summary description of the main provisions of the concept of "living law" by Evgeny Ehrlich is presented, summarizing the significance of the concept, its relevance, the causes of its occurrence and the reasons for further changes in the vector of development of the socio-legal understanding of state-legal phenomena. The data obtained as a result of the research are mainly theoretical in nature, while they can be applied for the future systematic development of theoretical and practical legal and other humanitarian research.

Keywords: scientific paradigms, living law, sociology of law, philosophical concepts, theory of law, philosophy of law, theory of state, theory of jurisprudence, history of sociology, development of legal thought, legal regulation, scientific community, European legal thought, humanities.

Социология права как научное направление зародилось гораздо раньше, чем концепция «живого права» Евгения Эрлиха. При помощи общих логических методов и историко-хронологического анализа можно выявить, что первые попытки оформления социологии права задавались ещё Огюстом Контом и Эмилем Дюркгеймом с середины до конца XIX века, однако, этой период юридической социологии принято считать периодом зарождения социолого-юридической научной мысли, так как концепции, предшествующие идеям Евгения Эрлиха были несамостоятельны и опирались на господствующую в то время позитивистскую парадигму. В таких рамках, заданных господствующим большинством научного сообщества феномены права и государства понимались как объективные позитивные объекты реальности.

Государственно-правовые категории описывались отдельно от субъективных воззрений индивида и определялись как системы существующих обязательств и запретов. Разница между первыми концептами понимания социологии права Огюста Конта, и Эмиля Дюркгейма была лишь в том, что Дюркгейм объяснял факт существования обязательного для всех права всеобщей социальной солидарностью. При этом, обе концепции можно отнести к позитивистскому развитию философской мысли, так как в обоих случаях государственно-правовые категории описывались в ключе их появления и работы в строгой социальной вертикали сверху вниз через позитивное принуждение.

С применением метода логического анализа и исторической хронологии, можно заметить, что в системе социолого-юридических идейных течений конца XIX века, начала XX века наблюдается качественная эволюция развития идейных течений. Этот период именуется, как классический в социологии права и связано это с тем, что социология права отдалилась от позитивистской парадигмы, господствовавшей долгое время в научном сообществе. Самостоятельное развитие социологии права стало возможным благодаря тому, что первая волна позитивизма практически полностью исчерпала себя, а слабые стороны концепции осветили учёные, развивающие идеи эмпириокритицизма. Так, с развитием философской социолого-юридической мысли получили развитие идеи социальных взаимодействий.

Концепция «живого права» Евгения Эрлиха рассматривается как одна из классических в системе социолого-юридических идейных течений, а наиболее полного её осмысления и репрезентации можно добиться при помощи применения сравнительного метода, сопоставив её с классической теорией социологии государства и права Максимилиана Вебера. В концепции Максимилиана Вебера наибольшее значение придаётся социальным связям, которые порождают государство и право, в частности, он описывает государственную монополию на социальное насилие как благо, благодаря гипотетическому применению которого в отношении нарушителей можно прийти к порядку и к состоянию законности в обществе. При этом в содержании идей Максимилиана Вебера государство и право имеют внешнее выражение, государство первично, так как именно оно позволяет применять регулятивные и охранительные меры в отношении общества, а действует вся эта система скоординированно и систематизированно. Она основывается на социальной рациональности, таким образом, формальные нормы по причине своего воздействия направлены на поддержание гармонизации социальных течений и общественного порядка. При этом такое разрешение на возможность осуществление насилия по его концепции государство получает не спонтанно, а ввиду сложных социальных взаимодействий, порождающих идею социальной солидарности, ведущую к общественному правопорядку. Каждую социальную связь он рассматривает индивидуально, при этом, влияние от каждой из них оставляет неизгладимое изменение на ходе исторической хронологии. Индивиды в процессе своих взаимодействий получают социальный опыт, влияющий на уровень их правосознания и дальнейшее соблюдение или несоблюдение норм права. При этом, данная концепция несмотря на свою популярность и значение в истории социологии имеет множество недостатков из-за формализованной априорности в представлении о рациональности любой правовой системы.

В сравнении с этой классической концепцией, в положениях которой признаётся лишь внешнее выражение права, отождествлённое с метафизической интенцией к рациональности, концепция «живого права» Евгения Эрлиха является более гибкой и универсальной. В соответствии с его концепцией право является более широкой категорией, нежели просто системой внешне выраженных установок. Так, Панакшева И. В., рассматривая концепцию Евгения Эрлиха, указывает на то, что в ней право подразделяется на «фактическое и официальное» [1, с. 124]. Таким образом, в рассматриваемой концепции подразумевается то, что право исходит из общественных интенций, оно первично государству, так как именно социальные связи и когнитивные восприятия порождают за собой отношение к праву, а государство – это лишь одна из форм социальной ассоциации. Куликова М. С. акцентирует внимание в своей работе на том, что «живое право» Евгения Эрлиха имеет большое преимущество в сравнении с другими, в том числе и потому что позволяет осветить не только теорию, но и «практику» [2, с. 364] юридической философии. При этом следует понимать важность наличия межгосударственных различий между правовыми системами государств. Действительно, судебная практика может иметь свои особенности в зависимости от государства, в государствах англо-саксонской правовой семьи судебный прецедент может и сам по себе признаваться на уровне нормы права, так как он может быть обязателен для исполнения нижестоящими судами, однако, такая особенность имеется не во всех государствах. Территориальный характер теории подмечает и Камкин А. А., освещая влияние этой концепции на правовую систему США [3, с. 10].

При этом, концепция Эрлиха не теряет своей актуальности и по сей день. Теоретическую важность этой концепции отмечают многие [4, с. 171], [5, с. 163], [6, с. 11] представители научного сообщества. Ромашов Р. А. проводит анализ изменений конституционного законодательства с позиций рассматриваемой концепции [7, с. 22]. Он описывает изменения в праве Российской Федерации, анализирует их в соответствии с концепцией Эрлиха и приходит к выводам о применении различных технико-юридических конструкций. Сама возможность проведения анализа иллюстрирует важность и значимость концепции «живого права» Евгения Эрлиха.

Особую важность и применимость концепции Эрлиха описывает и Антонов М. В., который среди достоинств этой концепции определяет возможность учёта «безграничных регулятивных способностей государства» [8, с. 276], таким образом, он репрезентует важность учёта многогранности права и плюрализма образов социального восприятия этого феномена. В соответствии с концепцией, первичны социальные отношения, которые порождают негласные правила поведения, обычаи, культурные традиции, которые в будущем уже лишь санкционируются государством. При этом, государство, как одно из наиболее масштабных явлений социальной ассоциации вбирает в себя наибольшее количество социальных переживаний, связей и затем, правил поведения.

Ляхов В. А. с использованием историко-хронологического метода также отмечает значимость социолого-правовой школы права, которая позволяет расширить границы правопонимания, установленные позитивной школой права

[9, с. 439]. В то же время, он подчёркивает и недостатки концепции «живого права», который выражен в том, что люди при получении свободы юридической воли в осуществлении государственных полномочий могут действовать в неограниченных масштабах, тем самым полностью отходя от какого-либо догмата.

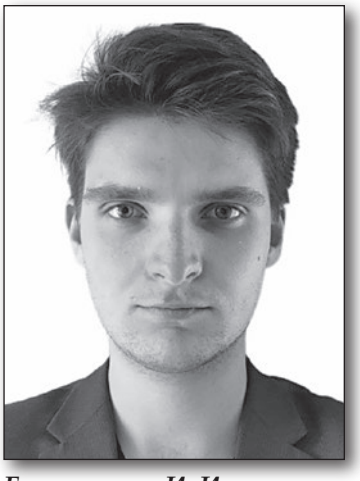
В заключение отметим, что концепция Евгения Эрлиха имеет, занимает особое и место во всей системе социолого-юридических идейных течений. Эта важность обусловлена окончательным переходом от позитивизма к исследованию социальных фактов, однако, она имеет как достоинства, так и недостатки. Эта концепция позволяет обойти рамки формализма и отчертить социальную необходимость права от позитивных вертикальных установок, однако, её ограниченность в том, что концепция сфокусирована на социуме, который многообразен в своих проявлениях. Социальные восприятия не могут считаться правовыми, если они деструктивны, и направлены на социальную деградацию, к примеру, поэтому мы одобряем развитие законодательства о защите социальных традиционных ценностей в Российской Федерации. Таким образом, важно как гармонизирующее влияние социума на государство, так и гармонизирующее влияние государства на общество. Именно поэтому социолого-юридические течения в современности направлены в область взаимной социально-государственной синергетики.

Пристатейный библиографический список

1. Панакшева И. В. Различие фактического и официального права: взгляд Эрлиха // Традиции и новации в системе современного российского права: материалы Международного конгресса молодых ученых. В 5-ти томах, Москва, 04–05 апреля 2025 года. Том 1. – Москва: Издательский центр Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2025. – С. 123-124. – EDN EKVZNK.
2. Куликова М. С. Глава 17 Сущность нормативного в социальном: модели судебной методологии О. Эрлиха и Г. Канторовича // Нормативность в праве: понятие, интерпретации, взаимосвязь с другими правовыми свойствами: коллективная монография к юбилею профессора М. В. Антонова. – Санкт-Петербург: ООО «Скифия-принт», 2024. – С. 363-372. – EDN QUTNUS.
3. Камкин А. А. Концепция «живого права» и его влияние на закон // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2023. – № 2 (59). – С. 10-13. – EDN CAMTLD.
4. Львов А. В. Правопонимание в различных школах права (исторический аспект) // Социально-гуманитарные исследования: векторы развития науки и образования: материалы VIII научно-практической конференции с международным участием, посвященной Году педагога и наставника, Москва, 20-21 апреля 2023 года. – Москва: Московский педагогический государственный университет, 2023. – С. 170-176. – DOI 10.37492/ISGO.2023.10.01.019. – EDN AVVVMO.
5. Лезов И. Л. Проблема возникновения правовых норм в трудах О. Эрлиха и С. А. Муромцева // Социально-гуманитарные исследования: векторы развития науки и образования: материалы VIII научно-практической конференции с международным участием, посвященной Году педагога и наставника, Москва, 20-21 апреля 2023 года. – Москва: Московский педагогический государственный университет, 2023. – С. 163-169. – DOI 10.37492/ISGO.2023.10.01.018. – EDN DTNTVS.
6. Апанович А. А. Концепция «свободного права» О. Эрлих // Альманах молодого исследователя. – 2025. – № 18. – С. 11-13. – EDN QFGSIX.
7. Ромашов Р. А. Юридическая техника изменения конституционного законодательства в системе «живого» права современной России // Юридическая техника. – 2023. – № 17. – С. 22-26. – EDN SWSEPE.
8. Антонов М. В. Теория права и социально-правовые исследования // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2025. – № 2. – С. 272-294. – DOI 10.17323/2072-8166.2025.2.272.294. – EDN ZDWVGC.
9. Ляхов В. А. Социологическая юриспруденция в эпоху цифровизации права // Образование и право. – 2023. – № 10. – С. 438-445. – DOI 10.24412/2076-1503-2023-10-438-445. – EDN LICROC.

ГУСЕЛЬНИКОВ Иван Ильич

аспирант кафедры теоретико-исторических правовых наук, Московский городской педагогический университет; помощник депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации

Гусельников И. И.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОСНОВНЫХ НАЧАЛ НАЦИОНАЛЬНОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА В 1905-1918 ГОДЫ В РОССИИ

В статье рассматриваются тенденции развития избирательного законодательства, в частности, изменение принципов избирательного права в национальном законодательстве на рубеже 1905-1918 годов. Автором формулируются выводы о двойственности революционных преобразований, касающихся изменений в избирательной правосубъектности отдельных социальных групп, об идеологических и социально-политических причинах существования избирательных цензов на разных исторических этапах рассматриваемого периода. В статье проводится анализ избирательного законодательства Российской Империи, периода существования Временного правительства, а также начального этапа становления Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

Ключевые слова: принципы избирательного права, избирательные цензы, избирательная правосубъектность, активное и пассивное избирательное право.

GUSELNIKOV Ivan Ilyich

postgraduate student of Theoretical and historical legal sciences sub-faculty, Moscow City Pedagogical University; assistant to a Member of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation

TRANSFORMATION OF THE BASIC NATIONAL PRINCIPLES OF SUFFRAGE IN RUSSIA IN 1917-1918

The article examines the trends in the development of electoral legislation, in particular, the changes in the principles of electoral law in national legislation at the turn of 1917-1918. The author concludes that the revolutionary transformations regarding the change in the electoral legal personality of certain social groups were dualistic, and draws conclusions about the ideological and socio-political reasons for the existence of electoral qualifications at different historical stages of the period under consideration. The article analyzes the electoral legislation of the Russian Empire, the period of the Provisional Government, and the initial stages of the formation of the Russian Soviet Federative Socialist Republic.

Keywords: principles of electoral law, electoral qualifications, electoral legal personality, active and passive electoral rights.

Национальное избирательное право имело длительный период становления, зародившись в эпоху существования Древнерусского государства. Оно прошло тернистый путь институционализации на протяжении всех исторических эпох российской государственности. Возникновение и изменение законодательства и, в частности, появление норм, регулирующих избирательные процедуры, объективно зависит от политической и социально-экономической ситуации в государстве. Существующая форма государства напрямую определяет содержание норм права, а также те фундаментальные начала, на которых они будут строиться. Так, в зависимости от формы правления избирательное законодательство будет предусматривать наличие или отсутствие процедуры выборов главы государства. Форма политического режима будет напрямую влиять на объем избирательных прав у граждан или подданных, а также наличие или отсутствие избирательных цензов и их характер, существование норм дискриминационного характера. В зависимости от формы административно-территориального устройства избирательное право будет определять порядок избрания представительных органов власти в регионах, а также содержать нормы, закрепляющие права территориальных в области избрания должностных лиц.

Являясь продуктом правотворческой деятельности, избирательное право, с одной стороны, впитывает в себя особенности исторического развития отдельного государства, с другой – развивается в тесной связи с международным правом и тенденциями в законодательстве, регулирующем избирательный процесс, представляет собой фундамент, который образуют базовые принципы права, во многом имеющие свое начало от основного закона страны, соответствующего конкретному периоду исторического развития.

Принципы права по своей сущности (применительно к подотрасли избирательного права) являются определенными фундаментальными идеями, которые берут своё начало из правовых ценностей, а они, в свою очередь, сформулированы на основе научного и практического опыта, а в последующем – в практике правоприменения. Большинство представителей научного сообщества придерживаются мнения, что в общетеоретическом значении под принципами избирательного права понимаются: «общепризнанные, базовые начала, закрепленные в нормах избирательного права, которые отражают природу выборов как конституционной основы народовластия, определяя правовое регулирование избирательных прав, так и согласованную систему гарантий и процедур, обеспечивающих императивное, честное (нефальсифицированное) проведение различных видов выборов в Российской Федерации, реализацию и защиту избирательных прав российских граждан» [1].

Касательно отечественного избирательного права исследуемого периода под такими Основными законами следует понимать: Основные государственные законы Российской

империи (от 23 апреля 1906 года)[1], Конституцию Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (от 10 июля 1918 года)[2]. Применительно к периоду существования Временного правительства (с 2 марта – по 8 ноября 1917 года) выделить единый кодифицированный акт, выступавший в качестве основного закона, не представляется возможным, ввиду его отсутствия, однако стоит отдельно подвергнуть анализу Постановление Временного правительства от 20 июля 1917 г. «Об утверждении раздела I положения о выборах в Учредительное собрание»[3] ввиду наличия зафиксированных основных принципов избирательного права в указанном документе.

Цель данной статьи – провести всесторонний анализ преобразований принципов избирательного права с 1905 по 1918 год и сделать вывод о взаимосвязи исторических событий, а также политической обстановки в государстве с законодательными новеллами. С учетом хронологических рамок исследуемого периода необходимо рассмотреть законодательство различных исторических периодов: существования Российской империи (имперский), Временного правительства (переходный) и начального периода РСФСР (советский). В рамках достижения поставленной цели следует воспользоваться хронологическим, историческим и сравнительно-правовым методами, благодаря которым появиться возможность дать оценку описываемым изменениям совокупности принципов избирательного права, а также выделить эволюционные и революционных преобразования в их составе.

Анализ воздействия избирательного законодательства на субъективные права граждан необходимо проводить с учетом существовавшей на момент исследуемого исторического периода системы органов публичной власти, а также особенностей избирательных процедур. Стоит отметить, что отечественные представительные органы власти имеют длительную историю становления, начавшуюся с традиции вечевых сходов Новгородской земли и Псковского княжества, позднее – княжеских съездов, они постепенно трансформировались в более зрелую форму органов сословно-представительной монархии, которая была представлена непостоянно действующими Земскими соборами. В последующем – после длительного периода отсутствия централизованных представительных органов власти органом народного представительства стала Государственная Дума, а после осуществления Октябрьской революции – система советов.

Вместе с этим само по себе наличие представительных органов власти не означает высокий уровень демократизации общества, а также широких избирательных прав и гарантий. Как справедливо отмечает О. И. Чистяков, комментируя период сословно-представительной монархии в России: «Ограничивая царскую власть, земские соборы в то же время объективно её укрепляли» [2]. Несмотря на это, осознавая необходимость вовлечение части социальных слоев в решение острых государственных вопросов, во второй половине XIX века появляются земства, а также благодаря «Великим реформам» Александра II внедряются элементы демократизации в судебный процесс, в том числе, за счет выборных присяжных заседателей. Так, по мнению Н. Н. Ефремовой, благодаря привлечению представителей общественности соответствующего сословия (выборных присяжных заседателей) идея о равном суде получила свою реализацию [3].

Преемственность исторического развития нашла отражение на этапе создания первой Государственной Думы, появление которой во многом обусловлено разразившейся Первой русской революцией, имевшей истоки в поражении на полях русско-японской войны (1904-1905 годов), по итогам чего впоследствии пришлось возвращаться к идеям о народном представительстве. Как справедливо отмечает О. И. Чистяков: «В Положении о выборах в Государственную думу от 6 августа 1905 г. были использованы основные начала организации выборов в земские органы самоуправления»[4].

Анализ законодательства, регулирующего выборы, а также выявление принципов избирательного права имперского периода необходимо проводить, основываясь на изучении норм Положения о выборах в Государственную Думу от 6 августа 1905 года, изданное одновременно с Манифестом об учреждении Государственной Думы. Получившая в народе название «Булыгинская Дума» созвана в соответствии с изначальной концепцией не была, ввиду начавшейся Всероссийской политической стачки, причиной которой стали требования населения в области расширения трудовых и личных прав. На фоне массовых протестов 17 октября 1905 года был издан Манифест об усовершенствовании государственного порядка[5] (далее – Манифест), который содержал в себе ряд принципиальных положений, коренным образом меняющих правосубъектность значительного количества подданных.

Согласно пункту 2 Манифеста от лица властвующего субъекта озвучивалось признание о вынужденной необходимости привлечения к участию в формировании Государственной Думы «тех классов населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав». Таким образом, в официальном документе фактически происходит постепенное расширение количества лиц, обладающих субъективным избирательным правом. Отметим, что на протяжении всего существования Российской империи действовали дискриминационные ограничения избирательных прав, выражающиеся в запрете участия в выборах членов представительных органов подданными из низших сословий, а также в имевшемся половом цензе. При этом распространение указанных цензов, ограничивающих активное избирательное право, было крайне неравномерным. Так, к примеру, в Великом княжестве Финляндском женщины участвовали в голосовании в соответствии с Сеймовым уставом 1906 года [4].

Наличие избирательных цензов само по себе еще не означает, что в нормативном правовом акте отсутствуют демократические начала. Данный институт зачастую может быть направлен лишь на фиксацию признаков субъектов пассивного избирательного права, подпадающих под критерии зрелости (ценз дееспособности), наличия тесной правовой

1 Основные государственные законы Российской империи: утв. Императором Николаем II 23 апреля 1906 г. // Свод законов Российской империи. - СПб.: Государственная типография, 1906. - Т. I, ч. 1. - Разделы: Введение, гл. 1-11 (ст. 1-124).

2 Конституция (Основной Закон) РСФСР: принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. - 1918. - № 51. - С. 582.

3 Российское законодательство X-XX веков: Законодательство периода расцвета абсолютизма. В 9-и томах. Т. 9 / отв. ред.: Е. И. Индова; под общ. ред.: О. И. Чистяков. - М.: Юридическая литература. - М, 1994. - С. 135-136.

4 Положение о выборах в Государственную думу 1905 года // Гарант: официальный сайт. 2025. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5213/ (дата обращения: 10.03.2026).

5 Манифест об усовершенствовании государственного порядка от 17.10.1905 // Полное собрание законов Российской империи: собрание III. - СПб., 1908. - Т. 25. - № 26803.

связи с государством (ценз гражданства). Однако, в случае установления ограничений в целях сознательного лишения определенной социальной группы по половому, национальному, религиозному признаку, ввиду неприятия их политических требований или электоральных особенностей права на участие в выборах, смело можно говорить о том, что ценз явно внедрен в дискриминационных целях и направлен на исключение всеобщности в избирательном процессе [5].

Одной из особенностей выборов в Государственную Думу Российской империи являлось неравномерное распределение количества депутатов от различных губерний и территорий, вне зависимости от численности населения в данных регионах. Фактически исходя из общих положений о выборах, выборы проводились на территории 50 центральных губерний европейской части России с использованием куриальной системы, базировавшейся на фиксации преимуществ курии уездных землевладельцев и городских избирателей, численность которых была существенно меньше представителей от волостей и станиц. Чертой куриальной системы выборов также являлось установление имущественного ценза, который создавал рамки, определявшие принадлежность человека к той или иной курии. При этом выборы на территории областей Сибирской, Уральской и некоторых иных территориальных единиц производились на основании особых правил. Примером таких отдельных норм являются положения о выборах, которые использовались в среде «кочевых инородцев»[6]. К данной социальной общности, как правило, относили сибирские народы, представителей кочевых народов Ставропольской губернии и народности, населявшие территорию Кавказа.

Помимо наличия охранных и технических цензов в соответствии с Манифестом в избирательных правах было отказано лицам женского пола, лицам моложе 25 лет, учащимся, военнослужащим и бродячим инородцам. Данные ограничения во многом были вызваны попыткой исключения тех групп населения, которые, в случае участия в проведении съездов избирателей могли бы отдать голос крайне нелояльным делегатам.

Отдельно стоит коснуться возрастных ограничений, которые, несмотря на отсутствие в законодательстве Российской империи понятия «возраст дееспособности» были существенно выше, например, возраста совершеннолетия, который согласно ст. 28 Проекта Гражданского уложения Российской империи наступал для лиц как мужского, так и женского пола по достижении двадцати лет с годом от рождения [6]. Благодаря существованию описанных избирательных ограничений большая часть населения фактически была лишена права на участие в выборах.

Серьезные изменения произойдут после роспуска I Государственной Думы и издания Положения о выборах в Государственную Думу 3 июня 1907 года. В результате введения в действие нового акта будет расширен перечень курий, добавятся съезды казачьих станиц. Несмотря на формальное равенство голосов выборщиков удельный вес представителей курий, объединяющих элиту сословного общества и наиболее консервативную часть населения, будет значительно выше голосов уполномоченных, представляющих интересы рабочих и крестьян. Юридически значимым фактом, определявшим принадлежность человека к курии и ее внутренним структурным единицам (отделениям) являлось, в случае с землевладельческой курией: площадь земли, которой владеет лицо и оценочная стоимость имущества, в то время как для участия в съезде городских избирателей значимым критерием являлось: владением недвижимым имуществом, стоимость которого пропорционально коррелировалась с численностью населения в населенном пункте.

Таким образом, в качестве основных принципов избирательного права имперского необходимо отметить отсутствие всеобщности выборов, фактическое неравенство количества выборщиков от различных курий при формальном равенстве голосов каждого участника съездов соответствующей курии. Тем не менее, порядок проведения выборов на предварительных и избирательных съездах сочетал в себе гарантии сохранения тайны голосования и некоторую открытость, выражавшуюся в наличии права присутствовать при производстве выборов лицам, которые принадлежат к съезду избирателей, в рамках которого происходит голосование.

Коренные изменения в системе принципов избирательного права произойдут после отречения от престола Николая II и получения полноты власти Временным правительством. Своей основной целью указанный орган ставил созыв Учредительного собрания, в круг задач которого входило определение формы правления и принятие конституции государства.

Изучение партийной принадлежности членов первого состава Временного правительства дает возможность сделать вывод о причинах последующих изменений в совокупности принципов, которые будут заложены в Постановлении Временного правительства от 20 июля 1917 г. «Об утверждении раздела I положения о выборах в Учредительное собрание» (далее – Постановление). Председателем правительства с марта по май 1917 года был князь Г. Е. Львов – видный представитель конституционно-демократической партии, программные положения которой включали в себя проведение либеральных экономических реформ, расширение и создание гарантий защиты личных прав, ликвидация сословных привилегий. Министром юстиции при этом являлся А. Ф. Керенский – член партии социалистов-революционеров, в задачи которой входило установление демократической парламентской республики.

Отмена куриальной системы выборов и искоренение имущественных цензов напрямую удовлетворяло требования большинства населения и позволяло победить на выборах в Учредительное собрание пришедшим к власти политическим силам. В связи с этим в законодательстве находят закрепление основные демократические принципы избирательного права, действующие до сих пор.

Так, возрастной ценз снижается, и правом на участие в голосовании наделяются граждане, достигшие ко дню выборов возраста 20 лет. Постановлением был отменен половой ценз, за счет чего количество избирателей выросло в разы. Непрямые выборы и система выборщиков также были отменены, процедура выборов стала прямой, при этом принцип тайны голосования был сохранен. Лишенными права голоса оставались военнослужащие, должники, отдельные категории граждан, в отношении которых в законную силу вступили судебные приговоры по некоторым уголовным статьям, безумные и глухонемые, находящиеся под опекою.

6 Высочайше утвержденные Правила о производстве выборов в Государственную думу в местностях, занимаемых кочевыми инородцами Астраханской и Ставропольской губерний от 25 марта 1906 г.: [Именной Высочайший указ, данный Сенату и Правила] // Полное собрание законов Российской империи: собрание III. – Т. XXVI: 1906, отделение 1-е. - СПб., 1909. - Ст. 27598. - С. 305-306.

Таким образом, благодаря законотворческой деятельности Временного правительства в российском государстве впервые были нормативно закреплены принципы всеобщности голосования, полного отсутствия половых цензов на территории страны, равенства голосов избирателей, что подтверждалось отменой куриальной системы и прямой процедурой выборов. Сохранялась тайна голосования.

Благодаря трансформации избирательного права именно в рассматриваемый период происходят революционные преобразования в системе принципов избирательного права, сущность которых заключается в коренном переустройстве, как процедуры выборов, так и расширения субъективных прав у значительного количества населения, которое ранее ими не обладало.

В результате последовавших летом 1917 года кризисов Временного правительства, усугубляющихся нарастанием социально-экономических противотечений и неудачами на фронте, в октябре 1917 года к власти пришли представители РСДРП(б) – сторонники революционных преобразований, направленных на строительство социалистического государства. После установления новой системы власть на уровне местного и центрального управления переходит к советам, представляющим из себя органы выборного представительства.

Принципы нового избирательного права были закреплены в Конституции РСФСР, принятой на V Всероссийской съезде Советов 10 июля 1918 года. В разделе 4 Основного закона содержались положения, определяющие активное и пассивное избирательное право граждан. Особенностью данного акта стало сильное влияние марксистко-ленинской идеологии и политических взглядов большевиков на юридическое содержание и подготовительный процесс создания акта.

Несмотря на классовый подход, который использовался при определении правосубъектности граждан и определении их субъективных прав, текст Конституции следует демократической тенденции в части сохранения ранее признанных принципов избирательного права. С некоторой оговоркой можно утверждать о сохранении принципа всеобщности выборов. В акте подтверждалось право граждан избирать и быть избранным в советы вне зависимости от пола, национальности, оседлости, религиозной принадлежности, при этом перечень дискриминационных критериев был открытым, что подчеркивало приверженность создателей Конституции к борьбе за равноправие граждан. Возрастной ценз претерпел изменения, право голосовать получили граждане, достигшие 18 лет. При этом основным критерием, который определял возможность принимать участие в процедуре избрания советов, являлся характер трудовой деятельности, которой занимался человек. Социально одобряемым признавался производственный и общественно полезный труд, военнослужащие и граждане, потерявшие трудоспособность, также приобретали избирательные права.

Нововведением Конституции 1918 года стала формальная возможность пользоваться активным и пассивным избирательным правом иностранцами, которые являлись представителями рабочего класса и проживали на территории РСФСР.

Несмотря на следование, демократическим тенденциям документом также устанавливался обширный перечень лиц, лишенных избирательных прав по идеологическим причинам, к ним относились: лица, использующие наемный труд, представители духовенства, бывшие служащие корпуса жандармов, лица, занимавшиеся предпринимательской деятельностью и т.д. Во многом указанные категории были лишены избирательных прав по причине нелояльности новой власти, в том числе, выразившейся в поддержке белого движение в условиях продолжавшейся на тот момент Гражданской войны.

Организация советской власти на местах формально строилась на основе принципа равенства голосов, но при этом норма представительства от городов и сельской местности могла существенно различаться. Так, окружные съезды избирались из расчета 1 депутата на 10 000 избирателей сельской местности, а в городах – 1 депутат от 2 000 избирателей. Был подтверждён принцип тайны голосования и прямых выборов, но исключительно для советов низового сельского или городского уровня.

Таким образом, можно сделать вывод, что революционные преобразования 1917-1918 годов привели к коренному пересмотру принципов избирательного права. Благодаря деятельности Временного правительства в отечественном законодательстве впервые были закреплены: принцип всеобщности, который пришел на смену исключительным сословным привилегиям отдельных категорий населения; принцип формального равенства голосов; прямых выборов и сохранившийся принцип тайны голосования. Несмотря на последующие дискриминационные ограничения, эти фундаментальные начала стали отправной точкой демократизации общества и легли в основу современного избирательного права.

Пристатейный библиографический список

1. Красовская Л. П. Избирательное право: конспект лекций – СПб: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018. - С. 42-45.
2. Российское законодательство X-XX веков: в 9-ти томах / под общей редакцией доктора юридических наук, профессора О. И. Чистякова. Законодательство периода расцвета абсолютизма / ответственный редактор заслуженный деятель РСФСР, доктор исторических наук Е. И. Индова. - М.: Юридическая литература, 1984, 1987. - С. 812.
3. Ефремова Н. Н. Реорганизация российской юстиции в эпоху Просвещения // Журнал российского права. - 2008. - № 3. - С. 135-148.
4. Звонарев А. В. К вопросу о создании Сеймового устава Великого княжества Финляндского 1869 года //Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. - 2013. - № 2 (12). - С. 27-34.
5. Романович К. И. Становление института ограничений пассивного избирательного права в России // Право и государство: теория и практика. - 2024. - № 11 (239). –С. 302-304.
6. Томсинов В. А. Проект Гражданского уложения Российской империи 1809-1814 годов и его значение в формировании российской науки гражданского права // Законодательство. - 2015. - № 1. - С. 88-94.

DOI 10.46320/2073-4506-2026-4-215-109-113

Кузьмин Р. Ю.

КУЗЬМИН Роман Юрьевич
аспирант кафедры истории государства и права, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЕ ПРИНЦИПЫ ПРАВА НЕДРОПОЛЬЗОВАНИЯ В КОЛОНИЯХ БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX В. – НАЧАЛЕ XX В.

В статье исследуются основополагающие принципы права недропользования в колониях Британской империи конца XIX – начала XX вв. Выявлены и систематизированы два уровня принципов: естественно-правовые (включающие адаптированную средневековую английскую доктрину cuius est solum, получившую широкое распространение в государствах англо-американского права, естественно-правовую теорию трудовой собственности Джона Локка (1632-1704 гг.) и римско-правовую доктрину res nullius) и административно-правовые (принцип собственности Короны на недра, принцип обязательности непрерывности разработки месторождений полезных ископаемых, принцип централизованного административного контроля и принцип экономической и налоговой дифференциации горных предприятий). Установлено, что данные принципы сформировали целостную нормативную систему, обеспечивавшую легитимацию и институционализацию британской эксплуатации природных ресурсов колоний. На основе историко-правового анализа законодательства и правоприменительной практики различных типов британских колоний продемонстрировано, как правовое регулирование недропользования выступало инструментом закрепления экономической зависимости колоний и обеспечения интересов метрополии. Результаты исследования вносят вклад в понимание истоков современных проблем природоресурсного неоколониализма и правовых аспектов устойчивого развития постколониальных государств.

Ключевые слова: колониальное право, право недропользования, Британская империя, cuius est solum, теория трудовой собственности, res nullius, лицензии на добычу полезных ископаемых, концессионные соглашения, роялти, колониальная администрация.

KUZMIN Roman Yurjevich
postgraduate student of History of state and law sub-faculty, M. Yu. Lomonosov Moscow State University

FUNDAMENTAL PRINCIPLES OF MINING LAW IN THE COLONIES OF THE BRITISH EMPIRE IN THE LATE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES

The article examines the fundamental principles of mining law in the colonies of the British Empire in the late 19th and early 20th centuries. The author identifies and systematizes two levels of principles: philosophical-legal (including adapted medieval English principle of cuius est solum doctrine that was entrenched in common law, based on John Locke's (1632-1704) natural law labor theory of property, and the roman legal concept of res nullius) and administrative law principles regulating mining (the principle of Crown ownership of minerals, the principle of continuous mining development of a mineral deposit, the principle of centralized administrative control, and the principle of economic and tax differentiation of mining enterprises etc.). It is revealed that these principles formed a coherent normative system that ensured the legitimation and institutionalization of British colonial exploitation of natural resources. Based on the legal historical analysis of legislation and law enforcement practices in various types of British colonies, it is demonstrated how the legal regulation of mining served as an instrument for consolidating the economic dependence of colonies and ensuring the interests of the metropolis. The research results contribute to understanding the origins of modern problems of natural resources neocolonialism and legal aspects of sustainable development of postcolonial states.

Keywords: colonial law, mining law, British Empire, cuius est solum, labor theory of property, res nullius, mining licenses, concession agreements, royalties, colonial administration.

Введение

Правовое регулирование недропользования в Британских колониях представляет собой один из ключевых элементов экономической и правовой системы империи, определивший не только правовой порядок эксплуатации природных ресурсов на разнообразных территориях, подчиненных в течении XIX-XX вв. лондонской метрополии, но и заложивший долгосрочные социально-политические последствия для многочисленных постколониальных государств, составляющих сегодня Содружество наций.

Правовое регулирование недропользования в британских колониях основывалось на ключевых принципах, сформированных в рамках общего права и средневекового феодального землевладения. Тем не менее, представляется, что именно они заложили основу модели британского природоресурсного колониализма, для которой была характерна централизация контроля над недрами, при существенном ограничении участия коренного населения в процессах принятия решений по вопросам распределения природных богатств.

Объектом исследования являются общественные отношения в сфере недропользования в колониях Британской империи конца XIX в. – начала XX в.

Предметом исследования послужили выявленные в национальном архиве Соединённого Королевства нормативно-правовые акты, корреспонденция и документы Министерства иностранных дел и Министерства по делам колоний, судебные отчеты, трактаты и другие свидетельства картины развития механизма регулирования добычи полезных ископаемых в колониях Британской империи.

Хронологические рамки исследования охватывают период с конца XIX века до начала XX века (1880-1930-е гг.) – время индустриализации Британской империи и формализации ее права недропользования через принятие ключевых нормативно-правовых актов и соответствующего массива судебных прецедентов, наряду с установлением новых правовых обычаев, в том числе входе интенсивной практики в периоды золотых лихорадок возникших в отдельных колониях.

Географические границы рассматриваемой юрисдикции включают различные типы колониальных владений Британской империи: доминионы (Австралия, Канада, ЮАС), прямые колонии и протектораты (Нигерия, Родезия), Британская Индия и другие британские владения.

Методология исследования представлена общенаучными (анализ, синтез, индукция, дедукция) и специальными научными методами. К последним относятся: формально-юридический метод (в части анализа колониального и имперского законодательства); метод анализа правоприменительной практики (в части анализа судебных решений, отдельных концессионных соглашений и других источников); историко-правовой метод и сравнительно-правовой метод.

Научная новизна работы заключается в установлении прямой связи в правовой системе Британской империи между философско-правовыми доктринами эпохи Просвещения и Великих географических открытий (теория трудовой собственности Джона Локка и др.), прерогативой Короны в отношении драгоценных металлов золота и серебра, как части общего права, римско-правовыми категориями (доктрина *res nullius – бесхозяйная вещь*) и конкретными правовыми механизмами природоресурсного права. Этот подход позволяет не только систематизировать принципы недропользования, но и проследить их общие историко-философские истоки.

Философско-правовые принципы недропользования в колониях Британской империи

На большинстве территорий, колонизированных британцами, отсутствовали сложившиеся правовые режимы недропользования, тем не менее в некоторых южноафриканских колониях действовало достаточно развитое римско-голландское право. В основном право вводилось в британских колониях как первоначальная правовая система посредством статутов, указов (*Order in Council*) и посредством распространения общего права через судебную практику. Система права недропользования в колониях Британской империи формировалась под влиянием европейских естественно-правовых доктрин, которые в ходе колониальной экспансии были адаптированы в том числе для легитимации прав собственности на землю и природные ресурсы. В то же время философские доктрины служили идеологическим обоснованием установления нового колониального правопорядка.

Так, идеологическую основу соответствующей системы составили три философско-правовых принципа:

1) средневековый принцип, вытекающий из общего права: *cuius est solum, eius est usque ad coelum et ad inferos* («чья земля, того и все до небес и до преисподней») [6, с. 462-463], [9, с. 3];

2) теория трудовой собственности, разработанная Джоном Локком и изложенная в его работе «Два трактата о правлении» 1689 г.;

3) римская правовая доктрина *res nullius,* которая в целом оправдывала захват новых земель и колонизацию [20].

Принцип *cuius est solum* формально признавался в колониях, но на практике существенно ограничивался, в отличии от юрисдикции внутри метрополии. Этот феодальный термин предположительно был введен в английский правовой оборот сыном известного глоссатора Аккурсиуса (1182-1263 гг.) Франциском Аккурсиусом (1225-1293 гг.), который в свою очередь по приглашению английского монарха в XIII веке преподавал в Оксфордском университете. Данный принцип, устойчиво закрепленный в общем праве, в колониальном контексте вступал в противоречие с задачей централизации контроля над природными ресурсами, поскольку его последовательное применение означало бы признание прав коренного населения на недра. Для разрешения этого противоречия применялись два основных приема. Первый – прямое законодательное исключение: специальными актами устанавливалось, что недра принадлежат Короне независимо от прав на поверхность, что фактически аннулировало действие принципа. Второй – создание сложных правовых конструкций *(written words, grants, deeds и signatures)*, когда за коренным населением формально сохранялся титул землевладения, но недра резервировались в пользу Короны. Практика показывала несовместимость принципа *cuius est solum* с колониальными интересами, что в итоге также завершалось законодательным закреплением прав Короны. Таким образом, принцип *cuius est solum* если и признавался, то лишь как исходная точка в целях последовательного изъятия недр из сферы автохтонного владения для обеспечения приоритетов метрополии.

Так, в Британской Индии в соответствии с *Indian Mines Act 1901* [35] было закреплено деление прав собственности на землю и права на полезные ископаемые под ней, что напрямую исключало применение анализируемого принципа. *Minerals Ordinance 1916* [36] в Нигерии также закрепил разделение прав на поверхность и недра: «Права на все минералы… принадлежат Короне, независимо от прав на поверхность».

В доминионах, в отличие от прямых колоний, создавались более сложные механизмы изъятия прав на природные ресурсы у коренного населения. Так, в Британской Колумбии практиковалась система т.н. «разделенных прав» (*split title*), когда для племен создавались резервации, но права на полезные ископаемые в этих резервациях полностью отчуждались в пользу Короны. Эта модель впоследствии была использована в других частях империи, особенно в Южно-Африканском Союзе [7].

Соответствующее регулирование права собственности на недра, как правило, противоречило колониальным системам землевладения (например, у народа игбо в Нигерии ресурсы находились в коллективном управлении общины [25, с. 45]). Кроме того, подобный подход не соответствовал и традиционным английским правовым конструкциям исключительной собственности Короны на недра, которая распространялась на золото, серебро [3, с. 12] (после 1934 г. – на нефть и газ [37]).

Вместе с тем в отдельных колониях существовали исключения из этой тенденции. В частности, в коронных колониях Золотой Берег (современная Гана) и Басутоленд (современное Лесото) британская колониальная администрация на протяжении длительного времени признавала собственность на минералы за владельцами земельной поверхности, то есть за местными вождями [46]. Впрочем, подобный подход привел к тому, что некоторые вожди выдавали концессии на площадь, в совокупности составлявшую более ста процентов территории колонии [38]. Как следствие, в 1936 г. новый колониальный закон в колонии Золотой Берег закрепил за Короной права на все минеральные ресурсы [11].

Таким образом, принцип *cuius est solum* в колониях Британской империи использовался как инструмент для установления контроля над ресурсами в интересах колониальной администрации и Короны.

Однако, для такого использования требовалось хотя бы частичное обоснование отсутствия у собственников земли (коренного населения) права на недра. Соответствующее обоснование было подкреплено теорией трудовой собственности Джона Локка в ее сочетании с римской доктриной бесхозяйной вещи (*res nullius*).

В эпоху революционных преобразований в Англии в XVII веке английский философ эпохи Просвещения Джон Локк, обосновывая колониальный экспансионизм, сформулировал политико-правовую теорию трудовой собственности. Согласно ее положениям, право собственности возникает через «смешение труда» с природными ресурсами: «То, что человек извлекает из состояния, в которое его поместила природа… он соединяет со своим трудом… и тем делает своей собственностью» [1, с. 137]. Эта идея была в последующем инструментализирована для захвата земель, в том числе населенных коренными народами и распространялась на территории, которые провозглашались принадлежащими Британской империи.

Например, в Австралии, в период активной колонизации континента, земли аборигенов, использовавшиеся для охоты и собирательства, объявлялись «неосвоенными», так как не соответствовали европейским стандартам ведения сельского хозяйства [18, с. 12]. На протяжении XIX века данный подход последовательно применялся в различных уголках империи: критерий «освоенности» постепенно переносился с земли на иные природные ресурсы, а само понятие «рационального использования» трактовалось все более широко. К началу XX века, когда промышленная добыча полезных ископаемых приобрела стратегическое значение для Британской империи, аргументация Локка была приспособлена и к оценке способов разработки недр. Так, в Нигерии колониальные отчеты 1903 г. описывали традиционные методы добычи олова как «примитивные» [43], что служило основанием для передачи месторождений британским компаниям.

На более прикладном уровне для аналогичных целей использовалась правовая доктрина *res nullius* («бесхозяйная вещь») [14], восходящая к римскому праву (Dig. 41.1.3.1, Inst. 2.1.12), которая позволяла объявлять ресурсы «ничейными», если они не использовались «рационально» по меркам колонистов. Английская промышленная революция возвела непреодолимую стену для народов колонизированных территорий, которые при отсутствии средств производства не могли соревноваться с британским промышленным капиталом в «рациональном» использовании земель и природных ресурсов.

Стоит отметить, что индийский *Land Acquisition Act 1894* [34] позволял изымать земли с углем и железной рудой без учета интересов местных джагирдаров (феодальных владельцев) [19, с. 174]. Еще одним ярким примером использования данного принципа в Британской империи в начале XX в. стало решение Судебного комитета Тайного совета Великобритании (*Judicial Committee of the Privy Council*) по делу *Amodu Tijani v. Secretary, Southern Nigeri* 1921 г. [40], где права йоруба (народ в Нигерии) на землю были ограничены поверхностным пользованием, а недра объявлены собственностью короны.

Более того в 1979 г. Верховный суд Австралии в деле *Coe v Commonwealth* [41] подтвердил, что британские власти изначально рассматривали континент как «ничейный», несмотря на наличие аборигенов. Примечательно, что в Австралии вплоть до

1992 г. (*Mabo v Queensland* [42]) суды отрицали связь аборигенов с землей, если те не вели «оседлое сельское хозяйство» [18, с. 12].

Основываясь на принципе *res nullius*, колониальное законодательство создало комплекс барьеров, ограничивавших доступ коренных народов к недрам. В качестве соответствующих барьеров могли выступать:

– ограничение свободы совершения сделок с землей, даже в отсутствие прав на недра (такой подход использовался, в частности, в Канаде, где после 1876 г. коренным народам было запрещено без одобрения колониальной администрации продавать или сдавать в аренду участки земли, под которыми залегают полезные ископаемые [31]) и др.

– отказ в предоставлении лицензий на добычу полезных ископаемых представителям коренных народов (например, в Южной Родезии (Зимбабве) туземцы были лишены права на самостоятельную добычу золота, которая стала прерогативой британских компаний и белых переселенцев [15, с. 32]).

Таким образом, принцип *res nullius* ставший универсальной правовой ширмой, позволял исключать коренное население из системы владения недрами. В сущности, этот принцип игнорировал естественные права народов на землю и ресурсы, если их использование не соответствовало уровню «рационального освоения». Право собственности на землю было подтверждено не только соответствующими законодательными актами и судебными решениями, но также закреплено фактической оккупацией, обусловленной необходимостью эксплуатации земельных участков. Стоит отметить, что правовой принцип *res nullius* и сегодня в англо-американской системе права не утратил актуальность в связи с общенаучным дискурсом в отношении прав недропользования на объектах в космическом пространстве [12].

В целом, совокупное действие проанализированных естественно-правовых принципов (в их интерпретации в британском колониальном праве) приводило к тому, что земля и недра, принадлежавшие коренным народам колоний, объявлялись «ничейными» или «недостаточно эффективно используемыми», что обеспечивало оформление прав собственности на них в пользу метрополии. Эта модель, как отмечает А. Анги, стала «правовым фундаментом имперской эксплуатации» [4, с. 113].

Функционально-административные принципы недропользования в колониях Британской империи

На основании проанализированных естественно-правовых принципов развивались уже функционально-административные принципы регулирования недропользования, ориентированные на организацию процесса поиска, добычи и вывоза полезных ископаемых из колоний в метрополию.

К соответствующим принципам относятся: 1) принцип собственности Короны на полезные ископаемые на основании королевской прерогативы (*Mines Royal*); 2) принцип непрерывности разработки месторождения полезных ископаемых; 3) принцип централизованного административного контроля над горнодобывающей отраслью; 4) принцип распределенного экономического контроля; 5) принцип дифференциации налоговых обязанностей.

1. Принцип собственности Короны на недра являлся центральным функционально-административным принципом колониального права недропользования в Британской империи.

Его истоки в корнях английского прецедентного права, когда исключительные права Короны на золотые и серебряные рудники (*Mines Royal*) были закреплены в деле *Case of Mines* (*R v Earl of Northumberland*) 1568 г. [39]. Данным решением было установлено, что все месторождения золота и серебра на территории королевства (*Realm*) принадлежат Короне вне зависимости от права собственности на земли, на которых они расположены [16]. Впоследствии данная прерогатива была конкретизирована Законами о королевских рудниках 1688 г. [29] и 1693 г. [30], разграничившими права Короны и частных землевладельцев в отношении рудников, содержащих примеси драгоценных металлов [3, p. 12].

Таким образом, к началу XX в. собственность Короны в метрополии ограничивалась золотом, серебром и рудниками со смешанными рудами, тогда как все прочие полезные ископаемые в силу общего права (включая принцип *cuius est solum*) принадлежали владельцу земельного участка [5, с. 11]. Наиболее полным образом принцип собственности Короны на все минеральные ресурсы был реализован в африканских колониях прямого управления [23]. В Нигерии *Minerals Ordinance 1916* [36] закрепил исключительную собственность Короны на все полезные ископаемые независимо от прав на поверхность земли [22], вместе с тем половина дохода от роялти распределялась с правопреемниками *Royal Niger Company* [38]. В Кении, Танганьике, Уганде и Ньясаленде собственность на все минералы также была признана за Короной [38].

Нефть и газ стали исключительной собственностью Короны только с принятием Закона о нефти 1934 г. (*Petroleum (Production) Act 1934*) [37].

При распространении на колониальные территории данная доктрина претерпела существенную трансформацию, однако ее степень варьировалась в зависимости от типа зависимой территории и времени ее вхождения в состав империи.

Как было отмечено в ходе дебатов в Палате лордов 15 мая 1945 г., посвященных вопросам управления горнопромышленной отраслью в британских колониях, правовой режим собственности на минеральные ресурсы существенно различался от колонии к колонии: в одних колониях Корона владела правами на все недра, в других сохраняла права лишь на земли, отчужденные после определенной даты; в третьих права на полезные ископаемые принадлежали целиком акционерным компаниям; а в четвертых собственниками минералов являлись владельцы земли [38]. Так в Малайе (Стрейтс-Сетлментс) все земли были зарезервированы за колониальной администрацией, что распространялось и на минеральные ресурсы [38].

Вместе с тем в Северной Родезии права на минеральные ресурсы принадлежали не Короне, а Британской Южно-Африканской компании [38]. В колониях Вест-Индии, где английское общее право было распространено на ранних этапах колонизации, складывалась неоднородная картина: так, на Ямайке золото и драгоценные камни считались собственностью Короны, тогда как другие минералы принадлежали владельцу земельной поверхности [38]. На Мальте Корона практически не имела прав на минералы, а на Кипре ее права ограничивались лишь государственными землями [38].

Таким образом, принцип собственности Короны на недра в колониях Британской империи первой трети XX в. реализовывался неоднородно. Степень практической реализации этого принципа варьировалась от полного суверенитета Короны над всеми недрами (как в Восточной Африке и Нигерии) до сохранения частной собственности на отдельные категории минералов (как в Вест-Индии). Именно эта дифференциация обусловливала необходимость создания гибкой системы административных и фискальных инструментов управления горной промышленностью.

2. Принцип непрерывности разработки недр во многом являлся продолжением теории трудовой собственности и, в то же время, отражал стремление Британской империи минимизировать произвольное изъятие ресурсов, обеспечивая их непрерывную эксплуатацию в экономических интересах метрополии [8]. Данный принцип рационально увязывал предоставление прав на добычу полезных ископаемых с жесткими обязательствами по срокам начала работ, объемам выработки и капитальным вложениям, создавая правовые рамки для максимально интенсивного недропользования. В то же время этот принцип делал задачу освоения месторождения недоступной для низших слоев и коренного населения колонии.

Принимаемые в колониях нормативные акты регламентировали сроки и условия разработки недр. Подобные принципы применялись, в частности, в Австралии, где начиная с золотой лихорадки 1851 г. и всю вторую половину XIX века велась активная золотодобыча [26]. Механизм утраты прав за бездействие владельца лицензии или невыполнение предписанного минимума был закреплен как в *Mines Act 1890* [32], так и в *The Mines Act 1897* [33]. В Родезии (Зимбабве) *Mines and Minerals Act 1895* [13] устанавливал, что лицензия на добычу меди аннулируется, если владелец не начинал работы. Если месторождение регистрировалось без конкретного места разработки (*discovery reef*), права, предоставленные на основании лицензии, могли быть оспорены. Для обеспечения соблюдения принципа использовалась система экономических санкций и административного давления. Компаниям, задерживавшим начало добычи, назначались повышенные роялти – до 50 % от стандартной ставки после пяти лет простоя [44]. Схожие положения содержались в нигерийском *Minerals Ordinance 1916*, где отсутствие деятельности на месторождении в течение 6 месяцев влекло аннулирование лицензии. Работы должны были вестись непрерывно [17].

Принцип обязательной разработки порождал многоуровневые дисбалансы. Поскольку при добыче ставилась цель по выполнению минимальных требований по объему работ в определенный срок, добывающие компании зачастую пренебрегали природоохранными мерами. Следовательно, соблюдение принципа непрерывной разработки приводило к нанесению различного экологического ущерба. При этом соответствующая экономическая модель ориентировалась на краткосрочную прибыль.

Так, к примеру в 1920 г. 85 % малайского олова экспортировалось в виде руды, а не готовой продукции [27, с. 45].

Таким образом, соответствующий принцип, формально направленный на «рациональное использование ресурсов», стал инструментом колониальных властей, использовавшимся для передачи участков недр в эксплуатацию крупным горнопромышленным предприятиям. Установление жестких сроков, квот и санкций не только ускоряло беспорядочное истощение месторождений, но и закрепляло технологически зависимое положение колоний в глобальной экономической системе.

3. Принцип централизованного административного контроля позволял метрополии осуществлять управление природными ресурсами колоний исходя из собственных интересов.

В наиболее общем, виде он предполагал создание и обеспечение функционирования трехуровневой системы, включавшей в себя:

1) созданный в 1888 году Имперский институт, который аккумулировал в своих научных структурах данные геологоразведочных изысканий, а также важные сведения о правовых, экономических и географических условиях в британских колониях;

2) глав колониальных администраций (губернаторов колоний), которые имели широкие полномочия по выдаче концессий и лицензий в сфере недропользования;

3) специальные горные департаменты – в крупных колониях создавались отдельные департаменты по горному делу и геологической разведке [45]. Однако, ввиду повышенного разнообразия типов зависимых территорий в составе Британской империи данный принцип мог реализовываться в различных формах.

Сбор сведений о полезных ископаемых в колониях был одной приоритетных задач Министерства по делам колоний (*Colonial Office*), Агентов Короны (*Crown Agents*) и других колониальных государственных служащих, а также «колониальной горной службы» (*Colonial Mines Service*). В 1920–1930-х годах британское правительство выступало центральным органом имперской государственной власти, определявшим природоресурсную стратегию колоний; собранные правительственными ведомствами материалы по вопросам правового регулирования горной промышленности архивировались и систематизировались в Имперском институте, а также издавались в форме ежегодных печатных бюллетеней доступных английской общественности, которые распространялись во время проведения Имперских конференций с целью привлечения инвестиций в горнопромышленную отрасль колоний [47].

В Индии (после восстания Сипаев в 1857 г. и перехода колонии от Британской Ост-Индской компании под прямое управление Короны) контроль над минеральными ресурсами стал более жестким. Была создана сложная административная система с четкой иерархией, включавшая: вице-короля Индии (глава колониальной администрации); провинциальных губернаторов; специальные департаменты (в частности, Горный департамент, Геологическая служба Индии); а также местные административные органы [24], [4, с. 49–61]. Иностранные компании могли получать лицензии только с одобрения вице-короля Индии, которого могли представлять и отдельные должностные лица специальных департаментов.

В Нигерии, которая являлась колонией и протекторатом, решения о выдаче лицензий на добычу полезных ископаемых и о заключении концессионных соглашений в сфере недропользования принимал генерал-губернатор или уполномоченный Правительственный инспектор по горному делу (*Government Inspector of Mines*), возглавлявший Горный департамент. Инспектор также отвечал за вопросы аннулирования и отзыва лицензий на добычу полезных ископаемых. Все права, связанные с добычей полезных ископаемых (*mining lease, mining right, mining license*) должны были регистрироваться: 1) в Земельном департаменте; 2) в Горном департаменте [22].

В Австралийских колониях система управления недропользованием выглядела несколько иначе и включала в себя: 1) Горные департаменты (*Department of Mines*), который занимались выдачей лицензий, инспекцией шахт и контролем условий труда, а также включали в свой состав геологические службы; 2) специализированные горные суды (*Warden's Courts*), занимавшиеся рассмотрением и разрешением споров между шахтерами и землевладельцами, а также споров, связанных с применением горного законодательства и правовых обычаев [2].

В целом, принцип централизованного административного контроля в Британской империи демонстрировал гибкий подход к управлению ресурсами колоний, адаптируясь к особенностям различных зависимых территорий, сохраняя при этом ключевые элементы иерархической системы. Несмотря на вариативность форм реализации (от более прямого контроля в Индии до относительно автономного самоуправления в Австралии), метрополия обеспечивала эффективный надзор за недропользованием через многоуровневую структуру колониальной администрации, где решающая роль оставалась за представителями Короны и британского правительства, а также органами правосудия.

4. Принцип экономической и налоговой дифференциации предусматривал создание сложной системы прав на полезные ископаемые, которые достигались посредством лицензирования, долгосрочной аренды месторождений, выдачи грантов, заявок на приобретение горного отвода (*Mining claim*) или заключением концессионных соглашений. Одновременно с этим устанавливались различные налоговые ставки, учитывающие вид полезных ископаемых, регион (колонию) и резидентство горнодобывающей компании.

В основе соответствующей системы лежала совокупность прав доступа к недрам, которая включала в себя: лицензии на разведку полезных ископаемых (простые и эксклюзивные), лицензии на добычу различных категорий полезных ископаемых, договоры аренды участков недр, концессионные соглашения и другие правоустанавливающие механизмы недропользования, в том числе посредством приобретения прав собственности (*Freehold*) на земельные участки с полезными ископаемые. Как отмечал в начале XX в. английский исследователь Т. Холланд, установление различных категорий прав было не просто формальностью, но инструментом управления потоками капитала и обеспечения имперских интересов [10]. Тем не менее на всей территории Британской империи право добычи полезных ископаемых владельцем земли даже с «безусловной собственностью» (*In fee simple*) не распространялось на такие ресурсы, как золото, серебро, уголь, нефть и газ, поскольку эти полезные ископаемые были зарезервированы за Короной.

Показательным примером подобной дифференциации служит система недропользования Нигерии, где Minerals Ordinance 1916 устанавливал шесть типов лицензий на разработку месторождений в зависимости от вида полезных ископаемых: драгоценных металлов, аллювиальные месторождения драгоценных металлов, месторождения драгоценных камней, месторождения углеводородов, месторождения минералов земли и месторождения слюды [22]. При этом площадь предоставляемых участков варьировалась от 40 до 800 акров в зависимости от категории полезных ископаемых, что создавало дополнительные экономические преимущества для крупных компаний, специализирующихся на добыче стратегически важных для метрополии ресурсов, в том числе имеющих значение для военной безопасности [9].

Фискальная дифференциация, в свою очередь, представляла собой сложную систему, включавшую: 1) фиксированную арендную плату за пользование недрами; 2) роялти, размер которых определялся на основе рыночной стоимости добытых полезных ископаемых; 3) экспортные пошлины; 4) специальные сборы. Как отмечал английский юрист, специалист по праву недропользования в Британской империи в первой трети XX в. Г. Стоун, «первичной целью роялти должна быть плата за добытые минералы по частям, и минералы, которые добываются, не должны оцениваться слишком высоко». Пока они не извлечены из земли (*in situ*), минералы не имели большой ценности [21]. Данный подход является непосредственным проявлением теории трудовой собственности, а также иллюстрирует колониальный взгляд на недра как на ресурс, ценность которого определяется исключительно экономической выгодой метрополии.

При этом размер налогов существенно варьировался. Например, в Нигерии роялти на оловянную руду (основной экспортный товар колонии) составляли от 5 % до 7,5 % и рассчитывались на основе цен на Лодонской бирже металлов [17]. В то же время, в Южно-Африканском Союзе для компании De Beers, контролировавшей до 90 % мирового рынка алмазов, ставка роялти составляла лишь 1 % [28, с. 88]. Такая экономическая асимметрия свидетельствует о целенаправленной политике фаворитизма в отношении британских компаний (особенно, учитывая тот факт, что фиксирование размера роялти было повсеместно волюнтаристским).

Таким образом, принцип экономической и налоговой дифференциации служил инструментом реализации колониальной стратегии, направленной на максимизацию извлечения ресурсов при минимальных капитальных и операционных затратах метрополии внутри колонии. Данный принцип не только закреплял экономическую зависимость колоний, но и создавал условия для долгосрочного структурного неравенства между метрополией и колониями.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о системном характере правового регулирования недропользования в колониях Британской империи. Естественно-правовые и функционально-административные принципы сформировали целостную правовую архитектуру, обеспечивавшую эффективное использование природных ресурсов колоний в интересах метрополии.

Адаптация правовых доктрин, прежде всего принципа общего права cuius est solum, теории трудовой собственности Джона Локка и концепции res nullius, позволила создать юридический каркас для создания системы прав метрополии на природные ресурсы колоний. Данные философско-правовые конструкции легитимировали колониальную экспроприацию природных ресурсов, подводя под нее теоретическое обоснование, апеллирующее к «рациональному использованию» и «эффективному освоению».

Функционально-административные принципы, в свою очередь, обеспечивали практическую реализацию колониальной политики. Принцип обязательной разработки недр стимулировал интенсивное извлечение ресурсов, зачастую в ущерб долгосрочным интересам территорий, при технологическом неравенстве туземного населения и колонизаторов. Принцип централизованного административного контроля, несмотря на вариативность форм, сохранял ключевые полномочия за представителями метрополии. Принцип экономической и налоговой дифференциации создавал преференциальный режим для британских компаний и обеспечивал приоритетное развитие отраслей, имевших стратегическое значение для империи.

Таким образом, право недропользования выступало не просто регулятором отраслевых отношений, но инструментом колониального господства, обеспечивавшим системную интеграцию зависимых территорий в имперскую экономическую модель.

Пристатейный библиографический список

1. Локк Дж. Два трактата о правлении / Сочинения: В 3 т. Т. 3. – М.: Мысль, 1988. – С. 137-405.
2. Манин Я. В. Правовой режим недропользования в Австралии // Административное и муниципальное право. – 2021. – № 2. – С. 54-68.
3. Alford C. J. Mining Law of the British Empire. – Franklin Classics, 2018. – 324 p.
4. Anghie A. Imperialism, Sovereignty and the Making of International Law. – Cambridge: CUP, 2004. – 356 p.
5. Bainbridge W. A Treatise on the Law of Mines and Minerals. 3rd edition. – London: Butterworths, 1867. – 1138 p.
6. Bradbrook A. J. Relevance of the Cujus Est Solum Doctrine to the Surface Landowner's Claims to Natural Resources Located Above and Beneath the Land // Adelaide Law Review. – 1988. – Vol. 11. № 4. – P. 462-463.
7. Dobra J. Divergent Mineral Rights Regimes: A Natural Experiment in Canada and the United States Yields Lessons. – Fraser Institute, 2014. – 36 p.
8. Easton A., Gwaindepi A. Colonial extractivism and development: The state and private diamond extraction at the British Cape Colony, 1870-1910 // The Extractive Industries and Society. – 2021. – Vol. 8. Is. 3. – P. 1-14.
9. Hepburn S. Mining and Energy Law. – Cambridge University Press, 2023. – 450 p.
10. Holland T. H. Mineral, Not Mining, Laws in the British Empire // Journal of Comparative Legislation and International Law. – 1938. – Vol. 20. № 1. – P. 24-28.
11. Ilegbune C. U. Concessions Scramble and Land Alienation in British Southern Ghana, 1885-1915 // African Studies Review. – 1976. – № 3 (19). – P. 17-31.
12. Japhets S. Res communis omnium v. res nullius in U.S. space mining law & policy: dissertation presented in partial fulfillment of the requirements for the Doctor of Philosophy in Public/Foreign Policy. – Liberty University, 2023. – 302 p.
13. Madimu T. Farmers, Miners and the State in Colonial Zimbabwe (Southern Rhodesia), c.1895-1961. PhD. – Stellenbosch University, 2017. – 230 p.
14. Milun K. Res Nullius – The Tragedy of the (Modern Global) Commons: From Grotius and the High Seas to the Internet. – London: Routledge, 2011. – 36 p.
15. Phimister I. Wangi Kolia: Coal, Capital and Labour in Colonial Zimbabwe. – Johannesburg: Witwatersrand UP, 1994. – 194 p.
16. Pugh R.B. The Crown Estate: an historical essay. – London: H.M.S.O., 1960. – 38 p.
17. Raji A.O.Y., Abejide T.S. The British Mining & Oil Regulations in Colonial Nigeria C. 1914-1960S: An Assessment // Singaporean Journal of Business Economics, and Management Studies. – 2014. – Vol. 2. № 10. – P. 62-72.
18. Reynolds H. The Law of the Land. – Melbourne: Penguin, 1987. – 294 p.
19. Roy T. Economic History of India 1857-1947. – Oxford: OUP, 2006. – 318 p.
20. Scott A. The evolution of resource property rights. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 570 p.
21. Stone G. Observations on the Mining Laws of the British Empire // Journal of the Royal Society of Arts. – 1930. – Vol. 78. № 4029. – P. 349-363.
22. Stone G. The Mining Laws of the British Empire and of Foreign Countries. – Vol. 1: Nigeria. – London: His Majesty's Stationery Office, 1920. – 294 p.
23. Stone G. The Mining Laws of the West African Colonies and Protectorates // Journal of Comparative Legislation and International Law. – 1920. – Vol. 2. № 3. – P. 259-266.
24. Tolman A. B. Geologists and the British Raj, 1870-1910. – Utah State University, 2016. – 89 p.
25. Uchendu V. The Igbo of Southeast Nigeria. – New York: Holt, 1965. – 111 p.
26. Veatch, A. C. Mining Laws of Australia and New Zealand / With a Preface by Walter L. Fisher, Secretary of the Interior. – Washington: Government Printing Office, 1911. – 180 p.
27. Wong L. The Political Economy of Tin in Malaya. PhD thesis. – SOAS University of London, 1959. – 888 p.
28. Worger W. South Africa's City of Diamonds. – New Haven: Yale UP, 1987. – 330 p.
29. 29. An Act to Repeale the Statute made in the fifth yeare of King Henry the Fourth against Multiplying Gold and Silver (Royal Mines Act 1688).
30. Act to prevent disputes and controversies concerning Royal mines (Royal Mines Act 1693).
31. Indian Act, 1876 (Canada).
32. Mines Act 1890: An Act to consolidate the law relating to mines (Mines Act 1890) (Victoria)
33. Mines Act 1897: An Act to amend the law relating to mining (Mines Act 1897) (Victoria)
34. Land Acquisition Act, 1894 (India).
35. The Indian Mines Act, 1901 (India) // S. K. Lahiri. – 1907. – 123 p.
36. Minerals Ordinance, 1916 (Nigeria) // National Archive Ibadan. – NAI 1290/1916.
37. Petroleum (Production) Act, 1934 (United Kingdome).
38. Mines in British Colonies // HL Deb. – 15 May 1945. – Vol. 136. – Col. 184–219.
39. Regina v Earl of Northumberland (Case of Mines) (1568) // 1 Plowden 310; 75 English Reports 472.
40. Amodu Tijani v. Secretary, Southern Nigeria // [1921] 2 AC 399.
41. Coe v Commonwealth // [1979] HCA 68.
42. Mabo v Queensland [№ 2] // [1992] 175 CLR 1.
43. National Archives, Nigeria. – Report on Tin Mining in Bauchi Province, 1903.
44. National Archives of Zimbabwe. – Mining Royalties Report, 1905.
45. The National Archives of United Kingdom CO 20/75B Report of the Department of Mines for the year 1923 Western Australia 1924.
46. The National Archives of United Kingdom DO 118/237 Notarial Agreement between Constantine Bering Seeiso paramount chief of Basutoland and Jack Scott 1961.
47. The National Archives of United Kingdom CO 323/1247/2 Mining Legislation in the Colonies etc. – 1935.

DOI 10.46320/2073-4506-2026-4-215-114-116

ЛОТЦ Андрей Тимофеевич
аспирант кафедры истории государства и права, Юридический факультет, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

ПРАВОВОЙ СТАТУС ГАЛИЦИИ КАК РОССИЙСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВА В 1914-1915 ГГ.

В статье исследуется правовой статус Галицийского генерал-губернаторства – административно-территориального образования, возникшего на оккупированных Российской империей землях Восточной Галиции и северной Буковины в период Первой мировой войны. Автор анализирует юридическую природу созданной конструкции, сочетавшей черты военной оккупации, чрезвычайного положения и фактической аннексии. Показано, что отсутствие специального нормативного регулирования, кадровый дефицит и несогласованность политических целей обусловили неэффективность. Делается вывод о том, что Галицийское генерал-губернаторство стало показательным примером неспособности имперской бюрократии к решению национального вопроса.

Ключевые слова: Галицийское генерал-губернаторство, генерал-губернаторство, правовой статус, администрация, аннексия, ирредентизм.

LOTZ Andrei Timofeevich
postgraduate student of History of state and law sub-faculty, Faculty of Law, M. V. Lomonosov Moscow State University

LEGAL STATUS OF GALICIA AS A RUSSIAN GOVERNORATE-GENERAL IN 1914-1915

The article examines the legal status of the Galician General-Governorate, an administrative-territorial entity that emerged in the territories of Eastern Galicia and Northern Bukovina occupied by the Russian Empire during the First World War. The author analyzes the legal nature of this institutional construction, which combined features of military occupation, a state of emergency, and de facto annexation. It is shown that the absence of specific regulatory provisions, personnel shortages, and the inconsistency of political objectives predetermined its inefficiency. The conclusion is drawn that the Galician General-Governorate became a telling example of the imperial bureaucracy's inability to resolve the national question.

Keywords: Galician General-Governorate; governorate-general; legal status; administration; annexation; irredentism.

Опыт административных практик Российской империи в Галиции в 1914-1917 гг. представляет особый научный интерес. Этот опыт обнажил системные противоречия государственного механизма империи: между военной и гражданской властью, между декларируемыми политическими целями и нормами международного права, между имперской унификацией и этно-конфессиональными особенностями региона.

Если в предвоенных русских националистических кругах устоялось представление о Галичине как о исконно русской земле, удерживаемой под иностранным владычеством, то позиция кругов правительственных не была столь же единодушной. Ряд высокопоставленных чиновников полагал, что включение этой территории с ее сложным национальным составом способно создать России больше проблем, нежели решить. Так, бывший министр внутренних дел П. Н. Дурново в феврале того же 1914 года писал Николаю II: «Нам явно невыгодно, во имя идеи национального сентиментализма, присоединять к нашему Отечеству область, потерявшую с ним всякую живую связь. Ведь на ничтожную горсть русских по духу галичан, сколько мы получим поляков, евреев, украинизированных униатов? Так называемое украинское или мазепинское движение сейчас у нас не страшно, но не следует давать ему разрастаться, увеличивая число беспокойных украинских элементов, так как в этом движении несомненный зародыш крайне опасного малороссийского сепаратизма, при благоприятных условиях могущего достигнуть совершенно неожиданных размеров» [3].

Цель исследования состоит в комплексном анализе правовой природы и институциональных особенностей Галицийского генерал-губернаторства Российской империи в 1914-1917 гг.

Объект исследования – система государственного управления Галицией в период российской военной оккупации 1914-1917 гг.

Предмет исследования – общественные идеи, нормативные акты и административные практики, определявшие статус генерал-губернаторства, порядок взаимодействия военной и гражданской властей, действие законодательства на оккупированной территории, а также национальную и религиозную политику российских властей в крае. Методологическую основу исследования составляют историко-правовой, сравнительно-правовой и формально-юридический методы.

С объявлением войны австрийские власти незамедлительно приступили к устранению так называемых «политически неблагонадежных» элементов на территории Галиции. По заранее составленным спискам была арестована почти вся русофильски настроенная интеллигенция, многие православные и даже униатские священники, крестьяне, заподозренные в симпатиях к России. Через концлагерь Талергоф в 1914-1917 гг. прошло не менее 20 тысяч человек, только в первые полтора года погибло около 3 тысяч заключенных [8].

В ходе Галицийской битвы (18 августа-21 сентября 1914 г.) русские войска одержали быструю стратегическую победу. 2 сентября 1914 г. был взят Галич, 3 сентября – Львов. К концу кампании была занята большая часть Восточной Галиции и Буковины, линия фронта сместилась к Карпатским перевалам [6]. Перед российским правительством немедленно встал вопрос об организации управления обширными оккупированными территориями – вопрос, который не был должным образом проработан заблаговременно.

Задача осложнялась тем, что австрийские репрессии «выгребли» из края и уничтожили значительную часть русофильской интеллигенции, которая могла бы оказать деятельное содействие русской администрации. Местные чиновники либо ушли с австрийской армией, либо не отличались сочувствием оккупационной власти. Острейший кадровый голод приходилось решать подручными средствами: вакансии заполнялись, за редкими исключениями, чиновниками из внутренних губерний России, не сведущими в местной специфике [1, с. 140-141].

Уже 5 сентября 1914 г. вскоре после взятия Львова, в городе начала работу канцелярия назначенного Военным генерал-губернатором Галиции графа Георгия Александровича Бобринского [7, с. 1-2]. По мере занятия территорий были образованы четыре губернии: Львовская, Тернопольская, позднее – Черновицкая и Перемышльская. Губернии делились на уезды. Данная административно-территориальная структура воспроизводила стандартную для Российской империи схему, однако механически переносилась на принципиально иную правовую почву, без учета исторически сложившегося административного деления края [1, с. 117-120].

В ноябре 1914 г. на аудиенции, данной французскому послу Морису Палеологу, Николай II изложил свои стратегические планы в отношении новых территорий: Восточная Галиция и северная часть Буковины должны были войти в состав собственно России как ее «естественные пределы», тогда как Западная Галиция с преимущественно польским населением планировалась к включению в состав Польши, получавшей автономию [1, с. 40].

Правовой статус Галицийского генерал-губернаторства представлял собой юридически незавершенную конструкцию, сочетавшую элементы нескольких режимов: военной оккупации в смысле международного права, чрезвычайного положения и аннексии.

Основным нормативным документом, регулировавшим управление оккупированными территориями, служило «Положение о полевом управлении войск в военное время» 1914 г. Согласно этому положению, занятые неприятельские территории подпадали под власть главнокомандующего соответствующим фронтом. Военный генерал-губернатор назначался главнокомандующим и ему же подчинялся, что создавало принципиальную зависимость гражданской администрации от военного командования. А. Ю. Бахтурина обоснованно отмечает, что гражданские власти в Галиции, «будучи подчинены военным властям, стеснены в своих действиях и лишены возможности и права самостоятельно принимать зачастую важные меры» [1, с. 161], необходимость которых диктовалась и национальным составом занятых территорий, и планировавшейся их инкорпорации в состав России.

Правовая несовершенность этой конструкции быстро вылилась в конфликт между МИД и Ставкой о характере власти генерал-губернатора. Командующий Юго-Западным фронтом генерал А. А. Брусилов последовательно отстаивал позицию, согласно которой «в деятельности военного управления не может быть места какой-либо другой политике, кроме единственной цели – поддержания полного спокойствия в крае и обеспечения армиям полной свободы действий» [1, с. 162]. МИД, напротив, настаивал на том, что ряд вопросов – украинский, польский, еврейский, церковный – «требуют политической оценки и решений на общегосударственном уровне» и не могут решаться через призму сугубо военных задач. Этот институциональный конфликт так и не получил разрешения: вплоть до отступления 1915 г. подчиненность генерал-губернатора оставалась предметом споров.

Управленческая вертикаль Галицийского генерал-губернаторства включала военный и гражданский компоненты. Военное управление сосредотачивалось в штабе генерал-губернатора и специализированных отделах: интендантском, квартирном, военно-санитарном, военно-ветеринарном и комендантском. Их задачей было, прежде всего, обеспечение нужд действующей армии [4]. Гражданская жизнь края управлялась губернаторами, Львовским градоначальником и начальниками уездов под руководством канцелярии военного генерал-губернатора.

Административный аппарат, как на губернском, так и на уездном уровне практически полностью комплектовался чиновниками из внутренних губерний России. Лишь двое из местных уроженцев заняли должности помощников начальников уездов. Местное население привлекалось исключительно в качестве переводчиков и мелких служащих.

Вся описанная система страдала принципиальным институциональным изъяном: между военным командованием и канцелярией генерал-губернатора сложились отношения неопределенной соподчиненности. Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта распоряжался вопросами военного характера, однако зачастую вмешивался и в гражданские дела. Генерал-губернатор, в свою очередь, не имел права принимать самостоятельные решения без санкции военных. На практике это вело к тому, что срочные вопросы гражданского управления неделями ожидали ответа от военных инстанций, не способных уделять им должное внимание [1, с. 160-161].

Показателен в этом отношении вопрос о подчиненности самого генерал-губернатора. После отступления 1915 г. и в ходе разработки схемы управления при вторичной оккупации 1916 г. генерал Брусилов настаивал на том, чтобы военный генерал-губернатор Галиции «был более самостоятельным» и «подчинен непосредственно главнокомандующему» [1, с. 161], тогда как чиновники МИД во главе с Олферевым добивались создания специального гражданского отдела при главнокомандующем, который имел бы «реальные и довольно обширные полномочия». Компромисса достигнуто не было, и в ходе второй оккупации 1916 г. организационная неразбериха повторилась.

Одним из ключевых вопросов правового статуса Галиции являлся вопрос о действующем в регионе законодательстве. Международно-правовой режим временной военной оккупации, закрепленный в Гаагских конвенциях 1899 и 1907 гг., формально обязывал оккупирующую державу сохранять действующее законодательство оккупированной территории[1]. Российская администрация, как правило, следовала этому обязательству.

Продолжало действовать австрийское гражданское, уголовное и процессуальное право. Более того, австрийские судебные чиновники в большинстве своем остались на своих местах: 4 ноября 1914 г. председатель Львовского краевого суда выпустил специальный циркуляр, предписывавший судебным чинам «с полным штатом служащих оставаться на местах и отправлять свои обязанности согласно австрийским законам», не отказываясь даже от вынесения решений именем австрийского императора [1, с. 141-142]. Это положение дел первоначально вполне устраивало российскую гражданскую администрацию: генерал-губернатор Бобринский принял депутацию Львовской судебной палаты и предложил ее представителям продолжать работу, пообещав решить вопрос о выплате жалованья за счет российской казны.

Однако последующая стабилизация фронта и курс на долгосрочную интеграцию Галиции заставили задуматься о самом факте функционирования австрийских судов, которые считали себя исполнителями австрийских законов и воли австрийского императора. 25 октября 1914 г. министр иностранных дел С. Д. Сазонов обратился к министру юстиции И. Г. Щегловитову с предложением организовать судебную систему Галиции. Основываясь на тезисе о том, что Галиция является «искони русской областью», Сазонов считал важным «даровать населению вместе с русским административным устройством и справедливого русского суда» [1, с. 142]. Вместе с тем он оговаривался, что «следовало бы для первого времени избегать слишком коренной ломки судебных установлений, к которым привыкли галичане».

Тогда же, в октябре 1914 г. Начальник штаба Верховного Главнокомандующего Н. Н. Янушкевич направил главе правительства И. Л. Горемыкину записку, переданную по подведомственности в Минюст. Янушкевич рассудил, что если русское правительство платит австрийским судьям в Галиции жалование из государственной казны, то вправе допустить русский язык в местном судопроизводстве и «увериться в том, что оплачиваемые русскими деньгами судебные чины, если не представляют нашей государственности, то, во всяком случае, не являются носителями враждебных ей идей»

1 Гаагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г. (IV Гаагская конвенция). Ст. 43: «...оккупирующее государство... обязано принять все зависящие от него меры к тому, чтобы по мере возможности восстановить и обеспечить общественный порядок и общественную жизнь, уважая существующие в стране законы».

[1, с. 143-144]. Оба предложения были в итоге отклонены Щегловитовым под предлогом невозможности реализации этих планов без нарушения международного права.

Национальная политика российской администрации в Галиции представляла собой область, где центральная власть проявляла наибольшую непоследовательность. Обращения Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича к народам Австро-Венгрии и его воззвание к полякам (август 1914 г.) создавали у населения края завышенные ожидания относительно перемен в языковой политике и национальном самоуправлении [1, с. 23-26]. Однако на практике центральная власть переложила решение национального вопроса на усмотрение военного генерал-губернатора, не снабдив его ни четкими директивами, ни достаточными полномочиями.

Местные русофилы выражали острое недовольство тем, что российская администрация не проводила последовательной пророссийской политики и сохраняла влияние польских помещиков и униатской церкви.

Религиозный вопрос занимал также центральное место в правовой политике российской администрации в Галиции. К моменту оккупации большинство восточнославянского населения края исповедовало униатство. С точки зрения православия уния воспринималась как «отпадение от истинной веры», навязанное Польшей, и ее преодоление считалось одной из задач оккупационной администрации.

28 сентября 1914 г. Николай II дал указание об «осторожном разрешении религиозного вопроса в Галиции». Последовавшие практические распоряжения исключали насильственный переход и ограничивали стихийный переход грекокатолических приходов в православие. Переход разрешался лишь при согласии 75% явившихся на сход представителей домовладений. От уже присоединившихся православных священников требовалось предоставить оставшимся унии священникам возможность совершать богослужения. От всего духовенства было лишь потребовано прекратить молитвы за австрийского цесаря – молитвы же за российского императора оставались добровольными.

Архиепископ Волынский Евлогий (Георгиевский), назначенный для управления православными делами в Галиции, в своих воспоминаниях фиксировал острейшее противоречие между декларируемой веротерпимостью и реальной практикой: присоединение к православию нередко происходило стихийно, без надлежащего соблюдения установленной процедуры, а его помощники допускали единичные случаи принуждения [5, с. 162-163]. Протопресвитер армии и флота Георгий (Шавельский) в своем рапорте в Синод (февраль 1915 г.) указывал, что военные священники лишены ясных инструкций относительно порядка присоединения галичан к православию, что ведет к злоупотреблениям на местах.

Австро-германское наступление мая-июня 1915 г. (Горлицкий прорыв) положило конец первой российской оккупации Галиции. 3 июня 1915 г. был потерян Перемышль, 22 июня – Львов. Отступление сопровождалось массовым исходом населения: только за последнюю неделю перед оставлением Львова канцелярия выдала более 10 тысяч пропусков на въезд в Россию. Всего с отступающей армией ушло до 200 тысяч галицких беженцев – в основном русофилов, опасавшихся австрийских репрессий.

Итоги первой оккупации были неутешительны. По словам дипломатического чиновника, МИД, написавшего из Бердичева в июле 1916 г., после вторичного возвращения в регион: «Грустную картину представляет из себя занятая нами часть Галиции… Настроение населения мне не понравилось. От прежнего раболепства и, как будто бы, симпатий, никакого следа, скорее проглядывает нечто близкое к озлоблению и сочувствию австрийцам» [1, с. 160]. Провальные итоги первой оккупации были обусловлены, прежде всего, неспособностью центральной власти выработать последовательную нормативную базу для управления им.

Летом 1916 г. Восточная Галиция была вновь занята русскими войсками, однако повторная оккупация разительно отличалась от первой. О воссоединении русских земель публично уже не говорилось в виду изменения настроений населения.

Подводя итог, можно констатировать, что Галицийское генерал-губернаторство представляло в значительной мере юридически незавершенный институт в системе государственного управления Российской империи в годы Первой мировой войны.

Во-первых, отсутствие специального законодательного регулирования превратило генерал-губернаторство в конструкцию, опиравшуюся исключительно на чрезвычайное военное законодательство и усмотрение администрации. Ни специального «Положения об управлении Галицией», ни четкого разграничения компетенции военных и гражданских властей принято не было. Каждый принципиальный вопрос: язык делопроизводства, судоустройства, церковная политика – был отдан на откуп местной администрации, не разбирающейся в специфике вверенного им региона.

Во-вторых, российское законодательство в Галиции введено не было. Продолжало действовать австрийское право, австрийские суды продолжили функционировать при полном сохранении своего персонала.

В-третьих, постоянное противостояние военного командования и гражданской администрации существенно снижало эффективность управления. Ни генерал-губернатор, ни министерства (МИД, МВД, Министерство юстиции) не располагали самостоятельными полномочиями, достаточными для выработки последовательного курса. Результатом стала бюрократическая неразбериха и произвол на местах.

В-четвертых, национальная политика в Галиции обнаружила принципиальную невозможность игнорирования национального фактора при разработке административного и правового регулирования. Упущенная возможность привлечь симпатии местного населения в 1914 году, и последовавшая за первой оккупацией волна разочарования стали наглядным уроком того, что управление многонациональным регионом не может быть сведено к механическому воспроизведению бюрократических предписаний без их адаптации к исторической, этнической и конфессиональной особенностям.

Таким образом, Галицийское генерал-губернаторство стало ярким примером неспособности государственного механизма Российской империи решать национальный вопрос, остро стоявший в империях начала XX в., даже при условии этнической близости и благосклонного отношения населения управляемого региона.

Пристатейный библиографический список

1. Бахтурина А. Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914-1917 гг.). - М.: РОССПЭН, 2004. - 392 с.
2. Гаагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г. (IV Гаагская конвенция).
3. Записка П. Н. Дурново (февраль 1914 г.) // Красная новь. - 1922. - № 6. - С. 190.
4. Кучера І., Гайналь Т., Даниляк Р. Особливості російського адміністративного управління у Тимчасовому військовому генерал-губернаторстві Галичини (серпень 1914 – червень 1915 рр.) // Науково-теоретичний альманах «Грані». - 2022. - № 25 (3). - С. 56-62.
5. Митрополит Евлогий (Георгиевский). Путь моей жизни. Воспоминания, изложенные по его рассказам Т. Манухиной. - Париж, 1947. - 440 с.
6. Оськин М. В. Галицийская битва. Август 1914. - М.: Цейхгауз, 2006. - 48 с.
7. Отчет канцелярии военного генерал-губернатора Галиции в период времени с 28 августа 1914 по 1 июля 1915 года. Приложение № 1. - Киев, 1916. - 125 с.
8. Юрлов А. Р. Социально-демографическая структура лагеря для интернированных лиц Талергоф (1914–1917) // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. - 2022. - Т. 27. № 2. - С. 574-584.

МИХАЙЛИК Анна Александровна
доцент кафедры теории и истории права, Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина, г. Краснодар

СТАМОВА Анастасия Андреевна
независимый исследователь, г. Краснодар

АКОПЯН Анна Артуровна
независимый исследователь, г. Краснодар

Михайлик А. А.

РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В ЕВРОПЕ В XIX ВЕКЕ

Развитие международного права в Европе XIX века представляет собой ключевой этап в эволюции глобальной правовой системы, ознаменованный переходом от «европейского» к процессам универсализации. Данный этап сопровождался ростом договорных связей и кодификацией правовых норм. Актуальность настоящей статьи обусловлена необходимостью осмысления исторических истоков современной системы международных отношений. Правовые принципы, сформированные в XIX веке, продолжают оказывать определяющее влияние и сегодня. При рассмотрении современных вызовов, прежде всего, в виде региональных конфликтов, очевидна необходимость реформирования институтов международного права. Анализ особенностей развития международного права XIX века позволяет выявить меры, обеспечившие стабильность.

Ключевые слова: международное право, развитие в XIX веке, правовые нормы, гуманитарное право, договоры.

MIKHAILIK Anna Alexandrovna
associate professor of Theory and history of law sub-faculty, I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar

STAMOVA Anastasiya Andreevna
independent researcher, Krasnodar

AKOPYAN Anna Arturovna
independent researcher, Krasnodar

Стамова А. А.

THE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL LAW IN EUROPE IN THE 19TH CENTURY

The development of international law in Europe in the 19th century represents a key stage in the evolution of the global legal system, marked by the transition from "European" to the processes of universalization. This stage was accompanied by the growth of contractual relations and the codification of legal norms. The relevance of this article is due to the need to understand the historical origins of the modern system of international relations. The legal principles formed in the 19th century continue to have a decisive influence today. When considering modern challenges, primarily in the form of regional conflicts, the need to reform the institutions of international law is obvious. An analysis of the features of the development of international law in the 19th century makes it possible to identify measures that ensured stability.

Keywords: international law, development in the 19th century, legal norms, humanitarian law, treaties.

Акопян А. А.

Европа XIX столетия представляла собой уникальное пространство, в котором формировались основы современного международного права. Они рассматривались как система норм, регулирующих отношения суверенных государств. Основными принципами правового регулирования выступали баланс сил, дипломатическое взаимодействие, принципы легитимности. Политико-правовые предпосылки данного этапа связаны с необходимостью пересмотра Вестфальской системы 1648 г. Она считалась устаревшей и утратившей эффективность в связи с Французской революцией конца XVIII вв., военными походами Наполеона. Необходимость создания нового порядка была также связана с ресурсным истощением европейских монархий и угрозой распространения революционных идей. Это обусловило поиски механизмов сдерживания и устранения напряжения.

Важным событием рассматриваемого периода стал Венский конгресс 1814-1815 гг. Он позволил установить общие интересы, пересмотреть карту Европы. Конгресс был созван по инициативе Австрии, при участии представителей России, Великобритании, Пруссии и Франции. На нем были не только зафиксированы территориальные изменения, связанные с восстановлением династии Бурбонов во Франции, созданием Германского союза, аннексией Королевства Польского Россией, но также разработаны принципы коллективной безопасности путем заключения договоров. [1]

Роль великих держав в формировании норм международного права определялась принципом «директории». Рос-

сия, Великобритания, Австрия, Пруссия и Франция монополизировали нормотворческий процесс. Данный порядок был закреплен заключением Священного союза 1815 г., ориентированного на идеологическое единство монархий против либерализма. Достигнутые договоренности предусматривали запрет интервенции без согласования, разрешение споров путем использования арбитража.

Одновременно с развитием внутренних европейских норм международное право XIX в. разделяло европейские государства на «цивилизованные» державы и на «периферийные» регионы. Разрыв усиливался проведением колониальной политики, неравноправными договорами, которые закрепляли евроцентризм, т.е. идею о превосходстве европейской культуры и права. Страны, не входившие в состав Европы, рассматривались как объект «цивилизационной миссии», то есть как территории, которые нуждались в просвещении и подчинении европейским правилам.

Идея «цивилизованных наций» опиралась на работы юристов XVIII века, например, Эмерик де Ватель и Генрих фон Мартенс. Данные идеи служили оправдание колониальных захватов. Например, на Берлинской конференции 1884-1885 гг. европейские державы произвели раздел Африки. Опиумные войны Великобритании с Китаем привели к заключению Нанкинского договора 1842 г., которым Китаю были навязаны открытые порты для торговли и особые суды для европейцев. Аналогичные договоры, например, Симодский 1854 г. с Японией, ввел режим капитуляции, т.е. иностранцы подчинялись только законам своей страны, а не местным [2].

Данная система опиралась на доктрину «эффективного занятия», сформулированную английским юристом Джоном Уэстлейком. Ее содержание предусматривает, что если европейская держава фактически заняла территорию и управляет ей, то она имеет право на нее. Это служило оправданием империализма, распространения колониальных империй.

Договорное оформление международных отношений в XIX веке явилось связано с необходимостью стабилизации международных отношений послевоенного порядка. Данный процесс был реализован путем череды конгрессов и договоров. Основные усилия участников были направлены не только на оформление территориальных изменений, но и на разработку новых принципов международного права для создания более гибкой системы коллективной безопасности в Европе. На Венском конгрессе был разработан Финальный акт от 9 июня 1815 г., который устанавливал систему компенсаций и реституций. В соответствии с ним, Россия получила Королевство Польское, Пруссии отошла Рейнская область и часть Саксонии, Австрия получила Ломбардо-Венецианское королевство, а Нидерланды присоединили Бельгию. Затем на Парижском конгрессе 1856 г., проводимого по окончании Крымской войны, было демилитаризовано Черное море, Англия предоставила гарантии независимости Бельгии и Люксембургу [3].

На Берлинском конгрессе 1878 г. были достигнуты договоренности о перераспределении Балкан: Сербии, Румынии и Черногории, а также предоставлена автономия Болгарии. Международно-правовое закрепление границ и определение статуса территорий было результатом нового подхода к регулированию территориальных вопросов. Оно обуславливало переход от двусторонних договоров к многосторонним актам. В соответствии с новым порядком возникли прецеденты интернационализации территорий, режимы совместного управления.

Развитие правовых принципов оказывало влияние на содержание международно-правовых норм. Данный процесс обусловил переход от восстановления монархий к созданию моделей ограниченной монархии.

Принципы международного права постепенно менялись, приобретая практичность для предупреждения доминирования одной страны над другими. На Венском конгрессе 1814-1815 г. преобладал принцип законности, в соответствии с которым была возвращена власть законным династиям, свергнутым революциями. Например, была восстановлена династия Бурбонов во Франции, а также династия Оранских в Нидерландах. Прогнозировалось, что данные решения позволят стабилизировать ситуацию в Европе и предотвратить революции. Но уже к середине века принципы менялись под влиянием идей национализма и либерализма. Парижский трактат 1856 г., подписанный после Крымской войны, ввел важные правила, связанные с запретом вмешиваться в чужие династические споры [4].

Становление основных принципов и развитие отраслей международного права в Европе XIX вв. было связано с противоречиями между идеями суверенитета и необходимостью обеспечить баланс сил. Формальное закрепление правовых норм сочеталось с их избирательным применением. Принцип суверенного равенства признавался в отношении сверхдержав, которые провозглашались равными в правах на невмешательство и территориальную целостность. Принцип невмешательства рассматривался как основа стабильности. В соответствии с ним были запрещены интервенции без согласования. Однако данный принцип постоянно нарушался.

Принцип мирного разрешения международных споров формировался в XIX в., когда государства искали способы предотвращения войн с помощью дипломатии. Прежде война считалась допустимым способом разрешения конфликтов, но к XIX в. этот подход изменился из-за разрушительных наполеоновских войн. Государства осознали необходимость использования более организованных методов, например, дипломатические услуги и посредничество. Венский конгресс 1814-1815 гг. стал первым важным шагом в развитии идеи мирного решения. В ст. 6 Финального акта страны договорились использовать медиацию, т.е. посредничество третьей стороны, прежде чем начинать войну. Помимо этого, государства стали применять практику арбитража, т.е. когда нейтральная сторона выносит официальное решение, обязательное для исполнения. Как правило, судьями выступали короли или главы государств [5].

Возникновение международного гуманитарного и морского права связано с кодификацией обычаев, в которых сочетались милитаризм и гуманностью. В XIX веке страны стали разрабатывать и использовать правила для ведения войн и морских сражений. Началом данного процесса послужила Парижская декларация 1856 г., заключенная после Крымской войны. В соответствии с ее положениями было запрещено каперство, т.е. когда государства выдавали разрешения частным кораблям грабить врагов. Помимо этого, была введена защита нейтральных судов и грузов. Женевская конвенция 1864 г. содержала положения о защите раненых солдат, врачей и санитаров на поле боя. Кульминационным процессом стали Гаагские конференции 1899 г. и 1907 г., в рамках которых были разработаны подробные правила ведения войны, определен правовой статус гражданских лиц, военнопленных, запрещен ряд оружия и его составляющих.

Кодификационные процессы и институционализация международного права к концу XIX в. стали кульминацией в процессе развития международного права. Данные процессы обусловили объединение норм от разрозненных двусторонних договоров к систематическим многосторонним конвенциям. Кроме того, данные процессы стали отражением технической и функциональной глобализации межгосударственных отношений. Развитие коммуникаций и торговли стимулировал унификацию правовых норм. Значительное увеличение числа многосторонних договоров сопровождалось попытками их систематизации. Например, Всемирный почтовый союз стандартизировал международные почтовые тарифы и процедуры. Международный телеграфный союз унифицировал телеграфные правила и сигналы. Санитар-

ные конвенции ввели карантинные меры против эпидемий, а речные конвенции регулировали судоходство на международных реках [6].

Гаагские конференции 1899 и 1907 гг. стали кульминацией «классического» этапа международного права. Их значение связано с институционализацией арбитража и гуманитарных ограничений ведения войны. Первая конференция, созванная по инициативе Николая II на фоне русско-германского соперничества и роста вооружений, собрала 26 держав для обсуждения вопроса об ограничении гонки вооружений и кодификации законов войны. Политические условия были связаны с прогнозированием глобальных конфликтов, эскалацию которых стремились замедлить.

Вторая конференция, инициированная США после Русско-японской войны, расширила состав участников до 44 государств. На ней были приняты конвенции, структурировавшие международное право. Прежде всего, Конвенция «О мирном разрешении международных столкновений», положения которой вводили дипломатические механизмы разрешения конфликтов, посредничество и арбитраж. На основе данной конвенции была создана Постоянная палата третейского суда в Гааге. Конвенции о законах и обычаях войны ограничили вооружения, установили запрет баллистических снарядов, подрывных мин, а также предусматривали положения о регулировании начала войны, вводили запрет на применение удушающих газов, разорения, мародерства.

Значение Гаагских конференций для закрепления принципа мирного разрешения споров и гуманизации войны состояло в пересмотре декларативных норм в сторону многосторонних актов, ратифицированных большинством государств [7].

Доктрина международного права в Европе XIX в. стала основой для последующего развития правовой системы. Она объединяла в себе философские традиции эпохи Просвещения, положения о новом миропорядке. Европейские юристы внесли фундаментальный вклад в формирование понятийного аппарата и систематизацию норм.

Развитие доктрины международного права в Европе XIX в. было связано с формированием национальных школ юридической мысли. Каждая, из которых предлагала собственные подходы к осмыслению и систематизации правовых норм. Немецкая историческая школа уделяла внимание развитию правовых обычаев, основанных на практике, а также указывала на значение суверенитета и баланса сил как естественных традиций политики европейских государств [9]. Французская позитивистская школа сосредоточилась на систематизации договоров и конвенций как первичных источников права, что в дальнейшем способствовало их кодификации. Английская аналитическая школа формализовала международное право. В «классическом» международном праве XIX века государство считалось единственным и исключительным субъектом всех правовых отношений. Только оно могло заключать договоры, вести войны или создавать правовые нормы. Суверенная воля каждой страны определяла содержание этих отношений. Главными источниками права были обычаи и договоры [8].

Противоречия и ограничения развития международного права в Европе XIX в. проявлялись в разрыве между декларируемыми принципами и интересами государственной политики различных стран. Признание суверенного равенства, невмешательства и мирного разрешения споров со стороны многих государств было формальным. Несмотря на коллективные обязательства, германские войска в 1914 г. проигнорировали положения правовых норм и принципов [10].

В XIX веке европейские государства делили мир фактически на два уровня: «цивилизованные» европейские государства и все остальные. Европейские страны считали себя единственными полноправными субъектами права, обладающие суверенитетом. Однако данные идеи оказались несостоятельными. К 1914 г. «классическое» международное право оказалось несостоятельными из-за слабых правовых институтов, устаревших идей и новых реалий.

Таким образом, XIX век ознаменовал формирование «классического» европейского международного права как переходного этапа от вестфальского суверенитета к структурированной системе норм. Венский конгресс, Гаагские конференции и многосторонние конвенции сформировали принципы баланса сил, легитимизма и коллективной безопасности. Ключевые достижения связаны с созданием института дипломатии, развитие гуманитарного права. Ограничения в дальнейшем развитии были связаны с политикой евроцентризма.

Пристатейный библиографический список

1. Дорская А. А. Развитие международного правосудия как способ преодоления кризисных явлений в международно-правовой сфере: ретроспективный анализ // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. - 2025. - № 1 (57). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://cyberle№i№ka.ru/article/№/razvitie-mezhdu№arod№ogo-pravosudiya-kak-sposob-preodole№iya-krizis№yh-yavle№iy-v-mezhdu№arod№o-pravovoy-sfere-retrospektiv№yy (дата обращения: 07.03.2026).
2. Телепина Н. М., Телепина Н. А. К вопросу о роли России в развитии международного права в первой половине XIX века // Вестник ГУУ. - 2013. - № 20. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://cyberle№i№ka.ru/article/№/k-voprosu-o-roli-rossii-v-razvitii-mezhdu№arod№ogo-prava-v-pervoy-polovi№e-xix-veka (дата обращения: 07.03.2026).
3. Хесин Е. С. Становление Европы как мастерской мира // Современная Европа. - 2014. - № 1 (57). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://cyberle№i№ka.ru/article/№/sta№ovle№ie-evropy-kak-masterskoy-mira (дата обращения: 07.03.2026).
4. Проблемы унификации международного частного права: монография / Н. В. Власова, Н. Г. Доронина, Т. П. Лазарева и др.; отв. ред. Н. Г. Доронина. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: ИЗиСП, Юриспруденция, 2023. - 672 с.
5. Ключников А. Ю. Становление международного права через развитие международных судов // Российский судья. - 2021. - № 7. - С. 46-49.
6. Долгошеин П. С., Клименко А. И. Развитие концепта общих принципов международного права и представление об их значении в современном обществе // Миграционное право. - 2023. - № 1. - С. 21-25.
7. Безбородов Ю. С. Международные организации и идеализм российской доктрины международного права XIX века (часть первая) // Современное право. - 2024. - № 4. - С. 130-135.
8. Баскин Ю. Я., Фельдман Д. И. История международного права. - М.: Международные отношения, 1990. - 205 с.
9. Левин Д. Б. История международного права. - М., 1962. - 136 с.
10. Лукашук И. И. Международное право. Общая часть: учебник. - М.: Волтерс Клувер, 2007. - 432 с.

ЗАГИДУЛЛИН Рустем Ильдусович
кандидат юридических наук, министр юстиции Республики Татарстан

ВОПРОСЫ ПРАВОВЫХ ОСНОВ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

В статье рассматривается позиция ведущих правоведов по основным вопросам реформы местного управления и самоуправления на основе опубликованных архивных документов Юридического совещания при Временном правительстве.

Отмечается, что местное самоуправление представлялось основой будущих преобразований в России в целом. Расширение полномочий местного самоуправления воспринималось возможностью подключения каждого гражданина к участию в государственном переустройстве. Наше исследование подтверждает, что в 1917 году либералами была разработана новая модель реформирования России.

Ключевые слова: местное самоуправление, Временное правительство, Юридическое совещание при Временном правительстве, кадеты.

ZAGIDULLIN Rustem Ildusovich
Ph.D. in Law, Minister of Justice of the Republic of Tatarstan

ISSUES OF THE LEGAL BASIS FOR THE TRANSFORMATION OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN THE ACTIVITIES OF THE PROVISIONAL GOVERNMENT

The article examines the position of leading legal scholars on the main issues of local government and self-government reform, based on the published archival documents of the Legal Conference under the Provisional Government.

It is noted that local self-government was seen as the foundation for future transformations in Russia as a whole. The expansion of local self-government's powers was perceived as an opportunity for every citizen to participate in the reorganization of the state. Our research confirms that in 1917, liberals developed a new model for reforming Russia.

Keywords: local self-government, Provisional Government, Legal Conference under the Provisional Government, cadets.

Демократические преобразования 1905 года, формирование новых законодательных органов способствовали активизации вопроса о реформе земского и городского самоуправления. Проект положения о поселковом и волостном управлении правительством был внесен во вторую, а затем – в третью Государственную Думу, министерством внутренних дел разрабатывался проект общей земской реформы. Однако до свержения самодержавной монархии какие-либо действенные результаты в данном направлении не были достигнуты.

Временное правительство был призван организовать созыв Учредительного собрания, на которого возлагалось определение форм государственного устройства и правления в стране. Оно функционировало до Октябрьской революции, чуть более 7-ми месяцев.

Несмотря на это, за этот короткий период им были предприняты определенные шаги для переустройства взаимоотношений между властью и обществом, «стремительно развивался процесс формирования новой модели российской государственности на базе либерально-демократических ценностей (создавались демократические институты власти и механизмы их функционирования» [1, с. 17]. Среди них важная роль была отведена вопросам преобразования местного самоуправления.

Заявленная тема имеет небольшую историографию. Большой вклад в раскрытие деятельности Юридического совещания внесла А. Л. Стародубова [7]. Юридическая сторона преобразования местного самоуправления, хотя и опосредованно, анализируется в монографии О. Н. Знаменского [3]. При сопоставлении взглядов правоведов думского периода и периода Временного безусловный интерес представляют исследования В. В. Шелохаева [8], [9].

Основным материалом послужили архивные документы: «Записи хода заседаний Юридического совещания при Временном правительстве»[1] и «Журналы заседаний Временного правительства»[2].

Методологическая основа исследования определяется спецификой проблемы. Нами был использован проблемный метод для определения основных направлений деятельности Юридического Совещания по разработке правовых основ местного самоуправления. Кроме того, при рассмотрении взглядов кадетов двух периодов (Государственной Думы и Временного правительства) обращались к сравнительно-историческому методу.

Становление местного самоуправления, по мнению представителей Временного правительства, должна была укрепить поддержку новой власти. Шестой пункт небольшой «Декларации Временного правительства о его составе и задачах» от 3 марта («6. Выборы в органы местного самоуправления на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования»[3]) указывает, что преобразование местного самоуправления воспринималось одной из ключевых направлений государственных преобразований.

Для разработки правовой основы будущих реформ в виде конкретных проектов законов, положений и правил при Министерстве внутренних дел было созвано в составе видных юристов-правоведов Особое совещание по реформе местного самоуправления под председательством министра.

1 Архив новейшей истории России. Т. XIII: Записи хода заседаний Юридического совещания при Временном правительстве. Март-октябрь 1917 года: в 2 т. – М.: Политическая энциклопедия, 2018. – Т. 1: Март-июнь 1917 года. 599 с.; Т. 2: Июль-октябрь 1917 года. – 413 с.

2 Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. VII. Журналы заседаний Временного правительства. В 4-х т. Том 1. Март—апрель 1917 года. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – 448 с.; Том 2: Май-июнь 1917 года. – 512 с.

3 Декларация Временного правительства о его составе и задачах. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5201/?ysclid=mnr7qiva2266555012: (время обращения: 6.04.2026).

Детальное обсуждение, корректировка подготовленных Особым совещанием проектов взяло на себя Юридическое совещание при Временном правительстве (далее – Юридическое совещание), которое было образовано 22 марта 1917 года под председательством известного правоведа, одного из основателей Конституционно-демократической партии Федора Федоровича Кокошкина (1871–1918). Третьей инстанцией выступало Временное правительство, которое утверждало документы.

Тематика рассматриваемых Юридическим совещанием проектов законов, положений и других документов была широкой, касалась различных вопросов реформирования России. А. Л. Стародубова отмечает, что «Они затрагивают вопросы устройства власти в новом государстве, проблему регулирования национального вопроса, отношений государства и церкви, местного самоуправления и другие. По материалам Совещания можно, таким образом, построить контуры той модели, которая должна была быть положена в основу построения будущего государства и общества» [7, с. 4].

Некоторые из проектов представляли собой инновационное видение перспектив демократизации государственной системы, как, например, проект постановления о равноправии женщин при поступлении в государственную службу (принято 5.08.1917), в котором впервые в России сообщалось, что женщин отныне могут назначаться на все должности в гражданские учреждения (как известно, с 1864 года женщины допускались на службу в Министерство юстиции, с 1869 года – в Министерство путей сообщения и государственного контроля, чуть позже – в таможню, министерство земледелия, морское, финансов и торговли, однако в 1871 году правительство запретило прием женщин на службу [2, с. 73]). Проект закона «Об отмене вероисповедальных и национальных ограничений» (от 18 марта), отменяющий все правовые ограничения, связанные с вероисповеданием или этнической принадлежностью, с гражданскими или избирательными правами, также свидетельствовал о коренных изменениях подходов к взаимоотношениям государственной власти и народа.

Безусловно, о необходимости подобных реформ говорилось с трибун Государственной Думы практически всех созывов. По мнению А.Л. Стародубовой, при подготовке правовых документов и законов Особое совещание обращалось к кадетским проектам 1905–1907 гг., и однако требовалось оперативное внесение корректив в соответствии с ситуацией 1917 года. Юридическое совещание стало такого рода экспертом-корректором. Кроме того, по утверждению В. В. Шелохаева, «в условиях новой исторической реальности 1917 г. теоретики и политики нового либерализма продемонстрировали свои потенциальные возможности к оперативной трансформации своей модели преобразования России» [9, с. 11]. В качестве примере ученый упоминает появление в законопроектах новых разделов, в раскрытии формулировок уже существующих положений.

И ранее партия кадетов выделялась в законодательном процессе российских политических партий: «это была партия интеллектуалов, аккумулировавшая в своих рядах цвет российской интеллигенции начала XX в., мечтавшей о радикальном преобразовании страны парламентским путем и на основе общечеловеческих ценностей» [8, с. 151]. Одним из главных вопросов в преобразовании страны кадеты считали развитие местного самоуправления. Так, В. А. Кувшинов, по Протоколам Центрального Комитета Конституционно-демократической партии, подсчитал, что «за время после образования партии и до разгона II Государственной Думы 3 июня 1907 г., вопрос о земствах поднимался в ЦК по тому или иному поводу 34 раза, в период работы III Государственной думы – свыше 50 раз, в IV – вплоть до Февральской революции свыше 80 раз» [4, с. 32–40].

Вместе с тем, здесь важно другое: Юридическое Совещание состояло из самых известных и влиятельных юристов страны. И в отличие от программы кадетов, в которой речь шла о конституционной монархии, Временное правительство шло к утверждению республиканской формы управления. Это отличие повлияло и на разрабатывавшуюся концепцию самоуправления.

Еще до официального учреждения (22.03.1917) Юридического совещания, 20 марта Юридическая комиссия заслушала доклад Б. Э. Нольде (1876–1948) о разработке проекта положения о выборах в Учредительное собрание. Высшее избирательное право воспринималось частью преобразования местного самоуправления.

Одним из первых и важных направлений деятельности Юридического совещания стало обсуждение земельного вопроса. Так, 28 марта (№ 14) рассматривался проект постановления о местном управлении в двух губерниях. Если первый пункт проекта касался состава губерний, то остальные определяли: необходимость учреждения «нового административного устройства Прибалтийского края»; поручение управления «губернским комиссарам Временного правительства» – «до издания и приведения в действие правил» такого устройства; указывали компетенции временного совета. Четвертый пункт сообщал об учреждении в губерниях временных губернских земских советов, пятый – их компетенции: «В уездах учреждаются временные уездные земские советы, ведению которых подлежат, с одной стороны, функции местного земского самоуправления, а с другой – дела администрации, как то: по поддержанию общественного спокойствия, по народному здравию, по продовольствию, по народному образованию, дорожные дела и проч.»[4]. Таким образом была разработана первая модель местного самоуправления, одновременно представляющая собой орган административного управления.

При обсуждении данного пункта возник вопрос о языке делопроизводства в учреждениях временного местного управления. «Совещание находило более правильным постановить, что язык делопроизводства во временных советах при губернских комиссарах, а также в губернских и уездных земских советах определяется постановлениями сих учреждений»[5]. Факт передачи данного важнейшего вопроса в компетенцию губернских органов власти свидетельствует, что Юридическое совещание чутко реагировало на общественную ситуацию в сфере «национального вопроса» в стране и находило адекватные правовые решения возникающим проблемам местного уровня, которые были в русле демократических преобразований полиэтнического российского общества.

«Языковой вопрос» был затронут и при обсуждении проекта «Временного положения о волостном земском управлении» на заседании, состоявшегося 29 апреля 1917 года. Юридическое совещание высказалось за отказ от выставления непременным условием «подачу избирательных записок на русском языке, а предоставить избирателям по их желанию пользоваться и местными языками», уточняя, что соответствующее разъяснение по этому поводу должно быть помещено в инструкции министра внутренних дел по регламентации «Правил о приведении в действие Временного положения о волостном земском управлении», согласно ст. 18 этих «Правил»[6].

Необходимо отметить, что по данному вопросу позиция Юридического совещания ассоциировалась с требованием кадетов «культурного самоопределения», под которым понималась свобода употребления национальных языков, свобода основания и содержания учебных заведений, собраний, союзов, имеющих целью сохранение и развитие культуры каждой народности [7, с. 100–101].

29 марта, на 15 заседании Юридического совещания, когда обсуждался переработанный вариант вышеназванного проекта постановления об изменении границ Лифляндской

4 Проект постановления Временного правительства об изменении границ Лифляндской и Эстляндской губерний и временного устройства административного управления и местного управления в названных губерниях // Архив новейшей истории России. – Т. XIII: Записи хода заседаний Юридического совещания при Временном правительстве.... – Т. 1: Март-июнь 1917 года. – С. 93.

5 Запись Юридического совещания при Временном правительстве № 14 // Архив новейшей истории России. – Т. XIII: Записи хода заседаний Юридического совещания при Временном правительстве. ... Т. 1: Март-июнь 1917 года. – С. 91.

6 Запись Юридического совещания при Временном правительстве № 35 // Архив новейшей истории России. Т. XIII: Записи хода заседаний Юридического совещания при Временном правительстве. ... Т. 1: Март-июнь 1917 года. – С. 205.

и Эстляндской губерний и временного устройства административного управления и местного управления в названных губерниях, по представлению Я. Ю. Гольдмана из него был исключен вопрос, касающийся Лифляндской губернии («В этом отношении Я. Ю. Гольдман объяснил, что в настоящее время не только не разработаны некоторые вопросы, касающиеся местного самоуправления, но даже новые границы Лифляндской губернии, проектируемые в соответствии с этнографическими условиями, еще не вполне определились»[7]). Касательно Эстляндской губернии были добавлены подпункты о создании согласительной комиссии для определения принадлежности «приграничных волостей к эстонской или латышской народности», и прямом подчинении избранных членов временного губернского земского совета губернскому комиссару Временного правительства.

Этот пример явственно показывает, что изначально Временное правительство провозгласило ориентацию на демократическое местное самоуправление. Однако ситуация на местах, состояние общего правового сознания в стране напоминали о необходимости сосредоточения исполнительной власти на уровне представителей государственной власти – губернских и уездных комиссаров.

Несколько заседаний Юридического совещания (№ 17, 18) были посвящены вопросам выборов, рассматривался проект Временного правительства о производстве выборов гласных городских дум и об участковых городских управлениях (№ 23). Эти обсуждения готовили правовую почву для рассмотрения новых правил местного самоуправления. «Реализация в законах принципа всеобщего избирательного права обеспечивала децентрализацию управления и способствовала значительному расширению компетенции органов местного самоуправления» [9, с. 7].

Проект закона о выборах (15 апреля 1917 г. обрел силу закона) вносил кардинальные изменения в избирательную систему. Были определены категории лиц, обладающие и не обладающие правом участия во всеобщих, прямых выборах. Относительно солдат и матросов Юридическим совещанием была внесена поправка возрастного рубежа (достижение 18 лет). Предложенный подход отличался от позиции кадетов по данному вопросу широтой охвата различных категорий граждан и стремлением создавать равных условий для них.

Еще одним новшеством в законопроекте стало учреждение в городах (если количество населения превышает 300 тыс. чел.) районных органов самоуправления, которое было направлено на активизацию населения на местах, более широкого и активного включения их в процесс общественного управления.

Не менее важным вопросом считалось введение волостного земства, которое признавалось необходимым для организации работы на местах. Как известно, законопроект о волостном земстве был возвращен на доработку Думой Второго созыва и с поправками был принят (1911 г.) и через три года был отклонен Государственным советом. «Аргументом для такого решения стало беспокойство о судьбе крупных землевладельцев, которых проведение этого закона в жизнь, с точки зрения законодателя, поставило бы в зависимость от крестьянской массы» [6, с. 9]. В 1917 году ситуация начала меняться: Временное правительство склонялось к идее отмены сословий.

28 и 29 апреля 1917 г. на заседаниях Юридического совещания (№ 34 и 35) был заслушан проект «Временного положения о волостном земском управлении», обсуждение же касалось в целом выборных вопросов. Правом участия в выборах наделялись граждане обоего пола всех национальностей и вероисповеданий (впервые в России), достигшие ко времени составления избирательных списков 20 лет. Отменялись национальный и имущественный цензы, а также ценз оседлости. Выборы в волостные и уездные земства планировались прямые, в губернские земства – уездными земскими собраниями и городскими думами. Таким образом отменялись установленные «Положением о губернских и уездных земских учреждениях» (1864 г.) и «Городовым положением» (1872 г.) дискриминационные правовые ограничения.

Данное обсуждение наглядно показывает полномочия и возможности Юридического совещания, которое детально просчитывало всевозможные риски и правовые нестыковки. Например, при обсуждении выборов гласных в волостное земское собрание член Юридического совещания В. А. Маклаков выступил против определения возрастного ценза 20-ю годами, указав недопустимым «участие в волостном самоуправлении лиц, не достигших гражданского совершеннолетия и не имеющих по законам гражданским права непосредственного управления и распоряжения собственным имуществом»[8]. Хотя повышение намеченного Министерством внутренних дел возрастного ценза не произошло, выступление Маклакова указало на необходимость согласования проекта с другими действующими законодательными актами.

Еще одним дискуссионным вопросом стал принцип пропорциональности выборов в волостное земское собрание. Обсудив сложность проведения самих выборов и сложность подсчета голосов при таком раскладе, большинством голосов Юридическое совещание отказалось от данного принципа в пользу мажоритарных выборов.

29 апреля были внесены коррективы в проект, вплоть до стилистических, налицо была и попытка уйти от громоздких фраз, как со ст. 2 Положения, и более четкого разъяснения смысла (например, ст. 14 была дополнена). Многие положения были исключены из законопроекта и предложено использовать их в инструкции за подписью министра внутренних дел, исходя из ситуации на местах. Таким образом, Юридическое совещание подготовило и правовое сопровождение реализации Положения, путем передачи полномочий местным органам власти.

В самом проекте постановления, вынесенном на обсуждение, содержалось распоряжение о введении Положения о волостном земском управлении в действие в ряде губерний[9], постатейно определены обязанности волостного головы, волостных земских управ и собраний и т.д. 2, 4 мая (№ 37, 38) началось рассмотрение отдельных пунктов по деятельности волостного земского управления в части контроля и надзора. Кроме того, с точки зрения внесения изменений еще раз были рассмотрены ранее принятые постановления «О производстве выборов губернских и уездных земских гласных» и «Временные правила о производстве выборов губернских и уездных земских гласных». Обсуждение 10 мая (№ 41) проекта «Временного положения о губернских и уездных комиссарах» завершилось принятием закона об учреждении в отдельно указанных губерниях должностей губернских и уездных комиссаров и их помощников. Этот факт свидетельствует о том, что общественно-политическая ситуация (военные действия, активность деструктивных сил) вынуждало Временное правительство прибегать в временным решениям.

Проект предоставлял волостным земствам полномочия волостных правлений и волостных старшин. С одной стороны, предусматривалось укрепление финансового положения волостных земств (они получали право приобретения и отчуждения имущества, обложения сборами имущества на территории волости, заключения договоров, управления земскими повинностями, имуществом и капиталом), с другой, практически вся деятельность по социально-экономическому и хозяйственному благоустройству местности переходила в их прямую обязанность. В контексте упразднения волостных сходов, продовольственных комитетов и попечительств их обязанности также передавались единому органу управления и самоуправления.

7 Запись Юридического совещания при Временном правительстве № 15 // Архив новейшей истории России. Т. XIII: Записи хода заседаний Юридического совещания при Временном правительстве. ... Т. 1: Март-июнь 1917 года. – С. 95.

8 Запись Юридического совещания при Временном правительстве № 34 // Архив новейшей истории России. Т. XIII: Записи хода заседаний Юридического совещания при Временном правительстве. ... Т. 1: Март-июнь 1917 года. – С. 196.

9 Проект постановления Временного правительства о волостном земском управлении // Архив новейшей истории России. Т. XIII: Записи хода заседаний Юридического совещания при Временном правительстве. ...Т. 1: Март-июнь 1917 года. – С. 199.

Изданный Временным правительством 21 мая 1917 года закон о волостном земском управлении стал важным шагом в реформе местного самоуправления. Упразднение прежней системы волостной организации было направлено на включение крестьян, составляющих большинство населения страны, в систему управления и самоуправления.

Как часть этого объемного вопроса, 18 и 26 мая 1917 года на заседании Юридического совещания (№ 47) заслушивали вопрос изменения действующих положений об общественном управлении городов. Отмечалось, что целью разработки проекта является устранение «не отвечающих взглядам Временного правительства на положение органов самоуправления в системе государственных учреждений»[10]. Проект состоял из трех частей: отменяемые данным проектом законоположения; статьи Городового положения в новой редакции; статьи сопроводительного закона.

Изменения касались, прежде всего, демократизации и расширения полномочий в этой сфере. В качестве «главнейших изменений» указаны: «Расширена и развита компетенция городского общественного управления вообще и в частности по изданию обязательных постановлений. Надзор правительственной власти за деятельностью городского управления с точки зрения целесообразности отменяется и сохраняется надзор этой власти лишь за законностью действий городского управления»[11]. Так, например, своими дополнениями статьи 2 Юридическое совещание возложило на земские учреждения «ближайший надзор за применением в торговле и промышленности законных мер и весов[12]. Или, еще раз подчеркнув самостоятельность земских учреждений в рамках своих компетенций, в примечании к статье 3 указывалось право «заключить между собою, по взаимному соглашению договоры товарищества, образовывать союзы и устраивать съезды»[13].

Или пункт 7 статьи 64 Юридическое совещание предложило в новой редакции, «согласовав со статьей 88 «Положения о волостном земском управлении, дополнить пунктом 3 о заключении договоров, срок действия которых превышает 10 лет»[14] , и т.д.

Еще 15 апреля Временным правительством было утверждено Постановление о выборе городских гласных и об участковых городских думах, а 30 мая принято Преобразование 41 поселения в городские. 9 июня 1917 года утверждено «Городовое положение», тем самым началось введение в городах общественного управления на новых началах.

Как известно, еще 6 июня 1870 года императором Александром II было утверждено «Городовое положение», вводившее всесословное местное самоуправление в городах. Документ Временного правительства, изменивший социальный состав гласных городских дум, предложил новую модель самоуправления, предоставив думам самим избирать должностных лиц. Важным является то, что городское самоуправление получило больше финансовой самостоятельности. Самое главное, как отмечает А. В. Мамаев: «В революционных условиях роль института городского самоуправления резко повысилась: во многих городах думы выступили в качестве центра объединения общественных организаций, начали активно участвовать в решении вопросов, обычно находившихся в компетенции органов государственных, способствовали повышению политической активности горожан и обеспечивали поддержку центральной власти на местах» [5, с. 3].

По примеру городов приступили к созданию поселкового самоуправления («Положение о поселковом управлении» от 15.06.1917). Таким образом, формирование системы органов самоуправления губернского, уездного и сельского, городского и поселкового уровня рассматривалось Временным правительством в качестве новой матрицы, новой структуры местного самоуправления.

Рассмотрение деятельности Юридического совещания наталкивает на мысль, что его заседания, по сути, стали площадкой обсуждения практических аспектов преобразования местного управления и самоуправления. Так, ряд заседаний было посвящено вопросам введения земских учреждений в окраинных регионах – с учетом этносословного состава местного населения. Например, при обсуждении проекта постановления Временного правительства о введении земских учреждений в Архангельской губернии и в губерниях и областях Сибири (заседание Юридического совещания № 57) выяснилось, что бурятское население просит признавать территории бывших степных дум, упраздненных в Иркутской губернии в 1890-е гг., в Забайкальской области – 1901 г., и на их основе организовать земские волостные единицы. Схожее заявление поступило также с представителей Томской губернии относительно алтайцев, шорцев, теленгутов. Таким образом, создание местного самоуправления охватило и проблему сохранения правового равноправия этнических групп населения: малые народы изъявили желание стать самостоятельной национальной земской единицей, приравненной к уездному земству. Однако их стремление восстановить прежние упраздненные институты самоуправления на сословно-этнических началах были выведены за рамки обсуждения земельного вопроса[15].

Похожий вопрос возник и при обсуждении проекта «о введении земских учреждений в Калмыцкой Степи и в Киргизской Внутренней Орде Астраханской губернии» (№ 69) относительно действительной принадлежности кочевых калмыков и киргизов к данной губернии. Юридическое совещание предложило определить «особые для обеих территорий комиссары Временного правительства и органы местного самоуправления, подобно тому, как это установлено для столиц и некоторых иных городов, выделенных из губерний в особые единицы»[16], наделив их особыми полномочиями.

При обсуждении проекта «О введении земских учреждений в областях Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Тургайской и Уральской» (№ 61) возник вопрос, подготовленный Министерством народного просвещения, о необходимости формирования комитета по народному образованию, исходя из ситуации в крае. В результате был одобрен проект соответствующего постановления об учреждении Временного государственного комитета по народному образованию[17].

6 и 10 июня Юридическим совещанием были рассмотрены предложения МВД о Всероссийском земском союзе и подготовлено «Положение о Всероссийском земском союзе» (который был принят Временным правительством 7 июня). В состав Земского союза входили все земства, которые принимали решение о своем вхождении в Союз и делали взнос. Хотя к этому времени Союз уже существовал, новый юридический документ расширил его полномочия, предоставив права: «1) учреждать фабрично-заводские, торговые и кредитные организации; 2) открывать учебные заведения (высшие, средние и низшие) и просветительские учреждения, а равно оказывать таковым свое содействие; 3) издавать и распространять печатные произведения»[18] и др., для этого предоставлялось право «на основании гражданских законов,

10 Запись Юридического совещания при Временном правительстве № 47 // Архив новейшей истории России. – Т. XIII: Записи хода заседаний Юридического совещания при Временном правительстве. ... Т. 1: Март-июнь 1917 года. – С. 282.

11 Там же.

12 Там же. – С. 335.

13 Там же.

14 Там же. – С. 336.

15 Запись Юридического совещания при Временном правительстве № 57 // Архив новейшей истории России. Т. XIII: Записи хода заседаний Юридического совещания при Временном правительстве. ... Т. 1: Март-июнь 1917 года. – С. 398.

16 Запись Юридического совещания при Временном правительстве № 69 // Архив новейшей истории России. Т. XIII: Записи хода заседаний Юридического совещания при Временном правительстве. ... Т. 1: Март-июнь 1917 года. – С. 539–540.

17 Проект постановления об учреждении в составе Министерства народного просвещения Временного государственного комитета по народному образованию // Архив новейшей истории России. Т. XIII: Записи хода заседаний Юридического совещания при Временном правительстве. ... Т. 1: Март-июнь 1917 года. – С. 474–475.

18 Положение о Всероссийском земском союзе // Архив новейшей истории России. – Т. XIII: Записи хода заседаний Юридического

приобретать и отчуждать имущества, заключать договоры, вступать в обязательства, а также вчинять гражданские иски и отвечать на суде по имущественным делам Союза»[19].

Параллельно были разработаны «Правила о союзах, товариществах и съездах земских учреждений и городских и поселковых управлений» (приняты 23 июня 1917 года). Право на их создание предоставлялось губернским, уездным и волостным земским учреждениям, городским и поселковым управлениям и стало отражением одного из направлений деятельности местного самоуправления.

В июле 1917 г. продолжилась работа по реформе управления и самоуправления. 6 июля (№ 71) Юридическим совещанием был рассмотрен проект о поселковом управлении, которое в целом наделялось правами и обязанностями земских учреждений. Только в шести случаях/вопросах было необходимо получить утверждение уездного земского собрания. Это: «1) о приобретении, отчуждении и залоге недвижимых имуществ и о распоряжении капиталами поселка; 2) о заключении договоров, срок действия которых превышает 12 лет, а также займов; 3) о поручительствах и гарантиях от имени поселка; 4) об установлении в пользу поселка боров: а) с промысловых свидетельств, б) с заведений трактирного промысла, в) с извозного промысла, г) с лошадей и экипажей, содержимых частными лицами, д) с собак, е) с велосипедов и автоматических экипажей, ж) особых денежных сборов взамен натуральных повинностей; 5) об освобождении от обложения малоценных и малодоходных имуществ; 6) об установлении такс»[20].

В таком же ракурсе воспринимается рассмотрение проекта правил об упорядочении земельных отношений (25 и 27 июля 1917 г.) или вопрос об изменении статьи 2 отдела 2 одобренного Временным правительством 9 июня 1917 г. постановления о введении земских учреждений в местностях, отведенных в пользование кочевых инородцев в Ставропольской губернии. Последний вопрос возник из-за завершения «перехода кочевых инородцев Ставропольской губернии к оседлости»[21].

В то же время летом в работе Юридического совещания наблюдается спад активности. Это было связано с общей общественно-политической ситуацией в стране, которая ухудшилось после поражения на фронте в июне 1917 года. Назревал и политический кризис: в июне (13 июня, № 62; 15 июня, № 63; 17 июня, № 64; 19 июня, № 65) Юридическое совещание рассмотрело вопросы, связанные с защитой прав национальных окраин России. Были приняты болезненные декларации об автономии Финляндии и Украины. 12–15 (25–28) августа 1917 года случился т.н. корниловский мятеж.

Эти события сказались и на законотворческой деятельности. 10 июля 1917 г. председатель Юридического совещания Ф. Ф. Кокошкин сложил с себя полномочия. Новым председателем был избран профессор Николай Иванович Лазаревский (1868–1921), который был сторонником местного самоуправления, отстаивал идеи разделения властей, народного представительства и конституционного правления.

26 июля 1917 года на Юридическое совещание при Временном правительстве была возложена новая задача: подготовка Учредительного собрания. Реформа местного самоуправления также оставалась на актуальной повестке. Так, 18 августа обсуждался вопрос об изменениях узаконений о местном самоуправлений. Он был связан с ликвидацией сословных учреждений, было предложено формирование небольшой рабочей комиссии для пересмотра сословного законодательства[22]. 22 августа слушался проект постановления Временного правительства об изменении и дополнении Положения 17 июня 1917 года о земских учреждениях Сибири.

Рассмотрение правовой деятельности Временного правительства по проведению реформ местного самоуправления показывает, что в целом оно было направлено на демократизацию процессов управления и самоуправления в России, на создание более гибкой системы управления с расширенными полномочиями местных органов власти в новых политических и социальных условиях.

«Потребность в законченной, полноценной структуре земского самоуправления ощущалась в земской среде, поддерживалась обществом и стала с приходом Временного правительства государственной задачей» [6, с. 11]. Нормативные акты Временного правительства были призваны решить актуальные запросы в сфере местного управления в переходный период, дать определенную законодательную базу временного характера. В качестве самых важных направлений демократизации местного самоуправления необходимо указать вопрос выборов и формирование новой структуры местного самоуправления, которая должна была завершиться созданием Учредительного собрания.

Пристатейный библиографический список

1. Додонов Б. Ф. Предисловие // Архив новейшей истории России. Т. XIII: Записи хода заседаний Юридического совещания при Временном правительстве. Март-октябрь 1917 года: в 2 т. / отв. ред. Б. Ф. Додонов, отв сост. О. Н. Копылова, сост.: О. В. Лавинская, К. Г. Ляшенко, К. А. Лукина. – М.: Политическая энциклопедия, 2018. – Т. 1: Март-июнь 1917 года – С. 17-36.
2. Ворошилова С. В. Правовая политика России в XIX – начала XX века по привлечению женщин к государственной службе // Правовая политика и правовая жизнь. – 2011. – № 2. – С. 72-76.
3. Знаменский О. Н. Всероссийское Учредительное собрание: история созыва и политического крушения. – Л.: Наука (Ленингр.отделение), 1976. – 364 с.
4. Кувшинов В. А. Кадетский Центральный комитет о земском самоуправлении в России // Вестник Вятского государственного университета. – 2008. – № 2 (1). – С. 32-40.
5. Мамаев А. В. Самоуправление городов России в условиях революционного процесса. 1917–1918 гг.: на материалах городов Московской, Тульской, Вятской губерний: Автореф. дис. … канд.ист.наук. – М., 2010. – 28 с.
6. Матвеев М. Н., Турганова О. В. Исторические и правовые аспекты введения волостного земства Временным правительством // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2019. – Т. 25. № 2. – С. 7-12.
7. Стародубова А. Л. Юридическое совещание 1917 г.: основные направления деятельности: Дис. … канд. ист.наук. – М., 2000. – 193 с.
8. Шелохаев В. В. Кадеты // Политические партии России: история и современность. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. – С. 150-168.
9. Шелохаев В. В. Влияние революции 1917 г. на трансформацию либеральной модели преобразования России // История государства и права. – 2017. – № 19. – С. 3-12.

совещания при Временном правительстве. ... Т. 1: Март-июнь 1917 года. – С. 445.

19 Там же. – С. 446.

20 Временное положение о поселковом управлении // Архив новейшей истории России. – Т. XIII: Записи хода заседаний Юридического совещания при Временном правительстве. ...Т. 2: Июль-октябрь 1917 года. – С. 50.

21 Заседание 1 сентября 1917 г. // Архив новейшей истории России. – Т. XIII: Записи хода заседаний Юридического совещания при Временном правительстве. ...Т. 2: Июль-октябрь 1917 года. – С. 195.

22 Заседание 18 августа // Архив новейшей истории России. Т. XIII: Записи хода заседаний Юридического совещания при Временном правительстве. ...Т. 2: Июль-октябрь 1917 года. – С. 164–165.

СУЛЕЙМАНОВА Загра Исрапиловна
независимый исследователь, г. Махачкала

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИНСТИТУТА ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ: ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

В статье раскрывается конституционно-правовое содержание института присяжных заседателей как единства трёх компонентов: формы реализации народовластия в сфере правосудия (ч. 5 ст. 32 Конституции РФ), процессуальной гарантии права обвиняемого на справедливое судебное разбирательство (ч. 2 ст. 47, ч. 4 ст. 123 Конституции РФ) и механизма взаимодействия профессионального и непрофессионального начал в уголовном судопроизводстве. Систематизированы доктринальные подходы – демократический, гарантийный, институционально-социологический, сравнительно-правовой, историко-правовой и социально-психологический. На основе анализа действующего законодательства, правовых позиций Конституционного Суда РФ и статистики Судебного департамента за 2023–2024 годы выявлены ключевые проблемы реализации: ограниченная подсудность, высокий процент отмены оправдательных вердиктов, организационно-финансовые затруднения, нечёткость разграничения компетенции председательствующего и коллегии. Сформулированы предложения по совершенствованию законодательного регулирования и правоприменительной практики.

Ключевые слова: суд присяжных, конституционные основы правосудия, народное участие, правосудие, оправдательный вердикт, доступность правосудия.

SULEIMANOVA Zagra Israpilovna
independent researcher, Makhachkala

THE CONSTITUTIONAL AND LEGAL CONTENT OF THE INSTITUTION OF JURORS: DOCTRINAL APPROACHES AND PROBLEMS OF IMPLEMENTATION

The article reveals the constitutional and legal content of the institution of jurors as a unity of three components: a form of the people's rule in the sphere of justice (Part 5 of Article 32 of the Constitution of the Russian Federation), a procedural guarantee of the accused's right to a fair trial (Part 2 of Article 47, Part 4 of Article 123 of the Constitution of the Russian Federation), and a mechanism for the interaction of professional and non-professional principles in criminal proceedings. The article systematizes the following doctrinal approaches: democratic, guarantee, institutional-sociological, comparative-legal, historical-legal, and socio-psychological. Based on an analysis of current legislation, legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, and statistics from the Judicial Department for 2023–2024, the article identifies key implementation issues, including limited jurisdiction, a high percentage of reversed acquittal verdicts, organizational and financial difficulties, and unclear delineation of the presiding judge's and the panel's responsibilities. The article also formulates recommendations for addressing these challenges.

Keywords: jury trial, constitutional foundations of justice, popular participation, justice, acquittal verdict, accessibility of justice.

Институт присяжных заседателей закреплён непосредственно в Основном Законе государства и образует один из конституционно гарантированных каналов осуществления народовластия в сфере правосудия. Согласно части 5 статьи 32 Конституции Российской Федерации граждане имеют право участвовать в отправлении правосудия, а часть 4 статьи 123 устанавливает, что в случаях, предусмотренных федеральным законом, судопроизводство осуществляется с участием присяжных заседателей [1, с. 11, 16]. Право обвиняемого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей предусматривает часть 2 статьи 47 Конституции РФ, что придаёт указанному институту двойственную природу: одновременно форма народовластия и индивидуальная процессуальная гарантия.

Нормативную конкретизацию эти предписания получают в ФКЗ от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе РФ» [2, с. 1], Федеральном законе от 20.08.2004 № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции» [4, с. 254-270] и главе 42 УПК РФ [3, с. 5], в совокупности образующих комплексный правовой режим участия непрофессиональных судей в уголовном судопроизводстве.

Актуальность исследования обусловлена расширением подсудности суда присяжных на районный и гарнизонный уровень с 2018 года, устойчиво высоким процентом отмены оправдательных вердиктов и продолжающейся доктринальной дискуссией о пределах действия рассматриваемой формы правосудия. Цель исследования – выявление конституционно-правового содержания института, систематизация доктринальных подходов и определение проблем реализации.

В отечественной правовой доктрине сформировались несколько концептуальных направлений, объясняющих конституционную природу суда с участием присяжных заседателей. Демократическая концепция, разрабатываемая Н. В. Радутной, трактует данный институт как воплощение принципа народного суверенитета и непосредственной демократии в судебной сфере [15, с. 96]. Привлечение граждан к разрешению уголовных дел рассматривается в этой парадигме как способ легитимации судебной власти и обеспечения общественного контроля за её осуществлением.

Гарантийная (правозащитная) концепция, последовательно отстаиваемая И. Л. Петрухиным, акцентирует индивидуально-субъективный аспект: суд присяжных служит дополнительной процессуальной гарантией от судебных ошибок и обвинительного уклона [14, с. 5-15]. С указанной позиции конституционное содержание института раскрывается через право обвиняемого на справедливое судебное разбирательство, закреплённое статьёй 47 Конституции РФ

и статьёй 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Институционально-социологический подход Л. М. Карнозовой акцентирует функцию суда присяжных как «социального института», обеспечивающего диалог между формально-юридической и обыденно-правовой рациональностью [12, с. 148]. Сравнительно-правовое направление С. А. Насонова обосновывает существование самостоятельной континентально-российской модели присяжного производства [13, с. 95]; историко-правовой ракурс работ А. А. Демичева прослеживает эволюцию идеи народного представительства от Судебных уставов 1864 г. до современного периода [11, с. 210]. Социально-психологический подход А. А. Тарасова акцентирует взаимодействие профессионального и непрофессионального начал, обеспечивающее преодоление односторонности профессиональной оценки доказательств [16, с. 301]. Перечисленные подходы сходятся в признании конституционно-правовой природы института и его связи с принципами демократического правового государства.

Самостоятельное место в доктрине занимает дискуссия о пределах распространения суда присяжных: сторонники расширения обосновывают необходимость распространить компетенцию коллегий на дела о должностных и налоговых преступлениях; оппоненты указывают на дороговизну процедуры и сложность доказывания. Конституционно-правовое содержание института формируется как результат балансирования между ценностями народовластия, справедливости правосудия и процессуальной экономии.

Действующая редакция статьи 1 Федерального закона № 113-ФЗ закрепляет право граждан Российской Федерации участвовать в осуществлении правосудия в качестве присяжных заседателей при рассмотрении судами первой инстанции подсудных им уголовных дел. Ограничение указанного права допускается исключительно федеральным законом, что соответствует требованию части 3 статьи 55 Конституции РФ. Формирование списков кандидатов осуществляется методом случайной выборки с использованием Государственной автоматизированной системы «Выборы» (статьи 4–8 ФЗ № 113-ФЗ) [4, с. 35], что обеспечивает репрезентативность коллегии и независимость её состава от усмотрения суда или сторон.

Существенное расширение института произошло в результате принятия Федерального закона от 23.06.2016 № 190-ФЗ, который с 1 июня 2018 года распространил производство с участием присяжных заседателей на районные суды и гарнизонные военные суды [5, с. 38]. Численный состав коллегии был дифференцирован: в судах областного звена – восемь присяжных, в районных и гарнизонных судах – шесть. К подсудности районного суда отнесены дела о преступлениях, предусмотренных частью 1 статьи 105 и частью 4 статьи 111 УК РФ, а также частью 2 статьи 105, статьями 277, 295, 317 и 357 УК РФ, по которым в качестве наиболее строгого вида наказания не могут быть назначены пожизненное лишение свободы или смертная казнь.

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно обращался к проблемам функционирования рассматриваемого института. В Постановлении от 02.02.1999 № 3-П сформулирована принципиальная позиция о том, что отсутствие в субъекте Российской Федерации суда присяжных не должно ограничивать конституционное право обвиняемого, что предопределило поэтапное распространение данной формы правосудия на территорию всей страны [6, с. 867]. В постановлениях от 06.04.2006 № 3-П, от 25.02.2016 № 6-П и от 16.03.2017 № 7-П орган конституционного контроля развил правовую позицию, согласно которой законодатель располагает дискрецией в определении категорий дел, подсудных суду присяжных, однако соответствующая дискреция не должна приводить к умалению существа конституционного права на участие народных представителей в правосудии [7, с. 19].

В новейших определениях Конституционный Суд РФ продолжает уточнять процедурные аспекты формирования коллегии и пределы проверки её состава: в определениях от 13.02.2025 № 270-О и от 30.10.2025 № 2660-О подтверждена конституционность норм статей 326–328 УПК РФ, регламентирующих самоотводы, мотивированные и немотивированные отводы кандидатов [9, с. 1]. Разъяснения практики применения главы 42 УПК РФ систематизированы в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2005 № 23 в действующей редакции, акцентирующем требование о недопустимости доведения до сведения присяжных недопустимых доказательств и сведений, способных вызвать предубеждение, [10 с. 135].

Эмпирический анализ статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ свидетельствует об устойчивой, но количественно ограниченной динамике института. Согласно опубликованным данным, в 2024 году коллегиями присяжных рассмотрены уголовные дела в отношении 596 подсудимых, из которых 149 (25 %) оправданы и 447 (75 %) осуждены; доля оправдательных вердиктов в системе присяжного производства стабильно сохраняется в диапазоне 20-25 %, что качественно отличается от показателей профессионального судопроизводства, где удельный вес оправдательных приговоров не превышает долей процента [17, с. 3].

Одновременно фиксируется устойчиво высокий процент отмены оправдательных приговоров, постановленных на основании вердикта коллегии: за первое полугодие 2024 года вышестоящими инстанциями отменены 49 обвинительных и 105 оправдательных приговоров (приблизительно каждый пятый из вынесенных) [18, с. 1]. Указанная диспропорция ставит вопрос о соблюдении принципа равенства сторон при апелляционном пересмотре и о фактическом содержании окончательности вердикта присяжных, гарантируемой статьёй 348 УПК РФ.

Реализация института сталкивается с рядом организационных затруднений: на повестки откликается лишь от 5 до 15 % приглашённых, что вынуждает суды многократно расширять выборку и откладывать слушания. Существенным фактором выступает недостаточное финансовое обеспечение деятельности присяжных, обусловленное необходимостью одновременного покрытия выплаты вознаграждения и компенсации командировочных расходов (статья 11 ФЗ № 113-ФЗ).

Конституционно-правовое содержание института присяжных заседателей в Российской Федерации образуется совокупностью трёх взаимосвязанных компонентов: формы реализации народовластия в сфере правосудия (часть 5 статьи 32 Конституции РФ), процессуальной гарантии права обвиняемого на справедливое судебное разбирательство (часть 2 статьи 47, часть 4 статьи 123 Конституции РФ) и организационно-правового механизма, обеспечивающего диалог профессиональной и общественной правосознания при разрешении уголовных дел.

Систематизация доктринальных подходов демонстрирует методологический плюрализм современной науки конституционного и уголовно-процессуального права: де-

мократическая, гарантийная, институционально-социологическая, сравнительно-правовая, историко-правовая и социально-психологическая концепции дополняют друг друга и в совокупности раскрывают многоаспектную природу института. Анализ нормативной базы (Конституция РФ, ФКЗ от 31.12.1996 № 1-ФКЗ, ФЗ от 20.08.2004 № 113-ФЗ, глава 42 УПК РФ) свидетельствует о завершённости юридической конструкции, тогда как практика её применения сохраняет ряд существенных дефектов.

Ключевыми проблемами реализации выступают: ограниченная подсудность, не отражающая в полной мере потенциал института; устойчиво высокий процент отмены оправдательных вердиктов, ставящий вопрос о реальности их окончательности; организационно-финансовые затруднения, снижающие явку кандидатов; нечёткость пределов разграничения компетенции председательствующего и коллегии. Преодоление перечисленных дефектов требует системных мер: расширения подсудности на отдельные категории должностных и экономических преступлений, корректировки оснований отмены оправдательных приговоров, повышения материального обеспечения присяжных, методического совершенствования судебной практики постановки вопросов.

Реализация предложенных направлений согласуется с правовыми позициями Конституционного Суда РФ, с практикой Верховного Суда РФ и отвечает конституционно-правовому смыслу института, способствуя укреплению доверия общества к судебной власти и обеспечению полноты конституционных гарантий правосудия.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г.: с учётом поправок 2020 и 2022 гг. // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=mpaxzexf13949156598 (дата обращения: 01.04.2026).
2. О судебной системе Российской Федерации: федер. конституционный закон от 31 дек. 1996 г. № 1-ФКЗ: в ред. от 16 апр. 2022 г. // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 1. – Ст. 1.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ: в действ. ред. // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52, ч. I. – Ст. 49.
4. О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации: федер. закон от 20 авг. 2004 г. № 113-ФЗ: в действ. ред. // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 34. – Ст. 35.
5. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей: федер. закон от 23 июня 2016 г. № 190-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 26, ч. I. – Ст. 38.
6. По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР: постановление Конституционного Суда РФ от 2 февр. 1999 г. № 3-П // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 6. – Ст. 867.
7. По делу о проверке конституционности отдельных положений ФКЗ «О военных судах Российской Федерации» и ФЗ «О присяжных заседателях…»: постановление Конституционного Суда РФ от 6 апр. 2006 г. № 3-П // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 16. – Ст. 17.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 марта 2017 г. № 7-П // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 13. – Ст. 19.
9. Определение Конституционного Суда РФ от 13 февр. 2025 г. № 270-О; Определение Конституционного Суда РФ от 30 окт. 2025 г. № 2660-О. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ksrf.ru (дата обращения: 01.04.2026).
10. О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 нояб. 2005 г. № 23: в ред. от 15 мая 2018 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2006. – № 1.
11. Демичев А. А. История российского суда присяжных (1864–1917 гг.): монография. – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2007. – 290 с.
12. Карнозова Л. М. Возрождённый суд присяжных: замысел и проблемы становления: монография. – Москва: NOTA BENE, 2000. – 367 с.
13. Насонов С. А. Производство в суде с участием присяжных заседателей: сравнительно-правовое исследование: монография. – Москва: Р. Валент, 2014. – 304 с.
14. Петрухин И. Л. Суд присяжных: проблемы и перспективы // Государство и право. – 2001. – № 3. – С. 5-15.
15. Радутная Н.В. Избранное. – Москва: РАП, 2010. – 349 с.
16. Тарасов А. А. Единоличное и коллегиальное в уголовном процессе: правовые и социально-психологические проблемы: монография. – Самара: Изд-во Самарского ун-та, 2001. – 312 с.
17. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2024 году / Судебный департамент при Верховном Суде РФ. – Москва, 2025. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cdep.ru (дата обращения: 01.04.2026).
18. Суд присяжных: итоги 2024 года и прогноз на 2025-й // Адвокатская газета. – 2025. – 20 янв. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.advgazeta.ru (дата обращения: 01.04.2026).

БЕЗЗАТЕЕВА Вероника Сергеевна
старший преподаватель кафедры гражданского права, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ АЛГОРИТМИЧЕСКИХ РИСКОВ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

В статье рассмотрены вопросы правовой оценки деятельности интернет-платформ, использующих рекомендательные системы, персонализированные ленты и иные механизмы алгоритмического подбора информации для несовершеннолетних пользователей. Обосновывается, что вред ребенку может причиняться не только содержанием отдельного материала, но и способом его доведения: повторностью показа, приоритизацией, автоподбором сходных публикаций и удержанием внимания. На основе российского законодательства, международных стандартов и опыта Европейского союза и Великобритании предлагается выделить алгоритмическое распространение как самостоятельный фактор риска, установить для платформ стандарт должной осмотрительности и развить механизмы оценки рисков, аудита и защиты персональных данных несовершеннолетних.

Ключевые слова: несовершеннолетние, интернет-платформы, рекомендательные системы, вредный контент, алгоритмическое распространение, персональные данные, цифровая безопасность, ответственность информационного посредника.

BEZZATEEVA Veronika Sergeevna
senior lecturer of Civil law sub-faculty, St. Petersburg University of Aerospace Instrumentation

LEGAL REGULATION OF ALGORITHMIC RISKS FOR MINORS IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

The article examines the legal assessment of online platforms using recommender systems, personalised feeds and other algorithmic tools for delivering information to minors. It argues that harm to a child may arise not only from the content of a particular publication, but also from the manner of its delivery, including repeated exposure, prioritisation, auto-selection of similar materials and attention-retaining design. Based on Russian law, international standards and the experience of the European Union and the United Kingdom, the article proposes to recognise algorithmic dissemination as an independent risk factor, to establish a due diligence standard for platforms and to develop mechanisms of risk assessment, audit and protection of children's personal data.

Keywords: minors, online platforms, recommender systems, harmful content, algorithmic dissemination, personal data, digital safety, intermediary liability.

Цифровая среда перестала быть только пространством поиска информации. Для ребенка или подростка она все чаще выступает самостоятельной средой общения, обучения, досуга и самовыражения. При этом значительная часть информации попадает к несовершеннолетнему не в результате его осознанного запроса, а вследствие работы рекомендательных систем, персонализированных лент, автоматического воспроизведения и иных элементов платформенной архитектуры. Именно эти механизмы определяют, какой материал будет показан первым, как часто он повторится и насколько быстро пользователь окажется в цепочке сходного контента.

Российское законодательство содержит специальные нормы о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию. Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ закрепляет категории запрещенной и ограниченной для детей информации, а также возрастную классификацию информационной продукции[1]. Однако указанная модель преимущественно обращена к содержанию материала и к вопросу о допустимости доступа ребенка к определенному виду информации. В то же время современные платформы воздействуют на несовершеннолетнего не только через содержание, но и через способ показа информации. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» предусматривает механизмы ограничения доступа к запрещенным сведениям, обязанности владельцев сайтов и иные публично-правовые средства реагирования[2]. В сочетании со статьей 13.41 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях данное регулирование формирует модель, при которой ответственность связывается главным образом с неудалением информации либо непринятием мер по ограничению доступа к ней[3]. Такая модель необходима, но она не всегда позволяет оценить ситуацию, когда платформа формально удаляет отдельный материал, сохраняя алгоритмические настройки, которые вновь и вновь выводят ребенка к аналогичному контенту.

Алгоритмическое распространение информации в настоящей статье предлагается понимать как автоматизированное определение очередности, частоты, адресности и формы показа контента пользователю с учетом данных о его поведении, характеристик самого материала, коммерческих параметров сервиса и иных факторов. Речь идет не о простом хранении информации, а об активном участии платформы в выборе аудитории, времени и интенсивности воздействия. Поэтому юридическая оценка такой деятельности не может ограничиваться традиционной схемой «размещение - уве-

1 Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108808/ (дата обращения: 20.05.2026).

2 Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 20.05.2026).

3 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 19.05.2026).

домление - удаление». Опасность алгоритмической доставки связана с накопительным эффектом. Единичная публикация, возможно, не будет противоправной, но ее многократное продвижение несовершеннолетнему, подбор сходных материалов, эмоционально насыщенная подача и элементы бесконечной ленты способны сформировать у ребенка устойчивую информационную среду. Это особенно заметно применительно к контенту об опасных челленджах, насилие, буллинге, саморазрушительном поведении, расстройствах пищевого поведения, экстремальном досуге и иным темам, находящимся на границе между допустимой информацией и информацией, способной причинить вред развитию.

Несовершеннолетний пользователь отличается от взрослого не только объемом дееспособности, но и уровнем критического восприятия, устойчивостью эмоциональной реакции, навыками цифровой гигиены. Ребенок не всегда понимает, почему ему показываются одни и те же материалы, как отключить персонализацию, каким образом пожаловаться на вредный контент и каковы последствия раскрытия сведений о себе. Поэтому оценка деятельности платформы должна учитывать возрастную уязвимость адресата, а не исходить из фикции равенства всех пользователей цифрового сервиса.

При этом усиление детской безопасности не должно превращаться в основание для чрезмерного наблюдения за ребенком. Любая возрастная оценка, поведенческий анализ, выявление признаков риска или построение профиля несовершеннолетнего должны соответствовать требованиям Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»[4]. Иными словами, правовая защита ребенка должна строиться на принципах минимизации данных, определенности цели обработки, ограничения сроков хранения и недопустимости использования защитных инструментов для рекламного или иного коммерческого профилирования.

Сравнительно-правовой анализ показывает, что международные подходы постепенно отходят от узкой контентной логики. Конвенция ООН о правах ребенка закрепляет право несовершеннолетнего на защиту частной жизни и защиту от насилия и эксплуатации, а принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка должен учитываться при любых решениях, затрагивающих его положение[5]. В этом же направлении развиваются рекомендации Совета Европы и Организации экономического сотрудничества и развития. Рекомендация CM/Rec(2018)7 исходит из того, что ребенок является носителем прав и в цифровой среде, а государство должно создавать условия для их уважения, защиты и реализации[6]. Наиболее разработанную нормативную модель в данной сфере демонстрирует Европейский союз. Регламент (ЕС) 2022/2065 о едином рынке цифровых услуг (Digital Services Act) устанавливает специальные обязанности онлайн-платформ, доступных несовершеннолетним, по обеспечению высокого уровня приватности, безопасности и защищенности детей[7]. В 2025 году Европейская комиссия опубликовала руководящие положения о мерах по обеспечению высокого уровня приватности, безопасности и защищенности несовершеннолетних онлайн в рамках статьи 28 Digital Services Act[8]. В них обращено внимание на возрастную оценку, настройки приватности, управление рекомендациями, возможность обращения за поддержкой и необходимость понятного информирования пользователя. Хотя такие положения не заменяют норм закона, они показывают практический стандарт того, какие меры могут ожидаться от цифрового сервиса, ориентированного на широкую детскую аудиторию.

Для российского права важен не механический перенос зарубежных конструкций, а выделение тех элементов, которые согласуются с национальной правовой системой. Необходимым различать три уровня участия платформы. Первый уровень - техническое хранение или передача информации. Второй уровень - модерация и реагирование на сообщения о противоправном контенте. Третий уровень - алгоритмическое усиление, при котором платформа собственными системами повышает охват, повторяемость и видимость материала. Именно третий уровень требует самостоятельной правовой оценки.

Предел ответственности платформы не должен означать безусловную ответственность за любой пользовательский контент. Такой подход был бы чрезмерным, мог бы ограничить свободу выражения мнений и создать стимулы к избыточной цензуре. Но также неверно освобождать платформу от ответственности, если ее собственные рекомендательные системы систематически продвигают несовершеннолетнему опасные материалы, а меры снижения риска отсутствуют либо носят формальный характер.

Наиболее сбалансированной представляется модель контролируемого риска. Платформа не обязана гарантировать абсолютное отсутствие вредного контента, но обязана выявлять, оценивать, снижать и документировать риски, связанные с функционированием ее алгоритмов. Чем выше доля несовершеннолетней аудитории, интенсивность персонализации и чувствительность категорий контента, тем выше должен быть стандарт должной осмотрительности. Такой подход согласуется с ранее высказанной позицией о необходимости сочетать технические меры детской безопасности с правовыми гарантиями приватности и цифровой автономии ребенка [1].

Стандарт должной осмотрительности интернет-платформы может включать несколько обязательных элементов. Во-первых, предварительную и периодическую оценку риска рекомендательных систем, в том числе риска повторного показа вредных материалов несовершеннолетним. Во-вторых, настройки безопасности по умолчанию для детских аккаунтов: ограничение продвижения чувствительных категорий, отключение автоперехода к исходному вредному контенту, возможность простого отказа от персонализированной ленты. В-третьих, понятное информирование ребенка и его законных представителей о причинах показа материалов, способах жалобы и изменении настроек. В-четвертых, для крупнейших платформ необходим независимый аудит рекомендательных систем. Такой аудит не должен превращаться в раскрытие исходного кода или коммерческой тайны в публичном доступе. Его задача состоит в проверке процедур безопасности: проводилось ли тестирование алгоритма на продвижение вредного контента детям, как платформа реагирует на сигналы риска, как защищаются персональные

4 Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (ч. I). – Ст. 3451.

5 Конвенция о правах ребенка (Нью-Йорк, 20 ноября 1989 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/2540422/ (дата обращения: 22.05.2026).

6 Council of Europe. Recommendation CM/Rec(2018)7 of the Committee of Ministers to member States on Guidelines to respect, protect and fulfil the rights of the child in the digital environment. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.coe.int/en/web/children/-/new-recommendation-adopted-on-children-s-rights-in-the-digital-environment (дата обращения: 22.05.2026).

7 Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market For Digital Services and amending Directive 2000/31/EC (Digital Services Act). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/2065/oj/eng (дата обращения: 20.05.2026).

8 Communication from the Commission — Guidelines on measures to ensure a high level of privacy, safety and security for minors online, pursuant to Article 28(4) of Regulation (EU) 2022/2065. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/eli/C/2025/5519/oj/eng (дата обращения: 22.05.2026).

данные, существует ли реальный механизм демоутинга и ограничения повторных рекомендаций.

Отдельного внимания заслуживает проблема доказывания. Несовершеннолетний и его законные представители, как правило, не имеют доступа к данным о логике ранжирования, истории рекомендаций, внутренних результатах тестирования и настройках алгоритма. Эти сведения находятся у платформы. Поэтому в спорах о вреде, причиненном ребенку вследствие алгоритмического продвижения, целесообразно учитывать доказательственную асимметрию. Если потерпевшая сторона представила данные о регулярном получении вредного контента через рекомендательные механизмы, платформа должна доказать, что ею были приняты разумные и пропорциональные меры безопасности. Такая презумпция не означает автоматического привлечения платформы к ответственности. Она лишь устраняет ситуацию, при которой защита права становится невозможной из-за закрытого характера алгоритмов. Платформа может представить результаты оценки риска, сведения об аудитах, журналы реагирования на жалобы, описание безопасных настроек и иные доказательства добросовестного поведения. При этом доступ к таким сведениям должен предоставляться с соблюдением режима коммерческой тайны и требований о защите персональных данных несовершеннолетнего.

В российском законодательстве целесообразно закрепить понятие алгоритмического распространения информации. Оно может охватывать автоматизированное ранжирование, персонализированную рекомендацию, приоритизацию, повторное продвижение и иные формы влияния платформы на видимость контента. Наличие такого понятия позволило бы отделить ответственность за содержание материала от ответственности за способ его доведения до ребенка. Также требуется специальный правовой режим платформ, доступных несовершеннолетним. Критериями такой доступности могут быть разрешение использования сервиса детьми в правилах платформы, фактическая значительная доля несовершеннолетних пользователей, наличие функций, ориентированных на подростков, либо отсутствие эффективных мер исключения доступа детей к сервису повышенного риска. Для таких платформ должны действовать повышенные требования к оценке алгоритмических рисков и к безопасным настройкам по умолчанию. Возможным направлением развития является ограничение персонализированных рекомендаций в чувствительных категориях. Минимальный стандарт должен включать запрет алгоритмического усиления материалов о самоповреждении, суициде, расстройствах пищевого поведения, опасных действиях, насилии, вовлечении в противоправное поведение и иных темах, явно способных причинить вред здоровью и развитию ребенка. Для старших подростков возможны более гибкие режимы, но они должны строиться на возрастной соразмерности, понятном выборе и возможности участия законных представителей в настройке безопасности. Вопросы алгоритмической безопасности несовершеннолетних невозможно решить только юридическими средствами. Необходимы технические стандарты, психологические критерии вреда, педагогические рекомендации, участие специалистов по информационной безопасности, представителей научного сообщества, правозащитных организаций, платформ и государственных органов. Такое взаимодействие позволит избежать двух крайностей: чрезмерного государственного контроля за цифровым поведением детей и безответственного технологического нейтралитета платформ.

Выводы

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что алгоритмическая доставка информации должна рассматриваться как самостоятельное обстоятельство правовой оценки деятельности интернет-платформ. Вред несовершеннолетнему может возникать не только из содержания отдельной публикации, но и из повторности ее показа, персонализированного подбора, автоматического продвижения сходных материалов и иных элементов платформенной архитектуры. Российская модель защиты детей от вредной информации нуждается в дополнении риск-ориентированными обязанностями платформ. В законодательстве целесообразно закрепить понятие алгоритмического распространения информации, установить для платформ, доступных несовершеннолетним, обязанность оценки рисков рекомендательных систем, предусмотреть безопасные настройки по умолчанию, право на неперсонализированный режим, независимый аудит и специальные гарантии обработки персональных данных детей.

Ответственность платформ должна определяться степенью их контроля над распространением информации, предсказуемостью риска и соблюдением стандарта должной осмотрительности. Платформа не должна отвечать за любой пользовательский контент только потому, что он размещен на ее сервисе. Однако она должна отвечать за собственные архитектурные решения, если они создают или усиливают риск причинения вреда несовершеннолетним. Именно такой подход позволяет сохранить баланс между свободой информации, развитием цифровых сервисов и приоритетной защитой прав ребенка.

Пристатейный библиографический список

1. Беззатеева В. С. Техническое обеспечение безопасности несовершеннолетних в сети Интернет в Российской Федерации // Экономика и качество систем связи. – 2025. – № 4. – С. 136-142.
2. Ганюшкина Е. С. Влияние алгоритмов фильтрации социальных сетей на формирование общественного мнения // Телескоп. – 2024. – № 2. – С. 84-89.
3. Зотова Д. В., Розанов В. А. Патологическое использование и зависимость от социальных сетей – анализ с позиций феномена аддиктивного поведения // Вестник СПбГУ. Серия 16: Психология. Педагогика. – 2020. – № 2. – С. 158-183.
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ.; под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 606 с.
5. Новокшонова П. Н., Тарасенко Т. В. «Информационный пузырь» и медиапотребление // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. – 2021. – Т. 3. № 2. – С. 1098-1100.
6. Самосват О. И. «Лайк» в социальных сетях как показатель социального одобрения в подростковой среде // Казанский педагогический журнал. – 2023. – № 6-1. – С. 148-150.

БОНДАРЧУК Алина Викторовна
доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры предпринимательского права и арбитражного процесса, Луганский государственный университет им. Владимира Даля

АНЧАКОВ Сергей Алексеевич
старший преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки, Луганский филиал, Воронежский институт МВД России

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРОФИЛАКТИКИ ТЕРРОРИЗМА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАТРУЛЬНО-ПОСТОВОЙ СЛУЖБЫ ПОЛИЦИИ НА НОВЫХ ТЕРРИТОРИЯХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье проводится комплексный анализ административно-правового регулирования деятельности патрульно-постовой службы полиции по профилактике терроризма в условиях интеграции новых субъектов Российской Федерации. Авторы выявляют пробелы в нормативном закреплении профилактических полномочий патрульно-постовой службы, а также предлагают меры по совершенствованию ведомственных нормативных актов МВД России, включая расширение обязанностей патрульных в сфере мониторинга инфраструктуры и информационного пространства. В исследовании обосновывается необходимость межведомственного взаимодействия полиции, органов местного самоуправления и операторов связи для обеспечения общественной безопасности.

Ключевые слова: профилактика терроризма, патрульно-постовая служба, новые территории, административное право, национальная безопасность, информационная безопасность, военное положение.

BONDARCHUK Alina Viktorovna
Ph.D. in economical sciences, associate professor, professor of Business law and arbitration sub-faculty, Vladimir Dahl Lugansk State University

ANCHAKOV Sergey Alexeevich
senior lecturer of fire and tactical special training sub-faculty, Lugansk Branch, Voronezh Institute of the MIA of Russia

ADMINISTRATIVE AND LEGAL MECHANISMS FOR PREVENTING TERRORISM IN THE PATROL AND WATCH SERVICE OF THE POLICE IN THE NEW TERRITORIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article provides a comprehensive analysis of the administrative and legal regulation of the police Patrol and Post Service's activities concerning terrorism prevention amidst the integration of new subjects of the Russian Federation. The author identifies gaps in the regulatory framework defining the preventive powers of the Patrol and Post Service and proposes measures to improve the departmental regulatory acts of the Ministry of Internal Affairs of Russia. These measures include expanding the duties of patrol officers in monitoring infrastructure and the information space. Furthermore, the study substantiates the necessity of interagency cooperation between the police, local self-government bodies, and telecommunications operators to ensure public safety.

Keywords: terrorism prevention, Patrol and Post Service, new territories, administrative law, national security, information security, martial law.

Введение

Российская Федерация на своем современном этапе развития претерпевает серьезные масштабные геополитические изменения. Это связано, прежде всего, с вхождением в состав новых субъектов, таких как: Донецкая и Луганская Народные Республики, Запорожская и Херсонская области. Свою значительную роль в этом вопросе сыграло и начало специальной военной операции. Данные процессы сопряжены с опасными вызовами в сфере обеспечения национальной безопасности.

В частности, серьезная проблема – это угроза преступлений, связанных с терроризмом – одной из самых опасных форм проявления преступности, так как носит угрозу для жизни и здоровья неограниченного круга лиц, создавая в больших масштабах опасность, посягающую на те блага, которые защищаются и гарантируются государством [1, с. 203].

Терроризм – это опасный противник, который совершенствует свою стратегию каждый год, активно использует современные средства коммуникации: сеть Интернет, СМС-рассылки для пропаганды насилия и устрашения, как мирного населения, так и властей. Главная и самая отличительная особенность терроризма – это многогранность. Лидеры преступных группировок, их сообщники, единомышленники каждый день находят новые способы, которые сеют панику, хаос и страх среди населения. В связи с этим в МВД России работа, связанная с борьбой с терроризмом, обеспечением общественной безопасности и общественного порядка ставится в любом подразделении на первое место [2, с. 57].

Кроме того, с развитием информационных технологий такого рода деяния получают широкие возможности при помощи информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Соответственно, разработка меры по профилактике пропаганды идеологии терроризма задача важная [3, с. 282].

Особое место в системе правоохранительных органов занимает патрульно-постовая служба (далее – ППС), которая обеспечивает правопорядок и защиту конституционного статуса граждан Российской Федерации. Однако часто в практической деятельности мы сталкиваемся с тем, что административно-правовые механизмы профилактики террористических проявлений в деятельности патрульно-постовой службы носят разрозненный характер. Один из основных нормативно-правовых документов, который регламентирует деятельность ППС – это наставление по организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции[1], данный документ был принят в

1 Приказ МВД России от 28 июня 2021 г. № 495 «Об утверждении Наставления об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции террито-

2021 году, до вхождения в состав Российской Федерации новых территорий, соответственно не мог учитывать всю специфику нынешнего положения.

Стратегическое планирование всегда являлось фундаментом для построения эффективной системы профилактики. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года»[2] (далее – Стратегия) определяет государственную национальную политику как систему стратегических приоритетов, направленных на укрепление единства многонационального народа России. В документе прямо указывается на наличие внешних и внутренних угроз, включая попытки распространения идеологии терроризма и экстремизма.

Особое внимание в Стратегии уделено новым субъектам Российской Федерации. Пункт 46 документа обуславливает необходимость принятия дополнительных мер по укреплению общероссийской гражданской идентичности и противодействию проявлениям неонацизма и религиозной розни именно в Донецкой и Луганской Народных Республиках, Запорожской и Херсонской областях. Это создает правовую основу для расширения полномочий органов внутренних дел в сфере профилактики. Важно также обратить внимание на то, что Стратегия трансформирует профилактику терроризма из узковедомственной задачи МВД в межведомственную государственную политику.

Согласно пункту 31 Стратегии, к угрозам национальной безопасности относятся предпринимаемые недружественными иностранными государствами усилия по дестабилизации межнациональных отношений, а также участившиеся попытки распространения идеологии терроризма, экстремизма и неонацизма.

В контексте новых территорий это проявляется в виде последствий распространения антироссийской пропаганды, национализма и религиозной розни (пп. «д» п. 31). Следовательно, деятельность полиции должна быть направлена не только на пресечение уже совершенных деяний, но и на нейтрализацию причин и условий, способствующих радикализации населения. Патрульно-постовая служба полиции, осуществляя видимое присутствие на улицах, формирует у населения чувство защищенности, что является важным элементом профилактики.

Таким образом, Стратегия задает вектор развития, требующий от сотрудников полиции участия в формировании среды, устойчивой к радикализации. Это подразумевает необходимость взаимодействия не только с физическими объектами (здания, улицы), но и с социумом, а также учета региональной специфики, закрепленной в стратегических документах высшего уровня [4, с. 54].

Деятельность патрульно-постовой службы полиции регулируется Федеральным законом «О полиции»[3], а также ведомственными нормативными актами, ключевым из которых является Приказ МВД России от 28.06.2021 № 495 «Об утверждении наставления об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России». Анализ данных документов выявляет ряд неточностей, особенно актуальных для новых территорий.

В статье 12 Федерального закона «О полиции» закреплены обязанности полиции, включая осуществление профилактики правонарушений. В то же время вопрос об участии патрульно-постовой службы полиции в профилактике подобных преступлений недостаточно урегулирован. Основные проблемы видятся в том, что в организации деятельности патрульных недостаточно внимания уделено проведению мероприятий по предупреждению преступлений, связанных с терроризмом [1, с. 203].

На наш взгляд, целесообразно выделить три ключевых направления, требующих регламентации в рамках несения службы:

1. Контроль заброшенных объектов. На территории Луганской Народной Республики имеется большое количество катакомб, туннелей, бомбоубежищ, состояние которых никем не контролируется. Часть из них является заброшенной, что создает условия для проникновения злоумышленников под предлогом развлечения (движение диггеров), а на самом деле для организации и совершения террористического акта. Патруль должен обеспечить сбор актуальных данных о таких объектах, находящихся на территории маршрута патрулирования, как заброшенные здания и сооружения, подземные коммуникации, шахты, бомбоубежища и т.п., в том числе о наличии и состоянии их входов.

2. Инженерная защищенность жилья. Отсутствие запорных устройств на входах в подвалы, на технические этажи, вспомогательные помещения и чердаки многоквартирных домов позволяет беспрепятственно проникать посторонним лицам, что может быть использовано для закладки взрывных устройств. Поэтому патруль должен проверять наличие запорных устройств на входе в общие помещения многоквартирных домов, таких как технические этажи, чердаки, подвалы, а также выходы на крышу.

3. Уличное освещение. Проблема уличного освещения является критически значимой. Существует взаимосвязь между освещением улиц и уровнем преступности. Надлежащее освещение способствует своевременному выявлению подозрительных предметов и веществ, а также фиксации лиц с помощью видеокамер. Поэтому, объектом осмотра должно быть состояние освещения на улицах и во дворах, а также наличие и принадлежность камер наружного наблюдения на различных зданиях и сооружениях, в том числе на фасадах жилых зданий, предприятий, учреждений и организаций.

В настоящее время Приказ МВД России № 495 не содержит императивных требований к патрульным по мониторингу данных объектов в контексте антитеррористической защищенности. Патруль фиксирует правонарушения, но не всегда имеет четкий алгоритм действий по выявлению условий, способствующих терроризму [5, с. 60]. Например, обнаружение незапертого подвала может быть зафиксировано как нарушение правил благоустройства, но не как угроза безопасности, требующая немедленного межведомственного реагирования.

Для совершенствования организации несения службы патрульных по профилактике терроризма целесообразно внести дополнения в Приказ МВД России № 495. Необходимо регламентировать действия сотрудников по профилактике террористических актов на маршрутах патрулирования с проявлением пристального внимания к указанным объектам. Это должно включать обязанность сбора актуальных

риальных органов МВД России» // Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ [сайт]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/410618382/ (дата обращения: 02.04.2026).

2 Указ Президента Российской Федерации от 25.11.2025 № 858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202511250024?index=1&ysclid=milfh8fty9473018777 (дата обращения: 04.04.2026).

3 Федеральный закон «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ [сайт]. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/12182530/ (дата обращения: 02.04.2026).

данных о заброшенных зданиях и подземных коммуникациях, проверку наличия запорных устройств и оценку состояния освещения.

Кроме того, важно разграничить компетенцию. Патрульный не является специалистом-взрывотехником. Поэтому его задача – не обезвреживание, а выявление и информирование. В условиях сложившейся опасной обстановки патрульные должны постоянно помнить о правилах безопасности в случае обнаружения подозрительных устройств [4, с. 56]. В этой ситуации необходимо незамедлительно принять меры к недопущению на место закладки посторонних лиц, срочно проинформировать оперативного дежурного и дождаться прибытия специалистов. Ни в коем случае патрульный не должен предпринимать самостоятельных попыток обезвреживания.

Таким образом, существующее административное регулирование деятельности ППС требует модернизации. Необходимо перейти от реактивной модели (реагирование на совершенное преступление) к проактивной (выявление уязвимостей инфраструктуры), что напрямую коррелирует с задачами, поставленными в Стратегии.

В условиях цифровизации террористическая деятельность невозможна без использования информационно-телекоммуникационных сетей [3, с. 282]. Профилактика терроризма не может ограничиваться только физическим патрулированием улиц. Важнейшим аспектом становится контроль информационного пространства, который регулируется Федеральным законом от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[4].

Согласно статье 15.1 ФЗ-149, доступ к сайтам, содержащим информацию, распространение которой в РФ запрещено (включая призывы к терроризму), подлежит ограничению. Создается единый реестр доменных имен и сетевых адресов. Обязанности организаторов распространения информации (социальные сети, мессенджеры, владельцы сайтов) включают мониторинг контента и удаление запрещенных материалов (статья 10.1, 10.6 ФЗ-149).

Для сотрудника ОВД, осуществляющего профилактику, это означает необходимость взаимодействия не только с физическими объектами, но и с цифровыми следами. Проблема заключается в том, что рядовые сотрудники патрульно-постовой службы часто не обладают компетенциями или правовыми основаниями для оперативного реагирования на выявленные в сети признаки подготовки теракта без передачи материалов в специальные подразделения. Однако именно патрульные, находясь в контакте с населением, могут получать информацию о распространении экстремистских материалов в местных чатах или социальных сетях [2, с. 57].

Статья 10.6 ФЗ-149 возлагает на владельцев социальных сетей обязанность осуществлять мониторинг социальной сети в целях выявления информации, содержащей призывы к осуществлению экстремистской деятельности, участию в массовых мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка, недостоверной общественно значимой информации, которая создает угрозу причинения вреда жизни и здоровью граждан. В случае выявления такой информации владелец социальной сети обязан незамедлительно принять меры по ограничению доступа к ней.

Принимая во внимание специфику новых субъектов Российской Федерации, можно отметить особое значение антироссийской пропаганды, которая ведется через мессенджеры, социальные сети и локальные сообщества. В этой связи целесообразно будет внести изменения в Наставление по организации деятельности ППС обязанностью мониторинга открытых источников информации в части выявления признаков подготовки противоправных действий. Например, если патрульный в ходе общения с гражданами получает информацию о распространении призывов к терактам в местном чате, он должен иметь четкую инструкцию по фиксации этих данных (скриншоты, ссылки) и направлению их в уполномоченные подразделения для дальнейшего разбирательства.

Подводя итог вышесказанному, мы приходим к выводу, что административно-правовое регулирование обеспечивает взаимосвязь между физической безопасностью – патрулированием и информационной безопасностью – проведением мониторинга социальных сетей.

Актуальным вопросом на сегодняшний день остается введенное военное положение на новых территориях Российской Федерации, которое действует с октября 2022 года[5]. Согласно статье 1 ФКЗ «О военном положении»[6], военное положение – это особый правовой режим, вводимый в случае агрессии или непосредственной угрозы агрессии. Целью является создание условий для отражения или предотвращения агрессии. В период действия военного положения могут ограничиваться права и свободы граждан, а также возлагаться дополнительные обязанности.

Для сотрудников полиции, которые несут службу в прифронтовых зонах и зонах повышенной опасности, где распространяет свое действие, веденное военное положение, понимание его механизмов становится первостепенной необходимостью.

Статья 7 ФКЗ «О военном положении» перечисляет меры, применяемые на территории, на которой введено военное положение. Для сотрудников патрульно-постовой службы наиболее значимыми являются: усиление охраны общественного порядка (п. 2 ч. 2); введение комендантского часа и проверка документов (п. 12 ч. 2); административное задержание на срок до 30 суток (п. 12.1 ч. 2); контроль за работой средств связи (п. 14 ч. 2).

В практической деятельности сотрудников ППС указанные меры, становятся критически важными. В обычное время действия сотрудника полиции ограничены рамками ФЗ «О полиции» и КоАП РФ. В условиях военного положения полномочия расширяются. Например, возможность административного задержания до 30 суток позволяет изолировать лиц, представляющих угрозу безопасности, на более длительный срок, чем стандартные 48 часов. Такая мера дает преимущество для профилактики преступности, предотвращения совершения тяжких и особо тяжких преступлений, таких как террористический акт, который можно предотвратить на стадии подготовки, если будут, имеется достаточные

4 Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изменениями и дополнениями) // Информационно - правовой портал ГАРАНТ.РУ [сайт]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/12148555/ (дата обращения: 02.04.2026).

5 О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей: указ Президента РФ от 19 октября 2022 г. № 756. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210190002?ysclid=ml252ptpv909743184 (дата обращения: 04.04.2026).

6 Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» (с изменениями и дополнениями) // Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ [сайт]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/184121/ (дата обращения: 02.04.2026).

данные о причастности задержанного лица к террористической деятельности, но недостаточно для возбуждения уголовного дела.

Главной проблемой в данном направлении является недостаточность правового просвещения сотрудников правоохранительных органов, а конкретно патрульно-постовой службы. Личный состав должен четко разграничивать режим обычной деятельности и особый правовой режим, это позволит не допускать превышения полномочий или наоборот – бездействия со стороны сотрудников полиции.

Кроме того, статья 9 ФКЗ «О военном положении» предусматривает привлечение Вооруженных Сил РФ для обеспечения режима военного положения, включая охрану общественного порядка. В практической деятельности это означает взаимодействие военных патрулей с органами внутренних дел. Основная задача административно-правового регулирования состоит в четком разграничении зон ответственности, для избежания дублирования действий и выполнения определенных функций.

Необходимо также отметить, что органы внутренних дел, которые являются субъектом обеспечения национальной безопасности при введении территориальной обороны (статья 10.1 ФКЗ «О военном положении») должны согласовывать все свои действия с планом территориальной обороны. Для сотрудников патрульно-постовой службы это означает, что в маршрутах патрулирования должны быть учтены расположение объектов обороны, пунктов сбора и эвакуации.

На основе проведенного анализа нормативно-правовых актов и материалов научных статей, представляется целесообразным внести следующие предложения по совершенствованию административно-правового регулирования.

1. Целесообразно внести изменения в Приказ МВД России от 28.06.2021 № 495 «Об утверждении Наставления об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России». Следует добавить раздел, регламентирующий действия сотрудников патрульно-постовой службы по антитеррористической профилактике:

– обязанность мониторинга инфраструктуры: закрепить обязанность патрульных фиксировать состояние уличного освещения, наличие запорных устройств на входах в подвалы и чердаки, а также состояние заброшенных зданий и подземных сооружений;

– межведомственное взаимодействие: установить порядок передачи информации о выявленных недостатках в органы местного самоуправления и управляющие компании. Предлагается закрепить обязанность органов местного самоуправления устранять недостатки уличного освещения и запорных устройств в течение 24 часов после получения предписания от полиции в рамках антитеррористической профилактики;

– информационный мониторинг: включить в должностные обязанности патрульных сбор информации о распространении экстремистских материалов в локальных информационных сообществах с последующей передачей данных в специальные подразделения.

2. Необходимо расширить взаимодействие органов внутренних дел с владельцами информационных ресурсов (согласно ст. 10.6 ФЗ-149), прежде всего на муниципальном уровне. Правоохранительные органы в целом, а в частности сотрудники патрульно-постовой службы должны иметь упрощенный канал связи с администраторами местных пабликов и чатов для оперативного удаления призывов к терроризму и экстремизму. Это позволит реализовать положения Стратегии о защите общества от внешнего деструктивного информационно-психологического воздействия.

3. Надлежит в рамках профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел для новых субъектов Российской Федерации включить модуль «Правовое обеспечение режима военного положения». Особое внимание следует уделить правилам применения физической силы и специальных средств в условиях особого правового режима, а также порядку взаимодействия с военными комендатурами. Сотрудники патрульно-постовой службы должны четко знать полномочия согласно ФКЗ № 1-ФКЗ, чтобы обеспечить законность действий при эскалации конфликта.

4. В рамках профилактической работы, предусмотренной Стратегией, сотрудники патрульно-постовой службы полиции должны проводить разъяснительную работу среди населения о возможной опасности самовольного исследования подземных коммуникаций. Следует обозначить, что для некоторых подобных объектов может быть установлен режим охраняемого объекта, а потому проникновение на них повлечет административную ответственность. Это соответствует задаче формирования правосознания и правовой культуры.

На наш взгляд реализация указанных предложений поможет создать комплексную систему профилактики, которая будет сочетать в себе такие элементы как: физический контроль территории, цифровую безопасность, а также правовую готовность к особым режимам несения службы.

Пристатейный библиографический список

1. Анчаков С. А. Актуальные вопросы профилактики терроризма в административно-правовом регулировании деятельности органов внутренних дел // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. – 2024. – № 10-1. – С. 203-208. – EDN AONSQZ.
2. Панов Е. В. Противодействие терроризму как одно из направлений деятельности в органах внутренних дел // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. – 2024. – № 3 (25). – С. 57-64. – EDN FJFZXA.
3. Сумачев А. В. Профилактика идеологии терроризма в сфере образования в эпоху искусственного интеллекта // Юридическая наука и образование в эпоху искусственного интеллекта: сборник статей по материалам Международного научно-практического форума, Тюмень, 16-18 октября 2025 года. – Тюмень: ТюмГУ-Press, 2025. – С. 282-286. – EDN RTWCDY.
4. Шкляева Г. А. Административно-правовые формы и средства профилактики полицией распространения идеологии экстремизма и терроризма. – Ижевск: Всероссийский государственный университет юстиции, 2025. – 110 с. – ISBN 978-5-00220-491-5.
5. Ефимов А. А. Административно-правовые механизмы противодействия экстремизму и терроризму в России // Российский следователь. – 2022. – № 8. – С. 60-64. – DOI 10.18572/1812-3783-2022-8-60-64. – EDN EBBVJE.

DOI 10.46320/2073-4506-2026-4-215-135-145

Лхамсурэн Отгонбаяр

ЛХАМСУРЭН Отгонбаяр
LL. M, Эдинбургский университет, Великобритания; старший преподаватель Университет финансов и экономики Монголии, докторант, Монгольский государственный университет

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ КАРТЕЛЯ В КОНКУРЕНТНОМ ПРАВЕ И ОПЫТ МОНГОЛИИ

Картель как одно из ключевых явлений конкурентного права был нормативно закреплён в Законе Монголии «О конкуренции» (в новой редакции) 2010 года без существенного развития теоретических и доктринальных дискуссий на момент его принятия. В настоящей статье предпринимается попытка систематизировать эволюцию теоретической мысли о правовом регулировании картелей, а также проанализировать существующие подходы, концепции и текущие научные дебаты в данной области. Кроме того, автор сопоставляет легальное определение картеля, закреплённое в монгольском законодательстве, с его теоретико-доктринальными основаниями и широко признанными концепциями конкурентного права, сложившимися в международной практике, с целью представления обоснованных замечаний и критических выводов.

Ключевые слова: конкуренция, конкурентное право, картельное право, классическая теория картелей, современная теория картелей, криминализация картелей, спектр сотрудничества фирм, экспортные картели, установление перепродажных цен.

LKHAMSUREN Otgonbayar
LL. M, University of Edinburgh, UK; senior lecturer, University of Finance and Economics of Mongolia, doctoral student, Mongolian State University

THEORETICAL APPROACHES TO THE DEFINITION OF A CARTEL IN COMPETITION LAW AND THE EXPERIENCE OF MONGOLIA

The cartel as one of the key phenomena of competition law was normatively fixed in the Mongolian Law «On Competition» (in the new edition) of 2010 without significant development of theoretical and doctrinal discussions at the time of its adoption. This article attempts to systematize the evolution of theoretical thought on the legal regulation of cartels, as well as analyze existing approaches, concepts and current scientific debates in this field. In addition, the author compares the legal definition of a cartel, enshrined in Mongolian legislation, with its theoretical and doctrinal foundations and widely recognized concepts of competition law that have developed in international practice, in order to provide reasonable comments and critical conclusions.

Keywords: competition, competition law, cartel law, classical theory of cartels, modern theory of cartels, criminalization of cartels, range of cooperation of firms, export cartels, establishment of resale prices.

I. ВВЕДЕНИЕ

Одним из базовых понятий конкурентного права является картель, который в устойчивом представлении зачастую рассматривается исключительно как негативное явление [15, с. 63-64]. Закон Монголии «О конкуренции», а также Закон «О правонарушениях» исходят именно из такого подхода, квалифицируя картели как нарушения, подлежащие наиболее строгим санкциям.

Вместе с тем картель представляет собой социально-экономическое явление, широко распространённое во всех странах с рыночной экономикой, основанной на доминировании частного сектора. В этой связи в первой части статьи рассматриваются глобальные теоретические подходы, интеллектуальные традиции и современные научные дискуссии, связанные с пониманием картелей. Современная теория картелей развивается вне жёсткой привязки к какой-либо идеологической доктрине и ориентируется на их изучение как экономического и социального феномена, с акцентом на выявление присущих им закономерностей на основе научного анализа. Кроме того, даётся обзор подходов международных организаций к определению картелей, а также рассматриваются дискуссии и переговорные процессы, ведущиеся в рамках Всемирная торговая организация по вопросам их регулирования.

Во второй части статьи уточняется концептуальная основа конкурентного права Монголии и правового регулирования картелей, проводится анализ того, каким образом картель легально определён в национальном законодательстве. На этой основе автор формулирует собственные выводы и предложения относительно наличия правовых ошибок и логических противоречий. При этом, исходя из тезиса о наличии недостатков в законодательном определении картеля в Монголии, автор сознательно отказывается от детального сопоставления с правовыми системами отдельных государств и сосредотачивается на сравнении с общепринятыми теоретическими подходами и дефинициями, представленными в трудах международных исследователей и учебной литературе.

Следует отметить, что в рамках настоящей статьи не рассматриваются вопросы частноправовой защиты, механизмов правоприменения, а также проблемы, связанные с уголовно-правовыми последствиями в сфере конкурентного права, несмотря на их сложность и значимость. Автор планирует посвятить данным вопросам отдельное исследование.

II. ТЕОРИИ, ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ И ДИСКУССИИ О КАРТЕЛЯХ

2.1. Понятие картеля, терминология и их отражение в международных многосторонних документах

В Oxford Dictionary of Law картель определяется следующим образом: «(1) Объединение независимых хозяйствующих субъектов на национальном или международном уровне, создаваемое с целью установления монополии в определённой отрасли. Как правило, картель предполага-

ет тайные, устные и зачастую неформальные соглашения между предприятиями о недопущении взаимной конкуренции. Участники картеля могут согласовывать цены, объёмы производства, скидки, условия кредитования, круг потребителей, территорию поставок, а также результаты тендеров. (2) Соглашение между воюющими сторонами о прекращении враждебных действий либо об обмене военнопленными» [12, с. 79-80].

На международном уровне первое общепризнанное определение картеля было предложено United Nations Conference on Trade and Development (ЮНКТАД) в 1980 году в документе «Комплекс согласованных на многосторонней основе справедливых принципов и правил для контроля за ограничительной деловой практикой» [28]. В соответствии с данным документом к картельным практикам относятся:

a) согласование цен (включая экспортные и импортные операции);

b) сговор на торгах (bid rigging);

c) раздел рынка по территориальному или потребительскому принципу;

d) установление квот на производство или распределение товаров.

Впоследствии указанная организация в 2010 году разработала и опубликовала модельный закон о конкуренции, а также комментарии к нему. В разделе «основные (пер се) запреты» комментариев к модельному закону используется приведённое выше четырёхэлементное определение картеля, что, по сути, подразумевает запрет соответствующих практик без необходимости установления их цели или фактического антиконкурентного эффекта.

Вместе с тем ОЭСР в 1998 году разработала и опубликовала Рекомендацию по эффективной борьбе с картелями. Определение, содержащееся в первой главе данного документа, в целом признаётся специализированным научным сообществом в области конкурентного права как общеприемлемое [13, с. 8]. Согласно указанной рекомендации:

а) под «жёстким картелем» (hardcore cartel) понимаются антиконкурентные соглашения, согласованные действия или иные формы координации между конкурентами, направленные на фиксацию цен, сговор при проведении торгов, а также на раздел рынков по потребителям, поставщикам, территориям или каналам сбыта;

б) к картелям не относятся: (i) соглашения, согласованные действия или координация, преследующие законные цели, связанные со снижением издержек или повышением эффективности производства; (ii) действия, прямо или косвенно исключённые из сферы применения антимонопольного регулирования национальным законодательством государств-членов; либо (iii) действия, прямо разрешённые таким законодательством.

Следует отметить, что направления правового регулирования картелей исторически варьировались – от допуска до строгого запрета – в зависимости от того, каким образом в конкретный период и в конкретной правовой системе интерпретировались их экономическая природа, социальная роль и последствия для рынка.

2.2. Обзор теоретической мысли

Профессор права и экономики Фрайбургского университета Р. Лифманн, являющийся представителем классической теории картелей [21], а также такие представители современной теории, как профессора Чикагского университета Джордж Стокинг и Джордж Стиглер, заложившие основы направления «право и экономика», внесли значительный вклад в изучение данного явления и развитие соответствующей системы научных знаний.

2.2.1. Классическая теория картелей

Классическая теория картелей, представляющая собой первую научно обоснованную систему знаний о данном явлении, начала формироваться на основе эмпирических наблюдений за процессами, происходившими в экономиках США и Европы вплоть до 1930-х годов. В условиях экономических кризисов конкуренты в отрасли стремились избегать дестабилизации, сохранять устойчивость и преодолевать риски посредством координированных и контролируемых механизмов, зачастую при поддержке государства. Представитель классической теории Р. Лифманн рассматривал картели как рациональный и оправданный инструмент такой стабилизации.

В период, который можно охарактеризовать как «расцвет картелей», они функционировали открыто и институционализированно. В ряде отраслей создавались централизованные органы управления, имевшие собственную административную инфраструктуру, системы учёта и мониторинга, а также регулярные собрания участников. Картели поддерживали особые отношения с государством, а картельные соглашения признавались законными и имели юридическую силу. Вместе с тем картели рассматривались скорее как самопроизвольно возникающий механизм рыночного регулирования, нежели как исключительно результат государственной инициативы. Современные исследователи в целом признают, что классическая теория картелей имела определённое историческое значение, в частности в контексте преодоления экономического кризиса 1930-х годов в Германии [20, с. 78-79].

2.2.2. Современная теория картелей

Современная теория картелей основывается на либеральной политико-правовой идеологии и неоклассической экономической теории, получив значительное развитие под влиянием научной школы Чикагского университета. Её представители – Ж. Стокинг [27] и Ж. Стиглер [26] – исходили из критического отрицания классической теории, утверждая, что картели не способны обеспечивать устойчивые положительные эффекты. Напротив, с использованием методов современной математизированной экономической науки они обосновывали значительный вред картелей для рынка и общества.

Данная теория также опирается на тезис о том, что в государствах, где не сформированы устойчивые основы демократии, верховенства права и защиты прав человека, чрезмерно институционализированные картельные структуры могут создавать экономическую базу для усиления авторитарных режимов. Начиная с 1945 года современная теория картелей стала доминирующей концептуальной основой правового регулирования в США, Европе и других странах, разделяющих схожие ценности «западной» правовой традиции.

В условиях признания картелей правонарушением их практическое существование трансформировалось в скрытые формы. Картельные соглашения утратили институционализированный характер и стали проявляться преимущественно в виде неформальных договорённостей, включая так называемые «джентльменские соглашения», а также иные латентные формы координации, вплоть до косвенных механизмов согласования цен и результатов торгов.

2.2.3. Международное движение за криминализацию картелей

Данное направление в значительной степени опирается на положения современной теории картелей. По мнению исследователей, международное движение за признание картелей уголовно наказуемыми деяниями получило развитие с 1998 года и расширялось благодаря деятельности ОЭСР и International Competition Network (ICN), включая специализированные площадки для выработки политики, многочисленные аналитические доклады и научные публикации [9, с. 3-23].

Пионером в закреплении уголовной ответственности за картели выступили United States. В знаковом деле United States v. Socony-Vacuum Oil Co. Верховный суд сформули-

ровал принцип *per se illegal*, согласно которому сам факт наличия картельного соглашения уже свидетельствует о его противоправности, без необходимости доказывания его последствий [13, с. 6].

Издательство Оксфордского университета выпускает серию «Very Short Introductions», в которой обобщаются ключевые достижения научной мысли. В рамках этой серии автор работы по конкурентному праву, исследователь Оксфордского университета Ариэль Эзрахи отмечает, что картели, ввиду их исключительно негативных последствий, нередко характеризуются как «раковая опухоль современной экономики». В этой связи правовое регулирование должно предусматривать их безусловный запрет, установление наиболее строгих санкций и придание приоритетного значения выявлению картелей в деятельности правоохранительных органов [15, с. 63-64].

С точки зрения автора настоящего исследования, международное движение за криминализацию картелей требует критической оценки. В частности, проведён сравнительный анализ правового регулирования в таких юрисдикциях, как Соединённое Королевство, Германия, Австралия, Канада, Ирландия, а также в рамках Европейского союза, с целью выяснить, действительно ли уголовно-правовая квалификация картелей способствует их сокращению и сдерживанию в экономике [9, с. 3-23].

В рамках данного движения остаётся ряд дискуссионных вопросов. В частности, возникает проблема определения субъекта уголовной ответственности: должна ли она возлагаться на физических лиц, непосредственно организующих картельные соглашения, либо на юридические лица. Особенно остро данный вопрос стоит для экономик с малым рынком и ограниченным числом участников. В таких условиях применение значительных штрафных санкций может привести к банкротству отдельных конкурентов, их вытеснению с рынка и, как следствие, к формированию монополии и усилению рыночной концентрации. В этой связи подобный подход не всегда представляется оптимальным с точки зрения правовой политики.

2.2.4. Новые подходы

По мнению исследователя Гарвардского университета Джона Фира, накопленные к настоящему времени представления о картелях требуют переоценки и переосмысления. В обоснование своей позиции он ссылается на ряд эмпирических исследований, ставящих под сомнение положения современной теории картелей [16, с. 18-33]. Исходя из этого, автор подчёркивает необходимость более комплексного и сравнительного подхода к изучению картелей с учётом их взаимосвязи с политической системой, политической культурой и национальными целями, в рамках которых функционирует право. В его интерпретации картели в условиях интенсивной конкуренции могут выступать как «вторая наилучшая» стратегия, способствующая достижению определённого баланса между такими противоположностями, как стабильность и динамика, рост и спад, риск и его управление, цена и качество, а также интересы потребителей и производителей. Кроме того, картели могут демонстрировать потенциал кооперации как источника инноваций и эффективности [там же, с. 26-27].

Существенное значение для понимания картелей как экономического явления имеет предложенная Дж. Фиром концепция «спектра сотрудничества фирм». В рамках данной модели различные формы координации между хозяйствующими субъектами классифицируются по их целям, функциям и правовому регулированию. Из этого следует, что не всякое сотрудничество фирм является картелем, однако в рамках такого взаимодействия существуют смежные явления, граничащие с картельными практиками. Спектр охватывает широкий диапазон – от элементарных форм взаимодействия, таких как переговоры и ассоциации участников рынка, до инициатив по стандартизации качества продукции, а также до собственно картелей, осуществляющих координацию цен, объёмов производства и распределения, и далее – до сложных иерархических структур, действующих на международном уровне и регулирующих потоки сырья и торговли.

В предложенной модели на каждом уровне сотрудничества могут присутствовать различные формы картелей. В зависимости от целей кооперации Дж. Фир выделяет три основные категории:

1. Процедурные формы сотрудничества – как правило, ограниченные национальным уровнем и направленные на установление экологических и качественных стандартов, а также на объединение усилий в сфере патентования. Соответствующие картели характеризуются относительно узким масштабом и ориентированы на повышение эффективности производственных и сбытовых процессов, часто реализуясь через механизмы саморегулирования и отраслевые объединения.

2. Картели «ядра» (hardcore cartels[1]) – формы кооперации, являющиеся основным объектом запрета в конкурентном праве. К ним относятся соглашения о фиксации цен, ограничении предложения, а также о разделе рынков и потребителей.

3. Картели индустриальной и социальной политики – более сложные и масштабные формы сотрудничества, обладающие признаками иерархических структур. Они могут включать экспортные и импортные картели, картели рационализации рынка, антикризисные картели, а также долгосрочные транснациональные соглашения между субъектами из разных государств, формирующиеся на уровне международной экономической политики и регулирования.

Помимо концепции спектра сотрудничества фирм, поднимается и интересная дилемма в отношении подходов к оценке картелей. Согласно аргументации исследователя, в периоды наиболее интенсивного экономического роста в Европе и Японии картели возникали именно в наиболее динамично развивающихся отраслях и выполняли в них значимую роль. Более того, в японской научной традиции прослеживается тенденция рассматривать картели не столько как фактор, искажающий капиталистический рост, сколько как явление, внесшее в него существенный вклад. В этой связи ставятся острые исследовательские вопросы: был бы экономический рост более быстрым в отсутствие картелей? почему их существование не привело к стагнации? следует ли экономическую и деловую историю последнего столетия рассматривать не вне, а именно во взаимосвязи с картелями [9, с. 11]?

2.2.5. *Дискуссии в отношении экспортных картелей как особой формы*

Сторонники теории общественного выбора (public choice theory) полагают, что фирмы могут создавать экспортные картели с целью совместного преодоления тарифных и нетарифных барьеров на внешних рынках, а также для выхода на новые рынки и укрепления своих позиций в международной торговле. Предполагается, что в результате этого рынки импортирующих стран становятся более конкурентными [25, с. 968], [10, с. 97].

Следует различать внутренние и международные экспортные картели. Международные экспортные картели

1 Начиная с рекомендаций Organisation for Economic Co-operation and Development 1998 года, в ряде международных документов картели обозначаются термином «hardcore cartel». Данный термин может интерпретироваться не только как указание на наиболее тяжёлую форму картелей, но и как обозначение их положения в центральной части спектра сотрудничества фирм либо как форм координации, находящихся в ядре производственных, торговых и сбытовых процессов. Вместе с тем Ariel Ezrachi и Caron Beaton-Wells отмечают, что данное выражение носит явно негативно окрашенный характер и, по сути, направлено на обоснование применения жёстких санкций [9, с. 1].

формируются из фирм нескольких государств. Их деятельность направлена на централизацию экспортной активности участников, что приводит к ограничению конкуренции между ними на экспортных рынках. Это выражается в согласовании экспортных цен, установлении экспортных квот, разделе экспортных рынков, координации участия в тендерах, а также в полном или частичном ограничении конкуренции за покупателей [14].

В большинстве развитых стран экспортные картели прямо не запрещены антимонопольным законодательством. Так, они допускаются в Германии, Японии и Соединённых Штатах Америки. В то же время в Австралии, Великобритании, Соединённых Штатах Америки и Японии предусмотрены правовые механизмы обязательной регистрации экспортных картелей [там же].

Согласно исследованиям Ф. Бекера [10, с. 97] и Д. Сокола [25], экспортные картели, проникая на рынки импортирующих стран, могут в дальнейшем оказывать ограничивающее воздействие на конкуренцию. При этом даже при относительно небольшой доле на мировом рынке они способны занимать весьма значительные позиции на отдельных локальных рынках. Особенно негативно такие последствия проявляются в развивающихся странах.

Вместе с тем из-за недостатка эмпирических данных экспортные картели до настоящего времени остаются недостаточно изученным явлением [там же]. Несмотря на то, что в определённых случаях они могут приносить экономическую выгоду, органы по защите конкуренции должны формировать свою позицию на основе глубокого институционального анализа с учётом как правовых, так и экономических подходов [22, с. 188], [25, с. 967-982].

III. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КАРТЕЛЕЙ В ЗАКОНЕ О КОНКУРЕНЦИИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ И КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В предыдущем разделе были рассмотрены теоретические подходы к пониманию картелей, а также сопоставлены позиции, сформировавшиеся в зарубежных правопорядках и в рамках международных организаций. В настоящем разделе, во-первых, предпринимается попытка выявить и проанализировать теоретико-концептуальные основания, послужившие базой для закрепления понятия картеля в Конституции Монголии и законодательстве о конкуренции. Во-вторых, проводится анализ легального определения картеля, содержащегося в национальном праве, с целью выявления возможных юридических ошибок и логических противоречий. При этом, исходя из предположения о наличии недостатков в законодательном определении картеля, автор не ставит целью детальное сопоставление с правовыми системами отдельных государств, а ориентируется на сравнение с общепринятыми теоретическими подходами и дефинициями, представленными в трудах международных исследователей, а также на оценку возможных правовых последствий.

Картель представляет собой сложное и многогранное явление, функционирующее на различных уровнях – международном, экспортном, импортном и национальном рынках, – однако при этом являющееся универсальным социально-экономическим феноменом, присущим любому обществу. По мнению ведущих специалистов в области конкурентного права – Элеонор Фокс и Дэниел Крейн – обсуждение ключевых проблем национальных систем конкурентного права целесообразно начинать именно с картелей [13, с. 8]. Они подчёркивают, что перед национальными правопорядками стоят ряд типичных вопросов, требующих ответа:

– Проблема доказывания соглашения: действительно ли стороны вступили в согласованное взаимодействие?

– Квалификация поведения: является ли рассматриваемое соглашение картелем либо иной формой сотрудничества (например, совместным предприятием или соглашением, потенциально создающим эффективность)?

– Вопрос о последствиях: требуется ли заявителю доказывать, что соглашение причиняет вред конкуренции?

– Публичный интерес: допустимы ли картели в условиях кризиса? Возможны ли иные формы оправдания, основанные на публичных интересах?

– Исключение ответственности государства: следует ли признавать допустимыми случаи, когда картели поощряются государством, либо когда они обусловлены действиями государственных органов, давлением иностранных государств или политическими факторами? Может ли международное сотрудничество рассматриваться как допустимое или как исключение в рамках национального права [13, с. 5, 8]?

В целях совершенствования правового регулирования картелей в Монголии представляется необходимым учитывать исторические особенности страны, уровень социально-экономического развития и потребности дальнейшего роста. Вместе с тем методологически обоснованным является формирование ответов на указанные вопросы на основе комплексных научных исследований, что позволит выработать более взвешенную и эффективную правовую политику в данной сфере.

3.1. Конституционные основы и концепция антимонопольного законодательства: обзор исторического развития правового регулирования картелей

Конституция Монголии 1992 года заложила политико-экономические и правовые основы перехода от одной экономической системы к другой. В статье 5 Конституции закреплено, что «Монголия имеет многоукладную экономику, соответствующую общим тенденциям развития мировой экономики и национальным особенностям страны», а также что «государство регулирует экономику в целях обеспечения экономической безопасности, развития всех форм хозяйствования и социального прогресса населения».

Концептуальные основы законодательства о конкуренции. Единственным документом, который можно рассматривать как концептуальное обоснование первого закона, является пояснительная записка к проекту Закона «О поддержке добросовестной конкуренции», внесённого Правительством в Великий Государственный Хурал 2 апреля 1993 года. В данном документе отмечалось, что разработка законопроекта обусловлена необходимостью формирования надлежащей правовой среды для конкуренции хозяйствующих субъектов в условиях демонтажа централизованной системы управления экономикой, а также задачей с самого начала обеспечить становление здоровых и справедливых рыночных отношений. При этом указывалось, что при подготовке проекта были учтены исследования учёных США и других стран, а также рекомендации международных организаций, таких как Международный валютный фонд, Азиатский банк развития и специализированные учреждения Организации Объединённых Наций. Из материалов, сопровождающих данный закон, следует, что отдельный документ, посвящённый концепции закона, не был внесён вместе с законопроектом. В этой связи пояснительную записку к законопроекту следует рассматривать как единственный источник, отражающий его концептуальные основы.

Согласно пояснительным материалам к законопроекту 1993 года [13, с. 23], а также лекциям специалистов, принимавших участие в разработке законов 1993 и 2000 годов, ключевыми задачами государственной правовой политики в переходный период являлись ограничение унаследованных от прежней системы государственных монополий и внедрение конкурентных механизмов во всех возможных отраслях экономики.[2]

2 Заслуженный экономист, профессор Д. Байлыхүү. Отмечено по материалам почётной лекции на тему «Государственная политика и правовая реформа в период переходной экономики: пройденный путь и современные вызовы», прочитанной в Университете финансов и экономики 13 апреля 2022 года.

Изначально законопроект состоял из 7 глав и 18 статей, включая разделы «Общие положения», «Доминирующая деятельность на рынке», «Недобросовестная конкуренция», «Контроль за созданием хозяйствующих субъектов с доминирующим положением», «Порядок принятия решений антимонопольным органом, их исполнения и обжалования», а также «Ответственность за нарушение закона»[3]. Однако при окончательном принятии 5 июля 1993 года Великим Государственным Хуралом структура закона была сокращена до 5 глав и 14 статей [5, с. 79–88].

Анализ материалов, сопровождавших принятие первых законов, а также их текстов показывает, что регулирование картелей с самого начала присутствовало в содержательном плане, однако без использования самого термина «картель» [там же].

В Законе о конкуренции 2010 года (в новой редакции) уже прямо закреплено положение о запрете «заключения соглашений и сделок (картелей), направленных на ограничение конкуренции». Согласно концепции законопроекта, внесённого Правительством в 2009 году, необходимость реформирования была обусловлена такими факторами, как чрезвычайные ситуации, стихийные бедствия, экономические трудности и иные кризисные явления, требующие усиления государственного регулирования рынка в целях защиты уровня жизни населения и обеспечения добросовестной конкуренции [5, с. 268-269].

В частности, предусматривалось расширение ранее действовавших механизмов контроля, применявшихся только к субъектам естественной монополии, на более широкий круг товаров и услуг, включая контроль за чрезмерно высокими ценами и предотвращение искусственного завышения цен. Предлагалось создать правовую основу для государственного регулирования цен на отдельные товары, а также для пресечения недобросовестной деятельности, включая действия мелких торговых посредников, рассматриваемых как один из факторов ценовых искажений на рынке [5, с. 260-268].

В предыдущем разделе (2.2.3) было отмечено, что ряд поимённо указанных и международных организаций продвигают на уровне политико-правовых дискуссий международное движение, направленное на жёсткий запрет картелей и их последующую криминализацию. В законодательстве Монголии о конкуренции картель первоначально рассматривался как правонарушение, влекущее достаточно строгую административную ответственность, однако впоследствии был включён в Закон о правонарушениях[4], относимый к категории так называемого «малого уголовного права» (*misdemeanor*), предусматривающего наиболее суровые санкции. Это позволяет предположить, что на формирование соответствующих норм оказали влияние многосторонние исследования, дискуссии и публикации международных организаций, связанных с так называемым «движением за криминализацию картелей». (См. табл. 1.)

Место и особенности в правовой системе

Картель является примером правового явления, которое в системе права может одновременно относиться как к публичному, так и к частному праву, порождать юридические последствия и выполнять определённые функции в рамках правовой системы.

Исследователь Т. Мөнх-Эрдэнэ, сравнивая систематизацию конкурентного права Германии и Монголии, пришёл к выводу, что конкурентное право носит межотраслевой характер, использует различные инструменты и нормы как публичного, так и частного права для достижения своих целей и не относится исключительно ни к одной из этих сфер, обладая смешанной природой [6, с. 5]. При этом картельное право, по его позиции, в большей степени относится к публичному праву, поскольку реализуется через механизмы государственного контроля, административного надзора и принятия решений компетентными органами [6, с. 13].

В первом издании учебного труда «Коммерческое право», подготовленного исследователями Б. Амарсанаа и Г. Даваанямом под эгидой Монгольского государственного университета, правовое регулирование картелей рассматривается как элемент системы обеспечения доверия в коммерческом праве, направленной на недопущение ограничения рыночной конкуренции [1, с. 195].

В случаях, когда картели запрещены законом (при том, что они зачастую существуют в скрытых формах), возникает необходимость в функционировании специализированного государственного органа, осуществляющего выявление таких соглашений, проведение проверок и профессиональную оценку их воздействия на экономику. Кроме того, в ряде правопорядков предусмотрено, что хозяйствующие субъекты обязаны получать разрешение компетентного органа на заключение соглашений, потенциальly относящихся к картельным, что также свидетельствует о принадлежности данного регулирования к сфере публичного права [23].

В то же время эффективная система правового регулирования требует комплексного сочетания механизмов публичного и частного права. Это включает признание недействительными антиконкурентных соглашений, защиту прав интеллектуальной собственности, прекращение нарушений, взыскание убытков, конфискацию незаконно полученных доходов и иные средства правовой защиты (*remedies*), обеспечивающие восстановление нарушенных прав и доверия в системе.

Исторически отношение к картелям претерпевало существенные изменения. В одни периоды они рассматривались как инструмент совместного преодоления экономических трудностей независимыми хозяйствующими субъектами либо как средство увеличения прибыли. В другие периоды картели использовались государством как инструмент управления экономикой и повышения эффективности (см. раздел 2.2.1). В последующем они стали объектом жёсткого правового запрета и квалифицироваться как правонарушения (см. разделы 2.2.2 и 2.2.3).

В современной практике наблюдается сосуществование запретительных и разрешительных подходов, основанных на определённых условиях. Так, в ряде развитых стран картели строго запрещены на внутреннем рынке, однако допускаются в сфере внешней торговли (экспортные и импортные картели), что было рассмотрено в предыдущем разделе (2.2.5). В этой связи, учитывая разнообразие теоретических подходов и факторов, представляется ошибочным рассматривать картели исключительно как негативное явление; подобный односторонний подход ограничивает как научное понимание, так и формирование сбалансированной правовой политики.

Вместе с тем, принимая во внимание действующее регулирование Закона о конкуренции и Закона о правонарушениях, в последующих разделах статьи автор сосредоточится на выработке предложений и критических замечаний, направленных прежде всего на корректное и теоретически обоснованное формулирование понятия картеля в действующем законодательстве.

3.2.1. Явные и скрытые формы картелей в договорах и сделках

В данном разделе рассматриваются формы проявления картелей в договорных и сделочных отношениях. В условиях Монголии вопросы соотношения, разграничения и взаимосвязи картелей и договоров в частном праве остаются недостаточно разработанными на теоретическом уровне.

3 Пояснительная записка к проекту Закона «О поддержке добросовестной конкуренции», внесённому Правительством Монголии в Великий Государственный Хурал 2 апреля 1993 года [5, с. 21–22].

4 Зөрчлийн тухай хуулийн 10 дугаар зүйлийн 10.7.1 дэх хэсэг: Хууль бусаар олсон хөрөнгө, орлого, эд зүйлийг хурааж аж ахуй эрхлэгчийг тухайн бараа бүтээгдэхүүний өмнөх жилийн борлуулалтын орлогын 6 хүртэл хувьтай тэнцэх хэмжээний төгрөгөөр торгоно.

Таблица 1. Сравнительный анализ содержания регулирования картелей в Законе о конкуренции 2010 года и законах 1993 и 2000 годов

Вид запрещённого регулирования	Закон 1993 г.	Закон 2000 г.	Закон 2010 г.
Регулирование соглашений (картелей), направленных на ограничение конкуренции:			
Согласование цен на товары и продукцию	+	+	+
Раздел рынка по территории, производству, услугам, сбыту, видам товаров или по покупателям	+	+	+
Ограничение производства, поставок, реализации, отгрузки и транспортировки товаров, доступа на рынок, инвестиций, внедрения техники и технологий	-	-	+
Сговор при участии в конкурсах, аукционах и закупках товаров, работ и услуг за счёт государственных и местных средств (согласование цен и иных условий)	-	+	+
Отказ от ценовой конкуренции при продаже или покупке товаров	+	-	-
Соглашения (картели), запрещаемые при наличии угрозы общественным интересам или ограничения конкуренции:			
Необоснованный отказ от установления хозяйственных связей без экономических и технологических причин	+	+	+
Ограничение продажи или покупки товаров третьим лицам	+	+	+
Коллективный отказ от заключения сделок, имеющих существенное значение для конкуренции	+	+	+
Препятствование вступлению конкурентов в объединения (ассоциации) с целью ведения эффективной хозяйственной деятельности	+	+	+
Запрет на содействие и участие в указанных соглашениях (картелях)	-	-	+

Судья Верховного суда Монголии Н. Баярмаа, анализируя запрещённые антимонопольным законодательством явления – злоупотребление доминирующим положением и картельные соглашения – с позиций договорного права, отмечает, что ключевым вопросом является их соотношение с принципом свободы договора. По её наблюдениям, при оценке ограничения данного принципа суды Монголии (в контексте дел о доминирующем положении) исходят из двух критериев: во-первых, ограничивает ли поведение конкурентную среду, и, во-вторых, ущемляет ли оно интересы потребителей. Она подчёркивает, что конкурентное право, регулируя поведение хозяйствующих субъектов, устанавливает гарантированный уровень их деятельности и в целом поддерживает реализацию договорных и имущественных прав в соответствии с принципами свободной экономики. Вместе с тем оно ориентировано на защиту интересов третьих лиц, не являющихся сторонами договора, и на обеспечение баланса интересов всех участников рынка, оценивая, соответствует ли договорно-правовая защита целям свободной конкуренции [3, с. 2, 7].

Хотя в её исследовании основной акцент сделан на анализе злоупотребления доминирующим положением, указанные выводы в определённой степени применимы и к картелям. Вопрос об их применимости к картельным соглашениям дополнительно рассматривается в разделе 3.2.2. Однако прежде целесообразно кратко обозначить, какие формы соглашений между конкурентами могут считаться допустимыми, а какие – очевидно антиконкурентными.

Соглашения между конкурентами. Конкуренты, действующие на одном рынке, в принципе могут вступать в координацию, и в ряде случаев заключение горизонтальных соглашений между ними является объективно необходимым. Практика показывает, что такие соглашения допустимы при наличии обоснованных причин, однако их правомерность должна оцениваться с учётом того, выходят ли они за рамки своей основной цели и приобретают ли антиконкурентный характер.[5]

1. **Сотрудничество в целях внедрения технологий и стандартизации.** Конкуренты могут объединяться для снижения издержек, обеспечения качества продукции и внедрения инноваций, в том числе посредством установления единых стандартов или участия в патентных пулах (*patent pools*). Например, медицинские учреждения могут быть вынуждены обмениваться данными пациентов для обеспечения эффективного лечения, что требует создания общих технологических платформ и стандартов, объективно обуславливающих горизонтальное взаимодействие.

2. **Сотрудничество в сетевых отраслях (network industries).** В отраслях, где продукты и услуги взаимосвязаны и оказывают взаимное влияние на стоимость, горизонтальные соглашения между конкурентами могут быть необходимыми. Примерами являются соглашения о взаимном подключении сетей операторов мобильной связи или договорённости между банками о межбанковских расчётах, включая комиссии и тарифы. Такие соглашения подпадают под принцип необходимой взаимосвязанности (*essential interoperability*), признаваемый в конкурентном праве [11, с. 1-36].

Картель с очевидно негативными последствиями. Соглашения между конкурентами формально относятся к категории B2B (business-to-business), то есть договоров между хозяйствующими субъектами. Однако в случаях, когда такие соглашения направлены на совершение действий, запрещённых законодательством о конкуренции, их последствия выходят за рамки B2B и затрагивают сферу B2C (business-to-consumer). Это выражается в росте транзакционных издержек для потребителей, повышении цен и тарифов, ограничении выбора, сдерживании технологического развития, а также в создании искусственного дефицита [31].

С точки зрения теории конкурентного права сговор между конкурентами подразделяется на: (a) косвенные, скрытые формы (tacit collusion), реализуемые через конкретные договоры, сделки или, например, обмен информацией; (b) явные формы (explicit collusion), не обязательно оформленные договором, но выражающиеся в открытой координации между конкурентами по ключевым параметрам конкуренции. (См. табл. 2.)

5 В соответствии с критериями, установленными пунктом 11.2 статьи 11 Закона о конкуренции: (a) публичный интерес и (b) ограничение конкуренции.

Таблица 2. Формы картелей, предусмотренные статьёй 11 Закона о конкуренции, и субъекты, которые могут пострадать

Картельные соглашения	Потенциально пострадавшие стороны
11.1.1. Согласование цен на товары и продукцию	Потребители, конкуренты
11.1.2. Раздел рынка по территории, производству, услугам, сбыту, видам товаров или по покупателям	Потребители
11.1.3. Ограничение производства, поставок, реализации, отгрузки и транспортировки товаров, доступа на рынок, инвестиций, внедрения техники и технологий	Конкуренты, хозяйствующие субъекты, косвенно – потребители
11.1.4. Предварительное согласование цен и иных условий при участии в конкурсах, аукционах и закупках за счёт государственных и местных средств	Организаторы конкурсов и закупок, участники торгов
11.2.1. Необоснованный отказ от установления хозяйственных связей без экономических и технологических причин	Конкуренты, хозяйствующие субъекты, косвенно – потребители
11.2.2. Ограничение продажи или покупки товаров третьим лицам	Конкуренты, хозяйствующие субъекты, косвенно – потребители
11.2.3. Коллективный отказ от заключения сделок, имеющих существенное значение для конкуренции	Конкуренты, хозяйствующие субъекты, косвенно – потребители
11.2.4. Препятствование вступлению конкурентов в объединения с целью эффективного ведения хозяйственной деятельности	Конкуренты, хозяйствующие субъекты, косвенно – потребители

Следует отметить, что на практике картели часто реализуются в скрытой форме, без заключения формальных договоров или соглашений. Такие формы координации могут наносить наибольший ущерб обществу, экономике и потребителям. Нередко подобные договорённости именуются «джентльменскими соглашениями», подразумевая неформальные, устные договорённости без письменного оформления.

Показательным примером служит известный международный картель в сфере производства и сбыта хинина, где подобные договорённости носили устный характер и противоречили как правовым, так и этическим нормам. Такие соглашения, обладая значительным экономическим масштабом, не только ограничивают конкуренцию, но и способны препятствовать внедрению научно-технических достижений, что усиливает их негативное воздействие.

Вставка 1: ACF Chemiefarma v. Европейская комиссия (хинин), дело № 41/69, EU:C:1970:71 (Суд ЕС, 1970)

Факты:

Хинин и хинидин представляют собой вещества, используемые при производстве лекарственных средств для лечения малярии и заболеваний органов слуха. Эти вещества производились компанией «Недкем» в Нидерландах, а также рядом других компаний этой страны и немецкими компаниями «Боэрингер» и «Буклер». В 1958 году между указанными компаниями было заключено соглашение о разделе внутренних рынков, а также о согласовании экспортных цен и квот.

После выявления данного соглашения Федеральным картельным ведомством Германии картель трансформировался: из его сферы были исключены рынки Европейского сообщества, и он был переориентирован на внешние рынки, фактически превратившись в экспортный картель, находящийся вне правового регулирования ЕС. Участники отказались от письменной формы соглашений и перешли к так называемому «джентльменскому соглашению». В его рамках устанавливались экспортные квоты для стран, не входящих в ЕС, а также распределялись отдельные внешние рынки между участниками.

В случае превышения или невыполнения квот предусматривались механизмы их перераспределения между участниками. Кроме того, членам картеля запрещалось сотрудничать с третьими лицами (компаниями, не участвующими в соглашении) в сфере производства и сбыта хинина и хинидина за пределами распределённых рынков. Участники были обязаны предоставлять друг другу информацию о местах, объёмах и ценах продаж, при этом компания «Недкем» на основе полученных данных координировала распределение объёмов реализации.

В связи с началом разработки синтетического хинидина французскими компаниями участники картеля договорились препятствовать внедрению данной технологии в производство. Также было предусмотрено, что нарушение «джентльменского соглашения» может служить основанием для аннулирования формальных экспортных контрактов.

Дополнительно участники заключили соглашение о совместном использовании сырьевых ресурсов для производства хинина. Основным сырьём являлась кора деревьев, закупаемая централизованно через компанию «Недкем». Последняя, в свою очередь, приобретала значительные объёмы сырья в США, распределяла их между участниками картеля и получала комиссионное вознаграждение в размере 2% от продаж.

Выявление:

В период 1963–1964 годов, в связи с резким ростом спроса на хинин, обусловленным необходимостью лечения американских военнослужащих во Вьетнаме, компания «Недкем» значительно увеличила закупки сырья в США. Это вызвало подозрения американских властей относительно существования международного картеля на рынке хинина. Министерство юстиции США инициировало масштабное расследование и в 1967 году передало соответствующую информацию Европейской комиссии, наладив сотрудничество и обмен данными.

С 1962 года Европейская комиссия совместно с национальными органами государств-членов проводила расследование, в результате которого в феврале 1965 года участникам картеля были назначены значительные штрафы за нарушение антимонопольного законодательства. Было установлено, что участники осуществляли незаконные действия, включая раздел рынков, согласование цен, установление квот продаж, а также ограничение конкуренции и технологического развития (в частности, запрет на производство синтетического хинидина).

Анализ данного дела показывает, что такие элементы картельных соглашений, как раздел рынков, фиксация цен, установление квот и ограничение технологического прогресса, прямо предусмотрены и запрещены статьёй 11 Закона Монголии о конкуренции.

3.2.2. Классификация картелей в Законе о конкуренции

В данном разделе предпринимается попытка сопоставить определение картеля, закреплённое в законодательстве

Монголии о конкуренции, с общепринятыми теоретическими подходами, представленными в мировой научной литературе, а также дать его системное теоретическое объяснение.

Можно отметить, что в Законе о конкуренции картель определяется с использованием трёх различных принципов и методологических подходов. Из них два – *per se illegality* и *ex post* – являются широко признанными в международной теории конкурентного права.

1) Принцип *per se illegality*.

Согласно данному принципу, закон прямо устанавливает перечень соглашений и договорённостей, которые считаются незаконными *per se* (п. 11.1.1–11.1.4 ст. 11 Закона).

При применении данного подхода законодатель не требует установления каких-либо дополнительных условий, таких как фактическое ограничение конкуренции или причинение вреда потребителям. К числу таких соглашений относятся:

– согласование цен на товары и продукцию;

– раздел рынка по территориальному, производственному, сбытовому признаку, по видам товаров или по категориям покупателей;

– ограничение производства, поставок, реализации, отгрузки и транспортировки товаров, доступа на рынок, инвестиций, а также внедрения техники и технологий;

– предварительное согласование цен и иных условий при участии в конкурсах, аукционах и государственных закупках.

Запрет указанных соглашений обусловлен тем, что хозяйствующие субъекты, которые должны конкурировать по таким ключевым параметрам, как цена, объёмы производства, инвестиции и технологическое развитие, вместо этого уклоняются от конкуренции и искусственно устанавливают параметры, которые в условиях рынка должны формироваться свободно.

С точки зрения современной теории конкурентного права данные формы соответствуют так называемым *hardcore cartels* – наиболее тяжёлым видам картелей, находящимся в центре процессов производства и реализации. Таким образом, соответствующее регулирование в целом совпадает с подходами, закреплёнными в законодательстве многих зарубежных государств.

2) Принцип *ex post*.

Согласно данному принципу, закреплённому в законодательстве, определённые соглашения и договорённости признаются картелем в том случае, если они противоречат публичным интересам либо создают условия для ограничения конкуренции.[6] В отличие от ранее рассмотренного подхода, данный принцип предполагает оценку реальных причин и целей горизонтальных соглашений, а также их сопоставление с установленными законом критериями.

Это представляет собой интересную и специфическую особенность антимонопольного регулирования. В качестве критериев закон устанавливает: (а) публичный интерес и (б) наличие ограничения конкуренции. При этом законодатель наделил уполномоченный орган исполнительной власти полномочиями оценивать, следует ли квалифицировать конкретное соглашение как картель и привлекать стороны к ответственности.

При этом в сферу регулирования включены, прежде всего, действия, имеющие характер вытеснения конкурентов с рынка (*exclusionary abuse*), в частности:

– необоснованный отказ от установления хозяйственных связей без экономических или технологических причин;

– ограничение продажи или покупки товаров третьим лицам;

– коллективный отказ от заключения соглашений, имеющих существенное значение для конкуренции;

– создание препятствий для вступления в объединения, необходимых для эффективной хозяйственной деятельности.

Следует отметить, что законодатель прямо не разъяснил причины включения критериев «публичного интереса» и «ограничения конкуренции», и в научной литературе Монголии данный вопрос до настоящего времени не получил должного обсуждения.

При установлении факта ограничения конкуренции или противоречия публичным интересам указанные действия необходимо соотносить с принципом свободы договора. В этой связи актуализируется вопрос о соотношении критериев, предложенных исследователем Н. Баярмаа: ограничение конкуренции и ущемление потребителей. Требует дополнительного анализа, совпадает ли понятие «ущемление потребителей» с категорией «противоречие публичным интересам» либо они различаются и каково их соотношение.

По мнению исследователя Т. Мөнх-Эрдэнэ, содержание публичного интереса в каждом конкретном случае должно определяться судом путём комплексного толкования цели и содержания закона [7, с. 14].

Поскольку критерий «публичного интереса» сформулирован широко, можно предположить, что жалоба отдельного конкурента сама по себе не всегда подпадает под данное понятие. Вместе с тем интересы широкого круга потребителей и участников рынка могут рассматриваться как соответствующие публичному интересу [24, с. 2].

В целом вред, причиняемый недобросовестной конкуренцией, прежде всего выражается в ограничении выбора потребителей. Однако для признания нарушения затрагивающим публичные интересы требуется более широкий эффект – например, ущерб значительному числу участников рынка, рост общественных издержек либо подавление научно-технического прогресса, как это имело место в картеле на рынке хинина.

В конкурентном праве понятие «потребитель» носит коллективный характер и означает сторону спроса на соответствующем рынке, представляющую совокупность лиц, готовых приобретать или фактически приобретающих товар или услугу.

В качестве иллюстрации можно привести ситуацию, когда отдельный потребитель привык к определённой технологии или модели продукции, однако производители (два и более конкурента) прекращают её выпуск в силу дефицита ресурсов или экономической нецелесообразности и переходят на более современные аналоги. Такое поведение не может рассматриваться как картельный сговор, направленный на ущемление интересов конкретного потребителя.

В последнее время в теории и практике конкурентного права развивается концепция «картеля в публичных интересах» (*public interest cartel*), которая уже получила отражение в праве ряда европейских государств. В судебной практике такие картели могут признаваться допустимыми, если они направлены, например, на защиту окружающей среды, сохранение биоразнообразия, охрану общественного здоровья или обеспечение устойчивого развития.

Как отмечалось ранее (раздел 2.1.1), при разработке рекомендаций по борьбе с картелями Конференция ООН по торговле и развитию указывала, что соглашения и согласованные действия, прямо разрешённые законодательством государств, могут не квалифицироваться как картели [28].

3) Участие в поддержке картеля.

В Законе о конкуренции Монголии закреплена особая, третья форма картеля – участие в поддержке картельных соглашений. Законодатель относит к картелю не только заключение соответствующих соглашений, но и действия по их поддержке.[7]

Буквальное толкование нормы позволяет сделать вывод, что под «поддержкой» понимается, во-первых, наличие

6 Пункт 11.2 статьи 11 Закона о конкуренции.

7 Пункт 11.3 статьи 11 Закона о конкуренции.

одного из двух ранее рассмотренных видов картельных соглашений, а во-вторых – участие в их реализации без формального заключения договора, то есть косвенное следование достигнутым договорённостям посредством поведения на рынке, ценовой политики или иных действий.

В этой связи возникает важный вопрос. Даже при отсутствии прямого участия в соглашении может существовать основание для привлечения к ответственности субъектов, которые сознательно «следуют» за действиями конкурентов, поддерживая их цели и направления деятельности. Вместе с тем существует риск, что добросовестные участники рынка, ориентирующиеся на рыночные изменения или на ценовое поведение лидера рынка, могут быть ошибочно квалифицированы как участники картеля. Особенно в таких случаях возможно применение санкций, включая штрафы, а также последующее предъявление требований о возмещении ущерба со стороны потребителей.

Возникает принципиальный вопрос: следует ли относить к картельному сговору только действия по фиксации цен (*price fixing*), либо также учитывать поведение хозяйствующих субъектов, которые лишь адаптируют свои цены к сложившейся рыночной конъюнктуре (*price taking*)? Отсутствие чёткого разграничения этих понятий может привести к произвольному ограничению прав предпринимателей.

Если исходить из того, что законодатель стремился запретить косвенную координацию поведения конкурентов без заключения формальных соглашений, то речь может идти о явлении, известном в теории конкурентного права как *concerted practice* – согласованные действия, не требующие письменного доказательства. Однако данное понятие ранее не получало развития в национальной доктрине и не закреплено в законодательстве Монголии.

Аналогично, можно предположить, что предпринималась попытка нормативного осмысления концепции *conscious parallelism* (сознательного параллелизма), однако её содержание не было раскрыто в достаточной степени. Следует отметить, что в научных исследованиях по конкурентному праву Монголии данный вопрос практически не изучался.

В странах с высокоразвитой рыночной экономикой создаются все условия для того, чтобы хозяйствующие субъекты действовали самостоятельно и принимали решения, адекватные рыночной ситуации, при этом любое искажение такого поведения запрещается законом. Это обусловлено тем, что именно самостоятельное принятие решений обеспечивает реальное равновесие спроса и предложения, к которому каждый участник рынка должен адаптироваться как к нормальному экономическому поведению.

Это означает, что при формировании ожиданий относительно будущего поведения на рынке – например, в отношении будущих цен или стратегий – хозяйствующий субъект не должен находиться под влиянием своих конкурентов.

Связи и координация, не возникающие напрямую между конкурентами, могут формироваться через третьих лиц, обеспечивающих обмен коммерчески чувствительной информацией. К таким посредникам могут относиться отраслевые ассоциации, дистрибьюторы либо цепочки поставок, в рамках которых информация передаётся от одного розничного продавца к другому через поставщика.

3.2.3. Критический анализ: логические противоречия в определении картеля и их последствия

Дискуссионный характер определения картеля в Законе о конкуренции связан с тем, что в пунктах 11.1, 11.2 и 11.3 статьи 11 используется общее выражение «между хозяйствующими субъектами»[8], охватывающее как горизонтальные, так и вертикальные отношения. Это приводит к ряду логических противоречий и практических последствий.

Как отмечалось в начале настоящей статьи (раздел II), в теории конкурентного права картель рассматривается как форма координации между конкурентами, действующими на одном рынке, то есть в рамках горизонтальных отношений. Аналогичный подход был отражён и в научных работах до принятия Закона о конкуренции 2010 года. В частности, исследователь М. Уянга подчёркивала [9], что картель представляет собой сговор между предприятиями, находящимися на одном уровне рынка, и обоснованно разграничивала его с вертикальными договорными отношениями. Тем не менее в действующем законодательстве данное разграничение проведено недостаточно чётко [13, с. 5-9], [29, с. 512-552], [18, с. 866-867], [35, с. 33-34].

В научной литературе по конкурентному праву общепринято, что картели возникают исключительно в горизонтальных отношениях между конкурентами. Так, по мнению исследователя Ж. Фир, понятие «вертикального картеля» не является корректным, поскольку картель предполагает координацию между конкурентами с целью контроля над рынком однородной продукции. В то же время долгосрочные договоры с поставщиками, подрядчиками, оптовыми и розничными продавцами могут носить антиконкурентный характер, однако не являются картелями. Подобные формы взаимодействия целесообразнее квалифицировать как сети предприятий, стратегические альянсы, группы компаний или совместные предприятия.

Вертикальные отношения отражают движение товара или услуги по цепочке поставок – от производителя к конечному потребителю. Именно в рамках этой цепочки формируются цены. Однако действующее определение картеля в Законе о конкуренции вызывает следующие сомнения:

а) Логическое противоречие: возможное толкование как запрета всех ценовых соглашений на вертикальном уровне. На практике между производителями, складскими операторами, оптовыми и розничными продавцами, посредниками и дистрибьюторами заключаются договоры купли-продажи, в которых цена является обязательным условием. Само по себе «согласование цены» в вертикальных отношениях является естественным элементом хозяйственной деятельности и не несёт негативной коннотации. [9] В то же время аналогичные действия между конкурентами на горизонтальном уровне действительно должны рассматриваться как запрещённые. Отсутствие чёткого разграничения создаёт риск ошибочного толкования и указывает на возможный дефект правовой нормы.

б) Риск чрезмерного запрета политики поддержания перепродажной цены (RPM). Установление цены перепродажи (*resale price maintenance, RPM*) [19] представляет собой распространённую бизнес-стратегию, при которой производитель определяет цену реализации товара на последующих стадиях цепочки поставок. Однако в условиях действующего законодательства такая практика может повлечь юридическую ответственность не только для доминирующих субъектов, но и для иных участников рынка, включая малые предприятия, заключающие соответствующие договоры или фактически следующие данной ценовой политике.

Согласно статье 7.1.6 Закона о конкуренции, установление цены перепродажи запрещено для субъектов с доминирующим положением. Вместе с тем из статьи 11 (в части регулирования картелей) может следовать, что аналогичные действия запрещены и для иных хозяйствующих субъектов, что создаёт неопределённость правового регулирования.

В судебной практике Монголии имеются случаи, когда политика RPM применительно к недоминирующим субъектам квалифицировалась как «вертикальный картель» и за-

8 В пункте 4.1.3 статьи 4 Закона о конкуренции «хозяйствующий субъект» определяется как зарегистрированное в Монголии юридическое лицо, осуществляющее деятельность с целью получения прибыли или без таковой, а также организация без статуса юридического лица и физическое лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность.

9 В «Орфографическом нормативном словаре монгольского языка» указано: 1) хэлцэл – договор, соглашение; (2) хэлцээ – беседа, переговоры [36].

прещалась. Однако, учитывая, что суды руководствовались действующими нормами законодательства, их решения формально являются правомерными, несмотря на наличие концептуальных и теоретических противоречий в самой норме.

Вставка 1: Постановление Верховного суда Монголии по административным делам (кассационная инстанция) № 90 от 2020 года

Факты:

Компания «М-Си-Эс Кока-Кола» ХХК установила условие реализации своей продукции в розничной сети по единой ценовой политике и заключила договоры поставки с торговыми сетями «Оргил», «Номин» и «Скай».

Государственные инспекторы Агентства по защите конкуренции и прав потребителей пришли к выводу, что действия компании нарушают пункт 11.1.1 статьи 11 Закона о конкуренции, а также пункт 1.1 статьи 10.7 Закона о правонарушениях, и наложили штраф, рассчитанный как определённый процент от годового оборота.

Компания «М-Си-Эс Кока-Кола» ХХК обжаловала данное решение в суде первой инстанции по административным делам, который удовлетворил жалобу. Однако инспекторы подали апелляцию, и суд апелляционной инстанции отменил решение суда первой инстанции. Впоследствии компания обратилась с кассационной жалобой в Верховный суд, однако суд кассационной инстанции оставил решение апелляционного суда без изменения и отказал в удовлетворении жалобы.

Из мотивировочной части решения Верховного суда:

«23. Несмотря на то, что законодатель прямо не детализировал формы картелей, в правовой теории и международной практике они традиционно подразделяются на "вертикальные" и "горизонтальные"…

Заявитель, обосновывая цель заключения соответствующих договоров, указывает на стремление обеспечить потребителям гарантию низких цен. Однако законодатель запретил все формы согласования цен как недобросовестные. Достижение низких цен для потребителей должно обеспечиваться не посредством соглашений (картелей), а в результате конкуренции, исходя из принципов свободного рынка. В связи с этим доводы заявителя не подлежат удовлетворению».

Для реализации политики поддержания перепродажной цены (*resale price maintenance, RPM*) производитель или поставщик товаров и услуг вынужден заключать с каждым розничным продавцом соглашения об установлении единого уровня цены реализации конечному потребителю.

С другой стороны, розничные продавцы, реализующие продукцию в рамках политики RPM, как правило, не вступают между собой в горизонтальные договорные отношения по поводу цен. Однако на практике они могут фактически способствовать реализации такой политики – посредством действий либо бездействия, присоединяясь к ней индивидуально и поддерживая её. В результате возникает риск квалификации их поведения как нарушения пункта 11.3 статьи 11 Закона о конкуренции.

С точки зрения правовой политики различные государства по-разному регулируют RPM. Вместе с тем в странах с длительной историей развития конкурентного права, в частности в практике Верховного суда Соединённых Штатов Америки, начиная с 1997 года подобные действия оцениваются не как автоматически незаконные, а с применением принципа *rule of reason*, то есть с учётом их экономических последствий [33].

Это объясняется тем, что доминирующий производитель или поставщик, реализуя политику RPM, может оказывать давление на розничных продавцов, навязывая условия и угрожая прекращением поставок в случае несогласия. В таких условиях розничные продавцы могут быть вынуждены принимать условия, даже если это ведёт к их убыткам, что в конечном итоге может негативно сказаться на потребителях.

В то же время, если хозяйствующий субъект не обладает значительной рыночной властью, реализация политики RPM означает, что он самостоятельно несёт все риски и выгоды такой стратегии. При этом другие конкуренты не терпят ущерба, рынок в целом не искажается, а сама политика может способствовать дифференциации продукта, усилению конкуренции и расширению выбора для потребителей.

В этой связи представляется целесообразным заменить в пункте 11.1 Закона формулировку «между хозяйствующими субъектами» на «между конкурентами». Это позволило бы чётко разграничить горизонтальные и вертикальные отношения и установить, что запрет RPM распространяется преимущественно на субъектов с доминирующим положением или естественные монополии.

Такой подход обеспечит для недоминирующих участников рынка возможность свободно конкурировать, применяя различные ценовые стратегии на свой риск, не причиняя вреда другим субъектам. В развитых рыночных экономиках широко распространены модели торговли с единой ценовой политикой, включая магазины фиксированных цен, которые обеспечивают потребителям дополнительный выбор.

в) Логическое противоречие, ограничивающее возможности организации сбыта производителем. В вертикальных отношениях хозяйствующие субъекты объективно вынуждены организовывать сбыт продукции с учётом таких факторов, как географическое расположение, транспортные расходы, логистика и складские мощности. В этой связи неизбежно возникает распределение рынков между торговыми представителями, эксклюзивными дистрибьюторами и другими участниками цепочки поставок – по территории, видам продукции, сегментам потребителей и каналам сбыта.

Однако пункт 11.1.2 статьи 11 Закона о конкуренции сформулирован таким образом, что может распространяться как на горизонтальные, так и на вертикальные отношения, что создаёт неопределённость. Следует подчеркнуть, что запрет подобного распределения является оправданным в отношении конкурентов (горизонтальный уровень), тогда как в вертикальных отношениях подобные механизмы могут быть экономически обоснованными и необходимыми для эффективного функционирования рынка.

IV. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Сравнительный анализ теорий, концепций и современных дискуссий о картелях позволяет глубже понять сущность данного явления, его виды, формы и циклы развития, что имеет важное теоретико-методологическое значение для формирования правовой политики и проведения реформ в сфере экономического права.

2. Классическая теория и современные подходы рассматривают картели как явление, возникающее в условиях экономических трудностей и нередко отражающее решения, значимые для национальной экономики. В то же время современная теория подчёркивает, что картели могут быть обусловлены стремлением к ограничению конкуренции. На этой основе сформировалось международное движение за криминализацию тяжёлых форм картелей. В Монголии закрепление строгой ответственности позволяет предположить влияние рекомендаций ОЭСР.

3. Экспортные картели могут способствовать выходу предприятий на внешние рынки и преодолению торговых барьеров. В этой связи целесообразно изучить механизмы их регистрации и разрешения и рассмотреть возможность их внедрения с учётом национальных интересов.

4. Действующее регулирование картелей в Законе о конкуренции Монголии не в полной мере соответствует теоретическим подходам. Отсутствие достаточной дискуссии при принятии закона затрудняет выявление концепции законодателя.

5. Отсутствие разграничения горизонтальных и вертикальных отношений в статье 11 привело к отклонению от классического понимания картеля и риску квалификации

таких практик, как RPM и управление сбытом, в качестве нарушений. Необходимо обеспечить согласованность законодательства с экономической практикой.

6. Понятия *concerted practice* и *conscious parallelism* не урегулированы в национальном праве, что требует их концептуального закрепления с учётом зарубежного опыта.

7. Необходимо разработать механизм допуска картелей в публичных интересах, включая их регистрацию и контроль, с учётом таких направлений, как охрана окружающей среды, изменение климата, биоразнообразие, общественное здоровье и устойчивое развитие.

Пристатейный библиографический список

1. Амарсанаа Б., Дабааням Г., Батбаяр С., Норовсамбуу Н., Пүрэвбаатар Р., Ганхүрэл Д. Коммерческое право. – Улан-Батор, 2022.
2. Амарсанаа Б., Уянга М., Дабааням Г. Теория и практика конкурентного права. – Улан-Батор, 2022.
3. Баярмаа Н. Конкурентное право и договор», научная статья. – Улан-Батор, 2017. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://legaldata.mn/b/310.
4. Буянхишиг Б. Частное право: теория и методология, экономический анализ, сравнительное исследование (сборник научных статей и докладов). – Улан-Батор, 2017.
5. Документы, относящиеся к источникам конкурентного права Монголии (1993–2022). МУИС, Центр исследований экономики, бизнеса и права. – Улан-Батор, 2023.
6. Мөнх-Эрдэнэ Т. Взаимосвязь закона о конкуренции с другими законами». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://legaldata.mn/buteel/pdf?id=834.
7. Мөнх-Эрдэнэ Т. Определение публичного интереса», научная статья. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://legaldata.mn/buteel/pdf?id=143.
8. Уянга М. Некоторые вопросы юридических исследований (сборник). – Улан-Батор, 2014.
9. Beaton-Wells C., Ezrachi A. Criminalizing Cartels: Critical Studies of an International Regulatory Movement. – Hart Publishing, 2011.
10. Becker F. The Case of Export Cartel Exemptions: Between Competition and Protectionism // Journal of Competition Law & Economics. – 2007.
11. Brinsmead S. Essential Interoperability Standards: Interfacing Intellectual Property and Competition in International Economic Law. – Cambridge University Press, 2021.
12. Dictionary of Law, ed. Jonathan Law. – Oxford University Press, 2009.
13. Eleanor M. Fox, Daniel A. Crane. Global Issues in Antitrust and Competition Law. – 2nd ed., 2017.
14. Encyclopedia of World Problems & Human Potential. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://encyclopedia.uia.org/en/problem/134189.
15. Ezrachi A. Competition and Antitrust Law: A Very Short Introduction. – Oxford University Press, 2021.
16. Fear J. R. Cartels and Competition: Neither Markets nor Hierarchies. – Harvard Business School, 2006.
17. Hovenkamp H. Antitrust Interoperability Remedies // Columbia Law Review. – 2023. – 123(1).
18. Jones A., Sufrin B. EC Competition Law: Text, Cases and Materials. – Oxford University Press, 2008.
19. Klein T. Resale Price Maintenance (RPM) // Global Dictionary of Competition Law, Concurrences. – Art. № 12338.
20. Leonhardt H. A. The Development of Cartel Theory between 1883 and the 1930s.
21. Liefmann R. Cartels, Concerns and Trusts (1932, First edition). – Batoche Books, Kitchener, 2001.
22. Martyniszyn M. Export cartels: is it legal to target your neighbor? Analysis in light of recent case law // Journal of International Economic Law. – 2012. – 15(1).
23. Regulating Competition: Cartel Registers in the Twentieth-Century World. – Routledge, 2019.
24. Schinkel M. P., Toth L. Balancing the Public Interest Defense in Cartel Offenses. – Amsterdam Center for Law & Economics Working Paper. – 2016-01.
25. Sokol D. D. What do we really know about export cartels and what is the appropriate solution? // Journal of Competition Law and Economics. – 2008. – 4(4). – P. 967-982.
26. Stigler G. J. A Theory of Oligopoly // Journal of Political Economy. – Vol. 72. – 1964. – Pp. 44-61 / reprinted in The Organization of Industry. – University of Chicago Press, 1968.
27. Stocking G. W., Watkins M. W. Cartels or Competition? The Economics of International Controls by Business and Government. – New York: The Twentieth Century Fund, 1948.
28. The Set of Multilaterally Agreed Equitable Principles for the Control of Restrictive Business Practices. – UNCTAD, 1980.
29. Whish R., Bailey D. Competition Law. – 7th ed. – Oxford University Press, 2012.
30. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.catribunal.org.uk/cases/10141103-10151103-argos-limited-littlewoods-limited.
31. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.concurrences.com/en/dictionary/Collusion-12162.
32. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.concurrences.com/en/dictionary/Concerted-Practice.
33. Resale Price Maintenance Agreements. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.law.cornell.edu/wex/resale_price_maintenance_agreements.
34. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.oecd.org/daf/competition/cartels/48948847.pdf.
35. Fox E. M. Gerard D. & Edward Elgar Publishing. Eu competition law cases texts and context (Second). – Edward Elgar Publishing, 2023. – Pp. 33-34.
36. Орфографический нормативный словарь монгольского языка». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://toli.gov.mn.

САВОЧКИНА Дарья Олеговна
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности ОВД, Крымский филиал, Краснодарский университет МВД России, г. Симферополь

Савочкина Д. О.

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РАБОТЫ УЧАСТКОВЫХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПОЛИЦИИ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ПРАВОНАРУШЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СИСТЕМ

В статье выявлены общие и специальные причины низкой эффективности профилактики правонарушений в сфере ИТКС: нехватка ресурсов, формальное участие общественности, техническая отсталость, слабая координация (включая межрегиональную и международную) и низкая цифровая грамотность населения, особенно пожилых лиц. Предложены пути совершенствования работы участковых уполномоченных полиции: внедрение киберразведки, нейроаналитики и предиктивной аналитики, усиление межведомственного взаимодействия, формирование культуры кибергигиены. Обоснована необходимость системной переподготовки кадров, развития инфраструктуры и нормативного регулирования использования интеллектуальных систем.

Ключевые слова: участковые уполномоченные полиции, профилактика правонарушений, информационно-телекоммуникационные системы, киберпреступность, киберразведка, нейроразведка, нейроаналитика, предиктивная аналитика, кибергигиена, цифровая грамотность, взаимодействие подразделений.

SAVOCHKINA Darya Olegovna
Ph.D. in Law, senior lecturer of Administrative law and administrative activities of the department of internal affairs sub-faculty, Crimean Branch, Krasnodar University of the MIA of Russia, Simferopol

WAYS TO IMPROVE THE WORK OF DISTRICT POLICE COMMISSIONERS IN PREVENTING OFFENSES COMMITTED USING INFORMATION AND TELECOMMUNICATION SYSTEMS

The article identifies general and specific reasons for the low effectiveness of crime prevention in the field of information and telecommunication systems (ITS): lack of resources, formal public participation, technical backwardness, weak coordination (including interregional and international), and low digital literacy of the population, especially the elderly. Ways to improve the work of district police commissioners are proposed: implementation of cyber intelligence, neuroanalytics and predictive analytics, strengthening interagency cooperation, and fostering a culture of cyber hygiene. The need for systematic retraining of personnel, infrastructure development, and regulatory framework for the use of intelligent systems is substantiated.

Keywords: district police commissioners, crime prevention, information and telecommunication systems, cybercrime, cyber intelligence, neurointelligence, neuroanalytics, predictive analytics, cyber hygiene, digital literacy, inter-agency cooperation.

Статистика правонарушений, совершаемых с использованием ИТКС, доказывает, что профилактическая деятельность недостаточно эффективна. Среди ряда проблемных аспектов, которые не позволяют снизить количество правонарушений в исследуемой сфере до минимума можно выделить общие и специальные причины.

К числу общих причин низкой эффективности профилактики преступности относятся: ограниченность ресурсов правоохранительных органов вследствие высокой загруженности, что вынуждает их сосредотачиваться на традиционных деликтах в ущерб противодействию киберпреступности; формальный характер участия общественности, когда законодательно закрепленные полномочия граждан не реализуются на практике, а население проявляет заинтересованность в превенции лишь при непосредственном нарушении их прав и интересов.

К специальным причинам низкой эффективности профилактики правонарушений в сфере ИТКС относятся: несоответствие технического оснащения субъектов профилактики современному уровню: на фоне использования киберпреступниками новейших технологий предупредительная деятельность ведется на устаревшей компьютерной и иной технике; недостаточная координация взаимодействия как между внутренними субъектами профилактики (образовательные, правоохранительные, социальные, молодежные и иные органы), так и на межрегиональном и международном уровнях, что порождает фрагментарность мер, снижает превентивный потенциал и препятствует своевременному реагированию на трансграничный характер киберугроз; низкий уровень компьютерной грамотности населения, особенно лиц пожилого возраста, что делает значительную его долю уязвимой перед киберпреступниками.

В этих условиях особую актуальность приобретает необходимость комплексного подхода к профилактике указанных деяний, в том числе с активным участием подразделений участковых уполномоченных полиции, обладающих значительным потенциалом в части взаимодействия с населением [5, с. 52].

Совершенствование работы участковых уполномоченных полиции по профилактике правонарушений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных систем, направлено на:

1) Использование возможностей новых аналитических систем и методов для анализа информации и для выявления возможных угроз – кибаразведки, нейроразведки, нейроаналитики и т.п.

2) Усиление сотрудничества подразделений участковых уполномоченных полиции с иными подразделениями МВД (ПДН, Управление по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий и др.), государственными органами, негосударственными организациями, гражданами по профилактике правонарушений, совершаемых с использованием ИТКС;

3) Формирование культуры кибергигиены среди населения на административном участке. Развитие цифровой грамотности населения и соблюдение правил безопасного использования информационно-коммуникационных технологий, платформ, систем, сервисов, продуктов и устройств

Стремительное технологическое развитие информационного общества стимулирует рост объема информации, которая накапливается и обрабатывается в информационном и киберпространстве. Указанное требует разработки новых (усовершенствования имеющихся) способов и методов поиска и сбора информации в открытых, сравнительно открытых, закрытых электронных источниках. Реализация этих задач возможна в пределах разведки информационно-телекоммуникационных систем. Разведкой ИТС считают комплекс мер, направленных на систематический и целенаправленный поиск и получение из ИТС информации относительно противоборствующей стороны (возможного правонарушителя), ее изучение и обработка, а также формирование на этой основе представления о реальных и / или потенциально возможных источники деструктивного воздействия на собственное киберпространство. Внедрение в деятельность полиции, в том числе УУП, автоматических систем кибаразведки имеет большие перспективы. Оно позволит обеспечить «получение данных из компьютерных сетей, с помощью зондирования сети, инвентаризации и анализа уязвимостей сетевых ресурсов (и объектов пользователей)» [4, с. 150].

Сегодня кибаразведка трансформируется в нейроразведку, которая «включает системы искусственного интеллекта для работы с Большими данными. Современная нейроразведка позволяет получать весьма исчерпывающую информацию, например, строить личностные, психологические профили конкретных людей, предсказывать их предпочтения, а если требуется – и политические симпатии, общественную активность, социальные ожидания. Этот этап автоматизации аналитической работы можно обозначить как нейроаналитика» [1, с. 41]. В аспекте профилактики правонарушений нейроаналитика незаменима при целенаправленных территориальных исследованиях контингента лиц, от которых можно ожидать преступлений и правонарушений.

В профилактической деятельности УУП особую перспективу играет предиктивная аналитика. Модели, построенные на основе анализа обращений граждан, жалоб, статистики интернет-активности, могут помочь УУП определить «зоны риска» и группы лиц, требующие первичной профилактической работы. Фундаментальной теоретической базой предиктивной аналитики в профилактике правонарушений является доказанное криминологией положение о том, что «нарастание незначительных отступлений от позитивного (в социальном и нравственном смысле) поведения приводит к антиобщественным и общественно опасным поступкам». В отечественной правоохранительной практике «предиктивный криминологический анализ еще полвека назад позволял в полуавтоматическом режиме выявлять криминально активных лиц и ранжировать их по степени опасности возможных преступлений на основании суперпозиции признаков, негативно характеризующих личность» [2, с. 432].

Обращения граждан фиксируют локальные тревожные сигналы, например, фишинговые рассылки, случаи кибербуллинга, подозрительные сообщения в соцсетях и мессенджерах. При систематическом анализе таких данных УУП может прогнозировать распространение новых цифровых угроз и формировать адресные профилактические меры по конкретным категориям лиц или локациям.

Предиктивные модели позволяют не только выявлять риски, но и оценивать результаты уже проведенных мероприятий. Например, снижение количества жалоб на мошенничество после информационно-просветительской кампании или повышение обращаемости по линии кибердружин может служить критерием успешности профилактической стратегии.

Таким образом, ключевыми направлениями совершенствования профилактической деятельности УУП в условиях цифровизации являются:–

– широкое использование автоматизированных систем кибер- и нейроразведки;

– применение технологий предиктивного анализа и машинного обучения;

– проведение территориально ориентированных нейроаналитических исследований лиц, склонных к девиантному поведению.

Эффективная реализация указанных направлений требует соответствующей подготовки кадров, нормативного регулирования применения интеллектуальных систем в деятельности УУП, а также постоянного развития технической инфраструктуры.

Техническая и информационная сложность правонарушений, совершаемых в цифровом пространстве, требует от сотрудников полиции овладения новыми компетенциями, выходящими за рамки традиционной юридической и криминологической подготовки. Прежде всего, речь идет о знаниях в области кибербезопасности, основах кибаразведки, нейроаналитики, методах поиска и анализа информации в ИТКС, а также о навыках взаимодействия с автоматизированными системами обработки данных. В литературе отмечается: «оценивая общую потребность органов внутренних дел в противодействии правонарушениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, необходимо отметить, что в настоящий момент профессиональные навыки в области цифровой криминалистики у большинства сотрудников органов внутренних дел, включая участковых уполномоченных полиции, нуждаются в совершенствовании, таким образом, необходимы переквалификация и обучение сотрудников на протяжении всего пути их служебной деятельности, как и создание обновляемых методических пособий, дающих своевременные и практические рекомендации по работе с цифровыми (виртуальными, электронными) следами, интернет-сервисами, цифровыми приложениями» [3, с. 25].

Повышение квалификации УУП в данной сфере должно быть системным, включать: изучение современных методов противодействия киберугрозам на уровне локальных сообществ; освоение технологий предиктивного анализа, позволяющих прогнозировать поведение лиц, склонных к правонарушениям; развитие навыков работы с открытыми и

закрытыми источниками цифровой информации (включая глубокую и теневую сеть) и другие.

Еще одним из приоритетных направлений повышения эффективности профилактической деятельности УУП является расширение и институционализация взаимодействия с иными подразделениями системы МВД России, государственными органами, негосударственными организациями, а также непосредственно с гражданами. Такое сотрудничество способствует не только оперативному выявлению и предупреждению преступлений в цифровой среде, но и формированию устойчивой системы общественной и правовой безопасности.

Участковые уполномоченные полиции играют ключевую роль в реализации мер первичной профилактики на административных участках. В этой связи особое значение приобретает их координация с профильными подразделениями, такими как:

– подразделения по делам несовершеннолетних (ПДН) – в целях выявления и пресечения вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность с использованием ИТКС;

– управление по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий – для получения актуальной информации о новых схемах совершения киберпреступлений и координации профилактических мероприятий;

– подразделения следствия и дознания – при необходимости реагирования на преступления, сопряженные с мошенничеством, вымогательством, а также хищениями денежных средств посредством цифровых платформ.

Эффективность профилактики правонарушений в сфере ИТКС во многом определяется уровнем взаимодействия полиции с населением. Участковые уполномоченные полиции должны осуществлять: систематическое информирование граждан о способах и методах совершения противоправных деяний в цифровой среде; участие в профилактических акциях и общественных мероприятиях, направленных на снижение виктимности граждан; поддержку инициативных групп, способных оперативно выявлять и сообщать о подозрительной активности в сети.

Формирование культуры кибергигиены направлено на создание ценностей безопасного пользования компьютерами и мобильными устройствами, выработку нетерпимого отношения к нарушению цифровых прав и свобод человека, к любым проявлениям злонамеренных действий в киберпространстве и уголовных правонарушений, а также формирование навыков правильного поведения после преступного посягательства. Под «кибергигиеной» понимают меры безопасности, разработанные для защиты устройств пользователя от заражения вредоносным программным обеспечением и возможного похищения конфиденциальной информации.

Участковый уполномоченный полиции обладает возможностями для адресного и массового распространения практик кибергигиены среди несовершеннолетних и их родителей, пожилых граждан – как самой уязвимой аудитории в вопросах интернет-мошенничества, информировать население об актуальных угрозах в цифровой среде (через беседы, памятки, лекции, участие в собраниях), распространять материалы порталов кибергигиены, таких как: «Кибербезопасность – это просто» (gosuslugi.ru/cybersecurity), «КиберЗОЖ» (киберзож.рф), «Прокачай скилл защиты» (прокачайскиллзащиты.рф), «Кибербуллинг» (кибер-буллинг.рф), инициировать профилактические мероприятия совместно с образовательными и социальными учреждениями, вводить в практику обходов участка элементы киберинформирования, например, через QR-коды с доступом к проверенным ресурсам.

Таким образом, формирование культуры кибергигиены и цифровой грамотности населения административного участка – это неотъемлемый компонент современной модели профилактики правонарушений в цифровой среде, где участковый уполномоченный полиции выступает как посредник между государственными органами и населением. Комплексное включение тематики кибербезопасности в ежедневную деятельность УУП усиливает превентивную функцию полиции, снижает цифровые риски, и формирует устойчивое правосознание граждан в условиях информационного общества.

Пристатейный библиографический список

1. Борзунов К. К. Кибераналитика в обеспечении антикриминальной безопасности // Вопросы кибербезопасности. – 2017. – № S2 (20). – С. 39-44.
2. Овчинский А. С., Лебедев А. В. Оперативно-аналитическое обеспечение органов внутренних дел в цифровом мире // Оптимизация деятельности органов предварительного следствия и дознания: правовые, управленческие и криминалистические проблемы: Сборник научных статей Международной научно-практической конференции, Москва, 25-26 мая 2017 года / под ред. И. П. Можаевой. – Москва: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2017. – С. 430-437. – EDN HMDIJJ.
3. Овчинский С. С. Оперативно-розыскная информация: монография / под ред. А. С. Овчинского, В. С. Овчинского. – 2-е изд., доп. – Москва: ИНФРА-М, 2024. – 415 с.
4. Мухортов В. В., Королев И. Д., Тимофеев Н. Б., Летута К. А. Перспективы развития киберразведки // Инженерный вестник Дона. – 2022. – № 6 (90). – С. 150.
5. Ярмонова Е. Н., Алиева К. И. Предупреждение участковыми уполномоченными полиции правонарушений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. – 2024. – № 1 (46). – С. 50-53.

ГУРБАНОВ Гумбат Алескер оглы
аспирант, Юридический факультета, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА НАИБОЛЕЕ УЯЗВИМЫХ КАТЕГОРИЙ ГРАЖДАН (ПЕНСИОНЕРЫ, ЛИЦА С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ) ОТ РИСКОВ МОШЕННИЧЕСТВА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ ПАСПОРТНЫХ ДАННЫХ

Статья посвящена исследованию проблематики правового регулирования в области охраны конфиденциальных сведений о личности применительно к социально незащищённым группам населения — гражданам пенсионного возраста и людям с инвалидностью в контексте внедрения цифровых документов, удостоверяющих личность. В рамках исследования проводится детальный разбор угроз, порождаемых переходом к электронным форматам идентификации, а также схем противоправного завладения данными посредством манипулятивных техник и эксплуатации недостаточной осведомлённости указанных лиц в сфере цифровых технологий. Проведённый анализ позволил установить существенные изъяны в действующей нормативной базе, регулирующей информационную безопасность, на основании чего сформулированы конкретные предложения по её модернизации: в частности, предлагается повысить степень юридической ответственности организаций, осуществляющих обработку персональных сведений, а также разработать и закрепить особые процедурные механизмы административного характера.

Ключевые слова: административно-правовая защита, электронный паспорт, персональные данные, мошенничество, пенсионеры, лица с ограниченными возможностями, цифровая трансформация, кибербезопасность, информационное право, административная ответственность.

GURBANOV Gumbat Alesker oglu
postgraduate student, Faculty of Law, M. V. Lomonosov Moscow State University

ADMINISTRATIVE AND LEGAL PROTECTION OF THE MOST VULNERABLE CATEGORIES OF CITIZENS (RETIREES, PERSONS WITH DISABILITIES) FROM THE RISKS OF FRAUD USING ELECTRONIC PASSPORT DATA

The article is devoted to the study of the problems of legal regulation in the field of protection of confidential personal information in relation to socially vulnerable groups of the population — citizens of retirement age and people with disabilities — in the context of the introduction of digital identity documents. The study provides a detailed analysis of the threats posed by the transition to electronic identification formats, as well as schemes for the illegal acquisition of data through manipulative techniques and exploitation of the lack of awareness of these individuals in the field of digital technologies. The analysis made it possible to identify significant flaws in the current regulatory framework governing information security, on the basis of which specific proposals for its modernization were formulated: in particular, it is proposed to increase the degree of legal responsibility of organizations that process personal information, as well as to develop and consolidate special procedural mechanisms of an administrative nature.

Keywords: administrative and legal protection, electronic passport, personal data, fraud, pensioners, persons with disabilities, digital transformation, cybersecurity, information law, administrative liability.

В современной юридической науке вопросы административно-правовой защиты персональных данных приобретают особую остроту в контексте внедрения электронных паспортов и их цифровых дубликатов. Наиболее подверженными угрозам со стороны киберпреступности оказываются уязвимые слои населения, к которым традиционно относят пенсионеров и лиц с ограниченными возможностями здоровья. Данная проблема обусловлена не только техническим прогрессом, но и сохраняющимся цифровым разрывом, а также спецификой правового статуса данных категорий субъектов в административных правоотношениях [1, с. 12].

Электронные паспортные данные представляют собой совокупность зашифрованных сведений, хранящихся в информационных системах и позволяющих однозначно идентифицировать физическое лицо в цифровой среде. В отличие от традиционного бумажного носителя, электронный формат подразумевает наличие сложной инфраструктуры доступа, включающей биометрические данные, усиленные квалифицированные электронные подписи и облачные хранилища. Для лиц пожилого возраста и инвалидов взаимодействие с подобными технологиями зачастую затруднено в силу физиологических особенностей или отсутствия необходимых навыков цифровой гигиены. Это создает благоприятную почву для реализации мошеннических схем, основанных на методах социальной инженерии, направленных на получение несанкционированного доступа к государственным сервисам, таким как Единый портал государственных и муниципальных услуг [2, с. 88].

Административно-правовой режим защиты персональных данных в Российской Федерации базируется на положениях Федерального закона «О персональных данных», однако действующий механизм ответственности, предусмотренный статьей 13.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, не в полной мере учитывает специфику угроз, возникающих при использовании электронных паспортов. Основная проблема заключается в том, что административное законодательство в большей степени ориентировано на пресечение нарушений со стороны операторов данных, в то время как механизмы превентивной защиты конкретных категорий граждан остаются декларативными. Для пенсионеров и лиц с ограниченными возможностями риск компрометации электронных паспортных данных связан не только с финансовыми потерями, но и с невозможно-

стью получения жизненно важных социальных услуг в случае блокировки или подмены цифрового профиля [3, с. 54].

В рамках административно-правового регулирования принципиально важным аспектом выступает система верификации и подтверждения личности пользователей. Действующие инструменты охраны персональных сведений зачастую оставляют без должного внимания поведенческие и мыслительные слабости пожилых людей, которые вследствие специфики своего восприятия окружающей действительности рискуют оказаться жертвами телефонных аферистов и киберпреступников, добровольно передавая секретные данные, открывающие доступ к электронным документам, удостоверяющим личность. Данная проблема обусловливает острую потребность в законодательном закреплении усиленных мер административного принуждения применительно к субъектам, виновным в незаконном обороте и эксплуатации приватной информации, похищенной у граждан, относящихся к социально уязвимым группам населения. Целесообразным также выглядит введение многоступенчатой системы подтверждения личности в ходе правовых действий, осуществляемых через цифровой документ, удостоверяющий личность, применительно к гражданам, пользующимся льготами и социальными гарантиями со стороны государства [4, с. 110].

Ключевым элементом защиты интересов населения выступает деятельность уполномоченных ведомств, осуществляющих надзор за соблюдением законодательства в сфере персональных данных. Тем не менее, раскрытие преступлений в цифровом пространстве, направленных против конфиденциальной информации граждан, зачастую сопряжено со значительными трудностями: злоумышленники ведут свою деятельность сразу на территории нескольких государств и активно применяют технологии анонимизации в интернете. Преодоление подобных вызовов предполагает выстраивание более эффективных механизмов координации между различными публичными институтами — в частности, Пенсионным фондом, службами социальной поддержки и силовыми структурами — с целью своевременного и слаженного реагирования на возникающие угрозы [5, с. 33].

Люди с инвалидностью нередко испытывают серьёзные трудности при попытках воспользоваться цифровыми инструментами подтверждения личности. Правовая база должна закрепить институт уполномоченного представительства в онлайн-пространстве, при этом соответствующие процедуры необходимо строго регламентировать во избежание недобросовестных действий со стороны лиц, оказывающих помощь, либо законных представителей. Если подобные нормы так и не будут сформированы, граждане окажутся в условиях нарастающей правовой уязвимости, а их возможности распоряжаться собственной цифровой идентичностью могут быть существенно ущемлены [6, с. 201].

Анализируя зарубежный опыт регулирования данной сферы, следует обратить внимание на то, что законодательство ряда государств — членов ЕС закрепляет особые положения, направленные на обеспечение так называемой «цифровой защищённости» социально незащищённых категорий граждан. Что касается российской действительности, то существующий административно-правовой механизм охраны нуждается в трансформации: акцент необходимо сместить с репрессивных мер воздействия в сторону профилактических инструментов. Данный подход предполагает формирование государственной инфраструктуры, в рамках которой граждане пенсионного возраста смогут на безвозмездной основе получать квалифицированные разъяснения относительно грамотного и безопасного обращения с электронными документами [7, с. 76].

Отдельного внимания заслуживает проблема надёжности биометрической идентификации, встроенной в систему цифровых удостоверений личности. В отличие от числовых кодов или реквизитов документов, скомпрометированные биометрические параметры не поддаются замене или обновлению, что делает их утечку особенно критичной. Пожилые граждане сталкиваются с дополнительными трудностями: возрастные изменения внешности и голоса способны спровоцировать сбои в работе систем автоматического распознавания, вследствие чего люди рискуют столкнуться с препятствиями при попытке воспользоваться медицинской помощью или получить положенные им социальные выплаты. С юридической точки зрения необходимо установить жесткие административные требования к качеству и защищенности биометрических систем, используемых в государственном секторе, с возложением субсидиарной ответственности на разработчиков за ущерб, причиненный вследствие технологических сбоев [8, с. 42].

Противодействие мошенничеству требует также реформирования системы административных штрафов. На текущий момент размеры взысканий за утечку персональных данных из баз государственных организаций или коммерческих банков несопоставимы с потенциальным ущербом для граждан. Усиление административной ответственности должно коррелировать со статусом потерпевшего. Если утечка данных привела к нарушению прав пенсионера или инвалида, административное наказание должно быть кратно выше, что стимулировало бы операторов к внедрению более совершенных систем защиты. Важно понимать, что персональные данные в электронном виде являются активом, а для социально незащищенных слоев населения – это единственный ключ к получению государственных гарантий [9, с. 115].

Одним из перспективных направлений административно-правового совершенствования является введение обязательного страхования рисков, связанных с использованием электронных паспортов для уязвимых категорий. Такая мера позволила бы минимизировать последствия мошеннических действий через механизмы административного перераспределения ответственности. В то же время, государственные органы должны развивать инструменты «цифрового детокса» или временной блокировки электронных идентификаторов по заявлению гражданина в упрощенном порядке, что обеспечило бы оперативное пресечение попыток несанкционированного доступа. Административные регламенты должны быть пересмотрены в сторону упрощения процедур восстановления доступа к цифровым сервисам для лиц, ставших жертвами кибермошенников [10, с. 18].

Проблема мошенничества с электронными паспортными данными имеет не только правовое, но и глубокое социальное измерение. Пенсионеры, воспитанные в эпоху доверия к государственным институтам, часто не осознают, что цифровая среда анонимна и агрессивна. Административное право должно выступать в роли защитного экрана, компенсирующего недостаток технологических компетенций граждан. Это требует разработки новых стандартов проектирования государственных информационных систем на основе принципа «безопасность по умолчанию», где для социально значимых операций предусматривалось бы обязательное подтверждение через физическое присутствие или многофакторную аутентификацию, адаптированную под возможности пожилого человека [11, с. 94].

Эффективная административно-правовая защита пенсионеров и лиц с ограниченными возможностями в условиях цифровой трансформации невозможна без комплексного подхода. Он должен включать в себя как ужесточение административной ответственности за правонарушения в сфере оборота электронных персональных данных, так и создание адаптивной правовой среды, учитывающей специфические потребности и риски данных категорий граждан. Только через гармонизацию технологических инноваций и правовых гарантий можно обеспечить доверие населения к новым формам удостоверения личности и минимизировать угрозу кибермошенничества, сохраняя при этом доступность и удобство государственных сервисов для всех членов общества [12, с. 59].

Необходимо признать, что цифровая идентичность становится неотъемлемой частью правосубъектности личности в XXI веке. Административное право как отрасль, наиболее тесно связанная с повседневным взаимодействием гражданина и государства, обязана оперативно реагировать на вызовы времени. Дальнейшие исследования в этой области должны быть сосредоточены на разработке конкретных алгоритмов административного сопровождения социально уязвимых групп, исключающих возможность их дискриминации в цифровом пространстве. Обеспечение безопасности электронных паспортных данных пенсионеров и инвалидов - это не только техническая задача, но и вопрос социальной справедливости и национальной безопасности государства в условиях глобальной информатизации [13, с. 142].

Сложившаяся правоприменительная практика показывает, что большинство случаев мошенничества происходит на стыке государственных и частных информационных систем. Мошенники используют данные, полученные из утечек в банковской сфере, для авторизации в государственных сервисах. Следовательно, административное регулирование должно охватывать всю экосистему цифрового взаимодействия. Важно законодательно закрепить обязанность операторов связи и провайдеров услуг осуществлять маркировку подозрительных операций, совершаемых от имени лиц пожилого возраста, и предоставлять им возможность оперативной связи с государственным администратором для подтверждения легитимности действий. Такой подход позволит создать многоуровневую систему защиты, где административные нормы будут эффективно дополнять технические средства безопасности [14, с. 82].

Модернизация административного законодательства в сфере защиты персональных данных должна идти по пути персонализации правовых режимов. Учет фактора уязвимости субъекта позволит сделать систему защиты более гибкой и адресной. В конечном счете, успех цифровой трансформации государства будет зависеть от того, насколько защищенным будет чувствовать себя каждый гражданин, независимо от возраста и состояния здоровья, при использовании электронных документов в повседневной жизни. Административно-правовые механизмы здесь играют роль фундамента, обеспечивающего устойчивость всей архитектуры электронного правительства перед лицом современных угроз [15, с. 37].

Пристатейный библиографический список

1. Бачило И. Л. Информационное право: учебник для вузов. - М.: Юрайт, 2023. - 415 с.
2. Ноздрачев А. Ф. Государственное управление в условиях цифровизации: административно-правовой аспект // Журнал российского права. - 2021. - № 5. - С. 85-95.
3. Талапина Э. В. Правовое регулирование цифровизации: вызовы и перспективы // Сравнительное конституционное обозрение. - 2022. - № 2. - С. 50-62.
4. Кузнецов П. С. Безопасность персональных данных в электронных системах. - СПб.: Юридический центр, 2020. - 210 с.
5. Савельев А. И. Комментарий к Федеральному закону «О персональных данных». - М.: Статут, 2023. - 350 с.
6. Дмитриев С. А. Административная ответственность за нарушения в сфере цифровых технологий // Государство и право. - 2022. - № 8. - С. 198-205.
7. Петров И. В. Особенности защиты прав пожилых граждан в информационной среде // Социальное и пенсионное право. - 2021. - № 4. - С. 70-78.
8. Иванова О. М. Правовой статус инвалидов в условиях электронного правительства // Вестник административного права. - 2023. - № 1. - С. 40-45.
9. Степанов А. А. Кибермошенничество: методы противодействия и правовая защита. - М.: Юстиция, 2022. - 280 с.
10. Федоров К. П. Электронный паспорт гражданина: правовые риски и гарантии // Право и цифровая экономика. - 2023. - № 3. - С. 15-22.
11. Васильев В. П. Государственное управление и кибербезопасность. - М.: МГУ, 2021. - 190 с.
12. Смирнова Е. Н. Административно-правовой режим биометрических данных // Информационное право. - 2022. - № 2. - С. 55-60.
13. Козлов Р. А. Социальная инженерия как угроза информационной безопасности граждан // Право и кибербезопасность. - 2021. - № 1. - С. 140-145.
14. Морозов В. В. Защита персональных данных в деятельности МВД // Вестник МВД России. - 2023. - № 6. - С. 80-85.
15. Попова Н. Ф. Административное право: практикум. - М.: Юрайт, 2023. - 256 с.

DOI 10.46320/2073-4506-2026-4-215-152-154

Магунов Д. А.

МАГУНОВ Данила Артёмович
аспирант кафедры административного права, Юридический факультет, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

РИСК-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД КАК ОСНОВА ПОСТРОЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Статья посвящена риск-ориентированному подходу как основе построения административной ответственности за правонарушения, связанные с использованием искусственного интеллекта. Анализируются предпосылки внедрения данного подхода в российское административно-деликтное законодательство, его связь с государственным контролем, принципами правовой определенности, соразмерности и виновной ответственности. Обосновывается, что интенсивность административно-правовой реакции должна зависеть от степени общественной вредности конкретного применения искусственного интеллекта, характера затрагиваемых прав и возможности прослеживания действий ответственных лиц.

Ключевые слова: искусственный интеллект, риск-ориентированный подход, административная ответственность, административное правонарушение, вина, государственный контроль, правовая определенность, соразмерность.

MAGUNOV Danila Artemovich
postgraduate student of Administrative law sub-faculty, Faculty of Law, M. V. Lomonosov Moscow State University

A RISK-BASED APPROACH AS A BASIS FOR CONSTRUCTING ADMINISTRATIVE LIABILITY FOR OFFENSES RELATED TO THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

This article examines a risk-based approach as a basis for structuring administrative liability for offenses related to the use of artificial intelligence. It analyzes the prerequisites for implementing this approach in Russian administrative-tort legislation, its relationship with state oversight, and the principles of legal certainty, proportionality, and culpable liability. It argues that the intensity of the administrative-legal response should depend on the degree of social harm caused by a specific application of artificial intelligence, the nature of the rights affected, and the traceability of the actions of those responsible.

Keywords: artificial intelligence, risk-based approach, administrative liability, administrative offence, guilt, state control, legal certainty, proportionality.

Российское правовое регулирование, ранее ограничивавшееся практически только номинативным перечислением ориентиров поддержки, стимулирования инноваций в сфере искусственного «интеллекта», заступает на путь гораздо более предметного правового регулирования вместе с вынесением на общественное обсуждение проекта Федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» (далее – Законопроект/Законопроект об ИИ). Настоящий Законопроект носит характер рамочного по отношению к будущему правовому регулированию отношений, возникающих в связи с разработкой, внедрением, использованием и иным применением технологий искусственного «интеллекта». Насущным в связи с разработкой Законопроекта является вопрос о характере и порядке привлечения лиц к ответственности за правонарушения, связанные с искусственным «интеллектом», особенно ввиду содержания в текущей редакции текста Законопроекта довольно значимых конститутивных (а порой – чрезмерно конститутивных и конкретных) положений об ответственности. Поскольку же Законопроект определяет в качестве одного из принципов дальнейшего правового регулирования соответствующих отношений риск-ориентированный подход, видится необходимым подвергнуть критической оценке данный принцип в дальнейшем конструировании административной ответственности.

Представляется, что административная ответственность за правонарушения, связанные с использованием искусственного «интеллекта», должна строиться не вокруг факта применения новой технологии. Административно-деликтное законодательство должно учитывать, как именно конкретная система влияет на охраняемые законом ценности и насколько ее применение усиливает общественную вредность деяния. Если же законодатель и (или) правоприменитель оценивает технологический признак как достаточное основание для усиления репрессии, ответственность утратит связь с реальной общественной вредностью.

Вопрос об административной ответственности за правонарушения, связанные с использованием искусственного «интеллекта», отнюдь не праздный, напротив, он активно обсуждается в научной среде. Отмечается, что распространение искусственного «интеллекта» меняет общественные отношения и требует доработки механизмов юридической ответственности, включая административную [4, с. 29]. Помимо прочего, уже сейчас предлагается система правонарушений за правонарушения в данной сфере, включающая требований к сертификации систем, маркировке синтетического контента, недискриминации, а также раскрытию информации о свойствах систем [5, с. 56]. Между тем, по настоящий момент не выработан конвенциональный отечественный подход к построению непротиворечивой системы ответственности.

Риск-ориентированный подход не нов для отечественного законодательства. Данный принцип широко приме-

ним в сфере государственного контроля (надзора), согласно которому категория риска зависит от вероятности и тяжести вреда, а также от добросовестности контролируемого лица[1]. Вместе с тем нормы о государственном контроле (надзоре) по характеру своему регулятивные, в связи с чем невозможно утверждать об однозначно достаточном наличии такого подхода в Федеральном законе для целей построения норм административной ответственности.

Другой источник нормативного характера – это Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года[2], которой также устанавливается необходимость соответствия правового регулирования уровню рисков, создаваемых конкретными технологиями и системами ИИ для интересов человека и общества. Однако и данный документ также является не самостоятельным в административно-деликтном смысле, поскольку носит программный, стратегический характер.

Наиболее удачная конвергенция прослеживается в положениях проектов двух федеральных законов – Законопроекта об ИИ и проекта нового КоАП. Последним также предусматривался риск-ориентированный подход, заключавшийся в назначении наказания за нарушения, несущие риск вплоть до среднего, только по результатам контрольно-надзорного мероприятия. Данное положение эффективно сочеталось с указанными в Федеральном законе № 248-ФЗ категориями риска. Однако впоследствии авторы проекта нового КоАП отказались от такого положения, что можно считать значимым упущением ввиду следующего.

Во-первых, при конструировании системы административной ответственности необходимо выдерживать баланс между объемом административной репрессии, достаточно эффективным для целей превенции правонарушений, и предупреждением охлаждающего эффекта (chilling effect)[3], который препятствует самой возможности вступления в правоотношения. Иными словами, должен соблюдаться баланс частных и публичных интересов, хотя, с учетом декларируемой заинтересованности государства в стимулировании развития технологий искусственного «интеллекта» и интеграции их в общественных отношения, вполне уместно рассуждать в данном случае о балансе публичных интересов с публичными же интересами иного рода.

Во-вторых, риск-ориентированный подход в системе административной ответственности сам по себе стимулирует законодателя и правоприменителя на соблюдение принципа правовой определенности, ведь для надлежащего отнесения правонарушения к классу риска необходимо первоочередно классифицировать и системы, что требует надлежащей проработки процедурного обеспечения исследований структуры и метода функционирования технологий искусственного интеллекта. Таким образом, риск-ориентированный подход косвенно (а на регулятивном уровне прямо) обеспечивает необходимый уровень прозрачности и объяснимости систем искусственного интеллекта.

В-третьих, риск-ориентированный подход позволит сбалансировать степень административной репрессии и, более того, приведет к такому последствию как повышение профессионализма субъектов соответствующих правоотношений. Введение регулятивно сформулированных требований по типу обязательных требований, безусловно, позитивно влияет на компетенцию таких субъектов, но именно угроза ощутимой санкции наиболее эффективно стимулирует субъектов правоотношений соблюдать законодательные требования. Так, средствами массовой информации отмечалось в 2025 году, что, например, при введении оборотных штрафов за деяния, предусмотренные ст. 13.11 КоАП РФ, спрос на специалистов в комплаенсе персональных данных увеличился более, чем вдвое[4]. Таким образом, лица, эксплуатирующие низкорисковые системы, не несут исключающих использование искусственного «интеллекта» обременений, при этом все еще имеют объективизированный стимул в соблюдении законодательства. Более того, для случаев применения таких систем в рамках государственного контроля допустимо предусматривать возможность устранения замечаний субъектом в определенный предписанием срок. В свою очередь, лица, разрабатывающие, реализующие или эксплуатирующие высокорисковые системы, будут нести негативные последствия нарушений сообразно как степени угрозы, так и экономической ценности, извлекаемой из деятельности, связанной с системой искусственного «интеллекта», поскольку преимущественно высокорисковые системы являются наиболее выгодными ввиду автономизации сложных социальных процессов.

В-четвертых, правопорядком должна предусматриваться дифференция репрессии в зависимости также и от потенциала общественной вредности конкретной технологии и объема ее действительного применения [2, с. 29]. Система искусственного «интеллекта», используемая для развлечений или вспомогательной обработки текста, не обладает тем уровнем общественной вредности, который возникает при алгоритмическом воздействии на здоровье, труд, образование, социальное обеспечение, кредитование, биометрическую идентификацию, публичное управление или свободу волеобразования человека. По мере приближения технологии к сферам, где ее результат способен непосредственно изменить правовое или фактическое положение лица, возрастает и допустимая интенсивность публично-правового вмешательства. Такая дифференциация позволяет сохранить пространство для отечественного технологического развития и одновременно не допустить фактического дерегулирования высокорисковых применений искусственного «интеллекта». Баланс частных и публичных интересов достигается путем установления ситуации, в которой поведение существенно более выгодным и комфортным, нежели неправомерное [1, с. 48]. Выражаясь терминологией экономического анализа права, субъект ответственности должен нести несоизмеримо больше издержек от правонарушения, нежели от деятельности сообразно закону.

Наконец, в-пятых, риск-ориентированный подход частично способствует решению вопроса об определении виновного в правонарушении, последовавшем из автономного функционирования искусственного «интеллекта». Такой подход не ведет к девальвации принципа вины в административно-деликтном законодательстве, но меняет ее доказательственную «архитектуру», поскольку предметом доказывания становятся не внутренние переживания субъекта, а объективируемые меры соблюдения правил, поставленные в зависимость от действий конкретных лиц, обладающих организационно-распорядительными и административно-хозяйственными полномочиями, а также позволяет устранить

1 Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле и муниципальном контроле в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

2 Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года // СПС «КонсультантПлюс».

3 См. например: Определение Конституционного Суда РФ от 05.12.2019 № 3271-О; Определение Конституционного Суда РФ от 05.12.2019 № 3272-О @@ Truby J., Brown R. D., Ibrahim I. A., Parellada O. C. A sandbox approach to regulating high-risk artificial intelligence applications // European Journal of Risk Regulation. – 2022. – Vol. 13. – P. 272.

4 Денисенко А. Из-за обещанных оборотных штрафов спрос на аудит защиты данных в России вырос более чем вдвое // CNews. – 2025. – 21 марта. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.cnews.ru/news/top/2025-03-21_spros_na_audit_itsistem (дата обращения: 08.05.2026).

сомнения в правильности распределении ответственности. Ориентация на риск, способствуя увеличению прослеживаемости принятия решений с участием искусственного «интеллекта», возвращает фокус внимания правоприменения с проблемы «черного ящика» на лиц, ответственных за автоматизированные решения [7, с. 1249, 1253]. Стоит ли отдельного упоминания, что нынешний уровень развития технологий не позволяет рассматривать искусственный «интеллект» как субъект правовых отношений или ответственности [3, с. 110]? Для определения правил установления виновного лица И. И. Литвин исходит из инструментальной модели, при которой ответственность должен нести человек, использовавший систему, хотя автономность ИИ усложняет оценку его поведения [4, с. 31]. С данным утверждением возможно согласиться при определенном угле воззрения на проблему, несмотря на то что данный вопрос и не решает вопросов ответственности юридических лиц, однако совершенно точно во всяком случае ответственность коллективного субъекта не может сводиться к простой фиксации общественно вредного результата. Уместно в данном случае обращаться к положениям акторно-сетевой теории Б. Латура, согласно которой амплификация принятия решения во всяком не транспарентном процессе заключается именно в конституирующих социальных параметрах, формирующих обработку, происходящую «внутри» [8, с. 71]. Нужно установить, какие организационные меры были доступны, какие из них были приняты и почему субъект мог предвидеть соответствующий риск. В этой связи адекватными сложившейся социально-технологической конъюнктуре представляются предложения исследователей о конструировании многоуровневой системы ответственности, учитывающей роль разработчика, владельца и оператора системы [6, с. 95].

С учетом вышеуказанного применение мер административного принуждения должно основываться на очевидных, справедливых и предсказуемых как для лиц, эксплуатирующих и разрабатывающих системы искусственного «интеллекта», так и для контролирующих органов и должностных лиц, критериях отнесения систем к категориям риска и основаниях несения негативных последствий противоправных деяний. Такая задача достигается только путем детальной проработки законодательства, смещение рисков в сферу правоприменения приведет лишь к росту правовой неопределенности.

В целях соблюдения принципа соразмерности и пропорциональности, неоднократно обозначенного Конституционным судом РФ в качестве необходимого при конструировании составов и правоприменении[5], допустимо установить следующее. Для низкорисковых систем достаточно минимального набора правовых обязанностей, поскольку чрезмерное регулирование обойдется государственному управлению дороже устранения предотвращаемого вреда[6]. Для высокорисковых систем правопорядок вправе требовать предварительной оценки, последующей проверки и сохранения следов принятия значимых решений, а также вполне оправдан применения принуждения без проведения контрольно-надзорных мероприятий. Более того, исходя из того же принципа, релевантно дифференцировать и нормативное выражение допустимого объема санкций. Так, например, не будет уместным допущение применения административного приостановления деятельности за правонарушение, совершенное с использованием генеративной текстовой модели искусственного «интеллекта». Вместе с тем, ряд правонарушений, связанных с системами, несущими с собой существенные угрозы, такими как обеспечивающие процессы трудовой занятости, склонными к алгоритмической предвзятости, вполне может подразумевать административное приостановление деятельности, естественно, с сохранением общих правил применения настоящего вида наказания, а именно: невозможности обеспечения достижения цели административного наказания менее строгим видом наказания, а также назначения наказания только судом.

5 См. например: Определение Конституционного Суда РФ от 27.02.2018 № 525-О; Постановление Конституционного Суда РФ от 18.01.2019 № 5-П; Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2018 № 1692-О.

6 Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj (дата обращения: 12.02.2026).

Пристатейный библиографический список

1. Агамагомедова С. А. Аксиологические аспекты государственного контроля и надзора // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – № 1. – С. 37-61.
2. Ижаев О. А., Кутейников Д. Л. Системы искусственного интеллекта и внедоговорная гражданско-правовая ответственность: риск-ориентированный подход // Lex Russica. – 2024. – Т. 77. № 6. – С. 23-34.
3. Казанцев Д. А. Деликтные обязательства из действий искусственного интеллекта: проблемы и перспективы правового регулирования // Ex jure. – 2025. – № 1. – С. 98-112.
4. Литвин И. И. К вопросу об административной ответственности в сфере искусственного интеллекта // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2024. – № 2. – С. 28-32.
5. Тихалева Е. Ю. Административная ответственность за правонарушения в сфере искусственного интеллекта // Административное право и процесс. – 2026. – № 4. – С. 54-57.
6. Япрынцев И. М., Иванова Л. В., Зенин С. С. [и др.]. Юридическая ответственность в сфере искусственного интеллекта и робототехники: доктринальные и нормативные проблемы: монография. – Тюмень: ТюмГУ-Press, 2024. – 116 с.
7. Citron D. K. Technological Due Process // Washington University Law Review. – 2008. – Vol. 85. № 6. – P. 1249-1313.
8. Latour B. Pandora's Hope: Essays on the Reality of Science Studies. – Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press, 1999. – X, 324 p.
9. Truby J., Brown R. D., Ibrahim I. A., Parellada O. C. A Sandbox Approach to Regulating High-Risk Artificial Intelligence Applications // European Journal of Risk Regulation. – 2022. – Vol. 13. № 2. – P. 270-294.

АБЛЯКИМОВА Эльвина Эрнестовна
кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права, Крымский филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, г. Симферополь

ДОРОСИНСКАЯ Анна Михайловна
кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права, Крымский филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, г. Симферополь, независимый исследователь

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ О ПРИСУЖДЕНИИ КОМПЕНСАЦИИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВА НА СУДОПРОИЗВОДСТВО В РАЗУМНЫЙ СРОК И ИСПОЛНЕНИЕ СУДЕБНОГО АКТА В РАЗУМНЫЙ СРОК В ПОРЯДКЕ КАС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В работе анализируются особенности производства о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок и исполнение судебного акта в разумный срок по правилам КАС РФ. Авторами подчеркивается правовая значимость данного производства как элемента обеспечения конституционного права на судебную защиту, а также его влияние на формирование чувства доверия к судебной власти, эффективное судебное разбирательство. Особое внимание в статье уделено механизму исполнения судебных актов, которыми присуждены компенсации. Анализ законодательства в исследовании сопровождается примерами из судебной практики, демонстрирующими неисполнение в установленные сроки решений о присуждении компенсаций. Практические примеры позволили авторам сделать выводы о наличии проблем эффективного и своевременного исполнения судебных решений о присуждении компенсаций за уже нарушенное право на исполнение судебных актов в разумный срок. Правоприменительные примеры также подчеркнули обстоятельства, учитываемые судами при рассмотрении причин пропуска срока исполнений решений. По итогам комплексного исследования, авторами сформулированы обобщающие выводы об особенностях и проблемах исполнения судебных решений о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок и исполнение судебного акта в разумный срок.

Ключевые слова: административное судопроизводство, исполнение решений, компенсация за нарушение права на судопроизводство в разумный срок и исполнение судебного акта в разумный срок.

ABLYAKIMOVA Elvina Ernestovna
Ph.D. in Law, associate professor of Administrative and financial law sub-faculty, Crimean branch, V. M. Lebedev Russian State University of Justice, Simferopol

DOROSINSKAYA Anna Mikhailovna
Ph.D. in Law, associate professor of Administrative and financial law sub-faculty, Crimean branch, V. M. Lebedev Russian State University of Justice, Simferopol, independent researcher

FEATURES OF ENFORCEMENT OF COURT DECISIONS AWARDING COMPENSATION FOR VIOLATION OF THE RIGHT TO LEGAL PROCEEDINGS WITHIN A REASONABLE TIME AND ENFORCEMENT OF A COURT DECISION WITHIN A REASONABLE TIME UNDER THE ADMINISTRATIVE PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The paper analyzes the features of the proceedings for awarding compensation for violations of the right to a reasonable time for legal proceedings and the execution of a court decision within a reasonable time under the rules of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation. The authors emphasize the legal significance of this procedure as an element of ensuring the constitutional right to judicial protection, as well as its impact on building trust in the judiciary and ensuring effective legal proceedings. The article focuses on the mechanism of enforcement of court decisions awarding compensation. The analysis of legislation in the study is accompanied by examples from judicial practice demonstrating the failure to enforce compensation decisions within the established timeframes. Based on practical examples, the authors concluded that there are problems with the effective and timely execution of court decisions awarding compensation for the already violated right to enforce court decisions within a reasonable timeframe. The practical examples allowed the authors to draw conclusions about the existence of problems with the effective and timely execution of court decisions awarding compensation for the violation of the right to enforce court decisions within a reasonable time. The law enforcement examples also highlighted the circumstances that are taken into account by the courts when considering the reasons for missing the deadline for executing decisions. Based on the results of the comprehensive study, the authors formulated general conclusions about the features and problems of executing court decisions awarding compensation for the violation of the right to judicial proceedings within a reasonable time and the execution of a court decision within a reasonable time.

Keywords: administrative proceedings, enforcement of decisions, compensation for violations of the right to judicial proceedings within a reasonable time, and enforcement of court decisions within a reasonable time.

Актуальность рассмотрения особенностей исполнения решений судов о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство или исполнения судебного акта в разумный срок не вызывает сомнений, поскольку в центре исследования находится конституционное право на судебную защиту[1]. Эффективность же реализации права на судебную защиту зависит от своевременного и беспрекословного исполнения судебных решений [1, с. 472].

Производство по делам о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок и исполнение судебных актов в разумный срок в соответствии с Кодексом административного судопроизводства РФ (далее – КАС РФ)[2], можно по праву назвать одним из комплексных и сложных производств. Глава 26 КАС РФ, определяя особенности рассмотрения данной категории, связывает процесс с рядом норм материального и процессуального права – уголовного, гражданского, административно-деликтного [2, с. 60-68]. Кроме того, исполнение судебных решений о присуждении компенсаций неразрывно связано с рядом норм об исполнительном производстве и бюджетного законодательства (глава 24 Бюджетного кодекса РФ)[3].

КАС РФ, ФЗ от 30.04.2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права

1 Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020.). // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/ (дата обращения: 03.03.2026).

2 Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – № 10. – 09.03.2015. – Ст.1391.

3 Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – № 31. – 03.08.98. – Ст. 3823.

на исполнение судебного акта в разумный срок» (далее – ФЗ № 68)[4], ППВС РФ от 29.03.2016 № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»[5] устанавливают следующие особенности исполнения судебных актов о присуждении компенсации:

– решение суда подлежит немедленному исполнению;

– судебный акт должен содержать указание на взыскание средств с соответствующего публично-правового образования в лице финансового органа;

– перечисление средств допускается исключительно по реквизитам банковского счета лица, в пользу которого присуждена компенсация;

– исполнительный лист и копия решения суда направляется судом не позднее следующего дня после изготовления решения в окончательной форме.

Таким образом, законодательство и правовые позиции Верховного Суда РФ определяют особый правовой режим для исполнения решений судов о присуждении компенсации, подчеркивая оперативный характер исполнения [3, с. 261]. При этом, судебная практика содержит случаи несвоевременного исполнения решений суда о присуждении компенсации. Рассмотрим примеры.

1. Так, Московским городским судом 26.04.2022 г. были частично удовлетворены требования лица о присуждении компенсации за нарушение права на исполнение судебного акта в разумный срок в размере 20 000 руб. В тот же день, копия решения суда и исполнительный лист были направлены в Министерство финансов РФ. Однако, денежные средства, то есть фактическое исполнение решение суда, были перечислены спустя 8 месяцев – в январе 2023 г. Длительное исполнение решение суда послужило поводом для подачи лицом вновь искового заявления о присуждении компенсации за нарушение права на исполнение судебного акта в разумный срок. Верховный Суд РФ, рассматривая дело учитывал следующие обстоятельства:

– согласно ст. 5 ФЗ № 68 срок исполнения решений о присуждении компенсаций составляет 3 месяца со дня поступления исполнительных документов;

– имелись ли чрезвычайные и непреодолимые обстоятельства, послуживших причиной нарушения сроков исполнения судебного акта;

– имелось ли приостановление исполнения судебного акта;

– подтверждаются ли данные о направлении взыскателю или в суд уведомления об уточнении реквизитов банковского счета взыскателя.

В рассматриваемой ситуации никаких из перечисленных обстоятельств подтверждены не были, в связи с чем Верховный Суд РФ присудил лицу компенсацию за нарушение сроков исполнения судебного акта, а также оставил апелляционную жалобу ответчика без удовлетворения[6].

2. Решением суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 15.07.2022 г. лицу была присуждена компенсация за нарушение права на исполнение судебного акта в разумный срок в размере 10 000 руб. Поводом для обращения лица вновь с исковым заявлением в Верховный Суд РФ о присуждении компенсации явилось неисполнение решения (на протяжении более 9 месяцев компенсация лицу перечислена не была). Верховным Судом РФ были исследованы те же обстоятельства какие были определены в вышеизложенном решении. При этом, особенностью рассматриваемой ситуации является то, что исполнительные документы были возвращены суду 3 раза (финансово-экономическим управлением ФСИН, Федеральным казначейством, Министерством финансов РФ), 1 раз из Министерства финансов возвращены взыскателю, а также, в отношении решении суда, которым присуждена компенсация, были устранены описки. Эти обстоятельства не были приняты судом как уважительные, так как судом Ямало-Ненецкого автономного округа изначально не был верно определен орган, которым подлежит исполнение судебного решения, что спровоцировало многократное перенаправление исполнительных документов. Примечательно также, что административный ответчик заявлял ходатайство о приостановлении производства по делу, однако Верховным Судом РФ не счел эти доводы обоснованными и присудил лицу компенсацию[7].

Приведенные примеры из судебной практики показывают интересную тенденцию исполнения судебных решений о присуждении компенсации за нарушение права на исполнение судебного акта в разумный срок – несвоевременное исполнение таких решений. Это порождает «замкнутый круг» исполнения решений и присуждения компенсаций: само исполнение решения не осуществляется в разумный срок, что образует новое нарушение права на исполнение судебного акта и новое производство о присуждении компенсации.

Несмотря на то, что компенсация за нарушение права на судопроизводство в разумный срок и исполнение судебного акта в разумный срок, является правовой и процессуальной гарантией эффективного и своевременного вынесения решений и их исполнения, само исполнение решений по этой категории также сталкивается с практическими затруднениями, в особенности сроков. При таких обстоятельствах нельзя сказать об эффективности компенсации, что показывает необходимость усовершенствования правоприменительной практики, а именно недопущения органами, на которых возложена обязанность по исполнению судебных актов, намеренного затягивания сроков исполнения актов.

Таким образом, учитывая конституционную основу права на судебную защиту, и его неотъемлемых элементов – разумный срок на судопроизводство и исполнение судебных актов, практическая сторона обеспечения этого права, носит чрезвычайно важный правовой аспект. Эффективное и своевременное исполнение судебного акта обеспечивает чувство защищенности и доверия к судебной власти.

Проанализированная судебная практика показывает наличие существенных проблем в аспекте своевременности исполнения судебных актов, в том числе судебных актов, которыми уже присуждена компенсация за неисполнение судебного акта в разумный срок. Это образует «замкнутый круг» производств о присуждении компенсации, что не может рассматриваться как действенный механизм правовой защиты. При чем нарушения сроков допускаются как со стороны органов, на которые возложена обязанность по исполнению судебных актов, так и судами. Такая ситуация влечет негативные правовые последствия в виде нарушения конституционного права на судебную защиту (включая его элемент исполнения акта), и финансовые (присуждение компенсаций из бюджетных средств).

Все перечисленное обуславливает обращение внимания правоприменительных органов, в том числе судов, на правильность направления исполнительных документов компетентным органам, и специальные сроки исполнения судебных решений по производству о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок и исполнение судебного акта в разумный срок.

Пристатейный библиографический список

1. Чернов К. Н. К вопросу о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок // Современные тенденции развития гражданского и гражданского процессуального законодательства и практики его применения. – 2022. – № 8. – С. 471-474.
2. Аблякимова Э. Э., Буц С. Б., Доросинская А. М. [и др.]. Особенности производства по отдельным категориям административных дел в порядке Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации: дела о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций: Учебное пособие. – Симферополь: ООО «Издательство Типография «Ариал», 2025. – 69 с.
3. Мельникова А. Н. Правовое регулирование института компенсации в административном процессе за нарушение права на судопроизводство в разумный срок // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 6. – С. 260-262.

4 Федеральный закон «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» от 30.04.2010 № 68-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – № 18. – 03.05.2010. – Ст. 2144.

5 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.03.2016 № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vsrf.ru/documents/own/8483/?ysclid=mnboxks3fp608068780 (дата обращения: 03.03.2026).

6 Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 03.08.2023 г. № АПЛ23-278. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-apelliatsionnoi-kollegii-verkhovnogo-suda-rf-ot-03082023-n-apl23-278/ (дата обращения: 03.03.2026).

7 Решение Верховного Суда РФ от 19.07.2023 г. № АКПИ23-487. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://legalacts.ru/sud/reshenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-19072023-n-akpi23-487/ (дата обращения: 03.03.2026).

ПЕТРОВ Аркадий Павлович
студент, аспирант 2-го курса, Волгоградский институт управления (филиал), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА

В статье подробно описываются основные источники права, регулирующие сферу физической культуры и спорта. Данные источники структурируются по степени их юридической значимости и делятся на три ключевых уровня: федеральный, региональный и местный (муниципальный). А также рассматриваются конкретные примеры нормативных актов с описанием их значимости. Так же в работе освещается проблема отсутствия единой централизации источников права в данной сфере. Поднимается вопрос о том, что разрозненность нормативных актов, их бессистемность и наличие многочисленных подзаконных документов порождают правовые коллизии и затрудняют правоприменение.

Ключевые слова: физическая культура и спорт, законодательство, государственное управление, нормативно правовое регулирование, право.

PETROV Arkadiy Pavlovich
student, postgraduate student of the 2nd course, Volgograd Institute of Management (Branch), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

PUBLIC ADMINISTRATION IN THE FIELD OF INCLUSIVE SPORTS

The article provides a detailed description of the main sources of law that regulate the field of physical culture and sports. These sources are structured according to their legal significance and are divided into three key levels: federal, regional, and local (municipal). The article also provides specific examples of legal acts and their significance. Additionally, the article highlights the issue of the lack of unified centralization of legal sources in this field. It raises concerns about the fragmentation of legal acts, their lack of system, and the presence of numerous subordinate documents, which can lead to legal conflicts and difficulties in law enforcement.

Keywords: physical culture and sports, legislation, public administration, legal regulation, law.

В современном мире отрасль физической культуры и спорта переживает этап стремительных трансформаций. Регулярно появляются новые, зачастую технически сложные виды спорта — от киберспортивных дисциплин до инновационных направлений фитнеса, — а цифровые технологии и биомеханические разработки кардинально меняют подходы к тренировкам и соревнованиям. В этих условиях государство не может оставаться в стороне: отрасль объективно нуждается в постоянном, системном и оперативном правовом регулировании. Здоровое, физически развитое и трудоспособное население является не просто социальным благом, а фундаментальным ресурсом, ключевым фактором национальной безопасности, экономической устойчивости и самого существования государства. Без крепкого здоровья граждан невозможны ни технологический прорыв, ни экономический рост, ни обороноспособность страны. Именно поэтому правовое сопровождение спортивной отрасли приобретает сегодня наиболее важное значение для государства.

Физическая культура и спорт в РФ представляют собой многоуровневую систему общественных отношений, эффективность которой напрямую обусловлена прочностью её правовой базы. Нормативно-правовое регулирование в сфере государственного управления призвано, с одной стороны, определить порядок взаимодействия участников, а с другой, обеспечить реализацию конституционных прав граждан на занятия спортом, формирование спортивного резерва и результативное выступление национальных сборных на международной арене.

Алексеев С. В. отмечает что: «система законодательства о физической культуре и спорте состоит из многообразных источников. представляющих собой правовые формы, содержащие нормы, которые регулируют спортивные отношения. Основными из них являются нормативные акты, которые различаются по уровню и виду органа, издавшего акт. В зависимости от того, каким органом принят нормативный акт, определяется его юридическая сила», [1. с. 158].

Существует большое количество источников правового регулирования в области физической культуры и спорта. В России основным источником права является Конституция РФ, которая имеет высшую юридическую силу по отношению к другим нормативно-правовым актам. Так в пункте 2 статьи 41: «в Российской Федерации финансируются федеральные программы охраны и укрепления здоровья населения, поощряется деятельность, способствующая укреплению здоровья человека, развитию физической культуры и спорта»[1]. В статье 72 Конституции устанавливается что: «общие вопросы воспитания, образования, науки, культуры и физической культуры, и спорта находятся в совместном ведении России и субъектов Российской Федерации».

Формирующим всю архитектуру спортивного законодательства России, является федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации». Данный закон часто видоизменяется, из-за таких причин как: борьба с допингом, развитие инфраструктуры, поддержка волонтерства, благодаря чему механизмы управления отраслью становятся все более эффективными.

Структура Федерального закона включает в себя ряд глав, каждая из которых регулирует определенную сферу спортивных отношений.

Глава 1 закрепляет базовый понятийный аппарат, формулирует ключевые правовые принципы и определяет круг субъектов спортивной сферы — от спортсменов, клубов и федераций до Олимпийского комитета, лиг и спортивных агентов.

Глава 2 целиком посвящена организационно-правовым основам функционирования субъектов спортивной сферы — здесь детально прописаны их права и обязанности. Кроме того, в данной главе содержатся официальный реестр видов спорта, регламенты судейства, система спортивных разрядов и званий, а также правовые нормы, регулирующие деятельность антидопинговых организаций.

Глава 3 фокусируется на развитии спорта в различных социальных средах: внутри образовательных учреждений, по месту трудовой деятельности и по месту жительства граждан. Отдельное внимание уделено адаптивной физической культуре, предназначенной для лиц с ограниченными возможностями здоровья. В рамках анализа этой главы автор обращает внимание на существующие проблемы: занятия спортом по месту жительства нередко оказываются недоступными для широких

1 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 4398.

слоев населения из-за их коммерциализации, а ветеранское спортивное движение сталкивается с хроническим недофинансированием.

Главы 4 и 5 регламентируют систему подготовки спортсменов высокого класса, нацеленную на достижение ими максимальных спортивных результатов.

Глава 6 касается вопросов финансового и медицинского обеспечения отрасли. Государство берет на себя финансирование сборных команд (приобретение инвентаря, экипировки, участие в соревнованиях), а также поддержку научных исследований и пропаганду здорового образа жизни. При этом для организации мероприятий высокого уровня закон предусматривает возможность привлечения крупного частного капитала.

Следующим источником нормативно правового регулирования являются Указы и распоряжения президента РФ. В большинстве случаев указы и распоряжения направлены на решение вопросов, связанных с финансированием, материально техническим обеспечением, создание или реорганизация органов по вопросам ведения физической культуры и спорта. Одним из таких источников является Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2030 года».

Постановления и распоряжения правительства направлены на организацию деятельности государственных органов в области управления физической культурой и спортом, определяет главные направления государственной политики в данной сфере, устанавливает требования по проведению международных спортивных соревнований. Одним из нормативно-правовых источников является Распоряжение Правительства РФ от 24 ноября 2020 г. № 3081-р «Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года».

Существуют и нормативно правовые акты субъектов Российской Федерации в области регулирования физической культуры и спорта. Субъекты уполномочены принимать законы. Данные нормативно правовые акты действуют только на территории субъекта РФ. Так одним из нормативно- правовых источников является Закон Волгоградской области от 10 июля 2007 года № 1495-ОД «о физической культуре и спорте в Волгоградской области»[2].

Полномочия субъектов РФ и муниципалитетов, в свою очередь, сосредоточены на развитии массового спорта, обеспечении доступа к объектам спорта и формировании здорового образа жизни по месту жительства.

Принимаются и иные нормативно правовые акты, такие как распоряжения и постановления. Например, они могут касаться государственной аккредитации региональных спортивных федераций или финансового обеспечения их деятельности.

Государственное управление невозможно без четкого распределения функций между центром и регионами. Федеральный центр в лице Министерства спорта России сохраняет за собой стратегические функции:

• Реализация государственной политики и утверждение программ развития видов спорта.

• Организация подготовки сборных команд к Олимпийским играм.

• Установление федеральных стандартов спортивной подготовки.

• Антидопинговое обеспечение — борьба с допингом выделена в отдельное полномочие, требующее координации с международными организациями.

Однако самым значимым изменением в системе управления стало принятие Федерального закона от 13.05.2026 № 160-ФЗ. Этот документ существенно усилил вертикаль власти в спорте: Министерство спорта теперь наделено полномочиями по согласованию, назначения и освобождения от должности руководителей региональных органов власти в сфере спорта. Это нововведение призвано обеспечить единую стратегию развития спорта на местах и преемственность управленческих кадров.

Действующее законодательство в области физической культуры и спорта отличается впечатляющей широтой охвата, под его регулирование подпадают практически все направления отраслевой деятельности: от любительского спорта и детско-юношеских школ до подготовки спортсменов высокого класса и проведения международных соревнований. Казалось бы, создана прочная правовая основа, способная обеспечить эффективное функционирование всей системы. Однако на практике не все так хорошо. Достаточная часть нормативно-правовых актов существует и носит только формальный характер. Отсутствует, содержат реальных механизмов их реализации, не подкреплены ни финансированием, ни инструментами контроля, ни ответственностью за неисполнение. Как следствие, такие нормы не работают в реальной жизни, не оказывая никакого влияния на повседневную практику ни на одном из уровней регулирования. Все это показывает не совершенность данной системы правового регулирования, что представляет существенные проблемы для развития государства и общества в РФ.

С каждым годом нормативных актов регулирующих физическую культуру и спорт становится все больше из-за появления новых видов спорта, технических инноваций и иных факторов. Так Коваленко Е. Ю. предлагает: «обратиться к зарубежному опыту, то в нашей стране уже давно наработан в полной мере нормативный материал, который мог бы лечь в основу создания Спортивного кодекса РФ». [3, с. 178] Возможно это поспособствовало более эффективному государственному управлению в данной сфере. Так же и отмечает Алланина Л. М. «что только спортивное право обретет статус самостоятельной отрасли права, то только тогда правовое регулирование спорта в России выйдет на новый качественный уровень» [3, с. 56].

Подводя итог анализу нормативно-правового регулирования в сфере государственного управления физической культуры и спорта, можно сделать вывод, что российская правовая база в данной области представляет собой сложную, многоуровневую и динамично развивающуюся систему. Основу этой системы составляют Конституция РФ, закрепляющая конституционное право граждан на занятия спортом, и Федеральный закон № 329-ФЗ, который задает вектор развития всей отрасли. Вместе с подзаконными актами (указы Президента, постановления Правительства) и региональным законодательством эти нормы формируют фундамент для реализации государственной политики в сфере физической культуры и спорта.

Однако, несмотря на впечатляющий объем нормативно-правовых актов, охватывающих практически все аспекты функционирования отрасли, и активную, последовательную работу законодателя, направленную на совершенствование отраслевого регулирования, значительная часть правовых норм по-прежнему носит сугубо формальный характер и, к сожалению, не находит полной и последовательной реализации на практике. Многие законодательные положения остаются не подкрепленными реальными механизмами исполнения. Разрозненность источников, их фрагментарность и отсутствие единой систематизации, а также необходимой кодификации порождают многочисленные правовые коллизии, противоречия и пробелы, что, в конечном счете, существенно снижает эффективность государственного управления в сфере физической культуры и спорта, затрудняет правовое регулирование и создает препятствия для полноценного развития отрасли.

Только при условии последовательного и неуклонного преодоления сложившегося разрыва между абстрактной теорией права, закрепленной в нормативных документах, и реальной правоприменительной практикой, возможно полноценное, а не декларативное обеспечение конституционного права граждан на занятия физической культурой и спортом, качественная подготовка спортивного резерва и достойное, успешное выступление национальных сборных команд на международной арене. Достижение этой цели в конечном итоге является не просто отраслевой задачей, а важнейшим залогом здоровья, долголетия и высокой трудоспособности нации, а значит — и устойчивого развития государства в целом.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев С. В., Петренко С. Н. Правовые основы физической культуры и спорта в Российской Федерации / Гос. ком. Рос. Федерации по физ. культуре, спорту и туризму. Всерос. науч.-исслед. ин-т физ. культуры и спорта. М.: ВНИИФК: МГИУ, 2000. 158 с.
2. Коваленко Е. Ю., Тыдыкова Н. В., Шавандина О. А. Спортивное право в системе отраслей российского права // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2021. Т. 5. № 2. С. 174-181.
3. Алланина Л. М. Проблемы права и спорта // Российская юстиция. 2019. № 1. С. 56-58.

2 Закон Волгоградской области от 10.07.2007 № 1495-ОД (ред. от 26.12.2020) «О физической культуре и спорте в Волгоградской области» // Волгоградская правда. № 130 от 18.07.2007.

ВОЙКОВА Наталья Андреевна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права, Юридический институт, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

ВОЛОГДИН Артём Александрович
соискатель ученой степени кандидата наук кафедры гражданского права и процесса и международного частного права, Юридический институт, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ИНВЕСТОРОВ И ПУТИ ГАРМОНИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ТРАНСГРАНИЧНОМ ОБОРОТЕ ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ

Настоящая статья посвящена анализу правового регулирования цифровых финансовых активов (ЦФА) в России и трансграничных аспектов их оборота. Автором рассматриваются механизмы защиты прав инвесторов и аспекты ответственности участников трансграничного оборота ЦФА, как с точки зрения литературы, так и законодателя. Произведен анализ действующего регулирования механизмов защиты прав, в совокупности с зарубежным опытом и исследованиями ученых, а также проведен анализ направлений гармонизации законодательства в рамках осуществления участниками деятельности по обороту цифровых финансовых активов.

В части защиты прав, в том числе и ответственности выявлены проблемы недостаточности правового режима, отсутствия адекватного понятийного аппарата, а также проблемы налогового, валютного режимов и контроля, их соотношение с цифровыми финансовыми активами.

Необходимость внесения изменений в законодательство обусловлена так же и разрозненностью норм об ответственности участников трансграничного оборота цифровых финансовых активов.

В рамках гармонизации законодательства проанализирован проект поправок к Федеральному закону, регулирующему выпуск, оборот и ограничения, связанные с цифровыми финансовыми активами. Главной особенностью проекта является распространение специального законодательства, посвященного ценным бумагам, на цифровые финансовые активы, что способствует осуществлению более пристального контроля в рамках трансграничного (и не только) оборота ЦФА за соблюдением прав участников.

Однако несмотря на то, что меняется подход к регулированию, на сегодняшний день полноценно говорить о сформированном законодательстве еще рано. В заключение статьи авторами подведены итоги, разработаны предложения по гармонизации законодательства, как в целом для регулирования ЦФА, так и в отношении защиты прав участников.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы (ЦФА), правовое регулирование, трансграничный оборот, смарт-контракты, защита прав инвесторов, блокчейн, коллизионное регулирование.

VOYKOVA Natalya Andreevna
Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil law disciplines sub-faculty, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

VOLOGDIN Artem Alexandrovich
applicant for a degree Ph.D. of Civil law disciplines sub-faculty, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

CIVIL LAW ISSUES OF INVESTOR RIGHTS PROTECTION AND WAYS TO HARMONIZE LEGISLATION IN THE CROSS-BORDER CIRCULATION OF DIGITAL FINANCIAL ASSETS

This article is devoted to the analysis of the legal regulation of digital financial assets (DFAs) in Russia and the cross-border aspects of their turnover. The author examines the mechanisms for protecting the rights of investors and aspects of the responsibility of participants in the cross-border turnover of DFAs, both from the point of view of literature and the legislator. The analysis of the current regulation of rights protection mechanisms, combined with foreign experience and research by scientists, has been carried out, as well as an analysis of the areas of harmonization of legislation within the framework of the implementation by participants of activities on the turnover of digital financial assets.

In terms of the protection of rights, including liability, the problems of the insufficiency of the legal regime, the lack of an adequate conceptual framework, as well as the problems of tax, currency regimes and control, their relationship to digital financial assets have been identified.

The need to amend legislation is also due to the fragmentation of the rules on the responsibility of participants in the cross-border turnover of digital financial assets.

As part of the harmonization of legislation, the draft amendments to the Federal Law regulating the issue, turnover and restrictions related to digital financial assets were analyzed. The main feature of the project is the extension of special legislation on securities to digital financial assets, which contributes to the implementation of closer control within the framework of the cross-border (and not only) DFA turnover over the observance of the rights of participants.

However, despite the fact that the approach to regulation is changing, it is still too early to fully talk about the formed legislation. At the end of the article, the authors summed up the results, developed proposals for the harmonization of legislation, both in general for the regulation of the CFA, and in relation to the protection of the rights of participants.

Keywords: digital financial assets (DFA), legal regulation, cross-border turnover, smart contracts, investor rights protection, blockchain, conflict of laws regulation.

Введение

Развитие рынка цифровых финансовых активов в России, характеризующееся стремительным количественным ростом и переходом от экспериментального регулирования к системной интеграции в традиционную финансовую инфраструктуру, выявило комплекс правовых проблем, требующих научного осмысления. Избранная законодателем двухуровневая модель, сочетающая специальный закон о ЦФА и распространение на оборот через профессиональных посредников правил рынка ценных бумаг, при всех ее достоинствах породила фрагментарность правового режима, коллизионную неопределенность в трансграничном и децентрализованном контексте, а также разрывы между императивными требованиями и технологической природой распределенных реестров. Настоящая статья посвящена выявлению указанных противоречий и обоснованию комплекса новых правовых механизмов, способных обеспечить адаптацию традиционных институтов к цифровой среде, сохранив баланс между эффективностью оборота, защитой прав инвесторов и суверенитетом национального регулирования.

Методы

В статье использованы формально-юридический метод для анализа нормативных актов и правоприменительной практики, сравнительно-правовой метод для сопоставления российского и зарубежного регулирования, а также метод доктринального анализа, позволивший систематизировать научные подходы к правовой природе цифровых активов и механизмам защиты прав инвесторов.

Результаты и их обсуждение

Защита прав инвесторов и ответственность участников рынка ЦФА

Рынок цифровых финансовых активов в России демонстрирует стремительный количественный рост (совокупный объем выпусков превысил 900 млрд руб., при этом более 70% эмиссий приходится на трех крупнейших операторов), однако данная динамика не сопровождается адекватным развитием механизмов защиты прав инвесторов, что особенно остро проявляется в ситуациях неисполнения эмитентом обязательств: отсутствие унифицированного понятия дефолта позволяет операторам информационных систем трактовать его наступление произвольно, порождая правовую неопределенность и затрудняя реализацию прав инвесторов, а сама действующая модель не возлагает на операторов ответственности за исполнение обязательств эмитентом и не координирует процесс взыскания, что делает защиту прав инвесторов фрагментарной и неэффективной [2].

Эмпирическое исследование Dirk A. Zetzsche и Areti Kolovou Nikolakopoulou выявило существенную дифференциацию в подходах кастодианов к хранению криптоактивов, что обусловило необходимость финансового регулирования, направленного на обеспечение равных конкурентных условий, адекватной защиты клиентов и снижения информационной асимметрии [11].

Профессор Thomas Keijser провел обзор важнейших международных актов – Женевской конвенции о посреднических ценных бумагах и Принципов УНИДРУА. Результаты анализа показали, что указанные акты демонстрируют неоднозначность заложенной в них модели защиты инвестора. Общий регулятивный замысел сводится к тому, что клиентские активы выводятся из конкурсной массы кастодиана при его несостоятельности. Вместе с тем Принципы допускают возможность договорного пересмотра защитных механизмов, вследствие чего инвестор в отдельных конструкциях фактически оказывается лишен опоры на императивные гарантии. Возникающий таким образом нормативный зазор в определенной степени компенсируется требованиями IOSCO, ориентированными на жесткое разделение активов клиента и посредника, а также на детальное их раскрытие [10].

Исследование Nizomiddin Kozimov показало, что действующий режим регулирования содержит значимые лакуны, в том числе связанные с неустойчивостью подходов к ПОД/ФТ и неопределенностью в разграничении видов цифровых активов. В совокупности это указывает на потребность в регуляторной архитектуре иного типа, то есть более связной, опирающейся на технологические особенности цифровой среды и ориентированной на достижение прозрачности оборота и выравнивание положения участников рынка [8]. Развивая дискуссию, профессор Teresa Rodríguez de las Heras Ballell подчеркивает, что устойчивость доверия к рынку цифровых активов и возможность прогнозировать их гражданский оборот формируются не на уровне технических решений, а через прояснение базовых юридических параметров. Речь идет, прежде всего, о том, каким образом фиксируется правовой статус соответствующих объектов, как они подводятся под конструкции, применяемые для установления обеспечительных интересов, какой режим к ним применяется в случае несостоятельности их владельца и с какими специфическими затруднениями сталкивается процедура обращения взыскания. Нерешенность этих узловых вопросов делает особенно весомой роль подготавливаемых УНИДРУА и ЮНСИТРАЛ принципов международной гармонизации, которые формируют концептуальный каркас для выстраивания, согласованного и сопоставимого между юрисдикциями правового режима цифровых активов [9].

При сопоставлении зарубежных подходов к обеспечению прав инвесторов в сегменте цифровых активов можно выделить, например, опыт ЕС. Так, в Европейском Союзе действует Регламент о рынках криптоактивов (MiCAR), которым установлены унифицированные требования к эмитентам и провайдерам услуг, в том числе обязанность обеспечивать сохранность активов клиентов и их раздельный учет (сегрегацию) от собственных средств организации. Международная организация комиссий по ценным бумагам (IOSCO) в своих рекомендациях закрепила принцип, согласно которому идентичная деятельность, сопряженная с одинаковыми рисками, должна подчиняться единым регуляторным стандартам. Это, в свою очередь, означает распространение традиционных механизмов защиты инвесторов на операции с цифровыми активами. Полагаем, такой подход является оправданным, поскольку позволяет поддерживать равный уровень защиты вложений вне зависимости от юридической формы инвестиционного инструмента.

В российской правовой системе значимая роль в защите прав инвесторов отведена Банку России. В информационном письме от 29 февраля 2024 г. регулятор определил перечень показателей, наличие которых служит основанием для отказа во включении цифровых финансовых активов в обращение. К таким показателям отнесены цена цифровых валют, цена имущественных прав, не признаваемых цифровыми правами или ценными бумагами, а также производные инструменты, основанные на указанных показателях. Регулятор рекомендует операторам информационных систем и операторам обмена воздерживаться от организации выпуска и обращения таких активов, а профессиональным участникам рынка ценных бумаг рекомендовано не предлагать их клиентам, не являющимся квалифицированными инвесторами[1]. Однако данные рекомендации носят неимперативный характер и не создают прямой ответственности для операторов в случае их нарушения.

1 Информационное письмо Банка России от 29.02.2024 № ИН-018-34/17 (с изм. от 28.05.2025) «Об отдельных видах финансовых инструментов и цифровых финансовых активов» // Экономика железных дорог. – 2024. – № 5. – 2024.

Основной проблемой защиты прав инвесторов является отсутствие института представителя владельцев цифровых финансовых активов, аналогичного представителю владельцев облигаций. В результате реструктуризация задолженности эмитента осуществляется в одностороннем порядке без учета мнения инвесторов, которые лишены возможности выразить свое отношение к изменению условий выпуска. Ассоциация владельцев облигаций в своем исследовании обоснованно указывает на необходимость создания института представителя владельцев цифровых финансовых активов, а также установления стандартов реструктуризации задолженности и обязательного механизма блокировки обращения дефолтных токенов [2].

Значительные проблемы возникают и в сфере определения пределов ответственности эмитента перед инвесторами. Анализ решений о выпуске цифровых финансовых активов показывает, что эмитенты нередко включают в них положения, ограничивающие свою ответственность. Так, в решении о выпуске компании «Битривер-К» установлено, что ответственность эмитента за неисполнение обязательств ограничена возмещением реального ущерба, а упущенная выгода возмещению не подлежит. Более того, приобретатели цифровых финансовых активов вынуждены соглашаться с тем, что эмитент не несет ответственности за возможные негативные последствия в связи с рисками оператора информационной системы [4]. Такие условия, по сути, освобождают эмитента от ответственности за действия третьих лиц, что не соответствует общим принципам гражданского права и создает повышенные риски для инвесторов.

Обеспечение защиты прав инвесторов требует также совершенствования механизмов раскрытия информации и допуска эмитентов к выпуску цифровых финансовых активов. Банк России в своем докладе для общественных консультаций 2022 года отмечал, что отсутствие установленного порядка допуска эмитента и предлагаемых им инструментов возлагает оценку кредитных и рыночных рисков исключительно на инвестора, что в перспективе может привести к финансовым потерям и разочарованию инвесторов в новых инструментах. Регулятор предложил внедрение правил листинга цифровых финансовых активов с присвоением инструментам различных уровней качества, а также создание системы раскрытия информации эмитентами по аналогии с рынком ценных бумаг [7].

В 2024 году участники российского рынка ЦФА впервые апробировали механизм судебной защиты прав инвесторов. Платформа «Токеон» совместно с микрокредитной компанией «Реми капитал» инициировали в Арбитражном суде Удмуртской Республики процесс об обращении взыскания на имущество (земельный участок площадью 600 кв. м), служившее обеспечением по выпуску ЦФА объемом 100 тыс. рублей со сроком обращения один месяц, эмитированному в июле 2024 года индивидуальным предпринимателем Дарьей Ряховой, при этом руководство платформы рассматривало данный кейс как пилотный для отработки процедур судебной защиты прав инвесторов-залогодержателей и оценки возможностей совершенствования работы с залоговыми ЦФА [3].

Показательным примером стал июнь 2025 г., когда на российском рынке ЦФА был зафиксирован первый публично засвидетельствованный случай неисполнения обязательств. Так, новосибирское ООО «Автосити» оказалось не в состоянии выполнить принятые на себя обязательства перед инвесторами на общую сумму 200 млн руб. Данный прецедент, на наш взгляд, имеет важное значение для осмысления правовых механизмов защиты инвесторов в условиях цифровой экономики, поскольку он выделил существенные пробелы действующего законодательного регулирования [1]. Компания объяснила невозможность исполнения обязательств комплексом экономических факторов, характерных для российского автомобильного рынка в условиях высокой ключевой ставки Банка России.

Вместо полного погашения обязательств компания предложила инвесторам реструктуризацию долга путем обмена текущих цифровых финансовых активов на новые с кодом АТС-1-DTPU-032028-00002 в период с 3 июля по 26 августа 2025 года.

Анализируя рассмотренные случаи, полагаем, что как реальные, так и искусственно создаваемые дефолты позволяют выявить существующие пробелы в правовом регулировании ЦФА и актуализируют проблему защиты прав инвесторов.

Формирование положительной судебной практики, на наш взгляд, способно обеспечить юридическую безопасность участников аналогичных сделок и создать условия для более активного привлечения инвесторов к выпускам ЦФА, обеспеченных залогом. Однако Закон о цифровых финансовых активах, допуская возможность залогового обеспечения, фактически не регулирует отношения между эмитентом и обладателями ЦФА в части установления, реализации и прекращения залога, а положения Гражданского кодекса не в полной мере учитывают специфику цифровых активов. При выпуске значительного объема обеспеченных залогом ЦФА может возникать ситуация, когда право залога возникает у сотен или тысяч инвесторов, при этом остается неясным порядок оформления таких отношений (единый договор, множество самостоятельных соглашений либо управляющий залогом), а процедура обращения взыскания при отсутствии у части залогодержателей возможности активно участвовать в реализации создает существенную неопределенность.

В настоящее время модель залоговых отношений регулируется преимущественно решением о выпуске ЦФА, и конструкция, примененная в деле индивидуального предпринимателя Д. Ряховой на платформе «Токеон» (проект), представляется удачной, поскольку в решение о выпуске введена фигура управляющего залогом, осуществляющего права залогодержателя в интересах всех обладателей ЦФА, что исключает необходимость активного участия инвесторов в процедуре. Отсутствие судебной практики по истребованию задолженности по ЦФА и обращению взыскания на предмет залога придает данному эксперименту особое значение, и его результаты покажут, как соответствующие механизмы будут работать на практике. Показательным в этом контексте является судебное дело компании «Верный знак» (2009–2011 гг.), ставшее прецедентным для внедрения акционерных соглашений по российскому праву, хотя публичность того спора, по некоторым оценкам, исказила эксперимент, а суды в итоге признали договор недействительным.

С учетом того, что цифровые финансовые активы представляют собой относительно новый и технически сложный инструмент, практические проекты с их использованием выступают не просто желательным, а фактически единственным путем поступательного развития рынка. Это связано, в частности, с тем, что обращение к общим нормам залогового права для судебного обращения взыскания на предмет обеспечения, формально позволяя вывести алгоритм действий, не создает для инвестора приемлемого уровня предсказуемости при защите его интересов в суде. Во многих случаях именно инициирование процесса и получение судебного акта превращается в единственный механизм уточнения тех элементов правового режима, которые законодательно не доведены до степени детальной регламентации.

По свидетельству участников рассматриваемого проекта, инвесторы стабильно проявляют интерес к различным способам юридической и организационной защиты своих прав, что косвенно демонстрирует практическую значимость и востребованность решений, реализуемых на платформе «Токеон». На этом фоне становится очевидным, что действующие в настоящее время механизмы охраны прав инвесто-

ров носят разрозненный характер, не опираются на единый подход и часто оказываются неспособными обеспечить полноценное восстановление нарушенных прав. Между тем построение эффективной системы защиты предполагает, прежде всего, четкое и недвусмысленное закрепление пределов ответственности всех вовлеченных субъектов оборота. Именно ответственность, понимаемая как юридически обеспеченная неизбежность последствий неправомерного поведения, играет роль ключевого инструмента, формирующего мотивацию к соблюдению установленных правил и повышающего уровень добросовестности на рынке.

Итак, ответственность участников оборота цифровых финансовых активов во внешнеэкономической деятельности имеет сложную бланкетную структуру, поскольку привлечение к ответственности возможно только при нарушении императивных требований валютного, таможенного и финансового законодательства, к которым отсылают соответствующие составы Уголовного кодекса Российской Федерации[2] и Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях[3]. Сами по себе операции с цифровыми финансовыми активами не образуют состава правонарушения, однако их использование в качестве инструмента для незаконного вывода капитала, неисполнения обязанности по репатриации валютной выручки или совершения валютных операций с использованием подложных документов может повлечь как административную, так и уголовную ответственность.

Следует отметить, что в сфере внешнеэкономической деятельности ключевое значение приобретает соблюдение требований валютного законодательства. Статья 193 УК РФ устанавливает ответственность за уклонение от репатриации денежных средств, что применительно к операциям с ЦФА может быть актуализировано в случаях, когда выручка, полученная в форме цифровых активов по внешнеторговому договору, не возвращается на счета резидента в уполномоченных банках. Статья 193.1 УК РФ, как известно, предусматривает ответственность за проведение валютных операций с использованием подложных документов, и поскольку ЦФА могут выступать средством платежа во внешнеторговых контрактах, применение поддельных документов для обоснования законности таких операций, по всей видимости, образует состав указанного преступления. Заслуживает внимания и статья 172.2 УК РФ (ответственность за организацию деятельности по привлечению денежных средств) [12], однако с 2021 года приговоры по данной статье не выносились, что, на наш взгляд, свидетельствует о сложностях ее применения и конкуренции со статьей 159 УК РФ (мошенничество).

В доктрине обоснованно отмечается, что практически все нормы об ответственности за преступления в сфере внешнеэкономической деятельности имеют бланкетный характер, что представляет собой одну из наиболее сложных для уяснения форм изложения законодательных требований, поскольку для правильной квалификации правонарушений необходимо обращение к нормам валютного, таможенного, налогового и иных отраслей права. Применительно к ЦФА эта проблема усугубляется отсутствием единообразной правовой квалификации данных объектов в различных юрисдикциях и неполнотой коллизионного регулирования. Важной проблемой выступает отсутствие судебной практики привлечения к ответственности за нарушения, связанные с использованием цифровых активов во внешнеэкономической деятельности, что, как отмечается в исследованиях, может указывать не на отсутствие правонарушений, а на сложности доказывания и квалификации таких деяний, обусловленные технологическими особенностями учета и перехода ЦФА, а также возможностью использования распределенных реестров, не имеющих единого администратора на территории Российской Федерации [6].

Гармонизация законодательства в трансграничном обороте цифровых финансовых активов

В декабре 2025 г. Комитет Государственной Думы по финансовому рынку рекомендовал принять в первом чтении законопроект, направленный на гармонизацию регулирования цифровых финансовых активов и рынка ценных бумаг[4]. Данный законопроект, на наш взгляд, не ставит точку в доктринальном споре о правовой природе ЦФА, а напротив, закрепляет дуализм регулирования. Законодатель не пошел по пути признания цифровых финансовых активов эмиссионными ценными бумагами, что потребовало бы кардинального пересмотра Федерального закона № 259-ФЗ, а избрал функциональный подход, руководствуясь принципом «одинаковая деятельность – одинаковые риски – одинаковое регулирование». Если актив, по сути, ведет себя как инвестиционный инструмент и реализуется через посредника, он должен регулироваться по аналогии с ценными бумагами, оставаясь при этом цифровым правом.

Главная новелла законопроекта, как представляется, заключается в распространении действия Закона «О рынке ценных бумаг» на отношения, связанные с оборотом цифровых прав, но исключительно в строго очерченных рамках. Цифровые финансовые активы сохраняют статус самостоятельного объекта гражданских прав в соответствии со ст. 141.1 ГК РФ и эмитируются по правилам специального закона. Однако, как только в цепочку взаимодействия включается профессиональный посредник, будь то брокер или управляющий, в действие вступает режим Федерального закона № 39-ФЗ. Это, по сути, означает завершение эпохи регуляторного арбитража, когда инвестору было выгоднее либо рискованнее приобретать токенизированный актив лишь потому, что на него не распространялись жесткие требования Банка России по защите прав клиентов.

Самая ожидаемая часть законопроекта – допуск цифровых финансовых активов в состав паевых инвестиционных фондов. Ранее включение цифровых финансовых активов в паевые инвестиционные фонды блокировалось невозможностью исполнения требований Федерального закона «Об инвестиционных фондах». Специализированный депозитарий, являясь контролером управляющей компании, должен учитывать имущество фонда и визировать распоряжения. В архитектуре распределенного реестра роль централизованного контролера технически трудно реализуема.

Законопроект прописывает механизм стыковки этих двух систем. Как следует из новых законодательных положений, депозитарии получают возможность учитывать цифровые права на счетах депо доверительного управляющего. Тем самым, на наш взгляд, законодательно признается возможность соотнесения двух учетных систем: записи в распределенном реестре, удостоверяющей право на цифровой финансовый актив, и записи на централизованном счете депо. При этом депозитарий, разумеется, не будет хранить сам токен, физически это невозможно, однако он будет вести учет соответствующего права. Учетная функция специализи-

2 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ». – 17.06.1996. – № 25. – Ст. 2954.

3 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 08.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 19.03.2026) // Собрание законодательства РФ. – 07.01.2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.

4 Проект Федерального закона № 446411-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» и в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // система обеспечения законодательной деятельности. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/446411-8 (дата обращения: 22.02.2026).

рованного депозитария, как представляется, обеспечит прозрачность состава активов фонда и их обособление от имущества управляющей компании.

В отношении цифровых прав, имеющих ограничения в обороте (например, предназначенных только для квалифицированных инвесторов, либо связанных с ограничениями по сроку или цене продажи), вводится требование о получении согласия специализированного депозитария на распоряжение такими активами. Если говорить более подробно об этом, то можно отметить обязывание, в силу закона, управляющей компании либо оператора информационной системы выстроить механизм, при котором распоряжение цифровым финансовым активом фонда становится невозможным без подтверждения со стороны специализированного депозитария.

Здесь важно разобраться, почему законодатель сохраняет гибридную модель, а не идет по пути пересмотра определения ценной бумаги. Сохранение автономии Федерального закона № 259-ФЗ для этапа выпуска, как можно предположить, продиктовано стремлением сохранить главным преимуществом цифровых финансовых активов является скорость выхода на рынок. Первичное размещение по-прежнему регулируется специальным законом. Эмитенту не требуется регистрировать проспект в Банке России, проходить листинг на бирже, процедура остается быстрой и необременительной. В то же время обращение на вторичном рынке, когда в цепочку вовлекаются профессиональные посредники, подпадает под действие Федерального закона № 39-ФЗ, где уже задействован механизм защиты прав инвесторов.

Если бы законодатель решил полностью отождествить цифровые финансовые активы с эмиссионными ценными бумагами, это повлекло бы автоматическое распространение на их эмиссию всех требований, установленных Федеральным законом № 39-ФЗ и нормативными актами Банка России. Каждый выпуск ЦФА пришлось бы сопровождать государственной регистрацией проспекта эмиссии (или решения о выпуске), соблюдением жестких стандартов раскрытия информации и прохождением длительных административных процедур. Сохранение же за цифровыми финансовыми активами статуса иного цифрового права в рамках Федерального закона № 259-ФЗ на этапе первичного размещения позволяет эмитентам пользоваться ускоренными и экономически более привлекательными процедурами.

Итак, избранный подход, на наш взгляд, обеспечивает необходимый баланс. С одной стороны, сохраняется инфраструктурная эффективность и низкие издержки при выпуске, то, что составляет технологическое преимущество ЦФА. С другой стороны, тот факт, что на этапе обращения через профессиональных посредников обеспечивается высокий уровень защиты инвесторов, является преимуществом уже регуляторного характера. Как следствие, мы наблюдаем формирование сложной двухуровневой системы регулирования. Законопроект не дает ответа на теоретический вопрос о том, чем являются цифровые финансовые активы, но предлагает практическое решение вопроса о том, как безопасно работать с такими активами.

В отличие от доктринальных дискуссий о правовой природе цифровых прав, регулятор, как можно заметить, избрал путь функционального подхода, и правовой режим цифрового финансового актива определяется не его формальной квалификацией, а характером экономических отношений, опосредуемых соответствующей договорной конструкцией. Данный подход получил последовательное воплощение в ряде законодательных актов и нормативных документов, принятых в 2025–2026 гг.

Однако несмотря на очевидные успехи в формировании нормативной базы, вектор текущего развития обнаруживает ряд глубинных проблем, которые не только остаются за рамками законодательного регулирования, но и, более того, могут быть усугублены избранной моделью двухуровневой системы:

– фрагментарность правового режима;

– противоречие между централизованным контролем и децентрализованной природой блокчейна;

– правовая неопределенность при допуске ЦФА в публичные блокчейн-сети;

– конфликт императивных требований к долговым ЦФА с технологией смарт-контрактов;

– неопределенность статуса гибридных цифровых прав;

– отсутствие механизмов сохранения прав при смене технологической инфраструктуры;

– распределение ответственности за технические сбои;

– несовместимость требований о персональных данных с неизменяемостью блокчейна;

– отсутствие механизмов принудительного исполнения судебных решений в публичных сетях;

– неопределенность налогового режима операций с ЦФА через профессиональных посредников;

– отсутствие унифицированного понятия дефолта;

– пробелы в правовом режиме активов, находящихся на хранении у посредников.

Заключение

Для разрешения обозначенных проблем защиты прав инвесторов предлагается концепция многоуровневой защиты, включающая ряд взаимосвязанных правовых механизмов. В рамках данной концепции вводится принцип юрисдикционной автономии распределенных реестров, позволяющий признавать правила децентрализованных систем в качестве источника регулирования при их сертификации уполномоченным органом. Процедура судебного форка дает возможность принудительного исполнения судебных актов путем создания отдельной версии реестра, в которой спорные активы переходят к взыскателю, а принцип технологической подчиненности устанавливает тридцатидневный период для вступления в силу изменений правил, в течение которого инвесторы вправе требовать выкупа активов эмитентом по фиксированной цене.

Операционные и расчетные риски предлагается минимизировать за счет внедрения смарт-аккредитива, при котором денежные средства инвестора блокируются и перечисляются эмитенту только после фиксации зачисления ЦФА на счет инвестора, что исключает риск неисполнения обязательств. Для координации действий множества инвесторов вводится институт ответственного оператора, наделенного правом вето на изменения условий выпуска, ухудшающие положение инвесторов, и обязанностью разрабатывать план реструктуризации. Механизм динамического обеспечения, в свою очередь, предусматривает автоматическое поддержание залогового пула и приостановку операций эмитента при снижении его стоимости ниже порогового значения, что позволяет защитить интересы инвесторов без обращения в суд.

Для преодоления изолированности информационных систем и обеспечения ликвидности рынка предлагается институт куратора – независимой организации, аккредитованной Банком России, которая ведет реестр соответствия токенов, выпущенных в разных системах, и обеспечивает интероперабельность путем эмиссии аналога актива в принимающей системе под блокировку исходного. Реализация указанных механизмов, полагаем, образует целостную систему защиты прав клиентов и ответственности участников оборота ЦФА, способную сбалансировать интересы всех участников рынка и создать условия для устойчивого развития в условиях трансграничного оборота и цифровой трансформации финансовой инфраструктуры.

Для разрешения выявленных проблем, порожденных двухуровневой моделью регулирования, предлага-

ется комплекс новых правовых механизмов, образующих целостную систему адаптации традиционных институтов к цифровой среде. Преодоление разрыва между единой технологической средой и фрагментированным правовым режимом на разных стадиях жизненного цикла ЦФА предполагается через механизм правовой преемственности: переход актива из информационной системы эмитента в инфраструктуру посредника или публичный реестр влечет не смену его правовой квалификации, а лишь распространение дополнительных регуляторных требований при сохранении объема удостоверяемых прав. Противоречие между централизованным контролем специализированного депозитария и децентрализованной природой распределенных реестров может быть снято институтом суверенного узла валидации – специального узла в протоколе консенсуса, контролируемого депозитарием, без подтверждения которым транзакции с активами фонда недействительны. Для устранения коллизионной неопределенности в публичных блокчейн-сетях вводится принцип технологической подсудности: правила информационной системы, зафиксированные в программном коде, признаются соглашением сторон о выборе применимого права и юрисдикции, а любое лицо, совершающее транзакцию с использованием такого протокола, считается присоединившимся к этому соглашению. Разрыв между императивными требованиями о предварительной оплате долговых ЦФА и атомарной природой смарт-контрактов преодолевается конструкцией условного эскроу-счета в распределенном реестре, где блокировка денежных средств на смарт-контракте приравнивается к исполнению обязанности по предоплате. Неопределенность статуса гибридных цифровых прав предлагается устранить принципом приоритета экономического содержания над формальной квалификацией: правовой режим определяется в зависимости от преобладающей экономической цели выпуска, раскрываемой в решении о выпуске.

Проблема непрерывности прав при смене технологической инфраструктуры решается институтом технологического правопреемства, обязывающим оператора обеспечить миграцию активов на альтернативную платформу, а при невозможности – назначением временного администратора Банком России.

Распределение ответственности за технические сбои предлагается урегулировать через механизм страхового пула смарт-контрактов, при котором операторы и эмитенты страхуют риски сбоев, а исполнение смарт-контракта, подтвержденное протоколом, не может быть оспорено по причине технического сбоя без заключения технической экспертизы.

Несовместимость требований о возможности удаления персональных данных с неизменяемой природой блокчейна снимается введением категории служебной информации распределенного реестра: хешированные или обезличенные записи не относятся к персональным данным, а обязанность по их удалению считается исполненной при уничтожении оператором информации, позволяющей соотнести запись с субъектом.

Исполнимость судебных решений в публичных сетях обеспечивается механизмом судебного оракула – аккредитованного технического посредника, который по запросу суда вносит в реестр запись о блокировке или принудительном переводе активов.

Наконец, неопределенность налогового режима операций через профессиональных посредников устраняется внедрением института автоматизированного налогового агента: брокеры и управляющие признаются налоговыми агентами, обязанными исчислять и удерживать налоги при каждой выплате инвестору.

В совокупности предложенные механизмы образуют целостную систему правового обеспечения оборота ЦФА, способную адаптировать традиционные институты к технологической среде с сохранением баланса между эффективностью, защитой прав инвесторов и суверенитетом национального регулирования.

Пристатейный библиографический список

1. Дефолт по цифровым финансовым активам: правовой анализ случая «Автосити» // Vitvet. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vitvet.com/articles/defolt/ (дата обращения 15.03.2026).
2. Дефолты в цифровых финансовых активах: первые уроки и правовые пробелы // Ассоциация инвесторов «АВО». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bondholders.ru/tpost/31b70ahn81-defolti-v-tsifrovih-finansovih-aktivah-p.
3. На рынке ЦФА пробуют отработать механизм судебной защиты прав инвесторов // Ведомости. – 2024. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://regionservice.com/wp-content/uploads/2024/11/na-rynke-czfa-probuyut-otrabotat-mehanizm-sudebnoj-zashhity-prav-investorov-vedomosti.pdf (дата обращения: 13.03.2026).
4. Решение о выпуске ЦФА ООО «Битривер-К» // ЦФА. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://цфа.рф/reshenie/Atomyze/BitriverK/7/ (дата обращения: 14.03.2026).
5. Рогатых Л. Ф. Ответственность за преступления в сфере внешнеэкономической деятельности и контрабанду / под ред. Е. Н. Рахмановой. – М.: РГУП, 2016. – 310 с.
6. Сердюк А. Ю. Неправомерное завладение имуществом вкладчиков: актуальные направления совершенствования уголовного запрета, предусмотренного ст. 172.2 УК РФ // Мировой судья. – 2024. – № 9. – С. 25-29.
7. ЦБ РФ предлагает создать дополнительные правила допуска эмитента к выпуску ЦФА // Прайм Раскрытие. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://disclosure.1prime.ru/news/-203/%7Ba31b6d3e-ee36-4872-a400-c0d56078bdc5%7D.uif (дата обращения: 14.03.2026).
8. Kozimov N. Retail Investor Protection in the Age of Digital Trading: Regulatory Challenges and Solutions // SSRN. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=5024935 (дата обращения: 14.03.2026).
9. Rodríguez de las Heras Ballell T. The Emergence of Principles and Best Practices on Digital Assets: Proprietary Rights, and Enforcement // European Journal of Risk Regulation. – 2024. – First View. – Pp. 1-12.
10. Sufficient Securities, Segregation, and Loss Sharing / Editor Th. Keijser // Транснациональное право в сфере ценных бумаг. – 2025. – 2-е издание. – С. 171-199.
11. Zetzsche D. A., Kolovou Nikolakopoulou A. Crypto Custody – An Empirical Assessment // Journal of Financial Regulation and Compliance. – 2025.
12. Рогатых Л. Ф. Ответственность за преступления в сфере внешнеэкономической деятельности и контрабанду / под ред. Е. Н. Рахмановой. – М.: РГУП, 2016. – 310 с.

ГАСАНОВА Асият Магомедовна
преподаватель кафедры гражданского права, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала

Гасанова А. М.

ГРАЖДАНЕ, ЗЛОСТНО УКЛОНЯВШИЕСЯ ОТ ВЫПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПО СОДЕРЖАНИЮ НАСЛЕДОДАТЕЛЯ, КАК НЕДОСТОЙНЫЕ НАСЛЕДНИКИ

Статья посвящена одному из видов недостойных наследников – лицам, злостно уклонявшимся от выполнения обязанностей по содержанию наследодателя. Выделяются квалифицирующие признаки, характерные для данной группы недостойных наследников, анализируются условия, соблюдение которых необходимо для отстранения их от наследования, исследуются подходы Верховного Суда Российской Федерации при определении содержания такого оценочного понятия как «злостное уклонение». Как указывается в одном из Постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, «злостный характер уклонения в каждом случае должен определяться с учетом продолжительности и причин неуплаты соответствующих средств». Закон допускает «прощение» недостойного наследника, если в отношении него было составлено завещание. В статье отмечается, что в данном случае идет речь не о восстановлении права наследования, т.к. право наследования по закону так и не будет «восстановлено», а о наделении недостойного наследника правом наследования по завещанию.

Ключевые слова: недостойные наследники, наследодатель, злостное уклонение от выполнения обязанностей по содержанию, алиментообязанные лица.

GASANOVA Asiyat Magomedovna
lecturer of Civil law sub-faculty, Dagestan State University, Makhachkala

CITIZENS WHO MALICIOUSLY EVADED THE RESPONSIBILITIES OF MAINTAINING THE TESTATOR AS UNWORTHY HEIRS

The article is devoted to one of the types of unworthy heirs – persons who maliciously evaded the duties of maintaining the testator. The author identifies the qualifying features characteristic of this group of unworthy heirs, analyzes the conditions that must be observed to remove them from inheritance, and examines the approaches of the Supreme Court of the Russian Federation in determining the content of such an evaluative concept as "malicious evasion." As stated in one of the Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, «the malicious nature of evasion in each case should be determined taking into account the duration and reasons for non-payment of the relevant funds». The law allows for the «forgiveness» of an unworthy heir if a will has been drawn up in relation to him. The article notes that in this case it is not a question of restoring the right of inheritance, since the right of inheritance will not be «restored» according to the law, but of granting the unworthy heir the right of inheritance according to the will.

Keywords: unworthy heirs, testator, malicious evasion of maintenance duties, alimony-liable persons.

Ещё одной группой субъектов, относящихся к недостойным наследникам, являются граждане, злостно уклонявшиеся от выполнения юридических обязанностей по содержанию наследодателя. В этом случае основанием для признания наследника недостойным, которое не имеет связи с созданием препятствий свободному волеизъявлению наследодателя, является злостное уклонение от исполнения установленных законом обязанностей по содержанию наследодателя. Рассматриваемая категория недостойных наследников имеет весьма значимое отличие от категории наследников, лишенных родительских прав: лишенные родительских прав во всяком случае отстраняются от наследования, а субъекты, злостно уклонявшиеся от содержания умершего, подлежат отстранению от наследования по закону только посредством судебного решения, вынесенного по иску лица, имеющего интерес в деле.

В соответствии с пунктом 2 статьи 1117 Гражданского Кодекса Российской Федерации по требованию заинтересованного лица суд вправе признать недостойным наследником по данному основанию всякое физическое лицо, злостно уклонявшееся от исполнения своих юридических обязанностей по содержанию наследодателя. Е. А. Ходырева обратила внимание на то, что данное основание отстранения от наследования является принудительным основанием прекращения права наследования, т.к. влечет «утрату права независимо (помимо) от воли и согласия на это наследника» в связи с совершением наследником противоправных действий [14]. Такие недостойные наследники в доктрине получили название оспоримых [3, с. 30], так как установлен судебный порядок прекращения ими права наследования.

К числу квалифицирующих признаков данной группы недостойных наследников относятся: 1) обязанность данных лиц содержать наследодателя предусмотрена законом, им же предусмотрено право таких лиц на наследование после него; 2) уклонение от данной законной обязанности может служить юридическим препятствием наследования, если оно было злостным.

Однако само отстранение от наследования в данном случае требует соблюдения ряда условий, исследования совокупности фактических и юридических обстоятельств.

Во-первых, наличие заинтересованного лица в отстранении потенциального наследника от наследства (любое лицо, заинтересованное в призвании к наследованию или в увеличении причитающейся ему доли наследства, отказополучатель либо лицо, на права и законные интересы которого может повлиять переход наследственного имущества). Несмотря на то, что в литературе высказана позиция, что таким лицом может быть только наследник по закону [8, с. 23],

правоприменитель понимает категорию истцов по данным спорам максимально широко.

Во-вторых, необходимо заявление судебного требования заинтересованного лица об отстранении наследника от наследования по закону: «Если заинтересованные лица (как правило, это другие претендующие наследники) не заявят об отстранении, то наследство, несмотря на наличие, допустим, приговора суда по факту злостного уклонения, тем не менее достанется «уклонисту»» [7, с. 107]. В литературе это заявление называют иск о признании наследника недостойным: «Для отстранения от наследования необходим иск о признании наследника недостойным» [7, с. 107], [8]. Однако Верховный Суд Российской Федерации прямо называет такой иск – иском об отстранении от наследования (абз. 4 п. 20 Постановления № 9 «О судебной практике по делам о наследовании»)[1].

В. Н. Гаврилов пишет: «Законодатель предоставляет возможность прощения недостойного наследника не только наследодателю…, но и претендентам на наследство» [2, с. 195] в случае, если они не заявляют требование об отстранении от наследства. Однако здесь идет речь не столько о прощении, сколько о незнании о своем праве требовать отстранении от наследства, либо о нежелании им воспользоваться.

В-третьих, наличие установленной законом обязанности содержать наследодателя и отсутствие оснований для освобождения от этой обязанности.

Верховный суд Российской Федерации ограничительно разъяснил, что обязанности по содержанию наследодателя, злостное уклонение от выполнения которых является основанием для удовлетворения таких требований, определяются алиментными обязательствами членов семьи, установленными Семейным Кодексом Российской Федерации между родителями и детьми, супругами, братьями и сестрами, дедушками и бабушками и внуками, пасынками и падчерицами и отчимом и мачехой (статьи 80, 85, 87, 89, 93-95 и 97)[2]. Из этого следует, что субъектами злостного уклонения от выполнения обязанностей по содержанию наследодателя, которые могут быть лишены наследственных прав, являются: 1) родители, после своих несовершеннолетний детей; 2) совершеннолетние дети, после нуждающихся нетрудоспособных родителей; 3) супруг, после нуждающегося нетрудоспособного супруга; 4) братья и сестры, после нуждающихся совершеннолетних нетрудоспособных и нуждающихся несовершеннолетних братьев и сестер; 5) дедушка и бабушка, после нуждающихся нетрудоспособных или нуждающихся несовершеннолетних внуков; 6) трудоспособные и достигшие совершеннолетия внуки, после нуждающихся нетрудоспособных в силу возраста либо состояния здоровья дедушек и бабушек; 7) трудоспособные и достигшие совершеннолетия пасынки и падчерицы, после нуждающихся нетрудоспособных по признаку возраста либо состояния здоровья отчима и мачехи.

Названные категории лиц отнесены семейным законодательством к лицам, обязанным уплачивать алименты имеющим право требовать предоставления алиментного содержания. В случае злостного неисполнения обязанностей по содержанию наследодателей указанные наследники отстраняются от наследования по требованию заинтересованных лиц.

Интересно отметить, что большинству зарубежных правопорядков не известна такая группа недостойных наследником (за исключением ряда постсоветских государств), либо их круг включает только родителей и детей, а не других родственников[3]. В Гражданском Кодексе РСФСР 1964 г. также круг таких недостойных наследников был ограничен: не могли наследовать по закону «родители и совершеннолетние дети, злостно уклонявшиеся от выполнения лежавших на них в силу закона обязанностей по содержанию наследодателя, если это обстоятельство подтверждено в судебном порядке» (абз. 2 ст. 531).

Если лицо не является алиментообязанным субъектом по Семейному Кодексу Росийской Федерации, то отстранить его от наследования – нельзя. Например, в одном из дел сторонами спора о признании недостойным наследником являлись тетя (истец) и двоюродная сестра (ответчик) умершей, призванные к наследству в порядке третьей очереди. Суд в иске отказал, указав, что «ответчик, являясь двоюродной сестрой умершей Н., не входит в круг алиментообязанных лиц, установленный Семейным Кодексом Российской Федерации»[4].

Следует также отметить, что могут иметь место законные основания для освобождения от обязанности содержания наследодателя. При этом надо иметь ввиду две группы обстоятельств.

1. Наличие судебного решения о взыскании алиментов и последующее освобождение от обязанности их уплаты. Согласно статье 119 Семейного Кодекса Российской Федерации если при отсутствии соглашения об уплате алиментов после установления в судебном порядке размера алиментов изменилось материальное или семейное положение одной из сторон, суд вправе по требованию любой из сторон освободить лицо, обязанное уплачивать алименты, от их уплаты.

Освобождение от уплаты алиментов на ребенка возможно также в случае, если при исполнении судебного приказа или решения суда о взыскании алиментов ребенок, на которого они были присуждены, перешел на воспитание и содержание к родителю – плательщику алиментов, а взыскатель не отказался от их получения. При этом освобождение от уплаты алиментов, а также от задолженности по алиментам производится путем предъявления родителем соответствующего иска[5].

2. Отсутствие судебного решения о взыскании алиментов по причине установления судом оснований освобождения от этой обязанности. Суд вправе отказать во взыскании

1 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 (ред. от 24.12.2020) «О судебной практике по делам о наследовании» (абз. 4 п. 20) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 7. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

2 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 (ред. от 24.12.2020) «О судебной практике по делам о наследовании» (абз. 1 п. 20) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 7. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

3 Например, согласно § 540 Всеобщего гражданского кодекса Австрии от 01.06.1811 (с изм. и доп. по состоянию на 27.07.2010): «Лицо, ... грубо пренебрегшее по отношению к наследодателю своими обязанностями, вытекающими из правоотношений между родителями и детьми, является так долго недостойным права наследования, пока из обстоятельств не станет ясно, что наследодатель простил его».

4 Апелляционное определение Московского городского суда от 06.03.2015 по делу № 33-6719. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

5 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» (п. 36). В силу п. 59 этого же постановления: «Если совершеннолетним лицам, получающим алименты, предоставлены социальные услуги в стационарной форме в организациях социального обслуживания бесплатно (например, когда они проживают в домах-интернатах для престарелых и инвалидов, ветеранов войны и труда, в иных организациях, осуществляющих стационарное социальное обслуживание) либо такие лица переданы на обеспечение (попечение) общественной или других организаций или граждан (в частности, в случае заключения с ними договоров пожизненного содержания с иждивением), то указанные обстоятельства могут явиться основаниями для освобождения плательщика алиментов от их уплаты, если отсутствуют исключительные обстоятельства, делающие необходимыми дополнительные расходы (особый уход, лечение, питание и т.п.)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2018. – № 4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

алиментов совершеннолетнему дееспособному лицу, если установлено, что оно совершило в отношении лица, обязанного уплачивать алименты, умышленное преступление или в случае недостойного поведения совершеннолетнего дееспособного лица в семье.

Кроме того, в силу пункта 2 статьи 97 Семейного Кодекса Российской Федерации суд вправе освободить пасынков и падчериц от обязанностей содержать отчима или мачеху, если последние воспитывали и содержали их менее пяти лет, а также если они выполняли свои обязанности по воспитанию или содержанию пасынков и падчериц ненадлежащим образом. Следовательно, при таком освобождении от обязанности содержать наследодателя, пасынков и падчериц в принципе невозможно отстранить от наследования после отчима и мачехи по этому основанию. При этом их право наследовать после отчима (мачехи) никак не обусловлено временем их воспитания и содержания последними (п. 3 ст. 1145 ГК РФ).

Выделение указанных двух групп оснований освобождения об алиментной обязанности в целях наследования обусловлено тем, что в первом случае, при наличии судебного решения о взыскании алиментов мог иметь место период злостного уклонения алиментообязанного лица-наследника от содержания умершего, при установлении которого последние отстраняются от наследства. Тогда как во втором случае судебного решения о взыскании алиментов вообще не было, поэтому таких субъектов вообще невозможно отстранить от наследования по причине злостного уклонения от содержания умершего.

В-четвертых, необходимо установление наличия факта злостного уклонения наследника от исполнения установленных законом обязанностей, связанных с содержанием наследодателя. О злостности уклонения свидетельствуют: приговор суда об осуждении за злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей, решение суда об ответственности за несвоевременную уплату алиментов, справка судебных приставов-исполнителей о задолженности по алиментам, постановление о привлечении к административной ответственности за неуплату средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей, другие доказательствами. Аналогичные доказательства злостности требовались и в советском праве[6]. Как верно замечают правоприменители, «одного лишь мнения истца или свидетелей со стороны истца о том, что ответчик не заботился о наследодателе, недостаточно для удовлетворения исковых требований»[7]. В числе других доказательств называют: письма наследодателя, в которых он жалуется на отсутствие поддержки со стороны наследника, соответствующие показания свидетелей [11, с. 38].

Понятие злостности относится к оценочным и требует тщательного судебного анализа: «злостный характер уклонения в каждом случае должен определяться с учетом продолжительности и причин неуплаты соответствующих средств»[8]. Как верно заметил А. В. Фиошин, «принятие судьей решения о признании наследника недостойным без ответа на вопрос о причинах, а также продолжительности неуплаты средств и соответствующего рационально-эмоционального анализа данного ответа вряд ли возможно» [12, с. 260], [13].

Такой подход связан с тем, что обязанности по содержанию наследодателя могут не исполняться по уважительной причине (болезнь, нетрудоспособность, невозможность устроиться на работу и проч.). В таких случаях отстранять лицо от наследования нельзя. Заметим, что в семейно-правовой литературе предлагается на законодательном уровне закрепить примерный перечень таких уважительных причин [5, с. 57].

Сам Верховный Суд Российской Федерации, в частности, привел два примера злостности уклонения: а) непредоставление содержания без уважительных причин и б) сокрытие алиментнообязанным лицом действительного размера своего заработка и (или) дохода, смена им места работы или места жительства, совершение иных действий в этих же целях[9].

Характеристика уклонения от обязанности содержания наследодателя как злостного также указывает и на субъективную сторону такого правонарушения – это умысел. Как следствие, небрежность и случайность неуплаты содержания, а также неделиктоспособность плательщика (например, недееспособность) свидетельствуют об отсутствии состава рассматриваемого правонарушения и не могут стать основаниями отстранения лица от наследства. К примеру, суд отказал в признании ответчика недостойным наследником, поскольку он являлся инвалидом с детства, решением суда был признан недееспособным, в связи с чем оказывать материальную или иную помощь наследодателю (отцу) не мог [10, с. 101].

Следует также заметить, что уклонение является длящимся правонарушением, поэтому неисполнение обязанности содержать наследодателя не должно быть разовым или эпизодическим, оно «требует» постоянства и систематичности [7, с. 107].

Важно также обратить внимание, что прекращение обязанности содержать умершего, от которой злостно уклонялся наследник, не влияет на возможность отстранения последнего от наследства. Так, с иском об отстранении от наследства обратилась мать умершего к отцу умершего и своему бывшему мужу. Судом было установлено, что с 2005 г. по 2017 г. (год совершеннолетия сына) ответчик злостно уклонялся от уплаты алиментов на сына, который скончался в 2020 г. Истица доказала, что «ответчик при жизни сына и до его совершеннолетия злостно уклонялся от выполнения обязанностей по содержанию наследодателя, материально не содержал, алименты не платил, своих обязанностей родителя не осуществлял, не принимал участия в воспитании и обучении сына, оказывал отрицательное влияние на его развитие». Суд иск удовлетворил[10].

Единовременное погашение задолженности по алиментам и уплата взысканной неустойки, в том числе при жизни наследодателя, также не устраняют злостности правонарушения. Так, дочь умершей обратилась к своему брату, сыну умершей, с иском об отстранении его от наследования после смерти матери. Суд установил систематическое неисполнение ответчиком обязанности по выплате алиментов на содержание его матери (наследодателя), что подтверждается постановлениями судебного пристава-исполнителя о расчете задолженности по алиментам, вступившим в законную силу решением суда о взыскании с ответчика неустойки по алиментам, и отметил, что «факт погашения накопившейся задолженности, а также неустойки указанного вывода не опро-

6 Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 01.07.1966 № 6 «О судебной практике по делам о наследовании» (п. 10). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

7 Апелляционное определение Московского городского суда от 26.08.2019 по делу № 33-38384/2019. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

8 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 (ред. от 24.12.2020) «О судебной практике по делам о наследовании» (абз. 2 п. 20) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 7. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

9 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 (ред. от 24.12.2020) «О судебной практике по делам о наследовании» (абз. 3 п. 20) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 7. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

10 Апелляционное определение Рязанского областного суда от 20.06.2022 № 33-975/2022 (УИД 62RS0003-01-2021-002702-64). Определением Второго кассационного суда общей юрисдикции от 15.11.2022 № 88-26294/2022 данное определение оставлено без изменения. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из СПС «Консультант Плюс».

вергает, поскольку злостное уклонение от уплаты алиментов в период, когда мать в них нуждалась, непредоставление ей ежемесячной материальной поддержки в виде взысканных решением суда алиментов по делу доказано»[11].

В-пятых, необходимо наличие решения суда о взыскании алиментов. Это условие сформулировано в правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации и представляет собой результат ограничительного толкования пункта 2 статьи 1117 Гражданского Кодекса Российской Федерации, в которой не упоминается о том, что законная обязанность содержать наследника должна быть установлена решением суда. Заметим, что эта правовая позиция обжаловалась в Конституционный суд Российской Федерации, но безуспешно[12] [1, с. 87]. В связи с этим трудно согласиться с выводом о том, что «под термином «злостное уклонение от выполнения обязанности по содержанию» следует понимать отсутствие всякого желания со стороны наследника для выполнения обязанности по содержанию наследодателя, даже при наличии такой возможности»[13]. Помимо нежелания содержать наследодателя должно быть ещё судебное решение о взыскании алиментов.

Верховный Суд Российской Федерации также последовательно придерживается позиции, что для отстранения от наследования необходимо судебное решение о взыскании алиментов. Так, удовлетворяя жалобу дочери наследодательницы, которую нижестоящие суды признали недостойной наследницей по причине злостного уклонения от содержания умершей матери, Верховный Суд РФ отметил: «Однако удовлетворяя исковые требования, суды не учли, что решение о взыскании алиментов с ответчика на содержание наследодателя не принималось»[14].

Важно отметить, что рассматриваемым решением суда должны быть взысканы именно ***алименты*** на наследодателя, а не удовлетворены иные требования в отношении ответчика. К примеру, в одном из дел о признании ответчика недостойным наследником было представлено истцом решение суда, которым был «установлен факт ненадлежащего исполнения ответчиком обязанностей нанимателя по договору социального найма, но не факт злостного уклонения от выполнения лежавших на ответчике в силу закона обязанности по содержанию наследодателя»[15].

Кроме того, решением суда должны быть взысканы алименты именно на содержание ***наследодателя***, а не в пользу иных лиц. Так, П. Ю. обратилась в суд с иском к своей дочери К. С. о признании недостойным наследником, отстранении от наследования после смерти в 2014 г. своего мужа, отца ответчицы. Истица указала, что ответчица «в период с 1986 года никогда не оказывала материальной помощи своим родителям, в частности отцу, не проявляла заботу о родителях. Кроме того, ответчик не выплачивает алименты своей матери – истцу, установленные судом». Суд, отказывая в иске, указал, что алименты были взысканы судом с ответчицы не в пользу наследодателя, а в пользу истца[16].

Интересно отметить, что отсутствие решения о взыскании алиментов на содержание наследодателя является самым частым основанием отказа в удовлетворении исков об отстранении наследников от наследства. Истцы ссылаются на то, что обязанность содержать наследодателя проистекает не из закона или решения суда, а из норм морали: «истец пояснил, что решением суда с ответчика в пользу наследодателя алименты не взыскивались. Обязательства были установлены нормами морали»[17]. В другом деле истец указал, что «ответчик не имеет ни морального, ни материального права наследовать»[18]. Однако суды такое обоснование обязанности содержать наследодателя не принимают.

Верховный Суд Российской Федерации разъяснил, что решение суда о взыскании алиментов не требуется только в случаях, касающихся предоставления содержания родителями своим несовершеннолетним детям[19]. Здесь возникает вопрос о толковании этой правовой позиции. Е. А. Ходырева полагает, что «исключение правоприменителем сделано в отношении выплаты средств несовершеннолетним детям их родителями, предоставление содержания в пользу которых может осуществляться не только на основании судебного решения, но и судебного приказа или соглашения об уплате алиментов» [14]. Но возможно и иное толкование: злостное уклонение от содержания своих несовершеннолетних детей может доказываться любыми доказательствами, не запрещенными законом даже в отсутствии судебных актов/соглашений о взыскании/уплате алиментов. К примеру, в одном из споров об отстранении от наследования отца после смерти сына суд установил не только отсутствие решения суда о взыскании алиментов, но и тот факт, что ответчик сына «материально обеспечивал. С требованиями о взыскании алиментов к нему никто не обращался, с сыном имел нормальное общение, всегда проявлял о нем заботу»[20].

На наш взгляд, наиболее обоснованным является второй подход. Ведь несовершеннолетние дети имеют право на алименты даже при отсутствии нуждаемости. Законода-

11 Апелляционное определение Московского городского суда от 26.03.2019 по делу № 33-6704/2019. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из СПС «Консультант Плюс».

12 Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 февраля 2016 года № 346-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Лилеина Юрия Павловича и Макеева Бориса Аркадиевича на нарушение их конституционных прав пунктом 2 статьи 1117 Гражданского кодекса Российской Федерации и частью первой статьи 196 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» @@ Определение Конституционного Суда РФ от 28.03.2024 № 718-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Видяйкиной Екатерины Васильевны на нарушение ее конституционных прав статьей 1117 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьей 87 Семейного кодекса Российской Федерации» @@ Определение Конституционного Суда РФ от 27.06.2023 № 1644-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Бухарковой Ольги Анатольевны на нарушение ее конституционных прав пунктами 1 и 2 статьи 1117 Гражданского кодекса Российской Федерации, а также пунктами 19 и 20 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о наследовании». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из СПС «Консультант Плюс».

13 Байзигитова А. М. Наследственные права восходящих и боковых родственников наследодателя в России, Франции, Германии и Англии // Наследственное право. – 2006. - № 1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из СПС «Консультант Плюс».

14 Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 22.10.2019 № 18-КГ19-111. См. также: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 19.06.2018 № 18-КГ18-53 @@ Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 05.06.2024 № 88-10822/2024. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из СПС «Консультант Плюс».

15 Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 16.12.2021 № 88-26307/2021. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из СПС «Консультант Плюс».

16 Апелляционное определение Московского городского суда от 20.01.2016 по делу № 33-1676/2016. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из СПС «Консультант Плюс».

17 Апелляционное определение Московского городского суда от 14.11.2016 № 33-44293/2016. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из СПС «Консультант Плюс».

18 Апелляционное определение Московского городского суда от 14.10.2015 по делу № 33-36550/15. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из СПС «Консультант Плюс».

19 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 (ред. от 24.12.2020) «О судебной практике по делам о наследовании» (п. 20). Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 7. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

20 Апелляционное определение Московского городского суда от 14.10.2015 по делу № 33-36550/15. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

тель и суды исходят из того, что родители несовершеннолетних детей обязаны их содержать во всех случаях, тогда как в отношении иных лиц, имеющих право на алименты, необходимо судебное решение, которым устанавливается не только нетрудоспособность, но также и нуждаемость алиментополучателя. Разъяснение Верховного Суда Российской Федерации о том, что для отстранения от наследования «решение суда о взыскании алиментов не требуется только в случаях, касающихся предоставления содержания родителями своим несовершеннолетним детям», надлежит толковать буквально. Кроме того, соглашение об алиментах может быть заключено не только в отношении несовершеннолетнего ребенка, но и других алиментополучателей по закону (ст. 99 СК РФ).

В-шестых, отсутствие завещания в пользу наследника, злостно уклонявшегося от содержания наследодателя. Это условие имеет абсолютное значение, если завещано всё имущество. Если осталась незавещанной часть имущества и у заинтересованного лица есть интерес в отстранении от наследования незавещанной части, то это условие не действует.

Здесь также возникает вопрос о «прощении» наследодателем наследника, уклонявшегося от его содержания.

Подчеркнем, что рассматриваемые лица не могут наследовать только по закону. По завещанию они имеют право наследовать. И здесь, также как в случае с родителями, лишенными родительских прав, идет речь не о восстановлении права наследования [10, с. 45], так как право наследования по закону так и не будет «восстановлено», а о наделении наследника правом наследования только по завещанию.

Однако дискутируется вопрос о моменте совершения такого завещания: имеет ли значение совершение завещания до или после уклонения от исполнения обязанности по содержанию наследодателя? Одни ученые считают, что «время составления завещания (до или после уклонения) учитываться не должно, поскольку отстранение распространяется только на наследование по закону. Завещатель, недовольный поведением назначенного наследника, может отменить сделанные распоряжения» [7, с. 107]. Другие полагают, что такое решение было бы несправедливым, если завещатель в силу преклонного возраста или болезни не мог фактически отменить завещание: «Предположим, что престарелый наследодатель составил завещание в пользу своего сына, но после практически одновременного наступления недееспособности и нуждаемости в уходе и заботе сын-наследник бросил своего отца – ухаживать за ним стала обделенная им наследством дочь. По Гражданскому Кодексу Российской Федерации никакой возможности восстановить справедливость нет, поскольку составить новое завещание или хотя бы отменить старое старик не может как недееспособный» [6, с. 20].

На наш взгляд, в этой ситуации должно быть принято более сбалансированное решение: время составления завещания в пользу недостойного наследника не должно иметь значение, за исключением случая, если будет доказано, что наследодатель в силу преклонного возраста или болезни не мог фактически отменить или изменить завещание. Это позволит исключить излишний государственный патернализм в наследственных правоотношениях и повысить ответственность самих наследодателей за содержание и своевременное изменение своего завещания.

На наследование по праву представления никак не влияет тот факт, что представляемый умерший законный наследник при жизни злостно уклонялся от выполнения лежавших на нем в силу закона обязанностей по содержанию наследодателя (а значит, будь он жив, мог бы быть отстранен судом от наследования по закону – пункт 2 статьи 1117 Гражданского Кодекса Российской Федерации). Такой подход законодателя вызывает критику в научной литературе, поскольку потомки недостойных наследников, предусмотренных пунктом 1 статьи 1117 Гражданского Кодекса, в том числе наследника-родителя, лишенного прав в отношении ребенка (т.е. родных братьев и сестер наследодателя), не наследуют по праву представления, а потомки граждан, злостно уклонявшихся от содержания наследодателя (п. 2 ст. 1117 ГК РФ), наследуют по праву представления: «право представления, являясь институтом только законного наследования, должно бы единообразно применяться ко всем категориям наследников по закону, в том числе и в части лишения права законного наследования»[6, с. 21]. На наш взгляд, такое решение справедливо и может быть поддержано.

Пристатейный библиографический список

1. Беспалов Ю. Ф., Беспалова А. Ю. Дела о наследовании: некоторые спорные вопросы правоприменения. – М.: Проспект, 2012. – 112 с. – С. 87.
2. Гаврилов В. Н. Отстранение от наследования недостойных наследников: история, перспективы и зарубежный опыт // Правоведение. – 2002. – № 5 (244). – С. 190-196. – С. 195.
3. Касаткина А. Ю. Отстранение от наследства: судебный и нотариальный порядок // Нотариус. – 2015. – № 2. – С. 28-32. – С. 30.
4. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть третья: учебно-практический комментарий (постатейный) / Е. Н. Абрамова, Н. Н. Аверченко, В. В. Грачев и др.; под ред. А. П. Сергеева. – М.: Проспект, 2011. – 392 с. (автор комментария к ст. 1117 – В. В. Ровный).
5. Кондрашова М. А. Актуальные вопросы исполнения алиментной обязанности в России // Семейное право на рубеже XX – XXI веков: к 20-летию Конвенции ООН о правах ребенка: Материалы Международной научно-практической конференции/ И. Ф. Александров, О. С. Алферова, З. А. Ахметьянова и др.; отв. ред. О. Н. Низамиева. – М.: Статут, 2011. – С. 55-57. – С. 57.
6. Муртазина Г. М. Правовые проблемы института недостойных наследников // Юрист. – 2012. – № 21. – С. 18-21. – С. 20-21.
7. Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110 – 1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации / Р. С. Бевзенко, С. Л. Будылин, Е. В. Кожевина и др.; отв. ред. Е. Ю. Петров. – М.: М-Логос, 2018. – 656 с. (комментарий к ст. 1117 ГК РФ). – С. 107.
8. Огнева Н. И. Отстранение от наследования граждан: гражданско-процессуальный аспект // Наследственное право. – 2016. – № 3. – С. 23-26. – С. 23.
9. Основы наследственного права России, Германии, Франции / Ю. Б. Гонгало, К. А. Михалев, Е. Ю. Петров и др.; под общ. ред. Е. Ю. Петрова. – М.: Статут, 2015. – 271 с. – С. 45.
10. Петров В. И. Сложности признания недостойным наследником (часть вторая) // Жилищное право. – 2015. – № 10. – С. 101-112. – С. 101.
11. Соменков С. А. Общие положения о наследовании // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2006. – № 10. – С. 32-38. – С. 38.
12. Фиошин А. В. О судейской дискреции при рассмотрении дел, связанных с оценочными понятиями наследственного и семейного права // Вестник гражданского процесса. – 2019. – № 4. – С. 250-264. – С. 260.
13. Фиошин А. В. Оценочные понятия в нормах о недостойных наследниках // Российский судья. – 2015. – № 11. – С. 15-18.
14. Ходырева Е. А. Право наследования в гражданском праве России. – М.: Статут, 2022. – 386 с. (§ 3.2. Прекращение права наследования).

ГРУЗДЕВ Владислав Викторович
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права Центросоюза Российской Федерации, Сибирский университет потребительской кооперации, г. Новосибирск

КИРОВА Яна Алексеевна
старший преподаватель кафедры гражданского права Центросоюза Российской Федерации, Сибирский университет потребительской кооперации, г. Новосибирск

ФЕСЕНКО Елена Алексеевна
кандидат социологических наук, доцент кафедры гражданского права Центросоюза Российской Федерации, Сибирский университет потребительской кооперации, г. Новосибирск

ЗАЧЕТ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ПРЕКРАЩЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

В настоящей статье представлен всесторонний анализ зачета как одной из ключевых разновидностей прекращения обязательств в гражданском обороте. Рассматривается зачет в контексте его роли в обеспечении экономической эффективности и снижении рисков для участников правоотношений. Авторами последовательно исследованы все известные практике случаи применения зачета, включая законный и добровольный (договорный) зачет. Проводится сравнительный анализ их сущностных черт, условий реализации и правовых последствий. Особое внимание уделяется выявлению общих закономерностей, присущих всем видам зачета, а также детальному рассмотрению специфических особенностей каждого из них, что способствует более глубокому пониманию данного правового института и его практического значения в современной хозяйственной деятельности.

Ключевые слова: обязательство, прекращение обязательства, зачет, ординарный зачет, соглашение о зачете, неттинг, исполнительский зачет, автоматический зачет.

GRUZDEV Vladislav Viktorovich
Ph.D. in Law, associate professor, professor of Civil Law of the Central Union of the Russian Federation sub-faculty, Siberian University of Consumer Cooperation, Novosibirsk

KIROVA Yana Alexeevna
senior lecturer of Civil Law of the Central Union of the Russian Federation sub-faculty, Siberian University of Consumer Cooperation, Novosibirsk

FESENKO Elena Alexeevna
Ph.D. in sociological sciences, Associate Professor of Civil Law of the Central Union of the Russian Federation sub-faculty, Siberian University of Consumer Cooperation, Novosibirsk

OFFSETTING AS A TYPE OF TERMINATION OF OBLIGATIONS

This article provides a comprehensive analysis of set-off as one of the key types of termination of obligations in civil circulation. It examines set-off in the context of its role in ensuring economic efficiency and reducing risks for participants in legal relations. The authors consistently analyze all known cases of set-off, including legal and voluntary (contractual) set-off. They conduct a comparative analysis of their essential features, conditions of implementation, and legal consequences. Special attention is paid to identifying the general patterns inherent in all types of offset, as well as to a detailed examination of the specific features of each of them, which contributes to a deeper understanding of this legal institution and its practical significance in modern economic activity.

Keywords: obligation, termination of an obligation, set-off, ordinary set-off, set-off agreement, netting, performance set-off, automatic set-off.

Участники оборота нередко вправе требовать друг от друга исполнения того, что обязаны исполнить со своей стороны. Разумно допустить осуществление подобных встречных притязаний посредством их зачета. В противном случае наблюдается лишенный практического смысла обмен: лицо приобретает имущество от контрагента, одновременно отчуждая последнему такое же имущество.

Институт зачета (compensatio – уравновешивание) был известен Древнему Риму. При императоре Юстиниане выработаны следующие условия применения compensatio: 1) требования должны быть встречные – кредитор по основному требованию является должником по встречному (creditorem eundemque debitorem); 2) требования должны быть ликвидные, то есть, не запутаны сложными деталями, и судье может быть легко представлен результат (causa liquida non multis ambagibus innodata, sed possit iudici facilem exitum sui praestare); 3) требования не должны быть парализованы в силу правопоражающего возражения (quaecumque per exceptionem peremi possunt, in compensationem veniunt); 4) требования должны быть с наступившим сроком (quod in diem debetur, non compensa-bitur, antequam dies veniat); 5) требования должны быть однородны [6, с. 325, 326].

Свод законов Российской империи не знал зачета как отдельного правового института. Подробную регламентацию рассматриваемого основания прекращения обязательств предусматривал проект Гражданского уложения Российской империи 1899 года (ст. 154-162 книги пятой). Составители проекта отмечали, что зачет (compensatio) имеет самостоятельное значение, если законодательство предоставляет каждой из сторон, являющихся в одно и то же время верителем и должником в отношении друг друга, освободиться от обязательства ссылкой на зачет своего долга принадлежащим ей требованием независимо от согласия на это другой стороны. Если стороны заключают соглашение, по которому одна освобождает другую от лежащего на ней обязательства с тем, что другая сторона, в свою очередь, откажется от принадле-

жащего ей требования, то такое соглашение подходит под общее понятие договора, допустимость которого не вызывает сомнений. Возможен также судебный зачет, поскольку закон не требует неразрывной связи между встречным и первоначальным исками. Но для того, чтобы заявление о зачете, сделанное одной из сторон независимо от предъявления другой стороной иска, имело обязательную силу, требуется положительное постановление закона, которым такому заявлению прямо сообщается значение прекращающего оба долга[1].

В ГК РФ 1922 года зачету была посвящена всего одна норма: согласно п. «б» ст. 129 обязательство прекращается полностью или в части зачетом встречного однородного требования, срок которого наступил. Как указывалось в литературе, наличие предусмотренных законом условий является необходимой предпосылкой для совершения сделки, именуемой зачетом. Эта сделка может быть договором о зачете, но достаточно и волеизъявления одной из сторон [5, с. 403].

Ст. 229-231 ГК РСФСР 1964 года содержат положения о зачете, которые во многом воспроизводятся в ст. 410-412 ГК РФ. По смыслу данных положений зачет не является следствием соглашения сторон и не наступает автоматически, а представляет собой одностороннюю сделку, совершаемую по заявлению обладателя одного из двух встречных требований [3, с. 192].

Зачет ошибочно относить только к области односторонних волеизъявлений участников оборота. Наряду с заявлением о зачете основаниями прекращения обязательств могут также являться: соглашение (договор) о зачете; оказание клиринговых услуг; правоприменительный акт (постановление судебного пристава-исполнителя), которым произведен зачет между сторонами соответствующих исполнительных производств; событие, влекущее за собой погашение встречных требований в силу закона или соглашения сторон.

Зачету, вызываемому любым из названных юридических фактов, присущи следующие черты: 1) отсутствует исполнение обязательств, однако имущественное предоставление по каждому обязательству считается совершенным в объеме зачтенных требований; 2) объем засчитываемых требований определяется с учетом результатов операции сальдирования.

В цивилистической науке утверждается, что при зачете имеет место исполнение обязательств – надлежащее исполнение [5, с. 403] или суррогат исполнения (квазиисполнение) [7, с. 77-78]. Существует противоположное мнение, в силу которого сущность зачета заключается в отказе лица от исполнения в одном обязательстве и от права требования в другом (встречном) обязательстве [9].

Под исполнением обязательства понимается совершение или воздержание от совершения действий, составляющих предмет обязательства. Очевидно, что стороны прекращаемых зачетом обязательств в отношении друг друга не совершают никаких действий (кроме собственно направленных на зачет). Намного выгоднее и значительно проще погасить встречные обязательства зачетом, чем организовывать исполнение по каждому из них [8, с. 112]. Аналогичная картина обнаруживается в ситуации, подпадающей под действие п. 4 ст. 313 ГК РФ.

Зачет оптимизирует оборот и позволяет сокращать транзакционные издержки участников: при наличии встречных однородных требований неразумным было бы исполнять в пользу лица, от которого должно последовать «зеркальное» исполнение. Поэтому не совершаются действия, предусмотренные засчитываемыми обязательствами, то есть никакого исполнения, в том числе суррогатного, нет. Однако в сравнении с отказом от исполнения обязательства при зачете наблюдается имущественное предоставление: каждая из сторон приобретает экономическое благо посредством сбережения того, что должна была передать другой стороне. Иными словами, сторона без исполнения обязательства считается совершившей имущественное предоставление (по своему долгу) и получившей имущественное предоставление (по своему праву требования).

Всякий зачет предполагает сальдирование – определение остатка (сальдо) взаимных денежных или иных предоставлений сторон.

По смыслу п. 1 ст. 407, ст. 410 ГК РФ установление завершающей обязанности (сальдо встречных обязательств) производится с учетом правил проведения зачета встречных требований и предусмотренных законом ограничений для проведения зачета. Согласно сложившейся судебной практике сальдирование имеет место тогда, когда в рамках одного договора либо нескольких взаимосвязанных договоров определяется обязанность сторон при прекращении договорных отношений полностью (либо их отдельного этапа)[2].

Суть сальдирования заключается в следующем: при сведении двух столбцов по дебету и кредиту с дальнейшим вычитанием меньшей суммы из большей, получается остаток, который носит название сальдо. В связи с этим сальдирование является математической операцией, которая применяется, когда налицо взаимные расчеты, а само сальдо – это цифровое отражение отношений сторон [4].

Субъекты, осуществляющие сальдирование (сторона или стороны встречных обязательств, клиринговая организация, правоприменительный орган или должностное лицо правоприменительного органа), по ходу данной операции могут производить и (или) констатировать зачет встречных требований, результаты которого фиксирует выведенное сальдо (например, может служить подтверждением зачета акт сверки взаимных расчетов, подписанный уполномоченными лицами сторон). В таких случаях сальдирования учитываются как юридические факты, которые привели к рассматриваемому прекращению обязательств.

Сальдирование наблюдается в разных ситуациях, в том числе при зачете. Без сальдирования зачет невозможен. Вместе с тем сальдирование не является родовым понятием по отношению к зачету, так как природа этих явлений различна: сальдирование – это математические действия, которые могут дополняться, но не обязательно дополняются юридическим фактом, прекращающим обязательственные правоотношения. В частности, не сопровождается зачетом сальдирование, имеющее целью определение только действительного объема взаимного имущественного предоставления сторон, в том числе при уменьшении объема имущественного предоставления неисправной стороны[3].

В отличие от зачета сальдирование не является следствием юридического факта, однако находится не только в области арифметики. Оно всегда имеет правовое значение, по-

1 Проект Высочайше учрежденной Редакционной Комиссии по составлению Гражданского Уложения (с объяснениями). Книга 5. Том первый. - СПб., 1899. - С. 327.

2 Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 22.08.2024 по делу № А40-29451/2023.

3 Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 02.08.2023 по делу № А56-108855/2019.

скольку отражает, пусть и в цифровых значениях, состояние обязательственных отношений сторон, а при определенных условиях может служить доказательством прерывающего исковую давность признания долга (ст. 203 ГК РФ).

Таким образом, зачет – это погашение встречных требований без исполнения соответствующих обязательств с образованием нулевого или ненулевого сальдо. Зачет является частным случаем собственно прекращения обязательств, а приводящий к зачету юридический факт предстает как одно из оснований прекращения обязательств.

Чтобы требование одной стороны было зачтено против требования другой стороны, нужно действие, влекущее за собой прекращение обязательств (проведение зачета), либо событие, производящее данный эффект в силу закона (ipso jure) или соглашения сторон. С учетом этого выделяются: ординарный зачет (зачет вследствие односторонней сделки), договорный зачет (зачет вследствие соглашения сторон), неттинговый зачет (зачет вследствие услуг клиринговой организации), исполнительский зачет (зачет вследствие правоприменительного акта судебного пристава-исполнителя), автоматический зачет (зачет вследствие события, предусмотренного законом или соглашением сторон).

Ординарный зачет традиционно подвергается отдельному правовому регулированию (в настоящее время это нормы ст. 410-412 ГК РФ), которое, наряду с прочим, определяет условия допустимости соответствующего одностороннего волеизъявления. Заявление о зачете является пресекательной сделкой, так как прекращает засчитываемые обязательства. При этом оно не только упраздняет субъективное право компенсанта, освобождая компенсата от противостоящей этому праву обязанности, но и лишает компенсата субъективного права, которому противостоит упраздняемая обязанность компенсата. Между тем умаление имущественно-правовой сферы одного субъекта действиями другого субъекта является исключением из общего правила о недопустимости таких действий, что предполагает необходимость строго нормативного определения их оснований и юридических последствий. В связи с этим заявление о зачете непременно должно быть поименованной в законе сделкой.

Известными особенностями характеризуется ординарный судебный зачет, проводимый стороной после предъявления к ней другой стороной иска. На это счет в абз. 2 п. 19 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11.06.2020 № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств»[4] содержатся следующие разъяснения: сторона по своему усмотрению вправе заявить о зачете, как во встречном иске, так и в возражении на иск; также после предъявления иска ответчик вправе направить истцу заявление о зачете и указать в возражении на иск на прекращение требования, по которому предъявлен иск, зачетом.

Нельзя согласиться с тем, что зачет при удовлетворении первоначального и встречного исков не есть истинный зачет, так как объявляется судом и происходит помимо воли сторон[5].

Во-первых, сама по себе ненормальна ситуация, когда суд удовлетворяет первоначальный и встречный иски помимо воли предъявивших их лиц.

Во-вторых, строго говоря, суд не производит зачет, а ex officio констатирует прекращение установленных им обязательств вследствие односторонней сделки ответчика, оформленной во встречном исковом заявлении[6]. При этом даже непринятие встречного искового заявления к производству суда отнюдь не означает, что не было порождающего материально-правовые последствия заявления о зачете – если копия встречного искового заявления получена истцом, рассматриваемую сделку следует признать совершенной.

Аналогичная картина наблюдается в ситуации, когда о зачете указывается в возражениях на иск: принимая решение, суд учитывает уже произведенный ответчиком зачет.

Другое дело – сальдирование, которое суд непременно осуществляет, указывая в резолютивной части решения денежную сумму, подлежащую взысканию в результате констатируемого зачета. Такое сальдирование должно производиться при строгом соблюдении установленной законом (в частности, ст. 319 ГК РФ) очередности удовлетворения соответствующих требований сторон[7].

Следовательно, ординарный судебный зачет – это зачет, проведение которого односторонней сделкой ответчика, совершенной после предъявления к нему иска, констатируется в решении суда.

Соглашение о зачете является разновидностью пресекательного договора – двух- или многосторонней[8] сделки, направленной на прекращение гражданских прав и обязанностей (п. 1 ст. 420 ГК РФ). Данное соглашение не поименовано в законе[9], заключается в силу свободы договора с определением условий по усмотрению сторон и при соблюдении универсального императива. При этом оно нередко оказывается смешанным договором, включающим дополнительно элементы отступного, новации, уступки права, перевода долга, исполнения обязательств.

По соглашению контрагентов могут засчитываться разные требования, в том числе: неоднородные и несозревшие требования; требования о выполнении работ или оказании услуг, которые с целью зачета новируются этим соглашением в однородные (как правило, денежные). По этому поводу в абз. 4 п. 4 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» указывается, что нормы ст. 410 ГК РФ, устанавливающие предпосылки прекращения обязательства односторонним заявлением о зачете, не означают запрета соглашения договаривающихся сторон о прекращении неоднородных обязательств или обязательств с ненаступившими сроками исполнения и т.п.

В процессе неттинга определяются требования или долги каждого участника клиринга по всем совершенным им сделкам за определенный период времени. Для этого из суммы всех требований данного участника клиринга вычитается

4 Далее – постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 6.

5 Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307-328 и 407-419 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. - М., 2022 (автор комментария – А. А. Павлов).

6 Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 16.08.2018 по делу № А40-79380/2017.

7 П. 15 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2026), утвержденного постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 25.03.2026 № 5А/2026.

8 Многосторонний договор о зачете принято именовать соглашением о взаимозачете.

9 Норма п. 1 ст. 407 ГК РФ допускает, но прямо не называет соглашение о зачете. Поэтому нельзя признать, что оно поименовано в этой норме.

сумма всех его долгов. Полученная вследствие такого многостороннего зачета сумма составляет чистое сальдо (позицию). В результате выявляются участники клиринга, которые являются должниками (нетто-должники), и участники клиринга, которые являются кредиторами (нетто-кредиторы). Платеж соответствующей суммы нетто-должником в пользу нетто-кредитора называется ликвидацией (урегулированием) позиции. После урегулирования позиций неттинг считается завершенным [2, с. 376].

Неттинговый зачет производится клиринговой организацией в ходе оказания ею клиринговых услуг. Требования и долги самой клиринговой организации не включаются в клиринговый пул (совокупность подлежащих прекращению обязательств). Правовым эффектом произведенного зачета является чистое сальдо – так называемая позиция, подлежащая дальнейшей ликвидации посредством исполнения нетто-должником в пользу нетто-кредитора вновь возникшего денежного обязательства (обязательства по сальдо). В связи с этим неттинговый зачет, как правило, дополняется установлением обязательств, то есть является элементом механизма неттинговой новации.

Исполнительский зачет регулируется правилами, предусматривающими порядок исполнения требований исполнительных документов. В частности, нормативной предпосылкой такого зачета являются положения ч. 2 ст. 88.1 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», в силу которых по заявлению взыскателя или должника либо по собственной инициативе судебный пристав-исполнитель производит зачет встречных однородных требований, подтвержденных исполнительными документами о взыскании денежных средств, на основании которых возбуждены исполнительные производства.

Исходя из буквального толкования указанной нормы, ее положения определяют порядок проведения зачета требований, подтвержденных исполнительными документами о взыскании денежных средств, на основании которых возбуждены исполнительные производства, но не устанавливают запрет на осуществление зачета в случае, когда исполнительное производство по судебному акту не возбуждено[10]. В связи с этим зачет требований является допустимым и после вступления в законную силу судебных актов, подтвердивших наличие и размер соответствующих обязательств сторон, но без возбуждения по одному или обоим судебным актам исполнительного производства, а также после вступления в законную силу судебного акта по одному требованию и при отсутствии возражений должника по другому требованию (абз. 2 п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 6).

Существует мнение, что заявителю исполнительского зачета надлежит предварительно заявить о зачете другой стороне с тем, чтобы судебный пристав-исполнитель приводил положение сторон в публичной процедуре в соответствие с их положением в частноправовой сфере [1, с. 133].

Никакой необходимости в подобном усложнении исполнительского зачета нет. Соответствующий правоприменительный акт, хотя и совершается судебным приставом-исполнительным в рамках процессуальных отношений, влечет за собой материально-правовые последствия в виде прекращения засчитываемых требований сторон. Иными словами, исполнительский зачет независимо от того, кем он инициирован, имеет гражданско-правовое значение, определяя положение участников подтвержденных судебными актами обязательственных связей.

Автоматический зачет имеет место при наступлении события, предусмотренного законом или соглашением сторон. При возникновении любого спора суд ex officio констатирует автоматический зачет, осуществляя сальдирование, в результате которого определяется объем встречных требований, прекращенных вследствие соответствующего события.

Примерами обстоятельств, влекущих за собой автоматический зачет ipso jure, могут служить: извлечение лицом выгод от пользования возвращаемыми им собственнику безнадзорными домашними животными (абз. 1 ст. 232 ГК РФ); предоставление при наличии согласия лицу, у которого изымается земельный участок, иного земельного участка и (или) иного недвижимого имущества (п. 3 ст. 281 ГК РФ); победа залогодержателя на торгах, проводимых на основании решения суда или при обращении взыскания на заложенное имущество во внесудебном порядке (абз. 1 п. 3 ст. 350.2 ГК РФ).

По смыслу п. 3 ст. 407 ГК РФ стороны вправе своим соглашением установить автоматическое прекращение их встречных обязательств, не требующее заявления одной из сторон (п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 6).

Пристатейный библиографический список

1. Абушенко Д. Б. Вопросы ретроактивности зачета применительно к стадии исполнения судебного акта // Российский юридический журнал. - 2020. - № 6. - С. 130-135.
2. Банковское право: учебник для бакалавров / отв. ред. Л. Г. Ефимова, Д. Г. Алексеева. - М.: Проспект, 2019. - 608 с.
3. Иоффе О. С. Обязательственное право. - М.: Юрид. лит., 1975. - 880 с.
4. Костко В. С. Проблема сальдо в гражданском праве Российской Федерации // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. - 2024. - № 2. - С. 102-141.Малахов О. А. Договорная просрочка должника // Вестник гражданского права. - 2026. - № 1. - С. 120-171.
5. Новицкий И. Б., Лунц Л. А. Общее учение об обязательстве. - М.: Государственное издательство юридической литературы, 1950. - 416 с.
6. Римское частно право: учебник / под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. - М: КНОРУС, 2014. - 608 с.
7. Сарбаш С. В. Комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» // Вестник экономического правосудия. - 2021. - № 3. - С. 3-264.
8. Чурин С. Правовые формы предпринимательских расчетов, основанных на зачете взаимных требований // Хозяйство и право. - 1999. - № 1. - С. 111-119.
9. Малахов О. А. Договорная просрочка должника // Вестник гражданского права. - 2026. - № 1. - С. 120-171.

10 Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 11.03.2020 по делу № А40-251034/2015.

ЖУРАВЛЕВА Ольга Викторовна
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Ставропольский институт кооперации (филиал), Белгородский университет кооперации, экономики и права

БЫЧКО Марина Алексеевна
кандидат юридических наук, доцент, заведующий базовой кафедрой юридического сопровождения бизнеса, доцент кафедры гражданского права и процесса, Юридический институт, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь

РАЗУМОВ Павел Владимирович
доцент, доцент базовой кафедры юридического сопровождения бизнеса, доцент кафедры гражданского права и процесса, Юридический институт, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ НА ПРОМЫШЛЕННЫЙ ОБРАЗЕЦ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ СРОКА ДЕЙСТВИЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПРАВА

В научной статье исследуются проблемы, возникающие при параллельной охране одного и того же объекта интеллектуальной собственности авторским и патентным правом. Уделяется внимание последствиям перехода объекта интеллектуальных прав в общественное достояние после окончания срока действия патента на промышленный образец. В условиях увеличения числа судебных споров из-за правовой неопределенности, возникающей при применении сразу двух режимов интеллектуальной собственности к одному объекту, анализируются проблемы их соотношения и правоприменения. Проведенное исследование позволяет выявить, какие правовые коллизии можно наблюдать при параллельной охране объекта авторским и патентным правом, и о проблеме в отсутствии единых подходов разграничения режимов охраны.

Ключевые слова: патентное право, исключительное право, патент, промышленный образец, правообладатель, срок действия патентных прав.

Журавлева О. В.

ZHURAVLEVA Olga Viktorovna
Ph.D. in Law, associate professor of Civil law disciplines sub-faculty, Stavropol Institute of Cooperation (Branch), Belgorod University of Cooperation, Economics and Law

BYCHKO Marina Alexeevna
Ph.D. in Law, associate professor, Head of the Basic department of business legal support, associate professor of Civil law and process sub-faculty, Institute of Law, North Caucasus Federal University, Stavropol

RAZUMOV Pavel Vladimirovich
associate professor, associate professor of the Basic department of business legal support, associate professor of Civil law and process sub-faculty, Institute of Law, North Caucasus Federal University, Stavropol

Бычко М. А.

PROBLEMS OF PROTECTION OF INDUSTRIAL DESIGN RIGHTS AFTER THE EXPIRATION OF THE EXCLUSIVE RIGHT

The scientific article examines the problems that arise when the same intellectual property object is protected by both copyright and patent law. It focuses on the consequences of the object's transition to the public domain after the expiration of the industrial design patent. In the context of an increasing number of legal disputes due to the legal uncertainty that arises when two intellectual property regimes are applied to the same object, the article analyzes the issues of their relationship and enforcement. The conducted research allows us to identify the legal conflicts that can be observed in the parallel protection of an object by copyright and patent law, as well as the problem of the lack of unified approaches to distinguishing between the protection regimes.

Keywords: patent law, exclusive right, patent, industrial design, copyright holder, duration of patent rights.

Разумов П. В.

За последние несколько лет, в условиях экономической цифровизации, количество объектов интеллектуальной собственности значительно возросло, а также усилилась их репрезентативная роль в потребительской среде. В основном это связано с появлением социальных сетей, маркетплейсов и других цифровых платформ, обусловивших активное использование визуальных результатов интеллектуальной деятельности. В связи с этим возрастает потребность в правовой охране подобных объектов и выработке единых подходов к их квалификации в системе интеллектуальных прав.

К объектам, обладающим визуальной формой выражения, могут относиться: произведения изобразительного искусства, фотографии, карточки товаров на маркетплейсах, элементы графического и промышленного дизайна, а также

изображения, создаваемые с использованием искусственного интеллекта.

Большинство указанных объектов создаётся в результате творческой деятельности человека, что позволяет отнести их к объектам авторского права, за исключением объектов, созданных искусственным интеллектом.

Из содержания статьи 1228 ГК РФ мы определяем, что автором произведения признаётся физическое лицо, творческим трудом которого создан соответствующий результат интеллектуальной деятельности.

Отметим, что проблема определения условий авторско-правовой охраны результатов, полученных с применением искусственного интеллекта, уже находится в доктринальной проработке. В частности, Е. А. Кириллова [1] отмечает, что решающее значение имеет участие человека в создании результата: если искусственный интеллект используется как инструмент реализации творческого замысла, а итоговый объект формируется под контролем человека, он может признаваться объектом авторского права.

В свою очередь, Л. В. Сперанская также указывает, что результаты, полностью сформированные алгоритмом без творческого участия человека, не обладают признаками объекта авторского права. Вместе с тем правовая охрана возможна в случаях, когда человек определяет параметры создания результата, осуществляет его отбор либо вносит творческую переработку [2].

Следовательно, при правовой квалификации подобных объектов решающее значение приобретает установление характера самого участия человека в процессе их создания.

Защита авторского права возникает автоматически с момента создания произведения, требует государственной регистрации и имеет пожизненный срок действия, к которому также прибавляется семьдесят лет после смерти автора.

В свою очередь, по смыслу статей 1229 и 1233 ГК РФ изначально исключительное право на произведение, включая объекты дизайна, также принадлежит автору, однако в дальнейшем оно может быть передано другому лицу на основании договора или в иных случаях предусмотренных законом.

В соответствии со ст. 1259 ГК РФ объектами авторских прав признаются произведения науки, литературы и искусства независимо от их достоинств, назначения и способа выражения. В свою очередь, определение и признаки промышленного образца даны в п. 1 ст. 1352 ГК РФ, из которого следует, что в качестве промышленного образца охраняется решение внешнего вида изделия промышленного или кустарно-ремесленного производства.

В патентно-правовой модели регулирования, исключительное право возникает только после государственной регистрации и выдачи патента. Срок действия патента на промышленный образец, исходя из положений статьей 1363 гражданского кодекса составляет 5 лет с возможностью продления, но не более установленного законом максимального периода, который ограничен сроков в 25 лет.

Сравнение двух режимов позволяет выделить их ключевые преимущества и недостатки. Авторско-правовая охрана в данном случае характеризуется длительным сроком действия и отсутствием необходимости регистрации, однако требует доказывания факта создания произведения и принадлежности исключительного права. Патентно-правовая охрана, напротив, обеспечивает более определённый правовой статус объекта и упрощает защиту прав, поскольку наличие патента само по себе подтверждает исключительное право правообладателя.

Особое значение в патентной системе имеет критерий использования промышленного образца. Согласно абзацу четвертому пункта 3 статьи 1358 ГК РФ промышленный образец признаётся использованным в изделии не только при полном воспроизведении всех его существенных признаков, но и в случае, когда совокупность признаков производит на информированного потребителя такое же общее впечатление, какое производит запатентованный промышленный образец, при условии сходного назначения изделий. То есть защищается сама сущность технического или дизайнерского решения. Данный подход расширяет пределы охраны объекта и повышает эффективность защиты прав правообладателя.

При отсутствии государственной регистрации промышленного образца его внешний вид может получать правовую охрану в рамках авторского права. В данном случае ключевое значение имеет не совпадение объектов в виде тождественности, а установление факта воспроизведения охраняемых элементов произведения, выражающих его творческую индивидуальность. Ведь в авторском праве, согласно положениям ГК РФ, защита распространяется на форму выражения произведения, вследствие чего, нарушение может иметь место и при отсутствии полного совпадения сравниваемых объектов. В данном случае для квалификации использования будет уже достаточно установления заимствования индивидуальных творческих элементов, создающих узнаваемость оригинального результата.

Требование полной тождественности объектов не является обязательным критерием, как это определено в авторско-правовой охране, поскольку правовое значение имеет именно воспроизведение творческой формы, а не буквальное совпадение результата.

Так, при возникновении ситуации, когда один и тот же объект фактически подпадает под параллельную охрану авторского и патентного права, в результате зачастую возникает состояние правовой неопределенности для субъектов интеллектуальных прав, обусловленное ярко выраженными различиями в самой правовой природе и механизмах возникновения соответствующих прав. В данном случае появляется правовая коллизия между двумя режимами охраны прав объекта интеллектуальной собственности. В основном из-за различий их правовой природы.

В юридической литературе отмечается, что промышленный образец сочетает в себе как эстетические, так и функциональные признаки, вследствие чего способен одновременно обладать признаками объекта авторского и патентного права [3]. Объекты дизайна нередко становятся предметом параллельной правовой охраны, что создает сложности при разграничении соответствующих механизмов защиты. Ведь, если сравнить сроки охраны, то мы уже можем заметить огромные различия, которые в будущем у субъектов гражданских правоотношений вызывают проблемы при выборе того, каким правовым режимом им будет гарантирована большая охрана прав интеллектуальной собственности.

По мнению А. П. Сергеева, переход объекта в общественное достояние направлен на обеспечение баланса частных и публичных интересов посредством ограничения монополии правообладателя установленными законом сроками [4]. Переход в общественное достояние означает, что интеллектуальный объект может свободно использоваться любым лицом без получения чьего-либо согласия или разрешения, а также без выплаты вознаграждения.

Однако, как быть с исключительным правом автора на промышленный образец после окончания срока действия на патент. Если руководствоваться нормами действующего права, то ответ очевиден: данное право прекращается.

Следуя обратному, сохранение возможности защиты объекта нормами авторского права после прекращения патентной охраны способно привести к фактическому продолжению исключительного контроля автора над объектом и после истечения срока действия патента. В данном случае считаем недопустимым монополизацию права автора на созданные им объекты интеллектуальной собственности, поскольку это ведет приостановке промышленного прогресса.

Таким образом, сам автор определяет значимость своего объекта, срок действия и судьбу исключительных прав на него. Регистрируя патент на промышленный образец, автор соглашается с тем, что после окончания его действия, исключительные права на него будут прекращены. С другой стороны, игнорируя процесс государственной регистрации внешнего вида изделия автор получает условно неограниченный период действия своих исключительных прав и защиту результатов своего труда.

Как раз в последнем аспекте возникают особые трудности при реализации своих прав в судебных инстанциях.

Как показывает правоприменительная практика автору нужно еще постараться доказать наличие своих авторских прав на объект. Ярким примером является судебный спор по делу № А40-238305/2023, связанный с реализацией игрушечной модели автомобиля скорой помощи, внешний вид которой, по мнению истца, воспроизводил дизайн автомобиля «Соболь». Истец ссылался на нарушение исключительных прав на произведение промышленного дизайна автомобиля ГАЗ «Соболь». Суд по интеллектуальным правам отметил в данном споре, что наличие патента на промышленный образец само по себе не подтверждает существование исключительных прав на иной объект. Суд также указал на необходимость самостоятельного доказывания авторско-правовой охраны соответствующего объекта. В удовлетворении требований истца было отказано ввиду недоказанности факта использования именно спорного произведения дизайна [5]. Рассматриваемое дело показало сложности разграничения авторско-правовой и патентно-правовой охраны объектов дизайна, а также присутствие проблемы в доказывании наличия авторских прав на подобные объекты. То есть если автор промышленного образца не сможет доказать свои авторские права на него, и доказать, что объекты схожи в индивидуальном дизайне, то его права как автора не смогут быть доказаны судом.

Еще одним из ключевых аспектов рассматриваемой проблемы является допустимость одновременной охраны одного и того же объекта в рамках нескольких режимах. В правоприменительной практике данная позиция получила закрепление в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10, где указывается возможность применения нескольких правовых режимов охраны к одному результату интеллектуальной деятельности [6]. Указанный подход хоть и подтверждает, что не исключено параллельное существование авторского и патентного права в отношении одного объекта, однако не устанавливается чётких критериев их разграничения.

Подведя итоги, можно заметить, что с одной стороны, после окончания срока действия патента объект интеллектуальных прав переходит в общественное достояние и предполагает возможность свободного использования, с другой стороны факт использования после этого патента третьим лицами без согласия автора может нарушать его права на неприкосновенность результата его интеллектуальной деятельности в экономической сфере. В результате, правообладателю достаточно сложно определиться какой режим охраны ему использовать, хоть наличие патента и дает больше границ защиты для объекта интеллектуальной собственности, но и появляется также больше рисков утраты собственности над объектом, например, если автор не сможет доказать в процессе свои права как правообладателя.

С другой стороны, сохранение возможности защиты объекта нормами авторского права фактически продолжает монополию автора за пределами срока патентной охраны. Поэтому, отсутствие единообразного подхода к разграничению соответствующих правовых режимов создает некую неопределённость относительно пределов допустимого параллельного использования подобных объектов интеллектуальной собственности. Также отсутствие обязательной регистрации авторских прав, хоть и облегчает автору защиту своих прав на ранних этапах творчества, но создает риск невозможности доказать факт наличия этих прав в будущем.

Пристатейный библиографический список

1. Кириллова Е. А. Защита авторских прав на произведения, созданные искусственным интеллектом или с его помощью // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2025. –№ 6. – С. 75-79.
2. Сперанская Л. В. Авторское право на произведения, созданные искусственным интеллектом // СПС КонсультантПлюс. – 2026.
3. Ванюков П. Д., Близнец, И. А. Промышленный образец на евразийском пространстве: современное состояние и перспективы для бизнеса // Юрист. – 2023. – № 7. – С. 9-15.
4. Сергеев А. П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации: учебник. – М.: Проспект, 2016.
5. Определение Верховного Суда РФ от 19.03.2025 № 305-ЭС25-1816 по делу № А40-238305/2023.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации».

КРУГЛОВА Инна Александровна
доктор экономических наук, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры экономики, управления и предпринимательства, Международный банковский институт им. Анатолия Собчака

БРОДСКИЙ Михаил Наумович
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры правоведения, Международный банковский институт им. Анатолия Собчака

ЩЕРБАКОВСКИЙ Григорий Зиновьевич
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры правоведения, Международный банковский институт им. Анатолия Собчака

ЭЛЕКТРОННЫЕ СДЕЛКИ: ЧАСТНОПРАВОВЫЕ РИСКИ И СПОСОБЫ ИХ МИНИМИЗАЦИИ

В настоящей статье исследуются вопросы, обусловленные электронной формой волеизъявления частноправовые риски участников электронных сделок. Целью исследования выступают выявление и систематизация ключевых частноправовых рисков, возникающих при участии в электронных сделках, а также определение возможных направлений их минимизации с учетом действующего гражданского законодательства, сложившейся правоприменительной практики и современных доктринальных подходов. В результате проведенного анализа установлено, что специфика цифровых способов выражения воли и опосредованный характер взаимодействия сторон электронной сделки формируют самостоятельный комплекс частноправовых рисков, не сводимых к традиционным нарушениям обязательств. В качестве ключевого вывода сформулирован тезис о том, что частноправовые риски электронных сделок носят объективный и системный характер, не могут быть полностью устранены, но поддаются существенному снижению посредством применения формализованных механизмов идентификации и аутентификации, использования более надежных видов электронной подписи и общей «рамочной» формализации правил электронного взаимодействия.

Ключевые слова: электронные сделки, письменная форма сделки, электронный документ, электронный образ документа, электронная коммерция, электронно-цифровая подпись, заключение сделок в сети «Интернет», достоверное определение лица, идентификация лица.

Круглова И. А.

KRUGLOVA Inna Alexandrovna
Ph.D. in economical sciences, Ph.D. in Law, associate professor, professor of Economics, management and entrepreneurship sub-faculty, Anatoly Sobchak International Banking Institute

BRODSKY Mikhail Naumovich
Ph.D. in Law, professor, professor of Law studies sub-faculty, Anatoly Sobchak International Banking Institute

SHCHERBAKOVSKY Grigory Zinovievich
Ph.D. in Law, professor, professor of Law studies sub-faculty, Anatoly Sobchak International Banking Institute

ELECTRONIC TRANSACTIONS: PRIVATE LAW RISKS AND MITIGATION STRATEGIES

This article examines the issues related to the private law risks of participants in electronic transactions caused by the electronic form of expression of will. The study aims to identify and systematize the key private-law risks associated with participation in electronic transactions and to outline possible approaches to their mitigation, taking into account civil legislation, judicial practice, and contemporary legal doctrine. The use of digital means of consent and the mediated nature of online interaction generate a distinct set of private-law risks that cannot be reduced to traditional breaches of contractual obligations. The key conclusion is that such risks are objective and systemic in nature and cannot be fully eliminated; however, they may be significantly reduced through formalized identification and authentication mechanisms, the use of more secure types of electronic signatures and the establishment of framework rules governing electronic interaction.

Keywords: electronic transactions, written form of transaction, electronic document, electronic copy of a document, e-commerce, electronic signature, online contracting, identification and authentication.

Бродский М. Н.

Щербаковский Г. З.

Введение в проблематику

Как справедливо указывают авторы подавляющего большинства профильных исследований последних лет (в т. ч. Е. А. Летягина, К. А. Инсапова, Г. В. Костикова, В. В. Кузнецов, Д. О. Рахвалова и др.) [1; 2; 3; 4; 5; 6], эволюция технологий электронной коммуникации значительным образом видоизменило формы и способы совершения гражданско-правовых сделок, а цифровизация гражданского оборота привела к тому, что электронные сделки в настоящее время стали одной из основных форм реализации договорных и иных обязательственных правоотношений имущественного характера. При этом, как подчеркивает Е. А. Летягина, цифровые процессы превратились в неотъемлемый элемент функционирования гражданских правоотношений, а ускорение социально-экономического развития обусловило необходимость более оперативных и экономически эффективных способов взаимодействия контрагентов [5]. Широкое распространение маркетплейсов, сервисов и агрегаторов товаров и услуг в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (далее – Интернет, или сеть Интернет) объективно трансформировало традиционные модели заключения и исполнения сделок, существенно сократив временные и транзакционные издержки.

К. А. Инсапова также указывает, что сеть Интернет стала не только пространством для коммерции в узком смысле, но и универсальной средой для передачи прав, исполнения обя-

зательств и оформления соглашений в электронном формате. Одновременно с указанными процессами цифровизации гражданского оборота объективно формируется комплекс специфических частноправовых рисков, присущих именно электронному способу совершения сделок. Соответствующие риски обусловлены, прежде всего, особенностями выражения и фиксации волеизъявления сторон в электронно-цифровой среде, проблемами идентификации участников соответствующих правоотношений, сложностями доказывания факта и момента заключения сделки, а также трансформацией традиционных моделей распределения ответственности между контрагентами и цифровыми посредниками. Как справедливо указывает К. А. Инсапова, адекватное осмысление и правовая оценка условий заключения и исполнения электронных сделок невозможны без применения комплексного подхода, предполагающего одновременный нормативно-правовой анализ, учет технологических особенностей электронного документооборота и механизмов подписания документов, а также выявление уязвимых зон и рисковых факторов в действующем регулировании и правоприменительной практике [1]. В этих условиях исследование частноправовых рисков, возникающих при осуществлении электронной сделки, приобретает не только теоретическое, но и прикладное значение для формирования устойчивой и предсказуемой правоприменительной практики, нацеленной на превенцию и преодоления характерных для сферы электронной коммерции частноправовых рисков сторон.

Понятие и система частноправовых рисков электронных сделок

Особенности правового режима электронных сделок и обусловленные ими частноправовые риски участников электронного оборота сводятся к целому ряду вопросов, связанных с спользованием электронной подписи, доказывания факта волеизъявления либо установления личности волеизъявителя в электронно-цифровой среде, вопросам, связанных с дистанционным характером взаимодействия сторон, использованием цифровой инфраструктуры и перераспределением традиционных моделей ответственности, что обуславливает комплексный характер возникающих частноправовых рисков. При этом в отечественной правовой доктрине отсутствует единый подход по вопросу выделения наиболее значимых частноправовых рисков участия в электронных сделках или определения провоцирующих их неблагоприятных факторов, что обусловлено междисциплинарным характером исследуемой проблемы и многообразием точек зрения на способы их преодоления. Поэтому для целей настоящей статьи под частноправовыми рисками заключения и осуществления электронных сделок предлагается понимать совокупность неблагоприятных последствий имущественного, материального или иного обязательственного характера, вероятность наступления которых обусловлена спецификой электронного способа выражения, фиксации и реализации волеизъявления сторон, а также особенностями опосредованного (дистанционного) взаимодействия участников гражданского оборота с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

В свою очередь, анализ исследований последних лет позволяет установить, что все многообразие частноправовых рисков участия в электронных сделках может быть обобщено посредством выделения базовых групп, объединенных общим принципом, в соответствии с которым, такие риски возникают не как следствие нарушения обязательства в классическом понимании, а как результат специфики электронного способа выражения и фиксации воли сторон, а также опосредованного характера их взаимодействия через цифровую инфраструктуру. Как справедливо отмечает К. А. Инсапова, в отличие от «традиционных» сделок в письменной форме, совершаемых при личном контакте контрагентов и с использованием материальных носителей, электронные сделки характеризуются опорой на электронные способы идентификации (распознавания) и аутентификации (подтверждения личности) участников, а также зависимостью от инфраструктуры цифровых платформ и сервисов [1]. Именно поэтому такие риски носят системный характер и не могут быть полностью устранены лишь посредством применения традиционных механизмов договорной ответственности.

Виды частноправовых рисков электронных сделок

Так, в качестве первой группы частноправовых рисков участия в электронных сделках предлагается выделить риски, связанные с выражением и доказыванием воли сторон электронной сделки. В частности, как указывает К. А. Инсапова, электронные сделки по своей природе характеризуются асинхронностью взаимодействия контрагентов, т. к. при цифровом взаимодействии сторон оферта и акцепт, как правило, разделены во времени, а между моментом выражения согласия одной стороной и его подтверждением другой стороной может существовать значительный временной разрыв [1]. С доводами К. А. Инсаповой заочно соглашаются Г. В. Костикова и В. В. Кузнецов, замечая, что процесс заключения таких соглашений происходит при помощи различных технических устройств и других средств посредством совершения конклюдентных действий (при условии удаленной идентификации лица, осуществляющего данные действия) [3; 4]. В сочетании с использованием упрощенных способов подтверждения согласия, таких как нажатие соответствующих элементов интерфейса (в т. н. «click-wrap» соглашениях) или принятия правил пользования сайтом с последующим согласием (в рамках логики «browse-wrap» соглашений»), конклюдентная форма подтверждения волеизъявления создает риск неопределенности юридического момента заключения договора и затрудняет доказывание факта достижения соглашения по всем существенным условиям.

В условиях массового электронного оборота такие способы фиксации воли (акцепта) признаются допустимыми, однако их правовая ценность напрямую зависит от возможности связать соответствующее действие с конкретным лицом и конкретной сделкой – в частности, сложившаяся судебная практика свидетельствует в пользу того, что надлежащим доказательством выражения воли может признаваться лишь такая форма подтверждения согласия, которая обеспечивает достоверное установление личности пользователя и однозначную привязку его действий к спорному обязательству, в противном случае электронное волеизъявление теряет свою доказательственную значимость (см., например, Апелляционное определение Московского городского суда № 33-37905/16 по делу № 33-37312/2016 от 20.09.2016 г.)[1]. По мнению К. А. Инсаповой, данные обстоятельства обусловливают необходимость более строгой фиксации момента акцепта и используемых механизмов подтверждения согласия, особенно в спорах о действительности и исполнимости электронных договоров [1].

В то же время, в соответствии с позицией Г. В. Костиковой, наиболее проблемную и комплексную группу образуют риски, связанные с идентификацией и аутентификацией участников электронной сделки. Их специфика заключается в том, что электронные подписи, учетные записи, логины, пароли, данные личного кабинета цифровой платформы и иные средства цифровой идентификации могут быть использованы без фактического участия их владельца, что принципиально отличает электронную форму сделки от традиционной письменной формы, основанной на личной подписи и личном участии контрагентов [2]. В результате, отсутствие унифицированных требований к достоверному определению личности волеизъявителя приводит к формированию противоречивой судебной практики по вопросам признания электронных сделок заключенными или действительными.

Особенно наглядно, по мнению Г. В. Костиковой, это проявляется в спорах, связанных с договорами микрозайма, подписанными с использованием простой электронной подписи посредством СМС-подтверждения, что «не отвечает критерию бесспорности в отсутствие рамочного соглашения о применении электронной подписи» [2]. Так, в результате в одних случаях суды исходят из необходимости наличия рамочного соглашения о применении электронной подписи и в его отсутствие признают договор незаключенным или недействительным, в других, напротив, квалифицируют сделку как заключенную, опираясь на положения ст. 160 и 434 ГК РФ[2], а также специальные нормы законодательства о потре-

1 Апелляционное определение Московского городского суда №33-37905/16 по делу № 33-37312/2016 от 20.09.2016 г. // Официальный Портал Единой электронной базы данных судебных актов, судебных решений и нормативных документов «sudact.ru». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/ (дата обращения: 20.01.2026).

2 Гражданский кодекс Российской Федерации № 51-ФЗ от 30.11.1994 г. (Последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 20.01.2026).

бительском кредите – в частности, положения ст. 7 Федерального закона № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» от 21.12.2013 г.[3] Представляется, что такая неоднородность правоприменения свидетельствует о том, что действующая модель цифровой идентификации не обеспечивает достаточной степени юридической определенности и, следовательно, порождает повышенные частноправовые риски для всех участников электронного оборота.

Особую группу негативных факторов участия в электронных сделках образуют риски, обусловленные платформенной моделью организации электронного оборота. В частности, по мнению К. А. Инсаповой, большая часть электронных сделок зависит от цифровых платформ, т. к. по смыслу положений ст. 1 – 2 принятого, но еще не вступившего в законную силу Федерального закона № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» от 31.07.2025 г. (далее – ФЗ № 289 «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики»)[4], цифровые платформы выступают не только в качестве технических посредников, но и в роли организаторов взаимодействия участников рынка, операторов персональных данных и инфраструктурных центров электронной коммерции, обеспечивающих технические, организационные, информационные и иные возможности для взаимодействия партнеров, продавцов и пользователей [1]. Такая конструкция объективно размывает границы ответственности между продавцом, оператором платформы и иными посредниками, что затрудняет определение надлежащего ответчика при нарушении обязательств (в т.ч. возложенных на операторов цифровых платформ требований в сфере обеспечения защиты персональных данных и прав потребителей, в соответствии с положениями Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных» от 27.07.2006 г.[5] и Закона РФ № 2300-I «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 г.)[6].

В результате значительный массив частноправовых рисков связан с исполнением электронных сделок и защитой прав стороны, пострадавшей от ненадлежащего исполнения. Как справедливо подчеркивает К. А. Инсапова, дистанционный характер электронных сделок исключает возможность единовременной предварительной фактической оценки качества товаров и услуг, вследствие чего контрагент вынужден полагаться исключительно на цифровое описание, визуальные материалы и пользовательские отзывы, что повышает вероятность введения в заблуждение относительно свойств предмета сделки [1]. Особую проблему представляют злоупотребления со стороны недобросовестных контрагентов, в т. ч. действующих через трансграничные сервисы, которые нередко уклоняются от исполнения обязательств, ссылаясь на внутренние правила платформы или юрисдикционные ограничения.

Выводы

Таким образом, переходя к рассмотрению способов минимизации частноправовых рисков для потенциальных участников электронных сделок, следует подчеркнуть, что универсального механизма полного устранения или гарантируемой превенции частноправовых рисков электронных сделок не существует, т. к. сами риски объективно обусловлены цифровой формой выражения воли и дистанционным характером взаимодействия сторон. Однако в практическом плане возможно их существенное снижение за счет формирования более формализованных и доказуемых моделей поведения участников электронного оборота. Прежде всего это касается способов фиксации волеизъявления и идентификации участников сделки. В частности, как справедливо отмечает К. А. Инсапова, упрощенные формы подтверждения согласия допустимы в массовом обороте, но их юридическая значимость напрямую зависит от возможности достоверно связать совершенное действие с конкретным лицом [1].

В этом свете минимизация рисков предполагает использование таких механизмов подтверждения воли, которые обеспечивают последующую доказуемость факта заключения сделки, в т. ч. посредством применения механизмов многофакторной (двухступенчатой и более) аутентификации, сохранение логов действий пользователя, фиксацию IP-адресов, времени и способа совершения юридически значимых действий, а также применение УКЭП. Дополнительное значение приобретает предварительное информирование пользователей о юридических последствиях совершаемых ими действий и четкое структурирование пользовательских интерфейсов, исключающее двусмысленность при выражении согласия. С точки зрения подхода, развиваемого Г. В. Костиковой и другими авторами, важным инструментом минимизации рисков является также согласование сторонами порядка применения и проверки электронной подписи, в т. ч. посредством включения соответствующих условий в пользовательские соглашения и рамочные договоры, что позволяет снизить вероятность признания сделки незаключенной или недействительной вследствие дефектов формы. В совокупности такие меры не устраняют саму природу частноправовых рисков участия в электронных сделках, однако позволяют перевести их из системной неопределенности в управляемую сферу, где вероятность наступления неблагоприятных последствий существенно снижается, а защита нарушенных прав становится более предсказуемой и эффективной.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование подтверждает, что электронные сделки, являясь разновидностью письменной формы сделки, формируют самостоятельный комплекс частноправовых рисков, обусловленных особенностями цифрового способа выражения и фиксации волеизъявления, а также дистанционным характером взаимодействия сторон. Указанные риски носят объективный и системный характер, что предопределяет необходимость их учета при заключении и исполнении электронных сделок.

В условиях цифровизации гражданского оборота особое значение приобретает развитие правовых и организационных механизмов, направленных на повышение юридической определенности и доказуемости электронного взаимодействия. Перспективы дальнейшего развития регулирования в данной сфере связаны с уточнением правового статуса электронных сделок, а также совершенствованием подходов к идентификации участников и подтверждению их волеизъявления.

Пристатейный библиографический список

1. Инсапова К. А. К вопросу об особенностях совершения сделок в сети «Интернет» // Вестник науки. – 2025. – Т. 4. № 11 (92). – С. 257-262.
2. Костикова Г. В. К вопросу о заключении электронных сделок: проблемы правоприменения // Актуальные вопросы частного и публичного права: сб. тр. науч. конф. – М., 2022. – С. 67-73.
3. Костикова Г. В. Электронные сделки: новеллы законодательства // Вестник Российского государственного университета правосудия. – 2022. – № 2. – С. 49-59.
4. Кузнецов В. В. Цифровизация и её влияние на формы сделок // Вопросы российской юстиции. – 2025. – № 35. – С. 171-181.
5. Летягина Е. А. Электронная форма сделки: теоретические и практические аспекты // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 8 (236). – С. 251-253.
6. Рахвалова Д. О. Электронная форма сделки // Право цифровой среды: моногр. / под ред. Т. П. Подшивалова, Е. В. Титовой, Е. А. Громовой. – М.: Проспект, 2022. – С. 457-464.

3 Федеральный закон № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» от 21.12.2013 г. (Последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 01.01.2026).

4 Федеральный закон № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» от 31.07.2025 г. (Последняя редакция, не вступил в силу) // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 01.01.2026).

5 Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных» от 27.07.2006 г. (Последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 01.01.2026).

6 Закон Российской Федерации № 2300-I «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 г. (Последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 20.01.2026).

МУСАКОВ Сергей Владиславович
ведущий юрист юридической компании «Сотби», г. Москва

ОГОВОРКА О СОХРАНЕНИИ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ КОНКУРСНОЙ МАССЫ

В статье исследуется юридическая природа оговорки о сохранении права собственности и её влияние на конкурсную массу при банкротстве покупателя. Анализируются два доктринальных подхода — вещно-правовой и функциональный, — приводящие к разным решениям судьбы имущества: исключению из конкурсной массы или включению с обеспеченным статусом продавца. Обозначена проблема непубличности конструкции, создающая риски злоупотреблений и нарушения равенства кредиторов. К тому же предложены пути реформирования: легализация права ожидания либо обязательная регистрация титульных обеспечений в специальном реестре.

Ключевые слова: оговорка о сохранении права собственности, банкротство, конкурсная масса, обеспечение обязательств, право ожидания, регистрация обеспечительных прав.

MUSAKOV Sergey Vladislavovich
lead lawyer at the Law Firm «Sotbi», Moscow

RETENTION OF TITLE CLAUSE AND ITS IMPACT ON THE FORMATION OF THE BANKRUPTCY ESTATE

The article examines the legal nature of the retention of title clause and its impact on the bankruptcy estate in the event of the buyer's insolvency. Two doctrinal approaches are analyzed — the property-law approach and the functional approach — which lead to different outcomes regarding the fate of the asset: either exclusion from the bankruptcy estate or inclusion with the seller's secured status. The problem of the non-public nature of this legal construction is highlighted, as it creates risks of abuse and violates the principle of equal treatment of creditors. In addition, ways of reform are proposed: either the legal recognition of the right of expectation (Anwartschaftsrecht) or the mandatory registration of title-based security interests in a special register.

Keywords: retention of title, bankruptcy, bankruptcy estate, security for obligations, right of expectation (Anwartschaftsrecht), registration of security interests.

Несмотря на наличие прямого законодательного закрепления в ст. 491 ГК РФ оговорки о сохранении права собственности, ее практическое применение остается ограниченным, а правовые последствия, особенно в контексте процедур несостоятельности, — неопределёнными[1].

Исходным пунктом для понимания роли оговорки в банкротстве является определение её юридической сущности. В российской доктрине сформировалось два конкурирующих подхода, по-разному отвечающих на ключевой вопрос: является ли продавец, сохранивший титул, «полноценным» собственником или же его право носит обеспечительный характер и лишь опосредовано, оформлено через титул?

Первый, вещно-правовой (собственнический) подход, находит своё наиболее последовательное обоснование в трудах Р. С. Бевзенко. Его суть заключается в том, что право, удерживаемое продавцом, — это не особая «обеспечительная собственность», а классическое, ничем не ограниченное право собственности, которое, однако, используется сторонами в обеспечительных целях [1, с. 389-390]. Догматическим основанием для этого служит принцип nemo plus iuris transferre potest quam ipse habet: продавец может передать покупателю полное право собственности только в том случае, если изначально обладает им сам [1, с. 389-390]. Следовательно, любое иное понимание, сводящее право продавца к залогу или иному обременению, делает невозможным последующий переход полноценного титула к покупателю.

Из этого подхода вытекают прямые последствия для банкротства: вещь, право собственности, на которую сохранено за продавцом, не входит в конкурсную массу покупателя-должника, поскольку формально никогда не переставала быть имуществом кредитора [1, с. 392]. Продавец в таком случае имеет право на виндикацию или иное истребование своего имущества из владения несостоятельного должника. При этом, как отмечает Р. С. Бевзенко, требование о возврате уплаченных сумм возникает не из логики залогового излишка (superfluum), а из обязательственных последствий расторжения договора и правил о неосновательном обогащении, так как с расторжением основного обязательства прекращается и его обеспечение [1, с. 388-389].

Второй, функциональный или обеспечительно-унитарный подход, доминирующий в работах П. А. Правящего [7, с. 180-181], Громова С. А. [2, с. 46-91], А. В. Егорова [5, с. 57-127] и Е. Р. Усмановой [8, с. 42-52], акцентирует экономическую и функциональную идентичность оговорки о сохранении права собственности и залога или договора выкупного лизинга. С этой точки зрения, формальный титул собственника является лишь юридико-техническим приёмом для достижения обеспечительной цели — предоставления кредитору преимущественных возможностей удовлетворения своего требования. По меткому замечанию П. А. Правящего, интерес продавца в рамках такой конструкции может быть двояким: он либо стремится вернуть конкретную вещь (простая оговорка), либо заинтересован в удовлетворении из её стоимости, особенно когда речь идет о расширенных или продлённых оговорках [6, с. 86], [7, с. 167-168].

1 Ст. 491 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 16.12.2025) // Собрание законодательства РФ. - 29.01.1996. - № 5. - Ст. 410.

Данный подход склоняется к необходимости применения к отношениям сторон, по аналогии закона, норм о залоге (п. 1 ст. 6 ГК РФ), в том числе в части обращения взыскания, распределения выручки и соблюдения интересов иных кредиторов в банкротстве [7, с. 181, 194]. Это может означать, что предмет обеспечения должен оставаться в конкурсной массе с последующей его реализацией в рамках процедуры банкротства и наделением продавца статусом залогодержателя. Однако П. А. Правящий высказывается против такого подхода, выражая мысль о том, что «титульный кредитор не будет залогодержателем, но может быть обязан единственно к выплате в конкурсную массу части выручки для удовлетворения кредиторов первой и второй очереди (п. 1 ст. 6 ГК РФ, ст. 138 Закона о банкротстве), а также он сохранит право самостоятельной продажи вещи» [7, с. 194].

Реализация оговорки в рамках дела о несостоятельности покупателя является ключевым испытанием для её юридической природы.

Если руководствоваться вещно-правовым подходом, то конкурсный управляющий сталкивается с активом, который юридически не принадлежит должнику. В такой ситуации стандартный механизм включения имущества в конкурсную массу (ст. 126 Закона о банкротстве) неприменим. Продавец получает право на изъятие вещи, но оно не носит абсолютного характера. В доктрине обоснована возможность «санации» договора со стороны арбитражного управляющего. Последний, действуя в интересах всех кредиторов, может принять решение об уплате оставшейся суммы долга продавцу, тем самым инициируя наступление отлагательного условия и переводя вещь в собственность должника, после чего она пополнит конкурсную массу [1, с. 392-393]. Такое действие не должно квалифицироваться как недопустимое предпочтение (ст. 61.3 Закона о банкротстве), если оно направлено на увеличение стоимости имущества, доступного для удовлетворения требований всех кредиторов (например, когда рыночная цена вещи превышает остаток долга)[2]. Для применения такой возможности, а также с целью правовой определенности необходимо установление разумного срока, в течение которого намерение управляющего исполнить договор будет блокировать право продавца на односторонний отказ от него [1, с. 393], [7, с. 197]. При этом важно подчеркнуть, что, в отличие от лизингодателя, продавец, изымая вещь, не получает какого-либо преимущественного удовлетворения за счёт других кредиторов, поскольку его денежное требование к должнику прекращается вместе с расторжением договора [7, с. 185-186].

В случае применения функционального подхода позиция продавца начинает оцениваться через призму статуса обеспеченного кредитора. В таком случае при простой оговорке могут применяться ограничения, аналогичные п. 2 ст. 348 ГК РФ, не позволяющие изымать вещь при незначительности нарушения [7, с. 188-189]. Наиболее показательно различие подходов проявляется при анализе продлённой и расширенной оговорок. Продлённая оговорка (verlängerter Eigentumsvorbehalt), при которой обеспечительный интерес продавца «следует» за товаром, перепроданным покупателем, трансформируясь в право на выручку или требование к субпокупателю, в германской доктрине рассматривается уже не как сохранение вещного права, а как комплексная конструкция, сочетающая удержание титула с обеспечительной уступкой требования [7, с. 163-164], [10, с. 271]. Расширенная оговорка (erweiterter Eigentumsvorbehalt), обеспечивающая все обязательства должника перед кредитором, ещё дальше отдаляет продавца от цели возврата конкретной вещи, сближая его с финансовым кредитором [1, с. 381], [9, с. 46]. В этих случаях, как справедливо отмечает П. А. Правящий, правомерный интерес продавца носит уже не товарный, а финансовый характер, что является основанием для применения к нему правил, аналогичных регулированию залога или обеспечительного факторинга [7, с. 195], и оставления предмета обеспечения (или его эквивалента) в конкурсной массе для соразмерного удовлетворения требований всех кредиторов.

Наиболее уязвимым местом российской конструкции удержания титула является её непубличный характер. В отличие от залога движимости, требующего регистрации в реестре уведомлений о залоге (ст. 339.1 ГК РФ), оговорка о сохранении права собственности не подлежит обязательному внесению в какой-либо реестр для обретения силы против третьих лиц [7, с. 174]. Это порождает серьёзнейшие риски в процедуре банкротства:

1. Введение в заблуждение кредиторов: другие кредиторы, оценивая финансовое положение должника, законно полагаются на видимость его активов. Нахождение дорогостоящего оборудования на балансе и во владении должника создаёт видимость принадлежности имущества ему, что может повлиять на решение о предоставлении кредита. В случае банкротства неожиданное изъятие такого актива продавцом наносит ущерб доверию и нарушает принцип равного отношения к кредиторам (par conditio creditorum) [1, с. 381].

2. Риск злоупотреблений и обратного датирования: отсутствие публичной фиксации момента возникновения оговорки создаёт возможность для сговора между продавцом и недобросовестным должником. В преддверии банкротства может быть оформлен договор с обратной датой, позволяющий вывести ценное имущество из конкурсной массы под видом его изъятия законным «собственником». Р. С. Бевзенко прямо указывает, что в условиях слабой уголовной превенции подобный соблазн весьма велик [1, с. 395].

3. Ущемление интересов добросовестных приобретателей и последующих залогодержателей: покупатель-должник, владеющий вещью, может неправомерно отчуждать её или передавать в залог третьим лицам. При коллизии прав такого добросовестного приобретателя (ст. 302 ГК РФ) и продавца, удерживающего титул, последний может лишиться своего права, что делает обеспечение ненадёжным [8, с. 49].

Сравнительно-правовой анализ демонстрирует различные пути решения обозначенных проблем, что может служить ориентиром для совершенствования российского права (de lege ferenda).

1. Германская модель (судебно-доктринальная). В Германии удержание титула является продуктом судебной практики и доктрины, не требующим регистрации о соответствующей информации в реестре [11, с. 697]. Немецкая судебная практика разработала доктрину права ожидания (Anwartschaftsrecht). Это ограниченное вещное право, которое возникает у покупателя в момент передачи вещи [1, с. 400]. С этого момента покупатель может распоряжаться своим правом (например, передать его в залог), и оно защищено от посягательств третьих лиц по правилам о вещных правах. Допустим, продавец пытается установить залог на уже переданную покупателю вещь. В этом случае право ожидания покупателя, возникшее раньше, имеет

2 Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 01.09.2021 № 305-ЭС20-8917(3) по делу №А40-185154/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

приоритет (принцип старшинства) [1, с. 400]. Так покупатель, защищен от риска получить, обремененную вещь. Решение элегантное, но требует высокой судебной культуры.

2. Английская модель (гибкая квалификация). В Англии пошли другим путем. Простая оговорка о сохранении титула (Romalpa clause) исторически не требовала регистрации и рассматривалась именно как сохранение права собственности[3]. Но английские суды проводят четкую границу. Как только продавец пытается распространить свое право на продукты переработки товара (product clause) или на выручку от его перепродажи (proceeds clause), конструкция переквалифицируется в скрытый залог (charge). А такой залог уже подлежит регистрации по Закону о компаниях 2006 года [8, с. 43]. Несоблюдение требования о регистрации влечет недействительность такого залога в отношении других кредиторов и ликвидатора компании-должника[4]. Если регистрации нет, залог недействителен в отношении других кредиторов и ликвидатора компании-должника. Получается гибкая система: свобода договора сохраняется, но для усложненных конструкций обязательна регистрация.

3. Французская и швейцарская модель (регистрационная). Третья модель — во Франции, Швейцарии и других странах, следующих рекомендациям Руководства ЮНСИТРАЛ по обеспеченным сделкам. Здесь удержание титула, чтобы его можно было противопоставить третьим лицам (в том числе в банкротстве), требует обязательной регистрации в специальном реестре прав на движимое имущество [7, с. 173-174]. Как отмечает Р. С. Бевзенко, швейцарское право прямо ставит защиту продавца в банкротстве покупателя в зависимость от факта раскрытия информации об оговорке [1, с. 395]. Такой подход обеспечивает прозрачность оборота и защищает интересы всех участников, хотя и создает дополнительное административное бремя.

Итак, то, как оговорка о сохранении права собственности влияет на формирование конкурсной массы в российском праве, определяется фундаментальным доктринальным противоречием. Речь идет о противопоставлении вещно-правового и функционального подходов.

Это противоречие порождает значительную правовую неопределенность. Ситуация осложняется ещё и тем, что сама конструкция носит непубличный характер. В результате судьба значимого актива в деле о банкротстве зависит не от ясных и предсказуемых правил, а от того, какую квалификацию изберет суд в конкретном споре.

Для преодоления этой неопределенности требуется системная законодательная реформа. Здесь возможны два пути, которые уже апробированы в зарубежных правопорядках.

Первый путь - развитие и легализация (в судебной практике или законе) элементов доктрины права ожидания. Это позволило бы признать за покупателем защищаемое вещно-правовое положение и создать более сбалансированный механизм разрешения коллизий с третьими лицами.

Второй, и, вероятно, более соответствующий современным тенденциям к унификации обеспечительных механизмов путь — включение удержания титула в систему обязательной регистрации обеспечительных прав на движимое имущество. Это потребует расширения сферы действия реестра уведомлений о залоге движимого имущества (ст. 339.1 ГК РФ) или создания единого реестра всех обеспечительных прав. Подобная мера, устанавливая приоритет на основе даты регистрации, не только защитит интересы других кредиторов и добросовестных приобретателей, но и повысит предсказуемость и надёжность самого обеспечительного инструмента для продавцов, сделав его более привлекательным для использования в коммерческом обороте. До тех пор, пока не будет сделан этот концептуальный выбор, оговорка о сохранении права собственности будет оставаться «спящим» институтом, чей потенциал в деле защиты интересов кредитора в банкротстве не будет реализован в полной мере, а её применение будет сопряжено с высокими рисками и для должника, и для иных участников оборота.

3 Aluminium Industrie Vaassen BV v Romalpa Aluminium Ltd [1976] 1 WLR 676.

4 Borden (UK) Limited v Scottish Timber Products [1979] 3 AER 961.

Пристатейный библиографический список

1. Бевзенко Р. С. Вещное обеспечение: залог, удержание и титульные обеспечительные конструкции: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. - Москва, 2022. - С. 389-390.
2. Громов С. А. Обеспечительная собственность: догматический очерк на примере лизинга // Вестник экономического правосудия РФ. - 2019. - № 2. - С. 51-114.
3. Громов С. А. Обеспечительная собственность: догматический очерк на примере лизинга // Вестник экономического правосудия РФ. - 2019. - № 3. - С. 66-123.
4. Громов С. А. Обеспечительная собственность: догматический очерк на примере лизинга // Вестник экономического правосудия РФ. - 2019. - № 4. - С. 46-91.
5. Егоров А. В., Усманова Е. Р. Залог и титульное обеспечение: теоретико-практическое сравнение конструкцией // Вестник гражданского права. - 2014. - № 4. - С. 57-127.
6. Ланина О. В. Оговорка о сохранении права собственности в договорных обязательствах. - Москва: Статут, 2014. - С. 86.
7. Правящий П. А. Титульные способы обеспечения исполнения обязательств в российском законодательстве: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. - Москва, 2024. - С. 180-181.
8. Усманова Е. Р. Титульное обеспечение гражданско-правовых обязательств: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. - Москва, 2017. - С. 42-52.
9. Rutgers J. W. International Retention of Title Clauses. A Study of Dutch, French and German Private International Law in the Light of the European Law. - 1999. - P. 46.
10. Security Rights and the European Insolvency Regulation / ed. By G. McCormack and R. Bork. - P. 271.
11. Wood Ph.R. Comparative Law of Security Interests and Title Finance. - London, 2007. - P. 697.

ПАВЛОВ Владимир Павлович
доктор юридических наук, профессор кафедры правового регулирования экономической деятельности, Юридический факультет, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

*ПЕРСПЕКТИВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ НА ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РФ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО МИРОВОГО РЫНКА**

Предмет исследования: макроэкономические, технологические и социальные последствия реализации Распоряжения Правительства РФ от 20.09.2021 № 2613-р (в редакции от 21.10.2024) «Об утверждении Концепции развития креативных (творческих) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки до 2030 года».

Методология исследования: сравнительный анализ бюджетных аллокаций, институциональный анализ нормативно-правовых актов (Распоряжение № 2613-р, ФЗ № 330-ФЗ, Указ № 809), сценарное моделирование влияния на технологическое развитие РФ в период 2025-2030 гг.

Новизна исследования и выводы: опровергнута гипотеза прямого финансового вытеснения инвестиций в высокие технологии расходами на креативные индустрии (объём средств несопоставим). Выявлены существенные институциональные риски: идеологические ограничения (влияние Указа № 809), бюрократизация творческого процесса, кадровый дисбаланс (переток талантов из инженерии в медиа-сферу), риск структурной безработицы вследствие автоматизации профессий ИИ. Установлено усиление регионального неравенства и снижение экспортного потенциала отрасли.

Ключевые слова: креативные индустрии, бюджетное финансирование, технологическое развитие, фискальный дефицит, инновационная политика, человеческий капитал, кадровый дисбаланс, региональное неравенство, импортозамещение, стратегическое отставание.

PAVLOV Vladimir Pavlovich
Ph.D. in Law, professor of Legal regulation of economic activity sub-faculty, Faculty of Law, Financial University under the Government of the Russian Federation

PROSPECTS FOR STATE SUPPORT OF CREATIVE INDUSTRIES FOR TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF THE MODERN WORLD MARKET

Subject of research: macroeconomic, technological, and social consequences of the implementation of Government Order No. 2613-r of 20.09.2021 (as amended on 21.10.2024) "On Approval of the Concept for the Development of Creative Industries and Mechanisms for Their State Support until 2030".

Research methodology: comparative analysis of budget allocations, institutional analysis of regulatory legal acts (Order No. 2613-r, Federal Law No. 330-FZ, Presidential Decree No. 809), scenario modeling of the impact on Russia's technological development for 2025-2030.

Research novelty and conclusions: the hypothesis of direct financial displacement of high-technology investments by creative industry expenditures has been refuted (the scale of funds is incomparable). Significant institutional risks have been identified: ideological constraints (influence of Presidential Decree No. 809), bureaucratization of the creative process, personnel imbalance (talent drain from engineering to the media sector), risk of structural unemployment due to AI-driven automation. Regional inequality has been found to be increasing, and the sector's export potential declining.

Keywords: creative industries, budget financing, technological development, fiscal deficit, innovation policy, human capital, personnel imbalance, regional inequality, import substitution, strategic lag.

I. Нормативно-правовой ландшафт и эволюция государственной политики (2021-2024 гг.)

Для глубокого понимания рисков стратегического отставания необходимо проанализировать правовой фундамент, заложенный Распоряжением № 2613-р, и его трансформацию в октябре 2024 года. Изменения, внесённые в документ, не являются косметическими; они отражают фундаментальный сдвиг в государственной парадигме - от восприятия креативных индустрий как элемента урбанистики к их трактовке как инструмента идеологического и экономического суверенитета.

1.1. Трансформация Концепции: от агломераций к федеральным стандартам

Первоначальная редакция 2021 года фокусировалась на развитии творческих индустрий в крупных городских агломерациях. Редакция от 21 октября 2024 года, принятая вслед за Федеральным законом от 08.08.2024 № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации», существенно расширяет сферу государственного вмешательства.

Ключевые изменения нормативной базы включают следующее.

Законодательное закрепление понятийного аппарата: введение чётких определений «креативных индустрий», «субъектов креативного предпринимательства» и «креативного кластера» в соответствии с ФЗ № 330. Это переводит сектор из «серой зоны» неформальной экономики в поле регулируемой государственной поддержки.

Интеграция с национальными проектами: мероприятия Концепции теперь жёстко привязаны к национальным

* Статья подготовлена в рамках выполнения прикладной научно-исследовательской работы ПНИР-36-2026 по теме: «Правовое обеспечение развития креативных (творческих) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в Российской Федерации» согласно государственному заданию Финансового университета на 2026 год.

проектам и государственным программам, что обеспечивает защищённые статьи расходов в бюджете.

Принцип «локализации» и «преемственности»: введены требования по сохранению регионального размещения индустрий и опоре на исторические традиции. Это создаёт двойственный эффект: с одной стороны, поддерживает местную идентичность, с другой — накладывает ограничения на глобализацию бизнеса.

1.2. Идеологический поворот: влияние Указа № 809

Критически важным аспектом редакции 2024 года является синхронизация с Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Включение идеологического контура в экономическую концепцию создаёт фильтр для государственной поддержки. Финансирование теперь направляется не просто на создание экономической добавленной стоимости, а на продукты, соответствующие критериям «исторической памяти» и «патриотизма». Это порождает риск, который в дальнейшем анализе классифицируется как «инновационное торможение» - ситуация, при которой перспективные, но идеологически нейтральные или авангардные проекты (особенно в сфере цифрового искусства, геймдева и медиа) отсекаются от ресурсов, что снижает экспортный потенциал сектора.

II. Фискальный анализ: оценка риска финансового вытеснения высоких технологий

Центральный вопрос исследования: приводит ли финансирование креативных индустрий к дефициту средств для высоких технологий? Для ответа необходимо сопоставить объёмы инвестиций и рассмотреть структуру бюджетного дефицита.

2.1. Масштабы бюджетного дефицита и структура расходов

По данным Минфина, за январь-апрель 2026 года дефицит бюджета составил 5,877 трлн. рублей, или 2,5 % ВВП, что значительно превышает плановые показатели (3,8 трлн. рублей, или 1,6 % ВВП). Этот разрыв обусловлен ростом расходов на оборону и социальные обязательства, а также волатильностью нефтегазовых доходов. В таких условиях любой дополнительный расход должен проходить жёсткую проверку на эффективность. Однако анализ конкретных цифр показывает несопоставимость объёмов финансирования «креатива» и «технологий» (табл. 1).

2.2. Опровержение гипотезы прямого финансового вытеснения

На основе данных таблицы 1 можно сделать вывод: объём средств, направляемых на реализацию Распоряжения № 2613-р (в части образовательной инфраструктуры), является статистически незначимым по сравнению с расходами на технологический сектор.

Суммарные расходы на Школы креативных индустрий за четыре года (5,4 млрд. руб.) составляют менее 3,6 % от годового бюджета нацпроекта «Экономика данных». Дефицит бюджета в 5,877 трлн. руб. формируется факторами макроуровня (военные расходы, обслуживание долга, трансферты регионам), а не инвестициями в дополнительное образование.

Следовательно, тезис о том, что финансирование креативных школ «отнимает» ресурсы у производства микрочипов или разработчиков квантовых компьютеров, является ложным. Проблема стратегического отставания кроется не в перераспределении рублевой массы, а в структурных ограничениях, которые рассмотрены ниже.

III. Структурный анализ: креативные индустрии как часть High-Tech

Распространённое заблуждение, лежащее в основе опасений стратегического отставания, заключается в противопоставлении «творчества» и «технологий». В современной экономике (Индустрия 4.0) эти сферы неразрывно связаны.

3.1. Роль креативного компонента в цепочке создания стоимости ПО

Согласно данным Росстата, наибольший вклад в валовую добавленную стоимость креативной экономики вносит разработка программного обеспечения - 39,29 %.

UI/UX-дизайн: любой высокотехнологичный продукт (от банковского приложения до интерфейса управления БПЛА) требует качественного проектирования взаимодействия. Без инвестиций в дизайнеров продукты российских инженеров остаются неконкурентоспособными на глобальном рынке.

Геймдев и симуляции: Школы креативных индустрий обучают 3D-графике, анимации и VR-технологиям. Эти навыки имеют двойное назначение: они используются не только в развлечениях, но и в создании промышленных цифровых двойников, тренажёров для пилотов и операторов сложной техники.

3.2. Технологическое оборудование образовательных учреждений

Инвестиции в Школы креативных индустрий (ШКИ) фактически являются инвестициями в закупку высокотехнологичного оборудования. Субсидии регионам предоставляются на «покупку, доставку и монтаж оборудования и сценических конструкций». Это включает мощные графические станции, серверы рендеринга, оборудование для захвата движения (motion capture).

Таким образом, Распоряжение № 2613-р способствует цифровизации образования, а не оттоку средств из технологий. Риск заключается не в факте закупки, а в возможности эффективного использования этого оборудования (проблема кадров).

IV. Риск стратегического отставания: истинные причины и механизмы

Если финансовый фактор не является причиной отставания, то какие механизмы, запущенные или поддерживаемые данной инициативой, могут к нему привести? Анализ показывает, что угроза исходит от институциональных дисбалансов.

Таблица 1. Сравнительный анализ бюджетных аллокаций (2024-2026 гг.)

Статья расходов	Объём финансирования	Источник
Нацпроект «Экономика данных и цифровая трансформация»	150 млрд. руб./год	[9]
Школы креативных индустрий (4 года)	5,4 млрд. руб.	[7]
Доля «креатива» в расходах нацпроекта	< 3,6 %	расчёт автора
Дефицит бюджета (янв.- апр. 2026)	5 877 млрд руб.	[6]

4.1. Разрыв между «Hardware» и «Software»

Россия демонстрирует успехи в цифровых сервисах (финтех, госуслуги), но критически отстаёт в аппаратном обеспечении (микроэлектроника, робототехника).

Механизм отставания: инвестиции в креативные индустрии (включая IT-сервисы) усиливают перекос в сторону «софта». Государство успешно рапортует о росте доли креативного сектора в ВВП (цель - 6 % к 2030 году), маскируя тем самым стагнацию или деградацию в производстве средств производства (станкостроение, литография).

Последствие: создаётся иллюзия модернизации. Страна может иметь отличных веб-дизайнеров и звукорежиссёров (выпускников ШКИ), но при этом полностью зависеть от импорта оборудования, на котором они работают. В условиях санкций это ведёт к стратегической уязвимости.

4.2. Проблема кадров: инженеры против «креаторов»

Министерство образования и науки в 2025 году выделило 43 % бюджетных мест (более 246 тыс.) на инженерные специальности. Однако рынок труда прогнозирует дефицит в 10 миллионов специалистов «аналитического и творческого» профиля.

Здесь возникает конфликт приоритетов. Инженерный дефицит: компании жалуются на нехватку квалифицированных инженеров. Низкие зарплаты и сложность обучения отпугивают молодёжь. Креативная привлекательность: создание комфортных, современно оснащённых Школ креативных индустрий делает творческие профессии более привлекательными для абитуриентов.

Риск: происходит «вымывание» талантливой молодёжи из сложных технических дисциплин (физика, математика, материаловедение) в более «лёгкие» и популярные сферы (медиа, дизайн, блогинг). Это может усугубить кадровый голод в реальном секторе экономики, что напрямую ведёт к технологическому отставанию.

V. Дополнительные отрицательные последствия инициативы

5.1. Риск «карго-культа» и неэффективности расходов

Существует высокая вероятность того, что массовое открытие школ (рост с 93 до 240 к 2030 году) приведёт к созданию формы без содержания.

Дефицит преподавателей: найти квалифицированного практика в области VR или саунд-дизайна в региональном центре крайне сложно. Зарплаты в образовании неконкурентоспособны по сравнению с фрилансом или работой в Москве.

Простаивающее оборудование: закупленное на федеральные миллиарды оборудование рискует устареть быстрее, чем на нём начнут полноценно обучать. Это классический пример неэффективной аллокации бюджетных средств в условиях дефицита.

5.2. Усиление регионального неравенства

Несмотря на декларируемый принцип «локализации», механизм софинансирования работает в пользу богатых регионов. Субсидии выделяются на конкурсной основе и требуют регионального участия. Регионы-доноры (Свердловская область, Татарстан, Москва) способны выделить необходимые средства и подготовить заявки.

Депрессивные регионы, где потребность в социальных лифтах для молодёжи выше всего, остаются за бортом. Это усиливает миграцию талантливой молодёжи в мегаполисы, оголяя регионы и лишая их шансов на развитие собственной креативной экономики.

5.3. Идеологическая цензура и снижение экспортного потенциала

Интеграция Указа № 809 в Концепцию развития креативных индустрий создаёт риски для коммерческой успешности продуктов.

На внутреннем рынке ориентация на «традиционные ценности» может привести к созданию контента, востребованного государством (госзаказ), но не интересного массовому потребителю. На глобальном рынке продукты, насыщенные специфической идеологической повесткой, теряют универсальность и экспортный потенциал. Вместо создания глобальных хитов индустрия может замкнуться на производстве локального контента, что делает невозможным достижение цели в 6 % ВВП без искусственных статистических приписок.

5.4. Риск структурной безработицы

Инициатива направлена на подготовку кадров для профессий, подверженных высокому риску автоматизации. Генеративный искусственный интеллект (GenAI) уже сегодня успешно заменяет копирайтеров, переводчиков, иллюстраторов начального уровня и дизайнеров.

Государство инвестирует средства в массовую подготовку специалистов (к 2030 году будут работать 240 школ), чьи навыки могут стать неактуальными к моменту выпуска. Если программы ШКИ не будут радикально пересмотрены с упором на управление ИИ, а не на ручной труд, существует риск появления значительного числа безработных дипломированных специалистов.

VI. Сценарный анализ влияния на бюджет и технологии (2025-2030 гг.)

Для оценки долгосрочных последствий рассмотрим три сценария развития событий (табл. 2).

Таблица 2. Сценарии влияния реализации Распоряжения № 2613-р

Сценарий	Условия	Технологический эффект	Бюджетный эффект
Оптимистичный	Снятие идеологических ограничений, акцент на IT/VR/геймдев, интеграция ШКИ с вузами	Рост кадров двойного назначения; вклад в цифровизацию	Мультипликатор >1: возврат через налоги и экспорт
Базовый (текущий)	Сохранение текущей политики, частичная реализация, региональный дисбаланс	Нейтральный: параллельное существование двух контуров (креатив/технологии)	Расходы покрываются, прямой отдачи нет
Пессимистичный	Усиление идеологических фильтров, деградация преподавательского состава, простой оборудования	Отрицательный: кадровый отток из инженерии, имитация инноваций	Прямые потери бюджета без ROI; рост структурной безработицы

Заключение

На основе проведённого анализа можно сделать следующие выводы.

Финансово - нет. Объём выделяемых средств (менее 0,1 % от дефицита бюджета) ничтожно мал, чтобы «обескровить» высокотехнологичные отрасли. Инвестиции в креативные школы не являются причиной недофинансирования производства микрочипов или станков.

Институционально - возможно. Риск отставания формируется не деньгами, а фокусом внимания. Если государство подменяет реальную технологическую модернизацию развитием «креативной экономики» в её идеологизированном, нетехнологичном понимании и допускает переток талантливых кадров из инженерии в медиа-развлечения без соответствующей технологической базы, отставание будет нарастать.

Дополнительные отрицательные последствия: имитация деятельности (создание инфраструктуры без квалифицированных кадров); кадровый дисбаланс (риск перепроизводства специалистов творческих профессий низкого уровня квалификации при сохранении острого дефицита инженеров); культурная и технологическая изоляция (идеологические фильтры снижают конкурентоспособность на мировом рынке); усиление межрегионального разрыва.

Таким образом, инициатива правительства, предусмотренная Распоряжением № 2613-р, является обоюдоострым инструментом. При грамотной реализации она могла бы стать драйвером модернизации (через IT и промдизайн), но в текущих условиях жёстких идеологических и бюджетных ограничений несёт в себе риски создания дорогостоящей, но неэффективной системы, оторванной от реальных потребностей высокотехнологичной экономики.

Пристатейный библиографический список

1. Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2021 № 2613-р (ред. от 21.10.2024) «Об утверждении Концепции развития креативных (творческих) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_396332/ (дата обращения: 13.02.2026).
2. Федеральный закон от 08.08.2024 № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации» // Система «ГАРАНТ». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409395175/ (дата обращения: 13.02.2026).
3. Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2021 № 2613-р «Об утверждении Концепции развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 г.» // Система «ГАРАНТ». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402745784/ (дата обращения: 13.02.2026).
4. Интервью о реализации Указа Президента о традиционных ценностях // Президент Медиа. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://presidentmedia.ru/blog/2024/10/20/intervyu-o-realizaczii-ukaza-prezidenta-o-tradiczionnyh-czennostyah/ (дата обращения: 13.02.2026).
5. Результаты исполнения Указа Президента РФ № 809 от 09.11.2022 высшими должностными лицами субъектов РФ // Институт нравственной культуры. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://iov.ast.social/news/1134-ink020.html (дата обращения: 13.02.2026).
6. Федеральный закон от 28.11.2025 № 426-ФЗ «О федеральном бюджете на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов» // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_520057/ (дата обращения: 11.05.2026). — РБК: дефицит бюджета за январь-апрель 2026. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/economics/08/05/2026/.
7. В РФ выделили порядка 5,4 млрд. рублей на создание школ креативных индустрий // РСПП. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rspp.ru/events/news/v-rf-vydelili-poryadka-54-mlrd-rubley-na-sozdanie-shkol-kreativnykh-industriy-68ad9cb88c4aa/ (дата обращения: 13.02.2026).
8. На Урале появятся школы креативных индустрий // Деловой квартал DK.RU. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.dk.ru/news/237215466 (дата обращения: 13.02.2026).
9. Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» // TAdviser. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Экономика_данных_и_цифровая_трансформация_государства(национальный_проект (дата обращения: 13.02.2026).
10. Вклад креативной экономики в ВВП в 2025 году составил 8,26 трлн. рублей // MB180. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mb180.ru/news/?ELEMENT_ID=5150 (дата обращения: 13.02.2026).
11. Global Innovation Index 2025 - Global Innovation Tracker // WIPO. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wipo.int/web-publications/global-innovation-index-2025/en/global-innovation-tracker.html (дата обращения: 13.02.2026).
12. 43 % бюджетных мест достались инженерным и техническим специальностям в 2025 г. // news2035.ru. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://news2035.ru/news/analytics-news/43-byudzhetnyh-mest-dostalis-inzhenernym-i-tehnicheskim-speczialnostyam-v-2025-g/ (дата обращения: 13.02.2026).
13. В 2025 году больше всего бюджетных мест выделили для будущих инженеров // Реальное время. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://realnoevremya.ru/news/336329-v-2025-godu-bolshe-vsego-byudzhetnyh-mest-vydelili-dlya-buduschih-inzhenerov (дата обращения: 13.02.2026).
14. РФ к 2025 году понадобится около 10 млн. кадров творческих профессий // НАО24. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nao24.ru/obshestvo/2958-rf-k-2025-godu-ponadobitsya-okolo-10-mln-kadrov-tvorcheskih-professiy.html (дата обращения: 13.02.2026).
15. Sobyanin S. Moscow retains its investment leadership and launches new projects // mos.ru. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mos.ru/en/mayor/themes/12980050/ (дата обращения: 13.02.2026).
16. Российский рынок труда в 2025 году: трансформация профессий и новые вызовы // Sostav.ru. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.sostav.ru/blogs/281900/60341 (дата обращения: 13.02.2026).
17. Russian budget framework for 2026-2028 foresees tax hikes and lots of red ink // Bank of Finland Bulletin. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.bofbulletin.fi/en/blogs/2025/russian-budget-framework-for-2026-2028-foresees-tax-hikes-and-lots-of-red-ink/ (дата обращения: 13.02.2026).

DOI 10.46320/2073-4506-2026-4-215-187-189

Телибекова И. М.

ТЕЛИБЕКОВА Ирина Мендигереевна
кандидат юридических наук, ассоциированный профессор Высшей школы естественно-гуманитарных наук, Баишев Университет, г. Актобе, Республика Казахстан; докторант, Российская государственная академия интеллектуальной собственности

СООТНОШЕНИЕ СТРАХОВОГО СЛУЧАЯ, СТРАХОВОГО РИСКА И СТРАХОВОЙ УСЛУГИ В ДОГОВОРЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО НАКОПИТЕЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ

Статья посвящена теоретическому осмыслению соотношения категорий «страховой риск», «страховой случай» и «страховая услуга» применительно к образовательному накопительному страхованию. Автор приводит доводы об обеспечительном характере содержания страховой услуги при осуществлении страховщиком своих обязанностей по договору образовательного накопительного страхования, обосновывая трансформацию страховой защиты имущественных интересов страхователя в их страховое обеспечение. В статье подчеркивается, что при образовательном накопительном страховании страховой случай в виде поступления в учебное заведение не несет негативные последствия. Сформулирован вывод о том, что, несмотря на позитивный характер страхового случая и отсутствие его вредоносности, всегда присутствует риск его ненаступления, в связи с чем автор считает безрисковость страхования невозможной.

Ключевые слова: договор образовательного накопительного страхования, страховщик, страхователь, выгодоприобретатель, страховой случай, страховой риск, страховая услуга, содержание страховой услуги, защита имущественных интересов, обеспечение имущественных интересов.

TELIBEKOVA Irina Mendigereevna
Ph.D. in Law, associate professor of the Higher School of Natural Sciences and Humanities, Baishev University, Aktobe, Republic of Kazakhstan: doctoral student, Russian State Academy of Intellectual Property

THE RATIO OF THE INSURED EVENT, INSURANCE RISK AND INSURANCE SERVICE IN THE EDUCATIONAL CUMULATIVE INSURANCE CONTRACT

The article is devoted to the theoretical understanding of the correlation of the categories "insurance risk", "insured event" and "insurance service" in relation to educational cumulative insurance. The author provides arguments about the security nature of the insurance service content when the insurer performs its duties under the educational accumulative insurance contract, justifying the transformation of insurance protection of the insured's property interests into their insurance coverage. The article emphasizes that with educational cumulative insurance, an insured event in the form of admission to an educational institution does not have negative consequences. The conclusion is formulated that despite the positive nature of the insured event and the absence of its harmfulness, there is always a risk of non-occurrence, and therefore the author considers risk-free insurance impossible.

Keywords: educational cumulative insurance contract, insurer, policyholder, beneficiary, insured event, insurance risk, insurance service, insurance service content, protection of property interests, ensuring property interests.

Современное развитие страхования, внедрение в российское правовое поле норм, регулирующих формирование системы долгосрочных сбережений граждан Российской Федерации (далее – РФ, Россия) на основе соответствующей программы[1], предопределяют необходимость включения дополнительного инструмента в виде образовательного накопительного страхования, которое может осуществляться на основе государственного софинансирования. Примером применения договора образовательного накопительного страхования является введенная в Республике Казахстан (далее – РК, Казахстан) государственная образовательная накопительная система[2], созданная в 2013 г. и включающая в себя наряду с образовательным накопительным депозитом образовательное накопительное страхование, которое было внедрено 2022 г.[3] Следует отметить, что еще Г. Ф. Шершеневич в своих трудах упоминал о «страховании стипендии», которое, по его мнению, «состоит в обеспечении необходимых для изучения наук материальных средств, которое достигается взносом ежегодных платежей со времени рождения ребенка» [9].

Сегодня страховщики РФ сформировали страховые продукты и активно реализуют договоры страхования, по которым страховые премии вносятся страхователем-родителем с целью накопления средств для оплаты обучения ребенка в будущем, а страховым случаем указываются дожитие до определенной даты или события. Таким событием может быть зачисление в колледж или высшее учебное заведение. Однако по таким договорам страхования нет гарантии того,

1 Федеральный закон от 10.07.2023 г. № 299-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 25.12.2023). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_451696/ (дата обращения: 08.01.2026).

2 Закон РК «О государственной образовательной накопительной системе» от 14.01.2013 г. № 67-V. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1300000067 (дата обращения: 08.01.2026).

3 Закон РК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам регулирования и развития страхового рынка и рынка ценных бумаг, банковской деятельности» от 12.07.2022 г. № 138-VII ЗРК. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2200000138#z3260 (дата обращения: 08.01.2026).

что страховая сумма будет использована только для оплаты обучения. Кроме того, по данным страховым программам нет государственного софинансирования, как это имеет место в случаях с применяемым для оплаты обучения посредством образовательного накопительного депозита, либо при формировании российскими гражданами долгосрочных сбережений.

Представляется, что договор образовательного накопительного страхования с государственным участием имеет все шансы стать инструментом, позволяющим сформировать долгосрочные сбережения в порядке личного страхования и стать накопительным страховым продуктом. Такой договор может быть заключен в порядке личного страхования, а в качестве его существенного условия может выступать страховой случай, связанный с дожитием до определенной даты или с наступлением определенного события. Страховым случаем при образовательном накопительном страховании можно указать поступление на учебу в организацию образования (колледж, университет). Причем при его наступлении для страхователя не будет каких-либо негативных последствий. Поскольку такой страховой случай носит позитивный характер, и ожидаем страхователем, то содержание страховой услуги, предоставляемой страховщиком, преобразуется из страховой услуги по страховой защите имущественных интересов страхователя в страховую услугу по их страховому обеспечению.

Дело в том, что в данном договоре при сопоставлении категорий «страховой риск», «страховой случай» и «страховая услуга» выстраивается совершенная иная, отличающаяся от традиционной конструкция, в которой эти категории образуют сложную и многофункциональную систему. Поскольку с начала зарождения страхования к нему прибегали в основном для защиты имущества (от кораблекрушений, от пожара, от ограбления караванов и т.д.), при классической конструкции страхования категория «страхового риск» связывается с категорией «страховой случай» в связи с необходимостью в страховой услуге в виде «страховой защиты». В отличие от классического страхования, где всегда есть риск наступления страхового случая, который несет негативные последствия и может причинить вред имущественным интересам страхователя, при образовательном накопительном страховании риск носит другой характер.

Мы не единственные сторонники точки зрения о том, что в некоторых ситуациях наступление страховых случаев не несет вредоносные последствия. По этому поводу Д. В. Брызгалов указывает, что в теории для объяснения личного страхования, осуществляемого в порядке накопительного страхования жизни, применяют категорию «безрисковое страхование», отличительной особенность которого заключается в отсутствие вредоносности страхового случая [4]. Автор считает особенностью такого страхования то, что оно дает страхователю возможность обеспечить дополнительный доход, необходимый для поддержания привычного уровня жизни [4].

Данное высказывание представляется спорным, так как здесь встает вопрос о том может ли страхование быть безрисковым, и есть ли такие виды страхования, в которых отсутствует страховой риск.

О категории «страховой риск», его понятии, содержании и сущности высказываются различные точки зрения. Как отмечают С. А. Бахматов и Е. В. Семенова, многие ученые, рассматривая понятие страхования и его различные аспекты, не затрагивают вопросы, касающиеся отдельных нюансов страхового риска и его внутренних структурных особенностей, а также его взаимосвязи с объектом страховой защиты [3]. Но именно особенности страхового риска и страхового случая во многом определяют и содержание предоставляемой страховщиком страховой услуги.

В соответствии с мнением Е. В. Потапова и Е. А. Степкиной риск представляет собой действие страхователя в условиях выбора в надежде на счастливый исход, когда при неудаче у него существует опасность оказаться в худшем положении, чем до выбора [5]. Авторы придерживаются позиции, согласно которой сущность страхового риска выражается через «вероятность достижения желаемого результата; возможность отклонения от предполагаемой цели, ради которой осуществлялась выбранная альтернатива; отсутствие уверенности в достижении поставленной цели; возможность материальных, нравственных и других потерь, связанных с осуществлением выбранной в условиях неопределенности альтернативы» [5]. Применительно к образовательному накопительному страхованию нельзя в полной мере согласиться с этими доводами, так как даже при наличии вероятности достижения желаемого результата и отсутствии уверенности в достижении цели, здесь не могут иметь место какие-либо нравственные потери, связанные с наступлением страхового случая позитивного характера. Вероятность достижения желаемого результата в виде наступления даты или события, связанных с поступлением ребенка на учебу в организацию образования, может наступить не всегда, как и не может иметь место гарантия уверенности. В тоже время при заключении договора образовательного накопительного страхования страхователь-родитель надеется, что к определенной дате или событию у него будет накоплена определенная страховая сумма для оплаты обучения ребенка в будущем, в связи, с чем он совершает активные действия для достижения желаемого результата.

По мнению А. П. Альгина риск выражается в деятельности страхователя, направленную на преодоление неопределенности в ситуации неизбежного выбора, когда есть возможность количественно и качественно оценить вероятность достижения предполагаемого результата [1]. При образовательном накопительном страховании страхователь и страховщик, оговаривая существенные условия договора страхования, имеют возможность на основе актуарных расчетов качественно и количественно оценить размер предполагаемой к выплате страховой суммы с учетом уплачиваемой страховой премии (взноса), срока действия договора и вероятности наступления страхового случая.

С. А. Бахматов и Е. В. Семенова, указывая на неопределенность и вероятность риска, полагают, что его колебания возможны как в отрицательную, так и в положительную сторону, а также могут привести к нейтральным результатам, поэтому, помимо риска потерь, существует и риск выгоды [3]. Причем авторы подчеркивают, что риск при страховании присутствует всегда [3]. Считаем данную точку зрения справедливой, так как при образовательном накопительном страховании есть вероятность наступления события и даты, определяемых в договоре как страховой случай в виде поступления ребенка на учебу в образовательную организацию. В то же время это событие может не состояться, например, в случае невозможности поступления на учебу в образовательную организацию из-за недобора баллов, болезни и т.д. То есть всегда есть риск наступления или ненаступления страхового случая. И, если при страховом случае, несущем негативные последствия для имущественных интересов страхователя, есть риск его наступления, то при ситуации, когда страховой случай ожидаем и страхователь желает его наступления, может иметь место риск его ненаступления, который также будет застрагивать имущественные интересы страхователя.

Представляется, что поскольку как такового риска наступления страхового случая и его неблагоприятных последствий при образовательном накопительном страховании нет, здесь от страховщика требуется страховая услуга другого характера. Это связано с тем, что страховой риск модифицируется в связи с целевым характером страхового

случая и в связи с трансформацией интереса страхователя. Интерес страхователя приобретает другой характер, так как он рассчитывает получить по договору страхования страховую сумму, в связи, с чем он заинтересован в наступлении страхового случая, несущего позитивные последствия. В этом же ключе звучат и слова Е. А. Шергуновой, считающей, что страхователь, при заключении договора страхования имеет определенный интерес, желая при этом получить определенное благо в качестве услуги страхования, входящей в предмет договора [8].

При образовательном накопительном страховании предмет договора будет составлять обязанность страховщика по предоставлению страховой услуги в виде страхового обеспечения имущественных интересов страхователя-родителя, который, указывая в договоре страховой случай в виде наступления даты или события, связанного с поступлением ребенка на учебу в образовательную организацию, ожидает при его наступлении выплату страховой суммы в качестве оплаты учебы. То есть страховая услуга будет представлять собой предоставляемое страховщиком страховое обеспечение определенным материальным уровнем на случай наступления какой-то календарной даты или в связи с наступлением какого-то позитивного события, указанного в договоре образовательного накопительного страхования.

Что касается высказываний о безрисковости страхования, к сторонникам которого наряду с Д. В. Брызгаловым относятся Е. В. Бакулин, А. И. Худяков, Г. Ф. Шершеневич, объясняющие сущность безрискового страхования «отсутствием у него вредности последствий», «отсутствием вредоносности страхового случая», «его безвредностью и безубыточностью», тем, что он «является предсказуемым, определенным», «лишен непредсказуемости наступления», либо его «будущностью, желательностью и доходностью» [2], [7], [10].

А. К. Шихов не видит вред при накопительно-сберегательном страховании как результат наступления страхового случая. Автор придерживается мнения, согласно которому при накопительно-сберегательном страховании результатом наступления страхового случая является момент реализации права страхователем, так как данное страхование относится к безрисковому [11]. Мы полагаем, что момент реализации права страхователем присутствует и при других видах страхования, а не только при личном страховании, носящем накопительный характер. Кроме того, даже при позитивном страховом случае, у которого отсутствует вредоносность, это ожидаемое событие или дата могут не наступить, а значит, есть риск ненаступления страхового случая, который не характеризуется вредоносностью и не несет негативных последствий его наступления.

Е. В. Протас утверждает, что «безрисковое страхование – это вид страхования, предусматривающий возможность личного страхования на случай достижения определенного возраста или наступления в жизни иного предусмотренного договором события» [6]. Не соглашаясь с тем, что страхование вообще может быть безрисковым, считаем доводы автора ошибочными, так как он не учел, что страхователь или застрахованное лицо могут в силу разных причин просто не достигнуть возраста или не дожить до жизненного события, указанных в договоре страхования. Ввиду того, что есть риск ненаступления указанного выше страхового случая, доводы о безрисковом страховании неубедительны.

Представляется, что безрисковое страхование не может существовать, поскольку при любом виде страхования страховой риск неизбежен. Это обусловлено теми последствиями, которые влечет за собой страховой случай. Если наступление страхового случая влечёт негативные последствия для страхователя, то стороны при заключении договора страхования берут во внимание риск его наступления. В тех же случаях, когда страховой случай не является вредоносным, является ожидаемым и его наступление желательно для страхователя, то всегда есть вероятность его ненаступления, то есть возможен риск его ненаступления.

В зависимости от характера страхового случая страховщиком будет предоставляться соответствующего рода страховая услуга: при негативном страховом случае страхователю необходима защита и страховщик предоставляет страховую услугу в виде «страховой защиты» имущественных интересов; а при страховом случае позитивного характера страховщик предоставляет страховую услугу в виде страхового обеспечения, тем самым обеспечивает страхователя к конкретным дате или событию определенный уровень материального состояния.

На основании изложенного выше, полагаем, что образовательное накопительное страхование, сочетающее в себе личное страхование с накопительным элементом, представляет собой особую модель страховых правоотношений, где страховой случай в виде поступления на учебу в образовательное учреждение трансформирует страховую услугу по защите имущественных интересов страхователя в страховую услугу по их страховому обеспечению. Наступление указанного страхового случая влечет за собой обязанность страховщика по осуществлению страховой выплаты, тем самым обеспечивая оплату обучения определенной страховой суммой, а позитивный характер страхового случая и наличие вероятности его ненаступления позволяет говорить о рисковом характере страхования.

Пристатейный библиографический список

1. Альгин А. П. Рискология и синергетика в системе управления: [монография] / А. П. Альгин [и др.]; Сев.-Зап. акад. гос. службы, Карел. фил. Сев.-Зап. акад. гос. службы в г. Петрозаводске. – Петрозаводск: [б. и.], 2004 (Тип. Изд-ва ПетрГУ). – С. 103.
2. Бакулин Е. В. Исследование подходов к содержанию рискового страхования // Актуальные вопросы экономических наук. – 2011. – № 21-1. – С. 8-12.
3. Бахматов С. А., Семенова Е. В. Риск в накопительном страховании жизни: сущность и методы оценки // Известия БГУ. – 2014. – № 2. – С. 5-12.
4. Брызгалов Д. В. Теоретические подходы к страхованию жизни: проблемы и пути их преодоления // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2018. – Т. 11. Выпуск 4. – С. 415-427.
5. Потапов Е. В., Степкина Е. А. Управление валютными рисками // Научные записки ОРЕЛГИЭТ. – 2010. – № 1. – С. 430-433.
6. Протас Е. В. Страховое право: учебник / 2-е изд., стер. – М.: МГИУ, 2007. – С. 121.
7. Худяков А. И. Страховое право. – М.: Юридический центр Пресс, 2008. – С. 11-13.
8. Шергунова Е. А. Проблемы определения интересов сторон в договорах страхования в современной России // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2019. – № 3. – С. 135-145.
9. Шершеневич Г. Ф. Избранное. Т. 5: учебник русского гражданского права / Вступ. слово, сост.: П. В. Крашенинников. – М.: Статут, 2017. – С. 513.
10. Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. Т. II: Товар. Торговые сделки. – М., 2003. – С. 327.
11. Шихов А. К. Страховое право: учебное пособие / 3-е изд., стер. – М.: ЗАО Юстиц-информ, 2004. – С. 30.

ШПАНАГЕЛЬ Федор Федорович
кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения экономической деятельности, Самарский государственный экономический университет

Шпанагель Ф. Ф.

ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ САМОЗАНЯТЫХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье впервые рассматриваются проблемы государственного регулирования правового положения самозанятых в неразрывном сочетании правовых, экономических и социально-психологических аспектов.

Автор рассматривает и критически оценивает правовую позицию Федерального Собрания Российской Федерации и правительства Российской Федерации о будущем самозанятых.

Статья посвящена анализу условий и возможных последствий принятия федеральным законодательным органом рекомендации о подведении итогов и прекращении эксперимента по введению налога на профессиональный доход.

Автор обосновал предпринимательский характер деятельности самозанятых, не определенный законодателем.

Обосновывается заключение о недопустимом уровне неопределенности правового положения самозанятых как участников индивидуального предпринимательства при введении и администрировании налога на профессиональный доход.

Ключевые слова: государственное регулирование, законотворческая деятельность, правовое положение, субъекты индивидуального предпринимательства, самозанятые, индивидуальные предприниматели.

SHPANAGEL Fyodor Fedorovich
Ph.D. in Law, associate professor of Legal support of economic activity sub-faculty, Samara State University of Economics

PROBLEMS OF STATE REGULATION OF THE LEGAL STATUS OF THE SELF-EMPLOYED IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article examines for the first time the problems of state regulation of the self-employed in an inseparable combination of legal, economic and socio-psychological aspects.

The author examines and critically evaluates the legal position of the Federal Assembly of the Russian Federation and the Government of the Russian Federation on the future of the self-employed.

The article is devoted to the analysis of the conditions and possible consequences of the adoption by the federal legislative body of the recommendation to summarize the results and terminate the experiment on the introduction of a professional income tax.

The author substantiated the entrepreneurial nature of the self-employed activity, which is not defined by the legislator.

The conclusion is substantiated about the unacceptable level of uncertainty of the legal position of the self-employed as participants in individual entrepreneurship when introducing and administering the professional income tax.

Keywords: state regulation, legislative activity, legal status, individual entrepreneurs, self-employed, individual businessmen.

Представляется важным обеспечение российским государством соответствия системы участников предпринимательской деятельности экономическим и социальным условиям с учетом особенностей каждого периода жизни страны, необходимого для успешного поступательного развития, как общественного производства, так и социальной сферы, что объясняет повышенное внимание юристов к вопросам правового положения индивидуальных предпринимателей [1], [2], в последнее время - к самозанятым [3], [4] и к сравнению их статусов [5].

В связи с этим анализ правового положения самозанятых граждан в Российской Федерации позволяет сделать вывод о том, что сформировавшаяся к настоящему времени система субъектов индивидуального предпринимательства остается несовершенной и по ряду причин не устраивает органы государственной власти и государственного и муниципального управления, порождает многочисленные проблемы для самих предпринимателей и других участников экономической деятельности, что обостряет необходимость комплексного изучения проблемы, включая ее правовой, экономический и социально-психологический аспекты, некоторые из которых рассмотрим.

Так, например, дополнительного внимания ученых заслуживают следующие обстоятельства.

С одной стороны, длительное, даже многолетнее «выжидание» самозанятых перед переходом их на уплату налога на профессиональный доход (далее – НПД), что очевидно свидетельствует о ранее полученном ими негативном опыте прошедших государственных реформ в сфере микро- и малого предпринимательства, когда заявленные меры стимулирования и поддержки их бизнеса нередко носили декларативный характер, а чаще они испытывали рост налоговой нагрузки на их бизнес, усложнение отчетности и др.

Следовательно, кажущаяся, на первый взгляд, осторожность на самом деле понятна. Думается, что множество самозанятых сомневается в действительности намерений государства только максимально упростить учет и смягчить, уменьшить для них налоговое бремя в качестве постоянного правового режима, а не только в ограниченных во времени рамках нормативной песочницы (правового эксперимента) и исключительно в фискальных целях: выявить и легализовать весь круг самозанятых граждан и обложить их в последующем налогами в возрастающих размерах).

С другой стороны, резкий и быстрый рост числа плательщиков НПД, когда он сначала казался медленным, но со временем ускорился и сейчас становится стремительным (почти по экспоненте) увеличение количества граждан, добровольно избравшим специальный режим налогообложения. Действительно, в последние годы происходит быстрый рост количества физических лиц, которые приобрели в уста-

новленном законом порядке правовой статус плательщиков НПД, называемых также самозанятыми.

Так, на 28.02.2026 года количество плательщиков НПД в целом составило 15912245 человек[1] и продолжает расти, достигнув только за 1 месяц, на 31.03.2026 года, всего 16188229 человек, из которых физические лица (именно на них прежде всего был рассчитан эксперимент) составили 15355620, а индивидуальные предпринимателя – только 832609[2].

Таким образом, именно самозанятые – физические лица (труженики и предприниматели одновременно) составляют «львиную долю» среди общего количества всех видов участников индивидуального предпринимательства (индивидуальных предпринимателей, крестьянских (фермерских) хозяйств и др.), что уже, безусловно, свидетельствует о положительных результатах продолжающегося эксперимента и о восстановлении в некоторой мере доверия государству многомиллионного количества физических лиц – предпринимателей. Статистика продолжающегося эксперимента также показывает, как трудно сформировать доверие государству и как быстро можно его утратить при непоследовательной и недальновидной государственной политике органов власти и управления.

Сама возможность принятия российским государством решения о прекращения индивидуального предпринимательства в целом и ограничении круга субъектов предпринимательской деятельности только юридическими лицами представляется опасной и недопустимой. Даже всякая угроза существования, а тем более ее реализация в отношении многомиллионного отечественного индивидуального предпринимательства чревата огромными экономическими и прежде всего, социально-психологическими издержками, хорошо известными российскому обществу, например, по «застойному» периоду его экономического и социального «социалистического развития» в 70-е и 80-е годы прошлого века.

И вот на этапе наиболее успешного развития эксперимента с самозанятыми по внедрению НПД и совершенно внезапно для основной массы самозанятых в Совете Федерации обсуждается и принимается рекомендация правительству Российской Федерации (далее – Рекомендация)[3] о проведении анализа и досрочном, а именно уже в 2026 году, прекращении эксперимента по введению налога на профессиональный доход, то есть Федеральным Собранием, фактически планировалось полное упразднение самозанятости как самой массовой формы индивидуального предпринимательства.

Данные действия Совета Федерации вызвали критическую оценку этического и социально-психологического характера как самозанятых, так и всех участников индивидуального предпринимательства, средств массовой информации, что было вполне прогнозируемой реакцией.

С одной стороны, работники налоговых органов и другие официальные лица справедливо указывают на нередкое использование правого статуса самозанятых «для схем ухода от налогов, дробления бизнеса и обхода контроля». С другой стороны, введение специального налогового режима для плательщиков налога на профессиональный доход подтвердило свою эффективность в легализации доходов около 16 млн. фактически нелегально действовавших ранее субъектов индивидуального предпринимательства (думается, основной, но далеко не полной части от их общего количества), что существенно пополняет бюджет, а это особенно ценно с учетом возрастающего его дефицита, и что помогло малому бизнесу легализоваться и приобрести более устойчивое, надежное правовое положение.

Считаем, что само по себе недостаточно эффективное администрирование НПД не является достаточным основанием для его полной и тем более столь срочной отмены, а требует совершенствования и прежде всего координации работы соответствующих ведомств.

Возникает вопрос, почему при принятии Советом Федерации Рекомендации 08.10.2025 года не были учтены ее возможные этические и социально-психологические последствия? Получается, что, принимая ее почти в конце 2025 года, допускалась (и даже ожидалась) уже в следующем, 2026 году возможная отмена правового статуса самозанятых.

Если правительство РФ и Минэкономразвитие быстро бы «выполнили» данную им рекомендацию, то это лишило бы более 15 млн. физических лиц-предпринимателей и еще большее количество иждивенцев и других членов их семей основного или дополнительного дохода при наработанных данными предпринимателями связях, приобретенном, нередко дорогостоящем, оборудовании, накопленных технологиях, ценном опыте и т.п. Думается, что именно это вызвало бурное неприятие многими участниками индивидуальной предпринимательской деятельности рекомендации законодателя о возможной, причем крайне быстрой, даже поспешной отмене статуса самозанятых.

Правительство РФ учло возможный общественный резонанс «исполнения» предложения Совета Федерации от 08.10.2025 года и экстренно, уже на следующий день, 09.10.2025 года заявило о том, что изменений в правовом положении самозанятых до окончания срока проведения эксперимента не планирует[4].

Необходимо признать проявлением мудрости, дальновидности и решительности правительства Российской Федерации при принятии данного решения, причем в условиях возрастающего дефицита как федерального, так и бюджетов иных уровней и проводимого в настоящее время системного увеличения налоговой нагрузки по многим видам налогов, в том числе на малый и средний бизнес, например, путем снижения лимитов на освобождение от налога на добавленную стоимость и др.

В то же время, остается непонятной исследователям позиция самого правительства РФ по вопросам будущего правового положения и условий деятельности самозанятых физических лиц.

Таким образом, анализ функционирующей в настоящее время в России системы субъектов индивидуального предпринимательства, и прежде всего ее самой многочисленной составляющей – физических лиц в качестве самозанятых, следует признать не только несовершенной, но и незавершенной.

Более того, остается весьма неопределенной стратегия государственного регулирования процесса формирования состава участников индивидуального предпринимательства, их правового положения и стимулирования их поступательного развития или хотя бы сохранения.

Приходится констатировать тот факт, что высшие законодательные органы страны, начав подготовку к преобразованиям (реформе) системы предпринимательства, пока не сформулировали даже саму концепцию ее построения, что показано нами на примере самозанятых граждан.

Пристатейный библиографический список

1. Ефимцева Т. В., Кроткова А. В. К вопросу о юридической ответственности индивидуальных предпринимателей // Юридический мир. - 2025. - № 3. - С. 23-25.
2. Кот М. К. Субъектный состав отношений по регулированию предпринимательской деятельности: дискуссионные вопросы // Евразийский юридический журнал. - 2023. - № 5 (180). - С. 267-269.
3. Куделя Н. Ю., Лопатин М. В., Утва И. С. О некоторых вопросах правового статуса самозанятых граждан: особенности и проблематика // Юридическая наука. - 2025. - № 1. - С. 109-113.
4. Макарова Л. А., Невзгодина Е. Л. Правовой статус самозанятых граждан // Вестник ОмГУ. Серия. Право. - 2021. - № 4. - С. 39-49.
5. Пермяков М. В., Банных С. Г. Отличия самозанятого от индивидуального предпринимателя // Евразийский юридический журнал. - 2022. - № 3 (166). - С. 153-154.

1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html (дата обращения: 20.04.2026).

2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ofd.nalog.ru/statistics2.html. (дата обращения: 20.04.2026).

3 Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 08.10.2025 года «О текущей ситуации в экономике и основных задачах социально-экономического развития Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://npalib.ru/2025/10/08/postanovlenie-433-sf-id579793/ (дата обращения: 20.04.2026).

4 Кабмин заявил, что изменений для самозанятых не планируется. 09.10.2025. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tass.ru/ekonomika/25295415 (дата обращения: 20.04.2026) @@ Трофименко А. Кабинет министров и Минэкономразвития подтвердили ясно: Режим НПД сохранится до 2028 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/v-rf-spetsial-nyi-nalogovyi-rezhim-dlia-samozaniatykh-sokhranitsia-do-2028 (дата обращения: 20.04.2026).

ЧАТТАЕВ Азамат Русланович
кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и гражданского права, Государственный университет просвещения, г. Москва

ГЛУХОВ Евгений Робертович
магистрант кафедры конституционного и гражданского права, Государственный университет просвещения, г. Москва

КОНСОЛИДАЦИЯ КОРПОРАТИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ): ПОНЯТИЕ, ПРЕДЕЛЫ И МЕСТО В СИСТЕМЕ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ПРАВА

Статья посвящена уточнению понятия консолидации применительно к корпоративному законодательству и законодательству о несостоятельности (банкротстве), выявлению пределов подобного сближения, определению места консолидации среди форм систематизации права. Исследование опирается на формально-юридический, системный, сравнительно-доктринальный приемы. В статье обоснован вывод о промежуточном положении консолидации в системе систематизации права: глубина переработки здесь превышает уровень инкорпорации, но не доходит до степени кодификационной реформы. Предложено определение консолидации для сферы корпоративного и банкротного регулирования, выделены - предметный, содержательный, структурный, темпоральный, институциональный пределы консолидации. Доказано, что для исследуемой сферы консолидация служит средством устранения раздробленности взаимосвязанных норм без перехода к полной перекройке нормативного массива.

Ключевые слова: консолидация законодательства, систематизация права, корпоративное законодательство, несостоятельность, банкротство, инкорпорация, кодификация, юридическая техника, пределы консолидации.

CHATTAEV Azamat Ruslanovich
Ph.D. in Law, associate professor of Constitutional and civil law sub-faculty, State University of Education, Moscow

GLUKHOV Evgeniy Robertovich
magister student of Constitutional and civil law sub-faculty, State University of Education, Moscow

CONSOLIDATION OF CORPORATE LEGISLATION AND INSOLVENCY (BANKRUPTCY) LEGISLATION: CONCEPT, LIMITS AND PLACE IN THE SYSTEM OF LEGAL SYSTEMATIZATION

The article refines the concept of consolidation as applied to corporate legislation and insolvency (bankruptcy) legislation, identifies the limits of such rapprochement, and determines the place of consolidation among the forms of legal systematization. The study relies on formal legal, systemic and comparative doctrinal methods. The paper substantiates the intermediate position of consolidation within the system of legal systematization: the degree of normative processing is deeper than incorporation, yet lower than codification. A sector-specific definition of consolidation is proposed for corporate and insolvency regulation. The article distinguishes subject-matter, substantive, structural, temporal and institutional limits of consolidation and shows that consolidation in the examined sphere overcomes fragmentation of interrelated norms without turning into a full-scale legislative reform.

Keywords: consolidation of legislation, legal systematization, corporate legislation, insolvency, bankruptcy, incorporation, codification, legal technique, limits of consolidation.

Научная проблема в исследуемой сфере проявляется в следующем. Современный массив предписаний, регулирующих деятельность корпораций и процедуры несостоятельности, отличается высокой раздробленностью. Нормы, связанные с созданием юридического лица, внутренним устройством органов управления, совершением корпоративно значимых действий, реорганизацией, ликвидацией, защитой кредиторов и распределением имущественной массы, рассредоточены по Гражданскому кодексу Российской Федерации, специальным законам о хозяйственных обществах и закону о несостоятельности. Подобное строение законодательства усиливает зависимость правоприменителя от межотраслевого толкования и повышает риск несогласованного применения смежных предписаний [1].

На этом фоне консолидация приобретает не только теоретическое, но и прикладное наполнение. Для общей теории права проблема сосредоточена в определении юридической природы консолидации и ее разграничении с инкорпорацией и кодификацией. Для корпоративного и банкротного регулирования предмет исследования связан с поиском такой модели упорядочения нормативного массива, при которой сохраняется действующее содержание предписаний, но устраняются дублирование, избыточная раздробленность и неоправданные структурные разрывы [2, с. 73-74].

В ряду форм систематизации права консолидация занимает промежуточное положение, что подтверждает следующий анализ. Научная литература демонстрирует устойчивый спор по вопросу о статусе консолидации. Одна группа авторов рассматривает ее как самостоятельную форму систематизации, связывающую текущую правотворческую деятельность и более глубокую переработку законодательства. Другая линия сближает консолидацию с кодификацией, указывая на высокую динамику современного законодательства и на трудность механического соединения актов без содержательной коррекции. Третья позиция сводит консолидацию преимущественно к юридико-техническому упорядочению действующего материала [3, с. 136-138].

Подобный разброс позиций свидетельствует не о слабости самой конструкции, а о сложности предмета. Инкорпорация ориентирована на собирание и внешнее упорядочение нормативных текстов. Кодификация связана с глубокой переработкой и обновлением нормативного содержания.

Консолидация располагается между названными полюсами: она не ограничивается простым сводом текстов, но и не переходит к полномасштабной реформе нормативного материала. Подобное положение позволяет признать за ней самостоятельное место в системе систематизации права.

Применительно к корпоративному и банкротному регулированию понятие консолидации раскрывается через следующую совокупность признаков. Корпоративное законодательство регулирует создание, функционирование, внутреннее устройство, реорганизацию и ликвидацию корпоративных юридических лиц. Законодательство о несостоятельности направлено на урегулирование имущественного кризиса должника, защиту кредиторов, предупреждение утраты платежеспособности и проведение процедур банкротства. Между двумя массивами существует устойчивая нормативная связь: решения органов управления, правила одобрения сделок, порядок прекращения деятельности, судьба имущества организации и интересы кредиторов образуют общий регулятивный узел [4, с. 213-214].

С учетом такой связи консолидацию в исследуемой сфере целесообразно определять как официальный способ упорядочения взаимосвязанных норм корпоративного законодательства и законодательства о несостоятельности путем их объединения в единый согласованный нормативный массив без глубокой переработки исходного содержания, но с устранением повторов, терминологических расхождений и структурных несоответствий. Под единым согласованным массивом в данном случае понимается не только один сводный акт, но и внутренне выстроенный блок согласованных актов, подчиненных общей логике регулирования [5, с. 68-69].

Пределы консолидации в исследуемой сфере просматриваются по нескольким направлениям. Предметный предел связан с достаточной однородностью регулируемых отношений либо с устойчивой функциональной связью между ними. В исследуемой сфере подобная связь очевидна: корпоративные решения нередко прямо влияют на имущественное состояние должника, объем конкурсной массы, права кредиторов и перспективы восстановления платежеспособности. При этом предел предметной общности не позволяет включать в один консолидированный массив любые нормы, затрагивающие хозяйственную деятельность организаций, иначе упорядочение утрачивает внутреннюю юридическую логику [4, с. 214].

Содержательный предел связан с глубиной вмешательства в текст. Консолидационная работа допускает лишь редакционную правку, направленную на устранение повторов, несогласованных формулировок, технических дефектов и структурных разрывов. Переход к обновлению диспозиций, перераспределению прав и обязанностей участников оборота, изменению моделей корпоративного управления или банкротных процедур выводит работу за пределы консолидации и переводит ее в плоскость кодификации либо иной реформы законодательства [2, с. 75-76].

Структурный предел обусловлен сохранением автономии корпоративного регулирования и регулирования несостоятельности. Тесная связь двух массивов не означает допустимость их механического слияния в один универсальный кодекс. Структурное упорядочение предполагает сохранение внутренних блоков, позволяющих различать корпоративный слой, блок предбанкротных состояний и блок процедур несостоятельности.

Темпоральный предел проявляется в зависимости консолидации от устойчивости нормативного материала. Если акты изменяются слишком часто, консолидированный текст быстро утрачивает практическую ценность и превращается в краткосрочный справочный продукт. Для корпоративного и банкротного регулирования данный предел особенно чувствителен, поскольку обе сферы испытывают постоянное давление экономических преобразований и судебной практики [3, с. 140-142].

Институциональный предел связан с компетенцией правотворческого субъекта. Неофициальные своды, электронные подборки и научные реконструкции обладают практической ценностью, но не заменяют официальный результат систематизации. Для корпоративного и банкротного массива ошибка в определении юридической силы консолидированного текста затрагивает права участников корпораций, кредиторов, арбитражных управляющих и иных лиц [5, с. 70-71].

Отраслевое значение консолидации раскрывается через ее практическое воздействие на правоприменение. Практическая ценность консолидации в рассматриваемой сфере определяется несколькими обстоятельствами. Базовые корпоративные акты действуют рядом с законом о несостоятельности, а потому правоприменитель постоянно обращается к нескольким слоям регулирования. Корпоративные решения о крупных сделках, распоряжении активами, реорганизации, прекращении деятельности, порядке участия в управлении и раскрытии информации нередко получают банкротно-правовое продолжение. При имущественном кризисе юридического лица прежняя корпоративная модель управления вступает в соприкосновение с режимом коллективной защиты кредиторов [4, с. 214-215].

Консолидация в названной сфере имеет не только техническое, но и системное значение. Она упрощает навигацию по нормативному материалу, снижает вероятность пропуска взаимосвязанных предписаний, способствует более ровному толкованию и формирует ясную картину соотношения корпоративных интересов и интересов кредиторского сообщества [3, с. 142-144].

Результаты проведенного исследования сводятся к следующим положениям. Проведенное исследование позволяет сформулировать три положения. Во-первых, консолидация в сфере корпоративного и банкротного регулирования сохраняет самостоятельное место среди форм систематизации права [2, с. 73-77]. Во-вторых, ее содержание сводится не к простому своду текстов и не к глубокой реформе нормативного массива, а к упорядочению взаимосвязанных предписаний при сохранении их нормативного ядра [5, с. 67-69]. В-третьих, пределы консолидации проходят по линии предметной однородности, допустимой глубины редакционной правки, сохранения отраслевой структуры, устойчивости массива действующих норм и компетенции правотворческого субъекта [6, с. 177-180].

Пристатейный библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ.
2. Абдиева Д. А. Виды систематизации законодательства в условиях современной динамики права // Образование и право. - 2023. - № 6. - С. 73-77.
3. Липень С. В. Трансформация теории систематизации законодательства в эпоху цифровизации права // Lex Russica. - 2022. - Т. 75. № 2 (183). - С. 132-147.
4. Рагузова Т. В., Егерева О. А. Правовые проблемы консолидации корпоративного законодательства и законодательства о несостоятельности (банкротстве) // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. - 2024. - № 12-1 (99). - С. 213-216.
5. Руф В. С. Консолидация: недооцененная форма систематизации нормативных актов // Вопросы российской юстиции. - 2023. - № 29. - С. 67-73.
6. Зарьков Д. С. Средства и способы консолидации нормативных правовых актов // Правовая политика и правовая жизнь. - 2020. - № 2. - С. 172-180.

АЛТЫНБАЕВА Диляра Рамилевна
аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права, Юридический институт, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

БРЕМЯ И СТАНДАРТЫ ДОКАЗЫВАНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ КИТАЯ

Вопрос о том, кто именно обязан представить доказательства и насколько убедительными они должны быть для судьи в китайском гражданском процессе решается далеко не так однозначно, как может показаться на первый взгляд. Собственно, эта статья и посвящена тому, чтобы разобраться: какие теоретические и практические аспекты стоят за бременем доказывания и стандартами доказывания в КНР. И главное - как эти механизмы работают сейчас, когда суды всё активнее переходят на «цифру». Автор пытается выявить: чем вообще китайская модель отличается от привычных западных подходов? Особенно интересно, как в ней распределяется доказательственная нагрузка и что считается «достаточным уровнем» доказанности, ведь формальных порогов в китайском праве несколько. Методологическую основу исследования составляют сравнительно-правовой, формально-юридический и системный методы анализа, позволяющие рассмотреть эволюцию институтов доказывания в китайском процессуальном праве в контексте общемировых тенденций развития гражданской процессуальной формы. В результате исследования установлено, что в китайском гражданском процессе применяются дифференцированные стандарты доказывания, среди которых особое место занимает презумпция достоверности электронных доказательств, заверенных с использованием технологии блокчейн. Автором проанализированы подходы Верховного народного суда КНР к регулированию доказательственной деятельности, а также выявлена специфика распределения бремени доказывания в условиях функционирования интернет-судов. Сделан вывод о том, что китайская модель доказывания демонстрирует эффективное сочетание традиционных процессуальных институтов и инновационных технологических решений.

Ключевые слова: бремя доказывания, стандарты доказывания, гражданский процесс Китая, интернет-суды, блокчейн, электронные доказательства, презумпция достоверности, цифровизация правосудия.

ALTYNBAEVA Dilara Ramilevna
postgraduate student of Civil law and process and private international law sub-faculty, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

BURDEN AND STANDARD OF PROOF IN CIVIL LITIGATION IN CHINA

This article examines the theoretical and practical aspects of the burden of proof and evidentiary standards in civil proceedings in the People's Republic of China. The aim of the study is to identify the specific features of the Chinese model of distributing the evidentiary burden and determining threshold evidentiary requirements in the context of the active implementation of digital technologies in legal proceedings. The methodological basis of the study is formed by comparative legal, formal legal, and systemic methods of analysis, allowing us to consider the evolution of evidentiary institutions in Chinese procedural law in the context of global trends in the development of civil procedural law. The study found that differentiated evidentiary standards are applied in Chinese civil proceedings, among which the presumption of reliability of electronic evidence certified using blockchain technology occupies a special place. The author analyzed the approaches of the Supreme People's Court of the PRC to regulating evidentiary activity and also identified the specifics of distributing the burden of proof in the context of the functioning of online courts. It is concluded that the Chinese model of evidence demonstrates an effective combination of traditional procedural institutions and innovative technological solutions.

Keywords: burden of proof, standards of proof, Chinese civil procedure, internet courts, blockchain, electronic evidence, presumption of truth, digitalization of justice.

Введение

Вопросы доказывания занимают центральное место в гражданском процессе любой страны, поскольку именно в ходе доказательственной деятельности устанавливаются фактические обстоятельства дела и формируется основа для вынесения законного и обоснованного судебного решения. Китайская Народная Республика в последние десятилетия демонстрирует стремительное развитие процессуального законодательства, сопровождающееся активным внедрением цифровых технологий в судопроизводство. Указанные процессы обусловливают необходимость теоретического осмысления трансформации традиционных институтов доказательственного права, включая бремя доказывания и стандарты доказывания, под влиянием цифровизации.

Актуальность настоящего исследования определяется несколькими факторами. Во-первых, Китай является мировым лидером по объему и темпам развития правового регулирования цифровых технологий в судопроизводстве, что подтверждается созданием специализированных интернет-судов в Ханчжоу, Пекине и Гуанчжоу, а также разработкой разветвленной системы нормативных актов, регулирующих онлайн-правосудие [2]. Во-вторых, китайский опыт применения технологии блокчейн для фиксации и хранения доказательств представляет значительный интерес для развития доказательственного права в целом, поскольку Верховный народный суд КНР впервые в мировой практике признал в отношении подлинности документов, заверенных с использованием блокчейна, принцип допустимой презумпции (gratum preasumptione). В-третьих, проблема соотношения бремени доказывания и стандартов доказывания сохраняет дискуссионный характер в процессуальной науке, а анализ китайского подхода к ее решению может обогатить теоретические представления о механизмах доказывания.

Научная значимость статьи заключается в систематизации знаний о китайской модели доказательственного права, выявлении ее концептуальных оснований и практических механизмов реализации. Цель исследования состоит в анализе институтов бремени доказывания и стандартов доказывания в гражданском процессе КНР с учетом последних законодательных изменений и судебной практики.

Литературный обзор. Теоретические основы исследования доказывания в гражданском процессе заложены в работах российских процессуалистов, однако применительно к китайской правовой системе наблюдается дефицит

комплексных исследований. Обзор литературы показывает: работ, прямо посвящённых этой теме, немного, и все они скорее точечные, чем системные. В числе тех, кто всерьёз занимался вопросом, — А. В. Даньшина [2], она подробно разбирает нормативные акты Верховного народного суда КНР, касающиеся цифровых технологий в судебном процессе. Рядом с ней — Е. П. Русакова [4], она рассматривает теоретико-правовая сторону, как искусственный интеллект встраивается в китайскую судебную систему [5].

Отдельно стоит обратиться к работе П. В. Трощинского [8], он рассматривает судебную систему КНР в условиях цифровой трансформации - и вопросы работы интернет-судов, и статус электронных доказательств. Главный вывод Трощинского: появление интернет-судов действительно сделало правосудие для граждан гораздо доступнее, но и процедуры доказывания при этом изменились кардинально, и далеко не все эти изменения можно назвать очевидными. Эту мысль, развивают и А. В. Бегичев с В. К. Уткиной [1], чьё исследование целиком построено вокруг анализа электронного правосудия в КНР. По их мнению, отдельные решения вполне могут быть адаптированы применительно к российскому гражданскому процессу.

В работах Н. В. Шереметьевой, И. В. Батуро и У. Шуань [10] рассматриваются особенности электронного правосудия в КНР, включая вопросы использования блокчейн-технологий для обеспечения подлинности доказательств. Исследователи приходят к выводу, что китайский опыт может быть полезен для совершенствования российского гражданского судопроизводства. Существенный вклад в сравнительно-правовое осмысление использования искусственного интеллекта в гражданском судопроизводстве внесли Е. П. Ермакова и Е. Е. Фролова, исследовавшие опыт США и КНР [3].

Среди китайских исследователей следует отметить работы Чжан Ся [13], анализирующего риски и правила судебного применения искусственного интеллекта, а также Цзя Юя [12], посвятившего исследование концепции цифрового суда. Указанные авторы уделяют внимание вопросам трансформации доказательственной деятельности в условиях цифровизации правосудия.

Однако если говорить прямо, комплексных работ, которые были бы специально посвящены именно соотношению бремени доказывания и стандартов доказывания в гражданском процессе Китая, на сегодняшний день нет. Отдельные аспекты, безусловно, затрагиваются, но целостного исследования - пожалуй, не встречается. Этим, собственно, и продиктована необходимость обратиться к теме в рамках настоящей статьи.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составляет совокупность общенаучных и специально-юридических методов познания. Диалектический метод позволил рассмотреть институты бремени доказывания и стандартов доказывания в их развитии и взаимосвязи с процессами цифровизации судопроизводства. Формально-юридический метод применен при анализе нормативных правовых актов КНР, включая «Правила онлайн-судопроизводства народных судов» (2021 г.)[1] и «Правила работы народных судов в режиме онлайн» (2022 г.)[2], утвержденные Верховным народным судом КНР. Сравнительно-правовой метод использован для сопоставления китайской модели доказывания с подходами, сложившимися в иных правовых системах. Системный метод позволил рассмотреть доказательственное право Китая как целостное образование, включающее взаимосвязанные элементы.

Результаты

Проведенное исследование позволило выявить ряд существенных особенностей китайской модели регулирования бремени доказывания, и стандартов доказывания в гражданском процессе.

Во-первых, в китайском процессуальном праве отсутствует легальное определение понятий «бремя доказывания» и «стандарт доказывания», что характерно и для российской правовой системы. Вместе с тем, Верховный народный суд КНР в своих разъяснениях и нормативных актах формулирует подходы к распределению доказательственного бремени и определению пороговых требований к доказательствам. Основой распределения бремени доказывания служит общий принцип, согласно которому каждая сторона должна доказать обстоятельства, на которые она ссылается как на основание своих требований и возражений.

Во-вторых, существенной особенностью китайского гражданского процесса является дифференциация стандартов доказывания в зависимости от категории дел и особенностей доказательственной базы. Наиболее отчетливо данная тенденция проявляется в деятельности интернет-судов, рассматривающих споры, связанные с электронной коммерцией. Работа интернет-судов началась при наличии специального нормативного акта – «Регламента Верховного народного суда «О некоторых вопросах при рассмотрении дел интернет-судами»», который установил общие правила использования цифровых технологий в судопроизводстве[3].

В-третьих, принципиально новым явлением в мировом масштабе стало признание Верховным народным судом КНР допустимой презумпции (gratum preasumptione) в отношении подлинности электронных данных, сохраненных с использованием технологии блокчейн. Указанная презумпция не является неоспоримой (conclusive), а носит предварительный характер, поскольку окончательное решение о подлинности электронных материалов всегда принимает суд. Стороны процесса сохраняют право выдвигать возражения в отношении подлинности электронных данных, хранящихся по технологии блокчейна, как до их сохранения в технологической цепочке, так и после загрузки в последовательную цепочку блоков [2].

Четвёртое. Китайский законодатель не обошёл стороной и ситуацию, когда подлинность блокчейн-данных всё же вызывает сомнения. На этот случай в «Правилах онлайн-судопроизводства народных судов» прописана норма: можно привлекать специалистов для экспертной оценки таких электронных данных. Смысл здесь двойной — с одной стороны, обеспечить надёжность доказательственной базы, с другой — сохранить за судом исключительное право на итоговое решение. Специалист помогает, но последнее слово всё равно за судьёй.

Пятое. Ещё одна важная деталь китайской модели доказывания - система, которая позволяет идентифицировать участников процесса. Работает она через национальную платформу унифицированной идентификации. Что это даёт? Участник проходит обязательную электронную регистрацию: указывает реальное имя, номер телефона, ID резидента или паспортные данные. На выходе формируется основа — уже на ней потом суд будет оценивать, допустимы ли представленные доказательства. Без такой идентификации, по сути, и говорить о допустимости сложно.

Обсуждение. Полученные результаты позволяют выявить ряд теоретических и практических проблем, связанных с реализацией институтов бремени доказывания и стандартов доказывания в гражданском процессе Китая.

Первая проблема касается соотношения традиционных стандартов доказывания, основанных на внутреннем убеждении судьи, и формализованных критериев оценки доказательств, закрепленных в нормативных актах Верховного народного суда КНР. Как справедливо отмечает Е. П. Русакова, процесс внедрения искусственного интеллекта в судопроизводство требует серьезного правового осмысления данных технологий в контексте осуществления правосудия [5].

1 Правила онлайн-судебного разбирательства в Народном суде КНР. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://english.court.gov.cn/lawsrules.html (дата обращения: 10.02.2026).

2 Правила работы народных судов в режиме онлайн. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://english.court.gov.cn/lawsrules.html (дата обращения: 10.02.2026).

3 Регламент Верховного народного суда КНР по ряду вопросов, касающихся рассмотрения дел интернет-судами: 1747-я сессия Арбитражной комиссии Верховного народного суда 6 сентября 2018 года. Retrieved from. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.court. gov.cn/fabu-xiangqing-116981.htm (дата обращения: 10.02.2026).

С одной стороны, формализация стандартов доказывания способствует унификации судебной практики и повышению предсказуемости судебных решений. С другой стороны, возникает риск подмены судейского усмотрения алгоритмическими предписаниями, что может вступить в противоречие с принципом независимости судей.

Вторая проблема связана с определением момента выполнения бремени доказывания в условиях использования цифровых технологий. Представление доказательств в электронной форме, их хранение с использованием блокчейна и оценка с применением систем искусственного интеллекта существенно трансформируют традиционные представления о доказательственной деятельности. В китайской процессуальной доктрине и судебной практике формируется понимание того, что выполнение бремени доказывания должно оцениваться не только по формальным критериям представления доказательств, но и с учетом их способности сформировать внутреннее убеждение суда.

Третья проблема носит процедурный характер. Речь о реализации принципа равенства сторон в цифровой среде доказывания. Китайские интернет-суды, как показывает практика, сталкиваются с асимметрией: возможности сторон по представлению и обоснованию электронных доказательств различаются в зависимости от их цифровой компетентности и технического оснащения. Законодатель пока не предложил чётких инструментов для нейтрализации этого дисбаланса. Одним из возможных решений видится закрепление за судом права переводить процесс из онлайн-формата в офлайн при необходимости удостовериться в личности, исследовать оригинал документа или произвести осмотр физических объектов в судебном заседании.

Заключение

Из проведённого исследования следуют выводы. Основные из них приведены ниже.

1. Бремя доказывания, равно как и стандарты доказывания в гражданском процессе КНР, под влиянием двух факторов — цифровизации судопроизводства и создания интернет-судов трансформируется весьма существенно. Китайская модель доказательственного права являет собой пример того, как традиционные процессуальные институты сочетаются с инновационными технологическими решениями; причём сочетаются эффективно. Результат этого сочетания — достоверность и допустимость доказательств, обеспечить которые и призвана данная модель.

2. Отличительная черта китайского подхода — признание допустимой презумпции (gratum preasumptione) применительно к подлинности тех электронных данных, которые сохранены посредством технологии блокчейн. Презумпция эта, однако, не является неоспоримой. Она подлежит судебной проверке — и именно это позволяет, с одной стороны, не жертвовать технологической эффективностью, а с другой — сохранить гарантии справедливого правосудия.

3. Дифференциация стандартов доказывания в зависимости от категории дела и от того, какова доказательственная база по конкретному спору, – это важное направление, в котором развивается китайский гражданский процесс. Интернет-суды (а они рассматривают преимущественно споры, связанные с электронной коммерцией) вырабатывают здесь собственные стандарты оценки доказательств; эти стандарты неизбежно учитывают специфику цифровой среды.

4. В Китае действует национальная платформа унифицированной идентификации. Через неё проходит идентификация участников процесса. Без этой системы достоверно установить, кто именно участвует в деле, практически невозможно. А без достоверного установления личности — как оценить допустимость доказательств, которые эта личность представляет? Платформа, таким образом, выполняет функцию процессуального фундамента.

5. Опыт Китая по правовому регулированию применения цифровых технологий в доказательственной деятельности представляет значительный интерес для совершенствования гражданского процессуального законодательства иных стран, включая Российскую Федерацию. Вместе с тем, имплементация китайских подходов требует учета национальных правовых традиций и сложившихся стандартов судопроизводства.

Перспективы дальнейших исследований связаны с анализом практики применения блокчейн-технологий в судопроизводстве, изучением вопросов взаимодействия искусственного интеллекта и судейского усмотрения при оценке доказательств, а также сравнительно-правовым анализом стандартов доказывания в различных правовых системах.

Пристатейный библиографический список

1. Бегичев А. В., В. К. Уткина Электронное правосудие в Китайской Народной Республике // Вестник Российской правовой академии. – 2025. – № 6. – С. 173-184. – DOI 10.33874/2072-9936-2025-0-6-173-184. – EDN DLEOKU.
2. Даньшин А. В. Правовое регулирование применения цифровых технологий и искусственного интеллекта в судопроизводстве Китайской Народной Республики // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2025. – Т. 9. № 1 (33). – С. 125-137.
3. Ермакова Е. П., Фролова Е. Е. Искусственный интеллект в гражданском судопроизводстве и арбитраже: опыт США и КНР. – Москва: Издательство «Юрлитинформ», 2021. – 224 с. – (Гражданский и арбитражный процесс). - EDN UVLIWR.
4. Русакова Е. П. Интегрирование современных цифровых технологий в судопроизводство Китайской Народной Республики и Сингапура // Государство и право. – 2020. – № 9. – С. 102-109.
5. Русакова Е. П. Применение искусственного интеллекта в судопроизводстве Китайской Народной Республики: теоретико-правовой анализ // RUDN Journal of Law. – 2023. – Т. 27. № 2. – С. 468-480.
6. Русакова Е. П., Чернышева Т. А. К вопросу использования блокчейн-депозитария в формировании доказательственной базы в интернет-судах Китая // Пробелы в российском законодательстве. – 2022. – Т. 15. № 6. – С. 120-125.
7. Русакова Е. П. Воздействие цифровизации на гражданское судопроизводство в России и за рубежом: опыт Китая, Индии, Сингапура, Европейского Союза, США, ЮАР и некоторых других стран: специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Русакова Екатерина Петровна, 2022. – 375 с.
8. Трощинский П. В. Судебная система КНР в эпоху цифровизации: основные направления развития // Российское правосудие. – 2021. – № 6. – С. 75-82.
9. Фоков А. П. Электронное правосудие в Китайской Народной Республике: цифровая реальность и организация «умного суда» // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2021. – № 8 (135). – С. 119-124.
10. Шереметьева Н. В., Батуро И. В., У Ш. Особенности электронного правосудия в КНР // Право и практика. – 2020. – № 2. – С. 159-163.
11. Rusakova E. P. The application of artificial intelligence in the civil proceedings of the People's Republic of China: theoretical and legal analysis // RUDN Journal of Law. – 2023. – Vol. 17. № 2. – P. 468-480.
12. Цзя Ю. О цифровом суде // Юридические исследования. – 2024. – № 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://data.court.gov.cn/pages/contact_us.html.
13. Чжан С. Риски и правила судебного применения искусственного интеллекта // Народный суд. – 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.aisixiang.com/data/147789.html.

ГАЙНАНОВ Булат Салаватович
аспирант, Институт экономики, управления и права, Московский городской педагогический университет

Гайнанов Б. С.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА БЕЗНАЛИЧНЫХ ДЕНЕГ: РЕФОРМЫ СТ. 128 ГК РФ И ПРОБЛЕМА СПОСОБОВ ЗАЩИТЫ

В статье исследуется правовая квалификация безналичных денежных средств как объекта гражданских прав. Структурный перенос безналичных средств в подкатегорию «имущественных прав» осуществлён Федеральным законом от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ, тем не менее, показано, что данная реклассификация устранила терминологическую неопределённость, однако не закрепила соответствующих способов защиты при неправомерном завладении денежными средствами третьими лицами. На основе анализа доктрины, позиций Конституционного Суда РФ и судебной практики обосновывается контекстная квалификация: в отношениях «банк – клиент» безналичные средства – обязательственное право требования; в охранительных правоотношениях с третьими лицами – самостоятельное имущественное благо. Сравнительный анализ британского Property (Digital Assets etc) Act 2025 используется для обоснования концепции «третьей категории» имущества.

Ключевые слова: безналичные денежные средства, правовая природа, имущественные права, объект гражданских прав, ст. 128 ГК РФ, неосновательное обогащение, абсолютные способы защиты, цифровой рубль, контекстная квалификация.

GAINANOV Bulat Salavatovich
postgraduate student, Institute of Economics, Management and Law, Moscow City Pedagogical University

THE LEGAL NATURE OF CASHLESS MONEY: REFORMS OF ART. 128 OF THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE PROBLEM OF ABSOLUTE REMEDIES

The article examines the legal qualification of non-cash funds as an object of civil rights. The structural reclassification of non-cash funds into the subcategory of «property rights» was introduced by Federal Law No. 34-FZ of 18 March 2019; however, it is demonstrated that while this reclassification resolved terminological ambiguity, it did not establish corresponding remedies in cases of unlawful misappropriation of funds by third parties. Based on an analysis of legal doctrine, positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, and judicial practice, a contextual qualification is substantiated: in «bank–client» relations, non-cash funds constitute an obligation claim; in protective legal relations involving third parties, they function as an independent asset. Comparative analysis of the British Property (Digital Assets etc) Act 2025 is employed to support the concept of a «third category» of property.

Keywords: cashless funds; legal nature; property rights; objects of civil rights; Art. 128 Civil Code; unjust enrichment; absolute remedies; digital ruble; contextual qualification.

Введение

Безналичные деньги составляют основу современного российского платёжного оборота: по данным Банка России, их доля в розничных расчётах по итогам 2025 г. достигла 88 %[1]. Вместе с тем их правовая квалификация остаётся дискуссионной, а практика защиты прав при неправомерных списаниях неединообразной [1]. Эта устойчивая коллизия имеет свое отражение и в изменениях, которые вносились в статью 128 ГК РФ[2], она трижды редактировалась применительно к безналичным средствам, однако ни одна из реформ не сопроводила классификационные изменения нормой о доступных способах защиты, которые соотносились бы теоретической конструкцией безналичных денежных средств.

В данной статье делается попытка восполнить пробел, который остается в доктрине и законодательстве. Проводится систематическое сравнение трёх редакций ст. 128 ГК РФ с точки зрения того, что именно каждая из них изменила в правовом режиме безналичных средств. Практическая значимость исследования состоит в формировании ориентиров выбора надлежащего способа защиты: при ошибочном переводе должен выбираться кондикционный иск к получателю; при несанкционированном списании — сочетание договорного требования к банку с обеспечительными мерами; при банкротстве должника – включение остатка в конкурсную массу должника. Правильное понимание правовой природы безналичных средств непосредственно влияет на качество представления интересов доверителя и на выбор надлежащего способа защиты его права. Анализ законодательства и судебной практики позволяет установить, что определяющей структурной реформой стал ФЗ № 34-ФЗ 2019.

Цель статьи: на основе сравнительного анализа трёх редакций ст. 128 ГК РФ и судебной практики обосновать кон-

1 Банк России. Доля безналичных платежей по итогам 2025 года составила 88% // Интерфакс. 19.02.2026. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.interfax.ru/business/1073600 (дата обращения: 20.04.2026).

2 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. - 1994. - № 32. - Ст. 3301; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24 июня 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. - 1996. - № 5. - Ст. 410.

текстную квалификацию безналичных денежных средств и сформулировать предложения по устранению пробела в регулировании способов их защиты.

Научная новизна состоит в следующем. Во-первых, выявлено и показывается системное противоречие между тремя устойчивыми моделями судебной практики по спорам о безналичных средствах и классической обязательственной концепцией: суды де-факто применяют имущественную логику там, где закон закрепил обязательственную. Во-вторых, посредством анализа трёх последовательных редакций ст. 128 ГК РФ (2013, 2019, 2023 гг.) показано, что ни одна из реформ не сопроводила классификационные изменения нормой о способах защиты; В-третьих, предложена и обоснована контекстная модель квалификации. В-четвёртых, проведено сопоставление с Property (Digital Assets etc) Act 2025 как методологическим аналогом законодательного решения выявленной проблемы.

Методология исследования

Использованы: формально-юридический метод – анализ последовательных редакций ст. 128 ГК РФ и банковского законодательства и закона о национальной платежной системе[3]; историко-правовой метод – реконструкция изменений нормы в 2013, 2019 и 2023 гг.; функциональный метод – сопоставление правовых эффектов обязательственного, кондикционного и абсолютного требований при типовых конфликтных ситуациях; сравнительно-правовой метод – британская реформа 2025 г.[4] и смежные зарубежные подходы[5]. Эмпирическую базу составляют постановления Конституционного Суда РФ, разъяснения Верховного Суда РФ и Президиума ВАС РФ по спорам о безналичных расчётах.

1. Доктринальные модели: обязательство, объектность и контекстная позиция

Наиболее разработанной является обязательственная концепция: безналичные денежные средства суть право требования клиента к банку, вытекающее из договора банковского счёта. Денежный остаток на счёте отражает объём права требования клиента к банку и корреспондирующего долга банка.

В доктрине последовательно проводится позиция, согласно которой денежное обязательство является гражданским правоотношением, содержание которого составляет право требования кредитора и корреспондирующая ему обязанность должника совершить уплату или платёж [8]. Из обязательственной природы денежного обязательства следует, что безналичные средства не являются вещами и не могут быть предметом виндикационного иска [1, с. 6-8]. Достоинством такой модели является её догматическая строгость. Практический же изъян в том, что при вмешательстве третьего лица потерпевший попадает в трёхзвенную конструкцию ответственности.

Смешанная (контекстная) позиция признаёт двойственность природы безналичных средств. Как показывает Л. Г. Ефимова, безналичные деньги ведут себя по-разному в разных правоотношениях: в договорных отношениях с банком – как обязательственное право требования, в отношениях с третьими лицами – как нематериальное имущество, в отношении которого складываются абсолютные правоотношения. Как отмечается в статье Ефимовой Л. Г.: «В силу юридической фикции законодатель распространяет на безналичные деньги отдельные приемы правового регулирования вещных прав» [1, с. 8]. Данная позиция была принята за основу в настоящей статье.

2. Три редакции ст. 128 ГК РФ: что изменила каждая реформа

Статья 128 ГК РФ в части безналичных средств последовательно редактировалась трижды. Ниже рассмотрен нормативный текст каждой редакции и то, что именно она изменила в правовом режиме безналичных средств.

2.1. Редакция до 2013 г. Первоначальная редакция ст. 128 относила к объектам «вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права». Безналичные денежные средства прямо не назывались в перечне объектов.

2.2. Реформа 2013 г. (ФЗ № 142-ФЗ)[6]. Закон впервые прямо назвал безналичные денежные средства и бездокументарные ценные бумаги в тексте ст. 128. При этом они были перечислены параллельно с имущественными правами внутри «иного имущества»: «...иное имущество, в том числе безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, имущественные права...». Структурно это означало три самостоятельных позиции внутри «иного имущества»: безналичные средства вне подкатегории имущественных прав, рядом с ней.

2.3. Реформа 2019 г. (ФЗ № 34-ФЗ) — ключевой структурный поворот[7]. Именно эта реформа произвела структурную перестройку нормы: безналичные средства и бездокументарные ценные бумаги были помещены внутрь подкатегории «имущественных прав», а к ним добавлены «цифровые права» (ст. 141.1 ГК РФ). Текст приобрёл вид: «...иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права)...». Тем самым законодатель de jure примкнул к обязательственной концепции, закрепив квалификацию безналичных средств как разновидности имущественных прав.

2.4. Реформа 2023 г. (ФЗ № 339-ФЗ) – добавление цифровых рублей[8]. Данная реформа не перестраивала структуру

3 Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (ред. от 26 февраля 2025 г.) // Ведомости съезда народных депутатов РСФСР. - 1990. - № 27. - Ст. 357; Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платёжной системе» (ред. от 22 июля 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. - 2011. - № 27. - Ст. 3872.

4 Property (Digital Assets etc) Act 2025. Chapter 29. Royal Assent: 2 December 2025. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2025/29/enacted (дата обращения: 20.04.2026).

5 UK Jurisdiction Taskforce. Legal Statement on Cryptoassets and Smart Contracts. - London, November, 2019. – 57 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.judiciary.gov.uk/wp-content/uploads/2019/11/UKJT_Legal_Statement.pdf (дата обращения: 20.04.2026).

6 Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 2013. - № 27. - Ст. 3477.

7 Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 2019. - № 12. - Ст. 1224.

8 Федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 2023. - № 31 (ч. I). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 20.04.2026).

нормы: её единственным изменением в ст. 128 стало дополнение «в том числе цифровые рубли» после слов «безналичные денежные средства». Цель — синхронизация ГК РФ с ФЗ № 340-ФЗ[9], внедрявшим цифровой рубль как новую форму национальной валюты на платформе Банка России.

2.5. Практическая неполнота реформы 2019 г. Реклассификация безналичных средств как «имущественных прав» устранила терминологическую неопределённость, однако оставила открытым практический вопрос. Статья 128 ГК РФ является нормой о перечне объектов гражданских прав, а не нормой о способах их защиты. Факт принадлежности безналичных средств к «имущественным правам» сам по себе не означает, что к ним применимы виндикация (ст. 301–302 ГК РФ) или обеспечительный арест на конкретную сумму как на вещь. Для этого требуется специальная норма или прямое судебное толкование.

Кондикционный иск (ст. 1102 ГК РФ) применяется судами к безналичным переводам устойчиво, однако в рамках строгой обязательственной логики его применение к отношениям «отправитель — получатель» теоретически уязвимо. Кондикция предполагает, что имущество приобретено приобретателем «за счёт» потерпевшего (ст. 1102 ГК РФ), то есть между ними произошёл переход единого объекта. Между тем при безналичном переводе ничего не «переходит»: у отправителя прекращается право требования к своему банку, у получателя возникает новое, независимое право требования к своему банку. Это два разных актива, а не один перешедший объект. Следовательно, кондикционный иск применяется судами по существу так, как если бы безналичные средства были вещью — объектом, способным физически переместиться, — хотя закон прямо квалифицирует их как имущественные права.

3. Судебная практика: контекстный подход как сложившаяся реальность

В судебной практике подтверждается законодательная конструкция безналичных денег как объекты, существующие в виде записи по банковскому счёту и выражающие право требования клиента к банку, что отражает обязательственную природу соответствующих отношений. Это ограничивает автоматический перенос вещно-правового режима на безналичные средства. Вместе с тем анализ практики выявляет три устойчивых модели, которые de facto реализуют контекстную квалификацию. Критерий их разграничения это субъект нарушения и вид судебного производства, в котором разрешается спор.

Модель 1: ошибочный перевод. Суды устойчиво допускают предъявление кондикционного иска непосредственно к получателю (ст. 1102 ГК РФ): истец доказывает сам факт перевода, бремя подтверждения правомерности получения возлагается на ответчика. Так, например, в Определении № 21-КГ20-9-К5 Судебная коллегия по гражданским делам указала, что ошибочно переведённые безналичные средства взыскиваются непосредственно с получателя как неосновательное обогащение[10].

Модель 2: несанкционированное списание. В отличие от модели 1, где банк исполнил распоряжение клиента надлежащим образом, здесь банк сам нарушил договор банковского счёта, произведя списание без законного распоряжения клиента (мошеннический перевод, технический сбой). Вследствие этого возникают два самостоятельных требования к разным ответчикам: договорное – к банку (ответственность за ненадлежащее исполнение гл. 45 ГК РФ) и кондикционное — к получателю (ст. 1102 ГК РФ). Оба требования могут быть предъявлены одновременно, поскольку направлены к разным лицам и имеют разные основания. Дополнительно суды применяют обеспечительные меры: арест суммы на счёте получателя до разрешения спора (ст. 91 АПК РФ).

Модель 3: банкротство и исполнительное производство. По обязательственной концепции должник обладает правом требования к конкретному банку. Это означало бы, что в конкурсную массу включается обязательственное требование наравне с дебиторской задолженностью: с риском несостоятельности банка, необходимостью доказывать требование в реестре, с очерёдностью удовлетворения. Между тем ст. 131 ФЗ «О несостоятельности» и ст. 69 ФЗ «Об исполнительном производстве» трактуют безналичную сумму на счёте должника как самостоятельный актив: она включается в конкурсную массу и на неё обращается взыскание без указания на её обязательственную природу, так же, как на наличные деньги или вещи. На практике управляющий открывает единый расчётный счёт и переводит туда «деньги», а не «права требования к банкам». Тем самым закон и правоприменение де-факто обращаются с безналичными средствами как с самостоятельным имущественным объектом, хотя доктринально они квалифицированы как обязательственные права.

Описанные модели вступают в системное противоречие с обязательственной концепцией безналичных средств. Согласно последней, правоотношение существует исключительно между клиентом и его банком; получатель перевода не состоит с отправителем, ни в каком правоотношении и никакой самостоятельной обязанностью перед ним не обременён. Прямой кондикционный иск отправителя к получателю (модель 1) логически возможен лишь при условии, что переведённая сумма трактуется как самостоятельный имущественный объект, способный «перейти» от одного лица к другому, т.е. функционально как вещь, а не как отражение банковского обязательства. Обеспечительные меры в отношении конкретной суммы на счёте получателя (модель 2) также предполагают её обособление из общей массы требований клиента к банку. Режим конкурсной массы (модель 3), хотя и опирается на требование к банку, трактует сумму как самостоятельный актив должника. Суды де-факто применяют имущественную логику там, где закон закрепил обязательственную конструкцию, и именно это системное расхождение составляет практическое основание для предлагаемых изменений.

Таким образом, судебная практика воспроизводит контекстную модель: в договорных отношениях – обязательственное требование, в охранительных – имущественные механизмы защиты. Эта модель сложилась стихийно, до того как получила легальную опору в виде реклассификации 2019 г., и сохраняется после неё. Практическая коллизия остаётся: прямой нормы, допускающей абсолютные средства защиты

9 Федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 2023. - № 31 (ч. I). - Ст. 5748.

10 Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 2 февраля 2021 г. № 21-КГ20-9-К5, 2-2648/2019 // LegalActs. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-02022021-n-21-kg20-9-k5-2-26482019/ (дата обращения: 20.04.2026).

применительно к имущественным правам данного вида, в ГК РФ нет.

4. Зарубежный опыт: «третья категория» и пределы аналогии

Перечисленные модели ставят вопрос, который в рамках действующего российского права остаётся без ответа: как закрепить имущественные средства защиты для объектов, уже квалифицированных как «имущественные права». Зарубежный опыт показывает, что одним из вариантов является создание специальной нормы, которая открывала новый путь для квалификации подобного рода имущества.

Одним из таких опытов зарубежного регулирования является британский Property (Digital Assets etc) Act 2025, получивший королевское одобрение 2 декабря 2025 г.[11][12] Закон устанавливает, что вещь не исключается из числа объектов вещных прав лишь потому, что она не является ни вещью во владении, ни правом в действии, тем самым открывая пространство для судебного развития «третьей категории» личного имущества; концептуальная основа закреплена в докладе Комиссии по праву Англии и Уэльса[13]. Аналогия с российским правом является методологической: UK Act решал проблему крипто-активов, не укладывавшихся ни в одну традиционную категорию, тогда как российские безналичные средства уже квалифицированы как имущественные права, а нерешённым остаётся вопрос о доступных им абсолютных средствах защиты. Британский опыт демонстрирует один из возможных законодательных ответов: прямое нормативное закрепление имущественного статуса объекта, позволяющее судам развивать защитные конструкции.

В российском праве аналогичный вектор намечен ст. 141.1 ГК РФ и правовым режимом цифрового рубля – особого вида безналичных средств, обязанным лицом по которому выступает непосредственно Банк России.

Выводы и предложения

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы:

Вывод первый. Реклассификация 2019 г. устранила терминологическую неопределённость, закрепив обязательственную природу безналичных средств. Однако она не решила практической проблемы: ст. 128 ГК РФ является нормой о перечне объектов, а не о способах защиты. Кондикционный иск и обеспечительные меры применяются судами к безналичным средствам устойчиво, но в силу судебного толкования, а не прямого нормативного предписания.

Вывод второй. Безналичные деньги обладают двойственной правовой природой: в относительных правоотношениях «банк – клиент» – обязательственное право требования; в охранительных правоотношениях с третьими лицами – самостоятельное имущественное благо. Контекстная квалификация соответствует сложившейся судебной практике и нуждается в нормативном закреплении.

Предложения по совершенствованию законодательства. В целях устранения правовой неопределённости представляется целесообразным:

1) дополнить ст. 12 ГК РФ (способы защиты гражданских прав) указанием на право требовать возврата безналичных денежных средств, цифровых рублей и цифровых прав, неправомерно полученных третьим лицом, по правилам о неосновательном обогащении с возможностью принятия обеспечительных мер по аналогии с истребованием имущества;

2) включить в главу 60 ГК РФ (обязательства вследствие неосновательного обогащения) специальное правило о возврате безналичного перевода, осуществлённого без надлежащего основания, с чётким распределением ответственности между банком-плательщиком, банком-получателем и получателем средств;

3) ввести в главу 45 ГК РФ норму о блокировке ошибочно зачисленной суммы на счёте получателя по заявлению плательщика до вынесения судебного решения в порядке, предусмотренном ст. 91 АПК РФ об обеспечительных мерах;

4) в долгосрочной перспективе рассмотреть введение в ст. 128 ГК РФ понятия «цифровое (нематериальное) имущество» как специального вида имущественных прав с прямым указанием на применение к нему вещно-правовых механизмов защиты по аналогии с подходом, реализованным в Property (Digital Assets etc) Act 2025 применительно к криптоактивам.

Пристатейный библиографический список

1. Ефимова Л. Г. О правовой природе безналичных денег, цифровой валюты и цифрового рубля // Цивилист. – 2022. – № 4. – С. 6-15.
2. Лунц Л. А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. – М.: Статут, 1999. – 352 с.
3. Мурзин Д. В. Ценные бумаги – бестелесные вещи. Правовые проблемы современной теории ценных бумаг. – М.: Статут, 1998. – 176 с.
4. Новосёлова Л. А. Проблемы гражданско-правового регулирования расчётных отношений: дис. д-ра юрид. наук. – М., 1997. – 199 с.
5. Суханов Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк. – М.: Статут, 2017. – 560 с.
6. Property (Digital Assets etc) Act 2025. Chapter 29. Royal Assent: 2 December 2025.
7. Law Commission. Digital assets: final report. – London, 2023. – 236 p.
8. Шитов И. А. Денежные обязательства в российском гражданском праве // Молодой учёный. – 2021. – № 15. – С. 284. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://moluch.ru/archive/357/79972.

11 Property (Digital Assets etc) Act 2025 Royal Assent: 2 December 2025. – С. 29. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2025/29 (дата обращения: 20.04.2026).

12 Property (Digital Assets etc) Act 2025 - это полноценно принятый и уже вступивший в силу акт Парламента Великобритании. – 2025. - С. 29. Закон получил Royal Assent 2 декабря 2025 года и в тот же день автоматически вступил в силу. Это один из самых коротких статутов в современной британской законодательной практике: всего две статьи, единственная содержательная норма из 47 английских слов. Закон не определяет понятие «цифровой актив», не создаёт новых средств защиты и не регулирует оборот, обеспечительные права или несостоятельность - он лишь устраняет догматическое препятствие признания цифровых вещей объектом вещных прав.

13 Law Commission. Digital assets: Final report. Law Com No 412. - London, 2023 (28 June). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://lawcom.gov.uk/project/digital-assets/ (дата обращения: 20.04.2026).

DOI 10.46320/2073-4506-2026-4-215-201-204

ДЖАЛИЛОВ Фуад Игбал оглы
аспирант, Международный институт информатизации и государственного управления им. П. А. Столыпина

СТАТЬЯ 174.1 ГК РФ КАК ДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫЙ РЕЖИМ ПОСЛЕДСТВИЙ НАРУШЕНИЯ ЗАПРЕТА РАСПОРЯЖЕНИЯ ИМУЩЕСТВОМ

В статье исследуется правовая природа последствий совершения сделки в отношении имущества, распоряжение которым запрещено или ограничено. Обосновывается, что ст. 174.1 ГК РФ не образует единого режима ничтожности: «п. 1» данной статьи закрепляет частный случай ничтожности распоряжения, противоречащего законному запрету, тогда как «п. 2» устанавливает самостоятельную модель относительной неэффективности сделки, совершенной вопреки судебному или иному индивидуальному запрету, введенному в пользу кредитора либо иного управомоченного лица. Для разграничения ст. 174.1 и 168 ГК РФ предлагается критерий адресата охраняемого интереса. Уточняется соотношение данной конструкции с защитой добросовестного приобретателя, банкротным оспариванием и публичностью ограничений распоряжения движимым имуществом.

Ключевые слова: ст. 174.1 ГК РФ, запрет распоряжения, ничтожность, относительная неэффективность, добросовестный приобретатель, арест имущества, банкротство, движимое имущество.

DZHALILOV Fuad Igbal oglu
postgraduate student, P. A. Stolypin International Institute of Informatization and Public Administration

ARTICLE 174.1 OF THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A DIFFERENTIATED REGIME OF CONSEQUENCES OF VIOLATING A PROHIBITION ON DISPOSAL OF PROPERTY

This article examines the legal nature of the consequences of a transaction involving property whose disposal is prohibited or restricted. It is substantiated that Article 174.1 of the Civil Code of the Russian Federation does not constitute a unified regime of nullity: paragraph 1 of this article establishes a special case of nullity of a disposal that contradicts a legal prohibition, while paragraph 2 establishes an independent model of the relative ineffectiveness of a transaction concluded contrary to a judicial or other individual prohibition imposed in favor of a creditor or other authorized person. To differentiate between Articles 174.1 and 168 of the Civil Code of the Russian Federation criteria is proposed for the recipient of a protected interest. The relationship of this concept to the protection of a bona fide purchaser, bankruptcy challenges, and the publicity of restrictions on the disposal of movable property is clarified.

Keywords: Article 174.1 of the Civil Code of the Russian Federation; prohibition of disposal; nullity; relative ineffectiveness; bona fide purchaser; seizure of property; bankruptcy; movable property.

Введение

Реформа общих положений о сделках придала российскому праву новую конструкцию последствий нарушения запретов распоряжения имуществом. Однако ст. 174.1 ГК РФ до настоящего времени вызывает затруднения в квалификации. Наиболее распространенная ошибка состоит в том, что данная статья либо целиком сводится к ничтожности, либо, напротив, полностью описывается через относительную неэффективность. Оба подхода упрощают содержание нормы.

Статья 174.1 ГК РФ построена как двухуровневая конструкция. Пункт 1 говорит о сделке, совершенной с нарушением запрета или ограничения распоряжения, вытекающих из закона, и прямо называет такую сделку ничтожной в части распоряжения соответствующим имуществом[1]. Пункт 2 регулирует иную ситуацию: запрет распоряжения наложен в судебном или ином установленном законом порядке в пользу конкретного кредитора или иного управомоченного лица. В этом случае сделка не блокируется как ничтожная, а не препятствует реализации прав лица, в интересах которого установлен запрет, если приобретатель знал или должен был знать о запрете[2].

Поэтому центральный вопрос статьи должен быть поставлен не как выбор между ничтожностью и относительной неэффективностью вообще, а как разграничение двух режимов внутри самой ст. 174.1 ГК РФ. Первый режим защищает нормативный запрет распоряжения, установленный законом как элемент правового статуса имущества или процедуры. Второй режим защищает индивидуализированный интерес кредитора, обеспеченный судебным, исполнительным или иным актом применения права. Именно второй режим составляет предмет настоящего исследования.

Основной тезис состоит в следующем: п. 2 ст. 174.1 ГК РФ закрепляет не недействительность сделки, а ее относительную неэффективность по отношению к лицу, в пользу которого установлен запрет. Сделка сохраняет действие между сторонами, но не может быть противопоставлена кредитору или иному управомоченному лицу, если приобретатель был или должен был быть осведомлен о запрете. Такой подход позволяет избежать необоснованного расширения ст. 168 ГК РФ, сохранить значение добросовестности приобретателя и согласовать индивидуальную защиту кредитора с коллективными механизмами банкротства.

1. Двойственная структура ст. 174.1 ГК РФ

Текст ст. 174.1 ГК РФ не допускает ее однородного толкования. Пункт 1 и п. 2 используют разные юридические формулы и, следовательно, предполагают разные последствия. В п. 1 законодатель прямо прибегает к категории ничтожности. В п. 2 такая категория отсутствует: сделка «не препятствует» реализации прав кредитора или иного управомоченного лица. Это не язык недействительности, а язык непротивопоставимости.

Различие объясняется природой охраняемого интереса. В п. 1 запрет или ограничение распоряжения вытекает из закона. Здесь нарушается нормативный предел оборота соответствующего имущества. В п. 2 запрет вводится индивидуально: он обеспечивает интерес определенного лица, например взыскателя, кредитора или лица, чье требование обеспечено судебной мерой. Государственный орган, накладывая арест или запрет, не превращает частный интерес в

1 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ. - Ст. 174.1, п. 1.

2 Там же, ст. 174.1, п. 2.

публичный; он лишь придает ему принудительную обеспечительную форму.

Данный вывод согласуется с разъяснениями Верховного Суда РФ. В постановлении Пленума № 25 указано, что сделка, совершенная в нарушение запрета распоряжения имуществом должника, наложенного судом или судебным приставом-исполнителем, является действительной; ее совершение не препятствует кредитору реализовать права, обеспеченные запретом, в частности посредством иска об обращении взыскания на имущество[3]. Это разъяснение принципиально: оно исключает автоматический переход от нарушения ареста к ничтожности сделки.

Следовательно, в пределах ст. 174.1 ГК РФ необходимо различать две модели. Первая – ничтожность распоряжения, прямо установленная законом. Вторая – относительная неэффективность сделки в отношении конкретного управомоченного лица. Ошибка квалификации возникает тогда, когда последствия п. 1 механически переносятся на п. 2 либо когда п. 2 используется для отрицания всякой ничтожности в случаях, прямо подпадающих под п. 1.

2. Критерий адресата охраняемого интереса

Для разграничения ст. 174.1 и 168 ГК РФ предлагается критерий адресата охраняемого интереса. Имеет значение не только факт нарушения запрета, но и то, в чью пользу, и ради какой цели он установлен: в пользу неопределенного круга участников оборота, публичного порядка или режима имущества либо в пользу конкретного кредитора или иного управомоченного лица.

Если запрет имеет институциональный характер, то есть, направлен на охрану публичного порядка, режима оборотоспособности вещи, конкурсной процедуры или иных общих начал оборота, возможна квалификация через ничтожность, в том числе по п. 1 ст. 174.1 либо по ст. 168 ГК РФ. Если же запрет установлен в пользу индивидуально определенного лица, последствие должно быть относительным: сделка не уничтожается для всех, а не противопоставляется тому субъекту, чей интерес обеспечивался запретом.

Такой критерий имеет практическое значение. Он препятствует чрезмерному применению связки ст. 10 и 168 ГК РФ к любому отчуждению арестованного имущества. Само нарушение судебного или исполнительного запрета еще не означает, что стороны совершили ничтожную сделку, направленную против основ правопорядка или прав неопределенного круга лиц. Для такой квалификации требуются дополнительные обстоятельства: мнимость, притворность, сговор, направленность на причинение вреда, сокрытие имущества либо иное поведение, выходящее за пределы обычного нарушения запрета распоряжения.

Пункт 2 ст. 174.1 ГК РФ следует рассматривать как специальную норму по отношению к общим положениям о недействительности. Если спор сводится к тому, что должник отчуждает имущество вопреки аресту, установленному в пользу кредитора, надлежащим последствием является сохранение возможности обращения взыскания на имущество, а не признание сделки ничтожной. Если же отчуждение прикрывает вывод актива, фиктивный оборот или иную недобросовестную схему, квалификация может опираться на самостоятельные основания недействительности, прежде всего ст. 10, 168 или 170 ГК РФ, но не потому, что нарушен арест как таковой, а потому, что установлены дополнительные пороки сделки.

3. Относительная неэффективность и право собственности приобретателя

Относительная неэффективность не означает отсутствия сделки и не тождественна ничтожности. При нарушении индивидуального запрета распоряжения договор сохраняет значение между его сторонами. Продавец обязан передать имущество, покупатель — уплатить цену; при исполнении договора между ними возникает предусмотренный сделкой имущественный результат. Однако этот результат ограничен в отношении лица, в интересах которого был установлен запрет.

Более осторожная формула такова: сделка сохраняет силу между сторонами, однако приобретатель при наличии знания или должного знания о запрете не вправе противопоставить приобретение лицу, в интересах которого запрет был установлен. Такая конструкция не создает двух абсолютных прав собственности на одну вещь. Кредитор не становится собственником имущества. Он получает возможность реализовать обеспеченное запретом притязание в отношении вещи, находящейся у приобретателя, если доказана его недобросовестность или вмененная осведомленность о запрете.

Поэтому п. 2 ст. 174.1 ГК РФ нельзя смешивать с виндикацией. Виндикационный иск по ст. 301 ГК РФ направлен на возврат вещи собственнику из чужого незаконного владения. При относительной неэффективности кредитор, как правило, не является собственником вещи и не требует ее возврата себе как титульному владельцу. Его интерес состоит в сохранении возможности принудительного удовлетворения за счет имущества должника. Верховный Суд РФ специально указал, что положения п. 2 ст. 174.1 ГК РФ не распространяются на случаи ареста по требованиям, предполагающим возврат в натуре конкретного имущества, в частности по требованиям об истребовании вещи, о возврате индивидуально-определенного имущества по недействительной сделке, об отобрании вещи у должника или о возврате имущества как неосновательного обогащения[4].

Тем самым ст. 174.1 ГК РФ занимает самостоятельное место между недействительностью сделки и вещно-правовыми исками. Она не возвращает имущество должнику в порядке реституции и не предоставляет кредитору титул собственника. Ее функция – сохранить обеспечительное значение запрета распоряжения, несмотря на последующее отчуждение имущества.

4. Добросовестный приобретатель и пределы непротивопоставимости

Пункт 2 ст. 174.1 ГК РФ содержит внутренний предел защиты кредитора: сделка не препятствует реализации его прав, за исключением случаев, когда приобретатель не знал и не должен был знать о запрете. Следовательно, добросовестность приобретателя не «исцеляет» ничтожную сделку, а устраняет возможность противопоставить ему обеспечительный эффект запрета.

Данный механизм отличается от ст. 302 ГК РФ. В ст. 302 речь идет о конфликте собственника и приобретателя вещи от неуправомоченного отчуждателя. В п. 2 ст. 174.1 ГК РФ отчуждатель обычно остается собственником и обладает титулом, но его распорядительная свобода ограничена запретом, установленным в пользу кредитора. Поэтому вопрос состоит не в том, мог ли отчуждатель передать право собственности вообще, а в том, может ли приобретатель противопоставить состоявшийся переход права лицу, чье притязание было обеспечено запретом.

Верховный Суд РФ выстраивает модель осведомленности приобретателя через публичность ограничения. Если сведения об аресте внесены в соответствующий государственный реестр прав, приобретатель признается лицом, которое должно было знать о запрете[5]. При этом сама по себе осведомленность должника об аресте не решает вопрос о добросовестности приобретателя, а размещение судебного акта в сети Интернет не означает автоматической недобросовестности приобретателя[6].

Из этих разъяснений вытекает практическая модель публичности. Первый уровень — государственный реестр прав на имущество. Здесь риск незнания обычно переносится на

3 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», п. 94.

4 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015. - № 25. - П. 97.

5 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015. - № 25. - П. 95.

6 Там же.

приобретателя. Второй уровень — иные открытые источники, позволяющие разумному участнику оборота выявить ограничение. Здесь вопрос должен решаться с учетом характера имущества, цены сделки, профессионального статуса приобретателя и обычных стандартов проверки. Третий уровень — отсутствие надежной публичной фиксации запрета. В таком случае недобросовестность должна доказываться конкретными обстоятельствами: аффилированностью сторон, необычной ценой, поспешностью сделки, участием приобретателя в переговорах о долге, знанием об исполнительном производстве и иными фактами.

Такой подход распределяет риск без чрезмерного расширения ничтожности. Чем надежнее публичность запрета, тем выше стандарт осмотрительности приобретателя. Чем слабее публичность, тем менее допустимо вменять знание о запрете без доказательств.

5. Соотношение с доктриной ничтожности

В доктрине последствия нарушения запрета распоряжения нередко объяснялись через идею дефекта распорядительной власти. Согласно такой логике, лицо, лишенное возможности распоряжаться имуществом, не может передать приобретателю больше прав, чем имеет само. Однако применительно к п. 2 ст. 174.1 ГК РФ этот подход нуждается в существенной корректировке.

Арест или судебный запрет распоряжения не уничтожает право собственности должника. Должник остается собственником вещи, несет риск ее содержания, может быть стороной обязательственных отношений и сохраняет имущественную связь с объектом. Ограничивается не право как таковое, а возможность противопоставить результат распоряжения лицу, чей интерес обеспечен запретом. Поэтому принцип «никто не может передать больше прав, чем имеет сам» не объясняет п. 2 ст. 174.1 ГК РФ полностью: отчуждатель передает существующее право, но приобретатель получает его с риском непротивопоставимости определенному лицу.

Кроме того, конструкция ничтожности плохо согласуется с защитой добросовестного приобретателя. Если бы сделка была ничтожной, добросовестность приобретателя сама по себе не могла бы превратить ничтожную сделку в действительную. Между тем п. 2 ст. 174.1 ГК РФ прямо связывает судьбу обеспечительного эффекта запрета с тем, знал или должен был знать приобретатель о запрете. Следовательно, добросовестность здесь является не средством санации недействительной сделки, а элементом распределения риска между кредитором и приобретателем.

Именно по этой причине более убедительной представляется позиция тех авторов, которые описывают п. 2 ст. 174.1 ГК РФ через относительную неэффективность или непротивопоставимость. В современной литературе данный подход поддерживается рядом исследователей, анализирующих реформу недействительности сделок и защиту добросовестного приобретателя [1], [2], [3]. Однако эту позицию следует уточнить: относительная неэффективность характеризует прежде всего п. 2 ст. 174.1 ГК РФ, но не отменяет ничтожности, прямо предусмотренной п. 1 той же статьи.

6. Конкуренция со ст. 168 ГК РФ и пределы применения ст. 10 ГК РФ

Статья 168 ГК РФ выполняет общую функцию квалификации сделок, нарушающих требования закона или иного правового акта. Но там, где законодатель установил специальное последствие нарушения запрета распоряжения, применение ст. 168 ГК РФ должно быть ограничено. Иначе специальная конструкция ст. 174.1 ГК РФ утратит самостоятельное значение.

Для п. 1 ст. 174.1 ГК РФ это означает, что ничтожность следует выводить не из общей ст. 168 ГК РФ, а из прямого указания специальной нормы. Для п. 2 ст. 174.1 ГК РФ, напротив, применение ст. 168 ГК РФ как общего основания ничтожности должно быть исключением, а не правилом. Если сделка совершена вопреки аресту, наложенному в пользу кредитора, само это обстоятельство уже охвачено специальной нормой. Признание сделки ничтожной лишь потому, что был нарушен запрет, означало бы подмену относительной неэффективности абсолютной недействительностью.

Иной вывод возможен только при наличии самостоятельного порока сделки. Например, если договор является мнимым и создан исключительно для видимости выбытия имущества, надлежащим основанием будет ст. 170 ГК РФ. Если стороны действовали согласованно с целью причинения вреда кредитору, может обсуждаться применение ст. 10 и 168 ГК РФ. Но в таких случаях основанием вмешательства является не сам факт нарушения запрета распоряжения, а недобросовестная схема, выходящая за пределы состава п. 2 ст. 174.1 ГК РФ.

Такое разграничение имеет и процессуальное значение. Иск о признании сделки ничтожной направлен на устранение сделки из оборота. Требование, основанное на п. 2 ст. 174.1 ГК РФ, направлено, прежде всего, на сохранение возможности реализации прав кредитора, обеспеченных запретом. Поэтому суд должен не только установить факт нарушения запрета, но и определить, какой способ защиты соответствует природе нарушенного интереса.

7. Банкротство: трансформация способа защиты, а не автоматическое поглощение

Особое значение имеет соотношение п. 2 ст. 174.1 ГК РФ с законодательством о несостоятельности. С одной стороны, индивидуальный запрет распоряжения может быть установлен до возбуждения дела о банкротстве и обеспечивать интерес конкретного кредитора. С другой стороны, после введения процедуры банкротства индивидуальное удовлетворение кредитора ограничивается принципом конкурсного равенства.

Поэтому конкуренцию ст. 174.1 ГК РФ и главы III.1 Закона о банкротстве нельзя решать механически. Возбуждение дела о банкротстве само по себе не уничтожает значение ранее нарушенного запрета, но и не позволяет отдельному кредитору использовать п. 2 ст. 174.1 ГК РФ для обхода коллективного порядка удовлетворения требований.

Более точной является модель трансформации способа защиты. До возбуждения дела о банкротстве кредитор, в пользу которого установлен запрет, вправе реализовывать обеспечительный эффект п. 2 ст. 174.1 ГК РФ, если приобретатель знал или должен был знать о запрете. После введения процедуры банкротства тот же факт нарушения запрета должен оцениваться с учетом моратория на индивидуальное взыскание, полномочий арбитражного управляющего и специальных оснований оспаривания сделок должника[7].

Если применение п. 2 ст. 174.1 ГК РФ фактически ведет к преимущественному удовлетворению одного кредитора за счет имущества, которое должно служить общей конкурсной массе, индивидуальная защита должна уступить банкротным механизмам. В такой ситуации надлежащим субъектом защиты чаще всего становится арбитражный управляющий, а юридическим инструментом — оспаривание сделки по специальным основаниям Закона о банкротстве либо применение последствий недействительности в интересах конкурсной массы[8].

При этом сам факт нарушения запрета распоряжения не должен автоматически отождествляться с подозрительной сделкой или сделкой с предпочтением. Для применения ст. 61.2 или 61.3 Закона о банкротстве необходимо доказать специальные условия соответствующего состава: причинение вреда имущественным правам кредиторов, неравноценность встречного исполнения, осведомленность контрагента, предпочтение одному кредитору и иные обстоятельства, предусмотренные законом. Нарушение ареста может быть важным доказательственным фактом, но не заменяет собой банкротный состав.

---

7 Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». - Гл. III.1. - Ст. 61.2, 61.3.

8 Постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

Следовательно, банкротство не отменяет п. 2 ст. 174.1 ГК РФ как юридическую конструкцию. Оно меняет режим ее реализации: индивидуальная непротивопоставимость должна быть согласована с коллективной природой конкурсного производства и специальными банкротными способами защиты.

8. Проблема движимого имущества и публичность запрета

Наиболее уязвимое место действующего регулирования — отсутствие полноценной системы публичности запретов распоряжения движимым имуществом. В отношении недвижимости запись об аресте или запрете в государственном реестре создает ясную точку распределения риска: приобретатель должен проверить реестр, а не проверка не может быть противопоставлена кредитору. В отношении многих видов движимого имущества аналогичного универсального механизма нет.

Реестр уведомлений о залоге движимого имущества решает иную задачу: он обеспечивает публичность залогового обременения, но не является общим реестром арестов и запретов распоряжения. Открытые сведения исполнительного производства также не всегда позволяют надежно идентифицировать конкретную вещь, особенно если речь идет о родовых вещах, оборудовании, товарных остатках или имуществе без индивидуального регистрационного номера.

Отсутствие публичности создает двойной риск. Для кредитора арест может оказаться фактически неэффективным: должник отчуждает вещь, а приобретатель ссылается на отсутствие знания о запрете. Для приобретателя возникает обратная неопределенность: даже добросовестная сделка может быть поставлена под сомнение на основании фактических обстоятельств, которые трудно проверить до заключения договора.

Решение видится не в расширении ничтожности, а в развитии публичности. Законодатель мог бы предусмотреть электронный учет арестов и иных запретов распоряжения движимым имуществом с возможностью поиска по должнику и, где это возможно, по индивидуальным признакам имущества. Регистрация такого запрета должна создавать презумпцию осведомленности приобретателя, сопоставимую по функции с реестровой публичностью недвижимости. При отсутствии регистрации вопрос о добросовестности следует решать по фактическим обстоятельствам, а бремя доказывания осведомленности приобретателя должно оставаться на лице, ссылающемся на запрет.

Вводить жесткий стоимостной порог для обязательной регистрации следует осторожно. Фиксированная сумма может быстро устареть и не учитывать специфику имущества. Более гибким решением было бы сочетание трех критериев: вид имущества, возможность индивидуализации и экономическая значимость сделки. Для транспортных средств, самоходной техники, оборудования с серийными номерами и иного индивидуализируемого имущества публичная регистрация запрета могла бы стать общим правилом. Для обычных товарных запасов и малоценного имущества допустимо сохранить фактический стандарт доказывания.

9. Сравнительно-правовой аргумент

Сравнительно-правовой материал имеет вспомогательное значение. В германском праве различаются запреты, ориентированные на общий правопорядок, и запреты, служащие защите определенного лица. Во втором случае последствие может описываться не как абсолютная ничтожность, а как относительная неэффективность в отношении защищаемого лица [9], [10].

Французская конструкция непротивопоставимости также показывает, что действительность сделки между сторонами может сочетаться с невозможностью, противопоставить ее кредитору. Этот материал следует использовать осторожно: он не является прямым аналогом ст. 174.1 ГК РФ, а лишь подтверждает допустимость самой модели непротивопоставимости [11], [12].

Сравнительно-правовой материал не подменяет анализ российского законодательства. Его значение ограничено тем, что он подтверждает принципиальную допустимость модели, при которой сделка сохраняет действие между сторонами, но не может быть противопоставлена защищаемому лицу. Конкретные пределы этой модели в российском праве должны выводиться, прежде всего, из текста ст. 174.1 ГК РФ и разъяснений Верховного Суда РФ.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать шесть выводов. Во-первых, ст. 174.1 ГК РФ имеет дифференцированную структуру: «п.1» закрепляет ничтожность распоряжения, нарушающего законный запрет, а «п.2» — относительную неэффективность сделки, совершенной вопреки индивидуальному запрету в пользу кредитора или иного управомоченного лица. Во-вторых, разграничение ст. 174.1 и 168 ГК РФ целесообразно проводить по критерию адресата охраняемого интереса: публичный или институциональный интерес может обосновывать ничтожность, индивидуальное притязание требует относительного последствия. В-третьих, п. 2 ст. 174.1 ГК РФ не совпадает с реституцией, виндикацией и защитой по ст. 302 ГК РФ; его функция — сохранить обеспечительный эффект запрета распоряжения. В-четвертых, добросовестность приобретателя является пределом непротивопоставимости: реестровая публичность позволяет вменить знание, а отсутствие надежной публичности требует доказывания конкретных обстоятельств недобросовестности. В-пятых, в банкротстве п. 2 ст. 174.1 ГК РФ не исчезает, но способ его реализации подчиняется коллективному режиму. В-шестых, развитие данной конструкции требует не расширения ничтожности, а усиления публичности ограничений распоряжения движимым имуществом.

Пристатейный библиографический список

1. Костко В. С. Правовые последствия запрета на распоряжение имуществом (п. 2 ст. 174.1 ГК РФ) // Вестник гражданского права. – 2015. – № 2. – С. 51-75.
2. Егоров А. В. Залог в силу ареста: теоретические и практические проблемы в России и за рубежом // Вестник экономического правосудия РФ. – 2016. – № 9. – С. 84-103.
3. Бевзенко Р. С. Эффект залога из ареста в банкротстве собственника арестованной вещи: комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 27.02.2017 № 301-ЭС16-16279 // Вестник экономического правосудия РФ. – 2017. – № 4. – С. 9-17.
4. Терещенко Т. А., Ганюшин О. Е. «Арестантский залог»: отдельные вопросы правоприменения // Закон. – 2016. – № 3. – С. 71-78.
5. Скловский К. И. Сделка и ее действие. – 4-е изд. – М.: Статут, 2019.
6. Суханов Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк. – М.: Статут, 2017.
7. Тузов Д. О. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. – М.: Статут, 2007.
8. Церковников М. А. Приобретение права от неуправомоченного отчуждателя. – М.: Статут, 2018.
9. Larenz K., Wolf M. Allgemeiner Teil des Bürgerlichen Rechts. – 9 Aufl. – München: C. H. Beck, 2004.
10. Bürgerliches Gesetzbuch. §§ 134-136.
11. Code civil. Art. 1341-2.
12. Ordonnance n° 2016-131 du 10 février 2016 portant réforme du droit des contrats.

ЖУРАВЛЕВА Ольга Викторовна
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Ставропольский институт кооперации (филиал), Белгородский университет кооперации, экономики и права

БУСЛОВ Руслан Иванович
студент 2-го курса магистратуры, Юридический институт Северо-кавказский федеральный университет, г. Ставрополь; юрисконсульт юридической компании ООО «Грантум», г. Ставрополь

ХОДАКОВСКИЙ Петр Максимович
студент 2-го курса магистратуры, Юридический институт Северо-кавказский федеральный университет, г. Ставрополь; специалист по нотариату нотариальной конторы предгорного нотариального округа Ставропольского края

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ СОВЕРШЕНИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬСКИХ ДЕЙСТВИЙ В ОТНОШЕНИИ ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ

В статье анализируются правовые и практические проблемы взаимодействия государственных органов и операторов информационных систем при судебном разбирательстве, ведения дела о несостоятельности (банкротстве), обращения взыскания на цифровые финансовые активы (ЦФА) в рамках исполнительного производства. Авторы исследуют вопрос о теоретических и практических возможностях удовлетворения требований кредиторов за счет ЦФА, а также о механизмах их обнаружения, ареста и реализации в условиях отсутствия четкого законодательного регулирования. Авторами предложена новая модель взаимодействия органов исполнительной власти и субъектов, поименованных в Законе № 259-ФЗ.

Ключевые слова: цифровые права, цифровые финансовые активы, исполнительное производство, судебное разбирательство, криптовалюта, арест, оператор информационной системы.

ZHURAVLEVA Olga Viktorovna
Ph.D. in Law, associate professor of Civil law disciplines sub-faculty, Stavropol Institute of Cooperation (Branch), Belgorod University of Cooperation, Economics and Law

BUSLOV Ruslan Ivanovich
master's degree student of the 2nd course, Institute of Law, North Caucasus Federal University, Stavropol; legal adviser at the law firm Grantum LLC, Stavropol

KHODAKOVSKY Petr Maximovich
master's degree student of the 2nd course, Institute of Law, North Caucasus Federal University, Stavropol; notary specialist at the notary office of the Predgorny Notary District of the Stavropol Territory

ON THE ISSUE OF THE POSSIBILITY OF PERFORMING ENFORCEMENT ACTIONS IN RELATION TO DIGITAL FINANCIAL ASSETS

The article analyzes the legal and practical issues of interaction between state bodies and information system operators during legal proceedings, insolvency (bankruptcy) cases, and the enforcement of digital financial assets (DFA) in the context of enforcement proceedings. The authors explore the theoretical and practical possibilities of meeting creditors' claims through DFA, as well as the mechanisms for detecting, seizing, and implementing them in the absence of clear legislative regulation. The authors propose a new model for the interaction between executive authorities and entities listed in Federal Law No. 259-FZ.

Keywords: digital rights, digital financial assets, enforcement proceedings, legal proceedings, cryptocurrency, arrest, information system operator.

Цифровые права постепенно встают в один ряд с привычными элементами гражданского оборота. Их распространение – вопрос времени. Естественно, что, как и многие другие новшества, они распространяются подвластно остальным законам. К сожалению, одной из таких закономерностей, является повышенное внимание злоумышленников к новшествам. Слабый государственный контроль, отсутствие повышенного общественного внимания позволяют совершать противоправные действия, уходя от различных видов ответственности.

Постепенная интеграция цифровых финансовых активов (ЦФА) в российский гражданский оборот, подкрепленная принятием Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ и последующими изменениями в Гражданский кодекс РФ, поставила перед правовой системой принципиально новый вопрос: каким образом на такие активы может быть обращено взыскание?

Данный вопрос на современном этапе не имеет четкого однозначного ответа. Это связано с множеством факторов, среди которых можно выделить следующие:

– несовершенное нормативно-правовое регулирование, которое наблюдается, по мнению некоторых авторов как в Гражданском Кодексе, как основном источнике гражданского права, так и специальных законодательных актах, как уже упомянутый № 259-ФЗ и другие специальные НПА;

– невыработанность подхода в правоприменительной практике касательно цифровой валюты, цифровых финансовых активов и криптовалюты. Это выражается в разночтении понятий «цифровые финансовые активы», «цифровая валюта», «криптовалюты». В судебной практике встречается путаница в данных понятиях. Так, например, в Апелляционном определении Санкт-Петербургского городского суда от 16.09.2025 № 33-18054/2025 суд квалифицировал Bitcoin как цифровой финансовый актив. В статьях, посвященных циф-

ровым финансовым активам, им присваивают черты криптовалюты, а именно – децентрализацию и анонимность [7]. На наш взгляд, в теории и практике должен быть выработан единый подход к понимаю цифровых прав и в частности ЦФА. Записи о ЦФА вносятся операторами информационных систем. Определение оператора дано в Законе № 259-ФЗ, что не позволяет говорить о децентрализации ЦФА. Исходя из нормативного определения и доктринального подхода, Bitcoin не отвечает требованиям, предъявляемым к цифровым финансовым активам.

Если отношения по возникновению и переходу ЦФА уже получили определенное законодательное оформление, то механизмы принудительного исполнения в отношении указанных объектов сохраняют характер правовой лакуны.

Проблема обращения взыскания на цифровые права, в числе которых цифровые финансовые активы и цифровая валюта, явились предметом многих исследований. Авторами в научной литературе совершенно справедливо ставится вопрос о возможности удовлетворения требований за счет цифровых прав.

Так, в работе Балмашнова Е. А., Питиримовой А. О. был проанализирован зарубежный опыт обращения взыскания на криптовалюту. В Республике Беларусь были приняты дополнения к регулирующим исполнительное производство нормативно-правовым актам. Данными поправками исполнительное производство в его классическом варианте распространяет свое действие на криптовалюту с помощью оператора информационной системы. Фактически исполнительные действия совершаются на аутсорсе. Это означает, что криптовалюта в редких случаях переводится на депозит непосредственно приставов. Её реализует с торгов соответствующий субъект торговли [2].

Несомненно, исполнительное производство в данном контексте возможно лишь при содействии оператора информационных систем. И, как уверяют публикации многих авторов, операторы крупных платформ зачастую выходят на связь с государственными органами и оказывают содействие [3], [4]. Естественно, что частный субъект такого рода правоотношениях представляет существенную опасность, что также подмечается в литературе. Данные компании зачастую зарегистрированы в юрисдикциях третьих стран, что предоставляет им почти абсолютную автономию. Однако наличие данного субъекта является следствием особенностей самой криптовалюты и вытекает из её признаков, таких как децентрализованность, анонимность и открытость одновременно.

Ввиду этих же особенностей представляет определенную сложность и само обнаружение цифровых прав у лица. В научной литературе часто встречается довольно «громкий» пример из судебной практики по делу № А40-124668/2017. В данном деле арбитражный управляющий через суд обязал передать криптокошелек в распоряжение управляющего. К сожалению, критерий добросовестности до настоящего времени является определяющим в поведении должника. В противном случае наличие цифровых прав может быть выявлено только по косвенным признакам.

Однако до настоящего времени не разрешен один из ключевых вопросов именно полноценного использования цифровых финансовых активов в гражданском обороте. Речь идет о процессуальном взаимодействии государственных органов и операторов информационных систем.

На данном этапе взаимодействие операторов информационных систем, которые вносят записи о цифровых финансовых активах и государственных органов, не регламентировано. Соответственно, это порождает определенные сложности в правоприменении, в частности, относительно выяснения всех обстоятельств по делу, как это требуют процессуальные кодексы или в обращении взыскания на цифровые финансовые активы.

Так, например, примечательным является дело, которое рассматривалось по первой инстанции в Оренбургском районном суде Оренбургской области (№ 2-480/2024). Фабула дела сводилась к тому, что некий Ш. перевел П. около двухсот тысяч рублей под влиянием мошеннических действий. В то же время П. утверждал, что эти деньги он получил по договору купли продажи. Встречным представлением по этой сделке были цифровые финансовые активы на соответствующую сумму. Следует указать, что в последующем дело прошло еще две судебные инстанции, однако в итоге в требованиях было отказано.

В свою очередь примечателен момент, связанный с рассмотрением дела. Суд первой инстанции не проверил доводы сторон в той мере, которая требуется для отношений с цифровыми финансовыми активами. На стороне ответчика из доказательств были только скриншоты из соответствующих информационных систем. Лишь судом апелляционной инстанции были запрошены сведения у оператора информационной системы о движении цифровых финансовых активов, после чего подтвердились доводы истца, так как цифровые финансовые активы не поступали ни П., ни его представителям.

Однако данный пример из практики является показательным с точки зрения взаимодействия государственных органов и операторов информационных систем.

Следует также упомянуть и органы исполнительной власти. Так как изначально речь шла об обращении взыскания, необходимо коснуться Федеральной Службы Судебных Приставов РФ (далее – ФССП). Из анализа ФЗ «Об исполнительном производстве» [6] следует, что он не содержит упоминаний о цифровых финансовых активах, что само по себе является существенным правовым пробелом. Закон № 259-ФЗ внес в ФЗ «Об исполнительном производстве» значительные коррективы. Тем не менее, данные изменения в основном коснулись лишь цифровой валюты и, в частности, цифрового рубля. Для целей упомянутого федерального закона цифровая валюта признается имуществом.

Отсутствие в ФЗ «Об исполнительном производстве» указание на порядок обращения с цифровыми финансовыми активами, взаимодействие с оператором информационной системы заставляет исполнителей действовать по аналогии и на общих основаниях. То же самое явление наблюдается и при анализе взаимодействия судебных органов. Касаемо процедуры банкротства следует отметить, что арбитражный управляющий при выявлении цифровых финансовых активов может проявить большую гибкость, нежели государственные органы. К тому же, для целей банкротства интерес представляет все имущество, которое может представлять ценность для кредиторов.

Исходя из этого, следует сделать вывод о том, что цифровые финансовые активы находятся в неком правовом пробеле. Судебный пристав-исполнитель при возбуждении исполнительного производства направляет запросы о наличии денежных средств во многие финансовые организации с целью обращения взыскания. Видится необходимым формировать запросы и операторам информационных систем с целью выявления цифровых прав.

В соответствии с ФЗ «Об исполнительном производстве», цифровой валюте отведена последняя очередь при обращении взыскания. Однако, на наш взгляд, разумным дополнением законодательства является дополнение списка имущества, на которое может быть обращено взыскание, цифровыми финансовыми активами. К тому же, необходимым дополнением также должна быть невозможность судебного пристава-исполнителя окончить исполнительное производство за невозможностью взыскания без проверки наличия или отсутствия у должника цифровых финансовых активов.

Видится необходимым применение аналогичных конструкций, которые на момент созданы для цифровой валюты. Так, Законом о ЦФА дано определение «адрес-идентификатор». Данная дефиниция используется для наименования идентификатора кошелька цифровой валюты и отслеживания операций на данном счете. Порядок предоставления адреса-идентификатора органам исполнительной власти регулируется соответствующим Постановлением Правительства [8] в соответствии с ч. 10 ст. 14 Закона о ЦФА.

В заключение также следует отметить, что в настоящее время необходимость выстраивания механизма взыскания криптовалюты с должника является одним из острых вопросов, которые стоят перед законодателем. С учетом зарубежного опыта перед службой приставов стоит ряд задач по взаимодействию с операторами соответствующих цифровых платформ. Именно комплекс данных мер позволил бы в полной мере реализовать те принципы частноправовых отношений, которые закреплены в отечественном законодательстве.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=521674&dst=1000000001&cacheid=8891A4CB83A34FE7CC59A3CBAC5BCA69&mode=splus&rnd=yCwrJJVkE00ZlNDq#XHAtJJVaIPkKhqCK1 (дата обращения: 14.04.2026).
2. Балмашнов Е. А., Питиримова А. О. Проблемы совершения исполнительных действий в отношении криптовалюты, цифровых финансовых активов // Вопросы российской юстиции. – 2022. – № 22. – С. 548-554.
3. Гаврин Д. А. Особенности обращения взыскания на криптовалюты в процедуре несостоятельности (банкротства) // Российское право: образование, практика, наука. – 2023. – №4.
4. Зайцев О. А., Смирнов В. Е. Совершенствование процессуальных механизмов наложения ареста на криптовалюту в ходе производства по уголовному делу // Вестник Томского государственного университета. – 2025. – № 510.
5. Решение Оренбургского районного суда Оренбургской области по делу № 2-480/2024 от 29.05.2024 // ГАС. Правосудие. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://orenburgsky--orb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=265854596&case_uid=48342a62-011b-4869-966d-720b92b86 4f7&delo_id=1540005&new=/.
6. Федеральный закон «Об исполнительном производстве» от 02.10.2007 № 229-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71450/?ysclid=mp1qxzasve109419893 (дата обращения: 15.04.2026).
7. Фешина Е. В., Юрченко А. А., Острожная Е. Е., Солодкая Е. М. Особенности взыскания ЦФА в исполнительном производстве: проблемы идентификации, оценки, передачи // Вестник Академии знаний. – 2025. – № 1 (66). – С. 746-748.
8. Постановление Правительства РФ от 01.11.2024 № 1467 «Об утверждении Правил предоставления (открытия) адреса-идентификатора федеральным органам исполнительной власти, органам прокуратуры, органам дознания и органам предварительного следствия, органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность» // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=489552&dst=100009&field=134&rnd=CjhFMw#L3lsJJVrBGkqobUI (дата обращения: 18.03.2026).

КЛЮЧКОВ Александр Викторович
аспирант 1-го года обучения, Саратовская государственная юридическая академия

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕТОДОВ ПОЛУЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ АРБИТРАЖНЫМ УПРАВЛЯЮЩИМ В ПРОЦЕДУРАХ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА) ГРАЖДАН

В статье рассматриваются новые методики получения арбитражным управляющим информации об имуществе должников и иной юридически значимой информации, необходимой для наиболее эффективного ведения процедур несостоятельности (банкротства) граждан. Описываются новые методики, предусматривающие использование искусственного интеллекта. Показано, что для дальнейшего развития и совершенствования методов получения информации необходимо внести изменения в законодательство о несостоятельности (банкротстве) Российской Федерации, предусматривающие использование цифровых технологий в инструментарии арбитражных управляющих и иных участников процедур банкротства граждан.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство), искусственный интеллект, цифровой инструментарий, цифровая трансформация, граждане-должники.

KLYUCHKOV Alexander Viktorovich
postgraduate student of the 1st year of study, Saratov State Law Academy

DIGITAL TRANSFORMATION OF THE METHODS OF OBTAINING INFORMATION BY THE ARBITRATION ADMINISTRATOR IN THE INSOLVENCY (BANKRUPTCY) PROCEDURES OF CITIZENS

The article discusses new methods for obtaining information about debtors' property and other legally relevant information necessary for the most effective conduct of insolvency (bankruptcy) procedures for citizens. New techniques involving the use of artificial intelligence are described. It is shown that in order to further develop and improve the methods of obtaining information, it is necessary to amend the legislation on insolvency (bankruptcy) Of the Russian Federation, providing for the use of digital technologies in the tools of arbitration managers and other participants in bankruptcy proceedings of citizens.

Keywords: insolvency (bankruptcy), artificial intelligence, digital tools, digital transformation, debtor citizens.

Порядок запроса и получения информации арбитражным управляющим в процедурах несостоятельности (банкротства) граждан предусмотрен абзацем пятым пункта 7 статьи 213.9 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»[1], которым установлено право управляющего без обращения в суд истребовать информацию о должнике и его родственниках, в том числе и о наличии у них цифровых активов. Тем не менее, сама методология получения указанной информации в законе не описана. Как изначально было заложено при принятии закона, запросы осуществляются с использованием бумажных носителей и направлением корреспонденции, заверенной в установленном порядке подписями и печатями уполномоченных сторон. На тот момент иных способов в принципе не существовало.

С бурным развитием цифровых технологий инструментарий арбитражного управляющего существенно расширился и ускорил процесс получения необходимых сведений. Тем не менее, правовой базы, устанавливающей порядок легализации, и верификации полученной цифровым способом информации в законодательстве о банкротстве пока не имеется.

Как указывают ряд ученых, цифровые технологии и искусственный интеллект представляет собой систему технологических решений, которая не создается правоведами и не является объектом их исследования, при этом деятельность юристов направлена, в первую очередь, на то, чтобы данные технологии отвечали критериям безопасности и обеспечивали защиту прав, свобод и законных интересов всех участников гражданского оборота [1, с. 25]. Следовательно, правовая регламентация цифровых методов получения информации является приоритетной задачей и новым вызовом всем современным теоретикам права и практикующим юристам. Создание регламентированного нормами права цифрового инструментария юриста станет важной вехой в развитии российского законодательства и новым этапом формирования отечественной правовой системы.

При этом, формирование цифрового инструментария арбитражного управляющего и участников дел о несостоятельности (банкротстве) является приоритетной задачей специалистов данной области права, так как вопрос допустимости и относимости доказательств, полученных с использованием цифровых технологий, в ходе судебных споров будет являться важнейшим критерием принятия законных и обоснованных решений судами.

Методология, предусматривающая получение сведений без использования цифровых технологий, описана и известна всем практикующим юристам, а вот передовые технические возможности еще не получили должного изучения и правового оформления.

Отдельно можно выделить практику Верховного суда РФ, который неоднократно указывал на необходимость упрощения и ускорения получения юридически значимой информации арбитражными управляющими без обращения в суд и наиболее оперативными способами.[2]

В частности, можно выделить несколько разновидностей цифровых методов получения информации, формирующих цифровой инструментарий арбитражного управляющего:

1. Использование государственных электронных баз данных, таких как Система ФНС «Регистр арбитражных управляющих» (https://rau.nalog.gov.ru/), в рамках которой на основе технологий электронно-цифровой подписи реализован доступ управляющих к базам ФНС России, в которых хранятся сведения о взаимоотношениях должников с налоговыми органами и сведения об имуществе, подлежащих налогообложению. Кроме того, возможность отдельных сервисов реализовано на портале Госуслуг, в Системе «Мой Арбитр» и ГАС «Правосудие».

2. Получение сведений через программно-технические средства передачи информации, разработанные министерствами и ведомствами самостоятельно и реализованные на своих сайтах (Роспатент, МЧС России).

3. Использование сервисов крупнейших российских банков, таких как MYFU от ПАО «Совкомбанк», где реализована возможность не только получать сведения о движении денежных средств по счетам должников, но и реализована возможность открывать специальные счета для ведения торговых процедур, учитывать прожиточный минимум для должников и вести учет затрат на ведение банкротства отдельных должников.

4. Использование методов искусственного интеллекта для поиска и обработки информации (программные решения

1 О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 43. – Ст. 4190. – С. 1123-1267.

2 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 № 40 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Федерального закона от 29 мая 2024 года № 107-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и статью 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2025. – № 2 (февраль).

ChatGPT, YandexGPT, Яндекс Нейроюрист (https://neurolegal.ya.ru/expert) и другие). Данные методы позволяют использовать открытые данные сети Интернет для получения необходимой информации с использованием системы постановки задач для нейросети, которая самостоятельно осуществляет подбор информации, исходя из критериев запроса.

При анализе законодательства, можно сделать вывод о том, что достаточное правовое регулирование имеют только методы, указанные в первом и втором пункте. Взаимоотношение с кредитными организациями хоть прямо и не запрещено законом, но в настоящее время не имеет достаточного правового регулирования и статус информации, полученной, таким образом может быть подвергнут сомнению в ходе судебных споров, в частности при рассмотрении информации, составляющей банковскую тайну.

Методика применения и верификации данных, полученных с использованием технологий искусственного интеллекта, в законодательстве не урегулирована. Данный метод не указан ни в одном законодательном акте как допустимый при сборе и представлении в качестве доказательств в суд.

В пп «д» п.19 «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»,[3] указывается на необходимость формирования цельного инновационного цикла в виде необходимости формирования процесса взаимодействия теоретиков, и реального сектора экономики. В данной связи необходимо как раз обратить внимание на формирование четкой правовой основы использование методов цифрового инструментария арбитражного управляющего.

В российской правовой науке ученые указывают на необходимость установление правового статуса искусственного интеллекта как непосредственного участника гражданских правоотношений [2, с. 138]. Правоведы обращают внимание на недостаточность изученности и правового регулирования использования искусственного интеллекта, в отличие от западных коллег и законодателей из КНР [3, с. 12].

Кроме того, необходимо отметить, что для использования материалов, полученных с использованием искусственного интеллекта, важно верифицировать не только результаты, но исходные данные, на основании которых получены сведения, так как в случае недостоверности исходных данных, полученные результаты также не могут считаться верными. Как указывают ученые, для поиска вычислительной системой непредвзятого решения требуется ввести репрезентативный, релевантный и корректно размеченный набор данных. То есть необходимо установить перечень источников, допустимых для анализа нейросетями [4, с. 35].

Отдельным важным вопросом является формирование единой терминологии, утвержденной на законодательном уровне, для того чтобы избежать проблем с трактовкой тех или иных терминов, используемых в правовых и судебных актах. В частности, ученые выделяют отдельно системно важные термины, такие как «юнит искусственного интеллекта», «цифровая личность», «электронное лицо» [3, с. 16].

В связи с вышеизложенным можно выделить ряд задач, которые нужно будет решить правоведам с целью формирования рекомендаций законодателю по подготовке законодательной базы использования цифровых методов получения информации. В частности, можно выделить следующие:

1. Внесение дополнений в Гражданский кодекс РФ, Гражданский процессуальный кодекс, Арбитражный процессуальный кодекс, Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)», а также подзаконные акты изменений, устанавливающих четкий перечень оснований, по которым документ, полученный с использованием цифровых технологий, может считаться надлежащим доказательством в суде (обязательное представление sig файла, специальный qr-код для верификации и др.).

2. Внесение изменений в Часть четвертую Гражданского кодекса РФ и создание комплекса подзаконных актов с целью установления порядка создания и легализации специальных каналов связи для передачи верифицированной информации между государственными органами, кредитными организациями, арбитражными управляющими и судами всех инстанций Российской Федерации, а также установку порядка регулирования авторских и смежных прав на такие программные компоненты.

3. Законодательное утверждение перечня допустимого программного обеспечения и программных решений, с помощью которых можно получать и передавать информацию, которая может служить доказательствами в рамках судебных процессов. По аналогии с тем, как в соответствии с распоряжением правительства РФ от 21.07.2008 г. №1049-р[4] газета «Коммерсантъ» получила статус официального издания для публикации сведений, предусмотренных федеральным законом РФ «О несостоятельности (банкротстве)», также возможно утвердить и иные перечни допустимых ресурсов и программных продуктов, допущенных и верифицированных уполномоченным органом.

4. Создание федерального органа в сфере регулирования цифровизации и искусственного интеллекта, который занимался бы контролем в сфере взаимоотношений, связанный с использованием искусственного интеллекта и специализированных программ.

5. Разработка моральных и этических норм и правил взаимодействия человека с искусственным интеллектом, позволяющим отграничить допустимые и недопустимые формы взаимодействия. В части несостоятельности (банкротства) граждан данный аспект играет важную роль, так как в ходе указанных процедур арбитражный управляющий получает доступ к личной информации и персональным данным должников, получает к семейной жизни и охраняемым законом сведениям о личной жизни граждан.

6. Внесение изменений в законодательство в части установления и ограничения ответственности за незаконные действие с использованием искусственного интеллекта и цифровых источников информации, попадающие под действие уголовного, административного законодательства или устанавливающее гражданско-правовую ответственность. Кроме того, отдельно должен быть рассмотрен вопрос нарушения законодательства о персональных данных в части предоставления семейных личных данных, полученных арбитражным управляющим.

С учетом вышеизложенного, можно констатировать, что в настоящее время российское законодательство бурно развивается и совместно с передовыми государствами на практике осуществление адаптирование действующих норм к стремительно меняющейся обстановке, связанной с внедрением новых технологий. Тем не менее, нужно отметить, что в данном процессе нужно будет принять и апробировать большое количество новых решений, позволяющих наиболее эффективно использовать новые технологии в правовом регулировании деятельности юристов, арбитражных управляющих и других участников процедур банкротства.

Впоследствии после окончательного формирования законодательной базы, можно будет рассматривать совокупность методов и средств получения, верификации и предоставления уполномоченным лицам специальной информации, полученной в ходе процедур несостоятельности (банкротства), как цельную систему, которую можно будет назвать цифровым инструментарием арбитражного управляющего.

Пристатейный библиографический список

1. Модернизация гражданского законодательства: правовой опыт и направления развития: монография / под общ. ред. Е. В. Вавилина, Л. Ю. Василевской. – Москва: Проспект, 2025. – 416 с.
2. Вавилин Е. В. Искусственный интеллект как участник гражданских отношений: трансформация права // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2021. – № 42. – С. 135-146.
3. Ручкина Г. Ф. Искусственный интеллект, роботы и объекты робототехники: к вопросу о теории правового регулирования в Российской Федерации // Банковское право. – 2020. – № 1. – С. 7-18.
4. Гурко А. В. Использование результатов интеллектуальной деятельности в машинном обучении // ИС. Промышленная собственность. – 2026. – № 1. – С. 32-38.

3 Указ Президента РФ от 10.10.2019 N 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Собрание законодательства РФ. – 14.10.2019. – № 41. – Ст. 5700.

4 Распоряжение Правительства РФ от 21.07.2008 № 1049-р Об официальном издании, осуществляющем опубликование сведений, предусмотренных Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. – 28.07.2008. – № 30 (ч. 2). – Ст. 3674.

КОЖИН Михаил Юрьевич
аспирант кафедры гражданского права, Саратовская государственная юридическая академия

К ВОПРОСУ О МОМЕНТЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ТОВАРИЩЕСТВА КРЕДИТОРОВ И ДОЛЖНИКА В ДЕЛАХ О БАНКРОТСТВЕ

В статье рассматривается момент возникновения правовой общности кредиторов и должника в процедурах банкротства. Автор обосновывает, что эта общность возникает в отношении каждого конкретного кредитора с того момента, когда он узнал или должен был узнать о несостоятельности должника. Данный момент выводится из логики действующего регулирования, в том числе: норм об оспаривании сделок с предпочтением, об ответственности контролирующих лиц, о субординации требований. Возбуждение дела о банкротстве не создает товарищество, а переводит его из материально-правового состояния в процессуальное. Автор обосновывает, что такой переход требует наличия хотя бы одного носителя интереса, не сводимого к интересу должника и его аффилированной группы.

Ключевые слова: банкротство, конкурсная правовая общность, недобровольное товарищество, момент возникновения общности, осведомленность о несостоятельности, аффилированный кредитор.

Кожин М. Ю.

KOZHIN Mikhail Yurjevich
postgraduate student of Civil law sub-faculty, Saratov State Law Academy

ON THE MOMENT OF EMERGENCE OF THE PARTNERSHIP OF CREDITORS AND THE DEBTOR IN INSOLVENCY PROCEEDINGS

The article examines the moment when the legal community of creditors and the debtor arises in insolvency proceedings. The author argues that this community arises for each particular creditor from the moment when that creditor knew or ought to have known about the debtor's insolvency. This moment is derived from the logic of positive law: rules on the avoidance of preferential transactions, the liability of controlling persons, and the subordination of claims. The initiation of insolvency proceedings does not create the partnership, but transforms it from a substantive state into a procedural one. The author argues that such a transition requires the presence of at least one carrier of interest, which is not limited to the interests of the debtor and its affiliated group.

Keywords: insolvency, insolvency legal community, non-voluntary partnership, moment of emergence of the community, knowledge of insolvency, affiliated creditor.

Введение

Верховный Суд РФ все чаще упоминает о «гражданско-правовом сообществе кредиторов» как об особом субъекте конкурсных отношений, имеющем самостоятельный интерес и собственную внутреннюю структуру[1]. За этим словоупотреблением стоит концептуальный сдвиг: банкротство перестает восприниматься как разновидность принудительного исполнения и осмысляется как коллективное гражданско-правовое отношение. В современной литературе – это отношение все чаще описывается через категорию недобровольного товарищеского объединения [1], [4], [5, с. 17]. Однако два вопроса – когда именно возникает такое объединение и что для его возникновения необходимо, до сих пор не получили системного ответа. Настоящая статья предлагает ответ через анализ норм Закона о банкротстве, регулирующих преддверие несостоятельности.

1. Постановка вопроса

Можно отметить несколько концептуальных подходов возникновения товарищества в банкротстве. Реестровый связывает возникновение общности с момента подачи заявления о включении требований в реестр (абз. 8 п. 10 ст. 16 Закона о банкротстве). Процедурный - с введением процедуры наблюдения[2]. Подход «объективного банкротства» относит момент к публичному объявлению о несостоятельности [3, с. 18]. Перечисленные походы дополняет наблюдение А. И. Шайдуллина о том, что возбуждение дела о банкротстве есть коллективное (групповое) производство по установлению неплатежеспособности, а кредитор-заявитель фактически является лидером группы кредиторов [6]. Это наблюдение характеризует природу стадии возбуждения, но не отвечает на вопрос, с какого именно момента товарищеская связь возникает у конкретного кредитора.

Можно выделить следующие ключевые признаки конкурсной общности: общая цель – справедливое распределение риска несостоятельности; общая имущественная основа – конкурсная масса; совместное формирование воли; взаимные обязанности участников. По своим признакам это объединение близко к простому товариществу (гл. 55 ГК РФ), но возникает не из договора, а вынужденно (принудительно) – в силу состояния несостоятельности [2, с. 16-19]. Понимая общность, таким образом, можно поставить главный вопрос точнее: что именно превращает разрозненных кредиторов одного должника в участников такого товарищества и в какой момент?

2. Момент возникновения товарищества: осведомленность кредитора о несостоятельности должника

Ответ, как представляется, уже заложен в действующем законодательстве о банкротстве.

Закон последовательно адресует кредиторам неплатежеспособного должника специальные обязанности, неизвестные обычному гражданскому обороту. Кредитор, который при наличии у должника признаков неплатежеспособности принимает от него платеж, делает не то же самое, что кредитор платежеспособного контрагента: его получение становится исполнением, причитавшимся не только ему, но и другим кредиторам в пропорциональной части. Именно поэтому сделка с предпочтением, совершенная в течение шести месяцев до возбуждения дела, может быть оспорена по п. 3 ст. 61.3 Закона о банкротстве – при условии, что кредитор знал или должен был знать о признаке неплатежеспособности[3]. Если кредитор не знал и не мог знать - оспаривание не допускается; если знал – допускается.

Пункт 2 той же статьи допускает оспаривание без доказывания осведомленности, если сделка совершена в течение одного месяца до возбуждения дела или после. Эта норма не опровергает обсуждаемый тезис, а выступает его процессуальным заменителем для случаев крайней временной близости к процедуре:

1 См., например: п. 13 «Обзора судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2024 год» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.04.2025); Определение Верховного Суда РФ от 17.09.2024 № 304-ЭС19-21498(4) по делу № А70-4536/2018; Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 16.03.2026 № 305-ЭС25-12652 по делу № А41-7925/2023.

2 Данный подход обосновывается тем, что акселерация долга должника и действие банкротного моратория наступают лишь с момента введения в отношении должника процедуры наблюдения (ст. 63 Закона о банкротстве).

3 Пункт 12 Постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»».

при столь малом промежутке бремя доказывания знания заменяется презумпцией, что само по себе лишь подтверждает в обычном случае, именно знание является основанием специальной обязанности.

Норма об оспаривании преференциальных сделок – не единственное проявление этой логики. Привлечение контролирующих лиц к субсидиарной ответственности (ст. 61.11 и 61.12 Закона о банкротстве) строится вокруг знания о финансовом состоянии должника. Понижение очередности удовлетворения требований аффилированного кредитора, предоставившего компенсационное финансирование, также привязано к его осведомленности о финансовом кризисе[4]. Доминирующий кредитор, чьи действия по управлению должником причинили вред конкурсной массе, отвечает за этот вред именно потому, что знал о состоянии должника и был обязан действовать в общем интересе[5].

Во всех этих институтах общая идея одна: знание о несостоятельности должника превращает обычное обязательственное отношение «кредитор – должник» в положение участника товарищества. До этого момента кредитор существует в режиме обычного гражданского оборота. С этого момента он связан перед сообществом других кредиторов, в том числе – должен учитывать их интересы, не получать преимущественного удовлетворения, не способствовать выводу активов.

Конкурсное товарищество возникает в отношении каждого конкретного кредитора с того момента, когда он узнал или должен был узнать о несостоятельности должника.

3. Возбуждение дела как переход от материально-правового состояния к процессуальному

Возбуждение дела не создает товарищество. Оно переводит его из материально-правового состояния в процессуальное. До возбуждения товарищество существует как материальная связанность кредиторов обязанностями перед общим интересом, проявляющаяся через ретроспективные институты – оспаривание сделок, субсидиарная ответственность, субординация. После возбуждения товарищество получает действующую процессуальную форму: с собранием, арбитражным управляющим, режимом моратория и акселерацией долга (ст. 63 Закона о банкротстве), реестром и правом голоса.

Это объясняет норму абз. 2 п. 10 ст. 16 Закона о банкротстве, согласно которой кредитор, предъявивший требование в порядке ст. 71 или 100, приобретает статус лица, участвующего в деле, еще до установления его требования в реестре. Иногда это воспринимается как аномалия: процессуальные права предоставляются лицу, чье материально-правовое положение кредитора еще не подтверждено судом. В предлагаемой логике аномалия исчезает. Закон не делает кредитора участником товарищества – он лишь оформляет процессуально уже существующее материальное участие. Постановление Пленума ВС РФ от 17.12.2024 № 40 уточняет, что такой кредитор обладает процессуальными правами с момента предъявления требования, в том числе правом заявлять возражения относительно требований других кредиторов[6]. Защищается именно материальный участник товарищества, а не формальный обладатель голоса[7].

4. Дело «Призма» и сообщество независимых кредиторов

Сказанное оставляет нерешенным один вопрос. Если товарищество возникает у каждого кредитора в момент осведомленности о несостоятельности должника, а возбуждение дела лишь оформляет это товарищество процессуально, – возможно ли возбуждение дела всегда, когда есть осведомленный кредитор? Ответ дает дело ООО «Призма» (А40-223862/2023), рассмотренное Арбитражным судом г. Москвы и, в конечном счете, поддержанное Верховным Судом РФ[8].

Бывший супруг участника общества в течение нескольких лет предоставлял обществу займы; задолженность подтверждена решением суда. Финансовый управляющий имуществом займодавца (к тому моменту признанного банкротом) обратился с заявлением о банкротстве общества. Единственным кредитором займодавца в его собственной процедуре являлась бывшая супруга – она же участник общества-должника. Все формальные условия были соблюдены, однако суды трех инстанций, поддержанные Верховным Судом, отказали в возбуждении дела.

Ключевая формула мотивировки: «отсутствие сообщества независимых кредиторов должника, баланс интересов между которыми должен быть соблюден в результате применения банкротных процедур». Суд называет недостающий элемент прямо, и без него процедура теряет смысл: «утрачивается основная цель банкротного процесса – справедливое и соразмерное удовлетворение требований кредиторов».

Это дает ответ. Товарищеская связь между кредитором и должником в материально-правовом смысле может существовать: займодавец знал о несостоятельности общества. Но переход этого товарищества в процессуальную форму требует еще одного условия – наличия в составе кредиторов хотя бы одного носителя интереса, не сводимого к интересу должника и его аффилированной группы. Без этого процедура вырождается в инструмент разрешения корпоративного или семейного конфликта. Тот же вывод прослеживается в деле «Флагман Инжиниринг», где суды отклонили заявление участника общества о банкротстве собственного юридического лица по тем же основаниям[9].

Таким образом, конститутивным признаком товарищества в банкротстве является участие в таком сообществе хотя бы одного независимого кредитора.

Заключение

Конкурсное товарищество возникает в отношении каждого конкретного кредитора с того момента, когда он узнал или должен был узнать о несостоятельности должника. Это не доктринальное предложение, а реконструкция уже действующего регулирования: нормы об оспаривании преференциальных сделок, о субсидиарной ответственности, о субординации требований последовательно построены вокруг знания о финансовом состоянии должника как условия специальных обязанностей перед сообществом. Возбуждение дела не создает это товарищество, а переводит его в процессуальную форму. Норма абз. 2 п. 10 ст. 16 Закона о банкротстве в этой логике становится не аномалией, а закономерностью: процессуальное оформление участия следует за материальным, а не предшествует ему. Дело ООО «Призма» показывает дополнительное условие перехода – наличие в составе кредиторов хотя бы одного носителя интереса, не сводимого к интересу должника и его аффилированной группы.

Пристатейный библиографический список

1. Будылин С. Л. Дело о доминирующем кредиторе: когда кредитор отвечает за результаты коммерческой деятельности банкрота // Юридическая работа в кредитной организации. - 2022. - № 4 // Доступ СПС «КонсультантПлюс».
2. Горева А. А. Общая цель и внесение вкладов как признаки договора простого товарищества: дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2024. - 187 с.
3. Захаров А. А. Сообщество кредиторов несостоятельного должника как недобровольное товарищество: магистерская диссертация. - М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2024. - 118 с.
4. Попондопуло В. Ф. Банкротство. Правовое регулирование: научно-практическое пособие. - 3-е изд., перераб. и доп. - М., 2025 // Доступ СПС «КонсультантПлюс».
5. Суворов Е. Д. Проблемы реализации принципа равенства кредиторов несостоятельного должника: дис. ... д-ра юрид. наук. - М., 2021. - 655 с.
6. Шайдуллин А. И. Возбуждение дела о банкротстве как коллективное (групповое) производство // Групповые иски: теория и практика в динамике: коллективная монография / под ред. В. Г. Домшенко. - М.: Статут, 2026. - С. 202-224.

4 Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.01.2020).

5 Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 14.11.2022 № 307-ЭС17-10793;
Определение Арбитражного суда г. Москвы от 09.09.2025 по делу № А40-279909/23-106-601 Б.
Определение Арбитражного суда г. Москвы от 06.02.2025 по делу № А40-223862/23-106-429 Б; Определение Верховного Суда РФ от 10.10.2025 № 305-ЭС25-7209. Определение от 18.09.2025 № 309-ЭС16-3578.

6 Постановление Пленума ВС РФ от 17.12.2024 № 40, п. 25-26.

7 Определение Арбитражного суда г. Москвы от 09.09.2025 по делу № А40-279909/23-106-601 Б.

8 Определение Арбитражного суда г. Москвы от 06.02.2025 по делу № А40-223862/23-106-429 Б; Определение Верховного Суда РФ от 10.10.2025 № 305-ЭС25-7209.

9 Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 22.08.2025 № Ф09-3731/25 по делу № А71-149/2025.

КОРНИЛОВ Василий Васильевич
независимый исследователь, г. Волгоград

Корнилов В. В.

ЕДИНСТВЕННЫЙ АВТОМОБИЛЬ МНОГОДЕТНОЙ СЕМЬИ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ ГРАЖДАНИНА: ПРЕДЕЛЫ, РИСКИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье исследуются проблемы применения исполнительского иммунитета в отношении единственного автомобиля многодетной семьи в деле о банкротстве гражданина после внесения изменений в статью 446 ГПК РФ. Анализируются судебная практика и риски злоупотребления правом со стороны должника. Обосновывается необходимость установления пределов такого иммунитета по аналогии с подходом, выработанным в отношении единственного жилья. Предлагается использовать критерии «роскошности» автомобиля, включая стоимостные ориентиры налогового законодательства и иные обстоятельства конкретного дела, с возможностью замещения реализованного автомобиля более доступным аналогом в целях соблюдения баланса интересов должника, его семьи и кредиторов.

Ключевые слова: исполнительский иммунитет, банкротство граждан, исключение из конкурсной массы, роскошный автомобиль, критерии роскошности, баланс интересов должника и кредиторов.

KORNILOV Vasiliy Vasiljevich
independent researcher, Volgograd

THE SOLE AUTOMOBILE OF A LARGE FAMILY IN PERSONAL BANKRUPTCY PROCEEDINGS: LIMITS, RISKS OF ABUSE, AND PROSPECTS FOR LEGAL REGULATION

The article examines the issues arising from the application of enforcement immunity to the only vehicle of a large family in personal bankruptcy proceedings following amendments to Article 446 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation. The author analyzes judicial practice and the risks of abuse of rights by the debtor. The paper substantiates the need to establish limits to such immunity by analogy with the legal approach developed for the debtor's sole residence. It is proposed to apply criteria of a "luxury" vehicle, including value-based benchmarks from tax legislation and other case-specific circumstances, with the possibility of replacing the sold vehicle with a more affordable substitute in order to ensure a fair balance between the interests of the debtor, the debtor's family, and creditors.

Keywords: enforcement immunity, personal bankruptcy, exclusion from the bankruptcy estate, luxury automobile, criteria of luxury, balance of interests between the debtor and creditors.

Единственный автомобиль многодетной семьи, членом которой является гражданин-должник, стал имуществом, на которое не может быть обращено взыскание по исполнительным документам, а соответственно, и не может быть включён в конкурсную массу в деле о банкротстве гражданина, с момента вступления в силу Федерального закона от 23.03.2026 № 67-ФЗ «О внесении изменений в статью 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации».

Стоит отметить, что практика исключения единственного автомобиля многодетной семьи существовала у арбитражных судов в делах о банкротстве граждан и до изменения ст. 446 ГПК РФ, так, Верховный Суд РФ в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2023 № 306-ЭС23-17596 по делу № А06-4099/2020, отменил постановления апелляционной и кассационной инстанций арбитражных судов, которые при отмене определения суда первой инстанции об исключении автомобиля из конкурсной массы ссылались на то, что «спорное транспортное средство не подпадает под категорию имущества, на которое не может быть обращено взыскание в соответствии с гражданским процессуальным законодательством». Верховный Суд аргументировал свою позицию, в том числе, тем, что гражданин-банкрот является членом многодетной семьи.

Однако если ранее исключение автомобиля из конкурсной массы являлось исключением из общей практики, которое могло делаться арбитражными судами на основании совокупности множества факторов, среди которых статус гражданина-банкрота как члена многодетной семьи был лишь одним из факторов, то теперь одного этого формального признака достаточно для исключения единственного автомобиля из конкурсной массы и значительно снижается пространство для судебной оценки.

Существуют некоторые пробелы законодательного регулирования статуса члена многодетной семьи. Так, но в научной литературе выделяются следующие проблемы: отсутствует нормативно закрепленный механизм утраты статуса члена многодетной семьи, неясно, будет ли гражданин, проживающий отдельно от многодетной семьи, считаться её членом, также отсутствует унифицированное понятие «член многодетной семьи» на федеральном уровне [1, с. 35-36] [2, с. 15]. Перечисленное особенно остро воспринимается в рамках гражданского процессуального законодательства, требующего особой точности формулировок и находящегося в исключительном ведении Российской Федерации, в отличие от семейного законодательства, которое находится в совместном ведении субъектов.

Все указанные проблемы актуальны и для банкротного законодательства, однако следует выделить одну, как представляется, наиболее острую проблему.

Предполагается, что исполнительский иммунитет на единственный автомобиль многодетной семьи может ущемлять права кредиторов, в случае если данный автомобиль будет дорогостоящим. В качестве аргумента можно привести аналогию с тем, как решался вопрос с единственным дорогостоящим жильем, на которое длительное время нельзя было наложить взыскание, что служило почвой для злоупотреблений со стороны должника до поворотного Постановления Конституционного Суда РФ от 26.04.2021 № 15-П, в котором было обозначено, что в случае признания единственного жилья отвечающим критериям роскошности, то на него может быть обращено взыскание, например если «его характеристики явно избыточны по сравнению с разумной потребностью в жилище» с предоставлением замещающего жилья. В дальнейшем данные критерии роскошности были конкретизированы Верховным Судом в Обзоре судебной практики по делам о банкротстве граждан 2025 года, так приводятся следующие возможные критерии: превышение нормативов площади, местоположение и инфраструктура; конструктивные особенности и техническое оснащение; имущественное положение должника и состав семьи.

Применяя данную аналогию, стоит обратить внимание, что автомобиль не является универсально-необходимым благом, в отличие от жилья, которое является базовым условием физического существования, что не позволяет применять данную аналогию напрямую, а с некоторыми ограничениями. Всё же следует отметить, что у рассматриваемых объектов в некоторой степени схожие конституционно-правовые начала, а именно закреплённое право на жилище в ст. 40 Конституции РФ и защита государством материнства, детства и семьи в ст. 38 Конституции РФ, что может говорить в пользу корректности применения данной аналогии.

Как и в случае с единственным жильем предполагается ряд возможных злоупотреблений со стороны недобросовестного должника, так, к примеру, должник за несколько лет перед банкротством может продать ликвидные активы и приобрести дорогой автомобиль, подпадающий под иммунитет, или сохранить несоразмерно дорогой автомобиль при минимальных долгах. Причём вторая ситуация возможна и у вполне добросовестного гражданина-банкрота, однако при нынешних пробелах законодательства она может повлечь существенное ущемление прав кредиторов.

На данный момент существует общеправовой запрет на злоупотребление правом в ст. 10 ГК РФ, а также специальные для банкротного законодательства «субъективные основания не освобождения от обязательств» [3, с. 83], отраженные в ч. 4 ст. 213.28 Закона о несостоятельности (банкротстве), которые в некоторых случаях могут предотвратить злоупотребление исполнительским иммунитетом на единственный автомобиль многодетной семьи, однако данные инструменты не всегда возможно применить, так, как требуют доказательств недобросовестного поведения гражданина-банкрота, а проблема дорогостоящего автомобиля может возникать и без явно доказуемого злоупотребления.

Для предотвращения возможных злоупотреблений и соблюдения баланса между социальной защитой семьи и интересами кредиторов, предлагается схожий способ решения, что и с единственным жильем, то есть ввести нормативно закреплённые пределы исполнительского иммунитета на единственный автомобиль многодетной семьи, а в случае выхода за эти пределы, включать автомобиль в конкурсную массу с предоставлением замещающего автомобиля.

Продолжая рассматривать критерии «роскошности» единственного жилья, стоит отметить, что в научной литературе приводятся мнения о фактическом отсутствии чётких критериев при определении жилья роскошным для неприменения исполнительского иммунитета и включения его в конкурсную массу и, к примеру, предлагаются такие критерии, как размер рыночной стоимости недвижимости в каждом конкретном субъекте Российской Федерации [4, 102]. В этой связи, представляется необходимой разработка чётких критериев также и для определения роскошности автомобиля.

В качестве одного из возможных критериев, который позволит установить роскошность автомобиля, предлагается взять уже существующий в налоговом законодательстве (п. 2 ст. 362 Налогового кодекса Российской Федерации (части второй) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 25.04.2026) критерий дорогостоящих автомобилей для целей исчисления суммы налога с учетом повышающего коэффициента, так, повышающий коэффициент применяется для автомобилей, средняя стоимость которых составляет от 10 миллионов до 15 миллионов рублей включительно, с года выпуска которых прошло не более 10 лет и для автомобилей, средней стоимостью от 15 миллионов рублей, с года выпуска которых прошло не более 20 лет.

Преимущества применения данного критерия состоят в том, что он уже закреплён в законодательстве, а также в том, что он позволит суду, сторонам исполнительного производства или сторонам дела о банкротстве гражданина опираться на внешний, относительно объективный критерий.

Однако есть и существенные недостатки, поскольку налоговый критерий и исполнительский иммунитет имеют разную правовую природу, то следует предугадывать возможные правовые и экономические последствия такого заимствования. Также, согласно Письму ФНС России от 19.09.2022 № БС-4-21/12419@, для расчёта средней стоимости следует использовать утверждаемые Минпромторгом перечни и порядок, которые не учитывают рыночную стоимость, что на практике тоже может привести к тому, что стоимость автомобиля на вторичном рынке может оказаться ниже порогового значения.

Помимо возможных технических проблем при прямом заимствовании нормы из налогового законодательства, сам порог стоимости в 10 и 15 миллионов рублей может быть слишком высоким, например, если в деле о банкротстве гражданина у должника, являющегося членом многодетной семьи, имеется единственный автомобиль стоимостью в 8 миллионов рублей при сумме требований кредиторов в два миллиона рублей, то в данном случае будет целесообразно реализовать этот автомобиль с заменой на более дешёвый, в ином случае это позволит должнику сохранить автомобиль и в случае отсутствия иного имущества, подлежащего реализации, по завершении процедуры реализации имущества освободится от исполнения обязательств перед кредиторами, что будет противоречить соблюдению баланса интересов должника и кредиторов.

Следовательно, можно использовать пороги НК РФ как презумпцию «очевидной роскошности», но помимо стоимостного также необходимы другие критерии, которые позволят установить соответствие автомобиля разумной потребности многодетной семьи в автомобиле, учитывая интересы кредиторов. Как справедливо отмечают исследова-

тели, «индивидуальный подход к каждому обстоятельству в банкротном деле позволяет принять решение о включении/невключении того или иного вида актива должника в конкурсную массу с точки зрения разумности и целесообразности» [5, с. 96], поэтому и в вопросе о пределах исполнительского иммунитета единственного автомобиля многодетной семьи требуется индивидуальный и всесторонний подход с учётом различных критериев в каждом отдельном случае.

Дополнительными критериями для определения роскошности автомобиля арбитражными судами могут выступать следующие факторы: технические характеристики автомобиля, наличие объективной потребности семьи именно в таком автомобиле, состояние здоровья членов семьи, дата и обстоятельства приобретения, соотношение стоимости автомобиля и размера долгов, возможность замены на более доступный аналог без существенного ущерба интересам детей и многие другие.

Предполагается, что если в результате рассмотрения вопроса об исключении единственного автомобиля многодетной семьи из конкурсной массы, суд придёт к выводу, что стоимость и характеристики автомобиля явно превышают разумную потребность семьи в таком автомобиле, то потребуется приобретение замещающего автомобиля. Вероятно, это будет происходить из вырученных средств после реализации изначального автомобиля, однако, как и в ситуации с замещающим жильем, следует учитывать размер расходов [6, с. 30], которые нужно будет понести при поиске, приобретении и оформлении замещающего автомобиля, то есть такая замена должна быть экономически обоснованной и должна увеличить конкурсную массу в значительном объёме, иначе она будет нецелесообразна.

Отдельно следует отметить, что пределы исполнительского иммунитета на единственный автомобиль многодетной семьи требуют анализа и в ситуации, когда транспортное средство является предметом залога. В таком случае конфликт возникает не только между социально значимой целью защиты семьи и имущественными интересами кредиторов в целом, но и между иммунитетом и специальным обеспечительным правом залогового кредитора. Представляется, что автоматическое исключение такого автомобиля из конкурсной массы без учёта залога способно нарушить принцип соразмерности и подорвать стабильность гражданского оборота. Следовательно, при совершенствовании правового регулирования необходимо специально определить, распространяется ли исполнительский иммунитет на заложенный автомобиль, и в какой мере интересы многодетной семьи могут ограничивать право залогодержателя на удовлетворение своих требований за счёт стоимости предмета залога. Если продолжать аналогию с единственным жильем, то данную проблему Верховный Суд предложил решать путём заключения отдельных мировых соглашений (локальных планов реструктуризации), однако у такого подхода есть свои недостатки [7, с. 8].

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что законодательное закрепление исполнительского иммунитета в отношении единственного автомобиля многодетной семьи, с одной стороны – соответствует конституционно значимым целям социальной защиты семьи, материнства и детства, а с другой – актуализирует ряд существенных теоретических и правоприменительных проблем в сфере банкротства граждан. Закрепление данного иммунитета исключительно через признак принадлежности должника к многодетной семье усиливает гарантии защиты семейных интересов, однако при отсутствии законодательно определённых пределов такого иммунитета такая конструкция способна привести к неоправданному ограничению прав кредиторов и нарушению принципа соразмерности.

Установлено, что действующее правовое регулирование не содержит достаточной определённости ни в части унифицированного понимания категории «член многодетной семьи», ни в части критериев, позволяющих оценить допустимые пределы сохранения за должником транспортного средства в условиях процедуры банкротства.

В этой связи обоснованным представляется развитие законодательного и судебного подхода по аналогии с выработанной в отношении единственного жилья конструкцией ограничения исполнительского иммунитета в случае установления признаков роскошности имущества. Предлагается ввести двухуровневую модель определения соответствия автомобиля разумным потребностям многодетной семьи, которая совмещает формальный и оценочные признаки, то есть закрепить формальный критерий дорогостоящих автомобилей из налогового законодательства, презюмирующий роскошность, как основание для неприменения исполнительского иммунитета в процессуальном законодательстве, а также предоставить судам возможность изучать все обстоятельства для определения соответствия автомобиля разумным потребностям многодетной семьи в каждом отдельном деле о банкротстве. Только при таком комбинированном подходе возможно достижение справедливого баланса между задачами социальной защиты многодетной семьи и необходимостью обеспечения защиты имущественных интересов кредиторов в деле о банкротстве гражданина.

Пристатейный библиографический список

1. Матвеева Н. А. Понятие многодетной семьи и особенности правового статуса ее членов // Юрист. – 2024. – № 6. – С. 30-36.
2. Рузакова О. А. Правовой статус многодетной семьи // Семейное и жилищное право. – 2026. – № 2. – С. 13-15.
3. Ильченко И. В. Отказ в освобождении должника-гражданина от обязательств после завершения процедуры банкротства. Основания для не освобождения // Вестник арбитражной практики. – 2024. – № 5. – С. 76-87.
4. Тарасов Ю. А., Бабенкова В. Р., Брусенцева М. И. Проблемные аспекты иммунитета единственного жилья должника в рамках процедуры банкротства // Вестник Российской правовой академии. – 2025. – № 1. – С. 90-102.
5. Кочкалов С. А. Имущество гражданина-должника в процедуре несостоятельности (банкротства): реализовать нельзя оставить // Вестник исполнительного производства. – 2023. – № 4. – С. 86-96.
6. Воронова О. Н., Волкова Л. В., Наумов Я. В. Единственное жилье в делах о банкротстве граждан: поиск путей баланса интересов должника и кредиторов // Семейное и жилищное право. – 2025. – № 3. – С. 28-30.
7. Божинов А. В. Отдельное (локальное) мировое соглашение в делах о банкротстве: в поисках баланса интересов // Российский судья. – 2025. – № 8. – С. 6-7.

КОРОТИЧ Артемий Витальевич
аспирант кафедры гражданского права, Юридический факультет, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Коротич А. В.

ПРИМЕНЕНИЕ ПРИНЦИПА ИСЧЕРПАНИЯ К СДЕЛКАМ ПО ОТЧУЖДЕНИЮ ВИРТУАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ

В статье рассматривается вопросы применения принципа исчерпания при заключении сделок с виртуальными объектами, полученными пользователями на основании лицензионного соглашения. Показано, что распространения на данные отношения принципа исчерпания не является возможным, поскольку между пользователями не производится отчуждения одного и того же экземпляра произведения, вместо этого имеет место копирование и воспроизведение, которое подпадает под регулирование авторского права. Автором предлагается подход, согласно которому такие отношения необходимо воспринимать как уступку прав из лицензионного соглашения, что позволяет обеспечить интересы как пользователей, так и создателей виртуального мира.

Ключевые слова: виртуальный объект, авторские права, уступка прав, принцип исчерпания.

KOROTICH Artemy Vitaljevich
postgraduate student of Civil law sub-faculty, Faculty of Law, M. V. Lomonosov Moscow State University

APPLICATION OF THE PRINCIPLE OF EXHAUSTION TO TRANSACTIONS INVOLVING THE ALIENATION OF VIRTUAL OBJECTS

This article examines the application of the principle of exhaustion when concluding transactions involving virtual objects obtained by users under a license agreement. It is shown that the principle of exhaustion cannot be extended to these relationships, as users do not transfer the same copy of the work; instead, they copy and reproduce it, which falls under copyright law. The author proposes an approach according to which such relationships should be perceived as an assignment of rights under the license agreement, thereby protecting the interests of both users and creators of the virtual world.

Keywords: virtual object, copyright, assignment of rights, principle of exhaustion.

Многие виртуальные миры предоставляют возможность своим пользователем обмениваться принадлежащими им виртуальными объектами, и поскольку господствующий взгляд рассматривает виртуальные объекты как объекты авторского права, возникает вопрос относительно возможности распространения на данные отношения принципа исчерпания.

Данный вопрос имеет значение как для благ, которые были получены от создателя виртуального мира, при приобретении пользователем в рамках виртуального пространства виртуальных объектов, и для виртуальных объектов, которые создаются непосредственно пользователями и впоследствии отчуждаются.

Фактически в рамках сделок, совершаемых межу пользователями, возникает ситуация, когда пользователь производит вторичное отчуждение тех виртуальных объектов, которые были им получены в рамках лицензионного договора.

Статьей 1272 ГК РФ устанавливается регулирование, согласно которому, если оригинал или экземпляры произведения правомерно введены в оборот путем их продажи или иного отчуждения, дальнейшее распространение оригинала или экземпляров произведения допускается без согласия правообладателя и без выплаты вознаграждения. Таким образом российский правопорядок устанавливает «принцип исчерпания», благодаря которому поддерживается оборотоспособность экземпляра произведения.

Если бы правообладатель и после продажи мог вмешиваться в дальнейший сбыт экземпляра, то это непременно ограничивало бы свободное движения товаров. Считается, что интересы автора в эксплуатации считаются удовлетворенными, если при первом акте распространения у него была возможность поставить согласие на распространение в зависимость от уплаты вознаграждения [1, s. 78].

Принцип исчерпания применяется к физически воплощенным экземплярам и относится исключительно к физической передаче, например, книги как воплощенного экземпляра, либо носителя данных при покупке программного обеспечения [2, с. 195-196].

В связи с этим возникает вопрос о возможности прямого применения к ситуациям, когда производится отчуждение виртуального объекта, которая производится без физической передачи носителя.

Вопрос о применении принципа исчерпания для приобретения объектов, подпадающих под авторско-правовую защиту, является крайне спорным. Возможность его применения обсуждается в контексте приобретения на вторичном рынке б/у лицензий на программное обеспечение.

В обоснование возможности применения принципа исчерпания зачастую приводятся акты Европейского союза, а также судебная практика Судом Европейского союза.

Изначально регулирование в Европейском Союзе отрицало возможность применения принципа исчерпания к программному обеспечению. Так, Европейский суд по правам человека в деле Сафарова против Азербайджана, судом было обозначено, что принцип исчерпания применяется только к физическим экземплярам произведения.

Позднее ст. 4 Директивы 2009/24/ЕС было установлено, что первая продажа копии программы правообладателем или с его согласия исчерпывает право на распространение этой копии, за исключением права контролировать дальнейший прокат программы или ее копии. В свою очередь, п. 7 преамбулы указанного документа устанавливает, что понятие «компьютерная программа» включает в себя программы, существующие в любой форме. Первой попыткой применения данного подхода стало дело UsedSoft GmbH, против Oracle International Corp.

Компания Oracle являлась правообладателем программного обеспечения, которое она предоставляла посредством его передачи без физического экземпляра через интернет.

UsedSoft являлась компанией, специализирующейся на перепродаже лицензий на программное обеспечение «бывшее в употреблении», в том числе того, которое она приобрела у клиентов Oracle.

При рассмотрении дела судом были поставлены следующие вопросы:

(1) Является ли UsedSoft, ссылающееся на исчерпание права, «законным приобретателем» по смыслу ст. 5(1) Директивы 2009/24?

(2) Если ответ на первый вопрос будет положительным: исчерпывается ли право на распространение копии компьютерной программы, когда покупатель сделал копию с согласия правообладателя, загрузив программу из Интернета на свое оборудование?

(3) Если ответ на второй вопрос будет положительным, необходимо установить: может ли лицо, которое приобрело «использованное» программное обеспечение для создания копии программы, являться «законным приобретателем» в соответствии с положениями ст. 5(1) и ст. 4(2) Директивы 2009/24, а также полагаться принцип на исчерпание права на распространение копии компьютерной программы, если первый приобретатель удалил свою копию программы или больше не использует ее?

Суд Европейского союза, проанализировав статью 4(2) и статью 5(1) Директивы 2009/24, пришел к выводу, что: Статьи 4(2) и 5(1) Директивы 2009/24 следует толковать так, что в случае перепродажи пользовательской лицензии, такая перепродажа влечет за собой и продажу копии программного обеспечения, загруженного с веб-сайта правообладателя. Второй приобретатель лицензии, а также любой последующий ее приобретатель смогут ссылаться на принцип исчерпания в соответствии со ст. 4(2) Директивы и, следовательно, считаться законными приобретателями копии компьютерной программы по смыслу ст. 5(1) Директивы.

Хотя считалось, что Суд Европейского союза занял революционную позицию, распространив на цифровые произведения правила, действующие на произведения, воплощенные в материальной форме, суды продолжили придерживаться противоположной позиции [3, p. 526].

Так в деле Groep Algemene Uitgevers (GAU) против Tom Kabinet Internet BV, Tom Kabinet Holding BV, Tom Kabinet Uitgeverij BV» суд продолжил применять консервативный подход. Tom Kabinet являлось онлайн-платформой, предоставлявшей возможность продажи подержанных электронных книг. Истцы утверждали, что Tom Kabinet способствовали воспроизведению электронных книг, тем самым участвовали в распространении нелицензионных копий произведения, тем самым нарушая их права как правообладателей.

Суть вопроса заключалась в том, «подпадает ли такое предоставление (загружаемых электронных книг со стороны Tom Kabinet) под правило об исчерпании права на распространение, предусмотренное в статье 4(2) указанной директивы?» Суд отметил, что электронная книга не является компьютерной программой в соответствии с положениями Директивы 2009/24, ввиду чего электронные книги не подпадают под действие принципа исчерпания прав в цифровой среде.

Хотя это и не было прямо указано, из судебного акта прослеживается идея, что прямое применение доктрины исчерпания прав на объекты авторского права, не имеющие физического носителя, нанесло бы ущерб основной функции авторского права. Поскольку фактически, при прямом применении принципа исчерпания, лицо, опубликовывав что-то в интернете, в последствии бы утрачивало контроль за дальнейшим распространением его произведения, что, учитывая возможность бесконечно копировать произведение без каких-либо затрат, привело бы к утрате пользователями и авторами какой-либо защиты своего произведения.

Так, при прямом распространении принципа исчерпания на нематериальные блага, лица, осуществляющие продажу результатов чужого интеллектуального труда, без наличия на то соответствующих прав, всегда могли бы сослаться на получение данной копии с другого ресурса, в качестве объекта, права на который уже были исчерпаны. В конечном итоге, поднимаясь по цепочке, правообладатель всегда будет приходить к первому покупателю, который приобрел у него программное обеспечение или другой объект авторского права.

С другой стороны, в виртуальных пространствах, разрешающих сделки с виртуальными объектами между пользователями создано положение, при котором приобретатель виртуального объекта может в дальнейшем отчуждать приобретенный им объект, обменивать его и т.д. В случае нераспространения принципа исчерпания, любое последующее отчуждение требовало бы согласования с первым правообладателем, либо вовсе было бы невозможным.

Самостоятельное значение также имеет то обстоятельство, что количество виртуальных объектов может быть ограничено: правообладатель может создать 10 копий одного виртуального объекта и «ввести их в оборот» между пользователями. Ограничение количества копий может быть мотивировано стремлением правообладателя придать дополнительную ценность виртуальному объекту, повышая конкуренцию между пользователями за обладание таким виртуальным объектом.

В таком случае приобрести виртуальный объект другими пользователями у правообладателя не будет представляться возможным, что несколько отличает ситуацию обращения виртуальных объектов с программным обеспечением, которое возможно приобрести напрямую у производителя программного продукта в любой момент.

При этом, в рамках виртуального пространства мы действительно можем наблюдать ситуацию, сопоставимую с реальной, когда отчуждатель действительно утрачивает контроль над виртуальным объектом [4, S. 206, 208], а тот, кем виртуальный объект был приобретен, не может бесконечное количество раз воспроизводить приобретенный им виртуальный объект. Но это только внешняя сторона.

Проблема в распространении принципа исчерпания на виртуальный объект заключается в том, что при таком трансфере «виртуального объекта» происходит не его «передача»,

как экземпляра произведения, а его копирование и воспроизведение на оборудовании пользователя, которому данный объект передается. И такой электронный экземпляр отличен от исходного, таким образом, даже если закрыть глаза на отсутствие материального воплощения у виртуального объекта, принцип исчерпания здесь не находит места для применения, поскольку объективно совершаемые действия отличаются от тех, к которым данный принцип применяется напрямую (последующего отчуждения одного и того же экземпляра).

При этом в деле Oracle, помимо признания возможности применения принципа исчерпания Европейским судом указал на четыре условия, при которых он посчитал возможным применение принципа исчерпания к программному обеспечению, одним которых является необходимость предоставления со стороны UsedSoft доказательств о том им были удалены копии программы, лицензию на которую он перепродал.

Предъявляя указанное требование суд хотел получить доказательства того, что UsedSoft не нарушало права на программное обеспечение Oracle, при вторичном отчуждении полученных лицензий, что в полном объеме отражает режим защиты, который обеспечивает сохранность интеллектуальных прав. Если с вещными правами суть предоставленного субъекту права и способов защиты заключается в том, чтобы обеспечивать возможность вести себя абсолютным образом по отношению к вещи, то в случае с интеллектуальными правами, их правовой режим сформирован для предоставления автору контроля над мастер-артефактом, его копиями и производными от него произведениями, тем самым обеспечивая возможность коммерческого использования автором своего нематериального блага за счет эксклюзивности своего положения.

Как было установлено ранее, при заключении соответствующего соглашения между пользователями происходит уступка права, полученного по лицензионному соглашению, в соответствии с которым правообладатель уже распорядился своим правом, предоставив пользователю возможность использования своего произведения, в определенных лицензионным договором рамках.

В таком случае, при передаче виртуального объекта, происходит передача прав между пользователями полученные из лицензионного договора, отчуждателем при этом утрачивается возможность дальнейшего пользования принадлежащего ему ранее вторичного артефакта, что влечет за собой необходимость удаления сохранившейся копии со своего оборудования. В противном случае использование такой копии будет являться нарушением прав правообладателя.

Приобретатель же, вступая в договорную позицию отчуждателя на основании действующего лицензионного соглашения имеет право требовать предоставления возможности использования такого программного обеспечения в предусмотренных договором пределах – нарушения прав правообладателя не будет, поскольку уже имеется договорная связь между ним и первоначальным пользователем, по которой предоставление такого права является обязанностью правообладателя, а количество копий используемого программного обеспечения остается неименным.

При этом правообладатель имеет возможность как ограничивать оборотоспособность прав из лицензионного соглашения, устанавливая запрет уступки, так и поощрять такую оборачиваемость, если выбранная им модель организации предпринимательской деятельности ведет к привлечению пользователей к его виртуальному пространству.

Рассмотрение данного вопроса именно с перспективы уступки прав из лицензионного договора позволяет как соблюсти интерес правообладателя, поскольку препятствует возникновению большего количества пользователей, использующих нелицензионное программное обеспечение, так и предоставить возможность пользователям производить обмен соответствующими правами из лицензионного договора, поддерживая ликвидность, принадлежащих им «виртуальных объектов».

Таким образом, в контексте виртуальных объектов, которые получены на основании лицензионного договора и отчуждаются между пользователями, применение принципа исчерпания не находит своего места, поскольку не соответствует ситуации, в отношении которого его применение является возможным, а именно – отчуждения одного и того же экземпляра нематериального блага.

В свою очередь обеспечение оборотоспособности виртуальных объектов возможно за счет уступки, совершаемой пользователем, в отношении принадлежащих ему прав, полученных от правообладателя в рамках лицензионного договора, заключенного с ним.

При переходе прав от одного пользователя к другому, отчуждающий лишается права на лицензионное использование копии виртуального объекта, когда приобретатель получает возможность требования соответствующего предоставления со стороны правообладателя.

Правообладатель при этом сохраняет позицию, в которой у него имеется возможность контролировать количество копий его нематериального блага, которое он выпустил в оборот.

Пристатейный библиографический список

1. Loewenheim Ulrich, Handbuch des Urheberechts, C. H. Beck. München 2010 § 17. S. 78
2. Савельев А. И. Правовые аспекты разработки и коммерциализации программного обеспечения. М.: Статут, 2024 С. 195-196
3. Petr Kalenský. Digital Exhaustion: A Decade After the UsedSoft Case 4. Journal of Intellectual Property, Information Technology and Electronic Commerce Law. 2023. S. 526.
4. Sosnitza, Die urheberrechtliche Zulässigkeit des Handels mit „gebrauchter «Software». Kommunikation & Recht. 2006 S. 206, 208.

КУШНЕР И.Д.

ПОЛАГАНИЕ НА ЗАВЕРЕНИЯ И ГАРАНТИИ В ПРАВЕ АНГЛИИ И США

Статья посвящена анализу концепции полагания на заверения и гарантии в праве Англии и США. Исследуя содержание данных институтов, сравнивая их историю и применение в обоих рассматриваемых правопорядках, автор противопоставляет деликтный подход, требующий доказательств разумного доверия, договорной модели распределения рисков. На примере профильной судебной практики разбирается содержание концепции «полагания» в обоих рассматриваемых институтах и рассматриваются отличия субъективной веры в достоверность информации и объективного содержания договора. В итоге делаются выводы о сходствах и отличиях концепции «полагания» на заверения и гарантии в обоих правопорядках.

Ключевые слова: Заверения об обстоятельствах, заверения (representations), гарантии (warranties), полагание, должная осмотрительность.

Кушнер И. Д.

KUSHNER I.D.

RELIANCE ON REPRESENTATIONS AND WARRANTIES IN ENGLISH AND US LAW

The article is devoted to the analysis of the concept of reliance on representations and warranties in the law of England and the United States. By exploring the content of these instruments and comparing their history and application in both considered legal systems, the author contrasts the tortious approach, which requires evidence of reasonable trust, with the contractual model of risk allocation. Using specialized judicial practice as an example, the study explores the content of the «reliance» concept in both considered institutions and examines the distinctions between the subjective belief in the accuracy of information and the objective content of the contract. As a result, conclusions are drawn about the similarities and differences in the concept of «reliance» on representations and warranties in both legal systems.

Keywords: Representations, warranties, reliance, due diligence.

Введение

В современном российском праве институт заверений об обстоятельствах (ст. 431.2 ГК РФ) продолжает проходить этап активного судебного осмысления. Значимым событием в этом процессе стало решение по делу «Винного дома Фотисаль»[1], в котором отечественный Верховный суд отказал покупателю долей общества с ограниченной ответственностью в требовании из недостоверности заверений об обстоятельствах. В качестве причины отказа Верховный суд указал отсутствие полагания покупателя на недостоверное заверение.

В российской судебной практике и ранее встречалось множество дел, в которых суды отказывали покупателям в разных видах требований из недостоверности заверений: где-то суды прямо указывали на отсутствие полагания, а где-то на несколько более абстрактное несоблюдение покупателем должной осмотрительности [3][2].

Такая тенденция в судебной практике порождает вопрос о том, в каких случаях покупатель считается полагавшимся на заверение продавца. При этом, поскольку при разработке российского института заверений об обстоятельствах законодатель руководствовался англосаксонскими заверениями (*representations*) и гарантиями (*warranties*) [4, с. 92-93], выглядит разумным начать разработку ответа на этот вопрос с анализа конструкции полагания на эти иностранные институты.

Поскольку англосаксонские гарантии изначально не отделялись от заверений, логичнее начать рассмотрение конструкции «полагания» на заверения, а затем перейти к полаганию на гарантии.

1. Полагание на заверение *(representation):* общая характеристика

Заверение (*representation*) — однозначное заявление в отношении факта или закона, побудившее сторону к заключению договора [9, p. 303-310].

Поскольку заверения стимулируют сторону к заключению договора, они обычно предоставляются на этапе переговоров и, в отличие от гарантий (*warranties),* не включаются в договор и не являются договорными условиями [9, p. 209-210][3]. В связи с этим ответственность за предоставление недостоверного заверения (*misrepresentation*) в англосаксонских

1 Определение Верховного Суда РФ от 26.07.2024 № 305-ЭС24-4207 по делу № А40-79027/2022 // СПС КонсультантПлюс.

2 Чумаков А. Заверения об обстоятельствах: может ли покупатель потребовать компенсацию, если он знал, что они недостоверные? // Шортрид. доступен по: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://shortread.ru/zavereniya-ob-obstoyatelstvah-mozhet-li-pokupatel-potrebovat-kompensaciju-esli-on-znal-chto-oni-nedostovernye-kolonka-andreya-chumakova/ (дата обращения: 21 апреля 2026); Определение Верховного Суда РФ от 28.04.2023 № 305-ЭС23-5853 по делу № А41-962/2022 // СПС КонсультантПлюс; Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 21.10.2024 № Ф01-3902/2024 по делу № А11-13870/2022 // СПС КонсультантПлюс; Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 09.10.2024 № Ф08-6168/2024 по делу № А32-34342/2023.

3 Иногда стороны решают включить заверения в договор, признав их одновременно ещё и гарантиями, подробнее см. Adams K. The Phrase “Represents and Warrants” Is Pointless and Confusing available at: [Electronic resource]. – Access mode: https://www.americanbar.org/groups/business_law/resources/business-law-today/2015-october/the-phrase-represents-and-warrants-is-pointless-and-confusing/ (accessed: 21 April 2026).

правовых системах является институтом деликтного, а не договорного права [4, с. 96-98], [10, p. 143-148], [15].

Ввиду деликтной природы заверения, требовать правовой защиты в случае его недостоверности может только сторона, которая разумно полагалась на заверение при заключении договора [10, p. 142-143][4]. Состав деликта очевидно отсутствует, если потенциально обманутое лицо (1) знает, что его обманывают, (2) не верит полученному заверению или (3) принимает решение о заключении сделки, не основываясь на нём [2, с. 155-160], [10, p. 142-143][5]. Любое из этих трёх обстоятельств может указывать, что реципиент заверения не полагается на него.

Например, в деле *Redgrave v. Hurd*[6] продавец заверил покупателя, что продаваемый бизнес приносит 200 фунтов в год. Несмотря на то, что покупателю открыли доступ к документам бизнеса, он не стал их изучать. Выяснив после сделки, что реальный доход ниже заявленного, покупатель отказался выплатить оставшуюся часть цены. Суд аннулировал договор купли-продажи ввиду невиновного введения в заблуждения (*innocent misrepresentation*), указав, что покупатель не был обязан проверять заверения продавца, даже имея такую возможность.

Некоторые суды придерживаются иного похода. Например, в деле *Godfrey v. Navratil*[7] апелляционный суд Аризоны отказал в аннулировании сделки в связи с умышленным введением в заблуждение (*fraudulent misrepresentation*), поскольку покупателю было известно о факте, который должен был побудить разумное лицо к проведению дополнительной проверки информации.

2. Полагание на гарантию (warranty): общая характеристика

Гарантия — утверждение о прошлом, настоящем или будущем факте, направленное на перераспределение рисков межу сторонами сделки[8]. Основная цель этого утверждения — позволить покупателю взыскать с продавца убытки в случае его недостоверности.

Гарантии можно разделить на подразумеваемые (*implied*) и явные (*expressed*). Первые представляют собой редкую категорию, установленную законом. Например, если продавцу известна цель покупки, предполагается, что он гарантирует пригодность товара для этой цели[9]. Вторые же являются прямыми утверждениями сторон, зафиксированными в договоре [1, с. 132], [4, с. 96-98], [15][10]. Поскольку российские заверения об обстоятельствах схожи только с явными гарантиями, а подразумеваемые крайне специфичны, в настоящей работе будут анализироваться только явные гарантии, прямо согласованные сторонами сделки.

До 1778 года английское право рассматривало гарантию как «особое обещание» (*special assumpsit*). В случае его нарушения покупатель мог заявить лишь деликтный иск из обмана [11, p. 350-356]. Успех такого дела был маловероятен: истцу требовалось доказать, что продавец заведомо знал о ложности своих слов и намеренно ввёл контрагента в заблуждение. Столь высокий стандарт доказывания делал перспективы подобных исков весьма туманными.

Знаковым этапом стало дело *Stuart v. Wilkins*, в котором Суд Королевской скамьи впервые квалифицировал гарантию как договорное условие, позволив истцу использовать договорные способы защиты вместо деликтных [5, p. 8-9], [13, p. 675], [14, p. 413]. Суд постановил, что гарантия охватывает любые дефекты товара, даже те, о которых продавец не знал. С этого момента общее право начало признавать гарантию полноценным элементом контракта, а не просто внешним обещанием.

Однако процесс признания договорной природы гарантии был длительным и неоднозначным. Как указывал профессор Проссер, несмотря на закрепление договорных средств защиты, гарантия так и не до конца утратила свою «деликтную природу» [12, p. 651]. В развитие этой мысли профессор Уиллистон называл фактор «полагания» (*reliance*) на гарантию ключевым условием для её применения. Однако он уточнял: для доказательства такого полагания достаточно подтвердить, что (1) утверждение продавца было объективно способно побудить покупателя к покупке и (2) последний действительно приобрёл товар [11, p. 691-692].

Таким образом, несмотря на очевидную договорную природу гарантии, авторитетная доктрина продолжала рассматривать её через деликтную призму, устанавливая требование полагания, идентичное (или по крайней мере сходное) с требованием полагания на заверение. Эта иллюзорная двойственность правовой природы гарантии снискали ей славу «любопытного гибрида, порождённого запретными сношениями деликта и договора»[11].

Эта же двойственность продолжает прослеживаться и в судебной практике, особенно в США на уровне разных штатов.

3. Полагание на гарантию в судебной практике США

В судебной практике разных штатов США до сих пор нет единства относительно того, является ли «полагание» покупателя (в том же значении, что и «полагание» на заверение) обязательным условием, позволяющим иметь право на иск при нарушении гарантии. Несмотря на наметившуюся тенденцию к отказу от необходимости полагания, переход к новой парадигме происходит медленно и очень осторожно[12].

4 Заверение не должно быть главным или единственным фактором для принятия стороной решения о заключении договора, но должно быть значимой причиной (т.е. сторона не должна была быть готова заключить сделку в случае недостоверности заверения). Подробнее см. Edgington v. Fitzmaurice [1885] 29 Ch D 459 // Westlaw UK; Spice Girls Ltd v Aprilia World Service Bl' [2002] EWCA Civ 15 // Westlaw UK; Assiscurazioni Generali SpA v Arab Insurance Group [2002] EWCA Civ 1642 // Westlaw UK.

5 В частности, если сторона решает перепроверить заверение, то обычно она лишается права на защиту в связи с его недостоверностью, поскольку при заключении договора она считается полагавшейся не на заверение, а на своё собственное суждение: см. Dobell v Stevens [1825] 107 ER 864 // Westlaw UK; Attwood v. Small [1838] 160 ER 633 // Westlaw UK; Clarke v Mackintosh [1862] 66 ER 651 // Westlaw UK; Rignal Developments Ltd v Halil [1988] Ch. 190 // Westlaw UK.

6 Redgrave v. Hurd [1881] 20 Ch D 1 // Westlaw UK; также см. Peekay Intermark Ltd v ANZ Banking Group Ltd [2006] EWCA Civ 386 // Westlaw UK.

7 Godfrey v. Navratil [1966] 3 Ariz. App. 47 // LexisNexis; также см. Davis v. Kleindienst [1946] 64 Ariz. 251 // LexisNexis.

8 MacKenzie J. Warranties and Indemnities. available at: [Electronic resource]. – Access mode: https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=324b5ddf-062e-423e-9a5c-baf59f8dd593 (accessed: 21 April 2026); Bismarck N. Corporate Acquisitions and Mergers: United Kingdom // Kluwer Law International. 2013. P. 36-37.

9 Kwestel S. Express Warranty of Fitness for a Particular Purpose: Extent of Overlap in Same Factual Context with Implied Warranty of Fitness for a Particular Purpose // U.C.C. Bulletin 1 (June 2010), Touro Law Center Legal Studies Research Paper Series. available at: [Electronic resource]. – Access mode: https://ssrn.com/abstract=2359598 (accessed: 21 April 2026). P. 1-2.

10 Ibid.

11 "a curious hybrid, born of the illicit intercourse of tort and contract, unique in the law" — cit. under Nelson L. et. al. Op. Cit. P. 363; Prosser W. Op. Cit. P. 1010.

12 Ранее считалось, что помимо, например, Канзаса и Миннесоты, которые и по сей день придерживаются подхода о необходимости полагания на гарантию, такой же позиции придерживались суды Калифорнии и Дэлавера. Однако, как мы увидим далее, суды последних двух штатов недавно заняли иной подход. Подробнее см. Johannes R., Simonis T. Buyer's Pre-Closing Knowledge of Seller's Breach of Warranty. Available at: [Electronic resource]. – Access mode: https://www.wisbar.org/newspublications/wiscon-

Сейчас американские суды дают 3 разных ответа на вопрос о том, необходимо ли покупателю полагаться на гарантию продавца.

3.1. На гарантию необходимо полагаться в любом случае

Одним из крупнейших сторонников подхода о необходимости полагаться на гарантию, пожалуй, остаются дела, в которых Апелляционный суд десятого округа трактует законодательство штата Канзас.

Основополагающим прецедентом Апелляционного суда является дело *Land v. Roper*[13] *Corp*. Обстоятельства спора касались сделки по поглощению локального производителя *Land Manufacturing* крупной корпорацией *Roper*, стремившейся к диверсификации активов. В рамках сделки один из учредителей продаваемой компании предоставил покупателю гарантии относительно достоверности её финансовой отчётности.

В интервале между согласованием условий и фактическим закрытием сделки рыночная стоимость объекта инвестирования снизилась на 15%. Спустя семь месяцев после закрытия продавцы инициировали взыскание невыплаченного остатка покупной цены, в ответ на что корпорация *Roper* предъявила встречный иск, мотивированный нарушением предоставленных гарантий.

Рассматривая данное дело, Апелляционный суд постановил, что «полагание покупателя на гарантию является необходимым условием для предоставления ему правовой защиты, если эта гарантия окажется нарушена»[14]. В частности, этот вывод был мотивирован предшествующей судебной практикой Верховного суда штата Канзас[15].

3.2. На гарантию необходимо полагаться, если договором не предусмотрено иное

В 1990 году Апелляционный суд штата Нью-Йорк в деле *CBS v. Ziff-Davis Publishing*[16] вынес прецедентное решение по более сбалансированному подходу в отношении необходимости полагаться на гарантию.

Предметом разбирательства послужила сделка купли-продажи акций, в рамках которой продавец предоставил покупателю комплексный набор гарантий относительно финансового и операционного состояния бизнеса. Помимо прочего, договор содержал оговорку, в соответствии с которой все гарантии продавца сохраняют силу после закрытия несмотря на любые исследования, сделанные покупателем.

В интервале между подписанием договора и закрытием сделки покупатель выявил несоответствие финансовой отчетности общепринятым принципам бухгалтерского учета (*GAAP*), о чем официально уведомил контрагента. Сделка была завершена лишь после подтверждения продавцом права покупателя на предъявление любых претензий после закрытия. После закрытия покупатель предъявил иск о нарушении гарантии в связи с неточностью бухгалтерской отчётности.

Апелляционный суд поддержал иск покупателя, указав, что покупатель не должен доказывать своё «полагание» на гарантию. Достаточно, чтобы гарантия была объектов переговоров (*bargained-for*): в таком случае покупатель приобретает включенное в договор обещание продавца, и субъективная вера покупателя в достоверность гарантии не имеет значения.

Однако важно помнить, что в деле *CBS* договор содержал явно выраженную оговорку, позволяющую покупателю предъявить требование несмотря на собственное знание о недостоверности гарантии. Так, Апелляционный суд второго округа в деле *Galli v. Metz*[17] отметил, что покупатель должен терять право на иск из нарушения гарантии, если он совершает сделку достоверно зная о нарушении гарантии и при этом договор не содержит оговорки, предусматривающей сохранение покупателем права на иск, несмотря на своё знание.

3.3. Не нужно полагаться на гарантию, если договором не предусмотрено иное

В 2022 году Канцлерский суд штата Делавэр в рамках разбирательства по делу *Arwood v. AW Site Services*[18] проявил самый прогрессивный взгляд по вопросу полагания на гарантии. Суд пришёл к выводу, что в отсутствие специальных договорных оговорок на покупателя не возлагается обязанность доказывать факт своего полагания на гарантии и даже на заверения продавца.

Оглашавший решение по делу судья сравнил договорную концепцию распределения рисков и деликтную концепцию принятия риска, отдав предпочтение первой как наиболее адекватной правовой системе штата Делавэр.

Судья мотивировал свою позицию тем, что деликтный подход неизбежно влечет за собой сложные фактологические споры о содержании и объёме сведений, переданных в ходе комплексной проверки (*due diligence*). Напротив, концепция договорного распределения рисков в полной мере отвечает «контрактианскому» режиму Делавэра, фундаментальным принципом которого является признание за сторонами права самостоятельно определять пределы своих обязательств в тексте письменного соглашения.

При этом, по мнению судьи, даже если договор не содержит перераспределяющих риски гарантий, если в договоре прямо не предусмотрено обратное, то покупатель считается приобретающим обещание продавца — в таком же «страхующем» понимании, как в деле *CBS*[19].

Суд штата продолжил применять позицию, описанную в деле *Arwood v. AW Site Services*, в других судебных делах[20].

sinlawyer/pages/article.aspx?Volume=75&Issue=7&ArticleID=220 (accessed: 21 April 2026); об общем очень постепенном тренде на переход к отсутствию необходимости полагаться см. Jastrzebski J. "Sandbagging" and the Distinction between Warranty Clauses and Contractual Indemnities // U.C. Davis Business Law Journal. 2019. Vol. 19. P. 215.

13 E. H. Land, Jr. and Peggy F. Land, Plaintiffs-appellees, v. Roper Corporation, Defendant-appellant, 531 F.2d 445 (10th Cir. 1976) available at: [Electronic resource]. – Access mode: https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F2/531/445/203267/ (accessed: 21 April 2026).

14 Ibid.

15 Topeka Mill & Elevator Co. v. Triplett available at: [Electronic resource]. – Access mode: https://law.justia.com/cases/kansas/supreme-court/1950/37-641-0.html (accessed: 21 April 2026).

16 CBS, Inc. v. Ziff-Davis Publishing Co. 75 N.Y.2d 496 (1990) available at: [Electronic resource]. – Access mode: https://law.justia.com/cases/new-york/court-of-appeals/1990/75-n-y-2d-496-0.html (accessed: 21 April 2026).

17 Frank A. Galli, Una G. Galli, John D. Yeager, Elizabeth M.yeager, Plaintiffs-appellees, v. James T. Metz, Jr., Kathleen M. Metz, Defendants-appellants, 973 F.2d 145 (2d Cir. 1992) available at: [Electronic resource]. – Access mode: https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F2/973/145/386424/ (accessed: 21 April 2026).

18 John D. Arwood, et al. v. AW Site Services, LLC, et al [2022] C.A. No. 2019-0904-JRS available at: [Electronic resource]. – Access mode: https://law.justia.com/cases/delaware/court-of-chancery/2022/c-a-no-2019-0904-jrs-0.html (accessed: 21 April 2026).

19 Ibid. P. 78-79.

20 Delaware Court of Chancerry. Post-trial opinion addressing contract claims. Available at: [Electronic resource]. – Access mode: https://courts.delaware.gov/Opinions/Download.aspx?id=375640 (accessed: 21 April 2026); John D. Arwood, et al. v. AW Site Services, LLC, et al [2022] C.A. No. 2019-0904-JRS available at: [Electronic resource]. – Access mode: https://law.justia.com/cases/delaware/court-of-chancery/2022/c-a-no-2019-0904-jrs-0.html (accessed: 21 April 2026).

4. Полагание на гарантию в судебной практике Англии

По общему правилу, в английском праве даже проведение покупателем собственной проверки (*due diligence*) приобретаемой компании не лишает гарантию силы, если покупатель в ходе проверки не получил однозначную информацию (так называемое «фактическое знание», *actual knowledge*) о недостоверности гарантии[21]. Например, в деле *Equitix v. Fox*[22] продавцы энергетического завода предоставили покупателю ряд гарантий и очень ограниченную выписку из заводского журнала учёта, из полной версии которого можно было сделать вывод о недостоверности гарантий. Суд Королевской скамьи отклонил тезис продавцов о возможности покупателя ознакомиться с полной версией журнала учёта, указав, что, на балансе вероятностей, покупатель скорее всего не ознакомился с полной версией журнала.

Следовательно, знание о риске недостоверности гарантии или возможность запросить у продавца информацию, ознакомившись с которой можно было выявить недостоверность гарантии, не лишает покупателя права на иск.

При этом фактическое знание о недостоверности гарантии нельзя исключить даже прямым указанием в договоре. В деле *Eurocopy v Teesdale*[23] договор купли-продажи акций содержал оговорку, которая, помимо прочего, позволяла покупателю предъявлять требование из недостоверности гарантии, которое не было раскрыто продавцом, даже если покупателю было фактически известно о недостоверности до заключения сделки. Апелляционный суд Англии и Уэльса поддержал ссылку продавца на фактическое знание покупателя о недостоверности гарантии, несмотря на наличие ограничительной оговорки. Суд указал, что разумный покупатель, фактически знающий о недостоверности гарантии, явно учёл эту недостоверность в цене сделки.

Заключение

Таким образом, по вопросу полагания на заверения позиции англосаксонских судов довольно однозначны (хотя иногда и встречаются решения, не укладывающиеся в общую канву).

С другой стороны, хотя юрисдикции Англии и США несколько столетий назад разделили договорные гарантии и деликтные заверения, первые пока до сих пор не смогли до конца выйти из тени вторых. В частности, суды разных американских штатов занимают три разные позиции по вопросу о том, должен ли покупатель потерять право на иск из недостоверности договорной гарантии, если он на неё не «полагался» (по аналогии с деликтным полаганием на заверение).

В свою очередь, английские суды следуют более единому и последовательному подходу: покупатель не обязан полагаться на гарантии продавца, а права на иск из их недостоверности он лишается только если однозначно знал об их недостоверности. В частности, недостаточно знания о риске недостоверности гарантии или наличия у покупателя возможности дополнительно проверить её достоверность.

Пристатейный библиографический список

1. Будылин С. Л. Заверения и гарантии. Компаративное исследование. М.: Инфотропик Медиа. 2017. 160 с.
2. Лухманов М. И. Заверения об обстоятельствах: теоретические и практические проблемы в свете новых разъяснений ВС РФ // Закон. 2019. № 7. С. 153-168.
3. Мамагеишвили В. З. К вопросу о субъективной добросовестности получателя заверений об обстоятельствах и доступных ему средствах правовой защиты: Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 26 июля 2024 года № 305-ЭС24-4207 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. № 11. 2024. С. 4-16.
4. Томсинов А. В. Заверения об обстоятельствах и возмещение потерь в российском праве в сравнении с representations, warranties и indemnity в праве Англии и США // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 11. С. 91-111.
5. Ames T. The History of Assumpsit. I. Express Assumpsit // Harvard Law Review. 1888. Vol. 2. № 1. P. 1-19.
6. Bismarck N. Corporate Acquisitions and Mergers: United Kingdom // Kluwer Law International. 2013. 180 p.
7. Duchemin M. J. Whether Reliance on the Warranty is Required in a Common Law Action for Breach of an Express Warranty // Marquette Law Review. 1999. Vol. 82. Issue 3. P. 689-711.
8. Jastrzebski J. "Sandbagging" and the Distinction between Warranty Clauses and Contractual Indemnities // U.C. Davis Business Law Journal. 2019. Vol. 19. P. 207-251.
9. McKendrick E. Contract Law. 12th Ed. London: Palgrave Law Masters, 2017. 508 p.
10. McMillan C. et. al. Contract Law. London: University of London, 2018. 286 p.
11. Nelson L. et. al. Williston on sales. 5th Ed. St. Paul, Minn.: Thomson Reuters, 1994. 3764 p.
12. Prosser W. Handbook of the law of torts. St. Paul, Minn.: West Publishing Co, 1941. 695 p.
13. Robert D. Should the Doctrine of Implied Warranties Be Limited to Sales Transactions // Vanderbilt Law Review. 1949. Vol. 2. Issue 4. P. 675-685.
14. St. John's Law Review. Sales--Warranty--Breach of Implied Warranty of Merchantability (Fredendall v. Abraham & Strauss, Inc., 279 N.Y, 279 146 (1938)) // St. John's Law Review. 1939. Vol. 13. № 2. P. 413-416.
15. Treitel G. The Law of Contract. London: Sweet & Maxwell, 2020. 1650 p.

21 Это общее правило можно изменить, установив в договоре особые правила раскрытия информации, которая затем будет вменяться покупателю в знание. Подробнее см. Prentice v. Scottish Power Plc [1997] 2 BCLC 264 // Westlaw UK; Daniel Reeds Ltd v. EM ESS Chemists Ltd [1995] CLC 1405 // Westlaw UK; New Hearts v. Cosmopolitan Investments [1997] 2 B.C.L.C. 249 // Westlaw UK; Infiniteland Ltd v Artisan Contracting Ltd [2005] EWCA Civ 758 // Westlaw UK; MAN Nutzfarhrzeuge AG and others v. Freightliner Limited [2005] EWHC 2347 (Comm) // Westlaw UK.

22 Equitix EEEF Biomass 2 Ltd v Fox [2021] EWHC 2531 (TCC) // Westlaw UK.

23 Eurocopy Plc v. James Daniel Teesdale, Annie Teesdale, The Royal Trust Company of Canada (CI) Limited, Anthony John Charles and Ian Richard Roulson sued as The Trustees of the James D Teesdale Settlement, The Royal Trust Company of Canada (CI) Limited sued as The Trustees of the Annie Teesdale Settlement [1991] EWCA Civ J0410-1 // Westlaw UK.

DOI 10.46320/2073-4506-2026-4-215-222-225

МАМИН Михаил Анатольевич
соискатель кафедры гражданского права, Саратовская государственная юридическая академия»

Мамин М. А.

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ НАДЛЕЖАЩЕГО КАЧЕСТВА ФИЗКУЛЬТУРНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНОЙ УСЛУГИ

В статье исследуется гражданско-правовое значение информационной безопасности при оказании физкультурно-оздоровительных услуг. Обосновывается, что цифровые сервисы фитнес-клубов, электронные абонементы, биометрические системы доступа, мобильные приложения, цифровые агрегаторы и устройства Интернета вещей в ряде случаев перестают быть факультативным удобством и становятся частью способа исполнения договора. Автор разграничивает физическую безопасность, защиту персональных данных, информационную безопасность и качество услуги, показывая, что их смешение приводит либо к неоправданному расширению ответственности исполнителя, либо к выводу цифровых рисков из сферы потребительской защиты. Предлагается понятие цифрово-инфраструктурного недостатка физкультурно-оздоровительной услуги как дефекта цифрового компонента обслуживания, влияющего на доступность, безопасность, достоверность, защищенность данных или потребительскую ценность услуги. Сформулирован вывод о необходимости включения минимальных требований информационной безопасности в договорную практику и стандарты физкультурно-оздоровительного обслуживания.

Ключевые слова: физкультурно-оздоровительная услуга, качество услуги, информационная безопасность, цифровизация, фитнес-клуб, потребитель, персональные данные, биометрические данные, Интернет вещей, цифрово-инфраструктурный недостаток, ответственность исполнителя.

MAMIN Mikhail Anatoljevich
competitor of Civil law sub-faculty, Saratov State Law Academy

INFORMATION SECURITY AS AN ELEMENT OF THE PROPER QUALITY OF A PHYSICAL CULTURE AND HEALTH-IMPROVEMENT SERVICE

The article examines the civil-law significance of information security in the provision of physical culture and health-improvement services. It is argued that digital services of fitness clubs, electronic subscriptions, biometric access systems, mobile applications, digital aggregators and Internet of Things devices may cease to be optional conveniences and become part of contractual performance. The author distinguishes physical safety, personal data protection, information security and service quality, demonstrating that their confusion either unjustifiably expands the liability of the provider or removes digital risks from consumer protection. The article proposes the concept of a digital-infrastructural defect of a physical culture and health-improvement service as a defect in the digital component of the service affecting accessibility, safety, reliability, data protection or consumer value. The author concludes that minimum information security requirements should be incorporated into contractual practice and standards for physical culture and health-improvement services.

Keywords: physical culture and health-improvement service, service quality, information security, digitalization, fitness club, consumer, personal data, biometric data, Internet of Things, digital-infrastructural defect, provider liability.

Введение

Современная физкультурно-оздоровительная услуга все реже исчерпывается доступом в помещение, работой тренера и использованием спортивного оборудования. В обычную модель фитнес-обслуживания входят мобильное приложение, электронная клубная карта, QR- или биометрический доступ, онлайн-запись на занятия, цифровой журнал посещений, дистанционные тренировки, носимые устройства и тренажеры, способные собирать сведения о нагрузке. Для потребителя эти элементы нередко выглядят как удобный сервис. Для гражданского права они ставят более сложный вопрос: остается ли информационная безопасность внутренним техническим делом исполнителя либо при определенных условиях должна оцениваться как элемент надлежащего качества услуги.

Российское законодательство располагает специальной нормативной основой для регулирования физкультурно-оздоровительного обслуживания. Правила оказания физкультурно-оздоровительных услуг закрепляют требования к информации об исполнителе и услуге, заключению договора, безопасности обслуживания и ответственности исполнителя[1]. Однако эти правила сформированы преимущественно вокруг аналоговой модели: помещение, оборудование, инструктор, расписание, правила поведения, санитарные и организационные условия. Цифровые способы заключения договора в них учитываются, но требования к надежности цифровой инфраструктуры как части исполнения обязательства специально не раскрыты.

Научные работы о цифровизации физической культуры и спорта показывают, что электронные платформы, носимые устройства и управленческие решения на основе данных стали самостоятельным фактором развития отрасли [4; 9]. Поэтому юридический анализ не может ограничиваться общим тезисом о применении информационных технологий. Важно установить, в какой момент цифровой элемент перестает быть сервисным дополнением и начинает влиять на качество договорного исполнения.

При этом цифровой риск далеко не всегда совпадает с риском утечки личных сведений. Проблема не сводится к защите персональных данных, хотя именно с ней чаще всего связывают цифровые риски. Закон о персональных данных устанавливает особый режим обработки биометрических персональных данных, а законодательство о биометрической идентификации исходит из недопустимости отказа в обслуживании только из-за нежелания лица использовать

1 Постановление Правительства РФ от 30 января 2023 г. № 129 «Об утверждении Правил оказания физкультурно-оздоровительных услуг» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 6. Ст. 963.

биометрию, если иное прямо не предусмотрено законом[2]. Между тем цифровая инфраструктура влияет не только на конфиденциальность. Сбой приложения может лишить потребителя возможности записаться на занятие; ошибка электронной системы доступа - заблокировать оплаченный абонемент; недостоверные данные носимого устройства - повлиять на подбор нагрузки; уязвимость «умного» тренажера - создать риск вреда здоровью. В таких ситуациях речь идет уже не о внешней кибербезопасности, а о надлежащем исполнении договора.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы обосновать информационную безопасность как возможный элемент качества физкультурно-оздоровительной услуги и предложить критерии, позволяющие отличить юридически значимый цифровой дефект от обычного технического сбоя. Методологически статья опирается на гражданско-правовой анализ договора возмездного оказания услуг, потребительское право, законодательство о персональных данных и исследования в области безопасности инфраструктуры Интернета вещей.

Качество физкультурно-оздоровительной услуги и цифровая среда исполнения

Физкультурно-оздоровительная услуга в гражданско-правовом смысле представляет собой не гарантированный спортивный результат, а надлежаще организованный процесс обслуживания. Исполнитель не обещает потребителю снижение веса, улучшение медицинских показателей или достижение конкретного уровня физической подготовки. Его обязанность состоит в создании безопасных, пригодных и методически обоснованных условий для занятий. Подобная квалификация согласуется с общей конструкцией договора возмездного оказания услуг, где предметом выступает совершение действий или осуществление деятельности, а не передача овеществленного результата [3].

Между двумя аспектами исполнения обязательства существует принципиальное различие. В методическом аспекте обязательство исполнителя близко к обязательству профессиональных усилий: тренер обязан действовать квалифицированно и добросовестно, но не отвечает за все физиологические последствия тренировочного процесса. В инфраструктурном аспекте обязанность исполнителя приобретает более жесткий характер. Исправность оборудования, безопасность помещения, доступность оплаченной услуги, достоверность информации о правилах пользования клубом и возможность предъявить требование к исполнителю поддаются объективной проверке. Неисправный тренажер, скользкий пол, закрытый доступ по действующему абонементу или отсутствие информации о существенных ограничениях свидетельствуют не просто о недостатке усилий, а о ненадлежащем состоянии среды обслуживания.

Цифровизация дополняет эту среду новым слоем. Если приложение используется только как рекламный канал, его дефект редко затрагивает качество основной услуги. Иная ситуация возникает, когда через приложение оформляется абонемент, ведется запись на занятия, подтверждается инструктаж, управляется «заморозка», фиксируется посещение или направляется претензия. При подобной модели организации обслуживания цифровая система перестает быть внешним удобством и становится способом реализации потребительского права. Потребитель приобретает не просто возможность тренироваться, а доступ к определенной модели обслуживания, организованной исполнителем. Поэтому дефект цифровой среды должен оцениваться через ее функцию в договоре.

Действующее право не содержит самостоятельного понятия «цифровое качество услуги». Закон о защите прав потребителей говорит о качестве и безопасности услуги в общей форме, возлагая на исполнителя обязанность предоставить услугу, пригодную для обычных целей ее использования и безопасную для жизни, здоровья, имущества потребителя и окружающей среды[3]. Тем не менее приведенные нормы позволяют включать цифровую составляющую в оценку качества – при условии доктринального уточнения: информационная безопасность становится гражданско-правовым критерием не всегда, а лишь тогда, когда цифровой элемент функционально включен в исполнение обязательства.

Для договоров, заключаемых через электронные каналы и исполняемых с опорой на личный кабинет, указанное разграничение приобретает практическое значение. Современная доктрина цифровых услуг обращает внимание на отсутствие единого законодательного понятия такой услуги и на необходимость отделять собственно цифровой сервис от смежных электронных способов коммуникации [1; 8]. В сфере фитнеса приведенный вывод особенно важен: одно дело – сайт с рекламной информацией, другое – приложение, без которого нельзя подтвердить абонемент, записаться на занятие или оформить отказ от договора.

Предложенная логика позволяет избежать двух крайностей. Нельзя считать, что любой сбой сайта или приложения автоматически образует недостаток физкультурно-оздоровительной услуги. Но столь же неправильно выводить цифровые риски за пределы потребительской защиты только потому, что они имеют техническую природу. Юридическое значение имеет не происхождение дефекта, а его влияние на возможность потребителя получить услугу в надлежащем объеме и безопасном порядке.

Информационная безопасность: пределы гражданско-правового значения

Информационную безопасность физкультурно-оздоровительной услуги целесообразно понимать как такое состояние цифровой инфраструктуры обслуживания, при котором обеспечиваются доступность, целостность, достоверность и защищенность юридически значимых данных, используемых при заключении, исполнении, контроле и прекращении договора. Это определение сознательно не совпадает с техническими дефинициями кибербезопасности. Для гражданского права имеет значение не вся информационная система исполнителя, а только тот ее сегмент, который связан с правами и обязанностями сторон.

В структуре цифрового фитнес-обслуживания можно выделить несколько функциональных блоков. К средствам доступа относятся электронные карты, QR-коды, турникеты, браслеты и биометрическая идентификация. Организационный блок образуют расписание, запись на занятия, электронная коммуникация с администрацией, управление абонементом и претензионный канал. Тренировочный блок включает приложения, дистанционные платформы, цифровые планы занятий, фитнес-трекеры и «умные» тренажеры. Доказательственный блок связан с журналами посещений, электронными согласиями, логами действий и цифровой фиксацией инструктажа. Разграничение функциональных блоков принципиально именно потому, что один и тот же технический сбой по-разному влияет на договор: иногда он создает неудобство, а иногда лишает потребителя реальной возможности пользоваться услугой.

Особую роль играют устройства Интернета вещей (IoT). В статье С.Т. Хапчаева и В.Г. Кокорева обоснованно отмечается, что IoT-инфраструктура уязвима для утечек данных, вредоносного программного обеспечения, ботнетов и атак на аппаратно-программные компоненты; надежная защита осложняется автономностью и ресурсными ограничениями встроенных устройств [11]. Для темы физкультурно-оздоровительных услуг этот тезис имеет не отвлеченное, а прикладное значение. Если фитнес-клуб использует браслеты доступа, датчики пульса, подключенные тренажеры или автоматизированные системы контроля нагрузки, он фактически включает IoT-элементы в потребительское обслуживание.

Международные рекомендации в сфере IoT также исходят из того, что безопасность подключенных устройств требует управления идентификацией, конфигурацией, обновлениями, защитой данных и журналированием событий [12-13]. Названные документы не создают для российского фитнес-клуба прямых гражданско-правовых обязанностей,

2 Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.), ст. 3451; Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 572-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 1 (часть I). Ст. 19.

3 Закон РФ от 07 февраля 1992 г. № 2300-1 (ред. от 28.12.2025) «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 140.

однако служат ориентиром при определении профессионально ожидаемого уровня осмотрительности при выборе и эксплуатации цифровых средств обслуживания. Подобный ориентир особенно значим там, где исполнитель сам выбирает технологию и представляет ее потребителю как часть услуги.

Среди компонентов информационной безопасности важнейшей, но не единственной остается защита персональных данных. Фитнес-клуб обрабатывает не только имя, телефон и платежные сведения, но и историю посещений, изображения, сведения о физическом состоянии, параметры нагрузки, иногда данные о противопоказаниях. Исследования правового режима биометрических данных и данных спортсменов подтверждают, что подобные сведения требуют повышенной аккуратности не только из-за риска утечки, но и из-за возможного влияния на частную жизнь, профессиональную репутацию и телесную автономию человека [5; 10].

Биометрический доступ усиливает этот риск, поскольку физиологические и биологические характеристики используются для установления личности. Из сказанного вытекает, что отказ потребителя от биометрии не должен превращаться в фактический отказ от услуги, если закон не требует обязательной биометрической идентификации. Правомерная модель предполагает альтернативный способ доступа: карта, код, документ, иной идентификатор. Для фитнес-клуба подобная альтернатива не является избыточной формальностью – она свидетельствует о том, что цифровой сервис не подменяет само право потребителя на получение оплаченной услуги.

Однако режим персональных данных не исчерпывает проблему. Допустим, утечки не произошло, но приложение не позволило потребителю отказаться от договора или оформить заморозку абонемента. В такой ситуации нарушается не столько конфиденциальность, сколько доступность юридически значимого действия. Если цифровой журнал ошибочно фиксирует посещение, которого не было, возникает проблема достоверности доказательств. Если система рекомендаций подгружает неверный тренировочный режим, затрагивается безопасность процесса. Исследования цифрового профиля спортсмена и применения искусственного интеллекта в спортивной сфере подтверждают, что данные о физической активности могут влиять не только на аналитику, но и на принятие решений о нагрузке и организации тренировочного процесса [6-7].

Цифрово-инфраструктурный недостаток услуги

Для юридического описания таких ситуаций предлагается использовать понятие цифрово-инфраструктурного недостатка физкультурно-оздоровительной услуги. Под ним следует понимать дефект цифрового компонента обслуживания, который при его функциональной включенности в договорное исполнение снижает доступность, безопасность, достоверность, защищенность данных или потребительскую ценность услуги. Предложенное понятие не заменяет общую категорию недостатка услуги, а конкретизирует ее применительно к цифровой фитнес-инфраструктуре.

Ключевым является признак функциональной включенности. Если цифровой сервис не связан с получением услуги, его сбой может оставаться внутренней технической проблемой исполнителя. Когда тот же сервис обеспечивает доступ, запись, фиксацию оплаты, дистанционное занятие или подтверждение инструктажа, дефект приобретает гражданско-правовое значение. Потребитель не обязан доказывать техническую архитектуру системы; достаточно показать, что выбранная исполнителем цифровая модель препятствовала нормальному получению услуги или ухудшила ее безопасность.

Другой критерий связан с риском. Цифровой дефект не должен оцениваться только по факту наступившего вреда. Уже сама возможность юридически значимого вреда может влиять на качество, если исполнитель знал или должен был знать о риске и не сообщил потребителю существенную информацию. В частности, при использовании биометрической системы потребитель должен быть ясно уведомлен о порядке обработки данных и возможности отказаться от нее; при применении носимых устройств – получить объяснение о составе собираемых показателей и целях их использования; при дистанционной тренировке с цифровым мониторингом – быть предупрежден о пределах достоверности таких данных. Недостаточная информация в потребительском праве давно рассматривается как самостоятельный источник ответственности[4].

Цифрово-инфраструктурный недостаток может проявляться в разных формах. Дефект доступа возникает, когда оплаченный абонемент фактически не реализуется из-за электронной блокировки или сбоя идентификации. Дефект управления выражается в невозможности записаться на занятие, оформить отказ, заморозить абонемент или направить претензию через канал, который сам исполнитель сделал основным. Дефект данных связан с искажением сведений о посещении, согласии, оплате или нагрузке. Дефект безопасности проявляется в уязвимости цифрового оборудования или приложения, если она способна повлиять на тренировочный процесс. Дефект конфиденциальности охватывает неправомерное раскрытие или использование данных потребителя.

Сформулированная конструкция не превращает фитнес-клуб в универсального гаранта кибербезопасности. Границы ответственности должны определяться контролем над цифровым элементом, его договорной ролью и предвидимостью риска. Исполнитель отвечает за то, что он выбрал, внедрил, представил потребителю как часть услуги и использует для управления обслуживанием. Если потребитель самостоятельно подключил сторонний трекер, не интегрированный в систему клуба, риск его некорректной работы не должен автоматически переноситься на исполнителя. Иная оценка возможна, когда клуб рекомендует конкретное устройство, подключает его к своему приложению, использует его показатели при подборе нагрузки или включает такой сервис в стоимость абонемента.

Особого внимания заслуживает доказательственная сторона. Цифровая система нередко используется исполнителем как подтверждение посещения, согласия с правилами, прохождения инструктажа или истечения срока абонемента. Добросовестное поведение исполнителя предполагает, что подобная система должна быть надежной не только против потребителя, но и в его пользу. Если исполнитель ссылается на цифровой журнал, он должен обеспечить возможность проверки его достоверности: дату, время, способ идентификации, неизменность записи, порядок исправления ошибки. В противном случае цифровой след превращается из средства упорядочения отношений в инструмент одностороннего контроля. В более широкой теории приватности сходная мысль выражается через идею контекстной допустимости обращения с информацией: значение имеет не только факт передачи данных, но и то, кто, зачем и в каком контексте использует эти данные [14-15].

Ответственность исполнителя и развитие стандартов обслуживания

Цифровая фитнес-экосистема редко ограничивается двумя субъектами. В ней участвуют клуб, разработчик приложения, поставщик облачной платформы, оператор платежей, производитель оборудования, цифровой агрегатор и иногда страховая организация. Для потребителя, однако, первичным адресатом требований остается тот субъект, который принял оплату, сформировал условия обслуживания и выступил профессиональным организатором услуги. Внутреннее распределение обязанностей между клубом и его подрядчиками не должно ухудшать положение потребителя.

Приведенная логика особенно значима применительно к цифровым агрегаторам. Если платформа лишь размещает сведения о клубах и перенаправляет пользователя к конкретному исполнителю, ее ответственность может ограничиваться достоверностью информации и корректностью посреднических действий. Если же агрегатор продает единый абонемент, принимает оплату, устанавливает правила доступа, ведет личный кабинет и управляет цифровым маршрутом потребителя, он фактически участвует в организации услуги. В такой модели цифровой дефект платформы способен повлечь ненадлежащее качество обслуживания, даже если физический клуб готов предоставить тренировку.

4 Закон РФ от 07 февраля 1992 г. № 2300-1 (ред. от 28.12.2025) «О защите прав потребителей» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 15, ст. 766; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 9.

Проблема договорных оговорок также требует осторожной оценки. В публичных офертах могут встречаться условия о том, что приложение предоставляется «как есть», администрация не отвечает за технические сбои, а данные электронного учета являются окончательными. Если приложение действительно факультативно, такие положения могут иметь ограниченное значение. Если же через приложение осуществляется доступ к существенным функциям абонемента, полное исключение ответственности способно ущемлять права потребителя. Закон о защите прав потребителей признает недопустимыми условия, которые ухудшают положение потребителя по сравнению с установленными законом правилами[5].

Отдельного внимания требует публичный интерес к цифровизации отрасли. Работы о цифровом управлении в сфере физкультурно-оздоровительных и спортивных услуг показывают, что цифровые решения рассматриваются не только как инструмент отдельного клуба, но и как часть управленческой инфраструктуры отрасли [2]. Указанное обстоятельство усиливает значение единых минимальных требований: чем шире цифровые каналы включаются в обслуживание, тем труднее оставлять их надежность на уровне индивидуальных договорных оговорок.

Российские стандарты физкультурно-оздоровительных и фитнес-услуг традиционно концентрируются на организационных, санитарных, материально-технических и кадровых требованиях[6]. В условиях цифровизации этот блок нуждается в дополнении. Речь не идет о чрезмерной детализации технических требований. Достаточно закрепить минимальные функциональные обязанности: исполнитель должен информировать потребителя о применяемых цифровых сервисах и степени их обязательности, предоставлять альтернативный способ доступа при нежелании использовать биометрию, письменно фиксировать порядок действий при сбое приложения, обеспечивать защиту данных, хранить юридически значимые цифровые подтверждения и располагать регламентом реагирования на инциденты.

Сравнительно-правовой материал подтверждает движение именно в этом направлении. Европейский акт о киберустойчивости исходит из необходимости предъявлять горизонтальные требования к продуктам с цифровыми элементами на протяжении их жизненного цикла[7]. Для российского гражданского права речь идет не об образце прямого заимствования, а о методологическом ориентире: цифровую безопасность следует закладывать в услугу еще до возникновения спора, а не восстанавливать постфактум в ходе судебного разбирательства.

Заключение

Информационная безопасность приобретает значение элемента надлежащего качества физкультурно-оздоровительной услуги не в силу самой цифровизации, а тогда, когда цифровая инфраструктура становится способом исполнения договора, условием доступа, средством контроля безопасности, инструментом обработки данных или доказательственной фиксации обслуживания. Юридическая оценка, следовательно, должна исходить из функции цифрового элемента, а не из его технической природы.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о необходимости включения в научный оборот понятия цифрово-инфраструктурного недостатка физкультурно-оздоровительной услуги. Подобный недостаток выражается в дефекте цифрового компонента обслуживания, который снижает доступность, безопасность, достоверность, защищенность данных или потребительскую ценность услуги. Введенное понятие помогает преодолеть разрыв между традиционным пониманием качества услуги и современной практикой фитнес-индустрии, где цифровые сервисы становятся частью обычного обслуживания.

Практическое значение предложенного подхода состоит в том, что он позволяет точнее формулировать условия публичных оферт, оценивать спорные положения договоров присоединения, распределять ответственность между фитнес-клубом, агрегатором и поставщиком цифрового решения, а также развивать стандарты физкультурно-оздоровительного обслуживания. В перспективе минимальные требования информационной безопасности должны быть включены не только в локальные правила клубов, но и в отраслевые стандарты качества, поскольку безопасность современной услуги уже не ограничивается исправностью помещения и оборудования. Она включает надежность той цифровой среды, через которую потребитель фактически получает доступ к услуге.

Пристатейный библиографический список

1. Абрамова Е. Н. Договор оказания цифровых услуг: к вопросу об отграничении от смежных понятий // Хозяйство и право. 2025. № 11. С. 48-59.
2. Багдасарова Р. А., Юрченко А. Л. Осуществление цифрового управления в области оказания физкультурно-оздоровительных и спортивных услуг: проблемы и возможные пути совершенствования // Теория и практика общественного развития. 2023. № 2. С. 46-53.
3. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга третья: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. М.: Статут, 2002. 1055 с.
4. Дьяконов А. Д. Цифровая трансформация в сфере физической культуры и спорта // Экономика и управление в спорте. 2023. Т. 3. № 1. С. 39-50.
5. Конева Н. С. Правовой режим персональных данных спортсмена и этика цифровых технологий // Человек. Спорт. Медицина. 2020. Т. 20. № S2. С. 120-125.
6. Минбалеев А. В., Титова Е. В. Проблемы использования технологий искусственного интеллекта в спортивной сфере и правовые ограничения // Человек. Спорт. Медицина. 2020. Т. 20. № S2. С. 114-119.
7. Минбалеев А. В., Титова Е. В. Цифровой профиль спортсмена: проблемы правового регулирования и защиты // Человек. Спорт. Медицина. 2021. Т. 21. № S2. С. 154-160.
8. Савельев А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2020. 920 с.
9. Филоненко Н. В., Кулькова И. В. Проблемы цифровизации в управлении физической культуры и спорта, возможные варианты их решения // Спорт: экономика, право, управление. 2024. № 1. С. 29-31.
10. Хандрыга Д. О. Правовое регулирование биометрических персональных данных в Российской Федерации // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 1. С. 191-201.
11. Хапчаев С. Т., Кокорев В. Г. Обеспечение информационной безопасности инфраструктуры Интернета вещей: проблемы и пути решения // Современные вопросы государства, права, юридического образования: сборник научных трудов по материалам XIX Международной научно-практической конференции. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2024. С. 261-268.
12. ENISA. Baseline Security Recommendations for IoT in the context of Critical Information Infrastructures. Heraklion: European Union Agency for Network and Information Security, 2017. 103 p.
13. Fagan M., Megas K. N., Scarfone K., Smith M. IoT Device Cybersecurity Capability Core Baseline. NISTIR 8259A. Gaithersburg: National Institute of Standards and Technology, 2020. 23 p.
14. Nissenbaum H. Privacy in Context: Technology, Policy, and the Integrity of Social Life. Stanford: Stanford University Press, 2010. 304 p.
15. Solove D. J. Understanding Privacy. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2008. 272 p.

5 Закон РФ от 07 февраля 1992 г. № 2300-1 (ред. от 28.12.2025) «О защите прав потребителей» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 15. Ст. 766.

6 ГОСТ Р 52024-2024. Услуги физкультурно-оздоровительные и спортивные. Общие требования. М.: Российский институт стандартизации, 2024; ГОСТ Р 56644-2015. Услуги населению. Фитнес-услуги. Общие требования. М.: Стандартинформ, 2015; ГОСТ Р 57116-2016. Фитнес-услуги. Общие требования к фитнес-объектам. М.: Стандартинформ, 2016.

7 Regulation (EU) 2024/2847 of the European Parliament and of the Council of 23 October 2024 on horizontal cybersecurity requirements for products with digital elements // Official Journal of the European Union. 2024. [Electronic resource]. – Access mode: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/2847/oj/eng (дата обращения: 14.05.2026).

МАНУЧАРЯН Арман Артурович
аспират кафедры гражданского права, Институт права, Уфимский университет науки и технологий

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ИМУЩЕСТВА, СОСТАВЛЯЮЩЕГО КОНКУРСНУЮ МАССУ В ПРОЦЕДУРАХ БАНКРОТСТВА

Лавинообразный рост финансовой несостоятельности достиг показателя 431 940 граждан за 2024 год. И статистика делает значимым точное выявление имущественного состава должника, гарантирующее соблюдение хрупкого баланса притязаний кредитующей стороны с правами банкрота.

Изучение дефиниции ст. 131 Закона о банкротстве раскрывает специфику агрегирования активов. Доктринальные признаки конкурсной массы - имущественная обособленность собранных ресурсов; временная определенность формирования средств; правовой режим и целевой характер.

Современный экономический оборот постоянно порождает коллизионные зоны. Цифровые активы вызывают доктринальные споры об их природе с механизмами принудительной реализации. Права аренды порождают схожие процессуальные трудности из-за смешанной структуры соглашений. Судьба депонированного имущества формирует еще одну область законодательной неопределенности из-за прямого участия независимого эскроу-агента.

Ключевые слова: конкурсная масса, банкротство, арбитражный управляющий, ст. 131 Закона о банкротстве, имущество должника, исполнительский иммунитет, исключения из конкурсной массы, судебная практика, лицензии, цифровые финансовые активы.

MANUCHARYAN Arman Arturovich
postgraduate student of Civil law sub-faculty, Institute of Law, Ufa University of Science and Technology

THE CONCEPT AND CHARACTERISTICS OF PROPERTY CONSTITUTING THE BANKRUPTCY ESTATE IN BANKRUPTCY PROCEEDINGS

The exponential growth of financial insolvency cases reached 431,940 individuals in 2024. These statistics make it crucial to accurately determine the debtor's assets, ensuring the delicate balance between the creditor's claims and the bankrupt's rights.

A study of the definition of Article 131 of the Bankruptcy Law reveals the specifics of asset aggregation. The doctrinal characteristics of a bankruptcy estate include the property separateness of the accumulated resources; the temporal certainty of the formation of funds; the legal regime and target nature.

Modern economic activity constantly generates conflicting areas. Digital assets give rise to doctrinal disputes regarding their nature and enforcement mechanisms. Leasehold rights raise similar procedural difficulties due to the mixed structure of agreements. The fate of escrowed property creates another area of legislative uncertainty due to the direct involvement of an independent escrow agent.

Keywords: bankruptcy estate, bankruptcy, insolvency practitioner, Article Article 131 of the Bankruptcy Law, debtor's property, enforcement immunity, exclusions from the bankruptcy estate, judicial practice, licenses, digital financial assets.

Современная судебная статистика демонстрирует смену показателей несостоятельности за 2024 год. Численность признанных банкротами граждан достигла 431 940 человек с фиксацией прироста на 23,6 % относительно предшествующего периода. Корпоративный сектор обнаруживает диаметрально противоположную тенденцию с падением до исторического минимума - 8 570 зафиксированных прецедентов [1, с. 157].

Специфика формирования активов требует скрупулезного выявления состава имущества должника для справедливого распределения ресурсов. Конкурсная масса выступает фундаментальным базисом удовлетворения притязаний взыскателей согласно обоснованной позиции О. А. Поташник [2, с. 291]. Публичная правовая обязанность погашения задолженностей тесно соприкасается с конституционными гарантиями дебитора[1]. Законодательные механизмы предполагают предельную точность при идентификации подлежащих изъятию фондов.

Нормативные предписания статьи 131 Закона о банкротстве задают ориентир для квалификации юридического статуса собственности[2]. Теоретическое осмысление выявляет специфические доктринальные признаки рассматриваемого института. Имущественная обособленность вкупе с временной определенностью формируют первичный критерий оценки материального положения субъекта, целевой характер аккумулируемых фондов. Завершает концептуальную картину обособленный правовой режим управления собранными ресурсами.

Дихотомия включения либо исключения объектов создает сложную коллизионную среду при отграничении подлежащих реализации активов от неотчуждаемых личностных прав. Институты исполнительского иммунитета диктуют потребность в выверенном подходе для предотвращения неправомерного изъятия минимально нужных для жизнедеятельности гражданина благ.

Судебная практика опирается на актуальные толкования высших инстанций. Определения Верховного Суда РФ от

1 Постановление Конституционного Суда РФ от 26.04.2021 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго части первой статьи 446 ГПК РФ и пункта 3 статьи 213.25 Закона о банкротстве» // Собрание законодательства РФ. - 2021. - № 19.

2 Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. - 2002. - № 43. - Ст. 4190.

20.03.2025[3] совместно с актом от 03.03.2025[4] конкретизируют критерии отбора подлежащих реализации материальных ценностей. Правовые позиции Постановления КС РФ № 15-П задают конституционные границы для деятельности арбитражного управляющего. Совокупность упомянутых прецедентов формирует базис для установления обновленных признаков, включаемого в общую массу имущества.

Трансформация экономических реалий порождает нетипичные категории собственности с неопределенным юридическим статусом. Цифровые финансовые активы наравне с правами аренды образуют специфические препятствия при формировании ликвидационного фонда. Статус депонированного имущества довершает общую картину нестандартных объектов с высоким риском возникновения процессуальных споров.

Цель настоящего исследования заключается в формировании целостной теоретической конструкции понятия «конкурсная масса», выявлении системы сущностных признаков имущества, включаемого в нее, и разграничении критериев исключения активов.

Понятие конкурсной массы в российском праве менялось с простой совокупности активов до сложного правового режима, ограниченного публичными и частными интересами. По п. 1 ст. 131 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве), «все имущество должника, имеющееся на дату открытия конкурсного производства и выявленное в ходе конкурсного производства, составляет конкурсную массу»[5].

Законодательная дефиниция конкурсной массы выделяется специфическим временным измерением. Гражданское правовое регулирование обычно оперирует статичными категориями собственности. Нормы о несостоятельности конструируют имущественный комплекс по принципу расширяющейся совокупности. Правовой механизм банкротства поглощает активы должника на дату вынесения судебного акта вкупе с позднее обнаруженными материальными ценностями. Тщательная проверка документации часто обнаруживает ранее скрытые обязательства контрагентов.

Пункт 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 48[6] конкретизирует описанный подход касательно признания неплатежеспособными физических лиц. Судебная инстанция предписывает включать приобретенные после старта процедуры поступления прямо в формируемый объем. Регулярные доходы гражданина наподобие заработной платы автоматически подпадают под режим распределения между кредиторами.

Объектный состав статьи 131 Закона о банкротстве охватывает обширный спектр благ. Физически осязаемые недвижимые объекты образуют лишь базовую часть аккумулируемой базы. Разнообразные имущественные права выступают равноценными элементами распределяемого фонда. Корпоративные доли участия должника в юридических лицах подлежат обязательной реализации.

Юридические дискуссии обычно концентрируются вокруг природы прав требования из-за их специфической нематериальной сущности. Пункт 4 статьи 20.3 Закона о банкротстве закрепляет обязанность арбитражного управляющего предпринимать активные шаги для розыска скрытых притязаний должника. Исполнение предписанной нормы требует от назначенного специалиста глубоких познаний в юриспруденции вкупе с бухгалтерским учетом.

Доктринальные концепции наряду с нормативными предписаниями выводят ключевые критерии отнесения ценностей к общей массе. Оборотоспособность выступает фундаментальным признаком подлежащего реализации блага. Статья 128 Гражданского кодекса РФ легализует статус цифровых активов для современных экономических реалий[7]. Бездокументарные ценные бумаги получают законную почву для рыночного оборота. Эволюция правопонимания создает прочную основу для широкого толкования состава собираемых ресурсов неплатежеспособного субъекта.

Пункт 2 статьи 131 Закона о банкротстве ограждает изъятые из свободного обращения вещи от включения в конкурсный объем путем установления имущественного иммунитета. Исключительная государственная собственность наподобие недр или неотчуждаемых культурных артефактов остается полностью неприкосновенной. Средства компенсационных фондов саморегулируемых организаций сохраняют специфическое целевое назначение при наступлении оговоренных законом случаев. Оборотной стороной этого признака является вопрос о социально значимых объектах. Как верно отмечено в судебной практике 2024 года, объекты теплоснабжения, водоснабжения и другие объекты коммунальной инфраструктуры по общему правилу составляют конкурсную массу, однако их реализация осуществляется с особенностями, направленными на сохранение их целевого назначения. Это порождает правовой режим «обремененного актива», который остается в массе, но с ограничениями по распоряжению.

2. Юридический состав конкурсной массы фиксируется на дату открытия конкурсного производства (п. 1 ст. 131). Однако закон устанавливает два важных исключения-дополнения: во-первых, «выявленное в ходе» (ретроспективное обнаружение); во-вторых, «приобретенное позднее» для граждан (проспективное включение, п. 1 Постановления № 48). Определение ВС РФ от 20.03.2025 № 310-ЭС24-10890(2) по делу № А48-11855/2021[8] ввело так называемый «фильтр достаточности»: если в конкурсной массе имеются денежные средства, превышающие объем требований кредиторов, то оспаривание сделок по изъятию имущества может быть признано нецелесообразным, а само имущество – не подлежащим возврату в массу, что демонстрирует гибкость временного критерия.

3 Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 20.03.2025 № 310-ЭС24-10890(2) по делу № А48-11855/2021 // Картотека арбитражных дел. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 18.03.2026).

4 Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 03.03.2025 № 305-ЭС24-20514 по делу № А41-67743/2021 // Картотека арбитражных дел. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 18.03.2026).

5 Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. - 2002. - № 43. - Ст. 4190.

6 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2019. - № 2.

7 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2025) // Собрание законодательства РФ. - 1994. - № 32. - Ст. 3301.

8 Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 20.03.2025 № 310-ЭС24-10890(2) по делу № А48-11855/2021 // Картотека арбитражных дел. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 18.03.2026).

3. Несмотря на то, что формально в конкурсную массу включаются все активы, судебная практика вырабатывает критерии «разумности» включения. Так, дебиторская задолженность с истекшим сроком исковой давности или задолженность неплатежеспособного контрагента de facto может быть не включена в массу, если управляющий докажет невозможность взыскания (позиция 15 Обзора ВС РФ от 11.10.2023)[9]. Взыскание убытков за утрату ликвидных активов выросло на 56 % в 2024 году, что свидетельствует о переходе от формального учета к экономически обоснованному подходу.

4. Правовой титул – ключевой признак. В конкурсную массу не включается имущество, принадлежащее третьим лицам, даже если оно физически находится во владении должника (арендованное, принятое на ответственное хранение) по ст. 128 ГК РФ. Однако признание банкротом должника-депонента по договору эскроу создает сложную ситуацию: по общему правилу, конкурсный управляющий не вправе распоряжаться депонированным имуществом, и оно не входит в массу до момента, когда основания для передачи бенефициару не возникли в течение 6 месяцев (п. 2 ст. 131 Закона о несостоятельности). Не наступление оговоренных юридических оснований трансформирует статус депонированного имущества. Невостребованные активы автоматически пополняют общую конкурсную массу по истечении установленного времени. Подобная механика возлагает на арбитражного управляющего строгую обязанность непрерывного мониторинга сроков. Утрата контроля над временными промежутками грозит нарушением имущественных интересов из-за несвоевременного включения объектов в распределительный фонд.

Нормативные предписания статьи 131 Закона о банкротстве совместно с положениями статьи 446 ГПК РФ формируют сложную архитектуру исключений. Упомянутая законодательная конструкция призвана защитить неприкосновенность личности дебитора. Одновременно соблюдаются публичные интересы посредством ограничения перечня подлежащих изъятию благ. Правоприменитель вынужден постоянно искать баланс для обеспечения потребности пополнения ликвидационного фонда ради погашения задолженностей перед взыскателями. Строгое следование нормам права гарантирует сохранение базисных условий для достойного существования гражданина.

Законодатель пунктом 2 статьи 131 выводит за скобки тесно связанные с субъектом имущественные притязания вроде алиментных выплат либо компенсаций за причиненный здоровью урон. Неотчуждаемые блага охватывают специфические разрешения при прямом запрете на их передачу сторонним лицам. Несостоятельность профессиональных участников рынка обнажает глубокую правовую коллизию. Лицензия на осуществление банковских операций полностью теряет экономическую ценность из-за неразрывной связи с подлежащим ликвидации юридическим лицом. Специфика статуса финансовой организации блокирует всякий шанс коммерциализации подобного актива ради расчетов с кредиторами.

Права аренды демонстрируют принципиально иную юридическую природу по сравнению со строго персонифицированными преференциями. Владение земельным участком на арендных условиях способно расширить распределяемую массу при соблюдении определенных критериев. Определение ВС РФ от 26.02.2016 № 306-КГ15-15500[10] закрепляет легитимность отчуждения контрактов со сроком действия свыше 5 лет при отсутствии запрета на уступку. Коммерческий потенциал долгосрочного пользования недвижимостью превращает договоры найма в полноценный ликвидный ресурс.

Конституционный Суд РФ своим Постановлением от 26.04.2021 № 15-П кардинально реформировал институт исполнительского иммунитета. Высшая судебная инстанция допустила обращение взыскания на единственное жилье при доказанности его роскошного статуса вкупе с недобросовестным поведением собственника. Злоупотребление правом со стороны дебитора лишает должника безусловной защиты недвижимого имущества от претензий взыскателей. Вынесенный вердикт разрушил многолетнюю практику абсолютной неприкосновенности единственного места проживания.

Судебная практика демонстрирует острые коллизии: с одной стороны, суды включают криптовалюту в конкурсную массу, признавая ее имуществом (Определение СК по экономическим спорам ВС РФ от 15.08.2024 № 305-ЭС24-6123). С другой стороны, управляющий сталкивается с проблемой принудительного получения ключей доступа от должника – арбитражные суды отказывают в истребовании паролей, ссылаясь на ст. 51 Конституции РФ (право не свидетельствовать против себя). Это создает «мертвую зону»: актив в массе есть, но распорядиться им невозможно.

Представляется, что в ближайшей перспективе потребуется внесение изменений в статью 131 Закона о банкротстве, прямо указывающих на ЦФА как на объект конкурсной массы с особым порядком реализации (аналогично бездокументарным ценным бумагам), а также законодательное решение вопроса о принудительном доступе к цифровым кошелькам в процедурах банкротства.

Правовая категория имущества конкурсной массы предстает подвижной конструкцией, претерпевающей эволюцию на протяжении процедуры несостоятельности. Собственность должника либо иные вещные притязания на оборотоспособные объекты обретают статус формирующих элементов при наличии экономической полезности. Нормы исключают из общего фонда ценности, выведенные за пределы гражданского оборота. Личные блага неплатежеспособного субъекта получают защиту в силу их неразрывной связи с физическим носителем.

Угроза конституционного права на достойное проживание диктует осторожность в исключениях. Риск злоупотреблений иммунитетом для укрывательства имущества от погашения кредиторских требований оправдывает первоочередную реформу.

Пристатейный библиографический список

1. Воронов А. А. Актуальные проблемы банкротства физических лиц в Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. - 2025. - № 2. - С. 156-160.
2. Поташник О. А. Понятие конкурсной массы // Молодой ученый. - 2024. - № 19 (529). - С. 290-292.
3. Латцарини А. Правовые средства формирования конкурсной массы несостоятельного должника // Юрист. - 2024. - № 4. - С. 9-15.

9 Обзор судебной практики по вопросам участия арбитражного управляющего в деле о банкротстве: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 11.10.2023 // СПС «КонсультантПлюс».

10 Определение Верховного Суда РФ от 26.02.2016 № 306-КГ15-15500 по делу № А72-13047/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

DOI 10.46320/2073-4506-2026-4-215-229-233

Поеров С. В.

ПОЕРОВ Сергей Валерьевич

аспирант, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА); налоговый консультант, Член Палаты налоговых консультантов России; заместитель руководителя ООО «Бюро Юридических Решений», г. Москва

ТЕЛЕОЛОГИЯ ОСПАРИВАНИЯ В БАНКРОТСТВЕ: ОТ СДЕЛКИ (СТ. 153 ГК РФ) К ДЕЙСТВИЮ, ВЛИЯЮЩЕМУ НА КОНКУРСНУЮ МАССУ

Статья посвящена проблеме разрыва между формальным понятием сделки (ст. 153 ГК РФ) и потребностями конкурсного процесса при оспаривании действий должника в банкротстве. Автор обосновывает необходимость перехода от узкодогматического понимания объекта оспаривания к функциональному подходу, в рамках которого оспариванию подлежат любые действия, объективно уменьшающие конкурсную массу, независимо от их квалификации в качестве сделки. Актуальность темы исследования обусловлена отсутствием доктринального и законодательного обоснования оспаривания в банкротстве действий, причиняющих вред, при фактическом и успешном использовании правоприменителем норм об оспаривании сделок к таким действиям. Целью является обоснование возможности оспаривания действий через определение его объективного влияния на конкурсную массу, а не его формальная квалификация как сделки. Методология базируется на телеологическом методе, историко-доктринальном анализе, формально-юридическом и сравнительно-правовом подходах. Автор доказывает, что формальная привязка к цивилистическому понятию сделки приводит к неполноте конкурсного оспаривания и подрывает цель института банкротства – максимальное наполнение конкурсной массы. Новизна заключается в разработке категории «конкурсное действие», а также в аргументированном предложении по изменению законодательства (п. 2 ст. 61.1 Закона о банкротстве), которое уравнивает правовой режим оспаривания сделок и иных юридически значимых действий, не смешивая эти понятия. Практическая значимость работы состоит в создании нормативного фундамента для сложившихся подходов высших судебных инстанций, снижении риска формалистической критики и обеспечении стабильности правоприменения в сфере банкротства.

Ключевые слова: банкротство, несостоятельность, оспаривание, сделка, действие, правовой режим, целевой подход к оспариванию, совершенствование законодательства, оспоримость сделок и действий должника, неплатежеспособность должника, недействительность сделок, защита прав кредиторов.

POEROV Sergey Valerjevich

postgraduate student, O. E. Kutafin Moscow State Law University; Member of the Chamber of Tax Consultants of Russia; Deputy Head of the LLC «Bureau of Legal Solutions», Moscow

TELEOLOGY OF CONTESTING BANKRUPTCY: FROM A TRANSACTION (ARTICLE 153 OF THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION) TO AN ACTION AFFECTING THE BANKRUPTCY ESTATE

This article addresses the problem of the gap between the formal concept of a transaction (Article 153 of the Civil Code of the Russian Federation) and the needs of insolvency proceedings when challenging a debtor's actions in bankruptcy. The author substantiates the necessity of shifting from a narrow dogmatic understanding of the object of challenge to a functional approach, under which any actions that objectively reduce the bankruptcy estate are subject to challenge, regardless of their qualification as a transaction. The relevance of the research topic is due to the lack of doctrinal and legislative justification for challenging harmful actions in bankruptcy, despite the fact that law enforcers effectively apply the rules on challenging transactions to such actions in practice. The aim is to substantiate the possibility of challenging actions by determining their objective impact on the bankruptcy estate, rather than their formal qualification as a transaction. The methodology is based on the teleological method, historical-doctrinal analysis, formal legal approach, and comparative legal approach. The author argues that formal adherence to the civil law concept of a transaction leads to incompleteness in bankruptcy challenges and undermines the purpose of the insolvency institution – maximizing the bankruptcy estate. The novelty lies in the development of the category of "insolvency action", as well as in a well-reasoned proposal to amend legislation (paragraph 2 of Article 61.1 of the Bankruptcy Law) which equalizes the legal regime for challenging transactions and other legally significant actions without conflating these concepts. The practical significance of the work lies in creating a normative foundation for the established approaches of the highest judicial authorities, reducing the risk of formalistic criticism, and ensuring the stability of law enforcement in the field of bankruptcy.

Keywords: bankruptcy, insolvency, challenging, transaction, action, legal regime, targeted approach to challenging, improvement of legislation, voidability of debtor's transactions and actions, debtor's insolvency, invalidity of transactions, protection of creditors' rights.

Гипотеза исследования заключается в том, что в конкурсном праве сложился разрыв между формальным понятием «сделка» (ст. 153 ГК РФ) [1] и потребностями защиты кредиторов: вред конкурсной массе причиняется не только двусторонними и односторонними сделками, но и иными действиями (включая бездействие, процессуальные акты, корпоративные решения и т.д.), которые не укладываются в классическую цивилистическую конструкцию, однако объективно уменьшают конкурсную массу. В связи с этим оспаривание в банкротстве должно быть переосмыслено как универсальное правовое средство, объектом которого является не сделка, а «конкурсное действие» – любой акт поведения, влияющий на состав или стоимость активов должника.

Цель исследования – обосновать необходимость перехода от узкодогматического понимания оспаривания в банкротстве, привязанного к ст. 153 ГК РФ, к функциональному (телеологическому) подходу, в рамках которого оспариванию подлежат любые действия (акты), объективно уменьшающие конкурсную массу, вне зависимости от их формальной квалификации в качестве сделки.

Задачи исследования:

1. Выявить недостатки формального подхода, ориентированного на ст. 153 ГК РФ, в правоприменительной практике оспаривания в банкротстве.

2. Обосновать телеологический подход, при котором определяющим становится не субъективная направленность воли на совершение сделки, а объективное влияние действия на конкурсную массу.

3. Показать историко-доктринальные основания для расширения объекта оспаривания, опираясь на римское право, дореволюционную цивилистику и современные подходы.

4. Путем использования методологии сравнительного правоведения проанализировать объекты оспаривания и их закрепление в законодательстве иностранных государств с различными системами права, для целей подтверждения гипотезы о необходимости перехода от формальной квалификации, к объективному влиянию на конкурсную массу

5. Проанализировать альтернативные доктринальные позиции, ограничивающие оспаривание действий, и дать им критическую оценку.

6. Сформулировать предложение de lege ferenda по изменению п. 2 ст. 61.1 в ФЗ от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее: Закон о банкротстве) [2], закрепляющее категорию «конкурсного действия».

Проблема: кризис цивилистической конструкции «сделки» в конкурсном процессе.

Правоприменитель долгое время был заложником ст. 153 ГК РФ, пытаясь любое действие, уменьшающее конкурсную массу, подогнать под жесткие признаки сделки (волеизъявление, направленность на установление прав и обязанностей). Однако обширная судебная практика последних лет, включая разъяснения высших судебных инстанций, показала, что вред кредиторам причиняется и иными актами:

– односторонние действия (отказ от имущества, непринятие наследства) формально не являются сделками в чистом виде, но по последствиям тождественны выводу активов (Определение ВС РФ № 305-ЭС25-13319(2) от 19.01.2026 года по делу А40-91916/2023) [3];

– корпоративные решения (решения единственного участника о реорганизации, о распределении прибыли) часто квалифицировались судами как сделки с натяжкой, что порождало правовую неопределенность (Определение ВС РФ № 305-ЭС19-20516 (9, 11, 12) от 28.09.2020 года по делу А40-217303/2016) [4];

– фактические действия (принятие имущества без оформления, фактическая передача полномочий) оставались за бортом конкурсного оспаривания (Определение ВС РФ № 310-ЭС16-10658 от 28.06.2018 года по делу А14-15304/2012) [5];

– процессуальные действия/бездействие (отказ от защиты права, пропуск срока исковой давности, необоснованный выбор процессуальной формы, отказ от иска, обжалование с целью затягивания) напрямую влияют на конкурсную массу (Определение ВС РФ № 307-ЭС18-21739 (4,5) от 25.02.2026 года по делу А56-68543/2016) [6];

– акты арбитражного управляющего (распорядительные действия, отказ от оспаривания, необоснованные расходы) также могут быть оценены как недобросовестные и требуют преодоления через оспаривание (Определение ВС РФ № 305-ЭС18-18386 (8,9) от 10.09.2015 года по делу А40-239363/2015) [7];

Таким образом, формальное следование ст. 153 ГК РФ приводит к тому, что ряд вредоносных актов оказывается вне периметра конкурсного оспаривания либо включается в него с большими оговорками, что подрывает основную цель института банкротства – максимальное наполнение конкурсной массы и справедливое распределение рисков неплатежеспособности.

Телеологический подход как методологическая основа.

Телеология как метод исследования (от греч. telos – цель, logos – учение) позволяет сместить фокус с формальной квалификации акта на его результат. Применительно к оспариванию в банкротстве это означает: если действие (или бездействие) приводит к утрате активов должника, оно должно иметь признак оспоримости вне зависимости от того, подпадает ли оно под рамки ст. 153 ГК РФ. Телеологический подход ставит во главу угла не форму, а цель конкурсного оспаривания – защиту интересов кредиторов путем восстановления конкурсной массы.

Именно этот подход позволяет перейти от статичной формальной конструкции к динамичной функциональной, где определяющим становится объективное влияние совершенного деяния на конкурсную массу.

Историко-доктринальные основания: от «актов должника» к «конкурсному действию».

В римском праве, как свидетельствуют Дигесты Юстиниана [8], уже обнаруживаются примеры оспаривания бездействий должника, влияющих на уменьшение имущества:

-неучастие в судебном процессе: «42.8.3.1. Под совершенным с целью обмана мы должны понимать не только то, что кто-нибудь совершил, заключая договоры, но также, к примеру, если он умышленно не явился в суд, или позволяет прекратить тяжбу, или не предъявляет требований к (своему) должнику, чтобы тот по истечении времени освободился (от обязательства), или теряет узуфрукт либо сервитут».

– действия по уменьшению имущества: «42.8.3.2. Тот, кто что-нибудь сделал, чтобы перестать владеть тем, чем он владеет, также подпадает под этот эдикт».

-отказ от приращения имущества: «42.8.4. Павел в 68-й книге «Комментариев к эдикту». Под тем, кто считается поступающим с целью обмана, следует понимать также того, кто не делает то, что должен делать, то есть если не пользуется сервитутами.»

-оставление вещи: «42.8.5. Гай в 26-й книге «Комментариев к провинциальному эдикту». а также если он оставил свою вещь бесхозяйной, так что кто-то присвоил ее.»

В классическом civil law действие рассматривается как родовое понятие по отношению к сделке, как видовому понятию. Действие – это осознаваемый акт поведения, контролируемый волей лица; сделка же является лишь разновидностью правомерного действия.

В дореволюционной цивилистике А. Х. Гольмстен в «Учении о праве кредитора опровергать юридические факты, совершенные должником в его ущерб» использовал понятие «акты должника». Под которыми он понимал «всевозможные, односторонние или двусторонние, выраженные в той или иной форме волеизъявления, направленные на возникновение, движение, изменение, охранение и прекращение имущественных частных прав [9, с. 71]. При этом специально разграничивались «акт как сделка» и «акт в смысле действия». А. Х. Гольмстем (далее цитата): «сделка направлена непосредственно на установление юридического отношения, и это последнее является предметом воли: действие же есть всякое выражение воли, касающееся возникновения, изменения или прекращения правоотношения, хотя бы оно имело к данному отношению косвенное, отдаленное отношение» [9, с. 88].

Л. Тарашкевич, разграничивая иск о возмещении вреда и Паулианов иск указывает, что целью оспаривания в банкротстве является признание акта должника недействительным, а основанием является умышленное действие или бездействие должника [10, с. 67-68].

Г. Ф. Шершеневич исследуя категорию причинения вреда кредиторам, указал, что подобный ущерб производится

отчуждением вещи, принятием на себя обязательств, освобождением других от обязательств. [11, с. 270]. К сожалению, данный способ причинения вреда далее не исследовался, но различие между действием и отчуждением в римском праве проводилось через alienation (перенос господства) и actus (любой поступок). Данные рассуждения приводят нас к следующему тезису: всякое отчуждение – это действие, но не всякое действие есть отчуждение. Отчуждение является особым видом распорядительной сделки, влекущей переход права, в то время как действие охватывает любой юридически значимый акт, не обязательно связанный со сменой правообладателя. В контексте данного исследования, это позволяет включить категорию «отчуждение» в понятие «действие», и говорить о его оспоримости.

Таким образом, идея оспаривания не только сделок, но и иных актов должника имеет глубокие исторические и доктринальные корни.

Продолжая настоящее исследование, для целей подтверждения тезиса о возможности и необходимости доктринального и законодательного закрепления единого объекта оспаривания в делах о несостоятельности, целесообразным видится применение далее компаративистской методологии изучения объектов оспаривания в делах о несостоятельности в иностранных юрисдикциях. В связи с чем обратимся к решению четвертой задачи исследования.

Зарубежными правопорядками, в сфере конкурсного процесса, используются как родовые понятия, охватывающие как сделки, так и иные юридически значимые действия должника (а также его управляющего), а также и наборы терминов и понятий, которые позволяют оспаривать действия должника.

В германском Положении о несостоятельности – Insolvenzordnung в § 129(1) InsO [12], указано:

Rechtshandlungen, die vor der Eröffnung des Insolvenzverfahrens vorgenommen worden sind und die Insolvenzgläubiger benachteiligen, kann der Insolvenzverwalter nach Maßgabe der §§ 130 bis 146 anfechten., что означает: юридические действия, совершенные до начала процедуры банкротства и наносящие ущерб кредиторам, могут быть оспорены управляющим по делам о банкротстве в соответствии со статьями 130–146.

А в § 129(2) InsO [12]: Eine Unterlassung steht einer Rechtshandlung gleich. – что означает «Бездействие приравнивается к совершению юридического действия.»

Отсюда следует, что термин «Rechtshandlungen» – юридические действия, значительно шире понятия «Rechtsgeschäft» – юридическая сделка, поскольку охватывает:

– Договоры (сделки);
– Процессуальные действия;
– Платежи;
– Исполнительные действия;
– Бездействия;

Таким образом можно констатировать, что законодательство Германии, в частности конкурсное право, имеет родовой термин, охватывающий любые юридически значимые действия, которые оспариваются в банкротстве. Обязательным при этом будет установление их функциональной цели в виде причинения вреда кредиторам. Данный подход начинает активно применяться Верховным судом РФ в вышеупомянутых судебных актах [3, 4, 5, 6, 7].

В Итальянском «Codice della crisi d'impresa e dell'insolvenza (CCII)» [13] (далее Кодекс CCII), нет единого родового понятия, которое бы охватывало и «сделки», и «действия» должника. Вместо этого Кодекс (CCII) использует набор конкретных терминов для описания действий, которые могут быть признаны недействительными.

При этом Раздел IV Кодекса (CCII), озаглавлен так: «Effetti della liquidazione giudiziale sugli atti pregiudizievoli ai creditori» – «Эффекты судебной ликвидации в отношении действий, наносящих ущерб кредиторам». Таким образом исходя из того, что законодатель целый ряд статей со 163 по 171 включил в Раздел IV мы делаем вывод о том, что термин «atti pregiudizievoli ai creditori» – носит обобщающий, но не всеобъемлющий (родовой) характер. Например, в ст. 165 Кодекса (CCII) установлено право управляющего признать недействительными действия, совершенные должником в ущерб кредиторам – «atti compiuti dal debitore in pregiudizio dei creditori».

Вот как итальянское конкурсное право классифицирует соответствующие действия:

– Распорядительные акты («atti dispositivi»): действия, изменяющие состав активов должника. При определенных условиях они могут быть оспорены.

– Вредоносные действия («atti pregiudizievoli»): более широкое понятие, описывающее любые действия (сделки, платежи), которые уменьшают конкурсную массу и нарушают права кредиторов.

– Сделки («transazioni»): юридические акты, направленные на урегулирование обязательств между должником и кредиторами.

– Аномальные сделки («atti anormali»): вид сделок, подлежащих оспариванию по упрощенным правилам (например, необычные способы платежа).

Таким образом, итальянский подход можно назвать аналитическим – он не вводит общее родовое понятие, а перечисляет конкретные виды действий со своими правилами оспаривания.

Аналогичные подходы мы можем наблюдать в законодательстве Великобритаии – Insolvency Act 1986 [14]. Однако английская доктрина anti-deprivation rule (правило против изъятия) и pari-passu principle (принцип пропорциональности) применяются не только к сделкам, но и к любым юридическим действиям, которые нарушают равенство кредиторов, но законодательного закрепления единого родового понятия объекта оспаривания мы не обнаруживаем.

Таким образом в романо-германской (континентальной) модели (Испания, Италия, Франция, Германия) мы можем наблюдать фокус на действиях должника (acto, atto, acte, rechtshandlungen), а странах с общей системой права, акцент сделан на конкретных категориях оспоримых сделок (voidable transaction): преференциальные, фраудаторные.

В рамках разрешения следующей задачи исследования мы затронем дискуссионные вопросы доктрины и их преодоления.

В современной науке существует и иные позиции о сделках и действиях должника в банкротстве.

По нашему мнению, основная проблема, в доктринальной плоскости, не разрешенная в настоящее время, установлена таким видным ученым современности как Т. П. Шишмаревой, которая указывает: основным доводом противников оспаривания действий служит отсутствие в теории гражданского права соответствующей конструкции, противоречие норм Закона о банкротстве гражданскому законодательству [15, с. 38]. По сути мы констатируем концептуальный разрыв между цивилистической догматикой и телеологией конкурсного права.

Так, К. Б. Кораев делает вывод, что понятие «сделка» в Законе о банкротстве носит гражданско-правовой смысл, а поскольку гражданскому праву неизвестны конструкции признания недействительными действий по исполнению сделки, предлагается исключить из законодательства возможность оспаривания таких действий [16, с. 59]. А. Э. Циндяйкина полагает, что правила об оспаривании сделок не должны распространяться на действия по исполнению обязательства, если срок исполнения наступил и исполнение не нарушает права других лиц. [17, с. 20].

В. В. Витрянский и Е. А. Суханов формулируют следующий тезис и подчеркивают, что сам факт возбуждения дела о банкротстве не может служить безусловным основанием для пересмотра любых ранее совершенных действий.

Однако указанные позиции, при всей их значимости для сохранения чистоты цивилистической догматики, не учитывают в полной мере функциональные потребности конкурсного процесса. Следует вспомнить, что несостоятельность должника, это экстраординарный случай (осложнение отношений публичным элементом, принципами конкурсного процесса pari passu, par conditio creditorum, коллективных характер – защита сообщества кредиторов), в котором классические способы защиты и восстановления права либо малоэффективны, либо вообще нерезультативны, поскольку сделка или действие в отсутствии осложняющего элемента – «банкротства стороны», не имеют оснований для их оспаривания. К такому выводу мы приходим, применяя телеологический метод и выявляя цель совершения такой сделки или действия стороной-банкротом – причинение вреда кредиторам, которая отличается от общегражданских целей совершения сделок – установление, изменение или прекращение прав и обязанностей сторон сделки. Очевидно, что те правовые средства, которые используются в классических гражданских правоотношениях, не позволяют достичь целей установления причинения вреда кредиторам и применения к такой сделке или действию правового средства защиты кредиторов – оспаривание.

Правоприменительная практика пошла по пути расширительного толкования. Постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 [18], п. 3 ст. 61.1 Закона о банкротстве, фактически включило в понятие «сделка» любые юридические факты, влекущие уменьшение или утрату возможности увеличения конкурсной массы. Парадокс заключается в том, что право на оспаривание действий существует, эффективно применяется и развивается, но доктринальное обоснование этого права остается неразработанным. Это создает риск нестабильности и уязвимости для формалистической критики. То есть правоприменитель, в отсутствии прямого регулирования материальной нормой спорных правоотношений и необходимости следования главной цели процедуры банкротства – баланса интересов сторон, применяет стандартный подход – начинает путем судебного толкования «растягивать» материальную норму до нужных рамок. Это кажется шагом вперед по сравнению с узким пониманием сделки по ст. 153 ГК РФ как действия, специально направленного на установление гражданских прав и обязанностей, что одновременно создает другие проблемные вопросы в доктринальной плоскости – разнообъемность понятия сделки в гражданских и банкротных правоотношениях, права лиц, не участвовавших в сделке в деле о банкротстве, недействительность таких сделок и ее последствия в банкротстве и многие другие.

Поступательно разрешая поставленные в начале исследования задачи, мы приходим к кульминации путем обоснования категории «конкурсное действие» и предложение de lege ferenda.

На основе вышесказанного, мы предлагаем развернутый тезис о «конкурсном действии» и ставим цель его обосновать.

«Для целей правового регулирования несостоятельности (банкротства) не требуется распространение на «действия должника» режима гражданско-правовой сделки в ее классическом, доктринальном понимании. Напротив, сама категория «сделка» в конкурсном праве должна быть подвергнута телеологическому переосмыслению и рассматриваться как разновидность более широкого понятия – «конкурсное действие».

Отвечая на вопрос: «нужно ли распространять режим сделки на действие», следует разделить практическую и доктринальную плоскости.

1. Доктринальная плоскость: распространение режима сделки – методологически не оправданно. Приравнивание действия к сделке порождает трудноразрешимые доктринальные противоречия. Например, уплата налога или списание средств со счета – это исполнение публичной обязанности или действие банка, в котором воля должника либо отсутствует, либо не направлена на порождение гражданско-правовых последствий. Подводить их под понятие «сделка» методологически неверно. Это ведет к размытию границ.

2. Практическая плоскость: de facto режим уже работает, но сильно уязвим. С чисто прагматической точки зрения, текущее положение дел (основанное на Постановлении Пленума ВАС РФ № 63 [18]) работает и является прогрессивным. Арбитражные суды уже более 15 лет успешно оспаривают платежи, зачеты, списания, действия по исполнению судебных актов, не задаваясь каждый раз вопросом, является ли это «сделкой» по ГК РФ.

Однако опора только на разъяснения Пленума (пусть даже актуальные и подкрепленные позициями ВС РФ) создает риск нестабильности. Доктринального обоснования нет, в законе прямого указания нет. Это делает систему уязвимой для формалистической критики. Ради чистоты настоящего исследования, следует указать, что законодатель в ч. 3 ст. 61.1 Закона о банкротстве говорит о распространении правил оспаривания сделок на действия, направленные на исполнение обязательств и на действия совершенным во исполнение судебных актов, при этом по нашему мнению облекает в норму расширительное толкование данных понятий, создавая целый ряд теоретических проблем (онтологическая– действие не объект недействительности, функциональная: столкновение специальных норм разных отраслей права; процессуальная: вызов принципу res judicata), которые с момента появления данной нормы в законе являются остро дискуссионными в научном сообществе.

Таким образом мы приходим к следующему выводу: нужна не какая-то «квази-сделка», а легализация «конкурсного действия»; не распространение режима сделки, на действия, а законодательное закрепление концепции «объекта оспаривания в банкротстве».

Следует отказаться от попыток «подогнать» все многообразие вредоносных актов под прокрустово ложе ст. 153 ГК РФ. Необходимо де-юре закрепить то, что де-факто уже создано судебной практикой и существует в других правопорядках. Ведь правильное различие этих категорий позволяет избежать методологических ошибок при квалификации фактических обстоятельств и выборе применимых норм материального и процессуального права, при использовании правового средства защиты оспаривание в банкротстве.

На основе изложенного предлагается ввести в доктрину и законодательство категорию «конкурсное действие», понимая под ним любой акт поведения должника или иных лиц (в том числе действия по исполнению, бездействие, процессуальные действия), имеющий своим прямым или косвенным следствием изменение состава или стоимости конкурсной массы, что делает его объектом оспаривания по правилам главы III.1 Закона о банкротстве.

Такое понимание позволяет:

– отказаться от попыток «подогнать» все многообразие вредоносных актов под ст. 153 ГК РФ;

– сохранить чистоту цивилистической доктрины (сделка остается сделкой, но конкурсное право получает самостоятельный объект для использования правового средства защиты в виде оспаривания);

– поставить на законодательный фундамент то, что де-факто уже сложилось в судебной практике.

В связи с этим предлагается изменить п. 2 ст. 61.1 Закона о банкротстве, изложив его в следующей редакции:

«Правила главы III.1 настоящего Федерального закона применяются к оспариванию любых действий (актов), направленных на исполнение существующих или будущих обязательств и обязанностей, в том числе возникающих из гражданских, трудовых, семейных, налоговых и процессуальных правоотношений, а равно к оспариванию бездействия, если такое бездействие привело к утрате возможности увеличения конкурсной массы. Для целей оспаривания в деле о банкротстве указанные в настоящей статье действия рассматриваются как юридические факты, влекущие

правовые последствия, связанные с их недействительностью, а правила главы III.1 применяются к ним субсидиарно, если иное не вытекает из существа таких действий (конкурсное действие)».

Данное изменение: (1) фокусируется на результате – влиянии на конкурсную массу (функциональный подход); (2) не смешивает понятия (платеж не становится договором), но уравнивает правовой режим их оспаривания в конкурсном процессе; (3) создает надежный законодательный фундамент, снижая зависимость от судебного толкования.

В заключении мы приведем сделанные в результате исследования выводы и определим вектор дальнейшего развития, для целей привлечения научного сообщества к данному исследованию с последующей научной дискуссией:

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Формальный подход, ориентированный на квалификацию оспариваемого акта в качестве сделки по ст. 153 ГК РФ, не соответствует потребностям конкурсного процесса, поскольку оставляет вне периметра оспаривания множество деяний, объективно уменьшающих конкурсную массу.

2. Телеологический подход, ставящий во главу угла цель конкурсного оспаривания (защиту интересов кредиторов) и объективное влияние деяния на конкурсную массу, позволяет преодолеть ограниченность формальной конструкции.

3. Историко-доктринальный анализ подтверждает, что идея оспаривания не только сделок, но и иных актов должника имеет глубокие корни и не противоречит базовым принципам цивилистики.

4. Проведенный компаративистский анализ позволяет сделать вывод, который имеет прямое доказательственное значение для настоящего исследования: ни один из рассмотренных правопорядков не ограничивает оспаривание в банкротстве узким понятием сделки. Германское право предлагает родовую категорию «Rechtshandlungen», итальянское – аналитическое перечисление «atti pregiudizievoli», английское – функциональные принципы anti-deprivation и pari-passu. Таким образом, сравнительное правоведение дало экстерриториальное подтверждение гипотезы о необходимости перехода от формальной квалификации сделка или действие, к объективному влиянию на конкурсную массу. Без этого сравнительно-правового среза тезис о «конкурсном действии» оставался бы уязвимым для критики как сугубо национальное отступление от цивилистической догматики; теперь же он предстает как часть объективной эволюции конкурсного права.

5. Предлагаемая категория «конкурсное действие» и соответствующее изменение п. 2 ст. 61.1 Закона о банкротстве позволяют легализовать сложившийся подход, сохранив чистоту гражданско-правовой догматики и обеспечив эффективную защиту прав кредиторов.

Таким образом, исследование демонстрирует эволюцию правоприменения: от формальной логики «есть сделка – есть оспаривание» к содержательной логике «есть негативное воздействие на конкурсную массу – есть право на защиту» и доказывает жизнеспособность гипотезы «конкурсного действия», как единого объекта применения правового средства защиты кредиторов оспаривания в банкротстве. Именно эта трансформация – от статичной формы (ст. 153 ГК РФ) к динамичной функции (действие, влияющее на конкурсную массу) – является одним из главных векторов развития современного конкурсного права.

Пристатейный библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступившими в силу 23.03.2026) // Собрание законодательства РФ № 43 от 28.10.2002 г.
3. Определение ВС РФ № 305-ЭС25-13319(2) от 19.01.2026 года по делу А40-91916/2023 // Судебные и нормативные акты РФ. Интернет ресурс: https://sudact.ru/vsrf/doc [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://clck.ru/3SuL87
4. Определение ВС РФ № 305-ЭС19-20516 (9,11,12) от 28.09.2020 года по делу А40-217303/2016 // Судебные и нормативные акты РФ. Интернет ресурс: https://sudact.ru/vsrf/doc [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://clck.ru/3SuLkg
5. Определение ВС РФ № 310-ЭС16-10658 (5) от 20.01.2020 года по делу А14-15304/2012// Судебные и нормативные акты РФ. Интернет ресурс: https://sudact.ru/vsrf/doc [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://clck.ru/3SuLuh
6. Определение ВС РФ № 307-ЭС18-21739 (4,5) от 25.02.2026 года по делу А56-68543/2016// Судебные и нормативные акты РФ. Интернет ресурс: https://sudact.ru/vsrf/doc [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://clck.ru/3SuM3n
7. Определение ВС РФ № 305-ЭС18-18386 (8,9) от 10.09.2025 года по делу А40-239363/2015// Судебные и нормативные акты РФ. Интернет ресурс: https://sudact.ru/vsrf/doc [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://clck.ru/3SuMFL
8. Дигесты Юстиниана. 2-е изд., испр. Т. 1. Кн. I-IV. – Москва: Статут, 2008. Перевод с лат. *Л. Л.* Кофанова, И. С. Перетерского (тит. 1-9). Общ. редакция перевода: *Л. Л.* Кофанов; редакция Конституций и кн. I: В. А. Томсинов.
9. Гольмстен А. Х. Учение о праве кредитора опровергать юридические факты, совершенные должником в его ущерб. – Санкт-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1894.
10. Тарашкевич *Л.* Теория Павлианской жалобы. – Варшава: Артист. Тип. С. Сикорского. 1897.
11. Шершеневич Г. Ф. Конкурсное право. – Казань: тип. имп. ун-та, 1898.
12. Insolvenzordnung vom 5. Oktober 1994 (BGBl. I S. 2866) // Bundesgesetzblatt. Teil I. – 1994. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gesetze-im-internet.de/inso/ (дата обращения 02.04.2026).
13. Codice della crisi d'impresa e dell'insolvenza in attuazione della legge 19 ottobre 2017, n. 155 // DECRETO LEGISLATIVO 12 gennaio 2019, n. 14. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.normattiva.it/uri-res/ (дата обращения: 02.04.2026).
14. Insolvency Act 1986 // Legislation.gov.uk: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.legislation.gov.uk (дата обращения: 02.04.2026).
15. Шишмарева Т. П. Недействительность сделок и действий в процедурах несостоятельности в России и Германии / Электрон. текстовые дан. – Москва: Статут, 2018.
16. Кораев К. Б. Правовой статус конкурсных кредиторов в деле о банкротстве. – М.: Волтерс Клувер, 2010.
17. Циндяйкина А.Э. К вопросу о соотношении понятий «сделка» и «действие» в рамках конкурсного оспаривания сделок должника: проблемы теории и судебной практики // Российский судья. – 2011. – № 11.
18. Постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 (ред. от 17.12.2024) «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Вестник ВАС РФ. – 2011. – № 3.

СТЫСЛОВИЧ Анатолий Петрович
аспирант 3-го года обучения, Международный институт информатизации и государственного управления им. П. А. Столыпина

Стыслович А. П.

ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ЦИФРОВИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВОСУДИЯ В СТРАНАХ БРИКС

В статье осуществляется сравнительный анализ построения цифрового гражданского правосудия в странах БРИКС. Грамотное и уместное проведение сравнительного анализа может выявить зрелость и системность проводимых механизмов цифровизации правосудия. Автор выявил общие черты и отличительные характеристики механизмов цифровизации в рассматриваемых государствах. Проведя анализ основных черт и характеристик гражданского правосудия с использованием информационных коммуникационных технологий, автор классифицирует все государства БРИКС в зависимости от уровня научно-правового развития информационных коммуникационных технологий в правосудии. Данная классификация позволит осуществлять совершенствование национальных законодательств, провести процесс гармонизации правовых систем и решить практические задачи в процессе построения цифрового правосудия.

Ключевые слова: БРИКС, цифровизация, нормативно-правовые акты, электронные данные, цифровые платформы, информационно-коммуникационные технологии.

STYSLOVICH Anatoliy Petrovich
postgraduate student of the 3rd years of study, P. A. Stolypin International Institute of Informatization and Public Administration

COMMON AND SPECIFIC ASPECTS OF THE IMPLEMENTATION OF DIGITALIZATION OF CIVIL JUSTICE IN THE BRICS COUNTRIES

This article provides a comparative analysis of the development of digital civil justice in the BRICS countries. A competent and appropriate comparative analysis can reveal the maturity and consistency of existing mechanisms for the digitalization of justice. The author identifies common features and distinctive characteristics of digitalization mechanisms in the countries under consideration. Having analyzed the key features and characteristics of civil justice using information and communication technologies, the author classifies all BRICS countries based on the level of scientific and legal development of information and communication technologies in the justice system. This classification will facilitate the improvement of national legislation, the harmonization of legal systems, and the resolution of practical challenges in the development of digital justice.

Keywords: BRICS, digitalization, regulations, electronic data, digital platforms, information and communication technologies.

За последние десятилетия гражданское правосудие стран БРИКС претерпевает существенные изменения, что связано с развитием и внедрением информационно-коммуникационных технологий в процесс осуществления правосудия. Процесс цифровизации гражданского правосудия, в зависимости от правовых систем рассматриваемых государств, проходит с различной степенью схожестью и различий.

Отправной точкой в процессе познания правовых отношений традиционно является анализ законодательного регулирования исследуемого вопроса. Имея чёткое представление об их правовой природе, можно произвести анализ рассматриваемых отношений, раскрыть их сущность и дать подробную характеристику. С целью регламентации общественных отношений, их функционирования и развития в соответствии с потребностями общественного прогресса государство, в лице компетентных органов, осуществляет правовое регулирование [1].

Основными и общими по своей правовой природе правовыми актами, регулирующими использованием информационных технологий, при рассмотрении гражданско-правовых споров стран БРИКС являются: Гражданский процессуальный кодекс (Россия, Китай, Бразилия, ОАЭ, Египет), специализированные законы (Россия, Индия, Бразилия, ОАЭ, Египет, Индонезия, Эфиопия, Саудовская Аравия), Национальные программы и планы развития (Россия, Китай, Индия, Бразилия, ЮАР, ОАЭ, Египет, Саудовская Аравия), а также акты высших судов (Россия, Китай, Индия, Индонезия, Эфиопия).

Значительное внимание государств БРИКС уделяется проблемам терминологической чистоты рассматриваемых отношений. С целью обеспечения ясности, однозначности и определённости многие государства БРИКС устанавливают единые или схожие юридико-технические дефиниции рассматриваемых отношений в виде закрепления их в правовых актах (Россия, Китай, Индия, ЮАР, ОАЭ, Египет, Индонезия, Саудовская Аравия).

Процесс совершенствования правосудия посредством использования информационных коммуникационных технологий привёл к тому, что электронные данные стали одним из видов доказательств при разрешении гражданского правового спора. Все государства БРИКС, кроме Ирана, признали электронные данные в качестве действительного доказательства, придав им юридическую силу. Закрепив соответствующие нормы, государство обеспечило возможность обществу бесперебойного, быстрого и качественного рассмотрения спора в судах.

Основным компонентом демократического государства является гарантируемый доступ к правосудию. С целью оперативного и эффективного осуществления правосудия все государствах, за исключением Египта, Ирана, Эфиопии, закрепили возможность дистанционного формата разрешения спора, посредством информационных коммуникационных средств связи (Россия, Китай, Индия, Бразилия, ЮАР, ОАЭ, Индонезия, Саудовская Аравия).

В настоящее время, с целью автоматизации судебных процессов и повышения доступности правосудия большин-

ство государств БРИКС (Россия, Китай, Индия, Бразилия, Египет, ЮАР, ОАЭ, Индонезия, Саудовская Аравия) законодательно закрепляют использование цифровых платформ и сайтов судов в качестве средства качественного и эффективного отправления правосудия.

Несмотря на существующее схожее правовое регулирование цифровизации гражданского правосудия, в некоторых государствах можно выявить отличительные черты рассматриваемых отношений, что обусловлено особенностям историко-правового и научно-технического развития конкретного государства.

Проведя анализ основных черт и характеристик гражданского правосудия с использованием информационных коммуникационных технологий, автор классифицирует все государства БРИКС в зависимости от уровня научно-правового развития информационных коммуникационных технологий в правосудии:

Развитые страны: Российская Федерация, Китайская Народная Республика, Объединённые Арабские Эмираты;

Развивающиеся страны: Бразилия, Индия, Египет, Индонезия;

Страны переходного типа: Иран, Южно-Африканская Республика, Эфиопия.

В основу указанной классификации лежит базовый критерий соответствия научно-правового прогресса информационно-коммуникационных технологий в правосудии мировому масштабу. Данная оценка призвана отразить, с одной стороны, действительный опыт научно-правового развития стран БРИКС и их ближайшие потенциалы, а с другой, выявить общие черты и закономерности развития однотипного национального развития.

В зависимости от уровня научно-правового прогресса информационно-коммуникационных технологий в правосудии, автором установлены различные проблемы реализации информационных коммуникационных технологий.

У развитых стран (Российская Федерация, Китайская Народная Республика, Объединённые Арабские Эмираты) основными проблемами в реализации информационных коммуникационных технологий в правосудии являются информационная незащищённость, фокусирование государственной поддержки на традиционное производство, пространственный дисбаланс научно-технологического развития, «утечка умов» (особенно актуально для России).

В развивающихся странах (Бразилия, Индия, Египет, Индонезия) основными проблемами внедрения и использования информационных коммуникационных технологий являются низкий уровень цифровой грамотности населения, слабое развитие нормативно-правовой базы, недостаточность финансирования исследований в рассматриваемой сфере.

У стран переходного типа (Иран, Южно-Африканская Республика, Эфиопия) определены следующие проблемы реализации информационных коммуникационных технологий, среди которых необходимо отметить как технические, так и правовые недостатки: (информационная небезопасность, затруднённость технологических заимствований и научно-технических обменов с зарубежными партнёрами, техническое неоснащение судов, низкий уровень правовой и цифровой грамотности населения, отсутствие детального правового регулирования и пр.).

Модель партнёрства стран БРИКС строится, в первую очередь, на уважении традиций и ценностей государств. В декларациях БРИКС неизменно подчёркивается важность помощи африканским государствам, в том числе в информационно-коммуникационной сфере. Сближение африканских стран с БРИКС укрепляет способность Африки выступать за более справедливый мировой порядок, а также способствует развитию цифрового правосудия [3]. Сотрудничая с БРИКС, африканские страны получают доступ к технологиям, опыту и рынкам, которые ускоряют их развитие. Эта синергия способствует отношениям, основанным на взаимной выгоде, в рамках которых обе стороны работают над тем, чтобы процесс отправления правосудия перешёл на более качественный и справедливый этап своего развития. Благодаря устойчивому развитию БРИКС африканские страны имеют возможность построить устойчивое будущее и обеспечить своё население законным, справедливым и беспристрастным правосудием [4]. Практика осуществления правосудия в африканских странах показывает, что на сегодняшний момент имеется существенное отставание цифровизации правосудия по сравнению с иными странами БРИКС. Тем не менее, африканские страны могут решить эти проблемы с помощью стратегического взаимодействия. Они могут договариваться об условиях, которые будут способствовать развитию информатиции правосудия, принимать опыт более развитых стран в рамках развития цифровизации и т.д. [2].

Развитие электронного и, как следствие, цифрового правосудия является не линейным процессом, а динамичной реакцией правовой системы на создаваемые прогрессом вызовы: коррупция, неравенство, миграции, развитие и использование технологий и т.д. В зависимости от периода развития правосудия его основные черты и характеристики могут изменяться (как расширяться, так и сокращаться). Соответственно расширение черт и характеристик электронного (цифрового) правосудия не подразумевает что данный результат является конечным, и не может быть снова сокращён. Данная тенденция электронного (цифрового) правосудия не аномалия, а внутреннее логичное строение развитие электронного (цифрового) правосудия в виду систем социальной защиты. Таким образом, развития электронного (цифрового) правосудия не гармоничное нарастание благ, а динамичное взаимодействие интересов общества и требований государства [5].

Развитие электронного (цифрового) правосудия в большей степени зависит от сложившейся исторической и институциональной траекторией развития правосудия. Другими слова становление электронного (цифрового) правосудия зависит от исторически принятых решений, традиционных и нормативных установок, в рамках которых должен трансформироваться институт правосудия.

На основании изложенного требуется отметить, что процесс цифровизации гражданского правосудия должен стать результатом взвешенного объективного и целесообразного решения. Несмотря на имеющиеся общие и различные черты в процессе построения цифрового правосудия, главными целями данного механизма являются полнота, беспристрастность и объективность рассмотрения гражданско-правовых споров.

Пристатейный библиографический список

1. Клеандров М. И. Размышления на тему: может ли судьей быть робот? // Российское правосудие. – 2018. – № 6 (146). – С. 15-25.
2. Курочкин С. А. Искусственный интеллект в гражданском процессе // Вестник гражданского процесса. – 2024. – № 2. – С. 42-74.
3. Role and Impact of Artificial Intelligence in the Judiciary. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bnblegal.com/article/role-and-impact-of-artificial-intelligence-in-the-judiciary/ (дата обращения: 20.04.2026).
4. South African OCJ implements digital justice system. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://thevoicenewsmagazine.com/south-african-ocj-implements-digital-justice-system/ (дата обращения: 12.5.2026).
5. Subhashini Parihar How Has Technology Enhanced Access to Justice in India? – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.writinglaw.com/how-technology-enhanced-access-to-justice/ (дата обращения: 12.05.2026).

DOI 10.46320/2073-4506-2026-4-215-236-237

ТУЖИЛКИНА София Сергеевна
независимый исследователь, г. Владивосток

ПРОБЛЕМА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ СЛОВ В ИНФОРМАЦИИ ДЛЯ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ В УСЛОВИЯХ ДЕЙСТВИЯ ЗАКОНА О ЗАЩИТЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Тужилкина С. С.

Статья раскрывает проблему применения Федерального закона от 24 июня 2025 г. № 168-ФЗ к информации, распространяемой в сети «Интернет». Данный нормативный акт установил приоритет русского языка как государственного во всех аспектах коммуникации с потребителем, однако вопрос о распространении его требований на различные интернет-площадки – включая витрины интернет-магазинов, официальные сайты, мобильные приложения и маркетплейсы – остается законодательно не урегулированным, что порождает правовую неопределённость. Цель статьи – провести системный анализ соответствующих норм, предложив юридически обоснованные варианты преодоления правовой неопределенности.

Ключевые слова: русский язык, Закон о защите русского языка, защита прав потребителей, общедоступное место, цифровое общественное место.

TUZHILKINA Sophiya Sergeevna
independent researcher, Vladivostok

THE PROBLEM OF USING FOREIGN WORDS IN ONLINE CONSUMER INFORMATION UNDER THE RUSSIAN LANGUAGE PROTECTION LAW

The article examines the challenges arising from the application of Federal Law No. 168-FZ of June 24, 2025, to information disseminated via the Internet. This normative act establishes the priority of Russian as the state language in all aspects of consumer communication. However, the question of extending its requirements to various online platforms – including e-commerce storefronts, official websites, mobile applications, and marketplaces – remains unresolved at the legislative level, thereby creating legal uncertainty. The purpose of this article is to conduct a systematic analysis of the relevant legal provisions and to propose legally grounded options for resolving this uncertainty.

Keywords: Russian language, Russian Language Protection Law, consumer protection, public place, digital public place.

Нормативное регулирование использования русского языка в сфере взаимодействия с потребителями, установленное ФЗ от 24.06.2025 № 168-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» (далее – ФЗ № 168), с 1 марта 2026 года определило новый правовой режим для информации, предназначенной для публичного ознакомления. Наиболее дискуссионным остается вопрос о распространении его требований на сведения, размещаемые в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (далее – сеть Интернет, интернет).

По результатам исследования Ассоциации компаний интернет-торговли (АКИТ), в 2024 г. доля маркетплейсов на рынке достигла 62,8 %, в первой половине 2025 года объем интернет-покупок россиян вырос на 36 % до 5,3 трлн рублей, причем 97 % пришлось на отечественные площадки [1, с. 167]. Миллионы потребителей ежедневно взаимодействуют с интернет-магазинами, вследствие чего языковое оформление цифровых «витрин» становится не менее значимым, чем оформление традиционных торговых залов.

Вопрос о том, входят ли интернет-площадки в предмет регулирования ФЗ № 168, законодателем прямо не решен, кроме того, в силу новизны нормы административная и судебная практика также отсутствует, что порождает правовую неопределенность.

Актуальность исследования обусловлена объективными тенденциями развития экономики РФ: популяризацией интернет-торговли, ростом онлайн-аудитории потребителей. Вопрос о применении требований ФЗ № 168 к площадкам в сети Интернет приобретает не только теоретическое, но и важное практическое значение. Выработка обоснованных подходов к толкованию норм закона является условием как эффективной защиты русского языка, так и обеспечения предсказуемости правового регулирования для участников рынка.

В настоящем исследовании мы предлагаем авторский взгляд на толкование измененных ФЗ № 168 норм статьи 10.1 Закона о защите прав потребителей от 07.02.1992 № 2300-1 применительно к информации в сети Интернет, основанное на анализе норм действующего законодательства и материалов судебных решений.

В первую очередь необходимо подробно рассмотреть новеллу, введенную ФЗ № 168. Документ вносит поправки в два основных в рамках заявленной темы акта. Во-первых, Закон о защите прав потребителей дополнен статьей 10.1: информация для публичного ознакомления потребителей в общедоступных местах должна быть на русском языке. Во-вторых, в ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты РФ» от 30.12.2004 № 214-ФЗ закреплена обязанность застройщиков использовать только кириллицу для наименований жилых комплексов при их рекламировании. Информация должна быть на русском, чтобы обеспечить ее доступность для всех граждан, в том числе не владеющих иностранными языками.

Новелла не применяется к зарегистрированным средствам индивидуализации: фирменным наименованиям, то-

варным знакам и знакам обслуживания – они могут оставаться неизменными.

Если требования к вывескам и табличкам споров не вызывают, то с информацией, размещенной в сети Интернет, все не так очевидно: подпадает ли она под действие статьи 10.1? Чтобы найти ответ, необходимо определить, является ли интернет общедоступным местом.

Легальной дефиниции общественного места в российском законодательстве нет. КоАП РФ в п. 2 ст. 20.20, п. 1 ст. 20.21 приводит открытый перечень таких мест: улицы, стадионы, скверы, парки, транспорт общего пользования и иные общественные места. При буквальном толковании интернет не относится к подобным площадкам. ВС РФ в своем Определении от 19 мая 2015 г. № 84-КГ15-1 (далее – Определение) указал: «законодатель определяет Интернет как информационно-телекоммуникационную сеть, которая не является местом, открытым для свободного посещения». В доктринальном отношении заслуживает внимания точка зрения И. Ш. Зейналова, который полагает, что сеть Интернет не наделена неотъемлемыми признаками общественного места и должна рассматриваться только в качестве способа или формы реализации правонарушения [2, с. 53].

Однако существует и противоположная позиция. Роспотребнадзор в «Руководстве по соблюдению обязательных требований при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) в области защиты прав потребителей» (далее – Руководство) от 02.03.2026 указал, что к носителям информации, предназначенной для публичного ознакомления потребителей, относятся, в том числе, интернет-сайты как виртуальные общедоступные места. Хотя разъяснения Роспотребнадзора не обладают обязательной юридической силой, они способны определить вектор толкования данной нормы правоприменителем, в связи с чем подлежат учету при проведении анализа. В указанном случае разъяснения противоречат сформировавшейся в РФ судебной практике и законодательству.

Можно выделить два варианта распространения действия ФЗ № 168-ФЗ на сеть Интернет, позволяющих избежать неопределенности в регулировании.

Первый вариант включает использование уже имеющегося опыта юридической техники. В КоАП РФ ответственность за деяния в интернете часто устанавливается путем выделения части статьи, посвященной правонарушению в физическом общественном месте, и адаптированию ее к цифровой среде (например, ч. 4 ст. 20.1 КоАП РФ). Это эффективно и не требует приравнивать виртуальное пространство к общественному месту. Противоречия могут быть устранены внесением в Закон о защите прав потребителей изменений, регламентирующих его применение к онлайн-информации. При этом положения о сети Интернет более логически верно раскрывать не через конструкцию общедоступного места, а исключительно через упомянутый в той же статье закона и Руководстве способ доведения информации до неопределенного круга лиц (средство размещения).

Второй вариант состоит в разработке и введении в правовой массив законодателем понятия «цифровое общественное место», которое уже ранее предлагалось в доктрине. Анализ источников позволяет сделать вывод о том, что при решении вопроса о признании интернета общедоступным местом ключевое значение имеет отраслевая принадлежность и специфика применяемых норм. Так, в упомянутом выше Определении ВС РФ указал, что интернет не является местом, открытым для свободного посещения, «по смыслу ст. 1276 ГК РФ», поскольку данная норма ориентирована на физическое публичное пространство (галереи, музеи, выставочные залы) и не рассчитана на применение к интернет-отношениям.

Это означает, что правовой статус сети Интернет как общедоступного места не может определяться универсально. Что же насчет статуса интернета в контексте площадки для предоставления потребительской информации?

Как отмечает П. С. Сивоконева, сейчас ошибочно полагать, что виртуальное пространство является лишь субстратом, заменителем или отражением реального мира [3, с. 386]. С точки зрения целей ФЗ № 168, интернет практически не отличается от физических мест размещения информации для потребителей. В обоих случаях информация публично доводится до неопределенного круга лиц, цели регулирования одни – доступ без языковых барьеров, характер информации идентичен. Поскольку интернет-магазины уже почти приравнены к розничным в законодательстве о защите прав потребителей и рекламе, логично распространить этот подход и на требования к языку.

Некоторые цифровые пространства имеют ограничения входа, что требует дифференцированного подхода к правоприменению. Н. Н. Новгородов предлагает выделять следующие категории: пространства абсолютной публичности – платформы без ограничений входа, пространства относительной публичности – с условно-ограниченным доступом, требующим регистрации, пространства ограниченной публичности – закрытые сообщества с контролируемым доступом и приватные коммуникационные пространства – сегменты, защищенные тайной переписки (личные сообщения, электронная почта) [4, с. 308].

Таким образом, целесообразно ввести в законодательство понятие «цифровое общественное место», включающее общедоступные цифровые платформы без ограничений входа для неопределенного круга лиц. Это позволит в предусмотренных законом случаях признавать интернет общедоступным местом, избежав противоречий.

Введение понятия «цифровое общественное место» не приведет к коллизиям с иными актами (КоАП РФ, ФЗ от 22.11.1995 № 171, который тоже содержит дефиницию «общественное место» и др.), поскольку они не предполагают приравнивания интернета к общественному месту в силу специфики регулируемых отношений, объективно не переносимых в цифровую среду без адаптации составов. Для них сохранится специальное регулирование.

Таким образом, ФЗ № 168 оставляет открытым вопрос о применении его требований к информации в сети Интернет. В ходе исследования предложены варианты решения данной правовой неопределенности. Реализация любого из них будет способствовать формированию единообразной правоприменительной практики и балансу между защитой русского языка и предсказуемостью правового регулирования для участников рынка.

Пристатейный библиографический список

1. Миронова К. И., Любецкий В. В. Анализ развития маркетплейсов в России и их интеграции в международную экономику // Прогрессивная экономика. – 2025. – № 5.
2. Зейналов И. Ш. К вопросу о понятии общественного места в цифровом пространстве: новеллы Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Право. Общество. Государство: Сборник научных трудов студентов и аспирантов. – Том 12. – СПб.: ВГУЮ (РПА Минюста России), 2020.
3. Сивоконева П. С. Цифровизация как фактор трансформации общественных отношений: правовой аспект // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2025. – № 8 (107).
4. Новгородов Н. Н. Концептуализация феномена общественного места в цифровой среде: правовой аспект // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 7.

DOI 10.46320/2073-4506-2026-4-215-238-241

ШАДРОВ Александр Сергеевич
аспирант кафедры гражданского права и процесса, Академия труда и социальных отношений; начальник Управления взыскания долгов ООО «СК «Согласие», г. Москва

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ МОДЕЛЕЙ СТРАХОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ДИРЕКТОРОВ И ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ В РОССИИ И СТРАНАХ ОБЩЕГО ПРАВА

В статье проведён сравнительно-правовой анализ российской и англо-американской моделей страхования ответственности директоров и должностных лиц хозяйственных обществ. Исследованы правовая природа подобного страхования, круг обязанностей руководителей, особенности исключений из страхового покрытия. Обоснованы предложения по закреплению института страхования ответственности директоров в гражданском законодательстве России с учётом положительного зарубежного опыта и актуальных экономических условий. Выявлены пробелы российского регулирования, сдерживающие развитие D&O-страхования. Проанализированы различия в определении страхового случая, лимитах ответственности и условиях освобождения страховщика от выплат. Сформулированы поправки к Гражданскому кодексу РФ и закону «Об акционерных обществах», направленные на чёткое закрепление условий и порядка страхования. Подчёркнута роль института в повышении инвестиционной привлекательности и защите интересов управленцев. Особое внимание уделено сравнению стандартов добросовестности и разумности в разных юрисдикциях, а также механизмам корпоративного возмещения. Рассмотрены тенденции развития рынка D&O-страхования в РФ и факторы, влияющие на спрос со стороны бизнеса. Отмечена необходимость налогового стимулирования приобретения соответствующих полисов. Результаты исследования могут быть использованы законодателем, страховщиками и корпоративными юристами для совершенствования практики страхования ответственности руководителей и снижения правовых рисков в корпоративном секторе.

Ключевые слова: страхование ответственности директоров, страхование D&O, обязанности руководителя, деликтная ответственность, страховое покрытие, корпоративное управление, сравнительное правоведение.

SHADROV Alexander Sergeevich
postgraduate student of Civil law and process sub-faculty, Academy of Labor and Social Relations; Head of the Debt Collection Department of LLC IC Soglasie, Moscow

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF DIRECTORS' AND OFFICERS' LIABILITY INSURANCE MODELS IN RUSSIA AND COMMON LAW COUNTRIES

The paper presents a comparative legal analysis of the Russian and Anglo-American models of directors' and officers' liability insurance in business companies. The legal nature of such insurance, the scope of executives' duties, and the specifics of exclusions from insurance coverage have been examined. Proposals to enshrine the institute of directors' liability insurance in Russian civil legislation have been substantiated, taking into account positive foreign experience and current economic conditions. Gaps in Russian regulation hindering the development of D&O insurance have been identified. Differences in defining the insured event, liability limits, and conditions for the insurer's exemption from payments have been analysed. Amendments to the Civil Code of the Russian Federation and the Law "On Joint-Stock Companies" have been formulated, aimed at clearly establishing the terms and procedure for insurance. The role of the institute in enhancing investment attractiveness and protecting the interests of executives has been emphasised. Particular attention has been paid to comparing the standards of good faith and reasonableness across different jurisdictions, as well as to corporate indemnity mechanisms. Trends in the development of the D&O insurance market in the Russian Federation and factors influencing demand from businesses have been reviewed. The need for tax incentives to encourage the purchase of relevant policies has been noted. The research findings can be used by legislators, insurers, and corporate lawyers to improve the practice of directors' liability insurance and reduce legal risks in the corporate sector.

Keywords: directors' and officers' liability insurance, D&O insurance, executive duties, tort liability, insurance coverage, corporate governance, comparative law.

Страхование ответственности членов исполнительных органов юридических лиц (на международном рынке такой продукт обозначается аббревиатурой D&O, от английского directors and officers) относится к числу молодых институтов отечественного гражданского права. За рубежом эта договорная конструкция прошла путь становления длиной почти в столетие, тогда как в России первый полис, покрывающий риск ошибочных управленческих решений руководителя, был оформлен лишь в 1996 году компанией «Вымпелком». Для сравнения, в Соединённых Штатах Америки страхование ответственности директоров и должностных лиц возникло ещё в период Великой депрессии 1929-1933 годов и сегодня является неотъемлемой составляющей любого корпоративного соглашения о найме руководителя высшего звена в развитых правопорядках [21, с. 73]. В отечественной практике подобный страховой продукт до сих пор приобретают преимущественно те компании, которые либо привлекают иностранных специалистов в органы управления, либо ведут деятельность на зарубежных рынках капитала.

Несмотря на очевидную востребованность данной защиты, российский страховой рынок существенно отстаёт от мировых показателей. Соотношение страховых премий к валовому внутреннему продукту в России составляет около 4-5 %, тогда как в экономиках развитых государств этот показатель достигает 7-17 % [17, с. 16]. Подобный разрыв во многом объясняется недостаточной проработанностью нормативно-правового регулирования, низкой страховой культурой предпринимательского сообщества и сохраняющимся недоверием к страховой защите управленческих рисков.

В отечественной доктрине сложилось как минимум четыре конкурирующих подхода к пониманию правовой природы страхования ответственности руководителей. Первый рассматривает данный договор как страхование деликт-

ной ответственности, второй квалифицирует его в качестве страхования договорной ответственности, третий относит к страхованию особого вида, а четвёртый усматривает в нём разновидность страхования финансовых рисков [15, с. 324]. Наиболее приемлемой видится квалификация через призму страхования договорной ответственности либо финансовых рисков, поскольку между директором и обществом существует тесная доверительная связь, плохо укладывающаяся в классические признаки деликтного обязательства, основанного на отсутствии правовой связи между причинителем вреда и потерпевшим.

Ключевое расхождение двух правовых моделей обнаруживается уже на уровне определения обязанностей, нарушение которых порождает ответственность руководителя. Английский Закон о компаниях 2006 года закрепляет семь конкретно поименованных обязанностей члена совета директоров, среди которых выделяются обязанность действовать в рамках предоставленных полномочий, способствовать успеху компании на благо её участников, проявлять разумную осмотрительность и профессиональную компетентность, избегать конфликта интересов, не принимать материальные блага от третьих лиц и заявлять о заинтересованности в предполагаемой сделке [19, с. 124]. Американский Модельный закон о коммерческих корпорациях 2002 года конкретизирует обязанности через категории добросовестности и должной заботливости с одновременным учётом интересов работников, поставщиков, окружающей среды и общества в целом.

Российский законодатель пошёл иным путём. Пункт 3 статьи 53 и статья 53.1 Гражданского кодекса РФ ограничиваются обобщёнными критериями добросовестности и разумности, дополненными разъяснениями Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июля 2013 года № 62. Критерии недобросовестности и неразумности директора раскрыты через перечень типичных ситуаций, однако сам этот перечень не является исчерпывающим и формально обязательным [10, с. 38]. Такой приём законодательной техники предоставляет правоприменителю широкую свободу усмотрения, но одновременно порождает правовую неопределённость, при которой сам руководитель далеко не всегда способен заранее оценить правомерность принимаемого им решения. Использование обтекаемых, «каучуковых» норм приводит к ситуации, когда вопрос о правомерности поведения директора целиком отдан на откуп судейской дискреции, что объективно повышает потребность в страховой защите управленческих рисков [18, с. 107].

Доверительная конструкция отношений руководителя и корпорации формирует принципиальное отличие от деликтного правоотношения, в котором отсутствует предварительная правовая связь между причинителем вреда и потерпевшим. Проблема состоит в том, что российские суды при взыскании убытков с директора нередко применяют нормы статьи 1064 Гражданского кодекса РФ, что свидетельствует о размытости сложившейся квалификации и косвенно поддерживает тезис о деликтной природе такой ответственности [20, с. 222].

В странах общего права подобных квалификационных дилемм не возникает по причине иной методологической основы. Американское корпоративное право исходит из доверительной модели, в рамках которой директор рассматривается как доверенное лицо корпорации и акционеров, обязанное соблюдать обязанности заботливости, лояльности и добросовестности. Правило делового суждения, выработанное судами штата Делавэр, защищает управленца от последующей оценки экономической целесообразности принятых решений, если они были приняты добросовестно, информированно и без конфликта интересов [16, с. 559]. Российский аналог подобного механизма находится на стадии становления, а устойчивый стандарт пока не сформирован, что вынуждает страховщиков закладывать повышенные тарифы в связи с непредсказуемостью исхода судебных разбирательств.

В зарубежных правопорядках природа обязанностей руководителя раскрывается через устойчивые оценочные конструкции. В Германии акцент сделан на концепции порядочного и хозяйственного руководителя, в законодательстве штата Пенсильвания фигурирует конструкция благоразумного человека в аналогичных обстоятельствах, а коммерческие кодексы Эстонии и Латвии оперируют понятиями прилежания аккуратного предпринимателя и добропорядочного заботливого хозяина [12, с. 74]. Каждая из приведённых конструкций, несмотря на лингвистическое своеобразие, выполняет одну функцию: создаёт предсказуемый стандарт поведения, нарушение которого открывает страховщику возможность справедливой оценки риска.

Объём страхового покрытия формирует ещё одну важную линию сравнительного анализа. В странах общего права полис страхования ответственности руководителей традиционно структурирован по трём разделам, обеспечивающим соответственно прямую защиту директора при невозможности возмещения со стороны компании, возмещение расходов самой корпорации на компенсацию директору и защиту компании при коллективных исках акционеров. Такая многоуровневая архитектура страхового покрытия позволяет эффективно распределять риски между всеми участниками корпоративных отношений [1, с. 100]. Российская практика ограничивается типовыми правилами страхования, разработанными отдельными страховщиками, что снижает единообразие условий и предсказуемость исполнения обязательств.

Проблема исключений из страхового покрытия составляет один из наиболее дискуссионных блоков сравнительного исследования. Пункт 1 статьи 963 Гражданского кодекса РФ освобождает страховщика от выплаты при наступлении страхового случая вследствие умысла страхователя. Применительно к страхованию ответственности директоров это означает, что действия руководителя, квалифицированные судом как намеренно причинившие вред обществу, автоматически выводятся за рамки страховой защиты. Сходное регулирование существует в Германии, где страхование умышленного неправомерного поведения директора прямо запрещено законом. В США и Великобритании аналогичный принцип реализуется через оговорку о раздельной оценке действий, позволяющую разделять ответственность нескольких застрахованных директоров и не распространять последствия умысла одного на остальных [6, с. 82]. По данным зарубежной страховой статистики, в США ежегодно фиксируется значительное число обращений за выплатой возмещения по полисам страхования ответственности руководителей, тогда как в Германии показатель в силу законодательных ограничений остаётся на порядок ниже.

Вопрос о страховании ответственности за публично-правовые нарушения общества перед государством также решается в России и странах общего права по-разному. Российская судебная практика допускает взыскание с директора убытков, возникших у общества в результате налоговых или административных санкций. Подобный подход при отсутствии страхового покрытия создаёт для руководителей несоразмерно высокий риск, способный обесценить саму идею профессионального управления и оттолкнуть квалифицированных управленцев от работы в российских компаниях [5, с. 85].

В англо-американской системе корпоративного права проблема решается посредством сочетания страхования ответственности директоров и института корпоративного возмещения, закреплённого непосредственно в британском Законе о компаниях 2006 года. Британский законодатель, прямо запрещая любые оговорки об ограничении ответственности директора в учредительных документах, одновременно легализует страхование такой ответственности, фактически направляя бизнес к использованию страховых механизмов защиты. Аналогичное решение воспроизведено в корпоративном законодательстве Гонконга, что подтверждает устойчивость данного подхода в системе общего права [22, с. 660].

Китайский правопорядок, традиционно относимый к континентальной системе, в 2023 году осуществил знаковый шаг в сторону сближения с англо-американской моделью. Новая редакция Закона о корпорациях Китайской Народной Республики, вступившая в силу 1 июля 2024 года, впервые закрепила рекомендацию приобретать полисы страхования ответственности руководителей и обязала совет директоров информировать общее собрание акционеров о страховой сумме, покрытии и размере премии [13, с. 39]. Одновременно китайский законодатель распространил обязанности лояль-

ности и осмотрительности на контролирующих акционеров, фактических управленцев и теневых директоров, расширив тем самым круг застрахованных лиц и создав дополнительные основания для суброгационных требований страховщиков. Такой вектор реформы подтверждает глобальную тенденцию к унификации регулирования страхования ответственности директоров и может стать ориентиром для российского законодателя.

Сравнение механизмов привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности также выявляет принципиальные различия. В России соответствующий институт сформировался после принятия Федерального закона от 29 июля 2017 года № 266-ФЗ и был существенно расширен за счёт включения широкого круга лиц, способных влиять на деятельность организации-банкрота [14, с. 35]. Зарубежные правопорядки решают аналогичную задачу через доктрину снятия корпоративной вуали, известную англо-американской судебной практике ещё с середины XIX века.

Исторически выделяются две конкурирующие теории, оформившиеся в американских судах. Теория «второго я» (alter ego) исходит из того, что при неразрывной слиянности корпорации и контролирующего лица юридическая самостоятельность организации игнорируется, а обязательства распределяются между ними как между единым субъектом. Теория «орудия» (instrumentality) рассматривает корпорацию как инструмент обхода закона или умаления интересов кредиторов, что служит основанием для возложения ответственности на подлинных бенефициаров [8, с. 181].

В Германии аналогичные задачи решаются через доктрины ответственности за контроль и ответственности за поведение. Российская модель наиболее близка к немецкой конструкции ответственности за поведение, поскольку акцент делается именно на поведении контролирующего лица, а не на его статусе. Компаративистский анализ доктринальных подходов показывает различия в распределении бремени доказывания между российскими и зарубежными правопорядками, а также в стандартах оценки недобросовестности поведения [9, с. 989].

Сопоставление российской и европейской моделей субсидиарной ответственности указывает на недостаточную проработанность в отечественном законодательстве механизмов защиты добросовестных контролирующих лиц. Правовая неопределённость усиливает потребность в развитии страхования ответственности руководителей как инструмента, снижающего индивидуальные риски и обеспечивающего стабильность корпоративного оборота.

Вопрос о совпадении фигуры страхователя и выгодоприобретателя представляет самостоятельный исследовательский интерес. В силу пункта 3 статьи 931 Гражданского кодекса РФ договор страхования деликтной ответственности считается заключённым в пользу потерпевшего, однако в определённых ситуациях страхователь может одновременно выступать и выгодоприобретателем, если вред причиняется не самим страхователем, а застрахованным лицом, то есть самостоятельным субъектом ответственности [24, с. 243]. Применительно к страхованию ответственности директоров это означает допустимость конструкции, при которой компания-страхователь получает возмещение за ущерб, причинённый действиями её собственного директора, без нарушения императивного запрета на совпадение страхователя и выгодоприобретателя.

Рассуждая о тенденциях развития института страхования, следует учитывать теорию замещения деликтных обязательств страховыми. Эмпирические данные свидетельствуют о невозможности полного замещения, поскольку страхование покрывает лишь часть возможных оснований возникновения обязательств из причинения вреда, а размер страховой суммы объективно ограничен [4, с. 158]. Тесная взаимосвязь обоих институтов проявляется в правиле статьи 1072 Гражданского кодекса РФ о взыскании разницы между страховым возмещением и фактическим размером ущерба, что наглядно демонстрирует взаимодополняющий, а не замещающий характер двух конструкций.

Природа страхования ответственности как инструмента распределения гражданско-правовых рисков глубоко раскрыта в современной цивилистике. Возможные убытки конкретного субъекта переносятся на страховой фонд и впоследствии распределяются между всеми его участниками [7, с. 132]. Применительно к страхованию ответственности руководителей подобная конструкция приобретает особую ценность, поскольку позволяет компенсировать ущерб, размер которого в крупных корпоративных спорах может многократно превышать личные активы руководителя и даже капитал средней российской страховой компании.

Отечественный страховой рынок демонстрирует постепенный, но уверенный рост. В 2023-2024 годах объём собранных страховых премий в России увеличился приблизительно на 40 % преимущественно за счёт сегмента страхования жизни и добровольного медицинского страхования, тогда как сегмент страхования ответственности оставался стабильно небольшим [2, с. 77]. Подобная диспропорция свидетельствует о необходимости целенаправленной работы по популяризации продуктов страхования ответственности директоров среди российского бизнеса, в том числе через налоговые стимулы для компаний, приобретающих соответствующие полисы.

Страхование ответственности целесообразно рассматривать как самостоятельную отрасль страхования с собственной системой видов и подвидов, в которой страхование ответственности директоров занимает особое место, учитывая специфику застрахованных интересов и круг субъектов. Подобная классификация могла бы лечь в основу специального нормативного регулирования страхования ответственности руководителей на уровне отдельного федерального закона, что соответствовало бы практике, сложившейся в развитых правопорядках [3, с. 35].

Правовой анализ проблемных аспектов страхования ответственности руководителей хозяйственных обществ в парадигме российского законодательства указывает на необходимость легализации многоуровневой архитектуры страхового покрытия по описанной выше модели из трёх разделов и разрешения полисов с покрытием по дате предъявления требования, соответствующих международной практике [23, с. 252]. Такой шаг существенно расширит ассортимент страховых продуктов и повысит конкурентоспособность российских страховщиков на международной арене.

Заметное место в защите интересов, как самих директоров, так и корпораций занимает принцип разумного одобрения сделки коллегиальным органом. Российский законодатель, по аналогии с корпоративным правом штата Делавэр, признаёт, что информированное и добросовестное одобрение сделки большинством незаинтересованных акционеров ограничивает возможности последующего оспаривания таких решений.

Законодательство стран СНГ демонстрирует разнообразие моделей регулирования отношений связанности хозяйственных обществ, что опосредованно влияет на конструкцию страхования ответственности директоров. Казахстанская, молдавская, белорусская, узбекская и таджикская модели устанавливают различный круг оснований привлечения руководителей к ответственности [11, с. 48]. Унификация подходов на уровне Евразийского экономического союза могла бы способствовать развитию трансграничного рынка страхования ответственности директоров в регионе и снижению затрат для компаний, ведущих деятельность одновременно в нескольких государствах союза.

Отдельную линию сравнительного анализа формирует вопрос о соотношении страхования ответственности директоров с институтом ответственности выборных должностных лиц перед населением. Зарубежный опыт показывает, что политическая и юридическая ответственность должностных лиц органов местного самоуправления в ряде стран страхуется по схемам, близким к страхованию ответственности руководителей коммерческих организаций, однако такое страхование носит ограниченный характер и не распространяется на случаи умышленного превышения полномочий [25, с. 271]. Подобный подход может быть воспринят и российским правопорядком при совершенствовании законодательства о муниципальной службе.

Подводя итог проведённому сравнительному исследованию, можно выделить несколько направлений совершенствования российского законодательства. Во-первых,

целесообразно прямо закрепить институт страхования ответственности директоров в Гражданском кодексе РФ либо в специальном федеральном законе, устранив действующий императивный запрет страхования договорной ответственности в случаях, прямо не предусмотренных законом (пункт 1 статьи 932 Гражданского кодекса РФ). Во-вторых, необходимо конкретизировать критерии разумности и добросовестности руководителя по примеру англо-американской модели с выделением перечня обязанностей и формализованного стандарта защиты добросовестного делового решения. В-третьих, следует легализовать многоуровневую архитектуру страхового покрытия и разрешить полисы с покрытием по дате предъявления требования, соответствующие международной практике. В-четвёртых, налоговое стимулирование приобретения полисов страхования ответственности руководителей, позволит расширить спрос на соответствующие продукты и укрепить отечественный страховой рынок.

Реализация предложенных направлений позволит не только повысить инвестиционную привлекательность российского корпоративного сектора, но и обеспечить баланс между защитой интересов компаний, их акционеров, кредиторов и самих руководителей, принимающих ответственные управленческие решения в условиях высокой экономической нестабильности. Сравнительно-правовой метод, применённый в настоящем исследовании, подтверждает, что оптимальная модель страхования ответственности директоров формируется на пересечении континентальной и англо-американской традиций, а отечественное право обладает достаточным потенциалом для восприятия лучших зарубежных практик при сохранении собственной доктринальной самобытности.

Пристатейный библиографический список

1. Авакян А. М. Понятие и виды страхования ответственности за причинение вреда // Вестник Томского государственного университета. Право. - 2023. - № 50. - С. 100-116.
2. Бартасевич Е. А., Данилевская Е. Е. Страхование гражданской ответственности в современной экономике России // Национальные приоритеты России. - 2025. - № 3 (58). - С. 77-81.
3. Беляев Г. А. О страховом возмещении по договору страхования ответственности руководителей юридических лиц // Тамбовские правовые чтения имени Ф. Н. Плевако. - 2021. - С. 35-37.
4. Бородин Д. В. Тенденция замены деликтных обязательств страховыми // Тенденции развития законодательства о деликтных обязательствах. - 2022. - С. 158-164.
5. Водолагин С. В. Юридическая ответственность руководителей организаций: российские перспективы с учетом зарубежного опыта // Имущественные отношения в Российской Федерации. - 2021. - № 5 (236). - С. 85-95.
6. Кислов С. А. Ответственность органов хозяйственных обществ и способы ее минимизации // Имущественные отношения в Российской Федерации. - 2025. - № 2 (281). - С. 82-90.
7. Крицкий И. Г. Страхование ответственности как механизм распределения гражданско-правовых рисков // Наука и практика: актуальные вопросы, достижения и инновации. - 2025. - С. 132-134.
8. Крысанова Н. В. Кочеулов Ю. Ю. Субсидиарная ответственность в Российской Федерации // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. - 2021. - № 2. - С. 181-185.
9. Логинов Т. В. Развитие субсидиарной ответственности в Российской Федерации. Сравнительная характеристика с европейской моделью // Актуальные проблемы науки в исследованиях студентов, ученых, практиков. - 2023. - С. 989-994.
10. Налбандян Е. Л., Сазонова М. А. Привлечение директора к ответственности за причиненные организации убытки // Российское право: образование, практика, наука. - 2021. - № 2. - С. 38-48.
11. Невзгодина Е. Л., Парыгина Н. Н. Отношения связанности хозяйственных обществ в странах Содружества Независимых Государств и России: компаративистский анализ // Вестник Омского университета. Серия: Право. - 2022. - Т. 19. № 3. - С. 48-61.
12. Ногин Е. В. Сравнительный (компаративистский) анализ доктринальных подходов к вопросу привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности в процессах о несостоятельности (банкротстве) // Юридический форум. - 2023. - С. 74-78.
13. Осипова Л. В., Решетникова Е. В. Опыт Китая в страховании ответственности директоров: новый подход в законе о корпорациях Китайской Народной Республики 2023 г. // Вестник. Государство и право. - 2024. - № 3 (42). - С. 39-47.
14. Пархоменко А. Д. Сходства и различия подходов к правовому регулированию субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в российском и зарубежном праве // Актуальные проблемы российского права. - 2021. - Т. 16. № 12 (133). - С. 35-44.
15. Пашкова Д. А. Правовая природа страхования ответственности директоров российских компаний // Право и государство: теория и практика. - 2024. - № 7 (235). - С. 324-327.
16. Попельнюх А. А., Сидорова Д. П. Страхование ответственности директора как способ решения проблемы его гражданско-правовой ответственности в случае привлечения общества к ответственности за публично-правовые нарушения // Скиф. Вопросы студенческой науки. - 2022. - № 5 (69). - С. 559-562.
17. Рахимова Р. Р., Турманова А. И. Теоретические основы развития и регулирования страхования ответственности в России // Наукоград наука производство общество. - 2025. - № 2. - С. 16-21.
18. Степанов Д. А. Добросовестность и разумность как предпосылки, предопределяющие обращение к институту страхования ответственности директора // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран. - 2023. - С. 107-113.
19. Томтосова В. Е. Гражданско-правовая ответственность руководителя юридического лица: краткий обзор зарубежных правопорядков // Теория права и межгосударственных отношений. - 2022. - Т. 1. № 10 (22). - С. 124-131.
20. Филиппова А. Д. Общие проблемы ответственности директоров // Скиф. Вопросы студенческой науки. - 2025. - № 3 (103). - С. 222-226.
21. Харисова Э. Г. Проблемы страхования ответственности директоров корпораций // Развитие общества и науки в современных условиях. - 2023. - С. 73-78.
22. Ходырев А. А. Правовое регулирование страхования гражданско-правовой ответственности в РФ // Современные тенденции развития управления и производства в условиях цифровизации. - 2024. - С. 660-664.
23. Шастина А. Р., Никифорова Е. А. Проблемные аспекты страхования ответственности руководителей хозяйственных обществ в парадигме российского законодательства // Аграрное и земельное право. - 2025. - № 5. - С. 252-254.
24. Шимкович М. Н. Совпадение страхователя и выгодоприобретателя в одном лице по договору страхования деликтной ответственности // Проблемы гражданского права и процесса. - 2024. - Выпуск 9. - С. 243-251.
25. Щукин А. О. Ответственность выборных органов и должностных лиц перед населением в зарубежных странах // Теория государства и права. - 2025. - № 2 (43). - С. 271-282.

ШАТОХИН Иван Владимирович
аспирант кафедры гражданского права и процесса, Юридический факультет, Воронежский государственный университет

Шатохин И. В.

МЕСТО ОБЩЕИЗВЕСТНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ В СИСТЕМЕ ОСНОВАНИЙ ДЛЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ДОКАЗЫВАНИЯ

В статье рассматривается место общеизвестных обстоятельств среди иных оснований, освобождающих от доказывания в цивилистическом процессе. Автор проводит ретроспективный анализ эволюции законодательства и доктрины об основаниях, не подлежащих доказыванию, в дореволюционный, советский и современный периоды. Особое внимание уделяется соотношению общеизвестных обстоятельств с преюдициально установленными фактами, обстоятельствами, подтвержденными нотариусом, а также признанными сторонами обстоятельствами. На основе анализа выявляются уникальные признаки общеизвестных обстоятельств: объективность, соответствие действительности, известность широкому кругу лиц и составу суда, а также роль суда как единственного субъекта признания таковых. Обосновывается, что главная цель выделения общеизвестных обстоятельств – обеспечение принципа процессуальной экономии, что отличает их от иных оснований, нацеленных на правовую определенность или формальное закрепление фактов.

Ключевые слова: общеизвестные обстоятельства, факты, преюдиция, процессуальная экономия, доказывание, цивилистический процесс.

SHATOKHIN Ivan Vladimirovich
postgraduate student of Civil law and process sub-faculty, Faculty of Law, Voronezh State University

THE PLACE OF WELL-KNOWN CIRCUMSTANCES IN THE SYSTEM OF GROUNDS FOR EXEMPTION FROM EVIDENCE

The article examines the place of well-known circumstances among other grounds exempting evidence in civil and arbitration proceedings. The author conducts a retrospective analysis of the evolution of legislation and the doctrine of non-provable grounds in the pre-revolutionary, Soviet and modern periods. Special attention is paid to the correlation of well-known circumstances with preconceptionally established facts, circumstances confirmed by a notary, as well as circumstances recognized by the parties. Based on the analysis, unique features of well-known circumstances are revealed: objectivity, conformity to reality, fame to a wide range of persons and the composition of the court, as well as the role of the court as the sole subject of recognition of such. It is proved that the main purpose of highlighting well–known circumstances is to ensure the principle of procedural economy, which distinguishes them from other grounds aimed at legal certainty or formal confirmation of facts.

Keywords: well-known circumstances, facts, prejudice, procedural economy, evidence, civil procedure.

«Знание фактов только потому и драгоценно,
что в фактах скрываются идеи, факты без идей –
сор для головы и памяти»
(В. Г. Белинский).

Важнейшим принципом цивилистического процесса является принцип состязательности. В ст. 56 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ)[1] и ст. 65 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ)[2] содержится классическое для состязательной формы правило распределения обязанностей по доказыванию, которое уходит корнями в римское право, *ei incumbit probatio qui dicit* (кто что утверждает, тот то и доказывает).

Суд, выступая в роли независимого и беспристрастного арбитра, обязан установить круг обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела (предмет доказывания), и определить какой стороне надлежит данные обстоятельства доказывать (бремя доказывания).

Между тем, закон предусматривает ряд обстоятельств, имеющих значение для дела, но которые в силу прямого указания не подлежат доказыванию.

К таким обстоятельствам относятся:

1) общеизвестные обстоятельства;

2) преюдициально установленные обстоятельства;

3) обстоятельства, признанные стороной;

4) обстоятельства, подтвержденные нотариусом при совершении нотариального действия.

В авангарде оснований для освобождения от доказывания в ГПК РФ и АПК РФ находятся общеизвестные обстоятельства. Для того, чтобы ответить на вопрос о месте общеизвестных обстоятельств в системе оснований для освобождения от доказывания, необходимо рассмотреть краткую историю развития законодательства и учения об основаниях, освобождающих от доказывания.

Учение об основаниях, освобождающих от доказывания в России, развивалось параллельно с наукой гражданского процесса и включает три исторических этапа: дореволюционный (1864-1917 гг.), советский (1917-1995гг.) и современный (с 1995 года по настоящее время). Первые упоминания общеизвестных фактов в российской процессуальной науке можно встретить в дореволюционной научной литературе. Так, в преддверии начала работы над судебной реформой и

1 Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ с изм. и доп. от 23 марта 2026 г. № 67-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 46. – Ст. 4532; 2026. – № 13. – Ст. 1522.

2 Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ с изм. и доп. от 15 декабря 2025 г. № 425-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. –2002. – № 30. – Ст. 3012; 2025. – № 48. – Ст. 7236.

проектом Устава гражданского судопроизводства в печати наметилась тенденция критического анализа действующего законодательства и предложений по его совершенствованию, в том числе на основе изучения и внедрения зарубежных концепций.

А. А. Книрим, в целях совершенствования законодательства, предложил для обозрения перевод проекта нового Австрийского устава гражданского судопроизводства [5, с. 593-596]. В ст. 22 данного проекта упоминались общеизвестные факты: «спорные факты должны быть доказаны, исключая того случая, когда они общеизвестны. Вопрос об общеизвестности фактов (Offenkundigkeit) решает суд на основании дошедших до него сведений и своего убеждения» [5, с. 597].

К сожалению, общеизвестные обстоятельства не получили формального закрепления в виде самостоятельной нормы в рамках Устава гражданского судопроизводства 1864 г. (УГС 1864 г.). Единственное упоминание общеизвестности можно встретить в статье 130 УГС 1864 г., которая предусматривала, что при постановлении решения мировой судья может по ссылке одной или обеих сторон руководствоваться общеизвестными местными обычаями, но лишь в том случае, когда применение местных обычаев дозволяется именно законом или в случаях, положительно не разрешаемых законами. Данная норма не регулировала вопросы освобождения от доказывания. Её суть заключалась в предоставлении мировому судье права (весьма существенного для того периода) выносить решения с учетом не только правовых норм, но и общеизвестных местных обычаев.

Однако вопросы общеизвестности не потеряли актуальности и стали развиваться в доктрине. Все больше авторов того времени при рассмотрении общих вопросов доказывания стали указывать в своих трудах на общеизвестные факты, доказательств которых не требовалось [6, с. 267-269; 7, с. 179]. Многими учеными были предложены различные классификации общеизвестных фактов [12, с. 49], была предпринята попытка выделить признаки общеизвестности [2, с. 172-174], в научный оборот было введено понятие «ноторности» и «ноторных фактов» [14, с. 90-91], затронуты вопросы соотношения таких оснований, освобождающих от доказывания, как ноторные факты и признание [15, с. 378], само же понятие общеизвестных обстоятельств в дореволюционной литературе специально не разрабатывалось. Более того, некоторые ученые-процессуалисты того времени скептически относились к попыткам дать хоть сколь-нибудь подходящее определение данной категории [3, с. 357].

Устав 1864 г. не содержал в себе отдельного раздела или статьи, посвященных основаниям, освобождающих от доказывания, среди таких оснований отдельно прямо выделялось только признание стороной факта.

Институт преюдиции в том понимании, котором он используется в настоящее время, в дореволюционный период еще не сформировался. В работах дореволюционных ученых можно встретить такой термин как «преюдициальные вопросы».

Так, К. И. Малышев предлагал понимать под преюдициальными такие вопросы, «без разрешения которых суд не мог вынести решение, но прямо не относящиеся к предмету судебного решения» [6, с. 442]. По замечанию М. К. Треушникова, данные вопросы не имели ничего общего с преюдицией, а по смыслу скорее имели значение современного термина «доказательственные факты» [11, с. 27].

После прихода в 1917 г. к власти Советов, был принят ряд Декретов о суде, которые отменяли ранее действующее законодательство. В 1923 году с принятием Гражданского процессуального кодекса РСФСР (далее – ГПК РСФСР 1923 г.)[3] в российском законодательстве впервые появилось нормативное закрепление общеизвестных фактов в качестве обстоятельств, не подлежащих доказыванию.

Так, ст. 120 ГПК РСФСР 1923 г. устанавливала, что суд вправе определить, является ли известное обстоятельство не нуждающимся в доказывании. В то же время процессуальный кодекс не включал отдельного раздела или статьи с перечнем оснований для освобождения от доказывания. Более того, единственным законодательно закрепленным освнованием освобождения от доказывания были общеизвестные обстоятельства: нормы о признании фактов сторонами в тексте ГПК РСФСР 1923 г. отсутствовали.

Также в указанном законе мы не встретим и нормы о преюдиции. Однако нельзя сказать, что гражданское процессуальное законодательство того времени совсем не знало норм о преюдиции. Во всяком случае, межотраслевая преюдиция была закреплена с момента принятия УПК РСФСР 1922 г.[4], ст. 13 которого предусматривала, что вступивший в законную силу приговор уголовного суда по вопросу о том, совершилось ли преступление и совершено ли оно подсудимым, обязателен для гражданского суда в тех случаях, когда этим судом рассматриваются гражданские последствия преступления, рассмотренного уголовным судом.

В 1961 году рассматриваемая норма была инкорпорирована в Основы гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик[5].

Так, в соответствии со ст. 21 Основ, вступивший в законную силу приговор суда по уголовному делу имел обязательную силу для суда, рассматривающего дело о гражданско-правовых последствиях действий лица, в отношении которого вынесен приговор, – но лишь в части установления факта совершения данных действий и подтверждения, что они совершены именно этим лицом.

Как известно, основополагающим принципом советского гражданского процесса выступало учение об объективной (материальной) истине. Именно этот базовый постулат создал необходимые условия для появления в ГПК РСФСР 1964 г.[6] института преюдиции как инструмента обеспечения единства судебных решений и последовательности правоприменения. Ученые того периода также настаивали на необходимости введения данного института [9]. Возникла объективная необходимость в классификации уже существующих оснований, освобождающих от доказывания, с целью их упорядочения.

Таким образом, на уровне закона закономерно была закреплена отдельная статья, устанавливающая основания, освобождающие от обязанности доказывания.

В соответствии со ст. 55 ГПК РСФСР 1964 г. не подлежали доказыванию:

1) обстоятельства, признанные судом общеизвестными;

2) факты, установленные вступившим в законную силу решением по гражданскому делу, между теми же лицами;

3) вступивший в законную силу приговор суда по уголовному делу обязательный для суда, рассматривающего дело о гражданско-правовых последствиях действий лица, в отношении которого состоялся приговор суда, по вопросам, имели ли место эти действия и совершены ли они данным лицом.

Законодатель уделил особое внимание институту признания, закрепив его в отдельной норме в ст. 60 ГПК РСФСР 1964 г.

Принятие Конституции РФ 1993 г. стало новым толчком в развитии гражданского и арбитражного процесса, на первый план вновь вышел принцип состязательности, а вместе с ним на смену объективной истины пришла истина формальная.

Изначально с момента своего принятия действующие ГПК РФ и АПК РФ закрепляли в качестве оснований, освобождающих от доказывания общеизвестные обстоятельства, преюдициально установленные обстоятельства и обстоятельства, признанные стороной.

Однако, ещё в 1998 г. Конституционный Суд РФ в своей правоприменительной практике отмечал, что совершение

3 О введении в действие Гражданского Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р. (вместе с «Гражданским Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.»): пост. ВЦИК от 10 июля 1923 г. (утратили силу) // СУ РСФСР – 1923. – № 46-47 – Ст. 478.

4 Об Уголовно-Процессуальном Кодексе (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.»): пост. ВЦИК от 25 мая 1922 г. (утратили силу) // СУ РСФСР. – 1922. – № 20-21. – Ст. 230.

5 Об утверждении Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик: закон СССР от 08 декабря 1961 г. (утратил силу) // Ведомости ВС СССР. – 1961. – № 50. – Ст. 526.

6 О порядке введения в действие Гражданского и Гражданского процессуального кодексов РСФСР: указ Президиума ВС РСФСР от 12 июня 1964 г. // Ведомости ВС РСФСР. – 1964. – № 24. – Ст. 416.

нотариусами предусмотренных законодательными актами нотариальных действий от имени Российской Федерации гарантирует доказательственную силу и публичное признание нотариально оформленных документов[7].

В 2014 г. Федеральным законом от 29.12.2014 № 457-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[8], ст. 61 ГПК РФ была дополнена новым основанием, теперь обстоятельства, подтвержденные нотариусом при совершении нотариального действия, не подлежат доказыванию, при условии, если подлинность нотариально оформленного документа не опровергнута, или не установлено существенное нарушение порядка совершения нотариального действия.

В 2015 г. Федеральный закон от 29.12.2015 № 391-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[9] добавил аналогичную норму в ст. 69 АПК РФ.

Таким образом, можно констатировать, что одним из первых обстоятельств, не подлежащих доказыванию, прямо закрепленных ещё в УГС 1864 г., было признание обстоятельств сторонами, позже уже в советский период отдельно были выделены общеизвестные обстоятельства, немногим позже сформировался институт преюдиции, а на современном этапе появилось такое основание, как обстоятельства, подтвержденные нотариусом.

Теперь, рассмотрев этапы развития учения и законодательства, выделим отличия общеизвестных обстоятельств от иных оснований, освобождающих от доказывания.

Отличие общеизвестных обстоятельств от преюдициально установленных обстоятельств

Первое существенное отличие состоит в том, что общеизвестные обстоятельства носят объективный характер, не привязаны к конкретному делу и не требуют предварительного установления в судебном порядке. В отличие от них, преюдициальные обстоятельства устанавливаются в ходе судебного разбирательства по конкретному делу с соблюдением всех процессуальных правил доказывания и приобретают обязательную силу лишь после вступления соответствующего судебного акта в законную силу. Второе различие заключается в ограниченности сферы действия преюдициально установленных фактов — прежде всего, по субъективному критерию: они действуют только в отношении тех же лиц, участвовавших в деле. В то же время признание факта общеизвестным не ограничивается каким-либо конкретным кругом лиц.

Второе отличие заключается в том, что преюдициально установленные факты имеют четкий источник – судебный акт, вступивший в законную силу. В отличие от них, общеизвестные обстоятельства не опираются на какой-либо конкретный источник, для признания факта общеизвестным достаточно наличия двух условий: 1) широкая известность; 2) признание судом.

Отличие института преюдиции и общеизвестных обстоятельств можно провести также по их цели. Так как преюдициальность, помимо основания, освобождающего от доказывания, является также свойством судебного решения, она представляет собой часть принципа *res judicata*. Последний, в свою очередь, является выражением основополагающего конституционного принципа правовой определённости. Конституционный Суд РФ не раз отмечал, что «преюдициальность служит средством поддержания непротиворечивости судебных актов и обеспечивает действие принципа правовой определенности»[10].

Таким образом, с точки зрения целей правового регулирования, преюдиция выполняет функцию обеспечения правовой определенности и согласованности судебной практики. В отличие от неё, институт признания фактов общеизвестными ориентирован прежде всего на соблюдение принципа процессуальной экономии – сокращение временных и ресурсных затрат в процессе судопроизводства, поскольку нет необходимости доказывать очевидное.

Также можно отметить, что общеизвестные обстоятельства, в силу их объективности соответствуют действительности и являются истинными в подлинном смысле этого слова, в то время как преюдициальные обстоятельства могут не соответствовать действительности, в силу применения судом правовой фикции.

Отличие общеизвестных обстоятельств от обстоятельств, подтвержденных нотариусом при совершении нотариального действия.

Отличие общеизвестных обстоятельств от обстоятельств, подтвержденных нотариусом заключается в субъекте, который устанавливает факт. Так, исходя из действующего законодательства признать факт общеизвестным может только суд, при условии, что он известен широкому кругу лиц и составу суда. При совершении нотариального действия обстоятельство фактически устанавливается нотариусом, при этом возможно установление факта не доступного широкой общественности, например, факты личной жизни одной из сторон.

При подтверждении факта нотариусом должна быть соблюдена определенная процедура, существенное нарушение которой является основанием для применения общих правил доказывания. Кроме того, факт, подтвержденный нотариусом, можно оспорить в том же судебном заседании, путем заявления о подложности. Оспаривание факта, признанного судом общеизвестным, возможно только путем обжалования решения в вышестоящем суде. Кроме того, нотариально подтвержденные обстоятельства, как и преюдициальные, не гарантируют абсолютной достоверности – в отличие от общеизвестных обстоятельств, чья истинность не подлежит сомнению.

Также факты, подтвержденные нотариусом, освобождаются от доказывания только в том случае, когда они составляют сам предмет или существо совершаемого нотариального действия. Как верно отмечает И. В. Рехтина, «очевидно, что, заверяя верность копий документа, нотариус не свидетельствует соответствие действительности фактов, изложенных в документах» [8, с. 65].

Отличие общеизвестных обстоятельств от обстоятельств, признанных сторонами

Признание стороной обстоятельств, лежащих в основе требований или возражений противоположной стороны, согласно ч. 2 ст. 68 ГПК РФ и ч. 3 ст. 70 АПК РФ, освобождает последнюю от дальнейшего доказывания этих обстоятельств. В силу ч. 2 и 5 ст. 70 АПК РФ суд рассматривает такие признанные обстоятельства как факты, не требующие подтверждения, и не возвращается к их проверке в процессе дальнейшего рассмотрения дела, если не установлено, что признание

7 Постановление Конституционного Суда РФ от 19.05.1998 № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 2, 12, 17, 24 и 34 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» // СПС «КонсультантПлюс».

8 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 29 декабря 2014 г. № 457-ФЗ с изм. и доп. от 03 июля 2016 г. № 361-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2015. – № 1. – Ст. 10.

9 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 29 декабря 2015 г. № 391-ФЗ с изм. и доп. от 29 июля 2017 г. № 218-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2016. – № 1. – Ст. 11.

10 См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 21.12.2011 № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В. Д. Власенко и Е. А. Власенко» // СПС «КонсультантПлюс», Определение Конституционного Суда РФ от 06.11.2014 № 2528-О «По запросу администрации Краснодарского края о проверке конституционности части 2 статьи 69 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс», Определение Конституционного Суда РФ от 25.06.2024 № 1571-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Геворгяна Варшама Геворковича на нарушение его конституционных прав рядом положений Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и Гражданского кодекса Российской Федерации»// СПС «КонсультантПлюс».

дано с целью скрыть какие-либо обстоятельства, либо под воздействием обмана, насилия, угрозы или заблуждения.

С точки зрения преобладающей научной позиции, признание сторонами обстоятельств в гражданских делах выступает в качестве отдельного вида доказательств [4, 13], источником которого выступают объяснения сторон. В свою очередь обстоятельства, признанные судом общеизвестными вряд ли можно рассматривать в качестве доказательства. Поскольку согласно нормам процессуального законодательства (ст. 55 ГПК РФ, ст. 64 АПК РФ), доказательства – это сведения о фактах, собранные в порядке, предусмотренном законом. Они служат основой для установления судом наличия или отсутствия обстоятельств, обосновывающих позиции сторон, а также других значимых для дела обстоятельств. Общеизвестное обстоятельство представляет собой факт, который сам по себе, безусловно, не является доказательством. При этом факт становится общеизвестным только тогда, когда сведения о нем доносятся до широкого круга лиц через различные широкодоступные источники.

Возникает закономерный вопрос, можно ли рассматривать указанные источники сведений об общеизвестных фактах, в качестве доказательств.

Понятие судебных доказательств, согласно наиболее распространенному подходу, характеризуют три составляющие: 1) содержание, т.е. информация об искомых фактах, обладающая свойством относимости; 2) процессуальная форма, т.е. носитель информации и способ доведения ее до суда; 3) определенный процессуальный порядок получения и исследования доказательственной информации [10, с. 96]. Отсутствие хотя бы одного из составляющих ликвидирует все судебное доказательство в целом [10, с. 97].

Приведем такой пример. Населению определенного города может быть известно о том, что в их районе произошло наводнение. Наводнение в данном случае является фактом, сведения об этом факте могут быть получены из различных широкодоступных источников, официальных сайтов СМИ в сети Интернет, Интернет порталов, социальных сетей, телевидения, радио и т.п., определенное лицо может быть очевидцем данного события.

Для установления общеизвестности указанного факта суду нет надобности прибегать к предусмотренным законом средствам доказывания. В случае сомнения, суд может самостоятельно обратиться к широкодоступным, достоверным источникам, содержащим сведения о факте и даже сделать ссылку на данные источники, но и в этом случае данные источники не будут являться судебными доказательствами, поскольку получены судом самостоятельно, а не представлены лицами, участвующими в деле. Общеизвестность устанавливается судом на основе его внутреннего убеждения, без ссылки на конкретные доказательства, поскольку данные сведения о факте очевидны для всех, в том числе и для суда. Таким образом, отвечая на поставленный выше вопрос, источники сведений об общеизвестных фактах не могут рассматриваться в качестве доказательств. Соответственно, признание стороной факта общеизвестным следует отличать от признания стороной факта, который требует доказывания.

Следующее отличие заключается в том, что признание обстоятельства общеизвестным всецело прерогатива суда. Между тем признание обстоятельств сторонами, зависит исключительно от воли истца и ответчика с некоторыми ограничениями. Если имеются основания полагать, что признание совершено в целях сокрытия действительных обстоятельств дела или под влиянием обмана, насилия, угрозы, добросовестного заблуждения, суд может не принять признание.

Также закон устанавливает определенный процессуальный порядок признания обстоятельства сторонами, устное признание заносится в протокол судебного заседания, письменное признание, приобщается к материалам дела. Порядок признания обстоятельства общеизвестным ГПК РФ и АПК РФ не содержат.

Обстоятельства, признанные сторонами, в некоторых случаях могут не соответствовать действительности, поскольку стороны способны преследовать свои личные цели начиная от нежелания освещать перед судом определенные факты, заканчивая желанием пойти навстречу другой стороне, например, чтобы сохранить деловые отношения. Как отмечал Е.В. Васьковский, «признание, в зависимости от того, с какой целью оно делается, может иметь двоякое значение:

1) засвидетельствования истины, показания в пользу противника;

2) волеизъявления, акта распоряжения, направленного на установление бесспорности выгодного для противника обстоятельства независимо от его соответствия действительности.

Также возможно и третье значение, совмещающее в себе два основных, когда признание делается стороной, как убежденной в действительности признаваемого обстоятельства, так и из желания предотвратить исследование данного обстоятельства судом» [1, с. 52]. Общеизвестные обстоятельства же всегда объективны и соответствуют действительности.

Таким образом, общеизвестные обстоятельства занимают особое место в системе оснований для освобождения от доказывания и имеют свои уникальные особенности, отличающие их от иных оснований, такие как: объективность и соответствие действительности, известность широкому кругу лиц и составу суда, субъектом признания обстоятельств общеизвестными выступает суд, а главная цель признания обстоятельства общеизвестным – обеспечение принципа процессуальной экономии.

Пристатейный библиографический список

1. Васьковский Е. В. Значение признания в гражданском процессе // Памяти профессора Габриеля Феликсовича Шершеневича: сборник статей по гражданскому и торговому праву. – М.: Бр. Башмаковых, 1915. – 486 с.
2. Гольмстен А. Х. Учебник русского гражданского судопроизводства: тип. В. С. Балашева. – СПб., 1894. – 335 с.
3. Гражданский процесс. Хрестоматия: Учебное пособие. 3-е изд. / под ред. проф. М. К. Треушникова. – М.: Городец, 2015. – 890 с.
4. Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс / под ред. М. А. Фокиной. – М.: Статут, 2014. – 495 с.
5. Книрим А. А. О началах проекта гражданского судопроизводства в Австрии // Журнал Министерства юстиции. – 1861. – т.9 кн. 8. – С. 593-613.
6. Малышев К. И. Курс гражданского судопроизводства: В 3 т. – СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1874. Т. 1. – 444 с.
7. Нефедьев Е. А. Учебник русского гражданского судопроизводства. – Краснодар: Совет.Кубань, 2005. – 472 с.
8. Рехтина И. В. Обстоятельства, подтвержденные нотариусом, как факты, не подлежащие доказыванию: спорные вопросы // Современное право. – 2023. – № 6. – С. 63-68.
9. Семенов В. М. Преюдициальное начало в советском гражданском процессе: дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1951. – 335 с.
10. Треушников М. К. Судебные доказательства. – М.: Городец, 2021. – 302 с.
11. Треушников М. К. Относимость и допустимость доказательств в гражданском процессе. – М.: Юрид. лит., 1981. – 95 с.
12. Цитович П. П. Гражданский процесс. Конспект лекций читанных в Университете Св. Владимира (осенний семестр 1887 г.). – Киев: типо-лит. И. Н. Кушнерева и К°, 1887. – 110 с.
13. Шеменева О. Н. Признания и соглашения по обстоятельствам дела в гражданском судопроизводстве. – М.: Инфотропик Медиа, 2013. – 184 с.
14. Яблочков Т. М. Материальные признаки понятия судебного признания в гражданском процессе // Журнал Министерства юстиции. – 1915. – № 3. – С. 89-131.
15. Яблочков Т. М. К учению об основных принципах гражданского процесса // Памяти профессора Габриеля Феликсовича Шершеневича. Сборник статей по гражданскому и торговому праву. – М., 1915. – С. 374-425.

ЧАТТАЕВ Азамат Русланович
кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и гражданского права, Государственный университет просвещения, г. Москва

ГЛУХОВ Евгений Робертович
магистрант кафедры конституционного и гражданского права, Государственный университет просвещения, г. Москва

ПРОБЛЕМЫ КОНСОЛИДАЦИИ КОРПОРАТИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ) В РОССИИ: НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ОРИЕНТИРЫ

Статья посвящена российским трудностям консолидации корпоративного законодательства и законодательства о несостоятельности (банкротстве), отбору направлений совершенствования регулирования, сопоставлению отечественного подхода с зарубежными моделями. Предмет исследования образуют фрагментация нормативного массива, расхождение понятийного ряда, несогласованность корпоративных и банкротных процедур, неопределенность статуса органов управления в предбанкротный период, коллизии между корпоративным одобрением сделок и их дальнейшим оспариванием в деле о несостоятельности, режим ответственности контролирующих лиц. На материале ВКР подтвержден вывод о том, что полное слияние двух нормативных массивов в единый кодифицированный акт для современной российской правовой системы выглядит преждевременным. Более продуктивная модель связана с поэтапным сближением: унификацией терминологии, согласованием процедур, выработкой специального режима корпоративного управления при появлении признаков неплатежеспособности, уточнением правил о сделках, синхронизацией регулирования реорганизации, ликвидации и банкротства, развитием цифровой консолидации.

Ключевые слова: корпоративное законодательство, несостоятельность, банкротство, консолидация законодательства, систематизация права, корпоративное управление, сделки должника, контролирующие лица, сравнительно-правовой анализ, цифровая консолидация.

CHATTAEV Azamat Ruslanovich
Ph.D. in Law, associate professor of Constitutional and civil law sub-faculty, State University of Education, Moscow

GLUKHOV Evgeniy Robertovich
magister student of Constitutional and civil law sub-faculty, State University of Education, Moscow

PROBLEMS OF CONSOLIDATION OF CORPORATE LEGISLATION AND INSOLVENCY (BANKRUPTCY) LEGISLATION IN RUSSIA: DIRECTIONS FOR IMPROVEMENT AND COMPARATIVE LEGAL BENCHMARKS

The article examines Russian difficulties in consolidating corporate legislation and insolvency (bankruptcy) legislation, outlines directions for improving legal regulation, and selects comparative legal benchmarks. The subject matter covers fragmentation of the normative array, divergence of legal terminology, inconsistency between corporate and insolvency procedures, uncertainty regarding the status of management bodies in the pre-insolvency period, conflicts between corporate approval of transactions and their later avoidance in insolvency proceedings, and the liability regime of controlling persons. The paper supports the conclusion that a full merger of the two normative arrays into a single codified act would be premature for the present stage of Russian legal development. A more productive model is gradual convergence through unification of terminology, coordination of procedures, elaboration of a special corporate governance regime once signs of insolvency emerge, clarification of transaction rules, synchronization of reorganization, liquidation and insolvency regulation, and development of digital consolidation tools.

Keywords: corporate legislation, insolvency, bankruptcy, consolidation of legislation, legal systematization, corporate governance, debtor transactions, controlling persons, comparative legal analysis, digital consolidation.

Научная проблема в исследуемой сфере выражена в нескольких взаимосвязанных положениях. Российское регулирование корпоративных отношений и несостоятельности построено вокруг близких, но не совпадающих целей. Корпоративное право организует внутреннее устройство юридического лица, распределение компетенции органов, защиту интересов участников, правила совершения сделок, реорганизацию и прекращение деятельности. Право несостоятельности подчинено иной логике: сохранению имущественной массы, восстановлению платежеспособности либо упорядоченному выходу с рынка при приоритете интересов кредиторов [1].

Проблема сосредоточена не только в количестве действующих актов, но и в их внутренней несогласованности. Нормы обычного режима деятельности корпорации размещены в Гражданском кодексе Российской Федерации и специальных законах о хозяйственных обществах. Предписания, рассчитанные на кризисную фазу, сконцентрированы в законе о несостоятельности и в судебных разъяснениях. Между названными слоями отсутствует устойчивая терминологическая и процедурная стыковка [2, с. 213-214].

Российские предпосылки консолидации формируются под воздействием следующих факторов. Первая предпосылка связана с расхождением понятийного ряда. Корпоративное законодательство опирается на категории участника, акционера, органа управления, крупной сделки, сделки с заинтересованностью, корпоративного договора, реорганизации и ликвидации. Банкротное законодательство использует иную систему координат: должник, конкурсная масса, подозрительная сделка, сделка с предпочтением, контролирующее лицо, арбитражный управляющий, собрание кредиторов, субсидиарная ответственность. Пересечение названных конструкций не образует стройной терминологической связи [3, с. 172-174].

Вторая предпосылка затрагивает режим органов управления при появлении признаков имущественного кризиса. По общему правилу директор и иные органы сохраняют прежний объем полномочий до введения специальных про-

цедур. Между тем хозяйственная ситуация нередко требует иного стандарта поведения задолго до возбуждения дела о банкротстве. Возникает вопрос, в чьих интересах действует директор в переходной зоне: участников общества, самого юридического лица, существующих кредиторов, будущей конкурсной массы либо совокупности названных субъектов [2, с. 214-215].

Третья предпосылка выражена во фрагментарности источников. Российское регулирование распределено между Гражданским кодексом, законами об акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью, законом о несостоятельности, процессуальными актами, подзаконным массивом и судебными разъяснениями. Трудность возникает в тот момент, когда между перечисленными слоями отсутствует точная стыковка [4, с. 142-144].

Нормативное рассогласование наиболее отчетливо проявляется в нескольких узловых точках. Наиболее заметный массив коллизий сосредоточен в регулировании сделок. Корпоративное право выстраивает механизм одобрения крупных сделок и сделок с заинтересованностью, исходя из внутренней защиты общества и его участников. Банкротное право оценивает те же действия под иным углом: через ущерб конкурсной массе, предпочтение отдельному кредитору, вывод активов, злоупотребление фактическим влиянием. Корпоративное одобрение само по себе не нейтрализует банкротный риск [5].

Другой узел связан с соотношением реорганизации, ликвидации и банкротных процедур. Корпоративное законодательство допускает добровольное прекращение деятельности и различные формы реорганизации. Закон о несостоятельности исходит из иной логики: при наличии установленных оснований на первый план выходит коллективная защита кредиторов. На практике решение участников о ликвидации либо о реорганизации нередко используется как средство отсрочки конкурсной процедуры или перераспределения активов накануне кризиса [7].

Еще один узел связан с ответственностью контролирующих лиц. Для корпоративного права характерен акцент на внутреннем устройстве управления и на пределах компетенции органов. Для права несостоятельности - на фактическом влиянии на поведение должника, на стандарте осмотрительности, на причинной связи между действиями контролирующего лица и имущественным дефицитом. Устойчивой практике требуется более точная связь между корпоративными обязанностями директора и специальными банкротными последствиями их нарушения [9].

Сравнительно-правовые ориентиры позволяют увидеть иные модели согласования корпоративного и банкротного регулирования. Сравнительный материал показывает, что зарубежные правопорядки редко идут по пути полного растворения корпоративного массива в банкротном. Намного чаще встречается иная модель: раздельные, но согласованные источники с высокой плотностью переходных правил. Великобритания сохраняет именно такую конструкцию: правила о несостоятельности сосредоточены в специальном акте, корпоративное управление регулируется отдельным массивом, а согласованность достигается через точную стыковку источников и устойчивые стандарты поведения директора [8].

Сингапур продемонстрировал результативность крупного специального акта о реструктуризации и прекращении деятельности при сохранении самостоятельного корпоративного регулирования. Опыт США подтверждает ту же линию: федеральное право несостоятельности функционирует рядом с корпоративными конструкциями, формируемыми на уровне штатов. Германская модель опирается на ясность перехода от обычного режима деятельности предприятия к коллективной защите кредиторов [10].

Право Европейского союза демонстрирует еще одну линию - многоуровневую гармонизацию. На наднациональном уровне приоритет отдан согласованию материальных и процессуальных правил, а не подготовке единого кодекса. Материалы ЮНСИТРАЛ движутся в сходном направлении и подтверждают продуктивность точечной координации процедур [11].

Направления совершенствования российского регулирования просматриваются по следующим линиям. Первое направление связано с унификацией понятийного ряда. Российскому праву требуется единый словарь для предбанкротной стадии: признаки кризисного состояния, корпоративные решения, создающие риск для кредиторов, стандарт должной осмотрительности директора, критерии допустимого перераспределения активов, границы корпоративной автономии в зоне имущественной нестабильности [3, с. 173-176].

Второе направление затрагивает закрепление специального режима корпоративного управления при появлении признаков неплатежеспособности. Целесообразно законодательно обозначить поэтапную трансформацию стандарта поведения директора и иных органов. Пока должник сохраняет платежеспособность, приоритет остается за корпоративной автономией. После достижения нормативно очерченной зоны риска усиливается обязанность учитывать интересы кредиторов и воздерживаться от действий, ухудшающих имущественное положение общества [10].

Третье направление связано с согласованием корпоративного одобрения сделок и их банкротной оценки. Законодателю стоит установить прямую нормативную связку между правилами о крупных сделках, сделках с заинтересованностью и специальными основаниями банкротного оспаривания [6].

Четвертое направление выражено в синхронизации правил о реорганизации, ликвидации и несостоятельности. Реорганизация или добровольная ликвидация при наличии признаков имущественного кризиса не должны превращаться в средство ухода от коллективного режима расчетов с кредиторами [7].

Пятое направление касается ответственности контролирующих лиц. Требуется более прозрачная связь между корпоративными обязанностями по управлению юридическим лицом и специальными последствиями в деле о несостоятельности [9].

Шестое направление связано с официальной цифровой консолидацией. Высокая подвижность законодательства затрудняет подготовку статичного укрупненного акта. По данной причине для России особенно пригоден официальный цифровой свод взаимосвязанных корпоративных и банкротных норм с динамическими ссылками, тематической навигацией и маркировкой коллизионных зон [4, с. 142-147].

Результаты исследования позволяют сформулировать следующие выводы. Российская проблема сосредоточена не в простом количестве актов, а в рассогласовании целей, понятий и процедур на стыке корпоративного права и несостоятельности. Наиболее уязвимые зоны просматриваются в регулировании сделок, в переходе от корпоративной автономии к приоритету интересов кредиторов, в разграничении реорганизации, ликвидации и конкурсного режима, в определении стандарта поведения контролирующих лиц [2, с. 213-216].

Для отечественной правовой системы предпочтителен ступенчатый путь: унификация терминологии, выстраивание переходного режима управления при финансовом кризисе, согласование правил о сделках, развитие цифровой консолидации, усиление судебной координации. Сравнительный материал подтверждает преимущество точной координации взаимосвязанных источников перед одномоментным тотальным слиянием [3, с. 172-180].

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».
2. Рагузова Т. В., Егерева О. А. Правовые проблемы консолидации корпоративного законодательства и законодательства о несостоятельности (банкротстве) // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. - 2024. - № 12-1 (99). - С. 213-216.
3. Зарьков Д. С. Средства и способы консолидации нормативных правовых актов // Правовая политика и правовая жизнь. - 2020. - № 2. - С. 172-180.
4. Липень С. В. Трансформация теории систематизации законодательства в эпоху цифровизации права // Lex Russica. - 2022. - Т. 75. № 2 (183). - С. 132-147.
5. Directive (EU) 2019/1023 of the European Parliament and of the Council of 20 June 2019 on preventive restructuring frameworks.
6. Regulation (EU) 2015/848 of the European Parliament and of the Council of 20 May 2015 on insolvency proceedings.
7. Insolvency Act 1986 (United Kingdom).
8. UK Corporate Governance Code 2024.
9. Title 11 of the United States Code.
10. UNCITRAL Model Law on Cross-Border Insolvency.
11. G20/OECD Principles of Corporate Governance. Paris: OECD, 2023.

DOI 10.46320/2073-4506-2026-4-215-248-250

ДЖАЛИЛОВ Фуад Игбал оглы
аспирант, Международный институт информатизации и государственного управления им. П. А. Столыпина

СООТНОШЕНИЕ РЕСТИТУЦИИ И ВИНДИКАЦИИ ПРИ НАРУШЕНИИ ЗАПРЕТА РАСПОРЯЖЕНИЯ ИМУЩЕСТВОМ

В статье исследуется соотношение реституции и виндикации при совершении сделки в отношении имущества, распоряжение которым запрещено или ограничено. Обосновывается тезис о том, что нарушение запрета распоряжения не должно автоматически переводить спор в режим реституции. Статья 174.1 ГК РФ закрепляет две модели последствий: ничтожность распоряжения при нарушении законного запрета и непротивопоставимость распоряжения управомоченному лицу при нарушении индивидуального запрета. Выбор между реституцией и виндикацией должен определяться анализом источника запрета, вещного эффекта распоряжения, статуса ответчика, публичности ограничения и добросовестности приобретателя. Попытка заменить виндикацию реституцией подрывает статью 302 ГК РФ и разрушает защиту добросовестного приобретателя.

Ключевые слова: реституция, виндикация, запрет распоряжения, статья 174.1 ГК РФ, добросовестный приобретатель, недействительность сделки, банкротство, конкурсная масса, государственная регистрация, непротивопоставимость.

DZHALILOV Fuad Igbal oglu
postgraduate student, P. A. Stolypin International Institute of Informatization and Public Administration

THE RELATIONSHIP BETWEEN RESTITUTION AND VINDICATION IN VIOLATIONS OF A PROHIBITION ON DISPOSAL OF PROPERTY

This article examines the relationship between restitution and vindication in transactions involving property whose disposal is prohibited or restricted. It argues that a violation of a prohibition on disposal should not automatically transfer the dispute to restitution. Article 174.1 of the Civil Code of the Russian Federation establishes two models of consequences: the nullity of a disposal in the event of a violation of a statutory prohibition, and the non-opposition of a disposal to an authorized person in the event of a violation of an individual prohibition. The choice between restitution and vindication should be determined by an analysis of the source of the prohibition, the property effect of the disposal, the status of the defendant, the publicity of the restriction, and the good faith of the acquirer. The attempt to replace vindication with restitution undermines Article 302 of the Civil Code of the Russian Federation and destroys the protection of the bona fide purchaser.

Keywords: restitution, vindication, prohibition of disposal, Article 174.1 of the Civil Code of the Russian Federation, bona fide purchaser, invalidity of transaction, bankruptcy, bankruptcy estate, state registration, non-opposability.

Введение

Споры о распоряжении имуществом вопреки запрету традиционно рассматриваются через категорию недействительности сделки. Такой подход опирается на прямой текст статьи 174.1 ГК РФ: «Сделка, совершённая с нарушением запрета или ограничения распоряжения имуществом, вытекающих из закона, ничтожна в соответствующей части».[1]

Однако ничтожность сделки сама по себе не отвечает на практический вопрос: каким способом имущество должно быть возвращено, кто является надлежащим ответчиком и может ли приобретатель противопоставить истцу свою добросовестность. Статья 174.1 ГК РФ прямо различает нарушение законного запрета и нарушение запрета, установленного в пользу кредитора; во втором случае закон связывает последствия с осведомлённостью приобретателя о запрете.

Реституция и виндикация защищают разные интересы [4, с. 76-89], [7, с. 15-20]. Реституция устраняет имущественный сдвиг между сторонами недействительной сделки. Виндикация защищает собственника против незаконного владельца. При нарушении запрета распоряжения эти конструкции конкурируют: истец заинтересован в реституционной квалификации, чтобы избежать ограничений статьи 302 ГК РФ; ответчик стремится перевести спор в виндикационную плоскость и сослаться на добросовестное приобретение.

Основной тезис статьи: статья 174.1 ГК РФ не создаёт универсального реституционного способа возврата имущества. Она требует различать недействительность сделки, вещный эффект распоряжения и пределы противопоставимости приобретения лицу, в интересах которого установлен запрет. Реституция применима между сторонами запрещённой сделки, а требование к последующему владельцу должно квалифицироваться как вещное.

1. Ошибка реституционного автоматизма

Реституционный автоматизм строится на простой формуле: если сделка ничтожна, полученное по ней подлежит возврату. Для отношений между непосредственными сторонами такая логика может быть приемлемой. Но при нарушении запрета распоряжения она становится опасной: имущество может быть отчуждено дальше, зарегистрировано за новым лицом, передано в последующий оборот. Применение реституции без учёта статуса ответчика превращает её в скрытую виндикацию, освобождённую от ограничений статьи 302 ГК РФ.

Ключевой предел реституции сформулирован Конституционным Судом РФ в Постановлении от 21 апреля 2003 г. № 6-П.[2] Конституционный Суд указал: «Если имущество приобретается не у собственника, а у лица, не имевшего пра-

1 Статья 174.1 ГК РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. - 1994. - № 32. - Ст. 3301.

2 Постановление КС РФ от 21.04.2003 № 6-П // СЗ РФ. - 2003. - № 17. - Ст. 1657.

ва его отчуждать, последствием является не двусторонняя реституция, а виндикация». Эта позиция запрещает обход виндикационных ограничений через ссылку на недействительность предшествующей сделки.

Данный подход получил развитие в п. 34–35 Постановления Пленума ВС РФ и ВАС РФ от 29.04.2010 № 10/22:[3] «Если первоначальный контрагент передал объект третьему лицу, надлежащим способом защиты является виндикационный иск к последнему приобретателю». Следовательно, статью 174.1 ГК РФ нельзя читать изолированно от статьи 302 ГК РФ.

2. Две модели статьи 174.1 ГК РФ

Статья 174.1 ГК РФ объединяет две различные модели последствий, смешение которых является главной причиной неверной квалификации споров [3, с. 734-739].

Первая модель (п. 1 ст. 174.1 ГК РФ) касается нарушения законного запрета или ограничения распоряжения имуществом, в том числе из законодательства о несостоятельности. Сделка ничтожна в соответствующей части. Здесь охраняется установленный законом имущественный режим.

Вторая модель (п. 2 ст. 174.1 ГК РФ) касается индивидуального запрета, наложенного в пользу кредитора или иного управомоченного лица. Последствие иное: сделка не препятствует реализации прав такого лица, кроме случаев, когда приобретатель не знал и не должен был знать о запрете. Критерий знания является центральным: приобретатель, осведомлённый о запрете, не может блокировать права управомоченного лица; добросовестный приобретатель нуждается в самостоятельной защите.

Различие принципиально. При законном запрете вопрос: мог ли отчуждатель вообще породить распорядительный эффект в условиях специального правового режима. При индивидуальном запрете вопрос: может ли приобретатель противопоставить своё приобретение управомоченному лицу. Если бы всякое нарушение индивидуального запрета автоматически влекло ничтожность против любого владельца, указание закона на знание приобретателя потеряло бы смысл.

3. Вещный эффект распоряжения и реституция как обязательственное последствие

Для правильного разграничения реституции и виндикации необходимо отделять недействительность сделки от вопроса о вещном эффекте распоряжения. Ничтожность указывает на дефект правового основания, но не всегда отвечает на вопрос о том, возник ли переход права и может ли приобретатель ссылаться на добросовестность. Ничтожность первой сделки не должна механически переноситься на всех последующих приобретателей: один мог действовать недобросовестно, другой — приобрести имущество возмездно, полагаясь на публичные сведения.

Реституция по своей функции не является способом защиты права собственности. Она не отвечает на вопрос о том, кто является собственником вещи, – она устраняет имущественное перемещение между сторонами недействительной сделки. Если ответчик получил имущество непосредственно по ничтожной сделке, реституция может быть надлежащим способом восстановления имущественного положения. Если же имущество ушло к последующему приобретателю, одной ссылки на ничтожность первой сделки недостаточно: к нему нельзя автоматически предъявлять реституционное требование, не проверив добросовестность, возмездность и осведомлённость о запрете. Иначе реституция превращается в вещный иск с облегчённой доказательственной базой, что прямо противоречит Постановлению КС РФ № 6-П.

4. Виндикация, публичность запрета и государственный реестр

Виндикационная квалификация усложняет положение истца, поскольку требует проверки условий статьи 302 ГК РФ. Однако именно эта проверка является правовой ценой стабильности оборота. Верховный Суд РФ в Определении от 19 июня 2020 г. № 301-ЭС17-19678[4] разъяснил: «При оспаривании цепочки сделок в банкротстве необходимо различать реальное и номинальное участие первого приобретателя. Если первый приобретатель реально вступал в договорные отношения с должником – права кредиторов защищаются путём оспаривания по банкротным основаниям с последующей виндикацией к конечному владельцу. Если первое звено было лишь номинальным — допустима реституция против конечного выгодоприобретателя».

Для регистрируемого имущества ключевое значение имеет публичность запрета. Если запрет распоряжения отражён в реестре, приобретателю трудно ссылаться на незнание: разумный участник оборота обязан проверять сведения ЕГРН (абз. 2 п. 38 Постановления № 10/22). Если же запрет не был публично раскрыт, а приобретатель действовал возмездно и полагался на данные реестра, автоматическое изъятие имущества через реституцию подрывает доверие к регистрации.

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 22 июня 2017 г. № 16-П[5] подтвердил: «Лицо, не обеспечившее публичность своего права или не проявившее должной заботы об имуществе, не вправе в полной мере перекладывать риски на добросовестного приобретателя». В спорах о запрете распоряжения этот принцип означает: чем выше публичность запрета, тем слабее защита приобретателя; чем менее запрет доступен для оборота, тем осторожнее должно применяться изъятие имущества.

5. Банкротство: пределы применения статьи 174.1 ГК РФ

В банкротстве статья 174.1 ГК РФ не может использоваться как замена специальным составам оспаривания сделок по главе III.1 Закона о банкротстве.[6] Если сделка совершена до возникновения законного ограничения распоряжения, её нельзя объявлять ничтожной по статье 174.1 ГК РФ только потому, что впоследствии должник стал банкротом: необходимо доказывать подозрительность, предпочтение или иной специальный банкротный дефект. Если же распоряжение совершено после того, как должник утратил возможность самостоятельно управлять конкурсной массой,[7] ничтожность по статье 174.1 ГК РФ обоснована.

3 Постановление Пленума ВС РФ и ВАС РФ от 29.04.2010 № 10/22 // Вестник ВАС РФ. - 2010. - № 6. - Пп. 34-35.

4 Определение СКЭС ВС РФ от 19.06.2020 № 301-ЭС17-19678 по делу № А11-7472/2015.

5 Постановление КС РФ от 22.06.2017 № 16-П // СЗ РФ. - 2017. - № 27. - Ст. 4075.

6 Постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 // Вестник ВАС РФ. - 2011. - № 3. - П. 16. Постановление Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 // Российская газета. – 2015 (30 июня). - Пп. 84-86.

7 П. 5 ст. 213.25 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. - 2002. - № 43. - Ст. 4190.

Данный подход подтверждён Определением СКЭС ВС РФ от 24 апреля 2024 г. № 310-ЭС15-7336(40):[8] применение статьи 174.1 ГК РФ обусловлено наличием действующего законного запрета на момент совершения сделки, а не любой экономической невыгодностью сделки для кредиторов. Постановление Пленума ВС РФ от 25.12.2018 № 48 [6, с. 208-220][9] закрепляет, что сделки по отчуждению имущества должника-гражданина, нарушающие банкротный запрет, оспариваются в том числе по п. 1 ст. 174.1 ГК РФ, однако само по себе это не предрешает способ возврата имущества от последующих приобретателей.

6. Доктринальные основания разграничения

В доктрине сложились три подхода к последствиям нарушения запрета распоряжения [5, с. 310-318], [9]. «Недействительностный» подход – ничтожность автоматически влечёт реституцию против любого владельца — прост, но чрезмерно широк: он не различает непосредственного контрагента и последующего приобретателя. Вещно-правовой подход требует дополнительно выяснить, кто является текущим владельцем, был ли запрет публичен и может ли приобретатель ссылаться на добросовестность. Подход «защищаемого интереса» ориентирует на цель нарушенной нормы: законный запрет допускает более жёсткие последствия; индивидуальный запрет действует через противопоставимость, но не обязательно уничтожает сделку против всех лиц.

Наиболее убедительна смешанная модель: недействительность имеет значение, но не исчерпывает анализа; вещный эффект распоряжения и противопоставимость приобретения должны оцениваться отдельно; последствия нарушения запрета определяются через цель запрета и характер защищаемого интереса. Такая модель позволяет избежать двух крайностей: безусловной защиты приобретателя даже при знании о запрете и автоматического изъятия имущества у любого последующего владельца без проверки добросовестности.

7. Алгоритм разграничения реституции и виндикации

Для судебной практики предлагается следующий алгоритм.

Первый шаг – установить источник запрета: законный (п. 1 ст. 174.1 ГК РФ) или индивидуальный (п. 2 ст. 174.1 ГК РФ). Эти режимы различаются по защищаемому интересу и правовому последствию.

Второй шаг – определить момент возникновения запрета. Если сделка совершена до его возникновения, статья 174.1 ГК РФ не применяется задним числом; используются иные основания или специальные банкротные составы.

Третий шаг – определить правовой эффект запрета. Законный запрет может исключать способность распоряжения породить вещный результат; индивидуальный запрет преимущественно ограничивает противопоставимость приобретения при осведомлённости приобретателя.

Четвёртый шаг – определить ответчика. Сторона ничтожной сделки – возможна реституция. Последующий владелец – требуется виндикационная или иная специальная квалификация; статья 167 ГК РФ не применяется автоматически.

Пятый шаг – проверить публичность запрета: отражён ли он в реестре, мог ли приобретатель его обнаружить.

Шестой шаг – проверить добросовестность приобретателя. Знание о запрете лишает приобретателя защиты; возмездное добросовестное приобретение исключает изъятие имущества через реституцию как обход статьи 302 ГК РФ.

Заключение

Нарушение запрета распоряжения имуществом не порождает единого реституционного последствия. Пункт 1 статьи 174.1 ГК РФ защищает законный режим имущества и предусматривает ничтожность распоряжения. Пункт 2 защищает конкретного кредитора и действует через невозможность противопоставить ему распоряжение при осведомлённости приобретателя.

Реституция и виндикация не являются взаимозаменяемыми средствами защиты. Попытка предъявить к добросовестному приобретателю реституционное требование вместо виндикационного, с целью избежать проверки условий статьи 302 ГК РФ – противоречит Постановлению КС РФ № 6-П и нарушает баланс гражданского оборота. В банкротстве статья 174.1 ГК РФ защищает возникший законный режим конкурсной массы, но не заменяет специальные составы оспаривания сделок.

Наиболее убедительная модель: последствие нарушения запрета распоряжения определяется совокупностью критериев – источником запрета, моментом его возникновения, вещным эффектом распоряжения, статусом ответчика, публичностью ограничения и добросовестностью приобретателя. Только такой подход позволяет согласовать статью 174.1 ГК РФ со статьёй 302 ГК РФ и задачей защиты добросовестного гражданского оборота.

Пристатейный библиографический список

1. Бевзенко Р. С. Защита добросовестно приобретённого владения в гражданском праве: дис. … канд. юрид. наук. – Саратов, 2002.
2. Гражданское право: учебник: в 4 т. / Отв. ред. Е. А. Суханов. – М.: Статут.
3. Недействительность сделки: комментарий к статьям 166-181 ГК РФ / Отв. ред. А. Г. Карапетов. – М.: М-Логос, 2025.
4. Скловский К. И. Сделка и её действие. – М.: Статут, 2012.
5. Скловский К. И. Собственность в гражданском праве. – 6-е изд. – М.: Статут, 2023.
6. Суханов Е. А. Вещное право. – 3-е изд. – М.: Статут, 2024.
7. Тузов Д. О. Реституция при недействительности сделок и защита добросовестного приобретателя. – М.: Статут, 2007.
8. Лоренц Д. В. Юридическая природа притязания об исправлении реестра недвижимости // Журнал российского права. – 2024. – № 9. – С. 40-54.
9. Османова Д. О. Соотношение требований о виндикации и реституции при оспаривании сделок должника-банкрота // Журнал предпринимательского и корпоративного права. – 2023. – № 2. – С. 18-24.

8 Определение СКЭС ВС РФ от 24.04.2024 № 310-ЭС15-7336(40) по делу № А62-7344/2013.

9 Постановление Пленума ВС РФ от 25.12.2018 № 48 // Российская газета. – 2018 (29 декабря). - П. 1.

ФОКИН Антон Юрьевич
аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права, Юридический институт, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

ОХРАНА ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РЕЛИГИОЗНОГО НАЗНАЧЕНИЯ В ИСПАНИИ

Сохранение объектов культурного наследия религиозного назначения имеет огромное значение не только для стран, в которых они находятся, но и для мирового сообщества. Испания является образцовым примером, известным своим богатым религиозным наследием и активной приверженностью его охране.

Целью данного исследования является изучение подходов, используемых Испанией в области охраны объектов культурного наследия религиозного назначения. Благодаря углубленному анализу, охватывающему исторический контекст, правовые рамки и стратегии сохранения, мы можем получить бесценное представление о возникающих проблемах и заслуживающих одобрения практиках, применяемых в стране для поддержания целостности религиозного наследия.

Религия оказывала глубокое влияние на культурную самобытность Испании на протяжении всей ее богатой истории. Страна с гордостью демонстрирует разнообразные религиозные сооружения, которые служат свидетельством ее ушедших эпох – от величественных соборов и монастырей до замысловатых мечетей и синагог. Тем не менее, течение времени вкупе со стихийными бедствиями и деятельностью человека создало значительные угрозы сохранению этих бесценных сокровищ.

Ключевые слова: объекты культурного наследия, объекты культурного наследия религиозного назначения, имущество религиозного назначения, религиозные организации.

FOKIN Anton Yurjevich
postgraduate student of Civil law and process and private international law sub-faculty, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE SITES FOR RELIGIOUS PURPOSES IN SPAIN

The preservation of religious cultural heritage sites is of great importance not only for the countries in which they are located, but also for the international community. Spain is an exemplary example, known for its rich religious heritage and active commitment to its protection.

The purpose of this study is to study the approaches used by Spain in the field of protection of cultural heritage sites for religious purposes. Through in-depth analysis covering the historical context, legal framework, and conservation strategies, we can gain invaluable insight into emerging issues and commendable practices applied in the country to maintain the integrity of religious heritage.

Religion has had a profound impact on Spain's cultural identity throughout its rich history. The country proudly displays a variety of religious buildings that serve as evidence of its bygone eras – from majestic cathedrals and monasteries to intricate mosques and synagogues. Nevertheless, the passage of time, coupled with natural disasters and human activity, has created significant threats to the preservation of these priceless treasures.

Keywords: cultural heritage sites, cultural heritage sites of religious significance, religious property, religious organizations.

To understand the importance of protecting cultural heritage sites of religious significance, it is essential to understand their diverse nature. These sites include religious buildings, revered landscapes, valuable artifacts, and intangible cultural traditions that have deep historical and spiritual value. Spain, for example, has a remarkable array of such places, ranging from iconic landmarks such as Barcelona's Sagrada Familia Cathedral to the medieval Camino de Santiago pilgrimage route.

Spain has taken extensive measures to ensure the protection of these religious heritage sites, creating a reliable legal framework and specialized organizations dedicated to their preservation. This comprehensive approach encompasses national laws, regional regulations, and international conventions that prioritize conservation, restoration, and sustainable tourism. Cooperation between government agencies, non-governmental organizations and local communities has played a key role in the effective protection and promotion of religious heritage sites in Spain.

Having studied Spain's successful efforts to preserve religious heritage, we can identify effective strategies used to address these issues. These include careful restoration work, local community initiatives, and international cooperation, all of which provide invaluable information to other countries seeking to preserve their own religious cultural heritage sites.

In fact, the protection of cultural heritage sites for religious purposes is a collective responsibility that has no borders. This requires constant efforts and cooperation between States and peoples. Spain stands as an exemplary model, emphasizing the importance of a sound legal framework, institutional cooperation and active public participation in the protection of religious heritage. By understanding the successes, obstacles, and best practices associated with the preservation of these sites, we can strive for a more sustainable and optimal approach to protecting our common cultural heritage.

The importance of religious sites in the history of Spain

An object of cultural heritage is fixed in legal and administrative usage and, thus, means the first legal category, something like the "first class" of cultural heritage, as recognized in article nine: "Objects that are part of the historical heritage of Spain, declared by the Ministry, in accordance with the Law objects of cultural interest have special protection and protection" [1].

Spain is a country rich in cultural heritage, especially when it comes to religious monuments. Throughout its history, Spain has been a melting pot of various civilizations, each of which has left an indelible imprint on the religious and architectural

landscape of the country. From ancient Roman temples to medieval cathedrals and Islamic mosques, Spain's religious heritage reflects the intertwining of different faiths and cultures.

1. Roman influence:

The presence of the Roman Empire in Spain, which lasted for centuries, left behind remarkable religious buildings that continue to fascinate visitors with their architectural grandeur and historical significance. These temples, dedicated to various Roman gods, not only served as places of worship, but also reflected the cultural and religious customs of the Roman era.

– Temple of Diana in Merida: Located in the city of Merida, the Temple of Diana is a well-preserved Roman temple dating back to the 1st century AD. It is one of the most impressive Roman buildings in Spain, distinguished by its Corinthian columns and intricate friezes. This temple was dedicated to the goddess Diana, the Roman goddess of hunting, and served as a center for religious ceremonies and rituals.

– Temple of Augustus in Barcelona: Located in the heart of Barcelona's Gothic quarter, the Temple of Augustus is a testament to the city's Roman past. Built in the 1st century BC, this temple was dedicated to Emperor Augustus and was once part of the larger Roman forum complex. Despite the partial reconstruction, it still demonstrates the grandeur and architectural skill of the Roman civilization.

These Roman religious sites not only demonstrate the architectural and engineering prowess of the Roman Empire, but also provide valuable information about religious practices and beliefs of the time. Their preservation and protection are vital to understanding Spain's rich historical and cultural heritage.

2. Christian Heritage:

Christianity has played a significant role in shaping Spain's religious landscape, with a variety of architectural styles and religious practices. The country is home to numerous magnificent cathedrals and monasteries, many of which have become iconic landmarks and places of pilgrimage. If we take Spain as an example for a detailed examination, it turns out that of the 41 objects included in the official list, 10 objects are religious monuments, and in another 9 objects religious elements form an important part.; Thus, almost half (46.5 %) of the sites included in the UNESCO World Heritage List are associated with Christianity [2].

– Sagrada Familia Church: Located in Barcelona, the Sagrada Familia Cathedral is an unusual basilica designed by renowned architect Antoni Gaudi. Construction began in 1882 and continues to this day, completion is expected in the coming years. Its unique combination of Gothic and Art Nouveau elements, intricate facades and tall spires make it one of the most recognizable religious buildings in Spain.

– Santiago de Compostela Cathedral: Located in the city of Santiago de Compostela, the cathedral is the final destination of the Camino de Santiago pilgrimage route. It is believed that the cathedral is the burial place of St. James the Apostle, and attracts thousands of pilgrims every year. Its Romanesque and Baroque architecture, including the famous Portico of Glory, showcases the rich artistic heritage of the region.

– Toledo Cathedral: Known as the "Cathedral of the Primate of Toledo", it is a masterpiece of Spanish Gothic architecture. Built in the 13th century, this imposing cathedral houses an impressive art collection, including paintings by El Greco. Its high ceilings, intricate stained glass windows and exquisite altars make it a must-see for art and history lovers.

– Montserrat Monastery: Located in the Montserrat mountain range near Barcelona, Montserrat Monastery is a symbol of Catalan spirituality. Set amidst stunning nature, the monastery is home to the revered statue of the Black Madonna, attracting pilgrims and visitors alike. It is also home to the famous boys' choir known as Escolania de Montserrat.

3. Islamic heritage:

The period of Islamic rule in Spain, known as Al-Andalus, left an indelible mark on the cultural heritage of the country's religious destination, transforming the architectural landscape and influencing artistic expression. Islamic architecture in Spain is characterized by a fusion of different styles, intricate geometric patterns and exquisite ornaments reflecting the cultural exchange that took place during this period.

Mesquita of Cordoba is a striking example: the original Visigothic church, which became the cathedral mosque of Cordoba during the caliphate, now known as Mesquita, is a vivid example of the cultural synthesis that took place during the time of Al-Andalus. Built in the 8th century, it has undergone several expansions and renovations over the centuries, resulting in a unique combination of Islamic, Gothic, Renaissance and Baroque elements. The famous horseshoe arches, the intricately decorated mihrab and the serene prayer hall with a forest of columns are impressive architectural features.

Such architectural masterpieces are a testament to the exquisite artistic and architectural achievements of Al-Andalus. They serve as a reminder of the cultural exchange, tolerance and coexistence that characterized this era, leaving an indelible legacy in Spain's religious and architectural heritage.

After eight centuries of presence on the Iberian Peninsula, through this historical experience, which became known as al-Andalus, Islamic culture has accumulated an exceptional artistic and architectural heritage. The contribution of Andalusian masters, despite their peripheral position in the context of Dar al-Islam, raised their voice by creating works that achieved a special and brilliant interpretation of the great motifs generated by a civilization whose memory, though mythologized, is preserved even today [3].

Threats and risks to cultural heritage sites

Despite the enormous historical and cultural value of cultural heritage sites for religious purposes in Spain, they face various threats and risks that endanger their preservation. These problems are caused by both natural and human factors.

1. Natural disasters. Spain is prone to natural disasters such as earthquakes, floods and wildfires. These natural disasters pose a significant risk to religious cultural heritage sites, which are often built using delicate materials (painted and varnished surfaces of decorative elements, wood, marble, crystal, etc.) and complex architectural elements. Earthquakes, for example, can cause structural damage to ancient buildings, while floods and forest fires can destroy valuable artifacts and documents stored in religious sites.

2. Environmental degradation. Climate change and environmental degradation also pose a threat to religious cultural heritage sites. Rising sea levels and coastal erosion can endanger religious cultural heritage sites located near the coastline, such as the monastery of San Juan de Gaztelugatche in the Basque Country. In addition, air pollution and acid rain can accelerate the deterioration of building materials, which eventually leads to permanent damage.

3. Urbanization and development. Rapid urbanization and uncontrolled development can have a detrimental impact on religious cultural heritage sites. Infrastructure expansion and development projects often affect historical areas, leading to the

destruction or redevelopment of such facilities. The construction of modern buildings in the immediate vicinity of these sites can also affect their visual integrity and cultural significance. Urban growth without proper planning has a devastating impact, endangering the authenticity and integrity of historical and religious sites. This directly affects their cultural value, which cannot but cause concern. Protected natural areas are easy prey for speculative and predatory development, as the urban threats emanating from them exhibit extraordinary polymorphism [4]. It is in such territories that religious cultural heritage sites are often located.

4. Vandalism and theft. Religious cultural heritage sites are not immune from acts of vandalism and theft. Valuable works of art, religious artifacts, and other valuable items can become targets for criminals seeking to profit from the black market trade in cultural heritage items. Vandalism, whether caused by ideology or simple disregard for cultural heritage, can cause irreparable damage to religious sites, depriving future generations of their historical and artistic significance. Many religious cultural heritage sites also suffer during armed conflicts. In particular, the Spanish Criminal Code contains provisions for the protection of cultural heritage sites in the context of military operations. Article 613 of Chapter III of the Criminal Code provides for the punishment of an attack, misuse, appropriation, theft, looting or vandalism of cultural property in connection with an armed conflict in the form of imprisonment for a term of four to six years and provided that such valuables are not located in the immediate vicinity of a military facility or They are not used to support military operations and are properly designated [5].

Addressing such threats and risks requires a multifaceted approach involving government agencies, local communities, and international organizations. Conservation efforts, strict regulations and public awareness campaigns are vital to ensure the protection and preservation of cultural heritage sites of religious significance in Spain for future generations.

Authorities responsible for the protection and preservation of cultural heritage sites for religious purposes in Spain

In Spain, various governmental and non-governmental bodies are responsible for the protection and preservation of cultural heritage, including religious sites and sites. These organizations play a crucial role in developing policies, implementing regulations and ensuring the preservation of Spain's rich religious cultural heritage.

1. Institute of Cultural Heritage of Spain (ICNI) (Instituto del Patrimonio Cultural de España, IPCE): ICNI is the central government body responsible for the preservation, research and promotion of cultural heritage sites in Spain, including religious sites. It oversees the implementation of national policies and cooperates with regional and local authorities.

2. Ministry of Culture and Sports (Ministerio de Cultura y Deporte): The Ministry of Culture and Sports plays an important role in developing policies and legislation for the protection of cultural heritage in Spain. It coordinates its actions with various organizations and authorities to ensure the preservation of religious cultural heritage. In this industry, as in others, Spain is open to foreign experience. Based on the above-mentioned state policy and taking into account the specifics of the cultural heritage sector, both the Ministry of Culture (MC) and the National Institute of Cultural Heritage are creating risk management units to respond to threats of natural and anthropogenic risks, coordinated by a working desk, which is visited once a month by institutional delegates [6]. This example of interagency cooperation in Ecuador has been successfully applied in Spain.

3. Regional Governments: The autonomous communities of Spain have their own cultural heritage protection agencies responsible for protecting religious sites and sites within their respective regions. These authorities work in collaboration with the central Government and local municipalities to ensure compliance with regulations and implement environmental initiatives.

4. Local municipalities: Local authorities play a crucial role in protecting cultural heritage sites for religious purposes. They often have departments or offices dedicated to heritage preservation, and they work closely with regional and national authorities to protect religious cultural heritage sites within their jurisdiction.

Spanish legislation regulating the protection of cultural heritage

Spain has established a comprehensive legal framework to protect its cultural heritage, including religious heritage sites. Some key laws and regulations related to this area are listed below.

1. The Law on Historical Heritage (Ley de Patrimonio Histórico Español): Adopted in 1985, this law provides the legal framework for the protection, preservation and promotion of the cultural heritage of Spain, including cultural heritage sites for religious purposes. It establishes procedures for their declaration, classification and protection. The legal status of an object of cultural heritage, mainly regulated by the first section of the Law 16/1985 of June 25 on the historical heritage of Spain, undoubtedly forms the central axis of the entire regulatory system for the protection of cultural heritage in Spain.

2. Laws of the Autonomous Communities on cultural heritage: Each autonomous community of Spain has its own legislation concerning the protection of cultural heritage. These regional laws complement the national framework and address specific regional needs and concerns.

3. Catalogues of historical and artistic heritage: The creation of catalogues or inventories containing a list of significant religious sites and sites is an important tool for their protection. These catalogs help to identify and document the cultural value of religious heritage, allowing authorities to take appropriate measures to preserve them. An example is the Main Catalog of the Historical Heritage of Andalusia.

Spain's policy on the preservation of cultural heritage sites for religious purposes

The Spanish Government recognizes the importance of religious cultural heritage sites and has adopted a policy aimed at ensuring its preservation. This policy covers various aspects, including conservation, restoration, research, and advocacy. Key elements of the Spanish policy of preserving religious cultural heritage include:

1. Preservation and restoration. The Government encourages and supports initiatives for the preservation and restoration of religious cultural heritage sites. Financial assistance, grants, and technical expertise are provided to facilitate the maintenance and repair of these significant cultural assets.

2. Research and documentation. The Spanish Government encourages research and documentation related to religious cultural heritage. This includes archaeological excavations, historical research, and the compilation of comprehensive reports to deepen understanding of these sites and sites.

3. Education and awareness. Raising public awareness and appreciation of religious cultural heritage sites is an essential component of the conservation policy for such sites. The Government organizes educational programs, exhibitions, and cultural events to engage the public and foster a sense of responsibility towards these valuable objects.

4. Cooperation and partnerships. The Spanish Government actively cooperates with religious institutions, non-governmental organizations and international organizations in order to protect and preserve religious cultural heritage sites. Partnerships facilitate the exchange of knowledge, expertise and resources, contributing to the effective protection of these facilities.

5. Regulatory and legal support. Spain is taking all possible measures to legislatively ensure the protection of cultural heritage sites for religious purposes. The Spanish Historical Heritage Act is an important aid in this regard. As the ultimate goal, the Law seeks nothing less than access to cultural heritage sites that make up our historical heritage. All the measures of protection and support provided for by Law make sense only if they eventually lead to the fact that an increasing number of citizens will be able to enjoy and contemplate the works that are the legacy of the collective potential of the people. Because in a democratic state, these facilities should be properly put at the service of society, since using them facilitates access to culture and this is, ultimately, the right way to freedom of peoples [7].

Conclusion

The protection of cultural heritage sites of religious significance in Spain is of paramount importance. These places represent not only historical and artistic value, but also deep spiritual and cultural significance for the people of Spain and visitors from all over the world. Recognizing the importance of these sites, Spain has implemented a comprehensive system of legislation, policies and joint efforts to protect and preserve its cultural heritage for religious purposes.

The historical review highlighted Spain's rich religious heritage, showcasing the diversity of places and sites that contribute to the country's cultural identity. From majestic cathedrals to modest chapels, from sacred artifacts to works of religious art, these treasures reflect the country's religious traditions and architectural brilliance.

The legislation and policy reviewed in this area highlighted the Spanish Government's concerted efforts to protect and preserve religious cultural heritage. Through the interaction of bodies such as the Spanish Cultural Heritage Institute with regional governments and municipalities, there is a collective responsibility for compliance with regulations and the implementation of initiatives to preserve cultural heritage sites for religious purposes.

The Spanish policy on the preservation of religious cultural heritage sites has demonstrated a holistic approach that includes conservation, restoration, research and educational activities in this area. By investing in the preservation and restoration of religious cultural heritage sites, promoting research and documentation in this area, raising public awareness and strengthening cooperation, Spain is actively working to ensure the long-term protection of its religious cultural heritage.

It is extremely important to recognize that the preservation of these sites is the responsibility not only of the Government and organizations, but also of individuals. Public participation, respect, and responsible tourism and pilgrimage practices are vital to preserving the integrity and authenticity of these sites for future generations.

The protection of cultural heritage sites of religious significance in Spain is an ongoing task. This requires continued commitment, resources, and collaboration at all levels. By appreciating and protecting these treasures, Spain not only preserves its past, but also enriches its present and future. These places serve as bridges between generations, promoting cultural understanding and uniting people through a common history and spirituality.

As we move forward, it is important to prioritize the protection of religious cultural heritage, ensuring that these sites remain an integral part of Spain's cultural landscape. By doing so, people will honor the past, be inspired by the present, and leave a lasting legacy to future generations.

Bibliographic list of articles

1. Carlos L. B. Interrelación de las categorías legales de protección del Patrimonio Cultural en España. PH 27 (1999). – Especial Monográfico: Multiculturalidad. Jardines históricos. – [Electronic resource]. – Access mode: https://idus.us.es/bitstream/handle/11441/57346/Interrelaci%C3%B3n%20de%20las%20categor%C3%ADas%20legales%20de%20protecci%C3%B3n%20del%20Patrimonio%20Cultural%20en%20Espa%C3%B1a.pdf?sequence=1.
2. Francisco J. La Cultura Cristiana y el Patrimonio Inmaterial. San Lorenzo del Escorial 2013. – Pp. 9-52. – ISBN: 978-84-15659-13-6. – [Electronic resource]. – Access mode: https://dialnet.unirioja.es/descarga/articulo/4715021.pdf.
3. Roldán C. F. El mundo árabe como inspiración. Estudios árabo-islámicos de almonaster la Real, 2012. – [Electronic resource]. – Access mode: https://personal.us.es/jcre/uploads/Publicaciones/Capítulos%20de%20libros/La%20herencia%20del%20Islam%201.pdf.
4. Carmen D. V. "Urbanización sin fronteras" el acoso urbanístico a los espacios naturales protegidos. Boletín de la Asociación de Geógrafos Españoles. – ISSN 0212-9426. – ISSN-e 2605-3322. – Nº 47. – 2008. – Págs. 271-310. – [Electronic resource]. – Access mode: https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=3093618.
5. Encarnación M. R. – El delito de daños al patrimonio histórico. – Universidad de Granada (España), 2016. – [Electronic resource]. – Access mode: https://digibug.ugr.es/bitstream/handle/10481/43532/26082500.pdf?sequence=6&isAllowed=y.
6. Luz de Lourdes H. Patrimonio Cultural de España. – 2012. – [Electronic resource]. – Access mode: https://formacion.uam.es/pluginfile.php/187/mod_resource/content/6/PatrimonioCulturalEspa%C3%B1a_6%20%281%29.pdf.
7. Beatriz G. M. Los bienes culturales de interés religioso: propuestas para una reforma legislativa. – Universidad de Vigo, 1996. – [Electronic resource]. – Access mode: https://www.boe.es/biblioteca_juridica/anuarios_derecho/abrir_pdf.php?id=ANU-E-1996-10011300162.

ШТУМАК Роман Анатольевич
аспирант кафедры процессуального права, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ); адвокат Ростовской областной коллегии адвокатов «Штумак»

ФЕДОРЕНКО Наталия Владимировна
доктор социологических наук, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой процессуального права Ростовского государственного экономического университета (РИНХ); председатель Арбитражного суда Ростовской области в заслуженной отставке

К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕНЕНИИ ВНУТРЕННЕГО СОДЕРЖАНИЯ ИНСТИТУТА ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ ПРИ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЕ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ФИНАНСОВЫХ УСЛУГ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

В статье рассматривается вопрос о воздействии цифровизации гражданского судопроизводства России на процессуальную добросовестность при судебной защите прав потребителей финансовых услуг. Отмечается, что цифровизация гражданского процесса способствует повышению доступности судебной защиты, вместе с тем создает новые риски, которые могут привести к негативным процессуальным последствиям. Авторы исходят из того, процессуальным оппонентом является профессиональный участник рынка - финансовая организация. Показано, что в условиях цифровизации у финансовых организаций появляется фактическое процессуальное преимущество, которое выражается не в большем объеме процессуальных прав, а в профессиональном использовании информационных технологий в гражданском судопроизводстве. Обосновывается вывод о том, что внутреннее содержание процессуальной добросовестности трансформируется под влиянием цифровизации гражданского процесса. В статье также указывается на необходимость законодательного закрепления критериев злоупотребляющего поведения. Наряду с критерием цели и критерием воли лица предлагается учитывать критерий технической осведомленности, позволяющий суду оценивать добросовестность процессуального поведения при использовании информационных технологий.

Ключевые слова: цифровизация гражданского процесса, процессуальная добросовестность, процессуальное поведение, злоупотребление правом, критерии злоупотребляющего поведения, судебная защита прав потребителей финансовых услуг, финансовая организация.

STUMAK Roman Anatoljevich
postgraduate student of Procedural law sub-faculty, Rostov State University of Economics (RINE); lawyer at the Rostov Regional Bar Association «Shtumak»

FEDORENKO Nataliya Vladimirovna
Ph.D. in sociological sciences, Ph.D. in Law, professor, Head of Procedural law sub-faculty, Rostov State University of Economics (RINE); Chairman of the Arbitration Court of the Rostov Region in Honored Retirement

ON THE ISSUE OF CHANGING THE INTERNAL CONTENT OF THE INSTITUTION OF PROCEDURAL INTEGRITY IN THE JUDICIAL PROTECTION OF THE RIGHTS OF CONSUMERS OF FINANCIAL SERVICES IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF THE CIVIL PROCESS

The article examines the impact of the digitalization of Russian civil proceedings on procedural good faith in the judicial protection of the rights of consumers of financial services. It is noted that the digitalization of civil proceedings helps to increase the accessibility of judicial protection, but at the same time creates new risks that may lead to negative procedural consequences. The authors proceed from the fact that the procedural opponent is a professional market participant - a financial organization. It is shown that in the context of digitalization, financial organizations acquire a de facto procedural advantage, which is expressed not in a greater scope of procedural rights, but in the professional use of information technologies in civil proceedings. The article substantiates the conclusion that the internal content of procedural good faith is transformed under the influence of the digitalization of civil proceedings. The article also points out the need for legislative consolidation of criteria for abusive procedural conduct. Along with the criterion of purpose and the criterion of the will of the person, it is proposed to take into account the criterion of technical awareness, which allows the court to assess the good faith of procedural conduct when information technologies are used.

Keywords: digitalization of the civil process, procedural integrity, procedural behavior, abuse of rights, criteria for abusive behavior, judicial protection of the rights of consumers of financial services, financial organization.

Цифровизация гражданского процесса способствует повышению доступности судебной защиты, вместе с тем, появляются новые риски, которые могут привести к негативным последствиям. Цифровизация влияет на внутреннее содержание правовых институтов. Например, при внесении изменений в нормы гражданского процессуального законодательства, предусматривающие возможность использования информационных технологий, создаются предпосылки для злоупотребления процессуальными правами. Дискуссионным представляется вопрос о воздействии цифровизации гражданского судопроизводства России на процессуальную добросовестность. Наиболее показательно это происходит при судебной защите прав потребителей финансовых услуг.

Потребителем финансовых услуг является физическое лицо, получающее услугу исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, что позволяет говорить о том, что в судебной защите нуждается субъект, который может не обладать достаточными юридическими знаниями и ресурсами для эффективной судебной защиты в сравнении

с процессуальным оппонентом, финансовой организацией, являющейся профессиональным участником рынка.

Таким образом, цель состоит в выявлении изменения внутреннего содержания института процессуальной добросовестности при судебной защите прав потребителей финансовых услуг в условиях цифровизации гражданского процесса.

Процесс цифровизации влияет не только на правосудие, но также и на доступность предоставления финансовых услуг, что влечет повышение количества потребителей финансовых услуг. Устимова С. А. отмечает, что цифровизация финансовых услуг в своем развитии нуждается в постоянном совершенствовании механизма защиты прав граждан [1, с. 202].

Важность судебной защиты прав потребителей финансовых услуг обусловлена как высоким уровнем развития рыночных отношений в Российской Федерации, так и социальной ролью финансовых услуг для потребителей.

Цифровизация правосудия объективно создает дополнительные преимущества для профессиональных участников финансового рынка. Отметим, что Рахманина Н. В. классифицирует финансовые организации в зависимости от видов осуществляемой деятельности на кредитные организации; организаторы инвестирования; страховщики; микрофинансовые организации; организации, оказывающие прочие финансовые услуги [2, с. 27]. Данная классификация позволяет отразить реальное многообразие сфер деятельности финансовых организаций и одновременно выделить их общий признак — профессиональное участие на финансовом рынке, которое, как правило, предполагает более высокий уровень организационной, информационной и технической обеспеченности по сравнению с потребителем финансовых услуг.

Задорожний П. С. анализируя нормативное определение финансовой услуги, выделяет, что финансовая услуга оказывается на финансовом рынке, что предполагает наличие специального правового режима и требований к субъектам, оказывающим такие услуги [3, с. 297]. Нурмашева М. А. подчеркивает, что защита прав потребителей финансовых услуг в суде и досудебном порядке играет важную роль в обеспечении справедливости и законных интересов граждан [4, с. 282].

Таким образом, финансовые организации являются профессиональными участниками финансового рынка, обладающими специальным правовым режимом, а также организационными, финансовыми и техническими ресурсами, что в условиях цифровизации гражданского процесса позволяет им более эффективно реализовывать процессуальные права, учитывая наработанный опыт в использовании информационных технологий, в том числе электронных сервисов для подачи процессуальных документов. В ряде случаев процесс взыскания задолженности со стороны кредитных организаций фактически приобретает признаки автоматизированного «процессуального конвейера». Таким образом, в процессе цифровизации у финансовых организаций появляется фактическое процессуальное преимущество, которое выражается не в большем объеме процессуальных прав, а в профессиональном использовании информационных технологий в гражданском судопроизводстве.

Русакова Е. П. отмечает, что под воздействием цифровизации значительно усложняются способы разрешения споров и их характер [5]. Развитие гражданского процессуального законодательства обеспечивает возможность использования цифровых технологий в гражданском судопроизводстве, например это выражается в возможности электронной подачи процессуальных документов, участия в судебном заседании путем использования системы веб-конференции и выдачи исполнительных документов в форме электронного документа. Возможность использования новых информационных технологий в гражданском судопроизводстве создает условия для появления новых форм злоупотребления процессуальными правами, что потенциально препятствует эффективной судебной защите прав потребителей финансовых услуг. Представляется, что в условиях цифровизации гражданского судопроизводства внутреннее содержание института процессуальной добросовестности объективно трансформируется.

Е. А. Фокин выделяет, что на современном этапе сложилось три подхода к пониманию добросовестности в процессуальном праве:

1) добросовестное процессуальное поведение – это прямая обязанность лиц, участвующих в деле, согласно ст. 35 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации;

2) добросовестность – принцип гражданского процесса;

3) добросовестное процессуальное поведение – правовая презумпция, связанная с институтом доказывания [6, с. 2].

Добросовестность не закреплена в качестве самостоятельного принципа в ГПК РФ, однако выступает оценочной категорией для суда при определении допустимого поведения участников гражданского процесса, в том числе при использовании информационных технологий для реализации процессуальных прав и исполнения процессуальных обязанностей. Процессуальная добросовестность менее развита, чем институт добросовестности в гражданском праве.

Предположение, что возможен риск недобросовестного процессуального поведения со стороны финансовых организаций, обосновано также и тем, что в судебной практике, периодически выявляется злоупотребление кредитором своим доминирующим положением, например в Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 06.06.2017 N 37-КГ17-6.

Примером нарушения процессуальной добросовестности, является указание кредитными организациями адреса должника с ошибкой, с целью пропуска срока на отмену или обжалование судебных актов. Вместе с тем повышенные риски злоупотребления процессуальными правами, с целью затруднить судебную защиту прав потребителей финансовых услуг, возникают в случаях, когда банковские организации незначительные долги передают в порядке цессии профессиональным взыскателям, которые, в свою очередь, в дальнейшем осуществляют принудительное взыскание.

Показательным подтверждением наличия указанной проблемы является внесение в 2025 году в Государственную Думу законопроекта № 924218–8 «О внесении изменения в статью 122 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации», которым предлагалось ограничить возможность микрофинансовых и профессиональных коллекторских организаций взыскивать задолженность в порядке приказного производства. В пояснительной записке было отражено, что «существует большое количество профессиональных процессуальных уловок», а также что «профессиональные взыскатели же не отличаются добросовестностью в своем поведении». Данный законопроект, по нашему мнению, имел реальную возможность создать дополнительные гарантии при судебной защите прав потребителей финансовых услуг, однако был отклонен, в связи с тем, что он не

отвечал сути приказного производства, а также предполагал увеличение судебных расходов.

Д. И. Крымский и А. В. Мельникова высказывают мнение, что «в силу недостаточности специальной научной литературы, посвященной данному вопросу, пока невозможно сделать однозначный вывод о том, что цифровизация правосудия обязательно повлечет появление новых видов процессуальных злоупотреблений» [9, с. 112]. Однако нам представляется совершенно объективным и неизбежным, что цифровизация цивилистического судопроизводства создает новые и изменяет существующие способы злоупотребления правом в гражданском процессе. Предполагается, что новыми формами процессуального злоупотребления в условиях цифровизации гражданского процесса является представление доказательств, созданных или измененных с использованием искусственного интеллекта, искусственное создание технических сбоев при участии в судебном заседании посредством использования системы веб-конференции, а также электронная подача процессуальных документов от иного лица.

ГПК РФ не содержит критериев, на основании которых суд, пользуясь дискреционными полномочиями, определит поведение стороны как злоупотребление процессуальным правом.

И. Н. Тарасов указывает, что наиболее корректными критериями для идентификации поведения как злоупотребляющего являются критерий цели и критерий воли лица [7, с. 14]. Суду необходимо установить желаемый результат, а также степень умышленности совершения данных действий.

Необходимо отметить недостаточность научной разработанности института процессуальной добросовестности в условиях цифровизации, в частности отсутствуют критерии оценки добросовестного поведения при использовании информационных технологий. В связи с активным внедрением информационных технологий в гражданское судопроизводство, считаем необходимым также дополнительно выделить критерий «технической осведомленности», позволяющий суду установить, реально ли лицо действует недобросовестно, так, например при одной и той же ситуации, финансовая организация профессионально и системно использует информационные технологии.

В научной литературе отмечается, что в ГПК РФ целесообразно установить критерии для квалификации действий лиц, участвующих в деле, в качестве злоупотребления правом [8, с. 152]. Таким образом, критериями для идентификации поведения как злоупотребляющего необходимо закрепить критерий цели, критерий воли лица и критерий технической осведомленности. Предложенные критерии такого поведения позволят суду правильно оценивать процессуальное поведение сторон. Законодательное закрепление критериев позволит суду и участникам определить является ли процессуальное поведение добросовестным, особенно при судебной защите прав потребителей финансовых услуг, когда процессуальный оппонент, является профессиональным участником рынка и имеет опыт и возможности для активного использования информационных технологий.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что цифровизация влияет на внутреннее содержание процессуальной добросовестности, поскольку изменяет критерии оценки поведения участников гражданского процесса при использовании информационных технологий. Кроме того, появляются новые формы процессуальных злоупотреблений, в связи с чем, подтверждена необходимость законодательного закрепления критериев злоупотребляющего поведения. Сделан вывод, что необходимо учитывать влияние цифровизации на судебную защиту прав потребителей финансовых услуг, поскольку финансовая организация, даже при добросовестном процессуальном поведении, обладает фактическим процессуальным преимуществом.

Пристатейный библиографический список

1. Устимова С. А. Защита прав потребителей банковских услуг в условиях развития цифровых технологий // Вестник Московского университета МВД России. - 2024. - № 3. - С. 202-205.
2. Рахманина Н. В. Финансовые услуги, оказываемые физическим лицам в сети Интернет, как вид предпринимательской деятельности: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / Моск. ун-т МВД России им. В. Я. Кикотя. - М., 2021. - 34 с.
3. Задорожний П. С. Понятие финансовых услуг // Молодой ученый. - 2025. - № 23 (574). - С. 297-298.
4. Нурмашева М. А. Защита прав потребителей финансовых услуг в судебном и досудебном порядке // Молодой ученый. - 2025. - № 15 (566). - С. 282-283.
5. Русакова Е. П. Воздействие цифровизации на гражданское судопроизводство в России и за рубежом: опыт Китая, Индии, Сингапура, Европейского Союза, США, ЮАР и некоторых других стран: дис. ... докт. юрид. наук. - М., 2021. – 375 с.
6. Фокин Е. А. Доктрина добросовестного процессуального поведения в российском арбитражном судопроизводстве// Вестник арбитражного процесса. - 2021. - № 3. - С. 1-2.
7. Тарасов И. Н. Злоупотребление в процессуальном праве на примере судебных расходов // Арбитражный и гражданский процесс. - 2023. - № 7. - С. 14-15.
8. Жеребкина Е. В., Жукова А. И. К вопросу о злоупотреблении процессуальными правами в гражданском судопроизводстве в период развития электронного правосудия // Закон и право. - 2024. - № 9. - С. 147-153.
9. Крымский Д. И., Мельникова А. В. Процессуальная добросовестность и электронные технологии в судопроизводстве: вызовы для науки процессуального права и новые горизонты исследований // Вестник ВГУ. Серия: Право. - 2023. - № 2 (53). - С. 111-119.

DOI 10.46320/2073-4506-2026-4-215-258-261

БУРНОС Екатерина Николаевна
кандидат юридических наук; партнер-учредитель общества с ограниченной ответственностью «Векави Групп»

К ВОПРОСУ О ВНЕПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЯХ ДЛЯ «ОБЕЗДВИЖИВАНИЯ» ИСКА В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Данная работа посвящена углубленному изучению и систематизации существующих правовых подходов, судебной практики применения института оставления искового заявления без движения в арбитражном процессе. В статье анализируются основания для оставления искового заявления без движения, проблема использования судами внепроцессуальных оснований для «обездвиживания» иска на стадии возбуждения дела, а также отсутствие процессуальной возможности для прямого оспаривания определения арбитражного суда об оставлении иска без движения в суд апелляционной инстанции. Основная идея статьи заключается в необходимости пересмотра порядка оспаривания определений арбитражных судов об оставлении искового заявления без движения путем предоставления права истцу выбора механизма преодоления «обездвиживания» иска. В частности, в целях обеспечения доступности правосудия, эффективной и своевременной защиты прав истца предлагается предоставить ему право оспаривать определение об оставлении искового заявления без движения в суд апелляционной инстанции либо в суд кассационной инстанции, не дожидаясь возвращения искового заявления, если истец считает, что основания для оставления искового заявления без движения являются незаконными (с признаками явной судебной ошибки), не могут быть выполнены им по объективным причинам, например, если они изложены некорректно (абстрактно, двусмысленно, противоречиво) либо необходимо истребование доказательств у ответчика и иных лиц.

Ключевые слова: оставление искового заявления без движения, процессуальные барьеры, доступ к правосудию.

BURNOS Ekaterina Nikolaevna
Ph.D. in Law; founding partner of the limited liability company «Vekavi Group»

ON THE ISSUE OF NON-PROCEDURAL GROUNDS FOR «FREEZING» A CLAIM IN ARBITRATION PROCEEDINGS

This work is dedicated to an in-depth study and systematization of existing legal approaches and judicial practice concerning the institution of leaving a statement of claim without movement in arbitration proceedings. The article analyzes the grounds for leaving a statement of claim without movement, the problem of courts using non-procedural grounds for «freezing» a claim at the case initiation stage, as well as the absence of a procedural mechanism for directly challenging an arbitration court's ruling to leave a claim without movement in the appellate court. The main idea of the article lies in the necessity of revising the procedure for challenging arbitration court rulings to leave a statement of claim without movement by granting the plaintiff the right to choose a mechanism for overcoming the «freezing» of the claim. In particular, to ensure access to justice and effective and timely protection of the plaintiff's rights, it is proposed to grant them the right to challenge the ruling to leave the statement of claim without movement in the appellate court or the cassation court, without waiting for the return of the statement of claim, if the plaintiff believes that the grounds for leaving the statement of claim without movement are unlawful (exhibiting clear judicial error), cannot be fulfilled by them for objective reasons, for example, if they are stated incorrectly (abstractly, ambiguously, contradictorily), or if evidence needs to be requested from the defendant and other parties.

Keywords: leaving a statement of claim without movement, procedural barriers, access to justice.

Несомненно, все помнят принадлежащую древнегреческому философу Аристотелю (384-322 гг. до н. э.) цитату: «Движение – это жизнь, а жизнь – это движение». В арбитражном процессе «жизнь дела» начинается с момента принятия судом иска, являющегося универсальным средством защиты нарушенных прав, свобод, законных интересов субъектов правоотношений [1], [11], к производству.

Однако Арбитражным процессуальным кодексом РФ (далее – АПК РФ) предусмотрены основания для оставления искового заявления без движения, что препятствует началу «жизни дела» (ст. 128 АПК РФ), хотя оно уже получило регистрационный номер и по нему судом принимаются процессуальные решения. Гурвич М. А. называл такую предварительную деятельность суда прелиминарным производством, существенно отличающимся от судопроизводства [3, с. 85]. Нередко такая деятельность суда нацелена исключительно на решение одной задачи – «избавить судей от лишней работы на стадии приема заявлений» [7].

Оставление искового заявления без движения оформляется определением об оставлении заявления без движения (ч. 1 ст. 128 АПК РФ). В данном определении арбитражный суд обязан указать как основания для оставления искового заявления без движения, так и «исполнимый»[1] срок (т.е. время, необходимое для устранения указанных судом обстоятельств, а также время на доставку почтовой корреспонденции)[2], в течение которого истец должен устранить обстоятельства, послужившие основанием для оставления искового заявления без движения (ч.2 ст. 128 АПК РФ). При этом заявитель должен предпринять все зависящие от него меры к тому, чтобы необходимые документы или информация были получены судом до истечения установленного срока[3]. Совершение истцом соответствующих действий влечет принятие иска к производству арбитражного суда (ч. 3 ст. 128 АПК РФ), обратное – возвращение иска со ссылкой на п. 4 ч. 1 ст. 129 АПК РФ (ч. 4 ст. 128 АПК РФ), если в суд не поступила от заявителя информация о позднем получении определения или иных объективных препятствиях для устранения этих обстоятельств в срок либо ходатайство о продлении срока оставления искового заявления (заявления) без движения в связи с такими препятствиями[4].

1 Постановление АС Поволжского округа от 24.06.2022 № Ф06-42679/2018 по делу № А49-4180/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

2 Постановление Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 № 99 «О процессуальных сроках». Пункт 5 // Вестник ВАС РФ. – 2014. – № 3.

3 Постановление Президиума ВАС РФ от 12.12.2005 № 10758/05 по делу № А40-51737/04-45-528Т; Определение ВАС РФ от 07.02.2012 № ВАС-625/12 по делу № А39-772/2011 // СПС «КонсультантПлюс».

4 Постановление Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 № 99 «О процессуальных сроках». Пункт 6 // Вестник ВАС РФ». – 2014. – № 3.

Следовательно, несмотря на то, что институт оставления искового заявления без движения считается «самым мягким последствием несоблюдения правил обращения к суду» [8, с. 152], он имеет достаточно серьезные для истца правовые последствия – отказ в организации судебного процесса по конкретному иску, т.е. в эффективном доступе к правосудию, через «создание препон заинтересованным в защите своего предполагаемого права лицам», обусловленный «негативной реакцией суда на упречность допущенных истцом нарушений» [9], которые не были им исправлены.

Важно понимать, что в соответствии с действующим в арбитражном процессе принципом независимости судей суд самостоятельно и единолично решает, какие юридические факты могут послужить основанием для оставления искового заявления без движения [2].

Классическими и наиболее часто встречающимися основаниями для оставления искового заявления без движения являются:

1. Отсутствие в приложениях к иску почтовых квитанций или иных документов, подтверждающих направление другим лицам, участвующим в деле, копий искового заявления и приложенных к нему документов (п.1 ч.1 ст. 126 АПК РФ). Это требование способствуют реализации принципа состязательности и равноправия сторон при осуществлении правосудия[5].

В соответствии с п.14 постановления Пленума ВАС РФ «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации»[6] при отсутствии уведомления о вручении направление искового заявления и приложенных к нему документов подтверждается другими документами в соответствии с п. 1 ст. 126 АПК РФ. Это может быть почтовая квитанция, свидетельствующая о направлении копии искового заявления с уведомлением о вручении, а если копии искового заявления и приложенных к нему документов доставлены или вручены ответчику и другим лицам, участвующим в деле, непосредственно истцом или нарочным, – расписка соответствующего лица в получении направленных (врученных) ему документов, а также иные документы, подтверждающие направление искового заявления и приложенных к нему документов.

Следует учитывать, что АПК РФ не содержит указание на возможность направления копии искового заявления и приложенных к нему документов лицам, участвующим в деле, посредством электронной почты, а вышестоящими судами отклоняются возможные доводы истца со ссылкой на судебную практику о допустимости использования электронной почты для юридически значимых сообщений[7].

В свою очередь, суды принимают[8] в качестве подтверждения направления искового заявления сторонам чек и почтовый конверт с идентификатором, сформированные в электронном виде с помощью цифрового сервиса АО «Почта России» «электронные заказные письма» https://zakaznoe.pochta.ru/[9].

2. Отсутствие в приложениях к иску документа об уплате государственной пошлины (п. 2 ч. 1 ст. 126 АПК РФ)[10]. При этом также имеет значение не только сам факт наличия, но и содержание этого документа.

Так, в п. 8 нового постановления Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах уплаты государственной пошлины при рассмотрении дел в судах»[11] разъяснено, что в платежном документе должны быть указаны обязательные реквизиты, а также сведения, позволяющие индивидуализировать платеж и исключить возможность использования одних и тех же платежных документов при подаче разных заявлений в суд (например, код общероссийского классификатора территорий муниципальных образований, код бюджетной классификации, наименование суда, рассматривающего дело, категория спора, сведения об ответчике).

Отсутствие в документе об уплате государственной пошлины указанных сведений либо наличие ошибки в иных реквизитах такого документа (например, в номере счета Федерального казначейства) приравнивается к отсутствию такого документа и влечет оставление заявления без движения[12].

Однако указанные разъяснения не учитывают то, что для поля «Назначение платежа» в платёжном поручении установлено ограничение по количеству символов – максимум 210[13].

В 2026 году суды «рьяно взялись» проверять платежные поручения и квитанции на предмет их соответствия и оставлять без движения иски, если в назначении платежа указана стандартная формулировка – «Государственная пошлина за рассмотрение иска в Арбитражном суде …», которая автоматически вписывается при формировании платежного поручения (квитанции) на сайтах арбитражных судов.

Так, в определении Арбитражного суда города Москвы 2026 года суд оставил исковое заявление без движения, предложив истцу «представить суду доказательства подтверждающих уплату государственной пошлины, а именно назначение платежа, согласно п. 8 постановления Пленума ВС РФ от 23.12.2025 № 39 «О некоторых вопросах уплаты государственной пошлины при рассмотрении дел в судах»»[14].

В такой ситуации у истцов один выход – приходится повторно оплачивать государственную пошлину, пытаясь втиснуть в 210 символов назначения платежа наименование суда, рассматривающего дело, категорию спора, сведения об ответчике и другие сведения, позволяющие индивидуализировать платеж.

3. И, наконец, самое интересное, с нашей точки зрения, основание – неполнота изложения истцом обстоятельств, на которых он основывает предъявленные требования, или отсутствие (недостаточность) доказательств, подтверждающих эти обстоятельства.

С одной стороны, в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 126 АПК РФ истец обязан приложить к исковому заявлению документы, подтверждающие обстоятельства, на которые он ссылается, и указать, какие доказательства в подтверждение каких фактических обстоятельств представляются, т.е. описать в тексте иска обстоятельства, на которых основаны исковые требования и «раскрыть» подтверждающие эти обстоятельства доказательства (п. 5 ч.2 ст. 125, п.3 ч.1 ст. 126 АПК РФ).

С другой стороны, в п. 37 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции»[15] разъяснено, что доказательства, которые не были приложены к исковому заявлению, должны быть раскрыты перед другими лицами, участвующими в деле, до начала судебного заседания или в пределах срока, установленного судом и указанного в определении, если иное не установлено АПК РФ (ч. 2 ст. 9, ч. 3 ст. 65 АПК РФ), т.е. допускается предоставление в суд доказательств уже после возбуждения дела.

В п. 11 указанного постановления Пленума Верховного Суда РФ также достаточно четко разъяснено, что при принятии искового заявления арбитражный суд не вправе оценивать обоснованность исковых требований, а должен прове-

5 Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2020 № 2301-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Соколова Николая Михайловича на нарушение его конституционных прав рядом положений АПК РФ» // СПС «КонсультантПлюс».

6 Постановление Пленума ВАС РФ от 09.12.2002 № 11 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие АПК РФ» // Вестник ВАС РФ. – 2003. – 2003. – № 2.

7 Постановление АС Дальневосточного округа от 23.01.2026 № Ф03-4604/2025 по делу № А51-14225/2025 // СПС «КонсультантПлюс».

8 Постановление АС Северо-Кавказского округа от 04.12.2025 № Ф08-7382/2025 по делу № А63-20928/2023, постановление АС Волго-Вятского округа от 23.04.2025 № Ф01-771/2025 по делу № А79-1075/2024 и др. // СПС «КонсультантПлюс».

9 Электронное заказное письмо: как отправить и получить. Инструкция по работе с сервисом «Почты России». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/life/news/6924bafe9a7947ae8d6f4a95 (дата обращения: 06.05.2026).

10 Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 27.01.2026 № 305-ЭС25-9788 по делу № А40-274339/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

11 Постановление Пленума ВС РФ от 23.12.2025 № 39 «О некоторых вопросах уплаты государственной пошлины при рассмотрении дел в судах» // Российская газета. – № 1 – 2. – 12.01.2026.

12 Постановление Десятого ААС от 28.01.2026 № 10АП-20453/2025 по делу № А41-30416/2025 // СПС «КонсультантПлюс».

13 Положение Банка России от 29.06.2021 № 762-П «О правилах осуществления перевода денежных средств». Приложение 11 // Вестник Банка России. – 2021. – № 62.

14 Определение АС города Москвы от 23.04.2026 по делу № А40-108753/26-49-971. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/.

15 Постановление Пленума ВС РФ от 23.12.2021 № 46 «О применении АПК РФ при рассмотрении дел в суде первой инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2022. – № 3.

рить только соответствие искового заявления установленным законом требованиям к его форме и содержанию. Более того, обращено внимание судов на то, что оставление искового заявления без движения (возвращение искового заявления) по основаниям, связанным с неполнотой изложения истцом обстоятельств, на которых он основывает предъявленные требования, или недостаточностью доказательств, подтверждающих эти обстоятельства, не допускается.

Вместе с тем, на практике арбитражные суды, не редко, продолжают «обездвиживать» иски по основаниям, которых в АПК РФ объективно нет, и они прямо запрещены Пленумом Верховного Суда РФ, что становится неприятной неожиданностью для добросовестных истцов и их представителей, ограничивает доступность правосудия, о чем было указано выше.

При этом следует учитывать, что положения ст. 128 АПК РФ не предусматривают возможность обжалования определения арбитражного суда первой инстанции об оставлении искового заявления без движения[16,17], что не нарушает конституционное право на судебную защиту[18,19].

Конституционный Суд РФ еще в 1998 году обозначил общепроцессуальную концепцию: перенос на более поздний срок проверки законности и обоснованности промежуточных решений и действий суда является допустимым, если тем самым не создадутся препятствия для дальнейшего движения дела, а отсрочка в их проверке не приведет к утрате возможности судебной защиты конституционных прав граждан.[20] Суды исходят из того, что оставление искового заявления без движения не препятствует дальнейшему движению дела, так как исковое заявление еще не принято к производству суда со ссылкой на несоблюдение требований, предусмотренных ст. 126 АПК РФ, и дело не возбуждено[21].

Как отмечала В. В. Петрова, ссылаясь на положения абзаца второго ч. 1 ст. 263 АПК РФ, предусматривающие возможность обжалования определения об оставлении апелляционной жалобы без движения, обращали внимание на то, что «вопрос об обжаловании определений об оставлении искового заявления, апелляционной и кассационной жалобы без движения в рамках арбитражного процесса должен решаться однообразно» [10, с. 315], но при этом не уточняя каким образом должно быть обеспечено единообразие.

Т. Н. Казарина, В. Р. Свердлова, приводя ссылки на судебную практику, также указывали на имеющую «место неоднозначность в способе разрешения вопроса о допустимости самостоятельного обжалования определения об оставлении заявления, искового заявления без движения», видя предпочтительно единую модель, допускающую самостоятельное обжалование таких определений [6, с. 32].

С 5 января 2024 года законодатель обозначенную учеными-юристами «неоднозначность» в правовом подходе откорректировал, упразднив возможность оспаривания определения об оставлении апелляционной жалобы без движения[22].

Отсутствие права у истца на обжалование определений об оставлении искового заявления без движения «компенсируется возможностью обжалования определения о возвращении искового заявления». Так, в соответствии с положениями п. 4 ч. 1, ч. 4 ст. 129 АПК РФ обжалованию подлежит определение арбитражного суда о возвращении искового заявления, которое вынесено в связи с неустранением в срок, установленный в определении суда об оставлении заявления без движения, обстоятельств, послуживших основанием для оставления искового заявления без движения.

Следовательно, с одной стороны, закон предусматривает возможность оспорить определение о возвращении искового заявления с изложением своих возражений в отношении определения об оставлении искового заявления без движения, т.е. формально у истца существует процессуальный механизм преодоления «обездвиживания» судом иска, так как вышестоящий суд обязан будет проверить законность и обоснованность всего комплекса процессуальных действий арбитражного суда, в том числе связанных с оставлением искового заявления без движения[23]. Но в таком случае потребуется время (дождаться возвращения иска, рассмотрения жалоб в вышестоящих судах) и несение процессуальных издержек. При этом не исключаются ситуации, когда указания судьи не могут быть выполнены заявителем в установленный для этого срок или вообще не могут быть выполнены по объективным причинам, например, если они изложены некорректно: абстрактно, двусмысленно, противоречиво [4].

С другой стороны, профессиональный юрист, зная о таких «внепроцессуальных» требованиях арбитражных судов, может изначально учесть их при подготовке искового заявления, не рискуя потерять драгоценное время и получить иные неблагоприятные последствия для своего доверителя.

Анализ актуальной судебной практики свидетельствует о том, что недостаточная мотивированность правовой позиции и заявленных требований, в том числе неполный расчет исковых требований или объем приложенных к иску документов, несмотря на разъяснения Верховного Суда РФ, продолжают служить для арбитражных судов основанием для оставления искового заявления без движения на стадии принятии иска и возбуждения производства по делу.

Так, в одном из дел суд, оставляя заявление без движения, указал на необходимость представления, в том числе, документов, подтверждающих обстоятельства, на которых истец основывает свои требования. Впоследствии заявление было возвращено судом в связи с неустранением обстоятельств, послуживших основанием для оставления его без движения.

Суд кассационной инстанции, отменяя судебные акты нижестоящих судов, обратил внимание на то, что по смыслу статей 125 – 129 АПК РФ достаточность представленных истцом (заявителем) доказательств не может определяться судом на стадии возбуждения дела. Вопросы о необходимости представления дополнительных доказательств, не приложенных к исковому заявлению, могут и должны решаться на последующих стадиях арбитражного процесса. Иное толкование названных норм процессуального права означало бы возложение на заявителя ничем не обоснованной процессуальной обязанности, препятствующей доступу к правосудию.

Суд также обратил внимание на то, что вопросы исследования и оценки доказательств в силу статей 133, 135, 153, 162 АПК РФ подлежат разрешению после возбуждения производства по делу при рассмотрении дела по существу, на стадиях подготовки дела к судебному разбирательству и в судебном разбирательстве[24], так как АПК РФ позволяет истцу уточнять исковые требования и представлять дополнительные доказательства в ходе судебного разбирательства.

Как следует из материалов другого дела, оставляя заявление конкурсного управляющего без движения, суд первой инстанции указал на отсутствие доказательств, подтверждающих направление заявления ответчикам, надлежащих документов, подтверждающих обстоятельства, на которых основаны требования заявителя, документа об уплате государственной пошлины, а также расчета взыскиваемой суммы и общего размера требований управляющего в просительной части. Установив, что конкурсный управляющий исполнил требования о направлении копии заявления участникам спора, а также в части уплаты государственной пошлины, при

16 Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 13.08.2004 № 82 «О некоторых вопросах применения АПК РФ». Ответ на вопрос № 12 // СПС «КонсультантПлюс».

17 Постановление АС Западно-Сибирского округа от 14.07.2025 № Ф04-4859/2019 по делу № А45-11584/2017 @@ Постановление АС Западно-Сибирского округа от 28.05.2024 № Ф04-1133/2024 по делу № А45-36295/2023 и др. // СПС «КонсультантПлюс».

18 Определение Конституционного Суда РФ от 16.05.2007 № 373-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Каплиева Анатолия Алексеевича на нарушение его конституционных прав статьей 128 АПК РФ» // СПС «КонсультантПлюс».

19 Определение Конституционного Суда РФ от 17.12.2009 № 1602-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Астахова Сергея Анатольевича на нарушение его конституционных прав частью 1 статьи 13, пунктом 2 статьи 126, частью 1 статьи 128, частями 1 и 2 статьи 188 АПК РФ и абзацем вторым пункта 3 статьи 333.18 НК РФ» // СПС «КонсультантПлюс».

20 Постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.1998 № 20-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 331 и 464 УПК РСФСР в связи с жалобами ряда граждан» // СЗ РФ. – № 28. – 1998. – Ст. 3393.

21 Постановление АС Центрального округа от 22.04.2025 № Ф10-1122/2025 по делу № А36-1207/2025 // СПС «КонсультантПлюс».

22 Федеральный закон от 25.12.2023 № 667-ФЗ «О внесении изменений в АПК РФ» // СЗ РФ. – 2024. – № 1 (часть I). – Ст. 48.

23 Постановление 18 ААС от 02.02.2026 № 18АП-13454/2025 по делу № А07-3169/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

24 Постановление АС Московского округа от 30.01.2026 № Ф05-34216/2022 по делу № А41-85095/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

этом неоднократно уточнял заявление, представляя расчеты убытков по части заявленных эпизодов, суд апелляционной инстанции счел, что заявителем устранены обстоятельства, послуживших основанием для оставления заявления без движения, в связи с чем признал необоснованными вывода суда первой инстанции об обратном.

Апелляционный суд также указал на то, что возможная недостаточность мотивировки и представленных с заявлением доказательств не относятся к порокам формы, либо содержания заявления, требования к которым установлены статьями 125, 126 АПК РФ и не могли служить достаточным основанием для оставления заявления конкурсного управляющего без движения. С этим выводом согласился суд кассационной инстанции[25].

Еще в одном деле суд апелляционной инстанции указал на ошибку, допущенную судом первой инстанции: требования действующего АПК РФ (гл. 13) на стадии принятия искового заявления судом не устанавливают обязанность истца выполнить точный расчет без исследования доказательств по делу[26].

В ряде случаев оставление искового заявления без движения с указанием в определении на предоставление истцом дополнительных документов и письменных пояснений суды обосновывают рассмотрением дела в упрощенном порядке[27].

Суды кассационной инстанции исходят из процессуальной «презумпции обоснованности иска» при подаче его в суд, указывая на то, что на стадии решения вопроса о принятии к производству искового заявления суд не вправе исследовать и давать оценку достаточности доказательств и возвращать исковое заявление в связи с непредставлением документов, подтверждающих обстоятельства, на которых истец основывает свои требования[28].

Не редко даже формально «идеальные» иски суды оставляют без движения по надуманным причинам. В таком случае на практике истцу проще подать иск заново, надеясь, что он попадет к другому судье, которого устроят содержание иска и пакет приложенных к нему документов.

Несомненно, с учетом описанной выше судебной практики, можно заключить, что даже добросовестный истец не застрахован от оставления искового заявления без движения по «внепроцессуальным» основаниям. При этом также рекомендуется при подготовке искового заявления подробно, системно и ясно излагать фактические обстоятельства и правовое обоснование требований, прикладывать максимально развернутые расчеты и имеющиеся у истца доказательства.

Чтобы избежать процессуальных издержек в случае, если при подаче иска у истца отсутствует возможность сделать точный расчет исковых требований, представить какие-либо доказательства, рекомендуется данные препятствия подробно описать в исковом заявлении, сослаться на разъяснения Пленума Верховного Суда РФ и актуальную судебную практику, в том числе описанную в настоящей статье, позволяющие представить дополнительные доказательства и расчеты уже в ходе рассмотрения дела. Еще один совет – одновременно с подачей иска заявлять ходатайства об истребовании доказательств, в том числе и у ответчика.

При этом автор исходит из необходимости пересмотра порядка оспаривания определений арбитражных судов об оставлении искового заявления без движения путем предоставления права истцу выбора механизма преодоления «обездвиживания» иска. В частности, в целях обеспечения результативности правового регулирования (обеспечение доступа к правосудию, повышение доверия граждан к судам в целом) [12, с. 14-15] предлагается предоставить истцу право оспаривать определение об оставлении искового заявления без движения в суд апелляционной инстанции либо в суд кассационной инстанции [5], не дожидаясь возвращения искового заявления, если истец считает, что основания для оставления искового заявления без движения являются незаконными (с признаками явной судебной ошибки), не могут быть выполнены им по объективным причинам, например, если они изложены некорректно (абстрактно, двусмысленно, противоречиво) либо необходимо истребование доказательств у ответчика и иных лиц. В данном случае у истца появится возможность совершения альтернативных действий: устранить выявленные судом недочеты, представить в суд те или иные обоснования, доказательства и документы, либо оперативно преодолеть необоснованно созданный судом первой инстанции процессуальный барьер через оспаривание определения об оставлении искового заявления без движения в вышестоящий суд.

Пристатейный библиографический список

1. Абова Т. Е. Иск – универсальное средство защиты права. Иски в гражданском и арбитражном процессах // Труды. – № 1/2006 г. – М.: ИГП РАН, 2006.
2. Гнатко Е. А., Мариненко О. И. Определение об оставлении искового заявления без движения: содержание, порядок принятия и отмены // Арбитражный и гражданский процесс. – 2021. –№ 6. – С. 31-34.
3. Гурвич М. А. Структура и движение гражданского процессуального правоотношения / Избранные труды / М. А. Гурвич; МГУ им. М. В. Ломоносова, Юрид. фак., Каф. гражд. Процесса, Кубан. гос. ун-т, Юрид. фак., Каф. гражд. процесса и трудового права. – Краснодар: Совет. Кубань, 2006 (Классика российской процессуальной науки. Т. 2). – С. 79-123.
4. Евсеев Е. Ф. Об апелляционном обжаловании определения об оставлении искового заявления без движения в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. – 2022. – № 1. – С. 33-37.
5. Записная Т. В. Обжалование определения об оставлении искового заявления без движения в свете новых позиций Верховного Суда Российской Федерации // Российский судья. – 2026. – № 2. – С. 12-16.
6. Казарина Т. Н., Свердлова В. Р. Обжалование определений об оставления искового заявления без движения в свете позиций Конституционного Суда Российской Федерации // Очерки новейшей камералистики. – 2023. – № 4. – С. 28-32.
7. Кальгина А. А., Ильин Б. В. Эффективность судопроизводства: оставление заявления без движения // Вестник арбитражной практики. – 2019. – № 1. – С. 70-79.
8. Качмазова Д. М., Хубецов М. Я., Каболов В. В. Оставление искового заявления без движения и возвращение искового заявления как результат нарушения порядка предъявления иска // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 1 (217). – С. 152-155.
9. Пермяков В. Э. Отказ в принятии, возвращение и оставление без движения искового заявления: сходства и различия институтов // Арбитражные споры. – 2024. – № 4. – С. 127-141.
10. Петрова В. В. Институт оставления искового заявления без движения в арбитражном процессе: практика применения // Проблемные вопросы гражданского и арбитражного процессов / под ред. Л. Ф. Лесницкой, М. А. Рожковой. – М.: Статут, 2008. – С. 304-315.
11. Попова Ю. А. Иск – универсальное средство защиты нарушенных прав, свобод, законных интересов субъектов правоотношений // Актуальные проблемы развития гражданского права и гражданского процесса: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 40-летию университета, Краснодар, 16 февраля 2017 года. – Краснодар: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2017. – С. 25-30.
12. Сапожников С. А., Бармина О. Н. К вопросу о требованиях, предъявляемых к исковому заявлению в гражданском и арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. – 2020. – № 12. – С. 14-18.

25 Постановление АС Северо-Западного округа от 09.09.2025 № Ф07-7395/2025 по делу № А56-95896/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

26 Постановление 14 ААС от 13.06.2024 № 14АП-4169/2024 по делу № А66-15659/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

27 Определение АС Ивановской области от 01.04.2026 по делу № А17-2681/2026. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/.

28 Постановление АС Московского округа от 05.08.2024 № Ф05-18452/2024 по делу № А40-17392/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

DOI 10.46320/2073-4506-2026-4-215-262-264

АВРАМЕНКО Михаил Андреевич
аспирант кафедры гражданского процесса, Юридический факультет, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; юрист практики разрешения споров юридической фирмы Orion

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ, ОБЕСПЕЧИВАЕМЫЕ ПРИВЛЕЧЕНИЕМ К РАЗБИРАТЕЛЬСТВУ ЛИЦ, НЕ ПОДПИСАВШИХ АРБИТРАЖНУЮ ОГОВОРКУ

В статье обосновывается, что арбитражу как юрисдикционной форме защиты права свойственны собственные цели и задачи, которые находят свое воплощение в том числе в рамках привлечения к разбирательству лиц, не подписавших арбитражное соглашение (неподписантов). Автором разграничиваются материальные и процессуальные цели такого привлечения и раскрывается их неразрывная взаимосвязь. Обосновывается, что достижению указанных целей служит решение четырех задач: окончательное разрешение спора по существу, процессуальная экономия и повышение эффективности арбитражного разбирательства, обеспечение исполнимости будущего арбитражного решения, а также минимизация рисков его отмены.

Ключевые слова: арбитражное соглашение, юрисдикционная форма защиты права, неподписант, материальная цель, процессуальная цель, арбитражное решение, процессуальная экономия, исполнимость, отмена.

AVRAMENKO Mikhail Andreevich
postgraduate student of Civil Process sub-faculty, Faculty of Law, M. V. Lomonosov Moscow State University; associate at disputes resolution practice at Orion law firm

GOALS AND OBJECTIVES OF JOINDER OF NON-SIGNATORIES TO ARBITRAL PROCEEDINGS

The article argues that arbitration, as a jurisdictional form of legal protection, has its own goals and objectives which find their expression, inter alia, in the joinder of persons who have not signed the arbitration agreement (non-signatories) to arbitral proceedings. The author distinguishes between the substantive and procedural goals of such joinder and reveals their inextricable interrelation. It is argued that the achievement of these goals is served by the resolution of four objectives: final resolution of the dispute on the merits, procedural economy and enhancement of the efficiency of arbitral proceedings, ensuring the enforceability of the future arbitral award, as well as minimizing the risks of its setting aside.

Keywords: arbitration agreement, jurisdictional form of legal protection, non-signatory, substantive goal, procedural goal, arbitral award, procedural economy, efficiency.

В современном коммерческом обороте распространены ситуации, при которых права и обязанности из договора, содержащего арбитражную оговорку, затрагивают лиц, формально такую оговорку не подписавших. Речь идет, например, об аффилированных лицах в рамках группы компаний, о бенефициарах, контролирующих компанию, о субподрядчиках в строительных проектах EPC/EPCM. Во всех этих случаях кредитор, желающий получить реальное исполнение, сталкивается с необходимостью привлечь такое лицо, не подписавшее арбитражное соглашение, к участию в арбитражном разбирательстве. В этой связи возникает закономерный вопрос: каким образом арбитраж, будучи юрисдикционной формой защиты права, основанной на принципе добровольного согласия, может распространить свою компетенцию на таких субъектов? Ответ на этот вопрос требует не только анализа материально-правовых оснований, на основании которых в правоприменительной практике осуществляется привлечения таких лиц к разбирательству, но и исследования круга целей и задач, которые могут быть обеспечены подобным расширением компетенции арбитража по субъектному критерию.

Рассуждая о целевых установках гражданского судопроизводства, Г. А. Жилин определял их как задачи и цели, на достижение которых направлены требования всех процессуальных норм, деятельность суда и всех других субъектов по их реализации и возникающие в связи с этим процессуальные отношения [3, с. 10]. Несмотря на то, что данное замечание было сделано применительно к судопроизводству, представляется возможным его расширить и применительно к арбитражу, поскольку у любой юрисдикционной формы защиты права должны быть свои цели и задачи. Следовательно, привлечение неподписантов допустимо рассмотреть при помощи выявления материальных и процессуальных целей, которые обеспечиваются участием таких лиц в арбитражном разбирательстве.

Под категорией «материальная цель» понимается то, каким образом привлечение лица, не подписавшего арбитражное соглашение, способствует окончательному разрешению спора в отношении конкретных лиц и предмета спора. Под процессуальными целями понимается круг средств процессуального характера, при помощи которых осуществляется достижение указанной материальной цели.

Материальные и процессуальные цели привлечения неподписантов к участию в арбитражном разбирательстве находятся в тесной взаимосвязи: реализация процессуальных целей обеспечивает достижение материальной цели, а материальная цель, в свою очередь, определяет содержание и направленность процессуальных. Иными словами, при обосновании тезиса о том, что привлечение неподписантов к участию в арбитражном разбирательстве имеет какие-либо процессуальные или, напротив, материальные цели, неизбежным будет вывод о том, что привлечение неподписанта к участию в арбитражном разбирательстве одновременно сочетает в себе процессуальные и материальные цели.

В этой связи предлагается выделить следующие четыре основные цели, которые могут обеспечиваться привлечением лиц, не подписавших арбитражное соглашение, к участию в арбитражном разбирательстве.

Окончательное разрешение спора по существу

Неподписанты, при условии привлечения таких лиц к участию в арбитражном разбирательстве, приобретают статус его участника разбирательства, сопряженный с возможностью: а) реализации данными субъектами прав в рамках разбирательства и б) вынесения арбитрами юридически обязывающих решений в отношении таких субъектов. В конечном итоге, расширение круга субъектов, в отношении которых арбитры могут выносить юридически обязывающее решение, способствует окончательному разрешению спора.

Учитывая, что вынесение окончательного решения рассматривается как основание для завершения арбитражного разбирательства, необходимо более детально проанализировать, что именно подразумевается под «окончательностью». В рамках судопроизводства окончательное завершение су-

дебного разбирательства материализуется в форме судебного акта, которым суд разрешает спор субъектов права относительно прав и обязанностей в отношении предмета спора [1, с. 48]. Соответственно, окончательность проявляется в двух направлениях – материальном, связанном с установлением и определением взаимных прав и обязанностей субъектов в отношении предмета спора по результатам его рассмотрения, и процессуальном, связанном с тем, каким образом суд должен разрешить спор с материальной стороны (установить обстоятельства, оценить доказательства и т.д.) [2, с. 120].

Участие неподписантов в арбитражном разбирательстве непосредственно позволяет достигать окончательности спора как с материальной, так и с процессуальной стороны. Материальная сторона окончательности прослеживается на примере осложненных материально-правовых отношений. Так, например, у кредитора есть солидарное требование к двум должникам, однако требования к одному из должников должны рассматриваться в рамках арбитража, а к другому – в суде. При рассмотрении спора в арбитраже с привлечением неподписанта к участию в арбитражном разбирательстве можно всесторонне и полно разрешить спор, возникающий из единого правоотношения, установить наличие или отсутствие солидарности между должниками, изучить доводы и возражения сторон. Кроме того, подобная консолидация споров из связанного правоотношения в рамках одного юрисдикционного органа устраняет проблему существования двух противоречивых решений, поскольку лишь одному органу (арбитражу) предоставляется возможность определить все значимые обстоятельства в их совокупности.

Привлечение неподписанта в этом контексте способствует более полноценному и всестороннему разрешению спора между сторонами в силу предоставления арбитрам большего аналитического материала (доказательства и доводы сторон) [11, с. 57]. В качестве примеров, подтверждающих значимость и важность использования механизма привлечения неподписантов к участию в арбитражном разбирательстве, можно привести споры с участием гаранта или поручителя совместно с основным должником [7, с. 123]. Участие лиц, не подписавших арбитражное соглашение, в арбитражном разбирательстве непосредственно влияет на возможность вынесения окончательного решения по спору, поскольку у арбитров появляется возможность вынесения юридически обязывающего решения в отношении всех субъектов, участвующих в сложном материально-правовом отношении.

Процессуальная экономия и эффективность

Привлечение к участию в арбитражном разбирательстве неподписантов в качестве дополнительной стороны или третьего лица также непосредственно влияет на ускорение процедуры рассмотрения спора и сокращение количества издержек, которые понесут стороны. В качестве критериев, способствующих повышению общей эффективности разбирательства, исследователями выделяются: возможность ограничения судебной интервенции при помощи сокращения количества компетентных форумов, консолидация параллельных арбитражных разбирательств и увеличение скорости окончательного разрешения спора между субъектами сложного отношения [14].

В действительности, однозначно определить, является ли во всех случаях привлечение неподписанта прямой предпосылкой для повышения эффективности арбитражного разбирательства, не представляется возможным. Как справедливо отмечается, привлечение неподписантов зачастую способствует увеличению расходов на представительство и замедлению разбирательства, возникающего по причине увеличения круга субъектов, которым предоставляется определенный набор прав и возможностей [9]. Следовательно, при обосновании тезиса о повышении эффективности арбитражного разбирательства необходимо обращать внимание на ряд критериев, которые в той или иной степени носят компенсаторную функцию по отношению к возникающим издержкам [16].

Так, привлечение неподписанта положительно повлияет на эффективность разбирательства в случае, когда посредством ведения арбитражного разбирательства будут исключены параллельные разбирательства, тождественные по субъектному составу или по предмету. Данное явление распространяется как на параллельные разбирательства, ведущиеся в арбитраже и государственном суде, так и на параллельные арбитражные разбирательства. Консолидация споров с участием различных лиц, каждое из которых связано отдельными арбитражными соглашениями (то есть множество неподписантов по отношению к какому-либо одному арбитражному соглашению), возникает, например, в строительных спорах из договоров EPC и EPCM [8]. Подобного рода контрактные формы привлекают значительное число субъектов (заказчик, генеральный подрядчик, субподрядчик, поручители, гаранты) [5, с. 53]. Отношения каждой отдельной группы субъектов могут быть связаны разными оговорками о выборе форума, содержащимися в различных договорах. В наличии подобной взаимосвязанной множественности правоотношений и субъектов уменьшение количества споров приведет к повышению эффективности разбирательства для всех лиц, участвовавших в реализации проекта.

Обеспечение исполнимости решения

Как было отмечено выше, необходимость привлечения неподписантов к участию в арбитражном разбирательстве является признаком осложненных споров, в которых затрагиваются права и интересы широкого круга лиц, связанных с правоотношением. Одной из правовых проблем, решению которой способствует привлечение неподписанта, является обеспечение исполнимости арбитражного решения. Как справедливо отмечает V. Pavic, материально-правовые основания, которые используются сторонами и арбитрами для обоснования необходимости привлечения неподписантов, являются в большой степени рефлексией коммерческой реальности, отражающей фактическую роль сторон в правоотношении, когда формальными неподписантами арбитражного соглашения выступают лица, которые в действительности полностью контролируют сторону обязательства [12, с. 222].

Яркой иллюстрацией такой комбинации фактических обстоятельств может считаться использование специальных компаний (special purpose vehicle) в качестве стороны обязательственного отношения, обремененного арбитражной оговоркой [6, с. 140-141]. На практике такая компания не обладает какими-либо активами, а создана специально для управления и исполнения обязательств по какому-либо проекту. В случае, если такая компания должна будет отвечать по обязательствам, у нее могут отсутствовать активы, на которые может быть обращено взыскание. В такой ситуации применение конструкции привлечения неподписанта, контролировавшего деятельность данной специальной компании, будет прямо влиять на возможность исполнения итогового решения.

Примером такого спора можно назвать арбитражное разбирательство между дочерней компанией Росатома и финской компанией Fennovoima в связи с прекращением строительства атомной электростанции Ханхикиви-1[1]. Стороной соглашения, обязательства из которого были нарушены финской стороной, по мнению Росатома, не являлась непосредственно Fennovoima. В этой связи механизм привлечения неподписанта являлся действенным способом достижения реального исполнения обязательств.

Более того, использование механизма привлечения неподписантов к разбирательству может обеспечивать исполнимость арбитражных решений для российских лиц, попавших под односторонние ограничительные меры иностранных государств. Решения, вынесенные против таких лиц, с высокой вероятностью не могут быть признаны на территории иностранных государств, установивших санкционные ограничения. В указанной связи для российского лица, попавшего под ограничительные меры, задача по исполнению решения выходит за рамки удовлетворения иска по итогам рассмотрения спора [4, с. 290-293]. Привлечение неподписанта может, в частности, позволить обойти юрисдикционные барьеры, препятствующие исполнению решения, путем привлечения к разбирательству лиц, входящих в единую группу с основным должником[2].

1 ICC Arbitral Award, Case No. 26285/GR, RAOS Project Oy and JSC Rusatom Energy International (JSC REIN) v. Fennovoima Oy and Outokumpu Corporation, Decision on Jurisdiction on Claims Against Outokumpu Corporation, 14 February 2025.

2 Например, основной должник зарегистрирован в стране-члене ЕС, где действуют санкционные ограничения против российского истца, а компания, входящая в единую группу с ответчиком, зарегистрирована в РФ или иной юрисдикции, не наложившей санкционные ограничения на российское лицо. Как было ранее

Обеспечению исполнимости арбитражного решения также способствует возможность учета позиции третьих лиц. Подобная правоприменительная практика сложилась в сфере инвестиционных споров [15, с. 345], где в качестве третьих лиц к участию в арбитраже привлекаются специализированные общественно-политические организации, представляющие свою позицию по существу спора (amicus curiae) [10]. Привлечение данных третьих лиц к разбирательству осуществляется для получения доступа к информации и документам, которые отсутствуют у сторон спора, для изложения позиции по существу спора, а также для получения специализированных сведений по вопросам, входящим в сферу компетенции такой организации. Общественные организации, разумеется, не являются стороной инвестиционных соглашений, на основании которых они могли бы быть привлечены к участию в разбирательстве; таких лиц, следовательно, следует классифицировать как неподписантов. Как справедливо отмечает A. Rhodes Vivour, при привлечении amicus curiae к участию в разбирательстве снижается риск неисполнения арбитражных решений, поскольку, как минимум, сокращается объем оснований, связанных с «публичным порядком», используемых для отмены решения [13, с. 38].

Минимизация рисков отмены арбитражного решения

Еще со времен Информационного письма Президиума ВАС РФ 2005 года в российском правопорядке закрепилась позиция о том, что государственный суд должен отменить решение третейского суда в части, касающейся лица, не участвующего в третейском разбирательстве, о правах и обязанностях которого было принято решение[3]. Однако само по себе привлечение неподписанта, если оно осуществлено с соблюдением определенных условий, не создает риск отмены – напротив, оно этот риск минимизирует по сравнению с ситуацией, когда арбитры выносят решение о правах и обязанностях неподписанта, не привлекая его к участию в деле. Следовательно, обеспечение устойчивости будущего арбитражного решения к оспариванию выступает самостоятельной целью привлечения неподписантов. Для достижения этой цели необходимо соблюдать следующие меры.

Во-первых, обеспечение добровольного и явно выраженного согласия неподписанта на арбитраж. Наиболее надежный способ – заключение дополнительного арбитражного соглашения или присоединение к уже существующему. В случае же отсутствия письменного согласия арбитрам следует установить такое согласие посредством обращения к материально-правовым основаниям (группа компаний, подразумеваемое согласие, эстоппель), ссылаясь на конкретные фактические обстоятельства. Во-вторых, предоставление неподписанту полных процессуальных гарантий. При привлечении до формирования состава арбитража неподписант приобретает полный объем процессуальных прав с самого начала разбирательства, что делает его положение тождественным положению формальной стороны арбитражного соглашения. Если необходимость в привлечении возникает после формирования состава арбитража, объем прав неподписанта может быть ограничен, прежде всего, в части, касающейся права на участие в формировании состава арбитража и оспаривания ранее совершенных процессуальных действий. Таким образом, минимизация рисков отмены выступает не дополнительным бременем, а неотъемлемой частью стратегии привлечения неподписантов к участию в арбитражном разбирательстве, позволяющей реализовать материальные и процессуальные цели (окончательность, эффективность, исполнимость) без потери устойчивости итогового акта.

Таким образом, привлечение лиц, не подписавших арбитражное соглашение, к арбитражному разбирательству служит достижению трех основных целей: окончательного разрешения спора по существу, процессуальной экономии и повышения эффективности разбирательства, а также обеспечения исполнимости будущего арбитражного решения. При этом указанные цели могут быть подразделены на материальные (окончательное разрешение спора, обеспечение исполнимости и минимизация рисков отмены) и процессуальные (процессуальная экономия, консолидация разбирательств), которые находятся в тесной взаимосвязи: реализация процессуальных целей создает необходимые условия для достижения материального результата, а материальные цели определяют содержание и направленность процессуальной деятельности.

нами продемонстрировано, подобные механизмы активно применяется в отечественной судебной практике.

3 Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 22.12.2005 № 96 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов, об оспаривании решений третейских судов и о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов».

Пристатейный библиографический список

1. Абрамов С. Н. Судебное рассмотрение и разрешение гражданских дел. – М., 1944.
2. Боннер А. Т. Избранные труды: в 7 т. Т. IV: Проблемы установления истины в гражданском процессе. – М.: Проспект, 2017. – С. 120.
3. Жилин Г. А. Цели гражданского судопроизводства и их реализация в суде первой инстанции: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2000. – С. 10.
4. Мамедалиева А. В. Положительные проявления современной конкуренции юрисдикций: вопросы теории и практики // Вестник гражданского процесса. – 2025. – № 3. – С. 285-304.
5. Монченко О. В. EPC и EPCM: выбор оптимальной контрактной формы // Право и экономика. – 2021. – № 7. – С. 52-56.
6. Суханов Е. А. Комментарии к статьям 48, 50 Гражданского кодекса РФ // Вестник гражданского права. – 2022. – № 1. – С. 136-166.
7. Arda A. Arbitration Clauses and Third Parties. – New York: Informa Law from Routledge, 2024. – 290 p. – (Lloyd's Arbitration Law Library).
8. Bennet T. Court Consolidates Arbitration Proceedings Without Consent of Parties // Kluwer Arbitration Blog. – 2024.–[Электронныйресурс].–Режимдоступа:https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=c5c28365-abfe-476a-92a1-d14a36e27042&__cf_chl_rt_tk=LmLLqeaZZDWFz6WG2vuJyqHhQDOHawA7TgyI1P5mjNU-1777895778-1.0.1.1-BN8geGP8p2QtDD_bexgwxEz9KMNr8V9SQiBgzCnE2Qs.
9. Damodaran P. Consolidation of Arbitration Without Parties' Consent: A Threat to Party Autonomy? // SSRN. – 28 July 2020. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ssrn.com/abstract=3662152.
10. Faasseome M. S. Protecting Social Rights Using the Amicus Curiae Procedure in Investment Arbitration: A smokescreen against third parties? // Investment Treaty News. International Institute for Sustainable Development. – 2021. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.iisd.org/itn/en/2021/10/06/protecting-social-rights-using-the-amicus-curiae-procedure-in-investment-arbitration-a-smokescreen-against-third-parties/.
11. Mráz M. Extension of an Arbitration Agreement to Non-Signatories: Some Reflections on Swiss Judicial Practice // Annals of the Faculty of Law in Belgrade. – 2009. – Vol. 57. –№ 3. – P. 54-63.
12. Pavic V. "Non-Signatories" and the Long Arm of Arbitral Jurisdiction // Resolving International Conflicts: Liber Amicorum Tibor Várady / ed. by P. Hay, L. Vékás, Y. Elkana, N. Dimitrijevic. – Budapest; New York: Central European University Press, 2009. – P. 213-230.
13. Rhodes-Vivour A. The Amicus Curiae and Arbitration // Law Digest. – 2019. – Issue 19 (Winter). – P. 38.
14. Sharma A., Bansal M. Joinder of Non-Signatories in Arbitration: Resolving the Enigma // Chambers and Partners. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://chambers.com/articles/joinder-of-non-signatories-in-arbitration-resolving-the-enigma.
15. Wang G. Consent in Investor–State Arbitration: A Critical Analysis // Chinese Journal of International Law. – 2014. – Vol. 13. № 2. – P. 335-361.
16. Zelko A. Two's Company, Three's a Crowd: An Exploration of Non-Signatory Parties' Ability to Bring an Action Under Arbitration and its Impact on International Commercial Arbitration // Arbitration Law Review. – 2024. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://insight.dickinsonlaw.psu.edu/arbitrationlawreview/vol15/iss1/11/.

DOI 10.46320/2073-4506-2026-4-215-265-267

СЕКРЕТАРЁВ Роман Викторович
кандидат философских наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Институт права, Владивостокский государственный университет

БЕЛОВА Дарья Ивановна
магистрант, Институт права, Владивостокский государственный университет, независимый исследователь

Секретарёв Р. В.

Белова Д. И.

КОМПЛЕКСНЫЙ МЕТОД ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЖИЛИЩНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Статья посвящена исследованию комплексного метода правового регулирования жилищных отношений, сочетающего инструменты частного и публичного права. Рассмотрены теоретические подходы к определению содержания и особенностей этого метода, проанализированы его преимущества и ограничения. Особое внимание уделено судебной практике, демонстрирующей применение комплексного подхода при решении вопросов, связанных с регистрацией прав собственности, переводом помещений из жилого в нежилое, обеспечением жилищных прав граждан в рамках комплексного развития территорий, а также предоставлением жилого помещения по договору найма из жилищного фонда социального использования. Авторы подчёркивают значимость комплексного метода как для верного применения жилищного законодательства, так и для повышения эффективности правового регулирования жилищных отношений.

Ключевые слова: жилищное право, жилищные отношения, комплексный метод, правовое регулирование, судебная практика, защита жилищных прав.

SEKRETARYOV Roman Viktorovich
Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Civil law disciplines sub-faculty, Vladivostok State University

BELOVA Daria Ivanovna
magister student, Institute of Law, Vladivostok State University, independent researcher

A COMPREHENSIVE METHOD OF LEGAL REGULATION OF HOUSING RELATIONS: THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS

The article examines the comprehensive method of legal regulation of housing relations, which combines private-law and public-law instruments. The authors discuss theoretical approaches to the content and specific features of this method and assess its advantages and limitations. Particular attention is paid to judicial practice in cases involving the registration of ownership rights, the conversion of residential premises into non-residential premises, the protection of citizens' housing rights within comprehensive territorial development, and the provision of residential premises under tenancy agreements within the social-use housing stock. The authors emphasize the importance of the comprehensive method for the proper application of housing legislation and for improving the effectiveness of legal regulation in the housing sphere.

Keywords: housing law, housing relations, comprehensive method, legal regulation, judicial practice, protection of housing rights.

Методологические вопросы жилищного права сохраняют значение в силу того, что частный интерес собственника или пользователя жилого помещения нередко сталкивается с публичным режимом жилищного фонда. Применение только гражданско-правового либо только административно-правового подхода не всегда позволяет объяснить, какие обстоятельства должны иметь решающее значение для суда. В настоящей статье комплексный метод рассматривается как способ более точной оценки жилищных правоотношений.

А. О. Иншакова и О. А. Ковалёва справедливо указывают, что «действие жилищного законодательства распространяется на разнородные общественные отношения, к которым применяются различные методы правового регулирования» [1]. Предмет жилищного права охватывает как частные отношения (например, пользование жилыми помещениями), так и публичные (осуществление государственного жилищного надзора и контроля). Например, перевод жилого помещения в нежилое требует одновременно согласования с органами местного самоуправления и соблюдения прав других собственников помещений в многоквартирном доме.

Жилищные отношения включают как горизонтальные связи между субъектами, основанные на равенстве сторон, так и вертикальные, предполагающие реализацию властных полномочий компетентных государственных органов [2]. Защита частных интересов граждан в этой сфере неразрывно связана с публичными задачами государства по обеспечению надлежащих условий проживания.

На методологическую важность выделения категории охранительных жилищных отношений обратили внимание д.ю.н. А.В. Мильков и С. И. Мухаметова. В их работе тонко подмечено: «...в науке жилищного права имеется пробел, относящийся к знаниям об охранительном взаимодействии субъектов жилищного права. Этот пробел требует устране-

ния». Однако конкретный способ устранения отмеченного пробела названные авторы не предложили [3].

Комплексный метод правового регулирования жилищных отношений прослеживается в судебной практике по следующим направлениям.

1. Приобретение права собственности на жилое помещение

Процесс приобретения права собственности на жилое помещение включает как частноправовые аспекты (договор купли-продажи – ст. 549 ГК РФ, договор дарения – ст. 572 ГК РФ), так и обязательную административную процедуру государственной регистрации перехода права в Едином государственном реестре недвижимости (ЕГРН) в силу ст. 18 ЖК РФ.

Верховный Суд РФ в Определении от 1 октября 2024 г. по делу № 5-КГ24-87-К2 разрешил спор между Кирием М. Н. и Кирием А. Н., возникший в связи с неоформленным договором дарения квартиры. Истец ссылался на то, что квартира была передана ему отцом при жизни на основании нотариального договора, однако право собственности зарегистрировано не было, а после смерти дарителя имущество было включено в наследственную массу. Нижестоящие суды отказали в удовлетворении иска, сославшись на отсутствие регистрации. Верховный Суд отменил эти решения, указав, что факт заключения договора и передача квартиры подтверждаются доказательствами, а отказ в регистрации был связан с тяжёлым состоянием здоровья дарителя[1].

Определением Верховного Суда РФ от 14 декабря 2021 г. по делу № 5-КГ21-143-К2 был оставлен в силе судебный акт суда первой инстанции по спору между Ивановой Т.Н. и Департаментом городского имущества г. Москвы о признании права собственности на квартиру, переданную по договору дарения. Стороны подписали договор и акт приёма-передачи квартиры, однако регистрация не была осуществлена из-за внезапной госпитализации одаряемой и последующей смерти дарителя. Апелляционный суд отказал в удовлетворении иска, сославшись на отсутствие регистрации права и доказательств нахождения на иждивении, но Верховный Суд признал эти доводы юридически несущественными. Оставлено в силе решение первой инстанции о признании права собственности, поскольку факт передачи квартиры и наличие действительного договора подтверждались доказательствами[2].

Вместо формального применения ст. 18 ЖК РФ и ст. 223 ГК РФ Верховный Суд в качестве решающего критерия признал фактическое исполнение договора дарения и передачу владения квартирой. Такой подход позволил преодолеть чисто регистрационный формализм и защитить жилищное право гражданина, возникшее до смерти дарителя. Тем самым суд подтвердил приоритет фактической реализации жилищных прав над незавершённой административной процедурой.

Однако по общему правилу для возникновения права собственности на жилое помещение недостаточно заключить гражданско-правовой договор, поскольку юридическим фактом, влекущим переход права, является внесение записи в ЕГРН. И.А. Митрофанова справедливо отмечает, что даже включение в договор дарения условия о пожизненном проживании дарителя не исключает необходимости государственной регистрации перехода права собственности [4].

2. Перевод жилого помещения в нежилое

Процедура перевода предполагает соблюдение норм градостроительного права (подготовка технического паспорта, проекта переустройства), публичного права (получение разрешений органов местного самоуправления) и гражданского права (учёт прав иных собственников – ст. 288 ГК РФ) [5].

Судебная практика подтверждает, что при переводе жилого помещения в нежилое особое значение имеют не только требования Жилищного кодекса РФ (ст. 22–24), но и нормы градостроительного законодательства. Определением Верховного Суда РФ от 19 июня 2025 г. по делу № 306-ЭС25-218 был пересмотрен спор между индивидуальным предпринимателем Шмаковой А.П. и Администрацией города Ульяновска, касающийся перевода двух четырёхэтажных жилых домов в нежилые здания. Администрация отказала в согласовании перевода, сославшись на отсутствие проектной документации и экспертизы, а также документов, подтверждающих, что дома не используются для постоянного проживания. Суды трёх инстанций частично удовлетворили требования заявителя, обязав администрацию повторно рассмотреть заявления. Верховный Суд отменил эти решения, указав на необходимость установления фактического назначения объектов, их технических характеристик и соответствия требованиям безопасности и градостроительных норм[3].

3. Комплексное развитие территории и защита прав собственников

В судебной практике особое внимание уделяется вопросу обеспечения эквивалентной компенсации собственникам. В Определении Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 13 января 2025 г. по делу № 88-142/2025 рассмотрена ситуация принудительного изъятия жилого помещения в рамках комплексного развития территории жилой застройки. Собственник аварийного жилья обратился в суд с требованием о взыскании рыночной стоимости изымаемого помещения и убытков с администрации городского округа «Город Архангельск». Администрация, ссылаясь на заключенный договор о комплексном развитии территории с застройщиком, настаивала на том, что надлежащим ответчиком по иску о выплате возмещения является именно застройщик, поскольку последний принял на себя соответствующие обязательства. Согласно графику реализации проекта выплата возмещения была запланирована на 2027–2028 годы. Суд кассационной инстанции подчеркнул, что решение об изъятии земельного участка и жилых помещений для муниципальных нужд принято органом местного самоуправления. Договор о комплексном развитии территории, заключенный между администрацией и застройщиком, регулирует исключительно отношения между его сторонами и не может изменять императивные требования жилищного законодательства о предварительном и равноценном возмещении собственнику при принудительном изъятии жилого помещения. Отсутствие заключенного с собственником договора о переходе права собственности не освобождает публично-правовое образование от обязанности выплатить возмещение. Таким образом,

1 Определение Верховного Суда РФ от 01.10.2024 № 5-КГ24-87-К2 // СПС «КонсультантПлюс»

2 Определение Верховного Суда РФ от 14.12.2021 № 5-КГ21-143-К2 // СПС «КонсультантПлюс»

3 Определение Верховного Суда РФ от 19.06.2025 № 306-ЭС25-218 // СПС «КонсультантПлюс»

кассационный суд подтвердил приоритет публично-правовых гарантий защиты прав собственников над условиями договора о комплексном развитии территории, направленными на привлечение внебюджетного финансирования[4].

В Верховном суде Республики Коми по делу № 33-8414/2024 также подтвержден приоритет защиты жилищных прав: суд обязал администрацию произвести выкуп жилого помещения с выплатой компенсации, включающей стоимость самого жилья, долю в общем имуществе многоквартирного дома и понесённые убытки[5].

В этих делах баланс публичных и частных интересов был реализован через судебную проверку двух ключевых критериев: соблюдения процедуры публичных слушаний и обеспечения эквивалентной компенсации собственнику (включая стоимость жилья, долю в общем имуществе и убытки).

При этом важную проблему обозначила Н. Н. Соколенко: «абсолютно не предусмотрен порядок действий при отсутствии согласия собственника на предложенные и зачастую кабальные условия таких соглашений, когда соответствующий уполномоченный орган диктует эти условия, а вторая сторона обязана только согласиться с ними, поскольку в законе НЕ предусмотрен порядок их согласования и утверждения в форме протокола разногласий к такому соглашению» [6].

4. Необходимость комплексного подхода проявляется при предоставлении жилого помещения по договору найма.

Это подтверждается делом Романцан, рассмотренным Верховным Судом РФ в 2024 году (№ 67-КГ24-1-К8)[6]. Гражданка и её сын на протяжении длительного времени проживали в помещении общежития, предоставленном по ордеру, и состояли на учёте как нуждающиеся в жилом помещении. После перехода здания в частную собственность они были выселены без предоставления иного жилья. Нижестоящие суды сочли такое выселение законным, сославшись на прекращение трудовых отношений. Однако Верховный Суд РФ указал на необходимость учитывать правовой статус проживающих. Соистцы были вселены на законных основаниях ещё до смены собственника, состояли на учёте как нуждающиеся и иного жилья не имели.

Вместе с тем указанные общественные отношения носили и частноправовой характер, поскольку предполагали элементы найма, правопреемства и ограничения права собственника. Верховный Суд РФ прямо указал на недопустимость одностороннего подхода. Без учёта публичных норм, которые действовали на момент предоставления помещения, невозможно было дать надлежащую правовую оценку самому факту пользования. Системный анализ частноправовых и публичных аспектов позволил суду защитить конституционное право граждан на жилище.

Проведённое исследование позволяет сделать вывод, что комплексный метод в жилищном праве имеет прикладное значение, поскольку суды при рассмотрении жилищных споров учитывают не только формальные требования закона, но и последствия принимаемого решения для граждан. В рассмотренной практике значение имеют фактическое исполнение обязательств, законность вселения, длительность проживания, возможность получения равноценного возмещения и соблюдение публичных гарантий жилищных прав. Такой подход позволяет избежать чрезмерного формализма и точнее определить, какое решение действительно соответствует не только букве, но и духу жилищного законодательства.

Пристатейный библиографический список

1. Иншакова А. О., Ковалева О. А. Жилищное законодательство РФ и субъектов РФ: совместимость и пределы компетенции // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. – 2016. – № 1 (30). – С. 106-112.
2. Манько О.В. Юридическая природа права граждан на жилище // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2023. – № 6 (155). – С. 114-121. – DOI: 10.24412/2227-7315-2023-6-114-121.
3. Мильков А. В., Мухаметова С. И. Охранительные жилищные правоотношения: постановка проблемы // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 11 (191). – С. 213–216. — DOI: 10.47643/1815-1337_2020_11_213.
4. Митрофанова И. А. Право пожизненного проживания дарителя как условие в договоре дарения // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16. № 9 (130). – С. 76-81. – DOI: 10.17803/1994-1471.2021.130.9.076-081.
5. Минеев В. А., Ефремов Е. Н., Наумкина А. В. Перевод жилого помещения в нежилое и нежилого помещения в жилое: проблемы реализации // Символ науки: международный научный журнал. – 2022. – № 5-1. – С. 44-48.
6. Соколенко Н. Н. Реновация как способ отмены института частной собственности // Пробелы в российском законодательстве. – 2021. – Т. 14. № 6. – С. 162-170.

4 Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 13.01.2025 N 88-142/2025 // СПС «КонсультантПлюс».

5 Апелляционное определение Верховного Суда Республики Коми от 19.12.2024 № 33-8414/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

6 Определение Верховного Суда РФ от 09.04.2024 № 67-КГ24-1-К8 // СПС «КонсультантПлюс»

КОМАРЕВЦЕВА Ирина Алексеевна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса, Юридический институт, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь

ГАМИДОВА Джамиля Ильясовна
студент 4-го курса очной формы обучения направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция», Юридический институт, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь

НАРУШЕНИЕ НОРМ СЕМЕЙНОГО ПРАВА КАК ДЕТЕРМИНАНТА ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ НАСЛЕДНИКА

В статье проведен анализ влияния фактов нарушения лицом норм семейного права на возможность наследования им имущества после смерти наследодателя, с которым у него имелась семейная связь. На основе изучения норм римского права и русского древнего права авторы приходят к выводу, что уже в древний период факт нарушения лицом норм семейного права приводил к негативным последствиям в сфере наследования. Сделан вывод о том, что современные нормы об отстранении от наследования лиц по причине неисполнения ими семейных обязанностей базируются на аналогичных правилах советской эпохи, что говорит о преемственности правового регулирования. В статье предлагается дополнить механизм отстранения родителей от наследования после смерти своих детей, основанный на факте неисполнения ими родительских обязанностей.

Ключевые слова: наследственное право, наследники, недостойные наследники, наследование по закону, семейные обязанности.

KOMAREVTSEVA Irina Alexeevna
Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil law and process sub-faculty, Institute of Law North Caucasus Federal University, Stavropol

GAMIDOVA Dzhamilya Ilyasovna
student of the 4th course of the full-time of the direction 40.03.01 "Jurisprudence", Institute of Law, North Caucasus Federal University, Stavropol

VIOLATION OF FAMILY LAW NORMS AS A DETERMINANT OF THE LEGAL STATUS OF THE HEIR

This paper analyzes the impact of violations of family law on an individual's ability to inherit property after the death of a testator with whom they had a family relationship. Based on a study of Roman and ancient Russian law, the authors conclude that even in ancient times, violations of family law led to negative consequences for inheritance. It is concluded that modern rules regarding disinheritance due to failure to fulfill family obligations are based on similar rules from the Soviet era, indicating the continuity of legal regulation. The paper proposes supplementing the mechanism for disinheriting parents after the death of their children, based on the fact of their failure to fulfill parental obligations.

Keywords: inheritance law, heirs, unworthy heirs, inheritance by law, family obligations.

Безусловно, возможность физического лица признаваться наследником и быть призванным к наследованию зависит от многих факторов, в том числе и от семейно-правового статуса гражданина, лежащего в основе необходимой с точки зрения наследственного закона семейно-родственной связи между ним и наследодателем. Значение семейно-правового положения гражданина в плоскости наследственных отношений наиболее отчетливо проявляется при наследовании по закону, так как при наследовании по другим основаниям (например, по завещанию или по наследственному договору) есть вероятность призвания к наследованию лиц, не связанных с наследодателем семейными узами, что вполне объяснимо принципом свободы завещания (ст. 1119 ГК РФ).

Анализ норм современного российского наследственного права показывает, что одного только факта наличия у гражданина семейно-правового статуса, связывающего его с наследодателем явно недостаточно. По общему правилу требуется, чтобы гражданин, связанный с наследодателем кровно-семейными узами (потенциальный наследник) отличался законопослушностью. Если предполагаемый наследник нарушил нормы закона, в частности, уголовного или семейного, то велика вероятность признания его недостойным наследником по правилам ст. 1117 ГК РФ.

Вопросы надлежащего исполнения семейных обязанностей и определения последствий их неисполнения активно обсуждаются на страницах юридической литературы) [1], что свидетельствует о высокой степени значимости указанной проблематики. По общему правилу, неисполнение гражданином семейных обязанностей влечет для него негативные последствия семейно-правового характера. Так, например, неисполнение или ненадлежащее исполнение родителями возложенных на них в силу закона обязанностей может повлечь за собой лишение их родительских прав.

Вместе с тем с учетом межотраслевых связей семейного права, необходимо отметить, что неисполнение семейных обязанностей сказывается не только на семейно-правовом положении гражданина, но также на его статусе, определяемом другими отраслями (подотраслями) российского права, в частности наследственным правом. В данном случае наглядным примером выступает институт «недостойных наследни-

ков», правовой основой которого выступают нормы ст. 1117 ГК РФ. Недостойные наследники лишаются права наследования либо непосредственно самим законодателем, либо решением суда, вынесенным по инициативе заинтересованных лиц. Прежде всего, законодатель отстраняет от наследования по закону родителей после детей, в отношении которых родители были в судебном порядке лишены родительских прав и не восстановлены в этих правах ко дню открытия наследства. Кроме того, в соответствии с п. 2 ст. 1117 ГК РФ по требованию заинтересованного лица суд отстраняет от наследования по закону граждан, злостно уклонявшихся от выполнения лежавших на них в силу закона обязанностей по содержанию наследодателя. Как видим, граждане, виновные в неисполнении семейно-правовой обязанности по алиментированию членов семьи несут негативные гражданско-правовые последствия.

С теоретической точки зрения представляет интерес вопрос о том, насколько традиционной является установленная современным законодателем связь между неисполнением семейных обязанностей и изменением наследственно-правового статуса физического лица. Ретроспективный анализ указанного вопроса говорит нам о том, что уже в древний период факт нарушения лицом норм семейного права приводил к определенным (в основном негативным) последствиям в сфере наследования. Весьма красноречивы в данном контексте нормы римского права, в которых содержались различные основания недостойности наследника, связанные либо с личностью наследодателя, либо с его последней волей, либо с нарушением закона. Так, например, наследник, не выполнивший обязанность по уходу за душевнобольным наследодателем, лишался наследства. Также не мог претендовать на получение наследства наследник, который нарушил предписание закона о воздержании от запрещенной половой связи с наследодателем [3]. Итак, в римском праве некоторые основания недостойности наследовать основывались на нарушениях наследником норм семейного права, выражающихся в неисполнении обязанностей активного или пассивного типа.

Что касается российского правопорядка, то уже на ранних этапах исторического развития государства и права можно наблюдать взаимосвязь семейных обязанностей лица и его наследственных прав, которая ярко прослеживается в нормах Русской Правды. Так, статьи Русской Правды, посвященные правилам наследования после смерти матери, говорят нам о том, что к наследованию призывались дети, которые были «добры» к матери, приютили ее и кормили. Если же дети проявляли непочтительность к матери, были «лихи», то они не могли претендовать на наследство после ее смерти [4]. Итак, уже в древний период русское право придавало значение «неугодному» с точки зрения семейных традиций поведению лиц, связанных узами кровного родства с наследодателем, устанавливая неблагоприятные наследственно-правовые последствия такого поведения.

Подобная зависимость наследственных прав лица от факта соблюдения им семейно-правовых предписаний сохранилась и в дальнейшем, в частности, в отечественном законодательстве XIX – начала XX веков. Так, например, если дети вступили в брак, нарушив при этом волю родителей, не учитывая их «решительное запрещение» или не получив их благословения, то последствием такого непослушания выступала невозможность наследовать этими детьми по закону после смерти того из родителей, кто был оскорблен подобным неповиновением своего отпрыска. Избежать подобных негативных последствий можно было только через родительское прощение, выраженное ими в духовном завещании, составленном в пользу своих детей. Соответствующие правила содержались в ст. 2135 тома 15 Свода законов, которые входили в главу, посвященную преступлениям против брачного союза [5]. Если анализировать данную норму через призму современного правового института недостойных наследников, то с уверенностью можно говорить, что в ней содержались основания недостойности наследника применительно к рассматриваемому историческому периоду.

В дальнейшем увидеть наследственно-правовые последствия нарушения лицами предписаний и запретов семейного права мы можем на примере уникального правового памятника – проекта Гражданского уложения, который был представлен на рассмотрение в Государственную Думу, но так и не стал действующим законом по причине военных и революционных событий в нашей стране в начале 20 века. Книга четвертая проекта Гражданского уложения содержала в себе нормы наследственного права. Что касается рассматриваемого нами вопроса, то интерес представляют некоторые нормы Раздела IV «Обязательная доля» [6]. Что касается общих правил об отстранении наследников от наследования (ст.ст. 1346-1351 проекта Гражданского уложения), то в них в качестве оснований отстранения указаны только неправомерные действия в отношении наследодателя или его последней воли, а нарушение семейно-правовых норм не упоминается как основание недостойности наследника. Однако законодатель придавал большое значение нарушению лицом норм семейного права при регламентации механизма наследования обязательной доли. В частности, завещатель может лишить необходимого наследника обязательной доли, если последний оставил завещателя в беспомощном состоянии. Также родители могли лишить своих детей обязательной доли, если дети нарушили волю родителей и вступили в брак без их согласия. Также основанием для родителей лишения своего ребенка обязательной доли в наследстве выступал факт нанесения ребенком тяжкого оскорбления (ст. 1477 проекта Гражданского уложения). Как видим, в указанной норме проявляется принципиальная позиция дореволюционного законодателя, выше мы уже описывали подобные правила, которые действовали при отстранении детей от наследования по закону после смерти своих родителей (ст. 2135 тома 15 Свода законов). Еще одно основание для лишения наследника-пережившего супруга обязательной доли – это факт нарушения им супружеской верности. В случае совершения супругом прелюбодеяния, он может быть лишен обязательной доли на основании составленного добросовестным супругом завещания. Итак, подводя итог анализу наследственно-правовых норм проекта Гражданского уложения, мы можем отметить, что факты нарушения семейно-правовых обязанностей и норм семейного права не являлись безусловным основанием для негативных последствий для наследника, они могли быть приняты во внимание наследодателем-завещателем как аргумент для лишения обязательной доли необходимых наследников.

В советский период наследственное законодательство также придавало значение поведению потенциального наследника с точки зрения соблюдения им семейно-правовых предписаний и запретов. В частности, в соответствии со ст. 531 ГК РСФСР 1964 года лица, которые не исполняли свои семейно-правовые обязанности, не могли наследовать по за-

кону. К ним относились родители, лишенные родительских прав, а также родители и дети, не исполнявшие своих алиментных обязательств.

С течением времени зародившееся в древний период и постепенно развивающиеся нормы об отстранении определенных лиц от наследования ввиду неисполнения ими семейных обязанностей отчасти сформировали институт недостойных наследников. Как мы уже отметили выше, на современном этапе основные правила о недостойных наследниках представлены в ст. 1117 ГК РФ. В данном случае законодатель взял за основу подход, который получил закрепление в ГК РСФСР 1964 года (ст. 531). Среди оснований недостойности, следует особо подчеркнуть те, которые связаны: во-первых, с неисполнением родителями их семейных обязанностей, во-вторых, с неисполнением лицами возложенных на них семейным законом обязанностей по содержанию наследодателя (алиментных обязанностей).

Особое внимание мы хоти уделить правилу о безусловном отстранении от наследования по закону родителей, лишенных родительских прав. Подчеркнем позицию законодателя: пренебрежение родительскими обязанностями должно найти подтверждение в судебном решении о лишении родительских прав. Возникает вопрос: насколько адекватно и справедливо подобное законодательное решение? Допустим, что в семье фактически сложилась ситуация, подпадающая под нормы ст. 69 СК РФ о лишении родительских прав, например, по основанию злоупотребления родителями своими правами, однако, на момент смерти ребенка решение суда о лишении «нерадивых» родителей их прав не было принято. В соответствии с нормами наследственного права в приведенном примере родители будут наследовать после смерти своих детей. Отстранению их от наследования препятствует лишь факт отсутствия судебного решения о лишении родительских прав. Полагаем, что такие родители «фактически недостойны» наследовать. В этой связи следует рассмотреть возможность отстранения их от наследования в судебном порядке по обращению заинтересованных лиц (по аналогии с п.2 ст. 1117 ГК РФ), если судом будет доказан один из указанных в ст. 69 СК РФ фактов, например, злоупотребление родителями их правами или жестокое обращение с детьми. Примечательно, что схожий подход используется в законодательстве некоторых зарубежных стран. Например, в Австрии родители признаются неспособными к наследованию после детей, если они пренебрегали по отношению к ним своими родительскими обязанностями (§ 540 Всеобщего Гражданского кодекса Австрии) [7].

Итак, если рассматривать факт неисполнения гражданами своих семейно-правовых обязанностей как основание для отстранения их от наследования, то необходимо подчеркнуть, что в данном контексте российский законодатель придает значение лишь родительским обязанностям и алиментным обязательствам членов семьи. Эти же основания актуальны для отстранения от наследования обязательной доли обязательными наследниками (ст. 1149 ГК РФ). Как видим, российский законодатель не воспринял опыт Редакционной комиссии по составлению проекта Гражданского уложения и не наделил завещателя возможностью лишать права наследования обязательных наследников при нарушении последними семейно-правовых обязанностей, не указанных в качестве общих оснований недостойности в ст. 1117 ГК РФ. Законодательное закрепление указанной возможности гармонично укладывалось в современную тенденцию расширения свободы завещания.

Пристатейный библиографический список

1. Кондрашова М. А. Актуальные вопросы исполнения алиментной обязанности в России // Семейное право на рубеже XX-XXI веков: к 20-летию Конвенции ООН о правах ребенка: материалы Международной научно-практической конференции / И. Ф. Александров, О. С. Алферова, З. А. Ахметьянова и др.; отв. ред. О. Н. Низамиева. - М.: Статут, 2011.
2. Чичерова Л. Е. Лишение права наследования как мера ответственности за неисполнение семейных обязанностей // Наследственное право. - 2006. - № 2.
3. Барон Ю. Система римского гражданского права: в 6 кн. - М., 2005. - С. 1005.
4. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. - Ростов-на-Дону, 1995. - С. 468.
5. Свод законов Российской Империи. Издания 1857г. Том пятнадцатый. Законы уголовные. - СПб., 1857. - С. 542.
6. Гражданское уложение. Кн. 4. Наследственное право: проект Высочайше утвержденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения (с объяснениями, извлеченными из трудов Редакционной комиссии) / под ред. И. М. Тютрюмова / сост. А. Л. Саатчиан. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – 296 с.
7. Всеобщий гражданский кодекс Австрии. - М.: Инфотропик Медиа, 2011.

ПОМАЗКОВА Светлана Ивановна
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой частного права, Российский новый университет, г. Москва

ДЖАНИЕВ Виктор Бахманович
аспирант кафедры частного права, Российский новый университет, г. Москва

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ОСНОВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СФЕРЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА МЕЖДУНАРОДНОМ УРОВНЕ

Охрана интеллектуальной собственности, создание условий для беспрепятственной реализации прав правообладателей, а также предпосылок для защиты их интересов – это одно из важнейших условий построения правоотношений. Акцент на том, что сфера интеллектуальной собственности регулируется преимущественно на национальном уровне, обуславливает различие правовой регламентации, с учетом усмотрения законодателя в каждом государстве. Активное развитие международного сотрудничества, в том числе торговых отношений, предполагает, что необходимы договоренности международного уровня. Цель исследования – проведение комплексного анализа правового регулирования сферы интеллектуальной собственности и выявление проблем формирования основ регламентации на данном уровне. По результатам исследования сделан вывод, что за период с момента, как интеллектуальная собственность была определена в качестве объекта правового регулирования на международном уровне, принято достаточно большое количество международных договоров. Однако унификации не произошло. Кроме того, присутствует некое отставание при формировании норм международного права в части охраны интеллектуальной собственности. Выявлены и рассмотрены ключевые проблемы, наличие которых обуславливает сложность разработки и ратификации международных договоров в сфере охраны интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, объекты интеллектуальной собственности, правовое регулирование, международное право, международный договор, право интеллектуальной собственности.

POMAZKOVA Svetlana Ivanovna
Ph.D. in Law, associate professor, Head of Private law sub-faculty, Russian New University, Moscow

DZHANIEV Viktor Bakhmanovich
postgraduate student of Private law sub-faculty, Russian New University, Moscow

THE PROBLEM OF FORMING THE BASIS OF LEGAL REGULATION OF INTELLECTUAL PROPERTY AT THE INTERNATIONAL LEVEL

The purpose of the research. Protection of intellectual property, creation of conditions for the unimpeded realization of the rights of right holders, as well as the prerequisites for the protection of their interests – this is one of the most important conditions for the construction of legal relations. The emphasis on the fact that the sphere of intellectual property is regulated mainly at the national level, determines the difference of legal regulation, taking into account the discretion of the legislator in each state. Active development of international cooperation, including trade relations, implies that international level agreements are necessary. The purpose of the study is to conduct a comprehensive analysis of the legal regulation of intellectual property and identify the problems of formation of the regulatory framework at this level. Results. According to the results of the study it is concluded that since the intellectual property was defined as an object of legal regulation at the international level, a sufficiently large number of international treaties have been adopted. However, there has been no unification. In addition, there is a certain lag in the formation of norms of international law in terms of intellectual property protection. The key problems, the presence of which determines the complexity of the development and ratification of international treaties in the field of intellectual property protection, have been identified and considered.

Keywords: intellectual property, intellectual property objects, legal regulation, international law, international treaty, intellectual property right.

Введение

Развитие международных отношений и появление новых объектов интеллектуальной собственности, особенно в свете активного использования цифровых технологий и дистанционного взаимодействия – это предпосылка не только популяризации интеллектуальной собственности, но и своего рода причина того, что защита прав собственников становится все более проблематичной. Основное регулирование в данной сфере – это, несмотря на наличие, достаточно большого количества международных договоров, все национальное право.

За длительный период признания интеллектуальной собственности объектом, которых нуждается в правовой охране, было разработано и принято много международных договоров, как основы для обеспечения интересов правообладателей. Однако осложнение политической ситуации в мире приводит как к распаду ранее существовавших союзов, так и к отказу от международных договоров. Подобные проблемы влекут за собой и невозможность унификации норм международного права в глобальных масштабах. Существует и ряд иных проблем, напрямую влияющих на ослабление международно-правовой охраны интеллектуальной собственности. Исследование данной сферы необходимо в целях поиска путей решения, определения возможности разработки и принятия международного права, которое позволяло бы максимально обеспечивать правовую охрану и позволять реализовывать право на защиту в ситуации нарушения.

Цель исследования

Проведение анализа проблем формирования основы правового регулирования сферы интеллектуальной собственности на международном уровне, за счет последовательного решения следующих задач:

– раскрыть понятие интеллектуальной собственности;

– проанализировать сущность и особенности международно-правового регулирования в цели международно-правового регулирования сферы интеллектуальной собственности;

– выявить и исследовать проблемы формирования основы правового регулирования сферы интеллектуальной собственности на международном уровне.

Обзор литературы. Вопросам охраны и защиты интеллектуальной собственности посвящено достаточно большое количество исследований. Рассматривается интеллектуальная собственность как с позиции ее сущности, на основе чего формулируются положения о том, какая охраны должна предоставляться, так и в аспекте правового регулирования на национальном и международном уровне.

Анализ международно-правового регулирования сферы интеллектуальной собственности проводился теоретиками права еще в дореволюционный период времени, когда были принятые первые международные договоры. В частности, из числа зарубежных авторов можно выделить Т. Ассера, П. С. Манчини, Ф. К. фон Савиньи. Акцент на работах данных авторов сделан по причине того, что они предприняли попытку обоснования потребности в унификации норм международного права как важной составляющей охраны и защиты интеллектуальной собственности.

В числе современных исследователей, кто уделяет внимание проблематике правового регулирования сферы интеллектуальной собственности на международном уровне можно отметить А. И. Абдуллина, Н. С. Воробьева, Н. Н. Гончарову, Д. В. Дворникова, М. Б. Ковалева, А. В. Лелетину.

Однако с позиции выделения проблем, в силу которых международно-правовое регулирование сферы интеллектуальной собственности еще сложно определить, как достаточное и как унифицированное, внимание в современных исследованиях практически не уделяется.

Методы

При проведении настоящего исследования использовались формально-правовой, сравнительно-правовой методы, а также методы анализа и синтеза.

Анализ понятия «Интеллектуальная собственность» с позиции доктрины и права

Интеллектуальная собственность с позиции нормативного регулирования и с точки зрения доктринального толкования определяется различным образом.

Существуют определения, согласно которым интеллектуальная собственность представляет собой:

– исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности[1];

– права, относящиеся к конкретизированным объектам, в том числе произведениям, изобретениям, исполнительской деятельности и так далее[2];

– личная собственность, признаваемая в качестве интеллектуальной по характеру[3];

– «охраняемые законом результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации в форме материальных активов»[4].

Совокупно анализируя приведенные выше нормативные определения понятию интеллектуальной собственности, можно утверждать, что в целом они имеют сходство за счет акцента на двух составляющих – интеллектуальном характере объекта права собственности, а также на личном характере.

Однако при всем сходстве понятий, которые присутствуют в нормах международного права, просматривается и отличие. Ни одно из приведенных определений не может, безусловно, быть применено к любому объекту интеллектуальной собственности, потому что общественные отношения в данной сфере развиваются стремительно и опережают правовое регулирование. Появляются все более новые объекты, которые отвечают признакам интеллектуальной собственности и предполагают, что им должна придаваться правовая охрана, а правообладателям – возможность защиты собственных интересов в случае, если будет иметь место посягательство.

Следовательно, необходимо обратиться к анализу теоретических воззрений в отношении интеллектуальной собственности, ее современного понимания.

Как наиболее можно определить воззрение на интеллектуальную собственность как на «результат интеллектуальной деятельности человека» [6].

При такой характеристике выделяется две важных составляющих. Во-первых, под определение интеллектуальной собственности попадает только то, что создано человеком. Во-вторых, речь идет о специфической мыслительной деятельности, получающей то или иное воплощение. При такой характеристике отчасти снимается вопрос о том, следует ли то, что создает искусственный интеллект, относить к охраняемым с позиции права результатам интеллектуальной деятельности. Отсутствие прямого участия человека в создании позволяет утверждать, что элемент творчества в данном случае отсутствует, потому что творения искусственного интеллекта – это программно обработанный симбиоз знаний человека, не имеющий реальной новизны, хотя порой и отличающийся от сходных объектов.

Встречающееся определение интеллектуальной собственности как совокупности прав на определенный объект [8], согласуется с тем, что присутствует в некоторых международных договорах, но, безусловно, является спорным, потому что выделяется не сам объект, а права конкретного лица в отношении него. При таком подходе определение сущности интеллектуальной собственности крайне затруднено, потому что триада прав собственника применительно к интеллектуальной собственности остается неизменной. Понятие же интеллектуальной собственности представляется более сложным, предполагающим выделение определенных признаков, на основании которых будет осуществляться отграничение от иных объектов прав собственности и классификация, которая позволяет выделить специфику правового регулирования в зависимости от того, что именно представляет собой данный объект интеллектуальной собственности.

Столь же дискуссионным является и следующее определение: интеллектуальная собственность – это любой результат интеллектуального труда [1]. Необходимо понимать, что деятельность во многих сферах предполагает интеллектуальный труд. Например, в сфере юриспруденции, когда правоприменительный акт создается в результате интеллектуальной деятельности. Однако он не будет подпадать под

1 О распределении интеллектуальной собственности в договорах на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ и в договорах о совместной научно-технической деятельности, заключаемых между российскими и иностранными организациями: Приказ ГКНТ РФ от 29 янв. 1997 г. № 13 [сайт]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/.

2 Конвенция, учреждающая Всемирную организацию интеллектуальной собственности: подписана в Стокгольме 14 июля 1967 г.: в ред. 2 окт. 1979 г. [сайт]. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/.

3 Всемирная декларация по интеллектуальной собственности: принята 26 июня 2000 г. [сайт]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/.

4 О Согласованном словаре терминов в области образования: Постановление № 51-20 Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ 27 нояб. 2020 г. [сайт]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cis.minsk.by/.

определение объекта интеллектуальной собственности, даже если его текст отличается, вследствие индивидуализации, от иных сходных правоприменительных актов. Следовательно, момент создания объекта благодаря интеллектуальной деятельности, важен как составляющая характеристики объекта интеллектуальной собственности, но не является решающим.

Правовое регулирование сферы интеллектуальной собственности с позиции международного права

Вне зависимости от того, как именно теоретики и исследователи раскрывают понятие интеллектуальной собственности, как она определяется в нормах национального и международного права, понимание того, что ей необходима правовая защита, присутствует во всех случаях. Международно-правовое регулирование сферы интеллектуальной собственности начало развиваться давно, практически одновременно с промышленной революцией. Именно тогда стали появляться первые международные договоры, в рамках которых государства стремились достигнуть, консенсус относительно охраны результатов интеллектуальной деятельности, а также защиты собственников на указанные объекты.

Международное право всегда формируется на основе норм национального права, а потребность в достижении договоренностей на международном уровне возникает тогда, когда объект правового регулирования имеет транснациональный характер. Право интеллектуальной собственности, получившее развитие в свете промышленной революции, развивается постепенно. Как одну из особенностей его формирования можно выделить незначительное количество международных договоров на протяжении длительного периода времени, а также сохранение принятых достаточно давно международных актов как актуальных до настоящего времени.

Как один из первых и наиболее важных международных договоров в сфере охраны интеллектуальной собственности традиционно принято выделять Парижскую конвенцию, принятую еще в 1883 году. Именно с ней связывается начало формирования международно-правовой системы охраны интеллектуальной собственности. Более активное развитие международного права в целом и в исследуемой части началось только в двадцатом веке, когда, после Второй Мировой войны, у мирового сообщества появилось понимание важности достижения договоренностей как предпосылки для построения правоотношений. В этот же период времени появляются международные организации, цель которых – объединение государств мира и их законодательства в части охраны интеллектуальной собственности, а также унификации норм [10].

Как отмечает Е. В. Мишина, несмотря на то, что в международном праве первые упоминания об интеллектуальной собственности появились достаточно давно, развитие международного права в данной сфере надлежит связывать с учреждением Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) и принятием Стокгольмской конвенции [7].

Не оспаривая данного утверждения в силу того, что оно представляется правильным, следует обратить внимание на ценность деятельности ВОИС в части стремления разработать механизмов и процедур разрешения международно-правовых споров, связанных с интеллектуальной собственностью. Здесь следует отметить появление Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности, как ориентирующее на соблюдение Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений[5].

Анализируя принятия международных договоров в сфере охраны интеллектуальной собственности, можно проследить динамику развития объектов правового регулирования.

В числе первых были обозначены литературные и художественные произведения (Бернская конвенция). Далее последовала конкретизация авторского права в целом (Всемирная конвенция об авторском праве), в рамках которой государства приняли на себя обязательства по охране прав авторов произведений в том же объеме, в каком охрана предоставляется национальным авторам в соответствии с законодательством каждого государства[6]. Иными словами, в этот период времени вопрос об унификации именно международных норм не был актуален. Основная задача, решение которой достигалось за счет договоренностей на международном уровне, заключалась в охране интересов прав авторов и признании недопустимости их умаления на территории иного государства.

Далее наука и техника стала развиваться все более стремительно, вследствие чего была принята Конвенция о распространении несущих программы сигналов, передаваемых через спутники[7], основой, для принятия которой послужила международная конвенция электросвязи.

В последующие годы был принят ряд международно-правовых договоров, направленных на охрану прав авторов, исполнителей, производителей фонограмм. Для целей унификации в области патентоведения также принимались международные договоры, в том числе, закрепляющие классификацию применительно к патентам (например, Страсбургское соглашение о Международной патентной классификации[8], которое может быть определено как действительно ориентированное на унификацию правового регулирования в достаточно узкой сфере патентного права и является своего рода конкретизирующим по отношению к Европейской конвенции по Международной классификации патентов на изобретения 1954 года).

Не углубляясь в исследование всех международных договоров, посвященных охране тех или иных результатов интеллектуальной деятельности, стоит отметить, что, в большинстве своем они не предполагают выработку единых норм, которые доминировали бы по отношению к нормам национального законодательства. Кроме того, существенным недостатком любого международного договора, вне зависимости от того, насколько ценны и приемлемы его положения, выступает ограничение сферы действия. Каждый международный договор на территории той или страны вступает в действие только в том случае, если государство присоединяется к нему и ратифицирует.

Некоторые исследователи причину сложности формирования международного регулирования сферы интеллектуальной собственности усматривают в том, что национальное законодательство в данной части в разных странах было создано в различное время, преимущественно – уже в двадцатом веке [2]. Утверждение справедливо, потому что потребность в участии международных договорах возникает только тогда, когда государств признает, что интеллектуальная собственность – это самостоятельный объект правового регулирования, когда сформировано представление о том, в каких слу-

5 Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС/TRIPS): принято 15 апр. 1994 г. (с изм. от 06.12.2005) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 37. – С. 2818-2369.

6 Всемирная конвенция об авторском праве: принят 6 сент. 1952 г. // Авторское право. Бюллетень UNESCO. Изъятия и ограничения авторского права в цифровой среде. – 2003. – Т. XXXVII. – № 1. – С. 77-90.

7 Конвенция о распространении несущих программы сигналов, передаваемых через спутники: принята 21 мая 1974 г. // Сборник международных договоров СССР. – Выпуск XLIV. – М, 1990. – С. 364-367.

8 Страсбургское соглашение о международной патентной классификации: принято 24 март. 1971 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР. – Вып. XXXI. – М., 1977. – С. 106-115.

чаях речь идет об интеллектуальной собственности, а в каких присутствуют признаки иной собственности.

Национальный элемент правового регулирования, как справедливо указывает А. Г. Мамедова, изначально доминировал по отношению к международно-правовому регулированию, создаваемому на основании законодательства отдельных государств [4]. Подобный приоритет, отчасти обуславливает и сложность формирования международного права в сфере охраны интеллектуальной собственности, потому что воззрения на интеллектуальную собственность и ее объекты может существенно отличаться в отдельных странах. Спорными могут стать момент придания правовой охраны тем или иным объектам, установление момента, с которого придается правовая охрана – после государственной регистрации или вне зависимости от нее, после включения в международный реестр или вне зависимости от того, насколько объект получил признание на международном уровне.

Права в отношении результатов интеллектуальной деятельности, так или иначе, фиксируются, то есть определяется объект правоотношений и правового регулирования, а также круг субъектов, которые наделены полномочиями по защите своих интересов, в том числе за рубежом, что становится все более актуальным. Основная цель фиксации права в отношении результатов интеллектуальной деятельности заключается в том, что в итоге лицо получает возможность распоряжаться правом, извлекать из собственного произведения прибыль, а также защищать в том случае, если будет иметь место посягательство, нарушение или неправомерное ограничение [5].

Подобные споры существуют до настоящего времени и среди теоретиков по причине многообразия объектов, так или иначе отвечающим признакам результатов интеллектуальной деятельности. Некоторые исследователи выделяют, в частности, определение правового статуса дизайна, который зачастую отвечает признакам новизны, но не всегда рассматривается как объект интеллектуальной собственности [3]. Можно предположить, что подобные споры будут продолжаться еще достаточно долго, особенно в свете цифровизации большинства сфер общественной жизни.

Кроме того, открытость государств к международному сотрудничеству, в том числе в аспекте коммерции, неравнозначна и в разные исторические периоды может существенно отличаться, что можно наглядно проиллюстрировать на примере социалистических стран, достаточно неактивно вступающих во взаимоотношения с капиталистическими или устанавливающих «железный занавес», как это было с СССР. Может присутствовать и своего рода «маргинализация других интересов», ситуация, при которой собственные потребности определяются как единственно важные, а интересы иных участников правоотношений, в том числе государств – игнорируются [9].

Заключение

Резюмируя, можно сделать вывод, что международно-правовое регулирование сферы интеллектуальной собственности не отвечает современным потребностям социума. Многие из действующих международных договоров были разработаны и приняты задолго до того, как развитие науки и техники значительно ускорилось и привело к трансформации представления об интеллектуальной собственности.

По результатам анализа можно утверждать, что международные договоры в большинстве своем являются специализированными, то есть ориентированными на предоставление правовой охраны определенным объектам интеллектуальной собственности, а не их совокупности.

В числе наиболее сложных и актуальных проблем совершенствования и унификации международно-правового регулирования сферы интеллектуальной собственности можно выделить две.

Первая – это длительность процесса разработки, согласования принятия и последующей ратификации международного договора для того, чтобы он был применим на территории определенного государства.

Вторая – это проблема сложной политической обстановки, конфронтации между государствами, что не способствуют стремлению достижения согласия по вопросам интеллектуальной собственности в целях повышения уровня охраны.

Обе проблемы не могут быть определены исключительно как проблемы современности, потому что сам по себе процесс формирования многосторонних международных договоров не может быть достаточно кратковременным для того, чтобы интересы всех сторон были учтены.

Сопутствующей двум обозначенным выше является проблема недостаточности комплексного доктринального обоснования, разработки теоретических аспектов, понятий, которые являются ключевыми и должны быть закреплены в положениях международных договоров. В данном случае речь также идет о недостаточной разработке терминологического аппарата и проблеме его унификации, для того, чтобы отсутствовало различное толкование в процессе применения права.

Пристатейный библиографический список

1. Алавади М. Международное сотрудничество в сфере интеллектуальной собственности // Форум. – 2021. – № 1 (24). – С. 237-244.
2. Винсел Л. Интеллектуальная собственность и национальные экономики // Обзор истории бизнеса: Стандарты и глобальная экономика. Весна. – 2022. – Т. 96. № 1. – С. 195-200. – DOI: https://doi.org/10.1017/S0007680522000071.
3. Копыльцов В. Г. Объекты интеллектуальной собственности // Теория права и межгосударственных отношений. – 2022. – Т. 1. № 6 (26). – С. 83-87.
4. Мамедова А. Г. Соотношение национальных и международных систем защиты прав интеллектуальной собственности // Sciences of Europe. – 2022. – № 107. – С. 39-42. – DOI 10.5281/zenodo.7479729.
5. Манаси С. Заде Право интеллектуальной собственности (ПИС): Обзор // Международный журнал фармацевтической химии и анализа. – 2023. – № 10 (3). – С. 156-163.
6. Мелконян Г. Е. Развивающаяся теория прав интеллектуальной собственности: поощрение прав человека в Соглашении по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности // Тенденции развития науки и образования. – 2023. – № 99-3. – С. 102-105. – DOI 10.18411/trnio-07-2023-164.
7. Мишина Е. В. Международно-правовая охрана интеллектуальной собственности: специфика, значение, перспективы // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2022. – № 2 (38). – С. 92-96.
8. Ржеутский В. С. Соотношение гражданско-правового режима права собственности и права интеллектуальной собственности // E-Scio. – 2021. – № 5 (56). – С. 504-508.
9. Хилберг Е. Terra Nullius интеллектуальной собственности // Этика и международные отношения. – 2022. – Т. 36. № 2. – С. 125-134. – DOI: https://doi.org/10.1017/S0892679422000144.
10. Чапар Г. (Не) легитимность международного режима интеллектуальной собственности? // Лейденский журнал международного права. – 2023. – Т. 36. № 3. – С. 721-741. – DOI: https://doi.org/10.1017/S0922156523000146.

САПРЫКИН Михаил Иванович
аспирант, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; генеральный директор ООО «АКГ», г. Москва

Сапрыкин М. И.

ПРОБЛЕМЫ И ПРАВОВЫЕ ПРОБЕЛЫ КУМУЛЯТИВНОЙ ОХРАНЫ ОБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Научная статья посвящена комплексному анализу механизма кумулятивной охраны объектов интеллектуальной собственности, раскрывая как его преимущества, так и существующие практические и теоретические проблемы. Исследование подчеркивает, что совмещение нескольких правовых режимов защиты способствует усилению правовых позиций правообладателей и расширяет возможности взыскания компенсаций за нарушение исключительных прав. Вместе с тем отмечаются критические проблемы, связанные с отсутствием однозначных нормативных установок, регулирующих распределение ответственности между различными правовыми режимами, а также с практическими сложностями лицензирования в случаях, когда исключительные права принадлежат разным лицам. Статья акцентирует внимание на рисках злоупотребления механизмом кумулятивной охраны, что проявляется, например, в недобросовестной регистрации объекта в нескольких режимах для увеличения компенсаций. Автор рассматривает существующую судебную практику и зарубежный опыт, демонстрирующий альтернативные модели ограничения мультипликации ответственности, которые могут служить ориентиром для реформирования российского законодательства. В заключение предложены конкретные рекомендации по совершенствованию правового регулирования, включая установление выбора одного режима защиты для конкретного случая и обязательное раскрытие правообладателями информации о наличии иных исключительных прав в лицензионных договорах.

Ключевые слова: кумулятивная охрана, объекты интеллектуальной собственности, результаты интеллектуальной деятельности, мультипликация ответственности, злоупотребление правом, параллельная охрана.

SAPRYKIN Mikhail Ivanovich
postgraduate student, M. V. Lomonosov Moscow State University; General Director of AKG LLC, Moscow

PROBLEMS AND LEGAL GAPS IN CUMULATIVE PROTECTION OF INTELLECTUAL PROPERTY

The scientific work is devoted to a comprehensive analysis of the mechanism of cumulative protection of intellectual property objects, revealing both its advantages and existing practical and theoretical problems. The study emphasizes that the combination of several legal protection regimes helps to strengthen the legal positions of copyright holders and expands the possibilities of collecting compensation for violations of exclusive rights. At the same time, critical problems are noted related to the lack of unambiguous regulatory guidelines governing the distribution of responsibility between different legal regimes, as well as the practical difficulties of licensing in cases where exclusive rights belong to different persons. The work focuses on the risks of abuse of the cumulative protection mechanism, which is manifested, for example, in unfair registration of an object in several modes to increase compensation. The author examines the existing judicial practice and foreign experience, demonstrating alternative models of limitation of liability multiplication, which can serve as a guideline for reforming Russian legislation. In conclusion, specific recommendations are proposed to improve legal regulation, including the establishment of a choice of one protection regime for a particular case and the mandatory disclosure by copyright holders of information about the existence of other exclusive rights in license agreements.

Keywords: cumulative protection, intellectual property objects, results of intellectual activity, multiplication of liability, abuse of law, parallel protection.

В настоящее время в условиях непрекращающегося технологического и цифрового развития общества вопросы эффективной правовой охраны объектов интеллектуальной собственности не только не теряют своей значимости, но и, напротив, становятся все более актуальными. Современная практика, пытаясь обеспечить наиболее действенную охрану результатов интеллектуальной деятельности (далее – РИД) и приравненных к ним средств индивидуализации (далее – СИ), сформировала механизм, при котором возможна охрана одного объекта сразу в двух или более правовых режимах – так называемую «кумулятивную охрану». Важно, что в таком случае режимы должны являться совместимыми. Так, как частный случай, Е. Г. Афанасьева предлагает признать совершенно несовместимыми в рамках кумулятивной охраны правовые режимы географического указания и товарного знака [1, с. 66].

Кумулятивная охрана способствует укреплению правовой защиты интересов правообладателей объектов интеллектуальной собственности, однако «наслоение» нескольких правовых режимов может повлечь за собой риск возникновения противоречий, коллизий правового регулирования исследуемой сферы. В данной статье предлагается анализ ключевых проблем и существующих правовых пробелов в механизме кумулятивной охраны объектов интеллектуальной собственности, а также возможные способы их преодоления, которые обеспечили бы согласованную правовую защиту результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации.

В доктрине термин «кумулятивная охрана» нередко заменяется на синонимичное обозначение – «пересечение режимов интеллектуальных прав» или «наслоение правовых режимов» [3, с. 45], [6, с. 85]. В нормативных документах, изда-

ваемых Роспатентом, встречается такой термин, как «параллельная охрана смежных объектов»[1]. Однако использование именно такой формулировки вызывает обоснованные сомнения с точки зрения корректности ее применения в теории и на практике: очевидна ассоциация с институтом смежных прав, что создает предпосылки для неправильного понимания и ошибочного смешения двух самостоятельных юридических категорий [1, с. 61].

Легальное же отражение данное явление нашло в пункте 63 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», где оно было обозначено как «связанность» объектов интеллектуальных прав: «Если имеется несколько принадлежащих одному лицу результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации, связанных между собой: произведение и товарный знак, в котором использовано это произведение, товарный знак и наименование места происхождения товара, товарный знак и промышленный образец, компенсация за нарушение прав на каждый объект определяется самостоятельно»[2].

О. М. Стороженко, рассматривая в своей научной работе каждый из сопоставимых режимов интеллектуальной собственности, выделила несколько вариантов наиболее часто встречающихся моделей совмещения правовых режимов [10, с. 53]:

– «авторское право и патентное право (промышленный образец)»;

– «средство индивидуализации (товарный знак/знак обслуживания) и иное средство индивидуализации (наименование места происхождения товара)»;

– «патентное право (изобретение и/или полезная модель) и патентное право (промышленный образец)»;

– «авторское право и средство индивидуализации (товарный знак/знак обслуживания)»;

– «патентное право и средство индивидуализации (товарный знак/знак обслуживания)».

В доктрине признается, что «дифференциация режимов правовой охраны, как продуманная стратегия, является комплексом превентивных мер, направленных на достижение правовой определенности и одновременно минимизации рисков нарушения исключительных прав на РИД и средства индивидуализации, и находится в фокусе внимания правообладателя для реализации защиты прав на интеллектуальную собственность» [2, с. 50]. Использование кумулятивной охраны расширяет спектр применимых способов защиты, а также позволяет взыскивать компенсацию за каждой факт нарушения исключительных прав на отдельный объект. Однако с этим связана и ключевая проблема в правоприменительной практике: несмотря на значимость правового механизма, его практическое применение осложнено отсутствием ясных и четко установленных норм, регулирующих распределение ответственности при нарушениях исключительных прав на один и тот же объект.

В судебной практике не раз рассматривались споры, когда правообладатели злоупотребляли своими правами в процессе защиты исключительных прав на персонажей, используя кумулятивную охрану не столько в защитных, сколько в корыстных целях. Так, с целью увеличения размера присуждаемой компенсации авторы или правообладатели персонажа регистрируют последнего как товарный знак, в результате чего получают возможность предъявлять требования о компенсации за нарушение исключительных прав сразу на два независимых объекта интеллектуальной собственности [11, с. 43].

Невозможно игнорировать очевидный факт, что подобная кумулятивная охрана персонажа (его регистрация в качестве товарного знака) единственно как с целью увеличения компенсации противоречит принципу добросовестности. Более того, подобные действия следует расценивать как правовую манипуляцию, которая искажает основную функцию правовой защиты: в данном случае механизм кумулятивной охраны направлен не на защиту исключительных прав правообладателей, а на получение необоснованной коммерческой выгоды. К таким же выводам пришел Верховный Суд РФ в 2015 году, указав в одном из Определений, что регистрация товарного знака заведомо без цели его использования, а лишь для установления правовых препятствий по его использованию третьими лицами, может расцениваться как злоупотребление правом[3]. Однако, несмотря на очевидность факта злоупотребления, периодически подобные иски расцениваются судами как допустимые и, более того, подлежащие удовлетворению[4]. Очевиден конфликт между формально допустимыми юридическими механизмами и принципом добросовестности, а отсутствие единой судебной практики по данному вопросу только способствует существованию правовой неопределенности.

В связи с вышеуказанным правовым пробелом в регулировании видится необходимой выработка определенного механизма ограничения злоупотребления правом при кумулятивной охране объектов интеллектуальной собственности. В научных работах, в частности, предлагается трансформировать сам механизм взыскания компенсаций за нарушение исключительных прав: если у правообладателя имеется исключительное право на другой объект интеллектуальной собственности, идентичный первому или создающий у потребителя аналогичное общее впечатление, требование компенсации за нарушение исключительных прав на произведение не может быть предъявлено повторно [7, с. 64], [9, с. 50].

Помимо этого, в ряде исследований выдвигается предложение о полной отмене практики мультипликации ответственности. В рамках этой концепции предлагается установить правило, согласно которому единым правонарушением будет считаться даже тот случай, когда имеет место нарушение исключительных прав на несколько результатов интеллектуальной деятельности, выраженных в одном материальном объекте [7, с. 64].

Примечательно, что в зарубежных правовых системах уже реализованы и применяются на практике отличающиеся от российской модели методы определения санкций за нарушение прав, касающихся кумулятивно охраняемых объектов. Так, в Великобритании истец вправе осуществить защиту только одного приоритетного права. Нормы закона однозначно презюмируют приоритет патентных прав над авторскими, закрепляя невозможность одновременной охраны объекта интеллектуальной собственности и патентным правом, и авторским [5, с. 514]. В Швеции и Норвегии автор-

1 Приказ Роспатента от 19 августа 1999 г. № 141 «Об утверждении Рекомендаций по соотношению правовой охраны промышленных образцов с правовой охраной товарных знаков», п. 3.

2 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2019. - № 7 (июль).

3 Определение Верховного Суда РФ от 23 июля 2015 г. по делу № 310-ЭС15-2555, А08-8802/2013 // СПС «Консультант Плюс».

4 Постановление Суда по интеллектуальным правам от 18 декабря 2015 г. № С01-60/2015 по делу № А76- 1536/2014 // СПС «Консультант Плюс»; Постановление Суда по интеллектуальным правам от 2 февраля 2017 г. № С01-1219/2016 по делу № А55-32137/2015 // СПС «Консультант Плюс»; Постановление Суда по интеллектуальным правам от 25 октября 2016 г. № С01-708/2016 по делу № А60-49780/2015 // СПС «Консультант Плюс»; Постановление Суда по интеллектуальным правам от 20 декабря 2016 г. № С01- 1103/2016 по делу № А47-8645/2015 // СПС «Консультант Плюс»; Постановление Суда по интеллектуальным правам от 14 июня 2016 г. № С01-307/2016 по делу № А71-4061/2015 // СПС «Консультант Плюс».

ское право при кумулятивной охране также имеет «остаточную компетенцию» [8, с. 27]. Данные примеры зарубежного законодательства демонстрируют, что существует вполне реализуемая правовая возможность отраслевого реформирования законодательства с целью ограничения мультипликации ответственности, что существенно бы снизило количество злоупотреблений, связанных с излишним увеличением размера компенсаций.

По мнению автора, изменение механизма взыскания компенсаций и отказ от мультипликации ответственности отчасти способствовали бы решению ключевой проблемы кумулятивной охраны объектов интеллектуальной собственности: как обеспечить достаточную защиту правообладателей, одновременно не сохраняя возможности для злоупотребления правом.

Как уже было отмечено выше, доктрина интеллектуального права обосновывала трансформацию механизма взыскания компенсаций, предлагая запрет повторных требований по идентичным объектам, отмену мультипликации и признание множественных нарушений прав, воплощенных в едином носителе, единым правонарушением. Именно такой подход и избрал законодатель для разрешения данной правовой проблемы.

С 4 января 2026 г. Федеральный закон от 07 июля 2025 № 214-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» существенно трансформирует нормы части четвертой ГК РФ, реформируя порядок определения компенсаций за нарушение исключительных прав путем повышения предельных сумм компенсации, введения ст. 1252.1 ГК РФ, предоставляющей суду возможность корректировки метода расчета, а также снижения ответственности для добросовестных нарушителей с целью обеспечения большей гибкости и соразмерности санкций[5].

В аспекте рассмотрения проблем и правовых пробелов кумулятивной охраны объектов интеллектуальной собственности особенно актуальна статья 1252.1 (пункт 4). Ее положения законодательно закрепляют кумулятивную охрану, устанавливая фиксированные пределы компенсации за комплекс нарушений прав в едином контрафактном носителе вместо прежнего кумулятивного суммирования по каждому объекту.

До указанной поправки подобные множественные нарушения оценивались кумулятивно: суд определял компенсацию за каждый результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации отдельно, после чего компенсация за каждый объект суммировалась в пределах законодательных лимитов.

Общий размер компенсации за нарушение прав на результаты интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации с учетом характера и последствий нарушения мог быть снижен судом ниже пределов, установленных ГК РФ, но не мог составлять менее пятидесяти процентов суммы минимальных размеров всех компенсаций за допущенные нарушения (пункт 3 статьи 1252 ГК РФ).

В настоящей же редакции ГК РФ в случае, когда в одном контрафактном материальном носителе незаконно использовано несколько результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации, установлена единая верхняя граница твердой компенсации (пп. 1 п. 4 ст. 1252.1 ГК РФ) независимо от количества объектов интеллектуальных прав в одном контрафактном экземпляре. При этом четкая верхняя граница суммы компенсаций установлена не была: «общий размер компенсации определяется судом в пределах от наибольшего минимального размера до наибольшего двукратного максимального размера компенсации».

По мнению автора, новая норма упрощает взыскание, делая защиту интеллектуальных прав более предсказуемой и пропорциональной, существенно ограничив суммы взыскиваемых компенсаций при множественных нарушениях прав. Поправка напрямую реализует концепцию «единого нарушения» за комплекс нарушенных прав на объекты интеллектуальной собственности в одном материальном воплощении, минимизируя злоупотребления и повышая эффективность борьбы с контрафактом.

Как еще одну значительную правовую проблему кумулятивной охраны объектов интеллектуальной собственности в научной литературе выделяют чрезмерную монополию правообладателя [8, с. 4]. Сочетание и пересечение различных правовых режимов при охране объекта интеллектуальной собственности влечет за собой неопределенность объема прав правообладателя и размывание граней правомерного использования объекта третьими лицами. Примером может служить случай, когда внешний вид изделия защищен и как промышленный образец, и как товарный знак. Существующий пробел в регулировании создает пространство для злоупотребления правом и препятствует свободному обороту идей и решений, усложняет и сам оборот объектов интеллектуальной собственности.

Подобная проблема рассматривается и в научной работе В. И. Елисеева: так, автор указывает на то, что сама правовая природа кумулятивной охраны предусматривает, что один нематериальный объект интеллектуальной собственности подлежит защите посредством нескольких самостоятельных исключительных прав, которые, хотя и различаются по юридической сути, способны частично пересекаться в их материальном воплощении. Например, как воспроизведение соответствующего объекта авторского права следует рассматривать и размещение изобразительного товарного знака на этикетке продукции [4]. Также кумулятивная охрана способна порождать существенные сложности в регулировании свободного использования, так как случаи и пределы свободного использования для разных режимов различны, а иногда и в целом предусмотрены не для всех правовых режимов, что создает правовую неопределенность и необходимость тщательного анализа каждого конкретного использования.

Остаются достаточно неопределенными границы правомерного поведения третьего лица, желающего использовать кумулятивно охраняемый объект интеллектуальной собственности. Так, существующее законодательство не дает ответа на вопросы, считается ли использование результата интеллектуальной деятельности использованием всех отдельно охраняемых соответствующих объектов; если правообладателей несколько, нужно ли получать лицензии от всех; и нарушение, чьих прав происходит при использовании без разрешения.

Важно, что даже в тех случаях, когда все исключительные права на кумулятивно охраняемый объект принадлежат единственному правообладателю, для реализации правомерного использования каждого отдельного объекта исключительных прав необходимо оформлять соответствующую лицензию на каждый такой объект. Более того, нарушение исключительного права в отношении каждого из объектов повлечет за собой юридическую ответственность. Такая ситуация формирует определенные сложности: наличие лицензионного договора лишь на один объект не предоставляет автоматически право использования другого, поскольку правообладатель вправе запретить пользование им без отдельного разрешения. Процесс получения разрешения на правомерное использование объекта интеллектуальной собственности еще более усложняется в случае, когда права принадлежат разным лицам, что, более того, создает еще одну возможность для злоупотребления правом, ведь тре-

5 Федеральный закон от 07.07.2025 № 214-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 14.07.2025. - № 28. - Ст. 3854.

тье лицо может быть не поставлено (в том числе заведомо) в известность о существовании кумулятивной охраны – ряда отдельных исключительных прав, каждое из которых потребует отдельного разрешения и лицензирования при использовании РИДа или СИ. В таких условиях третье лицо почти обязательно сталкивается с существенными рисками непреднамеренного нарушения прав, неучтенных или специально скрытых от него.

В настоящее время кумулятивная охрана, признавая отдельные интеллектуальные права, выраженные в едином контрафактном объекте, самостоятельно, вызывает неоправданные сложности с лицензированием, использованием и правоприменением. В доктрине в качестве решения данной проблемы предлагается разработка правового инструментария, направленного на защиту интересов третьих лиц, которые намерены использовать результаты интеллектуальной деятельности и СИ, кумулятивно охраняемые, как нескольких самостоятельных объектов интеллектуальных прав. Это позволило бы минимизировать случаи, когда использование таких объектов становится, затруднено или вовсе невозможно из-за наличия нескольких правообладателей.

В качестве одного из возможных правовых средств автором данной статьи предлагается введение и закрепление в законодательстве обязательного заверения правообладателем стороны договора об отсутствии иных прав в лицензионном договоре или обязательное предварительное закрепление в договоре факта наличия таковых. Подобный механизм минимизирует правовую неопределенность и будет способствовать повышению прозрачности правоотношений в данной сфере, позволит лицензиату заранее получать информацию о том, покрывает ли лицензионный договор все исключительные права или же для правомерного использования объекта интеллектуальной собственности потребуется получение дополнительных разрешений. Также будет минимизирован риск возникновения споров и злоупотреблений правом со стороны правообладателей, которые могут умышленно не раскрывать наличие иных исключительных прав или иных правообладателей с целью усиления своей позиции или получения дополнительного дохода.

Проанализировав вышеизложенное, в заключение можно сделать следующие выводы:

1. Кумулятивная охрана объектов интеллектуальной собственности представляет собой эффективный механизм, расширяющий возможности правовой защиты результатов интеллектуальной деятельности за счет одновременного применения нескольких самостоятельных правовых режимов.

2. Проблема неограниченной мультипликации компенсации за нарушение нескольких исключительных прав, воплощенных в едином объекте, недавно получила законодательное разрешение путем установления пределов общей суммы компенсации (п. 4 ст. 1252.1 ГК РФ), однако все еще остаются актуальными иные правовые проблемы и пробелы: отсутствие четких правил распределения ответственности при нарушении исключительных прав, усложненность получения лицензий в ситуации, когда исключительные права на один объект принадлежат разным лицам и др. Все это ведет к сложностям в определении объема прав, заключении лицензионных соглашений и возникновению рисков злоупотреблений, усложняет правомерное использование РИД и создает юридическую неопределенность.

3. Для решения вышеуказанных проблем предлагается предоставить правообладателю возможность выбирать одно из нескольких прав в рамках кумулятивной охраны, которое он будет защищать (например, право на изображение как на произведение или право на изобразительный товарный знак). Кроме того, чтобы снизить юридические риски лицензиата при заключении лицензионного договора на использование объекта, который может иметь несколько режимов правовой охраны, видится необходимым ввести обязательное заверение со стороны правообладателя об отсутствии иных исключительных прав (в противном же случае обязательно уведомление о наличии таких прав).

Пристатейный библиографический список

1. Афанасьева Е. Г. Кумулятивная охрана средств индивидуализации: великан Блендербор, полезная смесь или злоупотребление правом? // Мониторинг правоприменения. – 2022. – №1 (42). – С. 61-68. – DOI: 10.21681/2226-0692-2022-1-61-68.
2. Видякина О. В. Инновационная экосистема: компоненты системы // Копирайт. Вестник Академии интеллектуальной собственности. – 2021. – № 1. – С. 46-55.
3. Ворожевич А. С. Пересечение прав на товарные знаки, произведения и промышленные образцы // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2017. – № 18. – С. 45-57.
4. Елисеев В. И. Проблемы кумулятивной охраны результатов интеллектуальной деятельности // Законодательство. – 2017. – № 2. – С. 22-28.
5. Загребельный М. С. Практические аспекты соотношения авторских и патентных прав в экономической деятельности // Вестник науки. – 2024. – Т. 1. № 6 (75). – С. 512-517.
6. Королева А. Г. Соотношение авторской и патентной форм охраны промышленного дизайна // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 8. – С. 80-88.
7. Королева А. Г. Ответственность за нарушение исключительных прав на кумулятивно охраняемые результаты интеллектуальной деятельности // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 11 (144). – С. 59-66.
8. Королева А. Г. Исключительные права на объекты промышленного дизайна: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2023. – 30 с.
9. Новоселова Л. А. Принцип справедливости и механизм компенсации как средство защиты исключительных прав // Вестник гражданского права. – 2017. – № 2. – С. 48-55.
10. Стороженко О. М. Комплексная правовая охрана интеллектуальной собственности // Копирайт. Вестник Российской академии интеллектуальной собственности и Российского авторского общества. – 2023. – № 1. – С. 53-71.
11. Томилов А. Ю., Томилова В. А. Особенности реализации права на защиту исключительных прав на персонажи произведений и серии мультипликационных сериалов // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. – 2017. – Т. 2. № 3. – С. 41-45.

КУЧИНА Юлия Александровна
кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового права, Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева

Кучина Ю. А.

СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ КАЧЕСТВА ТРУДОВОЙ ЖИЗНИ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН

В статье исследуется воздействие социальных факторов на качество трудовой жизни работников. Анализируя демографические тенденции, автор обращает внимание на вновь формирующуюся практику вынесения судами решений о заключении трудового договора, выявляя проблемы их исполнения. Также показано, что недостаточное развитие социальной инфраструктуры снижает качество трудовой жизни, приводя к усилению территориальной мобильности граждан, особенно молодежи, что требует развития института корпоративной социальной ответственности. Аргументируется необходимость отражения общественных ценностей в отраслевом регулировании, что обеспечит усиление гарантий реализации трудовых прав граждан.

Ключевые слова: качество трудовой жизни, социальные факторы, судебное решение о заключении трудового договора, пожилые трудящиеся, квалификационная яма, корпоративная социальная ответственность, ценностные установки, справедливость.

KUCHINA Yuliya Alexandrovna
Ph.D. in Law, associate professor of Labour law sub-faculty, V. F. Yakovlev Ural State Law University

SOCIAL DETERMINANTS OF THE QUALITY OF WORKING LIFE OF RUSSIAN CITIZENS

The article examines the impact of social factors on the quality of working life of employees. Analyzing demographic trends, the author highlights the emerging judicial practice of ordering the conclusion of employment contracts, identifying key enforcement challenges. It is also demonstrated that underdeveloped social infrastructure reduces the quality of working life, driving increased territorial mobility, particularly among young people, which underscores the need to advance corporate social responsibility. The study argues that integrating social values into sectoral labor regulation will strengthen guarantees for the effective realization of citizens' labor rights.

Keywords: quality of working life, social factors, court order to conclude an employment contract, older workers, skills gap, corporate social responsibility, value orientations, justice.

Современная государственная политика Российской Федерации исходит из того, что экономическая модель страны должна носить выраженный социальный характер, где человек и его потребности занимают центральное место. Отражением данной модели в российском трудовом праве может стать активное внедрение концепции качества трудовой жизни, которая помимо традиционного понимания труда обращает внимание на физические, психологические, социальные и духовные аспекты профессиональной деятельности, формируя комплекс гарантированных государством и работодателем условий, обеспечивающих не только занятость, безопасность и справедливую оплату труда, но и реальную возможность работника сочетать профессиональные обязанности с иными сферами жизнедеятельности, личностным развитием.

Реализация данного подхода невозможна без учёта социальных факторов, влияющих на «мотивацию, сознание и поведение работника в системе производства» [1, с. 4], а также стратегию государственной, а также кадровой политики работодателя. Данная группа факторов неоднородна по своему содержанию: в нее входят и демографические факторы, определяющие качественные и количественные характеристики работников, и факторы социальной инфраструктуры, характеризующие среду жизни работника вне рабочего времени, и факторы, определяющие ценностные установки общества.

Влияние демографических факторов на качество трудовой жизни связано с такими тенденциями, как «размолаживание рабочей силы», отрицательный естественный прирост населения, релокация российских граждан, миграция иностранных граждан, квалификационная яма. Две первые тенденции приводят к старению рабочей силы и являются одной из причин дефицита кадров; увеличение возраста выхода на пенсию также способствует продолжению трудовой деятельности граждан. Феноменом рынка труда в России в условиях дефицита кадров можно считать эйджизм, который проявляет себя в затруднительности качественной занятости уже с 40 лет: по данным портала SuperJob, соискатели 41-50 лет получают 88 % отказов на свои резюме, а после 51 года процент отказов превышает 90 %[1]. Такое возможно благодаря отсутствию реально действующего механизма защиты граждан от дискриминации особенно на этапе трудоустройства. Ужесточение административной и уголовной ответственности за дискриминацию при заключении трудового договора проблему решить не смогло; в настоящее время изменить ситуацию в лучшую сторону пытается Верховный Суд РФ, смещая акцент с собственной трактовки заключения трудового договора как права, а не обязанности работодателя[2] на необходимость удовлетворения требований о возложении на работодателя обязанности заключить

1 Жандарова И. Сотрудники сталкиваются с дискриминацией по возрасту уже с 40 лет. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rg.ru/2024/01/23/sroki-godnosti.html (дата обращения: 10.05.2026).

2 Пункт 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // СПС Гарант

трудовой договор при установлении факта незаконного отказа в приеме на работу[3], следствием чего стало увеличение количества выигранных соискателями дел. Однако в связи с формирующейся практикой нерешенными остаются многие вопросы: например, как исполнить решение суда, если вакантное место перестало уже быть таковым из-за приема другого работника. Если бы аналогичная ситуация стала следствием незаконного увольнения, то работодатель прекратил бы трудовой договор с работающим сотрудником по п. 2 части первой ст. 83 ТК РФ в связи с восстановлением на работе работника, ранее выполнявшего эту работу, однако в данном случае, как правильно заметил Минтруд РФ, «судебное решение не относится к случаям исполнения решений суда о восстановлении на работе, предусмотренным статьей 396 ТК РФ». Поэтому регулятор предложил либо ввести в штатное расписание вакантную аналогичную должность и предложить ее, либо ввести новую должность, интересную для бывшего соискателя[4]. Данный подход хоть и направлен на защиту интересов соискателя, но еще больше ограничивает право работодателя на самостоятельное принятие кадровых решений, поскольку принудительное расширение кадрового состава создает как экономические сложности, так и угрозу неисполнения обязанности по обеспечению работника работой, обусловленной трудовым договором. Думается, что лучшим вариантом все же будет дополнение п. 2 ст. 83 ТК РФ таким юридическим фактом, как вынесение судебного решения о заключении трудового договора.

Также данные статистики показывают, что в экономически развитых странах примерно к 40 годам заработная плата и производительность оказываются максимальными, а потом они практически не меняются — либо чуть-чуть растут, либо в самом конце трудовой карьеры есть сокращение, но совсем небольшое; напротив, в России заработная плата набирает максимум к 40 годам, а потом демонстрирует быстрое снижение[5], в том числе потому, что люди с возрастом теряют работу и вынуждены соглашаться на занятость с более худшими условиями. К сожалению, российское трудовое законодательство почти не учитывает специфику правоотношений с участием пожилых трудящихся в условиях увеличения пенсионного возраста [2, с. 18], а также недостаточного пенсионного обеспечения, не позволяющего достойно жить, не продолжая работу, в условиях объективного старения человеческого организма, ограничивающего возможности в рамках трудовой деятельности. В свете сказанного, особое внимание должно быть обращено на возможность адаптации режима труда и отдыха под просьбы пожилого трудящегося: например, данная категория работников может получить возможность требовать установления неполного рабочего времени согласно ч. 2 ст. 93 ТК РФ; привлечение к сверхурочной работе, работе в выходные и нерабочие праздничные дни должно допускаться только с письменного согласия и при условии, что не запрещено медицинским заключением; отзыв из ежегодного оплачиваемого отпуска, а также замена отпуска денежной компенсацией должны быть запрещены.

Квалификационная яма - еще один социальный феномен, при котором одним работникам «не хватает навыков и знаний, чтобы успешно справляться со своими задачами, а другие-высококвалифицированные специалисты- в новых условиях остаются невостребованными и устраиваются на работу не по своей профессии»[6] (так, опрос 2026 г. компании SuperJob показал увеличение в два раза количества работодателей, которые не принимают на работу по причине избыточной квалификации, а каждый четвертый соискатель именно по этой причине получил отказ в трудоустройстве[7]). Эксперты называют три причины данного социального фактора- технологические, социальные и культурные тренды: в условиях цифровизации знания быстро устаревают, а требования к квалификации растут, растет значимость гибких навыков, меняются трудовые ценности, у старшего поколения, заполнившего рынок труда, отсутствует привычка постоянно учиться, а приобретенные профессиональные навыки сформировались давно[8]. Последствиями квалификационной ямы для работодателя становятся снижение производительности, недополучение доходов, а также траты на переобучение сотрудников, для работников- потеря стоимость обучения, которое оказалось ненужным рынку, постепенная утрата квалификации, возможно, падение качества трудовой жизни.

Развитость социальной инфраструктуры, объекты которой направлены на «создание общих условий для воспроизводства рабочей силы, устойчивого социально-экономического развития региона, удовлетворение жизненно важных потребностей населения, всестороннего и гармоничного развития личности, рациональной организации деятельности, повышения уровня и качества жизни, а также формирования, сохранения и расширения воспроизводства человеческого капитала с учетом специфики потребностей каждого конкретного региона» [4, с. 108], также непосредственно влияют на трудовую жизнь граждан. Обнародованные в 2024 г. результаты опроса специалистами Института роста экономики им. Столыпина показали, что молодежь заставляет переехать в крупный город скудость культурно-досуговой сферы малых городов, состояние транспортной и медицинской инфраструктуры и неухоженность городской среды; низкий зарплатный уровень и сложности с трудоустройством оказались на втором месте[9]. Соответственно, положительное влияние на социальную инфраструктуру может развитие института корпоративной социальной ответственности, помогающей органам государственной власти и местного самоуправления в решении проблем социальной инфраструктуры, активизация социального партнерства на региональном и территориальном уровнях.

Факторы, определяющие ценностные установки общества, в последние годы также начинают становится предметом прицельного внимания государства. Неслучайно поправки, внесенные в Конституцию РФ в 2020 г., касались основополагающих общечеловеческих ценностей- уважения труда и человека труда, социальной справедливости, сохранения памяти предков, воспитания в детях патриотизма, гражданственности и уважения к старшим, защиты исторической правды, взаимного доверия государства и общества, защиты достоинства граждан. В 2022 г. Указом Президента

3 Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 2025 г. № 2-КГ24-8-К3 // СПС Гарант.

4 Письмо Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 4 марта 2026 г. № 14-6/ООГ-856 Об отказе в трудоустройстве соискателю – женщине // СПС Гарант.

5 Гимпельсон В. Рынок труда и демография: «размолаживание» рабочей силы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ekaterinburg.hh.ru/article/28803 (дата обращения: 10.05.2026).

6 Почему мы проваливаемся в квалификационную яму и как это исправить. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://skillbox.ru/media/corptrain/pochemu_my_provalivaemsya_v_kvalifikatsionnuyu_yamu_i_kak_eto_ispravit/ (дата обращения: 22.05.2026).

7 Работодатели стали осторожнее в найме специалистов с избыточной квалификацией. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.superjob.ru/pro/6907/ (дата обращения: 10.05.2026).

8 Доклад BCG и World Skills «Массовая уникальность- глобальный вызов в борьбе за таланты». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://web-assets.bcg.com/f9/24/5f3a82564d6fa0d27a6d767ae0f6/rus-bcg-mas-uniq-tcm27-228998.pdf (дата обращения: 13.05.2026).

9 Мал городок, да дорог. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/6523580 (дата обращения: 04.05.2026).

РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 были утверждены Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, определившие традиционные ценности как «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России». Они должны выступать не только как идеологический ориентир российского государства, но и как нравственная основа построения нормативных актов, вынесения судами решений.

Например, традиционной ценностью названа справедливость. В начале 2024 года ВЦИОМ провел опрос, согласно которому для молодых людей до 25 лет социальная справедливость связана с созданием условий для того, чтобы каждый мог достичь всего, на что он способен (26 %), а опрошенные в возрасте 35-44 лет считают проявлением социальной справедливости наличие равного уровня жизни для всех, общество без богатых и бедных. Именно с социальными гарантиями, среди которых на первом месте- равенство, равные возможности, справедливость ассоциируется у 50 % участвовавших в исследовании[10]. Однако вряд ли может считаться справедливой ситуация, когда лица с повышенной эмоциональной вовлеченностью в трудовой процесс, осуществляющие социально полезную деятельность (учителя, врачи, пожарные, спасатели и т.д.), получают низкую заработную плату, которая в совокупности с повышенной нагрузкой быстро приводит к эмоциональному выгоранию, выход из которого многие видят либо в смене места работы (из государственной больницы медицинский работник переходит в частный медцентр), либо формы занятости (самозанятость), либо в смене профессии. Кроме того, данные виды трудовой деятельности изначально предполагают высокую квалификацию работников, но в силу низкооплачиваемости они замещаются работниками с недостаточной квалификацией, что приводит к падению качества выполняемой работы и в конечном итоге негативно сказывается на качестве жизни населения. Возникает та же самая квалификационная яма, о которой говорилось выше. В результате происходит принижение социального статуса профессии, которое и приводит к дефициту кадров. Изменить ситуацию может повышение благосостояния работников социально значимых профессий, что требует, как минимум, возвращения в Трудовой кодекс определения минимального размера оплаты труда и гарантии, содержавшейся в ст. 133 ТК РФ до 01 января 2005 г., согласно которой «доплаты и надбавки, премии и другие поощрительные выплаты, а также выплаты за работу в условиях, отклоняющихся от нормальных, за работу в особых климатических условиях и на территориях, подвергшихся радиоактивному загрязнению, иные компенсационные и социальные выплаты не включаются в состав минимального размера оплаты труда».

Примером отсутствия справедливости становится и разрыв в доходах, определяемый по коэффициенту Джини. Неравенство доходов, особенно крайние его проявления, ничем не обоснованные, напрямую связано с социальным напряжением: поскольку под угрозу неудовлетворения попадают первичные потребности людей, бытовые вопросы, многократно усиливается протестная активность, которая чревата нарушением и без того хрупкого социального мира. Учитывая, что снижение коэффициента Джини до 0,37 к 2030 году и до 0,33 к 2036 году является целевым показателем достижения национальной цели «Сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи», следует также активизировать работу в данном направлении: в частности, заслуживает внимания разработанный проект федерального закона «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части уточнения порядка согласования установления заработной платы с профсоюзной организацией», закрепляющий обязанность работодателя получить предварительное согласие профсоюзной организации при установлении любых элементов системы оплаты труда топ-менеджеров, включая тарифные ставки, оклады, компенсационные и стимулирующие выплаты; оспаривать несогласие профсоюза предлагается в судебном порядке[11].

Таким образом, на развитие трудового права влияет комплекс социальных факторов, среди которых ведущую роль играют демографические факторы, факторы социальной инфраструктуры и факторы, определяющие ценностные установки общества. Для повышения качества трудовой жизни необходимо комплексное обновление трудового законодательства, направленное на поддержание высокой работоспособности пожилых трудящихся, решение практических вопросов, связанных с заключением трудового договора на основании судебного решения, развитие института корпоративной социальной ответственности, а также гармонизацию норм трудового законодательства с современными ценностными ориентирами российского общества.

Пристатейный библиографический список

1. Шарин В. И., Плутова М. И. Социальные факторы производительности труда // Human Progress. - 2022. - Том 9. Вып.1. - С.1-16. DOI 10.34709/IM.191.18. EDN KBCFXB.
2. Сагандыков М. С. Влияние возраста на реализацию гражданами свободы труда: конституционное и антидискриминационное законодательство зарубежных стран // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. - 2024. - № 4 (59). - С. 12-20. DOI: https://doi.org/10.17308/ law/1995-5502/2024/4/12-20.
3. Чурикова Д. А., Зубенко Е. Н., Козлов С. Н., Кондратьева Н. Н. Социальная инфраструктура: комплексный подход к определению и развитию// Региональные проблемы преобразования экономики. - 2025. - № 9 (179). - С. 105-114.

10 Социальная справедливость: мониторинг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-spravedlivost-monitoring (дата обращения: 14.05.2026).

11 В Госдуме предложили согласовывать зарплаты топ-менеджеров с профсоюзами. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.solidarnost.org/news/v-gosdume-predlozhili-soglasovyvat-zarplaty-top-menedzherov-s-profsoyuzami.html (дата обращения: 15.05.2026).

DOI 10.46320/2073-4506-2026-4-215-282-285

КИРСАНОВА Наталия Борисовна
старший преподаватель Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы, Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет им. Петра Великого

ПУГАЧ Полина Андреевна
независимый исследователь, г. Санкт-Петербург

Кирсанова Н. Б.

Пугач П. А.

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЗАЛОГОВОГО КРЕДИТОРА В ПРОЦЕССЕ БАНКРОТСТВА: БАЛАНС ИНТЕРЕСОВ И ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ КОНКУРСНОЙ МАССЫ

В статье рассматривается одна из самых острых коллизий в банкротстве – проблема залоговых кредиторов, поскольку залоговый кредитор имеет привилегию получить удовлетворение своего требования во внеочередном порядке, но реализация этой привилегии зачастую ущемляет права других кредиторов, так как уменьшает общую конкурсную массу, вследствие чего необеспеченные конкурсные кредиторы рискуют не полностью удовлетворить свои требования. Помимо этого, возникает множество других вопросов, связанных как с самой реализацией предмета залога, так и с распределением денежных средств в соответствии с законом в связи с тем, что залоговый приоритет кредитора не носит абсолютный характер. Авторами сделан вывод о том, что существующая модель регулирования нуждается в оптимизации для достижения более справедливого баланса интересов всех участников процесса банкротства при сохранении эффективности механизма защиты залоговых прав.

Ключевые слова: залоговый кредитор, конкурсная масса, реестровый кредитор, залог, реализация предмета залога.

KIRSANOVA Nataliya Borisovna
senior lecturer of the Higher School of Jurisprudence and Forensic Engineering, Humanitarian Institute, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

PUGACH Polina Andreevna
independent researcher, St. Petersburg

THE LEGAL STATUS OF A SECURED CREDITOR IN BANKRUPTCY PROCEEDINGS: BALANCING INTERESTS AND PROBLEMATIC ASPECTS OF BANKRUPTCY ESTATE DISTRIBUTION

The paper examines one of the most pressing issues in bankruptcy law: the problem of secured creditors. Secured creditors have the privilege of being paid first, but this often infringes on the rights of other creditors, as it reduces the overall bankruptcy estate, leaving unsecured creditors at risk of not fully satisfying their claims. Consequently, unsecured creditors risk not having their claims fully satisfied. In addition, numerous other issues arise, related both to the actual enforcement of the collateral and to the distribution of funds in accordance with the law — given that the secured creditor's priority is not absolute. The authors concluded that the existing regulatory model needs to be optimized to achieve a fairer balance of interests of all participants in the bankruptcy process while maintaining the effectiveness of the mechanism for protecting collateral rights.

Keywords: secured creditor, bankruptcy estate, registered creditor, collateral, enforcement of collateral.

Реестр требования кредиторов является важным инструментом, который позволяет прозрачно и организовано распределить требования кредиторов в порядке очередности, предусмотренной законом и принципом справедливости. Факт включения требований кредитора в этот реестр законно закрепляет его право на участие в процессе банкротства и принятие решений, право на получения соответствующей доли от имущества должника, таким образом, обеспечивая права и интересы всех участников процесса.

Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон) содержит в себе положения, которые касаются формирования реестра. Проанализировав статью 134, мы можем сделать вывод о том, в каком порядке удовлетворяются требования кредиторов[1]. Однако при анализе всех положений, связанных с реестром, возникает вопрос, который касается таких субъектов процедуры банкротства как «залоговый кредитор». Это понятие не является легально закрепленным, но явно вытекает из научной литературы, которая была использована при написании статьи.

Законодатель выделил несколько статей, в частности статья 18.1 или 138 Закона, которые содержат порядок удовлетворения требований такой категории субъектов, как кредиторы по обязательствам, обеспеченным залогом имущества должника (залоговый кредитор)[2]. Иными словами, данная категория видится привилегированной по отношению к реестровым (конкурсным) кредиторам, что на первый взгляд кажется несправедливым.

1 Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 31.07.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // СЗ РФ. - 2002. - № 43. - Ст. 4190.

2 Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 31.07.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // СЗ РФ. - 2002. - № 43. - Ст. 4190.

В процессе банкротства кредиторы третьей очереди в реестре делятся на две группы: с обеспечением (залоговые) и без обеспечения. При этом залоговые кредиторы обладают существенными преимуществами — их требования удовлетворяются в максимально возможном объёме за счёт стоимости заложенного имущества. Статистические данные официального бюллетеня ЕФРСБ (за январь-июнь 2025 года) это подтверждают: уровень удовлетворения требований третьей и четвёртой очередей, имеющих залоговое обеспечение, достиг 21,76 % от общей суммы заявленных требований указанных категорий. При этом доля удовлетворённых требований 3-й и 4-й очередей, не обеспеченных залогом, существенно ниже - 8,66 % от суммы включённых требований. Для сравнения, в аналогичном периоде 2024 года (январь-июнь) указанные показатели составляли: для требований, обеспеченных залогом - 25,37 %; для требований, не обеспеченных залогом - 7,26 %. Таким образом, наблюдается снижение доли удовлетворённых требований (не обеспеченных залогом) в первом полугодии 2025 года по сравнению с аналогичным периодом 2024 года, тогда как для требований, обеспеченных залогом, зафиксировано уменьшение доли удовлетворённых требований[3].

Специфика банкротных правоотношений заключается в том, что они по своей сути представляют собой коллективное исполнительное производство. Каждый кредитор стремится обеспечить возврат своих долгов за счёт конкурсной массы должника. Однако статус залогового кредитора в этой системе принципиально отличается в связи с тем, что его интересы не совпадают с интересами остальных конкурсных кредиторов.

Как отмечает Титова Е. С., ключевое отличие состоит в отсутствии прямой конкуренции между залоговыми и необеспеченными кредиторами в рамках реестра требований. Это обусловлено особым характером притязаний залогового кредитора. Его требования направлены исключительно на конкретное залоговое имущество. В отношении этого имущества не действует принцип конкурсного распределения - оно не включается в общую конкурсную массу для пропорционального удовлетворения требований всех кредиторов. Залоговый кредитор реализует свои права преимущественно за счёт стоимости предмета залога, минуя общий конкурсный механизм распределения активов [2].

Кроме того, залог в банкротстве защищает требования залогодержателя против требований других кредиторов, не обеспеченным залогом, что нарушает принцип равноправного положения кредиторов и одинаковой защищённости их требований при несостоятельности должника, сформулированный в Определении ВС РФ от 17 марта 2020 года № 307-ЭС19-10177[4].

Тем не менее, приоритет залогового кредитора не носит безусловный характер - законодательство предусматривает ряд ограничительных механизмов. В частности, нормы пунктов 1-3 статьи 138 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» устанавливают рамки, в которых происходит распределение выручки от продажи заложенного имущества. Таким образом, закон сознательно сужает объём преимущественных прав залогодержателя, вводя обязательные пропорции распределения средств от реализации залога.

Хотя залоговые кредиторы и обладают явным приоритетом в очередности выплат по сравнению с реестровыми, они ограничены размером основного долга вместе с причитающимися процентами.

Согласно Постановлению Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 июля 2009 г. N 58 «О некоторых вопросах, связанных с удовлетворением требований залогодержателя при банкротстве залогодателя», если заложенное имущество перестало находиться во владении залогодателя - в частности, было им отчуждено, право залога при этом не прекращается. Залогодержатель сохраняет возможность реализовать свои права, подав исковое заявление к новому собственнику имущества. В подобных условиях суд отклонит ходатайство кредитора о включении его требований в реестр по делу о банкротстве со ссылкой на обеспечение их залогом имущества должника[5]. На то же самое ссылается и в Верховный Суд РФ в «Обзоре судебной практики по спорам об установлении требований залогодержателей при банкротстве залогодателей»[6].

В статье 138 Закона регламентировано, что залогодержатель имеет право вернуть свой долг только в размере 70 % от суммы реализации предмета залога, причем при банкротстве физического лица в размере 80 %. Оставшаяся часть суммы распределяется в определенном соотношении, а именно при банкротстве юридического лица для целей погашения 1 и 2 очереди требований реестровых кредиторов откладывается 20 %, на погашение текущих платежей, в которые входят судебные расходы и вознаграждение арбитражного управляющего и лиц, которые привлекаются в случае необходимости и для исполнения возложенных на арбитражного управляющего обязанностей – 10 %. При банкротстве физических лиц сумма распределяется иначе, 10 % и 10 % соответственно. Законом предусмотрены исключение из правил для должников - юридических лиц, которое касается обязательств, возникающих из кредитных договоров. В таком случае соотношение будет выглядеть как 80 %-15 %-5 %[7].

Для целей распределения денежных средств создается специальный счет, на котором сумма хранится как зарезервированные денежные средства на случай нехватки другого имущества должника (конкурсной массы) для расчета с долгами. То есть важно отметить, что реестровые кредиторы первой и второй очереди, а также судебные расходы и иные текущие платежи погашаются за счет конкурсной массы, если это не расходы, связанные с предметом залога и его реализацией, и зарезервированные денежные средства предназначены для погашения долга в случае нехватки для этого конкурсной массы.

Стоит обратить внимание на то, что перед тем, как средства от продажи залогового имущества распределят по установленным пропорциям, из них вычитают сумму текущих платежей, непосредственно связанных с этим залогом, с его содержанием и реализацией в соответствии с пунктом 6 статьи 138 ФЗ Закона. Текущие платежи, не связанные с предметом залога, по общему правилу не могут быть удовлетворены за счет средств от его реализации, если только это не те платежи, которые входят в перечень расходов, регламентированных статьей 138 ФЗ (1 очередь текущих платежей).

Это прослеживается, в том числе в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда

3 Статистический бюллетень ЕФРСБ на декабрь 2025 года // ЕФРСБ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://fedresurs.ru/news/26005c7d-3cca-4cfe-b989-99e86a9c5c31 (дата обращения: 01.12.2025).

4 Определение Верховного Суда РФ от 17.03.2020 № 307-ЭС19-10177 // LegalActs. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-17032020-n-307-es19-101774-po-delu-n-a56-423552018/ (дата обращения: 30.01.2026)

5 Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.07.2009 № 58 «О некоторых вопросах, связанных с удовлетворением требований залогодержателя при банкротстве залогодателя» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. - 2009. - № 8.

6 Обзор судебной практики по спорам об установлении требований залогодержателей при банкротстве залогодателей // СПС «КонсультантПлюс».

7 Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 31.07.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // СЗ РФ. - 2002. - № 43. - Ст. 4190.

Российской Федерации от 02.10.2020 N 309-ЭС19-20740(2) по делу N А60-741/2015, где сказано, что «расходы на обеспечение сохранности предмета залога и реализацию его на торгах покрываются за счет средств, поступивших от реализации предмета залога, до расходования этих средств в соответствии с пунктами 1 и 2 статьи 138 Закона», однако, вопрос погашения таких платежей до сих пор носит дискуссионный характер, так как законодатель не предусматривает исчерпывающих список расходов, относящихся к такого рода платежа[8].

Сущность приоритета залоговых кредиторов состоит в том, что вырученные от продажи залогового имущества денежные средства не включаются напрямую в конкурсную массу, а распределяются по ранее указанной пропорции, предоставляя залоговому кредитору приоритет перед реестровыми кредиторами. Вместе с тем, если после погашения требований залогового кредитора сохраняется часть суммы (до 70 % уплаченных средств), она направляется на специальный резервный счёт для расчётов с кредиторами первой и второй очередей, а после полного удовлетворения их требований — далее по установленному порядку на погашение текущих расходов. Но если средств на погашение задолженности перед залогодержателем не хватает, то есть его требование еще сохраняется, то в случае полного удовлетворения требований реестровых кредиторов сумма остатка в пределах зарезервированных 20 % (15 % для обязательств, вытекающих из кредитных договоров) направляется на дополнительное погашение требования залогодержателя, а затем, если они остались, на покрытие судебных расходов и вознаграждение управляющего, и только потом остаток направляется в конкурсную массу для удовлетворения требований кредиторов третьей очереди [1].

Верховный суд разъяснил, что, так как согласно законодательству о несостоятельности по общему правилу требования по текущим платежам удовлетворяются раньше, чем требования реестровых кредиторов первой и второй очереди, соответствующее положение закона о погашении текущих платежей за счёт остатка средств, предназначенных для расчётов с кредиторами этих очередей, следует понимать именно в этом смысле, что конкурсный управляющий может оплачивать текущие платежи, перечисленные в п. 1 ст. 138, в любой момент конкурсного производства, не дожидаясь расчетов с реестровыми кредиторами. Если после выплаты таких платежей остаются деньги, они идут на другие текущие платежи по закону, а затем — на удовлетворение требований кредиторов первой и второй очереди. Как указано в Определении судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 24.12.2018 № 305-ЭС18-15086(1,2) «при отсутствии кредиторов первой и второй очереди (или при достаточности иного имущества для расчетов с ними) и при условии, что первоначальные восемьдесят процентов не покрыли полностью обеспеченное залогом требование, указанные десять процентов по смыслу абзацев пятого и шестого пункта 5 статьи 213.27 Закона о банкротстве направляются на расчеты с залоговым кредитором»[9].

Может быть такое, что денежных средств все равно не хватило на погашение задолженности перед кредитором-залогодержателем, тогда долг включается в конкурсную массу и удовлетворяется в общем порядке наравне с требованиями необеспеченных кредиторов[10]. Если зарезервированных 20 % или 10 % не хватило на соответствующие этим зарезервированным денежным средствам платежи, недостающая сумма погашается также за счет конкурсной массы (а не за счёт доли залогового кредитора).

Итак, закон допускает включение части выручки от продажи залогового имущества в конкурсную массу, но этот процесс четко регулируется, чтобы сбалансировать интересы всех сторон банкротства: сохранить приоритет залогового кредитора, обеспечить выплаты реестровым кредиторам 1-й и 2-й очередей из зарезервированных сумм, поддержать финансирование процедур и избежать ущерба прав кредиторов 3-й очереди при передаче остатка в общую конкурсную массу.

Но если взглянуть на ситуацию с точки зрения критики, то можно выявить ряд проблем и рисков. Когда для кредиторов первой и второй очередей существуют специальные счета, что будет считаться гарантированным финансированием на случай нехватки иного имущества должника, то у конкурсной массы объективно снижаются шансы получить выручку от продажи предмета залога с учётом описанного механизма распределения средств, в результате чего кредиторы третьей очереди оказываются в более уязвимом и рискованном положении, так как помимо того, что после удовлетворения требований предшествующих очередей для них может вовсе не остаться денежных средств, так и шансы получить средства из зарезервированного счета малы. Также и сам залоговый кредитор рискует не удовлетворить свои требования полностью, так как получает только 70 % выручки от продажи залога после вычета текущих расходов на него, что зачастую меньше суммы основного долга перед залогодержателем. Арбитражный управляющий способен завышать траты из 10 % резерва, например, на оплату услуг подрядчиков, тем самым уменьшая долю залогового кредитора. Существуют пробелы в регулировании, так как законодатель не уточняет критерии разумности расходов на реализацию залога, механизмы защиты залогового кредитора при нецелевом использовании резервных счетов. А. В. Солодилов наоборот указывает на то, что сложившийся статус залогового кредитора несёт в себе определенные риски, так как он способен негативно повлиять на возможность восстановления финансовой устойчивости должника [3].

Вопрос, касающийся текущих платежей, непосредственно связанных с предметом залога, его сохранением и реализации был рассмотрен Конституционным судом РФ. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 09.04.2024 N 16-П «По делу о проверке конституционности пункта 6 статьи 138 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами публичного акционерного общества «Сбербанк России» и общества с ограниченной ответственностью «Торговый дом «Агроторг» суд сделал акцент на приоритетном погашении затрат на содержание залогового имущества (п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве), отнеся к таким расходам текущие обязательства должника по имущественным налогам на залог в период банкротства. Он считал, что абсолютный приоритет залогового кредитора при дележе выручки от продажи залога нарушает равновесие интересов кредиторов: если всю выгоду от реализации имущества заберет залоговый кредитор, то затраты на это имущество (земельный налог, налог на имущество юридических лиц, транспортный налог) лягут на другие активы должника и конкурсную массу.

8 Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 02.10.2020 № 309-ЭС19-20740(2) по делу № А60-741/2015 // LegalActs. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-02102020-n-309-es19-207402-po-delu-a60-7412015/ (дата обращения: 02.12.2025).

9 Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24.12.2018 № 305-ЭС18-15086 (1, 2) по делу № А40-111492/2013 // LegalActs. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-24122018-n-305-es18-1508612-po-delu-a40-1114922013/ (дата обращения: 02.12.2025).

10 Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 31.07.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // СЗ РФ. - 2002. - № 43. - Ст. 4190.

И таким образом, бремя таких расходов фактически ложится на необеспеченных кредиторов, поскольку для их погашения задействуются оставшиеся активы банкрота[11].

Следовательно, судебная позиция направлена на достижение справедливого баланса: текущие обязательства, прямо связанные с предметом залога (включая имущественные налоги), должны погашаться за счёт средств от реализации этого имущества, а не за счёт общей конкурсной массы. Это позволяет избежать ситуации, когда одни кредиторы получают всю выгоду, а другие - несут сопутствующие расходы.

Помимо имущественных интересов кредитор-залогодержатель (п. 1 ст. 12 Закона о несостоятельности) обладает правом участвовать в голосовании на стадиях наблюдения, финансового оздоровления и внешнего управления лишь при условии, что он отказался от реализации предмета залога либо суд не удовлетворил его заявление о продаже залогового имущества (что корреспондирует п. 2-3 ст. 18.1 Закона). В рамках конкурсного производства такое право голоса у залогового кредитора также отсутствует. По требованиям, обеспеченным залогом, он может присутствовать на собрании кредиторов и высказываться по вопросам повестки дня, но не участвовать в голосовании, поскольку его интерес уже гарантирован залоговым обеспечением за счёт имущества должника. Таким образом, участие такого кредитора в управлении процедурами банкротства считается избыточным — их интересы уже защищены залогом. Но есть исключения, которые касаются заключения мирового соглашения (п.2 ст. 50 Закона) и замещение активов в конкурсном производстве (п.1 ст. 141 Закона). Однако Пленум ВАС РФ в п. 5 постановления от 23.07.2009 № 58 отметил, что залоговые кредиторы получают право голоса лишь в ситуациях, когда принимаемое решение непосредственно влияет на их права, прежде всего, на судьбу заложенного имущества. Иными словами, участие в голосовании предоставлено только по вопросам, имеющим прямое отношение к сохранности или реализации залога. А именно, как указано в Постановлении, в соответствии с законодательством о банкротстве (п. 4 ст. 138 Закона о банкротстве), конкурсный управляющий проводит продажу заложенного имущества в ходе конкурсного производства, строго следуя процедурным нормам, указанным в подп. 4, 5, 8-19 ст. 110 и п. 3 ст. 111 Закона. Ключевая особенность механизма продажи заключается в распределении полномочий, согласно которому право определять порядок и условия проведения торгов предоставлено залоговому кредитору, однако в строго очерченных законом пределах. При этом коллегиальный орган кредиторов лишён возможности влиять на параметры реализации залогового имущества[12].

Залоговый кредитор обязан отреагировать на обращение конкурсного управляющего в разумный срок, сформулировав конкретные условия проведения торгов. Если возникают споры по поводу порядка и условий продажи залога, любая сторона — конкурсный управляющий или залоговый кредитор — может обратиться в суд в рамках дела о банкротстве. Суд по заявлению в порядке ст. 60 Закона о банкротстве выдает определение, об утверждении условий торгов, которое можно обжаловать. Если залоговый кредитор не заявил свои требования, то реализация заложенного имущества осуществляется посредством торгов в соответствии с общими правилами.

Проведенный анализ правового статуса залогового кредитора в рамках процедуры банкротства позволяет сделать ряд существенных выводов. Механизм приоритетного удовлетворения требований залогодержателей, несмотря на кажущуюся несправедливость по отношению к другим кредиторам, представляет собой необходимый правовой инструмент, обеспечивающий баланс интересов всех участников банкротного процесса, а также соблюдающий сущность залога в обязательственных правоотношениях. Законодательно установленный механизм приоритетного удовлетворения требований залогодержателей, хотя и обеспечивает защиту их прав, создает риски ущемления интересов кредиторов третьей очереди. Система распределения средств от реализации залога, предусматривающая резервирование части суммы для удовлетворения требований кредиторов первой и второй очереди, демонстрирует попытку законодателя найти компромисс. Однако сохраняется проблема недостаточной защищенности необеспеченных кредиторов, чьи шансы на получение выплат существенно снижаются. Выявленные пробелы в регулировании расходов на реализацию залога и механизмы контроля за использованием резервных счетов требуют дальнейшего совершенствования. Необходимо разработать более четкие критерии определения разумности затрат и усилить защиту прав всех категорий кредиторов. Таким образом, существующая модель регулирования нуждается в оптимизации для достижения более справедливого баланса интересов всех участников процесса банкротства при сохранении эффективности механизма защиты залоговых прав.

Пристатейный библиографический список

1. Белоусова В. Р. Особенности правового положения залогового кредитора при банкротстве должника // Аграрное и земельное право. – 2022. – № 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovogo-polozheniya-zalogovogo-kreditora-pri-bankrotstve-dolzhnika (дата обращения: 02.12.2025).
2. Лапина Е. В., Хаустов Н. С. Правовая природа преимуществ статуса залогового кредитора при несостоятельности (банкротстве) должника // Юридическая наука. – 2022. – № 12 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-preimuschestv-statusa-zalogovogo-kreditora-pri-nesostoyatelnosti-bankrotstve-dolzhnika (дата обращения: 04.12.2025).
3. Солодилов А. В. Статус залоговых кредиторов в деле о банкротстве: материально-правовой и процессуальный аспекты // Имущественные отношения в РФ. – 2010. – № 7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/status-zalogovyh-kreditorov-v-dele-o-bankrotstve-materialno-pravovoy-i-protsessualnyy-aspekty (дата обращения: 02.12.2025).
4. Титова Е. С., Занковский С. С. Формирование реестра требований кредиторов: правовые аспекты. — М.: Издательский дом «Юр-ВАК», 2020. – 84 с.
5. Чернушевич А. К., Пушкарев И. П. Отдельные вопросы реализации прав залогового кредитора в деле о несостоятельности (банкротстве) // Вестник науки. – 2023. – № 10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/otdelnye-voprosy-realizatsii-prav-zalogovogo-kreditora-v-dele-o-nesostoyatelnosti-bankrotstve (дата обращения: 03.12.2025).

11 Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 09 апреля 2024 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности пункта 6 статьи 138 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами публичного акционерного общества „Сбербанк России“ и общества с ограниченной ответственностью «Торговый дом «Агроторг» // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202404100002 (дата обращения: 01.12.2025).

12 Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 июля 2009 г. № 58 «О некоторых вопросах, связанных с удовлетворением требований залогодержателя при банкротстве залогодателя» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. - 2009. - № 8 // СПС «Гарант».

ПЕРЕПЕЧКИНА Елена Геннадьевна
кандидат экономических наук, доцент, Российский государственный социальный университет, г. Москва

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ И ФИНАНСИРОВАНИЮ ТЕРРОРИЗМА

К числу наиболее существенных внешних и внутригосударственных вызовов экономической безопасности относится легализация средств криминального происхождения, а также обеспечение террористической деятельности финансовыми ресурсами. Указанные противоправные практики формируют денежную базу для дестабилизирующих сил, ослабляют стабильность национальной банковско-финансовой архитектуры, расширяют масштабы неформальной экономики и деформируют конкурентную среду. На этом фоне усилились угрозы задействования нетрадиционных маршрутов для сокрытия преступных поступлений и перемещения капитала, включая механизмы через дружественные юрисдикции, децентрализованные финансы и криптоактивы. Оперативное обнаружение и блокирование подобных схем прямо связано с собираемостью налогов, ресурсным обеспечением экономического развития и, в конечном итоге, с государственным суверенитетом. Центральная роль в противодействии подобным операциям принадлежит государственным органам.

Ключевые слова: корпоративные риски, транзакции, легализация, финансовая разведка, секторальная оценка рисков, заградительные меры, лизинговые компании, дропы.

PEREPECHKINA Elena Gennadjevna
Ph.D. in economical sciences, associate professor, Russian State Social University, Moscow

ASSESSMENT OF THE EFFECTIVENESS OF STATE BODIES IN COUNTERING THE LEGALIZATION OF CRIMINAL PROCEEDS AND THE FINANCING OF TERRORISM

Among the most significant external and domestic challenges to economic security are the laundering of criminal proceeds and the provision of financial resources for terrorist activities. These illegal practices provide a financial base for destabilizing forces, weaken the stability of the national banking and financial architecture, expand the informal economy, and distort the competitive environment. Against this backdrop, the threat of unconventional routes to conceal criminal proceeds and move capital has increased, including mechanisms through friendly jurisdictions, decentralized finance, and crypto-assets. Promptly detecting and blocking such schemes is directly linked to tax collection, resource provision for economic development, and, ultimately, state sovereignty. Government agencies play a central role in countering such operations.

Keywords: corporate risks, transactions, legalization, financial intelligence, sectoral risk assessment, protective measures, leasing companies, drops.

Результативность мер по пресечению легализации криминальных доходов и финансового содействия терроризму определяется согласованностью действий всей совокупности государственных институтов. Исследование воздействия таких процессов на экономическую безопасность России предполагает системный ракурс, объединяющий качественные и количественные показатели, связанные с основными направлениями влияния.

Согласно сведениям МВД, объем материального ущерба от преступлений экономической направленности по приостановленным и завершенным уголовным производствам за 2021–2025 годы уменьшился на 43,4 %, составив в 2025 году 362,4 млрд руб. Вместе с тем по оценке руководителя ведомства, указанный показатель отражает лишь документально установленную долю убытков, тогда как действительные размеры теневого оборота могут существенно превышать официальные данные[1]. Подобная ситуация обусловлена тем, что распространение безналичных платежей и цифровых финансовых сервисов, повышая оперативность движения средств, одновременно расширяет спектр рисков незаконных транзакций, включая схемы отмывания. Лица, совершающие подобные деяния, интенсивно эксплуатируют цифровые инструменты. Похищенные денежные ресурсы быстро изымаются из легального сектора посредством фиктивных переводов, операций по обналичиванию, криптовалютных кошельков и подставных счетов[2].

Следует отметить исходя из статистических материалов ЦБ РФ устойчивое уменьшение масштабов обналичивания и сомнительных транзакций (таблица 1).

По сведениям ЦБ РФ, к 2025 году величина сомнительных операций снизилась до 72,6 млрд. руб., тогда как в 2021 году она достигала 128 млрд. руб.; показатель составил 56,7 % от уровня 2021 г. За тот же интервал объем выдачи наличных в экономике уменьшился на 48,1 % и составил 48,3 млрд. руб. Наиболее заметное сокращение отмечено в банковской сфере: показатель снизился на 28 % – до 31,9 млрд. руб. Указанная динамика связана с многократным уменьшением операций с платежными корпоративными картами и картами индивидуальных предпринимателей, а также с падением масштабов снятия наличных через счета граждан, куда средства направлялись массовыми переводами от формально действующих, но фактически не ведущих деятельность организаций[3].

1 Злобин А. Ущерб от экономических преступлений достиг максимума с 2022 года // Forbes. – 19 ноября 2025. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа https://www.forbes.ru/biznes/550208-userb-ot-ekonomiceskih-prestuplenij-dostig-maksimuma-s-2022-goda (дата обращения: 29.04.2026).

2 Там же.

3 Структура подозрительных операций и отрасли экономики, формировавшие спрос на теневые финансовые услуги / Официаль-

Таблица 1. Объемы подозрительных операций и обналичивания денежных средств*

Показатели	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г.	2025 г. в % к 2021 г.
Объем подозрительных операций, млрд. руб.	128	122	109	90,0	72,6	56,7
Объем обналичивания денежных средств во всех секторах экономики, млрд. руб.	93	93	82,5	64,2	48,3	51,9
Объемы обналичивания денежных средств в банковском секторе, в млрд. руб.	62	64	59,5	44,2	31,9	51,5
Объемы вывода денежных средств за рубеж в банковском секторе, в млрд. руб.	43	37	31	25,6	24,3	56,5

** Составлено автором по данным Официального сайта Банка России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbr.ru/ (дата обращения: 29.04.2026).*

Таблица 2. Результаты секторальных оценок рисков (СОР) в сфере ПОД/ФТ (2023 г.)*

Сектор	Уровень риска ОД	Уровень риска ФТ	Ключевые угрозы / уязвимости	Положительные эффекты/ замечания
Лизинговые компании	Умеренный	Низкий	Использование лизинговых схем для транзитного перемещения средств; риск непоставки оборудования или просрочек в исполнении обязательств	Положительный эффект от мер по сокращению числа технических компаний
Операторы по приёму платежей	Умеренный	Низкий	Недостаточная эффективность выявления подозрительных операций (поступает менее 10 тыс. сообщений в год, что существенно ниже показателей высокорисковых секторов); использование платёжных механизмов для скрытного перемещения средств	Не выявлено
Факторинговые компании	Низкий	Низкий	Использование договоров цессии (уступки права требования) на основе фиктивных договоров для транзита отмываемых средств	Низкая общая криминализация сектора; отсутствие случаев работы с лицами из перечней причастных к экстремизму/ терроризму

** Составлено автором на основе: Отчет о секторальной оценке рисков отмывания (легализации) денежных средств и финансирования терроризма с использованием сектора лизинговых компаний, 2023 / Официальный сайт Федеральной службы по финансовому мониторингу. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://fedsfm.ru/COR @@ Отчет о секторальной оценке рисков отмывания (легализации) денежных средств и финансирования терроризма с использованием сектора операторов по приему платежей, 2023 / Официальный сайт Федеральной службы по финансовому мониторингу. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://fedsfm.ru/COR @@ Отчет о секторальной оценке рисков отмывания (легализации) денежных средств и финансирования терроризма с использованием сектора факторинговых компаний, 2023 / Официальный сайт Федеральной службы по финансовому мониторингу. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://fedsfm.ru/COR (дата обращения: 29.04.2026).*

Существенно активизировалось банковское противодействие операциям с участием дропов – подставных физических лиц, используемых теневым бизнесом для расчетов. В 2025 г. продолжительность использования карты дропа резко сократилась: если ранее расчеты по ней нередко осуществлялись свыше месяца, то теперь они обычно блокируются в пределах суток. Одновременно средний объем операций, приходящийся на одного такого участника, уменьшился с 1–3 млн. руб. до 100–150 тыс. руб.[4]

Поддержанию тенденции на сокращение масштабов сомнительных транзакций способствовало функционирование платформы «Знай своего клиента», введенной в 2022 г. Данный механизм снабжает кредитные организации сведениями о распределении российских юридических лиц и индивидуальных предпринимателей по категориям риска, связанным с совершением операций подозрительного характера.

В массиве, превышающем 8 миллионов российских юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, к высокой группе риска отнесено 0,9 %, к средней – 2 %, к низкой – 97,1 %[5].

По результатам 2024 г. Росфинмониторинг предотвратил вывод 500 млрд. руб. в теневой сектор за счет оперативного информирования кредитных организаций о новых моделях незаконных финансовых действий и применения банками ограничительных мер.

В рамках деятельности финансовой разведки проведено 4,5 тысячи профилактических мероприятий; вследствие данных мероприятий круг субъектов, передающих сведения о сомнительных операциях, расширился на 18 %, а уровень

ный сайт Банка России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.cbr.ru/analytics/podft/resist_sub/2025_2/(дата обращения: 29.04.2026).

4 Структура подозрительных операций и отрасли экономики, формировавшие спрос на теневые финансовые услуги / Официальный сайт Банка России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.cbr.ru/analytics/podft/resist_sub/2025_2/(дата обращения: 29.04.2026).

5 Структура подозрительных операций и отрасли экономики, формировавшие спрос на теневые финансовые услуги / Официальный сайт Банка России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.cbr.ru/analytics/podft/resist_sub/2025_2/ (дата обращения: 29.04.2026).

Таблица 3. Результаты секторальных оценок рисков (СОР), проведенных Банком России, в сфере ПОД/ФТ (2019-2023 гг.)*

Сектор	Уровень риска ОД	Уровень риска ФТ	Ключевые угрозы / уязвимости
Кредитные организации (банки)	Повышенный	Повышенный	Широкий спектр услуг, доступность платежных карт, P2P-переводы, дропперы, вывод за рубеж, обналичивание, транзитные операции, использование исполнительных документов, криптовалютные обменники
Субъекты рынка микрофинансирования (МФО, КПК, ломбарды)	Повышенный	Низкий	Нецелевое использование маткапитала, «веерное» обналичивание под видом займов, расчёты с нелегальными онлайн-казино, низкий уровень внутреннего контроля
Профессиональные участники рынка ценных бумаг (ПУРЦБ)	Повышенный	Низкий	Вывод средств за рубеж по сделкам с неликвидными ценными бумагами, внебиржевые сделки на нерыночных условиях, использование брокерских счетов для обналичивания
Субъекты страхового дела	Умеренный	Низкий	Фиктивное перестрахование за рубежом, завышенные агентские вознаграждения с последующим обналичиванием
Управляющие компании (УК)	Умеренный	Низкий	Операции с ценными бумагами на нерыночных условиях, покупка активов за средства незаконного происхождения
Негосударственные пенсионные фонды (НПФ)	Низкий	Низкий	Признаки способов ОД не проявлялись; риски ФТ незначительны
Иные НФО (биржи, клиринг, инвестиционные платформы, операторы ЦФА и др.)	Низкий	Низкий	Признаки способов ОД не проявлялись; введены предупредительные меры регулирования

** Составлено автором на основе: Отчет о секторальной оценке рисков легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма / Официальный сайт Банка России. – 2025. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbr.ru/Content/Document/File/180588/report_sor_od_ft_2025.pdf (дата обращения: 29.04.2026).*

правомерного поведения подконтрольных участников составил 86,2 %[6].

Изучение итогов секторальных оценок рисков, выполненных Росфинмониторингом совместно с ЦБ РФ в 2023 году, демонстрирует неодинаковую степень подверженности отдельных экономических сегментов угрозам ПОД/ФТ (таблица 2).

Для лизингового сегмента установлен средний риск, связанный с легализацией преступных поступлений. Наиболее значимыми факторами названы нарушения сроков исполнения обязательств, отсутствие фактической поставки предмета лизинга, а также применение лизинговых схем в целях транзитного перевода денежных ресурсов. Параллельно зафиксировано благоприятное влияние мероприятий, направленных на уменьшение количества компаний технического характера[7].

В области факторинга общий уровень криминальной вовлеченности оценен как невысокий. Основная угроза отмывания доходов сосредоточена в использовании договоров уступки требования, опирающихся на мнимые обязательства, для транзитного перевода незаконно полученных средств[8].

Сегмент операторов по приему платежей отнесен к категории с умеренной степенью риска. Одновременно выявлена слабая результативность в обнаружении подозрительной активности: ежегодный объем сообщений не достигает 10 тыс., что заметно уступает параметрам, характерным для сфер с повышенной уязвимостью. Ключевой риск обусловлен применением платежных инструментов для скрытного перемещения денежных потоков[9].

В 2025 году Банк России завершил секторальную оценку рисков в отношении финансовых организаций (таблица 3), охватившую интервал 2019-2023 годов.

В секторальной карте угроз, подготовленной Банком России, финансовые сегменты распределены по степени подверженности легализации преступных поступлений следующим образом: к категории низкой опасности отнесены операторы цифровых финансовых активов, негосударственные пенсионные фонды, биржевая инфраструктура, операторы платформ и клиринг; к умеренной – управляющие компа-

6 Годовой отчет Росфинмониторинга за 2024 г. / Официальный сайт Федеральной службы по финансовому мониторингу. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.fedsfm.ru/ (дата обращения: 29.04.2026).

7 Отчет о секторальной оценке рисков отмывания (легализации) денежных средств и финансирования терроризма с использование сектора лизинговых компаний, 2023 / Официальный сайт Федеральной службы по финансовому мониторингу. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://fedsfm.ru/COR (дата обращения: 29.04.2026).

8 Отчет о секторальной оценке рисков отмывания (легализации) денежных средств и финансирования терроризма с использованием сектора факторинговых компаний, 2023 / Официальный сайт Федеральной службы по финансовому мониторингу. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://fedsfm.ru/COR (дата обращения: 29.04.2026).

9 Отчет о секторальной оценке рисков отмывания (легализации) денежных средств и финансирования терроризма с использованием сектора операторов по приему платежей, 2023 / Официальный сайт Федеральной службы по финансовому мониторингу. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://fedsfm.ru/COR (дата обращения: 29.04.2026).

нии и страховщики; к повышенной – ПУРЦБ, микрофинансовые организации и кредитные организации.

Наибольшая восприимчивость к схемам отмывания характерна для тех направлений, где концентрируются значительные денежные потоки и обеспечивается высокая интенсивность расчетов: банковской сферы, платежных сервисов, микрофинансирования и рынка ценных бумаг. Через данные каналы проходит основная масса операций, вследствие чего они чаще используются в противоправных схемах.

Впервые в секторальной оценке рисков Банка России для кредитных организаций зафиксирована повышенная степень риска, связанного с финансированием терроризма: уязвимость обусловлена применением банковских карт, электронных кошельков, а также переводов без открытия счета при аккумулировании и перемещении средств террористическими субъектами[10]. Для прочих сегментов, включая нефинансовую сферу, указанный риск определен как низкий. Доминирующая роль банковской инфраструктуры в подобных механизмах требует сосредоточения антитеррористического контроля прежде всего в кредитных организациях.

Результативность применяемых инструментов противодействия подтверждается количественными показателями. Наиболее заметная положительная динамика наблюдается в банковском сегменте, где результат обеспечен усилением надзорных процедур и внедрением платформы «Знай своего клиента». В отчете Банка России за 2025 год приведены следующие данные: объем обналичивания с использованием корпоративных карт уменьшился почти в четыре раза при сопоставлении 2024 и 2022 годов; масштабы обналичивания сократились в 2024 году на 22 %, в 2023 году – на 11 %; объем сомнительных операций, связанных с выводом средств за рубеж, снизился в 2024 году на 17 %, в 2023 году – на 15 %[11].

При подготовке секторальной оценки рисков 2025 года Банк России использовал формализованную параметрическую модель, охватывающую около 70 способов легализации доходов и предполагающую их оценку по четырехступенчатой шкале – высокий, повышенный, умеренный, низкий – на основе экспертного опроса. В секторальной оценке рисков 2023 года Росфинмониторинга применялся более укрупненный качественный подход с двумя градациями – низкой и умеренной. Более детализированная методика Банка России в большей степени соответствует задачам риск-ориентированного надзора.

Пристатейный библиографический список

1. Годовой отчет Росфинмониторинга за 2024 г. / Официальный сайт Федеральной службы по финансовому мониторингу. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.fedsfm.ru/ (дата обращения: 29.04.2026).
2. Злобин А. Ущерб от экономических преступлений достиг максимума с 2022 года // Forbes. 19 ноября 2025. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.forbes.ru/biznes/550208-userb-ot-ekonomiceskih-prestuplenij-dostig-maksimuma-s-2022-goda (дата обращения: 29.04.2026).
3. Отчет о секторальной оценке рисков легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма / Официальный сайт Банка России. 2025. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbr.ru/Content/Document/File/180588/report_sor_od_ft_2025.pdf (дата обращения: 29.04.2026).
4. Отчет о секторальной оценке рисков отмывания (легализации) денежных средств и финансирования терроризма с использованием сектора лизинговых компаний, 2023. Официальный сайт Федеральной службы по финансовому мониторингу. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://fedsfm.ru/COR (дата обращения: 29.04.2026).
5. Отчет о секторальной оценке рисков отмывания (легализации) денежных средств и финансирования терроризма с использованием сектора операторов по приему платежей, 2023 / Официальный сайт Федеральной службы по финансовому мониторингу. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://fedsfm.ru/COR (дата обращения: 29.04.2026).
6. Отчет о секторальной оценке рисков отмывания (легализации) денежных средств и финансирования терроризма с использованием сектора факторинговых компаний, 2023 / Официальный сайт Федеральной службы по финансовому мониторингу. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://fedsfm.ru/COR (дата обращения: 29.04.2026).
7. Официального сайта Банка России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbr.ru/ (дата обращения: 29.04.2026).
8. Структура подозрительных операций и отрасли экономики, формировавшие спрос на теневые финансовые услуги / Официальный сайт Банка России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.cbr.ru/analytics/podft/resist_sub/2025_2/ (дата обращения: 29.04.2026).

10 Отчет о секторальной оценке рисков легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма / Официальный сайт Банка России. – 2025. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbr.ru/Content/Document/File/180588/report_sor_od_ft_2025.pdf.

11 Отчет о секторальной оценке рисков легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма / Официальный сайт Банка России. – 2025. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbr.ru/Content/Document/File/180588/report_sor_od_ft_2025.pdf.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ Татьяна Эдуардовна
Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина

ГУЗНОВ Алексей Геннадьевич
Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина

ОСОБЕННОСТИ БАНКОВСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ОБЪЕДИНЕННЫХ АРАБСКИХ ЭМИРАТАХ

В статье анализируется последние изменения действующего законодательства Объединенных Арабских Эмиратах, регулирующего банковскую деятельность. Особое внимание уделяется расширению сферы лицензированной финансовой деятельности. Рассматриваются основные новеллы Федерального декрет-закона № 6 от 2025 года о Центральном банке, регулировании финансовых учреждений и деятельности, а также страховом бизнесе. Анализируются особенности правового статуса Центрального банка ОАЭ.

Делается вывод, что при осуществлении банковского регулирования и банковского надзора центральный банк ОАЭ особое внимание уделяет устойчивости банков и соблюдению прав вкладчиков. Особенностью развития банковской деятельности в ОАЭ является то, что большое влияние на нее оказывает исламский банкинг.

Ключевые слова: Объединенные Арабские эмираты, банк, банковская деятельность, виртуальные активы, технологическая инфраструктура, центральный банк, лицензирование финансовой деятельности, исламский банкинг, исламские финансы.

ROZHDESTVENSKAYA Tatyana Eduardovna
Moscow State Law University named after O. E. Kutafin

GUZNOV Alexey Gennadjevich
Moscow State Law University named after O. E. Kutafin

FEATURES OF BANKING REGULATION IN THE UNITED ARAB EMIRATES

The article analyzes recent changes to the current legislation of the United Arab Emirates regulating banking activities. Special attention is paid to the expansion of the scope of licensed financial activities. The main innovations of Federal Decree-Law No. 6 of 2025 on the Central Bank, the regulation of financial institutions and activities, as well as the insurance business, are examined. The features of the legal status of the Central Bank of the UAE are analyzed.

It is concluded that, in exercising banking regulation and banking supervision, the Central Bank of the UAE places particular emphasis on the stability of banks and the protection of depositors' rights. A distinctive feature of the development of banking activities in the UAE is the significant influence exerted by Islamic banking.

Keywords: United Arab Emirates, bank, banking activities, virtual assets, technological infrastructure, Central Bank, licensing of financial activities, Islamic banking, Islamic finance.

Новый консолидированный банковский закон, Федеральный декрет-закон[1] № 6 от 2025 года о Центральном банке, регулировании финансовых учреждений и деятельности, а также страховом бизнесе (далее - Новый закон о банковской деятельности) (Federal Decree-Law No.6 of 2025 Regarding the Central Bank, Regulation of Financial Institutions and Activities, and Insurance Business)[2], был издан Президентом Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ) 8 сентября 2025 года, опубликован в официальном вестнике 15 сентября 2025 года и вступил в силу с 16 сентября того же года.

Новый закон о банковской деятельности отменяет и заменяет предыдущий Федеральный декрет-закон № 14 от 2018 года (Decretal Federal Law No (14) of 2018 Regarding the Central Bank and Organization of Financial Institutions and Activities, and its Amendments, далее – Закон 2018 года), а также Федеральный декрет-закон № 48 от 2023 года о регулировании страховой деятельности (Federal Decree-Law No. (48) of 2023 Regulating Insurance Activities) и любые положения применимого законодательства ОАЭ, противоречащие или несовместимые с его положениями.

Новый закон о банковской деятельности направлен на консолидацию и упорядочение регулирования банков, финансовых учреждений и страховщиков под эгидой Центрального банка ОАЭ (далее - Центральный банк, ЦБ ОАЭ). Основные новшества включают введение формальной системы раннего вмешательства и урегулирования споров, а также создание системы цифровых денег и платежей, которая поддерживает «Цифровой дирхам» в рамках более широкой инициативы Центрального банка ОАЭ по трансформации финансовой инфраструктуры, направленной на модернизацию платежных систем и систем трансграничных транзакций ОАЭ.

Новый закон о банковской деятельности распространяется на все финансовые учреждения, страховые компании, финансовые операции и лиц, подпадающих под его действие. В частности, он охватывает банки, страховые и перестраховочные компании и другие финансовые учреждения, лицензируемые Центральным банком ОАЭ, независимо от того, зарегистрированы ли они в ОАЭ или действуют в качестве филиалов или дочерних компаний иностранных организаций (включая исламские финансовые учреждения). Однако аналогично Закону 2018 года, Новый закон о банковской деятельности не распространяется на свободные финансовые зоны в ОАЭ.

1 Федеральный декрет-закон в ОАЭ – это нормативно-правовой акт, издаваемый непосредственно президентом и кабинетом министров ОАЭ в экстренных ситуациях или в отсутствие заседания Федерального национального совета (ФНС). Эти законы имеют ту же силу и регулируют те же вопросы, что и обычные федеральные законы, принимаемые ФНС, и используются для оперативного решения нормативных, экономических вопросов или вопросов национальной безопасности.

2 Доступен на английском языке на сайте Центрального банка ОАЭ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rulebook.centralbank.ae/en/rulebook/federal-decree-law-no-6-2025-regarding-central-bank-regulation-financial-institutions-and (дата обращения: 16.05.2026).

Рассматриваемый закон о банковской деятельности расширяет сферу лицензированной финансовой деятельности, определенную в законе 2018 года, которую Центральный банк ОАЭ считает подпадающей под свою систему лицензирования, и включает два новых вида деятельности - предоставление услуг открытого финансирования и предоставление платежных услуг с использованием виртуальных активов. Эти два новых вида лицензированной финансовой деятельности нашли отражение в Положении Центрального банка ОАЭ о регулировании открытых финансовых операций и платежных токенов (CBUAE Open Financial Regulation[3] and the Payment Token Services Regulation[4]).

Особенностью Нового закона о банковской деятельности является введение статьи 62, которая представляет собой ключевое отличие от Закона 2018 года и включает в сферу регулирования Центрального банка ОАЭ поставщиков технологических услуг. Статья 62 нового Закона о банковской деятельности гласит, что любое лицо, осуществляющее, предлагающее, выпускающее или обеспечивающее лицензированную финансовую деятельность — независимо от используемого средства, технологии или формы — подлежит лицензированию, регулированию и надзору со стороны Центрального банка ОАЭ. Это включает в себя:

– виртуальные активы — платежные токены: Предоставление платежных услуг с использованием виртуальных активов (включая виртуальные активы — платежные токены) требует разрешения Центрального банка ОАЭ.

– платформы, технологическая инфраструктура и децентрализованные приложения: платформы, децентрализованные приложения (dApps), протоколы или технологическая инфраструктура, которые облегчают, осуществляют посредничество или предоставляют финансовые услуги, такие, как: платежи, кредиты, депозиты, обмен валюты, денежные переводы или инвестиционные услуги, подпадают под действие регулирующего законодательства.

До принятия Нового закона о банковской деятельности поставщики технологических услуг, работающие в ОАЭ и предоставляющие технологические решения, облегчающие финансовую деятельность, такие, как: осуществление и/или получение платежей или предоставление инвесторам доступа к инвестициям через лицензированных третьих лиц, в значительной степени выходили за рамки регулирующего лицензионного законодательства ЦБ ОАЭ. В связи с введением статьи 62 поставщикам технологических услуг теперь необходимо будет оценивать, подпадают ли их услуги под действие законодательства, и, следовательно, требуется ли им лицензия от ЦБ ОАЭ.

Также в качестве иных существенных изменений в регулировании банковского и финансового сектора по сравнению с положениями Закона 2018 года можно выделить следующие:

1. Возможность реагирования Центральным банком на ранней стадии возникновения проблем в организациях банковского и финансового сектора.

В соответствии с новым законом Центральный банк ОАЭ имеет обширные полномочия в тех случаях, когда у банковских и финансовых организаций появляются признаки несостоятельности или иные финансовые проблемы. В частности, ЦБ получил полномочия управлять процессом финансового оздоровления указанных организаций, устанавливать требования к капиталу и ликвидности, отстранять руководство этих организаций, вводить механизмы принудительного списания долгов, временные моратории на исполнение требований кредиторов и др.

2. Исламские финансы.

Управление по надзору за соблюдением норм шариат (Higher Shari'ah Authority, далее – Управление)[5], созданное в качестве консультативного органа в соответствии со старым Законом 2018 года, сохраняется в Новом законе о банковской деятельности с расширенными полномочиями и, что наиболее важно, с обязательными полномочиями по вопросам, связанным с исламскими финансами. Закон включает в себя обязанности и ответственность данного органа, целью которого является стандартизация и гармонизация практики в исламской финансовой индустрии, приведение ее в соответствие с международно-признанными стандартами шариата и широко распространенными практиками посредством сотрудничества с соответствующими заинтересованными сторонами. Цель Управления — поддержать создание надежной инфраструктуры, которая позволит продолжить развитие исламской финансовой индустрии ОАЭ и продвинуть стремление ОАЭ стать международно-признанным центром исламских финансов.

Закон обязал Управление определять правила, стандарты и общие принципы, применимые к предприятиям и лицензированной финансовой деятельности, соответствующим шариату, а также осуществлять надзор и контроль за деятельностью внутренних комитетов по надзору за соблюдением шариата в лицензированных исламских финансовых учреждениях. Кроме того, Управление обязано утверждать исламские денежно-финансовые инструменты, разработанные Центральным банком ОАЭ для управления операциями денежно-кредитной политики в ОАЭ. Управление также предоставляет свои заключения по конкретным нормативным правилам и инструкциям, касающимся деятельности лицензированных исламских финансовых учреждений, включая оказывающие цифровые и финтех-финансовые услуги.

Новый закон о банковской деятельности также предусматривает определенные законодательные послабления для исламских финансовых учреждений, такие, как отмена любых требований к регистрации, сборов или аналогичных платежей за любые активы, приобретенные или проданные полностью или частично, независимо от того, были ли они арендованы, взяты в лизинг, изготовлены или иным образом.

3. Страхование.

Новый закон о банковской деятельности теперь включает подробные положения о страховании. Как традиционные, так и такафульные[6] страховщики теперь находятся под прямым надзором и лицензируются Центральным банком ОАЭ и подчиняются аналогичным требованиям, что и другие финансовые учреждения.

4. ESG

Финансовые учреждения теперь должны будут включать экологические, социальные и управленческие (ESG) факторы в свои процессы управления рисками и участвовать в прозрачной отчетности и раскрытии информации по ESG.

Учреждениям, работающим в ОАЭ, необходимо будет пересмотреть свои внутренние политики, чтобы обеспечить их соответствие ожиданиям ЦБ ОАЭ и установить процессы для всех требований к раскрытию информации.

5. Регулирование инфраструктуры финансовых рынков

Рассматриваемый закон консолидирует и расширяет рамки инфраструктуры финансовых рынков (Financial Market Infrastructure, FMI). Новый закон о банковской деятельности вводит режим лицензирования для операторов FMI и расчетных учреждений с соблюдением стандартов соответствия и системного контроля; надежный режим на-

3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rulebook.centralbank.ae/en/rulebook/open-finance-regulation (дата обращения: 15.05.2026).

4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rulebook.centralbank.ae/en/rulebook/payment-token-services-regulation (дата обращения: 14.05.2026).

5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.centralbank.ae/en/our-operations/islamic-finance/shariah/ (дата обращения: 20.05.2026).

6 Такафул (Takaful) — это система исламского страхования, основанная на принципах взаимной помощи, солидарности и совместной ответственности, соответствующая нормам шариата. При осуществлении страховой деятельности посредством данной системы каждый участник вносит взнос в страховой фонд Такафул, и этот фонд несет ответственность за выплату компенсаций лицам, имеющим на них право, в случае реализации конкретных рисков.

значения системно значимых FMI; подробные соглашения о завершении операций и дефолте, которые имеют приоритет над общей несостоятельностью и банкротством; и исключительный мандат Центрального банка ОАЭ на розничные и оптовые платежные системы и связанные с ними цифровые услуги (включая цифровые деньги, токенизированные платежи, предоплаченные счета и трансграничные системы). Переводы и расчеты через назначенные FMI являются окончательными, безотзывными и необратимыми; правила и положения о неисполнении обязательств финансовых институтов имеют приоритет над общими процедурами несостоятельности/банкротства; а механизмы взаимозачета и обеспечения защищены независимо от процедуры урегулирования, несостоятельности или ликвидации. По сравнению со старым законом, это существенные расширения в отношении регулирования финансовых институтов.

6. Трансграничное признание.

Новый закон о банковской деятельности предоставляет Центральному банку ОАЭ прямое дискреционное право признавать полностью или частично — или отказывать в признании — действия по урегулированию, предпринятые иностранным органом по урегулированию или органом свободной финансовой зоны. Хотя законодательство ОАЭ не предусматривает общего режима трансграничного признания несостоятельности, этот специфический для финансовых институтов механизм признания иностранных «действий по урегулированию» является важным шагом для трансграничной координации в кризисных ситуациях финансовых институтов.

7. Филиалы иностранных финансовых организаций

В случае слияния или ликвидации иностранной организации (включая организации, зарегистрированные в одной из свободных финансовых зон ОАЭ) с филиалом в ОАЭ, новый Закон о банковской деятельности разрешает применение процедур, действующих в юрисдикции страны происхождения, к филиалу в ОАЭ, если это не окажет негативного влияния на финансовую стабильность ОАЭ или не ухудшит защиту кредиторов ОАЭ.

Таким образом, новый закон о банковской деятельности существенно расширяет полномочия Центральный банка ОАЭ, который фактически является мегарегулятором финансового рынка.

Согласно статье 3 Нового закона о банковской деятельности, Центральный банк является федеральным государственным учреждением, обладающим собственной корпоративной структурой, финансовой и управленческой независимостью, а также необходимой правоспособностью для осуществления всей деятельности, обеспечивающей достижение его целей. Центральный банк подчиняется непосредственно Президенту государства.

Центральный банк не подпадает под действие законов, касающихся государственных финансов, тендеров и аукционов, государственных счетов.

Основными целями деятельности Центрального банка являются:

1. поддержание стабильности национальной валюты в рамках денежно-кредитной системы;
2. содействие укреплению и защите стабильности финансовой системы государства; и
3. обеспечение разумного управления валютными резервами Центрального банка.

Для достижения своих целей Центральный банк обладает следующими функциями и полномочиями:

1. установление и реализация денежно-кредитной политик;
2. регулирование лицензированной финансовой деятельности, разработка и продвижение надлежащих стандартов ведения бизнеса, разумной и осмотрительной практики среди лицензированных финансовых учреждений в соответствии с положениями законодательства ОАЭ и международными стандартами;
3. содействие устойчивому финансированию в государстве и интеграция экологических, социальных и управленческих принципов в деятельность и операции Центрального банка;
4. отслеживание и анализ системных рисков в финансовой системе;
5. регулирование, развитие, контроль и поддержка надежности и эффективности инфраструктуры финансовых рынков;
6. эмиссия национальной валюты;
7. разработка соответствующих правил и стандартов для защиты прав потребителей лицензированных финансовых учреждений;
8. мониторинг кредитного состояния государства в целях содействия достижению сбалансированного роста национальной экономики;
9. управление валютными резервами для поддержания в любое время достаточных валютных активов для покрытия денежной базы в соответствии с положениями законов;
10. регулирование, развитие, надзор и поддержание надежности систем финансовой инфраструктуры государства, включая электронные платежные системы, цифровые валюты и системы хранения денежных средств.

Центральный банк ОАЭ выдает несколько видов лицензий. Отдельные лицензии выдаются:

– для банков, осуществляющих классическую банковскую деятельность,

– для банков, осуществляющих исламский банкинг;

Для обеспечения соответствия принципам исламского банкинга эти учреждения должны иметь наблюдательные советы, руководствующиеся шариатом, и создавать дополнительные структуры управления, функции которых отличаются от обычных нормативных требований, предъявляемых к банкам. В состав этих советов входят исламские ученые и эксперты, которые проверяют все продукты и услуги на соответствие стандартам шариата.

Нормативно-правовая база для исламских банков включает в себя специальные положения о инвестиционных счетах с разделением прибыли, которые позволяют вкладчикам участвовать в инвестиционной прибыли и убытках банка. Такой подход соответствует исламским принципам, обеспечивая при этом конкурентоспособную доходность для владельцев счетов, предпочитающих банковские услуги, соответствующие шариату;

– для финансовых компаний.

Таким образом, особенностью развития банковской деятельности в ОАЭ является то, что большое влияние на нее оказывает исламский банкинг. При осуществлении банковского регулирования и банковского надзора Центральный банк ОАЭ повышенное внимание уделяет устойчивости банков и соблюдению прав вкладчиков. Центральный банк ОАЭ осуществляет регулирование и надзор не только банков, но и страховых компаний, а также различных финансовых учреждений, то есть является мегарегулятором.

Пристатейный библиографический список

1. Сайт Центрального банка ОАЭ: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rulebook.centralbank.ae/en/rulebook/federal-decree-law-no-6-2025-regarding-central-bank-regulation-financial-institutions-and.
2. Правовой портал Правительства ОАЭ: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://uaelegislation.gov.ae/en/legislations/1542.

БЕЛОУС Алексей Михайлович
аспирант, Новосибирский государственный университет экономики и управления

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА КРИПТОВАЛЮТЫ

В данной статье правовая природа криптовалюты характеризуется сквозь призму государственного регулирования и особенностей оборота данного финансового актива; отражена принципиальная специфика криптовалюты; отмечается, что действующие юридические нормы оказываются недостаточно эффективными для обеспечения адекватного контроля гражданского оборота криптовалют и устойчивого функционирования финансовой системы страны; указано, что криптовалюта не является полноценным платежным средствам для приобретения товаров либо оказания услуг в реальной жизни; выявлены существующие угрозы использования криптовалют; обосновано, что криптовалюты обладают всеми необходимыми признаками для включения в состав объектов гражданских прав; делается вывод о том, что правовая природа и статус криптовалют остаются предметом активного изучения и разработки нормативных актов; делается вывод, что процесс познания правовой природы криптовалюты – это определение ее правового статуса в законодательстве; это – анализ подходов к регулированию оборота криптовалют, их места в гражданском праве и уголовно-правовой ответственности за операции с криптовалютой, а также изучение международного регулирования в этой сфере.

Ключевые слова: правовая природа, криптовалюта, законодательство, майнинг, оборот, сделка, регулирование, операции, объекты гражданских прав.

BELOUS Alexey Mikhailovich
postgraduate student, Novosibirsk State University of Economics and Management

THE LEGAL NATURE OF CRYPTOCURRENCY

In this article, the legal nature of cryptocurrency is characterized through the prism of state regulation and the peculiarities of the turnover of this financial asset; the fundamental specifics of cryptocurrency are reflected; it is noted that the current legal norms are not effective enough to ensure adequate control of the civil circulation of cryptocurrencies and the sustainable functioning of the country's financial system; it is indicated that cryptocurrency is not a full-fledged means of payment for the purchase of goods or the provision of services in real life; identified existing threats to the use of cryptocurrencies; it is justified that cryptocurrencies have all the necessary features for inclusion in civil rights objects; it is concluded that the legal nature and status of cryptocurrencies remain the subject of active study and development of regulations; it is concluded that the process of knowing the legal nature of cryptocurrency is the determination of its legal status in legislation; this is an analysis of approaches to regulating the circulation of cryptocurrencies, their place in civil law and criminal liability for operations with cryptocurrency, as well as the study of international regulation in this sphere.

Keywords: legal nature, cryptocurrency, legislation, mining, turnover, transaction, regulation, operations, civil rights objects.

Действующее российское законодательство пока не включает термин «криптовалюта» в качестве самостоятельной правовой единицы. Согласно положениям статьи 128 ГК РФ, объекты гражданских правоотношений, предоставленные в ней, не содержат прямой отсылки к криптовалютам, хотя список объектов открыт и не считается исчерпывающим.

Особенности оборота криптовалюты определяются совокупностью признаков самостоятельности функционирования, повышенной анонимности и низкой стоимости обслуживания, что определяет устойчивый тренд повышения востребованности криптовалют среди физических лиц и юридических субъектов. Однако, одновременно важно учитывать ряд рисков, сопряженных с данным феноменом. Высокая волатильность цены способна приводить к значительным потерям, особенно для начинающих участников рынка.

Там, где государственное регулирование недостаточно, закономерно возрастают риски недобросовестного поведения участников рынка, криминальных проявлений, а также различного рода манипуляций. К этому присоединяется и неразвитость российского нормативно-правового поля применительно к регулированию криптовалют – обстоятельство, которое, как представляется, формирует правовую неопределённость и затрудняет эффективную регламентацию данной сферы.

Обобщённый вектор правового регулирования процессов, связанных с обращением криптовалют, ориентирован на разрешение целого ряда юридических вопросов: определение природы блокчейн-технологий и виртуальных денежных единиц, классификация криптовалют в системе гражданских правоотношений, защита субъективных прав их собственников, допустимость применения цифровых активов в качестве средства платежа, урегулирование правовых аспектов оборотоспособных квазиденег, противодействие легализации незаконных доходов посредством операций с цифровыми активами и др. Параллельно с этим обозначена задача установления нормативно-правового статуса криптовалют в РФ – с принятием соответствующей законодательной базы.

Вместе с тем действующие юридические нормы, по всей видимости, недостаточно эффективны для обеспечения надлежащего контроля гражданского оборота криптовалют и устойчивого функционирования национальной финансовой системы. Российская исполнительная власть предпринимает усилия по преодолению указанной проблемы – через усиление регуляторного надзора за деятельностью криптоплатформ и расширение защиты прав участников рынка. Перспектива результативности предлагаемых мер, однако, остаётся неопределённой; причиной тому служат особенности самой природы криптовалют.

Источником сомнений выступает, по существу, принципиальная специфика самой криптовалюты – её децентрализованная архитектура, высокая степень конфиденциальности транзакций и отсутствие комиссионных сборов. Перечисленные характеристики, как несложно заметить, вступают в

противоречие с базисными принципами государственного регулирования финансовых рынков.

Государственный контроль за трансакционным процессом затруднён ввиду децентрализации; идентификация субъектов экономических отношений осложняется конфиденциальностью; налоговое же администрирование наталкивается на препятствия, обусловленные отсутствием платежей.

Налицо, таким образом, концептуальное несоответствие между сущностью цифровой валюты и целями институционального регулирования экономики – несоответствие, перед которым оказывается государственное регулирование, фактически отказывающееся от изначального предназначения крипторынка. Разработка оптимального регуляционного механизма – такого, что обеспечивал бы баланс безопасности и контроля, не нанося при этом значительного ущерба инновационному потенциалу технологии, – представляется задачей чрезвычайно сложной и, по всей видимости, междисциплинарной по своему характеру.

Создание централизованных регистрационных органов либо введение обязательного требования идентификации пользователей – таковы, в числе прочих, альтернативные модели, которые могли бы быть рассмотрены. Однако подобные меры, по всей видимости, неизбежно ведут к формированию новых, внеправовых разновидностей криптовалют, лишённых важнейших функциональных качеств. Показателен в этом отношении опыт Китая и Соединённого Королевства: попытки абсолютного запрещения криптовалют лишь осложнили развитие отрасли – притом, что КНР сохраняет доминирующее положение в глобальной индустрии криптовалюты.

Что касается отечественного законодателя, классические цифровые валюты пока не отнесены им к полноценным платёжным средствам, пригодным для приобретения товаров либо оплаты услуг в реальной жизни. Вместе с тем оперирование ими допускается – через сделки купли-продажи, через переводы (после обязательной процедуры регистрации и идентификации владельца счёта на лицензированных криптобиржах), а равно через рассмотрение таких активов в качестве инвестиционных инструментов: цифровых ценных бумаг и финансовых активов. И здесь, разумеется, при условии идентификации и снятия анонимности пользователей.

Например, К. Д. Б. Кадим подчеркивает [3], что ряд государств уже добились значительных успехов в разработке соответствующих правил и процедур регулирования индустрии виртуальных активов, чей положительный опыт вполне применим и полезен в российском контексте. Поэтому ключевым моментом является установление базовых рамок государственного регулирования гражданского оборота виртуальных активов в нашей стране, принимая во внимание существующие угрозы использования криптовалют.

Первая опасность связана с тем фактом, что выпуск криптовалют осуществляется неограниченно множеством неизвестных лиц – отсутствует единый орган эмиссии. Соответственно, ни Банк России, ни какая-то другая организация не гарантирует стоимость и надежность таких активов.

Как отмечают А. О. Миронов и А. Л. Репецкая [7], из-за отсутствия центрального регулятора затруднен контроль над операциями, что открывает возможность для злоупотреблений, таких как теневое финансирование террористической активности и отмывка незаконно нажитых капиталов. Высокая нестабильность курса криптовалют дополнительно снижает доверие к ним как средству длительного хранения ценности, угрожая крупными финансовыми убытками инвесторам.

Вторая проблема состоит в сложностях идентификации собственников электронных кошельков и отслеживания осуществляемых ими транзакций. Полная анонимность совершаемых операций серьезно осложняет расследование экономических преступлений правоохранительными органами. Даже несмотря на введение обязательности верификации пользователей криптовалютных платформ, эта мера зачастую оказывается неэффективна ввиду работы многих площадок вне российского юрисдикционного поля. Третьей угрозой выступает уязвимость технической инфраструктуры обращения цифровых активов, построенной преимущественно на существующем аппаратно-техническом обеспечении и технологиях виртуальной реальности.

К масштабным финансовым потерям ведут хищения крупных сумм – следствие взломов торговых платформ, атак хакеров на умные контракты и багов в программном обеспечении блокчейнов. Риски усугубляются и тем, что в децентрализованной среде отсутствуют единые международные стандарты защиты.

Обращает на себя внимание ещё один фактор – неясное юридическое положение криптовалют в качестве инструмента расчётов внутри России. Расчёты в криптовалютах ограничены сегодня строго определёнными случаями и допустимы лишь в особых режимах [1].

Отсюда – правовые коллизии и нарастающая неопределённость среди рыночных игроков: относительно налогообложения, ответственности за проводимые операции, охраны права собственности на цифровые активы. Урегулирование возникающих конфликтов, равно как и защита интересов конечного потребителя, затрудняется недостаточностью юридической практики.

Пятый аспект риска связан с возможными последствиями широкого распространения цифровых активов – последствиями, затрагивающими стабильность экономики в целом. Масштабное использование криптовалют способно, есть основания полагать, повлечь вывод значительных объёмов капитала из традиционных национальных банковских институтов, что, в свою очередь, снижает эффективность денежно-кредитной политики государства. Серьёзные потрясения на рынке могут быть вызваны колебаниями курсов криптовалют; такие колебания формируют предпосылки для кризиса и повышают риски для традиционной банковской сферы.

Реализация владения криптовалютой осуществляется, по сути, через обладание уникальными закрытыми криптографическими ключами – именно они обеспечивают эксклюзивный доступ к соответствующим записям в публичном распределённом реестре (блокчейне).

Пользование, в свою очередь, выражается в возможности совершать сделки купли-продажи, обменивать средства на иные товары и услуги, инвестировать их, а равно реализовывать прочие экономические функции. Что же касается распоряжения, то оно проявляется в способности передавать соответствующие единицы другим субъектам – посредством подписания транзакций электронными средствами аутентификации.

Анализ показывает, что криптовалюты обладают всеми необходимыми признаками для включения в состав объектов гражданских прав: экономическим значением, способностью выступать предметом сделок, возможностью реализации правовых актов относительно них.

Некоторые исследователи [2], [4], [5], [6] считают возможным рассматривать криптовалюты в качестве разновидности «иного имущества», предусмотренного п. 1 ст. 128 ГК РФ. Так, доктор наук У. А. Меликов утверждает, что данная категория охватывает любые предметы, обладающие ценностью и способные циркулировать на рынке, даже если они имеют исключительно цифровое воплощение.

Аналогичную позицию занимает юрист А. В. Ермаков [2], который рассматривает криптовалюты как особый вид имущественных прав, реализуемый в цифровом формате. Его позиция основана на признании того факта, что специфика технологии блокчейн требует специального подхода к регулированию данных активов.

Итак, сложившаяся практика демонстрирует тенденцию признания криптовалют объектами гражданских прав. Например, Девятнадцатый апелляционный арбитражный суд в постановлении по делу № А40-124668/2017 от 15.05.2018 года[1] признал криптовалюту разновидностью имущества, указывая на ее способность иметь экономическое содержание и представлять ценность для пользователей.

Подводя итог наших рассуждений, можно заключить следующее. Правовая природа (правовой статус) криптовалют является предметом активных дискуссий среди юристов, экономистов и государственных деятелей.

Сама же криптовалюта представляет собой форму цифровой валюты, защищенную криптографическими методами. Она функционирует вне традиционной банковской системы и регулируется децентрализованными сетями, такими как блокчейн.

Отношение российского права к криптовалютам менялось не единожды. Изначально их относили к объектам гражданского права; в дальнейшем, тем не менее, оборот и использование криптовалют были ограничены рядом нормативных предписаний. На сегодняшний день законодатель относит криптовалюту к имуществу – хотя свобода её обращения и подвергнута ограничениям.

Объектами гражданских правоотношений выступает обширный круг ценностей – как материальных, так и нематериальных, – на которые распространяются соответствующие правомочия. Отсюда и закономерное включение криптовалюты в современное правотворчество: она становится фигурантом гражданского оборота. Примечательно, что и параметрам, характеризующим объекты гражданских правоотношений, криптовалюта, есть основания полагать, отвечает.

В основе ключевых проблем лежит, как представляется, неопределённость в понимании самой природы криптовалюты, а вместе с тем – и её положения в отечественной системе права. Этим объясняются затруднения сразу на нескольких направлениях: при квалификации налоговых обязательств, при разграничении ответственности участников рынка, равно как и при выстраивании механизмов защиты инвесторов.

Таким образом, правовая природа и статус криптовалют остаются предметом активного изучения и разработки нормативных актов. Для достижения эффективного регулирования необходимо учитывать особенности каждой юрисдикции и международные тенденции развития финансового сектора.

Исходя из анализа современного состояния законодательства и судебной практики, представляется возможным заключить, что целесообразно внесение изменений в нормы гражданского права с целью придания официальным юридическим статусом объектам подобного рода.

В итоге, социологический метод, юридический формальный подход и методология анализа сущности криптовалюты – данные аспекты можно считать основанием для определения правовой природы криптовалюты.

Согласно социологическому методу, криптовалюта представляет собой социальное явление, связанное с различными общественными и политическими процессами, включая онлайн-культуру, цифровизацию, децентрализацию власти и новые формы управления.

В рамках юридического формального подхода правовая природа криптовалюты рассматривается, как предусмотренное нормами отношение людей к ней, регулирование которого закреплено в законодательстве, гражданском праве и налогообложении, а также в судебной практике.

Процесс познания правовой природы криптовалюты – это определение ее правового статуса в законодательстве; это – анализ подходов к регулированию оборота криптовалют, их места в гражданском праве и уголовно-правовой ответственности за операции с криптовалютой, а также изучение международного регулирования в этой сфере.

Таким образом, правовая природа подразумевает обращение в ходе познания к определенной методологии анализа сущности определенных объектов (кондиций, качеств, признаков и иных составляющих) через формы лексики, а, следовательно, и ретроспективный анализ доктринальных и нормативных ресурсов для определения закономерностей и правил их закрепления.

Используя такой подход можно сказать, что правовое содержание криптовалюты зависит от юрисдикции и может включать регулирование операций с цифровыми активами, запрет на использование криптовалюты как средства платежа и другие аспекты. А правовое содержание оборота криптовалюты включает регулирование законодательства, налоговые нормы, судебную практику и международные нормы.

На основании данной точки зрения, можно сделать вывод о многообразии механизмов и инструментов определения юридического содержания криптовалюты. Криптовалюта демонстрирует все признаки полноценного объекта права: право владения определяется через обладание уникальным приватным ключом, обеспечивающим эксклюзивный доступ к записи в распределенном реестре; пользование проявляется возможностью тратить средства или инвестировать их; распоряжение подразумевает свободу совершения сделок путем передачи активов третьим лицам посредством подписанных транзакций.

Пристатейный библиографический список

1. Андреева Е. М. Фиатные цифровые валюты: от идеи до реализации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2023. – Т. 14. № 4. – С. 1087-1104.
2. Ермаков А. В. Криптовалюта как объект гражданских прав. Актуальные проблемы российского права. – 2024. – № 14. – С. 36-51.
3. Кадим К. Д. Б. Опыт правового регулирования цифровых активов в международном законодательстве // Молодой ученый. – 2024. – № 15 (514). – С. 348-351.
4. Конев С. И., Мартынова О. А. Правовое регулирование криптовалют в России // Образование и право. – 2020. – № 9. – С. 157-163.
5. Лолаева А. С., Макиев С. А., Бутаева Э. С. Правовая природа криптовалюты // Юридические исследования. – 2021. – № 12. – С. 20-32.
6. Меликов У. А. Криптовалюта в системе объектов гражданских прав. Вестник университета. – 2018. – № 33. – С. 24-48.
7. Репецкая А. Л., Миронов А. О. Криптовалюта как объект уголовно-правового и криминологического исследования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2022. – № 3 (102). – С. 109-120.

1 Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 по делу № А40-124668/2017. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/61623374/ (дата обращения: 12.05.2026).

КРОТОВА Дарья Михайловна
аспирант, Байкальский государственный университет; помощник судьи Арбитражного суда Иркутской области, г. Иркутск

Кротова Д. М.

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ АРБИТРАЖНЫМИ СУДАМИ НЕЦЕЛЕВОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ

В рамках настоящей статьи анализируется одна из ключевых бюджетно-правовых основ – принцип адресности и целевого характера выделяемых бюджетных средств, закрепленный в действующем Бюджетном кодексе Российской Федерации. Отдельно рассмотрена правовая природа указанного принципа. В данной работе также отражены теоретические дискуссии, продолжающиеся в доктрине бюджетного права, относительного того, по каким критериям следует классифицировать принципы, относящиеся к бюджетной системе и бюджетному процессу. Основное внимание в исследовании уделяется правовым последствиям, возникающим при нарушении принципа целевого использования бюджетных средств, в том числе мерам государственного принуждения в бюджетной сфере. К числу наиболее значимых из них относится, в частности, требование о возврате предоставленных субсидий. Эмпирическую базу работы составил анализ актуальной судебной практики арбитражных судов, по результатам которого автором выделены и последовательно рассмотрены четыре категории споров, возникающих в связи с нецелевым использованием бюджетных средств. В статье также исследуется вопрос необходимости строгого соблюдения всех формальных требований, предъявляемых к получателю государственного финансирования, а также обязательности достижения заданных качественных и количественных показателей. Отдельно анализируются возможные санкции, наступающие при нарушении указанных требований. Особое внимание уделяется проблеме преодоления сугубо формального подхода в судебной практике: подчеркивается необходимость оценки при рассмотрении дел о нецелевом расходовании бюджетных средств арбитражными судами не только внешнего соответствия действия получателя условиям предоставления средств, но и содержательной стороны его правомерного поведения.

Ключевые слова: субсидии, принцип адресности и целевого использования бюджетных средств, бюджетная система, достижение цели, качественные и количественные показатели, бюджетные средства.

KROTOVA Darya Mikhailovna
postgraduate student, Baikal State University; Assistant Judge of the Arbitration Court of the Irkutsk region, Irkutsk

PECULIARITIES OF QUALIFICATION BY ARBITRATION COURTS OF MISUSE OF BUDGETARY FUNDS

Within the framework of this article, one of the key budgetary and legal foundations is analyzed – the principle of targeting and targeting of allocated budget funds, enshrined in the current Budget Code of the Russian Federation. The legal nature of this principle is considered separately. This paper also reflects the theoretical discussions that continue in the doctrine of budgetary law regarding the criteria by which principles related to the budgetary system and the budgetary process should be classified. The main focus of the study is on the legal consequences that arise when the principle of targeted use of budgetary funds is violated, including measures of state coercion in the budgetary sphere. Among the most significant of them is, in particular, the requirement to return the subsidies provided. The empirical basis of the work was an analysis of the current judicial practice of arbitration courts, according to the results of which the author identified and consistently considered four categories of disputes arising in connection with the misuse of budgetary funds. The article also examines the need for strict compliance with all formal requirements imposed on the recipient of public funding, as well as the obligation to achieve specified qualitative and quantitative indicators. Possible sanctions that occur in case of violation of these requirements are analyzed separately. Particular attention is paid to the problem of overcoming a purely formal approach in judicial practice: it is emphasized that when considering cases of misuse of budgetary funds by arbitration courts, not only the external compliance of the recipient's actions with the conditions for providing funds, but also the substantive side of his lawful behavior.

Keywords: subsidies, the principle of targeting and targeted use of budget funds, budget system, goal achievement, qualitative and quantitative indicators, budget funds.

Действующая государственная политика направлена, в том числе, на сохранение и увеличение финансового обеспечения граждан, создания условий для развития хозяйствующих субъектов, выравнивание бюджетной обеспеченности муниципальных образований, субъектов Российской Федерации и всей страны в целом.

В целях достижения наибольших результатов в бюджетных направлениях государственной деятельности государством реализуются различные государственные программы, планируются бюджеты Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, а также муниципальных образований, проводятся мероприятия по поддержке хозяйствующих субъектов и населения.

При этом необходимо отметить, что государственная бюджетная деятельность, как и любая деятельность в целом, подлежит правому регулированию.

Регулирование отношений, складывающихся между участниками бюджетных правоотношений в ходе исполнения бюджетов всех уровней бюджетной системы Российской Федерации, последующего контроля за их исполнением, ведения бюджетного учета, а также при подготовке, рассмотрении и утверждении бюджетной отчетности, осуществляется

нормами Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее – БК РФ).

Бюджетная система Российской Федерации представляет собой совокупность нескольких элементов, к которым относятся федеральный бюджет, региональные бюджеты (бюджеты субъектов РФ), местные бюджеты, а также бюджеты государственных внебюджетных фондов (фонд обязательного медицинского страхования и социальный фонд.

Как указано в абзаце четвертом статьи 6 БК РФ, в основу построения бюджетной системы Российской Федерации положены два ключевых начала: экономические отношения, возникающие в процессе публично-правового перераспределения ресурсов, и особенности государственного устройства Российской Федерации[1].

Функционирование бюджетной системы Российской Федерации может считаться полноценным и результативным в том случае, если участники бюджетных правоотношений будут строго придерживаться установленных принципов. При этом такие принципы должны быть классифицированы, поскольку классификация принципов права, как отмечает В. В. Ершов, «дает возможность вырабатывать системное представление об исследуемом предмете в целом» и «конкретизировать знание об отдельных исследуемых принципах права» [5, с. 310].

Помимо общеправовых, общеотраслевых и отраслевых принципов, при реализации прав и исполнении обязанностей в рамках бюджетных правоотношений также должны соблюдаться принципы бюджетного права, бюджетного процессы и бюджетной системы.

В современной юридической научной литературе существуют разные подходы к классификации таких принципов.

Так, часть юристов-ученых выделяют самостоятельные системы принципов бюджетного права, процесса или бюджетной системы, тогда как другие полагают, что система принципов бюджетного права шире и включает в себя принципы бюджетного процесса и бюджетной системы.

Например, А. Н. Леонов указывает, что поскольку принципы бюджетной системы являются институциональными принципами, то принципы бюджетной системы, а также принципы бюджетного процесса и межбюджетных отношений входят в систему принципов бюджетного права [8, с. 93].

Доктор юридических наук, профессор А. А. Демичев отмечает, что принципы права должны быть закреплены в нормативно-правовых актах, а точнее – в кодексах [4, с. 221], в связи с чем, по мнению ученого, все принципы бюджетного права закреплены в Бюджетном кодексе РФ.

Вместе с тем, как следует из самого БК РФ, законодателем в главе 5 БК РФ закреплены именно принципы бюджетной системы Российской Федерации, что следует из названия главы, а не принципы бюджетного права в целом.

Система принципов бюджетной системы Российской Федерации, закрепленная в статье 28 БК РФ, является закрытой и состоит из 14 принципов.

Принципы бюджетной системы Российской Федерации подробно раскрываются в статьях 29-38.2 БК РФ[2], за исключением принципа участия граждан в бюджетном процессе, который не нашел законодательного закрепления в самостоятельной статье БК РФ.

Необходимо также отметить, что не все ученые-юристы согласны с мнением, что закрепленные в Бюджетном кодексе РФ принципы являются также принципами бюджетного права: О. В. Болтинова, Е. А. Бочкарева, С. В. Кожушко и другие полагают, что статья 28 БК РФ закрепляет принципы исключительно бюджетной системы Российской Федерации.

Часть ученых-юристов в своих исследованиях приходят к выводу, что Бюджетный кодекс РФ закрепляет не только принципы бюджетной системы Российской Федерации, но и принципы бюджетного процесса и бюджетного права в целом.

Например, при рассмотрении системы принципов, регулирующих бюджетных отношения, А. Н. Леонов указал, что принципы бюджетного процесса являются составной частью принципов бюджетной системы [8, с. 93].

Доктор юридических наук, Х. В. Пешкова (Белогорцева) в своих трудах приходит к выводу, что часть принципов бюджетной системы, закрепленных в главе 5 БК РФ, может рассматриваться также в качестве принципов бюджетного права Российской Федерации в целом [2, с. 93].

Несмотря на наличие различных мнений ученых-юристов по вопросу отнесения принципов, закрепленных в главе 5 БК РФ, к принципам бюджетного права в целом или отдельных его составляющих (бюджетного процесса, бюджетной системы), можно прийти к выводу, что закрепленные законодателем принципы направлены на эффективное и качественное достижения задач и целей, преследуемых субъектами бюджетных правоотношений при реализации своих прав и исполнения обязанностей.

В связи с изложенным целесообразно более подробно остановиться на закрепленном в статье 38 БК РФ принципе адресности и целевого характера бюджетный средств, который относится к числу фундаментальных начал бюджетной системы Российской Федерации.

Содержание данного принципа раскрывается следующим образом: бюджетные ассигнования и лимиты бюджетных обязательств должны доводиться до конкретных получателей и одновременно с этим указанные объемы финансирования предоставляются для достижения строго обозначенных целей.

Отнесение рассматриваемого принципа к основополагающим объясняется его ключевой ролью в контрольных механизмах. Так, соблюдение данного начала позволяет, во-первых, отслеживать, насколько правомерно бюджетные средства доведены до конечных получателей для последующего использования по назначению. Во-вторых, соблюдение такого принципа обеспечивает контроль за соблюдением самих получателей требований результативности и целевого характера расходования выделенных им денежных средств[3] (подпункт 3 пункта 1 статьи 162 БК РФ).

При этом представляется, что приведенный принцип должен соблюдаться вне зависимости от вида и формы расходных обязательств.

В статье 6 БК РФ дается определение понятию «расходные обязательства».

Так, под расходными обязательствами следует понимать такие обязательства публично-правовых образований (федерального, регионального или местного уровней), которые возникают на основании закона, иного нормативного правого акта, договора либо соглашения. Указанные обязательства заключаются в выделении денежных средств и соответствующего бюджета в пользу физического лица, юридического лица, другого публично-правового образования либо субъекта международного права[4].

Статья 78 БК РФ закрепляет одну из разновидностей расходных и денежных обязательств – безвозмездное и безвозвратное предоставление бюджетных средств физическим лицам, субъектам малого и среднего предпринимательства, а также юридическим лицам. Предоставляемые денежные средства направляются на две основные цели: на компенсацию доход, а также на покрытие затрат, понесенных в связи с производством и реализацией товаров, выполнением работ и оказанием услуг[5].

Предоставляемые физическим, юридическим лицам, а также индивидуальным предпринимателям субсидии имеют характер возмещения расходов лицам, деятельность которых значима для публично-правового образования [7, с. 32].

1 Бюджетный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.1998. № 145-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 31. – Ст. 3823.

2 Бюджетный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.1998 № 145-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 31. – Ст. 28.

3 Бюджетный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.1998 № 145-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 31. – Ст. 162.

4 Бюджетный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.1998 № 145-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 31. – Ст. 6.

5 Бюджетный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.1998. № 145-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 31. – Ст. 78.

При этом такие денежные средства предоставляются в качестве субсидии именно на определенные цели, в связи с чем особенно важно при предоставлении средств соблюдать принцип адресности и целевого характера бюджетных средств.

Бюджетное законодательство предусматривает санкции за нецелевое использование бюджетных средств.

Так, пункт 3.1 статьи 78 БК РФ предусматривает, что при нарушении получателем бюджетных средств установленных условий предоставления субсидий, такие денежные средства подлежат возврату в соответствующий бюджет бюджетной системы Российской Федерации[6].

Кроме того, согласно пункту 1 статьи 306.4 БК РФ нарушением бюджетного законодательства является использование денежных средств, предоставленных из соответствующего бюджета, не на цели их предоставления полностью или частично[7].

По смыслу статьи 306.4 БК РФ возврат бюджетных средств при их использовании не по целевому назначению применяется в качестве меры бюджетного принуждения.

Последствием нецелевого использования бюджетных средств является изъятие таких средств у неисправного получателя.

Предусмотренная бюджетным законодательством обязанность возвратить бюджетные средства в соответствующий бюджет бюджетной системы Российской Федерации при нарушении условий их предоставления вытекает их необходимости побуждать получателей бюджетных средств на добросовестное исполнение условий предоставления таких средств, а также обеспечить восстановление средств бюджета в размере, соответствующему выявленному правонарушению[8].

Вместе с тем получатели бюджетных средств при несоблюдении принципа адресности и целевого характера бюджетных средств не всегда добровольно возвращают полученную субсидию в соответствующий бюджет, в связи с чем публично-правовые образования, реализуя предоставленное им право, обращаются в суды за защитой нарушенного права с исковыми требованиями.

Согласно официальным статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в арбитражных судах Российской Федерации в среднем около 3,6 % от всех рассматриваемых арбитражными судами дел составляют дела по спорам, связанным с нецелевым использованием денежных средств[9].

При разрешении споров о нецелевом расходовании бюджетных средств суды оценивать не только факт получателя отклонения от установленного порядка использования субсидий, но и соотношение фактически полученного результата с целью, на которую выделены денежные средства, а также реальные условия, сложившиеся в период освоения предоставленного финансирования.

Применяя последствия нарушений получателем субсидий условий предоставления бюджетных средств, суды определяют характер таких нарушений, их влияние на достижение целей предоставления субсидии. В качестве последствий применяется расторжение соглашения о предоставлении субсидии, возврат всей суммы предоставленной субсидии или ее части, уплата штрафа[10].

При этом, в случае, если получатель субсидии нарушил условие о целевом назначении не всей субсидии, а только ее части, на суд возлагается обязанность определить, в какой именно части было нарушено целевое назначение субсидии, а также размер денежных средств, пропорциональный нарушенному условию предоставления бюджетных средств [1, с. 33-34].

По результатам изучения практики арбитражных судов по делам, связанным с предоставлением субсидий хозяйствующим субъектам, можно выделить несколько категорий споров, связанных с нецелевым использованием бюджетных средств.

Так, в качестве одной из таких категорий можно выделить споры, связанные с оплатой работ (услуг), не предусмотренных соглашением о предоставлении субсидии и (или) государственным заданием.

В качестве примера можно рассмотреть дело № А40-1215/2016. В рамках указанного судебного разбирательства ФГБУ «Управление административными зданиями» было заявлено требование о признании незаконной и последующей отмене постановления, вынесенного Федеральной службой финансово-бюджетного надзора (Росфиннадзор). Оспариваемым постановлением учреждение было признано виновным в совершении административного правонарушения, ответственность за которое установлена статьей 15.14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ).

Приведенная норма административного права закрепляет, что под административным правонарушением понимаются любые действия, направленные на перечисление бюджетных средств или оплату денежных обязательств в целях, не соответствующих тем, которые определены законом, договором (соглашением) либо иным документом, при условии отсутствия в таких действиях признаков уголовно наказуемого деяния[11].

При рассмотрении дела № А40-1215/2016 суды первой и апелляционной инстанции пришли к выводу об отсутствии оснований для признания незаконным и отмене оспариваемого постановления, указав на наличие законных оснований для привлечения учреждения к административной ответственности по статье 15.14 КоАП РФ (нецелевое использование бюджетных средств). Арбитражные суды установили, что ответчик (учреждение) допустил нецелевое расходование бюджетных средств. Нарушение выразилось в оплате услуг по добровольному страхованию транспортных средств (КАСКО), тогда как расходы на указанные услуги не были предусмотрены ни соглашением о предоставлении субсидии, ни государственным заданием.

В качестве отдельной категории споров, связанных с нецелевым использованием получателем бюджетных средств, можно выделить споры, связанные с оплатой невыполненных работ (услуг) за счет субсидий.

Одним из примеров может служить дело №А58-3391/2023[12], рассмотренное Арбитражным судом Республики Саха (Якутия). Основанием для возбуждения судебного разбирательства послужило искового заявление Нерюнгринской районного администрации (далее – администрация) к благотворительному фонду «Патриот» (далее – фонд) с требованиями о взыскании предоставленной субсидии, а также процентов за незаконное пользование чужими денежными средствами. В ходе рассмотрения дела фондом заявлен встречный иск, в котором ответчик по первоначальному иску просил признать недействительным отказ районной администрации в рассмотрении его заявки на получение субсидии в 2023 году.

В ходе разбирательства арбитражный суд установил, что между администрацией и фондом было заключено соглашение, предметом которого являлось предоставление из бюджета муниципального образования «Нерюнгринский» район субсидии (в том числе в форме гранта) для социально ориентированных некоммерческих организаций. Такие некоммерческие организации должны были осуществлять свою деятельность на территории Нерюнгринского района и

6 Бюджетный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.1998. № 145-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 31. – Ст. 78.

7 Бюджетный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.1998. № 145-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 31. – Ст. 306.4.

8 Письмо Минфина России от 28 апреля 2016 г. № 02-10-06/24775 О возврате субсидий в соответствующий бюджет в случае нарушения условий, установленных при их предоставлении.

9 Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: офиц. сайт. Москва. Обновляется в течение суток. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cdep.ru/.

10 Определение Конституционного Суда РФ от 09.06.2022 № 1451-О.

11 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 07.01.2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 15.14.

12 Решение Арбитражного суда Республики Саха (Якутия) от 06.12.2023 по делу № А58-3391/2023.

не относиться к государственным (муниципальным) учреждениям.

При рассмотрении дела судами трех инстанций (первой, апелляционной и кассационной) было выявлено следующее. Проверка представленного фондом пакета документов, а также отслеживание официального информационного канала фонда показали, что переданные материалы объективно не подтверждают факт проведения заявленных мероприятий в соответствии с календарным планом.

В рамках рассмотрения указанного дела судами было выявлено несколько эпизодов нарушения в виде использования предоставленных бюджетных средств на не цели, предусмотренные соглашением.

Так, в обоснование проведения мероприятия «День бабушек и дедушек» (дата по плану – 28.10.2022) фонд представил фотографию, на которой запечатлен участник Р.П.Г. Однако, согласно информации районной администрации, еще в сентябре 2022 года указанное лицо убыло в зону проведения СВО. С учетом представленных доказательств и информации суды пришли к выводу, что фотография была сделана до отъезда Р.П.Г., следовательно, само мероприятие 28.10.2022 фактически не проводилось.

Помимо этого, фонд приложил еще две фотографии. Изучение информационного канала показало, что представленные снимки были изготовлены в декабре 2022 года, тогда как информация о дате и времени съемки было обрезана.

В подтверждение проведения другого мероприятия – «День Сибири» (дата по плану – 18.11.2022) фонд представил фотографию с мероприятия, проходившего в рамках «Молодежного десанта», где принимал участие руководитель фонда «Харысхал». При этом организатором указанного мероприятия являлось Нерюнгринское отделение Всероссийского общества слепых. Судом установлено, что ответчик по делу не принимал никакого участия ни в организации, ни в проведении этого события.

Третьим эпизодом является мероприятие, посвященное Дню государственности Республики Саха (Якутия) (дата по плану – 27.09.2022). Фонд предоставил фотографию, которая была опубликована на его канале в ноябре 2022 года в посте, посвященном «Дню бабушек и дедушек». Однако материалы из печатного издания «Индустрия Севера», также приложенные фондом, содержали описание деятельности совсем иной организации – местной общественной организации ветеранов Великой Отечественной войны и тружеников тыла. Приложенные фондом фотографии не относились к мероприятию, которое планировал и должен был проводить ответчик по делу.

В качестве доказательств проведения мероприятия «День шахтера» (дата по плану – 28.08.2022) представил фотографию. Однако, как было установлено судами, этот же снимок ранее был опубликован в газете «Индустрия Севера» в материале о проведении Дня пожилого человека. Статья датирована октябрем 2022 года.

Суды в своих судебных актах также указали, что в приложениях к таким мероприятиям, как «День бабушек и дедушек» и «День шахтера», содержалось указание на предоставление обществом с ограниченной ответственностью «МАХТАЛ» благотворительной помощи в виде продуктовых наборов. Вопреки указанным в приложении сведениям фонд отчитался перед администрацией, что приобрел указанные наборы именно за счет выделенной субсидии.

С учетом всех перечисленных обстоятельств суды первой, апелляционной и кассационной инстанций пришли к единому заключению о том, что получателем субсидии (благотворительным фондом «Патриот») было допущено нецелевое использование предоставленных бюджетных средств.

В практике арбитражных судов можно выделить еще одну самостоятельную категорию дел о нецелевом использовании бюджетных средств: споры, связанные с недостижением получателем субсидии количественных или качественных результатов.

В рамках дела № А19-15570/2024 судами первой, апелляционной и кассационной инстанций рассматривался вопрос достижения или недостижения получателем бюджетных средств количественных показателей[13].

Так, в рамках соглашения о предоставлении гранта из бюджета субъекта Российской Федерации по целевому назначению на развитие материально-технической базы кооператива получателю были перечислены бюджетные средства. Условиями соглашений предусматривалась обязанность получателя обеспечить достижение тех значений результатов предоставления гранта и (или) иных показателей, которые закреплены в Правилах предоставления гранта. Конкретное требование – увеличение объема реализуемой продукции.

В последствии в отчете о реализации проекта кооператив указал, что плановые показатели по увеличению объема реализованной сельскохозяйственной продукции им не выполнены.

Вместе с тем суды трех инстанций пришли к выводу об отсутствии достаточных, достоверных и относимы доказательств, подтверждающих факты недобросовестного поведения получателя бюджетных средств и использования их не по целевому назначению.

При этом суды указали, что, во-первых, в материалы дела представлено достаточно доказательств того, что невыполнение кооперативом плановых показателей реализации проекта было вызвано наличием непреодолимых обстоятельств, а именно: распространением вируса африканской чумы свиней. Во-вторых, судами установлено, что в следующем за отчетным году плановые показатели реализации проекта кооперативом были выполнены.

Таким образом, несмотря на то, что получатель бюджетных средств не достиг необходимых показателей, то есть не достиг цели, на которую предоставлена субсидия, арбитражные суды пришли к выводу, что показатели не были достигнуты по независящим от получателя причинам, в связи с чем не возложили на него ответственность за нарушение принципа целевого использование бюджетных средств.

В рамках рассмотрения дела № А19-1192/2024[14] суды трех инстанций пришли к выводу о частичном достижении получателя субсидии цели предоставления бюджетных средств, в связи с чем удовлетворили исковые требования частично.

Детско-юношескому военно-патриотическому общественному движению была выделена субсидия. Целевое назначение выделенных средств – организация образовательно-культурной программы, направленной на просвещение молодежи (в возрастной категории от 14 до 25 лет) и ее вовлечение в проекты в сфере молодежной политики региона. Мероприятие планировалось провести в формате автобусного тура, охватывающего 12 муниципальных образований.

В ходе судебного разбирательства установлено, что получателем субсидии проект был реализован лишь на 50 %. При этом общественным движением был нарушен заявленный формат реализации. Так, вместо автобусного тура по 12 образованиям ответчик проводил сбор участников в пределах одного муниципального образования на каждом из четырех состоявшихся мероприятий.

Приведенные обстоятельства вынудили получателя субсидии внести изменения в бюджетную смету, а также календарный план проекта. В результате указанных изменений количественный показатель выполнения проекта составил 73,3 % от первоначально заявленных значений. При этом качественная сторона реализации проекта пострадала в незначительной степени.

Кроме того, оборудование, закупленное получателем субсидии в рамках реализации проекта, обладает потенциалом для положительного воздействия на дальнейшее развитие программ молодежной политики региона.

Вместе с тем судами было установлено также нарушение финансовой дисциплины: в рамках одной статьи

13 Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 06.11.2025 № Ф02-3863/2025 по делу № А19-15570/2024.

14 Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 05.02.2025 № Ф02-118/2025 по делу № А19-1192/2024.

сметы было произведено перераспределение суммы, составившей 32,4 % от общего объема сметы. При этом соглашением о предоставлении субсидии допускало корректировку сметы лишь в пределах 20 %.

Арбитражные суды первой, апелляционной и кассационной инстанции, частично удовлетворяя исковые требования, исходили из следующей совокупности обстоятельств.

Во-первых, получателем субсидии были частично достигнуты те цели, для которых выделялось бюджетное финансирование.

Во-вторых, истцом не было представлено достаточно достоверных доказательств, подтверждающих недобросовестное поведение ответчика при получении субсидии либо о предоставлении им недостоверных сведений.

На основании изложенного суды пришли к выводу об отсутствии правовых оснований для возложения на ответчика обязанности по возврату всей суммы предоставленной субсидии в полном объеме.

Указанное свидетельствует о том, что судам при рассмотрении дел, связанных с нарушением получателем субсидии целевого использования бюджетных средств, необходимо изучать каждое дело в отдельности, учитывать особенности исполнения обязательств в рамках заключенных соглашений, а также внешние факторы, влияющие на возможное достижение или недостижение поставленных в соглашениях результатов.

В качестве четвертой категории споров можно выделить споры, связанные с непредставлением получателем субсидии отчета в установленные соглашением о предоставлении субсидии сроки в отсутствие доказательств достижения цели (презюмируется недостижение цели субсидии).

Арбитражный суд Восточно-Сибирского округа в рамках рассмотрения дела № А33-28660/2024 указал, что нарушение сроков предоставления отчетов является несущественным нарушением, недостаточным для обязания получателя возвратить предоставленные средства в виде гранта. В обоснование приведенного вывода судом указано, что получатель использовал бюджетные ресурсы добросовестно и строго по целевому назначению, а установленные результаты предоставления гранта были достигнуты в полном объеме[15].

Суд кассационной инстанции особо подчеркнул, что применение формального (бюрократического) подхода в подобных ситуациях приведет к «нивелированию достигнутого предпринимателем общественно полезного результата предоставления гранта» [16].

Более того, как указал суд, взыскание всей суммы гранта при условии, что цель его предоставления получателем достигнута, свидетельствует о нарушении принципа соразмерности между допущенным нарушением и его последствиями, а также нарушении баланса защищаемых публичных интересов.

Анализ приведенных примеров из судебной арбитражной практики позволяет сделать вывод, что поскольку принцип адресности и целевого характера бюджетных средств направлен на повышение эффективности функционирования бюджетной системы Российской Федерации [3, с. 93], суды при разрешении споров о нецелевом использовании бюджетных ресурсов не должны ограничиваться формальным подходом.

Напротив, как представляется, в каждом конкретном случае суду надлежит исследовать все фактические обстоятельства, связанные с нецелевым расходованием денежных средств; устанавливать причины допущенных нарушений; а также определять, в каком объеме была достигнута та цель, ради которой предоставлялось бюджетное финансирование.

Использование же формального подхода при рассмотрении указанных споров, напротив, приведет к нарушению соразмерности достигнутых результатов и защищаемыми интересами публичной власти последствиями в виде возврата бюджетных средств, что негативно повлияет как на предпринимателей, юридических лиц, муниципалитеты, так и на бюджетную систему в целом.

15 Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 25.06.2025 № Ф02-1809/2025 по делу №А33-28660/2024.

16 Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 25.06.2025 № Ф02-1809/2025 по делу №А33-28660/2024.

Пристатейный библиографический список

1. Анисина К. Т., Вершило Т. А., Кикавец В. В. [и др.]. Бюджетные споры: научно-практическое пособие / под. ред. Цинделиани И. А. – Москва: ИОП РГУП, 2020. – 324 с. – (Библиотека российского судьи). – ISBN 978-5-93916-909-7. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://znanium.ru/catalog/product/2071645.
2. Белогорцева Х. В. Бюджетное право России: учебник / Х. В. Пешкова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: ИНФРА-М, 2023. – 404 с. – (Высшее образование: Бакалавриат). – DOI 10.12737/textbook_595f3f3ed71a37.89214748. – ISBN 978-5-16-012191-8. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://znanium.ru/catalog/product/1939103.
3. Воронцов О. Г. Принципы бюджетной системы Российской Федерации: теоретико-правовые основы реализации: монография / под ред. докт. юрид. наук, проф. Н. А. Поветкиной. – Москва: ИНФРА-М, 2021. – 225 с. – (Научная мысль). – DOI 10.12737/1383687. – ISBN 978-5-16-016925-5. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://znanium.com/catalog/product/1383687.
4. Демичев А. А. Юридическая конструкция системы отраслевых принципов российского права: состояние, проблемы, перспективы // Юридическая техника. – 2013. – № 7-2. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskaya-konstruktsiya-sistemy-otraslevyh-printsipov-rossiyskogo-prava-sostoyanie-problemy-perspektivy. – С. 214-221.
5. Ершов В. В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. – Москва: РГУП, 2018. – 628 с. – ISBN 978-5-93916-631-7. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://znanium.ru/catalog/product/1007083.
6. Ковальчук С. В. Реализация принципов эффективности, адресности и целевого характера использования бюджетных средств в бюджетном процессе Приморского края // Экономика и социум. – 2016. – № 11-1 (30). – С. 715-720. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-printsipov-effektivnosti-adresnosti-i-tselevogo-haraktera-ispolzovaniya-byudzhetnyh-sredstv-v-byudzhetnom-protsesse.
7. Курбатова С. С., Кустова М. В. Субсидии в системе форм расходов бюджета: проблема правового регулирования: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2016. – 188 с.
8. Леонов А. Н. Соотношение системы бюджетного права и системы бюджетного законодательства // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 7 (211). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-sistemy-byudzhetnogo-prava-i-sistemy-byudzhetnogo-zakonodatelstva. – С. 129-132.

ЛО Цзюньяо
магистр, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

УСТРАНЕНИЕ ДВОЙНОГО НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ДОХОДОВ В РФ И КНР: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Статья посвящена механизмам устранения двойного налогообложения трансграничных доходов организаций в РФ и КНР. Актуальность исследования обусловлена ростом трансграничных инвестиций и сохраняющимися коллизиями налоговых юрисдикций. Особое внимание уделено особенностям российского регулирования — ограничительным условиям применения налогового зачета и неполной реализации отдельных обязательств по налоговым соглашениям, включая положения об экономическом двойном налогообложении. На основе анализа китайского опыта, отличающегося детальной регламентацией и возможностью переноса неиспользованного зачета, обосновывается необходимость совершенствования соответствующих норм в РФ.

Ключевые слова: двойное налогообложение, налоговый зачет, налоговые соглашения, налоговое право КНР.

LUO Junyao
master's degree, postgraduate student, Saint Petersburg State University

ELIMINATION OF DOUBLE TAXATION OF CROSS-BORDER INCOME IN THE RUSSIAN FEDERATION AND CHINA: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

The article examines the mechanisms for eliminating double taxation of cross-border corporate income in the Russian Federation and the PRC. The relevance of the study is driven by the growth of cross-border investments and persistent conflicts of tax jurisdictions. Special attention is given to the specific features of Russian regulation — the restrictive conditions for applying tax credits and the incomplete implementation of certain obligations under tax treaties, including provisions on economic double taxation. Based on an analysis of China's experience, which is characterized by detailed regulation and the possibility of carrying forward unused credits, the necessity of improving the relevant norms in the Russian Federation is substantiated.

Keywords: double taxation, tax credit, tax treaties, tax law of the People's Republic of China.

В условиях глобализации капитала двойное налогообложение, вызванное коллизиями налоговых юрисдикций, остается одним из основных рисков для транснациональных инвесторов. В ответ на это государства вводят механизмы его устранения в национальном законодательстве и международных налоговых соглашениях (СИДН). Россия, активно участвующая в инвестиционном сотрудничестве, также совершенствует данную сферу регулирования.

Закрепленная в Налоговом Кодексе (НК) РФ система устранения двойного налогообложения характеризуется рядом особенностей, обусловленных как законодательными подходами, так и сложившейся правоприменительной практикой. В дискуссиях о ее совершенствовании российские ученые обращаются к зарубежному опыту, но китайский опыт остается без внимания. Настоящая статья, опираясь на анализ российского механизма и его ограничений, обосновывает возможность использования китайского опыта для совершенствования российского законодательства.

Российский механизм налогового зачета

В рамках налогообложения организаций ст. 311 НК устанавливает, что доходы российской организации из иностранных источников включаются в российскую налоговую базу (п. 1); при этом уплаченный в иностранном государстве налог засчитывается при уплате налога в РФ, но не выше ее налогового обязательства (п. 3). Для дивидендов ст. 275 НК вводит специальное правило: зачет иностранного налога допускается только при наличии СИДН.

Поскольку НК не содержит законодательных дефиниций ряда ключевых понятий и процедурных правил, их содержание раскрывается на уровне правоприменительной практики, которая сформировала следующие подходы.

1) Доходы из иностранных источников включают уплаченный за рубежом налог

Вопрос о составе иностранного дохода для целей зачета имеет принципиальное значение, поскольку от его решения зависит, что именно подлежит налогообложению в РФ — только фактически полученная сумма или доход в полном объеме с учетом уплаченного за рубежом налога. Минфин и ФНС в разъяснениях указали, что при зачете налог не может рассматриваться как вычет из дохода[1]. В доктрине данная позиция также поддержана: вычет налога из дохода соответствует не методу зачета, а менее эффективному методу вычета[2]. Таким образом, к налогообложению в РФ принимается полная сумма дохода без его уменьшения на иностранный налог.

2) Учитывается налог, уплаченный лишь самим налогоплательщиком

Из формулировки п. 3 ст. 311 НК «суммы налога, выплаченные... российской организацией» следует, что налоговое бремя, экономически несомое организацией, но не уплаченное ею непосредственно, зачету не подлежит. Иными слова-

1 Письма Минфина РФ от 10 сентября 2025 г. № 03-03-06/1/88313, от 09 января 2023 г. № 03-03-06/1/164. Письма ФНС РФ от 03 сентября 2013 г. № ЕД-4-3/15969@.

2 Шахмаметьев А.А. Методы устранения международного многократного (двойного) налогообложения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2008. № 3. С. 54-60.

ми, российский механизм зачета направлен исключительно на устранение юридического двойного налогообложения — ситуаций, когда один и тот же налогоплательщик уплачивает налог с одного дохода в двух юрисдикциях, — и не охватывает случаев экономического двойного налогообложения, при котором одно и то же налоговое бремя несут разные лица. Подход подтвержден Письмом Минфина от 25 февраля 2015 г. № 03-08-05/9330: зачет налога, уплаченного аффилированной иностранной компанией, не предусмотрен.

3) Зачет ограничен налогом, исчисленным с соответствующего иностранного дохода

Формулировка п. 3 ст. 311 НК, согласно которой зачет «не может превышать сумму налога, подлежащего уплате организацией в РФ», способна ввести в заблуждение. При буквальном прочтении может сложиться впечатление, что пределом зачета выступает общая сумма российского налога, и в случае превышения иностранного налога, исчисленного с конкретного дохода, над российским налоговым обязательством в отношении этого дохода государство компенсирует налогоплательщику разницу. Китайский исследователь Чжоу Е, например, воспринял ее как готовность РФ компенсировать более высокое иностранное налоговое бремя за счет налога с доходов из российских источников[3].

Однако в российской практике сложился иной подход: зачитываемая сумма ограничена налогом, исчисленным по правилам гл. 25 НК именно с полученного за рубежом дохода, а не общей суммой налогового обязательства организации в РФ[4]. Данное толкование, в частности, исключает одновременное применение зачета и нулевой ставки по дивидендам (пп. 1.1 п. 3 ст. 284 НК): поскольку в этом случае российский налог с соответствующего дохода равен нулю, предел зачета также обнуляется[5]. Таким образом, установленное п. 3 ст. 311 НК ограничение играет роль одностороннего правила, которое не позволяет зачитывать иностранный налог в счет российского налога с иных доходов, а лишь ограничивает вычет суммой, приходящейся на зарубежный доход[6]. При убытках, когда объект налогообложения в РФ отсутствует, зачет также не применяется[7].

4) Пределы зачета не суммируются

Поскольку предел зачета исчисляется с соответствующего иностранного дохода, он имеет строго целевое назначение — устранение двойного налогообложения по конкретному доходу — и не может суммироваться по разным государствам или видам доходов, что подтверждается правоприменительной практикой[8]. Это означает, что налогоплательщик, получающий доходы из нескольких юрисдикций, одни из которых облагаются по ставкам выше, а другие — ниже российской, лишен возможности компенсировать избыточный налог одного государства за счет экономии на налоге другого.

5) Зачет производится за период включения иностранных доходов в налоговую базу и переносу не подлежит

Как показывает практика, право на зачет возникает в периоде включения иностранных доходов в налоговую базу[9]. При необходимости (например, при более позднем получении подтверждающих документов) зачет осуществляется путем подачи уточненной декларации за соответствующий период[10].

В правоприменительной практике ранее допускался перенос неиспользованного зачета в пределах трехлетнего срока (в рамках п. 4 ст. 89 НК) на том основании, что запрет в НК прямо не установлен[11]. Однако в настоящее время преобладает подход, согласно которому отсутствие в НК прямого разрешения на распределение иностранного налога по разным периодам делает такой перенос неправомерным[12]. Данное изменение подхода отражает общую тенденцию к ограничительному толкованию условий зачета, что особенно значимо для налогоплательщиков, чья деятельность носит циклический характер и предполагает чередование прибыльных и убыточных периодов.

На международном уровне все СИДН РФ предусматривают устранение двойного налогообложения в РФ методом зачета в отношении налогов, взимаемых в соответствии с положениями соглашений. В силу особой правовой природы СИДН (согласование, а не создание налоговых норм) и отсутствия в них процедурных правил реализация зачета зависит от национального законодательства. Как справедливо подчеркивает А. Руст[13], в целом противоречий между двумя правовыми системами не возникает.

Однако в ряде СИДН имеются положения, расширяющие стандартный перечень обязательств для РФ:

1) СИДН с Вьетнамом, Ирландией и Мексикой предусматривают при зачете в отношении дивидендов учет налога, уплаченного плательщиком дивидендов с распределяемой прибыли (т.е. устранение экономического двойного налогообложения);

2) СИДН с Алжиром, Вьетнамом, Кубой и Таиландом закрепляют механизм условного зачета (tax sparing): налог, освобожденный или сниженный в государстве источника дохода в соответствии с его национальным законодательством, считается уплаченным в полном объеме для целей зачета в другом государстве[14].

По мнению автора, включение данных правил в СИДН, вероятно, не связано с инициативой РФ: все контрагенты, закрепившие в СИДН зачет для устранения экономического

3 周野 俄罗斯境外所得税收抵免制度简介与评析 // 国际税收. 2019. № 4. С. 52-57.

4 Письма Минфина РФ от 15 июня 2022 г. № 03-03-06/1/56719, от 01 ноября 2019 г. № 03-03-06/1/84373. Письмо ФНС РФ от 02 июля 2019 г. № СД-4-3/12869@.

5 Письма Минфина РФ от 03 октября 2017 г. № 03-08-05/64363, от 10 августа 2023 г. № 03-03-06/1/75425.

6 Письма Минфина РФ от 24 мая 2011 г. № 03-03-06/1/304, от 01 декабря 2010 г. № 03-03-06/1/749.

7 Письма Минфина РФ от 11 июня 2024 г. № 03-03-06/2/53863, от 21 декабря 2023 г. № 03-03-06/2/124356. Письмо ФНС РФ от 07 марта 2012 г. № ЕД-4-3/3806@.

8 Письма Минфина РФ от 04 июня 2012 г. № 03-03-10/59, от 05 августа 2011 г. № 03-03-06/1/451. Письмо ФНС РФ от 02 июля 2019 г. № СД-4-3/12869@.

9 Письма Минфина РФ от 08 апреля 2008 г. № 03-08-05, от 10 октября 2011 г. № 03-08-05.

10 Письма Минфина РФ от 11 июня 2024 г. № 03-03-06/2/53863, от 21 декабря 2023 г. № 03-03-06/2/124356.

11 Письма Минфина РФ от 05 мая 2015 г. № 03-08-05/25712, от 25 сентября 2015 г. № 03-08-05/54902.

12 Письма Минфина РФ от 11 июня 2024 г. № 03-03-06/2/53863, от 21 декабря 2023 г. № 03-03-06/2/124356.

13 Rust A. Article 23B. Credit Method // K. Vogel [et al.]. Double Taxation Conventions. 5th ed. Alphen aan den Rijn: Kluwer Law International. 2022. P. 1801.

14 Данный механизм направлен на сохранение для налогоплательщика стимулирующего эффекта налоговых льгот, предоставленных государством источника, и предотвращает их поглощение последующим налогообложением в государстве резидентства.

двойного налогообложения, уже располагали аналогичными механизмами в национальном праве[15], а предусмотревшие условный зачет широко используют его в своей договорной практике[16]. Для России, поскольку в НК не установлены порядок применения такого зачета и правила исчисления условного зачета, их практическая реализация остается необеспеченной, что создает разрыв между международными обязательствами РФ и возможностью их фактического исполнения.

С учетом изложенного, совершенствование механизма зачета в России могло бы идти по двум направлениям: корректировка условий применения зачета и разработка правил реализации отдельных формулировок СИДН. Особую ценность для изучения представляет опыт КНР.

Китайский опыт: особенности правовой регламентации

В отличие от российского подхода, при котором правоприменительная практика восполняет нормативные пробелы, китайский законодатель и уполномоченные органы избрали путь детальной регламентации механизма зачета на уровне закона и подзаконных актов.

Правовую основу устранения двойного налогообложения для организаций в КНР составляет гл. 3 Закона о подоходном налоге с предприятий (ПНП). Ст. 23 Закона устанавливает общее правило: налог, уплаченный резидентом за рубежом с доходов из иностранных источников, подлежит зачету в пределах суммы налога, исчисленной с этих доходов по правилам Закона; превышение может быть перенесено на будущие периоды (до пяти лет).

Помимо прямого зачета, ст. 24 Закона предусматривает так называемый косвенный зачет в отношении дивидендов: налог, уплаченный иностранной компанией (с долей участия резидентной компании не менее 20 %) с распределяемой прибыли, принимается к зачету в пределах того же лимита.

Детальная регламентация этих механизмов обеспечивается четырьмя ключевыми подзаконными актами: Приказ Госсовета от 02 декабря 2007 г. № 512, Уведомление Минфина и Государственного налогового управления (ГНУ) от 25 декабря 2009 г. № 125, Объявление ГНУ от 02 июля 2010 г. № 1 и Уведомление Минфина и ГНУ от 28 декабря 2017 г. № 84, которые не только конкретизируют порядок применения, но и в ряде случаев устанавливают более благоприятные для налогоплательщиков правила.

1) Расчет дохода из иностранных источников зависит от вида зачета

Согласно ст. 4 Объявления № 1, доход из иностранных источников понимается как доход до налогообложения, рассчитываемый путем восстановления суммы уплаченного налогоплательщиком за рубежом налога. При косвенном зачете дополнительно восстанавливается налог, уплаченный иностранной компанией с распределяемой прибыли по следующей формуле:

$$Д = Ч \div (1 - П) + [Н \times Ч \div (1 - П) / Чи]$$

где:

Д — доход из иностранных источников;

Ч — чистый доход после уплаты налога за рубежом;

П — применимая налоговая ставка в государстве источника дохода;

Н — налог, уплаченный иностранной компанией с прибыли;

Чи — чистая прибыль иностранной компании.

Для устранения «каскадного» эффекта налогообложения дивидендов косвенный зачет также охватывает налоги, уплаченные на нескольких уровнях владения: первоначально до 3 уровней, с 2017 г. (в силу Уведомления № 84) — до 5 уровней.

2) Пределы зачета подлежат суммированию с правом выбора метода расчета

Согласно ст. 78 Приказа № 512, предел зачета рассчитывается отдельно по каждой юрисдикции (без разбивки по видам доходов) по формуле:

$$П = О \times (Н \div Об)$$

где:

П — предел зачета по юрисдикции;

О — общая сумма налога, исчисленная со всех прибылей;

Н — прибыль из юрисдикции;

Об — общая сумма прибыли.

Данный порядок исчисления предела зачета выгоднее расчета путем простого умножения иностранного дохода на китайскую ставку: с одной стороны, пределы зачета по разным видам доходов из одной юрисдикции суммируются; с другой, при убытках в Китае знаменатель формулы «Об» оказывается ниже совокупной прибыли из всех юрисдикций, что увеличивает предел зачета.

С введением Уведомления № 84 предприятиям предоставлен выбор: расчет по юрисдикциям или агрегированный метод (без разбивки по юрисдикциям и видам доходов). На практике последний оказался предпочтительнее, поскольку позволяет консолидировать пределы зачета из разных юрисдикций, способствуя более полному устранению двойного налогообложения[17].

3) Зачет производится за период реализации дохода с установлением очередности переноса

Ст. 11 Уведомления № 125 устанавливает, что налог подлежит зачету за год, на который приходится дата реализации соответствующего дохода (например, для дивидендов — дата вынесения решения о выплате, для процентов — дата выплаты по договору). В п. 29 Объявления № 1 определяется очередность зачета перенесенных сумм: в первую очередь засчитывается налог текущего года; если лимит не исчерпан, остаток используется для зачета сумм, перенесенных из предыдущих лет.

Таким образом, КНР на законодательном и подзаконном уровнях урегулировала значительный круг вопросов, которые в РФ решаются правоприменительной практикой, обеспечив не только более доступные условия зачета, но и более высокую степень правовой определенности.

На международном уровне китайское правило также хорошо согласовано с СИДН. Во всех СИДН, заключенных после вступления в силу Закона о ПНП (2008 г.), закреплено устранение экономического двойного налогообложения

15 Сайт Международного бюро фискальной документации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://research.ibfd.org/.

16 Данный механизм широко представлен в СИДН указанных государств: Алжир включает его в СИДН с Бахрейном, Канадой, Египтом и др.; Вьетнам — с Узбекистаном, Великобританией, ОАЭ и др.; Куба — с Португалией, Катаром, Австрией, Китаем и др.; Таиланд — с Арменией, Беларусью, Канадой, Кипром, Индонезией и др.

17 张亦然; 王常静 境外税收抵免促进企业对外投资效应研究 // 税务研究. 2022. № 5. С. 98-105.

методом зачета, причем СИДН обычно снижают требуемую для косвенного зачета долю участия в нижестоящих компаниях с 20 % до 10 %. Тем самым понижается порог применения соответствующих механизмов.

Кроме того, Объявление № 1 детально регламентирует порядок исчисления условного зачета. По общему правилу (ст. 23) такой зачет равен разнице между налогом по обычной ставке в государстве источника дохода и фактически уплаченной суммой; если же СИДН устанавливает фиксированную ставку для отдельных видов пассивных доходов (для расчета условно уплаченной суммы налога) — разнице между налогом, исчисленным по этой ставке, и фактически уплаченной суммой. Данный порядок обеспечивает реализацию положений об условном зачете во всех 27 СИДН, содержащих такие правила.

Помимо указанных правил, ГНУ разработало механизмы, помогающие налогоплательщикам реализовать право на зачет в условиях сложных зарубежных налоговых систем:

1) Специальное правило при неопределенности налоговой нагрузки: согласно п. 1 ст. 10 Уведомления № 125, если налогообложение в иностранном государстве не позволяет точно определить нагрузку подоходного налога (например, при специальном налоговом режиме), сумма налога, указанная в свидетельстве, выданном уполномоченным органом этого государства, принимается к зачету в размере, не превышающем 12,5 % прибыли из данного государства;

2) ГНУ также проводит анализ зарубежных налоговых систем, ориентируя налогоплательщиков на применение зачета. Например: в Объявлении от 3 января 2019 г. № 1 разъяснен зачет налога на сверхприбыль в Казахстане, который по своему характеру относится к налогам на прибыль организаций; Уведомление от 20 ноября 1986 г. № 022 конкретизирует положения малайзийского законодательства, подпадающие под условный зачет; на официальном сайте ГНУ опубликован обзор налоговой системы Чили с указанием видов налогов, подлежащих прямому и косвенному зачету[18].

Заключение

Китайский опыт представляет интерес для дальнейшего развития механизма налогового зачета в России. По мнению автора, соответствующая работа могла бы предусматривать:

1) Введение института косвенного налогового зачета. Потребуется закрепить в ст. 311 НК понятие косвенного зачета и разработать методику расчета дохода от долевого участия с учетом налога, уплаченного дочерней и «внучатой» компаниями. Это позволило бы не только устранять экономическое двойное налогообложение, но и обеспечить реализацию соответствующих обязательств, уже принятых Россией по ряду СИДН, которые в настоящее время лишены механизма исполнения на национальном уровне;

2) Расширение возможностей переноса неиспользованного зачета. Целесообразно дополнить ст. 311 НК нормой, позволяющей переносить остаток зачета на будущие периоды при недостатке налоговой базы в текущем периоде. Данная мера отвечала бы требованиям принципа налоговой справедливости, поскольку в действующей системе налогоплательщик, несущий убытки от внутрироссийской деятельности при одновременном получении прибыли из-за рубежа, лишается права на зачет лишь в силу стечения этих обстоятельств, тогда как при разнесении тех же операций на разные налоговые периоды либо при осуществлении аналогичной деятельности исключительно за рубежом право на зачет было бы реализовано в полном объеме;

3) Уточнение порядка применения специальных положений СИДН. Необходимо формализовать механизм реализации условного зачета и зачета для устранения экономического двойного налогообложения в тех странах, с которыми такие договоренности существуют. Отсутствие соответствующих процедур в НК в настоящее время фактически блокирует реализацию указанных договорных механизмов, а китайский опыт демонстрирует принципиальную возможность их нормативного обеспечения через прозрачные и проверяемые процедуры.

Пристатейный библиографический список

1. Шахмаметьев А. А. Методы устранения международного многократного (двойного) налогообложения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2008. № 3. С. 54-60.
2. 周野 俄罗斯境外所得税收抵免制度简介与评析 // 国际税收. 2019. № 4. С. 52-57.
3. Rust A. Article 23B. Credit Method // K. Vogel [et al.]. Double Taxation Conventions. 5th ed. Alphen aan den Rijn: Kluwer Law International. 2022. P.1801.
4. 张亦然; 王常静 境外税收抵免促进企业对外投资效应研究 // 税务研究. 2022. № 5. С. 98-105.

18 Сайт ГНУ КНР. URL: https://fgk.chinatax.gov.cn/zcfgk/c100015/c5204585/content.html.

МАКАРОВ Даниил Романович
аспирант, Московский финансово-юридический университет

К ВОПРОСУ ОБ ЭЛЕКТРОННОМ СМАРТ-КОНТРОЛЛИНГЕ В ФИНАНСОВО-БЮДЖЕТНОЙ СФЕРЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Статья посвящена исследованию сущности и особенностей применения СМАРТ-контроллинга в современной управленческой практике. Актуальность темы обусловлена необходимостью повышения эффективности управления в условиях цифровой трансформации и усложнения организационных процессов. Целью исследования является раскрытие содержания концепции СМАРТ-контроллинга, определение его функциональных возможностей и обоснование целесообразности внедрения в систему управления организацией.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы познания, включая анализ, синтез, обобщение и системный подход, а также специальные методы управления и экономического анализа. В статье использованы элементы сравнительного анализа для сопоставления традиционных подходов к контроллингу с современными цифровыми моделями, а также метод структурно-функционального анализа для выявления ключевых компонентов СМАРТ-контроллинга.

В рамках исследования поставлены задачи: определить понятие и основные характеристики СМАРТ-контроллинга; выявить его отличительные особенности от классических моделей контроллинга; проанализировать инструменты и технологии, лежащие в его основе; оценить влияние СМАРТ-контроллинга на эффективность управленческих решений.

В результате установлено, что СМАРТ-контроллинг представляет собой интегрированную систему управления, основанную на использовании цифровых технологий, аналитических инструментов и автоматизированных систем обработки данных. Он обеспечивает оперативный мониторинг показателей деятельности, поддержку принятия решений и повышение прозрачности бизнес-процессов. Обосновано, что внедрение СМАРТ-контроллинга способствует оптимизации ресурсов, снижению управленческих рисков и повышению адаптивности организации к изменениям внешней среды. Сделан вывод о том, что развитие СМАРТ-контроллинга требует комплексного подхода, включающего совершенствование информационной инфраструктуры, повышение квалификации персонала и адаптацию организационных процессов к условиям цифровой экономики.

Ключевые слова: автоматизация управления, анализ данных, контроллинг, принятие решений, финансово-бюджетная сфера, цифровые технологии.

MAKAROV Daniil Romanovich
postgraduate student, Moscow Financial and Law University

ON THE ISSUE OF ELECTRONIC SMART CONTROLLING IN THE FINANCIAL AND BUDGETARY SPHERE: THEORETICAL AND LEGAL ASPECT

The article is devoted to the study of the essence and features of the application of SMART controlling in modern management practice. The relevance of the topic is due to the need to improve management efficiency in the context of digital transformation and increasing complexity of organizational processes. The purpose of the study is to reveal the content of the concept of SMART controlling, to determine its functionality and to justify the feasibility of implementation in the management system of the organization.

The methodological basis of the research consists of general scientific methods of cognition, including analysis, synthesis, generalization and a systematic approach, as well as special methods of management and economic analysis. The work uses elements of comparative analysis to compare traditional approaches to controlling with modern digital models, as well as the method of structural and functional analysis to identify the key components of SMART controlling.

The objectives of the study are to define the concept and main characteristics of SMART controlling; to identify its distinctive features from classical controlling models; to analyze the tools and technologies underlying it; to assess the impact of SMART controlling on the effectiveness of management decisions.

As a result, it has been established that SMART controlling is an integrated management system based on the use of digital technologies, analytical tools and automated data processing systems. It provides operational monitoring of performance indicators, decision support, and increased transparency of business processes. It is proved that the introduction of SMART controlling helps to optimize resources, reduce management risks and increase the adaptability of the organization to changes in the external environment. It is concluded that the development of SMART controlling requires an integrated approach, including the improvement of information infrastructure, staff training and the adaptation of organizational processes to the conditions of the digital economy.

Keywords: automation of management, data analysis, controlling, decision-making, financial and budgetary sphere, digital technologies.

Постановка проблемы

Следует акцентировать внимание на том, что реализуемая в настоящее время государственная политика Российской Федерации в глобальной перспективе нацелена на цифровую трансформацию, фундаментом которой являются:

– автоматизация большей части транзакций в рамках единых отраслевых цифровых платформ;

– создание такой модели управления, которая бы основывалась на данных, полученных с учетом ускоренного внедрения технологий обработки больших объемов информации, машинного обучения и искусственного интеллекта[1].

1 О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 год: Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 // Российская газета. – 22.07.2020. – № 159; О Стратегии раз-

Это обстоятаельство предполагает необходимость поиска и реализации новых методологических подходов и соответствующего правового инструментария, целевой направленностью которых выступает модернизация различных сфер государственной деятельности, в том числе в части, касающейся бюджетного процесса.

Изложенное актуализирует вопросы, рассматриваемые в настоящей статье, цель которой состоит в изучении содержания электронного СМАРТ-контроллинга в финансово-бюджетной сфере как междисциплинарной категории, применяемой в области права и государственного управления.

Результаты

Цифровизация, происходящая в Российской Федерации, напрямую отразилась на процессах, составляющих общее содержание контроллинга. Они стали автоматизированными, сформировали, по сути, новую систему технологий оперативного взаимодействия и получили название СМАРТ-контроллинга. С 2022 г. ее функционал начал активно внедряться и в сферу государственных финансов (Министерство финансов Российской Федерации, Федеральное казначейство) с утверждением ведомственного проекта «Электронный СМАРТ-контроль (контроллинг) и учёт государственных финансов для управленческих решений»)[2]. В данном правовом акте для указанных ведомств в качестве приоритета определена переориентация осуществляемого контроля с последующего на превентивный, а также применение риск-ориентированного подхода при планировании и осуществлении контроля в финансово-бюджетной сфере. Содержательные этапы данной программы утверждены планом деятельности Министерства финансов РФ на 2023-2028 годы[3].

Вместе с тем, следует акцентировать внимание, что в принятых локальных нормативных правовых актах Министерства финансов РФ используются разные термины, имеющие, по сути, одинаковое содержание,– «электронный СМАРТ – контроль», «электронный СМАРТ – контроль (контроллинг), определяющиеся как единая электронная система формирования данных учета и отчетности государственных финансов. Анализ Бюджетного кодекса РФ показывает, что законодатель вообще отказался от применения понятия «контроллинг» и ввел в правовое поле равнозначную категорию – «контрольный мониторинг». Последний, исходя из п. 7 ст. 267.1 БК РФ, представляет собой взаимодействие Федерального казначейства и объектов контроля, направленное на обеспечение выполнения им положений правовых актов, в том числе требований и рекомендаций по их соблюдению, а также условий договоров и государственных контрактов[4].

Изложенное позволяет утверждать, что на сегодняшний день, помимо наличия традиционной сложившейся системы государственного (муниципального) финансового контроля, в РФ активно развиваются процессы интеграции инструментов электронного СМАРТ-контроллинга. Ход и предварительные результаты данных процессов в научной среде оцениваются по-разному. Однако, большая часть исследователей (А. О. Бурякова, А. В. Варнавский [1, с. 98-114], В. С. Гниздыло [2, с. 105-111], Д. В. Горохова [3, с. 105-111] и др.) выражает единое мнение о востребованности реализуемых инноваций.

Среди факторов, которые предопределили необходимость внедрения системы электронного СМАРТ-контроллинга в сфере бюджетных финансов можно выделить следующие:

– внедрение риск-ориентированных подходов к контрольной деятельности. Данное обстоятельство предполагает обработку большего объёма сведений об объектах контроля, в том числе выявления потенциально возможных угроз и нарушений финансового законодательства. Последнее как справедливо отмечают некоторые исследователи [4, с. 68] и др. диктуют необходимость создания единой электронной системы данных учёта и отчётности государственных финансов. Это позволит также снизить административную нагрузку за счёт комплексного электронного документооборота и невидимого присутствия «цифрового» контролёра;

– усиление предупредительной функции государственного финансового контроля. Направленность указанных манипуляций призвана способствовать повышению прозрачности и обоснованности бюджетных ассигнований;

– оцифровка системы государственного управления и экономики.

В официальных документах, а также публичных выступлениях ведущих экспертов понятия «контроллинга» и «СМАРТ-контроллинга», зачастую, смешивают в единое целое [5]. Однако, с этим нельзя согласиться. СМАРТ – контроль предполагает именно цифровое взаимодействие между основными субъектами и объектами контроля. Основными его характеризующими составляющими являются:

– цифровой формат, способствующий ясности контроля, в том числе в сфере государственных финансов, и, как следствие, снижению коррупционных рисков;

– целевая ориентация на превенцию ситуаций, которые могут негативно повлиять на конечные результаты деятельности, особенно в случае осуществления финансовых и иных хозяйственных операций, потенциально содержащих в себе риски их срыва [6, с. 31].

Изложенное выше формирует обоснованный вывод о том, что залогом повышения высокой результативности применения электронного СМАРТ-контроллинга в управлении государственными финансами является наличие

вития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы: Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 // Официальный сайт Президента России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/ (дата обращения: 10.01.2026).

2 Ведомственный проект «Электронный СМАРТ-контроль (контроллинг) и учёт государственных финансов для управленческих решений». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://minfin.gov.ru/ru/perfomance/projects/electronic_SMART_control (дата обращения: 15.03.2026).

3 План деятельности Министерства финансов Российской Федерации на 2023-2028 годы (утв. Минфином России 09.11.2023) // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_462116/ (дата обращения: 15.03.2026).

4 Бюджетный кодекс Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_462116/ (дата обращения: 15.03.2026).

следующих функциональных составляющих данной системы:

– накопление и систематизация объективной информации о деятельности учреждения (организации) за конкретный временной промежуток, облеченной в цифровой формат;

– проактивное реагирование на сложившуюся ситуацию путем предотвращения или минимизации возможных рисков на основе проведенного анализа указанных выше сведений.

Обобщение имеющихся в научной литературе точек зрения на понятие и содержание электронного СМАРТ – контроллинга в государственном секторе позволяет утверждать, что СМАРТ – контроллинг представляет собой автоматизированную систему, назначением которой является контрольная деятельность уполномоченных на то субъектов по достижению поставленных целей в сфере государственного управления, предполагающая:

– мониторинг массива оперативной информации о факторах внутренней и внешней среды, осуществляемый с помощью цифровых инструментов посредством их хранения, систематизации и обработки;

– оперативное реагирование на сложившуюся ситуацию путем принятия на этой основе управленческих решений, позволяющих достичь эффективного результата в достижении поставленной цели и реализуемых задач. При этом должны учитываться специфика отрасли и возможные риски.

Исходя из назначения данной системы и тех процессуальных манипуляций, которые составляют содержание ее деятельности, можно говорить о такой ее составляющей как многофункциональность. На примере государственных финансов это выражается в глобальной автоматизации бизнес – процессов. Последнее обстоятельство позволяет специально уполномоченным субъектам:

– контролировать правильность заполнения первичных учетных документов, имеющуюся задолженность, осуществляя мониторинг учетных данных в режиме онлайн;

– выявлять рисковые финансовые операции;

– давать позитивную либо негативную прогнозную оценку развития ситуации;

– принимать оперативные меры по предупреждению или устранению возможных нарушений при осуществлении финансово-хозяйственной деятельности.

Логично, что мобильность информационной системы, накапливающей и учитывающий необходимый массив данных для проверяющего, позволяет последнему воссоздать объективную картину сложившегося положения и предопределяет большую степень для маневра по выработке необходимых мер для предотвращения негативных последствий. Здесь же имеет место и наличие более высокой степени оперативного взаимодействия контролера и представителей объекта, который он проверяет.

Таким образом, на современном этапе смарт-контроллинг в финансово-бюджетной сфере как категория используется преимущественно в государственном управлении, при этом как правовой термин практически не применяется. Что обуславливает необходимость развития финансово-правового регулирования данного понятия. В ходе проведенного исследования установлено, что СМАРТ-контроллинг представляет собой качественно новую форму организации контрольной деятельности, основанную на цифровых технологиях, автоматизированной обработке данных и использовании алгоритмов анализа и прогнозирования. Его внедрение свидетельствует о переходе от традиционной модели постфактум-контроля к превентивной системе управления, ориентированной на предупреждение рисков и повышение эффективности бюджетных процессов.

Пристатейный библиографический список

1. Бурякова А. О., Варнавский А. В. Цифровизация деятельности Счетной палаты Российской Федерации // Управленческие науки. – 2019. – № 4. – С. 98-114.
2. Гниздыло В. С. Концепция развития государственного СМАРТ-контроля // Управленческий учет. – 2023. – № 9. – С. 105-111.
3. Горохова Д. В. СМАРТ – контроллинг в государственных учреждениях как инструмент управления государственными финансами// Сибирская финансовая школа. – 2022. – № 4 (148). – С. 25-33.
4. Зуева А. С. К вопросу о формировании системы Смарт-контроля в финансово-бюджетной сфере // Правовая информатика. – 2024. – № 4. – С. 68. 67-72.
5. Остроушко А. В. Предупреждающий СМАРТ-контроль: прорывная инновация или нерешенные правовые проблемы // Международный правовой курьер. Электронное сетевое издание. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://inter-legal.ru/o-zhurnale (дата обращения: 21.03.2026).
6. Исаев Э. А. Курс на цифровизацию аналитических полномочий Казначейства России // Бюджет. – 2023. – № 5. – С.31-33.

КРОТОВА Дарья Михайловна
аспирант, Байкальский государственный университет; помощник судьи Арбитражного суда Иркутской области, г. Иркутск

Кротова Д. М.

СУБСИДИИ: ПРОБЛЕМЫ ДУАЛИЗМА В БЮДЖЕТНОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена комплексному анализу правового института бюджетного субсидирования как многомерного явления, находящегося на пересечении публичных и частных интересов в системе межбюджетных отношений. Автор указывает на двойственность закрепленного в статьях 78 и 132 Бюджетного кодекса Российской Федерации субсидирования: с одной стороны, это инструмент софинансирования расходных обязательств регионов, с другой – механизм прямой государственной поддержки хозяйствующих субъектов. Отсутствие легального определения субсидии в действующей редакции Бюджетного кодекса РФ, в отличие от ранее существовавших нормативных актов, квалифицируется как фактор, порождающий правовую неопределенность и риски нецелевого использования средств. На основе выделения сущностных признаков субсидирования обосновывается дискуссионный, но логически непротиворечивый тезис о единстве правового института субсидий.

Ключевые слова: субсидии, бюджетное право, межбюджетные трансферты, безвозмездность, целевое использование, бюджетные средства, публичные и частные интересы, софинансирование.

KROTOVA Darya Mikhailovna
postgraduate student, Baikal State University; Assistant Judge of the Arbitration Court of the Irkutsk region, Irkutsk

SUBSIDIES: PROBLEMS OF DUALISM IN THE RUSSIAN FEDERATION'S FISCAL LAW

The article is devoted to a comprehensive analysis of the legal institution of budget subsidies as a multidimensional phenomenon that lies at the intersection of public and private interests in the system of interbudgetary relations. The author points out the duality of subsidies enshrined in Articles 78 and 132 of the Budget Code of the Russian Federation: on the one hand, they are a tool for co-financing the expenditures of regions, and on the other hand, they are a mechanism for direct state support of economic entities. The absence of a legal definition of subsidies in the current version of the Budget Code of the Russian Federation, unlike previous regulations, is considered a factor that creates legal uncertainty and risks of misappropriation of funds. Based on the identification of the essential features of subsidies, a controversial but logically consistent thesis is substantiated about the unity of the legal institution of subsidies.

Keywords: subsidies, budgetary law, interbudgetary transfers, gratuitousness, targeted use, budget funds, public and private interests, co-financing.

В современной государственной бюджетной политике одну из ключевых ролей играют межбюджетные трансферты, которые направлены на поддержание и укрепление бюджетов регионов, муниципальных образований, а также бюджетной системы РФ в целом.

Как отмечают некоторые ученые, бюджетные расходы в форме трансфертов выступают ключевым элементом, который обеспечивает устойчивое социально-экономическое развитие и который создает условия для экономического роста страны [3].

Законодатель в статье 6 Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее – БК РФ) дает четкое и емкое определение понятию «межбюджетные трансферты». Так, межбюджетные трансферты представляют собой финансовые средства, которые перечисляются из одного бюджета бюджетной системы РФ в пользу другого бюджета той же системы[1].

Формы межбюджетных трансфертов законодательно закреплены в статье 129 и главе 16 БК РФ и подразделяются на дотации, субсидии, субвенции, другие межбюджетные трансферты и межбюджетные трансферты, которые предоставляются бюджетам государственных внебюджетных фондов, например, фонду обязательного медицинского страхования.

В соответствии с закрепленными формами межбюджетных трансфертов классификация межбюджетных отношений включает в себя следующие подгруппы: отношения, возникающие при предоставлении дотаций, субсидий, субвенций и иных форм [1].

В статье 6 БК РФ дается легальное определение понятию «дотации». Согласно приведенной статье дотации представляют собой разновидность межбюджетных трансфертов, предоставляемых из одного бюджета бюджетной системы РФ другому бюджету на безвозмездной и безвозвратной основе без закрепления за ними конкретных направлений расходования[2].

В действующем законодательстве отсутствует закрепленное определение понятия «субвенции». Вместе с тем, некоторые ученые, например, Болтинова О.В., полагают, что под субвенциями принято понимать разновидность бюджетного трансферта, который предоставляется уполномоченным органом из одного бюджета бюджетной системы Российской Федерации другому бюджету. Целью предоставления субвенции выступает финансовое обеспечение расходных обязательств, которые возникают при выполнении полномочий Российской Федерации либо субъекта Российской Федерации в установленном порядке [2].

Еще одной формой межбюджетных трансфертов выступают субсидии. При этом в настоящее время в БК РФ также не дано легальное определение понятия «субсидия».

1 Бюджетный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.1998. № 145-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 31. – Ст. 3823.

2 Бюджетный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.1998. № 145-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 31. – Ст. 3823.

Приказом Минфина РФ от 11.12.2002 №127н «Об утверждении Указаний о порядке применения бюджетной классификации Российской Федерации», утратившим силу с 01.01.2005 в связи с изданием Приказа Минфина РФ от 10.12.2004 №114н, было дано определение понятию «субсидия». Так, субсидия – это «бюджетные средства, предоставляемые бюджету другого уровня бюджетной системы Российской Федерации, физическому или юридическому лицу на условиях долевого финансирования целевых расходов»[3].

Аналогичное определение понятия «субсидия» было закреплено в первоначальной редакции БК РФ от 31.07.1998.

Однако действующая редакция БК РФ не содержит легального определения понятия «субсидия».

Вместе с тем, представляется, что БК РФ рассматривает субсидии как межбюджетные трансферты, так и как меры государственной поддержки хозяйствующим субъектам.

Исходя из приведенных определений понятия «субсидия», можно выделить следующие существенные признаки субсидий.

Во-первых, предоставление субсидии носит целевой характер. Указанный признак предопределяет необходимость контроля за использованием бюджетных средств, а также возможность возврата при нецелевом использовании денежных средств.

Во-вторых, при предоставлении субсидии должен соблюдаться принцип долевого финансирования (софинансирования). При этом действующее законодательство не содержит запрета на 100% софинансирование.

Третьим признаком субсидии является безвозмездность и безвозвратность предоставления, то есть субсидия не требует последующего возврата полученных средств при условии их целевого использования. Однако в случае нецелевого использования бюджетных средств или нарушения условий предоставления субсидии денежные средства подлежат возвращению в соответствующий бюджет в соответствии с положениями статьи 306.4 БК РФ.

В качестве четвертого признака субсидирования можно выделить предоставление денежных средств в строго определенных законом (решением) о бюджете формах и порядке, которые установлены нормативными правовыми актами соответствующего уровня.

На сегодняшний день правовой институт бюджетного субсидирования – это не просто востребованный рынком механизм, а один из главных инструментов, без которого рынок не может функционировать. Особенность института субсидирования состоит в том, что он одновременно обслуживает публичные и частные интересы, которые не всегда совпадают [4].

С одной стороны, статья 132 БК РФ определяет субсидии как межбюджетные трансферты федерального бюджета, которые предоставляются бюджетам субъектов Российской Федерации, имеющие целевым назначением софинансирование расходных обязательств региональных органов власти, возникающих при реализации их полномочий.

В то же время, с другой стороны, субсидиарный механизм активно используется и при выделении бюджетных ассигнований юридическим и физическим лицам.

Так, в соответствии с положениями статьи 78 БК РФ субсидии, выделяемые юридическим лицам, кроме государственных и муниципальных учреждений, индивидуальным предпринимателям и физическим лицам – производителям товаров, работ и услуг, предоставляются безвозмездно и безвозвратно. Целью предоставления субсидии хозяйствующим субъектам выступает компенсация недополученных доходов либо возмещение (финансовое обеспечение) затрат, связанных с производство продукции, выполнением работ или оказанием услуг. Существуют и иные виды субсидий, имеющие аналогичные признаки.

Такая двойственность порождает в науке бюджетного права дискуссионный вопрос: возможно ли говорить о едином правовом институте субсидий или необходимо выделять две различные юридические конструкции, объединенные общим термином?

Представляется обоснованным вариант о том, что единая правовая сущность проявляется в разных формах в зависимости от уровня бюджетной системы. И в первом, и во втором случае обнаруживаются одни и те же сущностные черты, такие как целевой характер, долевое финансирование (софинансирование), безвозмездность. Различия субсидий, предусмотренных статьями 78 и 132 БК РФ, сводятся лишь к субъективному составу: бюджетные средства могут поступать как в распоряжение публично-правовых образований, так и в пользу частных лиц.

Вместе с тем, видится, что с целью повышения эффективности предоставления субсидий как бюджетов иных уровней бюджетной системы, так и юридическим (физическим) лицам, индивидуальным предпринимателям, а также с целью уменьшения и дальнейшего недопущения нецелевого использования бюджетных средств требуется законодательно закрепить определение понятия «субсидии», а также разработать единый стандарт правового регулирования процедур предоставления субсидий.

Так, при отожествлении законодателем понятия субсидирования бюджетам бюджетной системы Российской Федерации и понятия субсидирования хозяйствующим субъектам, правовое регулирование отношений по предоставлению таких субсидий, по контролю их целевого использования также должно будет претерпеть изменения.

Учитывая изложенное, можно прийти к выводу, что институт субсидий занимает особое место в системе бюджетных отношений. Выделенные признаки, такие как целевой характер, долевое финансирование, безвозмездность и строго регламентированный порядок предоставления бюджетных средств, показывают, что субсидирование является не простой передаче денежных средств, а является сложным механизмом со встроенными элементами контроля и ответственности.

Кроме того, представляется, что дискуссионная, но обоснованная позиция о единстве правового института субсидий имеет место быть. Так, различия между субсидиями по статье 78 БК РФ и статье 132 БК РФ носят не сущностный, а субъектный характер. В обоих случаях присутствует как публичный интерес, такой как стимулирование определенной деятельности, так и частный интерес, например, в получении финансирования.

Указанное свидетельствует об универсальности такого инструмента бюджетной деятельности как субсидирование.

При этом субсидиарный механизм одновременно обеспечивает связанность нижестоящих бюджетов федеральной политикой посредством условий софинансирования, а также позволяет государству точечно поддерживать предпринимательский сектор и хозяйствующих субъектов в целом, не нарушая принципов безвозмездности и возвратности.

Обобщая изложенное, можно констатировать, что правовой институт бюджетного субсидирования выступает в качестве одного из ведущих драйверов, обеспечивающих балансирование публичных и частных интересов в условиях функционирования современной рыночной экономики.

Пристатейный библиографический список

1. Белогорцева Х. В. Бюджетное право России: учебник / Х. В. Пешкова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: ИНФРА-М, 2026. – 404 с. – (Высшее образование). – DOI 10.12737/2188755. – ISBN 978-5-16-020712-4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://znanium.ru/catalog/product/2188755.
2. Болтинова О. В. Бюджетное право: учебное пособие для магистратуры / О. В. Болтинова. – 4-е изд., пересмотр. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. – 260 с. – DOI 10.12737/1981562. – ISBN 978-5-00156-295-5. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://znanium.ru/catalog/product/1981562.
3. Гаджиев Н. Г., Нюхня И. В., Коноваленко С. А. Роль межбюджетных трансфертов в социально-экономическом развитии страны и регионов // Вестник АГТУ. Серия: Экономика. – 2025. – № 1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-mezhbyudzhetnyh-transfertov-v-sotsialno-ekonomicheskom-razvitii-strany-i-regionov.
4. Поветкина Н. А., Леднева Ю. В. Бюджетные субсидии: конфликт публичного и частного // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2023. – № 1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/byudzhetnye-subsidii-konflikt-publichnogo-i-chastnogo.

3 Приказ Минфина РФ от 11.12.2002 № 127н «Об утверждении Указаний о порядке применения бюджетной классификации Российской Федерации» // «Финансовая газета». – № 23. – 2003 (Приказ).

DOI 10.46320/2073-4506-2026-4-215-310-313

ФАРИКОВА Екатерина Александровна
кандидат юридических наук, доцент кафедры административного, финансового права и экономики, Северо-Кавказский филиал, Российской государственный университет правосудия им. В. М. Лебедева, г. Краснодар

ОПРЫШКО Елена Леонидовна
кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры административного, финансового права и экономики, Северо-Кавказский филиал, Российской государственный университет правосудия им. В. М. Лебедева, г. Краснодар

Фарикова Е. А.

Опрышко Е. Л.

НАЛОГОВОЕ ПРАВОНАРУШЕНИЕ КАК ОСНОВАНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В статье рассмотрены научные подходы к определению понятия и признаков налогового правонарушения с позиции общей теории права, науки налогового, административно-деликтного и уголовного права. В исследовании обосновывается межотраслевой характер и широкий подход к определению понятия и признаков налогового правонарушения как основания для налоговой, административной и уголовной ответственности. На основе законодательства, актов официального толкования и доктринальных подходов уточнены общие признаки налоговых правонарушений, исследованы их различия, обусловленные отраслевыми характеристиками соответствующих видов юридической ответственности.

Ключевые слова: налоговое право, налоговые правонарушения, юридическая ответственность, налоговая ответственность, административные правонарушения, налоговые преступления.

FARIKOVA Ekaterina Alexandrovna
Ph.D. in Law, associate professor of Administrative, financial law and economics sub-faculty, North-Caucasian Branch, V. M. Lebedev Russian State University of Justice

OPRISHKO Elena Leonidovna
Ph.D. in economical sciences, associate professor, associate professor of Administrative, financial law and economics sub-faculty, North-Caucasian Branch, V. M. Lebedev Russian State University of Justice

TAX OFFENSE AS A BASIS FOR LEGAL LIABILITY

The article examines scientific approaches to defining the concept and features of a tax offense from the perspective of general legal theory, tax law, administrative tort law, and criminal law. The study substantiates the interdisciplinary nature and broad approach to defining the concept and features of a tax offense as a basis for tax, administrative, and criminal liability. Based on legislation, acts of official interpretation, and doctrinal approaches, the article clarifies the general features of tax offenses and explores their differences based on the sectoral characteristics of the corresponding types of legal liability.

Keywords: tax law, tax offenses, legal liability, tax responsibility, administrative offenses, tax crimes.

Современные условия развития российской экономики требуют, с одной стороны, повышения эффективности имеющихся механизмов финансового контроля со стороны правоприменителя, с другой стороны, принятия оперативных и соответствующих актуальным условиям решений о внесении изменений в законодательство, регулирующее отношения в сфере финансов. Традиционно для экономики Российской Федерации значимую долю ненефтегазовых доходов бюджета составляют налоги, сборы и страховые взносы – обязательные платежи, взимаемые в соответствии с НК РФ. Согласно статистическим данным, по итогам 2025 г. ФНС России перечислила в бюджет 61,2 трлн рублей (46,3 трлн рублей налогов в консолидированный бюджет и 14,9 трлн рублей страховых взносов в государственные внебюджетные фонды), что на 8,8 % (или 4,9 трлн) больше, чем годом ранее[1]. Основной причиной увеличения налоговых поступлений является изменение налоговой системы, которое наблюдается в последние годы: повышение общей ставки налога на прибыль организаций, реализация прогрессивной шкалы НДФЛ, увеличение поступлений налога с процентов по банковским вкладам ввиду высокой ключевой ставки ЦБ РФ и пр.

Эффективность налоговой системы обеспечивается средствами налогового контроля и такого его направления, как привлечение виновных лиц к ответственности за нарушение законодательства о налогах и сборах. Юридическая ответственность за совершение налоговых правонарушений – это межотраслевой институт, который регулируется нормами как налогового права, так и административно-деликтного и уголовного. Понятие «налоговое правонарушение» рассматривается либо в широком, либо в узком смысле.

Понятие налогового правонарушения в узком значении представлено в ст. 106 НК РФ, при таком подходе совершение налогового правонарушения является основанием только

1 Российская газета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rg.ru/2026/05/04/fns-postupleniia-v-biudzhet-za-2025-god-prevysili-61-trillion-rublej.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 06.05.2026).

для налоговой ответственности, выражающейся в применении финансовых санкций к правонарушителю [16, с. 46].

В широком смысле налоговое правонарушение рассматривается как основание не только налоговой, но и других видов юридической ответственности: административной и уголовной [6, с. 149].

Полагаем, налоговое правонарушение можно рассматривать в широком смысле, как основание нескольких видов юридической ответственности, ввиду следующих обстоятельств. Прежде всего, понятие «правонарушение» в общей теории права считается родовым по отношению к проступкам и преступлениям [15, с. 526], которые разграничиваются по признаку общественной опасности и являются основанием для юридической ответственности в целом. Отраслевые или иные специфические признаки разных по содержанию правонарушений не исключают единства их юридической природы, поэтому «налоговые правонарушения» – это все еще «правонарушения», в которых подчеркивается особый объект посягательства и уточняется признак противоправности. По тем же причинам в доктрине уголовного права используется собирательное понятие «налоговые преступления» [13, с. 18], к которым отнесены деяния, связанные с неисполнением обязанности исчисления и перечисления обязательных платежей в бюджет, предусмотренной законодательством о налогах и сборах. Это не означает, что за совершение таких преступлений предусмотрена особая «налоговая уголовная» ответственность, здесь лишь обозначены групповые признаки преступлений, которые связаны именно с нарушением законодательства о налогах и сборах при наличии соответствующих криминообразующих признаков. Аналогичным образом в науке рассматриваются так называемые коррупционные правонарушения [8, с. 26], под которыми подразумеваются преступления, административные правонарушения, дисциплинарные проступки.

В то же время отметим, что в случае с налоговыми правонарушениями, помимо административной и уголовной, предусмотрена конкретно налоговая ответственность, по своей природе являющаяся финансово-правовой. Иными словами, понятие «налоговые правонарушения» охватывают целую систему правонарушений, за совершение которых предусмотрена либо налоговая, либо административная, либо уголовная ответственность. С таких позиций общим признаком налоговых правонарушений является специфическое содержание противоправности, поскольку юридическим основанием для привлечения виновного к ответственности во всех случаях первично являются нормы НК РФ.

Основанием для налоговой ответственности выступают положения НК РФ (гл. 16, 18), которые закрепляют составы соответствующих налоговых правонарушений. Что касается административной ответственности, то статьи гл. 15 КоАП РФ, предусматривающие ответственность за совершение правонарушений в области налогов и сборов, содержат бланкетные нормы, отсылающие к налоговому законодательству. Например, установление признаков нарушения срока представления в налоговый орган информации об открытии или о закрытии счета в банке (ст. 15.4 КоАП РФ) осуществляется исходя из срока, предусмотренного ч. 1.1 ст. 86 НК РФ; непредставление в установленный срок в налоговые органы оформленных в установленном порядке сведений, необходимых для осуществления налогового контроля, (ч. 1 ст. 15.6 КоАП РФ) также квалифицируется на основании норм НК РФ, устанавливающих соответствующие сроки, перечень сведений и требований к ним. Признаки налогового преступления, например, уклонения физического лица от уплаты налогов, сборов, страховых взносов путем непредставления обязательных документов или включения в них заведомо ложных сведений (ч. 1 ст. 198 УК РФ), определяются на основе положений НК РФ, которые закрепляют соответствующие налоговые обязанности физических лиц, регламентируют порядок предоставления документов, необходимых для реализации налогообложения в зависимости от разновидности налога, сбора и страхового взноса. Таким образом, признак противоправности налогового правонарушения целесообразно понимать в широком смысле – как нарушение норм, во-первых, законодательства о налогах и сборах, во-вторых, законодательства об административных правонарушениях или уголовного законодательства, в зависимости от конкретной разновидности правонарушения и соответствующей ему юридической ответственности.

Исходя из сказанного, объектом налоговых правонарушений выступают общественные отношения, охраняемые законом, складывающиеся в связи с надлежащим исполнением обязанности физических лиц и организаций по уплате обязательных платежей в соответствии с законодательством о налогах и сборах. В данном ключе необходимо отметить, что предметом налоговых правонарушений выступают не только собственно налоги, но и иные обязательные платежи. Поэтому рассматриваемые правонарушения хотя и именуются «налоговыми», такое наименование условно.

Во-первых, между собой различаются налоги и сборы. В науке выделяют следующие признаки, по которым различаются указанные платежи: индивидуальная безвозмездность налога, и возмездность сбора; финансово-правовая цель сбора и нецелевой характер налога; систематический характер налога и предварительная одномоментная уплата сбора; экономическое овеществленное основание налога [9, с. 40-43]. Исчерпывающий перечень налогов и сборов представлен в НК РФ, по этим причинам другие платежи, которые могут отражать в своем наименовании понятие «сбор», не относятся к сборам в смысле НК РФ и не составляют предмет налогового правонарушения. Например, утилизационный сбор в отношении ввозимых на территорию России транспортных средств предусмотрен ст. 24.1 Федерального закона от 24.06.1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления», а НК РФ не установлен, поэтому не относится к налоговым платежам и не может быть предметом налогового правонарушения.

Во-вторых, от других обязательных платежей следует отличать страховые взносы. Обязанность их уплаты регулируется как гл. 34 НК РФ, так и специальными законами о конкретных видах обязательного страхования. Тем не менее, в науке юридическая природа страховых взносов определяется не одинаково. По мнению В. В. Воинова, страховой взнос по своей природе – это целевой налог [4, с. 37]. А.В. Осипова считает, что страховые взносы представляют собой особый вид обязательных платежей, имеющих страховую природу [14, с. 221], т.е. не относятся к налогам, а представляют собой специфическую самостоятельную группу обязательных платежей, регулируемых в том числе НК РФ. Ученых, придерживающихся второго подхода, в настоящее время большинство. Мы также солидарны с указанной позицией, поскольку страховые взносы характеризуются особыми признаками, основательно отличающими их от налогов и сборов. Е.К. Широкова к отличительным чертам страховых взносов относит следующие: выгодоприобретателем выступает физическое лицо или организация, а не государство; участниками отно-

шений являются страховщик, страхователь и застрахованное лицо, а не государство и плательщик взноса; страховые взносы имеют целевую направленность и возмездный характер, они зачисляются в бюджет государственных внебюджетных фондов, выполняют обеспечительную функцию, а не фискальную [17, с. 12-13].

Учитывая сказанное, исследуемые в настоящей статье правонарушения можно условно, для удобства терминологии, именовать налоговыми, но иметь в виду, что они охватывают более широкую по объему совокупность правоотношений, связанных с исчислением и уплатой не только налогов, но и сборов и страховых взносов.

К числу дискуссионных относится вопрос о таком признаке налогового правонарушения, как общественная опасность. Следует начать с того, что в теории права указанный признак по-разному определяется в отношении правонарушений в целом. В. С. Бялт относит признак общественной опасности к любому правонарушению [2, с. 72]. В. В. Лазарев и С. В. Липень уточняют, что в сравнении с преступлениями, другие правонарушения характеризуются меньшей степенью общественной опасности [10, с. 347].

Согласно другой, противоположной точке зрения, общественная опасность – это единственная категория, на основе которой возможно провести четкое разграничение уголовных и иных правонарушений. Иными словами, общественную опасность методологически правильно рассматривать исключительно в качестве признака преступления [5, с. 17].

Третий подход отражает интегративную концепцию: общественная опасность рассматривается в узком смысле как отличительный признак преступления, а в широком смысле – как материальное свойство любого правонарушения [12, с. 20].

В науке налогового права отражаются такие же теоретические подходы. Д. Г. Вигдорчик обосновывает общественную опасность налоговых правонарушений, поскольку они посягают на финансовую систему, финансовую стабильность и финансовую безопасность государства [3, с. 11]. Отметим, что авторы, рассматривающие налоговые правонарушения в узком смысле, т.е. как основание для налоговой ответственности, также отмечают признак их общественной опасности [1, с. 8].

Другие ученые считают, что в некоторых случаях общественная опасность может характеризовать налоговые правонарушения (в смысле НК РФ) и налоговые преступления, когда деяние содержит признаки одновременно двух указанных правонарушений [18, с. 10].

Наконец, многие авторы относят к признакам налогового правонарушения их общественную вредность [11, с. 8]. Это качественно иная категория, которая означает, что правонарушение причиняет вред или создает угрозу причинения вреда охраняемым общественным отношениям, но не всегда характеризуется общественной опасностью. Представляется, общим признаком налоговых правонарушений выступает их общественная вредность, которая только в отношении налоговых преступлений преобразуется в общественную опасность. Данный вывод основан, во-первых, на законодательных дефинициях соответствующих видов правонарушений. Признак общественной опасности сформулирован законодателем только в отношении преступления, в ч. 1 ст. 14 УК РФ. Для сравнения, в ч. 1 ст. 2.1 КоАП РФ указание на такой признак административного правонарушения отсутствует, равно как и в ст. 106 НК РФ относительно налогового правонарушения. Во-вторых, общественная опасность рассматривается правоприменителем в качестве специфической характеристики преступления. Как разъяснил Конституционный Суд РФ, уголовный закон выражает меру опасности в обобщенной условной оценке, которую деяние получает в представлениях и решениях субъектов законодательной деятельности[2]. В-третьих, в основу общественной опасности положен вред, поэтому ее можно считать крайней формой общественной вредности правонарушения. Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ[3], вред, причиненный преступлением, является критерием для определения характера общественной опасности преступления.

Общим признаком налоговых правонарушений также выступает виновность, которая предполагает наличие вины в совершении деяния как обязательного элемента состава правонарушения. В зависимости от отраслевой разновидности налогового правонарушения, формы вины могут быть разными. В силу ст. 106 НК РФ, налоговое правонарушение как основание налоговой ответственности может быть совершено умышленно или по неосторожности. Аналогичным образом характеризуются административные правонарушения в области налогов и сборов. Что касается налоговых преступлений, то, учитывая содержание криминообразующих признаков, в науке обоснованно констатируется только умышленная форма вины [7, с. 20].

Кроме того, нельзя не отметить, что разнятся и субъекты налоговых правонарушений при применении мер соответствующей разновидности юридической ответственности. В силу ч. 1 ст. 107 НК РФ, субъектами налоговых правонарушений являются физические лица и организации. Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, привлечению к ответственности за выявленные налоговые правонарушения подлежат как организации, так и физические лица независимо от приобретения либо утраты ими специального правового статуса[4]. Субъектами административных правонарушений в области налогов и сборов выступают граждане, должностные лица и юридические лица. В свою очередь, субъектами преступлений могут быть только физические лица, что следует из традиционной концепции признаков и состава преступления по российскому уголовному законодательству.

Ответственность юридических лиц отличается от ответственности физических лиц в любой отрасли публичного права. Основное различие кроется в определении содержания и форм вины юридического лица, т.е. в субъективной стороне правонарушения. И если в практике применения законодательства о налоговой ответственности вопрос о вине юридического лица остро, как правило, не стоит, а для уголовного права вовсе не актуален в силу установления от-

2 Постановление Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 г. № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 2.

3 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2.

4 Определение Конституционного Суда РФ от 25.01.2007 г. № 95-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Черемисиной Ольги Николаевны на нарушение ее конституционных прав положениями абзаца первого статьи 87, пункта 1 и 4 статьи 100 и пункта 1 статьи 101 Налогового кодекса Российской Федерации» // Конституционное правосудие в странах СНГ и Балтии. 2007. № 11.

ветственности только в отношении физических лиц, то для административно-деликтного права проблема вины юридического лица является одной из основных и неоднократно становилась объектом исследования Конституционного Суда РФ.

Вина как элемент субъективной стороны обычно определяется как психическое отношение субъекта правонарушения к совершенному деянию и последствиям. Однако такой подход, основанный на психологической концепции вины, применим лишь к физическим лицам. Юридически значимое поведение юридического лица как правовой фикции содержательно состоит из поведенческих актов (действий, бездействия и решений) входящих в его структуру физических лиц (руководителей и работников). Поэтому на практике весьма затруднительно определить вину именно юридического лица, поскольку она лишена собственного предметного содержания. В КоАП РФ выделены, по сути, объективные признаки вины юридического лица, которая состоит, с одной стороны, в наличии возможности соблюдения правил и норм, обусловливающих противоправность административного правонарушения, с другой стороны, в непринятии юридическим лицом всех зависящих мер по их соблюдению (ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ).

Такое понимание вины юридического лица переносит вопрос о его виновности в плоскость доказывания, основанного на конкретных обстоятельствах дела. Причем судебная практика идет по пути ограничения принципа презумпции невиновности в административно-деликтном праве и переносит обязанность доказывания отсутствия вины на юридическое лицо[5].

На основании изложенного следует сформулировать несколько основных выводов. Налоговое правонарушение можно рассматривать в широком смысле, как основание для нескольких видов юридической ответственности, которое охватывает целую систему правонарушений, за совершение которых предусмотрена налоговая, административная или уголовная ответственность. Признак противоправности налогового правонарушения целесообразно понимать в широком смысле – как нарушение норм, во-первых, законодательства о налогах и сборах, во-вторых, законодательства об административных правонарушениях или уголовного законодательства, в зависимости от конкретной разновидности правонарушения и соответствующей ему юридической ответственности. Объектом налоговых правонарушений выступает совокупность общественных отношений, регулируемых и охраняемых правом, складывающихся в сфере реализации обязанности по исчислению и уплате обязательных платежей в форме налогов, сборов и страховых взносов. Общим признаком налоговых правонарушений выступает их общественная вредность, которая только в отношении налоговых преступлений преобразуется в общественную опасность. Также общим признаком налоговых правонарушений можно считать виновность, которая предполагает наличие вины в совершении деяния как обязательного элемента состава правонарушения. В зависимости от отраслевой разновидности налогового правонарушения формы вины и их содержание, в том числе с учетом субъектов правонарушения, могут быть разными. Таким образом, юридическая ответственность за совершение налоговых правонарушений – это сложный межотраслевой институт, который регулируется нормами налогового, административно-деликтного и уголовного права.

5 Постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 23 ноября 2021 г. по делу № 16-6009/2021 // ИПС «Гарант». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://arbitr.garant.ru/#/document/325307678/paragraph/1:0.

Пристатейный библиографический список

1. Бредихина О. А. Государственный контроль налоговых правонарушений в предприятиях перерабатывающей промышленности: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Донецк, 2022. 26 с.
2. Бялт В. С. Теория государства и права: учебник для вузов / 3-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2026. 120 с.
3. Вигдорчик Д. Г. Налоговое правонарушение: правовая характеристика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 27 с.
4. Воинов В. В. Правовая природа страховых взносов на обязательное социальное страхование // Налоговед. 2012. № 3. С. 28-37.
5. Герасимов А. М. Теория уголовного правонарушения: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Саратов, 2022. 56 с.
6. Грошев Я. Д. Характеристика налоговых правонарушений и меры юридической ответственности за налоговые правонарушения // Человек. Социум. Общество. 2022. № 14. С. 149-151.
7. Губко В. А. Вина как признак преступления в сфере экономической деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2025. 28 с.
8. Зимин В. В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты реализации Россией международных антикоррупционных стандартов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 31 с.
9. Колесниченко О. В. Налоговое право: учебное пособие. М.: РИОР, 2023. 206 с.
10. Лазарев В. В., Липень С. В. Теория государства и права: учебник для вузов / 5-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2025. 521 с.
11. Макевнина Д. Ю. Развитие механизма государственного контроля за налоговыми правонарушениями: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Саранск, 2012. 19 с.
12. Николаев А. М. Криминализация общественно опасных деяний, граничащих со сферой административных правонарушений: Основания и направления совершенствования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004. 29 с.
13. Николаева Ж. А. Противодействие налоговым преступлениям: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 30 с.
14. Осипова А. В. Эволюция научных взглядов на правовую природу страховых взносов в Российской Федерации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 3 (62). С. 215-223.
15. Теория государства и права: учебник для вузов / под ред. В. К. Бабаева. – 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2026. 620 с.
16. Фархутдинов Р. Д. Налоговое право: учебник для вузов. – 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2026. 109 с.
17. Широкова Е. К. Страховые взносы в государственные внебюджетные фонды Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2008. 24 с.
18. Юрмашев Р. С. Налоговое правонарушение: теоретико-прикладные проблемы правовой идентификации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 24 с.

ВЕРБОВОЙ Глеб Сергеевич
аспирант кафедры финансового права, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

НАЛОГОВЫЙ МОНИТОРИНГ КАК ЭТАП ЭВОЛЮЦИИ АДМИНИСТРИРОВАНИЯ КРУПНЕЙШИХ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКОВ

В статье анализируется развитие механизмов налогового администрирования крупнейших налогоплательщиков в Российской Федерации. Рассматривается последовательный переход от административно-территориальной модели налогового контроля к специализации налоговых органов по категориям налогоплательщиков и налоговому мониторингу. Обосновывается вывод о том, что налоговый мониторинг является не только формой налогового контроля, но и одним из этапов эволюции специализированного администрирования крупнейших налогоплательщиков. Отдельное внимание уделяется современным тенденциям развития налогового мониторинга на основе международного опыта.
Ключевые слова: крупнейшие налогоплательщики; налоговое администрирование; налоговый контроль; налоговый мониторинг; специализированное администрирование; мотивированное мнение.

VERBOVOY Gleb Sergeevich
postgraduate student of Financial law sub-faculty, O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

TAX MONITORING AS A STAGE IN THE EVOLUTION OF THE ADMINISTRATION OF LARGEST TAXPAYERS

The article analyzes the development of tax administration mechanisms for the largest taxpayers in the Russian Federation. It examines the gradual transition from an administrative-territorial model of tax control to the specialization of tax authorities by categories of taxpayers and to tax monitoring. The article substantiates the conclusion that tax monitoring is not only a form of tax control, but also one of the stages in the evolution of specialized administration of the largest taxpayers. Special attention is paid to current trends in the development of tax monitoring based on international experience.
Keywords: largest taxpayers; tax administration; tax control; tax monitoring; specialized administration; reasoned opinion.

Крупнейшие налогоплательщики занимают особое положение в системе налогового администрирования. Их значение определяется не только существенным объемом налоговых поступлений, на что неоднократно указывают отечественные авторы [5], но и спецификой предпринимательской деятельности, которая, как правило, осложнена межрегиональным и трансграничным характером операций, использованием многоуровневых корпоративных структур, а также наличием внутренних налоговых подразделений и привлечением консалтинговых компаний.

Указанные особенности объективно затрудняют администрирование крупнейших налогоплательщиков по административно-территориального принципу, когда контроль осуществляется обособленными налоговыми инспекциями на определенной территории. Такая модель может быть эффективна при администрировании субъектов малого и среднего предпринимательства, однако применительно к крупному бизнесу она не обеспечивает необходимое качество налогового контроля.

Именно поэтому отечественная система администрирования крупнейших налогоплательщиков прошла последовательные этапы развития от административно-территориальной модели организации налоговых органов к специализации по категориям налогоплательщиков, а также к модели непрерывного информационного взаимодействия в рамках налогового мониторинга.

В этом ключе налоговый мониторинг может рассматриваться как один из этапов эволюции администрирования крупнейших налогоплательщиков. Такой подход обусловлен тем, что первоначально налоговый мониторинг был доступен только организациям, соответствующим высоким пороговым критериям по объему доходов, доле уплаченных налогов и стоимости активов. Кроме того, участники налогового мониторинга подлежат постановке на учет в налоговом органе по крупнейшим налогоплательщикам.

В связи с этим автором предлагается последовательно рассмотреть основные этапы развития отечественной системы налогового администрирования и современные направления его трансформации на основе международного опыта кооперативного комплаенса.

Первый этап, положивший начало созданию трехуровневой системы налоговых органов, начал формироваться в начале 1990-х годов.

Организационная основа была заложена постановлением Совета Министров СССР от 24 января 1990 г. № 76 «О Государственной налоговой службе», которым была создана государственная налоговая служба, включавшая:

1) главную государственную налоговую инспекцию Министерства финансов СССР;

2) государственные налоговые инспекции министерств финансов союзных республик;

3) государственные налоговые инспекции по автономным республикам, краям, областям, автономным областям, автономным округам, районам, городам и районам в городах.

Ключевое значение данного этапа состояло в формировании организационно обособленной системы налоговых инспекций, осуществляющих контроль за соблюдением налогового законодательства, правильностью исчисления, полнотой и своевременностью уплаты налогов и иных обязательных платежей в бюджет.

Именно поэтому первоначальная модель налогового администрирования была построена по принципу административно-территориального подчинения. Такая структура позволяла обеспечить территориальный охват налогоплательщиков в масштабах всего государства и организовать осуществление налогового контроля непосредственно на местах.

Вместе с тем по мере развития отечественного рынка территориальная модель налогового администрирования стала выявлять свои институциональные ограничения в отношении крупнейших налогоплательщиков. Ограниченность такой модели была связана прежде всего со спецификой деятельности крупного бизнеса.

Эксперты Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) указывают, что крупнейшие налогоплательщики требуют особой системы налогового контроля, поскольку администрирование их деятельности обусловлено следующими факторами:

1) сложность предпринимательской деятельности;

2) осуществление международных операций;

3) совершение сделок с взаимозависимыми лицами;

4) использование сложных финансовых и корпоративных структур;

5) применение стратегий минимизации налоговых обязательств;

6) привлечение профессиональных налоговых консультантов и наличие внутренних налоговых подразделений [9].

Таким образом, территориальная модель налогового администрирования выполнила задачу формирования базовой системы налогового контроля на местах. Однако по мере усложнения предпринимательской деятельности и появления налогоплательщиков, имеющих существенное значение для формирования бюджетных доходов и характеризующихся повышенной сложностью деятельности, возникла необходимость перехода к следующему этапу развития налогового администрирования, связанному с выделением крупнейших налогоплательщиков в самостоятельный объект специализированного контроля.

Второй этап развития системы налоговых органов начал формироваться к концу 1990-х годов. В этот период получила развитие идея перехода от административно-территориальной модели налогового администрирования к специализированному администрированию отдельных групп налогоплательщиков [1].

В международной практике к этому периоду уже применялись различные модели специализации налоговых органов, в том числе:

1) специализация по видам администрируемых налогов;

2) специализация по ключевым функциям налоговых органов, включая регистрацию налогоплательщиков, налоговый контроль, взыскание задолженности и разрешение налоговых споров;

3) специализация по категориям налогоплательщиков, включая крупнейших налогоплательщиков [7].

В российской системе налогового администрирования была избрана модель специализации по категории налогоплательщиков. Правительство РФ постановлением от 6 января 1998 г. № 9 «Об образовании специализированной государственной налоговой инспекции по работе с крупнейшими налогоплательщиками» положило начало применению особого порядка администрирования крупнейших налогоплательщиков.

В дальнейшем Министерство Российской Федерации по налогам и сборам приказом от 15 декабря 1999 г. № АП-3-10/399 утвердило особенности постановки на учет крупнейших налогоплательщиков, а приказом от 10 августа 2001 г. № БГ-3-08/279 были закреплены критерии отнесения организаций к крупнейшим налогоплательщикам.

Таким образом, в рамках второго этапа были сформированы основные элементы специализированного администрирования крупнейших налогоплательщиков:

1) выделение крупнейших налогоплательщиков в самостоятельную категорию налогоплательщиков;

2) создание специализированных налоговых органов, к компетенции которых было отнесено администрирование данной категории налогоплательщиков [2];

3) установление специального порядка постановки крупнейших налогоплательщиков на налоговый учет;

4) закрепление критериев отнесения организаций к крупнейшим налогоплательщикам [1].

Впоследствии критерии отнесения налогоплательщиков к крупнейшим были систематизированы и дополнены. Первоначально такие критерии включали суммарный объем уплаченных налогов, выручку от реализации и стоимость активов. В дальнейшем показатели по суммарному объему уплаченных налогов и стоимости активов были упразднены, а ключевое значение приобрел показатель суммарного объема полученных доходов[1].

При этом крупнейший налогоплательщик стал рассматриваться не только через призму финансово-экономических показателей, но и с учетом иных характеристик, отражающих специфику его деятельности и значение для налогового администрирования. Наряду с финансово-экономическими показателями стали учитываться, в том числе:

1) признаки взаимозависимости и влияния налогоплательщика на экономические результаты деятельности взаимозависимых лиц[2];

2) наличие специального разрешения или лицензии на осуществление определенного вида деятельности[3];

3) участие организации в налоговом мониторинге[4].

Кроме того, за налоговыми органами была закреплена дискреция по отнесению организации к категории крупнейших налогоплательщиков с учетом особенностей ее деятельности и значения для налогового администрирования[5].

Соответственно, на втором этапе крупнейшие налогоплательщики были выделены в самостоятельный объект налогового контроля. Такое выделение было обусловлено тем, что крупнейшие налогоплательщики отличаются не только значительными финансово-экономическими показателями, но и сложной организационной, отраслевой и операционной спецификой, требующей применения специализированного подхода со стороны налоговых органов.

Таким образом, если первый этап был связан с формированием административно-территориальной модели налогового контроля на местах, то второй этап отразил переход к межрегиональному специализированному администрированию крупнейших налогоплательщиков. Создание специализированных налоговых органов позволило институционально обособить контроль за данной категорией налогоплательщиков и сформировать организационную основу для дальнейшего развития особых форм взаимодействия налогового органа и налогоплательщика.

Третий этап развития налогового администрирования крупнейших налогоплательщиков связан с переходом от специализированного налогового контроля к механизму непрерывного информационного взаимодействия налогового органа и налогоплательщика.

Предпосылкой данного этапа стал пилотный проект от 25 декабря 2012 г. по мониторингу финансово-хозяйственных операций налогоплательщиков в режиме реального времени с предоставлением возможности заранее согласовывать позиции по спорным налогово-правовым вопросам[6].

Нормативное закрепление данный подход получил с принятием Федерального закона от 4 ноября 2014 г. № 348-ФЗ, предусматривающего введение в налоговое законодательство налогового мониторинга, как новой формы налогового контроля.

Ключевое значение данного этапа состояло в том, что налоговый мониторинг сместил традиционную модель взаимоотношений между налоговым органом и налогоплательщиком, основанную на власти и подчинении, в сторону партнерства:

1) налогоплательщик контролирует свою деятельность в части налогового комплаенса путем создания системы управления рисками и внутреннего контроля, обеспечивает

1 Приказ ФНС России от 16.05.2007 № ММ-3-06/308@ «О внесении изменений в приказ МНС России от 16.04.2004 № САЭ-3-30/290@»: в ред. приказа ФНС России от 11.06.2021 № ЕД-7-22/563@ // СПС «КонсультантПлюс».

2 Приказ МНС России от 16.04.2004 № САЭ-3-30/290@ «Об организации работы по налоговому администрированию крупнейших налогоплательщиков и утверждении критериев отнесения российских организаций — юридических лиц к крупнейшим налогоплательщикам» // СПС «КонсультантПлюс».

3 Приказ ФНС России от 19.09.2014 № ММВ-7-2/483@ «О внесении изменений в приказы МНС России и ФНС России» // СПС «КонсультантПлюс».

4 Приказ ФНС России от 26.10.2016 № ММВ-7-2/582@ «О внесении изменений в приказ ФНС России от 16.05.2007 № ММ-3-06/308@» // Официальный сайт ФНС России.

5 Приказ ФНС России от 26.10.2016 № ММВ-7-2/582@ «О внесении изменений в приказ ФНС России от 16.05.2007 № ММ-3-06/308@» // Официальный сайт ФНС России.

6 Впервые в российской практике подписаны соглашения о расширенном информационном взаимодействии с крупнейшими налогоплательщиками. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/archive/4020258/?ysclid=mgi4lgbeuz375460761.

достоверность раскрываемых данных и прослеживаемость операций;

2) налоговый орган взаимодействует с налогоплательщиком на основании заранее определенного регламента, получает доступ к информационным системам налогоплательщика, что позволяет осуществлять текущий анализ финансово-хозяйственных операций вплоть до первичных учетных документов, а также оценивает зрелость системы управления рисками и внутреннего контроля налогоплательщика;

3) участие налогоплательщика в налоговом мониторинге существенно ограничивает возможность проведения в отношении него камеральных и выездных налоговых проверок;

4) при выявлении нарушений, неточностей или расхождений налоговый орган вместо проведения традиционных мероприятий налогового контроля направляет мотивированное мнение, содержащее предложение о добровольном устранении выявленных нарушений;

5) налогоплательщик, в свою очередь, получает возможность предварительно согласовывать налоговые последствия совершенных или планируемых операций посредством запроса мотивированного мнения налогового органа, а исполнение такого мотивированного мнения обеспечивает налогоплательщику защиту от последующего привлечения к ответственности за действия, совершенные в соответствии с позицией налогового органа;

6) в случае несогласия с мотивированным мнением налогового органа налогоплательщик вправе инициировать взаимосогласительную процедуру для административного разрешения разногласий.

Первоначально налоговый мониторинг носил исключительно добровольный характер и был доступен только организациям, соответствующим высоким финансовым критериям. Для вступления в налоговый мониторинг организация должна была отвечать следующим требованиям:

1) совокупная сумма налогов за предшествующий календарный год должна была составлять не менее 300 млн руб.;

2) суммарный объем полученных доходов по данным бухгалтерской отчетности должен был составлять не менее 3 млрд руб.;

3) совокупная стоимость активов по данным бухгалтерской отчетности должна была составлять не менее 3 млрд руб.

Указанные критерии свидетельствуют о том, что первоначально налоговый мониторинг был ориентирован прежде всего на крупнейших налогоплательщиков, обладающих значительными финансовыми показателями, развитой организационной структурой и технологическими возможностями для создания системы управления рисками и внутреннего контроля, а также обеспечения информационного взаимодействия с налоговым органом [3], [4].

Кроме того, существенное значение имеет то обстоятельство, что участники налогового мониторинга независимо от финансовых показателей подлежат постановке на учет в налоговом органе по крупнейшим налогоплательщикам. Это дополнительно подтверждает связь налогового мониторинга со специализированным администрированием крупнейших налогоплательщиков.

Таким образом, налоговый мониторинг может рассматриваться как один из этапов эволюции администрирования крупнейших налогоплательщиков. Такой подход обусловлен тем, что первоначально налоговый мониторинг был доступен только организациям, соответствующим высоким пороговым критериям по объему доходов, доле уплаченных налогов и стоимости активов. Кроме того, участники налогового мониторинга подлежат постановке на учет в налоговом органе по крупнейшим налогоплательщикам.

Вместе с тем налоговый мониторинг продолжает развиваться, что позволяет перейти к рассмотрению возможных направлений его дальнейшей трансформации.

Дальнейшее развитие налогового мониторинга характеризуется двумя взаимосвязанными тенденциями: постепенным расширением сферы его применения и одновременным усилением контрольных полномочий налоговых органов.

Расширение сферы применения налогового мониторинга проявляется в следующем:

1) снижении пороговых критериев для вступления в налоговый мониторинг до следующих значений: совокупная сумма налогов не менее 80 млн руб.; суммарный объем полученных доходов по данным бухгалтерской отчетности не менее 800 млн руб.; совокупная стоимость активов по данным бухгалтерской отчетности не менее 800 млн руб.[7]

2) распространении отдельных элементов цифрового информационного взаимодействия с налоговым органом на субъектов малого бизнеса путем введения автоматизированной упрощенной системы налогообложения[8];

3) отмене пороговых критериев для перехода на налоговый мониторинг в отношении организаций, осуществляющих деятельность в рамках специальных преференциальных режимов. В частности, специальные условия перехода на налоговый мониторинг предусмотрены для резидентов территорий опережающего развития, свободного порта Владивосток, Арктической зоны Российской Федерации, резидентов особых экономических зон, участников соглашений о защите и поощрении капиталовложений, участников промышленных кластеров, а также иных отдельных категорий налогоплательщиков[9].

Одновременно развитие налогового мониторинга сопровождается усилением контрольных полномочий налоговых органов, а также ограничением по оспариванию позиции налогового органа. Такая тенденция проявляется в следующем:

1) расширении оснований для досрочного прекращения налогового мониторинга, включая неисполнение регламента информационного взаимодействия, препятствующее проведению налогового мониторинга, представление недостоверной информации, систематическое непредставление или несвоевременное представление документов, информации и пояснений и т.д.[10];

---

7 См.: Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 33. Ч. I. Ст. 4955.

8 См.: Федеральный закон от 25 февраля 2022 г. № 17-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Автоматизированная упрощенная система налогообложения» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 9. Ст. 1249.

9 См.: Федеральный закон от 28 июня 2022 г. № 225-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 27. Ст. 4626; Федеральный закон от 18 марта 2023 г. № 64-ФЗ «О внесении изменений в статью 105.26 части первой и статью 427 части второй Налогового кодекса Российской Федерации и статью 33.4 Федерального закона «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 12. Ст. 1877; Федеральный закон от 2 ноября 2023 г. № 522-ФЗ «О внесении изменений в статью 105.26 части первой Налогового кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 45. Ст. 7991; Федеральный закон от 19 декабря 2023 г. № 611-ФЗ «О внесении изменений в статьи 4 и 105.26 части первой и часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и статью 2 Федерального закона «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и о приостановлении действия абзаца второго пункта 1 статьи 78 части первой Налогового кодекса Российской Федерации»» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 52. Ч. I. Ст. 9520; Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 33. Ч. I. Ст. 4955.

10 Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской

2) усилении полномочий налогового органа по проведению отдельных мероприятий налогового контроля в рамках налогового мониторинга в специальных случаях, включая допрос свидетелей, осмотр территорий, а также привлечение эксперта и специалиста[11].

3) ограничении возможности самостоятельного судебного обжалования мотивированного мнения налогового органа[12].

Таким образом, современное развитие налогового мониторинга имеет двойственный характер. С одной стороны, законодатель расширяет круг налогоплательщиков, которые могут использовать данный режим. С другой стороны, такое расширение сопровождается усилением контрольной составляющей налогового мониторинга и увеличением объема полномочий налогового органа.

Вместе с тем дальнейшее развитие налогового мониторинга не должно ограничиваться только снижением критериев допуска к участию, цифровизацией информационного взаимодействия и усилением контрольных полномочий налогового органа. Для сохранения баланса публичных и частных интересов налоговый мониторинг должен развиваться в направлении создания более благоприятных условий для добросовестных налогоплательщиков, готовых к раскрытию информации, созданию системы управления рисками и внутреннего контроля, а также к открытому взаимодействию с налоговым органом.

В связи с чем, международный опыт кооперативного комплаенса может рассматриваться как методологическая основа для выработки новых направлений развития российских отношений с крупнейшими налогоплательщиками и участниками налогового мониторинга.

В качестве **первого направления** представляется возможным выделить внедрение института профессионального посредничества налоговых консультантов в рамках налогового мониторинга на основе опыта Испании. Их участие предполагает привлечение независимых специалистов, которые участвуют как посредники в отношениях между налоговым органом и налогоплательщиком для предварительной идентификации налоговых рисков и предупреждению возможных разногласий. При этом непосредственное взаимоотношение межу налогоплательщиком и налоговым органом исключатся или существенно ограничиваются, а налоговые консультанты получают специальный допуск от налоговых органов [10].

В качестве **второго направления** представляется возможным введение института кураторства на основе опыта Великобритании и Франции, в рамках которого со стороны налогового органа за отдельным участником налогового мониторинга назначается налоговый менеджер. Его участие обеспечивает постоянную коммуникацию сторон, более глубокое понимание налоговым органом специфики деятельности налогоплательщика и оперативную координацию при разрешении возникающих налоговых вопросов [8][13].

В качестве **третьего направления** предлагается улучшение механизма согласования правовых позиций в сторону проектной определенности на основе опыта Европейского союза. В настоящее время обмен мотивированными мнениями предполагает согласование правовой позиции по отдельным финансово-хозяйственным операциям. При этом в международной практике уже существуют механизмы, в рамках которых налоговые органы вместе с участниками налогового мониторинга согласовывают совокупность взаимосвязанных операций или финансовую модель за пределами трансферного ценообразования. Более того, в таком согласовании могут участвовать налоговые органы иностранных юрисдикций для согласования общего понимания фактических обстоятельств, налоговой квалификации операций и потенциальных налоговых рисков, включая риски двойного налогообложения [6].

С учетом вышеизложенного можно заключить, что налоговый мониторинг является закономерным этапом развития налогового администрирования крупнейших налогоплательщиков, а отношения с крупнейшими налогоплательщиками прошли три стадии развития: административно-территориальную модель администрирования; специализированный налоговый контроль и налоговый мониторинг.

При этом современное развитие налогового мониторинга характеризуется как расширением сферы его применения, так и усилением контрольных полномочий налоговых органов, что негативно сказывается на положении налогоплательщиков. В связи с этим, для сохранения баланса публичных и частных интересов, налоговый мониторинг должен развиваться в направлении создания более благоприятных условий для добросовестных налогоплательщиков в том числе путем имплементации международного опыта.

Пристатейный библиографический список

1. Алехин С. Н. Становление и развитие территориальных налоговых органов // Финансы и кредит. 2006. № 16. С. 38-42.
2. Германова М. А. Эволюция правового регулирования отношений с участием крупнейших налогоплательщиков // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2015. № 4. С. 51-54.
3. Карчевская И. А. Влияние налогового мониторинга на совершенствование налогового администрирования // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2019. Vol. 4-3. С. 122-124. DOI: 10.24411/2500-1000-2019-10817.
4. Курбатова О. В. Принципы налогового мониторинга // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 2. С. 9-11.
5. Тютин Д. В. Налоговое право: Курс лекций / Подготовлен для справочной правовой системы «КонсультантПлюс», 2020. 1015 с.
6. Christodoulopoulos T. A., Craig R., Andersen L., Siltanen H., Owens J., Foffo Ciucci L., Ngidi M. A New Approach to Achieving Greater Tax Certainty: Multilateral Cooperative Compliance / ed. by J. Owens, T. A. Christodoulopoulos. Washington; Vienna: Inter-American Development Bank; WU Global Tax Policy Center. Institute for Austrian and International Tax Law. Vienna University of Economics and Business, 2025. 172 p.
7. CIAT; IMF; IOTA; OECD. VITARA Reference Guide: Organization. Washington, DC: International Monetary Fund, 2024. P. 10-21.
8. DGFiP. Companies and French Tax Authorities: A New Trust-Based Relationship. Paris: Direction générale des Finances publiques, 2019. 12 p.
9. OECD. Tax Administration 2013: Comparative Information on OECD and Other Advanced and Emerging Economies. Paris: OECD Publishing, 2013. P. 84.
10. Ribes Ribes A. La relación cooperativa en España: experiencia acumulada y desafíos pendientes // Crónica Tributaria. 2022. № 184. P. 143-196.

Федерации о налогах и сборах» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 33. Ч. I. Ст. 4955.

11 Федеральный закон от 31 июля 2023 г. № 389-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и о приостановлении действия абзаца второго пункта 1 статьи 78 части первой Налогового кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 32. Ч. I. Ст. 6121.

12 См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 28.08.2024 по делу № А40-305870/2023; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 06.09.2024 по делу № А40-306027/2023.

13 HMRC. HMRC's Compliance Approach for Large Businesses. [Электронный ресурс]. – Режим доступа https://www.gov.uk/guidance/hm-revenue-and-customs-large-business (дата обращения: 06.05.2026).

ЗЕНКИН Сергей Дмитриевич
младший юрист ООО «Юртехконсалт» (ООО «ЮТК»)

МИРОВОЕ СОГЛАШЕНИЕ КАК УНИВЕРСАЛЬНОЕ ПРАВОВОЕ СРЕДСТВО РЕАБИЛИТАЦИИ БИЗНЕСА: ЭВОЛЮЦИЯ ПРАКТИКИ ВЕРХОВНОГО СУДА РФ

В данной статье автором рассматривается мировое соглашение как классическое правовое средство для сохранения работающего бизнеса в условиях финансовой нестабильности компаний. Особое внимание уделяется повышенной роли суда при утверждении мировых соглашений. Автором проводится анализ практики Верховного Суда РФ, сформировавшего за десять лет перечень критериев, которым должно отвечать мировое соглашение в процессе несостоятельности (банкротства), а также широкий массив способов защиты участников отношений несостоятельности (банкротства) при его заключении. Был сделан вывод об эффективности данного правового средства реабилитации, поскольку иные механизмы на сегодняшний день не находят должного применения на практике.

Ключевые слова: несостоятельность, банкротство, бизнес, реабилитация, мировое соглашение, досудебная санация, рассрочка, реструктуризация.

ZENKIN Sergey Dmitrievich
junior associate, LLC "Yurtekhconsult" (LLC "UTK")

SETTLEMENT AGREEMENT AS A UNIVERSAL LEGAL MEANS OF BUSINESS REHABILITATION: EVOLUTION OF THE PRACTICE OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

In this article, the author considers the settlement agreement as a classic legal means for maintaining a functioning business in conditions of financial instability of companies. Special attention is paid to the increased role of the court in approving settlement agreements. The author analyzes the practice of the Supreme Court of the Russian Federation, which has formed over ten years a list of criteria that a settlement agreement must meet in the process of insolvency (bankruptcy), as well as a wide range of ways to protect participants in insolvency (bankruptcy) relations at its conclusion. It was concluded that this legal means of rehabilitation is effective, since other mechanisms are currently not being properly applied in practice.

Keywords: insolvency, bankruptcy, business, rehabilitation, settlement agreement, pre-trial rehabilitation, installment plan, restructuring.

В условиях экономической турбулентности особое значение приобретают действенные правовые средства, направленные на сохранение работающего бизнеса. Под реабилитацией бизнеса понимают «восстановление положительного денежного потока, при котором его объем достаточен для накопления средств на расчеты с реестровыми кредиторами до окончания нормативной продолжительности реабилитации» [5, с. 11]. Другие авторы отмечают, что такая реабилитация должна не только восстановить компанию, но и предусмотреть дальнейшее функционирование бизнеса [4, с. 89]. В судебной практике отмечается, что допускается «сохранение действующего бизнеса как такового, хотя бы и в других руках»[1]. Отсюда предлагается понимать под реабилитацией бизнеса в процессе несостоятельности (банкротства) комплекс взаимосвязанных инструментов и механизмов, направленных на сохранение работающего бизнеса в перспективе и погашение требований кредиторов, подлежащий применению в случае финансовой нестабильности должника, обладающего предпосылками для восстановления.

Однако существующие подходы к реабилитации бизнеса вряд ли можно назвать успешными: как на добанкротном этапе, так и в рамках возбужденного дела о банкротстве. Например, внесудебные меры по предупреждению банкротства (досудебная санация, межкредиторское соглашение, продажа бизнеса) применяются крайне редко. Более того, судебные процедуры реабилитации также не применяются, согласно опубликованной в публичном доступе статистике (59 процедур в 2025 году)[2].

С. В. Гаевский под правовыми средствами реабилитационной направленности предлагает понимать «совокупность правовых инструментов, обеспечивающих реализацию реабилитационного потенциала процедур несостоятельности (банкротства) и достижение цели восстановления платежеспособности должника» [1]. К ним следует относить судебные процедуры реабилитации, мировое соглашение, договоры, судебные акты и иные. Спецификой рассматриваемых правовых средств будет их исключительность, то есть применение сугубо в рамках процесса несостоятельности (банкротства), а также специальная целевая направленность.

На сегодняшний день одним из работающих правовых средств реабилитации бизнеса является мировое соглашение, являющееся универсальным инструментом, применяемым на добанкротном этапе и в рамках дела о банкротстве. Нельзя не согласиться с С. А. Карелиной, что «соглашения рассматриваются в качестве важнейшего элемента механизма правового регулирования отношений несостоятельности (банкротства)» [3]. В этой связи заметим, что необходима имплементация в отечественный правопорядок концепции «Лондонского подхода», в рамках которого соглашение между кредитором и должником становится катализатором развития реабилитации. Необходимо предусмотреть также механизм *cram down* (судебное преодоление) при условии

1 Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 02.12.2024 по делу № А55-36976/2021 // СПС «Консультант Плюс».

2 Банкротство в России: итоги 2025 года. Статистический бюллетень Федресурса. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://fedresurs.ru/news/0fb732a9-dcd6-457c-b72d-5d6227977a0f (дата обращения: 12.05.2026 г.).

«наилучшего интереса» для должника внесудебных средств спасения бизнеса.

На добанкротном этапе одним из способов прекращения искового производства с отдельными кредиторами в рамках арбитражного процесса является именно мировое соглашение. При ином исходе спора, наличие судебного решения об удовлетворении требования кредитора значительно повышает риск подачи этим кредитором заявления в суд о признании должника несостоятельным (банкротом). Представляется, что на сегодняшний день являются недостаточными гарантии, защищающие заинтересованных в сохранении бизнеса кредиторов от фактического обнуления их требований при субординации в банкротстве, что прямо препятствует внесудебной реабилитации бизнеса и препятствует успешной реализации норм о досудебной санации. В этой связи мировое соглашение становится более предпочтительным способом сохранения должника и недопущения введения банкротных процедур в ближайшей перспективе.

Возвращаясь к мировому соглашению, заключаемому в рамках дела о банкротстве, следует отметить, что мировое соглашение в рамках дела о банкротстве является не только катализатором восстановления работающего бизнеса, но и способом формирования более эффективного управления активами должника, не только им самим, но и кредиторами, имеющими больший экономический потенциал и намерение сохранить активы должника. Таким образом, в отличие от классического мирового соглашения в обычном исковом производстве, направленного на прекращение спора о праве, мировое соглашение в банкротстве преследует более масштабную цель: достижение компромисса между разнородными группами кредиторов для максимально возможного удовлетворения их требований при сохранении бизнеса должника.

В практике Верховного Суда РФ также отмечается, что мировое соглашение, заключаемое между кредиторами и должниками, должно быть утверждено, если нет сомнений в его исполнимости[3]. При этом, суд, в условиях выбора между реабилитационными процедурами и конкурсным производством, должен отдавать приоритет именно реабилитационным. Такую позицию суд занял в деле о банкротстве Общества «Лафер Юг», акцентировав внимание на том, что реабилитационные процедуры должны приводить не только к максимальному удовлетворению требований кредиторов, но и к восстановлению хозяйственной деятельности должника в будущем[4].

Помимо этого, мировое соглашение по своей правовой природе является особым правопрекращающим юридическим фактом, поскольку при его утверждении судом прекращается производство по делу о банкротстве: формируется новая модель отношений между должником и кредиторами. Особое значение приобретает позиция собрания кредиторов, которое принимает решение о его заключении. Указанное является проявлением консолидированной воли кредиторов и арбитражного управляющего, которая включает в себя определенные уступки и компромиссы со стороны кредиторов (рассрочка, уменьшение суммы предъявляемых требований и др.): воля меньшинства кредиторов подчиняется воле большинства. Именно здесь кроется основной конфликт: как защитить меньшинство кредиторов от произвола мажоритария? Законодатель и судебная практика отвечают на этот вопрос через установление императивных требований (ст. 155, 156 Закона о банкротстве), защищающих несогласных кредиторов. Более того, если мажоритарный кредитор связан с должником, суд проявляет повышенный стандарт доказывания («*beyond reasonable doubt*»), проверяя, не направлено ли соглашение на ущемление прав независимых кредиторов.

Неисполнение условий мирового соглашения в отношении хотя бы одного кредитора дает право последнему на обращение в суд за выдачей исполнительного листа. Систематическое нарушение условий соглашения ведет к его расторжению в судебном порядке и, в конечном счете, к возобновлению дела о банкротстве (ст. 164-166 Закона о банкротстве). Вместе с тем, для инициирования такой процедуры законодателем установлен количественный ценз: п. 2 ст. 164 Закона о банкротстве допускает обращение с соответствующим требованием только тех кредиторов, совокупный размер требований по основному долгу которых составляет на момент утверждения мирового соглашения не менее 25% от общего объема требований кредиторов.

Можем ли мы в таком случае говорить о том, что кредитор, чей совокупный размер требований меньше установленного в законе порога, лишается возможности защитить свои нарушенные права? В соответствии с п. 1 ст. 167 Закона о банкротстве в случае неисполнения должником мирового соглашения кредитору предоставляется право обратиться в суд с ходатайством о выдаче индивидуального исполнительного листа на принудительное взыскание непогашенной суммы задолженности, что не затрагивает и не нарушает права остальных участников соглашения, так как в таком случае не изменяется объем и очередность удовлетворения требований. Кредитор не инициирует расторжение соглашения целиком, а получает документ, на основании которого судебные приставы взыскивают с должника причитающуюся сумму в принудительном порядке. К такому подходу склоняется судебная практика: не исполненное добровольно мировое соглашение подлежит принудительному исполнению на основании исполнительного листа, выдаваемого арбитражным судом по ходатайству любого лица, заключившего мировое соглашение, что соответствует части 2 ст. 142 АПК РФ[5].

Наполнение приведенных выше критериев конкретным содержанием отчетливо прослеживается в эволюции практики Верховного Суда РФ.

1) Вопросы поручительства, залога и голосования аффилированных кредиторов при заключении мирового соглашения.

Первые значимые правовые позиции касались судьбы обеспечительных механизмов. Верховный Суд определил, что надлежащее исполнение основным должником условий мирового соглашения исключает привлечение поручителей к солидарной ответственности[6]. Указанное особо подчеркнуло производную природу института поручительства: имущественная ответственность лица, гарантирующего кредитору исполнение, напрямую зависит от добросовестности должника, поэтому надлежащее исполнение последним своих обязательств прекращает поручительство. Позднее Верховный Суд корректировал подход, указав, что уменьшение объема основного обязательства по мировому соглашению (например, в результате прощения части долга) автоматически не влечет прекращение поручительства и залога[7]. Поручитель может освободиться от ответственности в оставшейся части долга только в случае, если это прямо предусмотрено в законе или соглашении сторон.

3 Определение Верховного Суда РФ от 30.05.2025 № 308-ЭС22-27464 // СПС «Консультант Плюс».

4 Определение Верховного Суда РФ от 21.09.2023 № 08-ЭС20-3526 (9,10,12-14) // СПС «КонсультантПлюс».

5 Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 21.05.2024 по делу № А60-4557/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

6 Определение Верховного Суда РФ от 24.09.2014 № 305-ЭС14-1200 // СПС «КонсультантПлюс».

7 Определение Верховного Суда РФ от 14.06.2016 № 308-ЭС16-1443 // СПС «КонсультантПлюс».

Таким образом, судебная практика пошла по пути дифференциации правовых последствий в зависимости от фактических обстоятельств и поведения сторон: полное надлежащее исполнение прекращает поручительство, в то время как уменьшение объема долга не влечет по общему правилу аналогичное правовое последствие, однако, в связи с акцессорным характером залога и поручительства, оно преобразует размер обеспечения, снижая его в соответствующей части.

Интересным также представляется дело о банкротстве Общества «Энерготехмонтаж 2000». Суд установил, что 28,5% голосов на собрании кредиторов принадлежало лицу, аффилированному с должником, которое проголосовало за заключение мирового соглашения. Указанное, по мнению суда, являлось конфликтом интересов, поскольку собственный имущественный интерес кредитора не будет совпадать с интересами независимых кредиторов. В этой связи суд указал, что на аффилированного кредитора возлагается бремя доказывания того, что его голос был направлен на восстановление платежеспособности должника в интересах всех кредиторов, а не на извлечение частной выгоды[8]. С этого момента началось повышенное внимание судов при утверждении мировых соглашений к «дружественным» кредиторам, под которыми следует понимать кредиторов, связанных с должником личными, корпоративными или иными отношениями, позволяющими влиять на принятие решений в ущерб независимым кредиторам [2, с. 281].

Выработанный высшей судебной инстанцией подход существенно усилил защиту добросовестных участников банкротного процесса, поскольку позволил оспаривать мировые соглашения, принятые под влиянием аффилированного большинства. Трансформация практики в данном направлении была обусловлена необходимостью противодействия злоупотреблениям, когда мировое соглашение использовалось не для реабилитации бизнеса, а для удовлетворения требований недобросовестных кредиторов.

2) Ужесточение требований к мировому соглашению (2017 – 2018 г.г.).

Верховным Судом была сформулирована презумпция недопустимости утверждения мирового соглашения при наличии не рассмотренных требований кредиторов, не голосовавших за выход из процедуры. Это связано с тем, что прекращение дела о банкротстве меняет период подозрительности для оспаривания сделок и, соответственно, может сделать невозможным такое оспаривание в будущем[9].

Ключевым делом стало банкротство ЗАО «Судоверфь-рыба», где судебная практика сформировала три самостоятельных критерия, которым должно отвечать мировое соглашение.

Во-первых, исполнимость соглашения: в соответствии с данным критерием, если у суда имеются обоснованные сомнения в возможности погашения задолженности (например, в ситуациях, когда была предоставлена длительная рассрочка, при прощении долга без реальных источников финансирования и т.д.), в утверждении мирового соглашения следует отказать.

Во-вторых, соблюдение принципа равенства кредиторов (*pari passu*): кредитор, голосовавший за соглашение, одновременно являлся участником компании, которая должна была получать выгоду от совместной деятельности с должником после выхода из банкротства. В рамках указанного дела для кредитора списание 50% долга было менее значимым, поскольку он компенсировал бы потери за счёт будущей прибыли от совместного бизнеса. Второй кредитор, голосовавший против (банк), такой возможности не имел. Таким образом, при формально равных условиях фактическое положение кредиторов оказалось заведомо неравным, что суд признал самостоятельным основанием для отказа в утверждении мирового соглашения.

В-третьих, приоритет реабилитации перед ликвидацией, но только при условии реальной исполнимости мирового соглашения[10].

Более того, на данном этапе была сформулирована правовая позиция, согласно которой конкурсные кредиторы, полагающие, что их права нарушены мировым соглашением, утверждённым в рамках искового производства, вправе обжаловать его по специальным основаниям, предусмотренным ст. 61.2 и 61.3 Закона о банкротстве[11]. Тем самым существенно расширился инструментарий защиты прав кредиторов, получивших возможность оспаривать подобные соглашения вне рамок дела о банкротстве.

3) Об экономической обоснованности мирового соглашения (2019 – 2020 г.г.).

Верховный суд указал, что мировое соглашение в деле о банкротстве не может устанавливать срок погашения налоговой задолженности более одного года. Данный вывод основан на императивном требовании налогового законодательства, которое не допускает предоставления отсрочки или рассрочки по уплате обязательных платежей на более длительный период в рамках реабилитационной процедуры[12].

Позднее был сформулирован подход к защите прав меньшинства кредиторов: большинство кредиторов, обладающее превосходством в количестве голосов, не вправе принимать произвольные решения, ущемляющие интересы несогласных кредиторов. В качестве признаков нарушения суд рассматривает заниженную стоимость активов должника, а также отсутствие в мировом соглашении сведений об источниках финансирования для погашения требований кредиторов[13].

Кроме того, Верховный Суд РФ уточнил правовой статус залоговых кредиторов при заключении мирового соглашения. Суд указал, что в процедуре конкурсного производства для утверждения мирового соглашения требуется единогласное согласие всех залоговых кредиторов (п. 2 ст. 150 Закона о банкротстве). При этом залоговый кредитор основного должника вправе согласовать с поручителем (даже если поручитель также находится в процедуре банкротства) условие о сохранении поручительства на прежних обязательствах. Такая договорённость не противоречит принципу свободы договора (ст. 421 ГК РФ).

Таким образом, законодательное требование единогласия залоговых кредиторов не препятствует заключению мирового соглашения, если удаётся достичь консенсуса с каждым из них, а также не исключает возможности индивидуальных договорённостей с поручителями[14].

4) Переход к оценке реальной исполнимости мирового соглашения.

В последние годы Верховный Суд РФ все также придерживается подхода о необходимость оценки не формального соответствия мирового соглашения требованиям закона, а его реальной исполнимости. При этом возражение зало-

8 Определение Верховного Суда РФ от 17.05.2016 № 305-ЭС16-1045 // СПС «КонсультантПлюс».

9 Определение Верховного Суда РФ от 30.03.2018 № 305-ЭС17-19680 // СПС «КонсультантПлюс».

10 Определение Верховного Суда РФ от 16.08.2018 № 303-ЭС15-10589(2) // СПС «КонсультантПлюс».

11 Определение Верховного Суда РФ от 15.10.2018 № 305-ЭС18-6771 // СПС «КонсультантПлюс».

12 Определение Верховного Суда РФ от 27.05.2019 № 305-ЭС18-25601 // СПС «КонсультантПлюс».

13 Определение Верховного Суда РФ от 25.05.2020 № 305-ЭС15-11067 // СПС «КонсультантПлюс».

14 Определение Верховного Суда РФ от 28.05.2020 № 305-ЭС18-11645 (3) // СПС «КонсультантПлюс».

гового кредитора не является абсолютным препятствием для утверждения мирового соглашения, если соглашение в целом отвечает требованиям закона и является разумным и исполнимым. Кроме того, Верховный Суд ввёл стандарт доказывания, согласно которому утверждение мирового соглашения возможно при условии, что «успешная реализация скорее будет иметь место, чем нет» (то есть вероятность успеха превышает 50%)[15]. Например, в утверждении мирового соглашения суды отказывают, если его условия ведут к существенному ухудшению положения кредиторов, голосовавших против его заключения, по сравнению с тем, что они могли бы получить в результате незамедлительной продажи имущества должника[16].

Такой подход существенно снижает бремя доказывания для должника и представляет собой важный шаг в пользу реабилитации бизнеса, и тем самым снижает риск необоснованного отказа в утверждении мирового соглашения при объективной возможности восстановления платёжеспособности должника.

Важный вопрос, касающийся пределов распространения условий мирового соглашения, был разрешен Верховным Судом РФ в 2025 году: условия мирового соглашения о моратории распространялись не только на реестровые требования, но и на текущие платежи[17]. Суд подчеркнул, что правовая природа реестровых и текущих требований различна, в связи с чем, выработанный подход обеспечивает защиту прав текущих кредиторов, не позволяя должнику под видом реабилитационной процедуры произвольно ограничивать их законные права, но при этом он оставляет возможность включения таких требований в сферу действия мирового соглашения.

Целесообразно также рассмотреть сложившийся в судебной практике подход к разрешению вопроса о судьбе мораторных процентов и индексации после заключения мирового соглашения. Различия рассматриваемых институтов заключаются, прежде всего, в периоде, за который они начисляются, а также их правовой природе. Мораторные проценты начисляются на сумму требований кредиторов в период нахождения должника в процедуре банкротства, соответственно, по своей природе они заменяют финансовые санкции и индексацию, которые не подлежат начислению в процедурах банкротства, чтобы компенсировать кредитору потери за время, пока его требование ожидает удовлетворения в рамках конкурсного производства. Индексация (ст. 183 АПК РФ) – это упрощенный порядок возмещения финансовых потерь, которые были вызваны обесцениванием денежных средств в результате инфляции и за период до введения процедуры банкротства.

Высшая судебная инстанция акцентировала внимание на том, что выбор сторонами указанного правового средства обусловлен стремлением прекратить гражданско-правовой спор в полном объеме, что в свою очередь объясняет невозможность выдвижения новых требований, если иное не предусмотрено. Мораторные проценты при заключении мирового соглашения в банкротстве перестают начисляться с даты утверждения соглашения судом. Однако кредиторы вправе, но не обязаны, уменьшить их размер или полностью простить должнику. Более того, стороны могут предусмотреть индексацию долга до даты исполнения обязательств, установленной мировым соглашением. В обратном случае индексация за данный период недопустима, так как иной подход означал бы возложение дополнительных, не согласованных сторонами обременений, что противоречит природе мирового соглашения как способа урегулирования спора путем достижения компромисса[18].

Таким образом, мировое соглашение эволюционировало из простого договора в сложное правовое средство антикризисного управления и сохранения работающего бизнеса. Проведенный анализ практики Верховного Суда РФ демонстрирует эту динамику: от защиты поручителей в 2014 году и проблемы «дружественных» кредиторов – к жестким требованиям исполнимости и защите меньшинства в 2018–2020 годах, и далее — к стандарту реальной вероятности исполнения. Суды не только проверяют внешнюю оболочку, но и исследуют условия мирового соглашения, а также экономическую обоснованность. В условиях экономической нестабильности мировое соглашение становится одним из ключевых способов спасения бизнеса, поскольку иные средства на сегодняшний день практически не реализуются. Оно обеспечивает возможность сохранения работающего бизнеса, привлечения дополнительных инвесторов и последовательного погашения требований кредиторов. Более того, проведенный анализ свидетельствует о формировании достаточного правового инструментария для защиты добросовестных кредиторов при заключении мирового соглашения.

Пристатейный библиографический список

1. Гаевский С. В. Правовые средства реабилитационной направленности в процессе несостоятельности (банкротства) // Право и экономика. – 2024. – № 9.
2. Гусейнова Л. В., Гаджиев Р. А. Проблемные вопросы участия аффилированных (дружественных) кредиторов в делах о банкротстве // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 3 (231).
3. Карелина С. А. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности (банкротства). – М., 2008.
4. Львова О. А. Реабилитационный потенциал банкротства бизнеса: определить, измерить, увеличить // ЭКО. – 2019. – № 6.
5. Суворов Е. Д. Спасение бизнеса, банкротство и роль права // Право и бизнес. – 2021. – № 2.

15 Определение Верховного Суда РФ от 30.01.2025 №308-ЭС22-27464 //СПС «КонсультантПлюс».

16 Постановление Арбитражного суда Московского округа от 06.02.2024 по делу № А40-158963/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

17 Определение Верховного Суда РФ от 10.04.2025 № 305-ЭС24-22590 // СПС «КонсультантПлюс».

18 Определение Верховного Суда РФ от 19.09.2024 № 301-ЭС24-4000(2) // СПС «КонсультантПлюс».

DOI 10.46320/2073-4506-2026-4-215-322-324

КУДРЯШОВ Алексей Александрович
аспирант, Академия труда и социальных отношений

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ ИМПОРТ: ПОДХОДЫ К КВАЛИФИКАЦИИ ПОНЯТИЯ И ПРИЗНАКОВ ЯВЛЕНИЯ

В настоящей статье проанализированы основные теоретические подходы к определению понятия «параллельный импорт», представлены основные дискуссионные позиции по этому вопросу. Автор комплексно проанализировал явление «параллельный импорт» с учетом доктрины исключительных прав, исчерпания прав на результаты интеллектуальной деятельности. Сделан вывод о многозначности данного экономико-правового явления. Автор предлагает понимать параллельный импорт как экономико-правовое понятие, обозначающее явление перемещения маркированных товаров из одной страны в другую без заключения соответствующего лицензионного соглашения с правообладателем о передаче прав на товарный знак, при условии, если на территории указанных стран не действует общий режим, допускающий исчерпание прав на результаты интеллектуальной собственности (региональный режим исчерпания). Кроме того, подчеркивается предпринимательская природа этого явления, а также с учетом допуска импорта отдельных товаров без применения ответственности по ст. 1515 ГК РФ предлагается рассматривать параллельный импорт в качестве основания для освобождения от гражданско-правовой ответственности.

Ключевые слова: параллельный импорт, исключительное право на товарный знак, принцип исчерпания прав, ответственность за нарушение исключительных прав на товарный знак.

KUDRYASHOV Alexey Alexandrovich
postgraduate student, Academy of Labor and Social Relations

PARALLEL IMPORT: APPROACHES TO THE QUALIFICATION OF THE CONCEPT AND SIGNS OF A PHENOMENON

This article analyzes the main theoretical approaches to defining the concept of "parallel imports", presents the main discussion positions on this issue. The author comprehensively analyzed the phenomenon of "parallel import" taking into account the doctrine of exclusive rights, the exhaustion of rights to the results of intellectual activity. It was concluded that this economic and legal phenomenon is ambiguous. The author proposes to understand parallel import as an economic and legal concept denoting the phenomenon of movement of labeled goods from one country to another without concluding an appropriate license agreement with the copyright holder on the transfer of rights to a trademark, provided that there is no general regime in the territory of these countries that allows exhaustion of rights to the results of intellectual property (regional exhaustion regime). In addition, the entrepreneurial nature of this phenomenon is emphasized, as well as taking into account the admission of imports of certain goods without applying liability under Art. 1515 of the Civil Code of the Russian Federation proposes to consider parallel imports as a basis for exemption from civil liability.

Keywords: parallel import, exclusive right to trademark, principle of exhaustion of rights, liability for violation of exclusive rights to trademark.

Понятие параллельного импорта в российской правовой науке имеет сравнительно недолгую историю. Собственно, термин «параллельный импорт» в российском законодательстве отсутствует. Он в большей степени является не юридическим, а экономическим. Однако, несмотря на это, сама проблема правового регулирования отношений, связанных с ввозом в страну товаров с маркировкой товарными знаками, подлежащими правовой защите, предпринимателями, не являющимися официальными дилерами правообладателя, представляется актуальной и востребованной и, соответственно, термин «параллельный импорт» требует правовой квалификации.

Одной из первых правовой анализ явления параллельного импорта был осуществлен В. В. Пироговой в диссертации «Исчерпание прав на товарный знак» [1]. По мнению автора, параллельный импорт тождественен явлению реимпорта (выделено мной – А. К.) и имеет место тогда, «когда сам владелец товарного знака или третьи лица, действующие с его согласия, производят и поставляют товары на зарубежные рынки, а затем торговые посредники покупают их за границей и поставляют обратно в страну происхождения» [2, с. 4]. Смысл реимпорта согласно трактовке автора – в получении прибыли за счет разницы в цене продажи на розничных рынках в стране, импортирующей товар, и в стране происхождения товара.

Указанная позиция относительно понятия параллельного импорта подверглась справедливой критике другим исследователем этого вопроса С. А. Ляпцевым. В своей диссертационной работе он указывал, что реимпорт не может быть отожествлен с термином «параллельный импорт», поскольку выступает частным случаем этого общего экономико-правового явления. Кроме того, по замечанию С. А. Ляпцева, в определении В. В. Пироговой отсутствует основной квалифицирующий признак рассматриваемого понятия – вывоз товара из страны происхождения без соответствующего разрешения владельца товарного знака [3, с. 22].

Интересно, что значительно позже сам автор первого диссертационного исследования по проблемам параллельного импорта в публикациях иначе определяла указанное явление. Так, например, в статье «Соглашение ТРИПС (ВТО): исчерпание прав и «параллельный импорт» она писала, что «понятие «параллельный импорт» относят к международному торговому обороту данной продукции. Параллельный импорт означает, что товары, произведенные управомоченным лицом в одной стране, поступают в продажу, а затем экспортируются в иные страны» [4, с. 120]. Далее автор уточняет, что в данной ситуации нельзя говорить о формировании нелегального рынка, поскольку правообладатель получил вознаграждение от покупателя товара, но при этом, возникают противоречия между интересами официальных дистрибьюторов маркированного товара, других предпринимателей и потребителя. Таким образом, из определения, данного В. В. Пироговой, хотя и был исключен признак повторной продажи товара в страну производителя, в явной степени признак отсутствия согласия владельца товарного знака на перемещение товара в другую страну, т.е. на его экспорт, не указан. С целью правильной оценки этой позиции можно согласиться с С. А. Ляпцевым в том, что при «осуществлении импорта

самим правообладателем или его лицензиатами, параллельного импорта не возникает» [3, с. 22].

Однако, несмотря на наличие нескольких специальных научных исследований проблем, посвященных параллельному импорту, нам представляется имеющиеся в науке определения неполными.

Для определения понятия и правовой природы параллельного импорта необходимо, прежде всего, исходить из содержания исключительных прав на средства индивидуализации. Так, в соответствии со ст. 1229 ГК РФ гражданин или юридическое лицо вправе самостоятельно по своему усмотрению использовать принадлежащее им исключительное право на результат интеллектуальной деятельности. Применительно к параллельному импорту таким результатом выступает товарный знак. Согласно ст. 1477 ГК РФ товарным знаком признается «обозначение, служащее для индивидуализации товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей». Пользование товарным знаком в силу п. 2 ст. 1484 ГК РФ осуществляется для достижения целей индивидуализации товаров, работ и услуг, в отношении которых этот знак зарегистрирован. В состав правомочий владельца товарного знака на основании указанных норм ГК РФ входит размещение товарного знака на этикетках, упаковках товара, на самом товаре, производимом, предлагаемом к продаже, демонстрируемом на выставках и др. коммерческих мероприятиях, а также хранящимся с целью введения его в гражданский оборот. Правообладатель может наносить товарный знак на документацию, связанную с введением в гражданский оборот товаров, а также в рекламном материале, сети Интернет, в том числе в доменном имени. Право на товарный знак подтверждается свидетельством. Исключительное право на товарный знак в отличие от права собственности имеет временный характер, поскольку оно действует в течение 10 лет с момента подачи заявки (ст. 1491 ГК РФ), территориальный характер, поскольку исключительное право не подлежит защите при использовании товарного знака другими лицами в отношении товаров, которые были введены в гражданский оборот на территории РФ самим владельцем или с его согласия (ст. 1487 ГК РФ).

Территориальный принцип, именуемый как принцип исчерпания прав, был законодательно закреплен в качестве ограничения прав владельца товарного знака в результате судебного прецедента, имевшего место в Германии в 19 в. [4, с. 119]. Принцип исчерпания прав, допускаемый каждым государством сообразно осуществляемой им политике, может действовать не зависимо, от того, в какой стране был введен в гражданский оборот маркированный товар (международный принцип), он может быть ограничен территорией нескольких государств (региональный принцип) или одной страны (национальный принцип). Национальный принцип исчерпания действует в США, региональный – в странах ЕЭС, ЕАЭС. Иными словами, принцип исчерпания прав позволяет другим участникам рынка, получившим товар на законных основаниях, т.е. с согласия правообладателя, перепродавать его или иным образом использовать. При этом, право на товарный знак сохраняется у владельца. В связи с этим доктрина исчерпания прав показывает необходимость дифференциации права на товарный знак как нематериальное благо и права на товар как имущественное право. Исчерпание прав не означает передачи права на товарный знак, а позволяет другим участникам рынка реализовывать свои права на товар, маркированный этим знаком. В Российской Федерации в результате участия страны в организации Европейского экономического союза действует как принцип национального исчерпания прав (ст. 1487 ГК РФ), так и регионального. Это означает, что владелец товарного знака может защитить свои права в случае экспорта без своего согласия маркированных таким знаком товаров за территорию России или за территорию государств, входящих в ЕАЭС. Введенные в гражданский оборот товары самим правообладателем или с его согласия на территории РФ, стран-участников ЕАЭС могут свободно обращаться на рынке, без необходимости получать согласие владельца товарного знака, которым маркирован соответствующий товар.

Исходя, из смысла правоотношений, возникающих при реализации исключительного права на товарный знак, а также с учетом ограничения этого права, выражающегося в доктрине исчерпания прав, следует конструировать признаки самого правового явления – параллельный импорт.

Прежде всего, основываясь на содержании норм ст. 1484 ГК РФ, можно сделать вывод, что исключительным правом на товарный знак вправе обладать субъект предпринимательской деятельности. Однако подобное положение имело место до 2023 г. Федеральным законом от 28 июня 2022 г.[1], вступившим в силу 28 июня 2023 г., статья 1478 ГК РФ, в который был закреплен закрытый перечень обладателей права на товарный знак – организации и индивидуальные предприниматели, утратила силу. В настоящее время право зарегистрировать товарный знак получили как юридические лица, так и граждане, которые могут выступать в роли обычных физических лиц или же субъектов предпринимательской деятельности – самозанятых и индивидуальных предпринимателей (ИП). В законодательствах некоторых иностранных государств данное положение действовало и значительно ранее, что допускало возможность совершения сделок по импорту маркированных товаров с физическим лицом, не являющимся предпринимателем. Таким образом, в отношениях по параллельному импорту правообладателем могут выступать как организации, так и физические лица (граждане, самозанятые, ИП).

Что касается импортера, то исходя из смысла правового регулирования этих отношений, данный участник внешнеэкономической деятельности должен иметь статус юридического лица или предпринимателя-физического лица. Следовательно, договорные отношения по использованию товарного знака (законному или незаконному) так же могут возникнуть только как предпринимательские. Подтверждением правильности этого тезиса может выступать квалификация действия в качестве административного правонарушения по ст. 14.10 КоАП РФ. Статья «Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)» находится в разделе 14 – «Административные правонарушения в области предпринимательской деятельности и деятельности саморегулируемых организаций». Это также подтверждает предпринимательскую природу отношений, выступающих объектом регулирования.

В силу этого, на наш взгляд, одним из признаков отношений в сфере импорта товара, как с участием официальных дилеров, так и неофициальных, т.е. реализующих механизм параллельного импорта, должны выступать, во-первых, отнесение субъектов-импортеров к числу предпринимателей (юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, самозанятых), во-вторых, наличие коммерческой цели импорта. Целью согласно формулировкам ГК РФ и других нормативных актов импорта маркированных товаров является ввод их в гражданский оборот для дальнейшего коммерческого использования. В Постановлении Пленума ВАС РФ от 17 февраля 2011 г. № 11 «О некоторых вопросах применения Особенной части Кодекса РФ об административных правонарушениях»[2] указано, что приобретение товара, перевозка, хранение его без цели введения в гражданский оборот не может образовывать состав административного правонарушения. Таким образом, незаконное использование товарного знака как административно наказуемое деяние содержит в себе признак цели – введение в гражданский оборот.

Термин «гражданский оборот» законодательно не определен. На основании имеющихся представлений в науке гражданского права под ним следует понимать совокупность сделок, в результате совершения которых меняется принадлежность объектов, субъекты получают экономический эффект [5]. Действия, составляющие процесс введения в гражданский оборот, нами были перечислены ранее – при рассмотрении содержания исключительного права владельца товарного знака. К ним относятся: продажа товара, демон-

1 ФЗ РФ от 28.06.2022 г. № 193-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса РФ» // СПС «Консультант плюс», 2026.

2 Постановление Пленума ВАС РФ от 17 февраля 2011 г. № 11 «О некоторых вопросах применения Особенной части Кодекса РФ об административных правонарушениях» // СПС «Консультант плюс», 2026.

страция на выставках, хранение, перевозка с целью продажи. Однако это неполный перечень, поскольку в п. 1 ч. 2 ст. 1484 ГК РФ дается отсылка к иным случаям – при этом используется словосочетание «иным образом вводятся в гражданский оборот на территории РФ». Толкование этого словосочетания было дано Судом по интеллектуальным правам в Постановлении от 20 июня 2020 г.[3] Суд указал, что «ввоз товаров на территорию РФ и предложение к продаже товаров, маркированных товарным знаком, являются способами использования исключительного права на этот товарный знак. Из смысла данной нормы следует, что под иным введением в гражданский оборот понимается не только продажа или обмен, но и производство, предложение к продаже, демонстрация на выставках и ярмарках».

Таким образом, лицо, использующее чужой товарный знак, имеет намерение получить экономическую выгоду от такого использования, для этого он и выводит на рынок соответствующий товар. Соответственно, коммерческий эффект от продажи маркированных товаров – это основная цель импортера в отношениях по параллельному импорту. Поэтому не считается параллельным импортом ввоз маркированных товаров гражданами для личного использования, в том числе машин иностранного производства. Подобная практика получила распространение после ухода большинства дилеров известных авто производителей из России. Мерами, предотвращающими нелегальный бизнес по перегонке машин из стран ближнего зарубежья физическими лицами, выступает введение довольно высокого по стоимости утилизационного сбора, уплата которого делает такую перегонку невыгодной. Другой стороной коммерческой составляющей параллельного импорта является возложение на продавцов маркированных товаров, привезенных из-за границы, обязанности предоставлять гарантии российским покупателям в соответствии с законодательством о защите прав потребителей. Официальный продавец или правообладатель товарного знака при параллельном импорте указанные гарантии предоставлять не должен.

Еще одним признаком отношений по параллельному импорту выступает оригинальность маркированного товара. Легализация рассматриваемых отношений, прежде всего, и была связана с необходимостью насыщения отечественного рынка качественными оригинальными товарами. Согласно ст. 1515 ГК РФ «товары, этикетки, упаковки изделий, на которых незаконно размещены товарный знак или сходное с ним до степени смешения обозначение, являются контрафактными». В понятии «контрафакт» необходимо различать два аспекта: материальную составляющую, т.е. саму вещь, на которую нанесена маркировка, и объект интеллектуальной собственности – товарный знак. Соответственно, контрафактными могут быть признаны товары, произведенные не официальным изготовителем, т.е. подделки, фальсификаты; и товары оригинальные, но перемещенные на территорию РФ без согласия правообладателя. Нарушение с учетом существования обоих аспектов как с позиции гражданского, так и административного права, составляет посягательство на исключительное право владельца товарного знака. Гражданско-правовая ответственность в этом случае заключается в возмещении убытков или по требованию правообладателя в выплате компенсации (п. 4 ст. 1515 ГК РФ). Административная ответственность предполагает наложение административного штрафа, конфискацию товара и материалов, с помощью которых было осуществлено правонарушение (ст. 14.10 КоАП РФ).

Различие двух аспектов нарушений в сфере оборота маркированных товаров провел Конституционный суд РФ в 2018 г. по делу ООО «ПАГ»[4]. Суд указал на необходимость корректировки применяемых мер ответственности в отношении оригинальных товаров, перемещенных на территорию РФ без согласия владельца товарного знака, и в отношении фальсификата. В обосновании своей позиции Суд отметил разность правовых последствий для публичных интересов и интересов конкретных потребителей при введении в гражданский оборот оригинальных и фальсифицированных или поддельных товаров. Таким образом, различие между двумя сходными терминами с точки зрения правовых последствий для правонарушителя проводится в настоящее время в соответствии с правовой позицией Конституционного суда РФ.

Похожим образом, с учетом дифференциации правовых последствий ввоза маркированного товара на территорию РФ можно рассматривать и само явление параллельного импорта. Несмотря на то, что этот термин активно используется в процессе деловых коммуникаций и в литературе, в ГК РФ и подзаконных нормативных актах, фактически разрешающих параллельный импорт в отношении отдельных групп товаров, данное словосочетание не используется. Вместо этого указывается, что положения об ответственности за ввоз маркированных товаров из-за рубежа на территорию России не применяются при условии законного введения в гражданский оборот товаров на территории иностранного государства. Следовательно, с позиции гражданского права следует говорить о появлении новых оснований освобождения от ответственности по ст. 1515 ГК РФ. Указанное основание имеет ограниченный характер, поскольку распространяется лишь на случаи ввоза товаров, соответствующих Перечню, утвержденному Минпромторгом России[5].

В качестве общего вывода необходимо отметить, что понятие параллельного импорта следует рассматривать в нескольких аспектах и с учетом режима исчерпания прав.

Во-первых, как экономико-правовое понятие, обозначающее явление перемещения маркированных товаров из одной страны в другую без заключения соответствующего лицензионного соглашения с правообладателем о передаче прав на товарный знак, при условии, если на территории указанных стран не действует общий режим, допускающий исчерпание прав на результаты интеллектуальной собственности (региональный режим исчерпания).

Во-вторых, параллельный импорт представляет собой правовое отношение, которое следует отнести к числу предпринимательских.

В-третьих, параллельный импорт в настоящее время – это основание для освобождения от ответственности по ст. 1515 ГК РФ. В указанном смысле учитываются такие признаки, как оригинальность товара и законность его введения в гражданский оборот на территории страны-экспортера.

Пристатейный библиографический список

1. Пирогова В. В. Исчерпание прав на товарный знак: дисс. … к.ю.н. 12.00.03. – М., 2002. – 145 с.
2. Пирогова В. В. Исчерпание прав на товарный знак: автореф. дис. … к.ю.н. 12.00.03. – М., 2002. – 24 с.
3. Ляпцев С. А. Принцип исчерпания прав на товарный знак в условиях параллельного импорта: дис. … к.ю.н. 12.00.03. – М., 2019.
4. Пирогова В. В. Соглашение ТРИПС (ВТО): исчерпание прав и параллельный импорт // Государство и право. – 2012. – № 6. – С. 119-122.
5. Рожкова М. А. Правовые аспекты введения в гражданский оборот и коммерциализации интеллектуальной собственности // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2023 (декабрь). – № 4 (42). – С. 28-39.

3 Постановление Суда по интеллектуальным правам от 20 июня 2020 г. № С01-640/2020 по делу № А51-16799/2019 // https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74143158/.

4 Постановление Конституционного суда РФ от 13 февраля 2018 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности положений п. 4 ст. 1252, статьи 1487 и пунктов 1,2 и 4 статьи 1515 Гражданского кодекса РФ в связи с жалобой Общества с ограниченной ответственностью «ПАГ»» // СПС «Консультант плюс», 2026.

5 Приказ Минпромторга России от 21 июля 2023 г. № 2701 «Об утверждении перечня товаров (групп товаров), в отношении которых не применяются положения статей 1252, 1254, пункта 5 статьи 1286.1, статей 1301, 1311, 1406.1, подпункта 1 статьи 1446, статей 1472, 1515 и 1537 Гражданского кодекса РФ при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории РФ правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия // СПС «Консультант плюс», 2026.

ПЕРЕВАЛОВ Федор Федорович
аспирант кафедры правового обеспечения экономической деятельности, Самарский государственный экономический университет

Перевалов Ф. Ф.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ПОСРЕДНИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ ОБОРОТА НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА

Статья посвящена рассмотрению проблем состояния и правового режима оборота недвижимого имущества и анализу способов укрепления его устойчивости путем более эффективного государственного регулирования посреднических услуг в Российской Федерации.

В настоящее время резко обострилась проблема защиты прав граждан в связи с многочисленностью фактов незаконного, в том числе преступного, поведения, а также злоупотребления участниками сделок с недвижимым имуществом и посредниками своими правами с целью признания заключенных сделок с объектами недвижимого имущества недействительными из-за порока воли одного из участников.

Автором изучен и учтен опыт использования Российской Федерацией различных методов нормативно-правового регулирования риэлторских и других посреднических услуг в исторической ретроспективе.

Наиболее подробно в статье анализируются возможности и последствия введения лицензирования посреднической деятельности в связи с обсуждаемыми проблемами в сфере законотворческой деятельности.

Ключевые слова: посредническая деятельность, правовой режим, законодательная деятельность, лицензирование, членство в саморегулируемой организации, страхование риэлторской деятельности, оборот объектов недвижимого имущества.

PEREVALOV Fedor Fedorovich
postgraduate student of Legal support for economic activity sub-faculty, Samara State University of Economics

ACTUAL PROBLEMS OF THE LEGAL REGIME OF INTERMEDIARY ACTIVITY IN THE CURRENT CONDITIONS OF REAL ESTATE TURNOVER

The article is devoted to the consideration of the problems of the state and legal regime of real estate turnover and the analysis of ways to strengthen its stability by more effective state regulation of intermediary services in the Russian Federation.

In the current conditions, the severity of the problems of legal regulation of real estate turnover increases significantly due to the numerous cases of illegal. This includes criminal behavior, as well as the abuse of rights by participants in real estate transactions and intermediaries in order to invalidate real estate transactions due to the defect of will of one of the participants.

The author has studied and taken into account the experience of the Russian Federation in using various methods of legal regulation of real estate and other intermediary services in historical perspective.

The article analyzes in detail the possibilities and consequences of introducing licensing for intermediary activities in connection with the discussed problems in the field of legislative activity.

Keywords: intermediary activities, legal regime, legislative activity, licensing, membership in a self-regulatory organization, insurance of real estate activities, turnover of real estate objects.

Устойчивость и гарантированность государством правового режима, как самого недвижимого имущества, так и его оборота образует фундамент надежности вещных прав и, в целом, всех имущественных отношений в любой стране.

В последние годы в связи с резкой активизацией деятельности мошенников на рынке недвижимости возросло количество дел о признании сделок с жилым недвижимым имуществом недействительными как сделок с пороком воли, а чаще всего как заключенными под влиянием заблуждения, что обусловливает особую, повышенную актуальность рассматриваемой нами темы.

Ярким примером послужило так называемое в прессе резонансное дело Долиной-Лурье[1], которому предшествовали десятки похожих дел в Самаре, Санкт-Петербурге, Казани, Москве и других населенных пунктах, когда пожилые продавцы обращаются в суд, утверждая, что их ввели в заблуждение.

Возникла негативная для добросовестных покупателей судебная практика, обобщенная исследователями[2], когда сделка признавалась недействительной, и продавцу возвращалось жилое помещение, а покупатель в итоге оставался и без квартиры, и без денег, да нередко еще и с задолженностью, поскольку жилье часто приобреталось посредством ипотечного финансирования.

Не намного легче воспринимаются покупателями решения судов с применением двусторонней реституции, поскольку в действительности вернуть покупателю уплаченные им пенсионеру деньги весьма проблематично. Даже когда суд признает сделку действительной, покупатели сталкива-

1 Доценко М. Разоблачаем «эффект Долиной» // Сколько людей реально пострадало от «бабушкиных схем»? 11.12.2025. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2025/12/11/razoblachaem_effekt_dolinoj__skolko_lyudej_realno_postradalo_ot_babushkinyh_shem. [Электронный ресурс] (дата доступа: 30.04.2026).

2 Покупка квартиры в 2025 году: как не потерять жильё после сделки. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gazetametro.ru/articles/kak-semja-iz-moskvy-vyplatila-ipoteku-i-poluchila-dokument-o-vyselenii-07-10-2025. [Электронный ресурс] (дата доступа: 30.04.2026).

ются со сложностью выселения продавцов, длительностью устанавливаемой судами отсрочки исполнения судебного решения от одного до шести месяцев, и др.

Такие судебные дела были исследователями обобщены. Думается, что противоречивость судебной практики косвенно стимулировала деятельность мошенников и недобросовестных продавцов недвижимости, что вызвало бурную негативную реакцию юристов и общественности, в том числе на безнаказанность посредников на рынке недвижимости, на пассивное поведение законодателя.

Казалось бы, нотариусы, контрольные и правоохранительные органы все контролируют, консультируют и охраняют права и интересы граждан в агентских и других посреднических договорах [5], но никто в действительности не несет гражданско-правовую ответственность за потерю квартиры или денег участниками договоров купли-продажи и других сделок.

В рамках договорных возможностей добросовестные посредники предусматривают различные способы защиты интересов своих заказчиков, например, рекомендуют и практикуют обязательную правовую экспертизу сделок с недвижимостью, проведение анкетирования продавцов, полезным считают общение с их родственниками владельцев объектов недвижимости и др.

Однако в первую очередь представляется необходимым установление законодателем правового режима посреднической деятельности путем принятия специального федерального закона.

После многолетнего непризнания социальной важности определения их правового режима и под воздействием общественности из-за резонансных дел (а не в силу самостоятельного инициативного признания такой значимости) председатель комитета по государственному строительству и законодательству Государственной Думы Павел Крашенинников выступил за принятие федерального закона о риелторской деятельности «для предотвращения распространения «бабушкиных схем» мошенничества с недвижимостью»[3].

Проблему повышения качества посреднических услуг и обеспечения добросовестности риэлторов предстояло (и еще предстоит) решить отечественному законодателю при обсуждении в 2016 году не прошедшего Государственную Думу проекта соответствующего Федерального закона[4] (далее – Законопроекта) посредством введения аттестации риэлторов и их обязательного членства в саморегулируемой организации.

Законопроект не был принят Государственной Думой РФ, поскольку посредническая деятельность была признана не имеющей высокой степень потенциальной опасности нанесения ущерба правам, законным интересам, жизни или здоровью контрагентов и третьих лиц[5]. Однако с данным выводом нам, как и ряду других авторов [6], трудно согласиться [1], [2], [4].

При формировании в постсоциалистической России рынка недвижимости и одного из его сегментов – посреднических услуг – законодатель столкнулся с проблемой введения сложных процедур аттестации риэлторов, обязательности членства посредников в саморегулируемых организациях или лицензирования посреднической деятельности.

Считаем, что при обсуждении вопроса о введении лицензирования в РФ не были достаточно глубоко проанализированы условия и последствия использования данного правового средства [6].

Думается, что введение отечественным законодателем лицензирования посреднической деятельности в сфере оборота недвижимости, действовавшего в период с 1996 по 2002 годы[6], оказалось преждевременным, не соответствующим состоянию рынка недвижимости в то время.

Обязательное членство риэлторов в саморегулируемых организациях представляется более посильной и мягкой для посредников и потребителей их услуг мерой прав регулирования.

Интересным экономико-правовым средством уменьшения риска потери жилья или денег представляется страхование риска потери жилья, но недоступное большинству россиян из-за его дороговизны (3-5 % стоимости жилья). К тому же далеко не каждая страховая организация примет на себя столь крупные и высоко вероятные в современных условиях риски.

Только резкое обострением в последние годы проблемы устойчивости оборота недвижимости обусловило, на наш взгляд, признание и начавшееся обсуждение законодательными и иными федеральными органами власти необходимости специального правового регулирования посреднической деятельности.

Таким образом, имеющийся опыт государственного регулирования правового режима посреднической деятельности допускает применение различных правовых средств, как по отдельности, так и в их различном сочетании.

Какие правовые средства будут (или не будут) избраны российским законодателем, покажет ближайшее будущее.

Пристатейный библиографический список

1. Минина А. А., Перепадя С. М., Перепадя О. А., Цыганкова Е. А. Актуальные вопросы правового регулирования рынка риэлтерских услуг // Право и государство: теория и практика. - 2021. - № 12 (204). - С. 86-89.
2. Боронтов Д. Н. К вопросу о регулировании риэлтерской деятельности / // Молодой ученый. - 2023. - № 8 (455). - С. 161-163.
3. Александрович В. В. Особенности правового статуса индивидуальных предпринимателей в Российской Федерации и за рубежом // Научное образование. - 2023. - № 4 (21). - С. 185-189.
4. Горшкова П. П. Регулирование риэлторской деятельности в Российской Федерации в сборнике: Взаимодействие науки и общества - путь к модернизации и инновационному развитию. Сборник статей Международной научно-практической конференции. В 2-х частях. - Уфа, 2023. - С. 188-189.
5. Пак М. З. Агентский договор в гражданском праве Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. - М. 2006. - 24 с.
6. Шпанагель Ф. Ф. Экономико-правовые проблемы агентской деятельности на рынке недвижимого имущества // Российская наука: актуальные исследования и разработки: сборник научных статей XIV Всероссийской научно-практической конференции, 22 сентября 2022 года: в 2 частях. Самарский государственный экономический университет. – Ч. 2. - Самара: Изд-во СГЭУ, 2022. - С. 412-415.

3 В ГД предложили способ борьбы с «бабушкиными схемами» при продаже квартир. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.interfax-russia.ru/main/v-gd-predlozhili-sposob-borby-s-babushkinymi-shemami-prodazhi-kvartir (дата доступа: 30.04.2026).

4 Проект Федерального закона № 1106182-6 «О посреднической (агентской) деятельности на рынке сделок с недвижимостью» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 22.06.2016). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=148257#0001874493391862l864 (дата доступа: 30.04.2026).

5 См.: Экспертное заключение по проекту Федерального закона N 1106182-6 «О посреднической (агентской) деятельности на рынке сделок с недвижимостью». Принято на заседании Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 14 ноября 2016 г. № 159-2/2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1106182-6. (дата доступа: 30.04.2026).

6 Лицензирование было введено Федеральным законом «О лицензировании отдельных видов деятельности». См.: Федеральный закон от 25.09.98 № 158-ФЗ. Утратил силу. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс] (дата доступа: 30.04.2026).

ШПАНАГЕЛЬ Федор Федорович
кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения экономической деятельности, Самарский государственный экономический университет

Шпанагель Ф. Ф.

КРЕСТЬЯНСКИЕ (ФЕРМЕРСКИЕ) ХОЗЯЙСТВА КАК СУБЪЕКТЫ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ВОПРОСЫ КЛАССИФИКАЦИИ

Крестьянские (фермерские) хозяйства как субъекты именно индивидуальной предпринимательской деятельности исследуются впервые.

Автор прослеживает тенденцию замены крестьянского семейного сельхозпроизводства, традиционно основанного, прежде всего, на совместном труде его членов, на фермерскую модель сельскохозяйственного бизнеса и смену терминов с «крестьянина» на «фермера» как владельца или арендатора земель, первоначально исторически совершенно не свойственного и неприменимого к отечественному крестьянству. Данный вывод оригинально обосновывается, в том числе, ссылкой на частотность употребления законодателем данных терминов.

Проводится сравнение различных форм крестьянских (фермерских) хозяйств, закрепленных нормами, как Гражданского кодекса РФ, так и Общероссийского классификатора организационно-правовых форм.

Автор обосновал предпринимательский характер деятельности фермерских хозяйств, не определенный законодателем.

В данной статье, одной из первых после принятия в 2025 году новой редакции Федерального закона «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» (далее - Федеральном законе), впервые предлагается изменить название Федерального закона «О крестьянском (фермерском) хозяйстве», назвав хозяйство не в единственном, а во множественном лице; проводится сравнение новых организационно-правовых форм: фермерского хозяйства – юридического лица с фермерским хозяйством без образования юридического лица; последнего автор не считает субъектом индивидуального предпринимательства, а главу такого фермерского хозяйства, являющегося индивидуальным предпринимателем, признает квази-органом квази-юридического лица.

Ключевые слова: крестьянское (фермерское) хозяйство, классификация, крестьяне, фермеры, индивидуальное предпринимательство, фермерское хозяйство – юридическое лицо, фермерское хозяйство без образования юридического лица.

SHPANAGEL Fyodor Fedorovich
Ph.D. in Law, associate professor of Legal support of economic activity sub-faculty, Samara State University of Economics

PEASANT (FARM) FARMS AS SUBJECTS OF INDIVIDUAL ENTREPRENEURSHIP: LEGAL NATURE AND CLASSIFICATION ISSUES

Peasant (farm) farms as subjects of individual entrepreneurship are being studied for the first time.

The author traces the trend of replacing peasant family farming, which is traditionally based on the joint labor of its members, with a farm model of agricultural business, and the change in terminology from "peasant" to "farmer" as the owner or tenant of land, which was historically completely unrelated and inapplicable to the Russian peasantry. This conclusion is supported by an original argument, including a reference to the frequency of use of these terms by the legislator. The article compares various forms of peasant (farm) enterprises, which are regulated by both the Civil Code of the Russian Federation and the All-Russian Classification of Organizational and Legal Forms.

The author substantiated the entrepreneurial nature of the activities of farms that were not defined by the legislator.

This article, one of the first after the adoption in 2025 of the new version of the Federal Law "On Peasant (Farmer) Farming" (hereinafter referred to as the Federal Law), for the first time proposes to change the name of the Federal Law "On Peasant (Farmer) Farming", naming the farm not in the singular, but in the plural; a comparison of the new organizational and legal forms: a farm is a legal entity with a farm without forming a legal entity; the author does not consider the latter to be a subject of individual entrepreneurship, and recognizes the head of such a farm, who is an individual entrepreneur, as a quasi–body of a quasi-legal entity.

Keywords: peasant (farm) economy, classification, peasants, farmers, individual entrepreneurship, farm economy – legal entity.

Продовольственная безопасность является одним из необходимых условий суверенности современного государства. Важную роль в ее обеспечении играет деятельность фермерских хозяйств, которые занимают большую долю отечественного сельскохозяйственного производства, предоставляют рабочие места значительной части трудоспособного сельского населения, поэтому вопросы надлежащего государственного регулирования их правового положения, классификации их на виды для выявления общих и особенных черт представляются актуальными для исследования.

Избранная тема актуально и тем, что, по нашему мнению, существенное сокращение количества фермеров за последние 10 лет обусловлено, в том числе, недостаточно четким определение их правового статуса. Нельзя не отметить также недостаточность внимания юристов [2], [5] к проблемам статуса и деятельности фермерских хозяйств.

Дополнительная значимость изучения вопросов, связанных с крестьянскими (фермерскими) хозяйствами обусловлена существенными, можно даже считать коренными, изменениями в виде новой редакции[1] Федерального закона «О крестьянском (фермерском) хозяйстве»[2] (далее – Федеральный закон), внесенными в 2025 году и еще не получившими надлежащего рассмотрения.

Так, после принятия новой редакции Федерального закона и до настоящего времени, единственной, насколько нам известно, причем монографической научной работой (пока на правах рукописи) является кандидатская диссертация Д. Х. Бит-Мурата [1], что обусловливает актуальность изучения многочисленных вопросов избранной нами темы.

1 Федеральным законом от 31.07.2025 № 352-ФЗ). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_42662/6f2ed9065c4174387c4d50811ddba59739be9046/. (дата обращения: 20.04.2026).

2 Федеральный закон «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» от 11.06.2003 № 74-ФЗ (последняя редакция). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_42662/. (дата обращения: 20.04.2026).

Из-за многочисленности правовых проблем деятельности и правового положения крестьянских (фермерских) хозяйств ограничимся изучением их правовой природы и классификации их видов, от которых другие вопросы представляются производными.

В нашей стране в различные исторические периоды поразному складывалось и изменялось использование различных форм ведения сельскохозяйственного производства: от труда почти полностью бесправных крестьян во времена крепостного права с дополнительными обременениями, налагаемыми на них крестьянской общиной, до многочисленных, включая крупных, сельскохозяйственных производителей, закупочно-снабженческих, посреднических и торговых организаций во время многовекового существования Российской империи.

Далее следует период массовой и жестокой коллективизации крестьян с превращением их без их свободного волеизъявления в колхозников (членов колхозного двора) и работников совхозов с одновременным неодобрением советским государством и почти полностью искорененной им многомиллионной категории крестьян – единоличников во время строительства и развития социализма.

Настоящий период преобразования индивидуальных сельскохозяйственных производителей в участников индивидуального предпринимательства предлагаем назвать крестьянско-фермерским (последовательным и, как нам представляется, неизбежным преобладанием модели фермерских хозяйств, когда происходит восстановление и развитие различных форм коллективного и индивидуального аграрного бизнеса в быстро изменяющихся и высоко конкурентных условиях данной отрасли современного капиталистического производства).

При уточнении исходных понятий темы выявляется следующая тенденция: в настоящее время постепенно, но заметно выходящий «из моды», из массового словоупотребления хорошо известный и традиционный для россиян термин «крестьянин» замещается заимствованным законодателем и широко распространенным в Западной Европе и США в качестве основной формы индивидуального предпринимательства еще с середины позапрошлого века и быстро вошедшим в российский деловой словарь термин «фермер» (от франц. Fermier, от ferme, ферма) [3], как собственник или арендатор фермы как предприятия.

Так, в 2003 году был принят специальный федеральный закон «О крестьянском (фермерском) хозяйстве, определивший правовой статус, правда, не крестьянина и фермера, а крестьянского (фермерского) хозяйства как основного понятия. Кстати, термины «крестьянин» и «фермер» современный законодатель использует уже как синонимы, при этом, по нашему мнению, не употребляя термин «крестьянское хозяйство», только отдавая дань прошлому термину «крестьянин» и перейдя к термину «фермерское хозяйство» как основному. Данный вывод подтверждается частотой использования данных терминов в Федеральном законе. Да и в современном деловом обороте термин «крестьянское хозяйство» уже обычно не используется.

Объектами классификации в Общероссийском классификаторе организационно-правовых форм[3] (далее – Классификатор ОКОПФ) являются организационно-правовые формы юридических лиц, а также для граждан, осуществляющих коммерческую деятельность или деятельность, не отнесенную законодательством к предпринимательству. Однако до закрепления самой классификации таких форм в нем дано общее определение организационно-правовой формы, под которой понимается способ закрепления (формирования) и использования имущества только организацией, как и вытекающие из этого ее правовое положение и цели предпринимательской деятельности. Понятие организационно-правовой формы для субъектов именно индивидуального предпринимательства в нем вообще не определено, что следует отнести к недостаткам данного классификатора.

Считаем, что данное определение условно применимо лишь к фермерскому хозяйству без образования юридического лица, имеющему в определенной мере организационное единство как объединения физических лиц, иначе говоря, организацию; и некоторую отдаленную аналогию с другими организациями, не являющимися юридическими лицами (филиалами, представительствами, обособленными подразделениями юридических лиц, и др.). Такое фермерское хозяйство можно назвать организацией с «усеченным правовым статусом», иначе говоря, квази-юридическим лицом или «недоразвившимся юридическим лицом», если использовать термины, примененные в свое время Е. А. Флейшиц [4, с. 20-25], правда, в совершенно ином контексте. Е. А. Флейшиц полагала, что поскольку юридическим лицом является собственник имущества, то любая государственная организация - это «недоразвившееся» юридическое лицо (можно сказать, квази-«юридическое лицо»). В нашем случае эти термины наиболее точно отражают «промежуточное» положение фермерского хозяйства без образования юридического лица между субъектами индивидуального и коллективного предпринимательства.

Фермерские хозяйства как участники коллективного, так и индивидуального предпринимательства имеют многие общие черты, начиная с единого (общего) легального определения их понятия, видов деятельности, и другие.

При этом отметим, что в пункте 5 статьи 23 ГК РФ прямо не называется предпринимательской производственная и иная хозяйственная деятельность граждан в области сельского хозяйства. В пункте 1 статьи 1 Федерального закона дается общее определение данного хозяйства как объединения граждан, связанных родством и (или) свойством, а в ограниченном количестве также и иных граждан, с их обязательным личным участием в его деятельности. Оно признается сельскохозяйственным товаропроизводителем и, в силу этого имеет ограниченную правосубъектность и другие свойства.

В целом по своей основной цели и другим признакам (наличию риска, систематичности, способам осуществления деятельности и др.) она является, как правило, предпринимательской, что подтверждается самим названием статьи 23 ГК РФ: «Предпринимательская деятельность граждан», следовательно, включая и крестьян (фермеров) (согласно п. 5).

Первоначальная редакция Федерального закона, судя по его названию, определила правовое положение фермерских хозяйств как единого субъекта, хотя, как нам представляется, и в то время существовали многочисленные и существенные различия между фермерскими хозяйствами, не являвшимися или являвшимися юридическими лицами. Именно они вызвали, по нашему мнению, необходимость введения этих (поэтому только относительно новых) организационно-правовых форм, обусловили принятие новой редакции всего Федерального закона. С учетом существенного изменения содержания Федерального закона, следовало в его новой редакции изменить и его название, заменив слова с «крестьянском (фермерском) хозяйстве» на «крестьянских (фермерских) хозяйствах», поскольку правового статуса единого фермерского хозяйства, на наш взгляд, не существует.

Пристатейный библиографический список

1. Бит-Мурат Д. Х. Крестьянское (фермерское) хозяйство в системе отношений, регулируемых гражданским законодательством: дис. … канд. юрид. наук (частноправовые науки). - Санкт Петербург, 2025. - 232 с.
2. Масленникова Л. В., Бубненков Р. Р. К вопросу об отдельных особенностях банкротства крестьянского (фермерского) хозяйства //Аграрное и земельное право. - 2024. - № 7 (235). - С. 124-126.
3. Михельсон А. Д. Объяснение 25000 тысяч иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с окончанием их корней / Сост. по словарям: Гейзе, Бешереля, Брокгауза, Александра, Рейфа и др. Миъхельсон. - Москва, 1865 [2]. - 718 с.: 21.
4. Флейшиц Е. А. Торгово-промышленное предприятие. - М., 1924. - С. 20-25.
5. Чупина И. П., Зарубина Е. В., Симачкова Н. Н., Журавлева Л. А., Фатеева Н. Б. К проблеме правового регулирования крестьянского (фермерского) хозяйства, как организационно-правовой формы // International agricultural journal. - 2023. - № 1. - С. 215-223.

3 ОК 028-2012. Общероссийский классификатор организационно-правовых форм (утв. Приказом Росстандарта от 16.10.2012 № 505-ст) (ред. от 30.07.2025) (вместе с «Пояснениями к позициям ОКОПФ»). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139192. (дата обращения: 20.04.2026).

DOI 10.46320/2073-4506-2026-4-215-329-332

Ван Бода

ВАН Бода
аспирант кафедры предпринимательского права, Юридический факультет, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

ЗАКОН КНР «О ЦЕННЫХ БУМАГАХ» В РЕДАКЦИИ 2019 Г.: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

В статье анализируются основные новеллы Закона КНР «О ценных бумагах» в редакции 2019 г. Установлено, что реформа обеспечила качественный сдвиг от административного контроля над эмиссией к регистрационной (уведомительной) модели, при которой оценка финансово-экономических показателей эмитента больше не оценивается административными органами. Выделены две ключевых тенденции развития правового регулирования ценных бумаг в Китае: совершенствование системы защиты прав инвесторов и усиление требований к раскрытию информации (на фоне отказа от предварительного административного контроля). Введение института коллективного иска и ужесточение требований к раскрытию информации создают потенциал для частноправовой защиты инвесторов, однако практическая реализация этих механизмов ограничена высоким порогом инициирования исков и отсутствием унифицированных судебных стандартов.

Ключевые слова: Китай, рынок ценных бумаг, Закон о ценных бумагах, реформа, регистрационная система, защита инвесторов, коллективный иск, раскрытие информации.

WANG Boda
postgraduate student of Business law sub-faculty, Faculty of Law, M. V. Lomonosov Moscow State University

THE 2019 REVISION OF THE PRC SECURITIES LAW: MAIN TRENDS

The article analyses the principal amendments introduced by the 2019 revision of the PRC Securities Law. The reform is found to have produced a qualitative shift from administrative control over securities issuance to a registration-based model, under which the financial and economic performance of issuers is no longer assessed by administrative authorities. Two key trends in the development of Chinese securities regulation are identified: the strengthening of investor protection and the tightening of disclosure requirements, both emerging against the backdrop of the abandonment of prior administrative approval. The introduction of a representative litigation procedure and more stringent disclosure standards create a framework for private law enforcement; in practice, however, the operation of these mechanisms remains constrained by high initiation thresholds and the absence of unified judicial standards.

Keywords: China, securities market, Securities Law, reform, registration system, investor protection, representative litigation, information disclosure.

Введение

Актуальность. Китайский рынок ценных бумаг занимает одно из ведущих мест в мировой финансовой системе. По совокупной рыночной капитализации Шанхайская и Шэньчжэньская фондовые биржи устойчиво входят в десятку крупнейших в мире, а регулирующее их законодательство последовательно реформируется с начала 1990-х гг. Принятая в декабре 2019 г. и вступившая в силу 1 марта 2020 г. новая редакция Закона КНР «О ценных бумагах» стала наиболее масштабным пересмотром базового регуляторного акта за двадцатилетнюю историю его существования.

Актуальность изучения этой реформы для российской правовой науки обусловлена несколькими взаимосвязанными обстоятельствами. Китай является крупнейшим торгово-экономическим партнером России, и правовая среда китайского рынка капитала непосредственно затрагивает интересы российских участников, в том числе инвесторов и эмитентов, ориентированных на привлечение финансирования на китайском рынке. При этом в сравнительно-правовом отношении переход от системы одобрения к регистрационной системе воспроизводит траекторию, пройденную ведущими западными рынками, однако реализуется в специфических институциональных условиях, неизбежно порождающих отклонения от заимствуемых моделей.

Степень научной разработанности темы в российской литературе остается неравномерной. Становление и динамика регулирования китайского фондового рынка отражены в работах С. Ду [1], а также Ю. В. Колдаевой и А. А. Юрченко [2]. Общее финансово-правовое регулирование китайского рынка ценных бумаг было рассмотрено К. А. Карповым [3]. Правовые аспекты доступа иностранных инвесторов на китайские рынки ценных бумаг исследовались Д. С. Четверговым [4]. Вопросы корпоративного управления и защиты прав инвесторов в контексте китайского опыта анализировали В. С. Весельский [5], А. Д. Мансуров и И. А. Новиков [6].

Вместе с тем специального исследования институциональных новелл редакции 2019 г., в первую очередь, регистрационной системы и механизмов частноправовой защиты инвесторов, в российской доктрине пока не проводилось. Настоящая статья призвана восполнить этот пробел.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в связи и по поводу эмиссии и обращения ценных бумаг, а также в связи с защитой прав инвесторов на рынке ценных бумаг Китайской Народной Республики.

Цель настоящей статьи – выявить основные тенденции, заложенные редакцией новеллами 2019 г. в Законе КНР «О

ценных бумагах» и оценить практические пределы реализации заявленных изменений.

Материалы и методы

Нормативную основу исследования составляет Закон КНР «О ценных бумагах» в редакции 2019 гг., а также нормативные акты, принятые в его развитие, в том числе нормативные документы Китайской комиссии по ценным бумагам (CSRC). Привлечены материалы Пекинского финансового суда, отражающие практику применения новелл 2019 г.

Доктринальную базу образуют работы китайских и российских исследователей. Среди первых значимое место занимают публикации Пэн Бина, Цянь Цзюня, Дин Юсяна и Лю Цзюньхая, позволяющие рассмотреть реформу в координатах самой китайской правовой науки. Российская литература по проблематике рынка ценных бумаг КНР представлена работами С. Ду, К. А. Карпова, Д. С. Четвергова и ряда других авторов.

Методологически исследование опирается, прежде всего, на сравнительно-правовой метод: переход от системы одобрения к регистрационной рассмотрен в соотнесении с регуляторными моделями, сложившимися в России, США, Великобритании. Формально-юридический метод применялся при анализе конкретных законодательных новелл, в частности при разборе ст. 95 Закона КНР «О ценных бумагах» о коллективном иске и обновленных требований к раскрытию информации. Историко-правовой анализ обеспечил контекст для оценки реформы 2019 г. как этапа в более чем вековой истории развития китайского рынка ценных бумаг. Там, где законодательный замысел расходится с практическими результатами его реализации, использовался метод критического правового анализа с опорой на доктринальные оценки и судебные материалы.

Результаты и обсуждения

Истоки законодательства о ценных бумагах в Китае

Организованная торговля ценными бумагами в Китае началась еще в позднее имперский период. В 1872 г. «Флотская торговая компания» (轮船招商局) стала первым в стране акционерным предприятием, привлекавшим капитал через выпуск акций. В 1882 г. была основана Шанхайская компания Пинхуай (Shanghai Pinghuai Stock Company) – первый в стране профессиональный посредник на рынке акций. К 1914 г. рынок получил и организационную, и законодательную основу: был учрежден Шанхайский коммерческий фондовый союз (Shanghai Stock Commercial Association) и принят первый в стране «Закон о фондовых биржах» (证券交易所法) [7].

После освобождения Шанхая в мае 1949 г. фондовые биржи в Шанхае, Тяньцзине и ряде других городов были закрыты. Полуколониальная система дореформенного рынка прекратила существование вместе с переходом к социалистической экономике.

Возобновление рыночной активности стало возможным лишь в ходе реформ и политики открытости [8]. В 1984 г. компания Shanghai Feilo Acoustics Co., Ltd. разместила среди населения 10 000 акций на сумму 500 000 юаней, положив тем самым начало фондовому рынку нового Китая [9].

В начале 1992 г., в ходе поездки по южным провинциям, Дэн Сяопин поддержал развитие фондового рынка, публично оценив его не как сугубо капиталистический феномен, а как инструмент, который социализм вправе использовать при условии последовательного практического освоения [10]. Это высказывание стало политическим сигналом к институциональному оформлению рынка ценных бумаг. Уже в октябре того же года были учреждены Государственный комитет по ценным бумагам при Государственном совете и Китайская комиссия по ценным бумагам (CSRC), пришедшие на смену прежнему отделу управления ценными бумагами Народного банка Китая. Первым председателем CSRC стал Лю Хунжу [11].

В 1993 г. начался законодательный процесс по созданию специального закона о рынке ценных бумаг [12]. К тому моменту правовая база явно не успевала за темпами роста рынка. Открытие Шанхайской и Шэньчжэньской фондовых бирж выявило правовые пробелы, дублирование надзорных полномочий и недостаточную защиту инвесторов. Совокупность этих недостатков превращалась в системную проблему.

29 декабря 1998 г. Постоянный комитет Девятого Всекитайского собрания народных представителей принял Закон КНР «О ценных бумагах». Поправки в него вносились в 2004, 2005, 2013 и 2014 г. Редакция 2019 г. оказалась наиболее масштабной. Она закрепила систему регистрации, ужесточила требования к раскрытию информации и существенно расширила инструментарий защиты инвесторов.

Значение новой редакции Закона КНР «О ценных бумагах»

Редакция 2019 г. получила в китайской доктрине развернутую оценку. Расхождения между исследователями касаются не столько значимости реформы, сколько того, какое из ее направлений является определяющим.

В частности, Пэн Бин рассматривает закон как попытку законодателя решить сразу две задачи: стимулирование корпоративного финансирования и укрепление защиты инвесторов [13]. Так, среди нововведений особое место занимает институт коллективного иска. Механизм призван сосредоточить разрозненные требования мелких инвесторов и снизить для них порог доступа к правосудию. Пока, однако, он работает неравномерно. Инициирование исков сопряжено с высоким формальным порогом, а мотивация потенциальных участников остается слабой.

Несколько иной ракурс предлагает Цянь Цзюнь [14]. В его оценке переход от системы одобрения (核准制) к регистрационной системе (注册制) представляет собой самостоятельное структурное достижение, а не техническую реформу эмиссионного процесса. Регулятор перестает оценивать инвестиционную привлекательность эмитента, передавая этот вопрос рынку. Для технологических компаний (особенно, стартапов), которые при системе одобрения нередко не отвечали критериям прибыльности, это открыло реальный доступ к рынку капитала.

Судья Пекинского финансового суда Дин Юсян дополняет оба взгляда практическим измерением [15]. Наиболее существенным он считает отмену предварительных административных процедур по делам о ложных заявлениях публичных компаний. В сочетании с институтом коллективного иска это реально расширило доступ мелких инвесторов к судебной защите. Повышение приоритета гражданской ответственности перед административной, судья квалифицирует как устойчивую тенденцию, уже закрепленную в практике Пекинского финансового суда.

За различием ракурсов три позиции фиксируют одно направление реформы. Регулятивный акцент последовательно смещается с административного контроля на рыночную дисциплину и частноправовую защиту.

Сравнение системы регистрации и системы одобрения

Наиболее явным проявлением тренда на сокращение административной нагрузки является смена системы предварительного одобрения на систему регистрации.

При регистрационной системе (注册制) эмитент проходит формальную проверку. Регулятор удостоверяется в полноте и достоверности раскрытой информации, но не оценивает инвестиционную ценность или качество ценной бумаги. Если поданные документы соответствуют установленным требованиям, разрешение на выпуск предоставляется. Оценку эмитента берет на себя рынок. Иными словами, регистрационная система представляет собой аналог уведомительного порядка в российском правопорядке.

При системе одобрения (核准制) картина иная. Помимо раскрытия информации эмитент обязан соответствовать содержательным критериям, установленным регулятором, таким как прибыльность, размер уставного капитала и стандарты корпоративного управления. Регулятор проверяет не только полноту документов, но и финансово-экономические показатели эмитента, и лишь при соблюдении всех условий одобряет выпуск. Такой подход обеспечивает превентивный контроль рыночных рисков, однако одновременно концентрирует в руках регулятора значительные дискреционные полномочия. Как следствие, система одобрения порождала устойчивые стимулы для административной ренты.

Регистрационная система устраняет эту зависимость, переводя регуляторный акцент на контроль качества раскрытия информации.

При этом соответствующие изменения были внедрены, в том числе, под воздействием международной коммерческой практики. Зрелые рынки, (прежде всего США, Великобритания и Гонконг) последовательно работают на основе регистрационного принципа, и китайский рынок испытывал очевидное давление в пользу гармонизации, в том числе через собственный опыт пилотных площадок STAR Market (科创板) и ChiNext (创业板).

Наконец, регистрационная система открыла рынок капитала для технологических и малых предприятий с высоким потенциалом роста, которые при системе одобрения структурно проигрывали из-за ориентации последней на ретроспективные финансовые показатели.

Как следствие, через несколько лет после реформы 2019 г., к 2023-2024 гг., регистрационная система охватила все сегменты китайского рынка капитала.

Оценка механизмов защиты инвесторов

Как отмечает Лю Цзюньхай, Закон о ценных бумагах выступает одновременно регуляторным актом и органичной частью правовой архитектуры рыночной экономики [16]. Как следствие, укрепление инвесторской защиты в новой редакции неотделимо от мер по снижению издержек привлечения капитала для реального сектора.

По сравнению с редакцией 1998 г. каналы такой защиты качественно изменились. Прежде инвесторы располагали преимущественно административными мерами и индивидуальными гражданскими исками. Для большинства мелких участников рынка эти инструменты были практически недоступны из-за высоких издержек и сложности доказательной базы. Редакция Закона КНР «О ценных бумагах» 2019 г. добавила институт коллективного иска и закрепила приоритет гражданской ответственности, что в теории делает компенсацию реально достижимой.

Центральным нововведением стал институт коллективного иска через представителей, закрепленный в ст. 95 Закона КНР «О ценных бумагах». Механизм позволяет инвесторам при соблюдении определенных условий объединять разрозненные требования и предъявлять их через уполномоченного представителя, что существенно снижает литигационные издержки каждого отдельного инвестора. Потенциально такой подход также повышает стоимость нарушения для эмитентов и посредников. Риск коллективного иска значительно ощутимее, чем перспектива единичных претензий.

Дополнительно закон переработал требования к раскрытию информации. Действующая редакция охватывает не только периодическую отчетность, но и проспекты эмиссии и уведомления о существенных событиях, устанавливая стандарты достоверности, точности, полноты, своевременности и равноправности. Ужесточена ответственность за манипулирование рынком и инсайдерскую торговлю. Административные и гражданские санкции за соответствующие нарушения существенно возросли.

На практике, однако, картина сложнее. Порог инициирования иска остается высоким, критерии квалификации коллективного интереса не унифицированы, а стандарты расчета компенсации требуют дальнейшей проработки в судебной практике.

Внедрение новых механизмов сопряжено и с более глубокими структурными трудностями. Переход к регистрационной системе предполагает, что ответственность за оценку эмитентов перемещается с регулятора на инвесторов. Это работает только при высоком качестве раскрываемой информации и достаточной аналитической грамотности участников рынка. Ни то ни другое в полной мере не обеспечено. Регуляторы испытывают дефицит ресурсов в сфере контроля над качеством раскрытия, а значительная часть мелких инвесторов, не имеет необходимой финансовой подготовки для самостоятельной оценки рисков. В этом контексте ужесточение санкций, при всей его важности, не снимает вопроса о том, насколько правоприменение способно превентивно выявлять и пресекать сложные нарушения.

Обращение к международному опыту здесь неизбежно, хотя и требует осторожности. Рынки США, Великобритании и Гонконга накопили значительный опыт применения регистрационного принципа и механизмов коллективной защиты инвесторов. Прямой перенос этих инструментов на китайскую почву, однако, сопряжен с адаптационными рисками. Структура участников рынка, уровень правосознания инвесторов и традиции правовой системы существенно различаются [17]. Их переосмысление применительно к местной специфике обязательно. Отмеченное касается как проектирования требований к раскрытию информации, так и выстраивания судебных механизмов защиты [18].

Заключение

Редакция Закона КНР «О ценных бумагах» 2019 г. завершила законодательный процесс, начатый еще в 1993 г. За прошедшие годы базовая редакция закона корректировалась четырежды, каждый раз затрагивая отдельные элементы без пересмотра архитектуры в целом. Редакция 2019 г. пошла дальше. В отличие от предшественников, она не адаптирует прежнюю модель, а меняет ее основание, переходя от административных механизмов к рыночным.

Соответствующий сдвиг охватывает несколько направлений:

1. Отказ от системы предварительного одобрения эмиссии и переход к регистрационной (уведомительной) модели устранили структурный источник административной ренты, а также открыли рынок капитала для технологических компаний, которые при системе одобрения проигрывали из-за ориентации последней на ретроспективные финансово-экономические показатели.

2. Расширение способов защиты прав инвесторов, в первую очередь, через внедрение института коллективного иска, создало потенциал для реального частноправового контроля над поведением публичных компаний-эмитентов и посредников на рынке ценных бумаг.

В совокупности эти изменения формально сближают китайскую модель с практикой зрелых международных рынков.

Вместе с тем между законодательным замыслом и практикой сохраняется определенный разрыв, который не следует недооценивать. Регистрационная система предполагает, что рынок самостоятельно оценивает качество эмитентов. Это требует высокого качества раскрытия информации, что пока не обеспечено в полной мере. Институт коллективного иска сталкивается с нехваткой унифицированных судебных стандартов.

Ни один из этих пробелов не свидетельствует о концептуальных изъянах реформы, однако каждый из них ограничивает ее практический эффект.

Пристатейный библиографический список

1. Ду С. Особенности и этапы формирования фондового рынка в Китае // Общество. Среда. Развитие. – 2023. – № 3 (68). – С. 15-20.
2. Колдаева Ю. В., Юрченко А. А. Развитие фондового рынка Китая // Актуальные вопросы современной экономики. – 2023. – № 6. – С. 391-399.
3. Карпов К. А. Финансово-правовое регулирование рынка ценных бумаг Китайской Народной Республики // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2023. – № 7 (107). – С. 196-207.
4. Четвергов Д. С. Правовые аспекты доступа иностранных инвесторов на рынок ценных бумаг Китайской Народной Республики // Предпринимательское право. – 2024. – № 3. – С. 51-56.
5. Весельский В. С. Совершенствование правового регулирования корпоративного управления на рынке ценных бумаг как инструмент защиты прав инвесторов, перспективы применения опыта КНР // Евразийский юридический журнал. – 2025. – № 6 (205). – С. 327-330.
6. Мансуров А. Д., Новиков И. А. Проблемы рынка ценных бумаг Китая: корпоративное управление и государственное регулирование // Human Progress. – 2025. – Т. 11. № 5. – Ст. 4.
7. Цзоу Цзиньвэнь, Ма Тэн. Исследование эволюции регулирования ценных бумаг в Китае // Журнал Центрального южного финансово-экономического университета. – 2017. – № 3. – С. 141-147.
8. Пань Сяося. Особенности и повседневность современного китайского финансового рынка. – Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэнсянь чубаньшэ, 2022. – 272 с.
9. Ван Гуоган. 70 лет китайских финансов. – Пекин: Цзинцзи кэсюэ чубаньшэ, 2019. – 397 с.
10. Дэн Сяопин. Избранные труды. Т. III. – Пекин: Народное издательство, 2011. – 432 с.
11. Мо Вэньгуан. Перспективы рынка ценных бумаг Китая. – Гонконг: Chinese University Press, 1997. – 413 с.
12. Лю Янь, Лоу Цзяньбо. Капитальная система в корпоративном праве и рынок ценных бумаг: институциональные изменения, правовая имплементация и практика в Китае // Юридические науки о ценных бумагах. – 2014. – № 12 (003). – С. 1-40.
13. Пэн Бин. Закон о ценных бумагах: первоначальный замысел законодательства заключается в одновременном содействии корпоративному финансированию и защите инвесторов. // Жэньминь ван. – 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://money.people.com.cn/n1/2019/1231/c42877-31530442.html (дата обращения: 07.05.2026).
14. Цянь Цзюнь. Новый Закон о ценных бумагах и полное внедрение регистрационной системы: важный шаг к зрелому рынку. // Исследовательский центр финансов и ценных бумаг Фуданьского университета. – 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://fisf.fudan.edu.cn/en_show-81-51.html (дата обращения: 07.05.2026).
15. Дин Юсян. Новые тенденции гражданско-правовой защиты на рынке капитала после вступления в силу нового Закона о ценных бумагах. // Пекинский финансовый суд. – 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bjfc.bjcourt.gov.cn/cac/1756102852223.html (дата обращения: 07.05.2026).
16. Лю Цзюньхай. Инновации в институциональной системе законодательства о ценных бумагах. // Iolaw.cssn.cn. - 2006. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://iolaw.cssn.cn/zxzp/200605/t20060512_4598123.shtml (дата обращения: 07.05.2026).
17. Чжу Цзиньвэнь. Система права социализма с китайской спецификой: структура, особенности и тенденции // Китайские социальные науки. – 2011. – № 3. – С. 20-39.
18. Го Ли. Реконструкция и совершенствование системы раскрытия информации котирующихся компаний Китая в условиях регистрации // Коммерческая экономика и управление. – 2020. – № 9. – С. 92-101.

КУДРЯШОВ Алексей Александрович
аспирант, Академия труда и социальных отношений

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ ИМПОРТ В РОССИИ КАК ПРАВОВОЕ ЯВЛЕНИЕ: ГЕНЕЗИС ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

В настоящей статье представлены основные этапы изменения подхода законодателя к правовому регулированию отношений в сфере параллельного импорта. Автором проанализированы причины и суть изменений с учетом подходов судебных и административных органов к рассмотрению вопросов применения ответственности за нарушения в этой сфере. В статье проанализированы проблемы применения санкций к нарушителям прав на товарные знаки в условиях изменения концепции параллельного импорта. Сделан вывод о необходимости выделения трех этапов в истории правового регулирования этой сферы в соотношении с изменением принципа исчерпания прав на товарный знак.

Ключевые слова: параллельный импорт, исключительное право на товарный знак, принцип исчерпания прав, ответственность за нарушение исключительных прав на товарный знак.

KUDRYASHOV Alexey Alexandrovich
postgraduate student, Academy of Labor and Social Relations

PARALLEL IMPORTS IN RUSSIA AS A LEGAL PHENOMENON: THE GENESIS OF LEGAL REGULATION AND LAW ENFORCEMENT

This article presents the main stages of changing the legislator's approach to the legal regulation of relations in the field of parallel imports. The author analyzed the reasons and essence of the changes, taking into account the approaches of judicial and administrative bodies to consider issues of applying responsibility for violations in this area. The article analyzes the problems of applying sanctions to violators of trademark rights in the context of a change in the concept of parallel imports. It was concluded that it is necessary to distinguish three stages in the history of legal regulation of this area in relation to a change in the principle of exhaustion of rights to a trademark.

Keywords: parallel import, exclusive right to trademark, principle of exhaustion of rights, liability for violation of exclusive rights to trademark.

Параллельный импорт представляет собой сложное правовое явление, сочетающее вопросы гражданского, таможенного, международного и административного (публичного) права. Правовые аспекты параллельного импорта долгое время не являлись объектом пристального внимания юристов. В научной литературе дискуссия по указанной проблеме поддерживалась лишь несколькими исследователями, среди которых следует выделить автора первой диссертации [1] и монографии [2] по этому вопросу В. В. Пирогову, а также В. Ф. Колерова [3], значительно позднее развившего тему параллельного импорта в качестве объекта диссертационного исследования. В настоящее время, несмотря на активизацию отношений импорта оригинальных товаров на территорию РФ в связи с усилением санкций и разрушением сложившихся ранее цепей поставок товаров в нашу страну, комплексных правовых исследований проблем параллельного импорта остается по-прежнему мало. Одной из немногих работ, имеющих фундаментальный характер, является диссертационное исследование С. А. Ляпцева [4]. В основном в научной публицистике преобладают историко-экономические исследования, отражающие отдельные аспекты рассматриваемой проблематики.

С точки зрения экономики проблема параллельного импорта, действительно, имеет большой резонанс, поскольку связана с обсуждением насущных вопросов насыщения потребительского рынка в России и обеспечением предпринимательской деятельности большого количества компаний, импортирующих оборудование, отдельные товары для производства своей продукции или эксплуатации средств производства. С началом Специальной военной операции и уходом иностранных организаций – производителей или официальных поставщиков – наиболее уязвимыми оказались такие отрасли народного хозяйства, как машиностроение, самолетостроение, фармакология, производство медицинского и промышленного оборудования. Рынок продовольственных товаров также лишился популярных в России продуктов, что не могло не привести к недовольству отечественных потребителей. В связи с этим экономические аспекты параллельного импорта занимают значимую часть научного дискурса в рамках данной проблематики. Ученые [5] рассматривают положительные и отрицательные стороны этого явления, просчитывают риски основных участников отношений по импорту маркированных товаров без согласия правообладателя, а именно самого правообладателя, владельца исключительного права на товарный знак; официальных дилеров этого лица, имеющих лицензионные соглашения по использованию товарного знака; субъектов предпринимательской деятельности, приобретающие товары для коммерческого использования, государство или ряд государств, а также потребители указанного товара или связанных с ним услуг. Таким образом, круг интересантов эффективного взаимодействия в рамках отношений по ввозу оригинальных маркированных товаров и их использования в различных целях достаточно широк. Это, во многом, и порождает сложность правового регулирования отношений, как с позиции правотворческого органа, так и правоприменителей, включая правоохранительные органы и органы государственного контроля и надзора.

История правового регулирования параллельного импорта в России началась с довольно либерального подхода к вопросам ввоза в страну для коммерческих целей оригинальных товаров субъектами, не являющимися официальными дилерами производителя. Закон РФ «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров»[1] в редакции до 2002 г. нарушением исключительно-

1 Закон РФ «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» от 23 сентября 1992 г. № 3520-1 (утратил силу)// СПС «Консультант плюс», 2026. (утратил силу).

го права на товарных знак признавал «несанкционированное изготовление, применение, ввоз, предложение к продаже…, иное введение в хозяйственный оборот или хранение товарного знака или товара, обозначенного этим знаком». В позитивном аспекте право на товарный знак представляет собой совокупность правомочий владельца товарного знака пользоваться и распоряжаться им, а также требовать запрета незаконного использования такого знака (ч. 1 ст. 4 Закона). В указанном Законе, кроме того, было легализовано и ограничение права на товарный знак – так называемый принцип «исчерпания прав» (ст. 23 Закона), в соответствии с которым правообладатель не может запретить использовать товарный знак участникам рынка в случае, если маркированные этим знаком товары были введены в хозяйственный оборот самим правообладателем или с его согласия. Таким образом, начина с Закона 1992 г., в российском законодательстве получил закрепление международный принцип исчерпания прав. Это означает, что товар, приобретенный на законных основаниях у производителя и попавший на территорию РФ, может дальше использоваться в гражданском обороте без разрешения производителя. При этом, исключительное право на товарный знак он не теряет, а товар может свободно перемещаться на территории государства. Отсутствие в Законе в первоначальной редакции указание на страну ввоза товара позволяла отечественным предпринимателям и юристам говорить о допустимости в РФ такого явления, как параллельный импорт.

В связи с этим важно отметить происхождение самого понятия «параллельный импорт». Оно означает ввоз в страну в коммерческих целях маркированного товара предпринимателями, приобретшими товар у зарубежного производителя или дилера по договорам гражданско-правового характера, наряду или «параллельно» с лицами, осуществляющими продажу такого товара в соответствии с лицензионными договорами, заключенными с производителями, владельцами товарного знака. Таким образом, официальные дилерские центры торгуют оригинальными маркированными товарами наравне с предпринимателями, импортирующими эти же товары из-за рубежа на законных основаниях. Параллельный импорт позволяет пресечь тенденцию монополизации рынка определенных товаров, снизить цену, развить конкуренцию. Десятилетний период действия в России международного принципа исчерпания прав сформировал отечественный потребительский рынок и, на наш взгляд, создал условия для создания и укрепления института малого («челночного») и среднего предпринимательства.

До 2002 г. нарушение исключительных прав на товарный знак связывалось с ввозом неоригинальной, иными словами, контрафактной продукции. В соответствии со ст. 46 Закона о товарных знаках действие, выражающееся в «несанкционированном изготовлении, применении, ввозе…» и т.д. товарного знака или товаров с маркировкой защищаемого законом товарного знака, предусматривало применение мер гражданской и уголовной ответственности к нарушителю. Гражданско-правовые аспекты защиты прав владельцев товарного знака были отражены в Письме Президиума ВАС от 29.07.1997 г.[2] Суд в Письме определил такие правовые позиции, как понимание цели использования маркированного товара как элемент гражданского правонарушения, квалификацию противоправных действий нарушителя – введение в гражданский оборот маркированного товара. В дальнейшем по этому пути квалификации пойдет уже административная практика, – после введения в действие КоАП РФ. До 2002 г. за незаконное использование товарного знака была предусмотрена помимо гражданской уголовная ответственность.

Статья 180 УК РФ с некоторыми поправками до настоящего времени устанавливает уголовную ответственность за незаконное использование чужого товарного знака. Незаконное использование – это действия, составляющие сферу полномочий владельца товарного знака, осуществляемые без его согласия. Интересно, что УК РФ использует такой термин, как «чужой товарный знак», понимая под ним средство индивидуализации, не принадлежащее правонарушителю на законном основании. В состав преступления входят такие признаки, как повторность (неоднократность) незаконного деяния, наличие крупного ущерба, вина нарушителя. Подобный набор квалифицирующих признаков в совокупности с проблемами отсутствия прямой связи с правообладателем, сложности межведомственного взаимодействия при расследовании дел в сфере защиты интеллектуальных прав демонстрируют стабильно низкий уровень востребованности указанной статьи УК в правоохранительной практике [6].

В 2002 г., как указывается в литературе, Россия изменила вполне либеральный подход к импорту товаров лицами, не обладающими лицензионными правами на продажу и иное коммерческие использование маркированных товаров, в пользу запрета параллельного импорта в целях привлечения новых инвестиций, официальных поставщиков. Считалось, что повышенная защита правообладателя в нашей стране является одним из приоритетных условий для инвесторов, желающих размещать свои производства в России. Легализация запрета на параллельный импорт произошла практически незаметно – путем введения одного словосочетания в ст. 23 Закона о товарных знаках. Этим словосочетанием стало выражение «на территории Российской Федерации». Таким образом, Законом от 11 декабря 2002 г. № 166-ФЗ[3] международный принцип исчерпания прав был заменен на национальный. Для предпринимателей это означало, что импорт в Россию оригинальных брендированных товаров из-за рубежа без документального подтверждения согласия производителя, владельца товарного знака, стал незаконным. Иные поправки в Закон о товарных знаках носили в большинстве своем технический, не концептуальный характер. Исключение составляет новая редакция статьи 4 – «Исключительное право на товарный знак», в который нашла отражение современная система использования исключительных прав на товарный знак путем размещение его на товарах, этикетках, упаковках, при выполнении работ и оказании услуг, на документации и т.д., а также понятие контрафакта. Однако это изменение лишь конкретизировало сферу компетенции правообладателя и правоохранительных органов, но существенно не поменяло подход к правовому регулированию данных отношений в отличие от новеллы ст. 23 Закона.

В 2002 г. был принят и КоАП РФ, в который была включена статья об ответственности за незаконное использование чужого товарного знака. Незаконное использование средств индивидуализации по ст. 14.10 КоАП РФ образует состав административного правонарушения, дифференцированного на правонарушения, связанные с вводом в гражданский оборот на территорию РФ таких объектов, включая их хранение с целью последующего ввода в хозяйственный оборот (ч. 1 ст. 14.10), и проступки, связанные непосредственно с производством товаров, содержащих изображение чужого товарного знака (ч. 2 ст. 14.10). Санкция обеих частей ст. 14.10 КоАП РФ включала и до сих пор включает наложение на лиц штрафа, размер которого варьируется в зависимости от статуса субъекта правонарушения, и применение конфискации предмета правонарушения. С 2014 г.[4] конфискации подлежат также материалы, оборудование, с помощью которых допускается совершение указанного правонарушения.

В судебной и административной практике нарушение исключительного права на товарный знак интерпретировалось достаточно широко – как любое действие, позволяющее говорить о коммерческом применении товарного знака или

2 Письмо Президиума ВАС от 29.07.1997 г. № 19 «Обзор практики разрешения споров, связанных с защитой прав на товарный знак» // СПС «Консультант плюс», 2026.

3 ФЗ РФ от 11.12.2002 № 166-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров»» // СЗ РФ. - 16.12.2002. - № 50. - Ст. 4927.

4 ФЗ РФ от 31 декабря 2014 г. № 530-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления мер противодействия обороту контрафактной продукции и контрабанде алкогольной продукции и табачных изделий» // СПС «Консультант плюс», 2026.

маркированной им продукции без разрешения правообладателя. При этом, судя по санкции статьи ст. 14.10 КоАП РФ, конфискации подлежат предметы, «содержащие незаконное воспроизведение товарного знака», иными словами контрафакт, а не оригинальная продукция, ввозимая в страну по параллельному импорту. Однако, диспозиция статьи четко говорит о действиях, обозначаемых как «незаконное использование» средств индивидуализации, включая импорт товаров лицами, не обладающими правами на товарный знак по лицензионному договору.

Органами по возбуждению и расследованию административных дел по нарушениям, предусмотренным ст. 14.10 КоАП РФ, в части экспортно-импортных операций, выступал Государственный таможенный комитет РФ, в настоящее время – это Федеральная таможенная служба. Нарушение прав владельца товарного знака выявляется в процессе таможенного контроля перевозимых через границу товаров, а также в ходе проверки финансово-хозяйственной деятельности субъекта предпринимательства, осуществляющего внешнеэкономические сделки. Кроме того, сам правообладатель может подать заявление о нарушении своих прав на товарный знак. Основанием для возбуждения дела после 2002 г. в основном выступал мониторинг сотрудником таможенного органа специальной информационной системы, содержащей данные о товарном знаке и правообладателе – реестра объектов интеллектуальной собственности[5]. Доказательством получения импортером согласия от правообладателя, судя по материалам судебно-арбитражной практики[6] [8] и Письма ГТК от 29 мая 2003 г.[7], выступала возможность предоставления таких документов, как: лицензионный, внешнеторговый договор, дилерское или дистрибьюторское соглашение, содержащее условие о допустимости ввоза товара на территорию России для коммерческого использования.

Таким образом, в связи с широким толкованием понятия незаконного использования товарного знака, как штраф, так и конфискация могла быть применена при ввозе в страну и оригинальной продукции, но при отсутствии соглашения с правообладателем, и контрафактной продукции, качество которой, как правило, не соответствует потребительским ожиданиям. Судебной практикой подтверждалось, что наличие сертификата на товар не позволит предпринимателям доказать законность ввода в гражданский оборот на территории РФ импортного товара, ввезенного без согласия правообладателя. Указанный документ лишь подтверждает его качество, но не законность использования чужого товарного знака[8]. При этом, в обоснование изменения режима параллельного импорта в 2002 г. в числе аргументов указывалось и на необходимость защиты прав потребителей, которые в результате реализации данного способа появления на рынке импортного товара не могли получить информацию о нем на русском языке и не имели подтверждение качества продукции.

Национальный принцип исчерпания прав был подчеркнут и Верховным судом РФ в Постановлении Пленума от 26.04.2007 г.[9] в отношении уголовного преследования нарушителей исключительных прав на товарный знак. Суд указывал на то, что при привлечении к ответственности по ст. 180 УК РФ нужно принимать во внимание принцип исчерпания прав тогда, когда товары были введены в гражданский оборот на территории РФ либо самим правообладателем, либо с его согласия третьими лицами.

В течение всего периода действия запрета параллельного импорта противником применения столь жестких мер к предпринимателям, деятельность которых связана с иностранным маркированным товаром, выступала Федеральная антимонопольная служба. По мнению данного государственного органа, легализация в РФ лишь лицензионного бизнеса создает неоправданные диспропорции рынка, в результате чего официальные импортеры завышают стоимость товара, монополизируют отдельные сегменты рынка. Антимонопольной службой, более того, был подготовлен соответствующий законопроект, однако он так и не стал законом [9].

В 2006 г. была принята Четвертая часть Гражданского кодекса РФ, нормы которой урегулировали отношения по использованию средств индивидуализации, включая права на товарный знак. Понятие и признаки товарного знака, принцип исчерпания прав на национальном уровне в новой части ГК РФ были сохранены в том же виде, как это было закреплено в Законе 1992 г. с поправками от 2002 г. Значительно по сравнению с Законом «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» был дополнен перечень способов гражданско-правовой защиты прав владельца товарного знака. В соответствии со ст. 1252 ГК РФ правообладатель вправе требовать признание права на соответствующее средство индивидуализации, пресечение действий, нарушающих его права, возмещение убытков либо выплату компенсации, изъятие материального носителя, а также требовать публикации судебного решения с информацией о допущенном нарушении. Кроме того, действия по нарушению исключительного права на товарный знак, включающие как изготовление, перевозку, так, например, и импорт товаров, могут повлечь признание судом подобных товаров контрафактными, что допускает применение санкции в виде изъятие товаров из оборота и уничтожение предметов без соответствующей компенсации. Иными словами, исходя из буквального толкования норм ГК РФ, нарушение исключительных прав на товарный знак означает возможность изъятия из оборота и уничтожение как подделок, т.е. собственно контрафактных товаров, так и объектов параллельного импорта, оригинальность которых не подлежит сомнению. Подобное понимание контрафакта приводило к уничтожению оригинальных дорогостоящих товаров, несло убытки предпринимателям, которые не только лишались предметов сбыта, но и средств, которые по решению суда направлялись на оплату процедур утилизации товара, а также в счет возмещения убытков или уплаты компенсации правообладателям.

Механизмы правовой защиты, применяемые к нарушителям исключительных прав, квалифицируются в таком случае как частно-публичные, поскольку призваны пресечь нарушение исключительных прав, принадлежащих субъекту права, восстановить его положение в сфере реализации указанных прав, а также защитить интересы потребителей и государства, связанные с обеспечением правопорядка в сфере гражданского оборота товаров, работ и услуг. Обеспечение баланса интересов общества, государства и конкретного обладателя, исключительных прав – задача правосудия при разрешении дел о защите исключительных прав. Права владельца товарного знака по защите своих прав, функции публичной власти по применению последствий незаконного использования средств индивидуализации должны реализовываться с учетом принципов справедливости, соразмерности и добросовестности. Уничтожение оригинальных товаров, введенных в гражданский оборот РФ в порядке параллельного импорта, и являются такой чрезмерной мерой, которая нарушает указанные принципы, а также не отвечает интересам общества и государства. Именно к такому выводу пришел Конституци-

5 Распоряжение ГТК России от 11.12.2002 г. № 758-р «Об утверждении Правил ведения реестра объектов интеллектуальной собственности» // СПС «Консультант плюс», 2026.

6 См., например, Постановление ФАС Северо-Западного округа от 26 марта 2004 г. по делу А21-7412/03-С1 // СПС «Консультант плюс», 2026.

7 Письмо ГТК России от 29 мая 2003 г. № 01-06/22096 «О направлении методических рекомендаций» // СПС «Консультант плюс», 2026.

8 Обзор судебной практики Второго арбитражного апелляционного суда по разрешению споров, связанных с привлечением к административной ответственности по ст. 14.10 КоАП РФ и решением вопроса об изъятых и арестованных вещах. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://2aas.arbitr.ru/documenty/obobshcheniya-i-obzory/20080624-1.

9 Постановление Пленума Верховного суда РФ от 26.04.2007 г. № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» // СПС «Консультант плюс», 2026.

онный суд РФ в 2018 г. по делу ООО «ПАГ»[10], обратившегося с жалобой на нарушение его прав нормами ГК РФ, устанавливающими понятие контрафактного товара (п. 4 ст. 1252 ГК РФ), принципа национального исчерпания прав на товарный знак (ст. 1487 ГК РФ), а также системы мер защиты правообладателя, допускающей уничтожение контрафактного товара (ст. 1515 ГК РФ). Этим Постановлением Конституционный суд РФ изменил сложившуюся практику уничтожения товаров, оригинальность которых не оспаривается правообладателем, сформулировав несколько значимых правовых позиций в этой сфере. К ним можно отнести:

1) при применении мер гражданско-правовой ответственности суды должны дифференцировать последствия ввоза в страну поддельных, контрафактных товаров и товаров, ввезенных в порядке параллельного импорта; размер и характер этих мер должен быть различным, соотносимым с тяжестью правонарушения и последствиями для правообладателя и потребителя таких товаров;

2) в силу членства РФ в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС), Договор[11] об образовании которого в ст. 16 закрепляет принцип регионального исчерпания исключительных прав, в России должен применяться национальный принцип исчерпания прав в сочетании с региональным. При этом выбор варианта правового регулирования, включая позицию по легализации или запрету параллельного импорта, Суд оставляет за федеральным законодателем.

Последним этапом развития отношений в сфере импорта товаров без согласия правообладателя стал этап частичной легализации параллельного импорта в 2022 г. Причиной смягчения позиции государства по этому вопросу стали последствия санкций, введенных иностранными государствами в отношении нашей страны. Многолетние кооперационные связи, сложившиеся между субъектами предпринимательской деятельности различной государственной принадлежности, были разрушены. В результате многие отрасли хозяйства и отдельные потребители остались без необходимых товаров. В большей степени пострадали отрасли машиностроения, медицина, деятельность в сфере эксплуатации транспорта. Федеральным законом от 22 июня 2022 г. № 213-ФЗ[12] была внесена поправка, согласно которой не является нарушением исключительного права на товарный знак использование результатов интеллектуальной деятельности в отношении группы товаров, перечень которых определяется по решению Правительства РФ. Немногим ранее Правительство РФ в марте 2022 г.[13] утвердило порядок разработки подобного Перечня, в соответствии с которым ответственным за определение групп товаров, разрешенных к импорту без согласия правообладателя, является Министерство промышленности и торговли РФ. В настоящее время действует Приказ Минпромторга России от 21 июля 2023 г.[14] В Перечень, периодически изменяемый и пополняемый по решению Министерства с учетом предложений других органов исполнительной власти, сейчас входит 84 группа товаров как потребительского, так и промышленного назначения. В отношении этих товаров не применяются положения ГК РФ в сфере ответственности за нарушения исключительных прав на средства индивидуализации и другие результаты интеллектуальной деятельности. В качестве условия реализации данной возможности в законодательстве установлены необходимость ввода указанных товаров в оборот за пределами РФ и с согласия правообладателя.

Таким образом, в истории правового регулирования отношений по параллельному импорту можно выделить, как минимум, три этапа, отличающихся позицией государства по этому вопросу:

– до 2002 г. этап легализации параллельного импорта (сопровождался действием принципа международного исчерпания прав);

– с 2002 г. по 2022 г. этап запрета параллельного импорта (сопровождался действием национального принципа исчерпания прав, с 2014 г. – регионального);

– с 2022 г. по настоящее время этап частичной легализации параллельного импорта (сопровождается сочетанием действия национального и регионального принципов исчерпания прав).

Существенное влияние на изменение позиции законодателя по вопросу применения последствий параллельного импорта оказала судебная практика, прежде всего, Постановление Конституционного суда РФ от 13 февраля 2018 г.

Пристатейный библиографический список

1. Пирогова В. В. Исчерпание прав на товарный знак: дис. … к.ю.н. 12.00.03. – М., 2002. – 145 с.
2. Пирогова В. В. Исчерпание исключительных прав и параллельный импорт: монография. – М.: Статут, 2008.
3. Колеров В. Ф. Правовая охрана товарных знаков Евразийского экономического союза: дис. … к.ю.н. 12.00.03. – М., 2017. – 157 с.
4. Ляпцев С. А. Принцип исчерпания прав на товарный знак в условиях параллельного импорта: дис. … к.ю.н. 12.00.03. – М., 2019.
5. Антропов В. В. Параллельный импорт в системе российской внешней торговли в 2025 // Экономика. Налоги. Право. – 2025. – № 18 (1). – С. 53-62.
6. Салин В. Н. Анализ параллельного импорта РФ // Экономические науки. – 2024. – № 7 (236). – С. 218-226.
7. Салеева Ю. Е., Царева Ю. В. Причины невостребованности ст. 180 Уголовного кодекса РФ // Труды Академии управления МВД России. – 2020. – № 2 (54). – С 154-162.
8. Филимонова О. Обзор судебной практики по товарным знакам (2001-2005) // Корпоративный юрист. – 2006. – № 3.
9. ФАС России доработала законопроект о легализации параллельного импорта с 1 января 2020 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/law/hotdocs/34855.html (дата обращения: 22.03.2022).

10 Постановление Конституционного суда РФ от 13 февраля 2018 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности положений п. 4 ст. 1252, статьи 1487 и пунктов 1,2 и 4 статьи 1515 Гражданского кодекса РФ в связи с жалобой Общества с ограниченной ответственностью «ПАГ»» // СПС «Консультант плюс», 2026.

11 Договор о Европейском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29 мая 2014 г.) // СПС «Консультант плюс», 2026.

12 ФЗ РФ от 22 июня 2022 г. № 213-ФЗ «О внесении изменений в статью 18 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «Консультант плюс», 2026.

13 Постановление Правительства РФ от 29 марта 2022 № 506 «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса РФ о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы» // СПС «Консультант плюс», 2026.

14 Приказ Минпромторга России от 21 июля 2023 г. № 2701 «Об утверждении перечня товаров (групп товаров), в отношении которых не применяются положения статей 1252, 1254, пункта 5 статьи 1286.1, статей 1301, 1311, 1406.1, подпункта 1 статьи 1446, статей 1472, 1515 и 1537 Гражданского кодекса РФ при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории РФ правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия // СПС «Консультант плюс», 2026.

ТРУСОВА Екатерина Дмитриевна
ассистент кафедры менеджмента, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан

ИЗРОИЛОВ Михаил Сулейменович
студент 1-го курса, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан, независимый исследователь

АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ МИКРОФИНАНСОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ

В статье рассматривается механизм взаимодействия микрофинансовых организаций и малого бизнеса Республики Хакасия в условиях жесткой денежно-кредитной политики. На основе эмпирических данных за 2023-2025 годы сопоставляется рост закредитованности с динамикой выживаемости предприятий, анализируются отраслевые перекосы, в частности, рост доли аграрного сектора. Научная новизна исследования заключается в рассмотрении статистики отдельных отраслей экономики Республики Хакасии, что позволило сделать вывод о наиболее активно развивающейся отрасли спроса на заемные средства в регионе.

Ключевые слова: микрофинансирование, индивидуальные предприниматели, просроченная задолженность, государственная поддержка, ключевая ставка, микрофинансовые организации, займы, кредит, долговая нагрузка, портфель микрофинансовых организаций.

TRUSOVA Ekaterina Dmitrievna
assistant of Management sub-faculty, N. F. Katanov Khakass State University, Abakan

IZROILOV Mikhail Suleimenovich
student of the 1st course, N. F. Katanov Khakass State University, Abakan, independent researcher

ANALYSIS OF THE IMPACT OF MICROFINANCE ORGANIZATIONS ON ENTREPRENEURSHIP IN THE REPUBLIC OF KHAKASSIA

The article examines the mechanism of interaction between microfinance organizations and small businesses in the Republic of Khakassia in the context of a strict monetary policy. Based on empirical data for 2023-2025, the growth of indebtedness is compared with the dynamics of enterprise survival, and sectoral imbalances are analyzed, particularly the growth of the agricultural sector. The scientific novelty of the study lies in examining the statistics of individual sectors of the economy in the Republic of Khakassia, which allowed us to conclude that the most actively developing sector of demand for borrowed funds in the region is the agricultural sector.

Keywords: microfinance, individual entrepreneurs, overdue debt, government support, key rate, microfinance organizations, loans, credit, debt burden, portfolio of microfinance organizations.

Когда в 2024 году ключевая ставка ушла вверх и достигла к осени 19 процентов годовых, малый бизнес Хакасии, по сути, отрезало от банковского фондирования. Предприниматель, ведущий небольшой шиномонтаж в Черногорске или фермер, выращивающий зерновые в Бейском районе, даже не пытался подавать заявки в банк – отказы стали носить системный характер из-за жестких требований к залогу и официальной бухгалтерии. В этот момент на авансцену вышли микрофинансовые организации, которые и раньше присутствовали в регионе, но воспринимались скорее как институт для потребительских нужд населения. Ситуация 2023-2025 годов коренным образом изменила профиль их клиента. Теперь, МФО представляют собой серьезный рычаг воздействия на МСП. Их механизм положительного влияния интуитивно понятен: развитие бизнеса, расширение предприятия и так далее. Но за этой понятностью скрывается и негативное влияние на деятельность предпринимателей в регионе. Человек, ведущий свой бизнес и обратившийся за услугами в микрофинансовую компанию, не всегда может с уверенностью сказать, что долговая нагрузка окажется для него посильной. [1]

Многие факторы, влияющие на рентабельность бизнеса, могут противодействовать своевременной выплате займов. В подтверждение данного тезиса стоит обратиться к статистике [2].

Если посмотреть на цифры, перелом хорошо заметен. В 2023 году совокупный объем микрозаймов, предоставленных субъектам малого и среднего предпринимательства на территории республики, равнялся 412,7 миллиона рублей. К концу 2025 года эта сумма выросла до 712,5 миллиона (таблица 1). Казалось бы, прирост более чем на 70 процентов – однозначно позитивный сигнал, говорящий о насыщении экономики деньгами. Однако настороженность вызывает другая цифра, которую обычно оставляют за скобками: одновременный стремительный рост просроченной задолженности свыше девяноста дней.

Диаграмма наглядно показывает динамику изменения показателей из таблицы 1. Цифры 1, 2, 3, 4... отображают номер в таблицы и название показателя.

Рост абсолютного объема «плохих» долгов с 32,2 до 83,4 миллиона рублей за три года – это не просто статистическое отклонение, а индикатор того, что значительная часть предпринимателей не справляется с долговой нагрузкой. Каждый рубль, выданный в 2023 году, возвращался с меньшей вероятностью, чем в 2025-м, когда ставки коммерческих МФО вплотную приблизились к границе ростовщичества, достигнув по некоторым краткосрочным продуктам 41,5 процента годовых. Это цена, которую бизнес вынужден платить за скорость и отсутствие бюрократии.

Таблица 1. Базовые индикаторы рынка микрофинансирования субъектов МСП в Республике Хакасия

Показатель	2023 г.	2024 г.	2025 г.
Совокупный портфель микрозаймов, выданных МСП, млн руб.	412,7	536,8	712,5
2. Доля субъектов МСП в общем портфеле МФО региона, %	33,3	36,1	38,4
3. Объем просроченной задолженности по МСП, млн руб.	32,2	51,5	83,4
4. Доля просрочки в портфеле МСП, %	7,8	9,6	11,7
5. Средневзвешенная ставка по займам коммерческих МФО, %	34,8	38,2	41,5
6. Средневзвешенная ставка по программам господдержки МФО, %	10,2	9,7	9,1

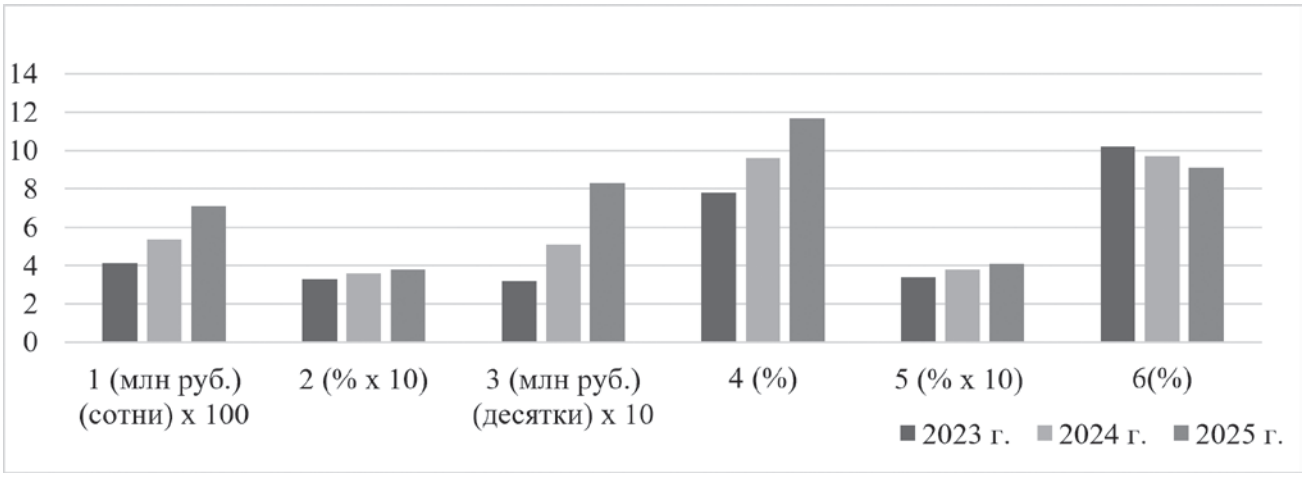

Диаграмма 1. Базовые индикаторы рынка микрофинансирования субъектов МСП в РХ

Отраслевая структура выданных займов демонстрирует сдвиг, крайне точно характеризующий экономику Хакасии. Торговля, всегда бывшая главным драйвером спроса на заемные средства, начала сдавать позиции. В 2023 году на розничную и оптовую торговлю приходилось 34,8 процента портфеля, а по итогам 2025 года – уже только 24,1 процента. Вымывание торговой доли – процесс объективный. Торговые точки в небольших населённых пунктах республики насытились кредитами еще в 2022-2023 годах, а темпы роста выручки не поспевают за стоимостью обслуживания займов. Владелец магазина, взявший 300 тысяч рублей на закупку товара под 38 процентов, через полгода остро чувствует, что маржа сокращается до нуля из-за снижения покупательной способности населения.

Зато аграрный сектор, что примечательно, показал обратную динамику. Доля сельского хозяйства в портфеле МФО поднялась с 19,3 до 27,5 процента. Это можно назвать одним из самых неожиданных открытий анализа. На практике банкам овцевод или растениевод из предгорий Кузнецкого Алатау по-прежнему неинтересен, так как у него с точки зрения классического андеррайтинга нет подходящего залога, а сезонность выручки пугает риск-менеджеров. Микрофинансовая же организация, применяя упрощенные скоринговые модели и выдавая средства буквально за сутки, фактически закрывает эту институциональную брешь. Цифры подтверждают: в 2025 году каждый четвертый рубль, выданный МФО малому бизнесу, ушел в агропром.

Для того чтобы понять, как это влияет на жизнь конкретного предпринимателя, стоит сопоставить помесячную активность по выдаче займов с регистрацией новых субъектов и, что более важно, с прекращением деятельности (таблица 2). Здесь картина рисуется очень живая, далекая от парадных отчетов.

Диаграмма наглядно показывает динамику изменения показателей по периодам из таблицы 2.

Логика, заложенная в квартальных данных, очевидна. Весной и в начале лета люди берут займы, регистрируют бизнес, пытаются запустить сезонные проекты. Коэффициент, показывающий отношение числа созданных компаний к числу закрытых, взлетает в это время до 2,88. Это действительно много. Но как только проходит высокий сезон, начинается обратный процесс: спад выдач в четвертом квартале до 121,6 миллиона рублей сопровождается тем, что число ликвидированных ИП практически сравнивается с числом

Таблица 2. Соотношение регистрации и ликвидации субъектов МСП в Хакасии в привязке к циклам микрофинансирования в 2025 году

Период	1. Объем выдачи МСП, млн руб.	2. Новых регистраций ИП и ООО, ед.	3. Ликвидировано по решению собственника или банкротству, ед.	4. Коэффициент рождаемости бизнеса (регистр. / ликвид.)
Январь – Март	144,2	334	269	1,24
Апрель – Июнь	241,6	501	174	2,88
Июль – Сентябрь	205,6	429	218	1,97
Октябрь – Декабрь	121,6	334	280	1,19

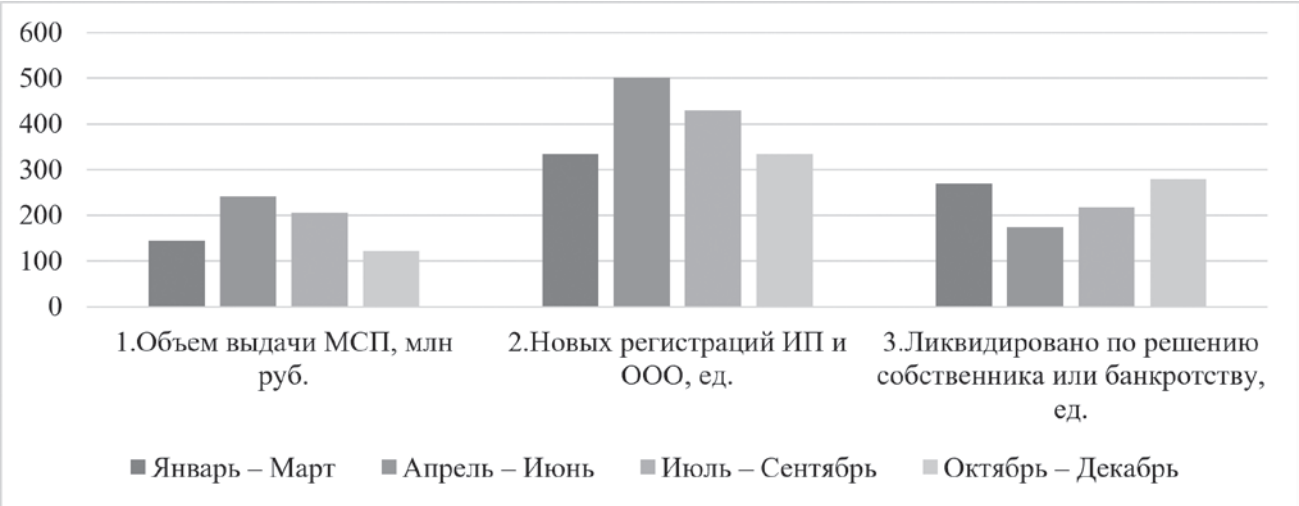

Диаграмма 2. Соотношение регистрации и ликвидации субъектов МСП в Хакасии в привязке к циклам микрофинансирования в 2025 году

зарегистрированных. Здесь видна жестокая закономерность – часть микрофирм создается под короткие деньги и умирает сразу после того, как заемные средства погашены, а нового кредитного плеча не предлагают.

Рассматривая природу этой смертности, необходимо обратить внимание на показатель долговой нагрузки (PTI – payment to income). Если в 2023 году средний предприниматель-заемщик в Хакасии отдавал на обслуживание микрозаймов 37 копеек с каждого рубля поступающей выручки, то в 2025 году этот показатель перешагнул планку в 50 процентов. Медианное значение составило 0,51. Иными словами, больше половины дохода уходит на погашение тела долга и процентов. Нагрузка является колоссальной, и есть все основания утверждать, что именно эта цифра служит первопричиной ухудшения качества портфеля. Бизнес не становится менее рентабельным, просто цена денег и короткие сроки (12 месяцев) не дают ему маневра.

Отдельного рассмотрения заслуживает фактор, о котором часто забывают, списывая ситуацию на «невидимую руку рынка». Речь о государственном присутствии в микрофинансах. В Хакасии работает региональный государственный фонд, который выдает займы в разы дешевле рынка. В кризисный 2025 год он выдал 294 займа на сумму 202,3 миллиона рублей со средней ставкой 9,1 процента годовых. Если убрать из статистики государственный сегмент, то картина по коммерческим МФО станет откровенно пугающей: просрочка по рыночным заемщикам превысила бы 13,5 процента, а доля торговли, возможно, просела бы еще глубже. Таким образом, фонд с госучастием выполняет роль амортизатора, не давая предпринимателю окончательно уйти к кредиторам с грабительскими процентами.

И всё же, оценивая трехлетний итог, нельзя дать однозначно положительную оценку влиянию микрофинансовых организаций на предпринимательство Хакасии. Рост объема выданных займов на 300 миллионов рублей – это, безусловно, расширение доступа к капиталу. Наблюдается прибавка в 1 325 действующих субъектов МСП за три года. Но обратная сторона медали – это рост доли просрочки почти до 12 процентов и увеличившийся разрыв в выживаемости: предприниматель, пользующийся услугами МФО, ликвидирует своё дело с вероятностью 6,8 процента против 4,0 процента у тех, кто обходится без таких займов.

Представляется, что без срочного расширения программ субсидирования ставок со стороны республиканского бюджета и внедрения механизма кредитных каникул в пик сезонного спада тренд на закредитованность перейдет в острую фазу уже в 2026 году. Нельзя допустить, чтобы микрофинансирование, изначально призванное стать мостом к развитию, превратилось в долговую яму для наиболее уязвимого сегмента региональной экономики [3]. Это может повлечь за собой ряд многих проблем не только в экономики отдельного субъекта, но и страны в целом. Статистика 2024-2025 годов – это пока еще предупреждение, а не констатация катастрофы. Услышат ли его региональные власти, покажет динамика первого полугодия наступившего года.

Пристатейный библиографический список

1. Абдряхимов Э. Р. Особенности потребительского кредитования в микрофинансовых организациях // Вестник науки. – 2022. – № 2 (47).
2. Богданова М. М., Косенкова П. А. Микрофинансовые организации: современное положение на финансовом рынке // ЭПП. – 2023. – № 5.
3. Пышин А. Н. Микрофинансовая поддержка МСП как фактор социально-экономического развития территорий // Финансы и управление. – 2024. – № 4. – С. 162-180. – DOI 10.25136/2409-7802.2024.4.72147.
4. Рейхерт Н. В. Рынок микрофинансирования в России: проблемы и перспективы развития // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2024. – № 12 (часть 2). – С. 309-315.

ЖЕЛЕЗНОВ Родион Викторович
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин, Казанский филиал, Российский государственный университет правосудия им. В. М. Лебедева

САНКЦИИ КАК ОСНОВАНИЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ВНЕШНЕТОРГОВОМУ КОНТРАКТУ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Статья посвящена сравнительно-правовому анализу условий, при которых введённые государствами санкционные ограничения могут служить основанием освобождения стороны внешнеторгового контракта от ответственности за его неисполнение или ненадлежащее исполнение. Исследуется соотношение норм Венской конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. (CISG), Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА и Гражданского кодекса Российской Федерации применительно к институтам непреодолимой силы (форс-мажора) и существенного изменения обстоятельств (hardship). На основе анализа арбитражной практики МКАС при ТПП РФ и зарубежных трибуналов после 2022 г. автор приходит к выводу о том, что квалификация санкций как форс-мажора возможна лишь при строгом соблюдении критериев непредвидимости, непреодолимости и отсутствия причинно-следственной связи между действиями стороны и введёнными ограничениями. Обосновывается необходимость унификации оговорок о форс-мажоре в российской договорной практике.

Ключевые слова: санкции, форс-мажор, непреодолимая сила, hardship, CISG, Принципы УНИДРУА, внешнеторговый контракт, освобождение от ответственности, международный коммерческий арбитраж.

ZHELEZNOV Rodion Viktorovich
Ph.D. in law, senior lecturer of State and legal disciplines sub-faculty, Kazan Branch, V. M. Lebedev Russian State University of Justice

SANCTIONS AS GROUNDS FOR EXEMPTION FROM LIABILITY UNDER A FOREIGN TRADE CONTRACT: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

This article provides a comparative legal analysis of the conditions under which sanctions imposed by states may serve as grounds for releasing a party to a foreign trade contract from liability for non-performance or improper performance. It examines the relationship between the provisions of the 1980 Vienna Convention on Contracts for the International Sale of Goods (CISG), the UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts, and the Civil Code of the Russian Federation as they apply to force majeure and hardship. Based on an analysis of the arbitration practice of the International Commercial Arbitration Court at the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation and foreign tribunals since 2022, the author concludes that the classification of sanctions as force majeure is only possible subject to strict adherence to the criteria of unforeseeability, insurmountability, and the absence of a causal link between the party's actions and the imposed restrictions. The need for unification of force majeure clauses in Russian contractual practice is substantiated.

Keywords: sanctions, force majeure, hardship, CISG, UNIDROIT Principles, foreign trade contract, exemption from liability, international commercial arbitration.

Введение

Беспрецедентное по масштабу введение санкционных ограничений против Российской Федерации в 2022 г. поставило перед участниками внешнеторгового оборота острый практический вопрос: вправе ли сторона, лишённая возможности исполнить контракт вследствие санкций, претендовать на освобождение от договорной ответственности? Ответ на него неоднозначен и зависит от применимого права, содержания контракта и конкретных обстоятельств дела.

В доктрине международного торгового права сложились два принципиально различных подхода. Первый рассматривает санкции как форс-мажорное обстоятельство, автоматически освобождающее должника от ответственности. Второй – как коммерческий риск, который сторона была обязана предвидеть и застраховать. Настоящая статья направлена на выявление критериев, позволяющих разграничить эти подходы на основе сравнительного анализа CISG, Принципов УНИДРУА и российского гражданского права.

Международные санкции представляют собой принудительные меры, вводимые одним или несколькими государствами (либо международными организациями) в целях воздействия на политику государства-адресата. С точки зрения частного права санкции порождают специфическую ситуацию: они являются актами публичной власти, однако их последствия в полной мере реализуются в сфере гражданско-правовых обязательств.

Ключевая проблема квалификации санкций состоит в том, что они, как правило, вводятся поэтапно, предсказуемо и в ответ на политические события, нередко широко освещавшиеся в публичном пространстве задолго до официального введения. Это обстоятельство ставит под сомнение отвечающий критерию непредвидимости характер санкций – необходимое условие для признания их форс-мажором в большинстве правовых систем [1, с. 214].

Следует также разграничивать виды санкционных ограничений по их воздействию на обязательство: одни делают исполнение юридически невозможным (запрет экспорта/импорта, заморозка активов), другие лишь существенно затрудняют его (ограничения на расчёты, логистические барьеры). Данное разграничение принципиально важно, поскольку первая группа может подпадать под форс-мажор, тогда как вторая – лишь под hardship (существенное изменение обстоятельств) [2, с. 88].

Статья 79 Венской конвенции предусматривает освобождение стороны от ответственности за неисполнение обязательства, если это неисполнение было вызвано «препятствием вне её контроля», которое она «не могла разумно ожидать принять в расчёт при заключении договора» и которое она «не могла избежать или преодолеть».

Таким образом, CISG устанавливает три кумулятивных критерия: (1) внешний характер препятствия; (2) непредвидимость; (3) непреодолимость. Применительно к санкциям наибольшую сложность представляет критерий непредвидимости. В ряде дел МКАС при ТПП РФ указал, что если санкционный режим существовал до заключения контракта или мог быть разумно спрогнозирован исходя из общеизвестных политических обстоятельств, оснований для освобождения от ответственности не возникает [3].

Отдельного внимания заслуживает вопрос о «третьих лицах» по смыслу ст. 79 (2) CISG. Если должник не смог исполнить обязательство по причине того, что его поставщик оказался под санкциями, суды и арбитражи неоднозначно оценивают возможность «транслировать» освобождение от ответственности по цепочке. Преобладающая позиция состоит в том, что должник несёт самостоятельную ответственность за выбор контрагента, если только не докажет, что исполнение было невозможным с привлечением любого альтернативного поставщика [4, с. 312].

Принципы УНИДРУА 2016 г. предлагают более дифференцированный подход. Статья 7.1.7 закрепляет форс-мажор как основание освобождения от ответственности на условиях, аналогичных ст. 79 CISG. Однако Принципы дополнительно вводят самостоятельный институт hardship (ст. 6.2.1-6.2.3), применимый в случаях, когда исполнение, не став невозможным, стало чрезмерно обременительным вследствие существенного изменения обстоятельств.

Разграничение между этими двумя институтами имеет принципиальное практическое значение: форс-мажор освобождает от ответственности за неисполнение, тогда как hardship лишь предоставляет право на пересмотр условий договора и не является автоматическим основанием для отказа от исполнения. Применительно к санкциям это означает, что в случаях, когда исполнение лишь осложнилось (например, выросли транзакционные издержки или удлинились цепочки поставок), сторона вправе требовать переговоров об адаптации договора, но не его прекращения [5, с. 176].

Данный подход представляется более сбалансированным, поскольку позволяет сохранить contractual equilibrium в ситуациях, когда полное прекращение обязательства было бы несправедливым ни для одной из сторон.

В российском же праве основанием освобождения от ответственности служит непреодолимая сила (п. 3 ст. 401 ГК РФ), которая определяется как чрезвычайное и непредотвратимое при данных условиях обстоятельство. Конституирующими признаками являются чрезвычайность и непредотвратимость – в целом аналогичные критериям ст. 79 CISG.

Суды общей юрисдикции и арбитражные суды РФ неоднократно рассматривали вопрос о квалификации санкций как непреодолимой силы. В большинстве дел позиция судов сводится к тому, что санкции сами по себе не образуют непреодолимую силу, если только они не создали абсолютную невозможность исполнения. При этом суды принимают во внимание, были ли стороны осведомлены о санкционных рисках на момент заключения договора [6].

Альтернативный механизм предусмотрен ст. 451 ГК РФ, допускающей расторжение или изменение договора при существенном изменении обстоятельств. Однако применение данной нормы существенно ограничено: суд вправе расторгнуть договор лишь в исключительных случаях, когда его расторжение противоречит общественным интересам или влечёт для сторон ущерб, значительно превышающий затраты на исполнение на изменившихся условиях. На практике суды крайне редко признают санкции основанием для применения ст. 451 ГК РФ, предпочитая инструменты договорного регулирования.

Анализ решений МКАС при ТПП РФ за 2022–2024 гг. позволяет выделить несколько устойчивых тенденций. Во-первых, арбитры последовательно разграничивают ситуации, когда санкции непосредственно запрещают исполнение (признавая их релевантным форс-мажорным обстоятельством), и ситуации, когда они лишь усложняют логистику или расчёты (отказывая в освобождении от ответственности). Во-вторых, при отсутствии в контракте специальной форс-мажорной оговорки арбитры обращаются к применимому праву, нередко квалифицируя санкции через призму ст. 79 CISG [7].

Зарубежная практика демонстрирует аналогичный подход. Суды Германии, Нидерландов и Англии в 2022-2023 гг. в целом отказывали в освобождении от ответственности, указывая, что разумный коммерсант должен был предвидеть ухудшение геополитической обстановки и принять соответствующие меры предосторожности при заключении договора. Вместе с тем суды проявляли большую гибкость в отношении вторичных санкций США, признавая их менее предсказуемыми [8, с. 94].

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы. Санкции могут служить основанием освобождения от ответственности по внешнеторговому контракту, однако лишь при одновременном соблюдении трёх условий: их непредвидимости на момент заключения договора, создания ими абсолютного (а не относительного) препятствия к исполнению и отсутствия причинно-следственной связи между поведением стороны и введёнными ограничениями.

В случаях, когда санкции лишь существенно осложняют, но не делают невозможным исполнение, более адекватным инструментом является механизм hardship (ст. 6.2.1 Принципов УНИДРУА, ст. 451 ГК РФ), направленный на восстановление договорного баланса путём пересмотра условий контракта, а не его прекращения.

В практическом плане участникам внешнеторгового оборота рекомендуется включать в контракты детальные форс-мажорные оговорки с прямым указанием на санкционные ограничения, чёткими процедурами уведомления и механизмами адаптации договора. Унификация таких оговорок на основе рекомендаций МТП (Публикация № 650) и ТПП РФ способна существенно снизить правовую неопределённость в данной сфере.

Пристатейный библиографический список

1. Канашевский В. А. Внешнеэкономические сделки: материально-правовое и коллизионное регулирование. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – 608 с.
2. Розенберг М. Г. Международная купля-продажа товаров: комментарий к правовому регулированию и практике разрешения споров. – 4-е изд. М.: Статут, 2010. – 494 с.
3. Решение МКАС при ТПП РФ по делу № 177/2022 от 15.03.2023 // Архив МКАС при ТПП РФ. [Электронный ресурс]. – URL: https://mkas.ru (дата обращения: 01.03.2025).
4. Schwenzer I., Hachem P., Kee C. Global Sales and Contract Law. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – 1033 p.
5. Vogenauer S. (ed.) Commentary on the UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts (PICC). – 2nd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2015. – 1378 p.
6. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.09.2023 по делу № А40-12345/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Мата О. В. Форс-мажор в практике МКАС при ТПП РФ в условиях санкционного давления // Международный коммерческий арбитраж. – 2023. – № 2. – С. 45-67.
8. Mankowski P. Sanctions as Force Majeure under the CISG // Internationales Handelsrecht. – 2023. – № 3. – S. 89-102.

DOI 10.46320/2073-4506-2026-4-215-342-345

Блинов Д. А.

БЛИНОВ Дмитрий Александрович
аспирант, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ВЫБЫВШЕГО УЧАСТНИКА В ОБЩЕСТВЕ В СЛУЧАЕ ОТСУТСТВИЯ У ОБЩЕСТВА ПРАВА ВЫПЛАЧИВАТЬ ДЕЙСТВИТЕЛЬНУЮ СТОИМОСТЬ ДОЛИ

Статья посвящена рассмотрению механизма восстановления выбывшего участника общества с ограниченной ответственностью в составе участников общества, в связи с отсутствием у общества права выплачивать действительную стоимость доли выбывшему участнику. В частности, в статье поднимается вопрос относительно порядка реализации данного механизма в случае, если доля выбывшего участника была погашена, распределена или отчуждена к моменту подачи соответствующего заявления выбывшим участником. Кроме того, в статье рассматриваются и иные вопросы, в том числе относительно распределения бремени доказывания в спорах о восстановлении выбывшего участника, а также относительно сроков подачи заявления участником о его восстановлении.

Ключевые слова: общество с ограниченной ответственностью, действительная стоимость доли, восстановление выбывшего участника, передача доли, заявление о восстановлении в составе участников.

BLINOV Dmitriy Alexandrovich
student, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

REINSTATEMENT OF A WITHDRAWN PARTICIPANT IN A COMPANY WHERE THE COMPANY HAS NO RIGHT TO PAY THE FAIR VALUE OF THE SHARE

The article is devoted to the examination of the mechanism for reinstating a withdrawn participant of a limited liability company as a participant of the company due to the company's lack of the right to pay the fair value of the share to the withdrawn participant. In particular, the article raises the issue of the procedure for implementing this mechanism where the share of the withdrawn participant has been cancelled, redistributed, or alienated by the time the relevant application is submitted by the withdrawn participant. In addition, the article considers other issues, including the allocation of the burden of proof in disputes concerning the reinstatement of a withdrawn participant, as well as the time limits for filing an application by the participant for their reinstatement.

Keywords: limited liability company, fair value of a share, reinstatement of a withdrawn participant, transfer of a share, application for reinstatement as a participant of the company.

Абзац 5 пункта 8 статьи 23 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Закон об ООО) закрепляет в отечественном корпоративном законодательстве механизм восстановления в составе участников общества с ограниченной ответственностью ранее выбывшего из него участника. В соответствии с указанной нормой такое восстановление возможно при наличии нескольких обстоятельств: наличие у общества обязанности по выплате действительной стоимости доли, невозможность осуществления данной выплаты по причине наличия у общества признаков банкротства или по причине угрозы их возникновения в случае такой выплаты, а также подача выбывшим участником соответствующего заявления не позднее чем в течение трёх месяцев со дня истечения срока выплаты действительной стоимости доли лицом. Кроме того, необходимым условием для реализации упомянутого механизма является выбытие участника по определенным основаниям: или в результате заявления участником требования о приобретении доли в соответствии с п. 2 ст. 23 Закона об ООО, или в результате выхода участника из общества.

При наличии совокупности указанных обстоятельств общество, в соответствии с абз. 5 п. 8 ст. 23 Закона об ООО, обязано восстановить выбывшего участника и передать ему соответствующую долю в уставном капитале общества.

Таким образом, абз. 5 п. 8 ст. 23 Закона об ООО предоставляет выбывшему участнику право заявить о его восстановлении в составе участников общества. С точки зрения классификации корпоративных прав, данное право, как и право на получение действительной стоимости доли [1], следует отнести к производным корпоративным правам.

В литературе указывается, что судебная практика рассматривает абз. 5 п. 8 ст. 23 Закона об ООО не в качестве способа защиты прав выбывшего участника, а через призму защиты прав кредиторов общества, поскольку восстановление в правах участника является следствием законодательного запрета на выплату действительной стоимости доли, установленного в интересах кредиторов, а не бывшего участника при наличии признаков банкротства у общества [2]. Тем не менее, в литературе указывается и то, что телеологическое толкование абз. 5 п. 8 ст. 23 Закона об ООО дает основание утверждать, что норма призвана защищать не только кредиторов должника, но и права выбывшего участника [2].

Мы не можем согласиться с позицией, в соответствии с которой, если рассматриваемый механизм является следствием запрета на выплату действительной стоимости доли, то он направлен на защиту интересов кредиторов общества. На наш взгляд, закрепление законодателем того или иного механизма, предоставляющего лицу определенные права, которые, одновременно, обусловлены ограничением или прекращением других прав, само по себе не свидетельствует о преследовании законодателем той же цели, которую он имел ввиду, устанавливая данные ограничения: например, аналогично, предоставление наследникам права на получение действительной стоимости доли в случае неполучения

ими согласия на переход, очевидно, не преследует цель сохранения персонального состава участников общества.

Тем не менее, следует признать, что данная норма, действительно, имеет двойное назначение, поскольку она, одновременно, направлена и на защиту интересов выбывшего участника, и на защиту интересов кредиторов общества.

Так, очевидно, что при восстановлении выбывшего участника в составе участников общества, совокупный объём его имущества не изменяется: если при выбытии происходит «конвертация» или «обмен» доли на её действительную стоимость, то при восстановлении происходит обратное – действительная стоимость доли «конвертируется» или «обменивается» на саму долю. Соответственно, при введении рассматриваемой нормы, позволяющей участнику вернуться в общество, законодатель, по всей видимости, исходил из того, что благодаря такому возврату участник может способствовать, за счёт своих управленческих решений или дополнительных инвестиций, восстановлению экономического состояния общества. Поскольку однажды участник изъявил намерение о выбытии из общества, восстановление экономического состояния этого общества может преследовать своей целью, вероятно, повторное выбытие из общества, при котором участник сможет, наконец, получить действительную стоимость доли.

Следовательно, восстановление выбывшего участника в обществе будет соответствовать как интересам участника, поскольку он может вновь рассчитывать на получение действительной стоимости доли за счёт восстановления платежеспособности общества, так и интересам кредиторов общества, которые могут рассчитывать на надлежащее исполнение обществом обязательств в связи, опять же, с восстановлением платежеспособности общества.

Как указывалось ранее, реализация механизма, предусмотренного абз. 5 п. 8 ст. 23 Закона об ООО возможна только в случаях, предусмотренных п. 2 и п. 6.1. ст. 23 Закона об ООО. Соответственно, в случае выбытия участника в результате его исключения из общества, у данного участника отсутствует право, предусмотренное абз. 5 п. 8 ст. 23 Закона об ООО. А. А. Кузнецов отмечает, что, по всей видимости, разработчики Закона об ООО посчитали неправильным возвращать исключенному участнику его долю, с чем следует согласиться [3]. Аналогично, Д. Г. Копылов указывает, что неразумно было бы предоставлять такое право исключенному участнику[1]. Мы также не можем не поддержать данные выводы, поскольку восстановление в обществе исключенного участника, очевидно, приведёт к возобновлению корпоративного конфликта и усугублению финансового положения общества.

Таким образом, следует признать, что рассматриваемый механизм направлен на защиту прав добросовестно выбывших из общества участников (если под добросовестностью в данном случае понимать, как минимум, то, что эти участники были не исключены, а покинули общество по собственной инициативе), а также на защиту интересов кредиторов общества, в связи с чем нельзя не отметить положительный характер данной нормы в системе действующего правового регулирования.

Тем не менее, рассматриваемый механизм, закрепленный абз. 5 п. 8 ст. 23 Закона об ООО, имеет ряд проблемных аспектов и спорных вопросов.

Так, следует отметить неопределенность, которая может возникнуть при передаче (возврате) доли выбывшему участнику. В литературе отмечается, что неясна процедура такой передачи при изменении соотношения долей участников, при появлении нового участника или при отчуждении перешедшей к обществу доли выбывшего участника в пользу другого участника общества[2]. Действительно, если в уставном капитале не произошло никаких изменений после выбытия участника из общества, а доля выбывшего участника остаётся у самого общества, то никаких вопросов не возникает: имеющаяся у общества доля подлежит передаче выбывшему участнику. В остальных случаях возникает указанная выше проблема.

Таким образом, неясным является алгоритм действий в случае, если ранее принадлежавшая выбывшему участнику доля погашена, отчуждена в пользу третьих лиц или распределена между участниками общества. В данном случае общество, как это сформулировано в абз. 5 п. 8 ст. 23 Закона об ООО, просто неспособно передать «соответствующую долю», поскольку у него данная доля будет отсутствовать.

По данному вопросу судебной практикой выработаны различные позиции. В одном из дел суды признали, что ввиду недобросовестности оставшегося в обществе участника, перераспределившего долю в свою пользу, она подлежит передаче выбывшему участнику, заявившему требование о восстановлении[3]. В другом деле, в обоснование для отказа в иске, суд указал, помимо прочего, на то, что доля уже перераспределена, и что «необходимым условием для удовлетворения заявления о восстановлении в правах является наличие у лица, к которому предъявлены требования, соответствующего имущества, поскольку судебный акт, обязывающий передать имущество, отсутствующее у лица, должен обладать признаками исполнимости»[4].

Также следует отметить, что в литературе высказывается мнение относительно возможности оспаривания сделки по отчуждению доли или взыскания убытков с контролирующих общество лиц в случае, если общество недобросовестно произвело отчуждение принадлежавшей ранее выбывшему участнику доли целях воспрепятствования возможности восстановления выбывшего участника [2].

На наш взгляд, вряд ли можно говорить о возможности признания отчуждения обществом доли незаконным и совершенным в целях воспрепятствования возможности восстановления выбывшего участника, и (или) о возможности признания недобросовестности контролирующих общество лиц при таком отчуждении, поскольку действующим законодательством закреплено не право, а обязанность погашения, распределения или отчуждения доли (ст. 24 Закона об ООО).

Но вряд ли можно говорить и о том, что факт отчуждения доли, ранее принадлежавшей выбывшему участнику, должен влечь за собой невозможность применения механизма, предусмотренного абз. 5 п. 8 ст. 23 Закона об ООО, поскольку, с учётом указанной в предыдущем абзаце обязанности общества, такое отчуждение, к моменту заявления выбывшим участником о восстановлении, наиболее вероятно будет произведено.

При этом, п. 1 ст. 23 Закона об ООО запрещает, по общему правилу, приобретение обществом долей в своём уставном капитале. Соответственно, для целей передачи доли выбывшему участнику, доля, предварительно, не может отчуждена участниками в пользу общества (если не принимать во внимание способы передачи, которые также влекут за собой выбытие участника). Следовательно, доля, в рассматри-

1 См.: Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью»: в 2 томах / В. А. Вайпан, А. В. Габов, Е. П. Губин и др.; под ред. И. С. Шиткиной. – Москва: Статут, 2021. – Т. 1. – 622 с. (автор главы – Д. Г. Копылов). – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

2 См.: Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью»: в 2 томах / В. А. Вайпан, А. В. Габов, Е. П. Губин и др.; под ред. И. С. Шиткиной. – Москва: Статут, 2021. – Т. 1. – 622 с. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

3 См.: Постановление ФАС Северо-Западного округа от 25.07.2013 по делу № А42-8809/2010. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

4 См.: Решение Арбитражного суда Свердловской области от 02.12.2019 по делу № А60-51414/2019. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ваемом случае, может быть передана только действующими участниками общества. Но если обратиться к абз. 5 п. 8 ст. 23 Закона об ООО, то мы увидим, что доля передаётся выбывшему участнику именно обществом.

Также следует учитывать, что, как указывалось ранее, за время, прошедшее с момента выбытия участника до момента подачи им заявления о восстановлении, может измениться соотношение долей или появиться новый участник. В данном случае открытым будет оставаться вопрос относительно того, какую степень участия каждый из участников должен будет принять в целях восстановления выбывшего участника.

Представляется, что можно сформулировать два варианта решения обозначенной выше проблемы, связанной с погашением, распределением или отчуждением обществом доли, ранее принадлежавшей выбывшему участнику.

Первый вариант мог бы включать в себя выработку определенного механизма, благодаря которому доля выбывшего участника возвращается обществу для целей её передачи выбывшему участнику. Чрезмерная сложность реализации данного варианта сразу же обнаруживается при попытке ответить на вопросы о том, как должно учитываться соотношение долей, изменившееся после выбытия участника, должен ли принимать участие в возврате доли обществу новый участник, появившийся уже после выбытия, каков должен быть порядок действий в случае, если доля выбывшего участника была погашена в порядке п. 5 ст. 24 Закона об ООО и т.д.

Второй вариант мог бы включать в себя закрепление в Законе об ООО правила о запрете отчуждения обществом доли выбывшего участника до выплаты ему действительной стоимости доли или до момента получения обществом заявления выбывшего участника о его восстановлении в составе участников общества, после которого такой запрет должен сохранять действие до удовлетворения указанного заявления (если заявление, разумеется, является обоснованным). На наш взгляд, включение в Закон об ООО такого положения в большей степени могло бы отвечать интересам выбывшего участника, и, при этом, не ущемлять прав других участников и самого общества, равно как и прав кредиторов общества.

Во-первых, такое положение могло бы стимулировать общество быстрее выплатить действительную стоимость доли, а не уклоняться от её уплаты: в любом случае, если у общества нет признаков банкротства или отсутствует угроза их возникновения, то у него, наиболее вероятно, будет и возможность выплатить действительную стоимость доли в полном объеме.

Во-вторых, действующее законодательство и так предоставляет большой срок для распределения или погашения доли – один год с момента получения обществом доли, что соответствует максимально возможному сроку, который может быть установлен для выплаты действительной стоимости доли (абз. 1 п. 8 ст. 23 Закона об ООО), в связи с чем этот срок, как представляется, мог бы быть увеличен если обществу будет запрещено отчуждать долю. Если этот срок составлял бы, например, один год и три месяца, т.е. соответствовал бы максимально возможному сроку заявления выбывшим участника общества о восстановлении, то вряд ли бы такое увеличение существенно ущемляло права и законные интересы общества или оставшихся участников.

В-третьих, как указывается в литературе, приобретение доли обществом носит чисто технический характер, так как не предполагает осуществления обществом ни корпоративных прав в отношении самого себя, ни имущественных прав в отношении приобретенной доли, а предназначено только для сохранения объема уставного капитала общества и для обеспечения общедоступности сведений о движении долей [5]. Соответственно, принимая во внимание указанное, увеличение срока такого «технического» владения за счёт наличия запрета, опять же, вряд ли приведет к нарушению прав и законных интересов общества или оставшихся участников.

Но стоит отметить и возможные сложности, связанные с реализацией подобного механизма. Так, возможны случаи, когда участник оспаривает размер произведенной обществом выплаты в судебном порядке, в связи с чем вопрос относительно наличия права на получение действительной стоимости доли может долго быть неразрешенным. Далее, следует отметить и возможность судебного разбирательства по вопросу восстановления участника, в котором общество может ссылаться на отсутствие у него признаков банкротства, или на отсутствие угрозы возникновения таких признаков, в связи с чем вопрос наличия оснований для удовлетворения соответствующего заявления выбывшего участника тоже может быть длительное время неразрешенным. Более длительный запрет на погашение или распределение доли, вероятно, может неблагоприятно сказаться на деятельности общества, и, в связи с чем, может быть чрезмерно обременительным.

Также следует отметить вопрос относительно того, какими должны быть последствия распоряжения долей в нарушение указанного выше запрета. Данный вопрос может породить множество практических проблем, поскольку, во-первых, доля может в конечном итоге перейти к третьему лицу (новому участнику), и, во-вторых, длительное время может не быть ответа на вопрос относительно того, исполнена ли обществом обязанность по выплате действительной стоимости доли, равно как и ответа на вопрос о том, есть ли у общества признаки банкротства или имеется ли угроза их возникновения.

Представляется, что по указанным выше причинам, распоряжение обществом долей в нарушение предлагаемого запрета должно было бы быть оспоримым на основании пункта 1 статьи 168 Гражданского кодекса Российской Федерации, а не, например, ничтожным в силу указания закона. В пользу этого говорит и тот факт, что если подобное распоряжение будет ничтожным, то на нотариуса, при удостоверении решения общего собрания о распределении доли, была бы возложена трудноисполнимая или вообще неисполнимая обязанность по проверке отсутствия подобного запрета, обусловленного невыплатой действительной стоимости доли, или по проверке отсутствия получения от общества заявления о восстановлении выбывшего участника.

Таким образом, выработка возможного механизма разрешения проблемы распределения, погашения или отчуждения обществом доли, когда имеются основания для её возврата выбывшему участнику, требует поиска приемлемого решения, учитывающего права и законные интересы выбывшего участника, с одной стороны, и общества с действующими участниками, с другой.

С практической точки зрения неясным представляется вопрос и относительно фактических действий со стороны общества для восстановления выбывшего участника в обществе. Другими словами, неясным остаётся процедура реализации рассматриваемого механизма, т.е. что в абз. 5 п. 8 ст. 23 Закона об ООО понимается под «восстановлением» и «передачей». Данный вопрос обусловлен тем, что в абз. 1 п. 12 ст. 21 Закона об ООО указывается, что внесение записи о переходе доли в случаях, не требующих нотариального удостоверения сделки об отчуждении доли, осуществляется на основании правоустанавливающих документов.

Соответственно, неясным представляется вопрос относительно того, какие документы будут являться правоустанавливающими в данном случае (только заявление выбывшего участника, заявление выбывшего участника и решение общего собрания о его восстановлении и т.д.). На наш взгляд, во избежание судебных споров и разногласий между выбывшим участником и обществом, целесообразно было бы закрепить в абз. 5 п. 8 ст. 23 Закона об ООО конкретный порядок действий со стороны общества, который должен быть реализован для целей восстановления выбывшего участника в составе участников общества.

Как указывалось выше, реализация механизма, предусмотренного абз. 5 п. 8 ст. 23 Закона об ООО, возможна только при наличии признаков банкротства или при угрозе их возникновения. В связи с указанным возникает вопрос относительно того, каким образом выбывший участник, в случае отказа обществом в удовлетворении его заявления, может в судебном порядке, доказать факт наличия у общества указанных признаков или факт угрозы их возникновения.

Судебной практикой выработан подход, в соответствии с которым наличие признаков банкротства, и, как следствие, отсутствие у общества права выплачивать действительную стоимость доли, может подтверждаться заключением судебной экспертизы[5]. Но данный факт или его опровержение может подтверждаться и иными допустимыми доказательствами – например, соотнесением сведений о задолженности и сведений об имуществе общества[6], или, например, первичной бухгалтерской документацией общества[7].

Тем не менее, у самого участника может не быть необходимых документов, благодаря которым может быть установлено наличие, либо отсутствие признаков банкротства общества или угрозы его возникновения, поскольку выбывший участник может требовать от общества только той информации, которая требуется для расчёта действительной стоимости доли[8]. А данная информация об экономическом положении общества, очевидно, предоставляется не на дату, когда выбывший участник заявляет о его восстановлении в составе участников. При этом, в судебной практике, при отсутствии в материалах дела доказательств того, что выплата действительной стоимости доли не осуществляется в связи с наличием признаков банкротства, иногда указывается, что данный факт не доказан именно истцом[9].

На наш взгляд более справедливым являлось бы иное распределение бремени доказывания в данной категории споров (о восстановлении участника в обществе), поскольку предоставление выбывшему участнику права требовать от общества не только информацию, необходимую для расчёта действительной стоимости доли, но и информацию относительно экономического состояния общества, очевидно, было бы и обременительно для общества, и не в полной мере защищало бы права выбывшего участника, которому всё равно приходилось бы сначала указанную информацию запрашивать, а затем, вероятно, требовать её предоставления в судебном порядке.

Далее, спорным представляется и вопрос относительно пресекательного характера срока подачи заявления. Так, абз. 5 п. 8 ст. 23 Закона об ООО предусматривает, что заявление подаётся не позднее чем в течение трех месяцев со дня истечения срока выплаты действительной стоимости. Судебная практика исходит из того, что данный срок является пресекательным[10].

С одной стороны, можно поддержать данный подход: во-первых, он способствует поддержанию правовой определенности относительно персонального состава участников, во-вторых, с учётом обозначенных выше проблем, связанных с возможным погашением или распределением доли выбывшего участника, заявление выбывшим участником о его восстановлении в составе участником в более короткий срок может позволить избежать эти проблемы.

С другой стороны, можно привести аргументы и против данного подхода. Во-первых, выбывшему участнику может быть неизвестно относительно наличия оснований для запрета выплаты действительной стоимости доли, поскольку с момента выбытия до момента истечения срока её выплаты может пройти существенное время, вплоть до одного года. Длительное время выбывший участник может полагаться на информацию относительно экономического состояния общества по состоянию на дату выбытия, которая, со временем, может стать недостоверной. Например, о наличии признаков неплатежеспособности общество может заявить только после истечения данного срока. Во-вторых, как нами указывалось ранее, вероятная цель введения законодателем нормы, закрепленной абз. 5 п. 8 ст. 23 Закона об ООО, состоит в способе предоставления участнику возможности восстановить экономическое положение общества и, в конечном итоге, получить действительную стоимость доли, в связи с чем пресекательный характер указанного срока, тем более при отсутствии у участника информации о признаках банкротства общества или угрозы их возникновения, может ущемлять интересы участника.

Таким образом, на наш взгляд, целесообразнее было бы закрепить исчисление срока подачи соответствующего заявления с момента, когда участник узнал или должен был узнать о наличии признаков банкротства общества или об угрозе их возникновения, но в пределах некоего, более продолжительного, пресекательного срока.

Подводя итог, можно прийти к выводу, что механизм восстановления выбывшего участника в обществе, закрепленный абз. 5 п. 8 ст. 23 Закона об ООО, в том виде, в каком он реализован на настоящий момент, является несовершенным и содержит множество спорных вопросов, в связи с чем требует дальнейшего совершенствования и проработки.

Пристатейный библиографический список

1. Ломакин Д. В. Общая характеристика прав и обязанностей участников общества с ограниченной ответственностью // Гражданское право. – 2021. – № 2. – С. 3-12. – Доступ из Справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
2. Тигранян А. Р. Проблемы определения и выплаты действительной стоимости доли выбывшего участника в российской судебной практике // Вестник арбитражной практики. – 2023. – № 6. – С. 57-81. – Доступ из Справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
3. Кузнецов А. А. Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью. – М.: Статут, 2014. – 141 с. – Доступ из Справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
4. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью»: в 2 томах / В. А. Вайпан, А. В. Габов, Е. П. Губин и др.; под ред. И. С. Шиткиной. – Москва: Статут, 2021. – Т. 1. – 622 с. – Доступ из Справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
5. Семенович К. С. «Эрзац-участник» общества с ограниченной ответственностью // Предпринимательское право. – 2025. – № 3. – С. 31-34. – Доступ из Справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

5 См.: Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 09.08.2023 № Ф08-1025/2022 по делу № А32-50422/2020. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

6 См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 05.12.2018 № Ф05-20420/2018 по делу № А40-9648/2018. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

7 См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 04.09.2017 № Ф05-12297/2017 по делу № А41-71260/2016. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

8 См.: пункт 6 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 18.01.2011 № 144 «О некоторых вопросах практики рассмотрения арбитражными судами споров о предоставлении информации участникам хозяйственных обществ». – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

9 См., напр.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 02.09.2022 № Ф05-17081/2022 по делу № А40-180154/2021. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

10 См., напр.: Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 23.07.2025 № 09АП-12337/2025 по делу № А40-277318/2022. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ЩЕРБАКОВА Дарья Владимировна
аспирант кафедры предпринимательского права, Юридический факультет, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

«ОЖИДАЮЩИЙ УЧАСТНИК» КАК СУБЪЕКТ КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НАСЛЕДНИКА В ПЕРИОД ОФОРМЛЕНИЯ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВ

Статья посвящена анализу правового статуса наследника доли в уставном капитале хозяйственного общества в период между открытием наследства и приобретением им полноценного корпоративного статуса. На основе системного анализа норм гражданского и корпоративного права, а также актуальной практики Верховного Суда Российской Федерации обосновывается самостоятельная субъектная категория – «ожидающий участник». Автором исследуется природа временного корпоративного разрыва, выявляются системные правовые дефекты переходного режима, предлагаются концептуальные de lege ferenda-решения, направленные на устранение существующей правовой неопределённости.

Ключевые слова: «ожидающий участник», корпоративный разрыв, наследование доли, хозяйственное общество, доверительное управление, универсальное правопреемство, согласие участников, переходный период, правовой статус наследника, de lege ferenda.

SHCHERBAKOVA Darya Vladimirovna
postgraduate student of Business Law sub-faculty, Faculty of Law, M. V. Lomonosov Moscow State University

THE «EXPECTING PARTICIPANT» AS A SUBJECT OF CORPORATE RELATIONS: THE LEGAL STATUS OF AN HEIR DURING THE PERIOD OF FORMALIZATION OF INHERITANCE RIGHTS

The article examines the legal status of an heir to a share in the authorized capital of a business entity during the period between the opening of an inheritance and the heir's acquisition of full corporate status. Drawing on a systematic analysis of civil and corporate law norms, as well as current practice of the Supreme Court of the Russian Federation, the paper substantiates an independent subject category – the "expecting participant". The author examines the nature of the temporary corporate gap, identifies systemic legal deficiencies of the transitional regime, and proposes conceptual de lege ferenda solutions to eliminate existing legal uncertainty.

Keywords: "expecting participant", corporate gap, inheritance of share, business entity, trust management; universal succession, participants' consent, transitional period, heir's legal status, de lege ferenda.

1. Постановка проблемы

Российское корпоративное право оперирует устойчивыми субъектными категориями: участник общества, акционер, выгодоприобретатель. Между тем практика выявляет устойчивый правовой феномен, не получивший в действующем законодательстве надлежащего нормативного оформления, — промежуточный субъект, возникающий при наследовании доли в уставном капитале хозяйственного общества. После открытия наследства и до завершения его оформления существует лицо, в отношении которого имущественные права на долю уже перешли в порядке универсального правопреемства, однако полноценный корпоративный статус ещё не приобретён. Речь идёт о субъекте, который обоснованно может быть обозначен как «ожидающий участник».

Актуальность темы обусловлена несколькими взаимосвязанными обстоятельствами. Во-первых, судебная практика демонстрирует устойчивую неопределённость в вопросе о том, каким объёмом корпоративных правомочий располагает наследник до внесения изменений в ЕГРЮЛ и до истечения срока, отведённого для получения согласия остальных участников общества[1]. Во-вторых, реформа корпоративного законодательства 2025 года, закреплённая Федеральным законом от 28.12.2025 № 514-ФЗ, хотя и внесла ряд уточнений в регулирование корпоративных прав, не восполнила принципиальный пробел в статусе наследника в переходный период[2]. В-третьих, Верховный Суд РФ в Обобщении судебной практики от 15 ноября 2023 года лишь воспроизвёл доктрину «расщепления» прав, не разрешив концептуального противоречия между универсальностью наследственного правопреемства и корпоративной моделью согласования состава участников[3].

Цель настоящей статьи — обосновать концепцию «ожидающего участника» как самостоятельной субъектной категории корпоративного права, определить её содержание и выработать предложения по нормативному закреплению соответствующего статуса.

2. Природа переходного периода: корпоративный разрыв и его юридические следствия

Переход доли в уставном капитале к наследнику осуществляется в рамках универсального правопреемства (п. 1 ст. 1110 ГК РФ), что предполагает одномоментную замену наследодателя его правопреемником во всех правоотношениях в дату открытия наследства. Принятое наследство признаётся принадлежащим наследнику со дня открытия наследства независимо от момента его фактического принятия и государственной регистрации (п. 4 ст. 1152 ГК РФ). Это общее правило в применении к доле в уставном капитале ООО вступает, однако, в системное противоречие с нормой п. 8 ст. 21 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», устанавливающей возможность требования уставного согласия остальных участников на вхождение наследника в состав общества.

Указанное противоречие порождает то, что в настоящей статье обозначается как «корпоративный разрыв» —

1 Обобщение судебной практики по корпоративным спорам о предоставлении информации хозяйственными обществами, утв. Президиумом ВС РФ 15 ноября 2023 г. // СПС КонсультантПлюс; Обзор судебной практики ВС РФ № 2 (2023), утв. Президиумом ВС РФ 19 июля 2023 г. // СПС КонсультантПлюс.

2 Федеральный закон от 28.12.2025 № 514-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

3 Обобщение судебной практики по корпоративным спорам о предоставлении информации хозяйственными обществами, утв. Президиумом ВС РФ 15 ноября 2023 г. // СПС КонсультантПлюс.

промежуток времени, в течение которого наследник де-юре является носителем имущественного права на долю, однако не располагает механизмами полноценной реализации корпоративных правомочий. В современной доктрине этот феномен осмысляется неоднозначно: одни авторы разграничивают «право на долю» и «права из доли», другие — исходя из принципа неделимости корпоративного права — квалифицируют любое такое разграничение как противоречащее природе универсального правопреемства.

С. В. Ерчак убедительно обосновал, что право на управление корпорацией является «неличным» неимущественным правом участника и в силу этого не подпадает под запрет наследования личных неимущественных прав, установленный абз. 3 ст. 1112 ГК РФ. Между тем переход права на управление и возможность его осуществления, если устав ООО требует согласия остальных участников, — это различные юридически значимые события. До получения такого согласия возникает состояние правовой неопределённости, нуждающееся в самостоятельном правовом регулировании.

Продолжительность корпоративного разрыва определяется совокупностью нескольких сроков: шестимесячного срока для принятия наследства (ст. 1154 ГК РФ); тридцатидневного срока (или иного, установленного уставом) для получения согласия остальных участников (п. 8 ст. 21 Закона об ООО); времени нотариального оформления и государственной регистрации изменений в ЕГРЮЛ. Таким образом, совокупный переходный период способен исчислять несколькими месяцами, в течение которых корпоративная жизнь общества продолжается без надлежащего субъектного оформления на стороне выбывшего участника.

3. «Ожидающий участник»: концептуальное обоснование

Предлагаемая категория «ожидающего участника» не является описательным ярлыком. Речь идёт о субъекте, обладающем специфическим правовым статусом, включающим следующие элементы:

3.1. Имущественное измерение. С момента открытия наследства к «ожидающему участнику» переходит право на долю в уставном капитале в полном имущественном объёме. Он приобретает право на получение действительной стоимости доли, правомочие на распределение прибыли за прошедшие периоды, имущественные требования к обществу, а при ликвидационном сценарии — право на ликвидационную квоту. Доля входит в наследственную массу и может быть предметом доверительного управления (ст. 1173 ГК РФ).

3.2. Организационное измерение. В части осуществления организационных (управленческих) правомочий «ожидающий участник» оказывается в состоянии ограниченной правоспособности. Он не вправе участвовать в общих собраниях и голосовать по вопросам повестки дня вплоть до получения согласия иных участников (если таковое предусмотрено уставом). Вместе с тем было бы ошибочным рассматривать это как ненаступление правопреемства: согласие иных участников в данном случае влияет не на переход права, а на возможность его осуществления — концептуальное различие, имеющее принципиальное значение для правоприменения.

3.3. Информационное измерение. Обобщение судебной практики Президиума ВС РФ от 15 ноября 2023 года устанавливает дифференцированный режим доступа наследника к корпоративной информации в зависимости от содержания устава. Если устав не требует согласия на вхождение наследника в состав участников, наследник обладает полным объёмом права на информацию с момента принятия наследства. Если устав содержит ограничительные оговорки — наследник вправе истребовать лишь сведения, необходимые для определения действительной стоимости доли.

3.4. Защитное измерение. Самостоятельная проблема — реализация «ожидающим участником» производных (косвенных) прав на защиту интересов корпорации: оспаривание сделок, взыскание убытков с директора, оспаривание решений органов управления общества (ст. 65.2 ГК РФ). Судебная практика в целом признаёт наличие у наследника таких правомочий с момента принятия наследства, не ставя их в зависимость от наступления формального корпоративного статуса[4]. Это согласуется с правовой природой универсального правопреемства, которое не допускает временного вакуума в правовой защите корпорации.

4. Механизм доверительного управления как инструмент временного корпоративного замещения

На период корпоративного разрыва действующее право предусматривает механизм доверительного управления наследственным имуществом (ст. 1173 ГК РФ): нотариус в качестве учредителя доверительного управления заключает соответствующий договор, обеспечивающий не только охрану, но и управление долей в уставном капитале. Нотариальный контроль осуществляется не реже одного раза в два месяца.

Вместе с тем механизм ст. 1173 ГК РФ в его нынешнем виде обнаруживает ряд существенных недостатков.

Во-первых, закон не устанавливает **обязательности** учреждения доверительного управления. На практике нотариусы нередко уклоняются от заключения договора, ссылаясь на неопределённость состава наследственного имущества или на отсутствие заявлений от заинтересованных лиц. Возникающий управленческий вакуум при этом может существенно нарушать интересы как самого общества, так и потенциальных наследников.

Во-вторых, полномочия доверительного управляющего ограничены принципом сохранения и приращения стоимости имущества (п. 3 ст. 1173 ГК РФ), что в условиях оперативного корпоративного управления оказывается принципиально недостаточным. Управляющий не вправе голосовать «против» интересов общества, но и не может активно формировать его стратегию — возникает функциональная асимметрия.

В-третьих, статус доверительного управляющего в корпоративных правоотношениях остаётся недостаточно проработанным: закон не регулирует его положение применительно к участию в общих собраниях, осуществлению производных прав, взаимодействию с реестром юридических лиц. Образно говоря, доверительный управляющий действует в «корпоративно-правовой тени», не располагая надлежащим нормативным инструментарием.

С. В. Ерчак убедительно указывает на внутреннее противоречие позиции, при которой к наследнику якобы не переходит право на управление: в таком случае передача в доверительное управление самого этого права была бы невозможной, поскольку субъективное право не может передаваться лицом, его не имеющим. Этот аргумент, сформулированный в системе ст. 1173 ГК РФ, подтверждает, что право на управление переходит с момента принятия наследства, а согласие иных участников определяет лишь условия его осуществления.

5. Правовые дефекты действующего регулирования

Совокупный анализ позволяет выявить следующие системные правовые дефекты режима «ожидающего участника».

Дефект первый: нормативная безымянность субъекта. Действующее законодательство не фиксирует промежуточный субъектный статус наследника в переходный период. Отсутствие прямого нормативного определения порождает конкурирующие интерпретации, нестабильность судебной практики и злоупотребления со стороны остальных участников общества, которые в период корпоративного разрыва нередко совершают сделки по отчуждению активов, размытию долей или принятию стратегических решений без учёта интересов будущего правопреемника.

Дефект второй: отсутствие превентивных охранных механизмов. Существующие нормы об охране наследственного имущества (ст. 1171-1173 ГК РФ) носят реактивный, а не превентивный характер: они рассчитаны на момент, когда нарушение уже произошло или продолжается. Превентивные

4 Обзор судебной практики ВС РФ № 2 (2023), утв. Президиумом ВС РФ 19 июля 2023 г. // СПС КонсультантПлюс.

инструменты — запрет принятия обществом корпоративных решений, затрагивающих интересы наследника, без уведомления нотариуса; обязательный мораторий на отчуждение доли в переходный период — в действующем праве отсутствуют.

Дефект третий: непоследовательность судебной доктрины. Обобщение практики ВС РФ от 15 ноября 2023 года устанавливает дифференциацию прав в зависимости от устава общества, однако не формулирует единого принципиального критерия разграничения допустимых ограничений уставного согласия и ограничений, несовместимых с природой универсального правопреемства. В результате правоприменитель руководствуется ситуативными решениями, что противоречит принципу правовой определённости.

Дефект четвёртый: конкуренция оснований перехода прав при наследовании с участием пережившего супруга. Наследственный переход доли пересекается с режимом совместной собственности супругов (ст. 34 СК РФ): переживший супруг одновременно является первичным сособственником части доли (супружеская доля) и потенциальным наследником оставшейся части. Действующее регулирование не предусматривает нормативного разграничения этих оснований применительно к корпоративным последствиям, что порождает двойственность правового положения пережившего супруга и судебные коллизии, наглядно проявившиеся в практике СКЭС ВС РФ по делам «ТопЛайн» (Определение от 06.04.2023 № 305-ЭС22-26611)[5] и «Юкола-нефть» (Определение от 01.02.2024 № 306-ЭС23-11144)[6].

6. Предложения de lege ferenda

На основании проведённого анализа предлагается следующий комплекс законодательных мер по оформлению правового статуса «ожидающего участника».

Предложение 1. Дополнить ст. 1176 ГК РФ положением о том, что до момента государственной регистрации изменений, подтверждающих смену состава участников, либо до выплаты действительной стоимости доли наследник находится в статусе «ожидающего участника» и обладает объёмом прав, установленных настоящей статьёй.

Предложение 2. Закрепить в ст. 1173 ГК РФ обязательность учреждения доверительного управления в случае, если в состав наследства входит доля в уставном капитале хозяйственного общества, независимо от наличия заявления заинтересованных лиц, устанавливая предельный срок для заключения договора — не позднее пяти рабочих дней со дня открытия наследственного дела.

Предложение 3. Ввести в Закон об ООО норму о запрете принятия решений о реорганизации, отчуждении ключевых активов и изменении уставного капитала в течение переходного периода без письменного уведомления нотариуса, ведущего наследственное дело, и доверительного управляющего.

Предложение 4. Дополнить п. 8 ст. 21 Закона об ООО разграничением двух принципиально различных последствий уставного согласия: согласие определяет не переход права на долю (который осуществляется в силу универсального правопреемства), а возможность осуществления управленческих правомочий, — что устранит концептуальную неточность действующей нормы, смешивающей переход и реализацию права.

Предложение 5. Распространить на «ожидающего участника» право на принятие мер по защите корпоративных интересов (ст. 65.2 ГК РФ) с момента принятия наследства, зафиксировав данное правило непосредственно в тексте закона во избежание судебных разногласий.

7. Сравнительно-правовой контекст

Обозначенная проблема не уникальна для российского права. § 139 GmbHG (Германия) устанавливает, что наследник вправе участвовать в управлении с момента открытия наследства, однако если устав требует согласия, до его получения корпоративные правомочия осуществляются через доверительного управляющего. Аналогичная концепция фикции членства в переходный период закреплена в системе французского корпоративного права (art. L. 223-13 Code de commerce), где наследник квалифицируется как associé en attente — «ожидающий участник» — с соответствующими охранными правами. Английское право при отсутствии согласия участников рассматривает наследника как имеющего право лишь на экономические выгоды от доли (beneficiary), не допуская его к управлению до transmitter's confirmation.

Таким образом, предлагаемая концепция «ожидающего участника» находит типологическое соответствие в ведущих корпоративно-правовых системах, что подчёркивает её доктринальную обоснованность и практическую востребованность.

8. Заключение

Феномен «ожидающего участника» представляет собой реальную субъектную категорию, существующую в действующем праве de facto, однако лишённую надлежащего нормативного оформления de jure. Правовой статус данного субъекта характеризуется: приобретением имущественных прав на долю с момента открытия наследства; ограниченностью управленческих правомочий в зависимости от устава общества; наличием производных защитных правомочий в отношении корпорации; замещением корпоративной функции доверительным управляющим в переходный период.

Корпоративный разрыв, порождаемый несовместимостью принципа универсального правопреемства с механизмом уставного согласия, создаёт устойчивые риски как для наследников, так и для самих хозяйственных обществ. Преодоление этих рисков требует не ситуативной корректировки правоприменения, а системной законодательной реформы, ориентированной на нормативное закрепление статуса «ожидающего участника», обязательности доверительного управления и превентивных охранных механизмов в переходный период.

Реализация предложенных de lege ferenda-мер создаст условия для сбалансированного сочетания конституционно-правовых гарантий наследования (ст. 35 Конституции РФ), принципа стабильности корпоративного состава (intuitus personae) и охраны деловой репутации хозяйственного общества как самостоятельного субъекта предпринимательской деятельности.

Пристатейный библиографический список

1. Ерчак С. В. Защита субъективных прав и правовых интересов корпорации наследниками участника // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Том 17. № 4. С. 80-109. DOI: 10.17323/2072-8166.2024.4.80.109.
2. Ломакин Д. В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика её применения в хозяйственных обществах. М.: Статут, 2020.
3. Гутников О. В. Корпоративная ответственность в гражданском праве. М.: ИЗиСП, 2019.
4. Суханов Е. А. (ред.). Российское гражданское право: учебник. В 2 т. Т. 1. М.: Статут, 2011.

5 Определение СКЭС ВС РФ от 06.04.2023 № 305-ЭС22-26611 по делу № А40-284789/2021 (дело «ТопЛайн») // СПС КонсультантПлюс.

6 Определение СКЭС ВС РФ от 01.02.2024 № 306-ЭС23-11144 (дело «Юкола-нефть») // СПС КонсультантПлюс.

ШИРЯЕВ Родион
аспирант кафедры гражданского права, Юридический институт, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

КВАЗИКОРПОРАТИВНЫЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ ОБЪЕДИНЕНИЯ КАПИТАЛОВ В ЗАРУБЕЖНОМ ПРАВЕ: ПРОБЛЕМЫ КЛАССИФИКАЦИИ И ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ

В статье рассматривается проблема теоретической квалификации организационно-правовых форм объединения капиталов, занимающих промежуточное положение между классическими корпорациями (акционерными обществами) и товариществами. Обосновывается целесообразность выделения этих форм – обществ с ограниченной ответственностью (GmbH, SARL, Ltd., LLC) в самостоятельную категорию «квазикорпоративных» форм на основании присущей им совокупности отличительных признаков. Проводится сравнительно-правовой анализ подходов германской, французской и англо-американской доктрин к определению места указанных форм в системе юридических лиц. Показано, что квазикорпоративные формы утратили маргинальный характер и заняли центральное положение в деловом обороте большинства развитых правопорядков, что обусловливает необходимость их самостоятельного теоретического осмысления.

Ключевые слова: корпоративное право, организационно-правовая форма, объединение капиталов, общество с ограниченной ответственностью, квазикорпорация, акционерное общество, GmbH, SARL, LLC, сравнительное правоведение.

SHIRYAEV Rodion
postgraduate student of Civil law sub-faculty, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

QUASI-CORPORATE ORGANIZATIONAL AND LEGAL FORMS OF CAPITAL POOLING IN FOREIGN LAW: PROBLEMS OF CLASSIFICATION AND LEGAL NATURE

The article addresses the problem of theoretical qualification of organizational and legal forms of capital pooling that occupy an intermediate position between classical corporations (joint-stock companies) and partnerships. The expediency of distinguishing these forms – limited liability companies (GmbH, SARL, Ltd., LLC) – as an independent category of «quasi-corporate» forms is substantiated on the basis of their distinctive features. A comparative legal analysis of the approaches of German, French and Anglo-American doctrines to determining the place of these forms in the system of legal entities is carried out. It is shown that quasi-corporate forms have lost their marginal character and have taken a central position in the business turnover of most developed legal systems, which necessitates their independent theoretical comprehension.

Keywords: corporate law, organizational and legal form, capital pooling, limited liability company, quasi-corporation, joint-stock company, GmbH, SARL, LLC, comparative law.

Развитие корпоративного права зарубежных государств на протяжении двух последних столетий характеризуется неуклонным расширением каталога организационно-правовых форм, предназначенных для объединения капиталов. Если на заре индустриальной эпохи правопорядки континентальной Европы и общего права обходились довольно скромным набором конструкций – полным товариществом и акционерным обществом (корпорацией), то к началу нынешнего столетия палитра доступных участникам оборота организационных форм приобрела куда более сложный вид. Появление обществ с ограниченной ответственностью и их многочисленных национальных вариаций поставило перед цивилистической наукой вопрос, который до сих пор не получил общепринятого ответа: являются ли подобные конструкции лишь модификацией классической корпорации, или же они образуют самостоятельное явление, требующее особого теоретического инструментария?

Настоящая статья посвящена исследованию правовой природы указанных организационно-правовых форм, которые, по нашему мнению, есть основания именовать квазикорпоративными. Этот термин не претендует на нормативный статус. Он призван подчеркнуть двойственную, «промежуточную» природу таких форм – между корпорацией в собственном смысле слова и товариществом. Для целей исследования под классическими корпоративными формами мы понимаем акционерные общества публичного типа (Aktiengesellschaft, Société anonyme, public limited company, publicly held corporation), а под квазикорпоративными – общества с ограниченной ответственностью и их функциональные аналоги (GmbH, SARL, private limited company, LLC).

Сначала необходимо обозначить те признаки, которые отличают классическую корпорацию от иных объединений. Традиционно к числу её конститутивных черт относят: разделение уставного капитала на акции, свободно обращающиеся на рынке; полное разделение имущественных сфер юридического лица и его участников; централизованное управление, осуществляемое профессиональными органами, в значительной степени автономными от воли отдельных акционеров; ограниченную ответственность участников; неопределённо широкий и потенциально неограниченный круг членов [1, с. 89]. Перечисленные признаки были выявлены ещё в классических работах М. И. Кулагина, который, опираясь на сравнительно-правовой материал, показал, что именно акционерное общество является «юридической формой, наиболее адекватной потребностям крупного производства и финансового капитала» [3, с. 112]. Институциональным воплощением данной модели служат Aktiengesellschaft (AG) в праве Германии[1], Société anonyme (SA) во Франции[2],

1 Aktiengesetz (AktG) vom 6. September 1965 (BGBl. I S. 1089), zuletzt geändert durch Art. 7 des Gesetzes vom 22. Dezember 2023 (BGBl. I Nr. 411).

2 Loi n° 66-537 du 24 juillet 1966 sur les sociétés commerciales; ныне - Livre II, Titre II Code de commerce // legifrance.gouv.fr.

public limited company (plc) в Великобритании[3] и publicly held business corporation в праве США[4].

Принципиально иной генезис имеют организационно-правовые формы, возникновение которых было обусловлено не столько потребностями крупного капитала, сколько нуждами мелкого и среднего предпринимательства. Прототипом этой категории стало германское общество с ограниченной ответственностью (Gesellschaft mit beschränkter Haftung – GmbH), учреждённое Законом от 20 апреля 1892 года[5]. Историко-правовые исследования свидетельствуют о том, что GmbH создавалась целенаправленно, как «промежуточная» конструкция между акционерным обществом и полным товариществом. Разработчики закона отталкивались от конкретной практической потребности: многим предпринимателям – прежде всего колониальным торговым обществам, семейным предприятиям и небольшим промышленным фирмам – требовалась такая организационная форма, которая совмещала бы ограниченную ответственность участников с гибкостью внутренней организации и отсутствием обременительных публичных обязанностей, предъявлявшихся к акционерным обществам [5, s. 137-138]. Х. Видеманн справедливо замечал, что GmbH возникла не из теоретических построений, а «из практической жизни» (aus dem praktischen Leben), и в этом состояло её ключевое отличие от акционерного общества, развивавшегося во многом под влиянием доктринальных и законодательных идей [5, s. 142].

Успех германского изобретения оказался настолько значительным, что в течение нескольких десятилетий аналогичные формы были учреждены практически во всех ведущих правопорядках. Во Франции Законом от 7 марта 1925 года была создана Société à responsabilité limitée (SARL), прямо вдохновлённая германским образцом[6]. В Англии функционально сходную роль взяла на себя private limited company (Ltd.), которая была обособлена от публичной компании ещё Законом о компаниях 1907 года, а ныне регулируется Companies Act 2006[7]. В праве Соединённых Штатов на протяжении значительной части XX столетия квазикорпоративные потребности удовлетворялись посредством закрытой корпорации (close corporation), однако настоящий перелом произошёл с появлением в 1977 году формы limited liability company (LLC) в штате Вайоминг, стремительно распространившейся затем по всем штатам [7, s. 412-415].

Что же объединяет все эти конструкции и оправдывает их объединение в одну категорию? Думается, что общим для них является сочетание двух начал, по отдельности характерных для противоположных «полюсов» системы юридических лиц. С одной стороны, от классической корпорации квазикорпоративные формы заимствуют ограниченную ответственность участников и в большинстве правопорядков – полноценную правосубъектность юридического лица, самостоятельную по отношению к правосубъектности его участников. С другой стороны, от товариществ они воспринимают гибкость организационного устройства: возможность непосредственного управления делами общества самими участниками (без обязательного формирования совета директоров или наблюдательного совета), закрытый характер участия, выражающийся в ограничении оборотоспособности долей, а в ряде юрисдикций – также широкую договорную свободу при определении внутренних правил функционирования [4, p. 18-19]. Именно эта «гибридность» и оправдывает с известными оговорками – применение к ним термина «квазикорпоративные»: они являются корпорациями лишь отчасти, не обладая полным набором признаков «полноценной» корпорации – акционерного общества публичного типа. Вместе с тем они решительно перешагнули рамки товарищества: их участники не несут неограниченной личной ответственности, а существование юридического лица не зависит от персонального состава участников.

Проблема теоретической классификации квазикорпоративных форм порождает расхождения между национальными доктринами, и расхождения эти весьма показательны. В германском правоведении GmbH традиционно квалифицируется как Kapitalgesellschaft (общество капитала) наряду с AG, и тем самым подчёркивается их общий фундамент – принцип ограниченной ответственности и капиталистическая основа объединения. Однако, как неоднократно указывалось в литературе, по внутренней организации GmbH стоит значительно ближе к Personengesellschaften (обществам лиц), нежели к акционерному обществу: участники зачастую лично ведут дела общества, доли не предназначены для публичного обращения, а уставу придаётся значение, сопоставимое с товарищеским договором [6, s. 1675-1679]. К. Шмидт, один из ведущих представителей германской науки торгового и корпоративного права, не случайно характеризовал GmbH как «персоналистическое общество капитала» (personalistische Kapitalgesellschaft) – определение, которое уже по форме выдаёт внутреннее противоречие [6, s. 1678]. Реформа германского права обществ лиц, осуществлённая Законом о модернизации права обществ лиц (MoPeG), вступившим в силу 1 января 2024 года[8], придала дополнительную остроту дискуссии о границах между корпорациями и товариществами: наделение зарегистрированных товариществ полноценной правосубъектностью дополнительно размыло прежде казавшуюся незыблемой границу между двумя категориями.

Во французской доктрине SARL занимает столь же неоднозначное промежуточное положение. Традиционная дихотомия делит торговые общества на sociétés de personnes (товарищества) и sociétés de capitaux (общества капитала). SARL формально причисляется ко второй группе, но целый ряд её черт – законодательное ограничение максимального числа участников[9], режим уступки долей, требующий согласия других участников, значимость личного элемента – сближает её с товариществами. Французские авторы давно именуют SARL «société hybride», подчёркивая тем самым невозможность однозначного отнесения к одному из полюсов [8, p. 657].

Англо-американское право, менее склонное к построению теоретических классификаций, столкнулось с аналогичной затруднительностью при легитимации LLC. В доктрине и судебной практике обсуждалось, следует ли квалифициро-

3 Companies Act 2006 (c. 46) // legislation.gov.uk.

4 Model Business Corporation Act (MBCA), last revised 2016 // American Bar Association.

5 Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung (GmbHG) vom 20. April 1892 (RGBl. S. 477), in der Fassung der Bekanntmachung vom 20. Mai 1898, zuletzt geändert durch Art. 1 des Gesetzes vom 10. August 2021 (BGBl. I S. 3436).

6 Loi du 7 mars 1925 instituant les sociétés à responsabilité limitée; ныне — Code de commerce, art. L223-1 et seq. // legifrance.gouv.fr.

7 Companies Act 2006 (c. 46), Part 4 // legislation.gov.uk.

8 Gesetz zur Modernisierung des Personengesellschaftsrechts (MoPeG) vom 10. August 2021 (BGBl. I S. 3436).

9 Code de commerce, art. L223-3: «Le nombre des associés d'une société à responsabilité limitée ne peut être supérieur à cent» // legifrance.gouv.fr.

вать LLC как корпорацию или как партнёрство – в частности, для целей федерального налогообложения. Прагматический ответ был дан через механизм так называемого check-the-box election: казначейские правила (Treasury Regulations) позволили LLC самостоятельно выбирать налоговый режим – корпоративный или «проточный» (pass-through)[10]. Это решение, при всей его практической элегантности, фактически подтвердило, что LLC не вписывается ни в одну из ранее существовавших категорий [7, s. 415].

Современный этап развития корпоративного законодательства демонстрирует ряд тенденций, непосредственно затрагивающих квазикорпоративные формы. Прежде всего, наблюдается процесс конвергенции: границы между классическими корпоративными и квазикорпоративными формами постепенно размываются. С одной стороны, классические корпорации воспринимают элементы гибкости: достаточно указать на введение «малого акционерного общества» (kleine AG) в Германии реформой 1994 года или на последовательную дерегуляцию private company в Великобритании. С другой стороны, квазикорпоративные формы в ряде юрисдикций приобретают черты, прежде присущие исключительно корпорациям, – например, возможность привлечения инвестиций посредством публичного размещения долей участия.

Далее, на уровне Европейского Союза предпринимались попытки создания наднациональных аналогов квазикорпоративных форм. Если Societas Europaea (SE) представляет собой наднациональную версию классического акционерного общества[11], то обсуждавшийся проект Директивы о Societas Unius Personae (SUP) был направлен на создание наднационального общества с ограниченной ответственностью – и, хотя этот проект в итоге не был принят, сама попытка свидетельствует о признании самостоятельного значения квазикорпоративной формы на европейском уровне [4, p. 221].

Наконец, количественные данные не оставляют сомнений в том, что квазикорпоративные формы утратили маргинальный статус и заняли доминирующее положение в деловом обороте большинства развитых правопорядков. В Германии зарегистрировано более 1,2 миллиона GmbH при менее чем 15 тысячах AG; в Соединённых Штатах LLC уверенно является наиболее популярной формой регистрации новых хозяйствующих субъектов. Во Франции SARL также остаётся массовой формой ведения бизнеса, хотя в последние годы возросла конкуренция со стороны упрощённого акционерного общества (Société par actions simplifiée – SAS)[12]. Подобное количественное доминирование лишний раз подтверждает необходимость теоретической разработки квазикорпоративной проблематики: институт, столь значимый для хозяйственной жизни, не может оставаться «неклассифицированным».

Сказанное имеет непосредственное значение и для российского правопорядка. Общество с ограниченной ответственностью, предусмотренное главой 4 Гражданского кодекса Российской Федерации[13], было введено в отечественное законодательство под прямым влиянием германской GmbH. Между тем в российской доктрине и законодательной систематике ООО, как правило, рассматривается через призму единой категории «хозяйственного общества», объединяющей как ООО, так и АО. Подобный подход, на наш взгляд, нивелирует сущностные различия между указанными формами и затрудняет выработку правового режима, учитывающего квазикорпоративную специфику ООО [9, с. 56]. Осмысление опыта зарубежных правопорядков, где осознание «промежуточной» природы обществ с ограниченной ответственностью привело к формированию дифференцированного регулирования, могло бы способствовать совершенствованию и отечественного корпоративного законодательства.

Подводя итог, следует констатировать, что квазикорпоративные организационно-правовые формы объединения капиталов представляют собой самостоятельную категорию юридических лиц, не сводимую ни к корпорации в собственном смысле, ни к товариществу. Возникшие полтора столетия назад из сугубо практических потребностей мелкого и среднего предпринимательства, они за прошедшее время не просто доказали свою жизнеспособность, но и оттеснили классические корпоративные формы по количеству зарегистрированных субъектов. Однако теоретическое осмысление их правовой природы по-прежнему остаётся незавершённым – причём в равной мере и в германской, и во французской, и в англо-американской цивилистике. Дальнейшая разработка этого вопроса представляется перспективным направлением сравнительного корпоративного правоведения, имеющим непосредственную ценность и для совершенствования российского права.

Пристатейный библиографический список

1. Габов А. В. Общества с ограниченной и дополнительной ответственностью в российском законодательстве. – М.: Статут, 2010. – 256 с.
2. Козлова Н. В. Понятие и сущность юридического лица: Очерк истории и теории. – М.: Статут, 2003. – 316 с.
3. Кулагин М. И. Избранные труды по акционерному и торговому праву. – М.: Статут, 2004. – 363 с.
4. Kraakman R. et al. The Anatomy of Corporate Law: A Comparative and Functional Approach. – 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2017. – 281 p.
5. Wiedemann H. Gesellschaftsrecht: Ein Lehrbuch des Unternehmens– und Verbandsrechts. – Bd. I. – München: C. H. Beck, 1980. – 916 S.
6. Schmidt K. Gesellschaftsrecht / von Karsten Schmidt, Prof. – 4., völlig neu. bearb. u. erw. Aufl. – Köln [etc.]: Heymanns, cop. 2002. – LVI, 1964 с.; 24. – ISBN 3-452-24679-5.
7. Merkt H., Göthel S. US-amerikanisches Gesellschaftsrecht. – 3. Aufl. – Frankfurt am Main: Verlag Recht und Wirtschaft, 2013. – 864 S.
8. Ripert G., Roblot R. Traité de droit commercial. – T. 1. Vol. 2. – 21e éd. – Paris: LGDJ, 2022. – 1104 p.
9. Серова О. А. Теоретико-методологические и практические проблемы классификации юридических лиц современного гражданского права России: монография. – М.: Юрист, 2011. – 328 с.
10. Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право / 2-е изд., стер. – М.: Статут, 2020. – 456 с.

10 Treasury Regulations, 26 C.F.R. § 301.7701-3 (entity classification election) // Electronic Code of Federal Regulations, ecfr.gov.

11 Регламент Совета (ЕС) № 2157/2001 от 8 октября 2001 г. об Уставе Европейской компании (SE) // Official Journal. - 10.11.2001. - L 294.

12 Code de commerce, art. L227-1 et seq. (Société par actions simplifiée) // legifrance.gouv.fr.

13 Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Российская газета. - 1994. - № 238-239 (8 декабря).

КОЛИЕВА Ангелина Эдуардовна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры земельного, трудового и экологического права, Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина, г. Краснодар

МАКСИМОВ Руслан Владимирович
студент Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина, г. Краснодар, независимый исследователь

НИКУЛИН Семён Юрьевич
студент Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина, г. Краснодар, независимый исследователь

АДАПТАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА К ИЗМЕНЕНИЯМ КЛИМАТА: ТЕНДЕНЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Данная статья направлена на изучение и анализ институтов, которые предназначены для реализации земельных правоотношений к быстро меняющимся климатическим условиям. В статье рассматриваются определенные подходы к решению проблемы, возникающей из-за изменений климата. Авторы проводят анализ нормативно-правовых актов, регулирующих как использование земель, так и защиту окружающей среды. Основное внимание уделяется оцениванию существующих средств и выявлению пробелов в законодательстве, которые препятствуют достаточной реализации действий по охране земель и восстановлению уже поврежденных территорий. Предложены конкретные рекомендации по усовершенствованию законотворческого процесса, нацеленные на сокращение рисков, связанных с изменениями климата, и повышение степени защищенности сельскохозяйственных территорий, водных объектов и иных природных комплексов.
Ключевые слова: климатические изменения, нормативно-правовое регулирование, охрана земель.

KOLIEVA Angelina Eduardovna
Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Land, labor, and environmental law sub-faculty, I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar

MAXIMOV Ruslan Vladimirovich
student, I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar, independent Researcher

NIKULIN Semyon Yurievich
student, I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar, independent Researcher

ADAPTATION OF AGRICULTURE TO CLIMATE CHANGE: TRENDS IN LEGAL REGULATION

This article aims to study and analyze the institutions that are designed to implement land relations to rapidly changing climatic conditions. The article discusses certain approaches to solving the problem arising from climate change. The authors analyze the legal acts regulating both the use of land and the protection of the environment. The main focus is on evaluating the existing means and identifying gaps in the legislation that prevent the sufficient implementation of actions to protect land and restore already damaged areas. Specific recommendations are proposed to improve the legislative process, aimed at reducing the risks associated with climate change and increasing the degree of protection of agricultural areas, water bodies, and other natural complexes.
Keywords: climate change, legal regulation, and land protection.

Проблема изменения климата является одной из самых острых современных угроз, создающих существенные риски для безопасности общества и государства. Угроза возникновения масштабных кризисных ситуаций, аварий и катастроф, вызванных глобальными климатическими изменениями, прямо отражена в тексте Стратегии национальной безопасности[1].

Адаптация к изменениям климата предполагает подстройку природных, социальных и экономических систем в ответ на реальные или предполагаемые климатические изменения и их последствия, которые могут привести к значительным финансовым потерям инфраструктурных объектов, отрицательно влияя при этом на здоровье и общий уровень жизни населения.

Важным элементом российской стратегии выступает Национальный план мероприятий[2]. В климатической доктрине РФ, принятой в 2009 году, подчеркивается первоочередное значение подготовительных действий к климатическим изменениям.

В Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельхозпродукции, сырья и продовольствия, являющейся основополагающим документом, задающим направления российской аграрной стратегии, фактор климатических изменений не выделен[3].

В документе изложены приоритет государства в сфере климата, особое место занимает учет потенциальных потерь и выгод, связанных с изменением климата, а также реализация мероприятий, направленных на адаптацию к ним.

Основываясь на принципах, заложенных в доктрине, развитие нормативно-правовой базы по вопросам изменения климата рассматривается как одна из главных предпосылок формирования и эффективного функционирования

1 Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утв. Указом Президента РФ от 31.12.2015 № 683.

2 Распоряжение Правительства Российской Федерации № 559-р от 11.03.2023.

3 Постановление Правительства РФ от 14.07.2012 № 717 «О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» (с изменениями на 19 апреля 2022 года).

механизма реализации стратегического курса государства в этой сфере[4].

Законодательство содержит значительный объем норм, специально разработанных для охраны земельных ресурсов, природных богатств и регулирования воздействия экономической деятельности на окружающую среду.

В Земельном кодексе РФ закреплены императивные нормы, которые обеспечивают защиту почв – важной составляющей природной среды. Кодекс накладывает на собственников и арендаторов земельных участников обязательства по мерам охраны, в частности по борьбе с эрозией, предотвращению химического загрязнения, утилизации промышленных отходов и сокращению иных вредных воздействий[5].

Законодательство предусматривает обязанность собственников и других правообладателей земель вести сельскохозяйственную деятельность таким образом, чтобы способствовать восстановлению плодородия почв.

Так, исходя из решения Арбитражного суда Оренбургской области от 5 октября 2021 г. по делу № А47-17451/2019 рассмотрен иск крестьянского хозяйства к Акционерному обществу «Оренбургнефть». КХ, вступившее в аренду спорных земель после ответчика, требует взыскания убытков, представляющих собой стоимость биологической рекультивации почв.

Истец утверждает, что АО «Оренбургнефть» не выполнило своих обязательств по восстановлению плодородия почв после проведения работ на нефтепроводе.

Суд пришел к выводу об обоснованности требований истца. По экспертным заключениям плодородие почв на спорных участках снизилось, и для их дальнейшего использования в сельском хозяйстве необходим комплекс определенных мер. Ответчик не смог доказать выполнение таких работ. Суд удовлетворил иск и взыскал с ответчика сумму в размере 1 619 329 рублей[6].

Из приведенной судебной практики видно, что отказ выполнять сельскохозяйственную деятельность с учетом требований по воспроизводству земель и недопущению вреда окружающей среде влечет за собой ответственность. Правообладатель обязан возмещать ущерб в размере стоимости мероприятий по восстановлению плодородия до пригодного для использования состояния [1, с. 52]

Но в Земельном кодексе РФ отсутствуют нормы, которые требуют учитывать климатические особенности при планировании и ведении хозяйственной деятельности. Проведя анализ нормативно-правовой базы, следует сказать, что в ней отсутствуют императивные предписания, обязывающие принимать меры по сохранению климата и обеспечению адаптации при осуществлении любой деятельности.

Этот пробел выявляется в основном законе в области окружающей среды – Федеральном законе № 7 «Об охране окружающей среды» (от 10.01.2022), где климат не выделен в число объектов, защищаемых от негативных последствий хозяйственной деятельности. Такие обстоятельства создают пробел, препятствующий адекватному противодействию появляющимся угрозам.

Для устранения данных проблем представляется значимым принять ряд рекомендаций:

1. Создание специального федерального закона, ориентированного исключительно на регулирование вопросов адаптации к климатическим изменениям, станет фундаментом для действительного подхода к решению проблемы.

Такой закон должен содержать нормы, которые раскрывают круг обязанностей государственных органов, коммерческих организаций и граждан по оценке и контролю влияния климатических факторов. Федеральный закон должен включать некоторые механизмы регулирования:

2. Требуется законодательное закрепление порядка страховых гарантий гражданам и организациям в случае наступление чрезвычайных ситуаций, вызванных последствиями климатических ситуаций. Также стоит закрепить линейку тарифов страхования сельскохозяйственных рисков для местности.

3. Также предлагается введение в Земельный кодекс РФ нового раздела, обязывающего правообладателей сельскохозяйственных земель разрабатывать и реализовывать планы по адаптации своих участков к климатическим изменениям.

Кроме того, стоит внести корректировки в Федеральный закон «Об охране окружающей среды». Предполагается расширение списка объектов правовой охраны за счет включения климатической системы как самостоятельного объекта, требующего специализированной защиты.

Пристатейный библиографический список

1. Колиева А. Э. Правовые вопросы привлечения к ответственности за нарушения земельного законодательства // Вестник Евразийской академии административных наук. - 2025. - № 2 (71). - С. 51-54.

4 Распоряжение Президента Российской Федерации от 17 декабря 2009 г. № 861-рп «О Климатической доктрине Российской Федерации» // СЗ РФ. - 2009. - № 51. - Ст. 6305.

5 Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 01.03.2026)

6 Решение от 5 октября 2021 г. по делу № А47-17451/2019 Арбитражный суд Оренбургской области (АС Оренбургской области).

ПЕТРОВ Алексей Михайлович
3-й секретарь Посольства России в Бельгии

Петров А. М.

ПРОБЛЕМА ТРАНСГРАНИЧНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В статье отмечается, что в настоявшее время в фокусе глобального дискурса находится вопрос обеспечения устойчивого развития, в рамках которого государства должны объединить свои усилия на благо будущих поколений, и сделан вывод о том, что ни одно государство в одиночку не может защитить своих граждан от трансграничного ущерба, если источник этого ущерба находится за пределами его юрисдикции. Эффективная защита возможна только при условии согласованной позиции целого сообщества государств, признающих, что экологическая безопасность не заканчивается границами одной страны и что право на благоприятную среду универсально, не ограничено национальными юрисдикциями.

Ключевые слова: устойчивое развитие, экологическое право, трансграничный вред, трансграничный ущерб, загрязнитель платит, ЦУР, государственная экологическая политика.

PETROV Alexey Mikhailovich
3rd Secretary of the Russian Embassy in Belgium

THE PROBLEM OF TRANSBOUNDARY ENVIRONMENTAL IMPACT: LEGAL ASPECT

The article notes that currently the focus of global discourse is on the issue of ensuring sustainable development, within which states should combine their efforts for the benefit of future generations, and concludes that no state alone can protect its citizens from transboundary damage if the source of this damage is located outside its jurisdictions. Effective protection is possible only if there is a coordinated position of the whole community of States that recognize that environmental safety does not end with the borders of one country and that the right to a favorable environment is universal and not limited by national jurisdictions.

Keywords: sustainable development, environmental law, transboundary harm, transboundary damage, polluter pays, SDGs, state environmental policy.

По данным Программы ООН по окружающей среде[1], более 40 % населения мира проживает в трансграничных речных бассейнах, а значительная часть крупных промышленных объектов расположена вблизи государственных границ[2]. При этом количество трансграничных экологических споров, доходящих до международных судебных инстанций, ничтожно мало по сравнению с реальным числом случаев причинения вреда, что является симптомом глубокого системного кризиса правового регулирования в данной сфере. В настоявшее время в фокусе глобального дискурса находится вопрос обеспечения устойчивого развития, в рамках которого государства должны объединить свои усилия на благо будущих поколений. Вопросы экологии занимают важнейшее место среди целей, закрепленных в Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года[3], а значит, международный аспект правового регулирования защиты окружающей среды становится не менее важным, чем национальный.

В научной литературе вопросы международного экологического права относят к подотрасли международного права [10], однако большой интерес вопросы трансграничного воздействия на окружающую среду имеют и для экологического права [9]. Так, еще О. С. Колбасов отмечал, что цель охраны окружающей среды обусловлена отведением от людей угрозы массовой гибели и гарантированием им благоприятных физических условий существования и развития на нашей планете [8], что подчеркивает широкий взгляд специалистов по экологическому праву на проблему защиты окружающей среды. О. Л. Дубовик определяет экологические права как совокупность закрепленных в международных актах, конституции государства, специальном экологическом и смежном с ним законодательстве прав индивида, т.е. человека и гражданина, реализуемых в процессе взаимодействия с окружающей средой и обеспечивающих удовлетворение его основных потребностей в этой сфере [6], то есть вопросы международных соглашений также выступают источником экологического права.

Предотвращение трансграничного ущерба окружающей среде, мирное урегулирование споров, связанных с трансграничным воздействием на окружающую среду, а также международная ответственность и компенсация за ущерб окружающей среде, вызванный действиями на территории государства, находящейся под его юрисдикцией или контролем, которые привели к ущербу за пределами этой территории М. М. Бринчук относит к специальным принципам современного международного экологического права [3]. Однако основным международным принципом остается провозглашенный в 1972 году принцип «загрязнитель платит», который предполагает обязательное включение экологических издержек в деятельность загрязнителя, создание стимулов к снижению вреда и обеспечение компенсации ущерба [11]. В научной литературе отмечается, что принципы международного экологического права носят в значи-

1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.unepfi.org/banking/bankingprinciples/ (дата обращения: 10.04.2026).

2 ECE/MP.WAT/2006/16. Preliminary assessment of the status of transboundary rivers and lakes in Eastern Europe, Caucasus and Central Asia. - Geneva: UN, 2006. - 30 p.

3 Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 70/1 от 25 сентября 2015 г. «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». Доклад ООН A/RES/70/1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/en/development/desa/population/publications/2030_Agenda_ru.pdf (дата обращения: 10.04.2026).

тельной степени «мягкий» характер, так как их нарушение не влечет автоматических санкций, а какой-либо механизм принуждения отсутствует, во многих международных актах обязанности государств сформулированы декларативно, что является значимой проблемой для построения эффективного механизма защиты окружающей среды. Так, принцип «загрязнитель платит» не имеет унифицированного механизма реализации из-за отсутствия четкого определения экологических нормативов на разных уровнях от регионального до глобального [14].

Конституция Российской Федерации в ст. 42 закрепляет право каждого на благоприятную окружающую среду. Однако это право оказывается практически нереализуемым, если источник экологической угрозы находится на территории другого государства. Российский гражданин не может предъявить иск к иностранному предприятию в российский суд, так как экологический вред, причиненный за пределами юрисдикции, не подпадает под действие национального законодательства. Обращение в международные органы за защитой прав осложнено тем, что большинство экологических споров рассматриваются на межгосударственном уровне, где интерес отдельного человека напрямую не является объектом охраны. Государство, закрепляя в ст. 71 Конституции РФ охрану окружающей среды и обеспечение экологической безопасности в качестве предмета своего ведения, принимает на себя обязанность защищать граждан от внешних угроз, в том числе экологических. В этой связи наряду с конституционными экологическими правами появляется более широкая категория экологических прав, которая рассматривается как права личности, закрепленные в отраслевом законодательстве, направленные на удовлетворение ее экологических интересов и потребностей, гарантированные нормами не только национального, но и международного права [20]. Как справедливо указывает И. О. Краснова, ограничение суверенных прав государств в области охраны окружающей среды и использования природных ресурсов как механизм построения международных экологических отношений широко поддерживается мировым сообществом [19].

В международной практике под трансграничным вредом понимается ущерб, причиненный на территории, находящейся под юрисдикцией или контролем одного государства, в результате деятельности, осуществляемой на территории другого государства, причем наличие общей границы между государствами не является обязательным условием [12]. Процесс трансграничного загрязнения включает три ключевые фазы: выброс загрязняющего вещества, его перенос через государственную границу и взаимодействие с объектами окружающей среды соседнего государства или пространств за пределами национальной юрисдикции [13]. Такой многоступенчатый характер причинения трансграничного вреда создает дополнительные правовые лакуны, так как на каждом этапе возникает вопрос о применимом праве и ответственном за вред субъекте.

Еще в 1941 году в деле о «Трейл Смелтер» (США против Канады) арбитраж сформулировал принцип, согласно которому ни одно государств не вправе использовать свою территорию или разрешать ее использование таким образом, чтобы причинять ущерб территории другого государства или имуществу, находящемуся на ней [18]. Впоследствии арбитраж подчеркнул, что любое государство обязано обеспечивать защиту других стран от вредных последствий действий частных лиц в пределах его юрисдикции. Этот принцип позже вошел в Декларацию Рио-де-Жанейро, а также был закреплен в Конвенции ЕЭК ООН об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте, которая обязывает потенциально опасную сторону не только оценивать последствия, но и информировать другие страны, а также консультироваться с пострадавшими государствами [2].

Международные документы в сфере защиты окружающей среды обладают значительным недостатком, который состоит в том, что они обязывают государства ликвидировать последствия трансграничного вреда, но не содержат меры, которые прямо влияют на улучшение положения пострадавших граждан, не предусматривают эффективных санкций за нарушение прав человека. Государство-источник может годами вести переговоры, предоставлять неполную информацию, затягивать проведение оценки воздействия, ведь пострадавшее государство может обратиться в Международный Суд ООН, только если оба государства признают его юрисдикцию и только после исчерпания дипломатических средств. Для граждан такая процедура недоступна. Вместе с тем, граждане также имеют инструменты воздействия на правительства, в том числе в разрезе вопроса изменения климата, о чем свидетельствует накопленная международная практика рассмотрения подобных категорий дел [7].

Несмотря на то, что многие принципы международного экологического права носят мягкий характер, а цели устойчивого развития являются всего лишь рекомендованными индикаторами, необходимо подчеркнуть важность гармонизации экологических политик различных государств. Сопредельные государства зачастую применяют несовместимые стандарты качества среды, что порождает правовые трудности при оценке ущерба и определении размера компенсации. Особенно остро проблема стоит в отношениях между сопредельными государствами с разным уровнем экономического развития. Развивающееся государства, на территории которого расположено промышленное предприятие, часто заинтересовано в сохранении рабочих мест и налоговых поступлений, даже если это предприятие загрязняет реку, протекающую и в соседнем государстве. Развитое государство, выступая источником трансграничного воздействия на более слабого соседа, может ссылаться на недостаточность научных доказательств вреда или на отсутствие международно-правовых стандартов качества среды. В итоге спор замораживается, вред продолжает причиняться, а пострадавшие граждане остаются без защиты.

Как показывает опыт крупных радиационных аварий, радиоактивные отходы и выбросы могут десятилетиями накапливаться в почвенном покрове и мигрировать в растительную продукцию, животный мир и человеческие организмы, вызывая онкологические заболевания спустя многие десятилетия после самого инцидента [17]. Однако ни одна из действующих конвенций не предусматривает полноценного механизма компенсации такого отложенного во времени вреда.

В международной практике сложилось разграничение двух видов ответственности. Первый касается нарушений государством своего обязательства предотвращать трансграничный ущерб – здесь речь идет о классической международно-правовой ответственности государства. Второй вид, гражданско-правовая ответственность оператора (владельца источника повышенной опасности), которая наступает независимо от вины и реализуется через ординарные национальные суды [2]. Наиболее совершенные режимы такого рода существуют в сфере ядерной энергии, морских перевозок нефти и космической деятельности. Однако и в них, как правило, прямо не компенсируется вред окружающей среде как таковой: возмещению подлежат лишь расходы на разумные восстановительные меры и убытки, понесенные людьми и их имуществом [4]. Это связано с тем, что оценка экологического вреда в денежном выражении сопряжена с непреодолимыми методологическими трудностями, а сами природные ресурсы зачастую не имеют рыночной стоимости.

Еще одна проблема состоит в том, что концептуальный подход к определению «окружающей среды» в международных договорах варьируется от узкого (только природные ресурсы) до широкого, включающего культурное наследие,

ландшафты и даже благоприятные условия жизнедеятельности [5]. Такая разнородность не позволяет выработать единое понимание того, что именно подлежит защите и восстановлению. При этом в научной литературе отмечается, что попытки определения экологической политики предпринимаются на планетарном уровне в виде принятия хартии Земли, деклараций ООН, ее учреждений (ЮНЕСКО и др.) в пределах континентов, в рамках экологических систем (например, договоров об охране Черного, Балтийского и иных морей), сохранения отдельных видов объектов животного мира (белых медведей, зубров, котиков, ценных пород рыб), о предупреждении переноса по воздуху трансграничных загрязнений, об учете редких и находящихся под угрозой исчезновения растений, животных и других организмов [1], что заслуживает всесторонней поддержки. Согласимся с О. С. Колбасовым в том, что «право никогда не воспринимало природу всесторонне, в полной и полезной ценности, в полном объеме и ее целостности» [16], что требует скорейшего пересмотра в рамках глобальной политики устойчивого развития.

Как показывает практика, ни одно государство в одиночку не может защитить своих граждан от трансграничного ущерба, если источник этого ущерба находится за пределами его юрисдикции. Эффективная защита возможна только при условии согласованной позиции целого сообщества государств, признающих, что экологическая безопасность не заканчивается границами одной страны и что право на благоприятную среду универсально, не ограничено национальными юрисдикциями. До тех пор, пока эта позиция не будет воплощена в обязательных международных договорах с эффективными механизмами контроля и принуждения (включая доступ физических лиц к международному правосудию), конституционные права граждан, пострадавших от трансграничного воздействия, будут оставаться не более чем благим намерением. Перспективным направлением остается гармонизация национальных экологических законодательств на региональном уровне, переход от разрозненных разрешений на отдельные виды воздействия к комплексным экологическим разрешениям, основанным на наилучших доступных технологиях, а также преодоление антагонизма между экологическими и социально-экономическими задачами путем создания систем поддержки [15]. Только тогда принцип «загрязнитель платит» превратится в реально работающий инструмент защиты конституционного права человека на благоприятную окружающую среду.

Пристатейный библиографический список

1. Боголюбов С. А. Соотношение экологических политик России и других государств // Экологическое право. - 2016. - № 4. - С. 23-32.
2. Боклан Д. С. Международно-правовые основы предотвращения трансграничного ущерба, причиненного окружающей среде экономической деятельностью // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. - 2014. - № 4 (25). - С. 45-52.
3. Бринчук М. М. Экологическое право: учебник // СПС «КонсультантПлюс», 2008.
4. Бухаева А. А., Сагадиев А. Н., Жамбаев Е. С. Понятие трансграничного экологического вреда и история развития вопроса // Научный журнал Кокшетауского университета. - 2022. - № 1. - С. 1-6.
5. Вереина Л. В. Определение трансграничного ущерба окружающей среде perse // Евразийский юридический журнал. - 2016. - № 11. - С. 23-29.
6. Дубовик О. Л. Экологическое право в вопросах и ответах: учебное пособие. - М.: Проспект, 2001. - С. 51.
7. Ермакова Е. П. Судебные иски к правительствам и частным компаниям стран Европы о защите климата в рамках Парижского соглашения 2015 г. (Великобритания, Нидерланды, Германия, Франция) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. - 2020. - № 3. - С. 604-625.
8. Колбасов О. С. Международно-правовая охрана окружающей среды: монография. - М.: Международные отношения, 1982 // Избранное: сборник научных трудов / отв. ред. И. О. Краснова. - М.: РГУП, 2017.
9. Краснова И. О. Современные тенденции развития международного экологического права // Экологическое право. - 2018. - № 2. - С. 20-27.
10. Международное экологическое право: учебник / Т. Г. Авдеева, А. И. Алиев, Р. Р. Амирова и др.; отв. ред. Р. М. Валеев. - М.: Статут, 2012. - 639 с.
11. Рыженков А. Я. Принцип международного экологического права «загрязнитель платит»: содержание и проблемы реализации // Современное право. - 2025. - № 5. - С. 49-57.
12. Строчук В. М. Понятие трансграничного ущерба окружающей среде в международном праве // Евразийский юридический журнал. - 2015. - № 12. - С. 1-15.
13. Тимошенко А. С. Формирование и развитие международного права окружающей среды. - М.: Наука, 1986. - 191 с.
14. Хайрутдинов М. У. Международное право в области трансграничного загрязнения окружающей среды: состояние, проблемы и перспективы // Вестник Томского государственного университета. Право. - 2020. - № 36. - С. 203-213.
15. Афанесян М. К. Совершенствование российской системы снижения негативного воздействия производственной сферы на окружающую среду в контексте регулирования трансграничного загрязнения // Terra Economicus. - 2011. - Т. 9. № 4 (ч. 3). - С. 111-114.
16. Колбасов О. С. Завещание экологам. В кн.: Колбасов О. С. Избранное. Теория экологического права. - М.: Издательство РГУП, 2017. - С. 1-2.
17. Begy R. Cs., Simon H., Vasilache D., Kelemen Sz., Cosma C. 137Cs contamination over Transylvania region (Romania) after Chernobyl Nuclear Power Plant Accident // Science of The Total Environment. - 2017. - Vol 599-600. - P. 627-636.
18. Trail Smelter Arbitration (United States v. Canada) // UN Reports of International Arbitral Awards. - 1941. - Vol. III. - P. 1905-1982.
19. Краснова И. О. Суверенитет России на трансграничные реки // Экологическое право. - 2024. - № 2. - С. 25-31.
20. Велиева Д. С. Понятие конституционных экологических прав и их значение в системе действующего правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. - 2011. - № 3. - С. 75-80.

ДМИТРИЕВА Анна Александровна
доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии, Национальный исследовательский Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск

ПЕТРОВ Павел Константинович
доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии, Национальный исследовательский Южно-Уральский государственный университет; председатель коллегии адвокатов НО «Коллегия Адвокатов г. Челябинска»

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ

В современной правоприменительной деятельности вопросы квалификации преступного деяния, предусмотренного ст. 285 УК РФ продолжают оставаться предметом дискуссионных вопросов, несмотря на длительный период действия данной нормы, в период 2022-2025 годов сохраняется ряд существенных затруднений, препятствующих единообразному и безошибочному применению закона. Основные сложности квалификации заключаются в установлении состава преступления злоупотребления должностными полномочиями: наличия оценочных категорий, неоднозначности отдельных терминов, трудностей в установлении субъективной стороны деяния, а также проблем разграничения со смежными уголовно-правовыми нормами РФ отдельных составов преступлений.

Ключевые слова: злоупотребление должностными полномочиями, должностные преступления, ошибки в квалификации преступлений, служебные преступления.

DMITRIEVA Anna Alexandrovna
Ph.D. in Law, associate professor, Head of Criminal and criminal executive law, criminology sub-faculty, National Research University South Ural State University, Chelyabinsk

PETROV Pavel Konstantinovich
associate professor of Criminal and criminal executive law, criminology sub-faculty, National Research University South Ural State University, Chelyabinsk; Chairman of the Bar Association «Chelyabinsk Bar Association»

PROBLEM ISSUES IN THE QUALIFICATION OF ABUSE OF OFFICIAL POWERS

In modern law enforcement, the classification of the criminal act under Article 285 of the Criminal Code of the Russian Federation remains a subject of debate. Despite the long period of this provision's validity, a number of significant difficulties remain in the period 2022-2025, hindering the uniform and accurate application of the law. The main challenges in classification lie in establishing the elements of the crime of abuse of official power: the presence of evaluative categories, the ambiguity of certain terms, difficulties in establishing the subjective aspect of the act, and the problems of distinguishing certain elements of the crime from related criminal law provisions of the Russian Federation.

Keywords: abuse of official power, official crimes, errors in the classification of crimes, official crimes.

В рамках анализа уголовно-правовой характеристики состава преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ особое внимание заслуживает категория «существенного вреда», выступающая в качестве обязательного конструктивного элемента объективной стороны данного противоправного деяния. Указанный признак, будучи закреплённым в диспозиции нормы, порождает существенные затруднения в правоприменительной практике ввиду отсутствия его легального определения в действующем уголовном законодательстве РФ. Подобная нормативно-правовая неопределённость создаёт предпосылки для вариативной интерпретации содержания данного понятия, что неизбежно сопряжено с высокой степенью зависимости правоприменительных решений от субъективного восприятия и оценочных суждений правоприменителя.

Следствием обозначенной правовой коллизии становится неоднозначность в разграничении преступного злоупотребления должностными полномочиями и дисциплинарного проступка. В ситуациях, когда правоприменитель сталкивается с необходимостью квалификации деяния, ключевое значение приобретает его внутреннее убеждение относительно степени общественной опасности содеянного. Отсутствие чётких критериев существенности причиняемого вреда приводит к тому, что идентичные по фактическим обстоятельствам случаи могут получать различную правовую оценку, что подрывает принципы правовой определённости и единообразия судебной практики.

Проблематика субъективизма в толковании понятия «существенного вреда» находит отражение в материалах судебной практики, в частности, апелляционное постановление Второго Западного окружного военного суда от 18 января 2022 года № 2213/2022[1] демонстрирует пример отказа в признании наличия состава преступления ввиду отсутствия достаточных оснований для констатации существенности наступивших последствий. В рамках данного дела предметом рассмотрения явились действия должностного лица, выразившиеся в ненадлежащем исполнении обязанностей по организации обучения военнослужащих. Суд пришёл к выводу, что допущенные нарушения не повлекли системных сбоев в функционировании войсковой части, а их последствия не достигли уровня общественной опасности, требуемого для уголовно-правовой оценки деяния.

Приведённые обстоятельства свидетельствуют о том, что правоприменитель вынужден опираться на оценочные суждения при определении границ существенности вреда, но формально-юридическая база для подобной оценки ограни-

1 Апелляционное постановление Второго Западного окружного военного суда от 18 января 2022 года № 2213/2022 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// www.sudact.ru (дата обращения: 12.02.2026).

чивается положениями Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 года № 19, в котором содержатся лишь ориентиры для установления существенности вреда, включающие: анализ влияния противоправного поведения на нормальную деятельность организации; оценку характера и размера материального ущерба; учёт количества потерпевших лиц; определение тяжести причинённого физического, морального или имущественного вреда.

Однако представленные в Постановлении Пленума критерии носят обобщённый характер и не обеспечивают исчерпывающей регламентации процесса квалификации злоупотребления должностными полномочиями, поэтому их формулировки допускают широкую интерпретацию, что подтверждается анализом вышеуказанного судебного решения, где суд апелляционной инстанции, руководствуясь указанными ориентирами, пришёл к выводу о малозначительности деяния, несмотря на формальное наличие признаков ненадлежащего исполнения должностных обязанностей. Подобный подход иллюстрирует сложность применения оценочных категорий в условиях отсутствия чётких количественных и качественных параметров существенности вреда [3, с. 82].

В контексте рассматриваемой проблемы особую значимость приобретает вопрос о соотношении формальных и материальных элементов состава преступления, ибо, с одной стороны, законодатель закрепляет «существенный вред» в качестве обязательного последствия, что предполагает необходимость его доказывания, а с другой стороны, отсутствие нормативно зафиксированных критериев данного понятия вынуждает правоприменителя прибегать к субъективным оценкам, что создаёт риски произвольного толкования закона.

Также для квалификации преступления в виде злоупотребления должностными полномочия сложность представляет и установление признаков злоупотребления должностными полномочиями в форме бездействия, заключаемая в умышленном использовании должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, где ключевым вопросом при квалификации бездействия как злоупотребления полномочиями является определение круга обязанностей, возложенных на конкретное должностное лицо. Для этого требуется тщательный анализ нормативной базы, регламентирующей деятельность соответствующего органа или учреждения, а также должностных инструкций, регламентов и иных локальных актов, определяющих компетенцию субъекта. Необходимо достоверно установить, какие именно действия входили в круг его служебных обязанностей, были ли они прямо предусмотрены законом или подзаконными актами, а также имелась ли у лица реальная возможность исполнить данные предписания в конкретной ситуации.

В судебной практике нередко возникают ситуации, когда должностное лицо ссылается на объективные препятствия, исключавшие возможность выполнения служебных обязанностей (отсутствие ресурсов, технические неисправности, действия третьих лиц и т. п.). В таких случаях правоприменителю необходимо всесторонне исследовать обстоятельства дела, чтобы определить, действительно ли существовали непреодолимые препятствия или же лицо умышленно уклонилось от исполнения своих обязанностей [1].

Дополнительным фактором, усложняющим квалификацию бездействия по ст. 285 УК РФ, выступает необходимость установления причинно-следственной связи между пассивным поведением должностного лица и наступившими общественно опасными последствиями, ибо в отличие от активных действий, где связь между деянием и результатом зачастую очевидна, при бездействии требуется доказать, что именно несовершение определённых действий непосредственно привело к нарушению охраняемых законом интересов, предполагая анализ альтернативных сценариев развития событий: если бы лицо выполнило свои обязанности, удалось бы предотвратить негативные последствия?

Характерным примером сложности квалификации бездействия является уголовное дело в отношении бывшего заместителя начальника УФСИН А. Зорина, рассмотренное в 2023 году, так суд установил, что обвиняемый, обладая соответствующими полномочиями, не принял мер по пресечению деятельности нелегального производственного цеха на территории исправительного учреждения[2], однако, оправдательных приговоров по таким делам малое количество, что свидетельствует о наличии проблемы.

Анализируя судебную практику, можно обнаружить, что при квалификации действий должностных лиц суды ограничиваются констатацией абстрактных формулировок, не подкреплённых конкретными доказательствами, в частности, нередко используется выражение «ложное понимание интересов службы», которое, будучи лишенным, чёткой правовой определённости, не позволяет в полной мере установить действительные мотивы поведения обвиняемого. Такая формулировка, несмотря на её широкое распространение в судебной практике, не отвечает требованиям правовой определённости и не может служить достаточным основанием для вывода о наличии состава преступления, предусмотренного статьёй 285 УК РФ [2, с. 186].

При анализе правоприменительной практики можно обнаружить, что подобные оценочные суждения зачастую подменяют собой тщательное исследование обстоятельств дела. Вместо выявления конкретных действий, направленных на извлечение выгоды неимущественного характера, суды ограничиваются общими рассуждениями о «неправильной оценке служебных обязанностей» или «ошибочном толковании должностных инструкций». Такой подход не соответствует требованиям Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, в котором чётко обозначены критерии, позволяющие квалифицировать действия должностного лица как злоупотребление полномочиями, например, в акте толкования подчёркивается необходимость доказывания не просто «неправильных действий», а целенаправленного поведения, сопряжённого с извлечением определённой выгоды, пусть даже не имеющей материального выражения.

В качестве примера можно привести приговор Магаданского городского суда[3], где действия должностного лица были квалифицированы как злоупотребление полномочиями на основании тезиса о «ложном понимании интересов службы», но в тексте судебного решения отсутствует развёрнутое обоснование, позволяющее проследить логическую связь между установленными фактами и выводами суда. Не приведены конкретные доказательства, подтверждающие, что обвиняемый действовал с целью извлечения выгоды неимущественного характера, вместо этого суд ограничился общей формулировкой, которая не отвечает требованиям доказательственной базы, предъявляемым к уголовным делам

Также следует обратить внимание на её соотношение со ст. 286 УК РФ, устанавливающей ответственность за превышение должностных полномочий. Разграничение данных норм требует тщательного исследования объективных

2 Приговор Кировского районного суда г. Томска от 16.09.2023 г. №1-250/2023 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sudact.ru (дата обращения: 12.02.2026).

3 Приговор Магаданского городского суда Магаданской области от 1 июля 2022 года по делу №1-183/2022 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sudact.ru (дата обращения: 12.02.2026).

и субъективных признаков совершаемых деяний. В основе дифференциации лежит характер нарушения должностным лицом установленных пределов реализации служебных полномочий. При злоупотреблении должностное лицо действует в рамках формально имеющихся у него правомочий, однако использует их вопреки законным интересам службы, преследуя цели, не обусловленные задачами исполняемой должности [3, с. 71].

В отличие от этого, превышение полномочий предполагает совершение действий, которые явно выходят за пределы компетенции субъекта, то есть осуществляются в отсутствие правовых оснований для их совершения. Таким образом, ключевым разграничительным критерием выступает наличие или отсутствие у должностного лица юридического права на совершение конкретных действий: при злоупотреблении такое право имеется, но реализуется ненадлежащим образом; при превышении – отсутствует вовсе.

Не менее сложным представляется разграничение статьи 285 УК РФ со ст. 282 УК РФ, предусматривающей ответственность за служебный подлог, ибо внесение заведомо ложных сведений в официальные документы нередко сопутствует злоупотреблению должностными полномочиями, образуя совокупность преступлений. Правоприменительная практика демонстрирует неоднозначность подходов к квалификации подобных ситуаций, так в ряде случаев суды исключают применение статьи 285 УК РФ при наличии признаков служебного подлога, руководствуясь положениями пункта 17 Постановления Пленума ВС РФ от 16 октября 2009 года № 19, согласно которым если должностное лицо в процессе исполнения служебных обязанностей вносит в официальные документы заведомо недостоверные данные либо искажает их содержание, такое деяние подлежит квалификации исключительно по статье 292 УК РФ. Однако данное правило не является абсолютным: когда подобные действия совершаются в рамках более широкого механизма злоупотребления полномочиями и выступают способом реализации преступного умысла, направленного на причинение ущерба интересам службы, требуется применение правил о совокупности преступлений.

Сложности квалификации возникают и при отграничении статьи 285 УК РФ от иных смежных составов, таких как халатность (статья 293 УК РФ), получение взятки (статья 290 УК РФ) или незаконное участие в предпринимательской деятельности (статья 289 УК РФ), в каждом из которых необходимо учитывать специфику объективной стороны преступления, особенности субъективной стороны, а также специфику предмета посягательства, например, при разграничении со ст. 293 УК РФ ключевым критерием выступает форма вины: злоупотребление предполагает умышленное использование полномочий вопреки интересам службы, тогда как халатность характеризуется неосторожной формой вины в виде небрежности или недостаточной осмотрительности. При сопоставлении со статьёй 290 УК РФ важно установить, связано ли использование должностных полномочий с получением имущественной выгоды: если такое обогащение выступает целью деяния, содеянное квалифицируется как взяточничество; если же корыстный мотив отсутствует либо не является доминирующим, может идти речь о злоупотреблении полномочиями.

В наименовании ст. 285 УК РФ используется словосочетание «должностные полномочия», тогда как в тексте диспозиции законодатель оперирует термином «служебные полномочия». На первый взгляд, данные понятия могут восприниматься как синонимичные, однако их семантическая и юридическая нагрузка не является идентичной. Подобная терминологическая несогласованность не только подрывает принцип правовой определённости, но и ставит под сомнение точность формулировок уголовно-правовой нормы, что недопустимо в сфере уголовного права, где каждое слово должно быть предельно выверено и лишено двусмысленности.

Понятие «должностные полномочия» традиционно ассоциируется с кругом прав и обязанностей, присущих лицам, занимающим должности в органах государственной власти, местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях. Оно подразумевает наличие у субъекта специфического правового статуса, обусловленного занимаемой должностью, и предполагает реализацию властных или административно-распорядительных функций и в контексте чего акцент делается на публично-правовом характере полномочий, их связи с реализацией государственных или муниципальных задач.

Термин «служебные полномочия», напротив, обладает более широкой семантикой и может распространяться на более широкий круг субъектов, включая работников коммерческих и иных организаций, не наделённых государственными функциями. Под служебными полномочиями нередко понимается совокупность прав и обязанностей, вытекающих из трудового договора или служебного контракта, независимо от характера организации, в которой лицо осуществляет свою деятельность и таким образом, данное понятие охватывает не только властные, но и сугубо хозяйственные, организационные, технические и иные функции, выполняемые в рамках служебной деятельности.

Расхождение в терминологии порождает ряд практических проблем, например, возникает вопрос о том, какой из терминов следует считать приоритетным при квалификации деяния: тот, что использован в названии статьи, или тот, что закреплён в диспозиции, неопределённость понятийного аппарата затрудняет отграничение преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ, от иных составов, связанных со злоупотреблением полномочиями (например, ст. 201 УК РФ). Также терминологическая несогласованность осложняет процесс правотворчества и систематизация уголовного законодательства, при котором внесение изменений в уголовном законе или при разработке подзаконных актов правоприменитель вынужден самостоятельно устранять выявленные противоречия.

Таким образом, существует объективное наличие существенных трудностей при разграничении данного состава преступления с иными смежными составами, а также сложности в определении всех элементов состава преступления, что требует дальнейшего совершенствования, как теоретической базы, так и правоприменительной практики в данной сфере.

Пристатейный библиографический список

1. Абрамян Б. А., Москалева Е. Н. Проблемы квалификации злоупотребления должностными полномочиями // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. - 2024. - № 51 (92). - С. 6-9.
2. Дурасов Р. А. О едином коррупционном умысле получения взятки и злоупотребления должностными полномочиями // Современная юриспруденция: правовая мысль и правоприменительная практика: материалы Всероссийской студенческой научной конференции. - 2023. - № 1. - С. 185-189.
3. Капица В. С., Капица Т. А. Проблемы толкования понятий «злоупотребление должностными полномочиями» и «превышение должностных полномочий» и их разграничение // Право и практика. - 2025. - № 1. - С. 70-75.
4. Колоколова А. С., Сабельникова А. В. Некоторые вопросы квалификации злоупотребления должностными полномочиями // Эволюция государства и права: проблемы и перспективы. - 2022. - № 1. - С. 282-284.

ЛАТЫПОВА Динара Мансуровна
кандидат юридических наук, доцент ВАК, начальник кафедры уголовно-правовых дисциплин, Самарский юридический институт ФСИН России

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Статья посвящена анализу законодательной регламентации уголовной ответственности несовершеннолетних. Автор указывает на необходимость усиления уголовной ответственности для лиц, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте в связи с участившимися случаями совершения ими преступлений, представляющих большую общественную опасность. Обосновывается нецелесообразность законодательной регламентации таких видов принудительных мер воспитательного воздействия как предупреждение и передача под надзор родителей ввиду отсутствия их реального воздействия на усиление правосознания и исправление несовершеннолетних преступников. Исследуются вопросы изменения законодательной регламентации видов наказаний применяемых в отношении несовершеннолетних в сторону их усиления. По мнению автора, требуют пересмотра законодательной регламентации такие виды наказаний применяемых к несовершеннолетним как штраф, лишение свободы. Изменения необходимы также и в других нормах предусматривающих освобождение несовершеннолетних от уголовной ответственности и наказания.

Ключевые слова: несовершеннолетние, наказание, принудительные меры воспитательного воздействия, освобождение от уголовной ответственности, штраф, лишение свободы.

LATYPOVA Dinara Mansurovna
Ph.D. in Law, associate professor of the Higher Attestation Commission, Head of Criminal law disciplines sub-faculty, Samara Law Institute of the FPS of Russia

PROBLEMATIC ASPECTS OF LEGISLATIVE REGULATION OF MINORS' CRIMINAL LIABILITY

This article analyzes the legislative regulation of minors' criminal liability. The author points to the need to strengthen criminal liability for individuals who committed crimes as minors due to the increasing incidence of crimes against that pose a significant danger to society. She also substantiates the inappropriateness of legislatively regulating such compulsory educational measures as warnings and parental supervision due to their lack of real impact on strengthening legal awareness and rehabilitating juvenile offenders. The article examines the potential for strengthening the legislative regulation of penalties applied to minors. The author believes that fines and imprisonment, which apply to minors, require a revision of the legislative framework. Amendments are also needed to the provisions stipulating the types of exemptions for minors from criminal liability.

Keywords: minors, punishment, compulsory educational measures, exemption from criminal liability, fine, imprisonment.

Тема уголовной ответственности несовершеннолетних всегда оставалась актуальной и значимой на протяжении всего развития норм уголовного законодательства России. Политика нашего государства направлена на усиление правосознания граждан, на формирование устойчивого неприятия нарушения норм уголовного законодательства у подрастающего молодого поколения нашей страны. Речь идет о несовершеннолетних гражданах России. В соответствии со ст. 87 УК РФ, несовершеннолетними признаются лица, достигшие 14 лет и не достигшие 18 лет.

Законодатель выражает особое отношение к несовершеннолетним, регламентируя нормы уголовного законодательства, касающиеся всех институтов уголовного права в отношении несовершеннолетних в едином разделе УК РФ. Таким образом, нормы смягчающие уголовную ответственность для несовершеннолетних лиц, которые нарушили уголовно-правовые запреты, систематизированы и регламентированы в одной главе УК РФ.

Подобная регламентация является ярким примером гуманного отношения к исследуемой категории граждан в силу не достижения ими совершеннолетия и недостаточно полного осознания возможных негативных последствий своего преступного поведения.

Нередко несовершеннолетние в силу тяжелой жизненной ситуации, подпадая под негативное влияние взрослых преступников или криминальной среды в которой они вынуждены находиться, в силу сложившихся обстоятельств совершают преступления. К некоторым категориям несовершеннолетних преступников возможно применение законно предусмотренных средств воздействия, которые помогут им отказаться от преступных намерений и более не совершать преступления. Однако все эти меры сугубо индивидуальны и применимы при учете личности каждого преступника.

В последнее время отмечается рост подростковой преступности, в том числе насильственного характера. Подростков привлекают к совершению различных видов преступлений, в том числе против общественной безопасности и основ конституционного строя России, обманом вовлекая их в эту преступную деятельность, обещая награду и не привлечение к уголовной ответственности в силу возраста.

Ответной закономерной реакцией государства стало понижение возраста уголовной ответственности по ряду составов преступлений, в том числе диверсионного характера до 14 лет. Это действие законодателя, несомненно, оправдано, поскольку достигнув этого возраста, подросток вполне способен в полной мере осознавать общественную опасность совершаемых им преступных действий и способен ими руководить.

Возвращаясь к законодательной регламентации норм, предусматривающих уголовную ответственность несовер-

шеннолетних, отмечаем несовершенства законодательного регулирования ряда норм, которые не отвечают требованиям современности и актуальности.

Рассматривая виды наказаний, применяемых к несовершеннолетним преступникам, следует отметить, что такой вид наказания как штраф, регламентирован в ч. 2 ст. 88 УК РФ с нарушением принципа вины. Лицо несет ответственность только за лично совершенное им преступное деяние. Однако норма ч.2 ст.88 УК РФ позволяет родителям уплачивать штраф за своего несовершеннолетнего ребенка. О каком исправлении и воздействии на правосознание несовершеннолетнего преступника может идти речь в данном случае? Любое наказание должно влечь лишение или ограничение прав или свобод лица привлекаемого к уголовной ответственности. Подросток не оценит и не поймет даже факта привлечения его к уголовной ответственности, если никаких ограничений для него не возникнет. Положения данной нормы должны быть исключены из уголовного законодательства как противоречащие принципу вины уголовного права.

Ч. 6.1 ст. 88 УК РФ предусматривает сокращение нижнего предела наказания в виде лишения свободы наполовину в случае привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетнего за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления. Норма была введена в 2003 году. В данном случае представляется излишним безусловное снижение для несовершеннолетнего лица, совершившего преступление, представляющего значительную общественную опасность ввиду наличия признаков указанных в норме относительно категорий преступления (тяжкое либо особо тяжкое) нижнего предела санкции. Подобное правило применимо при учете наличия в деянии смягчающих наказание обстоятельств, например указанных в ст. 61 УК РФ. Норма ч. 6.1 ст.88 УК РФ нуждается в уточнении и конкретизации.

Серьезные возражения вызывает норма об условном осуждении несовершеннолетнего (ч. 6.2 ст. 88 УК РФ), которая предусматривает возможность продления испытательного срока в случае повторного совершения несовершеннолетним нового тяжкого преступления. Сам факт совершения преступления указывает на отсутствие у несовершеннолетнего мотивации к исправлению. Подобная поощрительная норма формирует у подростков мнение о безнаказанности совершаемых им преступных деяниях. Тяжкое по категории преступление представляет серьезную опасность для общества, совершение которого требует незамедлительной реакции со стороны правоприменителя в виде отмены условного осуждения и привлечения к реальному сроку назначенного ему вида наказания. Отсутствие должной реакции на преступное поведение подростка повлечет, возможно, совершение им еще более тяжкого преступления.

Отдельного внимания и исследования заслуживают виды принудительных мер воспитательного воздействия. Если такие меры как ограничение досуга и возложение обязанности загладить причиненный вред, возможно, имеют предупредительное воздействие на несовершеннолетнего преступника, то предупреждение и передача под надзор родителей вызывают серьезные возражения. Содержание указанных мер изложено в ст. 91 УК РФ. Анализ ч.1 и ч.2 указанной нормы позволяет сделать вывод, что указанные меры носят скорее декларативный характер. Применение предупреждения и передачи под надзор родителей, которые уже не справились с задачей воспитания подростка (ввиду совершения им противоправного деяния) не окажут на них превентивного воздействия. П. «а» и п. «б» ч. 2 ст. 90 УК РФ, а также ч. 1 ч. 2 ст. 91 УК РФ необходимо исключить из УК РФ. Принудительные меры воспитательного воздействия должны оказывать реальное воздействие на несовершеннолетнего и быть своеобразным порогом, который позволит остановить возможную преступную деятельность подростка.

Интерес также представляет норма ст.96 УК РФ, предусматривающая возможность применения положений главы 14 УК РФ в отношении лиц старше 18 лет, до 20. При этом законодатель применяет такое оценочное понятие как «в исключительных случаях». Как известно, оценочные понятия, используемые законодателем, не вносят ясность в толкование нормы и требуют дополнительного разъяснения и возможной регламентации, поскольку зачастую влекут разную оценку одних и тех же действий разными судами. В постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» необходимо внести дополнение детально и подробно раскрывающее данное понятие, что понимается под «исключительными случаями», какие возможные ситуации могут быть оценены как исключительные и объяснено, почему действия лица достигшего совершеннолетия и являющегося, по сути, вполне взрослым, могут быть оценены одинаково с действиями несовершеннолетнего подростка. Насколько целесообразно закрепление нормы ст.96 УК РФ в уголовном законодательстве?

Завершая рассмотрение вопросов уголовной ответственности несовершеннолетних, следует отметить, что нормы главы 14 УК РФ безусловно необходимы действующему уголовному законодательству России, однако в настоящее время они отличаются существенно мягким подходом к вопросу исправления подростков вставших на путь совершения преступлений. Зачастую у подростков формируется мнение о безнаказанности и потому они продолжают свою преступную деятельность, что ни в коем случае не допустимо. Нормы главы 14 УК РФ должны быть направлены на предупреждение преступности несовершеннолетних, а потому нуждаются в усилении строгости применяемых к данной категории лиц мер.

Пристатейный библиографический список

1. Латыпова Д. М., Панькина Е. К. Проблемы применения принудительных мер воспитательного воздействия // Вестник Самарского юридического института. - 2018. - № 5 (31). - С. 123-126.

МАННА Аммар Абдуль Карим
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Юридический институт, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

ОМАР Бако Какамам Омар
магистрант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Юридический институт, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ НАКАЗАНИЙ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ИРАКА, ЕГИПТА И САУДОВСКОЙ АРАВИИ

В статье проводится сравнительный анализ видов наказаний за преступления против собственности по законодательству Ирака, Египта и Саудовской Аравии. Автором выделяются три модели пенитенциарного регулирования: саудовская, основанная на наказаниях хадд; египетская, построенная по французскому образцу; иракская, занимающая промежуточное положение. Выявлены общие черты (лишение свободы как основной вид наказания, дифференциация в зависимости от тяжести) и различия (применение телесных наказаний, сроки лишения свободы, возраст уголовной ответственности). Обосновывается вывод о постепенном сближении иракской системы наказаний с египетской моделью при формальном сохранении отсылок к шариату. На основе проведенного анализа автором предлагаются конкретные направления совершенствования иракского уголовного законодательства в сфере охраны собственности.

Ключевые слова: преступления против собственности, наказание, лишение свободы, хадд, тазир, Ирак, Египет, Саудовская Аравия, сравнительное правоведение.

MANNA Ammar Abdul Karim
Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law, criminal process and criminalistics sub-faculty, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

OMAR Bako Kakamam Omar
magister student of Criminal law, criminal process and criminalistics sub-faculty, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF PUNISHMENTS FOR CRIMES AGAINST PROPERTY UNDER THE LEGISLATION OF IRAQ, EGYPT AND SAUDI ARABIA

The article provides a comparative analysis of punishments for crimes against property under the legislation of Iraq, Egypt and Saudi Arabia. The author identifies three models of penitentiary regulation: Saudi, based on hadd punishments; Egyptian, built on the French model; Iraqi, occupying an intermediate position. Common features (imprisonment as the main type of punishment, differentiation depending on severity) and differences (use of corporal punishment, terms of imprisonment, age of criminal responsibility) are identified. The conclusion about the gradual convergence of the Iraqi punishment system with the Egyptian model while formally maintaining references to Sharia is substantiated. Based on the analysis, the author proposes specific directions for improving Iraqi criminal legislation in the field of property protection.

Keywords: crimes against property, punishment, imprisonment, hadd, tazir, Iraq, Egypt, Saudi Arabia, comparative law.

Институт наказания занимает центральное место в системе уголовного права любого государства, поскольку именно через наказание реализуется уголовно-правовая охрана общественных отношений, в том числе отношений собственности. В арабских странах, как показывает анализ, сложились различные модели правового регулирования ответственности за преступления против собственности, что обусловлено особенностями исторического развития, степенью влияния шариата и характером рецепции западных правовых институтов. Автором выделяются три основные модели пенитенциарного регулирования, каждая из которых имеет свои характерные черты [1, с. 124-126].

Саудовская Аравия представляет собой наиболее последовательный пример сохранения классической исламской системы наказаний. Правовая система королевства основана на некодифицированном шариате ханбалитского мазхаба [2, с. 30-32]. Наказание за кражу установлено Кораном – отсечение правой руки. Применение этой меры обставлено многочисленными условиями, выработанными классической мусульманской правовой доктриной: тайный характер хищения, стоимость похищенного, превышающая минимальный порог (нисаб), изъятие имущества из охраняемого места (хирз), отсутствие у вора каких-либо прав на похищенное имущество, совершение кражи не в условиях голода или крайней нужды, совершеннолетие и вменяемость преступника. При повторной краже отсекается левая нога (по некоторым толкованиям – левая рука), при последующих кражах возможно применение более строгих наказаний вплоть до смертной казни [3, с. 45-48]. Наказание за разбой дифференцируется в зависимости от характера и тяжести совершенного деяния: за простое завладение имуществом без убийства применяется отсечение правой руки и левой ноги; за убийство без завладения имуществом – смертная казнь; за совокупность этих деяний – распятие; за запугивание без завладения имуществом и убийства – изгнание [4, с. 52-55]. За иные имущественные преступления (мошенничество, присвоение, растрата, вымогательство, уничтожение имущества), которые не подпадают под категорию хадд, в Саудовской Аравии применяются наказания тазир, назначаемые по усмотрению судьи. К числу таких наказаний относятся тюремное заключение, штраф, порка, конфискация имущества, изгнание [5, с. 28-30]. Исследователи отмечают, что начиная с 2020 года в Саудовской Аравии проводится реформа уголовного правосудия: отменена смертная казнь для лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, сокращено применение физических наказаний, телесные наказания заменяются денежными штрафами или заключением под стражу [2, с. 35-36].

Египет представляет собой пример гибридной правовой системы с доминированием светских норм. Уголовный кодекс 1937 года воспринял французскую модель, интегрировав трехуровневую систему правонарушений (преступления, проступки, нарушения) [6, с. 179-180]. Система наказаний за преступления против собственности по УК Египта включает следующие виды: смертная казнь (назначается за разбой, соединенный с убийством, а также за поджог, повлекший смерть человека); пожизненное заключение с каторжными работами (назначается за наиболее тяжкие имущественные преступления); временное лишение свободы с каторжными работами на срок от 3 до 15 лет; тюремное заключение на срок от 24 часов до 3 лет; штраф [7, с. 27-28]. В отличие от Саудовской Аравии, наказания хадд за имущественные преступления (отсечение руки за кражу) в

Египте не применяются. Шариатские элементы сохранились лишь в некоторых нормах, регулирующих, например, правовой статус наследников потерпевшего в делах о причинении смерти [6, с. 182-183]. Особенностью египетской системы наказаний является возможность смягчения наказания до минимально возможного предела, установленного законом, а также применение условного осуждения и досрочного освобождения. Процедура вынесения смертного приговора имеет специфику: для вступления приговора в силу необходимо одобрение муфтия – высшего духовного лидера страны, после чего приговор направляется Президенту Республики для окончательного решения о помиловании или смягчении наказания [8, с. 5].

Ирак занимает промежуточное положение между Саудовской Аравией и Египтом. Уголовный кодекс 1969 года, сохранив британскую модель уголовного права, был существенно скорректирован с учетом требований исламской правовой традиции [9, с. 39-40]. Система наказаний за преступления против собственности по УК Ирака включает следующие виды: смертная казнь (назначается за разбой, соединенный с убийством); пожизненное лишение свободы (ограниченное 20 годами фактического пребывания в учреждении); лишение свободы на определенный срок (от 3 месяцев до 15 лет в зависимости от тяжести преступления); штраф [10, с. 41-42]. Особенностью иракского уголовного законодательства является формальное сохранение отсылок к шариатским наказаниям за имущественные преступления категории хадд. В пункте 11 статьи 444 УК Ирака указано, что кража, совершенная в отношении государственной собственности, наказывается лишением свободы на срок до 7 лет, что рассматривается как альтернатива отсечению руки, предусмотренному Кораном [11, с. 96-98]. Вместе с тем, как отмечают исследователи, фактически наказания хадд в Ираке не применяются, а уголовная ответственность за имущественные преступления строится на основе светских правовых институтов [12, с. 99-100]. При этом возраст уголовной ответственности за имущественные преступления в Ираке составляет 9 лет, что является отголоском британской правовой традиции и не соответствует современным международным стандартам [13, с. 57-58].

Сравнительный анализ позволяет выявить общие черты и различия рассматриваемых систем наказаний. Общими чертами являются: лишение свободы как основной вид наказания за имущественные преступления во всех трех странах; дифференциация наказаний в зависимости от тяжести преступления и наличия квалифицирующих признаков; наличие штрафа как альтернативного наказания за менее тяжкие имущественные преступления [3, с. 175-178].

Наиболее существенные различия касаются применения наказаний хадд. В Саудовской Аравии эти наказания применяются на практике при соблюдении всех необходимых условий; в Ираке они формально сохраняются, но фактически не применяются; в Египте они полностью отменены. Сроки лишения свободы за имущественные преступления в Египте и Ираке в целом сопоставимы, хотя в Ираке они несколько выше по ряду составов (например, кража при отягчающих обстоятельствах – до 7 лет в Ираке против до 5 лет в Египте; вымогательство – до 7–15 лет в Ираке против до 3–7 лет в Египте). В Саудовской Аравии сроки лишения свободы, как правило, короче, поскольку основное наказание за тяжкие имущественные преступления – телесное [8, с. 212-215].

Во всех трех странах предусмотрена смертная казнь за разбой, соединенный с убийством. Однако в Саудовской Аравии она может применяться и за разбой без убийства (как наказание хадд), в то время как в Египте и Ираке – только при наличии убийства [6, с. 186]. Телесные наказания (порка) сохраняются в Саудовской Аравии, но не применяются в Египте и Ираке, что отражает общую тенденцию к гуманизации уголовного законодательства в странах, воспринявших западные правовые модели [5, с. 28-30].

Возраст уголовной ответственности за имущественные преступления существенно различается: в Саудовской Аравии – с момента достижения половой зрелости (обычно 15 лет); в Ираке – с 9 лет; в Египте – с 7 лет для нарушений и с 15 лет для преступлений и проступков [13, с. 57-58]. Столь низкий возраст уголовной ответственности в Египте и Ираке, по мнению ряда исследователей, не соответствует современным международным стандартам в области правосудия в отношении несовершеннолетних.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о постепенном сближении иракской системы наказаний с египетской моделью. При формальном сохранении отсылок к шариатским наказаниям фактически в Ираке применяются наказания в виде лишения свободы, сроки которого сопоставимы с египетскими [14, с. 97-98]. Вместе с тем, в иракском уголовном законодательстве сохраняются проблемы, требующие решения: устаревшее определение кражи, ограничивающее предмет посягательства только движимым имуществом; отсутствие четкого разграничения между кражей государственного имущества, совершенной частным лицом, и растратой, совершенной должностным лицом с использованием служебного положения; неопределенность санкций за ряд должностных имущественных преступлений (в особенности по ст. 316 УК Ирака, где срок наказания не указан); низкий возраст уголовной ответственности, не соответствующий международным стандартам [11, с. 99-100]. Представляется, что дальнейшее реформирование иракского уголовного законодательства в сфере охраны собственности должно идти по пути уточнения понятийного аппарата, дифференциации ответственности в зависимости от стоимости похищенного, усиления защиты государственной собственности и приведения возраста уголовной ответственности в соответствие с международными стандартами.

Пристатейный библиографический список

1. Алван А. А. К. Уголовная ответственность за растрату государственного имущества в Республике Ирак // Приоритетные направления развития науки в современном мире. – Уфа: НИЦ «Вестник науки», 2023. – С. 93-101.
2. Альбегли Х. А. А., Ондашулы Е. Дифференциация уголовной ответственности за убийство в уголовном праве Республики Ирак // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2022. – № 2. – С. 116.
3. Елаян Г. Ф. Основы мусульманского уголовного права: учеб. пособие. – Махачкала: ДГУ, 2002. – 120 с.
4. Петровский А.В. Мусульманское уголовное право и особенности уголовного законодательства мусульманских государств: монография. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2013. – 91 с.
5. Раджабова Э. Ш. Институт наказания по мусульманскому уголовному праву // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2015. – № 1. – С. 124-130.
6. Сизов А. А., Шахбазов Р. Ф. Особенности уголовного права и процесса исламских государств. – М.: Библиотека криминалиста, 2016. – 167 с.
7. Султан Зияд. Лишение свободы и его виды по уголовному праву арабских стран // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2000. – № 2. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/lishenie-svobody-i-ego-vidy-po-ugolovnomu-pravu-arabskih-stran.
8. Трухин А.С., Данакин Н.С. О ситуации с правами человека в Ираке // Этносоциум и межнациональная культура. – 2023. – № 179. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/o-situatsii-s-pravami-cheloveka-v-irake.
9. Хусхияр Мохаммед Али Омар. Роль высших органов контроля в борьбе с административной коррупцией в Республике Ирак // НАУ. – 2020. – № 56-2 (56). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-vysshih-organov-kontrolya-v-borbe-s-administrativnoy-korruptsiey-v-respublike-irak.
10. Цмай А. М. Эволюция наказания в виде лишения свободы в мусульманском праве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2020. – № 4. – С. 210-235.
11. Аль-Мана Х. А. Судебная система Саудовской Аравии // Arab Law Quarterly. – 2018. – Vol. 32. № 1. – P. 30-45.
12. Johnson C. Iraq: Legal History and Traditions. – The Law Library of Congress, 2004. – 12 p.
13. Peters R. Crime and Punishment in Islamic Law: Theory and Practice from the Sixteenth to the Twenty-First Century. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 224 p.
14. Reza S. Egypt // The Handbook of Comparative Criminal Law / ed. by Kevin Jon Heller and Markus D. Dubber. – Stanford: Stanford University Press, 2011. – P. 179-208.

DOI 10.46320/2073-4506-2026-4-215-364-366

МОХОРОВ Дмитрий Анатольевич
кандидат юридических наук, доктор педагогических наук, директор высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы, Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университета им. Петра Великого

АБРОСИМОВ Илья Сергеевич
независимый исследователь, г. Санкт-Петербург

БАЛАБКИН Дмитрий Алексеевич
независимый исследователь, г. Санкт-Петербург

ПРОБЛЕМА КВАЛИФИКАЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ТЕРРОРИЗМА НА ОБЪЕКТАХ ЭНЕРГЕТИКИ РОССИИ С КОРРУПЦИОННЫМ АСПЕКТОМ

В статье исследуется проблема правовой квалификации деяний, сочетающих признаки терроризма и экологических преступлений применительно к объектам энергетической инфраструктуры. Проанализирована проблема того, что действующее уголовное законодательство не содержит понятия «экологический терроризм», что создаёт трудности при привлечении виновных к ответственности за атаки на объекты ТЭК, влекущие массовый вред природной среде. Большое место в статье занимает рассмотрение определений терроризма и экологических преступлений, данных в научной среде и законодательстве. На основе анализа выявлен нормативный пробел – отсутствие состава, учитывающего экологические последствия террористического акта. Констатируется, что существующая практика квалификации по совокупности статей не отражает специфики единого длящегося деяния, в процессе которого один уголовный состав, перерастает в другой. В заключение предлагается дополнить статью 205 УК РФ новым квалифицирующим признаком – «повлекшее тяжкие экологические последствия».

Ключевые слова: экологический терроризм, объекты энергетики, квалификация преступлений, террористический акт, экологические преступления.

MOKHOROV Dmitry Anatoljevich
Ph.D. in Law, Ph.D. in pedagogical sciences, Director of the Higher School of Jurisprudence and Forensic Expertise, Humanities Institute, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

ABROSIMOV Ilya Sergeevich
independent researcher, St. Petersburg

BALABKIN Dmitry Alekseevich
independent researcher, St. Petersburg

THE PROBLEM OF QUALIFYING ENVIRONMENTAL TERRORISM AT RUSSIAN ENERGY FACILITIES, WITH A CORRUPTION ASPECT

The article examines the problem of legal qualification of acts that combine signs of terrorism and environmental crimes in relation to energy infrastructure facilities. The article analyzes the problem that the current criminal legislation does not contain the concept of "environmental terrorism", which creates difficulties in bringing perpetrators to justice for attacks on fuel and energy facilities that cause massive damage to the natural environment. A large place in the work is occupied by the consideration of definitions of terrorism and environmental crimes, given in the scientific community and legislation. Based on the analysis, a regulatory gap has been identified - the lack of a composition that takes into account the environmental consequences of a terrorist act. It is stated that the current practice of qualification according to the totality of articles does not reflect the specifics of a single ongoing act, in the process of which one criminal structure develops into another. In conclusion, it is proposed to supplement Article 205 of the Criminal Code of the Russian Federation with a new qualifying feature – "entailing severe environmental consequences".

Keywords: environmental terrorism, energy facilities, qualification of crimes, terrorist act, environmental crimes.

Современные объекты энергетической инфраструктуры всё чаще становятся целью террористических атак. При этом последствия таких атак не ограничиваются гибелью людей и разрушением имущества – они практически автоматически влекут за собой масштабный экологический вред. Примером может служить попытка атаки беспилотником Курской АЭС в 2025 году, которая привела к возгоранию трансформатора, однако сама угроза распространения пожара на другие объекты и возможное повреждение беспилотником самого реактора, могла бы создать угрозу радиоактивного заражения местности. Подобное событие можно квалифицировать как террористический акт, ведь повреждение такого объекта как АЭС, с большой вероятностью могло бы повлечь за собой серьезные экологические последствия и очевидным представляется тот факт, что атакующая сторона отдавала себе отчет в своих преступных действиях и их возможных последствиях. Однако российское уголовное законодательство не содержит специальной нормы, которая позволяла бы квалифицировать такие деяния как единое преступление - экологический терроризм. Это порождает проблему неполной правовой оценки состава преступления, когда экологическая катастрофа, либо покушение на объекты, способные её спровоцировать, рассматривается лишь как побочный эффект,

а не как цель, либо основной способ достижения террористического умысла. Настоящая статья посвящена анализу этого пробела и выработке конкретных предложений по его устранению[1].

Для начала необходимо сопоставить легальные и доктринальные определения терроризма и экологических преступлений. Федеральный закон «О противодействии терроризму»[2] определяет терроризм как «идеологию насилия и практику воздействия на принятие решения органами государственной власти, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий». В научной литературе, такой исследователь как А. В. Никитин выделяет следующие признаки терроризма, как кризисное состояние общества, отсутствие у субъекта властных полномочий, цель давления на власть путём насилия. Ю. Н. Дерюгина акцентирует внимание на устрашении населения. Таким образом, терроризм всегда характеризуется насилием, публичностью и политической (идеологической) мотивацией [2], [4].

Что касается экологических преступлений, Уголовный кодекс РФ[3] не содержит их легального определения, хотя глава 26 (статьи 246-262) предусматривает их составы. Е. В. Виноградова определяет экологическое преступление как «наказуемое по уголовному закону общественно опасное деяние, посягающее на экологическую безопасность и экологический правопорядок и причинившее существенный вред природной среде или создавшее угрозу его наступления». Н. Г. Жаворонкова и Ю. Г. Шпаковский делают акцент на антропоцентрическом аспекте: экологическое преступление подрывает условия нормальной жизнедеятельности человека. Традиционно терроризм и экологические преступления относятся к разным родовым объектам: первый - к общественной безопасности (раздел IX УК РФ), второй - к общественной безопасности и общественному порядку, но со специфическим видовым объектом - окружающая среда [1], [3].

Однако при атаках на объекты энергетики эти составы неизбежно пересекаются. Подрыв нефтепровода, атака на химическое предприятие, обстрел атомной станции - это одновременно и террористический акт, основная цель - устрашение и влияние на власть, и экологическое преступление, выражающееся не только в массовом загрязнение, гибели биоресурсов, создание угрозы здоровью населения, но и покушению на данные последствия. В научной литературе этот феномен получил название «экологический терроризм». Обобщая существующие подходы, можно определить экологический терроризм как совершение террористического акта на объекте промышленной или энергетической инфраструктуры, которое заведомо для виновного влечёт или способно повлечь тяжкие экологические последствия, причём причинение такого вреда выступает не побочным результатом, а одним из способов достижения террористической цели.

Главная правовая проблема заключается в том, что ни одна из действующих статей УК РФ не охватывает экологический терроризм как единое целое. Рассмотрим возможные варианты квалификации. Первый вариант: квалификация только как террористического акта (статья 205 УК РФ). При таком подходе экологические последствия остаются за рамками правовой оценки. Суд назначает наказание за сам факт террористического действия, создающего опасность гибели людей. Однако причинение вреда природе, как основе жизнедеятельности людей, не получает самостоятельной оценки, если только следствие не докажет дополнительный состав. Второй вариант: квалификация только как экологического преступления, например, статья 247 УК РФ – нарушение правил обращения экологически опасных веществ или статья 358 УК РФ – экоцид. Статья 358 УК РФ предусматривает ответственность за массовое уничтожение животного или растительного мира, отравление атмосферы или водных ресурсов. Однако субъектом экоцида может быть любое лицо, а цель при этом не обязательно террористическая, так как отсутствует признак устрашения населения и воздействия на власть. Поэтому квалификация атаки на энергообъект как экоцида не улавливает террористическую мотивацию. Третий вариант: квалификация по совокупности, то есть, к примеру, статья 205 + соответствующая статья главы 26 УК РФ. Этот путь наиболее близок к существующей практике, но квалификация этих двух составов крайне сложна. Требуется доказывать два самостоятельных состава преступления, каждый со своим умыслом. Следственные органы сталкиваются с проблемой: был ли экологический вред побочным результатом или же он охватывался умыслом террориста? Отсутствие специальной нормы заставляет правоприменителя искусственно разделять единое деяние, в котором, по сути, очевидным представляется тот факт, что лица, совершающее подобное деяние, прекрасно отдают себе отчёт в том, какие возможные последствия несут подобные действия.

Особо остро проблема стоит в отношении объектов ядерной энергетики. На сегодняшний день, под контролем Российской Федерации на приграничных территориях находятся 2 атомных электростанции, которые со стороны недружественных России государств, подвержены террористическим угрозам. Атака на АЭС создаёт риск радиоактивного загрязнения на десятилетия вперед. Действующая редакция статьи 205 УК РФ, хотя и предусматривает повышенную ответственность за посягательства на объекты атомной энергии, не содержит специального квалифицирующего признака, который бы учитывал сам факт наступления тяжких экологических последствий вне зависимости от статуса объекта. Таким образом, можно констатировать уголовно-правовой пробел: отсутствие в Особенной части УК РФ состава преступления, который бы объединял террористическую направленность деяния с его экологическими последствиями применительно к объектам энергетики.

Решение проблемы видится не в создании новой части или отдельного состава, а в точечном дополнении уже существующей нормы, которая наиболее предметно затрагивает экологически опасные объекты и вещества. Пункт «а» части 3 статьи 205 УК РФ уже предусматривает повышенную ответственность за террористические акты, сопряжённые с посягательством на объекты использования атомной энергии, а также с использованием радиоактивных, токсичных и иных опасных веществ. Однако в действующей редакции акцент сделан исключительно на способе совершения преступления,

1 Курская АЭС подверглась атаке БПЛА // РИА Новости. – 2025 (24 августа). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ria.ru/20250824/bespilotnik-2037235444.html (дата обращения: 01.04.2026).

2 Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // СЗ РФ. – 2006. – № 11. – Ст. 1146.

3 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.01.2026) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

тогда как наступившие или потенциальные последствия для окружающей среды остаются за рамками самостоятельной правовой оценки. В этой связи представляется необходимым дополнить пункт «а» части 3 статьи 205 УК РФ указанием на тяжкие экологические последствия, изложив его в следующей редакции: «а) сопряжены с посягательством на объекты использования атомной энергии, потенциально опасные биологические объекты либо с использованием ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения либо ядовитых, отравляющих, токсичных, опасных химических веществ или патогенных биологических агентов, а равно повлекли либо создали реальную угрозу наступления тяжких экологических последствий для окружающей среды как основы жизнедеятельности человека».

Данное дополнение придаёт норме завершённый характер, оно будет охватывать не только сам факт посягательства на экологически опасные объекты и вещества, но и наступившие в результате такого посягательства либо ожидаемые тяжкие последствия для природы. Санкция, установленная частью 3, а именно лишение свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет либо пожизненное лишение свободы, в полной мере соответствует повышенной общественной опасности деяний, причиняющих невосполнимый вред окружающей среде и ставящих под угрозу здоровье и жизнь неопределённого круга лиц. Предложенное изменение не дублирует иные составы, поскольку сохраняет террористическую направленность деяния в качестве обязательного признака, и одновременно позволяет квалифицировать атаку на любой объект энергетики, способную вызвать экологическую катастрофу, как единый террористический акт с отягчающим экологическим элементом.

Не стоит забывать, что объекты ядерной энергетики являются объектами повышенного военного и экономического интереса, выведение их из строя является приоритетной целью, этот факт становится очевидным. Применительно к атаке на объекты ядерной инфраструктуры в Курске не стоит забывать о возможной коррупционной составляющей, при наличии которой, последствия атаки могли приобрести непоправимый характер.

Коррупция на объектах ядерной энергетики сама по себе становится опасным явлением из-за риска наступления непоправимых последствий. В связи с разобранной ситуацией коррупционный фактор мог стать катализатором опаснейших последствий, устранение которых было бы невозможным. Например, в 2020 году один из чиновников Курской АЭС совершил коррупционное преступление, в результате которого на АЭС поставлялось оборудование от конкретного поставщика. Поставка данного оборудования должна была строго осуществляться по конкурсу, однако, получив взятку, чиновник решил отойти от этого требования, что могло стать причиной для поставки некачественного оборудования, которое могло выйти из строя при перегрузках[4].

Противодействие коррупционным преступлениям в данной отрасли имеет огромное количество положительных аспектов, однако законодателем незаслуженно игнорируется эффективность освещения коррупционных деяний в СМИ как способа противодействия коррупции. Например, современное антикоррупционное законодательство и законодательство о работе СМИ не предусматривает для них обязанности освещения таких деяний. Решением данной проблемы может быть внесение изменений в текст таких законов как: Федеральный закон от 25.12.2008 «О противодействии коррупции»[5]; Федеральный закон от 13.01.1995 «О порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации»[6]. Изменения должны быть направленны на обязательность освещения государственными СМИ результатов противодействия коррупции с акцентом на негативные последствия от деяния, как для самого коррупционера, так и для общества.

Пристатейный библиографический список

1. Виноградова Е. В. Преступления против экологической безопасности: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Н. Новгород, 2001. – 46 с.
2. Дерюгина Ю. Н. Терроризм: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2001. – 198 с.
3. Жаворонкова Н. Г., Шпаковский Ю. Г. Правовое обеспечение экологической безопасности в условиях экономической интеграции Российской Федерации. – М., 2017.
4. Никитин А. В. Терроризм как форма девиантного поведения (криминологический аспект): дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2003. – 155 с.

4 В суд передали дело о взятке против экс-сотрудника Курской АЭС // Комсомольская правда (Курск). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.kursk.kp.ru/daily/27765/5217660/ (дата обращения: 01.04.2026).

5 Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ред. от 19.12.2023) // СЗ РФ. – 29.12.2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6228.

6 Федеральный закон от 13.01.1995 № 7-ФЗ «О порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации» (ред. от 13.06.2023) // СЗ РФ. – 1995. – № 3. – Ст. 170.

НИГМАТУЛЛИН Ришат Вахидович
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и интеграционного права, Институт права, Уфимский университет науки и технологий

Нигматуллин Р. В.

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ

В статье рассматривается деятельность государств-членов СНГ и ОДКБ по противодействию терроризму в условиях турбулентных международных отношений. Рассмотрены некоторые суждения по поводу квалификации террористической деятельности в российском законодательстве, а также дан обзор региональных соглашений по противодействию терроризму. Отмечается положительная роль Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ и Парламентской Ассамблеи ОДКБ в формировании и совершенствовании антитеррористической правовой среды. Сделан вывод о необходимости модернизации региональной международно-правовой базы противодействия терроризму с учетом современных вызовов и угроз, а также синхронизации тесного взаимодействия профильных органов СНГ и ОДКБ.

Ключевые слова: терроризм, противодействие, региональное сотрудничество, АТЦ СНГ, ОДКБ, модернизация, МПА СНГ, ПА ОДКБ.

NIGMATULLIN Rishat Vakhidovich
Ph.D. in Law, professor, Head of International and integration law sub-faculty, Institute of Law, Ufa University of Science and Technology

CHALLENGES IN IMPROVING COUNTER-TERRORISM EFFORTS

The article examines the activities of the CIS and CSTO member states in countering terrorism amidst turbulent international relations. It discusses certain viewpoints regarding the qualification of terrorist activities in Russian legislation and provides an overview of regional counter-terrorism agreements. The positive role of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States and the Parliamentary Assembly of the CSTO in shaping and improving the anti-terrorism legal environment is noted. The article draws the conclusion that it is necessary to modernize the regional international legal framework for counter-terrorism, taking into account contemporary challenges and threats, as well as to synchronize the close interaction of the relevant bodies of the CIS and the CSTO.

Keywords: terrorism, counteraction, regional cooperation, CIS ATC, CSTO, modernization, IPA CIS, PA CSTO.

В настоящее время нарастание террористической опасности как устойчивой тенденции прослеживается на всех уровнях: национальном, региональном и универсальном. Об увеличении количества преступлений террористической направленности говорил Президент Российской Федерации В. В. Путин на заседании коллегии ФСБ России 24 февраля 2026 года[1]. На просторах СНГ также отмечается рост гибридных угроз, увеличение киберкомпонента в террористической деятельности, появление новых технологий (в том числе беспилотных систем)[2].

В Двадцать втором докладе Генерального секретаря ООН об угрозе, создаваемой ИГИЛ (ДАИШ)[3] для международного мира и безопасности, и о масштабах усилий Организации Объединенных Наций по оказанию поддержки государствам-членам в противодействии этой угрозе, опубликованном в феврале 2026 года отмечается: «С момента представления предыдущего доклада угроза, исходящая от ДАИШ, неуклонно усиливалась, приобретала все более сложный характер и увеличивалась на многих театрах военных действий»[4]. Ответом на эти вызовы должно стать дальнейшее совершенствование национальной нормативно-правовой и международно-правовой базы, а также организационно-правового механизма противодействия терроризму. Более того, совершенствование правовой основы становится приоритетной задачей, решение профильными структурами практических вопросов является его следствием.

Мы солидарны с А. В. Павлиновым в том, что преступления террористического характера фактически являлись и являются и преступлениями международного характера [8, с. 82], что предполагает взаимозависимость изменений национального законодательства и норм международно-правовых актов. Что касается национального нормативно-правового регулирования противодействия терроризму, то в российской уголовно-правовой науке сегодня существует

1 Заседание коллегии ФСБ России // Официальный сайт Президента Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/news/79216 (дата обращения: 28.12.2024).

2 Заседание межведомственной рабочей группы по разработке проектов нормативных правовых актов в сфере стратегических и иных объектов // Официальный сайт Антитеррористического центра государств-участников СНГ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cisatc.org/ru/press-relizy-i-informatsiya-kompetentnykh-organov/zasedanie-mezhvedomstvennoj-rabochej-gruppy-po-razrabotke-proektov-normativnykh-pravovykh-aktov-v-sfere-strategicheskikh-i-inykh-obektov (дата обращения: 15.04.2026).

3 Организация признана террористической и ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации по решению Верховного Суда РФ от 29 декабря 2014 г. № АКПИ. - 14-1424С.

4 Двадцать второй доклад Генерального секретаря об угрозе, создаваемой ИГИЛ (ДАИШ) для международного мира и безопасности, и о масштабах усилий Организации Объединенных Наций по оказанию поддержки государствам-членам в противодействии этой угрозе // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://digitallibrary.un.org/record/4102030?ln=en&v=pdf (дата обращения: 14.04.2026).

множество предложений. Это обусловлено сложностью и многоаспектностью проблемы. Достаточно отметить, что некоторые ученые высказывается о корректировке и расширении границ уголовно-правового запрета террористической деятельности, другая – об их исключении. Так, И. А. Кириллов и Ю. В. Карелина предлагают внести изменения в ст. 205.1 УК РФ, «дополнив ч. 1 квалифицирующим признаком, с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая интернет)», а также – новую редакцию ч. 2 ст. 205.1 УК РФ [5, с. 155].

Д. А. Ковлагина считает целесообразным «расширение перечня действий, входящих в объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 205.2 УК РФ» [6, с. 159]. Э. С.-М. Ахъядов, также анализируя эту уголовно-правовую норму, указывает на недостаточно четкое определение признака публичности применительно к рассматриваемому деянию [2, с. 375]. В свою очередь, Г. Л. Москалев предлагает исключить ст. 205.3 из УК РФ как создающую возможность двойной ответственности [7, с. 96]. Высказываются мнения по поводу привлечения к уголовной ответственности в соответствии со ст. 208 УК РФ за участие в незаконном вооруженном формировании на территории другого государства [10]. В этой связи считаем необходимым подчеркнуть, что совершенствование уголовно-правового законодательства в этой сфере должно осуществляться в направлении создания целостной системы противодействия террористическим актам и сопутствующей ей преступной деятельности.

Международная обстановка сегодня характеризуется осложнением выработки коллективных ответов на вызовы и угрозы, включая международный терроризм[5]. В этих условиях, с учетом динамики террористической деятельности, увеличения ее методов, способов и средств совершения террористических актов необходима модернизация международно-правовой базы сотрудничества государств, в первую очередь на региональном уровне [4], [21]. В настоящее время основными международно-правовыми актами, регламентирующими сотрудничество государств-участников СНГ в борьбе с терроризмом, являются Договор о сотрудничестве государств-участников СНГ от 4 июня 1999 года[6] и Соглашение о сотрудничестве министерств внутренних дел от 8 сентября 2000 года[7]; Протокол об утверждении Положения о порядке организации и проведения совместных антитеррористических мероприятий на территориях государств - участников СНГ от 7 октября 2002 года[8]; Соглашение о сотрудничестве в подготовке специалистов антитеррористических подразделений в учебных заведениях компетентных органов государств-участников Содружества Независимых Государств от 5 декабря 2012 года[9]; Соглашение об обмене информацией в рамках Содружества Независимых Государств в сфере борьбы с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма, а также их финансированием от 3 ноября 2017 года[10], которые обеспечивают эффективное взаимодействие правоохранительных органов.

Необходимо отметить, что проблемы противодействия преступности, и в первую очередь терроризму, являются приоритетными для Совета глав государств Содружества Независимых Государств, который занимается этой проблемой систематически и на плановой основе. Так, 28 сентября 2018 года решением Совета глав государств СНГ была принята Межгосударственная программа совместных мер борьбы с преступностью на 2019-2023 годы, которая стала организационно-правовой основой противодействия преступности на территориях СНГ. 13 октября 2023 года была принята очередная Межгосударственная программа совместных мер борьбы с преступностью на 2024-2028 годы[11], предусматривающая соответствующую работу и по международно-правовому обеспечению правоохранительной деятельности.

Следует отметить, что формированию правовой среды противодействия терроризму способствует активное модельное законотворчество в рамках Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ[12]. В связи с трансформацией общественных отношений в сфере борьбы с преступностью в уже принятые модельные законы парламентариями государств-членов СНГ при необходимости вносятся изменения[13]. Значение модельных законов велико, они способствуют гармонизации законодательства дружественных государств. Как отмечает А. А. Агеев, в известной мере модельное право-

5 Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г.) // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/ (дата обращения: 15.04.2026).

6 Соглашение о сотрудничестве министерств внутренних дел в борьбе с терроризмом от 8 сентября 2000 г. // Борьба с международным терроризмом: Сб. документов. - М., 2005. - С. 513-518.

7 Соглашение о сотрудничестве министерств внутренних дел в борьбе с терроризмом от 8 сентября 2000 г. // Борьба с международным терроризмом: сб. документов. - М., 2005. - С. 514.

8 Протокол об утверждении Положения о порядке организации и проведения совместных антитеррористических мероприятий на территориях государств-участников Содружества Независимых Государств - Министерство иностранных дел Российской Федерации // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/50525/ (дата обращения: 15.04.2026).

9 Соглашение о сотрудничестве в подготовке специалистов антитеррористических подразделений в учебных заведениях компетентных органов государств-участников Содружества Независимых Государств - Министерство иностранных дел Российской Федерации // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/50076/ (дата обращения: 15.04.2026).

10 Соглашение об обмене информацией в рамках Содружества Независимых Государств в сфере борьбы с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма, а также их финансированием - Министерство иностранных дел Российской Федерации // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/52718/ (дата обращения: 15.04.2026).

11 Решение о Межгосударственной программе совместных мер борьбы с преступностью на 2024-2028 годы // Официальный сайт Исполнительного комитета Содружества Независимых Государств. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eccis.org/reestrv2/doc/6841#text (дата обращения: 15.04.2026).

12 Модельный закон О противодействии киберпреступности от 14.04.2023 г. // Официальный сайт Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendatcii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni/170 (дата обращения: 15.04.2026).

13 Изменения в модельный Уголовный кодекс для государств-участников Содружества Независимых Государств от 14.04.2023 г. // Официальный сайт Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendatcii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni/17 (дата обращения: 15.04.2026).

творчество служит прообразом общеобязательных регуляторов международного права, а в ряде случаев – подтверждает наличие того или иного международного обычая [1, с. 58].

Вместе с тем, учитывая современные реалии и относительную давность заключения антитеррористических соглашений целесообразно прислушаться к мнению В. П. Зимина о необходимости модернизации подобных документов по инициативе Антитеррористического центра государств-участников СНГ (АТЦ СНГ), не лишая их прежних достоинств [4, с. 21-22]. Неслучайно, в одном из первых своих пунктов Межгосударственная программа совместных мер борьбы с преступностью на 2024-2028 годы обязывает государства-члены СНГ участвовать в разработке и экспертно-правовой проработке международных договоров в рамках СНГ и решений высших органов СНГ в сфере борьбы с преступностью во всех формах ее проявления[14].

Формированию единого поля безопасности в Евразии способствует деятельность Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), созданной одноименным договором от 15 мая 1992 года. Уставным органом межпарламентского сотрудничества ОДКБ является Парламентская Ассамблея. Модельные правовые акты, принятые ею в рамках данного сотрудничества, направлены на решение широкого спектра задач по противодействию терроризму[15]. Начиная с момента своего основания в 2006 году, Парламентская Ассамблея ОДКБ приняла 82 модельных правовых акта, в том числе касающихся противодействия терроризму [3, с. 43].

Как отметил председатель Постоянной комиссии Парламентской Ассамблеи ОДКБ по вопросам обороны и безопасности А. Б. Выборный в апреле 2026 года, «на сегодняшний день модельная законодательная антитеррористическая база ОДКБ насчитывает 10 модельных актов, напрямую направленных на борьбу с терроризмом и экстремизмом. Еще более 20 решают сопутствующие задачи в этой сфере. Кроме того, в области информационной и цифровой безопасности принято 15 документов»[16]. Практическая реализация антитеррористических соглашений, заключенных в рамках ОДКБ, осуществляется Рабочей группой экспертов по вопросам борьбы с терроризмом и экстремизмом при Комитете секретарей советов безопасности ОДКБ.

16 февраля 2022 года Региональная антитеррористическая структура ШОС, Антитеррористический центр государств-участников СНГ и Секретариат ОДКБ по вопросам противодействия терроризму и экстремизму выступили с совместной позицией по вопросам противодействия терроризму и экстремизму, в которой подчеркнули решимость «усиливать взаимодействие и способствовать укреплению сотрудничества государств-членов ШОС, государств-участников СНГ и государств-членов ОДКБ в вопросах борьбы с терроризмом, в том числе по оказанию правовой помощи в целях выявления, пресечения деятельности и наказания лиц, причастных к террористической деятельности»[17].

В последующем две региональные организации (СНГ и ОДКБ) перешли к практической реализации этих намерений. В сентябре 2025 года в Москве на заседании постоянно действующего совещания при руководителе Антитеррористического центра СНГ с участием представителей правоохранительных органов Азербайджана, Армении, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, России, Таджикистана и Узбекистана было принято решение о проведении в Республике Таджикистан III Конференции СНГ по противодействию терроризму и экстремизму и XXI совместного антитеррористического учения компетентных органов государств-участников СНГ, совмещенного с учением миротворческих сил ОДКБ[18]. Благодаря слаженной работе профильных органов СНГ и ОДКБ, данный план был успешно реализован и антитеррористические учения компетентных органов – участников СНГ «Содружество-Антитеррор-2025» в октябре 2025 года успешно были проведены совместно с учениями Миротворческих сил ОДКБ «Нерушимое братство-2025» и специального учения ОДКБ «Барьер-2025»[19].

Таким образом, проблема модернизации региональных (СНГ и ОДКБ) международно-правовых основ противодействия терроризму вызвана и нынешней геополитической ситуацией. Имеются ввиду такие террористические акты как обстрелы российских городов, и диверсии на инфраструктуре, и покушения на представителей государственных и

14 Решение о Межгосударственной программе совместных мер борьбы с преступностью на 2024-2028 годы // Официальный сайт Исполнительного комитета Содружества Независимых Государств. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eccis.org/reestrv2/doc/6841#text (дата обращения: 15.04.2026).

15 Среди которых рекомендации: по сближению и гармонизации национального законодательства государств-членов ОДКБ в сфере противодействия терроризму и экстремизму от 26 ноября 2015 года; по совершенствованию законодательного обеспечения противодействия технологическому терроризму в государствах-членах ОДКБ от 26 ноября 2016 года; по сближению законодательства государств-членов ОДКБ по вопросам оказания международной правовой помощи по уголовным делам в рамках противодействия терроризму и трансграничной преступности от 13 октября 2017 года; по гармонизации национального законодательства в части, касающейся признания организаций террористическими от 30 октября 2018 года; по гармонизации национального законодательства государств-членов ОДКБ по вопросам конфискации имущества в интересах противодействия коррупции, финансирования терроризма и иным видам преступлений от 5 ноября 2019 года; по противодействию терроризму на объектах топливно-энергетического комплекса от 5 декабря 2022 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://paodkb.org/documents/rekomendatsii-po-protivodeystviyu-terrorizmu-na-ob-ektah-toplivno-energeticheskogo (дата обращения: 04.05.2026).

16 Анатолий Выборный: главная цель ПА ОДКБ – единое правовое поле безопасности // Официальный сайт Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://paodkb.org/events/anatoliy-vybornyy-glavnaya-tsel-pa-odkb (дата обращения: 04.05.2026).

17 Совместная позиция Региональной антитеррористической структуры Шанхайской организации сотрудничества, Антитеррористического центра государств-участников Содружества Независимых Государств и Секретариата Организации Договора о коллективной безопасности по вопросам противодействия терроризму и экстремизму // Официальный сайт Организации Договора о коллективной безопасности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://odkb-csto.org/documents/accepted-docs/sovmestnaya-pozitsiya-regionalnoy-antiterroristicheskoy-shos-antiterroristicheskogo-tsentr/#loaded (дата обращения: 04.05.2026).

18 В Москве состоялось заседание постоянно действующего совещания при Руководителе АТЦ СНГ с участием полномочных представителей государств Содружества // Официальный сайт Исполнительного комитета Содружества Независимых Государств. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eccis.org/news/30825 (дата обращения: 04.05.2026).

19 В Таджикистане состоялась активная фаза учений «Нерушимое братство-2025», «Барьер-2025» и «Содружество-Антитеррор-2025» // Официальный сайт Организации Договора о коллективной безопасности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.odkb-csto.org/news/news_odkb/v-tadzhikistane-sostoyalas-aktivnaya-faza-ucheniy-nerushimoe-bratstvo-2025-barer-2025-i-sodruzhestvo/#loaded (дата обращения: 04.05.2026).

военных властей[20], а также рост угрозы в Центральноазиатском регионе после перемещения остатков ИГИЛ на север Афганистана. Как положительную тенденцию необходимо отметить начавшуюся синхронизацию усилий региональных организаций по предупреждению и пресечению террористической деятельности на территории государств, входящих в ШОС, СНГ и ОДКБ, которая, находит выражение в схожем долгосрочном планировании, предполагающем тесное сотрудничество компетентных органов.

Пристатейный библиографический список

1. Агеев А. А. О некоторых вопросах дальнейшего совершенствования международно-правового регулирования противодействия терроризму и экстремизму с участием СНГ и субъектов этого межгосударственного объединения // Материалы пленарного заседания Научно-консультативного совета при Антитеррористическом центре государств-участников Содружества Независимых Государств (4 мая 2023 года, г. Москва). – М.: АТЦ СНГ, 2023. – С. 56-60.
2. Ахъядов Э. С.-М. Уголовно-правовая ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма (ст. 205.2 УК РФ) // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 7. – С. 373-375.
3. Бондуровский В. В., Поспелов С. В. Деятельность Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности по гармонизации законодательства в сфере противодействия терроризму // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2023. – № 2 (59). – С. 41-48.
4. Зимин В. П. Основные направления и правовые меры по повышению эффективности сотрудничества государств-участников СНГ в сфере противодействия терроризму и экстремизму // Материалы пленарного заседания Научно-консультативного совета при Антитеррористическом центре государств-участников Содружества Независимых Государств (4 мая 2023 года, г. Москва). – М.: АТЦ СНГ, 2023. – С. 20-23.
5. Кириллов И. А., Карелина Ю. В. О некоторых аспектах признаков объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 205.1 УК РФ «содействие террористической деятельности» // Новое мироустройство: принципы построения, перспективы, вызовы: сборник материалов Международной научно-практической конференции, Москва, 23-25 октября 2024 года. – М.: Московский государственный лингвистический университет, 2025. – С. 149-155.
6. Ковлагина Д. А. Актуальные проблемы квалификации и применения ст. 205.2 УК РФ // Пробелы в российском законодательстве. – 2020. – Т. 13. № 5. – С. 153-159.
7. Москалев Г. Л. Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205.3 УК РФ) // Национальная безопасность / Nota Bene. – 2020. – № 3. – С. 89-103.
8. Павлинов А. В. Уголовная политика в сфере антитеррора на постсоветском пространстве (в странах ЕАЭС и ОДКБ) // Новые вызовы терроризма и экстремизма: формы и методы противодействия: материалы II Международной научно-практической конференции, Владимир, 16 марта 2017 года. – Владимир: Владимирский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2017. – С. 78-89.
9. Петрищев В. В. Правовые основы сотрудничества государств-членов ОДКБ в сфере борьбы с международным терроризмом // Материалы пленарного заседания Научно-консультативного совета при Антитеррористическом центре государств – участников Содружества Независимых Государств (4 мая 2023 года, г. Москва). – М.: АТЦ СНГ, 2023. – С. 41-44.
10. Хлебушкин А. Г. Переход на сторону противника и участие в военных действиях на территории иностранного государства в целях, противоречащих интересам Российской Федерации: вопросы квалификации // Уголовное право. – 2022. – № 12 (148). – С. 48-57.

20 Заседание коллегии ФСБ России // Официальный сайт Президента Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/news/79216 (дата обращения: 28.12.2024).

DOI 10.46320/2073-4506-2026-4-215-371-374

ЧУБУКИНА Анастасия Евгеньевна
старший преподаватель кафедры гражданского права, Юридический факультет, Амурский государственный университет, г. Благовещенск

ОСОБЕННОСТИ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Вопросы, связанные с преступностью несовершеннолетних не теряют своей актуальности в настоящее время. Российским государством предпринимаются необходимые меры, направленные на устранение этой проблемы. Статья посвящена изучению состояния преступности среди несовершеннолетних и мерах борьбы с ней в советский период. Анализ советского опыта в этой направленности, его учет является необходимым фундаментом для выстраивания грамотной и усиленной траектории деятельности по противодействию ювенальной преступности на современном этапе. Обращаясь к положительным моментам, а также недостаткам уголовной советской политики в отношении несовершеннолетней преступности, представляется возможным максимально результативно учесть все эти параметры при корректировке и совершенствовании современной системы мер противодействия, что благоприятно скажется на уменьшении уровня подростковой преступности.

Ключевые слова: несовершеннолетние, советский период, преступность, преступление, правовое регулирование, детерминанты, профилактические меры.

CHUBUKINA Anastasiya Evgenjevna
senior lecturer of Civil law sub-faculty, Faculty of Law, Amur State University, Blagoveshchensk

FEATURES OF JUVENILE DELINQUENCY IN THE SOVIET PERIOD

Issues related to juvenile delinquency do not lose their relevance at the present time. The Russian Government is taking the necessary measures to eliminate this problem. The article is devoted to the study of juvenile delinquency and measures to combat it during the Soviet period. The analysis of the Soviet experience in this area, taking it into account, is a necessary foundation for building a competent and enhanced trajectory of activities to combat juvenile delinquency at the present stage. Turning to the positive aspects, as well as the disadvantages of the Soviet criminal policy in relation to juvenile delinquency, it seems possible to take all these parameters into account as effectively as possible when adjusting and improving the modern system of counteraction measures, which will have a beneficial effect on reducing the level of juvenile delinquency.

Keywords: minors, Soviet period, crime, crime, legal regulation, determinants, preventive measures.

Преступность – крайне губительный феномен, который имел место быть на всех этапах исторического развития. Менялась государственность, трансформировалось общество, возникали новые социальные институты и ориентиры, но существование преступности никогда не заканчивалось.

Отдельной разновидностью является несовершеннолетняя преступность, содержащая в своем внутреннем наполнении множество различных самостоятельных особенностей и черт, отражающих ее уникальную специфику. Безусловно, преступность сама по себе является чрезвычайно деструктивным явлением, порождающим самые негативные последствия для государства, общества и отдельных граждан. Преступность среди несовершеннолетних представляется феноменом еще более пагубным и зловредным, так как субъектами противоправного поведения в этом случае выступают представители юного поколения, дети и подростки - будущее нашего общества, опора и надежда, ответственные за последующее существование и развитие страны и социума.

Поэтому криминализация молодежи, в частности несовершеннолетней разрушительным образом влияет на возможные положительные перспективы дальнейшего совершенствования стабильной динамики развития общественных сфер и институтов. В этой связи важной задачей современной России на протяжении уже многих лет является борьба с обозначенным негативным феноменом, что на практике проявляется посредством выработки различных мер и механизмов политики противодействия в отношении преступности несовершеннолетних.

Вопросы, связанные с проблематикой несовершеннолетней преступности регулярно поднимались и исследовались правоведами, учеными на разных исторических этапах развития российской государственности. В зависимости от происходящих процессов внутри общества той или иной временной эпохи, складывалось определенное состояние преступности среди несовершеннолетних, наблюдалась конкретная динамика и уровень преступного поведения детей и подростков. В рамках каждого исторического периода предпринимались свои попытки, направленные на противодействие обозначенному пагубному феномену. Наиболее важным для наук уголовно-правовой и криминологической направленности по вопросам состояния преступности несовершеннолетних и механизмов борьбы с ней является советский период, на каждом временном отрезке которого существенным образом менялись количественные показатели преступности несовершеннолетних, её детерминанты, основополагающие черты и иные характеристики. Действительно, на протяжении всего времени существования советского государства трансформация аспектов, связанных с преступностью несовершеннолетних была существенна и имела значение для формирования общей картины указанного явления.

Благодаря анализу основ преступности среди несовершеннолетних на советском этапе можно проследить общие тенденции и закономерности соответствующей категории, рассмотреть причины и факторы, при которых она возникала, определить понимание о принимаемых в то время мерах противодействия и профилактики, обозначить общие конту-

ры соприкосновения с современным состоянием преступности в Российской Федерации, а также действующими в настоящее время инструментами по искоренению ювенальной преступности.

Полученные результаты качественного исследования выше обозначенных аспектов о несовершеннолетней преступности в СССР позволят грамотно применить их к формированию более актуальных и эффективных механизмов современной профилактической направленности, которые являются первостепенной основой для противодействия этого разрушительного и деструктивного феномена [6].

В качестве начального советского этапа, в рамках которого представляется возможным проанализировать тенденции состояния преступности несовершеннолетних, уголовную государственную политику в этой направленности можно выделить период с 1917 по 1925 гг., характеризующийся обилием сложных исторических событий, напряженной общественной и государственной обстановкой, что естественно нашло свое отражение в состоянии криминогенной ситуации. Сам факт наличия преступных проявлений у несовершеннолетних в рамках обозначенного временного периода рассматривался в качестве пережитков дореволюционного прошлого, которые продолжали еще сохраняться в обществе, но нуждались в скорейшем истреблении.

Революция, гражданская война, беспокойства, голод и разруха в стране определили крайне неблагоприятную обстановку в рассматриваемый исторический период, что естественно спровоцировало массовое беспризорничество и безнадзорность детей и подростков, а далее приводило к их последующей криминализации и становлению на путь преступного поведения. В соответствии с уголовно-правовыми сведениями начала XX века количественный уровень преступного проявления несовершеннолетних был зашкаливающим. Это обстоятельство, в свою очередь, стало фактором для возрастания уровня преступлений, совершаемых совершеннолетними субъектами. Максимальные показатели совершения преступлений несовершеннолетними были отмечены в 1921 и 1922 гг., при этом среди всей массы противоправных деяний больше всего было краж. Также к числу часто совершаемых несовершеннолетними деяний относились убийства, разбои и хулиганства [1].

Руководство страны объективно понимало, что глобальный корень проблемы детской и подростковой преступности кроется в нестабильной обстановке в обществе, возникших в результате неё острых социальных проблемах. Именно массовая безнадзорность, распространенная на территории советского государства, повсеместное уличное существование подростков запустили цепочку их попадания в криминальную среду. Беспризорные несовершеннолетние под влиянием сложившихся неблагоприятных обстоятельств и других подростков с криминальным опытом тяготели к аморальному образу жизни, противоправному поведению. Следовательно, было очевидно, что первостепенным шагом в борьбе с преступностью среди несовершеннолетних на данном этапе являлось проведение ряда мероприятий, направленных на нивелирование беспризорности [5]. Для государства формирование качественной системы защиты детей и подростков, снабженную реальными практическими инструментами поддержки, стало приоритетной задачей.

В качестве основополагающей идеи советского государства была мысль о том, что все деструктивные процессы в обществе и их пагубные последствия являлись результатом долгосрочного массового угнетения народа буржуазным сословием. И соответственно, в рамках этого восприятия преступность, которая является одним из самых разрушительных феноменов, также возникла под воздействием обозначенного народного угнетения. Несовершеннолетние преступники воспринимались советским государством в качестве жертв прежних дореволюционных порядков. В рамках этой концепции логическим образом сформировался подход гуманистической направленности по отношению к несовершеннолетним субъектам преступного проявления. Предполагалось, что уничтожение старых порядков в перспективе избавит и от их пагубных последствий, к которым была отнесена преступность среди несовершеннолетних [2].

В качестве реальных практических мер на основе формирующейся правовой базы возник ряд учреждений воспитательной направленности и компетенций, в которых размещались проблемные несовершеннолетние для проведения с ними определенной работы. Образовалась и стала действовать Детская комиссия ВЦИК, осуществлявшая свои приоритетные функции посредством решения вопросов в отношении несовершеннолетних. Важно отметить общую результативность деятельности обозначенного органа.

В скором времени укрепившаяся гуманистическая концепция претерпела значительные изменения и уже с 1935 года активно стали реализовываться в реальной практической действительности в большей степени карательные инструменты в отношении несовершеннолетних субъектов преступлений. Считалось, что советская власть смогла искоренить все очаги возникновения преступности среди несовершеннолетних, доставшиеся в наследство от имперского режима. Теперь для окончательного устранения преступности, сохраняющейся в советском государстве, необходимо было предпринять более усиленные и решительные меры противодействия, так как прежние воспитательные мероприятия перестали показывать свою эффективность [5].

Перестали осуществлять свои компетенции в рамках своей функциональной направленности комиссии по делам несовершеннолетних. Советское руководство пришло к мнению, что в результате крайне мягкой и излишне гуманистической работы данных комиссий большинство подростков ощутили безнаказанность, не осознавали свою вину и продолжали совершать преступления, возвращаясь к прежнему криминальному поведению. Компетенции указанных органов перешли в распоряжение различным ведомствам, но это не принесло ожидаемых результатов, так как вследствие структурного переформирования был нарушен системный подход, что тормозило обозначенную профилактическую деятельность.

В соответствии с закреплениями постановления ЦИК и СНК от 7 апреля 1935 года «О мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних» начальный возраст, с которого несовершеннолетний субъект преступления привлекался к уголовной ответственности, составлял 12 лет. Важно отметить, что эта норма распространялась в случаях совершения такими лицами краж, убийств, причинений вреда здоровью и иных тяжких насильственных противоправных деяний. В качестве особенности важно отметить также и то, что ранее действовавшая концепция о более мягкой политике в отношении назначения наказания несовершеннолетним субъектам преступления утратила свое значение, что обусловило их уравнивание с субъектами преступлений, достигших возраста совершеннолетия без каких-либо существенных отличий между ними.

В период Великой Отечественной войны уровень преступности среди несовершеннолетних значительно возрос, что обуславливалось тяжелой военно-политической обстановкой. В качестве наиболее часто совершаемых преступных деяний в рассматриваемый период были кражи, что в большей степени определялось голодом и разрухой, бедственным положением, потребностью в выживании [7]. Возвратилась проблема беспризорности детей и подростков, как одна из причин для совершения преступлений. Многие несовершеннолетние оставались без родителей, жилья, пропитания, поэтому первостепенной для них стала задача найти ресурс для выживания и последующего существования.

Несмотря на суровые реалии, советское руководство смогло выработать механику по нивелированию возникающих неблагоприятных последствий военного времени в отношении несовершеннолетних. В 1942 году было принято постановление СНК СССР «Об устройстве детей, оставшихся без родителей», согласно нормативным положениям, которого сформировались и стали функционировать различные учреждения, осуществляющие размещение и устройство детей, оставшихся без родительского надзора, что существенным образом снижало проблемы с детской безнадзорностью.

Что касается возраста для привлечения к уголовной ответственности в этот период, то согласно советскому законодательству 1941 года для большинства преступлений он составлял 14 лет. По некоторой части преступных деяний несовершеннолетние привлекались к ответственности, начиная с 12 лет. Меры борьбы с преступностью среди несовершеннолетних в военное время продолжали сохранять свою достаточно жесткую специфику, не смягченную гуманистической направленностью.

После окончания войны страна пыталась встать на мирные рельсы, постепенно восстанавливаться, ликвидировать ужасные последствия, причиненные войной. В отношении преступности среди несовершеннолетних в послевоенный период советским государством стали разрабатываться более усиленные концепции противодействия. Важно отметить, что общая направленность послевоенной политики советского государства в отношении несовершеннолетних субъектов преступлений вновь приняла гуманистические черты и воспитательную основу. Так, в соответствии с нормативными установлениями постановления Пленума Верховного Суда СССР 1948 года «О применении указов от 4 июня 1947 года в отношении несовершеннолетних», при совершении лицами от 12 до 16 лет малозначительных краж и хищений рекомендовалось в качестве допустимой возможности для судебных органов прекращать уголовное преследование в отношении указанных субъектов преступления и направлять их в трудовые воспитательные колонии. В этом примере отчетливо заметен возврат от прежнего активного применения репрессивных механизмов воздействия на несовершеннолетних преступников к распространенной реализации мер воспитательной направленности.

В начале 50-х годов руководство страны поставило детский вопрос на особый контроль и уделяло приоритетное значение реализации практических мер в данной траектории, активно стали создаваться различные учреждения, осуществляющие свою деятельность в направлении работы с несовершеннолетними. Нужно отметить, что эффективность обозначенной послевоенной политики в этом направлении была достаточно высокой. Значительно снизился уровень преступных деяний среди несовершеннолетних, а также существенно понизились показатели их привлечения к ответственности. В соответствии со статистическими данными на период 1958 года в 4 раза сократилось количество осужденных несовершеннолетних, в сравнении с 1946 годом. Кроме того, становилось меньше привлекаемых к ответственности несовершеннолетних в общем количестве осужденных лиц.

К началу 1960-х годов проблема несовершеннолетней преступности сохраняла свое прерогативное значение для советского государства, что нашло отражение в формировании новой правовой базы уголовной и уголовно-процессуальной направленности, в основе которой вновь была положена стратегия закрепления перехода от карательных мер воздействия по отношению к несовершеннолетним в сторону воспитательных и профилактических механизмов [3]. Именно на базе законодательной платформы, сформированной в начале 1960-х годов, и сохраняющейся в своем действии до 1980-х годов, сложился комплекс органов и мероприятий противодействия ювенальной преступности, который, по мнению многих специалистов, был достаточно результативен и в некоторых проявлениях продолжает действовать в настоящее время. Но у обозначенной политики в эти годы была и обратная сторона, проявившаяся в усилении чувства безнаказанности у несовершеннолетних, совершавших преступные деяния, но освобождавшихся от реального наказания, что естественно влекло рост преступности по всей территории союзного государства. В силу этого часть правоведов полагают, что в начале 60-х годов рассматриваемая система противодействия несовершеннолетней преступности еще окончательно не окрепла, а в процессе своего практического применения имела объективные недочеты, провоцирующие возрастание количественных показателей совершения преступлений несовершеннолетними.

Рассматривая состояние несовершеннолетней преступности с 1965-1969 гг., нельзя не отметить сохраняющееся количественное увеличение группового совершения преступлений несовершеннолетними, в том числе часто под воздействием злоупотребления алкогольными напитками, а сами деяния все чаще становились более тяжкими и опасными. Мотивом совершения несовершеннолетними преступлений по-прежнему являлась корысть, поэтому в большей степени преобладали кражи, хищения, разбои и грабежи. Что касается деятельности, направленной на противодействие несовершеннолетней преступности в рассматриваемый временной период, то в процесс ее осуществления активно подключились институты общественности, основополагающими задачами которых было проведение надзорных мероприятий в отношении работы органов, специализировавшихся на вопросах борьбы с ювенальной преступностью.

С 1970 по 1979 гг. значительного снижения преступности среди несовершеннолетних не наблюдалось, несмотря на те меры, которые реализовывались советским руководством в направлении противодействия обозначенной проблемы. Некоторые специалисты в вопросах ювенальной преступности отмечают, что в рассматриваемый период преступления, совершаемые несовершеннолетними, становились более жестокими и хитроспланированными. В качестве причин, влияющих на возрастание преступности в эти годы, специалисты указывали пробелы внутрисемейного воспитания, проблемы в семье и школе, злоупотребление алкоголем, а также все еще имеющую место быть беспризорность подростков. Влияли на количественные показатели преступности среди несовершеннолетних частые случаи амнистии преступников, не достигших возраста 18 лет, для которых она рассматривалась в качестве возможности, оказавшись на свободе, вновь выйти

на криминальную тропу и продолжить осуществление преступной деятельности в привычном формате. В направлении противодействия несовершеннолетней преступности прерогативные функции были сконцентрированы у МВД СССР.

Произошло достаточно существенное повышение количественных параметров подростковой преступности в 80-е и 90-е гг., концентрированное значение которых пришлось в большей степени на период с 1986 по 1991 гг., что определялось сложностью и нестабильностью самого времени. Неустойчивая государственная и общественная обстановка в те годы порождала ослабление эффективности в деятельности органов и структур, осуществляющих противодействие преступности, в том числе среди несовершеннолетних, что стало «комфортной» средой для проявления деструктивных социальных огрехов, которые ранее удавалось успешно пресекать и сдерживать. В качестве еще одного причинного фактора, который существенно затруднял работу по противодействию несовершеннолетней преступности в период перестройки и распада советского государства современные исследователи называют недостаточность изучения феномена ювенальной преступности в те годы, что вытекало в отсутствие информации о данном негативном явлении и актуальных способах борьбы с ним.

Период 1986-1991 гг. характеризовался низкой раскрываемостью преступлений, что обуславливало отсутствие возможности достоверно определить личность субъектов преступлений. К уже имеющимся преступлениям, совершаемым ранее несовершеннолетними, добавились новые противоправные деяния, обусловленные реалиями рассматриваемого временного периода, например, стали фиксироваться занятие проституцией, содержание притонов, наркомания и иные [4]. Также в качестве особенности несовершеннолетней преступности в рамках данного сложного этапа следует обозначить отсутствие прозрачности в статистических показателях ввиду того, что многие потерпевшие просто боялись обращаться в органы и сообщать о случившихся в отношении них преступлениях, которые соответственно, не удавалось зафиксировать.

В настоящее время в нашей стране проблема несовершеннолетней преступности является одной из самых приоритетных. Необходимым на современном этапе представляется грамотно, комплексно и результативно усовершенствовать существующую систему органов и мероприятий, осуществляющих борьбу с ювенальной преступностью. В процессе решения этой сложной задачи естественным образом возникает множество важных вопросов: как правильно произвести обозначенную работу? Какие мероприятия необходимо осуществить? Какие конкретные меры и инструменты будут являться действенными в этой направленности? Какие ошибки важно не допустить и т.д.

В качестве некоторого подспорья в процессе нахождения ответов на указанные вопросы можно рассмотреть имеющийся опыт советского государства в вопросах борьбы с несовершеннолетней преступностью. Действительно, очень полезно обращаться к историческому анализу уголовно-правового законодательства и практики, сложившейся в период СССР, чтобы в настоящее время понять, каких ошибок прошлого лучше избегать в этом направлении и определить правильный вектор дальнейшего развития законодательства, совершенствования механизмов предупреждения несовершеннолетней преступности, а также профилактических мер.

Таким образом, рассмотрение исторических аспектов состояния несовершеннолетней преступности и борьбы с ней в советский период является важной опорой для нахождения более эффективных инструментов противодействия ювенальной преступности в России на современном этапе, ведь вопрос о грамотном соотношением воспитательных и принудительных механизмов в общей системе противодействия, направленной на несовершеннолетних субъектов преступлений продолжает сохранять свою востребованность.

Пристатейный библиографический список

1. Белянкова Е. И. «И результаты получились поразительные. Прежние “отпетые” мальчики... Изменились до неузнаваемости»: из опыта профилактики преступности несовершеннолетних в советской России (1920-1934 гг.) // Тульский научный вестник. Серия: история. Языкознание. – 2021. – № 4 (8).
2. Блясова И. Ю. Состояние профилактики преступности и правонарушений несовершеннолетних в советский период // Вестник ЧелГУ. – 2012. – № 1 (255).
3. Краснов Д. А. Начало либерально-демократических реформ в области борьбы с преступностью несовершеннолетних в РСФСР (1960-1964 гг.) // Пробелы в российском законодательстве. – 2013. – № 4.
4. Краснов Д. А. Особенности преступности несовершеннолетних в годы перестройки. 1985-1991 гг. // Проблемы экономики и юридической практики. – 2014. – №1.
5. Краснов Д. А. Исторический опыт реализации государственной политики в области профилактики преступности среди несовершеннолетних в советской России в 1917-1935 годах // Пробелы в российском законодательстве. – 2024. – № 2.
6. Подгорбунская А. И. К вопросу изучения преступности несовершеннолетних в отечественной криминологии от дореволюционного до современного этапа // Евразийская адвокатура. – 2024. – № 6 (71).
7. Стрельцов С. Г. Особенности мер по предупреждению преступности среди несовершеннолетних в советском государстве в военный период // Общество и право. – 2004. – № 2 (4).

ЧИГРИНА Елена Владимировна
кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, Байкальский государственный университет, г. Иркутск

РАЗГЛАШЕНИЕ ТАЙНЫ УСЫНОВЛЕНИЯ (УДОЧЕРЕНИЯ): К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТЕ И ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся объекта и объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 155 УК РФ («Разглашение тайны усыновления (удочерения)»). Уделяется внимание пониманию общественной опасности данного преступления, которая заключается в посягательстве на семейную тайну в виде факта усыновления. Дается характеристика элементов, входящих в объективную сторону разглашения тайны усыновления (удочерения). Отмечаются дискуссионные вопросы относительно установления факта разглашения тайны усыновления, а также сведений, охватываемых этой тайной. Делается вывод о том, что последствия совершения данного преступного деяния в основном заключаются в причинении морального вреда.

Ключевые слова: тайна усыновления, семейная тайна, объект преступления, объективная сторона преступления, общественная опасность, усыновленный, усыновители.

CHIGRINA Elena Vladimirovna
Ph.D. in economical sciences, associate professor, associate professor of Theory and history of state and law sub-faculty, Baikal State University, Irkutsk

DISCLOSURE OF THE SECRET OF ADOPTION: ON THE ISSUE OF THE OBJECT AND THE OBJECTIVE SIDE OF THE CRIME

The article discusses issues related to the object and objective side of the crime under Article 155 of the Criminal Code ("Disclosure of the secret of adoption"). Attention is paid to understanding the social danger of this crime, which consists in encroaching on family secrets in the form of the fact of adoption. The description of the elements included in the objective aspect of the disclosure of the secret of adoption is given. There are controversial issues regarding the establishment of the fact of disclosure of the secret of adoption, as well as the information covered by this secret. It is concluded that the consequences of committing this criminal act mainly consist in causing moral harm.

Keywords: secret of adoption, family secret, object of crime, objective side of crime, social danger, adopted child, adoptive parents.

Для правильной квалификации преступления, а также определения его места в системе однородных преступлений, в первую очередь, значение имеет объект преступного посягательства. В этом отношении специфика объекта преступления, предусмотренного ст. 155 УК РФ, заключается в том, что тайная усыновления (удочерения) имеет отношение к сфере семейной тайны, а та, в свою очередь, к сфере неприкосновенности частной жизни как конституционному праву каждого гражданина.

Предполагается, что уголовным законом охраняются наиболее важные сведения о семье, разглашение которых может привести к серьезным последствиям в виде психологической травмы для усыновленного, нарушению его безопасности в случае преследования биологическими родителями, что может поставить под угрозу жизнь, психическое и физическое здоровья, нормальное развитие усыновленного и т.д.

Если родовым объектом для предусмотренного ст. 155 УК РФ преступления являются общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование личности в целом, то в качестве непосредственного объекта следует понимать отношения в сфере сохранения семейной тайны в виде тайны усыновления (удочерения). При этом, учитывая многогранность указанных отношений, в качестве дополнительного непосредственного объекта следует рассматривать нормальное физическое и психическое здоровье и нормальное развитие несовершеннолетнего, а в качестве факультативного непосредственного объекта – честь и достоинство усыновителей (удочерителей). Следует отметить, что нарушение тайны усыновления является частным случаем семейной тайны. В этой связи законодатель закономерно выделил данное преступление в виде самостоятельного состава.

В рамках уголовно-правового анализа данного преступления, следует затронуть вопрос о том, кто является потерпевшим от данного противоправного деяния. Суть тайны усыновления (удочерения) как права и как разновидности личной семейной тайны предполагает, что потерпевшим от данного преступления может быть исключительно физическое лицо, при этом, учитывая конституционную суть права на тайну [1, с. 85], физическое и психическое состояние лица, являющегося носителей тайны, не имеет значение. В равной степени защищаются как интересы полностью дееспособного, так ограниченно дееспособного, так и недееспособного лица, так как несмотря на ограничение или отсутствии дееспособности, лицо не лишается правоспособности, то есть возможности иметь права, соответственно, защита его прав в равной степени осуществляется законом.

Исходя из субъектного состава лиц, участвующих в усыновлении, потерпевшими следует считать, как усыновителей, так и усыновленного ребенка, причем, учитывая, что ст. 139 СК РФ не устанавливает пределов хранения тайны усыновления, потерпевшими от данного преступления могут быть усыновленные дети уже после достижения ими совершеннолетия и, соответственно, их родители.

Исследователями отмечается недостаток законодательства, который заключается в следующем. Как известно, процесс усыновления носит длительный подготовитель-

ный характер, а непосредственно усыновление осуществляется в судебном процессе и утверждается решением суда. К усыновителям законом предъявляется множество требований, включая прохождение специальной подготовки, что усложняет данный процесс. Вместе с тем, закон не защищает тех лиц, о которых в рамках процесса усыновления, до вынесения решения суда и вступления его в законную силу, было осуществлено разглашение информации об усыновлении, т.к. формально факт усыновления еще не состоялся [2, с. 819]. Поскольку усыновление не совершено в глазах закона, юридический статус субъектами усыновителя и усыновленного не приобретен, они не являются потерпевшими, состав преступления отсутствует.

Следует согласиться с мнением тех исследователей, которые считают, что общественным отношениям уже на данной стадии может быть причинен серьезный ущерб, который по своим последствиям практически не будет отличаться от ущерба, который может быть причинен при разглашении тайны усыновления [3, с. 117].

Другой вопрос: является неоконченный процесс усыновления (удочерения) охраняемой законом тайной? Думается, что является, т.к. судебное заседание имеет режим особого производства и осуществляется в закрытом заседании. То есть законодателем признается необходимость защиты сведений о будущих усыновителях и усыновляемом им ребенке, но уголовным законом данные отношения не охраняются. Учитывая, что данные сведения также не входят в состав служебной или профессиональной тайны, за разглашение которой может быть установлена ответственность, разглашение таких сведений носит сугубо этический характер и определяется морально-нравственным воспитанием самого лица.

Стоит отметить, что для определения опасности деяния в целом и его негативного влияния на общественные отношения, необходимо определить характер его общественной опасности. При этом характеристика любого общества его характеристику в качестве совокупности неразрывных связей, возникающих между отдельными членами общества и отдельными социальными группами, связанными взаимными интересами.

Общество – это продукт деятельности его членов, а поведение членов общества предполагает следование определенным правилам, установленным в обществе, и нарушение данных правил ведет к нарушению таких связей, причиняя ущерб не только самим членам общества, но и непосредственно общественным отношениям [4, с. 126]. Общественная опасность как правовая категория является неотъемлемой категорией для признания деяния преступным, но вместе с тем в законодательстве отсутствует нормативное определение общественной опасности, оно разрабатывается доктриной уголовного права. Ученые при изучении общественной опасности как правовой категории указывают на то, что признание деяния общественно опасным проистекает не из аксиомы, а является закономерным последствием объективно существующей действительности. Общественная опасность разглашения тайны усыновления (удочерения) заключается в посягательстве на семейную тайну в виде факта усыновления. Кроме этого, такая опасность может заключаться в том, что со стороны общества в отношении усыновленного и его усыновителей могут выражаться негативные оценки, насмешки, травля, хотя усыновление и является приоритетной формой устройства ребенка [5], но в обществе сложился негативный стереотип об усыновлении, который в настоящее время с трудом преодолевается.

Ряд исследователей под разглашением понимает сообщение кому-либо не только о самом факте усыновления (удочерения), но и о тех сведениях и мерах, которые были предприняты в связи с актом усыновления, а именно, изменении личных данных ребенка и иных сведений [6, с. 54].

Объем сведений, который может быть разглашен в случае совершения преступления, предусмотренного ст. 155 УК РФ, законодатель не указывает. Данная статья фактически имеет строение бланкетной, и, хотя в ней отсутствует прямая ссылка на ст. 139 СК РФ, и иные статьи семейного законодательства, в которых содержатся нормы, позволяющие определить характер и объем сведений, составляющих тайну усыновления (удочерения), фактически, для оценки объективной стороны и ее квалификации необходимо обращаться к нормам СК РФ. Системный анализ норм семейного законодательства позволяет утверждать, что к таким сведениям относятся сведения, содержащиеся не только в решении суда, но и документы, направленные на подготовку к усыновлению, а именно любые личные данные, первоначальные или производные, как усыновленного, так и усыновителей, в первую очередь, это данные усыновленного ребенка, в случае его изменения.

Ряд исследователей полагает, что в перечень сведений должны попадать и та информация, которая была собрана в ходе процесса усыновления и в ходе непосредственно судебного заседания об усыновлении [7, с. 273].

На наш взгляд, данные сведения будут входить в состав тайны об усыновлении (удочерении) только в том случае, если факт усыновления состоится, если решение суда об усыновлении не будет принято по тем или иным причинам, усыновитель и усыновленный не приобретут соответствующего статуса, тогда как законодатель в ст. 139 СК РФ и ст. 155 УК РФ четко говорит о статусе субъектов данных правоотношений – ими могут быть исключительно усыновленный и усыновители.

Важной составляющей объективной стороны рассматриваемого преступления является то, что разглашение тайны усыновления осуществляется вопреки воле усыновителя. При этом в науке существует дискуссия о том, можно ли квалифицировать по ст. 155 УК РФ действия лица, если оно разгласило такую тайну и только один из супругов, являющихся усыновителями, не выразил согласия или одобрения на разглашение данных сведений, тогда как второй супруг одобрил разглашение данной информации. Относительно данного спора, в доктрине уголовного права существует две позиции. Первая позиция предполагает, что в таком случае действия лица невозможно квалифицировать по ст. 155 УК РФ, т.к. одобрение второго супруга было получено. Вторая – предполагает возможность привлечения лица к уголовной ответственности, т.к. одобрение должны были высказать оба супруга [8, с. 99]. Полагаем, что в случае разглашения тайны усыновления (удочерения) одобрение усыновителя не должно являться фактором, оправдывающим сам факт разглашения, по нескольким причинам.

Во-первых, если бы усыновители не желали сохранять данный факт в тайне, они бы вели соответствующий образ жизни и не скрывали бы данную информацию. Во-вторых, законодатель в принципе не указывает форму одобрения, которую лицо должно было получить от усыновителя (усыновителей). И, в-третьих, невозможно оправдать факт

разглашения, совершенный из низменных или корыстных побуждений, получением одобрения от усыновителей, так как указанные законодателем мотивы противоречат конструкции получения одобрения от усыновителей. Соответственно, если тайна усыновления (удочерения) разглашается вопреки воле хотя бы одного из усыновителей, лицо должно быть привлечено к уголовной ответственности.

Законодатель не придает квалифицирующего значения непосредственно способу разглашения тайны усыновления (удочерения), разглашение может быть совершено как в устном, так и в письменном виде, в том числе путем размещения в теле-коммуникационной сети «Интернет», публикации в социальных сетях, любых других информационных ресурсах сети «Интернет», СМИ и т.д. Следует обратить внимание, что законодатель не выделяет квалифицирующие признаки разглашения тайны усыновления (удочерения), в том числе и по способу распространения информации, но на наш взгляд, учитывая, что любая публикация, обращенная к неопределенному кругу лиц, осуществленная с помощью теле-коммуникационной сети «Интернет» или СМИ, обладает повышенной общественной опасностью, в связи с чем, думается необходимым включить в текст ст. 155 УК РФ такой квалифицирующий признак.

Учитывая, что законодателем не определены сроки хранения тайны усыновления (удочерения), традиционным в доктрине уголовного права является точка зрения о том, что охраняемое право не имеет определенных сроков, и возбуждение уголовного дела по ст. 155 УК РФ, возможно и в тех случаях, когда усыновленный достиг совершеннолетия.

Таким образом, общественная опасность разглашения тайны усыновления (удочерения) заключается в посягательстве на семейную тайну в виде факта усыновления. Последствия совершения данного преступного деяния могут заключаться в причинении усыновленному морального вреда, выраженного в психической травме, вызванной осознанием, что родители, которые его воспитывали, не являются его настоящими родителями, что в свою очередь может привести к таким последствиям как утрата родственной связи с усыновителями, возникновению конфликта, что в свою очередь неизменно отразится на воспитании и формировании личности. Самым крайним проявлением общественной опасности разглашения тайны усыновления (удочерения) будет являться доведение до самоубийства усыновленного или усыновителя. Иными словами, характер ущерба в данном случае носит преимущественно моральный характер.

Пристатейный библиографический список

1. Корнакова С. В. Тайна, конфиденциальная информация и конфиденциальность в контексте защиты информации о частной жизни участников уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. – 2025. – Т. 20. № 11 (180). – С. 81-90.
2. Чигрина Е. В., Корнакова С. В. Разглашение тайны усыновления: проблемы реализации комплексного правового механизма в Российской Федерации // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12. № 6. – С. 817-825.
3. Мягкая А. А., Гаевая А. И. Тайна усыновления в Российской Федерации: проблемы теории и практики // Проблемы права: теория и практика. – 2024. – № 67. – С. 114-124.
4. Корнакова С. В., Чигрина Е. В. Правовая культура личности как условие эффективной реализации ее прав и свобод // 20 лет Конституции России: актуальные проблемы развития правового государства. – Иркутск: БГУЭП, 2014. – С. 125-131.
5. Зимина Е. В., Витько О. В. Международное усыновление в российской системе устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: проблемы функционирования и развития // Baikal Research Journal. – 2017. – Т. 8. № 1.
6. Ворушило Е. А., Гаврилова А. Э., Милованова Н. А. Юридическая ответственность за разглашение тайны усыновления (удочерения): вопросы квалификации, проблемы и возможные решения // Юриспруденция, закон и порядок: актуальные вопросы теории и практики. сборник статей VI Международной научно-практической конференции. – Пенза, 2024. – С. 51-54.
7. Фомина Е. В. Разглашение тайны усыновления (удочерения): проблемные вопросы объективной стороны состава преступления // Вестник Луганской академии внутренних дел им. Э. А. Дидоренко. – 2021. – № S1. – С. 271-275.
8. Кручинина Н. В., Пятибратова Н. Д. Расследование преступлений против семьи. – М.: Проспект, 2019. – 136с.

ХМЕЛЕВ Сергей Александрович
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры предварительного расследования, Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя, полковник полиции в отставке

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОГО И ЗАРУБЕЖНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩЕГО УГОЛОВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЯТРОГЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В статье автором рассматриваются актуальные вопросы сравнения уголовного законодательства Российской Федерации и уголовного законодательства зарубежных стран, в частности Франции, Соединенных Штатов Америки и Японии. На основании проведенного сравнительного анализа установлено, что в российском уголовном законе, по сравнению, например, с уголовным законодательством Франции нет четкого определения понятия ятрогенных преступлений. Так же отсутствует уголовная ответственность за применение методов нетрадиционной медицины, результатом применения которой могут стать тяжелые последствия для жизни и здоровья граждан.

Ключевые слова: ятрогенные преступления, уголовное законодательство, уголовная ответственность, медицинская деятельность, квалификация преступлений, здоровье человека.

KHMELEV Sergey Alexandrovich
Ph.D. in Law, senior lecturer of Preliminary investigation sub-faculty, V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia, retired police of colonel

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF RUSSIAN AND FOREIGN LEGISLATION REGULATING CRIMINAL LIABILITY FOR IATROGENIC CRIMES

In the article, the author discusses the current issues of comparing the criminal legislation of the Russian Federation and the criminal legislation of foreign countries, in particular France, the United States of America, and Japan. Based on the conducted comparative analysis, it has been established that the Russian criminal law, in comparison with the criminal legislation of France, for example, does not have a clear definition of the concept of iatrogenic crimes. There is also no criminal liability for the use of methods of alternative medicine, which can have serious consequences for the life and health of citizens.

Keywords: iatrogenic crimes, criminal legislation, criminal liability, medical activities, qualification of crimes, human health.

В методологии научного познания широко применяется сравнительно-правовой анализ, как способ установления отдельных характеристик исследуемого феномена. В целях выявления особенностей порядка расследования преступлений ятрогенной направленности следует рассмотреть не только российский, но и зарубежный опыт с позиции рассматриваемого метода, после чего дать соответствующую положительную или отрицательную оценку полученным результатам.

Затрагивая государства романо-германской правовой семьи, рассмотрим черты «медицинского» уголовного права во Франции. Как и в других современных правовых государствах во Франции установлен ряд обязательных требований для выполнения профессиональных врачебных обязанностей, в случае отсутствия, которых медицинская деятельность признается незаконной. В Кодексе здравоохранения Франции дается легальное понятие медицинской деятельности, которая предполагает осуществление закрепленных на законодательной основе последовательных манипуляций (словесных, письменных, профессиональных физических актов) для постановки диагноза и лечения врожденных или приобретенных, реальных или предполагаемых заболеваний [3, с. 36].

В России также имеется официальное понятие медицинской деятельности, закрепленное в ст. 2 ФЗ № 323-ФЗ от 21.11.2011 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и определяемое как «профессиональная деятельность по оказанию медицинской помощи, проведению медицинских экспертиз, медицинских осмотров и медицинских освидетельствований, санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий и профессиональная деятельность, связанная с трансплантацией (пересадкой) органов и (или) тканей, обращением донорской крови и (или) ее компонентов в медицинских целях».

Сравнительный анализ вышеприведенных трактовок позволяет заметить, что французское определение основано в большей степени на общепринятой терминологии. Российское понятие, в свою очередь, заставляет обращаться к дополнительной расшифровке перечисленных в нем «врачебных» терминов, что нередко усложняет процесс квалификации. В связи с изложенной конструкцией французского определения представляется более четкой и упрощенной для оценки преступных деяний, связанных с незаконным занятием медицинской деятельностью. Видится, что в связи с имеющимися трудностями приведенный опыт французского законодательства может быть отчасти перенят и в нашем государстве.

Отдельным вопросом является проблема так называемых народной и нетрадиционной медицины. В России согласно вышеприведенному ФЗ № 323 от 21.11.2011 заниматься народной медициной может лишь лицо, получившее «соответствующее разрешение от исполнительного органа субъекта Российской Федерации в сфере охраны здоровья». В противном случае данная деятельность считается незаконной. Аналогичной позиции придерживается большинство современных государств, в том числе Германия, США, Франция и др.

Относительно нетрадиционной медицины все менее однозначно. В России ее официальное определение отсутствует, однако, исходя из имеющейся судебной практики, государство отрицательно относится к подобного рода деятельности (очищение кармы, духовные практики, чародейство, таро и пр.) [2, с. 467]. В случае если подобные действия посягают на физическое и психическое здоровье человека, в нашем государстве соответствующие организации могут быть ликвидированы, а причастные лица привлечены к установленной законом ответственности, в частности по ст. 235 УК РФ или по ст. 6.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее по тексту КоАП РФ)[1].

В рассматриваемом вопросе интерес представляет опыт штата Калифорния (США), где Кодексом о бизнесе предусмотрен обязательный порядок для лиц, занимающихся «духовным лечением» в виде «письменного раскрытия информации о том, что данная методика не относится к официальной медицине и не лицензируется, о теории, лежащей

1 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. с послед. изменениями и дополнениями) // Российская газета от 31 декабря 2001 г. № 256.

в основе ее применения, а также о профессиональной квалификации и образовании целителя»[2]. Видится, что подобное письменное разъяснение может иметь важное значение для последующего доказывания наличия умысла в действиях отдельных лиц в случае совершения ими преступных деяний ятрогенной направленности.

Кроме того, в соответствии с опытом США, представляется возможным установить в РФ конкретный запрет на действия, производимые в ходе применения нетрадиционной медицины, которые могут иметь потенциальную или непосредственную опасность для жизни и здоровья граждан, в частности хирургические манипуляции, прямое медицинское вмешательство и т.д.

Во Франции, в свою очередь, лица, занимающиеся противоправным «экстрасенсорным» лечением, привлекаются к уголовной ответственности за незаконное занятие медицинской деятельностью, а в некоторых ситуациях и за мошенничество.

В ходе изучения российского и зарубежного уголовного законодательства установлено, что незаконное прерывание беременности при отсутствии согласия женщины, вынашивавшей ребенка, признается преступлением. Однако подход к данному составу различен в отдельных государствах. В России данный состав содержится в ч. 1 ст. 111 Уголовного кодекса и рассматривается как причинение тяжкого вреда здоровью женщины. Во Франции, в свою очередь, за данное преступление предусмотрена отдельная ответственность в ст. 223-10 УК, предусматривающей наказание в виде «пяти лет тюремного заключения и штрафа в размере 500 000 франков»[3]. В некоторых штатах США рассматриваемое деяние квалифицируется как убийство[4]. Таким образом, подход к защите плода беременной женщины не является единым в призме мирового уровня. Видится, что данная тема требует более подробного теоретического и законодательного осмысления с учетом решения вопросов начала жизни новорожденного, охраны прав ребенка, родившегося живым при производстве аборта, и т.д., после чего тот или иной подход может быть оценен с позиции положительных и отрицательных характеристик.

Общим субъектом преступных деяний в России и за рубежом является вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности. При этом в ряде государств, например, в Великобритании, им может быть и юридическое лицо[5]. Что касается ятрогенной преступности, то во Франции медицинские работники привлекаются к уголовной ответственности по статьям, где предусмотрен общий субъект, например, за причинение смерти или вреда по неосторожности [1, с. 178]. В России, как уже было установлено нами в рамках предыдущего параграфа, медицинские работники привлекаются, в том числе и по квалифицированным составам, например, по ч. 2 ст. 109 УК РФ за «причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей».

Проанализировав состав преступления в виде незаконного прерывания беременности, можно сделать вывод о том, что в России ответственность за данное деяние несет лицо, которое не имеет высшего медицинского образования соответствующего профиля. В США за аналогичное преступление привлекаются как медицинские работники, так и общие субъекты. Исходя из этого, если в России лицо, не имеющее никакого отношения к медицине, произведет незаконный аборт, оно не будет привлечено к ответственности по специальной статье 123 УК РФ, и его деяние получит иную квалификацию. Видится, что состав ст. 123 УК РФ в соответствии с опытом США, мог бы также содержать в себе отсылку и на общий субъект, что упростило бы вопросы оценки рассматриваемых деяний.

Сравнивая систему ятрогенных преступлений в России и Японии, можно отметить, что японское уголовное законодательство предусматривает ст. 211, по которой медицинские работники могут быть привлечены за «убийство или телесное повреждение по неосторожности при осуществлении профессиональной деятельности», что имеет сходство с УК РФ. При этом, в отличие от отечественного закона, законодатель Японии по каким-то причинам не включает в свой УК ответственность за заражение ВИЧ-инфекцией[6]. В данном случае представляется, что российский подход к данному деянию является более расширенным, что можно назвать верным, поскольку при ненадлежащем выполнении медицинским работником своих обязанностей может наступить последствие в виде заражения указанным заболеванием, которое наносит серьезный вред здоровью. При этом в связи с наличием конкретизированного состава в УК РФ, у правоприменителя будет возникать значительно меньше сложностей с квалификацией данного деяния.

Вывод: на основании вышеизложенного можно заключить, что как в России, так и в зарубежных государствах имеется приоритет охраны здоровья граждан, в содержание которого входит обеспечение права на защиту от недобросовестного отношения медицинских работников, врачебных ошибок в виде возможности обращения в соответствующие государственные органы с целью инициирования проверок по данным фактам. При этом каждое государство имеет свою систему преступлений ятрогенной направленности и отличается особенностями привлечения к уголовной ответственности за их совершение, а также порядком их расследования. Проведенный анализ по некоторым направлениям ятрогенной преступности в России и за рубежом позволил выделить отдельные характеристики, часть из которых может быть заимствована российской правовой системой.

Сравнительный анализ трактовки медицинской деятельности, закрепленной в законодательствах Франции и России, позволил заметить, что французское определение основано в большей степени на общепринятой терминологии. Российское понятие, в свою очередь, заставляет обращаться к дополнительной расшифровке перечисленных в нем «врачебных» понятий, что нередко усложняет процесс квалификации соответствующих составов. В связи с изложенной конструкцией французского определения представляется более четкой и упрощенной для оценки преступных деяний, связанных с незаконным занятием медицинской деятельностью. Видится, что в связи с имеющимися трудностями опыт французского законодательства может быть отчасти перенят и в нашем государстве.

В соответствии с законодательным опытом США, представляется возможным установить в РФ конкретный запрет на действия, производимые в ходе применения нетрадиционной медицины, которые могут иметь потенциальную или непосредственную опасность для жизни и здоровья граждан, в частности хирургические манипуляции, прямое медицинское вмешательство и т.д. Кроме того, в России ответственность за незаконное прерывание беременности несет лицо, которое не имеет высшего медицинского образования соответствующего профиля. В США за аналогичное преступление привлекаются как медицинские работники, так и общие субъекты. Исходя из этого, если в России лицо, не имеющее никакого отношения к медицине, произведет незаконный аборт, оно не будет привлечено к ответственности по специальной статье 123 УК РФ, и его деяние получит иную квалификацию. Видится, что состав ст. 123 УК РФ в соответствии с опытом США, мог бы также содержать в себе отсылку и на общий субъект, что упростило бы вопросы оценки рассматриваемых деяний.

Пристатейный библиографический список

1. Заряев В. А., Иванченко О. С., Иванченко Р. Б. Историческое развитие и сравнительный анализ уголовно-правовых мер противодействия ятрогенной преступности в России и за рубежом // Вестник Воронежского института МВД России. - 2020. - № 4. - С. 176-179.
2. Мясникова М. Г. Незаконное занятие «народной медициной» // Вопросы российской юстиции. - 2022. - № 19. - С. 466-468.
3. Нагорная И. И. Уголовно-правовая охрана жизни и здоровья человека при оказании медицинских услуг: сравнительно-правовой анализ // Право. - 2014. - № 1. - С. 34-37.

2 California Business License. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.llcuniversity.com/california-llc/business-licenses-permits/ (дата обращения: 12.09.2024).

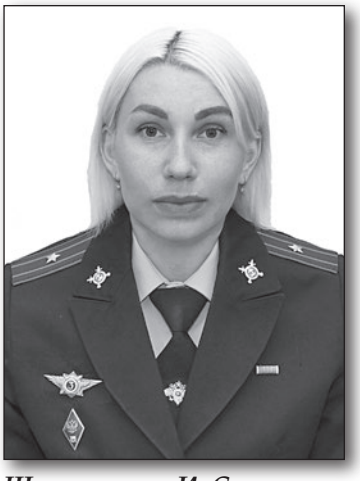
3 Уголовный кодекс Франции / Россия: Библиотека Пашкова. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://constitutions.ru/?p=25017.

4 Примерный Уголовный кодекс США. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://constitutions.ru/?p=5849.

5 Закон Великобритании об уголовном праве 1977 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://constitutions.ru/?p=24532.

6 Уголовный кодекс Японии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://constitutions.ru/?p=407.

ЩЕЛКОНОГОВА Ирина Сергеевна
старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства, Волгоградская академия МВД России

Щелконогова И. С.

О МЕЖДУНАРОДНОМ ОПЫТЕ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ

В научной статье рассматривается одно из самых актуальных преступлений – коррупция, и каким образом в разных странах происходит борьба с данным преступлением. Причинами не самого успешного результата борьбы с коррупцией является высокий уровень личных связей между госслужащими, политиками и другими. Борьба с коррупцией требует комплексного подхода: сильных институтов, независимого надзора, свободного гражданского общества и международного сотрудничества. Коррупция остаётся одним из наиболее серьёзных вызовов для устойчивого развития государств, подрывая доверие к институтам власти, искажая рыночные механизмы и снижая эффективность государственных расходов. В условиях глобализации обмен опытом борьбы с коррупцией приобретает стратегическое значение. Коррупция остается одной из наиболее острых глобальных проблем, подрывающей основы государственности, социальной справедливости и экономики. Борьба с коррупцией - это не разовая кампания, а долгосрочная стратегия, требующая системных изменений во всех сферах жизни общества.

Ключевые слова: коррупция, зарубежный опыт, международная проблема, преступление, антикоррупционные меры, профилактика, государственные органы власти, коррупционер, бюрократия, глобализация, система национальной безопасности, институт власти, общество, правоохранительные органы, коррупционная борьба, наказание, издержки, население, национальные меры, противодействие коррупции.

SHCHELKONOGOVA Irina Sergeevna
senior lecturer of Theory and history of law and state sub-faculty, Volgograd Academy of the MIA of Russia

ON THE INTERNATIONAL EXPERIENCE OF FIGHTING CORRUPTION

This research article examines one of the most pressing crimes – corruption. We will examine how countries combat this crime. The reasons for the limited success of the fight against corruption are the high level of personal connections between civil servants, politicians, and others. Combating corruption requires a comprehensive approach: strong institutions, independent oversight, a free civil society, and international cooperation. Corruption remains one of the most serious challenges to the sustainable development of states, undermining trust in government institutions, distorting market mechanisms, and reducing the effectiveness of public spending. In the context of globalization, sharing anti-corruption experiences has acquired strategic importance. Corruption remains one of the most pressing global problems, undermining the foundations of statehood, social justice, and the economy. The fight against corruption is not a one-time campaign, but a long-term strategy requiring systemic change in all areas of society.

Keywords: corruption, international experience, international problem, crime, anti-corruption measures, prevention, government agencies, corrupt official, bureaucracy, globalization, national security system, institution of power, society, law enforcement agencies, fight against corruption, punishment, costs, population, national measures, counteracting corruption.

Коррупцию можно поставить на одну ступень с терроризмом, так как она уже с давних пор считается одной из международных проблем, поскольку проявляется с различным интенсивным характером, и это не зависит от политического режима и финансовой политики в каждой из стран. Определение коррупции находится ФЗ от 25.12.2008 № 273[1]. После того как международное общество и правительство осознали опасность этого социально-отрицательного явления многих стран, стали уделять много внимания реализации и разработке антикоррупционных мер. Но ввиду того, что коррупционные причины различаются по этапам социально-экономических развитий государства, попытки создать особые средства для борьбы с коррупцией кажутся практически утопическими.

Коррупция остаётся одним из наиболее разрушительных системных вызовов для современного государства. Она подрывает доверие к институтам власти, искажает рыночные механизмы, снижает эффективность общественных расходов и тормозит социально-экономическое развитие. В условиях глобализации, цифровой трансформации и усложнения трансграничных финансовых потоков коррупция приобрела сетевой характер, что делает её преодоление невозможным в рамках исключительно национальных мер.

Одним из главных противодействий с коррупцией в современном обществе - система принятых мер. Они варьируются от страны к стране, но при этом можно сказать, что они во многом считаются типичными. Можно выделить два наилучших метода борьбы с коррупцией – вертикальный метод или по-другому Сингапурский метод, который показывает, что антикоррупционная стратегия имеет быстрые результаты. И метод по горизонтали или Шведский метод, который делает свой ориентир постепенно на стимулы, которые настроены против коррупции в долгосрочную перспективу антикоррупционной деятельности. Существует непосредственно целый «веер стратегии» по противодействию с коррупцией, а также о том, что представление о действенном

1 Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».

уровне коррупции. Если рассмотреть ее издержки, то противодействие с этим явлением не может требовать бесконечных условий для полного ее устранения. Если сравнить потери от коррупции и ее издержек уничтожения на каждом уровне, то это позволит выявить оптимальный уровень коррупции, а также отразить наименьшие общие потери. Получается, что выгоднее для общества не искоренение коррупции, которая связана с процессом затрат на высшее образование, а нахождение оптимального баланса [1].

Можно отметить, что усиленная направленность на устранение причин коррупции нанесёт вред муниципальной системе государственных органов. Приведём в пример методы борьбы с коррупцией в некоторых странах. Первое – это Скандинавские страны (Дания). Датский опыт считается самым популярным и успешным примером борьбы с коррупцией. Проанализировав оценки, можно заметить, что Дания по мировому рейтингу входит в тройку лидеров по минимальной степени коррупции. 2000-е годы в Дании знамениты тем, что именно в это время были достигнуты наибольшие успехи в противодействии коррупции. Но также можно заметить интересный факт, что особой борьбы с коррупцией не ведётся. Расследование дел, которые направлены на борьбу с коррупцией, возложены на правоохранительные органы. «Закон о коррупции» - основной антикоррупционный законодательный акт Дании, принятый в 2002 году. В этом законе прописано, что правительство Дании ежегодно и публично оглашает информацию о своих доходах и имуществе. Также в законе прописано, что госслужащие не имеют право приобретать зарубежные акции, чтобы исключить возможность пропагандирования в государстве иностранных контрагентов. К тому же закон разрешает обращаться в правоохранительные органы, если граждане заподозрят кого-то в коррупции, можно это сделать это в анонимном порядке.

Организацией по борьбе с коррупцией является Датское агентство международного развития (DANIDA) при МИД Дании. Вступая в DANIDA, компания заключает ряд договоров, в количество которых заходит декларация о «неприменении взяток». Если компания оказывается, замешана в коррупционной деятельности, то договор с ней разрывается, и эта компания теряет репутацию и не имеет возможности к продолжению сотрудничества [2].

На примере Швеции до 20-го века коррупция в этой стране росла и процветала. Государство обращало своё внимание больше на домашние хозяйства, чем на фирмы и стимулировалось субсидированием, налогами и льготными выплатами, а не запретами и разрешениями. Внутренние государственные документы были в свободном режиме доступа. Вместе с этим шведское правительство устанавливает высокие правила и стандарты для администраторов и стали тщательно следить за их выполнением. Через несколько лет честность и справедливость стала основной нормой для бюрократической среды. Заработная плата чиновников вначале была больше заработка рабочих в 12-15 раз, но прошло ещё несколько лет, и эта разница уменьшилась в два раза. На данный момент Швеция является государством с наименьшим уровнем коррупции.

Что касается Сингапура, то он считается одним из успешных примеров противодействия коррупции. Кроме этого, Сингапур имеет авторитарную политическую систему, но это не мешает ему входить в первую десятку стран по минимальному уровню. Стратегия понижения коррупции строится на использовании такого метода, как ряд вертикальных мер: упрощение процедуры бюрократии, строжайший надзор над выполнением этических норм. Автономное Бюро стало одним из центральных звеньев, которые занимались расследованием дел, связанных с коррумпированными действиями, в нём принимают жалобы жителей на госслужащих. Можно отметить, что Сингапурский опыт в целом был успешен, но нельзя не отметить, что это государство маленькое с небольшим количеством населения. Также заметим тот момент, что реформы в Сингапуре проводились с помощью западных компаний, так как они инвестировали в экономику, такая стратегия была частью программы по модернизации.

А вот во Франции дело обстоит совсем наоборот, она является самым коррупционным государством. Социальный опрос выявил, что большинство жителей этой страны считают власть коррупционерами. Обширная борьба с коррупцией во Франции началась, когда к власти пришёл Франсуа Миттерана. Но нельзя сказать, что противодействие носило действенный характер. Не было ни одной единой стратегии. Единственное, что было принято в эти годы - это «Закон о противодействии взяточничеству», а также несколько специализированных институтов по борьбе с коррупцией.

В течение некоторого времени, в 2007 году была создана Комиссия по этике. Она занималась решением вопросов, связанных с конфликтами между чиновниками и рассмотрением перехода госслужащих в бизнес [3].

Особая борьба с коррупцией ведётся в традиционных странах в таких как: Саудовская Аравия и Индия. Саудовская Аравия является одной из традиционных стран, для неё обычаи и традиции стоят на первом месте. В этом государстве семья и религия имеют огромное значение. В Саудовской Аравии существует Национальная антикоррупционная комиссия, которая помогает жителям с низкими доходами, но при этом нельзя не отметить, что эта страна является одной из самый богатых, и люди здесь не жалуются на свой достаток. Саудовская Аравия интересна своей борьбой с коррупцией и многие страны заимствуют ее методы.

Индия-государство, которое имеет население более 1 миллиарда человек. Индия является страной с высоким уровнем коррупции, её масштабы устрашающие. Средства, которые выделяются на социальные программы, имеют направления, но никому неизвестные. Последствием этого является то, что большое количество людей живёт в нищете, электричество есть не у всех и не все имеют доступ к чистой воде. Санитарно-гигиенические условия Индии не соответствуют международным стандартам. В настоящее время в этой стране не существует никаких методов борьбы с коррупцией, складывается такое впечатление, что правительство Индии вообще не обращает внимание на эту проблему [4].

В Нидерландах коррупция, когда чиновники берут взятки у жителей (низовая коррупция) практически исключена. В этой стране чиновник - это человек, с хорошей репутацией, он представляет важную функцию, которая выражается в проведении политики государства и обслуживание всех граждан. Коррупционная борьба в этом государстве лежит в основе того, что государство и общество хотят уменьшить условия создания стимулов и склонение людей к совершению коррупционной деятельности с помощью таких мер как:

1. Отчётность и публичность в выявлении коррупции, обсуждаем, к каким последствиям это приведёт, то есть какие наказания будут применены к коррупционеру. Каждый год министр внутренних дел Нидерландов предъявляет доклад парламенту о нахождении коррупционных фактов и о мерах наказания лиц, которые были в этом замешаны.

2. Создание и разработка системы контроля деятельности государственных органов власти, где может возникнуть коррупционная деятельность, а также обращено большое внимание на деятельность сотрудников этих органов.

3. Создание и разработка системы прав и обязанностей должностных лиц, где указана ответственность за нарушение этики. Также в этой системе предусмотрены поведенческие правила, которые направлены на исправление допущенных нарушений.

4. Коррупционная деятельность имеет ряд наказаний, но самой главной мерой является потеря всех льгот и запрет на работу в государственных органах. Также существует такая шкала, как шкала наказаний, которая включает в себя штрафы и отстранение на некоторый промежуток времени от своих обязанностей.

5. Каждая организация должна иметь службу, которая носит название служба внутренней безопасности. Она выполняет такие функции как: регистрация и выявление ошибок вышестоящих органов, их нарушения действующих правил и норм и последствия этих нарушений. В государственных организациях позитивные действия должностных лиц поощряются. Такая система имеет положительные последствия, так как чиновнику выгодно вести себя честно, как в моральном, так и в материальном плане.

6. Создана система, которая отбирает личности на должностные обязанности, которые с точки зрения коррумпирования считаются ненадежными.

7. Существуют материалы, которые имеют, непосредственное отношение к коррупционным деяниям. Они в неукоснительном порядке становятся общедоступными, но главным считается, то чтобы они не касались системы национальной безопасности.

Хотелось бы выделить несколько ключевых принципов, выработанных мировой практикой, такие как:

1) приоритет профилактики над наказанием: устранение условий для коррупции эффективнее, чем борьба с ее последствиями;

2) институциональная независимость и подотчетность: антикоррупционные органы должны быть защищены от политического вмешательства, но сами подлежат прозрачному контролю;

3) цифровая трансформация как инфраструктура честности: автоматизация, открытые данные и алгоритмический контроль снижают пространство для усмотрения;

4) защита информаторов и гражданское участие: без безопасных каналов сообщений и свободных СМИ система саморегуляции не работает.

Для стран, находящихся на пути реформ, важно избегать слепого копирования чужих моделей. Успех зависит от учета национального контекста, построения доверия к институтам, поэтапного внедрения мер и готовности к политической конкуренции идей, а не к силовому подавлению. Борьба с коррупцией - это не техническая задача, а вопрос качества государства, его легитимности и способности служить обществу.

Из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что практически все страны хотят побороть коррупцию. Можно выделить две модели, направленные на борьбу с коррупцией: Сингапурская, другое ее название - азиатская модель. Она является самой жёсткой по отношению к коррупции, сингапурская модель в короткие сроки, поможет полностью уничтожить желание заниматься коррупцией у чиновников и Шведская модель, другое ее название - скандинавская. Также стоит отметить, что если в странах идёт успешная борьба с коррупцией, то это непосредственно связано с созданием органов, которые направлены на борьбу с коррупцией.

Международный опыт свидетельствует, что устойчивые результаты в борьбе с коррупцией достигаются при сочетании превентивных мер, жёсткого правоприменения, институциональной реформы и активного участия общества. Универсального рецепта не существует, однако адаптация проверенных практик с учётом национального контекста позволяет существенно повысить эффективность антикоррупционной политики. Кроме того, международный опыт однозначно показывает: коррупцию невозможно победить разовыми кампаниями или исключительно репрессивными мерами. Успешные стратегии носят комплексный, системный и долгосрочный характер.

Пристатейный библиографический список

1. Малышев А. В. О понятии коррупции в других странах // Science. - Москва, 2017. - С. 1-2.
2. Зотов М. Р. Мировой опыт борьбы с коррупцией // Центр информации. - Москва, 2018. - С. 18-20.
3. Алексеев А. А. Проблемы коррупции и её решение // Наука. - Москва, 2017. – С. 101.
4. Мухин А. Н. Противодействие коррупции // Научный вестник. Юридические науки. - Республика Дагестан, 2020. - С. 1-4.

ЮШИНА Юлия Владимировна
кандидат юридических наук доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин и криминалистики, Луганский филиал, Воронежский институт МВД России

МОШКИНА Наталья Викторовна
старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики, Крымский филиал, Краснодарский университет МВД России, г. Симферополь

ПОБОИ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ТОЛКОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В статье анализируются проблемные вопросы квалификации преступления, предусмотренного ст. 116 Уголовного кодекса Российской Федерации (побои). Авторами рассматриваются дискуссионные аспекты толкования объективной стороны состава преступления, в частности — вопрос о том, образует ли единичный удар объективную сторону побоев. На основе анализа официальных статистических данных ГИАЦ МВД России за 2021-2025 гг. выявлена разнонаправленная динамика регистрации побоев (ст. 116 УК РФ) и повторных побоев (ст. 116.1 УК РФ), что связывается с эффектом «замещения» в результате частичной декриминализации. Исследуются проблемы разграничения побоев со смежными составами. Отдельное внимание уделяется пробелу в уголовно-правовой охране несовершеннолетних, поскольку действующая редакция ст. 116 УК РФ не предусматривает усиленной ответственности за совершение побоев в отношении заведомо малолетних лиц, в отличие от квалифицированных составов иных преступлений против личности. По итогам исследования формулируются предложения по совершенствованию уголовного законодательства.

Ключевые слова: побои, ст. 116 УК РФ, насильственные действия, физическая боль, единичный удар, хулиганские побуждения, декриминализация, ст. 116.1 УК РФ, несовершеннолетние, квалификация преступлений, уголовно-правовая охрана личности.

YUSHINA Yuliya Vladimirovna
Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law and criminology sub-faculty, Lugansk Branch, Voronezh Institute of the MIA of Russia

MOSHKINA Natalya Viktorovna
senior lecturer of Criminal process and criminalistics sub-faculty, Crimean Branch, Krasnodar University of the MIA of Russia, Simferopol

BATTERY: PROBLEMATIC ISSUES OF INTERPRETING CERTAIN ELEMENTS OF THE CRIME

The article analyzes problematic issues of qualification of the crime provided for by Article 116 of the Criminal Code of the Russian Federation (battery). The authors examine debatable aspects of interpreting the objective side of the crime, in particular, whether a single blow constitutes the objective side of battery. Based on the analysis of official statistical data of the GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia for 2021-2025, multidirectional dynamics of registration of battery (Article 116 of the Criminal Code) and repeated battery (Article 116.1 of the Criminal Code) are revealed, which is associated with the "substitution effect" as a result of partial decriminalization. The problems of distinguishing battery from related offenses are investigated. Special attention is paid to the gap in criminal law protection of minors, since the current version of Article 116 of the Criminal Code does not provide for increased liability for battery against knowingly minors, in contrast to the qualified elements of other crimes against the person. Based on the results of the study, proposals are formulated to improve criminal legislation.

Keywords: battery, Article 116 of the Criminal Code, violent acts, physical pain, single blow, hooligan motives, decriminalization, Article 116.1 of the Criminal Code, minors, qualification of crimes, criminal law protection of the individual.

В различных сферах социального взаимодействия — семейно-бытовой, трудовой, досуговой, а также в образовательных учреждениях, организациях торговли и общественном транспорте — между участниками коммуникации нередко возникают межличностные конфликты и неприязненные отношения. В случаях, когда вербальные средства не позволяют достичь консенсуса или нивелировать возникшие противоречия, сторона, субъективно воспринимающая себя ущемленной, прибегает к разрешению спора посредством физического воздействия, фактически реализуя принцип «силовой презумпции виновности», известный как «кулачное право».

С 2021 по 2025 год число зарегистрированных побоев (ст. 116 УК РФ) сократилось почти вдвое — с 5 095 до 2 584 случаев (–49,3 %). Иная картина наблюдается в отношении ст. 116.1 УК РФ (побои при наличии административного наказания): за 2022–2023 гг. показатель вырос более чем в 1,8 раза (с 72 955 до 132 418), достигнув пика в 2023 году, после чего последовало умеренное снижение до 96 825 в 2025 г. Итоговый прирост за три года составил +32,7 %. Данная динамика, вероятно, связана с эффектом «замещения»: часть деяний, ранее квалифицировавшихся по ст. 116 УК РФ (до её частичной декриминализации), стала регистрироваться по ст. 116.1 УК РФ при наличии повторности [1].

Поскольку обязанностью государства является соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина (ст. 2 Главы 1 Конституции РФ) то законодательная власть разработала комплекс мер административного и уголовно-правового характера по защите личной неприкосновенности потерпевших от подобных деяний.

В настоящее время в соответствии со ст. 6.1.1 КоАП РФ административная ответственность предусмотрена за нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в ст. 115 УК РФ умышленное причинение легкого вреда здоровью), при отсутствии преступления.

Согласно официальным данным, в 2024 году суды рассмотрели 128 669 дел по статье 6.1.1 КоАП РФ. По итогам разбирательств к административной ответственности за подобные правонарушения привлекли 81 248 человек[2].

Из формулировки статьи 116 УК РФ следует, что уголовное наказание за нанесение побоев наступает только в двух случаях:

— когда действия совершаются из хулиганских побуждений либо по мотивам экстремизма;

— когда они сопровождаются публичной демонстрацией (в том числе через СМИ или интернет, включая социальные сети и мессенджеры).

Среди ученых-правоведов не возникает кардинальных разногласий трактовки «иных насильственных действий», к таким действиям как правило могут относится – щипание, выкручивание рук, сдавливание частей тела, защемление кожи, царапины, укусы и прочие действия, то в отношении же толкования понятия «побои» мнения ученых и практических работников правоохранительных органов разошлись.

Суть полемики состоит в риторическом вопросе: какое количество ударов (один или два и более), образует объективную сторону указанного состава преступления.

Полагаем, что достаточно справедливым являются аргументы в пользу того, что даже единичный удар - это тоже побои, поскольку разовый толчок или удар физически сильного мужчины по телу, например, женщины, старика или подростка может причинить более сильную боль в сравнении с несколькими ударами равному по силам сопернику.

Нонсенсом представляется ситуация, когда виновное лицо в одно время, в одном месте в ходе конфликта (например, из-за парковочного места), поочередно наносит по одному удару кулаком троим потерпевшим и данное деяние следует расценивать как нейтральное с точки зрения уголовного закона.

Как отмечал, профессор В. М. Лебедев, количество толчков (ударов) не имеет никакого уголовно правового значения, поскольку слово «побои» с точки зрения русского языка не может употребляться в единственном числе[3].

Неопределенность относительно толкования одного удара порождает спорные ситуации, является поводом для подачи жалоб как потерпевшими, так и виновными лицами.

На данное обстоятельство обратил внимание Верховный Суд РФ, который поставил точку в затянувшейся дискуссии указав: «Под применением насилия как признаком хулиганства следует понимать нанесение побоев или совершение иных умышленных насильственных действий, соединенных с причинением потерпевшему физической боли, включая, единичные удары» [4].

Вместе с тем, причинение различной тяжести вреда здоровью и побои, совершенные из личной неприязни к потерпевшему при наличии к тому оснований должны квалифицироваться по статьям Особенной части УК РФ, предусматривающими ответственность за преступления против личности.

Однако, если эти действия явно свидетельствовали о неуважении к обществу либо сопровождались нарушением принятого в обществе порядка они подлежат правовой оценке по ст. 213 УК РФ, при этом дополнительной квалификации по ст. ст. 115 или 116 УК РФ не требуется [4].

В контексте заявленной темы исследования уместно отметить, что в связи с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ (далее-ПВС РФ), изменением законодательства в части введения в ч. 1 ст. 213 УК РФ пункта «а» (ред. ФЗ от 30.12.2020 г. № 543-ФЗ), декриминализации прежней редакции ч. 1 ст. 116 УК РФ и трансформации ее квалифицирующих признаков вызывает сомнение наличие уголовной ответственности за побои или иные насильственные действия, причинившие физическую боль, совершенные из хулиганских побуждений.

Кроме этого, обращает на себя внимание отсутствие в редакции ст. 116 УК РФ мер уголовно-правовой охраны личной неприкосновенности малолетних (несовершеннолетних), служащих гарантией обеспечения безопасности их физического и психического здоровья.

Анализ же иных преступлений против личности (п. «в» ч. 2 ст. 105, п. «б» ч. 2 ст. 111, п. «в» ч. 2 ст. 112), свидетельствует об усиленной защите указанной категории граждан, идентифицируя такие посягательства в качестве квалифицирующих признаков.

Например, ст. 117 УК РФ «Истязание» устанавливает уголовную ответственность в целом за идентичные преступные деяния, так как ее объективная сторона выражается в нанесении побоев или иных насильственных действиях, носящих систематический характер.

Если побои (ст. 116 УК РФ) могут быть причинены единичным ударом, то систематичность, применительно к ст. 117 УК РФ, предполагает нанесение более двух раз побоев, характер которых свидетельствует об умысле лица на причинение потерпевшему особой мучительной боли или страданий. Количественная сторона систематичности - трех-и более кратное нанесение побоев.

Кроме этого, пунктом «г» ч. 2 ст. 117 УК РФ предусмотрена повышенная уголовная ответственность в отношении лица, заведомо для виновного несовершеннолетнего возраста.

Итак, когда лицо, признанное виновным, избивает ребёнка или совершает в отношении него другие насильственные акты, доставляющие последнему физическую боль, подобные действия попадают под действие ст. 6.1.1 КоАП РФ. За это правонарушителю грозит административная санкция. В противоположность этому, если нанесение боли подростку носит постоянный (системный) характер, то виновный привлекается уже к уголовной ответственности — по ч. 2 ст. 117 УК РФ, максимальное наказание по которой достигает семи лет тюремного заключения, а минимальное составляет три года. Исследование действующего уголовного законодательства, разъяснений ПВС РФ, обобщение мнений ученых-правоведов позволяют нам сделать следующие выводы:

а) указанная в диспозиции ст. 116 УК РФ одна из форм совершения преступления, а именно нанесение побоев или иных насильственных действий, совершенных из хулиганских побуждений, утратила свое значение и назначение в уголовно-правовой норме, поскольку данное деяние, в настоящее время регулируется нормой административного (ст. 6.1.1 КоАП РФ) и уголовного права (ч. 1 ст. 213 УК РФ);

б) в целях установления надлежащего уровня уголовно-правовой защиты малолетних (несовершеннолетних) лиц, необходимо рассмотреть вопрос о дополнении объективной стороны ст. 116 УК РФ ответственностью для лиц, совершивших побои или иные насильственные действия, причинившие физическую боль в отношении заведомо малолетних (несовершеннолетних).

Пристатейный библиографический список

1. Состояние преступности в России // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://мвд.рф/dejatelnost/statistics (дата обращения: 08.05.2026).
2. Судебная статистика РФ [Электронный ресурс]: данные о рассмотрении дел об административных правонарушениях по ст. 6.1.1 КоАП РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://stat.апи-пресс.рф/stats/adm/t/31/s/66 (дата обращения: 04.05.2026).
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный): в 4 т. Т. 2. Особенная часть. Разделы VII-VIII / А. В. Бриллиантов, А. В. Галахова, В. А. Давыдов [и др.]; ответственный редактор В. М. Лебедев. – Москва: Юрайт, 2017. – 328 с. – С. 128.
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2022 № 35 «О судебной практике по делам о хулиганстве» // КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_491717/ (дата обращения: 05.05.2026).

DOI 10.46320/2073-4506-2026-4-215-385-388

ЯКОВЛЕВ-ЧЕРНЫШЕВ Василий Александрович
ассистент, Институт высокотехнологичного права, социальных и гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники»

Яковлев-Чернышев В. А.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ

В статье рассматриваются во взаимосвязи проблемы международного и уголовного права в сфере противодействия незаконной миграции. Анализируются проблемы экстрадиции за преступления в сфере незаконной миграции; отсутствия иммунитета от национального уголовного преследования при обязанности по международному морскому праву спасать мигрантов на море; незаконного ввоза (контрабанды) мигрантов без корыстной цели; криминализации статуса мигрантов рядом государств; отграничения контрабанды от торговли людьми; привлечения государственных органов к уголовной ответственности за участие в незаконном ввозе мигрантов. Вносятся предложения по их преодолению.

Ключевые слова: незаконная миграция, экстрадиция, уголовное преследование, незаконный ввоз мигрантов, торговля людьми, ответственность

YAKOVLEV-CHERNYSHEV Vasiliy Alexandrovich
assistant, Institute of High-Tech Law, Social Sciences and Humanities, National Research University «Moscow Institute of Electronic Technology»

ON SOME PROBLEMS OF COMBATING ILLEGAL MIGRATION: CRIMINAL LAW AND INTERNATIONAL LEGAL ASPECTS

The article examines the interrelationship of the problems of international and criminal law in the field of combating illegal migration. The problems of extradition for crimes in the field of illegal migration are analyzed; lack of immunity from national criminal prosecution with the obligation under international maritime law to rescue migrants at sea, illegal importation (smuggling) of migrants without a selfish purpose; criminalization of the status of migrants by a number of states; distinguishing smuggling from human trafficking; bringing government agencies to criminal liability for participation in the smuggling of migrants. Proposals are made to overcome them.

Keywords: illegal migration, extradition, criminal prosecution, smuggling of migrants, human trafficking, liability.

Предотвращение и пресечение незаконной миграции является приоритетным направлением правовой политики для многих государств. Трансграничный характер данного явления требует анализа международно-правовых подходов в сфере миграции и выявления проблем на стыке уголовного и международного права. В научной литературе имеется достаточно подробный анализ международных договоров, которые закладывают основы понимания признаков незаконной миграции, конкретные меры по ее предупреждению [4, с. 48], подходы к конструированию составов преступлений [5, с. 129-135]. Вместе с тем существует ряд проблем, которые не нашли должного отражения в отечественной юридической литературе и, в связи с этим, они рассматриваются в данной статье.

В настоящее время остается нерешенной проблема, связанная с коллизией между принципом невыдворения (non-refoulement) и выдачей собственных граждан. В п. 1 ст. 33 Конвенции о статусе беженцев (1951 г.)[1] закреплен запрет на высылку или принудительное возвращение лица в страну, где оно может быть подвергнуто преследованию по социальным, политическим, иным причинам. В п. 4 резолюции ООН от 17.12.2024 A/RES/79/156[2] подчеркивается необходимость полного соблюдения принципа невыдворения. Как отмечает К. Дрёге, принцип невыдворения «применяется по отношению к любым видам передачи, независимо от цели передачи с правовой точки зрения, будь то высылка, экстрадиция, возвращение, репатриация или что-то иное» и четко устанавливается не только Конвенцией о беженцах, но и «широкими формулировками международного гуманитарного права и судебной практикой правозащитных органов» [1, с. 269].

Возможность выдачи собственного гражданина государством часто ограничивается не только на международном, но и на внутригосударственном уровне путем закрепления соответствующих положений в конституции, отдельных нормативных правовых актах. Заключение договора о выдаче (экстрадиции) также ограничивается императивными основаниями для отказа, которые закреплены в ст. 3 Типового договора ООН о выдаче (1990 г.)[3]. Типовой договор ООН о взаимной помощи в области уголовного правосудия (1990 г.)[4] не применяется для ареста или задержания лица с целью его выдачи. Для государств указанные Типовые договоры носят рекомендательный характер, но основания для отказа опираются на требования Конвенции ООН о статусе беженцев.

Во многом выдача собственного гражданина зависит от сложившейся практики государств. Например, большая часть государств-членов Европейского союза (далее – ЕС) могут выдавать собственных граждан друг другу. Выдача собственных граждан государствами – членами ЕС за пределы ЕС, как правило, затруднительна.

Разрешить проблему невыдачи собственных граждан мог бы принцип «выдай или суди» (aut dedere aut judicare), позволяющий другому государству, на территории которого находится виновное лицо, применить собственный уголовный закон. Однако признать принцип aut dedere aut judicare универсальным мы не можем, поскольку государство может не иметь статьи в уголовном законе или специальном законе, предусматривающем уголовную ответственность за незаконную миграцию. Например, в ЕС это будет выступать одним из оснований, на которое может ссылаться государство, отказывая в исполнении европейского ордера на арест [2, с. 163]. Также, по вполне очевидным причинам, это не позволяет обратиться с просьбой к другому государству начать уголовное судопроизводство. Данное положение закреплено в ст.

1 Конвенция ООН о статусе беженцев 1951 г. // СПС КонсультантПлюс.

2 Резолюция ООН от 17.12.2024 A/RES/79/156 // Официальный сайт ООН. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.un.org/ru/A/RES/79/156 (дата обращения: 22.04.2026).

3 Типовой договор ООН о выдаче // Принят резолюцией 45/116 Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1990 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/extradition.shtml (дата обращения: 22.04.2026).

4 Типовой договор ООН о взаимной помощи в области уголовного правосудия и его факультативный протокол, касающийся доходов от преступлений // Принят резолюцией 45/117 Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1990 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/mutual_assistance.shtml (дата обращения: 22.04.2026).

7 Европейской конвенции о передаче судопроизводства по уголовным делам[5].

В СНГ Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам[6] запрещает выдачу собственных граждан государствами-членами (п. «а» ч. 1 ст. 56). В связи с этим, в ст. 72 предусматривается обязанность осуществлять уголовное преследование своих граждан, являющихся виновными лицами, в соответствии с собственным законодательством.

Двусторонние договоры между государствами тоже во многом зависят от усмотрения компетентных государственных органов или политической конъюнктуры. Например, ст. 15 договора о правовой помощи и выдаче между Россией и Турцией[7] позволяет запрашиваемой Стороне не принимать меры в отношении запроса об осуществлении уголовного преследования или отказать в его принятии. Договор между Россией и ОАЭ о выдаче[8] также не гарантирует, что виновное лицо будет наказано, поскольку запрашиваемая Сторона в силу ч. 3 ст. 5 уведомляет запрашивающую Сторону о любом решении, принятом в отношении такого уголовного преследования.

По нашему мнению, снизить остроту коллизии между принципом невыдворения и выдачей собственных граждан в части незаконной миграции можно одним из двух способов:

1) выработкой в рамках двустороннего и многостороннего сотрудничества государств единых подходов к криминализации и конструированию составов преступлений в сфере незаконной миграции;

2) закреплением, при наличии такой возможности, в рамках действующего законодательства экстрадиции виновного лица в государство, на территории которого было совершено преступление в сфере незаконной миграции.

Отметим, что в п. 57 доклада Комиссии по международному праву ООН (2014 г.)[9], посвященном принципу aut dedere aut judicare, были упомянуты следующие проблемы:

– связь обязательства с принципами «нет преступления без указания на то в законе» (nullum crimen sine lege) и «никто не может быть наказан за поступок, не запрещенный законом» (nulla poena sine lege), а также принципом «никто не может быть наказан за одно и то же преступление дважды» (non bis in idem (double jeopardy));

– последствия конфликта между различными принципами невыдачи собственных граждан и отсутствием состава преступления в государстве, которое не может экстрадировать собственного гражданина; препятствия для судебного преследования против риска для обвиняемого быть подвергнутым пыткам; отсутствие надлежащей правовой процедуры в государстве, в которое предполагается экстрадиция;

– конституционные ограничения;

– обстоятельства, исключающие действия обязательства (политический характер преступления или политический характер запроса об экстрадиции; чрезвычайные ситуации; иммунитеты);

– проблемы множественных запросов об экстрадиции и др.

Указанные выше проблемы приводят к фактически неразрешимой в настоящее время ситуации, когда гражданин государства А совершил преступление, связанное с незаконной миграцией, и бежал в государство Б, откуда его нельзя депортировать из-за угрозы применения наказания. В результате государство А не может его судить (нет экстрадиции), а государство Б не может наказать (преступление совершено за границей против интересов государства А). Материальное право не содержит механизма разрешения этого конфликта норм. При этом даже наличие двусторонних, многосторонних договоров о выдаче, отлаженной правовой процедуры, отсутствие правовых ограничений на выдачу виновного лица не гарантирует положительного результата, поскольку иностранное государство может отказать в выдаче обвиняемого по политическим соображениям, которые будут прикрыты правовым обоснованием невозможности осуществления экстрадиции.

Существует ряд иных проблем на международном уровне, которые не в полной мере были решены с принятием Протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху (2000 г.)[10].

Так, отсутствует ясность в отграничении организатора/руководителя незаконного ввоза (контрабанды) мигрантов от лиц или организаций, оказывающих помощь в рамках гуманитарной миссии или по гуманитарным соображениям. Например, международное морское право обязывает принимать меры по проведению поисково-спасательных операций для того, чтобы помочь терпящим бедствие. Однако, к примеру, действия неправительственных организаций (НПО), оказывающих помощь мигрантам на море, квалифицируются как незаконный ввоз (контрабанда) мигрантов. Связано это с тем, что уголовный закон не делает исключения для гуманитарной миссии, а международное право не дает иммунитета от национального уголовного преследования. Отсутствие материально-правового критерия, отличающего спасателя от контрабандиста, приводит к возникновению коллизии между международным и уголовным правом.

В Италии неправительственные организации (далее – НПО), забирающие мигрантов с неисправных судов, подвергаются уголовному преследованию. Действия неправительственных организаций в данном случае квалифицируются как незаконный ввоз мигрантов. Между тем, международное морское право обязывает принимать меры по проведению поисково-спасательных операций для того, чтобы помочь терпящим бедствие. В результате возможность выполнить требования международного морского права без угрозы быть подвергнутым уголовному преследованию может ставиться в зависимость от политических соображений.

Отметим, что в ст. 12 Сводного закона об иммиграции Италии[11] закрепляется исключение для тех, кто оказывает гуманитарную помощь. Некоторое время в Италии деятельность НПО оценивалась положительно, однако в дальнейшем ситуация изменилась и НПО начали обвинять в сговоре с контрабандистами [6, p. 28-29]. Это позволяет сделать вывод о том, что в Италии сложилась зависимость правоприменительной практики от соображений политического характера.

Представляется, что проблему отграничения спасателей мигрантов на море от контрабандистов можно решить при соблюдении двух условий:

1) включение в соответствующую статью уголовного закона или специального закона примечания об освобождении от уголовного преследования спасателей мигрантов на море;

2) соблюдение такого примечания компетентными государственными органами.

Однако решение вопроса о предоставлении иммунитета за выполнение требований международного морского права не исключает возможность маскировки контрабандистом противоправных действий гуманитарными соображениями, а также не распространяется на незаконный ввоз мигрантов по суше и воздуху.

Еще одна проблема возникает в связи с тем, что разработчики Протокола против незаконного ввоза мигрантов указывают: цель не заключается в криминализации деятель-

5 Европейская конвенция о передаче судопроизводства по уголовным делам 1972 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/901722061 (дата обращения: 05.05.2026).

6 Конвенция СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г. // СПС КонсультантПлюс

7 Договор между Российской Федерацией и Турецкой Республикой о взаимной правовой помощи по уголовным делам и выдаче 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/420248222 (дата обращения: 05.05.2026).

8 Договор между Российской Федерацией и Объединенными Арабскими Эмиратами о выдаче 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/420247984 (дата обращения: 05.05.2026).

9 The obligation to extradite or prosecute (aut dedere aut judicare) Final Report of the International Law Commission 2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/reports/7_6_2014.pdf (дата обращения: 22.04.2026).

10 Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху (2000 г.) // СПС КонсультантПлюс.

11 Testo Unico sull'Immigrazione, D.Lgs. 286/1998. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:decreto.legislativo:1998-07-25;286 (дата обращения: 23.04.2026).

ности членов семей или таких групп поддержки, как религиозные или неправительственные организации[12].

Вместе с тем в ситуации, когда мигранту, не являющемуся беженцем, помогают незаконно пересечь государственную границу другого государства, к примеру, соотечественники, корыстная цель с субъективной стороны преступления может отсутствовать, но все остальные элементы состава преступления – присутствовать. Осложняется ситуация тем, что все это формирует миграционные сети, которые могут снижать эффективность борьбы с незаконной миграцией. В научном исследовании К. Козер отмечается, что одной из причин роста миграции являются миграционные сети, которые формируют самоподдерживающийся цикл [8, p. 36]. Одной из важных особенностей данных миграционных сетей является их функционирование независимо от экономического благополучия стран назначения и сложность при необходимости прекращения их действия [8, p. 37].

Еще одним примером ситуации с отсутствием корыстной цели может служить подача Литвой иска в Международный Суд ООН против Белоруссии с обвинением последней в «организации масштабного ввоза мигрантов»[13]. Не касаясь оценок того, насколько обоснованы эти обвинения, отметим, что, если цель не корыстная, а политическая, то и требуемая субъективная сторона будет отсутствовать. В итоге возникает ситуация, когда уголовное право не знает такого состава, а международное право не квалифицирует это как преступление.

В связи с этим, представляется, что наличие обязательной цели в виде корыстной цели не позволяет охватить все ситуации с преступлениями по незаконному ввозу (контрабанде) мигрантов.

С учетом того, что Палермский протокол дополняет Конвенцию ООН против организованной транснациональной преступности, думается целесообразным обратиться к типовым законодательным положениям о борьбе с организованной преступностью, разработанным Управлением по наркотикам и преступности ООН. В разъяснениях к данным положениям говорится, что «хотя упоминание финансовой или иной материальной выгоды является важным элементом в определении термина «организованная преступная группа» и преступлений, совершаемых с участием таких групп ... государства-участники могут применять более строгие или суровые меры, чем меры, предусмотренные в Конвенции. Так, допустимо, например, определить термин «организованная преступная группа» или сформулировать состав преступления в виде участия в организованной преступной группе без упоминания этого элемента»[14].

Отдельной проблемой выступает криминализация «статуса» вместо «деяния». Протокол против незаконного ввоза мигрантов не содержит правовых предписаний по установлению уголовной ответственности мигрантов за статус и, напротив, ориентирован на наказание лиц, которые занимаются контрабандой мигрантов, помогают им незаконно пересекать государственную границу. Однако ряд государств предусматривает уголовную ответственность за статус. Например, ст. 115 Закона об иностранных гражданах и интеграции Швейцарии от 16.10.2005 (в ред. от 01.02.2026)[15] предусматривает уголовную ответственность для мигрантов за нарушение правил въезда, незаконное нахождение на территории Швейцарии, в том числе после истечения срока законного пребывания, работу без разрешения, незаконный выезд. Криминализация статуса в сфере миграции имеется в Германии, Китае и др.

Данный подход противоречит позиции Рабочей группы по произвольным задержаниям о том, что «мигранты, находящиеся на нелегальном положении, не должны квалифицироваться или рассматриваться как преступники»[16]. Это также приводит к конфликту с принципом nullum crimen sine conducta («нет преступления без деяния»), поскольку классическое уголовное право наказывает за деяние, а не за статус.

В конечном итоге это приводит к научной неразрешимости: где грань между наказанием за действие (въезд) и наказанием за состояние (факт пребывания)? Думается, что криминализация статуса мигранта противоречит требованиям как международного, так и уголовного права, и должна быть устранена на уровне государств, которые закрепили уголовную ответственность за статус в сфере миграции.

Еще одной острой проблемой является отграничение незаконного ввоза (контрабанды) мигрантов от торговли людьми. Несмотря на наличие Протокола против незаконного ввоза мигрантов и Протокола по предупреждению торговли людьми, в настоящее время сохраняется ряд неразрешенных вопросов.

Во-первых, несмотря на наличие критериев, по которым предлагается отграничивать незаконный ввоз (контрабанду) мигрантов от торговли людьми, проблема конкуренции данных составов сохраняется.

Например, при незаконном ввозе (контрабанде) мигрантов присутствует согласие самого мигранта на незаконный ввоз в другое государство, в то время как при торговле людьми осуществляется обман, принуждение, эксплуатация жертвы и др. Однако возникает вопрос, каким образом и на основании каких критериев незаконный ввоз (контрабанда) мигрантов должна быть переквалифицирована как торговля людьми, если в процессе перемещения мигранта согласие перестает быть добровольным, и он подвергается мерам принуждения (долг, угрозы, изъятие документов). В наборе методических пособий по вопросам борьбы с торговлей людьми Управления по наркотикам и преступности ООН (далее – Методические пособия УНП ООН) обозначена данная проблема. В Методических пособиях УНП ООН отмечается, что на практике может иметь место наличие элементов обоих преступлений, либо осуществляться трансформация из одного состава преступления в другой. В связи с этим, сотрудникам правоохранительных органов бывает сложно определить, был ли в конкретном случае незаконный ввоз (контрабанда) мигрантов или в процессе перевозки в отношении мигрантов начали применяться разные формы принуждения, обмана и т. п., что требует осуществлять квалификацию по соответствующей статье за торговлю людьми[17].

Несмотря на вышеизложенное, остается нерешенным вопрос о том, в какой момент должна быть осуществлена переквалификация. Осложняется ситуация тем, что в Методических пособиях УНП ООН говорится о том, что в соответствии с Протоколом торговли людьми существует теоретическая возможность на юридически действительное согласие без применения ненадлежащих средств[18].

Это может повлечь ситуацию следующего характера: иностранный гражданин X из государства А дал юридически действительное согласие, без которого речь должна была бы идти о торговле людьми, включающее, в том числе, незаконный ввоз на территорию государства Б. В результате три важных критерия (согласие, эксплуатация, транснациональный характер) для отграничения контрабанды от торговли людьми, указанные в Методических пособиях УНП ООН[19], перестают носить универсальный характер. В связи с этим,

12 Доклад Специального комитета по разработке Конвенции против транснациональной организованной преступности о работе его первой-одиннадцатой сессий от 3 ноября 2000 г. A/55/383 Add. 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.unodc.org/pdf/crime/final_instruments/383r.pdf (дата обращения: 24.04.2026).

13 Литва подала иск в суд ООН против Белоруссии из-за «ввоза мигрантов» // РБК. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/682b2fb49a794781761f9abd (дата обращения: 26.04.2026)

14 Типовые законодательные положения о борьбе с организованной преступностью // Управление ООН по наркотикам и преступности. 2-е издание. 2021. – С. 22.

15 Federal Act of 16 December 2005 on Foreign Nationals and Integration (FNIA). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/2007/758/en (дата обращения: 02.05.2026)

16 Рабочая группа по произвольным задержаниям. Изложение фактов № 26. С. 17. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ohchr.org/sites/default/files/2024-05/Fact-sheet-26-WGAD-ru.pdf (дата обращения: 02.05.2026).

17 Набор методических пособий по вопросам борьбы с торговлей людьми. – С. XIV. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/rights/trafficking/trafficking_toolkit.pdf?ysclid=mozyb9ry1k436807499 (дата обращения: 06.05.2026).

18 Набор методических пособий по вопросам борьбы с торговлей людьми. – С. XVII. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/rights/trafficking/trafficking_toolkit.pdf?ysclid=mozyb9ry1k436807499 (дата обращения: 06.05.2026).

19 Набор методических пособий по вопросам борьбы с торговлей людьми. – С. XV. [Электронный ресурс]. – Режим досту-

следует согласиться с уже достаточно давно сделанным выводом о том, что в разграничении понятий «незаконный ввоз мигрантов» и «торговля людьми» не имеется должной определенности [3, с. 12].

По нашему мнению, для более четкого отграничения незаконного ввоза (контрабанды) мигрантов от торговли людьми необходимо отказаться от критерия в виде согласия. Наша позиция обусловлена следующими обстоятельствами:

– иногда торговец людьми может получить юридически действительное соглашение на последующие действия от жертвы;

– в ситуации, когда контрабандист принимает меры по принуждению мигранта к продолжению действий, направленных на незаконный ввоз (изъятие документов, угрозы и др.), мы не можем говорить о том, что взаимодействие контрабандиста с незаконно ввезенным лицом продолжится и будет осуществляться эксплуатация мигранта;

– ключевым критерием отграничения незаконного ввоза (контрабанды) мигрантов от торговли людьми является эксплуатация, которая присутствует при торговле людьми и отсутствует при незаконном ввозе (контрабанде) мигрантов.

Сохраняется в сфере противодействия незаконной миграции и проблема привлечения к уголовной ответственности юридических лиц. Например, в ст. 2 рамочного решения Совета Европейского союза 2002/946/ЈНА[20] закреплено, что государства-члены должны принимать необходимые меры для привлечения к уголовной ответственности юридических лиц, которые занимались организацией незаконной миграции. Тем самым круг субъектов, которые могут быть привлечены к уголовной ответственности, в силу ст. 1 Директивы 2002/90/ЕС[21], расширен. Однако это не решает проблему возможности привлечения государственного органа или государства к уголовной ответственности как юридического лица. На международном уровне уделяется внимание вопросам обеспечения соблюдения защиты прав мигрантов, наличию правовых механизмов, позволяющих защититься от произвольных решений со стороны государственных органов. За рубежом имеются научные исследования, которые касаются возможности привлечения государства к ответственности, однако они связаны с вопросами нарушения прав мигрантов (сложность пересечения границы; невыяснение требуемых обстоятельств для определения того, является ли лицо беженцем; насилие на границе со стороны сотрудников пограничных органов [7] и др.). Но они не касаются проблемы участия сотрудников пограничных органов в организации незаконной миграции. Невозможно говорить об ответственности посольств, консульств, которые также могут оказывать содействие в вопросах незаконного ввоза мигрантов. Универсальные и региональные международные договоры не предусматривают уголовную ответственность государственного органа. В тех государствах, которые предусматривают уголовную ответственность для юридических лиц, ответственность государственных органов не закреплена, либо исключается. Это приводит к безнаказанности структурного уровня. Усугубиться ситуация может в случае, если организация незаконной миграции негласно поощряется на самом высоком уровне. Например, государство А, имея избыток населения, ввиду высокого уровня рождаемости и невозможности обеспечить всех с учетом имеющихся ресурсов, любыми способами стремится поощрять эмиграцию своих граждан в государство Б. Тогда государство А не будет заинтересовано в оказании помощи государству Б в противодействии незаконной миграции по политическим соображениям.

Исправить данную ситуацию можно было бы закреплением уголовной ответственности для государственного органа как юридического лица, однако это, по нашему мнению, малореалистично.

Таким образом, по итогам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Коллизию между принципом невыводрения и выдачей собственных граждан можно решить с помощью принципа «выдай или суди» (aut dedere aut judicare). Эффективность данного принципа будет зависеть от: 1) наличия двусторонних, многосторонних договоров государств и унификации уголовного законодательства в сфере незаконной миграции; 2) закрепления государствами возможности экстрадиции своих граждан за преступления в сфере незаконной миграции, если это не противоречит действующему законодательству.

2. Отграничить спасателя на море от контрабандиста можно при помощи: 1) закрепления в соответствующей статье уголовного закона или специального закона примечания об освобождении от уголовного преследования спасателей мигрантов на море; 2) соблюдения положений, содержащихся в таком примечании, компетентными государственными органами.

Это не устраняет возможность маскировки контрабандистом в других ситуациях противоправных действий по незаконному ввозу (контрабанде) мигрантов со ссылками на гуманитарные соображения.

3. Наличие в Протоколе против незаконного ввоза мигрантов обязательной корыстной цели может приводить к ситуации, когда объективная сторона подпадает под незаконный ввоз (контрабанду) мигрантов, однако с субъективной стороны отсутствует корыстная цель, что не позволяет привлечь лицо к уголовной ответственности.

4. Ряд государств (Швейцария, Германия, Китай и др.) криминализирует статус мигрантов, что противоречит международному праву и требованиям классического уголовного права, наказывающего за деяние. Представляется, что криминализации статуса мигрантов быть не должно.

5. Для более четкого отграничения незаконного ввоза (контрабанды) мигрантов от торговли людьми необходимо отказаться от критерия в виде согласия и, главным образом, акцентировать внимание на наличии/отсутствии эксплуатации.

6. Государственные органы могут участвовать в незаконном ввозе (контрабанде) мигрантов, в связи с чем возможность привлечения к ответственности такого органа как юридического лица является предметом дискуссий. Решением данной проблемы послужило бы закрепление уголовной ответственности для государственного органа, однако этот вариант представляется малореалистичным.

Пристатейный библиографический список

1. Дрёге К. Передача задержанных лиц: юридические основания, принцип невыдворения (non-refoulement) и современные вызовы // Международный журнал Красного Креста. – 2008. – Т. 90. № 871.
2. Миронов А. Н. Экстрадиция: уголовно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2026.
3. Подшивалов В. Е. Международно-правовые проблемы предупреждения и пресечения незаконной миграции: Автореф. дис. канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2004.
4. Урда М. Н. Уголовно-правовое противодействие незаконной миграции: дис. ... докт. юрид. наук. – Москва, 2024.
5. Фоменко Д. Д. Организация незаконной миграции в контексте российского, международного и зарубежного опыта криминализации: дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2022.
6. Cusumano E., Villa M. From “Angels” to “Vice Smugglers”: the Criminalization of Sea Rescue NGOs in Italy // European Journal on Criminal Policy and Research. – 2021.
7. Fehr I. State-perpetrated Crimes against Migrants? Addressing Accountability in Croatian Migration Control through Criminal Law // European Journal of Migration and Law. – 2025. – № 27.
8. Koser K. International Migration: A Very Short Introduction. – Oxford University Press, 2007.

па: https://www.un.org/ru/rights/trafficking/trafficking_toolkit.pdf?ysclid=mozyb9ry1k436807499 (дата обращения: 06.05.2026).

20 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/HTML/?uri=CELEX%3A32002F0946 (дата обращения: 08.05.20226).

21 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN-LV/TXT/?uri=CELEX%3A32002L0090 (дата обращения: 08.05.20226).

DOI 10.46320/2073-4506-2026-4-215-389-390

ПУЯ Абдулл Джамиль
аспирант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Юридический институт, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

АЛЬТЕРНАТИВЫ УГОЛОВНОМУ ПРЕСЛЕДОВАНИЮ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ В ИРАНСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Уголовное судопроизводство по делам детей и подростков имеет особое значение, поскольку обычные карательные меры не всегда исправляют поведение, а иногда, наоборот, закрепляют у несовершеннолетнего ощущение исключения из нормальной социальной среды. В статье рассматриваются альтернативы формальному производству по делам несовершеннолетних в праве Ирана: меры воспитательного характера, восстановительные процедуры, социальный надзор, предупреждение, извинение перед потерпевшим и участие семьи. Метод исследования — описательно-аналитический, с опорой на нормы уголовно-процессуального законодательства Ирана, международные стандарты и научные источники. Делается вывод, что такие механизмы способны уменьшать нагрузку на суд, но их эффективность зависит от подготовки судей, роли семьи, качества социальных служб и реального контроля за исполнением решений.

Ключевые слова: дети и подростки, уголовное судопроизводство, Иран, альтернативные меры, восстановительное правосудие, стигматизация.

POYA Abdull Jamil
postgraduate student of Criminal law, criminal process and criminalistics sub-faculty, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

ALTERNATIVES TO JUVENILE CRIMINAL PROCEDURE IN IRANIAN CRIMINAL PROCEDURE LAW

Juvenile criminal procedure has a special meaning because ordinary punitive measures may damage social development, family ties and the future correction of a child or adolescent. This article, based on the descriptive and analytical method, examines alternatives to formal criminal procedure in Iran: educational measures, restorative practices, social supervision, mediation, family participation, formal warning and apology to the victim. The central idea is simple, although not always easy in practice: the system must react to wrongdoing, but it should not turn a child into a permanent offender by the very process of reaction. The findings show that diversionary mechanisms can reduce the burden on courts and, at the same time, protect the rights and best interests of children. Their real effect, however, depends on trained judges, social services, police discretion, monitoring and clear legal guarantees.

Keywords: children and adolescents, juvenile justice, Iranian criminal procedure, diversion, restorative justice, labeling, social support.

Introduction

Officially, every modern justice system says that children must be treated differently from adults. In practice, this promise is not always visible. A child may pass through questioning and court, and the result is not correction, but a new label. This is the first problem. Not small.

In contemporary criminal policy, alternatives to formal procedure are explained through the need to reduce harm from the process itself. The state does not simply forgive the act. It reacts differently: family participation, mediation, educational control, apology, social services and, where possible, non-intervention.

The purpose of this article is to analyze the grounds and forms of alternatives to juvenile criminal procedure in Iran. The logic is simple: first the theoretical basis, then practical forms, and then limits. Strictly speaking, the question is how to react without making the situation worse.

1. Grounds for replacing formal juvenile criminal procedure

The idea of diversion does not appear only from sentiment about children. It has a practical reason. If formal procedure increases repeated offending, breaks school and family links and gives the victim only a long file, another legal route becomes both humane and useful.

1.1. The utilitarian idea

The utilitarian idea is quite direct: the best measure is not the strictest one, but the one that gives the best future result. In juvenile cases this means lower risk of reoffending, lower social costs and keeping the child in an ordinary environment. In Iran this logic supports avoiding unnecessary prosecution when education is enough.

In other words, the court should not look only at the legal qualification of the act. It should ask what the procedure will do with the child. Will it correct, or only mark the adolescent as dangerous? Sometimes supervision, counselling, compensation or warning is more useful. Formal trial should be the last route, not the first reflex [6, p. 47].

1.2. Labeling theory

The second basis is labeling theory. H. Becker argued that deviance is produced not only by the act itself, but also by social reaction to it [22]. For children this is especially dangerous, because identity is still forming. A teenager treated everywhere as an offender may accept this role [1, p. 137].

For this reason, confidentiality, specialized courts, judges familiar with psychology and restrictions on disclosure of identity are not technical details only. They protect the child from social exclusion. According to the Iranian approach, juvenile procedure should be separated and protective, so a temporary mistake does not become a long biography [3, p. 16].

1.3. Restorative justice paradigm

Restorative justice adds another layer. It asks not only who violated the rule and what punishment follows, but who was harmed and how the harm can be repaired. In juvenile cases such a model is attractive because it makes the child see the victim,

understand damage and accept responsibility, not just wait for a sentence.

At the same time, restorative justice is not magic. If the mediator is weak, if the victim is pressured, or if the family hides the real problem, the procedure becomes only a nice name. Mediation and reconciliation therefore need voluntariness, control and a clear plan [4, p. 95].

If we collect the first part together, the grounds are three: usefulness, prevention of stigma and restoration of damaged relations. The logic is humane, although not everything is smooth. Next comes concrete mechanisms.

2. Forms of Alternatives to Juvenile Criminal Procedure

Alternatives are not one universal button. They are different reactions: non-intervention in minor cases, supportive services, family conferences, police discretion, warning and apology. The choice depends on age, personality, harm, victim's position and risk of repeated behavior.

2.1. Non-intervention approach

The non-intervention approach begins from a practical observation: not every offence becomes safer after official processing. Sometimes the best legal action is not to expand the case, but to stop it under conditions. This is especially important for minor juvenile cases [7, p. 92].

In Iran, this idea is connected with refusing or suspending prosecution in less serious cases, when the child's personality and probability of correction allow it. Non-intervention does not mean indifference. It may include probation, parental control or social monitoring. The main point is to avoid a long system where procedure itself creates new harm.

2.2. Supportive services

Supportive services are used when a legal response alone cannot solve the real cause of behaviour. A child may have addiction, aggression, weak parental care, school conflict or poverty. In such cases, counselling, treatment programmes and educational guidance may be more useful than punishment.

Nevertheless, supportive services must not remain only on paper. They require institutions, specialists, time and follow-up. If a judge orders counselling but no counsellor is available, the decision becomes empty. On practice it is visible: the alternative works only when the social part of justice is real.

There is also a small economic side. Courts, detention centres and repeated hearings cost money, and families lose time and trust. Support services look expensive at first, because specialists and monitoring are needed. But if the child returns to school and does not reoffend, the public result is cheaper.

2.3. Family conferences and restorative meetings

Family conferencing is more than mediation between two persons. It brings together the juvenile, the victim, relatives and sometimes representatives of the local community. The strength is simple: the child does not face only an abstract institution. He faces people, and parents also cannot stand aside [2, p. 307].

For Iran, direct legal recognition is more visible in mediation and reconciliation than in a full model of family group conferencing. Still, the logic is close: participation, apology, compensation and agreement about future behavior. The weakness is also clear: a family may dominate the child, so rules and preparation are needed.

A short example makes the point clearer. A fifteen-year-old damages a neighbor's property with friends. Formal trial can prove the fact, yes. But a conference can decide who repairs the damage, how parents supervise, and whether the neighbor accepts an apology. Paint the wall, pay part of the cost, apologize, report to a social worker. Sometimes this is more real than a sentence [5, p. 143].

2.4. Police discretion

Police are usually the first institution that meets a juvenile after an offence. This first meeting can push the child deeper into the formal system or redirect the case to a softer channel. Police discretion may include warning, referral to parents, social services and preliminary reconciliation. It must be controlled by law.

But discretion without training is risky. An officer should understand age psychology, should not force confession and should know when a case is too serious for informal treatment. There must be a protocol, records, criteria and supervision. Then police power becomes a protective filter, not hidden punishment.

2.5. Formal warning and apology to the victim

A formal warning and apology to the victim are the simplest alternatives. They are almost ordinary words, but in law they can have serious meaning. The juvenile is told about legal consequences, wrongfulness is fixed, and responsibility becomes visible. For a first minor offence this may be enough.

Apology matters because it connects the legal rule with a real person. The victim receives recognition of harm, not only a document. The juvenile receives a chance not to hide behind denial. Of course, apology cannot be forced, but when it is sincere and linked with compensation, conflict decreases faster.

Conclusion

The analysis shows that alternatives to juvenile criminal procedure in Iran have theoretical, legal and practical dimensions. They are based on utility, avoidance of labeling and restorative justice. Legally, they connect with special rules for children, confidentiality, education, mediation and limiting formal prosecution. Practically, everything depends on judges, police, families and monitoring.

The author tends to think that the most effective model is a combination: warning for minor first cases, supportive services for social risk, mediation and family meetings where there is a victim, and careful police discretion at the earliest stage. Briefly: less procedural harm, more educational sense, more control. Not perfect, but better. And that matters.

References

1. Aghaei S. Literature Review of Restorative Justice in the Global Juvenile Justice System: Theoretical Foundations of Obstacles and Capacities. – Tehran: Mizan Law Foundation, 2016.
2. Rezvani M., Taherian M. Decriminalization in Criminal Justice for Children and Adolescents with Emphasis on International Documents and the Iranian Criminal System // Collection of Articles in Criminal Policy of Children and Adolescents Victims and Offenders / ed. by H. Pour Mohiabadi. – 2016. – P. 307.
3. Salari A. Principles and Strategies for Prohibiting Labeling in Criminal Proceedings of Children and Adolescents in Conflict with the Law: master's thesis. – Tehran: Allameh Tabatabaei University, 2014.
4. Abasi M. Restorative Justice: A New Perspective on Criminal Justice // Quarterly Journal of Law and Politics Research. – 2003.
5. Gholami H. Restorative Justice. – Tehran: Samat Publications, 2019.
6. Moezinzadegan H. [et al.]. Police Decriminalization of Children and Adolescents: A Comparative Study of New Zealand, Canada and Iran // Quarterly Journal of Law Enforcement Research. – 2016. – Year 18.
7. Vervaei A., Niknejad A. The Evolution of Criminal Law for Children and Adolescents in Iran. – Tehran: Khorsandi Publications, 2019.

СЕРГЕЕВ Александр Андреевич
аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин, Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары

Сергеев А. А.

СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЗАКУПОК

Статья посвящена исследованию социальной обусловленности уголовно-правовой охраны общественных отношений в сфере государственных и муниципальных закупок. Автором анализируются социально-экономические, политические и криминологические факторы, обусловившие криминализацию деяний в контрактной системе. Рассматриваются общественная опасность коррупционных и иных преступлений в сфере закупок, их влияние на бюджетную систему, принципы конкуренции и социальную справедливость. На основе анализа законодательства, судебной практики и статистических данных обосновывается необходимость дальнейшего совершенствования уголовно-правовых норм.

Ключевые слова: уголовное право, социальная обусловленность, государственные закупки, контрактная система, коррупция, уголовно-правовая охрана, общественная опасность.

SERGEEV Alexander Andreevich
postgraduate student of Criminal law disciplines sub-faculty, I. N. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary

SOCIAL CONDITIONALITY OF CRIMINAL LAW PROTECTION OF PUBLIC RELATIONS IN THE FIELD OF STATE AND MUNICIPAL PROCUREMENT

The article is devoted to the study of the social conditionality of criminal law protection of public relations in the field of state and municipal procurement. The author analyzes the socio-economic, political and criminological factors that led to the criminalization of acts in the contract system. The article examines the public danger of corruption and other crimes in the field of procurement, their impact on the budget system, the principles of competition and social justice. Based on the analysis of legislation, judicial practice and statistical data, the need for further improvement of criminal law norms is substantiated.

Keywords: criminal law, social conditionality, public procurement, contract system, corruption, criminal law protection, public danger.

Нормы уголовного и иных отраслей права получают формальное закрепление в законодательстве в результате сознательной деятельности человека. Однако их подлинные истоки находятся не в субъективной воле законодателя, а в объективных закономерностях общественного развития. Право всегда вторично по отношению к социальной реальности. Непосредственным основанием для уголовно-правовой охраны выступает социальная потребность в защите той или иной группы общественных отношений [3, с. 46-48].

Социальная обусловленность уголовного закона представляет собой фундаментальный принцип уголовной политики, отражающий соответствие уголовно-правовых запретов объективным потребностям общества, его экономическому и социальному развитию.

Социальная обусловленность уголовного права предполагает, что установление уголовно-правового запрета должно быть ответом на реальную общественную опасность деяния, которая угрожает значимым социальным ценностям. В доктрине уголовного права под социальной обусловленностью понимается соответствие уголовно-правовых норм объективным закономерностям общественного развития, экономическим, политическим и нравственным факторам.

Сфера государственных и муниципальных закупок является одной из наиболее социально значимых областей публичного управления. Объём закупок по ежегодно превышает десятки триллионов рублей, обеспечивая реализацию государственных функций, национальных проектов, оборону и социальную сферу. Высокая финансовая концентрация, административные барьеры и несовершенство процедур делают данную сферу крайне уязвимой для коррупционных посягательств.

Государственные закупки представляют собой механизм перераспределения значительной части бюджетных средств. По оценкам экспертов, объём «откатов» в сфере госзакупок в отдельные периоды мог достигать 6–7% ВВП, что сопоставимо с расходами на ключевые социальные отрасли[1].

Высокая общественная опасность преступлений в данной сфере обусловлена масштабностью бюджетных средств, вовлечённых в оборот, системным характером коррупции, а также последствиями, которые выходят за рамки имущественного ущерба (срыв национальных проектов, угроза безопасности, снижение качества жизни населения).

Введение в 2018 году специальных составов (ст. 200.4, 200.5, 200.6 УК РФ) стало прямым законодательным ответом на социально обусловленную потребность в дифференцированной ответственности участников контрактной системы, включая «технических» специалистов, не обладающих признаками должностного лица.

Социальная обусловленность уголовно-правовой охраны отношений в сфере государственных и муниципальных закупок проявляется через тесное взаимодействие экономических, политических и социальных факторов, которые в совокупности формируют объективную потребность общества в уголовно-правовой защите данных отношений.

Экономическая обусловленность является наиболее значимой. Государственные и муниципальные закупки представляют собой один из крупнейших секторов российской экономики, а неэффективное расходование бюджетных средств подрывает возможности реализации социальных программ, национальных проектов и обеспечения обороноспособности государства. Экономический ущерб от нарушений в сфере закупок имеет как прямой (непосредственное

1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/economics/20/12/2021/61bc5d059a794770833e7b51?ysclid=moxyryoyvi500320823 (дата обращения: 11.03.2026).

хищение бюджетных средств), так и косвенный характер. К косвенным потерям можно отнести приобретение товаров, работ или услуг ненадлежащего качества по завышенным ценам. Таким образом, формальная экономия бюджета на стадии закупки оборачивается многократными дополнительными расходами на последующих этапах.

Таким образом, уголовно-правовая охрана выступает как необходимый инструмент защиты публичной собственности и обеспечения рационального использования бюджетных средств. Именно экономические интересы государства выступают тем объективным основанием, которое оправдывает применение такого строгого инструмента, как уголовная ответственность, в сфере закупок.

Политическая обусловленность уголовно-правовой охраны связана с задачами укрепления государственной власти, повышения доверия населения к институтам управления и обеспечения легитимности политического режима.

Коррупция в сфере закупок традиционно занимает одно из первых мест в рейтингах восприятия коррупции гражданами, что негативно влияет на уровень доверия к органам государственной власти и местного самоуправления [2, с. 32-33].

В условиях реализации курса на цифровизацию государственного управления (национальная программа «Цифровая экономика») сохранение высокого уровня коррупции в контрактной системе подрывает стратегические политические цели. Политическое руководство страны неоднократно подчёркивало, что борьба с коррупцией в сфере закупок является приоритетом государственной политики.

Уголовно-правовые нормы в этой сфере выполняют не только репрессивную, но и превентивную функцию: они демонстрируют решимость государства защищать публичные интересы, укрепляют вертикаль власти и способствуют снижению социальной напряжённости.

Нарушения в контрактной системе приводят к поставкам некачественных товаров и услуг (медицина, образование, ЖКХ), непосредственно затрагивая конституционные права граждан на охрану здоровья, образование и благоприятную среду.

Преступления в сфере закупок напрямую затрагивают конституционные права граждан, а именно:

– право на охрану здоровья (поставка некачественного медицинского оборудования, лекарств, продуктов питания в учреждения здравоохранения);

– право на образование (поставка некачественной мебели, оборудования, продуктов в школы и детские сады);

– право на благоприятную окружающую среду (нарушения при закупках в сфере ЖКХ, экологии и благоустройства);

– право на безопасность (закупки для правоохранительных органов, армии и МЧС).

Таким образом, уголовно-правовая охрана в сфере закупок выполняет функцию, выходящую далеко за рамки защиты исключительно государственных интересов. Она служит действенным механизмом обеспечения общественных интересов в широком смысле этого слова – интересов неопределённого круга лиц, которые прямо или косвенно зависят от качества, своевременности и целевого характера государственных расходов.

Нормы уголовного права, устанавливающие ответственность за нарушения в контрактной системе, призваны гарантировать, что бюджетные средства, формируемые в том числе за счёт налогов граждан, будут расходоваться эффективно, прозрачно и в соответствии с общественными потребностями. Именно через призму уголовно-правовой защиты отношений в сфере закупок реализуются такие фундаментальные принципы правового государства. Особого внимания заслуживает связь уголовно-правовой охраны закупочных отношений с конституционным принципом социального государства, закреплённым в ст. 7 Конституции Российской Федерации. Социальное государство предполагает, что политика государства направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

В этом смысле уголовно-правовая охрана становится не просто инструментом наказания виновных, а гарантией реализации социальных обязательств государства перед обществом. Когда в результате хищений и злоупотреблений при закупках страдают качество и доступность публичных благ, государство оказывается неспособным выполнить свою конституционную миссию. И наоборот – эффективная защита закупочных отношений уголовно-правовыми средствами укрепляет доверие граждан к государству, повышает легитимность публичной власти и служит основой для устойчивого социально-экономического развития.

Таким образом, уголовно-правовая охрана в сфере закупок представляет собой не узковедомственный институт, а важнейший элемент конституционного механизма, обеспечивающего баланс между публичными и частными интересами, реализацию принципа социальной справедливости и действительное, а не декларативное действие ст. 7 Конституции РФ.

Перечисленные факторы выступают базисом для криминализации деяний в сфере государственных закупок. Прежде чем установить уголовную ответственность за какое-либо деяние, законодатель должен убедиться, что это деяние обладает достаточной степенью общественной опасности, а его предотвращение и наказание виновных не могут быть обеспечены менее репрессивными средствами (гражданско-правовыми, административными, дисциплинарными). Общественная опасность в этом контексте выступает не просто формальным признаком преступления, а материальным критерием, определяющим границы уголовно-правового вмешательства. Очевидно, что злоупотребления в сфере закупок обладают признаками общественно-опасного деяния [1, с. 16]. Качественная сторона общественной опасности (её характер) определяется объектом посягательства – той группой общественных отношений, которой причиняется вред или создаётся угроза его причинения.

В сфере закупок родовым объектом выступают общественные отношения в сфере экономической деятельности. Видовым объектом – отношения в бюджетной сфере, связанные с формированием и расходованием публичных денежных средств. Непосредственным объектом могут выступать конкретные интересы: сохранность бюджетных средств, добросовестная конкуренция, установленный порядок размещения государственного и муниципального заказа.

Качественное своеобразие общественной опасности преступлений в сфере закупок заключается в том, что они посягают не на абстрактные «государственные интересы», а на механизм перераспределения публичных ресурсов, который обслуживает конституционные права граждан. Как уже отмечалось, через систему госзакупок реализуются программы в сфере здравоохранения, образования, обороны, безопасности, инфраструктурного развития. Поэтому любое нарушение в этой сфере потенциально способно «ударить» по правам и законным интересам неопределённого круга лиц.

Именно эта опосредованная связь с конституционными правами граждан придаёт деяниям в сфере закупок качество повышенной общественной опасности по сравнению, например, с нарушениями в сфере корпоративных закупок частных компаний (где страдают только интересы конкретного юридического лица и его участников). Посягательство на отношения по обеспечению государственных нужд – это не просто нарушение договорных обязательств, а удар по механизму функционирования государства как такового.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что экономические, политические и социальные факторы в их системном единстве обусловливают необходимость и содержание уголовно-правовой охраны отношений в сфере государственных и муниципальных закупок. Экономическая обусловленность связана с защитой бюджетных средств и конкурентной среды, политическая – с укреплением доверия к власти и легитимности государства, социальная – с обеспечением конституционных прав граждан и социальной справедливости.

Дальнейшее развитие уголовного законодательства в данной сфере должно осуществляться с обязательным учётом указанных факторов, что позволит обеспечить баланс между эффективностью репрессии и соблюдением принципов гуманизма и справедливости.

Пристатейный библиографический список

1. Абрамкин А. Д. Уголовно-правовые меры противодействия злоупотреблениям в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. – М.: Юрлитинформ, 2025. – 144 с.
2. Любый И. А. Уголовно-правовые меры противодействия злоупотреблениям в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: дис. … канд. юрид. наук. – Омск, 2022. – 222 с.
3. Филимонов В. Д. Норма уголовного права. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. – 198 с.

ЮНДИНА Мария Андреевна
аспирант кафедры уголовного права и криминологии, Юридический факультет, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; адвокат АК «Аснис и партнеры»

ТОЛКОВАНИЕ КРИТЕРИЯ ПОВЕДЕНИЯ ОСУЖДЕННОГО ПРИ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОМ ОСВОБОЖДЕНИИ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ И ЕГО ОЦЕНКА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В статье проводится комплексный анализ правоприменительных проблем, возникающих при оценке судами поведения осужденного как ключевого основания для условно-досрочного освобождения. На основе материалов актуальной судебной практики 2024-2025 годов и положений доктрины уголовно-исполнительного права обосновывается тезис о недопустимости отказа в условно-досрочном освобождении на основании малозначительных нарушений режима, не свидетельствующих о стойкой антисоциальной направленности личности. Автором аргументируется необходимость смены парадигмы судебной оценки: переход от формального подсчета взысканий к выявлению реальных криминальных наклонностей, приверженности криминальной субкультуре и оценке рисков рецидива.

Ключевые слова: условно-досрочное освобождение, поведение осужденного, исправление, малозначительные нарушения, злостные нарушения, криминальная субкультура, судебная практика, оценка рисков.

YUNDINA Mariya Andreevna
postgraduate student of Criminal law and criminology sub-faculty, Faculty of Law, M. V. Lomonosov Moscow State University; Lawyer at Asnis and Partners

INTERPRETATION OF THE CRITERION OF THE CONVICT'S BEHAVIOR IN PAROLE CASES IN JUDICIAL PRACTICE AND ITS ASSESSMENT IN MODERN CONDITIONS

The article provides a comprehensive analysis of law-enforcement problems arising when courts assess the behavior of the convicted person as a key ground for parole. Drawing on materials of current judicial practice of 2024-2025 and on the provisions of the doctrine of criminal-executive law, the paper substantiates the thesis that it is impermissible to refuse parole on the basis of minor regime violations that do not indicate a stable antisocial orientation of the individual. The author argues for the need to change the paradigm of judicial assessment: a shift from the formal counting of penalties to identifying real criminal inclinations, commitment to criminal subculture, and assessing the risks of recidivism.

Keywords: parole, behavior of the convicted person, correction, minor violations, gross violations, criminal subculture, judicial practice, risk assessment.

Институт условно-досрочного освобождения (далее – УДО) рассматривается в науках уголовного и уголовно-исполнительного права как важнейший стимул правопослушного поведения осужденных и ключевой инструмент их ресоциализации. Согласно части 1 статьи 79 Уголовного кодекса Российской Федерации лицо подлежит освобождению, если судом будет признано, что для своего исправления оно не нуждается в полном отбывании назначенного наказания. Однако законодатель, сформулировав материальное основание освобождения через категорию «исправление», не раскрывает его четких критериев, оставляя этот вопрос на усмотрение суда при разрешении ходатайства об условно-досрочном освобождении. Несмотря на то, что в п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.04.2009 № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» Верховный Суд РФ ориентирует нижестоящие суды на учет таких обстоятельств, как тяжесть и характер допущенного осужденным нарушения, данные о снятии или погашении взысканий, время, прошедшее с момента последнего взыскания, последующее поведение осужденного и других сведений, суды, руководствуясь п. 27 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2014 № 9 «О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений», оценивают поведение осужденного за весь период отбывания наказания. Именно интерпретация этой «оценки поведения» стала сегодня причиной значительного количества отказов в удовлетворении ходатайств.

На основании анализа судебной практики следует констатировать, что для удовлетворения ходатайства об условно-досрочном освобождении требуется безупречное поведение осужденного за все время отбывания наказания и содержания под стражей, направленность поведения осужденного на исправление не признается достаточным критерием для удовлетворения ходатайства об условно-досрочном освобождении. Как отмечает А. Н. Мяханова, в решениях судов часто фигурируют не предусмотренные законом формулировки, такие как «небезупречное поведение», «преждевременность освобождения» или «неустойчивая направленность на исправление», что свидетельствует о высокой вариативности и субъективности оценки [1, с. 101]. Представляется, что сущность критерия поведения осужденного заключается в осознанном отказе осужденного от криминальных установок. Однако такое содержание критерия поведения зачастую подменяется судами формальным подсчетом полученных поощрений и взысканий. С учетом имеющейся судебной практики наличие у осужденного взысканий, в том числе снятых и погашенных, независимо от тяжести допущенного им нарушения, фактически лишает осужденного возможности условно-досрочного освобождения. Сложившийся в судебной практике подход нельзя признать обоснованным, поскольку такой подход не позволяет отграничивать допущенные осужденным незначительные нарушения от фактов, свидетельствующих об общественной опасности личности осужденного.

Одним из наиболее распространенных оснований, используемых судами для отказа в УДО, является тезис о том, что примерное поведение является не заслугой осужденного, а его прямой обязанностью. Этот подход находит свое отражение в ряде судебных актов. Так, суды, отказывая в удовлетворении ходатайств, указывали, что положительные тенденции в поведении осужденных не носят устойчивого характера, а само по себе соблюдение режима отбывания наказания является обязанностью осужденного и не может быть признано исключительной заслугой[1]. Аналогичную позицию занял Смоленский областной суд, отметив, что правопослушное поведение является обязанностью, а исправление представляет собой активный процесс, а не пассивное соблюдение требований под угрозой наказания[2].

Не представляется возможным в полной мере согласиться с указанным подходом судов. Невозможно не согласиться с тем, что соблюдение режима является обязанностью осужденного. Однако уголовно-исполнительное законодательство основано на прогрессивной системе, которая пред-

1 Апелляционное постановление Тульского областного суда от 22 мая 2025 г. по делу № 22-848/2025 // СПС «КонсультантПлюс».

2 Апелляционное постановление Смоленского областного суда от 6 мая 2025 г. № 22-687/2025 // СПС «КонсультантПлюс».

полагает, что законопослушное поведение должно поощряться изменением условий содержания и перспективой освобождения. Статья 113 УИК РФ прямо относит досрочное снятие взыскания и иные льготы к мерам поощрения. Если соблюдение норм рассматривать исключительно как обязанность, не влекущую за собой правовых последствий в виде улучшения положения осужденного, то нивелируется сам смысл стимулирующих институтов. Статья 9 УИК РФ предусматривает, что в содержание понятия исправления входит стимулирование правопослушного поведения. В связи с чем, правопослушное поведение осужденного само по себе должно свидетельствовать о том, что осужденный встал на путь исправления, а не только «пассивно соблюдает требования под угрозой наказания». В доктрине справедливо отмечается, что поведение нельзя полностью отождествлять с исправлением. Как указывает С. Л. Бабаян, формулировку статьи 79 УК РФ не следует понимать как требование фактически полного исправления. Речь идет о достижении такой стадии, когда для завершения процесса коррекции личности достаточно контроля уполномоченных органов без изоляции от общества [2, с. 35]. Требование безупречно положительного поведения, выдвигаемое судами[3], представляется труднодостижимым, поскольку противоречит самой природе человека и реалиям пенитенциарной системы.

Ключевой проблемой в вопросах рассмотрения ходатайств об УДО остается учет взысканий, которые были сняты или погашены к моменту рассмотрения ходатайства. В данном вопросе имеется коллизия между нормами материального уголовного права и уголовно-исполнительного законодательства. Согласно части 8 статьи 117 УИК РФ если в течение года со дня отбытия дисциплинарного взыскания осужденный не был подвергнут новому взысканию, он считается не имеющим взысканий. Фактически это означает, что после снятия или погашения взыскания не влекут для осужденного юридических последствий. Однако суды, опираясь на разъяснения Пленума Верховного Суда РФ о необходимости учета поведения за весь период, продолжают учитывать эти нарушения как сведения, отрицательно характеризующие личность. Н. С. Малолеткина верно отмечает, что суды учитывают погашенные взыскания наравне с действующей информацией, игнорируя временной фактор [3, с. 71].

Особенно остро эта проблема проявляется при оценке нарушений, допущенных в следственном изоляторе (СИЗО) или в период адаптации в колонии. Исследования Ю. В. Грачевой показывают, что у лиц, лишенных свободы, существует период адаптации длительностью до четырех месяцев, сопровождающийся повышенной возбудимостью, агрессивностью и стрессом, что провоцирует нарушения режима [4, с. 29]. Тем не менее, судебная практика придерживается подхода, при котором взыскания, полученные в СИЗО или в период адаптации в колонии, учитываются даже в случае неполучения в дальнейшем взысканий и наличии значительного числа поощрений[4].

Такой подход также приводит к коллизии, при которой администрация исправительного учреждения может снять взыскание в порядке поощрения, но суд при рассмотрении вопроса об УДО снова учитывает уже недействующее взыскание, используя его как основание для отказа в УДО.

Ключевым недостатком существующей судебной практики является отсутствие дифференциации нарушений по степени их общественной опасности и значимости для оценки личности осужденного. В ведомственных актах и правилах внутреннего распорядка содержится огромное количество запретов, нарушение которых влечет наложение взыскания. Как справедливо отмечается в доктрине, в перечне нарушений соседствуют такие деяния, как употребление наркотиков или изготовление запрещенных предметов, и такие проступки, как нарушение формы одежды (незастегнутая пуговица), курение в не отведенном месте, завешивание спального места или хранение фотографии близких в тумбочке [5, с. 19].

Суды же зачастую не вдаются в анализ характера допущенных нарушений, оперируя лишь их количественными показателями или самим фактом наличия взыскания. Возникает закономерный вопрос: свидетельствует ли нарушение формы одежды или несанкционированное занятие огородничеством о том, что осужденный сохранил общественную опасность и склонен к рецидиву тяжких преступлений? Представляется, что нарушение санитарных правил или распорядка дня может быть следствием недисциплинированности, невнимательности или бытовой неустроенности, но не может свидетельствовать о степени исправления осужденного и вероятности рецидива. С. М. Савушкин подчеркивает, что статья 116 УИК РФ, определяющая злостные нарушения, не всегда позволяет администрации применять усмотрение и учитывать малозначительность проступка, что приводит к формальному признанию лица злостным нарушителем даже за однократное употребление алкоголя на фоне в целом положительного поведения [6, с. 71].

Кроме того, в условиях изоляции осужденные не всегда могут получить квалифицированную юридическую помощь, вследствие чего многие осужденные не обжалуют наложенные взыскания, даже если они были применены необоснованно. Материалы Девятой специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей в 2022 году, свидетельствуют о низком уровне правовой грамотности и отсутствии денежных средств на лицевых счетах почти у половины осужденных к лишению свободы [7, с. 299; 8, с. 439; 9, с. 506; 10, с. 631]. При этом суд, рассматривая ходатайство об УДО, не оценивает законность и обоснованность применения взыскания. Представляется, что данная проблема может быть устранена путем всестороннего и полного исследования судами причин, условий наложения взыскания и содержания нарушения.

Стоит признать, что поведение осужденного в местах лишения свободы должно оставаться одним из главных критериев, учитываемых при решении вопроса об УДО. Однако оценка поведения осужденного путем учета поощрений и взысканий не позволяет достигать целей института УДО, в частности предупреждения рецидива.

Учет поведения при рассмотрении вопросов об УДО должен перейти от технического подсчета количества взысканий и поощрений к глубокой криминологической оценки личности. При рассмотрении вопросов об УДО должно учитываться не формальное соблюдение режима, которое может быть формой приспособленчества, выражаемое в отсутствии взысканий, а содержание внутренних установок осужденного. Основной задачей суда и администрации ИУ представляется выявление особо криминальных наклонностей у осужденных. К таким факторам риска следует относить: приверженность осужденного к криминальной субкультуре, стремление занять лидирующее положение в преступной иерархии, организацию группировок внутри учреждения, отказ от работы или участия в мероприятиях по мотивам криминальной идеологии, а также участие в азартных играх. Именно эти факторы, а не курение в неположенном месте, являются маркерами высокого риска рецидива.

Представляется, что можно выделить несколько групп нарушений, которые должны учитываться при решении вопроса об УДО. Первая категория включает наиболее серьезные нарушения, которые автоматически препятствуют УДО независимо от других показателей исправления [12, с. 89]. К ним относятся организация криминальных группировок или активное участие в организованной преступной деятельности внутри учреждения с целью осуществления уголовно наказуемых деяний, совершение нового умышленного преступления, активная пропаганда криминальной идеологии с демонстрированием кодекса преступного мира или субкультурных норм, руководство или активное участие в групповых неповиновениях администрации, уклонение от принудительного лечения, а также совершение актов насилия против персонала или других осужденных. Нарушения этой категории свидетельствуют о наличии криминального ядра в личности осужденного и исключают возможность его досрочного освобождения.

Вторая категория охватывает серьезные нарушения, значительно затрудняющие УДО, но допускающие анализ динамики исправления [16, с. 164]. К ним следует отнести неоднократное или систематическое употребление спиртных напитков, наркотических средств или психоактивных веществ, повторные попытки изготовления или хранения запрещенных предметов, систематическое неповиновение конкретным требованиям администрации (более трех эпизодов в течение года), злостный отказ от работы или обучения без уважительных причин. Нарушения этой категории должны служить основанием для отказа в УДО только в совокупности с отрицательной динамикой исправления либо

3 Апелляционное постановление Калужского областного суда от 26 марта 2025 г. № 22-301/2025 // СПС «КонсультантПлюс».

4 Апелляционное постановление Орловского областного суда от 7 мая 2025 г. № 22и-447/2025 // СПС «КонсультантПлюс».

при совершении нескольких нарушений этой категории подряд.

Третья категория включает нарушения средней тяжести, требующие учета в динамике, но не определяющие итоговое решение. Это эпизодические нарушения трудовой дисциплины при наличии объективных причин (болезнь, конфликт с начальником цеха), нарушения правил санитарии и гигиены, формальные нарушения режима (нарушение порядка подъема, появление в неустановленное время в общих помещениях), нарушения правил общежития (шум, неполная уборка помещения), единичные замечания по поведению в общем пространстве.

Четвертая категория охватывает незначительные нарушения, не препятствующие УДО и не учитываемые в характеристике. Это технические нарушения процедурного характера, случайные первичные нарушения, не связанные с личностными установками осужденного, а также нарушения, допущенные по вине администрации. Представляется, что нарушения данной категории не должны отражаться в характеристиках при рассмотрении вопроса об УДО.

Такой подход позволяет выделить лиц, которые в действительности не утратили криминальные наклонности и нуждаются для своего исправления в дальнейшем отбывании наказания.

В этой связи заслуживает внимания предложение Л. В. Смирнова о необходимости дополнения части 2 статьи 175 УИК РФ требованием прилагать к характеристике оценочный прогноз вероятности совершения осужденным нового преступления в постпенитенциарный период [13, с. 129]. В ряде судебных решений уже прослеживается обращение к подобным инструментам. Так, Саратовский областной суд ссылался на заключение психолога, в котором была отмечена «средняя вероятность рецидива»[5].

Стоит согласиться с предложением ученых, указывающих, что ключевыми факторами исправления должны признаваться сохранение и восстановление социально полезных связей: наличие жилья, реальная перспектива трудоустройства, восстановленные отношения с семьей [5, с. 22]. Судебная практика показывает, что суды часто формально учитывают наличие семьи или гарантийного письма о трудоустройстве, при этом нивелируют их значение ссылкой на наличие взысканий. Между тем, социальная устроенность является куда более надежным гарантом от рецидива, чем отсутствие взысканий за допущенные незначительные нарушения.

Особое внимание следует уделить позиции администрации исправительного учреждения. Не представляется возможным согласиться с позицией, при которой суды отказывают в УДО при наличии положительного заключения администрации, поскольку именно администрация ИУ ежедневно в течение длительного срока непосредственно взаимодействует с осужденным и вправе сформировать обоснованное мнение о поведении осужденного. В данной ситуации необходимым представляется требование об указании судами мотивов, по которым они отвергают доводы администрации исправительного учреждения.

Таким образом, существующая практика оценки поведения осужденных при рассмотрении вопросов об условно-досрочном освобождении требует изменения сложившегося подхода. Имеющийся подход, при котором суды учитывают все нарушения за весь срок отбывания наказания, включая малозначительные и погашенные и снятые, создает препятствия для освобождения даже тех лиц, которые реально утратили общественную опасность. Представляется, что при решении вопроса об УДО незначительные нарушения режима содержания не должны учитываться, поскольку такие нарушения являются следствием длительной изоляции осужденного. Учет поведения должен сводиться к выделению именно особо криминальных наклонностей. Основания для отказа в УДО следует признать факты, свидетельствующие о приверженности криминальной идеологии, злостном неповиновении законным требованиям администрации и агрессии осужденного. Только наличие таких сущностных характеристик личности должно служить основанием для вывода о том, что осужденный нуждается в дальнейшем отбывании наказания.

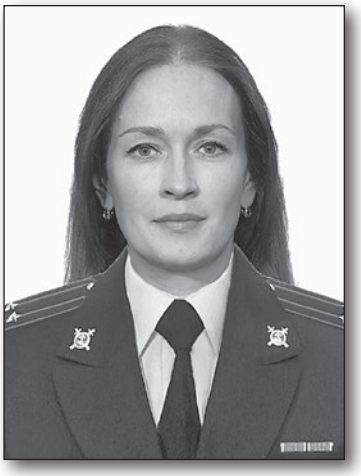
5 Апелляционное постановление Саратовского областного суда от 15 мая 2025 г. № 22-969/2025 // СПС «КонсультантПлюс».

Пристатейный библиографический список

1. Мяханова А. Н. Практика применения судами института условно-досрочного освобождения: дис. ... канд. юрид. наук. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2023. – 180 с.
2. Бабаян С. Л. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания: лекция. – Москва: РГУП, 2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://op.raj.ru/vpo/787-babayan-s-l-osvobozhdenie-ot-otbyvanie-nakazaniya-lektsiya (дата обращения: 14.12.2025).
3. Малолеткина Н. С. О некоторых аспектах оценки поведения осужденных при решении вопроса об условно-досрочном освобождении // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2022. – № 3. – С. 71-73.
4. Грачева Ю. В. Условно-досрочное освобождение: проблемы теории и практики // Lex Russica. – 2019. – № 11. – С. 29-35.
5. Селиверстов В. И., Грушин Ф. В., Лядов Э. В. Уголовно-правовые и уголовно-исполнительные проблемы условно-досрочного освобождения // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2022. – № 4. – С. 15-25.
6. Савушкин С. М. Критерии исправления осужденных: проблемы законодательного регулирования // Вестник Кузбасского института. – 2024. – № 2. – С. 71-75.
7. Уткин В. А. Характеристика осужденных, отбывающих лишение свободы в колониях-поселениях // Осужденные и содержащиеся под стражей в России (по материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, декабрь 2022 года): в 2 т. Т. 1 / под ред. В. И. Селиверстова. – Москва: Проспект, 2025. – С. 263-326.
8. Чорный В. Н., Геранин В. В., Прихожая Л. Е. Характеристика осужденных, отбывающих лишение свободы в исправительных колониях общего режима // Осужденные и содержащиеся под стражей в России (по материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, декабрь 2022 года): в 2 т. Т. 1 / под ред. В. И. Селиверстова. – Москва: Проспект, 2025. – С. 327-472.
9. Савушкин С. М., Шамсунов С. Х., Лебешев И. С. Характеристика осужденных, отбывающих лишение свободы в исправительных колониях строгого режима // Осужденные и содержащиеся под стражей в России (по материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, декабрь 2022 года): в 2 т. Т. 1 / под ред. В. И. Селиверстова. – Москва: Проспект, 2025. – С. 473-576.
10. Грушин Ф. В., Маликова Н. Б. Характеристика осужденных, отбывающих лишение свободы в исправительных колониях особого режима // Осужденные и содержащиеся под стражей в России (по материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, декабрь 2022 года): в 2 т. Т. 1 / под ред. В. И. Селиверстова. – Москва: Проспект, 2025. – С. 577-654.
11. Ременсон А. Л. О критериях определения степени исправления осужденных к лишению свободы. – Саратов: СГЮА, 2003. – 223 с.
12. Розин А. В., Колбин А. А. Криминологические особенности личности участников организованных преступных групп // Криминологический журнал. – 2018. – № 3. – С. 46-54.
13. Смирнов Л. В. Международный опыт превенции рецидива правоохранительными структурами // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 1 (97). – С. 151-155.

АНДРЕЕВА Екатерина Юрьевна
старший преподаватель кафедры уголовного процесса, Санкт-Петербургский университет МВД России, подполковник полиции

ЗАХАРОВА Елена Евгеньевна
старший преподаватель кафедры организации работы полиции, Санкт-Петербургский университет МВД России, подполковник полиции

Андреева Е. Ю.

Захарова Е. Е.

УЧАСТИЕ АДВОКАТА-ЗАЩИТНИКА В СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ

В статье рассматриваются вопросы участия адвоката-защитника в следственных действиях. Подчеркивается, что принцип состязательности и равноправия сторон гарантирует защищенность от любого произвола. Однако степень участия адвоката-защитника на досудебных стадиях уголовного процесса говорит о неравноправном статусе сторон и о деформации данного принципа. В частности, обращается внимание на то, что право защитника участвовать в следственных действиях слабо сказывается на его возможности влиять на его ход и результаты. Исходя из этого, предлагается дополнить п. 8 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, наделив адвоката правом заявлять ходатайства об изменении условий и порядка проведения следственного действия, проводимого с участием подозреваемого, обвиняемого в соответствии с законом. Также в статье обращается внимание на практику немотивированных запретов адвокату-защитнику задавать вопрос допрашиваемому лицу. В этой связи в статье сформулирована новая редакция ч. 2 ст. 53 УПК РФ.

Ключевые слова: адвокат-защитник, следственные действия, ходатайство, обжалование незаконных действий, подзащитные.

ANDREEVA Ekaterina Yurjevna
senior lecturer of Criminal process sub-faculty, St. Petersburg University of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

ZAKHAROVA Elena Evgenjevna
senior lecturer of Police work organization sub-faculty, St. Petersburg University of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

PARTICIPATION OF A DEFENSE LAWYER IN INVESTIGATIVE ACTIONS

The article discusses the issues of the participation of a defense lawyer in investigative actions. It is emphasized that the principle of competition and equality of the parties guarantees protection from any arbitrariness. However, the degree of participation of a defense lawyer in the pre-trial stages of the criminal process indicates the unequal status of the parties and the deformation of this principle. In particular, attention is drawn to the fact that the right of a defender to participate in investigative actions has little effect on his ability to influence its course and results. Based on this, it is proposed to supplement paragraph 8 of Part 1 of art. 53 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, giving a lawyer the right to file petitions for changing the conditions and procedure for conducting an investigative action conducted with the participation of a suspect or accused in accordance with the law. The article also draws attention to the practice of unmotivated prohibitions for a defense lawyer to ask a question to an interrogated person. In this regard, the paper formulates a new version of Part 2 of Article 53 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Keywords: lawyer-defender, investigative actions, petition, appeal against illegal actions, clients.

В настоящее время не вызывает сомнения тот факт, что российский уголовный процесс, являясь изначально сугубо публичной правовой отраслью, все больше приобретает частно характерные элементы. Это проявляться в том, что участники со стороны защиты (подозреваемый, обвиняемый, адвокат-защитник), не имея властных полномочий, все же играют активную роль в судопроизводстве по уголовным делам, реализация права, предоставленные им УПК РФ. В то же время объем этих прав существенно уже, чем у представителей власти, что приводит к объективному неравенству сторон процесса, особенно на досудебных этапах. Несмотря на то, что наделение адвоката-защитника функциями государственного принуждения невозможно и нецелесообразно, даже с учетом конституционного принципа состязательности и равноправия сторон, необходимо принять определенные меры по совершенствованию его реализации.

Адвокат-защитник – это лицо, осуществляющее защиту прав и интересов, подозреваемых и обвиняемых, и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу. Он выступает самостоятельным участником уголовного процесса, а самый распространенный вид его деятельности на досудебных стадиях – участие в следственных действиях.

Во-первых, возможность участия адвоката в их производстве прямо закреплена в п. 5 ч. 1 ст. 53 УПК РФ. В ней обозначен условный перечень следственных действий, при которых предполагается его присутствие. Основное условие – участие подзащитных (подозреваемых, обвиняемых). При

этом в п. 5 ч. 1 ст. 53 УПК РФ особо выделен допрос данных лиц.

Во-вторых, в целях обеспечения гарантий равноправия сторон обвинения и защиты в доказывании Федеральным законом от 17.04.2017 № 73-ФЗ ст. 159 УПК РФ дополнена ч. 2.1, в которой содержится положение об обязанности органов предварительного расследования гарантировать адвокату-защитнику участие в следственных действиях, производимых по его ходатайству, ходатайству подозреваемого или обвиняемого. В то же время, следует учитывать, что вопрос об удовлетворении данного ходатайства остается на усмотрение должностных лиц, которые должны оценить имеют ли «обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела».

Необходимость привлечения адвоката-защитника к участию в следственных действиях, безусловно, оправдана вероятностью нарушения прав участников уголовного судопроизводства (преднамеренного или случайного). При этом многие следственные действия сопровождаются применением мер процессуального принуждения, вторжением в личные, неимущественные и иные права, как граждан, так и организаций [5, с. 223]. Так, Е. А. Бравилова отмечает, что рассматриваемое право адвоката предоставляет ему, с одной стороны, реальный механизм контроля законности производства следственного действия, а с другой стороны – возможность оказать влияние на ход расследования [1, с. 15]. А. А. Лобанова, формулируя задачи, которые решает личное присутствие адвоката-защитника, указывает на следующее:

– минимизирование вероятности искажения реальной обстановки проведения следственного действия со стороны органов предварительного расследования;

– исключение фактов оказания какого-либо давления с их же стороны с целью получения от подзащитного «нужных» показаний;

– предоставление возможности адвокату-защитнику вносить замечания, обращать внимание на важные для стороны защиты обстоятельства [4, с. 54].

В целом для обеспечения прав и защиты интересов своего подзащитного адвокат уполномочен принимать ряд процессуальных мер, реализуя предоставленные ему УПК РФ права. В совокупности она направлены на пресечение любых незаконных и недопустимых тактических приемов со стороны должностных лиц. Это может быть:

– заявление (ходатайство) о недопустимости вышеуказанных действий;

– фиксация письменных замечаний по поводу правильности и полноты записей в протоколе следственного действия. Например, адвокат М., участвовавший в предъявлении для опознания, в протоколе указал, что показания свидетеля Х., опознавшей его подзащитного Е., вызывает сомнение, поскольку предъявляемая для опознания спортивная одежда, в которую был одет Е., массового пошива, каждая вещь не имела каких либо отличий, особых примет[1];

– дача соответствующей юридической консультации подзащитному, в том числе, в присутствии должностных лиц. В ходе следственного действия адвокат может указать подозреваемому (обвиняемому) или свидетелю на незаконность определенных действий следователя, например, отсутствие понятых. Помимо этого, именно адвокат может компетентно разъяснить подзащитному варианты его поведения для нейтрализации таких действий со стороны органов предварительного расследования. В частности, это может быть рекомендация отказаться от дачи показаний в ходе допроса, сославшись на ст. 51 Конституции РФ. На практике на этом часто настаивают адвокаты при нехватке информации у следователя (дознавателя) или же, напротив, недостаточности предварительной подготовки по делу самого защитника. Также минимизирование вероятности искажения реальной обстановки проведения следственного действия, может быть достигнуто посредством отказа подозреваемого (обвиняемого) и его адвоката от подписания протокола. Такой прием используется, как правило, когда его содержание противоречит позиции стороны защиты;

– обжалование незаконных действий в порядке ведомственного, судебного контроля и прокурорского надзора и др. [2, с. 37]. Например, защитник обвиняемого М. заявил в судебном заседании ходатайство об исключении из перечня доказательств несколько протоколов следственных действий, поскольку они были получены с нарушениями норм УПК РФ: протокол осмотра места происшествия, заключение эксперта-трасолога, заключение эксперта-автотехника, протоколы осмотра транспортных средств, протокол очной ставки между свидетелем Д. и подозреваемым М[2].

Рассматривая участие адвоката в следственных действиях, нельзя не отметить ряд спорных моментов, которые присутствуют как в правовом регулировании данной деятельности, так и в ее реализации. Так, как отмечают О. В. Корнелюк и А. Г. Набиев, на сегодняшний день практически нельзя встретить ситуаций, когда адвокат-защитник заявлял бы ходатайства, реализуя свое право участвовать, а не присутствовать при производстве следственного действия с целью осуществления целенаправленной защиты [3, с. 45]. Отсутствие понимания важности и равнозначности защиты и юридической помощи приводит к тому, что зачастую адвокаты-защитники видят свои задачи в том, чтобы при ознакомлении со всеми материалами дела по окончании предварительного расследования выявить нарушения закона и заявить ходатайства об исключении доказательств. Такая ситуация представляется несколько сомнительной, поскольку зачастую адвокаты принимают участие в тех же следственных действиях, результаты которых оспаривают.

По нашему мнению, не улучшает ситуацию и внесение адвокатом-защитником замечаний в протокол следственного действия по его окончании, поскольку повторно провести предъявление для опознания, обыск для получения тех же доказательств, невозможно. В связи с этим, необходимым представляется прямо предусмотреть в УПК РФ право защитника определенным образом влиять на ход и, следовательно, на результаты следственного действия. Несмотря на то, что данное право уже закреплено посредством указания в п. 5 ч. 1 ст. 53 УПК РФ на права адвоката «участвовать в производстве следственных действий», считаем, что данная норма требует уточнения. Предлагаем расширить полномочия адвоката-защитника за счет предоставления ему права заявлять

1 См.: Решение Оренбургского областного суда № 2А-2456/2024 2А-2456/2024~М-2336/2024 М-2336/2024 от 28 сентября 2024 г. по делу № 2А-2456/2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sud-praktika.ru/precedent/548441.html. (дата обращения: 10.02.2026).

2 См.: Приговор Калининского районного суда г. Чебоксары Чувашской Республики № 44У-15/2018 4У-221/2023 от 30 марта 2023 г. по делу № 1-301/2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sudact.ru/regular/doc/SFgaxgDkDurF/ (дата обращения: 10.02.2026).

ходатайства об изменении условий и порядка проведения следственного действия.

Также, рассматривая эффективность участия адвоката-защитника в досудебных стадиях уголовного процесса, обратим внимание на вклад данного лица в обеспечение законности и полноты допроса подозреваемого (обвиняемого). Именно это следственное действие особо выделено в п. 5 ч. 1 ст. 53 УПК РФ. В данном контексте спорной нам представляется формулировка ч. 2 ст. 53 УПК РФ в части права адвоката-защитника задавать вопросы допрашиваемому лицу с разрешения следователя (дознавателя).

Во-первых, данная норма содержит указание на то, что подобные вопросы защитник задает в рамках оказания юридической помощи своему подзащитному. Следовательно, из буквального толкования ч. 2 ст. 53 УПК РФ можно сделать вывод о том, что цель допроса как следственного действия – получение криминалистически значимой информации прямо не предполагает вклада адвоката в ее достижение. В то же время на практике реализация права задавать вопросы допрашиваемому лицу позволяет адвокату-защитнику получить, официально озвучить и зафиксировать некие данные об обстоятельствах, оправдывающих подозреваемого (обвиняемого), например, в части предоставления алиби, о котором само лицо забыло упомянуть.

Во-вторых, следователь (дознаватель) может отвести вопросы адвоката-защитника. Тот факт, что они должны быть в любом случае зафиксированы, вряд ли может существенно сказаться на эффективности защиты подозреваемого (обвиняемого), поскольку ответы на такие вопросы были не получены и не занесены в протокол допроса.

Исходя из этого, можно заключить, что право адвоката-защитника задавать вопрос допрашиваемому лицу с разрешения следователя (дознавателя) в ч. 2 ст. 53 УПК РФ сформулировано неудачно. Судебная практика подтверждает наличие случаев ошибочного толкования данной нормы правоприменителями. Например, суды первой и апелляционной инстанций не нашли нарушений закона в действиях следователя, который запретил адвокату, участвовавшему в допросе свидетеля, задавать вопросы допрашиваемому лицу. Несмотря на то, что данный отказ не был оправдан и мотивирован, суды подчеркнули, что следователем были соблюдены нормы, регулирующие порядок и основания такого решения[3].

Безусловно, сформулированное в ч. 2 ст. 53 УПК РФ право следователя (дознавателя) позволяет этому должностному лицу препятствовать нарушению закона адвокатом-защитником, однако полагаем, что оно не может толковаться, как обоснование полного лишения адвоката права ставить вопросы перед допрашиваемым лицом. Исходя из этого, предлагаем уточнить формулировку ч. 2 ст. 53 УПК РФ заменив фразу «Следователь или дознаватель может отвести вопросы защитника, но обязан занести отведенные вопросы в протокол» на «Следователь или дознаватель может отвести вопросы защитника при наличии законных оснований, но обязан занести отведенные вопросы в протокол». При этом к числу правомерно отводимым вопросов могут быть отнесены только наводящие (ч. 2 ст. 189 УПК РФ).

Таким образом, участие адвоката-защитника в следственных действиях – важное направление его деятельности на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. В целях повышения эффективности соблюдения прав подзащитного предлагаем, во-первых, предусмотреть право данного участника влиять на ход следственного действия. Для этого следует п. 8 ч. 1 ст. 53 УПК РФ дополнить словами «в том числе об изменении условий и порядка проведения следственного действия, проводимого с участием подозреваемого, обвиняемого». Во-вторых, необходимо исключить порочную практику запретов адвокату-защитнику задавать вопрос допрашиваемому лицу, заменив формулировку ч. 2 ст. 53 УПК РФ.

Пристатейный библиографический список

1. Бравилова Е. А. Некоторые проблемы участия адвоката-защитника в следственных действиях // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2021. – № 1. – С. 15-20.
2. Ильин Д. В. Обжалование незаконных действий должностных лиц в уголовном процессе // Лоббирование в законодательстве. – 2023. – № 1. – С. 37-43.
3. Корнелюк О. В., Набиев А. Г. Возможности адвоката-защитника по доказыванию на стадии предварительного расследования / Евразийский союз ученых. – 2020. – № 5-2 (74). – С. 45-50.
4. Лобанова А. А. Адвокат как сторона защиты в состязательном досудебном производстве по уголовному делу: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2003. – 214 с.
5. Шевчук А. Н. Уголовно-процессуальные гарантии прав личности при применении мер уголовно-процессуального принуждения // Военное право. – 2023. – № 3 (79). – С. 223-228.

3 См.: Решение Судебной коллегии по уголовным делам Ставропольского краевого суда № 3А-718/2024 3А-718/2024~М-581/2024 М-581/2024 от 30 октября 2024 г. по делу № 3А-718/2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/LBR31O5UDvHJ/ (дата обращения: 10.02.2026).

ДУНАЕВА Марина Сергеевна
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Институт юстиции, Байкальский государственный университет, г. Иркутск

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БАЛАНСА ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ ПРАВОСУДИЯ И ПРАВА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Статья посвящена комплексному исследованию теоретических, нормативных и прикладных проблем, возникающих при обеспечении конфиденциальности персональных данных участников уголовного процесса в Российской Федерации. В условиях масштабной цифровизации отечественного правосудия и перехода на электронный документооборот автором выявлены и проанализированы существенные правовые коллизии между нормами Уголовно-процессуального кодекса РФ и Федерального закона «О персональных данных». Особое внимание в работе уделено рискам нарушения приватности при изъятии цифровых носителей информации, специфике оборота биометрических данных, а также уязвимости сведений о свидетелях и потерпевших. На основе проведенного доктринального анализа обоснована необходимость дополнения главы 2 УПК РФ новым принципом – неприкосновенности частной жизни граждан. В качестве практического решения автором сформулированы конкретные законодательные предложения по расширению института свидетельского иммунитета для «профессий доверия» и модернизации мер судебного контроля над «цифровым жилищем» человека, что позволит обеспечить справедливый баланс между публичными интересами следствия и конституционными правами личности.

Ключевые слова: уголовный процесс, персональные данные, цифровизация правосудия, тайна следствия, коллизия норм, защита свидетелей, электронное дело, судебный контроль, свидетельский иммунитет.

DUNAEVA Marina Sergeevna
Ph.D. in Law, associate professor of Criminal process and prosecutor's supervision sub-faculty, Institute of Justice, Baikal State University, Irkutsk

BALANCING PUBLIC INTERESTS OF JUSTICE AND THE RIGHT TO PERSONAL DATA PRIVACY IN CRIMINAL PROCEEDINGS OF RUSSIA UNDER DIGITALIZATION

The article is devoted to a comprehensive study of theoretical, regulatory and applied problems arising in ensuring the confidentiality of personal data of participants in criminal proceedings in the Russian Federation. In the context of large-scale digitalization of domestic justice and the transition to electronic document management, the author identifies and analyzes significant legal conflicts between the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the Federal Law "On Personal Data". Special attention is paid to the risks of privacy violations during the seizure of digital information media, the specifics of biometrics circulation, as well as the vulnerability of data concerning witnesses and victims. Based on the doctrinal analysis, the necessity of introducing a new overarching principle – the inviolability of citizens' private life – into Chapter 2 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation is substantiated. As a practical solution, the author formulates specific legislative proposals to expand the institution of witness immunity for "professions of trust" and to modernize measures of judicial control over a person's "digital home", which will ensure a fair balance between the public interests of the investigation and the constitutional rights of the individual.

Keywords: criminal proceedings, personal data, digitalization of justice, investigation secrecy, conflict of laws, witness protection, electronic case, judicial control, witness immunity.

1. Правовая природа и дихотомия интересов в сфере обработки данных.

В современной правовой доктрине институт обработки персональных данных базируется на императиве добровольного согласия субъекта. Однако законодательство предусматривает ряд исключений, обусловленных необходимостью реализации публично-значимых функций государства [1]. Уголовное судопроизводство выступает специфической сферой, где легитимное ограничение прав личности на тайну частной жизни продиктовано задачами борьбы с преступностью. Вместе с тем, именно здесь вопрос обеспечения конфиденциальности приобретает характер фундаментальной гарантии прав человека. Как справедливо отмечает Н. А. Дмитрик, эволюция института персональных данных исторически связана с поиском баланса между контролем государства и автономией личности [3, с. 54]. Цифровая трансформация уголовного процесса требует переосмысления классических процессуальных гарантий.

Материалы уголовного производства аккумулируют избыточный массив сведений не только о непосредственных фигурантах (подозреваемых, обвиняемых), но и о потерпевших, свидетелях, а также их родственных и социальных связях. В связи с этим защита персональных данных в уголовно-процессуальной деятельности должна рассматриваться через призму дихотомии частных и публичных интересов, находящихся в состоянии перманентной конвергенции и скрытого конфликта.

Частный интерес охватывает комплекс правовых благ: защиту достоинства личности (предотвращение необоснованной социальной стигматизации), охрану репутационного капитала (доброго имени, деловой репутации) и обеспечение имущественной безопасности (пресечение рисков использования утекших данных киберпреступниками). В условиях цифровизации компрометация данных участника процесса может привести к мгновенным и необратимым потерям.

Публичный интерес заключается в стратегических задачах правосудия: повышении эффективности следственных

действий (через формирование доверия граждан к правоохранительной системе), обеспечении неотвратимости наказания и укреплении легитимности органов судебной и следственной власти. По мнению Л. А. Воскобитовой, без жестких стандартов защиты прав личности в цифровой среде невозможно построить доверительные отношения между обществом и системой правосудия [4, с. 108].

2. Терминологические коллизии и понятийный аппарат.

Ключевой проблемой институционализации защиты информации является отсутствие в Уголовно-процессуальном кодексе РФ (далее – УПК РФ) легального определения категории «персональные данные». УПК РФ, принятый в 2001 году, оперирует смежными, но не тождественными понятиями: «данные о личности», «сведения о частной жизни», «сведения об интимных сторонах жизни». Понятийный диссонанс объясняется тем, что Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных» был принят лишь в 2006 году, из-за чего уголовно-процессуальный закон до сих пор не синхронизирован с базовым информационным законодательством [1].

Анализ отраслевого законодательства выявляет существенные недостатки в определении объекта защиты. Трактовка персональных данных в ФЗ № 152-ФЗ как «любой информации, относящейся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу», представляется избыточно абстрактной и тавтологичной. Для юридической техники уголовного процесса такая неопределенность критична: объект правовой охраны должен быть детерминирован с максимальной точностью, иначе нормы УПК РФ приобретают декларативный характер. И. В. Смолькова справедливо указывает, что отсутствие четких дефиниций размывает границы тайны частной жизни, оставляя определение конфиденциальности на субъективное усмотрение следователя [7, с. 26].

Это ставит фундаментальный вопрос о границах приватности: кто должен их определять – сам гражданин или государственные органы как гаранты прав? В уголовном процессе право на самодетерминацию информации существенно ограничено. Цифровизация усугубляет эту проблему. Например, при изъятии мобильных устройств в ходе обыска или выемки в распоряжение органов следствия попадает огромный массив избыточных персональных данных (архивы переписок, геоданные, биометрические профили), не имеющих отношения к предмету доказывания. В связи с этим возникает острая необходимость нормативного закрепления в УПК РФ понятия «персональные данные участника уголовного судопроизводства» и установления жестких процедурных фильтров для недопущения необоснованного вмешательства в частную жизнь.

3. Классификация персональных данных по биологическому и социальному признакам.

Представляется, что категория персональных данных не может быть сугубо оценочной, зависящей от субъективного усмотрения правоприменителя. При определении перечня сведений, подлежащих повышенной правовой охране, необходимо учитывать бинарную природу человека: биологическую и социальную. На основе данного методологического подхода в контексте уголовно-процессуальной деятельности можно выделить три укрупненные группы персональных данных.

Базовые (анкетные): фамилия, имя, отчество, дата и место рождения, место официальной регистрации и фактического жительства, уровень образования, сфера занятости, контактные телефоны, а также современные идентификаторы в цифровой среде (IP-адреса, логины, профили в социальных сетях).

Биометрические (включая функциональные): цифровые фотографии, дактилоскопические отпечатки, геномная информация (ДНК-профили), рисунок сетчатки глаза, группа крови, а также особенности походки и голоса. В условиях технологического прогресса оборот биометрии вызывает наибольшие опасения. Как отмечает А. В. Мартынов, правоохранительным органам требуются принципиально новые подходы к обработке биометрических массивов, чтобы исключить риски компрометации уникальных биологических идентификаторов граждан [6, с. 124].

Специальные (личностно-характеризующие): политические и религиозные воззрения, сведения о состоянии физического и психического здоровья (диагнозы, результаты экспертиз), сексуальная ориентация и иные детали интимной жизни.

Для преодоления правового вакуума предлагается дополнить статью 5 УПК РФ пунктом следующего содержания:

«Персональные данные участника уголовного судопроизводства – любые анкетные, биометрические и иные сведения, позволяющие прямо или косвенно идентифицировать личность, а также зафиксированная в материалах уголовного дела информация о частной жизни участников уголовного судопроизводства и их близких лиц».

4. Концептуализация принципа неприкосновенности частной жизни.

В целях создания комплексного механизма правовой защиты представляется целесообразным дополнить главу 2 УПК РФ самостоятельным сквозным принципом – «Неприкосновенность частной жизни граждан при производстве по уголовному делу». Хотя действующий кодекс содержит нормы об уважении чести и достоинства личности (ст. 9 УПК РФ), современная реальность требует жесткой регламентации через скоординированную систему «принцип – процессуальные гарантии его реализации». По мнению С. В. Зуева, цифровая среда уголовного судопроизводства создает новые вызовы для конфиденциальности, из-за чего традиционные институты нуждаются в концептуальной модернизации [5, с. 120].

Действующее уголовно-процессуальное законодательство уже содержит разрозненные элементы защиты данных:

1) свидетельский иммунитет (ст. 56 УПК РФ);

2) неприкосновенность жилища и тайна переписки (ст. 12, 13 УПК РФ);

3) запрет на разглашение данных предварительного расследования (ст. 161 УПК РФ).

4) меры безопасности в виде зашифровки анкетных данных личности (ч. 9 ст. 166 УПК РФ).

Однако эти меры фрагментарны и не всегда эффективны в цифровой реальности. Требуется переход к универсальной нормативной формулировке о недопустимости разглашения и избыточного сбора информации о частной жизни граждан в целом, а не только отдельных «интимных» сторон. Ограничение приватности в ходе следствия должно осуществляться на основе принципа пропорциональности: изъятию подлежат только те данные, которые имеют прямое отношение к предмету доказывания.

5. Расширение свидетельского иммунитета и судебный контроль.

Важную роль в системе процессуальных гарантий играет институт свидетельского иммунитета. Представляется необходимым расширить перечень лиц, наделенных правом на сохранение профессиональной тайны, включив в него представителей «профессий доверия»: практикующих психологов, врачей-психиатров, нотариусов, сотрудников органов опеки и главных редакторов СМИ. Информация, доверяемая этим специалистам, носит персональный характер, и её неконтролируемое вовлечение в процесс подрывает доверие граждан к социальным институтам.

При этом наиболее эффективной правовой конструкцией является относительный (квалифицированный) свидетельский иммунитет. Он позволяет лицу отказаться от дачи показаний без фрагментарного и безусловного запрета на его допрос. Суд в каждом конкретном случае должен оценивать, превышает ли публичный интерес правосудия ценность сохранения профессиональной тайны, что сохраняет баланс с интересами следствия [4, с. 112].

Параллельно с этим критически важен превентивный судебный контроль. Следственные действия, затрагивающие так называемое «цифровое жилище» гражданина (персональные смартфоны, облачные хранилища), сопряжены с риском сквозного просмотра всей личной жизни человека [5, с. 122]. В связи с этим любые следственные действия, направленные на получение доступа к электронным носителям информации, должны производиться исключительно на основании предварительного судебного решения. При этом в законе следует закрепить запрет на разглашение любых избыточных данных о частной жизни, полученных в ходе таких действий.

6. Меры государственной защиты и юридическая ответственность.

Проведение закрытого судебного заседания (в соответствии со ст. 241 УПК РФ) выступает мощной гарантией, но сегодня применение данной нормы ограничено защитой лишь «интимных сторон жизни» участников. Между тем, в условиях цифровизации и рисков мгновенного распространения информации в сети Интернет, в конфиденциальности нуждаются все участники уголовного процесса, включая даже понятых, чьи данные фиксируются в протоколах следственных действий и становятся доступными для ознакомления стороне защиты [7, с. 28]. Представляется необходимым расширить основания для закрытия судебного заседания, включив в них угрозу разглашения любых персональных данных.

Федеральный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (№ 119-ФЗ) предлагает радикальные меры: переселение, замену документов и изменение внешности [2]. Однако эти меры применимы лишь к узкому кругу лиц при наличии реальной угрозы жизни. Для подавляющего большинства остальных участников процесса необходимо закрепить более применимые, но жесткие меры ответственности. Требуется установить четкую юридическую (в том числе дисциплинарную и административную по ст. 13.14 КоАП РФ) ответственность должностных лиц за разглашение персональных данных участников процесса без их согласия [6, с. 128]. Только неизбежность наказания позволит снизить количество несанкционированных сливов данных в публичное пространство.

Заключение

Резюмируя вышеизложенное, можно констатировать, что обеспечение надежной защиты приватной информации в уголовном судопроизводстве одновременно отвечает как государственным, так и частным интересам. В эпоху тотальной цифровизации доказательственной базы защита персональных данных должна стать приоритетным вектором реформирования УПК РФ. Из декларативного положения она должна трансформироваться в эффективный процессуальный механизм, гарантирующий незыблемость конституционных прав личности без ущерба для выполнения стратегических задач по борьбе с преступностью.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3451.
2. Федеральный закон «О государственной защите участников уголовного судопроизводства» от 20.08.2004 № 119-ФЗ (ред. от 01.07.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 34. – Ст. 3534.
3. Дмитрик Н. А. История, смысл и перспективы института персональных данных // Вестник гражданского права. – 2020. – Т. 20. № 3. – С. 43-82.
4. Воскобитова Л. А. Уголовное судопроизводство в условиях цифровизации: модели и стандарты защиты прав личности // Lex Russica. – 2022. – Т. 75. № 11. – С. 102-116.
5. Зуев С. В. Цифровая среда уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы // Сибирский юридический вестник. – 2018. – № 4 (83). – С. 118-123.
6. Мартынов А. В. Новые подходы к защите персональных данных в деятельности правоохранительных органов // Государство и право. – 2024. – № 5. – С. 120-131.
7. Смолькова И. В. Проблемы обеспечения тайны частной жизни в уголовном процессе // Российский следователь. – 2023. – № 9. – С. 24-29.

ЛИТВИНЦЕВА Наталья Юрьевна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора, Байкальский государственный университет, г. Иркутск

ПРАВО ОТКАЗАТЬСЯ ОТ ДАЧИ СВИДЕТЕЛЬСКИХ ПОКАЗАНИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Анализируются вопросы, связанные с предоставлением уголовно-процессуальным законом свидетельского иммунитета лицам, являющимся участниками уголовного судопроизводства. Последовательно рассматриваются основания, наличием которых определяется оправданность и необходимость наделения свидетельским иммунитетом каждой из предусмотренных законом категорий лиц. В связи с этим приводятся позиции судов высших инстанций. Делается вывод о том, что свидетельский иммунитет образует два варианта недопустимости свидетельских показаний. Первый – относительный (диспозитивный) допускает альтернативность решения свидетеля. Второй – абсолютный (императивный) связан с абсолютным запретом на допрос в качестве свидетелей об определенных сведениях.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, свидетельский иммунитет, свидетельские показания, отказ от дачи показаний, привилегии.

LITVINTSEVA Natalya Yurjevna
Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal process and prosecutorial supervision sub-faculty, Baikal State University, Irkutsk

THE RIGHT TO REFUSE TO TESTIFY IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Analyzes the issues related to the granting of witness immunity by the criminal procedure law to persons who are participants in criminal proceedings. The grounds for determining the justification and necessity of granting witness immunity to each of the categories of persons provided for by law are consistently considered. In this regard, the positions of the courts of higher instances are given. It is concluded that witness immunity forms two options for the inadmissibility of testimony. The first one, relative (dispositive), allows for alternative witness decisions. The second one, absolute (imperative), is associated with an absolute prohibition on questioning as witnesses about certain information.

Keywords: criminal proceedings, witness immunity, witness testimony; refusal to testify, privileges.

В соответствии с общими положениями уголовно-процессуального законодательства (п. 2 ч. 6 ст. 56 УПК РФ), дача показаний детерминирована как юридическая обязанность свидетеля. Исключением из данного императивного правила выступает институт свидетельского иммунитета. На основании дефиниции, закрепленной в п. 40 ст. 5 УПК РФ, под указанным иммунитетом понимается правомерная возможность отказаться от дачи показаний против самого себя, своего супруга и своих близких родственников. Данная прерогатива носит фундаментальный характер, поскольку гарантируется ч. 1 ст. 51 Конституции РФ и находит свое отражение в п. 1 ч. 4 ст. 56 УПК РФ. Более того, конституционная норма (ч. 2 ст. 51) допускает и иные случаи освобождения от обязанности давать свидетельские показания. Так, иные процессуальные обстоятельства, легитимирующие отказ от дачи свидетельских показаний нормативно регламентированы в ч. 3 ст. 56 УПК РФ.

В доктрине уголовно-процессуального права право не давать показания против себя самого детерминируется как привилегия против самообвинения. Данное положение признается универсальным международно-правовым принципом, имплементированным в национальное законодательство большинства демократических государств, и наиболее полно реализуется в рамках англосаксонской правовой семьи [1, с. 58; 2, с. 661]. В свою очередь, освобождение членов семьи от необходимости давать инкриминирующие показания против подозреваемого или обвиняемого обусловлено приоритетом защиты семейно-родственных связей и этических ценностей. Нормативно-правовой перечень лиц, наделенных правом на свидетельский иммунитет в силу родственных отношений, императивно определен в п. 4 ст. 5 УПК РФ. В данный круг включены исключительно супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, внуки. Следовательно, расширительное толкование указанного перечня недопустимо, а процессуальное право на отказ от дачи показаний принадлежит только строго поименованным субъектам.

Помимо этого, специальным процессуальным статусом, предполагающим альтернативу между реализацией и отказом от реализации права на дачу показаний, наделен ряд должностных лиц: сенатор РФ, депутат Государственной Думы, Уполномоченный по правам человека в РФ, уполномоченный по правам человека в субъекте РФ (п.п. 5, 8 ч. 3 ст. 56 УПК РФ). Процессуальный закон исключает возможность принудительного привлечения указанных субъектов к процедуре допроса в качестве свидетелей, ставя ее в прямую зависимость от их добровольного волеизъявления. Соответственно, при наличии официального согласия поименованных лиц на участие в следственном действии какие-либо нормативно-правовые барьеры для фиксации их свидетельских показаний отсутствуют [3, с. 72].

Согласно положениям ст. 21 ФЗ от 8 мая 1994 года № 3-ФЗ, регламентирующего статус парламентариев, сенаторы и депутаты наделены прерогативой отказа от участия в допросе по уголовным делам относительно сведений, полученных ими в ходе выполнения своих профессиональных функций[1]. Правовую природу данного иммунитета детально

1 О статусе сенатора РФ и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания РФ: Федеральный закон РФ от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 2. Ст. 74.

охарактеризовал Конституционный Суд РФ в своем постановлении. Опираясь на ч. 2 ст. 51 Основного закона, орган конституционного контроля указал на легитимность отнесения к числу обладателей свидетельского иммунитета субъектов, аккумулирующих конфиденциальные (доверительные) сведения. В силу специфики своей деятельности члены Федерального Собрания выступают реципиентами такой информации. Соответственно, ее последующее разглашение в рамках процессуального допроса де-факто приравнивается к ситуации, когда первоисточник сведений свидетельствует против собственной персоны через посредничество лица, которому данные факты были доверены[2].

Ч. 2 ст. 24 ФКЗ от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» легализует право федерального омбудсмена не давать свидетельские показания по уголовным делам относительно информации, ставшей доступной ему в процессе реализации служебных функций[3]. Аналогичный правовой статус спроецирован и на региональный уровень: согласно ч. 5 ст. 17 ФЗ от 18 марта 2020 года № 48-ФЗ, идентичной прерогативой наделены уполномоченные по правам человека в субъектах РФ[4]. Учреждение данного института обусловлено конституционными предписаниями, направленными на создание системы государственных гарантий, защиты, соблюдения и уважения прав и свобод граждан со стороны органов публичной власти и должностных лиц. Как следствие, сведения, передаваемые гражданами в адрес правозащитных институтов, априори обладают конфиденциальным (доверительным) характером. Возложение на омбудсменов императивной обязанности по даче показаний об обстоятельствах, выявленных в ходе профессиональной деятельности, вступало бы в прямое противоречие с базисной целью их функционирования — обеспечением защиты конституционного статуса личности. При этом в ситуациях, когда указанные лица добровольно соглашаются на участие в допросе, они в обязательном порядке уведомляются о том, что их показания приобретают статус доказательств по делу и могут быть использованы в ходе дальнейшего уголовного судопроизводства вне зависимости от их последующей верификации или гипотетического отказа от них (ч. 2 ст. 11 УПК РФ).

В иных правовых ситуациях реализация рассматриваемой прерогативы или отказ от нее поставлены в прямую зависимость от консолидированного волеизъявления участников процесса. В частности, нормативно закреплен запрет на допрос адвоката, защитника подозреваемого, обвиняемого относительно сведений, полученных им в рамках профессиональной деятельности по оказанию правовой помощи. Исключение составляют случаи, когда инициатива проведения данного следственного действия исходит от самого адвоката, защитника, действующего с согласия доверителя и исключительно в интересах последнего (п.п. 2, 3 ч. 3 ст. 56 УПК РФ). Характеризуя данную норму, Конституционный Суд РФ отметил, что освобождение адвоката, защитника от обязанности давать показания по конфиденциальным сюжетам его профессиональной деятельности выступает ключевой гарантией независимого выполнения адвокатских функций и защиты прав обвиняемого. Тем не менее, данная правовая доктрина не нивелирует возможность раскрытия адвокатом, защитником релевантных сведений, если и он сам, и его подзащитный выражают обоюдную заинтересованность в их легализации в процессе доказывания. В противном случае создавались бы искусственные барьеры для реализации конституционного права на судебную защиту, что девальвировало бы саму сущность исследуемого института[5]. Таким образом, телеологическое назначение указанной нормы указывает, что процессуальное усмотрение адвоката, защитника жестко ограничено волей лица, которому оказывается юридическая помощь. Процедура допроса допустима строго на основании соответствующего ходатайства и при наличии эксплицитного согласия доверителя. Изложенное позволяет сделать теоретико-практический вывод: установленное ч. 2 ст. 11 УПК РФ процессуальное предупреждение о возможности использования показаний в качестве доказательств (в том числе при последующем изменении позиции) должно в обязательном порядке адресоваться не только адвокату, защитнику, но и самому подозреваемому, обвиняемому или иному представляемому лицу.

Наряду с диспозитивными началами, уголовно-процессуальное законодательство регламентирует императивный (абсолютный) запрет на привлечение к процедуре допроса в качестве свидетелей детерминированного круга субъектов относительно специфических обстоятельств, ставших им известными в силу их профессионального или общественного статуса. Так, безусловным иммунитетом, исключающим возможность их допроса, обладают: судья, присяжный заседатель, священнослужитель, должностное лицо налогового органа, арбитр (третейский судья) (п.п. 1, 4, 6, 7 ч. 3 ст. 56).

Императивный запрет на привлечение судей и присяжных заседателей к процедуре допроса в качестве свидетелей детерминирован необходимостью строгого обеспечения института тайны совещания и голосования. Данная правовая гарантия исключает возможность раскрытия суждений, высказанных в процессе выработки итогового решения, а также налагает запрет на публичное выражение позиции по делу до официального подведения итогов голосования, на неформальные коммуникации с лицами, не являющимися участниками состава суда, и на самостоятельное проведение проверочных мероприятий вне рамок судебного процесса[6]. Соответственно, из предмета свидетельских показаний полностью исключаются любые сведения, воспринятые профессиональными судьями или присяжными в ходе отправления правосудия. Сюда относятся фактические обстоятельства расследуемого деяния, вопросы виновности или невиновности подсудимого, иные элементы, образующие предмет доказывания по уголовному делу, а также содержание дис-

2 О проверке конституционных положений частей 1 и 2 статей 18, 19 и части 2 статьи 20 Федерального закона от 8 мая 1994 г. «О статусе депутата Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»: Постановление Конституционного Суда РФ от 20 февраля 1996 г. № 5-П // Собрание законодательства РФ. 1996. № 9. Ст. 828.

3 Собрание законодательства РФ. 1997. № 9. Ст. 1011.

4 Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 18 марта 2020 г. № 48-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 12. Ст. 1640.

5 По жалобе гражданина Цицкишвили Гиви Важевича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 6 марта 2003 г. № 108-О // Собрание законодательства РФ. 2003. № 21. Ст. 2060.

6 По делу о проверке конституционности частей первой, второй, пункта 1 части третьей статьи 56 и статьи 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина В.И. Борисова: Постановление Конституционного Суда РФ от 27 сентября 2022 г. № 35-П // Собрание законодательства РФ. 2022. № 41. Ст. 7153.

куссий, имевших место в совещательной комнате при постановлении вердикта или приговора.

Процессуальный иммунитет священнослужителей носит строго целевой характер и распространяется исключительно на сведения, полученные в ходе таинства исповеди. Нормативно-правовая защита данного института гарантируется ч. 7 ст. 3 ФЗ РФ от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях», согласно которой тайна исповеди охраняется законом, а священнослужитель освобождается от ответственности за отказ от дачи показаний[7]. Исповедь – это ритуал традиционный для христианских религий и отсутствует в догматике иных конфессий (ислама, буддизма, иудаизма и т.д.). При этом верующие различных вероисповеданий могут сообщать духовным наставникам конфиденциальную личную или семейную информацию вне рамок указанного таинства, что фактически образует профессиональную тайну. Однако отечественный законодатель императивно связывает возникновение свидетельского иммунитета только с сохранением тайны исповеди. Во всех остальных ситуациях, когда сведения были получены вне данного религиозного ритуала, священнослужитель выступает общим субъектом уголовно-процессуальных отношений и обязан давать показания на общих основаниях.

Должностные лица налоговых органов не подлежат допросу относительно информации, отраженной в специальных декларациях и сопутствующих материалах, поскольку на данные сведения распространяется режим налоговой тайны. В соответствии с российским законодательством режим хранения указанной документации и доступа к ней обеспечивают исключительно налоговые органы (ч. 6 ст. 4 ФЗ от 8 июня 2015 № 140-ФЗ «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»)[8]. Нормативное признание этих сведений конфиденциальными выступает ключевым элементом государственного механизма правовой защиты декларанта. При этом исследуемая гарантия носит условный характер и освобождает лицо от ответственности за совершение преступления, если на дату представления декларации в отношении лица соответственно не было возбуждено уголовное дело в связи с совершением соответствующего преступления (п. 1 ч. 8 ст. 4).

Арбитр (третейский судья) – это физическое лицо, избранное сторонами или избранное (назначенное) в согласованном сторонами или установленном федеральным законом порядке для разрешения спора третейским судом (п. 1 ст. 2 ФЗ от 29 декабря 2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»)[9]. Наделение данных лиц свидетельским иммунитетом связано с тем, что арбитраж является конфиденциальным, если иное не предусмотрено сторонами. Арбитры не вправе разглашать сведения, ставшие им известными в ходе арбитража, без согласия сторон. Таким образом, сведения, ставшие известными в ходе процесса разрешения спора третейским судом, предметом свидетельских показаний быть не могут.

Таким образом, запрет на допрос в качестве свидетелей указанных лиц связан именно с недопустимостью разглашения определенной информации, касающейся случаев, связанных с сохранением в тайне сведений, имеющих особое значение (тайны совещания судей, присяжных заседателей, адвокатской тайны, тайны исповеди, налоговой тайны, тайны арбитража). Следовательно, если эти лица стали очевидцами совершенного преступления или обладают сведениями о нем, то их участие в уголовном судопроизводстве будет связано с исполнением процессуального долга свидетеля и они не будут принимать участие в данном уголовном деле в каком-либо ином процессуальном статусе.

Резюмируя изложенное, архитектоника института свидетельского иммунитета позволяет дифференцировать его на две базовые модели. Первая модель — относительная (диспозитивная) [4, с. 114] — имплицирует альтернативность процессуального поведения субъекта, предоставляя ему право выбора между дачей показаний и отказом от них в силу нормативно детерминированных факторов. Вторая модель — абсолютная (императивная) [4, с. 114] — базируется на безусловном материально-правовом запрете на получение показаний от строго определенных лиц относительно сведений, ставших им известными в силу их статуса.

Пристатейный библиографический список

1. Смолькова И. В. «Правила Миранды»: история возникновения и реализации в уголовном судопроизводстве США и Российской Федерации // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2023. — № 1. — С. 57-69.
2. Литвинцева Н. Ю. «Правила Миранды»: об интеграции правовых норм США в российский уголовный процесс // Всероссийский криминологический журнал. — 2025. — Т. 19. № 6. — С. 660-671.
3. Мищенко Е. В. Корнакова С. В., Завгороднева Е. В. Особенности производства в отношении отдельных категорий лиц: современные проблемы и пути их решения. – М.: Юрлитинформ, 2025. – 168 с.
4. Смолькова И. В. Актуальные проблемы охраняемых федеральным законом тайн в российском уголовном судопроизводстве. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 352 с.

7 Собрание законодательства РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.
8 Собрание законодательства РФ. 2015. № 24. Ст. 3367.
9 Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (часть I). Ст. 2.

МЕДВЕДЕВА Анна Александровна
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России

ПРОКОФЬЕВА Светлана Михайловна
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России

ЧАСОВНИКОВА Ольга Георгиевна
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России

К ВОПРОСУ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ХРАНИТЬ МОЛЧАНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В статье рассматриваются актуальные проблемы обеспечения безопасности участников в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. Исследуются некоторые особенности реализации и защиты права не свидетельствовать против себя самого, а также определенного круга лиц, в условиях цифровизации уголовного процесса. Анализируются как существующие гарантии, так и новые вызовы, связанные с формированием и использованием некоторых видов доказательств, а также с необходимостью адаптации процессуальных институтов к современным реалиям. Особое внимание уделяется вопросам допустимости доказательств, полученных из цифровых источников, и роли права на молчание в обеспечении права на справедливое судебное разбирательство. Центральным акцентом исследования материала, является сохранение баланса между эффективностью уголовного преследования и защитой прав личности на всех стадиях уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: право на молчание, уголовный процесс, цифровая эпоха, цифровые доказательства, право на справедливое судебное разбирательство, допустимость доказательств, регламентация, процессуальные гарантии.

MEDVEDEVA Anna Alexandrovna
Ph.D. in Law, associate professor, professor of Criminal law and process sub-faculty, St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia

PROKOFJEVA Svetlana Mikhailovna
Ph.D. in Law, associate professor, professor of Theory and history of state and law sub-faculty, St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia

CHASOVNIKOVA Olga Georgievna
Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law and process sub-faculty, St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia

ON THE ISSUE OF IMPLEMENTING THE RIGHT TO REMAIN SILENT IN THE MODERN REALITIES OF CRIMINAL PROCEEDINGS

This article examines current issues related to ensuring the safety of participants in criminal proceedings in the Russian Federation. It explores some aspects of the implementation and protection of the right not to incriminate oneself, as well as certain individuals, in the context of the digitalization of criminal proceedings. The article analyzes both existing guarantees and new challenges related to the formation and use of evidence, as well as the need to adapt procedural institutions to modern realities. Particular attention is paid to the admissibility of evidence obtained from digital sources and the role of the right to silence in ensuring the right to a fair trial. The central focus of the research material is maintaining a balance between the effectiveness of criminal prosecution of individual rights at all stages of criminal proceedings.

Keywords: right to silence, criminal procedure, digital age, digital evidence, right to a fair trial, admissibility of evidence, regulation, procedural guarantees.

В ст. 51 Конституции РФ, а также в международных правовых актах закреплено право человека не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, которое является одним из наиболее актуальных вопросов современного правосудия. Оно призвано защитить индивида от принуждения к самооговору и обеспечить реализацию принципа презумпции невиновности[1]. Однако стремительное развитие цифровых технологий и повсеместное проникновение информационных систем в различные сферы современной жизни ставят перед этим фундаментальным правом новые, зачастую нетривиальные, вызовы. Цифровая эпоха стремительно порождает феномен «цифровых доказательств», трансформирует различные способы сбора информации и ставит под сомнение традиционные представления о границах применимости права на молчание.

Право человека на молчание, также известное как право не свидетельствовать против себя, является конституционным, личным неимущественным правом, которое обеспечивает индивиду возможность отказаться от дачи показаний, если эти сведения могут быть использованы для его же обвинения. Это право имеет глубокие исторические корни и является неотъемлемой составляющей концепции справедливого судебного разбирательства.

Рассматривая основные характеристики права на молчание, можно выделить следующие элементы:

1 «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.11993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 11.05.2026).

– право отказаться от дачи показаний: подозреваемый, обвиняемый, а в определенных случаях и другие участники процесса вправе хранить молчание по любым вопросам, касающимся обстоятельств уголовного дела;

– защита от принуждения: никто не может быть принужден к даче показаний, которые могут быть использованы против него самого или его близких;

– информирование о праве: лицо, в отношении которого ведется уголовное преследование, должно быть надлежащим образом уведомлено о своем конституционном праве на молчание до начала допроса.

Право участника процесса не свидетельствовать закреплено не только в статье 51 Конституции РФ, а также детализируется в Уголовно-процессуальном кодексе России. Например, статья 46 УПК РФ (подозреваемый) и статья 47 УПК РФ (обвиняемый) обязывают следователя, дознавателя разъяснять соответствующие права, включая право не давать показания до момента заявления ходатайства об участии защитника или после его заявления2.

Современную цифровую эпоху характеризует стремительное увеличение объемов получаемой информации, создаваемой и хранимой в электронном виде, а также развитие научных технологий, позволяющих получать доступ к этой системе информаций. Это порождает возникновение ряда вызовов для традиционного понимания права человека на молчание [4, с. 250].

Так, например, цифровые доказательства, смартфоны, планшеты, компьютеры, «умные» устройства собирают и аккумулируют огромные объемы информационных элементов о пользователе: его передвижениях в пространстве (GPS-данные), коммуникационных связях (сообщения, звонки), личных предпочтениях, персональном поведении в информационном поле интернета. Доступность этих личных данных может способствовать предоставлению информации следствию, которую человек мог бы не раскрывать добровольно [1, с. 134].

В ходе собирания и исследования доказательств, некоторая информация может быть получена без активного взаимодействия с подозреваемым/обвиняемым (например, через данные операторов связи, IP-адреса, транзакции). Однако, даже если искомая информация извлекается из пассивных источников, осуществляемая интерпретация этих данных в контексте уголовного судопроизводства может лишь косвенно указывать на причастность лица и его вину.

Также, еще одним существенным вызовом можно считать автоматизированное извлечение и анализ полученных данных. Эксперты-криминалисты могут использовать специализированное программное обеспечение для извлечения скрытых или удаленных данных, реконструкции прошедших или возможных событий, анализа метаданных. Это повышает эффективность предварительного расследования, но также способно привести к раскрытию информации, которую субъект возможно не хотел бы раскрывать [5, с. 52].

Большую роль в реализации данного вопроса, играет также сложность представления и понимания цифровых доказательств. Отсутствие законодательной прозрачности в процессах фактического получения и анализа цифровых данных, может существенно затруднить возможность подозреваемому/обвиняемому и его защитнику корректно оценить риски и воспользоваться правом на молчание.

Существующий «цифровой след» как косвенное свидетельство факта, еще одна сторона данного вопроса. Даже если сам пользователь не дает показаний на допросе, его «цифровой след» (история поиска, активность в сети, геолокация) может стать косвенным доказательством его причастности к преступному посягательству. Право гражданина на молчание должно распространяться и на уклонение от предоставления доступа к зашифрованным данным или паролям, если это может допустить или привести к созданию таких свидетельств [2, с. 164].

В ходе рассмотрения вопроса о реализации права свидетельского иммунитета, определяется потребность совершенствования процессуального законодательства в разработке норм, регламентирующих процедуру получения доступа к электронным данным, аналогично правилам обыска или выемки. Это может включать в себя получение судебного разрешения в большинстве случаев, кроме ситуаций не терпящих отлагательств.

Требования к добровольности, может устанавливать правила, при которых, любые действия, направленные на получение доступа к личной информации, должны быть добровольными. Принуждение к разблокировке устройств или предоставлению паролей должно рассматриваться как нарушение права на молчание.

Роль судов в толковании и применении норм, касающихся права на молчание и цифровых доказательств, чрезвычайно велика. Необходимо формирование практики, учитывающей баланс между необходимостью расследования и защитой частной жизни.

Одним из главных вызовов является сохранение баланса между эффективностью уголовного преследования и защитой прав личности. С одной стороны, цифровые доказательства могут быть неоценимы для установления истины по делу. С другой стороны, доступ к цифровой информации может привести к массовому нарушению частной жизни и подрыву доверия к правоохранительной системе.

Перспективы развития неразрывно связаны с разработкой правовых стандартов. А именно гармонизация подходов к получению и использованию цифровых доказательств. С внедрением технологий, гарантирующих конфиденциальность, например, развитие криптографических методов и других технологий, позволяющих защитить личные данные. А также повышением цифровой грамотности всех участников процесса [3, с. 417].

Таким образом, право на молчание, оставаясь одним из фундаментальных столпов справедливого уголовного процесса, сталкивается с беспрецедентными вызовами в цифровую эпоху. Цифровые доказательства, будучи мощным инструментом расследования, потенциально могут служить источником давления на обвиняемого и нарушать его право на защиту. Для обеспечения эффективной защиты права на молчание необходимо постоянное совершенствование процессуального законодательства, развитие специализации адвокатов, формирование правоприменительной практики, учитывающей специфику цифровой среды, и, конечно, повышение цифровой грамотности. Только при условии комплексного подхода возможно достижение баланса между интересами правосудия и неприкосновенностью личности в условиях цифрового общества.

Пристатейный библиографический список

1. Маслов А. В. К вопросу о статусе цифровых доказательств и электронной информации в уголовном процессе // Международный научно-исследовательский журнал. – 2023. – № 8. – С. 134.
2. Мочалов А. Н. Цифровые следы человека и неприкосновенность частной жизни // Антиномии. – 2024. – № 4. Том 24. – С. 164-189.
3. Резник Е. А. О цифровой стандартизации / Е. А. Резник // Инновации и инвестиции. – 2023. – № 6. – С. 417-420. – EDN WGRLTQ.
4. Шайназарова Е. М., Самороков А. В. Цифровая трансформация современного общества // Успехи в химии и химической технологии. – 2022. – № 1. Том 36. – С. 250.
5. Янжин Н. В., Егоров В. А. Некоторые особенности получения сведений, содержащихся в базах данных операторов связи, в целях раскрытия и расследования преступлений // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2020. – № 2. – С. 52-56.

2 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 09.04.2026). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 11.05.2026).

САФРОНОВ Дмитрий Михайлович
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса, Омская академия МВД России, полковник полиции

Сафронов Д. М.

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ МЕР ПРИНУЖДЕНИЯ В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ ТРЕБУЕТ УЧЁТА УСЛОВИЙ РЕАЛИЗАЦИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ

Статья посвящена возможности и особенностям применения мер пресечения в особых условиях, связанных с введением специальных правовых режимов военного положения, чрезвычайного положения, контртеррористической операции. Осмысливается их сложившаяся система с точки зрения её полноты, эффективности и целесообразности. Делается вывод о заключении под стражу как универсальной мере пресечения для особых условий уголовного судопроизводства.

Новизна исследования состоит в системном взгляде на возможность применения мер пресечения в специальных правовых режимах, существенно ограничивающих права и свободы лиц. В результате изучения вносятся обоснованные предложения о совершенствовании правового регулирования их применения в особых условиях.

Ключевые слова: особые условия, уголовное производство в особых условиях, условия военного положения, меры пресечения в условиях военного положения, специальная военная операция.

SAFRONOV Dmitriy Mikhailovich
Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal process sub-faculty, Omsk Academy of the MIA of Russia, colonel of police

THE FORMATION OF A SYSTEM OF COERCIVE MEASURES IN SPECIAL CONDITIONS REQUIRES TAKING INTO ACCOUNT THE CONDITIONS FOR THE IMPLEMENTATION OF SPECIAL LEGAL REGIMES

The article is devoted to the possibility and specifics of applying preventive measures in special conditions associated with the introduction of special legal regimes of martial law, state of emergency, and counter-terrorism operations. Their established system is understood from the point of view of its completeness, effectiveness and expediency. It is concluded that detention is a universal preventive measure for special conditions of criminal proceedings.

The novelty of the research lies in a systematic view of the possibility of applying preventive measures in special legal regimes that significantly restrict the rights and freedoms of individuals. As a result of the study, reasonable proposals are made to improve the legal regulation of their use in special conditions.

Keywords: difficult conditions, criminal punishment under special conditions, martial law conditions, preventive measures under military conditions, special military operation.

С 2022 г. Российская Федерация проводит Специальную военную операцию, восстанавливая законность на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей, где введён специальный правовой режим военного положения, и государственные органы осуществляют защиту населения в особых условиях во всех сферах, включая уголовное судопроизводство. Необходимость её применения обусловила принятие отдельных законодательных актов, учитывающих новую ситуацию, касающихся новых участников уголовного судопроизводства [1]; задержания в условиях военного положения [2]; приостановления [3] и прекращения уголовного преследования [4]. Аналогичных модификаций требует система мер пресечения (ст. 98), исходно разработанных для условий повседневной деятельности, когда функционируют все органы власти и есть возможность получать согласие у множества различных лиц во всех мерах пресечения, избираемых без решения суда, включая подписку о невыезде [5]. При этом органы расследования становятся в зависимое положение, за исключением избрания наблюдения командования воинской части в условиях военного времени (ст. 104 УПК РФ). Сложность же в избрании мер пресечения, требующих судебного решения, связана с дополнительными требованиями к органам расследования, в том числе и к перечню документов, которые необходимо предоставлять на судебное заседание [6], а также в необходимости и возможности обеспечения ограничительных мер, налагаемых судом. Следует отметить, что существующие «судебные» меры пресечения не рассчитаны на фактическую удалённость и частичную неукомплектованность органов прокуратуры и судебной власти, снижающие плотность взаимодействия и скорость принятия решений по избранию и применению таких мер. Заключение под стражу имеет преимущества не только из-за низкой эффективности иных мер пресечения, но и в силу того, что выступает «фактором сдерживания», на что, применительно к условиям международного вооружённого конфликта, указал А. Н. Антонов [7, с. 390.]. При этом заключённое под стражу лицо будет находиться не только под контролем, но и под защитой государства, обязанное организовать меры, направленные на противодействие угрозами применения оружия: ракет, бомб, мин, совершения террористических актов, действия диверсионно-разведывательных групп. Важную особенность организации уголовного судопроизводства в особых условиях выделила И. М. Горбатых, отметившая,

что расстояние от органов расследования до органов прокуратуры и суда на новых территориях достигают от 40 до 140 км. [8, с. 19-22.]. А это создает предпосылки для пересмотра существущих процедур, разработанных для условий мирного времени.

Изучив систему мер пресечения, применяемых в условиях военного положения, предлагаем, исходно, сосредоточиться на особенностях применения заключения лица под стражу (ст. 108 УПК РФ). Именно данную меру отметили как эффективную в особых условиях 78 % опрошенных в 2022-2025 г. Арестованное лицо помещается в Следственный изолятор либо на гауптвахту [9], которая формируется по решению командира воинской части либо начальника органа военной полиции, в условиях, обеспечивающих безопасность жизни и здоровья содержащихся в ней военнослужащих, и может располагаться в подвальных и подземных помещениях (сооружения), если нет иной возможности обеспечить безопасность, а также в рамках иных объектов инфраструктуры (зданий, сооружений, платок, или передвижных объектов [10].

Отметим, что ранее выбор в пользу данной меры сделал и отечественный законодатель в период усиления борьбы с организованной преступностью и бандитизмом в 1994-1997 гг., когда в Указе Президента РФ от 14 июня 1994 г. № 1226, прямо закреплялось, что к подозреваемым и обвиняемым по делам о бандитизме и иных проявлениях организованной преступности в качестве меры пресечения не применялись подписка о невыезде, личное поручительство, поручительство общественных организаций и залог (Абз. 3 п. 1 Указа) [11] – то есть устанавливался фактический запрет на применение всех иных мер пресечения, кроме заключения под стражу. Сложившуюся в тот период особых условий ситуацию и созданный механизм, направленный на её преодоление, рассматриваем как проявление особых условий в государстве.

Интересным в этой связи оказалось изучение 150 уголовных дел, расследованных и рассмотренных в 2023-2025 гг. на территории проведения СВО: в ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областях. Оно показало, что по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях избиралась мера пресечения в виде заключения под стражу. Уголовные дела с иными мерами пресечения не встретились, что косвенно свидетельствует о трудности их применения. На наш взгляд, в особых условиях сомнительно применение **наблюдения командования воинской части:** оно не только может не достичь целей воздействия, но и сформировать новые угрозы: ибо безоружный воин может сам становится безопасной целью для противника [12, с. 6-11.]. Потому в качестве альтернативы заключению под стражу в особых условиях может выступить лишь **обязательство о явке по вызовам** (ч. 4 ст. 86 УПК РФ), не требующее ни согласования с иными лицами, ни судебного решения. В этой связи заметим, что было бы разумным при применении данной меры ставить лицо в статус подозреваемого уведомлением о подозрении, аналогичным применяемому в дознании (ст. 223 УПК РФ).

Второе, для ускорения уголовного судопроизводства в особых условиях предлагаем расширить пределы применения заключения под стражу на случаи, не терпящие отлагательства (ч. 5 ст. 165 УПК РФ).

Третье, в особых условиях представляется правильным отказаться от проведения открытых судебных заседаний с приглашением участников и допуском не участников процесса.

Четвёртое, на этот период видится разумным предложить предоставить дополнительную автономию прокурору, на которого при отсутствии назначенных судей возлагалась бы обязанность санкционировать арест при расследовании преступлений в освобождённых районах. Такой порядок прошёл успешную апробацию во время Великой Отечественной войны, доказав свою эффективность [13, с. 27.]. Также полагаем, что при отсутствии прокурора следует допустить возможность продления срока задержания в особых условиях ещё на 30 суток. Такие ситуации, на наш взгляд, могут чаще возникать в условиях военного положения, но не исключены и в условиях чрезвычайного положения и контртеррористической операции. Для сравнения отметим, что в Греции, максимальный срок предварительного заключения составляет 6 месяцев за проступки и 1 год за преступления. Однако он может быть продлён «*во всех исключительных случаях*» на 3 и 6 месяцев соответственно (ч. 4 ст.6 Конституции Греции) [14] то есть не менее чем в 1,5 раза. Возможно о схожем решении вопроса следует задуматься и при формировании отечественного законодательства, для особых условий.

Пятое. Видится сомнительным осуществить реальную проверку наличия иммунитетов от уголовной ответственности в отношении лиц, вовлекаемых в орбиту уголовного судопроизводства: более того, персональная ценность таких лиц не должна быть выше общественной. В этой связи полагаем возможным предложить в условиях военного положения, чрезвычайного положения, контртеррористической операции приостанавливать действие дополнительных гарантий, ограничивающих возможность применения заключения под стражу в отношении отдельных категорий лиц и по отдельным категориям дел (ч. 1.1, ч. 1.2, ч. 2.1, ч. 3.1 ст. 108 УПК РФ).

Шестое, следует восстановить в качестве основания для избрания меры пресечения при заключении под стражу мотив одной лишь опасности. Аналогичный законопроект в поддержку этой идеи был внесён в Государственную Думу Федерального Собрания РФ ещё в феврале 2025 г. [15]. Такое полномочие было ранее закреплено в ч. 2 ст. 96 УПК РСФСР 1960 г. и применялась к лицам, обвиняемым в совершении тяжких и особо тяжких преступлений против общества и государства, жизни и здоровья, собственности и безопасности общества: измене родине, разглашении государственной тайны, бандитизме, убийстве и ряде других преступлений.

Таким образом, осмысление правового регулирования избрания и применения мер пресечения в особых условиях, позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Система мер пресечения, сформированная в УПК РФ, не адаптирована под деятельность по раскрытию и расследованию преступлений в особых условиях, что может не только не позволить достичь искомых целей, но и начать препятствовать этому. В этой связи видится разумным ограничиться лишь мерами пресечения, лишающими свободы лица В остальных случаях следует ограничиться обязательством о явке.

2. В условиях значительной удалённости органов расследования от органов прокуратуры и суда, частичной либо полной несформированностью последних, видится разумным предусмотреть возможность при отсутствии суда предоставлять право решать вопрос об избрании меры пресечения прокурору, а при отсутствии прокурора –дознавателю и следователю, допустив в исключительных случаях в особых условиях продление срока задержания ещё до 30 суток.

3. Представляется правильным в особых условиях вернуть при заключении лица под стражу мотив «в виду одной лишь опасности.

Пристатейный библиографический список

1. О внесении изменений в статью 331 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 28.12.2024 № 507-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 31.07.2023 г. № 396-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 23.03.2024 № 64-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. О внесении изменений в статью 78.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 02.10.2024 № 340-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лебедева Александра Евгеньевича на нарушение его конституционных прав статьёй 102 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 22.01.2014 № 27-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определённых действий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41. (Пункт 13). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
7. Антонов А. Н. Расследование преступлений в условиях международного вооружённого конфликта (Правовое обеспечение, организация, методика): дис. ... докт. юрид. наук: 5.1.4. Ульяновск, 2022. 546 с.
8. Горбатых И. М. О некоторых проблемных вопросах организации расследования преступлений в особых условиях // Организационные и правовые особенности деятельности органов внутренних дел в особых условиях (специальных правовых режимах): теория и практика: материалы Международной научно-практической конференции, г. Мариуполь, 6 февраля 2025 г. – Электрон. дан. (7,2 Мб). Волгоград: ВА МВД России, 2025. 1 электрон. опт. диск (DVD-R). – Систем. требования: частота процессора не менее 2 ГГц; операционная система от Windows XP SP3 до Windows 11; оперативная память не менее 2 Гб; 7,2 Мб свобод. диск. пространства; разрешение экрана не менее 800 х 600; оптический привод DVD-ROM/RW; Adobe Acrobat Reader 8.0 и выше. – Текст: электронный. С. 19-22.
9. О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: федеральный закон от 15.07.1995 № 103-ФЗ. (ст. 11). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
10. Об определении Порядка и особенностей формирования и оборудования гауптвахты в полевых условиях, а также организации её деятельности, Особенностей содержания задержанных военнослужащих Вооружённых Сил Российской Федерации на гауптвахте, оборудованной в полевых условиях, и Особенностей исполнения дисциплинарного ареста и содержания военнослужащих Вооружённых Сил Российской Федерации на гауптвахте, оборудованной в полевых условиях: приказ Министра обороны РФ от 26.09.2024 № 575. Зарегистрировано в Минюсте России 19.11.2024 № 80233. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
11. О неотложных мерах по защите населения от бандитизма и иных проявлений организованной преступности: указ Президента РФ от 14.06.1994 № 1226 // Собрание законодательства РФ. 20.06.1994. № 8. Ст. 804.
12. Меркурьев В.В. Обеспечение законности в Вооружённых Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах, в которых предусмотрена военная служба // Право в Вооружённых Силах. 2017. № 2. С. 6-11.
13. Хмелева А.В. Страницы истории: следствие в годы Великой Отечественной войны (на основе архивных материалов по Воронежской области) // История государства и права. 2015. № 9. С. 27.
14. Конституции Греции 1975 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hri.org/docs/syntagma/ (дата обращения: 26.01.2024)
15. Шишкина Т. Арест за преступления против общественной безопасности одобрил комитет Госдумы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.pnp.ru/social/arest-za-prestupleniya-protiv-obshhestvennoy-bezopasnosti-odobril-komitet-gosdumy.html?clckid=9a21a6c1 (обращения: 11.11.2025).

СТРАХОВА Светлана Вячеславовна
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса, криминалистики и участия прокурора в уголовном судопроизводстве, Крымский юридический институт (филиал), Университет прокуратуры Российской Федерации, г. Симферополь

Страхова С. В.

КОНФИСКАЦИЯ ИМУЩЕСТВА КАК МЕРА УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА: ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ

В статье проанализировано понятие и сущность конфискации имущества как меры уголовно-правового характера. Исследованы проблемы применения конфискации имущества на примерах из практики участия прокуроров в рассмотрении уголовных дел судами. Сделаны выводы о том, что конфискация имущества является безальтернативной мерой уголовно-правового характера и подлежит обязательному применению при наличии оснований и соблюдении условий, указанных в статьях 1041, 1042 УК РФ; государственным обвинителям следует ориентировать суды на правильное применение положений статьи 1041 УК РФ, при невозможности конфискации имущества, – на применение конфискации эквивалента стоимости такого имущества, своевременно проверять законность и обоснованность судебных решений в части разрешения вопроса о конфискации имущества, при наличии оснований своевременно принимать меры апелляционного и кассационного реагирования.

Ключевые слова: конфискация имущества, конфискация орудий, оборудования и иных средств совершения преступлений, поддержание государственного обвинения.

STRAKHOVA Svetlana Vyacheslavovna
Ph.D. in Law, associate professor, Head of Criminal process, criminalistics and prosecutor's participation in criminal proceedings sub-faculty, Crimean Institute of Law (Branch) University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Simferopol

CONFISCATION OF PROPERTY AS A CRIMINAL LAW MEASURE: ISSUES OF PRACTICAL APPLICATION

The article analyzes the concept and essence of confiscation of property as a criminal law measure. The issues of application of confiscation of property are examined through examples from the practice of prosecutor's participation in court proceedings on criminal cases.

It is concluded that property confiscation is a non-alternative measure of criminal law and must be applied when there are grounds and in accordance with the conditions specified in Articles 104.1 and 104.2 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Public prosecutors should guide the courts towards the correct application of the provisions of Article 104.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.

In cases where the confiscation is not possible public prosecutors should advocate for the confiscation of the equivalent value of such property. Moreover, public prosecutors must verify the legality and validity of judicial decisions concerning the confiscation of property in a timely manner and, if there are grounds, to take measures of appellate or cassation response.

Keywords: confiscation of property, confiscation of tools, equipment and other means of committing crimes, maintenance of public prosecution.

Юридический институт конфискации имущества прошел тысячелетнюю историю развития, трансформируясь от «разграбления», которое упомянуто в «Русской правде» как часть наказания за такие наиболее тяжкие преступления как убийство в разбое, казнокрадство, поджог, состоявшего в лишении имущественных прав [3, с. 449], и вида дополнительного наказания за государственные и тяжкие корыстные преступления в Уголовном кодексе (далее – УК) РСФСР 1960 года до иной меры уголовно-правового характера в действующем уголовном законодательстве России.

Современный этап развития правового института конфискации имущества характеризуется высокой степенью динамичности. Так, статья 52 УК РФ 1996 года предусматривала конфискацию имущества в качестве дополнительного наказания, однако Федеральным законом от 08 декабря 2003 года № 162[1] она признана утратившей силу. Вместе с тем норма ст. 81 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), предусматривающая конфискацию имущества, полученного в результате преступных действий, была сохранена. Д. К. Баргаев называет этот период «периодом конфискации имущества уголовно-процессуальными средствами» [1, с. 52].

С 27 июля 2006 года, в том числе по инициативе Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Федеральным законом от 27.07.2006 № 153-ФЗ[2] раздел VI УК РФ дополнен главой 15[1] «Конфискация имущества». В первоначальной

1 О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45408/ (дата обращения: 07.05.2026).

2 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации конвенции совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму»: федеральный закон от 27.07.2006 № 153-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61802/ (дата обращения: 06.05.2026).

редакции норма ст. 104[1] УК РФ определяла конфискацию имущества как принудительное безвозмездное обращение по решению суда в собственность государства имущества, указанного в пунктах «а»-«г» настоящей статьи. Федеральным законом от 25 декабря 2008 года № 280-ФЗ[3] в определение конфискации имущества внесены важные уточнения. Как отмечает О. Н. Тюшнякова, «особо обозначен элемент изъятия имущества, подлежащего конфискации, а также регламентирован порядок конфискации именно по приговору суда» [4, с. 89-90]. В действующей редакции ч. 1 ст. 104[1] УК РФ понятие конфискации определено как принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора имущества, перечисленного в п.п. «а»-«д» настоящей статьи.

В течение последних четырех лет законодателем уточнялись виды имущества, подлежащего конфискации. Так, пунктом «д», согласно которому предусмотрена конфискация транспортного средства, принадлежащего обвиняемому и использованного им при совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 264[1], 264[2] или 264[3] УК РФ, ч. 1 ст. 104[1] УК РФ дополнена в 2022 году. В 2026 году в качестве имущества, подлежащего конфискации, признана цифровая валюта[4]. Вместе с тем, исходя из конституционно-правового смысла конфискации имущества, который согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации заключается в осуществляемой в судебном порядке принудительном лишении правонарушителя права собственности на имущество, определенным образом связанного с совершенным правонарушением, в том числе орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, принадлежащие обвиняемому, и в безвозмездном обращении его в собственность государства[5], какого-либо перечня имущества, не подлежащего конфискации (за исключением имущества, имеющего исполнительский иммунитет), не существует. Таким образом, при наличии законных оснований и соблюдения условий, указанных в ст. ст. 104[1], 104[2] УК РФ, конфискация применима в отношении любого имущества, вне зависимости от его характеристик, связанного с совершением преступления и способствовавшего достижению преступного результата.

Об этом, в частности, свидетельствует формирующаяся судебная практика применения конфискации объектов недвижимого имущества, а именно, жилых помещений, земельных участков, по ст. 322[3] УК РФ[6]. При этом во всех случаях государственные обвинители и суды исходили из того, что квартиры, жилой дом являлись непосредственным средством совершения преступлений, без которых преступления невозможно было бы совершить, устанавливалась их непосредственная связь с достижением преступного результата, а также факты фиктивности постановки на учет иностранных граждан и повторности действий подсудимых. Следует подчеркнуть, что осужденные, являлись собственниками объектов недвижимости, и конфискованное у них жилье не было единственным.

В этой связи, в частности, Ю. К. Краснов обращает внимание на дифференцированный подход законодателя к вопросам конфискации, который нашел отражение в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14.06.2018 N 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве» (далее – Постановление № 17): «если в отношении денег, ценностей и иного имущества, полученного в результате преступной деятельности, конфискация возможна только при совершении преступлений, строго указанных в ст. 104[1] УК РФ, то орудия, оборудование и иные средства совершения преступления, указанные в п.п. «г», «д» ч. 1 ст. 104[1] УК РФ, могут быть конфискованы по уголовным делам о преступлениях, перечень которых не ограничен, при условии, что это имущество принадлежат обвиняемому» [2, с. 26-27].

В силу требований ст. ст. 104[1], 104[2] УК РФ, а также с учетом положений Постановления № 17, конфискация имущества, в том числе транспортных средств согласно п. «д» ч. 1 ст. 104[1] УК РФ, подлежит обязательному применению при наличии оснований и соблюдении условий, предусмотренных нормами главы 15[1] УК РФ[7]. Таким образом, при наличии указанных оснований и условий конфискация имущества является безальтернативной мерой уголовно-правового характера, не зависит от усмотрения суда и подлежит применению независимо от наличия (отсутствия) тех или иных обстоятельств, влияющих на размер наказания, в том числе условий жизни и материального положения осужденного и членов его семьи.

На безусловное применение конфискации имущества по всем уголовным делам, по которым в соответствии со ст. 104.1 УК РФ предусмотрено применение данной меры уголовно-правового характера, требует ориентировать суды при поддержании государственного обвинения. Генеральный прокурор Российской Федерации, а при невозможности конфискации имущества, – на применение конфискации эквивалента стоимости такого имущества в соответствии со ст. 104.2 УК РФ[8].

3 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных наций против коррупции от 31 октября 2003 года и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и принятием Федерального закона «О противодействии коррупции»: федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 280-ФЗ // Российская газета. – 2008. - № 266 (31 декабря).

4 О внесении изменений в статью 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 20.02.2026 N 38-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_527055/.

5 По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 81 и статьи 401.6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина А. Е. Певзнера: постановление Конституционного Суда РФ от 07.03.2017 № 5-П // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_213815/.

6 В Белоярском районе местная жительница осуждена за фиктивную постановку на учет иностранных граждан с конфискацией жилого дома и земельного участка в доход государства / Прокуратура Свердловской области. 27 февраля 2026. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_66/mass-media/news/regional/e8405244/ (дата обращения: 04.04.2026); В Екатеринбурге вынесен приговор по уголовному делу о фиктивной постановке на учет иностранцев с конфискацией жилья в доход государства / Прокуратура Свердловской области. - 10.03.2026. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_66/mass-edia/news/regional/e8415657/ (дата обращения: 04.04.2026).

7 О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2018 № 17 (ред. от 12.12.2023) // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_300232/ (дата обращения: 05.05.2026).

8 Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства: приказ Генерального прокурора Российской Федера-

Между тем анализ судебной и прокурорской практики показывает, что суды не всегда в полной мере применяют положения главы 15[1] УК РФ, а государственные обвинители не всегда ориентируют суд на конфискацию предмета взятки или денежных средств, эквивалентных сумме взятки. Так, в некоторых случаях суды, не применяя положения ст. 104[2] УК РФ, ошибочно ссылаются на то, что конфискация является правом, а не обязанностью суда, таким образом, имущество, полученное в результате совершения преступления или явившееся средством его совершения, в доход государства не обращается. В подобных случаях, как правило, незаконные приговоры оспариваются по инициативе государственных обвинителей.

Наряду с этим судами допускаются ошибки при решении вопросов о конфискации предметов, используемых при совершении преступлений, денежных средств, добытых преступным путем, в том числе в результате совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств. Указанные нарушения подчас остаются без внимания государственных обвинителей, в связи с этим незаконные судебные решения оспариваются в апелляционном порядке лишь по инициативе аппаратов прокуратур субъектов Российской Федерации.

Так, приговором районного суда от 13.02.2025 М. осужден за покушение на незаконный сбыт наркотических средств. Из установленных судом фактических обстоятельств совершения М. преступлений следует, что последний приобрел наркотическое средство, которое перевез на принадлежащем ему автомобиле и в дальнейшем использовал его для совершения «тайниковых закладок» и хранения наркотиков. Учитывая положения п. «г» ч. 1 ст. 104[1] УК РФ и разъяснения, содержащиеся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами», суду первой инстанции необходимо было конфисковать автомобиль в доход государства, однако суд данную меру уголовно-правового характера не применил.

По другому уголовному делу в отношении Д., обвиняемого за покушения на сбыт наркотических средств, а также легализацию денежных средств, приобретенных в результате совершения преступлений, Д. совершил финансовые операции на торговой площадке по обмену криптовалюты, полученной за наркотические средства, на рубли, в результате чего денежные средства в размере 228 870 рублей введены в легальный экономический оборот. В нарушение требований, предусмотренных п. «а» ч. 1 ст. 104[1] УК РФ, а также п. 2 Постановления № 17, суд, постановляя в отношении Д. обвинительный приговор, вопрос о конфискации денежных средств (иного имущества) в размере, эквивалентном сумме, полученной в результате совершения преступлений, не рассмотрел[9].

Кроме того, имеются неединичные примеры, когда в апелляционном порядке незаконные приговоры в части неприменения конфискации не оспариваются и пересматриваются лишь в кассационном порядке. Так, оспорен приговор в отношении Р. и М., признанных виновными в преступлении, предусмотренном п. п. «а», «б» ч. 5 ст. 290 УК РФ. Судом первой инстанции и государственным обвинителем необходимость применения конфискации оставлена без внимания, что стало основанием для отмены Пятым кассационным судом общей юрисдикции данного приговора с направлением уголовного дела на новое рассмотрение[10].

В этой связи государственным обвинителям надлежит неукоснительно следовать требованиям приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 30.06.2021 № 376 об обеспечении своевременной проверки законности и обоснованности судебных решений в части разрешения вопроса о конфискации имущества и судьбы арестованного имущества. В случаях неприменения судами конфискации имущества при наличии оснований, включая необоснованный отказ в конфискации, неправильное разрешение судьбы арестованного имущества, оспаривать неправосудные судебные решения в апелляционном порядке, а в случае отказа в удовлетворении апелляционных представлений инициировать дальнейшее оспаривание в кассационном порядке[11].

Подчас ошибки государственных обвинителей, судов первой, апелляционной и кассационной инстанций в части неприменения конфискации имущества приводят к пересмотру состоявшихся судебных решений в Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации по кассационным представлениям Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Так, по уголовному делу П. признана виновной в получении должностным лицом взятки в виде денег за совершение действий в пользу взяткодателя, если эти действия входят в служебные полномочия должностного лица, в значительном размере. При этом вопреки требованию положений п. «а» ч. 1 ст. 104[1] УК РФ, а также разъяснению, содержащемуся в п. 4 Постановления № 17, суд, установив факт получения П. взятки в виде наличных денег и денежных переводов на сумму 75 000 рублей, не рассмотрел вопрос о конфискации денежных средств, полученных ею в качестве незаконного вознаграждения. Государственным обвинителем предложение о применении судом конфискации указанных денежных средств не высказывалось.

По кассационному представлению заместителя Генерального прокурора Российской Федерации, состоявшиеся по делу решения судов первой, апелляционной и кассационной инстанции в части неприменения конфискации предмета взятки отменены с передачей на новое судебное разбирательство в порядке, предусмотренном ст. 397, 399 УПК РФ[12].

Однако имеют место неединичные решения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, которыми доводы кассационных представлений в части неприменения нижестоящими судами конфиска-

ции от 30.06.2021 № 376 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.05.2026).

9 О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 228.1 УК РФ, рассмотренных судами края в первом полугодии 2025 года: информационное письмо от 28.07.2025 // Прокуратура Краснодарского края. - Краснодар, 2025. - С. 1-2.

10 О практике применения судами края норм о конфискации имущества по результатам рассмотрения уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности за 2024 год: информационное письмо от 18.03.2025 // Прокуратура Ставропольского края. - 2025. - С. 3.

11 Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства: приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 30.06.2021 № 376 (ред. от 16.04.2026).

12 Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 12.02.2025 № 67-УДП24-24-К8 // ЮИС Легалакт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-12022025-n-67-udp24-24-k8/(дата обращения: 05.05.2026).

ции имущества, полученного в результате совершения преступлений, признаны обоснованными, однако не подлежащими удовлетворению в силу истечения годичного срока, в который возможен пересмотр вступивших в законную силу судебных решений по основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного[13] – одним из таких оснований является необходимость применения норм УК РФ о конфискации имущества. В этой связи значимость своевременности проверки законности и обоснованности судебных решений в части неприменения конфискации имущества, а также апелляционного и кассационного реагирования трудно переоценить.

Следует отметить, что подчас суды не применяют конфискацию вопреки позиции государственных обвинителей. В таких ситуациях лишь принципиальность и настойчивость прокуроров позволяют добиваться законных судебных решений.

Так, по результатам кассационного оспаривания отменен приговор городского суда от 12.04.2024 в отношении П., осужденного по ч. 2 ст. 290 УК РФ за получение взятки в размере 20 000 рублей. Суды первой и апелляционной инстанций вопреки доводам государственного обвинителя не применили положения о конфискации. Пятый кассационный суд общей юрисдикции позицию прокурора счёл обоснованной, признав предыдущие решения судов незаконными. По результатам повторного рассмотрения судом первой инстанции принято решение о конфискации суммы взятки в размере 20 000 рублей[14].

Кроме того, суды в некоторых случаях неправильно разрешают вопрос о судьбе вещественного доказательства – предмета взятки, подлежащего конфискации в силу требований статьи 81 УПК РФ и 104^1 УК РФ. Указанные решения принимаются, в частности, по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 291 и 291^2 УК РФ. Поскольку дача взятки в перечень преступлений, указанный в п. «а» ч. 1 ст. 104^1 УК РФ, законодателем не включена, поэтому суды либо ограничиваются указанием на обращение денежных средств в доход государства, не ссылаясь на какую-либо норму закона, либо ссылаются в приговорах на ст. 81 УПК РФ, регламентирующую порядок решения судьбы вещественных доказательств, а также на ст. 309 УПК РФ, обязывающую суд такое решение указать в резолютивной части приговора. Указанные решения принимаются без учета требований нормы п. «г» части 1 статьи 104^1 УК РФ о конфискации орудий, оборудования и иных средств совершения преступления, принадлежащих обвиняемому. Кроме того, вопреки положениям п. 4 Постановления № 17, имеют место случаи, когда средства, переданные в виде взятки, суды не конфисковывают, а возвращают взяткодателю.

Так, приговором районного суда от 04.10.2024 П. признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 291 УК РФ. При этом в судебном заседании установлено, что денежные средства, переданные П. в качестве взятки посредством электронного платежа, были впоследствии ей возвращены и остались в её владении. Суд, располагая данными сведениями, решение о конфискации предмета взятки либо его эквивалента при постановлении приговора не принял. Неправосудное решение оспорено государственным обвинителем. Суд второй инстанции признал доводы прокурора обоснованными и постановил конфисковать предмет взятки – 30 000 рублей, как средство совершения преступления[15].

Учитывая вышеизложенное, государственным обвинителям следует ориентировать суды на правильное применение положений п. «г» ч. 1 ст. 104^1 УК РФ по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. ст. 291, 291^2 УК РФ, с учетом позиции Верховного Суда Российской Федерации по данному вопросу.

С учетом вышеизложенного активная, наступательная позиция государственных обвинителей в отношении применения судами норм ст. ст. 104^1, 104^2 УК РФ при наличии законных к этому оснований будет, во-первых, способствовать достижению превентивной цели правосудия – удерживать самих виновных и иных лиц от совершения преступлений, а также от противозаконного использования принадлежащего им имущества в качестве орудий или средств совершения преступлений, а во-вторых, принятию законных, обоснованных судебных решений, созданию условий, в которых незаконно полученное имущество, доходы от него, орудия, оборудование и иные средства совершения преступлений не остаются в распоряжении виновных лиц, а обращаются в доход Российской Федерации, что направлено на восстановление социальной справедливости как одной из целей правосудия.

Пристатейный библиографический список

1. Баргаев Д. К. Современное состояние уголовно-правовой конфискации имущества // Полицейская и следственная деятельность. - 2022. № 2. - С. 50-59. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37393 (дата обращения: 04.05.2026).
2. Краснов Ю. К. Институт конфискации имущества в уголовном праве России: уроки борьбы с доходами, полученными преступным путем, в оценке Верховного Суда РФ // Право и управление. XXI век. - 2018. - № 2 (47). - С. 22-30.
3. Степенко А. В., Ратко Т. А. Развитие института конфискации имущества в отечественном уголовном законодательстве // Ученые записки Тихоокеанского государственного университета. - 2014. - Т. 5. № 4. - С. 448-455.
4. Тюшнякова О. В. Анализ конфискации имущества: история и современность // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. - 2010. - № 72.- С. 79-90.

13 Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13.05.2025 № 4-УДП25-11-К1 // ЮИС Легалакт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-13052025-n-4-udp25-11-k1/ (дата обращения: 05.05.2026); Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 08.07.2025 № 4-УДП25-25-К1 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.05.2026).

14 Там же, с.2.

15 Там же, с .2.

ЧУРАКОВ Денис Сергеевич
аспирант, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАКОННОСТИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Статья посвящена исследованию особенностей обеспечения законности в уголовно-процессуальной деятельности в условиях цифровизации. Актуальность темы обусловлена активным внедрением цифровых технологий в сферу уголовного судопроизводства, что трансформирует традиционные подходы к обеспечению законности и требует их теоретического осмысления и нормативного уточнения. Целью исследования является раскрытие трансформации содержания законности с учётом современных цифровых преобразований, а также выявление специфики ее обеспечения на досудебных этапах уголовного процесса.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы познания (анализ, синтез, системный подход), а также специальные юридические методы: формально-юридический, сравнительно-правовой метод. В статье проведён анализ научных подходов к определению понятия законности, действующего уголовно-процессуального законодательства и практики его применения в условиях цифровизации.

В результате установлено, что традиционное понимание законности как строгого соблюдения норм права является недостаточным в условиях цифровизации. Обоснована необходимость расширительного подхода, включающего обеспечение реальных гарантий прав и свобод личности. Выявлено, что цифровые технологии, с одной стороны, способствуют повышению прозрачности и эффективности уголовного процесса, а с другой – создают риски нарушения законности, связанные с недостаточной правовой регламентацией и техническими ограничениями.

Ключевые слова: законность, зашита прав, информационные технологии, принцип законности, процессуальные гарантии, уголовный процесс, цифровые технологии.

CHURAKOV Denis Sergeevich
postgraduate student, O. E. Kutafin Moscow State Law University

ENSURING THE LEGALITY OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION: PROBLEM STATEMENT

The article is devoted to the study of the specifics of the implementation of the principle of legality in criminal procedural activities in the context of digitalization. The relevance of the topic is due to the active introduction of digital technologies into the field of criminal justice, which transforms traditional approaches to ensuring legality and requires their theoretical understanding and regulatory clarification. The purpose of the study is to reveal the content of the principle of legality, taking into account modern digital transformations, as well as to identify the specifics of its implementation at various stages of the criminal process.

The methodological basis of the research consists of general scientific methods of cognition (analysis, synthesis, systematic approach), as well as special legal methods: formal legal, comparative legal method. The paper analyzes scientific approaches to defining the concept of legality, current criminal procedure legislation and the practice of its application in the context of digitalization.

As a result, it has been established that the traditional understanding of legality as strict observance of the norms of law is insufficient in the context of digitalization. The need for an expansive approach is substantiated, including ensuring real guarantees of individual rights and freedoms, the effectiveness of law enforcement agencies and the sustainability of law enforcement practice. It has been revealed that digital technologies, on the one hand, contribute to increasing transparency and efficiency of the criminal process, and on the other hand, create new risks of violation of the rule of law associated with insufficient regulation and technical restrictions.

Keywords: legality, protection of rights, information technology, principle of legality, procedural guarantees, criminal procedure, digital technologies.

Реализация комплекса организационно-правовых мер, направленных на укрепление состояния законности в уголовно-процессуальной сфере выступает одной из приоритетных задач современной уголовной политики, поскольку затрагивает как интересы государства, так и его отдельных граждан. Очевидно, что результативность данного процесса напрямую влияет на состояние криминализации оперативной обстановки в стране, а также должное обеспечение конституционно-правовых гарантий граждан, являющихся участниками указанных правоотношений.

Сравнение имеющихся научных позиций позволяет говорить о том, что на сегодняшний день в науке не выработано единых методологических походов к трактовке содержания понятия «законность». Первая группа авторов понимает законность как обязанность строгого и неуклонного соблюдения и исполнения всеми субъектами права действующих законов [1, с. 218]. По нашему мнению, подобное толкование является узким и по смыслу, и по содержанию. Согласимся с точкой зрения тех правоведов, которые помимо обязательности исполнения законодательно установленных нормативных правовых норм вкладывают в содержание данного правового явления и другие составляющие, а именно:

– создание условий, гарантирующих реальное осуществление гражданами своих прав;

– реализацию мер по поддержанию независимого и результативного правосудия;

– эффективность правоохранительной работы соответствующих государственных структур [2, с. 334].

В современных российских реалиях общая трактовка понятия «законность», а также применение его к конкретной отрасли права, будут взаимообусловлены тем приоритетом общечеловеческих ценностей (прав, свобод, законных интересов), которые задекларированы Конституцией РФ.[1] Вместе с тем, отметим, что применительно к уголовно-процессуальному праву, «законность», наполняясь прикладным значением, обладает определёнными индивидуальными характеристиками.

Прежде всего, следует сказать о прямой взаимосвязи назначения уголовного судопроизводства, отражённого в ст. 6 Главы II действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации[2] (далее по тексту УПК РФ), и теми стандартными правилами, которые выступают в качестве его базовых установок. Последние помещены в Главу II указанного нормативного правового акта, поименованную как «Прин-

1 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.pravo.gov.ru . – 2022 (6 октября). - № 0001202210060013.

2 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001г. № 174-ФЗ // Российская газета. – 22.12.2001. - № 249.

ципы уголовного судопроизводства». Среди них и межотраслевой принцип законности, закрепленный в ч. 2,3 ст. 15, ст. 49, 120, 123 Конституции РФ, сформулированный законодателем как «законность при производстве по уголовному делу». Анализируемый принцип раскрывается в положениях ст. 7 УПК РФ. Значимость данного принципа определяется его императивным характером и тем главенствующим положением, который он занимает среди остальных принципов уголовного процесса, прямо вытекающих из данного императива. В рамках досудебного производства целевое назначение законности для представителей органов уголовного преследования связана с обеспечением прав и свобод личности, независимо от того, чью сторону она представляет,– обвинения или защиты.

Акцентируем внимание на том, что в настоящее время стратегический курс развития Российской Федерации определяется активной эволюцией научных исследований в информационно-технологической области и, как следствие, цифровизацией многих отраслей государственной деятельности[3]. Данное обстоятельство нашло своё отражение и в уголовном процессе, в том числе на его досудебных стадиях, в виде внесения соответствующих изменений в законодательство ((ст. ст. 81, 81.1, 82, ч. 4 ст. 108, 164.1, 164.2, 166, 189.1 УПК РФ) в части изъятия электронных носителей информации, использования видео-конференц-связи (далее по тексту ВКС), цифровых доказательств, электронных документов и пр.), а также устойчивой тенденции применения современных технических средств и технологий. Происходящие изменения определяются в научных источниках термином «цифровизация». Последняя содержательно раскрывается как внедрение в уголовно-процессуальную деятельность цифровых технологий в виде технических устройств, приспособлений, позволяющих получать и обрабатывать информацию в цифровой форме, а также осуществлять ее хранение и передачу. Использование действенных цифровых инструментов способствует оперативному сбору необходимой информации (личной, следовой, технической, банковской и пр.), а также ее систематизации и фиксации в соответствии с установленной процессуальной формой, то есть оказывает непосредственное влияние на формирование доказательственной базы по уголовному делу и, в конечном счёте, влияет на эффективность реализации назначения уголовного судопроизводства.

Вместе с тем происходящие процессы цифровизации уголовного процесса порождают и научную полемику относительно процессуальной формы данных манипуляций, расширения вариативности продуктов искусственного интеллекта для дальнейшего их внедрения в деятельность по расследованию криминальных деяний, обоснования этичности данного применения и соотношения с базовыми началами уголовно-процессуального права, в том числе в части обеспечения законности. Согласимся с О. А. Малышевой в части того, что цифровизация досудебного уголовного производства «…сопряжена с рисками необоснованного ограничения прав, законных интересов участников досудебного производства» [3, с. 29].

Рассмотрим это на примере правового регулирования применения систем ВКС на досудебных стадиях уголовного судопроизводства (ст. 189.1 УПК РФ). Прежде всего, отметим отсутствие понятийного аппарата, имеющего четкие критерии применения ВКС. Так, например, законодатель не раскрывает содержания таких понятий как «необходимость» и «исключительный случай» при использовании ВКС, возлагая, по – сути, на правоприменителя всякий раз производить оценочную работу. В законе не содержится перечня оснований производства следственных действий с применением ВКС, не конкретизирован круг их участников, не определены обстоятельства, наличие которых исключает возможность применения ВКС.

Научная полемика возникает и в части возможности согласования общей позиции защиты между подозреваемым, обвиняемым и их защитником в случае применения ВКС. Так, А. Л. Осиповым высказывается точка зрения о возможном ограничении права на защиту в случае использование указанного ресурса, поскольку у названных участников процесса нет технической возможности общаться конфиденциально, особенно в зале судебного заседания [4, с. 44]. А. В. Победкин [5, с. 201] и О. В. Малышева [3, с. 30] справедливо отмечают несовершенство процедуры ознакомления с протоколами, фиксирующими результаты следственных действий, проведённых с применением ВКС. Это выражается в том, что в рамках исследуемой нормы императивно ограничена возможность личного прочтения протокола лицом, с которым собственно и проводилось следственное действие, ввиду чего указанный участник не может в полной мере убедиться в точности и достоверности фиксации его хода и результатов. В свою очередь, существенные нарушения порядка применения ВКС формируют риски признания полученных сведений недопустимыми доказательствами, влекут необходимость повторного процессуального действия, что не способствует формированию необходимого баланса между процессуальной экономией и защитой прав личности.

Для исключения случаев должностных злоупотреблений, обеспечения прав и законных интересов личности в уголовном процессе, полагаем необходимым внести в УПК РФ изменения в виде:

– закреплённого перечня оснований производства следственных действий с применением ВКС;

– расширенного круга участников данных действий, включив туда, помимо уже предусмотренных потерпевшего, свидетеля, подозреваемого, обвиняемого, дополнительно эксперта, специалиста, психолога, представителя потерпевшего и защитника. Указанные изменения потребуют и приведение в соответствие процессуальных норм, регламентирующих процессуальный статус данных субъектов;

– обстоятельств, наличие которые исключает возможность применения ВКС;

– возможности (при наличии соответствующего ходатайства) личного ознакомления невластного участника с протоколом следственного действия, проведённого с применением режима ВКС;

– определения правового статуса следователя-исполнителя поручения.

В заключение отметим, что каким бы разнообразным не был спектр научных мнений, очевидно, что дальнейшая цифровая трансформация уголовного процесса ставит перед законодателем задачу выработки таких правовых и организационных мер, которые, одновременно, способствовали бы процессуальной экономии и не умаляли конституционных гарантий прав личности, то есть выступали в качестве средства обеспечения законности уголовно-процессуальной деятельности.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев С. С. Общая теория права. Т. 1. – М.: Юридическая литература, 1981.
2. Малиновский А. А. Комментарий к термину «законность» // Российская юридическая энциклопедия / под ред. А. Я. Сухарева. – М.: Инфра-М, 1999.
3. Малышева О. А. Трансформация досудебного уголовного производства в условиях цифровизации: тенденции и риски // Тенденции уголовной политики России на современном этапе развития общества: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 25-летию кафедр уголовного права и криминологии, уголовного процесса и правоохранительной деятельности, Ижевск, 14-15 марта 2024 года. – Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2024.
4. Осипов А. Л. Актуальные вопросы применения цифровых технологий дистанционной коммуникации с судом в уголовном судопроизводстве // Lex Russica (Русский закон). – 2025. – Т. 7. № 8 (225).
5. Победкин А. В. Дистанционное собирание доказательств: распределение процессуальной ответственности // Криминалистическая и уголовно-процессуальная наука: современное состояние и тенденции развития: материалы Международной научно-практической конференции. – Караганда, Карагандинская академия МВД Республики Казахстан имени Б. Бейсенова, 2022.

3 О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 год: Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 // Российская газета. – 22.07.2020. - № 159; О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы: Указ Президента РФ от 9 мая 2017г. № 203 // Официальный сайт Президента России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/ (дата обращения: 10.01.2026).

DOI 10.46320/2073-4506-2026-4-215-416-420

ХОЛЕВЧУК Артур Георгиевич
кандидат юридических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Кубанский государственный университет (филиал), г. Новороссийск; заведующий кафедрой государственных и гражданско-правовых дисциплин, Новороссийский институт (филиал), Московский гуманитарно-экономический университет

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СТЕГАНОГРАФИИ В КРИМИНАЛИСТИКЕ И УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

Статья посвящена стеганографии как относительно новому техническому инструменту криминалистики и уголовного процесса, используемому для скрытых коммуникаций. Рассмотрено влияние цифровизации на развитие преступности, включая возникновение скрытых каналов связи и дезинформационных технологий. Проанализированы основные виды стеганографии (пространственная, частотная, лингвистическая, сетевая), их криминалистическое значение и применение в противоправной деятельности. Обоснована двойственная роль стеганографии: как инструмента совершения преступления и как метода, используемого в расследовании в целях обеспечения безопасности информации. Выделены проблемы правового регулирования скрытых информационных технологий в уголовном процессе и предложены пути совершенствования законодательства. Сделан вывод о важности формирования концепции латентной процессуальной безопасности и включения стеганографических методов в криминалистический арсенал.

Ключевые слова: стеганография, цифровые доказательства, скрытые каналы связи, дезинформация, криминальные фикции, информационная безопасность, правовое регулирование.

KHOLEVCHUK Artur Georgievich
Ph.D. in Law, associate professor of Humanities sub-faculty, Kuban State University (Branch), Novorossiysk; Head of State and civil law disciplines sub-faculty, Novorossiysk Institute (Branch), Moscow University of Humanities and Economics

THE USE OF STEGANOGRAPHY IN CRIMINOLOGY AND CRIMINAL PROCEDURE: OPPORTUNITIES AND PROMISING DIRECTIONS

The article is devoted to steganography as a modern technical tool of criminology and criminal procedure used for criminal fictions and hidden communications. The influence of digitalization on the evolution of crime, including the growth of hidden communication channels and disinformation technologies, is shown. The main types of steganography (spatial, frequency, linguistic, network), their criminalistic significance and application in illegal activities are analyzed. The dual role of steganography is substantiated: as a weapon of crime and as a method used in the investigation. The problems of legal regulation of hidden information technologies in the criminal process are considered and ways of improving legislation are proposed. It is concluded that it is necessary to form the concept of latent procedural security and to include steganographic methods in the forensic arsenal.

Keywords: steganography, digital evidence, hidden communication channels, disinformation, criminal fictions, information security, legal regulation.

Масштабная цифровая трансформация общественных отношений и повышение роли информационной сферы оказывают существенное влияние на обеспечение национальной безопасности Российской Федерации, работу её государственных институтов и осуществление уголовного судопроизводства. В современных условиях информационные технологии приобрели глобальный характер и стали неотъемлемой частью всех сфер деятельности личности, общества и государства. Вместе с тем, расширение поля их применения сопровождается возникновением новых информационных угроз, в том числе использованием цифровых средств для совершения преступлений, распространения дезинформации и скрытого влияния на общественные и государственные процессы.

В 2025 году более половина противоправных деяний составили кибермошенничества – 350 тысяч случаев. Несмотря на снижение общей динамики данных преступлений (в 2025 году сократилось количество кибермошенничеств на 7,6 %, из которых 85 % приходится на кибермошенничество)[1] их уровень, тем не менее, вызывает тревогу и опасения и вряд ли отражает объективную кардиту с учётом латентности данных преступлений.

В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, информационная безопасность определяется как состояние защищённости личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод, а также устойчивое развитие государства[2].

В условиях цифровой трансформации существенно меняется характер преступной деятельности. Если традиционные способы преступного взаимодействия были относительно открытыми, то в современной информационной среде всё шире используются технологии сокрытия информации, позволяющие интегрировать криминальное содержание в легальные информационные объекты. Одним из наиболее сложных и недостаточно изученных инструментов такого рода является стеганография[3], которая скрывает не только содержание, но и сам факт передачи информации.

1 Число IT-преступлений в России уменьшилось на 12 % за 2025 год. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/8419685 (дата обращения: 28.04.2026).

2 Указ Президента Российской Федерации от 05 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении доктрины информационной безопасности Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/71556224/.

3 Стеганография – это способ передачи или хранения информации с учётом сохранения в тайне самого факта такой передачи (хранения). Этот термин ввёл в 1499 году аббат бенедиктинского монастыря Св. Мартина в Шпонгейме[de] Иоганн Тритемий в своём трактате «Стеганография», зашифрованном под магическую книгу [4].

Использование технологий сокрытия информации, включая криптографические и стеганографические методы, существенно усложняет распознавание и анализ уголовно-релевантной информации субъектами криминалистической деятельности. Особенно в условиях широкой и всепроникающей цифровизации. Как справедливо отмечает Н. С. Зиновьева, подобные технологии формируют специфическую следовую картину и требуют разработки специальных криминалистических методов обнаружения и анализа [5].

Полагаем, что в криминалистическом аспекте стеганография приобретает значение важного технического инструмента для реализации криминальных фикций и дезинформационных технологий, позволяя создавать сложные структуры скрытого воздействия и манипуляции восприятием субъектов. Внедрение скрытой информации в визуальный, аудиальный или текстовый контент порождает эффект, при котором легальное содержание сосуществует с латентным, доступным лишь ограниченному кругу лиц. Это существенно затрудняет выявление противоправной деятельности и повышает устойчивость криминальных коммуникаций к средствам контроля.

Дополнительную сложность проблеме придаёт развитие криминальных дезинформационных технологий, направленных на создание ложной следовой картины преступления и введение в заблуждение органов расследования. В рамках частной криминалистической теории дезинформации [6], [7], [8] стеганография выступает как стандартный механизм реализации криминальных фикций, позволяющий одновременно скрытно передавать информацию, маскировать коммуникацию и вносить ложные сведения в доказательственную среду. Особое значение приобретает использование стеганографии не только как объекта выявления, но и как инструмента расследования в целом ряде следственных ситуаций. Это обусловливает необходимость активного освоения и применения стеганографических методов субъектами криминалистической деятельности – следователями, оперативными сотрудниками, экспертами (специалистами) – в целях обнаружения скрытых каналов передачи информации, моделирования криминальных коммуникаций и повышения эффективности средств доказывания. В аспекте подготовки специалистов в области цифровой криминалистики необходимо создать систему, обеспечивающую следственно-оперативные подразделения квалифицированными кадрами. Для решения данных задач требуется существенно пересмотреть систему подготовки кадров в органах внутренних дел. В этом аспекте мы разделяем позиции отечественных учёных – Е. Р. Россинской, Д. В. Бахтеева, Т. А. Саакова и других – о необходимости формирования инновационных компетенций и пересмотра программ криминалистической подготовки [1].

При всей объективной важности указанных процессов, действующее уголовно-процессуальное законодательство России (далее – УПК РФ) не даёт целостного и системного регулирования применению различных информационных технологий, скрытых информационных технологий, в том числе стеганографии. Отсутствуют правовые нормы, устанавливающие статус таких технологий, порядок и условия их использования, а также критерии допустимости доказательств, полученных с их помощью. Более того, существующие механизмы защиты участников уголовного судопроизводства направлены преимущественно на физическую безопасность и процессуальную анонимность, не учитывая особенности цифровых каналов коммуникации и угроз, возникающих при анализе данных.

Таким образом, возникает противоречие между объективной необходимостью в использовании современных технологий для повышения эффективности уголовного судопроизводства и отсутствием адекватного правового регулирования в данной сфере. Это ситуация обусловливает необходимость научного поиска возможностей применения стеганографических технологий в уголовном процессе, разработки их криминалистической классификации и выработки предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства. Целью исследования является развитие частной криминалистической теории дезинформации и формирования концепции латентной процессуальной безопасности, учитывающей особенности цифровой среды и современные угрозы в сфере информационной безопасности.

Механизмы использования стеганографии и их криминалистическая характеристика

Изучение методов стеганографии позволяет выделить ряд ключевых механизмов, значимых для криминалистики.

1. *Пространственные методы.* LSB-стеганография, заключаются в изменении наименее значащих битов цифровых данных. Они отличаются простотой осуществления и высокой скрытностью, при этом неустойчивы к обработке. С криминалистической и технологической точек зрения LSB-стеганография имеет следующие характеристики: а) скрываемое сообщение вводится на уровне двоичного представления данных; б) вносимые изменения не воспринимаются органами чувств, но могут быть выявлены с помощью специального исследования; в) факт передачи информации маскируется под цифровой контент. Пример применения пространственных методов можно показать на цифровом изображении. Одни из соисполнителей преступления берёт обычную фотографию (например, бытовую сцену) и внедряет в неё тайное сообщение – координаты либо инструкцию – путём изменения наименее значащих битов пикселей. Визуально снимок неотличим от оригинала и может пересылаться через мессенджеры или социальные сети. Получатель, зная алгоритм извлечения, раскодирует младшие биты пикселей и восстанавливает скрытую информацию. Этот способ позволяет передавать данные тайно, не вызывая подозрений при обычном контроле цифрового контента.

2. *Частотные* методы (на основе косинусного или вейвлет-преобразовании) обеспечивают относительно высокую устойчивость к сжатию и обработке за счёт изменения частотных коэффициентов изображений. В преступных схемах часто используются JPEG-файлы, в которых данные (координаты, команды) интегрируются в среднечастотную область и сохраняются даже после публикации. С криминалистической точки зрения, такие методы скрытны и оставляют не визуальные, а статистические следы – аномалии в распределении коэффициентов, выявляемые специальным анализом.

Выявление этих аномалий позволяет подтвердить факт скрытой передачи, восстановить связи между соучастниками и использовать информацию в качестве доказательств. Пример использования частотных методов стеганографии можно рассмотреть на изображениях формата JPEG. Член преступной группы берёт фотографию (например, городской пейзаж), в которую на этапе обработки интегрируется скрытая информация: координаты или код доступа путём изменения среднечастотных коэффициентов после дискретного косинусного преобразования. Затем изображение сохраняется и публикуется в интернете или отправляется через мессенджер как обычный файл. Внешне оно неотличимо от других изображений и не вызывает подозрений, однако соучастник, имеющий алгоритм извлечения, может восстановить скрытые данные даже после сжатия или повторного сохранения файла.

3. *Лингвистическая стеганография* осуществляется в текстах путём выбора синтаксических конструкций и лексических единиц, что делает её сложно незаметной при ординарном анализе (не криминалистическом). Она представляет способ скрытой передачи информации в тексте за счёт вариативности языковых средств: выбора лексики, синтаксических структур, организации предложений или частоты упо-

требления слов, что позволяет интегрировать информацию, не изменяя общий смысл текста.

С криминалистической точки зрения метод обладает относительно высокой скрытностью и устойчивостью, так как практически не распознаётся обычными техническими инструментами и требует глубокого содержательно-лингвистического анализа. Его использование свойственно скрытой координации, дезинформации, а распознавание способствует установлению латентных коммуникаций, признаков согласованности действий и наличие умысла, что придаёт ему важное доказательственное и аналитическое значение. С помощью лингвистической стеганографии преступники могут согласовывать свои действия. Например, участники группы координируют действия посредством внешне нейтральных сообщений в социальной сети, в которых заранее определённые слова (например, «центр», «вечером», «старое место») обозначают конкретные время и место встречи. Текст не содержит явных признаков преступной коммуникации, но для посвященных передаёт соответствующие инструкции. Криминалистическое значение такого способа заключается в возможности установления скрытой коммуникации при условии проведения лингвистического анализа.

4. *Сетевые методы* стеганографии состоят в сокрытии информации в параметрах передачи данных – временных интервалах, заголовках пакетов и т.д., что позволяет создавать скрытие каналы связи. В качестве примера можно привести таймингновые каналы. Участники преступной группы обмениваются данными через сетевое взаимодействие (например, отправку запросов к веб-серверу). При этом информация кодируется не в содержании сообщений, а во временных паузах между пакетами: относительно короткая пауза означает «0», длинная – «1». Внешне трафик выглядит как обычная пользовательская активность и не содержит подозрительных данных, однако получатель, анализируя временные параметры, восстанавливает скрытое сообщение.

С криминалистической точки зрения такие методы обладают высокой латентностью, поскольку не изменяют содержание передаваемых сведений и не оставляют традиционных цифровых следов. Следообразование носит вероятностный характер и проявляется в аномалиях сетевого трафика – неестественной регулярности или определённой структуре временных интервалов. Распознавание требует сетевого мониторинга и статистического анализа (анализа временных рядов, корреляции). Доказательственное значение связано с установлением факта скрытой коммуникации и согласованности действий участников преступной группы. При этом сложность заключается в необходимости отличать стеганографическую передачу от естественных сетевых колебаний, что требует экспертной интерпретации и комплексной оценки.

Применение стеганографии в преступных схемах и дезинформационных процессах

В преступной деятельности стеганография используется прежде всего для организации латентных каналов связи между участниками. Внедрение данных в изображения, аудиофайлы, тексты или сетевой трафик обеспечивает высокий уровень конспирации и позволяет обходить различные (в основном традиционные) средства контроля. Это особенно характерно для организованных преступных групп, где скрытые каналы связи затрудняют установление и воссоздание структуры противоправной деятельности.

Существенное распространение стеганография получила, в частности, в сфере незаконного оборота наркотических средств, взрывчатых веществ, где она используется для передачи координат, кодов доступа. Размещение таких данных в открытом медиаконтенте формирует устойчивые и сложно выявляемые коммуникационные каналы.

Криминалистическое значение данной деятельности заключается в создании латентных цифровых следов, выявление которых требует применения высокотехнологичных методов анализа. В этих условиях возрастает необходимость развития стеганоанализа и его интеграции в систему криминалистических методов и средств.

Возможности использования стеганографии в криминалистической деятельности и уголовном процессе

Помимо применения в криминальной среде, стеганография обладает существенным потенциалом как инструмент криминалистической деятельности. Она может использоваться для обеспечения достоверности и целостности цифровых доказательств путём скрытой маркировки, позволяющей выявлять факты их изменения или подмены. Другим важным направлением является контроль утечек информации: внедрение скрытых идентификаторов в материалы дела даёт возможность установить источник их несанкционированного распространения. В оперативно-розыскной деятельности стеганография может применяться для организации скрытых каналов связи и проведения оперативных комбинаций, что очевидно, повысит уровень конспирации сотрудников. Таким образом, стеганография выступает как многофункциональный криминалистико-процессуальный инструмент, выполняющий ряд взаимодополняющих функций. К этим функциям относятся:

– обеспечительные функции – защита участников судопроизводства и информационной среды за счёт сокрытия каналов коммуникации и цифровой идентичности;

– доказательственные функции – гарантии достоверности и неизменности доказательств посредством скрытой маркировки и контроль целостности цифровых объектов;

– оперативно-тактические функции – организация скрытых каналов связи и проведение оперативных комбинаций в ходе расследования и оперативно-розыскной деятельности;

– контр-дезинформационные функции – выявление криминальных фикций и скрытых воздействий путём исследования латентных сведений;

– инфраструктурные функции – защита электронного документооборота и контроль использования материалов дела участниками судопроизводства.

Предложенные функции отражают комплексный характер стеганографии и обосновывают необходимость её интеграции в уголовный процесс.

Проблемы правового регулирования

Несмотря на объективную потребность использования стеганографических технологий в условиях цифровизации, действующее уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает системного регулирования. В УПК РФ отсутствует понятийный аппарат и нормы, определяющие условия и порядок применения таких технологий, что создаёт правовую неопределённость в вопросах допустимости и оценки доказательств, полученных с помощью стеганографических методов, а также ограничивает возможности их использования в следственной и судебной практике. Серьёзной проблемой является отсутствие регламентации процедур, обеспечивающих проверяемость и воспроизводимость подобных данных, что имеет важное значение для соблюдения законоположений. Кроме того, остаются неурегулированными вопросы процессуального контроля за применением скрытых технологий, а именно, основания их использования, допустимые пределы и гарантии соблюдения прав участников уголовного процесса.

Отдельного внимания заслуживает несоответствие действующих мер защиты участников процесса современным цифровым угрозам. Нормативное регулирование ориентировано на физическую безопасность и процессуальную анонимность, при этом не учитывая риски, связанные с анализом цифровых следов, сетевой идентификацией и утечками информации по информационно-телекоммуникационным каналам. В результате возникает разрыв между развитием технологий и правовым обеспечением их использования, что

снижает эффективность уголовного судопроизводства и требует комплексного совершенствования законодательства.

В этом аспекте А. Ю. Чурикова замечает, что существующий сейчас фрагментарный подход, при котором лишь отдельные участники уголовного судопроизводства прямо уполномочены законом использовать технические средства, на подход, базирующийся на законодательно закреплённом принципе. Согласно этому принципу, участники уголовного процесса могут применять информационные технологии и системы в объёме, который не нарушает права и законные интересы других лиц, с учётом технической возможности и категории риска, присвоенной соответствующей технологии и системе. Такое изменение позволит, с одной стороны, активнее внедрять информационные технологии и системы в уголовное судопроизводство, а с другой – предотвратить их произвольное и бесконтрольное использование, которое приводит к серьёзным нарушениям прав и свобод личности [9, с. 13].

С другой стороны, не стоит торопиться с внедрением последних достижений в сфере цифровой трансформации, поскольку в ходе этих процессов соответствующие технологии создают значительные риски, поэтому их необходимо, по нашему мнению, испытывать в различных условиях, в том числе экспериментальных.

А. А. Бессонов, характеризуя риски внедрения информационных технологий в уголовное судопроизводство, отмечает, что помимо проблемы информационной безопасности существуют также: а) возможность ошибок в исходном коде использования алгоритмов; б) вероятность ошибок и злоупотреблений при загрузке документов в интеллектуальную систему на разных этапах её работы; в) невозможность охватить математическими алгоритмами всё многообразие правоприменительных ситуаций; г) влияние субъективного фактора, который неотъемлемо присутствует в эмпирических данных в процессе их применения в методах машинного обучения в данной сфере; д) неспособность данной технологии самостоятельно и безупречно отличать ложь от истины [3, с. 31].

Пути совершенствования уголовно-процессуального законодательства и криминалистики в контексте внедрения стеганографических методов

Комплексное совершенствование регулирования и практики использования стеганографии должно охватывать уголовное судопроизводство и криминалистическую деятельность. В условиях цифровизации требуется нормативно закрепить применение скрытных информационных технологий, в том числе стеганографии. В этой связи предлагается внести в УПК РФ следующие изменения.

1. Внести в главу 2 УПК РФ статью, которая закрепит понятие скрытых информационных технологий и допустит их использование для защиты участников уголовного судопроизводства, обеспечения сохранности доказательств и предотвращения утечек информации по уголовному делу даже после его завершения и вступления приговора в законную силу. При этом следует определить основания и порядок применения таких технологий, предусмотрев обязательное процессуальное оформление (постановлением следователя либо определением суда).

По нашему мнению, под скрытыми информационными технологиями следует понимать *предусмотренные Кодексом научно-технические средства и методы обработки, передачи, хранения и защиты информации, обеспечивающие сокрытие факта, содержания либо параметров информационного взаимодействия, также скрытую идентификацию и контроль целостности данных. Они применяются в целях обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, сохранности доказательств и предотвращения их несанкционированного распространения при условии соблюдения требований законности, проверяемости и воспроизводимости получаемой информации.*

2. Внести в статьи 74 и 75 УПК РФ дополнения, предусматривающие допустимость доказательств, полученных с помощью стеганографических методов, при условии их проверяемости и воспроизводимости, а также указание на недопустимость таких доказательств в случае нарушения установленного порядка их получения. Закрепление в указанных статьях норм о допустимости стеганографических доказательств обусловлено рядом причин.

Во-первых, это снимает правовую неопределённость. Сегодня использование данных технологий законодательно не урегулировано, что ставит под сомнение допустимость полученных с их помощью доказательств. Прямое закрепление в законе позволит установить чёткие правила использования этих методов без риска последующего исключения таких доказательств.

Во-вторых, это гарантирует соблюдение принципов доказательственного права. Введение требований проверяемости и воспроизводимости обеспечивает возможность проверки полученной информации судом, а значит – её соответствие критериям достоверности.

В-третьих, это создаёт механизм защиты от злоупотреблений и фальсификации информации. Указание на недопустимость доказательств при нарушении установленного порядка их получения предотвращает произвольное или бесконтрольное применение скрытых технологий.

В-четвертых, такие изменения способствуют укреплению доказательственной базы, поскольку позволяют законно использовать стеганографию для защиты цифровых доказательств от подмены и искажения.

Предлагаемый вариант изложения статей 74 и 75 УПК РФ.

Статья 74. Доказательства. Дополнить статью частью следующего содержания: «Сведения, полученные и зафиксированные с применением скрытых информационных технологий, в том числе стеганографических методов, признаются доказательствами при условии их относимости, допустимости, достоверности, а также возможности их проверки и воспроизводимости в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом».

Статья 75. Недопустимые доказательства. Дополнить статью частью следующего содержания: «Доказательства, полученные с использованием скрытых информационных технологий, включая стеганографические методы, признаются недопустимыми в случае нарушения установленного настоящим Кодексом порядка их применения, а также при невозможности проверки и воспроизводимости полученных сведений».

3. Предлагается дополнить статью 166 УПК РФ нормой, позволяющей использовать скрытую цифровую маркировку доказательств (в том числе фото- и видеоматериалов) с обязательным указанием на это в протоколе следственного действия. Закрепление в статье 166 УПК РФ правил о скрытой маркировке повысит доказательственную устойчивость материалов за счёт фиксации их происхождения и контроля неизменности, что снижает риск подмены и упрощает проверку подлинности. Одновременно это даст возможность выявлять утечки информации и устанавливать их источник, усиливая режим конфиденциальности. Нормативное закрепление технологии устранит правовую неопределённость и обеспечит её допустимость. Кроме того, такие меры повысят защиту от фальсификации доказательств и создадут основу для цифровой криминалистики.

Использование скрытой цифровой маркировки доказательств представляет собой поэтапный процесс, целью которого является обеспечение подлинности, целостности и отслеживаемости цифровых объектов в рамках уголовного судопроизводства.

На первом этапе производится фиксация доказательства: создаётся исходный цифровой объект и фиксируют-

ся его первоначальные характеристики. На втором этапе формируется уникальный идентификатор, связанный с конкретным делом, источником и временем получения доказательства. Третий этап заключается во внедрении идентификатора в структуру цифрового объекта с помощью стеганографических методов без изменения его содержания. Далее осуществляется процессуальная фиксация факта применения технологии в протоколе следственного действия. На следующем этапе обеспечивается хранение и передача доказательства, при этом маркировка сохраняется и позволяет отслеживать его движение. Заключительный этап – проверка и извлечение маркировки, проводимые, как правило, в рамках экспертизы, даёт возможность подтвердить подлинность доказательства и выявить возможные изменения.

Статья 166. Протокол следственного действия. Дополнить статью частью следующего содержания: «При проведении следственного действия допускается применение скрытых информационных технологий, в том числе скрытой цифровой маркировки доказательств (включая фото-, видео- и аудиоматериалы), в целях обеспечения их подлинности, целостности и контроля за их дальнейшим движением».

Важность соблюдения требований в области защиты информации

Требования к защите информации обеспечивают надёжность и допустимость цифровых доказательств в уголовном судопроизводстве, создавая безопасную среду для их собирания, хранения и использования. Они направлены на сохранение целостности информации, предотвращая её изменение или уничтожение, что имеет ключевое значение для сохранения доказательственной силы. Одновременно гарантируется конфиденциальность (ограничение доступа и предотвращение утечек), а также допустимость, обеспечивающая возможность использования данных уполномоченными субъектами.

Требования к защите информации позволяют поддержать баланс между безопасностью и процессуальным использованием данных, повышая достоверность доказательственной базы в условиях цифровой среды.

Дальнейшее развитие применения стеганографии обусловлено углублением цифровизации и усложнением форм преступной деятельности, что требует адаптации правового регулирования и криминалистических средств. В перспективе ожидается формирование института скрытых информационных технологий, включающего разработку процессуальных стандартов их нормативное закрепление и внедрение в следственную практику.

Одним из ключевых направлений является совершенствование методов стеганоанализа, основанных на математических, статистических и интеллектуальных (в том числе нейросетевых) алгоритмах для выявления скрытых данных. Это позволит повысить эффективность обнаружения латентных коммуникаций и мерам противодействия расследованию. Существенную роль также сыграет интеграция стеганографических технологий в цифровую инфраструктуру уголовного процесса, включая электронное уголовное дело, системы хранения доказательств и информационные базы. Вероятно, это обеспечит защиту данных от несанкционированного доступа, модификации и утечек.

По поводу использования современных цифровых технологий, схожее суждение высказывает А. А. Бессонов, подчеркивая важность использования методов математической статистики и алгоритмы искусственного интеллекта в научном изучении преступлений в криминалистике как инструменты получения новых и необходимых знаний, а в практической деятельности – в качестве эффективного инструмента их раскрытия и расследования [2, с. 124].

Важным направлением является развитие судебно-экспертной деятельности, которое предполагает создание специализированных методик исследования, подготовку экспертов и стандартизацию процедур анализа скрытых данных, что повысит качество экспертных заключений и их доказательственное значение.

Кроме того, перспективным представляется формирование частной криминалистической теории скрытых информационных технологий, включающей разработку понятийного аппарата, классификаций и методических рекомендаций. Это позволит систематизировать научные подходы и обеспечить их практическое применение.

Пристатейный библиографический список

1. Бахтеев Д. В. Векторы цифрового развития криминалистики // Технологии XXI века в юриспруденции. Материалы 6-й Всероссийской научно-практической конференции. – Екатеринбург, 2024. – С. 13-17.
2. Бессонов А. А. Использование технологий искусственного интеллекта в расследовании преступлений: преимущества и ограничения // Современное состояние и перспективы развития технико-криминалистического и экспертного сопровождения расследования преступлений, сопряжённых с использованием средств вычислительной техники. Цифровые технологии современной криминалистики. Материалы конференций, проведённых в рамках Международного форума «Интерполитех: цифровая трансформация безопасности государства». – М., 2022. – С. 118-124.
3. Бессонов А. А. К вопросу о цифровизации уголовного судопроизводства в Российской Федерации // Уголовный процесс и криминалистика: правовые основы, теория, практика, дидактика (к 75-летию со дня рождения профессора Б. Я. Гаврилова). Сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции. – М., 2023. – С. 26-32.
4. Большой толковый словарь русского языка Кузнецова / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kartaslov.ru/значение-слова/стеганография (дата обращения: 30.04.2026).
5. Зиновьева Н. С. Компьютерная информация, преобразованная методами криптографии, в раскрытии и расследовании преступлений: автореф. дис. …канд. юрид. наук. – Краснодар, 2021. – С. 28.
6. Образцов В. А., Бертовский Л. В., Бертовская Н. Л. Дезинформирование в криминальной, оперативно-розыскной и следственной практике. – М.: Юрлитинформ 2010. – С. 237.
7. Образцов В. А., Бертовский Л. В., Бертовская Н. Л. Фикции в криминальной, оперативно-розыскной и следственной практике. – М.: Юрлитинформ, 2012. – С. 408.
8. Образцов В. А., Казакова Т. В. Проблемы криминалистического учения о дезинформации // Актуальные проблемы разработки и внедрения в практику борьбы с преступностью криминалистических средств и методов. – М.: Изд-во МГЮА, 2006. – С. 109-110.
9. Чурикова А. Ю. Использование информационных технологий и систем в уголовном судопроизводстве: возможности, риски, правовое регулирование: автореф. дис. … докт. юрид. наук. – Саратов, 2024. – С. 48.

ШАВКАРОВА Елена Евгеньевна
старший преподаватель кафедры предварительного расследования, Волгоградская академия МВД России

К ВОПРОСУ О ДОПУСТИМОСТИ ИЗЪЯТИЯ ОБЪЕКТОВ В ХОДЕ ПРОВЕРКИ ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ

Проверка показаний на месте одно из сложных следственных действий в организации и производстве. И так как данное следственное действие достаточно «молодое» и законодателем не проработаны частные особенности его производства, в науке продолжаются споры по ряду вопросов. Одним из них является рассмотренный в статье вопрос о допустимости изъятия объектов в ходе производства проверки показаний на месте. Автором рассмотрены существующие точки зрения, проанализировано законодательство, сделан вывод о необходимости внесения изменений в статью 194 УПК РФ с целью исключения возможных судебных решений о недопустимости доказательств, полученных в результате данного следственного действия.

Ключевые слова: следственные действия, проверка показаний на месте, изъятие объектов, уголовно-процессуальное законодательство.

SHAVKAROVA Elena Evgenjevna
senior lecturer of Preliminary investigation sub-faculty, Volgograd Academy of the MIA of Russia

ON THE ISSUE OF THE ADMISSIBILITY OF THE SEIZURE OF OBJECTS DURING THE ON-SITE VERIFICATION OF TESTIMONY

A test of evidence on the spot is one of the most complex investigative actions in terms of organization and production. Since this investigative action is relatively new, and the legislator has not yet addressed the specific details of its implementation, there is ongoing debate in the scientific community regarding various issues. One of these issues is the permissibility of the seizure of objects during a test of evidence on the spot. In this article, the author examines existing perspectives, analyzes the relevant legislation, and concludes that it is necessary to amend Article 194 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation to prevent potential court decisions regarding the admissibility of evidence obtained through this investigative action.

Keywords: investigative actions, on-site testimony verification, seizure of objects, and criminal procedure legislation.

Актуальность комплексного исследования процессуальных и криминалистических аспектов изъятия предметов и документов при проверке показаний на месте обусловлена непрерывным развитием уголовно-процессуального законодательства и необходимостью обеспечения строгих гарантий допустимости доказательств. Проверка показаний на месте представляет собой специфическое следственное действие, синтезирующее элементы допроса, осмотра и следственного эксперимента, что порождает сложные межотраслевые коллизии в правоприменительной практике.

Проверка показаний на месте является самостоятельным следственным действием, которое проводится в строгом соответствии с законом и обладает ярко выраженной познавательной направленностью. В соответствии с частью 1 статьи 194 УПК РФ показания, ранее данные подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим или свидетелем, могут быть проверены или уточнены на месте, связанном с исследуемым событием[1]. Законодательная конструкция данного процессуального института подчёркивает его производный характер: проведение проверки возможно исключительно после предварительного допроса лица, чьи показания подлежат верификации.

С криминалистической точки зрения данное следственное действие представляет собой гибридный метод познания, органично сочетающий воспроизведение вербальной информации и непосредственное визуальное восприятие следователем материальной обстановки. Согласно части 2 статьи 194 УПК РФ проверка состоит в том, что ранее допрошенное лицо воспроизводит на месте обстановку и обстоятельства события, указывает на предметы, документы, следы, а также демонстрирует определённые действия[2]. Объективизация ранее полученных сведений в пространственных координатах служит надёжным средством проверки их достоверности.

Ряд процессуалистов рассматривали проверку показаний на месте как разновидность допроса на месте происшествия или специфическую форму осмотра, ставя под сомнение её самостоятельность. Следует отметить, что проверка показаний на месте достаточно «молодое» следственное действие, так как УПК РСФСР его не предусматривал. Следователи, при необходимости убедиться, что подозреваемый (обвиняемый) не оговаривает себя в совершении преступления, проводили осмотр места происшествия с участием данного лица. И только с принятием УПК РФ в 2002 году проверка показаний на месте стала самостоятельным следственным действием (ст. 194 УПК РФ).

Криминалистическое значение данного следственного действия не исчерпывается лишь подтверждением или опровержением версии допрошенного. Следователь, по сути, путем производства данного следственного действия исключает самооговор подозреваемого (обвиняемого). Нередко именно в ходе его производства обнаруживаются новые материальные следы преступления – орудия, тайники с похищенным имуществом, биологические следы, на которые лицо добровольно указывает следователю. В этом случае у следователей возникал вопрос, а вправе ли он изымать что-либо в ходе проверки показаний на месте?

Изъятие в системе уголовного судопроизводства представляет собой обеспеченное государственным принуждением либо осуществляемое добровольно процессуальное действие, направленное на физическое выделение материального объекта из среды его нахождения, лишение владельца контроля над ним и приобщение объекта к материалам дела в качестве доказательства. Законодательный категориальный аппарат претерпел эволюцию: понятие «предметы и документы» вытеснило устаревшие конструкции, что способствовало более точной криминалистической идентификации изымаемых объектов.

Процессуальная природа изъятия носит двойственный характер. С одной стороны, это ключевой элемент собира-

1 «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 09.04.2026). – Ст. 194. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/6fb9a272c42150ae553a2d8673d256132daaa5e5/?ysclid=mq7jh3dsjf835183506.

2 Там же.

ния доказательств, материальная основа для проведения последующих экспертных исследований: трасологических, дактилоскопических, тканей выделений человека, животного и т.д. С другой стороны, зачастую, изъятие неизбежно сопряжено с ограничением конституционного права собственности (статья 35 Конституции РФ) либо права на неприкосновенность частной жизни. Именно баланс между публичным интересом расследования и частным интересом защиты прав собственности определяет строгость процессуальной формы.

В контексте проверки показаний на месте изъятие обладает существенной спецификой: оно носит факультативный характер. Оно не выступает самоцелью (в отличие от обыска или выемки), а является логическим следствием реализации лицом права указать на скрытый ранее объект. Цели изъятия в рамках данного следственного действия включают: обеспечение сохранности доказательственной базы путём предотвращения уничтожения объектов; процессуальное закрепление их статуса для последующего признания вещественным доказательством (статья 81 УПК РФ); создание условий для дальнейшего назначения судебных экспертиз.

Однако будут ли в дальнейшем объекты, изъятые в ходе проверки показаний на месте, признаны допустимым доказательством.

Институт допустимости доказательств является краеугольным камнем уголовно-процессуального права. Согласно статьям 74 и 75 УПК РФ доказательства, полученные с нарушением требований Кодекса, признаются недопустимыми и не могут служить основой обвинительного приговора[3].

Критерии допустимости изъятого объекта включают: надлежащий субъектный состав (проведение действия уполномоченным следователем в рамках принятого к производству дела); соблюдение процедурных гарантий (добровольность указания на предмет, отсутствие наводящих вопросов)[3]; точность фиксации (подробное описание изъятого предмета, исключающее его подмену); целостность упаковки (опечатывание на месте обнаружения, скрепление бирки подписями всех участников).

Последствия нарушения процессуального порядка фатальны для государственного обвинения. Если изъятый при проверке показаний нож упакован без пояснительной надписи и без подписей, а в протоколе не указаны его длина и цвет рукояти, предмет подлежит безусловному исключению из числа доказательств. Данное нарушение влечёт и признание недопустимым заключения эксперта, исследовавшего незаконно изъятый объект (доктрина «плодов отравленного дерева»).

Современная доктрина уголовного процесса фиксирует научные споры относительно доказательственного значения результатов изъятия при проверке показаний. Так, например, М. А. Фомин считает, что изъятие объектов в ходе проверки показаний на месте совмещает два следственных действия, а именно проверки показаний на месте и выемки. В тоже время «проверка показаний на месте и выемка – самостоятельные следственные действия, которые имеют разные предназначения и задачи, их смешение недопустимо. Обнаруженные при проверке показаний на месте предметы, документы, следы, имеющие значение для уголовного дела, должны быть осмотрены, а затем изъяты надлежащим образом. Совершение таких действий при проверке показаний на месте законом не предусмотрено, поэтому подобные действия следователя должны признаваться незаконными, а протокол следственного действия – недопустимым доказательством по делу» [1].

Этой точки зрения придерживаются также С. Ф. Долгов и Е. З. Суфянова. При этом они предлагают два варианта действий следователя в случае обнаружения в ходе проверки показаний на месте каких-либо предметов. Первый, это когда следователь заканчивает проверку показаний на месте, после чего проводит осмотр места происшествия или осмотр местности. Второй вариант, когда следователь при обнаружении какого-либо объекта, имеющего значение для уголовного дела, приостанавливает производство проверки показаний на месте, производит осмотр местности или места происшествия, в ходе которого изымает обнаруженный объект, а затем возобновляет проверку показаний на месте [2].

Сторонники допустимости изъятия объектов в ходе проверки показаний на месте выдвигают свои аргументы. Например, С. А. Шейфер подчёркивает, что «обнаруженные в ходе проверки показаний на месте материальные предметы (например, брошенные подозреваемым орудия взлома) осматриваются следователем и понятыми и приобщаются к протоколу» [4]. Ю. В. Гаврилин, А. В. Победкин и В. Н. Яшин считают, что, «учитывая цели и сущность проверки показаний на месте, логично предположить, что изъятие обнаруженных предметов и документов, имеющих значение для дела, в некоторых случаях является составной частью проверки показаний на месте» [3]. В. И. Белоусов и А. И. Натура также считают возможным изъятие в ходе проверки показаний на месте обнаруженных объектов и следов [5].

Автор поддерживает точку зрения сторонников допустимости изъятия объектов в ходе проверки показаний на месте, так как целью данного следственного действия является установление новых обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Новыми обстоятельствами могут являться и обнаружение объектов. Предлагаемое решение – прерывание проверки показаний и возбуждение процедуры осмотра места происшествия – усложняет документооборот и порождает практическую неопределённость.

Статья 166 УПК РФ устанавливает жёсткие стандарты протоколирования: документ должен отражать весь ход проверки — маршрут движения, словесные пояснения, факты демонстрации действий и, что принципиально, перечень обнаруженных предметов с указанием их индивидуализирующих признаков. В связи с этим, было бы правильным при обнаружении предметов, имеющих значение для уголовного дела, которыми могут быть как орудия совершения преступления, так и другие предметы, они должны быть изъяты непосредственно после их обнаружения, что позволит правомерно считать, что обнаруженный и изъятый объект один и тот же.

Чтобы избежать в дальнейшей следственной практике неопределенности необходимо дополнить статью 194 УПК РФ частью 9 следующего содержания: «Предметы, документы и следы, обнаруженные в ходе проверки показаний на месте, могут быть изъяты. В случае невозможности изъятия объекта без проведения поисковых или разрушающих действий следователь принимает решение о производстве осмотра места происшествия или обыска в порядке, установленном настоящим Кодексом».

Пристатейный библиографический список

1. Фомин М. А. Сторона защиты в уголовном процессе (досудебное производство). Учебно-практическое пособие. – Москва, 2004. – 536 с.
2. Долгов С. Ф., Суфянова Е. З. Уголовно-процессуальные проблемы, возникающие в ходе изъятия объектов при проведении проверки показаний на месте, и пути их решения // КиберЛенинка. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru (дата обращения: 13.05.2026).
3. Гаврилин Ю. В. Следственные действия: учебное пособие / А. В. Победкин, В. Н. Яшин. – Москва, 2006. – 187 с.
4. Шейфер С. А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. – Москва, 2004. – 218 с.
5. Белоусов В. И., Натура А. И. Проверка показаний на месте в ходе предварительного следствия: учебно-практическое пособие / В. И. Белоусов, А. И. Натура. – Москва: ЦОКР МВД России, 2008. – 73 с.

3 «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 09.04.2026). – Ст. 74. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/a54a97fddfdd6150a29ca723fd38b06e91279a06/?ysclid=mq7jm1ihzf135165033 @@ «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 09.04.2026). – Ст. 75. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/68d954f0580c27177310cc90d772738ccc35d89f/?ysclid=mq7jlhw1dp407366810.

ПРОКОФЬЕВА Светлана Михайловна
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России

МЕДВЕДЕВА Анна Александровна
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России

ЧАСОВНИКОВА Ольга Георгиевна
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье исследуются процессуальные и доказательственные проблемы использования цифровых данных в российском уголовном судопроизводстве. Анализируется определение цифровых доказательств, их рациональные и автономные свойства, а также потенциальное влияние на процессуальную деятельность предварительного следствия и дознания. Рассматриваются современные особенности роста объема электронных следов, где ключевое значение приобретают не столько вопросы формального признания цифровых сведений доказательствами, сколько соблюдение процедуры их получения, фиксации, сохранения и последующей проверки в суде. Особое внимание уделено ряду статей уголовно-процессуального кодекса, в которых отражены роли специалиста, использования контрольных сумм и документирования цепочки обращения с электронными носителями.

Ключевые слова: цифровые доказательства, электронные доказательства, уголовный процесс, допустимость доказательств, оценка доказательств, электронные носители информации, специалист, аутентичность, цепочка хранения.

PROKOFJEVA Svetlana Mikhailovna
Ph.D. in Law, associate professor, professor of Theory and history of state and law sub-faculty, St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia

MEDVEDEVA Anna Alexandrovna
Ph.D. in Law, associate professor, professor of Criminal law and process sub-faculty, St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia

CHASOVNIKOVA Olga Georgievna
Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law and process sub-faculty, St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia

THEORETICAL AND LEGAL FOUNDATIONS FOR THE USE OF DIGITAL EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article examines procedural and evidentiary issues of using digital data in Russian criminal proceedings. The definition of digital evidence, its rational and autonomous properties, and its potential impact on the procedural activities of preliminary investigation and inquiry are analyzed. This article examines the current challenges of growing electronic traces, where the key issue is not so much the formal recognition of digital information as evidence, but rather the compliance with the procedures for obtaining, recording, preserving, and subsequently verifying it in court. Particular attention is paid to a number of articles of the Criminal Procedure Code that reflect the roles of a specialist, the use of checksums and documentation of the chain of handling electronic media.

Keywords: digital evidence, electronic evidence, criminal procedure, admissibility of evidence, evaluation of evidence, electronic storage media, specialist, authenticity, chain of custody.

Современные подходы связанные с цифровизацией общественных отношений меняют не только способы совершения преступлений, но и структуру доказательственных процедур в уголовном судопроизводстве. Переписка в мессенджерах, содержимое мобильных устройств, файлы облачных хранилищ, метаданные фотографий и видеозаписей, сведения о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами все чаще становятся ключевыми источниками фактических данных. При существующей тенденции количественного снижения преступлений, значения цифровых доказательств не снижается, поскольку цифровой компонент сегодня присутствует далеко не только в «киберпреступлениях», но и в делах о мошенничестве, незаконном обороте наркотиков, преступлениях против личности, коррупционных и должностных деяниях.

Традиционная теория доказательств сохраняет методологическое значение и для цифровой среды. Следовательно, цифровая природа информации не отменяет общих критериев доказывания, но усложняет способы их проверки. Электронный след легко копируется, модифицируется, пересылается и удаляется; доступ к одному аккаунту или устройству может иметь не одно лицо; визуально одинаковые файлы могут иметь различное происхождение и историю изменения. Именно поэтому в цифровой сфере вопрос допустимости почти всегда сопряжен с вопросом достоверности.

Нормативной основой обращения цифровых сведений в доказательства выступают общие положения УПК РФ[1] о доказательствах. Согласно ст. 74 УПК РФ доказательствами признаются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь и дознаватель устанавливают наличие

1 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 09.04.2026). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 11.05.2026).

или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Статья 75 УПК РФ закрепляет, что доказательства, полученные с нарушением требований закона, являются недопустимыми. Для цифровой сферы эти положения имеют принципиальное значение: электронная информация не образует в кодексе самостоятельный, исчерпывающе урегулированный вид доказательств, но может быть введена в процесс через существующие формы – вещественные доказательства, иные документы, заключения эксперта, протоколы следственных действий, сведения, полученные от операторов связи, и иные процессуально-допустимые источники.

Вместе с тем именно технологическая нейтральность ст. 74 УПК РФ порождает значительный массив практических проблем. Отсутствие в кодексе развернутого определения «цифрового доказательства» компенсируется фрагментарным регулированием отдельных процедур. Особое место занимает ст. 164.1 УПК РФ, регламентирующая особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий. В работе с электронными носителями участие специалиста во многих случаях практически необходимо при производстве этих действий, поскольку изъятие телефона, ноутбука, сервера, внешнего накопителя или облачных данных требует не просто физического изъятия предмета, но и грамотного выбора способа фиксации цифровой информации, исключающего или минимизирующего ее изменение.

Первый крупный блок проблем допустимости связан с процедурой обнаружения, изъятия и копирования электронных данных. Особое значение имеет качество процессуальной фиксации действий следователя при работе с электронными носителями информации. Если в протоколе неполно отражены сведения об устройстве, порядке доступа к нему, участии специалиста и действиях по копированию данных, это затрудняет проверку того, каким именно способом была получена информация и в неизменном ли виде она представлена суду. С учетом требований ст. 164.1, 166 и 168 УПК РФ такая неполнота может повлиять на решение вопроса о допустимости и доказательственном значении соответствующих цифровых сведений [2, с. 49].

В научной литературе отмечается, что действующее законодательство пока не содержит четких дефиниций электронного доказательства, электронного документа и электронного носителя, что затрудняет единообразие практики [1, с. 147]. Аналогичный вывод прослеживается и в исследовании А. И. Туршина, который подчеркивает, что электронные доказательства в российском уголовном процессе пока не имеют самостоятельного закрепления, а подтверждение их достоверности требует специальных процедур и технических средств [4, с. 18]. Представляется, что в условиях действующей модели более продуктивно не механически выделять новый вид доказательств, а детализировать правила обращения с электронной информацией внутри уже существующей доказательственной системы.

Второй блок проблем касается правомерности доступа к цифровой информации. Для суда имеет значение не только наличие переписки, файла или цифрового следа, но и доказанность того, что сведения получены законным путем. Особенно чувствительной является сфера сведений о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами: согласно ст. 186.1 УПК РФ такая информация получается на основании судебного решения и в установленном законом порядке. Именно процессуальная оформленность происхождения данных здесь становится не менее важной, чем их содержание.

Третий блок связан с правовым режимом электронных носителей как вещественных доказательств. Ст. 81 УПК РФ закрепляет общий режим вещественных доказательств, тогда как ст. 81.1 УПК РФ содержит специальное регулирование порядка признания и возврата предметов и документов, включая электронные носители информации, по отдельным уголовным делам о преступлениях в сфере экономики. Что требуют надлежащего решения вопросов признания предметов и документов вещественными доказательствами, их хранения, возврата и приобщения к делу. Поэтому для целей допустимости особенно важно документировать не только факт изъятия, но и всю последующую цепочку обращения с носителем: кто имел доступ, в каком виде и где он хранился, создавались ли копии, кто и когда работал с ними.

Проблема оценки цифровых доказательств в суде не сводится только к проверке законности их получения. Даже формально допустимые данные нуждаются в содержательной оценке с точки зрения происхождения, целостности и связи с конкретным лицом. В статье 17 УПК РФ оценка доказательств связывается с внутренним убеждением, основанным на совокупности доказательств, законе и совести. Однако применительно к цифровым сведениям внутреннее убеждение должно опираться на более операциональные критерии.

Значение для осмысления существующей проблемы имеет также исследование А. М. Ибрагимовой, где цифровая трансформация уголовного судопроизводства рассматривается через призму модернизации доказывания [3, с. 106]. Представляется вывод о том, что цифровизация не должна вести к упрощению процессуальных гарантий. Напротив, чем легче создать, изменить и распространить цифровой контент, тем более строгими должны быть требования к фиксации его происхождения и к проверке неизменности. Иначе упрощение формы приведет не к ускорению правосудия, а к росту числа спорных и потенциально уязвимых доказательств.

Таким образом, можно сделать вывод, что главные вызовы допустимости и оценки цифровых доказательств в российском уголовном процессе лежат не в плоскости признания самой возможности использования электронных данных, а в плоскости обеспечения доверия к ним. УПК РФ уже содержит базовые инструменты для работы с цифровой информацией, однако их эффективность зависит от качества процессуальной фиксации и уровня технической культуры правоприменителя. В этих условиях допустимость цифрового доказательства должна пониматься как единство законной процедуры его получения и доказанной сохранности его свойств, а оценка – как комплексная проверка происхождения, целостности и связи цифрового следа с обстоятельствами и лицами по уголовному делу.

Пристатейный библиографический список

1. Андреева Ю. И. Электронные доказательства в уголовном процессе // Закон и право. – 2025. – № 8. – С. 147-152.
2. Бутенко О. Криминалистические и процессуальные аспекты проведения осмотра мобильных телефонов в рамках предварительного следствия // Lex Russica. – 2016. – № 4. – С. 49-60.
3. Ибрагимова А. М. Модернизация доказывания в уголовном судопроизводстве в условиях цифровой трансформации // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2025. – Т. 16. № 3. – С. 106-114.
4. Туршин А. И. Электронные доказательства в уголовном процессе: опыт зарубежных стран и российские перспективы // Юридические исследования. – 2025. – № 9. – С. 18-30.

ИГОШИН Владимир Геннадьевич
кандидат педагогических наук, доцент кафедры организации режима, охраны и конвоирования, Самарский юридический институт ФСИН России

ЕГОРОВ Савелий Сергеевич
начальник кабинета специальных дисциплин учебного отдела, Санкт-Петербургский университет ФСИН России

ПУТИ И СПОСОБЫ ДОСТАВКИ ЗАПРЕЩЕННЫХ ПРЕДМЕТОВ И ВЕЩЕСТВ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ

Показатели статистики свидетельствуют о том, что уровень пенитенциарной преступности продолжает оставаться на весьма высоком уровне. К тому же, многие из преступлений с передачей запрещенных предметов и веществ на территорию исправительного учреждения, как например, наркотических средств. По этой причине, но с учетом комплекса и других причин, так как весьма проблематично представить реальное исправление осужденных, как одной из основополагающих целей наказания, если они так или иначе получают или передают запрещенные предметы и вещества. Тема о путях и способах доставки запрещенных предметов и веществ в исправительные учреждения усматривается как отличающаяся высокой степенью актуальности.

Ключевые слова: исправительное учреждение, запрещенные предметы, запрещенные вещества, наркотические средства, пути доставки, способы доставки.

IGOSHIN Vladimir Gennadjevich
Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of Mode organization, security and escort sub-faculty, Samara Law Institute of the FPS of Russia

EGOROV Saveliy Sergeevich
Head of the Special Disciplines Department of the Educational Department, St. Petersburg University of the FPS of Russia

WAYS AND MEANS OF BRINGING PROHIBITED ITEMS AND SUBSTANCES INTO PRISONS

Statistical indicators indicate that the level of penitentiary crime continues to remain at a very high level. In addition, many of the crimes involve the transfer of prohibited items and substances to the territory of a correctional institution, such as narcotic drugs. For this reason, but taking into account the complex and other reasons, since it is very problematic to present the real correction of convicts as one of the fundamental goals of punishment if they somehow receive or transfer prohibited items and substances, the topic of ways and methods of delivering prohibited items and substances to correctional institutions is seen as having a high degree of relevance.

Keywords: correctional facility, prohibited items, illegal items, illegal substances, narcotic drugs, delivery routes, delivery methods.

ФСИН России, как возможно судить по документам, определяющим правовое положение этой службы, призван выполнять достаточно широкий перечень функций. Но основополагающей в этом ряду является функция в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных, что неизменно идет в одном ряду с необходимостью достигать такой одной из трех целей назначаемого по приговору суда уголовного наказания, как исправление осужденного (ст. 43 УК РФ).

Из положений УИК РФ следует, что исправление осужденных – это формирование у него уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам и правилам, традициям человеческого общежития, также стимулирование правопослушного поведения. В этих целях применим сразу ряд средств исправления осужденных: воспитательная работа; общественно полезный труд; получение общего образования; профессиональное обучение; общественное воздействие. Само определение исправления осужденных, содержание приведенных средств исправления осужденных совершенно закономерно говорят об актуальности наличия ряда запретов и ограничений на наличие предметов и веществ, тем более, если речь идет о запрещенных к обороту предметов и веществ.

Потребность надзора и контроля за отсутствием у осужденных определенных запрещенных предметов и веществ, предупреждения и пресечения получения ими таковых обусловлена далеко не только, в противном случае, если эти требования не будут соблюдаться, невозможностью достижения исправления осужденных. Она актуальна особенно в связи с тем, что речь идет об осужденных, а значит о преступниках. По комплексу причин преступник – субъект, несущий прямую или потенциальную угрозу для себя лично и окружающих его лиц (сотрудников, персонала исправительных учреждений и иных лиц, находящихся на их территории, других осужденных). Соответственно этому, очень важно оперировать актуальным перечнем путей и способов доставки запрещенных предметов и веществ в исправительные учреждениях, чтобы эффективно предупреждать и пресекать это, таким образом не просто способствуя исправлению осужденных, но и обеспечивая безопасность сотрудников, персонала, осужденных и иных лиц, что стоит в ряду основополагающих обязанностей учреждений, выполняющих функцию исполнения наказаний [8, с. 54].

Вопрос о путях и способах доставки запрещенных предметов и веществ в исправительные учреждения, что обычно сопоставимо с совершением преступления, находится в непосредственной зависимости от каналов их получения. В одних случаях, когда те или иные запрещенные предметы необходимы осужденному лично, последние прибегают к подкупу сотрудников администрации уголовно-исполнительного учреждения и персонала, имеющего доступ к таким осужденным [4, с. 110]. В этом случае трудностей физически получить предметы и вещества, являющиеся запрещенными, обычно не возникает, какие бы то ни было, ухищрения не требуются. В иных случаях, где обстоятельства приобретают другой характер, осужденные задействуют своих близких лиц, родственников, возлагая на них функцию передачи или проноса запрещенного в исправительное учреждение [4, с. 111]. Эти случаи сопровождаются задействованием всевозможных способов по сокрытию запрещенного в передаваемых осужденному вещах, при личных вещах перед свиданием с осужденных, на одежде посетителей и т.п. Но существуют и третьи случаи, тоже весьма распространенные, когда осужденные приобретают какие-либо предметы или

вещества для того, чтобы в дальнейшем распространять их на территории исправительного учреждения и извлекать материальные и иные выгоды [2, с. 205]. Чаще всего это касается наркотических средств и психотропных веществ, хотя и иного в том числе. Здесь изобретательность осужденных и иных вовлеченных в преступность лиц, вероятно, проявляется наиболее предметно.

Место отбывание наказания отличается специфической субкультурой, где вполне есть возможность изучать опыт других осужденных, перенимать у них опыт, в том числе и в, части путей и способов доставки на территорию учреждения уголовно-исполнительной системы запрещенных предметов и веществ [1, с. 303]. Другие осужденные также могут использоваться для завладения средствами мобильной связи. Это вопрос не незаконных действий самих по себе, так как наличие у осужденного средств связи позволяет приискивать при помощи таковой сообщников, постоянно поддерживать с ними контакт, а значит заниматься планированием, адаптироваться, меняя способы доставки исходя из их эффективности или каких-либо обстоятельств, имеющих свойство меняется в учреждениях такого типа, как исправительное. В конечном же счете, всего лишь мобильная связь существенно повышает эффективность доставки, как и позволяет, избегать ответственности и разоблачения. Чему способствует также использование сленга, жаргонных слов, условных словесных оборотов для зашифрования общения и сокрытия реальных намерений [5, с. 113]. Материалы имеющихся дел показывают, что именно при совершении преступлений рассматриваемого типа осужденные часто прибегают к условному общению, и это действительно сильно затрудняет процесс расследования [7, с. 132].

Материалы уголовных дел также указывают на то, что основным способом сокрытия следов преступления является доставка запрещенного в места лишения свободы в посылках или передачах на имя иных осужденных, иногда вовсе не знающих о том, что они вовлечены в это [7, с. 134]. Осужденные пользуются доверчивостью, доброжелательностью иных лиц, ссылаясь на то, что у них закончился свой лимит на получение посылок (передач), а ему нужно срочно получить определенные вещи, продукты питания и т.п.; в том числе даются обещания отдать часть посылки (передачи) в качестве благодарности.

Одной из ранее не характерных тенденций передачи запрещенных предметов и веществ в исправительные учреждения сегодня стало использование технических средств. К примеру, БПЛА. Сообщники осужденных используют квадрокоптеры, а иногда и весьма примитивные игрушечные вертолеты на радиоуправлении. Получив информацию от осужденных, которые до этого досконально изучили территорию исправительного учреждения, о месте и времени наиболее благоприятного использования такого способа, исходя из мест несения службы сотрудниками, их личностных характеристик, смены часовых и дежурных, наличия средств видеонаблюдения и других особенностей, сообщники в итоге предпринимают попытки при помощи технических средств передать запрещенные предметы и вещества на территорию исправительного учреждения [3, с. 140].

Противодействие таким путям и способам, предупреждение совершения преступлений, связанных с запрещенными предметами и веществами, очевидно, слагаемо из многих действий, направлений, мер и пр. Но некоторые из вопросов имеют концептуальный характер, оказывая непосредственное влияние на многие вопросы обеспечения исполнения наказаний.

Традиционно актуальной проблемой уголовно-исполнительной системы, является вопрос недостатка кадров. В 2023 г. некомплект штатной численности уголовно-исполнительной системы составил более 25 000 сотрудников [6, с. 287]. В конечном же счете, недостаток кадров приводит к проблемам, во-первых, предупреждению доставки запрещенных предметов и веществ в исправительные учреждения и, во-вторых, проблемам по организации раскрытия и расследования преступлений, с этим связанных.

Помещения и охраняемые территории, что очень желательно, требуют их оборудования системами видеонаблюдения, как эффективнейшим способом предупреждения и пресечения преступлений, но и сбора доказательств о таковых, сбора информации о нарушении установленного режима для обеспечения безопасности в исправительном учреждении. Ряд из этих направлений, очевидно, предполагает пресечение и предупреждение передачи запрещенных предметов и веществ.

Учитывая отмеченное и перспективную ценность видеонаблюдения, тем не менее, невозможно сказать, что этот вопрос получил окончательное решение на базе всех исправительных учреждений, без исключений. По крайней мере, на предмет достаточности используемых систем видеонаблюдения, охвата ими абсолютно всех «слепыми» зон и т.п. [6, с. 286]. Если при сказанном учесть, что существует ряд других современных технологий, которые тоже перспективны с точки зрения их применения в учреждениях уголовно-исполнительной системы, и они применяются или в рамках пилотных проектов, или в принципе даже не тестируются, возможно, обобщить такую актуальность проблему, как недостаток технической оснащенности. Речь идет о множестве разного рода технологий, как например боди камеры, технологии распознавания лиц и т.п.

Основываясь на сказанном, возможно, сделать такие выводы. Поступление на территорию учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, запрещенных предметов и веществ, в преимущественном количестве случаев осуществляется такими путями и при помощи следующих способов: через передачи, посылки, бандероли близких и родственников, что предполагает задействование комплекса ухищрений и способов сокрытия запрещенного; в результате свидания этих лиц с осужденными, что также невозможно без совершения ряд действий по сокрытию проносимого; в связи с проносом сотрудниками администрации исправительного учреждения или персоналом исправительного учреждения, которые были подкуплены; посредством переброса (перемещения) запрещенных предметов и веществ через основное ограничение учреждений такого типа, что в том числе может предполагать использование тех или иных технических средств.

Пристатейный библиографический список

1. Акчурин А. В. О противодействии расследованию пенитенциарных преступлений: особенности предварительного этапа // Пенитенциарная наука. – 2021. – Т. 15. № 2 (54). – С. 301-307.
2. Акчурин А. В. Способы совершения пенитенциарных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков // В сборнике: Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики. Материалы XXIII Международной научно-практической конференции: в 2 частях. – Красноярск, 2020. – С. 204-207.
3. Акчурин А. В., Масленников Е. Е. Способы совершения пенитенциарных преступлений // Право и образование. – 2018. – № 4. – С. 139-144.
4. Захряпин Р. И., Фахрутдинов М. Р. Проблемы перекрытия каналов поступления запрещенных предметов на территорию исправительных учреждений и пути их решения // Вестник науки. – 2023. – № 7. – С. 109-113.
5. Кутуков С. А., Смирнов С. Н. Документирование преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, совершаемых в учреждениях уголовно-исполнительной системы: проблемы законодательства и практики // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2018. – Т. 25. № 1. – С. 113-118.
6. Тепляшин П. В. Профилактика пенитенциарной преступности: обусловливающие факторы, принципы, источники и их классификация // Пенитенциарная наука. – 2023. – С. 382-389.
7. Ткачук Т. А., Кремлев М. В. Виды информации, используемой в раскрытии и расследовании преступлений, совершаемых в исправительных учреждениях // Вестник Кузбасского института. – 2017. – № 1 (30). – С. 131-136.
8. Фомин В. В. К вопросу о личной безопасности осужденных в местах лишения свободы // Человек: преступление и наказание. – 2018. – № 1. – С. 54-55.

МАННА Аммар Абдуль Карим
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Юридический институт, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

АЛЬ-МАСАФИР Дурайд Мохаммед Хассун
аспирант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Юридический институт, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАКТИК ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В ИСЛАМСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ

В статье авторы проводят глубокий анализ причин, по которым в классическом исламском уголовном праве (шариате) длительное лишение свободы практически не применялось, в то время как в современных мусульманских государствах оно стало основным видом уголовного наказания. Опираясь на труды таких авторитетных исследователей, как аль-Маварди, Р. Петерс, И. Рабб и Дж. А. Гамиди, авторы убедительно показывают, что в исторической исламской правовой традиции тюрьма рассматривалась преимущественно как временная мера, использовавшаяся либо для проведения расследования, либо в качестве та'зира «التعزير» – наказания, оставленного на усмотрение судьи. Однако под влиянием борьбы с терроризмом, глобальных стандартов прав человека и масштабных социально-экономических трансформаций XXI века, институт лишения свободы претерпел кардинальную трансформацию, превратившись в доминирующую форму наказания.

Ключевые слова: исламское уголовное право, лишение свободы, шариат, хадд, та'зир, пенитенциарная система, современная практика, реформы.

MANNA Ammar Abdul Karim
Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law, criminal process and criminalistics sub-faculty, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples 'Friendship University of Russia

Al-MASAFIR Duraid Mohammed Hassoon
postgraduate student of Criminal law, criminal process and criminalistics sub-faculty, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

THE EVOLUTION OF PRACTICES OF DEPRIVATION OF LIBERTY IN ISLAMIC CRIMINAL LAW AMID CONTEMPORARY CHALLENGES

In the article, the authors conduct a thorough analysis of the reasons why long-term imprisonment was rarely used in classical Islamic criminal law (Sharia), whereas in modern Muslim states it has become the primary form of criminal punishment. Drawing on the works of such prominent scholars as al-Mawardi, R. Peters, I. Rabb, and J. A. Ghamidi, the author convincingly demonstrates that in the historical Islamic legal tradition, prison was viewed primarily as a temporary measure – employed either for investigation or as a form of ta'zir (discretionary punishment) left to the judge's discretion. However, under the influence of the fight against terrorism, global human rights standards, and profound socio-economic transformations of the twenty-first century, the institution of imprisonment has undergone a truly radical transformation, becoming the dominant form of punishment.

Keywords: Islamic criminal law, imprisonment, Sharia, hadd, ta'zir, penitentiary system, contemporary practice, reforms.

Актуальность темы исследования обусловлена теми глубокими изменениями, которые претерпел институт лишения свободы в системе исламского уголовного права за последние столетия. В классической доктрине шариата долгосрочное тюремное заключение почти никогда не рассматривалось как самостоятельный вид наказания. Напротив, в современных мусульманских государствах оно стало основной формой уголовной репрессии. Этот парадокс требует серьёзного научного осмысления, особенно на фоне нынешних глобальных вызовов – борьбы с терроризмом, давления международных стандартов прав человека и масштабных социально-экономических сдвигов XXI века.

Классические источники исламского права, в том числе «Аль-Ахкам ас-султанийя» аль-Маварди, труды Ибн Кудамы, имама аш-Шафии и представителей четырёх основных правовых школ (мазхабов), рассматривают тюрьму главным образом как временную меру. Она применялась для обеспечения производства по делу, предотвращения возможного вреда обществу или в качестве дискреционного наказания та'зир "التعزير"– по усмотрению судьи (кади) [18, с. 65-68], [2, с. 310-314]. Долгосрочное лишение свободы, как правило, не входило в число основных видов наказаний (хадд الحد, кисас قصاص и дия الدية). Дело в том, что цели уголовного воздействия в шариате были тесно связаны с быстрым восстановлением социальной справедливости, публичностью исполнения приговора и важнейшим принципом милосердия (рахма).

В то же время современная правоприменительная практика в странах, где используются элементы шариата (Саудовская Аравия, Иран, Пакистан, Египет, Марокко и ряд других), рисует совершенно иную картину. Лишение свободы здесь превратилось в универсальный инструмент уголовной политики. Этот сдвиг произошёл под влиянием унификации законодательства, роста преступности (включая террористическую и организованную), а также заимствования отдельных элементов западных пенитенциарных моделей [24, с. 1-15], [19, с. 212-215].

Цель настоящей статьи заключается в комплексном анализе эволюции института лишения свободы в исламском уголовном праве – от классической доктрины шариата до современных форм его применения. Автор стремится выявить глубинные причины произошедших изменений и предложить перспективы дальнейшего развития этого института с опорой на подлинные принципы шариата.

Для достижения указанной цели решаются следующие задачи:

– раскрыть теоретические основы системы наказаний в исламском уголовном праве, в том числе традиционную категоризацию преступлений на хадд, кисас/дийа и та'зир;

– проанализировать исторические формы реагирования на преступность в раннеисламский период, а также позицию классических факихов относительно роли тюрьмы в системе уголовных наказаний.

1. Теоретические основы наказания в исламском уголовном праве

Когда я впервые взял в руки «Аль-Ахкам ас-султанийя» аль-Маварди в каирском издании 1996 года, то, честно говоря, не поверил своим глазам. В главе, посвящённой та'зиру (с. 310-314), тюрьма упоминается лишь как временная мера – для содержания должника или буйного пьяницы, чтобы «предотвратить вред обществу». Ни слова о длительном тюремном заключении как самостоятельном наказании.

Ровно та же картина у Ибн Кудамы, у имама аш-Шафи'и и в трудах представителей всех четырёх мазхабов. Везде прослеживается один и тот же подход.

Исламское уголовное право традиционно делит преступления на три основные категории: хадд, кисас (вместе с дией) и та'зир.

В случаях хадд и кисас тюрьма практически не применялась. Наказания были строго определены и направлены на быстрое восстановление нарушенного социального баланса. Как справедливо отмечает Р. Петерс, «наказания в исламской юриспруденции, известные как худуд (﴿﴾﴿﴾), включают такие меры, как бичевание, распятие, ампутация и смертная казнь» [18], но лишение свободы здесь редко упоминалось как самостоятельная мера.

Почему так? На мой взгляд, всё дело в том, как классический шариат понимал саму цель наказания. В хадд и кисас всё предельно чётко: око за око, плеть за прелюбодеяние, рука за кражу при наличии всех условий. Здесь тюрьма просто не нужна – наказание исполняется сразу и публично. А вот в та'зире – самой большой и самой «живой» категории преступлений – судья (кади) получал огромную свободу. И что интересно: большинство факихов прямо писали, что лучше всего – это наставление, штраф или короткое заключение «до исправления», но никак не годы за решёткой.

Меня особенно поразила формулировка у Джаведа Ахмада Гамиди (1989): он называет длительное тюремное заключение «наказанием не только для преступника, но и для его ни в чём не повинной семьи» [25]. И ведь он прав: в традиционном мусульманском обществе разрыв социальных связей считался едва ли не большим злом, чем сама кража или драка.

Именно поэтому Интизар Рабб в своей работе 2015 года так точно сформулировала «принцип сомнения» (shubha): если есть хоть малейшее сомнение в доказательствах – хадд отпадает автоматически, дело переходит в та'зир, а там уже судья должен выбирать самое мягкое и быстрое средство. А самым мягким и быстрым исторически считалось всё что угодно, кроме тюрьмы на годы.

Получается парадокс: в теории исламское уголовное право невероятно гибкое и милосердное, но на практике XX–XXI веков мы видим прямо противоположную картину. Об этом и пойдёт речь дальше.

Школы права, или мазхабы, видели в лишении свободы в основном такие вещи:

– способ провести расследование без помех;

– меру, чтобы преступник не навредил ещё больше;

– вариант для та'зира, когда судья решает сам.

Но вот что интересно: мыслители вроде аль-Маварди подчёркивали, что это оправдано только если помогает обществу и реально исправляет человека. Это показывает, насколько исламское уголовное право гибкое в теории, особенно учитывая, что «Подавляющее большинство наказаний, назначаемых за уголовные преступления, носило дискреционный характер (та'зир) и определялось решением судьи» [22].

2. Исторические формы реагирования на преступность

В ранние времена ислама чаще всего применялись следующие меры:

– штрафы или выплата дийи;

– физические наказания;

– изгнание из общины;

– или кратковременное содержание под арестом до суда.

Долгие тюремные сроки были редкостью, поскольку тюрьма в качестве постоянной кары просто не вписывалась в ту традицию [10]. Представьте: общество было племенным, и наказание должно было быстро возвращать гармонию, а не держать человека годами. Как пишет М. Зульфикар, «Исторически труды доиндустриальных мусульманских правоведов демонстрируют выраженную неохоту использовать тюрьму в качестве наказания в каком-либо виде» [24]. В ранней исламской Египте, согласно данным папирусов, «количество обвинений в преступлениях и случаев уголовного преследования… должно быть значительно больше, чем ожидалось ранее» [20], но акцент был на быстрых мерах, а не на затяжном заключении.

3. Лишение свободы в современных мусульманских государствах

Сегодня всё по-другому – лишение свободы применяют повсеместно, особенно там, где шариат смешивают с европейскими или англо-саксонскими законами. Взять хотя бы: **Саудовскую Аравию; Египет; Иорданию и прочих: Иран; Пакистан; Судан; Марокко.**

В Саудовской Аравии – королевский указ № M/43-1435: срок до 10 лет, но возможен перевод в центр реабилитации. В Ираке после 2005 г. ст. 416 УК смешивается с фетвой: если преступление «يفىئاط» – срок плюс общественные работы [8]. В Сирии до войны – до 2 лет по м. 548 УК; после – в зонах ОССАД применяют хадд с «ردع يرس»[1].

Почему так? Во-первых, мир стал глобальным, что ведёт к унификации уголовного права. Во-вторых, уровень преступности значительно вырос, и в ряде случаев возникает необходимость в длительной изоляции правонарушителей. В-третьих, политические и социальные реформы активно способствуют такому подходу.

Однако здесь существует важный нюанс: в преступлениях категории хадд тюремное заключение назначается редко, тогда как в рамках Тазир оно стало нормой [18, с. 31-33], [26, с. 67-68]. По-моему, это показывает, как традиции сохраняются, несмотря на происходящие изменения. В Марокко, например, «Правонарушения, предусмотренные исламским уголовным правом, часто подвергались... изменению наказания при сохранении самого состава «преступления/правонарушения»» [17]. (См. табл. 1.)

4. Сравнительный анализ: исламское право и российская модель лишения свободы

Чтобы было понятнее, вот сравнительная таблица – я её составил на основе того, что изучал. (См. табл. 2.)

Этот анализ, на мой взгляд, раскрывает суть: в ИУП тюрьма – это опция, часто с религиозным уклоном, где покаяние (tawbah) может смягчить всё. Сроки гибкие – по классике год максимум, но в реальности, как в Иране или Саудовской Аравии, тянут на пожизненное за антигосударственное. Это эволюция: от минимума к чему-то универсальному, иногда даже с политическим подтекстом, например, в Египте или Йемене, где так подавляют несогласных. Как отмечает отчёт «Human Rights Watch", «Данный 214-страничный доклад анализирует 27 федеральных дел о терроризме… условия после осуждения» [15], подчеркивая нарушения прав в контексте терроризма.

А в России по УК (статьи 43-59) – это база, с фиксированными сроками от месяцев до 25 лет или пожизненно, для всех категорий. Цели секулярные: справедливость без религии. Реформы – за ужесточение по экстремизму (вроде дополнений к ст. 56), но с проблемами вроде перенаселённости в колониях.

Сходства? Обе системы видят в тюрьме способ исправить и предотвратить, со смягчающими факторами (покаяние там, явка с повинной здесь). А терроризм сближает: в ИУП тюрьма заменяет старые телесные наказания [12].

1 Закон Сирийской Арабской Республики № 148 от 1949 г. «Об уголовном кодексе» (с изменениями, внесёнными Декретом № 37 от 2009 г. и Декретом № 1 от 2011 г.). После 2020 г. ст. 548 была полностью отменена (Закон № 2 от 17 марта 2020 г.). В районах, подконтрольных оппозиционным формированиям (в частности, ХТШ / «Правительство спасения Сирии»), применяются нормы шариатского уголовного права, включая хадд-наказания (см.: Reports of Syrians for Truth and Justice (STJ) and Human Rights Watch on HTS-controlled areas in Idlib, 2021–2025).

Таблица 1.

Страна	Преступление	Срок (лет)	Роль фетвы	Примечание
Саудовская Аравия"المملكة العربية السعودية"	Хадд (зана) (انز)	3–5	Регулирует	Перевод в реабилитацию
Ирак"العراق"	Против безопасности (المخدرات والإرهاب)	3–7	Усиливает	После 2005 – двойной суд
Сирия (до войны) ايروس"	Ахлак (جرائم الاخلاق والزنا)	2	Ограничена	Сейчас – хадд в зонах

Таблица 2. Сравнение института лишения свободы в ИУП и российском уголовном праве

Критерий	Исламское уголовное право	Российское уголовное право
Источник	Шариат и фикх – являются основой исламского права	Законы, например, УК РФ, всё кодифицировано
Цель наказания	Защита ценностей религии и общества, плюс исправление через покаяние"التوبة"	Восстановление справедливости, исправление и предупреждение рецидивов
Роль лишения свободы	Скорее вспомогательная, не всегда обязательная, особенно в та'зира "التعزير"	Основная кара, применяется ко многим преступлениям
Категории преступлений	Хадд"الحد", кисас"القصاص", та'зир "التعزير"– тюрьма чаще в та'зир	От лёгких до особо тяжких
Применение тюрьмы	В та'зир по решению судьи, с учётом раскаяния, редко в хадд"الحد" потому что это божественное предписание	Везде, где предусмотрено статьёй
Максимальные сроки	Судья решает в та'зир, по доктрине до года, но на деле может быть и пожизненно	Чётко прописаны: от 2 месяцев до 25 лет или пожизненно
Исполнение наказания	В процессе исполнения наказания принимается во внимание религиозная идентичность осуждённого; организуемым с учётом доктринальных положений основных исламских правовых школ – "ханафитской, шариатской, ханбалитской и джафаритской".	Светское, с работой и программами ресоциализации
Соответствие правам человека	В разных странах звучат критические замечания по поводу произвола и других обстоятельств, а также различных приговоров, но реформы продолжаются.	Под международными стандартами, хотя переполненность – проблема
Реформы и тенденции	Адаптируют к миру, гуманизируют в местах вроде Марокко или Иордании	Ужесточают за экстремизм, вводят альтернативы

5. Современные вызовы эволюции института лишения свободы

В мусульманских странах сейчас полно вызовов, и вот что я вижу:

5.1. Давление от международных прав человека. ООН и другие требуют сделать наказания гуманнее, улучшить условия в тюрьмах и запретить жестокость [4]. Как говорится в факте ООН, «Как указано в главе I, разделе E, Совет Безопасности оперативно отреагировал после террористических атак 11 сентября 2001 года» [21], что усилило напряжение между безопасностью и правами.

5.2. Борьба с терроризмом. Тюрьмы всё чаще заполняют экстремистами, и это меняет саму доктрину Тазир. «Однако, учитывая огромный ущерб, который способен причинить всего один террорист, рецидивизм среди лиц, осуждённых за терроризм, вызывает серьёзную озабоченность после их освобождения из мест лишения свободы.» [11].

5.3. Реформы в пенитенциарках. В Марокко или Иордании, например, вводят курсы ресоциализации, образование и даже духовные наставники для заключённых [14] – это значимо, по-моему.

5.4. Споры о тюрьме в шариате. Современные учёные твердят: нужно балансировать традиции с реальной защитой общества [1].

Заключение

Подводя итог своей работе, я пришёл к довольно парадоксальному, но, на мой взгляд, вполне обоснованному выводу: современная массовая практика долгосрочного лишения свободы в большинстве мусульманских стран в своей основе противоречит духу классического шариата. Классические факихи – от аль-Маварди до Гамиди – видели в тюрьме лишь временную и крайнюю меру, а не универсальное наказание. Длительное заключение считалось несправедливостью не только по отношению к осуждённому, но и к его семье и общине.

Тем не менее за последние сто лет под влиянием колониального права, глобализации уголовной политики и особенно борьбы с терроризмом тюрьма стала главным инструментом уголовной репрессии в странах от Марокко до Пакистана. Это не «возвращение к шариату», как иногда утверждают официальные лица, а именно эволюция – причём эволюция в сторону, противоположную исторической исламской традиции. Как подытоживает Р. Петерс, «Преступление и наказание в исламском праве: теория и практика с XVI по XXI век» [18], эволюция продолжается.

Я глубоко убеждён, что будущее института лишения свободы в исламском уголовном праве лежит не в дальнейшем ужесточении и расширении тюремной системы, а в сознательном возвращении к принципам милосердия (рахма), исправления через покаяние (Тауба) и максимального сохранения социальных связей осуждённого. Как отмечается в исследованиях, «Исламское уголовное право неоспоримо коренится в божественных откровениях, направленных на обеспечение человеческого достоинства и утверждение высокой ценности человеческой жизни» [13], что подчеркивает потенциал для гуманизации. Современные реформы в Марокко, Иордании и даже в некоторых эмиратах Персидского залива показывают, что это не утопия, а вполне реальный путь, как «Современные механизмы реформирования исламского уголовного права» [17], [9] сочетают традиции с современно-

стью, включая ретроактивную юстицию и религиозные практики в тюрьмах.

Однако ключевые проблемы сохраняются: от критики произвольного применения норм до необходимости поиска баланса между обеспечением общественной безопасности и защитой прав человека. Как отмечается в анализе, вызовы внедрения исламского уголовного права в развивающихся странах включают проведение глубоких образовательных реформ и широких социальных преобразований. В итоге, будущее исламского уголовного права (ИУП) в сфере лишения свободы видится в органичной интеграции аболиционистских идей, присущих исламской правовой традиции. Именно такая критика, представляющая одно из направлений аболиционистского мышления в исламе, способна заложить основу для создания более справедливых и гуманных систем, где интеграция исламского права в пенитенциарную систему может внести важный вклад в реабилитацию осуждённых. В конечном счете, такая эволюция – это шанс для ИУП стать моделью, сочетающей традиции с современными вызовами, обеспечивая не только наказание, но и восстановление общества.

Таким образом, вместо того чтобы слепо копировать западные пенитенциарные модели, мусульманские государства имеют уникальную возможность создать собственную, подлинно шариатскую систему исполнения наказаний – систему, в которой тюрьма вновь станет исключением, а не правилом. Именно в этом, на мои взгляд, и заключается главный вызов и главная надежда для исламского уголовного права «XXI века».

Пристатейный библиографический список

1. Абдуллаев Ф. И. Лишение свободы в исламском уголовном праве: историко-правовой анализ и современные тенденции // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 10 (173). – С. 238-244.
2. Аль-Маварди Абу аль-Хасан Али ибн Мухаммад. Аль-Ахкам ас-султанийя ва-ль-вилайат ад-динийя. – Каир: Дар аль-Хадис, 1996. – 412 с.
3. Аль-Мутаххари М. Аль-Худуд ва-т-та◎зират фи-ль-фикh аль-ислами аль-му◎асир. – Бейрут: Дар аль-Хади, 2021. – 378 с.
4. Всемирный доклад 2024: Саудовская Аравия // Human Rights Watch. – 2024. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.hrw.org/world-report/2024/country-chapters/saudi-arabia (дата обращения: 30.11.2025).
5. Гамиди Джавад Ахмад. Тюремное заключение как наказание (Qayd kī Sazā) // Ишрак (Лахор). – 1989. – № 11 (июль). – С. 37-42.
6. Доклад Специального докладчика ООН по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания (A/HRC/43/49). – 2020. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://undocs.org/ru/A/HRC/43/49 (дата обращения: 30.11.2025).
7. Ни Аолейн Фионнуала. Выступление на пресс-брифинге в штаб-квартире Организации Объединённых Наций (Нью-Йорк, 23 октября 2023 г.) // Официальный сайт Управления Верховного комиссара ООН по правам человека. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ohchr.org/en/statements-and-speeches (дата обращения: 30.11.2025).
8. Отчёт Управления Верховного комиссара ООН по правам человека о Саудовской Аравии. – 2025. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ohchr.org/sites/default/files/documents/cfi-subm/global-trends-developments/subm- (дата обращения: 30.11.2025).
9. Alotaibi H.A. The challenges of execution of Islamic criminal law in developing Muslim Countries // Cogent Social Sciences. – 2021. – Vol. 7. № 1. – Art. 1925413. DOI: 10.1080/23311886.2021.1925413 (дата обращения: 30.11.2025).
10. Awabdeh M. History and Prospect of Islamic Criminal Law with Respect to Human Rights: дис. … докт. юрид. наук. – Берлин: Гумбольдтский университет, 2005. – 134 с.
11. Başoğlu M. [и др.]. Rehabilitation of traumatised refugees and survivors of torture: A review of evidence from low and middle-income countries // BMC Psychiatry. – 2022. – Vol. 22. № 1. – Art. 725. – DOI: 10.1186/s12888-022-04384-6 (дата обращения: 30.11.2025).
12. Buskens L., Dupret B. The Application of Islamic Criminal Law in Modern Contexts: The Transformation of Ḥudūd into Ta◎zīr Punishments // Islamic Law and Society. – 2023. – Vol. 30, Iss. 3. – Pp. 245–278. – DOI: 10.1163/15685195-bja10054.
13. Elbably S. M. M. Islamic Criminal Law: A Historical Study // Journal of Islamic Studies and Culture. – 2022. – Vol. 10. № 2. – Pp. 45-56. – DOI: 10.15640/jisc.v10n2a5 (дата обращения: 30.11.2025).
14. Handbook on the Management of Persons Deprived of Liberty. – Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC), 2023. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/Handbook_on_the_Management_of_Persons_Deprived_of_Liberty.pdf (дата обращения: 30.11.2025).
15. Illusion of Justice: Human Rights Abuses in US Terrorism Prosecutions: report. – New York: Human Rights Watch, 2014. – 214 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.hrw.org/report/2014/07/21/illusion-justice/human-rights-abuses-us-terrorism-prosecutions (дата обращения: 30.11.2025).
16. Karimullah S. S. Prison System Transformation: Delving into Restorative Justice, Rehabilitation, and Religious Life Based on Islamic Law // FITRAH: Jurnal Kajian Ilmu-ilmu Keislaman. – 2023. – Vol. 9. № 2. – Pp. 1-15. – DOI: 10.20885/fitrah.vol9.iss2.art1 (дата обращения: 30.11.2025).
17. Mahil Y. Contemporary Mechanisms to Reform Islamic Criminal Law: Between Legal Doctrine and Positive Law. The Case of Morocco // Journal of Islamic Law. – 2025. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://journalofislamiclaw.com/current/article/view/mahil (дата обращения: 30.11.2025).
18. Peters R. Crime and Punishment in Islamic Law: Theory and Practice from the Sixteenth to the Twenty-first Century. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 232 p.
19. Rabb I. A. Doubt in Islamic Law: A History of Legal Maxims, Interpretation, and Islamic Criminal Law. – Cambridge: Cambridge University Press, 2015. – 448 p.
20. Reinfandt L. Crime and Punishment in Early Islamic Egypt (AD 642–969): The Arabic Papyrological Evidence // Proceedings of the Twenty-Fifth International Congress of Papyrology / Ed. by T. Gagos. – Ann Arbor: University of Michigan Library, 2010. – Pp. 633-640.
21. Report of the Security Council to the General Assembly (S/2002/836). – New York: United Nations, 2002. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://undocs.org/en/S/2002/836 (дата обращения: 30.11.2025).
22. Schull K. F. Ottoman Criminal Justice and the Transformation of Islamic Criminal Law and Punishment in the Age of Modernity, 1839–1922: дис. … докт. философии. – Лос-Анджелес: Калифорнийский университет, 2007. – 378 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://escholarship.org/uc/item/3p99q1b4 (дата обращения: 30.11.2025).
23. Serrano D. [и др.]. Contemporary Mechanisms to Reform Islamic Criminal Law: Between Legal Doctrine and Positive Law. The Case of Morocco // Journal of Islamic Law. – 2025. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://journalofislamiclaw.harvard.edu/sites/default/files/jil/2025/Contemporary-Mechanisms-to-Reform-Islamic-Criminal-Law-Morocco.pdf (дата обращения: 30.11.2025).
24. Zulfiqar A. A. The Immorality of Incarceration: Between Jāvēd Aḥmad Ghāmidī and Angela Y. Davis // Journal of Islamic Law. – 2022. – Vol. 3. № 1. – Pp. 1-15.
25. Джавед Ахмад Гамиди. Кайд ки саза [Наказание в виде заключения] // Ишрак. – 1989. – № 7. – С. 37-42.
26. Ahangar M. A. H. "Crime and Punishment in a Modern Muslim State", American Journal of Islamic Social Sciences. – Vol. 29. № 3 (2012). – Pp. 67-68.

ИГОШИН Владимир Геннадьевич
кандидат педагогических наук, доцент кафедры организации режима, охраны и конвоирования, Самарский юридический институт ФСИН России

БОРОДИН Андрей Евгеньевич
старший преподаватель кафедры организации режима, Юридический факультет, Университет ФСИН России

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОТДЕЛОВ И СЛУЖБ ПРИ ВОЗНИКНОВЕНИИ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Статья посвящена исследованию проблемы организации взаимодействия отделов и служб исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в условиях чрезвычайных обстоятельств. Актуальность темы обусловлена спецификой пенитенциарной среды, концентрирующей на ограниченном пространстве значительное число лиц с криминальным прошлым, что создаёт объективные предпосылки для возникновения групповых неповиновений, массовых беспорядков, захватов заложников и иных экстремальных проявлений, требующих немедленного и слаженного реагирования.

Ключевые слова: чрезвычайные обстоятельства, исправительное учреждение, уголовно-исполнительная система, взаимодействие служб, пенитенциарная безопасность, оперативное реагирование, тактико-специальная подготовка.

IGOSHIN Vladimir Gennadjevich
Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of Mode organization, security and escort sub-faculty, Samara Law Institute of the FPS of Russia

BORODIN Andrey Evgenjevich
senior lecturer of Mode organization sub-faculty, Faculty of Law, University of the FPS of Russia

INTERACTION BETWEEN DEPARTMENTS AND SERVICES IN CASE OF EMERGENCIES IN CORRECTIONAL FACILITIES

This article examines the problem of organizing interactions between departments and services of correctional institutions within the Russian Federation's penal system during emergency situations. The topic's relevance stems from the specific nature of the penitentiary environment, which concentrates a significant number of individuals with a criminal record in a confined space. This creates the conditions for the emergence of group insubordination, mass riots, hostage-taking, and other extreme situations requiring an immediate and coordinated response.

Keywords: emergency situations, correctional facility, penal system, service interaction, penitentiary security, rapid response, tactical and special training.

Исправительные учреждения уголовно-исполнительной системы Российской Федерации функционируют в условиях постоянной потенциальной угрозы возникновения чрезвычайных обстоятельств, природа которых обусловлена самой спецификой пенитенциарной среды. Концентрация на ограниченном пространстве значительного числа лиц, осуждённых за совершение преступлений различной степени тяжести, создаёт объективные предпосылки для конфликтов, групповых неповиновений, массовых беспорядков, захватов заложников, побегов и иных экстремальных проявлений, каждое из которых требует немедленного, слаженного и профессионального реагирования со стороны всего личного состава учреждения. В этих условиях вопрос организации взаимодействия отделов и служб перестаёт быть сугубо административной задачей и приобретает характер ключевого фактора, непосредственно определяющего исход кризисной ситуации, сохранность жизни и здоровья сотрудников, осуждённых и иных лиц, оказавшихся в зоне чрезвычайного обстоятельства.

Правовую основу деятельности исправительных учреждений при чрезвычайных обстоятельствах составляет многоуровневая система нормативных актов, включающая федеральное законодательство, прежде всего Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», а также разветвлённую систему ведомственных нормативных документов, с учетом специфики отделов и служб предназначения и особенности выполнения повседневных служебных задач входящими в них сотрудниками [2, с. 173].

Структура исправительного учреждения включает несколько ключевых служб, каждая из которых обладает собственным функциональным предназначением и ресурсным потенциалом, реализуемым в условиях чрезвычайных обстоятельств в рамках чётко очерченной зоны ответственности. Принципиально важно понимать, что эффективное взаимодействие не возникает само по себе в момент кризиса, а является результатом длительной и целенаправленной совместной подготовки, осуществляемой в плановом режиме задолго до возникновения реальной угрозы. Практика показывает, что именно недостаточная согласованность действий различных подразделений в ходе учений и тренировок становится главной причиной сбоев при реальных чрезвычайных обстоятельствах, когда дефицит времени и высокий уровень стресса не оставляют возможности для импровизации и поиска ситуативных решений. Итак, существует необходимость в повышении эффективности процесса формирования готовности сотрудников УИС к действиям при возникновении ЧО [5, с. 41]. Совместные тактико-специальные учения, проводимые с максимальным приближением к реальным условиям, позволяют не только отработать алгоритмы взаимодействия, но и выявить слабые звенья в системе управления, устранить противоречия в нормативных документах, регламентирующих деятельность различных служб, а также сформировать у каждого сотрудника устойчивые навыки действий в условиях неопределённости и психологического давления. Особое значение при этом приобретает разработка сценариев учений, максимально учитывающих специфику конкретного учреждения, его архитектурные особенности, численность и состав контингента осуждённых, а также характерные для данного учреждения риски и угрозы.

Центральным элементом системы взаимодействия при чрезвычайных обстоятельствах является организация управления и связи, обеспечивающая единство руководства и непрерывность информационного обмена между всеми задействованными подразделениями. При возникновении чрезвычайного обстоятельства начальник учреждения или лицо, его замещающее, принимает на себя функции единого командного центра, координирующего действия всех служб в соответствии с заранее разработанным планом реагирования. Дежурный помощник начальника учреждения выступает связующим звеном между руководством и подразделениями, обеспечивая непрерывный и достоверный поток информации в обоих направлениях. Устойчивость системы связи в этих условиях приобретает критическое значение, поскольку даже кратковременная потеря управления способна привести к дезориентации сотрудников, нескоординированным действиям и неконтролируемому развитию ситуации. Именно поэтому в исправительных учреждениях предусматриваются резервные каналы связи, а личный состав проходит специальную подготовку к работе в условиях частичного или полного нарушения штатных коммуникационных систем.

Специфика пенитенциарной среды накладывает существенный отпечаток на характер взаимодействия служб при чрезвычайных обстоятельствах, поскольку сотрудники учреждения действуют в условиях, принципиально отличающихся от тех, с которыми сталкиваются представители иных силовых структур. Особенностями их деятельности является взаимодействие с многочисленной группой криминально зараженных лиц, содержащихся в условиях изоляции от общества [1, с. 20]. Это обстоятельство предопределяет необходимость постоянного учёта психологических особенностей осуждённых, их склонности к групповому поведению, подверженности влиянию криминальных лидеров и способности к быстрой самоорганизации в целях противодействия администрации. Знание этих особенностей позволяет оперативному отделу более точно прогнозировать развитие ситуации, а психологической службе – выстраивать более эффективные стратегии деэскалации. При захватах заложников, представляющих наиболее сложный вид чрезвычайных обстоятельств с точки зрения организации взаимодействия, психологическая служба выходит на первый план, обеспечивая ведение переговоров и поддержание психологического контакта с захватчиками, тогда как силовые подразделения занимают позиции и готовятся к штурму, который рассматривается исключительно как крайняя мера. Медицинский персонал при этом находится в режиме готовности, а оперативный отдел продолжает сбор информации о личности захватчиков, их мотивах и возможных требованиях, что позволяет переговорщикам выстраивать более аргументированную и психологически точную тактику воздействия.

Формирование оптимальной группировки сил и средств для реагирования на чрезвычайные обстоятельства представляет собой самостоятельную и весьма сложную задачу, решение которой требует тщательного анализа характера угрозы, особенностей учреждения и имеющегося ресурсного потенциала. Успешное выполнение задач в сложной оперативной обстановке, возникающей при ЧО в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, должна создаваться такая группировка сил и средств, которая будет соответствовать цели предстоящих силовых тактических действий, и обеспечивать всестороннее и оптимальное применение привлекаемых сил, как собственных, так и приданных [4, с. 36]. Данное положение означает, что состав группировки должен определяться не по формальным критериям численности или ведомственной принадлежности, а исходя из реального характера угрозы и конкретных задач, которые предстоит решить. Избыточная концентрация сил на одном направлении неизбежно ведёт к ослаблению других участков и создаёт дополнительные уязвимости, которые могут быть использованы осуждёнными. Напротив, недостаточное сосредоточение ресурсов порождает риск неудачи операции и эскалации конфликта. Достижение оптимального баланса возможно лишь на основе детального планирования, учитывающего весь спектр возможных сценариев развития чрезвычайного обстоятельства и предусматривающего резервы для реагирования на непредвиденные изменения обстановки.

Взаимодействие исправительного учреждения с внешними силовыми структурами при чрезвычайных обстоятельствах является неотъемлемым элементом общей системы реагирования, поскольку собственных ресурсов учреждения, как правило, недостаточно для самостоятельного урегулирования масштабных кризисных ситуаций. Привлечение подразделений территориальных органов внутренних дел, Росгвардии, Федеральной службы безопасности и иных структур существенно расширяет возможности по локализации и ликвидации чрезвычайного обстоятельства, однако одновременно порождает дополнительные сложности в организации управления и координации действий. Сотрудники подразделений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации во взаимодействии со структурами Министерства внутренних дел, Федеральной службы безопасности, Министерства обороны, Росгвардии и других силовых ведомств при исполнении служебных функций в ходе чрезвычайных обстоятельств должны иметь высокую степень готовности к выполнению сложных оперативно-тактических задач [3, с. 199].

Таким образом, взаимодействие отделов и служб при возникновении чрезвычайных обстоятельств в исправительных учреждениях представляет собой сложный, многоуровневый и многоаспектный процесс, эффективность которого определяется совокупностью взаимосвязанных факторов: качеством нормативно-правовой базы, регламентирующей деятельность каждого подразделения в кризисных условиях; уровнем профессиональной и психологической подготовки личного состава; надёжностью систем управления и связи, обеспечивающих единство руководства и непрерывность информационного обмена; степенью согласованности действий как внутренних подразделений учреждения, так и привлекаемых внешних сил; а также качеством предварительного планирования, учитывающего весь спектр возможных сценариев развития чрезвычайных обстоятельств применительно к конкретному учреждению. Достижение высокого уровня взаимодействия требует систематической совместной подготовки, постоянного совершенствования планов реагирования с учётом изменяющейся оперативной обстановки и целенаправленного развития профессиональных компетенций каждого сотрудника, поскольку именно человеческий потенциал, воплощённый в слаженных и профессиональных действиях личного состава, остаётся главным ресурсом пенитенциарной системы в противодействии чрезвычайным обстоятельствам любого характера и масштаба.

Пристатейный библиографический список

1. Кириллова Т. В., Смыковский В. В. Готовность сотрудников уголовно-исполнительной системы к действиям при чрезвычайных обстоятельствах // Вестник Пермского института ФСИН России. – 2020. – № 2 (37). – С. 19-22.
2. Киселев А. М. О специфике деятельности пенитенциарных органов и учреждений при возникновении чрезвычайных обстоятельств криминального характера // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2025. – № 9-2 (108). – С. 173-177.
3. Киселев А. М. О специфике функционирования пенитенциарных органов и учреждений при чрезвычайных обстоятельствах // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 12-2 (63). – С. 199-201.
4. Лелик Н. Б. Готовность сил и средств уголовно-исполнительной системы Российской Федерации к действиям при чрезвычайных обстоятельствах // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2025. – № 6. – С. 34-37.
5. Смыковский В. В., Лобанова Е. С. Организационно-методическое обеспечение формирования готовности сотрудников территориальных органов Федеральной службы исполнения наказаний России к действиям при возникновении чрезвычайных обстоятельств // Мир науки. Педагогика и психология. – 2020. – Т. 8. № 6. – С. 38-48.

ВИННИЧЕНКО Александр Сергеевич
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Волгоградский институт управления (филиал), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

ГРАБОВЕЦ Евгений Евгеньевич
старший преподаватель кафедры основ экспертно-криминалистической деятельности Учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности, Волгоградская академия МВД России

ГРИНЧЕНКО Сергей Викторович
старший преподаватель кафедры основ экспертно-криминалистической деятельности Учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности, Волгоградская академия МВД России

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОТДЕЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИЗНАСИЛОВАНИЙ

Актуальность выбранной темы определяется необходимостью совершенствования методики расследования изнасилований с учётом современных условий правоприменительной практики. Несмотря на наличие разработанных теоретических положений криминалистики, практика расследования преступлений данной категории по-прежнему сталкивается с типичными проблемами, связанными с оценкой показаний потерпевших, разграничением добровольных и недобровольных половых контактов, доказыванием факта применения насилия либо использования беспомощного состояния, что обусловливает потребность в анализе криминалистической характеристики изнасилования и особенностей организации следственной деятельности по указанным делам. Целью статьи является выработка теоретически обоснованных и практически значимых рекомендаций, направленных на повышение эффективности расследования изнасилований.

Ключевые слова: преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности, расследование уголовных дел, раскрытие изнасилований, криминалистическая характеристика изнасилований.

VINNICHENKO Alexander Sergeevich
Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law, criminal process and criminalistics sub-faculty, Volgograd Institute of Management (Branch), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

GRABOVETS Evgeniy Evgenjevich
senior lecturer of Fundamentals of expert and criminalistic activities sub-faculty of the Educational and Scientific Complex of Expert and Criminalistic Activities, Volgograd Academy of the MIA of Russia

GRINCHENKO Sergey Viktorovich
senior lecturer of Fundamentals of expert and criminalistic activities sub-faculty of the Educational and Scientific Complex of Expert and Criminalistic Activities, Volgograd Academy of the MIA of Russia

METHODOLOGICAL ASPECTS OF INDIVIDUAL ELEMENTS OF THE CRIMINALISTICS CHARACTERISTICS OF RAPES

The relevance of the chosen topic is determined by the need to improve the methodology for investigating rapes, taking into account the current conditions of law enforcement practice. Despite the existence of developed theoretical principles of forensic science, the practice of investigating crimes of this category still faces typical problems related to the assessment of victims' testimonies, distinguishing between voluntary and involuntary sexual encounters, and proving the use of violence or the exploitation of a helpless state, which necessitates the analysis of the forensic characteristics of rape and the specific features of investigative activities in such cases. The purpose of this work is to develop theoretically sound and practically relevant recommendations aimed at improving the efficiency of rape investigations.

Keywords: crimes against sexual freedom and sexual integrity of an individual, investigation of criminal cases, disclosure of rapes, criminalistics characteristics of rapes.

Преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности относятся к числу наиболее сложных и социально значимых деяний, что обусловлено как высокой степенью общественной опасности, так и спецификой их выявления и доказывания. Изнасилование, предусмотренное статьёй 131 Уголовного кодекса Российской Федерации, затрагивает фундаментальные права личности, сопровождается тяжёлыми психотравмирующими последствиями для потерпевших и нередко характеризуется ограниченностью доказательственной информации. В условиях отсутствия очевидцев, латентного характера значительной части таких преступлений и противоречивости показаний участников события особое значение приобретает криминалистическое обеспечение расследования, позволяющее системно подходить к установлению фактических обстоятельств дела.

Уголовно-правовое понятие изнасилования выступает исходной точкой криминалистического анализа и имеет определяющее значение для методики расследования данного преступления. Именно юридическое содержание деяния предопределяет предмет доказывания, квалификацию содеянного, а также круг обстоятельств, подлежащих установлению в ходе предварительного расследования. В соответствии с действующей редакцией статьи 131 УК РФ изнасилование определяется как половое сношение с применением насилия либо с угрозой его применения к потерпевшей или к другим лицам, либо с использованием беспомощного состояния потерпевшей. Данное нормативное определение формирует

правовые границы рассматриваемого преступления и служит базисом для дальнейшего криминалистического осмысления события.

Для практики расследования существенное значение имеет точное соблюдение границ состава изнасилования. Во-первых, законодатель связывает данный состав с половым сношением в естественной форме, что позволяет отграничивать его от иных насильственных действий сексуального характера, предусмотренных статьёй 132 УК РФ. Во-вторых, при установлении признаков использования беспомощного состояния или отсутствия добровольного согласия потерпевшей внимание переносится на её способность осознавать характер и значение происходящего, выражать свою волю, а также на способы подавления сопротивления, применяемые виновным, включая физическое или психическое насилие, угрозу либо использование состояния потерпевшей. Указанные положения образуют нормативную рамку, без которой криминалистический анализ теряет прикладную определённость и может привести к смешению различных групп половых посягательств [11, с. 72-74].

Переход от уголовно-правовой нормы к криминалистической характеристике предполагает расширение описания преступного события за пределы формально-юридической конструкции. В методике расследования изнасилований нормативное определение дополняется типовой информационной моделью, позволяющей выдвигать обоснованные следственные версии, планировать первоначальные следственные действия и прогнозировать характер следовой картины. В криминалистической литературе указывается, что характеристика изнасилования включает устойчивые элементы, такие как способ совершения преступления, обстоятельства подготовки и реализации деяния, сведения о личности преступника и потерпевшей, а также типичные материальные и идеальные следы и места их обнаружения.

Практическое значение такого подхода заключается в том, что следователь ориентируется не только на сам факт применения насилия и совершения полового акта, как это закреплено в диспозиции уголовно-правовой нормы, но и на типологию следственных ситуаций, включая нападение с физическим или психическим насилием, использование доверительных отношений, обмана либо беспомощного состояния потерпевшей. Именно данные ситуации во многом определяют круг доступных источников доказательственной информации и направления их поиска.

В научных исследованиях криминалистическая характеристика изнасилования рассматривается как структурированный комплекс сведений, предназначенный для использования в процессе расследования и предупреждения преступлений, формируемый на основе анализа повторяющихся признаков преступного поведения и условий совершения деяния [14]. Так, в ряде публикаций подчеркивается значение таких блоков характеристики, как способ совершения преступления, обстановка, механизм следообразования и данные о личности потерпевшей, что позволяет выстроить целостное представление о механизме преступления и взаимосвязи его элементов [7].

Уголовно-правовое понятие изнасилования задает формальные границы квалификации и доказывания, тогда как криминалистическая характеристика наполняет эти границы содержанием, отражающим типовые связи между ситуацией совершения преступления, способом действия виновного, образующимися следами и участвующими лицами, превращая юридическую норму в практический инструмент расследования.

Криминалистическая характеристика изнасилования как научная категория занимает самостоятельное и значимое место в системе криминалистической методики расследования преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности и фиксирует юридически значимые признаки состава преступления. Криминалистическая характеристика ориентирована на отражение типичных, повторяющихся связей между элементами преступной деятельности и возникающими в результате её осуществления следами.

Применительно к изнасилованию криминалистическая характеристика отражает особенности способа совершения и сокрытия преступления, типичную обстановку, данные о личности преступника и потерпевшей, а также характер следов, образующихся в процессе преступного посягательства [13, с. 15-22].

Назначение криминалистической характеристики изнасилования заключается в обеспечении следователя ориентирующей информацией, необходимой для выдвижения и проверки следственных версий, определения направлений расследования и выбора оптимальной тактики производства следственных действий. В научной литературе подчеркивается, что криминалистическая характеристика выполняет моделирующую функцию, позволяя представить расследуемое событие как целостную систему взаимосвязанных элементов, а не как набор разрозненных фактов [8, с. 30-36]. Это особенно важно при расследовании изнасилований, где нередко отсутствуют очевидцы, а доказательственная база во многом строится на анализе косвенных данных и показаний потерпевшей.

В структуре частной методики расследования изнасилований криминалистическая характеристика предшествует анализу следственных ситуаций и версий, поскольку именно она задаёт информационный каркас, в рамках которого осуществляется планирование расследования.

В работах, посвящённых методике расследования преступлений против половой неприкосновенности, указывается, что криминалистическая характеристика изнасилования обладает динамическим характером. Она подвержена изменениям в связи с трансформацией способов совершения преступлений, социально-психологических особенностей преступников и потерпевших, а также развитием технических средств фиксации и исследования доказательств. В этой связи её значение не ограничивается описательной функцией, а проявляется в способности адаптироваться к новым условиям правоприменительной практики и служить основой для совершенствования частных методик расследования [3, с. 45-52].

Процесс установления истины по уголовному делу неразрывно связан с использованием криминалистической характеристики преступления, так как она обеспечивает системное осмысление совокупности фактических обстоятельств расследуемого события. Окончательное понимание фактической картины преступления достигается лишь по завершении предварительного расследования и принятии законного, обоснованного и справедливого процессуального решения, отвечающего требованиям уголовно-процессуального законодательства и обладающего устойчивостью в последующем судебном контроле. Вместе с тем на различных этапах расследования формируется лишь частичное, динамически изменяющееся представление о событии преступления, которое может быть охарактеризовано как промежуточная криминалистическая характеристика, уточняемая и дополняемая по мере поступления новой информации.

В научной и практической плоскости сохраняет актуальность вопрос о степени необходимости и объёме применения криминалистической характеристики конкретного преступления в деятельности следователя. Её внедрение оправдано постольку, поскольку она обладает прикладной значимостью и способствует эффективному решению задач расследования. В этой связи криминалистическая характеристика отдельного преступления приобретает обязательное значение, так как без её анализа затруднено как познание механизма совершения деяния, так и разработка рациональных способов и приёмов расследования.

Использование данной модели предоставляет следователю возможность выдвигать обоснованные версии относительно события преступления, его отдельных обстоятельств и прогнозировать дальнейшее развитие расследования, включая выбор тактических решений и направлений процессуальной деятельности.

В структуре криминалистической характеристики преступлений традиционно выделяются наиболее устойчивые и повторяющиеся элементы. К ним относятся типичная ситуация и обстановка совершения преступления, способы его реализации и последующего сокрытия, данные о личности правонарушителя, его мотивации и целях, сведения о личности потерпевшего, а также следы, формирующиеся в результате преступного посягательства. Совокупность указанных элементов образует целостную систему, отражающую механизм преступной деятельности и обеспечивающую её криминалистическое осмысление [10, с. 313].

Данный подход разделяется значительным числом учёных-криминалистов. В частности, Князьков А. С. обоснованно указывает, что объединение разнородных по своему содержанию элементов криминалистической характеристики обусловлено как общностью их природы, так и их тесной операционно-логической взаимосвязью, проявляющейся в практической деятельности по расследованию преступлений [6, с. 415].

В настоящее время в рамках криминалистической характеристики преступлений против половой неприкосновенности особое внимание уделяется анализу способов совершения и последующего сокрытия преступления. Установление способа преступных действий позволяет следователю восстановить как фактическую, так и юридическую сторону расследуемого события, выявить характер действий его участников, мотивы поведения и значимые признаки личности правонарушителя [9, с. 13].

По мнению Зуйкова Г. Г., способ преступного деяния выступает тем фактором, который определяет закономерности формирования доказательственной информации и служит одним из основных источников сведений для развития и совершенствования всех составных частей криминалистической науки. Анализ способов совершения преступлений позволяет формировать научно обоснованные положения криминалистической техники, тактики и методики расследования, направленные на эффективное раскрытие и предупреждение преступлений, а также на установление и розыск лиц, причастных к их совершению [4, с. 53].

В учебных изданиях по криминалистике под редакцией Ищенко Е. П. и Топоркова А. А. обоснованно указывается, что выбор способа совершения изнасилования и иных насильственных действий сексуального характера напрямую обусловлен тем, осуществляется ли преступное посягательство с применением насилия либо с использованием беспомощного состояния потерпевшей (потерпевшего). В ситуациях, связанных с применением насилия, оно может выражаться как в физическом, так и в психическом воздействии, направленном не только против самой потерпевшей, но и против её близких. При этом насильственным действиям нередко предшествуют подготовительные меры, которые могут носить как простой, так и более сложный характер [5, с. 284].

В юридической и криминалистической литературе отмечается, что подобные преступления зачастую совершаются без длительной предварительной подготовки. В практической плоскости это выражается в склонности правонарушителя к применению грубого физического насилия, направленного на быстрое подавление сопротивления потерпевшей, включая удержание рук и ног и причинение телесных повреждений различной степени тяжести.

Вместе с тем, выделяется и иная категория лиц, совершающих изнасилования, для которых характерна заблаговременная подготовка к преступлению. Как правило, речь идёт о лицах с выраженными сексуальными девиациями, которые целенаправленно подбирают жертву, изучают её образ жизни и маршруты передвижения, осуществляют наблюдение и тщательно выбирают момент нападения. Подобная подготовка относится к числу сложных и может включать разработку способов сокрытия следов преступления, выбор орудий и средств маскировки.

Существенное влияние на выбор способа совершения изнасилования оказывает и характер взаимоотношений между преступником и потерпевшей. Факт предварительного знакомства насильника с жертвой нередко предопределяет как форму насилия, так и особенности поведения правонарушителя в момент совершения преступления. Анализ материалов судебной практики свидетельствует о тенденции увеличения доли случаев, при которых потерпевшая и преступник состояли в знакомстве до совершения преступного посягательства, что требует учёта данного обстоятельства при разработке криминалистических рекомендаций по расследованию дел указанной категории [1, с. 31-35].

Обращение к научным исследованиям Васильева В. Л., посвящённым вопросам применения судебно-психологической экспертизы, позволяет проанализировать предкриминальные психические ситуации, предшествующие совершению изнасилования, и выявить типичные варианты взаимоотношений между преступником и потерпевшей. В частности, в рамках данного подхода выделяются ситуации, при которых лицо, совершающее насилие, осведомлено о том, что потерпевшая ранее уже подвергалась сексуальному посягательству и по тем или иным причинам не обращалась в правоохранительные органы и не сообщала о случившемся окружающим [17, с. 443]. Такая информация нередко используется преступником как фактор, снижающий вероятность активного сопротивления и последующего обращения за защитой.

Другой распространённый вариант предкриминальной ситуации связан с ненамеренным знакомством, после которого потерпевшая соглашается на совместное времяпрепровождение и проходит с будущим насильником в уединённое место. Подобное поведение может ошибочно восприниматься преступником как проявление сексуального интереса или согласия, несмотря на отсутствие каких-либо реальных эротических сигналов со стороны потерпевшей. Аналогичное значение имеет и совместное употребление спиртных напитков, в результате которого потерпевшая утрачивает способность адекватно оценивать происходящее, ориентироваться в обстановке и оказывать активное сопротивление противоправным действиям. Кроме того, в ряде случаев после случайного знакомства поведение потерпевшей, имеющее выраженную эмоциональную или эротическую окраску, может восприниматься преступником как провоцирующее, что формирует у него ложное представление о допустимости сексуального посягательства.

Наряду с физическим воздействием в механизме совершения изнасилования значительную роль играют угрозы и иные формы психологического давления. При этом в правоприменительной практике нередко внимание ограничивается лишь уголовно-правовым пониманием психического насилия как угрозы применения физической силы. Вместе с тем в криминалистических исследованиях обосновывается более широкое понимание психологического воздействия. Так, Тихоненко С. В.указывает, что с целью подавления сопротивления потерпевшей виновное лицо может прибегать к угрозам разглашения сведений, способных скомпрометировать саму потерпевшую либо её близких. Использование подобных угроз позволяет преступнику воздействовать на психоэмоциональное состояние жертвы и создать условия для совершения полового посягательства без непосредственного применения физического насилия [16, с. 9].

В практике расследования преступлений против половой неприкосновенности, в частности изнасилований, органы предварительного расследования нередко сталкиваются с ситуациями, при которых внешне создаётся впечатление добровольного сексуального контакта между подозреваемым и потерпевшей. В подобных условиях перед следователем возникает задача всестороннего и тщательного анализа фактических обстоятельств произошедшего, прежде всего характера и формы применённого насилия. Одновременно необходимо учитывать и вероятность ложного сообщения либо инсценировки преступления, что требует критической оценки поступающей информации и проверки всех выдвигаемых версий.

Существенным этапом преступной деятельности является сокрытие совершённого деяния, которое рассматривается в криминалистике как одна из форм противодействия расследованию. Применительно к изнасилованиям данные способы могут носить как активный характер, выражаясь в целенаправленных действиях по уничтожению следов или введению следствия в заблуждение, так и пассивный, заключающийся в умышленном бездействии [12, с. 18].

Формирование способа совершения и сокрытия изнасилования во многом определяется конкретными условиями обстановки, в которой произошло преступление. Значимую роль при этом играют место, время и общая ситуация совершения деяния. В научной литературе отмечается, что обстановка изнасилования представляет собой совокупность условий внешней среды, включающую характеристики места и времени преступления, объект и предмет посягательства, особенности взаимоотношений между преступником и потерпевшей, а также возможное участие иных лиц.

Значение для следственной деятельности имеют сведения о времени совершения преступления, анализ которых позволяет использовать временные характеристики в качестве ориентира при выдвижении следственных версий и планировании дальнейших процессуальных и оперативно-розыскных мероприятий [15, с. 42-43].

Анализ временных характеристик преступных посягательств на половую неприкосновенность показывает, что наибольшая интенсивность совершения изнасилований, по данным криминалистических и криминологических исследований, приходится на тёплые периоды года. При этом наиболее типичными временными отрезками являются поздние вечерние часы и начальный ночной период, что связано с ослаблением социального контроля, снижением бдительности потенциальных жертв и особенностями образа жизни участников подобных ситуаций. Учёт временного фактора имеет существенное значение для выдвижения следственных версий и определения направлений первоначальных следственных действий.

Не менее важным элементом криминалистической характеристики изнасилования является место совершения преступления, его территориальная привязка и удаленность от постоянного места проживания преступника. Для лица, совершающего изнасилование, выбор места имеет принципиальное значение, поскольку окружающая обстановка должна способствовать быстрому подавлению сопротивления потерпевшей, созданию уединения и реализации преступного намерения [2, с. 59-67].

Обобщение рассмотренных элементов криминалистической характеристики изнасилования позволяет выделить характерные особенности данного преступления, которые используются при типизации групп преступников, идентификации подозреваемых и разработке рекомендаций по раскрытию, выявлению и расследованию преступлений против половой неприкосновенности.

Процесс доказывания насильственных преступлений данной категории требует повышенного внимания к установлению причин, по которым потерпевшая оказалась не в состоянии оказать сопротивление. Существенное значение имеют физиологические особенности правонарушителя, и психологическое состояние потерпевшей в момент преступного посягательства и после его завершения.

Подводя итог вышеизложенному можем сделать вывод о том, что учёт типичных связей между способом совершения и сокрытия, обстановкой (время и место), личностью преступника и потерпевшей и следовой картиной обеспечивает выдвижение обоснованных версий и выбор оптимальной тактики следственных действий, превращая норму в практический инструмент расследования.

Пристатейный библиографический список

1. Барков В. В. Особенности основных элементов криминалистической характеристики изнасилований // Вестник экономики и права. – 2022. – № 73.
2. Гришин А. В., Якубина Ю. П. О квалификации изнасилования и ряда преступлений против половой неприкосновенности // Вестник Белгородского юридического института МВД России. – 2025. – № 3.
3. Ермолович В. Ф. Криминалистическая характеристика преступлений. – Минск: Амалфея, 2012.
4. Зуйков Г. Г. Криминалистическое понятие и значение способа совершения преступления // Труды Высшей Школы Министерства охраны общественного порядка СССР. – М., 1967. – Выпуск 15.
5. Ищенко Е. П., Топорков А. А. Криминалистика: учебник / под ред. Е. П. Ищенко. - 2-е изд., испр., доп. и перераб. – М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2010.
6. Князьков А. С. Криминалистика: курс лекций / под ред. проф. Н. Т. Ведерникова. – Томск, 2008.
7. Козаченко И. Я., Незнамова З. А., Новосёлов Г. П. Уголовное право. Особенная часть. – 3-е изд. – М.: Норма, 2008.
8. Колдин В. Я. Криминалистическое знание о преступной деятельности: функция моделирования // Вестник криминалистики. – 2008. – № 2.
9. Комиссаров В. И., Лялина Е. В. Первоначальный этап расследования изнасилований, совершаемых группой несовершеннолетних. – М., 2007.
10. Коровин Н. К., Ратушняк В. В. Значение криминалистической характеристики при расследовании изнасилований. – М., 2020.
11. Криминалистическая методика расследования отдельных видов и групп преступлений: учебное пособие / В. Д. Зеленский [и др.]. – Краснодар: КубГАУ, 2013.
12. Николайчук И. А. Сокрытие преступлений как форма противодействия расследования: автореф. дис. … д.ю.н. – Воронеж, 2000.
13. Пономарёва Л. В. Методика расследования изнасилований. – М.: Юрлитинформ, 2002.
14. Сафронов В. Н., Свидлов Н. М. Вопросы квалификации половых преступлений: учебное пособие. – Волгоград: Вектор, 1998.
15. Сидорик В. Н. Методика расследования изнасилований, совершённых несовершеннолетними: дис. … к.ю.н. Специальность 12.00.09 – Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность. – Минск, 1989.
16. Тихоненко С. В. Изучение криминологической характеристики изнасилований в целях их предупреждения (методические рекомендации для практических работников). – Саратов, 1990.
17. Юридическая психология: учебник для вузов / В. Л. Васильев. – СПб., 2003.

МКРТЫЧЕВ Милен Геннадьевич
аспирант кафедры криминалистики, Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина, г. Краснодар

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДМЕТА ПРЕСТУПНОГО ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА ЗЕМЛИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ КАК ОБЯЗАТЕЛЬНОГО ЭЛЕМЕНТА КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ

В статье исследуются проблемы определения предмета преступного посягательства на земли сельскохозяйственного назначения в контексте ст. 254 УК РФ. Обосновывается, что действующее уголовное законодательство не содержит достаточной определенности в понимании категории «порча земли», что создает сложности при квалификации деяний, разграничении преступлений и административных правонарушений, а также в правоприменительной практике. Анализируются основные доктринальные подходы к определению предмета преступления: юридико-функциональный, экологико-природоохранный, территориально-формальный и смешанный. Делается вывод о том, что наиболее обоснованным является комплексный подход, в рамках которого предмет преступного посягательства рассматривается как земельный участок сельскохозяйственного назначения, обладающий плодородным почвенным слоем и подвергшийся негативному антропогенному воздействию.

Ключевые слова: земли сельскохозяйственного назначения, предмет преступления, предмет преступного посягательства, порча земли, ст. 254 УК РФ, уголовно-правовая охрана, экологические преступления, плодородный слой почвы, квалификация преступлений, правоприменительная практика.

MKRTYCHEV Milen Gennadjevich
postgraduate student of Criminology sub-faculty, I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar

PROBLEMS OF DETERMINING THE SUBJECT OF CRIMINAL ENCROACHMENT ON AGRICULTURAL LANDS IN RUSSIAN CRIMINAL LAW AS A MANDATORY ELEMENT OF FORENSIC CHARACTERISTICS

The article examines the problems of determining the subject of criminal encroachment on agricultural lands in the context of Article 254 of the Criminal Code of the Russian Federation. It is substantiated that the current criminal legislation does not contain sufficient certainty in understanding the category of "damage to land", which creates difficulties in qualifying acts, distinguishing crimes from administrative offenses, and in law enforcement practice. The main doctrinal approaches to defining the subject of a crime are analyzed: legal-functional, ecological-environmental, territorial-formal and mixed. The conclusion is made that the most substantiated is a comprehensive approach, within which the subject of criminal encroachment is considered as an agricultural land plot possessing a fertile soil layer and subjected to negative anthropogenic impact.

Keywords: agricultural lands, subject of crime, subject of criminal encroachment, damage to land, Article 254 of the Criminal Code of the Russian Federation, criminal law protection, environmental crimes, fertile soil layer, qualification of crimes, law enforcement practice.

В условиях усиливающихся рисков для продовольственной безопасности, климатической нестабильности и уменьшения площади земель, пригодных для сельскохозяйственного производства, возрастает значение правовой охраны земель сельскохозяйственного назначения. Данная категория земель выступает не только в качестве экономического ресурса, но и как стратегически важный объект, обеспечивающий устойчивое развитие государства, экологическое равновесие и продовольственный суверенитет. Специальный правовой режим таких земель предопределяет повышенное внимание государства к вопросам их рационального использования и охраны, в том числе средствами уголовного права [1].

Существенное значение в рассматриваемом аспекте имеет вопрос о том, что именно следует понимать под землей как предметом преступления, предусмотренного ст. 254 УК РФ. С формально-юридической точки зрения имеется в виду земельный участок как индивидуально определенный объект, наделенный определенным правовым режимом и отнесенный к установленной законом категории. Однако такого понимания недостаточно для уголовно-правовой оценки, поскольку оно не раскрывает сущности вреда, причиняемого земле как природному объекту. В экологическом смысле земля включает в себя почвенный покров, прежде всего верхний плодородный слой, который обеспечивает развитие растительности, биологическую активность и устойчивость агроэкосистем [6]. Именно поэтому в научной литературе обоснованно указывается, что применительно к ст. 254 УК РФ предмет преступления должен пониматься не как любая территория в абстрактном виде, а как участок земли, обладающий плодородным почвенным слоем, выполняющим как сельскохозяйственные, так и экологические функции [7].

Указанная позиция подтверждается и нормативным материалом. Так, в Постановлении Правительства РФ от 23 февраля 1994 г. № 140 «О рекультивации земель, снятии, сохранении и рациональном использовании плодородного слоя почвы» особо подчеркивается необходимость охраны и рационального использования именно плодородного слоя почвы как основы продуктивности земель [8]. В ГОСТ 27593-88 «Почвы. Термины и определения» почва рассматривается как самостоятельный природный объект, обладающий совокупностью свойств, обеспечивающих плодородие [9]. Следовательно, уголовно-правовая охрана земли в сфере сельскохозяйственного использования не может сводиться лишь к защите кадастрово определенных границ земельного участка; она должна быть направлена на охрану тех свойств почвенного слоя, которые обеспечивают возможность использования земли в аграрных целях.

В современной юридической литературе выделяется несколько базовых подходов к определению предмета преступлений, связанных с использованием земель сельскохозяйственного назначения. Первый из них можно условно обозначить как юридико-функциональный. В рамках данного подхода предмет преступления устанавливается через правовой статус земельного участка и его целевое назначение. Иными словами, решающее значение придается тому, относится ли участок к категории земель сельскохозяйственного назначения. Данный подход находит отражение в работах О. Л. Дубовик, которая указывает, что земля как предмет экологического преступления охватывает любые виды земельных участков вне зависимости от формы собственности и характера владения [10]. Близкую позицию занимает В. Н. Баландюк, отмечающий, что предметом соответствующих преступлений могут являться земли различного назначения, в том числе сельскохозяйственные [11]. Преимуществом такого подхода является его формальная определенность и относительная простота для правоприменения. Однако его недостаток состоит в том, что он не всегда позволяет учесть фактическое состояние почвы и наличие реального экологического вреда, а значит, в ряде случаев оказывается недостаточным для полноценной оценки общественной опасности деяния.

Иную позицию отражает экологико-природоохранный подход, в рамках которого предмет преступления понимается как природный объект, то есть, прежде всего, как почва и ее верхний плодородный слой. В соответствии с данной концепцией определяющее значение имеет не столько правовой режим земельного участка, сколько сам факт негативного воздействия на агрономически ценные свойства почвы. Так, С. Т. Фаткулин

прямо отмечает, что предметом преступления, предусмотренного ст. 254 УК РФ, являются почвы, а именно верхний плодородный слой земли, подвергшийся отравлению, загрязнению либо иной порче [12]. Аналогичного подхода придерживается Н. А. Лопашенко, подчеркивающая, что в контексте рассматриваемой нормы понятие «земля» должно охватывать, прежде всего, плодородный слой, подвергшийся негативному воздействию [13]. Достоинство данного подхода заключается в его сосредоточенности на сущности причиненного вреда. Вместе с тем его абсолютизация может привести к отрыву от правового режима земельного участка, что затрудняет разграничение уголовно наказуемых деяний и иных правонарушений, включая земельные и административные деликты.

Самостоятельного рассмотрения заслуживает территориально-формальный подход, согласно которому предмет преступления определяется преимущественно через кадастровые границы земельного участка. В рамках этой концепции сам факт нахождения участка в составе земель сельскохозяйственного назначения уже предопределяет его отнесение к предмету уголовно-правовой охраны. Подобное понимание может иметь определенное значение для административной практики, однако применительно к экологическим преступлениям оно выглядит чрезмерно упрощенным. Как следует из ГОСТ 26640-85 «Земли. Термины и определения», земля может пониматься как пространственный базис, однако такое определение не раскрывает свойств почвенного покрова и не позволяет установить, в чем конкретно выразился вред, причиненный природному объекту [16]. Поэтому использование только территориально-формального критерия для уголовно-правовой оценки представляется недостаточным.

Межотраслевой анализ категории земли позволяет сделать вывод о ее сложной и многослойной природе. Земля выступает одновременно как природный элемент биосферы, объект недвижимости и хозяйственно-правовой ресурс. Именно такая тройственная характеристика позволяет наиболее полно раскрыть ее значение как предмета преступления. В доктрине справедливо подчеркивается, что земля не сводится ни к территории, ни исключительно к объекту права собственности, а представляет собой универсальный природный объект, выполняющий многоуровневую социальную функцию [17]. С этих позиций применительно к землям сельскохозяйственного назначения уголовно-правовой охране подлежит не только сам участок как объект кадастрового учета, но и его плодородный слой, обеспечивающий возможность сельскохозяйственного производства, экологическое равновесие и сохранение агроресурсного потенциала.

Из этого следует важный практический вывод – предмет преступного посягательства по делам о порче земель сельскохозяйственного назначения должен устанавливаться не только на основании сведений о категории земель и разрешенном использовании участка, но и исходя из объективных данных о состоянии почвы. В этой связи особое значение приобретают экспертные исследования, позволяющие установить содержание гумуса, агрохимические показатели, токсикологические характеристики, водно-физические свойства почвы, уровень ее биологической активности и способность к восстановлению нарушенных функций. Именно эти параметры позволяют определить, имела ли место порча земли в уголовно-правовом смысле, либо речь идет о нарушении, не достигающем степени общественной опасности, свойственной преступлению.

Одной из наиболее существенных проблем действующей редакции ст. 254 УК РФ является неопределенность термина «порча земли». Законодатель использует данную категорию, но не раскрывает ее содержания, что вызывает серьезные затруднения в правоприменительной практике. Отсутствие нормативной конкретизации осложняет разграничение уголовно наказуемого деяния и административного правонарушения, затрудняет экспертную оценку вреда и снижает предсказуемость судебных решений. В научной литературе справедливо отмечается, что действующее регулирование не позволяет однозначно определить, какие именно изменения состояния земли следует считать порчей в уголовно-правовом смысле и какие параметры почвы должны учитываться при решении вопроса о наличии состава преступления.

Представляется, что понятие порчи земли должно связываться не только с самим фактом внешнего воздействия, но и с устойчивым ухудшением состояния почвы, выражающимся в нарушении ее физико-химических и биологических свойств. Такое понимание позволяет придать данной правовой категории необходимую конкретность и обеспечить возможность ее проверки средствами судебной экспертизы. В связи с этим обоснованным является предложение о совершенствовании диспозиции ч. 1 ст. 254 УК РФ посредством включения в нее указания на нарушение физико-химических и биологических свойств почвенного слоя как одну из форм проявления порчи земли. Кроме того, целесообразно дополнить ст. 254 УК РФ специальным примечанием, закрепляющим, что под порчей земли понимается устойчивое ухудшение состояния почвы, выражающееся, в частности, в снижении содержания гумуса, нарушении агрохимических показателей, загрязнении сверх установленных нормативов, снижении биологической активности и способности почвы выполнять сельскохозяйственные и иные экологические функции. Такая конкретизация способствовала бы повышению правовой определенности нормы и обеспечению единообразия практики ее применения.

Таким образом, предметом преступления, предусмотренного ст. 254 УК РФ, следует считать земельный участок сельскохозяйственного назначения, обладающий плодородным почвенным слоем, подвергшимся негативному антропогенному воздействию и утратившим в той или иной степени свои агрономические и экологические свойства. Именно плодородный слой почвы выступает центральным элементом предмета уголовно-правовой охраны, поскольку его деградация означает утрату землей способности выполнять свое сельскохозяйственное назначение. В условиях возрастающего экологического давления, сокращения плодородных почв и усиления угроз продовольственной безопасности дальнейшее совершенствование уголовно-правовой охраны земель сельскохозяйственного назначения должно быть связано, прежде всего, с уточнением понятия порчи земли, закреплением экспертно проверяемых критериев ее установления и развитием комплексного подхода к оценке вреда, причиненного почвенно-земельному ресурсу.

Пристатейный библиографический список

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 2001. - № 44. - Ст. 4147.
2. Агафонов А. В. Особенности категориального понятия «земля» как предмета преступления // Российский следователь. - 2016. - № 14. - С. 35-38.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 1996. - № 25. - Ст. 2954.
4. Мельниченко А. Б., Радачинский С. Н. Уголовное право. Особенная часть: учебное пособие. - Ростов н/Д.: МарТ, 2002. - С. 272.
5. Боголюбов С. А. Земельное право России: учебник для вузов. - М.: Норма, 2009. - 671 с.
6. ГОСТ 27593–88. Почвы. Термины и определения. Утв. постановлением Госстандарта СССР от 23.02.1988 № 326. - М.: ИПК Изд-во стандартов, 2004.
7. Лопашенко Н. А. Экологические преступления: комментарий к гл. 26 УК РФ. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. - С. 156.
8. О рекультивации земель, снятии, сохранении и рациональном использовании плодородного слоя почвы: Постановление Правительства РФ от 23 февраля 1994 г. № 140 // Российская газета. - 1994. - № 44.
9. ГОСТ 27593-88. Почвы. Термины и определения. Утв. постановлением Госстандарта СССР от 23.02.1988 № 326. - М.: ИПК Изд-во стандартов, 2004.
10. Дубовик О. Л. Экологические преступления: комментарий к гл. 26 УК РФ. - М.: Юридическая литература, 1998. - С. 240.
11. Баландюк В. Н. Экологические преступления: понятие, виды, квалификация. - Омск, 1998. - С. 27.
12. Фаткулин С. Т. Уголовно-правовая охрана земли от порчи: автореф. дис. … канд. юрид. наук. - Екатеринбург, 2005. - С. 13.
13. Лопашенко Н. А. Экологические преступления: комментарий к гл. 26 УК РФ. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. - С. 156.
14. Курс уголовного права: в 5 т. Т. 4: Особенная часть / под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. - М., 2002. - С. 522.
15. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / под ред. А. И. Рарога. - М.: Норма, 2004. - С. 422.
16. ГОСТ 26640-85. Земли. Термины и определения. Введен постановлением Госстандарта СССР от 28.10.1985 № 3453.
17. Егоров Н. Г. Земельное право и экологическая безопасность. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2021. - 188 с.

DOI 10.46320/2073-4506-2026-4-215-439-442

Швецов Р. Е.

ШВЕЦОВ Роман Евгеньевич
соискатель ученой степени кандидата юридических наук кафедры адвокатуры и уголовно-правовых дисциплин им. А. В. Клигмана, Российский университет адвокатуры и нотариата им. Г. Б. Мирзоева; адвокат Адвокатской палаты города Москвы

ЗАРУБЕЖНЫЕ МОДЕЛИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЧАСТНОЙ ДЕТЕКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ИНФОРМАЦИОННЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ И МЕХАНИЗМЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В статье исследуются зарубежные модели регулирования частной детективной деятельности с точки зрения информационных ограничений и механизмов ответственности. Рассматриваются подходы Франции, Испании, Италии, Японии, Нидерландов, Бельгии, США и Канады к допуску частных детективов, законному интересу заказчика, договорной фиксации поручения, отчётности, профессиональной тайне, защите персональных данных и запрету подмены публичного расследования. Обосновывается, что в большинстве зарубежных моделей частный детектив является частным субъектом поиска информации, но не субъектом публичной власти. Лицензия, разрешение или регистрация служат формой контроля и допуска к профессии, но не предоставляют полицейских, оперативно-розыскных или служебных полномочий. Сделан вывод, что зарубежный опыт подтверждает необходимость российской уголовно-правовой модели, в которой ответственность частного детектива связывается не со служебным положением, а с преступным использованием профессионального статуса в информационной сфере.

Ключевые слова: частный детектив, зарубежное регулирование, частный сыск, персональные данные, профессиональная тайна, законный интерес.

SHVETSOV Roman Evgenjevich
competitor for the academic degree of Ph.D. in Law of A. V. Kligman Advocacy and criminal law disciplines sub-faculty, G. B. Mirzoev Russian University of Advocacy and Notariat; advocate of the Moscow Chamber of Advocates

FOREIGN MODELS OF REGULATION OF PRIVATE DETECTIVE ACTIVITY: INFORMATION RESTRICTIONS AND LIABILITY MECHANISMS

The article examines foreign models of regulation of private investigation in terms of information restrictions and liability mechanisms. The approaches of France, Spain, Italy, Japan, the Netherlands, Belgium, the United States and Canada to admission to the profession, legitimate interest of the client, contractual assignment, reporting, professional secrecy, personal data protection and the prohibition of substituting public investigation are analyzed. It is substantiated that in most foreign models a private detective is a private subject of information search, but not a subject of public authority. A license, permit or registration serves as a form of control and professional admission, but does not provide police, operational-search or official powers. The article concludes that foreign experience confirms the need for a Russian criminal law model in which liability of a private detective is associated not with official position, but with criminal use of professional status in the information sphere.

Keywords: private detective, foreign regulation, private investigation, personal data, professional secrecy, legitimate interest.

Введение

Частная детективная деятельность существует во многих правопорядках и почти всегда строится вокруг одной и той же коллизии: с одной стороны, граждане и организации имеют частный интерес в получении сведений, необходимых для защиты своих прав; с другой стороны, такой поиск информации может затрагивать частную жизнь, персональные данные, тайну сообщений, коммерческие интересы и иные охраняемые законом блага. Поэтому зарубежное регулирование частного сыска обычно развивается не как предоставление частному детективу публичной власти, а как установление пределов допустимого информационного поиска.

Частный детектив действует в интересах клиента, но не является государственным следователем, сотрудником полиции или субъектом оперативно-розыскной деятельности. Его профессиональная функция состоит в сборе, проверке и передаче информации в частноправовом интересе. Именно поэтому зарубежные модели регулирования уделяют особое внимание допуску к профессии, контролю со стороны административных органов, договорной фиксации задания, отчётности, профессиональной тайне, законному интересу заказчика и защите персональных данных.

Сравнительно-правовой анализ необходим не для механического заимствования иностранных норм, а для выявления устойчивых юридических идей, позволяющих ограничить частный информационный поиск без превращения частного детектива в публичного субъекта расследования. Для российского уголовного права это имеет самостоятельное значение: зарубежный опыт показывает, что повышенная опасность частного детектива связана не с публичной властью и не со служебным положением, а с профессиональной возможностью осуществлять частный поиск информации в условиях риска нарушения прав третьих лиц.

Цель статьи состоит в выявлении зарубежных подходов к информационным ограничениям и механизмам ответственности частного детектива и в определении их значения для российской уголовно-правовой концепции частного детектива как субъекта информации, но не субъекта власти.

Критерии сравнительно-правового анализа

Для уголовно-правового исследования важны не все элементы зарубежного статуса частного детектива, а только те, которые показывают границу между законным частным поиском информации и незаконным вмешательством в охраняемые права. Поэтому сравнительно-правовой анализ должен строиться по нескольким критериям.

Первый критерий - форма допуска к профессии. В одних государствах используется лицензия или разрешение, в дру-

гих - регистрация, уведомление или декларация, в-третьих — сочетание профессиональных требований и последующего административного контроля. Однако во всех случаях такой допуск означает не передачу публичной власти, а проверку пригодности частного субъекта к деятельности, связанной с информационными рисками.

Второй критерий — наличие органа контроля. В зарубежных моделях частный сыск обычно находится под надзором министерства внутренних дел, полиции, специального административного органа, префекта, регистратора или органа по защите данных. Это подчёркивает, что государство допускает частный информационный поиск, но не отказывается от контроля за ним.

Третий критерий - законный или легитимный интерес заказчика. В развитых моделях частный детектив не вправе собирать сведения просто потому, что клиент готов оплатить результат. Заказ должен иметь правовое основание, быть ограничен целью, а результат расследования должен соотноситься с заявленным интересом.

Четвёртый критерий - договор, поручение и отчёт. Иностранное регулирование часто требует письменной фиксации поручения, идентификации заказчика, указания предмета расследования, методов, результата и лиц, участвовавших в работе. Отчётность позволяет отделить законный частный поиск от произвольного сбора сведений.

Пятый критерий - профессиональная тайна и защита персональных данных. Современный частный сыск всё чаще регулируется через privacy-ограничения: цель обработки, необходимость, пропорциональность, минимизацию данных, безопасность хранения, срок хранения, информирование лица и контроль за доступом к результатам расследования.

Шестой критерий — запрет подмены полиции. Почти все современные модели прямо или косвенно исходят из того, что частный детектив не вправе использовать полицейские атрибуты, вводить лицо в заблуждение относительно публичного статуса, проводить действия, зарезервированные для государственных органов, либо вмешиваться в публичное расследование.

Лицензионно-разрешительные модели: Франция, Испания, Италия

Французская модель прямо фиксирует информационную природу частного сыска. Кодекс внутренней безопасности Франции относит к деятельности частных исследовательских агентств профессию, состоящую в сборе информации или сведений, предназначенных для третьих лиц, в целях защиты их интересов. При этом закон допускает, что лицо может собирать такие сведения, не раскрывая своего качества и предмета поручения, но сама деятельность остаётся частной и подчинённой специальному административному режиму[1]. Французский подход значим тем, что в нём частный детектив определяется не через охрану объекта или физическое воздействие, а через сбор информации для клиента, но французская модель не превращает частного исследователя в носителя публичной власти, сбор сведений осуществляется в интересах третьих лиц, а не от имени государства. Профессиональный допуск, административный контроль и требования к пригодности лица служат не расширению полномочий, а ограничению рисков, связанных с частным информационным поиском, поэтому французская модель особенно показательна: она признаёт информационную сущность частного сыска, но не отождествляет его с публичным расследованием.

Испанская модель является одной из наиболее развитых с точки зрения информационных ограничений. Закон Испании о частной безопасности 2014 года предусматривает, что частные детективы осуществляют необходимые проверки для получения и предоставления информации и доказательств по поручению третьих лиц, имеющих легитимный интерес, и прямо требует подтверждения такого интереса и фиксации его в деле о договоре и расследовании[2]. Из это следует, что частный детектив не обслуживает произвольное любопытство клиента, а действует в пределах юридически значимого интереса.

Испанское регулирование также содержит ограничения, непосредственно направленные на защиту частной жизни. Закон запрещает расследование интимной жизни лиц, происходящей в жилище или иных закрытых местах, а также запрещает использование личных, материальных или технических средств, нарушающих честь, личную и семейную тайну, собственное изображение, тайну сообщений или защиту данных[3]. Кроме того, по каждому поручению должен быть подготовлен единый отчёт, содержащий сведения о заказчике, объекте задания, средствах, результатах, участвующих детективах и совершённых действиях; отчёт не должен включать лишние персональные сведения, не связанные с целью расследования[4]. Профессиональная тайна также закреплена отдельно: детективы не вправе сообщать сведения о расследовании кому-либо, кроме заказчика и компетентных судебных или полицейских органов[5].

Итальянская модель строится вокруг разрешения префекта. В основе регулирования лежит ст. 134 Testo unico delle leggi di pubblica sicurezza, согласно которой без лицензии префекта запрещено частным лицам и организациям осуществлять, в том числе, расследования, розыск или сбор информации по поручению частных лиц[6]. Итальянский подход в меньшей степени акцентирует privacy-структуру по сравнению с Испанией или Нидерландами, но важен как пример классической разрешительной модели: частное расследование допустимо только после публичного допуска и под контролем административной власти. При этом лицензия не превращает частного детектива в публичного следователя; она лишь позволяет оказывать ограниченную профессиональную услугу по сбору информации.

Таким образом, лицензионно-разрешительные модели показывают общую закономерность: государство допускает частный информационный поиск, но связывает его с контролем, договорной целью, запретом подмены полиции, профессиональной тайной и защитой прав лица, в отношении которого собираются сведения.

Регистрационная модель: Япония

Японская модель представляет собой иной тип регулирования. Закон о надлежащем осуществлении детективной деятельности был принят после роста конфликтов между детективными агентствами и клиентами, а также после случаев незаконных методов расследования, использования тайн проверяемых лиц и преступлений со стороны работников детективных организаций[7]. Закон направлен на надлежащее осуществление детективного бизнеса и защиту прав и интересов лиц, в отношении которых собираются сведения.

Ключевой особенностью японского подхода является регистрационно-уведомительная модель. Лицо, намеренное осуществлять детективную деятельность, должно до начала работы подать уведомление через полицейский участок в комиссию общественной безопасности по месту нахождения каждого офиса. При этом официальные материалы прямо подчёркивают, что для ведения детективного бизнеса не тре-

1 Code de la sécurité intérieure. Article L621-1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000025506411 (дата обращения: 11.05.2026).

2 Ley 5/2014, de 4 de abril, de Seguridad Privada. Artículo 48. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2014-3649 (дата обращения: 11.05.2026).

3 Ley 5/2014, de 4 de abril, de Seguridad Privada. Artículo 48.3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2014-3649 (дата обращения: 11.05.2026).

4 Ley 5/2014, de 4 de abril, de Seguridad Privada. Artículo 49. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2014-3649 (дата обращения: 11.05.2026).

5 Ley 5/2014, de 4 de abril, de Seguridad Privada. Artículo 50. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2014-3649 (дата обращения: 11.05.2026).

6 Decreto 18 giugno 1931, n. 773. Testo unico delle leggi di pubblica sicurezza. Art. 134. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:decreto:1931-06-18;773!vig= (дата обращения: 11.05.2026).

7 О детективной индустрии (Веб-сайт Национального полицейского управления). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.npa.go.jp/bureau/safetylife/tanteigyou/index.html (дата обращения: 11.05.2026).

буется специальная квалификация, но сама подача уведомления не предоставляет специальных полномочий. Детектив и его работники не получают права совершать действия, запрещённые или ограниченные другими законами. Например, проникновение на участок соседей для наблюдения за объектом может образовывать самостоятельное правонарушение или преступление[8].

Японская модель особенно важна для российского уголовно-правового анализа. Она показывает, что даже государственная регистрация детективного бизнеса не создаёт особых властных полномочий и не освобождает частного детектива от общих запретов, связанных с частной жизнью, тайной и неприкосновенностью личности. Регистрация выполняет функцию публичного контроля за рынком услуг, но не меняет частноправовой природы деятельности.

В этом смысле японский подход демонстрирует минималистскую, но принципиальную идею: профессиональный допуск не является источником власти. Частный детектив может собирать сведения в рамках дозволенного частного поиска, но не получает права подменять полицию, нарушать жилищную неприкосновенность, использовать незаконные методы или вторгаться в охраняемую законом сферу частной жизни.

Privacy-oriented модели: Нидерланды и Бельгия

Нидерландская модель особенно показательна с точки зрения смещения акцента от классического наблюдения к обработке данных. В Нидерландах частное детективное агентство рассматривается как частная исследовательская организация, выполняющая расследовательскую работу для граждан и компаний. Для такой деятельности требуется лицензия, а сотрудники должны отвечать установленным требованиям и работать в соответствии с Privacy Code of Conduct for Private Detective Agencies[9].

Кодекс поведения частных детективных агентств ориентирует частные расследования на соблюдение стандартов обращения с персональными данными лиц, в отношении которых проводится проверка. Он охватывает цели сбора данных, срок хранения, конфиденциальность, безопасность данных, специальные категории персональных данных, информирование проверяемого лица и его права[10]. Это означает, что современное регулирование частного сыска всё меньше ограничивается вопросом о том, кто вправе наблюдать, и всё больше концентрируется на том, кто, зачем, в каком объёме, как долго и с какими гарантиями обрабатывает данные.

Важным элементом нидерландской модели является также несовместимость с определёнными публичными функциями. Официальные материалы указывают, что лицо не может быть связано с охранной фирмой или детективным агентством, если одновременно работает специальным следователем, прокурором, полицейским или военнослужащим Королевской военной полиции, за исключением особых случаев освобождения. Такая конструкция направлена на недопущение смешения частного информационного поиска и публичной власти[11].

Бельгия в 2024 году приняла новый закон о частных расследованиях, заменивший закон 1991 года. Министерство внутренних дел Бельгии прямо указывает, что обновление было связано с технологическими, социальными и юридическими вызовами XXI века, а также с необходимостью защиты частной жизни и фундаментальных прав[12]. Новая модель исходит из широкого понимания частного расследования: оно проводится физическим лицом по поручению заказчика для сбора информации о других лицах или обстоятельствах фактов, совершённых физическими лицами, в целях защиты интересов заказчика в уже существующем или потенциальном конфликте[13].

Бельгийская модель особенно важна тем, что регулирует не только классических частных детективов, но и более широкий сектор частных расследований. Закон стремится провести границу между публичным и частным расследованием, не позволяя, частным возможностям превзойти полномочия публичных следователей и одновременно ограничивая риски вмешательства в полицейские, или судебные расследования. В числе основных целей названы - защита частной жизни, контроль, качество и надёжность лиц, осуществляющих частное расследование[14].

Нидерландская и бельгийская модели показывают, что современное регулирование частного сыска всё больше смещается от физического наблюдения к контролю обработки данных и защите информационной автономии лица. Для уголовного права этот вывод принципиален: профессиональная опасность частного детектива всё чаще выражается не в применении силы, а в незаконной обработке, накоплении, передаче и использовании сведений.

Североамериканские модели: США и Канада

Североамериканские модели отличаются значительной ролью регионального регулирования. В США требования к частным детективам устанавливаются на уровне штатов. Показательной является модель штата Нью-Йорк, где для осуществления деятельности частного детектива требуется лицензия Департамента штата. Официальные требования включают достижение 25-летнего возраста, статус principal in the business entity, сдачу экзамена, наличие опыта, прохождение fingerprinting и предоставление surety bond[15].

Нью-йоркская модель важна тем, что частный детектив определяется через профессиональную пригодность, опыт, проверку личности и финансовую ответственность, а не через передачу публичной власти. Лицензия допускает лицо к рынку частных расследовательских услуг, но не делает его государственным следователем. Даже там, где учитывается опыт работы в полиции или аналогичной сфере, он выступает квалификационным критерием, а не основанием для сохранения публичных полномочий в частной деятельности.

Канадское регулирование также строится на провинциальной основе. В Онтарио действует Private Security and Investigative Services Act, 2005, который предусматривает лицензирование лиц и организаций, оказывающих услуги частных детективов и охранников[16]. Официальные материалы провинции указывают, что новые охранники и частные следователи должны пройти базовое обучение, сдать тест министерства и только после этого обращаться за лицензи-

8 Закон о целесообразности детективной работы в Столичном полицейском управлении. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.keishicho.metro.tokyo.lg.jp/tetsuzuki/tantei/overview.html (дата обращения: 11.05.2026).

9 Licence for private security organisation or detective agency. Business.gov.nl. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://business.gov.nl/regulations/licence-private-security-organisation/ (дата обращения: 11.05.2026).

10 Privacy code of conduct for detective agencies. Business.gov.nl. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://business.gov.nl/regulations/privacy-code-conduct-detective-agencies/ (дата обращения: 11.05.2026).

11 Licence for private security organisation or detective agency. Business.gov.nl. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://business.gov.nl/regulations/licence-private-security-organisation/ (дата обращения: 11.05.2026).

12 La nouvelle loi sur la recherche privée est arrivée! SPF Intérieur. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ibz.be/fr/actualites/la-nouvelle-loi-sur-la-recherche-privee-est-arrivee (дата обращения: 11.05.2026).

13 La nouvelle loi sur la recherche privée est arrivée! SPF Intérieur. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ibz.be/fr/actualites/la-nouvelle-loi-sur-la-recherche-privee-est-arrivee (дата обращения: 11.05.2026).

14 Législation et documents. BeSafe. Loi réglementant la recherche privée, 18 mai 2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.besafe.be/fr/legislation-et-documents (дата обращения: 11.05.2026).

15 Become a Private Investigator. - New York Department of State. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dos.ny.gov/become-private-investigator (дата обращения: 11.05.2026).

16 Private Security and Investigative Services Act, 2005. Ontario. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ontario.ca/laws/statute/05p34 (дата обращения: 11.05.2026).

ей[17]. Такая модель подчёркивает профессиональный, но частный характер деятельности.

Североамериканские модели подтверждают общую тенденцию: частный детектив определяется как лицо, оказывающее информационно-расследовательскую услугу за вознаграждение, но профессиональный допуск не создаёт публичной власти. Контроль осуществляется через лицензию, возраст, опыт, обучение, экзамен, fingerprinting, финансовые гарантии, кодексы поведения и возможность дисциплинарного воздействия. При этом центральным остаётся не право частного детектива принуждать, а обязанность действовать в установленных законом пределах.

Сравнительно-правовые выводы для российского уголовного права

Рассмотренные модели различаются по форме допуска к профессии. Франция использует административно контролируемую профессиональную модель частного исследования. Испания строит более детальную систему, включающую легитимный интерес, письменный отчёт и профессиональную тайну, Италия сохраняет классическое разрешение префекта, Япония демонстрирует уведомительно-регистрационный подход без предоставления специальных полномочий, Нидерланды и Бельгия показывают privacy-oriented развитие регулирования, где ключевое значение приобретает обработка персональных данных, США и Канада сохраняют лицензионную модель, дополненную требованиями к опыту, обучению, проверке личности и финансовым гарантиям.

Вопреки различиям, все эти модели сходятся в одном: частный детектив является частным субъектом поиска информации, но не субъектом публичной власти, его профессиональный допуск не означает права на принудительное получение сведений, доступ к закрытым базам, подмену полиции, осуществление оперативно-розыскных действий или вторжение в частную жизнь вне законных оснований. В зарубежном регулировании лицензия, разрешение или регистрация выполняют ограничительную, а не властно-расширительную функцию.

Для российского уголовного права это подтверждает несколько выводов. Во-первых, правовое значение частного детектива должно связываться с профессиональным информационным поиском, а не с публично-властным или служебным статусом. Во-вторых, лицензия не должна рассматриваться как источник доступа к закрытым информационным ресурсам. В-третьих, договор, поручение, отчёт и законный интерес заказчика могут иметь значение для установления профессионального контекста. В-четвёртых, privacy-ограничения зарубежных моделей подтверждают, что основная современная опасность частного сыска связана с данными, тайной, конфиденциальностью и информационной автономией лица.

Российская административно-правовая литература традиционно рассматривает частную детективную и охранную деятельность как сферу разрешительного регулирования и негосударственного содействия защите прав [1], [3], [6], [4]. Уголовно-правовые исследования, в свою очередь, подчёркивают необходимость специальной оценки превышения полномочий частным детективом или работником частной охранной организации [5], [8], [2], [7]. Зарубежный материал позволяет соединить эти подходы: частный детектив требует допуска и контроля, но его уголовно-правовая опасность проявляется, прежде всего, в профессиональном использовании частного информационного поиска.

Следовательно, зарубежный опыт подтверждает, что повышенная опасность частного детектива связана не с публичной властью, а с профессиональной возможностью осуществлять частный поиск информации в условиях повышенного риска нарушения прав третьих лиц. Для российского уголовного права это означает необходимость оценивать не предполагаемую властность профессионального допуска частного детектива, а преступное использование лицензированного профессионального статуса в информационной сфере.

Заключение

Зарубежные модели регулирования частной детективной деятельности различаются по юридической форме: лицензия, разрешение, регистрация, уведомление, административный контроль, профессиональная пригодность, обучение и надзор. Однако их общая правовая идея совпадает: частный детектив допускается к профессиональному информационному поиску, но не получает публично-властных полномочий.

Центральными ограничителями частного сыска в зарубежных моделях являются законный или легитимный интерес заказчика, договорная фиксация поручения, отчётность, профессиональная тайна, защита персональных данных, запрет подмены полиции и контроль за методами получения сведений. В испанской, нидерландской и бельгийской моделях, регулирование прямо связывает частное расследование с уважением частной жизни, минимизацией данных, конфиденциальностью и правами проверяемого лица.

Для российского уголовного права значение сравнительно-правового анализа заключается в том, что частный детектив должен оцениваться, прежде всего, как профессиональный субъект работы с информацией, а не как носитель властных полномочий. Его уголовно-правовая характеристика определяется не служебным положением и не принадлежностью к публичной власти, а использованием профессиональных возможностей частного информационного поиска — как в рамках установленного законом режима, так и с выходом за его пределы. Такой подход позволяет более точно разграничивать правомерную частную сыскную деятельность, административно наказуемые нарушения, специальные информационные преступления и случаи преступного использования профессионального статуса частного детектива.

Пристатейный библиографический список

1. Белорусов В. Б. Административно-правовой статус негосударственных субъектов правоохранительной деятельности в Российской Федерации: автореф. дис. … докт. юрид. наук. - М., 2005.
2. Волков К. А. Квалификация превышения полномочий частным детективом или работником частной охранной организации // Законность. - 2016. - № 4. - С. 49-53.
3. Демина М. Ф. Частная детективная и охранная деятельность как объект отношений в сфере обеспечения разрешительной системы // Административное и муниципальное право. - 2009. - № 5. - С. 21-27.
4. Козлов В. И. Административно-правовое регулирование частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. - М., 1999.
5. Овчаров А. В. Уголовная ответственность за превышение полномочий служащими частных охранных и детективных служб: дис. … канд. юрид. наук. - М., 2002.
6. Солнышкова О. В. Государственное регулирование негосударственной частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. - Тюмень, 2001.
7. Хренова И. В. Актуальные проблемы квалификации превышения полномочий частным детективом или частным охранником // Закон и право. - 2023. - № 5. - С. 262-266.
8. Чурсина И. В. Уголовная ответственность за превышение полномочий частным детективом или работником частной охранной организации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. - Хабаровск, 2016.

17 Private security and investigative services. Ontario. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ontario.ca/page/private-security-and-investigative-services (дата обращения: 11.05.2026).

БАИРОВ Андрей Семёнович
кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин, Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, подполковник полиции

Баиров А. С.

ДИНАМИКА И СТРУКТУРА ОРГАНИЗОВАННОЙ НАРКОПРЕСТУПНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ В 2000-2010-ЫЕ ГГ.

В данной статье анализируется трансформация организованной наркопреступности, в т.ч. сформированной на этнической основе. Исследуется генезис уголовно-преступной наркосреды в Республике Бурятия в период с 2000 по 2010 годы. Автор анализирует специфические факторы региона, способствовавшие формированию каналов наркотрафика, и структуру организованных преступных групп. Уделяется внимание влиянию социально-экономической обстановки тех лет на криминализацию молодежной среды и динамику преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Рассматриваются механизмы функционирования преступных сообществ, региональные особенности транзита и сбыта запрещенных веществ, а также меры противодействия, предпринимаемые правоохранительными органами в указанный период.

Ключевые слова: организованная наркопреступность, уголовно-преступная среда, пенитенциарные учреждения, дела оперативного учета, легализация наркодоходов, вербовка, преступные группы.

BAIROV Andrey Semyonovich
Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Philosophy and social sciences and humanities sub-faculty, East Siberian Institute of the MIA of Russia, Irkutsk, lieutenant colonel of police

DYNAMICS AND STRUCTURE OF ORGANIZED DRUG CRIME IN THE REPUBLIC OF BURYATIA IN THE 2000-2010S

This article analyzes the transformation of organized drug crime, including ethnically based crime. It examines the genesis of the criminal drug environment in the Republic of Buryatia from 2000 to 2010. The author examines the specific regional factors that contributed to the formation of drug trafficking channels and the structure of organized crime groups. The book focuses on the impact of the socioeconomic climate of those years on the criminalization of youth and the dynamics of drug-related crimes. It examines the mechanisms of criminal organizations, regional patterns of transit and distribution of illicit substances, and countermeasures taken by law enforcement agencies during this period.

Keywords: organized drug crime, criminal environment, penitentiary institutions, operational records, legalization of drug proceeds, recruitment, criminal groups.

Период развития организованной преступности на территории Республики Бурятия в 2000-2010-ых годах характеризовался повторным переделом сфер влияния преступными формированиями всех типов, переходом части организованной преступности в легальный сектор экономики, попытками создать отлаженный механизм наркобизнеса в регионе.

В целом, уголовно-преступная среда республики (УПС) в 2000-2010-ые была представлена в основном двумя организованными преступными формированиями – организованное преступное сообщество (ОПС) «Павлова» и ОПС «Мотомовские», преступная деятельность которых осуществлялась в сфере преступлений общеуголовной направленности и ранее составлявшие единую ОПС («Мотомовские»). Уголовно-преступную среду «курировал» «вор в законе» Углава Георгий Омарович, 1961 г.р., уроженец г. Кутаиси, ранее судимый, клички «Гия», «Тахи».

Доминирующее положение занимало организованное преступное формирование (ОПФ) «Павлова», лидерами которой являлись: Павлов Александр Павлович, 1972 г.р., уроженец г. Улан-Удэ, ранее судимый, кличка «Павлуха», в 2008 г. освобожден из-под стражи из ФБУ СИЗО № 1 УФСИН России по РБ, где содержался по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст. 222 УК РФ; Иванов (Садыков) Ильшат Мидхатович, 1970 г.р., уроженец д. Мечетлино Салаватского района Республики Башкирия, проживал по адресу в г. Улан-Удэ, ранее судимый, кличка «Садык» (в сферу влияния которого входила, в частности, ИК-8 г. Гусиноозерск) и Усынин Максим Викторович, 1980 г.р., уроженец г. Улан-Удэ, ранее судимый, кличка «Суся», он же бывший лидер уголовно-преступной среды – «смотрящий» за республикой. Представителями организованных преступных формирований, как правило, были бывшие или действующие спортсмены, небольшая часть, включая обоих лидеров, ранее судимые, занимали ключевые позиции в структуре УПС республики. ОПФ имели четкую внутреннюю структуру, устойчивую финансовую базу, каналы легализации денежных средств, добытых преступным путем. Формы преступной деятельности ОПС выражались в следующем: оказание «силового прикрытия» наиболее крупным коммерческим структурам различных форм собственности (рестораны, ночные клубы и бары, туристический бизнес); лицам, занимавшимся нелегальными и легальными операциями с лесом и драгоценными металлами, нефритом; «контроль» Павлова, Иванова и Усынина как лидеров УПС над многими криминальными группировками, совершавшими различные пре-

ступления общеуголовной направленности (кражи, грабежи, вымогательство, угоны с последующим «возвратом» владельцам за денежные вознаграждения автотранспортных средств), сбор денежных и иных средств в «воровской общак» УПС, что создавало материальную основу существования уголовно-преступной среды республики, «выбивание» долгов и т. д.

В 2008 г. из ФБУ ЛИУ-5 УФСИН России по Республике Бурятия (РБ) освободился, отбыв уголовное наказание, «вор в законе» Чахладзе Гурам Автандилович, 1984 г.р., кличка «Гурам», «Квежо Младший». По имеющимся данным Чахладзе Г. А. предпринимались попытки создания условий по противодействию деятельности правоохранительным органам республики, в частности оперативным подразделениям органов наркоконтроля по перекрытию каналов поставок наркотиков в места лишения свободы (МЛС).

Также в ИК-8 УФСИН России по РБ отбывал наказание (с 1998 г.) за совершение преступлений, предусмотренных ст.ст. 209, 162, ч.3 УК России (12 лет лишения свободы) Середкин А. Г., 1973 г.р., кличка «Жулик», который после освобождения Чахладзе А. Г., был поставлен «смотрящим» за местами лишения свободы Республики Бурятия.

Также в системе УПС республики имелись лица, которые, как правило, организовывали сбор, «учет», хранение и организацию нелегальных поставок запрещенных предметов, в т.ч. наркотических средств также в места лишения свободы:

– Зотов Сергей Петрович, 1975 г.р., уроженец г. Улан-Удэ, ранее судим, кличка «Зотик» – «трассовой» ФБУ СИЗО-1.

– Могильницкий Максим Владимирович, 1982 г.р., уроженец г. Иркутск, проживал

в г.Улан-Удэ, ранее судим, кличка «Могила» был «трассовым» на ФБУ ИК-8. – Кузнецов Сергей Георгиевич, 1978 г.р., уроженец. с. Старое Татаурово, проживает в г.Улан-Удэ, ранее судим, кличка «Кузя» был «трассовым» на ФБУ ЛИУ-5.

– Хагоев Андрей Юрьевич, 27.03.1983 г.р., уроженец г. Улан-Удэ, ранее судим, кличка «Хагой» был «трассовой» на ФБУ ИК-2.

– Коротов Евгений Сергеевич, 28.04.1990 г.р., уроженец г. Улан-Удэ, зарегистрированный и проживающий в г. Улан-Удэ, кличка «Лысый» был «трассовым» ФБУ ИК-4.

ОПФ «Мотомовские» состояло из бывших и действующих спортсменов, участники не имели судимостей, в основном отрицали «воровское движение». Лидер – Тушемилов Баир Франклинович, 24.05.1966 г. р., уроженец Читинской области, зарегистрированный и проживавший в г. Улан-Удэ, кличка «Тушик». Формы преступной деятельности ОПС выражались в следующем: оказание «силового прикрытия» крупным коммерческим организациям, лицам-гражданам иностранных государств, осуществляющих операции в сфере лесных ресурсов республики, «контроль» над лицами, осуществлявшими незаконный оборот спиртовой продукции, маршрутным такси как внутри республики, так и на межрегиональных и международных направлениях.

В ходе осуществления оперативно-разыскной и уголовно-процессуальной деятельности, сотрудниками органов наркоконтроля в 2000-2010-ых гг. выявлена и пресечена деятельность порядка 100 организованных преступных групп, задокументировано более 300 наркопреступлений с окраской «организованная преступная группа» [1]. Как правило, группы состояли из 3-4 человек, совершавшие до десятка-полутора фактов сбыта наркотических средств, в основном на территории Республики Бурятия.

Так, к примеру, ОПГ «К.» (в составе 3 человек) – преступная группа занималась сбытом наркотического средства (НС) героин на территории г. Улан-Удэ (задокументировано 14 фактов сбыта героина в составе ОПГ, 1 факт легализации денежных средств, добытых преступным путем); ОПГ «Г.» (в составе 4 человек), преступная деятельность выражалась в незаконном приобретении, переработке и сбыте наркотиков каннабисной группы на территории г. Улан-Удэ, Селенгинского района Республики Бурятия и г. Иркутск Иркутской области (задокументировано 10 фактов сбыта в составе ОПГ); ОПГ «П.-М.-О.» (в составе 3 человек), преступная группа занималась поставками из Иркутской области НС героин, с последующим сбытом в г. Улан-Удэ (задокументировано 3 факта сбыта героина в составе ОПГ); ОПГ «Д.» (в количестве 4 человек), преступная деятельность которой выражалась в незаконных поставках из Иркутской области НС героин, с последующим сбытом на территории г.Улан-удэ (задокументировано 9 фактов сбыта героина в составе ОПГ); ОПГ «М.» (в количестве 3 человек) занималась незаконным приобретением, переработкой и сбытом НС каннабисной группы на территории Кяхтинского района республики (задокументировано 15 фактов сбыта, в т.ч. 11 в составе ОПГ); ОПГ «О.» (в количестве 3 человек), преступная деятельность выражалась в сбыте НС героин на территории г. Улан-Удэ (задокументировано 15 фактов сбыта героина в составе ОПГ); ОПГ «М.» (в количестве 3 человек), преступная деятельность которой выражалась в поставках НС героин из Иркутской области с последующим сбытом на территории г. Улан-Удэ (задокументировано 8 фактов сбыта героина в составе ОПГ); ОПГ «Н.-С.» (в количестве 2 человек), преступная деятельность выражалась в сбыте на территории г. Улан-Удэ НС героин (задокументировано 8 фактов сбыта героина в составе ОПГ).

По линии борьбы с организованными формами наркопреступности в каждом оперативном подразделении состояли на связи агенты, в том числе конфиденциальные лица, обеспечивавшие агентурное прикрытие этнических ОПГ. Таким образом, под оперативным контролем в рамках дел оперативной разработки находились десятки организованных преступных групп, образованных на моноэтнической и смешанной основе.

На территории оперативного обслуживания организованных преступных групп, сформированных по этническому признаку, не имелось. Вместе с тем, в республике действовали наиболее активно в первой половине 2010-ых годов два наиболее крупных организованных преступных формирования общеуголовной направленности – «Садыковские» и «Урбаковские», в которых установлено по 10-15 ОПГ, специализировавшихся на совершении общеуголовных преступлений.

В структуру данных формирований были включены 8 организованных групп, в сферу незаконной деятельности которых входило, в том числе, организация и контроль сбора дикорастущей конопли в каждом населенном пункте южных районов республики, где располагались обширные очаги произрастания дикорастущей конопли, поставки наркотиков в соседние регионы и места лишения свободы.

Лидеры и активные участники преступных формирований предпринимали попытки организовать устойчивые каналы вывоза гашиша в западные регионы России, используя при этом значительные финансовые средства и обширные межрегиональные преступные связи.

В результате проводимых оперативно-розыскных мероприятий, анализа имеющейся оперативной информации выявлены каналы поставок в Республику Бурятия из Иркутской

области (города: Иркутск, Усолье-Сибирское, Байкальск, Ангарск, Братск) наркотиков опийной группы, осуществляемые этническими преступными группами, мелкооптовыми наркосбытчиками, проживающими в республике.

В производстве оперативных подразделений органов наркоконтроля находились десятки дел оперативной разработки, имевших окраску «организованная преступная группа», а в рамках дел оперативного учета разрабатывались такие этнические наркогруппы как цыганские и азербайджанские ОПГ.

Но, тем не менее, в республике не отмечалось фактов контроля ОПГ, занимающихся наркобизнесом, за учреждениями кредитно-финансовой сферы, отраслями экономики, а также наличие связей с коррумпированными представителями органов государственной власти.

Несмотря на осуществляемые оперативными подразделениями органов наркоконтроля меры на данном направлении оперативно-служебной деятельности и имеющиеся результаты, о чем свидетельствует рост количества задокументированных преступлений данной категории, оставался ряд нерешенных проблем. Не в полной мере соответствовали предъявляемым требованиям качественный состав конфиденциальных источников, освещавших деятельность организованных преступных групп, сформированных на этнической основе. При большом количестве конфидентов данной категории, эффективность их использования не соответствовала предъявляемым требованиям. Отмечалось недостаточное количество источников оперативной информации, имеющих повышенные разведвозможности, способных участвовать в таких оперативно-розыскных мероприятиях как «оперативное внедрение», «оперативный эксперимент», «контролируемая поставка», проводимых в отношении лидеров и участников преступных групп и сообществ.

При этом кардинальным средством по лишению организованной наркопреступности прибыли от торговли наркотиками являлся подрыв ее экономических основ путем ежегодного раскрытия преступлений, предусмотренных ст. 174 УК РФ и сумма легализованных денежных средств исчислялась миллионами рублей, т.к. по оценкам специалистов, незаконный оборот наркотических средств позволяет при минимальных затратах получать прибыль, составляющую более 1000 %.

Кроме того, из имеющихся на территории оперативного обслуживания 1 следственного изолятора и 7 исправительных учреждений, 4 учреждения непосредственно располагаются в районах обширного произрастания дикорастущей конопли – это ФКУ «Исправительная колония № 1», ФКУ «Исправительная колония № 4», ФКУ «Лечебно-исправительное учреждение № 5».

По этой причине и при наличии каннабисных наркоочагов в преступный бизнес по производству, переработке и сбыту наркотиков растительного происхождения, а также на территорию исправительных учреждений, оказывается вовлеченным значительное количество жителей республики.

Вследствие этого ежегодно пресекалась деятельность организованных групп, члены которых занимались сбытом наркотических средств каннабисной группы на территории Республики Бурятия, в т.ч. поставкой наркотиков в места лишения свободы (МЛС). Из незаконного оборота изымались такие наркотические средства как марихуана и гашиш.

Оперативными подразделениями на постоянной основе обеспечивалось документирование десятков преступных групп, организовывавших каналы поставок наркотиков опийного ряда в регион, вывоз каннабисных наркотиков за пределы республики, а также осуществлявших поставки подконтрольных веществ в МЛС. В состав ряда разрабатывавшихся групп входили азербайджанцы, русские, буряты. Групп, сформированных по моноэтническому принципу, не имелось.

Наркотические средства каннабисной группы, предназначенные для дальнейшей пересылки в исправительные учреждения, не расположенные в зоне обширного произрастания дикорастущей конопли, доставлялись в основном из южных (наркоопасных) районов республики.

Между тем, результаты работы по линии противодействия групповой наркопреступности на территории криминогенных районов юга республики характеризовались недостаточным количеством дел оперативной разработки с окраской «организованная преступная группа», что свидетельствовало о необходимости укрепления уровня взаимодействия оперативного состава со следствием при расследовании уголовных дел, получении неопровержимых доказательств совершения преступлений в составе организованных преступных групп, преступных сообществ.

В целях совершенствования оперативно-служебной деятельности правоохранительных органов в отношении участников преступных формирований, усматривается целесообразным осуществлять правоохранительным органам следующие мероприятия:

1. Принимать меры по активизации работы, связанной с заведением ДОР по линии ОПГ, совершающих преступления на территории наркоопасных районов (с наличием обширных очагов дикорастущей конопли), пресечению тяжких и особо тяжких преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) денежных средств, полученных преступным путем.

2. Увеличить количество источников оперативной информации, имеющих повышенные разведвозможности, способных участвовать в таких оперативно-розыскных мероприятиях как «оперативное внедрение», «оперативный эксперимент», «контролируемая поставка».

3. Начальникам оперативных подразделений брать под личный контроль исполнение мероприятий, предусмотренных планами вербовок.

4. Повысить уровень взаимодействия оперативного состава со следствием при расследовании уголовных дел в отношении возможных участников преступных групп.

Пристатейный библиографический список

1. Электронный ресурс: данные ИЦ МВД по Республике Бурятия.

МУГИНОВА Зульфия Радиковна
заместитель начальника кафедры профессиональной подготовки, Уфимский юридический институт МВД России, подполковник полиции

ОРЕХОВА Наталья Александровна
преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел, Воронежский институт МВД России, майор полиции

КОВГАН Екатерина Юрьевна
преподаватель кафедры административного права, Ростовский юридический институт МВД России, капитан полиции

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В ОБЩЕСТВЕННЫХ МЕСТАХ И РОЛЬ ППСП В ИХ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ

Настоящая статья посвящена комплексному криминологическому анализу преступлений, совершаемых в общественных местах, а также определению роли и места патрульно-постовой службы полиции (ППСП) в системе их нейтрализации. Актуальность темы обусловлена тем, что общественные места традиционно являются одной из наиболее криминально поражённых территорий: по данным официальной статистики, значительная часть всех регистрируемых преступлений совершается именно на улицах, в парках, на транспорте и в иных местах массового пребывания граждан. В этой связи обеспечение правопорядка в общественных местах выступает приоритетной задачей правоохранительной системы, а ключевая роль в её решении принадлежит подразделениям ППСП.

В рамках криминологической характеристики авторами анализируются структура и динамика преступности в общественных местах, выделяются наиболее распространённые виды противоправных посягательств (имущественные преступления – кражи, грабежи, разбои, а также деяния в сфере незаконного оборота наркотических средств), рассматриваются пространственно-временные особенности совершения преступлений и личностные характеристики преступников. Отдельное внимание уделяется виктимологическому аспекту: выделяются категории граждан с повышенной виктимностью (лица в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, несовершеннолетние, пожилые люди, граждане, демонстрирующие дорогостоящие предметы, а также лица, плохо ориентирующиеся на незнакомой местности).

Ключевые слова: преступления в общественных местах, криминологическая характеристика, патрульно-постовая служба полиции, профилактика преступлений, охрана общественного порядка.

MUGINOVA Zulfiya Radikovna
senior lecturer of Professional training sub-faculty, Ufa Law Institute of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

OREKHOVA Natalya Alexandrovna
lecturer of Administrative activities of the internal affairs bodies sub-faculty, Voronezh Institute of the MIA of Russia, major of police

KOVGAN Ekaterina Yurjevna
lecturer of Administrative law sub-faculty, Rostov Law Institute of the MIA of Russia, captain of police

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF CRIMES COMMITTED IN PUBLIC PLACES AND THE ROLE OF CPR IN THEIR NEUTRALIZATION

This article is devoted to a comprehensive criminological analysis of crimes committed in public places, as well as the definition of the role and place of the police patrol and patrol service in the system of their neutralization. The relevance of the topic is due to the fact that public places are traditionally one of the most criminally affected territories: according to official statistics, a significant part of all registered crimes are committed on the streets, in parks, on transport and in other places of mass stay of citizens. In this regard, ensuring law and order in public places is a priority task of the law enforcement system, and the key role in its solution belongs to the police departments.

Within the framework of criminological characteristics, the authors analyze the structure and dynamics of crime in public places, identify the most common types of illegal encroachments (property crimes – theft, robbery, robbery, as well as acts in the field of drug trafficking), consider the spatial and temporal features of crimes and the personality characteristics of criminals. Special attention is paid to the victimological aspect: there are categories of citizens with increased victimization (people under the influence of alcohol or drugs, minors, the elderly, citizens displaying expensive items, as well as people who are poorly oriented in unfamiliar terrain).

Keywords: crimes in public places, criminological characteristics, police patrol service, crime prevention, public order protection.

Общественные места традиционно являются одной из наиболее криминально пораженных территорий. По данным официальной статистики, значительная часть всех регистрируемых преступлений совершается именно в общественных местах, что обусловливает необходимость пристального внимания к данной проблеме со стороны правоохранительной системы.

В системе субъектов профилактики преступлений в общественных местах ключевая роль принадлежит патрульно-постовой службе полиции (ППСП). Как отмечает Б. В. Кодзоков, «патрульно-постовая служба выступает основным средством борьбы с преступностью на улице, в транспорте, в общественных местах» [1, с. 317].

Целью настоящего исследования выступает комплексный криминологический анализ преступлений, совершаемых в общественных местах, а также определение роли и места ППСП в системе их нейтрализации.

Под общественными местами в криминологическом аспекте понимаются территории и объекты, свободные

для доступа неопределенного круга лиц. К ним относятся улицы, площади, парки, скверы, транспортные магистрали, вокзалы, аэропорты, пристани, остановки общественного транспорта, а также иные места массового пребывания граждан.

Криминологическая характеристика преступлений, совершаемых в общественных местах, включает в себя анализ следующих элементов: количественные показатели (уровень, динамика, структура преступности); качественные характеристики (видовой состав, тяжесть деяний, способ совершения); пространственно-временные особенности; личностные характеристики преступников и жертв; причины и условия совершения преступлений.

Анализ практической деятельности подразделений ППСП позволяет выделить наиболее распространенные виды преступлений, совершаемых в общественных местах. Среди них преобладают имущественные посягательства: кражи, грабежи, разбои, причинение телесных повреждений.

Значительную долю составляют также преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств. Как показывает анализ служебной деятельности, сотрудниками ППСП регулярно выявляются административные правонарушения в сфере незаконного оборота наркотиков.

Криминологический анализ позволяет выделить комплекс факторов, способствующих совершению преступлений в общественных местах.

Социально-экономические факторы: высокая концентрация населения в крупных городах; наличие значительного числа лиц без определенного места жительства и занятий; низкая эффективность системы социальной адаптации лиц, освободившихся из мест лишения свободы.

Организационные факторы: недостаточная плотность патрульных нарядов; низкий уровень технической оснащенности подразделений ППСП; слабое взаимодействие между различными службами полиции.

Как отмечает М. К. Кумышева, «эффективность деятельности ППС связана и с плохим материально-техническим обеспечением служб, отсутствием необходимого транспорта, копировальной техники или канцелярии. Данные мелочи вполне могут негативно отразиться на результатах работы сотрудников ППС» [3, с. 271].

Поведенческие факторы: нахождение граждан в состоянии алкогольного опьянения в общественных местах; пренебрежение правилами личной безопасности; демонстративное поведение, провоцирующее преступников.

Особого внимания заслуживает фактор алкогольной виктимизации. Анализ оперативной обстановки показывает, что значительная часть преступлений в общественных местах совершается лицами в состоянии опьянения либо в отношении лиц, находящихся в таком состоянии.

Важным направлением криминологического анализа является изучение личности жертвы преступлений в общественных местах. На основе анализа практической деятельности подразделений ППСП можно выделить следующие категории граждан с повышенной виктимностью:

1. Лица в состоянии алкогольного или наркотического опьянения – утрачивают способность адекватно оценивать обстановку и противостоять преступным посягательствам.

2. Несовершеннолетние – в силу возрастной неосмотрительности и недостатка жизненного опыта.

3. Пожилые граждане.

4. Граждане, демонстрирующие дорогостоящие предметы (телефоны, ювелирные украшения, дорогую одежду).

5. Лица, плохо ориентирующиеся на незнакомой местности (туристы, приезжие).

Правовую основу деятельности патрульно-постовой службы полиции составляют Федеральный закон «О полиции», приказ МВД РФ от 28.06.2021 года № 495 «Об утверждении Устава патрульно-постовой службы полиции», а также иные ведомственные нормативные акты.

Как отмечают А. Р. Манукян и И. Г. Гутиева, «в современной России сотрудники патрульно-постовой службы выполняют свои обязанности в соответствии, как с общероссийскими нормативными правовыми актами, так и с правовыми актами, принятыми специально для организации их деятельности. Прежде всего, на первом месте для всех сотрудников патрульно-постовой службы, как и для всех граждан России, стоит Основной закон нашей страны – Конституция России» [4, с. 270].

В соответствии с действующим законодательством, основными задачами строевых подразделений ППСП являются:

– обеспечение правопорядка на улицах, объектах транспорта и в других общественных местах;

– обеспечение безопасности личности, предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений на постах и маршрутах патрулирования;

– выявление на постах, маршрутах и задержание лиц, совершивших преступления и скрывающихся от следствия и суда;

– оказание содействия подразделениям полиции, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность.

Ключевым элементом деятельности ППСП по нейтрализации преступлений в общественных местах является организация патрулирования. Как справедливо отмечает М. Н. Крыгин, «основными направлениями деятельности ППСП является охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности на маршруте патрулирования» [2, с. 90]. Эффективность патрулирования обусловлена действием нескольких механизмов:

Фактор присутствия – уже сам факт нахождения в общественном месте сотрудника полиции в форменной одежде оказывает сдерживающее воздействие на потенциальных нарушителей, внушает гражданам уверенность в безопасности и защите их прав.

Своевременное реагирование – сотрудники ППСП, как правило, прибывают первыми на место происшествия, и от их действий зависят дальнейшие мероприятия по раскрытию преступления по «горячим следам».

Административная профилактика – пресечение административных правонарушений (мелкое хулиганство, распитие спиртных напитков, появление в общественных местах в состоянии опьянения) позволяет изъять с улиц лиц, которые могут быть как потенциальными преступниками, так и потенциальными жертвами.

Эффективная нейтрализация преступлений в общественных местах невозможна без налаженного взаимодействия ППСП с другими подразделениями полиции, правоохранительными органами и общественными формированиями.

Как подчеркивает М. Н. Крыгин, «большую роль в стабилизации оперативной обстановки в обществе играет тесное взаимодействие полиции и населения. Служебная деятельность общественных объединений и граждан является ключевым фактором охраны правопорядка» [2, с. 91].

Несмотря на значительные результаты деятельности ППСП, существуют проблемы, требующие решения для по-

вышения эффективности нейтрализации преступлений в общественных местах.

М. К. Кумышева выделяет следующие проблемные аспекты: «Решение проблем эффективности деятельности ППС необходимо начинать, прежде всего, с доработки нормативно-правовой базы, регламентирующей аспекты деятельности подразделений ППС для более эффективной защиты прав граждан России. Особой доработки в Законе «О полиции» требуют вопросы взаимодействия сотрудников полиции с гражданами, государственными и муниципальными органами, общественными объединениями, организациями, образовательными учреждениями» [3, с. 271].

В качестве перспективных направлений совершенствования деятельности ППСП по нейтрализации преступлений в общественных местах можно выделить:

Совершенствование правового регулирования – как отмечает Б. В. Кодзоков, «построение в современной России совершенно новой правовой системы и реформирование всех институтов государства поднимает на новый уровень значимость деятельности патрульно-постовой службы полиции как главной государственной структуры по обеспечению правопорядка и общественной безопасности» [1, с. 316].

Внедрение современных информационных технологий – использование систем видеонаблюдения, автоматизированного планирования маршрутов патрулирования, геоинформационных систем.

Совершенствование профессиональной подготовки – особое внимание, по мнению Н. С. Трофимовой, следует уделять психологической подготовке сотрудников, так как «умение прогнозировать назревающие деструктивные социально-психологические явления в толпе поможет предотвратить нарушения общественного порядка» [5, с. 18].

Развитие системы взаимодействия с населением и общественными формированиями – «приоритетными задачами при несении службы объединений правоохранительной направленности должны выступать: сосредоточение внимания на несовершеннолетних правонарушителях, формирование особенностей общения с ними, обеспечение профилактической литературой» [2, с. 93].

Повышение уровня материально-технического обеспечения – как обоснованно указывает М. К. Кумышева, «обеспечение подразделений полиции необходимыми ресурсами является жизненно важным вопросом государства, так как именно правоохранительные органы обеспечивают защиту прав и свобод граждан, гарантируют защиту интересов государства, соблюдение законов страны» [3, с. 271].

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд выводов. Преступления, совершаемые в общественных местах, обладают специфическими криминологическими характеристиками, к числу которых относятся: высокая латентность, значительный удельный вес имущественных посягательств, зависимость от пространственно-временных факторов, связь с алкоголизацией населения.

Патрульно-постовая служба полиции является ключевым субъектом нейтрализации преступлений в общественных местах, что обусловлено ее функциями по обеспечению правопорядка на улицах, оперативному реагированию на сообщения о происшествиях, пресечению административных правонарушений, выступающих криминогенным фоном.

Эффективность деятельности ППСП определяется комплексом факторов: плотностью патрульных нарядов, оптимальностью маршрутов патрулирования, уровнем профессиональной подготовки сотрудников, материально-технической оснащенностью, а также качеством взаимодействия с общественными формированиями и населением.

Перспективными направлениями повышения эффективности нейтрализации преступлений в общественных местах являются совершенствование правового регулирования, внедрение современных информационных технологий, улучшение профессиональной подготовки сотрудников, развитие системы взаимодействия с населением и укрепление материально-технической базы.

Пристатейный библиографический список

1. Кодзоков Б. В. Организационно-правовые особенности деятельности патрульно-постовой службы полиции // Пробелы в российском законодательстве. – 2023. – Т. 16. № 4. – С. 315-320. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionno-pravovye-osobennosti-deyatelnosti-patrulno-postovoy-sluzhby-politsii (дата обращения: 21.02.2026).
2. Крыгин М. Н. Актуальные вопросы взаимодействия ППСП с общественными формированиями и гражданами по охране общественного порядка // Вестник науки. – 2023. – № 11 (68). – С. 89-95. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-vzaimodeystviya-ppsp-s-obschestvennymi-formirovaniyami-i-grazhdanami-po-ohrane-obschestvennogo-poryadka (дата обращения: 21.02.2026).
3. Кумышева М. К. Проблемы усиления эффективности деятельности подразделений патрульно-постовой службы в современной России // Пробелы в российском законодательстве. – 2024. – Т. 17. № 10. – С. 270-273. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-usileniya-effektivnosti-deyatelnosti-podrazdeleniy-patrulno-postovoy-sluzhby-v-sovremennoy-rossii-1 (дата обращения: 21.02.2026).
4. Манукян А. Р., Гутиева И. Г. Правовые основы деятельности подразделений охраны общественного порядка // Пробелы в российском законодательстве. – 2024. – Т. 17. № 4. – С. 269-274. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-deyatelnosti-podrazdeleniy-ohrany-obschestvennogo-poryadka (дата обращения: 21.02.2026).
5. Трофимова Н. С. О роли руководителя патрульно-постовой службы полиции в обеспечении эффективности деятельности по охране правопорядка во время массовых мероприятий // Пробелы в российском законодательстве. – 2021. – Т. 14. № 4. – С. 17-21. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/o-roli-rukovoditelya-patrulno-postovoy-sluzhby-politsii-v-obespechenii-effektivnosti-deyatelnosti-po-ohrane-pravoporyadka-vo-vremya (дата обращения: 21.02.2026).

DOI 10.46320/2073-4506-2026-4-215-449-452

Кошкин А. В.

КОШКИН Артем Вячеславович
аспирант, Институт права, Самарский государственный экономический университет

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ МОШЕННИЧЕСТВА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

В статье рассматриваются криминологические детерминанты мошенничества с использованием высоких технологий. Автором предложена классификация факторов, способствующих совершению цифрового мошенничества. Классификация включает в себя социально-экономическую, социально-психологическую, организационно-правовую, технологическую и культурно-нравственную группы. Особое внимание уделено анализу виктимного поведения жертвы, а также проблемам уголовно-правовой квалификации хищения средств при помощи компьютерных систем, влиянию криминальной субкультуры и нейросетей на видоизменение способов мошенничества. Приведено обоснование комплексного подхода к изучению детерминант в целях разработки эффективных предупредительных мер.

Ключевые слова: мошенничество с использованием высоких технологий, криминологические детерминанты, киберпреступность, виктимность, социальная инженерия, уголовно-правовая квалификация, искусственный интеллект.

KOSHKIN Artem Vyacheslavovich
postgraduate student, Institute of Law, Samara State University of Economics

CRIMINOLOGICAL DETERMINANTS OF HIGH-TECH FRAUD

This article examines the criminological determinants of high-tech fraud. The author proposes a classification of factors contributing to digital fraud. The classification includes socio-economic, socio-psychological, organizational-legal, technological, and cultural-moral factors. Particular attention is paid to the analysis of victim behavior, as well as the issues of criminal classification of theft using computer systems, and the influence of criminal subculture and neural networks on the evolution of fraud methods. A rationale for an integrated approach to studying these determinants is presented to develop effective preventative measures.

Keywords: high-tech fraud, criminological determinants, cybercrime, victimization, social engineering, criminal law classification, artificial intelligence.

Криминологическое осмысление мошенничества с использованием высоких технологий предусматривает определение и систематизацию круга факторов, способствующих возникновению, воспроизводству и трансформации преступлений этой направленности. Криминологические детерминанты в науке принято понимать как совокупность взаимодействующих между собой социальных явлений и процессов, в результате которых порождается преступность как явление. Детерминанты цифрового мошенничества можно разделить на пять основных групп:

1. Социально-экономическая.
2. Социально-психологическая.
3. Организационно-правовая.
4. Технологическая.
5. Культурно-нравственная (морально-идеологическая).

Социально-экономические детерминанты являются основой, порождающей корыстную мотивацию. Культивация культуры массового потребления в обществе, обилие товаров и услуг на рынке в сочетании с нестабильностью экономической сферы и имущественным расслоением стали идеальной почвой для возникновения установки на достижение материального благополучия любой ценой.

Корыстная направленность личности может формироваться вследствие влияния множества факторов. Например, одним из таких факторов может послужить общественное отношение к богатым людям, поскольку их материальное положение обусловливает наличие у них высокого социального статуса и ассоциируется с успехом. Отсутствие у личности возможности к реализации в профессиональной сфере, особенно во время экономической нестабильности, порождает стремление к «быстрым деньгам». При этом доходность кибермошенничества делает эту форму преступной деятельности особенно привлекательной.

Социально-психологические детерминанты структурно состоят из двух элементов - деформация правосознания преступника и виктимное поведение потерпевшего.

Особенностью личности мошенника является правовой нигилизм, поскольку значительная часть кибермошенников не воспринимают свои действия как общественно опасные, поскольку потерпевшие «добровольно» передают свои средства и их действия не сопряжены с физическим насилием.

Механизм нейтрализации вины, обычно свойственный «беловоротничковым» преступникам, характерен также и для кибермошенников. Выражается он в представлениях мошенника о собственных противоправных действиях как о некой «игре» с системой и восстановлении «социальной справедливости». Нейтрализации вины ещё способствует децентрализация деятельности и чёткое разделение ролей между преступниками. Таким образом, программист, пишущий код для программы-вымогателя, может не отвечать за её распространение и последующую контактную работу с потерпевшим, что, в свою очередь, минимизирует психологические барьеры для рекрутинга новых участников. Такое разделение ролей может создавать видимость малозначительности роли самого преступника и вселять в него уверенность в отсутствии серьёзных правовых последствий своих действий.

Кроме того, в общественном сознании не закреплено устойчивое негативное отношение к обману как способу не-

законного обогащения. Потребительские ценности и прагматизм зачастую преобладают над правовой культурой, что приводит к деформации правосознания личности.

Виктимность широких слоёв населения - важный детерминант цифрового мошенничества. Недостаточная осведомленность граждан о мошеннических схемах в сети Интернет, доверчивость в совокупности с низким уровнем цифровой грамотности создают благоприятную среду для цифровых мошенников. В последнее время наблюдается положительная динамика в вопросе информационного просвещения граждан о появлении новых способов мошенничества с применением цифровых технологий благодаря средствам массовой информации. Кроме того, отдельно отмечу освещение в тех же источниках случаев привлечения к ответственности мошенников, что, безусловно, помогает противодействовать цифровому мошенничеству как явлению.

Однако виктимность жертв не является исключительно следствием технической безграмотности и неосведомленности граждан о способах цифрового мошенничества. Продвинутые методы социальной инженерии, эксплуатирующие особенности когнитивных искажений, таких как «эвристика срочности» или «эвристика авторитета». Классическими примерами эвристики срочности являются сообщение жертве «о блокировке банковского счета в течение 10 минут» или «удалении всех данных пользователя с компьютера». Примером «эвристики авторитета» может послужить «звонок от сотрудника банковской организации или правоохранительных органов», а также таргетированный тип мошенничества «звонок начальника». Эти методы нацелены, прежде всего, на отключение у жертвы критического мышления.

Таргетированные мошеннические атаки представляют наибольшую опасность, поскольку адаптированы к воздействию на конкретно взятого человека посредством использования его личных данных. При этом зачастую нет необходимости в долгом подготовительном этапе сбора этих данных путём взлома его облачных хранилищ или переписок в мессенджерах, так как граждане, движимые потребностью в социальной коммуникации и саморепрезентации, добровольно размещают в собственных профилях социальных сетей информацию о своём образе жизни, имущественном положении, круге общения и др. Описанный феномен получил название «цифровая гипервиктимность» (кибервиктимность).

Таким образом, виктимность жертвы имеет важное значение с точки зрения социально-психологических факторов, способствующих совершению исследуемой группы преступлений.

Организационно-правовые детерминанты выражаются в несовершенстве нормативно-правовой базы и недостатках деятельности государственных органов. Несовершенство уголовно-правовых норм, а также практики их правоприменения обусловливают их низкую превентивную эффективность. На текущий момент времени в Уголовном кодексе РФ отсутствует единое логическое основание классификации специальных составов мошенничества (ст. 159.1-159.6). Часть составов была выделена по сферам экономической деятельности (кредитование, предпринимательство, страхование), другая же по способу совершения преступления (с использованием электронных средств платежа, в сфере компьютерной информации). Подобное разделение приводит к коллизии в квалификации деяний, которые находятся на стыке нескольких специальных составов.

Одной из уже «классических» проблем квалификации стал «обман компьютерной системы». Проблема заключается в том, можно ли обмануть не человека, а компьютерную систему и будет ли это считаться обманом или злоупотреблением доверия [5]. Уголовно-правовая доктрина традиционно исходит из того, что обмануть можно только человека, ведь для этого мошенник вводит в заблуждение сознание потерпевшего [4]. Но ведь у автоматизированной компьютерной системы нет и не может быть сознания. При этом таким компьютерным системам всё больше и больше отводится ответственная роль посредника в обращении с денежными средствами (зачисление денежных средств через банкомат, денежные переводы между клиентами, онлайн покупки, выдача потребительского кредита и т.п.) [3].

По мнению К. В. Ображиева, доктрина предлагает дифференцированный подход, при котором в случае если виновный вводит в заблуждение человека, к примеру, сотрудника банка, то такое деяние квалифицируется как мошенничество, однако если виновный ввёл ложную информацию в обработку компьютерной программы, принимающей решения в автоматическом режиме (например, скоринговая система банка), то рекомендуется вменять состав кражи с банковского счёта [6]. Ситуация, в которой злоумышленник не взламывал электронные системы банка, но при этом и не контактировал с сотрудником банка лично, а значит, не оказывал воздействия на психику человека делает ст.ст. 159.3, 159.6 УК РФ неприменимыми, поэтому предпочтение в квалификации также отдаётся краже с банковского счёта [2].

При этом «принятие решения» компьютерной программой зачастую ставится под сомнение, так С. А. Петров говорит об «условном принятии решения» компьютерной системой только с точки зрения юридической науки: «решение» влечёт юридически значимые последствия [7]. Однако даже личное посещение мошенником офиса банковской организации не гарантирует, что решение о выдаче кредита будет принимать человек, а не та же скоринговая система. Сотрудник банка может внести персональные данные клиента в систему и озвучить результат, выданный системой[1].

Такой подход не может не вызывать сомнений, поскольку в нём не учитывается умысел виновного на хищение путём обмана. Квалификация преступления встаёт в зависимость от ряда случайностей, не зависящих от воли виновного, например, будет ли его запрос обрабатывать оператор-человек или у конкретно взятого банка данные операции выполняет автоматизированная компьютерная система [1]. С учётом одного и того же умысла у виновного, возникают не оправданные различия в наказуемости тождественных по своей сути деяний.

Помимо этого, указанная проблема сохраняется не только при дистанционном совершении преступления, но и в случае внесения поддельных денежных знаков через банкомат. Это могут быть банкноты, собранные из настоящих билетов Банка России методом аппликации или сувенирные банкноты с нанесением средств защиты [10]. Злоумышленник помещает такие банкноты в купюроприемник, после чего банкомат распознаёт их как подлинные и денежные средства зачисляются на банковский счёт [8]. Происходит фактическое хищение средств банка путём обманных манипуляций, однако исходя из судебной практики, подобные действия не квалифицируются как мошенничество, кроме того с этим солидарен целый ряд исследователей [9].

Одной из недавно возникших проблем стала неготовность отечественного уголовного законодательства к новым технологическим вызовам, а именно к появлению технологии дипфейков и искусственного интеллекта, которые сегодня активно применяются в мошеннических целях.

Недостатки в деятельности государственных органов вызваны разными факторами. Отсутствие должной информационной подготовки, а также технического оснащения правоохранительных органов напрямую приводит к непривлечению к уголовной ответственности мошенников, что, в

1 Смирнов Е. Скоринг за секунды: как нейросети изменили выдачу кредитов // РБК. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://trends.rbc.ru/trends/industry/cmrm/644942449a7947981d14f327?from=copy.

свою очередь, лишь больше вселяет в них уверенность в собственной безнаказанности. Сюда же можно отнести кадровый дефицит в правоохранительных органах. Специалисты, обладающие одновременно компетенциями в сфере права и техническими знаниями, могут значительно повысить показатели раскрытия и расследования преступлений.

Отсутствие отработанных механизмов взаимодействия между правоохранительными и иными государственными органами значительно затрудняет межведомственную коммуникацию. Создание и внедрение механизмов взаимодействия даже между государственными органами одной страны — задача прямо-таки непростая, не говоря уже о масштабировании подобного до уровня международных связей между правоохранительными ведомствами двух и более стран. Проблема борьбы с трансграничной киберпреступностью не ограничивается отсутствием отработанных механизмов оперативного обмена информацией и экстрадиции с иностранными правоохранительными ведомствами. Определенную сложность составляет также разница в законодательствах стран и квалификации преступлений.

Технологические детерминанты заслуживают отдельного рассмотрения. Способы совершения мошенничества с применением компьютерных технологий за последние годы претерпели значительные изменения вследствие появления нейросетей и криптовалюты. Нейросети вывели правдоподобность мошеннических атак на качественно новый уровень благодаря функциям deepfake и эмуляции человеческого голоса. Аудиовизуальные образы людей, созданные нейросетями, предоставляют возможности, которые ранее были недоступны. Стандартные схемы по типу «родственник в беде» трансформировались в «звонки от руководителя или бухгалтера», что значительно повысило уровень общественной опасности преступления. Автоматизированные чат-бот системы имеют возможность вести сотню диалогов одновременно и выявлять наиболее «перспективных» с точки зрения обмана граждан с последующей передачей «оператору» — живому человеку. Слабозащищённые домашние «умные устройства» становятся точками входа в домашние сети, хранящие массивы личных данных пользователей. Личные данные впоследствии используются для проведения таргетированных мошеннических атак. Сеть Интернет перестала быть просто зоной для общения, развлечения и торговли, на сегодняшний день она напоминает скорее поле боя высоких технологий, в котором анонимизация через прокси-серверы, VPN и Tor делает традиционные методы оперативно-розыскной деятельности малоэффективными.

Культурно-нравственная (морально-идеологическая) группа детерминантов цифрового мошенничества как может показаться на первый взгляд, схожа с ранее упомянутой группой социально-психологических детерминантов, однако выделяется в самостоятельную группу, поскольку психология изучает мысли и чувства индивида, внутренние процессы личности, тогда как культурно-нравственный подход изучает внешнюю по отношению к этому индивиду среду. Для культурно-нравственного подхода интерес представляют распространённые в обществе ценности, нормы и идеи, которые в свою очередь и формируют личность отдельно взятого человека.

При описании социально-психологических детерминантов ранее было обращено внимание на наиболее часто встречающиеся механизмы психологической защиты цифровых мошенников, в культурно-нравственную группу детерминантов цифрового мошенничества входит анализ причин терпимого отношения общества к обману и формирования романтического образа хакера. Общественную опасность этой группы детерминантов составляют представления и моральные установки самого общества, заключающиеся в оправдании цифрового мошенничества как вида преступления, что, в свою очередь, приводит к созданию внутренней уверенности злоумышленников, а также делает массовое сознание граждан более уязвимым для мошенников. Рассматриваемую группу детерминантов представляется возможным разделить на несколько отдельных блоков.

Первым таким блоком является деформация традиционных ценностей и размывание моральных границ. С конца XX века наблюдается процесс активного вытеснения традиционных нравственных ценностей с замещением их ценностями индивидуализма, прагматизма и гедонизма.

Произошедший ценностный сдвиг на фоне колоссальной вовлеченности в цифровую среду, а также перенасыщение информацией привёл к значительному видоизменению духовно-нравственных ценностей общества. Запущенный несколько десятилетий назад процесс искоренения ориентации на коллективизм, честность и трудолюбие привёл к ценностно-ориентационной замене на достижение личного успеха, независимости и потребления. Подавляющая часть производимого массового медиа-контента сегодня имеет ориентацию именно на эти «новые ценности и приоритеты».

Общественное одобрение обмана происходит путём формирования установки на обман как средства достижения целей. В свою очередь, поскольку будут наличествовать подобные установки, совершение преступлений в цифровой среде, где обман обезличен, психологически будет «комфортнее» для мошенника.

Моральный компас цифровых мошенников сильно сбит, о чём свидетельствуют имеющиеся у них «дефекты» морального сознания. Нравственные ценности, такие как честность, терпимость, чуткость, сострадание, не стоят у них в приоритете.

Романтизация и оправдание образа киберпреступника – второй блок культурно-нравственной группы детерминантов цифрового мошенничества. Массовая культура формирует общественное мнение притягательного киберпреступника, создавая как минимум не отталкивающий, а во многих случаях и крайне положительный образ «хакера». Цифровые мошенники в книгах, кино, сериалах и видеоиграх предстают в виде «современных Робин Гудов», которые бросают вызов прогнившей, коррумпированной и просто несправедливой системе. «Воины-одиночки цифрового пространства» – так их видят многие молодые и люди среднего возраста, чья значительная часть жизни протекает в интернет-пространстве. Подобная романтизация цифровых преступников снижает барьеры для входа в преступную деятельность, завлекая все большее количество молодежи. Для людей молодого возраста это становится способом «самовыражения», демонстрации своей «уникальности и непохожести на других» и подкрепляет их внутреннее чувство превосходства над другими людьми. У цифровых преступников зачастую складывается впечатление, что они являются интеллектуальной элитой преступного мира, и они ставят себя выше не только своих жертв, но и других преступников, к примеру, совершающих преступления насильственного характера.

У молодых хакеров зачастую наблюдается наличие идейной мотивации в виде следования «философии свободной информации». Такие преступники совершают, с их точки зрения, не банальное воровство, а бросают интеллектуальный вызов, социальный протест, отстаивающий право на свободу. Однако применительно к цифровому мошенничеству это скорее один из защитных психологических механизмов, а не действительные философские побуждения. Хакерская этика с философией свободы информации и «цифрового анархизма» гласит о неограниченном доступе к обмену информацией, являющемся этическим императивом, а не о корыстных мотивах и заработке денег путём обмана в интернет-пространстве. Хактивизм – скорее форма выражения гражданского неповиновения, целью которой является протест, привлечение внимания к определённым проблемам, идеологическая борьба. Идеи хактивистов тесно

связаны с теориями антиавторитаризма, либерализма, анархизма, политическими теориями. Примерами хактивизма могут послужить парализация работы сайтов посредством DDoS-атак, Deface (замена контента на сайтах на лозунги протеста), утечки данных переписок или баз данных. Идеология хактивизма рассматривает любое ограничение информации как форму угнетения, с которой необходимо бороться, а государственные органы и корпорации, ограничивающие доступ к информации, как репрессивные структуры. Хактивисты глубоко убеждены в том, что их деятельность приносит «добро» в рамках борьбы с «жестокой системой». Это внутреннее убеждение создаёт крайне сильный психологический барьер оправдания собственных действий. Цифровые мошенники, как правило, не являются такими «хакерами-идеалистами», поскольку целью их деятельности является личное обогащение за счёт случайных людей. Свои корыстные побуждения они могут скрывать под маской хактивизма, для достижения сразу нескольких целей:

1. Создание романтического образа благородного цифрового бойца в глазах общества и своих потенциальных жертв.

2. Маскировка хищения персональных данных под философию, предполагающую «свободу информации», тогда как на самом деле эти данные будут в дальнейшем использованы для шантажа и таргетированных мошеннических атак.

3. Вербовка молодых и талантливых специалистов в области информационных технологий под видом идеалистических целей с последующей их переориентацией и использования в корыстных схемах.

Формирование криминальной субкультуры – третий блок культурно-нравственной группы детерминантов цифрового мошенничества. Преступления в цифровом пространстве совершаются не только преступниками-одиночками, существуют целые криминальные кибер-сообщества со своими внутренними правилами, иерархией, нормами и субкультурой. Закрытые онлайн-сообщества и даркнет скрывают целые глобальные сети киберпреступников, которые обмениваются преступным опытом, кооперируются между собой, при этом они могут проживать на территории разных стран, не знать настоящих имён друг друга и никогда не встречаться в реальной жизни. Несмотря на это, у них имеются общие правила поведения, и даже не писаные кодексы профессиональной этики. В подобных закрытых сообществах профессионалы делятся своими «достижениями», зарабатывая и поддерживая тем самым свой статус и получая признание от своих «коллег» по криминальной профессии. Жажда положительной оценки и признания в даркнет-сообществах характеризует типичный для киберпреступников нарциссический тип личности.

Четвёртым блоком рассматриваемой группы детерминантов выступает деформация правосознания в цифровой среде. Природа цифровой среды способствует размыванию общепризнанных представлений о праве и ответственности. Ощущение анонимности порождает вседозволенность и чувство безнаказанности своих действий в сети Интернет. Всемирная сеть ощущается как место, лишённое моральных и правовых ограничений, такое мнение, конечно же, является ошибочным. Возникает диссонанс: с одной стороны, в сети «Интернет» имеется тотальное недоверие ко всем и всему, с другой же стороны, пользователи психологически склонны доверять технологиям и интерфейсам, которые изучили и имеются у них в пользовании долгое время. В связи с этим людям становится сложно отличать правду от вымысла, чем активно пользуются интернет-мошенники, прекрасно понимающие, что чем выше у их жертвы доверие к виртуальной среде, тем с большей вероятностью их обман увенчается успехом.

Рассмотренные блоки в совокупности дают представление о том, как смена культурных и моральных ориентиров, деформация традиционных ценностей, цифровая субкультура создают условия для возникновения и воспроизводства цифрового мошенничества как современного явления. Таким образом, культурно-нравственная (морально-идеологическая) группа детерминантов цифрового мошенничества демонстрирует идейно-ценностное обоснование действий цифровых мошенников, с другой же стороны, выявляет виктимогенную среду. Основным отличием этой группы признаков перед социально-психологической является не изучение личностных индивидуальных характеристик преступника, а именно средовые характеристики, формируемые институтами социализации и массовой культурой. Разработка эффективных предупредительных мер целиком зависит от качества проработки всех рассмотренных групп детерминантов.

Многофакторный характер мошенничества с использованием высоких технологий требует глубокого анализа сразу множества групп детерминантов. Изолированное изучение каждой группы детерминантов по отдельности не позволяет составить общую картину совершения преступления, что, в свою очередь, препятствует разработке эффективных предупредительных мер. Системное же осмысление детерминантов совершения цифрового мошенничества способствует переходу от реактивной модели реагирования на уже совершенные преступления к высокоэффективной стратегии их предупреждения, опирающейся на научное знание.

Пристатейный библиографический список

1. Архипов А. В. Квалификация хищения путем дистанционного оформления кредита от чужого имени // Уголовное право. - 2023. - № 3. - С. 15-19. - DOI 10.52390/20715870_2023_3_15. — EDN HVZRIF.
2. Быкова Е. Г. Сложности квалификации хищения с банковского счета при дистанционном оформлении кредита от имени его владельца // Уголовное право. - 2022. - № 7. - DOI 10.52390/20715870_2022_7_3. — EDN JLQKYX
3. Городецкая О. Ю., Гобарева Я. Л. Ключевые тренды применения искусственного интеллекта в банковской сфере // Финансовые рынки и банки. - 2022. - № 12. - С. 34-42. - EDN TZIWZV.
4. Клепицкий И. Мошенничество и правонарушения гражданско-правового характера // Законность. - 1995. - № 7. - С. 41-43. - EDN IIDQVS.
5. Лопашенко Н. А. Преступления против собственности. Авторский курс: в 4 кн. - Москва: Юрлитинформ, 2019. - Кн. 3. Формы хищения. - 264 с.
6. Ображиев К. В. Обманное воздействие на компьютерную систему как способ хищения // Всероссийский криминологический журнал. - 2025. - Т. 19. № 2. - С. 160-172. - DOI 10.17150/2500-4255.2025.19(2).160-172. - EDN DLNAFD.
7. Петров С. А. Проблемы квалификации хищений при кредитном скоринге // Законность. - 2019. - № 6. - С. 47-51. - EDN BNOTQO.
8. Прозументов Л. М., Архипов А. В. Квалификация сбыта поддельных банкнот посредством банкоматов // Уголовное право. - 2016. - № 2. - С. 79-83. - EDN WHWTJF.
9. Скляров С. В. Квалификация хищения с использованием платежной карты путем имитации внесения наличных денежных средств на банковский счет посредством банкомата // Уголовное право. - 2023. - № 11. - С. 48-58. - DOI 10.52390/20715870_2023_11_48. — EDN ONYVHK.
10. Турышев А. А. Квалификация хищения с использованием банкоматов // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2016. - № 6. - С. 46-49. - EDN VZVMUP.

РОШКА Михаил Яковлевич
старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики, Крымский филиал, Краснодарский университет МВД России, г. Симферополь

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ КАК ИНДИКАТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ: СТРУКТУРНО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье автор проводит комплексный криминологический анализ преступлений против собственности как одной из наиболее массовых и социально значимых категорий преступлений в современной России. Автор обосновывает фундаментальную роль института собственности в экономической системе государства и личности, а также приоритетное значение её уголовно-правовой охраны. В статье раскрываются ключевые криминологические характеристики рассматриваемой группы деяний: их экономическая природа, высокая степень латентности, доминирование корыстной мотивации и зависимость от социально-экономических факторов. Особое внимание уделяется качественным изменениям структуры преступности: стремительному росту мошенничеств с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, расширению предмета посягательства (включая цифровые активы и безналичные средства), а также региональной и временной дифференциации. Автор анализирует субъектный состав преступников (высокая доля лиц без постоянного источника дохода, «омоложение» ИТ-преступности, феминизация корыстных составов) и виктимологическая обусловленность значительной части хищений.

Ключевые слова: преступления против собственности, криминологическая характеристика, хищение, мошенничество, корыстная преступность, латентность, цифровизация, киберпреступность, информационно-телекоммуникационные технологии, виктимология, уголовно-правовая охрана, собственность, социально-экономические факторы, дистанционные мошенничества.

ROSHKA Mikhail Yakovlevich
senior lecturer of Criminal process and criminalistics sub-faculty, Crimean Branch, Krasnodar University of the MIA of Russia, Simferopol

CRIMES AGAINST PROPERTY AS AN INDICATOR OF SOCIO-ECONOMIC WELL-BEING: A CRIMINOLOGICAL ANALYSIS

In this article, the author conducts a comprehensive criminological analysis of crimes against property as one of the most widespread and socially significant categories of crimes in modern Russia. The author substantiates the fundamental role of the institution of property in the economic system of the state and the individual, as well as the priority importance of its criminal law protection. The article reveals the key criminological characteristics of this group of acts: their economic nature, high degree of latency, dominance of selfish motivation, and dependence on socio-economic factors. Special attention is paid to the qualitative changes in the structure of crime: the rapid growth of frauds using information and telecommunication technologies, the expansion of the subject of attack (including digital assets and non-cash funds), and regional and temporal differentiation. The author analyzes the subject composition of criminals (a high proportion of individuals without a stable source of income, the «rejuvenation» of IT crime, and the feminization of predatory crimes) and the victimological background of a significant portion of thefts.

Keywords: crimes against property, criminological characteristics, theft, fraud, profit-motivated crime, latency, digitalization, cybercrime, information and telecommunication technologies, victimology, criminal law protection, property, socioeconomic factors, and remote fraud.

Институт собственности является фундаментальной основой экономической системы любого государства, выступая одновременно важнейшим социальным благом и необходимым условием личной свободы граждан. Конституция Российской Федерации, провозглашая человека, его права и свободы высшей ценностью, в статье 35 гарантирует право каждого иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. Данные конституционные положения получают свое развитие и конкретизацию в отраслевом законодательстве, в первую очередь в гражданском и уголовном. Уголовно-правовая охрана отношений собственности от преступных посягательств является одним из приоритетных направлений отечественной уголовной политики, что обусловлено не только значимостью самого объекта посягательства для нормального функционирования общества, но и устойчиво высокой долей данных деяний в общей структуре преступности [1]. В связи с этим глубокое и всестороннее теоретическое исследование преступлений против собственности, а также анализ их современного состояния, структуры, динамики и качественных характеристик приобретает особую актуальность для криминологической науки и правоприменительной практики.

Преступления против собственности традиционно занимают центральное место в структуре общей преступности как в Российской Федерации, так и в большинстве стран мира. Это обусловлено не только их количественным преобладанием, но и тем социально-экономическим ущербом, который они наносят, посягая на фундаментальные основы жизнедеятельности общества и личности. Как справедливо отмечает известный российский криминолог Г. А. Аванесов, отношение к собственности и характер посягательств на нее являются своеобразным индикатором социально-экономического благополучия государства и эффективности его правоохранительной системы [2].

Для формирования адекватной криминологической характеристики и последующей разработки мер предупреждения необходимо выявить специфические особенности данной группы деяний, отличающие их от иных видов пре-

ступлений. Эти особенности лежат в правовой, социально-экономической, морально-психологической и количественно-качественной плоскостях.

В отличие от преступлений против личности или общественной безопасности, преступления против собственности имеют ярко выраженную экономическую природу. Объектом посягательства выступают конкретные материальные блага, обладающие экономической ценностью. В доктрине уголовного права и криминологии доминирует подход, согласно которому видовым объектом этих преступлений является собственность как экономическая категория, представляющая собой исторически обусловленную форму присвоения материальных благ. С. М. Кочои подчеркивает, что «экономическая сущность преступлений против собственности заключается в противоправном безвозмездном изъятии и (или) обращении чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившем ущерб собственнику или иному владельцу» [3].

Особенностью также является высокая степень латентности некоторых видов этих преступлений. Если кражи или грабежи, как правило, становятся известны правоохранительным органам после заявлений потерпевших, то такие деяния, как мошенничество, присвоение или растрата, особенно в сфере предпринимательской деятельности, часто выявляются в ходе оперативно-розыскных мероприятий или контрольно-ревизионной деятельности, что создает значительный «айсберг» незарегистрированной преступности. По оценкам В. В. Лунеева, уровень латентности корыстных преступлений в экономической сфере может достигать 90-95%, что существенно искажает официальную статистику и представления о реальных масштабах криминального воздействия на экономику [4].

Анализ статистических данных за последние пять лет демонстрирует устойчивую тенденцию: преступления против собственности составляют более половины (в отдельные периоды до 55-60 %) от всех зарегистрированных преступлений в России. Согласно данным Главного информационно-аналитического центра МВД России, удельный вес хищений чужого имущества составил 53,7 % от общего массива зарегистрированных преступлений [5].

В структуре самих преступлений против собственности наблюдается значительная динамика, связанная с цифровизацией общественных отношений. Традиционно доминирующее положение занимали кражи (ст. 158 УК РФ). Однако в последние годы наблюдается стремительный рост мошенничеств (ст. 159 УК РФ), особенно совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Так, если в 2015 году удельный вес «компьютерных» и «телефонных» мошенничеств в структуре преступлений против собственности был незначителен, то к 2025 году, по данным Генеральной прокуратуры РФ, число преступлений, совершенных с использованием информационных технологий, превысило 680 тысяч, из которых подавляющее большинство составляют именно мошенничества [6].

Эта трансформация свидетельствует о качественном изменении криминологической характеристики: происходит переход от «классических» форм хищений (карманные кражи, грабежи) к высокотехнологичным способам завладения имуществом, что требует пересмотра подходов к их предупреждению.

Криминологическая особенность преступлений против собственности заключается в их субъектном разнообразии. Здесь представлены как лица, совершающие преступления впервые под влиянием стечения тяжелых жизненных обстоятельств (ситуативный тип), так и профессиональные преступники с устойчивым корыстным рецидивом.

Исследования, проведенные Н. А. Лопашенко, показывают, что корыстная мотивация является доминирующей для абсолютного большинства преступлений данной категории. Однако мотивация может быть различной: от стремления к обеспечению минимальных физиологических потребностей (у лиц без определенного места жительства) до мотивации утверждения социального статуса или «престижного потребления» (у лиц, совершающих корыстные преступления в сфере предпринимательской деятельности) [7].

Отдельной особенностью является высокая доля лиц без постоянного источника дохода среди осужденных за преступления против собственности. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, среди осужденных по ст. 158 УК РФ (кража) доля лиц, не имеющих постоянного источника дохода, составила 67,4 %, что в 2 раза превышает аналогичный показатель по всем составам преступлений [8]. Это указывает на тесную связь криминальной активности в сфере собственности с проблемами занятости населения и социально-экономической нестабильностью.

В криминологическом аспекте важно выделить специфику предмета преступного посягательства. Если традиционно предметом хищений выступали наличные денежные средства и материальные ценности (ювелирные изделия, бытовая техника, автотранспорт), то в современных условиях происходит расширение предметного поля. Это связано с появлением новых объектов гражданских прав: безналичные денежные средства, цифровые финансовые активы, криптовалюта, виртуальное имущество в онлайн-играх, а также исключительные права.

Как отмечает П. С. Яни, «криминологическая специфика современных посягательств на собственность заключается в том, что предмет преступления все чаще утрачивает материальную (вещную) форму, что создает сложности как для квалификации деяний, так и для раскрытия преступлений, поскольку следы такого изъятия могут носить исключительно виртуальный характер» [9].

Преступления против собственности демонстрируют существенную дифференциацию в зависимости от региона. Наибольшие показатели традиционно фиксируются в крупных мегаполисах (Москва, Санкт-Петербург, Московская, Ленинградская, Свердловская области), что связано с высокой концентрацией материальных ценностей, развитой инфраструктурой рынка сбыта похищенного и высокой плотностью населения, обеспечивающей анонимность. Однако, по данным анализа криминологической ситуации, проводимого ВНИИ МВД России, в последние годы наблюдается «растекание» корыстной преступности в регионы с высоким уровнем безработицы и низким уровнем жизни, где происходит замещение экономически легальной активности криминальной [10].

Временная характеристика также имеет значение. Большинство краж (квартирных, карманных) и грабежей совершаются в вечернее и ночное время, что связано с фактором виктимологической безопасности. Мошенничества, особенно дистанционные, не имеют четкой временной привязки и могут совершаться круглосуточно, что увеличивает их общественную опасность и сложность противодействия.

Особенностью преступлений против собственности является их высокая детерминированность социально-экономическими факторами. Криминологическая наука одно-

значно указывает на корреляцию между уровнем корыстной преступности и такими показателями, как: уровень имущественного расслоения населения (коэффициент Джини); уровень безработицы и занятости трудоспособного населения; доступность товаров и услуг; эффективность работы институтов социальной защиты [11].

Важной особенностью является роль поведения потерпевшего в механизме совершения преступления. Для большинства преступлений против собственности (особенно мошенничеств и краж) характерна высокая виктимная обусловленность. Анализ материалов уголовных дел, проведенный А. В. Майоровым, показывает, что в 45% случаев совершения квартирных краж потерпевшие способствовали их совершению своей небрежностью (незакрытые двери, отсутствие сигнализации, передача ключей посторонним), а при мошенничествах с использованием методов социальной инженерии — излишней доверчивостью и низким уровнем финансовой грамотности [12].

Виктимологическое направление предупреждения, таким образом, становится одним из наиболее эффективных в сфере противодействия преступлениям против собственности, особенно в условиях роста дистанционных хищений, где физическое противодействие преступнику со стороны правоохранительных органов затруднено.

Обобщая изложенное, можно выделить ключевые тенденции в динамике и структуре преступлений против собственности на современном этапе:

Цифровизация. Переход значительной части хищений в цифровую среду, рост киберпреступности и дистанционных мошенничеств.

Профессионализация и специализация. Усложнение способов совершения преступлений, использование современных технологий, средств связи, криптовалют для вывода похищенных средств, что характерно для организованных преступных групп.

Сращивание с наркопреступностью и легализацией доходов. Полученные от хищений средства нередко направляются на финансирование иных видов преступной деятельности, что формирует устойчивые межотраслевые криминальные связи.

Омоложение преступности. В структуре лиц, совершающих преступления против собственности с использованием ИТ-технологий, значительную долю составляет молодежь в возрасте от 18 до 29 лет, имеющая высокий уровень цифровой грамотности, но не имеющая легальных источников дохода [13].

Феминизация. Увеличение доли женщин среди лиц, осужденных за мошенничества, присвоение и растрату, что связано с занятостью женщин в сферах торговли, банковского дела и бухгалтерии, где данные преступления наиболее вероятны.

Преступления против собственности наносят многоплановый вред. Помимо прямого материального ущерба (который по данным МВД России за составил более 400 млрд. рублей), они порождают чувство социальной незащищенности, снижают инвестиционную привлекательность регионов, подрывают доверие к финансовым институтам и правоохранительной системе [14].

В заключение следует отметить, что выявленные особенности преступлений против собственности — их массовый характер, трансформация способов совершения под влиянием цифровизации, высокая латентность, специфическая субъектная и мотивационная характеристика, детерминированность социально-экономическими условиями и виктимологическая обусловленность — требуют комплексного подхода к их предупреждению. Эти особенности необходимо учитывать при разработке как общих социальных мер (снижение имущественного расслоения, обеспечение занятости, повышение финансовой грамотности), так и специально-криминологических (совершенствование уголовного и уголовно-процессуального законодательства в части противодействия киберпреступлениям, развитие виктимологической профилактики, повышение эффективности раскрытия преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий).

Пристатейный библиографический список

1. Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. докт. юрид. наук, проф. А. И. Долговой. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. – С. 342.
2. Аванесов Г. А. Криминология: учебник. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. – С. 312.
3. Кочои С. М. Преступления против собственности: наука и практика. – М.: Проспект, 2022. – С. 15.
4. Лунеев В. В. Криминология: учебник для бакалавров. – М.: Юрайт, 2021. – С. 188.
5. Состояние преступности в России / Официальный сайт МВД РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://мвд.рф (дата обращения: 12.05.2026)
6. Доклад Генерального прокурора РФ о состоянии преступности в 2025 году / Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://epp.genproc.gov.ru (дата обращения: 12.05.2026)
7. Лопашенко Н. А. Криминология: учебник. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. – С. 245-247.
8. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей / Судебный департамент при Верховном Суде РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cdep.ru (дата обращения: 10.05.2026).
9. Яни П. С. Преступления против собственности: актуальные проблемы квалификации // Законность. – 2023. – № 5. – С. 22.
10. Криминологическая характеристика преступности в регионах России: аналитический обзор / под ред. А. М. Кононова. – М.: ВНИИ МВД России, 2023. – С. 56-59.
11. Гилинский Я. И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2022. – С. 178-182.
12. Майоров А. В. Виктимологическая профилактика преступлений против собственности // Российский криминологический взгляд. – 2023. – № 2. – С. 67.
13. Криминология цифровой сферы: монография / Под ред. С. В. Маликова. – М.: Академия управления МВД России, 2024. – С. 112.
14. Официальные данные о причиненном ущербе по оконченным уголовным делам / Следственный комитет РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sledcom.ru (дата обращения: 12.05.2026).

ЧЕРЕПНЕНКО Елена Александровна
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права и оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел, Крымский филиал, Краснодарский университет МВД России, г. Симферополь

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ И МЕХАНИЗМЫ КРИМИНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

В статье автор рассматривает психологические теории причин преступности и их значение для понимания личности преступника, а также для разработки эффективных мер профилактики противоправного поведения. Указано на необходимость совершенствования методов противодействия преступности через выявление детерминант криминального поведения, среди которых ключевая роль принадлежит личностным свойствам, изучаемым юридической психологией. Автор проводит анализ основных зарубежных и отечественных психологических концепций, объясняющих природу преступного поведения, а также определение практической значимости психологической оценки личности преступника для правоохранительной деятельности. Представлен обзор таких теорий, как биопсихологическая, психоаналитическая, теория социопатической личности (психопатии и социопатии), теория мыслительных моделей. Особое внимание уделено дискуссии о соотношении врождённых и социально обусловленных факторов в формировании криминогенной личности, а также проблемам диагностики психопатии.

Ключевые слова: личность преступника, психологические теории, психопатия, социопатия, пихологическая оценка, причины преступности, мотивация преступного поведения, социальная дезадаптация

CHEREPNENKO Elena Alexandrovna
Ph.D. in Law, senior lecturer of Criminal law and operational investigative activities sub-faculty, Crimean Branch, Krasnodar University of the MIA of Russia, Simferopol

THE CRIMINAL'S PERSONALITY: PSYCHOLOGICAL CONCEPTS AND MECHANISMS OF CRIMINAL BEHAVIOR

In this article, the author examines psychological theories of the causes of crime and their significance for understanding the criminal's personality, as well as for developing effective measures to prevent illegal behavior. The article highlights the need to improve methods of combating crime by identifying the determinants of criminal behavior, with a focus on the personal traits studied by legal psychology. The author analyzes the main foreign and domestic psychological concepts that explain the nature of criminal behavior, as well as the practical significance of psychological assessment of the criminal's personality for law enforcement activities. The article provides an overview of theories such as biopsychological, psychoanalytic, and sociopathic personality theories (psychopathy and sociopathy), as well as the theory of thought patterns. Special attention is paid to the discussion on the relationship between innate and socially determined factors in the formation of a criminal personality, as well as the problems of diagnosing psychopathy.

Keywords: criminal personality, psychological theories, psychopathy, sociopathy, psychological assessment, causes of crime, motivation for criminal behavior, social maladjustment.

Преступность – это сложное, многогранное, изменчивое явление, обладающее количественно - качественными характеристиками, которые подчиняются статистическим и иным закономерностям, выявление и объяснение которых способствует разработке более эффективных мер превенции, которые должны воздействовать на детерминанты преступности посредством их нейтрализации или блокировки. Потребности противодействия преступности опосредуют необходимость её исследования во всех проявлениях, прежде всего для совершенствования методов профилактики, что актуализирует обращение к изучению основных криминологических теорий возникновения, существования и развития преступности. Важную роль в исследовании причин преступности играет психологическая наука, прежде всего юридическая психология, так как главный мотивирующий фактор преступного поведения – это свойства личности, которые являются объектом профилактических усилий и соответственно предметом психологических теорий.

Прежде всего необходимо отметить, что всякая научная теория – это система идей, умозаключений, логических построений, взаимосвязанных и объективных. Целью любой теории состоит в раскрытии сущности и объяснении определенных явлений, ситуаций или действий. С позиции науки теория – это обоснованные, проверенные и заслуживающие доверия результаты исследования, тщательно выверенные умозаключения [1].

Становление научных психологических теорий причин преступности принято связывать с периодом двадцатого столетия, когда представители зарубежной науки предложили ряд теорий, в которых делались попытки объяснить причин преступности исходя из особенностей психических свойств личности преступника. В современной литературе по криминологии и юридической психологии существует множество психологических теорий причин преступности, сформулированные разными авторами, среди которых выделяются следующие: биопсихологическая; психоаналитическая; социально-когнитивная; теория социопатической личности; умственной отсталости и душевных расстройств; Я-концепция идругие.

Большое число сторонников в научной среде придерживаются теории социопатической личности. В контексте данной теории психопатия – это особая характеристика личности, детерминирующая возможность противоправного поведения. Большинство представителей криминологии аргументируют, что такое состояние может быть опосредовано социальными факторами, условиями внешней среды. Психопат (человек с расстройством личности) – это человек с особым паттерном поведения, отличающийся спецификой эмпатии. В данной теории, исследователи оперируют такими дефинициями, как «психопатия» и социопатия».

В середине XX века психиатром Херви М. Клекли были описаны психологические причины и характеристики социопатической личности. Он доказывал, что у социопатов

отсутствуют аномалии психики, они обладают уникальной структурой личности, которая и предрасполагает к криминальному поведению. У таких лиц отсутствует чувство вины, искажены представлениями о добре и зле, они испытывают трудности в отношениях с другими людьми, им неизвестно сочувствие, кроме этого, у них низкий уровень самоконтроля. Основа рассматриваемой теории – понимание преступного поведения как следствия особого психологического состояния личности, которое изначально понималось как врожденное. В этом плане можно сослаться на теорию неврастении, посредством которой психиатры пытались объяснить преступное поведение. Они были убеждены, что это не просто примитивные атавистические черты личности, а результат действия неких врожденных особенностей. Отвращение к постоянному месту работы; жажда «низких» удовольствий осуждаемых обществом; моральная «слабость» и преступное легкомыслие – это неврастения. Эти взгляды стали предпосылкой закрепления в научной среде термина «психопатиия» [2]. Первоначально в него включались лишь биологические, врожденные характеристики. Исходя из того, что оказалось невозможно объективно объяснить психопатию только врожденными характеристиками личности, впоследствии стали использовать для объяснения её причин и такие факторы, как условия воспитания личности в раннем возрасте, последствия перенесенных травм и т. д.

Представители британской криминологии отрицали генетическое объяснение психопатии, доказывая, что жестокость и насилие по отношению к личности, совершенное со стороны родителей или сверстников в детстве – это основная предпосылка совершения насильственных преступлений этим лицом в зрелом возрасте [3].

Отметим, что полемика относительно отличия понятий «психопатия» и «социопатия» в научной среде не окончена. При этом последний термин чаще используется в социологии и зарубежной криминологии. Понятие «психопатия» более употребимо в психологии и психиатрии, где причины этого расстройства рассматриваются в сочетании психологических, генетических и социальных факторов, при этом приоритет отдается биологическому пониманию этого расстройства и не отрицается возможность «унаследования» психопатии личности [4].

Психопатия – это явление собирательное и предполагает широкий спектр расстройств личности. Исходя из этого, исследователи делают вывод, что социопатия– это разновидность психопатии, проявляемая в систематическом нарушении социальных норм, повышенной агрессивности и неспособности выстраивать близкие отношения с людьми. Она – последствие воздействия негативных социальных факторов в процессе социализации личности. Представляет интерес мнение, что формирование классического психопата может быть обусловлено наследственностью, наличием биологических психических аномалий, особенностями центральной нервной системы (повышенная возбудимость, эмоциональность и т. д.) [5]. Таким образом, социопат – это продукт социализации, который становится психопатом под воздействием социальных условий. Истинный психопат – это врожденная особенность личности в силу унаследования таких черт.

В большинстве источников отмечается, что большая часть преступников – это социопаты, у них низкий уровень возбуждения, они испытывают потребность в острых ощущениях, которые могут достигаться в процессе преступной деятельности. Часть преступников являются психопатическими личностями из-за эмоциональных нарушений, пережитых физических и психологических травм. На основе этой теории, отечественные учёные устанавливают причинно-следственную связь между типом личности и криминальной средой. По мнению Ю. М. Антоняна, архетип – «это отдельная коллективная психологическая установка, включающая ценности, мотивы и представления; это модели или схемы, абстрактные по своей природе, но приобретающие конкретность в определенной культуре или субкультуре» [6].

В современный период применяется множество авторских психологических методик диагностики социопатии. Это тесты, полиграф и др., однако, объективно измерить уровень психопатии на сегодняшний день фактически невозможно, из-за отсутствия единых, научно обоснованных критериев и унифицированного понимания психопатии и ее признаков, что детерминирует критическое восприятие этих теорий.

В рамках психоаналитической теории активно исследовались такие формы отклоняющегося поведения, как неврозы, сексуальные расстройства, состояния навязчивости, психастении, различные формы социальной дезадаптации. Сторонники рассматриваемой теории убеждены, что лица с отклоняющимся поведением, в том числе и с нервно-психическими отклонениями, характеризуются повышенной тревожностью, агрессивностью, комплексом неполноценности [7]. Для них нередки – стремление к власти, самоутверждению, превосходству над другими, гедонистические потребности комфорта, удовольствия. Подавление указанных влечений с детства детерминирует базисные чувства тревожности, неполноценности и агрессивности, что и является причиной социальной дезадаптации.

Теория мыслительных моделей. Представители данной теории считают, что для лиц, склонных к преступлениям, свойственны особенности познавательной сферы (интеллект, стиль мышления и пр.), которые в процессе онтогенеза становятся причиной асоциального поведения личности. Эта теория активно разрабатывалась швейцарским ученым Карлом Юнгом. Он выделил типы интровертов и экстравертов, наделив их «фундаментальными противоположностями, которые всегда выходят на первый план, когда речь идет о людях с сколько-нибудь различимой личностью». Он доказывал, что такая дихотомия имеет место «во всех группах населения», а «гендерные различия не меняют этого факта». Тип установки, по К. Юнгу, – это не результат воспитания или сознательного выбора, а врожденное свойство. Даже в самом раннем возрасте, дети уже проявляют типическую установку, которая опосредует способы адаптации: экспансивного и интенсивного. Обе эти установки могут стать успешными в будущей жизнедеятельности. К. Г. Юнг указывает на опасность насильственного изменения этих установок и предупреждает, что это может привести к неврозу и «сильному истощению» [8].

В рамках этой теории было установлено, что личность преступника – это устойчивый комплекс индивидуальных особенностей, которые определяют типичные модели поведения человека. Исходя из этого, утверждалось, что преступники отличаются от непреступников на статистическом уровне значительными психологическими особенностями. Это и есть причина преступного поведения.

Сторонниками этой теории был сконструирован психологический портрет осужденных преступников, и выделены их характерные особенности: низкая социальная приспособленность, неудовлетворенность положением в социуме; импульсивность, сопряженная с пониженным самоконтролем, необдуманными поступками, эмоциональной незрелостью; деформированность нормативного контроля, выражаемого в нарушении социальной адаптации; низкий уровень коммуникабельности и др. [9].

Личностные качества человека, проявляющиеся в преступном деянии, указывают не на какие-либо особые «дефекты правосознания», а на конкретные нравственно-психологические пороки (алчность, жестокость, социальный негативизм). Суть рассматриваемой концепции, что личность преступника должна классифицироваться на основе психологических компонентов поведения: позиция, мотивация, цель, поведение.

Отечественные психологи стоят на позиции, что причина преступного поведения – это сложное взаимодействие внешних, объективных условий и внутренних, субъективных факторов, т.е. среды и личности. Представители современной криминологической науки убеждены, что необходимо исследовать и оценивать, как физическую, так и умственную зрелость личности преступника в связи с тем, что «всякое преступное поведение опосредуется всей его предшествующей жизнедеятельностью, его негативными личностными чертами». Об этом неоднократно говорили такие известные ученные Ю. М. Антонян, В. Е. Эминов и другие, обосновывая необходимость фокусировать внимание на личности преступника. Они неоднократно указывали на то, что именно «личность – носитель причин криминального поведения» [9]. С этим утверждением трудно не согласиться, так как, действительно, личность – основной элемент механизма преступного поведения. Исследуя личность преступника необходимо рассматривать вопросы относительно характеристики признаков, свойств, связей в их совокупности. Важное значение в исследовании личности преступника является исследование мотивов преступного поведения, ведь именно они объединяют мысль и волю, сознание и действие и служат отправной точкой волевого процесса, придавая ему соответствующую направленность и содержание [9]. Действительно, мотив преступного поведения – значимый элемент мотивации преступного деяния, сложный субъективный процесс, который обуславливает преступность деяния.

На основе анализа специальной литературы, можно определить личность преступника как совокупность криминально-негативных свойств и качеств, которые социально детерминированы.

Психологическая оценка личности преступника позволяет решить несколько юридически значимых задач, в частности эта оценка позволяет: установить мотив преступления; выяснить конкретные поисковые признаки, если преступник неизвестен; определить тип личности в целях выявления общих черт, схожести совершенного преступления с другим; выявить серию преступлений; установить наиболее перспективную версию расследования; выявить возможные психологические рычаги давления при допросе подозреваемого; разработать действенные меры превенции; предотвратить рецидив [11]. Представители юридической психологии, отмечают, что психологическая оценка личности субъекта, совершившего преступление осуществляется для помощи правоохранительным органам при решении юридически значимых вопросов, таких, как квалификация деяния; избрание меры пресечения; определение меры наказания; выбор тактического решения в разных следственных ситуациях; установление обстоятельств, подлежащих доказыванию; установление обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого; установление обстоятельств, смягчающих или отягчающих наказание; установление причин совершенных преступлений; определение мер воспитательного воздействия и дальнейшей превенции [9].

В доктринальной литературе, психологическая оценка – это «метод оценки поведения человека, его личности, когнитивных способностей и ряда других областей» [12]. Как правило, причиной психологической оценки является выявление психологических факторов, которые могут препятствовать способности личности мыслить, вести себя или регулировать эмоции функционально или конструктивно. Это в полной мере распространяется и на психологическую оценку личности преступника, на основе которой посредством психологического анализа создаётся обобщенный психологический портрет лица, совершившего преступление.

Наиболее распространенным в современный период является следующее понимание психологического портрета преступника – это «психолого-криминалистический метод и результат познания криминального события, ориентированного на определение совокупности сведений об особенностях личности и индивидуальных признаках личности субъекта преступления, появившихся в совокупности обстоятельств и следах преступной деятельности, где лицо описывается в терминах его устойчивого психологического и гражданского состояния» [13].

Для установления криминогенных особенностей личности преступника важное значение имеют психические свойства, которые детерминируют внутреннюю, психологическую основу личности в порождении преступного поведения. Результат психологической оценки личности преступника – информация о том, как он воспринимает мир, как принимает решения и как осуществляет взаимодействие с другими людьми.

Систематизация индивидуальных особенностей формирования готовности субъекта к совершению преступления, посредством психологической оценки его личностных свойств, позволяет выделить ряд общих типов криминогенной личности, описать их психологические особенности.

Согласно одной из типологий, которая встречается в юридическое литературе, выделяются следующие группы личности преступников: ситуационный, неустойчивый, устойчивый, агрессивно-сексуальный и злостный [14]. Рассмотрим эти типы несколько подробнее.

Ситуационный тип. Лица, относящиеся к этому типу, демонстрируют преступное поведение как результат воздействия неблагоприятной жизненной ситуации. Им свойственен социальный инфантилизм, недостаток ресурсов (интеллектуальных, эмоциональных, волевых). Они испытывают затруднения при взаимодействии в условиях конфликта, не могут прогнозировать последствия собственных поступков, существенно зависят от ситуации. Из-за недостатков нравственного воспитания, им трудно найти социально- приемлемый и одобряемый способ разрешения конфликтной ситуации. Для таких лиц характерны разбои и грабежи.

Неустойчивый тип. Представители этого типа стремятся любыми способами, в том числе и незаконными удовлетворить собственные негативные потребности (наркотики и спиртные напитки, деньги). Для них характерен высокий уровень солидарности с друзьями, потребность утвердится в глазах окружения. Их действия зачастую безмотивны. Неоднократно совершают административные правонарушения, выходят за границы общественно приемлемых социальных ролей. Отличительная черта – высокая степень полярности свойств личности, когда ярко выражено сочетание черт личности преступника и законопослушного гражданина. Этот тип формируется, как правило, в противоречивой микросреде.

Устойчивый тип. Его представители совершают наиболее тяжкие преступления – убийства, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью по корыстно-насильственным мотивам. Они агрессивны, отдают приоритет грубой силе. Формирование несовершеннолетних преступников такого типа происходит чаще всего в полукриминальной микросреде, в которой систематически нарушаются нормы морали и права. Их мотивация основана на таких отрицательных эмоциях, как: зависть, раздражение, злость, месть и др.

Агрессивно-сексуальный тип особенно свойственен лицам, совершающим изнасилования. Только для этого типа характерны особые черты, которые проявляются в преобладании таких мотивов, как: азарт, желание развлечься, примитивизм во взглядах на взаимоотношениях полов, разнузданность, отсутствие границ в стремлении удовлетворить половое влечение, моральная распущенность.

Злостный тип. Преступники этого типа отличаются четко и устойчивой криминальной направленностью. Их действия не детерминируются провокацией со стороны потерпевшего. Они сами формируют и провоцируют ситуацию конфликта, стремятся к насилию. Специалисты выделяют у

них «эгоцентризм, озлобленность, раздражительность, жестокость, цинизм, неспособность к сопереживанию, состраданию, антиобщественная направленность, аффективная ригидность, крайне низкий уровень самоконтроля» [15]. Представленная типология является условной, так как проблематично отнести каждого несовершеннолетнего преступника, к конкретно-определенному типу.

Некоторые исследователи, полагают, что лица, в том числе и несовершеннолетние, которые совершают преступления, обладают многоплановой характеристикой, в основе которой мотив, формируемый социальной или биологической потребностью. Это значит, что они могут быть отнесены к различным типам в силу психологических особенностей и степени общественной опасности. Рассмотренное выделение типов преступников носит оценочных характер, включая в себя не только степень тяжести совершенного преступления, но и характеристику личности преступника.

Подводя итог, можно отметить, что становление научных психологических теорий причин преступности принято связывать с периодом двадцатого столетия, когда, представители зарубежной науки сконструировали и предложили ряд теорий, в которых делались попытки объяснить причин преступности исходя из особенностей психических свойств личности преступника.

Исследуя личность преступника необходимо рассматривать вопросы относительно характеристики признаков, свойств, связей в их совокупности. Важное значение в исследовании личности преступника является исследование мотивов преступного поведения, ведь именно они объединяют мысль и волю, сознание и действие и служат отправной точкой волевого процесса, придавая ему соответствующую направленность и содержание. Психологическая оценка личности преступника позволяет решить несколько юридически значимых задач: установить мотив преступления; выяснить конкретные поисковые признаки, если преступник неизвестен; определить тип личности в целях выявления общих черт, схожести совершенного преступления с другим; выявить серию преступлений; установить наиболее перспективную версию расследования; выявить возможные психологические рычаги давления при допросе подозреваемого; разработать действенные меры превенции; предотвратить рецидив.

Эффективная организация общей и частной превенции сопряжена с разнообразным психолого-педагогическим воздействия на граждан и реализацией взаимосвязанных задач, направленных на формирование навыков социально ответственного поведения. Успех детальности по превенции преступности обуславливает необходимость комплексного подхода, значительных затрат (материальных, организационных и др.), а также координации усилий всех государственных органов и институтов гражданского общества.

Пристатейный библиографический список

1. Философия науки: учебник для вузов / под ред. А. И. Липкина. М.: Юрайт, 2023. 512 с.
2. Атаджыкова Ю. А., Ениколопов С. Н. Развитие концепта психопатии в отечественной и зарубежной психологии (обзор литературы) // Психология. Психофизиология. 2019. № 3. 77-86.
3. Караваева Ю. С. Личность преступника в криминологии: учеб. пособие. Пермь: Издательство «Миг», 2021. 146 с.
4. Дацковский И. Два подхода к диагностике психопатий // Клиническая и медицинская психология: исследования, обучение, практика: электрон. науч. журн. 2019. № 4 (26). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://medpsy.ru/climp/2019_4_26/article06.php (дата обращения: 12.05.2026).
5. Ганнушкин П. Б. Клиника психопатий: их статика, динамика, систематика. М.: Издательство Юрайт, 2025. 166 с.
6. Антонян Ю. М. Архетип и преступность. М.: Вече, 2020. С. 123.
7. Ислентьева В. Н. Теоретические концепции в изучении причин подростковой девиации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-kontseptsii-v-izuchenii-prichin-podrostkovoy-deviatsii/viewer (дата обращения: 12.05.2026).
8. Соколова Э. А. Психологические проблемы в исследованиях Карла Густава Юнга. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-problemy-v-issledovaniyah-karla-gustava-yunga/viewer (дата обращения: 11.05.2026).
9. Антонян Ю. М., Кудрявцев, В. Н., Эминов В. Е. Личность преступника. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://iknigi.net/avtor-yuriy-antonyan/101402-lichnost-prestupnika-yuriy-antonyan/read/page-1.html (дата обращения: 12.05.2026).
10. Антонян Ю. М., Юстицкий В. В. Несовершеннолетние преступники с акцентуациями характера: Учебное пособие. М.: Министерство внутренних дел РФ. НИИ, 2023. 116 с
11. Зубцова М. Н. О психологическом портрете личности неустановленного преступника // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2021. № 4. С. 98-105.
12. Познышев С. В., Овчинский В. С., Федоров А. В. Криминальная психология: преступные типы. О психологическом исследовании личности как субъекта поведения вообще и об изучении личности преступника в частности: монография. М.: ИНФРА-М, 2023. С. 78.
13. Антонян Ю. М., Эминов В. Е. Личность преступника. Криминолого-психологическое исследование: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. 368 с.
14. Криминология: учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. С. 124.
15. Степенко А. В. Типы личности преступника в уголовном праве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 5. С. 186-189.

БАРАНОВА Светлана Анатольевна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права, Байкальский государственный университет, г. Иркутск

ВНЕШТАТНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО С ПОЛИЦИЕЙ: ОПЫТ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

В статье рассмотрен правовой статус внештатного сотрудника полиции в России и ряде зарубежных государств (страны СНГ, США, Германия), проанализированы его основные права и обязанности, выявлены ключевые отличия, касающиеся, прежде всего, наличия у добровольных помощников полиции в зарубежных станах прав и обязанностей, связанных с применением мер административно-правового принуждения. Сформулирован вывод о том, что наделение российских внештатных сотрудников полиции полномочиями по применению специальных мер пресечения видится нецелесообразным, а основной акцент совершенствования статуса внештатного сотрудника полиции в России заключается в укреплении института гарантий его деятельности.

Ключевые слова: общественный порядок, охрана общественного порядка, полиция, внештатный сотрудник, внештатное сотрудничество с полицией.

BARANOVA Svetlana Anatoljevna
Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Constitutional and administrative law sub-faculty, Baikal State University, Irkutsk

FREELANCE COOPERATION WITH THE POLICE: THE EXPERIENCE OF RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES

The article examines the legal status of a freelance police officer in Russia and a number of foreign countries (CIS countries, USA, Germany). Basic rights and obligations are analyzed, and key differences are identified, primarily concerning the availability of rights and obligations of voluntary police assistants in foreign countries related to the application of administrative and legal coercion measures. The conclusion is formulated that granting Russian freelance police officers the authority to apply special preventive measures seems inappropriate, and the main emphasis on improving the status of a freelance police officer in Russia is to strengthen the institution of guarantees for its activities.

Keywords: public order, maintaining public order, police, freelance police officer, freelance cooperation with the police.

Обеспечение правопорядка в общественных местах является одним из основных направлений деятельности органов внутренних дел, эффективность которого зависит от большого количество самых разнообразных факторов, среди которых отдельно можно выделить содействие граждан. «В настоящее время существуют, возрождаются и развиваются организационно-правовые формы взаимодействия органов внутренних дел, общественных объединений и граждан по охране правопорядка и профилактике преступлений и правонарушений» [1, с. 905]. Внештатное сотрудничество с полицией является одной из форм участия граждан в охране общественного порядка и предполагает взаимодействие заинтересованного гражданина и органов внутренних дел на добровольной и гласной основе.

Правовой статус внештатного сотрудника полиции урегулирован, прежде всего, Федеральным законом от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка»[1] и Приказом МВД России от 10 января 2012 г. № 8 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности внештатных сотрудников полиции»[2]. Указанный правовой статус включает в себя требования к внештатному сотруднику полиции, его права, обязанности, гарантии и ответственность.

В действующем российском законодательстве сформулированы требования к внештатному сотруднику полиции – это достижение возраста 18 лет и дееспособность. Вместе с тем, имеется широкий перечень ограничений, они носят как уголовно-правовую природу (наличие неснятой или непогашенной судимости, осуществление уголовного преследования, включение в перечни лиц, связанных с экстремистской деятельностью или терроризмом и др.), так и административно-правовой характер (неоднократное административное наказание за умышленные правонарушения в течение года). Более того, еще ряд ограничений установлен по медицинским или психологическим критериям (психические расстройства, алкоголизм, наркомания, факт признания лица недееспособным или ограниченно дееспособным по решению суда и др.). Как представляется, перечень ограничений достаточно широкий, но он необходим, чтобы, с одной стороны, гарантировать выполнение лицом возложенных на него задач, с другой стороны, позволяет избежать формирования дополнительных рисков и угроз национальной безопасности государства.

К основным правам внештатного сотрудника полиции относят требование прекратить противоправное деяние, применение мер по охране места происшествия, оказание содействия полиции при выполнении обязанностей в сфере охраны общественного порядка.

К основным обязанностям внештатного сотрудника полиции относят соблюдение законодательства в сфере обеспечения правопорядка, соблюдение прав граждан и организаций, выполнение распоряжений уполномоченных сотрудников полиции, оказание первой помощи (при наличии соответствующих навыков).

Что касается материального стимулирования, льгот и компенсаций, то они сводятся к предоставлению ежегодного

1 Об участии граждан в охране общественного порядка: Федеральный закон от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 14. Ст. 1536.

2 Инструкции по организации деятельности внештатных сотрудников полиции: Приказ МВД России от 10 января 2012 г. № 8 // Российская газета. 2012. 20 апр.

дополнительного отпуска без сохранения заработной платы продолжительностью до 10 календарных дней, вознаграждению за помощь в раскрытии преступлений и иным видам поощрений, которые могут устанавливаться МВД России. Как видится, перечисленные льготы явно недостаточны, чтобы компенсировать лицу затраченное время и ресурсы при осуществлении функций внештатного сотрудника полиции. Как справедливо отмечает А. В. Константинов, «отсутствие финансовой мотивации во много раз сокращает число лиц, изъявляющих желание оказать помощь полиции в качестве внештатного сотрудника полиции» [5, с. 26]. Поэтому необходимо совершенствование института гарантий, которое позволит разрешить указанные выше проблемные аспекты.

Многими исследователями справедливо обращается внимание на то, что данная форма взаимодействия не реализуется в достаточной степени [3, с. 180], требуется оптимизация правового статуса внештатных сотрудников полиции и народных дружинников для более значительной вовлеченности граждан в охрану общественного порядка с большей результативностью [2, с. 73].

Действительно, правовой статус внештатного сотрудника полиции требует своего дальнейшего совершенствования с учетом современных реалий. Для реализации данной цели представляется возможным проанализировать основные функции и отдельные аспекты организации деятельности внештатных сотрудников полиции в ряде зарубежных стран.

Что касается прав внештатных сотрудников в странах СНГ, их перечень достаточно схож с правами российского внештатного сотрудника полиции, но имеются дополнительные иные права, связанные с возможностью применения физической силы (ст. 10 Закона Республики Таджикистан об участии граждан в обеспечении общественного порядка от 22 июня 2023 г.), мер к пресечению правонарушений и в исключительных случаях с целью пресечения правонарушений, когда исчерпаны другие меры воздействия, доставления правонарушителей в соответствующие правоохранительные органы (п. 25.3 Типового положения о порядке оформления и деятельности внештатных сотрудников правоохранительных органов, органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям, органов пограничной службы Республики Беларусь). В США (Нью-Йорк) сотрудники вспомогательной полиции могут применять физическую силу при проведении ареста или когда лицо применяет физическую силу в отношении сотрудника полиции или другого лица [2, с. 74].

Сравнительно-правовой анализ обязанностей внештатных сотрудников полиции в России и рассматриваемых странах СНГ в общем идентичен, однако можно отметить, что в Республике Беларусь за ними закреплены обязанности активно участвовать в мероприятиях, проводимых правоохранительными органами (п. 24.1 указанного выше Типового положения), принимать участие в спасении людей, имущества и в поддержании общественного порядка при стихийных бедствиях и других чрезвычайных ситуациях (п. 24.8 Типового положения). В США за сотрудниками вспомогательной службы закреплена обязанность задерживать лиц, совершивших преступления или административные правонарушения [2, с. 74].

Как представляется, наделение внештатных сотрудников полномочиями по применению различных мер административно-правового принуждения можно оценить положительно благодаря ряду факторов. Во-первых, наличие указанных полномочий обеспечивает возможность оперативного реагирования на совершение противоправных деяний, что, с одной стороны, позволяет в полной степени реализовать принцип неотвратимости наказания, особенно в отдаленных от больших городов и административных центров районах, с другой стороны, создает дополнительный интерес и усиливает мотивацию граждан принимать участие в охране общественного порядка и своими силами реально влиять на уровень общественной безопасности. Во-вторых, это является значительным подспорьем штатным сотрудникам правоохранительным органов в части снижения нагрузки на них и высвобождения хотя бы небольшого количества времени на решение более важных задач, стоящих перед ними, в-третьих, что вытекает из предыдущего пункта, это возможность временного частичного разрешения вопроса кадрового дефицита в органах внутренних дел.

Однако не смотря на преимущества ситуации, связанной с наделением внештатных сотрудников полномочиями по применению мер принуждения в отношении правонарушителей, потенциал которой виден в повышении эффективности охраны правопорядка, в настоящее время заимствование данного опыта не представляется возможным в силу ряда причин. Во-первых, необходимо учитывать в целом концепцию внештатного сотрудничества с полицией в России, а именно установленное действующим законодательством положение о том, что «внештатные сотрудники полиции не являются должностными лицами органов внутренних дел РФ и принимают участие в деятельности полиции под непосредственным руководством сотрудника полиции, закрепленного за ним» (п. 6, 7 Инструкции по организации деятельности внештатных сотрудников полиции). Это свидетельствует об отсутствии специального статуса внештатного сотрудника полиции, позволяющего ему применять указанные меры и самое главное нести ответственность за их реализацию. Во-вторых, следует учитывать и тот факт, что, как правило, внештатные сотрудники не обладают необходимым уровнем профессиональной служебной подготовки по применению специальных мер пресечения в отличие от штатных сотрудников. В данном контексте необходимо обратить внимание на сложность, техничность, важность соблюдения оснований и порядка осуществления принудительных мер. Так, например, как справедливо отмечают некоторые исследователи, соблюдение процессуального порядка применения мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, «правильное составление процессуальных документов является залогом объективного рассмотрения дела об административном правонарушении и привлечения правонарушителя к установленной законом ответственности» [6]. Или реализация такой достаточно распространённой меры как задержание также требует знания законодательства, «и от того, насколько грамотно будет действовать сотрудник при задержании лица, будет зависеть соблюдение установленных прав граждан, а также личная безопасность самого сотрудника» [7, с. 681]. В-третьих, что вытекает из предыдущего аргумента, отсутствие специальной подготовки может быть связано как с рисками злоупотреблений и возможных нарушений прав граждан при применении мер административного принуждения, так и с риском для жизни и здоровья самого добровольного помощника, который может оказаться неготовым к претворению таких мер в жизнь.

Необходимо отметить, что в Республике Беларусь также отдельно устанавливается необходимость обучения внештатных сотрудников формам и методам работы по охране общественного порядка и борьбе с преступностью посредством их инструктирования, при осуществлении контроля за их рабо-

той и подведением ее результатов, а также на специальных занятиях. Занятия предполагают изучение основ уголовного, уголовно-процессуального, административного законодательства, форм и методов борьбы с правонарушениями, наработанного положительного опыта.

Аналогичная ситуация с обучением имеет место быть и в США. Так, предусмотрена «140-часовая (18 недель) подготовка волонтера-полицейского, в программу обучения которого входят курсы по оказанию первой медицинской помощи, самообороны, знакомство с законами штата и методами патрулирования, процедурами ареста правонарушителей и правилами задержания» [4, с. 439].

В Германии, в федеральной земле Саксонии согласно закону от 12 декабря 1997 г. «Об охране общественной безопасности в Саксонии» установлено, что члены добровольной полицейской службы должны обладать необходимыми правовыми и иными профессиональными качествами для осуществления возложенных на них функций[3]. Этим же законом предусмотрено их обучение и повышение квалификации. Обучение, как правило, составляет 50 часов и охватывает следующие сферы: правовая подготовка (правовой статус полиции и правовое положение добровольцев, оказывающих содействие полиции), конфликтология, оказание первой помощи.

Учитывая опыт зарубежных государств по организации обучения волонтеров-полицейских и необходимость обеспечения реализации закрепленных законодательно обязанностей внештатных сотрудников полиции, а именно знать требования законодательных актов в сфере охраны общественного порядка и оказывать первую помощь гражданам (п. 1 и 4 ч. 6 ст. 10 Федерального закона от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка») следует законодательно ввести хотя бы минимальную подготовку (обучение) внештатных сотрудников полиции в области правового блока (законодательство об охране общественного порядка и правового статуса полиции) и практического блока по оказанию первой помощи со сдачей зачета.

Таким образом, основным ядром правового статуса внештатного сотрудника полиции является совокупность его прав и обязанностей, сравнительно-правовой анализ которых позволил выявить главное отличие – это наличие комплекса прав и обязанностей волонтеров-полицейских, связанных с применением отдельных специальных мер принуждения в зарубежных странах. Несмотря на положительную оценку выявленного отличия, наделение подобными полномочиями российского внештатного сотрудника видится в настоящее время нецелесообразным. Вместе с тем, представляется важным улучшение правового статуса лица, принимающие участие в охране правопорядка, посредством совершенствования гарантий, как вариант, введение дополнительных компенсаций, например, в виде начисления дополнительных пенсионных баллов или льгот при оплате ЖКХ, капитального ремонта или иных обязательных платежей.

Пристатейный библиографический список

1. Афанасьева О. Р., Гончарова М. В., Шиян В. И. Состояние и тенденции преступности в общественных местах // Всероссийский криминологический журнал – 2019. – Т. 13. № 6. – С. 895-908.
2. Бачурин А. Г. Перспективы совершенствования правового статуса граждан, участвующих в охране общественного порядка в Российской Федерации // Алтайский юридический вестник. – 2024. – № 3 (47). – С. 69-76.
3. Виноградов М. Л. О практике реализации Федерального закона от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка», в части касающейся внештатного сотрудничества граждан с полицией // Современная наука, общество и образование: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей III Международной научно-практической конференции. – Пенза, 2022. – С. 179-187.
4. Горлова Н. И., Зарубина К. А. Практика участия волонтеров в деятельности полиции: опыт зарубежных стран // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2024. – Т. 10. № 3. – С. 436–442.
5. Константинов А. В. Внештатный сотрудник полиции по линии участковых уполномоченных полиции: проблемы и перспективы // Актуальные проблемы административного права и процесса – 2018. – № 4 . – С. 25-28.
6. Сошин А. А., Самсонов В. А. Особенности применения сотрудниками органов внутренних дел отдельных мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях // Baikal Research Journal. – 2018. – Т. 9. № 3.
7. Тихонов И. Н. Задержание лица, совершившего преступление, в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации // Академический юридический журнал. – 2024. – Т. 25. № 4. – С. 674-683.

3 Sächsisches Sicherheitswachtgesetz vom 12. Dezember 1997 // Sächs-GVBl. 1997 Nr. 22. S. 647.

DOI 10.46320/2073-4506-2026-4-215-463-466

Капустин В. В.

КАПУСТИН Валерий Валентинович
заместитель начальника кафедры тактико-специальной, огневой и физической подготовки, Ленинградский областной филиал, Санкт-Петербургский университет МВД России

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРИМЕНЕНИЯ ПОЛИЦИЕЙ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ ДЛЯ ПРИНУДИТЕЛЬНОЙ ОСТАНОВКИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

Настоящая статья посвящена исследованию правовой нормы, определяющей пределы полномочий сотрудников полиции при использовании огнестрельного оружия в целях остановки транспортных средств. Автор обосновывает, что действующая редакция пункта 1 части 3 статьи 23 Федерального закона «О полиции» содержит внутренние противоречия и допускает неоднозначное толкование. В целях устранения выявленных проблем предлагается скорректировать данную норму, закрепив, что угроза жизни и здоровью может быть направлена как на граждан, так и на сотрудника полиции. Дополнительно аргументируется необходимость введения уголовно-правового запрета на уклонение водителей от исполнения неоднократных законных требований об остановке транспортного средства, если такое поведение сопряжено с созданием опасности для окружающих.

Ключевые слова: меры административного пресечения, полиция, огнестрельное оружие, применение, ФЗ «О полиции», основание, угроза, остановка транспортного средства.

KAPUSTIN Valery Valentinovich
Deputy Head of Tactical, special, fire and physical training sub-faculty, Leningrad regional branch, St. Petersburg University of the MIA of Russia

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF THE USE OF FIREARMS BY POLICE OFFICERS TO STOP VEHICLES

The article examines the legal provision that outlines the scope of authority for police officers to use firearms in stopping vehicles. The author contends that the current wording of paragraph 1 of section 3 of Article 23 of the Federal Law «On Police» has internal inconsistencies and permits multiple interpretations. To address these issues, the author proposes amending the provision to clarify that threats to life and health can target both civilians and police officers. Furthermore, the article argues for the introduction of a criminal prohibition on drivers ignoring repeated lawful orders to stop their vehicles if such actions endanger others.

Keywords: administrative restraint measures, police, firearms, application, Federal Law "On Police", grounds, threat, stopping a vehicle.

Основание применения огнестрельного оружия, предусмотренное в п. 1 части 3 ст. 23 ФЗ «О полиции»[1] заслуживает особого внимания, поскольку практике известны неоднократные случаи возбуждения уголовных дел в отношении представителей правоохранительных органов, применивших оружие по данному основанию. К примеру, в 2025 году в Хабаровском крае было возбуждено уголовное дело по ст. 286 УК РФ[2] в отношении сотрудника ГИБДД, который применил оружие по указанному основанию, во время погони выстрелил из табельного оружия в сторону машины нарушителя, однако, попал по багажнику автомобиля, в котором находился похищенный человек[3]. Наличие подобных случаев возбуждения уголовных дел в связи с ранением водителя или других лиц, находящихся в транспортном средстве, которое было остановлено, может свидетельствовать о недостаточной профессиональной подготовке сотрудников полиции или о несовершенстве законодательства, предоставляющего право сотрудникам полиции применять огнестрельное оружие для остановки транспортного средства.

Проанализируем административно-правовую норму, закрепленную в п. 1 ч. 3 ст. 23 ФЗ «О полиции» с точки зрения закрепленных в ней оснований, условий и порядка применения принудительной меры. Основание применения анализируемой меры будет иметь место в случае наличия совокупности нескольких условий. Во-первых, в качестве основания для применения оружия в данной ситуации следует рассматривать отказ управляющего автомобилем водителя от исполнения неоднократных (два и более раза) требований должностного лица об остановке. Данное условие видится более определенным, чем другие, так как зависит от объективных фактических обстоятельств. На наличие данного факта указывают действия как сотрудников полиции в виде подачи сигналов с требованием об остановке, так и действия водителя, который не останавливается по неоднократному (два раза и более) и понятному для него требованию инспектора ГИБДД, продолжая движение.

Во-вторых, подобное поведение может выражаться не только в дальнейшем движении автомобиля, но и в виде иных направленных на уход от преследования мер. К таким мерам можно отнести грубое игнорирование правил дорожного движения, включая существенное превышение скоростного режима, опасное маневрирование, резкое перестроение или торможение, а также проезд на запрещающий сигнал

1 Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7. – Ст. 900.

2 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

3 Полицейский 24 раза выстрелил в машину во время погони и стал фигурантом дела. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/social/news/2025/02/24/25168250.shtml (дата обращения: 02.03.2025).

светофора вопреки знакам приоритета. В-третьих, совокупность подобных действий должна создавать угрозу жизни и здоровью других участников дорожного движения, таких как водители и пассажиры других транспортных средств, находящихся в непосредственной близости от нарушителя, а также пешеходов, находящихся на обочине дороги.

Однако в исследуемом пункте 1 части 3 статьи 23 Федерального закона «О полиции» есть еще одно условие, которое связывается с тем, что огнестрельное оружие применяется путем повреждения транспортного средства. Интересно, что при определении аналогичного основания, предусмотренного пунктом 1 части 1 статьи 23 Федерального закона «О полиции» отсутствует фраза «путем его повреждения». Такое законоположение имеет неоднозначную юридическую природу: оно может рассматриваться как основание для применения принудительных мер, как порядок их применения в части направления выстрела, а также как порядок их применения с точки зрения ограничения допустимого результата. Интересно, что в правоприменительной практике нередко используется третий подход, при котором любое причинение вреда лицам, находящимся в транспортном средстве, рассматривается как выход за пределы правомерного поведения. Такой вывод можно сделать, проанализировав примеры возбуждения уголовных дел по статье 286 УК РФ в отношении сотрудников полиции, применивших огнестрельное оружие для остановки транспортного средства и попавших в водителя или других лиц, находящихся в машине. Иными словами, формулировка «путем повреждения транспортного средства» может быть истолкована как требование к результату применения указанной меры принуждения, запрещающее причинение вреда лицам, находящимся в транспортном средстве. Это приводит к парадоксальной ситуации: сотрудник полиции, действующий в условиях необходимости пресечения опасного поведения, фактически оказывается ответственным за последствия, которые он был не способен полностью контролировать. Такое понимание не согласуется с общими принципами применения мер государственного принуждения. Законодатель с учетом части 3 ст. 19 ФЗ «О полиции» оценивает правомерность действий исходя из условий их совершения, а не по наступившему результату, который во многом носит вероятностный характер.

Однозначно рассматриваемое условие не может быть основанием для применения мер административного пресечения, поскольку оно не даёт сотруднику полиции право применять огнестрельное оружие, в отличие от других условий, таких как невыполнение требования остановиться, попытка скрыться от сотрудника полиции и создание угрозы жизни и здоровью граждан. Представляется, что в данном пункте рассматривается вопрос о регламентации порядка применения огнестрельного оружия. Однако возникает вопрос о том, почему порядок применения огнестрельного оружия, предусмотренный пунктом 1 части 3 статьи 23 Федерального закона «О полиции», установлен именно в этом пункте, в то время как общий порядок применения оружия при других основаниях предусмотрен в статье 19 того же закона?

Учитывая толкование пункта 1 части 3 статьи 23 ФЗ «О полиции» также остаётся открытым вопрос о том, с какой позиции порядка следует рассматривать данное положение: с точки зрения направления выстрела или все-таки требований к результату его применения? Отнесение на практике данного законоположения к порядку применения с точки зрения результата противоречит ч. 3 ст. 19 ФЗ «О полиции». Приведенные в ч. 3 ст. 19 ФЗ «О полиции» критерии содержат характеристику самой ответной реакции, степени ее интенсивности, указывают на сдержанность сотрудника при причинении ущерба, но не ограничивают характер вреда, причинение которого допустимо или недопустимо в условиях применения исследуемых мер принуждения. В нём идёт речь не о строгой обязанности сотрудника полиции причинить определённый или минимальный вред, а об обязанности стремиться к его минимизации, если это возможно в сложившейся обстановке, и предпринимать все необходимые меры. Учитывая экстренный и вынужденный характер ответной реакции сотрудника полиции на противоправное поведение нарушителя, применившего физическую силу, специальные средства или огнестрельное оружие в быстроразвивающейся ситуации, невозможно формализовать определённый характер вреда как критерий правомерности его причинения.

Кроме того, отнесение данного законоположения к порядку применения с точки зрения результата части порождает дополнительное противоречие, связанное с принципом соразмерности. Если действия водителя действительно создают угрозу жизни и здоровью неопределённого круга лиц, ограничение способов реагирования исключительно повреждением имущества выглядит недостаточным для эффективного устранения сотрудником полиции опасности. Так, согласно толковому словарю С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, угроза – это: 1) запугивание, обещание причинить кому-либо вред; 2) возможная опасность[4]. Угрозой будет являться ситуация, которая представляет реальную опасность и может быть реализована в любой момент без каких-либо дополнительных условий [6, с. 235]. При этом совершенно справедливо А. И. Каплунов обратил внимание на то, что данное положение закона ставит полицейского в очень жесткие рамки, ограничивая возможность причинения вреда только повреждением транспортного средства [2, с. 120]. Таким образом, право на применение оружия предоставляется, но ответственность за возможные последствия в виде причинения вреда лицам, находящимся в машине, не исключается [3, с. 70].

Для наглядности рассмотрим ещё один аргумент, связанный с нормами о необходимой обороне. В соответствии с частью 2 статьи 37 УК РФ, применение оружия при защите от посягательства, представляющего опасность для здоровья, допустимо. А в случае посягательства, угрожающего жизни, применение оружия возможно в соответствии с частью 1 статьи 37 УК РФ. Это ещё раз подчёркивает нарушение принципа соразмерности действий нарушителя и допустимой ответной реакции должностного лица полиции, предусмотренного пунктом 1 части 3 статьи 23 Федерального закона «О полиции». Несмотря на угрозу жизни людей, указанную в этом пункте, законодатель определил, что действия нарушителя не достигают достаточного уровня опасности для применения оружия с попаданием в других лиц, находящихся в транспортном средстве.

В-третьих, сложность правовой оценки усугубляется тем, что рассматриваемая угроза не всегда охватывается составами преступлений, предусмотренными уголовным законодательством. Это затрудняет возможность применения обстоятельств, исключающих преступность деяния, предусмотренных УК РФ, в данной ситуации [5, с. 135]. Так, в данной ситуации невозможно применить положения о необходимой

4 Толковые словари онлайн. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/249138 (дата обращения: 02.03.2025).

обороне, предусмотренные статьёй 37 УК РФ. Единственным общественно опасным посягательством со стороны водителя, которое можно усмотреть в его действиях, является преступное деяние, предусмотренное статьёй 264 УК РФ. Однако в случае неосторожного преступления действия водителя, не повлекшие за собой последствий, не являются преступными, более того, в рассматриваемой ситуации общественно опасные последствия могут не наступить. В связи с этим при неосторожном преступлении невозможно определить момент, когда лицо, в данном случае водитель транспортного средства, готово совершить соответствующее деяние [7, с. 128]. В анализируемой ситуации невозможно применить нормы о крайней необходимости, поскольку лицо, находящееся в таком состоянии, причиняет вред умышленно. В рассматриваемой же ситуации сотрудник полиции не намеревался причинить вред водителю, осуществил выстрел, к примеру, по двери транспортного средства, но попадание пришлось в водителя, что свидетельствует о неосторожном причинении вреда (ст. 39 УК РФ) [6].

Такая угроза жизни и здоровью для граждан, не являющаяся сама по себе преступной, возникает наряду с невыполнением пытающимся скрыться водителем требования об остановке, содеянное водителем влечет ответственность только по статьям 19.3 или 12.25 КОАП РФ[5] . Поэтому устранение путем применения огнестрельного оружия такой угрозы, не имеющей уголовно-правового значения, фактически размывается и стирается на фоне пресекаемого административного правонарушения, результатом которого выступает причиненный правонарушителю уголовно-наказуемое причинение вреда. В этой связи при оценке правомерности такой стрельбы сотрудником полиции будет учтено положение п. 1 ч. 3 ст. 19 ФЗ «О полиции», согласно которому «сотрудник полиции при применении физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия действует с учетом … характера и степени опасности действий лиц, в отношении которых применяются физическая сила, специальные средства или огнестрельное оружие, характера и силы оказываемого ими сопротивления».

Следовательно, действия сотрудника полиции, устраняющего опасность, которая фактически охватывается лишь административным правонарушением, стрелявшего по автомобилю и допускавшего ранение находящихся в нем лиц, будут признаны несоразмерными действиям правонарушителя и признаны превышением должностных полномочий. Однако «угроза жизни и здоровью граждан», инициированная нарушителем, ушла на второй план и, не подпадая под самостоятельное преступление», остается неучтенной.

В-четвёртых, на практике сложно обеспечить соблюдение требования о том, что в случае неоднократного невыполнения требования об остановке водитель, пытающийся скрыться и создающий угрозу жизни и здоровью граждан, может быть остановлен с применением оружия путём повреждения транспортного средства. Сотрудник не может заранее предсказать результат применения оружия, то есть фактически определить то, что ещё не произошло. Интересно, что в комментарии к Федеральному закону «О полиции» авторы, в том числе участвующие в разработке проекта данного закона, описывают идеальную ситуацию, при которой применение оружия должно осуществляться исключительно по задним колёсам останавливаемого и преследуемого транспортного средства. Это должно происходить с достаточно небольшого расстояния на ровной поверхности, при условии беспрепятственного съезда в сторону дороги. Также необходимо, чтобы в данной ситуации отсутствовал встречный транспорт и пешеходы, а также была обеспечена безопасность, как для водителя, так и для пассажиров [6, с. 235]. Очевидно, что на практике погоня за водителем осуществляется быстро и на высокой скорости, поэтому такие требования зачастую не соблюсти.

Однако, с одной стороны, промедление и достижение наиболее удобного момента для стрельбы с целью обеспечения гарантии безопасности для лиц, находящихся в останавливаемом автомобиле, может повлечь вред материализацию вреда здоровью и жизни законопослушных участников дорожного движения. С другой стороны, вызывает трудности попадание в движущийся автомобиль в экстремальной ситуации, а тем более, если стрельба происходит из движущегося транспортного средства сотрудника полиции в движущееся транспортное средство правонарушителя. Следует признать, что так или иначе, эта стрельба автоматически создает возможность или даже неизбежность поражения сотрудником полиции водителя автомобиля или пассажиров, поскольку находящиеся в нем лица, так или иначе попадают в зону обстрела. Ученые считают, что стрельба по транспортным средствам у сотрудников полиции вызывает у них опасения, связанные с возможностью совершения неправомерного применения оружия. Это приводит к повышению уровня стресса, замедлению двигательных реакций и, как следствие, снижению точности стрельбы [8, с. 83].

Установленное в законе ограничение способа остановки транспортного средства фразой «путем его повреждения» на практике часто ставит под сомнение правомерность действий сотрудника полиции. В ситуации, когда преследование заканчивается ранением водителя или пассажиров, правоприменитель фактически признается нарушившим установленный законом порядок, так как результат стрельбы (вред здоровью) не совпадает с единственно разрешенным в норме способом (повреждение имущества). Так, по данному вопросу справедливо отмечает А. И. Каплунов, что неукоснительное соблюдение требования п. 1 ч. 3 ст. 19 ФЗ «О полиции» о причинении вреда исключительно автомобилю при его остановке крайне затруднительно [3, с. 147].

В-пятых, возникает вопрос о том, почему в данной ситуации приоритет отдается защите жизни водителя-нарушителя, который допустил нарушение. В отношении такого нарушителя запрещается применять оружие на поражение. В то же время добросовестные граждане, которые спокойно двигались по дороге и соблюдали правила дорожного движения, могут лишиться жизни из-за поведения своевременно не остановленного нарушителя [5, с.135]. Получается, что в п. 1 ч. 3 ст. 23 ФЗ «О полиции» акцент смещается с «угрозы жизни и здоровью граждан» на приоритетную защиту интересов правонарушителя, во-первых, игнорирующего требование сотрудника полиции об остановке, во-вторых, пытающегося противопоставить себя правомерным действиям сотрудника полиции и предпринимающим активные меры по тому, чтобы скрыться.

В-шестых, отдельного внимания заслуживает отсутствие в анализируемой норме указания на сотрудника полиции как возможного адресата угрозы. При этом в иных положениях закона подобное указание присутствует (например, в ч. 2 ст. 19, в п. 1 ч. 1 ст. 22, п. 5 ч. 3 ст. 23, в п. 2 ч. 3 ст. 23), что

5 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1. – Ст. 1.

свидетельствует о несогласованности нормативного регулирования.

В результате проведенного исследования было установлено, что пункт 1 части 3 статьи 23 Федерального закона «О полиции» нуждается в существенной доработке. Расположение в самой норме сближает это указание с основанием, однако, основание отвечает на вопрос, для отражения какого поведения требуется применение соответствующей меры принуждения. Сложно отнести эту фразу и к порядку применения оружия, поскольку расположена она не в статье 19 ФЗ «О полиции», а в п. 1 ч. 3 ст. 23 ФЗ «О полиции». Указание в п. 1 ч. 3 ст. 23 ФЗ «О полиции» слов «путем повреждения транспортного средства» напоминает требование к результату, что не соответствует положениям ФЗ «О полиции», который, учитывая вынужденный, экстремальный характер мер принуждения в качестве критериев правомерности предусматривает достаточно гибкие формулировки ответных действий, а не конкретный результат [4, с. 40]. Полагаем, что законодательное положение, предусмотренное в п. 1 части 3 ст. 23 ФЗ «О полиции», сформулировано в противоречии с нормами административного права, что неизбежно приводит к его нарушению сотрудником полиции[6]. Безусловно, при корректировке исследуемого законоположения стоит учитывать то, что сотрудник полиции должен быть максимально сдержанным при вынужденном применении силы и действовать исходя из характера и степени опасности допущенного водителем автомобиля нарушения и той цели, которая достигается путем применения огнестрельного оружия.

Принимая во внимание предложенные учеными, в том числе А. И. Каплуновым, варианты коррекции данной нормы [2, с. 119], целесообразным видится комплексное решение проблемы. Анализ показал, что формулировка «путем повреждения» может иметь различное толкование на практике, что диктует необходимость ее исключения. При сохранении п. 1 части 3 ст. 23 ФЗ «О полиции», и развивая подход М. В. Давыдова и Р. А. Лубского об исключении из закона технического условия о способе остановки («путем его повреждения») [1], мы полагаем, что данная мера должна быть дополнена уточнением круга защищаемых лиц, в него также требуется внести изменения, касающиеся указания на сотрудника полиции в качестве адресата угрозы. Это позволит устранить правовой пробел, при котором жизнь и здоровья сотрудника полиции, находящегося под угрозой, формально оказывается менее защищенной, чем жизнь и здоровье иных граждан. Кроме того, необходимо рассмотреть вопрос о введении уголовной ответственности за уклонение от выполнения законных требований сотрудника полиции об остановке транспортного средства, если такие действия создают опасность для жизни и здоровья граждан. В этом случае проектируемый состав преступления (например, статья 264.4 УК РФ) должен быть отнесён законодателем к категории тяжких преступлений.

6 Консультативная справка по результатам проведенного исследования факта применения табельного оружия сотрудниками ГИБДД Шипиловым Д. Ю. и Булгаковым А. Ю. на автодороге «Богословка-Дальняя Ливенка-Чибисовка» Губкинского городского округа Белгородской области в период с 01 часа 50 минут до 02 часов 30 минут 09.10.2023 в ходе преследования за несоблюдение требований, предписанных дорожной разметкой проезжей части дороги, автомобиля марки ВАЗ 21060 государственный регистрационный знак С 677 КК 31 регион под управлением Бабина Е. Н., 10.06.2005 г.р. в результате которого Бабину Е. Н. причинено огнестрельное осколочное слепое ранение грудного отдела позвоночника // Документ опубликован не был.

Пристатейный библиографический список

1. Давыдов М. В., Лубский Р. А. Проблемы применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции: нормативно-правовые и практические аспекты совершенствования законодательства // Философия права. – 2024. – № 2 (109). – С. 68-75.
2. Каплунов А. И. О правовой основе применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия для остановки транспортного средства // Правопорядок: история, теория и практика. – 2015. – № 1 (4). – С. 114-121.
3. Каплунов А. И. Применение сотрудниками полиции огнестрельного оружия: законодательство, теория и практика. – СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2018. – 260 с.
4. Каплунов А. И. О правомерности применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия для остановки транспортного средства // Административное право и процесс. – 2015. – № 4. – С. 36-41.
5. Каплунов А. И. Угроза жизни и здоровью граждан как основание применения государственного принуждения и обстоятельство, исключающее его противоправность при причинении вреда правонарушителю // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2024. – № 6. – С. 133-137.
6. Аврутин Ю. Е., Булавин С. П., Соловей Ю. П., Черников В. В. Комментарий федеральному закону «О полиции» (постатейный). – Москва: Проспект, 2012. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=17133#UYV5kbUItg2M7DGq (дата обращения: 01.02.2025).
7. Ляпин Д. О. Правомерное применение оружия при отправлении профессиональных функций как обстоятельство, исключающее преступность деяния: дис. … на соиск. ученой степ. канд. юрид. наук: 5.1.4. – М., 2024. – 240 с.
8. Макарова Е. Р., Николаев С. А. Методы, используемые при обучении владением табельным огнестрельным оружием // Актуальные проблемы обеспечения личной безопасности сотрудников правоохранительных органов при выполнении оперативно-служебных задач. Сборник материалов регионального круглого стола. – Орел: Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. В. Лукьянова, 2020. – С. 82-85.

ХОРОЛЬСКИЙ Владимир Витальевич
кандидат педагогических наук, доцент, старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки, Ростовский юридический институт МВД России

ДАВЛЕТОВ Вадим Илдарович
старший преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки, Уфимский юридический институт МВД России, подполковник полиции

САВЧУК Никита Александрович
заместитель начальника кафедры огневой подготовки и деятельности органов внутренних дел в особых условиях, Орловский юридический институт МВД России им. В. В. Лукьянова, полковник полиции

ПРАВОВАЯ И ТАКТИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ К ПРИМЕНЕНИЮ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ СЛУЖБЫ

В статье исследуются теоретические и правовые аспекты применения огнестрельного оружия сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации при выполнении служебных задач в особых условиях. На основе анализа нормативных правовых актов и научной литературы раскрывается содержание понятия «особые условия службы», предлагается авторская классификация таких условий применительно к огневому контакту. Обосновывается, что правовая и тактическая готовность сотрудника к применению оружия представляет собой интегративное качество, включающее нормативно-правовой, тактико-ситуационный, психофизиологический и технико-стрелковый компоненты.

Доказывается, что успешность действий сотрудника в особых условиях детерминируется не только уровнем владения оружием, но и способностью к правовой оценке ситуации, психологической устойчивости и тактическому мышлению. Предлагаются направления совершенствования профессиональной подготовки сотрудников ОВД к действиям с оружием в условиях повышенной опасности.

Ключевые слова: особые условия службы, огнестрельное оружие, сотрудник полиции, правовая готовность, тактическая подготовка, огневой контакт, профессиональная компетентность.

KHOROLSKY Vladimir Vitaljevich
Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, senior lecturer of Tactical and special training sub-faculty, St. Petersburg Law Institute of the MIA of Russia

DAVLETOV Vadim Ildarovich
senior lecturer of Fire and tactical special training sub-faculty, Ufa Law Institute of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

SAVCHUK Nikita Alexandrovich
Deputy Head of Fire training and activities of internal affairs bodies in special conditions sub-faculty, V. V. Lukyanov Oryol Law Institute of the MIA of Russia, colonel of police

LEGAL AND TACTICAL READINESS OF POLICE OFFICERS TO USE FIREARMS IN SPECIAL CONDITIONS OF SERVICE

The article examines the theoretical and legal aspects of the use of firearms by employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation when performing official tasks under special conditions. Based on the analysis of regulatory legal acts and scientific literature, the content of the concept of "special conditions of service" is revealed, and the author's classification of such conditions in relation to fire contact is proposed. It is proved that the employee's legal and tactical readiness to use weapons is an integrative quality that includes regulatory, tactical, situational, psychophysiological, and technical-shooting components.

It is proved that the success of an employee's actions in special conditions is determined not only by the level of weapon proficiency, but also by the ability to legally assess the situation, psychological stability and tactical thinking. The directions of improving the professional training of police officers to use weapons in conditions of increased danger are proposed.

Keywords: special conditions of service, firearms, police officer, legal readiness, tactical training, fire contact, professional competence.

Деятельность сотрудников органов внутренних дел по своей природе сопряжена с постоянным риском и необходимостью действовать в условиях, существенно отличающихся от повседневных. Как справедливо отмечают исследователи, «особые условия службы в органах внутренних дел - это ситуации, которые характеризуются повышенной опасностью и риском, требуют от сотрудников высокой квалификации и ответственности» [7]. В таких условиях применение огнестрельного оружия становится не только правом, но и обязанностью сотрудника, однако реализация этого права сопряжена с высокими рисками, как для самого сотрудника, так и для окружающих.

Термин «особые условия», применительно к деятельности органов внутренних дел, в последнее время всё прочнее входит в научный оборот, однако его легальное определение остаётся дискуссионным. Как отмечает И. В. Слышалов, «в российском законодательстве и научной литературе пока не сформировался единый понятийный аппарат в сфере обеспечения безопасности Российской Федерации». Нередко в качестве синонимов используются такие словосочетания, как

«чрезвычайная обстановка», «кризисная ситуация», «чрезвычайная ситуация», «чрезвычайное положение» [4].

Анализ научных подходов позволяет выделить два основных направления в понимании особых условий: содержательное и процедурное.

В рамках содержательного подхода особые условия рассматриваются как объективная характеристика условий деятельности. Так, А. Ф. Майдыков определяет их как «повышенную по степени опасности для жизни и здоровья людей, сохранности материальных и культурных ценностей обстановку, вызываемую явлениями природного, биологического, социального и техногенного характера и требующую от органов внутренних дел для её нормализации специальных организационных, правовых мер и ресурсного обеспечения» [4].

В рамках процедурного подхода акцент делается на правовом режиме деятельности. Согласно этой позиции, особые условия есть специальный ведомственный режим деятельности органов внутренних дел, вводимый при определённых обстоятельствах и предполагающий возможность установления особых условий службы и дополнительных ограничений в отношении сотрудников [6].

Наиболее развёрнутую классификацию особых условий предлагает М. А. Громов, который рассматривает их как «специфические условия функционирования органов и подразделений МВД России в чрезвычайной обстановке в период участия в ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, проведении контртеррористических операций, а также при введении и обеспечении режимов чрезвычайного и военного положения» [1].

Основания применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции закреплены в статье 23 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции». Важно отметить, что в особых условиях некоторые из этих оснований могут реализовываться в упрощённом порядке (например, сокращается время на предупредительный выстрел), что требует от сотрудника ещё более высокой квалификации и правовой осознанности.

Применительно к применению огнестрельного оружия структура готовности к действиям в особых условиях может быть представлена четырьмя взаимосвязанными компонентами.

Нормативно-правовой компонент предполагает знание сотрудником: оснований и порядка применения огнестрельного оружия, закреплённых в Федеральном законе «О полиции» (статьи 18, 19, 23); обстоятельств, исключающих применение оружия (статья 23, часть 3); порядка производства предупредительного выстрела; правил использования огнестрельного оружия в отношении различных категорий лиц (несовершеннолетние, беременные женщины и др.); своей ответственности за неправомерное применение оружия.

Особую значимость правовой готовности подчёркивает А. И. Дурнев, отмечая, что традиционно правовые основы изучаются в начале курса огневой подготовки, а затем акцент смещается на формирование практических навыков, что представляется недостаточно эффективным. Более продуктивным является «поэтапное обучение, включающее решение ситуационных задач, моделирующих типовые оперативно-служебные ситуации на всех этапах подготовки» [2].

Тактико-ситуационный компонент включает способность сотрудника: адекватно оценивать оперативно-служебную ситуацию в её динамике; прогнозировать развитие событий и возможные последствия своих действий; выбирать оптимальную тактику применения оружия с учётом конкретных особых условий; взаимодействовать с напарником и другими сотрудниками при огневом контакте.

Как подчёркивают А. А. Таганова, А. А. Попов и В. С. Турчин, «формирование компетенций будущих сотрудников органов внутренних дел предполагает переход от классической учебной модели к динамическому обучению, в котором курсантам предоставляется возможность действовать в условиях реальной профессиональной неопределённости» [5].

Психофизиологический компонент включает: эмоционально-волевую устойчивость в стрессовых ситуациях; способность к саморегуляции и самоконтролю; стрессоустойчивость применительно к факторам огневого контакта (звук выстрела, вид крови, поведение пострадавших); готовность к применению оружия как психологическая установка.

О. Л. Подлиняев, Е. А. Тамбовцев и Н. И. Труфанов, анализируя проблему, приходят к выводу, что «многие курсанты в учебно-тренировочных условиях, моделирующих приближенную к реальности экстремальную ситуацию, не способны проявить достаточный уровень самостоятельности в оперативном принятии правильного решения, не всегда понимают физическую и тактическую сущность своих действий» [3].

Технико-стрелковый компонент представляет собой: устойчивые навыки безопасного обращения с оружием (заряжание, разряжание, приведение в готовность); технику производства прицельного выстрела из различных положений; умение быстро устранять задержки при стрельбе; владение приёмами стрельбы в нестандартных условиях (ограниченная видимость, неудобное положение, смена магазина под давлением).

Тактическое многообразие, создаваемое особыми условиями, проявляется в необходимости действовать в различных и зачастую неблагоприятных условиях:

Ограниченная видимость - ночное время, осадки, туман, дымовое задымление. В таких условиях снижается эффективность прицеливания, возрастает риск поражения не по цели.

Ограниченное пространство - помещения, транспортные средства, лестничные клетки. Это требует особой осторожности из-за риска рикошета и поражения непричастных лиц.

Скопление граждан - массовые мероприятия, остановки общественного транспорта. Здесь требуется максимальная избирательность при принятии решения.

Динамично меняющаяся обстановка - преследование, задержание, отражение внезапного нападения. В таких ситуациях время на принятие решения минимально.

Сложные погодно-климатические условия - низкие температуры (влияющие на смазку оружия), сильный ветер (влияющий на траекторию пули), гололёд (влияющий на устойчивость стрелка).

Каждый из перечисленных типов ситуаций предъявляет особые требования к уровню сформированности всех четырёх компонентов готовности и требует отработки специфических алгоритмов действий.

Анализ материалов служебных проверок и судебной практики позволяет выделить типичные ошибки сотрудников при применении оружия в особых условиях.

Комплексный анализ позволяет предложить следующие направления совершенствования подготовки сотрудников к применению оружия в особых условиях:

1. Совершенствование нормативно-правовой базы.

2. Ситуационное моделирование в учебном процессе (разработка банка типовых оперативно-служебных ситуаций, охватывающих основные тактические сценарии; исполь-

зование модифицированных мишеней с графической иллюстрацией правовых норм; применение квест-технологий, позволяющих «моделировать ситуации оперативно-служебной деятельности, максимально приближая их к реальным условиям» и др.)

3. Психологическая подготовка и тренинг (регулярное проведение тренировок с элементами стрессового воздействия (холод, шум, ограничение времени); отработка навыков саморегуляции и снятия стрессового напряжения; формирование психологической готовности к применению оружия как осознанной профессиональной установки.

Проведённое теоретическое исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Особые условия службы в органах внутренних дел представляют собой специфическую оперативно-служебную обстановку, характеризующуюся повышенной степенью опасности, требующую от сотрудников мобилизации всех профессиональных качеств. Применительно к применению огнестрельного оружия особые условия выступают как фактор, многократно повышающий требования к правовой, тактической, психологической и технической готовности сотрудника.

Правовая и тактическая готовность сотрудника к применению оружия имеет интегративную структуру, включающую нормативно-правовой, тактико-ситуационный, психофизиологический и технико-стрелковый компоненты. Отсутствие или недостаточная сформированность любого из них снижает эффективность действий сотрудника в целом.

Пристатейный библиографический список

1. Громов М. А. «Особые условия» как универсальное понятие для деятельности органов и подразделений МВД России: их виды, характеризующие признаки, классификация // Труды Академии управления МВД России. - 2013. - № 4 (28). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/osobye-usloviya-kak-universalnoe-ponyatie-dlya-deyatelnosti-organov-i-podrazdeleniy-mvd-rossii-ih-vidy-harakterizuyuschie-priznaki (дата обращения: 20.05.2026).
2. Дурнев А. И. Эффективные методы обучения курсантов вузов МВД России правовым основам применения и использования огнестрельного оружия // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. - 2020. - № 1 (82). - С. 147-152. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnye-metody-obucheniya-kursantov-vuzov-mvd-rossii-pravovym-osnovam-primeneniya-i-ispolzovaniya-ognestrelnogo-oruzhiya (дата обращения: 20.05.2026).
3. Подлиняев О. Л., Тамбовцев Е. А., Труфанов Н. И. Использование квест-технологий в процессе преподавания тактических дисциплин в образовательных организациях МВД России // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. - 2018. - Т. 23. - С. 97-107. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-kvest-tehnologiy-v-protsesse-prepodavaniya-takticheskih-distsiplin-v-obrazovatelnyh-organizatsiyah-mvd-rossii (дата обращения: 20.05.2026).
4. Слышалов И. В. Особые условия в деятельности органов внутренних дел: подходы к пониманию // Право и политика. - 2019. - № 5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/osobye-usloviya-v-deyatelnosti-organov-vnutrennih-del-podhody-k-ponimaniyu (дата обращения: 20.05.2026)..
5. Таганова А. А., Попов А. А., Турчин В. С. Междисциплинарная методология ситуационного подхода в огневой подготовке обучающихся высших учебных заведений МВД России // Психопедагогика в правоохранительных органах. - 2024. - Т. 29. № 4 (95). - С. 378-385. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdistsiplinarnaya-metodologiya-situatsionnogo-podhoda-v-ognevoy-podgotovke-obuchayuschihsya-vysshih-uchebnyh-zavedeniy-mvd (дата обращения: 20.05.2026).
6. Хорольский В. В., Горлов В. В., Родителева Я. Н. Развитие готовности сотрудников полиции к действиям в особых условиях: теоретические и практические аспекты // Human Progress. - 2025. - № 5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-gotovnosti-sotrudnikov-politsii-k-deystviyam-v-osobyh-usloviyah-teoreticheskie-i-prakticheskie-aspekty (дата обращения: 20.05.2026).
7. Хорольский В. В., Шагиева Г. Р., Родителева Я. Н., Кортиков А. В., Барков Е. Н. Особые условия службы в органах внутренних дел: теоретический и правовой аспект // Human Progress. - 2025. - № 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/osobye-usloviya-sluzhby-v-organah-vnutrennih-del-teoreticheskiy-i-pravovoy-aspekt (дата обращения: 20.05.2026).

ХОРОЛЬСКИЙ Владимир Витальевич
кандидат педагогических наук, доцент, старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки, Ростовский юридический институт МВД России

СЕМЕНОВ Сергей Геннадиевич
кандидат сельскохозяйственных наук, доцент кафедры профессиональной подготовки, Уфимский юридический институт МВД России, капитан полиции

ЧЕРНОУСОВ Максим Викторович
старший преподаватель кафедры огневой подготовки, Ставропольский филиал, Краснодарский университет МВД России, подполковник полиции

ФОРМИРОВАНИЕ КОМПЛЕКСНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ БЕЗОПАСНОГО ПРИМЕНЕНИЯ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ СОТРУДНИКАМИ ОВД В УСЛОВИЯХ ТАКТИЧЕСКОГО МНОГООБРАЗИЯ ОПЕРАТИВНО-СЛУЖЕБНЫХ СИТУАЦИЙ

В статье рассматривается актуальная проблема формирования комплексной компетенции безопасного применения огнестрельного оружия сотрудниками органов внутренних дел в условиях тактического многообразия оперативно-служебных ситуаций. На основе анализа современных научных подходов, представленных в педагогической и юридической литературе, обосновывается необходимость интеграции трёх ключевых компонентов профессиональной готовности: правового (знание нормативных оснований применения оружия), тактического (способность оценки ситуации и выбора алгоритма действий) и психомоторного (технические навыки безопасного обращения с оружием). В статье выделяются и характеризуются педагогические условия, обеспечивающие эффективность формирования названной компетенции: унификация упражнений стрельб с правовыми требованиями Федерального закона «О полиции»; применение ситуационного моделирования и решение типовых оперативно-служебных задач на всех этапах обучения; целенаправленное развитие психологической устойчивости и стрессоустойчивости; использование современных тренажёрных технологий. Доказывается, что комплексная компетенция представляет собой системное качество, формируемое только при интеграции дисциплинарных знаний в единую практико-ориентированную модель подготовки, а её сформированность является необходимым условием правомерного и безопасного применения оружия в реальных условиях несения службы.

Ключевые слова: компетенции, профессиональная подготовка, огневая подготовка, безопасное применение оружия, тактическое многообразие, сотрудники ОВД.

KHOROLSKY Vladimir Vitaljevich
Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, senior lecturer of Tactical and special training sub-faculty, St. Petersburg Law Institute of the MIA of Russia

SEMENOV Sergey Gennadjevich
Ph.D. in agricultural sciences, associate professor of Professional training sub-faculty, Ufa Law Institute of the MIA of Russia, captain of police

CHERNOUSOV Maxim Viktorovich
senior lecturer of Fire training sub-faculty, Stavropol Branch, Krasnodar University of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

FORMATION OF COMPREHENSIVE COMPETENCE FOR THE SAFE USE OF FIREARMS BY POLICE OFFICERS IN THE CONTEXT OF A TACTICAL VARIETY OF OPERATIONAL AND SERVICE SITUATIONS

The article deals with the actual problem of forming a comprehensive competence for the safe use of firearms by law enforcement officers in a tactical variety of operational and service situations. Based on the analysis of modern scientific approaches presented in the pedagogical and legal literature, the necessity of integrating three key components of professional readiness is substantiated: legal (knowledge of the regulatory bases for the use of weapons), tactical (the ability to assess the situation and choose an algorithm of actions) and psychomotor (technical skills of safe handling of weapons). The article highlights and characterizes the pedagogical conditions that ensure the effectiveness of the formation of this competence: the unification of shooting exercises with the legal requirements of the Federal Law "On Police"; the use of situational modeling and solving typical operational and service tasks at all stages of training; the purposeful development of psychological stability and stress tolerance; the use of modern simulator technologies. It is proved that complex competence is a systemic quality that is formed only when integrating disciplinary knowledge into a single practice-oriented training model, and its formation is a necessary condition for the lawful and safe use of weapons in real conditions of service.

Keywords: competencies, professional training, fire training, safe use of weapons, tactical diversity, employees of the Department of Internal Affairs.

Практическая деятельность различных служб сотрудников органов внутренних дел неразрывно связана с работой с огнестрельным оружием. Это требует от каждого сотрудника максимальной степени ответственности за его сохранность, неукоснительного соблюдения положений статей Федерального закона «О полиции» в части, касающейся применения огнестрельного оружия, и ведомственных нормативных актов, регламентирующих хранение, учёт, выдачу и обеспечение сохранности вооружения и боеприпасов [6].

Выполняя свою основную задачу по охране прав и свобод граждан, сотрудники полиции могут оказаться в ситуации, требующей использования огнестрельного оружия. Однако, как справедливо отмечает А. К. Карданов, «не обладая достаточным количеством знаний и навыков, от его использования ситуация может только ухудшиться» [2]. Именно по-

этому в процессе профессиональной подготовки, наравне с другими дисциплинами, слушатели должны получить навыки владения оружием, его хранения и обслуживания.

Как показывают исследования, «наиболее часто огнестрельное оружие применяют сотрудники дорожно-патрульной службы (49 % случаев), патрульно-постовой службы (15 %), участковые уполномоченные полиции (15 %), а также сотрудники уголовного розыска (14 %)» [5]. Показательно, что «в каждом пятом случае стрельба велась сотрудниками со стажем работы не более 5 лет» [1]. При этом, по результатам изучения материалов служебных проверок, не выявлено ни одного задокументированного факта применения огнестрельного оружия ограниченного поражения, несмотря на то, что законодатель предусмотрел более широкий спектр оснований для его использования [5].

Анализ современных научных подходов к профессиональной подготовке сотрудников ОВД позволяет определить комплексную компетенцию безопасного применения огнестрельного оружия как интегративное качество личности, включающее три взаимосвязанных компонента.

Правовой компонент предполагает знание нормативных оснований применения огнестрельного оружия, закреплённых в Федеральном законе «О полиции» (статьи 18, 19, 23), а также в ведомственных нормативных актах.

Тактический компонент включает способность адекватно оценивать оперативно-служебную ситуацию, прогнозировать её развитие и выбирать оптимальный алгоритм действий. Как подчёркивают Т. А. Прекина, И. А. Мудрик и И. А. Казанцев, «особенно важную роль играет тактическая подготовленность» [4].

Психомоторный компонент представляет собой устойчивые навыки безопасного обращения с оружием, доведённые до автоматизма.

Выделим основные педагогические условия формирования комплексной компетенции у сотрудников ОВД.

Первым условием выступает унификация компонентов огневой подготовки, под которой понимается объединение упражнений стрельб с требованиями Федерального закона «О полиции» в целостное практическое задание. Как обосновывают В. Г. Лупырь, О. Ю. Филиппов и А. А. Попов, «рациональное сочетание компонентов огневой подготовки положительно повлияет на формирование у сотрудников необходимых умений и навыков безопасного обращения с оружием и боеприпасами, производства прицельного выстрела, правомерного применения оружия и боеприпасов» [3].

Второе условие – применение ситуационного моделирования в тренировочном процессе.

Третье условие – развитие психологической устойчивости. Анализ практики применения огнестрельного оружия показывает, что причинами неправомерного применения оружия выступает слабая психологическая готовность к самостоятельным действиям с огнестрельным оружием.

Четвёртое условие – использование современных технологий. Тренажёры позволяют моделировать различные реальные ситуации, с которыми придётся столкнуться будущим сотрудникам ОВД, не используя при этом дорогостоящие полигоны и специальные средства [4].

Анализ мест применения огнестрельного оружия показывает, что необходимо обучать сотрудников полиции действовать в различных условиях:

– в условиях ограниченной видимости (ночное время, осадки, задымление);

– в условиях ограниченного пространства (помещения, транспорт);

– в условиях скопления граждан (требуется особая осторожность);

– в условиях динамично меняющейся обстановки (преследование, задержание).

Каждый из перечисленных типов ситуаций предъявляет особые требования к уровню сформированности комплексной компетенции и требует отработки специфических алгоритмов действий.

На основе проведённого анализа могут быть сформулированы следующие рекомендации:

1) осуществлять изучение правовых основ применения оружия не изолированно, а в контексте решения конкретных ситуационных задач, на протяжении всего курса огневой подготовки;

2) разработать банк типовых оперативно-служебных ситуаций, охватывающих основные тактические сценарии применения оружия, с правовой квалификацией каждой ситуации;

3) использовать модифицированные мишени с графической иллюстрацией правовых норм применения оружия, что позволяет одновременно оценивать и технику стрельбы, и правомерность действий [3].

4) регулярно проводить комплексные тактико-огневые тренировки, моделирующие стрессовые условия: ограничение времени на принятие решения, наличие отвлекающих факторов, необходимость различения опасных и безопасных целей.

Проведённое теоретическое исследование позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, комплексная компетенция безопасного применения огнестрельного оружия является системным качеством, формируемым на стыке правового, тактического и психомоторного компонентов профессиональной готовности. Во-вторых, ключевыми педагогическими условиями её формирования выступают: унификация упражнений стрельб с правовыми требованиями; применение ситуационного моделирования; развитие психологической устойчивости; использование современных технологий.

Перспективы дальнейших исследований связаны с эмпирической верификацией предложенных педагогических условий, разработкой критериально-диагностического аппарата для оценки уровня сформированности комплексной компетенции.

Пристатейный библиографический список

1. Дурнев А. И. Эффективные методы обучения курсантов вузов МВД России правовым основам применения и использования огнестрельного оружия // Ученые записки ОГУ. Серия: гуманитарные и социальные науки. – 2022. – № 3 (96). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnye-metody-obucheniya-kursantov-vuzov-mvd-rossii-pravovym-osnovam-primeneniya-i-ispolzovaniya-ognestrelnogo-oruzhiya (дата обращения: 20.05.2026).
2. Карданов А. К. Актуальные вопросы организации тренировочного процесса в практической стрельбе с сотрудниками ОВД РФ // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – № 76-4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-organizatsii-trenirovochnogo-protsessa-v-prakticheskoy-strelbe-s-sotrudnikami-ovd-rf (дата обращения: 20.05.2026).
3. Лупырь В. Г., Филиппов О. Ю., Попов А. А. Унификация компонентов огневой подготовки «упражнения стрельб» и «применение огнестрельного оружия» // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2024. – Т. 29. № 3 (98). – С. 337-343. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/unifikatsiya-komponentov-ognevoy-podgotovki-uprazhneniya-strelb-i-primenenie-ognestrelnogo-oruzhiya (дата обращения: 20.05.2026).
4. Прекина Т. А., Мудрик И. А., Казанцев И. А. Огневая подготовка сотрудников ОВД: проблемы и пути их решения // Эпоха науки. – 2020. – № 23. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/ognevaya-podgotovka-sotrudnikov-ovd-problemy-i-puti-ihresheniya (дата обращения: 20.05.2026).
5. Пырчев С. В., Афанасьев В. С. К вопросу применения огнестрельного оружия ограниченного поражения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации // Академическая мысль. – 2020. – № 4 (13). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-primeneniya-ognestrelnogo-oruzhiya-ogranichennogo-porazheniya-sotrudnikami-organov-vnutrennih-del-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 20.05.2026).
6. Рыжков Л. Ф. Особенности подготовки сотрудников ОВД к несению службы с табельным оружием // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2015. – № 2 (33). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-podgotovki-sotrudnikov-ovd-k-neseniyu-sluzhby-s-tabelnym-oruzhiem (дата обращения: 20.04.2026).

ГРИЩЕНКО Леонид Леонидович
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры управления органами внутренних дел в особых условиях, Академия управления МВД России

ОПАЛЕВА Алла Анатольевна
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Академия управления МВД России

ГИБРИДНАЯ ПРОКСИ-ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА ПРОТИВ РОССИИ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ, ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

В статье анализируется современная геополитическая ситуация, в рамках которой против России развязана гибридная прокси-террористическая война. Обосновывается вывод о том, что классический терроризм трансформировался в государственный, а идеологические лозунги выступают лишь ширмой для достижения экономических целей агрессора: захвата территорий, разграбления ресурсов и превращения населения в дешевую рабочую силу. Особое внимание уделяется методу «войны чужими руками», который США и их союзники в Европе последовательно применяют на протяжении истории. В заключительной части формулируются предложения по совершенствованию правового и организационного обеспечения противодействия угрозам гибридной прокси-террористической войны против Российской Федерации.

Ключевые слова: гибридная война, прокси-война, государственный терроризм, экономические детерминанты, национальная безопасность.

GRISHCHENKO Leonid Leonidovich
Ph.D. in Law, professor, professor of Management of internal affairs bodies in special conditions sub-faculty, Academy of Management of the MIA of Russia

OPALEVA Alla Anatoljevna
Ph.D. in Law, professor, professor of State and legal disciplines sub-faculty, Academy of Management of the MIA of Russia

HYBRID PROXY TERRORIST WAR AGAINST RUSSIA: ECONOMIC DETERMINANTS, TECHNOLOGICAL MEANS AND LEGAL ASPECTS OF COUNTERACTION

The article analyzes the current geopolitical situation, in which a hybrid proxy-terrorist war has been unleashed against Russia. It concludes that classical terrorism has transformed into state terrorism, and ideological slogans serve as a facade for achieving the aggressor's economic goals, such as capturing territories, plundering resources, and exploiting the population as cheap labor. The article focuses on the "proxy war" method, which has been consistently employed by the United States and its allies in Europe throughout history. The final part contains proposals for improving the legal and organizational support for countering the threats of a hybrid proxy-terrorist war against the Russian Federation.

Keywords: hybrid war, proxy war, state terrorism, economic determinants, national security.

Современное мировое сообщество переживает один из сложнейших этапов своего развития. Как справедливо отмечает Президент Российской Федерации В. В. Путин, для западных стран происходящее сегодня — это улучшение геополитического положения, тогда как для России — борьба за существование самой государственности[1]. В этих условиях против нашей страны развязана гибридная прокси-террористическая война, которая ведется с использованием всего спектра средств: политических, экономических, информационных, идеологических, демографических, террористических, военных. При этом, не решаясь на открытую военную агрессию против России, англосаксы, как и ранее в истории, стараются вести противоборство в военной области, с использованием наемных сил.

Одним из ключевых выводов, который подтверждается историческим анализом, является первичность экономических оснований в развязывании войн. В любой войне агрессор решает три главные задачи: расширение территории своего влияния, разграбление побежденных и превращение побежденного населения в дешевую, а лучше бесплатную, рабочую силу [3]. Именно эти задачи являлись основными во всех предыдущих войнах, в истории цивилизации. Аналогичные задачи решаются сегодня США и их сателлитами в Европе, на Ближнем Востоке, в Африке и Латинской Америке. Идеологические разногласия, будь то религиозные противоречия, противопоставление демократии авторитаризму или борьба с тоталитарными режимами, выступают лишь ширмой, за которой скрывается алчная сущность современного капиталистического общества, стремящегося получить сверхприбыль на крови и горе жителей планеты.

Возвращаясь к событиям первой четверти XXI столетия следует отметить, что начатая в 2022 году специальная военная операция явилась вынужденной мерой, не применив которую Россия все равно бы вынужденная была вступить в военное противоборство с коллективным западом. Готовя войну с Россией США и англосаксы, как и ранее в Первой и Второй мировой войне, активно готовили «чужие руки». В 2008 г. на роль «чужих рук» претендовала Грузия во главе с М. Саакашвили. Потерпев сокрушительное поражение, Грузия была выведена в резерв, а на смену ей в 2014 г. была приведена Украина. С конца восьмидесятых годов прошлого века она последовательно готовилась в качестве основного субъекта по оказанию влияния на Россию.

Однако имелась и вторая, менее афишируемая цель — ослабление окрепшего к концу XX столетия Европейского союза, который, используя дешевое российское сырье и миграционную рабочую силу, начал теснить транснациональные структуры США на мировом рынке.

1 Посещение Улан-Удэнского авиационного завода 14 марта 2025 года. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70674 (дата обращения: 14.02.2026).

Упредив агрессора, и начав специальную военную операцию, Россией молниеносно была переведена из демократического лагеря в военного монстра, угрожающего всей Европе. А далее можно наблюдать, как запад реализует концепцию гибридной прокси-террористической войны.

В этом контексте более тридцати пяти тысяч экономических санкций, введенных против России, представляют собой не что иное, как экономический терроризм [2]. Их цель состоит в попытках ограничить доступ к технологиям и финансам, а также обрушить экономические основы, создать хаос в промышленности, вызвать остановку предприятий, безработицу и всеобщий дефицит. Таким способом агрессор пытается спровоцировать недовольство и организовать смену власти.

Современная гибридная война невозможна без использования передовых технологических средств управления. Как показывает анализ развития систем управления, человечество в новом тысячелетии начало переход от управления по ситуации к ситуационному управлению, под которым следует понимать деятельность органов, при которой решения и управляющие воздействия субъекта основываются на анализе вариантов принятия решения с учетом текущего состояния объекта управления, располагаемых вариантов действий и прогноза последствий принимаемых управленческих воздействий.

Средства связи за последние годы прошли путь от управления голосом, посыльными и сигналами до высокоскоростных мобильных устройств, способных передавать значительные объемы информации в реальном масштабе времени практически по всей планете. Автоматизированные системы управления представляют собой сложный и многообразный комплекс, включающий технические средства, программное обеспечение, ресурсы и регламенты. С их использованием реализуются задачи по управлению объектами и процессами, осуществляется навигация в информационном пространстве. В середине XX века появились электронно-вычислительные машины, которые быстро вошли в практику и сегодня все больше функций управления и контроля делегируется от человека к оборудованию, включая технологии искусственного интеллекта.

Навигационные спутниковые системы предназначены для определения местоположения наземных, водных, воздушных объектов с использованием искусственных спутников Земли [4]. Сегодня в мировом пространстве находятся в рабочем состоянии четыре глобальные навигационные спутниковые системы: российская «ГЛОНАСС», американская GPS, китайская «Бэйдоу» и европейская «Галилео». Российская навигационная система играет существенную роль при позиционировании объектов управления в процессе проведения специальной военной операции, в то время как противник активно использует свои спутниковые комплексы для ведения разведки, наведения оружия на цели и управления вооруженными формированиями Украины.

Системы видеонаблюдения с использованием подсистем контроля стали «глазами и ушами» управленца, отнесенными на значительное расстояние от пункта управления. Они позволяют визуализировать происходящие изменения, корректировать и координировать действия своих сил и средств, своевременно осуществлять управленческое воздействие. Одной из реализованных программ в этой области является аппаратно-программный комплекс «Безопасный город».

Цифровые двойники представляют собой наиболее мощный инструмент, позволяющий многократно воспроизводить на основе виртуальной реальности спроектированные действия сил и средств без нанесения ущерба макету объекта и без опасности для инфраструктуры и населения. Цифровой двойник может быть определен как непрерывно развивающийся, дополняемый и корректируемый цифровой профиль, включающий модель самого объекта с детализацией всех его составляющих, исторические сведения о нем и актуальные данные о современном состоянии. Полученная информация может быть применена в процессе планирования мер по защите объектов и территории, охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности.

Применительно к гибридной прокси-террористической войне эти технологические средства используются агрессором для координации действий прокси-сил на значительном удалении, для информационно-психологического воздействия на население, для сбора разведывательных данных и для управления беспилотными летательными аппаратами, которые стали одной из новых опасностей не только в районе боевых действий, но и на значительном расстоянии от линии соприкосновения в процессе специальной военной операции.

Исторический анализ свидетельствует, что метод «чужих рук» является излюбленным инструментом англосаксонской геополитики на протяжении истории [6]. США уже в Первой мировой войне продемонстрировали свою стратегию: долгое время оставаясь вне конфликта, они продавали оружие, боеприпасы, материальные средства всем воюющим сторонам. Только в конце 1917 года, когда исход войны был предрешен, США присоединились к Англии и Франции, войдя в состав государств-победителей. Однако по итогам Версальского мирного договора США практически ничего не получили от репараций. Основные средства достались Великобритании и Франции, что не устраивало Вашингтон и подтолкнуло его к подготовке мирового кризиса — Великой депрессии и формированию предпосылок для Второй мировой войны. До настоящего времени нет полной информации о финансировании национал-социалистической партии Германии (возглавляемой А. Гитлером), которая в 1932 г. проиграла выборы в Рейхстаг, а уже в начале 1933 г. получила полную власть в государстве. Полагаем, что за спиной А. Гитлера стояли достаточно солидные финансовые группы, которые, в конечном итоге, получили существенные выгода от Второй мировой войны. И здесь необходимо обратить внимание на время вступления США в сухопутное сражение на Европейском театре военных действий, когда исход войны был уже предрешен успешными героическими действиями Красной Армии.

Становиться понятным новый проект США на Украине, которая еще с конца восьмидесятых годов прошлого века была выбрана в качестве основного субъекта по оказанию влияния на Россию. Процесс активизировался после майдана 2014 года. Сегодня мы наблюдаем неприкрытую сущность террористической деятельности США и их союзников в отношении России. Украина выполняет функцию террориста-смертника, а США и НАТО обеспечивают ее разведывательными данными, оружием, деньгами и управлением. Воздействие идет на широком фронте с использованием обширного террористического инструментария, удары наносятся по политическим, экономическим, информационным [1], идеологическим, демографическим и социальным направлениям.

С приходом к власти в США Дональда Трампа Запад начал разыгрывать сценарий, неоднократно использованный в прошлом: долгое просматривание ситуации, экономическая помощь всем участникам конфликта и лишь на завершающем этапе – активные действия по умиротворению. Сегодня США берут на себя роль «миротворца», показывая всему миру свою непричастность к киевскому режиму. Однако де-факто продолжают обеспечивать Вооруженные силы Украины всем необходимым, но уже через европейские страны – так называемую «коалицию желающих», в которой ведущее место отведено Великобритании, Франции и Германии. Таким образом, США как будто не участвуют в дальнейшей эскалации конфликта на Украине, но «чужими руками» про-

должают поддерживать напряженность в Европе. Более того, сегодня в Европе формируется ситуация постоянного военного конфликта, в который могут быть втянуты основные государства Европы и Россия, при этом США, как и в предыдущих мировых войнах, предполагают остаться вне войны.

Существующая правовая база Российской Федерации в сфере противодействия терроризму базируется на Федеральном законе от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», который определяет терроризм как «идеологию насилия и практику воздействия на принятие решения органами государственной власти, связанные с устрашением населения». Однако практика гибридной прокси-террористической войны выявляет ряд пробелов в правовом регулировании, требующих своего устранения.

Прежде всего, действующее законодательство ориентировано на борьбу с террористическими организациями и отдельными террористами, но не предусматривает механизмов противодействия государству-спонсору терроризма, которое планирует, готовит, реализует и сопровождает террористическую деятельность силовыми структурами другого государства с использованием политического, экономического, идеологического, информационного и военного потенциала. Это требует законодательного закрепления понятия «государственный терроризм» и установления правовых последствий для государств, осуществляющих такую деятельность в отношении Российской Федерации.

Кроме того, такие формы гибридного воздействия, как экономические санкции, информационная война, идеологические диверсии, демографический и культурный геноцид, в действующем законодательстве не квалифицируются как формы терроризма, хотя по своему воздействию на безопасность государства они сопоставимы. Создание из России «страшного монстра» в западных средствах массовой информации, наполнение информационного пространства России низкопробной, а в ряде случаев и откровенно развратной информацией, внедряющей в детские и юношеские головы идеалы насилия без духовности и нравственности, насаждение в обществе чуждых идеалов и традиций – все это является ничем иным, как информационным, идеологическим и демографическим терроризмом. Расширение перечня форм террористической деятельности с включением в него указанных видов представляется одной из первоочередных задач законодателя.

Наконец, требует совершенствования и организационно-техническое обеспечение противодействия гибридной агрессии. Академия управления МВД России уже провела работу по внедрению в практику отдельных элементов ситуационного управления, что сегодня реализуется с применением комплекса ситуационных центров и центров оперативного управления органов внутренних дел. Целесообразно развивать это направление, внедряя технологии цифровых двойников для отработки сценариев противодействия гибридным угрозам, прогнозирования развития ситуаций и моделирования действий сил и средств в различных условиях обстановки.

Проведенное исследование позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, гибридная прокси-террористическая война против России имеет экономическую природу, а идеологические, религиозные и ценностные лозунги выступают лишь ширмой для достижения традиционных целей агрессора: захвата территорий, разграбления ресурсов и превращения населения в дешевую рабочую силу.

Во-вторых, технологической основой управления такой войной выступают средства связи, автоматизированные системы управления, навигационные спутниковые системы, системы видеонаблюдения и цифровые двойники, которые активно используются противником для координации прокси-сил, информационно-психологического воздействия и управления беспилотными летательными аппаратами.

В-третьих, метод войны «чужими руками» является последовательно реализуемой стратегией англосаксов на протяжении всей истории, и в современном контексте Украина выполняет функцию террориста-смертника, а США, имитируя миротворчество, продолжают эскалацию через европейских сателлитов.

В-четвертых, действующее правовое регулирование не в полной мере отвечает гибридным прокси-террористическим вызовам, что требует законодательного закрепления понятия «государственный терроризм», расширения перечня террористических форм и создания, постоянно действующих координационных органов по противодействию угрозам.

Современная история еще раз преподала урок, из которого необходимо усвоить главную аксиому: сильная, могущественная, процветающая Россия никому в мире не нужна, кроме нас самих. Два союзника – армия и флот являются гарантом внешней независимости и суверенитета Российской Федерации. Однако в войне, которая ведется сегодня, ведущую роль будут играть не пушки, танки, самолеты и ракеты, а идеологический и морально-этический стержень населения России. На первый план выходят государственные институты правоохранительной направленности, и значительную роль в противодействии угрозам гибридной прокси-террористической агрессии должны играть органы внутренних дел Российской Федерации. Мирное сосуществование возможно только в том случае, когда внутри государства будет сделана «прививка» против национализма, ксенофобии, коррупции, безразличия и пренебрежения к национальным интересам России [5].

Пристатейный библиографический список

1. Бабаш А. В., Баранова Е. К., Ларин Д. А. Информационная безопасность. История защиты информации в России: учебное пособие. - М., 2015. - 236 с.
2. Грищенко Л. Л. Государственный терроризм – объективная реальность 21 века // Труды Академии управления МВД России. - 2024. - № 3. - С. 28-35.
3. Грищенко Л. Л. Первичность коммерческой выгоды над идеологией в войнах и вооруженных конфликтах // Российское право онлайн. - 2024. - № 3. - С. 53-56.
4. Куприянов А. О. Глобальные навигационные спутниковые системы: учебное пособие. - М., 2017. - 76 с.
5. Княжев В. Б., Егоров Е. А. Стрессоустойчивость Российского общества при нарастании современных угроз общественной безопасности. - М.: Труды Академии управления МВД России. - 2025. - № 1 (78). - С. 36-43.
6. Стариков Н. Война чужими руками. - М.: Эксмо, 2017. - 352 с.

DOI 10.46320/2073-4506-2026-4-215-475-478

БОЙЦОВ Анатолий Сергеевич
кандидат юридических наук, директор департамента техносферной безопасности аграрно-технологического института, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

МАТВЕЕВА Юлия Геннадьевна
директор департамента правового обеспечения нормативной и образовательной деятельности, трудовых отношений, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ И ЭТИКА ПЕДАГОГА: ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ

В статье комплексно исследованы острые проблемы конфликтов интересов и коррупции в образовательной среде. Детально рассмотрена специфика коррупционных рисков в сфере образования, подчеркивая особую роль педагогов как примера морального и профессионального поведения для подрастающего поколения. Полностью обоснована настоятельная необходимость разработки и последовательного внедрения стандартов и процедур, способствующих обеспечению добросовестной работы образовательных организаций. Анализируются требования, предъявляемые к работникам университетов, включая прямые запреты на получение любых вознаграждений и четкое установление ответственности руководителей за недопущение любых коррупционно опасных действий.

Ключевые слова: коррупция, педагогический работник, конфликт интересов, этика служебного поведения, репетиторство, образовательная организация.

BOYTSOV Anatoliy Sergeevich
Ph.D. in Law, Director of the Technosphere Safety Department, Peoples' Friendship University of Russia

MATVEEVA Yuliya Gennadjevna
Director of the Department of Legal Support for Regulatory and Educational Activities and Labor Relations, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

CONFLICT OF INTEREST AND ETHICS OF TEACHERS: COMBATING CORRUPTION IN EDUCATION

The article investigates the problems of conflicts of interest and corruption in the educational environment. It examines the specifics of corruption risks in education, emphasizing the special role of teachers as examples of moral and professional behavior for younger generations. The necessity of developing and implementing standards and procedures that promote fair work practices in educational organizations is justified. Requirements imposed on university employees are analyzed, including bans on receiving rewards and establishing responsibility for leaders to prevent corrupt actions.

Keywords: corruption, pedagogical worker, conflict of interests, ethics of official conduct, tutoring, educational organization.

Вопрос противодействия коррупции чрезвычайно актуален для правоотношений в сфере образования, поскольку педагогический работник как реализует образовательную программу, так и подает пример морали и нравственности.

«Специфика коррупционера в сфере образования заключается в том, что он формирует модель поведения среди молодежи (в том числе среди школьников, студентов, молодых ученых и т.д.), которая в дальнейшем будет восприниматься как естественная либо единственно приемлемая. Изучение материалов уголовных дел показало, что, среди осужденных за коррупционные преступления должностных лиц доля работников образования составила 17 %» [1].

За период с 2019 по 2024 год в реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия за совершение коррупционного правонарушения, внесены сведения о 4215 чел., из них 16 человек – работники в сфере образования[1].

В Российской Федерации в целях противодействия коррупции действует значительное количество нормативных правовых актов и стратегических программных документов[2]. В свою очередь, в образовательных организациях правовое регулирование противодействия коррупции имеет свои особенности, связанные со спецификой правоотношений в образовательной сфере. Субъектами правоотношений в рассматриваемой сфере выступают как педагогические работники и обучающиеся и их законные представители, так и должностные лица образовательных организаций, подведомственных федеральным и муниципальным органам исполнительной власти, а также значительное число других субъектов правоотношений, возникающих в области науки и образования. Таким образом, коррупционные риски могут возникать во множестве юридических конструкций, что затрудняет моделирование правовых механизмов профилактики коррупционных правонарушений[3] в образовательной организации как объекте управления.

1 Портал «Госслужба» за период с 22.04.2019 по 07.03.2024 гг. Госслужба (gossluzhba.gov.ru) (дата обращения: 04.05.2024).

2 Например: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», Указ Президента РФ от 16.08.2021 г. № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021 – 2024 годы», Указ Президента Российской Федерации от 01.07.2019 № 821 «О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов», методические рекомендации по разработке и принятию организациями мер по предупреждению и противодействию коррупции (утв. Министерством труда и социальной защиты РФ 8 ноября 2013 г.) и т.д. (дата обращения: 14.06.2024).

3 Коррупционные правонарушения это противоправные, виновные деяния (действие или бездействие) должностных лиц, выражающиеся в нарушении норм антикоррупционного законодательства с использованием своего служебного положения и влекущие соответствующую ответственность. Электронный ресурс:

В соответствии с Федеральным законом «О противодействии коррупции»[4] организации обязаны принимать меры по противодействию коррупции, среди которых могут быть: разработка и внедрение в практику стандартов и процедур, направленных на обеспечение добросовестной работы организации, принятие кодекса этики и служебного поведения работников организации. Указанные локальные нормативные акты организации закрепляют основные понятия, а также меры направленные на противодействие коррупции в организации.

Одной из мер по предупреждению коррупции в организациях является принятие кодекса этики и служебного поведения работников организации.

Для образовательных организаций ориентировочным документом при подготовке кодекса этики может являться Примерное положение о нормах профессиональной этики педагогических работников[5], которое было издано взамен ранее действовавшего Модельного кодекса профессиональной этики педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность[6]. В кодексах этики педагогического работника образовательных организаций могут устанавливаться основные обязанности в сфере противодействия коррупции профессорско-преподавательского состава и руководителей.

Например, в Кодексе этики и служебного поведения Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы установлены требования к поведению педагогического работника и его руководителя. Работникам университета запрещается получать в связи с исполнением ими должностных обязанностей вознаграждения от физических и юридических лиц (подарки, денежное вознаграждение, ссуды, услуги материального характера, плату за развлечения, отдых, за пользование транспортом и иные вознаграждения). Работники университета, относящиеся к категории руководителей университета, в свою очередь обязаны:

- принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов;

- принимать меры по предупреждению коррупции;

- принимать меры к тому, чтобы подчиненные ему работники не допускали коррупционно опасного поведения, а своим личным поведением должны подавать пример честности, беспристрастности и справедливости»[7].

Правила поведения, содержащиеся в таком документе как кодекс этики, по своей юридической природе являются нормами морали (этическими нормами), но закрепление обязанности соблюдать эти правила в соглашении между работником и работодателем (трудовой договор) трансформирует их в правовые нормы, то есть основание для привлечения к юридической ответственности.

Кодекс этики и служебного поведения работников университета может являться приложением к правилам внутреннего трудового распорядка, который в свою очередь может также являться приложением к коллективному договору, с которым работник знакомится под роспись при приеме на работу и обязуется соблюдать в соответствии с трудовым договором и трудовым законодательством Российской Федерации. Таким образом, закрепленные в кодексе этики правила поведения могут являться трудовой обязанностью работника.

Одной из организационно-правовых мер противодействия коррупции в образовательной организации является создание коллегиальных органов – комиссий по противодействию коррупции[8], которые должны комплектоваться специалистами, способными координировать антикоррупционную деятельность в организации.

Юридическая ответственность педагогического работника за коррупционные правонарушения, по нашему мнению, необходимо рассматривать посредством анализа не только правовых норм, но и понятийного аппарата, закрепленного в нормативных правовых актах, особенно в «рамочных». Если определение понятия «коррупция»[9] в законе достаточно конкретизировано и в принципе не требует детализации для образовательной сферы, то понятие «конфликта интересов»[10] требует уточнения. Это связано, по нашему мнению, с особенностями образовательных правоотношений и как рассматривалось ранее, разнообразием субъектов возможных коррупционных правонарушений.

«Федеральным законом «О противодействии коррупции» и Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации»[11] не установлена прямая обязанность организа-

Виды коррупционных правонарушений // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.05.2024).

4 Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 19.12.2023) «О противодействии коррупции» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.05.2024).

5 <Письмо> Минпросвещения России, Профсоюза работников народного образования и науки РФ от 20.08.2019 № ИП-941/06/484 «О примерном положении, о нормах профессиональной этики педагогических работников» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.05.2024).

6 <Письмо> Минобрнауки России от 06.02.2014 № 09-148 «О направлении материалов» (вместе с «Рекомендациями по организации мероприятий, направленных на разработку, принятие и применение Кодекса профессиональной этики педагогическим сообществом») // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.06.2024).

7 Официальный сайт РУДН. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rudn.ru/sveden/files/Pravila_vnutrennego_trudovogo_rasporyadka_RUDN.pdf (дата обращения: 14.06.2024).

8 Комиссия по противодействию коррупции РУДН / Официальный сайт РУДН. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rudn.ru/userfiles/files/protivodeystvie-korrupcii/Polozhenie-o-Komissii-po-protivodeystviyu-korruptsii-federalnogo-gosudarstvennogo-avtonomnogo-obrazovatelnogo-uchrezhdeniya-visshego-obrazovaniya-RUDN.pdf (дата обращения: 15.06.2024).

9 Коррупция: а) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами; б) совершение деяний, указанных в подпункте «а» настоящего пункта, от имени или в интересах юридического лица. пп. «а» п. 1 ст. 1, Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 19.12.2023) «О противодействии коррупции» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.05.2024).

10 Под конфликтом интересов в настоящем Федеральном законе понимается ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий). ч. 1 ст. 10, Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 19.12.2023) «О противодействии коррупции» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.05.2024).

11 Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.06.2024).

ций, осуществляющих образовательную деятельность, регулировать на локальном уровне вопросы, связанные с конфликтом интересов (за исключением подготовки локального нормативного акта, регламентирующего деятельность комиссий по урегулированию споров между участниками образовательных отношений). Вместе с тем, практика образовательных организаций (в том числе и высшего образования) по принятию специального локального нормативного акта, направленного на регламентацию порядка выявления и урегулирования конфликтов интересов в ходе выполнения работниками организации, осуществляющей образовательную деятельность, своих трудовых обязанностей, существует» [2].

Из содержания понятия «конфликт интересов» можно предположить, что обязанность предотвращать потенциальный конфликт интересов распространяется исключительно на работников образовательных организаций, включенных в перечень, установленный федеральными государственными органами[12]. Но Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» закрепляет понятие конфликта интересов педагогического работника, как ситуацию, при которой у педагогического работника при осуществлении им профессиональной деятельности возникает личная заинтересованность в получении материальной выгоды или иного преимущества и которая влияет или может повлиять на надлежащее исполнение педагогическим работником профессиональных обязанностей вследствие противоречия между его личной заинтересованностью и интересами обучающегося, родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся. То есть, педагогический работник является субъектом «конфликта интересов», независимо от занимаемой должности.

Учитывая, что образовательные организации в своей деятельности обязаны руководствоваться Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации», в целях содержательного наполнения локальной нормативной базы образовательной организации в сфере противодействия коррупции необходимо обращаться к указанному федеральному закону.

Вместе с тем, в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» вопросам этики педагогического работника отведено незначительное место (слово этика упоминается всего четыре раза), а понятия этические нормы и профессиональная этика педагогического работника в законе вообще не раскрываются. При этом на педагогического работника возлагается обязанность по соблюдению нравственных и этических норм, а также требований профессиональной этики при осуществлении педагогической деятельности[13].

Однако, исходя из буквального трактования Федерального закона «О противодействии коррупции» кодекс этики наряду с закреплением в нем этических норм поведения педагогического работника должен содержать также нормы служебного поведения[14].

Определение понятия «служебное поведение» Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» не содержит. Понятие служебное поведение раскрывается в статье 18 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации», в которой, в частности указано, что гражданский служащий обязан не совершать действия, связанные с влиянием каких-либо личных, имущественных (финансовых) и иных интересов, препятствующих добросовестному исполнению должностных обязанностей[15].

Аналогичный запрет на осуществление педагогическим работником действий, связанных с влиянием какой-либо личной заинтересованности в получении материальной выгоды при осуществлении профессиональной деятельности, содержится в понятии конфликта интересов педагогического работника, указанном в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации»[16].

Мы согласимся с мнением авторов научной статьи «Локальное регулирование вопросов предотвращения и урегулирования конфликта интересов в образовательных организациях приобретения, какой либо выгоды», что сущность конфликта интересов педагогического работника заключатся в приобретении какой-либо материальной или нематериальной выгоды, получение которой, требует невыполнения или ненадлежащего выполнения его профессиональных обязанностей [3].

Учитывая изложенное, анализируя понятие конфликта интересов педагогического работника, можно выделить его следующие составляющие:

1) конфликт интересов педагогического работника возникает при осуществлении им профессиональной деятельности;

2) возникает вследствие столкновения интересов между педагогическим работником и интересами обучающихся или родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся;

3) наличие личной заинтересованности;

4) присутствует прямая зависимость конфликта интересов и получения педагогическим работником материальной выгоды или иного преимущества.

При этом под ситуацией, при которой может возникнуть конфликт интересов педагогического работника Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» определен только случай оказания педагогическим работником платных образовательных услуг (репетиторство),

12 Приказ Минобрнауки России от 17.01.2022 № 31 (ред. от 01.06.2022) «Об утверждении Перечня должностей в организациях, созданных для выполнения задач, поставленных перед Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, при назначении на которые граждане и при замещении которых работники обязаны представлять сведения о своих доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.06.2024).

13 П. 2 ч. 1 ст. 48, Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 22.06.2024) «Об образовании в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.06.2024).

14 Пункт 4 ч. 2 ст. 13.3, Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 19.12.2023) «О противодействии коррупции» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.06.2024).

15 Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 14.02.2024) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.06.2024).

16 Конфликт интересов педагогического работника - ситуация, при которой у педагогического работника при осуществлении им профессиональной деятельности возникает личная заинтересованность в получении материальной выгоды или иного преимущества и которая влияет или может повлиять на надлежащее исполнение педагогическим работником профессиональных обязанностей вследствие противоречия между его личной заинтересованностью и интересами обучающегося, родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся. (п. 33 ст. 2, Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 22.06.2024) «Об образовании в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.06.2024).

в том числе в качестве индивидуального предпринимателя, обучающимся образовательной организации, в которой осуществляет профессиональную деятельность педагогический работник. «Важное методологическое значение в понимании репетиторства имеет выделение двух основных видов репетиторства: публичного, осуществляемого в рамках деятельности педагогического работника в образовательной организации, и частного, осуществляемого педагогическим работником самостоятельно. Самостоятельное оказание педагогическим работником возмездных репетиторских услуг является предпринимательской деятельностью» [4].

Составить перечень всех возможных ситуаций, при которых у педагогического работника может возникать конфликт интересов достаточно проблематично. Образовательные организации предлагают достаточно широкий перечень типовых ситуаций конфликта интересов, например, ФГБО ВО «Удмуртский государственный университет», ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет».

По нашему мнению, целесообразно выделить наиболее типичные для всех образовательных организаций ситуации конфликта интересов:

1) участие в принятии решения о приеме на работу в образовательную организацию аффилированных лиц, либо аффилированного с работником лица, находящегося в подчинении работника или в какой-либо зависимости от него;

2) непотизм (вид фаворитизма), заключающийся в предоставлении привилегий родственникам или друзьям независимо от их профессиональных качеств при найме на работу, при зачислении на обучение, при должностном повышении;

3) содействие в финансировании научно-исследовательской и образовательной деятельности структурному подразделению, в котором работник является руководителем или в котором работает его родственник или аффилированное с ним лицо;

4) оценка результатов работ, выполненных аффилированным с педагогическим работником лицом либо самим педагогическим работником, в случае его участия в проекте;

5) оценка результатов обучения родственников педагогического работника;

6) участие педагогического работника в закупочной деятельности, при условии наличия в числе контрагентов, аффилированных с ним лиц и т.д.

Как ранее указывалось, одним из механизмов закрепления обязанности педагогического работника, соблюдения норм законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции является ознакомление с локальными нормативными актами под роспись при заключении трудового договора. Однако и здесь в отношении педагогических работников возникают определенные сложности. Немаловажным фактором является практика образовательных организаций в части профессорско-преподавательского состава, продление, а не заключение нового, трудового договора по результатам избрания по конкурсу. Учитывая, что в ситуации, когда работник, знакомится с указанными локальными нормативными актами единожды (при приеме на работу), представляется целесообразным проведение регулярного информирования и обучения педагогических работников по вопросам противодействия коррупции, а также проведение, как при трудоустройстве, так и на протяжении трудовой деятельности специального тестирования с моделированием ситуаций сконструированных (смоделированных), к примеру, из примерных типовых ситуаций конфликта интересов педагогического работника. Также немаловажным является создание в образовательной организации специального структурного подразделения, обеспечивающего работу по соблюдению законодательства в сфере противодействия коррупции, с выполнением функций по разработке и актуализации локальных нормативных актов, в том числе закрепляющих типовые ситуации возникновения конфликта интересов, и в целях взаимодействия с субъектами образовательных отношений по вопросам соблюдения работниками и обучающимися норм законодательства в сфере противодействия коррупции.

По нашему мнению, для того, чтобы организационно-правовые механизмы противодействия коррупции в образовательной сфере реально работали, необходимо совершенствование законодательства Российской Федерации, поскольку законодательство об образовании очень ограниченно раскрывает это направление деятельности. Также, необходимо конкретизировать статус педагогического работника, поскольку, в результате исследования, мы приходим к выводу, что законодатель и правоприменители относят преподавателей к должностным лицам, обязанным предотвращать потенциальный конфликт интересов. Соответственно, правовые акты и рекомендации направленные на противодействие коррупции в целом и урегулирование конфликта интересов в частности в сфере правового регулирования прохождения государственной службы необходимо считать рамочными и применимыми в отношении работников образовательных организаций учредителями, которых являются государственные или муниципальные органы власти.

Пристатейный библиографический список

1. Кузнецова О. А. Субъект коррупционных преступлений: уголовно-правовая характеристика и ментальные особенности личности: специальность 5.1.4. «Уголовно-правовые науки»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Кузнецова Ольга Алексеевна. - Москва, 2024.
2. Насырова Д. С. Выявление и урегулирование конфликта интересов в образовательной организации // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. - 2019. - № 86.
3. Плюгина И. В., Гаунова Ж. А. Локальное регулирование вопросов предотвращения и урегулирования конфликта интересов в образовательных организациях // Журнал российского права. - 2019. - № 11. - С. 171-181. - DOI: 10.12737/jrl.2019.11.13.
4. Дамм И. А. Коррупционное репетиторство и его предупреждение // NB: Административное право и практика администрирования. - 2018.

ЖАБКИН Антон Сергеевич
кандидат юридических наук, доцент кафедры тактико-специальной подготовки, Ростовский юридический институт МВД России, капитан полиции

ХАЛИЛУЛЛИН Фаиль Фаргатович
кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры физической подготовки, Казанский юридический институт МВД России

ГУСАК Владимир Владимирович
кандидат юридических наук, преподаватель кафедры профессиональной подготовки, Уфимский юридический институт МВД России, подполковник полиции

ФОРМИРОВАНИЕ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ У ОБУЧАЮЩИХСЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ВУЗА

Статья посвящена проблеме формирования стрессоустойчивости у обучающихся юридических вузов (курсантов и слушателей) как ключевой составляющей их профессиональной подготовки. На основе анализа современных научных исследований, рассматриваются психологические особенности студентов-правоведов, факторы риска развития эмоционального выгорания, а также педагогические условия и методы повышения стрессоустойчивости в образовательном процессе. Особое внимание уделяется интеграции психологических тренингов, развитию жизнестойкости и созданию благоприятного морально-психологического климата. Авторами анализируется правовой аспект проблемы: рассматриваются нормативно-правовые основы психологического обеспечения образовательного процесса в ведомственных вузах, требования профессиональных стандартов к стрессоустойчивости юристов, а также правовые последствия недостаточной психологической подготовки специалистов (профессиональные ошибки, дисциплинарные проступки, нарушения служебной этики). Предлагается комплексная модель формирования стрессоустойчивости, включающая когнитивный, деятельностный и рефлексивный компоненты. Цель статьи - теоретическое обоснование педагогических условий и практических методов формирования стрессоустойчивости у обучающихся юридических вузов в рамках образовательного процесса.

Ключевые слова: стрессоустойчивость, юридическое образование,, правовое регулирование, курсанты, слушатели, психологическая подготовка, образовательный процесс, профессиональная компетентность.

ZHABKIN Anton Sergeevich
Ph.D. in Law, associate professor of Tactical and special training sub-faculty, Rostov Law Institute of the MIA of Russia, captain of police

KHALILULLIN Fanil Fargatovich
Ph.D. in psychological sciences, associate professor, associate professor of Physical training sub-faculty, Kazan Law Institute of the MIA of Russia

GUSAK Vladimir Vladimirovich
Ph.D. in Law, lecturer of Professional training sub-faculty, Ufa Law Institute of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

FORMATION OF STRESS TOLERANCE AMONG STUDENTS IN THE EDUCATIONAL PROCESS OF A LAW SCHOOL

The article is devoted to the problem of stress tolerance formation among law students (cadets and trainees) as a key component of their professional training. Based on the analysis of modern scientific research, the psychological characteristics of law students, risk factors for the development of emotional burnout, as well as pedagogical conditions and methods of increasing stress tolerance in the educational process are considered. Special attention is paid to the integration of psychological training, the development of resilience and the creation of a favorable moral and psychological climate. The authors analyze the legal aspect of the problem: they consider the regulatory framework for the psychological support of the educational process in departmental universities, the requirements of professional standards for the stress tolerance of lawyers, as well as the legal consequences of insufficient psychological training of specialists (professional errors, disciplinary offenses, violations of official ethics). A comprehensive model of stress tolerance formation is proposed, including cognitive, activity and reflexive components. The purpose of the article is the theoretical substantiation of pedagogical conditions and practical methods of stress tolerance formation among law students in the framework of the educational process.

Keywords: stress tolerance, legal education, legal regulation, cadets, trainees, psychological training, educational process, professional competence.

Система подготовки кадров в сфере юриспруденции на современном этапе подвергается воздействию ранее не встречавшихся вызовов, главными из которых выступают цифровая трансформация учебного процесса, ужесточение академических критериев и рост психоэмоционального напряжения у студентов. Наиболее подвержены стрессу учащиеся начальных курсов, а также курсанты и слушатели, чей процесс профессионального становления требует выработки решений с высокой степенью ответственности в ситуациях жесткого временного лимита и значительной цены возможной ошибки.

Согласно наблюдениям специалистов, смена школьной парадигмы обучения на университетскую влечет за собой целый ряд обстоятельств, провоцирующих стресс: от необходимости овладения непривычными формами учебной работы и налаживания межличностных контактов в новом коллективе до привыкания к возросшему объему академических задач и умения самостоятельно выстраивать режим учебы и отдыха [1]. Применительно к юридическому вузу указанная проблема приобретает дополнительную остроту ввиду особенностей предстоящей профессии, где непосредственным объектом профессиональной активности становятся люди, их жизненные обстоятельства и личные судьбы. Это обстоятельство, в свою очередь, предъявляет особые требования к эмоциональной устойчивости и волевым качествам будущего специалиста [4].

Недостаточный уровень стрессоустойчивости у юриста может иметь не только психологические, но и прямые правовые последствия. В соответствии с Федеральным законом от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», сотрудник обязан соблюдать служебную дисциплину, профессионально выполнять служебные обязанности и проявлять психологическую устойчивость при несении службы (ст. 12). Нарушение данных требований (например, грубость в отношении граждан, принятие необоснованного процессуального решения, применение физической силы сверх необходимой), квалифицируется как дисциплинарный проступок и влечет ответственность вплоть до увольнения.

Стрессоустойчивость представляет собой интегративное свойство личности, обеспечивающее способность успешно противостоять воздействию стресс-факторов без снижения продуктивности деятельности и сохранения психофизиологического здоровья. В контексте профессиональной подготовки юристов данное качество приобретает особую значимость.

Согласно исследованию И. В. Власюк и соавторов, формирование готовности к выполнению профессиональной деятельности у обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» связано с комплексом личностных качеств, среди которых ключевыми являются эмоциональная стабильность, настойчивость, решительность, способность принимать решения и брать на себя ответственность . Авторами выявлена значимая положительная корреляция между уровнем включенности в профессиональную деятельность и такими личностными факторами, как эмоциональная стабильность (фактор C), сознательность (фактор G), смелость (фактор H), высокий самоконтроль (фактор Q3) и низкая тревожность (фактор Q4) [3].

Е. П. Васечко и Т. А. Кононова определяют стрессоустойчивость как совокупность качеств, позволяющих специалисту спокойно переносить действие стрессоров без вредных всплесков эмоций, влияющих на деятельность и на окружающих. Исследователи подчеркивают, что данное качество не является врожденным и требует целенаправленного формирования [2].

Юридическое образование имеет ряд особенностей, выступающих потенциальными стресс-факторами.

Н. А. Мерзлова и С. Л. Нечаева отмечают, что специфика юридической профессии предполагает принятие ответственных решений, которые могут оказать существенное влияние на судьбы людей. Начинающие специалисты сталкиваются с высокой степенью ответственности, длительными рабочими днями, высокой конкурентностью и необходимостью взаимодействия с клиентами, находящимися в состоянии стресса или конфликта [6]. Эти факторы актуализируют необходимость формирования стрессоустойчивости уже на этапе вузовской подготовки.

Одним из наиболее эффективных методов формирования стрессоустойчивости является интеграция психологических тренингов непосредственно в структуру учебного процесса. Особую ценность представляет подход, реализованный в Новосибирском военном институте войск национальной гвардии РФ, где тренинговые программы по формированию стрессоустойчивости строятся по спиралевидной модели: при каждой попытке изменить свое поведение курсант проходит через одни и те же стадии, но на новом уровне осмысления результатов, что способствует накоплению рефлексивного опыта и повышению уровня профессионального самосознания [1].

В научной литературе довольно часто формирование стрессоустойчивости сочетается с формированием жизнестойкости. Жизнестойкость (hardiness) рассматривается как более широкое понятие, включающее установки вовлеченности, контроля и принятия риска. Н.О. Леоненко и соавторы разработали и обосновали модель развития жизнестойкости курсантов, интегрированную в образовательный процесс. Модель включает два основных модуля: первый направлен на осмысление экзистенциальных данных бытия и ценностно-смысловое самоопределение; второй охватывает психологическое (самопознание и самопроектирование), социальное (коммуникативные навыки) и психофизическое (копинг и саморегуляция) измерения [5].

Интериоризация знаний и умений до уровня компетентности обеспечивается опорой на когнитивный, деятельностный и рефлексивный механизмы. Такой подход позволяет формировать у курсантов не только навыки стресс-совладания, но и глубинную готовность к эффективным действиям в экстремальных условиях.

Большое влияние на формирование стрессоустойчивости оказывает морально-психологический климат в образовательном коллективе. Т.А. Ладыкина в своих исследованиях акцентирует внимание на морально-психологическом климате как существенном факторе адаптации студентов-юристов к образовательной среде вуза. К условиям, формирующим благоприятный климат, относятся: санитарно-гигиенические условия обучения, техническая оснащенность аудиторий, правильный режим труда и отдыха студентов, устойчивая мотивация учащихся, работа педагогического коллектива и администрации вуза [4]. Применение интерактивных методов обучения правовым дисциплинам, активная внеаудиторная работа и институт кураторства также вносят значительный вклад в формирование психологической безопасности образовательной среды.

Особого внимания заслуживает проблема эмоционального выгорания, к которому особенно склонны начинающие юристы. Прокуроры и адвокаты подвергаются выгоранию спустя около двух лет после начала работы. В этой связи профилактика выгорания должна начинаться уже в период обучения.

Ключевыми стратегиями профилактики выступают: развитие профессиональных навыков (особенно в сфере коммуникации и разрешения конфликтов), поддержание здорового образа жизни и использование психологических техник саморегуляции. Важно формировать у обучающихся реалистичные представления о будущей профессиональной деятельности, предотвращая тем самым разочарование, возникающее при столкновении с рутиной и бюрократией.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие рекомендации по формированию стрессоустойчивости у курсантов и слушателей юридических вузов. Формирование стрессоустойчивости должно быть не эпизодическим, а системным процессом, пронизывающим все этапы обучения. Процесс обучения целесообразно строить по спиралевидной модели, где каждый виток обеспечивает новый уровень осмысления и рефлексии приобретаемого опыта. Создание благоприятного морально-психологического климата в учебных группах и вузе в целом является необходимым условием успешного формирования стрессоустойчивости.

Пристатейный библиографический список

1. Большакова М. И. Разработка комплексных мер по снижению тревожности и повышению стрессоустойчивости студентов первого курса через интеграцию психологических тренингов в образовательный процесс // Управление образованием: теория и практика. 2025. № 2-2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/razrabotka-kompleksnyh-mer-po-snizheniyu-trevozhnosti-i-povysheniyu-stressoustoychivosti-studentov-pervogo-kursa-cherez (дата обращения: 21.04.2026).
2. Васечко Е. П., Кононова Т. А. Теоретический и методологический подход к формированию стрессоустойчивости курсантов военных институтов войск национальной гвардии Российской Федерации // Дифференциальная психология и психофизиология сегодня: способности, образование, профессионализм. 2021. № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskiy-i-metodologicheskiy-podhod-k-formirovaniyu-stressoustoychivosti-kursantov-voennyh-institutov-voysk-natsionalnoy (дата обращения: 21.04.2026).
3. Власюк И. В., Тришина Н. Д., Кабельков С. Н., Подольская М. Н. Индивидуально-психологические особенности студентов, обучающихся по направлению подготовки «юриспруденция», как фактор готовности к выполнению профессиональной деятельности // Гуманизация образования. 2020. № 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/individualno-psihologicheskie-osobennosti-studentov-obuchayuschihsya-po-napravleniyu-podgotovki-yurisprudentsiya-kak-faktor (дата обращения: 21.04.2026).
4. Ладыкина Т. А. Морально-психологический климат как фактор социальной адаптации студентов-юристов к образовательной среде вуза // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 4-3 (91). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/moralno-psihologicheskiy-klimat-kak-faktor-sotsialnoy-adaptatsii-studentov-yuristov-k-obrazovatelnoy-srede-vuza (дата обращения: 21.04.2026).
5. Леоненко Н. О., Осташева Е. И., Иванова Т. В., Давиденко А. С. Модель развития жизнестойкости курсантов в образовательном процессе вуза МЧС России // СПЖ. 2021. № 80. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/model-razvitiya-zhiznestoykosti-kursantov-v-obrazovatelnom-protsesse-vuza-mchs-rossii (дата обращения: 21.04.2026).
6. Мерзлова Н. А., Нечаева С. Л. Синдром выгорания у начинающих адвокатов: причины, проявление и стратегии преодоления // Вестник науки. 2025. № 5 (86). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/sindrom-vygoraniya-u-nachinayuschih-advokatov-prichiny-proyavlenie-i-strategii-preodoleniya (дата обращения: 21.04.2026).

ЧЕТВЕРИКОВА Александра Ивановна
старший преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел, Воронежский институт МВД России, подполковник полиции,

МАТВЕЕВА Раушания Радиковна
старший преподаватель кафедры профессиональной подготовки, Уфимский юридический институт МВД России, подполковник полиции

СОЛОМКО Владимир Александрович
преподаватель кафедры административного права, Ростовский юридический институт МВД России

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ПРЕПОДАВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА В ЮРИДИЧЕСКИХ ВУЗАХ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Статья, посвящена актуальным проблемам и перспективным направлениям совершенствования методики преподавания административного права в юридических вузах и образовательных организациях системы МВД России. Актуальность исследования обусловлена тремя ключевыми факторами: во-первых, административное право является одной из наиболее объёмных и динамично развивающихся отраслей российского права, что создаёт серьёзные вызовы для преподавателей, стремящихся поддерживать актуальность учебного материала; во-вторых, внедрение федеральных государственных образовательных стандартов на основе компетентностного подхода актуализировало необходимость применения образовательных технологий, направленных на формирование у обучающихся не просто теоретических знаний, а практических умений и навыков; в-третьих, современный рынок труда предъявляет повышенные требования к выпускникам, ожидая от них готовности к решению профессиональных задач в условиях быстро меняющегося законодательства.

Авторами анализируется компетентностный подход как методологическая основа преподавания административного права. Особое внимание уделяется практико-ориентированным формам обучения, в числе которых деловая игра как метод имитации принятия управленческих решений и кейс-стади.

Авторы выявляют ряд проблем, снижающих эффективность преподавания административного права. В качестве перспективных направлений совершенствования преподавания предлагаются: системное внедрение интерактивных методов, развитие междисциплинарных связей административного права с конституционным, муниципальным, финансовым и экологическим правом; привлечение к преподаванию практикующих сотрудников органов исполнительной власти, судей и прокуроров; переход от традиционной оценки теоретических знаний к оценке сформированности компетенций с использованием таких форм контроля, как портфолио, защита проектов и моделирование профессиональных ситуаций.

Ключевые слова: административное право, компетентностный подход, интерактивные технологии, практико-ориентированное обучение, деловая игра, кейс-стади, юридическое образование.

CHETVERIKOVA Alexandra Ivanovna
senior lecturer of Administrative activities of the internal affairs bodies sub-faculty, Voronezh Institute of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

MATVEEVA Raushaniya Radikovna
senior lecturer of Professional training sub-faculty, Ufa Law Institute of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

SOLOMKO Vladimir Alexandrovich
lecturer of Administrative law sub-faculty, Rostov Law Institute of the MIA of Russia

MODERN METHODS OF TEACHING ADMINISTRATIVE LAW IN LAW SCHOOLS: PROBLEMS AND PROSPECTS

The article is devoted to topical issues and promising areas for improving the teaching methods of administrative law in law schools and educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The relevance of the research is determined by three key factors: firstly, administrative law is one of the most extensive and dynamically developing branches of Russian law, which creates serious challenges for teachers seeking to maintain the relevance of educational material; secondly, the introduction of federal state educational standards based on a competence-based approach has actualized the need to apply educational technologies aimed at developing students' practical skills rather than theoretical knowledge; thirdly, the modern labor market places increased demands on graduates, expecting them to be ready to solve professional tasks in the context of rapidly changing legislation.

The authors analyze the competence-based approach as a methodological basis for teaching administrative law. Special attention is paid to practice-oriented forms of learning, including business play as a method of simulating managerial decision-making and case studies.

The authors identify a number of problems that reduce the effectiveness of teaching administrative law. The following promising areas of teaching improvement are proposed: the systematic introduction of interactive methods, the development of interdisciplinary links between administrative law and constitutional, municipal, financial and environmental law; the involvement of practicing employees of executive authorities, judges and prosecutors in teaching; the transition from the traditional assessment of theoretical knowledge to the assessment of competence formation using such forms of control as portfolio, project protection and modeling of professional situations.

Keywords: administrative law, competence approach, interactive technologies, practice-oriented learning, business game, case study, legal education.

Учебная дисциплина «Административное право» занимает особое место в системе российского юридического образования. Как справедливо отмечают О. В. Кирьянова и Е. М. Якимова, «современное российское административное право имеет крепкую основу в виде советского административного права, однако оно значительно трансформировалось под влиянием зарубежной научной доктрины, вызовов, стоящих перед российским государством и обществом» [3, с. 3]. Эта трансформация объективно требует пересмотра подходов к преподаванию дисциплины, поиска новых методов и форм, адекватных современным реалиям.

Актуальность темы обусловлена несколькими факторами. Во-первых, административное право является одной из самых объемных и динамично развивающихся отраслей, что создает серьезные вызовы для преподавателей, стремящихся обеспечить актуальность учебного материала. Во-вторых, внедрение федеральных государственных образовательных стандартов на основе компетентностного подхода актуализировало значимость применения образовательных технологий, направленных на формирование у студентов, курсантов и слушателей не просто теоретических знаний, а практических умений и навыков. В-третьих, современный рынок труда предъявляет повышенные требования к выпускникам юридических вузов, ожидая от них готовности к решению профессиональных задач в условиях быстро меняющегося законодательства.

Современная парадигма высшего юридического образования базируется на компетентностном подходе, закрепленном в федеральных государственных образовательных стандартах. Как отмечает О. В. Богданова, «в федеральных государственных образовательных стандартах для определения степени профессиональной подготовленности будущих специалистов формируются общекультурные и общепрофессиональные компетенции, предполагающие формирование у студентов способности использования основ правовых знаний в различных сферах деятельности, а также владение навыками поиска, анализа и использования нормативных и правовых документов в своей профессиональной деятельности» [1, с. 50].

Применительно к административному праву компетентностный подход означает, что обучающийся должен не просто знать нормы административного законодательства, но и уметь: квалифицировать административные правонарушения; составлять процессуальные документы; анализировать правоприменительную практику; разрабатывать проекты нормативных правовых актов; представлять интересы граждан в отношениях с органами исполнительной власти.

Многие исследователи подчеркивают, что традиционная производственная практика в организациях и учреждениях не обеспечивает в полной мере развитие профессиональных умений и навыков обучающихся: они становятся пассивными наблюдателями за деятельностью профессионалов или привлекаются к выполнению технических поручений. Именно поэтому акцент в преподавании должен смещаться с простой передачи знаний на активное формирование компетенций через практико-ориентированные формы обучения.

В методике преподавания административного права традиционно выделяют три группы методов: пассивные, активные и интерактивные [5].

Пассивные методы (лекция, объяснение, рассказ) предполагают одностороннюю коммуникацию, где преподаватель является основным источником информации, а студенты — пассивными получателями знаний. Несмотря на критику, лекции сохраняют свое значение для изложения сложных, системообразующих тем, особенно на начальных этапах изучения дисциплины.

Активные методы стимулируют познавательную деятельность студентов, предполагают их вовлеченность в учебный процесс. К ним относятся проблемные лекции, дискуссии, анализ конкретных ситуаций.

Интерактивные методы представляют собой наиболее современный и эффективный подход, при котором обучение построено на взаимодействии всех участников образовательного процесса.

Исследователи подчеркивают, что «преподаватель в своей образовательной деятельности должен использовать различные методы, включая предусмотренные современными федеральными государственными образовательными стандартами, предполагающего использование в учебном процессе нетрадиционных активных и интерактивных методов, инновационных технологий» [3, с. 278].

Анализ передового педагогического опыта позволяет выделить несколько наиболее эффективных практико-ориентированных форм обучения административному праву, таких как деловая игра и кейс-стади.

Эффективность кейс-метода при преподавании административного права обусловлена тем, что он позволяет:

– моделировать правоприменительные ситуации;

– развивать навыки юридической квалификации;

– формировать умение работать с нормативным материалом;

– учить аргументировать и отстаивать свою позицию [4].

Можно сказать, что кейс-стади – это комплексный инструмент обучения действием, независимо от того, является ли кейс практическим, обучающим или научно-исследовательским [2].

Преподавание административного права требует от преподавателя не только глубоких теоретических знаний, но и понимания реальных правоприменительных процессов. Существенной проблемой является сокращение аудиторных часов при сохранении объема учебного материала. Кроме того, существует потребность в качественных учебно-методических комплексах, включающих практикумы, задачники, сборники кейсов.

На основе проведенного анализа можно выделить следующие перспективные направления развития методики преподавания административного права.

Требуется переход от эпизодического использования интерактивных методов к их системному внедрению в учебный процесс. Как отмечает О. В. Богданова, «в рамках конкретных тем курса предполагается выполнение ряда заданий, нацеленных на формирование компетенций, заданных федеральными образовательными стандартами» [1]. В качестве примера приводятся такие задания, как составление проекта закона субъекта РФ об административной ответственности, проведение экспертизы законов, составление письменного обращения гражданина, разработка сценария проведения публичного мероприятия.

Эффективное преподавание административного права невозможно без учета его связей с конституционным, муниципальным, финансовым, экологическим правом. Необходимо разрабатывать интегрированные учебные модули и междисциплинарные проекты.

Целесообразно развивать практику привлечения к преподаванию действующих сотрудников органов исполнительной власти, судей, прокуроров. Это может реализовываться через гостевые лекции, мастер-классы, совместное руководство курсовыми и дипломными работами.

Требуется переход от традиционной оценки теоретических знаний к оценке сформированности компетенций. Эффективными формами контроля могут выступать портфолио студента, защита проектов, моделирование профессиональных ситуаций.

Пристатейный библиографический список

1. Богданова О. В. Компетентностный подход к изучению правовых дисциплин // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 10 (64). Ч. 2. – С. 50-53. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/kompetentnostnyy-podhod-k-izucheniyu-pravovyh-distsiplin (дата обращения: 22.03.2026).
2. Геец Н. Ф. Кейс-стади как технологический метод обучения // Концепт. – 2017. – № S3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/keys-stadi-kak-tehnologicheskiy-metod-obucheniya (дата обращения: 22.03.2026).
3. Кирьянова О. В., Якимова Е. М. Традиции и новации преподавания и проведения научных исследований по дисциплинам административно-правового цикла в Байкальском государственном университете // Известия Байкальского государственного университета. – 2023. – Т. 33. № 4. – С. 275-283. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/traditsii-i-novatsii-prepodavaniya-i-provedeniya-nauchnyh-issledovaniy-po-distsiplinam-administrativno-pravovogo-tsikla-v (дата обращения: 22.03.2026).
4. Куприянова Е., Андриенко А. Современные образовательные технологии в классическом образовании юристов // Сургутский государственный университет. – 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bku.surgu.ru/ru/news/students/2022/7/3626-sovremennye-obrazovatelnye-tehnologii-v-klassicheskom-obrazovanii-yuristov (дата обращения: 22.03.2026).
5. Павлов А. В. Выбор методов обучения на разных этапах образовательного процесса // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2015. – № 3 (62). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/vybor-metodov-obucheniya-na-raznyh-etapah-obrazovatelnogo-protsessa (дата обращения: 22.03.2026).

DOI 10.46320/2073-4506-2026-4-215-483-486

СОЛОВЬЕВА Анжелика Владимировна
кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии образования и организационной психологии, Донской государственный технический университет, г. Ростова-на-Дону

ПИЛИПЕНКО Наталья Анатольевна
кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и иностранных языков, Ростовский филиал, Российский государственный университет правосудия, г. Ростов-на-Дону

Пилипенко Н. А.

Соловьева А. В.

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ В ИССЛЕДОВАНИИ ДИНАМИКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ БУДУЩИХ ЮРИСТОВ

Данная статья посвящена описанию потенциала использования метода контент-анализа в изучении профессионального самосознания студентов юридических специальностей, которое играет большую роль в процессе профессионализации на этапе обучения в вузе. В статье представлена модель контент-анализа самосознания, апробированная в ходе эмпирических изысканий. Согласно нашим исследованиям, еще на старте карьеры юристы сталкиваются с серьезными препятствиями, которые обусловлены не только дефицитом практического опыта, но и слабой психологической готовностью к преодолению коммуникативных, эмоциональных и когнитивных барьеров. Актуальность задачи целенаправленного формирования профессионального самосознания у будущих юристов обусловлена острой потребностью в их оперативной адаптации к стремительно меняющимся реалиям современного мира и специфике практической работы.

Ключевые слова: профессиональное самосознание, категории контент-анализа.

SOLOVYOVA Angelika Vladimirovna
Ph.D. in Pedagogical Sciences, associate professor of Educational psychology and organizational psychology sub-faculty, Don State Technical University, Rostov-on-Don

PILIPENKO Natalya Anatoljevna
Ph.D. in philological sciences, associate professor of Linguistics and foreign languages sub-faculty, Rostov Branch, Russian State University of Justice, Rostov-on-Don

CONTENT ANALYSIS IN THE STUDY OF THE DYNAMICS OF PROFESSIONAL SELF-AWARENESS AMONG FUTURE LAWYERS

This article describes the potential of using the content analysis method in studying the professional self-awareness of law students, which plays an important role in the process of professionalization during university studies. The article presents a model of content analysis of self-awareness that has been tested in empirical research. According to our studies, lawyers face significant challenges at the beginning of their careers, which are caused not only by a lack of practical experience, but also by a weak psychological readiness to overcome communication, emotional, and cognitive barriers. The relevance of the task of purposefully developing professional self-awareness among future lawyers is due to the urgent need for their prompt adaptation to the rapidly changing realities of the modern world and the specifics of practical work.

Keywords: professional self-awareness, content analysis categories.

Согласно мнению многих ученых, самосознание выступает главным двигателем человеческой мотивации, стимулируя нужные поступки или предотвращая нежелательные, что подтверждает его регулятивную функцию. В.В. Столин полагает, что данный механизм контроля может опираться как на образ идеального «Я», так и на разрыв между настоящим состоянием и ожидаемым будущим «Я» [3, 13, 17, 18].

Кроме того, самосознание выполняет функцию самовыражения, позволяя индивиду демонстрировать свои глубинные ценности и определять свою принадлежность к определенному типу личности, а также стимулирует личностное развитие [1, 10].

Согласно Н. С. Пряжникову итогом развития профессионального самосознания и процессом, оказывающим влияние на будущее развитие человека, выступает профессиональное самоопределение, основной задачей которого выступает поиск человеком личностной значимости и предназначения в рамках выбранной или только осваиваемой профессии [12]. Развитие профессионального самосознания способствует формированию устойчивой профессиональной идентичности, которая, в свою очередь, облегчает процесс профессионального самоопределения и позволяет человеку успешно реализовывать свои карьерные планы, формируя целостное представление человека о себе в профессиональном мире [16].

Юристы, выступая в роли представителей своего профессионального цеха, выступают «носителями» специфического юридического мышления и образуют социально-профессиональную общность, для которой характерны уникальные особенности социализации и формирования профессиональной идентичности.

М. А. Смирнов предложил теоретическую модель профессионального самосознания юриста, включающую следу-

ющие ключевые компоненты: 1) мотивационный; 2) когнитивный; 3) аффективно-волевой; 4) коммуникативный [14].

Исследование профессионального самосознания опирается на данные, собранные от участников с применением как стандартизированных, так и нестандартизированных инструментов. Классические анкетные методики гарантируют унифицированную обработку результатов, однако они сужают свободу самовыражения респондента, принуждая его адаптировать свои мысли к заранее определенной исследовательской рамке.

С нашей точки зрения, наиболее перспективными методами сбора информации при исследовании самосознания являются нестандартизированные подходы. Метод сочинений позволяет в сжатые сроки получить широкий спектр данных о внутреннем мире личности и считается весьма ценным для выявления особенностей самосознания. Метод определений дает возможность получить различные «проекции» индивидуальных представлений о сути того или иного понятия. Это помогает выявить скрытые установки респондента по отношению к объекту или явлению, стоящему за понятием, а также его отношение к самому себе.

Метод свободного самоописания признается адекватным инструментом для исследования самосознания личности. Общеизвестно, что самосознание имплицитно присутствует в любом развернутом авторепрезентативном тексте.

Использование нестандартизированных методов дает возможность ученому выявлять субъективно значимые категории в процессе самоидентификации личности. Это объясняется тем, что структура самоописания, формируется на основе уровня осознанности, личной значимости, последовательности и логической связности [3].

Контент-аналитический подход позволяет раскрыть нюансы содержания и структурные особенности самосознания, опираясь на данные свободных самоописаний и соответствуя теоретической модели, принятой исследователем. Отсутствие предписанной, универсальной схемы анализа текстов значительно расширяет область применения контент-анализа, позволяя достигать разнообразных исследовательских целей в рамках различных психологических направлений.

Разработанная нами концептуальная схема контент-анализа была создана при исследовании характеристик профессионального самосознания студентов в корреляции с этапами их профессионального становления [15]. Профессиональное самосознание в нашем понимании представляет собой совокупность представлений личности о себе, активизированных в контексте профессиональной деятельности.

Профессиональное самосознание будущих юристов мы рассматривали с азлиных сторон:

Когнитивный компонент – описывает внутреннюю структуру знаний индивида относительно себя как активного участника профессиональной сферы.

Ценностно-смысловой компонент – позволяет выявить профессиональную ориентацию индивида, раскрывая его мотивационные драйверы, стратегические задачи и механизмы самоконтроля; охватывает иерархию личностно-ценностных установок, мировоззренческих парадигм, релевантных для выбранной сферы деятельности.

Эмоционально-оценочный компонент – охватывающий эмоциональную сферу личности в контексте ее профессиональной идентичности; проявляется в самооценке собственных профессиональных достоинств и успехов, а также в отношении к выбранной сфере деятельности и выполняемым задачам; включает в себя переживание собственной значимости как специалиста, эмоциональные реакции на события, затрагивающие профессиональную честь и самолюбие, а также формирование уважения к коллегам и развитие морально-этических установок, связанных с образом «Я» в профессиональном мире.

Творческий компонент – проявляющийся в умении творчески переосмысливать свою работу и самого себя; находить нешаблонные решения для профессиональных задач обеспечивает гибкость, позволяя адаптироваться к переменам.

Функциональный компонент – активные, развивающиеся механизмы, которые позволяют индивиду осознать себя как самостоятельного деятеля в профессиональной области; направлены на его совершенствование и управление собственными действиями в процессе труда, что ведет к формированию высокого уровня мастерства.

Акмеологический компонент – охватывает динамические процессы, направленные на раскрытие внутреннего потенциала, непрерывное совершенствование.

Итоги контент-анализа позволили выделить базовые характеристики профессионального самосознания. К ним принадлежат: целостность (включенность всех структурных частей), преобладающий тип отношения (доминирование конкретного компонента), согласованность (корреляционная связь между элементами), широта (разнообразие охватываемых аспектов), субъектная позиция (активность индивида) и самопринятие в профессиональной сфере (равновесие позитивных и негативных самооценок).

В исследовании мы проанализировали стадии формирования отдельных компонентов профессионального самосознания у студентов-юристов на разных этапах их профессиональной социализации в вузе.

Для оценки эссе были отобраны следующие критерии: представления студентов о профессионально важных качествах, умениях и навыках, социально значимых компетенциях и коммуникативной культуре; описание эмоциональных переживаний, связанных с будущей работой; творческий подход к труду, профессиональные перспективы и мотивация к успеху.

Методика подсчета базировалась на частоте использования слов и словосочетаний, относящихся к обозначенным темам. Подсчет осуществлялся по следующей формуле:

$$Pк = \frac{Fк}{T}$$

Где: Pk— доля категории (частота встречаемости данной категории относительно общего числа единиц анализа); Fk — частота встречаемости категории (общее количество раз, которое эта категория была отмечена в исследованиях); T — общий объём выборки (суммарное количество всех зарегистрированных явлений по всем категориям).

С целью углубленного изучения динамики становления компонентов профессионального самосознания, нами было организовано исследование с участием первокурсников и студентов 4 курса юридического факультета. По итогам обработки студенческих сочинений и вычисления доли каждой категории результаты были систематизированы и представлены в Таблице 1.

В текстах, написанных первокурсниками юридического факультета, наиболее отчетливо проступают когнитивный и ценностно-смысловой аспекты. Студенты размышляют о

Таблица 1. Доля выраженности компонентов профессионального самосознания в сочинениях студентов-юристов.

Курс	Когнитивный компонент	Эмоционально-оценочный компонент	Функциональный компонент	Ценностно-смысловой компонент	Творческий компонент	Акмеологический компонент
1 курс	0,3	0,17	0,15	0,25	-	0,13
4 курс	0,27	0,20	0,11	0,18	-	0,22

сфере своей будущей карьеры, об идеальных чертах специалиста и собственных профессиональных ориентирах. Приведем примеры таких высказываний:

«Я, как специалист, буду добросовестно и ответственно выполнять свои обязанности, противостоять коррупции и всем формам несправедливости»;

«В своей будущей профессии я вижу себя компетентным и надежным человеком»;

«Мне хочется помогать людям и отстаивать справедливость в нашем несовершенном мире»;

«Желаю служить в таможенных органах, получить соответствующий чин и наладить профессиональные контакты»;

«Я вижу себя успешным профессионалом, чья главная задача — сделать мир немного лучше благодаря своей деятельности»;

«Я выбрала юриспруденцию, чтобы защищать права тех, кто в них нуждается».

Студенты первого курса юридического факультета акцентируют внимание на высоком статусе и социальной значимости избранной профессии, выражая это через эмоционально-оценочную оценку. В их высказываниях прослеживаются следующие ключевые мысли:

«Уверен в том, что их будущая профессиональная деятельность будет способствовать процветанию государства»;

«Убежден в престижности и важности юридической профессии, в ведущей роли юристов в поддержании правопорядка»;

«Верю в то, что труд юристов внесет вклад в повышение справедливости и безопасности окружающего мира эта профессия считается одной из самых важных в нашей великой стране»;

«Хочу стать одним из тех, кто является очень важным для общества»;

Кроме того, в работах первокурсников присутствуют функциональный и акмеологический компоненты, однако их доля невелика. Можно констатировать, что рассуждения студентов на начальном этапе обучения отличаются общностью и поверхностностью. В частности, это проявляется в таких утверждениях:

«Как будущий сотрудник, я буду добросовестно выполнять свои обязанности, противостоять коррупции и любым формам несправедливости»;

«Я планирую оказывать поддержку людям в трудных обстоятельствах, предлагая законные и справедливые пути решения проблем»;

«Специалисты данной области вносят вклад в общество, помогая гражданам разрешать правовые вопросы»;

«Надеюсь, мне удастся реализовать поставленные задачи, преуспеть в карьере и стать высококлассным профессионалом»;

«Стремлюсь стать истинным профессионалом своего дела»;

«За время обучения я добьюсь высоких результатов, и Академия таможенной службы сформирует из меня компетентного специалиста».

В работах первокурсников-юристов не было зафиксировано проявлений творческой составляющей профессионального самосознания. Вероятно, студенты этой группы не осознают потенциала для использования креативности и нестандартных подходов в юридической практике.

Тем не менее, учащиеся первого курса демонстрируют позитивный настрой к выбранной специальности, подчеркивая ее высокую значимость и престиж. Они формулируют профессиональные задачи и уверены в своих будущих успехах, а также обладают базовым пониманием функциональных аспектов юридической профессии. Напротив, в текстах студентов четвертого курса наиболее отчетливо проявляются когнитивный и акмеологический элементы профессионального самосознания.

Старшекурсники детально описывают свое видение будущего, анализируют карьерные перспективы и выражают стремление к дальнейшему образованию и повышению квалификации. Например:

«В будущем я планирую стать специалистом по интеллектуальной собственности».

«Сейчас я ориентирован на работу в Главном управлении Министерства юстиции, считая эту сферу крайне перспективной и увлекательной».

«Я стремлюсь к карьере юриста в таможенных органах, так как меня привлекает возможность государственной службы и её перспективы».

«Уверен, что, проявив активность и инициативность во время учебы в магистратуре и на рабочем месте, смогу добиться значительных успехов в профессии».

«В профессиональном плане я намерен постоянно повышать квалификацию и передавать накопленный опыт молодым юристам».

«Глубокие знания в своей области необходимы мне для оказания клиентам качественных консультационных услуг».

В текстах, написанных студентами четвертого курса, отчетливо прослеживается эмоционально-оценочная составляющая их профессионального самосознания. Будущие специалисты демонстрируют позитивное отношение к избранному роду деятельности, подчеркивая готовность ответственно подходить к своим обязанностям и искренне надеясь не ошибиться в выборе карьерного пути. Это подтверждается следующими высказываниями:

«Меня вдохновляет образ юриста, и я стремлюсь соответствовать этому статусу»;

«Моя цель — стать корпоративным юристом: эта сфера кажется мне увлекательной, несмотря на ее репутацию одной из самых сложных»;

«Я желаю достичь значимых успехов, искренне любить свою работу и получать от нее удовольствие»;

«Я обязана исполнять свои служебные функции добросовестно, строго опираясь на законодательную базу»;

«В своей профессиональной деятельности я буду руководствоваться принципами справедливости и законности»;

«Надеюсь, что в будущем моя работа на государственной службе принесет мне удовлетворение и не вызовет разочарования».

Более того, студенты старших курсов размышляют о своих профессиональных ориентирах (ценностно-смысловой аспект), а также о тех качествах и обязанностях, которые необходимы будущим юристам. Приведем несколько примеров:

«У меня есть нужные компетенции: знание таможенного законодательства, взвешенность суждений, способность сосредотачиваться на задачах и высокая внимательность»;

«В своей профессии я буду защищать интересы компаний, участвовать в судебных заседаниях, возможно, создавать свои онлайн-курсы по данной тематике и оказывать поддержку менее опытным специалистам и студентам»;

«Моя цель — стать уважаемым и ценным специалистом в корпоративном секторе, чтобы мое мнение учитывали, а в идеале — занять руководящую позицию в юридическом отделе»;

«Я стремлюсь помогать людям, чьи права нарушаются работодателями в трудовых отношениях»;

«Я хочу достичь звания полковника и стать начальником отдела»;

«Я планирую зарабатывать достаточно для обеспечения комфортного уровня жизни».

Также, как и в сочинениях первокурсников, творческий компонент не выражен. В остальном, контент-анализ подтверждает, что старшекурсники юридического факультета положительно относятся к выбранной профессии, видят для себя профессиональные перспективы и шансы для самореализации, имеют представления о профессиональных задачах и выражают желание добросовестно их выполнять.

Поскольку образ «Я» неизбежно отражается в любых развёрнутых формах самовыражения — будь то дневниковые записи, ответы на анкетные вопросы, интервью или личные письма — возникает реальная возможность применить к соответствующим текстовым массивам метод контент-анализа. При оценке стандартизированных самоотчётов с использованием данного подхода стоит подчеркнуть их ключевое преимущество перед жёстко структурированными опросниками: потенциальную насыщенность нюансами самоописания и возможность изучать отношение индивида к самому себе через призму его собственного лексикона, а не навязанной исследователем терминологии.

Пристатейный библиографический список

1. Агапов В. С. Функции Я-концепции в управленческой деятельности // Психология и практика. Ярославль, 1998. Т. 4. Вып. 1. С. 209-210.
2. Афанасьев Ю. Б., Кострова В.А. Формирование профессионального самосознания и самоопределения у современной молодежи // ЕГИ. 2023. № 4 (48). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-professionalnogo-samosoznaniya-i-samoopredeleniya-u-sovremennoy-molodezhi
3. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М.: Прогресс, 1986.
4. Богомолова Н. Н., Стефаненко Т. Г. Контент-анализ: спецпрактикум по социальной психологии. М.: Изд-во МГУ, 1992.
5. Владимирова Ю. В. Ретроспективный анализ изучения феномена самореализации личности // Вестник Башкирск. ун-та. 2014. № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/retrospektivnyy-analiz-izucheniya-fenomena-samorealizatsii-lichnosti
6. Киртава Г. Т. Особенности развития профессионального самосознания современных студентов // Scientific review. 2025. № 3. С. 16-20.
7. Кон И. С. В поисках себя. Личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984.
8. Кочнева Е. М., Блохина М. А., Лебедева Е. Г. Профессиональная идентичность как предмет психологических исследований // Интернет-журнал «Мир науки». 2018. № 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mir-nauki.com/PDF/49PSMN318.pdf
9. Методологические и методические проблемы контент-анализа: тезисы докладов рабочего совещания социологов. М., Л., 1973. Вып. 1.
10. Опетенок Н. Г. Структурные компоненты профессиональной идентичности: теоретический анализ // Universum: психология и образование: электрон. научн. журн. 2025. № 10 (136). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://7universum.com/ru/psy/archive/item/20866
11. Петренко В. Ф. Психосемантика сознания. М.: Изд-во МГУ, 1988.
12. Пряжников Н. С. Профессиональное и личностное самоопределение. М.: Институт практической психологии, 1996. 256 с.
13. Рябикина З. И. Личность. Личностное развитие. Профессиональный рост. Краснодар, 1995.
14. Смирнов И. П. Человек - образование - профессия - личность. Монография. М.: УМИЦ «Граф-Пресс», 2002. С. 59-126.
15. Соловьева А. В. Педагогические условия развития профессионального самосознания учащихся учреждений начального профессионального образования: дис. ... канд. пед. наук. М., 2009. 216 с.
16. Старостина Н. Н. Профессиональное самоопределение как важная составляющая профессиональной социализации личности // Научное обозрение. Педагогические науки. 2017. № 5. С. 174-177. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://science-pedagogy.ru/ru/article/view?id=1684
17. Столин В. В. Самосознание личности. М.: Изд-во МГУ, 1983.
18. Чеснокова И. И. Проблема самосознания в психологии. М.: Наука, 1977.
19. Эткинд А. М. Опыт теоретической интерпретации семантического дифференциала // Вопросы психологии. 1979. № 1. С. 17-27.

DOI 10.46320/2073-4506-2026-4-215-487-488

АНДРЮХИНА Ирина Юрьевна
кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Западный филиал, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Калининград

РАК Евгения Алексеевна
кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Западный филиал, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Калининград

РАК Вадим Евгеньевич
консультант отдела аналитической и лицензионной работы Министерства энергетики и жилищно-коммунального хозяйства Нижегородской области, г. Нижний Новгород

К ВОПРОСУ О ЕДИНЫХ ПОДХОДАХ В СФЕРЕ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ В ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

В статье анализируется современный инструментарий, разработанный Министерством труда Российский Федерации в сфере управления кадровым составом органов государственной власти и возможность его применения в кадровой работе местных администраций. С учетом принципа взаимосвязи государственной и муниципальной службы, в том числе государственной гражданской и муниципальной службы авторами статьи представляется целесообразным применять указанный инструментарий в работе с кадровым составом органов местного самоуправления. В статье также анализируются лучшие кадровые практики в сфере государственного и муниципального управления, опыт применения которых, по мнению авторов, заслуживает тиражирования в работу кадровых служб в сфере управления персоналом как в органах государственной власти, так и местного самоуправления России.

Ключевые слова: управление персоналом, государственная и муниципальная служба, методический инструментарий, кадровые практики.

ANDRYUKHINA Irina Yurjevna
Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, associate professor of State and municipal administration sub-faculty, Western Branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Kaliningrad

RAK Evgeniya Alexeevna
Ph.D. in sociological sciences, associate professor of State and municipal administration sub-faculty, Western Branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Kaliningrad

RAK Vadim Evgenjevich
Consultant of the Department of Analytical and Licensing Work of the Ministry of Energy and Housing and Communal Services of the Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod

ON THE ISSUE OF COMMON APPROACHES IN THE FIELD OF PERSONNEL MANAGEMENT IN PUBLIC AUTHORITIES AND LOCAL GOVERNMENTS

The article analyzes the modern tools developed by the Ministry of Labor of the Russian Federation in the field of personnel management of public authorities and the possibility of its application in the personnel work of local administrations. Taking into account the principle of interrelation of the state and municipal service, including the state civil and municipal service, the authors of the article consider it advisable to use these tools in working with the staff of local governments. The article also analyzes the best HR practices in the field of state and municipal management, the experience of which, according to the authors, deserves to be replicated in the work of HR services in the field of personnel management in both public authorities and local governments of Russia.

Keywords: personnel management, state and municipal service, methodological tools, HR practices.

Управление персоналом - это система работы с персоналом, направленная на максимально эффективное использование человеческих ресурсов для достижения целей государственного и муниципального управления. Это не просто подбор кадров или оформление документов, а комплекс действий и решений, направленных на поиск, оценку, развитие, мотивирование и удержание лучших специалистов[1].

Система управления персоналом охватывает полный цикл работы с персоналом: от подбора кадров, их адаптации до формирования системы профессионального развития[2].

Управление персоналом на государственной (муниципальной) службе представляет собой совокупность мероприятий, направленных на обеспечение высокой результативности профессиональной служебной деятельности государственных гражданских и муниципальных служащих [1].

Решение вопроса о том, какими знаниями, умения и навыками, профессиональными компетенциями будут обладать служащие, во многом зависит от системы управления персоналом в органе государственной власти и местного самоуправления [2].

Министерством труда РФ подготовлен целый ряд методических рекомендаций по работе с кадровым составом исполнительных органов, с большим набором конкретных методических советов и приемов по организации работы кадровых служб.

1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nipkef.ru/about/blog/spetsialist-po-upravleniyu-personalom-obzor-professii-hr-menedzhera/.

2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://simpleone.ru/glossary/personnel-management-system.

Конкретные предложения касаются поиска, привлечения, адаптации и сохранению молодежи на государственной гражданской службе, в том числе, рекомендации по организации Дней открытых дверей в органах государственной власти для студентов организаций высшего образования, в целях привлечения молодых специалистов к работе в сфере гражданской службы, а также организации ярмарок вакансий, распространение печатной рекламной продукции[3].

Названные выше мероприятия могут успешно использоваться и на муниципальной службе, как инструменты по привлечению молодежи в органы местного самоуправления.

В Методическом инструментарии по формированию кадрового состава государственной гражданской службы Российской Федерации[4], представлены инструменты системы управления персоналом в органе государственной власти, от кадрового планирования и методов его осуществления, отбора (подбора) персонала, до проведения мероприятий, направленных на повышение привлекательности органа государственной власти, т.е. повышение престижа государственной гражданской службы и публичной службы, в целом.

Особое внимание Министерством труда РФ уделено вопросу создания благоприятных условий для прохождения государственной гражданской службы, снижению влияния негативных факторов профессионального выгорания служащих. По мнению авторов статьи, учет руководителями органов власти подобных рекомендаций и их принятие как руководство к действию будет способствовать снижению количества служащих, выразивших желание расторгнуть служебный контракт по собственной инициативе, т.е. должно способствовать ликвидации такого негативного явления как «текучесть» кадров на гражданской (муниципальной) службе.

Методический инструментарий Минтруда РФ должен стать основой для организации кадровой работы и в местных администрациях.

Методика Минтруда РФ по установлению квалификационных требований для замещения должностей государственной гражданской службы, содержит материалы для подготовки должностных регламентов, в том числе квалификационные требования, функциональные обязанности и может стать образцом для разработки должностных инструкций и для муниципальных служащих[5].

Минтруда РФ реализуются меры, направленные на широкое распространение лучших кадровых практик, реализуемых в исполнительных органах государственной власти и местного самоуправления.

В числе лучших практик, вызвавший интерес авторов настоящей статьи выступают:

– опыт Республики Коми в сфере организации комплексной работы с кадрами в части создания системы работы с персоналом, объединив все кадровые службы в единую (подобный пример имеет место и в отношении Правительства Калининградской области);

– опыт Челябинской области в сфере повышения эффективности муниципальной службы и обеспечения высокого качества муниципального управления, благодаря реализации опыта в сфере оптимизации органов муниципального управления, что сегодня особенно актуально, в связи с огромным количеством требующих решения задач, а также обеспечения собственных и переданных полномочий, объем которых увеличивается с каждым годом.

Не менее интересен опыт организации работы с персоналом в зарубежных странах, реформирование государственной и муниципальной службы которых прошло значительно раньше, еще в прошлом веке, о котором авторы статьи подробно рассказывали в других своих работах [4].

Особого внимания заслуживает опыт в сфере адаптации лиц, впервые приступивших к замещению должностей государственной гражданской службы. Указом Президента Российской Федерации еще в 2019 году введен институт наставничества и стажировок[6].

Подобный опыт необходимо внедрить и в сфере муниципальной службы, когда местные администрации обеспечивают стажировку муниципальных служащих в части тех направлений работы, по которым достигнуты наилучшие результаты, что обогатит не только муниципалитеты, направивших на стажировку своих муниципальных служащих, но и те органы местного самоуправления, кто обеспечивает прохождение стажировки, так как во время стажировки происходит обмен мнениями о наилучших вариантах обеспечения конкретных полномочий органа государственной власти и местного самоуправления [3].

Накопленный положительный опыт в сфере управления персоналом в органах государственной власти необходимо применять и на муниципальной службе.

Пристатейный библиографический список

1. Белолипецкая А. Б. Компетентностный инструментарий управления персоналом органов публичного управления // ЕГИ. - 2021. - № 1 (33). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/kompetentnostnyy-instrumentariy-upravleniya-personalom-organov-publichnogo-upravleniya-1 (дата обращения: 30.04.2026).
2. Чхутиашвили Н. В. Современная концепция управления персоналом в органах государственной власти // В центре экономики. - 2021. - № 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-kontseptsiya-upravleniya-personalom-v-organah-gosudarstvennoy-vlasti (дата обращения: 30.04.2026).
3. Бутаева М. К. Специфика проявления кадровой деятельности и кадровой политики в системе государственного управления // Вестник науки и творчества. - 2021. - № 6 (66). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-proyavleniya-kadrovoy-deyatelnosti-i-kadrovoy-politiki-v-sisteme-gosudarstvennogo-upravleniya.
4. Андрюхина И. Ю. Совершенствование кадровой политики в системе государственной гражданской службы: зарубежный опыт // Вестник экспертного совета. - 2021. - № 2 (25). - С. 14-18.

3 Методические рекомендации по поиску, привлечению, адаптации и сохранению молодежи на государственной гражданской службе. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/gossluzhba/16/21.

4 Методический инструментарий по формированию кадрового состава государственной гражданской службы Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72098548/.

5 Методический инструментарий по установлению квалификационных требований для замещения должностей государственной гражданской службы Версия 3.2 (утв. Министерством труда и социальной защиты РФ). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71755218/.

6 Указ Президента РФ 2019 №68 «О профессиональном развитии государственных гражданских служащих».

КАЛИМУЛЛИНА Ильнара Рафкатовна
кандидат политических наук, доцент кафедры социальных и политических коммуникаций, Уфимский государственный нефтяной технический университет

АРСЛАНОВ Альберт Шамилевич
магистрант кафедры социальных и политических коммуникаций, Уфимский государственный нефтяной технический университет

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ МЕДИАПРАВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

В статье исследуется медиаправо как формирующаяся отрасль права в условиях цифровой трансформации. Рассматриваются его предмет, система и основные направления нормативного регулирования медиасферы. Анализируются изменения субъектного состава медиаправовых отношений, связанные с развитием цифровых платформ, блогосферы и алгоритмических механизмов распространения информации. Особое внимание уделяется правовым проблемам ответственности за недостоверные сведения и защите интеллектуальных прав в сети Интернет. На основе анализа Федерального закона «О средствах массовой информации» и норм части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации обосновывается необходимость адаптации правового регулирования к условиям цифровой коммуникации. Делается вывод о важности обеспечения баланса между свободой информации, защитой прав личности и общественными интересами.

Ключевые слова: медиаправо, цифровизация, средства массовой информации, цифровые платформы, блогосфера, интеллектуальная собственность, авторское право, информационная ответственность, правовое регулирование, массовая информация.

KALIMULLINA Ilnara Rafkatovna
Ph.D. in political science, associate professor of Social and political communications sub-faculty, Ufa State Petroleum Technological University

ARSLANOV Albert Shamilevich
magister student of Social and political communications sub-faculty, Ufa State Petroleum Technological University

FEATURES OF MEDIA LAW DEVELOPMENT IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION

The article examines media law as an emerging branch of law in the context of digital transformation. It explores its subject matter, system, and the primary directions of regulatory framework within the media sphere. The author analyzes changes in the subjects of media law relations associated with the development of digital platforms, the blogosphere, and algorithmic mechanisms of information dissemination. Particular attention is paid to the legal issues of liability for misinformation and the protection of intellectual property rights on the Internet. Based on the analysis of the Federal Law "On Mass Media" and the provisions of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation, the study substantiates the need to adapt legal regulation to the conditions of digital communication. The author concludes that it is essential to ensure a balance between freedom of information, the protection of individual rights, and public interests.

Keywords: media law, digitalization, mass media, digital platforms, blogosphere, intellectual property, copyright, information liability, legal regulation, mass information.

На сегодняшний день медиаправо представляет собой динамично развивающуюся отрасль, которая претерпевает фундаментальные изменения под воздействием глобальной цифровизации. Трансформация традиционных способов передачи информации в цифровой формат потребовала пересмотра классических правовых подходов и формирования новых институтов регулирования.

Медиаправо является сравнительно новой отраслью права, которая пока продолжает активно формироваться и исследоваться в юридической науке. Вместе с тем уже сегодня можно говорить о наличии у него собственного предмета регулирования, характерных признаков и достаточно определенной сферы действия. Современная цифровая трансформация выступает ключевым драйвером этих изменений, превращая традиционные подходы к регулированию СМИ в комплексную систему управления глобальными информационными потоками.

Чаще всего медиаправо рассматривают в составе информационного права, где оно выступает как один из его институтов и регулирует отношения, связанные с созданием, распространением и использованием медиаконтента. В то же время по мере развития цифровой среды и усложнения медиакоммуникаций медиаправо все отчетливее приобретает черты самостоятельной правовой отрасли, поскольку охватывает широкий круг общественных отношений, требующих специального правового регулирования. Процессы цифровизации стерли границы между профессиональной журналистикой и деятельностью новых субъектов, таких как блогеры и агрегаторы контента.

Предмет медиаправа составляют общественные отношения, возникающие в процессе производства, распространения, поиска, хранения и потребления массовой информации, а также отношения, связанные с деятельностью средств массовой информации, журналистов, редакций, информационных агентств и иных участников медиасферы. Цифровая трансформация расширила этот предмет, включив в него вопросы функционирования социальных сетей, использования алгоритмов искусственного интеллекта при формировании ленты новостей и правовой статус цифровых платформ. Особое значение в данной сфере имеют вопросы защиты свободы слова, права на получение информации, соблюдения авторских прав в цифровой среде, неприкосновенности частной жизни, а также ответственности за распространение недостоверных или запрещенных сведений.

Методы медиаправа включают как императивные, так и диспозитивные способы правового регулирования. Импе-

ративный метод проявляется в установлении обязательных правил и ограничений, например требований к содержанию и распространению информации, порядку регистрации цифровых медиа, соблюдению норм о защите персональных данных и интеллектуальной собственности. Диспозитивный метод позволяет участникам медиаправовых отношений самостоятельно определять условия взаимодействия в пределах, допускаемых законом, что особенно важно в условиях динамично меняющихся сетевых технологий. Такое сочетание методов обусловлено необходимостью одновременно обеспечивать свободу медиадеятельности и защиту общественных интересов, прав и законных интересов граждан в условиях тотальной цифровизации медиапространства.

Федеральный закон «О средствах массовой информации»[1] от 27.12.1991 № 2124-1-ФЗ является основополагающим нормативным актом, определяющим правовые основы деятельности средств массовой информации в России. Он закрепляет понятие массовой информации, средства массовой информации, редакции, журналиста, учредителя, а также устанавливает порядок регистрации, распространения и прекращения деятельности СМИ. В условиях развития цифровой среды положения этого закона сохраняют актуальность, однако требуют более широкого толкования применительно к новым формам медиакоммуникации.

Одной из ключевых особенностей развития медиаправа в современных условиях является размывание границ между профессиональной журналистикой и пользовательским контентом. В эпоху Web 2.0 каждый субъект, имеющий доступ к сети, становится потенциальным распространителем массовой информации. Это ставит перед законодателем сложную задачу: определение правового статуса блогеров, администраторов публичных каналов в мессенджерах и владельцев крупных интернет-платформ. Вопрос о том, в какой степени на данные субъекты должны распространяться нормы о профессиональной этике и ответственности СМИ, остается центральным в текущих юридических дискуссиях [4, с. 208].

Согласно закону о СМИ, массовая информация - это предназначенные для неограниченного круга лиц печатные, аудиовизуальные и иные сообщения и материалы. Такое определение позволяет включать в сферу регулирования не только традиционные печатные и вещательные СМИ, но и многие цифровые каналы распространения информации, если они ориентированы на неопределенный круг пользователей. При этом сам по себе интернет-ресурс не всегда признается средством массовой информации: важное значение имеют его содержание, способ распространения и наличие признаков, позволяющих квалифицировать его как зарегистрированное СМИ.

Закон устанавливает, что редакция СМИ осуществляет подготовку и выпуск массовой информации, а журналист обладает правом собирать, запрашивать, передавать и распространять сведения. В цифровой среде эти функции частично реализуют блогеры и авторы публичных страниц, однако их правовой статус не тождественен статусу журналиста, если они не состоят в официально зарегистрированном медиасубъекте. Поэтому возникает вопрос о необходимости дифференцированного подхода: с одной стороны, нельзя механически приравнивать всех пользователей сети к журналистам; с другой – публичность и массовость аудитории требуют определенных правовых стандартов достоверности, добросовестности и ответственности.

Особое значение имеет статья 4 закона, запрещающая злоупотребление свободой массовой информации. В ней закреплены ограничения на распространение экстремистских материалов, сведений, пропагандирующих насилие, порнографию, а также информации, нарушающей права и законные интересы граждан. Эти положения приобретают особую актуальность для цифровой среды, где информация распространяется мгновенно и может оказывать значительное влияние на общественное мнение. Поэтому даже авторы пользовательского контента, если их публикации приобретают массовый характер, фактически оказываются в зоне действия общих требований к информационной ответственности.

Кроме того, закон о СМИ предусматривает право на опровержение недостоверных сведений и право на ответ. В условиях социальных сетей и мессенджеров реализация этих прав осложняется скоростью распространения информации и отсутствием четко определенного редакционного механизма. Тем не менее, именно эти гарантии демонстрируют, что медиаправо направлено не только на обеспечение свободы выражения, но и на защиту чести, достоинства, деловой репутации и иных нематериальных благ.

Федеральный закон «О средствах массовой информации»[2] формирует базовые принципы регулирования медиасферы, которые в цифровую эпоху применяются не только к традиционным СМИ, но и к новым формам распространения массовой информации. Развитие блогосферы, социальных платформ и мессенджеров требует дальнейшего уточнения правового статуса участников медиакоммуникации, однако при этом неизменным остается ключевой баланс между свободой распространения информации и необходимостью правовой защиты личности и общества.

Цифровая трансформация также привела к изменению субъектного состава медиаправа. Появление алгоритмических лент новостей и рекомендательных систем на базе искусственного интеллекта делегирует часть функций по отбору и приоритезации контента программным кодам. В связи с этим актуализируется проблема юридической ответственности за алгоритмические ошибки, которые могут привести к дискриминации или массовому распространению недостоверных данных (фейк-ньюс).

Другим значимым аспектом является территориальный характер права в условиях экстерриториальности интернета. Медиаправо сегодня вынуждено искать механизмы взаимодействия между национальными юрисдикциями и глобальными технологическими корпорациями. Требования о локализации пользовательских данных, вопросы налогообложения цифровых гигантов и принуждение к соблюдению местного законодательства становятся повседневной практикой правового регулирования.

Не менее важным направлением развития является защита интеллектуальной собственности. В цифровой среде механизмы копирования контента стали практически мгновенными, что затрудняет защиту авторских прав традицион-

1 Федеральный закон «О средствах массовой информации» от 27.12.1991 № 2124-1-ФЗ (последняя редакция от 11.03.2024) // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/ (дата обращения: 22.04.2026).

2 Федеральный закон «О средствах массовой информации» от 27.12.1991 № 2124-1-ФЗ (последняя редакция от 11.03.2024) // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/ (дата обращения: 22.04.2026).

ными методами. Медиаправо трансформируется в сторону внедрения цифровых методов защиты, таких как блокчейн-идентификация авторства и системы автоматического мониторинга заимствований.

Гражданский кодекс Российской Федерации[3], часть четвертая, выступает ключевым нормативным актом, регулирующим отношения в сфере интеллектуальной собственности в условиях цифровизации. Его положения создают правовую основу для охраны результатов интеллектуальной деятельности, которые все чаще создаются, распространяются и используются в электронной среде. В частности, статья 1229 закрепляет общие положения об исключительном праве, распространяющиеся на литературные, художественные и научные произведения, в том числе существующие в цифровом формате. Статья 1231 определяет правила использования результатов интеллектуальной деятельности, которые приобретают особое значение в условиях сетевого распространения контента. Статья 1261 относит программы для ЭВМ к объектам авторского права, что имеет принципиальное значение в эпоху программных платформ, мобильных приложений и цифровых сервисов. Статья 1352 регулирует правовую охрану баз данных, которые в современной медиасреде становятся самостоятельным объектом ценности и защиты при условии оригинальности. Статья 1477 устанавливает порядок регистрации и правовой охраны товарных знаков, включая их использование в интернете и на цифровых платформах. Особое значение в цифровой среде приобретает статья 1253.1, определяющая ответственность информационного посредника за нарушение интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационной сети.

Не менее важным направлением развития является защита интеллектуальной собственности, поскольку в цифровой среде механизмы копирования и распространения контента стали практически мгновенными, что существенно осложняет применение традиционных способов охраны авторских и смежных прав. В этих условиях медиаправо трансформируется в сторону использования цифровых методов защиты, включая блокчейн-идентификацию авторства и автоматизированные системы мониторинга заимствований. Таким образом, правовое регулирование интеллектуальной собственности в условиях цифровизации направлено не только на закрепление исключительных прав, но и на создание эффективных механизмов их реализации и защиты в информационном пространстве.

Медиаправо уже имеет множество нормативно-правовых актов, которые обеспечивают этой отрасли юридическую базу. В первую очередь, деятельность СМИ регулирует ФЗ «О средствах массовой информации»[4], который излагает основные аспекты порядка осуществления публичной работы в информационной сфере прессы и регулирует распространение, использование и создание массовой информации. Данный закон также определяет основополагающие принципы медиаправа. Стоит также отметить ФЗ «О рекламе»[5], который также контролирует популяризацию данных о различных объектах производства.

В заключение можно отметить, что развитие медиаправа в условиях цифровой трансформации характеризуется переходом от запретительных мер к разработке гибких регуляторных механизмов. Будущее этой правовой отрасли неразрывно связано с поиском баланса между технологическим прогрессом, свободой слова и обеспечением информационной безопасности государства и личности.

Современное законодательство многих стран находится в состоянии быстрого развития и интенсивных изменений, что обусловлено массовой цифровизацией всех сфер жизни общества. Такие правовые новшества коснулись и средств массовой информации, что выразилось в появлении медиаправа. Признаки, предмет, система правоотношений и законодательная база позволили этой новой отрасли права стать структурой, которая четко регулирует деятельность СМИ и контролирует распространение общественной информации, гарантируя, таким образом, существование успешного общества.

Пристатейный библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.01.2026) // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 22.04.2026).
2. Федеральный закон «О средствах массовой информации» от 27.12.1991 № 2124-1-ФЗ (последняя редакция от 11.03.2024) // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/ (дата обращения: 22.04.2026).
3. Федеральный закон «О рекламе» от 13.03.2006 № 38-ФЗ (последняя редакция от 23.04.2024) // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/ (дата обращения: 22.04.2026).
4. Уваркин Г. И. Медиаправо: учебное пособие. - Москва: ИНФРА-М, 2024. - 300 с. - ISBN 978-5-16-018899-7.

3 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.01.2026) // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 22.04.2026).

4 Федеральный закон «О средствах массовой информации» от 27.12.1991 N 2124-1-ФЗ (последняя редакция от 11.03.2024) // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/ (дата обращения: 22.04.2026).

5 Федеральный закон «О рекламе» от 13.03.2006 N 38-ФЗ (последняя редакция от 23.04.2024) // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/ (дата обращения: 22.04.2026).

DOI 10.46320/2073-4506-2026-4-215-492-493

МАЯЦКАЯ Ольга Борисовна
кандидат философских наук, доцент кафедры политологии и связей с общественностью, Уфимский университет науки и технологий

БАРМОВ Евгений Александрович
магистрант 2-го курса направления «Политология», Уфимский университет науки и технологий, независимый исследователь

ТРАНСФОРМАЦИЯ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В ЭПОХУ ГИБРИДНЫХ КОНФЛИКТОВ: ОТ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ПРИНУЖДЕНИЮ

В статье исследуются особенности трансформации классического представления «мягкой силы», сформулированного в концепции Дж. Ная. Авторами показано, что классическая трактовка «мягкой силы» как инструмента добровольного привлечения, по прошествии времени и с учетом слома устоявшихся норм, все нарастающей динамики гибридных конфликтов между глобальными и региональными игроками, уступает место модифицированным формам, в которых стирается грань между убеждением и принуждением. Особое внимание уделено вопросам использования механизмов «мягкой силы» в рамках «цветных революций», произошедших в странах Центральной и Восточной Европы в начале XXI века.

Ключевые слова: международные конфликты, информационная война, «мягкая сила», «жёсткая сила», гибридная война, «цветные революции».

MAYATSKAYA Olga Borisovna
Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Political science and public relations sub-faculty, Ufa University of Science and Technology

BARMOV Evgeniy Alexandrovich,
magister student of the 2nd year in the direction of "Political Science", Ufa University of Science and Technology, independent researcher

THE TRANSFORMATION OF «SOFT POWER» IN THE ERA OF HYBRID CONFLICTS: FROM ATTRACTION TO COERCION

The article examines the peculiarities of the transformation of the classical concept of «soft power», formulated in the concept of J. Nye. The authors show that the classical interpretation of «soft power» as a tool of voluntary attraction, over time and taking into account the breakdown of established norms, as well as the ever-increasing dynamics of hybrid conflicts between global and regional players, gives way to modified forms in which the line between persuasion and coercion is blurred. Special attention is paid to the use of «soft power» mechanisms in the framework of the «color revolutions» that took place in the countries of Central and Eastern Europe at the beginning of the 21st century.

Keywords: international conflicts, information warfare, «soft power», «hard power», hybrid warfare, «color revolutions».

Категория власти и влияния является центральной в теории международных отношений, однако на рубеже XX-XXI веков, в условиях усиления взаимозависимости мира и произошедшей информационной революции, классические представления о силе, как источнике и средстве власти (речь идёт преимущественно о военном и экономическом потенциале) потребовали существенного переосмысления. Ответом на этот теоретический запрос стала концепция «мягкой силы», разработанная американским политологом Джозефом Наем-младшим.

Несмотря на то, что термин «мягкая сила» был введен Наем лишь в конце 1980-х годов, идея несилового влияния одного участника отношений на другого имеет глубокие историко-философские корни, элементы этой концепции можно обнаружить еще в древнекитайской философии, в частности у Лао-Цзы, утверждавшего, что «мягкое побеждает твердое». В начале XX века итальянский философ А. Грамши разработал теорию культурной гегемонии, согласно которой господствующая группа удерживает власть не только через принуждение, но и через распространение своей системы ценностей и идеологии, которые становятся общепринятыми. По мысли Грамши, борьба за гегемонию должна начинаться не с вооружённого восстания, а с постепенного завоевания умов и культурных институтов.

Официальной точкой отсчета для концепции «мягкой силы» считается 1990 год, когда Дж. Най опубликовал статью с одноимённым названием, впоследствии данное понятие стало ядром концепции о возможностях достижения внешнеполитических целей через формирование привлекательного образа страны-субъекта[8]. Магнетизм «мягкой силы» проявляет себя через триаду: культура, политические ценности и внешняя политика, при этом механизм действия мягкой силы нелинеен, а это значит, что процесс требует не только вложения сил и средств, но и времени, а самое главное – доверия.

Критики упрекали Ная за определённые сложности в «измерении привлекательности» страны, а также за то, что «мягкая сила» не работает в краткосрочной перспективе, неэффективна для разрешения кризисов и уязвима перед действиями негосударственных акторов, но тем не менее технологии «мягкой силы», представленные миру в период «холодной войны» Советского Союза и США показали свою жизнеспособность, примером тому является создание позитивного образа «коллективного Запада».

Современные вызовы трансформировали концепцию Ная, он вводит новое понятие – «умная сила», в основе которого находится гибкая комбинация мягких и жёстких инструментов, исследователь полагает, что применение исключительно «мягкой силы» по разным причинам не всегда возможно, следовательно, важным видится применение технологий «умной силы» прежде всего для осуществления эффективной внешнеполитической стратегии, обеспечивающей глобальное лидерство. В каждой конкретной ситуации, настаивал Най, следует учитывать преимущества указанных сил, правильно оценивать риски и находить баланс. Таким образом, эволюция концепции «мягкой силы» прошла путь от интуитивного понимания несилового влияния к строгой теоретической модели, которая затем подверглась критике и была дополнена производными концептами («умная сила», «острая сила»), сформировавшихся под влиянием геополитических трансформаций.

Взаимодействие акторов на международной арене носит широкий характер, поскольку государства сотрудничают в самых разных сферах, динамика общественных отношений между странами, транснациональными корпорациями и региональными игроками достаточно усложнена в настоящий период, а любая деятельность, которая сопряжена с попытками «продавить» свои ценности, нарративы, экономические или политические интересы, приводит к возникновению конфликтных ситуаций. В этой связи показателен российский опыт, утверждающий, что «эффективность противодействия информационному давлению напрямую зависит от способности государства адаптироваться к меняющимся условиям, укреплять национальные цифровые ресурсы и повышать устойчивость общества к манипулятивным воздействиям» [4, с.583].

Феномен современного «гибридного конфликта» заключается в том, что однозначно определить его конкретный вид, предмет и характер взаимодействия участников порой не просто сложно, а практически невозможно. Выявление предмета конфликта, который может быть неявным или иметь многосоставный характер ставит перед его участниками сложный выбор в части использования различных стратегий и тактик поведения, выбора групп поддержки, макро- и микросреды, информационных моделей, а развитие информационных технологий и их проникновение во все сферы жизни человека предлагает сторонам конфликта выбор широчайшего инструментария для достижения своих целей.

Понятие «гибридный конфликт» существует наряду с распространенным понятием «гибридная война», традиционно понятие «гибридная война» определяется как «непрямые действия, заключающиеся в скрытом использовании военной силы, сопровождающемся активным информационным, политическим, экономическим давлением на противника, как вид враждебных действий, при котором нападающая сторона, не прибегая к классическому военному вторжению, подавляет своего оппонента, используя сочетание скрытых операций, диверсий, кибервойны» [2, с. 39].

В данном случае можно говорить о гибридизации инструментария, при котором «мягкая сила» закономерно теряет свою автономию, интегрируется в комплексные (гибридные) стратегии, при которой убеждение и принуждение действуют синхронно. Некоторые исследователи феномена «мягкой силы» полагают, что наглядным проявлением и прямой реализацией на практике инструментов «мягкой силы» в условиях современных конфликтов являются технологии проведения «цветных революций», именно на их примере можно проследить трансформационные процессы, произошедшие в понимании «мягкой силы» и ее применения для достижения политических целей: «Поскольку «цветные революции» не являются революциями в традиционном понимании, причины и условия их осуществления будут иными. Все они происходят по сходным сценариям, по одной и той же модели. Традиционные инструменты смены политических режимов заменяются более тонкими способами влияния, сочетающими силовые методы воздействия с информационными технологиями управления сознанием и поведением широких масс населения» [5, с. 65].

Технологии «мягкой силы» в недавнем времени были применены на территории бывшего СССР в республиках, исторически связанных с Россией (Украина, Киргизия, Грузия). Анализ политического дискурса указанных событий показывает, что в ходе них было осуществлено воздействие на внутриполитические процессы данных стран, объединяет их и тот факт, что для достижения результата внутренними и внешними силами были использованы инструменты «мягкой силы»: «в случае «цветных революций», удачных и неудачных, 2010-2020-х годов внешний фактор уже играл определяющую роль. Существенно более активную роль играли внешнеполитические ведомства и спецслужбы западных стран, выступающие в качестве координационных центров оппозиции. Ключевым отличием «цветных революций 2.0» стала нескрываемая антироссийская направленность. Евромайдан 2013-2014 гг. привёл к результату не только благодаря миллиардам, вложенным американцами и европейцами в работу с украинским гражданским обществом и медиа, но и из-за предательства ближайшего окружения Виктора Януковича. Армянская революция 2018 г. состоялась не только из-за перехвата оппозиционной повестки прозападными силами в лице Н. Пашиняна и его окружения, но и потому, что армянские элиты объединились против «карабахского клана». И, наоборот, «цветная революция» в Белоруссии в 2020 г. завершилась провалом, потому что местные элиты и силовой аппарат остались на стороне А. Лукашенко (роль, конечно, сыграло и недвусмысленное предупреждение Кремля, что смещения президента страны-союзницы не допустят любыми способами)» [6].

Большинство «цветных революций» произошли при проведении электоральных процедур, «мягкая сила» в данном случае выступала в роли легитимирующего фактора для вновь избранной власти и, соответственно, делегитимирующего фактора для действующей власти, посредством заранее созданных, финансируемых и управляемых из-за рубежа организаций, таким образом, «мягкая сила» выступает здесь уже как сила принуждающая и оказывающая непосредственное влияние на порядок вещей, с целью его модификации, поскольку «ни в «революции роз» в Грузии, ни в «бульдозерной революции» в Сербии, ни в «оранжевой революции» на Украине не было длительного формирования революционных настроений. Эти события не зрели в обществе, не приобрели сколько-нибудь оформленный вид революционной программы, они произошли быстро, стихийно, на эмоциях, заботливо подогреваемых «мягкой силой» Запада» [1, с. 4706-4707].

Дж. Шарп, признанный автор технологий «цветных революций», в своих работах отмечал, что ролью «мягкой силы» в такой революции является ее организация, подпитка и легитимация [9, с. 139], следовательно, «мягкая сила» окончательно утрачивает связь с исходным посылом, она не привлекает, а принуждает через манипуляцию общественным сознанием, созданием управляемой оппозиции и делегитимизацией действующей власти.

Сдвиг в понимании «мягкой силы» нашел отражение и в трудах российских исследователей, так по мнению А. В. Манойло «цветная революция» – это не что иное, как технология организации государственного переворота, где «мягкая сила» выступает уже не способом привлечения, а инструментом воздействия [3, с. 924].

На наш взгляд, ключевой трансформацией, которую претерпела «мягкая сила» стала подмена цели: в текущих реалиях «мягкая сила» далеко не всегда преследует цель создания долгосрочного привлекательного образа страны, сегодня она во многом сводится до краткосрочной задачи по дестабилизации внутриполитической системы, созданию предпосылок для решения конкретных политических, экономических и иных целей, вплоть до смены легитимной власти. При этом инструментарий «мягкой силы» позволяет значительно сократить временные периоды решения задач при недостаточно активной позиции стран, на которых оказано воздействие.

Несмотря на существенную эволюцию концепции Ная, дальнейшее развитие теории «мягкой силы» по уточнению определений, заложенных автором, не имеет значительной перспективы. Целесообразно, на наш взгляд, пойти по пути осмысления многомерных моделей, учитывающих гибридный характер современных конфликтов, возможно, в рамках данных моделей ключевой станет характеристика «принуждающей мягкой силы», т.е. способности актора использовать культурные, информационные и институциональные ресурсы не столько для привлечения, сколько для скрытого принуждения объектов воздействия к желаемому поведению. Изучение этого феномена требует междисциплинарного подхода, объединяющего политологию, конфликтологию и военную науку.

Пристатейный библиографический список

1. Анненков В. И., Моисеев А. В. Психологическое принуждение – один из основных методов проведения «цветных революций» гибридной войны // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 9-2(97-2). С. 4704-4714.
2. Калинкина И. В. Особенности современного политического конфликта // Социально-политические исследования. 2023. № 2 (19). С. 36-48.
3. Манойло А. В. Гибридные войны и цветные революции в мировой политике // Право и политика. 2015. № 7. С. 918-929.
4. Маяцкая О. Б., Закиров А. Р., Фаизова Л. Р. Российский опыт противодействия информационным войнам как новым источникам вызовов и угроз национальной безопасности РФ // Евразийский юридический журнал. 2025. № 4 (203). С. 582-584.
5. Тлепцок Р. А. «Цветные революции»: теоретический концепт и политическая практика // Ежеквартальный рецензируемый, реферируемый научный журнал «Вестник АГУ». 2019. Выпуск 4 (249). С 60-71. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/tsvetnye-revolyutsii-teoreticheskiy-kontsept-i-politicheskaya-praktika (дата обращения: 26.04.2026).
6. Энтина Е. Г. Цветовая гамма. Россия в глобальной политике. Том 23. № 6 (136) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/tsvetovaya-gamma
7. Nye J. Soft Power: the means to Succes in World Politics. New York: Public Affairs, 2004.
8. Nye J. Smart Power: In Search of the Balance between Hard and Soft Power // Democracy: A Journal of Ideas. 2006. № 2. P. 105.
9. Sharp G. The Politics of Nonviolent Action (All Three Parts). Boston: Porter Sargent Pubishers, 1973. P. 139.

МИРЗАЕВ Закир Мукаилович
кандидат юридических наук, доцент кафедры правовых дисциплин и методики преподавания, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, г. Махачкала

МАГОМЕДОВ Шамиль Гаджиевич
аспирант 3-го года обучения, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, г. Махачкала

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН)

Статья посвящена анализу институциональных механизмов реализации правовой политики в Российской Федерации с акцентом на региональную специфику Республики Дагестан. Рассматриваются основные тенденции формирования правовой политики на федеральном и региональном уровнях. Особое внимание уделяется проблемам согласования федерального и регионального законодательства в условиях полиэтничного субъекта. Выявляются институциональные противоречия и дефекты правового регулирования, характерные для Республики Дагестан. Предложены рекомендации по совершенствованию механизмов реализации правовой политики в регионе.

Ключевые слова: правовая политика, институциональные механизмы, региональное законодательство, Республика Дагестан, правовое регулирование.

MIRZAEV Zakir Mukailovich
Ph.D. in Law, associate professor of Legal disciplines and teaching methods sub-faculty, R. Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala

MAGOMEDOV Shamil Gadzhievich
postgraduate student of the 3rd year of study, R. Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala

INSTITUTIONAL MECHANISMS FOR IMPLEMENTING LEGAL POLICY IN MODERN RUSSIA: TRENDS AND REGIONAL ASPECT (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF DAGESTAN)

The article is devoted to the analysis of institutional mechanisms for the implementation of legal policy in the Russian Federation with an emphasis on the regional specifics of the Republic of Dagestan. The main trends in the formation of legal policy at the federal and regional levels are considered. Special attention is paid to the problems of coordinating federal and regional legislation in a multiethnic entity. The institutional contradictions and defects of legal regulation characteristic of the Republic of Dagestan are revealed. Recommendations on improving the mechanisms for implementing legal policy in the region are proposed.

Keywords: legal policy, institutional mechanisms, regional legislation, Republic of Dagestan, legal regulation.

Проблема институциональных механизмов реализации правовой политики приобретает особую актуальность в условиях современной России, характеризующейся многоуровневой системой государственного управления и значительным разнообразием региональных условий. Правовая политика как целенаправленная деятельность государства по формированию эффективного правопорядка реализуется через систему взаимосвязанных институтов, охватывающих законодательную, исполнительную и судебную ветви власти.

Республика Дагестан представляет собой уникальный объект для изучения региональных аспектов правовой политики. Этот субъект Российской Федерации отличается полиэтничным составом населения (более 30 коренных народов), сложным переплетением светских и традиционных правовых норм, а также высокой степенью коррупционных рисков, что существенно влияет на эффективность институциональных механизмов правовой политики.

Целью настоящей статьи является комплексный анализ институциональных механизмов реализации правовой политики в современной России с учётом региональной специфики Республики Дагестан, а также выработка практических рекомендаций по их совершенствованию.

Правовая политика в научной литературе трактуется как система целей, приоритетов и средств в сфере правового регулирования, определяемых государством для достижения социально значимых результатов. Институциональные механизмы реализации правовой политики – это совокупность правовых институтов, процедур и практик, посредством которых государственная воля трансформируется в реальный правопорядок.

В структуре институциональных механизмов принято выделять:

– нормотворческий механизм – деятельность органов законодательной власти по созданию правовых норм;

– правоприменительный механизм – деятельность исполнительных органов и судов по реализации права;

– контрольно-надзорный механизм – деятельность прокуратуры, контрольных органов;

– правозащитный механизм – институты Уполномоченного по правам человека, гражданского общества.

Современные тенденции развития правовой политики в России связаны с усилением централизации нормотворчества, цифровизацией правоприменения, повышением роли конституционного правосудия, а также с курсом на «правовой суверенитет», нашедшим отражение в конституционных поправках 2020 года.

Конституционные поправки, принятые в 2020 году, существенно скорректировали архитектуру институциональных механизмов правовой политики. Статья 79 Конституции РФ в новой редакции закрепила приоритет российского Конституции над решениями международных органов, что повлекло за собой пересмотр ряда правоприменительных практик. Одновременно усилилась роль Государственного Совета как координационного органа, обеспечивающего согласованность федеральной и региональной правовой политики.

Среди ключевых тенденций федеральной правовой политики, непосредственно затрагивающих регионы, выделим следующие:

Во-первых, унификация регионального законодательства. Федеральный центр последовательно сокращает про-

странство для регионального нормотворчества, что, с одной стороны, обеспечивает единство правового пространства, с другой – не всегда учитывает специфику отдельных субъектов.

Во-вторых, расширение практики федерального вмешательства. Механизм федерального принуждения, предусмотренный статьёй 85 Конституции РФ, применяется всё более активно в случаях системных нарушений федерального законодательства регионами.

В-третьих, цифровизация правового регулирования. Внедрение электронных сервисов государственного управления, платформ «Госуслуги», систем межведомственного электронного взаимодействия создаёт новые институциональные возможности, однако в регионах с низким уровнем цифровой инфраструктуры их реализация затруднена.

Республика Дагестан обладает собственной системой органов государственной власти, включая Народное Собрание – законодательный орган, и Правительство республики. Конституция Республики Дагестан 2003 года закрепляет основы регионального нормотворчества в рамках предметов совместного ведения, определённых статьёй 72 Конституции РФ.

Вместе с тем нормотворческий механизм Дагестана сопряжён с рядом проблем. Анализ регионального законодательства свидетельствует о значительном числе дефектных норм: коллизий с федеральным законодательством, правовых пробелов, декларативных норм, лишённых механизма реализации. По данным прокуратуры Республики Дагестан, ежегодно выявляется от 4 до 6 тысяч нарушений законодательства в сфере нормотворчества органов местного самоуправления [2].

Правоприменительный механизм в Республике Дагестан характеризуется рядом специфических черт. Во-первых, высоким уровнем коррупции: по данным Генеральной прокуратуры РФ, Республика Дагестан традиционно входит в число субъектов с наиболее высоким коррупционным индексом. Это существенно искажает механизмы правоприменения, поскольку коррупционные практики подменяют законные правовые процедуры.

Во-вторых, слабостью институтов гражданского общества. Правозащитные организации, независимые СМИ, общественные наблюдательные советы функционируют в условиях ограниченного институционального пространства, что снижает эффективность общественного контроля за правоприменением.

В-третьих, проблемой кадрового обеспечения правоприменительных органов. Дефицит квалифицированных юридических кадров в сельских районах республики влечёт за собой нарушения процессуальных норм, ненадлежащее качество правовой помощи населению.

Судебная система Республики Дагестан включает Верховный Суд Республики Дагестан, систему районных судов, арбитражный суд, а также мировых судей. Вместе с тем судебная система региона сталкивается с проблемами независимости: высокий процент обвинительных приговоров (свыше 99 %), длительные сроки рассмотрения дел, давление со стороны местных кланов и неформальных структур снижают доверие граждан к судебным институтам [4].

Прокуратура Республики Дагестан выполняет ключевую функцию в системе институциональных механизмов правовой политики. Надзорная деятельность прокуратуры охватывает контроль за исполнением законодательства органами государственной власти и местного самоуправления, надзор за оперативно-розыскной деятельностью, уголовное преследование [1].

Вместе с тем эффективность прокурорского надзора ограничена рядом факторов: высокой нагрузкой на прокурорских работников, трудностями доступа к информации о деятельности органов власти, влиянием неформальных связей на принятие процессуальных решений [3].

В Республике Дагестан СМЭВ (Система межведомственного электронного взаимодействия) успешно интегрирована в рамках национального проекта «Цифровая экономика», обеспечивая обмен данными между федеральными, региональными и муниципальными органами для предоставления госуслуг, как указано в стратегических приоритетах Госпрограммы «Цифровой Дагестан».

Пример 1: Обеспечение высокоскоростного интернета и подключение к СМЭВ. В 2022 году подключено 3144 социально значимых объекта (1404 школы, 988 ФАП, 688 органов власти и МСУ), что позволило интегрировать их в СМЭВ для автоматизации межведомственного обмена, включая создание Ситуационного центра Главы РД с информационно-аналитической системой.

Пример 2: Проект «Устранение цифрового неравенства 2.0». С 2022 года реализуется подключение 492 малых населенных пунктов (от 100-500 жителей) к 3G/LTE, обеспечивая доступ к СМЭВ; в 2023–2024 годах покрыто 76 пунктов, что повысило совместимость муниципалитетов с федеральными сервисами для госуслуг и мониторинга.

Пример 3: Межведомственное взаимодействие в госуслугах. В 2022-2024 годах направлено свыше 3,5 млн запросов через ГИС РД «СМЭВ», интегрированную с федеральной платформой, для 82 массовых социально значимых услуг (МСЗУ) в 16 органах и 52 муниципалитетах, достигнуто 95 % электронного формата.

Пример 4: Единая биометрическая система и ЕСЭД. Интеграция через федеральную платформу Минцифры позволила запустить электронный документооборот в 5 органах, обучение 166 служащих и автоматизацию на «Госвеб» (2093 сайта школ и поселений), минимизируя разрывы в данных.

Эти примеры демонстрируют рост совместимости, но продолжается работа по полному охвату до 2030 года.

Современная институциональная архитектура правовой политики России строится на координации федеральных органов власти через организационные комитеты и центры, как, например, организационный комитет по проведению Года единства народов России 2026, включающий Минкультуры, Минобрнауки, Минцифры и ФАДН. В условиях цифровой трансформации государственного управления необходимо обновление правовой базы цифрового управления с четким определением статуса данных, правил их использования и ответственности за автоматизированные решения, что особенно актуально для региональных органов власти.

Применительно к Дагестану особенности реализации включают: необходимость гармонизации федеральных механизмов управления с учетом многонационального состава населения и сохранения культурной идентичности через реализацию программ национальной политики; внедрение цифровых технологий в деятельность региональных органов власти и местного самоуправления при обеспечении защиты персональных данных граждан и доступа к правосудию; укрепление механизмов межведомственного взаимодействия между республиканскими и федеральными органами для согласованной реализации стратегических целей.

Рекомендации включают: создание на уровне республики координационного центра цифровизации с полномочиями по стандартизации государственных информационных систем и совместимости данных между ведомствами; внедрение проактивной модели предоставления государственных услуг на основе принципа «только один раз» с целью минимизации бюрократических барьеров для граждан; усиление судебной защиты прав граждан при использовании автоматизированных решений с обязательным человеческим контролем над алгоритмическими механизмами.

Пристатейный библиографический список

1. Мануков М. М. Механизм прокурорского надзора за исполнением законов субъектами оперативно-розыскной деятельности // Государство и право в XXI веке. – 2017. – № 4. – С. 35-43.
2. Прокуратура Республики Дагестан. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_05/.
3. Серебрянникова М. В. К вопросу об эффективности прокурорского надзора за исполнением законов // Власть и управление на Востоке России. – 2011. – № 2. – С. 1-4.
4. Суды общей юрисдикции на территории субъекта – Республика Дагестан. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/regular/area/gJtMWoYNRug9/.

DOI 10.46320/2073-4506-2026-4-215-496-498

Овчинников О. А.

ОВЧИННИКОВ Олег Анатольевич

кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра исследования проблем безопасности Российской академии наук, доцент кафедры правового обеспечения национальной безопасности, законности и правопорядка, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ УГРОЗ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*

Исследуя вопросы современных угроз общественной безопасности (далее – ОБ), подобно обособленной системы знаний, решили избрать в качестве методологической основы системный анализ проблем обеспечения в этой сфере безопасности, используя методы анализа законодательных и иных нормативных правовых актов, обобщения в реальных условиях результатов практической деятельности по обеспечению ОБ.

В рамках рассмотрения заявленной темы проведено изучение таких категорий как угроза и опасность, предложено учитывать их отличительные признаки. В качестве примеров угроз ОБ приведены политические и экономические факторы, а также угрозы от преступлений террористического характера и экстремистской направленности.

Ключевые слова: общественная безопасность, национальная безопасность, субъект, фактор, опасность, угроза, причинение ущерба, новые вызовы и угрозы, источники, методология, анализ.

OVCHINNIKOV Oleg Anatoljevich

Ph.D. in Law, associate professor, senior researcher of the Center for Security Studies of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor of the Department of Legal Support of National Security, Law and Order, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE STUDY OF MODERN THREATS TO PUBLIC SECURITY IN THE RUSSIAN FEDERATION**

Exploring the issues of modern threats to public safety (hereinafter referred to as the OB), like a separate system of knowledge, we decided to choose as a methodological basis a systematic analysis of the problems of ensuring security in this area, using methods of analyzing legislative and other regulatory legal acts, generalizing in real conditions the results of practical activities to ensure OB.

As part of the consideration of the stated topic, such categories as threat and danger were studied, and it was proposed to take into account their distinctive features. Political and economic factors, as well as threats from terrorist and extremist crimes, are given as examples of security threats.

Keywords: public safety, national security, subject, factor, danger, threat, damage, new challenges and threats, sources, methodology, analysis.

Современное отношение к угрозам ОБ формировалось на протяжении прошлого столетия и в первой четверти нынешнего века в результате развития правовой мысли, подготовки предложений по совершенствованию законодательных и иных нормативных правовых актов, построения организационных структур в этой сфере. Сама дефиниция «ОБ», учитывая точку зрения общепризнанных корифеев науки, не относится к чему-то оригинальному, в обороте ученых-административистов искони и весьма широко применяется [1, с. 4].

В настоящее время юридическое основание исследования вопросов построения гипотез и практики обеспечения ОБ содержится в статье 72 Конституции Российской Федерации, определяющей, что в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации пребывает и ОБ. Относительно этого конституционного положения следует учитывать некоторые взгляды авторитетных исследователей [2, с. 47], и с этим следует согласиться, которые предлагают применить телеологическое толкование данной нормы, что в итоге позволит изменить направленность достижения определенного результата.

Также в Федеральном законе «О безопасности» от 28.12.2010 № 390-ФЗ содержатся основополагающие начала обеспечения безопасности, среди которых «приоритет предупредительных мер в целях обеспечения безопасности» (ст. 2, п. 4), что подразумевает, первоочередные действия по принятию превентивных мер в отношении образуемых угроз.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (пп.3 п. 26), утвержденной Указом Президентом Российской Федерации 2 июля 2021 года № 400, определено, что обеспечение национальных интересов осуществляется, в том числе посредством реализации национальных приоритетов, среди которых ОБ.

Исходя, из этого считаем нужным четко очертить и определить ряд характеристик этому понятию, в том числе: терминологию, уяснение сущности ОБ, разграничение со смежными отношениями (безопасность, правопорядок, общественный порядок), угрозы ОБ и их сущность, содержание. Вот на последнем параметре – угрозы ОБ – построим наше исследование.

Термин «ОБ» законодательно не закреплен. Имеет разные интерпретации (подходы) к содержательной части. Отсутствие единого подхода в значительной степени усложня-

* Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания «Комплексное исследование проблем общественной безопасности, как стратегического приоритета национальной безопасности Российской Федерации» (FFZ-2025-0001).

** The article was prepared as part of the implementation of the state task «Comprehensive study of public security issues as a strategic priority of the national security of the Russian Federation» (FFZ-2025-0001).

ет правоприменение в определении угроз. Поэтому крайне важно сформулировать преимущественно принципиальные позиции в этом вопросе, с целью основополагания при разработке в перспективе законодательных инициатив.

Объемность проблемы, многосторонняя сущность содержания ОБ и ее обеспечение требуют наряду с принципом концептуальности также проведение методологических подходов в исследовании познания правовой, экономической и социальной окружающей действительности, из которых вытекают угрозы рассматриваемой совокупности общественных отношений.

Угрозы ОБ представляют собой всестороннее значение, а потому их исследование сложный и многоаспектный процесс. Исходя из этого, изучение таких угроз не сможет объединить одна публикация. Потребуется ряд заключительных выводов с тем, чтобы представить хоть какую-то картину этим явлениям.

Начнем с того, что проведем познание методом анализа и использования общепризнанных инструментов. Так, значение слова анализ (от греческого – разложение, расчленение) – это метод научного исследования, состоящий в мысленном или фактическом разложении целого на составные части [5, с. 17], который должен завершаться обобщающими выводами, оценкой ситуации, и выведением их на прогнозирование. Таким образом, с помощью анализа проводится исследование сложных явлений и процессов, которые оказывают влияние на развитие общественных отношений.

Исходя из этого, представляется возможность раскрыть сущность и содержание методологических основ исследования угроз ОБ.

Методологические основы исследования угроз ОБ – это система принципов и методов, позволяющая осуществлять познание на основе широкого научного мировоззрения, достаточно объективного представления об окружающей действительности, общечеловеческих ценностях и использования всей совокупности апробированных общенаучных и частнонаучных методов.

В результате этого, к частной методологии исследования угроз общественной безопасности относится решение следующих проблем:

– уяснение квинтэссенции угроз ОБ;

– установление основных детерминантов для изучения и оценки угроз ОБ;

– обозначение первостепенных мер по нейтрализации угроз ОБ.

Определение угроз национальной безопасности, их сущности – это «совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность причинения ущерба национальным интересам» страны (п. 5 ст. 5 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 2 июля 2021 года), к которым относятся объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии.

Рассматривая с точки зрения проблем обеспечения национальных интересов и ОБ, то отмечаем их эпистемологическую взаимосвязь. Система принципов и способов организации исследования предлагает уяснение общего от частного, особенного в содержании понятия «угроза», применяемого в общегосударственных документах и периодической печати.

В Концепции общественной безопасности в Российской Федерации, утвержденной Президентом Российской Федерации 14.11.2013 № Пр-2685 сформулирована дефиниция категории ОБ, как «реализация определяемой государством системы политических, организационных, социально-экономических, информационных, правовых и иных мер, направленных на противодействие преступным и иным противоправным посягательствам, а также на предупреждение, ликвидацию и (или) минимизацию последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (п. «б» ст. 6). Срок применения этого документа стратегического планирования завершен, однако официально действие Концепции не признано утратившим силу, поэтому следует полагаться на имеющееся легальное определение.

Также в этом документе содержится понятие, что является угрозой ОБ – прямая или косвенная возможность нанесения ущерба правам и свободам человека и гражданина, материальным и духовным ценностям общества.

По прошествии времени, и это надо признать, общественные отношения интенсивно развиваются и приобретают иной характер, в том числе и угрозы ОБ. Поэтому требуется современный анализ в этой сфере.

Прежде всего, в рамках нашей статьи при изучении категории «угроза» обратим внимание на природу другого свойства, близкого по значению – «опасность».

Представляется интересным, с нашей точки зрения, исследование И. А. Сушковой, которая изучила вопросы, связанные с понятиями «угроза», «опасность», «вызов» и «риск», и установила факт об их тождественности, объясняя такую ситуацию с показываемым общим значением этими понятиями – причинением ущерба, что приводит к несколько искаженной оценке реальности [4, с. 11].

В то же время нельзя не согласиться с тем фактом, что «угроза» и «опасность» являются непременными спутниками в жизни человека и общества, а также в деятельности государства.

При этом если опасность отнесем к свойству среды или социальному явлению, окружающие объект защиты, которые только при определенных условиях способны привести к нежелательным последствиям.

То при угрозе определенные свойства среды или социального явления не только способны, но и представляют намерение нанести ущерб. Поэтому понятие «угроза» имеет наиболее явственную сущность, по сравнению с понятием «опасность».

Таким образом, угроза представляет существующее и очевидное причинение ущерба, а опасность являет собой безопасность при определенных свойствах среды или социального явления.

При такой классификации, отличительных признаках каждой из рассмотренных категорий, возникают некоторые противоречивые суждения. Одно из них состоит в том, что угроза ОБ предполагает значение, как угроза отсутствия общественной угрозы (безопасности). Однако такой подход сформировался на определенном историческом этапе и, как полагаем, без всякого на тот период времени методологического анализа научного знания.

Следует согласиться и с позицией И. Б. Кардашовой, по мнению которой «только лингвистического толкования понятия безопасности недостаточно, поскольку под отсутствием опасности подразумевается возможность достижения некоторой идеальной ситуации. В реальной жизни всегда существовали и существуют опасности самого различного характера. Категория «безопасность» не абсолютна, а только относительна и смысловое значение приобретает только в связи с конкретными объектами или сферой человеческой деятельности и окружающего мира» [3, с. 28-29].

В настоящее время выражения «угроза безопасности» (Федеральный закон № 390-ФЗ от 28.12.2010), «угроза национальной безопасности» (Стратегия национальной безопасности Российской Федерации», утв. Указом Президентом РФ 02.07.2021 № 400) и «угроза общественной безопасности» (Концепция общественной безопасности в Российской Федерации, утв. Президентом РФ 14.11.2013 № Пр-2685) применяются как в общегосударственных источниках, так и стали обыденными в научных исследованиях. Поэтому остаемся в общем фарватере сложившихся правовых и организационных систем.

Отдельно остановимся на исследовании угроз ОБ, их сущности и содержания как сложных социально-политического факторов в России.

В современных условиях общество сталкивается с многочисленными и разнообразными угрозами, в том числе в сфере ОБ, которые сочетают в себе взаимодействие различных детерминантов (политических, социальных, экономических, военных и других), исходящих как от внутренних источников, когда их проявления находятся на территории страны, так и

внешних источников, когда их проявления находятся за пределами государственных границ.

Рассмотрим некоторые из них.

Так, например, противоборства и конфликты между политическими партиями и движениями, социальными группами, союзами и ассоциациями, сопряженные с их острейшей борьбой, порождают порой угрозы ОБ, являются следствием внутренней политики государства. Такое противоборство может являться порождением несогласованных действий правового, организационного и межведомственного характера между федеральным центром и субъектами Российской Федерации, или проявлением регионального экономического сепаратизма. Это создает напряжение и раздражение в обществе, которое является не просто маргинальным шумом, а массовым настроением, способным в итоге привести к беспорядкам и конфликтам.

Также противоречия, противопоставления одной группы социума другой в социальной сфере представляют собой интегративные результаты, влияющие на распространение угроз ОБ, а источники могут быть внутренними и внешними.

Российской Федерацией в рамках проводимой работы по государственному мониторингу в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций только за 2025 год выявлено 446 информационных поводов, генерированных формированием на отдельных территориях нашей страны несвойственных им мест повышенной концентрации определенных этнических общностей, обусловленных, в том числе миграционными процессами (в 2024 году выявлено 370 подобных информационных поводов, рост на 21 %). Такие негативные явления, если своевременно не принять меры превентивного характера, могут перерасти в неконтролируемое, неуправляемое поведение наиболее агрессивных граждан и создавать угрозу не только ОБ, но и государственной. На это косвенно указывает принцип «приоритет предупредительных мер в целях обеспечения безопасности» (п. 4), закрепленный в статье 2 Федерального закона «О безопасности» от 28.12.2010 № 390-ФЗ.

Еще одной детерминантой является экономический фактор, способный создать угрозу ОБ на основе, например, расслоения общества по качеству жизни, низкого уровня душевого дохода, «нагрузке» на отдельные субъекты страны от неконтролируемых внешних миграционных процессов.

Обратим внимание на интересные, по нашему мнению, инструменты исследования для выявления лучших практик муниципального управления и их масштабирования на уровне субъектов при определении наиболее благополучного состояния в сфере ОБ. Так, Финансовым университетом при Правительстве Российской Федерации по итогам 2025 года проведен аналитический отчет, включающий исходные данные мониторинга качества жизни в городах страны. Через посредство весовых коэффициентов включены 11 показателей по следующим направлениям:

– уровень материального благополучия;
– доступность недвижимости;
– качество медицинского обслуживания населения;
– состояние экологической среды в городе;
– работа учреждений среднего и высшего образования;
– доступность культурных ценностей, а также возможности для самореализации;
– состояние дорожного хозяйства;
– работа жилищно-коммунального хозяйства;
– оценка работы городских властей;
– распространенность деструктивного поведения;
– конфликтность общественных отношений.

Указанные направления при оценке состояния качества жизни позволили составить значение индекса по шкале от 0 до 100. И только 39 столиц в субъектах определены в параметрах от наиболее высокого – 75,2, до среднего – 57,4. Есть в этом отчете еще 11 городов, которые имеют индекс в указанных параметрах и расположены в ряде субъектов. То есть это те города с населением, имеющим относительно благоприятное качество жизни, и могут рассчитывать на состояние безопасности. Это настораживающие результаты мониторинга.

Не следует оставаться в стороне от еще одной совокупности угроз ОБ, которые являются как внутренними, так и внешними источниками, – проявления экстремизма и терроризма.

В 2025 году, зарегистрировано 5920 преступлений террористического характера, на 59,4% больше аналогичного периода 2024 года, и 2241 преступление экстремистской направленности, с ростом на 30,4%, что особенно значимо с проведением специальной военной операции.

На эти угрозы в декабре 2025 года обратил особое внимание председатель НАК, Директор ФСБ России А. В. Бортников на итоговом совместном заседании НАК и ФОШ. Акценты сделаны на возросшие масштабы вербовочных устремлений к российским гражданам, прежде всего молодым людям, с целью вовлечения их в преступную деятельность. При этом выделены факты совершения террористических преступлений несовершеннолетними. Тем усугубляется ситуация, когда школьники – юные информаторы добровольно сотрудничают за символическое денежное вознаграждение, готовятся совершить теракт, или передают сведения для осуществления террористических атак противника по мирному населению. Такими негативными факторами являются, например, пресечение в декабре 2025 года теракта в Лебедянском районе Липецкой области, который планировали совершить подростки по заданию украинских спецслужб, установившие контакт через мессенджер «Телеграм». Или совершенная атака противника на уральский мегаполис (г. Екатеринбург) 25 апреля этого года с использованием информации, полученной от юных руферов.

А. В. Бортников также указал и на интенсивность распространения со стороны международных террористических организаций радикальных идей среди иностранных граждан из Центральной Азии, поток которых в страну по-прежнему остается значительным.

В целом общественно опасные деяния, вызванные криминогенной ситуацией, создают угрозу жизненно важным интересам личности, общества и государства.

Несмотря на изучение целого ряда методологических проблем, научным сообществом по протяженности во времени и глубине погруженности в вопросах, касающихся закономерностей, принципов и методов деятельности по обеспечению ОБ, современные процессы формируют новые подходы системного и комплексного характера к угрозам в этой сфере.

В заключении следует указать, что содержащиеся в исследовании предложения, безусловно, не являются истиной в последней инстанции и, тем более – бесспорными.

Пристатейный библиографический список

1. Гирько С. И. Современный вектор развития Концепции общественной безопасности Российской Федерации // Административное право и процесс. – 2020. – № 8. – С. 1-10.
2. Ирошников Д. В. Отражение категории «безопасность» и производных от нее понятий в Конституции Российской Федерации (в свете поправок 2020 года) // Вопросы безопасности. – 2021. – № 3. – С. 44-59.
3. Кардашова И. Б. Основы теории национальной безопасности: учебник для вузов / 3-е изд. – М.: Издательство Юрайт, 2024. – 334 с.
4. Сушкова И. А. Соотношение и взаимосвязь понятий «вызов», «опасность», «угроза», «риск» // Экономическая безопасность и качество. – 2018. – № 4 (33). – С. 10-15.
5. Яськов Е. Ф. Теория и практика социального управления. – М.: Академия управления МВД России, 1997. – 270 с.

ПОПОВА Светлана Сергеевна
кандидат юридических наук, доцент кафедры правовых основ управления, Факультет государственного управления, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

НИКОЛАЕВ Артём Игоревич
магистрант 2-го курса кафедры правовых основ управления, Факультет государственного управления, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

ПРИНЦИПЫ И КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ АНТИКОРРУПЦИОННЫХ МЕР

В статье проведен анализ методологических подходов к оценке эффективности противодействия коррупции. Выявлены недостатки существующих теоретических и практических подходов оценки эффективности антикоррупционных мер. Предложены принципы формирования критериев оценки эффективности антикоррупционных мер. Результативность оценки эффективности антикоррупционных мер исходит из необходимости измерения реального уровня коррупции. Принцип дифференциации основан на разделении критериев оценки эффективности в зависимости от специфики оцениваемого объекта. Принцип независимости от верифицируемости предполагает использование объективной информации при оценке эффективности. Требуется также обеспечивать сбалансированность количественных и качественных показателей эффективности и придерживаться механизмов прозрачности деятельности органов власти.

Ключевые слова: противодействие коррупции, эффективность, критерии оценки, антикоррупционная деятельность.

POPOVA Svetlana Sergeevna
Ph.D. in Law, associate professor of Legal foundations sub-faculty, Faculty of Public Administration, M. V. Lomonosov Moscow State University

NIKOLAEV Artem Igorevich
magister student of the 2nd course of Legal foundations sub-faculty, Faculty of Public Administration, M. V. Lomonosov Moscow State University

PRINCIPLES AND CRITERIA FOR EVALUATING THE EFFECTIVENESS OF ANTI-CORRUPTION MEASURES

The article analyzes methodological approaches to assessing the effectiveness of anti-corruption measures. It identifies the shortcomings of existing theoretical and practical approaches to assessing the effectiveness of anti-corruption measures. The article proposes principles for forming criteria for assessing the effectiveness of anti-corruption measures. The effectiveness of assessing the effectiveness of anti-corruption measures is based on the need to measure the actual level of corruption. The principle of differentiation is based on the division of criteria for assessing effectiveness, depending on the specific nature of the object being evaluated. The principle of independence from verifiability involves the use of objective information in assessing effectiveness. It is also necessary to ensure a balance between quantitative and qualitative indicators of effectiveness and to adhere to mechanisms for transparency in the activities of government bodies.

Keywords: anti-corruption, effectiveness, evaluation criteria, anti-corruption activities.

Противодействие коррупции требует от общества значительных издержек – финансовых, трудовых, материальных, информационных. В связи с этим актуальным является вопрос оценки эффективности антикоррупционных мер. Оценка эффективности антикоррупционных мер позволяет:

– усовершенствовать организационные и методические мероприятия для повышения эффективности использования государственных ресурсов;

– скорректировать принимаемые долгосрочные документы в сфере противодействия коррупции;

– снизить негативные эффекты не только непосредственно в государственном секторе, но и в других отраслях и сферах деятельности;

– повысить институциональное доверие граждан и общества к органам государственной власти.

Понятие «эффективность» является междисциплинарным и применительно к сфере государственного управления может обретать определенные особенности. Например, Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»[1] оперирует понятием «эффективность» в нескольких контекстах:

при определении содержания некоторых документов долгосрочного планирования (п.п. 27, 35 ст. 3) – исходя из того, что такие документы включают в себя такой комплекс мероприятий, который обеспечивает наиболее эффективное достижение их целей и задач;

как один из принципов стратегического планирования (ч. 1 ст. 7);

при непосредственном определении содержания принципов результативности и эффективности, предполагающих необходимость достижения заданных результатов с наименьшими затратами ресурсов (ч. 6 ст. 7). Таким образом, эффективность в этом контексте рассматривается как соотношение между полученными результатами и затраченными на это ресурсами;

при раскрытии задач стратегического планирования и определении целей и задач мониторинга реализации документов стратегического планирования – как цель использования необходимых ресурсов (п. 4 ст. 8) и инструмента совершенствования системы стратегического планирования (ч. 1 ст. 40).

Отдельные вопросы оценки эффективности государственных программ раскрываются в Постановлении Правительства РФ от 26.05.2021 № 786 «О системе управления государственными программами Российской Федерации»[2]: субъекты оценки эффективности, порядок отбора показателей эффективности и их учета при мониторинге государственных программ.

Вопрос оценки эффективности антикоррупционных мер был предметом ряда научных исследований.

В работе В. Д. Перевалова и С. Д. Хазанова рассмотрены методологические основы оценки эффективности мер противодействия коррупции [3]. Ряд положений данного исследования заслуживает особого внимания. Например, предложение о дифференциации используемых критериев оценки эффективности [3, с. 29]. Можно также дополнить,

1 Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 26. – Ч. I. – Ст. 3378.

2 Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 23. – Ст. 4042.

что все критерии эффективности противодействия коррупции целесообразно разделить на универсальные (общие) и специальные (частные) – здесь предлагается учитывать общие основы борьбы с рассматриваемым явлением и частные, характерные для конкретных сфер деятельности. Стоит особо отметить позицию авторов относительно того, что оценка эффективности антикоррупционных мер требует оценки альтернативных, кроме количественных показателей [3, с. 29].

Особое внимание требуется уделять источникам информации, используемым для расчета показателей эффективности антикоррупционных мер [3, с. 30]. Требуется комплексный подход к использованию таких источников: учет не только отчетов и данных органов государственной власти, но и использование иных источников информации.

В работе другой группы авторов отмечена возможность дифференциации оценки эффективности противодействия коррупции и предложено поставить ее в зависимость от:

географических (региональных) аспектов с учетом типовых сходств коррупционных проявлений в отдельных регионах;

сфер деятельности (здравоохранение, транспорт, ЖКХ и др.) [1, с. 616].

И. В. Тепляшин и И. В. Макаров предложили классифицировать критерии эффективности противодействия коррупции по следующим основаниям:

по содержанию – количественные и качественные критерии;

по способу установления – установленные органами государственной власти; установленные негосударственными организациями;

по механизму и способам использования критериев: правовые, социальные, экономические, управленческие, идеологические, социальные [5].

Выбор критериев эффективности антикоррупционных мер во многом зависит и от методики оценки. В качестве одного из направлений оценки эффективности антикоррупционных мер исследователи выделяют социологические опросы, в том числе метод экспертных оценок [4]. Нормативное закрепление получила методика проведения социологических исследований в целях оценки уровня коррупции на уровне субъектов Российской Федерации[3].

Анализ практико-ориентированных методик оценки эффективности противодействия коррупции, принятых органами власти разных уровней[4], позволяет сделать некоторые выводы:

методики основаны в основном на оценке формального выполнения процедур, но не реального снижения уровня коррупции – этот недостаток требуется учитывать при разработке критериев оценки эффективности антикоррупционных мер вне зависимости от сферы и уровня их применения. Только лишь соблюдения установленных порядков не будет достаточным и необходимым условием снижения уровня коррупции;

основной источник данных – и из этого формулируются критерии оценки эффективности – внутренние отчеты органов власти, в методиках не предполагается проведение независимых оценок;

информационная открытость органов власти как один из критериев оценки эффективности антикоррупционных мер оценивается в основном по формально-техническим показателям (наличие гиперссылок, доступность сайта, наличие файлов и т.д.), а не по содержательным критериям. Таким образом, прозрачность органов власти оценивается утилитарно – как публикация соответствующей информации, но не ее реальное использование гражданами и организациями;

смешение управления рисками и антикоррупционного мониторинга.

Полагаем, что при формировании критериев оценки эффективности антикоррупционных мер следует руководствоваться следующими принципами:

результативности. Предполагает измерение реального уровня коррупции после принятых мер, а не только фактов выполнения формальных процедур;

дифференциации. Предусматривает разделение критериев оценки эффективности в зависимости от направлений, сфер и уровней противодействия коррупции;

независимости и верифицируемости. При оценке эффективности необходимо использовать не только внутренние отчеты органов и организаций, но и внешние источники;

обеспечения сбалансированности количественных и качественных показателей;

содержательной прозрачности деятельности органов власти.

Кроме того, в оценке эффективности антикоррупционных мер следует особое внимание обратить на принципы формирования органов государственной власти и местного самоуправления с учетом принципа единства публичной власти и недопустимости вмешательства «теневых форм политического рынка» [2] в деятельность органов публичной власти.

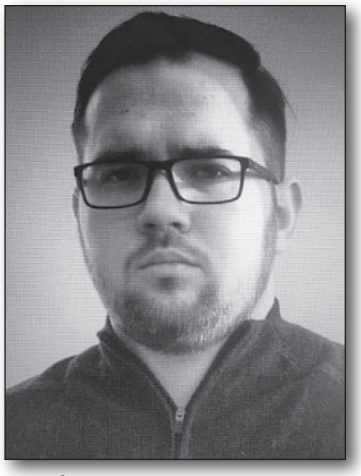
Пристатейный библиографический список

1. Бабелюк Е. Г., Савин С. Д., Щепельков В. Ф. О национальной системе мониторинга эффективности противодействия коррупции // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12. № 5. – С. 613-621.
2. Бондарь Н.С. Конституция против коррупции: о формировании национальной конституционно-правовой модели антикоррупционной деятельности // Журнал российского права. – 2022. – № 4. – С. 36-55.
3. Перевалов В. Д., Хазанов С. Д. О методологических основах оценки эффективности мер противодействия коррупции // Российский юридический журнал. – 2016. – № 2. – С. 22-31.
4. Смирнова Т. В. Особенности и методика применения экспертного исследования при оценке эффективности противодействия коррупции // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. – 2021. – Т. 5. № 3. – С. 275-280.
5. Тепляшин И. В., Макаров И. В. Критерии эффективности противодействия коррупции: некоторые правовые вопросы // Актуальные проблемы правового, экономического и социально-психологического знания: теория и практика. – 2020. – С. 339-343.

3 Постановление Правительства РФ от 25 мая 2019 г. № 662 «Об утверждении методики проведения социологических исследований в целях оценки уровня коррупции в субъектах Российской Федерации» // Гарант. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/72255554/ (дата обращения: 29.04.2026).

4 Методика оценки эффективности деятельности по предупреждению и противодействию коррупции в государственных или муниципальных учреждениях, унитарных предприятиях, функции и полномочия учредителя, в отношении которых осуществляют органы исполнительной власти Оренбургской области или органы местного самоуправления Оренбургской области. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mcx.orb.ru/upload/uf/2a5/Metodika-otsenki-effektivnosti.pdf (дата обращения: 20.04.2026) @@ Методика оценки эффективности деятельности по предупреждению коррупции в государственных и муниципальных учреждениях, унитарных предприятиях, в отношении которых функции и полномочия учредителя осуществляют исполнительные органы Ростовской области и органы местного самоуправления муниципальных образований в Ростовской области. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sad215rnd.ru/wp-content/uploads/2024/08/metodika-oczenki-effektivnosti-deyatelnosti-po-preduprezhdeniyu-korrupcziiv-gosudarstvennyh-i-municz_compressed.pdf (дата обращения: 20.04.2026) @@ Методика оценки эффективности деятельности подразделений кадровых служб по профилактике коррупционных и иных правонарушений (утв. Министерством труда и социальной защиты РФ). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71754594/ (дата обращения: 20.04.2026) @@ Методика оценки эффективности деятельности подразделений кадровых служб по профилактике коррупционных и иных правонарушений. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://10.rospotrebnadzor.ru/upload/medialibrary/6c7/metodika-otsenki-effektivnosti-mintrud-2018.pdf (дата обращения: 20.04.2026) – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Методические рекомендации для проведения мониторинга и оценки эффективности реализации антикоррупционных мер в исполнительных органах Челябинской области. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://anticor.gov74.ru/files/upload/anticor/МЕТОДИКА%20-%20ИТОГ.pdf (дата обращения: 20.04.2026).

АГАФОНОВ Дмитрий Леонидович
аспирант 3-го курса по научной специальности 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки, Институт права, Самарский государственный экономический университет

Агафонов Д. Л.

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Категория «антикоррупционная кадровая политика» в целом представляет собой многоаспектный феномен, требующий междисциплинарного осмысления через призму юридической науки, политологии, социологии и экономической теории. В современной научной литературе отсутствует единообразное понимание данного понятия, что отражает сложность и многогранность самого явления коррупции как социально-правового деструктива. Динамичность социальных процессов и появление новых форм коррупционных практик обусловливают необходимость постоянной адаптации антикоррупционной стратегии к меняющимся условиям и реалиям. В статье проанализирован механизм формирования антикоррупционной кадровой политики государственной службы, раскрыта ее специфика, дана оценка эффективности и определены перспективные направления совершенствования системы противодействия коррупции в указанной сфере.

Ключевые слова: государственная служба, кадровая политика, антикоррупционный механизм, противодействие коррупции, коррупционные детерминанты.

AGAFONOV Dmitry Leonidovich
postgraduate student of the 3rd course in scientific specialty 5.1.2. Public Law (Public Law) Sciences, Institute of Law, Samara State University of Economics

ANTI-CORRUPTION PERSONNEL POLICY IN THE CIVIL SERVICE SYSTEM IN THE RUSSIAN FEDERATION

The category of "anti-corruption personnel policy" as a whole is a multidimensional phenomenon that requires interdisciplinary understanding through the prism of legal science, political science, sociology and economic theory. There is no uniform understanding of this concept in the modern scientific literature, which reflects the complexity and versatility of the phenomenon of corruption itself as a socio-legal destructive. The dynamism of social processes and the emergence of new forms of corruption practices necessitate the constant adaptation of the anti-corruption strategy to changing conditions and realities. The article analyzes the mechanism of formation of the anti-corruption personnel policy of the civil service, reveals its specifics, evaluates its effectiveness and identifies promising areas for improving the anti-corruption system in this area.

Keywords: civil service, personnel policy, anti-corruption mechanism, anti-corruption, corruption determinants.

Принципиальное значение для понимания сущности антикоррупционной кадровой политики в системе государственной службы имеет вопрос о её соотношении с более широкой категорией правовой политики государства. Дискуссионным остается вопрос о содержательном наполнении понятия антикоррупционной кадровой политики и предлагаемых структурных компонентов, таких как концептуально-целевой блок (определение стратегических приоритетов), нормативно-правовой блок (формирование законодательной базы), институциональный блок (создание специализированных органов), организационно-управленческий блок (координация деятельности субъектов противодействия коррупции) и информационно-просветительский блок (формирование антикоррупционной культуры).

Подобная структуризация позволяет более четко определить направления государственной активности в антикоррупционной сфере, однако она не учитывает динамический аспект, связанный с механизмами адаптации кадровой политики к изменяющимся условиям.

Формирование эффективной антикоррупционной кадровой политики невозможно без глубокого понимания причин и условий, детерминирующих коррупционное поведение государственного служащего. Гилязутдинова С. Р. и Акимова Н. В., анализируя особенности детерминации коррупции в России, выделяют три группы факторов: «институционально-правовые (несовершенство законодательства, сложность и непрозрачность административных процедур), социально-экономические (низкий уровень жизни отдельных категорий населения, имущественное расслоение общества) и социокультурные (патерналистские установки, толерантность к коррупционному поведению, недоверие к государственным институтам)» [1].

К числу институционально-правовых детерминант коррупции следует отнести концептуальные пробелы в системе российского антикоррупционного законодательства. Шевердяев С. Н. обращает внимание на «отсутствие единого кодифицированного акта, систематизирующего антикоррупционные нормы, фрагментарность правового регулирования, терминологическую неопределенность базовых понятий, недостаточную детализацию механизмов предупреждения коррупции» [2]. Подобная нормативная неопределенность создает предпосылки для расширительного толкования законодательных предписаний и избирательного правоприменения.

Особую роль в детерминации коррупции играет чрезмерная бюрократизация административных процедур и наличие широких дискреционных полномочий у государственных служащих. Двойменный И. А. справедливо указы-

вает, что «сложность и непрозрачность процедур получения разрешительной документации, множественность инстанций согласования, отсутствие четких критериев принятия решений создают благоприятную среду для коррупционных практик» [3]. Административные барьеры выступают своеобразным «стимулом» для граждан и представителей предпринимательской среды к поиску неформальных способов решения вопросов, что воспроизводит коррупционные отношения.

Социально-экономические детерминанты коррупции связаны с противоречиями экономического развития и социальной дифференциацией общества. Смирнова О. А. и Челак С. В. подчеркивают, что «коррупция выступает одновременно и препятствием к экономическому росту, и его следствием, поскольку концентрация экономических ресурсов в руках узкой группы лиц стимулирует использование коррупционных механизмов для сохранения привилегированного положения» [4]. Подобная диалектическая взаимосвязь коррупции и экономического неравенства порождает замкнутый круг, разорвать который возможно лишь посредством комплексных институциональных преобразований.

Не менее значимыми являются социокультурные детерминанты коррупционного поведения в системе государственной службы. Исследователи обращают внимание на устойчивость патримониальных традиций в российском обществе, восприятие публичной службы как источника личного обогащения, распространенность практик «блата» и протекционизма [5]. Страхов А. П., анализируя факторы успеха антикоррупционной политики в постсоциалистических странах, приходит к выводу, что «наиболее эффективными оказываются те стратегии, которые учитывают культурную специфику и направлены на постепенную трансформацию социальных норм и ценностных ориентаций» [6].

Несмотря на масштабные усилия государства по формированию комплексной системы противодействия коррупции на государственной службе, результативность антикоррупционной кадровой политики остается недостаточной, что обусловлено рядом системных проблем. Цветков А. В., анализируя проблемы реализации антикоррупционной политики в России, выделяет следующие ключевые дисфункции: «преобладание репрессивного подхода над превентивными мерами; селективность правоприменения; формализация антикоррупционных процедур; недостаточная прозрачность деятельности органов власти; отсутствие действенного общественного контроля; слабость судебной системы» [7].

Преодоление системных дисфункций антикоррупционной кадровой политики требует комплексного подхода, предполагающего совершенствование как нормативно-правовых, так и институциональных механизмов. Родин О. А., исследуя механизмы совершенствования антикоррупционной политики, выделяет несколько приоритетных направлений: «кодификация антикоррупционного законодательства; создание специализированного антикоррупционного органа; развитие институтов общественного контроля; усиление международного сотрудничества; формирование антикоррупционной культуры» [8].

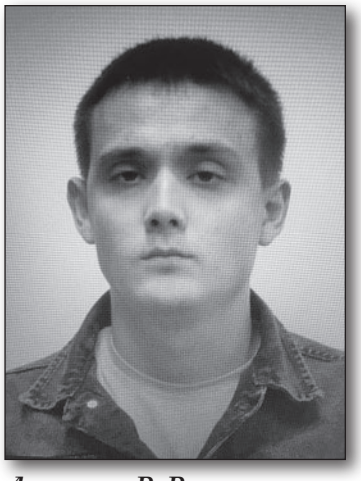
Первоочередной задачей представляется систематизация и кодификация антикоррупционного законодательства. Фрагментарность правового регулирования, распыленность антикоррупционных норм по множеству нормативных актов различного уровня создает трудности в правоприменении и порождает правовую неопределенность. Целесообразной представляется разработка и принятие единого кодифицированного акта - Антикоррупционного кодекса Российской Федерации или иного свода антикоррупционных правил, которые систематизировали бы все антикоррупционные нормы, устанавливали единую терминологию, закрепляли принципы и механизмы противодействия коррупции, в том числе в системе государственной службы.

Дискуссионным остается вопрос о целесообразности создания специализированного антикоррупционного государственного органа по аналогии с моделями, реализованными в ряде зарубежных государств. Сторонники данного подхода указывают на необходимость концентрации антикоррупционных полномочий в едином органе публичной власти, что позволит преодолеть межведомственную разобщенность и повысить эффективность противодействия коррупции. Противники обращают внимание на риски чрезмерной концентрации власти в одной структуре и возможность использования антикоррупционного органа в политических целях.

Пристатейный библиографический список

1. Гилязутдинова С. Р., Акимова Н. В. Особенности детерминации коррупции в России // В сборнике: Легализация предметов, приобретенных преступным путем, как разновидность и итог коррупции. Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. - М., 2021. - С. 22-25.
2. Шевердяев С. Н. Концептуальные пробелы в системе российского антикоррупционного законодательства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. - 2020. - № 1 (132). - С. 121-132.
3. Двойменный И. А. Основные аспекты антикоррупционной политики в России на современном этапе // Регион: системы, экономика, управление. - 2020. - № 2 (49). - С. 144-150.
4. Смирнова О. А., Челак С. В. Коррупция, как препятствие к экономическому росту и развитию Российской Федерации // Национальная безопасность и стратегическое планирование. - 2021. - № 1 (33). - С. 44-62.
5. Артюхин О. А., Крицкая А. А., Петченко Е. В. Современная антикоррупционная политика как механизм противодействия коррупции // В сборнике: Актуальные проблемы противодействия коррупции в современной России. Материалы Всероссийского круглого стола. - 2021. - С. 283-289.
6. Страхов А. П. Факторы успеха антикоррупционной политики в постсоциалистических странах // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. - 2021. - № 5 (165). - С. 242-264.
7. Цветков А. В. Проблемы реализации антикоррупционной политики в России // Государственная служба и кадры. - 2023. - № 5. - С. 123-126.
8. Родин О. А. Антикоррупционная политика в Российской Федерации: природа происхождения и механизмы совершенствования // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. - 2023. - № 4-2 (79). - С. 136-139.

ДАВЛЕТОВ Руслан Раилевич
аспирант 3-го курса по научной специальности 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки, Институт права, Самарский государственный экономический университет

Давлетов Р. Р.

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОЙ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Формирование современной системы антикоррупционного законодательства в Российской Федерации представляет собой процесс, характеризующийся определенной стадиальностью и постепенным расширением нормативно-правового массива. Сегодняшний этап развития правовой базы противодействия коррупции отличается специфическим подходом к определению приоритетов государственной политики в данном направлении и характеризуется совершенствованием, детализацией антикоррупционного законодательства, формированием комплексной нормативной базы, охватывающей различные аспекты противодействия коррупции. Отмечается важность стратегического планирования при формировании антикоррупционного законодательства, выделяется необходимость синхронизированности нормативных актов различного уровня, уточнения конкретных целевых показателей и средств мониторинга эффективности реализации антикоррупционных мер.

Ключевые слова: правовые акты, нормы права, юридическая ответственность, противодействие коррупции.

DAVLETOV Ruslan Railevich
postgraduate student of the 3rd course in scientific specialty 5.1.2. Public Law (Public Law) Sciences, Institute of Law, Samara State University of Economics

EVOLUTION OF THE LEGAL FRAMEWORK FOR COMBATING CORRUPTION IN THE MODERN RUSSIAN FEDERATION

The formation of a modern system of anti-corruption legislation in the Russian Federation is a process characterized by a certain degree of consistency and a gradual expansion of the regulatory framework. The current stage of development of the legal framework for combating corruption is characterized by a specific approach to determining the priorities of public policy in this area and is characterized by the improvement, detailing of anti-corruption legislation, and the formation of a comprehensive regulatory framework covering various aspects of anti-corruption. The importance of strategic planning in the formation of anti-corruption legislation is noted, the need for synchronization of regulations at various levels, clarification of specific targets and means of monitoring the effectiveness of anti-corruption measures is highlighted.

Keywords: legal acts, legal norms, legal responsibility, anti-corruption.

В настоящее время законодательство РФ в сфере противодействия коррупции носит межотраслевой характер и включает в себя нормы преимущественно административного и уголовного права, а также конституционного, финансового, трудового и некоторых других отраслей. Закон предусматривает ряд запретов и ограничений, которые, во-первых, ограничивают круг лиц, которые могут поступить на государственную или муниципальную службу, во-вторых, направлены на противодействие коррупционным проявлениям уже действующих сотрудников тех или иных государственных органах или органах местного самоуправления. Среди таких запретов можно выделить:

– осуществление предпринимательской деятельности;

– приобретение ценных бумаг, по которым может быть получен доход;

– получение от физических или юридических лиц вознаграждений за выполнение входящих в должностной регламент или должностную инструкцию обязанностей служащего.

Помимо этих существует и ряд других запретов и ограничений, подробный перечень которых содержится в Федеральном законе «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 № 79-ФЗ, Федеральном законе «О муниципальной службе в Российской Федерации» от 02.03.2007 № 25-ФЗ и иных законах, в том числе регулирующих прохождение отдельных видов государственной службы в РФ.

Нормы антикоррупционного законодательства содержатся и в иных нормативных актах, например в Федеральном законе «О системе государственной службы Российской Федерации» от 27.05.2003 № 58-ФЗ, Федеральном законе «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ и некоторых других.

Одним из этапов совершенствования нормативной основы борьбы с коррупцией является издание Указа Президента РФ «О мерах по противодействию коррупции» в 2008 году. Одним из новшеств, которые внес этот указ в механизм борьбы с коррупцией, стало учреждение Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции.

Помимо данного Указа, в 2008 году также были приняты нормативно-правовые акты в сфере противодействия коррупции. Среди них оказался и специальный закон, регулирующий соответствующие общественные отношения, – Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ. В нем нашли отражение основные принципы антикоррупционной деятельности государства, меры, принимаемые для достижения соответствующих целей, дано понятие конфликта интересов, и описан порядок его предотвращения и урегулирования, установлены виды ответственности за коррупционные правонарушения, а также закреплены ограничения, запреты и обязанности государственных служащих, направленные на снижение остроты коррупционной обстановки в стране. Необходимо отметить, что в связи с принятием данного федерального закона были внесены изменения и в другие нормативные акты. Этому был посвящен уже другой Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в свя-

зи с принятием Федерального закона «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 274-ФЗ.

В этот же день был принят еще один Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и принятием федерального закона «О противодействии коррупции» № 280-ФЗ. Он также был посвящен внесению изменений в отдельные законодательные акты в связи с ратификацией нескольких международных антикоррупционных конвенций: Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003 года и Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года (на сегодняшний день Россия денонсировала конвенцию). Благодаря принятию данного закона круг государственных служащих, на которых распространяются антикоррупционные запреты и ограничения, был расширен. Такое расширение стало дополнительной гарантией от возможных злоупотреблений.

Таким образом, вступление в силу перечисленных законодательных актов стало неким промежуточным итогом совершенствования нормативной базы противодействия коррупции. Многолетние усилия по поиску наиболее эффективных методов борьбы с коррупционной преступностью и с самим явлением коррупции нашли отражение в этих законах.

Однако нельзя сказать, что на этом нормотворческая деятельность государства в данном направлении была завершена. Каждые несколько лет Президентом РФ утверждается Национальный план противодействия коррупции. В настоящее время мероприятия Национального плана на 2021-2024 гг. выполнены, однако на предстоящий период Национальный план Президентом РФ пока не утвержден. Необходимость столь частого принятия нового плана обусловлена тем, что коррупция продолжает свое существование и видоизменяется, совершенствуется и адаптируется к новым условиям общественной жизни. Государство не может не реагировать на такие изменения. Поэтому ему также приходится искать новые методы и средства профилактики, предупреждения и противодействия коррупции.

Положения Национального плана посвящены совершенствованию различных сторон процесса антикоррупционной деятельности. В частности, в нем содержатся главы о совершенствовании системы запретов и ограничений, порядка проведения проверок доходов, расходов и имущества государственных служащих, борьбы с коррупцией в сфере государственных закупок. План также содержит положения о необходимости тесного международного сотрудничества по борьбе с коррупцией, о целесообразности и эффективности применения современных цифровых технологий в этом нелегком деле. Последнее особо актуально, поскольку мы живем в веке компьютеризации и цифровизации. Виртуальное взаимодействие занимает значительную часть нашей жизни, в том числе и делового сотрудничества. Государственные органы взаимодействуют с бизнес-структурами для обеспечения своей деятельности. Сфера государственных закупок – одна из самых рискованных в плане подверженности коррупции. Государственные закупки сейчас, как правило, осуществляются с использованием электронных площадок. По мнению многих исследователей, цифровизация контрактной системы может внести значительный вклад в повышение эффективности борьбы с коррупцией в данной сфере [1]. Поэтому необходимость совершенствования цифровых технологий противодействия коррупции не подвергается сомнению. Национальный план охватывает этот и многие другие вопросы в сфере противодействия коррупции, поэтому его важность для нашего государства трудно переоценить. В качестве еще одной особенности Национального плана можно выделить то, что он является основой для создания различных государственных программ, которые также представляют собой важный инструмент, необходимый для успешной борьбы с коррупцией.

Помимо федерального нормотворчества издание актов в сфере противодействия коррупции ведется и на уровне субъектов РФ. Так существует Закон Самарской области от 10 марта 2009 года № 23-ГД «О противодействии коррупции в Самарской области». В нем закреплены задачи, принципы, основные направления и формы борьбы с коррупцией на уровне субъекта РФ – Самарской области. В частности, в данном законе довольно большое внимание уделено системе мер по противодействию коррупции, подробно описана процедура антикоррупционной экспертизы нормативных актов. Также в качестве мер выделяют антикоррупционный мониторинг, образование и пропаганду, предоставление отчетов, контроль. В законе также названы субъекты антикоррупционной деятельности и особый орган, образуемый губернатором – комиссия по координации работы по противодействию коррупции в Самарской области [2].

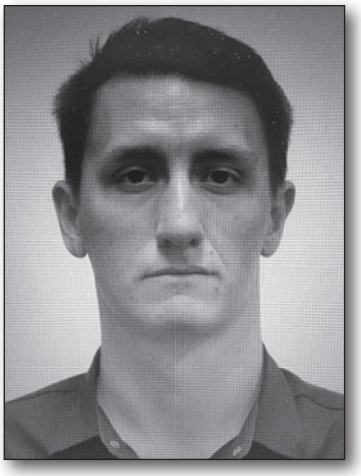
Однако, как отмечают специалисты, на уровне регионов антикоррупционная работа в плане законодательного регулирования ведется менее эффективно, чем на уровне федерации. К примеру, К. В. Севрюгин утверждает, что в части регулирования отношений по противодействию коррупции в регионах существуют некоторые проблемы. По его мнению, сдерживающим фактором, повышения результативности соответствующей деятельности являются пробелы в законодательстве [3].

Подводя итог сказанного выше, можно сделать вывод о том, что те шаги, которые предприняты в сфере правового регулирования, были необходимы и как бы очевидны. Без построения системы, нормативных актов трудно урегулировать какую бы то ни было сферу человеческой деятельности. Проблема противодействия коррупции не может быть решена иными общественными регуляторами, кроме правового воздействия на общественные отношения. Мораль, религия здесь бессильны хотя бы потому, что каждый понимает их по-своему, и у каждого своя точка зрения на эти вещи. А вот право – универсальный регулятор, который в случае невыполнения нормативных предписаний добровольно может применять такой инструмент как государственное принуждение, подкрепленное силой правосудия. Поэтому первое, на что законодателю следует обратить внимание – это совершенствование законодательства путем разработки собственных норм, основанных на правоприменительном опыте нашей страны, а также путем имплементации норм международного права [4]. Выстроив такую систему нормативных актов и дополняя ее новыми актуальными элементами, государство сможет с определенной долей успеха реализовывать антикоррупционную политику. Однако для повышения ее эффективности потребуются нововведения не только непосредственно в законодательство, посвященное противодействию коррупции, но и в смежные его отрасли: законодательство о системе государственных закупок, о государственной службе и так далее. Важно отметить, что одним лишь закреплением правовых норм проблему не решить. Для уменьшения уровня коррупции в стране потребуется провести еще ряд мероприятий организационного и иного характера [5].

Пристатейный библиографический список

1. Расулев А., Исмоилов Б. Организационно-правовые аспекты применения цифровых технологий в противодействии коррупции: зарубежный опыт правоприменительной практики // Общество и инновации. – 2020. – № 2. – С. 304.
2. Закон Самарской области от 10 марта 2009 года № 23-ГД «О противодействии коррупции в Самарской области» (с изм. от 19.03.2026). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/945022399 (дата обращения: 25.04.2026).
3. Мацнев А. А., Исламов Ф. И. Противодействие коррупции в российском обществе начала XXI в.: социологические и социально-правовые аспекты // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2017. – № 1 (194). – С. 117.
4. Рогожкин Н. А. Право против коррупции. Проблемы совершенствования законодательства о противодействии коррупции в сфере высшего образования и науки // Государственная служба и кадры. – 2019. – № 4. – С. 236.
5. Тараканов Д. И. Проблема коррупции в современной России и способы противодействия ей // Проблемы науки. – 2019. – № 6 (42). – С. 115.
6. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (с послед. изм.) // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 25.04.2026).

ЗАНКИН Дмитрий Андреевич
аспирант 3-го курса по научной специальности 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки, Институт права, Самарский государственный экономический университет

Занкин Д. А.

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА: ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Коррупция представляет собой одну из наиболее острых проблем современного российского государства, препятствующую поступательному социально-экономическому развитию, подрывающую авторитет публичной власти и деформирующую правосознание граждан. В условиях трансформации общественных отношений, усложнения административных процедур, регламентов и расширения дискреционных полномочий должностных лиц вопросы формирования эффективной антикоррупционной политики приобретают первостепенное значение для обеспечения национальной безопасности и устойчивого функционирования государственного аппарата. Анализ теоретико-концептуальных основ показал, что в научной литературе отсутствует единообразное понимание сущности антикоррупционной политики, что отражает сложность самого явления коррупции. Вместе с тем преобладающим является подход, рассматривающий антикоррупционную политику как целенаправленную деятельность государства во взаимодействии с институтами гражданского общества по противодействию коррупции, включающую репрессивные, превентивные и просветительские компоненты. Проведенный автором компаративный анализ моделей антикоррупционной политики, реализуемых в различных государствах, демонстрирует отсутствие универсальных средств и необходимость адаптации механизмов противодействия коррупции к национальной специфике.

Ключевые слова: антикоррупционная политика, органы публичной власти, противодействие коррупции, антикоррупционное просвещение.

ZANKIN Dmitry Andreevich
postgraduate student of the 3rd course in scientific specialty 5.1.2. Public Law (Public Law) Sciences, Institute of Law, Samara State University of Economics

THE ANTI-CORRUPTION POLICY OF THE MODERN RUSSIAN STATE: IMPLEMENTATION ISSUES AND WAYS TO IMPROVE

Corruption is one of the most acute problems of the modern Russian state, hindering progressive socio-economic development, undermining the authority of public authorities and deforming the legal awareness of citizens. In the context of the transformation of public relations, the complication of administrative procedures, regulations and the expansion of the discretionary powers of officials, the formation of an effective anti-corruption policy is of paramount importance for ensuring national security and the sustainable functioning of the state apparatus. An analysis of the theoretical and conceptual foundations has shown that there is no uniform understanding of the essence of anti-corruption policy in the scientific literature, which reflects the complexity of the phenomenon of corruption itself. At the same time, the prevailing approach is to consider anti-corruption policy as a purposeful activity of the state in cooperation with civil society institutions to combat corruption, including repressive, preventive and educational components. The author's comparative analysis of anti-corruption policy models implemented in various states demonstrates the lack of universal tools and the need to adapt anti-corruption mechanisms to national specifics.

Keywords: anti-corruption policy, public authorities, anti-corruption, anti-corruption education.

Важнейшим направлением антикоррупционной политики выступает формирование в обществе нетерпимого отношения к коррупции, что предполагает системную работу по антикоррупционному просвещению и воспитанию. Шибаршина О. Ю. подчеркивает, что «антикоррупционное просвещение является приоритетным направлением государственной политики в сфере социально-экономического развития, поскольку без изменения ценностных ориентаций и социальных норм невозможно достижение устойчивых результатов в противодействии коррупции» [1]. Систему антикоррупционного просвещения можно представить во взаимосвязи таких компонентов как образовательного (введение в образовательные программы специализированных курсов антикоррупционной направленности), информационного (проведение информационных кампаний в средствах массовой информации), культурного (формирование антикоррупционной культуры через произведения искусства, литературу, кинематограф), институционального (создание специализированных центров антикоррупционного просвещения).

Рашева Н. Ю., анализируя необходимость формирования концепции антикоррупционного просвещения на региональном уровне, отмечает, что «эффективность антикоррупционного просвещения во многом зависит от его адаптации к социокультурным особенностям конкретного региона, учета специфики коррупционных практик и менталитета населения» [2].

Однако практика реализации программ антикоррупционного просвещения выявляет ряд проблем. Во-первых, нередко просветительские мероприятия носят формальный характер и не достигают целевой аудитории. Во-вторых, недостаточно разработаны методологические основы антикоррупционного образования, отсутствуют апробированные педагогические технологии формирования антикоррупционного правосознания. В-третьих, наблюдается разрыв между декларируемыми ценностями законопослушания и реальной практикой функционирования государственных институтов, что порождает правовой нигилизм и скептическое отношение к антикоррупционной риторике.

Кроме того, ключевым механизмом реализации антикоррупционной политики выступает институт общественного контроля, предполагающий участие граждан и их объединений в мониторинге деятельности органов публичной власти и выявлении коррупционных практик. Действующее законодательство закрепляет право граждан и организаций на получение в установленном порядке информации о деятельности государственных органов, право участвовать в антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов, право обращаться в государственные органы с сообщениями о фактах коррупции и др.

Серегина Е. В. и Магеров Д. В., исследуя вопросы эффективности проводимой антикоррупционной политики на примере Ростовской области, подчеркивают, что «развитие институтов гражданского общества и механизмов общественного контроля является необходимым условием повышения результативности антикоррупционных мер, поскольку позволяет преодолеть корпоративную солидарность бюрократии и обеспечить внешний контроль за деятельностью должностных лиц» [3].

Однако на практике потенциал общественного контроля в антикоррупционной сфере реализуется далеко не полностью. К числу ограничивающих факторов относятся: недостаточная информационная открытость деятельности органов власти; отсутствие эффективных механизмов реагирования на сигналы граждан о фактах коррупции; риски преследования лиц, сообщающих о коррупции (отсутствие действенной системы защиты «разоблачителей»); низкий уровень доверия граждан к антикоррупционным институтам; правовая неграмотность населения в вопросах противодействия коррупции.

Одной из фундаментальных проблем выступает противоречие между декларируемыми целями антикоррупционной политики и реальной практикой их реализации. Айсханова Е. С. справедливо отмечает, что «эффективность антикоррупционной политики определяется не столько количеством принятых нормативных актов и созданных институтов, сколько политической волей руководства, последовательностью в применении антикоррупционных мер ко всем категориям должностных лиц независимо от их статуса и общественным контролем за деятельностью власти» [4].

Серьезной проблемой является избирательность правоприменения в антикоррупционной сфере. Практика показывает, что антикоррупционное законодательство нередко применяется выборочно, что порождает обоснованные сомнения в беспристрастности правоохранительных органов и подрывает доверие общества к антикоррупционным институтам. Подобная избирательность не только снижает превентивный эффект антикоррупционных мер, но и создает почву для злоупотреблений, когда антикоррупционное законодательство используется в качестве инструмента политической борьбы или устранения конкурентов.

Существенным ограничением эффективности антикоррупционной политики выступает формализация антикоррупционных процедур. Модлик А. С. обращает внимание на то, что «многие антикоррупционные механизмы (декларирование доходов, антикоррупционная экспертиза, урегулирование конфликта интересов) реализуются формально, без реального воздействия на коррупционные практики» [5]. Бюрократизация антикоррупционной деятельности, превращение её в ритуальное исполнение предписанных процедур без достижения содержательного результата девальвирует саму идею противодействия коррупции.

Одной из наименее разработанных проблем остается коррупция в частном секторе экономики. Действующее законодательство преимущественно ориентировано на противодействие коррупции в публичном секторе, в то время как коррупционные практики в отношениях между частными субъектами (коммерческий подкуп, недобросовестная конкуренция с использованием коррупционных механизмов) регулируются недостаточно.

Исследование нормативно-правовых механизмов выявило, что за последние годы в России сформирована развернутая система антикоррупционного законодательства, включающая как базовые законы, так и множество подзаконных актов, детализирующих антикоррупционные процедуры. Вместе с тем сохраняются концептуальные пробелы и системные противоречия: фрагментарность правового регулирования, терминологическая неопределенность, недостаточная детализация превентивных механизмов, преимущественная ориентация на публичный сектор при недостаточном регулировании коррупции в частном секторе.

Анализ институциональных механизмов показал, что российская модель противодействия коррупции характеризуется множественностью субъектов и распределением антикоррупционных функций между различными органами при отсутствии единого специализированного антикоррупционного органа. Подобная модель имеет как преимущества (исключение чрезмерной концентрации власти, множественность каналов выявления коррупции), так и недостатки (дублирование функций, межведомственная разобщенность, сложность координации). Существенным ограничением эффективности антикоррупционной политики выступает формализация антикоррупционных процедур и недостаточное развитие институтов общественного контроля.

К числу приоритетных направлений совершенствования механизмов формирования антикоррупционной политики следует отнести: систематизацию и кодификацию антикоррупционного законодательства; развитие превентивных механизмов при сохранении необходимого репрессивного компонента; обеспечение неизбирательности правоприменения и равенства всех перед законом; усиление общественного контроля и развитие институтов гражданского участия; формирование антикоррупционной культуры посредством систематического просвещения; развитие международного сотрудничества в антикоррупционной сфере.

Следует признать, что достижение устойчивых результатов в противодействии коррупции возможно лишь при условии политической воли руководства, последовательности в реализации антикоррупционных мер, трансформации социокультурных установок и формирования в обществе нетерпимого отношения к коррупционным практикам. Антикоррупционная политика не может рассматриваться как совокупность разрозненных мер репрессивного характера; она должна представлять собой системную долгосрочную стратегию, направленную на устранение глубинных причин коррупции и формирование институциональной среды, исключающей возможность коррупционного поведения.

Проведенный анализ механизмов формирования антикоррупционной политики в России позволяет сформулировать ряд принципиальных выводов. Во-первых, антикоррупционная политика представляет собой комплексный феномен, требующий междисциплинарного осмысления и интеграции юридических, политологических, социологических и экономических подходов. Во-вторых, формирование эффективной системы противодействия коррупции предполагает сбалансированное сочетание нормативно-правовых, институциональных, организационных и социокультурных механизмов воздействия на коррупциогенные факторы.

Пристатейный библиографический список

1. Шибаршина О. Ю. Антикоррупционное просвещение как приоритетное направление государственной политики в сфере социально-экономического развития // В сборнике: Развитие современного общества: вызовы и возможности. Материалы XVII Международной научной конференции. – М., 2021. – С. 453-462.
2. Рашева Н. Ю. Необходимость формирования концепции антикоррупционного просвещения в Мурманской области // Advances in Law Studies. – 2023. – Т. 11. № 3. – С. 21-25.
3. Серегина Е. В., Магеров Д. В. О некоторых вопросах эффективности проводимой антикоррупционной политики в Российской Федерации и регионах (на примере Ростовской области) // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2022. – № 8 (147). – С. 124-130.
4. Айсханова Е. С. Эффективность антикоррупционной политики: проблемы реализации и направления совершенствования // Аграрное и земельное право. – 2020. – № 11 (191). – С. 260-263.
5. Модлик А. С. К вопросу о современном состоянии и механизмах реализации антикоррупционной политики в Российской Федерации // Научный аспект. – 2023. – Т. 9. № 5. – С. 1054-1059.
6. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (с послед. изм.) // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 25.04.2026).

ПОПОВА Светлана Сергеевна
кандидат юридических наук, доцент кафедры правовых основ управления, Факультет государственного управления, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

НИКОЛАЕВ Артём Игоревич
магистрант 2-го курса кафедры правовых основ управления, Факультет государственного управления, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕХАНИЗМОВ УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ

В статье рассматриваются перспективные направления, позволяющие повысить эффективность механизмов урегулирования конфликта интересов на государственной службе на основе комплексного подхода. Указаны основные проблемы, снижающие эффективность существующих механизмов урегулирования конфликта интересов на государственной службе. Предлагается через декомпозицию признаков «личной заинтересованности» сформировать риск-ориентированный механизм оценки личной заинтересованности. Отмечается необходимость совершенствования конструкции «иной личной заинтересованности» (непотизм, карьеризм, сокрытие некомпетентности) и разработки набора социальных индикаторов для ее выявления. Приведено авторское видение содержания понятий «имущественные отношения», «корпоративные отношения», «иные близкие отношения». Определены перспективные организационные и технические направления повышения эффективности механизмов урегулирования конфликта интересов на государственной службе.

Ключевые слова: конфликт интересов, урегулирование, предотвращение, эффективность, государственная служба, риск-ориентированный подход, имущественные отношения, корпоративные отношения, иные близкие отношения.

POPOVA Svetlana Sergeevna
Ph.D. in Law, associate professor of Legal foundations sub-faculty, Faculty of Public Administration, M. V. Lomonosov Moscow State University

NIKOLAEV Artem Igorevich
magister student of the 2nd course of Legal foundations sub-faculty, Faculty of Public Administration, M. V. Lomonosov Moscow State University

IMPROVING THE EFFECTIVENESS OF MECHANISMS FOR RESOLVING CONFLICTS OF INTEREST IN THE CIVIL SERVICE

The article substantiates the need to increase the effectiveness of mechanisms for resolving conflicts of interest in the civil service based on an integrated approach. The main problems that reduce the effectiveness of existing mechanisms for resolving conflicts of interest in the civil service are summarized. It is proposed to develop a risk-based mechanism for assessing personal interest by decomposing the characteristics of «personal interest». The need is noted to improve the concept of «other personal interest» (nepotism, careerism, concealment of incompetence) and to develop a set of social indicators for its identification. The author's vision of the content of the concepts "property relations", "corporate relations", "other close relations" is given. Promising organizational and technical directions for improving the effectiveness of mechanisms for resolving conflicts of interest in the civil service have been identified.

Keywords: conflict of interest, settlement, prevention, efficiency, civil service, risk-based approach, property relations, corporate relations, other close relations.

Повышение эффективности противодействия коррупции, в том числе на основе совершенствования отдельных инструментов данного направления государственной политики – актуальная научная и практическая задача. Согласно данным официальной статистики, в 2025 году зарегистрировано 43 241 преступление коррупционной направленности – прирост составил 12,3 % по отношению к 2024 году[1]; при этом данный показатель является одним из самых высоких за последние годы. Одним из наиболее распространенных коррупционных правонарушений, предшествующих совершению преступлений коррупционной направленности, является конфликт интересов.

Понятие, признаки «конфликта интересов», правовые средства урегулирования закреплены не только в Федеральном законе от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ст.ст. 10-11) (далее – Закон № 273-ФЗ), но и в ряде иных нормативных актов, что свидетельствует о повышенном внимании в рамках реализуемой государственной антикоррупционной политики. Вместе с этим, закрепленные в действующем законодательстве правовые инструменты противодействия конфликту интересов недостаточно эффективны, о чем свидетельствует как практика правоприменения, так и научные исследования [3], [4], [5], [6], [7].

Среди ключевых проблем, снижающих эффективность механизмов урегулирования конфликта интересов на государственной службе, могут быть выделены следующие:

– недостатки в порядке предоставления уведомления о возникновении конфликта интересов (сроки уведомления; форма уведомления; содержание уведомления; материалы, имеющие отношение к обстоятельствам, отраженным в уведомлении и др.) [2];

– формальный характер проверки уведомлений о возникновении конфликта интересов;

– игнорирование фактических связей между лицами, находящимися в состоянии конфликта интересов;

– недостатки в межведомственном обмене информацией при осуществлении мониторинга и служебных проверок;

– наличие различных по степени эффективности подходов к урегулированию конфликта интересов в зависимости от сферы деятельности государственных служащих;

– инертность реагирования представителя нанимателя на случаи конфликта интересов;

1 Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2025 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://мвд.рф/reports/item/77848182/ (дата обращения: 20.04.2026).

– наличие мотивационных проблем, влекущих сокрытие конфликта интересов и другие проблемы.

Решение указанных проблем требует комплексного подхода. Необходима реализация взаимосвязанных мер правового, технического, организационного и экономического характера, а также специальных отраслевых мер с дифференциацией подходов в зависимости от сферы применения.

Правовые меры повышения эффективности механизмов урегулирования конфликта интересов на государственной службе должны предусматривать снижение неопределенности отдельных признаков при применении норм ст.ст. 10, 11 Закона № 273-ФЗ. В том числе требуется нормативное закрепление перечня признаков личной заинтересованности – возможности получения доходов или каких-либо иных выгод (преимуществ) лицами, обязанными принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов. Через базовые признаки (субъект получения выгоды, природа (характер) выгоды, причинно-следственная связь между полномочиями и возможностью получения выгоды) по принципу «светофора» следует сформировать риск-ориентированный механизм оценки личной заинтересованности, в т.ч. в зависимости от категории должностей. Характер рисков может выражаться в вероятности их проявления и степени тяжести последствий от реализации таких рисков. Например, может быть использована многоуровневая модель режимов урегулирования конфликта интересов в зависимости от уровня риска:

1) высокий уровень риска – для лиц, замещающих государственные должности, руководителей государственных корпораций, членов правления ЦБ РФ. Для данной категории лиц целесообразно рассмотрение возможности применения запретительных мер;

2) средний уровень риска – для государственных служащих, чьи должности включены в перечни согласно Закону № 273-ФЗ. Повышение эффективности урегулирования конфликта интересов может быть связано с применением уведомительно-разрешительных мер в отношении данных лиц;

3) низкий уровень риска – для работников органов и организаций, не наделенных властными полномочиями или функциями представителей власти. Полагаем, что осуществление преимущественно мониторинговых мер в отношении данной категории лиц позволит снизить нагрузку на субъекты противодействия коррупции и высвободить ресурсы для осуществления деятельности по потенциально более коррупционноемким направлениям.

Конструкция понятия «иная личная заинтересованность» нуждается в совершенствовании. В содержание «иной личной заинтересованности» входят такие категории как непотизм, карьеризм, сокрытие некомпетентности [1], фальсификация результатов работы для получения поощрения, «подстава». Указанные виды «иной личной заинтересованности» невозможно выявить через анализ справок о доходах или расходах и о них не сообщают в уведомлениях. Необходимо использовать другие социальные индикаторы.

Кроме того, отсутствие в Законе № 273-ФЗ содержания понятий «имущественные отношения», «корпоративные отношения», «иные близкие отношения» становится одной из причин отсутствия единообразия в правоприменительной практике.

Например, понятие имущественных отношений должно охватывать фактически сложившиеся отношения должностного лица, его близких родственников или свойственников с гражданином либо организацией, связанные с владением, пользованием, распоряжением имуществом, имущественными правами, результатами работ, услугами имущественного характера, обязательствами имущественного содержания, а равно с получением, либо освобождением от имущественной выгоды, если такие отношения способны повлиять или создать возможность влияния на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение должностных обязанностей.

Корпоративные отношения для целей Закона № 273-ФЗ могут включать в себя отношения должностного лица, его близких родственников или свойственников с юридическим лицом, его участниками, органами управления, бенефициарными владельцами, либо иными контролирующими лицами, возникающие из участия, членства, владения долями, акциями, паями, корпоративными правами, осуществления полномочий единоличного или коллегиального органа управления, фактического контроля, бенефициарного владения либо иной возможности прямо или косвенно влиять на деятельность юридического лица, если такие отношения могут обусловить получение дохода, имущественной или иной выгоды либо предпочтение соответствующей организации.

Понятие «иных близких отношений» также нуждается в нормативном закреплении. Представляется, что это отношения, не основанные на близком родстве, свойстве, имущественной или корпоративной связи устойчивые личные, доверительные, фактически семейные либо иные социально значимые отношения должностного лица, его близких родственников или свойственников с гражданином.

Одним из наиболее перспективных технических направлений повышения эффективности механизмов урегулирования конфликта интересов, является использование ресурсов цифровой среды. Как известно, в настоящее время одной из основных информационно-аналитических систем противодействия коррупции в России, является система «Посейдон»[2]. Полагаем перспективным в повышении эффективности урегулирования конфликта интересов использование ресурсов данной системы в сочетании со следующим:

1) интеграции в систему алгоритмов выявления аффилированных и заинтересованных лиц (родственных, имущественных, корпоративных, иных связей);

2) внедрения принципа проактивного выявления рисков путем их автоматического мониторинга;

3) внедрения возможностей анализа контента социальных сетей и мессенджеров (в публичной части).

Таким образом, комплексный подход позволит повысить эффективность действующих механизмов урегулирования конфликтов интереса на государственной службе. Ключевыми направлениями повышения их эффективности является законодательная конкретизация понятийного аппарата, решение проблем межведомственного информационно-аналитического взаимодействия, переход к риск-ориентированному регулированию с дифференциацией мер профилактики и контроля.

Пристатейный библиографический список

1. Борков В. Н. Установление личной заинтересованности у лица, совершающего должностное преступление // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 3. – С. 77-84.
2. Ваймер Е. В. Правовые технологии противодействия коррупции // Административное право и процесс. – 2023. – № 8. – С. 61-64.
3. Гончарук Н. С. Конфликт интересов как мера противодействия коррупции // Государственная власть и местное самоуправление. – 2024. – № 10. – С. 17-19.
4. Исхаков И. И. и др. Конфликт интересов: проблемы правовой регламентации и практики правоприменения // Евразийский юридический журнал. – 2026. – Т. 2. № 11. – С. 95-97.
5. Рерих Л. А. Дисциплинарная ответственность за неурегулирование конфликта интересов при осуществлении государственных (муниципальных) закупок // Административное право и процесс. – 2024. – № 6. – С. 72-75.
6. Руева Е. О. Проблемы формулирования юридических дефиниций на примере антикоррупционного законодательства // Российский следователь. – 2025. – № 7. – С. 64-69.
7. Рябцева Е. В. Конфликт интересов в судебной деятельности: монография / под ред. А. И. Чучаева. – Москва: Проспект, 2023. – 221 с.

2 Указ Президента РФ от 25.04.2022 № 232 «О государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон» и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 2022. - № 18. - Ст. 305. [Электронный ресурс]. - Режим доступа // СПС «КонсультантПлюс».

DOI 10.46320/2073-4506-2026-4-215-509-512

Хильчевский А. Ю.

ХИЛЬЧЕВСКИЙ Анатолий Юрьевич
ассистент и аспирант кафедры административного и финансового права, Юридический институт, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОРПОРАЦИЯ ПО АТОМНОЙ ЭНЕРГИИ «РОСАТОМ»: ОТ СОЮЗНОГО МИНИСТЕРСТВА К ПУБЛИЧНОМУ СУБЪЕКТУ ЧАСТНОГО ПРАВА

В статье рассматривается правовой статус Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» как уникального субъекта, сочетающего признаки публично-властного органа и некоммерческой организации. Автор анализирует широкий перечень полномочий Росатома (нормотворчество, контроль, управление госимуществом), сближающих его с федеральными органами исполнительной власти, и проводит сравнение с Государственной корпорацией «Роскосмос». Особое внимание уделяется исторической трансформации структуры управления атомной отраслью от министерства к госкорпорации. Исследуется двойственная природа Росатома, находящегося на стыке частного и публичного права, а также его пограничное положение между коммерческими и некоммерческими организациями. Делается вывод о востребованности такой организационно-правовой формы для стратегически важных отраслей, требующих сочетания государственного контроля и гибкости хозяйственной деятельности.

Ключевые слова: Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом», история Росатома, юридическое лицо публичного права.

KHILCHEVSKIY Anatoliy Yurjevich
assistant and postgraduate student of Administrative and financial law sub-faculty, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

STATE ATOMIC ENERGY CORPORATION «ROSATOM»: FROM A UNION MINISTRY TO A PUBLIC SUBJECT OF PRIVATE LAW

The article examines the legal status of the State Atomic Energy Corporation «Rosatom» as a unique entity combining the features of a public authority and a non-profit organization. The author analyzes Rosatom's extensive powers (rule-making, control and supervision, state property management), which bring it close to federal executive bodies, and compares it with the State Space Corporation «Roscosmos». Special attention is paid to the historical transformation of the nuclear industry's governance structure from a ministry to a state corporation. The analysis focuses on the twofold legal character of Rosatom, which operates at the intersection of private and public law, while also occupying a borderline position between for-profit and non-for-profit entities. The paper concludes that this particular organizational and legal form proves highly suitable for strategically vital industries that demand a combination of state oversight and the flexibility inherent to economic operations.

Keywords: State Atomic Energy Corporation «Rosatom», history of Rosatom, legal entity of public law.

Введение

Росатом представляет собой одну из шести существующих на сегодняшний день в Российской Федерации государственных корпораций. Как следует из положений Федерального закона от 01.12.2007 № 317-ФЗ[1], в частности ст. 2, корпорация наделена статусом уполномоченного органа, отвечающего за регулирование и управление использованием атомной энергии

Росатом наделен широким перечнем публично-властных полномочий: он может принимать нормативные правовые акты в установленной сфере деятельности (ст.ст. 7-8), осуществлять контрольно-надзорные функции, (ст. 7), оказывать государственные услуги и управлять государственным имуществом (ст. 4), то есть осуществляет полный перечень функций федеральных органов исполнительной власти, определенный Указом Президента РФ от 09.03.2004 № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти»[2].

По своему правовому статусу Росатом наиболее приближен к Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос» нежели к другим государственным корпорациям. Роскосмос, как и Росатом уполномочен реализовывать полный перечень функций федеральных органов исполнительной власти, в которой органы управления так же формируются на основании решений Президента и Правительства РФ. Такой широкий перечень полномочий не прослеживается у других государственных корпораций.

В рамках настоящей работы проводится комплексный анализ правового статуса Росатома как субъекта, одновременно находящегося на стыке публичного и частного, коммерческого и некоммерческого. В работе делается акцент на сравнительно-правовом анализе Росатома и Роскосмоса через призму их исторического происхождения, ведь обе корпорации пребывали в статусе федеральных органов.

При проведении исследования в качестве **источников** использовались доктрина, архивные документы и федеральное законодательство.

Цель работы – выявить правовую природу Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» как

1 Федеральный закон «О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» от 01.12.2007 № 317-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 03.12.2007. № 49. Ст. 6078.

2 Указ Президента Российской Федерации от 09.03.2004 № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2004 г. № 11. Ст. 945.

субъекта, сочетающего публично-властные и частноправовые полномочия.

Были определены следующие задачи:

1. Проанализировать нормативно-правовую основу статуса Росатома, определяющую его публично-властные полномочия;

2. Рассмотреть историческую трансформацию органов управления атомной отраслью от союзного министерства к государственной корпорации;

3. Сравнить правовое положение Росатома и Роскосмоса как государственных корпораций, наделённых полным набором функций федеральных органов исполнительной власти;

4. Исследовать двойственную природу Росатома;

5. Обосновать востребованность организационно-правовой формы государственной корпорации для стратегически важных отраслей, требующих сочетания государственного контроля и хозяйственной гибкости.

Методологическую базу исследования составили такие методы, как системный, формально-юридический, исторический и функциональный, а также анализ и синтез.

Росатом как уполномоченный орган управления использованием атомной энергии

Как уже ранее было обозначено, Росатом выступает как уполномоченный орган управления использованием атомной энергии.

Примечательно, что законодатель определяет государственную корпорацию, организационно-правовую форму некоммерческой организации, через термин «Орган».

Данный термин в частном праве обычно используется для обозначения образований, управляющих юридическим лицом – органы юридического лица либо органы управления юридическим лицом.

Законодательной дефиниции для термина «Орган» в законодательстве обнаружить не удалось. Тем не менее, в словаре терминов, используемых в законодательстве РФ термин встречается как структурный элемент других терминов [1, с. 132]. По смыслу указанных в словаре случаев использования термина «орган» можно сделать вывод, что он используется преимущественно в ситуациях, когда речь идет о субъекте, прямо относимом к органам исполнительной власти (органы регулирования, орган по контролю/надзору), реже – к субъектам, не являющимся таковыми, но наделенными публично-властными полномочиями (государственное управление, иная делегированная на основании нормативного акта деятельность публично-правового характера, в конечном счете реализуемая частным субъектом).

Наиболее широко термин раскрывается в сфере публичного права – государственные органы, органы исполнительной власти, органы местного самоуправления и др.

В доктрине существует множество подходов к определению государственного органа. В работе А. Л. Миронова дается сравнительный анализ подходов к определению государственного органа [2]. Автор ссылается на позиции видных ученых, а также дает свою дефиницию государственного органа, практически во всем соответствует признакам государственной корпорации. Спорным остается тезис об отнесении государственной корпорации к государственному аппарату, ведь государственные корпорации не определены ни в одной системе государственных органов.

Тем не менее, как указывает Б.В. Россинский, Росатом не является лишь децентрализованной структурой, ведь в отношении него значительные полномочия закреплены у Президента и Правительства РФ в т.ч. в части определения порядка взаимодействия с Минобороны [3]. Таким образом получается весьма эффективное сочетание принципов централизации с одной стороны, и децентрализации с другой.

Более того, ещё около четырёх десятилетий назад Ю. М. Козлов поставил проблему разграничения субъектов властной и управленческой систем. По его мнению, к управленческой системе относятся не исключительно властные государственные институты, но и структуры негосударственного свойства, например, общественные объединения [4, с. 6]. Позднее В. Е. Чиркин, адаптируя идеи Козлова к современной теории публичного администрирования, указал на существенную значимость юридических лиц в системе публичного управления [5, с. 265-351].

В пользу статуса корпорации Росатом как органа говорит и тот факт, что в статье 26 Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» государственные корпорации определены в одном ряду с органами исполнительной власти на уровне федерации и субъектов, а также с органами местного самоуправления и публично-правовыми компаниями[3].

Таким образом, термин «орган» в отношении Росатома можно расценивать как указание законодателя на статус организации, приближенный по своему содержанию к органам государственной власти. Об этом говорит и А. В. Шмелева, отмечая, что «*по существу, государственная корпорация представляет собой орган исполнительной власти, а именно министерство, которое также определяет основные направления политики в соответствующей сфере и ряд других аналогичных полномочий*» [6]. О схожести Росатома с органами исполнительной власти говорит и исторический контекст.

История и преобразования правового статуса Росатома

На статус Росатома как организации, наделенной публично-властными полномочиями, также указывает и тот факт, что раньше, как и Роскосмос, Росатом функционировал как федеральный орган исполнительной власти. Рассмотрим детальнее те преобразования, которые претерпела структура Росатома.

26.06.1953 – Указом Президиума Верховного Совета СССР было образовано министерство среднего машиностроения СССР, ведающее вопросами атомной энергии [7]. В целом, за точку отсчета можно взять и более ранние события, а именно 20.08.1945, когда постановлением государственного комитета обороны № 9887 сс/оп был образован специальный комитет при ГОКО, на который было возложено руководство всеми работами по использованию внутриатомной энергии урана [8].

16.08.1986 – Постановлением ЦК КПСС СССР № 986-200 было образовано союзное министерство по атомной энергетике [9, с. 222]. На данное решение особое влияние оказали события на чернобыльской АЭС.

27.06.1989 – произошло объединение Министерства атомной энергетики СССР и Министерства среднего машиностроения СССР и было образовано Министерство атомной энергетики и промышленности СССР [10].

Постановление Комитета по оперативному управлению народным хозяйством СССР от 23.11.1991 № 53 «К вопросу об упразднении министерств и других центральных органов государственного управления СССР» – Министерство атомной энергетики и промышленности сохранилось со статусом межгосударственного органа управления при упразднении целого ряда других министерств.

29.01.1992 – Указом Президента РФ № 61 «О министерстве Российской Федерации по атомной энергии» был образован Минатом, признаваемый этим же актом правопреемником министерства атомной энергетики и промышленности СССР[4].

09.03.2004 – Указом Президента Российской Федерации № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» в его исходной редакции была введена новая структура федеральных органов исполнительной власти. Основные изменения, отраженные в Указе Президента № 314:

- Абзацем 3 пункта 12 Указа Президента № 314 Минатом был упразднен;
- Согласно абзацу пятому пункта 13, полномочия по нормативно-правовому регулированию, ранее принадлежавшие министерству Российской Федерации по атомной энер-

3 Собрание законодательства РФ. 03.08.2020. № 31 (часть I). Ст. 5007.

4 Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 1992 г. № 6. Ст. 287.

гии, отошли к Министерству промышленности и энергетики Российской Федерации. В свою очередь, функции правоприменительного характера, предоставление государственных услуг и распоряжение государственным имуществом были возложены на Федеральное агентство по атомной энергии. Кроме того, абзацем четвёртым пункта 16 Федеральный надзор России по ядерной и радиационной безопасности был переименован в Федеральную службу по атомному надзору.

Примечательно, что федеральное агентство по атомной энергии по смыслу структуры федеральных органов исполнительной власти, утвержденной Указом Президента № 314, имеет двойное подчинение – с точки зрения нормотворчества, оно подчиняется Министерству промышленности и энергетики Российской Федерации, с точки зрения ядерного оборонного комплекса – министерству обороны Российской Федерации.

Вероятно, такая «двойственная подчиненность» вкупе с отсутствием нормотворческих полномочий привела к сокращению эффективности организации. Как отмечает в своей работе О. А. Рябцун *«Структура отрасли, ее ресурсы и используемые методы управления давно перестали отвечать все усложняющимся вызовам. … Кроме того, нельзя было допустить, чтобы Россия перестала быть активной участницей международного рынка атомной энергии, однако для этого необходимо было полностью перестроить систему управления и структуру активов отрасли.»* [11].

20.05.2004 был принят Указ Президента РФ от № 649 «Вопросы структуры федеральных органов исполнительной власти», согласно п. 3 которого Федеральная служба по атомному надзору вместе с Федеральной службой по технологическому надзору была преобразована в Федеральную службу по экологическому, технологическому и атомному надзору[5].

27.04.2007 был принят Указ Президента РФ № 556, касающийся реструктуризации российского атомного энергопромышленного комплекса. Данным нормативным актом было одобрено предложение Правительства Российской Федерации о создании открытого акционерного общества под наименованием «Атомный энергопромышленный комплекс»[6].

А. Белова выражает обеспокоенность по поводу статуса организации как акционерного общества – «Не получится ли так, что хозяйствующий субъект Атомэнергопром начнет жить своей жизнью, а проблемы, связанные, к примеру, с ядерной радиационной безопасностью, а также отсутствие единого скоординированного управления приведут к негативным последствиям для развития всех сегментов атомной отрасли?» [12].

И действительно – держать столь важную для государства отрасль в руках субъекта из сферы частного права – акционерного общества – пусть и со стопроцентным участием государства, ведь согласно указу Президента РФ № 556 100 процентов акций Атомэнергопрома находится в федеральной собственности, с одной стороны – ненадежно (конфликт интересов, ведь цель коммерческой организации в форме акционерного общества заключается в извлечении прибыли, но никак не с выполнением публичных функций), с другой стороны – неэффективно и труднореализуемо. Такая организация по умолчанию не сможет реализовывать государственные функции, в особенности – нормотворчество; для этого необходимо формулировать механизмы для их реализации. С другой стороны – если частный субъект будет наделен широкими публично-правовыми функциями – под «весом» этих полномочий он сможет разрушить конструкции частноправового регулирования: сразу же встает вопрос об антимонопольном законодательстве, ведь если один субъект диктует правила рынка мы можем говорить о монополии, то есть потенциально возникновение конфликта с действующими государственными органами. Так же резонным будет вопрос о такой процедуре гражданского права как банкротство – в случае убыточности деятельности организации ее активы могут быть переданы кредиторам, а использование объектов из сферы ядерной энергетики без строгого контроля может привести к катастрофам межгосударственного масштаба.

Решение было найдено в организационно-правовой форме государственной корпорации, являющейся, с одной стороны, субъектом гражданского права – некоммерческой организацией, и в то же время наделенной широкими публично-властными полномочиями, сравнимыми с федеральным министерством. 01.12.2007 был принят Федеральный закон № 317-ФЗ «О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом», закрепивший статус государственной корпорации, действующий и по сей день.

Двойственная природа государственных корпораций на примере Росатома

О востребованности такой организационно-правовой формы писала *Л.* А. Терехова, отмечая, что государственные корпорации есть ничто иное, как способ государства закрепиться в экономических отношениях посредством определения новой формы собственности – частно-публичной, ведь госкорпорации, с одной стороны, финансируются за счет государства, с другой стороны – не ограничены во взаимодействии с коммерческими организациями [13].

В этой связи заслуживает внимания исследование Н. М. Коршунова. Рассматривая процесс сближения частного и публичного права, автор приходит к выводу, что внедрение частноправовых элементов в публично-правовую сферу способно обогатить инструментарий регулирования публичных отношений. Это, в свою очередь, позволяет выйти на новый уровень управления обществом, где создаются условия для наиболее полной реализации творческого потенциала сотрудников [14].

Таким образом, являясь некоммерческой организацией, государственная корпорация является «промежуточным» субъектом между частным и публичным правом. При этом, статус государственной корпорации как некоммерческой организации весьма противоречив, ведь согласно п. 30 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» указано, что споры, связанные с созданием, управлением или участием в ряде субъектов, включая государственные корпорации, рассматриваются арбитражными судами[7]. Данное положение так же закреплено и шире истолковано в пп. 5 п. 6 ст. 27 АПК РФ, дополнительно определяя в качестве подведомственных арбитражным судам споры, вытекающие из деятельности государственных корпораций, их правового положения, порядка реорганизации и ликвидации, а также из полномочий их органов и ответственности лиц, входящих в эти органы[8]. О. С. Ивашкина отмечает, что т.к. государственная корпорация является некоммерческой организацией, споры с ее участиям должны подлежать рассмотрению в судах общей юрисдикции, а обозначенное выше регулирование вносит противоречивость в определение статуса государственной корпорации, действительно ли та является некоммерческой организацией [15].

Как итог – мы имеем дело с уникальным родом субъектов, статус которых порождает больше вопросов, чем дает ответов. С одной стороны, принцип централизации не дает ожидаемого результата с точки зрения развития направления атомной энергетики и изучения космоса, с другой стороны – передача этих вопросов исключительно в сферу частного права чревато возникновением целого ряда сложностей, включая определенную степень общественной опасности – нельзя допустить функционирование ядерных и космических объектов без строгого контроля, реализуемого, как правилом, государством.

5 Собрание законодательства Российской Федерации. № 21. 24.05.2004. Ст. 2023.

6 Собрание законодательства Российской Федерации. № 18. 30.04.2007. Ст. 2185.

7 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. № 140. 30.06.2015.

8 Собрание законодательства Российской Федерации. № 30. 29.07.2002. Ст. 3012.

В связи с вышеуказанным была создана форма государственной корпорации, сочетающей в себе сильные стороны как централизации, так и децентрализации. Хотя государственная корпорация была определена как некоммерческая организация, отдельные признаки все же характеризуют ее как коммерческую.

Соответственно, мы имеем дело с «дважды пограничным» субъектом. С одной стороны, Росатом, будучи субъектом публичного права, выполняет целый ряд государственных функций, включая внешнеполитическую (в части развития международных отношений посредством заключения международных договоров по вопросам ядерной энергетики и подготовки кадров. О недостаточности правового регулирования в части порядка заключения международных договоров Росатомом писал А. Ю. Курашвили [16]). С другой стороны – выступает субъектом частного права по смыслу гражданского законодательства и целого ряда иных признаков (например, осуществление прав акционера от имени Российской Федерации согласно ст. 6 ФЗ «О государственной корпорации по атомной энергии «Росатом»).

Вторая составляющая «пограничного» статуса прослеживается в отдельных характерных чертах Росатома как некоммерческой организации (прямое на то указание в законе), так и коммерческой организации (уже рассмотренный пример с рассмотрением споров в арбитражном суде).

Проведённое исследование позволяет утверждать, что Государственная корпорация «Росатом» занимает уникальное место в системе юридических лиц в законодательстве Российской Федерации. Будучи формально некоммерческой организацией, она наделена полным набором публично-властных полномочий — от нормотворчества до управления госимуществом, что сближает её с федеральными органами исполнительной власти. Исторический анализ показывает, что такой статус закономерно унаследован от прежних министерств, что отличает Росатом и Роскосмос от иных госкорпораций.

Двойственная природа Росатома проявляется дважды: на стыке публичного и частного права, а также между коммерческими и некоммерческими организациями. Эта «пограничность» позволяет сочетать государственный контроль с хозяйственной гибкостью, что критически важно для атомной отрасли. В то же время она порождает доктринальные споры о подведомственности споров и природе органов управления. Выявленная закономерность — зависимость объёма полномочий госкорпорации от её «прошлого» как органа государственной власти — может служить основой для дальнейших исследований правового статуса иных публичных юридических лиц в России.

Пристатейный библиографический список

1. Словарь терминов, используемых в законодательстве Российской Федерации. М.: Издание Государственной Думы, 2014. 240 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://duma.gov.ru/media/files/gJi5UIdqFuJx9APgCrXTCVSFgMisJFFF.pdf (дата обращения: 17.05.2026).
2. Миронов А. Л. Понятие государственного органа и его место в государственном регулировании // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-gosudarstvennogo-organa-i-ego-mesto-v-gosudarstvennom-regulirovanii (дата обращения: 17.05.2026).
3. Россинский Б. В. Государственные корпорации как субъекты публичного управления // Вестник ННГУ. 2024. № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennye-korporatsii-kak-subekty-publichnogo-upravleniya (дата обращения: 17.05.2026).
4. Алехин А. П., Кармолицкий А. А., Козлов Ю. М. и др. Советское административное право / под ред. Ю. М. Козлова. М.: Юридическая литература, 1985. 544 с.
5. Чиркин В. Е. Юридическое лицо публичного права. М.: Норма, 2007. 352 с.
6. Шмелёва А. В. Административно-правовой статус государственных корпораций Российской Федерации: юридическое лицо или орган государственной власти // Скиф. 2019. № 5-2 (33). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/administrativno-pravovoy-status-gosudarstvennyh-korporatsiy-rossiyskoy-federatsii-yuridicheskoe-litso-ili-organ-gosudarstvennoy (дата обращения: 17.05.2026).
7. Приказ МСМ СССР № 1 об образовании Министерства среднего машиностроения // Росатом история. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.biblioatom.ru/atomic-age/documents/carhiv_1-1-171_1/ (дата обращения: 17.05.2026).
8. Постановление ГОКО № 9887сс/оп «О Специальном комитете при ГОКО». 20 августа 1945 г. // Атомный проект СССР: документы и материалы. 1999. Т. 2. Кн. 1. С. 11-14. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://elib.biblioatom.ru/text/atomny-proekt-sssr_t2_kn1_1999/0000/ (дата обращения: 17.05.2026).
9. Сидоренко В. А. Управление атомной энергетикой // История атомной энергетики Советского Союза и России. Вып. 1. 2001. С. 217-239. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://elib.biblioatom.ru/text/istoriya-atomnoy-energetiki_v1_2001/p222/?hl=986-200 (дата обращения: 17.05.2026).
10. 27 июня 1989 года было образовано Министерство атомной энергетики и промышленности СССР // информационно-просветительский общеотраслевой проект «История Росатома» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://историяросатома.рф/tpost/fc3s70b911-27-iyunya-1989-goda-bilo-obrazovano-mini (дата обращения: 17.05.2026).
11. Рябцун О. А. Предприятия закрытых административно-территориальных образований в контексте реформы атомной промышленности // Дискуссия. 2012. № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/predpriyatiya-zakrytyh-administrativno-territorialnyh-obrazovaniy-v-kontekste-reformy-atomnoy-promyshlennosti (дата обращения: 17.05.2026).
12. Белова А. Итоги реформирования Атомной отрасли России // Индекс безопасности. 2008. № 2 (85). Том 14. С. 141-146.
13. Терехова Л. А. Государственная корпорация как субъект административного права // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2014. № 4 (41). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-korporatsiya-kak-subekt-administrativnogo-prava (дата обращения: 17.05.2026).
14. Коршунов Н. М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. М.: Норма, 2011. 240 с.
15. Ивашкина О. С. Правовые аспекты статуса государственной корпорации // Проблемы Науки. 2017. № 11 (93). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-aspekty-statusa-gosudarstvennoy-korporatsii (дата обращения: 17.05.2026).
16. Курашвили А. Ю. Правовые основы международного договорного сотрудничества Госкорпорации «Росатом» // Юридическая наука. 2016. № 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-mezhdunarodnogo-dogovornogo-sotrudnichestva-goskorporatsii-rosatom (дата обращения: 17.05.2026).

МАЯЦКАЯ Ольга Борисовна
кандидат философских наук, доцент кафедры политологии и связей с общественностью, Уфимский университет науки и технологий

КОВРОВ Владимир Федорович
кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и работы с молодёжью, Уфимский университет науки и технологий

ЕГАМЕДИЕВА Ангелина Жамартовна
научный исследователь кафедры философии и культурологии, Уфимский университет науки и технологий, независимый исследователь

РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ В ПОДДЕРЖКЕ МОЛОДЁЖНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕР

Объект настоящего исследования – система государственных программ Российской Федерации, направленных на поддержку молодёжного предпринимательства. Предмет исследования – эффективность реализуемых мер, рассматриваемая в контексте их способности преодолевать институциональные барьеры и стимулировать деловую активность лиц в возрасте от 14 до 35 лет. Цель работы – анализ формы и содержания ключевых инструментов поддержки, выявлении факторов, определяющих их востребованность и результативность, а также в обосновании необходимости государственного вмешательства в процесс становления молодёжного бизнеса. Гипотеза научного исследования – многообразие существующих программ создаёт значимый ресурс для запуска предпринимательских инициатив, но их итоговая эффективность лимитируется бюрократической фрагментарностью, недостаточной информированностью целевой аудитории и разрывом между формализованными процедурами и действительным национальным запросом. Научные результаты работы включают систематизацию мер государственной поддержки по функциональным факторам воздействия, аргументацию их незаменимости на начальных этапах предпринимательского цикла и обозначение противоречий, снижающих преобразовательный потенциал программ.

Ключевые слова: молодёжное предпринимательство, государственная поддержка, грантовое финансирование, акселерационные программы, бюрократические барьеры, национальная инициатива, малое и среднее предпринимательство, инновационные стартапы, эффективность мер.

MAYATSKAYA Olga Borisovna
Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Political science and public relations sub-faculty, University of Science and Technology

KOVROV Vladimir Fedorovich
Ph.D. in sociological sciences, associate professor of Political science and public relations sub-faculty, University of Science and Technology

EGAMEDIEVA Angelina Zhamartovna
scientific researcher of Philosophy and cultural studies sub-faculty, Ufa University of Science and Technology, independent researcher

THE ROLE OF GOVERNMENT PROGRAMS IN SUPPORTING YOUTH ENTREPRENEURSHIP: ASSESSMENT OF THE EFFECTIVENESS OF MEASURES

Объект настоящего исследования-система государственных программ российской федерации, направленных на поддержку молодежного предпринимательства. Предмет исследования-эффективность реализуемых мер, рассматриваемая в контексте их способности преодолевать институциональные барьеры и стимулировать деловую активность лиц в возрасте от 14 до 35 лет. Цель работы-анализ формы и содержания ключевых инструментов поддержки, выявлении факторов, определяющих их востребованность и результативность, а также в обосновании необходимости государственного вмешательства в процесс становления молодежного бизнеса. Гипотеза научного исследования-многообразие существующих программ создает значимый ресурс для запуска предпринимательских инициатив, но их итоговая эффективность лимитируется бюрократической фрагментарностью, недостаточной информированностью целевой аудитории и разрывом между формализованными процедурами и действительным национальным запросом. Научные результаты работы включают систематизацию мер государственной поддержки по функциональным факторам воздействия, аргументацию их незаменимости на начальных этапах предпринимательского цикла и обозначение противоречий, снижающих преобразовательный потенциал программ.

Ключевые слова: молодежное предпринимательство, государственная поддержка, грантовое финансирование, акселерационные программы, бюрократические барьеры, национальная инициатива, малое и среднее предпринимательство, инновационные стартапы, эффективность мер.

Введение

Предпринимательская инициатива по своей природе – проявление национального, народного духа, вырастающего из частной энергии, локального знания и готовности к риску, как писал великий К. Д. Ушинский: «*Чувство общественности или, другими словами, нравственное чувство живет в каждом из нас точно также, как и чувство личности, эгоизма*» [1, с. 431] Но масштабное превращение этого чувства в фактор экономического роста (рыночности) требует регулирующего участия государства, которое неизбежно облекает само участие в бюрократические формы - конкурсные процедуры, отчётность, нормативные регламенты. Реализация общественных предпринимательских инициатив опосредуется бюрократическим аппаратом и возникает фундаментальное напряжение, когда бюрократическая логика стремится к унификации и контролю, тогда как национальное предпринимательство питается гибкостью, неформальными связями и интуитивным схватыванием рыночных возможностей. Современные государственные программы поддержки молодёжного бизнеса - это попытка синтеза этих противоположностей, как

диалектический механизм, посредством которого бюрократическая система стремится не подавить, а создать народную хозяйственную самодеятельность, придав ей устойчивость и стратегическую направленность. Исследование роли и эффективности таких программ требует поэтому не только инвентаризации инструментов, но и понимания того, насколько органично формальные процедуры сопрягаются с живой тканью предпринимательской повседневности [2], [3].

Основная часть

Согласно официальным данным Министерства экономического развития, доля предпринимателей в возрасте до 25 лет в общем массиве субъектов малого и среднего бизнеса составляет около шести процентов[1]. И при том, что за последние четыре года их численность увеличилась более чем в полтора раза, абсолютные показатели остаются скромными и это свидетельствует о сохранении высоких порогов входа. Федеральный закон от 30 декабря 2020 года № 489-ФЗ[2] определяет молодёжь как лиц от 14 до 35 лет, и именно на эту возрастную когорту ориентированы все ключевые инициативы, встроенные в национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы»[3], а также в Долгосрочную программу содействия занятости молодёжи до 2030 года. Уже здесь видна диалектика, когда государство формирует возрастные рамки и формальные критерии, внутри которых должна реализоваться стохастическая энергия предпринимателя, тем самым одновременно стимулируя и форматируя её.

Форма поддержки многоразличная и её анализ целесообразно вести через выделение ключевых факторов воздействия и первый и наиболее очевидный фактор - прямое финансовое стимулирование, снимающее острейший для молодого человека барьер отсутствия стартового капитала. Центральное место здесь занимает грантовая программа Министерства экономического развития для индивидуальных предпринимателей и учредителей юридических лиц в возрасте до 25 лет. Размер гранта варьируется от 100 до 500 тысяч рублей, а для арктических территорий достигает одного миллиона рублей, что учитывает удорожание ведения деятельности в экстремальных климатических условиях. Средства разрешено направлять на приобретение оборудования, программного обеспечения, сырья, оплату аренды, первого взноса по франшизе и продвижение, то есть на те нужды, которые формируют материальный каркас стартапа. Параллельно Фонд содействия инновациям реализует линейку программ, нацеленных на коммерциализацию научно-технических разработок. Программа «Умник» ориентирована на инноваторов от 18 до 30 лет и предусматривает гранты, позволяющие довести идею до уровня охраноспособного результата интеллектуальной деятельности. Программа «Студенческий стартап» адресована учащимся вузов и предполагает финансирование до одного миллиона рублей по таким направлениям, как цифровые технологии, биотехнологии, креативные индустрии и ресурсосберегающая энергетика. Для проектов, находящихся на более зрелой стадии, существует программа «Старт», способная предоставить до десяти миллионов рублей. В этом же ряду находится конкурс «Создай НАШЕ», инициированный Агентством стратегических инициатив и Корпорацией МСП, где победители из числа граждан от 14 до 28 лет могут претендовать на грант в один миллион рублей и бесплатное прохождение акселерационной программы. Приведённые инструменты демонстрируют, что финансовая поддержка государства не является монолитной, а сегментирована по возрасту, стадии проекта и секторальной принадлежности, стремясь максимально плотно покрыть жизненный цикл молодёжного предприятия от замысла до первых продаж.

Второй фактор форму государственной поддрежки - образовательно-наставническое сопровождение, призванное восполнить дефицит управленческих, маркетинговых и презентационных компетенций, закономерно присущий начинающим предпринимателям. Всероссийская программа «Росмолодёжь.Бизнес» включает трек «Бизнес.Поколение», представляющий собой двенадцатинедельное онлайн-обучение с разделением потоков на школьников, студентов колледжей и вузов, а также действующих предпринимателей с идеями в возрасте от 16 до 35 лет. Содержательно программа охватывает бизнес-планирование, исследование клиентов, бизнес-моделирование и развитие коммуникативных навыков, то есть формирует тот прикладной инструментарий, который редко даёт академическое образование. Проект «Страна мастеров», курируемый Министерством труда, делает акцент на персональном наставничестве, проводя участника от выбора направления до получения первого заказа и прибыли, с обязательным условием отсутствия статуса самозанятого или индивидуального предпринимателя на момент входа. Роль наставника здесь принципиальна: он воплощает живую передачу опыта, смягчая бюрократическую отчуждённость программы. Акселерационные инициативы, такие как федеральная программа «Технолидеры будущего», дают возможность перенять опыт ведущих предпринимателей и представить продукт инвесторам, соединяя обучение с элементами нетворкинга. Все эти форматы создают среду, в которой государственная рамка наполняется межличностным взаимодействием, а формализованный образовательный контент обогащается неявным знанием, носителями которого выступают наставники.

Третий фактор - интеграция молодёжного предпринимательства в корпоративные и инновационные экосистемы, где государство выступает не столько прямым донором, сколько архитектором институциональных условий и стимулов, когда крупные компании, руководствуясь как собственной кадровой и технологической стратегией, так и государственным курсом на развитие предпринимательства, запускают отраслевые конкурсы и акселераторы. Молодёжный конкурс «Новое звено. Проекты»[4] от РЖД открыт для сотрудников холдинга, студентов и преподавателей профильных вузов до 35 лет и охватывает направления от повышения энергоэффективности до развития локомо-

1 Минэкономразвития: в России работают 2,7 млн молодых предпринимателей до 25 лет – максимум с 2019 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_v_rossii_rabotayut_27_mln_molodyh_predprinimateley_do_25_let_maksimum_s_2019_goda.html.

2 Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/?ysclid=mpp4wd8nu5564302294.

3 Паспорт национального проекта Национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400564238/?ysclid=mpp5kks034669524134.

4 Конкурс «Новое звено. Проекты». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rzd.expoday.online/.

тивного комплекса, обеспечивая экспертную поддержку и ускоренное принятие решений по пилотным проектам. Акселератор SberStudent[5] предоставляет студентам, аспирантам и научным сотрудникам возможность защитить стартап как диплом, получить гранты от банка и выйти на президентскую грантовую программу для магистрантов. Альфа-Банк ищет готовые к внедрению финтех-продукты, предполагая оплачиваемый пилот, долгосрочное сотрудничество и потенциальную продажу продукта банку. Программа «Формула роста» компании СИБУР развивает предпринимательский подход среди молодых специалистов через проектную работу с наставниками. Ай-ти компания Контур в своём акселераторе помогает молодым командам тестировать гипотезы в области облачной бухгалтерии, информационной безопасности и искусственного интеллекта, предлагая в перспективе дистрибуцию продукта через свою систему продаж или интеграцию команды в структуру компании.

Почему же столь развёрнутая система мер является необходимой? Ответ кроется в структурных особенностях молодёжного предпринимательства так как начинающий предприниматель, как правило, не обладает ни достаточными личными накоплениями, ни кредитной историей, ни залоговой массой, что делает банковское финансирование малодоступным, а грантовые и субсидиарные механизмы - безальтернативным стартовым ресурсом. Отсутствие делового опыта и наставников в ближайшем окружении ведёт к высокому риску гибели бизнеса на первых этапах, поэтому образовательное и наставническое сопровождение не просто желательно, а критически необходимо для выживания проекта. Многообразие программ, реализуемых через Росмолодёжь, Минэкономразвития, Минтруд, Фонд содействия инновациям, Корпорацию МСП и региональные администрации, создаёт фрагментированное пространство, где возникает парадокс информационного изобилия, когда предприниматель знает, что поддержка существует, но не может быстро идентифицировать релевантную программу, а бюрократическая процедура подачи заявки требует временных затрат и навыков, которыми он не всегда располагает. Оценка эффективности, следовательно, не может быть сведена к количеству выданных грантов или числу участников образовательных треков, а должна включать качественные параметры: степень удовлетворённости получателей, удобство навигации в системе поддержки, долю выживших через три и пять лет предприятий, объём созданной добавленной стоимости и налоговых поступлений. Пока такие комплексные исследования носят фрагментарный характер, что затрудняет обратную связь и корректировку программ. Государство, инициируя всё новые инструменты, рискует попасть в ловушку экстенсивного роста мер без их глубокой интеграции, тогда как подлинная эффективность рождается из органического синтеза, при котором бюрократическая форма не подавляет, а направляет и усиливает национальную предпринимательскую энергию [4], [5].

Заключение

Разрешение диалектического противоречия между формализованной государственной рамкой и живой национальной инициативой требует перехода от количества программ к их качественной связанности, упрощения процедур и выстраивания целостной экосистемы, в которой бюрократические процедуры служат не фильтром, а катализатором предпринимательской стихии.

Пристатейный библиографический список

1. Ушинский К. Д. Собрание сочинений. Т. 2. – 1948 г; 656 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://elib.old.gnpbu.ru/text/ushinskiy_sobranie-sochineniy_t2_1948/go,2;fs,0/?ysclid=mpjs6vv03e572432182 (дата обращения: 15.05.2026)
2. Газетов А. Н. Стимулирование развития молодежного (начинающего) предпринимательства в системе поддержки малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации // Журнал российского права. – 2018. – № 12 (264). – С. 49-61. – DOI 10.12737/art_2018_12_5. – EDN VQKWKA.
3. Шульженко А. М. Эффективность государственной поддержки развития молодежного предпринимательства // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2020. – № 2 (34). – С. 147-152. – DOI 10.24411/2225-8264-2020-10035. – EDN XEKQFF.
4. Головина Т., Меркулов П., Полянин А. Государственная поддержка молодежного предпринимательства в России // Экономическая политика. – 2017. – Т. 12. № 5. – С. 42-61. – DOI 10.18288/1994-5124-2017-5-03. – EDN ZXQTLZ.
5. Марковцева А. Д., Тихонова В. Н. Государственная поддержка молодежного предпринимательства в России // Государственная молодежная политика: исторический опыт и современные перспективы: сборник материалов Республиканской научно-практической конференции, посвященной 100-летию ВЛКСМ, Уфа, 29 октября 2018 года / отв. ред. Сизоненко З. Л. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2018. – С. 83-85. – EDN VVJSZA.

5 Студенческий акселератор Программа развития молодежных акселераторов 21-22. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cheb.ruc.su/upload/Cheboksary/%D0%9F%D1%80%D0%B5%D0%B7%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F%20%D0%90%D0%BA%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%BE%D1%80%20SberStudent.pdf.

ДОРЖЕЕВА Виктория Владимировна
доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой юриспруденции, Северо-Восточный государственный университет, г. Магадан

СЛЕПЦОВА Ольга Юрьевна
кандидат исторических наук, доцент кафедры юриспруденции, Северо-Восточный государственный университет, г. Магадан

Доржеева В. В.

Слепцова О. Ю.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ТРАДИЦИОННОЙ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ТРАДИЦИОННОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

В статье анализируются тенденции развития законодательства РФ, регулирующего традиционную хозяйственную деятельность и традиционное природопользование коренных малочисленных народов Севера. Отмечено, что сформирована обширная нормативная база, обеспечивающая условия сохранения самобытной культуры, традиционного образа жизни и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов. Авторы выделяют ряд правовых коллизий, ограничивающих возможности представителей коренных малочисленных народов и их объединений заниматься традиционными видами хозяйственной деятельности. В статье приведен анализ изменений порядка предоставления земельных и лесных участков для традиционных видов хозяйственной деятельности, повлекших неоднозначные последствия.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы, места традиционного проживания, традиционная хозяйственная деятельность, охота, рыболовство, законодательство.

DORZHEEVA Viktoriya Vladimirovna
Ph.D. in historical sciences, associate professor, Head of Jurisprudence sub-faculty, Northeastern State University, Magadan

SLEPTSOVA Olga Yurjevna
Ph.D. in historical sciences, associate professor of Jurisprudence sub-faculty, Northeastern State University, Magadan

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF LEGISLATION IN THE SPHERE OF TRADITIONAL ECONOMIC ACTIVITY AND TRADITIONAL NATURE MANAGEMENT OF INDIGENOUS PEOPLES OF THE NORTH, SIBERIA AND THE FAR EAST

This article analyzes trends in the development of Russian legislation regulating traditional economic activities and natural resource management of indigenous peoples of the North. It is noted that a comprehensive regulatory framework has been developed that ensures the preservation of the distinctive culture, traditional way of life, and traditional economic activities of indigenous peoples. The authors highlight a number of legal conflicts that limit the ability of representatives of indigenous peoples and their associations to engage in traditional economic activities. The article also analyzes changes to the procedure for allocating land and forest plots for traditional economic activities, which have had controversial consequences.

Keywords: Indigenous peoples, traditional places of residence, traditional economic activities, hunting, fishing, legislation.

Современное российское законодательство о коренных малочисленных народах Севера, Сибири и Дальнего Востока (далее – КМНС) формировалось на протяжении нескольких десятилетий; к настоящему времени сформирована обширная нормативная база на федеральном и региональном уровнях. Вместе с тем ряд объективных причин: экономические и социальные процессы, происходящие в российском обществе; поиск оптимального баланса интересов коренных малочисленных народов и промышленных компаний, действующих в местах их традиционного проживания; необходимость решать задачи сохранения самобытной культуры, традиционного образа жизни и традиционной хозяйственной деятельности коренных народов в меняющихся условиях, диктуют необходимость эволюции законодательства о КМНС.

В развитии законодательства о КМНС после распада СССР можно выделить ряд этапов. Первый пришёлся на 1990-е годы – время глубоких социально-экономических потрясений, перестройки всего хозяйственного механизма, политической и правовой системы [4, с. 32]. Стартовал активный процесс разработки региональных актов, регулирующих отдельные виды традиционной хозяйственной деятельности (оленеводство, охота, рыболовство и т.п.). Разрабатываются нормативные положения об общинах и иных формах объединений КМНС, о механизмах самоуправления и национальных селах, о территориях традиционного природопользования[1]. Принятая в 1993 году Конституция РФ закрепила в ст. 69 гарантии прав коренных малочисленных народов, в статье подчеркивалось, что гарантии предостав-

1 См., например: О территориально-хозяйственных общностях (общинах) коренных малочисленных народов Севера в Камчатской области: закон Камчатской области от 11.11.1997 г. № 117 // Законодательство Камчатской области. - 1997. - № 17. - Ст. 32; О статусе национального административно-территориального образования в местностях (на территориях) компактного проживания коренных малочисленных народов севера Республики Саха (Якутия): закон Республики Саха (Якутия) от 27.01.2005 г. № 419-III // Ил Тумэн. – 2005 (18 февраля).

ляются в соответствии с общепринятыми принципами и нормами международного права. На основе этого последовали изменения в федеральном законодательстве. Принципиальное значение имело включение в закон «О животном мире» 1995 года формулировки о праве КМНС на приоритетное пользование животным миром[2]. Региональные акты о традиционных видах хозяйственной деятельности в субъектах воспроизводили этот принцип, а также устанавливали принцип безвозмездного пользования иными природными ресурсами[3]. В целом, в региональном законодательстве в указанный период значительное место занимало нормативное регулирование вопросов хозяйственной деятельности, традиционного природопользования КМНС и их объединений в конкретном субъекте федерации с учетом специфических особенностей природно-климатического и социально-экономического характера, отраслевой структуры экономики.

В 1999 году был принят федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», с этим событием связан следующий этап в развитии законодательства о КМНС[4]. Данный акт впервые дал определение понятиям «коренные малочисленные народы», «традиционный образ жизни малочисленных народов», «исконная среда обитания» (ст. 1); закрепил право малочисленных народов и их объединений на защиту исконной среды обитания, традиционных образа жизни и хозяйственной деятельности (ст. 8). Следующий акт – принятый в 2000 году федеральный закон «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» – закрепил статус общины как форму самоорганизации создаваемой в целях защиты исконной среды обитания, традиционного образа жизни, прав и законных интересов коренных малочисленных народов[5]. Эти акты в совокупности с перечнем коренных малочисленных народов РФ и перечнем территорий (мест) их традиционного проживания и хозяйственной деятельности составили фундамент развития законодательства о коренных малочисленных народах России в последующие десятилетия. Параллельно вносились изменения в комплекс нормативных актов в субъектах РФ, таким образом, проходил процесс постепенной унификации правового регулирования на федеральном и региональном уровне.

В то же время, к концу первого десятилетия XXI века наметились существенные изменения в природоресурсном законодательстве, ограничивающие возможности для традиционной хозяйственной деятельности КМНС и связанного с ним традиционного природопользования. Доступ к природным ресурсам – земле, объектам животного мира, водным биологическим ресурсам – является фундаментальным условием реализации традиционных видов хозяйственной деятельности[6]. Закон о гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации закрепил право безвозмездно пользоваться в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов землями различных категорий, необходимыми для осуществления их традиционного хозяйствования и занятия традиционными промыслами, и общераспространенными полезными ископаемыми (ст. 8). Однако в иных нормативных актах закреплен как безвозмездный, так и возмездный характер пользования землей и природными ресурсами. Так, Земельный кодекс РФ предусматривает возможность предоставления земельных участков в безвозмездное пользование для размещения зданий и сооружений, необходимых в целях сохранения и развития традиционных образа жизни, хозяйственной деятельности и промыслов (п. 13 ст. 39.10); а также возможность использования земель сельскохозяйственного назначения общинами КМНС для сохранения и развития их традиционных образа жизни, хозяйствования и промыслов (ст. 78)[7]. Непосредственно порядок предоставления земель сельскохозяйственного назначения регулируется законом об обороте земель данной категории: установлено, что земли сельскохозяйственного назначения передаются лицам из числа КМНС и их общинам для осуществления сельскохозяйственного производства, сохранения и развития традиционных образа жизни, хозяйственной деятельности и промыслов без проведения торгов на условиях аренды до 5 лет (ст. 10)[8]. Отметим, что в соответствии с гражданским законодательством договор аренды по своей правовой природе всегда является возмездным. В Лесном кодексе РФ закреплено право бесплатно, заготавливать древесину для собственных нужд, но порядок пользования участками лесного фонда коренными малочисленными народами кодекс не устанавливает, отсылая к нормам земельного законодательства[9]. Порядок пользования охотничьими угодьями регулируется подзаконными актами; по общему правилу охотничьи угодья предоставляются за плату, при этом, для общин коренных малочисленных народов и индивидуальных предпринимателей из их числа, установлена пониженная ставка – с 2022 г. она составила 0,1 руб. за 1 гектар охотничьих угодий[10]. Водный кодекс РФ закрепил принцип использования водных объектов для традиционного природопользования в местах традиционного проживания КМНС, но прямого указания на возмездный или безвозмездный характер такого использования кодекс не содержит (ст. 3)[11].

В Земельном кодексе предусмотрена возможность установления особого правового режима использования земель в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов (ст. 7), под которым понимается режим территорий традиционного природопользования (ТТП). Первоначально в Земельном кодексе и в первой редакции закона о ТТП эти территории определялись как особо охраняемые природные территории, образованные для ведения традиционного природопользования и традиционного образа жизни КМНС. В 2013 году в закон о ТТП были внесены поправки: из определения удалено слово «природные», соответственно, в Земельном кодексе земли ТТП были исключены из перечня земель особо охраняемых природных территорий[12]. На практике

2 О животном мире: Федеральный закон от 24.04.1995 № 52-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. - 1995. - № 17. - Ст. 1462.

3 См., например: Об охоте и охотничьем хозяйстве: Закон Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) от 14.07.1998 № 33-II (утратил силу) // Якутские ведомости (прил. к газ. «Якутия») от 12.8.1998 г. № 14.

4 О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации: федеральный закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ (ред. от 13.07.2020) // Собрание законодательства РФ. - 1999. - № 18. - Ст. 2208.

5 Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: Федеральный закон от 20.07.2000 № 104-ФЗ (ред. от 20.10.2022) // Собрание законодательства РФ. - 2000. - № 30. - Ст. 3122.

6 Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации и перечня видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации: Распоряжение Правительства РФ от 08.05.2009 № 631-р (ред. от 14.03.2022) // Собрание законодательства РФ. - 2009. - № 20. - Ст. 2493.

7 Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 30.01.2026) // Собрание законодательства РФ. - 2001. - № 44. - Ст. 4147.

8 Об обороте земель сельскохозяйственного назначения: Федеральный закон от 24.07.2002 № 101-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. - 2002. - № 30. - Ст. 3018.

9 Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. - 2006. - № 50. - Ст. 5278.

10 О ставках платы за единицу площади охотничьего угодья при заключении охотхозяйственных соглашений без проведения аукциона на право заключения охотхозяйственных соглашений: Постановление Правительства РФ от 30.06.2010 № 490 (ред. от 14.03.2022) // Собрание законодательства РФ. - 2010. - № 27. - Ст. 3501.

11 Водный кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 № 74-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. - 2006. - № 23. - Ст. 2381.

12 О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ:

это создало основу для нарушений прав и законных интересов коренных народов, поскольку лишение статуса особо охраняемой природной территории понизило уровень защиты ТТП. Другой аспект проблемы – в случаях, когда происходит наложение границ особо охраняемых природных территорий и охотничьих угодий общин КМНС, ограничиваются возможности для ведения ими хозяйственной деятельности. Правовой режим особо охраняемых природных территорий позволяет заниматься спортивной и традиционной охотой, но не промысловой, поэтому образование таких территорий влечет прекращение права заниматься соответствующим видом охоты. Так, в апреле 2022 года природоохранная прокуратура Республики Саха (Якутия) направила судебный иск в адрес Министерства экологии республики, в связи с тем, что выявила нарушение в виде наложения границ территорий традиционного природопользования, на которых проживают коренные малочисленные народы Севера, на границы особо охраняемых территорий. В связи с этим министерство временно прекратило выдачу разрешений на охоту общинам, что вызвало волну недовольства[13].

С 2010 г. был введен аукционный порядок предоставления земельных участков и лесных участков из земель, находящихся в государственной собственности, для осуществления охотхозяйственной деятельности. При этом представители КМНС и их объединения утратили приоритетное право на получение участков для промысловой охоты. Охота в целях обеспечения ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности КМНС не требует разрешений и может осуществляться свободно при наличии охотничьего билета с отметкой о принадлежности к КМНС[14]. По поводу традиционной охоты Минприроды РФ дало пояснение, согласно которому такой вид охоты не относится к промысловой и допускается в объемах добычи, необходимых только для личного потребления[15]. В то же время в перечне видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации упоминается именно промысловая охота, а не традиционная (п. 7 Перечня), что противоречит ст. 19 закона об охоте[16]. При этом, критерии «традиционности» хозяйственной деятельности правом не урегулированы [2, с. 117]. Исследователи обращают внимание на еще одно противоречие: в Перечне мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности часто указываются населенные пункты без указания прилегающих территорий, что делает невозможным занятие охотой согласно утвержденным правилам [1, с. 319].

Ситуация с промысловой охотой дополнительно осложняется тем, что выигравший аукцион охотпользователь должен заключить охотхозяйственное соглашение и одновременно заплатить арендную плату. Учитывая обширные площади угодий, даже при пониженной ставке для многих общин КМНС сумма оказывается неподъемной. В результате число охотпользователей из числа представителей КМНС и их объединений неуклонно сокращается [3, с. 21]. Другая сторона проблемы – охотхозяйственные соглашения дают право на пользование биологическими ресурсами, но не закрепляют права на землю. В совокупности с измененным статусом территорий традиционного природопользования это создало основу для возникновения конфликта интересов общин КМНС с промышленными компаниями, в случае получения последними права на разработку недр[17].

Изменились условия пользования водными биологическими ресурсами. Приоритетное право КМНС на пользование водными биоресурсами первоначально было закреплено в ст. 49 закона «О животном мире», но было исключено после принятия в 2004 году федерального закона «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов. Ст. 39 закона о рыболовстве предоставляла право заключать договоры пользования рыбопромысловыми участками без конкурса, но в 2007 году статья утратила силу. Серьезные противоречия вызвал Административный регламент, согласно которому родовые общины могли заниматься промыслом лишь при наличии рыбопромыслового участка (РПУ)[18].

Таким образом, в исследуемый период в законодательстве о КМНС возник ряд правовых коллизий между гарантиями, предоставленными коренным малочисленным народам и механизмами реализации права на занятие традиционной хозяйственной деятельностью (возмездный характер предоставления природных ресурсов в пользование, аукционный принцип предоставления рыбопромысловых участков, участков земельного и лесного фонда). Это привело к ограничению возможностей осуществления традиционных видов хозяйственной деятельности, и обусловило возникновение конфликтных ситуаций между заинтересованными сторонами.

Значительные споры вызывало требование закона о постоянном проживании в местах традиционного проживания коренного малочисленного народа как необходимого условия для занятия традиционными видами охоты и рыболовства. Позиция судов в этом вопросе состояла в том, что одного лишь заявления о принадлежности к коренному малочисленному народу недостаточно, необходимо подтвердить постоянное проживание в местах традиционного проживания данного народа[19]. Ситуация изменилась в 2021 году, когда Конституционный суд РФ в Постановлении по «делу Данилова» отметил, что проживание вне мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренного малочисленного народа само по себе не свидетельствует о том, что представитель этого народа прекратил данный статус или иным образом утратил этническую и культурную связь со своим народом и территориями, на которых этот народ проживает. Формальное понимание нормы закона о постоянном проживании, по мнению Конституционного суда, «препятствует распространению гарантий на тех представителей коренных малочисленных народов, которые хотя и не проживают постоянно в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности соответствующих народов, тем не менее сохраняют устойчивую, объективную и верифицируемую связь с этими территориями». Суд также рекомендовал пересмотреть соответствующие нормы законодательства[20]. В

Федеральный закон от 07.05.2001 г. № 49-ФЗ (с изм. и доп. от 18.12.2020) // Собрание законодательства РФ. - 2001. - № 20. - Ст.1972.

13 Без прав на землю – без прав на земле: Обернется ли иск природоохранной прокуратуры к Минэкологии Якутии ущемлением прав КМНС? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://yakutiakmns.org/archives/18435/ (дата обращения: 17.11.2025).

14 Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2009 № 209-ФЗ.

15 Об осуществлении традиционной охоты: Письмо Минприроды России от 10.10.2024 № 29-50/18149-ОГ // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: https://www.consultant.ru/.

16 Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации и перечня видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации: Распоряжение Правительства РФ от 08.05.2009 № 631-р (ред. от 15.11.2025) // Собрание законодательства РФ. - 2009. - № 20. - Ст. 2493.

17 Опасный прецедент по ликвидации ТТП в Якутии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.sakhaparliament.ru/obshchestvo/9350-opasnyj-pretsedent-po-likvidatsii-ttp-v-yakutii.

18 Об утверждении Административного регламента Федерального агентства по рыболовству по предоставлению государственной услуги по подготовке и принятию решения о предоставлении водных биологических ресурсов в пользование: приказ Минсельхоза России от 24 декабря 2015 г. № 659 (с изм. и доп. от 30.11.2017 г.) № 599. // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru,pravo.gov.ru, 10.05.2018.

19 О практике рассмотрения дел об административных правонарушениях, связанных с нарушением правил и требований, регламентирующих рыболовство: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.11.2010 № 27 // Российская газета. – 01.12.2010. - № 271.

20 По делу о проверке конституционности части 1 статьи 3 Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных

2023 году в Государственной Думе рассматривались в первом чтении поправки в ст. 3 Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» и ст. 19 Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов». Поправки касались закрепления права граждан из числа КМНС, проживающих вне территории постоянного расселения своего народа, на традиционную хозяйственную деятельность. Проект закона был отправлен на доработку, изменения в федеральное законодательство пока не внесены.

Тем не менее, решение Конституционного суда оказало положительное влияние на судебную практику. Так, Верховный суд, признавая наличие полномочий у Росрыболовства для разработки и утверждения регламента, но в тоже время указал, со ссылкой на правовую позицию Конституционного суда, что проживание гражданина вне мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренного малочисленного народа не исключает распространения на него гарантий, предусмотренных законодательством о правах коренных малочисленных народов РФ[21]. В то же время, Постановление Конституционного Суда по делу Данилова затронуло серьезную проблему: как гражданину доказать сохранение связи определенным народом и территорией его проживания? Представители КМНС оказываются вне мест традиционного проживания в силу комплекса причин объективного и субъективного характера. В 1990-е годы многие были вынуждены покинуть родные места из-за тяжелых социально-экономических условий, переселение продолжалось и в последующий период. В перечне мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности по Магаданской области указаны поселки, которые были закрыты (с. Колымское и с. Оротук)[22], а жители вынуждены были переехать в другие поселки или город Магадан. Подтвердить свою связь с местом традиционного проживания, имея регистрацию по месту фактического жительства, для переселенных представителей КМНС теперь сложно. В настоящее время активное промышленное освоение северных территорий способствует ускоренной урбанизации этих регионов, формированию новых форм и сфер занятости, отчуждению представителей коренных малочисленных народов от традиционной хозяйственной деятельности. Происходит неизбежный процесс встраивания в другую социокультурную среду, но при этом не утрачивается связь со своими корнями. Суд указывает на «устойчивую, объективную и верифицируемую связь с этими территориями», однако механизм верификации пока не разработан.

С 2026 г. вводится беззаявительный порядок осуществления рыболовства в целях обеспечения традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока[23]. Граждане из числа КМНС и общины коренных народов смогут теперь рыбачить свободно и бесплатно на водных объектах общего пользования в объемах, не превышающих годовой нормы вылова водных биоресурсов. В новой редакции ст. 25 федерального закона о рыболовстве не содержится прямого указания на постоянное жительство в местах традиционного проживания КМНС.

Таким образом, законодательство РФ в сфере традиционной хозяйственной деятельности и традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока прошло продолжительный путь становления и в настоящее время представляет собой значимый массив нормативного регулирования федерального и регионального уровней. Эволюция правового регулирования в данной сфере сопровождалась формированием ряда правовых коллизий между задекларированными гарантиями коренным малочисленным народам и механизмами реализации их прав. Формирование региональных и федеральных нормативных актов в период с конца 1990-х по начало 2000-х годов обозначило тенденцию унификации законодательства и закрепило ограничение прав коренных малочисленных народов на пользование природными ресурсами. Установление аукционного принципа предоставления промысловых участков, возмездный характер пользования природными ресурсами значительно сузили перспективы ведения традиционной хозяйственной деятельности и провоцировали возникновение конфликтных ситуаций между общинами коренных малочисленных народов и промышленными кампаниями. Значимой проблемой для реализации права на традиционное рыболовство оставалось формальное требование проживания в местах традиционного расселения КМНС. Последующее развитие законодательства и судебная практика (решение Конституционного Суда РФ по делу Данилова 2021 г.) позволяют говорить о формировании более гибкого подхода, который учитывает устойчивую культурную и этническую связь с территорией даже без фактического проживания этнофора на ней. Однако правовой механизм верификации такой связи еще не разработан. Положительным изменением следует признать введение беззаявительного порядка осуществления традиционного рыболовства для коренных малочисленных народов. В целом, последние изменения в законодательстве позволяют говорить о новых положительных тенденциях усиления гарантий прав коренных малочисленных народов и поиску баланса между интересами КМНС, бизнеса и государства.

Пристатейный библиографический список

1. Миньков С. И. Особенности предоставления права охоты коренным малочисленным народам России с XIX по XXI век // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». - 2023. - № 4 (36). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-predostavleniya-prava-ohoty-korennym-malochislennym-narodam-rossii-s-xix-po-xxi-vek (дата обращения: 05.01.2026).
2. Рагулина М. В. Традиционное природопользование коренных малочисленных народов Сибири: тенденции и парадоксы развития // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Науки о Земле. - 2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnoe-prirodopolzovanie-korennyh-malochislennyh-narodov-sibiri-tendentsii-i-paradoksy-razvitiya (дата обращения: 05.01.2026).
3. Тураев В. А. Охотничий промысел коренных малочисленных народов Дальнего Востока в условиях постсоветской трансформации (1990-2010) // Россия и АТР. - 2021. - № 4. - С. 12-27.
4. Юдин В. И. Эволюция государственной политики России в отношении коренных малочисленных народов Севера / В. И. Юдин // Власть. - 2012. - № 1. - С. 29-32.

народов Российской Федерации» и части 1 статьи 19 Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А. Ф. Данилова: Постановление Конституционного Суда РФ от 05.07.2021 № 32-П // Российская газета. – 19.07.2021. - № 160.

21 Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 14.11.2023 № АПЛ23-412 ОГ // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/.

22 Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации и перечня видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации: Распоряжение Правительства РФ от 08.05.2009 № 631-р (с изменениями на 15 ноября 2025 года) // Собрание законодательства РФ. - 2009. - № 20. - Ст.2493.

23 О внесении изменений в Федеральный закон «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» и статью 6 Федерального закона «О животном мире»: Федеральный закон от 07.07.2025 № 199-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 2025. - № 28. - Ст. 3839.

ШАФИКОВА Гульназ Радмиловна
доктор психологических наук, профессор кафедры международных отношений и востоковедения, Уфимский государственный нефтяной технический университет

ЕФИМОВА Владислава Николаевна
магистрант кафедры международных отношений и востоковедения, Уфимский государственный нефтяной технический университет, независимый исследователь

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНЫХ РОЛЕЙ В ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПРАВОВОЙ СФЕРЕ КИТАЯ И ЯПОНИИ

Актуальность статьи определена тем, что в современных реалиях международного общения необходимо учитывать гендерный аспект взаимодействия. Поскольку Китай и Япония являются странами, привлекающими внимание российских бизнесменов и государственных деятелей, для выстраивания плодотворных отношений следует принимать во внимание не только социокультурные факторы, но и гендерную специфику профессионально-правовых отношений стран, а также гендерное регулирование в сфере трудового права. В статье мы доказываем, что гендерный дисбаланс в Японии проявляется в институциональных ограничениях, тогда как в Китае в структуре. Для подтверждения гипотезы проводился контент-анализ научных публикаций. Рассмотрены ключевые аспекты трудового права, такие как занятость, трудовые отношения, дискриминация, равенство и демография. Результаты, полученные в ходе исследования, указывают, что данные страны имеют разные акценты в проявлении гендерного дисбаланса в нормативно-правовых отношениях.

Ключевые слова: гендерная культура, гендерный дисбаланс, правовое регулирование, барьеры, занятость, Китай, Япония, трудовое право.

SHAFIKOVA Gulnaz Radmilovna
Ph.D. in psychological sciences, professor of International relations and oriental studies sub-faculty, Ufa State Petroleum Technical University

EFIMOVA Vladislava Nikolaevna
magister student of International relations and oriental studies sub-faculty, Ufa State Petroleum Technical University, independent researcher

A COMPARATIVE ANALYSIS OF SOCIAL ROLES IN THE PROFESSIONAL-LEGAL SPHERE OF CHINA AND JAPAN

The relevance of this article is determined by the need to consider the gender aspect of interaction in the modern realities of international communication. Since China and Japan are countries that attract the attention of Russian businesspeople and government officials, building fruitful relationships requires taking into account not only sociocultural factors but also the gender specific features of professional and legal relations in these countries, as well as the gender regulation in the field of labor law. In our study, we argue that gender imbalance in Japan manifests itself through institutional constraints, whereas in China it is expressed through structural constraints. To test this hypothesis, a content analysis of academic publications was conducted. Key cultural aspects such as employment, labor relations, discrimination, equality, and demography were examined. The results obtained in the study indicate that these counties exhibit different emphases in the manifestation of gender imbalance within their legal and regulatory frameworks.

Keywords: Gender culture, gender imbalance, legal regulation, barriers, employment, labor relations, China, Japan, labor law.

Введение

В последнее время в современных исследованиях уделяется особое внимание гендерному вопросу, особенно в сфере профессиональной деятельности. Китай и Япония представляют исследовательский интерес в этом контексте, поскольку страны имеют не только богатую историю и культуру, но также и её влияние на гендерные системы, которые необходимо учитывать при международном взаимодействии.

В Китае, согласно конфуцианской традиции, система семейных ролей проявлялась через принцип «три подчинения и четыре добродетели», в котором положение женщины в семье всегда было ниже, чем у мужчин [1]. В XX веке происходит трансформация социальных ролей, связанная с политикой Мао Дзэдуна «женщина держит половину неба» [2]. Именно с этого момента для женщин расширяется доступ к профессиональной среде, однако установки подчинения, которые были сформированы под конфуцианской этикой, продолжают оказывать влияние на профессиональную среду, создавая женщинам в Китае барьеры для продвижения по карьерной лестнице [2]. Хоть первая Конституция КНР, принятая в 1954 г. провозгласила равенство прав граждан перед законом, а также китайское законодательство запрещает дискриминацию по признаку пола при приеме на работу, многие работодатели предпочитают нанимать на работу мужчин [3].

В Японии гендерная культура была также сформирована под началом конфуцианской этики, что можно заметить по таким традиционным моделям как «мужчина вне, женщина внутри» и «иэ» [4]. Данные системы закрепили в японском обществе разделение ролей, которое на сегодняшний день активно проявляется в затруднительном доступе к руководящим должностям, а также необходимости совмещать профессиональные обязанности с семейными, не позволяя японским женщинам в полной мере развиваться в карьере [5]. Со стороны государства в 1986 г. был принят закон о равных правах мужчин и женщин при приеме на работу, однако у девушек всё также мало шансов на получении постоянной работы, особенно в крупных фирмах. Работа, на которую принимают женщин, в основном основана на вспомогательной офисной работе, которая оплачивается значительно ниже, чем у мужчин, для которых работа подразумевает карьерный рост и более высокую зарплату [6].

Помимо этого, в культурных профессиональных взаимодействиях существует гендерная иерархия, распределяющая роли в трудовой среде. Это проявляется через концепт «гуаньси» в Китае [7] и через философию «ва» в Японии [8].

Данные исторические, культурные и правовые особенности позволяют понять, каким образом в обществах стран развивалась гендерная культура, и находят подтверждение в современных эмпирических данных. В индексе гендерного разрыва Всемирного экономического форума за 2025 год Япония занимает 118-е место среди 148 стран [9]. В Китае в индексе гендерного разрыва находится на 103 месте [9], однако даже то, что женщинам больше доступна высокая вовлеченность в трудовую жизнь, до сих пор сохраняются барьеры, включающие в себя неравную оплату труда, а также феномен «стеклянный потолок» [10].

Теоретической основой нашего исследования послужили подходы и концепции, разработанные в рамках гендерных исследованиях. Так, согласно концепции гендерной идентичности Р. Столлера гендерная конструкция отлична от биологического пола, как продукт культуры, включающий роли, идентичность и поведенческие ожидания [11]. Это имеет отражение в культурно-антропологическом подходе М. Мид, в котором говорится, что проявление гендерной асимметрии – это не данность, а культурно и исторические сложившаяся конструкция, которую можно анализировать, подвергать сомнению и трансформировать [12]. В свою очередь, концепция К. Миллет позволяет рассматривать гендерный дисбаланс как системное явление, а не как изначально заданную правовую модель [13].

Таким образом, социальные роли в профессиональной сфере Китая и Японии выстроены так, что даже, несмотря на принятые законы о равноправии, женщины сталкиваются с барьерами в построении карьеры, а сама гендерная культура стран имеет сложную структуру, которая, предполагаемо, включает в себя институциональные и структурные аспекты.

Целью исследования является выявление особенностей проявления гендерного дисбаланса в профессиональной среде Китая и Японии в современных научных публикациях.

Методической основой исследования выступает контент-анализ научных публикаций.

Материалы и методы

Для понимания, каким образом гендерный дисбаланс проявляется в профессиональной среде Китая и Японии был проведен контент-анализ научных публикаций. В выборку вошли 6 статей на русском и иностранном языках. Источники отбирались по тематическому критерию гендерной культуры, а также по критерию доступности и полноты материалов. Работы размещены как в открытых источниках, так и в научной электронной библиотеке eLibrary за период 2014-2022 гг.

Анализ проводился по следующим параметрам: источник, дата, наименование, метод получения информации, анализ текстового и визуального содержания. На количественном этапе были выделены ключевые слова «занятость», «труд», «демография», «дискриминация», «равенство». Выбор данных категорий был обусловлен их частотой употребления в научных статьях, а также значимостью для определения проявления гендерного дисбаланса. На количественном этапе для каждой публикации подсчитывалась частота упоминания ключевых слов, после чего рассчитывалось их процентное соотношение относительно всего объема текста. На основе полученных данных проводилось сопоставление полученных данных между источниками с последующим расчетом общего среднего показателя. На качественном этапе осуществлялась интерпретация содержания публикаций для выявления различий между японскими и китайскими барьерами в трудовой деятельности.

Результаты исследования

Согласно результатам исследования, наибольший процент упоминания у категории «труд». Процентное соотношение в 48%, что указывает на наибольшее внимание к этой категории. Следующие ключевые слова распределены в близком соотношении, «занятость» составляет 17%, «дискриминация» 14% и «равенство» 13%. Это говорит о том, что в исследованиях вопрос занятости непосредственно связан с равными правами в этой области и включенностью женщин в трудовую деятельность. Демография составляет наименьшее число в 7%, что указывает на менее значимый показатель для исследователей в рамках рассматриваемой проблематики.

Помимо этого, анализ показал, что распределение категорий варьируется в зависимости от исследуемой страны. В публикациях про гендерный дисбаланс в Японии более пристальное внимание уделяется вопросам занятости и труда, в то время как в Китае наблюдается высокая частота упоминаний категорий труд, равенство и дискриминация.

Обсуждение

Проведенный анализ научных публикаций показал, что в Китае и Японии проблема гендерного дисбаланса в профессиональной среде сохраняется и является актуальной. Выделение ключевых категорий позволило понять, какие аспекты данной области больше всего интересуют современных исследователей.

Важным аспектом полученных результатов является анализ форм проявления гендерного дисбаланса. В трудовой сфере выражается в барьерах доступа к равной трудовой деятельности и достижению равных позиций. Так, существуют институциональные барьеры, которые заключаются в неравных возможностях в сфере политики, экономики, образования, затрудняют женщинам включение в рабочие процессы, а также закрепляют дисбаланс на уровне формальных правил [14]. Помимо институциональных барьеров выделяют структурные, которые встроены в саму ткань общества и являются преградой для равного карьерного продвижения и равной оплате труда [15].

Контент-анализ показал, какие именно аспекты наиболее остро стоят в Китае, а какие в Японии. Поскольку обе страны сталкиваются с гендерным дисбалансом в профессиональной среде, в статьях наблюдается существенный процент категории «труд», однако разница в показателях выражается в том, что в исследованиях, посвященных Китаю, больше фигурирует упоминание не только труда, но и равенства с дискриминацией. На качественном этапе это говорит о том, что женщины в Китае, даже будучи включенными в трудовую деятельность, не могут получить развития, к которому стремятся. Равенство и дискриминация указывают на невозможность конкурировать с мужчинами на равных. Эти данные подтверждают, что в Китае по большей части существуют структурные барьеры. В статьях про Японию хоть и упоминаются категории «дискриминация» и «равенство, однако больший акцент делается на занятости, что говорит не просто о барьерах в карьерном развитии, а включении женщин в трудовую деятельность. В этом суть институциональных барьеров, которые проявляются в преградах для участия женщин в про-

фессиональной деятельности. Таким образом, качественный анализ научных публикаций помог не только увидеть различия в гендерном дисбалансе, но и выявить какие именно области требуют большего внимания.

Заключение

Проведенный контент-анализ научных публикаций подтверждает нашу гипотезу и показывает, что гендерный дисбаланс в профессиональной сфере Китая и Японии обусловлен не только современным состоянием профессиональной среды, но и особенностями культурного развития. В Китае в силу проведенных реформ, принятой конституции и нормативно-правовой составляющей, в трудовой деятельности у женщин появилось больше прав и возможностей, однако структурные ограничения не позволяют зарабатывать наравне с мужчинами, а также создают ограничения в продвижении по карьерной лестнице. В Японии хоть и был принят закон со стороны государства о равных правах на рабочем месте, однако институциональные барьеры не позволяют женщинам участвовать в профессиональной деятельности в той же мере, что и мужчинам. Результаты показали важность проведения реформ в сфере гендерного равенства на примере Китая, однако сохраняющиеся барьеры указывают на необходимость совершенствования правового регулирования.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использовать данные проведенного контент-анализа для его дальнейшего расширения и исследования области гендерного дисбаланса профессиональной среды. Также данные анализа могут быть использованы в образовательной среде для специалистов в области международных отношений, права, менеджмента, гендерной проблематики, а также исследование вносит вклад в развитие сравнительных гендерных исследований.

Пристатейный библиографический список

1. Ван Цзюньтао. Положение женщин в Китае в период правления династии Тан, Мин и Цин // Международные отношения и диалог культур: сборник научных статей / С.-Петерб. гос. политехн. ун-т; [гл. ред.: С. Н. Погодин]. - Санкт-Петербург: Изд-во: Санкт-Петербургского политехнического университета (СПбГПУ), 2013.
2. Хасьянова Э. Р. «Женщины держат полнеба»: гендерный разрыв в экономической сфере современного Китая // Новизна. Эксперимент. Традиции (Н.Экс.Т). - 2022. - Т. 8. № 3 (19). - С. 59-67.
3. Гудошников Л. Конституция Китайской Народной Республики в процессе исторических перемен и реформ // Проблемы Дальнего Востока. - 2002. - № 3. - С. 13.
4. Новикова О. С. Особенности гендерных отношений в Японии // Вестник НГУЭУ. - 2014. - № 4. - С. 257-258.
5. Мизинова А. Е. Проблема вовлечения женщин в трудовую деятельность в современной Японии // Ежегодник Япония. - 2014. - С. 126-140.
6. Наздрюхина Е. В. Социальное положение женщин в Японии // Вопросы истории, международных отношений и документоведения. - 2015. - Том 2. № 11. - С. 120-122.
7. Мумликанова А. А. Гуаньси как стиль введения переговоров в Китае // Казанский вестник молодых учёных. - 2022. - Т. 6. № 4. - С. 16-24.
8. Мосакова Е. А. Семейная и профессиональная занятость женщин в Японии: история и современность // Экономика и управление: проблемы, решения. - 2017. - Т. 3. № 5. - С. 68-76.
9. Global Gender Gap Report 2025. // World Economic Forum. - Geneva: World Economic Forum, 2025. - 393 p. – ISBN 978-2-940631-89-6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://reports.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2025.pdf.
10. Гуриева С. Д., Белова О. Е. «Стеклянный потолок» в профессиональной карьере женщин // Научные труды КубГТУ. - 2019. - № 4. - С. 769-772.
11. Stoller R. Sex and gender: on the development of masculinity and femininity: Science House. - New York City, 1968.
12. Mead M. Sex and temperament in three primitive societies. - New York: William Morrow, 1935.
13. Millet K. Sexual politics. 1970. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://monoskop.org/images/c/c2/Millett_Kate_Sexual_Politics_1970.pdf.
14. Натсак О. Д. Барьеры в политической карьере женщин: обзор современных практик в зарубежных странах // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». - 2021. - № 1 (ч. 2). - С. 296-305. - DOI: 10.28995/2073-6401-2021-1-296-305.
15. Гунделах О. Е. Гендерные барьеры карьерного продвижения в организации // Н. Экс. Т. - 2021. - № 2.
16. Цыганкова И. В., Хуан И., Дегтярев Н. И. Качество трудовой жизни женщин в Китайской Народной Республике: факторы влияния и направления повышения // Экономика труда. - 2022. - Т. 9. № 12. - С. 2033-2048. – DOI 10.18334/et.9.12.116750.
17. Bai W. The Gender Pay Gap in China: Insights from a Discrimination Perspective. 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://arxiv.org/abs/2206.09306.
18. Keeni M. From silence to resilience: The evolving narrative of feminism in Japan. 2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.9dashline.com/article/from-silence-to-resilience-the-evolving-narrative-of-feminism-in-japan.

DOI 10.46320/2073-4506-2026-4-215-523-525

БАЙДАРОВА Марина Александровна
кандидат юридических наук, доцент кафедры правосудия, Пензенский государственный университет

ФОМИН Владимир Владимирович
студент группы 25ЮЮОМ1, Пензенский государственный университет

Байдарова М. А.

Фомин В. В.

ПРАВОЗАЩИТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Правозащитная тема в период масштабной цифровизации, являющейся, с одной стороны, ядром, а с другой, движущей силой глобального научно-технологического прогресса и общественно-политических изменений, связана с развитием информационно-телекоммуникационных технологий, искусственным интеллектом, что не только вводит в жизнь привлекательные технологизированные составляющие и возможности, но и серьезные риски и угрозы, как для национальной безопасности государства, так и для прав и интересов человека и гражданина. Ввиду чего, вопросы правовой защиты являются стратегическими. Правозащитная траектория российского омбудсмена выступает одной из ключевых в его профессиональной деятельности. Внутренние и внешние угрозы национальной безопасности России, оказывающие прямое влияние на правочеловеческие ценности, ставят перед уполномоченными серьезные задачи по созданию повышенных гарантий прав российских граждан. Особенности работы Уполномоченного по правам человека во многом определяются использованием проверенных и эффективно работающих юридических технологий. Действенная правозащитная система уполномоченных по правам человека показывает свою эффективность не только в разрезе полномочий, которые прямо регламентированы действующим законодательством, но и через оказание помощи и содействие уязвимым категориям населения.

Ключевые слова: Уполномоченный по правам человека, правозащитная деятельность, юридическая технология, оказание помощи, содействие, защита прав граждан, цифровизация.

BAYDAROVA Marina Alexandrovna
Ph.D. in Law, associate professor of Justice sub-faculty, Penza State University

FOMIN Vladimir Vladimirovich
student of group 25YUOM1, Penza State University

HUMAN RIGHTS ACTIVITIES OF THE HUMAN RIGHTS COMMISSIONER IN THE RUSSIAN FEDERATION: THEORETICAL, LEGAL, AND PRACTICAL ASPECTS

The human rights theme in the period of large-scale digitalization, which is, on the one hand, the core and, on the other hand, the driving force of global scientific and technological progress and socio-political changes, is associated with the development of information and telecommunication technologies, artificial intelligence, which not only introduces attractive technological components and opportunities into life, but also poses serious risks and threats to both the national security of the state and the rights and interests of individuals and citizens. Therefore, the issues of legal protection are of strategic importance. The human rights trajectory of the Russian Ombudsman is one of the key aspects of his professional activities. The internal and external threats to Russia's national security, which have a direct impact on human rights, pose significant challenges for the Ombudsmen to ensure enhanced guarantees for the rights of Russian citizens. The features of the Human Rights Commissioner's work are largely determined by the use of proven and effective legal technologies. The effective human rights system of the Human Rights Commissioners demonstrates its effectiveness not only in terms of the powers directly regulated by the current legislation, but also through providing assistance and support to vulnerable groups of the population.

Keywords: Human rights commissioner, human rights activities, and legal technology, assistance, promotion, protection of citizens' rights, and digitalization.

Правозащитная архитектура Российской Федерации на конституционном уровне (в частности, ст. 2[1]) провозглашает, что высшей ценностью демократического федеративного правового государства выступают человек, его права и свободы. Ввиду чего, закономерным результатом эволюции отечественной системы гарантий прав и свобод личности стала трансформация государственно-правовой парадигмы в сторону приоритета человека, защиты его прав, свобод и законных интересов. В научной литературе отмечается, что произошла существенная институционализация института государственной правозащиты, существенно вырос уровень общественного доверия населения.

В настоящее время такая правовая категория как «правозащитная деятельность» остаётся в проекции постоянного внимания и предмета научных дискуссий, ввиду чего не выработано единого подхода к определению четкого и универсального термина [1, с. 46]. Анализ публикаций по указанной

1 Конституция Российской Федерации. Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/9004937?section=status (дата обращения: 20.04.2026).

теме свидетельствует о возрастающем научном интересе к ее исследованию и анализу. Руководитель рабочего аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации И. В. Чечельницкий (2023) рассматривает правозащитную деятельность через призму активных юридических действий, а А. Т. Рагимов (2022) подчёркивает её двуединую природу, сочетающую правомочия человека и долженствования государства. Н. А. Газимагомедова (2025) выявляет конституционные основы и законодательные пробелы в данной сфере. Вместе с тем, несмотря на множество подходов, комплексное исследование правозащитной деятельности уполномоченного по правам человека (УПЧ) в контексте специфики избирательного подхода в выборе и применении конкретных юридических технологий не проводились.

Восприятие и юридическая природа правозащитной деятельности

Правозащитная работа охватывает широкий круг поведения уполномоченных субъектов правовых отношений, среди которых возможно выделить такие как процедурные действия (процессуальной регламентации), регулярная активность по правовой защите, комплекс различных мер и мероприятий, а также целенаправленно-организованные и неорганизованные инициативные действия должностных лиц [7, с. 160], направленных на реализацию правовой защищенности человека. Как подчёркивает А. Т. Рагимов, правозащитная деятельность носит двойственный характер. С одной стороны, она представляет собой реализацию права человека на защиту со стороны закона, что выражается в деятельности самого индивида, осуществляющего свои правозащитные правомочия. С другой стороны, она проявляется в правозащитной активности государства, исполняющего свои обязанности по обеспечению и защите прав и свобод граждан [6, с. 25-26].

В доктрине и правоприменительной практике не сложилось единого подхода к интерпретации рассматриваемого термина. При этом его исследование и анализ, как правило, проводится в двух плоскостях: с одной стороны, изучаются его теоретико-правовые основы, а с другой – механизм реализации правозащитной деятельности уполномоченных субъектов. Как верно пишет И. В. Чечельницкий, правовая защита – всегда комплекс активных действий, определяемых как юридическая деятельность [7, с. 160]. Исходя из чего, возможно заключить, что правовая защита – урегулированная нормами права совокупность целенаправленных и организованных действий и мер оперативного реагирования, осуществляемых специализированными субъектами, (а также самим правообладателем), направленных на восстановление нарушенных либо защиту существующих законных интересов или пресечение действий, нарушающих право человека посредством юридических технологий, процедур и выработанных механизмов. Правовая защита характеризуется активностью субъектов защиты, использованием правовых (средств) инструментов и направлена на достижение юридического результата. Сам процесс правовой защиты включает такие этапы как выявление нарушений, принятие решений, применение норм права и контроль исполнения, обеспечивая баланс интересов всех субъектов правоотношений и поддержание правопорядка.

В юридической науке принято различать два основных подхода к восприятию правозащитной деятельности. В контексте узкого подхода содержание данной категории сводится к правовосстановительным мерам, которые получают свою реализацию через юрисдикционные и иные правовые процедуры [2]. В рамках широкого подхода правозащитную деятельность определяют как многогранную работу уполномоченных лиц по устранению препятствий в реализации прав, их восстановлению, применение мер юридической ответственности к соответствующим субъектам, а также как систему нормативных, организационных и иных правовых инструментов, служащих гарантией действенной защиты прав личности [3, с. 25]. Следовательно, правозащитная работа – особая область юридической практики, основной задачей которой является не только восстановление и защита нарушенных субъективных прав человека, но и их комплексное обеспечение, установление гарантий их незыблемости и развития.

Успешность данной деятельности складывается как из уровня квалификации должностного лица, так и из совершенства процедур и механизмов, используемых им передовых технологий (в т. ч. юридических), отвечающих современным вызовам и угрозам. А. В. Корнев отмечает, что «если современной цивилизации суждено развиваться в рамках технологической парадигмы, то все ее сферы, включая право, будут, несомненно, «технологизироваться» [5, с. 25]. Данная деятельность занимает ключевое место в правовой системе защиты, её нормативное закрепление получило развитие в положениях Конституции РФ.

Специфика и значение правозащитной деятельности Уполномоченного по правам человека в условиях меняющейся и правовой реальности

Институт УПЧ в России представляет уникальный для правовой реальности действенный конституционно-правовой механизм обеспечения прав и законных интересов личности, альтернативный и, в тоже время, дополнительный «рычаг» контроля [4, с. 75] за легитимностью деятельности органов публичной власти и их должностных лиц в призме защиты прав человека и, что немаловажно, уважения различными государственными и муниципальными органами, их должностными лицами и служащими.

В профессиональной деятельности УПЧ среди рабочих направлений, как правило, выделяют: совершенствование законодательства, работу с обращениями граждан, правовое просвещение, международную деятельность[2], сотрудничество с уполномоченными по правам человека (в субъектах Российской Федерации), взаимодействие, как с государственными органами, так и с институтами гражданского общества[3].

Следует признать, что поток обращений к УПЧ не уменьшается, что подтверждается ежедневно обновляемой статистикой поступающих[4] обращений по самым разным вопросам жизнедеятельности человека. В своем ежегодном докладе Т. Н. Москалькова отметила, что за десятилетний период (имеется ввиду, период работы Т. Н. Москальковой в должности Уполномоченного по правам человека) количество обращений, которые поступают в аппарат российского омбудсмена существенно увеличился с 42,5 тысяч (в частности, это 2016 г.) до 128,7 тыс. Произошло не просто трехкратное увеличение количества поступающих обращений, но и расширился и стал более сложным спектр проблем, являющийся принципиально новым, от защиты цифровых прав, обеспечения информационной безопасности в медиасреде до кибермошенничества[5].

Понятным является то, что институт УПЧ в условиях меняющейся действительности и развивающейся правовой реальности должен оставаться действенным в цепочке правозащитного направления, а значит оперативно и устойчиво закладывать, и эффективно выполнять маршрут правозащитного трека. Так, в условиях проведения специальной военной операции вопросы оказания содействия, правовой помощи и поддержки военнослужащим и (членам их семей), а также гражданским лицам, которые пострадали от вооруженной агрессии ВСУ в приграничных районах Российской Федерации (в частности, в Брянской, Белгородской и Курской областей) стали приоритетными направлениями работы УПЧ как на федеральном, так и на региональных уровнях.

---

2 Закон Пензенской области от 31.05.2024 № 4331-ЗПО «Об Уполномоченном по правам человека в Пензенской области» // Пензенские губернские ведомости. - 2024. - № 50.

3 Федеральный конституционный закон «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» от 26.02.1997 № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. - 1997. - № 9. - Ст. 1011.

4 Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ombudsmanrf.org (дата обращения: 21.04.2026).

5 Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2025 год. Вступительное слово. - С. 8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ombudsmanrf.org/storage/74a0484f-7d5a-4fe4-883d-a1b5ba1dd5f8/mediateca/doclad_2025.pdf.pdf (дата обращения: 12.01.2026); Официальный Интернет-портал «Российской газеты». Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Москалькова Т. Н.: «Число пострадавших от кибермошенников ежегодно растет». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rg.ru/2025/10/23/moskalkova-chislo-postradavshih-ot-kibermoshennikov-ezhegodno-rastet.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 12.01.2026).

В июне 2025 г. Уполномоченный по правам человека в России (на встрече с Президентом Российской Федерации) отметила, что в аппарате УПЧ в РФ создано не только специальное подразделение по работе с участниками специальной военной операции (и членами их семей), но и инструментарий для указанной работы. Сегодня открыта не только «горячая линия», интернет-приемная, но и налажены прямые контакты с людьми[6].

Изложенное свидетельствует о системном подходе государства к решению проблем, с которыми сталкиваются бойцы СВО и их близкие, а также о стремлении обеспечить быструю и эффективную реакцию и помощь по их обращениям. Тем самым, принятые своевременные меры УПЧ в РФ: отражают значительное внимание к вопросам социальной поддержки, правовой защиты и гуманитарной помощи для участников СВО (и их семей); способствуют укреплению доверия между гражданами и государственными институтами, обеспечивая более прозрачный и доступный механизм получения помощи. Это, в свою очередь, поддерживает моральный дух как участников СВО, так и их семей, что особенно важно в условиях современных вызовов. Указанное, позволяет говорить о том, что специфика правозащитной деятельности УПЧ во многом проецируется на запрос общества и государства в самых экстремальных условиях, и это не только специальная военная, период пандемии (COVID-19).

Особенность рассматриваемой деятельности УПЧ раскрывается наиболее рельефно через применяемые юридические технологии данным должностным лицом. Наглядным примером юридической технологии УПЧ «в действии» может быть жизненная ситуация человека, например оказавшегося в критических обстоятельствах. Так, к УПЧ в РФ обратилась женщина, которая из-за пожара в частном доме в марте 2023 г. осталась без жилья. Гражданка Ж. направила обращение с просьбой в местную администрацию о предоставлении ей жилья, на что последняя ответила отказом, сославшись на то, что не имеет полномочий помогать при пожаре. Администрацией гражданке Ж. было разъяснено, что для получения жилого помещения по договору социального найма предварительно надо получить статус малоимущего. Тем самым, каких-либо действий, связанных с оказанием необходимой помощи со стороны администрации Воловского муниципального округа Липецкой области, не последовало. В свою очередь, оперативное обращение УПЧ в РФ к главе администрации Воловского муниципального округа Липецкой области позволило не только принять во внимание высокую социальную значимость проблемы, но и оказать помощь нуждающейся гражданке Ж. на получение жилья. Администрацией по итогу рассмотрения обращения уполномоченного было оказано необходимое содействие в решении жилищного вопроса. В течение месяца гражданке Ж. была оказана помощь в оформлении необходимых документов и принято решение о постановке ее на учет в качестве нуждающейся на получение жилого помещения по договору социального найма (вх. № Ж-352 от 22.07.2024)[7]. Изложенное выше позволяет сделать вывод о том, что применение юридических (правовых) технологий УПЧ в своей профессиональной деятельности предполагает, прежде всего, рациональные и осознанные, а также конструктивные и прагматичные действия, направленные на оказание оперативной помощи, разрешение конкретной ситуационной проблемы заявителя. Отдельно следует подчеркнуть, что деятельность УПЧ, в ряде случаев, не всегда ограничивается лишь теми полномочиями, которые прямо указаны в действующем законодательстве. Так, например, в адрес УПЧ в Российской Федерации поступило обращение от семьи, оказавшейся в сложной финансовой ситуации. В письме отмечалось, что семья испытывает серьёзные материальные трудности, в частности, не имеет достаточных средств для подготовки сына к школе. Отец ребёнка – участник специальной военной операции, и, в связи с этим семья рассчитывает на дополнительную поддержку и помощь со стороны правозащитного института. Усилиями Аппарата УПЧ в Российской Федерации была оказана необходимая помощь и содействие.

В свою очередь, сотрудники аппарата УПЧ в Пензенской области, члены Молодежного совета при УПЧ, накануне наступления новогоднего праздника, посетили участника специальной военной операции (участник легендарной операции «Труба», Курская область[8]), воспитывающего трех детей (7 лет, 4 года и 7 месяцев[9]). Предновогодний визит стал актом поддержки и заботы к семьям военнослужащих.

Проиллюстрированные примеры правозащитной деятельности УПЧ позволяют сделать вывод о том, что данный институт является неотъемлемой частью национального механизма правовой защиты человека, обеспечивающий всеобъемлющую поддержку и содействие в рамках предоставленной компетенции уполномоченных, связанную не только с нестандартными, но и экстраординарными ситуациями. Особенность направления УПЧ по защите прав и свобод человека определяется и через гибкость и прогностическую работу правозащитной системы. Не менее важным является то, что в условиях появления новых вызов и угроз представляется существенным своевременно предпринять исчерпывающие меры для оптимизации работы в стратегически значимых направлениях профессиональной деятельности. В свою очередь эффективность применяемых технологии правозащитной деятельности УПЧ достигает своего максимума только тогда, когда через защиту субъективных прав личности и формирование стандартов гуманности и справедливости в обществе укрепляется доверие каждого без исключения обратившегося человека к уполномоченному. Работа Уполномоченных по правам человека в кризисных, конфликтных и экстремальных ситуациях демонстрирует оперативное реагирование и защиту лиц, обратившихся за помощью, что позволяет добиться укрепления национальной системы защиты прав человека и тем самым создать повышенные гарантии прав человека и гражданина в Российской Федерации.

Пристатейный библиографический список

1. Газимагомедова Н. А. Правозащитная деятельность в Российской Федерации: конституционные основы, законодательные пробелы и пути их устранения // Пробелы в российском законодательстве. – 2025. – Т. 18. № 4. – С. 42-52.
2. Голованев И. В. Административно-правовые средства формирования правового порядка при реализации конституционных прав и свобод // Административное право и процесс. – 2007. – № 4. – С. 6-9.
3. Земскова А. И. К вопросу о сущности правозащитной функции государства // Общество и право. – 2009. – № 3 (25). – С. 21-27.
4. Колобова Т. В. Уполномоченный по правам человека (омбудсмен) в субъекте Российской Федерации как орган государственного контроля // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2018. – № 2 (33). – С. 73-80.
5. Корнев А. В. Юридическая деятельность в цифровую эпоху: понятие, содержание, формы // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16. № 6 (127). – С. 21-30.
6. Рагимов А. Т. Правозащитная деятельность человека (теоретико-правовой аспект) // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2022. – Т. 44. № 4. – С. 25-28.
7. Чечельницкий И. В. Понятие и признаки правозащитной деятельности // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2023. – № 4 (104). – С. 158-165.

6 Встреча с Уполномоченным по правам человека Татьяной Москальковой. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/news/77247 (дата обращения: 21.04.2026).

7 Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2024 год. Рассмотрение обращений лиц без определенного места жительства. - С. 255. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ombudsmanrf.org/storage/74a0484f-7d5a-4fe4-883d-a1b5ba1dd5f8/mediateca/doclad-2024.pdf (дата обращения: 12.01.2026).

8 Официальный сайт РИА НОВОСТИ. Операция «Труба»: дерзкий маневр российских бойцов войдет во все учебники. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ria.ru/20250311/truba-2004377017.html (дата обращения: 12.01.2026).

9 Официальный телеграмм-канал Уполномоченного по правам человека в Пензенской области. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://t.me/ombudsman58 (дата обращения: 12.01.2026).

КОСЕНКО Ольга Александровна
старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права, Сибайский институт (филиал), Уфимский университет науки и технологий

САФАРОВ Владислав Раилевич
старший преподаватель кафедры гражданского и уголовного права и процесса факультета экономики и права, Сибайский институт (филиал), Уфимский университет науки и технологий

АМИНЕВА Сумбуль Флюровна
студент 4-го курса, Факультет экономики и права, Сибайский институт (филиал), Уфимский университет науки и технологий

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ПРАВ УЧАСТНИКОВ СВО И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ПРАКТИКА

В научной статье рассматриваются актуальные вопросы прокурорского надзора за соблюдением прав участников специальной военной операции (СВО) и членов их семей. Анализируются новые вызовы, возникшие в данной сфере, включая обеспечение социальных гарантий, своевременность выплат, доступность медицинской помощи и реабилитации. Обобщается практика прокурорского реагирования на выявленные нарушения, систематизируются типичные недостатки правоприменения. Автором предлагаются конкретные пути совершенствования надзорной деятельности органов прокуратуры в условиях специального правового режима и действующего законодательства.

Ключевые слова: прокурорский надзор, участники СВО, члены семей, социальные гарантии, защита прав, правоприменительная практика.

KOSENKO Olga Alexandrovna
senior lecturer of Theory and history of state and law sub-faculty, Sibai Institute (Branch), Ufa University of Science and Technology

SAFAROV Vladislav Railjevich
senior lecturer of Civil and criminal law and process sub-faculty, Faculty of Economics and Law, Sibai Institute (Branch), Ufa University of Science and Technology

AMINEVA Sumbul Flurovna
student of the 4th course, Faculty of Economics and Law, Sibai Institute (Branch), Ufa University of Science and Technology

PROSECUTORIAL SUPERVISION OF THE RIGHTS OF PARTICIPANTS AND THEIR FAMILY MEMBERS: NEW CHALLENGES AND PRACTICES

The scientific article discusses current issues of prosecutorial supervision over compliance with the rights of participants in the special military operation (SMO) and their family members. It analyzes new challenges that have emerged in this area, including the provision of social guarantees, timely payments, and access to medical care and rehabilitation. The article summarizes the practice of prosecutorial response to identified violations and systematizes typical shortcomings in law enforcement. The author proposes specific ways to improve the supervisory activities of the prosecutor's office in the context of the special legal regime and current legislation.

Keywords: prosecutorial oversight, SMO participants, family members, social guarantees, rights protection, law enforcement practice.

Охрана субъективных прав и свобод человека образует одну из основ функционирования правового государства. В рамках данной проблематики приоритетное значение имеют социальные права военнослужащих, поскольку исполнение ими служебных обязанностей сопряжено с обеспечением обороны страны и защитой ее публичных интересов. В условиях специальной военной операции существенно усиливается роль государственных институтов, обеспечивающих реальное предоставление законодательно закрепленных гарантий военнослужащим и их близким. Ключевая позиция в соответствующем механизме принадлежит прокуратуре Российской Федерации. На данный орган возложены контрольные полномочия в части соблюдения законодательства федеральными ведомствами, органами военного управления, должностными лицами и прочими участниками правоотношений, несущими установленные законом обязанности. В сферу прокурорской проверки включаются вопросы денежного обеспечения, предоставления жилья, оказания медицинской помощи, пенсионного обеспечения, а также социальной поддержки членов семей военнослужащих [2].

Нормативное регулирование и административная практика закрепляют специальные гарантии для лиц, задействованных в специальной военной операции. Однако реализация соответствующих предписаний нередко осложнена: фиксируются задержки назначенных выплат, недостатки при оформлении льгот, затруднения в подтверждении правового статуса и получении связанных с ним мер поддержки. При таких обстоятельствах именно прокуратура выявляет нарушения законности, рассматривает поступающие обращения, применяет меры прокурорского реагирования и добивается восстановления нарушенных социальных прав.

Исследовательский интерес к обозначенной теме связан с необходимостью повышения эффективности прокурорского надзора в указанной сфере, а также с потребностью в уточнении нормативного регулирования и практики его применения. Цель статьи заключается в выявлении проблем, возникающих в процессе прокурорского надзора за соблюдением социальных прав военнослужащих – участников специальной военной операции, а равно членов их семей, и в определении направлений дальнейшего совершенствования данной деятельности.

Под указанным комплексом понимается совокупность юридических механизмов, гарантирующих надлежащие условия несения военной службы, материальное обеспечение,

а также социальную защиту военнослужащих и членов их семей. Нормативный фундамент такого регулирования составляют Конституция РФ, федеральное законодательство и подзаконные нормативные акты. Системообразующее значение в этом массиве имеют нормы, определяющие правовой статус военнослужащих, закрепляющие перечень социальных гарантий и устанавливающие формы государственной поддержки [1].

К социальным правам данной категории граждан относятся денежное довольствие, жилищное обеспечение, медицинское обслуживание, пенсионное обеспечение, компенсационные выплаты и иные меры социальной поддержки, распространяющиеся также на членов семьи военнослужащего. Самостоятельный сегмент гарантий предусмотрен для участников специальной военной операции: им предоставляются дополнительные денежные выплаты, компенсации, льготы и другие социальные преференции.

За соблюдением требований законодательства в рассматриваемой области надзор осуществляет прокуратура Российской Федерации. На органы прокуратуры возложены выявление нарушений, их пресечение, восстановление нарушенных прав военнослужащих и контроль за фактической реализацией предусмотренных законом гарантий. В качестве основных надзорных форм используются проверки исполнения нормативных предписаний, рассмотрение обращений военнослужащих и членов их семей, участие в судебной защите, а также внесение актов прокурорского реагирования [1].

Тем самым прокурорский надзор занимает ключевое место в механизме поддержания законности при обеспечении социальных прав военнослужащих.

При заметном участии государства в формировании системы социальных гарантий для военнослужащих, правоприменение по-прежнему сопровождается затруднениями, снижающими действенность прокурорского надзора. Наиболее частое нарушение связано с несвоевременной выдачей денежных выплат военнослужащим и их семьям. В практической плоскости встречаются задержки перечислений, а также случаи неполного начисления причитающихся сумм. Источниками подобных сбоев выступают избыточная административная регламентация, слабая согласованность действий уполномоченных структур, дефекты документооборота.

Сохраняет остроту и жилищный вопрос. При наличии специальных государственных механизмов значительная часть военнослужащих вынуждена длительно ожидать предоставления жилых помещений либо соответствующих субсидий. Прокурорские проверки систематически фиксируют несоблюдение правовых предписаний в части жилищного обеспечения данной категории граждан [3].

Серьезные изъяны обнаруживаются и в области медицинского снабжения. Лица, задействованные в специальной военной операции, нередко нуждаются в продолжительной терапии и восстановительных мероприятиях. Одновременно в реальной практике возникают препятствия при получении врачебной помощи, организации реабилитационного маршрута, а также при подготовке и подтверждении необходимой документации.

Особый блок составляют гарантии для членов семей военнослужащих. Речь идет о выплатах, льготном обеспечении, праве на образовательные и медицинские меры поддержки. Нарушения в указанной сфере обусловлены как пробелами нормативного массива, так и недостаточной осведомленностью граждан о принадлежащих им правомочиях.

Отдельную сложность образует межведомственное взаимодействие органов, вовлеченных в реализацию социальных обязательств. Несогласованность административных процедур порождает волокиту при предоставлении услуг и перечислении средств [3].

В данных условиях прокуратура занимает центральное место в механизме охраны законности при обеспечении социальных прав военнослужащих и членов их семей. На нее возложен постоянный надзор за соблюдением законодательства со стороны органов публичной власти, военного управления и должностных лиц. По итогам проверочных мероприятий выявляются правонарушения, вносятся акты реагирования, обеспечивается устранение допущенных нарушений и восстановление ущемленных прав граждан.

К числу приоритетных участков прокурорской деятельности относится работа с заявлениями военнослужащих и их семей. Изучение поступающих обращений раскрывает типичные затруднения в сфере социальных гарантий и служит основанием для последующего устранения выявленных дефектов правоприменения. При обнаружении отступлений от требований закона прокурор использует предусмотренные законом средства реагирования: вносит представление, опротестовывает неправомерные нормативные предписания, обращается с иском в суд, объявляет предостережение о недопустимости противоправного поведения [3].

Значимое место занимает судебная форма защиты. В рамках судопроизводства достигается возмещение невыплаченных сумм, присуждаются компенсации, восстанавливаются ущемлённые права военнослужащих. Прокурорское участие в таких делах усиливает гарантии реального доступа к правосудию и повышает результативность правовосстановительных процедур.

Рост действенности надзора в области социальных прав военнослужащих предполагает обновление нормативной базы и корректировку организационных механизмов. Регулирование, закрепляющее социальные гарантии, нуждается в большей определённости; расплывчатые формулировки создают почву для разноречивого толкования и ведомственных расхождений. Отдельного внимания требует координация между государственными органами, структурами военного управления и прокуратурой. Интегрированная информационная система учёта выплат и социальных льгот способна повысить прозрачность соответствующих процессов и сократить число нарушений.

Существенное значение имеет правовое просвещение военнослужащих и их близких. Немалая доля нарушений обусловлена дефицитом сведений о содержании принадлежащих им прав и доступных способах их отстаивания. Одновременно требуется развивать практику прокурорских проверок, концентрируя её на наиболее чувствительных вопросах: денежном довольствии, жилищном обеспечении, медицинской помощи.

Прокурорский надзор занимает системообразующее положение в механизме охраны социальных прав военнослужащих – участников специальной военной операции и членов их семей. Функции прокуратуры охватывают обнаружение нарушений, пресечение незаконных практик, восстановление правового положения граждан и контроль за фактическим предоставлением социальных гарантий. Дальнейшее повышение результативности данной деятельности связано с комплексным совершенствованием законодательства, межведомственной кооперации и уровня правовой осведомлённости соответствующих категорий граждан.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. [с учетом поправок, внесенных Законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 31.
2. Михайлова Е. В. Судебная защита гражданских прав участников СВО и членов их семей // Государство и право. – 2025. – № 5. – С. 135-142. – DOI 10.31857/S1026945225050128.
3. Проблемные аспекты прокурорского надзора за соблюдением отдельных трудовых прав и свобод военнослужащих, участвующих в проведении специальной военной операции на Украине, и членов их семей // Военно-юридический журнал. – 2025. – № 2. – С. 41-44. – DOI 10.18572/2070-2108-2025-2-41-44.

Власова Е. Л.

Игнатьева И. В.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В СТРАТЕГИЯХ РЕКЛАМЫ И СВЯЗЕЙ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ: ПРЕИМУЩЕСТВА И РИСКИ

Статья посвящена использованию социальных сетей в рекламных стратегиях и связях с общественностью: рассматриваются ключевые преимущества и основные риски такого подхода. Авторы отмечают, что соцсети обеспечивают широкий охват аудитории, точный таргетинг, интерактивность, разнообразие форматов, аналитику в реальном времени и вирусный потенциал контента. В сфере PR они помогают формировать имидж бренда, выстраивать диалог с аудиторией, работать с инфлюэнсерами и оперативно реагировать на кризисы. Вместе с тем выделяются существенные риски: репутационные угрозы из-за ошибок в коммуникации или кризисных ситуаций, изменения алгоритмов платформ, снижающие органический охват, юридические ограничения (требования к маркировке рекламы, защите персональных данных, запрет размещения на заблокированных и экстремистских ресурсах), риски, связанные с сотрудничеством с инфлюэнсерами («эффект переноса репутации»), размещение рекламы на сомнительных площадках (пиратские ресурсы,каналы с миссклликами и т. п.), утечка конфиденциальных данных, информационный шум и эффект «баннерной слепоты», непрозрачность затрат в отдельных каналах продвижения (например, у Telegram-инфлюэнсеров), а также зависимость от одной платформы. В завершение предлагаются рекомендации по минимизации рисков – от тестирования креативов и внедрения инструментов Brand Safety до соблюдения законодательства, диверсификации каналов коммуникации и разработки антикризисных планов.

Ключевые слова: социальные сети, реклама, PR, таргетинг, риски, репутация, алгоритмы, законодательство, аналитика, взаимодействие с аудиторией.

Vlasova E. L.

Ignatyeva I. V.

USING SOCIAL MEDIA IN ADVERTISING AND PUBLIC RELATIONS STRATEGIES: ADVANTAGES AND RISKS

This article examines the use of social media in advertising and public relations strategies, examining the key advantages and main risks of this approach. The authors note that social media provides wide audience reach, precise targeting, interactivity, a variety of formats, real-time analytics, and the viral potential of content. In PR, they help shape brand image, build dialogue with audiences, work with influencers, and quickly respond to crises. At the same time, significant risks are highlighted: reputational threats due to communication errors or crisis situations, platform algorithm changes that reduce organic reach, legal restrictions (requirements for advertising labeling, personal data protection, prohibitions on placement on blocked and extremist resources), risks associated with collaboration with influencers ("reputation transfer effect"), advertising on dubious platforms (pirated resources, channels with miss-clicks, etc.), confidential data leaks, information noise and the "banner blindness" effect, lack of transparency in costs in certain promotion channels (for example, with Telegram influencers), and dependence on a single platform. Finally, recommendations for risk mitigation are offered – from creative testing and the implementation of Brand Safety tools to compliance with legislation, diversification of communication channels, and the development of anti-crisis plans.

Keywords: social media, advertising, PR, targeting, risks, reputation, algorithms, legislation, analytics, audience engagement.

Несмотря на стремительную цифровизацию всех сфер общественной жизни и трансформацию потребительского поведения, интерес к рекламе не только не снижается, но и приобретает новые формы и масштабы. По данным исследований, среднестатистический пользователь проводит в социальных сетях более 2,5 часов в день, а объём рекламного рынка в цифровых каналах ежегодно растёт на 15-20 %[1].

Реклама перестала быть просто информационным сообщением о товаре – она органично вплетается в информационные потоки, с которыми взаимодействует пользователь, и становится частью его повседневного опыта, выстраивая долгосрочные отношения с аудиторией. Потребители больше не пассивно воспринимают рекламные сообщения: они активно участвуют в коммуникации, делятся ими, комментируют, создают авторские публикации с отсылками к брендам. Социальные сети стали не просто площадками для размещения объявлений, а полноценными экосистемами, где формируются репутации, рождаются тренды и выстраиваются отношения между компаниями и аудиторией.

Деятельность по размещению рекламы в социальных сетях в Российской Федерации регулируется комплексом нормативных актов. Ключевую роль играют: Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе»[2] (далее – ФЗ № 38-ФЗ), устанавливающий общие требования к рекламе, определяющий понятия недобросовестной и недостоверной рекламы, а также регламентирующий особенности рекламы отдельных видов товаров и услуг (в частности, ст.5 содержит требования достоверности и добросовестности рекламы, ст. 18 регулирует особенности размещения рекламы в интернете); Федераль-

1 Социальные сети захватили 68,7 % населения мира. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.sostav.ru/publication/sotsialnye-seti-zakhvatili-68-7-naseleniya-mira-78976.html (дата обращения: 05.04.2026).

2 Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 12. Ст. 1232.

ный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[3] (далее – ФЗ № 149-ФЗ), определяющий правовой статус социальных сетей как информационных ресурсов и регулирующий вопросы модерации контента и обязанности владельцев платформ; Гражданский кодекс РФ (часть четвёртая)[4], регулирующий вопросы интеллектуальной собственности, включая использование товарных знаков и авторских произведений в рекламных материалах; Кодекс РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), предусматривающий ответственность за нарушения законодательства о рекламе (ст. 14.3 КоАП РФ)[5]; Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей»[6], гарантирующий права потребителей на получение достоверной информации о товарах и услугах. Особое внимание уделяется требованиям к маркировке интернет-рекламы и передаче данных в Единый реестр интернет-рекламы (далее – ЕРИР), что стало обязательным с 2022 года[7].

Рекламная стратегия представляет собой долгосрочный план действий, направленный на продвижение бренда, товара или услуги с целью достижения конкретных маркетинговых целей. Она определяет целевую аудиторию, ключевые сообщения, каналы коммуникации и бюджет. Выделяют несколько основных видов рекламных стратегий. Продуктоориентированные стратегии фокусируются на уникальных характеристиках и преимуществах товара или услуги, делая акцент на качестве, функциональности и инновационности. Брендо-ориентированные стратегии направлены на формирование и укрепление имиджа бренда, его ценностей и ассоциаций в сознании потребителей с целью создания эмоциональной связи с аудиторией. Рыночно-ориентированные стратегии нацелены на завоевание определённой доли рынка и вытеснение конкурентов, часто включая агрессивное ценообразование, акции и спецпредложения. Дифференцированные стратегии предполагают сегментирование аудитории и создание отдельных рекламных кампаний для разных групп потребителей с учётом их потребностей и предпочтений. Контент-маркетинговые стратегии основаны на создании и распространении полезного информационного контента, который привлекает и удерживает целевую аудиторию, постепенно превращая её в клиентов. Вирусные стратегии ставят целью создание контента, который естественным образом распространяется пользователями, обеспечивая широкий охват при минимальных затратах [1, с. 115-118].

Социальные сети стали неотъемлемой частью современных рекламных стратегий благодаря своим уникальным характеристикам. Во-первых, они обладают огромной аудиторией: платформы вроде «ВКонтакте», «Одноклассники», Telegram, YouTube[8] и другие охватывают значительную часть населения РФ, предоставляя доступ к разнообразным сегментам целевой аудитории[9]. Во-вторых, продвинутые алгоритмы позволяют точно настраивать параметры показа рекламы: демография, интересы, поведение, геолокация и т.д. Социальные сети используют алгоритмические системы на базе машинного обучения и анализа больших данных для сбора и обработки пользовательских метаданных (демографических характеристик – возраст, пол; геопространственных параметров – геолокация; поведенческих паттернов – взаимодействие с контентом, подписки, частота сессий и т.д.) с целью таргетированного показа рекламы. При запуске кампании рекламодатель задаёт критерии отбора целевой аудитории, а алгоритм сопоставляет их с профильными характеристиками пользователей и идентифицирует сегменты, максимально соответствующие заданным параметрам. Реклама демонстрируется исключительно отобранной аудитории (в ленте новостей, сторис и т.д.), исключая нецелевые показы. Это повышает экономическую эффективность рекламных инвестиций за счёт концентрации воздействия на сегментах с высокой вероятностью конверсии и оптимизирует пользовательский опыт благодаря снижению доли нерелевантных объявлений. Алгоритмы реализуют механизм селективной фильтрации: на основе многомерного анализа данных они обеспечивают адресную доставку контента, прогнозируя поведенческие реакции на рекламные стимулы с применением методов машинного обучения и прогностической аналитики. В-третьих, социальные сети обеспечивают интерактивность – возможность прямого общения с аудиторией, получения обратной связи, проведения опросов и конкурсов. В-четвёртых, разнообразие форматов позволяет представлять рекламу в виде постов, сторис, видео, каруселей, нативной интеграции у блогеров и т.п. В-пятых, встроенная статистика[10] и внешние инструменты аналитики позволяют отслеживать эффективность кампаний в режиме реального времени и оперативно корректировать стратегию. В-шестых, контент в социальных сетях обладает вирусным потенциалом: он может быстро распространяться среди пользователей, увеличивая органический охват [2, с. 203-207].

Связи с общественностью (PR) в социальных сетях (Social Media PR) выходят за рамки прямой рекламы и фокусируются на формировании позитивного имиджа компании, управлении репутацией и построении долгосрочных отношений с аудиторией. Ключевые направления включают: контент-стратегию (создание и распространение полезного, развлекательного или образовательного контента, укрепляющего доверие к бренду); взаимодействие с аудиторией (ответы на комментарии, обработка обращений и жалоб, проведение онлайн-мероприятий); работу с лидерами мнений

3 Федеральный закон от 27.07.2006. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31. Ст. 3448.

4 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвёртая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 52. Ст. 5496.

5 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1. Ст. 1.

6 Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-I «О защите прав потребителей» // Российская газета. 1992. 7 апр.

7 Требования к маркировке интернет-рекламы и передаче данных в Единый реестр интернет-рекламы были введены на основании Федерального закона от 02.07.2021 № 347-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О рекламе»». Эти изменения вступили в силу 1 сентября 2022 года.

8 Пресс-релиз ФАС России от 25.03.2026 «Разъяснения ФАС России в части контроля законодательства о рекламе». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/law/hotdocs/93379.html (дата обращения: 05.04.2026).

9 По данным на 2026 год, некоторые показатели аудитории популярных социальных сетей в России: «ВКонтакте». По оценке Mediascope, в декабре 2025 года ежемесячная аудитория составляла 94 млн пользователей, а ежедневная – 58 млн. Платформа остаётся лидером по числу активных пользователей в России, превратившись в экосистему с музыкой, видео, играми и сервисами заказа. Telegram. По данным Resourcera, в 2026 году в России насчитывалось 34,4 млн активных пользователей Telegram. При этом в январе 2026 года, по расчётам Okkam на основе данных Mediascope, Telegram стал самым популярным мессенджером в России с 95,978 млн пользователей, зашедших в него хотя бы раз за месяц. Однако к февралю 2026 года эта цифра снизилась до 95,692 млн. «Одноклассники». В феврале 2026 года наблюдался рост регистраций и восстановлений старых аккаунтов, особенно среди аудитории 18-25 лет. Число регистраций и восстановлений выросло на 15-20 % по сравнению с аналогичными периодами прошлых лет. Точное количество активных пользователей на 2026 год в открытых источниках не указано. YouTube. По данным на февраль 2026 года, глобальная ежемесячная аудитория YouTube составляла около 2,7 млрд человек. Однако точные данные по России в открытых источниках на 2026 год не представлены. Ранее, в январе 2026 года, упоминалось, что месячная аудитория YouTube в России снизилась до 65,9 млн пользователей, тогда как у «VK Видео» она достигла 82,8 млн. Важно учитывать, что данные об аудитории социальных сетей могут быстро меняться под влиянием регуляторных мер, изменений в поведении пользователей и других факторов. Например, в 2025-2026 годах Роскомнадзор вводил ограничения на работу некоторых мессенджеров, что могло повлиять на их аудиторию.

10 Встроенная статистика – это набор инструментов аналитики, которые изначально встроены в платформу (социальную сеть, рекламную систему, сайт и т.д.) и позволяют отслеживать ключевые показатели эффективности рекламных кампаний и контента без подключения сторонних сервисов.

(инфлюэнсерами) для повышения доверия и охвата; кризисный PR(Public Relations, связи с общественностью), то есть мониторинг упоминаний бренда и оперативное реагирование на негативные ситуации; сторителлинг (использование историй для эмоциональной связи с аудиторией и демонстрации ценностей компании); освещение

корпоративной социальной ответственности (далее – КСО) — публичное информирование о благотворительных и экологических инициативах бренда [3, с. 88-92].

Использование социальных сетей в рекламе и PR обладает рядом преимуществ. Широкий охват в сочетании с возможностями таргетинга позволяет достучаться до миллионов пользователей и одновременно точно настроить показ рекламы на целевую группу. Экономическая эффективность проявляется в том, что стоимость привлечения клиента в соцсетях зачастую ниже, чем в традиционных медиа, а гибкие бюджеты дают возможность стартовать даже небольшим компаниям. Быстрая обратная связь – благодаря мгновенному получению реакций аудитории на рекламные сообщения – позволяет оперативно корректировать кампанию. Персонализация, то есть адаптация контента под интересы и поведение отдельных пользователей, повышает вовлечённость и конверсию. Гибкость и масштабируемость обеспечивают возможность быстро запускать, останавливать или изменять рекламные кампании в зависимости от результатов. Регулярное присутствие в соцсетях способствует повышению узнаваемости бренда, формирует лояльность аудитории и укрепляет его позиции. Интеграция рекламы и PR – естественное сочетание рекламных сообщений с PR-активностью (контентом и взаимодействием с аудиторией) – создаёт целостное восприятие бренда. Наконец, аналитика и измеримость, обеспеченные детальной статистикой по охвату, вовлечённости и конверсиям, позволяют объективно оценивать ROI[11] [4, с. 150-155].

Вместе с тем использование социальных сетей сопряжено с определёнными рисками. В условиях информационного шума и высокой конкуренции за внимание пользователей компаниям приходится создавать особенно креативный и запоминающийся контент — например, бренд одежды запускает вирусный челлендж в TikTok с оригинальным саундтреком и хештегом, где пользователи демонстрируют стильные образы с его вещами; благодаря нестандартной идее и вовлечению аудитории ролик набирает миллионы просмотров, выделяясь на фоне стандартных рекламных баннеров и постов. Один из ярких примеров вирусного челленджа в TikTok, который помог бренду одежды привлечь внимание аудитории, — кампания #AySauceChallenge от британского онлайн-ритейлера ASOS. Суть челленджа: пользователям предлагалось показать три своих модных образа (лука) с помощью эффекта мгновенного переодевания и бренд-эффекта с дополненной реальностью (AR). При этом участники могли проявить креативность и индивидуальность, выбирая одежду по своему вкусу. В результате Хештег #AySauceChallenge набрал 2,5 млрд просмотров. Кампания привлекла большое количество пользователей и повысила вовлечённость аудитории[12]. Кампания #AySauceChallenge подтвердила, что в условиях информационного шума креативность и вовлечение — ключевые факторы успеха в соцсетях. Она показала: как интерактивные форматы и технологии помогают бренду выделиться; что делегирование создания контента аудитории кратно увеличивает охват; что инвестиции в нестандартные решения окупаются ростом узнаваемости и лояльности. Однако долгосрочный успех требует системной работы: после вирусного всплеска важно закрепить результат через регулярные коммуникации, персонализированные предложения и анализ данных, собранных во время челленджа. Это достаточно сложно, так как требует системных инвестиций (финансовых, временных, человеческих); гибкости и скорости реакции на изменения; культуры работы с данными; долгосрочной стратегии, а не разовых акций. Те, кто готов к этой работе, получают устойчивый рост узнаваемости, лояльности и продаж. Те, кто рассчитывает на «волшебный вирусный эффект» без дальнейшей поддержки, быстро теряют набранный охват и возвращаются к исходной точке.

Ошибки в коммуникации, неудачная реклама или кризис могут вызвать волну критики и вирусное распространение негатива. Вот только несколько примеров: в онлайн-каталоге H&M разместили фото темнокожего мальчика в худи с надписью «Coolest monkey in the jungle» («Самая крутая обезьянка в джунглях»). Многие восприняли это как расистский намёк. Соцсети взорвались возмущением: пользователи обвинял бренд в расизме, призывали к бойкоту, делили скриншоты и мемы. Скандал подхватили СМИ и инфлюенсеры. H&M извинилась, удалила фото и сняла худи с продажи. В ЮАР магазины сети подверглись акциям протеста, продажи упали, компания понесла финансовые и репутационные потери. В рекламе Burger King показал, как бургер покрывается пылью и паутиной, чтобы подчеркнуть отсутствие консервантов. Визуал вызвал отвращение у многих зрителей. Пользователи сочли ролик не «честной рекламой», а отталкивающим зрелищем. В соцсетях появились мемы и комментарии вроде «теперь я точно не буду это есть». Несмотря на то, что кампания была задумана как смелая и честная, она оттолкнула часть аудитории. Компании пришлось смягчить коммуникацию и запустить более аппетитные ролики. В эпоху социальных сетей любая коммуникация может стать вирусной — как в позитивном, так и в негативном ключе. Ошибки в рекламе или кризисные ситуации быстро распространяются через соцсети, многократно усиливая масштаб скандала. Ключевая проблема часто заключается в неучёте контекста: бренды не просчитывают заранее, как их сообщения будут восприняты разными группами аудитории, — из-за чего безобидная, на первый взгляд, кампания может вызвать общественное возмущение. Цена таких ошибок высока: финансовые потери (падение продаж, отток клиентов) дополняются долгосрочным ущербом репутации, который сложно компенсировать. При этом критически важна скорость реакции: компании, которые оперативно извиняются и корректируют действия, способны минимизировать ущерб, тогда как промедление только усугубляет последствия. Чтобы снизить подобные риски, бизнесу необходимо: тщательно тестировать креативы на разных целевых аудиториях; учитывать культурный контекст и чувствительные социальные темы; заранее прорабатывать антикризисный план на случай негативной реакции; оперативно реагировать на критику и открыто признавать ошибки, демонстрируя готовность к конструктивному диалогу с аудиторией.

Репутационные риски могут возникать не только из-за прямых действий компании, но и из-за сотрудничества с внешними лицами — в частности, с инфлюэнсерами. Бренд, заключая партнёрство с блогером или знаменитостью, фактически ассоциирует себя с его образом, поведением и высказываниями. Если инфлюэнсер попадает в скандал, негативная реакция аудитории может перекинуться и на компанию — это явление называют **«эффектом ассоциации» или «эффектом переноса репутации».** Например, в январе 2026 года сеть магазинов Rendez-Vous организовала пресс-тур для российских инфлюенсеров (Ксении Собчак, Оксаны Самойловой, Александра Рогова и др.) в Куршевель — к 25-летию бренда и 16-летию бутика. Мероприятие длилось 4 дня и обошлось минимум в 30 млн руб.: в программу вошли проживание в люксовом отеле, ужин с устрицами и элитным алкоголем, выступление Патрисии Каас, катание на лыжах, полёты на вертолёте и фотосъёмки[13]. Реакция общественности оказалась резко негативной: роскошь мероприятия возмутила пользователей на фоне сложной геополитической и экономической ситуации.

В соцсетях появились упрёки в «отрыве от реалий», покупатели начали отменять заказы и блокировать скидочные

11 ROI (Return on Investment) – коэффициент возврата инвестиций, показатель окупаемости вложений. Он помогает оценить, насколько эффективно сработали затраты на какую-либо активность (рекламу, PR-кампанию, запуск продукта и т.д.): сколько денег вернулось в бизнес и окупились ли расходы.

12 Все про челленджи в TikTok: что это, как работает, 10 примеров топовых челленджей от брендов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://blog.click.ru/target/chellendzhi-v-tiktok/ (дата обращения: 05.04.2026).

13 «Оторвались от реалий»: как бренд Rendez-Vous попал в скандал из-за вечеринки в Куршевеле. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.m24.ru/articles/obshchestvo/22012026/866252 (дата обращения: 05.04.2026).

карты бренда. Скандал привлёк внимание политиков (зампред комитета Госдумы по культуре Елена Драпеко назвала событие «безобразием») и общественников (центр «Сорок Сороков» запросил проверку бренда у МВД). Rendez-Vous пояснила, что тур организован командой бутика в Куршевеле и не влияет на цены в России. Эксперты отметили риск потери связи с массовой аудиторией и закрепления образа бренда как «живущего в параллельной реальности». Этот случай демонстрирует, как сотрудничество с публичными личностями и организация дорогостоящих мероприятий могут стать источником репутационных рисков, особенно в условиях социально-экономической нестабильности[14]. Нельзя не учитывать, что алгоритмы соцсетей постоянно меняются, что влияет на органический охват и эффективность рекламы. Например, в какой-то момент Instagram[15] (платформа, популярная у брендов для продвижения через фото) начал активнее показывать видео (Reels), а обычные фото-посты стали видеть меньше людей. Риск для бизнеса в данном случае заключается в том, что компания годами развивала аккаунт: выкладывать красивые фото товаров, набирать подписчиков и получать органический охват — то есть её посты видели бесплатно, без рекламы. После смены алгоритма те же самые посты стали показываться в ленте гораздо реже: охват упал в 2-3 раза, вовлечённость снизилась. Чтобы вернуть прежнюю видимость, компании приходится идти на серьезные шаги – либо срочно перестраиваться и и осваивать создание видеоконтента, даже если у неё нет нужного опыта и ресурсов, либо увеличивать бюджет и платить за рекламу, чтобы продвигать и фото, и видео. Это ведёт к росту расходов на контент-производство и рекламу, а если компания не успевает адаптироваться к новым условиям, она рискует потерять часть аудитории — и, как следствие, столкнуться со снижением продаж, ведь меньше людей видят её товары. Таким образом, из-за постоянных изменений алгоритмов соцсетей бизнес оказывается перед сложным выбором: либо существенно увеличивать затраты на продвижение, либо оперативно менять контент – стратегию и форматы публикаций — в противном случае он неизбежно теряет охват и клиентов.

Сбор и использование данных пользователей для таргетинга вызывают вопросы с точки зрения защиты персональных данных в рамках Федерального закона от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее – ФЗ – № 152-ФЗ). Сбор и использование данных для таргетинга (cookies, IP-адреса, данные о поведении на сайте и т.д.) подпадают под действие ФЗ № 152-ФЗ, согласно ст. 6 ч. 1 п. 1 закона, их обработка возможна только с явного согласия пользователя. Например, компания собирает данные о действиях пользователя на сайте (историю посещений, клики, время, проведённое на страницах) через cookies и использует их для показа персонализированной рекламы без явного согласия пользователя. Данное нарушение грозит привлечением к административной ответственности по ст. 13.11 КоАП РФ (штрафы до 200 000 руб. для должностных лиц, до 500 000 руб. для ИП, до 18 000 000 руб. для юрлиц при повторном нарушении); репутационными потерями и снижением доверия клиентов; блокировкой сайта или сервиса; судебными исками от пользователей за ущерб и моральный вред; если данные передаются за пределы РФ (например, при использовании зарубежных рекламных сервисов — Google Ads, Facebook Ads), это требует соблюдения ст. 12 ФЗ-152. Необходимо уведомить Роскомнадзор[16], убедиться, что страна-получатель обеспечивает адекватную защиту прав субъектов, и получить согласие субъекта. Нарушение этих требований влечёт дополнительные штрафы[17]; нарушением принципа конфиденциальности (ст. 7 ФЗ-152) при раскрытии данных. Типичные нарушения в таргетированной рекламе: отсутствие в политике обработки данных упоминания о маркетинговых целях, невозможность отозвать согласие, использование данных не по назначению, предустановленные «галочки» в формах согласия (что противоречит ст. 9 ФЗ-152), продолжение обработки после отзыва согласия. Чтобы избежать нарушений, нужно: получать явное согласие на обработку данных для таргетинга, чётко прописывать цели в политике конфиденциальности, давать возможность отозвать согласие, использовать сервисы с локализацией данных в РФ, уведомлять Роскомнадзор о начале обработки и трансграничной передаче данных, обеспечивать защиту данных от несанкционированного доступа. С 30 мая 2025 года поправки в ФЗ № 152-ФЗ и КоАП РФ ужесточили ответственность за нарушения, увеличив штрафы.

Риск размещения рекламы на сомнительных площадках или в окружении нежелательного контента так же может привести к репутационным потерям, юридическим последствиям и неэффективному расходованию бюджета. Вот несколько примеров таких ситуаций: размещение рекламы на ресурсах, распространяющих нелицензионный контент (например, lordfilm, lordserials, jut-su и подобных), сопряжено с рисками. Такие площадки часто используют балансировщики и зеркала для обхода блокировок, что усложняет контроль за их деятельностью. Кроме того, реклама рядом с пиратским контентом может ассоциировать бренд с нарушением авторских прав, что негативно сказывается на репутации. Хотя медийные показатели (CTR, VTR)[18] на таких сайтах иногда сопоставимы с легальными ресурсами, это не компенсирует репутационные риски[19]. Многие игры показывают рекламу за вознаграждение, что часто приводит к «миссклликам» — случайным нажатиям на объявления. Это не только съедает бюджет рекламодателя, но и может создавать впечатление, что бренд ориентирован на низкокачественный трафик. Например, в работе с контекстной рекламы упоминаются случаи, когда алгоритм подбирал для показа рекламы преимущественно мобильные приложения, что снижало эффективность кампаний. Размещение рекламы рядом с материалами о войнах, конфликтах, насилии, болезнях или политическими дискуссиями может вызвать у пользователей негативные ассоциации. Например, реклама туристического курорта рядом с новостью о природной катастрофе в этом регионе вряд ли вызовет желание отправиться в путешествие. С 1 сентября 2025 года в России действует закон Федеральный закон от 07.04.2025 года №72-ФЗ «О внесении изменений в статью 12

14 На бульваре слез: кто стоит за скандальным пресс-туром «Рандеву» в Куршевеле. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://iz.ru/2028937/izvestiia/na-bulvare-slez-kto-stoit-za-skandalnym-press-turom-randevu-v-kurshevele (дата обращения: 05.04.2026).

15 Организация, деятельность которой признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

16 Роскомнадзор (РКН) – федеральный орган исполнительной власти РФ, который контролирует соблюдение законодательства в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, в т.ч. в области защиты персональных данных.

17 Административные штрафы за нарушения при трансграничной передаче персональных данных предусмотрены статьёй 13.11 КоАП РФ. Размеры санкций зависят от типа нарушения, статуса нарушителя и повторности проступка. Помимо штрафов, за нарушения могут применяться: Блокировка ресурса по IP-адресу или доменному имени на основании решения суда (в соответствии с законом №149-ФЗ). Обязательное предписание Роскомнадзора об удалении персональных данных из иностранных баз или их переносе на территорию РФ. Внесение сведений о нарушении в реестр Роскомнадзора, что может повлечь усиленное внимание к компании при последующих проверках. С 11 декабря 2024 года действует статья 272.1 УК РФ, которая предусматривает уголовную ответственность за незаконную трансграничную передачу персональных данных, если информация получена незаконным путём. Для минимизации рисков рекомендуется строго соблюдать требования законодательства: своевременно уведомлять Роскомнадзор, получать согласие субъектов данных, проверять уровень защиты в стране-получателе и использовать только легальные каналы передачи информации.

18 CTR – это показатель кликабельности, то есть доля пользователей, которые кликнули по рекламе после её показа. VTR показатель досмотров, то есть доля пользователей, которые посмотрели видеорекламу до конца (или до определённого этапа – например, 30 секунд).

19 Мусорные площадки РСЯ: есть списки для минусации, но стоит ли их использовать? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ppc.world/articles/musornye-ploschadki-rsya-est-spiski-dlya-minusacii-no-stoit-li-ih-ispolzovat/ (дата обращения: 05.04.2026).

Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» и Федеральный закон «О рекламе»», который запрещает размещать рекламу на экстремистских, нежелательных, заблокированных платформах. К таким ресурсам относятся, например, соцсети, принадлежащие компании Meta (Instagram, Facebook, Threads), которые признаны экстремистской организацией. Размещение рекламы на таких площадках не только влечёт штрафы, но и может нанести серьёзный ущерб репутации компании[20]. Темные площадки и группы источников – это независимые информационные порталы, блоги, форумы, платформы вопросов и ответов, которые выглядят как крупные агрегаторы контента, но не имеют реальной аудитории. Рекламодатель рискует потратить средства на неэффективное размещение, а отсутствие внешнего аудита трафика повышает вероятность мошенничества со стороны площадки. Каналы с неаудируемыми затратами, например, реклама у Telegram-инфлюенсеров, где финансовые условия зависят от множества договорных вводных, а база затрат непрозрачна. Это создаёт риски манипуляций с ценами и неэффективного использования бюджета[21]. Чтобы минимизировать риски, рекомендуется проверять площадки перед размещением рекламы (исключая ресурсы из списков запрещённых или нежелательных — например, перечней Минюста и Роскомнадзора), использовать инструменты Brand Safety[22] для фильтрации контента и исключения показов в нежелательном окружении, составлять чёрные списки сайтов, сообществ в соцсетях и каналов в мессенджерах, где реклама не должна показываться, отслеживать метрики кампаний (CTR[23], конверсии, процент отказов) и оперативно отключать неэффективные или подозрительные площадки, а также заключать договоры с контрагентами с чётким прописыванием условий размещения и ответственности за нарушения. Игнорирование этих мер может привести не только к финансовым потерям, но и к юридическим последствиям, включая штрафы от Роскомнадзора и ФАС[24].

Изменения в политике соцсетей (модерация, правила рекламы) могут резко повлиять на стратегию компании. В 2025 году в России вступил в силу запрет на размещение рекламы в социальных сетях, признанных экстремистскими или нежелательными, а также на ресурсах, доступ к которым заблокирован на территории страны (например, Instagram и Facebook). Это потребовало от бизнеса срочной перестройки маркетинговых стратегий[25].

Нарушение требований к маркировке рекламы, авторских прав или ограничений на рекламу отдельных товаров влечёт административную ответственность – ч. 16 ст. 14.3 КоАП РФ; ст. 7.12 КоАП РФ; ст. 14.3.1 КоАП РФ.

Уголовная ответственность может наступить в следующих случаях: присвоение авторства или плагиат (ст. 146 УК РФ), если это причинило крупный ущерб правообладателю (свыше 100 000 руб.); незаконное использование объектов авторского права в крупном размере (свыше 500 000 руб.) или в особо крупном размере (свыше 2 млн руб.), а также при совершении деяния группой лиц по предварительному сговору, с использованием служебного положения и т. д. (ст. 146 УК РФ); распространение рекламы на ресурсах экстремистских или запрещённых организаций, если это сопряжено с финансированием экстремистской деятельности (ст. 282.3 УК РФ) или участием в деятельности экстремистской организации (ч. 2 ст. 282.2 УК РФ). Таким образом, сами по себе нарушения маркировки рекламы, авторских прав или ограничений на рекламу отдельных товаров не влекут уголовной ответственности, но могут привести к ней при наличии дополнительных обстоятельств.

Привыкание аудитории к рекламным форматам эффект «баннерной слепоты» снижает их эффективность, требуя постоянного поиска новых подходов [5, с. 310-315]. Один из примеров, иллюстрирующих борьбу с баннерной слепотой, — кейс российского бренда женской одежды. Массовая рассылка одежды блогерам перестала давать ожидаемый эффект: однотипные сторис терялись в потоке рекламы, и аудитория переставала их замечать. Причина заключалась в том, что алгоритмы социальных сетей (на тот момент запрещённых в РФ) отдавали приоритет контенту, который выглядел нативно, не считывался как прямая реклама, вызывал эмоцию и отличался от привычных рекламных шаблонов. В результате агентство привлекло 20 креативных авторов, которые создали 60 уникальных вирусных роликов. Каждый автор снимал по 3 ролика и публиковал их в своём профиле. В этих видео продукт встраивался в сценарий, историю или жизненную ситуацию, а не просто «рекламировался». Вещь становилась частью контекста: образа, эмоции, проблемы или желания. Охват контента составил 1 277 524 человека, что в 1,5 раза превысило запланированный показатель.

Таким образом, социальные сети предоставляют мощный инструментарий для реализации рекламных и PR-стратегий, сочетая широкий охват, точный таргетинг и возможности интерактивного взаимодействия. Однако успешное использование этих платформ требует взвешенного подхода, учёта потенциальных рисков и строгого соблюдения нормативно-правовых требований. Чтобы максимизировать преимущества и минимизировать риски использования соцсетей в рекламе и PR, компаниям следует разрабатывать долгосрочные стратегии, сочетающие креативность, персонализацию и адаптацию к изменениям алгоритмов; тщательно тестировать креативы на разных целевых аудиториях и учитывать культурный контекст; внедрять инструменты Brand Safety для фильтрации контента и исключения показов в нежелательном окружении; соблюдать законодательство (маркировка рекламы, защита персональных данных, ограничения на рекламу отдельных товаров); прорабатывать антикризисные планы и оперативно реагировать на негативную реакцию; диверсифицировать каналы коммуникации, чтобы не зависеть от одной платформы; использовать аналитику для отслеживания метрик (CTR, конверсии, процент отказов) и быстрой корректировки кампаний. Таким образом, социальные сети остаются действенным и экономически выгодным каналом для рекламы и PR при условии грамотного управления рисками, гибкости и ориентации на долгосрочные отношения с аудиторией.

Пристатейный библиографический список

1. Котлер Ф. Маркетинг менеджмент. СПб.: Питер, 2018.
2. Райс Э., Траут Дж. Позиционирование: битва за умы. СПб.: Питер, 2019.
3. Блэк С. Введение в паблик рилейшнз. Ростов на Дону: Феникс, 2017.
4. Бернет Дж., Мориарти С. Маркетинговые коммуникации: интегрированный подход. СПб.: Питер, 2020.
5. Смит П., Бэрри К., Пулфорд А. Коммуникации стратегического маркетинга. М.: Юнити, 2019.

20 Штрафы вместо лайков: кому и какую рекламу запретили размещать в заблокированных соцсетях. [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/article/1845542/ (дата обращения: 05.04.2026).

21 Д — доходные медиапланы: кто заставляет бренды покупать рекламу на непонятных интернет-площадках. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://adpass.ru/entsyklopedia-obmana-d-dohodnye-mediaplany/ (дата обращения: 05.04.2026).

22 Brand Safety (дословно – «безопасность бренда») – это система мер и инструментов, которые защищают бренд от размещения рекламы в нежелательном или вредоносном контексте. Цель предотвратить репутационные риски: чтобы реклама не ассоциировалась с контентом, который может вызвать у аудитории негативные эмоции или противоречить ценностям бренда.

23 CTR (Click-Through Rate) – это показатель кликабельности в интернет-маркетинге, то есть доля пользователей, которые кликнули по рекламному объявлению или ссылке после его показа. Измеряется в процентах.

24 ФАС (Федеральная антимонопольная служба) – федеральный орган исполнительной власти РФ, который контролирует соблюдение антимонопольного законодательства, а также законодательства в сферах: рекламы; госзакупок; естественных монополий; иностранных инвестиций в стратегически важные отрасли; тарифного регулирования и др.

25 Запрет рекламы в соцсетях: за что штрафуют с 1 сентября. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.v2b.ru/articles/zapret-reklamy-v-sotssetyah-za-chto-oshtrafuut-s-1-sentyabrya/ (дата обращения: 05.04.2026).

ЗАХАРИН Глеб Евгеньевич
аспирант, Уфимский государственный нефтяной технический университет

БИРЮКОВА Вера Витальевна
профессор, доктор экономических наук, Уфимский государственный нефтяной технический университет

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ОСОБЕННОСТИ МЕТОДИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К ПЛАНИРОВАНИЮ РАЗВИТИЯ РОЗНИЧНЫХ СЕТЕЙ АЗС: ФАКТОРЫ ВЫБОРА МЕСТОПОЛОЖЕНИЯ И КОНФИГУРАЦИИ ОБЪЕКТОВ

В статье рассматриваются теоретические основы планирования развития розничных сетей автозаправочных станций в контексте выбора местоположения и конфигурации объектов. Актуальность исследования определяется усилением конкуренции на рынке розничной реализации моторного топлива, изменением пространственной структуры спроса, развитием дорожной инфраструктуры и трансформацией функциональной роли АЗС в системе потребительского сервиса. Цель статьи состоит в систематизации теоретических и методических подходов к развитию розничных сетей АЗС, выявлении ключевых факторов выбора местоположения объектов и обосновании принципов формирования их конфигурации. В работе использованы методы теоретического анализа, сравнительного подхода, систематизации научных источников, а также элементы пространственно-экономической интерпретации. Показано, что размещение АЗС представляет собой многокритериальную задачу, в которой сочетаются транспортные, рыночные, нормативные, инженерные, экологические и инвестиционные факторы. Установлено, что конфигурация объекта должна рассматриваться не как производное решение после выбора площадки, а как равноправный элемент модели развития сети, определяющий будущую эффективность объекта. Сделан вывод о необходимости перехода от изолированного выбора отдельных площадок к интегрированному планированию сети на основе ГИС-анализа, моделей пространственного спроса, оценки конкурентного окружения и сценарного прогнозирования.

Ключевые слова: АЗС, розничная сеть, развитие сети, местоположение, конфигурация объекта, пространственный анализ, ГИС, транспортный спрос, конкурентная среда, многокритериальная оценка.

ZAKHARIN Gleb Evgenievich
postgraduate student, Ufa State Petroleum Technological University

BIRYUKOVA Vera Vitalievna
Ph.D. in economical sciences, professor, Ufa State Petroleum Technological University

THEORETICAL FOUNDATIONS AND FEATURES OF METHODOLOGICAL APPROACHES TO PLANNING THE DEVELOPMENT OF RETAIL GAS STATION CHAINS: FACTORS OF LOCATION AND CONFIGURATION SELECTION

The article discusses the theoretical foundations of planning the development of retail gas station networks in the context of choosing the location and configuration of facilities. The relevance of the study is determined by the growing competition in the retail motor fuel market, changes in the spatial structure of demand, the development of road infrastructure, and the transformation of the functional role of gas stations in the consumer service system. The purpose of the article is to systematize theoretical and methodological approaches to the development of retail gas station networks, identify key factors in the selection of location for facilities, and substantiate the principles of their configuration. The work uses methods of theoretical analysis, comparative approach, systematization of scientific sources, as well as elements of spatial and economic interpretation. It is shown that the placement of gas stations is a multi-criteria task that combines transport, market, regulatory, engineering, environmental, and investment factors. It has been established that the configuration of an object should not be considered as a derivative solution after the site selection, but as an equal element of the network development model that determines the future efficiency of the object. It has been concluded that it is necessary to move from the isolated selection of individual sites to the integrated planning of a network based on GIS analysis, spatial demand models, competitive environment assessment, and scenario forecasting.

Keywords: gas station, retail chain, network development, location, object configuration, spatial analysis, GIS, transport demand, competitive environment, multi-criteria assessment.

Введение

Развитие розничных сетей автозаправочных станций относится к числу важных направлений управления инфраструктурой топливного обеспечения и коммерческой недвижимостью транспортного профиля. В современных условиях АЗС перестает быть исключительно точкой отпуска топлива и превращается в комплексный сервисный объект, сочетающий функции заправки, торговли, краткосрочного обслуживания водителей, логистической поддержки мобильности и, в ряде случаев, распределения альтернативных видов энергии. Вследствие этого задачи планирования сети АЗС становятся существенно более сложными, чем традиционный выбор участка для размещения топливораздаточных колонок.

Эффективность сети АЗС определяется не только качеством операционного управления, ценовой политикой или уровнем клиентского сервиса, но и тем, насколько точно на этапе стратегического развития были приняты решения о размещении объектов, их масштабе, формате, специализации и функциональном наполнении. Ошибки в выборе локации, пропускной способности, состава сервисов и пространственной роли станции нередко ведут к долгосрочным потерям, поскольку такие объекты отличаются значительной

капиталоемкостью, нормативной жесткостью и ограниченной гибкостью после ввода в эксплуатацию [2].

В теоретическом плане задачи размещения объектов торговли и сервиса имеют длительную научную традицию. Однако АЗС как особый тип розничного объекта обладают рядом отличительных характеристик. Их работа напрямую связана с транспортными потоками, поведенческими моделями мобильности, требованиями безопасности, экологическими ограничениями, инженерной обеспеченностью и сетевой логикой охвата территории. Поэтому методики, применяемые к иным видам розничной инфраструктуры, не всегда могут быть перенесены на АЗС без существенной адаптации [1].

На практике компании, управляющие сетями АЗС, сталкиваются с необходимостью решения целого комплекса взаимосвязанных вопросов: где именно размещать новые станции; какого типа должны быть объекты; как учитывать конкуренцию и каннибализацию спроса внутри собственной сети; каким образом прогнозировать спрос в условиях меняющейся городской структуры и автотранспортной подвижности; как соотносить формат станции с транспортной функцией территории; как учитывать перспективы развития дорожной инфраструктуры, жилой застройки, коммерческих кластеров и логистических маршрутов. Все эти вопросы требуют теоретического осмысления и методического упорядочения.

Цель настоящей статьи состоит в обобщении и развитии теоретических представлений о планировании розничных сетей АЗС с акцентом на факторы выбора местоположения и конфигурации объектов. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: раскрывается эволюция теоретических подходов к размещению инфраструктурных и сервисных объектов; систематизируются факторы, влияющие на местоположение АЗС; анализируются подходы к определению конфигурации станции; сопоставляются отечественные и зарубежные методические подходы; формулируются направления совершенствования методологии развития сетей АЗС.

1. Теоретические основания исследования размещения АЗС

Теория размещения хозяйственных объектов формировалась в рамках экономической географии, региональной экономики, теории центральных мест, транспортной экономики и исследований пространственной конкуренции. Одним из исходных оснований стала теория промышленного размещения А. Вебера, согласно которой выбор местоположения определяется стремлением минимизировать совокупные издержки, прежде всего транспортные [2]. Хотя АЗС не относятся к промышленным предприятиям в строгом смысле, сама идея пространственной оптимизации издержек имеет для них важное значение, особенно в части логистики снабжения, доступности площадки и связи с магистральной инфраструктурой.

Дальнейшее развитие пространственных исследований привело к формированию теорий, ориентированных не только на издержки, но и на доступность, охват спроса и поведение потребителей. Работы В. Хансена показали, что доступность выступает ключевой характеристикой территориального развития, определяя интенсивность взаимодействия между объектом и пользователями [2]. Для АЗС это означает, что реальная ценность местоположения определяется не только геометрической близостью к транспортной артерии, но и тем, насколько легко водитель может попасть на объект, совершить заправку и вернуться в маршрут без значительных временных потерь.

Существенный вклад внесли модели размещения объектов обслуживания и методы, ориентированные на поиск оптимальных пунктов присутствия с учетом охвата, расстояния, спроса и ограничений [5]. В отношении АЗС эти модели применимы как на уровне единичного объекта, так и на уровне сети, когда компания выбирает совокупность площадок, обеспечивающих максимальное покрытие территории, минимизацию внутренних пересечений и оптимизацию клиентских потоков.

Важное значение, в развитии теоретических аспектов обоснования места определения АЗС имеет теория пространственной конкуренции, которая рассматривает модель выбора обьекта размещения в зависимости от расстояния, цен, качества сервиса и других параметров [3]. «Пространственная конкуренция – это конкуренция производителей (продавцов) идентичных или взаимозаменяемых товаров за долю пространства рынка путем влияния на цену» [4]. В связи с тем, что водитель автотранспортного средства выбирает место заправки исходя из своего пути следования, можно заключить, что преимущества АЗС формируются не только внутренними характеристиками, но и конфигурацией конкурентного окружения. Поэтому актуальным становится вопрос повышения дифференциации АЗС, с целью воздействия на выбор места заправки, за счет включения дополнительных факторов потребительского выбора (кафе, автомойка, автосервис и т.п.). Это позволяет расширить рамки исследования и рассматривать объект не просто как торговую точку топливом, а как узел взаимодействия потоков, потребительских практик и пространственного развития территории.

Таким образом, теоретически аспекты исследования развития сетей АЗС стоит рассматривать как междисциплинарные исследования, которое включает в себя экономико-географические факторы пространственной оптимизации, теории доступности и охвата, модели конкурентного размещения. Такое пересмотр позиции теоретических исследований обосновывает необходимость совершенствования методического подхода к обоснованию размещения АЗС за счет включения количественную и качественную интерпретацию территориальных и поведенческих характеристик.

2. Теоретических обзор подходов к планированию развития сети АЗС

Проеденный анализ теоретических подходов к планированию развития сети АЗС сведем в таблицу 1. Всю совокупность подходом можно разделить на пять групп: нормативный, пространственный, экономико-математический, основанный на ГИС-технологиях и пространственном моделировании, сценарное планирование.

Как видно из таблицы, каждый из применяемых подходов обладает определенными ограничениями, поэтому считаем рационально-обоснованно предложить подход, который бы объединил существующие и нивелировал их недостатки.

3. Отечественные и зарубежные подходы: сравнительная характеристика

Отечественная практика развития АЗС традиционно характеризуется высокой ролью нормативных ограничений, инженерной экспертизы и локального анализа конкретного

Таблица 1. Методические подходы к планированию размещения объектов сети АЗС

Подход	Содержание	Преимущества	Недостатки
Нормативный	Последовательное исключение участков, не соответствующих обязательным требованиям, после чего оставшиеся варианты сопоставляются по экспертным критериям.	Относительная простота	Ограниченная точность и высокая зависимость от качества экспертных оценок
Пространственный	Анализ потоков, емкости спроса, конкурентной среды и пространственной доступности. Здесь используются данные транспортных обследований, демографическая	Позволяет точнее оценивать коммерческий потенциал,	Требует более сложной аналитической базы.
Экономико-математические	Решение задачи максимального покрытия, минимизации расстояния, оптимального распределения объектов по территории и выбора площадок при заданных ограничениях.	Полезен при сетевом планировании, когда необходимо сформировать сбалансированную структуру присутствия на большой территории	Применение ограничивается необходимостью упрощения реальной среды до набора формализуемых параметров.
Подход, основанный на ГИС-технологиях и пространственном моделировании	Объединяет картографические, транспортные, рыночные и нормативные данные, визуализирует потенциальные зоны охвата, анализирует конкуренцию, моделирует сценарии развития дорожной сети и проводит пространственную многокритериальную оценку	Позволяет перейти от точечного анализа к системному управлению сетью.	Сложен в технической реализации, имеет технические ограничения
Сценарное планирование	Анализ не только текущих условий, но и возможных изменений: колебаний спроса, трансформации городской структуры, появления новых дорог, изменения конкурентной плотности, развития альтернативных видов топлива и новых потребительских сервисов	Учитывает высокую неопределенность и долгий инвестиционный горизонт	

участка. Это связано как с институциональной спецификой градостроительного регулирования, так и с тем, что доступность подходящих земельных участков часто становится дефицитным ресурсом. В результате методика выбора площадки нередко строится по логике «поиска реализуемых возможностей», а не «поиска абстрактно оптимальной точки».

Зарубежные подходы, особенно представленные в англоязычной литературе, в большей степени ориентированы на моделирование пространственного спроса, анализ поведения потребителей, построение сетевых моделей покрытия и использование геоаналитических инструментов. Там выше доля методов, позволяющих количественно описывать каннибализацию, эластичность потребительского выбора, маршрутные отклонения и территориальные сценарии.

Однако противопоставление этих подходов не должно быть чрезмерным. В последние годы отечественная практика также активно внедряет ГИС-инструменты, методы оценки трафика, цифровую аналитику мобильности и многокритериальные модели. В то же время зарубежные модели далеко не всегда могут быть напрямую перенесены на другую институциональную среду без учета различий в транспортном поведении, правовом регулировании, типологии дорог и структуре землепользования.

Наиболее продуктивной видится комбинация сильных сторон обоих подходов: нормативной и инженерной реалистичности, характерной для отечественной практики, с аналитической и модельной глубиной, присущей зарубежным исследованиям.

Несмотря на развитие научных и прикладных подходов, в планировании сетей АЗС сохраняется ряд нерешенных проблем. Первая проблема связана со статичностью многих моделей. Нередко анализ строится на разовых данных о трафике, текущей конкурентной конфигурации и существующем землепользовании. Между тем реальный спрос динамичен и зависит от времени суток, сезона, экономической конъюнктуры, дорожных ремонтов, изменений маршрутов и иных факторов [5]. Вторая проблема заключается в разрыве между выбором местоположения и определением формата объекта. На практике сначала подбирается участок, а затем для него ищется подходящая конфигурация. Это снижает качество инвестиционных решений, поскольку участок и формат должны оцениваться совместно как единая бизнес-модель. Третья проблема касается недостаточного учета сетевых эффектов. Новый объект должен оцениваться не только по автономной прибыльности, но и по его влиянию на соседние станции, территориальное покрытие, логистику поставок и позицию бренда. Без этого возможно принятие локально рациональных, но стратегически неэффективных решений. Четвертая проблема — ограниченное использование данных о реальной мобильности и поведении клиентов. При наличии цифровых следов перемещения, транзакционных данных, информации программ лояльности и геоаналитики многие решения все еще принимаются на базе агрегированных и упрощенных показателей. Это сдерживает точность прогнозов. Пятая проблема связана с переходом рынка к многоформатной модели АЗС. Объекты все чаще различаются по функциональному наполнению, роли в сети, целевым сегментам клиентов и типу локации. Следовательно, универсальные шаблоны оценки теряют применимость, а методика должна становиться более контекстной и адаптивной.

Совершенствование методологии планирования развития розничных сетей АЗС целесообразно осуществлять по нескольким направлениям.

Прежде всего необходим переход к интегрированной модели пространственно-экономического анализа. Такая модель должна объединять данные о транспортных потоках, демографии, коммерческой активности, землепользовании, инженерной инфраструктуре, конкуренции и нормативных ограничениях. Технической основой для этого выступают ГИС-платформы и цифровые карты территориального развития.

Следующее направление связано с развитием многокритериальных методов оценки площадок. Важно не просто ранжировать участки по одному параметру, а строить систему взвешенных критериев, учитывающую стратегию сети. Для одной компании приоритетом может быть максимизация топливного потока, для другой — развитие сопутствующей торговли, для третьей — закрытие маршрутов корпоративных клиентов. Следовательно, методика должна быть настраиваемой под стратегические цели оператора. Перспективным, на наш взгляд, является использование сценарного моделирования. Для каждой потенциальной площадки и конфигурации следует оценивать не один базовый прогноз, а набор сценариев: оптимистичный, базовый, стрессовый, инфраструктурный, конкурентный. Это позволяет лучше учитывать неопределенность и повышает устойчивость инвестиционных решений.

Особую важность приобретает интеграция выбора местоположения и конфигурации в рамках единого проектного анализа. В таком подходе оценивается не просто «участок», а набор альтернативных концепций объекта на данном участке: компактная городская станция, расширенный сервисный формат, объект с акцентом на convenience retail, грузовой формат, гибридное решение. Сравнение должно проводиться по совокупности коммерческих, инженерных и стратегических показателей.

Заключение

Планирование размещение объектов при развития розничных сетей АЗС представляет собой комплексную задачу, которая включает в себя аспекты экономики, пространственного анализа, поведенческой экономики, инвестиционного проектирования и градостроительного регулирования. Теоретический анализ показывает, что активно применяющийся подход к выбору местоположения АЗС основанный на выборе участков с высоким трафиком, ограничен в своем обосновании. Он требует учета многослойной системы факторов, включающей характер мобильности, структуру спроса, конкуренцию, нормативные условия, инженерную реализуемость и стратегию сети.

Не менее важным является вывод о том, что конфигурация объекта должна рассматриваться как равноправный элемент планирования. Эффективность АЗС определяется не только тем, где расположен объект, но и тем, насколько его формат соответствует транспортной роли территории, структуре клиентского потока и позиционированию сети. В этом смысле местоположение и конфигурация образуют единую проектную модель, а их раздельное рассмотрение снижает качество управленческих решений.

Сопоставление отечественных и зарубежных подходов позволяет заключить, что дальнейшее развитие методологии должно идти по пути интеграции: от нормативно-экспертного отбора к пространственно-аналитической, сетевой и сценарной модели. Наиболее перспективным представляется подход, сочетающий ГИС-анализ, методы размещения объектов, оценку конкуренции, большие данные мобильности и финансово-экономическое моделирование. Такая интеграция позволит повысить точность выбора площадок, снизить инвестиционные риски и сформировать более устойчивую, адаптивную и экономически эффективную сеть АЗС.

Пристатейный библиографический список

1. Бирюкова В. В., Бирюков В. В. Стратегическое управление промышленным предприятием: особенности формирования в условиях инновационной конкуренции // Вестник Омского университета. – 2019. – № 1. – С. 13-22.
2. Плосконосова В. П., Бирюкова В. В. Организационно-экономические аспекты управления развитием промышленного предприятия // Вестник Российского государственного торгово-экономического университета (РГТЭУ). – 2006. – № 3 (15). – С. 111-118.
3. Торбенко А. М., Зобова Л. Л. К вопросу о содержании категории пространственная конкуренция в экономической науке. – Вестник КемГУ. – 2013. – № 4 (56) – С. 267-273.
4. Шихалев С. Л., Зобова Л. Л., Шабашев В. А. Теория пространственной конкуренции как основа определения пространства товарного рынка. – Кемерово: Практика, 2007.
5. Sheller M., Urry J. The City and the Car // International Journal of Urban and Regional Research. – 2000. – Vol. 24. № 4. – P. 737-757.
6. Rodrigue J.-P., Comtois C., Slack B. The Geography of Transport Systems. 5th ed. – New York: Routledge, 2020. – 440 p.
7. Hansen W. G. How Accessibility Shapes Land Use // Journal of the American Institute of Planners. – 1959. – Vol. 25. № 2. – P. 73-76.

МЕДВЕДЕВА Любовь Борисовна
кандидат экономических наук, доцент, старший преподаватель кафедры военно-политической работы в войсках (силах), Тюменское высшее военно-инженерное командное училище им. маршала инженерных войск А. И. Прошлякова

ДАНИЛЬЧЕНКО Марина Анатольевна
кандидат экономических наук, доцент кафедры военно-политической работы в войсках (силах), Тюменское высшее военно-инженерное командное училище им. маршала инженерных войск А. И. Прошлякова

ИННОВАЦИОННЫЕ РЕШЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

В статье авторы рассмотрели вопросы применения инновационных решений в практике предпринимательства Тюменской области. Показана роль субъектов малого бизнеса в экономке региона, в формировании совокупного валового регионального продукта. Рассмотрены основные виды получения необходимой поддержки начинающих предпринимателей, в условиях цифровой экономики, затронут процесс продвижения своей продукции, в разрезе современных возможностей. В статье детально рассмотрены модели бизнес-инкубаторов, как средство развития поддержки для начинающих предпринимателей, обозначены ключевые возможности их реализации. Авторы отметили роль цифровых платформ для получения финансирования на развитие предпринимательских идей.

Ключевые слова: цифровая экономика, продвижение продукции, тенденции развития, цифровизация, акселераторы.

MEDVEDEVA Lyubov Borisovna
Ph.D. in economical sciences, associate professor, senior lecturer of Military and political work in the troops (forces) sub-faculty, Marshal of Engineering Troops A. I. Proshlyakov Tyumen Higher Military Engineering Command School

DANILCHENKO Marina Anatoljevna
Ph.D. in economical sciences, associate professor of Military and political work in the troops (forces) sub-faculty, Marshal of Engineering Troops A. I. Proshlyakov Tyumen Higher Military Engineering Command School

INNOVATIVE SOLUTIONS FOR ENTREPRENEURS IN THE DIGITAL ECONOMY

In the article, the authors examined the application of innovative solutions in the practice of entrepreneurship in the Tyumen Region. The role of small business entities in the regional economy and the formation of the total Gross Regional Product is shown. The main types of support for novice entrepreneurs in the digital economy are discussed, and the process of promoting their products is examined in the context of modern opportunities. The article provides a detailed analysis of business incubator models as a means of providing support for novice entrepreneurs, highlighting the key features of their implementation. The authors also emphasize the role of digital platforms in obtaining funding for the development of entrepreneurial ideas.

Keywords: digital economy, product promotion, development trends, digitalization, and accelerators.

В условиях рыночной экономики большая роль отводиться субъектам малого бизнеса, именно они вносят значительный вклад в формирование Валового регионального продукта, пополняют региональные бюджеты, создают рабочие места и создают конкурентные преимущества, в условиях товарного обеспечения.

В рамках поставленных целей, сегодня предприниматели используют различные инновационные решения, которые позволяют вести расширенный процесс воспроизводства, и направлены на оптимизацию результатов своей деятельности, в рамках стратегических целей, поставленных властями.

Инновационные процессы охватывают разработку и внедрение нестандартных решений, направленных на формирование бизнес-моделей и организацию бизнес-процессов, в рамках взаимодействия с клиентами, результатами которых являются процессы масштабирования бизнеса и увеличение финансовых результатов [1, с. 428].

Такой инновационной моделью в Тюменской области, является модель бизнес-инкубатора. Его ключевая концепция построена на взаимодействии с тремя ключевыми участниками инновационной деятельности: человеком, проектом и компанией. Основное подразделение технопарка по работе с резидентами – бизнес-инкубатор, его цель – это оказание поддержки компаниям путем создания комфортных условий для разработки и продвижения инновационной продукции с высоким потенциалом коммерциализации. В течение периода инкубации, который составляет 3 года, у предпринимателя есть возможность пользоваться комнатами переговоров, конференц-залами и выставочными площадями на безвозмездной или частично платной основе. Для начинающих предпринимателей это является существенной поддержкой, в процессе формирования взаимоотношений с потенциальными партнерами и контрагентами. Бизнес-инкубатор создает благоприятные стартовые возможности для начинающих предпринимателей, обеспечивая им комплексную организационно-техническую, имущественную, а также консультационную поддержку, при этом бизнес-инкубатор имеет областной характер, территориально находясь в крупных областных центрах (Ишиме, Тобольске, Тюмени), что позволяет начинающим предпринимателям максимально сосредоточиться на реализации своих проектов, а бизнес-инкубатор, в свою очередь максимально ограждает предпринимателей от негативного влияния внешней среды. Ключевыми условиями взаимодействия являются:

1. Резидент бизнес-инкубатора должен быть зарегистрирован на территории Тюменской области.

2. Вид деятельности обязательно должен соответствовать специализации

бизнес-инкубатора.

3. Наличие бизнес-плана.

В рамках деятельности в бизнес-инкубаторе можно сформировать команду единомышленников из числа студентов Тюменских вузов и получить менторскую поддержку, в рамках которой можно оценить бизнес-идею и ее дальнейший успех, и продвижение. Благодаря такой поддержки количество резидентов за последние да года увеличилось в 1,5 раза.

Часть функций бизнес-инкубатора сегодня осуществляет «Инвестиционное агентство Тюменской области», что повышает эффективность получения инвестиционного потенциала начинающим предпринимателям [2, с. 71].

В период с 2020 года, происходит процесс трансформации традиционных моделей бизнес-инкубаторов в акселерационные платформенные решения.

В рамках реализации основных инструментов цифровой экономики, для малых форм ведения бизнеса, а также для начинающих предпринимателей сегодня активно реализуются акселерационные программы, в рамках которых можно не только получить базовые знания ведения бизнес-процессов, но и получить финансирование для реализации своей бизнес идеи, идея акселерационных программ, достаточно активно продвигается в студенческой среде и дает возможность студентам, не только получить профессиональные компетенции, но и научиться создавать проект и продвигать его. Алгоритм взаимодействия в рамках акселерационной платформы представляет следующие действия, на первом этапе происходит процесс регистрации, на втором этапе процесс заполнения электронной заявки, при этом базовым содержанием является бизнес-план, который содержит смету затрат для финансирования идеи, обоснование применяемой бизнес-модели (B-2-B или B-2-C), как правило начинающие предприниматели ориентированы на модель ведения бизнеса для потребителя [3, с. 997].

Процесс продвижения акселерационных платформ является инновационным решением для реализации возможностей студентов своих предпринимательских способностей, получение реального финансирования для реализации своей бизнес идеи, а также получение определенных предпринимательских компетенций, которые можно применять в дальнейшей практике ведения бизнеса. Поэтому наблюдается тенденция роста данной практики и рост вовлечения студенческой аудитории. Участие в предлагаемых акселерационных программах дают студентам возможность получить финансирование своих стартапов на суммы от 100 тыс. рублей до 1 млн. рублей. Примером подобной программы является реализуемая в 2023-2024 году акселерационная программа «Пища для размышлений – Фуднет», в рамках которой студенты разрабатывали проекты, направленные на улучшение рынка продуктов питания, в процессе реализации бизнес-идей были положены решения, направленные на создание альтернативных источников сырья, персонализированное питание, создание и продвижение умных цепей поставок, и продвижение цифровых технологических решений [4, с. 705].

Процесс получения грантовой поддержки для представителей аграрного бизнеса, сегодня также изменил формат, так с 2025 года все желающие получить региональный грант на ведение бизнеса в аграрной сфере, также подают заявку через цифровую платформу, куда заносят весь необходимый пакет документов и размещают бизнес-план, а конкурсная комиссия дистанционно рассматривает заявки и принимает решение о выделении средств на безвозмездной основе, в качестве грантовой поддержки, при этом объемы финансирования от 3-5 млн. рублей, при условии, что 10% от инвестиционной заявки это средства предпринимателя.

Формат продвижения продукции, сегодня также меняется, предприниматели активно используют современные модели электронного бизнеса, цифровые платформы, которые ежегодно набирают обороты, как со стороны потребителей, так и со стороны производителей. В условиях цифровой экономики перестраивается формат ведения бизнес-процессов, все больше предпринимателей предпочитают онлайн-формат. Для расширения своей целевой аудитории предприниматели используют практику блогерства, разработка собственного бренда, ведения каналов, в рамках которых происходит процесс продвижения продукции, обмен технологиями.

Таким образом, на современном этапе в условиях цифровой экономики, меняется традиционный формат ведения бизнес-процессов, инновационные модели способствуют перестройки формата реализации товаров, продвижения произведенной продукции, а также получения финансирования. Инновационный потенциал Тюменского региона позволяет использовать практику бизнес-инкубатора для начинающих предпринимателей, вовлекать студентов региональных вузов в акселерационное движение для получения практики ведения бизнес-процессов.

Пристатейный библиографический список

1. Буторина Г. Ю., Агапитова Л. Г. Инновационное предпринимательство в регионе: развитие, проблемы и пути их решения // Экономика и предпринимательство. - 2017. - № 8-3 (85). - С. 428-433.
2. Данильченко М. А. Компетентностный подход к развитию коммуникативных навыков экономистов // Агропродовольственная политика России. - 2014. - № 9 (33). - С. 70-72.
3. Медведева Л. Б. Внедрение современных цифровых технологий в решении производственных задач // Экономика и предпринимательство. - 2023. - № 4 (153). - С. 996-999.
4. Медведева Л. Б., Хоменко И. В. Использование цифровых решений в процессе продвижения продукции // Экономика и предпринимательство. - 2023. - № 4 (153). - С. 704-707.

СПАССКАЯ Наталия Владимировна
кандидат экономических наук, доцент, Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева

КУЗНЕЦОВА Карина Викторовна
кандидат экономических наук, доцент, Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева

АФАНАСЬЕВА Елена Евгеньевна
кандидат экономических наук, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЦИФРОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ ПРОДВИЖЕНИЯ В БИЗНЕСЕ

В статье систематизированы основные функциональные возможности инновационных инструментов продвижения. Установлено снижение эффективности традиционных маркетинговых инструментов на фоне развития цифровых технологий и изменения потребительского поведения. Обосновано, что комплексное внедрение цифровых инструментов способствует повышению вовлечённости аудитории, росту конверсии и укреплению рыночных позиций компании. Сделан вывод о необходимости системного перехода к инновационным инструментам продвижения как стратегическом условии устойчивого развития бизнеса в цифровой экономике.

Ключевые слова: цифровизация, цифровой маркетинг, цифровые инструменты, цифровые каналы продвижения, таргетирование аудитории, омниканальный подход.

SPASSKAYA Nataliya Vladimirovna
Ph.D. in economical sciences, associate professor, I. S. Turgenev Orel State University

KUZNETSOVA Karina Viktorovna
Ph.D. in economical sciences, associate professor, I. S. Turgenev Orel State University

AFANASJEVA Elena Evgenjevna
Ph.D. in economical sciences, I. S. Turgenev Orel State University

FUNCTIONALITY OF DIGITAL BUSINESS PROMOTION TOOLS

The article systematizes the main functionality of innovative promotion tools. A decrease in the effectiveness of traditional marketing tools has been established against the background of the development of digital technologies and changes in consumer behavior. It is proved that the comprehensive implementation of digital tools helps to increase audience engagement, increase conversion and strengthen the company's market position. The conclusion is made about the need for a systematic transition to innovative promotion tools as a strategic condition for sustainable business development in the digital economy.

Keywords: digital marketing, digital tools, digital promotion channels, audience targeting, omnichannel approach.

Введение

В эпоху цифровых технологий и постоянно растущей конкуренции, инновационные способы продвижения товаров и услуг становятся не просто трендом, а необходимостью. Традиционные способы продвижения демонстрируют снижение эффективности, в следствие чего для специалистов в области маркетинга становится приоритетной задачей поиск и разработка принципиально новых, более результативных методик.

Основная часть

По прогнозам экспертов, мировой рынок цифрового маркетинга к 2027 году достигнет 1 трлн. долларов, демонстрируя среднегодовой рост более 15 %. Ключевой драйвер этого роста – внедрение инновационных технологий, и прежде всего искусственного интеллекта, машинного обучения, расширенной аналитики и иммерсивных форматов.

Определим ключевые функциональные возможности цифровых инструментов продвижения. Среди них:

1. Точное таргетирование аудитории, то есть цифровые платформы предоставляют расширенные возможности сегментации и таргетинга по различным классификационным признакам, например, по гендерному признаку, географическому положению, поведенческим паттернам, интересам и намерениям пользователей и другим. Такой подход позволяет формировать микросегменты с высокой степенью релевантности, что существенно повышает эффективность коммуникационных стратегий. Например, в рамках продвижения образовательных услуг онлайн-университет может выделить аудиторию женщин в возрасте 25-35 лет, проживающих в крупных городах, проявляющих интерес к профессиональному развитию и повышению квалификации, а также недавно посещавших сайты с вакансиями. На основе этих данных формируется персонализированное рекламное сообщение. Это значительно увеличивает конверсию и снижает стоимость привлечения клиента.

2. Измеримость результатов. Даёт возможность количественно оценить эффективность каждого канала продвижения. Так, в отличие от традиционных каналов, цифровые инструменты позволяют отследить полный путь клиента от первого контакта до покупки или расчёт ключевых метрик: ROI (окупаемость инвестиций), CAC (стоимость при-

Таблица 1. Сравнительный анализ эффективности инструментов цифрового и традиционного продвижения

Критерий сравнения	Цифровые инструменты продвижения	Традиционные инструменты продвижения
Охват аудитории	Глобальный охват, возможность точечного таргетинга по демографии, интересам, геолокации и поведенческим факторам	Преимущественно локальный/региональный охват; массовый подход без точной сегментации
Измеримость результатов	Высокая: детальная аналитика в реальном времени (CTR, CPC, CPA, конверсия, ROI, LTV). Возможность сквозной аналитики	Низкая: сложно отследить эффективность. Опираются на косвенные показатели (рост продаж, опросы, экспертные оценки)
Персонализация коммуникаций	Высокая степень персонализации: динамический контент, рекомендательные системы, более точная сегментация аудитории, A/B-тестирование	Минимальная персонализация: сообщения ориентированы на широкие аудитории, индивидуальные настройки практически невозможны
Скорость запуска кампаний	Быстрая (от нескольких часов до нескольких дней): мгновенная публикация, оперативное внесение изменений	Длительная (от недель до месяцев): требуется производство материалов, согласование, размещение (печать, съёмка, монтаж)
Гибкость и оптимизация	Высокая: возможность быстрой корректировки в реальном времени, тестирование гипотез, оптимизация бюджета	Низкая: после запуска сложно внести изменения (например, в печатной рекламе или ТВ-ролике)
Ключевые каналы	SEO, контекстная реклама (Яндекс Директ), соцсети (SMM), email-маркетинг, контент-маркетинг, influencer-маркетинг, чат-боты	ТВ, радио, печатные СМИ, наружная реклама (билборды, ситилайты), промоакции
Целевая аудитория	Преимущественно молодёжь и люди среднего возраста, активные пользователи интернета и мобильных устройств, технически подкованные потребители	Преимущественно старшие возрастные группы, офлайн-ориентированные потребители, локальные сообщества, аудитория без активного цифрового присутствия
Аналитика поведения потребителей	Детальная: отслеживание пути пользователя, тепловые карты, воронка конверсии, поведенческие метрики, анализ кликов	Ограниченная: опросы, фокус-группы, оценка продаж без привязки к каналу
Масштабируемость	Высокая: легко расширить охват без пропорционального роста затрат (например, через соцсети или контекстную рекламу)	Ограниченная: масштабирование требует значительных дополнительных вложений (новые регионы, новые СМИ)
Затраты на привлечение клиента	Обычно ниже за счёт точного таргетинга, оплаты за результат и возможности оптимизации	Обычно выше из-за массового охвата, невозможности точно измерить эффективность и высоких производственных затрат

влечения клиента), CR (конверсия) для каждой рекламной кампании, провести A/B-тестирование разных вариантов рекламных креативов, лендингов. Например, система веб-аналитики «Яндекс.Метрика» обеспечивает возможность отследить полный путь пользователя от клика по контекстному объявлению до совершения целевого действия (покупки).

3. Персонализация коммуникаций, направленная на адаптацию сообщений под потребности и предпочтения конкретных пользователей. Современные технологии позволяют создавать индивидуализированные предложения, в частности динамический контент на сайтах и в рассылках, рекомендательные системы на основе машинного обучения, как на Ozon или Яндекс Маркет, персонализированные email- и push-уведомления, чат-боты с адаптивным диалогом. Пример практической реализации данной функции – рассылка от интернет-магазина с персональными рекомендациями товаров, которые основаны на истории предыдущих покупок клиента.

4. Оптимизация затрат на продвижение. Ключевое преимущество цифровых инструментов – это гибкость в управлении бюджетом. Цифровые инструменты маркетинга работают по принципу оплаты за результат, что реализуется через гибкие модели оплаты (например, за клик, показ или целевое действие).

5. Многоканальное взаимодействие. Омниканальный подход позволяет объединить различные цифровые каналы, от социальных сетей и мессенджеров до email-рассылки, поисковых систем и мобильных приложений. Это создаёт «бесшовный» клиентский опыт и повышает лояльность целевой аудитории. Допустим, клиент начал поиск товара в мобильном приложении, затем решил перейти на сайт, а оформил заказ через Telegram-бота, при этом вся история сохраняется как единая транзакционная цепочка.

6. Автоматизация маркетинговых процессов. CRM-системы и маркетинговые платформы позволяют автоматизировать email-маркетинг, настроить триггерные рассылки, управлять рекламными кампаниями через алгоритмы машинного обучения, а также сегментировать аудиторию в реальном времени. Так, в случае с низкой конверсией система автоматически останавливает рекламу и увеличивает ставки по успешным объявлениям.

7. Повышение вовлечённости аудитории. Интерактивные форматы цифровых коммуникаций способствуют росту времени взаимодействия с брендом, увеличению числа

повторных покупок, формированию сообщества лояльных клиентов, а также генерации пользовательского контента. В качестве примера можно привести ситуацию, когда бренд запускает конкурс в VK с хештегом, стимулируя клиентов делиться фото с продуктом.

8. Мониторинг конкурентной среды. Инструменты цифрового маркетинга позволяют отслеживать рекламные активности конкурентов, анализировать их стратегии продвижения, оценивать эффективность их кампаний и оперативно реагировать на изменения рынка.

9. Адаптивность к изменениям рынка. Цифровые каналы обеспечивают быструю корректировку рекламных сообщений, оперативное тестирование новых гипотез, мгновенное масштабирование успешных решений и гибкость в условиях кризисных ситуаций. Так, при резком росте спроса на определённый товар компания быстро запускает таргетированную рекламу и увеличивает ставки в контекстной рекламе по релевантным запросам.

Авторы К. Б. Суюнова, К. Худайбердиев, А. Хонимкулов [5] в своём исследовании, отмечают, что внедрение цифровых инструментов продвижения демонстрирует следующие положительные результаты для бизнеса: увеличение конверсии на 20-30 % при использовании персонализированных рекомендаций; снижение стоимости привлечения клиента на 15-25 % за счёт точного таргетинга; рост ROI маркетинговых кампаний в 2-3 раза по сравнению с традиционными методами; повышение уровня удержания клиентов на 10-15 % благодаря омниканальным коммуникациям; сокращение времени вывода продукта на рынок на 30-40 % за счёт быстрой аналитики и тестирования.

Проведём сравнительный анализ эффективности инструментов продвижения цифрового и традиционного маркетинга по ряду критериев, представленных в таблице 1.

Цифровой маркетинг демонстрирует более высокую эффективность по критериям измеримости, персонализации, адаптивности и масштабируемости. Он оптимален для бизнесов, нацеленных на быструю обратную связь, точный таргетинг и оптимизацию затрат. Традиционный маркетинг сохраняет преимущества в формировании массового узнавания бренда и доверия у определённых сегментов аудитории. Он эффективен для локальных кампаний и продуктов с широкой целевой аудиторией.

Заключение

Инновации уже сегодня меняют правила игры в маркетинге и активно используются бизнесом для получения конкурентных преимуществ. Инновационные способы продвижения товаров и услуг позволяет компаниям расширить охват потенциальных клиентов, создать позитивный имидж, увеличить вовлеченность клиентов и выделиться на рынке среди конкурентов. Использование цифровых инструментов не только способствует росту бизнеса, но и укрепляет его позиции на рынке в долгосрочной перспективе.

Пристатейный библиографический список

1. Еловая Е. М., Мезина Ю. А., Зарицкая В. Ю. Тренды digital-маркетинга в 2025 году // Актуальные проблемы социально-экономического развития современного общества: Сборник статей VI международной научно-практической конференции, посвящённой 20-летию кафедры социальной работы, Киров, 28 мая 2025 года. - Киров: Кировский государственный медицинский университет, 2025. - С. 367-371.
2. Ермолова Н. Продвижение бизнеса в социальных сетях Facebook, Twitter, Google+. - М.: Альпина паблишер, 2013. - 356 с.
3. Котлер Ф., Сетиаван А., Картаджайя Х. Маркетинг 5.0. Технологии следующего поколения/; пер. с англ. А. Горман. - М.: Эксмо, Бомбора, 2022. - 269 с.
4. Локтионова М. А. Перспективы развития маркетинга в условиях цифровой экономики // Цифровые решения, информационные технологии и интеллектуальные системы: проблемы, тренды и перспективы: Сборник научных статей по материалам Всероссийской конференции, г. Москва, 14 апреля 2022 года / под общ. ред. Е. В. Сибирской. - Волгоград: ИП ЧЕРНЯЕВА ЮЛИЯ ИГОРЕВНА (Издательский дом «Сириус»), 2022. - С. 68-70.
5. Суюнова К. Б., Худайбердиев К., Хонимкулов А. Маркетинговые стратегии в условиях цифровой трансформации бизнеса // JMBM. - 2025. - № 5.

ЧЕКРЫЖОВ Алексей Владимирович
старший преподаватель кафедры международных отношений, истории и востоковедения, Уфимский государственный нефтяной технический университет

МАКСИМОВА Екатерина Владимировна
магистрант кафедры международных отношений, истории и востоковедения, Уфимский государственный нефтяной технический университет

Чекрыжов А. В.

Максимова Е. В.

СЦЕНАРНЫЙ АНАЛИЗ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ В УСЛОВИЯХ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

В статье исследуются торгово-экономические отношения Российской Федерации и Турецкой Республики в условиях трансформации геоэкономики. Авторами выявлены ключевые факторы, влияющие на эти отношения, и разработаны пять треков их развития. Был использован метод сценарного анализа, который включает в себя изучение текущих тенденций, статистических данных и экспертных оценок. Анализируются влияние глобальных экономических изменений, санкционной политики Запада и внутренней политики обеих стран.

Как результат, было выявлено, что Турция использует экономические проекты для продвижения идеи пантюркизма и укрепления своего влияния в регионе. Турция и Россия имеют значительный потенциал для взаимовыгодного сотрудничества, несмотря на внешние вызовы. Экономическое взаимодействие становится важным инструментом для обеих стран в условиях глобальных изменений.

Ключевые слова: Россия, Турция, торгово-экономические отношения, сценарный анализ, геоэкономика, санкции.

CHEKRYZHOV Alexey Vladimirovich
senior lecturer of International relations, history, and oriental studies sub-faculty, Ufa state petroleum technological university

MAXIMOVA Ekaterina Vladimirovna
master's student of International relations, history, and oriental studies sub-faculty, Ufa state petroleum technological university

SCENARIO ANALYSIS OF ECONOMIC COOPERATION BETWEEN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF TURKEY IN THE CONTEXT OF GEOECONOMIC TRANSFORMATION

This paper examines trade and economic relations between the Russian Federation and the Republic of Turkey in the context of geoeconomic transformation. Key factors influencing these relations are identified, and five development tracks are developed. A scenario analysis method was used, which includes the study of current trends, statistical data, and expert assessments. The impact of global economic changes, Western sanctions policies, and the domestic policies of both countries are analyzed.

As a result, it was revealed that Turkey is using economic projects to promote pan-Turkism and strengthen its influence in the region. Turkey and Russia have significant potential for mutually beneficial cooperation, despite external challenges. Economic cooperation is becoming an important tool for both countries in the context of global change.

Keywords: Russia, Turkey, trade and economic relations, scenario analysis, geoeconomics, sanctions.

Торгово-экономические отношения между Россией и Турцией активно развиваются в условиях трансформации геоэкономической среды, западных санкций против России и продвижения Турцией идеи пантюркизма.

Ключевые позитивные факторы взаимодействия – взаимные интересы в энергетике, совместные инфраструктурные проекты и углубление военно-технического сотрудничества. Среди негативных факторов – политическая нестабильность в регионе, конкуренция за влияние в Центральной Азии и на Кавказе, возможные разногласия по вопросам внешней политики.

Анализ товарооборота Э. И. Мильдзиховой показывает тенденцию к усилению торгово-экономического взаимодействия, особенно в условиях санкционного давления на Россию [3, с. 238]. А. С. Маркина и В. Д. Фролов также отмечают взаимные выгоды: заинтересованность России в торговом и инвестиционном сотрудничестве и стремление Турции укрепить национальную экономику за счёт взаимной торговли [2, с. 10].

Перспективы отношений не имеют чёткого определения, в результате чего аспект требует дальнейшего углубленного изучения. Исходя из этого, мы выделяем пять возможных сценариев выстраивания торгово-экономических отношений Российской Федерации с Турецкой Республикой.

1. Оптимистический сценарий. Перестройка глобальных логистических и энергетических потоков создаёт предпосылки для углубления экономической интеграции Москвы и Анкары. В рамках оптимистичного сценария Турция может стать ключевым энергетическим хабом, в том числе – для российских углеводородов. На её территории планируется

создать региональный газовый хаб, который будет не только принимать российский газ, но и обеспечивать его реэкспорт в страны Балканского региона (Болгария, Сербия, Румыния) и Южной Европы (Греция, Италия).

В 2025 году объём импорта российской нефти в Турцию достиг 15,2 млн. тонн, а её доля в общем импорте страны составила 36 % [6]. Несмотря на снижение показателя из-за политики диверсификации поставщиков, Россия остаётся одним из крупнейших экспортёров нефти для Турции. Дополнительно расширяется реэкспорт российских нефтепродуктов (дизельного топлива, авиационного керосина, мазута) в третьи страны через турецкую территорию, что формирует эффективную модель «ресурс – переработка – реэкспорт».

Объём двусторонней торговли сельскохозяйственной продукцией в 2024–2025 годах составил 5,6 млрд. долл. Россия поставляет зерновые культуры, растительные масла и удобрения, а Турция экспортирует овощи, фрукты и переработанную продукцию [1, с. 615]. Такое взаимодействие способствует продовольственной безопасности обеих стран и снижает их зависимость от иных поставщиков.

Турецкая Республика приобретает всё большее значение как транзитно-логистический узел в евразийских транспортных коридорах. Объём перевозок по Транскаспийскому международному транспортному маршруту в 2025 году достиг 4 млн. тонн. Перспективна и интеграция Северного морского пути (СМП, грузопоток в 2025 году – 37,02 млн. тонн) с южными направлениями через Каспийское море и Турцию, что позволит создать альтернативную евразийскую транспортную ось.

Многовекторная политика Турции – участие в западных институтах (НАТО, таможенный союз с ЕС), развитие связей с Россией, сотрудничество со странами Азии (Китай, Индия, Южная Корея) и Ближнего Востока (ОАЭ, Саудовская Аравия) – позволяет ей выступать посредником в торгово-финансовых операциях между Россией и другими государствами. Отсутствие жёсткого санкционного давления способствует привлечению инвестиций и укреплению статуса регионального хаба.

Как лидер Организации Тюркских государств (ОТГ), Турция может дополнить свою стратегию экономической экспансии в Центральной Азии и на Южном Кавказе за счёт российско-турецкого сотрудничества. Россия поставляет энергоносители и зерно в тюркоязычные страны (Казахстан, Азербайджан, Узбекистан, Киргизию), а Турция контролирует каналы перераспределения и инвестирует в инфраструктуру (порты, дороги, энергетику). Это интегрирует пантюркистский вектор в евразийскую экономическую архитектуру.

Таким образом, российско-турецкая интеграция способна стать драйвером экономического роста не только для двух стран, но и для всего евразийского пространства. Реализация оптимистичного сценария зависит от ослабления санкционного давления и отсутствия вторичных санкций, высокой степени политической координации между странами, роста мирового спроса на энергоресурсы, а также развития инфраструктурных проектов.

Вместе с тем сценарий характеризуется высокой степенью неопределённости, связанной с возможностью смягчения санкционного режима, стабильностью региональной обстановки и уровнем инвестиционной активности. Реализация сценария возможна в среднесрочной перспективе, с активной фазой роста после 2027 года, а вероятность осуществления можно оценить как низкую или умеренную.

2. Сбалансированный сценарий. В рамках сбалансированного сценария отношения Москвы и Анкары будут сочетать устойчивое сотрудничество и структурную конкуренцию. Турция реализует многовекторную внешнеэкономическую стратегию, опираясь на диверсифицированную экономику и стратегическое расположение между Европой и Азией. Страна стремится минимизировать зависимость от отдельных партнёров, расширяя торговлю с ЕС, США, государствами Ближнего Востока, Африки и Азии, развивая сотрудничество с тюркскими странами (Казахстан, Азербайджан, Узбекистан) и укрепляя роль транспортного хаба. Россия, в свою очередь, фокусируется на сохранении устойчивых экспортных каналов – прежде всего в энергетическом секторе, используя существующую инфраструктуру и долгосрочные контракты.

Структурно торговля между странами остаётся асимметричной: доля российского экспорта достигает порядка 85%, причём основная часть поставок приходится на энергоносители. В 2025 году их доля составила 70% (нефть, газ, уголь) [5]. При этом турецкий экспорт в Россию сократился на 6,5 % по сравнению с предыдущим периодом. Такое снижение обусловлено колебанием курсов рубля и лиры, логистическими ограничениями, а также усилением конкуренции на российском рынке – в частности, ростом доли китайских и иранских товаров.

Ключевым инфраструктурным элементом взаимодействия остаётся газопровод «Турецкий поток», который обеспечивает стабильные поставки газа, как для внутреннего потребления Турции, так и для транзита в страны Южной и Юго-Восточной Европы. Вместе с тем Анкара продолжает политику диверсификации, расширяя сотрудничество с альтернативными поставщиками, что ограничивает дальнейший рост доли России на турецком энергетическом рынке.

Турция активно использует экономические проекты для усиления своего влияния в тюркских государствах. Основные точки роста российско-турецкого сотрудничества сейчас сосредоточены в трёх ключевых областях: это транспорт и логистика, энергетика, а также промышленная кооперация. При этом Турция активно использует идеологию пантюркизма, чтобы представить свои инициативы не как альтернативу российским проектам, а как их естественное дополнение. На практике это хорошо видно на конкретных примерах: страны вместе развивают портовую инфраструктуру, модернизируют железнодорожные сети и согласованно действуют в топливно-энергетическом комплексе.

Такой сценарий выглядит наиболее вероятным на ближайшие годы. Он опирается на реальные тенденции: обе страны уже продемонстрировали способность адаптироваться к меняющимся условиям и находить взаимовыгодные решения даже в непростой международной обстановке. Заложенные сегодня подходы к сотрудничеству, скорее всего, будут определять характер двусторонних отношений ещё долгое время – возможно, на протяжении целого десятилетия.

Ключевыми факторами успеха выступают сохранение санкций без их существенной эскалации, умеренные темпы экономического роста Турции (4 % в год) и развитие альтернативных источников энергоснабжения. Среди основных неопределенностей можно выделить степень давления со стороны западных стран, динамику цен на энергоресурсы, а также устойчивость финансовых каналов взаимодействия. Вероятность реализации сценария можно оценить как наиболее высокую.

3. Позиционный сценарий. В рамках позиционного сценария Россия и Турция не стремятся к глубокой экономической интеграции: взаимодействие носит функциональный характер и сосредоточено на направлениях, выгодных обеим сторонам. Турция закрепляется в роли ключевого транзитного и посреднического узла для российских экспортных потоков, используя своё стратегическое расположение между Европой, Азией и Ближним Востоком. Это позволяет стране максимизировать прибыль от транзита и логистических услуг, избегать прямой конфронтации с западными странами, а также укреплять статус регионального хаба.

Торговые отношения между Анкарой и Москвой постепенно меняются, поскольку прямой товарообмен уже не играет прежней роли, а транзит набирает обороты, как и переработка российского сырья с дальнейшим реэкспортом. Всё активнее развиваются и сопутствующие логистические услуги – эта сфера становится всё более востребованной.

В энергетике Турция целенаправленно расширяет круг поставщиков, стараясь не зависеть слишком сильно от какого-то одного источника. Сейчас Анкара всё активнее закупает сжиженный природный газ (СПГ) в США, одновременно укрепляя энергетические связи с соседними странами – в частности, с Ираном и Азербайджаном. Такой подход позволяет диверсифицировать источники поставок и сделать энергобаланс страны более устойчивым.

Более того, Турция вкладывает средства в развитие логистики, энергетики и цифровой инфраструктуры в странах-членах ОТГ, тем самым, не просто продвигает свои идеи, а реально расширяет зону экономического влияния, создавая взаимовыгодные связи.

Подобная конфигурация отношений обеспечивает обоим государствам необходимую гибкость, позволяя развивать многовекторные связи без риска критической зависимости от единственного партнера.

Однако пока сложно точно оценить, насколько эффективно будет контролироваться обход санкций на международном уровне, смогут ли новые транспортные коридоры выдержать конкуренцию и насколько устойчивыми окажутся логистические цепочки в долгосрочной перспективе. По текущим оценкам, наиболее вероятный период реализации этого сценария – 2026-2028 годы. После этого модель взаимодействия может претерпеть изменения, но пока шансы на её реализацию достаточно высокие.

4. Пессимистический сценарий. В условиях усиления геополитической напряжённости и эскалации региональных конфликтов российско-турецкие отношения могут существенно ухудшиться. Сценарий предполагает постепенную эрозию экономических связей под влиянием нарастающих геополитических противоречий и санкционного давления.

Ключевыми факторами дестабилизации выступают:

– усиление санкционного режима против России и давление на Турцию за сотрудничество с ней;

– требования ЕС и США сократить экономические связи с РФ;

– конкуренция интересов в сопредельных регионах (Сирия, Южный Кавказ, Чёрное море);

– стратегическая переориентация Турции в сторону западных партнёров и развитие альтернативных маршрутов.

В 2025 году ужесточились контроль за реэкспортом, ограничения на деятельность российских компаний в Турции и активность турецких банков в обслуживании российских операций. Турция диверсифицирует связи, наращивая инвестиции в инфраструктуру Центральной Азии и Кавказа [4].

Данный сценарий влечёт за собой комплекс негативных последствий от существенного сокращения двустороннего товарооборота и ослабления энергетического сотрудничества до спада в аграрном и туристическом секторах, а также ограничения финансовых и логистических каналов взаимодействия.

Реализация сценария вероятна в среднесрочной перспективе (2026-2030 годы), с постепенным ухудшением показателей уже после 2026 года. Среди основных неопределённостей это масштабы геополитической напряжённости, глубина интеграции Турции с Европейским союзом и устойчивость её национальной экономики. Вероятность осуществления данного сценария оценивается как умеренная.

5. Кризисный сценарий. В условиях нарастающего геоэкономического раскола и расширения санкций со стороны США и ЕС возможно резкое ухудшение российско-турецких торгово-экономических отношений. Ключевым триггером такого сценария выступает расширение вторичных санкций – ограничений, применяемых к субъектам третьих стран.

К 2025 году санкционное давление переходит от точечных мер к системному воздействию, затрагивающему не только российские, но и турецкие финансовые и корпоративные структуры, вовлечённые во взаимодействие с Россией. В числе основных ограничений: ограничение доступа банков к долларовой и еврорасчётной инфраструктуре, санкционирование компаний, участвующих в цепочках поставок товаров в РФ, усиление контроля за реэкспортом и транзитными операциями, а также угроза отключения от международных платёжных систем.

Интегрированная в западную финансово-экономическую систему, Анкара оказывается перед выбором: сохранить доступ к глобальным рынкам или продолжить экономическое сотрудничество с Москвой. В последнее время турецкие компании начинают сворачивать операции с российскими партнёрами, поскольку слишком велики риски, лишиться доступа к западным финансовым рынкам, к тому же подобные сделки становятся заметно дороже.

Вдобавок, всё больше внимания уделяется проектам в рамках ОТГ. Анкара активно ищет пути, как усилить торговые связи со странами Центральной Азии, проложить новые энергетические маршруты и выстроить транспортные коридоры, которые не будут зависеть от Москвы.

Несмотря на то, что реализация данного прогноза маловероятна, такой разворот может привести к довольно серьёзным последствиям уже в 2026-2027 годы: товарооборот между Россией и Турцией рискует резко сократиться, российские позиции в турецком энергетическом секторе ослабнуть, а налаженные финансовые и логистические цепочки – разрушиться.

Экономические отношения России и Турции по-прежнему обладают большим запасом прочности и могут заметно укрепиться в ближайшие годы. Благодаря взаимной торговле Москва и Анкара находят точки соприкосновения даже в условиях общей нестабильности на международной арене. Вместе с тем России стоит принимать во внимание то, что Турция нередко использует совместные проекты как возможность продвигать идеи пантюркизма. С одной стороны, появляются новые форматы сотрудничества – например, в сфере логистики, энергетики или инфраструктуры. С другой – возникают и определённые геополитические риски в виде расширения влияния Турции в тюркоязычных регионах, которое может затронуть зоны традиционных интересов России.

Каким будет дальнейшее развитие отношений, во многом зависит от политического курса обеих стран. Успех партнёрства будет определяться тем, насколько грамотно удастся сохранить собственные интересы и в то же время не утратить налаженные связи, приносящие взаимную выгоду.

Пристатейный библиографический список

1. Ахмедзаде Ф. Ф. Особенности экономического сотрудничества России и Турции в условиях санкций // Экономическая безопасность. – 2025. – № 3. – С. 609-628.
2. Маркина А. С., Фролов В. Д. Торгово-экономические отношения между Россией и Турцией // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2023. – № 12. – С. 9-11.
3. Мильдзихова Э. И. Торгово-экономическое сотрудничество России и Турции на современном этапе // Скиф. – 2023. – № 8. – С. 237-240.
4. Турция ужесточает контроль перевозок и меняет логистику на маршруте в Россию. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://growex-group.ru/press-center/publications/news/turtsiya-uzhestochaet-kontrol-perevozok-i-menyaet-logistiku-na-marshrute-v-rossiyu/ (дата обращения: 17.03.2026).
5. Russia's pipeline gas supplies to Turkey slightly up in 2025. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.epdk.gov.tr/Detay/Icerik/1-1275/reports (дата обращения: 04.03.2026).
6. Turnover Indices, 2025. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://veriportali.tuik.gov.tr/en/press/58282 (дата обращения: 15.03.2026).

ПАРШИН Евгений Алексеевич
аспирант, кафедра мировой экономики, Международный институт информатизации и государственного управления им. П. А. Столыпина, г. Москва

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ ИМПОРТ В УСЛОВИЯХ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ

Статья посвящена анализу экономической природы и регуляторных противоречий параллельного импорта в контексте фрагментации глобальной торговой системы и формирования макрорегионов. Рассмотрена трансформация доктрины исчерпания прав на товарный знак под влиянием геоэкономической напряжённости. Проведён анализ связи между легализацией параллельного импорта и процессами регионализации, определяя его не только как инструмент антикризисного реагирования, но и как структурный элемент новой модели международных экономических отношений. Отдельное внимание уделено влиянию параллельного импорта на целостность интеграционных объединений, транзакционные издержки бизнеса и ценовые параметры рынков. Показано, что в условиях распада универсальных правил Всемирной торговой организации параллельный импорт становится механизмом нормализации товарных потоков в рамках формирующихся макрорегионов.

Ключевые слова: параллельный импорт, регионализация, международная торговля, исчерпание прав, интеграционные объединения, Евразийский экономический союз, глобальные цепочки стоимости, экономические санкции, торговые барьеры, конкурентная политика.

PARSHIN Evgeniy Alexeevich
postgraduate student of World economy sub-faculty, P. A. Stolypin International Institute of Informatization and Public Administration, Moscow

PARALLEL IMPORTS IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL TRADE REGIONALIZATION

This article analyzes the economic nature and regulatory contradictions of parallel imports in the context of the fragmentation of the global trading system and the formation of macroregions. The transformation of the trademark exhaustion doctrine under the influence of geoeconomic tensions is examined. The relationship between the legalization of parallel imports and regionalization processes is analyzed, defining parallel imports not only as a tool for anti-crisis response but also as a structural element of a new model of international economic relations. Special attention is paid to the impact of parallel imports on the integrity of integration associations, business transaction costs, and market pricing parameters. It is shown that, in the context of the disintegration of the universal rules of the World Trade Organization, parallel imports are becoming a mechanism for normalizing trade flows within emerging macroregions.

Keywords: parallel imports, regionalization, international trade, exhaustion of rights, integration associations, Eurasian Economic Union, global value chains, economic sanctions, trade barriers, competition policy.

Введение

Архитектура международной торговли переживает фундаментальную трансформацию, выражающуюся в переходе от глобализации к регионализации, и на смену универсальным принципам Всемирной торговой организации приходят преференциальные торговые соглашения, блоковое мышление и стремление государств к обеспечению технологического суверенитета. В этих условиях феномен параллельного импорта перестаёт быть периферийной проблемой соблюдения прав интеллектуальной собственности и превращается в значимый фактор макроэкономической стабилизации и переформатирования товарных потоков [1]. Параллельный импорт, определяемый как ввоз оригинальных товаров, маркированных правообладателем, без его прямого разрешения на территорию страны или региона, находился в зоне конфликта интересов производителей и потребителей. Но в условиях регионализации его роль качественно меняется, он становится инструментом адаптации национальных экономик к разрыву устоявшихся логистических цепочек.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа того, как регионализация влияет на выбор юрисдикциями режима исчерпания прав. Если в эпоху гиперглобализации транснациональные корпорации лоббировали глобальный или региональный принцип исчерпания для сегментирования рынков, то в текущих условиях государства, сталкивающиеся с односторонними ограничительными мерами, вынуждены применять международный принцип для насыщения внутреннего спроса.

Цель работы заключается в выявлении экономических закономерностей и эффектов, возникающих при столкновении политики параллельного импорта с трендом на регионализацию мирохозяйственных связей.

Теоретические основы и эволюция подходов к параллельному импорту

В экономической теории параллельный импорт рассматривается через призму арбитража ценовых разниц на изолированных рынках, так, производители осуществляют ценовую дискриминацию, устанавливая различные цены на идентичные товары в зависимости от платёжеспособного спроса в разных странах. Параллельные импортёры, действуя как арбитражеры, разрушают эту искусственную сегментацию, способствуя выравниванию цен и повышению общественного благосостояния в стране-импортёре. Этот процесс описан в моделях вертикальных ограничений, где действия дилеров, не уполномоченных правообладателем, создают давление на маржу официальных дистрибьюторов [2].

С юридической точки зрения основным элементом является доктрина исчерпания прав на товарный знак, которая определяет момент, когда правообладатель утрачивает контроль над дальнейшей коммерциализацией товара. Также сложились три основных режима: национальный, региональный и международный. Выбор того или иного режима

Таблица 1. Экономические последствия легализации параллельного импорта в условиях регионализации торговли

Сфера воздействия	Позитивные эффекты	Негативные эффекты
Конкуренция и цены	Снижение монопольной власти официальных дистрибьюторов, коррекция цен в сторону равновесия спроса и предложения	Ценовая дискриминация со стороны глобальных поставщиков для оставшихся лояльными рынков, волатильность цен
Инвестиции в бренд	Стимулирование правообладателей к пересмотру глобальных стратегий в пользу локализации полного цикла производства	Снижение стимулов к инвестициям в продвижение товаров и предпродажный сервис, отток глобальных брендов
Качество и безопасность	Насыщение рынка оригинальной продукцией, снижение доли опасного контрафакта в условиях дефицита	Размывание ответственности за качество, рост доли «серых» товаров без адаптации к техническим регламентам региона
Технологический суверенитет	Доступ к критическим технологиям и компонентам в обход экспортного контроля, выживание высокотехнологичных секторов	Консервация импортной зависимости, снижение стимулов к собственным НИОКР и обратному инжинирингу

Источник: составлено автором на основе [2], [7], [8].

был результатом компромисса между защитой инвестиций в бренд и обеспечением свободы конкуренции. Глобализация конца XX и начала XXI века создала условия неизбежности перехода к международному принципу, но на практике ведущие экономики, особенно обладающие значительным пулом глобальных брендов, отстаивали сохранение элементов национального контроля [3].

Регионализация вносит в эти условия новую динамику, так, если ранее интеграционные объединения, такие как Европейский союз или Евразийский экономический союз, устанавливали региональный принцип исчерпания прав для углубления интеграции, одновременно блокируя импорт, то теперь эта конструкция подвергается разрушению, и причина состоит в том, что логика регионализации диктуется не столько стремлением к экономической эффективности, сколько соображениями национальной безопасности и геополитического противостояния [4]. В этих условиях защита внутреннего рынка таможенной территорией союза от внешнего мира становится менее приоритетной задачей по сравнению с обеспечением физической доступности критически важной продукции. Таким образом, параллельный импорт из внешнего контура, сегодня может рассматриваться как механизм выживания регионального блока в условиях торговых войн.

Регионализация как детерминанта трансформации торговых потоков

Современная регионализация отличается от регионализма прошлых десятилетий, так, если в 2000-е годы создание региональных торговых соглашений шло по пути «открытого регионализма», дополняющего мультилатерализм ВТО, то сегодня наблюдается процесс, который можно назвать фрагментацией мировой экономики на конкурирующие макрозоны. Происходит формирование торговых блоков с технологическими и регуляторными барьерами, ориентированных на переориентацию торговли на «дружественные» юрисдикции [5].

В этих условиях традиционные каналы распределения разрушаются не столько из-за рыночных условий, сколько из-за административных запретов на экспорт и импорт, вводимых в одностороннем порядке. Происходит институционализация обхода санкционных режимов, что влечёт создание сложных логистических хабов в третьих странах, которые выступают звеньями, связующими разрозненные макрорегионы вопреки политическим ограничениям [6].

Сущность взаимосвязи параллельного импорта и регионализации заключается в том, что с одной стороны, регионализация предполагает создание границ интеграционного пространства, что должно отрицать неконтролируемый ввоз товаров, подрывающий региональный принцип исчерпания прав, а с другой, в ситуации, когда глобальные цепочки стоимости разорваны санкциями, параллельный импорт становится единственным способом сохранить связь с глобальным технологическим и потребительским ядром, и возникает двойственная реальность, в которой региональные союзы вынуждены жертвовать чистотой своего правового регулирования ради экономического выживания. Легализация параллельного импорта, как ответ на санкционное давление, является примером перехода от экономической интеграции к «интеграции выживания», где критерии эффективности меняются от оптимальности распределения ресурсов к устойчивости снабжения [7].

Структурные эффекты параллельного импорта в региональных блоках

Воздействие параллельного импорта на экономику стран в условиях регионализации носит сложный характер, затрагивая конкурентную среду, инвестиционный климат и технологическое развитие. Так, поступление товаров по каналам параллельного импорта позволяет избежать коллапса предложения и неконтролируемой инфляции на потребительском рынке, а также обеспечить промышленность необходимыми компонентами и оборудованием, запчасти для которых официально не поставляются [8]. Экономические последствия легализации параллельного импорта в условиях регионализации торговли приведены в таблице 1.

Как видно из таблицы 1, параллельный импорт создаёт дилемму между тактическим выживанием и стратегическим развитием, а в контексте регионализации наиболее значимым вызовом становится конфликт между легализацией параллельного импорта и принципами единого рынка интеграционного объединения. Товар, легально ввезённый как параллельный импорт в одну страну союза, при перемещении в другую страну союза создаёт правовую коллизию, превращая региональный принцип в фикцию [9]. Для бизнеса это означает рост транзакционных издержек и правовой

неопределённости, так как единые правила игры перестают действовать.

Переосмысление стратегий в новых геоэкономических реалиях

Переход к многополярному миру и «экономике предложения» требует анализа роли параллельного импорта, так, если на начальном этапе он воспринимался как временная антикризисная мера, то сегодня очевидна его долгосрочная структурная роль, и параллельный импорт становится инструментом связи формирующихся макрорегионов, а страны, не входящие в западный технологический альянс, заинтересованы в создании устойчивых каналов получения высокотехнологичной продукции, невзирая на систему экспортного контроля. Это способствует формированию сети «серых» финансовых и логистических узлов, которые обслуживают товарные потоки между регионами, фактически прокладывая путь для более формализованных альтернативных расчётных систем и транспортных коридоров [6].

Происходит трансформация глобальных цепочек стоимости, и это ведёт к удлинению цепочек и их удорожанию на этапе дистрибуции, но одновременно создаёт новый вид посреднических структур внутри макрорегиона, которые накапливают компетенции в области сложных трансграничных операций [10]. Эти компетенции впоследствии могут быть конвертированы в создание полноценных региональных торговых домов и операторов внешнеэкономической деятельности, ориентированных на работу в условиях санкционного давления.

Для государственной политики это означает необходимость смещения акцентов с разрешения ввоза на создание институциональной инфраструктуры доверия. Так как качество и подлинность товаров, ввозимых по каналам параллельного импорта, не всегда могут быть верифицированы традиционными способами, важное значение приобретает развитие национальных систем цифровой маркировки и прослеживаемости товаров [9].

Заключение

Параллельный импорт в современных условиях регионализации международной торговли представляет собой сложный и внутренне противоречивый экономический механизм. Регионализация, стимулируется не столько экономической логикой, сколько геополитическим противостоянием, разрушает глобальные цепочки создания стоимости и тем самым создаёт запрос на альтернативные, неавторизованные каналы поставок. Параллельный импорт в этих условиях является одновременно и способом смягчения разрыва внешнеторговых связей, и фактором, размывающим правовую целостность региональных интеграционных проектов.

Экономическое значение параллельного импорта выходит за рамки ценового арбитража, переходя в механизм обеспечения технологической связности между формирующимися макрорегионами. В то же время его длительное применение создаёт риски деиндустриализации, подавления стимулов к инновациям и институционализации «серых» практик, что ставит задачу поиска тонкого баланса между открытостью каналов снабжения и защитой национального технологического суверенитета.

Пристатейный библиографический список

1. Feichtner I., Krajewski M., Roesch R. Human Rights in the Extractive Industries: Transparency, Participation and Resistance. – Cham: Springer, 2019. – 564 p.
2. Falvey R. Private Rights and Public Problems: The Global Economics of Intellectual Property in the 21st Century by Keith Maskus. Washington, DC: Peterson Institute Press 2012 // World Trade Review. – 2013. – Vol. 12. № 4. – P. 737-740.
3. Панова Е. А. Параллельный импорт: теория, практика и специфика в условиях санкционных ограничений // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. – 2023. – № 5. – С. 262-279.
4. Глазьев С. Ю. Перспективы развития России на длинной волне роста нового технологического уклада // Экономическое возрождение России. – 2023. – № 2 (76). – С. 27-32.
5. Шахов О. Ф., Шапор М. А. Трансформация внешней торговли России под действием системы международных режимов // Экономическое развитие России. – 2025. – Т. 32. № 9. – С. 226-230.
6. Govindharaj Y. Tariffs and Trade Wars in the Trump Era: 2025 Global Economic Risks and Opportunities for the United States of America with Reference to India and China - An Empirical Assessment // African Journal of Biological Sciences. – 2025. – Vol. 25. № 5. – P. 295-312.
7. Azim S., Rooh S., Malik M., Shah S.M.A. The Fragmentation of Global Trade: From Protectionism to Gated Globalization // Social Sciences & Humanity Research Review. – 2025. – Vol. 3. № 1. – P. 1-15.
8. Панова Е. А. Влияние санкций на деятельность российских производственных предприятий // Государственное управление. Электронный вестник. – 2023. – № 96. – С. 48-63.
9. Корчагин А. Г., Филиппов Д. В., Гулевский Я. Е. Особенности реализации принципа исчерпания исключительного права при параллельном импорте // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 7 (235). – С. 372-375.
10. Baldwin R., Freeman R. Risks and global supply chains: what we know and what we need to know. – Cambridge (MA): National Bureau of Economic Research, 2021. – 40 p.

АБРАРОВА Зинира Фоатовна
кандидат философских наук, доцент, Уфимский университет науки и технологий

ОЛЬХОВ Никита Сергеевич
магистрант 2-го курса, Институт гуманитарных и социальных наук, Уфимский университет науки и технологий, независимый исследователь

ИДИЯТУЛЛИН Фидан Фагилевич
магистрант 2-го курса, Институт информатики, математики и робототехники, Уфимский университет науки и технологий, независимый исследователь

ЦИФРОВОЕ БЕССМЕРТИЕ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИИ ЗАГРУЗКИ СОЗНАНИЯ

Концепция цифрового бессмертия, предполагающая перенос человеческого сознания в цифровую среду, в последние годы вышла за пределы научной фантастики и стала предметом серьезной научно-философской рефлексии. Развитие нейротехнологий и искусственного интеллекта актуализирует вопрос о природе сознания, критериях личностной идентичности и этических границах технологического вмешательства в человеческую природу. В статье исследуются философские основания проекта загрузки сознания, анализируются основные теоретические подходы к проблеме тождества личности, рассматриваются эпистемологические и этические дилеммы, связанные с возможностью цифровой репликации субъективного опыта. Автор приходит к выводу о том, что современные представления о цифровом бессмертии сталкиваются с фундаментальными ограничениями, вытекающими из невозможности редукции феноменального сознания к вычислимым функциям, что ставит под сомнение осуществимость проекта в его радикальной трансгуманистической интерпретации.

Ключевые слова: цифровое бессмертие, загрузка сознания, личностная идентичность, трансгуманизм, феноменальное сознание, искусственный интеллект, нейротехнологии.

ABRAROVA Zinira Foatovna
Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, Ufa University of Science and Technology

OLKHOV Nikita Sergeevich
magister student of the 2nd course, Institute of Humanities and Social Sciences, Ufa University of Science and Technology, independent researcher

IDIYATULLIN Fidan Fagilevich
magister student of the 2nd course, Institute of Humanities and Social Sciences, Ufa University of Science and Technology, independent researcher

DIGITAL IMMORTALITY: A PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE CONCEPT OF CONSCIOUSNESS UPLOADING

The concept of digital immortality, involving the transfer of human consciousness into a digital environment, has in recent years moved beyond science fiction and become the subject of serious scientific and philosophical reflection. The development of neurotechnology and artificial intelligence actualizes the question of the nature of consciousness, criteria of personal identity, and ethical boundaries of technological intervention in human nature. The article examines the philosophical foundations of the mind uploading project, analyzes the main theoretical approaches to the problem of personal identity, and considers epistemological and ethical dilemmas associated with the possibility of digital replication of subjective experience. The author concludes that contemporary notions of digital immortality face fundamental limitations stemming from the impossibility of reducing phenomenal consciousness to computable functions, which calls into question the feasibility of the project in its radical transhumanist interpretation.

Keywords: digital immortality, mind uploading, personal identity, transhumanism, phenomenal consciousness, artificial intelligence, neurotechnology.

Раньше победить смерть пытались через веру в бессмертную душу или через память потомков. В 21 веке на смену этим идеям пришла новая: перенести сознание в цифровой мир с помощью технологий.

Трансгуманистическое движение, оформившееся в 1990-е годы, выдвинуло тезис о необходимости радикальной модификации человеческой природы средствами передовых технологий. Цифровое бессмертие, пожалуй, наиболее амбициозный из подобных проектов, предполагает создание точной функциональной копии человеческого мозга в вычислительной среде с последующим переносом в нее индивидуального сознания [1]. Сторонники концепции утверждают, что при достижении необходимого уровня развития нейронаук и вычислительных технологий станет возможным сканирование всей структуры мозга на уровне отдельных нейронных связей и воспроизведение ее в цифровом формате, при этом субъективная непрерывность опыта будет сохранена. Сегодня стремительный прогресс науки и техники делает подобные вещи реалистичными, а огромный объем исследований в области нейронауки, большие вычислительные ресурсы и достижения в области искусственного интеллекта продемонстрированы проектом Blue Brain Project. Он уже демонстрирует возможность, что нейронные структуры можно смоделировать достаточно детально. Плюс ко всему, нейроинтерфейсы развиваются, так что скоро, вероятно, люди научатся напрямую соединять мозг с цифрой. Но когда начинаешь больше разбираться с темой цифрового бессмертия, сразу возникает множество вопросов: что вообще такое сознание, как понять, что ты – это ты, и где та грань, за которой технологии начинают лезть в саму суть человека.

Теоретический фундамент идеи цифрового бессмертия составляют несколько ключевых допущений. Во-первых, функционализм – философская позиция, согласно которой ментальные состояния определяются не материальным субстратом, а функциональной организацией системы. Если сознание представляет собой совокупность информационных процессов, то, теоретически, оно может быть реализовано на любом носителе, способном воспроизвести соответствующую функциональную архитектуру. Вычислительная теория сознания, развивавшаяся в рамках когнитивной науки второй половины XX века, постулирует принципиальную изоморфность ментальных процессов и вычислительных операций. Во-вторых, материалистическое понимание природы сознания, исключающее существование нередуцируемых нефизических субстанций. Отвергая дуализм Декарта, современная нейрофилософия рассматривает сознание как эмерджентное свойство сложно организованной материи – человеческого мозга [3]. Из этого следует, что полное описание физических процессов в мозге должно исчерпывающе объяснять феномен сознания, а значит, в принципе допускает возможность его воспроизведения. В-третьих, психологический критерий личностной идентичности, восходящий к Джону Локку и получивший развитие в работах современных аналитических философов. Согласно этой концепции, личность сохраняет тождество во времени не в силу субстанциальной неизменности (будь то душа или тело), но благодаря непрерывности

психологических связей – памяти, характера, убеждений [4]. Если цифровая копия воспроизводит всю совокупность психологических характеристик оригинала, она, согласно данной логике, является той же самой личностью.

Но эти идеи вовсе не считаются бесспорными. Многие философы с ними не согласны и их аргументы серьёзно подрывают саму возможность реализовать идею цифрового бессмертия.

Центральная философская трудность концепции загрузки сознания связана с так называемой «трудной проблемой сознания», сформулированной Дэвидом Чалмерсом. Даже если удастся создать функциональный аналог человеческого мозга, воспроизводящий все его когнитивные способности, остается открытым вопрос: будет ли такая система обладать субъективным опытом, квалиа – тем специфическим качеством переживания, которое делает сознание сознанием? Аргумент философского зомби иллюстрирует эту проблему: логически мыслима система, функционально идентичная человеку, но лишенная какого-либо внутреннего опыта. Если феноменальное сознание не сводится к функциональной организации, то цифровая копия мозга может оказаться не более чем изощренной имитацией, лишенной подлинной субъективности [5]. Впрочем, можно утверждать, что сама невозможность верификации наличия или отсутствия квалиа у цифровой системы делает этот вопрос скорее метафизическим, нежели практически значимым. Томас Нагель в классической статье «Каково быть летучей мышью?» подчеркивает принципиальную несводимость субъективной перспективы первого лица к объективному описанию третьего лица. Даже исчерпывающее знание нейрофизиологии не дает доступа к качеству переживания – тому, «каково это» быть данным субъектом. Если феноменальное сознание обладает онтологически уникальным статусом, не редуцируемым к физическим или информационным структурам, проект загрузки сознания оказывается концептуально несостоятельным: мы можем скопировать структуру мозга, но не субъективность как таковую.

Современные исследования мозга показывают, что между работой нейронов и нашими мыслями, чувствами и ощущениями есть чёткая связь. Например, с помощью специальных методов учёные могут увидеть, какие участки мозга активны, когда мы думаем о чём-то, запоминаем или принимаем решение. Но вот чего мы пока не понимаем, это как именно из работы нейронов возникает наш внутренний мир: ощущения, эмоции, личный опыт. Как физические процессы превращаются в то, что мы чувствуем и переживаем? Этот вопрос остаётся без ответа. Допустим, технически осуществимо создание цифровой копии, функционально идентичной оригинальному сознанию и обладающей субъективным опытом. Возникает следующий вопрос: является ли эта копия той же самой личностью или лишь ее репликой? Психологический критерий идентичности, на первый взгляд, дает утвердительный ответ: если цифровая система обладает всеми воспоминаниями, чертами характера и психологическими диспозициями оригинала, то это и есть та же личность, продолжившая свое существование в новом субстрате. Однако мысленные эксперименты, широко обсуждаемые в аналитической философии, выявляют парадоксальные следствия такого подхода.

Рассмотрим сценарий, в котором загрузка сознания происходит при сохранении биологического тела. В результате мы имеем две системы – биологическую и цифровую, – каждая из которых претендует на то, чтобы быть исходной личностью. Обе обладают идентичными воспоминаниями, характерными особенностями мышления, эмоциональными реакциями. Обе утверждают «Я – это я». Но отношение тождества транзитивно и симметрично: если А тождественно Б и А тождественно В, то Б должно быть тождественно В. Поскольку биологическая и цифровая системы явно не тождественны друг другу (они занимают разные пространственные положения, имеют различный материальный субстрат), то не могут обе быть тождественны исходной личности [6]. Философ Дерек Парфит предложил необычный подход к проблеме идентичности. Он считал, что не нужно искать абсолютное тождество личности. Важнее то, насколько сохраняется связь между прошлым и настоящим состоянием человека. Главное – это психологическая непрерывность: если у кого-то остались те же воспоминания, черты характера, привычки, то можно говорить о продолжении личности. По мнению Парфита, и биологическая, и цифровая копия человека – это своего рода продолжение исходной личности, хотя и не её полная копия. А парадокс дублирования просто показывает: наше привычное понимание «кто я есть» плохо работает в условиях новых технологий.

Альтернативный подход предлагает анимализм – теория, согласно которой мы являемся не сознаниями, а животными, человеческими организмами [7]. С этой точки зрения, личностное тождество определяется биологической непрерывностью, и никакая цифровая копия, сколь угодно точная в функциональном отношении, не может быть той же самой личностью. Цифровое бессмертие в лучшем случае создает нового индивида с унаследованными характеристиками, но не обеспечивает выживание исходного субъекта. Философский анализ концепции загрузки сознания не может игнорировать множество этических вопросов, которые она порождает. Даже если допустить техническую осуществимость проекта и философскую легитимность приравнивания цифровой копии к исходной личности, остаются серьезные моральные дилеммы.

Во-первых, вопрос о правах цифровых сущностей. Если цифровая копия обладает сознанием и самосознанием, она должна иметь моральный статус, сопоставимый с человеческим. Это влечет за собой запрет на произвольное уничтожение, модификацию или эксплуатацию таких сущностей. Однако цифровая природа делает возможным создание множественных копий, замораживание и перезапуск процессов, модификацию параметров – операции, которые в применении к биологическим существам были бы этически недопустимы. Во-вторых, проблема автономии и идентичности. Цифровая личность существует в среде, полностью контролируемой создателями системы. Возможность манипуляции памятью, эмоциями, когнитивными способностями ставит под вопрос саму реальность свободы воли цифровых субъектов. Как отмечают исследователи, цифровое бессмертие может обернуться цифровым рабством, если не будут выработаны надежные механизмы защиты автономии загруженных сознаний. В-третьих, социальные и экзистенциальные последствия. Неограниченное продление существования радикально меняет структуру человеческого опыта. Смертность не просто биологический факт, но и конститутивный элемент человеческого способа бытия, определяющий ценностные приоритеты, темпоральность существования, глубину межличностных отношений. Хайдеггеровское «бытие-к-смерти» указывает на то, что осознание конечности является условием подлинного существования [8]. Устранение этого измерения может привести к утрате смысла, девальвации опыта, экзистенциальной пустоте.

Сегодня учёные и философы смотрят на проблему идентичности шире, чем раньше. Они уже не сосредотачиваются только на поиске какой-то «внутренней сути» человека, а обращают внимание на то, как личность формируется через истории и культурный контекст. Философ Поль Рикёр считал, что наше «я» складывается не из какой-то неизменной основы, а благодаря умению рассказывать историю своей жизни: соединять воспоминания о прошлом, то, что происходит сейчас, и планы на будущее в единую осмысленную картину. Цифровое бессмертие создаёт проблему целостности личной истории. Резкий переход от биологической формы существования к цифровой может нарушить единство жизненного нарратива. Цифровая копия запускает новый этап, но остаётся открытым вопрос: является ли он продолжением прежней истории? При этом идентичность человека во многом зависит от социального признания – личность существует в системе отношений с другими людьми. Культурно-исторический контекст также определяет содержание идентичности. Личность формируется через интериоризацию культурных смыслов, социальных ролей, языковых практик. Возможность цифрового существования вне этого контекста или в радикально иной культурной среде ставит вопрос о сохранении содержательной идентичности даже при формальной психологической непрерывности.

Идея загрузки сознания в компьютер основана на предположении, что мы сможем полностью описать работу мозга, понять, как он функционирует на всех важных уровнях. Но пока наука до этого не добралась. Даже небольшие участки мозга оказываются невероятно сложными. Например, всего в одном кубическом миллиметре мозговой ткани около ста тысяч нейронов и миллиард связей между ними. И каждая такая связь меняется со временем, подчиняясь множеству разных правил. Более того, функционирование мозга не сводится к дискретным вычислительным операциям. Нейронная активность определяется не только электрическими

импульсами, но и химическими процессами, глиальными клетками, эпигенетическими механизмами, влиянием всего организма через гормональную и иммунную системы. Квантовые эффекты в микротрубочках нейронов, о роли которых спорят исследователи вроде Роджера Пенроуза, могут оказаться принципиально невоспроизводимыми в классических вычислительных системах.

Допустим, однажды мы преодолеем все технические сложности и сможем создать цифровую копию мозга. Но останется другой, не менее важный вопрос: как понять, что эта система действительно обладает сознанием, а не просто умело его изображает? Одного лишь похожего на человеческое поведения недостаточно. Например, такая система может успешно пройти тест Тьюринга, то есть общаться так, что её не отличишь от реального человека. Но это ещё не доказывает, что у неё есть внутренний мир: ощущения, переживания, осознание себя. Философы называют такой случай «философским зомби» – внешне всё как у человека, а внутреннего опыта нет. Признание фундаментальных трудностей радикального проекта загрузки сознания не означает полного отказа от идеи цифрового бессмертия. Возможны более скромные интерпретации, избегающие метафизических проблем тождества и переноса субъективности.

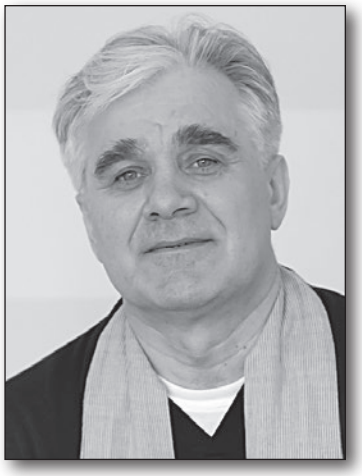
Идея цифрового наследия заключается в том, чтобы создать информационную модель человека, своего рода «цифровую тень». Такая модель не пытается полностью заменить или продолжить сознание человека после его смерти, но может имитировать некоторые его черты. Например, она сохраняет воспоминания, манеру рассуждать и типичные реакции. Так создаётся своего рода символическое бессмертие. Уже сейчас есть проекты цифровых аватаров: они учатся на основе переписки человека в соцсетях и мессенджерах и отчасти воплощают эту идею [9]. Вместо того чтобы сразу скопировать сознание в компьютер, можно попробовать другой путь: медленно заменять клетки мозга на искусственные. Например, сначала заменить один нейрон, потом через месяц ещё один, и так далее. Идея в том, что если делать это очень постепенно, человек не потеряет связь с собой: он будет всё так же думать, помнить, чувствовать. Так мы избежим ситуации, когда есть оригинал и его копия – получится просто плавное изменение. Но тут есть сложности. Допустим, половина мозга уже искусственная – это всё ещё тот же человек? А если почти всё заменили? Где та точка, после которой он становится «цифровым», а не биологическим? И главное – остаётся ли он собой в процессе всех этих замен?

Идея цифрового бессмертия выглядит научно обоснованной, но если вдуматься с философской точки зрения, в ней обнаруживается много серьёзных проблем. Главный вопрос: можно ли свести сознание к каким-то вычислительным процессам в компьютере? На этот счёт нет однозначного ответа, а многие учёные и философы считают, что субъективный опыт просто нельзя «перевести» в код, он устроен както иначе. Ещё одна сложность, что происходит с личностью, когда её пытаются скопировать или перенести в цифровую среду? Мы не можем чётко ответить на вопрос, останется ли это тот же человек или появится кто-то новый. А те теории, которые пытаются это объяснить, либо противоречат нашему естественному пониманию «я», либо приводят к странным парадоксам. Прежде чем пытаться реализовать идею цифрового бессмертия на практике, нужно как следует разобраться с этическими вопросами. Например, какими правами должны обладать цифровые копии людей? Где грань допустимого, если мы начинаем менять сознание или личность в цифровой среде? К чему приведёт ситуация, когда кто-то сможет жить почти вечно? Здесь нужны обсуждения с участием самых разных специалистов и общества в целом: философов, экспертов по этике, нейроучёных, а также представителей разных культур и религий. Вместе с тем критический анализ не должен приводить к апологии биологического консерватизма. Развитие нейротехнологий, интерфейсов мозг-компьютер, методов усиления когнитивных способностей открывает новые горизонты человеческого существования, которые не следует игнорировать из страха перед неизвестным. Задача философии – не запретить или освятить технологические проекты, но прояснить их концептуальные основания, выявить скрытые допущения, продумать возможные следствия. Полностью перенести сознание в цифровой формат так, чтобы личность осталась той же – задача с массой философских проблем. Возможно, это вообще невозможно. Но есть и более реалистичные идеи: например, создавать цифровые «наследников», расширять возможности мозга с помощью нейроинтерфейсов или постепенно объединять биологические и искусственные системы. Такие подходы выглядят более выполнимыми и менее спорными с точки зрения этики. Важно, чтобы философы участвовали в развитии этих технологий: они помогут не потерять из виду ключевые вопросы о том, что такое человек, сознание и личность, даже когда мы увлечены новыми изобретениями.

Пристатейный библиографический список

1. Буин Н. А., Старостина М. К. Концепт «цифровое бессмертие» в современной теории культуры // Культура: теория и практика. – 2019. – № 1. – С. 15-22. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-tsifrovoe-bessmertie-v-sovremennoy-teorii-kultury (дата обращения: 02.05.2026).
2. Вертакова Ю. В., Шульгина Ю. В., Собиров Б. Ш. Особенности структуры жизненного цикла цифровых инноваций, основанных на использовании искусственного интеллекта // П-Economy. – 2025. – Т. 18. № 5. – С. 81-99. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://elibrary.ru/item.asp?id=83200438 (дата обращения: 01.05.2026).
3. Велиев Д. Д. Цифровое сознание и идентичность // Studia Humanitatis. – 2024. – № 2. – С. 45-58. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-soznanie-i-identichnost (дата обращения: 02.05.2026).
4. Воробьев С. М., Огородников В. И. Цифровое бессмертие: теоретико-психологическое осмысление // Прикладная юридическая психология. – 2025. – № 3. – С. 25-38. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-bessmertie-teoretiko-psihologicheskoe-osmyslenie (дата обращения: 03.05.2026).
5. Гончарова К. О. Подходы к исследованию идентичности в современной философии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2024. – Т. 40. № 2. – С. 211-220. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-issledovaniyu-identichnosti-v-sovremennoy-filosofii (дата обращения: 04.05.2026).
6. Демин И. В. «Кибернетическое бессмертие» и трансформация природы человека: дебиологизация или деантропологизация? // Международный журнал исследований культуры. – 2014. – № 1. – С. 70-83. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/kiberneticheskoe-bessmertie-i-transformatsiya-prirody-cheloveka-debiologizatsiya-ili-deantropologizatsiya (дата обращения: 05.05.2026).
7. Калач Е. А. Тождество личности и феноменология // Омский научный вестник. – 2020. – № 3. – С. 88-94. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/tozhdestvo-lichnosti-i-fenomenologiya (дата обращения: 05.05.2026).
8. Левин С. М. Сознание, организм и объективация личности // Эпистемология и философия науки. – 2013. – Т. 38. № 4. – С. 142-158. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/soznanie-organizm-i-obektivatsiya-lichnosti (дата обращения: 07.05.2026).
9. Потапов М. Ю. Развитие понятия личности: от индивидуальности к автономности // Философская мысль. – 2024. – № 11. – С. 103-117. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-ponyatiya-lichnosti-ot-individualnosti-k-avtonomnosti (дата обращения: 08.05.2026).
10. Яцевич М. Ю., Белоногов М. А. Философско-этические проблемы цифрового бессмертия // Universum: общественные науки. – 2024. – № 12. – С. 45-52. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/filosofsko-eticheskie-problemy-tsifrovogo-bessmertiya (дата обращения: 10.05.2026).

БАЯНОВ Квинрай Раевич
доктор философских наук, профессор, Институт высокотехнологичного права, социальных и гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники»

Баянов К. Р.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СЕМИОТИКИ: ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ

Статья посвящена исследованию концептуальных основ семиотики. Выявлены истоки семиотики, восходящие к бинарной природе информации, как знаки (лики, формы), и как различении (знании). Определено, что цифры, буквы, письмо и в целом знаки и знаковые системы восходят к семиотической триаде: точке, линии и углу. Обоснована трансформация точки в линию, линии в угол. Дана качественная оценка семиотической триаде соотнеся ее с триадой пифагорейцев и христианской «Пресвятой Троицей». С привлечением идейного потенциала и методов исследования семиотики, лингвистики и нелинейной динамики, выведен принцип семиотической триады, который представляет собой фрактальное ядро всех существующих систем знаков, состоящих из трех элементов: точки, линии и угла. С раскрытием семиотической триады выясняется, что через нее представляется возможным устанавливать морфологическую, функциональную и терминологическую связь между всеми знаковыми системами, начиная от цифр и букв, и завершая языковыми системами. В качестве подтверждения, установлены семантические и графические связи, как между элементами семиотической триады и цифрами, так и между цифрами и буквами. Проявлены семь автономных и фундаментальных систем письма (русский, египетский, индуский, арабский, африканский, китайский и шумерский) которые восходят к семиотической триаде. Дана конспективная характеристика каждой письменной системе с указанием инструмента письма. Установлено, что письменности существуют априори, в трансцендентальном мире или в мире Причинности, и человек распознает их как закономерности мироздания, постепенно приближаясь к предзаданному идеалу.

Ключевые слова: семиотика, семиотическая триада, фрактальное ядро семиотики, семиотическое ядро, священная триада пифагорейцев, христианская Пресвятая Троица, алфавитные матрицы, цифра, буквы и письмо.

BAYANOV Kvinray Raevich
Ph.D. in philosophical sciences, professor, Institute of High-Tech Law, Social Sciences, and Humanities, National Research University "Moscow Institute of Electronic Technology"

CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF SEMIOTICS: QUESTIONS OF METHODOLOGY

This article explores the conceptual foundations of semiotics. The origins of semiotics are identified, tracing back to the binary nature of information as signs (faces, forms) and as distinctions (knowledge). It is determined that numbers, letters, writing, and signs and sign systems in general originate from the semiotic triad: point, line, and angle. The transformation of a point into a line, and a line into an angle, is substantiated. A qualitative assessment of the semiotic triad is provided, correlating it with the Pythagorean triad and the Christian "Holy Trinity." Drawing on the conceptual potential and research methods of semiotics, linguistics, and nonlinear dynamics, the principle of the semiotic triad is derived, representing the fractal core of all existing sign systems consisting of three elements: point, line, and angle. With the discovery of the semiotic triad, it becomes clear that it enables the establishment of morphological, functional, and terminological connections between all sign systems, from numbers and letters to linguistic systems. This is confirmed by the establishment of semantic and graphic connections between the elements of the semiotic triad and numbers, as well as between numbers and letters. Seven autonomous and fundamental writing systems (Russian, Egyptian, Hindu, Arabic, African, Chinese, and Sumerian) are identified, all of which trace back to the semiotic triad. A brief description of each writing system is provided, indicating the writing instrument. It is established that writing systems exist a priori, in the transcendental world or the world of Causality, and humans recognize them as patterns of the universe, gradually approaching a predetermined ideal.

Keywords: semiotics, semiotic triad, fractal core of semiotics, semiotic core, sacred triad of Pythagoreans, Christian Holy Trinity, alphabetic matrices, number, letters and letter.

Введение

Человек рождается в системе знаков. Знаки – дом бытия человека. Знаки указывают человеку, кто он, кем ему быть, что делать и куда идти. Межу тем, существует множество завиральных теорий о генезисе знаков, цифр, букв, письма и в целом языка. Принято считать, что первая система записи появилась в Шумерах в клиновидном обрамлении. Например, говоря о числах, в классическом представлении позиционная и непозиционная системы счисления (представление цифр в числе) выводят из Шумер. Вместе с тем, утверждается, что, независимо от шумерской системы исчисления, система записи чисел возникла также в Финикии, Египте, Греции, Риме, Китае, Индии, Аравии и т.д. [1; 2; 3; 4].

Является фактом, если в Шумерах использовали позиционную систему исчислений по основанию 60, где цифрами служили комбинации клинописных знаков, то в Египте использовалась непозиционная система счисления, где цифрами служили иероглифические символы. Майя использовали две системы счисления: двадцатеричную позиционную систему счета по основанию 20 и аддитивную (добавочную) по основанию 19 (от 0 до 19), где запись цифр производилась точками и линиями. Последняя имеет родство с египетской, и использовалась в быту. Греки с римлянами пользовались непозиционной системой исчисления, где запись цифр производится линиями. Арабы, как утверждают представители истории науки, использовали позиционную систему исчис-

ления, заимствованную у индусов и которой в свою очередь сегодня пользуемся мы. Между тем, индусы используют свою, особенную позиционную систему исчисления, непохожую на арабский. У китайцев, как пишут эксперты, была позиционная и непозиционная системы исчисления, где запись цифр производилась в позиционной системе линиями, а в непозиционной – иероглифами [5; 6; 7; 8].

Вместе с тем, в семиотике в вопросах проявления природы знаков существуют нерешенные проблемы в части исследования знаков в их автономности и в связях, в систематизации и классификации, а потому представляет интерес исследовать знак и знаковые системы с единых методологических позиций имеющий массив разноплановой информации и на основе его обобщения предложить модель представления системы знаков. Иногда дело доходит до того, что нечетко различают реальные знаки от виртуальных. Особенно это проявляется при формировании феномена - «искусственный интеллект».

Актуальность осмысления концептуальных основ обусловлена еще и тем, что философия семиотики трактует различные знаковые системы как модели определенных фрагментов мира, строящиеся в ходе познавательной деятельности людей [9; 10; 11; 12; 13: 14; 15].

С учетом представленных замечаний и методологических установок является востребованным философское осмысление концептуальных основ семиотики.

Бинарная природа информации и истоки семиотики

Термин информация, будучи одним из самых распространённых, вместе с тем, является нечетким. Сознавая факт об объективности информации, как правило часто сводят, отождествляют информацию к энергии, что принципиально неверно, поскольку, энергия увязана с силой, а информация с различением. Основоположник кибернетики Норберт Винер изъяснялся, что «Информация есть информация, а не материя и не энергия» [16, с. 201].

Среди множеств определений об информации, которая нам являют энциклопедические словари есть и такое «сведения об окружающем мире и протекающих в нем процессах, воспринимаемые человеком или специальными устройствами и являющиеся объектом хранения, переработки и передачи» или «раздел кибернетики, изучающий количественные закономерности, связанные со сбором, передачей, преобразованием и измерением информации» [17].

Как правило термин информация выводят из лат. īnfōrmātio «осведомление, просвещение». По всей видимости, в латинском языке термин информ+ация из греч. forma или от обратного прочтения morfa «форма», откуда морфология «учение о форме» [18; 19]. В греческом термин морфа не имеет мотивации, оно «от ар. فرعم маърифун «лик, образ, форма, то, по чему узнают», производное от глагола فرع ъарафа «узнать». Но этот глагол означает также и «знать», и в этом значении от него образуется ةفرعم маърифа «знание», мн. число: فراعم маъа:риф [20].

Таким образом, в термине информация следует различать два типа информации, информация как объективные знаки и знаковые системы (лики и формы) и информация как различение (знания). Иными словами, информация являет себя как бинарный феномен (двухфокусное), подобно электрону, который обладает корпускулярной и волновой природой.

В этом же ряду, термин семиотика, сложение «сема», как компонент смысла языковой единицы, и «отика» от обратного чтения ар. عطق ктъ «расчленение, изучение», бука. «изучение знаков». А знак, как пометка, признак от рус. знать, в смысле, иметь сведения.

Семиотическая триада: точка, линия и угол

Существует множество теорий о происхождении цифр, букв, письма и языка, но объединяет их одно – семиотическая триада. Содержательно, семиотическая триада представляет собой фрактальное ядро всех существующих систем знаков, состоящий из трех элементов: точки, линии и угла. Это фрактальное ядро семиотики или семиотическое ядро является семантическим аналогом пифагорейской триады или христианской «Пресвятой Троицы». С раскрытием семиотической триады выясняется, что через нее представляется возможным устанавливать морфологическую, функциональную и терминологическую связь между всеми знаковыми системами, начиная от цифр и букв, и завершая языковыми системами.

Сказанное подтверждается тем, что любой знак и знаковая система восходит к семиотической триаде и тем является свою мотивированность. В указанной связи, раскрытие заявленной темы - семиотические основы письма - уместно начать исходного элемента семиотической триады, точки. Применяя принцип перемещения, путем прямолинейного перемещения *точки* получаем *линию,* а из линии, путем углового сканирования или путем закрепления одного из ее концов и перемещения другого конца, подобно раздвижению ножек циркуля, мы получим *угол*. См.: Рис. 1.

Таким образом, семиотическая триада являет себя как единство трех фрактальных структур: точка, линия и угол.

Семиотическая триада имеет семантическое родство со священной триадой пифагорейцев, представленной в единице, двойке и тройке, которые они считали универсальным началом всего или началом объяснения всего. И по этой причине пифагорейцы утверждали, в моей вольной трактовке, что в начале была цифра, и цифра была Богом, и цифрой, вкупе с числами, все объяснялось. Соответственно, поняв логику цифр и чисел, можно понять логику Бога. Вся проблема пифагорейцев состояла в том, что «троица» натурального ряда, при всей своей простоте, не в мощи выразить всю многоликую полифонию мироздания, на чем они настаивали. Триада пифагорейцев, в своей автономности, не является ни завершенной, ни замкнутой.

Две известные формулы пифагорейцев, «*Священная триада*» и «*В начале было число, и число была Бог...*» в последующем были заимствованы христианскими богословами. В христианской трактовке «*В начале было число, и число была Бог...*» трансформировался в «*В начале было слово, и слово было Бог...*», а лекалом «*Священной триады*» стала христианская «*Пресвятая Троица*» представленный, как триединый Бог в трех ликах: Бог-Отец, Бог-Сын и Бог Святой Дух. Христиане считают, что «Никакой разум не может возвысится до понимания таинства Пресвятой Троицы» [21].

Как можно предположить, символика христианской Пресвятой Троицы (Бог-Отец, Бог-Сын и Бог Святой Дух) удачно сочетается с семиотической триадой: точка, линия и угол. *Точка* соответствует Богу-Отцу, поскольку она порождает линию. *Линия* соответствует Богу-Сыну, поскольку она порождение точки (Бога-Отца) и одновременно самовоспроизводящая система жизни. *Угол* соответствует Святому Духу, иначе, всесильному разуму, который может придать этой самой жизни совершенно новое направление. И по этой причине в своей логической развертке **угол** являет себя как промежуточный момент обращения точки в сферу. То обстоятельство, что точку трактовали как Абсолют, было известно вавилонянам, а линию с углом оценивали как разные моменты развертки точки, иначе, единого Абсолюта.

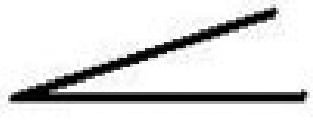

Рисунок 1. Угол, вмещающий в себе три геометрические фигуры.

Рисунок 2. Цифровой ряд протоцифр.

Принимая во внимание, что семиотическая триада (точка, угол и сфера) являет собой исходное начало всеединой сферы, Абсолюта, утвердительно можно сказать, что под христианской «Пресвятой Троицей» следует понимать и принимать всю пласирующуюся и колеблющуюся Вселенную, иначе, Бытие. Бытие и Абсолют – разные ипостаси одного и того же. Абсолют – это свернутое вовнутрь, через причинные связи, Бытие, а Бытие –развернутый вовне через эти самые причинные связи Абсолют. Содержательно, «Святая Троица» или «Пресвятая Троица» — это формула целостного устройства Бытия или «анатомии» Бытия [22; 23; 24].

С позиции семиотики представляет познавательный и методологический интерес то обстоятельство, что из семиотической триады, конкретно из угла, конструируются цифры. Представленный цифровой ряд уместно именовать протоцифрами. См.: Рис 2.

Каждая протоцифра определяется по наличию угла. В единице - один угол, в двойке - два, в тройке - три и так далее. Известные всему миру арабские цифры с округлыми формами являются производными от протоцифр. Трансформация произошла по причине того, что писать таким образом удобнее.

В конференциях и печати часто можно слышать утверждения, что арабские цифры — это не арабские цифры, а якобы индийские, и что арабы используют совсем другие цифры. См.: Рис. 3.

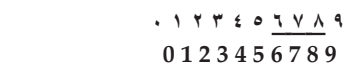

Рисунок 3. Сверху, запись арабских цифр в Ближневосточных стран. Снизу, Запись арабских цифр в странах северной Африки – страны Магриба.

И невооруженным взглядом видно, что арабские цифры и в странах Магриба, и в Ближневосточных странах – это одни и те же цифры, но несколько измененные.

В цифровом ряду есть и такие цифры, например, шесть, семь и восемь: ◎ ◎ ◎, они подчёркнуты, которые, как бы не вписываются в ряд. Этот феномен объясняется из-за еврейского влияния для которых число шесть является знаковым. Проявляется это в обозначении дней недели, например, если все иные дни недели евреи обозначают буквами алфавита в сочетании с числом, то шестой день недели, пятница, они называют, не день шестой, а день гвоздя в знак памяти, когда гвоздями были вбиты, ноги и руки Иисуса Христа. Именно, по этой причине, семерка сместилось на шестую позицию, а семёрка и восьмерка заимствованы из латинской десятки X, за которым арабы видят 15, как сложение 7 и 8, где верхняя часть десятки обозначено 7, а нижняя 8.

Вместе с тем, существует устойчивое мнение, что, якобы арабские цифры являются заимствованными у индусов. Чтобы доказать несостоятельность такой точки зрения, соотнесем арабские и индийские цифры ниже. См.: Рис 4 и Рис 5.

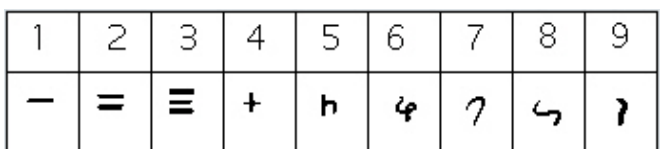

Рисунок 4. Верху арабские цифры, а снизу индийские цифры (первый век)

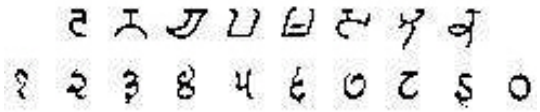

Рисунок 5. Цифры Деванагари, вверху ранние, внизу поздние.

Как можно увидеть из сравнения, они разные. Напротив, индийские цифры имеют частичные заимствования от арабских, а не наоборот. Но система разрушена. Причем, индийская восьмерка (цифры Деванагари) – это арабская буква в отдельном написании, рис. 5. Уместно напомнить в связи с исследуемым предметом, что первый научный трактат по астрономии с использованием арабских цифр у индусов появился в Багдаде 771 году.

Ниже представляем современные индийские цифры с некоторыми сравнительными пояснениями с арабскими цифрами. См.: Рис. 6.

Из сравнения арабских и современных индийских цифр, видно, что индусы заимствовали арабские числа и лишь только индийская цифра 3 прописана по-арабски.

Арабскими цифры называются, потому что именно они используются в арабском алфавите, где каждая буква является цифрой.

Утверждение о том, что цифры, буквы изобретены людьми – несостоятельно. Они были изначально, люди лишь выявляют их как и закономерности мироздания.

Рисунок 6. Современные индийские цифры

Таким образом, система счисления, которой мы пользуемся и именуем арабской и которую считают, в кругах экспертов истории науки, самой молодой, является вместе с тем самой мотивированной.

Завершая разговор о цифрах следует напомнить всем, утверждение, что арабы считают арабские цифры арабскими, европейцы – индийскими является несостоятельным, по причине того, что цифры принадлежат вечности.

Далее проследим логико-символическую связь цифр и букв.

Логико-символические связи цифр и букв

Наглядно и состоятельно связь между цифрами и буквами можно проследить на материале арабского алфавита. Логико-символическая связь арабских цифр и букв указывает на их абсолютную корреляцию.

Ниже представляем, рис. 8, в целях сравнения, первые девять арабских цифр и букв (справа налево): 1 2 3 4 5 6 7 8 9 и А, Б, Г, Д, Х, В, З, Х, Т. В представленных буквах легко прослеживается графическая связь. Отличается в графической записи лишь пятая буква. Причина такого разбегания объясняется тем, что арабы пишут пятерку кружочком и с небольшим хвостом сверху.

По рис. 7 легко можно проследить графическую связь цифр и букв. Например, первая буква арабского алфавита **А**лиф с числовым значением (1), пишется, как и единица (١

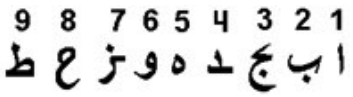

Рис. 7. Соотнесение арабских цифр и букв.

). Следующая за алефом, вторая буква Ба с числовым значением (2), пишется лежачей двойкой(ب). Третья буква Джи с числовым значением (3), пишется развернутой тройкой в зеркальном отражении. Четвертая буква Даль с числовым значением (4) пишется четверкой, уложенной на длинное плечо. Исполнение пятой буквы (ه) могут вызвать вопросы, все дело в том, что число пять в арабском пишется именно так, как и буква. Шестая буква **В**ав с числовым значением (6) пишется перевернутой шестеркой – و . Седьмая буква с числовым значением (7) в письме пишется развернуто, в зеркальном отражении. Восьмая буква с числовым значением (8) пишется как седьмая в зеркальном отражении. Девятая буква **Т**а с числовым значением (9) пишется перевернутой девяткой – ط . Иные буквы можно проявлять в такой же последовательности и без особых исключений.

Всего арабских букв 28, вращая их, легко можно подобрать положения, при которых начертания букв совпадут с цифрами, указывающими на их числовые значения. Причем, каждой букве строго соответствует один согласный звук.

Целостный формат числовой или этимологической (счетной) алфавитной Алифби матрицы будет имеет вот какой лик. (См. табл. 1.)

Удивительным является тот факт, что во всех мировых системах письма сохранился некоторая последовательность букв в алфавитных матрицах. Вот это четверка на каждом уровне:

ا ب ج د (АБГД);
ي ك ل م (Й, К, Л, М);
ق ر ش ت (Ф, Р, С, Т).

Эту же последовательность можно проследить в русской АБ(в)ГД[1] и Азбуке: кириллице и глаголице.

Уникальность момента состоит в том, что арабское письмо хранит в себе принципы построения письменных систем - алфавитов.

Проследить буквенно-числовую последовательность можно и в русских алфавитных матрицах АБ(в)ГД и Азбуке: кириллице и глаголице. (См. Табл. 2 и 3.)

Последовательность первой четверки букв в этимологической (счетной) матрице АБГД и Азбуки: кириллицы и глаголицы имеет одинаковый порядок, например, первые четыре буквы: АБ(в)ГД = **А**з, **Б**уки, **Г**лаголь и **Д**обро.

Пятая звуко-буква в матрицах АБГД и Азбуке Е и **Е**сть = **Е**сл, они стоять на своих местах, только вот произносить надо азбучную Е как **h**если, = **ha (**ֿ**- ٤)** арабская. Оно у нас чаще трансформируется в **Х**. Например, как в случае произнесении и записи имени Алла**Х**. Конечная **Х** согласная и нужно произносит, как **ha (**ֿ**- ٤)**, Аллаh.

Шестая звуко-буква **Ж** и **Ж**ивите в матрицах АБГД и Азбуке на своих позициях.

Седьмая звуко-буква в АБГД **З**, а в Азбуке **S**-**th**ело – **se**ло, а в Алифби **tha**айн, находятся на своих местах, но следует их различать от **З**емля в Азбуке и **З** в АБГД. Тональное их различие состоит в том, что в Азбуке звуко-буква **S**-**th**ело = **se**ло, а

Таблица 1

Этимологическая (счетная) Алифби матрица								
9	8	7	6	5	4	3	2	1
ط	ح	ز	و	ه	د	ج	ب	ا
90	80	70	60	50	40	30	20	10
ص	ف	ع	س	ن	م	ل	ك	ي
900	800	700	600	500	400	300	200	100
ظ	ض	ذ	خ	ث	ت	ش	ر	ق
								1000
								غ

в Алифби **tha**айн, переднеязычная, а тональность звуко-букв **З**емля и **З**в Азбуке и Алифби шепеляво-шипящая.

Восьмая звуко-буква **И** в АБГД и **И**же в Азбуке **И**-восьмеричная. На своих местах.

На девятой позиции в АБГД и Азбуке Ь,- мягкий знак, перевернутая девятка, точно такая же по форме звуко-буква припарковано на девятой позиции в Алифби матрице.

Десятую позицию в АБГД и Азбуке занимает звуко-буква «**Й**», как и в Алифби.

Следующая четверка звуко-букв: К*Л*МН также сохраняет свою последовательность. Кстати, таков их порядок во всех алфавитах мира.

Следующая четверка: Ё, П, Р, Т нарушен в счетном, но сохранен в обычной, морфологической алфавитной матрице.

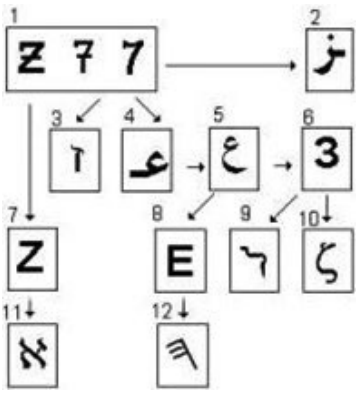
Азбуку: кириллицу и глаголицу можно представить раздельно. (См. табл. 4 и 5.)

Связь между цифрами и буквами можно проследить во всех мировых системах письма - алфавитах.

В качестве примера можно представить корреляцию цифр не только с арабскими буквами, но и со всеми мировыми системами письма. В качестве подтверждения сказанного представляем эволюцию арабской семерки и ее проявление в мировых алфавитных системах.

Итак, эволюция семерки (7) являет нам вот какие преобразования: «**1**. Протосемерка и ее упрощенные варианты написания. **2**. Седьмая арабская буква **З**айн (числовое значение – **7**). **3**. Древнеарамейский и древнееврейский **З**аен. **4**. Арабский **А**йн (70) в начале слова, давший нашу букву **З** (**7**). **5**. Арабский **А**йн в отдельном написании с хвостом. **6**. Кириллическая Буква **З**. **7**.Буква **З**ед в западных языках. **8**. Наша **Е** и греческая **Е**псилон, происходящая по созвучию от **А**йна (хамзы) после его падения.

9. Древнеегипетская **З** под русской маской **З**меи. **10**. Древнегреческая **Д**зета (числовое значение – **7**), идущая от **А**йна (70). **11.** Древнеарамейский (он же древнееврейский) **А**леф происходящий, возможно, от хамзы, стоящей в арабском алфавите на первом месте, и идущей по начертанию от

1 Примечание: Во всех мировых алфавитных системах письма буква В приходится к завершению алфавитов и лишь в русских алфавитных системах - Азбуке и АБВГД - письма она стоит на третей позиции с числовым значением 2, который по факту относится к букве Б. Этот сбой можно объяснить влиянием троичной индуской цивилизации и связано с канонической книгой Веди (В). Русские алфавитные матрицы, этим фактов, как бы, сохраняет и проговаривает характерную троичность индуской цивилизации.

Таблица 2

Этимологическая (счетная) матрица АБГД								
Ь=9	И=8	З=7	Ж=6	Е=5	Д=4	Г=3	Б=2	А=1
Ч=90	П=80	О=70	?=60	Н=50	М=40	Л=30	К=20	Й=10
Ц=900	?=800	?=700	**600=Х**	Ф=500	У=400	Т=300	**200=С**	Р=100
Ъ= 9000	?=8000	?=7000	?=6000	?=5000	?=4000	Щ= 3000	?=2000	Ё= 1 000
Ы= 90 000	Я= 80 000	?= 70 000	**В**= 60 000	?=5 0 000	Щ= 40 000	? = 30 000	? = 20 000	?= 10 000
					?=400 000	Э=300 000	?= 200 000	?=100 000

Таблица 3

Целостная этимологическая (счетная) матрица Азбуки: кириллицы и глаголицы								
Ьерь =9	Иже 8=	th/Зело =7	Живите =6	Есть =5	Добро =4	Глаголь =3	Буки =2	Аз =1
Червь =90	Покой =80	Он =70	Кси =60	Наш =50	Мыслите =40	Люди =30	Како =20	Ій =10
Цы =900	Ижица =800	Пси =700	**Хер 600=**	Ферт =500	Ук =400	Твердо =300	**Слово 200=**	Рцы =100
Ъер =9000	От =8000	Зима =7000	Фита =6000	Та =5000	Тэта =4000	Ща =3000	Ца =2000	Юсм =1000
Ыеры= 90 000	Ять=Я 80 000	Юсбі= 70 000	**В**еди= 60 000	Кя =50 000	Ща =40 000	Земля =30 000	Тся= 20 000	Юсб=Ю = 10 000
					Гервь= 400 000	Йе=Э= 300 000	Дзин= 200 000	Юсм(й)= 100 000

Таблица 4

Этимологическая (счетная) матрица Азбуки: кириллицы								
ь	и	ѕ	ж	є	д	г	б	а
ч,ч	п	о	з	н	м е	л	к	і,ї
ц,ц	ѵ	ѱ	х	ф	оу,ѹ	т	с	р
ъ	ѡ	Зима= 7000	ѳ	Та = 5000	Тэта= 4000	ц	Ца = 2000	ѣ
ъі	ѣ ꙗ	ѣ	в	Ка= 50 000	ш	ꙁ,з	Тся= 20 000	ѫ ю
					Гервь= 400 000	ѥ	Дзин 200000	ѧ

Таблица 5

Этимологическая (счетная) матрица Азбуки: глаголицы								
ⰸ	ⰻ	ⰾ	ⰶ	ⰵ	ⰰ	ⰿ	ⱂ	ⰴ
ⰹ	ⰼ	ⰹ	Кси =60	ⰼ	ⰹⰹ	ⰰ	ⰽ	ⰻ
ⰿ	ⰸ	Пси =700	ⰾ	ⰲ	ⰲ	ⰿⰿ	ⰻ	ⰱ
ⰸ	ⰾ	Зима =7000	Фита =6000	Та =5000	Тэта =4000	ⰾ	Ца =2000	ⰵ ⰰ
ⰸⰻ	Я= ⰰ	ⰰⰵ	ⰾ	Кя =50 000	ⰻⰻⰻ	ⰾ	Тся= 20 000	ⰵ= ⰼ
					ⰾ	Ие=Э	Дзин 200000	ⰵ

Айна, но, возможно, прямо от нашей буквы **Х**, поскольку еврейский **А**леф произносится с придыханием. **12**. Пятая буква финикийского алфавита, произносимая с придыханием. По конфигурации происходит от **А**йна. Исконный кружок пошел на место **А**йна и стал в современных алфавитах буквой **О**, а **А**йн перешел на место кружка и стал в современных алфавитах буквой **Е**» [25, с. 254-255].

На этом примере, можно узреть, как АБ(в)ГД и вся Азбука: кириллица и глаголица, системами письма, соотносится без остатка к арабской счетной системе письма.

Содержательно, все существующие алфавитные системы письма, начиная самой древней финикийской и более молодые, русский, египетский, индуистский, арабский, африканский, китайский, шумерский и иные - это оцифрованные звуки [26; 27].

Таким образом, исследование семиотических основ цифр и букв подтверждает, что истоки письма восходит к семиотической триаде (точка, линия и угол) и что между элементами семиотической триады и цифрами, с одной стороны, и между цифрами и буквами, с другой стороны, имеется графическая и семантическая связи.

Письменные системы и инструменты письма

Алфавитом множество, соответственно, и письменных систем во множестве. Между тем, исследования подтверждают, что совокупно существующие системы письма сводимы к семи автономным письменным системам: русская, египетская, индуская, арабская, африканская, китайская и шумерская. Причем все эти семь письменных систем восходят к семиотической триаде [28; 29].

Русское письмо. Русские писали гусиным пером. По сути, русское письмо это линейное письмо. Этим самым русские проговаривают свою первопроходческую функцию, и вместе с тем функцию защитников через знаки письменности.

Гусиное перо как инструмент письма указывает, что гусь спасатель. По известному мифу, именно гуси спасли Рим по причине того, что это русское слово созвучно арабскому *гейс* “крик о помощи”, “СОС”. Так оно по мифу и было. Ночью враги перебили охрану и, если бы не загоготавшие гуси, погибли бы все воины.

Египетская письменность. Египетская письменность, будучи, как бы иероглифическим являет себя как фонетическим. Иная особенность египетского письма использование масок. Например, если присмотреться, скобой обозначался звук С, змеей – звук З, совой (символ мудрости) – звук М.

Инструментом письма является тростник.

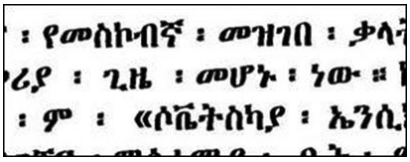
Индийская письменность. Присмотримся к индийскому письму **Деванагари** (сложение **نود** *давван “записывать”* и **أرق** *гара’, “читать”*). Все индийские буквы, графически, это изображение небесной коровы.

Изобретателем письменности индусы считают Пуруш, из-за созвучия с арабским **فرش** фурша «кисточка», инструментом письма у индусов является кисточка. Что же касаемо самого имени Пуруш, изобретателя письма, то оно восходит к русскому «первейший». Подтверждается связ индусов с русским еще и тем, что одно из величайших порождений индуизма – буддизм – восходит русскому слову будить, как и имя основателя – Будда (просветленный). Мало кто обращает внимание на то, что как имя Будда (от рус. **будить),** так настоящее имя основателя буддизма Ситхардха имеет русские корни. Как известно из повествования, однажды царевич Ситхардха сел под *деревом* и к нему пришло знание о том, как избавить человечество от страданий. А надо сказать, что идея страдания сопровождала сына царя с младенчества и до самой смерти. Почему? Опять причина в русском языке. Изымем из имени царевича гласные и придыхания. Останется русское слово СТРД (страдать). Так в чем же путь? В нирване (по-арабски «слабое свечение»), т.е. в таком состоянии сознания, что человек становится отрешенным от желаний. А ведь желания источник страданий – так думал царевич. Но царевич как и многие жрецы самых разных религий перепутал русское слово **дерево** и арабское *дира:йа* “знание”.

Арабская письменность. Арабская на вид являет себя как вязь и в своей основе восходит квадратной точке. Перемещение квадратной точки на бумаге формирует арабскую письменную вязь.

Инструментом письма у арабов является калам **ملق** , который восходит к русскому слова солома, равно, калам.

Африканская письменность. Африканское письмо являет себя, как арабская, вязь, расписанная перстами – пальцами. По всей видимости персты для африканцев являются сакральными элементами. С целью подтверждения сказанного представляем амхарское письмо. Таким письмом пользуются в современной Эфиопии.

Обращаю внимание, линия буквы идет так, словно ее нарисовали пальцем.

Китайская грамота. Письменность у китайцев весьма своеобразна. Китайцы пишут иероглифами, которые обозначают не звук, а идею. Каждый иероглиф конструирован палачками. Всего, таких палочек 28, столько же сколько количество букв арабского алфавита.

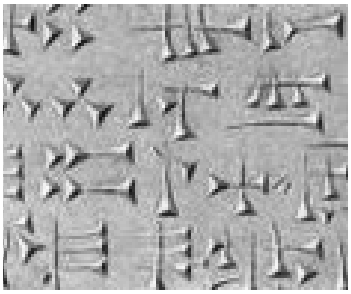
Стоит, однако, взглянуть на рисунки бамбука в стиле У-Син[2], как сразу становится ясно, что палки эти бамбуковые. Как шумеры списали свой клин-семерку с кроны финиковой пальмы, так китайцы списали свои иероглифы с шеститычинкового бамбука.

Инструмент для письма, как и религию, китайцы заимствовали у индусов. Пишут китайцы, как индусы кисточками. Объясняю причину. Они полагают, что первочеловек по имени Пуруша (от русского *первейший*) был тем, кто создал письменность. Если его русское имя прочитать по-арабски, получим арабское слово *фурша* “кисточка”, “щетка”. Чем же им еще писать, как не кисточками?

Шумерская письменность. Шумерские письмена именуют клинописью, где каждый клин напоминает вдавленный гвоздь (от ар. **ريمسا** *маса:ми:р* “гвозди, клинья”), в глину с последующим ее обжигом. Примечательно то, что шумерский клин напоминает русскую семерку. Не трудно проследить, арабский шумер=са:ми:р восходит к русскому **семерка**.

2 У СИН, буква У в арабском обозначается буквой Вав с числовым значением 6, а СИН, синий **(ينيص)** по-арабски китаец, который от рус. синий, букв. «шестой Китай». Иными словами, китайский рисунок в стиле У СИН проговаривает и представляется – я шестая, в смысле, я Китай!

Трансформация русской семерки в клин, гвоздь, видно на рисунке.

Таким образом, если египтяне писали одними масками, индусы – одними коровами-тройкми, негры – перстами-пятерками, китайцы – палками, за которыми шестерки, то шумеры – одними гвоздями-семерками, по-арабски масамир. Но главный вывод состоит в том, что все известные системы письма едины и восходят к семиотической триаде. Люди, различая и постигая постепенно прозревают, приближаясь ко все более правильным письменам, записанным и представленным в вечности - мире Причинности.

Заключение

Письменности не изобретены человеком, а существуют априори, в трансцендентальном мире или в мире Причинности. Человек распознает их как закономерности мироздания, постепенно приближаясь существующему заранее идеалу. Между тем, препятствием такому различению и пониманию является *принцип историзма*, который подают как единственный способ причинного объяснения мира. Для понимания мира исторический (временной) подход необходим. Но принять его, как единственного способа объяснения мира, является заблуждением. Помимо истории есть вечность. На наш взгляд современной науки не хватает понятия ВЕЧНОСТЬ.

Мы вынужденны признать, что есть письменные программы, и история развивается по уже готовым словесным программам, т.е. не из хаоса и не спонтанно. И этими программами и должен объяснятся.

Вот письменность и есть фрагмент этой всеобщей программы.

Каждый этнос, «вглядываясь» в «области заочны», прозревает по-своему. И видит не то, что видят арабы, а свою письменность, отражающую номер данного этноса. Так что тому, кто захочет прозреть, придется не только к арабскому письму обратиться, а взять алфавиты пакетно.

Пристатейный библиографический список

1. Степанов Ю. С. Семиотика / сборник трудов; ред. Ю. С. Степанов. – М.: Радуга, 1983. – 635 с.
2. Баянов К. Р. История и философия науки (учебное пособие). – Глазов: ООО «Принт Торг», 2018. – 120 с.
3. Шрейдер Ю. А. Логика знаковых систем. – М.: Знание, 1974. – 64 с.
4. Rey-Debove J. Sémiotique. P., 1979.
5. Тондл Л. Проблемы семантики / пер. с чеш. Ю. И. Зуева и А. А. Корчагина; Под ред. и с послесл., с. 443-463, проф. А. И. Уемова. – М.: Прогресс, 1975. – 484 с.
6. Баянов К. Р. История и философия образования (научно-учебное пособие). – Глазов: ООО «Принт Торг», 2019. – 150 с.
7. Степанов Ю. С. Семиотика. – М.: Наука, 1971. – 167 с.
8. Wierzbicka A. Semantic Primitives. – Fr./M. 1972.
9. Руднев В. Философия языка и семиотика безумия: Избранные работы. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2007. – 528 с.
10. Сухачев Н. Л. О семиотике Ч. С. Пирса: Semiotics of C.S. Peirce: Semiotics of C.S. Peirce: Тройств. знак в универсуме репрезентаций. – СПб.: Наука, 2003. – 103 с.
11. Пирс, Ч. С. Избранные философские произведения. - М.: Логос, 2000. - 412 с.
12. Writings of Charles S. Peirce: A Chronological Edition: Vol. 1-8 / Peirce Edition Project (eds.). – Bloomington: Indiana University Press, 1982-2010.
13. Фердинанд де Соссюр. Заметки по общей лингвистике. – М.: Прогресс, 2000. – 274 с.
14. Моррис Чарльз Уильям. Основания теории знаков. – М.: Академ. Проект, Деловая кн., 2001. – 59 с.
15. Morris Charles W. Signs, Language and Behavior. – N. Y., 1946.
16. Винер Норберт. Кибернетика. – М.: Наука, 1968. – 326 с.
17. Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия. – М.: Кирилл и Мефодий: Большая Российская энцикл., 2003. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://search.rsl.ru/ru/record/01003134730
18. Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь / сост. И. Х. Дворецкий; под ред. чл.-кор. Акад. наук СССР проф. С. И. Соболевского; С прил. грамматики, сост. С. И. Соболевским. – М.: ГИС, 1958. – 2 томах (около 70000 слов).
19. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь / 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1996. – 843 с. (около 50 000 слов).
20. Вашкевич Н. Н. Словарь этимологических и сокрытых значений. Вып. 3 буквы И. – М. Издатель С. Ландышев. – М., 2009.
21. Полный православный богословский энциклопедический словарь // Троица Пресвятая. – СПб., в 2-х томах. Изд-во Сойкина. Репринторское переиздание, 1992. – С. 530 (2179). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dlib.rsl.ru/viewer/01004169249#?page=530
22. Баянов К. Р. Устройство и сервомеханика функционирования Бытия // Философия в XXI веке: направления и тенденции развития / В сборнике: Материалы II Международной научно-практической конференции. Часть 3. – 2024. – С. 150-159. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=68618673
23. Баянов К. Р. Философско-методологические основания прогнозирования социоприродной динамики. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук: Московская государственная академия делового администрирования. – М., 2011.
24. Барт Р. Избранные работы: Семиотика / сост., общ. ред. и вступ. ст. [с. 3-45] Г. К. Косикова. – М.: Прогресс: Универс, 1994. – 615 с.
25. Вашкевич Н. Н. Всемирный периодический закон. Введение в смысловую логику. – М.: Издатель С. Ландышев – 7518 (2010). – 704 с.
26. Вашкевич Н. Н. Системные языки мозга. – М.: Белые Альвы, 1998. – 399 с.
27. Баянов К. Р. История и философия техника (учебное пособие). – Глазов: ООО «Принт Торг», 2018. – 120 с.
28. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / общая ред. и предисл. докт. философ. наук проф. В. Ф. Асмуса. – М.: Изд-во иностр. лит., 1958. – 133 с.
29. Баянов К. Р. История и философия языка: курс лекций. Научно-учебное пособие. – Глазов: Глазов: ООО «Принт Торг», 2021. – 93 с.

ЖАМБАЕВ Баир Цырендоржиевич
кандидат философских наук, доцент, Бурятский институт инфокоммуникаций (БИИК), г. Улан-Удэ

ЖАМБАЕВА Ульяна Баировна
кандидат философских наук, советник президента организации мира и дружбы Монголии

ЛАМАИЗМ – ПОИСК АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ОСНОВАНИЙ В БЫТИИ ДУХОВНОГО

Что привлекает мирян в буддистских монастырях (в приемных домиках лам), за исключением множества проблем и индивидуальных целеполаганий, которые заставляют их обращаться за помощью к духовным лицам – ламам? Это не всегда осознанное, но имманентно присущее стремление приобщения к намоленным местам, в основе которых лежит особая атмосфера – аура, исцеляющая душу и плоть человека лишь фактом соприкосновения с ними. И, в той же мере, в их основе лежит принцип простоты в устройстве быта, ибо богатое убранство всегда отвлекает человека, порождая в мыслях людей, как правило, материального порядка ценности и, отсюда, иную парадигму поведения. Выражение «бедность не порок», в нашем случае, не сводится к попытке оправдания статуса человека, а во многом осмысливается как необходимое условие для духовного роста. Здесь речь идет не о призыве к бедности, а о необходимости проявления заботы о чистоте своих помыслов и переживаний, которые определяют образ жизни и богатство внутреннего мира человека, что само по себе бесценно. При этом ламаизм нами воспринимается как попытка ухода от буддистской доминанты – пустота, т. е. отрицания мира сущего.

Ключевые слова: ламаизм, буддизм, быт, принцип простоты, сущность и существование, «Алтан – Гэрэл», мировоззрение, феномен Итигэлова.

ZHAMBAEV Bair Tsyrendorzhievich
Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, Buryat Institute of Information Communications (BIIK), Ulan-Ude

ZHAMBAEVA Ulyana Bairovna
Ph.D. in philosophical sciences, Advisor to the President of the Organization for Peace and Friendship of Mongolia

LAMAISM IS THE SEARCH FOR ALTERNATIVE FOUNDATIONS IN THE EXISTENCE OF THE SPIRITUAL

What attracts laypeople to Buddhist monasteries (to the lamas' reception huts), except for the many problems and individual goals that make them seek help from the lamas? This is not always conscious, but it is an inherent desire to connect with places of worship, which are based on a special atmosphere and aura that can heal the soul and body of a person simply by being in their presence. And, to the same extent, they are based on the principle of simplicity in everyday life, because rich decoration always distracts a person, creating a material value in people's minds and, consequently, a different paradigm of behavior. In our case, the expression "poverty is not a vice" does not simply justify a person's status but is often seen as a necessary condition for spiritual growth. Here, we are not talking about a call for poverty, but about the need to take care of the purity of our thoughts and feelings, which determine our lifestyle and the richness of our inner world, which is priceless. At the same time, we perceive Lamaism as an attempt to escape from the Buddhist dominant of emptiness, which means the denial of the world of existence.

Keywords: Lamaism, Buddhism, everyday life, the principle of simplicity, essence, and existence, Altan-Gereel, worldview, and the phenomenon of Itigelov.

Исторически высшей формой проявления когнитивной революции становится, выработанная общественной практикой религиозно-мифологическое сознание, в основе которого лежат философско-мировоззренческие вопросы: в чем смысл жизни и почему все есть? Иначе говоря, именно общественная практика с необходимостью обусловила в сознании Homo sapiens инстинктивные позывы, сведенные в исходной ее части к преодолению всеобъемлющего страха перед неуправляемой стихией природы, а главным образом неизбежной смерти. Понятно, что эгоцентрическому сознанию человека претит сама мысль о конечности его бытия. Отсюда, прямым следствием становятся различные умственные конструкции в виде различных религиозных воззрений на мироустройство и тем самым придаются определенные смыслы бытию человека и общества, что оправдывает и определяет вектор развития любого социума в его не только материальном, но и идеальном измерениях. Последнее гораздо важнее для самочувствия индивида, что является, по мнению некоторых философов, подлинным критерием социального прогресса.

В данном контексте, на наш взгляд, исходной идеей ламаизма является попытка ухода от сложной умственной конструкции присущей буддизму, исключающего обыденно-бытовое мировоззрение индивидуума на природу вещей. Дело в том, что обыденно-бытовое мировоззрение, которому не уделяется должное внимание в гуманитарной науке, пронизывает всю социальную историю, т. е. оно не подвержено становлению исторических типов мировоззрения. Здесь речь идет об отказе от буддистской идеи нереальности физического и духовного бытия человека. В ламаизме же плавным переходом от идеи отрицания всего сущего к миру данностей является признание 5 групп потоков: тело; ощущение; представление; воля; сознание. Это те детерминанты, которые могут привести личность к состоянию нирваны. При этом присущее личности состояние сансары (первые две истины из известных четырех) можно преодолеть, соблюдая принципы поведения – шилу (личное очищение), каруну (сострадание) и праджню (мудрость). Тут важно понимать, что именно ламаизм с его универсальностью, а точнее будет сказано с его включенностью в общее представление об устройстве духов-

ного мира, придает целостность обитателям монгольского мира по тем же самым лекалам общемировой религиозной архитектуры. И тем самым бурят-монголы сумели избежать своего противопоставления на духовном, а главным образом на идеологическом - остальному миру, ибо буддизм с идеей отрицания всего сущего не вписывается в общемировую религиозную канву.

В основе всякой религии все-таки лежит принцип простоты - идея внятная и понятная (вера в одного Бога) для общественного сознания, пересекающаяся с простым бытом простолюдина. Такой базисный элемент общественной жизни во многом находит отклик в душе зарождающейся интеллигенции – народников. Так, для «типичного народника» М. Н. Хангалова «… как этнографа и бурята, даже неприглядная обстановка бурятского захолустья имела особую привлекательность, аромат родины» [1, с. 249]. И, несколько в другой интерпретации, данная идея получает следующее осмысление: «… у бурят убожество не вменяется в стыд» [1, с. 142]. Такая исходная социальная среда послужила отправной точкой трансформации буддизма, когда он «… усваивается в церковной своей форме тем или другим народом или племенем в духе приспособления к данной среде. Согласно этому ламаизм (секта гелукпа) усвоен бурятами в национально-бурятском духе» [1, с. 177]. Все дело в том, что кочевой образ жизни бурят-монголов не располагал к основательности в обустройстве каждодневного быта. Отсюда, как отметила К. М. Герасимова: «Религиозные концепции земного бытия и назначения человека не служат действенным мотивом, определяющим жизненные планы, повседневную производственную и социальную деятельность» [2, с. 73]. И, что касается основных догматов буддизма, то лишь не многие согласны с идеей вечного страдания, и, что она неотъемлемая, единственно реальная сущность земного бытия [2, с. 73]. При этом по сути своей, бедственное положение степных кочевников порождает мечту в их сознании о светлом будущем, если не в этой жизни, то в предстоящем перерождении. Идея неизменной реинкарнации выполняет компенсаторную функцию в их скромно организованной общественной жизни.

Однако необходимость соблюдения бытовых религиозных обрядов, сопряженных с теоретическими основами буддизма, заставляет степных аратов постепенно погружаться в его сложные умственные конструкции. И, тем более, частичный переход к оседлому образу жизни становится той благоприятной почвой изменения церковной организации общественной жизни. Данное явление порождает необходимость обеспечения широких масс верующих буддистской литературой. Так не случайно расцвет переводческой деятельности приходится на конец XVI и начало XVII века [3, с. 13]. И, также далеко не случайно, «Алтан Гэрэл – ту» (один из первых текстов переведенный на монгольский язык), по указу Алтан хана, должен был находиться в каждой монгольской семье - на алтаре [3, с. 13]. Дело в том, что именно в нем раскрывается сложно структурированное мироустройство в виде данности, или подлинно наличествующий мир. Такое представление о мире находит больший отклик в сознании индивида и становится доминирующей идеей ламаизма.

Дословный перевод понятия «Алтан Гэрэл» означает – золотое зеркало. Смысловое же значение этого наименования, скорее, сводится к понятиям «истинное отражение», «реальное отображение», «зерцало мудрости», и суть которых означает необходимость преодоления состояния «омраченного сознания» или невежества. Другими словами, речь идет о философской концепции единства сущего и многообразии существующего. Теоретической же основой природы сущего является «Ваджраччхедика праджняпарамита сутра» к сути, которой, вкратце, мы обратимся ниже. Эмпирическая часть, в виде проблемы существования, рассматривается именно в «Алтан-Гэрэл».

Так, в нем раскрывается имманентная сторона организации индивидуальной жизни. Речь идет о сложно структурированном характере жизни каждого индивидуума, когда необходимым делается знание и соблюдение правил поведения верующего в отношении других людей, вообще живых существ и природы (мироздания) в целом, ибо у всего существующего есть единое сущее в виде сахюсонов – условно ангелов хранителей, которых непременно следует почитать. Так, на 5-ой странице «Алтан-Гэрэл» говорится о том, что 49 тысяч сущностей, находятся в начале природных стихий, требующих их почитания [4, с. 5]. А отдельно взятая жизнь человека сопровождается индивидуальными сахюсанами, требующих их восприятия и также почитания. И в случае проявления невежества, например, могут сложиться определенные неблагоприятные обстоятельства в жизни человека, которые так или иначе заставят его призадуматься, и в итоге выбрать правильное поведение, предполагающее требование: обходиться малым в быту, подавляя желания. В рассматриваемом тексте, в переводе на бурятский язык, этот момент звучит следующим образом: «Ехэ аюулые узуулэгшэ нэрэтэ ягша» [4, с. 4]. Следует отметить, что таких индивидуальных сахюсанов, регламентирующих поведение человека бесчисленное множество, и все они имеют свою сферу влияния.

Теоретической же предпосылкой аскетического образа жизни в быту является «Ваджраччхедика праджняпарамита сутра, или сутра о совершенной мудрости, рассекающей тьму невежества, как удар молнии». Так, в ней приводится разговор между Бхагаваном и Субхути, который следует привести в оригинальном изложении для полноты восприятия. Их общение начинается с вопроса: «Как же, Бхагаван, должно вести себя ступившему на стезю бодхисаттв сыну или дочери из хорошей семьи, что нужно делать, как научиться владеть мыслью?» [5, с. 3]. Ему Бхаваган говорил так: «В этом мире, Субхути, ступившие на стезю бодхисаттвы должны усвоить такой образ мыслей. Сколь много существ, Субхути, в мире существ, охваченных собирательным понятием существа: рожденных ли из яйца, рожденных ли из чрева, рожденных ли из влаги, рожденных ли самопроизвольно, во плоти или бесплотных, сознательных или бессознательных, или бессознательных и не бессознательных, т. е. как бы умозрительно не представлять мир существ – всех их я должен привести к полному освобождению в мире нирваны, лишенной какого бы то ни было остатка существования. Однако даже когда освободилось полностью неизмеримое число существ, все-таки нет ни одного существа, освобожденного полностью. Почему же? Нельзя называть того «бодхисаттвой», кто прибегает к понятиям «независимая самость», «живая душа», «отдельная личность». Более того, Субхути, бодхисаттва, сознание которого еще опирается на объекты,

не должен совершать даяние. Кто опирается, на что бы то ни было, тот не должен совершать даяние. Кто опирается на видимое, кто опирается на звук, запах, вкус, осязаемое и дхармо-элементы, тот не должен совершать даяние. Ибо, Субхути, когда великосущий бодхисаттва намеревается совершить даяние, тогда он не опирается на понятие «значение». …Как ты считаешь, Субхути, может быть виден Татхагата благодаря великолепию его признаков? … Что Татхагатой названо «великолепием признаков», то вовсе не является великолепием признаков» [5, с. 4-5].

Данный теоретический расклад нашел отражение и в философской мысли, сведенный к вопросу о познаваемости окружающего мира. В метафизической ее части постулируется идея того, что признаки предмета не проистекают из его свойства (на этой позиции находится наука), а преодолевают границу предмета и уходят в сферу меж предметных отношений или связей по причине отсутствия самодостаточных вещей. Это означает, что объекты являются лишь субъективным отражением действительности, являясь плодом воображения самого субъекта.

Такого рода теоретико-методологические подходы, проистекающие из основ буддистского вероучения, к выстраиванию образа жизни приводят к радикальным изменениям в мировоззрении бурят-монголов. «Такие кровавые шаманские обычаи, как сжигание овдовевших женщин, принесение в жертву рабов, животных для успокоения душ умерших и идолопоклонничество были запрещены. Кроме того, было введено уголовное преследование за убийство» [3, с. 13]. И, как отмечает Д. Чимитдоржин в своей монографии: «По указанию Гуши шидиту-ламы в стране Халхе слова высшего учения, написанные в Индии и Тибете, были переложены на монгольский язык по правилам монгольского письма и подобно тому, как немой вдруг начинает говорить, разум людей прояснился» [3, с. 13].

Демонстрацией высшей формы прояснения разума буддиста, проповедующего ламаизм, становится феномен Хамбо-ламы Итигэлова, который сумел сохранить свое тело в нетленном состоянии после наступления как бы смерти. При жизненном замысле этого великого ламаиста заключался в том, что он знал, во-первых, чем обернется наступление воинствующего атеизма для судеб сотен тысяч верующих сограждан и отсюда, во-вторых, своим непостижимым поступком стремился вернуть поколебленные, израненные души людей научным атеизмом в лоно веры.

Описание и интерпретации этого феномена, будирующего сознание обывателя, даны в материалах научных комиссий и конференций, и разных публикациях в средствах массовой информации. Авторская же версия феномена Итигэлова дана в монографии «Метафизика разума» (2019). На наш взгляд, феномен Итигэлова вполне объясним той идеей, лежащей в основе специальной (частной) теории относительности А. Эйнштейна. И, в нашем понимании, трансформация материи может происходить не по мере достижения скорости света, а уже на уровне преодоления скорости присущей всякой отдельной системе (организм человека – биологическая система). Такое понимание проистекает из идеи Эйнштейна о зависимости скорости течения времени от системы координат [6, с. 57-58]. Отсюда, Хамбо-лама Итигэлов, путем приложения особых интеллектуальных усилий, в виде прочтения специальных буддистских молебен-мантр, достиг сохранения своего тела после ухода как бы из жизни, в доказательство первичности идеального начала над материальным.

При апробации данной авторской идеи в рамках одной из множества научно-практических конференций, посвященных феномену Итигэлова, профессором Л. Абаевой было высказано мнение о том, что всё же следует провести комплексное научное исследование о его природе, с учетом образа жизни. Последнее условие требует более пристального внимания со стороны исследователей.

Известно, что детство Итигэлова было очень трудным вследствие его сиротства, но приобщение к буддистской литературе насыщает его сознание религиозно-философскими смыслами. Ежедневное погружение в суть излагаемого в буддистских текстах открывает не только сверхспособности, а главным образом иное восприятие реальности, т.е. сводится к пониманию истинного мироустройства или подлинного понимания сущности в природе вещей. Здесь, скорее всего, исходной точкой отсчета в пробуждении его разума является не привязанность к миру вещей.

Пристатейный библиографический список

1. Богданов М. Н. Очерки истории бурят-монгольского народа. - 3-е изд. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2014. – С. 142, 177.
2. Герасимова К. М. Вопросы методологии исследования культуры Центральной Азии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. – С. 73.
3. Чимитдоржин Д. Г. Буддизм в России: Бурятия XVIII-XXI вв. I-II том. – Улан-Удэ, 2019. – С. 13.
4. «Алтан Гэрэл». – С. 4-5.
5. «Ваджраччхедика Праджняпарамита Сутра». – С. 3-5.
6. Жамбаев Б. Ц. Метафизика разума. – Улан-Удэ, 2019. – С. 57-58.

ЗОЛОТУХИН Александр Андреевич
преподаватель СПО кафедры философии, политологии и теологии, Липецкий государственный педагогический университет им. П. П. Семенова-Тян-Шанского

ГОЛОВИНА Маргарита Валерьевна
студент, Липецкий государственный педагогический университет им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, независимый исследователь

КРИЗИС ЛЕГИТИМНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ: КУЛЬТУРФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Статья посвящена культурфилософскому анализу кризиса легитимности правоохранительных институтов в условиях цифровой трансформации современного общества. В статье показано, что кризис легитимности носит системный характер и проявляется в трёх взаимосвязанных аспектах: когнитивном (разрыв между традиционными представлениями о роли полиции и новыми общественными ожиданиями), нормативном (противоречие между ведомственными регламентами и запросом на гуманизацию правоохранительной деятельности) и коммуникативном (дефицит эффективных механизмов диалога между правоохранителями и гражданами). По материалам анализа цифровых платформ гражданского контроля, систем видеонаблюдения и предиктивной аналитики раскрывается трансформация традиционной веберовской модели легитимности. Особое внимание уделяется проблеме перехода от неявного «общественного договора» к постоянно пересматриваемому «цифровому контракту». Делается вывод о том, что преодоление кризиса легитимности требует глубинного переосмысления природы власти и доверия в цифровую эпоху.

Ключевые слова: кризис легитимности, правоохранительные институты, цифровое общество, полиция, цифровой контракт, общественный договор, прозрачность, подотчётность, философия культуры.

ZOLOTUKHIN Aleksandr Andreevich
lecturer of Philosophy, political science, and theology sub-faculty, P. P. Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University

GOLOVINA Margarita Valerjevna
student, P. P. Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University, independent researcher

THE LEGITIMACY CRISIS OF LAW ENFORCEMENT INSTITUTIONS IN A DIGITAL SOCIETY: A CULTURAL-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

This article provides a cultural-philosophical analysis of the legitimacy crisis of law enforcement institutions amid the digital transformation of modern society. The paper demonstrates that the legitimacy crisis is systemic and manifests itself in three interconnected aspects: cognitive (the gap between traditional notions of the role of the police and new public expectations), normative (the contradiction between departmental regulations and the demand for a more humane law enforcement system), and communicative (the lack of effective mechanisms for dialogue between law enforcement and citizens). Using digital platforms for citizen oversight, video surveillance systems, and predictive analytics, the transformation of the traditional Weberian model of legitimacy is explored. Particular attention is paid to the transition from an implicit "social contract" to a constantly renegotiated "digital contract". The conclusion is that overcoming the legitimacy crisis requires a profound rethinking of the nature of power and trust in the digital age.

Keywords: legitimacy crisis, law enforcement institutions, digital society, police, digital contract, social contract, transparency, accountability, cultural philosophy.

Проблема легитимности правоохранительных институтов сегодня обретает новое звучание в эпоху тотальной цифровизации и технологической рациональности. Последнее трансформирует буквально каждую сферу бытия, на что обращают внимание многие исследователи [1, с. 37], [2, с. 61], [3, с. 59], [4, с. 65], [5, с. 55], [6, с. 55], [7, с. 63], [8, с. 53], [9, с. 49], [10, с. 91]. Культурфилософский анализ кризиса легитимности правоохранительных институтов в цифровом обществе представляет собой одну из наиболее актуальных и дискуссионных тем современной философии культуры. Вопреки распространённым представлениям о том, что цифровизация автоматически повышает доверие к полиции за счёт прозрачности (body-камеры, системы общественного мониторинга, мобильные приложения для жалоб), кризис легитимности носит системный характер и проявляется в трёх взаимосвязанных аспектах: когнитивном, нормативном и коммуникативном.

Применительно к правоохранительным институтам долгое время доминировала рационально-правовая модель. Эта модель, на наш взгляд, утверждала, что граждане подчиняются полиции не потому, что боятся, и не потому, что верят в исключительные качества конкретного полицейского, а потому, что признают легитимность закона, на который полиция опирается. Однако цифровая трансформация подрывает эту модель.

Когнитивный аспект фиксируемого кризиса легитимности связан с разрывом между традиционными представлениями о роли полиции и новыми общественными ожиданиями. На наш взгляд, современное общество ожидает от полиции не только эффективности и беспристрастности, но и эмпатии, культурной чувствительности, готовности к диалогу и прозрачности. Граждане хотят не просто безопасности, но безопасности, обеспеченной с уважением к их достоинству, правам и индивидуальным особенностям.

Нормативный аспект кризиса легитимности выражается в противоречии между ведомственными регламентами, часто сохраняющими архаичные установки, и запросом на гуманизацию, клиентоориентированность и прозрачность правоохранительной деятельности. Мы убеждены, что формальные нормы, регулирующие деятельность полиции,

были разработаны в доцифровую эпоху и не учитывают ни новых технологических возможностей, ни новых общественных ожиданий.

Коммуникативный аспект кризиса легитимности, на наш взгляд, проявляется в дефиците эффективных механизмов диалога между правоохранителями и гражданами в условиях, когда традиционные каналы коммуникации утрачивают эффективность, а новые ещё не сложились в полной мере. Проведённый нами анализ подтверждает, что социальные сети и СМИ играют всё более значимую роль в формировании образа правоохранителей.

Цифровые технологии создают принципиально новые условия для функционирования правоохранительных институтов. Однако создаваемая прозрачность не всегда работает на повышение легитимности. Когда гражданин видит, как полицейский применяет силу, но не знает контекста ситуации, его оценка может быть поверхностной и несправедливой.

Трансформация традиционной веберовской модели легитимности в цифровом обществе может быть описана как переход от неявного «общественного договора», существовавшего в традиционном обществе, к постоянно пересматриваемому, формализованному и прозрачному «цифровому контракту» между полицией и обществом. Такой контракт должен включать в себя несколько принципиальных элементов. Во-первых, принцип прозрачности алгоритмов, т.е. граждане, имеют право знать, как принимаются решения, затрагивающие их права и свободы, даже если эти решения опосредованы цифровыми технологиями. Во-вторых, принцип подотчётности, который предполагает, что цифровые системы контроля должны быть не только эффективными, но и справедливыми, а результаты цифрового аудита должны иметь реальные юридические последствия. В-третьих, принцип диалогичности. Иными словами, цифровые каналы взаимодействия должны быть двусторонними, обеспечивающими не только возможность для граждан обращаться в полицию, но и для полиции – разъяснять свои действия и получать обратную связь.

Переход к «цифровому контракту» сталкивается с рядом препятствий. Проблема цифрового неравенства означает, что значительная часть населения (прежде всего, это пожилые люди, жители отдалённых территорий, люди с низким уровнем дохода и образования) оказывается, исключена из цифрового взаимодействия с полицией. Их голоса не слышны, их проблемы не попадают в статистику, их доверие не измеряется цифровыми рейтингами. Это подрывает легитимность полиции с точки зрения тех социальных групп, которые традиционно наиболее нуждаются в её защите.

Сотрудники полиции, чья профессиональная идентичность формировалась в доцифровую эпоху, испытывают стресс от необходимости постоянно подтверждать свою легитимность перед цифровой аудиторией. Они чувствуют себя уязвимыми, незащищёнными, лишёнными традиционных механизмов корпоративной солидарности. Это порождает защитные стратегии, например, уход в бюрократическую рутину, гипертрофированную формальность, эмоциональное выгорание. Граждане, в свою очередь, испытывают фрустрацию от того, что цифровые каналы взаимодействия не всегда обеспечивают реальное решение их проблем. Доверие, которое в традиционном обществе было личным, неформальным и строилось на непосредственном опыте взаимодействия, в цифровом обществе становится обезличенным и подверженным манипуляциям. Это ведёт к общему падению социального капитала и ухудшению качества социальной ткани.

Преодоление кризиса легитимности правоохранительных институтов в цифровом обществе, по нашему убеждению, требует глубинного переосмысления природы власти и доверия в цифровую эпоху. Традиционные иерархии, на которых строилась легитимность полиции в индустриальном обществе, всё чаще уступают место сетевым структурам управления, а монологи власти – диалогическим практикам соуправления. Это требует от сотрудников полиции не только новых компетенций, но и новой профессиональной этики, основанной на уважении к достоинству граждан, готовности к диалогу и открытости к критике. Мы видим, как абстрактная категория «доверие» наполняется конкретным, историческим содержанием. Без сомнения, именно философская рефлексия этих процессов позволяет не только диагностировать кризис, но и наметить пути его преодоления, адекватно адаптировавшись к изменяющимся условиям социокультурной реальности.

Пристатейный библиографический список

1. Богуславский М. В., Милованов К. Ю. Динамика обоснования методики формирования межпредметных связей на уроке в отечественной педагогике второй половины XX века // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2025. – № 3 (36). – С. 35-42.
2. Кобзев М. С., Смолова М. А. О дифференциации понятия «сторителлинг» как возможного образовательного средства в России и Китае // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2025. – № 3 (36). – С. 57-62.
3. Лукьянчиков В. И. Живопись как учебная дисциплина в системе профессиональной подготовки художников-керамистов // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2025. – № 4 (37). – С. 56-67.
4. Парамонов А. Г. Теоретические и методические аспекты профессиональной подготовки будущих художников-педагогов // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2025. – № 3 (36). – С. 63-68.
5. Рябухина Е. А., Фирсова С. А., Сафонов В. И., Буткина А. А. Обучение студентов вуза моделированию трендов демографических процессов на основе реальных статистических данных // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2025. – № 3 (36). – С. 52-56.
6. Панфилова А. А., Черенкова С. В. Использование цифровых образовательных ресурсов в практической подготовке студентов // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2025. – № 1 (34). – С. 54-58.
7. Пруцков А. В. Преподавание программирования на языке Java в вузе: педагогические аспекты // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2024. – № 4 (33). – С. 62-68.
8. Пушнова В. В. Сравнительный анализ понятий: «цифровая грамотность» и «компьютерная грамотность» как системообразующих компонентов предмета «Информатика» // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2025. – № 2 (35). – С. 49-57.
9. Рябухина Е. А., Сафонов В. И., Фирсова С. А. Определение вариантов выбора будущей профессиональной подготовки абитуриентов вуза средствами организации онлайн-тестирования // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2024. – № 3 (32). – С. 48-57.
10. Стоянов А. С. Отмена гендерной дифференциации на уроках технологии: ожидания учеников // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2024. – № 4 (33). – С. 86-100.

ЗУБКОВ Сергей Александрович
кандидат философских наук, доцент кафедры философии и религиоведения, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых

Зубков С. А.

ЭКОФИЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ В БУДДИЙСКОЙ МЫСЛИ

Статья рассматривает связь экофильной философии, направленной на понимание ценности окружающей среды, сохранения биоразнообразия и охраны природы, с буддийской философией. В буддизме как мировой религии с огромной историей сложились уникальные взгляды на экологическую этику. Личность самого основателя данной религии – Гаутамы Будды стала эталоном экофильного отношения к миру и живым существам. Трактаты буддизма внесли свой весомый вклад в популяризацию и углубление экологической культуры. Видный деятель буддизма Далай-лама XIV является олицетворением сформированности нравственного и экологического сознания.

Ключевые слова: экофильность, экологическая этика, буддийская философия, Гаутама Будда, Далай-лама XIV.

ZUBKOV Sergey Alexandrovich
Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Philosophy and religious studies sub-faculty, A. G. and N. G. Stoletov Vladimir State University

ECOPHILIC PHILOSOPHY IN BUDDHIST THOUGHT

This article examines the relationship between ecophilic philosophy, which seeks to understand the value of the environment, biodiversity conservation, and nature protection, and Buddhist philosophy. As a world religion with a long history, Buddhism has developed unique perspectives on environmental ethics. The figure of the religion's founder, Gautama Buddha, became the model for an ecophilic attitude toward the world and living beings. Buddhist treatises have made a significant contribution to the popularization and deepening of environmental culture. The prominent Buddhist figure, the 14th Dalai Lama, embodies the development of moral and environmental consciousness.

Keywords: ecophilia, environmental ethics, Buddhist philosophy, Gautama Buddha, 14th Dalai Lama.

В исследовании подхода экофильной философии в религиозных практиках были выявлены следующие постулаты и критерии данных взаимосвязей. К ним относятся: сакрализация окружающей среды, зоо и фитолатрия, вегетарианство. Буддийские учения и практики в большой степени содержат отмечаемые экофильные принципы и взгляды [4].

Буддийские трактаты – одни из самых древних священных писаний мира. Дхаммапада раскрывает экотеологию буддизма через описание Суддхартхой Гаутамой идеи безмятежности лесов, благости деревьев и их ценности для человека и всего живого [10, с. 23].

Среди распространенных взглядов буддийской философии является представление о нерасчлененности человека и окружающего мира [10, с. 13]. Человек слит и теснейшим образом связан с окружающей его природой. Ритмы человеческого организма как физиологические, так и психические во многом зависят от ритмичности окружающей среды.

Буддийская экофильная мысль раскрывает грани дендрологических представлений и их сакрализации. Деревья обожествлялись в буддизме, начиная с его зарождения и связь с его основателем. Рождение Гаутамы Будды произошло под деревом Ашока, его просветление состоялось под деревом Бодхи, его первая проповедь имела место в Оленьем парке в Сарнатхе, его кончина была под деревом Сала [10, с. 23]. Среди этих деревьев наиболее знаменитым в обожествлении является дерево просветления и медитации Гаутамы [2, с. 29].

В буддийском трактате «Вессартара Джатаки» изложены экоэстетические описания порядка ста растительных форм и ста животных существ. Упоминаемые в этих трудах чистые водоемы, в которых можно не только охлаждаться после зноя, но и пить из них воду представляются идеалом экологического бытия для настоящего времени [10, с. 26].

Один из важных экофильных образов буддизма, необходимых для нравственного совершенствования – это образ матери. Этот образ, прежде всего, ориентирован на образ Матери-Земли. Этот образ является наследием ведийской традиции, переосмысленной Буддой. В одном из изображений Будда предстает с мудрой «бхумиспарша», то есть показывает ладонью, как соприкасается с землей.

Еще один образ матери в буддизме связан с личностью царицы Майи – матери Будды Шакьямуни. Она умерла через неделю после рождения сына и переродилась в раю Тушита [10, с. 51].

Гаутама Будда – один из самых ранних экофилософов в истории человечества. Его заслугой в экоэтическом измерении для цивилизации стали получившие особый смысл и значение подходы ахимсы – ненасилия и меты любовного и сострадательного отношения к живым существам [3, с. 20-21].

Буддийская мысль содержит как экоэтический компонент экофильной философии, так и экоэстетический подход, способствующий сохранению целостности окружающей среды. Принципы дружелюбия и сострадания по отношению к растениям и животным согласуются с идеями переселения души и примером самого Гаутамы Будды. Красота природы коррелирует с божественностью и потому наполняет глубокими эстетическими чувствами созерцательности и восхищения последователей буддийских учений.

Основа буддийской экологической этики заключается в четырех столпах – «четырех безмерных». Они таковы: любящая доброта, сострадание, сорадование и равностное отношение ко всем живым существам. Эта «безмерность» данных принципов состоит в том, что они ориентированы на всех живых существ, а не только на ограниченный круг близких людей или домашних питомцев, как часто происходит в современном обществе. Божественные качества «четырех безмерных» являются одними из важнейших «духовных координат» для ежедневного медитативного размышления в практической ритуалистике буддистов [10, с. 50-51].

Экологическая этика относит буддийский подход «четырех безмерных» к принципу биоцентризма, как равного отношения ко всем живым организмам [5]. В европейской этической мысли близок этим взглядам был Альберт Швейцер. Он утверждал, что до тех пор, пока мы не станем реально заботиться о благополучии животных, то мира в обществе не будет [9, с. 50].

Исследователь буддизма Филипп Капло подчеркивает значение практики ахимсы на основе сострадания к животным и сохранения жизни каждой особи. Он уделяет внимание заботливому содержанию животных, регулярному и полноценному кормлению и уходу за ними [7].

Этический принцип ненасилия Гаутамы Будды, особенно в ранний период, стал важным ориентиром на освобождение от страданий для всех живых существ, в том числе и животных [6].

Один из зарубежных представителей экологической этики Стивен Розен отмечает зрелость ненасильственных постулатов буддизма, направленных на первостепенное сохранение и сбережение живых существ [9, с. 116-117].

Буддизм тесно взаимосвязан с другими азиатскими религиями и испытывает их влияние, в том числе в экологическом смысле, такими как даосизм, шаманизм, синтоизм, джайнизм. Азиатские традиции во многом направлены на экологический гуманизм и дружелюбную философию по отношению к окружающей среде [8, с. 141].

Исследователь востоковедения Алан Уоттс отметил особый статус буддизма как психотерапии. Согласно его позиции в буддизме ценна именно психотерапия, а не теологическая или философская составляющие. Психотерапия буддизма направлена на исследование измененных состояний сознания, этического и эстетического наполнения сознания по отношению к природе и обществу [10, с. 21].

Современный Далай-лама является ярким экофилософом и оптимистом в индивидуальном эмоционально-психологическом настрое к миру и людям. Он практик медитации, направленной на ощущения постоянного счастья и радости. Далай-лама в своей поддержке экологичности медитативных состояний ссылается на исследования нейропсихологов, в частности Ричарда Дэвидсона, как одного из первопроходцев в изучении феномена счастья. Данный подход понимания положительного медитативного воздействия на центральную нервную систему заслуживает большой ценности и внедрения в жизнь, избавления современного человека от постоянных стрессов и фобий [1, с. 9].

Далай-лама XIV в 1989 году стал первым лауреатом Нобелевской премии, получившим столь высокую награду за деятельность по защите природы на глобальном уровне. В благодарственном письме, подчеркивающим его значительный вклад в дело устойчивости окружающей среды, отмечалось, что в своем этико-экологическом послании к людям, он исходит из чувства всеобъемлющего уважения ко всем проявлениям жизни и провозглашает идею всеобщей ответственности человеческого общества за все живое на нашей планете [10, с. 45].

Далай-лама в своей экофильной философии через ценность буддийской мысли раскрывает значение развития сострадания в личностных качествах современных людей. Он отмечает необходимость постоянной дисциплины и сосредоточенности ума для совершенствования этого важного этического показателя человеческого характера. Его понимание этого качества таково: «сострадание – это глубокое врожденное чувство и источник истинного счастья» [10, с. 46].

Таким образом, буддийская философия и теология с очевидностью ориентируются на экофильный подход к природным системам через обожествление окружающей среды в целом. Уникальным проявлением буддийской мысли стало сакральное отношение к ценным растениям, связанным с деяниями Гаутамы Будды. Экофильным критерием буддизма также служит тяготение к вегетарианскому питанию. Психолого-религиозным практико-образующим фактором буддизма является стремление к формированию личностных качеств доброты и сострадания к живому, продвигаемым лидерами буддийской экологической этики. Благодаря подобным взглядам последователи и доброжелатели буддизма оказывают существенное благотворное природоохранное локальное и глобальное влияние на экосистемы и способствуют улучшению экологической культуры населения.

Пристатейный библиографический список

1. Абрамс Д. Книга радости. Как быть счастливым в меняющемся мире. – М.: «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2016. – 384 с.
2. Адамчик М. В. Восточная философия. – Мн.: Изд-во Харвест, 2006. – 320 с.
3. Борейко В. Е. Философы зоозащиты и природоохраны. – К.: Изд-во Логос, 2012. – 180 с.
4. Зубков С. А. Критерии религиозной экофильности // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». – 2019. – Т. 28. – С. 92-100. – DOI.org/10.26516/2073-3380.2019.28.92.
5. Зубков С. А. Экофильное начало вегетарианства // Вестник Вятского государственного университета. 2020. № 2 (136). С. 43-49. DOI 10.25730/VSU.7606.20.023.
6. Зубков С. А. Экофильная философия ахимсы // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 9 (172). – С. 521-524.
7. Капло Ф. Беречь все живое. Буддизм и вегетарианство. – М.: Изд-во Карма Йеше Палдрон, 2001. – 108 с.
8. Роальд Е. Кристиансен Экотеология. – Архангельск: Изд-во Поморский госуниверситет имени М. В. Ломоносова, 2002. – 297 с.
9. Роузен Стивен Вегетарианство в мировых религиях. Трансцендентная диета – М.: Изд-во «Философская книга», 2013. – 176 с.
10. Экологическая этика буддизма / отв. ред. О. В. Доржигушаева. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2023. – 282 с.

КАПСАРГИНА Светлана Анатольевна
кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков и профессиональных коммуникаций, Красноярский государственный аграрный университет

ШМЕЛЕВА Жанна Николаевна
кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков и профессиональных коммуникаций, Красноярский государственный аграрный университет

Капсаргина С. А.

Шмелева Ж. Н.

ИНОЯЗЫЧНАЯ ПОДГОТОВКА СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВОГО ВУЗА КАК ФАКТОР ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье рассматривается иноязычная подготовка студентов неязыкового вуза как значимый фактор их профессиональной социализации в условиях цифрового общества. Анализируется роль иностранного языка в формировании коммуникативной готовности обучающихся к взаимодействию в академической, информационной и профессиональной среде. Особое внимание уделяется обучению профессиональной лексике как основе понимания специализированных текстов, участия в учебно-профессиональной коммуникации и освоения цифровых ресурсов, востребованных в будущей деятельности. Показано, что включение профессионально-ориентированных заданий, работы с контекстом, тематическими глоссариями и цифровыми инструментами способствует переходу терминологической лексики в активный словарь студентов. Материалы статьи акцентируют связь иноязычной подготовки с развитием профессиональной мобильности, коммуникативной культуры и адаптационных возможностей будущего специалиста.

Ключевые слова: иноязычная подготовка, неязыковой вуз, профессиональная социализация, цифровое общество, профессиональная лексика, коммуникативная компетенция, студенты, цифровая образовательная среда, профессионально-ориентированное обучение, академическая коммуникация.

KAPSARGINA Svetlana Anatoljevna
Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, Head of Foreign languages and professional communications sub-faculty, Krasnoyarsk State Agrarian University

SHMELEVA Zhanna Nikolaevna
Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Foreign languages and professional communications sub-faculty, Krasnoyarsk State Agrarian University

FOREIGN LANGUAGE TRAINING FOR STUDENTS AT NON-LANGUAGE UNIVERSITIES AS A FACTOR IN PROFESSIONAL SOCIALIZATION IN THE DIGITAL SOCIETY

The article examines foreign language training of students at a non-linguistic university as a significant factor in their professional socialization in the context of the digital society. The role of a foreign language in developing students' communicative readiness for interaction in academic, informational, and professional environments is analyzed. Particular attention is paid to teaching professional vocabulary as the basis for understanding specialized texts, participating in educational and professional communication, and mastering digital resources required for future professional activity. It is shown that the inclusion of professionally oriented tasks, contextual learning, thematic glossaries, and digital tools facilitates the transition of terminological vocabulary into students' active lexicon. The article emphasizes the connection between foreign language training and the development of professional mobility, communicative culture, and adaptive capacity of future specialists.

Keywords: foreign language training, non-linguistic university, professional socialization, digital society, professional vocabulary, communicative competence, students, digital educational environment, professionally oriented teaching, academic communication.

Актуальность заявленной авторами темы статьи обусловлена тем фактом, что, по мнению О. А. Гриневой: «В современном обществе, которое принято называть информационным, наблюдается значительный рост информационных технологий и вовлеченность молодого поколения в виртуальный мир» [1, с. 97]. Современным выпускникам высших учебных заведений важно не только социализироваться в цифровом обществе, но и быть профессионально адаптированными. Именно поэтому преподаватели иностранного языка университета полагают, что обучение профессиональной лексике на иностранном языке может способствовать успешной профессиональной социализации будущих специалистов. Данная точка зрения подтверждается работами современных ученых. Вопросы цифровизации образования в условиях информационного общества и ее влияние на социализацию студентов рассматривают С. А. Капсаргина [2] и Ж. Н. Шмелева [3]. А. А. Богачева-Прокофьева, А. В. Таушканова утверждают, что усвоение профессиональной терминологии является вопросом стратегической важности [4]. О. В. Кисель, А. И. Дубских, А. В. Бутова, Н. Н. Зеркина уверены, что знание профессиональной лексики является несомненным конкурентоспособным преимуществом при поступлении на работу [5]; Л. В. Ягенич, Ю. Н. Коган говорят, что именно обучение профессиональной лексике вызвано запросами современного рынка труда [6]. О.Б. Бессерт изучает особенности восприятия и употребления профессиональной лексики

на английском языке [7]; Н. В. Воробьева анализирует компоненты усвоения профессиональной лексики студентами неязыкового вуза [8].

Обучение профессиональной лексике требует отдельной методики. В неязыковом вузе иностранный язык не может преподаваться как автономная система правил и слов вне специальности, поскольку его учебная ценность определяется способностью обслуживать академическую и будущую профессиональную коммуникацию [9]. Для студентов прикладной информатики это означает необходимость овладения не только словарём общей направленности, но и терминологическим аппаратом, который используется при чтении технической документации, обсуждении архитектуры программных решений, описании алгоритмов, постановке задач, подготовке проектных отчётов и взаимодействии в цифровой профессиональной среде. В исследуемых источниках профессионально-ориентированное обучение рассматривается как сочетание языковой подготовки со специальными знаниями, а развитие лексических навыков связывается с формированием межкультурной коммуникативно-профессиональной компетенции [9]. Лексика здесь играет центральную роль. Без неё невозможна точная профессиональная коммуникация. Студент может понимать общий смысл высказывания, но при отсутствии терминологической базы он не способен корректно интерпретировать описание программной архитектуры, объяснить различие между database schema и data model, описать принцип user authentication, прокомментировать работу API, обосновать выбор framework или сформулировать проблему, связанную с data security. В работах по методике обучения в неязыковом вузе именно уровень сформированности лексических навыков обозначается как одно из ключевых условий успешного общения в профессиональной сфере, а нарушение лексико-семантической нормы — как причина смысловых и коммуникативных сбоев. Профессиональная лексика усваивается не списком. Она осваивается в действии. Для прикладной информатики это особенно заметно, поскольку значительная часть терминов закрепляется только в связке с задачей, операцией, интерфейсом или типом цифрового продукта. Когда студент работает с фрагментом технического задания, он усваивает не изолированные единицы interface, query, deployment, bug report, database engine, а их употребление в профессиональном контексте. Тот же принцип прослеживается в методической литературе: профессиональная лексика рассматривается как совокупность терминологических и общеупотребительных единиц, обслуживающих конкретную сферу деятельности, а её освоение связывается с контекстом, тематическим текстом и системой упражнений разного уровня.

Методическая база исследования включает анализ научно-методической литературы, сопоставление подходов к обучению профессиональной лексике и обобщение практик, описанных в публикациях по неязыковому вузу. В рассматриваемых текстах в качестве исследовательских процедур названы анализ отечественной и зарубежной литературы, обобщение педагогического опыта, изучение практики преподавания профессионально-ориентированной лексики и критический анализ учебных материалов. Эти положения сохраняют методологическую ценность и при переносе модели на подготовку студентов прикладной информатики. Принцип профессиональной направленности здесь основной. Лексический материал подбирается не по формальной частотности, а по его функциональной значимости для будущей деятельности. Для прикладной информатики это предполагает отбор единиц, регулярно встречающихся в учебных и профессиональных жанрах: в описаниях алгоритмов, пользовательских историях, технических заданиях, интерфейсных спецификациях, инструкциях по тестированию и аналитических отчётах. Не менее значим контекстный принцип. Слово должно входить в речевую ситуацию. При работе со студентами прикладной информатики терминология лучше усваивается не через переводной список, а через описание профессионального действия. Например, лексика debugging, source code, user interface, database query, data storage, software requirements вводится на материале краткого сценария: команда разрабатывает веб-приложение для учёта заявок, обнаруживает ошибку в форме авторизации, анализирует запрос к базе данных и обновляет пользовательский интерфейс. Системность тоже обязательна. Лексический навык формируется поэтапно. Этапы можно представить так: сначала студент знакомится с термином cloud computing через определение, перевод и короткий профессиональный контекст; затем выполняет задания на соотнесение, выбор, классификацию, подстановку и перефразирование; после этого использует термин в речевой задаче, например объясняет различие между cloud storage и local storage в мини-дискуссии о безопасности данных. Следующий принцип — интеграция языка и профессии. Он особенно важен в прикладной информатике, где профессиональная деятельность сама по себе построена на работе с англоязычными интерфейсами, документацией, командами и обозначениями.

Анализ методических источников показывает устойчивое совпадение по ключевым положениям [4-7]. Профессиональная лексика формируется эффективнее при сочетании специального текста, системы разнотипных упражнений и речевой практики. В классификации упражнений выделяются некоммуникативные, условно-коммуникативные и коммуникативные задания, и все три группы важны для перехода от осознанного запоминания единицы к её полноценному употреблению в речи. Некоммуникативный этап обеспечивает первичную обработку слова. Здесь работают задания на подстановку, сортировку, соотнесение, орфографическую и грамматическую отработку. Для студентов прикладной информатики это может быть группировка терминов по категориям: frontend tools, backend tools, database terms, cybersecurity terms; соотнесение терминов и дефиниций: algorithm, framework, repository, encryption; выбор лишней единицы в цепочке server, browser, database, harvest; восстановление предложений из разрозненных компонентов. Далее включается условно-коммуникативный этап. Здесь слово начинает работать в модели профессиональной ситуации. Студент не просто узнаёт термин database query, а завершает предложение The system failed because the query returned incomplete data; не просто переводит user authentication, а объясняет, зачем этот механизм используется в мобильном приложении; не просто воспроизводит software testing, а сопоставляет виды тестирования и подбирает термин к описанию. Коммуникативный этап завершает цикл. Лексика переносится в речь. Для студентов прикладной информатики это может быть обсуждение преимуществ облачных решений, устный комментарий к диаграмме базы данных, ролевая ситуация «разработчик — заказчик», коллективный разбор ошибки в пользовательском интерфейсе, мини-презентация программного продукта, составление аннотации к техническому тексту или обсуждение требований к информационной безопасности. Отдельный результат связан с ролью специального текста. Чтение аутентичных материалов рассматривается как один из наиболее продуктивных путей усвоения профессиональной лексики. Для прикладной информатики это означает обращение к документации, описаниям программных продуктов, кратким техническим статьям, пользовательским руководствам, спецификациям интерфейсов и материалам по тестированию. Тезаурусная организация материала тоже показывает высокую методическую ценность. Для прикладной информатики это можно реализовать в формате тематического глоссария: Programming, Databases, Web Development, Cybersecurity. Внутри каждо-

го блока студенты фиксируют термин, определение, перевод, пример употребления, синонимические связи и типичный профессиональный контекст.

Проблема обучения профессиональной лексике в неязыковом вузе связана не с отсутствием методов, а с необходимостью их точного соотнесения со специальностью. Универсальная схема работает только на уровне принципов. Конкретное содержание должно меняться. Для прикладной информатики это означает, что медицинские, инженерные или экономические сценарии не дают нужного эффекта, если студент не сталкивается с лексикой, которая будет сопровождать его реальную учебную и профессиональную деятельность [10]. Термины server request, machine learning model, authentication protocol, bug tracking, responsive design обладают для будущего специалиста информационных технологий иной мотивационной ценностью, чем абстрактная профессиональная лексика без предметной привязки. Сохраняется и другая методическая проблема. Простого предъявления терминологии недостаточно. Студентам нельзя ограничиваться списком слов, дефиницией и переводом. Им нужно дать возможность определить значение по контексту, объяснить слово на изучаемом языке, классифицировать его, включить в собственное высказывание. В приложении к прикладной информатике это означает переход от формулы «выучите слова по теме software development» к задачам вроде: объясните различие между library и framework; прокомментируйте схему базы данных; составьте краткий bug report; опишите, какие требования предъявляются к secure login system. Отдельного внимания заслуживает проектная работа. Для прикладной информатики этот подход особенно органичен. Проект по созданию прототипа мобильного приложения, аналитической панели или учебного чат-бота даёт естественную среду для употребления профессиональной лексики. Студенты обсуждают features, описывают user flow, распределяют tasks, формулируют requirements, готовят presentation slides и пишут краткое project summary. Наконец, нельзя игнорировать фактор цифровой среды. Для прикладной информатики она не вспомогательная, а базовая. Поэтому использование электронных словарей, онлайн-глоссариев, корпусных ресурсов, учебных платформ и цифровых карточек входит в саму ткань подготовки.

Обучение профессиональной лексике студентов прикладной информатики должно строиться на интеграции языка и специальности. Лексический материал необходимо вводить через аутентичные или учебно-моделированные профессиональные тексты, систематизировать по тематическим блокам и закреплять в разнотипных упражнениях, переходя от узнавания и классификации к объяснению, обсуждению и продуктивному использованию в речи. Для прикладной информатики особенно продуктивны задания, связанные с технической документацией, интерфейсами, базами данных, тестированием, проектными описаниями и цифровыми продуктами. Именно в таких условиях термины переходят из пассивного словаря в активное профессиональное употребление. Когда студент может не только перевести database query, но и объяснить её функцию в конкретной системе, прокомментировать ошибку, описать алгоритм или представить программное решение на английском языке, лексический навык достигает своей учебной цели и начинает работать как часть профессиональной компетентности.

Пристатейный библиографический список

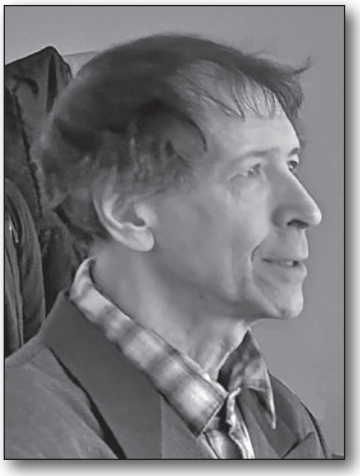
1. Гринева О. А. Социализация молодежи с помощью ИКТ в условиях информационного общества // Образование и социализация личности в современном обществе. – Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, 2016. – С. 94-98. – EDN WIZWCZ.
2. Kapsargina S. A., Shmeleva Zh. N. Digitalization and internationalization of learning process as an important aspect of training future agricultural specialists // Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology. – 2021. – Vol. 10. № 2 (35). – P. 331-334. – DOI 10.26140/anip-2021-1002-0084. – EDN LBEOYV.
3. Shmeleva Zh. N. Socialization and adaptation of foreign students from China and Mongolia at Krasnoyarsk state agrarian university // Baltic Humanitarian Journal. – 2021. – Vol. 10. № 3 (36). – P. 214-216. – DOI 10.26140/bgz3-2021-1003-0053. – EDN EWY.
4. Богачева-Прокофьева А. А., Таушканова А. В. От лексического минимума к профессиональной роли: речевая социализация через сценарный подход на занятии по иностранному языку в военном вузе // Актуальные вопросы современного языкознания и тенденции преподавания иностранных языков: теория и практика. – Кострома: Военная академия радиационной, химической и биологической защиты им. Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко, 2026. – С. 49-53. – EDN PNXOIX.
5. Кисель О. В., Дубских А. И., Бутова А. В., Зеркина Н. Н. Проблемы, связанные с обучением лексике студентов неязыковых специальностей МГТУ им. Г. И. Носова // Современные наукоемкие технологии. – 2019. – № 7. – С. 185-189. – EDN KPOXQZ.
6. Ягенич Л. В., Коган Ю. Н. Обучение профессиональной лексике студентов неязыковых специальностей // Проблемы современного педагогического образования. – 2025. – № 86-1. – С. 428-432. – EDN CSOWYE.
7. Бессерт О. Б. Технология обучения студентов неязыкового вуза профессиональной лексике на английском языке // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. – 2024. – № 3 (69). – С. 132-140. – DOI 10.46845/2071-5331-2024-3-69-132-140. – EDN PPFPQG.
8. Воробьева Н. В. К вопросу об обучении профессионально-ориентированной лексике в неязыковых вузах // Записки Горного института. – 2008. – Т. 175. С. 75-76. – EDN LHPTUR.
9. Князькова О. И., Чивилева И. В., Романов В. В., Жебраткина И. Я. Контекстный подход в обучении иностранному языку как основа интеграционных процессов в профессиональном образовании // КПЖ. – 2023. – № 2 (157). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/kontekstnyy-podhod-v-obuchenii-inostrannomu-yazyku-kak-osnova-integratsionnyh-protsessov-v-professionalnom-obrazovanii
10. Бондаренко Н. Ю. Роль иностранного языка в процессе социализации личности студента // Студенты - науке и практике АПК. – Витебск: ВГАВМ, 2022. – Ч. 2. – С. 203-204. EDN: NKLQJC.

КОКОРИН Алексей Николаевич
кандидат технических наук, декан, Факультет подготовки кадров ФИЦ, Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук; доцент кафедры автоматизации производственных процессов, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск

МИНЕЕВ Валерий Валерьевич
доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, экономики и права, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева; профессор кафедры фундаментальных дисциплин и методологии науки ФИЦ Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук

Кокорин А. Н.

Минеев В. В.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СТРУКТУРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

В статье предлагается концептуальная модель, позволяющая рассматривать феномен профессионального образования на уровне социальной онтологии. В качестве ключевого элемента концепции выступает понятие профессиональной идентичности. Обозначены основные трудности, с которыми сталкивается профессионализация, и шаги, направленные на их преодоление. Вводится представление о наиболее общих идеалах, детерминирующих профессиональное становление личности. Показано, что в условиях современного общества для успешного формирования профессиональной идентичности требуется поддержка со стороны особого многоуровневого сообщества инновационного типа. В этой связи, необходимо вести речь о широком институциональном образовании, обеспечивающем полный цикл подготовки отдельного профессионала или профессиональной группы. При этом социальный институт трактуется широко: как система практик, конституирующих образовательное и профессионально-производственное пространство, непосредственно укорененная в социокультурной среде, роль которой обычно недооценивается.

Ключевые слова: социальная онтология, профессиональное развитие, личностная идентичность, социальная идентичность, личностные идеалы, политико-образовательная стратегия, социальный институт.

KOKORIN Alexey Nikolaevich
Ph.D. in technical sciences, Dean, Faculty of Personnel Training, Federal Research Center Krasnoyarsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; associate professor of Automation of production processes sub-faculty, Academian M. F. Reshetnev Siberian State University of Science and Technology

MINEEV Valery Valerjevich
Ph.D. in philosophical sciences, professor, professor of Philosophy, economics and law sub-faculty, V. P. Astafjev Krasnoyarsk State Pedagogical University; professor of Fundamental disciplines and methodology of science sub-faculty, Krasnoyarsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

PROFESSIONAL IDENTITY IN THE STRUCTURE OF PROFESSIONAL DEVELOPMENT: SOCIO-PHILOSOPHICAL FACETS

This article proposes a conceptual model for examining the phenomenon of professional education at the level of social ontology. The concept of professional identity is a key element of this model. The main challenges facing professionalization and steps aimed at overcoming them are outlined. The concept of the most general ideals that determine the professional development of an individual is introduced. It is shown that in today's society, the successful development of professional identity requires the support of a specific, multi-level, innovative community. Therefore, it is necessary to consider a broad institutional framework that ensures the full cycle of training for individual professionals or professional groups. In this case, the social institution is interpreted broadly: as a system of practices that constitute the educational and professional-production space, directly rooted in the socio-cultural environment, the role of which is usually underestimated.

Keywords: social ontology, professional development, personal identity, social identity, personal ideals, political-educational strategy, social institution.

С момента рождения индивид встраивается в структуру сообщества. Сначала готовится к выполнению некоторой роли (точнее, целого ролевого комплекса) в системе, а затем и выполняет эту роль. Каждый одновременно включен во множество ролевых подсистем, ведущей среди которых по праву считается подструктура производственно-профессиональная. Именно она трансформируется наиболее динамично и тянет за собой все остальные подструктуры: пространственно-географическую, демографическую и прочие. В широком смысле слова профессионализм – это понятие, характеризующее человека с точки зрения его соответствия особенностям профессии: ролевым ожиданиям, производственно-техническим стандартам, социально-историческим задачам. При этом профессиональная определенность человека оказывается связующим звеном между его биологическим и социальным полюсами. Сразу заметим, что, во-первых, данное обстоятельство говорит о необходимости рассматривать профессиональные качества личности во вза-

имодействии с характеристиками иного рода (физическими, эмоциональными, нравственными). А во-вторых, профессиональная ипостась так же неотчуждаема от человеческой сущности, как и другие атрибутивные свойства. Таким образом, профессиональное развитие оказывается предметом философского анализа, точнее, социальной онтологии, которая изучает природу социальной реальности, социальные институты, соотношение социального с природным... Уже имеется достойный опыт освещения проблематики профессионального развития одновременно в педагогическом и социально-философском ракурсах [1. с. 512]. Актуальной и важной задачей представляется разработка междисциплинарной концепции, позволяющей показать место профессионального самоопределения в структуре жизненного самоопределения. Подготовке к решению этой задачи и посвящена данная статья.

Профессиональную идентичность правомерно рассматривать и как тип социальной идентичности, и как аспект личностной идентичности, важнейший фактор самоопределения. Отталкиваясь от предложенных трактовок [2. с. 5], мы предложили бы следующее определение. **Профессиональная идентичность** – это конструирование субъектом собственной сущности посредством профессиональных характеристик, отождествление себя с носителем профессиональных качеств и, в то же время, переживание принадлежности к определенному профессиональному сообществу, осознание своего места в профессиональной структуре социальной системы. Этот вид идентичности конкретизируется посредством своеобразной пентады, включающей знания, навыки, ролевое поведение, ценности (прежде всего, смыслы профессиональной деятельности) и, наконец, телесность во всей ее многомерности.

Направление и темпы профессионального становления личности определяются влиянием идеалов особого рода. **Идеал профессиональной идентичности** (ИПИ) – это совпадение профессии с призванием, прежде всего, согласно самоощущению самого субъекта, когда профессия для него не сводится просто к условию выживания или к источнику дохода. Что касается объективной стороны дела, то данный идеал может быть дополнен оценкой профессиональных качеств субъекта со стороны общества (или хотя некоторого локального сообщества). **Идеал профессионального развития (ИПР)** – совпадение момента полного развития личностного потенциала с достижением максимально возможного уровня собственно профессионального развития. И этот идеал также предполагает совпадение (гармонизацию) потребностей личности с потребностями общественного производства.

Если в узком смысле слова профессиональное развитие трактуется как адаптивный, целенаправленный процесс приобретения и совершенствования профессиональных качеств [3. p. 920]; то в широком смысле слова – это никогда не прекращающееся преодоление дисгармонии между человеком как цельной личностью и его социально-профессиональной ролью, неизбежной профессиональной ограниченностью. С другой стороны, профессиональное развитие представляет собой не только личностный, но и макросоциальный процесс: преодоление дисгармонии, непрерывно возникающей между потребностями, ожиданиями личности и ожиданиями, потребностями общества (региона, профессионального сообщества).

Успешному профессиональному развитию препятствует, как известно, целый спектр негативных тенденций. профессиональный кризис (включая выгорание), индифферентизм, маргинализм, несостоятельность, невостребованность, непрофильное трудоустройство, несоответствие системы образования потребностям общественного производства, падение престижа профессии, преждевременная профессионализация, прекариатизация населения.

Важно иметь в виду, что перманентное обновление знаний, умений и навыков не сводится ни к передаче и получению суммы знаний и ценностей в процессе формального и неформального обучения, ни к обмену опытом, но непременно включает в себя определенную рефлексивную технологию. Поскольку процесс возникновения и преодоления кризисов (как в личностном аспекте, так и в социальном) имеет объективный, системный характер, то и управление процессом должно иметь институциональный характер, должно рассматриваться в терминах системного противоречия. Возникает потребность в соответствующем социальном институте, выходящем за рамки обычной образовательной организации или корпорации [4]. Он, очевидно, должен представлять собой социальный институт второго, или субсоциетального уровня (если за институт первого, то есть социетального уровня принимается общенациональная система науки и образования в целом). С точки зрения педагогики, данная структура отвечает признакам института второго порядка социализации, если за институты первого порядка принимаются семья, школа и иные первичные коллективы [5; 6].

Напомним, что социальный институт – форма организации общественной жизни, упорядочивающая действия людей и обеспечивающая воспроизводство данного общества – может рассматриваться в нескольких взаимодополняющих аспектах. Совокупность учреждений, совокупность статусов и ролей, совокупность норм и обычаев, совокупность социальных действий [7]. Границы института могут очерчиваться по-разному. Так, можно говорить отдельно о социальном институте высшей школы [8. с. 576]. Но применительно к рассматриваемой проблематике социальный институт необходимо понимать широко: фактически как **систему практик, конституирующих образовательное и профессионально-производственное пространство.** Он должен включать в себя ряд обязательных функциональных элементов:

– координирующие (руководящие) структуры федерального уровня,

– координирующие структуры регионального уровня, информационные центры, интегрирующие базы данных и вырабатывающие программу действий,

– профориентационные центры, учебные центры, центры знаний,

– постоянно действующие офф-лайн и он-лайн конференции, сайты партнеров,

– центры психологической помощи,

– центры профессиональной мобильности,

– организации инструкторов по повышению квалификации, ассоциации наставников-волонтеров,

– сообщества по интересам, клубы, форумы, которые находятся в поле зрения профориентационных центров или иных подразделений, занимающихся сбором информации,

– подразделения, отвечающие за взаимодействие с учебными заведениями (школой, вузами), а также с другими институтами первичной социализации (семья),

– подразделения, ответственные за контакт с работодателями и государственными планово-экономическими структурами (как минимум, регионального уровня),

– спонсорские ассоциации, экспертные сообщества, издательства.

Помимо квалифицированных специалистов существенное влияние на субъекта профессионального развития оказывает социальное окружение (коллеги, семья, друзья, единоверцы). В этой связи, интерес представляет то, как повседневная жизнь человека влияет на его профессиональную деятельность.

Иными словами, социальный институт осуществляет воздействие на индивида двояким образом: непосредственно на каждого участника и, одновременно, опосредовано, создавая особую социокультурную среду. Необходимо заметить, что в научной литературе достаточно хорошо разработаны вопросы психологии профессионального развития [9; 10], тогда как культурологические и антропологические аспекты освещены в гораздо меньшей степени. Между тем, именно культурно-антропологическая среда, отвечающая признакам бессубъектного или полисубъектного образования, способствует установлению многочисленных обратных связей, запуску процессов самоорганизации образовательной деятельности и преобразованию всего социума в пространство профессионального развития, наконец, наиболее динамичной и трудно учитываемой доминантой процесса

формирования профессиональной идентичности. Под средой понимается широкая совокупность особенностей самого человека, а также социальных условий, в которых протекает это развитие, профессиональная деятельность, всегда интегрированная с процессами образования и самообразования.

В качестве важных элементов этой среды дифференцируем следующие тесно взаимосвязанные составляющие: систему ценностей (общих и профессиональных), личностные качества, мотивы профессиональной, например, научно-познавательной деятельности, структуру социальных отношений, механизмы групповой идентификации, этику профессионально-образовательного сообщества, жизненный мир человека, формы и способы коммуникации, естественный язык, профессиональную символику, прочие составляющие. За рамками собственно среды остаются необходимым образом связанные с ней вещественно-материальные элементы (средства коммуникации, познания и производства, экономические и политические отношения, фрагменты природной среды).

Профессиональное развитие носит контекстуальный характер и подразумевает как социализацию, так и персонализацию (интериоризацию). Не случайно новые профессиональные ориентации и ценности утверждаются (создаются или, по крайней мере, признаются) лишь тогда, когда общество идеологически, технологически и интеллектуально готово их воспринять.

Работа, направленная на преодоление негативных факторов, препятствующих успешному профессиональному развитию (см. выше), охватывает, как минимум, пять ступеней, которая и составляет основу инновационного цикла:

– сбор информации о положении дел в отрасли (состояние рынка труда, наличие потенциальных акцепторов помощи в профессиональном развитии и прочее);

– объективная диагностика профессионального уровня и профессиональных потребностей акцептора; маршрутизация дальнейшего профессионального развития, персонализация и корректировка алгоритма профессионального развития применительно к конкретному человеку;

– помощь в реализации шагов алгоритма профессионального развития, всесторонняя поддержка;

– социализация акцептора, повысившего свой профессиональный уровень;

– стимулирование акцептора к дальнейшему профессиональному росту.

В свою очередь, алгоритм профессионального развития предполагает следующие шаги:

1) оценка текущих навыков, знаний, преимуществ и недостатков, требующих улучшения;

2) определение конкретной профессиональной цели и отмежевание ее от целей более высокого (экзистенциального, жизненного) порядка; различение близких целей и долговременных;

3) гармонизация личной цели с целями работодателя, организации, сообщества;

4) определение спектра навыков, умений, знаний, которые необходимо приобрести для достижения поставленной цели;

5) выработка плана: детальное описание шагов и стратегий, которые необходимо предпринять (учебные курсы, стажировка, обмен опытом, обращение к наставникам, работа над собой, включающая развитие недостающих способностей или черт характера).

6) определение и получение необходимых ресурсов, инструментов, программ, систем поддержки; критический анализ возможностей, реалистичная оценка доступности тех или иных ресурсов и адекватная оценка собственных способностей;

7) уточнение сроков (особое внимание обращается на крайние сроки выполнения каждого этапа вашего плана действий);

8) разработка системы мониторинга прогресса и оценки эффективности плана, текущая корректировка плана;

9) поиск партнеров для организации совместного, командного профессионального развития, для объективного анализа ситуации и оценки достижений.

Однако эффективность функционирования предполагаемого социального института, как, впрочем, и эффективность позитивного влияния среды также снижается вследствие различных факторов.

Во-первых, человек, акцептор влияния – в силу объективных внешних причин или в силу особенностей характера – часто не в состоянии самостоятельно принять решение, в каком направлении действовать, склонен к бесконечным колебаниям и отказам от ранее принятых решений [11, p. 175].

Во-вторых, человек попал в профессию случайно, не может с этим смириться и поэтому хронически не получает удовлетворения от успехов, от реализации ожиданий в данной области, склонен к быстрому эмоциональному выгоранию и бегству из профессии.

В-третьих, существуют непреодолимые противоречия между возможностями (способностями) личности и ее желаниями (ожиданиями), а также между интересами личности и потребностями общества (отрасли или работодателя).

Для того, чтобы справиться с подобными трудностями, субъекту профессионального развития следует прикладывать собственные усилия и руководствоваться четко выстроенной триадой: понимание самого себя (способностей, желаний, интересов, ресурсов) – знание социума (рынка труда, трендов, перспектив, заработков, шансов на продвижение) – необходимость принятия на каждом этапе лишь одного единственного решения из множества возможных, воля сделать выбор.

Пристатейный библиографический список

1. Ангеловский А. А. Профессиональное развитие личности: психолого-педагогические и социально-философские факторы становления профессионала // Известия Самарского научного центра РАН. 2011. № 2-3. С. 512-521.
2. Гайфуллина Н. Г. Системный анализ профессионального самоопределения работника в зрелом возрасте // Концепт. 2013. Спецвыпуск № 01. С. 1-10.
3. Garet M. S., Porter A. C., Desimone L., Birman B. F., Yoon, K. S. What Makes Professional Development Effective? Results From a National Sample of Teachers // American Educational Research Journal. 2001. January 1. № 38 (4). P. 915-945.
4. Гудков Л., Дубин Б. Литература как социальный институт. Сборник работ. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 792 с.
5. Кувакова И. М., Соседов М. А. Процессы самоорганизации и институционализации в сфере образования: вопросы научной методологии. Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2009. 80 с.
6. Эрштейн Л. Б. Социальные институты и институционализация образования. Глазов: Глазовский гос. пед. институт им. В. Г. Короленко, 2022. 116 с.
7. Воденко К. В., Самыгин С. И. Социология: социальные институты, структура и процессы. ИЦ РИОР, 2024. 252 с. 11. Бакирова З. Х. Социальный институт высшей профессиональной школы как сфера развития ценностных ориентаций молодежи // Евразийский юридический журнал. 2025. № 12. С. 576-578.
8. Бакирова З. Х. Социальный институт высшей профессиональной школы как сфера развития ценностных ориентаций молодежи // Евразийский юридический журнал. 2025. № 12. С. 576-578.
9. Зеер Э. Ф., Сыманюк Э. Э. Психология профессионального развития: учебник для вузов. 3-е изд., испр. и доп. Москва: Юрайт, 2025. 234 с.
10. Зеер Э. Ф. Теоретико-прикладные основания психологии профессионального развития. Екатеринбург: Издательство РГППУ, 2015. 193 с.
11. Professional development, reflection, and decision-making. Ed. by M. Jasper etc. Oxford: Blackwell Publishing, 2006. 245 p.

КОЛЫШКИН Виталий Геннадьевич
начальник Военно-учебного центра, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

В работе исследуются процессы социальной трансформации, вызванные цифровой революцией. Особое внимание уделяется теоретическим и методологическим вопросам философской рефлексии над результатами эмпирических исследований в социологии, психологии, когнитивных наук и компьютерных наук. Определяются возможности и границы междисциплинарности, особенности сочетания частнонаучных средств и междисциплинарных методов исследования трансформационных процессов в современном обществе. Особое внимание уделяется рассмотрению мысленного эксперимента и методу выдвижения гипотез.

Ключевые слова: цифровое общество, цифровая трансформация, социологические исследования, философская рефлексия, цифровизация, выдвижение гипотезы, мысленный эксперимент, ИИ.

KOLYSHKIN Vitaliy Gennadjevich
head of the Military training center, M. V. Lomonosov Moscow State University

PROBLEMS AND PROSPECTS OF RESEARCH ON THE DIGITAL TRANSFORMATION OF MODERN SOCIETY

The work explores the processes of social transformation caused by the digital revolution. Particular attention is paid to the combination of theoretical and methodological issues of philosophical reflection over the results of empirical research in sociology, psychology, cognitive sciences and computer science. The possibilities and boundaries of interdisciplinarity, the peculiarities of the combination of private scientific means and interdisciplinary methods of studying transformational processes in modern society are determined. Particular attention is paid to the consideration of a thought experiment and the method of hypothesizing.

Keywords: digital society, digital transformation, sociological research, philosophical reflection, digitalization, hypothesis, thought experiment, AI.

Философское осмысление цифровой трансформации – это рефлексия над материалом, собранном в ходе частнонаучных, в том числе и междисциплнарных исследований. Методы эмпирической социологии позволяют задействовать богатейший отраслевой потенциал знания об обществе для того, чтобы понять, как изменился характер труда, семейные отношения, досуговые практики, система образования и многое другое, характеризующее жизнь человека как социального существа. Так, например, цифровизация повседневной жизни оказалась объектом исследования социологов в контексте различной скорости адаптации к новым технологиям разных возрастных категорий населения. «Самое заметное падение показателя технологической восприимчивости, – отмечает О. В. Кобяк, – приходится на возрастную границу 44-45 лет. Наиболее весомая причина сравнительно невысокой технологической восприимчивости старшего поколения кроется в недостаточной мотивации к освоению технологических новинок. Также сдерживающими факторами выступают многообразие и сложность новых технологий и нехватка навыков их использования» [2, с. 242].

Между тем, материалы социологического исследования позволяют увидеть и более оптимистическую перспективу – представители старшего поколения с «активным типом экономического поведения» в значительно большей степени склонны осваивать новые возможности, открывающиеся перед ними благодаря освоению информационно-коммуникационных технологий. Это приводит автора исследования к важному выводу о том, что возрастные проблемы адаптации к цифровой трансформации во многом обусловлены психологическими установками и личностными особенностями, а не только лишь возрастом [6].

Только эмпирические методы социологии и других социальных наук позволяют зафиксировать факты цифровой дискриминации, прежде чем она будет подвергнута общенаучному анализу и социально-философской рефлексии. Трудовая дискриминация в России запрещена, хотя юристы до сих пор спорят о том, как точнее определить ее существенные признаки. Цифровизация показала, насколько сложным может быть определение дискриминации потому, что в новых условиях появились и новые формы данного феномена [8]. Л. И. Найденова и Е. С. Тарханова обратили внимание на то, что цифровая трансформация экономики меняет социальную структуру общества и, самое главное, меняет отношение к собственности на средства производства. Из этого делается вывод об изменении содержания и смысла классообразующих признаков. «Характерные для общества социальные неравенства (расовая и этническая дискриминация; гендерные стереотипы как основания неравенства; экономические различия; ограниченные возможности людей по состоянию здоровья) дополняются неравной доступностью цифровых технологий и неравными навыками пользования этими технологиями» [3, с. 242]. Названные факторы чрезвычайно важны потому, что ими обусловлен уровень освоения информационно коммуникационных технологий каждой социальной группой. И если прежде социологи связывали принадлежность к социальной элите с владением средствами производства, а также местом в системе общественных отношений, то в цифровизированной экономике эти простые признаки усложняются и трансформируются – информация превращается в ресурс, а ее потоки – в средство приобретения власти и влияния [4].

Особое место среди общенаучных методов изучения цифровизации занимает метод выдвижения гипотез, частным случаем которого может считаться метод мысленного эксперимента [6]. С его помощью обычно прогнозируют развитие информационно-коммуникационных технологий, прежде всего ИИ. «У философов порою уходила вся жизнь на то, чтобы ясно сформулировать положения деонтологической этики, тем более что и время, и мир никогда не стоят на месте, постоянно возникают новые события и обстоятельства, требующие пересмотра концепций, а значит, и обновленных изложений. Эта аналогия невольно приходит на ум в связи с нашей темой. Например, со второй половины прошлого века набирает силу новое междисциплинарное направление, названное «мысленный эксперимент», и всем, кто занимается этическими учениями или теорией познания, вновь пришлось переоценивать стандартные представления» [1, с. 429].

Вышеназванное обстоятельство вытекает из сходства модельного анализа деонтической этики и гипотетического мышления, лежащего в основе мысленного эксперимента. Мы пытаемся определить тренды, построить прогноз, просчитать риски, но перспективы будущего не тождественны точному расчету потому, что само воздействие информационно-коммуникационных технологий является трудноопределяемым не только в будущем, но и в настоящем. Не будет преувеличением сказать, что и в объяснении прошлого возникнет все тот же набор трудностей: изменение в сфере семьи, образования или религии окажется хорошо заметными и всем очевидными, а вот его причинный комплекс – нет. Споры об истинных причинах распада, революции 1917 года или распада СССР идут до сих пор и нет даже согласия, были ли эти события неизбежны. Поэтому так ценны мысленные эксперименты и прогнозирование в целом, которое должно учитывать логику взаимодействия технического развития и социальных изменений.

Таким образом, информационно-коммуникационные технологии могу становиться как субъектом, так и объектом исследования благодаря таких важных элементов общенаучной методологии как метод выдвижения гипотез и мысленный эксперимент. И хотя в области компьютерных наук продолжается развернутая Дж. Серлем дискуссия, которую он начал, призвав отделять моделирование от воспроизведения. По мнению американского философа, в этом споре обе стороны не замечают различия между моделированием и воспроизведением. «Специалисты по ИИ справедливо настаивают, – замечает Дж. Серль, – что эти возражения не корректны, что здесь как бы отодвигаются футбольные ворота. Если искусственное моделирование интеллекта окажется успешным, то психологические вопросы уже не имеют сколь-нибудь важного значения… Дело не в том, что компьютер доходит только до центра поля и не доходит до ворот. Компьютер даже не трогается с места. Он просто не играет в эту игру» [5, с. 96].

Сегодня, спустя более трех десятилетий, слова Дж. Серля могут быть подвергнуты сомнению потому, что наши представления об искусственном интеллекте подверглись глубокой трансформации. «Успех, достигнутый на двух магистральных направлениях: во-первых, создание более прочного статистического и информационно-теоретического основания для машинного обучения; во-вторых, практическая и коммерческая эффективность различных конкретных приложений, узкоспециальных с точки зрения решаемых проблем и областей применения, — привел к тому, что пошатнувшийся было престиж исследований искусственного интеллекта удалось несколько восстановить» [1, с. 45]. Н. Бостром убежден в том, играет или не играет ИИ в какие-то игры, он способен развиваться и это развитие создает ощущение опасности в силу своей слабой предсказуемости. И это ощущение превращается в фактор влияния на общество, оценить который можно лишь на стыке социальной философии, социальной психологии и социологии. Это лишнее свидетельство необходимости осуществления междисциплинарного подхода.

Подводя итог вышесказанному, можно заключить, что проблемы и перспективы развития методологии исследования социальных последствий цифровой трансформации человеческой жизни выстраиваются вокруг вопроса о методологическом взаимодействии философии и науки. Становится все яснее, что для совершенствования системы средств и методов познания цифровой реальности необходимо модернизировать прежде всего ее философский уровень, добавив традиционным диалектико-материалистическим методам также методологию аналитической философии, экзистенциализма и феноменологии. В ходе анализа вскрываются особенности общенаучного и частнонаучного уровней, обосновывается необходимость выделения междисциплинарного подуровня.

Пристатейный библиографический список

1. Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. – 496 с.
2. Кобяк О. В. Технологическая восприимчивость старшего поколения в цифровом обществе: опыт социологического исследования в Беларуси // Социологический альманах. – 2022. – № 13. – С. 235-243. – EDN REVRDH. С. 242.
3. Найденова Л. И., Тарханова Е. С. Социальное явление дискриминации в сфере труда в условиях цифровизации общественной жизни // Наука. Общество. Государство. – 2024. – Т. 12. № 3 (47). – С. 93-105. – DOI 10.21685/2307-9525-2024-12-3-10. – EDN HBFOZP. С. 99.
4. Пржиленский В. И. Онтологические предпосылки познания социальной реальности. – Ставрополь: Ставропольский государственный технический университет, 1998. – 199 с.
5. Сёрл Дж. Разум мозга — компьютерная программа? // В мире науки (Scientific American) № 3. – М.: Мир, 1990. – 100 с.
6. Социально-технологический дискурс в теориях и практиках цифрового тренда / Н. Г. Багдасарьян, Л. В. Баева, Е. А. Гаврилина [и др.]. – М.: Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана (национальный исследовательский университет), 2022. – 167 с.
7. Müllera V., Steelsc L., Szathmár E. Evolvable AI: Threats of a new major transition in evolution. PNAS. 2026. Vol. 123. № 17. e2527700123 https://www.pnas.org/doi/10.1073/pnas.2527700123
8. Przhilenskiy V., Zakharova M. Which Way Is the Russian Double-Headed Eagle Looking? // Russian Law Journal. – 2016. – Vol. 4. № 2. – P. 6-25.

ЛАПТЕВА Александра Вадимовна
старший преподаватель кафедры Б5 теоретической и прикладной лингвистики; аспирант кафедры Б4 философии, Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова, г. Санкт-Петербург

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ВОСПИТАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

В статье проводится социально-философский анализ фундаментальных ограничений применения технологий искусственного интеллекта (ИИ) в сфере воспитания. Опираясь на идеи классической философской антропологии, выявляются антропологические границы ИИ, обусловленные природой человека и сущностью воспитания как процесса становления личности. Показано, что ИИ, оставаясь инструментом, лишён субъектности, эмпатии, моральной автономии и способности к смыслополаганию, что делает невозможной полноценную замену живого воспитателя. Особое внимание уделено рискам дегуманизации воспитания при некритичном внедрении ИИ-технологий. Обосновывается необходимость сохранения антропоцентричной модели воспитания, в которой ИИ может выполнять лишь вспомогательные функции.

Ключевые слова: искусственный интеллект, воспитание, антропологические границы, субъектность, дегуманизация.

LAPTEVA Alexandra Vadimovna
senior lecturer of Theoretical and applied linguistics sub-faculty; postgraduate student of Philosophy sub-faculty, D. F. Ustinov Baltic State Technical University «VOENMEH», St. Petersburg

ANTHROPOLOGICAL LIMITS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN UPBRINGING: A SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

The article presents a socio-philosophical analysis of the fundamental limitations of applying artificial intelligence (AI) technologies in upbringing. Drawing on the ideas of classical philosophical anthropology, the anthropological limits of AI, determined by human nature and the essence of upbringing as a process of personality formation, are identified. It is demonstrated that AI, while remaining a tool, lacks subjectivity, empathy, moral autonomy, and the capacity for meaning-making, which renders a full replacement of a living educator impossible. Special attention is given to the risks of dehumanization of upbringing when AI technologies are uncritically implemented. The necessity of preserving a human-centered model of upbringing, in which AI may perform only auxiliary functions, is substantiated.

Keywords: artificial intelligence, upbringing, anthropological limits, subjectivity, dehumanization.

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) актуализирует вопрос о границах его применения в такой фундаментальной сфере человеческой жизни, как воспитание. Если в области обучения ИИ демонстрирует очевидную эффективность (персонализация учебных траекторий, автоматизация рутинных задач), то с воспитанием ситуация принципиально иная. Воспитание – это не просто передача знаний, но процесс формирования личности, её ценностных ориентаций, моральных качеств, способности к самостоятельному мышлению и ответственному поведению. Именно в воспитании наиболее отчётливо проявляются антропологические границы ИИ – те границы, которые обусловлены самой природой человека и не могут быть преодолены технологическими средствами.

Цель настоящей статьи – провести социально-философский анализ антропологических границ ИИ в воспитании. Задачи включают: определение сущности воспитания с позиций философской антропологии; выявление фундаментальных отличий человеческого воспитателя от ИИ-системы; анализ рисков дегуманизации воспитания при замещении человека технологиями; обоснование границ допустимого использования ИИ в воспитательной практике.

Воспитание, в отличие от обучения, всегда обращено к целостному человеку. Как отмечается в педагогической антропологии, воспитание есть «изучение человека во всех проявлениях его природы со специальным приложением к искусству воспитания» [1, с.15]. Философская традиция, восходящая к Аристотелю, различает естественное и искусственное [2]: естественное обладает внутренним источником движения и целью, тогда как искусственное создаётся извне и лишено внутренней целесообразности. Воспитание имеет дело именно с естественным, т.е. с человеком как существом, способным к саморазвитию, обладающим свободой воли и внутренним миром. Как показало наше предыдущее исследование философско-педагогического наследия К. Д. Ушинского, его концепции народности, гражданственности и национального самосознания являются онтологическими основаниями социальной интеграции и политической идентичности, что особенно актуально в условиях современных вызовов образованию [3].

С точки зрения философской антропологии, человек есть существо, принципиально не сводимое к сумме функций. М. Хайдеггер подчёркивал опасность редукции человека к «наличному бытию» (Dasein), когда он начинает восприниматься как один из видов сущего, подлежащего исчислению и потреблению. Между тем именно такое отношение к человеку лежит в основе доминирующих моделей ИИ, базирующихся на принципе вычислимости. Если бытие человека может быть полностью исчислено и алгоритмизировано, то воспитание превращается в технологический процесс, а воспитатель – в «оператора» системы. Однако, как убедительно показывает С. А. Смирнов, бытие человека не может быть исчислено [4].

Вместе с тем, следует признать, что представленная позиция не является единственной в современной философии ИИ. В рамках аналитической традиции, представленной, в частности, работами Д. Деннета, обосновывается тезис о функциональном эквиваленте между естественным и искусственным интеллектом [5], не отрицая возможности создания систем, имитирующих аспекты интеллекта, но, тем не менее, подчеркивал, что это не равносильно человеческому сознанию. Аналогично, исследования в области «машинной морали» показывают, что ИИ-системы могут рассматриваться в качестве носителей распределённой моральной агентивности [6]. Существует также концепция, согласно которой ИИ не может быть признан моральным агентом, но при это

технология может иметь моральное значение [7]. Игнорирование этого вопроса может привести к кризису морального пациенса. Эти контраргументы не опровергают антропологические границы, но требуют их более тонкого разграничения, проводимого не по критерию субстрата, а по критерию эвристического потенциала.

Воспитание предполагает интерсубъективность – отношение «Я – Ты» [8], в котором воспитанник выступает не объектом воздействия, а равноправным субъектом диалога. М. М. Бахтин подчёркивал, что «только в общении, во взаимодействии человека с человеком раскрывается и "человек в человеке" как для других, так и для себя» [9, с. 336.]. ИИ-система, будучи лишенной, самосознания и способности к подлинному диалогу, принципиально не может вступить в такое отношение.

Современные ИИ-системы, основанные на больших языковых моделях, демонстрируют впечатляющие способности к обработке информации, распознаванию образов, генерации текстов. В воспитательной практике они могут использоваться для персонализации учебного материала, моделирования проблемных ситуаций для развития критического мышления, автоматизации контроля и обратной связи. Однако все эти функции носят сугубо инструментальный характер. Как отмечают Е. В. Алёхина и Н. Н. Каргин, «ИИ – это инструмент, который может компилировать из того, что в него вложили» [10, с. 58].

Проблема возникает тогда, когда инструменту начинают приписывать качества, которыми он не обладает. В массовом сознании и даже в педагогическом дискурсе формируется иллюзия, что ИИ способен «воспитывать» – то есть формировать ценности, быть моральным авторитетом, проявлять эмпатию. Эта иллюзия подкрепляется тем, что ИИ успешно имитирует человеческое общение, создавая «эффект присутствия» субъекта.

Фундаментальное различие между человеком и ИИ в контексте воспитания может быть описано через оппозицию «жизнь - функция». Естественный интеллект характеризуется способностью к самопорождению смыслов, внутренней целесообразностью, переживанием. ИИ же «не самопорождается, не имеет телоса (внутренней цели), не переживает смысл, а реализует функцию» [11]. Воспитание, понятое как процесс становления личности, не может быть сведено к реализации заданных извне функций – оно предполагает раскрытие внутреннего потенциала человека.

Под антропологической границей искусственного интеллекта в воспитательном процессе мы понимаем совокупность границ применения ИИ-технологий, которые обусловлены фундаментальными свойствами человеческого бытия — субъектностью, способностью к смыслополаганию, моральной автономией, эмпатией, телесностью и интерсубъективностью. В отличие от ограничений технологического или этико-правового характера, антропологические границы носят онтологический характер, так как они связаны с самой природой человека как существа, не сводимого к набору вычислимых функций и алгоритмов. Преодоление этих границ означало бы не просто совершенствование технологии, но трансформацию самой сущности воспитания как процесса становления свободной и ответственной личности.

Первая и главная антропологическая граница ИИ в воспитании – отсутствие субъектности. Субъектность предполагает наличие самосознания, свободы воли, способности к рефлексии и ответственности за свои действия [12]. ИИ не является субъектом в философском смысле: он не обладает интенциональностью, не переживает свои действия как «свои», не несёт моральной ответственности. Как следствие, ИИ не может быть примером для воспитанника – а ведь именно личный пример воспитателя традиционно считается важнейшим фактором нравственного становления [13].

Вторая граница – отсутствие подлинной эмпатии. Эмпатия как способность к сопереживанию, пониманию эмоционального состояния другого является ключевым элементом воспитательного взаимодействия [14]. Исследования показывают, что ИИ, несмотря на способность распознавать эмоции по внешним признакам, не может их переживать [15]. Он может симулировать эмпатическую реакцию, но эта симуляция лишена внутреннего содержания. Воспитание же требует не формального распознавания эмоций, а участия в жизни воспитанника, разделения его радостей и тревог.

Третья граница – невозможность морального развития. Мораль не является набором правил, которые можно запрограммировать; она вырастает из живого опыта, из ситуаций выбора, из переживания последствий своих поступков. Как отмечается в современных исследованиях, моральное развитие зависит необходимости совершать усилие для различения добра и зла [16]. ИИ не проходит путь морального становления, он лишь моделирует поведение на основе заданных алгоритмов. Поэтому доверие ему функции морального наставника чревато формированием у воспитанников искажённых представлений о природе нравственности – сведения её к следованию правилам без понимания их смысла.

Четвёртая граница связана с телесностью воспитания. Воспитание всегда осуществляется в конкретной пространственно-временной ситуации [17], через жест, взгляд, интонацию, через «здесь-и-сейчас» бытие воспитателя и воспитанника. Философы китайской традиции, в частности, подчёркивают значение ритуала как формы нравственного воспитания, требующей телесного присутствия учителя [18]. ИИ-система лишена тела в феноменологическом смысле; её «присутствие» виртуально и не может заменить живого контакта.

Наконец, пятая – смыслополагание. Воспитание всегда направлено на формирование у человека целостной картины мира, системы ценностей, ответа на «вечные вопросы» о смысле жизни. ИИ, будучи системой, оперирующей готовыми смыслами, не способен к их порождению. Он может предложить информацию, но не может помочь человеку найти смысл в ситуации экзистенциального выбора. Как отмечает В. Г. Буданов, у естественного интеллекта эвристический потенциал всегда выше [19].

Некритичное внедрение ИИ в воспитательную практику несёт ряд антропологических рисков. Первый из них – редукция человека к функции. Когда воспитание алгоритмизируется, возникает опасность восприятия воспитанника как объекта, «обрабатываемого» системой по заданным параметрам. Это противоречит самой сути воспитания как процесса становления свободной личности.

Второй риск – атрофия социальных навыков. Чрезмерное использование цифровых инструментов, как показывают исследования, вызывает усталость и изоляцию, снижает способность к живому общению [20]. Если ребёнок привыкает к общению с ИИ, который всегда «удобен» и не предъявляет требований, он может утратить навыки реальной коммуникации, необходимые для жизни в обществе.

Еще одним риском является утрата моральных ориентиров. Как отмечает Гюнтер Андерс, разрыв между технологическими возможностями и нравственным развитием человека ведёт к тому, что человек начинает воспринимать себя как менее способного к развитию в сравнении с собственными технологиями [21]. В такой ситуации моральный авторитет может быть неосознанно передан ИИ, что чревато формированием технократического сознания, в котором ценность человека определяется его «эффективностью». Как показало наше исследование социально-философских аспектов трансляции цивилизационных ценностей, доминирование технократических парадигм в образовании ведёт к дегуманизации и технологизации ценностей, что противоречит самой сути воспитательного процесса [22].

Четвёртый риск – подмена воспитания манипуляцией. ИИ-системы, собирающие огромные массивы данных о пользователях, могут использоваться для манипулятивного воздействия на формирующуюся личность. Появятся возможности для «манипулирования идентичностью и памятью, для посягательства на автономию человека» [23, с. 395]. Воспитание же, напротив, предполагает уважение к автономии воспитанника и развитие его способности к самостоятельному выбору.

Проведённый анализ позволяет утверждать, что применение ИИ в воспитании имеет фундаментальные антропологические границы, обусловленные самой природой человека и сущностью воспитания. ИИ является инструментом, который может выполнять вспомогательные функции, но не способен заменить живого воспитателя. Воспитание требует субъектности, эмпатии, моральной автономии, телесного присутствия и способности к смыслополаганию – качеств, которыми ИИ принципиально не обладает.

Перспективным направлением дальнейших исследований является разработка антропоцентрированной модели интеграции ИИ в воспитательную практику, в которой технология служит человеку, а не подменяет его. Принцип опосредования, предложенный С. А. Смирновым, предполагает создание «умных цифровых помощников», расширяющих возможности воспитателя, но не претендующих на его место. Сохранение гуманистических оснований воспитания в эпоху технологической трансформации – важнейшая задача философской антропологии и педагогики.

Пристатейный библиографический список

1. Ушинский К. Д. Педагогические сочинения: В 6 т. — М., 1990. – Т. 5. – 529 с.
2. Сакирко Е. А. К вопросу о соотношении искусственного и естественного в творческом освоении мира // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2011. – № 4. – С.101-107.
3. Лаптева А. В. Философско-педагогическое наследие К. Д. Ушинского: актуальность в условиях современных вызовов образования // Философская мысль. – 2025. – № 12. – С. 253-265.
4. Смирнов С. А. Исчислимо ли бытие человека, или Антропология искусственного интеллекта. Методологический аспект // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2023. – Т. 39. Выпуск 3. – С. 478-491.
5. Родионов В. А. Тождество естественного и искусственного интеллекта в философии сознания Д. Деннета // Information Technologies for Intelligent Decision Making Support (ITIDS'2015): Proceedings of the 3rd International Conference, Ufa, 18-21 мая 2015 года. Том 2. – Ufa: ГОУ ВПО «Уфимский государственный авиационный технический университет», 2015. – С. 235-238.
6. Глуховский А. С., Дурнев А. Д., Чирва Д. В. Распределенная моральная ответственность в сфере искусственного интеллекта // Этическая мысль. – 2024. – Т. 24. № 1. – С. 129-143.
7. Головков В. В. Искусственные моральные агенты в сфере ИИ. Два взгляда // Наука, технологии и ценности в неустойчивом мире: сборник научных статей IV Конгресса Русского общества истории и философии науки, Москва, 27-29 сентября 2024 года. – Москва: Русское общество истории и философии науки, 2024. – С. 381-384.
8. Савдур С. Н., Насурова З. А., Корнилова К. А. Интерсубъективность в педагогическом процессе: уровни, границы // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2026. – № 4. – С. 18-36.
9. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.,1963. – 308 с.
10. Алёхина Е. В., Каргин Н. Н. Искусственный интеллект и человеческий разум в перспективе глобализации // Современные философские исследования. – 2025. – № 3. – С. 58-72.
11. Абдыкадыр А. Предел искусственного интеллекта: человек между жизнью и функцией (эссе) // Мнения АКИpress. — 24.12.2025. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mnenie.akipress.org/unews/un_post:45127.
12. Богданова В. О. Философское осмысление феномена «субъектность» // Социум и власть. – 2023. – № 3 (97). – С. 7-16.
13. Бабурова И. В. Категория примера в воспитании ценностных отношений школьников // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2008. – № 52. – С. 91-103.
14. Васильева В. С. Реализация принципа эмпатии в развитии коммуникативной компетенции педагогов дошкольных образовательных организаций // МНИЖ. – 2017. – № 12-1 (66). – С. 106-110.
15. Резаев А. В., Трегубова Н. Д. «Эмоциональный утилитаризм» и границы развития искусственного интеллекта // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2022. – № 2. – С. 4-23.
16. Цвык В. А. Проблема добра и зла в моральной философии Н. А. Бердяева // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. – 2019. – Выпуск 3. – С. 38-46.
17. Трунова Е. Г. Воспитание в пространственно-временном контексте // Вестник Воронежского государственного технического университета. – 2013. – Т. 9. № 3-2. – С. 213-216.
18. Дряева Э. Д., Канаев И. А. Алгоритмы и ритуалы: взгляд философа на цифровую трансформацию китайского образования // Вопросы философии. – 2025. – № 12. – С. 133-145.
19. Буданов В. Г. Техносубъект и антропосоциальные проблемы взаимодействия с искусственным интеллектом: синергия, демаркация, новая рациональность, риски // Философские науки. – 2024. – № 67 (3) – С. 27-52.
20. Азимов Ф. Ф. Влияние современных информационных технологий на психику подростков // Universum: психология и образование: электронный научный журнал. - 2025. № 12 (138). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://7universum.com/ru/psy/archive/item/21425.
21. Anders Günther. Die Antiquiertheit des Menschen: Über die Seele im Zeitalter der zweiten industriellen Revolution. – München: C. H. Beck, 1956. – 353 S.
22. Лаптева А. В. Социально-философские аспекты трансляции цивилизационных ценностей в современном образовании // Манускрипт. – 2025. – Т. 18. № 4. – С. 1579-1586.
23. Лепский В. Е. Человек и системы искусственного интеллекта // Вестник Российской академии наук. – 2023. – Т. 93. № 4. – С. 394-397.

DOI 10.46320/2073-4506-2026-4-215-576-578

Мучинский Д. О.

МУЧИНСКИЙ Данила Олегович
юрист ООО УК «А класс капитал»

ИНФОРМАЦИОННЫЙ КОНТРОЛЬ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ВОЛЮ

В эпоху цифровой трансформации информационная среда утрачивает функцию пассивного когнитивного фона, становясь активным инструментом формирования индивидуальных и коллективных поведенческих стратегий. При этом автономия принятия решений субъектом оказывается детерминированной структурой и качеством информационного поля. Цель исследования — выявить взаимосвязь между механизмами информационного контроля и автономией воли в условиях цифровизации. Для достижения этой цели осуществляется теоретическая реконструкция эволюции управления информационными потоками (от классических концепций Ф. Бэкона и И. Канта до теорий Ю. Хабермаса, М. Фуко, Ж. Делёза, Э. Хермана и Н. Хомского) и анализируется трансформация дисциплинарных практик в системы алгоритмической модуляции поведения. Особое внимание уделяется условиям сохранения критической рефлексии и субъектной самостоятельности в современном обществе.

Ключевые слова: информационный контроль, воля, цифровые платформы, общество контроля, публичная сфера, алгоритмический контроль.

MUCHINSKIY Danila Olegovich
lawyer of the A Class Capital Management Company LLC

INFORMATION CONTROL AND ITS INFLUENCE ON THE WILL

In the era of digital transformation, the information environment loses its function as a passive cognitive background, becoming an active instrument for shaping individual and collective behavioral strategies. At the same time, the autonomy of decision-making by the subject is determined by the structure and quality of the information field. The aim of the study is to identify the relationship between mechanisms of information control and the autonomy of will in the context of digitalization. To achieve this goal, a theoretical reconstruction of the evolution of information flow management is carried out — ranging from the classical concepts of F. Bacon and I. Kant to the theories of J. Habermas, M. Foucault, G. Deleuze, E. Herman, and N. Chomsky — and the transformation of disciplinary practices into systems of algorithmic behavior modulation is analyzed. Particular attention is given to the conditions necessary for preserving critical reflection and subject-level autonomy in contemporary society.

Keywords: information control, volition, digital platforms, society of control, public sphere, algorithmic control.

Воля, согласно толковому словарю, представляет собой «способность человека сознательно контролировать своё поведение, владеть собой, управлять своими действиями, преодолевать трудности в достижении поставленных целей».

В. А. Ойгензихт под волей понимает «психологическое регулирование поведения, заключающееся в … мотивированном желании достижения поставленной цели…» [7, с. 24], а также как «единый, комплексный процесс психического регулирования поведения (действий, поступков) субъекта» [7, с. 24].

И. Н. Политова пишет о том, что воля является «важнейшим правовым элементом механизма воздействия на общественные отношения, основывающимся на автономии и правовой инициативе участников гражданских правоотношений» [8, с. 8-9].

С. М. Муртазалиева определяет волеизъявление как «выражение воли лица вовне, благодаря которому она становится доступной восприятию других лиц» [5, с. 84].

С приведенными точками зрения согласимся, дополнительно указав на возможность человека принимать решения на основе полученной и проанализированной информации. Следовательно, контроль воли осуществляется через контроль информационной среды, содержащей знания. Закрытость информационной среды существенно затрудняет приход человека к достоверным и обоснованным выводам в процессе познания.

Перед совершением действия у человека сначала возникает мысль о нём. Эту закономерность подтверждает, показывает, что намерения выступают ключевым медиатором между когнитивными установками и реальным поведением, что подчёркивает роль информированности и рефлексии в формировании волевых актов: «Intentions are assumed to capture the motivational factors that influence a behavior; they are indications of how hard people are willing to try, of how much of an effort they are planning to exert, in order to perform the behavior [переведено нами: предполагается, что намерения отражают мотивационные факторы, влияющие на поведение; они являются показателями того, насколько сильно люди готовы стараться и каких усилий они планируют приложить, чтобы выполнить данное поведение]» [1, p. 181].

Первоначальная несвобода человека в обществе по рождению обусловлена неумением, мыслить самостоятельно. Человека необходимо научить или, по крайней мере, не препятствовать естественному процессу самопросвещения.

Ф. Бэкон пишет: «Есть четыре вида призраков, которые осаждают умы людей. Для того чтобы изучить их, мы дали им названия. Назовем первый вид призраков Призраками Рода, второй — Призраками Пещеры, третий — Призраками Рынка и четвертый — Призраками Театра» [4, с. 116]. Укоренившись в сознании человека, идолы мешают ему видеть вещи в их истинном свете. Идолами рода являются ошибки, обусловленные человеческой природой. Идолом пещеры — ошибки конкретного человека, восприятие реальности сквозь

призму собственного опыта. Идолом рынка — заблуждение, вызванное неправильным употреблением слов. Идолом театра — некритическое восприятие поступающей информации как истины без усилий по обдумыванию и проверке на логичность. Важным практическим навыком современного члена общества является распознание идолов.

Важным навыком члена общества является распознание идолов. Субъект познания обязан относиться к получаемой информации критически и проверять её на достоверность с использованием доступных источников. В процессе познания важно слышать позицию оппонента и точно выражать собственную точку зрения, обеспечивая безусловное понимание мысли, необходимое для создания знания.

И. Кант указывает: «Леность и трусость — вот причины того, что столь большая часть людей, которых природа уже давно освободила от чужого руководства (naturaliter maiorennes), все же охотно остаются на всю жизнь несовершеннолетними; по этим же причинам так легко другие присваивают себе право быть их опекунами<...> После того как эти опекуны оглупили свой домашний скот и заботливо оберегли от того, чтобы эти покорные существа осмелились сделать хоть один шаг без помечей, на которых их водят, — после всего этого они указывают таким существам на грозящую им опасность, если они попытаются ходить самостоятельно» [6, с. 27]. Свобода думать и распространять собственные идеи позволяет развивать общество. Собственная мыслительная деятельность для несовершеннолетнего сложна и дискомфортна, однако необходима. При этом совершеннолетие человека не связано с отказом от идеи государства. Например, Кант указывает, что установленное правило должно быть исполнено, даже если совершеннолетний человек против него (что не препятствует открытому возражению своей точки зрения).

Властный субъект и дилемма управления

Властный субъект, создавая механизмы контроля над обществом, определяет уровень свободы, необходимый для развития. Не только властный субъект должен транслировать свои знания в общество – процесс носит и обратный характер, когда человек развивает свои идеи и распространяет их. В данном процессе важно, чтобы и властный субъект, и каждый из членов общества слышали аргументы друг друга и критически к ним относились, проверяя на достоверность.

Властный субъект имеет больше информации, чем каждый из членов общества, поскольку он уже стал «совершеннолетним». Управление несамостоятельным обществом, с одной стороны, облегчает задачу контроля общества. С другой стороны, общество несовершеннолетних легко подвергает влиянию другого субъекта. Развитое общество, общество совершеннолетних, менее подвержено незаметному и быстрому переходу под власть иного субъекта, поскольку каждую новую информацию будет анализировать и критически к ней относиться. Но таким обществом сложно управлять, поскольку ряд свобод членов общества ограничат властного субъекта. Таким образом, властному субъекту необходимо просвещаться самому и создать условия для просвещения общества. При таком условии властный субъект не допустит к контролю общества иных субъектов, и предоставит обществу больше свобод.

В связи с тем, что общество не однородно по своей сути, развитие отдельно взятого человека осуществляется с разной скоростью. Следовательно, объём свобод в отдельном обществе не равномерен. В древних обществах политическая свобода носила сословно-ограниченный характер и распределялась неравномерно в зависимости от статуса гражданства, пола и имущественного положения. С развитием экономических отношений интерес к защите собственности и жизни возникает не только у властного субъекта, но и у приближённых. В результате буржуазных революций расширяется круг лиц, пользующихся свободами. Институциональной гарантией их реализации выступает наделение политических прав групп, приближённых к властным структурам. Государство, функционируя как механизм защиты свободы, целенаправленно используется данными субъектами для закрепления данного правового статуса.

По мере развития общества выдвижение требований о расширении свобод со стороны низших социальных слоёв ставит правящий субъект перед альтернативой: утрата контроля в результате социалистической революции, воспроизводящей буржуазный сценарий, либо трансформация системы управления при сохранении политического статуса. Властный субъект предоставляет ряд свобод и гарантий их реализации. Достижение обществом субъективно ожидаемых результатов сопряжено с обретением властным субъектом экономических и информационных инструментов контроля над указанным социальным слоем, заменяющих прежнюю личную зависимость.

Эдвард Херман и Ноам Хомский указывают: «They fix the premises of discourse and interpretation, and the definition of what is newsworthy in the first place, and they explain the basis and operations of what amount to propaganda campaigns [переведено нами: они (фильтры модели пропаганды) закрепляют предпосылки дискурса и интерпретации, а также определение того, что вообще является новостью, и объясняют основу и механизмы того, что, по сути является пропагандистскими кампаниями]» [2, p. 62]. СМИ встроены в структурные фильтры, формирующие повестку через экономические, институциональные и идеологические механизмы, а не только через прямое указание властных центров. СМИ являются посредниками между властным субъектом и членами общества в познавательном процессе. Важно отметить, что даже авторитетность СМИ для конкретного члена общества и восприятие информации от данного источника является риском для субъекта познания.

Распространение цифровых платформ снимает издержки классических СМИ (цензоров бюрократического или корпоративного аппарата). Алгоритмизация распространения информации позволяет оптимизировать её распространение в том виде и той форме, которые необходимы властному субъекту. Цифровые платформы становятся альтернативой государству как средства контроля информационной среды: социальные сети и технологии искусственного интеллекта начинают широко использоваться для формирования общественных настроений.

Цифровые платформы являются универсальным средством для распространения знаний. Данный источник оперирует в транснациональном цифровом пространстве, что осложняет их регулирование традиционными государственными механизмами, и одновременно с этим делает его более эффективным в руках властного субъекта или лица, желающего получить такой статус. Лица, заинтересованные в расширении влияния, прибегнут к информационным атакам, создав фон о необходимости придерживаться распространяемых ими идеалов в обществе, которое является объектом атаки. На наш взгляд, изоляция общества от «чужеземных» цифровых платформ является разумным шагом со стороны властного субъекта с целью защиты общества несовершеннолетних от информационных угроз. Однако данный шаг не отменяет необходимость просвещения общества.

Властный субъект создаёт средства, более эффективные для контроля информационной среды. Обществу необходимо позаботиться о создании альтернатив – в первую очередь для защиты прав на свободу мысли и слова. Одним из способов защиты является создание саморегулируемой публичной сферы.

Юрген Хабермас, исследуя феномен публичной сферы, указывает: «Буржуазную публичную жизнь пока можно рассматривать как сферу, где частные лица соединились в публику. Сфера эта регламентирована указами властей. Тем не

менее, частные лица тот час начинают ее использовать против самой публичной власти…» [10, с. 78]. Публичная сфера изначально формировалась как автономное пространство вне прямого государственного контроля, где частные лица через рациональную дискуссию формировали общественное мнение. Искусство (например, литературные произведения) становится предметом обсуждения в обществе (например, в салонах Франции), поскольку искусство служило средством обсуждения социально-политических проблем. Члены общества со временем уступили в публичной сфере право задавать темы обсуждения, перейдя к пассивному потреблению информации.

Мишель Фуко показывает, как власть и знание неразрывно связаны, как технологии надзора (дисциплины) формируют человека, и как возникает новая система построения общественных отношений, основанная на контроле и нормализации, а не на насилии. Основной тезис Фуко заключается в следующем: «власть и знание непосредственно предполагают друг друга; что нет ни отношения власти без соответствующего образования области знания, ни знания, которое не предполагало бы и вместе с тем не образовывало бы отношений власти» [9, с. 42]. Фуко указывает, что паноптикон является асимметрией видимости: тотальная прозрачность наблюдаемого при полной невидимости наблюдателя. Фуко показывает, как дисциплинарная власть приходит на смену дорогостоящей и зрелищной власти суверена, становясь более экономически эффективной и незаметной для общества.

Жиль Делёз, развивает идеи Фуко, описывая переход от дисциплинарных обществ к обществам контроля. Дисциплинарные общества функционировали через систему замкнутых институтов: семья, школа, казарма, фабрика, больница, тюрьма. Человек последовательно проходил через институты, каждый из которых имел свои правила и цели. Дисциплина действовала в них, формируя послушные тела и нормализованные души. Общества контроля не нуждаются в замкнутых пространствах; контроль становится непрерывным, гибким и всепроникающим: «Enclosures are molds, distinct castings, but controls are a modulation, like a self-deforming cast that will continuously change from one moment to the other, or like a sieve whose mesh will transmute from point to point [переведено нами: Замкнутые пространства — это формы, отдельные отливки, тогда как контроль — это модуляция, подобная само-деформирующейся форме, которая непрерывно меняется от одного момента к другому, или ситу, чья сетка изменяется от точки к точке]» [3]. В обществах контроля человек никогда не свободен от оценки — институты сливаются в единую систему непрерывного управления.

В контексте цифровизации общественных отношений важно учитывать, что для контроля мысли человека используются цифровые платформы. Агрегируется информация о пользователе: его предпочтениях, потребительском поведении, ходе его размышления. Алгоритмы платформ позволяют проанализировать поведение конкретного пользователя, сравнить его с поведением иных пользователей и классифицировать полученные сведения. Прогнозирование поведения пользователя на основе его мыслей, ранее совершённых действий и экономического уровня позволяет определить возможные варианты поведения и установить, какие средства эффективнее использовать для побуждения к действиям или отказа от них.

Результаты проведённого исследования позволяют сформулировать вывод о том, что волевая автономия субъекта находится в фундаментальной зависимости от качественных характеристик и степени открытости информационной среды, в рамках которой осуществляются процессы целеполагания и принятия решений. Историческая эволюция систем управления информацией демонстрирует последовательную трансформацию: от директивного нормативного регулирования - к дисциплинарным институциям, а в условиях цифровой эпохи - к механизмам непрерывной алгоритмической модуляции поведенческих паттернов. В рамках последней формы контроля управление осуществляется не посредством прескриптивных запретов, а через прогностическое моделирование, персонализированное воздействие и латентное направление выбора. Цифровые платформы, агрегируя поведенческие данные и оптимизируя информационные потоки, формируют новую конфигурацию властных отношений, в условиях которой традиционные институты публичной дискуссии и критической рефлексии испытывают системное давление. В этом контексте попытки обеспечения общественной безопасности посредством информационной изоляции вступают в прямое противоречие, как с кантовским идеалом Просвещения, так и с хабермасовской концепцией автономной публичной сферы. Сохранение волевой самостоятельности индивида в условиях алгоритмического контроля требует не ограничения информационной доступности, а развития эпистемической компетентности, институционализации саморегулируемых публичных пространств и обеспечения транспарентности цифровых инфраструктур. Лишь в условиях открытого, критически рефлексируемого информационного поля волевой акт может функционировать не как реактивный ответ на экзогенные стимулы, а как осознанное, рефлексивное и ответственное действие автономного субъекта.

Пристатейный библиографический список

1. Ajzen I. The theory of planned behavior // Organizational Behavior and Human Decision Processes. – 1991. – Vol. 50. № 2. – P. 179-211.
2. Herman E. S., Chomsky N. Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media. – London: The Bodley Head, 2008. – ISBN 978-1-84792-070-6.
3. Gilles Deleuze Postscript on the Societies of Control // October. – 1992. – Vol. 59. – P. 3-7.
4. Бэкон Ф. Новый Органон / пер. с латин. С. Красильщикова; ред. и вступ. ст. Г. Тымянского. – Ленинград: ОГИЗ; СОЦЭКГИЗ, Ленинградское отделение, 1935. – 382 с.
5. Муртазалиева С. М. Воля и волеизъявление как условия действительности сделок // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. – 2006. – № 4. – С. 45-52.
6. Кант И. Что такое просвещение? / пер. с нем. Ц. Г. Арзаканьяна // Сочинения: в 6 т. – Т. 6. – Москва: Мысль, 1966. – С. 25-36. – (Философское наследие).
7. Ойгензихт В. А. Воля и волеизъявление (очерки теории, философии и психологии права) / АН Тадж. ССР; отв. ред. Б. И. Исхаков. – Душанбе: Дониш, 1983. – 248 с.
8. Политова И. П. Категория воли в гражданском праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – Москва, 2014. – 27 с. // dissercat.com: [сайт]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.dissercat.com/content/kategoriya-voli-v-grazhdanskom-prave-rossii (дата обращения: 29.04.2026).
9. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. – Москва: Ад Маргинем, 1999. – 479 с.
10. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества; пер. с нем. В. В. Иванова. – Москва: Весь Мир, 2016. – 344 с. – ISBN 978-5-7777-0627-0.

DOI 10.46320/2073-4506-2026-4-215-579-581

Пржиленский И. В.

ПРЖИЛЕНСКИЙ Игорь Владимирович
кандидат социологических наук, доцент кафедры гуманитарных наук, Факультет социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

ИДЕЙНО-ЦЕННОСТНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ КАК БОЛЬШОЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ВЫЗОВ

В настоящей статье автор рассматривает социокультурные трансформации, происходившие в российском обществе до событий 1917 года как одну из основных причин революции. Данные изменения и распространение в нашей стране «чужеродных» идей, охвативших умы интеллигенции, преобразовали сложившуюся картину мира и трансформировали систему целей и ценностей для целого поколения, что стало большим цивилизационным вызовом для социума. В результате причины, традиционно выделяемые историками – усталость общества от войны и неэффективность системы управления, становятся катализаторами в случае неспособности ответить на большой вызов – смертельное заражение идеями, к которым у данной цивилизации, данного общества нет иммунитета.

Ключевые слова: большой цивилизационный вызов, русская революция, традиционные ценности, государственное управление.

PRZHILENSKIY Igor Vladimirovich
Ph.D. in sociological sciences, associate professor of Humanities sub-faculty, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation

IDEOLOGICAL AND VALUE TRANSFORMATIONS IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA AS A MAJOR CIVILIZATIONAL CHALLENGE

In this article, the author examines the sociocultural transformations that took place in Russian society before the events of 1917 as one of the main causes of the revolution. These changes and the spread of "foreign" ideas in our country, which captured the minds of the intelligentsia, transformed the existing worldview and the system of goals and values for an entire generation, posing a significant challenge to society. As a result, the reasons traditionally identified by historians – the society's fatigue from the war and the inefficiency of the governance system – become catalysts in the event of an inability to respond to a major challenge: a deadly infection with ideas to which this civilization or society has no immunity.

Keywords: a big civilizational challenge, the Russian Revolution, traditional values, public administration.

Понятие большого цивилизационного вызова стало актуальным в философском дискурсе последнего десятилетия по причине невиданного прежде ускорения социальных, политических, экономических и культурных процессов. В стремительно развивающихся обществах в зависимости от скорости трансформаций его подсистем, институтов и ценностей возрастает неопределенность новых явлений, масштаба и направленности их влияния. Все, что требует реагирования и предполагает необходимость прикладывать при этом усилия, может рассматриваться как вызов.

Вся история человеческого общества наглядно свидетельствует о том, что оно находится в непрерывном изменении и что темп социальных перемен постоянно возрастает. И все попытки приостановить естественный ход событий, любыми средствами защитить привычный уклад и образ жизни не только тщетны, но и сами могут носить разрушительный характер. Вопрос состоит в том, чтобы научиться отделять необходимые и даже неизбежные изменения от тех, которые могут происходить, а могут и не происходить. К первым необходимо адаптироваться, сведя к минимуму их разрушительный потенциал. Среди вторых крайне важно научиться находить те, которые не несут угрозы для общества и те, которые способны его разрушить в прямом смысле слова. Так, например, учение К. Маркса о внутренней логике развития индустриального общества оказалось сравнительно безопасным для стран Западной и Центральной Европы, будучи пересаженным на российскую почву, принесло стране, для которой вообще первоначально не было предназначено, неисчислимые беды и социальные потрясения.

Между тем, среди факторов, причин и движущих сил, непосредственно предшествовавших русской революции 1917 года, можно найти как запретительные, так и диаметрально противоположные. Ничего, подобного железному занавесу сталинской эпохи и даже ограничению контактов на протяжении всего советского периода в романовской России не было и не могло быть потому, что Российская империя существовала в иных исторических, политических, экономических и технологических условиях, хотя запрет на общение с иностранцами был знаком с допетровских времен и совсем не был европейским изобретением.

Сегодня, когда после событий 1917 года прошло уже более столетия, философы и историки продолжают спорить о причинах и истоках тех трагических событий, которые, несомненно, можно считать большим цивилизационным вызовом, перед которым оказалась одна из самых могущественных держав мира, и ответ на который так и не был найден. И, хотя та прежняя, «царская» Россия, канула в небытие, цивилизация не исчезла и нашла свой ответ на этот грандиозный вызов – ответ, связанный с ее поразительным и трагическим перерождением. На смену романовской России пришла Россия большевистская, время жизни которой оказалось не очень большим по историческим меркам.

Философский взгляд на произошедшее в Петрограде в 1917 году позволяет оперировать такими образами как «яд» и «противоядие» – Россия не имела противоядия к философским идеям, которое имелось у Германии и Франции. И. А. Ильин проследил причинно-следственную связь между развитием европейской философской мысли и событиями российской политической жизни. Вначале европейские мыслители деистской и позитивистской ориентации констатируют исчезновение Бога. Затем Ф. Ницше театрально провозглашает смерть Христа, и на фоне этих лозунгов идет переоцен-

ка всех и всяческих ценностей, результатом чего становится атака на традиционную мораль. «В то же время, – пишет И. А. Ильин, – этот новый враг христианства получает политическую и хозяйственно-общественную программу, а также и организацию от К. Маркса. Яд готов. Ему нужно еще отстояться, перебродить и найти массу последователей. Он будет применен в точке наименьшего сопротивления. Этой точкой оказалась военно-переутомленная Россия, не выработавшая в себе этого яда, но именно поэтому не выработавшая и необходимых отпорных противоядий для него» [3, с. 53].

Можно спорить с точностью данной оценки, но ее эвристический потенциал очевиден. В данном случае вызовом оказался не внешний враг, не изменения природных условий, не нашествие вынужденных переселенцев и даже не стремление к свободе угнетенного народа – основную массу тех, кто желал революции, были прогрессивно настроенные дворяне, студенты, разночинцы, нередко выходцы из духовного сословия. Из этих же социальных категорий были рекрутированы и те, кто затем делал революцию, хотя в результате пропаганды к ним и присоединились рабочие и даже беднейшие крестьяне.

Таким образом, учитывая опыт русской революции 1917 года, можно заключить, что одним из видов большого цивилизационного вызова может стать распространение идей, рожденных в другой цивилизации или, что по сути одно и то же, рожденных другой цивилизацией в обществе, в котором они сами по себе не возникли бы. Под влиянием этих «чужеродных» идей преобразуется сложившаяся на основе прежнего цивилизационного опыта картина мира, трансформируется система целей и ценностей. Так пришедшие из Европы идеи, ценности и смысл не могли быть приняты без их существенной переработки с целью адаптации к особенностям российской ментальности. Давно подмечено, что в Европе нет и не было интеллигенции, но всегда были так называемые интеллектуалы, в чьи головы и пришли идеи о связи развития капитализма и неизбежности построения нового справедливого общества путем революции. Да и сами общества различались весьма существенно. В начале XX века там был значительно более высокий уровень грамотности, выше доля пролетариата и буржуазии, иная религиозная этика, иные цивилизационные особенности. Но все это казалось несущественным русским революционерам, убежденным во всесильности нового учения, призванного изменить мир. «Русская революция, – писал И. А. Ильин, – есть первый опыт применения западноевропейской программы экономического материализма и интернационального коммунизма. Россия стала как бы опытным полем, где жизненно насаждается безбожная и противоестественная химера, выдуманная на Западе для разрешения европейского социально-хозяйственного кризиса. Надо изумляться, с какою готовностью и безответственностью, с каким отсутствием патриотизма и достоинства русская революционная интеллигенция предоставила Россию западноевропейским экспериментаторам и палачам…» [3, с. 53]. Что-то очень похожее произойдет спустя 70 лет, когда опыт европейского цивилизационного развития будет некритически принят российскими реформаторами.

Н. А. Бердяев в своем рассуждении о причинах русской революции видит главным обстоятельством данного события особенности духовной жизни русского народа, которая подчинена законам религиозной жизни. Русское общество не имеет, согласно данному представлению, опыта европейского Ренессанса, результатом которого становится неизбежное замещение христианских ценностей ценностями гуманизма. А поскольку за ценностями всегда стоит и картина мира, и способ мировосприятия, то религиозное сознание русских было совершенно неспособно воспринимать любое учение, в том числе и марксизм, как учение рационально-экономическое. В соответствии с особенностями религиозного сознания русские приняли учение Маркса как религиозное, что и привело к обрушению всего миропорядка, а за ним и социального порядка. Апокалиптическое восприятие истории приводит русский народ к выбору – либо Царство Божье на земле и братство всех людей во Христе, либо товарищество с антихристом [2].

Итак, все подводит к тому, что Россия исчезла и причиной тому явился цивилизационный вызов, на который она не смогла найти адекватный данному вызову ответ. Что это был за вызов? Как лучше понять, в чем на самом деле суть данного вызова, который И. А. Ильин и Н. А. Бердяев будут сравнивать с инфекцией, от которой у Российской цивилизации так и не нашлось иммунитета? Ответ можно искать в политике и экономике, религии и философии, искусстве и повседневной жизни тех или иных стран и народов. Но фактом остается то обстоятельство, что доступные всем странам и народам идеи оказываются роковыми для одних обществ и государств, приносят временные кризисы и потрясения другим и оставляют безучастными третьих.

В свете уже приведенной выше иммунологической метафоры можно было бы предположить, что у одних стран и народов иммунитет отсутствует, у других – есть, но слабый, а третьи надежно защищены от любых внешних «тлетворных» влияний. Но даже беглое обращение к истории XX века дает массу наглядных примеров того, как разные страны, народы и цивилизации оказывались восприимчивы к одним идеям и невосприимчивы к другим. Но независимо от того, какую именно идею подхватывали части элит или широкие народные массы, все эти общества в разное время и по разному поводу оказывались в ситуации, когда находились идеи, подходящие для стремительной и разрушительной радикализации общества.

Если проанализировать события последнего столетия, то привести к одному знаменателю многочисленные революции и иные резкие социальные переходы, подходящие под определение больших вызовов, то становится ясно, что выявить и классифицировать единообразные причины и обстоятельства здесь будет чрезвычайно сложно. Так, в начале XX века среди подавляющего большинства российской империи на первый план вышли идеи социального равенства, закрепленные затем железной рукой большевиков, вынужденных преодолевать вспыхивающие на окраинах сепаратистские движения, драйвером которых являлся национализм. Не менее показателен путь от национализма к фашизму и национал-социализму, когда у европейских стран и народов не оказалось иммунитета к идеям расовой и национальной исключительности. Вторая половина XX века дает нам примеры крушения колониальной системы, национально - освободительные движения и, наконец, переход от антиколониального национализма к религиозному экстремизму, квалифицированному С. Хантингтоном как столкновение цивилизаций.

Помимо столкновения цивилизаций важной темой является их способность к адаптации путем качественных изменений. Так, для выживания Восточной Римской Империи пришлось измениться качественно – переход, успешно осуществленный Вторым Римом, может быть назван адаптацией к условиям средневековья, а может и ориентализацией. Но в любом случае Восточной Римской Империи удалось выжить, тогда как Западной – не удалось. Существует множество объяснений в исторической науке, но все они сводятся к тому, что Константинополь уцелел и просуществовал еще тысячу лет потому, что изменился. И, наоборот, Второму Риму удалось адаптироваться при переходе от рабовладельческого уклада к феодальному, ему удалось успешно преодолеть все перипетии раннего и зрелого средневековья, отразив многочисленные набеги персов, арабов, славян, варягов и степных кочевников. Константинополь не смог противостоять крестоносцам и османам, в результате чего пал, и от этой постепенно исчезнувшей цивилизации остались многочисленные наследники, главным из которых по сей день является Третий Рим, то есть Москва. Но самой Восточной Римской империи уже нет – она не смогла ответить на цивилизационные вызовы позднего средневековья, она утратила способность изменяться.

С. С. Аверинцев отмечает психологические трансформации греко-римского античного общества, которые исторически отделяют античность от средневековья, а культурно

и ценностно Запад от Востока. В ранневизантийской литературе он обнаруживает все признаки свершившихся перемен, полагая их наглядным свидетельством ориентализации мира, который считается генетически связанным с европейской цивилизацией и Западом как культурно-историческим типом.

По мнению С.С. Аверинцева, два основных маркера, по которым можно обнаружить суть произошедших перемен – это появление психологии цезаризма, и психология христианства. И первая, и вторая противоположны психологии греков и римлян классической эпохи и даже раннего эллинизма. «Недаром, – отмечает С. С. Аверинцев, – во времена Цезаря и Октавиана в Риме носились темные слухи о предстоящем переносе имперской столицы на восток (что через три столетия с лишним пришлось осуществить на деле). Античный мир стремился оттеснить теократические тенденции на периферию общественной жизни и обезвредить их. Город-государство в целом и его государственные формы считались богохранимыми (в Афинах был даже культ Афины Демократии), но существование особой категории людей, имеющих право действовать непосредственно от имени богов, отрицалось» [1, с. 60]. Все это позволяет увидеть враждебность самой идеи теократии для античного города-государства и вполне органичной для восточной деспотии.

Другой исследователь византийской истории Э. Н. Люттвак убежден в том, что выживать ромеям помогали две вещи, каждая из которых может быть отнесена к сфере духовной жизни. Первой такой вещью американский исследователь называет самоотождествление главных действующих лиц, а второй – национальную стратегию. «Византийская правящая элита, – пишет Э. Н. Люттвак, – взирала на мир и на его бесконечные опасности, располагая стратегическим преимуществом, которое было не дипломатическим и не военным, а скорее психологическим: имеется твердая моральная уверенность в своем трояком самоотождествлении» [5, с. 576]. Те, кто называл себя ромеями, удивительным образом сочетали в себе три идентичности – одновременно они были и эллинами, и римлянами, и христианами. Стратегией византийцев Э. Н. Люттвак считает своеобразный кодекс поведения правителей, суть которого может быть изложена в следующих принципах:

1) избегай войны всеми способами;

2) опирайся на данные разведки;

3) веди войну энергично как в наступлении, так и в обороне;

4) старайся не вести войну на уничтожение, предпочитая маневры;

5) при успешном завершении войны старайся собрать как можно больше союзников;

6) подкуп быстрее всего помогает победить;

7) используй свои сильные стороны и слабые стороны врага.

Нетрудно видеть, что речь идет о вещах общеизвестных, но если вспомнить, что этот кодекс был нов тогда и перенят сегодня многими, то становится яснее причина успеха Восточной Римской империи.

Не менее интересно применение парадигмы больших вызовов к анализу российской истории. Среди главных причин как Февральский, так и Октябрьской революций 1917 года обычно называют усталость от войны, поставленные все той же войной на грань катастрофы финансы и промышленность, перебои с поставками хлеба в Петроград и другие. Эти причины далеко не всегда приводят к разрушению государств. Можно, конечно, вспомнить В. И. Ленина, который говорил об объективных и субъективных условиях революционного свержения власти: «Для революции недостаточно того, чтобы низы не хотели жить, как прежде. Для неё требуется ещё, чтобы верхи не могли хозяйничать и управлять, как прежде» [4]. К субъективным вождь мирового пролетариата относил наличие политической партии, способной возглавить революцию и поднять народ на восстание.

Примечательно, что И. А. Ильин в приведенном выше отрывке и слова не говорит о подобных вещах – его, как Н. А. Бердяева, интересует внутренняя предрасположенность России к тому, чтобы рухнуть под тяжестью свалившихся на нее несчастий в результате неспособности ответить на большой вызов – смертельное заражение идеями, к которым у данной цивилизации, данного общества нет иммунитета.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что необходимо предотвращать опасное влияние идей и социальных проектов, рожденных в других культурных средах и цивилизационно отличных обществах. Если видеть в таких идеях и социальных проектах потенциально опасные для страны и ее ценностей влияния, крайне важно выбрать стратегию нейтрализации ее угроз. От выбора данной стратегии зависит не только комплекс мероприятий, предпринимаемых правительствами и соответствующими службами, но и вся социальная жизнь рассматриваемого общества, его институты и ценности, общественное сознание и общественное бытие в целом. Среди оценок стратегии правительства Российской империи, направленных на предотвращение возможной смуты и революции, можно обнаружить циклическое движение от либеральных периодов к консервативным и даже реакционным, которые затем опять сменялись либерализацией и оттепелью. В области внутренней политики начиная с петровских времен и заканчивая предреволюционными событиями начала XX века можно обнаружить череду колебаний, свидетельствующих о маятникообразном типе государственного управления.

Опасение по поводу возможности заразиться идеями, способными разрушить устои общества, лишиться собственных ценностей и не дать ничего взамен, возникали на протяжении всей русской истории, но реакция на них была различной – от запрета контактов и книг из Европы до запрета определенных тем в прессе и периодике.

Подводя итог вышесказанному, можно утверждать, что поиск больших цивилизационных вызовов может прийти к «находкам», содержание которых оказывается в противоречии с постулатами обеспечения безопасности на тактическом уровне. Все приведенные факты заставляют вернуться к определению понятия большого вызова, в котором существенным его признаком признается характер возникающей угрозы, не предполагающий эффективного противодействие за счет увеличения привлеченных ресурсов. Так, если меняется ситуация в обществе и многие прежние институты работают все хуже, а значимые ценности перестают восприниматься как свои собственные, необходимо модернизировать институты образования, воспитания, государственного и муниципального управления. При этом система ценностей и институт семьи должны не модернизироваться, а укрепляться. Но все это может быть сделано в рамках прежней социальной системы – для этого нужны лишь ресурсы и решимость правящей элиты, а не новые образцы, ценности или смыслы.

Пристатейный библиографический список

1. Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. СПб.: Азбука-классика, 2004. 480 с.
2. Бердяев Н. А. Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы. М.: Феникс-ХДС-пресс, 1991. 84 с.
3. Ильин И. А. Основы борьбы за национальную Россию / Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1996. 800 с.
4. Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. / В. И. Ленин; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 5-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1973. Т. 23. 697 с.
5. Люттвак Э. Н. Стратегия Византийской империи. М.: Русский Фонд содействия образованию и науке, 2010. 664 с.

ТАРАСОВ Алексей Николаевич
доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, политологии и теологии, Липецкий государственный педагогический университет им. П. П. Семенова-Тян-Шанского

КИМ Анастасия Денисовна
студент, Липецкий государственный педагогический университет им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, независимый исследователь

АНТРОПОГЕННЫЕ РУБЕЖИ КУЛЬТУРЫ КАК РЕЗУЛЬТАТ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ: КУЛЬТУРФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Статья посвящена культурфилософскому анализу антропогенных рубежей культуры как результата социокультурных трансформаций. Показано, что антропогенные рубежи, т.е. границы человеческого в культуре претерпевают качественные изменения именно в переходные эпохи, когда происходит смена культур-систем. На материале трёх социокультурных трансформаций (поздний эллинизм, Возрождение и Реформация, авангард – модерн – постмодерн) раскрывается процесс расширения антропогенных рубежей: от античного гражданина через средневекового верующего и новоевропейского атомарного индивида к современному трансверсальному существу. Особое внимание уделяется вопросу о том, каким образом каждая социокультурная трансформация закрепляет новые представления о природе человека. Делается вывод о том, что антропогенные рубежи культуры представляют собой динамические образования, которые переопределяются в каждой социокультурной трансформации, задавая тем самым траекторию развития человеческой субъективности.

Ключевые слова: антропогенные рубежи, социокультурная трансформация, культур-система, философская антропология, человек культуры, субъективность, телесность, трансверсальность.

TARASOV Alexey Nikolaevich
Ph.D. in philosophical sciences, professor, Head of Philosophy, political science and theology sub-faculty, P. P. Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University

KIM Anastasiya Denisovna
student, P. P. Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University, independent researcher

ANTHROPOGENIC BOUNDARIES OF CULTURE AS A RESULT OF SOCIOCULTURAL TRANSFORMATIONS: A CULTURAL-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

This article presents a cultural-philosophical analysis of the anthropogenic boundaries of culture as a result of sociocultural transformations. It is shown that anthropogenic boundaries, i.e., the boundaries of the human in culture, undergo qualitative changes precisely during periods of transition, when cultural systems shift. Using three sociocultural transformations (late Hellenism, the Renaissance and Reformation, and the avant-garde-modern-postmodern periods), the process of expanding anthropogenic boundaries is revealed: from the ancient citizen, through the medieval believer, and the modern European atomic individual, to the modern transversal being. Particular attention is paid to the question of how each sociocultural transformation reinforces new understandings of human nature. The conclusion is that anthropogenic cultural boundaries represent dynamic formations that are redefined in each sociocultural transformation, thereby defining the trajectory of human subjectivity's development.

Keywords: anthropogenic boundaries, sociocultural transformation, cultural system, philosophical anthropology, human being of culture, subjectivity, corporeality, transversality.

Проблема границ человеческого в культуре, исторически изменявшаяся на протяжении развития европейской цивилизации, сегодня обретает новое звучание в эпоху тотальной цифровизации и технологической рациональности [1, с. 35], [2, с. 57], [3, с. 56], [4, с. 63], [5, с. 52], [6, с. 54], [7, с. 62], [8, с. 49], [9, с. 48], [10, с. 86]. В мире, где искусственный интеллект имитирует человеческое творчество, а биотехнологии размывают границы между естественным и искусственным, вопрос о том, что значит «быть человеком», какие пределы человеческой природы остаются неизменными, а какие – трансформируются под воздействием культурных сдвигов, приобретает не только теоретическую, но и практическую остроту.

Культурфилософский анализ антропогенных рубежей культуры как результата социокультурных трансформаций представляет собой одну из наиболее фундаментальных и продуктивных тем современной философии. Под антропогенными рубежами понимаются исторически изменчивые границы, отделяющие «человеческое» от «нечеловеческого» в культуре. Эти границы включают в себя представления о том, что есть человек, каковы его сущностные характеристики, каковы пределы его свободы, какова его телесность, каково его отношение к трансцендентному, какие формы субъективности признаются легитимными, а какие – маргинальными. Антропогенные рубежи не являются внеисторическими константами, но динамически переопределяются в каждой социокультурной трансформации, фиксируя новый образ человека, который затем воспроизводится в эпоху культур-системы.

Первая социокультурная трансформация (поздний эллинизм, I-IV вв. н.э.) привела к радикальному переопределению антропогенных рубежей. Античная культур-система утверждала образ человека как «политического животного», гражданина полиса, чья сущность реализуется в публичной деятельности, в агональной борьбе, в созерцании космоса. Человек Античности - это человек разумный, самодостаточный, ориентированный на посюстороннее, на достижение славы и признания. Первая социокультурная трансформация, ключевую роль в которой сыграло распространение христианства, переопределила эти рубежи. Средневековая культур-система утвердила образ человека как «образа Божия», чья сущность реализуется не в публичной деятельно-

сти, а в спасении души, не в посюсторонней славе, а в потустороннем блаженстве.

Вторая социокультурная трансформация (Возрождение и Реформация, XIV-XVI вв.) осуществила новое переопределение антропогенных рубежей. Новоевропейская культур-система утвердила образ человека как «атомарного индивида», автономного, рационального, деятельного, ориентированного на преобразование мира. Антропогенные рубежи сместились в сторону, противоположную средневековым: человек был понят не как творение, но как творец, не как объект божественного промысла, но как субъект истории. Телесность была реабилитирована (человек – не только душа, но и тело), свобода понята как автономия и самоопределение, разум – как высшая способность, позволяющая познавать законы природы и подчинять её своей воле.

Третья социокультурная трансформация (авангард – модерн – постмодерн, с конца XIX в. по настоящее время) переопределяет антропогенные рубежи в направлении, противоположном новоевропейским. Постмодернистская стадия трансформации принесла «смерть субъекта», «деконструкцию» идентичности, отказ от метанарративов. Новоевропейский атомарный индивид, автономный и рациональный, был поставлен под вопрос. Человек был понят не как целостный субъект, а как поле пересечения дискурсов, как ризоматическая множественность, как «субъект без свойств».

Анализ процесса переопределения антропогенных рубежей позволяет выявить определённую направленность. С каждой социокультурной трансформацией происходит расширение антропогенных рубежей: человек обретает новые степени свободы, новые способы самовыражения и самореализации. От античного гражданина (свободного, но включённого в жёсткую иерархию полиса) через средневекового верующего (свободного в выборе между добром и злом, но подчинённого божественному закону) к новоевропейскому атомарному индивиду (свободному от внешних ограничений, но связанному универсальными законами разума) – такова траектория расширения субъектности. Современный человек, человек третьей социокультурной трансформации, возможно, обретёт свободу не только от внешних ограничений и от универсальных законов разума, но и от фиксированной идентичности как таковой. Свобода станет способностью переходить, трансформироваться, вступать во множественные взаимодействия, не теряя при этом ценностных ориентиров.

Однако расширение антропогенных рубежей имеет и свою оборотную сторону. С каждой новой трансформацией человек утрачивает определённость, устойчивость, укоренённость. Античный гражданин знал своё место в космосе и полисе; средневековый верующий знал своё место в иерархии бытия; новоевропейский индивид знал своё место в истории и обществе.

В современной культуре можно обнаружить эмпирические проявления переопределения антропогенных рубежей. Это и кризис традиционной семьи, порождающий множественность форм семейных и партнёрских отношений; это и цифровая идентичность, позволяющая человеку быть разным в разных онлайн-пространствах; это и движение за права животных, размывающее границу между человеком и животным; это и трансгуманизм, ставящий вопрос о преодолении человеческой природы. Все эти процессы, по нашему убеждению, представляют собой не случайные отклонения, а закономерные проявления третьей социокультурной трансформации, которая переопределяет антропогенные рубежи культуры, расширяя границы человеческого, но одновременно порождая новые формы отчуждения и неуверенности.

Итак, антропогенные рубежи культуры представляют собой динамические образования, которые переопределяются в каждой переходной эпохе, фиксируя новый образ человека, его сущностные характеристики, границы свободы, телесности и отношения к трансцендентному. Античность, Средневековье, Новое время – каждая культур-система утверждала свой образ человека.

Третья (или, как мы её определяем, современная) социокультурная трансформация ещё не завершена, а потому новые антропогенные рубежи ещё не утвердились в полной мере. Однако уже сегодня можно говорить о контурах новой антропологической модели – человека как трансверсального существа, способного к множественным взаимодействиям, сохраняющего ценностные ориентиры, но открытого к диалогу и изменениям, сообразно социокультурной динамике.

Пристатейный библиографический список

1. Богуславский М. В., Милованов К. Ю. Динамика обоснования методики формирования межпредметных связей на уроке в отечественной педагогике второй половины XX века // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2025. – № 3 (36). – С. 35-42.
2. Кобзев М. С., Смолова М. А. О дифференциации понятия «сторителлинг» как возможного образовательного средства в России и Китае // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2025. – № 3 (36). – С. 57-62.
3. Лукьянчиков В. И. Живопись как учебная дисциплина в системе профессиональной подготовки художников-керамистов // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2025. – № 4 (37). – С. 56-67.
4. Парамонов А. Г. Теоретические и методические аспекты профессиональной подготовки будущих художников-педагогов // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2025. – № 3 (36). – С. 63-68.
5. Рябухина Е. А., Фирсова С. А., Сафонов В. И., Буткина А. А. Обучение студентов вуза моделированию трендов демографических процессов на основе реальных статистических данных // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2025. – № 3 (36). – С. 52-56.
6. Панфилова А. А., Черенкова С. В. Использование цифровых образовательных ресурсов в практической подготовке студентов // Гуманитарные исследования Центральной России. –2025. – № 1 (34). – С. 54-58.
7. Пруцков А. В. Преподавание программирования на языке Java в вузе: педагогические аспекты // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2024. – № 4 (33). – С. 62-68.
8. Пушнова В. В. Сравнительный анализ понятий: «цифровая грамотность» и «компьютерная грамотность» как системообразующих компонентов предмета «Информатика» // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2025. – № 2 (35). – С. 49-57.
9. Рябухина Е. А., Сафонов В. И., Фирсова С. А. Определение вариантов выбора будущей профессиональной подготовки абитуриентов вуза средствами организации онлайн-тестирования // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2024. – № 3 (32). – С. 48-57.
10. Стоянов А. С. Отмена гендерной дифференциации на уроках технологии: ожидания учеников // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2024. – № 4 (33). – С. 86-100.

ФРОЛОВА Наталия Алексеевна
кандидат философских наук, доцент кафедры философии, политологии и теологии, Липецкий государственный педагогический университет им. П. П. Семенова-Тян-Шанского

ПРИНЦИП ЦЕЛОСТНОСТИ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Статья посвящена философскому анализу принципа целостности как фундаментальной мировоззренческой установки русской культуры. В статье показано, что принцип целостности, восходящий к славянофильской традиции и развитый в русской религиозной философии, представляет собой регулятивный принцип отношения к миру, знанию, искусству и социальной реальности. По материалам анализа понятий «соборность», «всеединство», «живое знание» и «синтез» раскрывается специфика русского понимания целостности как антитезы западному рационализму и дисциплинарной фрагментации. Особое внимание уделяется трансформации принципа целостности в советской и постсоветской культуре, а также его рецепции в современной философии. Делается вывод о том, что принцип целостности представляет собой устойчивую антропологическую и культурфилософскую константу русской культуры, актуализирующуюся в периоды цивилизационных кризисов как альтернатива техногенному редукционизму.

Ключевые слова: принцип целостности, русская культура, всеединство, соборность, живое знание, русская религиозная философия, философская антропология, синтез, целостная личность.

FROLOVA Nataliya Alexeevna
Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Philosophy, political science and theology sub-faculty, P. P. Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University

THE PRINCIPLE OF INTEGRITY IN RUSSIAN CULTURE: A PHILOSOPHICAL ANALYSIS

This article provides a philosophical analysis of the principle of integrity as a fundamental worldview of Russian culture. The paper demonstrates that the principle of integrity, which dates back to the Slavophile tradition and was developed in Russian religious philosophy, is not merely a theoretical abstraction but a regulatory principle for relating to the world, knowledge, art, and social reality. Based on an analysis of the concepts of "sobornost" (conciliarity), "all-unity", "living knowledge", and "synthesis", the specificity of the Russian understanding of integrity as an antithesis to Western rationalism and disciplinary fragmentation is revealed. Particular attention is paid to the transformation of the principle of integrity in Soviet and post-Soviet culture, as well as its reception in contemporary philosophy. The conclusion is that the principle of integrity represents a stable anthropological and cultural-philosophical constant of Russian culture, becoming relevant during periods of civilizational crises as an alternative to technogenic reductionism.

Keywords: principle of integrity, Russian culture, all-unity, sobornost, living knowledge, Russian religious philosophy, philosophical anthropology, synthesis, integral personality.

Одной из атрибутивных характеристик русской культуры является принцип целостности. На это обращали внимание многие исследователи [1, с. 220], [2, с. 55], [3, с. 105], [4, с. 49], [5, с. 40], [6, с. 103], [7, с. 104], [8, с. 200], [9, с. 193], [10, с. 161]. Философский анализ принципа целостности в русской культуре представляет собой одну из наиболее фундаментальных и продуктивных тем отечественной гуманитаристики. Вопреки распространённым представлениям о том, что принцип целостности является лишь теоретической абстракцией русской религиозной философии, он представляет собой устойчивую мировоззренческую установку, восходящую ещё к славянофильской традиции и развитую в трудах последующих представителей отечественной мысли.

Прежде всего, заметим, что в отечественной традиции целостность понимается не как механическая сумма частей, но как органическое единство, в котором часть обретает смысл только в контексте целого, а целое нередуцируемое к сумме своих элементов.

Понятие «целостность» в русской культуре имеет глубокие онтологические основания. В отличие от западноевропейской философии, где целостность часто понимается как системное качество, описываемое через структуру и функцию, традиция нашей Родины исходит из представления о первичности целого по отношению к частям. Мир не складывается из атомов, но разворачивается из единого первоначала. Эта интуиция восходит к платонизму и патристике, но в русской философии она обретает специфическое выражение в концепции «всеединства» В. С. Соловьёва. Напомним, что всеединство – это единство многообразного, в котором каждое сущее сохраняет свою уникальность, но при этом находится в гармонической связи со всем. Эта онтологическая установка определяет и отношение к познанию, и отношение к искусству, и отношение к социальной реальности.

В гносеологическом аспекте принцип целостности выражается в концепции «живого знания», противопоставленного абстрактному, рассудочному знанию. Абстрактное знание фиксирует отдельные стороны действительности, но упускает её живое, органическое единство. «Живое знание» – это знание, в котором участвуют не только рассудок, но и вера, чувство, воля, весь духовный опыт человека. Оно не противопоставляет субъекта объекту, но предполагает их внутреннюю связь и взаимопроникновение.

В социально-философском аспекте принцип целостности выражается в концепции «соборности», разработанной А. С. Хомяковым и другими славянофилами. В этой концепции феномен соборности представляет собой единство свободы и любви, в котором личность не подавляется коллективом, но и не противопоставляется ему. Это единство, основанное не на внешней принудительной организации, но на внутреннем духовном согласии. Соборность противопоставляется как

западному индивидуализму (где личность атомизирована и противопоставлена другим), так и западному коллективизму (где личность поглощена массой). В отечественной философской мысли соборность понимается как идеал социального устройства, в котором реализуется принцип «единства в многообразии». Эта идея оказала значительное влияние на русскую культуру в целом, включая литературу, искусство и общественную мысль.

В эстетическом аспекте принцип целостности, на наш взгляд, выражается в особом понимании художественного творчества как синтеза. Русское искусство, в отличие от западного, никогда не стремилось к чистой жанровости. Синтез искусств – соединение слова, звука, цвета, архитектуры – является одной из характерных черт русской культурной традиции. Опера М. П. Мусоргского, романы Ф. М. Достоевского, философская лирика Ф. И. Тютчева – всё это примеры искусства, которое не ограничивается своей жанровой природой, но стремится к охвату целого. Художественное произведение в русской традиции понимается как «окно в бесконечность», как способ приобщения к высшей, целостной реальности. Этот эстетический идеал восходит к византийской традиции и находит своё завершение в русском символизме и авангарде.

Проведённый нами анализ показал, что в истории культуры России принцип целостности пережил сложную эволюцию. В XIX веке он был сформулирован славянофилами как альтернатива западному рационализму. В русской религиозной философии конца XIX – начала XX века он получил систематическое обоснование в концепциях всеединства, соборности и живого знания. В советский период принцип целостности был вытеснен на периферию официальной идеологии, которая делала акцент на классовой борьбе, диалектическом материализме и партийности. Однако он продолжал существовать в «подполье» – в трудах М. М. Бахтина, А. Ф. Лосева, Д. С. Лихачёва, в поэзии «тихой лирики», в философской прозе. В постсоветский период принцип целостности переживает возрождение, актуализируясь в контексте экологического кризиса, кризиса образования и поиска новой идентичности.

Рассмотрим вопрос о рецепции принципа целостности в современной философии образования. В эпоху цифровизации, когда знание становится всё более фрагментированным, а образовательные практики – всё более узкоспециализированными, принцип целостности напоминает о необходимости междисциплинарного синтеза, о важности формирования не просто компетенций, но целостной картины мира. Мы убеждены, что отечественная традиция «живого знания» может быть востребована в разработке новых образовательных моделей, ориентированных не на передачу информации, а на становление личности, способной к целостному восприятию мира и принятию ответственных решений.

Однако принцип целостности, как атрибутивная особенность отечественной культуры, сталкивается в наши дни с серьёзными вызовами. В эпоху постмодерна сама идея целостности подвергается деконструкции как форма тоталитарного мышления. Постмодернистская критика метанарративов ставит под вопрос любые претензии на универсальное знание и целостное мировоззрение. В ответ на этот вызов русская философская традиция может предложить понимание целостности не как закрытой, тоталитарной системы, но как открытого, динамического единства, которое не подавляет многообразия, но является условием его осмысленной организации.

Другой вызов связан с цифровой трансформацией. Цифровая культура по своей природе фрагментарна. Связано это с тем, что, например, гипертекст, клиповое мышление – всё это работает против целостности. Возникает вопрос: совместим ли принцип целостности с цифровой реальностью? Может ли человек, погружённый в поток информации, сохранять способность к целостному восприятию мира и себя в мире? Отечественная философская традиция даёт негативный ответ на этот вопрос, предостерегая против техногенного редукционизма.

Итак, принцип целостности в русской культуре представляет собой устойчивую антропологическую и культурфилософскую константу, какая заметно актуализируется в периоды цивилизационных кризисов, выступая как альтернатива техногенному редукционизму, дисциплинарной фрагментации и утрате ценностных ориентиров. Мы убеждены, что в эпоху цифровизации и постмодерна этот принцип сохраняет свою актуальность, напоминая о том, что человек не может быть сведён к набору функций, а знание к сумме информации. Философский анализ принципа целостности позволяет поставить вопрос о том, что значит быть человеком в ситуации, когда все старые формы единства разрушены, а новые ещё не созданы. Отечественная культура, с её многовековой традицией размышления о целостности, предлагает ресурсы для ответа на этот вызов.

Пристатейный библиографический список

1. Волкова П. С. Творчество и религиозность в русской культуре. Философские исследования // Вопросы философии. – 2024. – № 7. – С. 219-221.
2. Громов М. Н. Вечные ценности русской культуры: к интерпретации отечественной философии // Вопросы философии. – 1994. – № 1. – С. 54-61.
3. Каган М. С. К разработке философской концепции культуры // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 1996. – № 1. – С. 103-108.
4. Межуев В. М. Философия в системе знания о культуре // Эпистемология и философия науки. – 2005. – Т. 3. № 1. – С. 47-54.
5. Митрошенков О. А. Пространство российской духовной культуры: испытание переменами // Социологические исследования. – 2005. – № 11 (259). – С. 37-46.
6. Оганов А. А. Современная проблематика философии культуры // Философия и общество. – 2007. – № 2 (46). – С. 99-118.
7. Семенюк А. П. Пространство миропонимания русской религиозной философии XIX-начала XX в. // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 324. – С. 102-108.
8. Стрижкова Н. А. Россия и мир: проблемы взаимовосприятия культур // Российская история. – 2009. – № 2. – С. 199-202.
9. Фомина Н. Н. Представление о русской культуре в отечественной культурологической мысли // Научно-технический вестник Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики. – 2006. – № 24. – С. 191-195.
10. Черная Л. А. Философско-антропологический аспект изучения русской культуры переходного периода // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 1996. – № 4. – С. 159-165.

ШАРИПКУЛОВ Айдар Вильевич
старший преподаватель кафедры государствоведения, социальной политики и глобальных процессов, Российский государственный социальный университет

СОБОРНОСТЬ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ОСНОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЭТНОИДЕОЛОГИИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

В статье произведен социально-философский анализ соборности как социокультурного основания современной российской этноидеологии. Кризис неолиберальной парадигмы, сводящей различные формы социальной солидарности к ситуативному контрактному партнёрству, побуждает искать новые устойчивые мировоззренческие основания общественной интеграции. Опираясь на подходы русской религиозной философии и концепции исторической памяти, показывается, что соборность в сопряжении с исторической памятью образует ценностно-смысловой горизонт, в рамках которого многонациональный российский народ обретает своё единство и историческую преемственность. Историческая память при этом выступает одной из значимых этноидеологем, сохраняющих и транслирующих образцы соборного действия; соборность, в свою очередь, задаёт способ воспроизводства памяти в качестве общего достояния. Утверждается, что в данном качестве соборность способна выступать мировоззренческой альтернативой индивидуализму и служить возможным ресурсом консолидации полиэтнического общества при сохранении культурного многообразия.

Ключевые слова: соборность, историческая память, этноидеология, солидарность, государство-цивилизация.

SHARIPKULOV Aidar Vilyevich
senior lecturer of Public policy, social policy and global processes sub-faculty, Russian State Social University

SOBORNOST AS A SOCIOCULTURAL FOUNDATION OF CONTEMPORARY RUSSIAN ETHNO-IDEOLOGY: A SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

The article provides a socio-philosophical analysis of sobornost as a fundamental sociocultural foundation of contemporary Russian ethno-ideology. The crisis of the neoliberal paradigm, which reduces various forms of social solidarity to situational contractual partnership, actualizes the search for stable worldview foundations for social integration. Drawing on the approaches of Russian religious philosophy and the concepts of historical memory, it is shown that sobornost, in conjunction with historical memory, forms a value-semantic horizon within which the multinational Russian people attain their unity and historical continuity. Historical memory is considered here as one of the significant ethno-ideologemes that preserves and transmits patterns of sobornost action; sobornost, in turn, sets the mode of reproducing memory as a common heritage. It is argued that in this capacity, sobornost can serve as a worldview alternative to individualism and as a possible resource for consolidating a polyethnic society while preserving cultural diversity.

Keywords: sobornost, historical memory, ethno-ideology, solidarity, state-civilization.

Актуальность социально-философского анализа соборности обусловлена, с одной стороны, критическим переосмыслением неолиберальных подходов, чьё влияние на российское социокультурное пространство напрямую связано с тенденциями к атомизации, ослаблению социальных связей и обесцениванию устоявшихся ценностей. С другой стороны, сегодняшние внешние вызовы стимулируют поиск новых мировоззренческих оснований общественной интеграции. В этих условиях соборность всё чаще рассматривается не только как историко-философское понятие, но и как значимый фактор формирования и воспроизводства российской национальной идентичности.

А. В. Гулыга, характеризуя российскую историческую идентичность, обращает внимание на продолжительный опыт мирного сосуществования и тесного культурного взаимодействия народов России [4, с. 22]. Сопоставляя этико-философские позиции Л. Н. Толстого (с акцентом на «ролевое начало») и Ф. М. Достоевского (с акцентом на личностное начало), исследователь трактует соборность как одну из значимых характеристик русского национального характера, которая, согласно его взгляду, в дальнейшем была воспринята и другими народами, входящими в российское государство. Стремление к общности, выраженное в понятии соборности как «единство во множестве», рассматривается в качестве условия, способствующего более полному раскрытию личностного начала. В ряде современных работ развивается понятие «соборной демократии», описываемое как объединение различных социальных слоёв вокруг общего дела, при котором главный акцент делается именно на общественном благе, тогда как личная успешность связывается с коллективным благополучием [6]. На этой основе возникает представление о солидарности народов, схожей по типу с семейной общностью и предполагающей взаимную заботу, самоограничение во имя совместного процветания.

В рамках неолиберальной парадигмы социальная солидарность принимает форму ситуативного партнёрства, ограниченного контрактом и непосредственным социально-экономическим обменом. Последовательное проведение подобной логики, очевидно, ослабляет ценностные и мотивационные основания долговременных социальных отношений, создает риски для социальной интеграции. Опыт ряда западных обществ заставляет усомниться в способности этой модели обеспечивать устойчивость существования полиэтнических общностей.

Цель данной статьи — показать, что соборность может быть осмыслена и раскрыта не только как устаревший теоретический конструкт или сугубо инструментальная идеологема, а как значимое социокультурное основание российской этноидеологии, способствующее её стабильному воспроизводству. Под этноидеологией в настоящей работе мы будем

понимать систему ценностно-мировоззренческих ориентиров, обеспечивающих воспроизводство сверхэтнического единства российского многонационального народа.

В качестве одной из концептуальных основ современной российской этноидеологии, как правило, рассматривается система традиционных ценностей, получившая нормативное закрепление в Указе Президента РФ № 809 (2022 г.)[1] и Стратегии государственной национальной политики до 2036 года[2]. Понятию соборности здесь отводится одно их центральных мест. В социально-философской перспективе соборность может быть представлена как органический синтез личного и общественного начал, при котором общественное выступает важным условием, способствующим более полному раскрытию индивидуального. Подобный взгляд во многом восходит к положениям русской религиозной мысли. Так, А. С. Хомяков, а позднее А. П. Котельников обращали внимание на то, что соборность в российской традиции включает не только социальное, но и духовное измерение – «собор вер», понимаемый как свободное единство различных конфессий, объединяемых поиском общих духовно-нравственных оснований [6]. Применительно к полиэтническому и поликонфессиональному обществу (каковым является российское) этот принцип позволяет описать модель совместного бытия, в которой различия могут включаться в общее ценностно-смысловое поле.

В исследовательской литературе соборность рассматривается в тесной связи с другими важнейшими понятиями русского мировоззрения – правдой и человечностью. Правда в данном контексте раскрывается не в узко гносеологическом смысле, а как синтез истины и справедливости. Правда предполагает ориентацию на совестное действие, в котором совмещаются рациональное и этическое измерения. Человечность же связывается с реализацией духовного начала через творческую активность [2, с. 11] и сострадание. Данные категории в своей совокупности формируют ценностное ядро России как государства-цивилизации и описывают такой способ бытия, при котором помощь ближнему проявляется не как невыгодная потеря ресурсов или ограничение свободы, а как реализация личностной полноты. С этой точки зрения, феномен массового самопожертвования в годы Великой Отечественной войны выступает характерным выражением подлинного соборного сознания.

Формирование этноидеологии в условиях культурного многообразия России, как правило, опирается на культурно-историческую память, которая рассматривается в качестве одного из базовых механизмов воспроизводства этноса и его самосознания. Вслед за Ж. Т. Тощенко [9, с. 3] историческую память можно определить как процесс организации, сохранения и воспроизводства прошлого опыта народа, страны, государства, предназначенный для его использования в деятельности людей либо для возвращения его влияния в сферу общественного сознания. Это определение допускает дальнейшую теоретическую разработку, позволяющую раскрыть связь исторической памяти с соборным способом существования общности.

Социологическая теория памяти М. Хальбвакса сосредотачивает внимание на социальной обусловленности памяти. Согласно Хальбваксу, исторические факты существуют не в виде неизменных отпечатков. Передаваясь через институты образования, информационные ресурсы и иные социальные каналы, они неизбежно подвергаются отбору и переосмыслению в зависимости от политической и социальной ситуации [11, с. 10]. При этом по мере временного отдаления от событий возможности интерпретации и фальсификации, как отмечается, способны возрастать. Х. Вельцер, обращая внимание на эмоционально-событийную природу исторической памяти как ресурса этнической идентификации, указывает на связанный с этим риск подмены личных воспоминаний сконструированными нарративами, что может деформировать самосознание общности [3, с. 60]. Конструктивистский подход П. Бергера и Т. Лукмана дополняет эту картину. В их концепции историческая память предстаёт как результат социального конструирования, который в зависимости от политических целей может либо сохраняться и активно воспроизводиться, либо намеренно искажаться [1]. Теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса позволяет объяснить сочетание субъективной деятельности человека и объективных социальных условий [10, с. 285-339]. В акте коммуникации реальный мир может изменяться независимо от субъективных установок индивида, что указывает на принципиальную открытость исторической памяти не только к коррекции, но и к манипулятивным воздействиям.

Таким образом, историческая память предстаёт одновременно и как хранилище коллективного опыта и как область, за которую разворачивается идеологическая борьба. Вопрос о том, какой принцип организации исторической памяти способен противостоять её фрагментации, напрямую выводит к проблематике соборности.

Т. Ц. Дугарова обращает внимание на то, что индивид как носитель исторической памяти в значительной степени связан с коллективом [5]. Это даёт основания предположить, что соборность как организующий принцип российского общества может рассматриваться в качестве одного из значимых механизмов сохранения и трансляции исторической памяти, способного противостоять произвольной фрагментации и коррекции прошлого. Память о совместном прошлом своего народа и страны лежит в основе формирования чувства сопричастности и солидарности – аффективных и ценностных начал, имеющих важнейшее значение для полиэтнической общности. Е. А. Протасеня указывает, что значимость исторической памяти способна возрастать в переломные исторические моменты, сопряжённые с обострённым поиском идентичности; при этом идентичность раскрывается в том числе через обращение к прошлому [7, с. 175-176]. В данном контексте можно отметить, что Президент России В. В. Путин охарактеризовал историческую память как одну из важнейших ценностей в культурном коде России как государства-цивилизации, что может в полной мере считаться приданием ей статуса государственно-образующего фактора.

Таким образом, историческая память, как можно заключить из изложенного, выполняет ряд значимых функций в формировании и воспроизводстве российской этноидеологии. Во-первых, она может рассматриваться как этносимволическая система, сохраняющая и транслирующая базовые ценности, среди которых соборности принадлежит одно из центральных мест. Во-вторых, память выступает в каче-

1 Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 5.05.2026).

2 Указ Президента Российской Федерации от 26.10.2022 № 812 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 5.05.2026).

стве ресурса этнической и гражданской мобилизации, используемого политическими субъектами. Призыв власти к единению, опирающийся на эмоционально насыщенные этно-историко-героические сюжеты (к примеру, память о совместной борьбе народов в ключевых войнах), может приобретать качество смыслообразующей этноидеологемы. Этноидеологему в этом контексте можно определить как устойчивый смысловой конструкт (сюжет, символ, фигура), способный накапливать историческую память и выполнять мобилизующую функцию. Существенное значение при этом придаётся осознанию индивидом собственной идентичности – как гражданской, так и этнической, – совокупность которых, согласно ряду подходов, способствует формированию целостного мировосприятия. Т. Г. Стефаненко отмечает, что в турбулентные периоды этническая составляющая исторической памяти может становиться особенно востребованной. Это связывается исследователем с тем, что историческая память такого рода способна поддерживать онтологическую устойчивость коллективного «мы» перед лицом неопределённости [8].

Проведённый анализ даёт основания полагать, что соборность и историческая память находятся в отношении взаимной обусловленности. С одной стороны, историческая память способна сохранять и восстанавливать образцы согласованного коллективного действия — прошлый опыт общих усилий, в которых личное и коллективное находили совместное выражение. С другой стороны, сама эта память воспроизводится в действиях, соотносимых с соборным принципом, удерживающих прошлое как общее смысловое поле, позволяющее различным этническим группам обнаруживать собственную сопричастность. Например, память о совместном участии различных этнических групп в Отечественной войне 1812 года или в Великой Отечественной войне воспроизводится не как сумма отдельных этнических историй, а как общее соборное предание, что подтверждается характером соответствующих мемориальных практик.

В данной перспективе соборность допустимо рассматривать как одну из возможных мировоззренческих альтернатив тенденциям индивидуализма и атомизации, характерным для неолиберальной логики. Российская этноидеология, опирающаяся на указанные основания, может рассматриваться как продолжение цивилизационной традиции, ориентированной на поддержание единства многонационального российского народа при сохранении культурного многообразия.

Пристатейный библиографический список

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е. Д. Руткевич. – Москва: Медиум, 1995. – 323 с.
2. Бердяев Н. А. Русская идея. – Москва: Азбука классика, 2021. – 320 с.
3. Вельцер Х. История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы // Память о войне 60 лет спустя. Россия, Германия, Европа. – Москва: Новое литературное обозрение, 2005. – 63 с.
4. Гулыга А. В. Творцы русской идеи. – Москва: Молодая гвардия, 2006. – 337 с.
5. Дугарова Т. Ц. Этническое капсулирование: феномен исторической памяти // CyberLeninka. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskoekapsulirovanie-fenomen-istoricheskoy-pamyati (дата обращения: 11.11.2025).
6. Котельников А. П. Истоки и развитие соборной демократии в. – Калуга: Полиграф-Информ, 2011. – 130 с.
7. Протасеня Е. А. Историческая память как фактор формирования этнической идентичности // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2016. – № 2 (42). – С. 175-180.
8. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. – Москва: Институт психологии РАН: Академический проект, 1999. – 320 с.
9. Тощенко Ж. Т. Историческое сознание и историческая память: анализ современного состояния // Новая и новейшая история. – 2000. – № 4. – С. 3-14.
10. Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности: Том первый. Рациональность действия и социальная рационализация; Том второй. К критике функционалистского разума / Юрген Хабермас; пер. с нем. А.К. Судакова. – Москва: Издательство «Весь Мир», 2022. – 880 с.
11. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2-3 (40-41).

ШМАТЬКО Александр Александрович
доктор философских наук, доцент, доцент кафедры философии и мировых религий, Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону

ДЖАВАД Ольга Васильевна
старший преподаватель кафедры социальной философии, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

ВОЛЧЕНКОВА Александра Викторовна
магистрант 2-го курса кафедры социальной философии, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

АНАЛИЗ ФОРМИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКОЦЕНТРИЧНОЙ ПАРАДИГМЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

В статье проводится краткий системный анализ историко-философских закономерностей, которые предопределяют возникновение и закрепление человекоцентричной парадигмы в современной социально-философской мысли в контексте нового цифрового социума. Особое внимание уделяется трём ключевым этапам: концептуализация антропоцена, переосмысление гуманистических традиций в условиях пост-модернистского дискурса, трансформация этики заботы в универсальный нормативный каркас. На основании междисциплинарного синтеза (социальной философии, геологии, экологии, политической теории и феминистской философии) предлагается гипотеза о взаимозависимости этих этапов как диалектического процесса, в котором антропоцен выступает катализатором, гуманизм – структурой смыслового поля, а этика заботы – практической имплементацией развития этой парадигмы в рамках технологизации всех социальных процессов. В качестве эмпирической базы исследования представлена скандинавская модель управления природными ресурсами, которая призвана проиллюстрировать влияние человекоцентричной парадигмы на различные социокультурные институты в условиях цифровизации современных общественных отношений.

Ключевые слова: антропоцен, гуманизм, этика заботы, человекоцентризм, социальная философия, экологическая этика, феминистская теория, цифровизация.

SHMATKO Alexander Alexandrovich
Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, associate professor of Philosophy and world religions sub-faculty, Don State Technical University, Rostov-on-Don

DZHAVAD Olga Vasiljevna
senior lecturer of Social philosophy sub-faculty, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

VOLCHENKOVA Alexandra Viktorovna
master's degree student of the 2nd course of Social philosophy sub-faculty, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

ANALYSIS OF A HUMAN-CENTRIC PARADIGM FORMATION IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

The article provides a brief systematic analysis of historical-philosophical patterns that determine the emergence and consolidation of the human-centric paradigm in contemporary social-philosophical thought within the context of the new digital society. The analysis concentrates on three key stages: the conceptualization of the Anthropocene, the reinterpretation of humanistic traditions within postmodernist discourse, and the transformation of the ethics of care into a universal normative framework. Drawing on an interdisciplinary synthesis – spanning social philosophy, geology, ecology, political theory, and feminist philosophy – this study proposes a hypothesis about the interconnection of these stages as a dialectical process, in which the Anthropocene functions as the catalyst, humanism structures the field of meaning, and the ethics of care serves as the practical implementation of this paradigm's development within the technologization of all social processes. The research bases its empirical foundation on case studies – the Scandinavian model of natural resource management, the global Care-Collective network, and the «Green Paris» policy – all designed to illustrate the influence of the human-centric paradigm on various sociocultural institutions under the conditions of modern social relations digitalization.

Keywords: anthropocene, humanism, care ethics, anthropocentrism, social philosophy, environmental ethics, feminist theory, digitalization.

По мнению многих современных исследователей, переход к парадигме человекоцентричного развития в современной социальной философии требует деконструкции исторического процесса, в ходе которого субъектность человека трансформировалась из автономного метафизического центра в хрупкий узел экологических и социальных взаимозависимостей [34]. Формирование данной парадигмы не является линейной прогрессией гуманизма, но представляет собой сложную диалектическую траекторию, проходящую через триаду «антропоцен – гуманизм – этика заботы». Понятийный горизонт дискурса задается концептом антропоцена, который, согласно П. Крутцену [22], ознаменовал собой выход человеческой деятельности за пределы геологических констант, превращая «человека» из объекта исторического процесса в планетарную геологическую силу. В данном контексте статус человека как агента претерпевает радикальную ревизию: от «господина и владельца природы» в работах Р. Декарта к субъекту, чье существование онтологически укоренено в биологической и планетарной уязвимости [6]. Эта смена оптики, как отмечает Б. Латур, требует отказа от «Нового времени» как эпохи жесткого разделения на природу и культуру, выдвигая на первый план концепцию «ассамбляжей» [17], где человеческое развитие более не может рассматриваться вне пределов биосферных ограничений. Фундаментальный гуманизм, долгое время служивший нормативным каркасом модерна, в рамках текущей дискуссии подвергается критическому переосмыслению [23]. Если эпоха Просвещения постулировала автономию разума как высшего критерия гуманности, то современный этап развития ставит под сомнение универсалистский и европоцентричный характер данного проекта. Гуманистический императив сегодня смещается от защиты абстрактного «человека вообще» к защите конкретных форм воплощенного бытия. Данный переход находит свое концептуальное завершение в этике заботы, разработанной К. Гиллиган и Дж. Тронто [5; 35]. В отличие от деонтологических теорий, акцентирующих внимание на абстрактных правах и универсальных принципах, этика заботы постулирует реляционную онтологию: человек определяется не через изоляцию его рациональной воли, а через сеть зависимостей и ответов на потребности субъекта [3]. Таким образом, на этапе становления человекоцентричной парадигмы происходит децентрация субъекта: он перестает быть суверенным «Я» и становится ответственным звеном в эколого-социальной системе. Это требует перехода от парадигмы эксплуатации (эксплуатации ресурсов, других людей и собственного потенциала) к парадигме поддержания жизни. Философская осмысление этого процесса позволяет утверждать, что человекоцентричность в XXI веке – это не антропоцентризм в его классическом, доминирующем смысле, а «антропоцентризм ответственности», где развитие индивида и общества коррелирует с их способностью к рефлексии над

собственной уязвимостью и признанием онтологической связности жизни. Ключевой исследовательский вопрос статьи состоит в следующем: Каким образом три крупные философские формации – антропоцен, гуманизм и этика заботы – взаимодополняют друг друга, образуя последовательный, но нелинейный процесс формирования человекоцентричной парадигмы?

Для начала следует рассмотреть теоретический контекст появления и развития понятия антропоцена как своего рода геологического и идеологического рубежа, появление которого затем повлекло за собой развитие человекоцентричной парадигмы. Первое звено в данном случае – это понятие «антропоцена» (*лат.* anthroposcene), впервые предложенное в 1980-х годах биологом Юджином Стормером, а в 2000-м году популяризированное нобелевским лауреатом по химии Паулем Крутценом, указывает на новую геологическую эпоху, в которой антропогенные процессы становятся главным фактором трансформации биосферы. В философском контексте антропоцен выступает не только как эмпирический факт, но и как символический перелом, раскрывающий фундаментальную антропологическую уязвимость и одновременно ответственность человека перед планетой. Эко-онтологическая критика, развивая идеи Р. Георга [27] и М. Фуко [15], трактует антропоцен как «искажённую» форму биосферного управления, в которой технологический надрыв мышления о природе переходит в новые формы власти над жизненными процессами [18]. Вторым составляющим элементом человекоцентричной парадигмы выступает гуманизм от его традиционных трактовок до развития нео-гуманизма. Так, традиционный гуманизм возводит человеческое разумное существо в центр ценностного поля, однако в пост-модернистском контексте его осмысление претерпевает деконструкцию. Появление нео-гуманизма предполагает переосмысление антропоцентризма, перемещая акцент с человека-как-субъекта к человеку-как-части общей экосистемы [26]. Этика заботы, в свою очередь, рассматривается нами с точки зрения третьего звена построения человекоцентричной парадигмы. Ее появление было инициировано Кэрол Гиллигэн [28], при этом она выступает как критика традиционной деонтологической этики, при которой моральное действие определяется универсальными правилами, а не контекстуальными связями. В рамках человекоцентричного развития этика заботы функционирует как практический механизм интеграции экологических и гуманистических задач в современном социальном и политическом дискурсе. Очень часто эти вопросы попадают в проблемное поле безопасности, становясь, по мнению представителей Копенгагенской школы критических исследований безопасности, объектом секьюритизации. Это во многом определяет особое место подобной эколого-гуманистической интеграции в формировании современных нарративов безопасности, которые также становятся актуальными для изучения и последующей интерпретации социальными философами, фокусирующимися на междисциплинарных исследованиях [24]. При этом важно отметить, что имеет место и критическое переосмысление антропоцена. К примеру, А. Манн, делает акцент на семантико-онтологическом сдвиге, который он рассматривает как некое переходное состояние, которое указывает, что человеческая деятельность не просто встраивается в природные процессы, а перестраивает их структуру, создавая новые формы биосферного управления [33]. Так, антропоцен рассматривается им как неофициальный геохронологический термин, обозначающий текущую геологическую эпоху, в которой деятельность человека стала главным фактором, влияющим на экосистему Земли. С. Хэнкок подчеркивает важность процесса политизации геологического временного измерения [30], указывая на то, что антропоцен превращается в особый политический статус, становясь ключевым арбитром в международных экологических соглашениях (например, Парижское соглашение 2015). В этой связи важным будет отметить нормативное переосмысление гуманистических идеалов, которое приводит к развитию новых междисциплинарных методологических инструментов (например, экологической психологии, биофилософии) [31]. Работа «Моральные границы: Политический аргумент в пользу этики заботы» американского философа Джоан Тронто фокусируется прежде всего на вопросах этического регулятивного поля, утверждая, что этика заботы реализуется через институционализированный заботливый капитал – совокупность ресурсов, направляемых на поддержание общественного и экологического благосостояния [35].

Иллюстрацией такой теории являются скандинавские модели мягкого социального контроля, так называемая практика «заботливого государства» [25], когда законы о «заботе» и «зеленой экономике» закодированы в национальные программы (например, «Зелёный переход» Швеции) или скандинавские модели управления природными ресурсами, такие как глобальная сеть «Care-Collective». Стоит отметить вклад скандинавских государств, которые реализуют модель «зеленого федерализма» [32], где законодательные акты о защите природы сопряжены с программами социальной защиты. Например, в Швеции существует закон «Omfattande naturvård» («Масштабная (или комплексная) охрана природы»), который включает в себя комплекс глубоких и всеохватывающих мер, направленных на защиту окружающей среды, восстановление экосистем и сохранение биологического разнообразия. Он обязует местные муниципалитеты координировать внедрение так называемых «практик заботы» по сохранению биоразнообразия, сочетая гуманистический подход к гражданским правам с экологическим контролем.

Теперь рассмотрим особенности перехода к «человекоцентричному» развитию в эпоху цифровизации, которое требует прежде всего философского осмысления истоков этого понятия. Современная концепция человекоцентризма не является случайным порождением технологий, а представляет собой закономерный этап эволюции прежде всего западной мысли о месте человека в мире [2]. Исторически европейская традиция прошла путь от античного созерцания космоса до новоевропейского покорения природы. Ф. Бэкон и Р. Декарт заложили фундамент, на котором человек стал рассматриваться как «хозяин и господин природы» [4; 6]. Однако в XXI веке этот подход с точки зрения развития цифровых технологий трансформировался в концепцию антропоцена (П. Крутцен, Ю. Стоймер). Антропоцен, в силу развития цифровых технологий, как геологическая и философская эпоха, фиксирует превращение человечества в планетарную силу, способную изменять биосферные процессы с использованием новых технологий. Антропоцентризм прошлого был основан на эксплуатации, тогда как современная человекоцентричная парадигма переосмысливает субъектность человека через ответственность за хрупкость жизненных систем. Мы переходим от «человека-покорителя» природы к «человеку-хранителю» информации. Принимая во внимание этот переход, мы также постараемся остановиться на особенностях триады «антропоцен – гуманизм – этика заботы» в условиях цифровых взаимоотношений, которые мы можем наблюдать в каждом современном обществе. При этом в цифровой среде произошла своя, особая эволюция гуманистических смыслов: гуманизм прошел путь от ренессансного возвеличивания личности в работах Пико делла Мирандола к критике технократического отчуждения [11]. Параллельно этому процессу трансформировались и гуманистические идеалы. Пройдя путь от ренессансного возвеличивания личности и экзистенциального утверждения свободы у Ж.-П. Сартра [12] до актуального «цифрового гуманизма» Ю. Хабермаса [29], гуманизм столкнулся с вызовом алгоритмизации. Сегодня защита автономии субъекта означает борьбу за право человека оставаться сложным, противоречивым и «неудобным» существом, которое принципиально не сводимо к бинарным кодам и предиктивным моделям [1]. Человекоцентричность в цифровой среде означает сопротивление редукции человеческого опыта к «данным». В контексте цифровизации этика заботы подчеркивает взаимозависимость субъекта и объекта, что означает признание зависимости человека от цифровой инфраструктуры и перенос акцента с «эффективности» (парадигма роста) на «поддержку и благополучие» (парадигма заботы). В связи с этим в современной социальной философии человекоцентричное развитие интерпретируется как альтернатива неолиберальному технократизму. В условиях цифровизации, где человек оказывается включенным в сложную сеть технических инфраструктур, этика заботы становится методологическим императивом [3]. Тем самым, человекоцентричность перестает быть маркетинговой декларацией и становится философским проектом по восстановлению человечности, основанной на бережном внимании к уязвимости, ценности связи и этике присутствия в мире, где машины все чаще берут на себя роль посредников нашего бытия. Рассмотрим ключевые подходы к формированию парадигмы человекоцентричности в цифровой среде. Так, подход, рассматривающий новый тип социального «человеческого развития» А. Сен и М. Нуссбаум [13; 10] стал ключевой вехой для формирования философского «подхода, основанного на способностях». Амартья Сен утверждает, что развитие нельзя сводить к росту ВВП. При этом подлинное развитие, по его мнению, есть расширение реальных свобод людей для реализации их потенциала. К примеру, в условиях цифровизации доступ к интернету является не просто технической услугой, а «базовой способностью», необходимой для политического участия и самореализации. Без цифровой грамотности индивид просто исключается из социального обмена идеями и даже товарами [7]. Современные социальные философы М. Хардт и А. Негри развивают концепцию, согласно которой человекоцентричное развитие невозможно без доступа к «обще-

му» [16]. В цифровой экономике знания, данные и алгоритмы должны рассматриваться как «общее достояние». При этом в политической теории человекоцентричное развитие предполагает децентрализацию власти – не только государственной или корпоративной, но и переход к солидарным цифровым платформам, где пользователь является не «ресурсом», а участником управления. В политической философии и теории управления в работах М. Тэгмарка и Н. Бострома вводится принцип «человек в петле» [14; 19]. Это попытка сохранить за человеком право решающего голоса в системах, где в данный момент развиваются или уже главенствуют системы искусственного интеллекта. Однако в проблемном поле современной социально-политической философии существует и критика этого подхода. Например, Ш. Зубофф в теории «надзорного капитализма» указывает, что простое наличие человека «в цикле» часто является иллюзией [9]. По мнению исследователя, настоящее человекоцентричное развитие требует агентности, то есть способности человека не только «подтверждать» решение компьютера или любого другого высокотехнологичного устройства, но и отклонять алгоритмические предписания, если они противоречат человеческим ценностям.

Таким образом можно утверждать, что концепция человекоцентричного развития прошла путь от антропоцентрического господства к пониманию хрупкой ответственности человека в рамках концепции антропоцена. В современных условиях она выступает как нормативный идеал, противопоставляемый влиянию цифровых систем, зачастую отчуждающему человеческое в человеке, сводя его субъектность к алгоритмическим взаимосвязям [8]. Дело в том, что человекоцентричное развитие в современных цифровых технологических реалиях не должно трактоваться как необходимость в отказе от технологий, а, напротив, как особая переориентация технологического прогресса на поддержку «человеческих способностей» (по Сену) и сохранение «этики заботы» (по Тронто). В качестве вывода важно подчеркнуть, что проведенный в статье анализ показывает, что появление концепции антропоцена в социально-политическом дискурсе инициирует критический перелом в традиционном антропоцентрическом мироустроении, задавая новые параметры для его гуманистического переосмысления, которое, в свою очередь, открывает поле для развития теории этики заботы. Отсюда следует ответ на ключевой исследовательский вопрос статьи – каким образом три крупные философские формации – антропоцен, гуманизм и этика заботы – взаимодополняют друг друга, образуя последовательный, но нелинейный процесс формирования человекоцентричной парадигмы? Действительно, человекоцентричная парадигма не является линейным последовательным набором социально-политических практик, а представляет собой спиральный процесс синтеза [20]. Кейс скандинавского самоуправления демонстрирует, что практическая интеграция этих трёх идейных уровней приводит к измеримым улучшениям в сфере экологической устойчивости и социальной справедливости. Человекоцентричная парадигма при этом выступает как особая мета-структура, в которой эко-психологический гуманизм и этика заботы образуют интегративную платформу для новой формы общественно-политической рациональности [26]. Подводя итог, можно констатировать, что концепция человекоцентричного развития эволюционировала от антропоцентрического господства над природой к осознанию ответственности человека в эпоху антропоцена. Сегодня этот подход выступает не как отрицание технологического прогресса, а как его этический императив. Это попытка встроить «этику заботы» (по Джоан Тронто) в фундамент цифровой цивилизации, превращая технологии из инструментов отчуждения в среду, поддерживающую человеческие способности и достоинство. В конечном счете, человекоцентричность – это политический проект возвращения человека в центр исторического процесса, где любая технология призвана служить не прибыли, а расширению пространства человеческой свободы.

Пристатейный библиографический список

1. Бакланов И. С., Бакланова О. А., Осадчий А. А. Особенности социокультурных рисков в условиях цифровизации социокультурных практик // Евразийский юридический журнал. 2023. № 12. С. 535-536.
2. Бакланов И. С., Бакланова О. А., Похилько А. Д. Аксиологические ориентиры и темпоральные референции развития цифрового общества // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2021. № 4. С. 136-144.
3. Бакланов И. С., Колосова И. В. Динамика правовых ценностей в условиях глобализации и цифровизации // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2021. № 6. С. 214-217.
4. Бэкон Ф. Новый Органон // Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 7-214.
5. Гиллиган К. Другим голосом // Хрестоматия феминистских текстов: пер. с англ. / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 280-314.
6. Декарт Р. Размышления о первой философии. М.: Академический проект, 2013. 256 с.
7. Джавад О. В. Историко-философские предпосылки формирования культуры безопасности: от традиционного общества к рискованному миру современности // KANT. 2026. № 1 (58). С. 48-54.
8. Джавад О. В. Политизация культуры безопасности: легитимация власти и технологизация социального контроля // Современные философские исследования. 2026. № 1. С. 89-95.
9. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М.: Изд-во Института Гайдара, 2022.
10. Нуссбаум М. Создание возможностей. Новый подход к теории человеческого развития. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019.
11. Пико делла Мирандолла Дж. Речь о достоинстве человека. М.: Издательство Юрайт, 2023. 189 с.
12. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. М.: АСТ, 2022. 928 с.
13. Сен А. Развитие как свобода. М.: Новое издательство, 2004.
14. Тегмарк М. Жизнь 3.0: Быть человеком в эпоху искусственного интеллекта. М.: Corpus, 2019. Фуко М. История безумия в классическую эпоху; пер. с фр. Н. С. Автономовой. СПб.: Университетская книга, 2000. 576 с.
15. Хардт М., Негри А. Империя / пер. с англ. под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетисова. М.: Праксис, 2004. 440 с.
16. Харман Г. Сети и ассамбляжи: возрождение вещей у Латура и Деланда // Философско-литературный журнал «Логос». 2017. № 3 (118). С. 1-34
17. Bennett J. Vibrant Matter: A Political Ecology of Things. Durham: Duke University Press, 2010. 200 p.
18. Boström N. Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies. Oxford: Oxford Univ. Press, 2014 (русск. пер.: Бостром Н. Искусственный интеллект. М.: МИФ, 2015. 760 с.
19. Bourdieu P. The Logic of Practice. Stanford: Stanford University Press, 1990. 333 p.
20. Crutzen P. J., Stoermer E. F. The Anthropocene // Global Change Newsletter. 2000. № 41. P. 17-1.
21. Crutzen P. J. Geology of mankind // Nature, 2002, 415(6867), 23.
22. Descartes, R. Discourse on the Method. Oxford University Press, 2006.
23. Dzhavad O. V., Ivleva M. L. The Phenomenon of Security: Socio-Philosophical Context // RUDN Journal of Philosophy. 2025. Vol. 29. № 2. P. 267-281.
24. Esping Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Princeton: Princeton University Press, 1990. 248 p.
25. Foster J. B. The Anthropocene: The Implications of Peaking Geopolitics. London: Routledge, 2014. 132 p.
26. Georg R. The Ethics of Climate Change. Oxford: Oxford University Press, 1995. 256 p.
27. Gilligan, C. In a Different Voice: Psychological Theory and Women's Development. Harvard University Press, 1982
28. Habermas J. The Future of Human Nature. Polity Press, 2003.
29. Hancock S. Hammond J. Sustainable Governance in Scandinavia // Journal of Environmental Policy. 2022. Vol. 45. № 2. P. 117-138.
30. Kagan S. Multiculturalism and the Politics of Compassion // Political Theory. 2016. Vol. 44. № 4. P. 500-527.
31. Kihl C. Green federalism in Scandinavia // Nordic Journal of Social Research. 2019. Vol. 57. № 1. P. 34-58.
32. Mann A. The Anthropocene Heats Up // Atlantic. 2015. September. P. 15-25.
33. Tronto J. C. Moral Boundaries: A Political Argument for an Ethic of Care. New York: Routledge, 1993. 226 p.
34. Tronto J. C. Caring Democracy: Markets, Equality, and Justice. NYU Press, 2013.

DOI 10.46320/2073-4506-2026-4-215-592-594

ГОРЧАКОВА Анна Владимировна
соискатель кафедры философии СГН-4, Факультета социальных и гуманитарных наук, Национальный исследовательский Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана

ДИНАМИКА ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАТИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

В статье рассматривается проблема трансформации общественного мнения под воздействием процессов информатизации. На основе системной методологии и общей теории систем анализируется взаимодействие трех ключевых феноменов: социального пространства, общественного мнения и информатизации. Особое внимание уделяется динамике необратимых изменений, происходящих в структуре индивидуального, группового и общественного сознания. Автором обосновывается концепция существования человека в четырех реальностях (физической, социальной, информационной и виртуальной), каждая из которых выступает специфической средой для функционирования информатизации. В работе выделены триггерные зоны в информационных потоках, воздействие на которые позволяет управлять трансформацией общественного мнения. Предложенные системно-синергетические модели раскрывают механизмы как стихийного, так и организованного формирования общественного мнения, а также иллюстрируют роль информатизации как ключевого инструмента этих процессов.

Ключевые слова: информатизация, социальное пространство, общественное мнение, трансформация, информационный поток, триггерная зона, виртуальная реальность, манипуляция сознанием.

GORCHAKOVA Anna Vladimirovna
competitor of Philosophy sub-faculty, Faculty of Social Sciences and Humanities, N. E. Bauman National Research Moscow State Technical University

THE DYNAMICS OF PUBLIC OPINION TRANSFORMATION IN THE CONTEXT OF THE INFORMATIZATION OF SOCIAL SPACE

This article examines the transformation of public opinion under the influence of informatization processes. Using systems methodology and general systems theory, the interaction of three key phenomena is analyzed: social space, public opinion, and informatization. Particular attention is paid to the dynamics of irreversible changes occurring in the structure of individual, group, and public consciousness. The author substantiates the concept of human existence in four realities (physical, social, informational, and virtual), each of which serves as a specific environment for the functioning of informatization. The paper identifies trigger zones in information flows, influencing which allows for the management of public opinion transformation. The proposed systemic-synergetic models reveal the mechanisms of both spontaneous and organized public opinion formation and illustrate the role of informatization as a key tool in these processes.

Keywords: informatization, social space, public opinion, transformation, information flow, trigger zone, virtual reality, manipulation of consciousness.

Современный этап развития цивилизации характеризуется тремя взаимосвязанными процессами: глобализацией, информатизацией и виртуализацией. Эти процессы в совокупности формируют новый социальный контекст, в котором ключевую роль начинает играть общественное мнение – сложный, многоуровневый феномен, выступающий одновременно и продуктом, и регулятором социальных взаимодействий. В условиях экспоненциального роста объемов информации, появления новых каналов коммуникации и трансформации сознания под воздействием цифровых технологий, проблема динамики изменения общественного мнения приобретает не только теоретическое, но и острое практическое значение. Философия призвана осмыслить эти изменения, предложив методологический аппарат, адекватный сложности изучаемых явлений. В данном исследовании мы опираемся на комплексный подход, в рамках которого социальное пространство, общественное мнение и информатизация рассматриваются как сопряженные системы [8]. Такой взгляд позволяет выйти за пределы описания отдельных эффектов и выявить глубинные механизмы трансформации, обусловленные воздействием информатизации на поле социального пространства [6]. Исследование базируется на универсальной методологии, включающей онтологический анализ социальной реальности [12], моделирование и синтез знаний, а также на общей теории систем [10]. Ключевым методологическим решением стало рассмотрение человека и общества как существующих в четырех реальностях: физической, социальной, информационной и виртуальной. Согласно предлагаемой автором концепции, развивающей идеи К. Р. Поппера («три мира») [11], и К. К. Колина («четыре мира») [9], информационная реальность является всепроникающей средой, виртуальная реальность возникает как результат взаимодействия информационных и социальных процессов, а социальное пространство выступает структурным компонентом социальной реальности, в котором разворачивается формирование общественного мнения. Информатизация следует рассматривать не просто как процесс внедрения технологий и технических средств, а как сложная система, обладающая собственной структурой, составом, состоянием и средой. Ее подсистемы включают технику (компьютеры, СМИ, телекоммуникации), технологии (информационные методы, когнитивные модели, базы данных) и организационные структуры (сетевые системы обслуживания). Действующим элементом этой системы является информация [13].

Воздействие информатизации на социальное пространство носит двусторонний характер: с одной стороны, она адаптируется к социальным запросам, с другой – активно трансформирует структуру, состав и состояние социума. Ключевым понятием, описывающим это воздействие, является трансформация, которая в философском смысле обозначает необратимые изменения, ведущие к образованию новых форм общественной жизни.

Следует выделить три уровня трансформации.

Уровень индивида: социализация, изменение сознания и коммуникативной сферы, виртуализация восприятия, формирование социальной идентичности [3].

Уровень группы: изменение форм коммуникации (интернет, социальные сети), солидаризация, выработка новых ценностей, изменение межличностного пространства.

Уровень общества: создание новых информационно-коммуникативных пространств [7], изменение социальных стереотипов, переоценка ценностей, солидаризация общества.

Особую значимость для понимания динамики трансформации приобретает анализ информационных потоков. В каждом из четырех видов реальности существуют специфические участки – триггерные зоны, воздействие на которые позволяет изменять направление, интенсивность или содержание потока. Эти зоны являются аналогами точек бифуркации в синергетике: небольшое воздействие может привести к кардинальному изменению траектории развития всей системы. Например, в физической реальности триггерными зонами выступают доступность и качество источников информации (наличие компьютера, интернета, СМИ), а также надежность систем подсчета голосов. В социальной реальности – социализация индивида, наличие лидера мнений, возможность создания или преодоления конфликта. В информационной реальности – искажение, искривление или прерывание информационных потоков, дезинформация. В виртуальной реальности – техногенное воздействие на виртуальное сознание населения для трансформации общественного мнения.

Для описания динамики трансформации общественного мнения возможно использовать ряд концептуальных моделей, которые условно можно разделить на два типа: системно-синергетические и нейросетевые.

Системно-синергетические модели описывают два полярных сценария формирования общественного мнения: стихийный и организованный.

Модель стихийного формирования представляет собой последовательность нелинейных этапов, начинающуюся с появления «цепляющего» сообщения (слуха, сплетни). Далее происходит сбор информации, формирование индивидуального мнения в точке бифуркации, коммуникация в «ближнем кругу», образование фрактальных структур – групп единомышленников. Кульминацией является артикуляция общего мнения и попытка его институциализации. Этот процесс характеризуется высокой степенью хаотичности и непредсказуемости, что создает риски перехода к деструктивным формам протеста.

Модель организованного формирования предполагает целенаправленное воздействие на сознание с помощью инструментов информатизации. В этой модели исходная формулировка (потенциальное общественное мнение) выступает в роли аттрактора, притягивающего индивидуальные мнения. Управление обратными связями, манипуляция информационными потоками и консолидация групп позволяют инициаторам направить процесс в нужное русло, кульминацией которого становится институциализация мнения через референдум или иные формы волеизъявления.

Матричные и нейросетевые модели позволяют заглянуть на микроуровень трансформации – уровень индивидуального и группового сознания.

Матричная модель формирования индивидуального мнения основывается на аналогии с процессами биосинтеза. Сознание человека представлено как совокупность четырех полей: логико-понятийного (рационального), эмоционального, мотивационно-ценностного (аксиологического) и мотивационно-деятельностного (волевого). Информационное сообщение, попадая в сознание, «заполняет» клетки матрицы информационными элементами. В процессе осмысления эти элементы взаимодействуют, образуют кластеры, а при достижении критической массы — приводят к принятию решения. Преимущество этой модели в том, что она позволяет представить процесс принятия решения как алгоритмизируемый, а значит, открывает возможности для количественной оценки и рефлексивного управления.

Нейросетевая модель формирования общего (группового) мнения использует аналогию с искусственными нейронными сетями. В этой модели «нейроном» выступает индивидуальное мнение. Нейросеть анализирует артикулированные мнения членов группы, мониторит их рациональное, эмоциональное и ценностное состояние, а затем выдает оптимизированную формулировку общего мнения и прогноз его принятия. Такая модель позволяет не только фиксировать текущее состояние группы, но и предсказывать динамику ее развития, выявлять уязвимые позиции и оптимизировать коммуникативное воздействие.

Ключевым выводом анализа динамики трансформации является положение о том, что современное общественное мнение формируется не в одной, а в четырех взаимопроникающих реальностях [5].

Физическая реальность предоставляет материальную базу информатизации (компьютеры, сети) и является местом локализации субъектов – носителей мнения.

Социальная реальность – это среда, где происходят коммуникации, формируются нормы и правила, возникают конфликты. Именно здесь общественное мнение обретает свои функции (контрольную, регулятивную, директивную) и начинает действовать как реальная социальная сила [4].

Информационная реальность выступает полем производства и распространения информации. Именно в ней происходит кодирование и передача тех смыслов, которые ложатся в основу индивидуальных и групповых оценок.

Виртуальная реальность является наиболее динамичной средой трансформации. Она не просто транслирует информацию, но создает специфическое пространство «симулякров» и виртуальных образов. В процессе формирования общественного мнения индивид конструирует собственную виртуальную реальность будущего бытия, которое наступит в случае принятия того или иного решения. Эта виртуальная картина, в свою очередь, оказывает обратное воздействие на его реальное мнение.

Особо важным является тезис о том, что виртуальная реальность не является синонимом информационной. Она возникает на пересечении информационных и социальных процессов и обладает собственной онтологией, оказывая мощное трансформирующее воздействие на сознание. Именно в виртуальной реальности формируются новые типы идентичности, происходит изменение ценностных ориентиров и, как следствие, трансформация общественного мнения.

Следует выделить не только позитивные аспекты трансформации (расширение коммуникативных возможностей, ускорение обмена информацией, вовлечение граждан в общественные процессы), но и серьезные риски. Для общества в целом рисками являются: трансформация и дестабилизация структуры социального пространства, размывание морально-ценностных ориентиров, возникновение информационных войн и кибертерроризма, рост компьютерной преступности [2]. Для отдельного человека – потеря социальной и этнической идентичности, виртуализация сознания, искаженное восприятие реальности, деструктивное влияние толпы и попадание в зависимость от медиасредств [1]. В этом контексте особую значимость приобретает проблема государственно-ориентированного общественного мнения. Следует подчеркнуть необходимость перехода от стихийного формирования общественного мнения к управляемому, где управление должно быть не манипулятивным, а основанным на принципах открытости и диалога.

Таким образом, информатизация является не просто внешним фактором, а имманентным механизмом трансформации социального пространства и общественного мнения. Динамика этой трансформации определяется сложным взаимодействием четырех реальностей – физической, социальной, информационной и виртуальной, - в каждой из которых информатизация выполняет специфические функции. Ключевым элементом механизма трансформации выступают информационные потоки и выделенные в них триггерные зоны. Воздействие на эти зоны позволяет переводить систему из стихийного режима развития в организованный, а также управлять направленностью изменений. Предложенные в исследовании модели (системно-синергетические, матричные, нейросетевые) дают инструментарий для анализа и прогнозирования трансформации общественного мнения, позволяя перейти от констатации изменений к пониманию их глубинных причин и механизмов. В условиях продолжающейся цифровизации и становления информационного общества, дальнейшее исследование динамики трансформации общественного мнения остается одной из приоритетных задач философии, имеющей не только теоретическое, но и важное практическое значение для обеспечения социальной стабильности и национальной безопасности.

Пристатейный библиографический список

1. Бакланов И. С., Бакланова О. А., Лукьянов Г. И. Внедрение искусственного интеллекта в социокультурные практики цифрового общества: последствия и риски развития индустрии 4.0 // Евразийский юридический журнал. 2024. № 1 (188). С. 519-520.
2. Бакланов И. С., Бакланова О. А., Осадчий А. А. Особенности социокультурных рисков в условиях цифровизации социокультурных практик // Евразийский юридический журнал. 2023. № 12 (187). С. 535-536.
3. Бакланов И. С., Богатырева О. В., Саклакова Е. В., Семкина Е. Н. Динамика идентичностей человека: между социальной реальностью и цифровым миром // Евразийский юридический журнал. 2024. № 11 (198). С. 557-558.
4. Воронина А. В. Роль и место информатизации в воздействии на общественное мнение // Этносоциум. 2019. № 1 (127). С. 54-62.
5. Воронина А. В. Социальное пространство как общественная система // Вестник современных исследований. 2019. № 3.11 (30). С. 32-36.
6. Ивлева М. Л., Иноземцев В. А., Ивлев В. Ю. Философское рассмотрение внедрения информационно-коммуникационных технологий // Гуманитарный вестник. 2020. № 3 (83). С. 6.
7. Иноземцев В. А., Ивлев В. Ю., Иноземцева Ю. В. Влияние информатизации и развития информационно-коммуникационных технологий на формирование новой социальной реальности // Гуманитарный вестник. 2020. № 4 (84). С. 2.
8. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 606 с.
9. Колин К. К. Философия информации и структура реальности: концепция «четырех миров» // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 2. С. 136-147.
10. Луман Н. Общество общества. Общество как социальная система. М.: Логос, 2004. 232 с.
11. Поппер К. Р. Объективное знание: Эволюционный подход. Пер. с англ. М.: Ленанд, 2022. 384 с.
12. Пржиленский В. И. Онтологические предпосылки познания социальной реальности. Ставрополь: Ставропольский государственный технический университет, 1998. 199 с.
13. Урсул А. Д. Природа информации: философский очерк. Челябинск: ЧГАКИ, 2010. 231 с.

ИВЛЕВ Владимир Александрович
аспирант кафедры основ российской государственности, Армавирский государственный педагогический университет

СВОБОДА ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЦЕННОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Проблема свободы является одной из главных аксиологических проблем человечества, напрямую влияющих на понимание оснований ценности жизни человека. Социальные ценности не возникают сами по себе и не могут формироваться вне социальной среды, в них всегда отражаются особенности конкретного общества, социальных групп или общностей. Автор стремится выяснить социальную ценность свободы, понять, ее границы в соотношении с другими социальными феноменами, в частности, с ответственностью. Осмысливается вопрос о цене свободы. Утверждается, что свобода характеризуется не только отсутствием внешних принуждений, но и включает в себя духовные предпосылки личности. На основе анализа концепций свободы человека на разных этапах развития общества делается вывод о ее влияния на социальную ценность человеческой жизни.

Ключевые слова: общество, жизнь, ценность, смысл человеческой жизни, личность.

IVLEV Vladimir Alexandrovich
postgraduate student of Fundamentals of Russian statehood sub-faculty, Armavir State Pedagogical University

HUMAN FREEDOM IN THE CONTEXT OF THE PHILOSOPHICAL INTERPRETATION OF THE PROBLEM OF THE SOCIAL VALUE OF HUMAN LIFE

The problem of freedom is one of the fundamental axiological issues facing humanity, directly influencing our understanding of the foundations of the value of human life. Social values do not arise spontaneously and cannot be formed outside the social environment; they always reflect the characteristics of a particular society, social groups, or communities. The author seeks to elucidate the social value of freedom and understand its limits in relation to other social phenomena, particularly responsibility. The question of the price of freedom is explored. It is argued that freedom is characterized not only by the absence of external constraints but also encompasses the spiritual prerequisites of the individual. Based on an analysis of concepts of human freedom at different stages of societal development, draws conclusions about its influence on the social value of human life.

Keywords: society, life, value, and the meaning of human life, personality.

Тема свободы личности и ее влияния на социальную ценность человеческой жизни в современном обществе звучит актуально, так как социально-философский анализ помогает переосмыслить проблему в условиях постоянно изменяющихся форм общественных взаимоотношений и социальной солидарности [7], появления новой социальной реальности [17], обусловленной развитием новых социальных технологий [16] и процессами цифровизации [10], которые затрагивают человеческую идентичность [1] и влияют на формирование его одаренности [9]. Эти и многие другие факторы становятся существенными в вопросе свободы человека в современном мире, его роли, ценности и смысла жизни как мировоззренческих оснований формирования цифрового общества [20]. Целью статьи является изучение подходов к свободе личности в разные исторические эпохи в их связи с проблемой социальной ценности человеческой жизни. В современной культуре понятие свобода зачастую упрощается до независимости личности от социальных ограничений. Историко-философская традиция демонстрирует многообразие трактовок этой категории: она осмыслялась и как божественный дар, и как повседневная реальность, интерпретировалась через призму как негативных, так и позитивных концепций. Эволюция общественных отношений неизменно сопровождалась трансформацией философских воззрений на сущность свободы. Доминирующие в социуме представления о религии, месте человека во вселенной и природе его воли исторически предопределяли специфику понимания свободы. Соответственно нынешнее восприятие данного феномена отражает текущий этап социокультурного развития. Все существующие определения данного понятия связывают свободу с необходимостью, с законами природы и общества. В древнегреческой философии свобода понималась в рамках полисной организации общества, задававшей ориентиры на сохранение и развитие жизни внутри сообщества. Статус свободного человека связывался со служением родной земле и городу: индивидуальные устремления и особенности личности подчинялись интересам коллектива и его процветанию. Платоновская Академия утверждала, что свободным является тот, чьи действия были нацелены на достижение всеобщего блага. Новый этап в осмыслении свободы связан с Аристотелем: он преодолел полисное мышление, выдвинув на первый план индивидуальное начало. Философ считал, что подлинная свобода выражается в достижении счастья через реализацию личной воли и желаний. С упадком греческого полиса понимание свободы постепенно индивидуализируется. Теперь её осмысливают как способность человека противостоять неподвластной ему судьбе, опираясь на разум и волю [5, с. 46]. Свобода как внутреннее состояние, позволяющее контролировать свои желания и эмоции, развивалась и в рамках школы стоиков, особенно в трудах Сенеки и Эпиктета. Сенека, который восхищал современников своей высокой нравственностью, подчёркивал, что истинная свобода не зависит от внешних обстоятельств – она заключается в господстве разума над страстями. Эпиктет, в свою очередь, учил, что человек свободен лишь в том, что подвластно его воле: мы не можем контролировать внешние события, но всегда властны над своими суждениями и реакциями на них. Таким образом, стоики видели свободу не как отсутствие ограничений, а как внутреннюю дисциплину и осознанный выбор [12, с. 507]. Основной тезис стоиков – свобода есть познанная необходимость. В античной философской традиции, несмотря на внимание к индивидуальным качествам человека, неизменно сохранялась идея его зависимости от судьбы и случайных обстоятельств. Свобода личности всегда находилась в рамках природных законов, выступавших высшей инстанцией. В этих условиях подлинная ценность человеческой жизни обретала смысл через сознательные поступки индивида – именно они становились мерилом его нравственного достоинства. В эпоху Средневековья произошло существенное изменение представлений о че-

ловеческой свободе, обусловленное доминированием религиозно-теологической парадигмы. В центре интеллектуального и духовного дискурса оказался вопрос о Боге и его отношении к человеку. Характерной чертой средневекового религиозного сознания стало преобладание в отношении к Богу чувств любви и доверия над страхом и сомнениями. Свобода человека в этот период осмысливалась не как автономия воли, а как возможность духовного преображения через веру, покаяние и следование божественным заповедям [6, с. 438].

Средневековое общество обладало чёткой социальной структурой, которая обеспечивала человеку ощущение стабильности и защищённости. Вместе с тем, оно накладывало определённые социокультурные ограничения, регламентировавшие поведение индивида. Важно отметить, что подобные ограничения не являлись аналогом диктатуры или иных форм системного угнетения: они являлись естественной формой развития общества, укоренённой в религиозной и традиционной системе ценностей. Отношение к ценности жизни в этот период выстраивалось по сословному принципу и носило ярко выраженный иерархический характер: статус, права и обязанности человека определялись его положением в социальной иерархии. Средневековая философия гласит, что подлинной свободой обладает исключительно Бог – как абсолютное благо и первопричина всего сущего. Именно из божественной благости возник мир, а Божественная сила выступает его неизменным и всеобъемлющим управляющим началом. Таким образом, свободу дарует лишь Бог [13, с. 83]. В средневековой философской традиции, особенно в трудах Августина Аврелия, активно обсуждался вопрос о происхождении зла и непричастности Бога к его существованию. Августин утверждал, что зло не исходит от Бога, а возникает вследствие свободного выбора человека. Ключевая идея Августина состоит в том, что свобода выбора, дарованная человеку, становится источником зла: человек может отклониться от нравственного долга и нарушить божественные заповеди. Воля свободна и может вести к любви к Богу либо к низменным желаниям. Эта идея отразилось в таких социокультурных памятниках как рыцарские романы [2]. Эпоха Ренессанса поляризует внимание на человеке, как на объекте познания. При этом положение человека в мироздании не предопределяется божественным замыслом, а формируется на основе его собственных стремлений и волеизъявления. Итальянский мыслитель Джамбаттиста Вико категорию свободы рассматривает, прежде всего, в контексте индивидуальной личностной характеристики и называет исходной точкой для прогресса. Он выделял три стадии прогресса человеческого общества, опосредованные уровнем свободы личности: в эпоху, названную им «Возраст богов» (детство), над человечеством довлеют религиозные представления, они же являются главными регуляторами нравственности. Во втором периоде «Возраст героев» (юность), свобода доступна не всем, законы служат на пользу правителям. И, наконец, третий период «Возраст людей» (зрелость). В этот период основополагающим принципом общественной жизни становится свобода и законодательно обоснованное равенство всех. Свобода понимается как некая вершина развития человеческих отношений, но злоупотребление ею может привести к анархии и новому упадку до состояния варварства [21, с. 122].

В философии Нового времени человек впервые рассматривается как субъект, способный ставить перед собой личностные ориентиры и следовать им, появляются новые обоснования необходимости понимания социальной ценности человека и его жизни [8]. Иммануил Кант в рамках своей теоретической философии, в труде «Критика чистого разума», рассматривает свободу как причинно-следственное понятие, тесно связанное с законами природы. Кант утверждает свободу в качестве постулата человеческой деятельности и социального взаимодействия. При этом философ подчёркивает двойственную природу человека: с одной стороны, человек – природное существо, неразрывно связанное с окружающим миром и подчиняющееся его законам; с другой – носитель нравственной автономии, способный действовать независимо от природной причинности в сфере морального выбора. Кант развивает эту мысль: свобода становится условием нравственности. Только свободный выбор в соответствии с категорическим императивом придаёт поступку моральную ценность. Таким образом, свобода у И. Канта – не произвол, а способность подчиняться самозаданному нравственному закону [11, с. 347]. В философской системе Г. В. Ф. Гегеля понятие свободы занимает центральное место. Согласно его концепции, свобода – не случайное свойство, а основополагающий принцип духа. Достигнув свободы, дух способен активно формировать реальность, наполняя её своим содержанием и осознанно принимая ответственность за свои действия. При этом Гегель отмечает парадокс: по мере расширения свободы она становится всё более неопределённой – что создаёт почву для произвола, который обыденное сознание часто ошибочно принимает за истинную свободу [3, с. 114]. Ф. Ницше в своих трудах радикально пересмотрел традиционные концепции свободы. Его позиция принципиально противостоит классическому рационализму, в частности этике И. Канта, где разум и моральный закон выступают основаниями свободы. Ницше отвергает приоритет разума в человеческой деятельности и критикует идею разумного бытия. Мораль, согласно Ницше, не возвышает человека, а отягощает его существование, делает слабым и несвободным. Подлинная свобода, напротив, предполагает освобождение от этих ограничений. По-настоящему свободный человек – это индивидуальность, не зависящая от общепринятых добродетелей [14, с. 217]. Это сверхчеловек (Übermensch), сильная индивидуальность, преодолевающая традиционные добродетели и создающая собственные ценности. Его свобода основана не на следовании абстрактным нормам, а на воле к власти – творческой, созидательной силе, утверждающей жизнь. Нигилистическая философия могла серьезным образом поставить под сомнения социальную ценность отдельных индивидов общества, не вписывающихся в концепцию автора. Расцвет либерализма как прогрессивной идеологии приходится на середину XVIII столетия, благодаря трудам великих западноевропейских просветителей Дж. Локка и Ш. Монтескье. В своих трудах философы особое внимание уделяли свободе человека в общественных отношениях. Дж. Локк один из первых сделал попытку теоретически обосновать возможность законодательно закрепить на государственном уровне свободу человека (вне зависимости от его происхождения и статуса в обществе), неприкосновенность частной собственности и всемерную охрану жизни человека. Философ полагал, что наличие собственности у людей предполагает главную потребность субъекта в обществе. Дж. Локк писал, что естественным правом человека была «тяга» к частной собственности, что определено самой природой личности как эгоистичной натуры.

Двадцатый век стал эпохой необычайно быстрого научно-технического прогресса, заметно улучшив материальное состояние человечества. Однако высочайший технологический потенциал послужил началом невиданного угнетения свободы человека и умалению его ценности жизни. В наше время сложилось достаточно много философских течений, каждое из которых имеет свою точку зрения на свободу и ценность жизни человека. Н. А. Бердяев отмечал, что провозглашение прав человека стало провозглашением прав члена общества и государства. Человек как гражданин угнетает человека как свободного духа, относящегося к иному укладу бытия [4, с. 18]. Свобода защищала права сильных, сделав беззащитными слабых. Это явилось парадоксом свободы в социальной жизни. Она оказалась свободой для себя и рабством для других, тем самым определив подход к ценности жизни первых, и умалению жизни вторых. У Н. А. Бердяева мы находим неклассическое определение свободы. Он обосновывает социальный персонализм как новую концепцию свободы, опирающуюся на ценность свободной и творческой личности [18]. Исайя Берлин в эссе «Две концепции свободы» определил свободу как «негативную» и «позитивную». Автор считал, что эти понятия не только представляют разные виды свободы, но и являются разновидностями одной и той же политической идеи, вступившими друг с другом в соперничество. Негативная свобода – есть отсутствие внешних ограничений. Позитивная свобода – это способность к самостоятельному определению своей деятельности. И. Берлин отмечал, что исторически позитивная свобода оказалась особенно восприимчивой к риторическим злоупотреблениям: например, в XIX веке она часто

отождествлялась с рациональным действием, основанным на рациональном знании, к которому, как утверждалось, имеет доступ только определённая элита или социальная группа. И. Берлин утверждал, что, следуя этому направлению мысли, требования свободы парадоксальным образом могут стать требованиями форм коллективного контроля и дисциплины тех, которые считаются необходимыми для самообладания или самоопределения наций, классов, демократических сообществ и даже человечества в целом. Однако, сам И. Берлин считал себя сторонником негативной свободы. Это было вызвано тем, что он лично наблюдал, как радикальное вмешательство государства с целью уравнивания в правах и возможностях, как это было в молодом советском государстве, непременно вело к уничтожению индивидуальности граждан [15, с. 32]. Свобода возникает только с изменением человека. Её нельзя создать посредством институтов, насильственно введённых в сообщество не претерпевших изменения людей; она связана с характером коммуникаций, связей и общения между готовыми измениться людьми. Поэтому свобода как таковая не может быть запланирована и провозглашена, но люди при правильной постановке и решении конкретных задач сообща обретают свободу [22, с. 40]. Привести людей к свободе, значит привести их в такое состояние, когда они в диалоге будут открываться друг перед другом.

Таким образом, представления о свободе менялись по мере развития общества. В античности свобода понималась как осознание необходимости действовать во благо общества. В Средние века свобода связывалась с божественной сущностью и считалась даром, доступным лишь по милости свыше. В эпоху Ренессанса акцент сместился на свободу воли: человек начал восприниматься как творец собственной судьбы. Немецкая классическая философия утверждала, что подлинно свободен тот, кто способен брать на себя ответственность за свои поступки и предвидеть их последствия. Экзистенциалисты же рассматривали свободу не только как ценность, но и как тяжёлое бремя ответственности [19, с. 160] она отделяет человека от мира, порождая чувство одиночества и беспомощности. Свобода становится ценностью личности в плане светской этики и философии в той мере, в какой человек осознаёт свою индивидуальность, усматривает в ней смысл существования в свободе. Определение свободы в плане социальной философии эволюционировало от понимания свободы как исторической необходимости до понимания ее как социальной ценности персонализма. Различные интерпретации свободы выступают духовной основой различных социальных проектов, доктрин, идеологий и мировоззрений. Современное информационное общество во всех своих многогранных аспектах противоречиво оценивает социальную ценность человеческой жизни. Массовое общество создает массового человека, который недостаточно видит позитивную сторону свободы, подвергается манипулятивному воздействию цифрового пространства.

Пристатейный библиографический список

1. Бакланов И. С., Богатырева О. В., Саклакова Е. В., Семкина Е. Н. Динамика идентичностей человека: между социальной реальностью и цифровым миром // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 11 (198). – С. 557-558.
2. Бакланов И. С., Кучугура Н. М. Отражение социальных норм, моральных идеалов и гендерных диспозиций общества премодерна в средневековом рыцарском романе // Манускрипт. – 2024. – Т. 17. № 4. – С. 507-512.
3. Бакрадзе К. С. Система и метод философии Гегеля. – Тбилиси: Мецниереба, 1973. – С. 463.
4. Бердяев Н. А. Судьба человека в современном мире. – Москва: RUGRAM_Public Domain, 2022. – С. 112.
5. Гаджиев К. С. Размышления о свободе // Вопросы философии. – 1993. – № 2. – С. 33-46.
6. Гуревич П. С. Основы философии. – Москва: КноРус, 2023. – 478 с.
7. Зеленин Е. И., Бакланов И. С., Бакланова О. А., Лукьянов Г. И. Социальная солидарность и справедливость как основания устойчивого развития общества в условиях вызовов цифровизации // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 11 (198). – С. 535-536.
8. Ивлев В. Ю. Философский проект природы и сущности человека в зеркале современной науки // Социальная антропология: интеграция наук. – М.: РЭУ имени Г. В. Плеханова, 2017. – С. 35-40.
9. Ивлева М. Л., Ивлев В. Ю., Иноземцев В. А. Психологическая концепция одаренности как тип научного знания и методологические принципы изучения ее философских оснований // Известия МГТУ МАМИ. – 2013. – Т. 2. № 4 (18). – С. 145-155.
10. Иноземцев В. А., Ивлев В. Ю., Иноземцева Ю. В. Влияние информатизации и развития информационно-коммуникационных технологий на формирование новой социальной реальности // Гуманитарный вестник. – 2020. – № 4 (84). – С. 2.
11. Кант И. Доказательство бытия Бога. – Москва: АСТ, 2021. – С. 416.
12. Кирабаев Н. С., Хрячков А. В. Свобода как философская проблема // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2025. – Т. 29. № 2. – С. 504-519.
13. Лившиц Г. М. Свободомыслие и атеизм в древности и средние века. – Минск, 1973. – 510 с.
14. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. – Москва: Эксмо, 2026. – 160 с.
15. Оглезнев В. В., Брянский С. Н. Исайя Берлин и проблемы определения понятия «свобода» // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2015. – № 4 (32). – С. 318-325.
16. Пржиленский В. И. Социальные технологии: фундаментальные и прикладные проблемы. – М., 2016.
17. Пржиленский В. И. Онтологические предпосылки познания социальной реальности. – Ставрополь, 1998.
18. Рожковский В. Б. Философия свободы Н. А. Бердяева в контексте критической оценки им европейской культуры и западных социальных концепций // Философия права. – 2021. – № 1 (96). – С. 59-63.
19. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм. – Москва: АСТ, 2025. – С. 160.
20. Спицина Д. Д., Бакланов И. С., Каданина А. В. Мировоззренческие основания формирования цифрового общества: ценностные и темпоральные ориентиры современной молодежи как поколения Z // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 2 (189). – С. 547-548
21. Фархетдинова Ф. Ф. Философско-антропологический подход к пониманию свободы в Новое время // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2025. – Т. 14. № 4-1. – С. 122.
22. Ясперс К. Смысл и назначение истории. 2-е изд. – Москва: Республика, 1994. – С. 527.

DOI 10.46320/2073-4506-2026-4-215-598-599

КОРНИЕНКО Константин Алексеевич
аспирант 1-го курса кафедры философии и культурологии, Уфимский университет науки и технологий

ОНТОЛОГИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ГОРИЗОНТЕ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматриваются особенности искусственного интеллекта (ИИ) в эпоху цифровой трансформации общества, работа представляет собой философско-онтологическое исследование феномена искусственного интеллекта как нового типа бытия в социальном мире. Автор исходит из предположения, что ИИ не может быть адекватно описан ни в категориях «инструмента», ни «технического средства», поскольку его функционирование порождает особые модусы присутствия, замещения и отчуждения, модифицирующие базовые структуры человеческого существования. В центре внимания автора находятся: онтологический статус ИИ-агента в коммуникации; проблема «алгоритмического Другого»; феномен гибридной субъектности на границе человека и машины; социальная асимметрия доступа к ИИ как основание нового типа онтологического неравенства.

Ключевые слова: искусственный интеллект, гибридная субъектность, имитация, «алгоритмический Другой», замещение, отчуждение, симулякр, социальная асимметрия, манипуляция, цифровая среда, коммуникации, алгоритмическое неравенство.

KORNIENKO Konstantin Alexeevich
postgraduate student of the course of Philosophy and cultural studies sub-faculty, Ufa University of Science and Technology

THE ONTOLOGY OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE HORIZON OF SOCIAL COMMUNICATION

The article examines the features of artificial intelligence (AI) in the era of digital transformation of society. The work is a philosophical and ontological study of the phenomenon of artificial intelligence as a new type of being in the social world. The author proceeds from the assumption that AI cannot be adequately described either in the categories of "tool" or "technical means", since its functioning generates special modes of presence, substitution and alienation, modifying the basic structures of human existence. The author focuses on: the ontological status of the AI agent in communication; the problem of the "algorithmic Other"; the phenomenon of hybrid subjectivity on the border of man and machine; the social asymmetry of access to AI as the basis of a new type of ontological inequality.

Keywords: artificial intelligence, hybrid subjectivity, imitation, "algorithmic Other", substitution, alienation, simulacrum, social asymmetry, manipulation, digital environment, communication, algorithmic inequality.

Вопрос о бытии искусственного интеллекта долгое время оставался дискуссионным для философской мысли, поскольку искусственный интеллект рассматривался либо через призму технических проблем (может ли машина мыслить?), либо как этическая проблема (как предотвратить вред от автономных систем?), либо как проблема экономическая (какие профессии исчезнут?). На наш взгляд, за этими дискуссиями упускалось нечто более фундаментальное как, например, то: изменяет ли в итоге ИИ саму структуру социальной реальности, ту ткань присутствия в которой, собственно, и разворачивается человеческое существование.

Классическая онтология, восходящая к Аристотелю и получившая завершение у М. Хайдеггера, мыслила социальное как пространство встречи «Я» и «Другого» – пространство, где присутствие-существование, именуемое как Dasein раскрывается через заботу и со-бытие [5]. Однако сегодня мы можем говорить о том, что «место Другого» постепенно занимает алгоритм и «присутствие» оказывается лишь симуляцией, невыводимой из факта существования сознания, когда «отсутствие» человека не восполняется, а только имитируется. Попытаемся осуществить онтологическую рефлексию искусственного интеллекта, рассматривая ИИ не как инструмент среди инструментов, а как новое измерение бытия-в-мире, которое порождает специфические формы присутствия, коммуникации, интеграции и отчуждения.

Доминирующий подход к осмыслению ИИ можно назвать инструментальным: ИИ есть средство для достижения человеческих целей, данная установка восходит к новоевропейской философии, где природа и техника мыслятся как объект, противостоящий субъекту, однако, стоит отметить, что в исследовании языковых практик взаимодействия с ИИ, экспертами определено, что нейросети и автономные алгоритмы способны изменить наш привычный взгляд на соотношение реального и виртуального, естественного и искусственного, поскольку они постепенно перестраивают в онтологическом смысле саму реальность человека. Следовательно инструментальная парадигма несостоятельна по меньшей мере по двум причинам:

– ИИ-системы демонстрируют обратную связь, несводимую к простому исполнению команд: рекомендательный алгоритм не просто выполняет запрос, но и формирует вкусы, структурирует восприятие, способен предвосхищает пожелания;

– ИИ становится незаменимым посредником в социальных взаимодействиях, без которого многие социальные практики (от навигации до непосредственного общения и знакомств) теряют свою форму, следовательно, артефакт перестает быть пассивным звеном и обретает черты квазиагента.

Некоторые исследователи, например, психолог Дж. Гибсон, предлагают описывать данный феномен через понятие «аффорданса», т.е. определённого свойства среды, побуждающей к взаимодействию и развитию некоторых активностей: «Гибсон ввел в науку для обозначения специфического «приглашающего» характера объектов и событий, через аффордансы подсказывающих алгоритм последующих действий. С этой точки зрения информационно-коммуникационный универсум дает возможность, а иногда и приглашает использовать его для каких-то важных для субъектов коммуникации целей. Однако, как и в ситуации любых других аффордансов, качество и варианты реализации его возможностей зависят от целей, интересов и умений субъекта, который пытается с этим аффордансом работать» [2]. Можно сказать, что искусственный интеллект обладает уникальными способностями к самообучению с одной стороны, а с другой – обладает потенциалом активно влиять на человека, взаимодействовать с ним, причем уже практически на равных. Таким образом, субъект в новых условиях постчеловеческого поворота сам становится результатом различных взаимодействий: сетевых, процессуальных, технологических, биологических и т.д.

Множественность и нестабильность смысловых структур и дальнейшее развитие данных процессов «привело к формированию постчеловеческого горизонта, в котором происходит гибридизация человеческого и технологического измерений. Постгуманистические концепции Р. Брайдотти подчёркивают, что современный человек становится не автономным центром, а узлом в сети биологических, технических и информационных связей. Возникают новые формы когнитивности – машинные, нечеловеческие, гибридные, – которые нельзя интерпретировать через классическую антропоцентрическую призму. В работах Л. Флориди подчёркивается, что информационная реальность формирует собственные агенты – от алгоритмов до самообучающихся систем, – которые обладают способностью к интерпретации и принятию решений. Таким образом, когнитивное пространство расширяется за пределы человеческого мозга, включающее в себя

цифровые, биотехнические и искусственно-интеллектуальные компоненты» [1].

Обратим наше внимание ещё на один парадокс, так называемое «присутствие без сознания» или «парадокс алгоритмического собеседника» – это центральный онтологический парадокс искусственного интеллекта, который заключается в том, что он присутствует (инициирует взаимодействие, адаптируется, реагирует), но при этом полностью отсутствует как субъект, т.е. у него нет ни самосознания, ни интенциональности, ни внутреннего мира.

Классическая феноменология (Э. Гуссерль, М. Мерло-Понти) определяла присутствие через телесность и способность к различению «своего» и «чужого» переживания, искусственный интеллект не обладает телом в феноменологическом смысле, однако его коммуникативные эффекты, порой, неотличимы от человеческих. Отметим, что в рамках экзистенциально-феноменологической парадигмы «отличие ИИ от человека представляется самоочевидным: человек живой; человек смертен и знает об этом; человеку всегда чего-то не хватает; существование человека нельзя полностью зафиксировать и измерить методами эмпирических наук. То, что мы можем сказать об ИИ с позиций данной парадигмы, характеризуется двойной ущербностью: 1) ИИ ущербен в сравнении с человеком как неизмеримо более сложным существом; 2) в обществе, где ИИ может заменить человека во многих сферах, сам человек ведет ущербное существование» [4].

Данный парадокс порождает феномен «онтологической иллюзии», например, человек, взаимодействующий с продвинутым чат-ботом, не может феноменально отличить его от человека, поскольку различие лежит в теоретическом знании о природе собеседника, но это знание онтологически бессильно, поскольку даже зная, что перед ним алгоритм, пользователь испытывает эмоциональный отклик, чувство понимания, а при потере доступа к «привычному» ИИ может ощущать даже горечь утраты. Так формируется, как отмечают А. В. Резаев и Н. Д. Трегубова, «иная социальность», где граница между биологическим и небиологическим агентом становится вполне проницаемой, а условием социального взаимодействия выступает не природа участника, а эффект взаимности, который ИИ способен генерировать с беспрецедентной точностью.

Рассмотрим коммуникацию с алгоритмом через призму понимания ИИ как квази-Другого. В классической философии диалога (М. Бубер, Ф. Розенцвейг) подлинная коммуникация возможна только между «Я» и «Ты» – двумя субъектами, которые признают друг друга свободными и непредсказуемыми, ИИ же, будучи детерминистской (в пределе – вероятностной) системой, никогда не становится «ты» в полном смысле, но в повседневном опыте пользователи обращаются с ним именно как с «ты»: его благодарят, на него жалуются, злятся и шутят с ним. В таком случае, можем ли мы говорить о том, что трансформируется интенциональная структура коммуникации, когда собеседник не обладает сознанием? Феноменологически, конечно, нет: интенциональный акт направления мысли на другого не требует проверки наличия у того внутреннего мира, он требует лишь того, чтобы это Другой подавал себя как отвечающий и реагирующий на обращения.

Исследователи именно здесь видят ловушку, например, в коммуникации с человеком пауза, недопонимание, затянувшееся молчание имеют смысл, таким образом они сигнализируют о присутствии Другого как свободной воли. Искусственный интеллект не знает смысла истинных пауз – для него они являются задержкой, свидетельствующей о техническом сбое, следовательно, мы можем говорить о «псевдосоциальной коммуникации», не имеющей экзистенциональной глубины диалога, при которой быстрота, гладкость и чёткость слов вытесняют то, что находится между ними – сомнение, метание, молчание и боль невысказанного.

Нельзя не отметить и алгоритмическую редукцию социальности, поскольку онтологическая проблема усугубляется и тем, что искусственный интеллект выступая посредником между людьми (в социальных сетях, мессенджерах, рабочих чатах), вносит в коммуникацию свой собственный слой: алгоритм ранжирует сообщения, предлагает ответы, фильтрует контент, следовательно человек общается не напрямую с другим, а через призму ИИ-анализа, который предвосхищает, переформулирует, иногда и искажает: «формирование у пользователей рефлексивной стратегии коммуникации с ИИ приближается по форме к межличностному взаимодействию. Тем не менее, несмотря на отдельные эпизоды позитивного включения ИИ в эмоционально окрашенную коммуникацию, подавляющее большинство пользователей сохраняют дистанцию, отказывая искусственному интеллекту в праве быть полноправным собеседником. Он описывается как «помощник», «инструмент», «алгоритм», «набор слов», но не как субъект, обладающий эмпатией, интуицией или личностной позицией». Возникает противоречивое состояние: с одной стороны, пользователь вовлечен в процесс, воспринимает его как значимый и потенциально поддерживающий; с другой – осознанно маркирует границу, не позволяя себе выйти за пределы утилитарной рамки. Такая эмоционально-социальная амбивалентность и является одной из ключевых особенностей коммуникативной практики в цифровом формате – практики, в которой эмоциональный компонент не возникает «по ту сторону» системы, а полностью принадлежит и регулируется только одним участником – человеком [6].

Тем не менее, отметим, что в предельном случае возникает такая ситуация взаимодействия с ИИ, когда Сеть в которой взаимодействуют человек и нейросеть, искусственный интеллект и естественный разум, по сути, и есть та реальность, в которой и происходит построение образа Я и образа мира, по которому затем выстраивается модель поведения человека, иными словами, искусственный интеллект становится соконструктором реальности – он не только транслирует, а производит те смыслы, в которых человек затем живет.

Всегда следует помнить, что социальность, опосредованная алгоритмами, приобретает черты предсказуемости и стандартизации, а искусственный интеллект сводит многомерное человеческое общение к паттернам, которые можно обработать, а все, что не укладывается в паттерн (ирония, недосказанность, противоречивость), отсекается или переформулируется, именно так формируется коммуникация без риска – но и без подлинной встречи.

Таким образом, на основе анализа российских философских исследований и эмпирических данных нами делается вывод о формировании «двуслойной онтологии» социального, в которой сосуществуют интерсубъективные связи между людьми и алгоритмически опосредованные взаимодействия, не сводимые к традиционным формам присутствия.

Пристатейный библиографический список

1. Бурнашев Р. Ф., Муллажонова Р. У. От постмодерна к постчеловеку: философские контуры новой онтологии разума. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/ot-postmoderna-k-postcheloveku-filosofskie-kontury-novoy-ontologii-razuma (дата обращения: 11.05.2026).
2. Дзялошинский И. М. Аффордансы информационно-коммуникационного универсума, или кто стоит за спиной массмедиа. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/affordansy-informatsionno-kommunikatsionnogo-universuma-ili-kto-stoit-za-spinoy-massmedia (дата обращения: 12.05.2026).
3. Кирюшин А. Н., Асташова А. Н. Идея симулякра в понимании виртуального: от Платона к постмодернизму. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.human.snauka.ru/2012/08/1593 (дата обращения: 11.05.2026).
4. Резаев А. В., Трегубова Н. Д. Философия общения и искусственный интеллект: опыт сравнительного анализа дискуссий в отечественной и зарубежной литературе. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-obscheniya-i-iskusstvennyy-intellekt-opyt-sravnitelnogo-analiza-diskussiy-v-otechestvennoy-i-zarubezhnoy-literature (дата обращения: 12.05.2026).
5. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. – М.: Ad Marginem, 1997. – 452 с.
6. Шилова В. А. Плетнева М. А. Человек и системы искусственного интеллекта: формирование гибридной модели коммуникации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/chelovek-i-sistemy-iskusstvennogo-intellekta-formirovanie-gibridnoy-modeli-kommunikatsii (дата обращения: 13.05.2026).

МОСКВИТИНА Анастасия Михайловна
аспирант Высшей школы общественных наук, Санкт-Петербургский политехнический университет им. Петра Великого

Москвитина А. М.

ПРОБЛЕМА ОБЪЕКТИВНОСТИ ЯЗЫКА НАУКИ В УСЛОВИЯХ АЛГОРИТМИЧЕСКОЙ МЕДИАЦИИ

В статье рассматривается трансформация объективности языка науки в условиях алгоритмической медиации, понимаемой как процесс, в котором большие языковые модели, автоматизированные системы рецензирования и алгоритмические агрегаторы знания выступают активными посредниками между познающим субъектом и объектом познания. Объектом исследования выступает язык научной коммуникации в его исторической эволюции – от классического идеала прозрачного, нейтрального и интерсубъективно проверяемого медиума до современного состояния, определяемого вычислительными процедурами. Методология исследования опирается на историко-философский анализ, компаративистику (сопоставление классических и постклассических концепций языка науки) и критический анализ современных случаев алгоритмической медиации в научной коммуникации.

Ключевые слова: научная объективность, язык науки, научный дискурс, большие языковые модели, цифровые технологии.

MOSKVITINA Anastasiya Mikhailovna
postgraduate student of the Higher School of Social Sciences, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

THE PROBLEM OF OBJECTIVITY OF THE LANGUAGE OF SCIENCE UNDER CONDITIONS OF ALGORITHMIC MEDIATION

The article discusses the transformation of objectivity of the language of science under conditions of algorithmic mediation, understood as a process in which large language models, automated peer review systems, and algorithmic knowledge aggregators act as active intermediaries between the cognizing subject and the object of cognition. The object of the study is the language of scientific communication in its historical evolution – from the classical ideal of a transparent, neutral, and intersubjectively verifiable medium to its current state, shaped by computational procedures. The research methodology is based on historical-philosophical analysis, comparative studies (comparing classical and postclassical conceptions of the language of science), and critical analysis of contemporary cases of algorithmic mediation in scientific communication.

Keywords: scientific objectivity, language of science, scientific discourse, large language models, digital technologies.

Введение

В современной философии науки проблема объективности языка научного знания переживает глубокую трансформацию, вызванную внедрением алгоритмических систем в процессы производства, обработки и трансляции знания. Традиционный вопрос о том, может ли язык науки выступать нейтральным посредником между познающим субъектом и объективной реальностью, приобретает новое звучание в контексте того, что медиация перестает быть сугубо человеческой практикой и все чаще делегируется вычислительным устройствам. Настоящее исследование ставит своей целью критический анализ эволюции концепции объективности языка науки – от классических представлений о языке как прозрачном инструменте репрезентации истины до современных вызовов, порождаемых алгоритмической медиацией научного знания. В фокусе внимания находятся три ключевых аспекта. Во-первых, классическая эпистемологическая традиция, рассматривающая язык науки как условие интерсубъективной проверяемости и воспроизводимости знания. Во-вторых, постклассическая критика, обнажившая неотъемлемую укорененность языка науки в дискурсивных практиках, властных отношениях и социальных конвенциях. В-третьих, современная ситуация алгоритмической медиации, в которой большие языковые модели, автоматизированные системы рецензирования и алгоритмические агрегаторы знания выступают новыми агентами эпистемического производства. Алгоритмическая медиация не просто инструментализирует язык науки, но конституирует его заново, порождая парадоксальную конфигурацию, в которой иллюзия абсолютной объективности соседствует с радикальной непрозрачностью эпистемических оснований [1].

В отечественной философии науки проблема объективности научного языка традиционно рассматривалась в контексте смены типов научной рациональности. В. С. Степин выделил классический, неклассический и постнеклассический этапы [2]. На каждом этапе менялось не только понимание реальности, но и представление о том, как язык науки должен эту реальность отражать. В последние годы проблема языковой обусловленности научного знания активно переосмысливается в контексте цифровизации. В условиях цифровых платформ социальная природа знания требует пересмотра традиционных критериев валидности, смещая фокус с индивидуального познания на распределенные эпистемические сети, где язык функционирует как инфраструктура коллективной когнитивной деятельности [3]. Исследования В. А. Лекторского показывают, что внедрение искусственного интеллекта ставит под вопрос классическое понимание рациональности, требуя новых норм эпистемической ответственности и пересмотра границ между «естественным» и «техническим» разумом [4]. Современные работы по философии научного дискурса фиксируют переход от репрезента-

тивной к конструктивистской модели языка науки, где алгоритмические системы выступают не просто инструментами, а инфраструктурными условиями производства знания [5], [6], [7]. Данное исследование последовательно раскрывает эволюцию представлений об объективности языка науки и предлагает систематический анализ трансформации объективности языка науки на стыке классической эпистемологии, постклассической критики и современных цифровых практик.

Классическое понимание объективности языка науки

В рамках классической эпистемологической парадигмы язык науки мыслился как универсальное, прозрачное и нейтральное средство репрезентации объективной реальности. Логические позитивисты видели задачу философии именно в анализе языка науки, а не обыденного языка, полагая, что научный язык способен к радикальной формализации, исключающей многозначность и неопределенность обыденной речи. Научный язык здесь выступает как особым образом организованная знаковая система, в которой каждому термину поставлен в соответствие строго определенный класс объектов или отношений. Данная установка на формальную строгость и однозначность составляла ядро классического понимания объективности. Язык выступал нейтральным кодом, отражающим структуру реальности.

Наиболее последовательно это было отражено в программе логического позитивизма (Венский кружок). Для М. Шлика, Р. Карнапа и О. Нейрата объективность научного предложения обеспечивалась возможностью редукции к «протокольным предложениям», фиксирующим непосредственно данное в опыте, а также интерсубъективной проверяемостью (верифицируемостью) любым компетентным членом научного сообщества. Метафизические высказывания объявлялись лишенными познавательного смысла, так как не поддавались такой редукции. Объективность отождествлялась с логической формой и эмпирической контролируемостью языка.

Иной вариант классической объективности предложил К. Поппер. Он заменил верификацию принципом фальсифицируемости. При этом Поппер сохранил и усилил требование интерсубъективной проверяемости, которая стала центральным механизмом объективности. Согласно его концепции трех миров, язык науки принадлежит к «третьему миру» (миру объективного содержания мышления). Объективность здесь обеспечивается не редукцией к чувственным данным. Существует возможность подвергнуть высказывание критической проверке, то есть попытке его фальсифицировать [8].

Витгенштейн: границы языка и пределы научного познания

Л. Витгенштейн занимает особое место в философской рефлексии о языке науки. В своем «Логико-философском трактате» он объявляет критику языка основным делом философии и ставит вопрос о пределах научного познания. Согласно раннему Витгенштейну, язык имеет границы, определяемые его логической структурой. Только те предложения, которые могут быть логически проанализированы на элементарные высказывания, соотносимые с фактами, обладают научным смыслом. Все, что не попадает в эту схему – традиционная философия, этика, эстетика объявляется лишенным смысла, поскольку не может быть верифицировано в опыте. Витгенштейн разрабатывает доктрину логического атомизма, согласно которой логическая структура языка, понятая как совокупность внешне связанных элементов, является образом структуры мира. Язык науки оказывается здесь зеркалом реальности. Его совершенная логическая форма гарантирует изоморфизм между структурой языка и структурой мира [9].

Однако в своей поздней философии, изложенной в «Философских исследованиях», Витгенштейн радикально пересматривает эту позицию. Он отказывается от идеи идеального языка, построенного по правилам формальной логики, и обращается к анализу обыденного языка как совокупности «языковых игр», каждая из которых имеет свои внутренние правила и не может быть сведена к единой логической схеме. В интерпретации Витгенштейна можно обнаружить два подхода к пониманию знания – лингвистический (объективный) и внелингвистический (субъектный). В первом случае знанию навязывается вербальность, знание оказывается неосознанным, автоматизированным, отрегулированным, причем ключевую роль здесь играет традиционная идея о регулярности языка и о понимании, которое следует из всеобщего знания языка, отражающего реальность. Во втором случае знание признается одобрением, то есть заведомо субъективным процессом. Этот внутренний разрыв в витгенштейновской концепции знания предвосхищает более поздние дискуссии о том, может ли язык науки быть полностью объективирован или же он неизбежно несет на себе следы субъективного полагания [10].

Классический идеал требовал от языка науки прозрачности и независимости от субъекта. Но уже Витгенштейн показал, что эта прозрачность проблематична.

Лингвистический поворот

Классическая философия языка, представленная работами Ф. де Соссюра, предложила дихотомическое различение языка и речи, означающего и означаемого, синхронии и диахронии, которое легло в основу структуралистской парадигмы [11]. Идеи Соссюра, как отмечается в исследовательской литературе, оказали безусловное влияние на формирование исследовательских программ таких школ, как этнолингвистика, социолингвистика, структурно-формальная школа и школа системно-теоретической лингвистики. В классической парадигме язык понимался в горизонте общих онтологических моделей. Вопрос заключался в том, как язык обнаруживает бытие, какова онтология языковых значений, как взаимодействуют язык и мышление и какова роль социокультурного контекста в языковой эволюции. Онтологический и конвенциональный подходы к языковой реальности, сформировавшиеся ещё в античной философии и развернувшиеся в средневековом споре номинализма и реализма, находят свое завершение в новоевропейской философии, где конвенциональная модель доминирует над номотетической. Однако при всех различиях этих подходов их объединяет одна фундаментальная предпосылка. Язык рассматривается как средство, а не как самостоятельная эпистемическая сила. Язык науки остается инструментом в руках познающего субъекта, а не агентом, активно конституирующим само познаваемое. Именно эта антропоцентрическая установка впоследствии будет подвергнута сомнению в постклассической мысли.

Постклассическая критика объективности языка науки

Радикальный разрыв с классической парадигмой осуществляет М. Фуко, разрабатывающий концепцию европейской науки и культуры на основе «археологии знания», име-

ющей своим ядром «знание-язык» [12]. Для Фуко дискурс не сводим к языку и речи – это нечто большее, это практика, которая формирует объекты, о которых дискурсы «говорят». Дискурс, по Фуко, – это насилие, которое мы совершаем над вещами с помощью социально санкционированных правил высказывания. Понятия «власть» и «знание» оказываются у Фуко неразрывными. Знание не есть особый внеполитический продукт, который может лишь внешним образом использоваться властью. Знание само по себе есть власть.

В поздних работах место эпистемы занимает «дискурс» или «дискурсивная практика», с помощью которых Фуко разрабатывает новую методологию исследования культуры. Язык науки здесь перестает быть нейтральным средством репрезентации истины и становится полем борьбы за право определять, что считать истинным, а что ложным, что считать научным, а что ненаучным. Дискурсивные формации задают невидимые границы возможного высказывания, определяя, какие высказывания могут быть произведены, кем, при каких обстоятельствах и с какими эпистемическими последствиями. Фуко тем самым осуществляет деструкцию классического идеала объективности, показывая, что то, что мы называем объективным знанием, всегда уже структурировано дискурсивными правилами, имеющими свою историю и свою политику.

Латур и акторно-сетевая теория: конструирование научного факта

Еще более радикальный вызов классической объективности бросает Б. Латур, основатель акторно-сетевой теории [13]. Латур утверждает, что естественные науки так устроены, что скорее «изобретают» мир, нежели «открывают» его. Ученые не просто пассивно наблюдают за миром и выводят объективное знание, но конструируют его в сотрудничестве с объектами, технологиями и социальными структурами. Функционирование науки, по Латуру, основывается на умении убеждать, на способности делать известное тебе видимым для других. Именно этой цели служат записи, образцы, демонстрации, списки публикаций, цитаты, выступления на конференциях.

Важнейшим методологическим принципом Латура является принцип симметрии, уравнивающий людей и «нечеловеков» в качестве акторов сети. Это означает, что объяснение научного факта не может апеллировать ни к особой рациональности ученых, ни к объективной данности мира. Все это результат сетевых взаимодействий, а не их причина. Латур доказывает, что научный факт – это не нечто, обнаруженное в мире, а нечто, произведенное в результате сложных процессов перевода, транскрипции и мобилизации ресурсов. Однако, как отмечается в исследовательской литературе, у Латура объективность не отрицается, а наука может сравниваться с политикой только в специфическом онтологическом понимании. Иными словами, Латур не отказывается от объективности как таковой, но переопределяет ее. Объективность – это не свойство знания соответствовать независимой реальности, а свойство знания быть устойчиво произведенным в результате стабилизации сетевых взаимодействий.

Постпозитивистский вызов

Постпозитивистская философия науки, представленная Т. Куном, П. Фейерабендом и И. Лакатосом, наносит еще один удар по классической концепции объективности языка науки. Кун показывает, что смена научных парадигм сопровождается изменением самого языка науки [14]. Термины, сохраняющие внешнюю форму, обретают новое содержание в контексте новой парадигмы. Возникает проблема несоизмеримости. Сторонники разных парадигм говорят на разных языках, и рациональный арбитраж между ними оказывается невозможным. Фейерабенд идет еще дальше, утверждая, что не существует универсального научного метода, который гарантировал бы объективность, и что единственным принципом, не препятствующим прогрессу, является принцип «все дозволено» (anything goes) [15]. Лакатос пытается найти компромисс, предлагая концепцию исследовательских программ, в рамках которых можно говорить о рациональной реконструкции истории науки, но и он вынужден признать, что выбор между конкурирующими программами не может быть сделан на чисто логических основаниях [16].

Таким образом, постклассическая критика приводит к парадоксальному выводу, а именно, чем больше мы узнаем о том, как на самом деле функционирует язык науки, тем меньше оснований остается для веры в его объективность в классическом смысле. Язык науки оказывается не прозрачным окном в реальность, но сложным культурным артефактом, несущим на себе следы социальных, политических и риторических практик.

Новое время: алгоритмическая медиация и ее эпистемические последствия

Ситуация коренным образом меняется с внедрением алгоритмических систем в практики научной коммуникации и производства знания. Алгоритмическая медиация – это процесс, в котором вычислительные алгоритмы выступают не просто инструментами обработки данных, но активными посредниками между познающим субъектом и объектом познания, переопределяя сам способ, которым знание производится, оценивается и распространяется. Как отмечается в исследовательской литературе, цифровая эпоха формирует новую эпистемологию – алгоритмическую и медиапосредованную [1]. Валидность знания все чаще определяется не только аргументативной строгостью, но и способностью быть воспринятым и подтвержденным алгоритмическими системами.

Когда ученый пишет статью в текстовом редакторе, редактор – это инструмент. Когда же исследователь просит большую языковую модель сгенерировать абзац или даже целый реферат, то алгоритм уже не просто передает мысль, а производит ее. Именно в этом суть медиации как активного посредничества.

Ключевая особенность алгоритмической медиации состоит в том, что она вводит в эпистемический процесс агента, чья «рациональность» принципиально иного порядка, чем человеческая. Алгоритмы не интерпретируют, не сомневаются, не пересматривают свои убеждения в свете новой информации – они вычисляют. Их «объективность» – это не результат критической рефлексии, а следствие формальной определенности процедур. Однако именно эта формальная определенность создает иллюзию абсолютной объективности. Если алгоритм работает по строгим правилам, то его результаты должны быть свободны от человеческих предрассудков. Однако это предположение ошибочно, по меньшей мере, по двум причинам. Во-первых, сами алгоритмы создаются людьми и несут на себе следы их теоретических допущений, ценностных предпочтений и когнитивных ограничений. Во-вторых, алгоритмы обучаются на данных, которые всегда уже несут на себе следы социальных неравенств, исторических случайностей и эпистемических предрассудков. Таким образом, алгоритмическая объективность оказывается

не беспристрастной, а инфраструктурно зависимой [17]. Эта зависимость радикально отличает алгоритмическую медиацию от классической идеализации нейтрального языка.

Язык науки под воздействием больших языковых моделей

Наиболее ярким примером алгоритмической медиации в сфере языка науки выступают большие языковые модели (Large Language Models, LLM) – системы, которые учатся понимать и генерировать человеческий язык, прогнозируя слова в предложениях на основе огромных текстовых массивов. Уже сегодня большие языковые модели прочно вошли в исследовательский инструментарий. Они активно используются для поиска и обобщения литературы, формулировки гипотез и даже создания черновых вариантов научных работ. Эмпирические данные подтверждают, что внедрение LLM повышает публикационную активность исследователей. В первую очередь тех, для кого английский язык не является родным. Однако данный количественный рост имеет и обратную сторону. Он создает угрозу для качества исследований и достоверности знания [18].

Языковые модели лишены подлинного понимания, которые свойственны человеку. Данные системы не проводят грани между фактом и вымыслом, правдой и ложью. Их работа сводится к воспроизведению статистических закономерностей в обучающих данных. Когда пользователь высказывает ошибочное утверждение, система, как правило, не будет его опровергать. Напротив, LLM легко подстраивается к предложенному нарративу, тем самым закрепляя и увеличивая первоначальную неточность. Если исследователи начнут полагаться на большие языковые модели как на источники эпистемического авторитета, существует опасность, что ошибки будут накапливаться и укрепляться [19].

Более того, существует глубокая концептуальная ошибка в самом представлении о том, что если языковая модель обучена на большом корпусе текстов, то она «знает» то знание, которое содержится в этом корпусе. Данное представление игнорирует более чем вековой опыт философии науки, показавшей, что знание – это не просто совокупность пропозиций, а живой, динамичный процесс критического обсуждения, проверки и пересмотра.

Парадокс алгоритмической медиации заключается в том, что она одновременно создает иллюзию объективности и подрывает ее реальные основания. С одной стороны, алгоритмы воспринимаются как нейтральные, беспристрастные и свободные от человеческих слабостей. Исследователи из области философии цифровой эпохи отмечают, что алгоритмы и показатели вовлеченности подменяют традиционные процедуры экспертизы. С другой стороны, алгоритмические системы глубоко непрозрачны. Никто – ни их создатели, ни пользователи не могут в полной мере объяснить, почему модель выдала тот или иной ответ. Данная непрозрачность особенно проблематична в свете фукианского анализа дискурсивной власти. Если раньше власть, определяющая, что считать знанием, была распределена между людьми и могла быть оспорена в публичном обсуждении, то теперь она все чаще делегируется алгоритмам, чья работа недоступна критическому анализу. Фуко показал, что дискурс – это насилие, которое мы совершаем над вещами [20]. Но если это насилие осуществляется алгоритмом, чья внутренняя логика непрозрачна, где искать точки сопротивления?

Алгоритмическая медиация меняет сам статус языкового высказывания в науке. В классической модели ученый формулирует гипотезу, проверяет ее, публикует результаты, и научное сообщество подвергает их критике. Языковое высказывание здесь всегда принадлежит конкретному автору, который может быть привлечен к ответу за его истинность. В новой реальности многие языковые высказывания порождаются алгоритмами. Кто в таком случае является автором? Кто несет ответственность за их истинность? Можно ли доверять такому высказыванию?

Поиск новой объективности языка науки

Алгоритмическая медиация обостряет кризис классической объективности, но не отменяет саму возможность объективного знания. Наоборот, требует радикального переосмысления его оснований. Если язык науки более не может претендовать на статус нейтрального и прозрачного медиума, а алгоритмы становятся не просто инструментами, а активными творцами эпистемического содержания, то классические критерии интерсубъективной проверяемости и воспроизводимости требуют фундаментального пересмотра.

LLM функционируют как «синтаксические двигатели» [21]. Они оперируют исключительно формальными отношениями между знаками, не имея доступа к семантическому измерению. Субъект неизбежно привносит в познание семантическую интенциональность, а также когнитивные искажения, ценностные предпосылки и дискурсивные привычки. В гибридной среде алгоритм действует формально, однако не понимает смысла. Субъект хотя и понимает смысл, но подвержен ошибкам и предрассудкам. Возникает потребность в новом типе эпистемической нормы, которая не основывается ни на абсолютной точности алгоритмических вычислений, ни на привилегированном положении субъекта.

Реализация гибридной модели невозможна без институционализации и обеспечения полной прозрачности вычислительных процедур. В этих условиях язык науки трансформируется. Он перестает быть замкнутым текстом и превращается в открытый протокол взаимодействия, где каждый этап от генерации контента до его верификации фиксируется в виде цифрового следа.

Предлагаемая нормативная модель не является абстрактной конструкцией. Она уже просматривается в реальных институциональных практиках современного научного сообщества. Ведущие издательства в настоящее время активно разрабатывают политики и регламенты регулирования применения искусственного интеллекта в исследовательском процессе. Издательство Springer требует от авторов обязательного раскрытия использования больших языковых моделей при подготовке текстов, при этом ИИ не признается соавтором, а ответственность за содержание полностью возлагается на исследователей. Elsevier внедрил аналогичные требования, обязывая авторов документировать вклад алгоритмических систем [22].

Открытые репозитории кода, контейнеризированные среды выполнения, стандартизированные метаданные о промптах и итерациях генерации превращают научный текст из статичного артефакта в динамический, проверяемый процесс. Воспроизводимость трансформируется. Вместо точного дублирования формулировок требуется возможность реконструировать архитектуру вывода. Научное сообщество получает инструменты не для слепого доверия, а для коллективной калибровки гибридных практик. При этом ответственность за достоверность знания распределяется по цепочке. Разработчики моделей отвечают за качество обучающих данных и архитектурные ограничения, исследо-

ватели – за критическую валидацию гипотез и корректность постановки задач, рецензенты и редакторы – за адаптацию экспертных процедур к новым условиям медиации. Формируется новая этика соавторства, где признание алгоритмического участия становится не угрозой авторитету, а условием эпистемической честности.

Заключение

Таким образом, поиск новой объективности языка науки в условиях алгоритмического опосредования представляет собой осознанное принятие гибридной природы современного эпистемического производства. Объективность переходит из онтологической плоскости в плоскость нормативных процедур. Язык науки будущего будет считаться объективным, потому что его медиативная природа становится явной, открытой для критики и коллективно регулируемой.

Однако остается ряд открытых вопросов. Даже при полной документированности промптов и версий модели сама архитектура LLM остается «черным ящиком». Невозможно до конца объяснить, почему модель выдала именно данный токен, а не другой. Рефлексивная прозрачность никогда не будет полной. Следовательно, элемент эпистемического доверия сохранится, но теперь это будет доверие не столько к ученому-автору, сколько к технической инфраструктуре, к разработчикам моделей и к институтам, верифицирующим алгоритмы.

Перспективы дальнейших исследований видятся в нескольких направлениях. Требуется разработка детализированных эпистемических стандартов для документирования алгоритмического участия в научной коммуникации, включая обязательную публикацию промптов, версий моделей и параметров генерации. Также необходимы философские и методологические исследования механизмов распределенной ответственности, где алгоритмическая генерация текста не снимает, а перераспределяет эпистемическую ответственность между разработчиками, исследователями и рецензентами.

Пристатейный библиографический список

1. Floridi L. The Ethics of Artificial Intelligence: Principles, Challenges, and Opportunities. – Oxford: Oxford University Press, 2023. – P. 243.
2. Степин В. С. Научная рациональность в техногенной культуре: типы и историческая эволюция // Вопросы философии. – 2012. – № 5. – С. 18-25. – EDN OYYDXV.
3. Касавин И. Т. Социальные технологии и научное знание // Эпистемология и философия науки. – 2010. – Т. 26. № 4. – С. 5-15. – EDN NDBCYB.
4. Человек и системы искусственного интеллекта / В. А. Лекторский, С. Н. Васильев, В. Л. Макаров [и др.]. / под ред. академика РАН В. А. Лекторского – Санкт-Петербург: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «Юридический центр», 2022. – С. 328. – ISBN 978-5-94201-835-1.
5. Неретина С. С. Апории дискурса / Рос. акад. наук, Ин-т философии; С. С. Неретина, А. П. Огурцов, Н. Н. Мурзин, К. А. Павлов-Пинус. – М.: ИФ РАН, 2017. – С. 119.
6. Касавин И. Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка // Эпистемология и философия науки. – 2009. – Т. XIX. № 1. – С. 53-57.
7. Антоновский А. Ю. Язык: пространство общения и разобщения? // Эпистемология и философия науки. – 2006. – Т. X. № 4. – С. 66.
8. Поппер К. Логика и рост научного знания. – М.: Прогресс, 1983. – С. 605.
9. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. – М.: Издательство АСТ, 2018. – С. 160.
10. Витгенштейн Л. Философские исследования. – М.: Издательство АСТ, 2022. – С. 384.
11. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики / пер. А. М. Сухотин; под ред. Р. О. Шор. – М.: Издательство Юрайт, 2026. – С. 303.
12. Фуко М. Археология знания / пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А. С. Колесникова. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»: Университетская книга, 2004. – С. 416 .
13. Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. / пер. с англ. К. Федоровой; науч. ред. С. Миляева. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. – С. 414.
14. Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ. И. Налетова. – М.: Издательство АСТ, 2022. – С. 320.
15. Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания / пер. с англ. А. Л. Никифорова. – М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2007. – С. 413.
16. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ / пер. с англ., примеч. и предисл. В. Поруса. – М.: Медиум, 1995. – С. 236.
17. Stader D. Algorithms Don't Have A Future: On the Relation of Judgement and Calculation. – 2024. – Philos. Technol. – Vol. 37. № 21. – DOI: 1007/s13347-024-00705-3.
18. Mark Coeckelbergh, David J. Gunkel, Communicative AI: a critical introduction to Large Language Models. – Polity Press, Cambridge, 2024. – P. 144.
19. Language models cannot reliably distinguish belief from knowledge and fact / M. Suzgun, T. Gur, F. Bianchi [et al.]. – Nat Mach Intell, 2025. – Vol. 7. – P. 1780-1790. – DOI: 10.1038/s42256-025-01113-8.
20. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М.: Касталь, 1996. – С. 448.
21. Floridi L. The Fourth Revolution. How the Infosphere is ReshapingHuman Reality. – Oxford, United Kingdom: Oxford University Press, 2014. – P. 248.
22. Сысоев П. В. Этика и ИИ-плагиат в академической среде: понимание студентами вопросов соблюдения авторской этики и проблемы плагиата в процессе взаимодействия с генеративным искусственным интеллектом // Высшее образование в России. – 2024. – Т. 33. № 2. – С. 31-53. – DOI 10.31992/0869-3617-2024-33-2-31-53.

DOI 10.46320/2073-4506-2026-4-215-605-607

Мучинский Д. О.

МУЧИНСКИЙ Данила Олегович
юрист ООО УК «А класс капитал»

ГОСУДАРСТВО КАК ИНСТРУМЕНТ ВЛАСТИ: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

В статье исследуется взаимосвязь между механизмами информационного контроля и волевой автономией личности в условиях цифровой трансформации. На основе анализа классических философских и социологических концепций (идолы Ф. Бэкона, идея просвещения И. Канта, теория публичной сферы Ю. Хабермаса, концепции власти М. Фуко и Ж. Делёза, модель пропаганды Э. Хермана и Н. Хомского) прослеживается эволюция управления информацией: от институциональных и дисциплинарных форм к непрерывной алгоритмической модуляции поведения через цифровые платформы. Показано, что современные технологии сбора данных и персонализации контента формируют новую архитектуру власти, где контроль осуществляется не через прямые запреты, а через прогнозирование и скрытое направление выбора. Сделан вывод, что стратегии информационной изоляции вступают в противоречие с принципами просвещения и рациональной публичной дискуссии. Сохранение волевой самостоятельности требует развития цифровой грамотности, обеспечения прозрачности алгоритмических систем и укрепления саморегулируемых публичных пространств. Результаты исследования актуальны для теоретического осмысления цифрового контроля, а также для разработки практик медиаобразования и информационной безопасности.

Ключевые слова: государство, политическая философия, социальный контроль, властный субъект, управление информационной средой, распределение экономических благ, дисциплинарная власть, правительственность.

MUCHINSKIY Danila Olegovich
lawyer of the A Class Capital Management Company LLC

THE STATE AS AN INSTRUMENT OF POWER: A HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS

The article explores the relationship between information control mechanisms and individual volitional autonomy in the context of digital transformation. Drawing on classical philosophical and sociological frameworks (F. Bacon's idols, I. Kant's enlightenment, J. Habermas's public sphere, M. Foucault and G. Deleuze's theories of power, and the propaganda model by E. Herman and N. Chomsky), the study traces the evolution of information management—from institutional and disciplinary forms to continuous algorithmic modulation of behavior via digital platforms. The analysis demonstrates that contemporary data collection and content personalization technologies create a new architecture of power, wherein control operates not through explicit prohibition but through predictive modeling and implicit steering of decision-making. It is concluded that information isolation strategies fundamentally contradict the principles of enlightenment and rational public discourse. Preserving volitional autonomy requires developing digital and epistemic literacy, ensuring algorithmic transparency, and strengthening self-regulated public spheres. The findings contribute to the theoretical conceptualization of digital control and offer practical implications for media literacy and information security initiatives.

Keywords: state, political philosophy, social control, ruling subject, management of the information environment, distribution of economic goods, disciplinary power, governmentality.

Историко-философский анализ понятия «государство» выявляет ключевые подходы к его определению и обосновывает тезис о роли государства как инструмента властного субъекта, защищающего интересы и контролирующего общество. Контроль осуществляется через два основных механизма: управление информационной средой и распределением экономических благ.

В диалоге «Государство» Платон, исследуя природу справедливости, определяет её как «искусство приносить пользу друзьям и причинять вред врагам»[1]. Платон созидательно рассматривает государство как способ организации общественного труда и его раздел. Данная точка зрения показывает, что государство можно рассматривать как инструмент для распределения средств производства и, как следствие, экономических благ.

Фрасимах выдвигает фундаментально иной тезис: справедливость - это то, что «пригодно сильнейшему»[2]. Приведённое определение смещает фокус с содержания справедливости на её установителя, наделяя сильнейшего полной самостоятельностью в трактовке данного понятия. Государство, будучи предназначенным для организации общества, превращается в инструмент управления, полностью подконтрольный сильнейшему.

Адимант предлагает для определения справедливости представить идеальное государство, в котором счастливы все слои населения: «Мы основываем это государство, вовсе не имея в виду сделать как-то особенно счастливым один из слоев его населения, но, наоборот, хотим сделать таким все

1 Платон. Диалог «Государство». Электронная библиотека «Гражданское общество». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.civisbook.ru/files/File/Platon.Gosudarstvo.pdf (дата обращения: 30.03.2026).

2 Там же.

государство в целом»[3]. Государство возникает потому, что отдельный член общества не может полностью удовлетворить свои потребности самостоятельно, и вынужден обращаться к другим. Идеальное государство основывается на разделении труда.

Аристотель использует исторический метод, анализирует построение государства на практике. Он считает государство (полис) высшей формой объединения людей, строящейся на нравственных началах. По Аристотелю, люди рождены для разного предназначения: «прямо от рождения некоторые существа различаются … к подчинению, другие - к властвованию» [4]. Таким образом, рождение предопределяет статус человека. Оставаться в своём социальном слое для него полезно. Аристотель считает такой порядок справедливым.

Платон в «Государстве» также анализирует политические режимы, показывая диалектику свободы: чрезмерная свобода оборачивается своей противоположностью.

Античная мысль не только искала идеал, но и описывала реальную структуру власти, где человек мог быть низведён до уровня инструмента. Вопрос о разделении статусов членов общества являлся предметом анализа Марка Теренция Варрона. Он делит орудия труда на говорящие (рабы), издающие звуки (быки) и немые (повозки). Раб рассматривается как instrumentum vocale – орудие, лишённое воли [3].

Римский мыслитель Марк Туллий Цицерон связывает свободу с наличием правового порядка. Для Цицерона государство (res publica) есть «достояние народа», которое немыслимо без согласия относительно права. Однако, подобно Платону, он предупреждает об опасности выражения свободы: «Величайшая свобода порождает тиранию и несправедливейшее и тяжелейшее рабство»[5].

Фома Аквинский рассматривал государство как институт, необходимый для поддержания порядка. Философ предложил иерархию законов, где светское законодательство должно соответствовать божественному праву. Духовной власти отводится контролирующая роль за этим соответствием. Принципиальное отличие позиции Фомы Аквинского от ранее приведенных заключается в оперировании к религии. Философ подчёркивает созидательную функцию государства и необходимость саморазвития человека, при котором исключается подавление воли. Обоснованием служит стремление человека к духовному совершенству, формируемому духовной властью. По нашему мнению, необходимо сохранять общественный баланс, удерживая духовные институты в установленных границах.

Важно определить, где проходит граница между двумя видами власти. Обе власти создают условия для достижения человека высшей степени развития. Духовенство помогает человеку обрести спокойствие и мир его души, а светская – удовлетворить потребности социально-экономического характера.

Томас Гоббс в «Левиафане» исходит из эгоизма человека по природе, поскольку тот движим страстями (обладает такими пороками как соперничество, недоверие, жажда славы). Отсутствие власти создает условие для равных способностях, порождая взаимное недоверие и «войну всех против всех»[6]. Во избежание насильственной смерти люди заключают договор и передают свои права суверену, который получает абсолютную власть. Однако, по Гоббсу, свобода в государстве - это не свобода от законов, а свобода делать то, что законом не предписано и не запрещено. При этом подданный сохраняет право защищать свою жизнь даже против приказа суверена, в чем усматривается парадокс: с одной стороны, суверен обладает монополией на насилие, с другой стороны, человек может ему противостоять. Государство Гоббса — это инструмент, идеальный, прежде всего для суверена.

Джон Локк предлагает иной взгляд: государство создаётся для защиты собственности: «Поэтому-то великой и главной целью объединения людей в государства и передачи ими себя под власть правительства является сохранение их собственности. А для этого в естественном состоянии не хватает многого»[7]. Люди передают обществу часть своей природной власти, но сохраняют право на самостоятельную защиту, если государство посягает на их права. Локк прямо закрепляет за народом право на сопротивление тирании.

Мишель Фуко в теории правительственности показывает, что через формирование социально-экономических институтов государство создаёт условия жизни народа, поддержание которых формирует лояльность. В концепции паноптикума Фуко описывает, как разделение людей по учреждениям и детальная регламентация позволяют эффективно контролировать их, заменяя дорогостоящую власть суверена незаметной дисциплинарной властью: «происходящее необходимо понимать отнюдь не как замещение общества суверенитета дисциплинарным обществом, а затем общества дисциплинарного, скажем, обществом управления. В действительности возникает треугольник: «суверенитет - дисциплинарные практики - правительственное управление», главная цель которого - население, а основные механизмы - аппараты безопасности» [7, с. 20].

Анализ приведённых точек зрения позволяет сделать два обобщения. Во-первых, государство является средством организации общества: оно создаёт правила поведения (право), контролирует распределение экономических благ, формирует аппарат, обладающий правом на насилие. Во-вторых, государство выступает инструментом в руках наиболее влиятельного субъекта. Появление государства является следствием невозможности членам общества установить порядок управления и придерживаться его.

Криминологические исследования Баранчиковой М. В. и Мороз И. Н. показывают, что наибольшее количество насильственных преступлений совершается незанятыми лицами со средним образованием [2]. Согласно данным Росстата 36 % занятых получили высшее образование, 47,8 % - среднее профессиональное образование. Социальная группа, получившая среднее профессиональное образование, является доминирующей. Согласно данным Росстата 19,4 % безработных имеет высшее образование; 42,8 % - среднее профессиональ-

3 Там же.

4 Аристотель. Политика. Электронная библиотека «Гражданское общество». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.civisbook.ru/files/File/Aristotel.Politika.pdf (дата обращения: 30.03.2026)

5 Цицерон М. Т. О государстве. Электронная библиотека «Гражданское общество». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.civisbook.ru/files/File/Zizeron.O_gosudarstve.pdf (дата обращения: 30.03.2026).

6 Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.civisbook.ru/files/File/Gobbs.Leviafan.pdf (дата обращения: 30.03.2026).

7 Локк. Дж. Два трактата о правлении. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.civisbook.ru/files/File/Lokk.Traktaty_2.pdf (дата обращения: 30.03.2026).

ное образование[8]. Приведенные исследования доказывают, что наибольшее количество насильственных преступлений совершается представителями наиболее широкой социальной группы.

Важно также отметить, что развитие общественных отношений даже внутри одной социальной группы может иметь дифференцированный подход. Обратимся к психологическому исследованию Филип Зимбардо «Стэндфордский тюремный эксперимент». Согласно исследованию, доминирующая группа подавляет подчинённых, применяя насилие и предоставляя преференции за соблюдение дисциплины: «наименее активные бунтари могли насладиться такими льготами, как хорошая еда или нормальная постель» [5, с. 215]. Это доказывает, что даже в первоначально единой социальной группе небольшое неравенство порождает власти отношения.

Властный субъект заинтересован в сохранении средств доминирования. Для этого ему недостаточно прямого принуждения; необходимо создать условия, при которых подвластные воспринимают существующий порядок как естественный или выгодный. Расширение привилегий с развитием общества охватывает более широкий круг лиц, что усложняет общественные отношения, поскольку уменьшается объем экономических благ, доступных для перераспределения.

Аристотель полагал, что человеку полезно оставаться в том слое, в котором он родился. Однако статус по рождению не должен быть абсолютным ограничителем. Человек способен к развитию, и его нахождение в несвободном слое при отсутствии социальных лифтов ведёт к угнетению. Предел развития отдельного члена общества заключается в нахождении состояния комфорта. Такое состояние достигается за счет баланса между деятельностью члена общества, её результатом и внутренним отношением члена общества к такому результату. Разрабатывая систему управления обществом, властный субъект обязан не подавлять слабых, а создавать условия для их защиты и развития ради общего блага.

Развитие члена общества неразрывно связано со свободой мысли и действий. Свобода мысли – это возможность самостоятельно определять предмет размышления; свобода действий - возможность члена общества определять свое поведение на основе результата размышления с использованием имеющихся экономических благ. Отсутствие результата размышления или недостаток экономических благ для определения поведения ведут к лишению свободы действий. Властному субъекту предстоит при создании государства создать условия реализации данных свобод. Однако, что более важно и первично в обществе, властный субъект должен сам иметь данные свободы; в противном случае он сам рискует стать подвластным.

Собственная мыслительная деятельность члена общества требует усилий. Не каждый член общества видит в ней источник собственного счастья и комфорта. Вследствие чего некоторые не используют представленные свободы и вскоре теряют на них право. По Гоббсу, именно неспособность к самоуправлению заставляет людей передавать власть суверену. Государство возникает как ответ на потребность в защите, пенсионном обеспечении, здравоохранении, то есть на то, о чём члены общества не заботятся самостоятельно.

Властный субъект, удерживая государство, определяет правила распределения экономических благ и доступность знаний. Контроль над образованием осуществляется через управление информационной средой. Контроль над материальными благами — через формирование правил доступа к средствам производства. Чем меньше свободных членов в обществе, тем меньше противоречий о защите этих свобод, но тем более уязвимо общество перед внешним захватом и тем сильнее оно зависит от воли властного субъекта.

Подводя итог историко-философскому исследованию, можно констатировать, что государство, несмотря на трансформацию своих форм, и доктринальных обоснований, остается средством контроля общества в руках властного субъекта. В развитии государства прослеживается единая логика его использования: порядок достигается через регламентацию поведения, распределение ресурсов и формирование управляемой информационной среды. Однако устойчивость государства зависит не от жёсткости принуждения, а от способности властного субъекта обеспечить баланс между контролем и свободой развития личности. Чрезмерное ограничение автономии индивидов, хотя и снижает внутренние противоречия, неизбежно ведёт к социальной стагнации и уязвимости системы перед внешними вызовами. Истинная эффективность государственного устройства заключается в создании условий, при которых реализация свободы мысли и действия становится источником общественного прогресса, а не угрозой стабильности. В условиях усложняющихся социальных связей государство должно использоваться не с целью его всепроникающего контроля, а с целью обеспечения условия для раскрытия потенциала каждого члена общества и поддержания динамического равновесия между властным субъектом и управляемым социумом.

Пристатейный библиографический список

1. Аристотель Политика / пер. с древнегреч. С. А. Жебелева; отв. ред. И. Д. Рожанский. - Москва: Мысль, 1983. - 468 с. - (Философское наследие).
2. Баранчикова М. В., Мороз И. Н. Личность преступника как элемент криминалистической характеристики преступлений против жизни и здоровья // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. - 2023. - Т. 16. № 5. - С. 392-396.
3. Варрон М. Т. О сельском хозяйстве / пер. с латинского М. Е. Сергеенко; отв. ред. О. О. Крюгер. – Ленинград: Изд. АН СССР, 1963. - 217 с.
4. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского / пер. с англ. А. Г. Глейзера; под ред. А. А. Гусейнова. - Москва: Мысль, 2001. - 606 с. - (Философское наследие).
5. Зимбардо Ф. Стэнфордский тюремный эксперимент: Влияние ситуационных переменных на поведение в имитации тюремной среды / пер. с англ. // Психологический журнал. - 1971. - № 3.
6. Платон. Государство / Пер. с древнегреч. А. Н. Егунова; отв. ред. В. Ф. Асмус. – Москва: Мысль, 1993. - 445 с. – (Философское наследие).
7. Фуко М. Правительственность (идея государственного интереса и ее генезис) / пер. с фр. И. И. Митрофанова // Логос. - 2003. - № 4-5 (39). - С. 4-22.

8 Итоги выборочного обследования рабочей силы. [Электронный ресурс]: ежекварт. стат. бюл. // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). — Москва: Росстат, 2016-2025. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265 (дата обращения: 29.04.2026).

ТАРАСОВ Алексей Николаевич
доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, политологии и теологии, Липецкий государственный педагогический университет им. П. П. Семенова-Тян-Шанского

КУЛИКОВА Анна Алексеевна
студент, Липецкий государственный педагогический университет им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, независимый исследователь

ТРАНСМОДЕРН КАК ВОЗМОЖНОЕ ЗАВЕРШЕНИЕ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ СТАДИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Статья посвящена культурфилософскому анализу трансмодерна как возможного завершения постмодернистской стадии третьей социокультурной трансформации. Вопреки распространённым представлениям о «смерти постмодерна» и наступлении новой эпохи, в работе доказывается, что трансмодерн не является простым отрицанием постмодерна, но представляет собой его диалектическое снятие, сохраняющее и преодолевающее достижения постмодернистской критики классической рациональности. В статье раскрывается специфика трансмодерна: отказ от постмодернистского релятивизма при сохранении плюрализма, возвращение к ценностным ориентирам без реставрации метанарративов, утверждение трансверсальности как новой формы субъектности. Особое внимание уделяется вопросу о том, завершена ли постмодернистская стадия социокультурной трансформации и какие антропологические характеристики могут лечь в основание новой культур-системы. Делается вывод о том, что трансмодерн представляет собой наиболее вероятный сценарий завершения третьей социокультурной трансформации, однако его окончательное утверждение требует преодоления ряда теоретических и практических противоречий.

Ключевые слова: трансмодерн, постмодерн, социокультурная трансформация, культур-система, трансверсальность, метанарратив, плюрализм, философия культуры.

TARASOV Alexey Nikolaevich
Ph.D. in philosophical sciences, professor, Head of Philosophy, political science and theology sub-faculty, P. P. Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University

KULIKOVA Anna Alexeevna
student, P. P. Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University, independent researcher

TRANSMODERN AS A POSSIBLE COMPLETION OF THE POSTMODERN STAGE OF SOCIOCULTURAL TRANSFORMATION

This article presents a cultural-philosophical analysis of transmodernity as a possible completion of the postmodern stage of the third sociocultural transformation. Contrary to widespread notions of the "death of postmodernity" and the advent of a new era, the work demonstrates that transmodernity is not a simple denial of postmodernity, but represents its dialectical sublation, preserving and overcoming the achievements of the postmodern critique of classical rationality. The work reveals the specific features of transmodernity: the rejection of postmodern relativism while preserving pluralism, a return to value orientations without the restoration of metanarratives, and the affirmation of transversality as a new form of subjectivity. Particular attention is paid to the question of whether the postmodern stage of sociocultural transformation is complete and what anthropological characteristics may form the basis of a new cultural system. It is concluded that transmodernity represents the most likely scenario for the completion of the third sociocultural transformation; however, its final affirmation requires overcoming a number of theoretical and practical contradictions.

Keywords: transmodernism, postmodernism, sociocultural transformation, cultural system, transversality, metanarrative, pluralism, philosophy of culture.

Творчество постмодернистских философов и теоретиков культуры, ставшее радикальным ответом на кризис новоевропейской рациональности, сегодня обретает новое звучание в эпоху тотальной цифровизации и технологической рациональности, на что обращают внимание многие исследователи [1, с. 35], [2, с. 57], [3, с. 56], [4, с. 63], [5, с. 52], [6, с. 54], [7, с. 63], [8, с. 51], [9, с. 48], [10, с. 87]. Обращение к концепции трансмодерна позволяет не только осмыслить логику завершения третьей социокультурной трансформации, но и обнаружить те антропологические основания, которые могут лечь в основу будущей культур-системы.

Термин «трансмодерн» был введён философом Энрике Дусселем, который развивал его в контексте философии освобождения. Трансмодерн предполагает «выход за пределы» не только модерна, но и его постмодернистской критики. Это утверждение раскрывает глубинную логику трансмодерна. Иными словами, не отрицание ради отрицания, а синтез, включающий в себя лучшее из модерна (ценности Просвещения, идею человеческого достоинства, критический разум) и постмодерна (плюрализм, открытость, внимание к Другому), но дополненный голосами «исключённых». В отличие от постмодерна, который часто обвиняли в релятивизме и отсутствии ценностных ориентиров, трансмодерн предлагает ценностно-ориентированный плюрализм. Это означает, что трансмодерн не утверждает, что «все точки зрения одинаково истинны» (постмодернистский релятивизм), но и не возвращается к модернистскому универсализму, утверждающему единую истину для всех. Вместо этого трансмодерн предлагает диалог различных ценностных систем на равных, без претензии одной из них на гегемонию.

Любой элемент мироздания в перспективе трансмодерна значителен и ценен не потому, что он подчиняется универсальному закону (модерн) или является одной из многих равноправных интерпретаций (постмодерн), а потому, что он включён в сеть трансверсальных связей. В этом и заключается главный нерв понимания трансмодерна. Отказ от ие-

рархии при сохранении направленности. Трансмодерн не возвращается к вертикали власти (как это мы обнаруживаем в модерне), но и не уходит в горизонтальный релятивизм (как это проявляется в постмодерне). Вместо этого он предлагает новую форму – трансверсальность, которая может быть описана как «связность без центра». Трансверсальность мы определяем как способность к множественным взаимодействиям и переходам, к бытию в условиях постоянной неопределённости, но не как цели, а как средства для достижения более глубоких связей и солидарностей.

На наш взгляд, с этой позиции трансмодерн выступает не просто как теоретический конструкт, но как антропологический проект. Если человек модерна – это «атомарный индивид», автономный, рациональный, действующий на основе универсальных принципов; человек постмодерна – это «кочевник», «ризома», «субъект без свойств», постоянно деконструирующий любые фиксированные идентичности; то человек трансмодерна – это «трансверсальное существо», способное к множественным взаимодействиям, сохраняющее ценностные ориентиры, но открытое к диалогу и трансформации. Эта антропологическая модель сочетает в себе достоинства обеих предшествующих.

Трансмодерн, в этой связи, не является простым отрицанием постмодерна. Он включает в себя постмодернистскую критику метанарративов, сохраняя плюрализм и открытость, но при этом возвращает вопрос о ценностных ориентирах. В отличие от постмодерна, который часто обвиняли в цинизме и нигилизме, трансмодерн предлагает «новую искренность» – не наивную веру в прогресс или разум, но укоренённую в диалоге и трансверсальных связях ответственность за Другого. Эта интуиция перекликается с идеями «метамодерна», которые говорят о «колебании» между модернистским пафосом и постмодернистской иронией. Однако трансмодерн, в отличие от метамодерна, не останавливается на «колебании», но предлагает выход за пределы этой амбивалентности через трансверсальный диалог.

Проведённый нами анализ показывает, что в современной культуре можно обнаружить эмпирические проявления трансмодерна. В искусстве – это отказ от постмодернистской иронии и цитирования как самоцели, возвращение к искренности, уязвимости, «пост-иронии». В философии – это проект «деколониального поворота», который не просто критикует европейскую философию как «провинциальную», но предлагает альтернативные эпистемологии, укоренённые в неевропейских традициях. В социокультурной практике - это движения за глобальную справедливость, экологический активизм, феминизм четвёртой волны, которые сохраняют критическую энергию постмодерна, но при этом утверждают ценностные ориентиры (равенство, справедливость, устойчивость) как универсальные.

Ключевой вопрос, который, по нашему мнению, выступает принципиальным в современных условиях связан с тем, является ли трансмодерн уже наступившей реальностью или только проектом. Наш анализ показывает, что трансмодерн находится в стадии становления. Мы исходим из того, что постмодернистская стадия социокультурной трансформации ещё не завершена, поскольку фрагментация, ирония, деконструкция, виртуализация – все эти процессы продолжают доминировать в культуре. Однако появляются новые тенденции, которые можно интерпретировать как предвестия трансмодерна. Например, поиск подлинности (аутентичности), возвращение к телесности, рост популярности духовных и религиозных практик, критика цифрового тоталитаризма, запрос на «человеческое измерение» в эпоху искусственного интеллекта. Эти тенденции свидетельствуют о том, что постмодернистская «смерть субъекта» и «конец метанарративов» постепенно уступают место поиску новой субъектности и новых ценностных ориентиров.

Таким образом, трансмодерн корректно может быть интерпретирован как завершение постмодернистской стадии современной социокультурной трансформации. Он не предлагает окончательных ответов, но ставит новые проблемы. Среди них вопросы о возможности ценностно-ориентированного плюрализма, о трансверсальной субъектности, о постсекулярном возвращении сакрального, о диалоге культур без гегемонии. Философия культуры обретает в концепции трансмодерна особое измерение. Трансмодерн – это не доктрина, не идеология, не «новая эпоха», которую можно объявить декретом. Это, по нашему убеждению, горизонт, который открывается перед культурой, переживающей системный кризис и ищущей выход из него. Будет ли этот горизонт, достигнут, зависит, прежде всего, от самого человека культуры, который сегодня находится в точке бифуркации, где возможны разные сценарии будущего.

Пристатейный библиографический список

1. Богуславский М. В., Милованов К. Ю. Динамика обоснования методики формирования межпредметных связей на уроке в отечественной педагогике второй половины XX века // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2025. – № 3 (36). – С. 35-42.
2. Кобзев М. С., Смолова М. А. О дифференциации понятия «сторителлинг» как возможного образовательного средства в России и Китае // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2025. – № 3 (36). – С. 57-62.
3. Лукьянчиков В. И. Живопись как учебная дисциплина в системе профессиональной подготовки художников-керамистов // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2025. – № 4 (37). – С. 56-67.
4. Парамонов А. Г. Теоретические и методические аспекты профессиональной подготовки будущих художников-педагогов // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2025. – № 3 (36). – С. 63-68.
5. Рябухина Е. А., Фирсова С. А., Сафонов В. И., Буткина А. А. Обучение студентов вуза моделированию трендов демографических процессов на основе реальных статистических данных // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2025. – № 3 (36). – С. 52-56.
6. Панфилова А. А., Черенкова С. В. Использование цифровых образовательных ресурсов в практической подготовке студентов // Гуманитарные исследования Центральной России. –2025. – № 1 (34). – С. 54-58.
7. Пруцков А. В. Преподавание программирования на языке Java в вузе: педагогические аспекты // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2024. – № 4 (33). – С. 62-68.
8. Пушнова В. В. Сравнительный анализ понятий: «цифровая грамотность» и «компьютерная грамотность» как системообразующих компонентов предмета «Информатика» // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2025. – № 2 (35). – С. 49-57.
9. Рябухина Е. А., Сафонов В. И., Фирсова С. А. Определение вариантов выбора будущей профессиональной подготовки абитуриентов вуза средствами организации онлайн-тестирования // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2024. – № 3 (32). – С. 48-57.
10. Стоянов А. С. Отмена гендерной дифференциации на уроках технологии: ожидания учеников // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2024. – № 4 (33). – С. 86-100.

DOI 10.46320/2073-4506-2026-4-215-610-612

ШМАТЬКО Александр Александрович
доктор философских наук, доцент, доцент кафедры философии и мировых религий, Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону

ДЖАВАД Ольга Васильевна
старший преподаватель кафедры социальной философии, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

ОГНЕВА Анастасия Александровна
магистрант 2-го курса кафедры социальной философии, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

ДЕЦЕНТРАЦИЯ СУБЪЕКТА: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ТРАНСФОРМАЦИИ СУБЪЕКТНОСТИ В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ МЕДИА

В статье рассматривается трансформация понимания субъекта в философии XX века и ее значение для анализа форм субъектности в условиях цифровой среды. На материале работ Рене Декарта, Мишеля Фуко, Жака Деррида и Жана Бодрийяра анализируется переход от представления о субъекте как основании знания к рассмотрению условий его конституирования. Особое внимание уделяется роли дискурсивных практик, языковых структур и медиа в формировании субъектности. Показано, что в цифровой среде процессы децентрации усиливаются за счет участия не-человеческих акторов. Обращение к акторно-сетевой теории Бруно Латура позволяет описать опосредованность перформативного акта субъекта техническими агентами. Делается вывод о необходимости дальнейшего анализа новых условий формирования субъекта, связанных с взаимодействием человека и технических систем в условиях современной технизации и цифровизации социальных практик.
Ключевые слова: субъект, децентрация, дискурс, медиа, цифровая среда, субъектность.

SHMATKO Alexander Alexandrovich
Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, associate professor of Philosophy and world religions sub-faculty, Don State Technical University, Rostov-on-Don

DZHAVAD Olga Vasiljevna
senior lecturer of Social philosophy sub-faculty, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

OGNEVA Anastasiya Alexandrovna
master's degree student of the 2nd course of Social philosophy sub-faculty, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

DECENTERING THE SUBJECT: PHILOSOPHICALLY MAPPING THE RECONFIGURATION OF SUBJECTIVATION IN THE AGE OF DIGITAL MEDIATION

The article probes the metamorphosis of the subject within twentieth-century philosophy and evaluates its implications for analyzing modes of subjectivation in the digital epoch. By engaging the seminal works of Ren Descartes, Michel Foucault, Jacques Derrida, and Jean Baudrillard, the author traces the paradigm shift from the Cartesian conception of the subject as the sovereign foundation of knowledge toward a critical examination of the conditions that constitute it. The analysis highlights the pivotal role of discursive practices, linguistic structures, and media in sculpting the contours of subjectivity. The text argues that the digital environment radicalizes processes of decentration by integrating non-human actors directly into the fabric of cognition. By invoking Bruno Latour's Actor-Network Theory, the study elucidates how technical agents mediate the performative acts of the subject. In conclusion, the article posits an urgent need for a rigorous inquiry into the novel conditions of subjectivity that emerge from the symbiotic entanglement of human agents and technical systems in the context of contemporary technicalization and digitalization of social practices.
Keywords: subject, decentration, discourse, media, digital environment, subjectivation.

Понимание субъекта и условий его формирования претерпевает существенные изменения в ходе развития философской мысли. В картезианской традиции субъект рассматривается как основание знания, способное служить опорой для его построения. Однако в философии XX века эта установка подвергается пересмотру. Субъект утрачивает статус автономного и самотождественного начала и начинает мыслиться в связи с теми условиями, в которых он обнаруживает себя – языковыми, дискурсивными и социальными. В этом контексте формируется представление о децентрации субъекта, предполагающее отказ от его понимания как исходной точки анализа и переход к исследованию форм его конституирования. В современных условиях данная проблематика приобретает особую значимость в связи с развитием цифровых медиа и алгоритмических технологий. Цифровая среда не только предоставляет новые формы самовыражения и коммуникации, но и участвует в формировании идентичности через механизмы обработки данных и рекомендации. Это приводит к дальнейшей децентрации субъекта, который оказывается включенным в сложные сети взаимодействий, включающие как социальные, так и технические элементы. Как отмечают И. С. Бакланов, О. А. Бакланова и Е. Н. Семкина, социокультурная детерминация личностной идентичности в современном обществе предполагает учет множества факторов, выходящих за пределы индивидуального сознания [1]. В свою очередь, в условиях цифровизации этот процесс дополнительно осложняется, поскольку технические системы начинают активно участвовать в формировании идентичности [3]. Актуальность исследования обусловлена тем, что процессы, описанные в философии XX века, получают новое развитие в условиях цифровой среды. При этом остается недостаточно проясненным вопрос о применимости концепции децентрации субъекта к анализу современных форм субъектности. Целью статьи является философский анализ децентрации субъекта и выявление ее значения для понимания трансформаций в условиях цифровой медиасреды. Проблема исследования заключается в выявлении механизмов, посредством которых происходит децентрация субъекта и трансформация его статуса в условиях современных социокультурных и технологических изменений. Таким образом, исследование направлено на переосмысление статуса субъекта в контексте перехода от классической модели к неклассическим и современным формам его понимания, что позволяет по-новому поставить вопрос о природе идентичности в условиях цифровой культуры.

Формирование представлений о децентрации субъекта в философии XX века невозможно понять без обращения к новоевропейской традиции. Формирования данной проблематики связано с философией Рене Декарта. В «Размышлениях о первой философии» Декарт утверждает: «Я есмь, я существую» – это положение, достоверность которого устанавливается самим актом мышления [5, с. 21]. Из этого исходного пункта Декарт далее развивает концепцию субъекта как мыслящей вещи, сущность которой заключается в мышлении. Такое понимание предполагает, что «Я» обладает внутренним единством и устойчивостью. В последующем развитии философии эта модель начинает подвергаться сомнению. В фило-

софии XX века внимание смещается с субъекта как основания на условия его формирования. Этот поворот получает выражение, в частности, в работах Мишеля Фуко. В статье «Субъект и власть» он прямо формулирует цель своей научной деятельности: «Я попытался написать историю различных режимов субъективации человека в нашей культуре... я попытался изучить способ, каким человек трансформируется в субъект» [12, с. 161]. Субъект, таким образом, рассматривается не как исходная данность, а в связи с процессами субъективации. Ключевым понятием, позволяющим описать этот процесс, становится дискурс. В «Археологии знания» Фуко подчеркивает, что дискурсы следует рассматривать не как простые совокупности высказываний, а как практики, которые образуют объекты, о которых они говорят [11, с. 111-113]. То есть дискурс не только описывает реальность, но и участвует в ее конституировании. Субъект оказывается включен в эти структуры и соотносится с ними. В работе «Надзирать и наказывать» Фуко дополняет этот анализ, показывая продуктивный характер власти, которая производит реальность, индивида и знание [13, с. 284]. Власть участвует в формировании форм субъективности через дисциплинарные механизмы, а знание, в свою очередь, не является просто нейтральным отражением мира, а включено в эти процессы и поддерживает их. Механизмы наблюдения, нормализации и контроля создают условия, при которых индивид начинает соотносить себя с заданными нормами и регулировать собственное поведение, в результате субъект возникает как результат этих практик. Таким образом, субъект мыслится в связи с исторически изменчивыми практиками. Такой подход задает новую перспективу, в рамках которой субъективность мыслится как исторически изменчивая и структурно обусловленная. Именно эта перспектива оказывается определяющей для последующего анализа трансформаций субъекта в условиях современной цифровой среды. Децентрация субъекта получает дальнейшее развитие в философии Жака Деррида. Если у Фуко субъект оказывается результатом дискурсивных и властных практик, то у Деррида под вопрос ставится сама возможность устойчивого центра – как субъекта, так и любой структуры в целом. В лекции «Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук» Деррида показывает, что классическое мышление всегда предполагало наличие центра, который организует структуру и гарантирует устойчивость, и опиралось на представление о нем. Однако это представление оказывается проблематичным, так как центр одновременно принадлежит структуре и выходит за ее пределы. Деррида говорит о «событии», произошедшем в истории понятия структуры. Внешне оно принимает форму удвоения и разрыва, который заключается в децентрации структуры, когда становится невозможным мыслить центр как фиксированное основание. После «события» все становится дискурсом – у структуры больше нет центра, вместо этого Деррида предлагает мыслить структуру как поле игры различаний. «Понятие центрированной структуры является на самом деле понятием обоснованной игры, установленной на основе неподвижности и успокоительной достоверности», которая помогает обуздать тревогу, появляющуюся из вовлеченности в игру [6, с. 353-354]. Понятие différance обозначает процесс, в котором значение не фиксируется окончательно, а возникает в системе различий. В работе «Различание» он подчеркивает, что в своем классическом понимании знак представляет присутствующее в его отсутствие, «знак – это как бы отложенное присутствие» [Там же, с. 383]. Игра же – это разрыв присутствия и именно с помощью знака возможно поколебать метафизику присутствия. Здесь он обращается к Ф. де Соссюру, согласно которому значение возникает не из связи знака с вещью, а из его позиции в системе различий. В языке «нет ничего, кроме различений... Нет ни понятий, ни звуков, которые существовали бы независимо от языковой системы, а есть только смысловые различения и звуковые различения, проистекающие из этой системы» [6, с. 385]. Это имеет принципиальные последствия для понимания субъекта. Он уже не может рассматриваться как носитель смысла и источник значения, а оказывается включен в ту же игру различаний, что и язык. Субъект не предшествует знаковой системе, а формируется внутри нее. В этом смысле можно говорить о децентрации субъекта как последствии более широкой децентрации структуры. В философии Жана Бодрийяра проблема децентрации получает иную интерпретацию. В работе «Симулякры и симуляция» он описывает ситуацию, в которой знак утрачивает связь с референтом и начинает отсылать лишь к другим знакам. Возникает гиперреальность, в которой реальное подменяется знаками реального, и существуют только симулякры [4, с. 45].

В этой ситуации субъект также утрачивает устойчивость, потому что он больше не может опираться на реальность как на внешний ориентир, а формируется в потоке знаков и образов. В классической философии субъект мыслился как тот, кто соотносится с реальностью и познает ее. Но если сама реальность замещается симулякрами, то исчезает и основание для такой позиции – субъект больше не может выступать как центр, не может соотносить представление и реальность, утрачивается различие между подлинным и неподлинным. В такой ситуации и сам субъект утрачивает критерии самотождественности. Он не может опереться ни на внутреннюю сущность, ни на внешнюю реальность. Если попытаться взглянуть на эту позицию более широко, возникает вопрос: означает ли это исчезновение субъекта? Мы считаем, что утрата оснований не должна приравниваться к утрате субъектности. Продуктивнее рассматривать перспективу Бодрийяра не как утверждение об устранении субъекта, а как указание на изменение условий его существования. Бодрийяр показывает, что проблема заключается не просто в социальной или дискурсивной обусловленности субъекта, а в изменении самой структуры реальности, в которой формируется субъект, и в размытии границы между реальным и сконструированным. Если сопоставить позиции Фуко, Деррида и Бодрийяра, мы увидим, что децентрация субъекта может пониматься поразному. У Фуко субъект децентрируется через дискурсивные и властные практики; у Деррида – через уход от самой идеи центра и устойчивого смысла; у Бодрийяра – через трансформацию реальности. При этом во всех этих подходах субъект перестает мыслиться как исходное и самотождественное начало и соотносится со структурами и процессами, в которых он участвует. Важным дополнением к этому анализу является исследование религиозного опыта как фактора формирования идентичности. Как показывают И. С. Бакланов и А. А. Лагунов и посттрадиционных обществах религиозный опыт продолжает играть значительную роль в конституировании субъектности [2]. В цифровую эпоху религиозные идентичности также подвергаются процессам децентрации, поскольку верующие оказываются включены в гибридные пространства, где традиционные авторитеты соседствуют с новыми формами онлайн-коммуникации.

К началу XXI века философия подготовила концептуальный аппарат для описания субъекта, лишенного фиксированного центра, прозрачности самосознания и устойчивой связи с миром. Этот теоретический фундамент становится необходимым для понимания тех трансформаций, которые происходят с субъектом в условиях тотальной цифровизации и открывает возможность анализа современных форм идентичности, в которых индивидуальное «Я» уже не может быть понято вне его включенности в более широкие социальные, дискурсивные контексты. Как подчеркивают авторы работы [3], особенности формирования личностной идентичности в условиях цифровизации общества связаны с тем, что цифровая среда создает новые каналы социализации и одновременно порождает риски фрагментации и гибридизации идентичности. Трансформация несет с собой как новые возможности, так и серьезные риски. Среди последствий децентрации мы можем назвать прежде всего гибкость и множественность. Освободившись от жесткой привязки к единственной идентичности (например, профессиональной, национальной или половой), субъект обретает способность к перформативному самоконструированию. Цифровая среда предоставляет для этого все возможности, пользователь может примерять различные роли, создавая альтернативные версии себя в социальных сетях, осваивать новые способы саморепрезентации. Как отмечает Ф. В. Тагиров, опираясь на традицию постструктурализма и перформативную теорию Дж. Батлер, субъект не предшествует собственному выражению, но формируется в акте перформанса: «Существует ли идентичность до ее выражения? И если да, то можно ли о ней как-либо судить стороннему наблюдателю или самому субъекту?» [9, p. 36]. Цифровые платформы становятся пространством для бесчисленных перформативных актов. Однако было бы ошибкой полагать, что эта перформативная свобода не имеет границ. Перформативные акты пользователя (лайки, комментарии, поисковые запросы, просмотры) не просто фиксируются алгоритмами, но переводятся на язык данных и встраиваются в различные системы классификации. Субъект обретает возможность варьировать формы саморепрезентации, однако эта вариативность реализуется в рамках технологически заданных условий. Возникает вопрос: кто или что влияет на формирование идентичности помимо самого субъекта? Для ответа на этот вопрос обратимся к акторно-сетевой теории. Социальное, по мысли Латура, не предзадано, а постоян-

но устанавливает различные связи и «пересобирается» [8, p. 7]. Он предлагает рассматривать общество не как совокупность устойчивых структур, а как сеть взаимодействий, в которой участвуют как люди, так и не-человеческие агенты, например, технические устройства, интерфейсы, базы данных. Алгоритмы в цифровой среде выступают не как пассивные посредники, а как медиаторы, трансформирующие действия пользователя [8, p. 39]. Если перенести эту логику на анализ субъекта, становится очевидно, что он больше не может рассматриваться как единственный источник формирования собственной идентичности. Его действия, предпочтения и даже способы самовыражения формируются в процессе взаимодействия с техническими агентами. Алгоритмы рекомендаций и новостные ленты не просто отражают интересы пользователя, а активно участвуют в формировании этих самых интересов. Перформативные акты субъекта в цифровой среде подвергаются постоянной переработке и интерпретации. Например, «лайк» в социальной сети может восприниматься пользователем как спонтанное выражение симпатии или как способ сохранить пост с заинтересовавшей темой, чтобы вернуться к нему позже, однако на техническом уровне после алгоритмической обработки он становится элементом, из совокупности которых затем формируются рекомендации, рекламные предложения и даже социальные связи.

Рассмотрим на конкретном примере, как работает алгоритмический медиатор и как система рекомендаций YouTube может не просто отразить предпочтения, но и повлиять на их формирование. Предположим, среднестатистический человек, услышав в разговоре незнакомый термин «феноменология», находит и просматривает, например, лекцию, в которой доступно объясняются базовые понятия. Это действие кажется субъекту совершенно нейтральным, он просто поддался мимолетному интересу и не намерен углубляться в тему. Однако после единичного просмотра система рекомендаций YouTube предлагает пользователю другие видео по этой теме. Пользователь, заинтересовавшись, кликает на одно-два из них, и через несколько дней лента пользователя заметно трансформируется. Среди привычных роликов о музыке или спорте появляются видео философской тематики. Алгоритм предлагает уже не только вводные лекции, но и записи университетских семинаров, критические разборы. Пользователь может подписаться на несколько философских каналов, его интерес углубляется, хотя исходное желание узнать о феноменологии было ситуативным и не развилось бы без рекомендаций платформы. Через месяц регулярного потребления такого контента пользователь может охарактеризовать себя как «человека, интересующегося феноменологией» и искренне верит в это самоописание. Его идентичность, которая изначально была намечена случайным запросом, в итоге закрепилась в повторяющихся перформативных актах, каждый из которых усиливал и подтверждал ее реальность для самого субъекта и при этом являлся результатом как действий самого субъекта, так и действий алгоритмического медиатора. В этом примере алгоритм рекомендаций выступил не как пассивный посредник, транслирующий изначальный интерес субъекта, а как активный медиатор, сформировавший этот интерес. Не устойчивый интерес привел к просмотрам видео по теме, а просмотры привели к формированию устойчивого интереса. Это переворачивает причинно-следственную связь и в целом созвучно с перформативной теорией. Субъект формируется в акте выражения, а не предшествует ему. Более того, сам субъект может не осознавать влияния технического агента. Человеку кажется, что его интерес естественно вырос из первоначального любопытства, а алгоритмическая обработка остается невидимой за самоочевидностью собственного опыта. Таким образом, между действием субъекта и его значением возникает дополнительный уровень технической интерпретации. Проблема безопасности субъекта в цифровой среде также требует философского осмысления. Как отмечают О. В. Джавад и М. Л. Ивлева, феномен безопасности в социо-философском контексте предполагает не только защиту от внешних угроз, но и сохранение идентичности в условиях постоянного внешнего воздействия [4]. В цифровую эпоху децентрация субъекта создает новые уязвимости, поскольку алгоритмические системы могут незаметно для самого человека переопределять его предпочтения и даже ценностные ориентации.

Подводя итог, важно подчеркнуть, что на вопрос о том, что происходит с субъектом, когда он перестает мыслиться как самодостаточная точка отсчета, философия XX века дала несколько ответов, которые выразились в развитии идеи децентрации субъекта. Сопоставление позиций Мишеля Фуко, Жака Деррида и Жана Бодрийяра показывает, что децентрация субъекта осуществляется в разных плоскостях. Фуко показал, что субъект производится дискурсивными практиками и механизмами власти. Деррида включил его в бесконечную игру языковых различаний, где смысл никогда не фиксирован окончательно. Бодрийяр поместил субъекта в гиперреальность симулякров, где утрачена сама опора на реальность. Эти подходы не совпадают, но задают общее направление, согласно которому субъект больше не может быть понят вне тех отношений и процессов, которые им не контролируются, но участвуют в его формировании. В условиях современной технизации и цифровизации социальных практик данные философские интуиции получают дополнительное развитие. Технические системы, алгоритмы и социальные сети не просто создают новые каналы выражения, но включаются в процессы, которые ранее описывались преимущественно как социальные или дискурсивные. То, что у Деррида описывалось как игра означающих, воплощается в динамических системах рекомендаций, где каждый пользовательский жест переозначивается заново. А бодрийяровская гиперреальность из философской метафоры превращается в повседневный опыт взаимодействия с контентом, происхождение и достоверность которого уже невозможно установить. Субъект оказывается вовлечен в сеть взаимодействий, где границы между внутренним и внешним, собственным и заданным, подлинным и искусственным становятся менее очевидными. Тем самым децентрация субъекта может быть понята как характеристика современного способа его существования, при котором сам субъект не исчезает, но обнаруживает себя в измененной реальности. И если классическая философия искала условия достоверности познания в самопрозрачности субъекта, то перед современной мыслью стоит задача осмыслить условия, при которых субъект может сохранять способность к различению. В этом смысле обращение к философии XX века позволяет не только описать предпосылки децентрации субъекта, но и задать некоторые ориентиры для анализа современных трансформаций.

Пристатейный библиографический список

1. Бакланов И. С., Бакланова О. А., Семкина Е. Н. Человек как субъект цифрового общества: многомерность идентичности // Научный вестник Государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт». 2024. № 3. С. 63-66
2. Бакланов И. С., Лагунов А. А. К Вопросу об эвристичности расширения понятия религии в современном научном дискурсе // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2021. Т. 7 (73). № 4. С. 34-42.
3. Бакланов И. С., Богатырева О. В., Саклакова Е. В., Семкина Е. Н. Динамика идентичностей человека: между социальной реальностью и цифровым миром // Евразийский юридический журнал. 2024. № 11 (198). С. 557-558.
4. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. Москва: Издательский дом «Постум», 2015.
5. Декарт Р. Сочинения в двух томах. Т. 2. Москва: Издательство «Мысль», 1994.
6. Деррида Ж. Письмо и различие. СПб: «Академический проект», 2000.
7. Джавад О. В., Ивлева М. Л. Феномен безопасности: социально-философский контекст // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2025. Т. 29. № 2. С. 267-281. doi: 10.22363/2313-2302-2025-29-2-267-281
8. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. Москва: Издательство ВШЭ, 2014.
9. Тагиров Ф. В. Пол и идентичность: от бинарной логики к гуманизму плюральности? // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2016. № 2. С. 35-42.
10. Фуко М. Археология знания / пер. М. Б. Ракова, А. Ю. Серебрянникова. СПб: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2004.
11. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Т. 3. Москва: Издательство «Праксис», 2006.
12. Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. Москва: Издательство «Ad Marginem», 1999.

Уважаемые авторы! Редакция журнала готова принять к публикации ваши произведения
(статьи, информационные сообщения, обзоры научных конференций, круглых столов, интервью, рецензии и т. п.)
при соблюдении следующих требований:

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ

(разработаны в соответствии с Информационным сообщением Высшей аттестационной
комиссии Министерства образования и науки РФ от 14.10.2008 г. No 45.1-132)

1. К публикации принимаются только материалы, соответствующие профилю научного периодического издания, т. е. только материалы юридической тематики. Они должны быть актуальными, новыми, иметь научную и практическую значимость.
2. Статьи представляются в электронном виде (по электронной почте на адреса eurasialaw@mail.ru, eurasianoffice@yandex.ru) либо в письменной форме в адрес редакции с приложением электронного варианта работы на дискете или компакт-диске.
3. Объем публикации — до 1 а. л. (40 000 знаков с пробелами). В случае представления материала, большего по объему, чем предусмотрено настоящим Порядком, редакция оставляет за собой право сократить его или возвратить автору для сокращения.
4. Шрифт основного текста работы — 11 pt шрифт Georgia через 1 интервал. Курсив, выделение, подчеркивания в основном тексте не допускаются. Формат документа: MS WORD 1997–2010 (.doc). Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора (например: Иванов В. В.doc). Поля документа: верхнее — 2, нижнее — 2, левое — 2, правое — 1. Переносы проставляются автоматически. Все материалы представляются в одном файле.
5. На первой странице (над названием статьи) в левом верхнем углу указывается фамилия и инициалы автора (11 pt) полужирным шрифтом Georgia через 1 интервал. Название статьи печатается после ФИО автора 10 pt полужирным курсивным шрифтом Georgia через 1 интервал в левом верхнем углу. Страницы не нумеруются. Основной текст, текст сносок, текст аннотаций и ключевые слова выравниваются по ширине страницы.
6. После фамилии автора и названия статьи через один интервал необходимо поместить текст аннотации статьи на русском языке (не более 0,5 страницы текста, набранного через 1 интервал) и ключевые слова (3–10 слов) — шрифт Georgia 11 pt курсив. Затем через один интервал в левом верхнем углу следует указать фамилию и инициалы автора и название работы на английском языке (полужирный шрифт Georgia 11 pt через 1 интервал), далее — резюме и ключевые слова на английском языке (шрифт Georgia 11 pt, курсив).
7. Кавычки в тексте и в сносках проставляются в едином формате в следующем виде: « ».
8. Сноски и примечания помещаются постранично, со сквозной нумерацией и оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008, а в необходимых случаях согласно ГОСТ 7.1–2003 и практике ЕврАзЮжа по оформлению сносок в неучтенных ими случаях. Шрифт сносок — 8 pt Georgia через 1 интервал. При оформлении сносок следует указывать фамилию и инициалы автора работы, ее название, год издания, номер страницы, иные сведения. Все библиографические элементы иностранных источников следует указывать на языке оригинала, по возможности избегая аббревиатур. При использовании электронных ресурсов сети Интернет следует указывать заголовок титульной страницы ресурса (<в угловых скобках>), полный адрес местонахождения ресурса и (в круглых скобках) дату последнего посещения веб-страницы.
9. После завершения статьи необходимо привести Пристатейный библиографический список, то есть список работ, цитировавшихся автором в представленном к публикации материале, шрифтом Georgia 10 pt.
10. Диаграммы, таблицы, рисунки должны прилагаться к статье в формате JPG (JPEG).
11. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.
12. В конце следует привести справку об авторе с указанием фамилии, имени, отчества, должности и места работы (учебы), ученой степени и (или) звания, а также контактную информацию, которую автор желает сообщить о себе. Эти сведения публикуются в журнале. В справке отдельно от вышеуказанных сведений также следует указать почтовый индекс, адрес, номер контактного телефона, адрес электронной почты. Эти сведения в журнале не публикуются и необходимы для связи сотрудников редакции с Вами.
13. Представляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует правильность всех сведений о себе, от сутствие плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций.
14. В случае если статья (материал) одновременно направляется в другое издание либо была опубликована ранее, автор должен сообщить об этом в редакцию при представлении материала.
15. Убедительно рекомендуем авторам тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, правильность написания соответствующих юридических терминов и оформления текста работы и ссылок. Редакция настоятельно просит авторов проверять соответствие представленного материала настоящим Правилам, а также электронные файлы — на отсутствие вирусов.
16. Статьи в обязательном порядке рецензируются членами редакционного совета журнала в соответствии с профилем представленной работы и (или) привлеченными редакцией учеными или специалистами в соответствии с порядком рецензирования рукописей.
17. Редакция по электронной почте сообщает автору результаты рецензирования, по его просьбе отсылает текст рецензии, а в случае отрицательной рецензии на представленную работу возвращает ее текст автору. Отрицательная рецензия является основанием для отказа в публикации текста представленной работы.
18. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Публикация аспирантов осуществляется в порядке очереди.
19. Гонорар за публикации не выплачивается (кроме случаев опубликования статьи, подготовленной по заказу редакции и в соответствии с заключенным договором). Автор получает один бесплатный экземпляр журнала при условии указания им своего адреса и просьбы о высылке экземпляра. В этом случае экземпляр будет направлен почтой.
20. Авторы передают редакции исключительное право на использование произведения следующими способами: воспроизведение статьи (право на воспроизведение); распространение экземпляров статьи любым способом (право на распространение); перевод статьи (право на перевод). Представление материала, поступившего в адрес редакции, является конклюдентным действием, направленным на возникновение соответствующих прав и обязанностей. Согласие автора на опубликование материала на указанных условиях, а также на размещение его в электронной версии журнала предполагается. Редакция оставляет за собой право размещать материалы и статьи журнала в электронных правовых системах и иных электронных базах данных. Автор может известить редакцию о своем несогласии с подобным использованием его материалов при представлении материала или не позднее даты подписания соответствующего номера в печать. Редакция оставляет за собой право вносить в текст незначительные изменения без согласования с автором.
21. В случае нарушения предъявляемых к оформлению требований материал может быть возвращен автору на доработку. Рукописи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок. О внесенных изменениях автор должен сообщить в прилагаемом к рукописи письме. В случае несоблюдения автором предъявляемых требований редакция имеет право отклонить представленный автором материал с мотивированным объяснением причин такого отказа.